

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

МОСКВА
2010

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Кафедра социологии культуры, воспитания и безопасности

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Коллективная монография

*Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН В.Н. Кузнецова*

МОСКВА 2010

УДК 339.545
ББК 65.9(2)
С 64

Рекомендовано к изданию
Кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности
Социологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Составление В.Н. Кузнецова

С 64 **СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ** / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2010. – 960 с.

ISBN – 978-5-212-01034-4

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований важнейших теоретических, методологических, институциональных, практических вопросов и проблем, которые обращены на глобальные смыслы 65-летия Великой Победы народов СССР над фашизмом в 1945 году, Победы народов антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2010 годы.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности.

УДК 339.545
ББК 65.9(2)

ISBN – 978-5-212-01034-4

© Авторы статей, 2010
© В.Н. Кузнецов, составление, 2010

Содержание

Введение. Снова и снова о смысле Великой Победы в мае 1945 года. В.Н. Кузнецов	7
Раздел первый.	
Глобальное значение Великой Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов для XXI века	
В.Н. Кузнецов. Честность, доверие и справедливость в глобальной Повестке Дня, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма ...	9
Р.Г. Яновский. Социальная безопасность и патриотизм как основания конструктивной динамики гуманитарных перемен	37
СТРАТЕГИЯ национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	48
А.Д. Урсул. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ	61
В.И. Долгих. Москва осталась непокорённой	87
В.Г. Байкова. Философия Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Факторы победы, историческое значение и уроки. (К выходу в свет первого тома: «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне»)	95
С.В. Картунов. Смысл Великой Победы	119
Раздел второй.	
Методологические основания реальности и важности последствий Великой Победы СССР и стран антигитлеровской Коалиции	
Ф.И. Ладыгин. О возможности дальнейшего сокращения (ограничения) стратегических наступательных вооружений России и США	141
С.П. Капица. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество	153
О.А. Бельков. Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.)	179
А.С. Капто. Пакт Молотова-Риббентропа: мистификация или реальность?	216
Н.А. Нарочницкая. «Концерт великих держав» накануне решающих событий	260
А.Б. Подцероб. Внешняя политика СССР	276

В.М. Фалин. Второй фронт или война на два фронта?	289
М.В. Демури н. Правда истории и ложь политики	315
И.Ф. Максимычев. Родовые схватки антигитлеровской коалиции. <i>Политика безопасности СССР после прихода нацизма к власти в Германии</i>	323
В.А. Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире	337
В.С. Буянов. Цивилизационная безопасность России	352
М.Ю. Байдаков. Запад–Восток: геоэкономическое измерение сотрудничества ..	363

Раздел третий.

Преемственность и новизна нравственных целей, идеалов и ценностей в культуре и образе жизни народов Российской Федерации

Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 года	373
Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека	391
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIII Всемирного русского народного собора «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» (22 мая 2009 г. г. Москва)	405
Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	409
Патриаршее слово на Васильевском спуске в День славянской письменности и культуры. (24 мая 2009 г., г. Москва)	420
Будущие поколения – национальное достояние России. Программный документ XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	422
А.А. Возьмитель. Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России	436
С.В. Картунов. Национальная идентичность как ресурс развития. Российские национальные ценности – источник конкурентоспособности России в XXI веке	449
Г.Г. Силласте. Интеллигенция в период глобального кризиса	476

Раздел четвёртый.
**Концептуальные основы создания условий
предотвращения глобальных войн в XXI веке**

Э.Г. Кочетов. Геоэкономика, стратегия России и президентское Послание. (К выходу в свет статьи Президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!»: свежесть, ясность, убеждённость)	499
А.А. Возьмитель. Российская власть в представлениях массового сознания	523
А.И. Сухарев. Формальное и неформальное в политике обеспечения участия граждан в общественной безопасности	534
Е.В. Никонорова. Исследования библиотек в условиях развития информационно- коммуникативных технологий: постнеклассические практики	549
С.И. Лунёв. «Мягкая сила» России в Азии	556
С.В. Картунов. Новая архитектура европейской безопасности	565
Л.И. Сергеева. Институт государства в условиях глобализации	576
О.А. Бельков. Военная политика и стратегия как высший уровень управления оборонной сферой страны	591

Раздел пятый.
**Институциональные и структурные перемены в процессе
обеспечения Правды о Великой Победе**

Р.Г. Яновский. Человек и его поступки в сфере обеспечения безопасности	601
Э.Г. Кочетов. Кризис без прикрас: человек и человечество забинтовано «Общественным договором». Вопрос тысячелетнего ранга – как вырваться из этих «застенков»?	627
Г.Г. Силласте. Государственная молодёжная политика в сельском социуме: социологический аспект	642
А.А. Возьмитель, Владимир Красниковский. Социально-трудовые отношения в позднесоветской и современной России	681
Д.М. Данкин. Кризис доверия: ключевое звено	697
С.В. Картунов. Что стоит за мифом о «советской оккупации»	713
Ю.А. Квицинский. Роман с Германией: завышенные надежды	727

**Раздел шестой.
Логика и динамика практик, конкретного опыта
конструктивного творчества и борьбы за мир
и безопасность в XXI веке**

Р.Г. Яновский. Культура мировоззрения	735
О.А. Бельков. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском проекте»	763
А.В. Кузнецова. Основные тенденции становления политики справедливого мироустройства в XXI веке	795
А.В. Полосин. Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации	805
С.В. Кортунув. О правопреемстве и покаянии	813
И.В. Евдокимов. Гражданское общество и проблемы предотвращения деятельности организованной преступности	835
Д.М. Данкин. Мировоззренческие факторы доверия	851
Э.Г. Кочетов. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геэкономические заделы (программа действий)	869
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В.Н. Кузнецов. КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ (ГЛОБАЛЬНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА	879
Научный аппарат книги	
Сведения об авторах	939
Литература	942
Содержание ранее изданных коллективных монографий:	
• <i>Гуманитарный стратегический манёвр.</i> М., 2004;	948
• <i>Становление евразийской безопасности.</i> М., 2005;	949
• <i>Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века.</i> М., 2006;	950
• <i>Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно- социологического исследования.</i> М., 2007	952
Contents	954
Summaries	957
Аннотация книги	959

ВВЕДЕНИЕ.
СНОВА И СНОВА О СМЫСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
В МАЕ 1945 ГОДА

Уважаемые Читатели !

На Ваш суд представлена коллективная научная монография, посвящённая самому светлому празднику и для ВАС, для нашего народа; и для всего человечества.

Название подготовленного коллективного труда претендует на многое. Смысл Великой Победы. В чём его сущность, истина, главные уроки на сегодня и на завтра.

Много, очень много споров, научных дискуссий в среде научного сообщества, в широких кругах интеллигенции, наших сограждан посвящено значению Великой Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов как для всего XX века, так и для XXI века. Итоги этих споров, дискуссий, исследований через научные публикации, через новейшие средства массовой информации, Интернет активно продвигаются в сознание, мировосприятие миллионов детей, взрослых граждан действительно повсеместно.

Сегодня ещё живы, к счастью, ветераны Великой Отечественной войны и они активно и достойно поддерживают действительно честные и фундаментальные итоги исследований как самой войны, так и уроков для всех нас по предотвращению войн во второй половине XX века, в XXI веке. Исключительно важна деятельность ветеранов, ориентированная на недопустимость попыток очернить смысл Великой Победы.

Авторы данной монографии являются детьми участников этой страшной войны. Многие из них родились сразу после Великой победы.

Как автор представленного Вам научного междисциплинарного проекта, как его руководитель я имею честь обратить внимание наших читателей на ряд важнейших обстоятельств, проходящих в книге своеобразной красной нитью:

во-первых, это безусловная любовь и гордость наших авторов к своей и Вашей Родине и нашим ветеранам, павшим в боях, умершим от ран и ныне здравствующим;

во-вторых, отмечу чёткое осознание того обстоятельства, что нельзя бросать камни в наших дедов и отцов, осквернять их могилы ни сегодня, при всех наших достоинствах и недостатках; ни завтра, когда мы построим нормальное Общество для достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа без тотальной и оскорбительной коррупции, преступности и терроризма;

в-третьих, авторы коллективной монографии постарались предложить в своих статьях новое знание для всех общественных наук по важнейшим и малоисследованным проблемам, способствующее постижению смысла Великой Победы: современный гуманизм; мировоззрение XXI века; культура развития человека, общества, государства; теория и методология безопасности каждого человека и каждого народа; развитие и укрепление духовности, национальных культур; создание современной экономики;

в-четвёртых, свою работу авторы книги посвятили, в основном, молодёжи;

в-пятых, для всех авторов этой коллективной монографии личное участие в создании такого произведения стало выражением уважения к создателям, труженикам Великой Победы; выражением ответственности за усвоение уроков 1941–1945 годов.

Авторский коллектив посвящает данную монографию всем Защитникам нашего любимого Отечества.

С уважением

В.Н. Кузнецов.

Январь 2010 года
г. Москва.

Раздел первый.
**ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СССР
НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

В.Н. Кузнецов

**ЧЕСТНОСТЬ, ДОВЕРИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ
ПОВЕСТКЕ ДНЯ, ПОСВЯЩЁННОЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ
В ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ ПРОТИВ ФАШИЗМА**

Смысл Великой Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза за весной 2009 года воспринимается как Послание Победителей каждому человеку, всем народам мира жить достойно, по правде, по справедливости. Но это Послание постоянно напоминает, что сохранение и укрепление мира требует каждодневной работы по укреплению доверия между людьми, по личному учреждению каждый день через свои поступки честности и справедливости.

**За честность, доверие, справедливость
для достойной жизни каждого человека**

Здесь и сейчас мы оправдываем, очеловечиваем значимость, важность, необходимость Победы; мы подтверждаем каждый день простой факт: Смысл Великой Победы нами усвоен, понят – мы достойны итогов Великой Победы.

Позиция автора статьи может быть сформулирована так: воспитание с детства и юности исторической памяти о величии и трагизме Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза может быть дополнено выработкой мотивации и умений в формировании *мечты о служении России*; в создании *достойной личной позиции* по поводу участия в жизнеобеспечении народов России; в выработке мотивов, энергетики, воли и умений для осуществления *достойных личных поступков* для учреждения правды и справедливости.

Цель предложенного читателям исследования – изложить основы стратегии создания и функционирования российской духовной сферы как важнейшего и незаменимого фактора стратегии возрождения России.

Научная проблема моего исследования может быть оформлена так: в Глобальной Игре, которую народы мира, народы России, развернули после 8 августа 2008 года с международным и российским истеблишментом, ведущая роль принадлежит обоснованию стратегической гуманитарной цели как основанию глобальных Правил Игры для новой Повестки Дня.

Ещё никогда ранее не соединялись в гуманитарном взаимодействии честность, доверие и справедливость. Для мирового истеблишмента это объективно противоречит главным смыслам культуры капитализма, культуры войны и культуры смерти.

Рабочая гипотеза: соединение исторической памяти с активной и достойной жизненной позицией, ориентированной через честность, доверие и справедливость на сохранение и упрочение мира и безопасности, позволяет оформить и наполнить динамикой глобальную Повестку Дня, посвящённую Великой Победе в войне 1941–1945 гг. против фашизма.

Для уточнения взаимосвязи цели моего исследования, научной проблемы, гипотезы исследования и актуальности, востребованности итогов работы приведу два тезиса.

Первый текст.

«Война обнажила перед народами всего мира истинного виновника агрессии – империализм и его наиболее опасные порождения – фашизм и милитаризм, и со всей остротой поставила вопрос о том, чтобы не допустить развязывания новой, еще более кровавой мировой войны, обуздать агрессивные силы империализма, обеспечить прочный мир во всем мире»¹.

Второй текст: фрагмент открытого письма участника Великой Отечественной войны, публициста, писателя, учёного.

«В дни подготовки и празднования Победы в Великой Отечественной войне важно превратить дело Победы, традиции Победы, идеологию Победы, правду Победы, потенциал Победы в действенное орудие борьбы всех патриотов за вывод России из полукOLONиального положения, неопределенного социально-политического состояния и вялотекущего общественного кризиса в плацдарм боев за приумножение наших сил, за возвеличение и процветание нашей Родины – России. Вне этого празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза поистине лишено главного смысла исторического значения!»².

**СРЕДА, КОНТЕКСТ В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ
ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА 2009 ГОД**

Среда Реальная Глобальная Игра народов мира с мировым истеблишментом с целью предотвратить возможную мировую ядерную войну осуществляется под *влиянием конкретных моделей мироустройства, которые формируют среду для Правил Игры для повестки Дня.*

На итоги моих исследований, представленных в этой статье, безусловно, влияет разработанная с моим участием модель не-Западного мироустройства³.

Особенности среды для процесса, для исследования на рубеже 2008–2009 годов особенно важны, так как, по мнению многих учёных, современные кризисные перемены значительно трансформировали уже обоснованные концепции мироустройства.

Например, известный экономист Г.Х. Попов в своей актовой лекции, которую он прочитал 10 февраля 2009 года в Международном университете в Моск-

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М.: 1985. С. 28.

² Суходеев В.В. Письмо ветерана Великой Отечественной на злободневную тему // «Правда», 2005, 22–24 февраля, № 19. С. 2.

³ Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М.: 2007.

ве, предложил свою интерпретацию связи победы 1945 года и экономического кризиса второй половины 2008 года.

«Обычно хорошо учит поражение. А победа лишает мысль ясности, – утверждает Г.Х. Попов. – В 1989–91 годах повторилась ошибка 1945 года, когда Сталин проигнорировал полное поражение своего социализма в 1941 году, забыл о том, что победу 1945 года принёс патриотизм русского и других народов СССР, и истолковывал победу как доказательство жизнеспособности государственного социализма и как повод для отказа от реформ.

А Черчилль тоже проигнорировал неспособность Британской империи в одиночку справиться с Гитлером, а из победы сделал вывод о необходимости сохранить свою империю и отказаться от реформ.

Правильная оценка победы, сделанная Рузвельтом – как старта нового строя, – была проигнорирована.

Дорого обошлись человечеству и эти ошибки, и это игнорирование.

Вот и в 1991 году победа над государственным социализмом не только не ускорила движение по пути постиндустриализма, а стала стартом торможения и даже попыткой идти назад.

Именно это торможение развития к постиндустриализму, и даже попытка отступления от этого пути к олигархическому капитализму, и являются основной причиной кризиса 2008 года»¹.

Особенности содержания, смыслов развития для глобальной Повестки Дня на 2009 год, особенности Правил Игры Г.Х. Попов через своё понимание мироустройства XXI века развернул в статье **«Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати главных стран мира)»**.

«Но как бы далеко мы ни продвинулись в совершенствовании постиндустриального общества, важный урок кризиса 2008 года состоит в необходимости **радикальных мер в масштабе всей планеты**, – констатирует Г.Х. Попов. –

В свете пробуксовки антикризисных мер мы обязаны – по крайней мере, теоретически – начать рассматривать и принципиально новые модели мирового устройства экономики и общества. На мой взгляд, обязательно долгосрочные. И обязательные в масштабе всей планеты. Поэтому я называю **их глобальными**...

Надо отметить пять наиболее важных блоков социально-экономической перспективы.

Первый. Необходимо введение мировой гарантированной **валюты**, как это аргументировано предложил президент Назарбаев.

Второй. Необходимо изъять из национальной компетенции и передать **под международный контроль** ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего – запасы углеводородного сырья. Под мировой контроль должна перейти охрана окружающей среды и мирового климата.

Третий. Должны быть установлены жесткие предельные *нормативы рождаемости* с учетом уровня производительности и размеров накопленного каж-

¹ Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 года. М.: 2009. С. 6.

дой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие.

Эти меры создадут базу для принятия действенной программы выравнивания уровня приходящихся на каждого жителя планеты благ, размеров его потребления и уровня производительности его труда.

Четвертый. Необходима разработка **новой системы человеческой жизни**, основ новой цивилизации. Среди ее параметров: потребление энергии должно быть минимальным. Речь идет о *малознергозатратной* цивилизации.

Новая цивилизация предполагает рациональное *расселение* человечества в наиболее благоприятных зонах планеты. Новая цивилизация должна дать выход из тупика, когда человека начинают лечить еще в чреве матери и лечат всю жизнь. Если идти по этому пути, то скоро мир будет состоять из двух половин: проходящих лечение и тех, кто этим лечением занят. Страшную перспективу прогрессирующего накопления у одного ребенка генетических болезней уже двух родителей надо прервать. Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная *очистка генофонда* человечества.

Пятый. В новой цивилизации очень важен комплекс мер **по воспитанию** с детства людей, которым чужды религиозная, этническая, культурная и другие несовместимости и тем более нетерпимости. Страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из мирового сообщества. Поэтому реализация глобальной социально-экономической программы обязательно предполагает соответствующий политико-организационный механизм, глобальную политическую перспективу»¹.

Моя позиция в понимании среды события, процесса как модели не-Западного мироустройства существенно другая, чем у Г.Х. Попова (см. схему 1). Но эти кардинальные различия – предмет научной дискуссии.

Контекст Ещё более значительное влияние на понимание конкретного процесса, события оказывает **контекст изучаемого явления, феномена**.

В качестве контекста реальной среды я предлагаю рассмотреть модели мирового порядка.

Свою версию миропорядка тоже предложил Г.Х. Попов.

«Новый политический механизм, – поясняет он, – должен быть, во-первых, общепланетарным. Во-вторых, действенным. В-третьих, демократическим, публичным и открытым, позволяющим всем активно участвовать в его формировании, выражающим мнение большинства и учитывающим интересы меньшинства. В-четвертых, он должен быть достаточно независимым от неизбежно меняющихся позиций отдельных стран после смены в них правящих сил.

Такой механизм тоже можно свести к пяти блокам.

Первый – новая Организация Объединенных Наций. В нее должны входить в качестве индивидуальных членов не все страны. Чтобы стать индивидуальным членом ООН, надо будет иметь определенный размер населения, объем накопленного национального богатства и определенную величину национального дохода на человека. Таких членов должно быть 30–50.

¹ Попов Г.Х. Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати главных стран мира) // Московский комсомолец, 2009, 25 марта. С. 4.

Схема 1

Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК

Выражения парадигмы		ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА	
Характеристики					
Субъект действия	1	Государство 2	Транснациональные компании 3	Человек Народ 4	
Права и свободы человека	5	Право сильнейшего государства, их коалиций 6	Права и свободы человека 7	Права и свободы человека, его ответственность 8	
Источник энергии, главное противоречие	9	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ 10	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ 11	Культура жизни – культура смерти 12	
Географичность. Среда	13	Пространство 14	Пространство 15	Масштаб 16	
Цивилизация	17	• Мир-Система • Мир: Война–Сеть 18	Мир-Экономика 19	• Мир: Культура–Сеть • Мир: Глобальная Игра • Мир: Глобальный Компромисс 20	
Структура мироустройства 21*	Политическое 22	Вестфальская модель 23	Вестфальская модель 24	Московско-Шанхайская модель 25	
	Экономическое 34	Финансовая 26	Бреттонвудские соглашения 27	Бреттонвудские соглашения 28	Рубль как резервная валюта 29
		Торговая 30	Генеральное соглашение о тарифах и торговле 31	Всемирная Торговая Организация 32	Региональные торговые союзы и соглашения 33
	Институциональное 35	Западные Правила Игры 36	Западные Правила Игры 37	Правила Игры для не-Западной модели мироустройства 38	
	Гуманитарное 39	Классический Гуманизм 40	Новый гуманизм 41	• Мировоззрение • Новый не-Западный гуманизм 42	
Интегрирующая доминанта миропорядка	43	• Сотрудничество • Баланс опасностей, угроз и вызовов 44	• Солидарность • Солидарная культура компромисса 45	Стратегическая партнёрская культура компромисса 46	
Динамика	47	Сила, баланс сил, сдерживание 48	Торговля, конкуренция, баланс интересов 49	Доверие, сотрудничество, диалог, справедливость 50	
Война, мир и безопасность	51	Культура войны 52	Культура мира 53	Культура мира, безопасности и диалога 54	
Взаимосвязь	55	Иерархичность 56	Иерархичность 57	Отсутствие иерархичности 58	
Детерминизм	59	Причинность, функционализм, системность 60	Причинность, линейность, системность 61	Вероятность, нелинейность, сетевой подход 62	
Методология	63	Системно-структурный подход 64	Системно-структурный подход 65	Институционально-сетевой подход 66	
Технология	67	Социальные технологии 68	Высокие геоэкономические технологии 69	Высокие гуманитарные технологии 70	

* Здесь «модель мироустройства XXI Анны Кузнецовой и Вячеслава Кузнецова». См.: Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 660.

Остальные страны могут входить в новую ООН через коллективные организации, объединяющие несколько стран. Любой коллектив стран, чтобы войти в

ООН, должен отвечать тем же критериям, которые нужны и для индивидуального членства.

Второй – *Мировой парламент с двумя палатами*. Одна избирается напрямую голосованием планеты. Скажем, каждый кандидат, набравший 1 миллион голосов, становится депутатом этой палаты. Депутатов другой палаты – по этому же критерию – избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН.

Третий – *Мировое правительство*. Его формирует ООН по согласованию с Мировым парламентом. При нем необходимы и *Мировые вооруженные силы*, и *Мировая полиция*.

Четвертый – создаваемые ООН и независимые от Мирового правительства: *Мировое ядерное агентство, Мировое ракетное агентство, Мировое космическое агентство, Мировой Банк, Мировой Суд, Мировые научно-исследовательские и экспертные центры, образовательные, культурные и спортивные организации*.

Пятый – *Мировая система Независимой информации*, прежде всего, телевидение, радиовещание, Интернет. Независимые даже от ООН»¹.

Моя авторская позиция представлена в статьях, докладах, учебных пособиях, книгах, посвящённых обоснованию новой Московско-Шанхайской авторской модели миропорядка XXI века². В её основе авторская концепция российского социологического геокультурного созидающего Проекта XXI – Возрождение России (см. схему 2).

При анализе проблемы становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века необходимо отметить её чёткую ориентированность на содействие в обеспечении достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, каждого народа. Тем самым и в стратегическом, и в тактическом аспектах становится возможным для Всех – достижение справедливости, качественного образования, здравоохранения (см. схему 3, 4, 5).

Особенно важно выделить *конкретность объекта в новой модели мира – каждый человек*. В итоге: глобальная, региональная, локальная динамика нового миропорядка – при полном сохранении идентичности каждого человека, каждого народа – содействует достижению Целей человечества, согласованных на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Определённость субъекта в Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века – каждый народ в реальностях современности – создаёт новый глобальный гуманитарный феномен: **«концерт народов России и Азии, концерт всех народов мира»**.

Таким образом, оформляется востребованность со стороны нового миропорядка, её объекта и субъекта, нового миропонимания, нового мировоззрения: Московско-Шанхайский миропорядок должен быть понят, осмыслен, обсуждён. Только во взаимосвязи, взаимообусловленности с мировоззрением XXI века, новая модель миропорядка востребована.

Исключительно важная конструктивная, созидающая особенность становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века: *есть, реально*

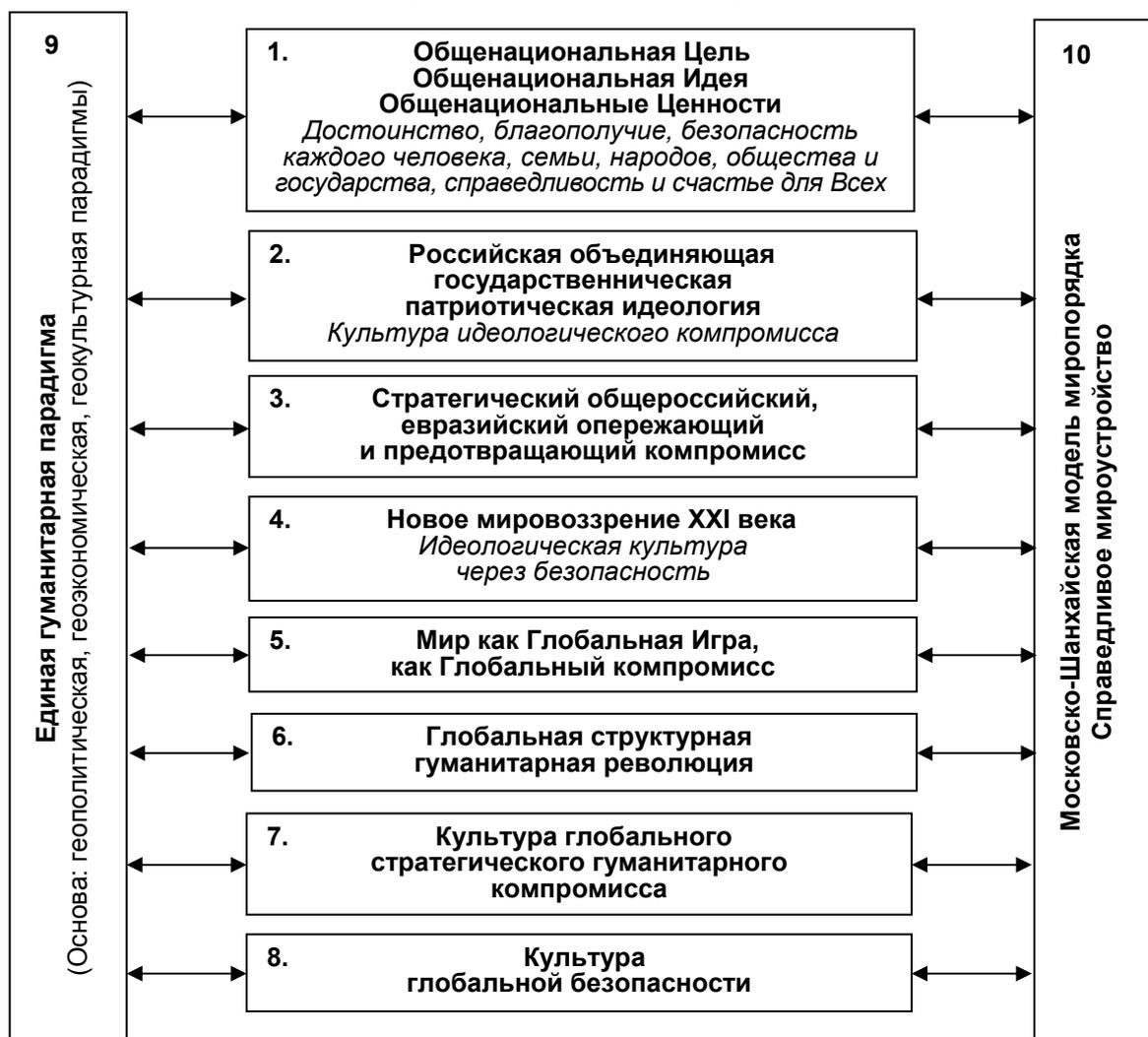
¹ Попов Г.Х. Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати главных стран мира) // Московский комсомолец, 2009, 25 марта. С. 4.

² Обоснование концепции было представлено в докладе автора статьи осенью 2006 года на общероссийском конгрессе социологов (более 1000 участников) в МГУ им. М.В. Ломоносова.

действует глобальный и региональный интеллектуальный лидер – Россия, её народы, россияне, которые уже участвуют в соединении нового миропорядка и мировоззрения XXI века.

Схема 2

**Российский Социологический Геокультурный
Созидающий Проект XXI века – Возрождение России**

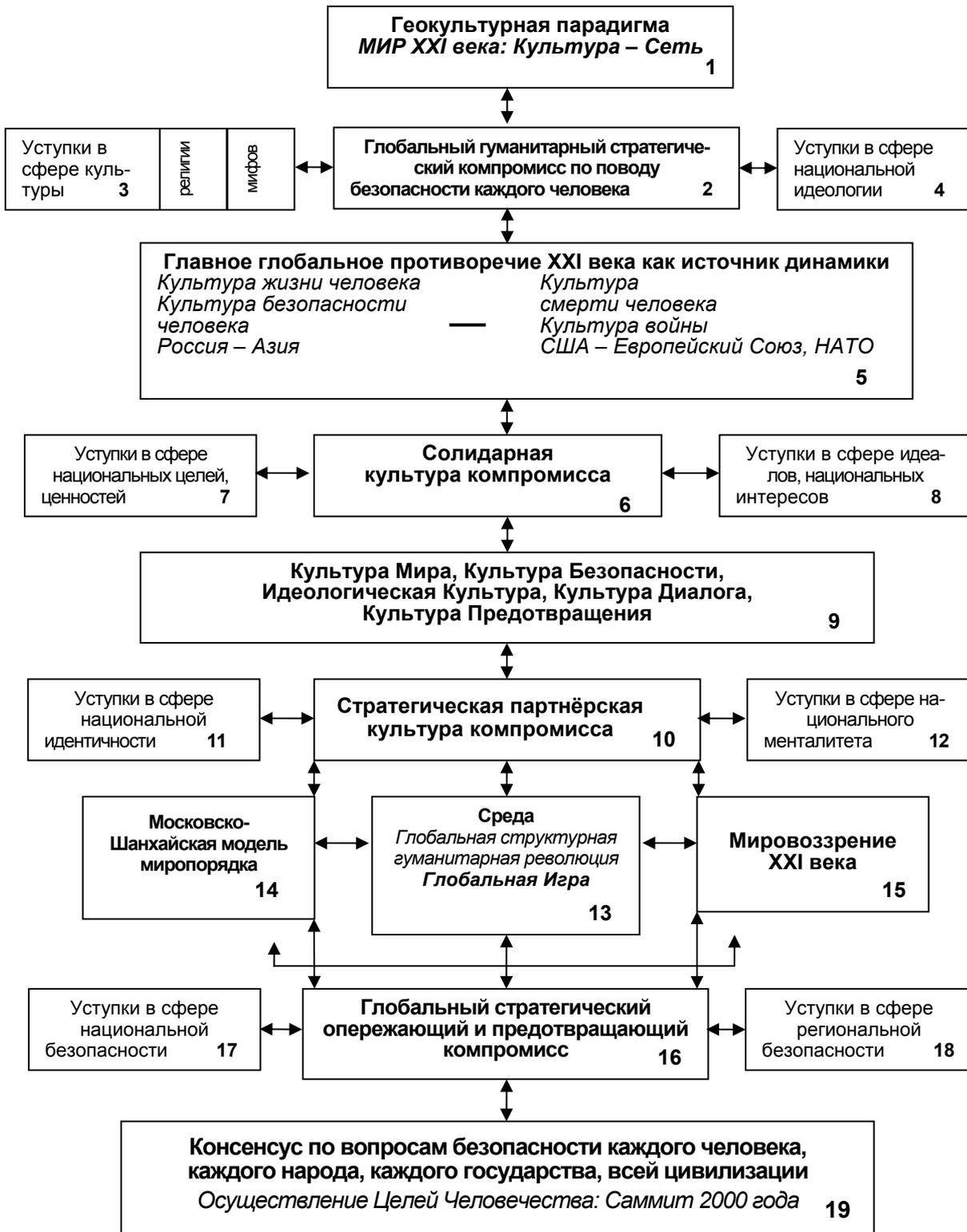

Россия предложила Азии, странам БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), многим другим странам новые смыслы для азиатского, евразийского и глобального стратегического гуманитарного компромисса по достижению безопасности человека, по формированию нового гуманизма.

Основные особенности Московско-Шанхайской модели мира XXI века целесообразно представить в тезисной форме:

- новая модель миропорядка состоялась как конкретный интеллектуальный итог 60-летия Великой Победы Советского Народа над фашизмом.
- Именно здесь сохраняется глубокая преемственность новой модели мира с предыдущей, Ялтинско-Потсдамской, которая оформилась по итогам второй мировой войны (1939–1945) в качестве выражения Вестфальской модели мира;

**Социология становления Московско-Шанхайской
Модели миропорядка XXI века**

• впервые за последние 361 год глобальная модель мироустройства оформилась по итогам невоенного, мирного шестидесятилетнего развития народов и стран.

Вестфальская модель мира состоялась по завершении Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648).

Венская система международных отношений (продолжение Вестфальской модели) стала итогом Наполеоновских войн (1799–1815) и предложила такой порядок отношений государств, который называли «Европейским концертом».

Версальско-Вашингтонская модель мира (продолжение Вестфальской системы) сложилась по итогам Первой мировой войны (1914–1918). Именно в тексте Версальского мирного договора с Германией (1919) был представлен статус *Лиги Наций* как международной межправительственной организации, призванной содействовать сотрудничеству между народами для дела мира и безопасности: США не ратифицировали этот документ.

Содержание и структура Версальского миропорядка были дополнены на Вашингтонской конференции (1921–1922), которая была проведена по инициативе США для оформления отношений между государствами в Тихоокеанском регионе.

Ялтинско-Потсдамская система мироустройства (продолжение Вестфальской модели мира) оформилась по завершении Второй мировой войны (1939–1945);

- решающей, главной особенностью складывающейся **Московско-Шанхайской модели мироустройства** является, по моему мнению, принципиально новое понимание Субъекта миропорядка, миростроительства, мироустройства. Здесь главный действующий Субъект – народ, народы России и Азии (в Вестфальской модели мира – государства). Поэтому новую модель мироустройства (Московско-Шанхайскую) правомерно называть **«Концертом Народов России и Азии»**;

- считаю важным и необходимым выделить исключительно конструктивную особенность формирования Московско-Шанхайской модели мира. В течение 2000–2009 годов на всех этапах её становления действует широко и устойчиво признанный глобальный интеллектуальный и гуманитарный лидер – Россия¹. Равновелика и равнозначима лидирующая роль Китая как творца мирового экономического и промышленного развития; динамика научного исследования процесса строительства новой модели миропорядка может быть рассмотрена в контексте геокультурной научной парадигмы (часть единой гуманитарной парадигмы XXI века), в которой сам Мир XXI века рассматривается как Культура – Сеть²;

- доминантой, главной линией новой модели миростроительства является содействие продвижению во всех странах мира к глобальному порядку XXI века: достоинство, безопасность и благополучие для каждого человека; здоровье, образование – для всех; достижение Целей человечества, принятых в 2000 году на Саммите тысячелетия;

- источником созидания, позитивной деятельности, уверенности в настоящем и будущем является главный интегрирующий фактор – создание и укрепление культуры жизни человека, культуры устойчивой безопасности каждого человека. *Для Российско-Азиатского «концерта народов» именно позитивное разрешение главного глобального противоречия между культурой жизни человека* (Московско-

¹ Красников Н. Россия стала самой влиятельной страной в мире // Комсомольская правда, 2007, 17 сентября. С. 3.

² Такой подход обоснован автором статьи в работах 2000–2006 годов. См.: Kuznetsov V. Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21: Culture–Network. Moscow: 2006.

Шанхайская модель мира) и культурой смерти человека (как культуры войны многих стран Европы, НАТО и США против народов Югославии в 1999 году; как культуры войны США, Англии и многих стран мира против народов Ирака – с 2003 года по настоящее время) является источником динамики для достижения культуры мира, созидающих итогов диалога культур и религий, альянсов цивилизаций;

Схема 4

Ключевые императивы, концепты и смыслы единой гуманитарной парадигмы (системной) и кластерной негуманитарной парадигмы (сетевой) для становления и функционирования концепции глобальной безопасности XXI века

Единая гуманитарная парадигма (системная). Парадигмальная матрица Кузнецова – ПМК (система) 1				Кластерная негуманитарная парадигма (сетевая) – КНП (сеть) 2							
3 Гео-политика		4 Гео-экономика		5 Геокультура		6 Не-институциональность		7 Не-справедливость		8 Не-безопасность	
9 Главный императив		10 Главный императив		11 Главный императив		12 Главный императив XXI века		13 Главный императив XXI века		14 Главный императив XXI века	
15 Мир–Система		16 Мир–Экономика		17 Мир: Культура–Сеть		18 Мир–Глобальная Игра, Глобальный компромисс		19 Мир: Война–Сеть		20 Мир: Война–Сеть	
22 Главный концепт		23 Вызов – ответ Угроза – ответ Опасность – ответ		24 Главный концепт		25 Права и свободы Человека		26 Главный концепт		27 Культура жизни каждого человека и каждого народа	
28 Главный концепт		29 Народы играющие: итог ≠ 0		30 Главный концепт		31 Нарушение традиций, образа жизни, правил, договоров, уставов, Правил Игры		32 Главный концепт		33 Примат силы, расчленения в отношении народов и стран, деформация ответственности, правды, смысла жизни человека	
34 Главный концепт		35 Культура войны как культура смерти		36 Смысл миропорядка		37 «Новая Эпоха» (по Сергею Караганову) ¹		38 Смысл миропорядка		39 «Гуманитарная космология» (по Эрнесту Кочетову) ²	
40 Смысл миропорядка		41 «Московско-Шанхайское миростроительство» (по Вячеславу Кузнецову)		42 Смысл миропорядка		43 Глобальный стратегический гуманитарный компромисс		44 Смысл миропорядка		45 «Новая реальность, возникающая»	
46 Смысл миропорядка		47 после провозглашения независимости		48 Смысл миропорядка		49 Косово 17 февраля» (по Залмаю Халилзад)					

● на схеме «Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века» я особенно зримо выделяю условия функционирования самой

¹ Караганов С. Наступает новая эпоха // Российская газета, 2007, 6 июля; Караганов С. Перезагрузка, разрядка или преодоление? // Российская газета, 2009, 1 апреля.

² Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: 2006; Кочетов Э.Г. Философия диалога. Тампере (Финляндия), Модена (Италия), Родос (Греция) – этапы восхождения к актуальному феномену «Диалогистике» // Безопасность Евразии. 2008. № 4.

новой модели миропорядка (её уровни 1, 5, 9, 13, 14, 15, 19) в зависимости от внутренней и внешней трансформации самого феномена «компромиссное»;

- исходный этап динамики компромиссности обусловлен созидающим, энергосоздающим эффектом преобразования компромисса в контексте геокультурной парадигмы в глобальный гуманитарный стратегический компромисс (уровень 2). Но его возможность для всех сторон взаимодействия обусловлена согласованием важных уступок: во-первых, (уровень 3) в сфере культуры, религии, базовых мифов; во-вторых, в сфере (уровень 4) национальной идеологии;

- в позитивном разрешении глобального противоречия XXI века между культурой жизни (Россия – Азия) и культурой смерти (США – Европейский Союз, НАТО) содержится как позитивный источник динамики мировых конструктивных перемен (уровень 5), так и возможность глобальной ядерной войны XXI века;

- по моему мнению, дополнительная позитивная энергия с уровня 2 (поступающая на уровень 5) может «сдвинуть» обострившиеся противоречия между народами мира (прежде всего, народами России) и силами агрессии, войны в США и других странах в сторону культуры компромисса, в сторону культуры безопасности;

- дополнительным фактором может стать восстановление важнейшего позитивного императива эффективно действовавшего (по словам А.Д. Богатурова) в 50–90-е годы XX века в сфере ядерной безопасности: **«солидарной культуры компромисса»** (уровень 6).

Однако для восстановления хорошей традиции и технологии в XXI веке субъектам компромисса придётся сделать серьёзные фундаментальные уступки: во-первых, в сфере главных национальных целей и базовых, особенно чтимых ценностей (уровень 7); во-вторых, в сфере идеалов и главных национальных интересов (уровень 8);

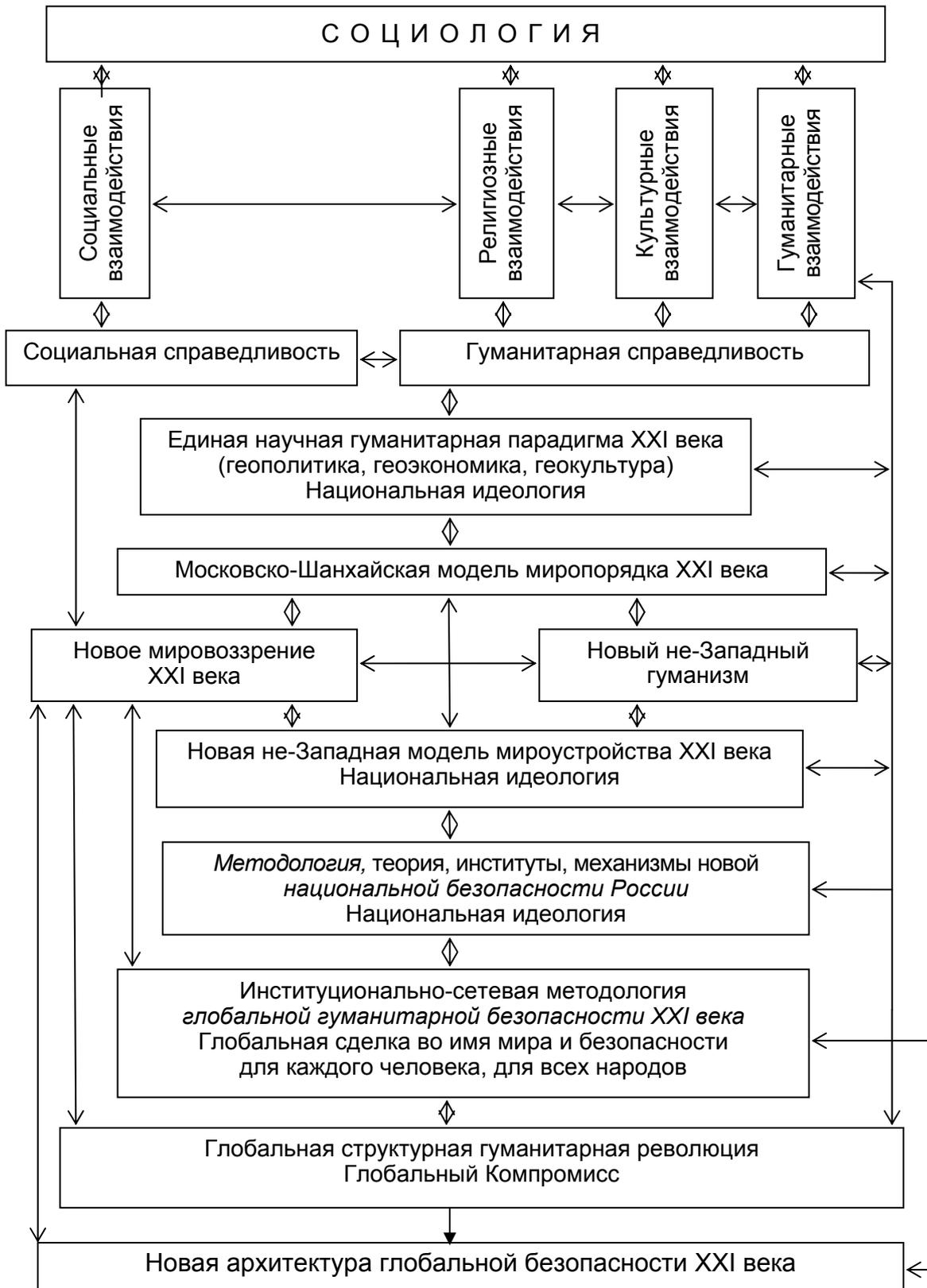
- самый конструктивный и созидающий, востребованный этап трансформации компромисса может состояться под постоянным и всеобщим влиянием во всём мире опыта и традиций осуществления Культуры Мира, Культуры Безопасности, Идеологической Культуры, Культуры Диалога и Культуры Предотвращения (уровень 9). Я определяю эту важнейшую категорию как **стратегическая партнёрская культура компромисса** (уровень 10).

Для её осуществления (а подготовительная работа во многих странах уже идёт) потребуются самые чувствительные и масштабные уступки: в сфере национальной идентичности (уровень 11); в сфере национального менталитета (уровень 12);

- я уже представил ранее итоги моих исследований новых глобальных проектов XXI века: разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции, оформлении Глобальной Игры народов мира с мировым истеблишментом (уровень 13), становлением новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (уровень 14), формированием нового мировоззрения (уровень 15). Полагаю, их смыслы, интеллектуальная новизна, дискуссионность¹ могут способствовать формированию и функционированию **стратегического глобального опережающего и предотвращающего компромисса** (уровень 16).

¹ Делягин М. Бардак накануне нового мирового порядка? // Новая газета, 2009, № 31, 23.03. С. 14.

Логика становления, функционирования и взаимодействия в социологических исследованиях глобальной безопасности

Достижение такого высокого уровня взаимодействия всех государств мира потребует от каждой стороны (субъекта) компромисса беспрецедентных уступок: в сфере национальной безопасности (уровень 17); в сфере региональной безо-

пасности – европейской, азиатской, американской, африканской, НАТО, ШОС и т. д. (уровень 18);

● **Смысл Главного Компромисса XXI века** – сохранение жизни всех ныне живущих людей.

Вот тогда нам всем очень потребуется консенсус по вопросам безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации как это было согласовано всеми руководителями самых различных стран, входящих в Организацию Объединённых Наций на Саммите 2000 года (уровень 19).

Считаю важным отметить, что именно социологический аспект исследования реального состояния трансформации в XXI веке смыслов феноменов «мировой порядок», «мироустройство» убедительно, оригинально и фундаментально осуществлён известным учёным, профессором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Павлом Афанасьевичем Цыганковым¹.

Интересные размышления предложил заместитель главного редактора журнала «Профиль», Владимир Рудаков по поводу гипотез Г.Х. Попова о новом мироустройстве, о новом миропорядке, о среде и контексте конкретных предложений по преодолению причин возникновения глобального кризиса 2008 года.

«Иначе говоря, – отмечает В. Рудаков, – гражданин России **Роман Абрамович**, который, будучи уже известным олигархом и без пяти минут губернатором Чукотки, в 2000 году окончил Московскую государственную юридическую академию, обладающий недюжинным интеллектом и соответствующим счетом в банке, имел бы в нашей Госдуме конституционное большинство. А какой-нибудь другой гражданин России (не будем показывать пальцем) с двумя высшими образованиями, интеллектом, как у Эйнштейна, который, однако, в силу нахождения на госслужбе не имеет возможности честно уплачивать налоги с более чем жалких сотен тысяч рублей в месяц, не смог бы протолкнуть в Охотный Ряд и завалящего депутата. И это справедливость по Попову!»²

СОТВОРЧЕСТВО В СОЗДАНИИ БОЛЬШОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ – СТРОИТЕЛЬСТВО СТРАТЕГИИ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ КАК СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ

Свою статью Владимир Рудаков назвал «Стратегия подождёт». Автор пытался осмыслить факт переноса Президентом России Дмитрием Медведевым с 24 марта 2009 года утверждения важнейшего документа: «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»³.

Вместе с тем, коль наступило время формировать Повестку Дня для 2009 года на русском языке, посвящённую Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма, время не ждёт. Её самый востребованный народами России, народами многих стран смысл – стратегия строительства духовной сферы, понимаемой как сфера культуры и общественной мысли, как сфера не-Западного гуманизма, как сфера взаимодействия честности, доверия и справедливости.

¹ Цыганков П.А. Социальные основы международного порядка // *Его же*: Теория международных отношений: учеб. пособие. М.: 2006. С. 470–506.

² Рудаков В. Стратегия подождёт // *Профиль*, 2009, 30 марта. С. 10.

³ Указ Президента России Дмитрия Медведева о введении в действие Стратегии подписан 12 мая 2009 года.

По существу речь в этом разделе статьи посвящена Посланию России, месседжу всем народам мира о духовности, нравственности, о неразрывной связи свободы и ответственности.

В итоге может быть обоснована новая глобальная созидаящая концепция культуры развития, преодолевающая ущербную модель капиталистического развития как модель потребления, как идеологию потребления.

Здесь и сейчас необходимо дружное и терпеливое соработничество: уже строится и оживает большая российская идея – постановка животворных стратегических целей и разработка понятных и эффективных программ по их достижению.

Именно такая стратегия развития России и всего мира, стратегия развёртывания духовной сферы, воспитания, культуры, общественной мысли и способна, по моему мнению, задать недостающие интеллект, волю и энергетику концепции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Итоги моих исследований культуры мира и культуры безопасности, социологии компромисса, социологии справедливости, социологии идеологии в 2000–2009 годах позволили, я надеюсь, предложить определённую последовательность главных русел, трендов в основание разрабатываемой стратегии духовной сферы.

Первый тренд. Исключительно важно предварительно сформулировать тезис: в России в настоящее время (апрель 2009 год) практически полностью отсутствует честная, справедливая, ориентированная на достойное служение России, её народам национальная элита. Да, функционируют руководящие команды и кланы, семьи, братства, содружества, сообщества. Но это, по-моему, не настоящая национальная элита.

Отсюда труднейшая и остро востребованная главная задача – создание условий для возникновения и проявления представителей национальной элиты, прежде всего, в духовной сфере. Необходим личный достойный пример жизни и деятельности для России, понятный и принятый гражданами страны, её молодёжью, армией, милицией, религиозными конфессиями.

Работа уже началась. Примером может стать фрагмент беседы 13 апреля 2009 года Президента России Дмитрия Медведева в резиденции «Горки» с представителями «Новой газеты»: он отвечал на вопросы.

«НОВАЯ»: Вы 15 апреля проводите Президентский совет по гражданскому обществу и правам человека. Я был рад, когда увидел в списке этого Совета умных и приличных людей. Аузан, Симонов, Светлана Сорокина, Елена Панфилова, Юргенс, Ирина Ясина, и я еще не всех перечислил. Правильно ли я понял, что гражданское общество на сегодняшний день для Вас важнее, чем общество "людей в штатском"?

Д. МЕДВЕДЕВ: Знаете, гражданское общество – это такая категория для России, которую мы еще не до конца научились правильно воспринимать. **Гражданское общество во всем мире является оборотной стороной государства.** Государство – не только политическая машина, это такая форма организации жизни, которая основана на государственной власти и опирается на закон. А гражданское общество – это человеческое измерение любого государства. Оно хотя и действует внутри законодательного поля, но по собственным, людским законам, которые не всегда, кстати, носят юридическую форму. Еще недавно многие вообще не понимали, когда им говорили – "гражданское общество". Государство – это более-менее понятно. А что такое гражданское общество? Общество граждан?

Так мы все вроде и так граждане своей страны. А сейчас уже есть понимание, что гражданское общество – **это неотъемлемый общественный институт любого государства.** Институт обратной связи. Организации людей, находящихся вне постов, но активно участвующих в жизни страны. И встречи, контакт между президентом страны и представителями гражданского общества абсолютно необходимы. Замечу: эти контакты никогда ни для какой власти не бывают простыми. Потому что всегда у гражданского общества, у представителей правозащитных организаций огромное количество претензий к государству и к руководителям. Вопросы у них очень много. А на вопросы не всегда хочется отвечать. Но именно поэтому такие контакты и должны носить системный характер. В том числе и в рамках упомянутого Вами Совета. Я рассчитываю на то, что будет интересный разговор. Видимо, жесткий. Но именно в этом его ценность»¹.

Очень интересен вопрос: а достаточно ли быть умным и приличным человеком, чтобы достойно войти в национальную элиту, в мировую элиту. Хочу привести поучительные размышления Фёдора Лукьянова о приличных и умных людях, которые десять лет назад показали народам Югославии и народам всего мира, что такое «гуманизм»².

«Кто принял решение начать боевые действия? Президент США Билл Клинтон, ярый противник вьетнамской войны, который укрывался от призыва за границей, – поясняет Ф. Лукьянов. – Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, левый активист, боровшийся против франкизма и членства Испании в Североатлантическом альянсе. Канцлер Германии Герхард Шредер, защищавший немецких левых в судах. Его министр иностранных дел Йошка Фишер, участник уличных боев с полицией. Премьер Великобритании Тони Блэр, пришедший в политику на волне левых настроений с твердым желанием переделать партию, страну и весь мир. Глава правительства Италии Массимо Д'Алема, который бросил в 1968 году университет ради деятельности в рядах Итальянской коммунистической партии»³.

Второй тренд. Внимания и усилий каждого гражданина в России требует, просит каждодневная работа по консолидации общества в трактовке ключевых событий в национальной истории. Прежде всего, я говорю о смысле Великой Победы СССР в войне 1941-1945 годов против фашизма.

Возможно, это исходный ключевой этап (трек) консолидации общества на основе ключевых идеалов и ценностей, о которых говорил в своём первом Послании Президент России Дмитрий Медведев осенью 2008 года.

Третий тренд. Важно формировать национальную идеологию на основе всех действующих идеологий (кроме идеологий терроризма, преступности и коррупции).

¹ Муратов Д. Декларация Медведева. Год 2009 // Новая газета, 2009, 15.04.2009. С. 2.

² Румянцев А. Десять лет назад Югославия узнала, что такое гуманизм // Известия, 2009, 25.03. С. 4.

³ Лукьянов Ф. Балканская трагедия. Исполнилось десять лет с начала военной кампании НАТО против Югославии – события, беспрецедентного во многих отношениях // The New Times, 2009, № 12, 30 марта. С. 38.

**ЧЕСТНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА
ПРИ ФОРМУЛИРОВАНИИ ВОПРОСА И ОТВЕТА: «ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА?»**

После состоявшихся 1 апреля 2009 года переговоров президентов России и США миллиарды людей во многих странах мира вздохнули спокойней: 1 сентября 1939 года, 22 июня 1941 не повторятся.

Однако задуматься особенно при составлении Глобальной Повестки Дня на 2009 год есть над чем.

10 апреля газета «Время новостей» сообщила, что в ходе интервью нескольким средствам массовой информации глава МИД России Сергей Лавров посчитал необходимым заявить «что не видит оснований для того, чтобы нынешний кризис привёл к войне»¹.

15 апреля 2009 года газета «Коммерсантъ» на первой полосе опубликовала начало тревожной статьи **«Россию разбили на двенадцать мишеней. Эксперты подсказали Бараку Обаме, куда нацелить ядерные ракеты»**. Речь идёт о докладе Федерации американских учёных, ориентированном на разработку новой ядерной доктрины США. Статья раскрывает детали о действующем в настоящее время нацеливании американских ракет с ядерными боеголовками на 150–194 крупных городов России; о ракетах, нацеленных на тысячи промышленных предприятий Российской Федерации².

А ядерные ракеты Англии, Франции? На какие объекты в России они нацелены?

Таким образом, надо честно и ответственно сформулировать вопрос: «А если завтра ядерная война?».

Каждый второй россиянин заявляет сегодня о существовании военной угрозы для РФ извне, при этом 62% считают, что у России есть основания опасаться стран Запада, входящих в НАТО.

По данным Левада-центра, который провёл в конце марта 2009 года всероссийский опрос в 46 регионах РФ, более трети россиян (36%) высказались за неприсоединение РФ к каким-либо военным блокам, 23% призывают к сотрудничеству с НАТО в интересах общей безопасности, а каждый четвёртый (25%) – к созданию оборонительных союзов в противовес альянсу³.

Я полагаю, что именно в таком контексте можно и нужно воспринимать реальное **«обнажение противоречий»**, осуществлённое Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным в его речи 9 мая 2007 года на Красной площади Москвы в связи с 62-й годовщиной Победы над фашизмом. «В этот день мы неизменно задумываемся о судьбах мира, о его стабильности и безопасности, – обратился Президент Российской Федерации В.В. Путин к участникам военного парада и его гостям, к народам России, к народам всех стран и континентов. – И уроки той страшной войны с каждым годом приобретают все больший смысл и значение. День Победы роднит и объединяет не только граждан России, но и наших ближайших соседей в странах Содружества. Все мы глубоко благодарны поколению людей, на долю которых выпал тяжкий жребий войны. Они передали нам свои традиции братства и солидарности, поистине

¹ Юнанов Б. Войны не будет. Сергей Лавров о кризисе, стихах и самонадеянности США // Время новостей, 2009, 10 апреля. С. 5.

² Зыгарь М. Россию разбили на двенадцать мишеней // Коммерсантъ, 2009, 15 апреля. С. 1, 8.

³ Всероссийский опрос // ВПК. Военно-промышленный курьер, 2009, № 13, 8–14 апреля. С. 1.

выстраданный опыт единения и взаимопомощи. И мы будем свято хранить память об этом, свято хранить это историческое достояние.

А те, кто пытается сегодня принизить этот бесценный опыт, кто оскверняет памятники героям войны, – оскорбляет собственный народ, сеет рознь и новое недоверие между государствами и людьми.

Мы не вправе забывать – причины всякой войны нужно, прежде всего, искать в ошибках и просчетах мирного времени. А их корни – в идеологии конфронтации и экстремизма. Тем более что и в наши дни таких угроз не становится меньше. Они лишь трансформируются, меняют свое обличие. И в этих новых угрозах, как и во времена Третьего рейха, – все то же презрение к человеческой жизни, те же претензии на мировую исключительность и диктат.

Убежден, только общая ответственность и равноправное партнерство способны противостоять этим вызовам, способны дать согласованный отпор любым попыткам развязать очередной вооруженный конфликт, подорвать безопасность в мире»¹.

На поверхности многих тревожных событий 1999–2009 годов субъектами, фактически готовящими ядерную войну XXI века, выступают США и блок НАТО.

В послании конгрессу США 2006 года президент США Дж. Буш официально в первых нескольких словах чётко констатировал: «США находятся в состоянии войны со всем миром».

Хронология:

– весна 1999 – армия США и армии стран НАТО бомбят Югославию и убивают детей, женщин, стариков;

– весна 2003 – армия США и армии многих стран НАТО бомбят и уничтожают народы Ирака: по данным общественных организаций к лету 2007 года в Ираке убиты сотни тысяч детей, женщин, стариков;

– 2006–2007. Армия США и НАТО готовятся разместить своё ядерное оружие (мотив – противоракетная оборона) на территории Польши и Чехии;

– 2007. Армейские контингенты армии США размещаются на территории Румынии, Болгарии, Грузии, Киргизии, Афганистана и т. д.

Есть мотивы для развязывания ядерной войны:

– народы России, её руководители неправильно понимают ценности, которым привержены США; они неправильно относятся к демократии и правам человека (таких обвинений, поводов и мотивов оказалось, в основном, достаточно, чтобы с 2003 года по настоящее время американские солдаты и их союзники из многих стран каждый день убивали детей, стариков и женщин);

– народы России на своей законной исторической территории владеют огромными запасами земли, воды, газа, нефти и т. д.: это несправедливо, по мнению ряда влиятельных политиков, бизнесменов, военных, общественных деятелей США;

– народы России, её общество якобы погрязли в преступности, коррупции, воровстве; они не обеспечили, якобы, достойного управления страной, её безопасностью, экономикой, экологией. Поэтому, как несостоявшаяся страна она

¹ Московские новости, 2007, 11–17 мая. № 18. С. 9.

должна управляться извне, из других стран, из определённых международных организаций;

– народы России, её политики, учёные, предприниматели предъявили свои концепции миропорядка XXI века, свои научные парадигмы; свою достойную культуру, интеллект, новый гуманизм: это плохой пример для многих других стран и народов. Поэтому нельзя, по мнению отдельных высокопоставленных деятелей США, позволять реально и ускоренно развиваться России;

– появились новые, благоприятные, якобы, для США и его ближайших союзников, научные и экспертные разработки, что в ситуации стремительно развивающейся глобальной ядерной войны XXI века, США победят, Россия будет уничтожена: никакой «ядерной зимы» и «ядерной ночи» (по сценариям К. Сагана и Н. Моисеева – 1983 год) не будет.

Эти обоснования в 2005–2009 годах получили широкое распространение как в США, так и во многих странах мира (в т. ч. и в России). Они (публикации) получили солидную прессу (научные журналы с ранее безупречной репутацией) и многочисленные комментарии. Отдельно о комментариях: в российских газетах и журналах маститые политологи, эксперты солидно и спокойно прокомментировали эту линию подготовки возможной ядерной войны: молодые авторы, что с них возьмёшь и т. д.;

– самостоятельной линией подготовки собственно ядерной войны во многих структурах США стало развёртывание беспрецедентной идеологической войны против России: её истории; её целей, идеалов и ценностей; её культуры. Здесь внятным «проводником» стали отдельные политологи, социологи, философы и другие представители общественных наук, которые, возможно, на основании своих убеждений, готовят мирный захват России в интересах США и Запада за счёт блокирования процессов создания объединяющей государственной патриотической идеологии (или грамотной деформации этого процесса); формирования общенационального созидательного Проекта; сохранения и развития лучших традиций российского образования и культурного просвещения людей; патриотического воспитания молодёжи.

Эти тенденции на поверхности событий, угрожающих миру в XXI веке, достаточно чётко и устойчиво оценивают граждане во многих странах.

Недавний опрос общественного мнения, осуществлённый компанией «Харрис» (Harris Interactive) и британской газетой «Файнэншл таймс» (первая половина 2007 года) показал, что в Европе больше всего боятся США – 32% от числа опрошенных (граждане Великобритании, Германии, Италии, Франции, Испании). Далее: Китай – его опасаются 19 процентов от числа опрошенных, Иран – 17 процентов, Ирак – 11 процентов, Северная Корея – 9 процентов, Россия – 5 процентов¹.

Тем не менее, правительство США и её народы; правительство и народы стран, входящих в НАТО, – необходимая и желательная сторона в остро востребованной стратегической партнёрской культуры компромисса (её Субъект) во имя предотвращения возможной ядерной катастрофы XXI века.

Важным этапом формирования и определённости стратегии предотвращения ядерной войны можно назвать главную доминанту из фрагмента высказывания Генерального директора МАГАТЭ, лауреата Нобелевской премии мира Мохаммеда

¹ Максимов А. Европейцы боятся США гораздо больше, чем Россию // Известия, 2007, 3 июля. С. 5; Кого боится мир? // Российская газета, 2007, 22 июня. С. 3.

Эль-Барадея. «Для меня честь быть здесь, – приветствовал он собравшихся журналистов. – Спасибо организаторам этой нужной конференции, спасибо за ее проведение. Мы живем в сложное время. Нарастает опасность ядерной катастрофы. Как я упомянул в своем докладе, угроза ядерной катастрофы выросла, сама проблема становится все более сложной. Существует ядерный терроризм. Актуальным становится вопрос об охране ядерных материалов, в том числе об их непосредственной, физической защите. Все больше появляется стран, способных завершить ядерный цикл, следствием чего становятся попытки получить ядерное оружие или создать возможности для его производства.

Результат, который мы сейчас имеем, – полная стагнация в решении проблемы ядерного разоружения, так как государства продолжают видеть в ядерном оружии залог своей безопасности. И те страны, которые им не обладают, стремятся заполучить его для обеспечения своей безопасности. Как следствие – стран, которые стремятся стать обладателями ядерного оружия, становится все больше. И это **ядерное оружие может быть применено**. Случайно или намеренно – это не так важно.

Д-р Кантор накануне справедливо говорил о том, что происходит «банализация» ядерной угрозы – она стала общим местом, и ее не воспринимают всерьез, нет понимания того, что ядерная катастрофа может действительно уничтожить нашу цивилизацию. И когда мы видим, что такие люди, как У. Перри, Д. Шульц, которые имеют полувековой опыт работы в условиях «холодной войны» и ядерного противостояния, говорят о необходимости запрета ядерного оружия, я думаю, что это сигнал, важный сигнал к действию. Нам необходимо принципиально изменить нынешнюю систему безопасности. Нужна такая система безопасности, которая не будет основана на ядерном оружии. Само же ядерное оружие должно быть определено как оружие геноцида, и ему не должно быть места в нашей системе коллективной безопасности»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Я определяю эту стратегию как **«необходимость действовать социологически уже сегодня для предотвращения ядерной войны XXI века»**.

ДОВЕРИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА И НАС ВСЕХ ВМЕСТЕ ЗА РОССИЮ, ЗА ВЛАСТЬ, ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРЕЗИДЕНТА

В этом разделе статьи мне необходимо чётко обозначить свою позицию по существу обсуждаемых вопросов: ведь это ключевой смысл Великой Победы – ответственность за судьбу Отечества, которую полностью нельзя доверять никому.

Моя позиция: как гражданин России, как человек, как учёный я полностью доверяю Правительству России и премьер-министру В.В. Путину. Я полностью доверяю Президенту России Д.А. Медведеву. Я считаю полностью легитимными и Государственную Думу Российской Федерации, и В.В. Путина как премьер-министра правительства РФ, и Президента России Д.А. Медведева.

Вместе с тем, у меня оформлены и предъявлены научному сообществу серьёзные критические замечания и в адрес Правительства России, и в адрес Президента России. Мои замечания и конструктивные предложения вошли в

¹ <http://www.pnc2007.org/events/news/text-79/html/29.06.2007>

Моденскую декларацию, сформулированы в ряде выступлений на научных конференциях в МГУ им. М.В. Ломоносова, в других российских научных аудиториях, на ряде международных научных конференций на Кипре, в Киеве (Украина), в Италии. Они развёрнуты и обоснованы в трёхтомнике «Гуманитарные взаимодействия»¹. Это всё в 2008–2009 годах.

Однако основное внимание в этом разделе я уделяю обстоятельной, аргументированной и жёсткой критике руководства страны со стороны значительного круга учёных, журналистов, специалистов за серьёзные недостатки в экономике², в организации гражданского общества³, в упущениях по поддержанию обороноспособности страны⁴.

Конструктивную и оригинальную программу антикризисных предложений по поддержке бизнеса предложили руководству страны С. Алексашенко, Е. Гонтмахер, В. Иноземцев, А. Лебедев, А. Попов, В. Рыжков, А. Черепанов, Я. Яковлева⁵.

Уместно и необходимо отметить, что в 2004–2009 годах оригинальные фундаментальные и конструктивные разработки проблемы доверия осуществлены заместителем главного Редактора журнала «Безопасность Евразии», доктором политических наук Д.М. Данкиным⁶.

Полагаю, что здесь уместно привести размышления известного политолога Николая Васильевича Злобина, директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США, Вашингтон), по поводу доверия и ответственности в России и США за судьбы мира в 2009 году, в последующие годы. «Складывающийся миропорядок противоречив, – пишет он в своей книге «Второй новый миропорядок». – США и России будет непросто защищать в нем свои интересы, тем более что они по-разному оценивают опасность иранской ядерной программы и ядерного терроризма, у них нет согласия по политике в Евразии, энергетической безопасности, роли НАТО и т. д. Имеются разногласия и по вопросам демократии и прав человека, свободы слова и развития гражданского общества в России. Все это требует честного, пусть и болезненного, обсуждения, а оно невозможно без восстановления доверия между странами, их элитами и обществами. Как этого добиться – главный вопрос. Сегодня создалось своеобразное "окно возможностей" для быстрого качественного прорыва в отношениях. Оно может неожиданно закрыться, а повторится такой шанс еще не скоро»⁷.

Дополню этот тезис Николая Злобина его суждением, представленным на страницах газеты «Комсомольская правда» в интервью по поводу представ-

¹ Оглавления всех трёх томов представлены: Вячеслав Кузнецов. Доверие, честность и справедливость в глобальной Повестке Дня на 2009 год, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма. Научный доклад. Для обсуждения. М.: 2009. С. 45–54.

² Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 года. М.: 2009; Немцов Б., Милов В. Путин и кризис // Независимая газета, 2009, 20 марта. С. 4.

³ Зюганов Г. Главный ответ – впереди // Правда, 2009, 20–23 марта. С. 1, 2.

⁴ Разрушение армии – предательство России. Митинг офицерских организаций в Москве // Правда, 2009, 14–15 апреля. С. 2.

⁵ Платформа–2009 // Время новостей, 2009, 9 апреля.

⁶ Данкин Д.М. Кризис доверия: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1; Данкин Д. Кризис и доверие: русская версия // Безопасность Евразии. 2009. № 4; Данкин Д. Мотивация и модели доверия // Безопасность Евразии. 2007. № 1; Данкин Д. Опорный элемент архитектуры мира. О роли доверия в модели будущего миропорядка // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

⁷ Злобин Н.В. Второй новый миропорядок: Геополитические головоломки. М.: 2009. С. 315.

ления им 27 мая 2009 года своей книги «Второй новый миропорядок» в России. «– Сегодня влияние будет у тех стран, которые создадут более привлекательные модели внутреннего развития, – констатирует Н.В. Злобин. – Окончание "холодной войны" никому не принесло пользы. Ни победителям, ни проигравшим. Мы живем в мире лунатиков, которые занимаются экспромтом. Никто не создал привлекательной модели развития. Любое государство, которое создаст эффективную модель, станет гораздо влиятельнее, чем даже Америка»¹.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПРЕЗИДЕНТА ЗА НАС ВСЕХ, ЗА РОССИЮ, ЗА ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Первые месяцы 2009 года обозначили, по-моему, значительное продвижение к социальной и гуманитарной справедливости в России через доверие и честность, через правду.

Моя позиция: очень важно увидеть, понять, разобраться самому в деталях, в сути, смысле позитивных изменений участия властных структур всех уровней, правительства, Президента России в осуществлении справедливости и ответственности за каждого из нас, за народ, за Россию, за глобальный мир и безопасность.

Я могу подтвердить наличие устойчивой положительной тенденции значительного улучшения и эффективности участия власти в жизни общества. Это и первый отчёт Правительства РФ в Государственной Думе (2009 год), это и телевизионные передачи, и многое другое.

Подтверждением этой тенденции может служить статья о Владимире Путине «Русская миссия: справедливость», подготовленная Андреем Исаевым².

Любопытно, что статья на основе беседы Ильи Медового с руководителем фракции «Справедливая Россия» Николаем Левичевым называется «Сила нашей партии в доверии»³.

20 февраля 2009 года впервые был отмечен Всемирный день социальной справедливости. Именно в этот день Сергей Миронов, Николай Левичев, Оксана Дмитриева разработали и представили «Хартию социальной солидарности».

В документе впервые был детализирован гуманитарный регламент по обеспечению обязательств всех структур власти, профсоюзов, неправительственных организации, бизнеса и политических партий перед народом и государством в условиях экономического кризиса⁴.

Интересные и доказательные факты об отношении граждан России к современным социальным, административным реформам; об ответственности власти, Президента России и её правительства за состоявшиеся перемены были представлены на «круглом столе» по материалам исследования «Мнения о настоящем положении России, представления о её историческом прошлом и бу-

¹ *Вандышева О.* Китай не станет лидером. А Россия может попробовать // Комсомольская правда, 2009, 27 мая. С. 7.

² *Исаев А.* Русская миссия: справедливость // Известия, 2009, 16.02. С. 5.

³ *Медовой И.* Николай Левичев: «Сила нашей партии в доверии людей» // Трибуна, 2009, 26 февраля – 4 марта. С. 4.

⁴ *Ермолаев В.* Хартия социальной солидарности // Трибуна, 2009, 28 февраля – 4 марта. С. 4.

дущем в массовом сознании россиян». (Российская выборка: опрошено 2002 человека от 18 до 29 лет в 24 субъектах Российской Федерации)¹.

Отмечу важный аспект из выступления директора Социологического центра, доктора философских наук, профессора В.Э. Бойкова.

По его мнению итоги исследований обозначили тревожную тенденцию: «обесценен труд огромной массы людей»², «более 70% оценивают нынешние различия в уровне доходов и в социальном положении россиян как не обоснованные и не справедливые»³.

**СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ЛОКАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ;
ГЛОБАЛЬНУЮ ЯДЕРНУЮ ВОЙНУ МОЖНО И НУЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ – ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС
ЭТО МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ**

В канун 64-летия Великой Победы Советского Народа над фашизмом важно и необходимо определить пути и способы продвижения Смысла Великой Победы как конкретного, понятного и одобряемого гражданами движения России к достойной, благополучной и безопасной жизни для всех.

*Первый шаг в этом направлении – формирование социологии Победы и предварительных подходов к рассмотрению миссии российской социологии в общем деле возрождения нашей страны*⁴.

Второй шаг – это изучение социологического смысла Победы для XXI в., которое можно назвать Общенациональной целью России в деле достижения безопасности и благополучия человека. Такая постановка вопроса о смысле жизни, о смысле побед и поражений обусловила новую научную проблему – новую интерпретацию Миссии Российской Социологии в XXI веке⁵.

Мы достигли многих позитивных результатов к 64-летию Великой Победы Советского Народа над фашизмом. О них мечтали наши деды, прадеды, наши бабушки и прабабушки, завоевавшие эту Победу. Но многое в российской реальности апреля и мая 2009 г. их бы огорчило, а за эти реальности сегодня отвечаем мы: все вместе и каждый по отдельности.

Суть реальности: в стране около двух миллионов беспризорных детей, которые эксплуатируются организованной преступностью и терроризмом. Такого не было в годы войны и в трудные первые послевоенные годы.

В России, через 64 года после Победы в страшной, разрушительной войне сотни тысяч обиженных, брошенных обществом и униженных пожилых людей: инвалидов, пенсионеров, очень бедных ещё работающих людей. Для многих из них монетизация льгот, стремительный рост оплаты жилищно-коммунальных услуг, от-

¹ Исследование осуществлено Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в режиме мониторинга (1990, 2001, 2002, 2007 гг.).

«Круглый стол» проведён: Социологическим центром РАГС, кафедрой социологии РАГС, журналом «Социология власти» (РАГС) совместно с журналом «Социологические исследования».

² Афанасьева А.И., Лиханова А.Б. *Метаморфозы массового сознания россиян («круглый стол») // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 25.*

³ Там же.

⁴ Кузнецов В. *Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. № 2.*

⁵ Кузнецов В. *Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке // Безопасность Евразии. 2004. № 3.*

существование постоянного уважения и заботы со стороны общества и государства трансформировалось в деформацию и утрату смысла жизни.

Шестьдесят восемь лет назад, в 1941 году, народы СССР были разными: имели разные культуры, традиции, поклонялись разным богам. Был страх перед властью. Многие семьи потеряли отцов, матерей, детей, которые стали жертвами репрессий. Но в трудные дни начала фашистской агрессии разные люди, разные народы объединились и духовно, и организационно, чтобы победить, чтобы после 1945 г. восстановить страну.

Сегодня против каждого гражданина, против каждой семьи в России идёт объявленная война на всей территории страны: агрессоры – многоликая коррупция, организованная преступность и международный терроризм.

Особенностью ситуации является состояние информационной, культурной, идеологической среды, создаваемой СМИ, в том числе и государственными. В ноябре 2004 г. учёные Петербургского университета осуществили анализ (просмотр) тех программ, которые были представлены в эфире главным городским телеканалом для всех телезрителей. Людмила Вербицкая, ректор университета, так прокомментировала итоги исследования. «Никого не шокирует, – констатировала она, – что за один день нам показывают 160 драк, 202 убийства, 10 половых актов, 66 распитий спиртных напитков, 32 негативные новости. 39 раз звучит неприличная брань, но она стала нормой жизни»¹.

Понятен поэтому ответ известной актрисы Чулпан Хаматовой на заданный ей «Российской газетой» вопрос о том, как она защищает своих двух дочек от окружающего нас буквально повсюду негатива, развращающего и душу, и вкус.

«Во-первых, я не даю им смотреть телевизор, – сказала Чулпан Хаматова. – Надеюсь, что до пяти лет они не узнают, что это такое. Также все, что связано с компьютерными играми, появится в доме еще очень и очень не скоро. Сначала я хочу, чтобы они полюбили читать, смотреть определенные мультфильмы (которые проходят мой жесткий контроль). Я и куклы стремлюсь покупать им с позитивным выражением лица. Также стараюсь их учить быть добрыми и щедрыми на улице, несмотря ни на что»².

Очень важно интерпретировать новую ситуацию внутри нашей страны, которая обусловлена реальными переменами в отношениях между людьми в российском обществе, между народом и властью.

Пояснением могут стать отдельные итоги социологического исследования, осуществлённого Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН в начале 2005 г. и посвящённого 20-летию итогов перестройки (см. графики 1, 2, табл. 1).

Известно, что после того, как уроки «извлечены», их надо, изучать, создавать такие программы деятельности, чтобы добиваться поставленных целей с минимальными потерями.

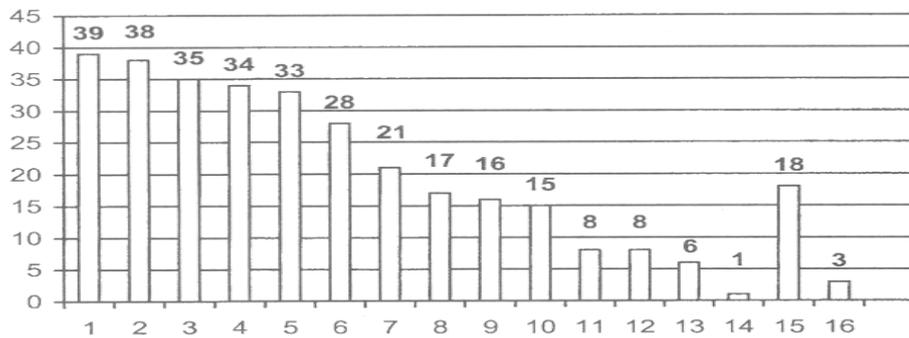
И здесь, возможно, начало Миссии российской социологии.

¹ Приведено по: Шергина Н. Под властью рейтинга // Российская газета, 2004, 27 декабря. С. 5.

² Приведено по: Головки О. Чулпан Хаматова: «Не боюсь быть некрасивой» // Российская газета, 2005, 25 марта. С. 17.

График 1

Что можно считать достижением России (СССР) за 1985–2005 гг.
(в % от числа опрошенных)

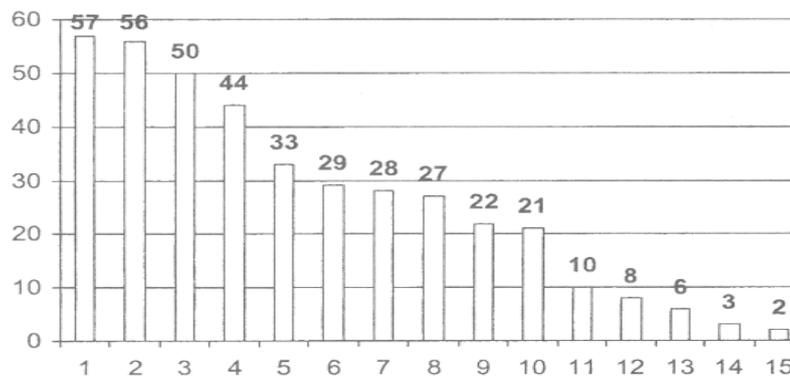

1. Свободный выезд за рубеж.
2. Свобода слова и мысли.
3. Прекращение гонений за веру, усиление роли Церкви в обществе.
4. Возможность заниматься предпринимательской деятельностью.
5. Развитие частной собственности.
6. Возможность больше зарабатывать.
7. Окончание «холодной войны» и избавление от угрозы ядерной катастрофы.
8. Начало сближения уровня жизни советских людей с уровнем жизни в развитых странах.
9. Начало многопартийности, выборности органов власти.
10. Большие возможности для самовыражения и личной карьеры.
11. Отказ от дорогостоящих военно-технических программ.
12. Рост авторитета страны на международной арене.
13. Национальное возрождение народов страны.
14. Другое.
15. Не видят никаких достижений.
16. Затруднились ответить.

Источник: «Родная газета», 2005, 18–25 марта, № 10. С. 8.

График 2

Что можно отнести к главным потерям России (СССР) за 1985–2005 гг.
(в % от числа опрошенных)

1. Утрата стабильности.
2. Падение морали.
3. Утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне.
4. Ослабление порядка в стране.
5. Нарастание межнациональных конфликтов.
6. Ослабление обороноспособности страны.
7. Ослабление управляемости страной.
8. Замедление темпов экономического роста.
9. Снижение влияния России в мире.
10. Отход от идеи социализма.
11. Начало распространения в России западных стандартов образа жизни.
12. Ослабление и разрушение КПСС.
13. Усиление дефицита продуктов и товаров.
14. Не видят никаких потерь.
15. Затруднились ответить.

Источник: «Родная газета», 2005, 18–25 марта, № 10. С. 8.

Таблица 1

**Главные уроки, которые, по мнению россиян, должны извлечь Россия,
её лидеры из опыта и практики перестройки в России (СССР)
за 1985–2005 гг.**

(в % от числа опрошенных)

Уроки	%
России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран	59,0
России нужна твердая и сильная власть	41,0
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	39,0
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	34,0
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин	26,0
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	17,0
Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем	12,0
Не надо «изобретать велосипед»: западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	8,0
В России любые реформы обречены на неудачу	6,0
Другое	1,0

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до четырёх ответов.

Источник: «Родная газета», 2005, 18–25 марта, № 10. С. 8, 9.

Летом 2007 года редакция газеты «Комсомольская правда» (тираж 725429 экземпляров) задала опытным и уважаемым как в России, так и во многих зарубежных странах экспертам (Александру Владимирову, генерал-майору, вице-президенту Коллегии военных экспертов России; Виктору Есину, генерал-полковнику, первому вице-президенту Российской академии проблем безопасности, обороны и правопорядка; Леониду Ивашову, генерал-полковнику, президенту академии геополитических проблем; Александру Шаравину, директору Института политического и военного анализа), вопрос: «Возможно ли военное столкновение между США и Россией?»

Итоги дискуссии с их участием были опубликованы в газете 17 июля 2007 г. В. Есин, А. Шаравин представили обоснованную позицию о весьма слабой, «ничтожно малой» вероятности войны между Россией и США. Л. Ивашов считает, что «война США против России возможна». Я более полно приведу позицию А. Владимирова и её обоснование, так как она представляется весьма близкой к озабоченностям по поводу глобальной ядерной войны (катастрофы), которые прозвучали в Люксембурге (24–25 мая 2007 года). «Война между Россией и США возможна уже в ближайшие 10–15 лет, – убеждён А. Владимиров. – И инициатором её, и прямым агрессором будут США. Основные причины войны – борьба за монопольное владение ресурсами России и недопущение к ним Китая. А цели такой войны очевидны уже сейчас. Это устранение самого мощного геополитического соперника, обладающего возможностью за 30 минут стереть США с лица земли. Это обеспечение беспрепятственного доступа США к ресурсам Сибири и Российского Дальнего Востока. Это устрашение остального мира и Китая военной победой и мощью технологий и оружия... Эта война неизбежно перерастёт в ядерную. Независимо от того, какие средства будут применяться в её начале... Какими бы ни были сценарии возможной российско-американской войны, итог будет только один – наша полная победа! Эта война будет безусловным пре-

ступлением против человечества и закончится неминуемым национальным крахом Североамериканских штатов»¹.

Самое предварительное сопоставление содержания и структуры новой архитектуры мироустройства XXI века (Проект России) позволяет предложить читателям пять тезисов.

1. Именно в многообразии практик по сохранению жизни оформилось новое качество дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» как необходимость сохранения традиций предотвращения противоречий и войн, как потребность в новых гуманитарных инновациях, ориентированных на приемлемое для всех сторон разрешение антагонистических противоречий.

2. Оформленность в 2009 году двух существенно разных проектов мироустройства обусловила «обнажённость» главного глобального движущего противоречия как главного антагонистического противоречия культуры жизни и культуры смерти.

Несколько лет тому назад Чингиз Айтматов, размышляя об особенностях первого десятилетия XXI века, констатировал: наступают жестокие времена.

«Самоуничтожение – таков диагноз» считает Джульетто Кьеза, подводя в послесловии книги итоги своих размышлений о возможном мироустройстве XXI века. «Без реформы международных институтов, которая позволила бы мирным путём прийти к общим решениям, – полагает он, – без своевременных обдуманных и согласованных решений очень скоро может наступить цейтнот, во время которого восторжествует склонность к использованию силы, к удару мечом как к единственному и неизбежному средству, способному разрубить узел. Самые сильные попытаются забрать себе то, что осталось. Неужели для безумных войн нас хотят мобилизовать? Однако это не будет банальным повторением войн в Косове, Афганистане, Ираке. Все они были мотивированы различными, но одинаково лживыми способами. Мы в них участвовали и продолжаем участвовать. Но теперь окажется, что это были всего лишь скромные подготовительные манёвры. Во всё более лихорадочном переделе основных ресурсов уже участвуют такие протагонисты, как Китай, неколонизируемые страны, обладающие силой и способностью к сопротивлению, к защите своих интересов, к принятию автономных решений, не зависящих от Империи. Поэтому *не случайно учёные, следящие за ядерным риском, вновь начали пристальное наблюдение за стрелками «атомных» часов, которые обратным отсчётом указывают время и вероятность, отделяющие нас от столкновения, в котором это оружие будет использовано*»² (Выделено мною. – В.К.).

3. Всё более значимой для всего многообразия практик компромиссного становится проблема Понимания. Речь идёт не только о том круге специалистов, которые готовят компромиссы, осуществляют их, а потом оценивают результаты. Речь идёт о всё расширяющемся круге граждан, которые стремятся понять *смысл ситуации*, когда компромисс необходим и возможен; *содержание позиции* каждой стороны компромисса; *смысл, содержание, структуру и ценность* как *своих уступок* другой стороне компромисса, так и *значительность, актуальность и ценность уступок*, которые предлагает другая сторона компромисса; *процедуру и условия «течения»* компромисса, свою роль в этом процессе; *значимость и плодотворность результатов* компромисса, как для своей стороны компромисса, так и для другой стороны (других сторон) компромисса.

¹ Приведено по: Комсомольская правда, 2007, 17 июля. С. 14–15.

² Кьеза Дж. Война империй: Восток – Запад: Раздел сфер влияния. М.: 2006. С. 317–318.

По существу, в практиках осуществления компромиссного возрастает роль фактора Понимания. Сложность этой тенденции связана с общим планетарным процессом «осреднения, упрощения, примитивизации» по мнению великого русского социолога и философа, логика и писателя Александра Александровича Зиновьева¹.

В своём завещании всем нам, книге «Фактор понимания», А.А. Зиновьев социологически, логически, философски обосновал значительность и важность сохранения и повышения именно образовательного уровня для миллионов людей с тем, чтобы через практики компромиссов преодолевать реально идущие процессы упрощения познания².

4. Именно необходимый и достаточный уровень понимания функционирования компромиссного обуславливает формирование, сохранение и позитивную трансформацию в осуществлении чувства Меры. Для компромисса понимание и осуществление феноменов «Мера», «Чувство меры» имеет исключительное значение для всех стадий восприятия дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» в ходе Глобальной Игры народов мира с мировым истощением.

Это «касается» и оценки ситуации, требующей компромиссности к её разрешению; к уступкам; к процедуре; к результатам компромисса.

Особенно значительна необходимость «чувства меры» на «границах» компромиссного, когда «переизбыток» компромиссности ведёт к конформизму, к бездеятельности; когда «слабость» компромисса превращает его в некомпромисс, в некомпромиссное.

5. Понимание природы практик компромиссного, его качественной определённости; понимание источников динамики компромиссного и его сущностных характеристик; понимание исключительной роли дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» и дуальной позиции «компромиссность – справедливость» в становлении новых моделей мироустройства XXI века объективно и субъективно «складывает» убедительные основания для развёртывания борьбы за мир и безопасность в XXI веке.

Интересная подробность.

Весной 2009 года в редакции «Комсомольской правды» прошёл «Круглый стол», в ходе которого известные эксперты представили свои соображения о предотвращении агрессивных нападений террористов.

Поучительно суждение Леонида Ивашова, президента Академии геополитических проблем.

«Наиболее эффективное сотрудничество в борьбе с этим злом, – пояснил Л. Ивашов, – у нас осуществлялось совместно с мусульманскими странами: Йемен, Сирия, Египет, Иран... Если говорить о сотрудничестве с НАТО, пока я не знаю ни одного примера, ни одного совместно задержанного террориста или взятого совместно килограмма наркотиков.

Регулярные теракты на Северном Кавказе раскалывают единство не только кавказских народов России, но и сами народы. Одновременно формируют негативный образ России как государства, не способного защитить своих граждан.

¹ *Большаков В.* Фактор понимания // Парламентская газета, 2007, 18 мая. С. 29.

² *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: 2006.

Терроризм это глобально-системное средство геополитической борьбы, подчиненной идее мирового господства и управляемой из единого центра, разнесенного через командные пункты, штабы по всем регионам планеты. Меня всегда спрашивают: а где же этот штаб? Я советую внимательно присмотреться к Лондону. Террористы находят поддержку в западных демократиях и в либеральной среде. Мировым прибежищем террористов всех мастей сегодня проявляет себя Британия. Лондону очень удобно влиять на многие другие страны, манипулируя изнутри террористическими сообществами»¹.

Таким образом, главным гуманитарным смыслом для Российской Повестки Дня на 2009 год, для Глобальной Повестки Дня, посвященных Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма становится ожидаемое всеми народами мира новое созидательное качество Глобальной Игры.

Народы России вместе со всеми народами мира в сложных событиях кризисных перемен 2008–2009 годов создали и предлагают всему миру как главный игрок, субъект Глобальной Игры – Глобальный Проект сохранения и упрочения честности, доверия и справедливости на основе новой методологии, концепции, технологии, процессуальности и практики глобальной, созидающей модели культуры развития каждого человека, всех народов мира, всех стран в XXI веке.

Стратегия культуры развития России, культуры развития всего мира в XXI веке через культуру развития духовной сферы становится основанием нового гуманизма, новой модели миропорядка, новой модели мироустройства.

* * *

Сегодня это принципиально новый, глобального значения вопрос для всех нас.

Нам в считанные дни, месяцы и годы надо понять, оформить и обеспечить общероссийское и мировое (глобальное) согласие по основным аспектам культуры развития.

Компромисс, согласие, консенсус из гуманитарной инновации через гуманитарное воспитание становится главным и единственным способом выживания и достойного экологически безопасного развития в контексте стремительного нарастания изменения климата, тревожных изменений среды жизнеобеспечения всех людей и всех народов.

Именно честность, доверие и справедливость уже стали главными индикаторами движения к культуре развития.

Мы не можем больше позволить ни российским структурам правящего истеблишмента, ни международным семьям и сообществам управленцев осуществлять очередной этап концепции развития через потребление и сверхпотребление.

Честность, личная порядочность – вот надёжная и стремительная дорога к глобальному действительно международному компромиссу, согласию народов для действий по спасению и людей, и среды обитания, и культуры и Смысла Великой Победы в 1945 году всех стран и народов над фашизмом.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

¹ Овчинников А. Штаб мирового терроризма ищите в Лондоне // Комсомольская правда, 2009, 13 апреля. С. 5.

Р.Г. ЯНОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ КАК ОСНОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОЙ ДИНАМИКИ ГУМАНИТАРНЫХ ПЕРЕМЕН

Август–сентябрь 2008 года. Россия переживает сложный переходный период – от уходящей в прошлое индустриальной эпохи с её тоталитаризмом, потребительским капитализмом и уравнительным социализмом к наступающей эпохе постиндустриального информационного общества.

Страна вырабатывает мировоззренческую основу своего устойчивого общественного развития, безопасности страны. Сегодня нет задачи важнее, чем остановить сползание страны к глобальной катастрофе, возродить, восстановить и защитить Отечество. Отсутствие основополагающих мировоззренческих принципов лишает людей и политику уверенной и надёжной перспективы. Человек становится заложником непредсказуемого, теряется вера в завтрашний день, мир становится чужим и опасным для жизни.

Проблема социальной безопасности в последние пять лет стала предметом интенсивных исследований в связи, прежде всего, с серьёзными кризисными процессами в российском обществе.

Негативные процессы (коррупция, организованная преступность, терроризм) в стране достигли сегодня такого уровня, что стали представлять угрозу её безопасности.

Проблема безопасности носит системный комплексный, многофакторный характер и может быть понята и осуществлена только в широком контексте анализа и принятия мер по всему комплексу общественных вызовов на государственном, личностном и планетарном уровне.

В настоящее время резко возрастает удельный вес невоенных аспектов безопасности. Актуальность такого подхода к объективному, всестороннему, правдивому анализу состояния социальной безопасности России реально сложилась и проявилась в 2007–2008 годах.

В современных условиях становится всё более ясным, что проблема утверждения гражданского общества, укрепления патриотизма, братства, дружбы людей, их согласия является главным в развитии духовных сил гражданского общества. Однако эти живые источники ещё прочно зажаты управленческой некомпетентностью, бюрократизмом, низким уровнем социально-политической активности. Противоречия между огромным патриотическим потенциалом российского общества, ресурсным богатством и современным уровнем их использования не только не преодолены, но и продолжают усиливаться, принимая опасные размеры.

Между тем сама категория патриотизма является важной в теории методологии познания и раскрытия духовных сил общества, его внутренних источников, является слабо исследованной и опошленной апологетами старого мира.

Человечеству сегодня нужно глобальное ёмкое мышление для осознания своей личной ответственности за окружающий его мир природы и мир других людей. Необходимо учиться гармонизировать свои отношения с природой и обществом. Важно понимать, что цивилизация в современных условиях выступает, как органическое единство природы, человека и общества. Человечество, несмотря на государственные, национальные, культурные, религиозные различия, едино. Поэтому *нужна общая, единая концепция общественного устройства для спасения и развития природы, человека, его культуры, духовной жизни. Именно философия, наука, образование в целом планетарный патриотизм населения планеты приводит к пониманию этих задач, этих целей. Они учат пониманию того, что без свободы, совести, духа справедливости, солидарности и равенства шансов защиты прав и свобод человека, демократии и гражданина нет полноценного человеческого общества, нет человека в подлинном, высоком смысле этого слова.*

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИЙ МИРОУСТРОЙСТВА

110 лет назад Россия предложила всему миру конструктивную гуманитарную динамику для конкретных решений в сфере сложнейших и деликатнейших проблем мира и войны.

Полагаю, что руководство России, миллионы граждан нашей страны в повседневной деятельности для сохранения мира и безопасности после 8 августа 2008 года достойно и творчески продлили вековые созидательные традиции мироустройства, созданные народами России и её национальными элитами.

Вот как это было изначально.

12 августа 1898 года. В этот день министр иностранных дел России граф Муравьев отправил всем странам мира циркулярную ноту с предложением собраться через год (в 1899 году) на первую международную мирную конференцию. Целью встречи в ноте были определены поиски регламентирования различных вопросов, касающихся права войны и нейтралитета; поиски способов мирного разрешения международных столкновений. Российское правительство предложило мировому сообществу упреждающую интеллектуальную инициативу, направленную на изыскание «путем международного обсуждения наиболее действенных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений. Таков ныне высший долг, – подчеркнуто в ноте, – для всех государств».

В 1999 году было отмечено столетие первой Конференции мира, созданной по инициативе России в Гааге в 1899 году (18 мая – 29 июля). Этот форум и последовавшая за ним в 1907 году вторая Конференция мира стали важнейшими вехами в жизни мирового сообщества, в утверждении начал международной законности. Принятые на них конвенции, декларации и другие решения дали мощный импульс созданию системы мирного урегулирования споров, гуманизации военной сферы, поставили в практическую плоскость проблему ограничения вооружений и разоружения.

Гаагские конференции, хотя и не смогли предотвратить пожар двух мировых войн, всё же стали великим начинанием, определившим главный вектор развития международной жизни в XX столетии – стремление к миру, утверждение основ человеколюбия и справедливости.

Сегодня, в 2008 году, человечество не вправе упустить открывшуюся перспективу укрепления международного мира, утверждения принципов права, которые в условиях нынешнего многополярного мироустройства должны лечь в основу нового глобального равновесия. Чтобы воплотить эту извечную мечту в реальность, необходимы энергичные шаги.

110 лет, особенно в рамках динамичного XXI века, – огромная историческая дистанция. Вместе с тем, листая сегодня старые документы, относящиеся к гаагским конференциям 1899 и 1907 годов, не перестаёшь удивляться, что уже тогда были заложены не подлежащие девальвации ценности. О связи эпох красноречиво говорится в ноте российского Министерства иностранных дел от 12 августа 1898 года о созыве первой гаагской Конференции мира: «...Конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренне стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспевание народов».

Сколько актуальны эти слова для всех нас и сейчас!

Однако особо актуальна практическая линия реальных действий и поступков различных стран. Тогда 110 лет назад, по приглашению России в мирной конференции приняли участие такие страны: Австро-Венгрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Иран, Испания, Италия, Китай, Люксембург, Мексика, Нидерланды, единая делегация от Норвегии и Швеции, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Сиама, США, Турция, Франция, Швейцария, Черногория, Япония. Таким образом, здесь были основательно представлены Восток и Запад.

Глобальное геополитическое, экономическое, социокультурное взаимодействие в начале XXI века характеризуется (к сожалению) силовой доминантой. Это выражается в том, что экономически пока господствующая западная цивилизация во главе с США стремится подчинить и унифицировать по своему образу и подобию и в своих интересах весь мир. Тем не менее, есть и стремление государств, народов, цивилизаций к многополюсному равноправному миру. Именно эту линию общественного развития наиболее точно выразила Индира Ганди в формуле: «От зависимости через независимость к осознанной взаимозависимости». В этих условиях, как представляется, в развитии России, Бразилии, Китая и Индии можно найти много схожих моментов. Они являются самыми крупными государствами, имеют богатую многовековую историю и культуру, свои национальные традиции. Страны и народы Востока проходят путь цивилизационной самоидентификации в продолжающемся меняться многополюсном мире. Они ищут и находят в нём достойное место, защищая свои национальные интересы.

Ровно 110 лет назад в Гааге по инициативе России была созвана первая гаагская Конференция мира. 18 мая 1999 года в Гааге начала свою работу третья конференция. Она проходила в два этапа – первый состоялся в Гааге, а продолжился форум в Санкт-Петербурге с 22 по 25 июня того же года. Этот факт указывает на уважительное отношение мирового сообщества к вкладу России в дело развития международного права.

Основы современного международного права в сфере урегулирования военных конфликтов заложили первая и вторая Конференции мира 1899 и 1907 годов. Сейчас, в трудное время перелома тысячелетий, проблемы войны и мира актуальны как никогда и снова одним из инициаторов мирного диалога становится Россия.

Как же проходило становление этой традиции?

В циркуляре русского правительства от 12 августа 1898 года, обращённом к дипкорпусу, аккредитованному в Петербурге, были намечены две основные цели будущей конференции: «Во-первых, путем взаимного и миролюбивого обсуждения международных споров и условий ограничения вооружений предупредить войну и, во-вторых, посредством обмена мнениями выяснить те условия, при которых возникшая война могла бы быть поставлена в самые узкие рамки с точки зрения гуманности и общей пользы народов».

Предложения правительства по вопросу разоружения были скептически встречены печатью и учёными-международниками. В письме замечательного русского международного Фёдора Мартенса к Д.А. Милютину, военному министру России с 1861 по 1881 год, от 24 августа 1898 года говорится «В настоящее время ... Россия опять вступила на путь гуманных реформ в области международных отношений, предлагая разоружение европейским державам. Я был бы несказанно рад, если б это гуманнейшее дело удалось – что весьма сомнительно». Мартенс внёс поправки к русскому проекту программы конференции, основное содержание которых сводилось к переносу акцентов с проблемы разоружения к проблеме мирного решения конфликтов, что и было принято. Первая Конференция мира, повторим, начала работу 6 (18) мая 1899 года. В ней приняли участие 109 делегатов от 26 государств мира. В русскую делегацию входили Мартенс, К.М. Базили и русский посол в Лондоне Г.Г. Стааль (избранный председателем конференции). Во вступительной речи Стааль призвал к изысканию путей и средств предупреждения международных столкновений. «Мы стремимся, в особенности, – говорилось в речи, – к обобщению и кодификации существующей практики третейского суда, посредничества и добрых услуг... Цель наших усилий: предупреждение путем миролюбивых средств вооруженных конфликтов». По предложению Стааля были учреждены три комиссии. Фёдор Мартенс возглавил работу II комиссии, занимавшейся пересмотром Брюссельской декларации 1874 года о законах и обычаях сухопутной войны. Вопросами мирных средств разрешения международных споров занималась III комиссия, возглавляемая первым французским уполномоченным Л. Буржуа. Итогом её работы явилась Конвенция о мирном решении международных столкновений. В основу конвенции был положен русский проект, представлявший собой своеобразный кодекс международного арбитражного судопроизводства. Предлагалось учреждение следственных комиссий для предупреждения развития возникшего международного столкновения. Огромную роль в разработке и принятии этих положений сыграл Мартенс, признанный специалист по вопросам международного третейского суда, участвовавший в разрешении знаменитых споров Англии и Франции о правах рыбной ловли (1891 г.), Англии и Нидерландов – об аресте английского китобойного судна «Коста-Рика Пэкет» (1895–1897 гг.), Англии и США – по поводу границ Венесуэлы (1899 г.) и др. Гаагские конвенции, в которые вложено немало труда и таланта Мартенса, действуют по настоящее время, их положения послужили образцом при разработке международных актов о следственных комиссиях. Только в период с 1919 по 1940 год было заключено свыше 200 договоров о следственной процедуре. Следственные комиссии под названием «обследование» закреплены в системе мирных средств в п. 1 ст. 33 Устава ООН 1945 года. На основе следственных комиссий возникли также и современные согласительные комиссии, предусмотренные ст. 85 Венской конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (1975 г.), и институт пограничных представителей.

Положениями гаагских конвенций 1899 и 1907 годов по сей день регулируется и процедура третейского разбирательства – юридически обоснованное и целесообразное средство мирного разрешения споров. Постоянная палата третейского суда с 1902 по 1996 год рассмотрела более 30 споров; один из последних – о порядке пользования лондонским международным аэропортом Хитроу (1989–1992 гг.).

Русские юристы активно содействовали воплощению прогрессивных положений первой Конференции мира в нормы международного права. Ныне эти нормы составляют ядро главы VI Устава ООН.

Основу нормативных решений Гаагской конференции 1899 года составили положения Брюссельской декларации 1874 года о законах и обычаях войны, почти без изменений одобренной первой гаагской конференцией. Эти положения были впоследствии воспроизведены четвёртой Гаагской конвенцией 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны и действуют в настоящее время. Вероятно, они не потеряют актуальности до тех пор, пока войны не будут навсегда исключены из жизни человечества.

Стодесятилетний юбилей первой гаагской Конференции мира 1899 года – серьёзное испытание правовых положений, одобренных ею. Россия в лице своих выдающихся правоведов содействовала принятию свода документов, которые по праву можно считать достойным памят-

ником правовой мысли конца XIX века. Эти положения были рассмотрены на третьей – «Гаагско-Петербургской» – Конференции в сложных условиях военной нестабильности и пренебрежения к нормам международного права со стороны определённых политических сил. От современных учёных и мирового сообщества в целом зависит, какие нормы права войны и мира войдут в III тысячелетие в качестве основы для дальнейшего развития международного права, а также то, будут ли эти нормы добровольно выполняться всеми странами и международными организациями или останутся «мёртвой буквой» закона.

Убедительно закрепил глобальную интеллектуальную инициативу России, её интеллектуальный потенциал на рубеже XX и XXI веков Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своём выступлении в Гааге по случаю первой международной Конференции мира (Гаага, 18 мая 1999 года).

«Мы собрались сегодня, когда идет война, – сказал Кофи Аннан, – чтобы поразмышлять о цене мира. Мы собрались, чтобы отдать дань уважения провидцам – мужчинам и женщинам, которые хотели сделать XX век более мирным, чем предшествующее столетие. Мы собрались, чтобы воздать должное силе надежды, берущей верх над человеческим опытом.

Но не только надежда, а и страх свели нас сегодня вместе – боязнь рецидива ужасов войны и геноцида этого столетия, ужасов, которые не мог себе представить ни один участник Гаагской конференции 1899 года...

В более широком смысле дух и идеи первой Гаагской конференции подготовили почву для создания самой Организации Объединённых Наций. В Уставе ООН был институционно закреплён правовой режим международного мира и безопасности, который связывает подписавшие Устав государства широким кругом обязательных ограничений в отношении применения силы»¹.

ПАТРИОТИЗМ КАК РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ, КАК ИСТОЧНИК ДИНАМИКИ БЛАГОТВОРНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПЕРЕМЕН

Теперь об интеллекте, об уме и любви к человеку, об ответственности, о патриотизме. Обычно патриотизм понимается как любовь к Родине, где родился человек и продолжает жить и созидать. Оба отмеченные поэтом чувства естественно отражают отношение человека к природе-матери.

Непреходящим началом патриотизма является природа, жизнь, но постепенно человек выходит на тот уровень творца созидания, когда он начинает играть ведущую роль в сотворчестве с жизнью, сохраняя за собой главную роль. В этих условиях усиливается роль образования и воспитания ответственности, где патриотическое воспитание в общественном процессе начинает играть всё возрастающую роль. Человек становится творцом Родины, не только России, но и любой другой страны, где люди настроены патриотично. Возникает вопрос сотворчества народов планеты Земля. Но мы не всегда осознаём реальную опасность для национальной культуры патриотизма и то, откуда она исходит.

Гражданам России, нам всем ещё необходимо осмыслить возможности культуры патриотизма. В сущности, речь идёт о мировоззренческой открытости патриотического сознания, о широте понимания нравственности, духовности, о честной позиции и выборе, который делает в условиях свободы каждый человек, опираясь на жизненный, опыт, культуру знания и практику, философию, право, историю, религию.

Патриотизм в этом случае рассматривается как социокультурное явление общества: комплексная, эмоциональная, рациональная самоидентификация личности, индивидуального «Я» с обществом, совмещение индивидуальной жизненной стратегии с горизонтом и связью общего интереса и возможностей, а также установка за сохранение базовых ценностей, целей, принципов организации общества. Патриотичность предполагает активное творческое начало созидательной деятельности национальной культуры.

В этом плане проблема патриотического воспитания обретает подлинную фундаментальность и всеобщность в новом животворящем смысле, опираясь не только на естественные науки, но и на социальное и широкое гуманитарное знание. Повышение его понятийного статуса дело очень серьёзное, глубокое и широкое. Оно требует больше, чем прежде, знаний, способностей, развития духовного творческого потенциала. В полной мере проблема может быть решена в контексте построения качественно нового понятия – «культура патриотизма».

Однако это не предполагает необходимости отрицания патриотизма, как великого чувства и безграничной любви к Родине и эти процессы, происходящие в обществе, выступают ныне в качестве природно-человеческого основания живого целого. Живая природа, человек и его сознание являются всеобщим основанием для патриотизма и воспитания человека, в их гармоничном общении между собой. Патриотизм это то, что объединяет массу индивидов и народов в единое целое, тесно связывая его с природой, Родиной, планетой, народами.

¹ Аннан Кофи. Проблема вмешательства: Выступление Генерального секретаря Организации Объединённых Наций. Нью-Йорк: 1999. С. 29–30.

В современных условиях вся тяжесть ответственности ложится на человека, общество, Родину, Планету в самом широком общепланетарном смысле. Всё зависит от способностей человека, его социальных качеств, духовных свойств, умения гармонического переустройства мира. А мы, часто не замечая этого, выступаем разрушителями природы, антипатриотами, несмотря на нашу патриотическую риторику совершая бездушные поступки. Наука всегда напоминает о нашей общей макро-Родине – живой голубой планете Земля. А это означает, что перед человечеством стоит многомерная проблема осознанного подхода к понятию любви своей малой и большой Родине, а также выработки понятийного аппарата любви к планете Земля. Человек сейчас настолько силён, что одна грубая ошибка может привести к гибели великой человеческой цивилизации. Нужна гармония развития человека с природой, сочетание её с гармонией человека с самим собой и обществом в целом. Только на этой обоснованной цивилизованной мировоззренческой основе могут быть решены проблемы патриотического воспитания, его нового высокого уровня.

Однако следует заметить, что в эпоху глубокого массового движения народов России, социальных потрясений, устоев и противоречий общественной жизни в обыденном сознании падает интерес и внимание к судьбе и развитию отдельной личности.

В это время даже крупные люди, которые выбывают из рядов общественной жизни, остаются почти незамеченными, между тем выдающаяся, высококвалифицированная личность в реальной действительности всегда представляет глубокий интерес для современников и последующих поколений. Дело в том, что в такой личности аккумулируются глубокие научные и общественно-политические, профессиональные знания, бытовая культура, имеющие всеобщее историческое значение, высокие нравственные принципы и черты, богатый жизненный практический опыт.

В современной жизни всегда важно добиваться того, чтобы в ближайшее обозримое время общественное сознание, вся система воспитания и образования страны понимали важность человеческого «Я», как систему многонационального воспитания и образования в стране.

Мы пережили период взлёта, радости доблести и славы, а также позора, унижения, падения, извлекли богатые уроки из своей собственной истории. У нас изменилось мировоззрение, характер деятельности, понимание жизни. Мы постоянно учимся на ходу, извлекая уроки суровости жизни нашего края. Русь уже не та и характер у нас не тот. Ощущая неразрывную связь со своим многонациональным народом, его разносторонней глубокой культурой, богатством языка, культурой быта, нравов и суровыми условиями северной страны.

На вопрос, какой быть России, можно ответить кратко – демократическим, федеративным, справедливым, социальным государством. Единой братской семьёй представителей 170 народов Великой страны. И в это сложное время испытаний для всех поколений и всех народов, каждая семья, каждый человек может и должен внести свою лепту в общее дело.

В современном научном знании, общественном сознании проблема патриотизма всё более выдвигается на передний план. Общественными науками патриотизм исследуется как важный компонент любой социальной системы, на любом историческом отрезке времени, как элементарный и важный носитель социального качества и свойства личности.

Патриотизм, как явление просматривается в отношении людей к труду, проявляется как свойство и качество субъекта исторического процесса, как предмет воспитания личности. Разные аспекты изучения этого качественного процесса многообразны.

Сама логика развития в XXI веке повышает роль человека, его общественного сознания и патриотизма. С этим фактором сталкивается всё общество, все специалисты: экономисты и инженеры, рабочие и крестьяне, организаторы производства, педагоги, врачи. Все имеют дело с человеческим фактором, где совокупность свойств человека, его социальных, психологических и биологических качеств играет огромную роль в обществе. Поэтому творческий поиск новых подходов к изучению человека, как субъекта исторического процесса приобретает огромное, не менее важное значение, чем само материальное бытие человека. Поэтому создание новых направлений развития науки, междисциплинарные связи между науками о человеке следует расценивать как новый важный подступ к всестороннему наступлению науки на ещё слабые разработки законов человеческого развития, его бытия и мышления, как важнейший момент для успехов познания в этой области.

Патриотизм это широкое понятие любви к Отечеству это постоянное творчество души человека, направленное на созидание; это моральная сила, решительность, это реальные дела, направленные на благо человека, выражающие надёжность жизнестойкость человеческой личности, выраженные в многообразии роли и функции, совокупность которых создаёт цельность человеку; это неразрывность связей личности с народом, его культурой, правами человека и бытом, бережное отношение к природе.

Фундаментальная проблема патриотизма связана с переосмыслением мировоззренческой установки, развития мировых социальных сил. Это целая культурная система общественных, культурно-патриотических отношений, выработанная веками самостоятельной жизнью народов.

Изучение общественной жизни России в последние годы приводит к выводу, что большинство граждан быстро учится понимать и ориентироваться в новых условиях. По многим наблюдениям видно, что в этой жизни, несмотря на нелепости, тяжести и глупости, которые исходят не столько от нищеты народа, но и сверху – от беспомощности и социального невежества власть имущих, многие граждане уже научились проводить границу между справедливым и несправедливым; добром и злом; правдой и ложью; добродетелью и пороком – утверждая гуманизм, моральный идеал.

Настоящий патриотизм не призывает к вражде, войнам, унижению и порабощению народов, а зовёт к ясности понимания жизни и любви к людям, всей планеты в целом, развивает чувство общественного долга, желание делать добро всем народам мира. Это деликатное, нежное, интимное чувство, не крикливое, а совестливое, требующее к себе глубокого уважения и трудолюбия, презирая и преследуя всё плохое, что в нас ещё есть.

Патриотизм – это не только любовь к своей Родине, тоска по детству, родным местам, радостным фрагментам жизни. Здесь осознание, глубокое понимание своей неотъемлемости от родины, желание ей помочь и понять, сопереживание с ней вместе её счастливых и несчастных дней. «Без чувства своей страны – особенной и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера», – так писал К. Паустовский.

Подлинный патриотизм в человеке есть не что иное, как желанное, необходимое чувство честно трудиться на пользу семьи, страны и человечества, защищать их интересы и рубежи. Оно происходит не от чего иного, как от желания повышать благосостояние народов, делать добро людям, сколько можно больше и лучше, во имя блага и могущества всего человечества, каждого человека в отдельности.

Проявления патриотизма и его культуры в такие периоды отмечены высокими благородными порывами, особой жертвенностью и во имя своего народа, своей Родины, что повелевает говорить о патриотизме, как о сложном и ответственном духовном явлении, чувстве долга. Несомненно, что проблема патриотического чувства может быть понята и решена на основе материалистической теории познания, ибо многообразие чувственной деятельности человеческого мозга и творения трудовых рук открывает «чувственный блеск материи» (К. Маркс), чувственное восприятие внешнего мира с его радостями и печалью.

Дело в том, что нельзя практическую, трудовую и общественную деятельность человека понимать односторонне – экономически, прагматически пассивно, а решить её возможно лишь обращаясь к историко-философскому аспекту, практическому отношению к истории развития человечества, диалектико-материалистически понимая теорию общественного развития.

Для того чтобы понять необходимость исследования проблемы развития общественного сознания, в том числе и чувственной его стороны – необходимо знать логику развития общественного производства, науки, истории развития духа, культуры, религии и т. д. как исторические проблемы развития общественного сознания, логику теоретического мышления, мифологию и утопии, о которой писал ещё Ф. Энгельс в статье «Естествознание в мире духа», представляют собой самую насущную проблему современного анализа феномена науки, образования – ибо сегодня всё большее количество людей понимает, что любой анализ природы и человека, логики его мышления и психологии без учёта его историчности, патриотичности и мечты о будущем является неполным и неизбежно приводит к ложным выводам, ложному сознанию. Это понятие впервые было использовано Ф. Энгельсом в письме к Ф. Мерингу в 1893 году.

В настоящее время, когда всё ещё продолжается этап выработки ведущей объединяющей идеи народов России, у большинства отечественных учёных сложилась точка зрения на явление патриотизма как основание российской идеи, призванной служить объединению, управлению и упрочнению всех народов, российского общества, государства, семьи и личности.

Чувственное освоение человеком окружающего мира, природы и общества, высокое чувство к ним, всё более широко и глубоко пронизывает научную сферу этической и эстетической, экологической и духовной оценкой воспринимаемого объективного мира, несмотря на сложность и противоречивость его развития.

Здесь важнейшим аспектом действий становятся логико-понятийные, чувственно-образные подходы, которые становятся основой мировоззрения обеспечивая, тем самым, в конечном счёте, баланс приоритета когнитивного и чувственного в общественном сознании, но это вовсе не означает господства науки над чувственным сознанием. Это взаимодействие до сих пор недостаточно изучено и понято, хотя именно чувственное познание составляет источник и основу рационального. Известно, что обыденное или художественное богаче, конкретнее, красочнее, чем научное.

В условиях XXI века мировоззрение человека качественно меняется. Массовое, бытовое, чувственное сознание ускоряет свой бег. Действительно, обращаясь к новейшей истории человеческого развития и познания, мы видим, что современный этап развития приводит человека к

необходимости восприятия логики становления иного научного мышления и развитой чувственной деятельности, которые вырастают из достижений и опыта обобщений всей «предыстории человечества», решительного отказа от насилия и эксплуатации, включая в себя не только исторические принципы, но и новые человеческие качества. Только при таком подходе может быть раскрыто действительное содержание и непреходящее значение патриотического сознания.

Создаются новые благоприятные условия жизни для человека, меняется сам стиль, глубина его мышления и чувств. Человек вступил в новый период сложного перехода общественных отношений, общественного сознания, процессов, новых норм поведения в новейшей истории. Общество ориентируется на создание объективных условий для достойной жизни и свободного развития человека, на гражданский мир и сотрудничество, преемственность поколений, здоровье, их взаимосвязь.

Однако современное общество, его общественные отношения не лишены серьёзных противоречий, вызовов и угроз XXI века: проблемы войны и мира, гуманитарные и экономические проблемы, опасности международного терроризма. Основная масса населения отлично понимает, что обогащение нынешней финансовой, промышленной, торговой публики произошло за счёт присвоения общественного дохода, накопленного народного имущества, за счёт природно-ресурсного потенциала страны.

Возрастает зависимость человека от господствующей новой эпохи и её психологии, этики и эстетики, её предметной практической деятельности, науки и культуры. Следовательно, природа патриотизма есть продукт развития всей мировой истории, общественного сознания, нравственных и эстетических чувственных норм общения и поведения. Человек как бы заново начинает жить.

В связи с этим уместно привести слова Питирима Сорокина, написанные им при отъезде в иммиграцию в США в 1922 году: «Что бы ни приключилось в будущем, я твердо знаю, что извлек три урока... Жизнь, даже если она трудна, самое прекрасное, чудесное и привлекательное сокровище мира. Следовать долгу столь же прекрасно, ибо жизнь становится счастливой, душа же обретает непоколебимую силу отстаивать идеалы – вот мой второй урок. А третий – насилие, ненависть и несправедливость никогда не смогут сотворить ни умственного, ни нравственного, ни даже материального царствия на земле»¹.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – КОНСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР СОЗДАНИЯ НОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Масштабность опасностей в XXI веке, невероятная изощрённость и неожиданность глобальных угроз осознаётся всё большим количеством людей, трансформируясь в убеждения, что *мир, общественные отношения, личная жизнь нуждаются в защите, требуют разумного риска и смелости в поступках и действиях. Стремление понять истоки этого явления, его природу объединяет усилия людей в борьбе против зла за безопасное и устойчивое развитие и человеческое благополучие.*

В современных условиях перед обществом, наукой и общественной мыслью стоит практическая задача, очень трудная, но уже понятная и близкая народным массам. Познать самого себя, сделать самого себя мерилom общественных отношений, выработать навыки и умения, давать им разумную оценку сообразно своей сущности, устроить мир по-человечески, согласно требованиям природы и своей собственной жизни.

Сама общественная безопасность – это состояние защищённости определённой общности людей, индивидов, групп, рас, сообществ, характеризуемой единством условий жизнедеятельности в своих существенных отношениях и вследствие этого – общностью материальной культуры и духовной жизни. Безопасность предполагает как глобальное понимание, осознание проблемы, так и практические системные действия соответствующих служб безопасности и всех граждан.

Именно здесь мы касаемся фундаментальных вопросов общественной и личной безопасности. Но самое печальное состоит в том, что мы не всегда видим, улавливаем и осознаём реальную опасность и то, откуда она исходит и какое зло приносит. А жизнь, человеческие поступки, государственная внешняя и внутренняя политика – небезобидные явления. Они могут быть хорошими или плохими, законными или незаконными, добрыми или злыми.

Социальная сфера общественной жизни предельно широкая и приоритетная проблематика. Она включает: социальную структуру, совокупность классов, социальных групп, индивидов, социальных институтов. Социальные отношения: материальные и духовные интересы, потребности людей, сохранение жизни, здоровья, уровень благосостояния, развитие личности. Система социализации

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

индивидуов, образование, воспитание, культура, бытовое обслуживание, образ и стиль жизни, защита прав и свобод, достоинства и чести личности – всё это социальная сфера жизнедеятельности.

Будучи включённым в социальную жизнь, в обучение и воспитание, практическую работу и досуг, человек становится носителем социальной жизни, источником её развития в составе социальной группы, семьи, коллектива, общества и государства, к которым он принадлежит. При этом необходимо подчеркнуть, что никакая личность не в состоянии обеспечить свою безопасность в одиночку без функционирования отлаженной и устойчивой общественной и государственной системы безопасности. Даже лозунг: «Человек, помоги себе сам» не выполним без серьёзной общественной и государственной поддержки, защиты гражданских прав населения, повышения уровня и качества его жизни, гарантирующих мир стране и спокойствие в обществе.

Следует подчеркнуть, что геополитическая, региональная, военно-стратегическая, пограничная политика, физическое и духовное здоровье народа, экономическая, экологическая, информационная безопасности, борьба с преступностью находятся на новой во многом первичной стадии теоретической и практической проработки. *Жизненно необходима общая макросоциологическая, интегральная доктрина безопасности XXI века.*

Сомнительно и наивно полагать, что идею безопасности может спонтанно разработать и предложить какой-либо аналитический центр, лаборатория или даже институт, тем более одна выдающаяся личность.

Концепция безопасности вызревает внутри исторического движения народов, она формируется веками в недрах народных масс, государственных образований, включая в себя разнородную и сложную практику, мучительные размышления и поиск выдающихся мыслителей, опирающихся на опыт отечественной и всеобщей истории, на достижения норм права, морали, на Конституционный Закон, на усилия всего населения планеты. Идёт поиск альтернативной, всенародной, ненасильственной системы общественной безопасности.

При этом необходимым условием является чётко сформулированное понятие: «кто мы?» «свободные, граждане», «мы, народ» «каковы пути и место человека в этом мире?» с уже достигнутыми духовными и материальными ценностями, осознанными интересами, доступными для всех законными средствами и действиями. Вне этого всеобщего живого творчества масс, высокой сознательной деятельности и справедливости всякие усилия в сфере безопасности обречены быть ущербными и недостижимыми.

Безопасность – явление системное. Это означает создание обществом и государством необходимых социальных условий и средств для жизнеобеспечения личности, разностороннего развития её социальных качеств и свойств. Только устойчиво развивающееся общество, для которого интересы, творческое развитие и благосостояние личности и семьи являются безусловным приоритетом, способно обеспечить безопасность и устойчивое развитие всех граждан: мужчин и женщин, молодёжи и пожилых людей.

Свобода и безопасность – одновременно состояние и задача, проблема которую нужно решить всем народом, всем миром. На протяжении истории перед нашими взорами прошло, сменилось много защитников и много освободителей. А где же свобода и безопасность личности? Вместо цепей крепостных люди придумали много других».

В конечном счёте, *социальная безопасность – это совокупность всех видов защитных средств социальной жизнедеятельности, обусловленная не только структурой социальной организации общества, особенностями её функционирования, но и экологической и внешнеполитической ситуацией, наличием материальных и интеллектуальных ресурсов гражданского общества.*

Под социальной безопасностью понимается и гарантированное обществом состояние защищённости семьи, больших и малых социальных групп разного уровня системной организованности от ущемления материальных и духовных интересов и прав граждан от тех или иных угрожающих факторов. Безопасность человека – это когда дети здоровы и радостны, болезни не распространяются, межнациональные и многоконфессиональные отношения не выходят из-под контроля, женщину не эксплуатируют и не унижают стариков, а бедняки не голодают, и человеческий дух не подавляют.

Нельзя согласиться и ещё с одним идеологическим вывихом: будто бы необходимо стремиться к социальному неравенству, якобы только оно и движет общество, а идеалы свободы, равенства и справедливости вообще неосуществимы.

Социальная безопасность предполагает наличие объективных и субъективных, внутренних и внешних условий и факторов, обеспечивающих создание, функционирование и защищённость социальной справедливости; нормальную жизнедеятельность личности и общества, и их способность противостоять неблагоприятным внешним и разрушительным внутренним воздействиям и влияниям, сохранять свою целостность и способность к своему воспроизводству, сохранять устойчивость своего разностороннего развития.

Поскольку современная действительность насыщена политическими, экологическими, экономическими и социальными противоречиями и угрозами, чреватаями, опасными для существования социума коллизиями, на систему социального управления, защиты и самоорганизации

ложится большая ответственность за обеспечение социальной безопасности, что достигается наличием государственных и негосударственных структур безопасности, прежде всего, развитой промышленно-экономической базой, мощным сельским хозяйством и высоким интеллектуальным и нравственным потенциалом общества.

Надо прямо сказать, что разработка новых технологий и их внедрение в промышленность, сельское хозяйство и быт – это существенный вклад в интересы национальной безопасности, экономического развития, создание новых рабочих мест и повышение уровня благосостояния общества в целом.

Ослабление любого из составляющих системы социальной безопасности общества, государства и личности повышает степень риска общества в перспективе их развития, поскольку они протекают в конкретно-исторической обстановке, во взаимодействии с другими народами, чьи интересы могут вступить в противоречия и столкновения.

Провалы российских реформ, непрерывные народные волнения и неудовлетворённость всех социальных слоёв населения объясняются, прежде всего, старой отжившей идейной установкой на грубую силу, на игнорирование закона, материальных и духовных интересов граждан, правопорядка и нравственных норм.

Постоянные угрозы непрерывного насилия, бесконтрольность действий властей и сегодня являются сильнодействующим фактором, решающим аргументом в политической жизни. Пока установка государственного сознания и логика действий властей будет ориентироваться на насилие, а последнее находиться в числе приоритетных, наивно рассчитывать на безопасность граждан страны. Ведь личная свобода, тем более свобода личности, справедливость и равенство – полнейшая фикция без гарантии экономических и политических свобод гражданского общества. Закон и право, мораль и этика – необходимые, но ещё недостаточные условия человеческой жизни и безопасности граждан.

Значимость будущего России, как одной из великих держав – в приоритетности труда миллионов, науки, образования, культуры и развития на их базе современных технологий. В нахождении и кропотливом изучении всего, что было положительно заложено в российской и советской системе подготовки кадров в этом направлении и свободном доступе к богатствам мировой науки, образования и культуры.

Разумеется, элита может самостоятельно определить курс реформирования России, но осуществить его на практике можно только опираясь на массовую всестороннюю поддержку большинства населения. В современной России жизнеспособным и эффективно действующим может быть только тот политический режим, который выражает коренные интересы народа и государства.

Сегодня гуманитарная модель системы социальной безопасности приобрела такое значение, какого она не имела за всю свою предшествующую мировую историю. Властные структуры, государственные деятели и оппозиция всё более заявляют о необходимости социальной ориентации экономической политики, о необходимости создания и укоренения современной государственнической объединяющей патриотической идеологии. Понятия «жизненный уровень», «потребности населения», «качество жизни», «развитие и свобода личности», «физическое и духовное здоровье личности» ныне включают в себя не только удовлетворение насущных сугубо материальных потребностей, но и растущие культурные, и духовные, и нравственные запросы.

Рынок любой ценой, изобилие для богатых, превращение страны в базарную толкучку, реформы за счёт народа, а не во имя большинства населения – всё это унижительно и несправедливо для народов, прокладывающих человечеству путь в будущее.

Могучие силы народов против пустых обещаний изобилия. Но гарантированный достаток каждому – непреложный принцип государственного и общественного устройства. Процесс функционирования общества не может быть оцениваем критериями лишь стоимостных отношений рынка, куплей и продажей, исключительно материальным достатком.

Критерии духовности всё более властно заявляют о себе.

* * *

Люди устали от насилия и произвола, мечтают о справедливости, верят, что добро восторжествует, а зло исчезнет из их личной и общественной жизни. Вместе с тем, чем скорее и основательнее они познают и поймут общественные процессы, осознают логику исторических перемен, чем выше поднимется шкала их духовных и нравственных ценностей, тем больше появится возможностей менее болезненного течения событий и перехода страны в стадию устойчивого и безопасного развития.

Необходимо дальнейшее глубокое и критическое осмысление основных направлений развития отечественной и мировой духовности, этапов её развития, её относительной самостоятельности, воссоздания эффективно функционирующей духовно-нравственной атмосферы, где нет места неве-

жеству, насилию и мракобесию. Переходный период требует этого, ибо подлинная демократия, её защищённость держится на духовности, на сознательности, на понимании происходящих процессов.

Проблема безопасности относится к числу основных и доминирующих потребностей гражданина, общества и государства, гораздо более сильной, чем потребность в независимости и самореализации личности.

Там, где присутствует терпимость, доброта, понимание, поддержка, защищённость и отсутствуют насилие, агрессивность, стремление давать идеологические оценки, то есть там, где человек может чувствовать себя в полной безопасности, только тогда у него появляется возможность разобраться с разными низменными мотивами вроде враждебности, ненависти, зависти, деструктивности, зависти, жадности, злобы.

Любой выбор является важным, если мы примем, как должное существование двух типов мышления и действия: защиты человека и необходимости его развития. Оборонительная позиция может быть не менее важным направлением деятельности, чем стремление идти вперёд к общественным изменениям человеческой природы и становлению личности. Это зависит от положения народных масс в обществе, статуса личности, ситуации, в которой находятся общественные отношения людей. Выбор в пользу безопасности является мудрым решением, так как в этом случае люди избегают всевозможных угроз, катастроф, которых они не могут выдержать.

Отдать предпочтение чувству и действиям, ведущим к безопасному положению в обществе, могут только люди и их партии, никто не может это сделать за них самих. Если позитивно-исторический ответ развития станет неотъемлемой частью общественного сознания, то это не может не понравиться народу, гражданам. Если же это ему не понравится, то государственные власти и общество должны согласиться с тем, что в настоящий момент это не отвечает народным интересам, его социальной природе.

Иначе говоря – граждан следует уважать, если речь идёт о процессе развития, сохранения и защиты жизни человеческого рода. Только тогда, когда государственные власти, общество в целом, с уважением относятся к своим гражданам, их терпению, страху, образу жизни, они могут дерзнуть быть смелыми и сильными.

Общество и государство, формирующаяся национальная элита должны понимать и осознавать, что так называемые тормозные, тёмные силы также «нормальны», реально существуют, как и силы развития. Массы могут быть готовы не только идти вперёд, но и уважать тех, кто восстанавливает силы, колеблется, «зализывает раны», преодолевает нужду и бедствия. Следует уважать стремление людей, находящихся в отступлении.

Необходимо взглянуть на ситуацию с безопасной точки зрения для сохранения жизни и даже возможности вернуться к старым основам жизни, чтобы затем вновь и вновь обрести необходимые силы и смелость, отвагу и мужество в борьбе за социальный прогресс. Это значит, что если обществу, государству, гражданину непрерывно приходится выбирать между безопасностью и развитием, то выбор, как правило, делается в пользу безопасности. Интересы безопасности доминируют над интересами развития.

В принципе только гражданин, который чувствует себя в безопасности «осмеливается» развиваться во всех направлениях своей человеческой сущности.

Следовательно, его базовая потребность в безопасности должна быть удовлетворена полностью. Его нельзя «толкать путём насилия вперёд» потому, что неудовлетворённость в потребности безопасности всегда будет «сидеть» в сознании гражданина, непременно требуя удовлетворения. Чем в большей мере удовлетворена потребность в безопасности, тем меньше вероятность возрастания угроз, тем сильнее решает она проблемы проявления смелости и отваги народа.

Когда гражданин чувствует себя безопасно, тогда он осмеливается делать новые шаги вперёд.

Движение вперёд, как правило, происходит медленно и каждый шаг возможен лишь благодаря ощущению безопасности, когда мы вступаем с родного «плацдарма» в неведомое, тогда наша смелость основана на возможности отступления и возможности познания опасности и угрозы.

Стало быть, мы рассматриваем процесс развития, изменения, как бесконечную цепочку ситуаций свободы выбора, в которой человек пребывает каждый момент своей жизни и будучи вынужден непрерывно выбирать между безопасностью и развитием, зависимостью и независимостью, регрессом и прогрессом.

Конечно же, безопасность развития и изменения в обществе имеют плохие и хорошие стороны. В каждом человеке заложено то и другое. Действуют те и другие силы, сознательного и бессознательного. Первые обеспечивают безопасность и защищённость от опасностей, рисков и страхов, обуславливая склонность цепляться за прошлое, тогда человек боится вылезти из привычных связей и общественных отношений. Не хочет рисковать тем, что у него уже есть и чего он уже добился, боится свободы, самостоятельности, независимости, неизвестности.

Другое направление подталкивает человека к постижению целостности, уникальности и развитости, к полной реализации всех его способностей перед лицом внешнего мира и собственных об-

щественных отношений. Основной конфликт между силами самосохранения и устойчивости и силами развития коренится в самых глубинных пластах человеческой истории социальной природы человека. Общество и человек успешно двигаются вперёд, когда преимущества развития и недостатки безопасности перемешивают всё, что составляет недостатки развития и преимущества безопасности.

И всё же существует практически наблюдаемое реальное различие между ликвидацией опасности угроз или отражением нападения и положительным достижением между защитой или борьбой за выживание и стремлением к развитию интересной жизни, её совершенству, радостью непрерывного развития. Точно так же, как деревьям, всему растительному миру и царству животных необходимы солнце, вода, воздух, земля и поступление питательных веществ из окружающей среды, так и все люди от своего социального окружения хотят безопасности, благоприятных материальных и духовных условий развития, товарищества, дружбы, любви и высокого статуса.

Здесь явно есть о чём поразмышлять и подумать и не только поклонникам высокой науки, но и сторонникам административно-начальственного, военно-приказного или рыночно-либерального методов управления защиты и безопасности.

Человечество устроено таким образом, что оно развивается ко всё более полному общественному бытию всего населения планеты, рвётся к тому, что большинство людей называет положительными ценностями: спокойствие, доброта, ответственность, бескорыстие, устойчивое развитие.

В современных условиях мы можем исправить ту общественную несправедливость «предыстории человечества», когда интересы индивида общества и государства необходимо и неизбежно являлись антагонистическими, взаимоисключающими понятиями, а цивилизация рассматривалась, прежде всего, как механизм управления человеческими страстями, как угнетения и насилия над личными интересами основной массы населения.

Новое определение основной функции современной цивилизации и государственных структур, как всемерное поощрение всеобщей самореализации личности сводит на нет тысячелетние аксиомы древности, а даже самые глубокие и необходимые потребности человека сами по себе уже не являются ни опасными, ни греховными, ни «злыми».

Человечество учится смотреть в будущее, планировать устойчивое развитие, формировать человеческую личность, что становится центральными проблемами современной цивилизации во всём её многообразии и развитии.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 3)

СТРАТЕГИЯ национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

I. Общие положения

1. Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений. Реализуется государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям. Созданы предпосылки для укрепления системы обеспечения национальной безопасности, консолидировано правовое пространство. Решены первоочередные задачи в экономической сфере, выросла инвестиционная привлекательность национальной экономики. Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма.

В целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз национальной безопасности, динамичного развития и превращения Российской Федерации в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы. В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности.

2. Основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года – официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

4. Настоящая Стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности. Она является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

5. Основная задача настоящей Стратегии состоит в формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов.

6. В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

«национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства;

«национальные интересы Российской Федерации» – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства;

«угроза национальной безопасности» – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства;

«стратегические национальные приоритеты» – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности;

«система обеспечения национальной безопасности» – силы и средства обеспечения национальной безопасности;

«силы обеспечения национальной безопасности» – Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации;

«средства обеспечения национальной безопасности» – технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

7. Силы и средства обеспечения национальной безопасности сосредотачивают свои усилия и ресурсы на обеспечении национальной безопасности во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности.

II. Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития

8. Развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий.

Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Целостности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции.

Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

В результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегionalных сил.

Несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности.

9. Переход от блокового противостояния к принципам многовекторной дипломатии, а также ресурсный потенциал России и прагматичная политика его использования расширили возможности Российской Федерации по укреплению ее влияния на мировой арене.

Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств – лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности.

10. На обеспечение национальных интересов Российской Федерации негативное влияние будут оказывать вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов, а также совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий. Усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности. Вероятно распространение эпидемий, вызываемых новыми, неизвестными ранее вирусами. Более ощутимым станет дефицит пресной воды.

11. Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии. Негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут по-прежнему оказывать ситуация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове.

12. Критическое состояние физической сохранности опасных материалов и объектов, особенно в странах с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией, а также не контролируемое государствами распространение обычных вооружений могут привести к обострению существующих и возникновению новых региональных и межгосударственных конфликтов.

В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников.

Возрастет риск увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия. Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно сузятся при размещении в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки.

Последствия мировых финансово-экономических кризисов могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы.

13. На долгосрочную перспективу Российская Федерация будет стремиться выстраивать международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств.

Для защиты своих национальных интересов Россия, оставаясь в рамках международного права, будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключая затратную конфронтацию, в том числе и новую гонку вооружений.

Организацию Объединенных Наций и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций Россия рассматривает в качестве центрального элемента стабильной системы международных отношений, в основе которой – уважение, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество государств, опирающихся на цивилизованные политические инструменты разрешения глобальных и региональных кризисных ситуаций.

Россия будет наращивать взаимодействие в таких многосторонних форматах, как «Группа восьми», «Группа двадцати», РИК (Россия, Индия и Китай), БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), а также использовать возможности других неформальных международных институтов.

Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств является для России приоритетным направлением внешней политики. Россия будет стремиться развивать потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств – участников Содружества Независимых Государств в рамках прежде всего самого Содружества Независимых Государств, а также Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического сообщества, оказывающих стабилизирующее влияние на общую обстановку в регионах, граничащих с государствами – участниками Содружества Независимых Государств.

При этом Организация Договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

14. Россия будет способствовать укреплению Евразийского экономического сообщества в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения.

15. Для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

16. Российская Федерация выступает за всемерное укрепление механизмов взаимодействия с Европейским союзом, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долгосрочным национальным интересам России отвечает формирование в Евроатлантике открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе.

17. Определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права.

Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности.

18. Россия будет стремиться к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с Соединенными Штатами Америки на основе совпадающих интересов и с учетом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом. В качестве приоритетов останутся достижение новых договоренностей в сфере разоружения и контроля над вооружениями, укрепление мер доверия, а также решение вопросов нераспространения оружия массового уничтожения, наращивания антитеррористического сотрудничества, урегулирования региональных конфликтов.

19. В сфере международной безопасности Россия сохранит приверженность использованию политических, правовых, внешнеэкономических, военных и иных инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов.

Проведение предсказуемой и открытой внешней политики неразрывно связано с реализацией задач устойчивого развития России. Успешную интеграцию России в глобальное экономическое пространство и международную систему разделения труда затрудняют низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный путь развития.

20. Для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Рос-

сийской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие.

III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты

21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;

в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;

в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты.

23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;

экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;

наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;

экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;

стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

IV. Обеспечение национальной безопасности

25. Основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации.

Состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

1. Национальная оборона

26. Стратегические цели совершенствования национальной обороны состоят в предотвращении глобальных и региональных войн и конфликтов, а также в осуществлении стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегическое сдерживание предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства – агрессора (коалиции государств).

Стратегическое сдерживание осуществляется с использованием экономических возможностей государства, включая ресурсную поддержку сил обеспечения национальной безопасности, путем развития системы военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации, а также военной инфраструктуры и системы управления военной организацией государства.

27. Российская Федерация обеспечивает национальную оборону, исходя из принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе за счёт методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества, международного военного сотрудничества.

28. Военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной организации государства и оборонного потенциала, а также выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов.

Достижение стратегических целей национальной обороны осуществляется путем развития системы обеспечения национальной безопасности, проведения перспективной военно-технической политики и развития военной инфраструктуры, а также за счет совершенствования системы управления военной организацией государства и реализации комплекса мер по повышению престижа военной службы.

29. Государственная политика Российской Федерации в области национальной обороны и военного строительства, в том числе в рамках Союзного государства, на долгосрочную перспективу нацелена на со-

вершенствование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, призванных при любых условиях развития военно-политической обстановки обеспечить безопасность, суверенитет и территориальную целостность государства.

30. Угрозами военной безопасности являются: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологических средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки.

Негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

31. Российская Федерация реализует долгосрочную государственную политику в области национальной обороны путем разработки системы основополагающих концептуальных, программных документов, а также документов планирования, развития норм законодательного регулирования деятельности органов государственной власти, учреждений, предприятий и организаций реального сектора экономики, институтов гражданского общества в мирное и военное время, а также совершенствования сил и средств гражданской обороны, сетевой и транспортной инфраструктуры страны в интересах национальной обороны.

32. Главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации с сохранением потенциала стратегических ядерных сил за счет совершенствования организационно-штатной структуры и системы территориального базирования войск и сил, наращивания количества частей постоянной готовности, а также совершенствования оперативной и боевой подготовки, организации межвидового взаимодействия войск и сил.

Для этого уточняется система комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, включая подготовку личного состава и развитие необходимой инфраструктуры, отрабатываются оптимальные механизмы нахождения в резерве, поднимается престиж военной службы и статус офицерского состава, а также обеспечивается выполнение государственных программ и заказов на разработку, создание и модернизацию вооружения, военной и специальной техники, в том числе средств связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и управления.

33. В среднесрочной перспективе должен быть завершён переход на единую систему заказов федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники для Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также на унифицированную систему тылового и технического обеспечения. Должно быть обеспечено нормативное правовое регулирование поддержания запасов материальных средств в государственном и мобилизационном резерве, а также сотрудничества с другими государствами в области военной безопасности.

34. Реструктуризация, оптимизация и развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации в среднесрочной перспективе согласовываются с решением задач по всестороннему и своевременному обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов современными видами вооружения и специальной техники.

2. Государственная и общественная безопасность

35. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

36. Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

37. Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации; деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ; экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране; деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом

наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией.

38. Главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативно-правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

39. Обеспечению государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу будут также способствовать повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности (в первую очередь среди несовершеннолетних) и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений.

40. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности: совершенствуется структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, реализуется Национальный план противодействия коррупции, развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм, национализм и этнический сепаратизм; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов; формируется долгосрочная концепция комплексного развития и совершенствования правоохранительных органов и спецслужб, укрепляются социальные гарантии их сотрудников, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные средства и техника, развивается система профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности; укрепляется режим безопасного функционирования предприятий, организаций и учреждений оборонно-промышленного, ядерного, химического и атомно-энергетического комплексов страны, а также объекты жизнеобеспечения населения; повышается социальная ответственность органов обеспечения государственной и общественной безопасности.

41. Одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана государственной границы Российской Федерации.

Основными угрозами интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере являются наличие и возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи ее государственной границы, незавершенность международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами.

Угрозу безопасности в пограничной сфере представляют деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организации каналов незаконной миграции.

Негативное влияние на обеспечение надежной защиты и охраны государственной границы Российской Федерации оказывает недостаточный уровень развития пограничной инфраструктуры и технической оснащенности пограничных органов.

42. Решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации достигается за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на границах с Республикой Казахстан, Украиной, Грузией и Азербайджанской Республикой, а также повышения эффективности охраны государственной границы, в частности в Арктической зоне Российской Федерации, на Дальнем Востоке и на Каспийском направлении.

43. Обеспечение национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе территориальных и функциональных сегментов), ее интеграции с аналогичными зарубежными системами.

Решение задач обеспечения национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается за счет повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, обновления парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения в местах их массового пребывания, а также разработки системы принятия превентивных мер по снижению риска террористических актов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

44. Российская Федерация укрепляет национальную оборону, обеспечивает государственную и общественную безопасность в целях формирования благоприятных внутренних и внешних условий для достижения приоритетов в области социально-экономического развития государства.

3. Повышение качества жизни российских граждан

45. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе – коренное улучшение демографической ситуации.

46. Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности.

47. Источниками угроз национальной безопасности могут стать такие факторы, как кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов.

48. Обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан будут способствовать снижение уровня организованной преступности, коррупции и наркомании, противодействие преступным формированиям в легализации собственной экономической основы, достижение социально-политической стабильности и положительной динамики развития Российской Федерации, устойчивость финансово-банковской системы, расширенное воспроизводство минерально-сырьевой базы, доступность современного образования и здравоохранения, высокая социальная мобильность и поддержка социально значимой трудовой занятости, повышение квалификации и качества трудовых ресурсов, рациональная организация миграционных потоков.

49. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе определяется продовольственная безопасность и гарантированное снабжение населения высококачественными и доступными лекарственными препаратами.

50. Продовольственная безопасность обеспечивается за счет развития биотехнологий и импортозамещения по основным продуктам питания, а также путем предотвращения истощения земельных ресурсов и сокращения сельскохозяйственных земель и пахотных угодий, захвата национального зернового рынка иностранными компаниями, бесконтрольного распространения пищевой продукции, полученной из генетически модифицированных растений с использованием генетически модифицированных микроорганизмов и микроорганизмов, имеющих генетически модифицированные аналоги.

51. В целях развития фармацевтической отрасли формируются условия для преодоления ее сырьевой зависимости от зарубежных поставщиков.

52. Для противодействия угрозам национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества:

- совершенствуют национальную систему защиты прав человека путем развития судебной системы и законодательства;

- содействуют росту благосостояния, сокращению бедности и различий в уровне доходов населения в интересах обеспечения постоянного доступа всех категорий граждан к необходимому для здорового образа жизни количеству пищевых продуктов;

- создают условия для ведения здорового образа жизни, стимулирования рождаемости и снижения смертности населения;

- улучшают и развивают транспортную инфраструктуру, повышают защиту населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

- совершенствуют систему защиты от безработицы, создают условия для вовлечения в трудовую деятельность людей с ограниченными физическими возможностями, проводят рациональную региональную миграционную политику, развивают пенсионную систему, внедряют нормы социальной поддержки отдельных категорий граждан;

- обеспечивают сохранение культурного и духовного наследия, доступность информационных технологий, а также информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества;

- совершенствуют государственно-частное партнерство в целях укрепления материально-технической базы учреждений здравоохранения, культуры, образования, развития жилищного строительства и повышения качества жилищно-коммунального обслуживания.

4. Экономический рост

53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

54. Обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации.

55. Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая

устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции.

56. Недостаточная эффективность государственного регулирования национальной экономики, снижение темпов экономического роста, появление дефицита торгового и платежного баланса, сокращение доходных статей бюджета могут привести к замедлению перехода к инновационному развитию, последующему накоплению социальных проблем в стране.

57. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в экономической сфере могут оказать дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискриминационных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России, а также кризисные явления в мировой финансово-банковской системе.

58. Для обеспечения национальной безопасности за счет экономического роста Российская Федерация основные усилия сосредоточивает на развитии науки, технологий и образования, совершенствовании национальных инвестиционных и финансовых институтов в интересах достижения необходимого уровня безопасности в военной, оборонно-промышленной и международной сферах.

59. Угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией в уровнях развития субъектов Российской Федерации, предотвращаются путем проведения рациональной государственной региональной политики, направленной на улучшение координации деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества.

60. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу является энергетическая безопасность. Необходимыми условиями обеспечения национальной и глобальной энергетической безопасности являются многостороннее взаимодействие в интересах формирования отвечающих принципам Всемирной торговой организации рынков энергоресурсов, разработка и международный обмен перспективными энергосберегающими технологиями, а также использование экологически чистых, альтернативных источников энергии.

Основным содержанием энергетической безопасности являются устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества, эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей, предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования, обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения.

61. Для противодействия угрозам экономической безопасности силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на поддержку государственной социально-экономической политики, направленной:

на совершенствование структуры производства и экспорта, антимонопольное регулирование и поддержку конкурентной политики;

на развитие национальной инновационной системы в целях реализации высокоэффективных проектов и приоритетных программ развития высокотехнологичных секторов экономики;

на укрепление финансовых рынков и повышение ликвидности банковской системы;

на сокращение неформальной занятости и легализацию трудовых отношений, повышение инвестиций в развитие человеческого капитала;

на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также на обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах;

на формирование системы научного и технологического прогнозирования и реализацию научных и технологических приоритетов, усиление интеграции науки, образования и производства;

на создание условий для развития конкурентоспособной отечественной фармацевтической промышленности;

на развитие индустрии информационных и телекоммуникационных технологий, средств вычислительной техники, радиоэлектроники, телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения.

62. В интересах обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе развиваются конкурентоспособные отрасли экономики и расширяются рынки сбыта российской продукции, повышается эффективность топливно-энергетического комплекса, расширяется использование инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики и завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Российской Федерации.

63. Укреплению экономической безопасности будет способствовать совершенствование государственного регулирования экономического роста путем разработки концептуальных и программных документов межрегионального и территориального планирования, создания комплексной системы контроля над рисками, включая:

проведение активной государственной антиинфляционной, валютной, курсовой, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики;

стимулирование и поддержку развития рынка инноваций, наукоемкой продукции и продукции с высокой добавочной стоимостью, развитие перспективных технологий общего, двойного и специального назначения.

64. На региональном уровне стабильному состоянию национальной безопасности отвечает сбалансированное, комплексное и системное развитие субъектов Российской Федерации.

Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне на среднесрочную перспективу определяется создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития.

В долгосрочной перспективе угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией уровней развития регионов России, предотвращаются путем развертывания полномасштабной национальной инновационной системы за счет формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации.

65. В области регионального развития силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества способствуют эффективному осуществлению органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления их полномочий за счет координации и реализации принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер, направленных на развитие региональной экономики и социальной сферы, включая выравнивание их бюджетной обеспеченности.

5. Наука, технологии и образование

66. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования являются:

развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества национальной экономики и потребности национальной обороны за счет эффективной координации научных исследований и развития национальной инновационной системы;

повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счет доступности конкурентоспособного образования.

67. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования оказывают отставание в переходе в последующий технологический уклад, зависимость от импортных поставок научного оборудования, приборов и электронной компонентной базы, стратегических материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России, недостаточное развитие нормативной правовой базы и слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики, низкий уровень социальной защищенности инженерно-технического, профессорско-преподавательского и педагогического состава и качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования.

68. Одним из главных направлений Российской Федерации на среднесрочную перспективу определяет технологическую безопасность. С этой целью совершенствуется государственная инновационная и промышленная политика, определяются в качестве безусловного приоритета инновационного развития национальной экономики фундаментальная и прикладная наука, образование, совершенствуется федеральная контрактная система и система государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров, развивается государственно-частное партнерство в сфере науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности, проводятся системные исследования в интересах решения стратегических задач национальной обороны, государственной и общественной безопасности, а также устойчивого развития страны.

69. Для противодействия угрозам в сфере науки, технологий и образования силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества осуществляют гражданское воспитание новых поколений в традициях престижа труда ученого и педагога, обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования в области интеграции науки, образования и высокотехнологичной промышленности.

70. Решение задач национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается путем:

формирования системы целевых фундаментальных и прикладных исследований и ее государственной поддержки в интересах организационно-научного обеспечения достижения стратегических национальных приоритетов;

создания сети федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, обеспечивающих в рамках кооперационных связей подготовку специалистов для работы в сфере науки и образования, разработки конкурентоспособных технологий и образцов наукоемкой продукции, организации наукоемкого производства;

реализации программ создания учебных заведений, ориентированных на подготовку кадров для нужд регионального развития, органов и сил обеспечения национальной безопасности;

обеспечения участия российских научных и научно-образовательных организаций в глобальных технологических и исследовательских проектах с учетом конъюнктуры рынка интеллектуальной собственности.

6. Здравоохранение

71. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются:

увеличение продолжительности жизни, снижение инвалидности и смертности;
совершенствование профилактики и оказания своевременной квалифицированной первичной медико-санитарной и высокотехнологичной медицинской помощи;
совершенствование стандартов медицинской помощи, а также контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств.

72. Одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ.

73. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации оказывают низкие эффективность системы медицинского страхования и качество подготовки и переподготовки специалистов здравоохранения, недостаточный уровень социальных гарантий и оплаты труда медицинских работников и финансирования развития системы высокотехнологичной медицинской помощи, незавершенность формирования нормативной правовой базы здравоохранения в целях повышения доступности и реализации гарантий обеспечения населения медицинской помощью.

74. Государственная политика Российской Федерации в сфере здравоохранения и здоровья нации нацелена на профилактику и предотвращение роста уровня социально-опасных заболеваний.

75. Основными направлениями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет усиление профилактической направленности здравоохранения, ориентацию на сохранение здоровья человека, совершенствование в качестве основы жизнедеятельности общества института семьи, охраны материнства, отцовства и детства.

76. Укреплению национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации будут способствовать повышение качества и доступности медицинского обслуживания за счет использования перспективных информационных и телекоммуникационных технологий, государственная поддержка перспективных разработок в области фармацевтики, биотехнологий и нанотехнологий, а также модернизация экономических механизмов функционирования здравоохранения и развитие материально-технической базы государственной и муниципальной систем здравоохранения с учетом региональных особенностей.

77. Для противодействия угрозам в сфере здравоохранения и здоровья нации силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования в области стандартизации, лицензирования, сертификации медицинских услуг, аккредитации медицинских и фармацевтических учреждений, обеспечения государственных гарантий по оказанию медицинской помощи и модернизации системы обязательного медицинского страхования, определения единых критериев оценки работы лечебно-профилактических учреждений на уровне муниципальных образований и субъектов Российской Федерации.

78. Решение задач национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается путем:

формирования национальных программ (проектов) по лечению социально значимых заболеваний (онкологические, сердечно-сосудистые, диабетологические, фтизиатрические заболевания, наркомания, алкоголизм) с разработкой единых общероссийских подходов к диагностике, лечению и реабилитации пациентов;

развития системы управления качеством и доступностью медицинской помощи, подготовкой специалистов здравоохранения;

обеспечения качественного изменения структуры заболеваний и ликвидации предпосылок эпидемий, в том числе вызванных особо опасными инфекционными патогенами, за счет разработки и реализации перспективных технологий и национальных программ государственной поддержки профилактики заболеваний.

7. Культура

79. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере культуры являются: расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства путем создания современных территориально распределенных информационных фондов;

создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования;

содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры.

80. Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются: засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры.

81. Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого – вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость.

82. Для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей.

83. Укреплению национальной безопасности в сфере культуры будут способствовать сохранение и развитие самобытных культур многонационального народа Российской Федерации, духовных ценностей граждан, улучшение материально-технической базы учреждений культуры и досуга, совершенствование системы подготовки кадров и их социального обеспечения, развитие производства и проката произведений отечественной кинематографии, развитие культурно-познавательного туризма, формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов, а также использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества.

84. Решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств – участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах.

8. Экология живых систем и рациональное природопользование

85. Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:

сохранение окружающей природной среды и обеспечение ее защиты;

ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

86. На состоянии национальной безопасности в экологической сфере негативное воздействие оказывают истощение мировых запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, а также наличие в Российской Федерации экологически неблагоприятных регионов.

87. Состояние национальной безопасности в сфере экологии усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы ядерного топливного цикла. Нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых.

88. Для противодействия угрозам в сфере экологической безопасности и рационального природопользования силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества создают условия для внедрения экологически безопасных производств, поиска перспективных источников энергии, формирования и реализации государственной программы по созданию стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации и гарантированного удовлетворения потребностей населения и экономики в водных и биологических ресурсах.

9. Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство

89. Достижению приоритетов устойчивого развития Российской Федерации способствует активная внешняя политика, усилия которой сосредоточены на поиске согласия и совпадающих интересов с другими государствами на основе системы двусторонних и многосторонних взаимовыгодных партнерских отношений.

90. Формирование благоприятных условий для устойчивого развития России на долгосрочную перспективу достигается за счет обеспечения стратегической стабильности, в том числе путем последовательного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех.

91. Россия в отношениях с международным сообществом опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений, придает особое значение достижению новых полноформатных двусторонних договоренностей по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.

92. Россия будет содействовать вовлечению других государств, прежде всего владеющих ядерным оружием, а также заинтересованных в совместных действиях по обеспечению общей безопасности, в процесс обеспечения стратегической стабильности.

93. Россия считает, что поддержанию стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству может способствовать присутствие в конфликтных регионах континентов Вооруженных Сил Российской Федерации на основе норм международного права в целях решения политических, экономических и иных задач невоенными методами.

94. Россия будет выступать на международной арене с позиций неизменности курса на участие совместно с другими государствами в укреплении международных механизмов нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и относящихся к ним товаров и технологий, недопущения применения военной силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, а также с позиции приверженности контролю над вооружениями и рациональной достаточности в военном строительстве.

95. В целях сохранения стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства Российская Федерация:

будет выполнять действующие договоры и соглашения в области ограничения и сокращения вооружений, участвовать в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих ее национальным интересам;

готова к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов на основе двусторонних договоренностей и в многосторонних форматах, а также будет способствовать созданию надлежащих условий, позволяющих сокращать ядерные вооружения без ущерба для международной безопасности и стратегической стабильности;

намерена и далее содействовать укреплению региональной стабильности путем участия в процессах сокращения и ограничения обычных вооруженных сил, а также разработки и применения мер доверия в военной области;

считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов, выступает за укрепление этого института в строгом соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций и продолжит свое участие в нем;

будет участвовать в проводимых под эгидой Организации Объединенных Наций и других международных организаций мероприятиях по ликвидации природных и техногенных катастроф и чрезвычайных ситуаций, а также в оказании гуманитарной помощи пострадавшим странам.

96. В интересах обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Россия в период реализации настоящей Стратегии предпримет все необходимые усилия на наименее затратном уровне по поддержанию паритета с Соединенными Штатами Америки в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы противоракетной обороны и реализации концепции глобального молниеносного удара с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении.

V. Организационные, нормативные правовые и информационные основы реализации настоящей Стратегии

97. Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения национальной безопасности при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет реализации комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера.

98. Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского общества, направленных на отстаивание национальных интересов Российской Федерации путем комплексного использования политических, организационных, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации.

99. Корректировка настоящей Стратегии осуществляется при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации периодически – по результатам постоянного мониторинга реализации настоящей Стратегии с учетом изменений, оказывающих существенное влияние на состояние национальной безопасности.

100. Организационная поддержка реализации настоящей Стратегии заключается в совершенствовании государственного управления Российской Федерации, а также в развитии системы обеспечения национальной безопасности на основе совершенствования механизмов стратегического планирования устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности под руководством Президента Российской Федерации.

101. Система документов стратегического планирования (концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, программы социально-экономического развития Российской Федерации на краткосрочную перспективу, стратегии (программы) развития отдельных секторов экономики, стратегии (концепции) развития федеральных округов, стратегии и комплексные программы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, межгосударственные программы, в выполнении которых принимает участие Российская Федерация, федеральные (ведомственные) целевые программы, государственный оборонный заказ, концепции, доктрины и основы (основные направления) государственной политики в сферах обеспечения национальной безопасности и по отдельным направлениям внутренней и внешней политики государства) формируется Правительством Российской Федерации и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации на основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

102. По решению Президента Российской Федерации документы по вопросам внутренней и внешней политики государства могут выноситься на рассмотрение Совета Безопасности Российской Федерации.

103. Разработка документов стратегического планирования осуществляется согласно Регламенту Правительства Российской Федерации и в соответствии с порядком подготовки документов в Администрации Президента Российской Федерации.

104. Государственная политика в области противодействия наркопреступности и терроризму формируется Государственным антинаркотическим комитетом и Национальным антитеррористическим комитетом – межведомственными органами, обеспечивающими координацию федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствующих сферах.

105. Комплексные проблемы обеспечения национальной безопасности могут рассматриваться на совместных заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации, Государственного совета Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации с участием иных совещательных и консультативных органов, созданных для обеспечения конституционных полномочий Президента Российской Федерации.

106. Меры нормативной правовой поддержки реализации настоящей Стратегии определяются на основании Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

107. Информационная и информационно-аналитическая поддержка реализации настоящей Стратегии осуществляется при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов государственной власти и государственных научных учреждений с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия.

108. Для развития системы распределенных ситуационных центров в среднесрочной перспективе потребуется преодолеть технологическое отставание в важнейших областях информатизации, телекоммуникаций и связи, определяющих состояние национальной безопасности, разработать и внедрить технологии информационной безопасности в системах государственного и военного управления, системах управления экологически опасными производствами и критически важными объектами, а также обеспечить условия для гармонизации национальной информационной инфраструктуры с глобальными информационными сетями и системами.

109. Угрозы информационной безопасности в ходе реализации настоящей Стратегии предотвращаются за счет совершенствования безопасности функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов инфраструктуры и объектов повышенной опасности в Российской Федерации, повышения уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем, создания единой системы информационно-телекоммуникационной поддержки нужд системы обеспечения национальной безопасности.

110. Разработка и реализация комплекса оперативных и долговременных мер по предотвращению угроз национальной безопасности в федеральных округах проводятся при координирующей роли Правительства Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти во взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

111. Контроль за ходом реализации настоящей Стратегии осуществляется в рамках ежегодного доклада Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

VI. Основные характеристики состояния национальной безопасности

112. Основные характеристики состояния национальной безопасности предназначаются для оценки состояния национальной безопасности и включают:

уровень безработицы (доля от экономически активного населения);
децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения);

уровень роста потребительских цен;
уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта;

уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта;

уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники;

уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами.

Перечень основных характеристик состояния национальной безопасности может уточняться по результатам мониторинга состояния национальной безопасности.

* * *

Реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года призвана стать мобилизующим фактором развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

А.Д. Урсул

ПРИНЦИП «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕРЕЗ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ»: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

12 мая 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», который утвердил эту Стратегию и признал утратившим силу предыдущие редакции (1997 г. и 2000 г.) Концепции национальной безопасности РФ.

Принятие этой Стратегии, которую я для краткости далее буду именовать Стратегия–2020, имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу.

В статье я хотел бы остановиться на некоторых принципиально новых идеях, которые придают Стратегии–2020 фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение и которые могут существенно повлиять на судьбы российского общества и государства в ходе реализации этой Стратегии.

Новый основной принцип обеспечения национальной безопасности

Уместно обратить внимание на то, что до рубежа второго и третьего тысячелетий проблемы развития и обеспечения безопасности, как правило, были разделены в их теоретическом осмыслении и практической реализации. Однако сейчас, в начале XXI века формируется понимание их неразрывной взаимосвязи, причём вначале на уровне научных исследований этих проблем. В последние годы заметно усилился интерес к взаимосвязи концепций развития и безопасности, о чём свидетельствует появление ряда новых публикаций. Считаю, что уже происходит становление нового научного направления на стыке теории развития и формирующейся общей теории безопасности¹.

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее – через устойчивое развитие. Причём этот тезис, который я предложил ещё в 1995 г.² нашёл поддержку в 2000 г. в одном из докладов бывшего Генерального секретаря ООН, отметившего, что «справедливое и устойчивое развитие является одним из необходимых условий обеспечения безопасности, однако, обеспечение минимальных стандартов безопасности, в свою очередь, является одной из предпосылок развития. Стремление решать одну задачу в отрыве от другой не имеет большого смысла»³.

На заседании Совета Безопасности РФ 24 марта 2009 г. Президент России Д.А. Медведев отметил, что основная концептуальная идея обсуждаемой и принимаемой Стратегии национальной безопасности РФ на период до 2020 г. заключается в обеспечении безопасности через развитие. В дальнейших комментариях этого положения, например, в интервью секретаря Совета безопасности России Н.П. Патрушева газете «Известия» уточняется, что в Стратегии–2020 речь идёт именно об особом типе развития, получившего наименование устойчивого развития⁴. В Стратегии–2020, акцентирует внимание Н.П. Патрушев, заложен принцип безопасности через устойчивое развитие и именно это словосочетание нашло отражение в названии данной статьи.

И хотя существуют различные в философском плане типы развития (например, деградационные и разрушительные процессы вполне укладываются в широкое философское понимание развития, отбрасывая и его регрессивную ветвь), в этом случае речь идёт не о них. Как правило, имеются в виду все те реальные и возможные типы развития, которые ведут к поступательному прогрессивному развитию того или иного объекта. Когда речь идёт о развитии применительно к обществу, то, чаще всего, в него вкладывают именно

¹ См.: Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. М.: 2001; Урсул А.Д., Романович А.Л. Безопасность и устойчивое развитие (философско-концептуальные проблемы). М.: 2001; Дзлиев М.И., Романович А.Л., Урсул А.Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические проблемы. М.: 2001; Урсул А.Д., Романович А.Л. Устойчивое развитие, экологическая и продовольственная безопасность. М.: 2002; Прохожев А.А. Человек и общество: законы социального развития и безопасности. М.: 2002; Романович А.Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы. М.: 2002; он же: Развитие и безопасность. М.: 2003. Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: 2006; Урсул А.Д., Урсул Т.А., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М.: 2008; Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1; он же: Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск. № 11. 2008. Уместно также отметить, что идея обеспечения безопасности через развитие (устойчивое развитие) нашла свою аргументацию и обсуждение и в концептуально-теоретическом анализе обеспечения проблем национальной безопасности в ряде книг многоотомной серии из более, чем 30 книг «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты», изданных на протяжении последних лет МГФ «Знание».

² См.: Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9.

³ Аннан А. Кофи. Предотвращение войн и бедствий: Глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год. Нью-Йорк. 2000. С. 17.

⁴ См.: Достойный уровень жизни – лучшая стратегия безопасности России // Известия, 2009, 13 мая. С. 1, 5.

это последнее значение. Причём лучше всего идею об обеспечении безопасности через развитие выражает не так давно появившаяся концепция устойчивого развития, о чём далее и пойдёт речь. Принципиально важным является включение понятия устойчивого развития в самую «ткань» Стратегии–2020, где на это обращено внимание уже в первой статье этого нормативного правового акта Президента Российской Федерации¹ (далее будут идти ссылки на статьи этого официального документа).

Как отмечено в официальном документе Совета Безопасности РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Стратегия исходит из фундаментального положения о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства и обеспечения национальной безопасности» (см. упомянутый сайт СБ РФ). Стратегия–2020, особенность которой в её социальной и социально-политической направленности, исходит из того, что «национальная безопасность обеспечивается, исходя из принципа "безопасность – через приоритеты устойчивого развития", то есть через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование» (там же).

Эта идея о связи проблем безопасности и устойчивого развития содержалась также в «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию»: «На данном историческом этапе развития, – отмечается в Послании, – основной задачей уже сегодня (а тем более в XXI веке) становится не увеличение объёма потребления ресурса, а обеспечение устойчивого развития.

Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведет человечество к глобальной катастрофе.

Россия, несмотря на свои особенности, являясь органической частью общемировой цивилизации, будет накапливать позитивный опыт демократического развития. Российское государство будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами нового цивилизационного порядка, внося тем самым свой вклад в развитие мира в целом»².

Любое общество и государство не могут обеспечить свою долговременную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития для того, чтобы начать переходить к обществу и государству с устойчивым развитием. Стабильность общества, государства, экономики и т. д., в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть «гарантированы» только реализацией модели и стратегии устойчивого развития³. Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом. Однако степень и принципы её обеспечения зависят от типа развития материальной системы (в данном случае от социально-экономического развития), на что будет обращено в статье особое внимание.

Возникает вопрос: можно ли говорить о том, что наша страна идёт по пути устойчивого развития, если в стране и в мире в целом развёртывается глобальный экономический кризис? И нужно ли в этих условиях стремиться к стратегическому планированию будущего? Определённый ответ мы найдем, если обратимся к обсуждению этих проблем на упомянутом заседании Совета Безопасности РФ.

Как отмечалось на этом заседании 24 марта 2009 г., Совет исходит из того, что за последнее десятилетие органами государственной власти решены масштабные задачи в области устойчивого развития России и обеспечения национальной безопасности (это было отмечено Д.А. Медведевым и Н.П. Патрушевым). Это означает, что, принятая в 1996 г. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», уже реализуется нашей страной, а не только, скажем, странами ЕС (о чём они неоднократно упоминали).

Вряд ли можно считать, что Россия добилась существенных успехов в плане экологии и природопользования, или сделала значительный шаг на пути преодоления сырьевой ориентации своей экономики. Именно с этой экологической точки зрения многие (прежде всего, экологи) оценивают движение нашей страны к устойчивому развитию. Однако экологические проблемы, приоритетные для прогресса по пути устойчивого развития, не являются таковыми для России, о чём мне не раз приходилось писать.

Нужно иметь в виду, что понятие устойчивого развития системно-комплексное и незначительные результаты в экологической области вполне могут компенсироваться другими позитивными эффектами на пути к устойчивости. К достижениям в других областях относятся многие позитивные политические и социально-экономические преобразования и реформы: укрепление государственности, усиление институтов гражданского общества, переход национального законодательства на качественно новый уровень, особенно в сфере защиты конституционных прав человека, укрепление национальной обороны, а также общественной и государственной безопасности, устранение ряда угроз экологической и информационной безопасности, создание возможностей более быстрого развития высокотехнологичных отраслей экономики и появление реальных условий перехода на инновационные механизмы развития и другие результаты, отмеченные в Стратегии–2020.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации: <http://www.scrf.gov.ru>.

² Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию М.: 1996. С. 32.

³ См.: Урсул А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Безопасность. 1993. № 11–12; он же: Концепция естественной экобезопасности // Безопасность. 1994. № 1–2; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Устойчивое развитие и безопасность: синергетический подход // Самоорганизация и организация управления. М.: 1995; Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9; он же: Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития цивилизации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1995. № 1; он же: Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития. М.: 1994.

Вместе с тем, особенно в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса появились негативные тенденции, которые можно квалифицировать как опасности и угрозы на пути дальнейшего системного продвижения по пути устойчивого развития России. Эти негативные тенденции проявляются, прежде всего, в социально-экономической сфере: растёт безработица, идёт снижение темпов экономического развития, в сложных условиях функционирует банковская система, всё больше появляется очагов социальной напряжённости, усиливается инфляция, и впервые за многие годы принимается дефицитный бюджет страны. Появляются новые стратегические риски и негативные тенденции в условиях глобального экономического кризиса, нарушающего стабильное поступательное развитие страны.

Чтобы существенно уменьшить эти опасности и угрозы в Стратегии–2020, решено положить в её основу фундаментальное методологическое положение о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства (и общества) и обеспечения национальной безопасности (прежде всего, в ст. 2 и ст. 3 Стратегии–2020). О необходимости такого подхода подчёркивалось в упомянутых выше работах, посвящённых проблеме безопасности и устойчивого развития.

Поскольку мне приходилось высказываться ещё до Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге о том, в каком направлении будет развиваться концепция устойчивого развития, я предположил, что от проблем экологии эта концепция будет более предметно заниматься вопросами обеспечения безопасности в самом широком их понимании, а не только экологической безопасностью. Поэтому, если «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утверждённая Указом Президента РФ в 1996 г. имела в основном экологический «акцент», то сейчас в связи с принятием Стратегии–2020, пожалуй, можно констатировать новое видение проблем устойчивого развития сквозь «призму» проблем безопасности и прежде всего национальной безопасности.

Это впервые произошло в России по той причине, что к настоящему времени в стране были разработаны концептуально-теоретические основы видения устойчивого развития в ракурсе проблем безопасности, а также обеспечения безопасности через устойчивое развитие. *Выскажу мнение, что Стратегия–2020 представляет собой не только Стратегию национальной безопасности страны, но и новую версию российской концепции перехода к устойчивому развитию в видении этого развития с позиций обеспечения безопасности как нашей страны, так и всего мирового сообщества. Считаю, что это важный мировоззренческий и концептуально-методологический поворот в области проблем безопасности и в сфере проблем устойчивого развития, их объединения в единое научно-поисковое и практическое-деятельностное направления.*

И по второму заданному вопросу: кризис, охвативший весь мир, как подчеркнул Д.А. Медведев на заседании Совета Безопасности РФ по вопросу «О Стратегии национальной безопасности до 2020 года и комплексе мер по ее реализации», не может и не должен быть основанием для того, чтобы мы сузили горизонты нашего планирования на будущее. С такой постановкой обсуждаемой проблемы можно полностью согласиться и именно в этом ракурсе я продолжу рассмотрение проблемы обеспечения безопасности через устойчивое развитие.

ИННОВАЦИОННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ В БЕЗОПАСНО-УСТОЙЧИВОЕ БУДУЩЕЕ

В XXI веке может и даже должен произойти крутой поворот в человеческой истории, который по своей значимости вряд ли сравнится со всеми предыдущими революционными изменениями прошлого. Я имею в виду переход к устойчивому развитию как инновационной форме и «спасительной» магистрали выживания цивилизации. Этот переход будет осуществляться, хотя и с огромными трудностями, но как вполне осознанный выбор всего человечества, во всяком случае, той части народов и государств, которая входит в ООН.

Смысл грядущего инновационно-стратегического поворота истории заключается в том, чтобы спасти человечество от предполагаемой гибели, от угрожающих в условиях глобализации разного рода кризисов и приближающихся планетарно-космических катастроф, вызванных не столько внешними причинами, сколько самим предыдущим и нынешним опасно-неустойчивым развитием цивилизации. Именно в самом этом всё менее безопасном развитии скрывается «механизм», ведущий к быстрой деградаци, а по сути, к скорому либо медленному самоуничтожению человечества. Обеспечить необходимую безопасность человечества на длительную стратегическую перспективу в условиях саморазрушающего развития в принципе невозможно: необходимо менять сам тип развития, в котором безопасность обеспечивалась бы через разрушающее стабильно-сбалансированное развитие.

Новая философия и политика обеспечения безопасности акцентирует внимание на соединении безопасности с поступательным развитием (без катаклизмов и катастроф), причём не через экономическое конкурентно-экстенсивное (модель неустойчивого развития), а инновационно-устойчивое сбалансированное развитие, минимизирующее количественные и максимизирующие качественные параметры, факторы и источники развития и использующее коэволюционно-консенсусные формы взаимодействия как с природой, так и внутри социума.

С появлением концепции устойчивого развития и изучением влияния её на проблему обеспечения всех видов безопасности выявилось следующее достаточно важное концептуальное обстоятельство. До упомянутой концепции предполагалось, что развитие и обеспечение безопасности – это два различных процесса в существовании (скажем, государства и общества), которые представляют принципиально различные относительно независимые сферы деятельности.

Обеспечение безопасности того или иного социального объекта (в основном человека, общества, государства) в такой концепции мыслилась в основном как его защита от внутренних и внешних реальных либо потенциальных негативных воздействий, что гарантировало его сохранение какое-то время в том или ином виде. В ходе реализации этой, условно её назовем «защитной» концепции безопасности появились

специальные органы (службы охраны, очистные сооружения и т. п.), которые защищали от угроз и опасностей как негативных воздействий. Службы охраны и обеспечения безопасности, как правило, не вмешивались в функционирование охраняемого ими объекта (государства, общества, личности), а очистные сооружения являлись необходимым (и то не всегда) дополнением функционирующего и без них производства.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока не появились факты (и сомнения) в стратегической адекватности самого процесса развития государства и общества в целом.

Таким образом, появился существенный момент в концепции обеспечения безопасности вообще, который необходимо будет учитывать уже в новом видении проблемы обеспечения безопасности. **Новую концепцию я условно именую концепцией «устойчивой безопасности» (либо «безопасности через устойчивое развитие») в отличие от концепции «защитной безопасности», в основном используемой в современной модели развития. Здесь термины «защитный» и «устойчивый» используются просто как ключевые слова для отличия концепции безопасности, используемой в модели неустойчивого развития и, соответственно, в модели устойчивого развития. Отличие концепции «устойчивой безопасности» от концепции «защитной безопасности» заключается в том, что должно быть принято положение (даже в качестве «аксиомы»), что безопасность и устойчивое развитие объекта не просто имманентно взаимосвязаны, но совместно представляют единую целостную систему.**

Вполне понятно, что, исследуя проблему взаимосвязи устойчивого развития и безопасности, следуя из осознания необходимости перехода к новой цивилизационной парадигме, прежде всего, необходимо исходить из того, какое место будет занимать в ней Россия. И в этой связи, конечно, речь идёт, прежде всего, об обеспечении национальной безопасности. Это важное понятие в Стратегии–2020 определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Как видим, основное понятие – «национальная безопасность» ныне формулируется через понятие устойчивого развития и это правильный путь в определении понятий «куста» стратегии национальной безопасности, где понятие «устойчивое развитие» присутствует фактически во всех основных понятиях упомянутого «куста».

Важно смотреть не только в прошлое и настоящее, а искать путь в «устойчивое будущее», оптимизируя темпоральную траекторию развития. Можно считать, что, несмотря на всю специфику, «собственный путь» дальнейшего развития каждой страны окажется всё же магистралью устойчивого развития, вступить на которую можно лишь всем мировым сообществом. Глобальная ситуация сложилась таким образом, что любые эволюционные изменения и реформы в стране надо сверять с продвижением по пути к устойчивому развитию. В Стратегии–2020 (ст. 90) подчёркивается, что формирование благоприятных условий для устойчивого развития России на долгосрочную перспективу достигается за счёт обеспечения стратегической стабильности, в том числе путём последовательного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех.

Такой подход может показаться преждевременным и утопичным. Ведь фактически многие страны, признавая на словах приоритеты устойчивого развития, на деле пекутся о своих собственных интересах (причём даже не национальных, а корпоративных и групповых интересах незначительной части богатого населения этих стран) в рамках старой – неустойчивой модели развития. Однако ни для России, ни для США, ни для иной страны, такая «двойная бухгалтерия» не пройдёт. Конец ей положит глобальная экологическая или иная мировая катастрофа. А в ней погибнут и те страны, которые временно станут богаче за счёт других стран и бездумного разрушения природы. Попытки той или иной страны, или их группы обеспечить себе особые условия за счёт остальных стран и будущих поколений, за счёт природы не улучшают глобальной социоприродной ситуации. Для мирового сообщества в целом, а тем более для биосферы, совершенно безразлично, какая страна в чём-то обгонит других. Планетарная ситуация от идеологии силового соперничества и конфронтации в духе «холодной войны» только ухудшится.

Особенность современного этапа перехода от неустойчивого развития к новой безопасной стратегии поступательного движения заключается в преодолении противоречия между этими типами развития на национально-государственном и глобально-международном уровнях. Ведь Россия, двигаясь к устойчивому развитию, должна соблюдать свои национальные интересы и национальную безопасность. Однако национальные интересы и национальная безопасность должны оцениваться не только в рамках старой «системы координат» и ценностей модели неустойчивого развития. Для того чтобы принять и приступить к реализации новой модели в национальных масштабах и следовать ей в грядущих УР-преобразованиях, необходимо, чтобы эту модель приняли и другие страны, которые также не предпринимали бы действий в духе модели неустойчивого существования. А это означает, что понятие «национальные интересы» отныне должно включать и понятие «устойчивое развитие». Поэтому в Стратегии–2020 под понятием «национальные интересы» понимается совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищённости и устойчивого развития личности, общества и государства.

Вот почему оказывается, что продвижение нашей страны к устойчивому развитию в определённой степени лимитируется внешними, а, лучше сказать, международными факторами и обстоятельствами. Делая шаг вперёд к устойчивому развитию, Россия вправе ставить вопрос, чтобы такой же шаг был сделан и со стороны других стран, особенно претендующих на главенство в мире по переходу на путь устойчивого развития. В этом смысле каждая страна, начиная движение по пути «национальной устойчивости», хотела бы видеть такого же рода шаги и других стран. И, если мы чем-то жертвуем (или какая-то другая страна), то это должно идти на пользу всему человечеству, а не только группе избранных стран «золотого миллиарда», которые прилагают к этому основные усилия. Национальное и глобальное движение по пути устойчивого развития должно и будет представлять собой путь международного консенсуса, партнёрства и взаимовы-

годных договорённостей, а не силового навязывания своих корпоративно-групповых интересов и доминирования одной коалиции стран над другими. Поэтому в ст. 89 Стратегии–2020 подчёркивается, что достижение приоритетов устойчивого развития России способствует активная внешняя политика, усилия которой сосредоточены на поиске согласия и совпадающих интересов с другими государствами на основе двухсторонних и многосторонних взаимовыгодных партнёрских соглашений.

Новая цивилизационная модель потребует иного ранжирования стратегических приоритетов, ценностей, интересов, по сути дела иного их понимания в условиях глобального перехода к устойчивому развитию. В Стратегии–2020 стратегические национальные приоритеты трактуются как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляется устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, её независимости и территориальной целостности. При таком понимании стратегических национальных приоритетов и, соответственно, национальных интересов и их эффективной реализации Россия постепенно может выйти в группу стран, лидирующих в процессе перехода к устойчивому развитию. Ведь новая модель человеческого существования будет учитывать не только высокую степень развитости в экономическом плане, но и уровень потребления ресурсов (особенно невозобновимых) и экологическую безопасность, и демографическую специфику и т. п. А это в принципе делает страны с богатыми природными ресурсами (и особенно биоразнообразием), обширной территорией, низким потреблением ресурсов населением и другими аналогичными характеристиками более перспективными в плане перехода на новую модель развития. К числу такого рода стран, прежде всего, относится Россия, которая в ближайшие десятилетия скорее всего сможет быстро выйти в лидеры, но не старой, а новой модели – устойчивого развития при наличии политической воли руководства страны.

Каждая страна должна будет внести свой вклад в снижение антропогенного пресса на биосферу и важно в глобально-международном аспекте договориться, на каких конкретных принципах это будет происходить. Ясно, что это возможно осуществить в стратегической перспективе, основываясь лишь на принципах устойчивого развития, но это – концептуально-инновационные принципы. Далее важно в глобальном плане уточнить критерии, индикаторы и системные показатели (индексы) безопасности, в особенности в плане снижения антропогенного воздействия на биосферу, договориться об обязательствах каждой страны по квотированию этих нагрузок в перспективе последующей релаксации биосферы. Это касается снижения загрязнений, потребления ресурсов, стабилизации численности населения, создания и внедрения эколого-безопасных технологий, отказа от освоения дикой природы, сохранения биоразнообразия и других мероприятий, способствующих оптимальному использованию системы квот в глобально-страновом пространстве с целью возврата антропогенного воздействия в допустимые для устойчивого развития пределы ёмкости биосферы. Ряд важных направлений деятельности в этом плане намечен в восьмом разделе «Экология живых систем и рациональное природопользование» Стратегии–2020.

Можно понять, почему мировоззренческие и концептуально-стратегические проблемы оказались более привлекательными на начальном этапе осмысления проблемы устойчивого развития по сравнению с практическими действиями. Ведь необходимо было вначале осознать, что представляет собой устойчивое развитие как форма дальнейшего цивилизационного существования и прогресса, поскольку она оказалась принципиально новой. Эта инновационная форма цивилизационного развития не была предсказана и развита ни одним достаточно распространённым обществоведческим направлением (теорией). Причина этого в том, что гуманитарии мало внимания уделяли будущему и видели его в «формате» модели неустойчивого развития. Существование человечества при этом неявно предполагалось вечным, по крайней мере, на ближайшие столетия. И это было одним из основных заблуждений прошлого, да и в значительной степени ещё и современного социально-гуманитарного знания.

Оказывается, нужно было обратить пристальное внимание на проблемы окружающей среды, чтобы понять невозможность дальнейшего бытия человечества в условиях опасной и неустойчивой модели (формы) современного цивилизационного процесса. Это был своего рода эколого-футурологический «крах» всего обществоведения или, во всяком случае, той его части, которая «отвечала» за объяснение сути происходящего и так или иначе пыталась заглянуть в обозримое будущее.

Здесь мы должны признать нелинейный характер развития упомянутой части социально-гуманитарного знания. Многие из того, что «наработало» обществоведение, оказалось малоприменимым для адекватного стратегического видения будущего и явно противоречило выживанию человечества. Да и сама идея устойчивого будущего появилась лишь потому, что пришлось обратить внимание на проблемы экологии, окружающей общество природной среды, т. е. выйти из социального мира в социоприродное измерение, что было не характерно для основной части социально-гуманитарного знания. И именно этот выход в более широкую систему бытия и, соответственно, более широкий взгляд на будущее развитие человечества привёл к принципиально новой идее безопасной эволюции цивилизации. В нашем сознании начали происходить кардинальные трансформации, своего рода нелинейный переход к альтернативному традиционному, к «иному будущему», чем тот его образ, который ранее представлялся большинству обществоведов, акцентировавших свой научный поиск в основном на прошлом человечества.

В самой идее развития, которая в социальной и социоприродной сферах деятельности превратилась в концепцию устойчивого развития, проявилось это «нелинейное мышление». Степень этой нелинейности увеличивается, если появляются, реализуются и усиливаются нововведения. Однако «чисто» инновационный путь развития в принципе не может реализоваться в ходе эволюции, он должен дополняться сохранением уже существующих социальных систем (обеспечением их безопасности).

В последнее время произошли научные открытия и появились концепции, которые позволяют по-новому взглянуть на процесс эволюции и, в частности, – универсальной эволюции. Мы не говорим об эволюции во Вселенной, поскольку сейчас уже предполагается, что Вселенная не одинока и не представляет собой Уни-версум, «единолично» вмещающий в себя всё сущее. То, что мы именовали Вселенной, в новейшей космологии, мыслится уже как одна из минивселенных, в совокупности представляющих «многоликий» Мультиверс.

Расширение наших представлений на проблему эволюции и принципиально новое видение универсальной эволюции в значительной степени было вызвано открытием, так называемой, тёмной энергии (и особенно тёмной энергии), которая занимает подавляющую часть всего материального содержания мироздания.

На прогрессивной линии эволюции, действующей во Вселенной с момента Большого Взрыва, реализуется ряд принципов (законов), главные из которых – это принцип эволюционного консерватизма и принцип эволюционных инноваций (законов), главные из которых (принципами), детерминирующими главную и непрерывную магистраль (супермагистраль) универсальной эволюции¹. Принцип эволюционного консерватизма заключается во включении уже созданных материальных структур в процессе прогрессивного развития в последующие, более высокие по уровню развития материальные структуры. Это позволяет эволюционному процессу сохранять накопленную неэнтропию и не «начинать всё с нуля», а продолжать дальнейшее усложнение в ходе самоорганизации, повышать информационное содержание развивающихся систем. Кроме того, реализация этого принципа обеспечивает минимальное увеличение энтропии в эволюционном процессе. Принцип эволюционных инноваций требует появления новых элементов, связей, повышения сложности и организацию, без чего дальнейший прогресс материальных систем невозможен. Однако не всякое нововведение может быть воспринято эволюционирующей системой, а только то, которое не отторгается всем тем (по принципу действия напоминает иммунную систему организма), что уже было достигнуто до этого.

В процессе эволюции происходит взаимодействие упомянутых двух принципов – эволюционного консерватизма и инновационного принципа, и в результате система либо воспринимает нововведение, либо отторгает его. Восприятие инновации ведёт к усложнению эволюционирующей системы, обеспечивая ей более высокий уровень динамической устойчивости, равновесия со средой и конкурентоспособности в эволюции, в особенности универсальной эволюции. Эта взаимосвязь «прогрессивных инноваций» и «позитивной преемственности» проявляется и в переходе к устойчивому развитию, причём само наименование этого типа развития включает в себя взаимосвязь упомянутых выше принципов эволюции.

ИССЛЕДОВАНИЕ БУДУЩЕГО И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Осознание необходимости перехода к новой модели и стратегии развития, как выше отмечалось, произошло благодаря анализу проблем безопасности человеческого существования. Однако немалую роль здесь сыграло и новое видение будущего, которое хотелось бы иметь с точки зрения будущих поколений проживающих на планете людей. Не случайно, что доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (доклад Брундтланд) получил название «Наше общее будущее». Именно благодаря этому докладу стало понятным, почему надо гораздо более пристальное внимание уделять исследованию и планированию будущего. И попытаться изменить современную форму (модель) развития в пользу дальнейшего непрерывного и безопасного существования человечества.

В большей части Вселенной – космическом вакууме, где всё постоянно, господствует покой как пока малопонятная нам форма самосохранения материи в отсутствии всякого движения. Это означает, что космический вакуум, составляющий почти три четверти Вселенной, – это состояние, где нет процессов, поскольку процессы предполагают какую-то динамику, изменения, эволюцию.

И всё же можно предполагать, что какие-то виртуально-постоянные трансформации присущи космическому вакууму, по крайней мере, тому его состоянию, которое предшествовало Большому Взрыву. Ведь этот взрыв – это взрыв того состояния материи, которое соответствует «реликтовому» состоянию космического вакуума, или «правакуума», фазовый переход которого (или квантовая флуктуация) привёл к Большому Взрыву. Возможно, что нынешний космический вакуум (тёмная материя) обездвижен, но вакуумное состояние, ему предшествующее, явно было чревато будущим Большим Взрывом и содержало в себе некую «скрытую пружину», выстрелившую из его «недр» в иное будущее.

Поэтому «правакуумное состояние» потенциально содержало в себе ту форму самосохранения материи, которую называли движением (изменением). Но, возможно, Большой Взрыв разделил эти два состояния мироздания (реально неподвижное и потенциально изменяющееся) на два принципиально разных мира: мир нынешнего неподвижного космического вакуума и изменяющейся, движущейся вещественной Вселенной.

Казалось бы, процессы эволюции (особенно устремляясь по главной магистрали универсальной эволюции) свидетельствуют об «отходе» от приоритета самосохранения в «пользу» изменения и развития. Однако эволюция, на мой взгляд, прежде всего, происходит опять-таки «во имя» сохранения материальных образований: увеличение их информационного содержания в процессах развития «подчинено» именно сохранению материальных систем. Чем больше система накопит неэнтропии (информации), тем ей гарантирован более долгий срок существования в условиях окружающей среды с её неблагоприятными, способствующими росту энтропии, воздействиями. В вещественной Вселенной, которая не может самосохраняться как космический вакуум в неподвижной форме, процессы движения «преследуют цель» сохранения того, что уже было «накоплено» предшествующей эволюцией, но только на супермагистрали универсальной эволюции (и не столь долговечно – на других направлениях нерегрессивных форм развития).

¹ См.: *Галимов Э.М.* Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: 2001; *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы). М.: 2007; *Урсул А.Д.* Научная картина XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция // Безопасность Евразии. 2009. № 1; *Панов А.Д.* Универсальная эволюция и проблема внеземного разума (SETI). М.: 2008.

Установление «космологического приоритета» сохранения перед изменением имеет важные мировоззренческие последствия. Если в «памяти» деятельности социального индивида доминирует установка на сохранение, то отсюда становится понятным, почему делается акцент на настоящем и сохранении существующего, а не на будущем. Самосохранение индивида предполагает сосредоточение основных усилий на настоящем, «здесь и сейчас», а не на других периодах времени. Что-то делать во имя будущего с этих позиций означает отвлекать внимание от настоящего, что-то от него отнимать в пользу непонятого и неизвестного будущего. В принципе подобная схема рассуждений характерна для поведения большинства индивидов в модели неустойчивого развития, для которой это считается социальной нормой. Однако для модели устойчивого развития эта темпорально-деятельностная установка оказывается неприемлемой.

При анализе роли и взаимосвязи трёх темпомиров в большинстве сфер социальной деятельности в модели неустойчивого развития обращает на себя внимание чётко установленная их асимметрия, или лучше сказать, неравенство. Это «деятельностное неравенство» заключается в том, что основное внимание уделяется прошлому и настоящему, а будущему находится где-то на периферии нашего внимания и интересов. Разумеется, в зависимости от рода деятельности пропорции в отношении темпомиров (т. е. прошлого, настоящего и будущего) оказываются разными. Но то, что будущее оказывается не в «почёте» – это достаточно очевидно, и известный афоризм «после нас хоть потоп», демонстрирует это «пренебрежение» будущим в нынешней модели социально-экономического развития.

Причём в некоторых областях деятельности это даже теоретически и институционально узаконено, что достаточно очевидно на примере научной деятельности. Так, в науке занимаются поисками и доказательствами существования разного рода истин (преимущественно в форме фактов и законов). Однако истина как форма знания существует только во временном диапазоне прошлого и настоящего, но никак не будущего. Этот «исторический характер» основной формы научного знания связан с тем, что истина является адекватным отображением реальности, т. е. того, что существует или ранее существовало, но не того, что будет или может быть, но пока ещё не существует. Но существование любого объекта не «разорвано» во времени, оно предполагает его продление за пределы настоящего и происходящего. Эпистемологический феномен истины, по крайней мере, в традиционной теории познания «останавливается» перед будущим и также требует своего обобщения и «футуризации» на этот период времени. В традиционном понимании понятия обнаруживается временной разрыв (своего рода «великая китайская стена») как нарушение темпоральной целостности.

Истины любые, в том числе истины, добываемые наукой, проверяются и подтверждаются практикой. Но практика в темпоральном ракурсе – это материальная социальная деятельность, которая имела и имеет место только в прошлом и настоящем. Конечно, она, так или иначе, простирается и в будущее, но это виртуально-футуристическое продолжение не является пока ещё практикой, т. е. она реально не существует. Между тем требование временной фиксации истины в прошлом или настоящем весьма существенно. Ведь на крутых поворотах истории то, что сейчас считается истиной может не получить своего продолжения в будущее, хотя бы в силу случаев нелинейности времени в бифуркационной фазе существования материальных процессов.

Тем самым имманентная взаимосвязь практики и истины существует только в прошлом и настоящем. Будущее как-то подразумевается, и оно появится в силу принципа темпоральной целостности, т. е. взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Но появление будущего в том, или почти в том же виде, как это было в предшествующих темпомирах, возможно в случае их линейной связи, ведущей к экстраполяции ныне происходящих тенденций на будущее.

Вот почему будущее весьма слабо вписывается в ставшую традиционно-канонической академическую концепцию «истинностно-практической», фактично-эмпирической науки. Провозглашение истины и практики в качестве определяющих «аксиом» научной деятельности выталкивает будущее на периферию научного поиска. Конечно, будущее в науке так или иначе подразумевается и присутствует, но лишь в качестве не одного из основных, а «остаточно-маргинального» предмета в основном мыслительной деятельности. И не в том же академическом статусе, что прошлое и настоящее. Во всяком случае, что-то не припоминается, чтобы кто-то из учёных получил учёную степень или престижную премию только за прогнозы, исследование будущего. За них скорее ругают, чем хвалят, по крайней мере, предсказателей погоды и астрологов.

Между тем любая социальная деятельность даже (и особенно в сфере безопасности) требует определённого отношения к будущему, хотя бы в плане своего эффективного продолжения или кардинального изменения. О будущем ранее мало задумывались (идеологическая ориентация в советские времена на «светлое будущее» не в счёт) хотя бы потому, что считалось, что человечество будет ещё долго существовать на нашей планете, оно, если и погибнет, то ещё не скоро и уж, конечно, не в ближайшие десятилетия или столетия (в отсутствие антропогенных и природных катаклизмов).

Подобное продление «мирного» бытия человечества в будущее теперь оказалось под большим сомнением, в силу негативного воздействия на биосферу даже мирной антропогенной деятельности в условиях глобально-планетарных ограничений (глобальных проблем). Оказалось, что вполне мирная человеческая деятельность развивается по очень опасной траектории, опять-таки чреватой всемирным (планетарным) социально-экологическим катаклизмом, а, возможно, и предполагаемым омницидом (гибелью всего живого в биосфере).

Понимание такого возможного и трагического конца человеческой истории привело к осознанию существенной ущербности всего предшествующего развития и прежде всего в его экономическом направлении. Не вдаваясь в причины такого типа экономоцентрического развития (а, по сути роста), получившего наименование неустойчивого развития, стоит обратить внимание только на то, что осмысление его трагического финала стимулировало повышение интереса к будущему. Именно поэтому, как уже отмечалось, первый обстоятельный доклад международных экспертов, предложивших новую концепцию развития миро-

вого сообщества, получил характерное название «Наше общее будущее» (М., 1989). В нём предлагаются меры, с помощью которых стратегия устойчивого развития выступит в качестве «ариадниной нити» по «лабиринтам» и неопределённым грядущим. Смена курса (стратегии, модели) развития от опасно-неустойчивого к безопасно-устойчивому даёт шанс преодолеть возможную глобальную бифуркацию в её неприемлемой для цивилизации катастрофической версии. Появляется возможность не продолжать движение по неустойчиво-кризисному пути, а выйти на спокойно-эволюционную магистраль выживания и дальнейшего продления бытия цивилизации уже в новой – устойчиво-безопасной форме.

Интерес к будущему, видимо, возникает, причём в острой форме, когда динамика развития входит в «режим с обострением», в бифуркационную фазу, причём этот интерес опять-таки связан с проблемой выживания: сохранится ли в будущем данная материальная система (например, цивилизация или конкретная страна) или ей уготован трагический финал? Так или иначе, проблема сохранения (в частности, для систем с управлением – обеспечения безопасности) оказывается приоритетной по отношению к изменению и развитию. И если социальная (разумная) система готова совершить изменения, то, прежде всего для того, чтобы эти вынуждаемые трансформации в последующем привели к её сохранению и возможности продолжения дальнейшего существования. В этом уже видится более глубокий смысл взаимосвязи сохранения и изменения материальных систем в нашем мироздании, где «господствует» принцип существования через сохранение.

В проблеме устойчивого развития особое внимание уделяется будущему, его формированию из настоящего. В модели устойчивого развития подход к изучению будущего в основном был «линейным»: будущее выводилось из тенденций прошлого и настоящего, что и предполагает традиционно понимаемый экстраполяционно-исторический подход. Между тем в процессе всё более глубокого осознания проблемы устойчивого развития будет происходить сдвиг акцентов с изучения прошлого и настоящего на будущее. Этот процесс имеет смысл именовать футуризацией (от лат. *futurum* – будущее), который призван восстановить темпоральную целостность научного познания (и других сфер деятельности), включив в него будущее как органическую составляющую исследовательской деятельности.

Темпоральная целостность как основная форма существования временной реальности заключается в том, что три момента, модуса, или периода времени (тепомыры), которые мы именуем прошлым, настоящим и будущим, находятся в неразрывном единстве¹. Иногда в этом усматривается даже наличие трёх измерений времени, а их взаимосвязь трактуется как четвёртое измерение.

Так, М. Хайдеггер в докладе «Время и бытие», прочитанном в 1962 г. во Фрейбургском университете, пишет: «Чем же, однако, обусловлено единство трёх измерений собственно времени, т. е. трёх разыгрывающихся во взаимной игре способов протяжения его каждый раз особого присутствия? Мы слышали уже: как в наступлении ещё-не настоящего, так и в осуществлённости уже-не настоящего, и даже в самом настоящем разыгрывается каждый раз свой род касания и вовлечения, т. е. присутствия. Подлежащее такому осмыслению присутствие мы не можем отнести к одному из трёх измерений времени, а именно, как это напрашивается, к настоящему. Скорее единство трёх измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, т. е. как бы четвёртым измерением – не только «как бы», но по сути дела.

Собственно время четырёхмерно.

Что, однако, мы называем при перечислении четвёртым, по сути дела – первое, т. е. всё собою определяющее протяжение. Им несомненно в наступающем, в осуществившемся, в настоящем их каждый раз особое присутствие, в его просвете они разведены между собой и тем сведены во взаимной близости, из-за которой три измерения оказываются близки друг другу. Потому первое, начальное, в буквальном смысле за-чинающее протяжение, в котором покоится единство собственного времени, мы называем близящей близостью, «близью» – ранее, ещё Кантом употребляемое слово. Но она близит наступающее, осуществившееся, настоящее друг с другом, их от-даляя. В самом деле, она держит осуществившееся открытым, отклоняя его наступление в качестве настоящего. Это близие близи держит открытым наступание из будущего, отказывая настоящему в настоящем. Близящая близость имеет характер отклонения и отказа. Она заранее со-держит способы протяжения осуществившегося, настоящего и настоящего в их взаимном единении»².

Эта взаимосвязь трёх модусов, измерений или, как я предпочитаю называть, темпомиров и выражается в принципе темпоральной целостности упомянутых Хайдеггером длительностей как специфическом атрибутивно-временном способе бытия. По крайней мере, материальный мир существует и будет существовать не иначе, а только в органической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, которое в своей темпоральной целостности простирается на всю предполагаемую и известную нам историю мироздания.

Футурологический подход, как это ни странно покажется так называемым себя реалистам, является наиболее конструктивным, поскольку только в будущем можно создать то, что уже невозможно было реализовать в предыдущих ему темпомирах. И даже реалисты, которые говорят, что они акцентируют своё внимание на настоящем, наиболее эффективно работают, если мыслят и действуют превентивно-опережающим образом. В человеческой деятельности важно, как уже отмечалось, опираться на все три модуса времени, особенно если это касается проблем устойчивого развития.

Принцип темпоральной целостности как принцип деятельности выступает как своего рода «закон сохранения времени», который отражает необходимость учёта взаимосвязи и количественных параметров трёх темпомиров. Если его применить к любой человеческой деятельности, то в совокупности с законом сохранения энергии, это означает, что акцент на каком-то одном темпопериоде (сосредоточение энергии и средств на этом периоде) приводит к тому, что уделяется меньше внимания другим периодам времени. А это ведёт к «темпоральной дисгармонизации» деятельности (закона сохранения системной целостности

¹ См.: Урсул А.Д. Научная картина мира XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

² Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: 1993. С. 400.

времени) и объективно требует её оптимизации в отношении трёх темпоральных миров. Поэтому процесс футуризации человеческой деятельности (в данном упомянутом случае научного познания) вместе с тем означает оптимизацию временной стратегии этой деятельности, исходящей из принципа темпоральной целостности как своеобразного, ещё не изученного «закона сохранения времени».

Существуют две основные формы (направления) исследования будущего (как его мыслительного созидания), исходящие из приоритета либо объекта, либо субъекта этого исследования. «Объективное» исследование будущего, это то, которое часто именуется исследовательскими (дескриптивными) прогнозами, когда роль субъекта не принимается во внимание, либо он также исследователями представляется как объект. Этот тип прогнозирования предполагает исследование будущего как объективно длящегося вслед за настоящим с целью выявления возможных тенденций или сценариев развития, которые могут повлиять на выбор и принятие к реализации желаемых траекторий развёртывания изучаемого процесса.

Второй тип исследования будущего исходит из потребностей, интересов и желания субъекта и содержит в себе образ будущего, который в той или иной степени «устраивает» тех, кто формирует такой нормативный прогноз. Вполне понятно, что прескриптивный (нормативный) прогноз базируется на исследовательских прогнозах, но акцентирует внимание на субъективной стороне будущего, которое исходит из видения исследователя и возможности управления процессом созидания «потребного» грядущего. Оно представляется уже как субъективно-объективный процесс прогнозирования и вместе с тем планирования, созидания иных мыслительных форм видения будущего, ведущих к его изменению в необходимом для субъекта направлении.

Устойчивое будущее представляет собой именно подобный нормативный прогноз, который в той или иной степени может реализоваться в зависимости от принятия соответствующих мер конкретным субъектом. В случае устойчивого будущего речь идёт о глобальном, либо сильно глобализированном человечестве, которое сможет перейти к новой цивилизационной стратегии лишь в своём планетарном единстве и целостности.

Переход к устойчивой цивилизации предполагает всё более широкое использование такого инструмента исследования будущего как стратегическое планирование, которое может определять стратегию развития либо обеспечения безопасности конкретного объекта (чаще всего его используют для исследования деятельности корпоративных структур) на долгосрочную перспективу (обычно на срок более 10 лет). Из общего концептуального видения перехода к устойчивому развитию при стратегическом планировании выбирается лишь конкретный диапазон будущего и некоторая совокупность приоритетов, которые предполагается реализовать.

Было бы неправильно представлять, что всё, что составляет содержание стратегического планирования, будет полностью реализовано. Скорее всего, стратегический план представляет собой более или менее детализированную цель будущего развития, имеющего объективную (исследовательскую) и субъективную (нормативную) составляющие.

Например, в Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г., принятой Правительством РФ в ноябре 2008 г., будущее развитие видится в основном как инновационное социально ориентированное развитие. Инновационное социально ориентированное развитие делает акценты на тех аспектах, которые представляются наиболее важными для перехода к более сбалансированному, в перспективе целостно-устойчивому развитию нашей страны. Устойчивое развитие представляет собой более целостную эволюционную систему, чем упомянутое инновационное социально ориентированное развитие. Это последнее лишь составляющая будущей «устойчивой эволюции» человечества, которая наиболее актуальна в нынешних российских условиях. Однако в современной России в условиях глобального экономического кризиса выход из него в долгосрочной перспективе видится именно через переход к устойчивому будущему, но при условии реализации Стратегии–2020 (т. е. того же периода, что и упомянутая выше Концепция). Устойчивое развитие представляется после переходного периода от плановой к рыночной экономике той самой инновационно-стратегической целью очередного этапа развития не только России, но и всего мирового сообщества. Этот тип развития ориентирует на наше общее долгосрочное будущее, бескризисное и сбалансированно-безопасное развитие общества. Расстановка разных акцентов Стратегии–2020 и Концепции–2020 вызвано не только тем, что их готовили разные «команды», но и определёнными объективными обстоятельствами. Одна (стратегия) акцентирует внимание на проблемах безопасности (сохранения), тогда как другая (концепция) – на проблемах развития, для которых существуют хотя и взаимосвязанные, но всё же не полностью совпадающие стратегические национальные приоритеты. Эти приоритеты необходимо было связать таким образом, чтобы они не только не противоречили бы друг другу, но и создавали бы необходимый для перехода к устойчивому будущему системно-синергетический эффект.

Прежняя концепция национальной безопасности, основные идеи которой были сформулированы ещё в 1997 г., отражала период развития страны в 90-ые годы прошлого века. Этот период уже оказался позади, и сейчас, несмотря на глобальный кризис и «текущие» трудности и проблемы, появилась возможность нового взгляда на общее будущее человечества, которое при умелом его формировании из настоящего может стать важным шагом на пути к устойчиво-ноосферной цивилизации.

Стратегия–2020 должна создать необходимые условия для реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г., обеспечить безопасность её эффективного осуществления. Ведь по сравнению с предыдущей редакцией Концепции национальной безопасности (которая, кстати, просуществовала примерно тот же период времени, на который рассчитана обсуждаемая здесь Стратегия–2020) появились новые угрозы, которые носят качественно другой, в том числе и глобальный характер. Ряд угроз национальной безопасности страны, хотя и не исчезли, но потеряли свою актуальность. Поэтому важно сопоставить систему существующих сейчас и в обозримом будущем опасностей и угроз с

новым видением наших национальных интересов и это нашло своё отражение как в Стратегии–2020, так и в Концепции–2020.

Надо сказать, что долговременные цели развития, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, содержащиеся в Стратегии–2020 и Концепции–2020 гораздо более взаимосвязаны, чем в предшествующих им аналогичных официальных документах. Однако видно, что их готовили разные ведомства и разные «команды», которым необходимо было согласовать между собой то общее, что должно было представлять собой единое «стратегическое целое» в плане социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ. Концепция–2020 и Стратегия–2020, в которых гораздо больше прослеживается взаимосвязь, отличаются от прежних концепций и стратегий, когда социально-экономическое развитие страны было весьма слабо увязано с проблемами обеспечения её безопасности, представляя собой фактически автономные сферы социальной деятельности. Да и сроки принятия прежних концепций и стратегий не были столь близки по времени их разработки и принятия как сейчас (конец 2008 г. для Концепции–2020 и начало 2009 г. для Стратегии–2020).

На заседании Совета безопасности РФ был рассмотрен важный документ методологического характера «Основы стратегического планирования», предусматривающий как подготовку соответствующих прогнозных документов, так и необходимых нормативно-правовых актов. Стратегическое планирование представляет собой, как отмечалось на упомянутом заседании Совета Безопасности РФ, важнейший фактор как устойчивого развития страны, так и обеспечения национальной безопасности. Подобный методологический документ необходим для дальнейшего формирования стратегических планов в любой сфере деятельности и устранения ведомственной разобщённости.

Единая методология стратегического планирования важна не только для понимания роли будущего, но и для устранения управленческой раздробленности как в отраслевом, так и в территориальном плане (что предполагает создание общей для такого планирования нормативной базы). Появляется возможность при разработке государственных и других управленческих документов пользоваться единой методологией стратегического планирования.

Основы стратегического планирования представляют собой единый механизм нормативного прогнозирования на длительную перспективу, где обеспечение национальной безопасности и дальнейшее движение по пути устойчивого развития будут ещё теснее связаны в единую концептуально-деятельностную систему. В статье 100 Стратегии–2020 подчёркивается, что организационная поддержка её реализации заключается в совершенствовании государственного управления страной, а также в развитии системы национальной безопасности на основе механизмов стратегического планирования устойчивого развития России и обеспечения национальной безопасности под руководством Президента Российской Федерации.

Возникает вопрос о характеристиках, критериях и индикаторах национальной безопасности, охватывающих все виды безопасности, входящие в широкое и комплексное понятие национальной безопасности. В Стратегии–2020 приведены наиболее значимые характеристики состояния национальной безопасности, которые включают в себя (см. ст. 112): уровень безработицы (доля от экономически активного населения); децильный коэффициент (соотношение доходов десяти процентов наиболее и десяти процентов наименее обеспеченного населения); уровень роста потребительских цен; уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень обеспечения ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники; уровень обеспечения военными и инженерно-техническими кадрами. Причём основные характеристики могут и будут уточняться в ходе ежегодного мониторинга состояния национальной безопасности, причём их число, на мой взгляд, будет возрастать.

И в этой связи важно соединить в одно целое перечень этих показателей национальной безопасности с показателями (индикаторами) устойчивого развития, которые уже предложены для измерения прогресса на пути к устойчивому развитию как на международном, так и на национальном уровне (например, в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», а также предложенных ООН). И хотя не все характеристики состояния национальной безопасности и прогресса по пути устойчивого развития будут совпадать (в силу специфики этих двух направлений деятельности), важно чтобы показатели национальной безопасности и индикаторы перехода к устойчивому развитию составляли бы единую систему, которая показывала бы как реализуются Концепция–2020 и Стратегия–2020 в их уже необходимой взаимосвязи.

В Стратегии–2020 вводится, на мой взгляд, новое и важное понятие приоритетов устойчивого развития, выражающих те основные характеристики, на которых на период до 2020 г. необходимо сосредоточить усилия и ресурсы и которые способствуют достижению необходимого состояния национальной безопасности (ст. 24 Стратегии–2020). Среди них:

- повышение качества жизни российских граждан путём гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается, прежде всего, путём развития национальной инвестиционной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путём укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнёрства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счёт сбалансированного потребления и развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнёрство, которое укрепляется на основе активного участия России в многополярной модели мироустройства.

Как видим, эти приоритеты не во всём совпадают с приоритетами национальной безопасности. Но так и должно быть, поскольку обеспечение безопасности преследует цель сохранения объекта, а устойчивое развитие – его дальнейшее изменение по пути прогресса.

ПРИОРИТЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАЗВИТИЮ

Если сохранение материи как основная форма её бытия оказывается доминирующей во Вселенной, то это кардинально меняет наше представление об эволюции вообще и об универсальной эволюции в особенности. Ведь ранее эволюция как процесс распространялась на всё мироздание, считалось, что так или иначе в этот процесс «втянуты» все реальные и возможные материальные образования. Однако если доминирующий принцип бытия материи заключается в сохранении материальных образований, то полноценный эволюционный «пропуск» получает лишь несколько процентов наиболее активного материального содержания нашего мироздания¹.

Эволюционные процессы – это наиболее редкие во Вселенной (и, возможно, в Мультиверсе) феномены, которые «преследуют» общую для всех материальных образований «цель» – самосохранение эволюционирующих материальных систем. Но это самосохранение происходит наиболее необычным для материи способом – через особый тип развития, который именуется самоорганизацией и, в конечном счёте, преследует цель «увечковечения» соответствующих материальных образований. Для этого им приходится изменяться, увеличивая информационное содержание, понижая свою энтропию (хотя бы для того, чтобы сохранить ранее накопленную негэнтропию).

Эволюция «имеет место» (как говорит М. Хайдеггер) не просто потому, что всё движется, изменяется и этому нет альтернативы, а для сохранения материи и её конкретных проявлений (образований). Это одна из форм (причём пока эволюционно высшая форма) или способов самосохранения материи как её существования. Эволюция (особенно прогрессивная) – это сохранение материи через изменение, движение. Наиболее эффективным способом является сохранение материальных образований через их прогрессивное развитие, что может оцениваться и характеризоваться с помощью информационного критерия развития. Наиболее низкое информационное содержание характерно для тёмной энергии, в которой либо нет информации, либо она представляет собой некоторое «вселенское множество» с минимальным разнообразием, поскольку определяется пока всего лишь двумя характеристиками – плотностью энергии и отрицательным давлением.

Однако и здесь существует определённая мера, а именно: прогрессивное развитие должно быть устойчивым, не выходить за определённые пределы скорости и другие темпоральные (и иные) параметры. Именно этот тип прогрессивного развития может быть назван устойчиво-эволюционным развитием, или применительно к социоприродным системам – просто устойчивым развитием.

По отношению ко всей материи в мироздании можно говорить о приоритете её сохранения по отношению к изменению как об основной закономерности её бытия. Что касается вещественной Вселенной, где сосредоточена барионная её форма, речь, пожалуй, пойдёт о превалировании изменения по сравнению с сохранением, причём особый интерес представляют процессы повышения негэнтропии, т. е. увеличении информационного содержания материальных систем в ходе их самоорганизации. Здесь уже применимы понятия синергетики и информатики в их «атрибутивной ипостаси» и широком понимании.

Фундаментальность свойства сохранения материальных систем по отношению к развитию так или иначе проявляется и в тенденции к увеличению длительности их существования. Бытие и время «объединяются» в том, что бытие стремится как можно дольше продлиться и тем самым материальная система продлевает длительность своего существования. Но такое продление бытия через сохранение в вещественной Вселенной возможно только в какой-то окружающей среде, которая обеспечивает «безопасное» существование и ряду из них сохранение в своей относительно изолированной системе. Необходимо сразу же обратить внимание на то, что для сохранения элемента или части экосистемы важно, чтобы эта экосистема была в ряде отношений стабильно-устойчивой. И здесь лучшим примером является наша планета Земля. Длительность существования, входящего в планетарную экосистему достаточно сложного элемента, не может быть больше такой же длительности времени этой экосистемы (понятно, что простейшие элементы, например, некоторые элементарные частицы могут существовать и более длительный период времени, но они являются простейшими составляющими не планеты, а всей Вселенной, на определённом этапе эволюции которой они появились).

Если признать, что сохранение материальных образований как форма их существования доминирует в мироздании (и в этом смысле оно претендует на онтологическую первичность), то можно процессы развития рассматривать и сквозь «призму» концепции безопасности (или сохранения существующих материальных систем). В общей теории развития различают три основные формы развития – прогрессивное, регрессивное и нейтральное (или одноплоскостное). Другие формы развития складываются из этих основных форм.

При прогрессивном развитии происходит усложнение материальных образований, рост их организации и структурированности, что ведёт к увеличению их информационного содержания и тем самым к увеличению негэнтропии. Именно благодаря этому эволюционирующие материальные системы с ростом их информационного содержания оказываются более устойчивыми в окружающей их среде, в которой могут быть как позитивные для системы ресурсы и факторы, так и негативные, которые не способствуют сохранению системы, увеличению её информационного содержания.

Эти негативные факторы существуют как в форме реальных процессов и сил, так и возможных, которые ещё не стали влиять на систему, но могут в определённых обстоятельствах (условиях) вести к тому

¹ См.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1; он же: Научная картина мира XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

или иному деструктивному воздействию на систему. В этом случае будет происходить регрессивное развитие системы под влиянием внешних либо внутренних негативных факторов.

Подобные негативные процессы и факторы, реально либо потенциально воздействующие на материальное образование и не способствующие его сохранению в науках о безопасности именуют опасностями. Опасность – это объективно (либо субъективно) существующий фактор реального либо потенциального негативного воздействия на материальный объект, в результате которого ему может быть причинён какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательные динамику или параметры (характер, темпы, формы и т. д.)¹.

Все негативные факторы подразделяются на вызовы, риски, потенциальные и реальные опасности или угрозы как наиболее конкретные и непосредственные формы опасности, направленные на ту или иную степень разрушения материального объекта. В Стратегии–2020 введено понятие «угроза национальной безопасности», которая определяется как прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства. В конечном счёте, опасности и угрозы направлены против сохранения перечисленных объектов обеспечения национальной безопасности.

В тех случаях, когда объект имеет биологическую либо социальную природу, речь идёт об обеспечении безопасности объекта как сохранения его природы, качества и длительности существования. В информационно-синергетическом плане можно говорить о сохранении информационного содержания материальных объектов.

Сохранение этих объектов в вещественной Вселенной возможно только на прогрессивной линии эволюции, в особенности при самоорганизации материальных систем либо при нейтральных изменениях материальных объектов, (когда развитие не происходит ни в прогрессивном, ни в регрессивном направлении). Нейтральное развитие совершается без подъёма вверх и без снижения вниз, т. е. как бы в одной плоскости (из-за чего эту форму развития иногда называют одноплоскостным развитием – например, в биологии – это алломорфизм). Изменения в объекте происходят, но они не увеличивают его информационного содержания, оно остаётся постоянным или почти таким, т. е. либо немного увеличивается, а затем снижается, но таким образом, что объект сохраняется в своём прежнем виде, не меняя своей природы и качества бытия.

Однако такая нейтрально-одноплоскостная форма развития, хотя теоретически свидетельствует в пользу сохранения объекта, практически всё же оказывается неустойчивой. Большинство воздействий и аттракторов на материальную систему с таким типом развития начинают её сдвигать либо в прогрессивном, либо в регрессивном направлении. Эта неустойчивость нейтрально-одноплоскостного развития свидетельствует о том, что сохранение степени организованности и качества объекта всё же более реально на пути самоорганизации, т. е. прогрессивного развития (в биологии это, например, ароморфозы). Но в этом варианте самосохранения объекта для того, чтобы сохранить свою природу, ему придётся изменяться в сторону увеличения своего информационного содержания. Сохранение материального объекта через самоорганизацию (прогрессивное развитие) приводит к его качественным изменениям. Но это естественный процесс смены качества на пути прогрессивного развития и он непрерывно происходит на супермагистрале универсальной эволюции.

И хотя здесь выделяется нейтрально-одноплоскостной тип развития, тем не менее, он не представляет для эволюции существенного значения, так как легко переходит либо в регрессивную либо прогрессивную ветвь эволюции. Сохранение длительное время этого типа развития (по сути, одного и того же информационного содержания объекта) невозможно, поскольку для этого необходимы соответствующие механизмы защиты (или изоляции) материальной системы от неблагоприятных воздействий окружающей среды. А такая изоляция приводит к тому, что полезные воздействия среды ряд необходимых ресурсов также не попадают в эволюционирующую систему и это приводит в основном к регрессивному развитию (самодезорганизации), как это следует из второго закона термодинамики. Поэтому основными формами эволюции являются прогрессивно-самоорганизационные и регрессивно-деструктивные процессы.

Рассмотрение проблемы безопасности совместно с проблемой развития приводит к становлению новой методологической базы исследования процесса перехода к устойчивому развитию. Соответственно, эти принципы будут формировать и новую социокультурную и соционормативную среду, которая придёт на смену современной, обеспечивающей «нормальное» функционирование модели неустойчивого развития. Теперь уже с позиций модели устойчивого развития нынешняя модель цивилизационного развития будет выглядеть как «ненормальная», хотя она и сформировалась стихийно-естественным образом, в том числе и под влиянием соционормативных систем.

Реальный переход к устойчивому развитию начнётся только тогда, когда эта должная форма развития начнёт постепенно и опережающе включаться (и всё больше заменять её) в реальную нормативно-правовую, политическую и другие социокультурные нормативные системы, включая мораль и даже религию, несмотря на её консервативность и большую приверженность нынешней модели развития. Таким образом, в XXI веке будут параллельно и одновременно существовать две основные соционормативные системы – одна (сущяя), которая за норму считает прошлое и современное развитие человечества и другая, которая создаёт будущую новую (должную и желаемую) «норму», виртуальную, которая формируется вначале на теоретическом уровне в модели устойчивого развития.

Понятие устойчивого развития фактически выступает синонимом более «нормального» будущего развития, где может быть достигнут такой уровень безопасности планетарной социоприродной системы,

¹ См.: Опасность // Безопасность России. Словарь терминов и определений. Рук. авт. колл. А.Д. Урсул. М.: 1998. С. 13.

который обеспечивает выживание человечества и его неопределённо долгое существование. В модели неустойчивого развития механизм обеспечения «нормального» функционирования общества носит в основном локальный (точечный) и кратковременный характер, а сама эта модель представляет собой в целом опасную и нестабильную среду для дальнейшего существования человека и человечества.

Если бы эта среда (природная и антропогенная) существования человека и общества оказалась бы более безопасной, то уменьшилась либо вообще отпала бы необходимость в нормативно-защитных средствах, и система оказалась бы более открытой. Очевидно, что от этих средств в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности и негативные воздействия на общество и людей, которые трудно либо невозможно будет предвидеть и от которых необходимо защищаться. Однако часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена и создана более благоприятная, безопасная социокультурная среда обитания и развития, что и предполагает переход к устойчивому развитию.

В научной литературе довольно часто употребляется понятие «модель устойчивого развития», что имеет, по меньшей мере, двоякое значение: во-первых, то, что это ещё не существующий тип развития, который появится в будущем, а пока представляет собой концептуальную (или иную, например, компьютерную модель), т. е. некоторую виртуальную реальность. Во-вторых, «модель устойчивого развития» подразумевает формирование новой формы общественного развития, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые обеспечивают выживание и дальнейшее длительное прогрессивное развитие человечества и сохранение биосферы. Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социосистемы в планетарную несущую ёмкость, т. е. обеспечивающую двуединую задачу – выживание человечества и сохранение природной среды его обитания (биосферы).

До сих пор не существовало подходов к измерению степени и вероятности выживания человечества. Однако сейчас, в связи с формированием концепции и стратегии устойчивого развития можно предположить, что в какой степени цивилизация будет переходить от современной модели к модели устойчивого развития, в той же степени растёт вероятность её выживания. Если также предположить, что такой переход полностью обеспечит выживание человечества, то вероятность (коэффициент) выживания можно выразить через снижение антропогенного давления человечества на биосферу, на что обратил внимание А.П. Федотов¹ (существуют и другие подходы к измерению степени перехода к устойчивому развитию²).

Становление более безопасной среды обитания человека и цивилизации в целом в процессе перехода к устойчивому развитию означает, что существенная часть функций по обеспечению безопасности может быть обеспечена не защитой, а самим этим новым более нормальным типом развития, которое уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности в этом случае перестаёт быть основным и превращается в дополнительное средство обеспечения безопасности и его нормативно-регулятивных систем через устойчивое развитие.

Обратим внимание на то, что нормативное обеспечение формирования более безопасной широкой системы как среды существования человека и человечества требует изменения именно социальной сущности самой антропогенной деятельности. В современной модели эта деятельность носит экономоцентрический характер и человек руководствуется принципами личного интереса и выгоды. Этот процесс в обществе, во всяком случае, на глобальном уровне, приводит к стихийному взаимодействию этих часто несовпадающих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества (чего не «заметили» Ф. Хайек, его предшественники и адепты).

Идейный лидер неоллиберализма лауреат Нобелевской премии Ф.А. фон Хайек полагал, что нет никакой необходимости вносить в саморегулирующуюся рыночную стихию факторы рациональной плановости и государственного управления. Он считал, что общественные интересы совпадают с интересами субъектов рыночного процесса, хотя и являются побочными для них³.

Между тем, кажется странным, что упомянутый лауреат Нобелевской премии видит мировое сообщество лишь состоящим из индивидов как некий конгломерат или арифметическую сумму «атомарных» личностей. Если бы взаимодействий между компонентами цивилизации не было бы, они были бы хаотично разбросаны, то с этим можно было бы согласиться. Но уже в те времена, когда Хайек писал свои труды, происходили различного рода процессы интеграции фрагментов мирового социума, которые затем получили наименование глобализации.

Вряд ли Хайек не понимал, что на уровне обретения целостности мировым социумом в процессе глобализации не могут не появиться те специфические системные черты, о которых говорили его современники, занимающиеся системным подходом. С позиций этого подхода, очевидно, что, если человечество, ранее разрозненное по локальным и иным социумам, обретает в ходе антропогенно-глобальных процессов свою планетарную целостность, то у этой целостности возникают и всё ярче проявляются некоторые системные качества и характеристики. Их мы не обнаруживаем на уровне отдельно взятого рыночно-экономического субъекта, который и не думает об общечеловеческих интересах и ценностях, способствующих выживанию человечества. И эти системно-целостные характеристики, так или иначе, уже стали пред-

¹ См.: Федотов А.П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. Курс лекций. 2-е изд. М.: 2003.

² См. их обзор в книге: Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Социоприродное устойчивое развитие. М.: 2006. С. 67–86.

³ См.: Хайек фон Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: 1992.

метод изучения, хотя о них ранее и не думали либо даже, как Хайек, исходили из постулата о совпадении интересов индивида и общества.

Между тем, полемизируя с Хайеком, Дж. Сорос полагает, что: «Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными, кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются. Вместо этого существует широко распространенное убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися, а мировая экономика может процветать без вмешательства мирового сообщества. Утверждается, что общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес путем принятия коллективных решений нарушают рыночный механизм. В XIX в. эта идея называлась "свободным предпринимательством" (внедрялась доктрина невмешательства государства в экономику), возможно, в наши дни это уже не такое удачное название, поскольку оно происходит от французских слов *laissez faire*. Большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски. Я нашел более подходящее название этой идее – «рыночный фундаментализм» (*market fundamentalism*).

Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной»¹.

Причём, Дж. Сорос считает, что рыночный фундаментализм представляет сейчас большую опасность, чем тоталитарная идеология. Он полагает, что единственный способ обеспечения общих интересов заключается в том, чтобы общие интересы ставить выше эгоистических интересов, что не учитывает рыночная система, которая в силу этого является несовершенной и тем самым нестабильной. Законы рынка не аналогичны законам физики, они зависят от человека и социума, от людей, которые могут придумать новые правила функционирования будущей экономики. Существующий ныне в рыночном фундаментализме крен в сторону практической целесообразности делает общество нестабильным, полагает Дж. Сорос². Он отмечает, что экономика пренебрегает коллективными интересами, в частности сферой общественных и политических интересов. А предположение рыночных фундаменталистов и того же Хайека, что «общие интересы наиболее полно удовлетворяются путем удовлетворения личных интересов»³, оказывается не просто спорным, а принципиально неверным и опасным для дальнейшего развития человечества. Это демонстрирует нам не только разразившийся во второй половине 2008 г. мировой финансово-экономический кризис, ярко высветивший системную взаимосвязь мировой экономики, но и другие негативные последствия реализации этого несистемного и потому неверного постулата рыночного фундаментализма. Причём всё сказанное выше об экономике в полной мере относится и к проблеме обеспечения безопасности, причём даже в большей степени, поскольку ни одно рыночное государство с самого начала своего возникновения не возлагало обеспечение безопасности только на отдельных граждан, а всегда создавало специальные коллективно-государственные системы обеспечения безопасности всех жизненно важных объектов.

Предположим, что рыночно-экономическая идеология была бы внедрена и господствовала в сфере обеспечения безопасности. При этом нашёлся бы идеолог, считавший, что удовлетворение потребностей в обеспечении индивидуальной безопасности автоматически вело к обеспечению безопасности общества и государства. Абсурдность подобного предположения очевидна и почему-то мало кому приходила такая постановка вопроса в виду явного противоречия здравому смыслу. А между тем в этой постановке кроется ещё одно противоречие рыночного фундаментализма, которое относится к проблеме обеспечения безопасности.

В самом деле: если главным действующим субъектом экономического развития выступает индивид, то почему обеспечение безопасности переносится в основном на надындивидуальные – государственные и другие общественные структуры? Ответ на этот вопрос очевиден и его дала сама история. Но здесь-то и скрывается противоречие между развитием и безопасностью в модели неустойчивого развития. За экономическое развитие оказываются ответственными отдельные индивиды, а обеспечение безопасности возлагается в основном на надындивидуальные социальные структуры и системы. Если же следовать идее о необходимости неразрывной взаимосвязи безопасности и развития, к которой наконец-то мы пришли, то на всех уровнях развития и безопасности должны быть определённые взаимосвязи и взаимодействия между этими разорванными в модели неустойчивого развития сферами деятельности (в том числе и субъектами этой деятельности). Однако в модели неустойчивого развития, где господствует крен в сторону атомарно-индивидуального механизма развития, обеспечение безопасности всего человеческого рода оказалось не просто побочным последствием, но и весьма негативным для судеб этого уникального и, может быть, единственного во Вселенной вида живых существ.

Ведь, если бы удовлетворение личных интересов в обеспечении безопасности и развитии совпадало бы с интересами общества, тем более в «лице» всего человечества, то оно бы не стремилось к своему экологическому, ядерному либо иному способу коллективного самоубийства. Если возникающие экономические кризисы, включая и нынешний, лишь всё масштабнее раскачивают «рыночную лодку», то экологический кризис неумолимо устремляет её в пучину общемировой катастрофы уже в ближайшие десятилетия, о чём свидетельствует глобальное потепление климата и другие негативные экологические последствия. Удовлетворение личных потребностей только рыночным образом и акцент на учёте лишь индивидуальных интересов находится в противоречии не только с упомянутыми социальными, политическими и экологическими последствиями человеческой деятельности. Наиболее очевиден и социально-демографический, трагический эффект в плане продолжения существования человеческого рода на Земле.

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М.: 1999.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 48.

Дело в том, что рыночный принцип удовлетворения личных потребностей «здесь и сейчас» без должного учёта будущего и в системе всего человечества особенно в плане безопасности создаёт угрозу неудовлетворения их не только большей частью бедных современников, но и будущими поколениями людей и ведёт к опасности деградации всего человеческого рода. Важно этот процесс удовлетворения потребностей организовать в обществе таким образом, чтобы он не ставил под угрозу удовлетворение жизненно важных и других потребностей и интересов как нынешними, так и будущими поколениями людей. Речь тем самым идёт о справедливом равенстве возможностей в удовлетворении потребностей нынешними и будущими поколениями землян. Эта задача оказывается очень сложной в условиях появления глобальных ограничений на человеческое развитие, которое было осознано в последние десятилетия XX века как появление глобальных проблем.

Это несовпадение векторов индивидуального выживания и выживания человеческого рода, который сейчас неуклонно стремится к антропоэкологической катастрофе, создаёт опасную среду существования и развития в модели неустойчивого развития. Одной из задач перехода к устойчивому развитию как раз и является создание единой стратегии выживания всего человечества, в которой личные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества. Ведь, если и дальше индивидуальные интересы будут противоположными вектору выживания всего человечества, то оно просто необратимо деградирует, и, в конце концов, погибнет в стремительно надвигающейся планетарно-системной катастрофе.

Если модель неустойчивого развития акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» человеке, то модель устойчивого развития выступает как стратегия выживания уже всего человечества. Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не может быть обеспечена, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания человека, не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель (стратегия) цивилизационного развития оказывается более гуманной, социально и экологически справедливой в своей стратегической и политической ориентации и перспективе.

Однако её реализация зависит от создания не только новых социально-экономических условий, но и от формирования политических, государственно-правовых и других соционормативных факторов и процессов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

В реальной жизни происходит постоянное взаимодействие всех упомянутых основных типов развития – и особенно – прогрессивного и регрессивного. Именно наличие последнего типа развития, его влияние на другие формы развития и вызвало возможность и реальность негативного воздействия на прогрессивное развитие материальных систем, в результате чего причиняется вред, ущерб системе, переход её к регрессивному развитию (деградация, разрушение, катастрофа и т. д.).

Наличие регрессивной ветви реальных процессов развития и создаёт опасности и угрозы, от которых, если систему необходимо удержать на траектории прогресса, следует обеспечить защиту, либо иными способами обеспечивать её сохранение и возможность дальнейшей самоорганизации. В терминах синергетики наличие этих двух основных взаимодействующих между собой типов развития выражается в понятиях простого и странного аттракторов. Простой аттрактор притягивает эволюционирующую систему к состоянию устойчивости путём уравнивания системы со средой, а странный аттрактор ориентирует на достижение системой более сложной структуры, благодаря чему достигается устойчивое неравновесие со средой. Действие простого аттрактора ассоциируется с регрессом, а странного – с прогрессом, и процесс самоорганизации в постбифуркационный период зависит от влияния того или иного аттрактора.

Проблема обеспечения безопасности в значительной степени относится к социальной и биологической ступеням эволюции материи, но своим основанием уходит вглубь материи¹. Свойство сохранения систем в ходе эволюции является одним из принципов (критериев) отбора в эволюционно-самоорганизационных процессах. Значительная часть эволюционирующих систем разрушается после момента бифуркации и уходит в небытие, и лишь меньшая часть «удостаивается» притягательного действия странного аттрактора, выходя на более высокий уровень сложности и прогрессивного развития. Требование (принцип) сохранения систем в эволюционных процессах относится главным образом к такого рода процессам самоорганизации на супермагистральной универсальной эволюции. Характерной чертой этой супермагистральной является непрерывное усложнение (прогрессивное развитие), формирование качественно новых иерархических структурных уровней материи. Причём это возможно при совместном действии ряда других принципов универсального эволюционизма. И одним из таких важных принципов является коэволюция самоорганизующихся систем со средой, что, естественно, связано с упомянутыми выше принципами обеспечения сохранения системы через усложнение (прогрессивное развитие), реализацией информационного критерия и вектора на универсальной супермагистральной.

Сохранение эволюционирующей системы и возможность её дальнейшего прогрессивного развития реализуется лишь на базе предыдущего структурного уровня (принцип эволюционного консерватизма), с которым она вступает в противоречивые отношения. С одной стороны, существующая естественная основа (предыдущий и другие структурные уровни материи) является ресурсом существования и дальнейшей эво-

¹ См.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

люционной самоорганизации системы, поскольку ничего иного в природе к этому моменту времени в данной окрестности Вселенной не существует. Но всё существующее является не только ресурсами развития (прогрессивного), но и условиями существования конкретной эволюционирующей системы. Эта последняя в принципе не должна, если она претендует на продолжение своего бытия, переводить всё только в ресурсы, поскольку этим подрываются условия (назовём их экологическими условиями) и вместо прогрессивного развития систему ожидают деграционные изменения, причём между условиями ($У$) и ресурсами ($Р$) в природе существует константная взаимосвязь: $У+Р=const$. И не просто такая взаимосвязь, но и определённая мера, в силу которой основная доля в экосистеме (где её центральным членом выступает эволюционирующее материальное образование) приходится на условия существования и меньшая – на ресурсы, причём для всё более высоких иерархических уровней эта последняя доля постоянно снижается. Каждая предыдущая ступень эволюции материи оказывается большей по объёму и массе, поскольку является «обиталищем» и окружающей средой других, более высоких структурных уровней и ступеней эволюции материи.

С переходом на более высокий иерархический уровень происходит сужение «коридора усложнения» эволюционирующих систем, т. е. прогрессивное развитие на супермагистрали эволюции имеет вид сужающегося конуса (негэнтропийная пирамида). При этом должно сохраняться основание, фундамент, из которого «вырастает» более высокий структурный уровень эволюции, т. е. в этом смысле обеспечивается «безопасность» предыдущего уровня. Если этого не происходит, то прогрессивная эволюция просто прекращается либо временно остаётся на том же уровне, либо переходит на траекторию регрессивного развития. «Безопасность» более широкой системы необходима для того, чтобы служить основой, стартовой площадкой и условием для продолжения прогрессивной самоорганизации системы.

Негэнтропийная пирамида одновременно может быть названа и «пирамидой безопасности», поскольку сужение «коридора существования» происходит и по причине сохранения всё более сложных материальных образований. Для того чтобы перейти на новый, более высокий уровень сложности, эволюционирующая система должна вступать в адаптивно-коэволюционные отношения с предыдущими структурными уровнями материи, что возможно только в весьма узком коридоре безопасности, в природных условиях, где может быть гарантировано их соразвитие. Поэтому не случайно иногда универсальный эволюционизм именуют «универсальным коэволюционизмом».

Именно в этих границах, или «коридоре безопасности» возможна эволюция материальных систем с их усложнением, тогда как за пределами этого коридора возможно в основном их регрессивно-деградационное развитие. Эти пределы во многих случаях могут быть определены количественно (в основном в случае природно-экологических и производственно-технологических опасностей и угроз). В экологическом плане этот коридор безопасности связан с «несущей ёмкостью экосистем», понятием, которое определяет предел антропогенного воздействия на окружающую природную среду, за которым возникают необратимые деграционные изменения экосистемы. По сути дела, в понятии несущей ёмкости экосистемы определяются границы безопасного развития, которое в этом случае считается устойчивым развитием. Под устойчивым развитием понимается развитие, осуществляющееся в пределах несущей ёмкости экосистем (а, главное – биосферы в целом), т. е. безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей и сохранение окружающей природной среды.

Изложенное выше тесно связано с проблемой национальной безопасности, обеспечение которой является одной из главных общественных функций государства. И это становится понятным, если проанализировать процесс становления государства, которое уже в процессе своего генезиса в первую очередь было призвано защищать от врагов население и его территорию. Обеспечение безопасности государства и внутри государства оказывается более важным, чем развитие, и это доказывает вся история человечества, хотя в определённых ситуациях возможна смена приоритетов. Однако приоритетность и фундаментальность сохранения любого объекта в природе и обществе перед его развитием уже является достаточно очевидной и подтверждается всей социоприродной историей.

В принципе, согласно изложенному выше, все общественные и социоприродные функции государства можно разделить на две большие сферы – обеспечение безопасности личности, общества, государства и их развитие (разумеется, прогрессивное). И всё же, по традиции и инерции, когда речь заходит о безопасности, то приоритетной оказывается безопасность государства или более широко – национальная безопасность. И понятно, почему на первый план выделяется именно безопасность государства: ведь без её обеспечения невозможно гарантировать ни безопасность личности, ни общества. Должна быть создана определённая безопасно-устойчивая среда на территории государства, где проживает его население и развивается функционирование общества.

Когда же речь идёт о развитии, то имеется в виду, прежде всего, социально-экономическое развитие, которое в полной мере реализуется, если уже обеспечена национальная безопасность. Поэтому в принципе невозможно прогрессивное развитие в обществе без обеспечения национальной безопасности. Социально-экономическое развитие в государстве, которому не гарантирована безопасность, в принципе может не состояться, и поэтому все государства заботятся в первую очередь об обеспечении своей безопасности.

Однако говорить о том, что социально-экономическое развитие страны коррелируется только с национальной безопасностью, было бы слишком схематизированным. Целесообразно все виды развития, происходящие в обществе, личности и государстве, тесно связать с соответствующими видами безопасности. Каждое направление развития того или иного объекта связано с соответствующим ему типом безопасности (хотя, как следует из анализа Стратегии–2020, не все приоритеты, в том числе и стратегические в сфере безопасности и развития оказываются совпадающими). Если безопасность не будет обеспечена, то развитие окажется под угрозой в том смысле, что прогресс может смениться регрессом. Наличие двух главных и тесно взаимосвязанных функций государства – обеспечение развития и обеспечение безопасности ставит, естественно, вопрос об их более тесном объединении в единой функциональной системе. Тем самым речь идёт о формировании такой социальной и социоприродной среды, когда обеспечение безопас-

ности в большинстве случаев не выделялось бы в отдельные сферы деятельности по защите объекта, а это был бы системно-целостный цивилизационный процесс, где обеспечение безопасности реализовалось бы через устойчивое развитие.

Вполне понятно, что обеспечение национальной безопасности связано с противодействием негативным тенденциям, реальным и потенциальным угрозам, с тем, чтобы в первую очередь устойчиво функционировало государство, и были бы защищены жизненно важные интересы общества и личности. Однако это не означает ограничение обеспечения безопасности только функцией защиты. Необходимо трансформировать сам процесс развития всех объектов обеспечения безопасности, их взаимодействие между собой с тем, чтобы развитие становилось более стабильным и безопасным. Ведь многие виды развития в принципе уже не удовлетворяют требованиям безопасности в соответствующем направлении, поскольку они представляют в длительной перспективе медленно либо быстро саморазрушающиеся процессы. Прогрессивное развитие объекта (личности, общества, государства) необходимо органически соединить с императивами обеспечения безопасности во всех необходимых для длительного существования этого объекта направлениях и аспектах. От того, насколько это будет эффективно организовано и реализовано, зависит создание целостной системы устойчивого развития государства, общества, личности.

Переход к устойчивому развитию как уже упоминалось, наиболее эффективен для стабильного государства и стабильного общества. Поэтому стремление к стабильности – это создание государственно-правовой, экономической и иной базы для реализации государственной политики перехода страны к устойчивому развитию. Только стабильное и безопасное государство может начать принимать адекватные меры по переходу на новую цивилизационную модель. Стабильность государства в модели неустойчивого развития – это необходимая база для движения к обществу и государству с устойчивым развитием. Таким образом, безопасность объекта оказывается первичной для смены типа его дальнейшего развития, даже в том случае, если в дальнейшем предполагается обеспечение национальной безопасности через устойчивое развитие.

Сказанное выше приводит к новому пониманию проблем и понятия безопасности. Ведь в Законе РФ «О безопасности» (утверждён 5 марта 1992 г.) понятие безопасности определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Согласно этому определению обеспечение национальной безопасности Российской Федерации – это деятельность государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленная на защиту национальных интересов и национальных ценностей и их приумножение. Она, как сказано в упомянутом «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию» (с. 16), не сводится к защите. Идея национальной безопасности тесно связана с концепцией устойчивого демократического развития, выступает в качестве её неотъемлемой части и одновременно условием её реализации. В этой связи обеспечение безопасности должно быть направлено не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по развитию и укреплению прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Речь идёт о долгосрочной государственной политике и стратегии устойчивого развития. Как отмечалось выше, это дальнейшее уточнение этого понимания проблем обеспечения безопасности через переход к устойчивому развитию, привело к более пространной и точной формулировке понятия национальной безопасности.

В связи с постепенным переходом всех государств мира к устойчивому развитию появляется новая общая основа для формирования национальной безопасности каждой страны. Интересы в области национальной безопасности у государств, реально ориентирующихся на новую цивилизационную парадигму, будут всё больше сближаться, и останется меньше проблем, в которых будут проявляться противоречия национальным интересам. В этом смысле приоритетность всех форм безопасности как глобальной цели развития оказывается не просто выше целей безопасности отдельно взятых стран, но и основанием для формирования единой глобальной безопасности, соответствующих трансформаций феномена государственности в планетарном масштабе.

Если бы цели и требования каждого объекта обеспечения безопасности и развития совпадали бы, то можно было бы считать, что все они стремятся создать в экосистеме более безопасную среду. Между тем реально существующее рассогласование интересов объектов (и субъектов) обеспечения безопасности и развития часто приводит к противоположному результату, а, именно – к тому, что окружающая среда в государстве, обществе и в глобальной экосистеме – биосфере становится всё более опасной, увлекая эту экосистему в целом в планетарную социально-экологическую катастрофу. Если оценить усилия и средства, которые тратятся на «точечное» и локальное обеспечение безопасности многочисленных объектов в основном через их защиту, то на определённом этапе продолжения этой тенденции окажется более целесообразными не только в экзистенциальном, но и в экономическом плане создать более безопасную окружающую среду, чем обеспечивать безопасность традиционными «защитными» способами. А это произойдёт лишь в том случае если процессы развития и обеспечения безопасности окажутся очень тесно взаимосвязанными.

Именно такое понимание сложилось к концу XX – началу XXI вв., когда появилась концепция и стратегия устойчивого развития как безопасного социоприродного развития, которое сможет обеспечивать сохранение того или иного объекта через его «более нормальное» и системно-сбалансированное развитие. Именно по такому пути «пошла» наша видимая (вещественная) Вселенная, которая существует через эволюцию (а, скорее всего, даже через универсальную эволюцию) своих материальных образований. Можно даже считать, что устойчивое развитие человечества представляет собой определённую пространственно-временную траекторию или даже «отрезок» на супермагистрали универсальной эволюции.

Стало понятным, что, несмотря на продолжающуюся тенденцию «точечно-защитного» обеспечения безопасности отдельного взятого объекта в модели неустойчивого развития, необходимо направить усилия на формирование более безопасной как национальной, так и глобальной среды проживания как нынешних, так и будущих поколений людей. И это не просто экономическое столкновение интересов выживания отдельного индивида и выживания всего человечества, а вопрос возможности дальнейшего существования человеческого рода на планете. Как видим, решение этого вопроса связано с изменением способов обеспечения безопасности как отдельного объекта, так и всех объектов (и субъектов) в такой уникальной системе как биосфера Земли.

Новый подход к обеспечению безопасности, используемый в модели устойчивого развития, исходит из системного видения этого обеспечения, которое формируется при переходе к упомянутому типу развития. Здесь в одно целое соединяются экономические, экологические, политические, социальные и другие аспекты и направления развития и одновременно – обеспечения безопасности, создавая новую целостную деятельностьную систему. Приоритет экономики, характерный для современной модели развития, уступает системной взаимосвязи основных направлений и компонентов деятельности, которая направлена на дальнейшее выживание человечества и сохранение биосферы.

Уместно обратить внимание на то, что создание более безопасной среды обитания в результате перехода к устойчивому развитию повторяет в какой-то форме на социальном уровне историю биосферы, в которой биота в конце концов фактически создала именно те природные условия, которые пригодны для жизни и обеспечили ей устойчивость и дальнейшую естественную эволюцию¹. Биота, если бы её не губила нерациональная антропогенная деятельность, могла бы существовать, в созданной ею биосфере, вечно, пока какой-либо космический, т. е. внешний по отношению к планете Земля, губительный фактор не разрушил бы её, например, огромный астероид либо комета, что признаётся вполне реальной геокосмической опасностью даже в ближайшее время в течение этого века.

Биота за время своей эволюции на планете сформировала мощный механизм регуляции и стабилизации окружающей среды, затрачивая на поддержание пригодных для биоты условий и обеспечивая устойчивость и безопасность этой среды огромную работу почти 99 процентов всей энергии биомассы и перерабатывая ежесекундно 10^{35} бит/сек². Наличие биотического механизма стабилизации и регуляции окружающей среды сформировало, вероятно, самый ранний, по историческим масштабам времени, тип безопасного и тем самым устойчивого развития для всех населяющих биосферу живых существ. Биота, реализуя эту свою биосферную функцию обеспечения стабильных условий своего существования, пошла по пути формирования жизнепригодной и более безопасной среды своей эволюции в планетарном масштабе, а не обеспечения «индивидуальной» или «популяционной» безопасности в локальном или региональном масштабе. Нечто аналогичное придётся совершить и человечеству, нарушившему созданную биотой планетарно-биосферную стабильность. Придётся отказаться от архаичных принципов обеспечения безопасности в современной модели развития и создавать с помощью перехода к новому типу развития более безопасную планетарную социоприродную окружающую среду, но уже рассчитанную на неопределённо долгое существование человечества в биосфере. Как видим, история с созданием механизма стабилизации и регуляции окружающей среды с целью обеспечения безопасности существующих в ней объектов может повториться уже на более высоком эволюционном – социальном уровне или точнее – на социоприродном уровне, когда ставится цель перехода к устойчиво-безопасному будущему. При этом человек не должен разрушать механизм экосистемной биотической регуляции окружающей среды, а опираться на него при переходе на траекторию устойчивости, добавляя свои специфически общественные средства обеспечения безопасности и стабильности как природной, так и социальной среды и находящихся в них объектов.

Необходимость использования социоприродного подхода связана, помимо прочего, ещё и с тем, что в ходе взаимодействия природы и общества всё больше множатся негативные воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. В свою очередь, это воздействие существенно ухудшило качество этой среды, нарушило устойчивое функционирование естественных экосистем, привело к существенной утере биологического разнообразия, истощению природных ресурсов и т. д., что, в свою очередь, отрицательно влияет на человека и общество в целом. Таким образом, появились «положительные обратные связи» в системе «общество – природа», которые «расшатали» её устойчивость. Обеспечение глобальной экологической безопасности, сохранение цивилизации и биосферы стало той целью, от реализации которой зависит успех на пути перехода к новой цивилизационной стратегии. И в этой связи устойчивое развитие в значительной степени ассоциируется с экологически безопасным и биосферосовместимым развитием человечества, хотя в плане обеспечения безопасности мыслится в более широком ракурсе.

Обеспечение безопасности через переход к устойчивому развитию характеризуется рядом новых принципов, о которых уже шла речь³. Вместе с тем происходит также расширение списка основных объектов безопасности (в особенности природной среды) в модели устойчивого развития. Это сопряжено и с увеличением числа субъектов обеспечения безопасности. В традиционной модели развития основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через все властные органы. Вместе с тем, согласно Закону РФ «О безопасности», субъектами безопасности являются граждане, общественные и иные организации и объединения, обладающие правом и обязанностями по участию в обеспечении безопасности, в соответствии с законами, действующими на территории РФ. Причём государство, как основной субъект обеспечения безопасности, обеспечивает правовую и соци-

¹ См.: Лосев К.С. Биотическая регуляция окружающей среды // Глобалистика. Энциклопедия. М.: 2003. С. 83–85.

² См.: Лосев К.С., Горшков В.Г., Кондратьев К.Я. и др. Проблемы экологии России. М.: 1993. С. 229.

³ См.: Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1; он же: Универсальный эволюционизм: концептуальные модели и принципы // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

альную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом.

Упомянутые выше субъекты обеспечения безопасности сохраняются и в модели устойчивого развития, но сюда добавляются субъекты наднационального и транснационального уровня, которые постепенно будут формироваться по мере перехода мирового сообщества и каждого государства к новой цивилизационной стратегии. Появляется и планетарный субъект обеспечения глобальной и всеобщей безопасности – всё человечество (о котором ранее шла речь и как о новом объекте безопасности). И это вполне понятно, если переход к устойчивому развитию обретает глобальные масштабы и характеристики, то обеспечение всеобщей безопасности возможно только в социоприродной системе «природа – человечество – личность». Отдельный человек и различного рода объединения (коллективы, социумы) также выступают в качестве субъектов участия в обеспечении безопасности и на государственном и на глобальном уровне. Наряду с социоприродной системой безопасности «человек – цивилизация – биосфера», благодаря космическим средствам, формируется также аналогичная антропогеококосмическая система «человечество – Земля – Вселенная», в которой должна быть обеспечена безопасность и устойчивое развитие на планете и за её пределами¹.

В модели неустойчивого развития поступательное движение одних социальных систем зачастую осуществлялось в результате ослабления безопасности и замедления (угнетения) развития других систем (конкуренция). По этим принципам идёт и современная глобализация (как стихийная, так и направляемая «золотым миллиардом»). Аналогично – в целом общество в модели неустойчивого развития (прежде всего, природопользование) всё более снижает безопасность и устойчивость биосферы.

Едиственный способ разрешения этого противоречия между развитием одних социальных систем и безопасностью других, между развитием цивилизации и сохранением природы заключается в переходе на взаимосогласованное, коэволюционное, т. е. безопасно-устойчивое развитие. Коэволюция социальных систем, а также системы «общество – природа», означает вместе с тем безопасное и устойчивое их соразвитие. Установленная взаимосвязь развития и безопасности в форме устойчивого развития позволяет его характеризовать как наиболее безопасное развитие среди возможных типов безопасного развития социоприродных систем (по крайней мере, с современной точки зрения).

Развитие в полном смысле станет безопасным во всех отношениях, если оно будет осуществляться в форме будущего планетарного по масштабам устойчивого развития, которое реализует обеспечение безопасности на необходимом и достаточном уровне. Это обеспечение ориентируется не только на защиту, но и на такие формы обеспечения безопасности, которые связаны с опережающими действиями, с формированием развития в наиболее безопасной форме (безопасность через приоритеты устойчивого развития). Если в модели неустойчивого развития основное внимание уделяется «защитно-силовым» средствам, то в новой цивилизационной модели обеспечение безопасности должно достигаться в основном через развитие, консенсус, коэволюцию, опережающие решения и действия. При этом в новой модели также уменьшается (либо даже устраняется) нынешнее раздвоение социальной деятельности на ту, которая собственно занимается развитием (созиданием, творчеством и т. д.) и обеспечением безопасности этой основной деятельности. В модели устойчивого развития противоречие между обеспечением безопасности и развитием разрешается в пользу нерегрессивного развития, которое становится безопасным во всех отношениях устойчивым развитием. Таким образом, получается, что переход к устойчивому развитию опять-таки направлен на обеспечение сохранения всех объектов, которые переходят на новый тип развития и тем самым на новый способ своего бытия. Такой новый концептуально-методологический подход должен реализовываться как на государственно-национальном, так и на глобально-международном уровне при переходе мирового сообщества к устойчивому развитию и фиксироваться в соответствующей нормативно-правовой базе.

Таким образом, проблема безопасности в жизнедеятельности современной цивилизации приобрела не менее важную роль, чем проблема развития и оказалась тесно связанной с перспективами выживания человечества в условиях глобализации и обострения глобальных проблем. Это нашло своё отражение в научных дисциплинах и направлениях исследовательской деятельности, привело к тому, что понятие «безопасность» (и связанный с ним «куст» понятий) превратилось в междисциплинарно-интегративное, а в обозримой перспективе – даже в общенаучное понятие. И хотя дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстаёт от проблемно-поисковых разработок, тем не менее, может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чём мне уже приходилось писать². Эта проблема так или иначе возникает на всех этапах развития человечества, она имеет место и в биологических и даже шире – во всех кибернетических системах (т. е. системах с управлением), эволюционирующих в прогрессивном направлении. В развитии этих систем возникает проблема их сохранения в условиях наличия опасностей и угроз, негативных воздействий, могущих нанести вред или разрушить систему, т. е. существует проблема обеспечения безопасности как самосохранения, выживания и дальнейшей их непрерывной эволюции. Понятие «безопасность», как уже не раз отмечалось, больше связано с сохранением и надёжностью функционирования кибернетических систем, а понятие «развитие» – с направленным изменением их со-

¹ См.: Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М.: 1977; он же: Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: 1993.

² См.: Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М.: 1998.

держания. С точки зрения безопасности важно обеспечить защиту развивающихся систем (желательно – опережающим образом) от деструктивно-разрушающих, регрессивных изменений, создавая оптимальные условия и основания для поступательного самодвижения кибернетических (социальных, биологических, технических, гибридных) систем, атрибутами которых является управление и безопасность. Причём это самодвижение как самоорганизация направлено, прежде всего, на сохранение систем, но оно реализуется через их усложнение и прогрессивную эволюцию, способствующую сохранению накопленной ранее негэнтропии через дальнейшее непрерывное её увеличение.

Если безопасность характеризует далеко не каждый процесс и тип (вид) развития, то для того, чтобы в будущем формировать ту или иную форму развития, важно обеспечить её безопасность (и наоборот). Однако для этого следует изучить совместно законы развития объекта и законы обеспечения его безопасности, что предполагает становление не просто науки о безопасности, а науки о связи безопасности и развития. Именно это предполагается в той сфере исследований, которая именуется ноосферологией, в которую органически вписываются проблемы обеспечения безопасности и устойчивого развития¹.

СОЦИОНОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА К БЕЗОПАСНО-УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ. НА ПУТИ К ПРАВУ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В том, что создание нормативной базы и особенно правовых норм выступает в качестве важнейшего инструмента перехода цивилизации и каждой страны к устойчивому развитию свидетельствуют ранее упомянутый доклад «Наше общее будущее», а также документы ЮНЕСКО, в частности «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию». Декларация, содержащая 27 принципов, большинство из которых адресованы государствам, входящим в ООН, рекомендует использовать законодательные механизмы для перехода к устойчивому развитию. Так, принцип 11 акцентирует внимание на необходимости принятия государствами эффективных законодательных актов в области окружающей среды, причём экологические стандарты, цели регламентации и приоритеты должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются.

Принцип 13 гласит, что: «Государства должны разработать национальные законы, касающиеся ответственности и компенсаций жертвам загрязнения и другого экологического ущерба. Государства оперативным и более решительным образом сотрудничают также в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведётся под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикции».

Но, если упомянутые принципы относятся в основном к области экологического права (национального и международного), то последний 27 принцип уже непосредственно касается разработки проблем права устойчивого развития: «Государства и народы сотрудничают в духе доброй воли и партнерства в выполнении принципов, воплощенных в настоящей Декларации, и в дальнейшем развитии международного права в области устойчивого развития».

Эта ориентация на необходимость разработки правовых проблем устойчивого развития была продолжена и в документах и решениях Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в 2002 г. Каждая страна, в соответствии с Планом выполнения решений этого саммита, должна на «национальном уровне содействовать достижению устойчивого развития посредством, в частности, принятия и обеспечения соблюдения чётких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития», а также осуществить другие меры по укреплению институциональной базы устойчивого развития².

Такой переход возможен только в том случае, если он обретёт международно-глобальный характер, ибо «состояние устойчивости» как и безопасности, как упоминалось, в принципе невозможно в одной отдельно взятой стране, либо какой-то их избранной группе. Глобальный характер перехода к новой цивилизационной парадигме требует формирования новых международных отношений, которые руководствовались бы новыми стандартами, нормами и принципами, составляющими новую систему (форму) права – право устойчивого развития. Именно глобальный характер новой цивилизационной стратегии свидетельствует о приоритетности международно-правового регулирования по сравнению с регулированием национального (государственного) права (хотя приоритет международного права признаётся и в модели неустойчивого развития). Эта достаточно очевидная особенность права устойчивого развития проявляется в том, что основные рекомендательные акты, составляющие в настоящее время концептуально-ориентационную основу качественно нового права развития, были приняты в рамках ООН на её различных форумах.

В связи с указанными рекомендациями ЮНЕСКО и ВСУР представляется актуальным и перспективным исследование правовых аспектов перехода к устойчивому развитию, причём в более широком плане, чем это обычно делалось в рамках экологического права. В ходе работы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации над концепциями законопроекта по проблемам устойчивого развития была сформулирована идея о выделении нового направления юридической науки и правовой деятельности – права устойчивого развития. Рассмотрим далее некоторые проблемы, связанные с возможной реализацией этой новой для современного права идеи.

Законотворчество в любой области, как известно, начинается с определения понятий и таким понятием, конечно, является понятие устойчивого развития. Но оно должно быть приспособлено для юридических целей

¹ См.: Урсул А.Д. Путь в ноосферу. 1993; Урсул А.Д., Урсул Т.А. и др. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М.: 2008.

² План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 9–10. С. 186.

(юридическая экспликация). И если с этой точки зрения мы рассмотрим уже имеющиеся понятия устойчивого развития, то увидим, что они фактически пока не приспособлены под законотворческие потребности.

Среди понятий устойчивого развития, которые уже использовались для концептуальной разработки проблем качественно нового права, было понимание этого типа развития в связи с проблемами экологии, например, то, которое содержится в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». Так или иначе, многие авторы акцентируют внимание на связи социально-экономического развития с вопросами экологии, прежде всего, с охраной окружающей среды, или несколько шире – с обеспечением экологической безопасности. С этой точки зрения, как отмечалось, устойчивое развитие – форма социоприродного развития, которая обеспечивает выживание и непрерывный прогресс общества и не разрушает окружающую природную среду (особенно биосферу). Подобная «традиция» связи устойчивого развития с экологией (главным образом с экологической безопасностью) имеет свои основания, и пока очень редко можно встретить иную точку зрения.

В этом ключе были написаны статьи по становлению права устойчивого развития¹, а также книга «Правовые аспекты устойчивого развития»² и монографии, которые специально посвящены государственно-правовому процессу в стратегии устойчивого развития³. Однако ясно, что экологическая трактовка права устойчивого развития должна быть расширена за счёт других системных составляющих будущего права устойчивого развития.

Сейчас стало понятным, что будущее устойчивое развитие будет состоять как минимум из нескольких своих составляющих: социально-политическое устойчивое развитие, социально-экономическое устойчивое развитие, демографическое устойчивое развитие и экологически устойчивое развитие. Все эти и другие составляющие единого устойчивого социоприродного развития становятся именно устойчивыми типами развития, если на них накладываются определённые ограничения и все они увязываются в единую систему, которая отличается от одномерно-экономическоцентрического неустойчивого развития, характеризуемого в основном экономической эффективностью.

Наряду с таким, назовём его «системно-концептуальным» пониманием этого типа развития, в последнее время, как не раз упоминалось, стало развиваться представление как в той или иной степени о более безопасном развитии, чем современное. В самом деле, выявление связи устойчивого развития с проблемой экологической безопасности, как оказалось, свелось к определению тех ограничений и, соответственно, новых норм, которые выражают предельно допустимую (несущую) ёмкость экосистем и биосферы в целом. Согласно К.С. Лосеву, «несущая ёмкость экосистем – предельно допустимое возмущение локальной или глобальной экосистемы (биосферы) хозяйственной деятельностью человека, после превышения которого она прекращает функционировать как регулятор и стабилизатор окружающей среды, переходит в неустойчивое состояние и со временем может полностью необратимо деградировать»⁴. Устойчивое развитие оказывается таким нормативным типом развития, которое происходит в пределах несущей ёмкости экосистем, т. е. нормативность здесь имеет естественно-природный характер. Впрочем, подобное понимание выражает в основном его экологический аспект и позиционируется как экологически безопасное развитие со следующими из него нормами и стандартами.

Однако если рассматривать не только экологически безопасное, но и другие формы и виды безопасного развития, то можно определить более конкретные границы (пределы) и нормы безопасного в том или ином отношении развития. Это касается экономически безопасного развития, социального, информационного, технического и всех других форм и видов развития и соответствующих им форм обеспечения безопасности. Развитие системы в целом оказывается устойчивым, если оно происходит в рамках соответствующего «нормативного коридора безопасности», т. е. той или иной «несущей ёмкости» антропогенной деятельности.

В этом смысле экологическая безопасность не отличается от других видов безопасности, но важно то, что понятие устойчивого развития впервые было сформулировано лишь в связи с экологией. И до осознания связи понятий «развитие и окружающая среда» изучались и другие виды безопасности, наряду с экологической, но концепция устойчивого развития была создана на пути экологического осмысления развития. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие характеристики реального процесса развития – т. е. экономическое его измерение, политическое, социальное, демографическое и т. д. Правда, при таком системном синтезе не очень понятно, почему мы должны включать лишь те характеристики, которые связаны с соответствующим видом безопасности – экономической, демографической, социальной и т. д.

В том, что необходимо обеспечивать все виды безопасности и прежде всего экономическую, социальную, демографическую и т. д. достаточно очевидно, ибо развитие как целостная характеристика систем не обретёт необходимую системную устойчивость. Однако обеспечение безопасности во всех необходимых

¹ См.: Урсул А.Д. Нужен закон о переходе РФ к устойчивому развитию // Зеленый мир. 1995. № 16; он же: Право устойчивого развития: постановка проблемы // Проблемы региональной экологии. 2005, № 1; он же: На пути к праву устойчивого развития: концептуальные аспекты // Теоретическая и прикладная экология. 2008. № 1; Урсул А.Д., Экимов А.И. Право устойчивого развития // Вестник РГТЭУ. 2006. № 3; он же: На пути к праву устойчивого развития // Национальные интересы. 2008. № 6; Бабурин С.Н. Государство и право в условиях глобального перехода к устойчивому развитию человечества // Национальные интересы. 2008. № 6.

² См.: Бринчук М.М., Урсул А.Д., Матушкин М.Ю. Правовые аспекты устойчивого развития. М.: 2005.

³ См.: Урсул А.Д. Государство в стратегии устойчивого развития. М.: 2000; Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: 2006.

⁴ Лосев К.С. Несущая ёмкость экосистем // Глобалистика. Энциклопедия. М.: 2003. С. 692.

аспектах ещё не гарантирует, что развитие будет сбалансировано-устойчивым. Для этого типа развития важно, чтобы наряду с обеспечением безопасности, т. е. возможностью развития в определённом «нормативном коридоре», произошло бы не просто развитие, а именно наиболее желательное – прогрессивное развитие, что создаёт возможность непрерывного продолжения этого типа развития в новой его социоприродной форме на главной его магистрали, т. е. супермагистрали универсальной эволюции.

При обеспечении безопасности прогрессивно эволюционирующих, т. е. самоорганизующихся систем реализуется тот тип развития, к которому мы сейчас стремимся, потому что он даёт возможность выживания и дальнейшего неопределённо долгого (перманентного) прогрессивного развития человеческого рода. Таким образом, устойчивое развитие состоит из двух взаимосвязанных форм социальной деятельности – прогрессивного развития субъекта (цивилизации) социоприродной системы и обеспечения её безопасности во всех возможных и прежде всего приоритетных направлениях. Эта взаимосвязь прогресса и безопасности «работает» на будущее, позволяя удовлетворять жизненно важные интересы и потребности не только нынешними, но и будущими поколениями в условиях сохранения природных условий как естественного фундамента существования человечества.

В принципе концепция устойчивого развития могла появиться и не в «экологоцентрической» форме, если бы было осознано, что необходимо менять курс развития всего мирового сообщества в силу иных обстоятельств. Однако исторически первая идея отвержения модели неустойчивого развития в основном в её капиталистической форме не была воспринята человечеством в силу её экономической неэффективности и недостаточного восприятия социалистических идей мировым сообществом. Несмотря на ряд позитивных и рациональных принципов этой первой попытки глобальной смены курса развития цивилизации, она всё же не состоялась в планетарном масштабе. Для отвержения старой модели развития как позже выяснилось, необходимо было включить в общечивилизационные трансформации и проблемы окружающей природной среды. Исторический консенсус смены курса социально-экономического развития впервые получился благодаря осознанию роли проблем экологии.

И всё же в принципе нельзя новый тип развития связывать только с реализацией экологических императивов. Устойчивое развитие – это всё-таки безопасно-инновационный тип развития во всех отношениях, который реализуется в достаточно узком эволюционном коридоре (в рамках несущей ёмкости экосистем). Поэтому на определённом уровне «нормативного» осознания сути устойчивого развития важно констатировать, что этот тип социоприродного развития характеризуется такими приоритетными характеристиками как глобальность, системность, непрерывность, безопасность и принятием опережающих решений.

Правовое осмысление устойчивого развития не обязательно должно идти только через экологические законы и нормы. Можно интерпретировать этот тип развития и через нормативно-правовые акты по проблеме безопасности, и через другие нормы и ограничения, входящие в его систему направления развития (и обеспечения безопасности), ранее изучающиеся как относительно автономные формы и сферы человеческой деятельности. Выше я уже высказал мнение о том, что Стратегия–2020 выступает не только как Стратегия национальной безопасности, но и как принципиально новая «вторая редакция» «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». В какой-то мере это некоторое преувеличение, поскольку основное внимание в Стратегии–2020 всё-таки уделяется проблемам безопасности (т. е. сохранению соответствующих объектов), а не их развитию (этому посвящена «Концепция социально-экономического развития до 2020 года»). Однако в Стратегии–2020 уже намечена и в определённой степени развита проблема взаимосвязи безопасности и устойчивого развития, и это даёт мне право говорить о новом видении проблем устойчивого развития уже не сквозь «призму» экологии и проблем окружающей среды, а в связи с проблемой безопасности и, прежде всего, с проблемой национальной безопасности. Можно ожидать, что проблемы устойчивого развития в правовом плане в дальнейшем будут разворачиваться не только в экологическом аспекте, но и в ракурсе проблем обеспечения безопасности. Причём этот ракурс может оказаться более перспективным, нежели экологический аспект для развития права устойчивого развития.

В широком смысле устойчивое развитие трактуется как процесс, обозначающий новый тип существования и развития мировой цивилизации. Этот тип развития основан на радикальных инновациях исторически сложившихся ориентиров и норм во всех, практически, параметрах бытия: экономических, социальных, демографических, экологических, культурологических и др. При таком понимании речь идёт об оптимальном управлении не только природно-ресурсным потенциалом, но и всей социокультурной сферой (экономикой, культурой, государственно-правовыми институтами и т. д.).

Переход к новому типу развития невозможен без использования государственно-правовых институтов, которые при этом сами должны претерпеть существенные изменения. Принципы, императивы и нормы устойчивого развития требуют новых форм правосознания, новых правовых норм, новой системы управления. Индивидуальное, корпоративное, общественное правосознание должны отойти от стандартов узко-индивидуального, группового и даже национального эгоизма. Большинство людей не осознаёт, что при существующих методах хозяйствования и построения межгосударственных отношений их потомков ожидает экологическая катастрофа (или иные глобальные катаклизмы), предотвратить которую невозможно иначе, чем объединёнными усилиями всего человечества. Объединение таких усилий требует новой концепции государственной власти, управления и государственного суверенитета, которая выходит за пределы корпоративных и классовых интересов и в ряде случаев даже собственно государственных интересов. Из основных форм властно-управленческих отношений на первый план во всём мире выходят ныне наиболее разумные формы демократии, международных отношений и управления, особенно ненасильственно-консенсусные, взаимовыгодные партнёрские отношения, о чём идёт речь в девятом разделе Стратегии–2020 «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство».

Смысл перехода к новой стратегии развития мирового сообщества, таким образом, состоит в существенном уменьшении негативных явлений и опасностей, угрожающих цивилизации. Причём такой переход неизбежно влечёт за собой необходимость повышения качества жизни, прежде всего, в бедных стра-

нах, совершенствования форм хозяйствования, управления, демократии. Важно отметить также, что в модели устойчивого развития безопасность личности, общества и государства обеспечивается не только через защиту и противодействие возникающим угрозам, а в основном путём предотвращения.

Государство окажется эффективным в плане реализации стратегии устойчивого развития, если оно превратит эту стратегию в реальную государственную политику и будет разрабатывать и применять национальные законы как в области экологического права, так и в других областях права. На это ориентируют политические рекомендации всех форумов ООН, где рассматривались проблемы устойчивого развития.

Право устойчивого развития будет развиваться на национально-государственном уровне, используя в качестве своего источника политические рекомендации ООН, которые выступают в качестве производного источника этого права. На определённом этапе национального пути развития права устойчивого развития появится потребность формирования международного, в перспективе – глобального права устойчивого развития.

На наш взгляд, право устойчивого развития на национально-государственном уровне будет продолжать идею господства права и правового государства, но уже ориентируясь на новую нормативно-цивилизационную парадигму. Именно через процесс реализации политики устойчивого развития произойдёт утверждение господства права (как и прав человека) на глобальном уровне, что имело бы далеко идущие позитивные последствия для выживания и прогрессивного развития всего мирового сообщества.

Процессы развития права устойчивого развития уже начались с «расширения» экологического права на другие процессы. Однако мы прогнозируем и другие возможные пути развития этого права, например, на базе правовых проблем обеспечения безопасности других направлений и отраслей права. Причём этот процесс будет идти одновременно как на национальном, так и на международном уровнях, усиливая и стимулируя друг друга.

На первом этапе формирования этого соционормативного феномена основное внимание важно уделить исследованию возможного концептуального аппарата права устойчивого развития, который должен в дальнейшем получить свою юридическую экспликацию. Но для этого необходимо признать, что нынешняя модель развития уже оказывается «ненормальной», а «нормальной» является модель безопасно-устойчивого развития и перейти от запоздалой фиксации правовых норм модели неустойчивого развития к новым, пока виртуально-гипотетическим, опережающим нормам будущего желаемого типа развития. Но это возможно только в ходе изменения существующих форм правосознания, которое, в частности, должно стать опережающим в отличие от «отстающего» правосознания модели неустойчивого развития. По сути дела, уже существует первоначальная модель права устойчивого развития в своём «мягком», как говорят юристы, варианте. Это международно-рекомендательные акты, принятые на форумах ООН, которые достигнуты в ходе согласительных процедур и предложений, причём в процессе консенсуса. Рекомендательно-политические акты выполняют ряд важных функций, моделируя право устойчивого развития к новым, кроме опережающего моделирования, координирующая, объяснительно-ориентационная, регулирующая, информационно-коммуникативная, предупреждающе-прогностическая функции и ряд других¹.

Право устойчивого развития как некая пока концептуальная модель имеет лишь опережающе-деонтологический статус и не отражает реальной жизни, которая, вполне понятно, протекает в модели неустойчивого развития. Но этот отход от реальной «правовой жизни» неизбежен, поскольку пока создаётся юридическая модель должного и желаемого будущего. Современное же право оказывается моделью существующего и должного, но в основном прошлого и настоящего. Продолжение же «неустойчивого правового процесса» в будущее чревато теми же негативными последствиями, которые сопряжены с нынешней формой цивилизационного развития. Поэтому для обеспечения устойчивого развития необходимо введение новых «устойчивых» норм, которые отходили бы от прежнего «нормального» развития общества к обеспечению его безопасности с помощью нового типа развития, продолжающего позитивные черты прошлого и элиминирующие его негативы.

Несколько по иному, учитывая глобальный характер перехода к устойчивому будущему, придётся трактовать такую характеристику нормы (закона) как общеобязательность. От обязательности, распространяемой обычно лишь на территории государства в ходе становления нового качества права, придётся перейти к общеобязательности в её пространственно-планетарном ракурсе, а также распространить эту «устойчивую нормативность» на все обозримые поколения народонаселения Земли. Происходят трансформации и других характеристик правовых норм и социальных императивов, ориентируясь на выживание и дальнейшее перманентное прогрессивное развитие человеческого рода. Так, в современном праве как «праве неустойчивого развития» предполагалось, что оно в той или иной степени распространяется как на нынешние, так и на будущие поколения людей. Однако ранее не замечалось, что подобное формальное равенство, вовсе не защищает от ухудшения жизни будущие поколения в силу уже не правовых и не формальных обстоятельств. Потому в наиболее широко распространённом определении понятия устойчивого развития нормативному принципу равенства возможностей поколений (нынешних и будущих) уделяется первостепенное значение как признаку желаемой социально-демографической устойчивости. Изменения затронут и нормы, отражающие принцип справедливости, который мыслится распространённым не только на ныне живущих землян (четыре-пять поколений), не только на их будущие поколения, но и в определённой части на другие живые существа.

¹ См.: Урсул А.Д. Глобализация и становление права устойчивого развития // Экос. 2008. № 3.

В ряде стран уже начали принимать законы, которые включают в себя идеи, принципы и даже понятие устойчивого развития. Однако это, как правило, не законы, специально посвящённые устойчивому развитию, а отдельные сферы деятельности людей и чаще всего в области природопользования и охраны окружающей среды. Законодательная инициатива по принятию специального закона об устойчивом развитии, по-видимому, принадлежит Эстонии, где в 1995 г. был принят такой закон. Однако его содержание оказалось целиком в русле экологического права и не выходило в другие «неэкологические» сферы. Между тем, выходя из экологического законодательства, проблема перехода к устойчивому развитию может обрести свою «территорию» и своё специальное направление уже в современном законодательстве и стать отраслью законодательства. Так, в планах руководства Государственной Думы ФС РФ числился законопроект «О государственной политике по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации» и проводилась соответствующая работа по его подготовке, а также ряд парламентских слушаний.

Не удалось пока выработать даже концептуальные основы такого закона, хотя уже возникла идея о создании проекта Кодекса перехода к устойчивому развитию РФ, который должен стать законодательной основой для дальнейшего развёртывания работ в новой области как «устойчивой» отрасли законодательства. Вместе с тем упомянутые перспективы развития права устойчивого развития в ракурсе проблем безопасности навевают мысль о появлении в будущем единого Кодекса безопасности и устойчивого развития. Однако будущее покажет, по каким направлениям пойдёт формирование права устойчивого развития и, скорее всего, возникнет много направлений его формирования. Возможно, в качестве некоторого «переходного» юридического феномена появится особая отрасль права, посвящённая проблемам безопасности. Нормативно-правовая деятельность в рамках российского национального права может идти как обычным путём, через законотворчество, так и через нормативные правовые акты по вопросам реализации Стратегии–2020, включая приведение ранее изданных указов Президента Российской Федерации в соответствие с Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая об утверждении «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Однако вряд ли можно говорить о праве устойчивого развития (в отличие от «безопасного права») в целом как отрасли современного права. И понятно почему: право устойчивого развития в принципе не может быть частью «права неустойчивого развития». Хотя на определённом переходном этапе они могут и будут сосуществовать, так как одновременно невозможно перейти к новому качеству права, для этого должен быть отведён некоторый период времени. Речь должна идти не об «отраслевом видении» права устойчивого развития, а об этом праве как качественно новой характеристике всей будущей системы права (национального и международного).

Становящееся право устойчивого развития как новое системное качество права уже с настоящего времени будет влиять на ныне существующее право в силу уже существующего юридического механизма функционирования правовых законов и норм. Поэтому появляющиеся законы об устойчивом развитии будут ориентировать всю правовую систему (национальную и международную) на цели и принципы новой цивилизационной парадигмы. При этом новое качество права должно будет реализовать УР-функции каждого государства и даже всего мирового сообщества. Причём развитие нового качества права одновременно могло бы как реализовывать новые общественные и социоприродные функции государства (и всего мирового сообщества), так и способствовать «устойчивой» эволюции государства, продвигать господство права в глобальном измерении, а, может быть, и способствовать формированию планетарной формы государства с устойчивым развитием.

Одной из важных проблем правового аспекта перехода к устойчивому развитию является изменение темпорального характера и механизма становления правовых норм. До сих пор, как правило, появление правовых норм происходило с существенным отставанием от жизни, и в них фактически фиксировалось уже прошедшее, т. е. право в принципе до сих пор носило консервативный характер. Это прошлое, закреплённое в законах, должно определять будущее, что уже явно неприемлемо в условиях перехода к устойчивому развитию, где нарушается консервативно-линейный механизм действия права. Здесь необходимо прервать этот линейно-правовой процесс и начать переходить к формированию принципиально новых – опережающих правовых норм, соответствующей должной модели устойчивого будущего. Речь идёт о правовых аспектах нормативного прогнозирования и особенно такой его формы как нормы, которые мы приписываем устойчивому развитию, что я предпочитаю называть процессом футуризации права и даже становлением «опережающего права». Если до сих пор современному юридическому мышлению был присущ явный консерватизм, поскольку главная задача государства и права виделась в поддержании существующего порядка, то сейчас ситуация кардинальным образом меняется. Только на следовании традиции и инерции невозможно будет построить «правовой фундамент» будущего устойчивого развития. Поэтому с идеей правового государства и глобализации господства права в юридическую науку должна войти футурологическая идея «правового будущего», что пока чуждо юридической науке. Это будет означать, что право из «отстающего» феномена, закрепляющего прошлое, должно стать опережающим, но не только по темпам своего развития, но и по своему «нормативному содержанию», черпающим информацию о будущем и из будущего.

Футуризация права и становление «опережающего права», в особенности в её «нормативно-устойчивой» версии, призваны создать один из самых мощных управленческих механизмов на национальном и международном уровне перехода к устойчивому будущему. В общем государственно-правовом процессе правовая составляющая оказывается более приоритетной, и это связано с глобализацией господства права и возможностями его футуризации, т. е. с новыми пространственно-временными характеристиками. Футуризация права – это неотъемлемая часть формирования права устойчивого развития как инновационно-опережающего правосознания. Правовой процесс идёт «впереди» государственного процесса в том смысле, что выходит за его пределы в межгосударственную сферу отношений и это вполне объяснимо в любой модели развития, поскольку уже существующие государства должны иметь правовую основу своих отношений и взаимодействий. Процесс расширения феномена государственности в плане объединения

государств в нечто более целостное (союзы, федерации, конфедерации и т. д.) также имеет место, но он существенно отстаёт от пространственного распространения правового процесса.

Можно констатировать, что глобализация права в целом опережает «глобализацию государственности» и это отражает факт наличия как национального, так и международного права уже в модели устойчивого развития. Причём можно высказать мнение, что темпы становления международного права устойчивого развития окажутся более быстрыми, чем становление любой национальной системы права устойчивого развития. Это фактически уже произошло с самого начала становления права устойчивого развития, когда на уровне ООН появилось «мягкое» право устойчивого развития в форме соответствующих рекомендательных актов, которые в дальнейшем берутся за основу национальных правовых норм.

Международный правовой процесс в области устойчивого развития и далее будет опережать формирование национального права устойчивого развития и это следует из приоритета глобального императива перехода к новой цивилизационной парадигме. Возможное изменение приоритетов в этих сферах права может произойти, когда руководство государств осознает рассматриваемую здесь связь обеспечения безопасности и устойчивого развития, что, как следовало из изложенного выше, пока происходит только в России. И понятно почему: ведь национальные интересы и национальная безопасность при понимании их тесной связи с устойчивым развитием может существенным образом стимулировать национальный государственно-правовой процесс в «устойчивом» направлении.

И хотя сейчас цивилизация находится в нестабильном и взрывоопасном состоянии, переживает глобальный кризис – это не повод для отрицания самой идеи перехода мирового сообщества на новый путь, по которому сообщество решило идти большинство стран планеты. Однако российский путь вхождения в ноосферу через устойчивое развитие, как, впрочем, и всё предшествующее развитие России, по-прежнему окажется отмеченным своеобразием. Выявляются свои приоритеты, отличные от тех, которые характерны для развитых стран Запада и Востока. Возможно, что кардинальный поворот на магистраль устойчивого развития произойдёт несколько позже, чем в этих странах. Они уже имеют возможность сосредоточить своё внимание, скажем, на экологических проблемах устойчивого развития.

Нам же ещё необходимо уходить от сырьевой ориентации экономики и заниматься переходом к инновационному развитию, безопасному рынку, создавать правовое государство, проводить дальнейшие демократические преобразования, обеспечивать социальную защищённость и справедливость и т. д. Но в свете развиваемых здесь идей ясно, что такие преобразования не должны проводиться без продуманной теоретической концепции, в которой приоритетное место получают задачи взаимосвязи национальной безопасности и устойчивого развития и в которой должное внимание будет уделено государственно-правовому процессу.

Однако очень многое зависит от того, как понимается высшим руководством страны переход к устойчивому развитию. Если это будет происходить в том же направлении, о чём выше шла речь, то может случиться и так, что будут удачно разработаны дальнейшие стратегические документы перехода России к устойчивому развитию и адекватные ей государственные программы, нормативно-правовая база и другие взаимосвязанные официальные концепции, доктрины, планы и т. д. Этот интеллектуальный потенциал позволит России за счёт информационно-опережающих факторов достаточно быстро войти в число лидеров планетарного ноосферного движения через переход к устойчивому развитию.

Реформирование в стране должно вступить в свою новую фазу и обрести новую стратегию – ноосферно-опережающую. Только на пути становления сферы разума можно обеспечить наше общее устойчивое будущее. Весь мир и Россия находятся на пороге новой эры, знаменующей кардинальный поворот в истории человеческой цивилизации, которая теперь может обрести своё неопределённо долгое продолжение.

В заключение приведу некоторые выводы.

1. Сохранение материальных объектов имеет экзистенциальный приоритет по отношению к их развитию, что доказывает проведённый анализ их места в Большой (Универсальной) истории. Проблема существования предполагает, прежде всего, сохранение материального объекта (для систем с управлением – обеспечения безопасности). Эволюционные процессы как самоорганизационные феномены также развиваются таким образом, что в основном обеспечивают сохранение материальных объектов через их усложнение (прогрессивную эволюцию).

2. Идея обеспечения безопасности через устойчивое развитие представляет собой новый этап в теоретико-концептуальном осмыслении и развёртывании всех направлений науки о безопасности. Эта идея предполагает объединение развития и безопасности в единую эволюционирующую систему, обеспечивающую стабильное существование объекта в окружающей среде.

3. Перенос акцента обеспечения безопасности с защиты объекта на его развитие приводит к выводу о том, что необходимый для этого тип развития должен оказаться устойчивым развитием. Только этот тип развития исключает либо минимизирует негативные воздействия и последствия развития и тем самым обеспечивает необходимую степень безопасности существования материальных систем.

4. Рассмотрение устойчивого развития сквозь призму проблемы безопасности означает не только новое видение механизмов и перспектив её обеспечения, но фактически и переход к более широкому и адекватному пониманию устойчивого развития. Устойчивое развитие в этом случае представляет собой нерегрессивный тип развития, который элиминирует либо снижает до приемлемого уровня любые негативные воздействия на объект с целью его сохранения. Короче говоря, устойчивое развитие в этом широком

смысле представляет собой безопасное развитие, в которое как частный (но главный и особенный случай) входит ставшее достаточно распространённым его «экологическое» понимание.

5. Идея об обеспечении безопасности через развитие (а, точнее через устойчивое развитие) требует нового правового оформления и прежде всего разработки и принятия следующего поколения закона «О безопасности». В этом законе, а, может быть, даже Кодексе о безопасности должны быть эксплицированы основные понятия, необходимые как для его правоприменения, так и для дальнейшего развития всех направлений науки о безопасности. Поскольку введены новые базовые понятия и новые концептуальные идеи в Стратегию–2020, оставлять прежний закон (1992 г.) с его устаревшей идейно-концептуальной основой после принятия Стратегии–2020 стало нецелесообразным (ведь закон соответствовал уже утраченной силе Концепции национальной безопасности РФ). Можно считать правомерной постановку вопроса о становлении особой отрасли права – «права безопасности», которое специально акцентировало бы внимание на реализации одной из главных функций государства – обеспечении безопасности личности, общества, государства и обеспечения стратегической стабильности мирового сообщества.

6. По большому счёту у государства имеются всего две основных функции – обеспечение безопасности и развития общества (теперь уже понятно, что речь идёт об устойчивом развитии). Учитывая уже понятую тесную взаимосвязь проблем безопасности и устойчивого развития, в будущем имело бы смысл принять закон, отображающий эту связь. Однако это вряд ли произойдёт в ближайшее время в силу недостаточной разработанности и понимания проблем устойчивого развития, особенно в ракурсе проблем безопасности. Поэтому остаётся надежда лишь на то, что предполагаемая новая редакция закона о безопасности включит в себя в том или ином виде идею обеспечения безопасности через развитие, имея в виду то понимание развития, которое выше было определено как устойчивое развитие в широком смысле слова.

7. В перспективе будет происходить процесс формирования права устойчивого развития, которое станет качественно новым правом, существенно стимулирующим продвижение мирового сообщества и каждого государства к новым цивилизационным целям. Процесс становления права устойчивого развития будет происходить на национальном и международном уровнях, причём этот последний процесс станет первое время опережать первый, что будет способствовать глобализации через устойчивое развитие. Начался также процесс формирования законодательно-нормативной базы по устойчивому развитию в ряде государств и он может существенно усилиться после осознания имманентной связи безопасности и развития, обеспечения безопасности через переход к устойчивому развитию. Наиболее перспективными траекториями формирования права устойчивого развития пока выступают в основном «экологическое» и «безопасное» его направления, которые могут развернуться в особые отрасли законодательства в области устойчивого развития.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

В.И. Долгих

МОСКВА ОСТАЛАСЬ НЕПОКОРЁННОЙ

Великая Отечественная война советского народа против фашистских агрессоров, длившаяся долгие четыре года, навсегда останется в истории как самая масштабная по размаху боевых действий и самая тяжёлая по социальным последствиям. Она составляла главное содержание второй мировой войны, в круговорот которой было вовлечено 61 государство с населением 1,7 млрд человек, из них под ружьё было поставлено около 100 млн. Человечество потеряло более 60 млн граждан.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вероломно напав на Советский Союз, гитлеровская Германия бросила против нашей страны и её Красной Армии не только свой людской и промышленный потенциал, но и ресурсы поверженных ею государств Европы. На советско-германском фронте к началу войны было сосредоточено 190 фашистских дивизий. В силу вероломного нападения, явного превосходства немцев в живой силе и технике, большой моторизованности гитлеровской армии, а также из-за некоторых субъективных просчётов советского политического руководства и военного командования первые месяцы войны сложились для нас неблагоприятно, а периодами – трагически. За полгода СССР потерял 1/3 своего национального богатства, на захваченной немцами советской территории было разрушено более 1700 городов и посёлков, свыше 70 тысяч деревень, более 30 тысяч промышленных предприятий, в том числе производивших боевую технику, боеприпасы, снаряжение.

Из имевшихся в армии на начало войны ~2,6 тысячи танков и 20 тысяч самолётов, почти 113 тысяч орудий и миномётов была потеряна большая часть. Значительными были потери людского состава армии. Однако великое сознание справедливости борьбы за спасение Отечества, скрытые доселе силы народные, экономический потенциал Советского государства раскрылись и распрямились подобно сжатой пружине.

Отступая перед превосходящими силами врага, Красная Армия, тем не менее, наносила противнику удар за ударом. Так было под Брестом, Оршей, Киевом, Смоленском, Одессой, в Крыму, под Новороссийском и в других местах. Несмотря на огромные потери в живой силе и технике, к осени 1941 года немцы вплотную подошли к Ленинграду и столице нашей Родины Москве.

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

С самого начала Великой Отечественной войны одним из наиболее опасных направлений удара немецко-фашистских войск являлось московское. Именно здесь, вдоль кратчайшего пути от Бреста до советской столицы развернулись кровопролитные сражения. На Московском направлении наступала самая мощная группировка вермахта – группа армий «Центр». Из 190 дивизий Германии и её союзников более 50 были сосредоточены на этом направлении.

Общая численность войск этой группы на 1 октября 1941 года достигла 1 млн 900 человек. Они имели на вооружении 14 тысяч орудий, 1390 самолётов, 1700 танков. Противник превосходил наши войска в численности людей более чем в 1,5 раза; танков – в 1,7; самолётов – в 2 раза. В результате упорнейшей обороны и контрударов советских войск, героизма бойцов и командиров превосходство немцев стало сокращаться. На защиту города вместе с армией встало народное ополчение. В тылу у немцев развернулось партизанское движение. Попытки гитлеровцев прорваться к Москве были сорваны. Враг был остановлен, затем повернут вспять.

Контрнаступление Красной Армии, начатое 5–6 декабря 1941 г., отбросило немецкие войска на 100–400 км на запад. Советское командование использовало накопленный за полгода боевых действий опыт, учло такие факторы, как отсутствие у немцев оперативных резервов и подготовленности к боям в зимних условиях, наконец, более высокий моральный дух советских войск.

В целом Московская битва, продолжавшаяся с 30 сентября 1941 года по 20 апреля 1942 года, по своему размаху и напряжённости стала, по свидетельству военных авторитетов, одной из самых крупных битв второй мировой войны. Под Москвой впервые врагу был нанесён удар такой силы, стратегическое значение которого невозможно переоценить. План «молниеносной войны» провалился. Разгром гитлеровских армий под Москвой явился началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Победа Красной Армии в Московской битве была достигнута дорогой ценой. Безвозвратные потери советских войск превысили 926 244 человека. Противник потерял более 615 тысяч солдат и офицеров.

Эту гигантскую задачу вынесли на своих плечах все нации и народности Советского Союза, жители Урала и Поволжья, Украины и Белоруссии, Грузии и Армении, республик Средней Азии и Казахстана, ополченцы Москвы.

Вместе с тем справедливо будет подчеркнуть особый вклад в изматывающих врага боях от границы до Москвы, а затем в великом контрнаступлении Красной Армии сибирских и дальневосточных Воинских формирований.

СИБИРЯКИ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

Уже в первые дни войны на фронты западного стратегического направления из Сибири прибыло одиннадцать кадровых дивизий двух армий, сформированных в Забайкальском и Сибирском военных округах, – 16-й (командарм генерал-лейтенант М.Ф. Лукин) и 24-й (командарм генерал-лейтенант А.С. Калинин).

Эти армии вели ожесточённые бои с немцами под Оршей и Смоленском, их части приняли на себя и первые удары в самом начале Московской битвы. Мужественно и стойко держали оборону шесть дивизий 24-й армии: 91, 107, 119, 133, 166, 178-я.

В ноябре-декабре 1941 г. в Сибирском военном округе были сформированы 12 новых стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, а также 6 отдельных стрел-

ковых бригад. Из этих 22 соединений 10 примут участие в Московской битве. Под Москву также прибыли две дивизии Забайкальского округа – 82-я мотострелковая (полковник Г.П. Карамышев), 93-я Восточно-Сибирская стрелковая (полковник К.М. Эрастов) и 6 дивизий с Дальнего Востока, в их числе 32-я Краснознамённая (полковник В.И. Полосухин); 78-я (полковник А.П. Белобородов); 239-я (полковник Г.О. Мартиросян); 415-я (полковник Г.А. Латышев, генерал-майор П.А. Александров); две танковые дивизии: 58-я и 112-я (генерал-майор танковых войск А.А. Котляров, полковник Л.А. Гетман). С октября 1941 г. в Московской битве участвовали ещё две дальневосточные дивизии – 107-я мотострелковая (полковники П.Н. Домрачев, П.Г. Чанчибадзе) и 413-я стрелковая (генерал-майор А.Д. Терешков). Создание стратегических резервов и их ввод в действие сыграли решающую роль в достижении нашей Победы.

По данным военных округов, за годы Великой Отечественной войны в составах сибирских формирований на советско-германский фронт было направлено около 3,5 млн человек – хорошо подготовленных воинов. Из них более 2,6 млн человек из областей и краев СибВО.

В битве под Москвой сибиряки участвовали во всех важнейших оборонительных и наступательных операциях: Вяземской, Орловско-Брянской, двух Калининских, Клинско-Солнечногорской, двух – Тульских, Можайской-Малоярославецкой, Наро-Фоминской, Калужской, Елецкой. В Вяземской почти в полном составе погибли три кадровые дивизии сибиряков – 91, 152, 166-я. После ожесточённых и кровопролитных боёв в окружении под Вязьмой практически перестала существовать и 24-я армия.

В числе первых соединений, которые стали гвардейскими, было немало сибирских. 107-я стрелковая дивизия полковника Миронова Павла Васильевича, сформированная в 1939 году в Алтайском крае, 26 сентября 1941 года за проявленные стойкость и мужество, массовый героизм личного состава в числе первых в Красной Армии была преобразована в 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В марте 1942 года уже в период контрнаступления под Москвой две дивизии 24-й армии – 119-я красноярцев (генерал-майор А.Д. Березин) и 133-я новосибирцев (генерал-майор В.И. Швецов) были преобразованы в 17-ю и 18-ю гвардейские, а 82-я мотострелковая дивизия полковника Г.П. Карамышева – в 30-ю гвардейскую мотострелковую дивизию. До конца Московской битвы ещё четыре дивизии и одна бригада сибиряков, забайкальцев и дальневосточников, стали гвардейскими.

Всем известны бессмертные заслуги знаменитой дивизии Ивана Васильевича Панфилова. Это соединение защищало дальние подступы к Москве по Волоколамскому шоссе. Бессмертный подвиг 28 панфиловцев останется в истории Великой Отечественной войны. Среди этих героев было семеро сибиряков – их родина Алтай, Кузбасс и Томск. Большой вклад в разгром немецких войск под Москвой внесла дивизия Афанасия Павлантьевича Белобородова, срочно переброшенная с Дальнего Востока в октябре 1941 г. и с ходу ввязавшаяся в жестокие бои с дивизией «Райх» в районе Истры на Волоколамском шоссе. Именно этой дивизии с другими частями 16-й армии удалось измотать противника в оборонительных сражениях и остановить его перед д. Ленино. Здесь сибиряки встали насмерть и не сделали ни шагу назад. В одном из не-

давно переведённых немецких документов, датированном 1 декабря 1941 года, можно прочитать: «По их раненым можно понять, как закалены солдаты 78-й сибирской стрелковой дивизии, которую советское командование за 14 дней перебросило из Хабаровска через всю Сибирь под Москву. Эта дивизия не оставляла без боя ни одной деревни, ни одной рощи».

В боях под Москвой отличился 392-й отдельный пушечно-артиллерийский полк из Красноярского края, который за годы войны 13 раз отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего. Его воины несли знамя полка на Параде Победы. Таким же легендарным стал Красноярский бомбардировочный авиаполк, преобразованный в 22-й гвардейский.

В Московской битве, как и в других сражениях Великой Отечественной войны, с особой силой проявились лучшие черты сибирского характера. Мужество и отвага, стойкость и выносливость, способность переживать невероятные трудности и лишения были присущи воинам-сибирякам. Высокие качества воинов-сибиряков отмечали маршалы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, А.И. Еременко, Р.Я. Малиновский, В.И. Чуйков и многие другие полководцы. Р.Я. Малиновский подчёркивал, что «лучших воинов, чем сибиряк и уралец, бесспорно, мало в мире, поэтому рука невольно пишет эти слова с большой буквы». «Собственно говоря, когда вспоминаешь любое из многочисленных сражений минувшей войны, – подмечал маршал А.И. Еременко, – прежде всего, видишь тех, кто последним отступал и первым бросался в атаку. А это во многих случаях были именно сибиряки».

ЕДИНСТВО ТЫЛА И ФРОНТА

В годы Великой Отечественной войны Сибирь стала одной из кузниц офицерских кадров. К тем военным учебным заведениям, которые имелись здесь до войны, прибавились десятки других, эвакуированных из европейской части страны. Они готовили командиров для всех родов войск Вооружённых Сил СССР. Только на территории Сибирского военного округа было 15 военно-пехотных и пулемётных училищ. Особенно следует отметить 1-е Омское пехотное, ныне высшее дважды Краснознаменное общевойсковое командное училище им. М.В. Фрунзе. За годы войны училище осуществило 23 выпуска командиров, подготовило 5678 офицеров.

В Новосибирске, Красноярске, Иркутске действовали училища и школы по подготовке лётчиков, авиационных механиков, стрелков-бомбардиров. Высокопрофессиональных артиллеристов выпускали томские артиллерийские училища – ТАУ-1 и ТАУ-2, Красноярское военное артиллерийское.

* * *

Уже с первых дней войны Сибирь стала принимать основной поток раненых. Эвакогоспитали из прифронтовой зоны поставляли в сибирские госпитали до 70 процентов общего числа раненых, под госпитали предоставлялись дома отдыха и санатории, больницы, школы, клубы. В Новосибирской области в 1942 г. находилось 107 госпиталей, в Алтайском крае – 56, Омской области – 36. Значительное количество их было в Красноярском крае, Тюменской, Курганской и других областях. Во всех областных, городских и районных центрах Сибири действовали комитеты помощи раненым. Значительный вклад в работу по возвращению в строй раненых бойцов внесли учёные-медики Сибири – Новосибирского,

Томского, Омского, Иркутского медицинских институтов. Благодаря самоотверженному труду медиков в целом по стране 73 процента раненых после излечения в медицинских учреждениях вернулись в строй, а это более 11 млн человек.

* * *

Однако этим не исчерпывается роль Сибири, всей зауральской территории СССР в разгроме фашистской Германии. Без единства тыла и фронта Победа в Великой Отечественной войне была бы вообще невозможна. Как уже говорилось, в первый период войны армия понесла большие потери в живой силе и технике. Нужно было не только восполнить эти потери, но и обеспечить перевес нашей армии в танках и самолётах, всех видах вооружения и снаряжения.

А обстановка складывалась тяжелейшая. К осени 1941 г. мы оставили Украину с Донецким бассейном, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику, большую часть западной территории России. Среднегодовая численность рабочих и служащих в 1942 г. по сравнению с предвоенным периодом сократилась на 15,5 млн человек (с 33,9 млн до 18,4 млн человек). На территории СССР, что была захвачена врагом, размещалось накануне войны 31 850 заводов и фабрик, в том числе 7,5 тысячи крупных, не считая мелких предприятий и мастерских. Только чёрная металлургия за первый военный год потеряла около 58% мощностей по выплавке стали и проката и свыше 70% выплавки чугуна от общесоюзного производства. Уже в первые месяцы войны встали вопросы, каким образом восстановить утраченный экономический потенциал, за счёт чего и как обеспечить постоянное снабжение армии вооружением и боеприпасами, продовольствием и снаряжением. Без кардинального решения этих задач Красная Армия не могла бы сражаться, а тем более победить.

* * *

Для решения всех непостижимо сложных задач, возникших с началом войны, были образованы новые государственные органы наряду с теми, которые действовали ещё до войны. Высшим Государственным органом власти стал ГКО – Государственный комитет обороны, который был создан 30 июня 1941 года. В его руках была сосредоточена вся полнота власти в государстве. Председателем ГКО был назначен И.В. Сталин, сыгравший выдающуюся роль в организации борьбы с врагом на фронте и в тылу. ГКО объединял усилия фронта и тыла. С 24 июня 1941 г. начал функционировать совет по эвакуации, а вскоре образовано бюро ГКО по контролю за выполнением военных заказов, 60 городских комитетов обороны и т. д. Ведущей организаторской силой всей гигантской работы на фронте и в тылу была партия коммунистов.

В наше время появилось немало фальсификаторов истории, стремящихся исказить историю войны, опорочить талантливейших полководцев, организаторов производства, бросить тень на Великую Победу советского народа в Великой Отечественной войне. И историческое значение поворота в войне под Москвой эти фальсификаторы представляют молодому поколению как поражение Советской Армии. Задача нашего поколения, участников войны и свидетелей этих великих событий – остановить этот мутный поток лжи, донести до людей, особенно молодых, правду, рассказать, как это было на самом деле.

* * *

Основная тяжесть по выполнению заказов фронта легла на трудящихся Урала, Поволжья и Сибири. Они стали крупнейшими арсеналами укрепления боевой мощи вооружённых сил. Уже в 1942 году выпуск военной продукции на Урале возрос более чем в 5 раз, в Поволжье – в 9 раз, в Сибири – в 27 раз. Военная перестройка всего народного хозяйства страны была осуществлена за невиданно короткий срок – второе полугодие 1941-го и первое полугодие 1942 года. Уже в июле – декабре 1941 года в глубокий тыл, в восточные районы страны было эвакуировано полностью или частично 1523 предприятия оборонного значения. Из них 667 размещено на Урале, 322 – в Сибири. Урал и Сибирь приняли и в невероятно короткие сроки возродили к жизни сотни перебазированных предприятий, организаций и учреждений из Москвы и Ленинграда, Киева и Запорожья, Днепропетровска и Одессы, Минска, Воронежа, Тулы и многих других городов. По сути дела, целая высокоразвитая по тому времени индустриальная держава европейской части была перемещена и в исключительно короткие сроки на новых необжитых местах начала выпускать так необходимую фронту продукцию.

В самом начале войны в Сибири стали формироваться новые отрасли оборонной промышленности – форсировано строился красноярский завод тяжёлого машиностроения «Сибтяжмаш», Новосибирский станкостроительный завод, завод промышленной арматуры в Барнауле, насосно-компрессорный в Кемерове, ряд заводов в Омске, Томске и других городах. После захвата противником Донецкого бассейна, Кузбасс стал главной «кочегаркой» военного времени. Он должен был стать ведущим бассейном страны по добыче угля, особенно коксующихся марок. И Кузбасс занял это место.

В Новосибирск из Москвы эшелон за эшелонам поступало оборудование на авиационный завод им. Чкалова, и здесь начался регулярный выпуск новых типов истребителей. Уже через одиннадцать месяцев их стало производиться в 7,5 раза больше. За войну завод им. Чкалова дал армии 15 797 первоклассных самолётов.

С 1942 г. на Урале и в Западной Сибири сооружалось 5 новых доменных и 27 мартеновских печей, блюминг, 5 коксовых батарей, 8 угольных шахт, 1 разрез, алюминиевый и ферросплавный заводы. В Барнауле и Бийске было освоено производство паровых котлов. В Красноярском крае широко развернулось строительство завода «Крастяжмаш» на базе оборудования, прибывшего с завода «Красный профинтерн» из г. Бежецка. С мая 1942 г. завод стал выпускать продукцию.

В мае 1943 г. из стен Красноярского паровозостроительного завода ушёл в путь первый мощный локомотив марки «Серго Орджоникидзе». Форсировано велось строительство Норильского горно-металлургического комбината в Заполярье. 28 апреля 1942 г. здесь был получен первый никель.

* * *

Сегодня, спустя более чем полвека, трудно даже представить, как удалось справиться с этой невероятно сложной задачей. Ведь предстояло демонтировать сотни тысяч (если не миллионы) единиц различного оборудования, в том числе крупногабаритного и многотонного по весу, перевезти его в пункты назна-

чения, а затем разгрузить, смонтировать, наладить выпуск необходимой продукции, обеспечить топливом, электроэнергией, сырьём, кадрами, принять, устроить огромное количество эвакуированных людей и наладить выпуск необходимой продукции. Гигантская работа по обеспечению фронта всем необходимым велась в каждом из регионов Сибири. Перебазирование производственных сил страны на восток явилось одним из наиболее значительных исторических событий страны. По своей значимости эта грандиозная операция, по мнению маршала Г.К. Жукова, была равной «величайшим битвам второй мировой войны».

Армию и флот надо было одевать, обувать, кормить. Потребности армии и флота во всём этом были огромные. Неоценимое значение имел сбор тёплых вещей для бойцов и командиров. С помощью тружеников тыла наша армия в зимней кампании 1941–1942 гг., в решающий период битвы под Москвой была одета лучше немецкой и готова к зимним наступательным операциям.

Мы должны низко поклониться великим труженикам села Зауралья и Сибири и по достоинству оценить их гигантский вклад в дело победы. В 1940 г. посевные площади в стране составляли 150,6 млн га, а в 1942 г. – 87,5 млн га, или в 1,7 раза меньше. Потеряны главные житницы страны – Украина и Кубань, значительная часть Поволжья. Для нужд фронта из села были изъяты почти все новые мощные гусеничные тракторы, 75% автомобилей, 60,2% рабочих лошадей. В армию ушло почти всё работоспособное мужское население.

Женскими, детскими и старческими руками, по существу, уже в 1942 г. Сибирь поставила 190 млн пудов хлеба, 636 тыс. голов крупного рогатого скота, 1,2 млн голов овец и коз. Только на Алтае было поднято 330 тыс. га целинных земель. Всего же тружениками сельского хозяйства Сибири за 1941–1944 гг. заготовлено 700 млн пудов – 1/6 всего зерна, заготовленного в военный период в СССР. Это равнялось половине товарного хлеба, полученного Россией за все годы первой мировой войны. С сентября 1941 г. в стране началось массовое движение по добровольному сбору средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолётов, бронепоездов, подводных лодок, выпуск другой боевой техники. Сибиряки и дальневосточники до апреля 1943 г. внесли 1 млрд 554 млн руб. из 7,4 млрд в целом по стране, или пятую часть всего сбора.

Потрясающие примеры патриотизма и самопожертвования сибиряков трудно перечислить. Упомяну только об одном. Так, томичка Мария Васильевна Октябрьская в начале 1943 г. внесла все свои сбережения – 50 тысяч рублей в банк на приобретение именного танка «Боевая подруга» и сама, овладев техникой его вождения, повела в бой. Она участвовала в освобождении от немецких захватчиков Смоленщины и Белоруссии. Она мстила фашистам за своего погибшего мужа – полковника Илью Федоровича Октябрьского. В марте 1944-го Мария Октябрьская погибла, ей присвоено звание Героя Советского Союза.

Таким образом, в восточных районах страны и на Урале в результате огромной работы партии, тружеников тыла была воссоздана значительная часть потерянной в начале войны промышленности и сельского хозяйства. Вместе с тем была поставлена государственная задача дальнейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока.

Важную роль в этом сыграли советские учёные. В Сибирь было эвакуировано более 20 высших учебных заведений, ряд научно-исследовательских институтов. Освоение недр Сибири и развитие её производительных сил связано с такими именами как академики В.А. Комаров, В.А. Обручев, И.П. Бардин, А.А. Скочинский, Н.А. Чинакал, А.А. Трофимук, С.А. Чаплыгин, А.А. Байков и другие.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Для нашего государства 1941–1945 годы были периодом величайшего напряжения, годами горя и боли из-за потери мужей, отцов, сыновей, дочерей. Но они были и годами небывалого патриотизма и самопожертвования, массового героизма на фронте и в тылу. И завершились эти годы нашей Великой Победой.

Есть в истории неисчерпаемые темы и события. В первую очередь это Великая Отечественная война, а среди её сражений Московская битва – начало разгрома «непобедимых армий непобедимой Германии». *Москва – единственная из столиц – европейских государства, на территории которых прошли немецко-фашистские полчища, осталась непокорённой.*

* * *

Подводя итоги, подчеркну ещё раз: Сибирь, все её регионы внесли огромный вклад в разгром немецко-фашистских войск под Москвой и во все последующие сражения, в достижение Победы в Великой Отечественной войне. И те, кто погиб, и те, кто остался, и те, кто уходит от нас, – а таких, к нашему большому огорчению, с каждым годом становится всё больше и больше, – любили свою Родину, любили близких, думали о будущем детей и внуков.

Вместе со всем советским народом сибиряки совершили всемирно-исторический подвиг на фронте и в тылу. Подвиг этот бессмертен. Вечная память о тех, кто не щадя своей жизни, вставал на защиту Отечества, бережное отношение к урокам и победам прошлого, несомненно, будут способствовать возрождению великой державы.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2002. № 4)

В.Г. Байкова

ФИЛОСОФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

*Факторы победы, историческое значение и уроки
(К выходу в свет первого тома: «60 лет битвы под Москвой
в Великой Отечественной войне»)**

От редакции. Наш журнал уже обращался к теме Великой Отечественной войны и её главного звена – Битвы за Москву. Продолжение темы обусловлено её исторической значимостью и неисчерпаемостью. Последнее подтверждается появлением новых и новых работ, освещающих разные периоды этой войны.

Среди таких работ выделяется своей обстоятельностью и глубиной анализа факторов Великой Победы и уроков войны, актуальных для решения современных задач защиты отечества новое серийное издание «Философия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», морально-политическую и научную значимость которого трудно переоценить. В книгах этого издания публикуются материалы научно-практических конференций и круглых столов, в ходе которых фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны, маршалы и рядовые солдаты, наследники их ратной славы – слушатели, курсанты и студенты военных учебных заведений, представители дипломатических кругов, общественности столицы и регионов, учёные осмысливают заново героические и драматические события этой войны, стремятся полнее представить нелёгкий путь советского народа и Красной Армии к Великой Победе, спасшей Отечество и весь мир от фашизма.

Придавая большое значение этому изданию в защите военной истории Отечества от внешних и внутренних посягательств журнал «Безопасность Евразии» открывает новую рубрику.

*Это надо не мертвым,
это надо живым.*

*Р. Рождественский
«Реквием»*

О ПРОШЛОМ РАДИ БУДУЩЕГО

В октябре 2001 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция, посвящённая 60-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Материалы этой конференции составили содержание книги «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной Войне», открывающей названное выше издание.

Организаторами конференции выступили Ассоциация офицеров запаса сухопутных войск «Мегапир», Правительство Московской области, Информационно-издательский концерн «Российская газета», Академия военных наук РФ. В работе конференции участвовали: Академия Генерального штаба ВС РФ, Академия гражданской защиты МЧС РФ, Военный университет МО РФ, Военный университет радиационной, химической и биологической защиты, Военно-инженерный университет, Институт военной истории МО РФ, Институт социально-политических исследований РАН, Комитет ветеранов войны вооружённых сил, Московская городская дума, Российская Академия государственной службы при Президенте РФ, Российский университет дружбы народов, Центральный музей вооружённых сил, Корпорация

* 60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. М.: Книга и бизнес, 2002. 340 с.

US Mega LLC (США). Гостями конференции были ветераны войны и труда Москвы и Московской области, Калужской, Смоленской, Тульской областей, делегации бывших республик Советского Союза – Украины и Белоруссии, а также США, Великобритания, Франции, КНР, Монголии, Польши.

Цель конференции состояла в том, чтобы показать величие подвига Красной Армии, всего советского народа, совершённого в 1941–1942 гг. в битве за Москву, раскрыть значение исторического опыта Великой Отечественной войны для укрепления военной безопасности России, повышения боеспособности реформируемых Вооружённых Сил РФ, военно-патриотического воспитания молодёжи.

Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал, что с каждым днём по времени общество всё дальше и дальше уходит от военной поры. «Но я убежден, – говорил он, – время не имеет власти над величием всего того, что мы пережили в войну. Это было необычайно трудное, но и очень славное время»¹. Для молодого поколения Великая Отечественная война – это уже история, причём не столь уж близкая. Поэтому одним из заветов великого полководца является передача и теперешней молодёжи, и грядущим поколениям всей правды о войне и о её героях, чтобы не был забыт подвиг сынов и дочерей нашего Отечества, коими обеспечена Великая Победа над фашизмом.

Думается, из этого должен исходить любой автор, пишущий о Великой Отечественной.

О Великой Отечественной войне создана столь обширная литература, что если бы была создана её сводная библиография, то она составила бы не один солидный том. И всё-таки остаются «белые пятна» и тайны этой войны, над разгадкой которых работают всё минувшее после войны время представители отечественной и зарубежной науки. Трудности этого процесса обусловлены тем, что долгое время многое не договаривалось, о некоторых событиях и фактах писалось с множественными оговорками, некоторые факты – особенно просчёты и ошибки – были и вовсе «за семью печатями». И лишь в последние годы, когда были открыты архивы (хотя до сих пор ещё не все), когда критически переосмыслены действия ряда государственных деятелей и военачальников, стало легче анализировать и воссоздавать достоверную историческую панораму былых сражений, показывать правду, не подверженную политическим манипуляциям лакировки.

Передать правду о Великой Отечественной войне, не дать принизить историческую значимость Великой Победы и её влияние на послевоенное мироустройство XX века – для этого и собираются подобные конференции. Они оставляют в своих документах и последующих изданиях сгусток переосмысляемых выводов и оценок, открывающих неизвестные доселе страницы войны, уточняющих ход боевых действий на различных участках фронта, вызывающих из небытия имена тысяч солдат и офицеров утраченных – казалось – навсегда.

Более половины докладчиков анализируемой конференции и каждый третий из её выступающих – участники Великой Отечественной войны. Их доклады и выступления, отражённые в книге, несут в себе раздумья солдат о своём ратном пути, о причинах военных неудач, невыносимом напряжении физических и душевных сил, выпавших на их долю, о великой гордости своим участием в разгроме врага – мощ-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. 13-е изд., испр. и доп. по рукописям автора. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 399.

ного, сильного, легко расправившегося с Европой. ОНИ – ПОБЕДИТЕЛИ. И сегодня именно они – носители истинны, правды об этой войне.

Книга, вобравшая в себя их мысли, анализ и обобщения событий тех лет, является источником уникальной, выверенной жизнью информации.

НАЧАЛО ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ И ПОРАЖЕНИЙ, ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Общеизвестно, что события любого масштаба лучше осмысливаются по истечении некоторого времени. А такой тяжелейший период жизни нашего общества как Великая Отечественная война с её ошибками и просчётами, но и талантливо находимыми выходами из критических ситуаций, огромными людскими страданиями и утратами, но и неизмеримым мужеством и массовым героизмом – полнее представляется с высоты минувших десятилетий, когда «отчетливее видится великая и горькая правда о войне»¹. Исходя из этого участники конференции говорили о войне – с самого её начала и о том, что ей предшествовало.

Общий анализ военно-политической обстановки перед второй мировой и Великой Отечественной войнами дан в докладе маршала Советского Союза Д.Т. Язова «Стратегическая операция Советской Армии под Москвой – начало разгрома немецко-фашистских войск»².

Прежде всего, он убедительно показал, что без займов, технической помощи США, Франции и Англии, мюнхенской политики Германия не смогла бы осуществить агрессию против СССР. Более того, даже тогда, когда фашисты напали на Польшу и фактически начали вторую мировую, Англия и Франция, хоть и объявили войну Германии, но вовсе не стремились к её разгрому и практически не вели активных боевых действий, а старались направить германскую агрессию против Советского Союза, не предвидя, что жизнь заставит их стать его союзниками ради собственного выживания.

Это привело к тому, что в Европе сложилась ситуация, которая вошла в историю под названием «странной войны». Д.Т. Язов показывает эту противоестественную ситуацию, когда практически без боев стояли 110 французских и 5 английских дивизий против 23-х немецких. Он приводит данные о потерях в живой силе, которые являются достаточно точным свидетельством характера этой войны: французы потеряли за десять месяцев этого противостояния 1433 человека, англичане – 3 (три!), немцы 696. «Странная война», в конечном счёте, завершилась переходом гитлеровских армий в наступление (май 1942 г.), в результате которого почти вся западная Европа была оккупирована. В течение одного дня Германия захватила Данию, за 12 дней Югославию, за 13 – Бельгию, за 44 дня Францию, 63 – Норвегию. Материальные и людские ресурсы покорённых европейских государств были поставлены на службу Германии³.

Эти данные особенно контрастно выглядят на фоне того, что до Москвы гитлеровцы шли более пяти месяцев и, будучи разбиты на голову у ворот нашей столицы, покрыли себя вечным бесславием.

¹ Язов Д.Т. Великая Отечественная: реальность и мифы / Ваш подвиг будет жить в веках. М.: 2002. С. 452.

² 60 лет битвы под Москвой. С. 17–26.

³ Там же.

Анализируя ход подготовки Германии к вторжению в СССР, в том числе дипломатические меры, призванные завуалировать его, Д.Т. Язов вместе с тем решительно отвергает выводы ряда современных авторов о том, что Советский Союз хотел нанести упреждающий удар по Германии. Подобные выводы, с его точки зрения, оправдывают миф о «превентивной войне» и ставят под сомнение факт неприкрытой агрессии третьего Рейха против СССР, юридически установленный международным Нюрнбергским трибуналом¹.

Все минувшие десятилетия наш народ, перенёсший тяготы этой небывало жестокой войны, её солдаты и военные специалисты всех профилей, учёные – историки и обществоведы задавались множеством вопросов:

- почему столь неожиданным оказалось нападение Германии?
- почему с первых часов вторжения врага Красная Армия оказалась в труднейшем положении?
- почему до войны не были определены и законодательно закреплены система и порядок функционирования государственной власти, управления всеми сферами жизнедеятельности общества в условиях военного времени и мн. др.

Анализируя поражения и неудачи в начале войны, авторы раскрывают комплекс их причин. Д.Т. Язов называет, прежде всего, неправильную оценку характера начального периода войны и недооценку стратегической обороны. Не было определено и направление главного удара: усилия Красной Армии были сосредоточены на киевском направлении, в то время как противник наносил главный удар на московском. Кроме того, с его точки зрения, соединения и части были недостаточно оснащены вооружением и боевой техникой, новые виды оружия были распылены по большому числу соединений и частей. Армия и флот не были укомплектованы до штатов военного времени. Серьёзные просчёты были в определении мест базирования военно-воздушных сил и материальных запасов. Старшее поколение хорошо помнит лозунг тех лет «Бить врага на его территории». Фактически этот лозунг стал политико-идеологической установкой, во исполнение которой войска всё ближе подтягивались к границе. В результате с первых же дней войны при быстром продвижении гитлеровских армий вглубь наших территорий аэродромы и значительная часть материальных средств оказались у врага.

Главной же причиной неудач и поражений Д.Т. Язов считает тот факт, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность, не заняли заранее подготовленные рубежи и позиции. Другие войска также своевременных команд не получили, из-за чего внезапно атакованные части Красной армии были вынуждены вступать в тяжёлые бои без необходимой подготовки, некомплектованные полностью личным составом и боевой техникой².

С.В. Новиков отмечает ещё одну причину: важнейшие вопросы военного строительства находились в ведении различных властных органов. Эта распылённость не способствовала эффективному их решению, тем более, что действующая Конституция СССР не предусматривала структуру и порядок функционирования органов государственной власти, призванных управлять страной именно в условиях военного времени³. Сыграло свою роль и неверие высшего руководства в данные советской разведки, доносившей о сроках возможного нападения Германии на СССР, хоть и неоднократно переносившихся (как говорят военные, возможно, это

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 18; Ваш подвиг будет жить в веках. С. 453.

² 60 лет битвы под Москвой. С. 19.

³ Там же. С. 49.

была дезинформация противника), а также надежда, что Гитлер, сдерживаемый Пактом 1939 г. о ненападении не решится на прямую агрессию...

Д.Т. Язов показывает потрясающую до сих пор сознание современников картину начала этой войны, заставшей наши войска на местах постоянной дислокации. Из числа дивизий, которые должны были выйти на прикрытие государственной границы, вышло только 25% и то на флангах, а не в центре главного удара фашистских войск. Практически все уже знали, что не сегодня – завтра война вспыхнет. И, тем не менее, в Белорусском военном округе, например, артиллерия находилась на сборах под Минском, в войска вовремя не пребывала, и они сражались без её поддержки. Воинские части, находящиеся в Брестской крепости, – ни одна – не получили приказа о начале боевых действий и были атакованы внезапно¹.

Однако, глядя на драматические ситуации лета 1941 г., следует показать и другие явления и факты, которые тоже характеризовали жизнь нашей страны на первых порах войны и которые сломали план «Барбаросса», основанный на идее молниеносного разгрома СССР, позволив, в конечном счёте, преодолеть эти причины и вырвать у врага стратегическую инициативу. Думается, что можно выделить, по крайней мере, три таких момента.

Во-первых. Несмотря на то, что Красная армия терпела поражения, сопротивление противнику было очень сильным, подчас ожесточённым. Достаточно вспомнить ни с чем несравнимую в истории войн оборону Брестской крепости. Высокую волю к сопротивлению, хорошую выучку, упорство и настойчивость, с которыми боролся Брестский гарнизон, отмечали в своих послевоенных воспоминаниях многие германские военачальники, коим удалось пройти через этот рубеж. В окружении, в «котлах» части Красной армии не только оборонялись, но и наносили ответные удары, связывая действия захватчиков, заставляя их сбавлять темпы продвижения вглубь СССР и топтаться на месте иногда неделями.

Во-вторых. В короткие сроки было перестроено высшее руководство страной. Решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 30 июня 1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО). Его председателем стал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК СССР И.В. Сталин. Рабочим органом ГКО являлась Ставка Верховного Главнокомандования.

Государственный Комитет Обороны обладал всей полнотой власти в стране и направлял деятельность военных, политических и хозяйственных органов на мобилизацию людских, материальных, военных и духовных ресурсов страны на разгром врага². Постановления и распоряжения ГКО имели силу законов военного времени и подлежали беспрекословному исполнению всеми советскими, партийными, комсомольскими и общественными организациями, военными и хозяйственными органами. В силу этого, деятельность ГКО способствовала одновременному решению первостепенных задач жизнеобеспечения страны, укрепления боеспособности армии и флота. Надо было провести эвакуацию в Зауралье и Сибирь промышленных предприятий, в первую очередь оборонных, переключить ряд граж-

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 23.

² Там же. С. 49.

данских отраслей промышленности на выпуск военной продукции, провести всеобщую мобилизацию военнообязанных для компенсации потерь в живой силе, понесённых в начале войны, эвакуировать из районов, которым угрожала немецкая оккупация хотя бы часть населения, музейных и других ценностей, наиболее важное хозяйственное имущество. Конечно, далеко не всё удалось вывести и сберечь. Многие были утрачены. Тем не менее, то, что было эвакуировано и сохранено, начинало работать на победу.

В-третьих, и это, может быть, самое главное. Страна поднялась вся, от мала до велика. Ушедших на фронт мужчин на заводах и фабриках, на полях заменяли женщины, подростки и дети. Юноши и девушки, «не дотянувшие» до призывного возраста осаждали военкоматы. Приписки одного, а то и двух лет возраста стали массовыми. Сколько их прорывалось – кто прямо на фронт, кто в военное училище? Таких данных нет, но ветераны считают, что их было много, не одна сотня тысяч. Оставшиеся в тылу отдавали фронту все силы, подчас сутками не уходя с рабочего места. Конечно, были и такие, которые прятались под «бронью». Но они были исключением. Таких не просто не любили, их презирали.

Страна стала единым военным лагерем.

Всё это дало возможность приостановить стремительное наступление германских войск. Начальник штаба сухопутных войск генерал фон Гальдер в своём дневнике неоднократно отмечал, что «противник перешел к активным действиям», что при необходимости отступления «противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями»¹. Многие другие гитлеровские военачальники отмечали, что растерянность от внезапного нападения у русских прошла, и они начали упорное сопротивление. Но все они считали эти явления преходящими, в возможность Красной Армии перейти к сколько-нибудь серьёзным контрмерам не верили и были настроены оптимистично: впереди Москва – их цель, ожидаемый триумф, покорённая Россия, власть над миром. Тогда никто из них не мог и предполагать, что это может не осуществиться, и что в Москву они войдут лишь в качестве военнопленных.

Пролог Великой Победы

Грозвая пылающая панорама Московской битвы, полное драматизма столкновение вооружённых сил двух стран зримо раскрываются в материалах книги: динамика развёртывания боевых действий, нарастание их напряжения, гигантская схватка полководческих умов. Анализируются стратегические планы противоборствующих сторон, главным звеном которых для обеих из них была Москва. Немцы рвались *во что бы то ни стало* захватить её. Целью наших было – *во что бы то ни стало* защитить, отстоять свою столицу.

Во что бы то ни стало... Почему? На этот вопрос отвечает И.С. Даниленко, анализируя немецкие замыслы. Он показывает возможную альтернативу развития событий в случае их осуществления². Сгруппируем выделяемые им варианты по признаку возможного их возникновения и развития *внутри* СССР и *вне* его.

Среди *внутренних вариантов*, прежде всего, следует отметить – на что очень рассчитывали германские стратеги – предполагаемое ими падение морального духа Красной Армии и советского народа. Сопротивление было бы тогда

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 39.

² Даниленко И.С. Битва за Москву в 1941 г. на фоне истории XX века // Там же. С. 44–47.

сломлено и «освобождение от коммунизма» оставшейся территории СССР стало бы делом недолгого времени. Этому способствовала бы активизация сепаратизма любой мотивации – этнической, конфессиональной и любой другой. Образовалась бы база для создания коллаборационистского режима на оккупированной части страны. В случае его создания число тех, кто из-за шкурных интересов или крайней скудости ума пошёл бы служить этому режиму, конечно, выросло бы.

Что касается *внешних аспектов* этой ситуации, то ясно, что сразу же поспешили бы вступить в войну, стоящие наготове Япония и Турция. В материалах Нюрнбергского процесса зафиксированы особенности и цели фашистской геополитики после войны, в благоприятном исходе которой они не сомневались:

а) переселить за Урал многие европейские народы, включая шведов и датчан, якобы для создания защитного вала от биологической силы русского народа;

б) осуществить раздел территории Советского Союза между Германией и Японией, как странами – победительницами, проведя разграничительную линию по Уралу, что позволило бы им стать безраздельными хозяевами огромных природных богатств СССР.

Вошла бы, наверное, «в долю» и Турция. И.С. Даниленко отмечает, что уже тогда прорабатывались контуры двуполярного мира. Как исстари говорили на Руси, делили шкуру неубитого медведя.

Но был ещё один внешний аспект, не касающийся непосредственно СССР. Как известно, немцы уже налаживали производство ракетного оружия. Если бы они захватили Москву, то это производство пошло бы значительно быстрее и шире. И небоскрёбы США, очевидно, уже в середине – конце 40-х годов испытали бы ракетные удары, ибо диверсионная акция с задачей нанесения такого удара уже была разработана. Но судьба оберегла тогда Америку. Да и американский проект создания ядерного оружия вряд ли был бы реализован так скоро.

Поддерживая точку зрения И.С. Даниленко, подчеркнём, что в любом случае, если бы в 1941 г. была проиграна битва за Москву, вторая мировая война пошла бы иначе и закончилась с другими результатами.

А что же лежит в основе позиции Советской стороны? Почему с таким яростным упорством защищалась сама Москва, и насмерть стояли у её ворот сыновья и дочери всех народ СССР? Ведь покорились же фашистам Париж и Белград, Осло и Брюссель, Прага и Вена и другие столицы Европы, кроме нейтральных или воюющих на стороне Германии государств. Попробую, опираясь на материалы книги, сформулировать некоторые объяснения этому феномену – явлению из разряда почти невозможных.

Прежде всего, *объективная сторона дела*, военно-стратегическое значение Москвы. Столица была главным органом жизнеобеспечения державы. Из Москвы осуществлялось всё хозяйственно-экономическое, политическое и военное руководство страной. Здесь сошлись все транспортные коммуникации, не только связывающие воедино все регионы, но и обеспечивающие военные перевозки – личного состава, военно-технического и медицинского оборудования, оружия, медикаментов, продовольствия. Кроме того, в Москве продолжали работать несколько оборонных предприятий, чей вклад в общее дело снабжения

армии оружием и техникой был значительным. Трудно даже на миг представить, что страна и фронт лишились бы всего этого.

Не менее важен и *субъективный аспект ситуации*, сложившейся осенью 1941 г., когда враг в прямом смысле стоял на пороге столицы. Дело в том, что Москва для советских людей была высоким символом налаживающейся жизни. Были очевидны вошедшие в жизнь каждой семьи социальные достижения – бесплатное медицинское обслуживание и образование, получение бесплатного жилья и дешёвизна его содержания, разветвлённая сеть здравниц для взрослых и детей, отсутствие безработицы, уважение к людям труда, их производственным достижениям. Народ поддерживал партийное и государственное руководство и социально-политический строй, закреплённый Конституцией СССР.

Образ Москвы отождествлялся с тем светлым, прекрасным будущим, которое, казалось, уже не за горами. И когда пришёл час, советские люди сражались за Москву как за своё родное, кровное, понимая, что здесь проходит тот рубеж, где решалась судьба Отечества и каждого лично. А.С. Тюшкевич отмечает, что *потрясение, которое испытал наш народ при нападении Германии, не парализовало его, а породило общую волю, сделало каждого участником общей борьбы*. В сознании большинства людей поднимались чувства отодвигавшие страх, уныние и апатию, укреплявшие уверенность в правоте борьбы против фашизма, в неизбежности торжества справедливости, в победе над агрессором¹.

Вот почему *другие варианты, кроме как отстоять Москву, для советского народа и Красной Армии, государственных, партийных и военных руководителей были просто не приемлемы*, хотя невероятные трудности предстоящих ожесточённых сражений понимал едва ли не каждый.

Были ли какие-то сомнения? Были. Не могло их не быть у трезвомыслящих людей. Известен диалог И.В. Сталина и Г.К. Жукова: «Удержим ли Москву»? – «Удержим. Но нужны пара армий и хотя бы двести танков». – «Танков нет. А армии есть. Скажите Генштабу куда их направить». Как видим, здесь не было колебаний. Это был разговор двух руководителей, от выбора решений которых зависели стратегия и тактика дальнейшей борьбы, спасение своей страны и, как потом окажется, всей цивилизации.

Принципиально противоположная социально-политическая направленность целей Германии и СССР в этой войне, отражающая коренные различия двух государственных систем, господствующих в них идеологий и нравственных ценностей, предопределили характер Московской битвы – жестокий, безжалостно перемалывающий человеческие жизни; её пространственный размах (фронт растянулся более чем на тысячу километров) и большую продолжительность во времени (203 дня – с 30 сентября 41 г. по 20 апреля 42 г.).

Операция под кодовым названием «Тайфун» началась 30 сентября. Это наступление должно было стать решающим. Оно было так спланировано и столь всесторонне обеспечено, что Москва – по замыслам германского командования – должна была неминуемо пасть. Немцы в этом были настолько уверены, что планировали большой комплекс торжеств в Берлине и Москве. Кульминацией этих торжеств должен стать военный парад на Красной площади, прини-

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 36.

мать который собирался сам Гитлер. В беседе с Японским послом он заявил, что Москва будет взята 12 октября¹.

Первый удар был сильным, стремительным и для немцев результативным: вражеские группировки, поддерживаемые крупными силами авиации в первый день наступления прорвали оборону советских войск. А к исходу пятого дня операции (4 октября) они расчленили оперативное построение наших фронтов на пять изолированных группировок, управление которыми в связи с этим было чрезвычайно затруднено. Предпринимаемые контрудары несколько сдерживали натиск врага, но существенного изменения обстановки в пользу советских войск не дали. 6 октября немцы вышли в тылы основной группировки Западного фронта и отрезали пути отхода на восток. 7 октября западнее Вязьмы в окружении оказались части и соединения пяти армий – печально известный «вяземский котел».

В.В. Симонов, давший эту хронологически выдержанную картину первых дней октябрьского наступления германских войск, анализирует и причину неудачного исхода оборонительного сражения советских войск. Опираясь на оценки этой ситуации Г.К. Жуковым, он видит эти причины в превосходстве врага в силах и средствах, в недостатках ведения разведки и организации советской обороны: к моменту прорыва немецких частей через Вяземский оборонительный рубеж здесь на всём пространстве до Можайского рубежа не было ни промежуточных оборонительных полос, ни войск, способных задержать наступление врага².

Положение было крайне тяжёлым. Основным рубежом сопротивления на подступах к Москве с запада стала Можайская линия обороны. Опасность, надвигающаяся на Москву, становилась реальной. 10 октября Ставка ВГК назначила командующим Западным фронтом генерала Г.К. Жукова. Его штаб располагался в селе Перхушково, от которого, – как он вспоминал позднее, – доезжал до Кремля за 35 минут³. – Совсем рядом.

Из Москвы были эвакуированы ряд правительственных учреждений, дипломатический корпус, важнейшие предприятия. На оставшихся предприятиях начали осваивать выпуск военной продукции. Формировались дивизии народного ополчения. Инженерные войска сооружали рубежи обороны, непосредственно вокруг Москвы и в самом городе – вдоль окружной железной дороги, по Садовому и Бульварному кольцам и выходящим к ним улицам. Сейчас, конечно, трудно представить улицы столицы в баррикадах, завалах, проволочных заграждениях, коих было построено десятки километров, аэростаты над Кремлем, противотанковые рвы, ежи и т. д.⁴. Но всё это было. Враг рвался к сердцу страны.

Москва готовилась к уличным боям.

Именно тогда и состоялся упомянутый выше разговор И.В. Сталина, не покинувшего Москву, и Г.К. Жукова, в котором комфронта честью коммуниста заверил, что Москва не будет в руках врага. Предпринятые им меры по налажива-

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 26.

² См. об этом прод.: Симонов В.В. Стратегические оборонительные операции битвы за Москву // Там же. С. 109–110.

³ Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: 2000. С. 280.

⁴ Шамшуров В.К. Инженерные войска в битве под Москвой. 60 лет Битвы под Москвой. С. 138.

нию связи и разведки, упорядочение размещения командных пунктов фронтов и армий позволили нормализовать управление войсками. А принятое решение строить оборону по направлениям, концентрирующимся вокруг городов, составляющих ось Можайской линии обороны – Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга – оказалось верным и позволило организовать жёсткое сопротивление. Фашистские войска, несмотря на мощную поддержку авиации, танков, артиллерии, в течение более двух недель безуспешно пытались сломить этот оборонительный рубеж. В конце концов, путём больших потерь им всё-таки удалось прорваться и овладеть несколькими городами в т. ч. Боровском, Калининском, Можайском, Малоярославцем, Волоколамском.

Ситуация была критической. Угроза Москве нарастала с каждым часом. Находясь рядом с Москвой, немцы принимали отчаянные попытки одолеть последние километры. Но нарастающее с каждым часом сопротивление здесь было столь яростным, что пробить эту стену им было уже не по силам. Части Красной Армии стояли насмерть, дрались за каждую пядь родной земли, и столицу закрывали собой, как писал К. Симонов, «по-русски рубаху рванув на груди».

Войска Западного фронта неимоверными усилиями остановили фашистские полчища и к Москве их не пропустили. Дрогнувший было город вздохнул свободнее.

Исход октябрьских сражений на подступах к Москве оказался для германского командования явно неожиданным. Причины этого усматривались в осенней распутице, бездорожье, грязи и т. д. В растущий опыт и боеспособность Красной Армии по-прежнему не верили. Поэтому, не достигнув своих целей, гитлеровцы начали усиленную подготовку к новому наступлению в ноябре. Получив крупное подкрепление, группа армий «Центр» снова имела превосходство в силах и средствах, а на направлениях планируемых главных ударов немцам удалось добиться многократного увеличения его¹. Цель оставалась прежней – захватить Москву.

Всесторонне готовилась к боям и наша сторона. Советское командование планировало предстоящую операцию, целью которой было не только сорвать замысел врага, но измотать и обескровить его группировки, полностью лишить их наступательных возможностей.

Беспрецедентной, талантливой политической и психологической находкой И.В. Сталина стала идея проведения традиционного парада войск на Красной площади и торжественного собрания общественности столицы, посвящённых 24-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Парад, состоявшийся 7 ноября 1941 г., поразил весь мир – многим тогда казалось, что Россия вот-вот падёт, а Германия неудержимо идёт к завоеванию мирового господства. В гитлеровской Ставке он вызвал шок с последующим взрывом неудержимого бешенства. Речи Гитлера и до этого дышали только злобой, в них не было любви к немецкому народу, своему солдату. Теперь же он взывал к самым низменным их чувствам – грабьте, режьте, убивайте!

Илья Эренбург писал, вспоминая то время: «Против нас шли изверги, избравшие своей эмблемой череп, молодые и беззастенчивые грабители, вандалы, жаждавшие уничтожить все на своем пути... Гитлеровцы пришли к нам пьяные не только шнапсом, они пришли к нам пьяные кровью французов, сербов, поляков, кровью стариков, женщин, грудных младенцев. С ними на нашу землю пришла

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 113.

смерть. Я не говорю о смерти бойцов: нет войны без жертв. Я говорю о виселицах, на которых качаются русские девушки, о страшном рве под Керчью, где зарыты дети русских, татар, евреев...»¹. К этому можно добавить и «Бабий яр» на Украине, где по разным данным было уничтожено от 50 до 70 тысяч человек, и белорусскую Хатынь, сожженную со всеми своими жителями и олицетворяющую собой ещё многие тысячи деревень Белоруссии, которых постигла та же судьба и многое другое. Вместе с тем, по мнению многих советских военачальников немецкие солдаты в большинстве своём были хорошо обучены и дисциплинированы. Сочетание всех этих качеств даёт жуткое представление о том, что за люди, что за армии стояли на пороге Москвы и рвались любой ценой захватить её – дисциплинированные хорошо обученные убийцы, у которых убийство и насилие считалось доблестью. Под вопросом было само право на жизнь советских людей, их право жить и работать в своём доме, растить детей, право на мечту, на будущее.

В середине ноября вновь развернулось сражение – ожесточённое, кровавое, исход которого был жизненно важным, определяющим для судеб обеих сторон. Германское командование бросило в это наступление для захвата Москвы все имеющиеся на этом направлении силы². Позднее бывшего начальника штаба гитлеровского верховного командования В. Кейтеля, находившегося в американском плену, спросили о причинах возобновления наступления в ноябре и он ответил, что удар по советской столице в ноябре был тщательно подготовлен и они были уверены, что он должен привести к окончательной победе³.

Ценою огромных усилий фашистам удалось к концу месяца выйти к каналу Москва-Волга и овладеть несколькими населёнными пунктами. Но это было их последнее продвижение вперёд. Советские войска, проведя ряд успешных контратак и контрударов, *остановили врага окончательно*. Германские войска, израсходовав резервы, понеся колоссальные потери, утратили наступательные способности. О моральном и физическом состоянии германских войск в то время свидетельствуют многочисленные высказывания немецких военачальников, историков, журналистов. Достаточно будет сослаться на некоторые из них, чтобы увидеть как оно изменялось. Начальник штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер записал в своём дневнике 4 октября: «Операция «Тайфун» развивается почти классически». Через 2,5 недели, 22 ноября, он пишет уже другое: «Войска совершенно измотаны и неспособны к наступлению»⁴. А фельдмаршал Клюге доносил из-под Наро-Фоминска, что немецкие солдаты буквально валяются с ног и впервые кричали: «Я больше не могу».

Группа армий «Центр» выдыхалась. Моральный дух гитлеровцев был сломлен. А тут ещё пришли непривычные для немцев довольно сильные морозы, так что командующему этой группой фельдмаршалу фон Боку пришлось отдать приказ о прекращении атак и переходе к обороне. Он не мог знать, что через несколько часов на них обрушатся смертоносной силы советские контрудары, что никакой обороны они организовать не сумеют и станут откатываться на

¹ Генри Э., Кравильшик С., Лазарев Л. От Советского Информбюро. 2 изд. М.: АПН, 1984. С. 74.

² 60 лет Битвы под Москвой. С. 113.

³ Цит. по: Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы / Ваш подвиг будет жить в веках. С. 88.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 14, 64.

зад. А Г. Гудериан настолько поспешно ретировался из этого района, что практически бросил всю технику, создал небольшой механизированный отряд и выскользнул из грозящего окружения.

Так закончился оборонительный период битвы под Москвой. Гитлеровский «Тайфун» был усмирён. *Ни одна* из задач, которые ставило германское командование перед группой «Центр» не была выполнена. *Ни одна*.

Но прежде чем говорить о контрнаступательной операции, надо подчеркнуть один существенный момент: предложение Военного совета Западного фронта о контрнаступлении под Москвой Ставка ВГК рассмотрела 30 ноября, т. е. ещё когда шли ожесточённые бои и постороннему взгляду ситуация казалась критической – гитлеровцы были меньше чем в 40 километрах от Кремля. А ставка дала санкцию на контрнаступление...

Но такие вещи случайными не бывают. Г.К. Жуков *хорошо знал* положение дел в германских войсках и был убеждён, что они истощены и подошли к кризисному состоянию. Понимал он и другое: если сейчас не ликвидировать опасные вражеские вклинения, немцы могут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счёт других группировок своих войск, и тогда положение может серьёзно осложниться. Об этом он докладывал И.В. Сталину и, получив его поддержку, равно как и поддержку блестящей когорты окружающих его командиров армий, корпусов, дивизий внёс предложение о контрнаступлении – от имени Военного совета фронта – в Ставку ВГК.

Здесь проявились способность Г.К. Жукова к предвидению, вера И.В. Сталина в его полководческий талант, понимание ими обоими того факта, что Красная Армия конца ноября, несмотря ни на что, – это уже не та армия, которую враг встретил в июне.

В тяжёлых оборонительных боях и сражениях, испытывая неудачи и поражения, теряя военную технику и неся жертвы, находясь порой в критическом состоянии, советские войска сумели переломить ход борьбы, овладели стратегической инициативой и заставили «Тайфун» утихнуть навсегда. А ведь он был главным звеном всей конструкции замыслов похода на Восток, отражённых в плане «Барбаросса».

То, что не смогла сделать ни одна армия Запада, впервые в ходе второй мировой войны осуществила Красная Армия.

Контрнаступление началось 5–6 декабря. Несмотря на сильные морозы и глубокие снега, – такая уж выдалась тогда зима в Подмосковье, – оно проходило успешно. Д.Т. Язов отмечает, что Красная армия к этому моменту многому научилась. Она научилась создавать передовые отряды, использовать лыжные батальоны в качестве обходящих отрядов. Научилась из конницы и танков создавать манёвренные группы¹. Улучшилось взаимодействие с сапёрными частями: заградительным огнём артиллерии и сапёров-истребителей немецкие танки загоняли на минные поля, где они несли большие потери. В районе Волоколамска, например, только за один день 25 сентября таким образом было уничтожено 59 танков².

Удивительно, но Гитлер, видимо, не сразу поверил, что Красная Армия, которую он и за серьёзного противника-то не считал, повернула вспять и погнала его лучшие, войска, гордость германской армии, и только 8 декабря подписал

¹ 60 лет битвы под Москвой. С. 25.

² Там же, с. 139.

директиву о переходе к обороне на всём советско-германском фронте, в том числе и на московском направлении. Но об обороне уже не могло быть и речи. Красная Армия билась и теснила немцев, не давая им никакой передышки.

С 9 по 20 декабря советские войска освободили города, составлявшие ранее основные опорные точки оборонительных рубежей, которые полтора – два месяца назад были захвачены врагом – Волоколамск, Истру, Калинин, Клин, Рогачево, Солнечногорск и др. Было освобождено от захватчиков свыше 11 тыс. населённых пунктов, ликвидирована опасность окружения Тулы. Расширилась полоса наступления, преследование врага стало безостановочным.

С 8 марта по 20 апреля было проведено четыре крупных наступательных операции, общей задачей которых было окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». Недостаток опыта ведения наступательных действий столь большого масштаба, недостаток сил и средств, особенно подвижных войск, не позволили полностью выполнить эту задачу. Но, несмотря на это, общее наступление на западном направлении было успешным. В результате контр наступательной операции и общего наступления немцы были разбиты и отброшены назад на 100–400 км¹. Полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей.

Это было не просто поражение, это был разгром отборных, ударных группировок, наступавших на Москву. Разгром, какого не знала история войн, и от которого Германия не скоро опомнилась. Победа Красной армии в этой Битве – яркая, одержанная в прямой схватке, была тем убедительнее, что на стороне Германии воевали и войска Венгрии, Италии, Румынии, и даже «невоюющая» Испания поставила под гитлеровские знамена свои «голубые дивизии». А наши союзники пока что наблюдали – чем дело кончится. Сейчас же подчеркнём, что эта победа развеяла миф о непобедимости немецко-фашистской армии, нанеся ей невосполнимый урон.

Несомненным достоинством книги «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне» является то, что её авторы не перегружают своё повествование деталями событий тех лет, цифрами и примерами, а сосредотачивают своё внимание на обосновании и уточнении обобщённых выводов и оценок, анализе объективных и субъективных факторов войны, среди которых особое место занимает анализ факторов Победы в этой битве.

Это позволяет полнее и точнее представить ход, масштабы, небывалую ожесточённость боёв и сражений Московской битвы, характер замыслов обеих сторон, понять закономерную историческую обусловленность итога их смертельного противостояния – абсолютный, оглушающий провал гитлеровских планов и не менее закономерное торжество советских.

На глазах у всего мира Красная Армия сломала стратегию «Блицкрига», сломала все планы, построенные на «железном расчете и опыте лучшего в мире генералитета», не сумевшего противостоять профессионализму советских командиров.

¹ Язов Д.Т. Великая Отечественная: реальности и мифы / Ваш подвиг будет жить в веках. С. 462.

Победа в Московской Битве показала необратимость происшедших изменений соотношения сил в пользу СССР, что проявилось и в последующих великих битвах Великой Отечественной войны – Сталинградской, Курской и других. Она раскрыла глубокую взаимосвязь между борьбой против фашизма и его военной машины с историческими традициями советского народа по защите своего Отечества, единство патриотических мотивов этой борьбы с национально-освободительными и общечеловеческими ценностями¹.

В силу этого Победа в Московской битве 1941 – начала 1942 г. стала *Прологом Великой Победы 1945 г.*

Условия и факторы Победы в Московской Битве

Говоря о факторах Победы, одержанной Красной Армией в битве за Москву, следует отметить, что впервые эти факторы были проанализированы И.В. Сталиным сразу же по окончании войны в своей работе «О Великой Отечественной войне Советского Союза»².

В этой работе И.В. Сталин рассматривает *временные, приводящие факторы войны* (например, те, на которых основывалась немецко-фашистская доктрина молниеносной войны – внезапность нападения, превосходство в личном составе и технике, опыт ведения современных войн) в диалектической взаимосвязи с *постоянно действующими факторами*. К ним он относит: *прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии*. В условиях справедливой, незахватнической, освободительной войны, т. е. войны, имеющей целью защиту своего народа от внешнего нападения и попыток порабощения, какой и была Великая Отечественная, *эти факторы становятся определяющими³.*

Анализ факторов Победы, осуществляемый авторами данной книги, естественно выявляет более широкий их диапазон – с учётом исторического опыта послевоенных лет, развития военной науки и ситуации в современном мире, что позволяет свести их в некоторую систему.

• *Важнейшим фактором Победы в Битве под Москвой является человеческий фактор⁴.*

Победили советские люди, ощутившие за неполных 24 года новой жизни возможность позитивных перемен. В силу этого они – в массе своей – верили политике своего правительства, любили жизнь и были горды своим участием в её преобразовании. Ясные и понятные им государственные задачи вызывали огромный энтузиазм. Рождалась невиданная до сих пор народная энергия, которая в прямом смысле становилась двигателем прогресса. Именно такая энергия поднялась в советском народе с началом Великой Отечественной войны, когда над страной нависла смертельная опасность, когда на карту была поставлена не только жизнь и

¹ См. об этом подр. там же. С. 34–43.

² *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Политиздат, 1946.

³ См. об этом подр.: *Афанасьева О.В.* Основные факторы войны // Там же. С. 51–58. Автор рассматривает сталинскую концепцию факторов победы через призму диссертационного исследования В.Г. Афанасьева, бывшего главного редактора газеты «Правда», своего отца: «И.В. Сталин о постоянно действующих факторах в войне» (М.: 1953), написанную на базе названной выше работы И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Следует отметить как, несомненно, позитивный факт, что фундаментальный сталинский труд, пусть даже таким круглым путём, входит в современный научный оборот.

⁴ Там же. С. 38, 46, 51, 99 и др.

свобода каждого советского человека, но и национальная честь и независимость всего государства. В тяжёлой обстановке военного времени обострённо проявилось чувство личной ответственности за судьбу страны.

Красная Армия – плоть от плоти советского народа, его неотделимая часть, и у её воинов естественным образом складывались нравственные черты, отражающие моральный облик народа. В условиях жестоких сражений с несравненно более сильным противником, обнаглевшим в лёгких победах на полях Европы, терпя поражения и неся потери, Красная Армия проявила неизвестную врагом силу духа и воли к победе, выстояла, сломав общепринятые представления о пределе человеческих сил, и победила, разгромив лучшие военные части и соединения Германии, придав их бесчестию.

• *Освободительная, справедливая Великая Отечественная война стала всенародной войной.*

Наиболее яркими свидетельствами всенародности Отечественной войны 1941–1945 годов являются народные ополчения, широкий размах партизанского движения, деятельность истребительных отрядов и диверсионных групп.

В Москве было 16 ополченческих дивизий¹, 25 – в Московской области. Создание массового народного ополчения сыграло важную роль на всём протяжении Московской битвы, но особенно – на её оборонительном этапе. Губернатор Московской области Б.В. Громов отмечает, что на оккупированной территории области развернули борьбу более 40 партизанских отрядов и около 400 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 15 тыс. человек. Для борьбы с партизанами в оккупированных районах Московской области и охраны своего зыбкого тыла гитлеровское командование вынуждено было задействовать 60 тыс. солдат и офицеров, что равнялось пяти немецким дивизиям, которых так им не хватало на передовой линии сражения. Кроме того, для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника во фронтовой полосе к концу лета 1941 г. в Москве и области были созданы 87 истребительных батальонов, из них 2 – непосредственно в столице. Общая численность истребительных батальонов составила 28 тыс. человек².

Важно подчеркнуть, что все эти формирования создавались на добровольной основе. Помощь, оказываемая их деятельностью Красной Армии, была очень существенной. Партизанские отряды, подпольщики и диверсионные группы, действовавшие в Московской области, уничтожили более 17 тыс. солдат и офицеров группы «Центр», 6 самолётов, 64 танка и бронемшины, более 100 орудий, свыше 300 миномётов и пулемётов, около 900 автомашин, пустили под откос 5 эшелонов, взорвали 35 мостов и 34 склада с горючим и боеприпасами, освободили 47 населённых пунктов³.

Всенародный характер войны проявился и в массовом трудовом подвиге советских людей, испытывающих огромные лишения, но отдававших делу бес-

¹ Гаврилов Л.И. Народные формирования – на защите Москвы // Там же. С. 172.

² Громов Б.В. Вклад Московской области в разгром немецко-фашистских войск под Москвой // Там же. С. 163, 166.

³ Там же. С. 175.

печения нужд фронта все силы и душу. Думается, это и было то, что И.В. Сталин называл «прочностью тыла».

- *Перестройка экономики на военный лад.*

Выше уже говорилось об эвакуации в тыл промышленных предприятий. Миную освещение их обустройства на новом месте, преодоления огромных трудностей (многие из них начинали в чистом поле, в условиях сибирских морозов), авторы, думается, обоснованно делают акцент на результатах этого титанического труда, выделяя особо *экономическое обеспечение Московской битвы*. И.М. Галушко даёт конкретные данные, характеризующие динамику этого процесса. Если в первой половине 1941 г. совокупная оборонная промышленность СССР выпускала 792 тыс. винтовок и карабинов, то во второй половине 1941 г. – 1,5 млн. Автоматов и пулемётов выпускалось соответственно 11 тыс. и 143 тыс., самолётов 4,0 тыс. и 8,2 тыс., снарядов 10,8 млн и 96 млн и т. д.¹

Таким образом, возникший осенью 1941 г. под Москвой «снарядный голод» был ликвидирован уже в конце оборонительного периода Московской битвы. П.И. Вещиков показывает это через нарастание транспортных потоков с боеприпасами – по мере того, как военная промышленность набирала мощность. Если в октябре фронт получил лишь 3863 вагона с боеприпасами, то в ноябре – уже 5187 вагонов, в декабре 11611, а в январе 1942 г. – 19941 вагон². Это значит, что несмотря на резкий упадок промышленного производства в первые недели войны, кардинальное изменение состава рабочей силы (почти все работоспособные мужчины ушли на фронт) советская промышленность в кратчайшие сроки сумела наладить выпуск военной продукции. Темпы развития военной промышленности были весьма высокими, и к концу второго года войны производительность труда в этой отрасли возросла более чем на 40%³.

Способствовали ликвидации «снарядного голода» и введённые в то время лимиты на расход боеприпасов и горючего, которые, по мнению фронтовиков, заставляли войска считать свои ресурсы, экономно использовать их, искоренять расточительство.

Кроме промышленных предприятий, работающих в тылу страны, военную продукцию выдавали и оставшиеся предприятия столицы и столичной области. Московские заводы давали фронту танки, артиллерийские тягачи, реактивные установки, снаряды и другие военные изделия, включая обмундирование и обувь. О темпах перестройки московских предприятий на военный лад говорит такой факт, что осенью 1941 г. московские предприятия местной и кооперативной промышленности обеспечили массовое производство ручных гранат, автоматов, авиабомб, пулемётных лент и другой военной продукции⁴. Промышленные предприятия области выпускали шинельное сукно и шинели, плащ-палатки, шапки-ушанки, тёплые подшлемники и многое другое.

Ещё один важный момент. Время перевода личного состава Красной Армии на зимнюю форму обмундирования подошло в самый разгар тяжёлых оборонительно-отступательных боёв. И всё же, наличие достаточно больших, постоянно пополняющихся запасов позволило эту задачу решить. Огромную помощь ока-

¹ См. подр. об этом: *Галушко И.М.* Деятельность тыла по обеспечению Красной Армии в битве под Москвой.

² *Вещиков П.И.* Из опыта экономического обеспечения битвы за Москву // Там же. С. 179.

³ Там же. С. 54.

⁴ *Янов В.И.* Деятельность тружеников тыла по обеспечению обороны столицы // Там же. С. 185.

зал принявший массовый характер сбор тёплых вещей для Красной Армии, который проходил буквально по всей стране. Для войск, сражавшихся под Москвой, было направлено 1 млн 173 тыс. пар валенок, более 523-х тыс. полушубков, множество тёплых брюк, белья, рукавиц и других, крайне необходимых вещей. Да и жители Москвы и Подмосковья внесли свой заметный вклад в это дело, собрав для красноармейцев свыше 1 млн 251 тыс. единиц различных тёплых вещей. И когда наступили морозы (бывало и ниже 30°), наши воины были тепло одеты, а гитлеровцы были в весенне-летнем обмундировании – в лёгоньких шинельках и пилотках, в холодных сапогах и ботинках.

Большой вклад в организацию экономического обеспечения Московской битвы внесли железнодорожные войска и гражданские железнодорожные службы. В условиях невысоких транспортных возможностей довоенных железных дорог, почти постоянных бомбёжек Московского узла они сумели наладить его бесперебойную работу, своевременно принимая и разгружая воинские эшелоны – с личным составом, техникой, боеприпасами, медикаментами, продовольствием, без задержек пропуская санитарные поезда – тяжелораненых отправляли в тыл.

Говоря об экономическом обеспечении Московской битвы, да и всей войны, авторы не обходят и проблему ленд-лиза. Это тем более важно, что в средствах массовой информации его роль значительно преувеличивается. В книге приводятся высказывания некоторых зарубежных, да и российских авторов, утверждающих, что без западных поставок Советский союз не смог бы выиграть Великую Отечественную войну.

Известно, что Ф. Рузвельт 7 ноября 1941 г. издал постановление о применении закона о ленд-лизе к поставкам материальных средств в Советский Союз. Вряд ли эта дата является случайной – столь ошеломляющий эффект произвёл на западных руководителей военный парад в Москве.

За первые два месяца из США, как сообщает П.И. Вещиков, отплыли 28 кораблей, на которых было размещено около 13 тыс. тонн различных грузов. Это было менее десятой части военной продукции, предусмотренной «первым протоколом». Большая часть кораблей была потоплена немцами и их груз был утрачен¹. Могут возразить, что американцы в этом не виноваты. Это верно. Но Красной Армии, сражающейся в одиночестве против мощного врага, безразлично было – по какой причине не пришла обещанная боевая техника. А после нападения Японии на Пёрл-Харбор (7 декабря 1941 г.) все поставки были практически прекращены. И возобновились лишь после января 1942 г.²

Даже американский Начальник Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус признавал позднее: «...В целом объем поставленных нами Советскому Союзу военных материалов не слишком велик»³.

Думается, что гипертрофированная оценка военной помощи по ленд-лизу объясняется в какой-то мере попытками дегероизации советской истории, приписания подвига советского народа и Красной Армии, поднятыми на волне «переоценки ценностей», вылившейся во всеобщее охаивание.

¹ Вещиков П.И. Из опыта экономического обеспечения... // Там же. С. 182.

² Там же. С. 23.

³ Загадки ленд-лиза. М.: Вече, 2000. С. 237.

- *Духовные факторы*

Этой проблеме в книге посвящён специальный раздел, освещающий её теоретические и практические аспекты.

В.И. Каньшин, синтезируя выводы современной философской науки, определяет «духовный фактор Победы под Москвой... как силу духа воинов и народа, совокупность их морально-политических качеств, позволивших перенести трудности войны, выстоять в сложных условиях, не потеряв воли к победе»¹. В.Н. Ксенофонов подчёркивает, что духовный фактор победы базируется на патриотической идее, неразрывно связанной с преемственностью героических традиций народа и его Вооружённых Сил².

Многие авторы особо выделяют патриотизм народа и армии как фактор победы (М.Д. Попков, Д.П. Савченко, С.В. Колесников и др.). Отличительной особенностью патриотизма советских людей является интернационализм, гармонически сочетающий в себе любовь к лучшим национальным традициям своего народа с уважением к другим народам и преданностью социалистическому Отечеству – общему для всех.

Именно силой патриотизма объясняется и всенародный характер Великой Отечественной войны, и высокий нравственный потенциал сражающихся войск, жителей столицы и абсолютного большинства советских людей, источником их стойкости, массового героизма и самоотверженности³.

Патриотизм стал основой прочности морально-политического единства народа и армии, объективно проявившегося на полях сражений. И если даже, – как пишет В.И. Марченков, – «враг имел преимущество в боевой технике и вооружении, моральный дух советских воинов склонял чашу весов Победы на свою сторону»⁴. Это означает, что моральное состояние советских войск в Великой Отечественной войне и, прежде всего, в битве за Москву, характеризовалось прочностью: народ и армия не дрогнули перед трудностями и поражениями первых месяцев войны и не утратили веру в конечную победу над врагом. А в тылу патриотизм породил трудовой энтузиазм трудящихся, обеспечивающий *устойчивое функционирование народного хозяйства*.

Патриотизм внёс в моральные качества советского воинства и всего народа *гуманистическую составляющую*. Это выразилось в том, что наш солдат не обращался жестоко с пленным. Парадоксально, но когда немецкие военнопленные прибыли в Москву на строительство коттеджного посёлка и содержались, естественно, не на санаторных пайках, москвичи, служащие там в пищеблоках, иногда подкармливали их. А как в Сибири женщины кормили японских военнопленных – я видела сама.

Лучше других суть этого качества советских людей выразил Г.К. Жуков. Он писал в своих воспоминаниях: «Честно говоря, когда шла война, я был полон решимости воздать должное всем фашистам за их жестокость. Но когда, разгромив врага, наши войска вступили в предел Германии, мы сдержали свой гнев.

¹ *Каньшин А.Н.* Духовный фактор Победы под Москвой / 60 лет Битвы под Москвой. С. 222.

² Там же. С. 247.

³ 60 лет Битве под Москвой. С. 232, 238, 279.

⁴ *Марченков В.И.* Нравственные ценности воинов в Великой Отечественной войне // Там же. С. 263.

Наши идеологические убеждения и интернационалистические чувства не позволили нам отдаваться слепой мести»¹. Больше не скажешь.

Говоря о духовных факторах, И.Н. Кудинов отмечает роль Православной Церкви в победе под Москвой. Развязав войну, фашистское руководство не случайно считало одной из важных задач её разгром и раздробление во избежание консолидации вокруг неё советских людей. Молебны о даровании победы русскому оружию, русскому воинству, обращение к патриотическим чувствам верующих, призыв их к исполнению священного долга перед Родиной и самопожертвованию, благословение на подвиг отзывались в их душах светлыми чувствами любви к Отчизне. Многие священнослужители ушли добровольцами на фронт, а оставшиеся вместе с москвичами копали окопы и траншеи, дежурили на крышах домов при бомбёжках, а днём несли свою службу утешая вдов и сирот, ободряя слабых духом. На территории, занятой врагом, священники находили возможность молиться о победе Красной Армии. Они укрывали от фашистов раненых советских солдат, помогали им пробираться к своим частям.

Церкви организовывали и сбор средств на нужды фронта. Только за время Московской Битвы было собрано 3,5 млн рублей². Суровому церковному осуждению подвергались те, кто преступал законы отечества.

Православная Церковь, несомненно, сыграла большую роль в укреплении морального духа верующих, внесла существенный вклад в усиление патриотического настроения советских людей.

- *Военно-теоретические и учебные факторы*

С первых дней войны учёные страны, конструкторы, инженеры, техники целенаправленно работали над проблемами оптимального жизнеобеспечения армии, совершенствования имеющихся видов боевой техники и вооружения, создания новых их образцов.

Конструкторы В.А. Дегтярев, Ф.В. Токарев, Г.С. Шпагин и др. создавали новые образцы стрелкового оружия. Особое внимание уделялось производству автоматического оружия. Массовое применение гитлеровскими войсками танков настоятельно требовало развития противотанковых средств борьбы. Созданное противотанковое ружье В.А. Дегтярева выдержало суровое испытание в боях за Москву. Совершенствовалось артиллерийское оружие. Предметом особой заботы в период боевых действий под Москвой стало развитие реактивной артиллерии. В результате огромных усилий учёных, инженерно-технических работников и передовых рабочих фронт уже в июле 1941 г. получил боевую реактивную машину («Катюша»), которая обращала в паническое бегство отборные части СС.

Над созданием новых типов самолётов работали известные конструкторы – С.А. Лавочкин, С.В. Ильюшин, В.М. Петляков, Н.П. Поликарпов, А.Н. Туполев, А.С. Яковлев и др. В это время, когда фашисты были на подступах к Москве в сентябре 1941 г. в стране развернулось производство штурмовика ИЛ-2 с мощным пушечным, бомбовым и реактивным вооружением, начался массовый выпуск бомбардировщика Пе-2. Во второй половине 1941 г. ежемесячно в

¹ Цит. по: 60 лет Битвы под Москвой. С. 265.

² Кудинов И.Н. Роль церкви в победе над Москвой // Там же. С. 200–207

среднем на фронт поступало 1750 самолётов этой марки. Значительная часть их сражалась под Москвой.

Урал, Поволжье, Сибирь превратились в военный арсенал страны, который помогал армии отражать сильнейший натиск врага. Этому в значительной мере способствовала комиссия во главе с академиком Е.Н. Чудаковым, разработавшая план мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на потребности обороны¹. Аналогичные комиссии работали по другим регионам страны. Они давали обоснованные рекомендации по наиболее полному и рациональному использованию экономического потенциала государства, людских ресурсов страны для отпора агрессору.

В связи с тем, что с первых дней войны в действующей армии остро ощущался недостаток младшего командного состава, была активизирована его подготовка в запасных формированиях и в стрелковых дивизиях, где создавались учебные батальоны численностью до 100 человек. (Приказ Наркома обороны от 4 октября 1941 г.) В квалифицированных инструкторах недостатка не было и занятия шли за исключением того времени, когда весь личный состав дрался с врагом². По всей стране работали курсы медсестёр, радистов, школы пулемётчиков. Юноши и девушки, получившие до войны значок «Ворошиловский стрелок», учились в школах снайперов. Сельские механизаторы переучивались на танкистов и т. д. Корпус кадровых офицеров пополнялся выпускниками военных училищ, число которых с началом войны возросло.

Интенсивно работали учёные – представители различных отраслей военной науки. Как отмечает С.А. Тюшкевич, в сложных, поистине экстремальных условиях военно-теоретическая мысль в первую очередь решала вопросы поиска новых форм и способов вооружённой борьбы с учётом конкретно складывающихся обстоятельств, совершенствования организационной структуры войсковых организаций, видов вооружённых сил и родов войск, изыскивала пути обеспечения морально-политического единства фронта и тыла.

Многие военные учёные, профессора военных академий направлялись в штабы и управления стратегического и оперативного руководства для оказания помощи в разработке планов проведения операций, мер по улучшению взаимодействия различных родов войск, войсковых соединений и частей с действиями партизан и других ключевых проблем ведения войны³.

Вместе с тем, советская военно-теоретическая мысль решала и такую фундаментальную проблему как создание теории победы. Сущность этой теории выражалась в положениях и выводах: а) о *неизбежности победы Советского Союза*, вытекающей из закономерностей общественного развития; б) о *диалектической связи характера войн с характером политических и военных целей*, во имя которых эта война возникла; в) о необходимости нанесения другой воюющей стороне ударов, влекущих за собой потери в живой силе, разрушение промышленности и других отраслей хозяйства, уничтожение или поражение административных, политических, научных и иных центров, без чего воюющая сто-

¹ См.: *Свистун С.П.* Наука и культура – факторы Победы в битве за Москву // Там же. С. 193–196.

² См.: *Мешин А.Н.* Деятельность запасных и учебных формирований Западного фронта // Там же. С. 208–212.

³ *Тюшкевич С.А.* В сражениях 1941-го рождалась Победа 1945-го // Там же. С. 40–43.

рона (имеется в виду агрессор) *перестаёт быть субъектом вооружённой борьбы и войны в целом*¹.

Разработка этой теории продолжается в настоящее время в новых военно-политических и военно-стратегических условиях с учётом исторического опыта победы русского оружия.

- *Культура и искусство* в духовном противостоянии с немецко-фашистскими захватчиками.

Всё лучшее, что было заложено в культурных традициях народов СССР, проявилось в различных видах и жанрах искусства в годы Великой Отечественной войны и, прежде всего, в период Московской битвы. Этот аспект проблемы факторов победы в книге раскрывают В.Н. Ксенофонтов и С.П. Свистун².

С первых дней обороны столицы известные писатели А. Толстой, И. Эренбург, М. Алигер, К. Симонов, М. Светлов, А. Гайдар, М. Шолохов и многие другие по сути дела стали военными писателями, буквально «к штыку приравняли перо». В своих произведениях они говорили о самом важном – о судьбах Родины и столицы, о долге каждого воина и гражданина. Они воспевали ратный подвиг народа, призывали уничтожать врага, не допустить его в Москву. Такие произведения как «Наука ненависти» М. Шолохова, «Русский характер» А. Толстого, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Фронт» А. Корнейчука, написанные страстно, рассказывали правду о подвигах защитников Отечества на фронте и в тылу. Они проникали в душу людей, крепили уверенность в своих силах. Молодым бойцам они помогали освоиться в военной обстановке. А.К. Симонов в своём «Ледовом побоище» призывал к мужеству, опираясь на многовековые героические традиции русского народа по защите Отечества от иноземных варваров.

Стихи многих поэтов стали любимыми песнями, каждодневной опорой не только для солдат в ратном труде, но и весь народ воспринял их так же. Это «Моя Москва» М. Лисянского, «Песня защитников Москвы» А. Суркова и др. А стихи В. Лебедева-Кумача «Священная война», положенные на гениальную музыку А. Александрова стали всемирно известной боевой песней, символом народной отваги и мужества.

Более 900 членов союзов писателей и журналистов работали военными корреспондентами на фронтах. Они давали постоянно свежую, подчас буквально из-под огня информацию в центральные газеты и на радио, сыграли большую роль в становлении и развитии фронтовых газет – армейских, корпусных, дивизионных, полковых, многие из которых выходили не только на русском языке, но и на других языках народов СССР.

Большой размах приняла концертная деятельность мастеров искусств. Во фронтовых бригадах работали всенародно любимые артисты – Л. Русланова, Л. Орлова, М. Жаров, Г. Бабочкин, Б. Чирков, Л. Утесов, И. Козловский и многие другие. Они давали концерты и войсках на передовой, и в госпиталях. В их исполнении по-иному зазвучали музыка М. Глинки, П. Чайковского, стихи А. Пушкина,

¹ Тюшкевич С.А. В сражениях 1941-го рождалась Победа 1945-го. Там же. С. 40–43.

² Ксенофонтов В.Н. Духовные основы – победы в битве за Москву // Там же. С. 240–248; Свистун С.П. Наука и культура – факторы Победы в битве за Москву // Там же. С. 196–199.

М. Лермонтова, наполненные глубоким патриотизмом, поднимающие ненависть к захватчикам, воодушевляющие на подвиги. По-новому воспринимались имена великих предков-патриотов Отечества: Александра Невского, М.И. Кутузова, А.В. Суворова, П.С. Нахимова, Ф.Ф. Ушакова. В их честь во время Великой Отечественной войны были учреждены боевые ордена и медали.

Основное содержание работы московских театров и киностудий, Центрального Дома работников искусств, культурно-просветительных учреждений Армии и Флота (клубы и дома Красной Армии, армейские ансамбли, которые не прекращали свою деятельность даже в самые тяжёлые месяцы оборонительных боёв) составляли героико-патриотическая тема, русская классика, тема трудовых будней – «Все для фронта – все для победы», военно-политическая сатира.

Патриотическая тема была главной в тот период и во всех жанрах изобразительного искусства, особенно плакатного. В трудные дни осени 1941 г., когда фашистские войска рвались к московским заставам, столица провожала идущих на фронт суровыми плакатами-лозунгами: «Не отдадим Москву!», «Ребята не Москва ль за вами?», «Вперед богатыри!» «Смелость города берет!», «Клянусь победить врага!», «Ни шагу назад!» и другие. Эти лозунги воспринимались не только как призывы, но и как программа действий, они воодушевляли, обостряли чувство долга, укрепляли волю к победе.

- *Поддержка народов западных стран*

Не касаясь существа вопросов союзнических отношений СССР и стран Запада, отмечу, что ко времени Московской битвы они были лишь на стадии становления. В книге это показано конкретно и убедительно. В первый день войны, 22 июня 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением об оказании помощи Советскому Союзу в войне с фашизмом. Аналогичное заявление сделал и Президент США Ф. Рузвельт – пару дней спустя. Дипломатические службы этих стран и Советского Союза энергично работали над соответствующими документами, закрепляющими и регулируемыми становящиеся отношения. Постепенно они расширялись, но их активное проявление со стороны Великобритании и США было далеко впереди.

Поэтому подчеркну другое: в поддержку Советского Союза выступали широкие народные массы западных стран. Политические цели Великой Отечественной войны были им понятны и отвечали их интересам. Кроме того, постепенно становилось очевидным, что образовавшийся советско-германский фронт стал главным, решающим фронтом Второй мировой войны, что именно на нём решались ход и исход военного противостояния, судьбы народов и государств¹. Во многих западных странах (в Европе – в странах, не оккупированных фашистами) проходили митинги и другие акции в поддержку Советского Союза. В Великобритании и США главным содержанием этих акций во время и после Московской битвы стало требование открытия второго фронта. В ряде стран создавались комитеты и фонды поддержки Красной Армии, проводился сбор средств. В Америке такой фонд возглавляла супруга Президента США Элеонора Рузвельт.

- *Идеологическая и организаторская деятельность Коммунистической партии*

¹ Тюшкевич С.А. В сражениях 1941-го рождалась победа 1945-го // Там же. С. 37–38.

С первых часов войны Коммунистическая партия, её Центральный комитет и Политбюро делали всё, чтобы разъяснить советскому народу масштаб обрушившейся на страну беды, вероломство фашистской Германии, поправшей Пакт о ненападении, её зловещие цели. Заявление Наркома иностранных дел, члена Политбюро ВКП(б) В.М. Молотова, прозвучавшее по радио в полдень первого дня войны, раскрыло народу правду о характере этой войны, навязанной Советскому Союзу Германией, призвало народ и армию к борьбе за честь и свободу Отчизны. Заявление заканчивалось словами, ставшими главным лозунгом Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Идеологическая работа партии в армии, на флоте и в тылу строилась таким образом, чтобы цели войны, поставленные партией, стали бы личным делом каждого воина, труженика тыла. Работа политорганов перестраивалась, становясь конкретной, целенаправленной и чёткой. По решению ЦК партии в период битвы за Москву на фронт было направлено свыше двух тысяч партийный и советских работников. Многие из них возглавили политорганы действующей Армии¹.

К началу операции «Тайфун» на фронт было послано около 150 тыс. политбойцов. Все они были коммунистами, разъясняли воинам политику партии, создавая обстановку, личным примером вдохновляли их на подвиги. Коммунисты первыми шли в атаки, в огонь, презирая смерть. Шли по зову сердца, а не под страхом наказания, как это преподносят отдельные авторы в наше время.

Особо надо сказать о политруках. Они поднимали и вели за собой людей. Они могли так подойти к человеку и поговорить с ним, что он становился твёрже духом, яснее понимал свои личные возможности в достижении общей победы.

В действующую армию во время Великой Отечественной войны было призвано 1,5 млн коммунистов. 5 млн солдат и офицеров вступили в ряды Коммунистической партии в боевой обстановке. 3,5 млн коммунистов погибли в сражениях². Коммунистами были все командующие фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, полками. Коммунисты возглавляли трудовой фронт в тылу. Миллионы рабочих, инженеров, крестьян были коммунистами.

И чтобы ни говорили и ни писали обаянные жаждой переоценки ценностей некоторые современные авторы, из которых вряд ли кто воевал, роль Коммунистической партии во главе с её Генеральным секретарем В.И. Сталиным, в победе под Москвой и во всей Великой Отечественной войне была огромна.

Выделенная выше группа условий и факторов, не исчерпывает, конечно, все механизмы побед советских войск в битве за Москву. Но даже те из них, которые кратко рассмотрены здесь, достаточно полно показывают, что эта победа, одержанная Красной Армией в единоборстве с матёрым противником, не была случайной. Она была обеспечена мобилизацией всех сил и ресурсов страны, единством фронта и тыла, огромным накалом патриотизма народа и армии, профессионализмом советского офицерского корпуса и полководческим талантом высших военачальников.

¹ *Моисеев*. Деятельность Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного Главнокомандования в организации разгрома немецко-фашистских войск под Москвой // Там же. С. 30.

² Там же.

Это была победа, положившая начало коренному повороту всей Великой Отечественной войны.

* * *

Книга «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне» уверенно и спокойно гасит все споры о том, какая битва в этой войне была важнее – Московская или Сталинградская. В ней аргументировано и доказательно показывается бессодержательность этих споров. В Битве под Москвой была одержана первая стратегическая победа над фашистскими войсками. Сломав главные устои и принципы стратегии и тактики германского командования, битва под Москвой предопределила дальнейший ход войны. Сталинград продолжил начатый Москвой разгром агрессора.

В Битве за Москву на разных её этапах участвовали 7 фронтов, включая Московскую зону обороны, 22 армии. К большому сожалению нет возможности здесь отдать дань благодарности всем командирам и бойцам. Назовём хотя бы командующих фронтами и некоторыми командармов. Фронтами в разное время командовали (все теперь уже – светлой памяти) Артемьев П.А., Буденный С.М., Еременко А.И., Голиков Ф.И., Жуков Г.К., Журавлев Д.А., Захаров Г.Ф., Конев И.С., Костенко Ф.Я., Тимошенко С.Н., Черевиченко Я.Т.¹. Командармы Батов П.И., Говоров Л.А., Лелюшенко Д.Д., Ракутин К.И., Рейтер М.А., Рокоссовский К.К., Юшкевич В.А. и др. Всех не назвать. Но это они вели солдат на ратный подвиг и добыли Великую Победу. *Это их усилиями Красная Армия вышла из Битвы под Москвой Великой армией, способной побеждать противника, овеянного мифом непобедимости, напомнить спасённой Европе, да и всему миру, успевшим за минувшие десятилетия подзабыть – кому они обязаны жизнью и свободой, показать, что Россия, несмотря на тяжелейшие испытания и утраты последних лет, сохранила боевой и интеллектуальный потенциал, способность возродить мощь великой державы и защитить её национальные интересы.*

* * *

Нельзя не отметить ещё один актуальный аспект данной книги. Её авторы, большинство из которых представляют разные отрасли военной науки и сферу подготовки военных кадров, предлагают комплекс научно-обоснованных конкретных мер по их совершенствованию. Таким образом, данная книга становится стартовой базой для продвижения в практику этих предложений. Их реализация будет служить делу повышения обороноспособности современной России, совершенствования её вооружённых сил, безопасному и устойчивому развитию общества.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2003. № 2)

¹ 60 лет Битвы под Москвой, с. 327–330.

С.В. КОРТУНОВ

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ*

Оценивая итоги самого кровавого в истории человечества XX века, невозможно пройти мимо Второй мировой войны. Для нас же, русских, не подлежит сомнению и то, что главной её составной частью была Великая Отечественная**.

Вряд ли сегодня найдётся хоть один гражданин России, который заявит с чистой совестью, что война 1941–1945 гг. его не касается и не волнует. Любое заявление такого рода будет звучать фальшиво и неискренне. Ибо события прошлого уже XX века – пусть и более чем 60-летней давности – особняком стоят и в отечественной, и в мировой истории. Они качественно отличаются, например, от событий 1914–1918 гг., которые, хотя и были не менее страшными и по количеству жертв, и по масштабам разрушений, – для современников, живущих будь-то в России, Европе или Америке, давно уже стали музейным экспонатом. Память о Первой мировой войне давно уже перестала быть личным переживанием, пропущенным через собственную судьбу. В русском сознании отошла в прошлое и Октябрьская революция так же, как и Отечественная война 1812 г., Смутное время, Куликовская битва, крещение Киевской Руси... Все эти события – при их несомненной эпохальной значимости – поставлены на полку исторических воспоминаний.

А вот Великую Отечественную войну на полку не поставишь. С 1945 г. в России сменилось не одно поколение, в стране произошли новые, не менее драматические события. Сдана в архив коммунистическая идеология, под знаменем которой страна выстояла в войне, развенчан культ Сталина, рассекречены многие документы о преступлениях советской системы. Распались Варшавский Договор, социалистическое содружество, СССР, Ялтинский мировой порядок в целом... А День Победы 9 мая 1945 г. до сих пор остаётся не просто официальным праздником государственного календаря, но совершенно особой датой в сознании подавляющего большинства не только граждан России, но и других жителей бывшего Советского Союза (такой датой, к примеру, никогда не станет придуманный официальный

* Статья представляет собой журнальную версию первых глав готовящейся к печати монографии автора «Великая Победа: постижение смысла». В монографию, помимо имеющихся в статье, входят следующие главы: Великая ложь о Великой Победе, Как относятся к войне на Западе, Юбилей Великой Победы или «триумф сталинизма»? Можно ли было предотвратить войну, Пакт Молотова-Риббентропа: за и против, Нюрнбергские откровения, «Трупами завалили», Освободители или варвары? Кого не устраивает Ялта, Кто разгромил фашизм, «Лёгкая прогулка», Военное преступление или геноцид, Катынь: только факты, Подоплёка польских фобий, Что могут сделать русские и поляки, Корректно ли выдвигать контрпретензии? 2005 годы: прибалты начали борьбу против советской оккупации, Оккупация: юридическое и историческое измерения, Что стоит за требованием признать «оккупацию», Кто у кого в долгу, А что сказал Кремль? Две оккупации, Что стоит за балтийскими комплексами, От мёртвого осла уши, Фашизм в Объединённой Европе, Антисемитизм и русофобия «новой Европы», Коммунизм = фашизм? Фашизация ЕС? Сталин хуже Гитлера? Исторические корни нацизма, Чем грозит ревизия Победы, О правопреемстве, Надо ли нам каяться? Судилища допускать нельзя, К чему ведёт раздвоение сознания, Кто победил, А как же ветераны? «Праздник со слезами на глазах», Монография будет опубликована осенью 2007 г.

** Первая публикация статьи С.В. Картунова: Безопасность Евразии. 2007. № 2.

праздник – 4 ноября, день освобождения Москвы от польских интервентов). Да, мы смеёмся над анекдотами про храбрых советских партизан и неуловимых разведчиков, беспечно оставляющих отпечатки пальцев на секретных объектах и чемоданах Третьего Рейха. Но кого из нас не проберёт дрожь от Симоновского «Жди меня» или «Священной войны» в исполнении хора им. Александрова? Да, мы раздражаемся, застряв в пробке из-за перекрывших федеральную трассу стариков, но кто из нас, увидев тяжёлый от орденов китель, не остановится на секунду, и не испытает гордость, что он тоже русский. Да, мы вполне симпатизируем современным немцам, многократно покаявшимся за ошибки своих отцов и дедов, но кто из нас не подумает однажды: «А все-таки врезали же мы этим фрицам по первое число!».

Для сотен миллионов людей 9 мая с его живым символическим рядом образов – 22 июня 1941 г., Брестская крепость, «Вставай, страна огромная», «Родина-мать зовёт», «Ни шагу назад», подвиг Гастелло, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, Курская дуга, Т-34 и «Катюши», маршал Жуков, Неизвестный солдат, взятие Берлина, встреча на Эльбе, Парад Победы и проч. – остаётся, общим языком, объединяющим людей на огромных пространствах куда надёжнее общей границы, государственного флага или единой национальной валюты.

Этого, к сожалению, не скажешь о всей Европе. В 2005 году, в период подготовки и празднования 60-летия Великой Победы у многих наблюдателей, внимательно отслеживавших дискуссию вокруг итогов Второй мировой войны, сложилось прочное убеждение, что многие страны (прежде всего Старого Света) погрузились в историческое беспамятство. В этот год постмодернистское сознание некоторых европейцев, подобно выгребной яме, наполнилось всякого рода мусором, отбросами и нечистотами. И давно, казалось бы, раз и навсегда, решённые в историческом и философском смысле вопросы, вновь всплыли на поверхность современной политики. Материализовались давно забытые призраки. Разоблачённые много лет назад легенды и мифы снова стали претендовать на то, чтобы стать реальностью. Объектом исторической фальсификации стала Россия, а вернее, её Великая Победа во Второй мировой войне, которая и раньше ставилась под сомнение, но не столь откровенно и цинично, как в 2005 году. Тем самым обозначился дрейф Европы в сторону морально-нравственного релятивизма, не различающего Добро и зло. Ведь именно в начале XXI века Европа начала называть освобождение «оккупацией», победу над фашизмом – «поражением демократии», подвиг русского солдата – «варварством», военное преступление – «геноцидом» и т. д.

Всё это заставляет нас вновь и вновь возвращаться к оценкам итогов Второй мировой войны. Нюансы этих оценок у разных поколений наших граждан могут быть разными. Но они не могут различаться по принципиальным основаниям. В этой работе предпринимается попытка изложить некоторые соображения на этот счёт представителей уже второго послевоенного поколения страны. Главное же из них состоит, на мой взгляд, в том, что Великая Победа по всем политическим, морально-нравственным и философским меркам стала моментом истины, главным событием и наивысшей точкой и в истории России, и в истории Европы, и в мировой истории.

Для России

Если говорить о России, то именно в 1941–1945 гг. она отстаивала своё право на независимое историческое существование, т. е. спасла свою цивилизацию. А потому уверен, что и внуки наши будут гордиться нашей Великой Победой. То есть

тем, что мы отстаивали нашу Родину в качестве самостоятельного национального государства. А, в конечном счёте, – право нашей страны быть субъектом Всемирной Истории. Ведь, если вдуматься, то таких субъектов немного. Это Америка, Китай и Россия. А больше нет! Ведь нельзя же таковыми субъектами считать Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, которые из чувства исторической мести (как раньше говорили, «в бессильной злобе») пытаются сегодня оспорить значение и смысл нашей Великой Победы... Все эти малые народы время от времени лишь включаются в **чужие** геополитические проекты. Впрочем, и в этом не их вина.

Как справедливо отметил А. Проханов, праздник (мая можно отнести к группе «красных праздников», которые носили особый, метаисторический смысл и обладали огромным социально-психологическим ресурсом). День Победы стал тем праздником, который ярче и сильнее других доказал жизнеспособность «красной системы», как особой альтернативной истории. Именно после 9 мая 1945 года эта «сверхновая история» окончательно состоялась. Многие ещё помнят о том, какой ценой нам удалось отстоять свою независимость. Да и само право жить.

Но мы должны помнить ещё и о том, что было добыто кровью помимо защиты советского суверенитета от посягательств германского фашизма. Россия выиграла битву не только с мощнейшей сверхдержавой своего времени, но и со всей фашистской Европой, да и со всем греховным миром в целом. Это была совершенно особая победа, которой мы подтвердили своё исключительное право на самобытное развитие. Русские заслужили право на инобытие, отличающееся от форм обычного миропорядка. Развитие нашей державы получило после 9 мая 1945 года несравнимый ни с чем импульс. Это привело к становлению советской системы, которая расцвела в полной мере только в послевоенные десятилетия. В этом заключается великая миссия идеологического и политического ресурса нашего Дня Победы.

Сегодня этот ресурс попал в руки Путина в изуродованном виде, с абсолютно исковерканными смыслами и значениями. В итоге 9 мая 2005 года русские люди отмечали не привычный День Победы, а победу «плана Барбароссы». Распался СССР, коммунизма нет. Сверхсветовыми скоростями проводятся в жизнь либеральные реформы, убийственные для большинства людей. Либеральная власть стыдливо прикрывает свои реальные цели и основное назначение – мягкий холокост русского народа. При этом у нас, русских, отняты практически все потенциалы для развития, сведены на нет все функционировавшие прежде центры национального самосознания. Каждый из празднующих этот день чувствует, что празднует нечто совсем иное, сильно отличающееся от подлинного Дня Победы¹.

Что с этой точки зрения наша Победа? Да в общем-то всё. Она – наше право быть суверенным, независимым национальным государством. Наше право формировать нацию, культуру, проводить свою политику. Кстати говоря, в этом смысле Украина предала наше дело: она заявила о своей готовности включиться в чужой геополитический и цивилизационный проект, отказавшись от независимости. Но это – к слову.

¹ Проханов А. Ваш пиар Победы порохом пропах. АПН, 06.05.2005.

Парадокс советской истории состоял в том, что люди, попавшие под безжалостное колесо немецкой военной машины, не только не согнулись под его тяжестью, но выпрямились во весь рост, испытали невиданный доселе физический и духовный подъём. Причём ужас чудовищной бойни не разобшил, а напротив, сплотил огромный Советский Союз, позволил многомиллионным массам ощутить себя единым целым, осознать общую цель, выходящую далеко за пределы личных, местных или конфессиональных интересов. А это нечто гораздо большее, чем приказ «ни шагу назад». Легендарными стали рассказы о том, как сражались на фронтах Великой Отечественной не только этнические русские, но представители кавказских народов, как принимали беженцев узбекские, таджикские и туркменские семьи, как день и ночь качал каспийскую нефть Баку, как за Уралом в считанные месяцы воздвигали мощную сеть военно-промышленных предприятий. Как справедливо отмечает фронтовик В.А. Разумный, «Победа России была мощным, неодолимым, всесокрушающим валом народной стихии, объединённым единой волей, единым разумом, едиными чувствами»¹.

Именно это – генетическая память о великом единении миллионов самых разных людей и о совокупной тяжести понесённых ими жертв – и делает Великую Отечественную действительно Великой и для тех, кто никогда её не видел и чьи родители либо застали её детьми, либо тоже родились уже в мирное время. В этом смысле – как это ни парадоксально – именно в нашей стране, т. е. в безбожной, богоборческой, коммунистической России, в ходе этой страшной войны оказались преодоленными явления XX века, свидетельствующие о глубоком кризисе Христианства, крайний индивидуализм, отчуждение человека, греховная человеческая гордыня, богоборчество «сверхчеловека», экзистенциальное одиночество, воля к смерти, гедонизм и проч. Коммунистическая Россия показала человечеству выход из лабиринта разобщения и одиночества, пример соборного единения всех людей независимо от различий в социальном положении, в расах и национальностях, из того, как казалось тогда, тупика, в котором оказалась Европа к середине XX века.

Россия в этом плане показала своё моральное превосходство не только над фашистской Германией, но и над всей Европой. Война стала не только пиком военной мощи советского строя, которая была доказана не на бумаге и не на парадах, а непосредственно на полях сражений с сильнейшей в истории армией мира, но и пиком морально-нравственной мощи СССР.

Эта мощь проявилась на всех этапах войны, в том числе в самом её конце, в 1945 г. Ведь для миллионов советских людей – как воевавших, так и тех, кто был угнан в плен или: работал в тылу, победа над фашизмом означала завоевание права на жизнь и свободу, на беспощадную месть врагу. Война, начавшаяся с массированных варварских бомбёжек мирных советских городов и деревень, сразу показала свой непримиримый характер. Советские люди, даже не зная о задуманном Гитлером решении «восточного вопроса», с первых дней войны увидели, что враг идёт не просто захватывать и поработать, а убивать и уничтожать – сначала в темпе блицкрига, хаотично и выборочно, а потом – и методично, по хорошо продуманному плану, с запрограммированностью идеально смазанной машины. Опрокинуть эту машину, дойти до Берлина, уничтожить «зверя в его логове» и строго спросить с каждого фашиста за совершённые на территории СССР преступления

¹ Моя война. www.intelligent.ru, 03.05.2005.

стало потому делом чести и мужского достоинства для всех советских солдат. Речь шла о восстановлении чувства поправленной справедливости целого народа, об удовлетворении чувства законной коллективной мести за погубленные жизни соотечественников и разрушенные города.

До Берлина дошли и всех руководителей Рейха, кого успели, переловили. Но беспощадно мстить всем немцам не стали. Даже к военнопленным, попавшим в советские лагеря, отнеслись по меркам того времени терпимо, что этими военнопленными не раз впоследствии было отмечено. Конечно, Сталин, запретив такое мщение, преследовал политические цели: он хотел показать всему миру не только мощь советского оружия, но и гуманность советского строя. И это ему удалось: мир увидел, что либеральные Европа и Америка не смогли справиться с Гитлером, а СССР смог, причём одержал над врагом не просто военную, но и убедительную моральную победу. А значит, одержал моральную победу и над ними, тогдашними союзниками, с которыми Сталину предстояло договариваться о послевоенном устройстве мира. А ведь ещё свежи были в памяти всех мифы о «большевистских ордах», угрожающих «цивилизованной Европе». Вот СССР и доказал, что хвалёному цивилизованному Западу есть чему поучиться у Советской России.

Небывалый урок всему миру был преподнесён в 1944 г. в Москве, когда через столицу провели колонну немецких военнопленных. Победждённого врага публично окатили презрением... и оставили ему жизнь! Надо ли искать другие доказательства величия русского духа! Поэтому и память о советском солдате-освободителе, избавившем мир от нового варварства, не просто идеологический штамп и пропагандистский миф. И в Европе помнят, что именно Красная Армия принесла европейцам освобождение от фашизма.

Так что же мы празднуем 9 мая? В этот день восстанавливается связь с тем высшим моментом истины тысячелетней истории России, когда напряжением всех своих сил страна не просто устояла перед лицом гибели, но и достигла максимального духовного расцвета, доказала своё морально-нравственное величие, завоевала право на достойное место в семье великих мировых цивилизаций. А значит, мы ещё долго будем помнить Великую Отечественную и находить в Победе над фашизмом то общее, что объединяет и возвышает нас даже сегодня.

Автор полностью солидаризируется с Сергеем Черняховским, который полагает, что тема Великой Отечественной войны, тема Великой Победы, при всей своей ритуальности является абсолютно уникальной для истории страны и обладает особой значимостью для самоидентификации нации.

С одной стороны, на сегодня это единственное, из официально отмечаемых историко-политических событий, в положительной оценке которого сходятся все основные силы страны. Все остальные даты – в той или иной степени являются предметом раскола в политическом сознании. Ни призвание Романовых, ни свержение самодержавия, ни Октябрь 17, ни пертурбации 89–93 годов, при всей своей колоссальной роли в судьбе страны, не только не могут претендовать на какое-либо согласие в оценках, но просто разводят различные силы по разные стороны баррикад.

Праздник Победы принимают не только коммунисты, но и нынешняя власть и даже антикоммунистически настроенные либералы. Можно спорить, насколько ис-

кренне это делают последние, можно вполне обоснованно предполагать, что они просто не рискуют ставить под сомнение одну из наиболее почитаемых в народе торжественных дат. Однако это опасение само по себе лишь подтверждает масштабность праздника Победы.

С другой стороны, Победа в войне – это единственное из историко-героических событий, которое не только принимается обществом но и обладает актуальным политическим смыслом. Куликовская битва и Полтава, освобождение Москвы от поляков, Чесма и Рымник, взятие Берлина при Елизавете и война 1812 года – все эти победы признаются славными и героическими, но они слишком отдалены от нас, относятся к другому миру и другой истории, другой цивилизации и потому не могут претендовать на действительное политическое значение и мобилизационный потенциал.

В отношении к войне сходятся героическая традиция и современность, подвиг перед Отечеством и дело спасения всего гуманистического вектора цивилизации. Трагический ход войны, сверхнапряжение народа, колоссальность нависшей над нами и всем миром угрозы, огромные жертвы и грандиозность Победы: вместе всё это определяет не просто историко-героическое и патриотическое, а действительно сакральное значение событий, начавшихся 22 июня 1941 года.

За этим подвиг спасения мира, Его можно уподобить восхождению Христа на крест, вне зависимости от того, будем ли мы относиться к последнему как к событию реальному или мифологическому. Разница в том, что в одном случае человечеству был явлен образец величайшей покорности, а в другом – образец не только морального превосходства – масштаб которого не меньше, – но и реальной победы над почти онтологическим злом, вырвавшемся на жизненное пространство. По большому счёту, человечество имеет не меньшее основание поклоняться советскому народу, как Народу-Спасителю, нежели Спасителю из христианской мифологии.

Российское общество сегодня не может идентифицировать себя ни на этнической – славянской, ни на конфессиональной основе. После трагедии 1990 годов оно лишилось и проектного единства, которым обладало в советский период. На вопрос «Кто Вы?» – ему сегодня просто нечего отвечать.

Кроме одного, ещё оставшегося: «Мы – народ, спасший мир от нового варварства, от фашизма. Мы – народ, своей кровью и своим подвигом очистивший мир от той мерзости, которую вы породили, которой вы осквернили историю, которой вы испугались и перед которой вы почти капитулировали».

Сейчас верность Победе – единственная смысловая площадка, позволяющая осуществить национальную самоидентификацию, мотивировать новое напряжение и осуществить тот новый прорыв, без которого Россия практически обречена на выпадение из истории. Поэтому обсуждение различных экстравагантных версий, имеющих отношение к Великой Отечественной войне – это сегодня далеко не только вопрос о познании исторической правды. Это вопрос о принятии или неприятии, и, соответственно, разрушении последней сакральной даты, последней площадки, от которой можно стартовать уже не для спасения мира, а для спасения самих себя¹.

¹ Черняховский С. Великая война и гражданская религия России. АПН.22.06.2005.

Этим рассуждениям С. Черняховского созвучен доклад С. Кургиняна «Точка сборки», сделанный им в канун празднования 60-летия Великой Победы. Он утверждает, что в годы Второй мировой войны в смертельной схватке столкнулись два мировых проекта – Модерн, олицетворяющий дух свободы и гуманизма, дух прогресса (пусть нелинейного, но обязательно восходящего инновационного движения в Истории), культ человека и его космическое предназначение, – и Контрмодерн, воплощающий исчерпание Модерна, т. е. нисходящую ветвь Истории.

При этом лоно Модерна – Запад. «Антизападничество бессмысленно. Можно негодовать по поводу того, что Запад отказывается от собственной исторической роли. Но самим отказываться от Запада можно только не имея ясности во всём, что касается концептуальных и стратегических ориентиров. Нет Истории без иудеохристианской традиции, без личностного человеческого обожения, без космической личности, без стрелы Времени, направленной в Будущее».

Но реальное восхождение человека по этой лестнице шло не гладко. На какой-то фазе проект Модерн стал секулярным, но не потерял ценностей. Возникла светская культура, давшая невероятный урожай. Возникло светское общество с новым потенциалом свободы. Затем это движение стало пробуксовывать. Эта пробуксовка стала абсолютно очевидной к концу XIX века. Закат Европы Шпенглера, пессимизм Шопенгауэра и «смерть бога» у Ницше – лишь внешние симптомы этой пробуксовки. Страшной пробуксовки, гной которой выплеснулся кровью Первой мировой войны. В какой-то момент казалось, что извечный враг Модерна – Контрмодерн – вот-вот победит, и не где-нибудь, а в Европе, на Западе. Страшным приговором здесь было исчерпание смыслов, способных включать общественную энергию. Пробуксовка – лишь одна из возможных метафор. А может быть, и сама конструкция исчерпала себя. Секулярная культура Модерна могла жить только съедая собственное сакральное ядро. Съев его, она остановилась, и вслед за нею остановилось всё. Человечество оказалось в страшном тупике. Капитуляция перед Бездной могла стать всеобщей. И стала бы всеобщей, если бы не коммунизм и Россия.

В момент, когда История оказалась под угрозой Антагониста, Россия могла либо зажечь свой собственный (а одновременно и мировой) инновационный Огонь, либо капитулировать и исчезнуть. И она была близка к тому, чтобы капитулировать и исчезнуть. Но воля к жизни возобладала. И имела (это все понимали!) не локальный, а глобальный, более того, глобально-инновационный характер.

Коммунизм – западная альтернативная идея. Это вдруг возникшая свежая ветвь на иссохшем Древе Модерна. Россия – западная альтернативная страна. Это часть Запада, но одновременно его Иное. Его, Запада, «бронепоезд на запасном пути», им же, Западом, ненавидимый, истребляемый.

К тому моменту, когда этот локомотив Истории заработал, уже включился и начал раскручиваться Антимеханизм, рождённый исчерпанием Модерна, отчаянием и безысходностью Запада. Зверь ждал часа и сорвался с цепи. И имя зверю – фашизм. Фашизм – не просто Контрмодерн. Это фундаментальная альтернатива всему, что несут с собой наш мегатренд Модерна и наша мегасмысловая система. Уравнивание фашизма и коммунизма бредово. Это антиподы, фокусы двух антагонистических мегасистем.

Вторая мировая война – это битва между Модерном и Контрмодерном, в которой коммунизм спас мир от фашизма. И это было исторически безальтернативно. В той мере, в какой западный Модерн ещё существовал, он понял историческую суть случившегося. Эта суть была открыта тем, кто понимал фундаментальное значение этих ценностей.

Враги Модерна были в самом Западе. А добавление к ним фашистов оказалось решающим. Запад сам стал убийцей своего Модерна, то есть себя. Фашисты же, героически перегруппировав силы (это приходится признать, особенно на фоне позорной, жалкой трусости и бесплодия коммунистической элиты), выдвинули новую доктрину. В этой доктрине уже нет места германскому нацизму. Фашизм глобализируется, европеизируется, в первую очередь. Он играет со всеми силами Контрмодерна. А на новом историческом рубеже, конечно, ключевой силой Контрмодерна стал радикальный ислаимизм.

Главное для фашизма было уничтожить Модерн до конца. Геополитически (и это было ясно высказано) – уничтожить СССР и США как «двух ялтинских хищников». Исторически (и это тоже было ясно высказано) – уничтожить либерализм и коммунизм как две силы Модерна.

Важнейшим орудием в этом деле стал Постмодерн. Отсутствие инновационного потенциала Модерна привело к тому, что Модерн стал отрекаться от самого себя. Постмодерн – это не следующая фаза Модерна. Это невиданное предательство и подрыв во всём, что касается мегасмыслов и мегатрендов.

Обретя Постмодерн, либерализм потерял себя. И нашёл своего убийцу. К этому подводила концепция тоталитаризма, уравнивавшая фашизм и коммунизм и ломавшая всю матрицу, необходимую для понимания, а значит и борьбы на новых исторических рубежах. Уравнители, создавшие модель тоталитаризма, – это предтечи Постмодерна, его интеллектуальная прислуга.

Потом пришёл он сам, заявив о смерти всего – смыслов, идеологий, ценностей, проектов, гуманизма, человека, Логоса, Истории, – что больше, куда далее? А к этому моменту человечество оказалось перед новыми эволюционными вызовами. Инновационный потенциал в этой ситуации имеет решающее значение. Постмодерн блокировал инновационный потенциал либерализма, всей западной демократии. Возник союз вторичной архаики (исламской, в первую очередь, но не только), Постмодерна и Контрмодерна.

И союз этот разворачивает наступление против остатков Модерна, который сам себя лишил последних новых побегов. Что теперь может вырасти на этом иссохшем Дереве? Если не вырастет ничего – можно говорить, что мир входит в этап глобального «распечатывания» всего, что онтологически, метафизически и политически эквивалентно Бездне.

Осмысление сути Второй мировой войны, беспрецедентной войны в Истории, – включает С. Кургинян, – это не дань памяти, что тоже немаловажно. Это адресация к точке сборки, предполагающей возможность сопротивления в будущем. Вопрос в том, каким будет альтернативный инновационный Модерн и чем он ответит своим врагам – Контрмодерну, архаизации, Постмодерну. Вопрос в том, как в очередной раз соединится альтернативная западность России с инновационными альтернативами Модерна (то есть того же Запада).

Вот что такое, по мнению С. Кургиняна, для нас сегодня осмысление Победы. Вот какова цена этого вопроса для нашего будущего. «Победа – точка сборки.

И сквозь этот Алеф мы только и можем вновь увидеть все, что отнято. А значит, и вновь обрести себя»¹.

Интересно, что подобную точку зрения разделяют и некоторые иностранные обозреватели. «Для России, – писала 14 мая 2005 г. «Индиан экспресс», – празднование Дня Победы знаменует собой прославление русской идеи»².

А потому Победа – это не только обелиск, возведённый в память о Великом Подвиге нашего народа, это и наша вера в собственные силы. В то, что мы, сегодня разобщённые, униженные, лишённые нравственных ориентиров, бездумно шагающие в «мировую цивилизацию», можем быть сильны и едины. И вновь, как 65 лет назад, встать в полный рост в иной, но вполне реальной битве за сохранение тысячелетней России, за её вековые ценности и исторические перспективы, которая уже началась. И что мы можем пойти по пути не исторической капитуляции перед Западом, не по пути Золотого Тельца, а по дороге Солдат Победы, по дороге торжества великой страны и великого народа.

Здесь, таким образом, восстанавливается та «связь времён», которая, казалось бы «распалась» в России в конце XX – начале XXI века, совершается **историческое примирение между белыми и красными**. Славное прошлое русской истории становится фундаментом её великого будущего, ибо у нынешнего поколения русских людей нет иного выбора, кроме как стать достойными поколения воинов победителей, которые сражались не просто против мирового Зла, но и за торжество Добра. Как сказал поэт:

*«Вы должны были братья,
Устоять, как стена.
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна...».*

Из ныне живущих русских вряд ли кто захочет принять на себя проклятье мёртвых соотечественников, святых людей-мучеников, которые положили свои жизни в борьбе с Абсолютным Злом. Они обязаны, как потомки этих людей, и дальше бороться с этим злом. Они нам это завещали, погибая под Москвой, Сталинградом, Курском, Берлином и, кстати говоря, Варшавой и Прагой. Как отмечал А. Проханов, с тех пор, как мы потеряли эту Победу, с тех пор, как оказались разгромлены и распяты, 1945 г. приобретает для нас не историческое, а религиозное метафизическое значение. И задача национального самосознания состоит в том, чтобы опять вырвать у XXI века эту русскую победу, подобную той, что была вырвана в 1945 г.

Вот почему нет сегодня ничего более важного, чем подлинные знания про нашу Победу в Великой Отечественной, поскольку это знания о нас, о русских и о России, о тысячелетней российской государственности, о наших исполинских исторических силах и возможностях.

И только восстановив реальный смысл той Великой войны и нашей Победы и предъявив правильные знания миру, мы сможем в XXI веке построить Россию как великую мировую державу.

¹ Кургина С. Точка сборки. 28 апреля 2009 г.

² The Indian Express, May 14, 2005.

Для Европы

Это о смысле Победы для нас, русских, для России. А что же она означает для Европы? Для неё – это также высший момент истины и истории. Ибо именно в Европе родился и получил развитие феномен фашизма – этого величайшего зла в истории, варварства XX века, нового язычества. Именно Европа, совершив своё самое большое грехопадение, легкомысленно взрастила его. И не будь России – стала бы его жертвой. Очень многим европейским народам – еврейскому, польскому, французскому, прибалтийским и др. в этом случае грозило бы или полное уничтожение или судьба рабов Третьего Рейха. Фашистская Германия добивалась мирового господства – и она уже почти получила его. Для Европы День Победы – это поражение нового язычества, разбившегося о монолит гуманистического Просвещения, в который, как бы кому-то этого не хотелось, входил и коммунистический Советский Союз. Поэтому, кстати говоря, современная Европа (не вся, конечно) лукавит, когда утверждает, что ценности СССР ничем не лучше ценностей гитлеровской Германии, и что Вторая мировая война – это, мол, «схватка двух империй зла», в которой гуманистической была лишь третья сила, представленная США и Великобританией.

Продолжая мысль С. Кургиняна, можно сказать, что во Второй мировой столкнулся проект Контрмодерна, который и представлял фашизм, на одной стороне, и проекты Модерна (Европа) и Сверхмодерна (СССР) – на другой. Вторая Мировая война, как полагает С. Черняховский, вообще не была войной наций и держав. Она была борьбой мировых проектов. Четыре основные мировые идеологии: коммунизм (СССР), либерализм (США), консерватизм (Великобритания) и национал-социализм (Германия) вступили в схватку по вопросу о проектном видении будущего мира. «*Великая Отечественная война советского народа* была не просто основным военным событием мировой войны. Она была её принципиально качественной составляющей, включением коммунистического проекта в это соперничество. Именно она определила общую проектную составляющую противоборства».

Вторая мировая война, полагает С. Черняховский, шла в конфигурации союза либерализма, коммунизма и примкнувшего к ним консерватизма против общей проектной угрозы – накалённого традиционализма в лице германского нацизма. Сами по себе либерализм и консерватизм были не в силах выиграть эту борьбу, что и показали события 39–41 годов. Дело в том, что они олицетворяли статус-кво, олицетворяли привычный и комфортный для них мир, были мало способны к мобилизации. Германия противопоставила им видение будущего, противопоставила своё видение модернизации в виде Контрмодерна.

Из сил, выступивших против него, выступивших на защиту мира Модерна, прогресса и всего вектора Возрождения и Просвещения, лишь коммунизм обладал своим, альтернативным нацизму видением фронта, будущего мира, в котором было место не только привычному комфорту, но и подвигу, миру человека, у которого есть ценности большие, чем биологическая жизнь отдельного человека.

Националистический проект Контрмодерна проиграл коммунистическому проекту Сверхмодерна. Проиграл не только в военном, техническом и экономическом плане, но, в первую очередь, в проектном и мотивационном плане. Проиграл, в конечном счёте, на функциональном уровне.

Гитлеризм дал своим сторонникам сильную идею. Он говорил: «Германия превыше всего! Миру предназначено служить Германии. Она установит новый порядок, и только она достойна возглавить мир. Место остальных – служить Германии, быть ее рабами». Поэтому, даже побеждая, он множил число своих противников. Даже те его сторонники в других странах, которые в принципе с симпатией относились к фашизму, на определённом этапе сталкивались с тем, что их место в этом порядке – *в лучшем случае место капо при победителях*.

Коммунизм дал своим сторонникам иную идею. Он сказал: «Мы предлагаем всем – свободу и справедливость! Свобода мира и справедливость для всех – превыше всего. Советский Союз – не новый господин, а освободитель. Не мир для него, а он – для мира. Место остальных – быть хозяевами своей судьбы, а место СССР – служить человечеству».

Можно конечно говорить о том, что Советский Союз имел в виду и предложить миру этот новый порядок свободы и справедливости, и намеревался, вполне искренне, научить мир правильно пользоваться этой свободой и установить справедливость в соответствии со своим пониманием.

Но Германия предлагала человечеству закрытую систему, СССР – открытую. Поэтому Германия множила своими победами своих противников, а СССР, даже своими поражениями множил число своих сторонников. Гитлеризм говорил своим солдатам: «Идите и убивайте! Вы будете господами. Вы получите ферму на Украине и славянские недочеловеки будут работать на вас и служить вам». Функционально – это сильная идея. Она обещала тем, кто принимал её, славу, процветание и счастье. Но в ней была очень серьёзная слабость. Она обещала только то, что можно использовать при жизни. За неё можно убивать, но за неё нельзя умирать: ферма не достанётся.

Коммунизм говорил своим солдатам: «Идите и защищайте! Вы будете спасителями своей страны и всего мира. За вами – первая в истории победившая революция рабочих и крестьян, за вами – первое в мире государство трудящихся, за вами – верность делу ваших отцов, впервые в истории свергнувших гнет эксплуататоров и давших шанс на создание царства справедливости. Очень может быть, что в этой борьбе вы умрете – но умрете Спасителями мира».

Какие бы споры сегодня ни шли о степени утопичности и обоснованности этой идеи – функционально она была сильнее. Она обещала своим сторонникам то, что было больше жизни. За неё можно было умирать. По сути, коммунизм нёс в себе один из древнейших постулатов героического гуманизма: «Смертью смерть поправ!».

Он нёс то, чего не было в германском национализме и тем более в уже лишённых героики и мобилизации либерализме и консерватизме. Поэтому, по сути, итогом Второй Мировой войны стало утверждение миропорядка, который, на какое-то время сошёл в признании прогрессистских ценностей: веры в человека, веры в его разум, признание антропологического оптимизма, ценности истории и веры в прогресс. Даже «холодная война», по сути, велась не за или против этих ценностей, а по вопросу о том, как понимать и реализовывать их.

Сегодняшний мир – это уже другой мир. Если Потсдамская реальность была реальностью борьбы внутри прогрессистских тенденций, то мировая катастрофа

поражения Советского Союза вновь поставила в повестку дня вопрос о развилке: *прогрессизм*, олицетворяемый сегодня вялым и не способным на подвиг либерализмом, или *традиционализм*, олицетворяемый занявшим место гитлеризма фундаменталистским исламом.

Человечество оказалось отброшено к историческому выбору первой половины XX века. Только без уникальной возможности призвать на защиту гуманизма и прогресса коммунистический Советский Союз¹.

Поэтому 9 мая для Европы – это день нового рождения, нового крещения и возврата к идеалам Просвещения. Не случайно именно 9 мая 1950 г. в Европе была озвучена так называемая «декларация Шумана», с которой тогдашний министр внешних сношений Роббер Шуман обратился к правительствам европейских стран, призвав их к прочному и длительному партнёрству.

Таким образом, 9 мая – это и день Европы. Европы, вместе с Россией, преодолевшей фашизм (что ещё раз доказывает неопровержимо, что Россия – органическая её часть), добившаяся примирения с побеждённой Германией. Символично, что ООН по инициативе России объявила 8 и 9 мая Днями памяти и примирения.

Однако для того, чтобы европейский идеал состоялся, Европа должна помнить о войне и её уроках. Сегодня же Европа нередко это забывает. Об этом с тревогой пишет английский политолог С. Купер: «Вторая мировая война начинает напоминать Гражданскую войну в Америке – ее помнят энтузиасты-историки, но почти забыла публика, и редко изучают политики. Это стирание из памяти имеет важные последствия. На протяжении десятилетий воспоминания о войне формировали политику в Европе и, в меньшей степени, в США. Теперь, когда войну начинают забывать, соответствующим образом изменится и политика.

Во многих странах война изменила все: сам ландшафт, государственные границы, цели, отношение к иностранцам и тематику фильмов. Война также помогла создать наши институты, а именно Евросоюз и одержимый инфляцией Европейский Центробанк (ЕЦБ). Освенцим вселил в большинство жителей Запада ужас перед расистскими партиями, а воспоминания о военных диктатурах заставили людей лучше защищать гражданские свободы. Но теперь, когда политики и общество все больше забывают войну, послевоенное устройство мира начинает меняться».

Лучший пример этих перемен, – подчёркивает С. Купер, – история Европы. Создатели первых панъевропейских институтов в 1950-х годах стремились предотвратить будущие войны. Многие десятилетия воспоминания о войне способствовали всё большему сближению в Евросоюзе. Даже после падения Берлинской стены война оставалась ключевым воспоминанием в умах политиков. И дело не только в том, что она стала крупнейшей катастрофой Европы, политики дольше других держались за эту память, потому что они старше большинства граждан и лучше знают историю. Маргарет Тэтчер, в то время премьер-министр Великобритании, и президент Франции Франсуа Миттеран, думали, что объединённая Германия может представлять собой военную угрозу. Тэтчер пыталась помешать объединению. Миттеран – побывавший на войне и коллаборационистом, и участником Соппротивления – позволил его, но только при условии, что

¹ Черняховский С. Кто победил и что победили? АПН, 11.05.2005.

Германия свяжет себя с Европой. Через месяц после падения Берлинской стены канцлер Германии Гельмут Коль, чей брат погиб на войне, ввёл в стране евро. Эту валюту во многом можно назвать дитём войны.

То же можно сказать и об управляющем ею Центробанке. Гиперинфляция в Германии в 1920-х способствовала появлению Гитлера. В 1957 году в стране был создан Бундесбанк, чтобы избежать повторения этого. Он так успешно добивался финансовой стабильности и крепкой валюты, что его подход был перенят ЕЦБ. Сейчас у ЕЦБ запланированный уровень инфляции равен 2%, и ему удалось добиться роста курса евро, несмотря на высокий уровень безработицы в Европе.

Но теперь, – подчёркивает С.Купер, – когда война уходит в небытие, европейский идеал устаревает. Более старшее поколение считало, что ЕС необходим для поддержания мира и стабильности. «Но я родился в Европе, где все это было», – говорит Воутер Бос, лидер социалистической партии Нидерландов, объясняя, почему его современники более спокойно говорят Европе "нет". Стирающиеся воспоминания о войне помогают понять, почему Франция и Нидерланды сегодня могут проголосовать против европейской Конституции. Европейские политики должны признать, что европейский идеал основывался на воспоминаниях о войне. С их исчезновением амбициозные планы в отношении Европы никогда уже не получают такого мощного толчка. И, наоборот, в Великобритании отмирание воспоминаний уменьшило еврофобию. Наиболее скептически в отношении ЕС настроены британцы поколения Тэтчер. Для них формирующим опытом стала ситуация, когда Великобритания одна с США стояла против слабой и вероломной Европы во Второй мировой. А потому партии «евроскептиков» – консерваторы и радикальная Партия Независимости – получают больше всего голосов от пожилых избирателей. Молодые британцы большие «евроскептики», чем большинство жителей континента, но не такие, как их родители.

То, что воспоминания о войне блекнут, имеет и другие последствия. Мало кто в Европе сейчас чувствует себя должником США за спасение континента от нацизма, хотя многие американцы, в том числе некоторые политики, ожидают этой признательности. Вторая мировая – это, пожалуй, единственный эпизод европейской истории, широко известный в США. А отсюда и массовый гнев американцев из-за того, что некоторые европейские страны выступили против войны в Ираке: «Разве мы не поддержали их в борьбе с Гитлером?» Как будто в промежутке между двумя этими событиями ничего не произошло. Европейцы же, напротив, обычно больше знают о США: они смотрят американские фильмы и следят за политической жизнью в Америке. Война не была первостепенным фактором, сформировавшим их мнение о США.

Еще одно следствие: за последние пять лет многие европейцы начали голосовать за анти-иммигрантские партии. Но им не кажется, что они голосуют за ещё один Освенцим, потому что значительная их часть не знает, что это такое. Именно поэтому попытки очернить такие партии, например, неонацистские, потерпели неудачу. Таким же образом правительствам удалось ограничить гражданские свободы после терактов 11 сентября 2001 года, ведь мало кто из жителей Запада может сейчас представить, чтобы их страна превратилась в гитлеровскую диктатуру. Чтобы понять европейские корни этого концепта необяза-

тельно искать ссылки на идеологов третьего Рейха. Достаточно вспомнить обращение премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в октябре 1942 года, в самый разгар боёв под Сталинградом: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе... Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к созданию объединенной Европы». Не эту ли цель преследовали и нацисты? Министр по делам восточных территорий Германии Альфред Розенберг 20 июня 1941 г., за 2 дня до нападения на СССР, разъяснял: «Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как первоначальная сущность европейских исторических сил. Война имеет цель оградить и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы...».

Эти слова, полагает политолог Ю. Крупнов, дорогого стоят. Ясно, что так называемая «большевистская проблема» – т. е. коммунизм, советский строй и т. п. – для них являлась и является «временной». Основная задача – заместить русское варварство (в терминологии У. Черчилля) «сущностью Европы».

В этом плане неудивительным является для людей, знающих историю, и то, что Красной Армии пришлось почти с ходу штурмовать и брать Берлин, в первую очередь потому, что было необходимо покончить с гитлеровским режимом в его логове и, тем самым, не дать нашим англо-американским «союзникам» перевести войну с гитлеровской Германией в войну против СССР.

«Спустя шестьдесят лет война, наконец, закончилась, – заключает С. Купер, и это меняет все»¹.

Всё это довольно тревожные тенденции. У многих русских мыслителей (например, Вадима Цымбурского) закрадывается подозрение: юбилей одной ли победы и в одной ли войне празднует Европа – 8 мая, а Россия – 9 мая, вспоминая, как первая воевала за демократию на европейской земле, а вторая – против «расового» господства Европы над «недочеловеками». Ответ, полагает историк Е. Холмогоров, «с каждым годом и десятилетием все более и более очевиден – не одной»².

Но ещё более тревожна пост-модернизация европейского сознания, которая уже упоминалась выше. Ведь Россия, чувствуя себя неотъемлемой частью Европы, имеет в виду Европу де Голля и Аденауэра. Если же сегодня Европа меняется в сторону морально-нравственного релятивизма, размытости категорий Добра и Зла, то, как России к этому относиться? Если Европа забывает о Великой Победе, одержанной ею вместе с Россией в схватке с абсолютным Злом, то она рискует потерять саму себя. Во всяком случае, ясно, что сегодня европейское сознание проходит через очередной духовный кризис. Каким оно из него выйдет – пока не ясно.

Как отмечает российский политолог А. Елисеев, «Европа стоит на пороге создания новой империи. И, похоже, что это будет одна из самых наднациональных империй в мире. Скорее всего, даже самая наднациональная. США в свое время претендовали стать неким уникальным "плавильным котлом" для разных этносов,

¹ The Financial Times, 13.05.2005.

² Холмогоров Е. Две победы. Размышления после парада.

но англосаксы преобладают там и поныне, а этносы держатся друг от друга на явственной культурной дистанции. Даже Советский Союз с его декларативным интернационализмом, имел под собой национальную русскую основу, ибо Россия и русские все-таки доминировали – в кадровой политике, в культурной жизни. Другое дело – что это было задоминирование и как оно сказалось на самом русском народе, но его факт – налицо. А вот ЕС все больше и больше напоминает лабораторию для создания принципиально новой общности, в которую планируется слить не только европейские этносы, но и миллионы выходцев из Африки и Азии. Турция уже почти вступила в ЕС, страны Магриба готовятся к более тесной с ним интеграции, а уж об иммиграции и говорить не стоит.

Не сразу, конечно, но по прошествии определённого времени, в Европе возникнет весьма любопытное государство, которое своего национального лица иметь не будет, хотя и будет себя позиционировать именно как Европа, наследующая традиции романо-германской цивилизации. На территории этого государства будет проживать не новая нация, а общность, преодолевшая национальные рамки и фактически ликвидировавшая их. В принципе, ее можно назвать *сверхнацией*.

Понятно, что такая общность должна быть вооружена особой идеологией, способной обосновать необходимость демонтажа нынешних национальных государств, сложившихся в эпоху буржуазного Модерна. В свое время этот Модерн обосновал и осуществил демонтаж феодальных государств, основанных на идее подданства, создав на их месте свои, гражданские сообщества. Теперь приходит очередь и самого Модерна. Как было сказано, "все течет, все изменяется". Безусловно, эта новоевропейская идеология уйдет от феодальной Традиции еще дальше, чем Модерн. Хотя бы потому, что основана на нивелировании различий, прежде всего, национальных. Традиционное общество Европы, как и любое традиционное общество, было, выражаясь словами К. Леонтьева, "цветущей сложностью". Оно состояло из разных народов, сословий и региональных групп. Ныне же мы видим складывание бюрократического сверхгосударства, которое осуществит ликвидацию национальных различий».

Как считает А. Елисеев, нынешнее общество имеет очень неплохие шансы фашизироваться. Ведь исторический фашизм тоже весьма неплохо относился к идее Единой Европы, причём в мозговых центрах СС даже разрабатывались проекты создания конфедеративного государства. Несомненно, гитлеризм, как историческое явление, представлял собой крайнюю форму национализма, однако тут есть свои нюансы. Во-первых, если кто-то подходит к краю, то он уже становится готовым перешагнуть через этот сам край и оказаться в совершенно иной обстановке. Демонтируя разные национальные суверенитеты, Гитлер вольно или невольно выстраивал здание наднациональной империи. Немцам в этой империи отводилась роль господ. Но они, со временем, эту роль неизбежно потеряли бы, вынужденно признав свое равенство с другими народами. А это уже означало бы начало смешения. Любопытно, что Гитлер предчувствовал именно такое развитие событий. Он говорил Г. Раушнингу, которого, одно время, приблизил к своей особе: *«Конечно, в наш новый класс господ мы будем принимать и тех представителей других наций, которые имеют заслуги в нашей борьбе... Расово-биологическое – это всегда только одна сторона процесса. Мы очень скоро выйдем за рамки нынешнего*

узкого национал-социализма. Мировые империи возникают на национальной основе, но эта основа очень скоро остается далеко внизу». Во-вторых, гитлеризм всегда встречал жёсткую критику со стороны проевропейски настроенных нацистов. Здесь можно вспомнить хотя бы Отто Штрассера, лидера левой оппозиции Гитлеру. Он был убеждённым сторонником Единой Европы, причём отстаивал её даже и после Второй мировой войны. «Европейское» лобби существовало и в руководстве СС (А. Долежалек, Р. Хильдербрандта и др.). Оно разрабатывало планы создания конфедеративного европейского государства, в котором Гитлеру отводилась второстепенная роль. Главным европейцем хотели сделать рейхсфюрера СС. Таким образом, исторический фашизм вовсе не был чужд идеям панъевропеизма. Почему бы, в таком случае, не предположить, что и панъевропеизм не возьмёт, рано или поздно, на вооружение идеи фашизма?

По сути, фашизм двигал Европу не назад, как это считают многие наивные прогрессисты, а именно вперёд. Даже слишком вперёд. Речь шла о создании совершенно нового человека, который имел бы мало общего с европейцем времён Традиции или Модерна. Можно даже сказать, что речь шла не столько о человеке, сколько о преодолении человека. В недрах Третьего рейха вызревал проект создания сверхчеловека, который лишь отчасти был реализован в безжалостных супергероях европейского ордена СС. Планировалось, что дальше будет больше. Сам Гитлер, судя по воспоминаниям Г. Раушнинга, мечтал о каком-то новом человеке, которого предполагал создать посредством **мутации**. Вообще фюрер просто бредил идеей создания нового существа: *"Новый человек уже живет среди нас! Он здесь! Довольно ли вам этого? Скажу по секрету: я видел нового человека! Он смел и жесток. Я ощутил страх в его присутствии..."*

Можно легко понять, что в новом человеке Гитлера было бы уже мало что человеческого. Сверхмодерн не мог обойтись без идеи человека, что было логическим следствием «движения вперед». Традиция ставила в центр всего мироздания Бога, чьим образом и подобием был человек. Модерн уже выдвигал на первый план человека, которого провозглашал Богом. Следующей ступенью «вверх» должно было стать отрицание человека и признание «смерти» Бога. Ницше потому и приводил в восторг нацистов, что додумался «убить» Бога и «преодолеть» человека. То же, что он сошёл с ума, никого, особо не волновало, ведь очевидно, что ум сверхчеловека не мог иметь ничего общего с умом людей.

Исследователи отмечают такой любопытный факт. Во время Великой Отечественной войны русских людей поражало то спокойное бесстыдство, с каким солдаты Рейха вели себя перед населением оккупированных деревень. Они могли мыться голыми перед женщинами или справлять перед ними свою естественную нужду. С. Кара-Мурза сделал из этого вывод о том, что немцы не считали жителей завоёванных территорий за людей. Но в свете сказанного выше можно расставить акценты немного по-иному. Немцы, по крайней мере, бессознательно, **не считали за людей именно себя**. Отсюда и та «сверхчеловеческая» снисходительность, которая часто сменялась «сверхчеловеческим» же гневом. Очевидно, что вот именно эта «сверхчеловеческая» беспредельность приводила и поныне приводит людей в такой ужас при одном только слове «фашизм». Можно, конечно, многое свалить на послевоенную пропаганду, которая порой, действительно, не знала удержку в разоблачении фашизма. Но нельзя же всё приписывать одной только пропаганде. В конце концов, если её воздействие настолько тотально, то людям вообще нечего

думать ни о какой свободе. Нет, человечество столкнулось с чем-то предельно чуждым ему, оттого и ужас. Оттого, кстати, и получилось демонизировать фашизм. Значит, **было что демонизировать...**

В России фашизм воспринимается гораздо тяжелее, чем коммунизм, хотя последний принёс нашей стране неисчислимы беды. Это обстоятельство, кстати, до сих пор удивляет некоторых российских «наци»-германофилов, которые регулярно встречаются с враждебностью русских людей. Между тем, русские понимают, что коммунисты выступали за Человека – того самого, который звучит «гордо» и пишется с большой буквы. Россия отвергла их идеи, однако это были человеческие, даже слишком человеческие, идеи. К тому же при Сталине коммунизм подвергся серьёзной ревизии и был трансформирован в некий «красный византизм», в рамках которого произошла реабилитация патриотизма и были прекращены гонения на Церковь.

По сути своей, сталинизм был Квази-Традицией, которая сражалась против Контрмодерна в лице гитлеризма. Идея сверхчеловека это, на самом деле, идея самоубийства, причём сделанного не из отчаяния, но из-за осознания какой-то страшной силы внутри человека. Эта сила рвётся наружу, ей тесен человек, она стремится взорвать его. Богословы отлично знали, что это за сила, которую сегодня стыдливо объявляют то подсознанием, то ещё как-нибудь политкорректно. Она приходит из области инферно. Но мы не ставим своей целью написание богословского трактата, наша цель скромнее – увидеть, в каком социальном направлении двигался фашизм. А он двигался в сторону социального суицида.

Надо было пройти через героическую смерть в заведомо обречённой борьбе за мировое господство, чтобы из крови человека родился бы сверхчеловек. Вдумаемся, националист Гитлер принёс в жертву сверхчеловеческой идее господства свою же собственную нацию! Восстание против космополитического либерализма обернулось дискредитацией любых альтернатив прогрессизму. Это ли не триумф модернизма? И вряд ли кого-то должен смущать тот факт, что сам фашизм апеллировал к историческому величию древних эпох. В прошлом нацисты искали будущее, приписывая разным народам и кастам своё собственное видение человеческого.

Фашизм был сокрушён странами Модерна – либерального и коммунистического. Но на обломках Третьего рейха стало вызревать новое европейское единство. «Слишком человеки» из НСДАП и СС умерли, но их смерть каким-то образом запустила механизм создания нового Рейха, основанного на демонтаже национальных государств Европы. Пока он ещё проходит под либеральными лозунгами, но лозунги ведь можно сменить. Вряд ли это, конечно, сделает нынешняя европейская бюрократия, которая больше подходит на роль коллективного Гинденбурга. Свои гитлеры придут – в довольно-таки неожиданном обличье. Ибо почва для возрождения фашизма уже подготовлена, общественное мнение вполне созрело. Ныне оно объято тремя фобиями, которые были присущи и для фашизма. Это – русофобия, юдофобия и антиамериканизм. Есть, кстати, и дрожжи, которые могут поднять несколько застоявшееся тесто еврофашизма. Речь идёт об исламызме, который проникает в Европу вместе с сотнями тысяч иммигрантов, а скоро получит новые каналы распространения в связи с присоединением Турции. Указанные вы-

ше фобии присущи части афроазиатских переселенцев, придерживающихся версий т. н. «политического ислама». И всё будет вполне закономерным, ибо исторический фашизм также делал ставку на разные освободительные течения внутри некоторых исламских народов. Здесь можно вспомнить, хотя бы, поддержку гитлеровцами антианглийского восстания в Ираке и антисоветского восстания на Северном Кавказе. Не забыть бы при этом и мусульманские части в СС и муфтия Иерусалима, вещавшего по берлинскому радио. Забавно, но сегодня многие европейские ультраправые, которых всегда обвиняли в фашизме, становятся защитниками старых европейских свобод и западного либертарианства. Они с ужасом наблюдают за тем, как на улицах древних европейских городов вырастает brutальный и до жути патриархальный «исламский» порядок. Поэтому «антиисламский расизм» так часто сочетается с либертарианством.

Типичный пример – партия голландского либертина и в то же время расиста Пима Фортейна, пытавшегося защитить ценности европейской свободы от исламского брутализма. Да и названия многих других крайне правых европейских партий также наводят на определённые мысли: Демократическая партия, Партия свободы, Народная партия и т. д. Не стоит удивляться, если завтра исламисты в союзе с новыми фашистами будут защищать «Традицию» в Европе от правых либертарианцев... Но кто же станет этими новыми фашистами? Пока контуры нового движения ещё только начали вырисовываться. Может быть, это оно вырастет из направления европейских новых правых, которое давно уже ратует за Европейскую Империю и которое весьма симпатизирует исламу (в Италии «новые правые» приняли ислам).

«Модерн, – заключает А. Елисеев, – не сможет победить Контрмодерн своими силами, как не смог он этого сделать во Вторую мировую. В конце концов, именно слишком человеческая цивилизация Запада родила на свет уродливое сверхчеловеческое чудовище. Фашизм это неадекватная реакция на Модерн, которая всегда будет присуща прогрессизму. Лишь восстановление общества Традиции способно поставить надёжный заслон "сверх"-, а точнее – подчеловеческим силам»¹.

Для мира

Теперь о смысле Великой Победы для мира в целом. «Вторая мировая война была не только глобальным сражением, превосходившим по своим масштабам все предыдущие вооружённые конфликты в мировой истории. В ней столкнулись не просто различные интересы государств или различные идеологии, а диаметрально противоположные, непримиримые подходы к самим основам существования человечества. Впервые в истории ценой победы было сохранение жизни целых народов», – так характеризует Вторую мировую официальный представитель МИД России. При этом он недвусмысленно указывает сторонникам пересмотра итогов войны: «Газовые камеры и крематории Бухенвальда, Освенцима, Саласпилса, других "лагерей смерти" показали, что нес собой фашизм, какое будущее готовил миру Адольф Гитлер и его "новый порядок". Место в таком "коричневом" мире было уготовано только одной нации, одному государству»².

¹ Елисеев А. Фашизм как Сверхмодерн. АПН, 13.04.05.

² Российская газета, 5.05.05.

В свете этой оценки порадовало заявление главного раввина России Адольфа Шаевича, посвящённое 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Как отмечается в обращении, «еврейский народ гордится тем, что в числе тех, кто внес свой вклад в историческую Победу, вместе с народами всех национальностей и вероисповеданий, были и его славные сыны и дочери. В памяти евреев навечно останется благодарность русскому человеку – ведь именно Ивановы, Петровы, Сидоровы, приняв на себя страшный удар нацистской военной машины, потеряв миллионы жизней, спасли народы Европы от унижения и порабощения, а еврейский народ – от полного уничтожения»¹.

Что ещё важно: 9 мая – это ведь не просто День Победы СССР и его союзников над гитлеровской Германией, но и день победы Цивилизации над нецивилизацией. В истории человечества нет более общего и объединяющего праздника. В связи с этим всем важно вспомнить знаменитую речь Черчилля, где он в частности сказал: «На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Но все это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое с его преступлениями и трагедиями отступает в сторону. Дело каждого русского, борющегося за свой дом, является делом свободных людей во всех уголках земного шара»².

А с этой точки зрения, что есть наша Великая Победа? Это Победа Человеческой Истории над антиисторией. Почему? Потому что проект фашизма был антиисторией. Он противоречил главной заповеди христианства: «нет ни эллина, ни иудея». Фашистский проект был основан на том, что есть нации, «более равные» другим нациям. В этом, собственно говоря, суть фашизма. И именно против этого выступила Советская Россия (СССР). Причём уже в 30-е годы, в войне в Испании. Поэтому она и снискала симпатии многих западных интеллигентов, которые хорошо понимали, что фашизм – это конец человеческой истории. Неужели современные западные интеллектуалы, ставящие под сомнение значение и смысл Победы в 1945 году над фашизмом, это забыли?!

Похоже, что да. Иначе трудно объяснить, что они поощряют отождествление коммунизма и фашизма (или, если угодно, сталинизма и нацизма). Как же нам в России относиться после этого к Европе?! К европейским «ценностям»?! Это что, и есть «европейские ценности», которые нас призывают принять? Такие «ценности» нам не нужны!

Правда состоит в том, что Вторая мировая война, **действительно**, была главной во Всемирной Истории схваткой Добра и Зла. И в этой схватке Германия выступала как цитадель Зла, а СССР – как Цитадель Добра. И Добро победило Зло. В этом – суть вопроса. С этих позиций известные заявления руководителей стран Балтии о «русской оккупации» это Зло. Фашистские марши там Абсолют-

¹ ИА REGNUM 6 5.05.05.

² Globalaffairs.ru, 1.04.05.

ное Зло. Антиистория. Поощрение этих процессов там со стороны некоторых кругов США и Евросоюза – очевидное Зло. Ибо слишком много человеческих жизней было в 1939–1945 гг. положено на алтарь Добра. Слишком много!

Потому что в этот период решался вопрос не геополитического спора между нацистской Германией и сталинской Россией, а вопрос всех вопросов: **смысла человеческого бытия**. Сам Господь был свидетелем решения этого вопроса. И не будет преувеличением сказать, что тогда решался вопрос о Божьем Промысле, о том, имел ли смысл Божий Замысел вообще... Ибо победа гитлеровской Германии означала бы провал этого Замысла, Замысла Христа. А потому и Победа СССР, который выступил на стороне Добра (по существу Божьего Замысла) означала то, что История будет продолжаться, ибо нет другой истории для христианина, кроме Истории Богочеловечества.

Победа в Великой отечественной войне – это Победа Богочеловечества, Победа Христа над антихристом, т. е. Абсолютным Злом. В этом – мистический, экзистенциальный смысл Великой Победы. И то, что Советская Россия выступила на стороне Добра, невозможно вычеркнуть из Всемирной Истории, которая является Историей Богочеловечества. Это означает, что те страны, которые выступают против этого, вычёркивают себя из Всемирной Истории. Ибо те Великие Мёртвые, которые являются на самом деле Вечно Живыми в великой Троице, проклянут их.

Ведь если предельно огрубить суть конфликта в 1939–1945 гг., то это была борьба двух идеологий. Первая: люди созданы равными (основная заповедь Христа). Вторая: люди не созданы равными. Из второй идеологии следует: раз люди не равны, то «высшие» люди имеют право уничтожать «низших». И СССР, будучи носителем первой идеологии, выступил, получается, на стороне Христианства в 1939–1945 гг. И содержанием этого этапа мировой истории с религиозной точки зрения было не противоборство «двух тираний», а схватка Добра и Зла, т. е. Христианства (Замысла Бога) и антихристианских сил (т. е. Антихриста). Именно по этой причине вмешательство СССР во Вторую мировую войну подняло авторитет нашей страны на небывалую высоту: даже западные интеллектуалы полюбили СССР. Советский Союз получил много друзей, и не только среди беднейших стран мира. К этому времени относится начало сотрудничества с нашей разведкой наиболее умных и бескорыстных агентов Америки и Европы, пришедших к нам из идейных соображений.

Это значит, что Великая отечественная война – это не просто война отечественная (т. е. местная, локальная), а война Великая, Всемирная и, действительно, Священная. Поскольку это была война за ценности Всемирной Истории и Христианства и фундаментальный принцип равенства всех людей перед Господом. Победа в этой войне только и позволяет сегодня ставить вопрос «о правах человека». И со стороны СССР (к которому с опозданием примкнули западные союзники) со Злом воевал весь Христианский Мир, в основе которого лежит принцип уникальности и неповторимости личности каждого человека, народа, цивилизации. И потому этот Мир можно с полным основанием считать Русским Миром, поскольку Великая Война доказала, что русские – это понятие не этни-

ческое, а континентальное и даже всечеловеческое, так как оно объединяет в себе русских, евреев, татар, казахов, чеченцев – все без исключения народы мира. Даже англичан, поляков (пусть они обижаются, сколько угодно), американцев и французов. И что Вторая мировая война – это Священная религиозная война. И что Великие Мёртвые (а на самом деле Вечно Живые) – это наши единственные судьи сегодня. С этих позиций и надо оценивать феномены Сталина, СССР, коммунизма, ялтинского миропорядка и т. д. И других нравственных критериев оценки этих явлений нет и быть не может. Это русский народ победил в этой войне. И если кто-то сегодня не хочет себя считать русским (украинцы, белорусы), то они и не в праве считать себя победителями. Не случайно, кстати говоря, З. Бжезинский, тонко чувствующий «русский вопрос», намеренно пытается размыть смысл русской Победы, подчёркивая, что в войне победили не собирательные русские, а русские, украинцы и белорусы. Но почему же тогда он не говорит о евреях, грузинах, армянах, узбеках и т. д.? Потому что тогда его затея по расчленению этого русского смысла будет выглядеть просто абсурдно.

* * *

Смысл Великой Победы – это не только торжество Русского Духа (а отнюдь не «сталинизма», как утверждает З. Бжезинский), но и триумф Человеческого Разума, Морали, Ценностей (которые гораздо шире партикулярных ценностей западной демократии и рыночной экономики), а потому и торжество Добра, Справедливости, Свободы и, в конечном счёте, торжество Бога.

Великая Победа – это Второе Крещение России. Но не только. Это – Всемирная Пасха Воскрешение Христа. И потому нам, русским не пристало каяться (в так называемом «геноциде» поляков и «оккупации» прибалтов), к чему нас призывают бывшие «союзники», и отказываться от нашей Великой Победы. Ибо мы победили Абсолютное Зло, отстаивали смысл существования Человечества, а потому и Богочеловечества. Наша Победа – это событие столь же всечеловеческое и всемирно-историческое, как и возникновение Христианства. Она знаменует тот факт, что человеческая жизнь стоит того, чтобы её прожить. Это Праздник всех праздников. Торжество всех торжеств. Триумф всех триумфов. Это самое великое событие не только в Русской, но и во Всемирной Истории. Это Всемирная Пасха. Это духовная и религиозная Победа человечества.

Прославляя Великую Победу, мы не только прославляем русских людей, которые спасли весь мир от фашистской чумы, фашистского порядка, в котором люди делятся на «равных» и «более равных», мы воспроизводим Всемирную Историю и христианские принципы Любви и Личности, согласно которым каждый без исключения человек является уникальной, неповторимой и абсолютно незаменимой и необходимой для миропорядка личностью.

С этих позиций дискуссия о значении и смысле Великой Победы смотрится несколько иначе. Что значит дискредитация Победы? Что значит пересмотр

Ялтинского порядка? Что значит попустительство реваншу фашизма в странах Балтии? Что значит уравнивание Германии и СССР?

А это значит: дискредитация европейских ценностей, ценностей Христианства и Просвещения. Реванш антиистории, чреватый концом Человеческой Истории. Прибалты хотят конца Истории? Но ведь они всегда его хотели! Европа хочет с этим согласиться, пойти на поводу у малых народов, страдающих комплексом исторической неполноценности? Речь идёт о реванше этих народов в эпоху Постмодерна? Но тогда мир пойдёт по пути мракобесия, на поводу у сатанинских сил, погрузится во тьму.

Малым народам, ничего не значащим в Мировой Истории, этого понять не дано. У них никогда не было даже чувства Мировой Истории. Вот они и восстают против христианского духа, т. е. по существу против Бога. А заодно и против европейских идеалов Просвещения. Тем самым они пытаются обесценить всю европейскую историю, объявить войну гуманизму, дискредитировать весь великий подвиг человечества. Мир этого не должен допустить. И не допустит.

В своей статье «Уроки победы над нацизмом», опубликованной 7 мая 2005 г. в газете «Фигаро», В. Путин отметил: «Нацизм принес народам мира и Европы невиданную трагедию. Самый просвещенный континент столкнулся с самым изощренным варварством, с агрессией и холокостом, с преднамеренным истреблением миллионов людей по национальному признаку – славян, евреев, цыган.

Нацизм тогда, как и международный терроризм сегодня, был врагом человеческого достоинства, самых священных свобод и ценностей, в первую очередь – права на жизнь. Он не скрывал своих целей в отношении народов Европы и всего мира – порабощение, ассимиляция, этнические чистки. В схватке с таким врагом никакие договоренности и примирение были невозможны. Для нашего народа, как и для многих других, поражение означало потерю национального суверенитета, государственности, физическое истребление.

В этой борьбе объединенные нации были обязаны победить и победили. Впервые в мировой истории народы и страны столкнулись и осознали общую опасность. В конечном счете – сплотили силы в борьбе с глобальной угрозой. Это была поистине победа добра над злом, веры над слепым фанатизмом. Победа не только силы оружия, но и силы духа многих народов»¹.

В этом и состоит смысл Великой Победы для России, Европы и всего мира.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

¹ Figaro, Mai 7, 2005.

Раздел второй.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ И ВАЖНОСТИ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СССР И СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Ф.И. Ладыгин

О ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОКРАЩЕНИЯ (ОГРАНИЧЕНИЯ) СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ РОССИИ И США

Известно, что в соответствии с договорённостью президентов России и США недавно начались российско-американские переговоры о поиске путей дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений двух стран – обладателей самых крупных в мире стратегических ядерных арсеналов.

Ещё задолго до начала переговоров первоначально в американских средствах массовой информации, а вслед за этим в других странах Запада, но особенно в российских СМИ появилось много публикаций, в том числе относительно возможных уровней сокращений (по 1000 боеголовок) и сроков достижения договорённостей, к дате завершения действия Договора СНВ-1 – 5 декабря 2009 года. О наших национальных интересах в этом контексте пишет в своей статье Начальник Главного разведывательного управления Генерального Штаба Министерства обороны Российской Федерации в 1992–1997 гг., генерал-полковник Федор Иванович Ладыгин.

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ОЦЕНКА УРОВНЯ

Прежде чем рассматривать столь важную проблему как сокращение стратегических наступательных вооружений, следует хотя бы вкратце остановиться на оценке уровня безопасности России – на нынешнем этапе и на ближайшее будущее, в том числе с учётом переговоров по СНВ, имея в виду, прежде всего, её главную составляющую – оборонную безопасность.

Вывод первый. Если говорить не об отдалённой перспективе, то состояние дел с обеспечением безопасности России от внешних угроз в настоящее (и даже в ближайшие 3–5–10 лет) время оставляет желать много лучшего.

Согласно мнению подавляющего большинства сведущих экспертов, мы отстаём от Запада (США и НАТО) – в ряде случаев существенно, а в некоторых областях практически безнадежно, – фактически по большинству компонентов, составляющих (особенно в области обычных вооружений) военную мощь государства, призванную гарантированно обеспечить безопасность, территориальную целостность и суверенитет страны в различных условиях обстановки.

Речь при этом идёт не только и не столько о количественных, сколько о качественных критериях.

Вот лишь некоторые примеры.

– Российская дивизия Сухопутных войск по своим боевым возможностям уступает дивизии НАТО более чем втрое. Наши сухопутные (и не только) силы по уязвимости, манёвренности, уровню управления, возможности успешного ведения

современного боя на десятилетия отстают от вооружённых сил стран НАТО. В этом смысле начавшийся переход с дивизионной на бригадную структуру существа дела коренным образом не меняет – разве, что в перспективе и в случае коренного пересмотра принципа формирования боевых тактических групп.

– Российский Военно-Морской Флот по своим боевым возможностям несопоставим с ВМС США (о стратегических ядерных силах (СЯС) ВМФ – нужно говорить особо).

– Наша, в большинстве своём устаревшая, авиация не оснащена современной авионикой, обеспечивающей надёжное решение боевых задач как в воздухе, так и при ударах по земле. Сегодня все современные армии спешно (и успешно) оснащаются беспилотными летательными средствами различного назначения, в том числе ударными, а мы только-только начинаем задумываться об этом.

Российская армия, по оценке Минобороны, нуждается в 50–100 беспилотных самолётах. (Имеющиеся немногочисленные образцы безнадёжно морально устарели). По словам зам. министра обороны генерала армии В. Поповкина, в ближайшие три года армия должна получить всего 6 (!) беспилотных аппаратов. Начальник Генштаба генерал армии Н. Макаров, по итогам своего визита в Израиль в январе с. г. заявил, что Россия может закупить у Израиля небольшую партию беспилотных самолётов Heron («Цапля») на общую сумму около 1,5 млрд долларов. (По словам того же Поповкина, в России на разработку этих средств выделен один (!) млрд руб., т. е. менее 30 млн долларов). Однако сделка с Израилем под давлением Вашингтона была заморожена.

За это же время Военно-воздушные силы (ВВС) должны получить 48 боевых самолётов. Но о новых самолётах стратегической авиации речь не идёт.

Насколько и в какое время даже эти более чем скромные планы будут реализованы – вопрос другой. Практика последних лет показывает, что примеров не реализованных планов производства и поставок вооружений намного больше, чем осуществлённых.

Мы существенно отстаём от высокоразвитых стран в современных эффективных средствах управления, связи, разведки на поле боя, радиоэлектронной борьбы. Свыше 30 лет на Западе, особенно в США, и об этом было хорошо известно, создаются высокоточные дальнобойные комплексы (системы) огневого поражения. У нас же, судя по интервью главкома Сухопутных войск генерала армии В. Болдырева (ВПК № 6, 2009), «воз, практически, и ныне там». Таких систем у нас как не было, так и нет.

Вывод второй. Говоря об оборонной безопасности страны, нам остаётся уповать на два обстоятельства.

Первое из них – успешное проведение военной реформы, которую мы то ли уже начали проводить, то ли (если судить по упомянутому интервью В. Болдырева) «пока стоим лишь на пороге реформы». Дай Бог, особенно с выходом в свет «Стратегии национальной безопасности», чтобы в очередной раз не оказалось: «Хотели как лучше, получилось, как всегда...».

Второе обстоятельство – это наш ракетно-ядерный щит. Командующий ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) генерал-полковник Н. Соловцов твёрдо и недвусмысленно заявил: «Верховный главнокомандующий, министр обороны, начальник Генерального штаба не раз говорили о том, что под зонтиком ракетно-ядерных сил сегодня возможна реорганизация

Вооружённых Сил. И это правильно. Это надо делать. Стратегические ядерные силы обеспечат безопасность, суверенитет России» (цитируется по НВО, № 1, 2009, с. 2).

Насколько надёжен этот щит?

Достаточно сдержанную, но в целом оптимистичную оценку возможностей наших СЯС даёт бывший начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник В. Есин: «Баланс возможностей означает, что США способны уничтожить Россию несколько раз, а Россия Америку – один-полтора раза. Поэтому ни одна из сторон не нападёт, если знает, что её всё равно уничтожат».

Но эта оценка относится к сегодняшнему дню, максимум к ближайшей перспективе.

Так, уважаемый Виктор Иванович Есин заметил также: «Можно опуститься и до 1000 боеголовок. Но чем их меньше, тем опаснее для нас американская ПРО» (интервью газете «Московский комсомолец» 12 февраля с. г.).

Вывод третий. Немного ретроспективы. Ведя переговоры о контроле над вооружениями, американцы, формально признавая принцип равной безопасности для обеих сторон, почти всегда стремились к достижению односторонних преимуществ: либо путём пересмотра, выгодной для них корректировки уже подписанных соглашений, либо путём создания возможностей их обхода, юридически не нарушающих договорные положения, но фактически подрывающих принцип равной безопасности. И они никогда не колебались в отношении выхода из того или иного разоруженческого соглашения, если считали, что оно негативно сказывается на их безопасности или просто ослабляет их лидирующие позиции в том или ином виде вооружений, тормозит перспективы их развития. Примеров более чем достаточно: Договор по ПРО 1972 года, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), так и не ратифицированный США, тот же модифицированный Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ).

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ

Сразу же после подписания в мае 1972 г. Соглашения ОСВ-1, в июне того же года, Пентагон, с одобрения политических властей, начинает реализовывать программу создания высокоточных крылатых ракет в ядерном оснащении авиационного и морского базирования с дальностью до 2500 км, способных поражать стратегические объекты на большей части территории СССР. И в последующем, как зеницу ока, американцы оберегали свои крылатые ракеты от включения в какие-либо соглашения по ограничению СНВ. И сегодня немалое число ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) и крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) хранится на территории США, готовых к использованию в любое время.

В Договоре СНВ-1, подписанном в 1991 году, в отношении ядерных КРМБ Стороны сделали лишь политические заявления о том, что не будут иметь более 880 развёрнутых ядерных КРМБ с дальностью более 600 км. Но при этом: «КР, не являющиеся ядерными КРМБ, не будут указываться в заявлении». Кроме того, стороны обязались ежегодно «предоставлять конфиденциальную информа-

цию о количестве ядерных КРМБ с дальностью между 300 и 600 км развернутых на надводных кораблях и подводных лодках».

То есть, вопрос о том, что ядерные КРМБ большой дальности должны относиться к СНВ, юридически в тексте Договора СНВ-1 не был оформлен, на них не распространяются положения о контроле, процедуры ликвидации и др. положения Договора.

На переговорах по РСМД американцы сумели продавить на политическом уровне включение в договор наш оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока», который по своим параметрам никак не относился к классу ракет средней и меньшей дальности. В результате этот перспективный комплекс, как и технологическая цепочка его производства, были уничтожены.

Каким только нападкам со стороны США не подвергался Договор по ПРО 1972 года почти сразу же после его подписания! Жертвой этих нападков стала почти построенная СССР Красноярская РЛС (строительство которой началось в условиях, когда в Договоре по ПРО не содержалось определений того, что означает «периферия национальной территории» и «ориентация РЛС во вне»). Американцы внимательно следили за её строительством и выступили с протестом уже на заключительном этапе, когда станция была практически готова к эксплуатации. К 1992 году станция была демонтирована. Справедливости ради надо сказать, что судьба этой РЛС – пример не только американской настойчивости, но и в не меньшей степени пагубности волюнтаристских решений со стороны политического руководства СССР.

В течение всех переговоров по СНВ-1 американцы категорически возражали против включения в новый договор положения о незабываемости Договора по ПРО. Советская сторона вынуждена была ограничиться односторонним заявлением об этом, на что США сделали соответствующее заявление о том, что намерения СССР выйти из Договора СНВ-1 в случае выхода США из Договора по ПРО «лишены юридического и военного обоснования». То есть, ещё за 12 лет до фактического выхода из договора по ПРО, Вашингтон уже предусматривал такой ход.

Вместе с тем уже на завершающей стадии переговоров по СНВ-1 американцы выдвинули идею о создании т. н. ограниченной ПРО, способной перехватывать 200–300 боеголовок, якобы как средства защиты от потенциальной ракетно-ядерной угрозы со стороны стран-«изгоев».

И как завершающая фаза – односторонний выход США из Договора по ПРО и развёртывание практических работ по созданию эффективной (по расчётам американцев) системы противоракетной обороны. Как мы знаем, выход США из Договора по ПРО, вопреки неоднократно делавшимся заявлениям на высоких уровнях, не повлёк за собой никаких ответных действий с нашей стороны.

По объективным, естественным и особенно по финансовым причинам потенциал стратегических ядерных сил России сокращается. Хотя ещё в течение некоторого периода его не могут игнорировать США из-за сохраняющейся пока ещё способности наших СЯС нанести агрессору неприемлемый ущерб. Но не зря же американцы так упорно в годы «холодной войны» и особенно позднее искали любые возможности, лазейки, а теперь уже, в качестве единоличного мирового лидера, и способы достижения не просто неоспоримого военного преимущества над любым потенциальным противником – сегодняшним или будущим,

но и обеспечения абсолютной безопасности своих национальных интересов, когда бы, где бы и от кого бы то ни было.

Безусловно, идея контроля над вооружениями, и особенно по сокращению ядерных арсеналов, благородна по своим целям, в её реализации заинтересовано всё мировое сообщество. Россия, как и США, не исключение. Но Соединённые Штаты при этом явно преследуют ещё и цель закрепить и преумножить своё стратегическое преимущество в ядерном балансе над Россией, использовать переговоры для достижения этой уже более чем полувековой мечты вашингтонских вершителей мировых судеб.

О НОВЫХ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Прежде хотелось бы напомнить, что по завершении в конце 80-х – самом начале 90-х годов переговоров по широкому кругу разоруженческих проблем (РСМД, СНВ-1, ДОВСЕ, химическое и биологическое оружие, «Открытое небо» и др.) – американцы давали понять, что впредь они никогда не будут вести подобные тяжёлые (действительно так, свидетельствую) и малоэффективные (по их мнению) переговоры. (Не привожу в пример Договор СНВ-2 – его основные параметры в 1992 г. были составлены под диктовку госсекретаря США Дж. Бейкера, запись которой была единолично утверждена тогда же в Вашингтоне подписью министра иностранных дел РФ А. Козырева). Последующее соглашение по СНП из пяти кратких статей, подписанное на саммите в Москве в 2002 г. президентами двух стран, по существу подтверждает это. Правда, в «Совместной декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и США», подписанной тогда же, говорилось о намерении сторон «осуществлять сокращение своих наступательных потенциалов до минимально возможных уровней, отвечающих требованиям обеспечения их национальной безопасности и их союзническим обязательствам, а также отражающих новый характер их отношений в стратегической сфере». Однако основой таких отношений, подчёркивалось в документе, остаётся Договор СНВ-1. О новых переговорах речи не шло.

Но сегодня мнение нового американского руководства, как видим, довольно заметно изменилось. И нам важно понять, почему? Но, прежде всего, ответить на вопрос: нужно ли нам сейчас идти на переговоры по СНВ?

Ответ однозначен: безусловно, нужно. Переговоры по контролю над вооружениями, тем более по ограничению и сокращению СНВ, – это веление времени, особенно если мы не хотим втянуться в разорительную гонку вооружений. Да нам и не позволят это наши финансово-экономические возможности. Страна это уже проходила и, надо надеяться, выводы сделаны правильные. Российские руководители постоянно подчёркивают нашу готовность сесть за стол разоруженческих переговоров, начать работу над реанимацией системы контроля над вооружениями, созданной в годы «холодной войны», но с учётом тех принципиальных изменений, которые произошли в мире и в нашей стране.

Переговоры по контролю над вооружениями нам крайне необходимы и как один из важных способов обеспечения безопасности страны без перенапряжения экономики, без «затягивания поясов».

Но переговоры о чём и какой ценой? Во имя чего и с какой целью?

Наша страна, устами Президента РФ, предложила возобновить переговорный процесс по контролю над вооружениями (независимо от их типа и предназначения). В частности, на конференции по мировой политике в Эвиане в октябре 2008 г. Дмитрий Медведев говорил о необходимости установить базовые параметры контроля над вооружениями и о разумной достаточности в военном строительстве. То есть речь шла именно о необходимости комплексного подхода мирового сообщества и его членов к разоруженческим проблемам, к военному строительству, к проведению оборонной политики отдельными государствами и их союзами. И в этом комплексе новое, юридически обязывающее соглашение между Россией и США имело бы, конечно, исключительное значение как для всех европейских стран, так и для глобальной стабильности в целом, тем более что США и Россия владеют 95% мирового ядерного арсенала.

К сожалению, инициатива России длительное время не встречала поддержки. Более того, налицо были все признаки того, что наши западные соседи и не намерены вести серьёзный разговор на эту тему. И менее всего в нём были заинтересованы именно американцы, которые и задавали тон негативному отношению к российской инициативе. Теперь США согласились пойти на переговоры, но – и это свойственно американской переговорной стратегии и тактике – выбрав из всего арсенала вооружённой борьбы только наиболее выгодный для них компонент – в данном случае наступательное стратегическое ядерное оружие.

Из этого следует очевидный вывод: наша сторона, соглашаясь на двусторонние переговоры с американцами по СНВ, должна, во-первых, одновременно добиваться начала двусторонних и многосторонних переговоров и по другим вооружениям, представляющим угрозу как для национальной безопасности наших двух стран, так и для глобальной безопасности в целом. А это означает, что речь должна идти и о новом договоре по обычным вооружениям, и о новом договоре по стратегическим оборонительным вооружениям, и о договоре, соглашении или ином международно признанном документе о взаимоотношениях Россия – НАТО (включающем и запрет на поползновения НАТО поглотить бывшие советские республики), и, очевидно, о новом многостороннем договоре, касающемся ракет средней (по крайней мере) дальности, и, возможно, другие соглашения.

И такая позиция России должна быть не только декларирована, она должна быть подготовлена заранее и твёрдо отстаиваться. Нельзя допустить, чтобы из всего комплекса военно-дипломатических отношений двух стран (как и других) вырывался лишь один какой-то (пусть даже важнейший) компонент.

Что касается российско-американских переговоров по СНВ, то надо исходить из того, что нашей стране не нужен и даже вреден новый Договор по СНВ **любой ценой**. Если раньше мы ещё могли позволить себе, исходя из каких-то политических соображений, пойти на некоторые уступки в военных вопросах, то сегодня это абсолютно неприемлемо, если не хотим поставить под серьёзную угрозу безопасность страны.

И это **первое**, что, на мой взгляд, может и должно быть положено в основу начавшихся переговоров с американцами. Забегая несколько вперёд, скажу, что, такой принципиальный подход следовало бы также иметь в виду России и по другим аспектам будущих переговоров. Как реализовать такую стратегическую линию – об этом нужно вести отдельный разговор, причём застрельщиком его в

органах исполнительной власти должны стать наши дипломаты, Министерство иностранных дел вкуче с Минобороны России.

Второе. Необходимо чётко определить тот круг вооружений, который должен охватываться новым Договором по СНВ.

В частности, речь в нём должна идти не о триаде, а, по крайней мере, о «тетраде» СНВ, имея в виду включение в Договор в качестве СНВ также ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности.

Но этого, как представляется, сегодня недостаточно.

За почти два десятка лет, прошедших с подписания СНВ-1, появился целый ряд неядерных средств, способных существенно подорвать ядерный стратегический баланс. Это, прежде всего, высокоточное оружие, основу которого составляют крылатые ракеты воздушного и морского базирования большой дальности в обычном снаряжении.

США сегодня активно инвестируют средства в разработку оружия нового типа, включая неядерные высокоточные вооружения (ВВ) нового поколения с большой дальностью действия.

В частности, в США в различной степени реализации находятся такие программы, как: «быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike), предусматривающая нанесение ударов с применением неядерных вооружений в любой точке мира в течение часа; переоснащение баллистических ракет морского базирования «Трайдент-II» обычными боеголовками (программа СТМ); создание новой гиперзвуковой крылатой ракеты.

Выступая в октябре 2008 г. в Университете национальной обороны в Вашингтоне, президент Дж. Буш-мл. заявил: «По мере того, как мы уменьшаем свой ядерный арсенал, мы инвестируем в создание потенциала усовершенствованных обычных вооружений». Речь идёт, в частности, о новых беспилотных боевых летательных аппаратах и высокоточном оружии дальнего радиуса действия, «которые позволяют нам нанести удар по противнику быстро, на большом расстоянии и без использования ядерного оружия». «Эти системы обеспечивают больше, чем просто защиту наших граждан, – они также **усиливают потенциал сдерживания**» (выделено авт. – Ф.Л.), – признал Буш.

Недавно президент Б. Обама направил Конгрессу послание, в котором сказано следующее: «У нас будут самые мощные вооруженные силы за всю мировую историю. Мы сделаем все, чтобы поддержать технологическое преимущество и защитить наши интересы, победить любого врага».

Очень показательное признание, которое недвусмысленно раскрывает суть американской стратегии в области контроля над стратегическими наступательными вооружениями! Суть эта проста: взаимное сокращение СНВ США и России до минимального уровня и одновременно наращивание обычных высокоточных средств различного радиуса действия, способных поражать (в том числе) и российские СНВ. Плюс к этому – развёртывание глобальной многоэшелонной ПРО.

В итоге: потенциал сдерживания США многократно усиливается, причём на безупречной юридической основе, наш же, напротив сокращается, поскольку нам, во-первых, не по карману аналогичный путь, а во-вторых, американцы или

их союзники стоят у наших границ и могут использовать даже оперативные и тактические средства для поражения наших стратегических объектов, включая СЯС, а мы напрочь лишены такой возможности.

Причём, надо заметить, высокоточное оружие даже более опасное, чем ядерное (которое, что ни говори, но является всё же более «политическим», чем «военным» оружием). Оно не подвержено никакому контролю, никаким количественным, качественным или территориальным ограничениям, хорошо закамуфлировано по своим целям (например, «борьба с терроризмом» – вполне реальная и правдоподобная задача), во многих случаях может рассматриваться как оружие первого удара, главными целями которого являются стратегические объекты при минимальном подлётном времени, что обеспечивает внезапность удара и существенно уменьшает возможность наших ответных действий. А поражающая его способность, учитывая высокую точность наведения и применение новых типов ВВ, вполне сравнима с ядерным оружием уже сегодня, не говоря о перспективном оружии.

К числу других факторов, которые также существенно углубляют стратегический дисбаланс и которые никак нельзя оставлять без внимания с нашей стороны при ведении двусторонних переговоров по СНВ с американцами, следует отнести:

- ядерное оружие союзников США (Великобритания, Франция, Израиль); в принципе, в двусторонних переговорах с США о сокращении СНВ нам нельзя забывать и о быстрорастущем потенциале СНВ Китая;

- т. н. возвратный потенциал, когда снятые с носителей боезаряды складываются с расчётом их быстрого восстановления на носителях; их у США скопилось, по нашим оценкам, около 3 тысяч;

- тактическое ядерное оружие США в Европе, т. е. фактически у наших границ (насчитывалось порядка 400 ед., часть его из Великобритании и Германии вывезена).

Нельзя забывать и о перспективном оружии. Так, например, сообщалось, что 31 января 2008 года США провели огневые испытания новой сверхмощной электромагнитной пушки (ElectroMagnetic RailGun, EMRG), разработка которой ведётся с 2005 года. Сообщается, что пушка позволит ускорять боеприпасы до начальной скорости 7,5 Маха, после чего они продолжат полёт по баллистической траектории. Такая начальная скорость обеспечит дальность стрельбы до 370–400 км, а возможно – больше. (Для сравнения – госграница России проходит примерно в 400 км от Москвы). Полётное время боеприпаса при стрельбе на 400 км может составлять до 6 минут. При этом оружие будет высокоточным – GPS-коррекция позволит обеспечить круговое вероятное отклонение, не превышающее 5 метров.

По мнению американских экспертов, использование электромагнитных пушек обладает целым рядом преимуществ: высокоточное поражение целей на оперативной и стратегической глубине, возможность быстрого перенесения огня, система позволяет снизить сопутствующий ущерб и обеспечить быстроту реагирования, да и стоимость выстрела значительно меньше стоимости альтернативных средств поражения соизмеримой дальности. Предполагается, что электромагнитные пушки могут поступить на вооружение после 2016 года.

Конечно, реально вряд ли можно вынудить американцев учитывать стратегические возможности неядерных или нестратегических ядерных, тем более

перспективных средств в новом договоре по СНВ. Но тем больше оснований для нас очень внимательно и строго отнестись к таким параметрам будущего договора, как уровень количественных ограничений боезарядов и носителей, как перестройка структуры наших СНВ, как глубина и объём мер контроля, как условия выхода из договора и другим.

Третье. При оценке стратегического баланса надо учитывать не просто численное равенство боезарядов и средств доставки, но и структуру стратегического потенциала сторон. Это предполагает, в том числе, учёт структурных приоритетов СНВ для сторон. Так, для РФ главным элементом СНВ были и останутся МБР наземного базирования, на втором месте – атомные подводные лодки (АПЛ) и только на третьем стратегические бомбардировщики, вклад которых в российский потенциал сдерживания уже сегодня весьма невелик, а в сравнительно недалёкой перспективе будет близок к нулю. У США главным элементом являются АПЛ, затем МБР, затем стратегическая авиация (которая, кстати, по своим возможностям сегодня значительно превосходит возможности стратегических бомбардировщиков РФ. Впрочем, то же можно сказать и о сравнительном потенциале АПЛ, который сильно зависит от возможностей противолодочной обороны (ПЛО), в чём мы также сильно уступаем).

Четвёртое. Переговоры по дальнейшему сокращению СНВ заставляют по-иному оценить и такую проблему, как расширение НАТО в восточном направлении. Я не говорю даже о том, что НАТО отказывается взять на себя юридическое обязательство не размещать на территории новых членов блока ядерное оружие, хотя этот факт никак нельзя обойти вниманием при анализе ожидаемых последствий дальнейшего сокращения нашего ядерного потенциала. И о ядерном потенциале Франции, Великобритании, Израиля (в сумме около 750 боеголовок), удельный вес которого растёт по мере двусторонних российско-американских сокращений СЯС (даже без количественного наращивания этими странами своих ядерных вооружений). Но те же системы высокоточного оружия, обладающие высокими способностями по подрыву нашего ядерного потенциала, уже сегодня могут располагаться (и располагаются) на расстоянии около 400 км от Москвы. А вступление в НАТО Грузии, Украины (нет гарантии и в отношении будущего Белоруссии, как и других стран постсоветского пространства) становится для нашего потенциала сдерживания смертельно опасным.

Начав переговоры по новому договору о СНВ, нам следует ясно понимать, что расширение НАТО полностью подрывает не только сложившуюся к началу 90-х годов систему общеевропейской безопасности, но и баланс в стратегических ядерных вооружениях между США и Россией, фактически сводя на нет наш главный и единственный потенциал сдерживания, а следовательно, и наши возможности по защите суверенитета.

Пятое. Относительно уровней ограничения. Во-первых, как и в Договоре СНВ-1, следует договариваться о сокращении как носителей ядерного оружия (ЯО), так и боезарядов (в СНВ-1 были установлены уровни 1600 носителей и 6000 боезарядов у каждой стороны). Это правильный подход. Следует подумать и о возвратном потенциале. То есть, необходима строгая ревизия выполнения

американской стороной всех обязательств, взятых по Договору СНВ-1, которая должна предварять переговоры.

Напомню, что по Договору о стратегических наступательных потенциалах (ДСНП) 2002 года стороны взяли обязательство иметь к 31 декабря 2012 года суммарное количество боезарядов на развёрнутых носителях не выше 1700–2200 единиц у каждой из сторон (хотя мы исчисляем их по правилам зачёта СНВ-1, американцы как «оперативно развёрнутые»).

До самого последнего времени же почему-то всё чаще муссировалась цифра в 1000 боеголовок. Впервые она появилась в американской газете Times, затем о ней стала трубить западная и российская пресса. И вот уже высокопоставленные российские чины дают понять, что такой уровень для нас приемлем – при том, что никаких официальных предложений с американской стороны ещё не было. Говорится также и о включении в этот уровень крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) радиусом 6000 км. И получается, что уровень в 1000 боеголовок, – это уже наше предложение. Что касается дальности крылатых ракет (КР) в 6000 км, то это, конечно, оговорка, поскольку в Договоре СНВ-1 говорится о дальности 600 км. Но такие оговорки недопустимы.

Относительно абсолютной величины уровня сокращений СНВ – 1000, 1200, 1500, или иное другое число – то это должно быть тщательно взвешено, просчитано. И этот уровень должен быть таковым, чтобы при учёте всех привходящих фактов, о чём уже говорилось, включая, безусловно, создаваемую американцами систему ПРО, особенно морского базирования, в любых условиях обстановки сохранялся потенциал сдерживания наших СЯС, исключая для другой стороны возможность безответных действий против России.

Шестое. И ещё одно соображение – относительно ПРО. Понятно, что ПРО играет существенную роль в стратегическом балансе сторон. Но надо учитывать и то, что противоракетная оборона – это целый комплекс мероприятий и средств, не только оборонительные системы, способные сбивать атакующие ракеты.

При оценке влияния собственно системы ПРО на стратегический баланс надо учитывать, что США строят многоэшелонную ПРО, включающую наземные, авиационные, морские, космические элементы. В этой системе т. н. третий (восточноевропейский) позиционный район ПРО играет не столь уж существенную роль (10 противоракет в Польше и РЛС в Чехии), особенно для целей обороны континента США, если, разумеется, не будет принято решение о наращивании его возможностей. И не исключено, что США на предстоящих переговорах попытаются «развести» нас, блефуя по поводу ПРО в Европе. Например, согласиться на замораживание (или даже отказ) от развёртывания тактических противоракет (ТПР) и «продать» нам эту свою несуществующую и пока с не очень ясной эффективностью и перспективами на будущее «виртуальную» систему за существенные реальные уступки с нашей стороны. Разумеется, если потребуется, они, без всяких сомнений, нарушат такое соглашение. В этом отношении с нашей стороны было бы целесообразно, по-видимому, не увязывать наше противодействие развёртыванию ТПР с переговорами по СНВ.

Седьмое. Важно иметь в виду необходимость соответствующего информационного и организационного обеспечения переговорного процесса на государственном уровне, тщательную подготовку переговорных позиций.

Что касается **информации**, то, не должно складываться мнения – а такие попытки уже есть, – что в начавшихся переговорах информационное обеспечение будет играть второстепенную роль, поскольку в рамках СНВ-1 стороны обмениваются обширной информацией по СЯС уже в течение 18 лет, достоверность которой подтверждается жёстким контролем. Но, во-первых, ещё много неясностей в отношении выполнения США положений СНВ (требуется, например, реальная оценка того же возвратного потенциала). Важно также иметь достоверную и полную информацию относительно широкого круга «околостратегических» вооружений, о которых шла речь выше, о таких же вооружениях и о СЯС ближайших союзников США, о перспективных разработках в этой области и т. д.

Организационный момент. В советские времена для сопровождения переговоров в центре была созданная т. н. «пятёрка» – многоуровневая группа, в которую входили представители всех заинтересованных министерств и ведомств (первый уровень – рабочая группа экспертов, второй – на уровне заместителей руководителей, третий – на уровне самих руководителей). Именно она готовила переговорные позиции и директивы делегации (как, кстати, и директивы на каждый визит высокопоставленных руководителей страны или на их встречу с зарубежными руководителями).

Такая практика себя полностью оправдала. И, как думается, пора бы, наконец, вернуться к ней, тем более что, сегодня проблема разоруженческих переговоров становится всё более острой.

Выводы

России, безусловно, нужен приемлемый результат переговоров, но не как результат любой ценой. Если руководители России в результате переговоров хотят добиться для своей страны, своего народа полезных результатов, они обязаны исключить всякую поспешность, «отзывчивость» на якобы «значимые» сигналы из-за океана, всякую неоправданную «гибкость» в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, тем более личным амбициям (и такое, к сожалению, бывало прежде в нашей переговорной практике), которые завтра же могут обернуться неисчислимыми потерями для России.

А то уже сейчас на достаточно высоком уровне (вице-президент США) звучат призывы, причём только в отношении одной из названных составляющих стратегических вооружений из всего комплекса разоруженческих проблем, провозглашённых нашей страной: «часы включены, до 5 декабря (5 декабря 2009 года истекает срок действия Договора СНВ-1) осталось совсем немного времени». Нам явно навязывают спринтерский темп переговоров, притом, что американцы долгие годы никак не реагировали на наши призывы к переговорам. И навязывают, как представляется, не без успеха. По итогам встречи министра иностранных дел России Сергея Лаврова и госсекретаря США Хилари Клинтон 6 марта 2009 г. в Женеве стороны, как сообщалось, «выразили обоюдную готовность делать все, чтобы достичь соответствующей договоренности» до 5 декабря 2009 года – срока завершения Договора СНВ-1. (Хотя в СНВ-1 и предусмотрена возможность неоднократного его продления на пятилетний срок).

Участники переговоров прежних лет на себе прочувствовали, что значит оказаться заложниками необоснованных заявлений политических руководителей и как это умело, с максимальной выгодой для себя, использовали наши партнёры по переговорам.

Важно также обеспечить единство подходов к тем или иным разоруженческим проблемам (включая СНВ) всех ветвей власти и их представителей. Депутатский корпус Госдумы и члены Совета Федерации – это, конечно, «особая статья», здесь часто берут верх партийные соображения, даже в ущерб общегосударственным позициям, но сегодня всё же есть возможность ограничить разницей в подходах и для представителей обеих палат Федерального собрания РФ и для других чиновников всех уровней власти.

И в завершение. Есть ли у России возможности для обеспечения гарантированной безопасности.

Ответ: утвердительный. Есть!

– Есть, если мы без ущерба для решения социальных проблем сохраним достаточный ядерный потенциал ответного удара по любому агрессору. А это будет зависеть, в том числе, и от начавшихся российско-американских переговоров по СНВ, от той позиции, которую сможет отстаивать на них наша делегация и займёт наше политическое руководство.

– Есть, если мы под прикрытием и при сохранении ядерного зонтика, сможем в достаточно ограниченное время по настоящему модернизировать Вооружённые Силы и другие войска страны, перевооружить их на самую современную технику, отвечающую потребностям будущего, создать армию компактную, высокомобильную.

И для этого, как и для других социальных программ, наша страна располагает всем необходимым: людскими и материальными ресурсами, высочайшей культурой и интеллектуальными способностями, великим историческим прошлым народа, населяющим 1/7 часть суши.

Для реализации всего этого потенциала нам нужна политическая воля и решимость отстаивать национальные интересы страны на всех уровнях, причём как нынешних, так и будущих поколений граждан России.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

С.П. КАПИЦА

ОЧЕРК ТЕОРИИ РОСТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Демографическая революция и информационное общество

Светлой памяти Сергея Павловича Курдюмова, учёного и друга

От автора

В очерке кратко изложена модель роста человечества и обсуждено значение этих результатов для антропологии и истории, экономики и безопасности развития. В основе исследования лежит количественное описание человечества как динамической системы. Её рост и развитие обязано взаимодействию, охватывающему всех людей и возникшему тогда, когда появился человек, одарённый сознанием. Именно развитым сознанием, языком и культурой мы отличаемся от животных, и потому нас в сто тысяч раз больше, чем сравнимых с нами тварей.

Модель роста основана на образах физики и неизбежно обращается к математике для описания явлений истории. Она элементарна, и можно только надеяться, что современные обществоведы смогут овладеть математикой в той мере, как и Мальтус, который, готовясь принять сан, занял девятое место на математической олимпиаде Кембриджского университета в 1783 году. В данной статье математические выводы выделены в главу 3 и вполне были бы доступны Мальтусу – автору первой модели роста населения. Однако при обосновании модели необходимы представления нелинейной физики, которые принадлежат уже науке XX века.

Связь между ростом населения мира и длительностью развития нельзя понять без учёта относительности времени, когда масштаб времени истории сжимается в десятки тысяч раз. Так становится понятным происхождение глобальной демографической революции, которую переживает человечество, как представление о фазовом переходе в сложной системе. С критическим переходом от взрывного роста к постоянной численности связаны наиболее острые вопросы жизни народов, в первую очередь падение рождаемости, глобальная безопасность и развитие общества знания. В современном мире кризис проявился и в том, что экономическое могущество не соответствует управлению нашим развитием на всех уровнях, что видно по расхождению наших дел и мыслей.

В этих исследованиях, обращаясь к росту всего человечества за все времена, неизбежно происходит потеря деталей развития в пространстве и времени, а сами представления лишь приближённо описывают прошлое. Но в то же время, когда происходят такие глубокие изменения в нашей истории, как демографическая революция, необходим новый уровень обобщения и новый синтез. Быть может, поэтому следует обращаться к понятиям наук, самонадеянно называющих себя точными и количественными, для опыта комплексного и междисциплинарного изучения нашего развития. Поэтому автор надеется, что представленный очерк исследований поможет установлению понимания между двумя главными силами – силой нашего разума и нашего материального развития, что особенно существенно для России.

Подробности выводов, сводные данные антропологии и истории, ссылки на литературу можно найти в работах автора, указанных в краткой библиографии, а также в докладе «Global Population Blow-up and After. The Demographic Revolution and Information Society», представленном и затем опубликованном Римским клубом.

Представленный ниже текст даёт краткое изложение основных результатов, опубликованных в статьях и монографиях автора. Развитие этих исследований было бы невозможным без обсуждений с коллегами из самых разных областей знания. Я обязан А.Г. Вишневному, который познакомил меня с проблемами и методами демографии. Л.И. Абалкину, В.Л. Макарову, А.Ю. Шевякову, Р.М. Энтову и Фонду Кондратьева я благодарен за внимание и поддержку со стороны экономистов. Очень существенно было внимание историков В.С. Мясникова и А.О. Чубарьяна, и особенно понимание и поддержка В.С. Стёпина и А.А. Кокошина.

Обсуждение результатов проходило на конференциях и встречах в Московском физико-техническом институте и Московском государственном университете, где я обязан В.А. Садовничему за понимание и поддержку. Очень много для поддержки и развития работ сделал С.П. Курдюмов и коллектив Института прикладной математики им. М.В. Келдыша. Существенно было внимание и уровень обсуждения на заседании Президиума РАН и выступления в университетах Амстердама, Гронингена, Эйндховена, Стокгольма, Петербурга, Дрездена, Котбуса. Выступления в Курчатовском научном центре, Объединённом институте ядерных исследований, Институте демографии, Московской высшей школе экономики, ЦЕРНе, Массачусетском тех-

нологическом институте, Национальной Лаборатории в Лос Аламосе и Институте Санта Фе представили возможность выступить перед аудиторией физиков. Продуктивным было участие в проектах Терра – 2000 и ЮНЕСКО, Пагуошских конференциях и встречах Римского Клуба. Участие в Давосском Форуме, Европейском деловом конгрессе и выступление на годовом заседании Дойче Банк, позволили понять интересы деловых кругов. Поддержке ЮНЕСКО, Лондонского Королевского Общества, фондов ИНТАС и РФФИ я обязан на разных этапах работы. Я благодарен Российскому новому университету и ректору В.А. Зернову, Никитскому клубу, которые предоставили уникальную возможность для дискуссий и Московской межбанковской валютной бирже и её Дирекции в лице А.И. Потемкина за неизменное внимание, и помощь со стороны Н.М. Румянцевой.

Я также глубоко благодарен Ж.И. Алферову, К.В. Анохину, М. Аття, Г.И. Баренблату, В. Вайскопфу, Р. Вайлеру, Н.Н. Воронцову, А.Г. Волкову, О.Г. Газенко, А.В. Гапонову-Грехову, А.А. Галецкому, И.М. Гельфанду, В.Л. Гинзбургу, А.Я. Гольдину, А.А. Гончару, П. Джонстону, И.М. Дьяконову, В.В. Иванову, Б.Б. Кадомцеву, Н.В. Карлову, Н. Кейфицу, А. Кингу, И. Коплену, Ю.Л. Климонтовичу, О.Л. Кузнецову, А.Б. Куржанскому, Е.Н. Куркиной, Г.В. Манелису, Г.Г. Малинецкому, Г.И. Марчуку, Г.А. Месяцу, Н.Н. Моисееву, Ю.С. Осипову, И.В. Перевозчикову, И.Р. Пригожину, Г. Принсу, Л.П. Питаевскому, Ф.-Й. Радермахеру, М. Ризу, Н.М. Римашевской, Д. Ротблату, Ю.А. Рыжову, Д.И. Трубецкову, В.Е. Фортову, А.М. Фридману, Г. Харигелю, Н. Хейфицу, Д. Холдрену, Х. Шопперу, А.-М. Четто, Эль Хасан бин Талалу и А.Л. Яншину за внимание и поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования по созданию теории роста человечества привели к тому, что была предложена количественная модель нашего роста и развития [1,2,3]*. Однако тогда не в полной мере было выяснено, почему эта модель, математические средства которой очень просты, даже элементарны, оказалась столь содержательной и эффективной. Поэтому данная статья посвящена не столько более компактному выводу основных формул, сколько выяснению обстоятельств их соответствия действительности. Это позволит понять пределы применимости модели и той роли, которую играет взрывной характер развития и статистическая природа рассматриваемых явлений. Именно это привело к трудностям в принятии развитого подхода и тех выводов, к которым он приводит, в первую очередь среди демографов.

В основе рассмотрения роста и развития человечества положен подход к населению мира как целого, как развивающейся динамической системы. Однако такой взгляд традиционно отрицался в демографии. Задачу демографии видели в том, чтобы в рамках отдельной страны или региона связать рост населения с конкретными социальными и экономическими условиями. На такой основе уже следовало определять рекомендации по демографической политике. Очевидно, что таким образом нельзя было определить общие для человечества причины роста населения.

Только поднявшись на глобальный уровень анализа, изменив масштаб проблемы, рассматривая всё население мира как единый объект, как взаимосвязанную систему, удалось описать развитие человечества в целом. Именно с таких позиций можно понять глобальный демографический переход, который мы переживаем, и предложить картину нашего развития в обозримом будущем. Такое обобщённое понимание истории оказалось не только возможным, но и очень результативным. Для этого надо было коренным образом изменить метод исследования, точку зрения, как в пространстве, так и во времени, и рассматривать человечество с самого начала своего появления как глобальную структуру, в которой развитие представлено как последовательность фазовых переходов, завершающихся демографической революцией. Тогда причину роста и развития следует искать не в сумме всех действующих факторов, а в том коллективном взаимодействии, которым охвачено человечество. Вместо редукции развития к сумме элементарных процессов мы обратимся к феноменологическому, целостному описанию роста и будем рассматривать человечество как единую, сильно связанную систему, в которой действует общий механизм, управляющий развитием. Иными словами, мы обращаемся к методам, основанным на нелинейных представлениях в описании причинных связей.

Следует подчеркнуть, что большинство крупных историков, как Фернан Бродель, Карл Ясперс, Иммануил Валлерштейн, Николай Конрад, Игорь Дьяконов, утверждали, что существенное понимание развития человечества возможно только на глобальном уровне. В значительной мере ими был развит целостный взгляд на нашу историю. Действительно, историческая наука прошла долгий путь, в течение которого историки постепенно шли к поиску тех общих закономерностей, которые определяют рост и развитие человечества. Надо отметить, что эти поиски были не лёгкими, поскольку, как и в демографии, частные факты и обстоятельства мешали такому общему пониманию, когда во всё увеличивающемся множестве частных пытались уловить общие законы. Недаром видный экономист Фридрих фон Хаек заметил, что «Распад исследований общества на специализированные

* Источники приведены в конце статьи.

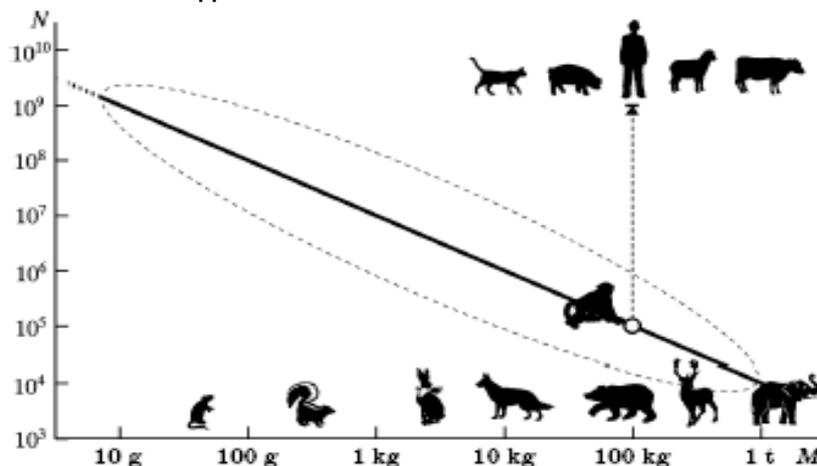
дисциплины привёл к тому, что все наиболее существенные вопросы пренебрежительно относились к маргиналиям неясной философии развития общества».

Крайним выражением такого редукционизма стал первый доклад Римскому клубу, когда 30 лет тому назад, опираясь на анализ обширных баз данных и компьютерное моделирование, была сделана попытка описать текущее развитие человечества [15]. С одной стороны так было привлечено внимание к глобальным проблемам, но, с другой стороны, критика этого подхода показала его ограниченность. Ограниченность не только во времени, но и в тех, по существу линейных моделях, которые были положены в основу этого подхода. В этом отношении существенно замечание американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Герберта Саймона что: «Сорок лет опыта моделирования сложных систем на компьютерах, которые с каждым годом становились все больше и быстрее, научил, что грубая сила не поведет нас по царской тропе к пониманию таких систем... Тем самым моделирование потребует обращение к основным принципам, которые приведут нас к разрешению этого парадокса сложности». Данная работа есть ответ на этот вызов.

Мы вернулись к этим проблемам на новом уровне развития математического моделирования, поскольку только так возможно понять природу глобального развития и возникновения мирового демографического кризиса. Помимо фундаментального значения таких работ для понимания развития человечества в целом, такие исследования глобальной истории необходимы и для нашей страны. Благодаря масштабам, истории и разнообразию социальных и экономических условий Россия во многом воспроизводит глобальные процессы. Поэтому для нас так важно понимание процессов развития всего человечества, что таким путём мы обращаемся к российским проблемам в критическую эпоху отечественной и мировой истории. Так развитые представления ставят вопрос об их влиянии на наше видение прошлого, на антропологию и исторические науки. В то же время эти представления затрагивают вопросы экономики и мировой безопасности, так существенные для современности.

Рисунок 1

Численность видов животных на Земле в зависимости от их массы

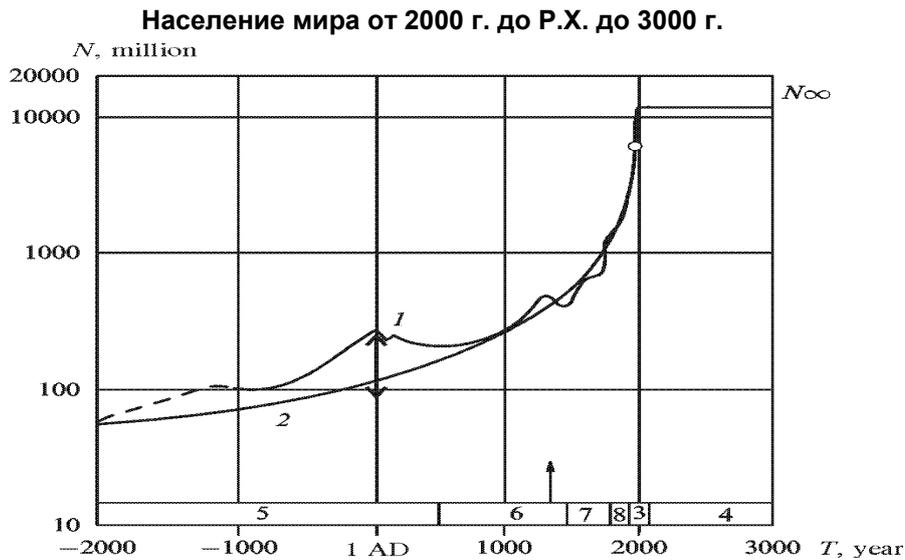

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РОСТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В соответствии с данными антропологии предки человека появились в Африке более миллиона лет тому назад, когда их численность была порядка ста тысяч. С тех пор человек начал расселяться по всему земному шару, а число людей постепенно возросло в сто тысяч раз – до современных миллиардов. Современный человек *Homo sapiens* несомненно представляет один вид, с одним числом хромосом, а представители разных рас могут скрещиваться между собой. Но ни один вид сопоставимых с нами по питанию и биологии животных никогда не развивался так стремительно: например, и сейчас в России живёт около ста тысяч медведей или волков, и столько же крупных обезьян в тропических странах. Такие популяции занимают ограниченный ареал, и их численность определяется динамическим равновесием с окружающей природой. Только домашние животные умножили свою численность далеко за пределами своих диких собратьев: число голов крупного рогатого скота в мире превышает 2 млрд. Именно численность людей выделяет нас среди других видов и это вынуждает некоторых, ограниченных как умом и знаниями людей, обращаться к представлениям о не-эволюционном происхождении человека, поскольку где недостающее звено между обезьяной и человеком – *The missing link between man and ape?*

На эту загадку в эволюции человека предлагают ответ последние исследования, проведённые методами молекулярной биологии. По-видимому, критическим событием стало появление мутации гена HAR1 F, который определяет рост мозга человека на 5–9 неделе развития эмбриона. Поэтому есть основания считать, что такое внезапное точечное изменение в геноме наших далёких предков 7–млн лет тому назад могло привести к скачку в организации мозга. Это стало причиной развития социального сознания и культуры, приведшего к величайшему численному росту человечества. Так, вследствие этой мутации, после длительной эпохи антропогенеза появились речь и язык, человек овладел огнём и технологией каменных орудий. С тех пор биологически человек изменился мало, однако наше социальное развитие было стремительно. Поэтому понимание этого процесса так значимо для нас сегодня, когда выяснилось, что именно нелинейная динамика роста населения человечества, подчиняющаяся собственным внутренним силам, определяет не только наше взрывное развитие, но и его предел. Именно это позволило сформулировать феноменологический принцип демографического императива, вследствие которого рост определяется самим населением мира и развитием его сознания, в отличие от популяционного принципа Мальтуса, когда ресурсы ограничивают предел роста.

Рисунок 2

1 – население мира от 2000 г. до Р.Х., 2 – взрывной режим с обострением численности населения мира, 3 – демографический переход, 4 – стабилизация населения, 5 – Древний мир, 6 – Средние века, 7 – Новая история и 8 – Новейшая история, ↑ – пандемия чумы 1348 г., ↓ – разброс данных.

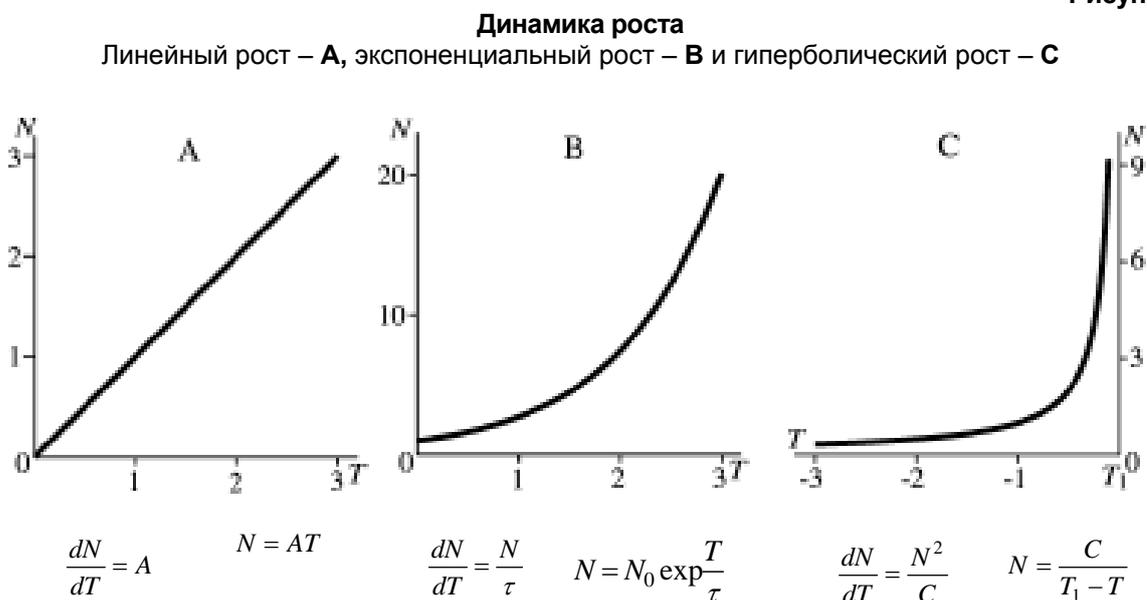
Для того чтобы пояснить суть проблемы, обратимся к росту численности и развития человечества на протяжении последних тысяч лет. Исходным было наблюдение, отмеченное рядом исследователей, что рост населения Земли подчиняется универсальной закономерности гиперболического роста. На графике (см. рис. 2) численность населения N представлена в логарифмическом масштабе, а течение времени T – на линейной шкале на которой также указаны основные периоды мировой истории. Если население мира росло бы экспоненциально, то на этой сетке такой рост отобразился бы прямой. Однако для человечества рост вначале проходил очень медленно. Так, первый миллиард появился за миллион лет самоподобного роста, проходившего по неизменному закону, только к началу XIX века. Но уже в 1930 году население мира достигло 2 млрд, всё ускоряется по мере приближения к эпохе 2000 г. Эта картина внезапного взрыва роста приводила многих в недоумение, однако она непосредственно является следствием нелинейности роста.

Задача же модели и теории гиперболического роста состоит в установлении природы и пределов этой картины развития. В итоге, опираясь на статистические принципы физики, в элементарных выражениях удалось описать динамически автомодельное развитие человечества за миллионы лет – от возникновения человека до наступления демографического перехода и далее в предвидимое будущее. Секрет гиперболического, взрывного развития состоит в том, что скорость роста пропорциональна не первой степени численности населения, как у экспоненциального роста, а второй степени – квадрату численности населения мира.

Рассмотрим примеры роста, показанные на рис. 3. Таким является линейный рост **A**, пропорциональный времени T и скорость которого постоянна. Очевидно, что в этом случае нет характерного времени роста. Экспоненциальный рост **B** пропорционален уже самому населению и этим свойством не обладает, поскольку в этом случае есть характерное время удвоения T_2 . В математике обычно принято обращаться ко времени T_e экспоненциального роста системы в e

раз, где $e = 2,72$ – основание натуральных логарифмов, а время удвоения $T_2 = 0,7T_e$ на 30% меньше T_e

Рисунок 3

Наконец, обратимся к росту происходящему пропорционально квадрату населения N^2 , который приводит к гиперболическому графику роста **С** и для которого также нет характерного времени роста. Этот закон роста представляет для нас основной интерес. Действительно, рядом авторов (Макендрик, Форстер, Хорнер) было обращено внимание на то, что данные для населения мира за несколько веков с удивительной точностью описываются формулой:

$$N = \frac{200 \cdot 10^9}{2025 - T} = \frac{C}{T_1 - T} \quad (1)$$

где $C = 200$ млрд – постоянная с размерностью [человек × годы], а время выражено в годах от Р.Х. И.С. Шкловский в конце 6 издания замечательной книги «Вселенная, жизнь, разум» также обратился к этой формуле [20]. Он пришёл к выводу, что рост определяется социальными, а не биологическими факторами, которые и ограничат рост. Заметим, что постоянство этого закона роста поразительно и в пределах той точности, с которой нам известны оценки населения в прошлом, он соблюдается при увеличении населения Земли в десятки тысяч раз. Так описывается развитие человечества по существу с самого момента появления *Homo habilis* полтора миллиона лет тому назад, на что не было обращено должного внимания.

В демографии выражение (1) никогда всерьёз не рассматривалось по двум причинам. Во-первых, оно обращается в бесконечность по мере приближения к 2025 году. Во-вторых, в демографии считалось беспредметным рассматривать всё население Земли не иначе, как арифметическую сумму населения отдельных стран, поскольку задачей демографии является объяснение роста в рамках конкретных социальных и экономических условий, которые невозможно сформулировать для всего населения мира. Более того, это выражение приводит к трудностям и в прошлом. Так 20 миллиардов лет тому назад должно было бы уже быть десять человек, несомненно, космологов, наблюдающих и обсуждающих возникновение Вселенной!

Однако мы будем рассматривать $N(T)$ не как эмпирическое обобщение данных, а как выражение физической закономерности и математически содержательную формулу. Она описывает рост населения как самоподобный процесс, следующий по гиперболической траектории, имеющий особенность в то критическое мгновение T_1 , когда N обращается в бесконечность. Именно в этой сингулярности состоит главная привлекательность этой формулы, несмотря на то неприятие, которое в прошлом такие выражения вызывали у некоторых математиков. Однако в современной математике подобные процессы с обострением подробно изучены и нашли обширные приложения в теории взрывных процессов, ударных волн и физике фазовых превращений [21, 22].

Таким образом в основе роста человечества лежит коллективное взаимодействие, аналогичное взаимодействию Ван дер Вальса в неидеальном газе или плазме, которое изучено в физике конденсированного состояния и кинетике нелинейных явлений в синергетике. В таких системах с силь-

ной связью взаимодействующих частиц возникают коллективные степени свободы, определяющие их рост и развитие. Анализ гиперболического роста человечества, связывающий численность и рост человечества с его развитием позволил предложить кооперативный механизм развития, когда мерой развития является квадрат численности населения мира. Это позволяет по-новому представить глобальную историю человечества. Она начинается с особенности появления сознания и завершается демографическим взрывом – режимом с обострением и фазовым переходом при резком изменении всего хода нашего развития. Эти понятия принадлежат физике сложных систем. Теперь они применяются к человечеству и служат основанием для новых количественных результатов и поучительных аналогий. Так этот опыт междисциплинарного исследования расширяет наше представление о росте человечества за всю эпоху его развития.

Интерпретация развития основана на предположении, что коллективное взаимодействие определяется механизмом распространения и размножения обобщённой информации, происходящем в человечестве, как глобальном сетевом информационном сообществе. Этот рост определялся самосогласованным системным развитием, а движущим фактором автотомодельного развития оказываются связи, охватывающие всё человечество эффективным информационным полем. На основе такого феноменологического подхода впервые удалось предложить полную теорию роста и количественно описать важнейшие явления развития человечества. Однако, обращаясь к понятиям физики и языку математики, существенно привести эти представления в соответствие с образами и понятиями историков. Так на учёт разных временных масштабов процессов в исторических науках указывал Бродель: «Историки в последнее время стали выделять это различие в образах временных структур и связей. Первые относятся к долговременным и вторые к кратковременным сущностям». Это указывает на общность видения явлений у историков и физиков.

Как поучительный пример кинетики таких процессов приведём атомную бомбу, в которой в результате разветвлённой цепной реакции происходит ядерный взрыв. Квадратичный рост населения нашей планеты указывает на то, что аналогичный процесс протекает в человечестве, только гораздо медленнее, но не менее драматично, когда информация в результате цепной реакции умножается на каждом этапе роста, определяя темп развития во всём мире.

Я хорошо помню, как это было осознано во время моего доклада в Институте прикладной математики им. М.В. Келдыша на семинаре Сергея Павловича Курдюмова. Им и его коллегами для проблематики режимов с обострением развиты мощные математические методы и этому посвящена громадная литература. Более того, Курдюмов и его сотрудники видели в этой области математики обоснование тех подходов к изучению сложных систем, которые были развиты немецким физиком Хакеном [17]. В синергетике, в частности разный временной масштаб процессов лежит в основе приближённых асимптотических методов при рассмотрении сложных систем.

Если экспоненциальный рост определяется только индивидуальной способностью человека к размножению, то рост человечества происходит в результате коллективного механизма роста. Именно в этом состоит качественное отличие человека от всех остальных животных, управляемых врождёнными инстинктами, а не системой приобретённых и развивающихся знаний. Таким образом, рост и развитие коренным образом отличается тем, что благодаря разуму и сознанию, его культурой и развитой системой передачи информации как вертикально, из поколения в поколение, так и в пространстве – горизонтально, человечество в среднем устойчиво следует по статистически детерминированному пути автотомодельного роста. Это происходит вплоть до демографической революции, когда рост численности прекращается.

Для установления поведения роста человечества вблизи сингулярности роста следует обратиться к явлению демографического перехода. Переход состоит в резкой смене роста на режим стабилизации населения. Он был открыт первоначально для Франции французским демографом Адольфом Ландри, который писал: «В XVIII веке Франция пережила не только свою великую политическую революцию, которая совершилась в 1789 году, но и демографическую революцию. Политическая революция отмечена такими яркими событиями, как штурм Бастилии или уничтожение привилегий; в течение нескольких лет многое необратимо изменилось и сменило существующий порядок. Но ничего столь же сенсационного, что отметило бы наступление другой революции, не произошло. Её развитие было незаметным и относительно медленным. Тем не менее, она не в меньшей степени является революцией, поскольку тогда, когда происходит изменение режима, революция и происходит. Это верно в демографии, как и любой другой области. Внезапность изменений не является обязательной. Действительно, говоря о демографической революции, при которой происходит смена неограниченного воспроизводства на ограниченное, есть все основания придерживаться данного определения, без каких-либо добавлений».

Для отдельных стран переход показан на рис. 5 и для населения мира на рис. 6. Если демографы обычно исследовали демографический переход в масштабе страны, то нам гораздо ближе определение Ландри демографического перехода как революции, но уже рассматриваемого как глобальное явление. Теория процессов развития и роста дана ниже и может быть опущена читателем при первом чтении.

Рисунок 4

Рост населения и демографический переход во Франции [11].

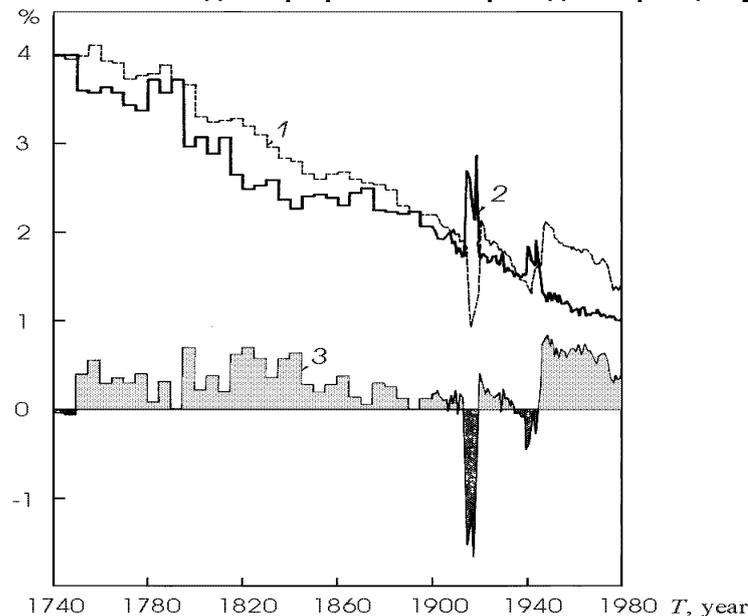
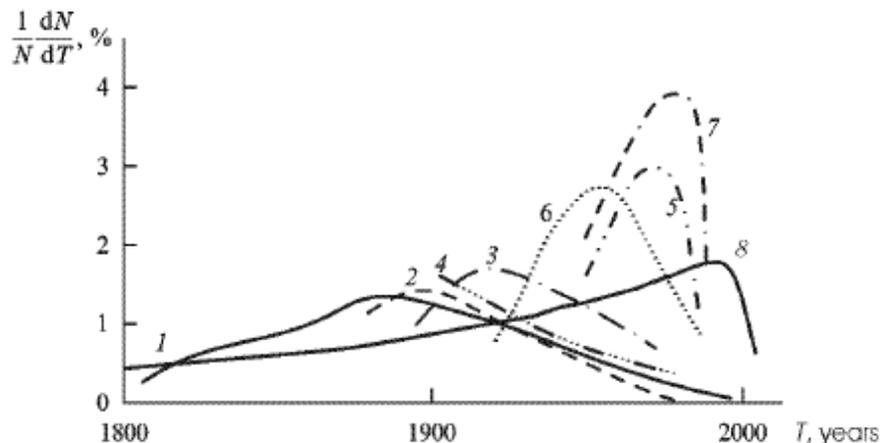

Рисунок 5

Демографический переход в разных странах. Графики сглажены и рост дан в % в год

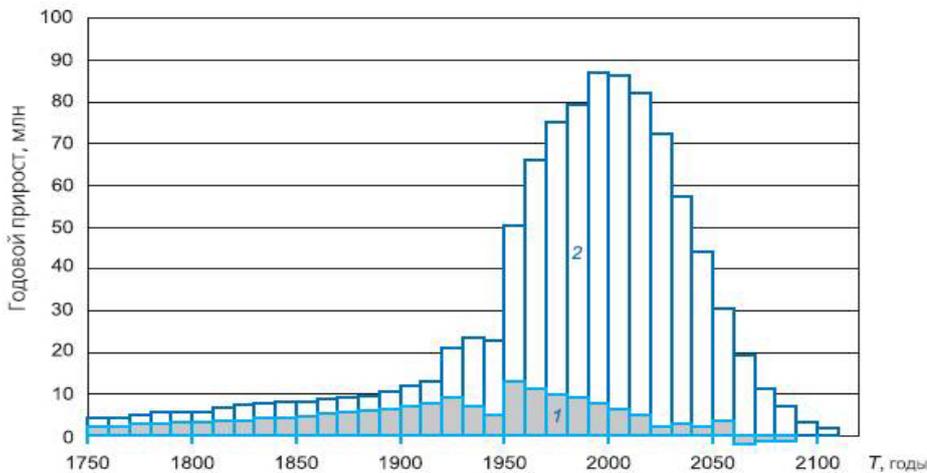

1 – Швеция, 2 – Германия, 3 – СССР, 4 – США, 5 – Маврикий, 6 – Шри-Ланка, 7 – Коста-Рика и 8 – для мир в целом [11]. На этом графике видно как происходит формирование глобального перехода. Если переход в Швеции и во Франции занял 160 лет, то чем позднее он происходит, тем переход острее.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ

Население мира $N(T)$, будет описываться функцией от времени T , определяющее состояние демографической системы Земли. Тогда ведущей переменной, параметром порядка, подчиняющей все остальные переменные, станет полное число людей N . Таким образом, в этом приближённом функциональном соотношении не учитывается распределение населения по нашей планете, ни его экономическое и возрастное состояние или расовый и национальный состав. Сам процесс роста также будет рассматриваться на значительном интервале времени T – большом числе поколений. Иными словами мы будем рассматривать усреднённые значения переменных и усреднённые функции, чем, в частности, вносится в уравнения память о прошлом, определяемая временем усреднения переменных.

Мировой демографический переход 1750–2100 гг. Данные ООН

Годовой прирост, усреднённый за декады. На рисунке видно уменьшение скорости роста при мировых войнах и демографическое эхо войны в начале XXI в. 1 – развитые страны и 2 – развивающиеся страны.

Такое выделение главных переменных N и T и их усреднение характерно для системного подхода. Оно получило развитие в синергетике и лежит в основе асимптотических методов, развитых для решения задач большой сложности, появляющихся при рассмотрении систем со многими степенями свободы. Существенно то, что эти переменные, которые представляют все социально значимые факторы по возрастам и полу, образования, развития, доходов и т. д. описываются статистическими распределениями. Когда рассматриваются такие многофакторные проблемы, то в известных пределах можно полагать, что развитие системы статистически стационарно и потому происходит динамически самоподобно. Это сильное предположение означает, что остаются неизменными пропорции между относительными изменениями времени и населения.

Смысл этой основной гипотезы автомодельности состоит в том, что утверждается постоянство относительной скорости изменения системы, аналогично принципу инерции. В таком случае можно показать, что такой самоподобный рост должен описываться степенной функцией без характерного параметра, такого как масштаб времени. Такие процессы обладают масштабной инвариантностью – скейлингом, аналогично развитой турбулентности в потоке жидкости. Эти понятия мало знакомы историкам и обществоведам, однако, подобные представления должны помочь в расширении тех образов, в которых мы описываем исторический процесс. Сделанные предположения упрощают задачу, сводя всё к одной переменной $N(T)$, рост которой зависит от состояния самой системы. Формула (1), как степенная функция, обладает такой масштабной инвариантностью – отсутствием собственного масштаба времени, свойство открытое ещё Эйлером и указывающее на автомодельность роста. Но в нашей задаче роста населения эта формула является лишь первым приближением. Как асимптотическое выражение оно ограничено областью применения, и задача теории в первую очередь состоит в установлении этих пределов как вблизи особенности, когда эта функция устремляется в бесконечность, так и в далёком прошлом, когда её уменьшение происходит слишком медленно.

Чтобы описать переход следует учесть время, характеризующее внутренние процессы как продолжительность жизни человека и время его репродуктивной способности. Это те факторы, которые при прохождении через демографический переход ограничивают скорость роста по мере приближения к моменту, когда скорость роста приближается к своему пределу. При этом независимой переменной становится численность населения N , а не время T .

Для этого следует продифференцировать (1) и получить выражение для скорости роста в зависимости от времени:

$$\frac{dN}{dT} = \frac{C}{(T_1 - T)^2}, \quad (2)$$

а затем ввести в это расходящееся выражение характерное время τ , ограничивающее скорость роста:

$$\frac{dN}{dT} = \frac{C}{(T_1 - T)^2 + \tau^2}. \quad (3)$$

Этот приём может показаться произвольным шагом, однако, полученное выражение очень хорошо описывает глобальный демографический переход и отвечает тем методам в теоретической физике, которые развиты для регуляризации расходимости, с которой мы столкнулись при анализе демографического перехода. Интегрируя (3), мы получим выражение для описания перехода:

$$N = \frac{C}{\tau} \cot^{-1} \left(\frac{T_1 - T}{\tau} \right) \quad (4)$$

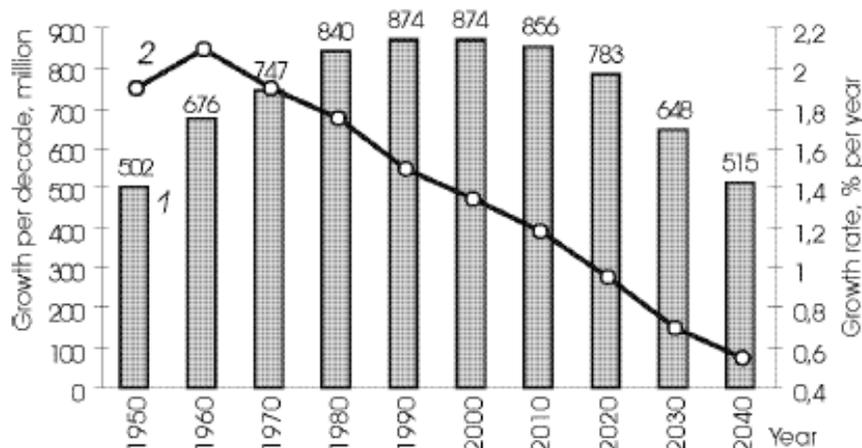
При обработке последних данных демографии получены уточнённые значения постоянных, когда критический год сместился к 1995 г., вместо 2000 г., что и учтено в последующих вычислениях:

$$C = 163 \cdot 10^9, \quad T_1 = 1995 \text{ г.}, \quad \tau = 45 \text{ лет} \text{ и безразмерное число } K = \sqrt{C/\tau} = 60100.$$

Из-за введения конечного τ полюс в T_1 сдвигается к новому значению $T_1 = 1995$ г., которое и принято в выражении (4) описывающем демографический переход и рост за пределы особенности при T_1 и сравнении расчётов с данными демографии (см. табл. 1; рис. 6, 7 и 9).

Рисунок 7

Мировой демографический переход вблизи 2000 года. Данные ООН

1 – абсолютный прирост населения усреднённый за декаду, млн, 2 – относительный прирост % в год.

В недалёком прошлом выражение (4) асимптотически непосредственно переходит в автомодельный гиперболический рост. Однако в очень далёком прошлом скорость роста должна быть ограничена снизу. Этого предположения достаточно для того, чтобы приписать в далёком прошлом линейный рост, при котором в первом приближении скорость роста не может быть меньше появления одного гоминида за характерное время τ . В результате, в течение эпохи антропогенеза численность населения становится порядка ста тысяч. В популяционной генетике это число характерно для стабильного вида, биологически подобному человеку. Именно тогда начинается квадратичный рост, обязанный информационной природе развития, который с тех пор станет доминирующим фактором.

Численность человечества в этот момент представляет большой интерес, и потому я обратился к знаменитому французскому антропологу, профессору Коллеж де Франс Ив Коппену с вопросом: сколько тогда жило людей? Его ответ был краток и точен – сто тысяч. Оценка основана на наблюдении, что тогда на востоке и юге Африки было порядка тысячи больших семей, по сто человек в каждой, что не противоречит оценкам других авторов для этого существенного момента в истории человечества.

Величина K определяет не только масштаб численности человечества в начальную эпоху роста, но также даёт оценку численности когерентной группы людей или племени, самодостаточного населения малого города или масштаб такой группы в мегаполисе. Так в Москве, при населении около 10 миллионов город разбит на сто административных округов по сто тысяч каждый. Как большой параметр задачи постоянная K определяет все соотношения между населением и длительностью процессов роста, а значительная величина константы K приводит к высокой эффективности асимптотических решений. Таким образом скорость роста населения Земли

в эпоху **В** определяется автономным дифференциальным уравнением в котором время не входит в его правую часть:

$$\frac{dN}{dt} = \frac{N^2}{K^2}, \quad (6)$$

когда $dt = dT/\tau$ и $t = (T_1 - T)/\tau$ отсчитывается от времени прохождения через демографический переход и выражено в единицах характерного времени τ . Формула роста (6) выражает природу того коллективного нелинейного взаимодействия, которое ответственно за рост человечества в эпоху его взрывного развития. В этом уравнении для усреднённых переменных T и N скорость роста приравнена к развитию, которое равно квадрату численности населения мира, как выражение меры системной сложности населения планеты. Его также можно рассматривать как результат парного взаимодействия N человек, или же, как некое эффективное поле, феноменологически определяющее рост.

Полное решение должно описывать рост человечества в течение трёх эпох. Первая эпоха **А** антропогенеза начинается с линейного роста с указанной выше минимальной скоростью. Когда население достигает величины порядка ста тысяч начинается эпоха **В** взрывного роста со скоростью роста, пропорциональной квадрату населения Земли и в эту эпоху человек начал быстро заселять всю планету. Далее, когда скорость квадратичного роста достигла своего предела и стала порядка удвоения за характерное время τ , наступает кризис мирового демографического развития, переход в эпоху **С** стабилизации населения мира в рамках приближений развитой теории. В результате на основании (3) максимальная абсолютная скорость роста глобального во время демографического перехода равна

$$\left(\frac{dN}{dT}\right)_1 = \frac{K^2}{\tau} = 80 \text{ млн в год при относительном росте } \left(\frac{dN}{NdT}\right)_1 = \frac{2}{\pi\tau} = 1.40 \% \text{ в год} \quad (7)$$

в 1995 году, что согласуется с данными ООН, но даёт несколько меньшее значение для абсолютной скорости роста при сравнении с таблицей 1 (см. рис. 6). Население нашей планеты в этот момент равно:

$$N_1 = \pi K^2/2 = 5680 \text{ млн} \quad (8)$$

На основе этих представлений легко определить предел N_∞ в два раза больший чем N_1 , к которому в эпоху **С** асимптотически стремится население Земли:

$$N_\infty = 2N_1 = \pi K^2 = 11360 \text{ млн} \quad (9)$$

В рамках сделанных предположений это представляет верхнюю оценку населения Земли в предвидимом будущем. Таким образом, глобальное взаимодействие приводит к ускорению и синхронизации процессов и на заключительной стадии демографического перехода – к сужению перехода и тем самым к снижению предела для населения Земли.

Начальный линейный рост даёт оценку времени для эпохи антропогенеза – критического момента в начале предыстории человечества, которое произошло

$$T_0 - T_1 = \pi/2 \cdot K\tau = -\tau\sqrt{\pi N_1/2} = 4,2 \text{ млн лет тому назад}, \quad (10)$$

если использовать известные нам значения N_1 и τ . Несмотря на сделанные упрощения, данная оценка вполне согласуется с оценками этого времени в антропологии, также известного только приближенно.

Если проинтегрировать численность населения от T_0 до нашего времени T_1 :

$$P_{0,1} = 2,25K^2 \ln K = 90 \text{ млрд} \quad (11)$$

то получим оценку для числа людей, когда-либо живших. Множитель $45/20 = 2,25$ появился, поскольку в оценках других авторов длительность поколения принята равной 20 годам, которые ведут к оценке для $P_{0,1} = 106$ млрд [10]. Таким образом, в течение каждого из $\ln K = 11,00$ выделенных периодов жило по $2,25K^2 = 8$ млрд людей. Из (11) следует, что это число является инвариантным для числа людей живших в экспоненциально сокращающихся циклах и где $\ln K$ указывает число циклов. Рассмотрение $N(T)$ как аналитической функции указывает на асимптотическое поведение при $T \rightarrow \infty$, когда $N \rightarrow N_\infty$, в предположении что в обозримом будущем нет особенностей роста – полюсов или нулей. Циклы можно получить, обобщая решение (6) в область комплексных переменных или же, просуммировав сокращающиеся циклы $\Delta T = K\tau \exp(-\theta)$, определить длительность развития:

$$T_1 - T_0 = K\tau \sum_0^{\ln K} \exp(-\theta) = K\tau [\exp 0 + \exp(-1) + \dots + \exp(-\ln K)] = \frac{e}{e-1} K\tau = 1,582K\tau \quad (12)$$

и сравнить её с (10), где эта длительность равна $T_1 - T_0 = \pi/2 \cdot K\tau = 1,571K\tau$. В первом случае рост суммируется по гиперболической траектории, во втором по $N = K \tan t/K$. Демографические

циклы определяют периодичность развития всего человечества за 4–5 миллионов лет, включая и проходящий по гиперболическому закону рост с момента конца антропогенеза до наших дней.

Для дальнейшего перейдём к переменной $n = N/K$, когда мерой численности становится K . Тогда уравнения для роста приобретают симметричный вид и видно как сопряжены переменные n и t :

$$\frac{dn}{dt} = \frac{n^2 + 1}{K}, \quad n = -\operatorname{arccctd}^{-1} \frac{t}{K} \quad (13a)$$

$$\frac{dn}{dt} = \frac{n^2}{K}, \quad nt = -K \quad (13b)$$

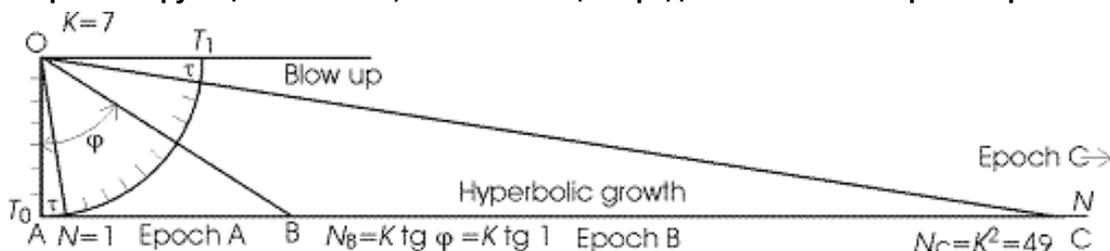
$$\frac{dn}{dt} = \frac{K}{t^2 + 1}, \quad n = K \operatorname{ctd} t \quad (13c)$$

$$\frac{dt}{dn} = \frac{t^2 + 1}{K}, \quad t = -\operatorname{arccctd} \frac{n}{K} \quad (13d)$$

Сравнивая (13a) и (13d) видна смена переменных при прохождении перехода, когда n становится независимой переменной вместо времени t (см. (2)), и что затем выражено в уравнении роста (3).

Рисунок 8

Построение функции тангенса, показывающее пределы асимптотик роста при $K = 7$

Рост населения можно иллюстрировать геометрическим построением функции тангенса:

$$\tan \varphi = \frac{AB}{OA} = \frac{N}{K} = n \quad (14)$$

связывающей угол $\Delta\varphi = \tau$ и приращение населения $\Delta N = 1$. Линейный рост будет продолжаться до $\varphi_{A,B} = K\tau = 1$ и $N_B = \tan 1$ в точке B на касательной AC . Дальнейший рост $N = K(\pi/2 - \varphi)^{-1}$ будет проходить по гиперболе, при которой время асимптотически стремится к $\pi/2$, а население достигнет значение $N_C = K^2$. Когда время приближается к моменту особенности, то от уравнения (13a) следует переходить к уравнению (13d), чтобы описать рост при прохождении особенности в течение эпохи C . Исходное построение показывает, что после перехода от линейного к гиперболическому росту на эпоху B остаётся в два раза меньше времени, чем на начальную эпоху A .

Построение, когда переменные n и t меняются местами при прохождении перехода мы оставляем читателю. Рис. 8 построен при $K = 7$, когда время от T_0 до T_1 разделено на 11 интервалов и, поскольку $\pi/2 = 11/7$, то $N_C = K^2 = 49$. Однако даже при таком малом значении K $\ln K = \ln 7 = 1,95$ даёт хорошую оценку для числа демографических циклов $1 + \ln K \approx 3$. Так нулевой цикл антропогенеза продолжался 7 единиц времени, первый цикл длился 3 и последний – одну единицу времени. Это построение показывает как дискретность времени и населения приводит к появлению периодичности роста.

Для того чтобы выяснить устойчивость развития следует обратиться к уравнению роста человечества, выраженному в автономной форме, когда рост зависит от состояния системы, т. е. от n . В этом случае, преобразуя (4) получим общее уравнение роста:

$$\frac{dn}{dt} = K \sin^2 \left(\frac{n}{K} \right) + \frac{1}{K} \quad (15)$$

где последний член добавлен с тем, чтобы рост никогда не был меньше одного гоминаида при $\Delta t = \tau$. Интегрируя (15) и при значениях $K \gg 1$ получим решение при начальных условиях $t_0 = n_0 = 0$:

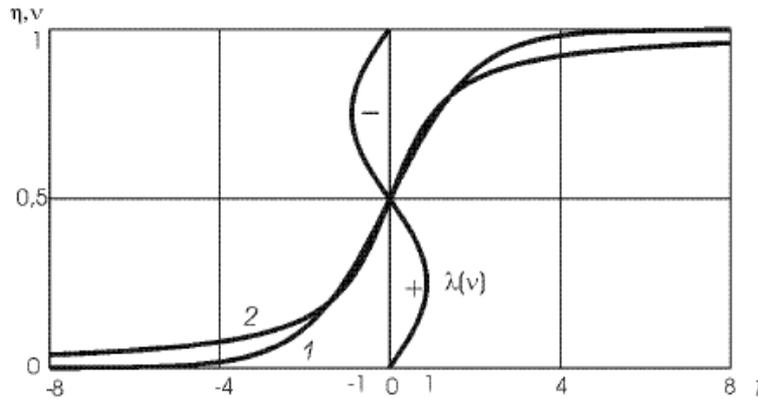
$$\tan \frac{n}{K} = \frac{1}{K} \tan \frac{t}{K} \quad (16)$$

Это решение показывает симметрию переменных N и T , населения и времени. Для развития в течение эпохи B вдали от особенностей роста это выражено в (13в), и следует из слож-

ности причинных связей в рамках развитых представлений о нелинейной динамике глобальной системы населения нашей планеты.

Рисунок 9

Устойчивость роста в линейном приближении и переходные процессы

1 – логистический переход $v = 1/1 + e^{-t}$, 2 – демографический переход $\eta = 1/\pi \cdot \cot^{-1} t$ и $\lambda(v)$

На основании (15) можно исследовать в линейном приближении устойчивость роста к возмущениям:

$$\delta N = \delta N_0 \exp(\lambda t) \quad (17)$$

и определить показатель Ляпунова λ развития неустойчивости в системе населения Земли:

$$\lambda = \frac{\partial}{\partial n} \left(\frac{dn}{dt} \right) = \sin \left(\frac{2n}{K} \right) \quad (18)$$

дифференцируя (15). Следуя этому критерию при $\lambda > 0$ движение неустойчиво. Следовательно, до перехода демографическая система неустойчива и только после T_1 развитие системы становится устойчивым и таким остаётся и впредь. В исторической хронологии мгновенный экспоненциальный масштаб времени роста линейной неустойчивости по Ляпунову зависит от древности и до демографического перехода равен удвоенному времени роста:

$$T_e = 2\tau/\lambda \quad (19)$$

Однако мы видели, что выделенные антропологами и историками демографические циклы указывают на глобальную устойчивость роста с малыми отклонениями от предельной траектории роста. Исключением стало уменьшение населения мира на 8–10% в течение мировых войн XX в. (см. рис. 10). Действительно, по критерию (16) максимальную неустойчивость можно ожидать вблизи начала мирового демографического перехода. Так в 1913 году экономики Германии и России росли на 10% в год, а население России на 2% в год, то в этих темпах можно видеть причину потери политической и экономической устойчивости Европы. Поэтому есть основания рассматривать мировые войны XX века как результат потери устойчивости демографической системы, как бы механистически это и не звучало.

Если же просуммировать недостачу населения мира за указанный период, то интегральные потери равны 11 000 млн человек×лет. Приняв среднюю продолжительность жизни равной 40 годам, то определённые таким образом полные потери оказываются равными 280 ± 20 млн, что более чем в два раза больше принятых в демографии войн оценок ~ 120 млн. Демографические данные таблицы 1 указывают, что после 1950 года население мира даже с небольшим перехлёстом возвращается к своему расчётному значению, указывая на глобальную устойчивость развития.

Представляло бы интерес рассмотреть уравнения роста в области комплексных переменных при анализе устойчивости роста, а также анализ флуктуаций при учёте данных демографии и истории. На этом мы закончим краткое изложение теории роста и перейдём к обсуждению и применению её выводов.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ

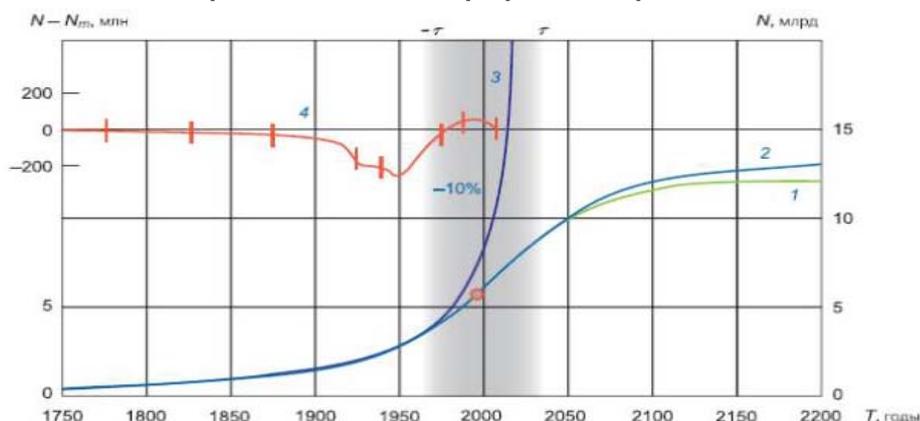
Гиперболический рост человечества, происходящий в режиме с обострением и превосходящий в десятки тысяч раз все сравнимые процессы, становится доминирующей функцией в решении дифференциального уравнения роста (3). Поэтому пространственное распределение населения и всё, связанное с конкретными локальными социальными и экономическими процессами, не может существенно повлиять на рост, где над всем превалирует глобальное взрывное развитие. В этом, исключительном по своей стремительности росте числа людей, следует искать причину того, почему простая асимптотическая модель режима с обострением оказывается такой эффективной и почему влиянием других переменных можно пренебречь.

В теории это разрешается путём обращения к феноменологическому подходу, когда, с одной стороны, мы описываем поведение системы в целом. С другой стороны, искать объяснение в детальных механизмах крайне затруднительно, да и не нужно, поскольку мы имеем дело с сильно связанной системой, где линейные причинно-следственные связи не работают. Тем не менее, в этой системе есть свои мощные регулирующие факторы, обеспечивающие устойчивый глобальный рост.

Эти соображения существенны тогда, когда возникает вопрос об управлении системой, особенно такой взаимосвязанной как демографическая система. Первое что необходимо – это более полное понимание динамики сложных систем. Быть может, здесь действительно могут быть полезны аналогии со сложными системами, изученные в физике. В этом можно видеть смысл вывода о том, что следует последовательно изучать демографическую историю всего человечества как динамической системы. Это ведёт к пониманию статистической природы поведения сложной системы, где простых линейных причинно-следственных отношений нет. Наконец, необходимо учесть зависимость этих факторов от масштаба времени перемен. Так и стохастической истории и стихией рынка можно и нужно управлять теми внешними связями, в которых, в частности, движется капитал. Но чем более длителен процесс развития, тем больше он должен быть детерминирован внешними факторами. Именно эта связь выражена в уравнении роста и служит подтверждением всей концепции теории, как теории эволюции сильно связанной системы. Только на этой основе можно понять, почему скорость роста связана со сложностью системы, а не с такими демографическими характеристиками, как рождаемость и смертность, когда возникает парадоксальная ситуация: в прошлом детей было много, а рост мал. В наше же время недостаток детей ограничивает рост и само воспроизводство населения в развитых странах, что будет подробно обсуждено ниже [5, 14] (см. рис. 10).

Рисунок 10

Рост населения мира в течение демографической революции 1750 – 2200гг.

1 – прогноз IASA, 2 – Модель, 3 – взрывной уход на бесконечность (режим с обострением), 4 – разница между расчётом и населением мира, увеличенная в 5 раз и где видны суммарные потери при Мировых войнах XX века, ◦ – 1995 г. Продолжительность демографического перехода составляет $2\tau = 90$ лет.

Глобальный рост определялся самосогласованным и самоподобным социальным системным развитием, обязанным коллективному взаимодействию, охватывающему всё человечество и за миллион лет эпохи **В** характер этого взаимодействия практически не изменился. В таблице 1 приведена сводка последних данных и их разброс для населения Земли от возникновения человечества до предвидимого будущего [18]. На всём протяжении роста населения и в пределах той относительной точности данных оценки палеодемографии согласуются с результатами расчётов N_m . Для оценок населения Земли в предвидимом будущем результаты моделирования можно сравнить с расчётами Международного института прикладного системного анализа (IIASA), ООН и других агентств. Прогноз ООН основан на ряде сценариев для рождаемости и смертности по 9 регионам мира и доведён до 2150 г. По оптимальному сценарию население Земли к этому времени выйдет на постоянный предел 11 600 млн. По среднему варианту Популяционного отдела ООН к 2300 г. ожидается 9 млрд. Таким образом, и прогнозы демографов и теория роста приводят к выводу, что население Земли стабилизируется на уровне 9–12 млрд и даже не удвоится по сравнению с тем, что уже есть. Действительно, до рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое истощение ресурсов и резервов природы приведёт человечество к катастрофе. Однако в 1995 г., когда население мира достигло 5,7 млрд, а темпы прироста населения – своего максимума 84 млн в год

или 220–240 тыс. человек в сутки, скорость роста начала уменьшаться, указывая на начало заключительной стадии глобального демографического перехода. В результате при грядущей стабилизации населения мира наступит новая эпоха истории (см. рис. 2 и 4).

Таблица 1

Рост населения Земли (в миллионах)

Год	N	N_m	Год	N	N_m
$-4.4 \cdot 10^6$	(0)	0	1960	3039	3245
$-1.6 \cdot 10^6$	0.1	0.1	1965	3345	3497
- 35 000	1 – 5	2	1970	3707	3778
- 15 000	3 – 10	8	1975	4086	4089
- 7 000	10 – 15	16	1980	4454	4430
- 2 000	47	42	1985	4851	4801
0	100 – 230	86	1990	5277	5198
1000	275 – 345	173	1995	5682	5613
1500	440 – 540	345	2000	6073	6038
1650	465 – 550	492	2005	6453	6463
1750	735 – 805	685	2010	6832	6878
1800	835 – 907	851	2025	7896	7987
1850	1090 – 1110	1120	2050	9298	9259
1900	1608 – 1710	1625	2075	9879	9999
1920	1811	1970	2100	10400	10451
1930	2020	2196	2125	10700	10745
1940	2295	2474	2150	10800	10956
1950	2556	2817	2200	11000	11225
1955	2780	3019	2500	–	11364

СУЩНОСТЬ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОБСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ ИСТОРИИ

В экспоненциальном сокращении длительности исторических периодов проявляется важнейшая для понимания динамики роста относительность времени в истории. Так Древний мир длился около трёх тысяч лет, Средние века – тысячу лет, Новое время – триста лет, а Новейшая история – чуть более ста лет (см. рис. 10). Историки давно обращали внимание на сокращение исторической длительности, однако, чтобы понять уплотнение времени, его следует сопоставить с динамикой роста населения. В случае гиперболического роста время умножения пропорционально древности, исчисляемой от критической эпохи 2000 г. Так, 2000 лет тому назад население мира росло на 0,05% в год, 200 лет тому назад – на 0,5% в год, а 100 лет тому назад – уже на 1% в год. Максимальной скорости относительного роста 2% человечество достигло в 1960 году и это произошло на 35 лет раньше максимума абсолютного прироста населения мира.

Ускоренное развитие приводит к тому, что после каждого цикла на всё оставшееся развитие приходится время, равное половине длительности прошедшего этапа. Так, после Нижнего палеолита, длившегося миллион лет, до нашего времени остаётся полмиллиона лет, а после тысячелетия Средних веков прошло 500 лет. Если история Древнего Египта и Китая занимала тысячелетия и исчисляется династиями, то поступь истории Европы определялась отдельными царствованиями [12]. Римская Империя, как это описано Гиббоном, распадалась в течение полутора тысяч лет, современные империи исчезали за десятилетия, а в случае Советской – и того быстрее. Благодаря замедлению времени в прошлом собственная длительность развития постоянна, но масштаб системного времени исторического развития изменяется, и процесс развития следует рассматривать в логарифмическом представлении времени.

Появление этого собственного времени развития человечества, времени которое справедливо было обозначено Франц Йозефом Радермахером как *Eigen-Zeit*, при неравновесном автомодельном росте приводит к сжатию времени исторического развития, когда скорость исторического процесса увеличивается по мере приближения к демографическому переходу. Для самого времени перехода рост населения Земли лучше всего передаётся на линейной сетке для T и N (см. рис.10).

Эта ситуация аналогична динамике в общей теории относительности, когда эволюция гравитирующей системы определяет само течение времени. Для самоорганизующихся систем представления о трансформации времени, его сцепления с процессом развития и связь с необратимостью роста рассмотрены Пригожиным [7]. Под влиянием идей Анри Бергсона французскими структуралистами было введено понятие длительности, связанное с самим процессом изменений в системе и отличное от хода часов мирового, ньютоновского, времени. Таким образом, появилось пространство длительности *longue durée*, погружаясь в которое и следует рассматривать исторический процесс [11]. В случае взрывного развития человечества таким пространством является логарифмически преобразованное время. При этом системное, бергсоново время длительности равномерно и соответствует динамике роста, в отличие от внешнего, календарного – ньютоновского – времени.

В таблице 2 показана вся история человечества, хронология которой структурирована на основании смены культур в циклы в соответствии с данными антропологии и истории. Антропологи и

раньше обращались к логарифмической шкале времени, чтобы отобразить диапазон времён в Каменный век. Неолит, когда произошёл переход от собирательства и охоты к сельскому хозяйству, происходит в логарифмическом времени точно посередине эпохи **В** десять тысяч лет тому назад.

Таблица 2

Рост и развитие человечества в логарифмическом представлении

Эпоха	Период	Дата Годы	Число людей	Культурный цикл	ΔT лет	История, культура, технология
С	T ₁	2150	10 × 10 ⁹	Стабилизация	125 45 45	Переход к пределу 11 × 10 ⁹ Изменение возрастного распределения – старение Глобализация Урбанизация
		2050	9 × 10 ⁹	Населения Земли		
		2000	6 × 10 ⁹	Мировой демографическ. Переход		
В	11	1955	3 × 10 ⁹ 1 × 10 ⁹	Новейшая история	125	Компьютеры. Интернет Ядерная энергия Мировые войны Электричество и радиосвязь Промышленная революция Книгопечать Географические открытия Падение Рима, Мухаммад Христос, 'Осевое время' Греческая цивилизация Индия, Китай, Будда и Конфуций Междуречье, Египет Письменность, города, бронза Одомашнивание скота, сел. / хоз. Керамика, Микролиты Заселение Америки Языки, шаманизм <i>Homo sapiens</i> Речь, овладение огнем Заселение Европы и Азии рубила Галечная культура, чоппер <i>Homo habilis</i>
	10	1840		Новая история	340	
	9	1500		Средние века	1000	
	8	500 нэ	10 ⁸	Древний мир	2500	
	7	2000 днэ		Неолит	7000	
	6	9000	10 ⁷	Мезолит	20 000	
	5	29 000		Мустье	51 000	
	4	80 000		Ашель	140 000	
	3	0,22 млн	10 ⁶	Шелль	380 000	
	2	0,60 млн		Олдувай	1 000 000	
	1	1,6 млн	10 ⁵	Антропогенез	2 800 000	
А	T ₀	4 – 5 млн . 7 – 5 млн	(1)	Появление гена HAR1 F		Начало социализации Появление гоминидов с большими возможностями мозга и сознания

В историческую эпоху время также представлено в логарифмическом масштабе и где видно, что во временных рамках модели Неолит принадлежит истории, а не предыстории, что отвечает и современным представлениям историков.

В неравновесной эволюционирующей системе в режиме с обострением и вследствие особенности взрывного роста человечества происходят разные по масштабу переходы, которые можно классифицировать по их силе. Так переходы между циклами происходят при непрерывности скорости роста, и мы их отмечаем по культурным и технологическим маркерам. Неолитический переход сильнее и отмечен концентрацией населения в села и города, сменившее рассеяние населения. Таким образом, слабые переходы выделяются не по малым изменениям скорости роста и данным демографии, а по культурным и технологическим маркерам, независимо выработанным поколениями антропологов и историков, что указывает как рост численности связан с процессами культуры. Поэтому глобальная демографическая революция, сопровождаемая резким изменением скорости роста должна привести к очень значительным изменениям в развитии человечества. Этого одного достаточно как указания на характер и масштаб перемен, которые мы должны переживать в самых разных измерениях нашего сознания и бытия. Действительно, по этой классификации демографический переход самый сильный и отмечен резким изменением скорости роста и глубокими изменениями в жизни человечества. Он подобен сильному разрыву в ударной волне при сверхзвуковом течении газа или фазовому переходу в конденсированной среде, наступающему при критической температуре. Сама длительность переходных процессов определяется малостью микроскопического времени и ограничена эффективной жизнью человека в 45 лет.

Прохождение через демографический переход, когда глобальное взаимодействие так обостряет этот процесс, приводит к тому, что в эпоху, которую Ландри справедливо обозначил как революцию, отмечено процессами распада порядка в развитии. Как в фазовом переходе в такие моменты происходит «перестройка», распад старых структур и смена их новыми, явления, которые под-

робно изучены в физике. Аналогии демографического перехода с фазовыми переходами и разрывными явлениями в физике и кинетике должны помочь пониманию сложности и специфики переживаемого времени, требующей более полной модели для эпохи, когда линейные модели не работают и привычный сценарий – Business as usual – принципиально не применим. Исчерпание ресурсов человечества также не является причиной демографического кризиса, поскольку, став таким фактором, это привело бы к постепенному глобальному замедлению роста, чего мы не наблюдаем. Оно не вызвано кризисом западной системы ценностей, как это предлагается некоторыми авторами, поскольку есть в таких странах Востока, как Япония и Южная Корея. Именно внутренние системные процессы, которые не только привели к демографическому переходу, но и выразились, в частности, в остром кризисе рождаемости в развитых странах [5,14]. Так, быть может, станут понятны трудности при столкновении с вызовом демографического императива, которые находятся не только за пределами нашей власти и политической воли, но и даже на пределе нашего понимания.

Наступивший демографический кризис поражает своей стремительностью: он продолжается всего 90 лет и синхронно охватывает всё человечество, как глобальное системное явление. В эпоху демографической революции масштаб существенных социальных изменений, происходящих в течение жизни человека, стал столь значительным, что ни общество в целом, ни отдельная личность не успевают приспособляться к стрессам перемен миропорядка: человек «и жить торопится, и чувствовать спешит», как никогда прежде. Так проницательный Тютчев заметил что: «Блажен, кто мир сей посетил в его минуты роковые», и трудно выразить это точнее.

Рисунок 11

Рост населения мира от возникновения человека до предвидимого будущего

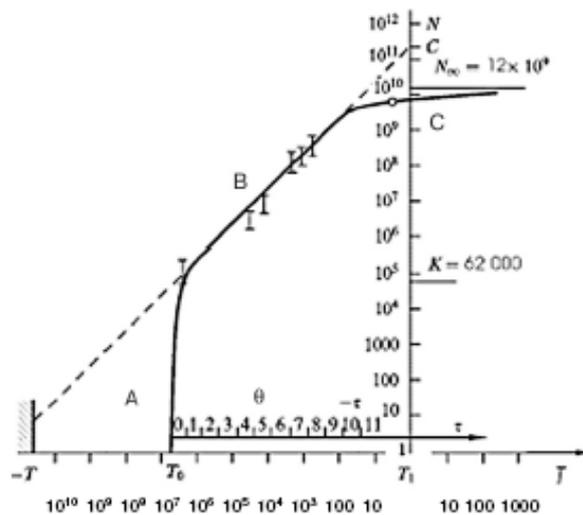

График построен в двойном логарифмическом масштабе $\text{Log } T - \text{Log } N$, что отвечает динамике развития человечества. Демографические циклы отмечены как $\theta = \ln t$, а окрестность вблизи T_1 выколота.

Причину самого перехода следует видеть как следствие глобального кризиса развития. Поэтому есть все основания считать, что кризис имеет фундаментальный характер, связанный в первую очередь с достижением предела скорости роста системы и явлениями культуры и сознания, сопровождаемое распадом и кризисом ценностей. В таком случае, как во всякой сложной системе, навивный редуционизм и причинно-следственный анализ с простыми механизмами выхода из кризиса не объясняют природу перехода и его преодоления прямыми внешними ресурсными мерами.

Весь путь неравномерного развития человечества лучше всего виден на двойной логарифмической сетке, отвечающей динамике роста и где автомодельные процессы отображаются прямыми линиями. Таким образом, автомодельный рост человечества охватывает пять порядков – от ста тысяч в начальной популяции в нижнем Палеолите 1,6 млн лет тому назад до десяти миллиардов, ожидаемых после демографической революции. В настоящее время численность населения развитых стран стабилизировалась на одном миллиарде. В этих странах мы можем видеть ряд явлений, которые в скором времени будут проявляться в развивающихся странах и так охватят всё остальное человечество, когда таким путём завершится глобальный демографический взрыв.

После перехода история, естественно, будет продолжаться, но есть все основания предполагать, что все события будут происходить совершенно иначе: в первом приближении развитие будет проходить при нулевом росте в более спокойном темпе и новой временной структуре. Поэтому важно понять, что нас ожидает и как на глобальном уровне изменится развитие человечества, когда и теория и предвидение демографов указывают на стабилизацию населения. Так наступит изменение самой парадигмы роста человечества, а не конец Истории как полагал Фрэнсис Фукуяма [16].

Иными словами, именно факторы культуры и сознания, выраженные в коллективном взаимодействии, определяют как развитие человечества, так и наступивший кризис. Более того, этот кризис завершится в развивающихся странах меньше чем через 100 лет и в силу его стремительности представляется много тревожнее энергетической или экологической ситуации, в том числе и той, что связана с изменением климата.

Подчеркнём, что рассматриваемый неизменный закон роста применим только для целостной замкнутой системы, какой представляется взаимосвязанное население мира. Поэтому закон квадратичного роста нельзя распространить на отдельную страну или регион, однако развитие каждой страны следует рассматривать на фоне роста населения всего мира. При описании глобального роста также не требуется учёта миграции, поскольку это внутренний процесс взаимодействия путём перемещения людей, непосредственно не влияющего на их число, просто потому что нашу планету пока трудно покинуть. Следствием глобальности нелокального квадратичного закона роста стало не только сужение мирового демографического перехода и необратимость роста, но и неизбежное отставание некоторых граждан, которые оказывались надолго оторванными от массы остального человечества, в основном сосредоточенные в Евразии.

Связанность и эволюцию человечества следует понимать обобщённо, как обычаи, верования, представления, навыки и знания, передаваемые из поколения в поколение при обучении, образовании и воспитании человека, как члена общества. Таким образом, в биологической, Дарвинской эволюции информация передаётся генетически. В случае социальной эволюции механизм наследственности скорее осуществляется Ламарковским процессом путём прямой передачи приобретённой информации через культуру и образование. В той и другой модели эволюции эти процессы разыгрываются при развитии популяции, которой в случае социальной эволюции является всё человечество. В этих условиях процесс социальной эволюции самоускоряется, завершается демографическим переходом и происходит намного быстрее наследственной, биологической, эволюции. Действительно, в то же время за полмиллиона лет от времён палеолита человек генетически практически не изменился.

Только тогда, когда мы обращаемся к общему механизму развития путём передачи информации, оказалось возможным достичь полноты описания на основе модели, в которой действующим началом становится суммарное население Земли – главная переменная, не зависящая от всех частных. Такое глобальное развитие статистически детерминировано и стабилизируется внутренними силами вблизи гиперболической кривой роста. Около этой траектории наблюдаются переменные по длительности и синхронные в пространстве планеты демографические циклы, и само наличие таких циклов указывает на устойчивость процесса глобального роста.

С другой стороны, весь мелкомасштабный исторический процесс во времени и в пространстве являет все элементы динамического хаоса. Таким образом, по мере уменьшения длительности исторических процессов в масштабе собственного времени длительности роста и равного удалению в прошлое от момента демографического перехода, локальное развитие делается всё более хаотичным, неустойчивым и потому непредсказуемым. Эту разницу в характере перемен следует иметь в виду при поисках и выделении закономерностей в событиях прошлого. Именно эту разницу во временных масштабах имел в виду и подчёркивал Бродель [13] (см. стр.13).

Наконец, при обсуждении основной формулы гиперболического роста было обращено внимание на то, что в момент рождения Вселенной уже было бы 10 человек, на что указывает и траектория развития, экстраполированная в ту далёкую эпоху (см. рис. 11). Это можно интерпретировать либо как «шалость больших цифр», случайность, либо как проявление *антропного* принципа, согласно которому жизнь на Земле и даже возникновение разума имеет космологический масштаб времени развития (ср. [20]).

Завершая изложение анализа роста населения Земли как системы, подчеркнём, что численность населения есть главная переменная, определяющая наше развитие, что выражено в автономном уравнении роста. Это позволило с большой полнотой количественно описать наше развитие и на этой основе удалось перейти от частных моделей роста и впервые предложить теорию развития всего человечества. Итак, когда развитие человечества рассматривается в целом, а рамки исследования расширены во времени, оказалось возможным описать весь процесс истории в прошлом и указать на развитие в предвидимом будущем. Ибо тот, кто не умеет «предсказывать прошлое», не может рассчитывать и на предвидение грядущего. Эти предвидения не обладают той полнотой, которую мы получили от развитой выше теории при описании прошлого, однако, они дают основу для суждений о путях нашего развития в будущем.

В обозримом будущем нас ожидают переход к новой парадигме развития человечества, переход к обществу, где знания будут доминировать и в котором может произойти столь же резкая смена ценностей в жизни общества. Осознание масштаба этой революции необходимо при ответственном управлении обществом и предвидении будущего как близкого, так и далекого при обращении к системному объяснению природы кризиса в первую очередь на уровне сознания и культуры.

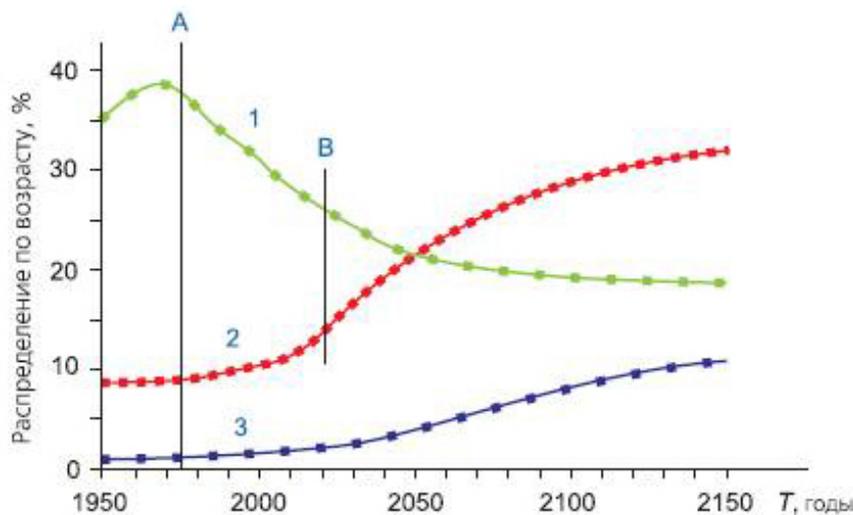
МИРОВОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В БУДУЩЕМ И КРИЗИС РОЖДАЕМОСТИ

Если в развитых странах так называемого «золотого миллиарда» уже отмечается резкое падение роста населения, при котором население не возобновляется и стремительно стареет, то в развивающемся мире пока наблюдается обратная картина – там население, в котором преобладает молодёжь, быстро растёт [4] (см. рис. 13). Переход в развивающихся странах затрагивает более 5 млрд человек, численность которых удвоится при завершении глобального перехода во второй половине XXI в., а сам переход происходит в два раза быстрее, чем в Европе. Скорость процессов роста и развития поражает своей интенсивностью – так, экономика Китая растёт более чем на 10% в год. Производство же энергии в странах Юго-восточной Азии растёт на 7–8% в год, а Тихий океан становится последним средиземноморьем планеты после Атлантического океана и собственно Средиземного моря и в этом стремительном росте можно видеть предпосылки для развития системных неустойчивостей.

Одним из следствий демографической революции стало резкое сокращение числа детей на каждую женщину, отмеченное в развитых странах. Так, в Испании это число равно 1,20; в Германии – 1,41; в Японии – 1,37; в России – 1,3 и на Украине – 1,09, в то время как для поддержания простого воспроизводства населения в среднем необходимо 2,15 детей на каждую женщину [5, 9]. Таким образом, все самые богатые и экономически развитые страны, которые на 30–50 лет раньше прошли через демографический переход, оказались несостоятельными в своей главной функции – воспроизводстве населения. Парадокс демографического перехода состоит в том, что в прошлом на каждую женщину приходилось много детей. Однако рост не зависел явно от числа детей, приходящихся на каждую женщину, а только от малой разницы между рождаемостью и смертностью (см. рис. 13). При наступлении перехода общее число детей падает настолько, что при резком изменении роста и развития это привело к современному кризису рождаемости, самому острому противоречию современного мира от неустойчивости жизни, когда так «порвалась связь времён». Этому способствуют отмеченный выше общий кризис механизмов организации общества и распад традиционных идеологий в современном мире во время перехода.

Рисунок 12

Старение населения мира при демографической революции 1950 – 2150 гг.

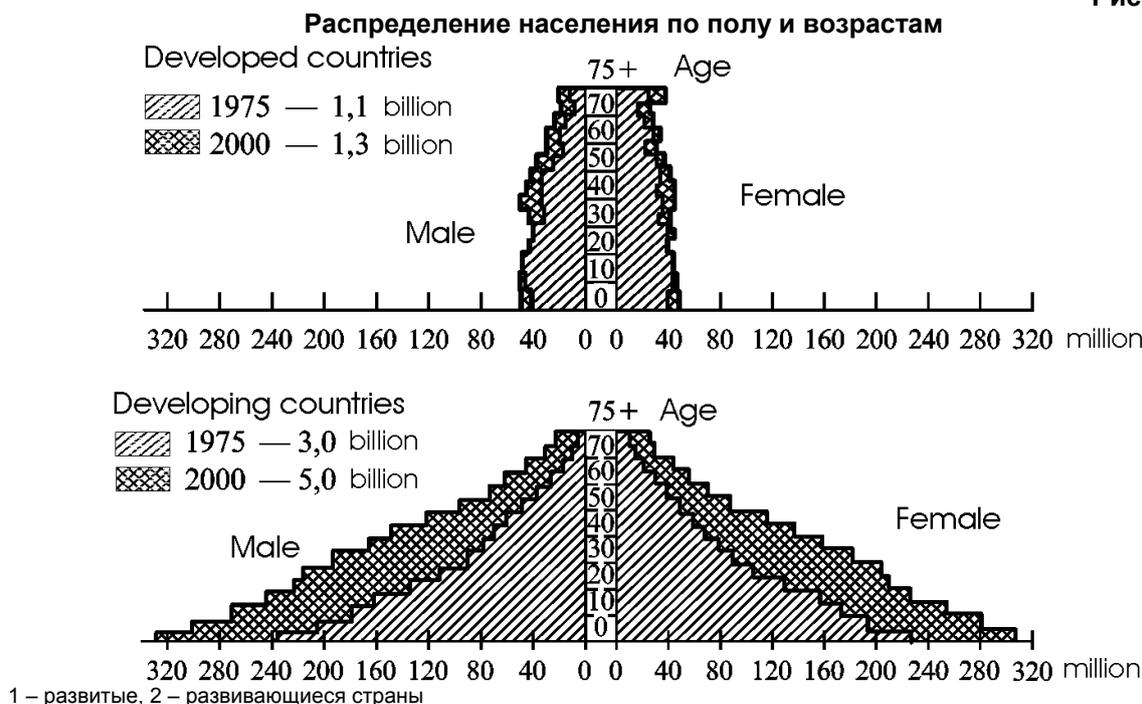

1 – возрастная группа моложе 14 лет, 2 – старше 65 лет и 3 – старше 80 лет. (По данным ООН). А – распределение возрастных групп в развивающихся странах и В – в развитых странах в 2000 г.

Изменение соотношения пожилых и молодых людей стало результатом демографической революции, что и привело к максимальному расслоению мира по возрастному составу. Именно молодёжь, которая активизируется в эпоху демографической революции, становится могучей движущей силой исторического развития. От того, куда её силы будут направлены, во многом зависит устойчивость мира. Для России таким регионом стал не только Кавказ, но и Средняя Азия – наше «мягкое подбрюшье», где демографический взрыв, наличие энергетического сырья и кризис с водоснабжением привели к напряжённой ситуации в самом центре Евразии.

В настоящее время исключительно возросла подвижность народов, сословий и людей. Как страны АТР, так и другие развивающиеся страны охвачены мощными миграционными процессами. Перемещение населения происходит как внутри стран в первую очередь из сёл в города, так и между странами. Рост миграционных процессов, охвативших теперь весь мир, приводит к дестабилизации как развивающихся, так и развитых стран. Если в XIX и XX веках во время пика прироста населения в Европе эмигранты направлялись в колонии и Новый свет, а в России – в Сибирь и республики Советского Союза, то теперь возникло обратное перемещение народов, существенно меняющих этнический состав метрополий. Значительная, а во многих случаях, подавляющая часть мигрантов нелегальна, не подконтрольна властям и в России их число составляет 10–12 млн. Миграция и подвижность людей связаны не только с экономическими факторами, но и образовательным уровнем части мигрантов. Их численность может быть меньше, чем у гастарбайтеров, но значение больше как в экономическом, так и культурном плане. Последствия подвижности и смена этносов могут стать источником возрастающего социального напряжения, порождая комплекс проблем, требующих отдельного рассмотрения. Однако подчеркнём, что в рамках приближений модели предполагается, что человечество состоит из одного вида, и тем самым не учитывает внутривидовые и расовые различия людей. Поскольку ни расы, ни ресурсы не определяют переход, то его причину следует искать в идеях, системе моральных норм, ценностей, управляющих поведением людей и которые формируются и закрепляются традицией в течение длительного времени.

Рисунок 13

В эпоху же быстрых перемен этого времени просто нет. Поэтому в период демографической революции в ряде стран, в том числе и в России, происходит распад сознания и управления обществом, эрозия власти и ответственности управления, растут организованная преступность и коррупция. В будущем при завершении демографической революции к концу XXI в., наступит старение населения мира. Если при этом число детей у эмигрантов тоже сократится, станет меньше необходимого для воспроизводства населения, то такое положение может привести к кризису развития человечества в глобальном масштабе. Однако можно предположить, что и сам кризис воспроизводства населения стал реакцией на стресс от демографической революции и потому, быть может, будет преодолен в предвидимом будущем при её завершении и переходе к стационарному режиму развития. Во всяком случае, на это указывает асимптотическое поведение роста населения Земли, рассматриваемое как аналитическая функция при статистическом описании уравнений процессов развития.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС ИДЕОЛОГИЙ

В результате возрастающего неравновесного состояния общества растёт социальное и экономическое неравенство – как внутри развивающихся стран, так и развитых стран. Политический кризис обществ носит мировой характер и его предельной реалией, несомненно, стало ракетно-ядерное оружие и сверхвооружённость некоторых стран. Но всё бессилие силы, выраженное в концепции «сила есть, ума не надо», наглядно показал распад Советского Союза и вторжение в Ирак. Когда, несмотря на громадные вооружённые силы именно идеология, программное обеспечение политики, оказалось «слабым звеном». Таким образом, демографическая революция выражается не только в демографических процессах, но и в разрушении связи времён, распаде организации и стихии хаоса. Это чётко отражается в некоторых веяниях искусства и постмодернизма в философии, а также в распаде политических структур, кризисе ООН и международных правовых норм. Такие разные по масштабу явления призваны обратить внимание на общие причины, появившиеся в эпоху глобального демографического перехода, когда внезапно и быстро проявилось и возрастает несоответствие общественного сознания и мотивация развития физическому – экономическому потенциалу. Это сопровождается ростом всех проявлений неравновесия в обществе и экономике при распределении результатов труда, информации и ресурсов. Это видно и в примате местной самоорганизации над государственной организацией, рынка с его коротким горизонтом видения по сравнению с более долгосрочными социальными приоритетами развития общества и инициативы государства в управлении процессами рыночной экономикой. Так вместе с распадом идеологий, ростом самоорганизации и развитием гражданского общества происходит вытеснение старых структур новыми в поисках идеологий, ценностей и самих целей развития.

С другой стороны, пришедшие из прошлого отвлечённые и во многом устаревшие концепции некоторых философов, теологов и идеологов приобретают значение, если не звучание, политических лозунгов. Возникает и неуёмное желание «исправить» историю и приложить её опыт прошлых веков к нашему времени. Однако предельное сжатие исторического времени приводит к тому, что время виртуальной истории слилось со временем реальной политики. Времени, когда выработка идеологий и исторический процесс достижения экономической справедливости, который ранее занимал века, теперь крайне обострился и настоятельно требует нового осмысления, а не слепого служения прагматизму текущей политики.

Рассматривая численный рост, следует обратить внимание на то, что развитие общества путём информационного механизма – это процесс в основе неравновесный. Он в корне отличается от вальрасовых моделей экономического роста, где архетипом является термодинамика равновесных систем, в которых происходит медленное, адиабатическое развитие, а механизм рынка способствует установлению детального экономического равновесия. Тогда процессы в принципе обратимы и понятие собственности отвечает законам сохранения. Однако эти представления в лучшем случае действуют локально и не применимы при обосновании необратимого и неравновесного глобального процесса развития, происходящего при распространении и умножении информации. Напомним, что экономисты со времён раннего Маркса, Макса Вебера и Йозефа Шумпетера отмечали влияние нематериальных факторов в нашем развитии, о чём недавно заявил Фрэнсис Фукуяма: «Непонимание того, что основы экономического поведения лежат в области сознания и культуры, приводит к распространённому заблуждению, согласно которому материальные причины приписывают тем явлениям в обществе, которые по своей природе в основном принадлежат области духа».

В результате в развитых странах рабочая сила перемещается в сферу услуг. Так в 2006 г. в США 1% рабочей силы заняты в сельском хозяйстве. В Германии в 1999 г. оборот в секторе информационных технологий стал больше, чем в автомобильной промышленности – столпе немецкой экономики. В настоящее время самый большой рост числа научных работников происходит в Китае, где развитие науки стало национальным приоритетом, когда 150 тысяч китайцев учатся в США. От китайских учёных и тех, кто получил образование в США, Европе и России, можно ожидать нового прорыва в мировой науке, а опыт Японии и Южной Кореи показывает, как быстро могут модернизироваться страны Востока. Так в Индии экспорт программного продукта в 2007 г. достиг 40 миллиардов долларов и стал сравнимым с затратами на закупку нефти: в экономике интеллектуальный продукт становится самым ценным. В этом секторе экономики оказывается, что представления о равновесии рынка и понятие об интеллектуальной собственности противоречат основным свойствам информации. Действительно, при распространении информации она не только не сохраняется, но интенсивно и необратимо умножается, в первую очередь в системе науки и образования. Поэтому в современном мире возникает противоречие между временем развития системы знаний и их поддержкой и распространением в обществе, и временными масштабами механизмов рыночной экономики.

Рисунок 14

Распределение рабочей силы США в XX веке по секторам экономики

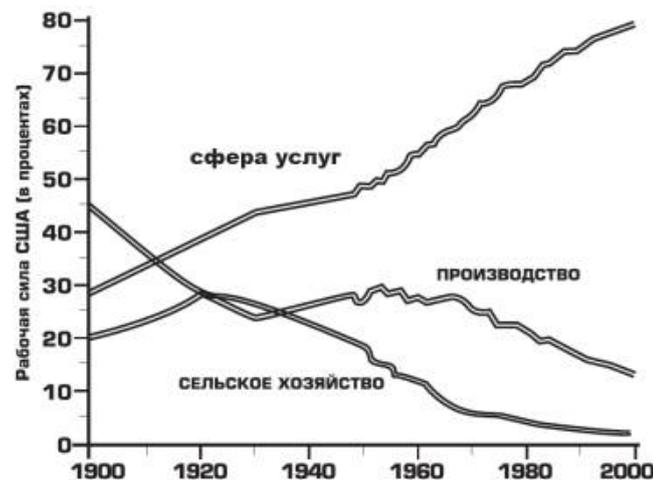
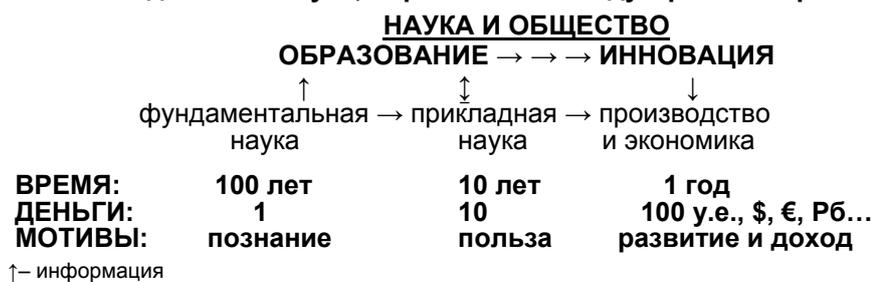

Рисунок 15

Взаимодействие науки, образования и индустрии в современном мире

Кризис в науках об обществе при росте всё усиливающейся специализации знаний также мешает развитию более глубоких представлений о природе человека и его сознания, так и из-за отсутствия интегрирующих и синтетических представлений. В настоящее время внимание приковано к глобализации, подразумевая при этом финансовые и торговые связи, охватившие человечество. Однако в рассматриваемой модели развитие человечества с самого начала имело глобальный характер. Ещё со времён палеолита человек расселялся по всему земному шару, но тогда это происходило в масштабе времени, равного удалению в прошлое и занимало сотни тысяч лет, сейчас же это происходит на протяжении жизни одного поколения.

В отличие от «мировых» религий, с самого появления фундаментальное научное знание, наука развивалась как единое глобальное явление в мировой культуре с общим информационным, а теперь и кадровым пространством. Если вначале во времена Везалия и Гуго Гроция, Коперника и Ньютона её языком была латынь, затем французский и немецкий, то теперь языком науки стал английский. Естественно, что осознание информационного механизма развития человечества придаёт особое значение развитию науки, и в постиндустриальную эпоху её значение только возрастает, когда от статического, религиозного мировоззрения приходит научное [8].

Глобализация науки привела к тому, что задачей национальной научной политики становится, с одной стороны, вклад в мировую науку, отвечающий общим высоким требованиям. С другой стороны, использование результатов мировой науки невозможно без понимания всего того, что происходит на мировой арене. Это определяется мерой интеграции национальной науки в мировую. Из-за связи фундаментальной науки и образования (и знаковой культурой!) они должны поддерживаться государством и управляться обществом, где длительные приоритеты определяются социальным заказом, а не только рынком с его критерием быстрой эффективности. Эти соображения приводят к трудностям реализации рыночных законов в этих областях при управлении на основе краткосрочных монетаристских механизмов и эти противоречия в современном мире только обостряются. Они приводят либо к росту пиратства и нарушению так называемых авторских прав, либо даже к торможению развития и увеличению не только экономиче-

ских градиентов в мире, но и возрастающему информационному и образовательному неравенству. Так новые социальные градиенты могут породить и новую напряжённость и конфликты.

Временной масштаб процессов роста становится определяющим фактором в оценке их значимости, механизмов управления и контроля. В мировой науке фундаментальные открытия традиционно публикуются и сразу становятся общедоступными. В конечном итоге тоже происходит с крупными явлениями культуры и искусства. Поэтому так поучительно было преодоление распространения патентных прав на геном человека или споры о пределах права собственности на крупные по своей значимости явления культуры. В этом случае функцией владельца становится хранение этих объектов при соответствующем ограничении его прав собственника. С другой стороны, монопольное ограничение прав на программное обеспечение стало тормозом в развитии, равно как попытки распространить авторские права на такие сводные сочинения знаний человечества, как Британская энциклопедия, от чего, как известно, со временем отказались.

Демографический фактор, который сцеплен с культурой и тем самым с идеологией, связан со стадией прохождения демографического перехода и играет существенную роль в опасности возникновения войны и вооружённых конфликтов, в первую очередь в развивающихся странах. Более того, само явление терроризма выражает состояние социальной напряжённости, как это уже было в пике демографического перехода в Европе во второй половине XIX века и начале XX века.

В оборонной политике демографические ресурсы ограничивают численность армий, что требует модернизации вооружённых сил. Возрастает значение, как технической вооружённости, так и всё большей роли того, что принято называть психологической войной. Именно поэтому так возрастает роль идеологии, не только как основы политики, но и в том, что распространение идей путём активной пропаганды, рекламы и самой культурой и религией является действенным фактором современной политики, когда информация становится её инструментом. В развитых странах, завершивших демографический переход, эта тенденция уже видна в смене приоритетов в политике и практике СМИ. Их реализация в экономике, здравоохранении и духовном равновесии в обществе, нарушенном в эпоху демографической революции, приведёт к новому социальному заказу в идеологии и образовании.

Заметим, что количественный анализ устойчивости развития глобальной демографической системы указывает, что максимум неустойчивости развития, возможно, уже пройден. Поэтому по мере долговременной стабилизации населения и коренного изменения исторического процесса можно ожидать и возможную демилитаризацию мира при уменьшении демографического фактора в стратегической напряжённости и наступления новой временной периодизации глобальной истории.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЫ РОСТА

Мы видим, что человечество с момента своего возникновения, когда оно стало на путь гиперболического роста, развивалось как информационное общество. Однако мы имеем дело не только с взрывным развитием самоорганизующегося общества, но и с исчерпанием возможностей его роста. Это парадоксальный вывод, однако, он приводит к следствиям, имеющим всё возрастающее значение для понимания процессов, происходящих при прохождении через критическую эпоху демографической революции и оценок того будущего, которое нас ожидает и здесь пример Европы особенно поучителен. При стабилизации населения мира развитие не может быть связано дальше с численным ростом, и поэтому следует обсудить, по какому пути оно пойдёт. Развитие может прекратиться – и тогда наступит период упадка, а идеи «Заката Европы» получат своё воплощение. Но возможно и другое, качественное развитие, при котором смыслом и целью станет *качество человека и качество населения*, и где *человеческий капитал* будет его основой. На этот путь указывают ряд авторов [6]. И то, что мрачный прогноз Освальда Шпенглера для Европы пока не оправдался, вселяет надежды, что путь развития будет связан со знаниями, культурой и наукой. Европа, многие страны которой первыми прошли через демографический переход, теперь смело прокладывает путь к реорганизации своего экономического, научно-технического и политического пространства, что указывает на процессы, которые могут ожидать другие страны. Эта критическая бифуркация, выбор пути развития, со всей остротой стоит и перед Россией.

Ныне всё человечество переживает необычайный рост информационных технологий. Так повсеместно распространение сетевой связи, когда одна треть человечества уже обладает мобильными телефонами. Интернет, где число пользователей превысило один миллиард, стал эффективным механизмом коллективного информационного сетевого взаимодействия, даже материализацией коллективной памяти, если не самого сознания человечества, реализованного на технологическом уровне системами поиска информации, как Google и Яндекс.

Эти возможности предъявляют новые требования к образованию, когда не знания, а их понимание становится основной задачей воспитания ума и сознания. Недаром Вацлав Гавел заметил, что «чем больше я знаю, тем меньше я понимаю». Действительно, простое примене-

ние знаний не требует глубокого понимания, что и привело к прагматичному упрощению и снижению требований в процессе массового обучения. По-видимому, необходима дифференциация образования по уровню и целям, не нарушая принципа доступности при воспитании лучших умов. В настоящее время продолжительность образования всё увеличивается и часто наиболее творческие годы человека, и годы более всего соответствующие созданию семьи, уходят на учёбу.

Всё бóльшая ответственность перед обществом в формировании ценностей, в представлении образования и знаний, должна осознаться средствами массовой информации. При пересмотре ценностей существенным должен стать отказ от культа потребления, навязанный рекламой. Недаром некоторые аналитики определяют нашу эпоху как время эскапизма и избыточной информационной нагрузки, обремененной пропаганде, рекламе и развлечениям, как бремя нарочитого потребления информации, за которую не малую ответственность несут СМИ. Ещё в 1965 году выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев пронизательно заметил, что «избыток информации ведет к оскудению души». Мне бы хотелось видеть эти слова на каждом сайте сети.

Наш анализ приводит к однозначному выводу о причинах глобального демографического перехода, который связан с наступлением в режиме с обострением предела скорости роста демографической системы населения мира. Этот вывод очень существенен, так как отрицает мальтузианский популяционный принцип, при котором определяющим фактора роста являются ресурсы. Из этого следует вывод о приоритетах развития человечества, переноса их в область внутренней возможности использования ресурсов, программного обеспечения, а не «железа», если пользоваться компьютерной аналогией. За этим естественно следуют существенные стратегические и практические выводы о приоритетах развития мирохозяйственной системы, когда первостепенным становится сама надстройка при изменении экономического базиса.

Поэтому для автора была так существенна статья крупного историка академика РАН В.С. Мясникова, в которой содержится развёрнутый анализ основных положений теории роста [23]. С другой стороны, полное непонимание идей автора показал в своей статье А.В. Шишков [24], сама форма которой заставила вспомнить худшие традиции прошлых времён. К сожалению, общие вопросы применения методов математики к общественным явлениям также требуют бóльшего внимания и понимания, чем это делается, что видно и по некоторым публикациям в серии «Законы истории». В ряде случаев речь может идти лишь о качественном, «мягком» моделировании, когда очень рискованно, если вообще допустимо, искать в модели более глубокий смысл [25]. Следует также иметь в виду, что в прошлом в экономике всё большее место занимало производство и сельское хозяйство. Так, физиократы ещё в начале XIX в. считали, что в основе экономики лежит сельское хозяйство. Однако во всех обществах надстройка – культура и идеология определяли развитие. Ведь уже в древнем Египте фараоны и жрецы могли мобилизовать громадные ресурсы на постройку пирамид. Изменения же в XX веке в секторах экономики США видны на рисунке 14. Поэтому система жизнеобеспечения всегда гарантировала возможность существования, но не определяла развитие. Таким образом, к выводу о том, что ресурсы «в большом» не ограничивают рост можно было придти только исходя из общего анализа динамической модели. Именно потому В.С. Мясников и назвал свою рецензию «Российский анти-мальтус».

Россия в глобальном демографическом контексте

Остановимся на трёх вопросах, которые, в частности, выделены в Послании президента В.В. Путина к Федеральному собранию 2006 года. На первое место президент поставил кризис с рождаемостью, который определяется тем, что в среднем на одну женщину приходится 1,3 ребенка – практически на одного меньше необходимого. При таком уровне рождаемости страна даже не может сохранить численность своего населения, которое в настоящее время в России ежегодно уменьшается на 700 000 человек [4]. Но, как мы видели, малая рождаемость – характерная черта всех современных развитых стран, которую можно рассматривать как следствие демографического перехода. Безусловно, в России материальные факторы, сильное и растущее имущественное расслоение общества в этом играют значительную роль, и предложенные меры помогут частично исправить высокую степень неравномерности в распределении доходов в нашей стране.

Однако основная и даже главная роль принадлежит появившемуся в современном развитом мире моральному кризису, кризису системы ценностей. К сожалению, в России политика в

области качества образования, и особенно в СМИ, ведёт к тому, что мы совершенно бездумно импортируем и даже насаждаем представления, только ухудшающие ситуацию с кризисом самосознания и усиливающие дальнейшую атомизацию, распад сознания общества. Симптоматичны явления, происходящие с языком: засорение иностранными словами, «сленгом», ненормативной лексикой, «клиповым» строем речи и писем SMS. Можно спорить о том, есть ли это симптом кризиса или нормальная эволюция языка. В этом вопросе важна и социальная позиция интеллигенции, которая, получив свободу, вообразила, что это освобождает её и от ответственности перед обществом в критический момент истории мира и страны.

Среди всех развитых стран Россия выделяется высокой смертностью мужчин. Для них средняя продолжительность жизни составляет 58 лет – на 20 лет меньше, чем в Японии и США. Причина этого состоит в печальном состоянии системы здравоохранения, которое, несомненно, усугубил бездумный монетаристский подход к организации этой области социальной защиты граждан, включая, в том числе и крайнюю недостаточность пенсионного обеспечения. Последствием этих факторов стал распад семьи, катастрофический для истории России рост числа беспризорных детей, принявший эпидемические размеры. При этом также велика роль моральных факторов при снижении ценности жизни человека в общественном сознании, сопровождаемая резким ростом алкоголизма и самоубийств, невозможностью самореализации при адаптации к новым социально-экономическим условиям при массовой безработице. Эконометрический анализ этих процессов и путей выхода в рамках Национальной программы демографического развития России рассмотрены А.Ю. Шевяковым [9] и в исследовании, проведённом В.И. Якуниным [19]. Глубокое обсуждение этих вопросов с позиций демографии дано А.Г. Вишневым [14].

Для России существенным фактором стала миграция, которая даёт до половины прибавки населения. С возвращением на родину русских страна получает людей, обогащённых опытом других культур. Не менее важен и приток мигрантов из сопредельных стран, которые в основном пополняют рабочий класс и имеющий, главным образом, экономические причины. Так миграция стала новым и очень динамичным явлением в демографии России, и можно только отметить, что, как и в других странах, в российском контексте многие проблемы имеют сходный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование и обсуждение глобального демографического процесса привело не только к открытию информационной природы механизма роста и расширению наших представлений обо всём развитии человечества, но позволило с таких позиций охватить и современность. Существенен вывод о том, что человечество на всём пути неизменного гиперболического роста в целом располагало необходимыми ресурсами и энергией, без чего невозможно было бы достигнуть нынешнего уровня развития, когда развитие производительных сил обеспечивало рост, но принципиально не ограничивало его, как это полагалось в мальтузианских моделях. Поэтому развитие человечества происходило на основе знаний, интеллекта организующих жизнь. С самого начала оно определяется именно коллективным взаимовлиянием, идеологией как обобщённому программированию общества, которое обязано разуму и сознанию человека – тому, что принципиально отличает нас от инстинктов животных.

Проблема состоит не в ресурсном ограничении, не в глобальном недостатке энергии, а в социальных механизмах управления и распределения знаний, богатства и земли, как это так остро происходит и в России. В мире существует региональное перенаселение и очевидная бедность, нищета и голод, но это местные, локальные явления, а не результат глобальной нехватки ресурсов. Сравним Индию и Аргентину: площадь Аргентины на 30% меньше площади Индии, население которой почти в 30 раз больше, однако Аргентина могла бы производить достаточно пищи, чтобы прокормить весь мир. С другой стороны, в Индии есть годовой запас продовольствия, хотя в ряде провинций и голодают.

В мире, охваченном глобализацией, рассмотрение проблем продовольствия, здравоохранения и образования, энергетики и экологии должно привести к конкретным политическим рекомендациям, определяющим развитие и безопасность мира в целом. Ведь в современном мире развитие производительных сил достигло такого уровня, что на жизнеобеспечение человечества достаточно 15–20% рабочей силы. Так происходит перераспределение приоритетов развития, и всё большее значение приобретает культура и наука во всех своих проявлениях. В этой области благодаря системе образования Россия пока обладает значительным заделом, однако, существенно отстаёт в развитии и эффективности, как сельского хозяйства, так теперь и промышленности. От того, как удастся преодолеть это несоответствие в развитии, во многом зависит наше будущее. Это определит место, которое будет занимать наша страна в глобализованном мире при осознании той роли, которую ей предстоит играть в судьбе сопредельных стран, после того как Россия освободилась от обязательств прошлого. Поэтому, как и в Европе, в постсоветском пространстве можно предвидеть экономическую интеграцию стран, без которой невозможно развитие этого региона.

Анализ роста численности населения позволяет описать суммарный результат всей экономической, социальной и культурной деятельности человечества, что впервые открывает путь к количественному пониманию истории. В этом состоит основной результат опыта рассмотрения фундаментальных причин, которым человечество обязано своим развитием и его последствий в предвидимом будущем. Этот подход привёл к необходимости преобразования понятия времени в истории, аналогично принципу относительности в физике и космологии. Поэтому в данной работе центральное место отведено глобальной динамике численности человечества и принципу демографического императива. С другой стороны, несомненно, важен поиск и анализ явлений связанных в переходе в современной экономике от примата производства к теме развития культуры и знаний, к тем новым явлениям, с которыми это связано. В этом отношении представляет интерес последняя книга Тоффлеров [26].

В заключение заметим, что обсуждение самых разных аспектов истории показывает всё многообразие влияния информации и знаний на развитие человечества, которое с самого начала было самоорганизующимся обществом. Однако решение этих проблем как глобальных, так и в масштабе страны невозможно без координированной организации, без политической воли для обеспечения целей развития «в большом» и самой устойчивости роста «в малом». При этом стохастические рыночные механизмы должны быть использованы при управлении ростом для достижения эффективности экономики. То же относится к управлению системой населения при демографической революции, когда можно предвидеть более активное вмешательство в демографию. Автор понимает возникающее при этом противоречие с традицией, однако, его целью было возможно более полное выяснение механизма развития, обязанное коллективному взаимодействию. Оно основано на потенциале нашего разума, как у отдельной личности, так и как социального явления, выраженного в культуре и общественном сознании, распространяемого и реализуемого через образование и СМИ.

Системное понимание всей совокупности глобальных процессов, достигнутое в междисциплинарных исследованиях, опирающееся на количественное описание развития мирового сообщества представляется обещающим. Поэтому надо надеяться, что развитый подход получит развитие, как в общественных науках, так и как проблема прикладной математики и теоретической физики сложных систем. Ведь метод исследования аналогичен современной космологии, которой посвящено множество работ, посвящённых фундаментальным проблемам устройства мира в целом. Здесь же идёт речь о теории человечества и самых близких к нам обстоятельствах нашей жизни. Таким образом, развитый подход может стать естественным шагом к предвидению и активному управлению будущим, в котором в обществе знания факторам культуры и науке принадлежит ведущая роль (ср. [8, 9]).

Сегодня такому социальному заказу из будущего должна отвечать система организации науки и образования, прежде всего, в воспитании наиболее способных и ответственных слоёв общества, в свете выработки новых представлений в науках об обществе и всестороннем развитии современного миропонимания. С этим связаны надежды человечества и в то же время видны основания для исторического оптимизма по мере выхода из величайшего кризиса, вызванного эпохой глобальной демографической революции, в которую нам довелось жить.

Образно история человечества отображает судьбу человека, который со времени бурной молодости, когда он учился, воевал, обогащался и, пережив время приключений и поисков, наконец, женится, обретает семью и покой. Эта тема в мировой литературе существует со времен Гомера и сказок «Тысячи и одной ночи», Св. Августина, Стендаля и Толстого: как и в живой природе, развитие особи повторяет развитие вида.

Быть может, теперь и человечеству после драматических времён роста и перемен предстоит одуматься и успокоиться.

Только будущее это покажет, и ждать его не придётся долго.

Литература

1. Капица С.П., Курдюмов С.П. и Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. В 2001 году эти исследования были отмечены премией Правительства России.
2. Капица С.П. Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999.
3. Kapitza S. P., Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome. «Global Marshall Plan Initiative», Hamburg; «Tolleranza», Moscow, 2007.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого, М.: «АСТ», 2005.
5. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожает нашей стране и цивилизации / Пер. с англ. М.: «АСТ», 2004.

6. Culture matters. How values shape human progress. Eds. L.E. Harrison and S.P. Huntington, «Basic Books», New York, 2000.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: «УРСС», 2003.
8. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Пред. К. Мацуура. ЮНЕСКО, Париж, 2005.
9. Шевяков А.Ю. Социально-экономические аспекты решения демографических проблем в системе стратегического развития России / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2007.
10. Haub C., Population Reference Bureau, Washington D.C., 2003.
11. Chesnais J-C. The Demographic Transition. Stages, Patterns and Economic Implications. Oxford, 1992.
12. Савельева И.М. и Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997.
13. Braudel F. On History, «University of Chicago Press». Chicago, 1980.
14. Вишневский А.Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости / Сайт С.П. Курдюмова, 2006.
15. Meadows D. et al., Limits to Growth, «Universe Book», New York, 1972.
16. Fucuyama F., The End of History and the Last Man. New York, 1992.
17. Хакен Г. Синергетика / Перевод с немецкого. М.: «Мир», 1985.
18. Cohen J., How many People can the World Support? «Norton», New York, 1995.
19. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Ред. В.И. Якунин, М.: 2007.
20. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум / 6-ое издание. М.: Наука, 1987.
21. Режимы с обострением. Эволюция идеи / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Наука, 1999.
22. Самарский А.А., Галактионов В.А., Курдюмов С.П. и Михайлов А.П. Режимы с обострением в задачах для квазилинейных параболических уравнений. М: Наука, 1987.
23. Мясников В.С. Российский Анти-мальтус // «Вестник Российской Академии Наук». 2000. № 7.
24. Шишков Ю.В. Демографические похождения физика // «Общественные науки и современность». 2005. № 2. Там же ответ С.П. Капицы: Асимптотические методы и их странная интерпретация.
25. Коротяева А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование развития мир-системы. Вековые циклы и тысячелетние тренды. «URSS», Москва, 2007.
26. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / Перевод с английского. М.: «Профиздат», АСТ, 2007.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 1)

О.А. Бельков

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙН И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НИХ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Все зло кроется в наших неразумных понятиях и в наших преступных желаниях. И поэтому надо зорко и опасно глядеть за тем, как образуются в нас наши понятия и желания. В этом важном деле никогда нельзя быть слишком строгим и осторожным. (*Эпиктет*)

Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами. (*Карл Шмитт*)

Нам нравится эта работа – называть вещи своими именами. (*Карл Маркс*)

Слово «война» широко используется в обыденной и публицистической речи, в научных и политических текстах. И каждый на уровне здравого смысла знает, о чём идёт речь, когда оно произносится. Всем понятны слова из пронзительной песни «Хотят ли русские войны?»: «Да, мы умеем воевать, / Но не хотим, чтобы опять / Солдаты падали в бою / На землю горькую свою». Не нуждается в разъяснении и что имеется в виду в (неверных по существу, но ясных по форме) часто воспроизводимых высказываниях Ж. Клемансо: «Война – дело слишком серьезное, чтобы ее доверять военным»¹ или У. Черчилля: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне». Ясный и однозначный смысл этого слова содержит и целевая установка Организации Объединенных Наций, сформулированная в её Уставе: «Избавить грядущие поколения от бедствий войны» и требование ко всем членам этой Организации воздерживаться от «угрозы силой или ее применения». Не может быть и двойного толкования положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Стратегические цели совершенствования национальной обороны состоят в предотвращении глобальных и региональных войн и конфликтов, а также в осуществлении стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Казалось бы, без строгих определений, эмпирических исследований и разработки научных теорий можно использовать его для объяснения действительности. Есть нечто, что позволяет считать относящимся к одному классу явлений столь разные события, как столкновение первобытных племён, осада и взятие Трои ахейскими царями, Вторая мировая война или вторжение американских войск в Ирак.

Это нечто и составляет инвариантную сущность войны. Она заключается в том, что война – область опасности, физических усилий и страданий. Она сопровождается гибелью людей, материальными потерями, которые несут не только жертвы, но и инициаторы военного насилия, не только побеждённые, но и победители. В условиях войны жизнь и собственность индивидов, права и свободы человека и общности, судьба отдельной семьи и будущее всего народа оказываются под вопросом. Именно поэтому, как говорил Альбер Камю, «как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, начинает звучать неверно»².

На протяжении истории в отношении к войне сталкиваются и борются три подхода. Сторонники милитаризма рассматривают войну как неизбежную и необходимую форму бытия человечества, отводят войнам исключительно прогрессивную роль в истории общества. По их мысли, войны содействуют формированию и реализации сильных личностей и сильных наций, которым предназначена особая историческая миссия. После наполеоновских войн зародилось движение пацифизма, последователи которого выступают с осуждением всяких войн как аморального явления. Их активность способствовала разработке и принятию многими государствами соглашений о законах и обычаях войны, мирном разрешении международных споров, формированию международного гуманитарного права. Ещё одна позиция строится на том, что «не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть» (Ф.М. Достоевский). В рамках этого подхода основное место занимает идея о справедливых, законных, прогрессивных и несправедливых, противоправных, реакционных войнах.

В наше время массовое общественное сознание воспринимает войну как национальное бедствие и угрозу существования цивилизации, а международное право, доктринальные установки и стратегические концепции большинства государств мира рассматривают ее как неприемлемый способ разрешения возникающих противоречий.

Между тем, на рубеже 20–21 вв. в публицистике, науке и политике получает расширительное толкование войны, при котором собственный смысл этого термина подменяется его переносным значением (любое состояние вражды, острой конфронтации и противоборства между отдельными лицами, группами

¹ Цит. по: *Лиддел Гарт Б.Г.* Вторая мировая война. М.: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1999/ <http://militera.lib.ru/h/liddehart/index.html>. В. Серов приписывает эти слова министру иностранных дел послереволюционной Франции Ш.М. Талейрану. (<http://bibliotekar.ru/encSlov/3/139.htm>.)

² Известия, 2002, 5 ноября.

или институтами). При этом ревизии подвергаются оба существенных признака войны, как продолжения политики насильственными средствами (оружием). Во-первых, война «выводится» из сферы политики и политического. Во-вторых, утверждается, что военная сила как фактор разрешения экономических, социальных, идеологических, экологических противоречий теряет былое значение, становится «архаичной». Теперь якобы возможны войны без военных действий, без вооружённой борьбы.

Насколько уместны, обоснованы, целесообразны попытки нового взгляда на войну? Ответ на этот вопрос предполагает всестороннее и детальное рассмотрение таких проблем.

В чём специфика военного насилия, в чём его отличие и как оно соотносится с другими видами и формами насилия, осуществляемого в политических целях?

Захват территории, уничтожение армии противника, и даже его населения – это цель и содержание войны как политики или специфическое средство, способ достижения политических целей?

Имея в виду, что военное насилие экономически накладно и встречает неприятие общественного мнения, и потому геополитическое (и классовое, этническое) противоборство обретает иные формы, можно ли считать, что война ушла в прошлое?

Чрезвычайное многообразие прошедших и возможных войн в будущем делает ли необходимым и возможным их классификацию? На каких основах она может быть проведена? Насколько операциональна классификация войн, данная в Военной доктрине Российской Федерации?

Вопрос вопросов – нужно ли «помнить войну» и к какой войне готовиться. Возможны ли в будущем военные действия или всё сведётся к специальным операциям «мобильных сил»?

Если атрибутивный признак войны – продолжительные и согласованные двусторонние военные действия, то кто, какие структуры её ведут. И в чём состоит предназначение армии?

Некоторые из этих проблем стали предметом рассмотрения в настоящей работе.

Сущностные признаки войны

В истории человечества войны занимали большое место и играли огромную роль в определении судеб народов и государств.

По очень приблизительным подсчётам, с 3600 г. до конца 20 в. в том или ином районе ойкумены война полыхала на протяжении 5300 лет. Мир на планете Земля торжествовал всего около 300 лет. Вряд ли является преувеличением утверждение о том, что войны имеют столь же длительную историю, что и человечество.

Всего историки насчитывают свыше 15000 войн, которые унесли около 3,5 млрд человеческих жизней¹. Если в 18 в. произошло 68 войн, в которых в течение года погибло 1000 и более человек, а общие потери в них в общей сложности составили 4,4 млн человек, то соответствующие цифры для 19 в. были 205 и 8,3 млн человек и для 20 в. – 237 и 98,8 млн человек. В 19 в. произошло 14 войн с людскими потерями 100 тыс. человек и более, в том числе 2, в которых погибло более 1 млн человек. Рекордным по масштабам и интенсивности военных столкновений, стал 20 в. Частота войн в 20 веке колебалась, но в целом превысила среднюю частоту войн за всю известную историю человечества примерно в 1,5 раза².

В более чем 250 войнах 20 века, включая две мировые войны, погибло в общей сложности около 110 миллионов человек. Согласно существующим оценкам, в ушедшем столетии в ходе войн и вооружённых конфликтов погибло в шесть раз больше людей, чем в предыдущем. И в наступившем тысячелетии войны остаются печальной приметой бытия человечества. Не удивительно, что проблемы войны получили разностороннюю и основательную научную разработку. Усилиями многих мыслителей – от Сунь-Цзы, Аппиана и Вегеция через Н. Макиавелли, К. Клаузевица и А. Жомини до Н.Н. Головина, А.А. Свечина и А.Е. Снесарева были выявлены, описаны и обоснованы сущностные признаки войны, её законы, меняющиеся содержание и формы.

Эти вопросы находятся в поле внимания мировой и отечественной мысли и в наши дни³. Так, в 2009 г. вышла книга М. Дэйви, в которой автор вскрывает психологические, социальные и национальные причины военных конфликтов на заре цивилизации. Он объясняет сущность межплеменных распрей. Рассказывает, как различия физиологии и психологии полов провоцируют войны. Отчего одни народы воинственнее других и существует ли объяснение известного факта, что в одних регионах царит мир, тогда как в других нескончаемы столкновения. Как повлияло на характер конфликтов совершенствование оружия. Каковы первопричины каннибализма, рабства и кровной мести. В чём состоит религиозная подоплека войн. Где и почему была популярна охота за головами. Как велись войны за власть. И наконец, как войны сказались на развитии общества⁴.

Война предстаёт как особое состояние общества, противоположное миру. Особость эта состоит в том, что в условиях войны:

- общество подвергается вооружённому насилию и само применяет его. Речь идёт об использовании технических средств физического насилия в политических целях. «С давних времен, – писал К. Клаузевиц, – необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны. Изобретениями являются

¹ См.: Снесарев А.Е. Философия войны. М.: 2003. С. 131.

² Серебрянников В.В. Социология войны. М.: 1997. С. 13.

³ См., например: Гареев М.А. Если завтра война?.. (Что изменится в характере борьбы в ближайшие 20–25 лет). М.: Влад-Дар, 1995. 238 с.; Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. 398 с.; Слипченко В.И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.; Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Книга и бизнес, 2002. 360 с.; Дугин А. Философия войны. М.: Яуза, 2004. 256 с. и др.

⁴ Дэйви М. Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.

главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов». Причём характер этих средств – будь то лук и таран или ракета и ядерный боезаряд – в данном контексте не имеет принципиального значения. Как писал К. Шмитт, «тут надо отрешиться от всех случайных, подверженных историческому развитию изменений в технике ведения войны и изготовления оружия... Существенно в понятии оружия то, что речь идет о средстве физического убийства людей»¹. Эта идея зафиксирована в российском Законе «Об оружии», в котором оружие определяется как «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели».

Военное насилие выражает себя как насилие физическое. Таковым оно является даже в том случае, когда, как настаивал Клаузевиц, вооружается «изобретениями наук и искусств» или сопровождается ограничениями «международно-правовых норм», которые позволяют удерживать его в определённых рамках. «Сами военные действия, по определению, направлены на разрушение материальных объектов и выведение из строя (уничтожение) людей, лишение их возможности сопротивляться. В первой трети 19 в. К. Клаузевиц утверждал, что «война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается **кровопролитием** (выделено мною – О.Б.) и только этим она отличается от других общественных конфликтов»². В начале прошлого века русский философ В.С. Соловьев писал: «Каково бы ни было историческое значение войны, она есть прежде всего убийство одних людей другими»³. Вот свидетельство из другой эпохи, другого социально-политического мира и другого менталитета. В начале декабря 2008 г. Командование объединённых вооружённых сил США в докладе о подготовке к войнам, которые могут произойти в обозримой перспективе, сочло должным подчеркнуть: сердцем любой войны по-прежнему будет вооружённое столкновение двух «группировок военнослужащих»⁴.

Масштабы и роль вооружённого насилия, вооружённой борьбы в войне менялись как от эпохи к эпохе, так и в пределах одной эпохи в зависимости от специфики каждой войны. Но именно военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле, составляет сущность войны в точном смысле этого слова, является её определяющим признаком.

• Война, военное насилие – предельно авторитарный, самый решительный способ изменения статус-кво в определённой социальной системе, будь то внутри страны или на международной арене. Сила, писал П.Ж. Прудон, – «верховный судья в вопросах государственных, а война есть суд силы, когда победа имеет целью показать, на чьей стороне большая сила и освятить право этой последней»⁵. Однако вооружённая борьба в войне не составляет ни самостоятельный способ и форму социальных отношений, ни обособленный от общего контекста последних вид социальной активности.

С одной стороны, война не сводится только к боям, военным сражениям, битвам армий и/или иррегулярных военных формирований. А.Е. Снесарев в 1926 году в своей рецензии на только что вышедшую книгу А.А. Свечина «Стратегия», давая ей высокую оценку, отметил и существенный недостаток, который заключался в отсутствии должной связи войсковых операций с другими военными операциями. Он писал: «Непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии будут тогда лишь восстановлены, если "операции" придать более уширенный смысл, чем тот, который ей придает автор; тогда промежутки между "операциями" автора не будут провалами, а лишь какими-то другими операциями, в которых стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.»⁶.

Выделим два момента из этой оценки: стратегия «работает не только мечом», но все другие используемые ею средства и методы являются для неё «чужими». Вооружённая борьба предполагает, её дополняют и обеспечивают экономическое, дипломатическое, научно-техническое, информационное, идеологическое, психологическое и другие виды противоборства воюющих сторон. Но эти противоборства становятся войной не сами по себе, а только в том случае, когда они служат обеспечению вооружённого насилия и соответствующие сферы общественной жизни сами становятся объектом и средством физического насилия.

С другой стороны, сама война рождается в недрах политики, как крайнее средство («оружие – последний довод королей») достижения её целей. Военное противостояние не является самодовлеющим или спонтанным продуктом развития военного дела. Оно – выражение крайней формы конфронтации, результат и форма проявления резко обострившихся экономических, политических, идеологических и других противоречий. Давно замечено, что люди и государства не потому не доверяют друг другу, что они вооружены; они вооружаются, потому что не доверяют друг другу. Как писал К. Шмитт, если дело доходит до разделения на боевые группы, то главная противоположность есть противоположность политическая. Эта политическая противоположность перерастает в военное противостояние и вооружённую борьбу, когда одна сторона не поддаётся невоенному давлению, а другая уверена в возможности военной победы над ней. В этой

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Том 1. № 1.

² Клаузевиц К. О войне. В 2 т. Т. 1. М.: «ООО Изд-во АСТ», 2002. С. 163.

³ Соловьев В.С. Смысл войны // Русские философы о войне. М.: Кучково поле, 2005. С. 49.

⁴ Щербаков В. Будьте готовы к перманентному вооружённому противоборству: Роль США как единственной сверхдержавы на планете может закончиться // Независимая газета, 2008, 19 декабря.

⁵ Цит. по: Основы политологии. М.: 1992. С. 286.

⁶ Цит. по: Военная мысль. 2008. № 10.

связи уместно напомнить интерпретаторов Клаузевица, которые основываясь на его рассуждениях, делали вывод, что война кажется тем военнее, чем она больше политическая.

Всякая война есть всегда политика. Не средство политики, а сама политика, поменявшая, по Клаузевицу, перо на меч¹. Её квинтэссенцию определяет известная формула Клаузевица о войне как продолжении политики насильственными средствами. Вот уже полтора века эта формула является неотъемлемой частью общественного сознания. Это подтверждается не только тем, что у неё остаётся немало приверженцев, последователей и популяризаторов, но и непрекращающимися усилиями одних улучшить, по-новому интерпретировать её, а других – опровергнуть.

Хофмайстер весьма обстоятельно и последовательно проводит мысль о том, что война сегодня – не средство политики, а, напротив, её отрицание; именно бессилие политики порождает войну². «В противоположность Клаузевицу я утверждаю, – пишет он, – что война – даже в том случае, если рассматривать ее условно как продолжение политики, – на самом деле является не-политикой, то есть выражением политического безвластия»³. Власть и её насилие, пишет он, может положить конец войнам лишь на некоторое время. Зоны конфликтов есть повсюду, и там, где политика оказывается бессильной, подобные конфликты грозят перерасти в войну. Возражая против такой трактовки, приведу два аргумента. Прежде всего, политика, власть, сила – понятия нерасторжимые: одно предполагает и включает в себя два других. О «безвластной власти» или «бессильной силе» можно говорить только в том смысле, что власть или сила недостаточно властны или сильны для того, чтобы эффективно решать задачи, ради которых они созданы, или даже, что в силу определённых обстоятельств они стали дисфункциональны. Кроме того, в зоне конфликтов всегда действуют, находятся в столкновении, по крайней мере, две часто по-разному организованные силы (именно в этом суть конфликта). И именно их противоборство, а не позиция и действия одной стороны отражает политику в этой зоне. Волю к войне проявляет как раз сторона, которая является сильной или считает себя таковой. Впрочем, вопреки всей своей концепции Хофмайстер пишет: «Войны – отнюдь не фатальные природные события, они суть результаты и следствия политики ... причины их следует искать в контексте политических действий ... Война – это именно политика: политические действия в их безвластии и бессилии»⁴.

При этом представляется, что и сторонники и противники – сознательно или нет – заужают вывод Клаузевица, сводя вопрос к происхождению войны. Для того, чтобы предметно раскрыть политическое содержание любого явления, в данном случае войны, необходимо определить саму категорию политического. Как известно, политический характер проблема имеет, если она: (1) касается вопроса государственной власти; (2) имеет государственный масштаб; затрагивает интересы и входит в сферу внимания миллионов; (3) имеет юридическое измерение и требует вмешательства законодателей; (4) публичная власть, её структуры и лица признают за собой право решать эту проблему или массы требуют от них такого решения; (5) граждане проявляют к ней своё отношение через традиционные механизмы политического участия; (6) становится объектом (предметом) соперничества и борьбы за власть разных политических групп.

В таком контексте «продолжение политики» в формуле Клаузевица означает, что война рождается в сфере политики, является её продуктом; представляет собой способ и форму функционирования политики; призвана реализовать вне войны, до войны возникшие противоречия; своими целями и результатами имеет перераспределение власти; влечёт за собой изменение норм национального и международного права. Так понимаемая политическая сущность войн не изменилась и не может измениться; она, как и всегда, остаётся продолжением политики.

Здесь нет возможности для воспроизведения и анализа всех аргументов «за» и «против» такого её понимания. Но нельзя не отметить, что признание политических причин возникновения войн, политической обусловленности их целей, характера и последствий требует в интересах обеспечения безопасности ориентации на определённые, вытекающие из такого понимания и соответствующие ему средства и методы противостояния угрозе военной силой и её применению.

Политическая сущность войны выражается в том, что её субъектом, который в силу собственного решения определяет врага и предпринимает против него военные действия выступает государство – единственный институт, обладающий легитимным правом на насилие. Именно и только за государством международное право признаёт право в определённых случаях и в определённых целях самостоятельно принимать решение о применении оружия. Что касается повстанческих и других антиправительственных сил, то они обретают статус воюющей стороны после международного признания их руководящих органов, распространяющих на определённой территории свою власть, которая де-факто выступает как государственная власть. В тех случаях, когда речь идёт о вооружённом конфликте немеждународного характера, право войны применяется, говорится в Дополнительном протоколе II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., если антиправительственные вооружённые силы и вооружённые группировки осуществляют такой контроль над частью территории страны, который «позволяет им вести непрерывные и согласованные военные действия»⁵.

¹ Клаузевиц К. О войне. В 2 т. Т. 2. М.: «ООО Изд-во АСТ», 2002. С. 438.

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 15, 16.

⁵ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. Изд. МККК. Б/м, б/г. С. 305 (Ст. 1. названного документа).

Политическая сущность войны выражается и в том, что правительства и другие руководящие структуры, в том числе антиправительственных сил могут использовать принуждение с тем, чтобы индивиды взяли на себя как личную военную опасность, так и финансовые издержки войны, которые покрываются путём обязательных специальных налогов.

Понимание войны как политического акта раскрывает мотивы и обстоятельства, из которых она зарождается, объясняет её характер и способ ведения, позволяет выстраивать систему мероприятий по её предупреждению и одновременно по организации обороны страны.

• Война – не цель политики. «В политических системах война выполняет инструментальную функцию: она не есть цель в себе, но лишь средство достижения определённых политических целей»¹. Именно поэтому военный разгром, тем более уничтожение противника как форма победы, никогда не имели абсолютного характера. В мировой истории такие войны велись крайне редко. Уничтожение в них всегда имеет ограниченный характер. К. Клаузевиц, говоря о том, что вооружённые силы противника должны быть уничтожены, разъяснял: это означает, что они должны быть приведены в состояние, в котором уже не могут продолжать борьбу.

Прекращение военных действий (вооружённой борьбы) не предполагает физическую ликвидацию территории и населения побеждённой стороны, а в любой войне появляются военнопленные, интернированные и др. категории людей, которые выводятся из войны, но не уничтожаются. Если и было время, когда она, подобно рыцарским турнирам, представляла собой «забаву или спорт королей»², то не такая война перестраивала и определяла миропорядок. Но в любом случае война – это проявление и применение силы и власти. Это насилие осуществляемое с помощью оружия.

К войне прибегали всегда как к крайнему способу завоевания (укрепления, расширения) власти как права и возможности по своему усмотрению устраивать и обустривать общественную жизнь. Войны всегда были связаны с перераспределением ресурсов, будь то территория, рабочая сила, природные богатства, рынки сбыта, стратегический плацдарм и т. д. «Насилие, – писал Ф. Энгельс, – есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода»³. В наши дни экономическую основу войн в полемической форме артикулирует Д.С. Пачкория (правда, пишет он об этом как о собственном открытии)⁴. Воздадим должное Пачкории, отстаивающему такую позицию, поскольку в наши дни есть авторы, с ней не согласные. Так, М. Кревельд утверждает: «Реальная причина существования войн – это то, что мужчины любят воевать, а женщины любят мужчин, которые готовы сражаться ради них»⁵.

Есть разные объяснения происхождения войн. Натуралистические концепции объясняют причины и сущность войны факторами, заложенными в человека и общество природой, естественными условиями существования человечества. Так, неомальтузианские теории видят источник войн в перенаселённости Земли; сторонники социал-дарвинизма полагают, что войны порождаются борьбой за существование; расовые концепции доказывают, что человечество изначально разделено на высшие и низшие расы и первые призваны господствовать над вторыми, обеспечивая их подчинение военным путём; последователи психологической детерминации войн объявляют их источником человеческую психику, природную агрессивность человека. З. Фрейд, К. Лоренц, Б. Рассел и другие утверждали, что в основе войны лежат древние инстинкты агрессии и разрушения. А расовые, национальные, экономические, религиозные, идеологические и т. д. её объяснения и обоснования – лишь разные формы их вербализации.

Природно-географические концепции объясняют происхождение войн географическим положением и особенностями различных государств, которые рассматриваются как географический и биологический организм, стремящийся к расширению (геополитические концепции); настаивают на том, что причины войн связаны с борьбой за лучшие условия существования, обостряющейся в связи с исчерпанием природных ресурсов Земли и разрушением окружающей среды (экологические концепции).

Социальные концепции ищут первопричину войн в несовершенстве организации человеческого общества, в противоречиях между его отдельными группами, институтами и структурами. Распространённый социологический взгляд сводится к тому, что войны возникли в результате и как следствие складывания государства. Националистические концепции исходят из извечной взаимной враждебности наций и не-

¹ Санистебан Л.С. Основы политической науки. М.: 1992. С. 109.

² «Западное сознание, – читаем в свободной русской энциклопедии "Традиция" – не понимает категории массового героизма; для него героизм – это возвышение над массой, а война – это забава королей». (<http://traditio.ru/wiki/>). «В средние века большинство европейских войн (за исключением крестовых походов) и конфликтов на Индостане были забавой королей», – пишет отечественный исследователь (http://planetadisser.com/see/dis_233683.html). В романе Мориса Дрюона «Когда король губит Францию» есть сюжет о битве при Пуатье, в которой, в частности, говорится о том, что «к месту сражения в течение нескольких дней подтягивались оставшие, ведя своих людей, в том числе трое горделивых сеньоров: граф Жуаньи, граф Оксерский и граф Шатийонский, и ехали они себе не торопясь, собрав все копыта, которые нашлись в их владениях, и шли на войну, как на забаву». «Война и турнир, два главных развлечения рыцарства, во многом определяли характер прочих забав», – отмечает О. Романова в статье, посвящённой средневековым играм (Мир фантастики. 2003. № 3(3) ноябрь).

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 162.

⁴ Пачкория Д.С. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. Санкт-Петербург: Издательство «Петрополис», 2001. С. 240–259.

⁵ Кревельд М. ван. Трансформация войны. С. 329.

примиримости межнациональных противоречий. Они доказывают, что войны неизбежны, пока существуют суверенные нации, которые стремятся защитить свои интересы в «анархическом мире» «анархическими методами». По их мысли, главной проблемой, источником постоянного возрастания роли военного фактора становится национально-государственный эгоизм. Причём, чем острее будут стоять проблемы ресурсов и жизненного пространства, тем жёстче будет конфронтация; военная сила может способствовать упорядоченному, хотя и не справедливому в отношении отдельных государств и народов, распределению дефицитных природных ресурсов. С этим перекликаются концепции, в которых война рассматривается как результат несовместимости различных цивилизаций, сложившихся на этноконфессиональной основе, грядущее столкновение которых приведёт к новой мировой войне. Классовые концепции все войны объясняют появлением частной собственности и разделением общества на антагонистические классы.

Религиозные концепции причины войн видят в греховности человека. Войны в них предстают как «суд божий для наказания грешников». Крайней формой этих взглядов является идея «священной войны» против «неверных». К религиозным непосредственно примыкают иррационалистические концепции, которые все войны объясняют «таинственным результатом причин, непостижимых разумом».

Технико-индустриалистские концепции придают самодовлеющее значение науке и технике как источникам социальных антагонизмов. Поскольку новейшее оружие всё более усложняется, управление им автоматизируется настолько, что оно выходит из-под контроля человека и неотвратимо втягивает его в войну.

Названные концепции логично и убедительно доказывают существование различных источников и причин войн. Но каждая из них в какой-то мере односторонняя, поскольку раскрывает только один из множества факторов возникновения войн. Между тем, любая война является результатом действия целого комплекса обстоятельств – экономических, политических, психологических, идеологических, географических и т. д., которые часто независимы друг от друга и не находятся в отношении соподчинения. Любое из них при определённых условиях может оказаться достаточным для возникновения войны. Её глубинные причины лежат в природе человека, ограниченности ресурсов, необходимых ему, сущности власти и связанной с ней политики, наличием технических и технологических средств насилия.

Поэтому теоретически неверно как абсолютизировать в качестве единственного какое-либо из оснований, ведущих к войне, так и отрицать его возможную конфликтогенность. Скажем, один из главарей сомалийских пиратов Абди Гарад нападении на судно Liberty Sun, шедшее под американским флагом, объяснил так: «Нам был не нужен выкуп. Мы снабдили нашу команду специальным вооружением, чтобы догнать и уничтожить любое судно под американским флагом в качестве возмездия за наших жестоко убитых друзей»¹. Но не станем же мы, ссылаясь на это, утверждать, что современных флибустьеров вывели на тропу морского разбоя не экономические мотивы.

Война развёртывается в интересах перераспределения власти как права и возможности распоряжаться кем- или чем-либо. Объектом непосредственного военного воздействия оказываются не материальные ценности (как при набегах), не территория (как при захвате), не общественный строй или политический режим, но – власть, которая обеспечивает контроль над ресурсами, рынками, коммуникациями и регулирует движение людей, вещей, идей.

Война всегда имеет характер двустороннего вооружённого насилия и осуществляется в форме согласованных и продолжительных военных действий. Причём эти действия ведут специально созданные для этого структуры. «Начиная с некоторого уровня сложности, – пишет испанский политолог Л.С. Санистебан, – политические системы создают специальные органы для ведения войны, ориентированные как против внешних врагов, так и против внутренних групп, пытающихся свергнуть элиты»². Универсальной, характерной для всех времён и народов формой и способом организации военной силы является армия. Забота о ней относится к числу коренных проблем устройства и функционирования власти и постоянных приоритетов политики практически любого государства.

Известную односторонность допускают те, кто о войне говорит как об активности (всегда негативной) одного субъекта. Э. Месснер написал книгу о мятежевойне, в которой говорит об атаке на современный мир левых, революционных сил³. Гор Видал, напротив, обвиняет США в политике «добровольного принуждения», их назойливом «миссионерстве», упорном навязывании человечеству собственных идеалов, дав своей книге подзаголовок «Вечная война ради вечного мира»⁴. М. Хардт и А. Негри пишут о грядущем времени «расплывчатого состояния войны, нравственные и религиозные коды которой постоянно меняются»⁵. М. Кревельд утверждает, что в будущем войны будут вести не армии, а группы террористов, партизан, бандитов и грабителей, подчёркивая, что «...основной их мотивацией будет являться не профессионализм, а фанатичная, основанная на идеологии, лояльность». Но с кем они будут воевать: с пассажирами самолёта или поезда? с учащимися школы или театральной аудиторией? Зачем называть войной такое применение военных средств?

¹ <http://www.unian.net/rus/news/news-311407.html>.

² Санистебан Л.С. Основы политической науки. М.: 1992. С. 109.

³ Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. 512 с. Впрочем Месснер вовсе не оригинален. Задолго до него К. Шмитт в «Теории партизана» писал о «всемирно-политических фронтах и контекстах», «всемирно-революционной агрессивности», «идее всемирной гражданской войны», о том, что Первая мировая война, которая началась как традиционная война государств европейского международного права, окончилась «всемирной гражданской войной революционной классово-вражды» (Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007).

⁴ Гор Видал. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М.: 2003.

⁵ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 56.

В то же время бывают ситуации, когда оружие применяется или воинские формирования привлекаются, но масштаб и характер их использования не обретают форму систематических и продолжительных военных действий (например, вторжение США в Гренаду или агрессия НАТО против Сербии). Карательная акция, даже если она имеет характер не жандармских погромов, а массивной бомбардировки суверенного государства объединёнными силами многонациональной военной коалиции, которая вполне вписывается в международно-правовое понятие агрессии¹, не является войной.

То же самое можно сказать о контртеррористической операции, которая в федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» определяется как комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта. Видимо, есть определённый смысл в том, что в Женевских конвенциях 1947 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. понятия «война» нет. Там говорится о международных вооружённых конфликтах и вооружённых конфликтах немеждународного характера.

Вполне резонно С.С. Антюшин замечает, что даже применение вполне «традиционного», «классического» оружия элементами вооружённых сил государств (частями, подразделениями, кораблями) – недостаточное основание для того, чтобы это считать войной. Конечно, подобные действия могут привести к войне; сами они во многом являются вооружённым насилием, но войной их назвать можно не всегда. Так, бой пограничников против большой группы нарушителей границы – это ещё не война. Операция боевых кораблей (с применением оружия, которое есть у них на борту – артиллерийских установок, пулемётов и др.) против браконьеров или пиратов также войной считать не стоит. Какова граница интенсивности, широты конфликта, в рамках которых он не считается войной? Или, может быть, таким критерием должна стать степень ненависти?²

Именно ведением согласованных и продолжительных военных действий война отличается от других видов политической борьбы и других форм применения оружия (набег, вторжение, военный инцидент, военная акция, военная блокада, угроза силой, специальная, в том числе антитеррористическая операция и др.). Война в собственном смысле слова всегда была и в начале 21 в. остаётся организованными военными действиями одних политических сообществ против других для достижения определённых политических целей. В настоящее время во многих странах отказались от термина «военная политика» в пользу «политики обороны и безопасности». Разумеется, последнее шире первой, поскольку предполагает включение и невоенных средств обеспечения безопасности. Однако оно вымывает из дискурса (и из практики) собственно военную деятельность. Думается, это эвфемизм, призванный на словах облагородить, представить в «хорошем свете» военную активность, как будто оборонная деятельность не является военной.

• Вся жизнь общества подчинена интересам вооружённой борьбы: на неё «работают» экономика и культура, право и мораль, педагогика и религия, все другие слагаемые социума. Подчинение это может носить разную форму. Клаузевиц писал, что война определяется трицей: правительство, армия, народ. Правительство управляет, солдаты сражаются и умирают, народ платит и страдает. Но роль каждого звена этой трицы может меняться. Кажется, Фридрих II говорил, что нация не должна чувствовать, что армия (государство) ведёт войну. В XVIII веке швейцарский юрист Эмерик де Ваттель писал: «В настоящее время война ведётся регулярными армиями; народ, крестьянство, горожане в ней не принимают участия и, как правило, не имеют причин бояться вражеского меча. Если только обыватели подчиняются тому, кто (в данный момент) является господином края, уплачивают возложенные на них контрибуции и воздерживаются от враждебных действий (по отношению к оккупантам), то они живут в безопасности – так, как будто между ними и неприятелем установлены дружественные отношения. Их право собственности остаётся священным. Крестьяне свободно приходят во вражеский лагерь для того, чтобы торговать продуктами своего производства, и их, насколько это возможно, ограждают от бедствий войны»³. Со временем положение изменилось. В начале прошлого века В.И. Ленин констатировал: «Войны ведутся теперь народами». Ныне, нередко, как это видно, например, по войне СССР в Афганистане или США в Ираке, войны ведутся не народами, но нация чувствует, что они идут. В условиях войны жизнь и собственность индивидов, права и свободы человека и общности, судьба отдельной семьи и будущее всего народа оказываются под вопросом.

Оговоримся, однако. Военные действия вели в Афганистане – «ограниченный контингент советских войск», в Ираке – многонациональные вооружённые силы вне своей территории. По существу в обоих случаях это были экспедиционные армии. Они (и их правительства), а не народы были её субъектами, действующими актёрами. Тем не менее, как уже было сказано, народы не были ни отчуждённой, ни отстранённой от неё массой.

Иначе дело обстояло для другой стороны. Участие народа страны, на территории которой ведутся военные действия, выражается и в том, что он несёт существенные потери, причём не только в материальных ценно-

¹ Президент Сербии Борис Тадич говорит, что в результате продолжавшихся 78 дней бомбардировок погибли 2,5 тыс. мирных жителей, в том числе 89 детей, более 12,5 тыс. жителей страны получили ранения, экономический ущерб превысил 30 млрд долларов. (Время новостей, 2009, 24 марта).

² Антюшин С.С. Проблемы осмысления войны, или простые истины, которые общество не торопится осознать // Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.): Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». 2009. № 5. С. 74.

³ Цит. по: Дудин А.П. Природа русского патриотизма // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120002.htm>.

стях, но и в людях. При этом число жертв среди мирного населения значительно превосходит число потерь среди военнослужащих. Так, в ходе агрессии США во Вьетнаме на одного погибшего военнослужащего приходилось 9 гражданских лиц. За десять лет войны в Афганистане советские войска потеряли 13,5 тыс. человек; по некоторым данным, в ней погибло более миллиона афганцев. С начала войны против Ирака в 2003 г. по март 2008 г. потери коалиционных войск составили более 4 тыс. человек. За этот же период, по оценке Красного Креста, погибло более 150 тыс. иракцев. Другие гуманитарные организации называют и большие числа¹.

И если даже согласиться с тем, что грядёт время профессиональных, малочисленных армий, их обеспечение потребует напряжения всей страны. К тому же боевые операции они будут проводить не на специально выделенных полигонах: полем боя станут огромные пространства, обжитые людьми. И в них будет гибнуть мирное население. В силу этого население воюющих сторон не является бездумной биологической массой, выполняющей волю властей. Их отношение к войне может варьировать в широчайшем диапазоне от дезертирства до добровольчества, от гражданского неповиновения правительству до самодеятельной организации сопротивления врагу, от пораженчества и капитулянтства до самоотверженности и самопожертвования. Но в любом случае позиция народных масс становится мощным политическим фактором вооружённой борьбы.

Такова совокупность сущностных, атрибутивных свойств и признаков войны. Каждый из них в отдельности может иметь место в действительности. Так, самые радикальные политические цели могут быть достигнуты без вооружённой борьбы. Есть немало примеров того, как без оружия уничтожаются государства и в результате «цветных революций» падают политические режимы. Джин Шарп разработал целую концепцию, издал книгу, претендующую быть своего рода руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления, направленного на свержение авторитарных режимов².

Но в тех случаях, когда наличествует один-два, а не вся совокупность названных признаков, нет оснований говорить о войне. Если уместно, приведу, заведомо упрощая картину, такой пример. Для автотранспортного средства функционально необходимы двигатель и колеса, а также разного рода системы, обеспечивающие их взаимосвязь. Наличие же только двигателя, как, например, у лифта или только колес, как у телеги не делает их автотранспортом и все системы становятся бесполезными, если нет двигателя или колес. Так и с войной: её сущность содержится в диалектической взаимосвязи политики и вооружённого насилия как средства её осуществления. Она заключается в остром противоборстве сторон с помощью насильственных средств во имя достижения определённых политических целей.

Войны без вооружённой борьбы не бывает по определению. Вооружённая борьба без политических целей не является войной. Последнее важно отметить, поскольку не всякая вооружённая борьба мотивирована политически и имеет политические цели и последствия.

О СИТУАЦИИ «НИ ВОЙНЫ, НИ МИРА»

Но чёткое разведение войны и мира, стратегии и политики не имеет абсолютного характера. История и теория знают состояния, которые можно назвать «ни войны, ни мира». Историческим примером такого состояния может служить «странная война». Так в литературе называют период войны Франции и Англии против фашистской Германии в начале 2-й мировой войны, с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 года. После нападения Германии на Польшу (1 сентября 1939) Франция и Англия, связанные с Польшей обязательствами о помощи в случае агрессии против неё, 3 сентября вынуждены были объявить войну Германии. Однако, стремясь направить германскую агрессию на Восток, против Советского Союза, боевых действий они фактически не вели. Располагая подавляющим превосходством в силах и средствах (86 французским и 4 английским дивизиям на западном фронте 3 сентября 1939 противостояли 23 немецкие дивизии), они ограничились лишь небольшим продвижением. Пассивность Франции и Англии позволила фашистской Германии быстро разгромить вооружённые силы Польши, а затем сосредоточить войска и в мае 1940 нанести поражение англо-французской коалиции.

Состоянием «ни войны, ни мира» являются также:

Оккупация – временное занятие войсками одного государства, территории (или её части) другого государства и установление на этой территории административной власти высших командных инстанций этих войск. 2-я статья, общая для всех четырёх Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. специально предусматривает, что «даже если оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления», на оккупированной территории применяется право войны.

Военная блокада – использование вооружённых сил для изоляции объекта путём пресечения его внешних связей. Объектами военной блокады могут быть отдельные государства, города, крупные группировки войск, экономические районы, острова, проливные зоны и др. Её целями являются: подрыв военно-экономической мощи вражеского государства, истощение сил и средств блокируемой группировки вооружённых сил противника, создание благоприятных условий для её последующего разгрома и овладения объектом блокады, принуждения противника к капитуляции.

Перемирие – временное прекращение военных действий по взаимному соглашению воюющих сторон. Различают местное (частичное) и общее перемирие. Местное перемирие приостанавливает военные действия между отдельными частями и подразделениями на ограниченном участке фронта на определённый срок для решения частных задач: подбор раненых и больных, погребение мёртвых, эвакуация из осаждённых

¹ См.: *Серебрянников В.В.* Социология войны. М.: «Ось-89», 1998. С. 134; *Володин В.* Боль и кровь Ирака // *Время новостей*, 2008, 18 марта.

² *Шарп Д.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.

районов лиц из числа гражданского населения и т. п. Общее перемирие прекращает военные действия на всём их театре и является бессрочным. Оно может не только приостановить военные действия, но и привести их к окончательному прекращению. Согласно 4-й Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны всякое существенное нарушение перемирия одной из сторон позволяет другой стороне отказаться от перемирия и принять ответные меры, вплоть до немедленного возобновления военных действий.

«Необъявленная война» – условное наименование враждебных действий, которые одно государство (группа государств) организует и проводит, как правило, с применением вооружённых средств и военных методов, против других народов и стран, не являясь воюющей стороной. Методами «необъявленной войны» могут преследоваться различные цели: от подрыва отдельной отрасли экономики до свержения законного правительства и насильственного изменения государственного строя. Она осуществляется многообразными способами, в числе которых: экономическая блокада, дипломатическая изоляция, политическая конфронтация; провоцирование пограничных инцидентов и конфликтов; демонстрация силы, наращивание военного присутствия; угрозы силой; разжигание и поддержка сепаратистских, националистических и др. движений, внутренних экстремистских сил; развёртывание разведывательно-подрывной деятельности, организация диверсионно-террористических акций; осуществление интервенционистских действий и др. Вооружённые акции, военные действия в большинстве случаев ведутся засылаемыми и формируемыми на месте вооружёнными группами, наёмниками или иррегулярными формированиями, формально не входящими в состав регулярных вооружённых сил «рейдерского государства» или скрывающими свою принадлежность к ним.

В международно-правовых документах специально подчёркивается, что порождающие внутреннюю напряжённость беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера не являются вооружёнными конфликтами. Специалисты говорят о «внутренних беспорядках», имея в виду ситуации, когда в условиях отсутствия вооружённого конфликта государство применяет силу, в том числе используя военизированные правоохранительные структуры, в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, и о «внутренней напряжённости», когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков оно прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения гражданского мира и поддержания законности¹. Исключение составляют все случаи оккупации, которая если даже не встретит никакого вооружённого сопротивления, считается вооружённым конфликтом.

Всё это – ситуации, когда оружие, как говорится, «на взводе», но непосредственно не применяется (многообразные формы демонстрации силы, угрозы силой и т. д.). Думается, именно в этом контексте следует рассматривать часто цитируемые слова Сунь-Цзы: «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска». Нельзя привести фразу вырывать из общего контекста работы, названной «Трактат о военном искусстве» и всецело посвящённой организации и ведению военных действий, адресованной полководцу, а не государю, правителю. Между прочим, ей предшествуют слова: «Полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства». В другом месте трактата можно прочитать: «Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом, у того шансов (на победу – *О.Б.*) много»; «Войско, долженствующее победить, сначала побеждает, а потом ищет сражения». Видимо, алогично полагать, что автор таких слов, говоря о войне и победе в ней без сражения, имеет в виду, говоря современным языком, исключительно дипломатические, информационные и другие усилия, не подкреплённые активностью армии, её готовностью к сокрушению неприятеля. Именно тот, формулирует ещё одно правило ведения войны Сунь-Цзы, «кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь».

Столь же диалектично к этому вопросу подходил и К. Клаузевиц. С одной стороны, он утверждал: «Война по существу своему это – бой, так как бой – единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон»². С другой стороны, он признавал: «В конце концов, приходится соглашаться, что война является чем-то таким, что может быть то в большей, то в меньшей степени войной».

Истории известны военные победы без сражений. В 1576 году шеститысячный русский отряд вторгается в Ливонию. Крепости Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдаются ему без выстрела³. В марте 1938 г. немецко-фашистские войска без боя вошли в Австрию, которая была присоединена к Германии. А в марте 1939 германские войска оккупировали территорию Чехословакии, создав так называемый «Протекторат Богемия и Моравия». Это – военные победы, поскольку они достигнуты благодаря наличию и задействованию военной силы, армии, вполне готовой к боевому применению.

¹ Насиновский В. Вооруженные конфликты: поиск решений. М.: Объединенная редакция МВД РФ, 1996. С. 116.

² Клаузевиц К. О войне. В 2 т. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 120.

³ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М.: 1960. Кн. 4, С. 547–641. Заметим, однако, что такая победа – проявление не столько силы и выучки победителя, сколько слабости побежденного. Жители Габсали, хорошо знакомые с нравами немецких ландскнехтов, с удивлением обнаруживают, что русские, вступив в город, не грабят и не насилюют. На радостях отцы города вечером после капитуляции устраивают пир с танцами, желая блеснуть перед «варварами» пышностью одежд и изяществом манер местных патрициев. «Варвары» были в самом деле поражены и переговаривались между собою: «Что за странный народ эти немцы! Если бы мы сдали без нужды такой город, то не смели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какой казнью нас казнить». (См. там же.)

Завершим этот сюжет ссылкой на испанского философа Ортегу-и-Гасета: «Лишь тот, кто обладает искаженным представлением о человеческой природе, станет отрицать то обстоятельство, что римские легионы предотвратили больше сражений, чем дали. Слава, добытая в победе, позволяет избежать бесчисленного количества новых боев и не потому, что внушает неприятелю страх перед физическим уничтожением, а в силу простого факта, что противник признает жизненное превосходство победителя»¹.

В политике власть и сила образуют нераздельную пару. В знаменитой переписке с А. Эйнштейном З. Фрейд, отвечая на вопрос «Почему война?», пишет: «Вы начинаете с отношения между "правом" (Right) и "властью" (Might). Вне сомнения – это правильная точка отсчета для нашего исследования. Но нельзя ли заменить слово "власть" (Might) более прямым и жестким словом "насилие" (Violence)? Сегодня право и насилие кажутся нам антитезой. Однако легко можно показать, что одно вытекает из другого, и если мы вернемся к самым началам и посмотрим, как произошло первое, тогда проблема легко решится. Начнем с того, что столкновение интересов между людьми разрешается путем насилия и это всеобщий принцип»². При этом у различных политических акторов всегда были возможности принуждающего воздействия на своих партнёров, оппонентов, противников.

История свидетельствует, что даже откровенно экспансионистские, гегемонистские силы, стремящиеся к доминированию в регионе или мире, предпочитают добиваться своих целей «мирными» средствами, будь то экономические санкции, «гуманитарные интервенции», карательные экспедиции, разрушение национальных идеалов и ценностей, возвращение компрадорской элиты, создание марионеточных режимов и т. д. Как писал К. Шмитт, «в экономически функционирующем обществе достаточно средств, чтобы выставить за пределы своего кругооборота и ненасильственным "мирным" образом обезвредить побежденного, неудачника в экономической конкуренции или даже "нарушителя спокойствия", говоря конкретно, уморить его голодом, если он не подчиняется добровольно; в чисто культурной или цивилизационной общественной системе, не будет недостатка в "социальных наказаниях", чтобы избавить себя от нежелательных угроз или нежелательного прироста»³.

Правительства, руководствующиеся принципом государственного эгоизма, выполняют свои обязательства, когда это в их интересах или когда понимают, что нарушение обязательств и попрание общепринятых норм международного сожительства чревато потерями, несоизмеримыми с возможными выгодами. Можно сказать по-другому: никто не станет воевать страну, руководство которой готово, не сопротивляясь, уступить другим всё, что оказывается в зоне их интересов. И только там и тогда, где и когда экспансионистские устремления упираются в твёрдую политическую волю государства, не поступающегося своим суверенитетом, а наличная военная сила позволяет рассчитывать на военную победу над ним, война становится неотвратимой. В этом случае вступает в действие пресловутое правило: «Если враг не сдаётся, его уничтожают». Судьба Югославии, агрессия против Ирака убедительно подтверждают это.

Вот почему Россия, отдавая предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам обеспечения своей безопасности, признаёт объективную необходимость обладания военными силами, достаточными для обороны страны. Весьма характерно, что в последнее время пацифистская эйфория адептов «нового политического мышления» конца 80-х годов прошлого века заметно ослабела. «Я, который был очень близок к пацифизму, – пишет, например, Ф. Бурлацкий, – считаю сейчас, что ядерное оружие – это наше единственное спасение от распада. Если бы у нас не было ядерного оружия, если бы осуществилось то, о чем Горбачев и Рейган договаривались в Рейкьявике, – безъядерном мире к началу 21 века, – то почти наверняка нашу страну уже разобрали бы на куски»⁴.

Состояние «ни войны, ни мира» связано с тем, что военное насилие, точнее говоря, – военное давление может осуществляться без прямого применения оружия на поражение (демонстрация флага, демонстрация силы, концентрация или развёртывание войск, военные учения или манёвры, нарушение воздушных или морских границ, военное присутствие, военные инциденты и т. д.).

В то же время сами вооружённые силы используются не только для подавления противника, но и для организации административного управления на иностранной территории, проведения гуманитарных операций и других мероприятий. Вот что в этой связи пишет нынешний министр обороны США Р. Гейтс⁵: С тех пор как в 40-х годах XIX века генерал Уинфилд Скотт ввёл свою армию в Мексику, почти любое крупное размещение американских войск где бы то ни было приводило к более длительному военному присутствию для поддержания стабильности. В самый разгар противостояния либо после крупного конфликта американским военным приходится обеспечивать безопасность, оказывать помощь и поддержку местному населению, начинать восстановительные работы, а также оказывать содействие местным правительствам и государственным службам. Даже при лучшем финансировании Госдепартамента и Агентства США по международному развитию будущие военачальники не смогут избавиться от необходимости поддерживать безопасность и стабильность. Чтобы одержать настоящую победу, как её определил Клаузевиц, и выполнить политические задачи, Соединённым Штатам нужны военные, которые не только способны, образно говоря, вышибить ногой дверь, но и расчистить завалы и даже заново отстроить дом. Там, где это возможно, США следует использовать стратегию косвенных подходов, чтобы посредством поддержки дружественных правительств и их вооружённых сил предотвращать перерастание «нагноившихся» проблем в кризисы, которые

¹ Ортега-и-Гассет Х. Испания с перебитым хребтом // Федерализм. 1997. № 3. С. 149.

² Переписка З. Фрейда с А. Эйнштейном. Почему война? // Архетип. 1995. № 1. С. 5.

³ Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 тт. т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М.: 1997. С. 304.

⁴ Известия, 2002, 21 октября.

⁵ Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2 (март – апрель).

потребуется дорогостоящего и сомнительного по эффективности военного вмешательства. В этом деле возможности союзников и партнёров могут быть не менее важны, чем наши собственные. Помощь, которую мы способны им оказать, не менее, а вероятно, и более важна, чем прямое вооружённое вмешательство.

НОВЫЕ ЛИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Из философии известно, что сущность как внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия, обнаруживает себя в явлении – внешних формах существования этого предмета. Явление богаче сущности, так как включает в себя не только обнаружение внутреннего содержания, существенных связей объекта, но и всевозможные случайные отношения. Явления динамичны, изменчивы, в то время как сущность образует нечто, сохраняющееся во всех отношениях¹.

Применительно к нашей теме этот философский постулат позволяет априори утверждать, что война – явление крайне многообразное, в зависимости от обстоятельств времени и места она принимает самые разные лики. В этой связи отметим, не раскрывая их содержания, что есть большое количество различных классификаций войны. Их группируют по способу их организации, по целям, принципам легитимности, методам и средствам ведения и т. д. Её содержание, характер, формы определяют многие факторы. В их числе:

- субъекты войны, их социальная природа, политическая организация (общественный и государственный строй, политический режим), идеологические императивы;
- политические цели воюющих сторон;
- отношение к войне элиты и масс, власти, гражданского общества, бизнеса;
- общая культура и национальный менталитет народа, его нравственные, религиозные, правовые нормы и установления;
- уровень развития и масштаб использования оружия, военной техники, других средств ведения войны;
- соотношение сил противников, военных, военно-экономических, морально-психологических потенциалов государств;
- общее развитие военного искусства и степень владения им;
- физико-географические условия, экологические императивы и др.;
- военный опыт и традиции народа;
- личностные качества вождя, политического лидера, полководца.

Все признаки современных войн имеют параметры, отличающиеся от войн прошлого. К настоящему времени война претерпела самые глубокие изменения по социально-политическому содержанию, военно-техническому облику, масштабам воздействия на жизнь общества. Оружие и военная техника, формы вооружённой борьбы, динамика военных действий – всё стало другим. Войны ведутся в новых пространствах, новыми технологиями, с участием новых субъектов. И в XXI веке нельзя вооружённую борьбу сводить только к уничтожению живой силы и материальных объектов противника холодным и огнестрельным оружием, или в результате ракетно-бомбовых ударов. Конкретные формы ведения войны не могут оставаться неизменными. Изменение ситуации в контексте проблем войны развёртывается в двух противоположных направлениях.

С одной стороны, происходит своеобразная миниатюризация войн. Это выражается в том, что современные войны, даже если в них вовлечены крупнейшие мировые державы, не разрастаются до масштабов крупного (глобального) столкновения, но носят локальный или региональный характер. Более того, как отмечается в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., в результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил. При этом считается, что современные войны отличаются скоротечностью и манёвренностью, а их исход определяется уже в первые часы, причём без глубокого вторжения сухопутных группировок на территорию противника, так как подавляющее военно-техническое превосходство позволяет агрессору вести военные действия и добиваться победы без собственных потерь. Более того, разработка высокоточного, информационного, несмертельного и т. д. оружия в перспективе приведёт к тому, что передовые в техническом отношении страны получат возможность «малой кровью» или даже «без крови» привести вооружённые силы противника в состояние, в котором они не смогут продолжать борьбу. К тому же бедствия войны призвана ослабить прогрессирующая гуманизация самих методов ведения войны, исходным пунктом которой стали обязательства, принятые на себя народами благодаря усилиям Красного Креста в Женевской конвенции 1864 года и закрепляемая постоянно развивающимся международным гуманитарным правом. В XXI веке, видимо, «войны на уничтожение» будут неуклонно сокращаться и станут редким исключением. Об этом говорит и намечающийся переход армий к оружию нелетального действия. Его появление означает отказ от уничтожения людей, что не означает отказа от попыток насильственной ликвидации их самостоятельности, насильственного же навязывания неудобного им порядка.

¹ См.: Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 682.

Артикуляция и педализация этой тенденции своим результатом имеет микширование военных угроз. Впрочем, история повторяется. В 1954 г. А. Швейцер в Нобелевской речи обратил внимание на то, что «следствием всеобщей убежденности в быстротечности будущей войны и в далеко идущей ее гуманизации явилось то, что, когда в 1914 году дело действительно дошло до войны, она была воспринята не столь трагически, как того заслуживала. Ее сочли очистительной для политической атмосферы грозой в полной уверенности, что она положит конец гонке вооружений, низвергшей народы в пропасть военных расходов и долгов»¹.

С другой стороны, идет нарастающая милитаризация мира. В мире всё больше средств направляется на военные цели². Гонка вооружений приняла невиданный прежде размах. Совершенствуется материально-техническая база войны. В мире накапливаются несравнимо более мощные средства уничтожения и разрушения, чем раньше. В развитии оружия и боевой техники упор делается на наращивание поражающей мощи, дальности, быстроты реакции и точности действия, маневренности. Набирает обороты торговля оружием, которая означает, что идет существенное накопление современных вооружений в разных точках и разных, в том числе тиранических режимах. Зачем? Чтобы сделать более красивыми и впечатлительными военные парады или создать новые рабочие места, связанные с обслуживанием военной техники? Ядерное оружие расплодилось по всему миру. Создаются новые виды оружия, в том числе на физических принципах, не использовавшихся ранее в этих целях.

Количество вооруженных конфликтов, малых и средних войн, которые протекают во многих точках всех континентов, не сокращается. Более того, многие исследователи констатируют увеличение их числа. Если в пятидесятые годы в мире велось в среднем двенадцать войн в год, то в шестидесятые их было уже двадцать две, а в восьмидесятые число их увеличилось до сорока. В настоящее время ежегодно начинается больше войн, чем заканчивается. В октябре 2008 г. директор национальной разведки США Макконнелл заявил, что в ближайшие 17 лет вероятность возникновения крупномасштабных вооруженных конфликтов в мире будет не столько уменьшаться, сколько возрастать³. В совокупности они как бы заменяют большую войну, растягивая во времени и пространстве её тяжёлые последствия. Заметим, что многие конфликты происходят в непосредственной близости от российских границ, в том числе на постсоветском пространстве или в зонах жизненных интересов России, что создаёт риск её втягивания в них в качестве миротворческой силы или даже воюющей стороны, как это было в Южной Осетии.

В целом в настоящее время чётко прослеживаются откровенные попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права. Об этом говорят расширение НАТО на Восток, создание нового эшелона американской ПРО в Европе и военных баз вокруг России, по всему периметру её границ. Вокруг России сжимается кольцо военных баз НАТО и США⁴. «Военными базами США опутали все регионы мира, включая Европу. По нашим данным, их планируют развернуть также на территории Казахстана и Узбекистана»⁵, – заявил начальник российского Генштаба.

Американские аналитики разведки не настаивают на том, что сценарий передела мира и военного противостояния, характерный для XIX века, может повториться. Однако они не исключают, что нечто подобное всё же может в какой-то степени произойти в ближайшие 20–30 лет⁶.

Накал противоборства в условиях развернувшейся борьбы на международной арене за новый передел мира сегодня столь высок, а его спектр так широк, что самые разные специалисты заговорили о возможности нового витка войн.

Так, Владимир Соловьев в дискуссии с Николаем Злобиным 20 марта 2008 г. сказал: «Американцам необходима война, и США развяжут очередную войну при следующем президенте»⁷. Несколько раньше М. Леонтьев на радио «Эхо Москвы» заявил, ссылаясь на Джорджа Сороса, что американская экономика, построенная на кредитной эмиссии доллара как основной резервной валюты, закончилась. И от себя добавил: «Это говорит, что материальной основы американского доминирования мирового больше нет. Осталась основа силовая. И пусть меня кто-нибудь убедит в том, что люди, которые сейчас управляют этой страной, не будут сублимировать отсутствие экономических рычагов силовыми»⁸. О.В. Буторина прогнозирует, что центральным вопросом будущего развития международной валютной системы станет обесценивание доллара, которое ситуацию в валютно-финансовой сфере будет объективно подталкивать к развязыванию военных конфликтов⁹. Доктор политических наук С.С. Жильцов и доктор географических наук И.С. Зонн констатируют, что напряжённая ситуация, связанная с запасами энергетических и водных ресурсов и их использованием, наблюдается во многих регионах мира уже в настоящее время. За последние полвека в мире произошло более пятисот споров из-за водных ресурсов, двадцать из которых закончились военным вмешательством. Они прогнозируют: «Водные

¹ Швейцер А. Проблема мира в современном мире: Речь, произнесённая Альбертом Швейцером на церемонии вручения ему Нобелевской премии мира в Осло 4 ноября 1954 года // *Das Problem des Friedens in der heutigen Welt*. Munchen, 1954.

² Согласно предложениям Б. Обамы, бюджет министерства обороны страны в 2010 году должен составить 663,7 миллиарда долларов, включая расходы на Ирак и Афганистан. Оборонный бюджет КНР на 2009 год увеличивается на 14,9% и составит более 480,6 миллиарда юаней (70,7 миллиарда долларов) – 6,3% от общего объёма бюджета КНР на год.

³ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 15.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Известия, 2009, 1 февраля.

⁶ Иванов В. Мир ожидают серьезные потрясения // HBO, 2008, 19 декабря.

⁷ <http://treli.ru/newstext.mhtml?Part=4&PubID=14312>.

⁸ Леонтьев М.: России надо к войне готовиться. А не в носу ковыряться // <http://www.inosmi.ru/translation/239501.html>.

⁹ Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008.

конфликты становятся составной частью мировой геополитической системы, поскольку позволяют контролировать жизненно важный ресурс, необходимый для функционирования современного промышленно-технологического общества... водные ресурсы, становящиеся «международным товаром», уже в наступившем веке по стоимости могут превысить стоимость углеводородного сырья – нефти и газа¹. Доктор военных наук генерал В.В. Круглов приходит к выводу: «Если корыстно-паразитические интересы США и Запада в целом и интересы России сильно разойдутся, особенно если Россия будет становиться конкурентоспособной и не захочет быть жертвенным донором в их эгоистичном разрешении глобальных проблем ресурсных, экономических, финансовых, экологических и других, возможно военное нападение на нашу страну»². Ю.Н. Балуевский, в бытность Начальником Генерального штаба ВС РФ – первым заместителем Министра обороны РФ заявил: «Создание новой системы безопасности неразрывно связано с геополитическим переустройством мира, основанном на формировании новых центров силы. Такое переустройство не может не сопровождаться борьбой за геостратегическое пространство, экономические и природные ресурсы и в итоге приводит к обострению межгосударственных противоречий в области политики, экономики и идеологии. А борьба за сферы влияния становится причиной роста опасности возникновения вооруженных конфликтов и войн. Уже сейчас стирается грань между войной и миром. Вооруженная борьба, перерастающая из вооруженного конфликта в локальную войну, все чаще ведется без открытого объявления государствами состояния войны»³.

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С. Битва за воду: Центральная Азия на пороге водных конфликтов // Независимая газета, 2008, 8 апреля.

² Круглов В.В. Введение в теорию современной войны // Вестник Академии военных наук. 2008. № 1. С. 120.

³ Балуевский Ю.Н. Военная безопасность Российской Федерации – важнейший государственный приоритет // Вопросы военной безопасности Российской Федерации: Аналитический вестник Аналитического управления аппарата Совета Федерации. М.: 2006. № 19 (307). С. 4.

Всё это – констатация (на разном конкретно-историческом материале и с разных позиций) того факта, что значение фактора военной силы в мировой политике не только сохраняется, но и возрастает. И это не может не учитываться в политике обеспечения национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. прямо говорится: «В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников».

Таким образом, действием и взаимодействием этих разнонаправленных тенденций обуславливается и объясняется изменение содержания и форм современных войн. В обобщённой форме эти изменения состоят в следующем.

Новое, **во-первых**, состоит в том, что изменяется политическое содержание войн (их цели, формы, последствия). Многое говорит за то, что с момента возникновения государств в Европе мир пережил несколько типов войн: междоусобные войны периода формирования централизованных государств; межгосударственные войны, призванные привести мироустройство в соответствие с изменяющимся балансом сил; колониальные завоевания, означавшие раздел мира; мировые войны за его передел; национально-освободительные и гражданские войны, связанные со становлением новых государств; современные режимные войны и войны самоопределения национальных и территориальных общностей, составляющих меньшинства.

На рубеже 20–21 вв. появились войны нового типа. С одной стороны, разрушение сложившегося в результате и после второй мировой войны миропорядка активизирует силы, готовые утвердить, в том числе с помощью военной силы, новые принципы и формы организации мирового сообщества. США и НАТО в своём стремлении к утверждению однополярного мира становятся источником опасности неоимперских войн, направленных на установление «нового мирового порядка» и представляющих собой откровенно интервенционистские и карательные акции, если даже они осуществляются под флагом миротворческих или гуманитарных операций.

С другой стороны, пристального внимания заслуживает анализ войн, вырастающих из этнических, религиозных, клановых, территориальных и других противоречий, а также связанных с терроризмом, организованной преступностью, имеющих характер «войн недоразумений». В них силы, не имеющие прямой государственной принадлежности вступают в борьбу с государствами. С конца 20 в. число войн, связанных с борьбой за автономию общностей или территорий, изменение политического режима превышает количество межгосударственных войн.

При этом специалисты отмечают тенденцию «миниатюризации», возникновения «молекулярных» гражданских войн, носящих неорганизованный характер и ведущих к разрушению государств.

Характерной чертой таких войн будет не просто отсутствие классического военного противостояния между государствами. В них страна или группа стран может оказаться вовлечённой в вооружённое противостояние с формированиями, не имеющими прямой государственной принадлежности, но в борьбе за власть руководствующимися экономическими, идеологическими, династическими и другими, вплоть до сугубо криминальных мотивов.

Во-вторых, изменяется отношение к войне. Когда-то международное право толковало её как один из способов решения международных споров. В 1928 г. был подписан Пакт Бриана-Келлога, 64 участника которого, включая СССР, заявили об отказе от войны как орудия национальной политики. В 1945 г. Устав ООН неприменение силы в международных отношениях провозгласил основой международного права. «Сегодня мы подходим к рубежу, – полагал, например, директор Стокгольмского международного института исследований проблем мира профессор А. Ротфельд, – когда война будет запрещена вообще, а вмешательство во внутренние дела станет допустимым»¹.

В биполярном мире открытого противостояния двух систем этот принцип в основном соблюдался. Однако после окончания холодной войны ситуация начинает меняться. Это находит своё выражение в расширительном подходе к миротворчеству, превращении миротворческих операций в своего рода жандармско-карательные акции. В мировой политике не просто создаются нежелательные прецеденты, но формируется опасная для мира тенденция. Об этом свидетельствуют всё более широкое применение в международной практике принуждения к миру силой, односторонние решения НАТО о возможности действий вне зоны своей ответственности и т. п.

Это, к счастью, не единственное направление. В знаменитой энциклике «Pacem in Terris» Иоанн XXIII утверждал, что в «атомную эру неразумно считать, будто война может быть использована в качестве инструмента для восстановления погранных прав». Весьма определённо высказался по этому поводу и Второй Ватиканский собор: «Всякий акт войны, который нацелен на уничтожение целых городов и их обитателей, является преступлением против Бога и против самого человечества и потому должен быть твердо и без колебаний подвергнут осуждению».

В-третьих, существенно меняется система политических акторов, которые могут стать инициаторами, организаторами или участниками войны. Растёт количество и меняется качество субъектов военной деятельности. В прошлом субъектами международного права выступали не только государства, но и Церковь, монастыри, города, княжества, герцогства. Ситуацию изменил Вестфальский мир (1648 г.), которым завершилась Тридцатилетняя война. Утвердившаяся тогда система субъектами международного права признавала только государства. За ними была закреплена монополия на применение военной силы; курфюрсты и прочие европейские вельможи лишались права иметь вооружённые формирования.

¹ Независимая газета, 1999, 25 марта.

На рубеже XIX века получило распространение мнение, что коль скоро все международные коллизии связаны, в конечном итоге, с проблемой передела мира ведущими державами, все «малые» войны и вооружённые конфликты должны перерасти в крупномасштабную войну. Вспыхнувшая в начале того века Первая мировая война подтвердила его обоснованность.

После второй мировой войны в качестве субъектов мировой политики заявили о себе новые акторы. В мире начало нарастать количество вооружённых столкновений, в которых, с одной стороны, продолжали участвовать государства, а с другой, – вооружённые структуры, вообще не относящиеся к каким бы то ни было международно признанным субъектам. Сегодня друг с другом воюют не только государства. Процесс появления всё новых субъектов современных войн происходит на фоне размывания монополии государств на применение насилия и характеризуется появлением множества негосударственных политических акторов. Снова стали громко заявлять о себе сглаженные, но отнюдь не устранённые национальные, этнические, религиозные противоречия и конфликты, определявшие историю XIX – первой половины XX столетия,

В конце 20 в. на международной арене появились новые политические силы: наднациональные и региональные образования в лице межгосударственных экономических, политических и военных блоков, а также транснациональных экономических и финансовых корпораций; непризнанные мировым сообществом государства; народы и территории, борющиеся за самоопределение; организованная в национальном и международном масштабе преступность и др.

В последние десятилетия качественное изменение природы конфликтов связано со смещением их из межгосударственной во внутригосударственную плоскость. Всё чаще инициаторами военных действий (убоимся в этом случае говорить об агрессии) либо другой воюющей стороной становятся повстанческие силы, несоизмеримо слабые по сравнению с теми, от диктата которых они стремятся освободиться. К внутренним войнам относится вооружённое сопротивление социальных, этнических, религиозных общностей и групп внутри страны за реализацию своих экономических, политических и др. интересов. В большинстве случаев конфликты случаются, когда этническим группам отказывается в удовлетворении их элементарных нужд, вытекающих из их самобытности. Но как бы там ни было, «Нынешние войны все чаще ведутся не между армиями, офицеры которых связаны понятием чести, но между бойцами, многие из которых еще не вышли из детского возраста и не являются солдатами в каком бы то ни было привычном смысле этого слова. Цель таких конфликтов состоит в осуществлении этнической чистки – в насильственном изгнании гражданского населения врага, – а не в победе одной армии над другой»¹.

По данным, собранным относительно особенностей конфликтов после холодной войны в Journal of Peace Research в 1995 году, идентифицируется в общей сложности 94 вооружённых конфликта за период с 1989-го по 1994 год, и лишь четыре из них квалифицируются по своей природе как межгосударственные². Устрашающая интенсивность и устойчивость конфликтов, свидетелями которых мы являемся в последнее десятилетие, приводят к росту числа невинных, гражданских жертв.

Внутренние войны нередко инициируются и поддерживаются внешними силами и часто выходят за национальные (государственные) границы; в свою очередь, внешняя война может стать причиной внутренних катаклизмов. Их наиболее острой формой является гражданская война, главным предметом сопротивления в которой является государственная власть. К решению военных проблем в новых условиях подключается всё большее количество совсем не бескорыстных участников, стремящихся оказывать определённое воздействие на военно-политическое руководство. Это находит своё проявление в частности, в том, что во время войны наряду с вооружёнными силами могут принимать участие и структуры, не входящие в них.

В последние годы в США, Англии, некоторых других странах активно приступили к созданию частных вооружённых сил. Правительства этих стран добровольно передают деятельность, считавшуюся прерогативой государства, частному бизнесу. Ныне это называется военный подряд, аутсорсинг, но можно говорить и о приватизации военной деятельности. Годовой оборот от деятельности частных военных корпораций в 2006 году превысил 250 миллиардов долларов. И востребованность услуг этих наёмников на Западе год от года только нарастает. Они способны организовать «оранжевую революцию», вооружённый захват власти в третьих странах, накалить обстановку в крупных регионах мира, спровоцировать конфликт государств и даже существенно повлиять на результаты конкурентной борьбы между транснациональными синдикатами. И эти скрытые от посторонних глаз силы, не исключено, могут выйти из-под контроля, прежде всего американского, навязать свою игру целым государствам, стать едва ли не полноценным субъектом общемировых процессов.

Так, во время боснийской войны весной 1995-го сербские формирования, несмотря на значительное преимущество, дрогнули, не выдержав напора хорватов, которые вдруг стали атаковать по всем правилам тактики и стратегии НАТО. Согласно упорно циркулировавшим слухам, проведённая хорватами операция «Шторм» была спланирована американской компанией Military Professional Resources Incorporated (MPRI), хотя последняя и отрицает своё участие. Примерно в то же время южноафриканская фирма Executive Outcomes спасла от повстанцев правительство Сьерра-Леоне. Численность американского воин-

¹ Гутман Р., Рифф Д. Введение // Военные преступления: Это надо знать всем: Справочник / Пер. с англ. М.: Текст, 2002. С. 11.

² НГ-Дипкуррьер, 2000, № 7, 20 апреля.

ского контингента в Ираке составляла 160 тыс. человек. Одновременно там на подряде работали около 180 тыс. сотрудников частных американских компаний. В этом контексте важен не только сам факт использования военных подрядчиков, но и масштаб их деятельности и ставшая незаменимой их роль в условиях современной тактики военных действий и осуществлении внешней политики США¹.

В-четвёртых, снижена опасность развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной. Эта констатация стала расхожей фразой едва ли не во всех выступлениях, посвящённых проблемам войны и мира. Однако «снижена» не означает «устранена».

В условиях биполярного мира противостоявшие системы во главе с СССР и США, независимо от того, как складывались их отношения в политической области, на военно-доктринальном уровне декларировали, что ведут и будут вести борьбу за выживание своих политических систем без каких-либо ограничений в использованных средствах и ресурсах. Более того, как известно, в любом из существовавших вариантов военно-стратегического планирования, хотя и ставилась цель избежать развязывания глобального конфликта, принципиальная приемлемость такого конфликта оправдывалась необходимостью обеспечить выживание нации и государства перед лицом тотальной угрозы.

Сейчас былого антагонизма нет. Но ориентация на возможное применение ядерного оружия не преодолена, несмотря на новые соглашения о его дальнейшем сокращении. Федерация американских учёных опубликовала доклад, посвящённый формированию новой ядерной доктрины США. Он обосновывает идею президента Барака Обама о необходимости ядерного разоружения, доказывая, что нынешний ядерный потенциал США не только бесполезен, но и опасен для самой Америки. Авторы доклада, называя нынешнюю систему ядерных сил США пережитком «холодной войны», предлагают сократить количество ядерных боеголовок до минимума, а также перенацелить ракеты с густонаселённых городов на 12 ключевых объектов российской экономики – предприятия «Газпрома», «Роснефти», «Русала», «Норникеля», «Сургутнефтегаза», «Евраз», «Северстали» и даже немецкой E.ON и итальянской Enel².

Фраза «снижена опасность войны» характеризует не войну, а состояние мира. К тому же опасность войны – не есть война. Здесь уместно напомнить, что в годы острейшего противостояния двух мировых систем и их военных блоков, опасность войны была огромна. Однако у них и их лидеров хватило мудрости и благоразумия, чтобы избежать открытого лобового столкновения. Она не стала фактом потому, что каждая сторона сама была готова к нему и знала, что и её антагонист имел физическую возможность уничтожить её. Именно это служило сдерживающим началом развязывания войны.

В-пятых. Одновременно с изменениями в политике и под её воздействием совершенствуются средства, способы и формы вооружённой борьбы, возрастают масштабы вооружённых конфликтов, ширится их пространственный размах, повышается насыщенность сложной боевой техникой и оружием, людскими ресурсами. Они приобретают всё более разрушительный характер, усугубляются социальные последствия, усиливается обратное влияние не только на политику, но и на все стороны жизни противоборствующих сторон.

Оговоримся, однако. Качественное усовершенствование оружия и военной техники – процесс непрерывный и бесконечный. Сегодня его называют революцией (революциями) в военном деле. Но революционные изменения в нём происходили и раньше. Сирил Фолз ещё в 1953 г. в работе «Сто лет войны: 1850–1950» скептически заметил: «Эксперты часто характеризуют современные им методы ведения войны как революционный прорыв в военном деле. То обстоятельство, что они приурочивают время этого прорыва к собственной эпохе, должно насторожить аудиторию. Полагать, что эволюция методов ведения боевых действий не была непрерывной и, по большей части, равномерной, – ошибка, вызванная незнанием истории развития военной техники и тактики»³.

Когда в качестве основания типологизации берутся применяемые средства и формы вооружённой борьбы, выделяются шесть поколений войн, связанных с историческим последовательным появлением: холодного оружия; пороха и гладкоствольного оружия; нарезного оружия; автоматического оружия; ядерного оружия, высокоточного и информационного оружия⁴.

Осознание самоубийственного характера массового применения ядерного оружия не привело к отказу от него. С одной стороны, происходит необратимый процесс его распространения в мире. Число стран в современном мире, де-факто обладающих ядерным оружием, приближается к двум десяткам. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) ожидает, что количество стран, обладающих ядерным оружием, удвоится в течение ближайших нескольких лет. Этому могут помешать лишь радикальные шаги по ядерному разоружению, на которые должны пойти ведущие ядерные державы. Чтобы не нарушать заключённые соглашения о нераспространении, считают там, новые ядерные государства вряд ли пойдут на создание самого оружия, однако будут находиться в течение двух месяцев от этого звена в ядерной цепочке⁵. Ядерное оружие всё чаще рассматривается как средство, дающее гарантии от возможного вооружённого нападения. Обладателями ядерного оружия стали или стремятся и готовы стать многие государства. Интерес к его приобретению проявляют и негосударственные акторы, в первую очередь, террористические организации. Существует серьёзная опасность того, что «грязная бомба» может оказаться и в руках не имеющих государственной субъектности экстремистских и террористических групп.

¹ Подробно см.: Уэсселер Р. Война как услуга / Пер. с нем. Г. Сахацкого. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. 320 с.; Крашенинникова В.Ю. Война на аутсорсинге // Россия в глобальной политике. 2008. № 1.

² Коммерсантъ, 2009, 15 апреля.

³ Цит. по: Отечественные записки. 2005. № 5 (26).

⁴ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.

⁵ http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/05/15/n_1361962.shtml.

Распространена точка зрения, согласно которой применение ракетно-ядерного оружия приведёт к невиданным ранее потерям и разрушениям, подрыву самих биологических основ жизни и гибели цивилизации, поэтому ядерная война не может быть рациональным и допустимым средством политики, её орудием. Однако многочисленные рассуждения о грядущей эпохе, когда техническая мощь человечества сделает войну невозможной, пока не находят подтверждения. Из «ядерного тупика», сделавшего войну невозможной, был найден выход не в отказе от его применения, а в крайне сдержанном, осторожном отношении к вопросу о его применении и в миниатюризации ядерных боеприпасов. Создаются и развёртываются дестабилизирующие, в том числе новые виды вооружений: ядерных зарядов малой мощности, межконтинентальных баллистических ракет с неядерными боеголовками, систем стратегической противоракетной обороны.

В то же время заведомо слабая сторона, оказавшаяся в состоянии войны с превосходящим в военнотехническом отношении противником, развёртывает партизанскую войну и/или прибегает к террористическим методам борьбы. В.В. Квачков теоретически обосновывает необходимость и возможность нанесения точечных ударов по наиболее уязвимым и чувствительным для противника объектам¹. Соответственно этому для другой стороны противопартизанские, контртеррористические действия могут стать важным видом и содержанием военных (боевых) действий. Многочисленные конфликты на территории СССР, Афганистан и Чечня, как и боевые действия США и их союзников в Ираке или Афганистане дают основание говорить, что относительно самостоятельным видом боевых действий войск становятся специальные операции.

В нашей стране это официально признано в федеральном законе «О противодействии терроризму». Закон устанавливает, что в борьбе с терроризмом Вооружённые Силы Российской Федерации могут применяться для: пресечения полётов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; пресечения террористических актов во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; участия в проведении контртеррористической операции в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом; пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации. Теперь надлежит ввести соответствующие положения и нормы в военное искусство и уставные документы.

В силу названных и других причин вооружённое противоборство, отнюдь не утрачивая своего сущностного начала – физическим насилием подавить способность и волю противника к сопротивлению – приобретает иные содержание, масштабы, формы и другие параметры. В этой связи исследователи говорят о сетевых, асимметричных и других войнах. При всей их специфичности они остаются войнами потому, подчеркнём ещё раз, что представляет собой использование технических средств физического насилия в политических целях.

В-шестых, война является событием, находящимся в сфере действия международно-правовых оценок и регулирования. Уже в «примитивных» обществах война постепенно обставляется всё большим количеством запретов и правил, вплоть до того, что сводится к ритуальному поединку между двумя представителями воюющих племён². В новейшей истории «право войны» (*jus belli* – право объявления и ведения войны, то есть реальная возможность в некотором данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом) трансформировалось в «право в войне» – совокупность международных конвенционных и обычных норм регламентирующих правила ведения войны, и имеющих своим назначением гуманизацию средств и методов ведения войны. Это вызвано тем, что война со временем вовсе не утрачивает свой деструктивный разрушительный характер. «В двух последних войнах, – говорил А. Швейцер в Нобелевской речи, – мы проявили жестокую бесчеловечность и наверняка станем проявлять её также в будущей войне». А Кофи Аннан в бытность Генеральным секретарем ООН, констатировал, что «природа современного конфликта состоит в том, что он угрожает самой ткани человеческого сосуществования»³.

Международное гуманитарное право ограничивает воюющие стороны в выборе средств и способов ведения военных действий. Более того, Устав ООН предусматривает возможность пресечения актов агрессии силами мирового сообщества; в порядке реализации этой нормы предпринимаются акции по принуждению к миру силой.

Всё это так. Но не менее хорошо известно, что право очень часто отступало под напором силы, которая в конце XX века, как и на протяжении всей истории человечества остаётся важнейшим аргументом в мировой политике. Как и во времена Бисмарка, она предшествует праву. Кстати сказать, в прошлом веке об этом говорил не только «железный канцлер» Германии, но и столь отличные от него деятели, как М. Бакунин и Ж. Прудон. Последний в огромных трактатах «Война и мир» и «О войне и мире» утверждает: «Право основывается на силе».

В.В. Серебрянников свёл отличия прошлых и современных войн в таблицу:

¹ Квачков В.В. О военной доктрине и Русской Армии. М.: Народный протест, 2007. 112 с.

² Морозов Е.Ф. Предисловие комментатора // Е.Э. Месснер. Всемирная мятежевойна. Жуковский, М.: Кучково поле, 2004. С. 3–12.

³ Цит. по: НГ-Дипкьюрьер, 2000, № 7, 20 апреля.

Смысл Великой Победы

Сравнительные характеристики старой и новой парадигмы войны

Основные характеристики	Парадигма войны	
	старая	новая
Субъекты вооруженного противоборства	Массовые армии	Относительно небольшие профессиональные армии, негосударственные вооруженные формирования
Главная цель военных действий	Разгром вооруженных сил противника, захват его территории	Дезорганизация управления государством, нарушение его жизнедеятельности, боеспособности вооруженных сил, смена политического режима
Размах военных действий	Боевые действия развертываются на протяженных фронтах, охватывают огромные территории	Отсутствие сплошных фронтов, ареной вооруженной борьбы становится вся территория государств
Характер вооруженной борьбы	Ведется на земле, на море и в воздухе при решающей роли сухопутных войск	Приобретает объемный характер (наземно-воздушно-космический) при решающей роли ВТО
Объекты первоочередного поражения	Живая сила, вооружение и военная техника	Центры политического и военного управления, информационные системы, объекты экономики, средства ВТО
Сосредоточение «огневых» усилий войск	На направлении главного удара сухопутных группировок	На ударах ВТО по важнейшим объектам
Главная сила (фактор) вооруженной борьбы	Человек, вооруженный автоматическим оружием и мощной техникой	Новейшие технологии, автоматически действующие системы оружия
Логика победы на поле брани	Ведущая роль тактики в накоплении предпосылок для стратегической победы	Решающая роль стратегии в одновременном поражении противника
Критерии победы в войне	Разгром вооруженных сил противника, оккупация его территории	Разрушение систем политического и военного управления, экономики, транспорта, связи; не обязательно с оккупацией страны

Таким образом, война на данный период и только для великих держав и их союзов становится всё менее военной. Крупные державы хотели бы обустроить (и перестраивать) мировой порядок без обращения к оружию. Однако они не отказались от своих национальных интересов и в стремлении реализовать их оказываются в геополитическом соперничестве, которое развёртывается по сценарию не только игры или дискуссии, но борьбы. Эта борьба по ожесточённости, масштабу вовлекаемых средств, своим последствиям может быть вполне сопоставима с войной.

Однако остаётся главное отличие, сущностный контекст, который отличает войну от любых невоенных противоборств. Как уже говорилось последнее может вести к ликвидации государств, перераспределению территорий, свержению и смене власти, ограничению прав, изменению статуса гражданского населения и т. д. Но лишь война не только допускает, но предполагает массовую гибель людей, уничтожение материальных объектов. Здесь лежит рубеж, разделяющий мир и войну.

В этой связи хотелось бы артикулировать и поддержать одну фразу из обширной статьи И.С. Даниленко: «Мир и война – принципиально разные, взаимоисключающие состояния общества и межобщественных отношений. Когда мы характеризуем состояние словом "мир", то имеем в виду отсутствие военной борьбы. И наоборот: война означает наличие этой борьбы, подчинение ее интересам мирного уклада жизни»¹. Эту идею раскрывает и А.И. Владимиров: «"Мир" и "война" являются качественно разными состояниями социума, а, значит, имеют (должны иметь по определению) разные целеполагания, разные парадигмы и системы координат бытия, и разные алгоритмы функционирования государства»².

Парадокс, однако, в том, что оба автора в тех же работах утверждают и прямо обратное. Так, И.С. Даниленко называет догматической точку зрения, согласно которой сущность войны составляет вооружённая борьба. Он пишет, что «объявление вооруженной борьбы абсолютным средством достижения целей войны теоретически исключает самую возможность войны без массовой вооруженной борьбы. Согласно этой аксиоме различие между миром и войной составляет только вооруженная борьба. Это ограничивает изучение содержания и исторической эволюции войны исследованием эволюции оружия и его применения». По словам А.И. Владимирова, «в настоящее время понятие "война" применяется для обозначения противоборства во многих сферах существования человечества. Мы постоянно слышим о "торговых войнах", "войнах экономических", или "войнах информационных". Мы считаем, что эта тенденция не случайна, так как только термином "война" и можно определить крайнюю степень ожесточения отношений разных субъектов геополитических взаимодействий, действующих в одной сфере, но с диаметрально разными целями. Именно это ожесточение и диктует им некий категорический военный императив действий по преодолению сопротивления противника и достижению своих целей в этом противоборстве». И сам Владимиров одной из своих работ даёт подзаголовок «Войны мирного времени».

Война в том её понимании, какое сложилось за тысячелетия человеческой истории, в тех её видах, которые имели место в этой истории не канула в лету. «Старая» проблематика военной безопасности не утратила прежнего наполнения, она не исчезла окончательно. Она лишь видоизменилась, отражая новую

¹ Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль. 2008. № 11.

² Владимиров А.И. Концептуальные основы национальной стратегии России: военно-политический аспект // http://kadet.ru/lichno/vlad_v/vladimirov_31.12.2004.htm

расстановку сил, складывающуюся после окончания холодной войны, и те новые проблемы, которые несут с собой наибольшую потенциальную опасность широкомасштабного конфликта.

Абстракция войны в отечественном дискурсе

Кардинальная трансформация международных отношений, последовательное преодоление наследия «холодной войны» и связанных с ней предрассудков и стереотипов, укрепление России и её международных позиций – всё это существенно расширило возможности сотрудничества на мировой арене. В силу этого, а также потому, что военное насилие экономически накладно и встречает неприятие общественного мнения, геополитическое (и классовое, этническое) противооборство обретает иные формы.

Как говорится в Концепции внешней политики РФ, на передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Глобальная и региональная безопасность сместилась от более ясных вопросов войны и мира к менее определённым и более сложным политическим, финансово-экономическим, демографическим и другим проблемам.

Новые вызовы и угрозы (прежде всего, международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, глобальная бедность, в том числе энергетическая, а также нелегальная миграция, изменение климата) носят глобальный характер и требуют адекватного ответа со стороны всего международного сообщества и солидарных усилий для их преодоления.

Глубинная перестройка мира влечёт за собой изменение концепций, объясняющих причины, сущность, содержание, роль войны. Вплоть до 80–90-х гг. войны характеризовались общей тенденцией усиления их «военного элемента», то есть вооружённой борьбы и не возникало сомнений, что именно она выступает специфическим признаком войны. Значительное убывание удельного веса вооружённой борьбы в некоторых реальных и потенциальных войнах конца 20 в. изменили эту тенденцию. Сегодня широко тиражируется идея о новой сущности войны, которая якобы утрачивает характер вооружённой борьбы.

Вот лишь некоторые её интерпретации.

В очень задиристой работе И. Бестужев-Лада писал, что «с точки зрения геополитики после окончания Второй мировой войны начались и продолжают до сих пор третья и четвертая». Не успела закончиться Вторая мировая война, утверждает он, как в 1946 г. Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи по сути объявил войну Советскому Союзу, которая продолжалась целых 45 лет и оказалась настолько не похожей на все предыдущее, что её окрестили холодной, а чаще вообще предпочитали говорить о «гонке вооружений СССР – США. Казалось, в 1991 году третья (по сути) мировая война закончилась распадом советской империи, вообще всей «мировой социалистической системы. Четвёртая мировая война началась двумя годами позже третьей. Началась как сугубо региональная в 1948 году с нападением только провозглашённого государства Израиль на Палестину. Затем военные действия перекинулись на Балканы, а также на Кавказ и Чечню. И всё это до самого XXI века считалось «региональными войнами местного значения». После 11 сентября 2001 года все увидели, что это никакие не «террористические акты», а самая настоящая мировая война, настолько же не похожая на третью, насколько та на Первую и Вторую. Абстрактно говоря, в этой войне противостоят друг другу не НАТО и Россия, а бедный Юг и богатый Север (куда, словно в насмешку наряду с США и Западной Европой, затесалась и Россия).. Должны ли мы, заключал И. Бестужев-Лада, в этой войне встретить талибов в Казани хлебом-солью или всё же противодействовать им в союзе с США? Вопрос, думается, сугубо риторический¹.

«Мир изменился, – пишет М. Делягин, – и войны на уничтожение наций, получившие в последнее время название глобальной конкуренции, ведутся уже не конницей или танками, но преимущественно информационными и финансовыми потоками. В начале 90-х годов мы на собственном чудовищном опыте убедились: от того, что они стали менее кровопролитными, они не стали менее жестокими и разрушительными»². «Современная война, – пишут другие авторы, – это политическая борьба без применения вооруженного насилия... Война будущего не только вполне может быть без вооруженного столкновения, но и, вероятнее всего, будет происходить в информационном пространстве, а не на поле боя»³.

«Считается, – утверждает А.И. Владимиров, – что "война" – это когда бомбят самолеты, стреляют танки, гремят взрывы, солдаты убивают друг друга, войска сторон, сея смерть и разрушение, двигают линию фронта» и т. д., но сегодня это все уже совсем не так. Современная война – как радиация: о ней все знают и все боятся ее; но ее никто не чувствует, она не видна и неосознаема, ее как бы практически нет; но война идет, так как люди гибнут, государства рушатся и народы исчезают. Из истории человечества в первую очередь исчезают именно те государства и народы, которые, даже погибая, упорно не замечают или не

¹ Бестужев-Лада И.В. Россия и мир 2006–2015: вызовы и ответы: Ежегодный доклад для раздумий, дискуссий и подготовки стратегических решений. Полемическое введение в проблематику проекта // Экономические стратегии. Приложение. М.: 2005. С. 32–35.

² Делягин М. Наша задача – создание российской цивилизации // Вестник аналитики. 2006. № 2. С. 38.

³ Военно-философский вестник. 2008. № 1. С. 51.

хотят замечать ведущейся против них войны. Именно так погиб СССР. Именно такая угроза все еще нависает над Россией¹.

Е.В. Макаренков и С.А. Мельков, касаясь вопроса о содержании военно-доктринального документа, регламентирующего отношения и деятельность «в области обороны и безопасности», говорят, что в его политических основах в числе «принципиальных моментов» «государственная власть должна четко изложить» «собственное видение будущей войны (причины, источники, формы) как в форме вооруженной борьбы, так и без неё. Причем, добавляют они, – мы полагаем, что, скорее всего, современная война – это политическая борьба без применения вооруженного насилия». И вновь повторяют: «Полагаем, что война будущего не только вполне может быть без вооруженного столкновения, но и, вероятнее всего, будет происходить в информационном пространстве, а не на поле боя»². Но, заметим, что эти полагания находятся в противоречии с их же утверждением о том, что «к вооруженной борьбе приводит политическая борьба. Чем более жесткой, бескомпромиссной и неограниченной является политическая борьба, тем она, как правило, наименее социально эффективна и с максимальной вероятностью может привести к борьбе вооруженной»³.

Вот и Л.Г. Ивашов, генерал полковник, доктор исторических наук, президент Академии геополитических наук говорит, что на Кавказе идёт война, но не такая, как в Чечне в 90-е годы. «Это война кланов, они бьются за местные ресурсы и дотации из Москвы. Потом делят эти деньги между собой, а часть в виде отката возвращают обратно. Мне рассказали: раньше эти откаты были 40%, сейчас федеральные чиновники дерут до 60%. По данным одного из наших источников, за последние годы на Кавказ из Центра ушло 6 млрд долларов. Простые люди всех этих денег не увидели»⁴.

Цитирование рассуждений о войне без вооружённой борьбы, если можно так сказать, о «невоенной войне» (военный, объясняет толковый словарь, означает связанный с войной и армией, относящийся к войне и армии) можно продолжать очень долго. Впрочем, такое понимание войны в философской и научной мысли имеет давние корни. Так, Гераклит утверждал, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей и всё возникает через вражду и взаимообразно. Тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, писал Дж. Локк, тем самым вовлекает себя в состояние войны с ним. Т. Гоббс как войну всех против всех характеризовал догосударственное состояние социума.

Но в отличие от них современные авторы пытаются придать подобным взглядам инструментальное значение, строя концепции «невоенных войн», войн без военных действий и вооружённой борьбы и предлагая стратегию поведения народов и государств в уже идущей «четвёртой мировой войне», разрабатывая принципы деятельности при определении и решении практических задач обеспечения национальной безопасности.

Последователи такого подхода предлагают соответствующие определения. «Война, – пишет А.И. Владимиров, – это социальный процесс, характеризующийся целенаправленной борьбой субъектов геополитики за утверждение в новой роли и статуса (или за подтверждение старых) и за возможность формирования ими новой картины мира и последующего управления ею. Собственно вооруженная борьба – только крайняя, насильственная форма войны»⁵. «Война, – утверждает В.М. Демин, – это конфронтационная политика, осуществляемая применением любых доступных средств, способов и методов ведения ... с применением или неприменением вооруженной борьбы». М. Курочко, имея в виду совершенно иные, по сравнению с физическим вооружённым насилием, формы насилия и средства ведения войны, выделяет неклассический тип войны и своё видение этой проблемы формулирует так: «Под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служат сознания индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества... Классическая война – это война, ведущаяся в плоскости телесности, неклассическая война – это война, которая ведётся в плоскости сознания и духа человека и общества. Данная типология не противоречит логике. Война – многогранна, при этом она постоянно развивается. В результате в типологии войны открывается еще одна её грань, и появление её несколько не умаляет общепринятого понимания сущности войны как продолжения политики, но насильственными средствами. В данном случае учитываются другие виды насилия, а не только физическое и многомерности человека и мира»⁶.

Подобные «смелые новации» в интерпретации войн являются ярким примером смешения понятий. На лексическом уровне объяснить такую подмену нетрудно. Как свидетельствуют толковые словари⁷, в русском языке слово война имеет два значения: вооружённая борьба между государствами или социальными

¹ Владимиров А.И. К вопросу о новой военной доктрине России Философские, политические и стратегические параметры документа // Политический класс. 2007. № 26 (<http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=733#q4>). См. также: Владимиров А.И. О войне и философии войны. М.: 2004; Владимиров А.И. Россия в условиях Четвертой мировой войны. Технологии войны мирного времени. М.: 2003.

² Макаренков Е.В., Мельков С.А. Диалектика военных и невоенных средств политики обороны и безопасности России: в чем проблема? // Военно-философский вестник. 2008. № 1. С. 51.

³ Там же. С. 50.

⁴ Аргументы и факты, 2009, № 30 (1499), 22–28 июля. С. 1.

⁵ Владимиров А.И. К вопросу о новой военной доктрине России Философские, политические и стратегические параметры документа // Политический класс. 2007. № 26 (<http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=733#q4>). См. также: Владимиров А.И. О войне и философии войны. М.: 2004; Владимиров А.И. Россия в условиях Четвертой мировой войны. Технологии войны мирного времени. М.: 2003.

⁶ Курочко М.М. Неклассический войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности: Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». 2008. № 3. С. 35.

⁷ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.

группами внутри них и – с пометкой: в переносном смысле – борьба, враждебные отношения с кем или чем-нибудь. Развёрнутое и более точное определение этих разных феноменов даётся в энциклопедических изданиях. Это переносное значение вполне уместно в обыденной речи, художественном произведении, публицистическом тексте.

Так, говорят о войне амбиций и законов, войне разведок и ведомств, куриной и сталелитейной войне, торговой, дипломатической и информационной войне, войне с преступностью и коррупцией, о холодной войне и четвёртой мировой войне и т. д., и т. п. Со времён Августа Стриндберга, шведского писателя 19 столетия, известно выражение «война полов», в процессе и результате которой происходит перераспределение ролей и влияния полов в семье, трудовой, социальной, экономической сферах, изменение иерархии и структуры общества. Интернет на запрос «война полов» выдает 271 000 сайтов. В профессиональных сленгах можно услышать о «ценовых войнах», которые ведут компании для того чтобы «выжить» конкурентов из отрасли, о «войнах правок», когда участники или группы участников начинают регулярно отменять правки в тексте, сделанные другой группой, с целью победить в споре о его содержании. Рижское отделение Международного Красного Креста объявило об акции «Благосостояние», призванную оказать продовольственную поддержку жертвам экономического кризиса, признанным «ветеранами **войны за выживание**»¹.

Именно в переносном смысле можно говорить о войне цен, нервов, амбиций, идеологий и т. д. или о войне между отдельными лицами, хозяйствующими субъектами, политическими институтами и даже государствами, когда нет целенаправленного применения технических средств (оружия) для физического насилия в политических целях, или – повторю эту формулу – организованной вооружённой борьбы в форме непрерывных и систематических военных действий. «Называть войной острое социальное противоборство, в котором противники хотят одержать верх едва ли не любой ценой, но не силой оружия, – пишет в этой связи С.С. Антюшин, – наверное, в определенных случаях допустимо. Но допустимо лишь в той мере, в какой можно назвать "восьмым чудом света" все, что поражает наше воображение или окрестить музыкой шум дождя, звуки базарной площади в самый разгар торговли, стук колес движущегося поезда. То есть, когда подобная образность помогает передаче настроения и не мешает пониманию сущности явлений»².

Во всех этих случаях говорится не о войне как чётко фиксированном явлении, основные признаки которого названы выше, а используется название, знак этого явления для образного подчёркивания непримиримости позиций сторон, находящихся в конфликте, острота и напряжённость которого делит их, как в войне, на враждебные, может быть антагонистические группы «друг – враг».

Однако научная категория не может иметь статус переносного значения. Смысл её существования как раз и состоит в том, чтобы чётко выразить качественную определённую конкретности явления или процесса. При её неспециализированном употреблении, придании ей произвольного содержания создаётся искажённая картина мира. Вот почему нельзя согласиться с тем, что ряд авторов стремятся придать ему статус научной категории. Ведь ясно же, например, что «война законов», «война суверенитетов», как её вели с федеральным центром Татарстан и Ичкерия – совершенно разные явления не по целям, мотивам и результатам, а именно по средствам и формам борьбы, которыми она велась.

Генерализируя ту или иную сторону войны, различные авторы обосновывают появление в наши дни новых типов войн. В литературе можно встретить описание (даётся в алфавитном порядке) асимметричной³, гуманитарной⁴, диалектической⁵, кибернетической, концентрической¹, неклассической², партизан-

¹ Время новостей, 2009, 20 апреля.

² Антюшин С.С. Проблемы осмысления войны, или простые истины, которые общество не торопится осознать // Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.): Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI», 2009. № 5. С. 73.

³ Асимметричная война – вооружённое столкновение, в котором, с одной стороны, выступает государство, а с другой, – не имеющая государственной организации территориальная, этническая, конфессиональная общность. (См.: Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.).

⁴ Гуманитарная война – вооружённое вторжение на территорию суверенного государства с целью предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения осуществляемого с подачи или при попустительстве местных властей.

⁵ Уже начавшаяся последняя диалектическая война планетарная по своему масштабу. Она является следствием и проявлением мондиалистского заговора Соединённых Штатов против великоконтинентального евразийского пространства, полюсом которого является сегодня сближение России и Европы. По отношению к нему чётко заявлены две диалектически противоречащие друг другу позиции. Одна, контрстратегическая, направленная на жёсткую борьбу с ним, другая ориентирована на безоговорочную поддержку Соединённых Штатов в их «планетарной вовлечённости в борьбу с подземными устремлениями исламского терроризма в действии». Эта война «в полном смысле слова тотальная», ибо «все мы полностью и бесповоротно вовлечены» в неё. Диалектическая война по своей природе предполагает абсолютный приоритет оружия политико-стратегической, а также культурной и религиозной разведки перед совокупностью всех других вооружений. Это «фундаментальным образом разведывательная война, что превращает ее в войну высшего порядка, войну вдохновенных умов, исполнителями воли которых могут быть небольшие законспирированные боевые группы теневого действия, способные принимать самостоятельные оперативные решения, но в то же время подчиненные "инициированным" элитам сверхспециализированной инфраструктуры с очень высоким уровнем подготовки и компетентности». (Парвулеско, Ж. Путин и Евразийская империя : [сборник статей] / Жан Парвулеско ; [пер. с фр. В. Карпеца; под общ. ред. А.Г. Дугина]. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2006).

ской, преземптивной³, пуантилистской⁴, сетевой, тринитарной, цепной⁵, цивилизационной и т. д. войн. О каких только войнах не говорят различного рода эксперты! «Пассивной войной», например, называют действия войск в районах заражения при разрушении ядерного реактора.

Издавна теория и политика, наряду с описанием различных ликов войн разрабатывают и их классификацию, выделяя определённые группы войн, имеющих сходные исторические, социально-политические, военно-технические признаки и разделяя их по родам, типам и видам⁶. Все войны делятся, говоря языком международного права, на международные вооружённые конфликты, воюющими сторонами в которых выступают государства, и вооружённые конфликты немеждународного характера, при которых военные действия развёртываются в пределах территории одного государства. В первых в зависимости от состава воюющих сторон различают двусторонние и коалиционные, а по пространственному масштабу – локальные, региональные и мировые (широкомасштабные) войны. В Военной доктрине РФ по этому поводу говорится: характер современных войн (вооружённых конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий. В соответствии с этим современная война (вооружённый конфликт) может быть: по военно-политическим целям – справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооружённое нападение); по применяемому средству – с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения; по масштабам – локальной, региональной, крупномасштабной.

Локальная война охватывает либо части одного государства, либо небольшое число государств и ведётся, как правило, группировками войск, развёрнутыми в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счёт переброски средств с других направлений и проведения частичного стратегического развёртывания вооружённых сил. После окончания «холодной войны» большинство таких войн связано с этническими проблемами и, как правило, приводит к той или иной форме интернационализации конфликта.

Региональная война ведётся с участием двух или нескольких государств (групп государств) одного географического региона и затрагивает преимущественно интересы расположенных в нём стран; она характеризуется важностью военно-политических и решительностью оперативно-стратегических целей сторон, ведением вооружённой борьбы во всех сферах, массированным применением современных видов вооружений, может быть как обычной, так и ядерной, иметь скоротечный или затяжной характер.

В крупномасштабной войне, по крайней мере, одной из сторон выступает государство (коалиция государств), являющееся одним из мировых центров силы и ставящее радикальные военно-политические цели. Она ведётся на всей территории воюющих стран, в акватории океанов (морей), с охватом воздушно-космического пространства с предельной напряжённостью и высокой динамичностью военных действий и

¹ Консциентальная война направлена на уничтожение сознания. Предметом поражения в ней является субъектность того или иного этноса, того или иного народа или государства (в отличие от психологического или психотропного оружия, которое нацелено на поражение сознания конкретного человека). Эта борьба за умы строится не на основе прямых высказываний и утверждений и не на основе так называемой риторики внушения. Для разрушения сознания создаются специальные «симуляционные машины», воссоздающие среду существования сознания (нельзя сказать, что они воспроизводят само сознание), в которой снижается уровень энергичного существования личности. В этих средах личность не пробуждается, а наоборот, засыпает. Наличие подобных симуляционных машин собственно и есть новый феномен социальной жизни. (Громыко Ю. Консциентальное оружие – как оно работает // Российское аналитическое обозрение. 1998. № 8–9).

² Под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служат сознания индивида и общества во всех своих формах и структурах с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. То есть неклассическая война отличается от классической следующими признаками: объектом поражения (сознание, а не тело); использованием нефизического насилия; иррегулярным, непрямым характером. Этот тип войн требует соответствующей методологии исследования, определённых исследовательских принципов и подходов. (Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». М.: 2008. № 3. С. 9).

³ К концу 2002 года, за несколько месяцев до начала агрессии против Ирака, США окончательно разработали и официально утвердили свою новую доктрину действий в 21 веке. В основе этой доктрины, нередко называемой доктриной Буша, лежит идея преземптивной войны и преземпции. Преземпция означает опережающий захват или силовое действие на опережение, т. е. уничтожение опережающим образом, как самой существующей угрозы, так и всех обстоятельств данной угрозы (оружия, к примеру) и, главное, самого субъекта этой угрозы – т. е., как правило, режима и власти в стране или террористической организации. Таким образом, преземпция ориентирована на смену режима (Regime Change), на перехват национального суверенитета и на строительство на месте неправильной нации новой – т. е. нациостроительство-нацибилд (Nation-Building) и нациоперестройка или нациопеределка (rebuilding Iraq, reconstruct Iraq или remaking Iraq). (См.: Круляков Ю.В. Преземптивная война // <http://www.p-rossii.ru/pred.phtml>; <http://www.krouppnov.ru/>)

⁴ Пуантилистская, то есть точечная война, когда боевые действия идут в радиусе 50–200 км. Целью такой войны является установление политической власти над конкретными районами (точками роста), имеющими стратегическое значение и обладающими, как правило, определёнными ресурсами.

⁵ В 60–70-е гг. XX в. о «цепных войнах» писал французский социолог Р. Арон, понимая под ними войны, связанные ведо политикой и идеологией противоборствующих между собой капитализма и социализма, а также не связанные с этим, а вытекавшие одна из другой. В наши дни, отталкиваясь от Р. Арона, В. Серебрянников предсказывает ряд «цепных войн» американцев и их подручных во имя установления власти США над миром. (Серебрянников В.В. Цепные войны США за мировое господство // Власть. 2003. № 5. С. 24–25).

⁶ См.: Военная энциклопедия. В 8 тт. Т. 2. М.: 2009.

требует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников. Высока вероятность перерастания такой войны в ядерную. Крупномасштабная война приобретает характер мировой, если в ней участвует значительная часть стран мира, в том числе все или большинство великих держав, а военные действия ведутся на огромной территории, охватывающей многие театры военных действий на различных континентах и в акваториях Мирового океана.

Сама же крупномасштабная война, если она случится, превзойдёт по интенсивности и масштабам разрушения все, что знала история в прошлом. Вот как она характеризуется в Военной доктрине Российской Федерации: «Крупномасштабная война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества. В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели. Она потребует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников».

Раньше считалось, что Советскому Союзу угрожают многие государства, чуть ли не весь мир и в интересах обеспечения собственной безопасности ему нужно было быть сильнее любой возможной коалиции врагов. Мобилизовав все ресурсы на создание и поддержание своей военной мощи, СССР упустил другие аспекты безопасности, недооценил невоенные средства и методы геополитического противоборства и страна потерпела поражение. Крах СССР, являвшегося одной из двух сверхдержав, обладавшего огромной («непобедимой», считалось тогда) военной мощью, трагически показал её политические пределы. Не хотелось бы делать никаких параллелей, но вот что говорил шесть лет тому назад, например, руководитель Центра по изучению США при Французском институте политических исследований Г. Пармантье «Американцы путают политическую мощь и военную силу, считая, военную силу главным инструментом в международных отношениях. Но накачивание мускулов не проходит для Америки бесследно. Военные программы дороги. У США скоро, года через два-три появятся серьезные финансовые проблемы»¹.

В нашей стране сейчас ситуация с точностью до наоборот. Теперь многие утверждают, что не существует угрозы вооружённого нападения на Россию, ибо войны никто не хочет, и все опасности для неё лежат в информационной, инновационной, инвестиционной и т. п. областях, которые и стали якобы сферой и инструментом войны. По этой логике, впору упразднить министерство обороны и Генеральный штаб, распускать армию, а военных профессионалов перекалывать, если не в учителей и воспитателей, то в сторожей.

Скажем, в последнее время очень многие, в том числе официальные политические и военные деятели говорят о войне с международным терроризмом. Для того есть серьёзные основания: государства стали объектом силового давления со стороны международного терроризма, который развернул жестокую, кровавую борьбу против сложившегося миропорядка. Он бросает вызов, отвечать на который государства вынуждены, в том числе, а может быть, прежде всего, военными средствами и методами. В одном из выступлений, прозвучавшем сразу после терактов 11 сентября 2001 г. в США, министр обороны Дональд Рамсфелд отметил, что Америке предстоит решить две важные задачи: одержать победу в борьбе с терроризмом путём ликвидации сети террористических организаций, а также осуществить подготовку к совершенно другой войне, которая будет разительно отличаться от войн прошлого столетия. Отныне к числу главных задач вооружённых сил отнесена защита непосредственно территории страны от внезапных ударов террористов². Более того, госсекретарь США Колин Пауэлл в выступлении «О терроризме» перед членами американского консультативного совета по безопасности за рубежом в ноябре 2001 г. заявил: после 11 сентября борьба против терроризма стала высшим приоритетом для страны и для международного сообщества. Созданная коалиция сплачивается, чтобы начать войну против «Аль-Каиды», и эта кампания приведёт к развёртыванию **войны против всех форм терроризма во всём мире** (подчёркнуто мною – О.Б.)³.

В России после московской трагедии на Дубровке в октябре 2002 г. президент России также дал указание о внесении изменений в планы применения вооружённых сил. А, по словам тогдашнего министра обороны РФ С. Иванова, «против России война уже идет и идет не один год. Эту войну нам никто не объявлял. Нет ни одного конкретного государства, которое находится в состоянии войны с Россией. Но есть люди, есть организации, расположенные во многих государствах, на многих континентах, которые участвуют в проведении враждебных действий против Российской Федерации. Это одна из форм нового типа, один из характерных примеров того, как ведется не только вооруженная борьба»⁴.

И это естественно: террористические силы порою создают военные и военизированные формирования, находящиеся под ответственным командованием. Они добиваются контроля над определённой территорией, который позволяет им вести упоминавшиеся выше непрерывные и согласованные военные действия. И в этом случае их нейтрализация и разгром становится задачей армии, принимает характер войны. Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что справиться с международным терроризмом только си-

¹ «У США скоро появятся серьезные финансовые проблемы» // Время новостей, 2003, 9 июля.

² См.: Коммерсантъ. 2001, 3 октября.

³ См.: Независимое военное обозрение. 2001. № 45. С. 4.

⁴ Выступление министра обороны РФ С.Б. Иванова на годовом отчетном собрании Академии военных наук Российской Федерации 18 января 2003 года // Вестник Академии военных наук. 2003. № 2 (3). С. 3.

лами спецслужб не удастся, что она уже сейчас требует соответствующей переориентации армии, активного включения её в антитеррористическую деятельность. Но сводить всю борьбу с терроризмом только к армейским операциям и, следовательно, представлять её как войну совершенно не правильно. «Выражение "война с терроризмом" имеет смысл только в том случае, если его использовать так же, как и словосочетание "война с организованной преступностью или с контрабандой наркотиков", подразумевающая мобилизацию всех возможных ресурсов для борьбы с опасной, антисоциальной деятельностью. Причем с такой деятельностью, которую никогда не удастся свести на нет, но которую можно ограничить и удерживать на уровне, не угрожающем стабильности общества»¹.

То, что обычно называется войной с террором, есть в нашей неприглядной действительности не что иное, как затяжная, охватившая весь мир, не отвечающая привычным нормам кампания, – борьба между беспощадным экстремизмом и умеренными силами. Регулярные войска будут и в дальнейшем играть определённую роль в длительной борьбе с террористами и прочими экстремистами. Но в долгосрочной перспективе Соединённые Штаты не смогут добиться победы путём уничтожения террористов или взятия их в плен. То, что военные называют «кинетическими операциями», должно по возможности сопровождаться мерами, направленными на улучшение управления и осуществление экономических программ развития. Также необходимы усилия по снижению уровня недовольства среди обездоленных, из числа которых террористы вербуют новых бойцов. Чтобы дискредитировать и обезоружить экстремистские движения и выхолостить их идеологию, потребуется терпеливое накопление негромких успехов на протяжении длительного времени².

Террористические акции не вписываются в рамки общественно-политического явления, имя которому – «война» и законы которой подробнее исследованы научными центрами и генеральными штабами. Терроризм, говорил в бытность командующим ВДВ генерал И. Шпак, – это абстрактный противник. Армия может бороться с терроризмом, если появляются какие-то банды, большие организованные соединения, но не гоняться целой дивизией за одиночным террористом или шахидкой. Для этого есть соответствующие силовые подразделения спецслужб, именно они обязаны бороться с терроризмом³.

Публицистическое же отождествление этих разных войн оказывается не просто семантической ошибкой. Оно даёт искажённое представление о реальных процессах, стирает грань между войной и миром, снижает психологический барьер перед кровопролитием и способно вызвать неадекватные политические решения и действия.

Рассуждения о «невоенной войне» не просто алогичны в лингвистическом смысле, являются оксюморонами, не только теоретически несостоятельны. Паче чаяния, кто-то, поверив им, попытается перевести на язык практики очень скоро окажется в ситуации абсурда, которую описал Дж. Оруэлл в романе-антиутопии «1984», разъярясь новоязовский лозунг «Война – это мир» (два других лозунга: Свобода – это рабство; Незнание – сила), «Когда война становится буквально бесконечной, она перестает быть опасной. Когда война бесконечна, такого понятия, как военная необходимость, нет. Технический прогресс может прекратиться, можно игнорировать и отрицать самые очевидные факты. ... Исследования, называемые научными, еще ведутся в военных целях, но, по существу, это своего рода мечтания, и никого не смущает, что они безрезультатны. Дееспособность и даже боеспособность больше не нужны».

Изменение содержательного наполнения привычного понятия требует переосмысления производных от него и связанных с ним терминов. Так, если война утрачивает связь с вооружённой борьбой, становится «невоенной», то требуют переосмысления или упразднения многие понятия, в том числе закреплённые в международном праве, такие как: комбатант, воюющая сторона, гражданское население, агрессия, театр военных действий, оккупация, военная политика, военная безопасность, военный советник, военные действия, военнопленный, военная операция, генеральный штаб, боевая подготовка, военное положение, законы военного времени, мирный договор, защита Отечества, военное строительство, военная организация, военная экономика, военный бюджет и военные расходы, финансирование Вооружённых Сил и т. д.

Все они теряют смысл или получают совершенно иное, противоположное содержание. Например, комбатант – человек, входящий в состав вооружённых сил воюющей стороны, который имеет право применять оружие (убивать) и сам может быть объектом военного насилия (убит)⁴. Вопрос: если сейчас идёт война, война без армий и фронтов, то все люди являются комбатантами? и гражданского населения нет? Но тогда террористов, захватывающих заложников или взрывающих жилые дома, впору объявлять «героическими борцами за правое дело». И наоборот: коль скоро идущая сейчас «четвёртая мировая война» не требует применения военной силы, а её сражения развёртываются не на поле боя, а в информационном пространстве, то вновь следует реанимировать вопрос «зачем нам армия»?

Есть немало сюжетов, которые – независимо от того, делается это по добросовестному заблуждению или злему умыслу – получают в отечественном дискурсе искажённое толкование. Уже на самом высоком уровне говорится о целенаправленных усилиях подвергнуть ревизии Победу советского народа в Вели-

¹ Ховард М. Что значит «бороться с терроризмом» // Россия в глобальной политике. Т. I. № 1. Январь – март. 2003. С. 10.

² Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2 (март – апрель).

³ Независимое военное обозрение, 2003, 1–7 августа, № 26.

⁴ Глубоким недоразумением являются наукообразные попытки разделить или противопоставить право убивать и возможность быть убитым в войне. «Суть войны, – пишет, например, М. Кревельд, – заключается не в том, что представители одной группы людей убивают представителей другой, а в том, что они, в свою очередь, готовы быть убитыми в ответ, если это будет необходимо». (Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: 2005. С. 329).

кой Отечественной войне, о настороженной или даже критической коннотации в определённых кругах в отношении военно-патриотического сознания.

Однако такой подход недопустим в той части теории и практики, которая связана с рациональной разработкой и обоснованием конкретных программ, решений и мер по обеспечению военной безопасности страны, для которой используемые категории и понятия должны иметь операциональное значение. Ведь как только допускается возможность разрастания объёма понятия «война», тут же неизбежно возникает «обеднение» его содержания. Понятие становится всё менее определённым и, в конечном итоге, стремится охватить все социальные отношения. Когда дело касается политических вопросов или необходимо точное понимание сути социальных явлений двусмысленности и расплывчатости в определениях быть не может. Но и в повседневной жизни с понятием «война» следует поступать осторожно¹.

Дело в том, что жизнедеятельность людей развёртывается не только в предметном мире, но и в мире понятий, которые явно или неявно определяют её. Простой умозрительный пример. Представьте себе пассажиров автобуса, застрявшего где-то в загородной глухомани, к которому бегут «крепкие ребята в камуфляже». Думается понятно, что реакция и поведение пассажиров будут различаться в зависимости от того, воспримут (назовут) они их как банду террористов, команду военных или группу туристов.

Аналогичным образом дело обстоит и в социально-политической практике. Деятельность по обеспечению безопасности тоже строится с использованием развёрнутой системы терминов, понятий и категорий. Эту систему называют дискурсом. Так называют отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Он выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а, следовательно, не только отражает мир, но проектирует и сотворяет его.

Давно сказано: «Вначале было слово». Дизраэли принадлежит изречение: «Люди правят посредством слов». Чёткость и ясность дискурса, заложенных в нём положений является, с одной стороны, показателем теоретической зрелости его творцов и носителей или – шире – состояния науки и общественного сознания, а с другой, – становится фактором, определяющим последовательность и действенность государственной политики обеспечения военной безопасности.

Вербализация явлений окружающего мира, операционализация и концептуализация понятий, с помощью которых он описывается и осмысливается, является, с одной стороны, показателем теоретической зрелости творцов и носителей дискурса или – шире – состояния науки и общественного сознания, а с другой, – становится фактором, определяющим последовательность и действенность государственной политики обеспечения национальной безопасности.

Использование общепризнанных терминов не по назначению, смешение понятий или известная в логике подмена тезиса становятся инструментом манипуляции общественным сознанием, способны дезориентировать власть, общество, армию. Использование различных терминов для описания одних и тех же предметов, а равно называние различных явлений одним понятием лишает текст определённости. Неадекватность понятий влечёт за собой неправильное отношение к реалиям жизни, ошибочные действия, приводящие к нежелательным, а порой прямо противоположным последствиям. Дж. Оруэлл очень чётко описал значение «новояза» для формирования сознания и поведения граждан вымышленного им общества англоса (английского социализма). В наши дни говорят о нейро-лингвистическом программировании.

Здесь можно говорить об онтологических и гносеологических противоречиях между явлением и знаком. Термин «война» широко используется в обыденной и публицистической речи, научных и политических текстах для обозначения разных явлений действительности. Он является единицей анализа самых разных, далеко не родственных наук: социологии и географии, экономики и юриспруденции, менеджмента и геополитики, государственного управления и военной стратегии и т. д. И в каждой науке в понятие «война» вкладывается разное содержание. К тому же, одна вещь может иметь разное обозначение (название) и одно название может использоваться для обозначения разных вещей. Именно поэтому люди часто вспоминают утверждение Декарта, о том, что если бы удалось договориться о понятиях, человечество избежало бы половины конфликтов.

К сожалению, в нашем дискурсе есть немало ставших расхожими выражений, фраз, которые способны не просто дезориентировать власть, общество, армию, но именно вследствие этой дезориентации стать причиной дисфункциональности социальной и государственной систем, включая военную организацию и её ядро – Вооружённые Силы.

Понимая, что всякое сравнение уязвимо, приведу такую аналогию. Лишиться состояния человек может в результате пожара, кражи, мошенничества, мотовства, государственного дефолта, мирового кризиса и множества других самых разных причин в отдельности или их различной комбинации. Но нельзя же любое из этих событий квалифицировать как грабёж. Наивно полагать, что абсолютной и надёжной гарантией сохранности богатства является, скажем, индивидуальный сейф в мощно охраняемом банке. Да и всё состояние в сейф не поместить. Но, имея в виду множество опасностей, было бы близорукостью отказаться от его физической защиты.

¹ Антюшин С.С. Проблемы осмысления войны, или простые истины, которые общество не торопится осознать // Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.): Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». 2009. № 5. С. 74.

Точно так же дело обстоит с национальными суверенитетом, мощью, богатством. В политике добровольный отказ от них если и случается, то крайне редко. Чаще всего перераспределение накопленных преимуществ, изменение статусов и ролей осуществляется путём обмана, подкупа, запугивания и лишь редко вооружённым насилием. Их защитить только военными средствами и методами не удастся. Но без них защищённость нации является относительной.

Неправильная оценка намерений противостоящей стороны военно-политическим руководством государств, а также ошибочных решений и действий должностных лиц может привести к неспровоцированной агрессии и поставить под вопрос физическое выживание целых наций и даже стран.

Рассуждения о «невоенной войне», описание её в понятиях и даже создание теории такой войны – отнюдь не доказательство её фактического существования. Однако сами эти рассуждения и описания создают виртуальную реальность, включение в которую может повлечь за собой вполне практические и общественно значимые решения и действия. «Невоенная война», независимо от намерений её теоретиков, имеет дезориентирующий и демобилизующий смысл.

Скажем, в середине 90-х гг. прошлого века А. Козырев, будучи министром иностранных дел, убеждал всех, что «ключевым фактором для России является отсутствие у нее потенциального противника»¹. И надо сказать, что он преуспел в этом. Именно в те годы стало возможным не только публично обсуждать вопрос «зачем нам армия», но и на деле вести курс, в результате которого, как говорил В. Путин, «армия была фактически деморализована и небоготова»². Совсем не безобидны и нынешние утверждения некоторых экспертов, будто «при нынешней слабости и аморфности НАТО расширение этой организации на Восток, включая даже Грузию и Украину, серьезной опасности для России не представляет»³. Но вот вопрос: слабость и аморфность НАТО – абсолютный критерий или относительный по сравнению с силой и чёткой слаженностью Вооружённых Сил России? Если согласиться с такой «шапкозакидательской» позицией, то не вернёмся ли мы к практике военного строительства приснопамятных 90-х годов?⁴

Вот ещё относительно частный пример. Ядерное оружие, говорят некоторые, является политическим средством сдерживания, а не военным средством поражения. Но можно ли разрывать и противопоставлять эти функции ядерного оружия? По этой логике получается, что само наличие ядерного оружия, даже с «нулевым полётным заданием для ракет», даже просто складированное, то есть без реальной возможности его применения сдерживает потенциального агрессора. Более того, другая сторона этой формулы декларирует, что ядерное оружие не будет (не может, не должно) применяться для его поражения. Такая интерпретация, как бы помягче сказать, обесмысливает, работу по совершенствованию ядерного оружия, тем более – средств его доставки, боевую службу (боевое дежурство) ракетчиков, подводников, авиаторов, обеспечивающих высокую степень готовности его применения. Между тем, именно эта готовность к нанесению удара, эта функция быть военным средством поражения выводит ядерное оружие в ранг политического орудия сдерживания. «В современных условиях, – сказано в Военной доктрине РФ, – Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях».

В контексте «невоенной войны», которая не знает боя, оказывается вовсе не нужной армия, в лучшем случае – искажается её предназначение, которая ныне, мол, призвана не вести войну, а предотвратить её. Ведь на предупреждение войны работают многие: дипломаты, масс-медиа, учёные, экономисты – каждый своими средствами и методами. Вклад армии в это дело определяется её способностью и умением вести войну. Предотвращение войны армия обеспечивает тем, что возможный противник понимает: в развязанной им войне ему самому может быть причинён неприемлемый ущерб.

К сожалению, эта миротворческая по существу функция армии, порою получает одностороннее, а потому неточное толкование. Так, В.Д. Рябчук в статье «О месте задачи предотвращения войн в методологии военной науки», посвящённой обоснованию миротворческих функций Вооружённых Сил России (обеспечение глобальной безопасности государства, предотвращение локальных конфликтов, участие в миротворческих операциях), пишет, что о непосредственном привлечении вооружённых сил к каким бы то ни было действиям по собственно предотвращению войны не должно быть и речи: «Дело военных готовится к войне и победить в ней, если ее не удастся предотвратить политическими, дипломатическими, юридическими и другими подобными "гражданскими" силами и средствами»⁵. Ведь ясно же, что плановая боевая подготовка, «демонстрация флага», поддержание боевой готовности войск, и их перевод в высшие степени готовности, мобилизационное развёртывание вооружённых сил и т. д. относятся именно к непосредственным действиям вооружённых сил «по собственно предотвращению войны».

Как говорил Ортега-и-Гассет, «перед взором людей, отдавших жизнь военному делу, должен неизменно маячить хотя бы смутный призрак будущей войны. Сама мысль, что некое орудие или средство однажды придется пустить в ход, заставляет держать его наготове, проявляя о нем ежедневную заботу. Если

¹ Красная звезда, 1994, 19 января.

² О стратегии развития России до 2020 года: Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 7.

³ Время новостей, 2009, 5 февраля.

⁴ «Было время, – говорил В. Путин вскоре после первого избрания его Президентом, – когда казалось: и флот России не нужен и армия не востребована. Теперь все поняли, что это глубокое заблуждение». (Независимое военное обозрение. 2000. № 13. С. 1).

⁵ Рябчук В.Д. «О месте задачи предотвращения войн в методологии военной науки» // Вестник Академии военных наук. 2003. № 1. С. 42.

из сознания армии изъять возможность войны, падет боевой дух, рухнет дисциплина, исчезнет надежда на сколько-нибудь эффективное применение военной силы»¹.

Когда-то К. Клаузевиц писал: «Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы драться в свое время и в надлежащем месте». Американский генерал Д. Макартур придал этой формуле военную прямолинейность: «Армия существует для того, чтобы убивать людей и уничтожать вещи»². Много раньше, имея в виду эту отрицательную миссию армии, Ш. де Голль отмечал: «От начала мира уготовано армии это тяжкое предназначение, это жертвенное призвание, и она видит в нем смысл своего существования и наслаждается им. Это поле, которое она возделывает в одиночку, отдавая урожай другим»³. Ещё мягче, оставляя за рамками определения негативную сторону, говорится о предназначении армии в официальных документах практически всех стран. «Предотвращение войны, – подчеркивается, например, в докладе Командования объединенных сил ВС США, – станет таким же важным, как и одержание победы в войне. – Там отмечается: сдерживание может эффективно работать только в том случае, если армия готова к войне. Только тогда потенциальный противник поймет, что лучше решить проблему другими методами»⁴. Таков же подход и нашей страны: основные задачи Вооружённых Сил Российской Федерации и других войск, как они определены в Военной доктрине, состоят в поддержании состава, состояния, боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях.

«Помни войну!»

В настоящее время в мире одновременно возникает, проходит все ступени эскалации и угасает достаточно большое количество самых разнообразных политических конфликтов, внутренних и внешних, различных по своим масштабам и охватывающих различные территории, этносы, социальные и политические страты, политические системы. Но нет никаких оснований ни рассматривать каждый из них в категориях войны, ни, тем более представлять все их как взаимосвязанные звенья одной глобальной войны. И тот факт, что различные страны объединяют свои усилия по урегулированию социально-политических конфликтов, действуют различные международные институты, служащие этому, подтверждает, что мир не расколот на две враждующие группы, находящиеся в состоянии перманентной вооружённой борьбы.

Тем не менее, сегодня значение военной силы остаётся существенным. В своё время К. Шмитт обосновывал вывод о том, что война как реальная возможность есть всегда наличествующая предпосылка, которая уникальным образом определяет человеческое мышление и действие и тем самым вызывает специфически политическое поведение. О том же писал отечественный военный теоретик А.Е. Снесарев: «Если люди постоянно воевали, если они воюют по сегодняшней день, то государства должны включать это острое явление в круг своего и разума и видения, должны учитывать – уже по соображениям жизненной осторожности – его неизбежность, а отсюда – создавать ряд мер политических, финансовых, административных и т. д., вытекающих из того могучего гнета, который налагает война на современные государства»⁵.

К сожалению, эта прозрачно ясная и бесспорная мысль порою получает удивительную интерпретацию, проникающую даже в официальные документы, нарочито подчёркивающие гуманизацию международных отношений. Так, в них можно найти совершенно верную констатацию того, что «снижена опасность развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной», «сведена к минимуму угроза глобального ядерного конфликта». Однако такая формулировка микширует сохраняющуюся – хотя бы и на минимальном уровне – опасность ядерной войны. Шутливая перифраза «стакан наполовину пустой или наполовину полный» показывает, что к одному и тому же факту дискурсивно может быть сформировано разное отношение. Стремление акцентировать позитивные тенденции в мире и объективная оценка реальной ситуации порою рождает причудливые обороты. В Военной доктрине РФ, например, можно прочитать: «В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена... Вместе с тем сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников».

В описании и осмыслении современных реалий следует чётко разделять два вопроса. Первый: возможно ли в будущем острое столкновение государств, непримиримая конфронтация между ними, открытое и жёсткое противоборство? Второй: сохраняется ли – пусть гипотетическая – опасность того, что неискоренимые геополитические противоречия могут привести к перерастанию той конфронтации в предельно острую форму вооружённой борьбы? Или человечество стало или становится другим и отказывается от вооружённой борьбы, и мы вправе говорить о начале становления ненасильственной цивилизации?

¹ *Ортега-и-Гассет*. Испания с перебитым хребтом // Федерализм. 1997. № 3. С. 159.

² Цит. по: *Крылов К.* К философии армии // Отечественные записки. 2002. № 8. С. 321.

³ Цит. по: *Голль Ш. де*. На острие шпаги. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 118.

⁴ *Щербаков В.* Будьте готовы к перманентному вооружённому противоборству: Роль США как единственной сверхдержавы на планете может закончиться // Независимая газета, 2008, 19 декабря.

⁵ *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: 2003. С. 61.

«Общая тенденция движения современной цивилизации представляется таковой, – пишет, например, М.А. Шахов, – переход от военно-силового решения политических проблем – через политическое и военное сдерживание сил зла и агрессии – к приоритету мирного сосуществования и культу ненасильственных форм жизнедеятельности в будущем»¹. К сожалению, жизнь опровергает подобные надежды. Военная сила отнюдь не сдана в архив; она как и на протяжении предшествовавших веков представляет собой наиболее авторитарное средство. Обращение к ней служит крайним и самым решительным способом разрешения межгосударственных противоречий.

Много гибче говорит об этом С.В. Картунов, утверждая, что «в целом военные пути и средства обеспечения национальной безопасности постепенно все более уступают место политическим и экономическим»². Вместе с тем, он подчёркивает, что «маловероятно ожидать в ближайшее время полного устранения из мировой политики такого фактора, как военная сила»³.

Человечество не созрело для идиллического содружества, а ненасилие не стало ещё, да и не станет законом жизни человечества. «Наличие антагонистических противоречий между государствами или группами государств, не являющихся идеологическими противниками в нашем недавнем понимании, – пишет В.И. Кривохижа, – и исторический опыт позволяют сделать вывод о сохранении вероятности применения военного насилия в межрегиональных или даже глобальных конфликтах, несмотря на постоянное расширение и активизацию насильственных, но невоенных средств и методов противоборства»⁴.

О переходе к ненасильственной цивилизации говорить можно. Однако вряд ли такой переход состоится не только «с сегодня на завтра», но и в обозримой исторической перспективе. Известный отечественный философ А.А. Зиновьев считает, что «война – это неперемнная часть жизни человечества. Можно ли человечеству обойтись без войн? – задается он вопросом и отвечает: Это невозможно»⁵. В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы. Война в Осетии показала, что возможны ситуации, когда даже для самого миролюбивого государства военная сила становится единственным действенным аргументом. Как сказал Д. Медведев, угроза нашей безопасности носит не виртуальный характер, она может воплотиться в полноценные военные действия⁶.

Значение военной силы в мировой политике остаётся существенным, и потому ни одно государство само по себе не застраховано от военной опасности и не может не учитывать этого. Возможность войны как всегда наличествующая предпосылка побуждает государства поддерживать способность адекватно отвечать на военные вызовы и угрозы, эффе́ктивно функционировать с учётом возможной войны и в условиях войны.

Без внимания к военной стороне дела национальная безопасность утрачивает системный характер, становится искусственно урезанной, формальной, мёртвенной. Следовательно, формуле Камю можно придать вид максимы: всякое мнение, не берущее в расчёт опасность войны, всегда звучит неверно. Таким образом, есть веские основания без иронии относиться к кредо адмирала С.О. Макарова, сформулированному в начале прошлого века: «Помни войну!» Это – властное веление и безусловное требование жизни. Оно выражает суть, квинтэссенцию военных императивов национальной безопасности. Подчиняясь им, практически все государства, если даже они являются принципиальными противниками применения или угрозы применения оружия, создают и постоянно поддерживают на том или ином уровне военную мощь, концентрированным воплощением которой выступает армия.

Оставим за скобками разговора те печальные – и, увы, нередкие в истории случаи, – когда отдельные народы и страны надеялись сохранить для себя мир подчёркнутым миролюбием, односторонним отказом от каких бы то ни было военных усилий, свёртыванием военного строительства. Жизнь жестоко карала их. И совершенно правильно тот же К. Шмитт писал: «Лишь нетвердо держась на ногах можно верить, что безоружный народ имеет только друзей, и лишь спяну можно рассчитывать, будто врага тронет отсутствие сопротивления»⁷. Прав и Горбачев, в своё время заявивший: «Правительство, которое не понимает значения вооружённых сил и не будет заботиться о них, не имеет права на существование»⁸ – и собственной президентской судьбой подтвердивший это. По поводу последнего вот интересное мнение Е.М. Примакова о сговоре президентов трёх советских республик в Беловежской пуще: «если бы Горбачев дал тогда команду Белорусскому военному округу окружить Беловежскую пущу, даже не арестовывать, а отобрать подготовленные впопыхах документы, всё могло быть иначе»⁹.

Мы ведём речь о тех, кто «понимает и заботится». Такие разные деятели как Джордж Вашингтон и М.В. Фрунзе независимо друг от друга утверждали, что для сохранения и поддержания мира, необходимы мощные вооружённые силы¹⁰. Государства мира признают объективно существующую необходимость обладать достаточным для обороны страны военным потенциалом и международное право узаконивает их деятельность в

¹ Шахов А.М. Новые философско-мировоззренческие и методологические ориентиры теоретического анализа войны // Политические конфликты: от насилия к согласию. М.: 1996. С. 93.

² Картунов С.В. Контроль за вооружениями и интересы России. М.: 1997. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Кривохижа В.И. Россия в новом мире: время решений: Автореферат. М.: 1998. С. 22.

⁵ Завтра. 2002. № 44. С. 7.

⁶ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=257838>.

⁷ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 53.

⁸ Правда, 1990, 16 ноября.

⁹ Третья мировая война все же будет? Евгений Примаков дал «АиФ» свой прогноз развития экономического кризиса // Аргументы и факты, 2009, № 30 (1499), 22–28 июля. С. 4.

¹⁰ См.: Вестник Академии военных наук. 2003. № 1. С. 42.

этом направлении. Народная мудрость потребностью в военной мощи страны выразила чеканной формулой: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую»¹. При этом здравый смысл и скрупулёзные расчёты свидетельствуют, что любые оборонные затраты всегда меньше расходов на войну. Однако такие расчёты возможны только постфактум, после того, как молох войны соберёт свою жатву. В мирное же время обыденное сознание далеко не всегда одобряет военные расходы. Ещё в 16 в. наблюдательный поэт заметил: «Солдат и Бог нам всех дороже, когда стране война грозит. Война прошла. И что же: солдат забыт и Бог забыт».

Мировая история и современная практика знают разные подходы государств к обеспечению своей военной безопасности. В их числе: достижение безусловного военного превосходства над любой комбинацией вероятных противников; поддержание военно-стратегического паритета в мире; создание национального потенциала оборонной достаточности; развитие ядерного и другого оружия массового поражения как политического оружия сдерживания войны; вступление в военный союз с достаточно сильными в военном отношении государствами; ориентация на миротворческую миссию международных организаций и институтов; политика нейтралитета; расчёт на примат международного права и международных сил по поддержанию мира. Какому из этих подходов отдаётся предпочтение той или иной страной – зависит от множества обстоятельств внутреннего и международного характера.

В то же время есть малые и слабые государства, промышленная мощь которых не позволяет им вести войну. В силу этого, процитирую ещё раз К. Шмита, «они добровольно или вынужденно отказываются от *ius belli*, если им не удастся посредством правильной политики заключения союзов сохранить свою самостоятельность»². Или, как говорит корейская поговорка, «если твои кулаки слабы, то ими можно только слезы вытирать».

Между тем существует мнение, что небольшим государствам вовсе не обязательно иметь сильную армию, поскольку собственную безопасность они могут обеспечить лишь политико-дипломатическими средствами. Вот что сказал по этому поводу министр обороны, секретарь совета безопасности Республики Армения С.А. Саркисян: Подобное мнение, как и любое другое, имеет право на жизнь. Но, по-моему, оно в большей степени ориентировано на государства, расположенные где-нибудь в центре Европы. Там их национальной безопасности практически ничто не угрожает. Другое дело – Южный Кавказ. Здесь совершенно иная ситуация, и, к сожалению, сегодня Армения просто вынуждена иметь боеспособную армию. Она обязана обеспечить защиту своего суверенитета и национальных интересов, а угроз этому в Закавказье, уж поверьте мне, предостаточно. Ещё остаётся множество нерешённых вопросов и противоречий. Поэтому мы считаем, что Армения ещё долго будет нуждаться в сильной армии. Вы, конечно, понимаете, что сильная армия – понятие довольно относительное. Когда я говорю о сильной армянской армии, то имею в виду её боеспособность в сравнении с нашими ближайшими соседями. Именно из этого мы исходили, когда приступали к строительству собственных вооружённых сил, хотя, не скрою, по своей структуре, численности личного состава и количеству боевой техники они, возможно, и несоизмеримы с реальными возможностями нашей страны. Но это, повторюсь, вынужденный шаг³.

Что же касается России, то в силу своего геополитического положения, исторической роли, экономического и духовного потенциалов, других факторов в обеспечении своей военной безопасности она не может ни благодушно уповать на абсолютное миролюбие ближнего и дальнего зарубежья, ни надеяться на сдерживающую силу международного права и мирового общественного мнения, ни передоверить собственную оборону коллективным военно-политическим организациям. Опираясь и на то, и на другое и третье, она должна иметь собственную военную силу, достаточную для защиты независимости и суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и её союзников, отражения агрессии, нанесения поражения агрессору, принуждения его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и её союзников.

Помнить войну – значит понимать, что Россия не застрахована от неё и потому национальная оборона относится к высшим приоритетам её национальной безопасности. Поиск оптимальных решений, обеспечивающих эффективное функционирование военной организации в соответствии с её предназначением, остаётся постоянной задачей политического и военного руководства. В РФ эти вопросы определены в федеральном законе «Об обороне», «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», «Военной доктрине Российской Федерации», других нормативно-правовых документах.

¹ Авторитет армии как общественного института – один из самых устойчивых, и это характерно для большинства государств мира. Так, по данным всероссийского опроса, проведённого Агентством региональных политических исследований (АРПИ), большинство россиян – 60 процентов – в той или иной степени доверяют российским Вооружённым силам. Близкая картина общественных предпочтений наблюдается в двух таких не похожих ни на Россию, ни друг на друга странах, как США и Литва. У американцев наибольшее доверие тоже вызывают свои военные (там даже президент на втором месте). Им «доверяют в максимальной степени» 62 процента респондентов, опрошенных компанией «Харрис Интерактив». Литовское население также больше всего доверяет системе обороны (армии). По данным социологического исследования, проведённого компанией «Вилморус», в течение предыдущих лет максимальное доверие общества делили между собой средства массовой информации и церковь. Но последний опрос показал, что больше половины жителей государства – нового члена НАТО – в наибольшей степени доверяют системе обороны (56 процентов опрошенных). (Ильичев Георгий. Притяжение противоположностей: Армии доверяют вне зависимости от государства // Известия, 2003, 21 февраля).

² Шмит К. Понятие политического // Вопрос социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 49.

³ Красная звезда, 2003, 16 июля.

По-шмиттовски понимаемое «специфически политическое поведение» строится на принципиальном признании того, что военная мощь относится к числу главных факторов влияния государств на международную политику. Подготовка к вооружённой защите и (при необходимости) вооружённая защита страны требуют не порыва и клича, а планомерной разносторонней систематической работы по созданию и развитию военной организации государства, поддержанию его оборонной мощи на уровне, обеспечивающем возможность адекватного реагирования на угрозы, которые могут возникнуть в XXI в., при рациональных затратах на национальную оборону.

В этой связи относительно самостоятельную тему в проблематике войны и мира составляет военная политика. Она представляет собой систему общественных взглядов, отношений и учреждений, а также определяемую ими деятельность государства и его отдельных структур, других социально-политических институтов общества, направленные на создание, подготовку и применение военной силы в политических целях. Её главный смысл и предназначение – определение возможности и пределов применения государством военного насилия, руководство военным строительством, планирование военных действий, ведение вооружённой борьбы. Ориентированная, в конечном счёте, на силовое решение назревших проблем, она вместе с тем выступает формой сдерживания, предотвращения войны. Как заявил В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2006 г., сохранение стратегического баланса сил, безусловно, является одной из самых существенных гарантий прочного мира.

Военная политика – не обособленная сфера общественной жизни и человеческой деятельности, но одна из сторон более общей внутренней и внешней политики государства, та её составная часть, которая распространяется на особую область деятельности – военную теорию и практику. Она не должна быть всеподчиняющей целью общественной жизни, но не может и растворяться в политических, экономических, идеологических и других видах и направлениях деятельности. В своё время ещё Жомини выдвигал «соображения, основанные на нравственных причинах, имеющих связь с действиями армии» и предлагал различать «политику войны» и «военную политику». «Политика войны, писал он, – занимается всеми соотношениями дипломатики с войною, между тем, как военная политика означает только военные соображения государства или полководца»¹.

«Только военных соображений» полководца недостаточно для понимания и, следовательно, выработки адекватных практических мер по подготовке и ведению вооружённой борьбы. Как пишет президент академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, «изучая только войны, невозможно ответить на вопрос, почему они произошли»².

Строго терминологически, уже по определению своему военная политика не может быть вне военных мер, означающих подготовку к применению, а при необходимости – применение вооружённых сил.

Подготовка к войне и война требуют не только «военных соображений» и не сводятся к деятельности только вооружённых сил. В теории любую стратегическую ситуацию можно расчленить на элементы различного порядка, от географии до культуры. Соответственно тому, что «военная безопасность Российской Федерации, – так говорится в Военной доктрине, – обеспечивается всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов», объектом регулирующего воздействия военной политики оказывается всё общество. Так, Министерство обороны Российской Федерации как федеральный орган исполнительной власти, осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также иные функции в этой области. На него возложена координация деятельности государственных органов исполнительной власти по вопросам обороны, разработка концепций строительства и развития других войск, предложений по государственному оборонному заказу.

И если вооружённая защита есть война, то подготовка к ней развёртывается в мирное время.

Военная деятельность, военная активность государства наличествует в мирных условиях. И это касается не только армии, которая должна постоянно находиться в боевой готовности и подготовка которой проводится в условиях, приближённых к боевой обстановке. Уместно напомнить, что в отечественном законодательстве оборона определяется как система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооружённой защите и вооружённая защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности её территории. В полном соответствии с этим Россия в сфере международной безопасности сохраняет приверженность использованию политических, правовых, внешнеэкономических, военных и иных инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов». В этой формуле Стратегий национальной безопасности военные инструменты названы как самостоятельный феномен в ряду других средств защиты государственного суверенитета и национальных интересов. Они, с одной стороны, не выводятся из арсенала политики безопасности страны, а с другой стороны, не отменяют и не умаляют другие средства этой политики.

Последнее следует подчеркнуть, поскольку в некоторых военных кругах прослеживаются попытки, отождествляя оборонную и военную деятельность, представить последнюю как единственно ответственную за безопасность страны. Так, по мнению Академии военных наук, «целесообразно рассматривать все военные и невоенные угрозы в их органическом единстве и изложить официальные взгляды на обеспечение безопасности страны в одном документе», каковым и должна стать военная (оборонная) доктрина, так как «оборонная мощь, оборонная безопасность осуществляются усилиями всей страны с учетом не только военных, но и экономических, информационных и других угроз с применением как невоенных, так и военных средств». Если же, считают в Академии, военная доктрина «будет связана только с военными угрозами и

¹ Жомини. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношении оных с политикою государств. СПб: 1833. С. 47.

² Гареев М.А. Ариаднины нити ратного дела // Независимое военное обозрение. 1998. № 32. С. 4.

военными способами обеспечения безопасности страны, тогда напрашивается необходимость иметь отдельную "доктрину" или другой какой-то документ, который определил бы порядок противодействия так называемым "невоенным" угрозам»¹. И это теоретизирование переходит в область практической политики. Так, заместитель начальника Генштаба ВС РФ генерал-полковник Анатолий Ноговицын заявил в феврале 2009 г., что Генеральный штаб Вооружённых сил (ВС) России планирует разработать всеобъемлющую стратегию информационной защиты государства, поскольку информационные войны становятся реальностью для всех развитых стран – и Россия должна быть готова ответить на угрозы будущего².

Стратегическое сдерживание предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств).

Точно так же оно определяется и американскими специалистами. Так, Э.Б. Картер и У.Р. Перри политику сдерживания характеризуют как стратегию превентивной обороны, которая не даёт возможности опасностям перерасти в главные угрозы. Превентивная оборона – это оборонная стратегия Соединённых Штатов в двадцать первом веке, ориентированная на опасности, которые при недостаточном внимании к ним могут перерасти в реальные угрозы выживанию США. Эти опасности пока не являются угрозами, которые нужно сдерживать или с которыми нужно бороться; пока эти опасности могут быть предотвращены. Они подчёркивают, что превентивная оборона существенно отличается от сдерживания посредством устрашения; это широкая военно-политическая стратегия, включающая в себя все инструменты внешней политики: политические, экономические и военные³. Оценивая её эффективность в прошлом, авторы пишут, что политика сдерживания путём ядерного устрашения способствовала сохранению мира: Соединённые Штаты избежали войны с Советским Союзом, который со временем распался в результате противоречий в политической и экономической системах. Впрочем и в СССР были уверены, что в том, что его военными и дипломатическими усилиями был сохранён мир в мире.

В задачу данного материала не входит выяснение того, кто был ястребом, а кто голубем в глобальном противостоянии расколотого мира. Согласимся с теми, кто утверждает, что имело место взаимное устрашение, которое и служило сдерживающим началом для прямых военных действий. И ещё раз подчеркнём, что военная активность может выражаться как в ведении военных действий, так и в мерах, служащих их предупреждению.

Современный мир пронизан насилием, в том числе в его крайней форме – вооружённым насилием. И этот факт, а также необходимые формы реагирования на него должны иметь адекватное отражение в теоретических изысканиях и в политических заявлениях. В противном случае страна может оказаться не способной к «выполнению задач военной безопасности военными методами» (в кавычки заключена формула из Военной доктрины РФ).

Продуманная и эффективная политика не может строиться только на осуждении военного насилия как способа решения экономических, политических и других противоречий. Она должна иметь необходимые средства противодействия ему. Сегодня остаётся в полной силе вывод древнеримского исследователя Вегеция, учававшего своих современников: хочешь мира готовься к войне. Подготовка к войне означает заблаговременное создание военной мощи, которая для миролюбивого государства является прочностью «про запас».

Между тем, научно обоснованный ответ на вопрос, какие Вооружённые Силы нужны России, как пишет генерал Армии М. Гареев, можно дать только исходя из характера военных угроз, вытекающих из них оборонных задач, перспектив развития способов ведения вооружённой борьбы, геополитического положения и экономических возможностей государства⁴. Укрепление или демонтаж военной организации, вооружение или разоружение не могут диктоваться субъективными пожеланиями и чувствами и носить односторонний характер. Если в мире есть ракеты, страна должна иметь противоракетную оборону; если на вооружении армий появились средства радиоэлектронной борьбы, она должна быть защищена от них; если активизировался международный терроризм, ей необходимы силы и методы противодействия ему и т. д. Короче говоря, военная организация создаётся для обеспечения военной безопасности и она должна быть готова к любому развитию событий. Как говорится в Военной доктрине, «Вооружённые Силы Российской Федерации и другие войска должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом варианте развязывания и ведения войн и вооружённых конфликтов, в условиях массированного применения противником современных и перспективных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей».

«Российская Федерация, – подчеркивается в Концепции национальной безопасности, – поддерживает готовность к ведению войн и участию в вооружённых конфликтах исключительно в целях предотвращения и от-

¹ Гареев М.А. Структура и основное содержание новой военной доктрины: Доклад на военно-научной конференции АВН // Военно-промышленный курьер. 2007. № 3, 24–30 января.

² <http://www.vz.ru/society/2009/2/25/259691.html>.

³ Картер Э.Б., Перри У.Р. Превентивная оборона: новая стратегия безопасности США. М.: Наука, 2003.

⁴ Гареев М. Какие Вооружённые Силы нужны России? // Отечественные записки. 2003. № 8. С. 65.

ражения агрессии, защиты целостности и неприкосновенности своей территории, обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также ее союзников в соответствии с международными договорами».

* * *

В современном мире имеет место острое и жёсткое противостояние, порою приобретающее характер борьбы не на жизнь, а на смерть. В такую борьбу могут оказаться втянутыми государства между собой и с силами и структурами, не имеющими международно признанной государственной субъектности – на международной арене, а также различными социальными, этническими, конфессиональными и другими группами внутри государств. Современный мир пронизан насилием. Понимаемое как принудительное воздействие, под давлением которого индивиды, общности и государства вынуждаются действовать не так и делать не то, как и что они хотели бы, оно может проявляться в самых разных формах (физическое, психологическое, экономическое и т. д. насилие). В их ряду особое место занимает (или занимало), особую роль играет (или играло) насилие военное. Российская политика национальной безопасности должна строиться на основе своевременного выявления и прогнозирования всех вызовов, опасностей и угроз стране и народу, адекватного реагирования на них, разработки и реализации оперативных и долгосрочных мер по их предупреждению, нейтрализации, отражению.

В современном научном и политическом дискурсе сталкиваются существенные расхождения в истолковании военного насилия, войны как насилия. По мнению одних, сущность войны – любое противоборство политических сообществ, в ходе и результате которого одно сообщество навязывает свои приоритеты другому, подчиняет или разрушает (уничтожает) его. Такая война развёртывается в мирных формах, оружие и армии в ней не нужны, они «отдыхают». Другие полагают, что война – это особые форма и способ противоборства, в котором обязательным и главным средством принуждения противника являются оружие (технические средства физического насилия). При этом они отмечают, что прямого и непосредственного его применения может и не быть. Замечу, что такая ситуация учитывается в международном праве.

Между тем, последователи этих двух противоположных позиций в большинстве своём расходятся не в понимании явления (сторонники первой точки зрения признают специфику вооружённого насилия, а последователи другой не отрицают того, что самые радикальные политические цели могут быть достигнуты и без вооружённого насилия), а в его назывании.

Тем не менее, это расхождение имеет отнюдь не сугубо когнитивное или эпистемологическое значение. Сошлюсь на авторитеты. Эпитет: «Все зло кроется в наших неразумных понятиях и в наших преступных желаниях. И поэтому надо зорко и опасно глядеть за тем, как образуются в нас наши понятия и желания. В этом важном деле никогда нельзя быть слишком строгим и осторожным»¹. Карл Шмитт: «Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами»². Сегодня мы являемся свидетелями того, что с одной стороны, меняются цели и характер, средства и методы геополитического, классового, этнического противоборства политических акторов, да и сами политические акторы становятся иными. С другой стороны, возможная вооружённая борьба между ними далеко не всегда вписывается или даже всегда не вписывается в привычные, характерные для прошлого, в том числе недавнего, представления о войне.

В этой связи называние новых форм политического противоборства в современном мире само по себе приобретает политический характер. Все понятия конвенциональны. Люди договариваются употреблять определённые термины для обозначения конкретных явлений. И потому все знают, что, например, штанина – принадлежность брюк, а рукав – деталь пиджака. В принципе могло быть и наоборот. Ведь те же штанина и рукав в иных языках обозначаются совсем другим набором звуков и букв.

Дело не в том, как именно названы те или иные предметы, какой знак взят для их обозначения, а в том, какие свойства и признаки данного предмета этим знаком фиксируются. При этом тождества между вещью и знаком не может быть в принципе. Нередко употребляя термин, авторы вольно или невольно смешивают объективно существующее явление с понятием, с помощью которого это явление обозначают. Или наоборот: чёткое понятие, однозначный смысл которого зафиксирован в научном и повседневном языке, закреплён нормами национального законодательства и международного права присваивается явлениям иного порядка. И складывается ситуация, противоположная известной русской поговорке: вещь, ничего общего с горшком не имеющую, называют именно горшком и норовят поставить её в печь.

Агрессивность, непримиримость, свойственные многим типам общественных отношений, в начале прошлого века Ф. Ницше назвал «суррогатами войны». Они, считал философ, неизбежны и необходимы для высококоразвитого европейского человечества в отсутствие войны. К такому выводу он пришёл из анализа природы человека. В середине того же века П.А. Сорокин обосновал, как ему представлялось, «основной закон истории», согласно которому происходит перманентная флуктуация (колебание от средних параметров) как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, как их конкретных сфер и форм жизнедеятельности, включая войну. Ничто в истории «не подтверждает утверждение об уменьшении частоты войн в прошлом, как ничто не подтверждает, вопреки исключительно высоким значениям кривой "война – мир" для XX века, утверждение, что был (или будет) какой-нибудь устойчивый тренд в сторону увеличения частоты войны в будущем. Кривая только флуктуирует, и это все, что можно сказать». Можно сказать, что сорокинская флуктуация войн раскрывает изменение не её внутренней сущности, а её изменяющегося места и роли в жизни общества, как одной из форм существующих социальных связей в нём. Посвящённая этому шестая часть его работы «Социальная и культурная динамика

¹ Цит. по: Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.

² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического. М.: Праксис, 2007. С. 144.

ка: Исследование изменений в больших системах искусства, этики, права и общественных отношений» так и названа: «Флуктуация войн в системе межгрупповых отношений».

А в конце века Ф. Фукуяма утверждал: «Межгосударственная конкуренция в будущем будет определяться характером обществ, уже сложившихся в разных государствах... В ходе этого соревнования, которое может рассматриваться как сублимация нынешних войн, изменится понимание многих вещей, в том числе и то, что в прошлом, собственно, называлось "войной"»¹. Принимая этот термин – «сублимация войны», – предлагаю иное толкование его содержания. Он фиксирует изменение не понимания вещей, а самих вещей: появление и новых видов войн и новых форм невоенного противоборства, но не означает возникновения «невоенных войн». Я хочу специально подчеркнуть, что сублимация, по Фрейду – один из способов трансформации влечений, противоположный вытеснению. В таком контексте сублимация означает не устранение той войны, с которой сопряжены армия, военная стратегия, национальная оборона, а возникновение новых явлений, которые должны обозначаться новыми понятиями.

«В условиях глобализации видоизменяется сама сущность войны как социального явления. Она нередко перестает быть рациональным средством достижения политических и экономических целей вследствие разрушительной силы современных видов оружия»². Второе предложение может быть предметом обсуждения. Но первое вызывает серьезные возражения. «Сущностью, – писал Аристотель, – является, коротко говоря, например, человек, лошадь». Под сущностью обычно понимают глубинную, скрытую, относительно устойчивую сторону того или иного предмета, процесса. Это – его внутренняя основа, складывающаяся на естественной взаимозависимости всех его сторон и отношений и выражающаяся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия. Она характеризует его качественную определенность. У одного явления может быть несколько сущностей (сущность первого порядка, сущность второго порядка) и одна сущность может проявляться по-разному. Философы говорят: явление всегда существует и сущность всегда является. Но изменение сущности явления означает его перерождение, прекращение существования, если даже новое образование сохраняет внешнее сходство, похожесть на него. Так, ни человек, ни лошадь не раскрывают и не объясняют сущность кентавра.

Проблема в том, что в ходе «новой войны» возможно обострение противоречий и противоборства до такой степени, что она перерастёт в «старую войну». Несколько теоретических и политических оценок, подтверждающих сохраняющуюся опасность такого развития событий. Политологи из Университета штата Вашингтон Дж. Модельски и М. Морган пишут: «Мы не считаем новую мировую войну неизбежной, но... при общем ходе политических изменений существует вероятность возникновения такой войны, если не будут найдены или выработаны функциональные заменители войны»³. Отечественный исследователь С. Переслегин более категоричен: «То, что либо десятые, либо двадцатые годы будут временем крупной войны или целой серии мелких войн, которые в дальнейшем объединят в одну крупную, это, несомненно»⁴.

Однако, модернистские теоретические изыски, которые лишают «старую войну» своего названия, вымывают её из общественного сознания, объективно дезориентируют общество и власть, растворяют проблему военной безопасности во множестве других вызовов и угроз.

Видимо, и на теоретиках лежит определённая доля вины за то, что ныне, по оценке Совета Федерации Федерального Собрания РФ, «в законодательстве не в полной мере находят отражение действенные механизмы реагирования на новые вызовы и угрозы военной безопасности Российской Федерации, не достаточно регламентирован процесс строительства и развития военной организации государства в целом, Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов».

Книги о войне⁵

Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Издательство Европа, 2007. 168 с.

Арас Д. Четвертая мировая война: Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2003. 702 с.

Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. М.: Алгоритм, 2003. 352 с.

Армстронг Джон. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. М.: ЗАО Центр-полиграф, 2007. 429 с. (За линией фронта. Военная история).

Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный университет, Русский путь, 2003. 896 с., ил – (Российский военный сборник).

¹ Независимое военное обозрение, 1995, 11 февраля.

² Сирота Н.М. Глобализация: политические аспекты: Учебное пособие. СПб: 2007. <http://offline.cio-world.ru/print/2007/56/303345/>.

³ Modelski G., Morgan P.M. Understanding Global war. In Journal of Conflict Resolution. Beverly Hills, vol. 25, p. 415.

⁴ См.: Калинина Н. Подмораживает // Русский курьер, 2006, 10–17 декабря. С. 3.

⁵ Библиографический список литературы о войне составил М.М. Курочко.

- Бартлетт Роберт.* Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 432 с.
- Бердяев Н.А.* Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон+, 2004. 384 с. (История философии в памятниках).
- Борьба с НВФ – негосударственными вооружёнными формированиями / Авт.-сост. П.П. Потапов; под общей ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2007. 448 с.; *Боярский В.И.* Партизанство вчера, сегодня, завтра. М.: ИД «Граница», 2003. 448 с.
- Великая обогнанная война-2. Нам не за что каяться!: Сборник / А. Дюков, Д. Макеев, И. Пыхалов, О. Россов, И. Петров, К. Асмолов, Н. Мендкович; ред.-сост. А. Дюков. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 432 с.
- Военное искусство античности. М.: Изд-во Эксмо, СПб: Terra Fantastica, 2003. 768 с. (Антология мысли).
- Воины креатива. Главная книга 2008–2012: Роман. М.: Эксмо, 2008. 256 с.
- Война по правилам и без... Технологии изготовления М15 предвыборных миражей: Учеб.-практ. пособие / Автор-составитель А.А. Максимов. М.: Дело, 2003. 320 с.
- Войны и вооруженные конфликты второй половины XX века / Под общей ред. Б.В. Громова. М.: Изд-во «Святигор», 2003. 248 с.
- Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 576 с.
- Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. СПб: ООО «Издательство «Полигон», 2003. Ч. 1. 502 с.; Ч. 2. 729 с. (Военно-историческая библиотека).
- Гареев М.А.* Если завтра война?.. (Что изменится в характере вооруженной борьбы в ближайшие 20–25 лет). М.: «Владар», 1995. 238 с.
- Головин Н.Н.* Наука о войне: избранные сочинения / Николай Николаевич Головин; сост. И.А. Вершинина. М.: Астрель, 2008. – 1008 с.
- Грациози А.* Война и революция в Европе: 1905–1956. М.: Издательство Российская политическая энциклопедия. М.: 2005. 288 с.
- Грачева Т.В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань: Зёрна, 2008. 400 с.
- Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М.: Военный университет, Русский путь, 2007. 760 с. (Российский военный сборник).
- Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. Ответственный редактор академик РАН Г.Г. Литаврин. СПб: Алетейя, 2002. 412 с.
- Демин В.М.* Грядущая стратегия России: Основы современной русской национальной военной науки. М.: «Из-Глу-Бин», 2007. 576 с.
- Дугин А.* Философия войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 256 с.
- Дэйви М.* Эволюция войн / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 382 с. (Хроники военных сражений).
- Житорчук Ю.В.* Так кто же виноват в трагедии 1941 года / Ю.В. Житорчук. М.: АСТ; СПб: Полигон, 2008. 480 с.
- Зубарев Е.* 2012. Хроники смутного времени / Е. Зубарев. М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2008. 350 с.
- Игры экономических убийц / Под ред. Стивена Хайата. М.: Претекст, 2007. 592 с.
- Илларионов С.И.* Глобальная террористическая война. М.: ООО «РИЦ «Проф-Эко», 2006. 192 с.
- Информационно-психологическая и психотронная война. Хрестоматия. Мн.: Харвест, 2003. 432 с. (Библиотека практической психологии).
- Искусство войны: Антология / [сост., подгот. текста и предисл., коммент. Р. Светлова]. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2004. 542 с.
- Калинин Б.А.* Идея войны: философско-культурологический анализ / Под ред. В.Е. Давидовича. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 217 с.
- Капто А.С.* От культуры войны к культуре мира. М.: Изд-во «Республика», 2002. 431 с.
- Кара-Мурза С.* Г.Оранжевая мина / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин. М.: Алгоритм, 2008. 240 с.
- Кара-Мурза С.* и др. Коммунизм и фашизм: Братья или враги?: Сборник / ред.-сост. И. Пыхалов. М.: Яуза-пресс, 2008. 608 с.
- Караяни А.Г., Зинченко Ю.П.* Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник для курсантов и студентов вузов. М.: МГУ, 2007. 172 с.
- Кассе Э.* Третья мировая психотронная война. СПб: Невский проспект; Вектор, 2007. 192 с.
- Квачков В.В.* О военной доктрине и Русской Армии. М.: Народный протест, 2007. 112 с.
- Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. Г.И. Чуфрин; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Наука, 2007. 327 с.
- Клаузевиц К.* О войне. М.: Изд-во Эксмо; СПб: Изд-во Terra Fantastica, 2003. 864 с.
- Кляйн Н.* Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Издательство «Добрая книга», 2009. 656 с.
- Кожин В.В.* Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2000. 448 с.
- Кожин В.В.* Великая война России. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 544 с.
- Кокошин А.А.* Политология и социология военной стратегии. М.: КомКнига, 2005. 616 с.

- Коллон М.* Нефть, PR, война. М.: Крымский мост-9м. 2002. 416 с.
- Контамин Ф.* Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. 416 с. (Историческая библиотека).
- Коровянский А.И., Лутовинов В.И.* Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. М.: Изд-во РАГС, 2006. 218 с.
- Королёв В.И.* Загадки 11 сентября. Почему упали башни? / Вячеслав Королёв. М.: Вече, 2007. 384 с.
- Крашенинникова В.* Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Издательство «Европа», 2007. 392 с.
- Кревельд М. ван./* Трансформация войны. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с. (Серия «Военная мысль»).
- Кузнецов В.Н.* Доверие, честность и справедливость в глобальной Повестке Дня на 2009 год, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма. М.: 2009.
- Кургинян С.Е.* Качели / Конфликт элит – или развал России ?. М.: ЭТЦ, 2008. 772 с.
- Курочкин Ю.С.* Экономическая война. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. 1192 с.
- Кьеза Дж.* Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния / Джульетто Кьеза; [пер. с ит. Н. Мироновой]. М.: Эксмо, 2006. 320 с.
- Ларионов В.* Витязи Святой Руси. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 512 с.
- Латынина Ю.* Земля войны: Роман. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
- Лешан Л.* Если завтра война? Психология войны / Л. Лешан; Пер. с англ. Е.О. Рычковой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. 142 с.
- Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 448 с. (Серия «История XXI века»).
- Логинов Е.Л.* Стратегии экономической войны. Конфронтация геоэкономических конкурентов с СССР и Россией. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». М.: Юнити, 2005.
- Лысухин Н.Я.* Геополитическое положение и оборонные возможности России. В 2 ч. М.: ВА РВСН им. Петра Великого. Ч. 1. 2004. 212 с.; Ч. 2. 2006. 307 с.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: Пер. с нем. / Под ред. А. Свечина. М.: ВВРС, Гос. изд-во: Т. 1. 1923. 321 с.; Т. 2. 1924. 315 с. Наука и война: сборник. М.: Издательство «Народный Пушкинский Фонд», 2006. 240 с.
- Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с.
- Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас. Мн.: Харвест, 2003. 512 с.
- Маркос.* Четвертая мировая война / Сост. и пер. Олег Ясинский. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 695 с.
- Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна. Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. 512 с.
- Методы и приемы психологической войны / Сост. ред. А.Е. Тарас. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006. 352 с.
- Мид У.Р.* Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Издательство Прогресс-Традиция, 2006. 208 с.
- Мир и война: культурные контексты социальной агрессии / Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 266 с.
- Мусин А.Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.
- Мухин Ю.* Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2004. 352 с.
- Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. 480 с.
- Нарочницкая Н.А.* Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали / Наталия Нарочницкая. М.: Айрис-пресс, 2007. 232 с.
- Нефёдов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 752 с.
- Нефёдкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.
- Николаи Г.Ф.* Биология войны: Мысли естествоведа. Пер. с нем. / Предисл. Р. Роллана. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 248 с.
- Новый мировой порядок – будущие войны и их предотвращение. М.–Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1999. 132 с.
- Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным: Сводная аналитическая группа Центра Кургиняна об угрозах суверенитету России. М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр, 2007. 96 с.

- Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 269 с.
- Основы военной политики и обеспечения военной безопасности Российской Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2005. 182 с.
- Останков В.И.* Военная безопасность России в начале XXI столетия. М.: Вече, 2007. 352 с.
- Перелескин С.* Вторая мировая: война между Реальностями. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 544 с.
- Перкинс Дж.* Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции / Джон Перкинс; Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 445 с.
- Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. Предисловие и ред. русского издания д. э. н., проф. Л.Л. Фитуни. М.: Pretext, 2005. 319 с.
- Перцефф Д.* Нарковойны XXI века. Оружие массового поражения. СПб: Вектор, 2008. 184 с. (Скандалы. Сенсации. Расследования).
- Платонов О.А.* Русское сопротивление. Война с антихристом. М: Алгоритм, 2006. 720 с.
- Попов Г.Х.* Три войны Сталина / Г. Попов. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. 192 с.
- Почепцов Г.Г.* Психологические войны. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2000. 528 с.
- Предчувствие новой «холодной войны»: Сборник / М. Калашников, А. Паршев, А. Проханов, В. Стечкин, С. Кортунюв; ред. сост. В. Бобров. М.: Яуза-пресс, 2007. 384 с. (Угрозы России).
- Прозктор Д.М.* Мировые войны и судьбы человечества. М.: Мысль, 1986. 318 с.
- Пыж В.В.* Геополитическая обусловленность военной политики России. М.: «Можайск-Терра», 2003. 314 с.
- Пыхалов И.* Великая Оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.
- Расторгуев С.П.* Информационная война. М: Радио и связь, 1998. 416 с.
- Репко С.И.* Война и пропаганда (XV–XX вв.). Часть вторая. М.: Издательство «Новости», 2000. 145 с.
- Романченко Ю.Г.* Охота на Россию. Наши враги и «друзья» в XXI веке. М.: Вече, 2005. 480 с. (Новый ракурс).
- Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного Интернет-семинара / Сост. Ю. Хмелевская; предисл. И. Нарский. М.: АИРО, 2005. 160 с.
- Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.
- Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 288 с.
- Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.
- Серебрянников В.В.* Войны России: социально-политический анализ. М.: Научный мир, 1999. 380 с.
- Серебрянников В.В.* Природа человека: источник войн или миролюбия? М.: Научный мир, 2007. 356 с.
- Симонов К.В.* Глобальная энергетическая война. М: Алгоритм, 2007. 272 с.
- Сисе Хенрик.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах / Хенрик Сисе; пер. с норв. М.: Издательство «Весь Мир», 2007 176 с.
- Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
- Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. 287 с.
- Социология войн – пора выйти из тени (Социологический анализ войны как особого состояния общества), авторский коллектив: В.И. Корчмит, В.И. Матюшов, В.И. Милованов / Под ред. д-ра воен. наук, генерал-майора В.Д. Рябчука. М.: БФРГТЗ «СЛОВО», 2002. 144 с.
- Социология современных войн: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. М.: Альфа-М, 2004. 192 с.
- Стариков Н.В.* Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб: Питер, 2008. 365 с.
- Стариков Н.В.* Мифы и правда о Гражданской войне. Кто добил Россию? М.: Яуза, Эксмо, 2006. 512 с.
- Стариков Н.В.* Февраль 1917: Революция или спецоперация? / 2-е изд., перераб. и испр. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.
- Строцци-Хеклер Р.* В поисках духа воина / Ричард Строцци-Хеклер; пер. с англ. Л.В. Махалиной. М.: АСТ: Астрель, 2006. 396 с.
- Сунь-цзы.* Искусство стратегии. М: Эксмо; СПб: Мидгард, 2007. 528 с.
- Тарик А.* Столкновение цивилизаций: Крестовые походы, джихад и современность / Тарик Али; пер. с англ. Старосты А.В. М.: Астрель: АСТ, 2006. 528 с.
- Торопцев А.П.* Двенадцать подвигов России. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 448 с.
- Тоффлер Э.* Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. М: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с. (Philosophy).
- Требин М.П.* Войны XXI века / М.П. Требин. М: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 608 с. (Военно-историческая библиотека).
- Тюрин А.В.* Война и мир Ивана Грозного. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 480 с.
- Тюшкевич С.А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Книга и бизнес, 2002. 360 с.
- Уткин А.И.* Русские во Второй мировой войне / А.И. Уткин. М.: Алгоритм, 2007. 1024 с.

- Цыгичко В.Н.* Модели в системе принятия военно-стратегических решений в СССР. М.: «Империиум Пресс», 2005. 96 с.
- Уэсселер Рольф.* Война как услуга / Рольф Уэсселер; пер. с нем. Геннадия Сахацкого. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. 320 с. (Non-fiction).
- Флори Жан.* Идеология меча. Предыстория рыцарства / Перевод с фр. М.Ю. Некрасов; науч. ред. к. и. н. Ю.П. Малинин. СПб: «Евразия», 1999. 320 с.
- Форум 2005: Война и политика: (к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне). М.: ИСП РАН, 2005. 400 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
- Хорсли Д.* Воин матрицы: Как стать Избранным: Неофициальный справочник. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2004. 344 с.
- Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О.А. Коваль. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.
- Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Военный университет, Русский путь, 2005. 696 с., ил. (Российский военный сборник).
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 360 с.
- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.
- Шеллинг Т.* Стратегия конфликта / Томас Шеллинг; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
- Шмитт К.* Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 301 с.
- Шулевский Н.Б.* Метафизика России и терроризм. М.: ТЕИС, 2004. 720 с.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА: МИСТИФИКАЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

О так называемом «пакте Молотова–Риббентропа» написано много книг, опубликовано большое количество статей. Ему отведена особая роль в «доказательствах» «равноответственности» СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, милитаристского характера советской внешней политики в предвоенные годы и т. д. и т. п. Огромная армия zaangażированных враждебными России силами политических деятелей, журналистов, политологов, историков, националистов осуждает, критикует и клеймит его позором.

Но парадокс заключается в том, что «пакта Молотова–Риббентропа» как правовой реальности не существовало. Это понятие было введено в политический оборот после окончания Второй мировой войны и ни в каких документах ранее не упоминалось. В нём были произвольно объединены:

- реальный документ – «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», подписанный 23 августа 1939 г. в Москве по итогам советско-германских переговоров и ратифицированный Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. (обмен ратификационными грамотами произведён в Берлине 24 сентября 1939 г.);

- копия так называемого «секретного протокола», найденного в архивах Риббентропа (кстати, подписи Молотова под этим протоколом выполнены латинскими буквами и во многих публикациях различны).

Объединение в единый «документ», названный «пактом», реального Договора и сомнительной копии «секретного протокола» юридически несостоятельно. Такой «пакт» ни по каким дипломатическим законам не может быть признан официальным документом.

Налицо мистификации, сфабрикованные политическими кругами, идеологическими центрами, спецслужбами разных стран, взявших на вооружение внешнеполитический курс на развал и уничтожение сначала СССР, а затем и России. Будучи возведён в ранг «реальности», этот «пакт» в приданной ему специфической интерпретации сыграл большую роль в разрушении страны, освободившей мир от фашизма и предотвратившей нацистскую угрозу другим странам, в первую очередь Англии и США.

Шумиха вокруг этого «пакта» превратилась в один из ключевых элементов «холодной войны» – в качестве «веского» аргумента он использовался для сочинения различного рода мифов о «советской оккупации» прибалтийских республик, а также при выходе их из состава СССР.

В годы горбачевской «перестройки» «пакт» стал объектом ожесточённой политической и идеологической борьбы между здоровыми силами советского общества, отстаивавшими нерушимость единого многонационального государства, с одной стороны, и получившими неограниченную свободу действий сепаратистскими, радикал-националистическими силами, которые под «перестроечными» лозунгами занялись целенаправленным его разрушением (и не только занялись, но и добились своего!), – с другой.

К сожалению, и сегодня в развернувшихся «боях за историю» проблематика так называемого «пакта Молотова–Риббентропа» продолжает широко эксплуатироваться определёнными политическими кругами с целью дискредитации России, формирования её искажённого и негативного имиджа, приписывания ей милитаристских, имперских амбиций.

Подчеркнём в самом начале, что проблемы советско-германских договорённостей 1939 г. крайне сложны, в ряде случаев неоднозначны и не поддаются альтернативной оценке по принципу: «плюс или минус», равно как и не могут рассматриваться в качестве политических и дипломатических перипетий только двусторонних советско-германских отношений. Понять и объективно оценить столь непростые события можно лишь в контексте всей сложной системы причинно-следственных связей, которые были характерны для конкретной исторической, политической и военно-политической обстановки в мире в целом и на европейском континенте в частности. Но, разумеется, при неперемённых условиях: честно, объективно, непредвзято следуя исторической правде, не допуская никаких фальсификаций и политических спекуляций. Именно при таком подходе можно установить истину с её многочисленными, в том числе и драматическими гранями,

выявить корни и раскрыть цели искажений как самих советско-германских договорённостей 23 августа 1939 г., так и некоторых событий, связанных с ними.

Хорошо известно, что СССР был первой страной, заявившей о фашистской угрозе миру и предпринимавшей все возможные усилия по предотвращению надвигающейся войны.

Угрозу фашизма осознавали и руководители Франции и Англии. Конечно, они тоже пытались её предотвратить, но действовали в рамках узких национальных интересов. Фактически без сопротивления отдали Гитлеру Чехословакию и готовы были отдать ему Советский Союз, оставаясь до поры до времени в стороне, сохраняя нейтралитет. По планам Франции и Англии после разгрома СССР (а в этом западные руководители не сомневались) можно было сравнительно легко расправиться и с ослабленной Германией. Именно этими причинами и объясняется абсолютная неудача англо-франко-советских переговоров, в связи с чем пропуск советских войск в Польшу (к границам Германии) не произошёл. А такой шаг, безусловно, сдержал бы немецкую агрессию против этой страны, и Вторая мировая война могла бы быть предотвращена.

Ситуация сложилась иначе. Советский Союз согласился на заключение Договора о ненападении между СССР и Германией. Никаких предварительных политических и военных переговоров между германской и советской сторонами по данному вопросу проведено не было.

Первого сентября 1939 г. немецкие войска вторглись на территорию Польши. СССР осудил это агрессивное вторжение. Известно, что после разгрома фашистами польской армии и стремительного их продвижения к границам СССР, руководство нашей страны вынуждено было ввести свои войска в Западную Украину и Западную Белоруссию. Новые границы Советского Союза были защищены Германо-советским договором о дружбе и границах между СССР и Германией, подписанным 28 сентября 1939 г. Известно также, что после захвата (оккупации) Польши Гитлер планировал присоединение к третьему рейху стран Прибалтики. Оккупация этих стран Германией ставила под непосредственную угрозу ряд жизненно важных центров СССР. В соответствии с этими планами оккупированная Польша, включая Западную Украину и Западную Белоруссию, а также страны Прибалтики, создавали важный стратегический плацдарм для последующего вторжения в СССР. Обеспечив себе такой стратегический плацдарм, Гитлер планировал захватить Англию, которая в то время не могла оказать ему серьёзного сопротивления, а затем вернуться к осуществлению своей заветной мечты, изложенной в «Моей борьбе», – захвату восточных земель.

Перед народами этих стран был поставлен выбор: или стать колониями Германии, или войти в состав Советского Союза. Выбор прибалтийскими государствами был сделан осознанно. В июне 1940 г. Парламенты Латвии, Литвы и Эстонии передали власть народу. Были избраны Верховные Советы этих республик, в соответствии с решениями которых 27 июля 1940 г. была образована Литовская ССР, а 21 июля 1940 г. – Латвийская ССР и Эстонская ССР. Верховные Советы трёх республик приняли обращение к Верховному Совету СССР о принятии их в состав СССР, что и было сделано 5 августа 1940 г. Действия советского правительства в ответ на оккупацию Германией Польши, а также факт включения прибалтийских республик в состав Советского Союза существенно нарушили стратегические планы Гитлера.

В соответствии с произошедшими событиями Гитлер пересмотрел свои военные планы и, отодвинув проблему Англии «на потом», решил нанести сокрушительный удар сначала по СССР. Англия была спасена. Политику Советского Союза в этом направлении объективно оценил Уинстон Черчилль.

Что же должен был делать Советский Союз в сложившейся в 1939–1940 г. ситуации?

Отказаться от договора с Германией и принять её союз с Польшей (к чему так стремилась сама Польша), направленный на развязывание войны против СССР, было невозможно. Советский Союз, при явном «нейтралитете» Франции и Англии, не мог дожидаться оккупации Германией стран Прибалтики, и выход был найден в принятии их по воле народов в состав Советского Союза.

Не стоит забывать и то, что возможная реализация курса на объединение Германии с Польшей имела бы чрезвычайно разрушительные последствия не только для СССР, но и для всей Европы на долгие годы. Нынешний Президент Польши недавно озвучил свою политическую позицию следующим образом: «Жаль, что союз Германии и Польши не состоялся, если бы он состоялся, то Германия и Польша принимали бы парад своих войск на Красной площади».

Публикация книги «Пакт Молотова–Риббентропа: мистификация или реальность?» воссоздаёт подлинную историческую реальность происшедшего и раскрывает правду об этом политическом событии.

Задача настоящей публикации – в ответ на Указ Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 15 мая 2009 г. «О противодействии попыткам фальсификации истории в ущерб

интересам России» опровергнуть искажения определёнными силами одного из сложнейших событий политической истории, коим стали упомянутые нами советско-германские договорённости от 23 августа 1939 г. Другие же проблемы, имеющие самое непосредственное отношение к этому вопросу, автор затрагивает лишь в той мере, в какой это необходимо в данном случае, при твёрдом убеждении, что многие из них также заслуживают в современных условиях более углублённого и объективного анализа.

Как бы ни пытались фальсифицировать историю и исказить правду, истина восторжествует.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА

В арсенале средств и методов фальсификаторов истории особое место отводится «терминологическим ловушкам», когда официальные события и факты получают параллельные названия, придающие этим событиям и фактам заранее заданный искажённый оценочный вектор. Именно так и произошло со словосочетанием «пакт Молотова–Риббентропа» – благодаря широкомасштабному и многолетнему манипулированию, фальсификаторам (зарубежным и доморощенным) удалось создать в общественном сознании однозначно негативное представление о нём как о злонамеренном международном акте, сопровождаемым к тому же ещё и «секретным протоколом» (часто – «секретными протоколами»). При этом, как правило, смещается на задний план или не упоминается вообще официальное название документа, подписанного 23 августа 1939 г. в Москве в ходе советско-германских договорённостей, – «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом».

Конечно, спор о терминах можно превратить в бесплодные словесные упражнения, что нередко бывает и в науке, и в реальной политике. Но, как свидетельствует жизнь, терминологический арсенал используется и в качестве своеобразной «приманки» или «наживки», чтобы «взять на крючок» неискушённых, а затем искусственно манипулировать их сознанием.

Замена в публикациях названия официального документа неофициальным вариантом – явление широко распространённое, иногда выглядящее совершенно безобидно, если за ним чётко не просматриваются неблагоприятные цели. Термин «пакт Молотова–Риббентропа» в том виде, в каком он внедрён в общественное сознание, характеризуется именно этими, скажем, специфическими особенностями.

Во-первых, по своей сути он собирательный, т. е. как бы поглощает два документа, подписанные по итогам августовских 1939 г. советско-германских переговоров: Договор о ненападении и «секретный протокол», которые хотя и приняты по поводу одного и того же события и, что не вызывает сомнения, внутренне связаны между собой, тем не менее имеют каждый «свой» юридический статус, «свою» историческую судьбу (об этом будет сказано позже) и «свои» оценки.

Во-вторых, словосочетание «пакт Молотова–Риббентропа» – не правовая, а неофициальная публицистическая формула. В истории международных отношений договора под названием «пакт Молотова–Риббентропа» как правовой реальности нет и никогда не было. Ведь перед подписывающими документ лицами в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. на столе лежал не пакт, наименованный фамилиями подписантов, а Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. И именно под таким названием он был опубликован в «Правде» и «Известиях» на следующий день после подписания, в таком виде он прошёл процедуру промульгации, ратификации высшим органом законодательной власти, таким он остался в истории дипломатии и значителен во всех, без исключения, сборниках документов по внешней политике и так его называют те, для кого документальная точность является неременным профессиональным требованием. Г. Киссинджер, например, в своей «Дипломатии», не скрывая в целом негативного личного отношения к советско-германским договорённостям 1939 г., тем не менее, в двух специальных главах, посвящённых данной проблеме, ни разу не употребил названия этого документа по именам подписантов¹.

Термин «пакт Молотова–Риббентропа» не что иное как появившаяся уже после войны прямая «калька» с иноязычных названий: английского – «Molotov–Ribbentrop pact» и в германонидерландскоязычных источниках – «Ribbentrop–Molotov Pact» и даже «Hitler–Stalin Pact» или «Stalin–Hitler Pact». Помимо этого наряду с названием «German-Soviet Treaty of Nonaggression» получили распространение и такие, как «German-Soviet Pact», «Soviet-Nazi Pact» и т. д. Эпитетом «нацистско-советские» названы советско-германские договорённости в некоторых вышедших сразу же после окончания войны изданиях².

В-третьих, у словосочетаний: «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», «секретный протокол» и «пакт Молотова–Риббентропа», употребляемых для наименования советско-германских договорённостей августа 1939 г., разные «дни рождения» и разная «продолжительность жизни». Первые два «родились», как отмечалось выше, в ночь с 23 на 24 августа 1939 г.; причём Договор сразу же стал гласным, а «протокол» – не только «секрет-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: 1997. С. 286–332.

² Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948. P. 196.

ным», но и просто неведомым для мирового сообщества вплоть до послевоенного времени. Появление же наименования «пакт Молотова–Риббентропа» относится к совершенно другому астрономическому и политическому времени – после 1946 г., когда в соответствии с соглашением США, Англии и СССР германские политические документы становились собственностью держав-победительниц. Именно тогда и возник первоисточник молниеносно распространившейся информации о наличии «секретного протокола» к советско-германскому Договору о ненападении. Словосочетание «пакт Молотова–Риббентропа» никогда не употреблялось в качестве легитимного правового термина ни в политических, ни в дипломатических документах СССР (России), но зато стараниями некоторых политиков и журналистов в короткое время превратилось в публицистическое клише с чётко выраженным негативным оттенком.

В-четвёртых, как документально зафиксировано авторство пакта? Какие лица, говоря современным языком, являются авторами идеи и концепции этого проекта? Разумеется, Сталин и Гитлер. Первый лично согласовывал (через соответствующие каналы) все вопросы с Гитлером, с самого начала и до конца вёл переговоры с Риббентропом (с участием Молотова), сам формулировал положения документов. В свою очередь, и фюрер лично держал в руках нити этой акции на всех этапах её подготовки и реализации. Так что логичнее и «справедливее» было бы называть документ именами его творцов. И вдруг подписантами оказались лица, как говорится, второго эшелона. (Можно себе представить, как бы отреагировал Сталин, увидев, что на его глазах произведённое им «детище» получает имя его подчинённого, а он выступает лишь в роли протокольного статиста!) Здесь следует упомянуть, что с самого начала в связи с подписанием советско-германского Договора о ненападении имело место своего рода соперничество относительно того, кто именно является инициатором его заключения. И если Молотов преподносил это как инициативу лично Сталина, то Гитлер, напротив, в речи 22 августа 1939 г. старался приписать это себе. А германское посольство в Москве сочло необходимым информировать Берлин о том, что в докладе Сталина от 10 марта 1939 г. какой-либо инициативы подобного рода не просматривалось. Ничего похожего не обнаружено и в германском министерстве иностранных дел.

В-пятых, произвольное акцентирование внимания на фамилиях подписантов этих советско-германских договорённостей со стороны фальсификаторов направлено на подчёркивание «загадочности» и «секретности» «сговора». И здесь требуется ещё одно уточнение. Истории известны персонализированные (т. е. названные по именам разработчиков и подписантов) двусторонние и многосторонние международные правовые акты разной степени юридической легитимности.

Например, безоговорочной легитимностью обладают такие договорные документы, персонализированные названия которых официально определены при их подписании, промульгации и ратификации (Договор Вебстера–Ашбертона 1842 г., урегулировавший давний спор из-за северо-восточных границ США и Канады; Протокол Лобанова–Ямагаты 1890 г. – по корейскому вопросу; соглашение Мак-Магона–Хусейна об участии арабов в Первой мировой войне; Пакт Бриана–Келлога 1928 г. – многосторонний договор об отказе от войны и т. д.).

Юридически признаваемым является также персонализированное наименование договорного документа, если оно официально зафиксировано в качестве параллельного названия этого документа (Договор Джея 1794 г. – американо-английский Договор о дружбе, торговле и мореплавании; Конвенция Драго–Портера 1907 г. – конвенция 2-й Международной Гагской конференции; Договор Гондра 1923 г. – Договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами и т. д.).

Юридически нелегитимными являются наименования договорных документов, появившиеся вне правового поля, т. е. не в ходе их подписания и легитимации, а в свободных версиях политиков, журналистов. Именно таким – произвольным, «незаконнорожденным» и является словосочетание «пакт Молотова–Риббентропа».

В-шестых, «подвёрстывание» к «пакту» «секретного протокола» с сомнительным правовым статусом без упоминания самого официального Договора о ненападении направлялось (и сейчас направляется), прежде всего, на его (Договора) дискредитацию.

В-седьмых, нередки случаи, когда в научных исследованиях и публицистике понятия «пакт Молотова–Риббентропа» и «секретный протокол» по содержанию как бы идентифицируются, обозначая один и тот же объём информации. При таком подходе негативная оценка «протокола» распространяется на весь пакет советско-германских договорённостей.

А теперь на основе вышесказанного можно воспроизвести модель создания муляжа «злодейского акта»: официальное название основного документа советско-германских договорённостей заменяется словом «пакт», украшенным к тому же именами двух одиозных исторических фигур; в содержательном плане этот «пакт» начинается статьями «секретного протокола» и коммен-

тариями к ним (разумеется, отрицательного плана) при оттеснении на задний план или вообще без упоминания самого Договора о ненападении (который никак не может характеризоваться негативно), и, наконец, эти «сюжеты» «подкрепляются» широко растиражированными в разных изданиях фотографиями. Таким образом «зло» вскрыто, виновниками развязывания войны названы два диктатора (при этом остальные активные игроки на европейской политической шахматной доске – в тени, как под зонтиком в жаркую погоду), «имперский» характер предвоенной советской внешней политики разоблачён. Вот так и слеппен образ «исторического злодея».

А как фабрикуются конкретные «исторические детали», покажем на примере фотографий (самого достоверного источника), зафиксировавших сам момент подписания документов. Вот уже на протяжении многих десятилетий в вузовских и школьных учебниках, в монографических исследованиях учёных РАН, историко-публицистических изданиях, в исторических хрониках, в аналитических программах на телевидении и в целом в СМИ широкое распространение получила такая текстовка под фотографией (приводим дословно): «Подписание Пакта Молотова–Риббентропа. Москва, 23 августа 1939 г.». А теперь обратимся к официальному первоисточнику – номеру газеты «Правда» за 24 августа 1939 г. В нём под фотографией стоит подпись: «К заключению советско-германского Договора о ненападении. На снимке (справа налево): тов. В.М. Молотов, тов. И.В. Сталин, г. Иоахим фон Риббентроп и г. Ф. Гаус». Материалы по поводу этого события в газете даны под «шапкой»: «Заключение Советско-германского договора о ненападении», и здесь же редакционная статья «Советско-германский договор о ненападении» (напомним, что в советские времена редакционные статьи в главном печатном органе партии выражали официальную точку зрения политического руководства страны). А 29 августа та же «Правда» сообщила, что в повестке дня Четвёртой сессии Верховного Совета СССР значится внесённый СНК СССР третий пункт: «Ратификация Договора о ненападении между Германией и СССР». Теперь заменим исторически достоверное наименование документа его негативно окрашенной «гуляющей кличкой». Какую установку получает человек только из одного названия ещё до начала чтения самих материалов? Конечно же, со знаком «минус». Одно дело «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» и совершенно другое – «пакт Молотова–Риббентропа».

Итак, фальсификация налицо.

Подумаем теперь, можно ли так легко вводить словосочетание «пакт Молотова–Риббентропа» в понятийный аппарат анализа советско-германских договорённостей августа 1939 г.? Как же это выглядит в нашей реальной жизни? Из множества постулатов, декларирующих официальную правомерность (даже в историческом масштабе!) термина «пакт Молотова–Риббентропа», приведём несколько (причём, освящённых именами как авторов трудов большой академической науки, так и тех, кто призван сеять истину на педагогическом поприще, т. е. речь идёт об учебниках и учебных пособиях). Итак, например: «Советско-германский договор о ненападении вошел в историю под названием "пакт Молотова–Риббентропа"»¹, или в другом издании: «Договор вошел в историю под названием "пакт Молотова–Риббентропа"»². В одном из учебных пособий сообщается, что Договор получил «название "пакт Молотова–Риббентропа"»³; а вот автор «академического школьного учебника», по своему усмотрению назвав документ не договором, а соглашением, утверждает, что оно «вошло в историю международных отношений как "пакт Молотова–Риббентропа"»⁴. Интересно, что авторы учебника под редакцией члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова пошли ещё дальше, поместив материал о советско-германских договорённостях под заголовком: «Сговор двух диктаторов», придав фактически одинаковую оценочную окраску и «протоколу», и самому Договору⁵.

В фундаментальном издании «Хроника человечества», жанр которого просто обязывает составителей быть предельно точными, в том числе и в терминологии, его создатели решили по своему усилить негативную оценку Договора и сообщили, что этот документ известен как «пакт Сталина–Гитлера» (куда уж больше!), но при этом, чтобы «не обидеть» подписантов, в скобках обозначили – «пакт Молотова–Риббентропа»⁶.

А вот авторы одного из школьных учебников, увидев «несостыковку» между Договором и «протоколом», решили назвать августовские советско-германские договорённости «двухэтажным пактом»!

К числу терминологических несуразиц следует отнести и частое употребление словосочетания «секретный протокол» во множественном числе: т. е. применительно к самому Договору о ненападении и одновременно к протоколу, «подписанному позже» (без указания – когда, в связи с чем и т. д.). Так, например, что смогут понять будущие студенты из предложенного им учебного

¹ История России. Автор-составитель – Н.В. Белов. Минск, 2008. С. 670.

² Века А.В. История России. Москва–Минск, 2005. С. 857.

³ Орлов А.С., Полуянов А.Ю., Терещенко Ю.Е. Основы курса истории России. Учебник. М.: 2009. С. 449.

⁴ Сергеев Е.Ю. Всеобщая история. Новейшая история. Академический школьный учебник. М.: 2009. С. 78.

⁵ История России. С древнейших времен до наших дней. Учебник. М.: 2009. Т. 2. С. 523.

⁶ См.: Хроника человечества. М.: 1996. С. 935 (и это повторено во всех последующих переизданиях!).

минимума для абитуриентов, где говорится: «Вскоре был подписан еще один протокол, который детализировал отдельные пункты августовского протокола в части раздела сфер влияния, касающихся Польши»¹. Ведь множественное число слова «протокол» к Договору о ненападении не подходит по той простой причине, что к нему «прилагался» только один единственный протокол. (Если же имеется в виду множественность копий – так это другой вопрос!) Что же касается утверждения: «Вскоре был подписан еще один протокол», то здесь требуется принципиальное уточнение: «вскоре» подписывался не протокол, а еще один Договор, который имел уже другое название: «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», да и другую дату подписания – 28 сентября 1939 г. И именно к этому второму Договору прилагался и второй протокол, развивавший положения августовского документа. Кстати, этот протокол был не единственным. Спрашивается, зачем же так затуманивать мозги жаждущей учиться молодёжи?

Наконец, требует уточнения получивший широкое хождение тезис о «незнании» и неведении западных стран о непосредственной подготовке советско-германских переговоров 1939 г., а также о «секретности» принятых на них документов. Такое сформулированное в общей форме утверждение содержит большой заряд дезинформации, так как оно не учитывает (и, разумеется, искажает!) конкретику ряда эпизодов, «втиснутых» в очень короткий временной промежуток – с 21 августа, когда Сталин дал положительный ответ Гитлеру на приезд в Москву Риббентропа, и до самого момента подписания документа. На самом же деле это выглядит следующим образом.

22 августа Полномочный представитель СССР в Великобритании И.М. Майский сообщил в Москву, что полученное в Лондоне 21-го поздно вечером (курсив наш. – *Авт.*) «сообщение о предстоящем полете Риббентропа в Москву для переговоров о пакте о ненападении вызвало здесь величайшее волнение в политических и правительственных кругах»². 22 августа британский премьер-министр Н. Чемберлен в послании Гитлеру не только подтвердил информированность своего кабинета по вопросу возможного подписания советско-германского Договора о ненападении, но и сообщил, что «каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше»³. В отправленной 23 августа телеграмме польского МИДа дипломатическим представительствам Польши говорится, что к этому моменту по сему случаю уже состоялись повторные демарши французского и английского послов и обсуждаются меры «для ограничения возможностей и сферы действия советско-германского договора»⁴.

Изначально сам советско-германский Договор о ненападении «секретным» никогда не объявлялся, более того, он, как уже отмечалось, сразу же – 24 августа – был опубликован в «Правде» и «Известиях», да ещё и сопровожждён специальными редакционными статьями. Со всем другая история с «протоколом» – он оставался не только секретным, но и неизвестным, т. е. скрытым как от политиков и дипломатов, так и от всей мировой общественности, вплоть до 1946 г., когда были частично рассекречены германские архивы военного времени.

К настоящему времени в оценке Договора о ненападении сложилось два подхода. Первый рассматривает его в качестве типичного договора о ненападении наподобие аналогичных договоров того времени, заключённых Германией с другими странами, и к тому же не содержащего чего-то необычного. Второй подход интерпретирует Договор как документ, сознательно поощривший агрессора, для чего используются «аргументы» об отсутствии в Договоре пункта, отменяющего его действие, в случае если одна из сторон совершит агрессию, и об отсутствии в статье IV оговорки, что данный Договор не отменяет действия ранее заключённых договоров, а также выдвигается упрек в том, что, якобы, статьи III и IV односторонне привязали СССР к германскому блоку в ущерб отношениям с противниками Германии и др.

Итак, очень важно и актуально с точки зрения теории и политики чётко прояснить подлинное содержание Договора и исторический смысл, который вкладывался в прошлом и вкладывается теперь в наименование и суть советско-германских договорённостей от 23 августа 1939 г., противопоставив таким образом официальный, юридически точный и отвечающий всем нормам международного права документ под названием «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» и его публицистически искажённый, имеющий подчёркнуто негативное звучание дубликат – «пакт Молотова–Риббентропа», а также раскрыть значение «секретного протокола» с его неопределённым юридическим статусом (этот аспект проблемы будет рассмотрен нами ниже).

¹ См.: *Степанишев А.Т.* История России. Учебный минимум для абитуриентов. М.: 2008. С. 718.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М.: 1990. Т. 2. С. 312.

³ Там же. С. 313.

⁴ Там же. С. 314.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЗАКУЛИСЬЯ

Авторы уже упомянутого учебника, созданного под руководством директора Института российской истории РАН члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова, определившие советско-германские договорённости августа 1939 г. как «сговор диктаторов», в своих утверждениях не одиноки. Более того, они лишь отразили давно появившуюся широкомасштабную тенденцию оценивать данную историческую реалию именно таким образом. Подобными формулировками пестрят труды многих отечественных исследователей, страницы учебников для высшей и средней школы, передачи телеканалов, в том числе и государственных. На Западе и, особенно, в прибалтийских государствах этим «сговором диктаторов» всячески бравируют, ничего другого просто не зная и не признавая. Особенно ярко это проявилось в связи с 70-летием со дня подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и приближающимся 65-летием Победы СССР в Великой Отечественной войне.

Мы хорошо понимаем, что на пути к истине невозможно добиться объективного результата, не дав чёткого ответа на вопросы о том, что собой представляет сам базовый документ советско-германских договорённостей (Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом), является ли он актом «сговора» и закулисной игры и правомерно ли перенесение на него (Договор) оценочных параметров «секретного протокола».

Поэтому, прежде всего, рассмотрим те исторические события и условия, в которых был заключён советско-германский Договор о ненападении. Без их объективной оценки нельзя понять суть происшедшего. Вплоть до середины августа 1939 г. СССР не только не проявлял никакой инициативы в отношении заключения какого-то бы ни было договора с Германией, но и всячески уклонялся от проведения с ней переговоров по военным вопросам. Советский Союз вёл с Германией лишь экономические переговоры. Требуя весной 1939 г. выполнения обязательств по договорам фирмы «Шкода», Советский Союз стремился ослабить германский военный потенциал, так как заводы «Шкода» работали тогда уже на Германию. Черчилль отмечал в своих мемуарах, что предприятия «Шкода» «являлись вторым по своему значению арсеналом Центральной Европы и (что их) продукция за период с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. почти равнялась фактическому уровню производства английских военных заводов того периода»¹.

Все последние месяцы перед заключением договора с Германией СССР многократно пытался вести политические и военные переговоры с Великобританией и Францией. Однако они быстро зашли в тупик, когда вновь встал вопрос о гарантиях прибалтийским государствам и в особенности об участии СССР в обороне Румынии и Польши. В отношении Румынии вопрос не стоял слишком остро, так как последняя не находилась в тот момент под непосредственной угрозой гитлеровской агрессии. Наиболее важным был вопрос о Польше. Поэтому дискуссия о Польше должна была быть решающей. Советский Союз требовал свободного прохода своих войск через польскую территорию. Польша категорически отказывалась дать согласие, а англичане и французы под разными предлогами уклонялись от того, чтобы оказать на Польшу необходимое давление.

В чём состоял смысл требований Наркома обороны К.Е. Ворошилова, который вёл эти англо-франко-советские переговоры от лица СССР? Он требовал, чтобы советские войска имели возможность прийти в соприкосновение с германскими войсками, пройдя через территорию Польши (через район Вильно на севере и район Львова на юге). Ворошилов напомнил в связи с этим, что в 1918 г. американцы совершенно так же использовали французскую территорию. Он не мог допустить такого положения, чтобы фашистские войска могли беспрепятственно продвигаться через территорию прибалтийских государств (не имевших гарантий Англии и Франции) вплоть до самого Ленинграда и через территорию Польши – до украинской границы, в то время как советские войска не могли бы даже выйти за пределы своей территории. Англичане и французы, наоборот, хотели именно этого.

Позиция польского правительства Бека по вопросу о пропуске советских войска являлась результатом злого умысла и непомерного самомнения. С одной стороны, польские феодалы опасались «большевистской заразы», с другой – считали, что в состоянии собственными силами противостоять гитлеровской Германии. Они требовали от советских руководителей одного – вооружения, сводя роль СССР к роли «военного арсенала» («magasin de ravitaillement»). Напрашивается следующий вывод: СССР поставил бы вооружение, вызвал бы этим враждебность Гитлера, подвергся бы контрудару со стороны польского тыла, но ему не было бы разрешено двинуть своих солдат за пределы национальной территории.

Провал англо-франко-советских военных переговоров был обусловлен категорическим отказом польского правительства пропустить советские войска через польскую территорию. В этом отношении интересно свидетельство Леона Нозля, бывшего в тот период французским послом в Варшаве: «Настаивая самым категорическим образом на своей предыдущей точке зре-

¹ Churchill. Memoires. T. I. I-^{re} partie. P. 344.

ния, Йозеф Бек вынудил генерала Думанка ответить маршалу Ворошилову, что поляки не согласны предоставить свою территорию для реализации плана, основные черты которого были изложены последним англо-французской миссии. Вследствие этого переговоры были тотчас прерваны»¹. И действительно, заседание 21 августа было последним. Черчилль в своих мемуарах говорит то же самое о причинах провала переговоров: «Военная конференция не замедлила окончиться провалом из-за отказа Польши и Румынии дать согласие на проход русских войск».

Невозможно представить, какую иную стратегическую программу мог бы ещё предложить Ворошилов. Советская позиция заключалась в том, чтобы найти такой театр предполагаемых военных действий, где можно было бы встретить гитлеровские войска возможно дальше от Москвы и возможно ближе к Берлину. В этом контексте необходимо напомнить и о том, что Советское правительство в ответ на запрос английского правительства о позиции СССР в случае новых актов агрессии со стороны Германии предложило 18 марта 1939 г. созвать совещание представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения коллективных мер в целях обеспечения безопасности. Это предложение западными сторонами не было принято.

А как можно было не считаться с осуществлённым Германией в марте 1938 г. аншлюсом Австрии, переходом Чехословакии под контроль рейха, занятием 18 марта 1939 г. венгерскими войсками столицы Закарпатья г. Хуста, аннексией 23 марта 1939 г. Мемеля (при полном попустительстве Англии и Франции, которые были гарантами статуса Клайпеды), нацистским проникновением в Венгрию, Румынию и Болгарию, многолетним поощрением Англией и Францией нацизма, отказом с их стороны от решительных действий против реально нависающей опасности начала новой войны.

В этом же ряду – подписание Германией и Японией в ноябре 1936 г. направленного против СССР «Антикоминтерновского пакта», к которому в 1937 г. присоединилась Италия; активная поддержка Гитлером и Муссолини путча генерала Франко, на что Советский Союз ответил оказанием военной помощи республиканскому правительству Испании; заключение Мюнхенского договора (30 сентября 1938 г.), лишившего Чехословакию стратегически военных областей и приведшего к передаче части её территории Германии, Венгрии и Польше. Имеют резон те историки, которые считают, что ключевым моментом реализации гитлеровской агрессии на Восток и нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. стало Мюнхенское соглашение, по которому Англия и Франция признали за Германией право присоединить к себе Судетскую область Чехословакии, где со времён Австро-венгерской империи большинство населения составляли этнические немцы.

Документы свидетельствуют: на предложение британских военных о том, что наиболее целесообразным способом противодействия нацистской агрессии было бы военное сотрудничество с СССР, Чемберлен ответил, что он скорее уйдёт в отставку, чем вступит в альянс с Советским Союзом.

Установка британского кабинета Н. Чемберлена на проведение «переговоров ради переговоров» (т. е. блокирование заключения соглашения между Англией, Францией и СССР) сочеталась со стремлением, как отмечали британские дипломаты, «дать Германии возможность развить агрессию на Восток за счет России»².

Планы же Англии с Германией открытым текстом изложил Гитлеру 19 ноября 1937 г. влиятельный член кабинета Н. Чемберлена лорд Галифакс³. А позже (12 сентября 1938 г.) этот лорд намеревался сообщить свои идеи фюреру таким образом: «Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... Наверное можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»⁴. После неудавшейся попытки официального Лондона оформить предлагавшийся сговор в полноценный договор, ему пришлось довольствоваться подписанием с Гитлером 30 сентября 1938 г. Декларации «никогда больше не воевать друг с другом», которую И. Риббентроп охарактеризовал так: Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора к исполнению»⁵.

В свою очередь и французская дипломатия, следовавшая в то время в фарватере у британской, уклонялась от придания обязательству о взаимной помощи (подписанному в 1935 г. между СССР и Францией) должной эффективности путём заключения соответствующей Конвенции. Более того, в 1938 г., когда встал вопрос о поддержке Францией и СССР Чехословакии, Париж не счёл себя

¹ Noë1 L. L'agression allemande contre la Pologne. P. 423.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М.: 1990. Т. 1. С. 9.

³ См.: Документы и материалы накануне Второй мировой войны. 1937–1939. М.: 1981. Т. 1. С. 42.

⁴ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М.: 1990. Т. 1. С. 9.

⁵ Dalton H. The Fateful years: Metoirs, 1931–1935. L.: 1957. P. 195.

связанным данным им словом и позорно предал как своего советского партнёра, так и своего чехословацкого союзника. А французский посол в Германии А. Франсуа-Понсе сразу же после Мюнхена заявил Герингу, что премьер-министр Франции Э. Даладье полностью доверяет «фюреру» и хотел бы заключения союза с Германией, чтобы избавиться от «союза с Москвой»¹. После подписания же в декабре 1938 г. франко-германской Декларации о ненападении министр иностранных дел Франции Ж. Бонне с удовольствием отметил: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток»².

О том, каким в описываемое время было представление военного руководства Советского Союза о военных угрозах, свидетельствует раскрытый недавно документ под грифом «Совершенно секретно» – «Записка начальника Генштаба Красной Армии Наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» (от 24 марта 1938 г.). В документе отмечается: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок – Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей... Польша находится в орбите фашистского блока, пытаясь сохранить видимую самостоятельность своей внешней политики... Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов (Литва, Латвия, Эстония. – *Авт.*) и на Востоке против Японии. Италия, весьма вероятно, в войне будет участвовать своим флотом, посылку же экспедиционного корпуса к нашим границам вряд ли можно ожидать».

Фактом является и то, что в сложнейшей обстановке 1937–1938 гг. заключение договора с Германией не входило в планы советского правительства, а инициатором такой акции выступила германская сторона. В дипломатической документации СССР за 1937–1938 гг. не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиться взаимопонимания с Берлином. Что касается Германии, то она осуществляла с конца 1938 г. – начала 1939 г. зондаж возможностей улучшения отношений с СССР. Гитлер назвал это «инсценировкой нового рапалльского этапа». «Второму Рапалло» Гитлер предназначал сугубо утилитарную роль – исключить СССР как потенциального противника Германии на срок до двух лет. Советская сторона не отвечала на все зондирующие попытки со стороны Германии вплоть до середины августа 1939 г. и пошла на заключение с Германией Договора о ненападении только после того, как стало очевидным нежелание западных держав заключить соглашение с СССР о совместной борьбе против гитлеровской агрессии и были исчерпаны все другие возможности обеспечения безопасности СССР.

Именно потому, что переговоры с Англией и Францией потерпели неудачу, Советский Союз вынужден был принять германские предложения о проведении политических переговоров. А это, в свою очередь, означает, что подписание советско-германского Договора о ненападении стало в том числе неизбежным следствием провала англо-франко-советских военных переговоров.

В действительности германо-советские переговоры летом 1939 г. были попыткой фашистской дипломатии разъединить союзников. Профессор Сорбонны Пьер Ренувэн весьма справедливо отмечает: «В настоящее время на основе германских документов мы знаем, что германо-русские переговоры были начаты по инициативе Германии. Гитлер, пятнадцать лет твердивший, что большевизм – худший враг, вдруг сделал крутой поворот. 16 апреля 1939 г. Геринг говорил Муссолини, что он согласен искать сближения с СССР; а 30 мая Гитлер дал германскому послу в Москве инструкцию установить контакт с русскими руководителями»³. «Именно я, – говорил Риббентроп, – внушил фюреру мысль заключить соглашение с Россией. Сначала он отказался, но затем присоединился к моему мнению»⁴.

Осуществлённая Г. Киссинджером в его «Дипломатии» реконструкция событий накануне заключения советско-германских договорённостей 1939 г. помогает существенно прояснить вопрос об инициаторах этой акции и характере готовившихся документов. Американский дипломат обращает внимание на то, что после получения Польшей гарантий Великобритании по защите её от германской экспансии, а также под воздействием проходящих в первой половине 1939 г. советско-британских дипломатических переговоров Гитлер лихорадочно стал искать возможность осуществления выгодных для него дипломатических и политических мер в отношениях с Москвой. Но, как отмечает Г. Киссинджер, «Сталин не торопился, в отличие от Гитлера, он не ставил себе сроки, а нервы у него были крепкие. Итак, Сталин выжидал, вызывая беспокойство у Гитлера»⁵ (*курсив наш. – Авт.*). В этих условиях Гитлер 26 июля дал инструкции главе германской делегации К. Шнурре, который вёл переговоры о заключении торгового соглашения с СССР, выйти за рамки своего мандата и начать затрагивать в беседах политические вопросы. Шнурре, следуя

¹ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М.: 1990. Т. 1. С. 7.

² Там же.

³ Renouvin P. Histoire generale du XX-e siecle. Cours edite par le Centre de documentation universitaire. P. 354.

⁴ Caatier R. Les secrets de la guerre dévoilés par Nuremberg. 1946. P. 107.

⁵ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: 1997. С. 298.

инструкции Гитлера, заверил своего советского партнёра по переговорам, что от Балтийского до Черного моря или на Дальнем Востоке «нет таких проблем между двумя странами, которые нельзя было бы разрешить»¹. Намёк более чем прозрачный!

Более того, немецкий переговорщик, фактически выйдя за пределы переговорного мандата по экономическим вопросам, пообещал продолжить обсуждение этих вопросов на политической встрече с советскими представителями высокого уровня. Но, как отмечает Г. Киссинджер, «Сталин был не из тех, кто помчится по первому зову»². И только в середине августа Молотов получил инструкции принять германского посла фон дер Шуленбурга, причём обязательно с вопросом о том, что предлагает германская сторона. «К этому времени, – обращает внимание Г. Киссинджер, – Гитлер спешил до такой степени, что, несмотря на нелюбовь действовать подобным образом, готов был уступить по всем пунктам»³.

В беседе с Молотовым фон дер Шуленбург сообщил, что Гитлер готов направить в Москву своего министра иностранных дел Риббентропа немедленно, «дав ему всю полноту полномочий для решения всех остающихся вопросов». Сталину импонировал жест Гитлера о ведении переговоров на уровне, которого, например, Великобритания избегала в то время. И он, «не желая открыть карты до тех пор, пока не станет ясно, что ему предлагают..., еще более усилил давление на Гитлера». Инструкции, выданные Молотову, чётко определяли дипломатический ход Москвы: высоко оценить готовность Риббентропа прибыть в Москву, но целесобразность такого визита обусловить наличием текста будущего соглашения. Этим самым, как полагает Г. Киссинджер, «Гитлеру как бы предлагалось сформулировать точное и конкретное предложение, включая секретный протокол по отдельным территориальным вопросам»⁴, что означало: любая утечка информации касалась бы германского проекта, руки же Сталина оставались бы чистыми, а в случае неудачи переговоров был бы использован «солидный козырь» – отказ СССР идти в ногу с германским экспансионизмом. Такой ход событий Гитлер воспринимал крайне эмоционально, он «нервничал, как в лихорадке»⁵, ведь ему предстояло в считанные дни принимать решение о нападении на Польшу. Поэтому с целью ускорения событий 20 августа он направляет личное письмо Сталину, в котором заверяет советского вождя, что содержание дополнительного протокола, «желательного для Советского Союза», может быть уточнено в кратчайший возможный срок, если ответственный германский государственный деятель будет иметь возможность лично прибыть в Москву для переговоров»⁶. Ответ Сталина последовал на следующий день. В нём была выражена надежда на то, «что германо-советский пакт о ненападении станет символом решающего поворота в деле улучшения политических отношений между нашими двумя странами»⁷. А 23 августа Риббентроп прибыл в Москву и, не пробыв в ней и часа, предстал перед лицом Сталина. Прошло всего лишь три дня с момента направления исходного послания Гитлера Сталину и до завершения, как выразился Киссинджер, «дипломатической революции», и вернувшегося в Берлин Риббентропа в состоянии эйфории приветствовал Гитлер, назвав его «вторым Бисмарком».

Фальсификации Договора начались сразу после окончания Второй мировой войны, когда некоторые европейские дипломаты и историки окрестили его «Договором о союзе». Эти мифы имеют широкое хождение и в наше время. Однако, если обратиться к документам, характеризующим атмосферу, в которой состоялся подписание Договора, становится совершенно ясно, что ни о каком союзе речи идти не могло. На этот вопрос отвечают документы, найденные в Берхтесгадене⁸. Один из них (№ 567808, А, М, 23) – секретное донесение оберфюрера СС Баура, старшего пилота личного самолета Гитлера (кондор «Гренцланд»). На этом самолете Риббентроп был доставлен в Москву. «Мы прибыли в Москву в 12 часов 19 минут, – говорит Баур. – Мы увидели аэродром, покрытый самолетами. Так как мы шли на посадку с выключенными моторами, я услышал, как Риббентроп говорил сопровождавшим его советникам: «Партия, которую нам предстоит сыграть, обещает быть трудной. Нужно усыпить недоверие Советов, которые завтра, так же, как и сегодня, останутся нашими врагами. Придет день – и свастика заполочется здесь на месте серпа и молота».

Второй документ – доклад руководителя юридического департамента Вильгельмштрассе и статс-секретаря министерства иностранных дел Германии д-ра Фридриха Гауса, сопровож-

¹ Буллок А. Гитлер и Сталин; параллельные биографии. N.Y.: Alfred A. Knopf. 1992. С. 614.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М.: 1997. С. 298.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Буллок А. Гитлер и Сталин; параллельные биографии. N.Y.: Alfred A. Knopf. 1992. С. 616.

⁷ Там же. С. 617.

⁸ Guegten A. Des revelations sensationnelles // «La Nouvelle Republique d'Orleans». 1947, 22 avril.

давшего Риббентропа во время его поездки в Москву (к докладу приложено письмо Риббентропа Гитлеру). Арестованный в 1945 г. и представший перед Нюрнбергским трибуналом Гаус не опроверг своего донесения. Во время интервью, данного им корреспонденту «Монд» Гастону Ульману, он заявил: «Ни словом, ни фразой, ни единым замечанием русские не стремились ускорить наше выступление против Польши. Они совершенно не говорили о войне, оставляя нас наедине с нашими мыслями»¹. А вот выдержка из его доклада (АН 54): «По прибытии Потемкин оказал нам гостеприимство в следующих выражениях: «Счастлив видеть Вас в Москве», – и не прибавил ни слова. В его тоне была сухость, которая буквально леденила кровь. Герр фон Риббентроп отшатнулся. Он весьма живо воспринял мало любезный прием.

Риббентроп хотел начать с долгой пространный речи и сказал: «Дух братства, который связывал русский и германский народы...». Молотов оборвал его: «Между нами не может быть братства, если хотите, поговорим о цифрах».

Теперь предоставим слово Риббентропу. Вот что писал он в письме Гитлеру, находившемуся в тот момент в Берхтесгадене: «Я сразу же спросил Сталина, каким путем мы сможем получить его нейтралитет. Сталин ответил: "Не может быть нейтралитета с нашей стороны, если Вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР". Затем он уточнил: "Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас"».

Следующая выдержка о решительном моменте переговоров 23 августа 1939 г. из доклада Гауса за № 6727: «Молотов энергично выступил против интерпретации, которая могла бы заставить поверить в военный союз между Германией и СССР. Он заявил: "Не может быть и речи о заключении пакта дружбы. Слишком большая разница между нашими точками зрения. Но если Вы желаете, мы можем заключить соглашение, главная статья которого гласила бы, что договаривающиеся стороны обязуются не участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно была бы направлена против другой договаривающейся стороны". Риббентроп, обращаясь к Молотову, начал говорить об окружении, которое англо-французы направляют против национал-социалистской Германии и Советской России. Молотов сразу не ответил, но через некоторое время энергично заявил: "Вы все-таки хотите, чтобы мы рассмотрели военный союз между Москвой и Берлином?". "А почему бы и нет?", – резко заявил Риббентроп. На это Молотов решительно заявил: "Об этом не может быть и речи"»².

В конце концов, переговоры привели лишь к заключению Договора о ненападении. Это был тот предел, который был заранее намечен советскими руководителями и за который они не собирались выходить. Вот обязательства сторон, подписавших Договор о ненападении: воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга; в случае нападения на одну из сторон третьей державы не оказывать поддержки напавшей державе; не участвовать в группировках держав, направленных против одной из сторон; разрешать споры и конфликты между собой мирным путем»³.

Таким образом, в тех конкретных условиях Советский Союз стоял перед лицом следующего выбора: **либо** принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении Договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на некоторый срок, который мог быть использован советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора, **либо** отклонить предложение Германии о заключении Договора о ненападении и тем самым позволить западным державам втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза ситуации, при условии его полной изоляции. В этой обстановке советское правительство оказалось вынужденным сделать свой выбор и заключить с Германией Договор о ненападении. Иной альтернативы в тех конкретных условиях просто не было. Её не смогли предложить и сегодняшние «бескомпромиссные» критики принятого тогда Сталиным решения.

Этот выбор, как показала логика дальнейшего развития событий, явился оправданным шагом советской внешней политики. Однако некоторые «правдоискатели» обвиняли и обвиняют советско-германский Договор в том, что он-де явился причиной войны. И здесь налицо ещё одна «ловушка»: подмена причин «созревания» войны поводом для её начала. В самом деле, отдельное историческое событие или дипломатический акт, каковы бы они ни были, например «эмская депеша» (июль 1870 г.), убийство в Сараево (июнь 1914 г.) или советско-германский Договор о ненападении (август 1939 г.), не могут быть сами по себе «причинами» войн.

На фоне экономического соперничества государств само существование социалистического государства усложняло дипломатическую историю. Этот фактор сам по себе вызывал у ведущих экономическую борьбу стран Европы стремление урегулировать свои собственные противоречия за счёт социалистического сектора. Именно это и происходило в 1938–1939 гг. С дру-

¹ «Le Monde». 1949, 29 fevrier.

² *Guez1en A.* Des revelations sensationnelles // «La Nouvelle Republique d'Orleans». 1947, 22 avril.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М.: 1990. Т. 2. С. 319–321.

гой стороны, война тарифов, квот, демпинга и торговых договоров между западными государствами предшествовала и подготовила «войну людей». Таким образом, не следует смешивать историю возникновения и основные причины войны с особыми дипломатическими обстоятельствами, которые сопутствовали началу военных действий.

В числе причин войны также: неравномерность экономического и политического развития стран и резкое обострение противоречий между ведущими странами после мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.; приход к власти в Германии, Италии и Японии сил, стремящихся к новому переделу мира, пересмотру Версальской системы договоров; политика фашистских государств на завоевание сырьевых источников и рынков сбыта, расширение сфер влияния, захват колоний; недальновидная политика Англии и Франции по «умиротворению», а фактически по поощрению агрессивной политики нацистской Германии; оказавшаяся непродуктивной в данных конкретных условиях политика нейтралитета и невмешательства в европейские дела со стороны США.

У авторов, ищущих причины Второй мировой войны в Версальской конференции 1919 г., призванной подвести черту под завершившейся в ноябре 1918 г. Первой мировой, аргументы достаточно веские. Ведь не случайно, например, маршал Франции Фердинанд Фош в 1919 г. заявил, что «Версаль – не мир, а перемирие на 20 лет» (т. е. определил точную дату её начала – 1939 г.), а из уст вождя Советской России Ленина прозвучало предупреждение о неизбежности новой мировой войны. Дело в том, что ни Россия, ни Германия не были главными зачинщиками Первой мировой войны, а её последствия для них оказались наиболее неблагоприятными, хотя эти последствия для двух стран ставить в один ряд было бы искажением исторической правды. Для Германии – это фактическая потеря суверенности над своей территорией, сведение германской армии до уровня полицейских сил, запрещение (после Ноябрьской революции 1918 г.) иметь любые самолёты, включая спортивные, лишение всего военного флота (кроме шести старых линкоров-додредноутов), запрещение строить любые подводные лодки, беспрепятственные посадки на всех германских аэродромах самолётов союзников Антанты, которые имели право летать куда угодно и когда угодно, свобода прохода через Кильский канал, связывающий Балтийское и Северное море не только торговых, но, что очень важно, военных кораблей бывших противников и др. Вполне понятно, что такое положение вещей не могло оставаться вечно замороженным, когда-то эти мины замедленного действия должны были бы быть убранными с пути поступательного развития германской истории. К сожалению, события получили драматический вектор, и мир получил Гитлера.

Свои обиды на Антанту были и у Советской России: вооружённая агрессия на её территорию, уничтожение вместе с белогвардейцами $\frac{3}{4}$ российского военного флота и 90% гражданского, бесчинства, которые творили «просвещённые европейцы» в Мурманске и Одессе, Севастополе и Баку, за что большинство белогвардейцев ненавидели англичан и французов не меньше красных, наконец, демонстративный отказ лидеров Антанты заключить предложенный Лениным «мир без аннексий и контрибуций».

В этом контексте А. Широкопад отмечает: «Нравится это кому-то или нет, но новая мировая война началась бы даже в том случае, если бы ефрейтор Адольф Гитлер погиб в 1918 г. в ходе газовой атаки. Вторая мировая была неизбежна при любом варианте, кто бы ни пришел к власти в Германии. Если бы произошла реставрация монархии, и на германском престоле вновь оказался бы Вильгельм II. Если бы германским рейхсканцлером остался бы фон Папен или им стал бы Эрнст Тельман»¹.

Сказать же, что Договор 23 августа является причиной Второй мировой войны – значит низвести историческое объяснение до самого примитивного уровня. Причины подобного упрощения понятны: необходимо скрыть от общественного мнения опасную игру правительств Лондона и Парижа в 1938–1939 гг., оправдать подлинных виновников войны и избежать серьёзного анализа причин войны. Из объективного же анализа явствует, что начавшаяся в 1939 г. война не была вызвана случайными обстоятельствами. Она – продукт комплекса причин экономического, социального, политического и дипломатического порядка. Война явилась результатом определённой международной обстановки, где на базе экономических конфликтов дипломатические и политические отношения между нациями придали военным коалициям ясные очертания.

Далее, об отсутствии прямой связи между советско-германским Договором о ненападении и решением Гитлера напасть на Польшу свидетельствует такой факт: решение Гитлера об оккупации Польши (операция «Вайс») было принято за несколько месяцев до 23 августа, т. е. 3 апреля 1939 г., а 28 апреля того же года Германия аннулировала германо-польский договор о ненападении и дружбе. Непосредственным же поводом для расторжения Гитлером германо-польского пакта о ненападении

¹ Широкопад А. Московский договор не имел альтернативы // «НГ-НВО», 2009, 21 августа.

нии стал отказ Польши заключить новый договор о ненападении, который включал бы такие три пункта: а) возвращение Германии Данцига с его окрестностями; б) разрешение польских властей на строительство в «польском коридоре» экстерриториальной автострады и четырёхколейной железной дороги, крайне необходимой для экономики Восточной Пруссии, которая по Версальскому договору была связана с остальной Германией; в) предложенное немецкой стороной продление действия существовавшего германо-польского пакта о ненападении ещё на 15 лет.

В ходе начавшейся войны, о которой Гитлер мечтал со времен «Майн кампф» и которую готовил начиная с 1933 г., войны, которая разразилась не в последнюю очередь и в результате англо-французской политики «умиротворения», Англия и Франция оказались жертвами своих собственных политических комбинаций.

Многие считают, что СССР, поскольку он не хотел принять участия в англо-французской игре, должен был не принимать и германских предложений и оставаться «над схваткой». Говорить так – значит недооценивать обстановку, сложившуюся в августе 1939 г.: в тот период СССР не мог ограничиться ролью безучастного свидетеля провала переговоров с Лондоном и Парижем.

Зная о концентрации гитлеровских войск на западных, северных и южных границах Польши, советские руководители неизбежно должны были сделать следующий вывод: если СССР отклонит пакт о ненападении и проявит полное безразличие к тому, что через несколько дней произойдёт вблизи от его границ, Польша и, возможно, прибалтийские государства (Мемель был уже фашистским) будут захвачены гитлеровцами, гитлеровская армия окажется совсем рядом, в то время как Англия и Франция останутся безучастными (именно это и случилось в период «странной войны»).

Кроме того, советский отказ послужил бы для Гитлера, по меньшей мере, предлогом для агрессии и, что особенно важно, СССР не смог бы предпринять некоторых элементарных стратегических мер предосторожности, а именно помешать гитлеровцам расположить свои укрепления у порога СССР, в 100 км от Ленинграда и в 250 км от Киева.

Последствия советско-германского Договора о ненападении не сводятся только к тому, что война для СССР была отодвинута на какое-то время. Нельзя не считаться и с такими фактами: Договор стал частью более общих планов (пусть в ряде случаев и не совсем удачных) укрепления западных границ страны, укрепления её обороноспособности; подтверждалась способность СССР влиять в западном направлении; Договор фактически содействовал тому, что был положен конец необъявленной войне на Дальнем Востоке (кроме крупного вооружённого конфликта на реке Халхин-Гол и озере Хасан боевые действия происходили на советско-маньчжурской границе с 1937 г. по сентябрь 1939 г.) и вплоть до 8 августа 1945 г. здесь на границе было относительно спокойно.

Дальневосточные последствия подписания советско-германского Договора о ненападении оказались просто ошеломляющими: вначале 25 августа 1939 г. министр иностранных дел Японии Арита заявил по сему случаю решительный протест послу Германии в Токио, отметив, что подписанный Договор по своему духу противоречит антикоминтерновскому соглашению, а затем японское правительство во главе с Киитиро Хиранумой, являвшимся горячим сторонником совместной войны Японии и Германии против Советского Союза, 28 августа 1939 г. подало в отставку.

Заключение советско-германского Договора о ненападении позволило повлиять на то, что вопреки стараниям «архитекторов» Мюнхена Вторая мировая война возникла не на Востоке, а на Западе (случись наоборот, едва ли Советский Союз мог рассчитывать на скорое создание антигитлеровской коалиции). Благодаря этому шагу удалось предотвратить захват нацистами Прибалтики и превращение её в плацдарм для вторжения в СССР. А о том, что на этот счёт существовали конкретные планы Гитлера, свидетельствуют многие факты, в том числе и недавно рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Так, например, в спецсообщении НКВД СССР руководству страны «О работе немцев в Эстонии и внешней политике эстонского правительства» (1936) отмечается: «Некоторые руководители эстонского правительства все больше и больше связываются с немцами, которые все глубже проникают в Эстонию. В Эстонии определено чувствуется приготовление к войне и к потере самостоятельности. Лайдонер (командующий эстонской армией. – *Авт.*), Сельтер (член кабинета министров. – *Авт.*), а отчасти Пятс (президент страны. – *Авт.*) уверены в том, что с началом войны немцы оккупируют Эстонию...»¹.

Что же касается территориальных изменений, происшедших вскоре после подписания Договора, то, например, в одном из украинских учебников по истории наряду с утверждением «о произвольном разделе» Европы на «сферы интересов» между СССР и Германией сделано «чистосердечное» признание о том, что Договор одновременно «стал и своеобразной точкой отсчета процесса "собирания" украинских земель в границах одного государства, что объективно было явлением прогрессивным»² (имеется в виду возвращение Западной Украины в состав Украинской ССР. – *Авт.*).

¹ Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации (сост. Л.Ф. Соцков). М.: 2009.

² Бойко О.Д. История Украины. Учебное пособие. Киев: 2008. С. 452.

В период, последовавший за подписанием советско-германского Договора о ненападении, СССР вернул себе территории, силой отторгнутые у него в 1918–1920 гг., – Западную Украину и Западную Белоруссию, прибалтийские государства, Бессарабию. Это позволило отодвинуть на 300 км к западу передовые линии гитлеровских войск, что в том числе, возможно, существенно повлияло на спасение Москвы в 1941 г.

Советский Союз стоял тогда перед лицом двух фактов: с одной стороны, Германия стремилась развязать войну, с другой – Англия и Франция не только отказывались заключить с СССР равноправный союз, но и подталкивали Германию осуществить агрессию на Восток. Таким образом, безучастность СССР в августе 1939 г. означала бы для него короткую войну в обстановке полной изоляции.

Из всего вышеизложенного вытекает логически мотивированный главный вывод: подписанный накануне войны советско-германский Договор о ненападении был для СССР вынужденной мерой, другой альтернативы в тех конкретных условиях, которые сложились к августу 1939 г., не было. Советское руководство использовало те возможности, которые существовали реально. В Договоре не было ни малейших признаков агрессивности, проявления «имперских амбиций». Он не нарушал ни внутреннего законодательства, ни международных обязательств. Более того, этот документ, полностью соответствуя нормам международного права, пополнил обширный каталог урегулированных, известных мировой политике: к тому времени аналогичными взаимными обязательствами Германия обменялась с Польшей – в 1934 г., с Англией и Францией – в 1938 г., с Литвой, Латвией и Эстонией – в 1939 г. Вырывать же двусторонний советско-германский Договор о ненападении из общей системы договорных отношений между странами не только Европы, но, в целом, и во все мире – дело непродуктивное в своей основе, равно как и антинаучным является смещение причин развязывания войны в плоскость «равноответственности» коммунизма и нацизма. И если, выражаясь словами известного философа А.А. Зиновьева, такие стрелы раньше направлялись в СССР и коммунизм, то сейчас они попадают в Россию.

СЕКРЕТЫ И НЕСЕКРЕТЫ О «СЕКРЕТНОМ ПРОТОКОЛЕ»

Разумеется, всё сказанное выше никоим образом не может рассматриваться как попытка смягчить политические и моральные оценки в отношении другого документа – «секретного протокола», являющегося ключевым звеном продолжающейся ожесточенной политической борьбы вокруг августовских 1939 г. советско-германских договорённостей. Нередко используемая на обыденном уровне формула оценки политических событий с точки зрения фактов или соответствующей документации здесь абсолютно не приемлема, прежде всего, потому, что история с «секретным протоколом» обросла таким множеством прилюбопытнейших (в том числе противоречивых и покрытых тайной) фактов, что невозможно на них опереться, а также и потому, что уж больно «нестандартными» для дипломатической практики были процедуры оформления и прохождения «бумаг».

Налицо неопровержимый факт – если советско-германский Договор о ненападении является документом официальной, гласной, базирующейся на легитимных процедурах государственной дипломатии, то «секретный протокол» – продукт закулисной, закрытой «дипломатии сговора». Будучи таковым, он, разумеется, не мог не породить о себе множество «правд», спор о которых продолжается и поныне.

Фактом является и то, что в этой дискуссии чётко просматриваются две тенденции: первая – стремление честно докопаться до истины, заполнить «белые пятна» истории недостающей достоверной информацией, дать объективную оценку происшедшему, сделать выводы из «исторического урока»; вторая – перевести проблему «секретного протокола» в плоскость политической борьбы для решения определённых конъюнктурных целей, порой даже не связанных с самим «протоколом», корректируя, а то и просто переписывая для этого историю, опровергая задним числом не подлежащие сомнению истины. Таким образом, выяснение вопроса, что именно представляет собой «протокол», имеет принципиальное значение как для науки (особенно политологии и истории), так и для большой политики. В самом деле, какая из получивших широкое распространение в общественном мнении версий достоверна или хотя бы наиболее близка к истине? Что же такое «секретный протокол» – составная часть Договора о ненападении? Его дополнение? Приложение к нему? Протокол или юридически самостоятельный документ? А некоторые исследователи утверждают о существовании не протокола, а его фальшивки.

Мы воспользуемся правом в постановочном, дискуссионном плане изложить наше видение этой проблемы, считая, что «секретный протокол», будучи самым тесным образом связан с советско-германским Договором о ненападении, более того ставший для его подписантов своеобразной «дорожной картой» по определению «сфер влияния» в Восточной Европе, тем не менее, не является в

юридическом отношении его непосредственной составной частью. Не имея юридически закреплённого статуса межгосударственного документа, этот протокол может интерпретироваться в нескольких вариантах: а) представлять собой со стороны СССР выражение намерений двух человек (Сталина и Молотова), сформулированных в отдельном документе; б) с протокольной точки зрения его можно рассматривать и как документ двух внешнеполитических ведомств, не прошедший в отличие от Договора о ненападении процедуры, необходимые для правовой легитимации в качестве межгосударственного акта; в) нельзя исключать и вариант, в соответствии с которым в ходе подписания Договора о ненападении имели место устные (не оформленные в виде официального документа) договорённости по некоторым «сферам влияния» двух держав и немецкие участники переговоров сделали по ним черновые записи, со временем выдав их за «секретные протоколы». (Как отмечают некоторые исследователи, рubeжи, на которых останавливались вооружённые силы Германии и СССР в 1939–1940 гг., не всегда отвечали тексту «секретного протокола», что не в последнюю очередь объясняется тем, что они не носили обязательного к исполнению характера.); г) на II Съезде народных депутатов СССР было предложено рассматривать «секретный протокол» как «сговор, выражающий намерения подписавших его физических лиц»¹; д) наконец, в Постановлении Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 г.» была сформулирована такая точка зрения: решение о подписании протокола «было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор»².

Нашу позицию мы обосновываем следующими аргументами.

Аргумент первый. Указанный протокол отсутствовал (некоторые авторы употребляют термин «изъят») в пакете материалов, представленных на ратификацию Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г., а также и при обмене ратификационными грамотами 24 сентября 1939 г. в Берлине, т. е., в юридическом плане он не стал составной частью того, что после указанных процедур получило правовую легитимность в качестве межгосударственного договора. С точки зрения международного права (в данном случае нет предмета для дискуссий!) всё, что лежит за пределами правового поля – это лишь разговоры «на свободные темы (пусть даже очень важные). А это в свою очередь означает, что если высший законодательный орган страны в лице Верховного Совета СССР юридически ответственен за подписание и ход выполнения одного только Договора о ненападении (до момента прекращения его действия в связи с началом войны), то всякие к нему претензии по поводу «секретного протокола» безосновательны, и тем более абсолютно неправомерны какие бы то ни было «исторические счёты» к государственному руководству современной России как правопреемницы Советского Союза.

Аргумент второй. В отличие от официально обнародованного Договора о ненападении, о существовании «секретного протокола», как выяснилось, не было известно ни правительству страны, ни Верховному Совету СССР, ни ЦК ВКП(б), ни абсолютному большинству членов Политбюро (кроме Сталина и Молотова), не говоря уже о руководящих работниках внешнеполитического ведомства СССР. То есть на практике – это «документ-сговор» узкого круга лиц, осуществлённый под прикрытием официального Договора о ненападении.

Аргумент третий. Нередко мы видим, что по трудно объяснимым причинам в дискуссиях о советско-германском Договоре о ненападении игнорируется третий документ, который должен был бы входить в общий пакет. Этот документ, как и «секретный протокол» тоже секретный, ныне он хранится в Архиве внешней политики СССР (АВП, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77) и имеет название «Разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г.». Разъяснение представляет собой изменения в п. 2 «секретного протокола» и сформулировано так: считать, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР «будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана», а не как значилось в ранее названном «секретном протоколе» – «по линии рек Нарева, Висла и Сана». Это означает, что речь идёт об уточнении не виртуальной границы сфер интересов сторон, а об её конкретных территориальных очертаниях. Однако по сей день в большинстве публикаций безраздельно господствует первая, «урезанная» версия. Эта версия без указания о внесённых изменениях и публикуется в монографических изданиях, которые якобы полностью воспроизводят текст «секретного протокола»³, в сборниках документов⁴, в энциклопедических изданиях⁵.

Значение же «Разъяснения» к «секретному протоколу» определяется не только важностью самого по себе территориального уточнения, но и рядом весьма значимых деталей, даю-

¹ См.: II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 271.

² Там же. С. 613.

³ См. напр.: Широкоград А.Б. Тайная история России. История, которую мы не знаем. М.: 2007. С. 438.

⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М.: 1999. С. 58.

⁵ Военная энциклопедия. В 8 т. М.: 2003. Т. 7. С. 550.

щих пишу для размышлений как о юридическом статусе «секретного протокола», так и о других не менее важных вещах. А детали эти таковы: а) «Разъяснение» подписано 28 августа 1939 г., т. е. тогда, когда базовый документ уже был отправлен на ратификацию в Верховный Совет СССР и рейхстаг, что ещё раз подтверждает, что к этому времени «секретный протокол» в практическом плане «жил» отдельно от Договора о ненападении жизнью; б) сделанные в «Разъяснении» предписания считать изменение «окончательной редакцией» означают, что подписанный 23 августа «секретный протокол» оказался «не окончательным», т. е. после возвращения Риббентропа в Берлин в результате продолжавшихся дипломатических манёвров документ приобрёл «уточнённую версию»; в) можно лишь предположить, что инициатором этих уточнений был Гитлер, в чьи руки Риббентроп вручил уже подписанный сторонами документ, который мог вызвать у фюрера какие-то вопросы; г) «Разъяснение» подписано Молотовым, а вместо Риббентропа – послом Германии в СССР Шуленбургом, т. е. в числе подписантов советско-германских договорённостей появилось третье лицо и, следовательно, для сторонников их персонализированного наименования «справедливым» было бы говорить о «пакте Молотова–Риббентропа–Шуленбурга»; но если серьёзно, то совершенно очевидно: такая практика больше подходит для межмидовских рабочих контактов, но отнюдь не в случае подписания межгосударственного акта; д) как и в случае с «секретным протоколом», в архиве оригиналов «Разъяснения» не обнаружено, а есть только копия, и та в машинописном виде.

Аргумент четвёртый. Многие авторы для подтверждения принадлежности «секретного протокола» к Договору употребляют фразы типа: «Протокол был, но изъят». Как же выглядит манипуляция «изъятия протокола»? Действительно, после подписания базового Договора о ненападении его авторы могли договориться считать «секретный протокол» составной частью договорённостей и, следовательно, входящим в пакет принятых ими документов. Но с юридической точки зрения таковым он перестал быть тогда, когда оказался изъятым из процедур ратификации и промульгации. В результате же «секретный протокол», не получив юридического закрепления в качестве составной части промульгированных и ратифицированных материалов, стал для договаривающихся сторон своеобразным «рабочим чертежом» в разграничении «сфер интересов».

В связи с вышесказанным, *аргумент пятый* – различная «протокольная» жизнь указанных документов. У Договора о ненападении – классическая официальная, с соблюдением всех без исключения существующих для таких случаев требований (промульгация, ратификация и др. высшими органами государственной власти, обмен ратификационными грамотами). И поэтому с юридической точки зрения он абсолютно безупречен. У «секретного протокола» же – просто загадочное путешествие по лабиринтам политического и дипломатического закулисья. Вот его штрихи. Первый раз о возможном подписании «секретного протокола» (наряду с Договором о ненападении) упоминается в телеграмме Гитлера Сталину, которая была отправлена 20 августа в 16 часов 55 минут. Проект его готовился в Берлине и в ходе переговоров Риббентропа со Сталиным и Молотовым обсуждался в острой форме. В каком же виде он был привезён в Москву неизвестно (его сжег Риббентроп), какие правки и изменения вносили Сталин и Молотов – тоже неизвестно, так как нет никаких следов (исследователи пытаются установить истину, сопоставляя разные источники), да и неизвестно вообще, каким конкретно был разговор, так как протокол переговоров не вёлся.

Обращает на себя внимание и такая деталь: в отличие от сложившейся дипломатической практики, когда на саму процедуру подписания договоров отводится, как правило, относительно незначительное время (документы отрабатываются заранее, и к моменту их подписания не должно быть никаких несогласованных вопросов), в данном случае мероприятие началось 23 августа в 22.00 и закончилось около часа ночи 24 августа, т. е. его продолжительность – около трех часов. На что потребовалось подписантам такое долгое время? Только ли для поднятия бокалов в честь совершённого акта? Или же для определения дальнейшей судьбы текста уже подписанного «секретного протокола», потеря следов которого приходится именно на это время, т. е. примерно на час ночи 24 августа?

Весьма интересны в связи с этим свидетельства адъютанта Гитлера Н. фон Белова, безотрывно находившегося рядом с фюрером, пока тот трепетно ожидал информацию из Москвы от Риббентропа и затем, когда после возвращения последнего в Берлин, слушал доклад об итогах советско-германских переговоров. Около двух часов ночи 24 августа Риббентроп «сообщил о подписании пакта о ненападении»; во второй половине дня 24 августа возвратившийся в Берлин Риббентроп в ходе «длительной беседы» с Гитлером (участвовал Геринг) «положил на стол подписанный им Договор о ненападении»; наконец Риббентроп «с особой серьёзностью... говорил прежде

всего о заключении с Россией на десять лет пакта о ненападении»¹. И так, во всех трёх упомянутых эпизодах речь идёт о Договоре о ненападении, но при этом даже не упоминается о «секретном протоколе». Вот и возникает вопрос – это случайность? Недомолвка? Или до сих пор неразгаданная загадка? Да, все версии имеют право на существование. Несомненно только одно – небрежно или произвольно воспроизводить указанные события Н. фон Белов просто не мог.

Существенна и другая деталь. В тексте проекта советско-германского пакта, переданного В.М. Молотовым Ф. Шуленбургу 19 августа 1939 г., в постскриптуме значится: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»². В подписанном же Договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. этот пункт отсутствует вообще, т. е. протокол не составил «органическую часть пакта»³.

«Протокол» стал «невидимкой» и оставался ею вплоть до 1946 г., составив в условиях нарастания «холодной войны» сердцевину идеологического муляжа под названием «пакт Молотова–Риббентропа».

Предпринимавшиеся до «перестройки» усилия по поиску оригинала этого «документа» не дали никаких результатов, что, впрочем, не помешало Съезду народных депутатов СССР осуществить беспрецедентный для всей многовековой истории акт по правовой переоценке юридически ущербного документа. И вопрос о том, является ли «секретный протокол» составной частью Договора о ненападении или нет, риторический. На наш взгляд, к истине ближе авторы Дипломатического словаря, которые в статье, посвящённой подписанию советско-германских договорённостей августа 1939 г., анализируя Договор о ненападении, о «секретном протоколе» даже не упоминают. Это говорит не об их забывчивости, а о чётком понимании того, что «протокол» в правовом отношении не является составной частью пакета документов, представленных на ратификацию⁴.

Аргумент шестой – о документальном оформлении «принадлежности» «секретного протокола» к Договору о ненападении⁵. В дипломатии жанр приложений и дополнений к основному документу применяется широко. Как правило, в таком случае в базовом документе наличие дополнений (приложений) обозначается отдельным пунктом или даже выносится в наименование. Вот примеры подобных официальных названий документов: Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Тлателоко договор) и дополнительные протоколы I и II к нему 1967 г., Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия 1974 г. и протокол к нему и т. д. В советско-германском Договоре о ненападении насчёт дополнительного протокола никаких указаний нет (и понятно почему – соображения «секретности»). Этот «документ» представляет себя своим собственным названием (приводим дословно): «Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом». На первый взгляд, парадокс: компетенцию определения принадлежности к основному документу «взял» на себя сам же «протокол». (Причём в тексте этого «документа» никаких упоминаний о его принадлежности к Договору нет).

Как известно, в соответствии с секретным делопроизводством в НКВД–МИД, в случае принятия к несекретному договору секретных приложений, дополнений, протоколов и др., к оригиналу текста базового несекретного документа полагалось обязательно подшивать лист-«заменитель» с указанием конкретного архивного фонда хранения секретного документа. Примером может служить подписанный между СССР и Литвой Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 г.: сам Договор хранится в АВП СССР, ф. За-Литва, д. 35, а Конфиденциальный протокол к нему (в виде Приложения № 1) и Дополнительный Протокол (в виде Приложения № 2) – в АВП СССР, ф. 03а, д. 05. Да и в договорах между СССР и другими прибалтийскими государствами того времени во всех конфиденциальных протоколах последним пунктом или последней статьёй значилось: «Настоящий Конфиденциальный Протокол является приложением к Пакту (Договору) о...», после чего упоминается полное название открытого документа с указанием числа и года его подписания. В случае же с «секретным протоколом» к советско-германскому Договору о ненападении ничего подобного нет. Да и в преамбуле самого Секретного дополнительного протокола не говорится, во исполнение какой конкретно статьи Договора о ненападении он составлен.

По нашему мнению, в реальности все могло выглядеть совершенно по-другому. «Секретный протокол» изначально не рассматривался его сочинителями в качестве неотъемлемой части

¹ Белов Н фон. Из воспоминаний адъютанта Гитлера // 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М.: 1991. С. 21.

² См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х т. Т. II. М.: 1990. С. 278.

³ Там же.

⁴ См.: Дипломатический словарь. В 3 т. М.: 1986. Т. III. С. 142–143.

⁵ Большую поисковую работу в этом направлении провели В.А. Сидак, А.Б. Мартиросян, Ю.В. Емельянов, А. Кунгуров, Ю. Мухин.

выносимого на ратификацию Договора о ненападении. Переговорщики из соображений секретности осуществили своеобразную «многоходовку», представляющую собой виртуозный приём закрытой закулисной дипломатии: за подписанием юридически легитимного и преданного широкой гласности Договора о ненападении последовали осуществлённые в совершенно секретном режиме договорённости, оформленные в виде протокола, внутренне, самым тесным образом связанного с итогами августовских 1939 г. советско-германских переговоров, но в процедурном плане представляющего собой отдельное «произведение».

При таком относительно «автономном» статусе протокола его секретность сохранялась как минимум в течение семи лет после его подписания, вплоть до послевоенного рассекречивания германских архивов. Кстати, в этом контексте нельзя не обратить внимания на некоторые формулировки этого документа. В нём, в частности, даже не упоминается о том, что он принят в качестве «дополнительного протокола» (хотя, как говорилось выше, в заголовок это словосочетание вынесено), а лишь констатируется, что стороны «обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер интересов в Восточной Европе». А дальше в духе «протокола о намерениях» зафиксировано, что «это обсуждение привело к нижеследующему результату» гипотетического плана – об определении «сфер интересов Германии и СССР» «в случае территориально-политического переустройства» в областях прибалтийских государств и Польши¹.

Аргумент седьмой – место и условия хранения документов о советско-германских договорённостях. При этом подчеркнём: в принципе, текст Договора и все протоколы к нему – это и есть собственно Договор, без протоколов этого Договора не существует, поскольку договаривающиеся стороны должны исполнять его в комплексе всех условий – и открытых, и секретных. Поэтому, как справедливо замечает один из специалистов исследования этой проблемы Ю. Мухин², все подлинники протоколов и подлинный текст Договора должны были быть сшиты между собой и храниться в архиве в одной папке. Ведь несложно представить себе, что министру иностранных дел вдруг потребовался этот Договор, и тогда текст его побегут искать в Архиве внешней политики (АВП). А протокол к нему – в Архиве Политбюро ЦК КПСС³? На Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. было объявлено миру, что подлинника протокола к Договору о ненападении нет, а в АВП есть только подлинный текст Договора и к нему машинописная копия «секретного протокола». При этом, чтобы придать видимость того, что эта «копия» действительно является копией «секретного протокола», почерком Молотова сверху листа было обозначено: «Тов. Сталину (и подпись Молотова)»⁴. Но Сталин никогда в наркомате или министерстве иностранных дел не работал, а посему адресованные ему документы никак не могли храниться в Архиве внешней политики. Кроме того, Сталин до буквы знал этот протокол, так как он сам его формулировал, в его присутствии его подписывали Молотов и Риббентроп. Иными словами, зачем Молотов адресовал бы Сталину машинописную копию того, что Сталину и так было прекрасно известно? Кроме того, понятно, что сделать копию секретного документа – дело непростое. Да и тем, кто имеет право его читать, скорее всего принесут и покажут сам подлинник документа. Тогда для кого делать копии?

У Договора о ненападении и «секретного дополнительного протокола» к нему совершенно несовпадающие параметры архивного хранения. Как обращает внимание А.Б. Мартиросян, сам Договор находится в АВП СССР, ф. За – Германия, д. 243, а координаты якобы сохранившейся машинописной копии протокола – АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77. л. 1–2. Исследователь вполне резонно замечает (сайт – delostalina.ru), что в соответствии с существовавшим в НКВД-МИД СССР особым порядком разделения архивного хранения открытых документов и конфиденциальных секретных приложений/протоколов к ним «секретный протокол» должен был бы храниться (при условии, что место нахождения самого Договора – АВП СССР, ф. За – Германия, д. 243) в ф. 03а – Германия. Наличие же в данном случае ноля перед буквенно-цифровым обозначением архивного фонда указывает на место концентрации секретного или конфиденциального документа. Поэтому, по его мнению, довольствоваться сведениями из ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2, в котором концентрированы документы о повседневных контактах с иностранными представительствами в Москве и материалы курирования германского посольства в Москве, крайне недостаточно. При этом он приводит в качестве аналогии близкие по тематике примеры размещения в архивных фондах простых и конфиденциальных/секретных документов – подписанных СССР в октябре 1939 г. пактов о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией. Если место хранения открытых договоров ф. За и, соответственно, через тире в каждом отдельном случае ф. За – Литва, ф. За – Латвия, ф. За – Эстония,

¹ См.: Катюнь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М.: 1999. С. 58.

² Мухин Ю. Антироссийская подлость. М.: 2003. С. 129.

³ Сегодня Архив Президента России (АП).

⁴ Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 116.

то конфиденциальные протоколы к этим же договорам и пактам с указанными государствами на- ходятся в ф. 03а – Литва, ф. 03а – Латвия, ф. 03а – Эстония. К тому же и нумерация для этого ар- хивного фонда также имеет условное обозначение – впереди каждой цифры поставлен ноль.

В этом контексте ещё об одном «аргументе», о котором А. Яковлев сообщил II Съезду народных депутатов СССР. В МИД СССР была обнаружена служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 г. заместителем заведующего секретариатом Молотова Смирновым старшему помощнику министра Подцеробу подлинника секретного протокола (на русском и не- мецком языках плюс 3 экземпляра копии этого протокола)¹.

Казалось бы, «птица счастья» уже почти в руках – есть следы подлинного секретного прокола. Но, увы, народная мудрость гласит: «Весь бес в деталях». Какие же «детали» мы име- ем на этот раз?

Во-первых, обращает на себя внимание неестественность прохождения и хранения этого документа. В силу того, что он объявлялся «секретным», это означало и особую секретность его хранения – не в ящиках или сейфах мидовских чиновников (даже из окружения Молотова), а в спецфондах секретной документации. И если даже упомянутый Смирнов взял из секретного ар- хива документ, он его должен был бы туда и возвратить, а не передавать под расписку другому чиновнику. К тому же А. Яковлев не прояснил вопрос о том, куда же девался этот «оригинал» после того, как он попал в руки Подцероба. В его сейф? Или он под расписку возвратил его в спецфонд? Или взял на себя смелость уничтожить (но это уже из области фантастики)?

Во-вторых, председатель съездовской комиссии, сообщив о факте передачи «подлинника секретного дополнительного протокола» одним мидовским чиновником другому, здесь же говорит о том, что «найденны также заверенные копии протокола на русском языке», относящиеся к «молотов- ским временам в работе МИД СССР», и что криминалисты, проводившие по заданию съездовской комиссии экспертизу подписей Молотова, пользовались оригиналом Договора о ненападении и *фо- токопиями* секретного протокола. Странно, в ссылке на «переписку» двух мидовских чиновников фи- гурирует «оригинал» «секретного протокола» на русском и немецком языках, далее речь идёт о за- веренных *копиях* на русском языке, экспертиза же проводилась по *фотокопиям* «секретного прото- кола», да ещё и упоминается о «западногерманских *фотокопиях*»². Возникает вопрос: какую же из этих версий следовало бы избрать при подготовке съездовского документа? Почему-то съездовская комиссия избрала самый нелегитимный вариант, а А. Яковлев посетовал на Съезде: «Куда они (ори- гиналы «секретного протокола». – *Авт.*) исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает»³.

Наконец, как выяснялось, в информационно-пропагандистском пространстве «секретный протокол» приобрёл «многовариантность», потеряв в ряде случаев даже необходимую идентичность оригиналу. К тому же сегодня в ходу великое множество копий, изготовленных по неофициальным каналам и при помощи различных множительных средств. Вот и встаёт новый вопрос: что можно считать легитимным источником: 1) «Секретный дополнительный протокол» от 23 августа 1939 г., который вскоре после его подписания оказался «неокончательным», так как «Разъяснение» от 28 августа внесло в него некоторые изменения; 2) получившие широкое распространение «машино- писные копии» при отсутствии оригинала; 3) русский текст в версии «копии с копий»; 4) копии, имею- щие своим источником негативы микрофильмов, снятых по приказанию Риббентропа, начиная с 1943 г.; 5) документы, которые были переданы сотрудником МИД Германии Карлом фон Лёшем англо-американской поисковой группе; 6) хранящиеся в Национальном архиве США позитивы микро- фильмов (документы сняты вперемежку – текст Договора на фильме F-11, а «секретный протокол» – на фильме F-12); 7) «случайно» обнаруженный машинописный текст «секретного протокола», заве- ренный сотрудником Совнаркома СССР неким В. Паниным и т. д. и т. п.? Всего же официально опу- бликовано более полусотни документов, касающихся «секретного протокола» Молотова–Риббентро- па. И насколько они состыкуются между собой, доказать пока никому не удалось.

В американских, немецких и британских государственных архивах хранятся *только копии* «секретного протокола». Наличие оригинала протокола в советских архивах также отрицалось вплоть до октября 1992 г.

В конечном итоге, такая «многовариантность» стала источником многих несостыковок – как содержательного плана, так и с точки зрения дипломатического делопроизводства. Так, часть фразы в п. 3 «секретного протокола» в одном источнике звучит «касательно юго-востока Евро- пы...»⁴, в другом – «касательно юго-восточной Европы...»⁵. Если в описательных жанрах (статья, монография и т. д.) такое свободное пользование терминологией допустимо (хотя «юго-восток Ев- ропы» и «юго-восточная Европа» как термины не только географические, но и геополитические во

¹ II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 379.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Катень. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М.: 1999. С. 58.

⁵ См.: *Широкопад А.Б.* Тайная история России. История, которую мы не знали. М.: 2007. С. 438.

многим совпадают, но в ряде случаев имеют и свои нюансы), то в официальных договорных документах недопустимо даже малейшее техническое или оформительское отклонение от оригинала, не говоря уже о содержательной стороне. Вещь банальная, но о ней приходится напоминать.

К числу несостыковок относятся также: подпись В. Молотова латиницей на некоторых версиях «секретного протокола»; употребление в хранящемся в архиве Президента РФ тексте его «подлинника» словосочетания «обеими сторонами», а в фотокопии «секретного протокола» на русском языке из Политического архива МИД ФРГ – троекратно словосочетания «обоими сторонами»; наименование в зарубежных изданиях (прежде всего США) дипломатического документа, каким является Договор о ненападении, тремя разными терминами – Treaty, Pact, Agreement; пропуск в госдеповской версии текста Договора статьи IV, а в преамбуле «секретного протокола» – целого абзаца; признание некоторыми исследователями (в том числе и А. Яковлевым) разграничительной карты с автографами И. Сталина и И. Риббентропа в качестве составной и неотъемлемой части «пакта Молотова–Риббентропа» от 23 августа 1939 г., в то время как она являлась приложением к Договору о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 г. Если же в качестве первоисточника предлагается использовать (как это делают некоторые польские исследователи) лондонское издание «Дневников и карт» бывшего заместителя министра иностранных дел Польши Я. Шембека, умершего в ноябре 1945 г., т. е. до публичного объявления о наличии «секретного протокола», то в данном случае комментарии вообще не нужны.

А теперь о версиях самого существования «секретного протокола». Хотя утечка информации на этот счёт произошла на следующий день после подписания документов (утром 24 августа немецкий дипломат Ганс фон Херварт рассказал об этом своему американскому коллеге Чарльзу Болену), это, тем не менее, не стало резонансным событием. Таким оно оставалось и до начала войны. Позже ввиду того, что после осуществления гитлеровской агрессии против СССР указанные документы потеряли юридическую силу, возвращаться к ним в любой форме необходимости не было. Новой страницей в этой истории стало обнаружение советскими солдатами в 1945 г. немецкого оригинала текста «Секретного дополнительного протокола» и отправка его в Москву. Копия этого документа на микрофильме была передана в документальный архив МИД Германии, а в мае 1945 г., благодаря служащему германского МИД Карлу фон Лёшу, она при невыясненных обстоятельствах оказалась в руках военнослужащих оккупационных войск Великобритании, которые в свою очередь поделились этой находкой с американскими союзниками, после чего и произошла утечка информации в американскую прессу. В Лондоне была осуществлена «обработка» материалов и для Черчилля составлен специальный доклад. Вскоре позитивы микрофильмов оказались в Национальном архиве США, а негативы были возвращены в МИД ФРГ. Впервые публично версия о существовании «секретного протокола» была озвучена на Нюрнбергском процессе, когда защитник Гесса Зейдль попытался использовать добытую им (как позже он признался, от американской разведки) «копию с фотокопии» для защиты нацистских преступников. (Суд отклонил эту просьбу.)

Нагромождение в «секретном протоколе» таких дублирующих друг друга элементов, как указание в заголовке о «секретности» документа, подчёркивание «строгой конфиденциальности» в преамбуле, ещё одно упоминание о секретности в ст. 4 («Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в секрете...»), в сочетании с отсутствием в нём обязательных для таких случаев данных, о том, в скольких экземплярах и на каких языках он изготовлен, одинаковы ли эти экземпляры по своей силе, когда он вступает в силу, почему он не только «секретный», но и «дополнительный», говорит о том, что такое «творение» не могло появиться из-под пера дипломата-профессионала, знающего все тонкости этого жанра международно-правовых документов, в том числе и так называемые атрибутивные тонкости, являющиеся фирменным знаком внешнеполитического ведомства.

После этого западная пресса неоднократно публиковала то, что она именovala полным текстом этого «документа», снабжая его «фотокопиями». Две из них можно увидеть в книге Ж. Бувье и Ж. Гакон «Правда о 1939 годе»¹.

23 мая 1946 г. упоминавшийся выше Зейдль опубликовал «копию» протокола в газете «Сан-Луи пост диспетч», которая, впрочем, осталась незамеченной. А в 1948 г. этот документ появился в изданной Госдепартаментом США книге «Нацистско-советские отношения. 1939–1941 годы». На публикацию этого сборника Совинформбюро ответило книгой «Фальсификаторы истории», в которой не только в категорической форме отрицался факт существования «секретного протокола», но и содержались контрбвинения странам Запада за связь английских и американских финансовых кругов с фашистской Германией в 1930-е гг. Молотов до самой смерти отрицал существование секретного протокола. Повышенный интерес к нему по чисто политиче-

¹ Бувье Ж., Гакон Ж. Правда о 1939 годе. М.: 1955. С. 147.

ским соображениям возрос во время горбачевской «перестройки», когда впервые в СССР был опубликован текст «секретного протокола» (по немецкому микрофильму)¹. Вскоре же обнаружилось, что многие авторы говорят о разных вариантах копий протокола. К сожалению, до конца не прояснил эту часть проблемы и Д. Волкогонов, получивший после рассекречивания архивов Политбюро возможность пользоваться ранее неизвестными документами².

Самое простое доказательство того, что в таких случаях речь шла, прежде всего, о подделке, заключается в том, что псевдоподпись Молотова в конце упомянутого «секретного протокола» состоит из латинских букв. Более того, подделыватели плохо согласовали свои действия. Под одной и той же фальшивкой, опубликованной в двух разных средствах массовой информации, они поставили *разные* латинские подписи! Сравним, например, фальшивку, опубликованную в газете «Каррефур»³ и фальшивку некоего Росси-Таска⁴.

Как видим, французские «мастера»-фальсификаторы сработали довольно примитивно, представляя свою подделку западным читателям, не умеющим читать по-русски. Новые российские «умельцы» постарались больше – в их версии «документа» подпись Молотова была представлена на русском языке. И сразу же возникает вопрос, как этой злосчастной подписи удалось так измениться за почти пятьдесят лет?!

Весьма интересные наблюдения на этот счёт можно найти в специальном исследовании этой проблемы Ю. Мухина⁵. Он обратил внимание на то, что когда пишутся секретные документы, то тот, кто их пишет, знает, что документ секретный, поэтому начинает его писать с того, что в правом верхнем углу ещё чистого листа бумаги пишет гриф секретности, к примеру: «Для служебного пользования» или «Совершенно секретно». После этого он начинает писать название документа, и ему нет никакой необходимости упоминать в названии слово «секретный». Поэтому, считает Ю. Мухин, можно просмотреть горы подлинных документов, но ни в одном не найти упоминания секретности в названии, кроме той версии, которую Горбачев–Яковлев явили Съезду народных депутатов СССР под видом протокола к Договору, который однако был «не окончательным» (так как не учитывал «Разъяснения» от 28 августа 1939 г.).

Исследователь обращает внимание и на то, что если до 1993 г. во всех сборниках документов текст «секретного протокола» фигурировал как «машинописная копия»⁶, то в сборнике документов по катыньскому делу («Катынь. Пленники необъявленной войны») он уже фигурирует как подлинник со ссылкой на Архив Президента и на... «Документы внешней политики. 1939 г.» (Т. XXII. Кн. 1. С. 632)⁷. Что касается второго источника, то в нём подлинник так и не был опубликован, поскольку в примечании к тексту сообщается: «Печат. по сохранившейся машинописной копии АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2». (Вот и ищи правду!)

Удивительно, но много атрибутивных «художеств» содержится и в «секретных дополнительных протоколах» к подписанному 28 сентября 1939 г. в Москве советско-германскому Договору о дружбе и границе: в одном случае Риббентроп подписывал «за Германское правительство», в другом – за Правительство Германии», дата «рождения» «дополнительного протокола» размещена на листе правильно, т. е. перед подписями Молотова и Риббентропа, а «доверительного протокола» неправильно, т. е. после их фамилий, причём с отличиями (под фамилией Молотова стоит «28 сентября 1939 года», а под фамилией Риббентропа «28.IX.39»), не указано количество составленных оригиналов, на каком они языке, характер их юридической силы. Не говоря уже о наличии в них не свойственного этому жанру публицистического заключительного пункта: «Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза». Но это же не стиль протокола, а стиль его изложения. Вместо этого должны быть формулировки типа: «обе стороны признали также, что...» или «обе стороны так же констатировали, что...».

И ещё один вопрос: выполнить положения протокола абсолютно невозможно. Например, без разъяснения понятия «сфера интересов», протокол становится беспредметным. Из текста совершенно не ясно, в чью сферу интересов входит Литва, а в чью – Латвия, Эстония и Финляндия. Понятно, что, не оговорив этого специально, Сталин и Гитлер не могли выработать какие-либо соглашения. Конечно, Литва вошла в сферу интересов Германии, в первую очередь потому, что имела общую границу с Восточной Пруссией. Однако, как только Договор о ненападении был подписан и сферы интересов определены, Германия сообщила Литве дату нападения на Польшу и потребовала от неё заключения с нею военного союза, т. е. Германия строила с Литвой отношения как с суверенной страной.

¹ См.: «Вопросы истории». 1989. № 6.

² «Новая и новейшая история». 1993. № 1.

³ См.: «Carrefour», 1948, 4 fevrier.

⁴ Maria R. // «La revue France–URSS». 1948, avril, № 32.

⁵ Мухин Ю. Антироссийская подлость» М.: 2003. С. 129.

⁶ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М.: 1999. Т. 2. С. 321.

⁷ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М.: 1999. С. 58.

Наконец, вопрос, касающийся Польши. Советско-германский Договор о ненападении украшен ещё одним ярлыком – он представляется как «сговор о нападении на Польшу и о ее разделе». Однако в тексте Договора нет взаимных обязательств насильно или по их согласию переустроить упомянутые в нём государства. Об этом СССР и Германия не договаривались. Нет в нём и обязательств СССР напасть на Польшу, либо помочь тому, кто на неё нападёт, либо потребовать от Польши себе (или Германии) какой-либо территории Польши. Раздел сфер интересов – это не раздел стран и не договорённость о захвате стран.

Сегодня многие авторы утверждают, что «пакт Молотова–Риббентропа» это сговор о разделе мира и оккупации суверенных стран, но из текста этого Договора следует, что не только ни о какой оккупации, но даже и о занятии части территории или о военных базах вообще не упоминалось. Речь шла о запрещении ввода войск договаривающихся сторон в сферу своих интересов (случай с Литвой) и (это важно отметить!) *только о запрещении пропаганды в сфере своих интересов*, а также о преимуществах в торговле. Начиная войну с Польшей, даже немцы под сферой своих интересов совершенно не предполагали ликвидации Польши как государства. Речь шла об отъёме присоединённых к Польше немецких территорий и о создании в Польше вассального правительства.

«Секретный протокол» – порождение политики тайных закулисных сговоров. И проще всего было бы всё, что связано с развязыванием Второй мировой войны, списать на двух диктаторов. Протокол – лишь одна из граней многоаспектной игры, которую вели в то время руководители многих европейских государств. Это было своеобразное состязание по принципу: кто кого перехитрит. Поэтому для открытой дипломатии декларировались вещи положительные, а в секретном лавировании – прямо противоположные, со знаком минус. За примерами далеко ходить не надо. В 1933 г. Великобритания и Франция подписали с гитлеровской Германией и фашистской Италией так называемый «Пакт четырех», гласно названный документом «о согласии и сотрудничестве» между странами-подписантами, а в практическом плане направленный на изоляцию СССР на международной арене, а также на подмену Лиги наций и взятие в свои руки решения важнейших международных вопросов. Результатом преступного сговора Гитлера и Муссолини стало заключение 22 мая 1939 г. (т. е. за три месяца до подписания советско-германского Договора о ненападении) германо-итальянского так называемого «Стального пакта», ставшего важным этапом военно-дипломатической подготовки Второй мировой войны. Англия и Франция в августовских 1939 г. официальных переговорах с СССР по поводу заключения англо-франко-советского соглашения по военным вопросам в открытой дипломатии постоянно декларировали свою готовность положительно решить этот вопрос, а в закрытом режиме твёрдо договорились это не делать.

В хитросплетениях официальной и «закрытой», закулисной европейской дипломатии в числе важнейших факторов был польско-германский «сюжет». Отношения будущей «жертвы» и агрессора строились полюбовно. Польша была первой страной, которая 26 января 1934 г. подписала с Гитлером серьёзный внешнеполитический документ (Пакт о ненападении сроком на 10 лет). Затем последовало множество двусторонних актов, имевших, кстати, общую черту – обсуждение совместных действий против Москвы. Дух особого «союзнчества» между Варшавой и Берлином проявился при совместном разделе Чехословакии, в результате чего Тешинский район был присоединён к Польше. Об «окончательном установлении добрососедских отношений обеих сторон» было заявлено польским и германским министрами иностранных дел во время визита Риббентропа в Варшаву в январе 1939 г. А Гитлер в выступлении в Берлине 30 января 1939 г. назвал совместные германо-польские действия по разделу Чехословакии «решающим фактором политической жизни Европы».

28 декабря 1938 г. посланник Польши в Ираке Я. Каршо-Седлевский в беседе с советником посольства Германии в Польше Р. Шелли так изложил позицию Варшавы в польско-германских отношениях, которые к тому времени имели некоторые сбои: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определено стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Западе и политические цели Польши на Востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения»¹.

Польша отказалась от эффективного взаимодействия с СССР в системе коллективной безопасности, она заняла позицию, исключающую возможность заключения военного соглашения между СССР, Великобританией и Францией. Варшава ещё в 1935 г. и 1937 г. во время визи-

¹ Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М.: 1990. Т. 1. С. 162.

та в Польшу Геринга поддержала требования Германии о снятии ограничений на вооружение и идею аншлюса Австрии, т. е. её вхождения в состав Третьего рейха. В свою очередь Берлин не возражал против оккупации поляками части Литвы, и в ночь с 16 на 17 марта 1938 г. последовал польский ультиматум с требованием восстановить прерванные после захвата поляками Виленской области (1920) дипломатические отношения. Всё это сопровождалось жёстким требованием срочно (в течение 48 часов) дать согласие и осуществить аккредитацию дипломатов. В случае отказа Варшава угрожала применить силу. Предотвратить же такое развитие событий помогло немедленное предупреждение советского посла в Польше. Кстати, дипломатические шаги Москвы отрезвляюще подействовали и в другой ситуации, когда литовское руководство в сентябре 1939 г., сосредоточив войска на польской границе, намеревалось вместе с немцами принять участие в войне против Речи Посполитой.

Уже давно не является секретом и то, что в большом торге за «данцигский коридор» (т. е. возврат Германии Данцига, обладавшего после Первой мировой войны статусом «вольного города») Гитлер обещал солидную компенсацию – часть территории Советской Украины¹. Об умонастроениях польской верхушки тех лет профессор Исторического института Варшавского университета П. Вечоркевич в своём интервью 28 сентября 2005 г. газете «Rzeczpospolita» (официальный орган Польской республики) заявил, что Польша могла бы «найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучше, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы (маршал, главнокомандующий польской армией в 1939 г. – *Авт.*) принимали бы парад победоносных польско-германских войск»².

Рассекреченные 1 сентября 2009 г. Службой внешней разведки России документы свидетельствуют о том, что в канун Второй мировой войны Польша пыталась принять участие в расчленении и уничтожении СССР. Маршал Рыдз-Смиглы в ходе одной из бесед полностью солидаризировался со словами Геринга о том, что «опасен не только большевизм, но и Россия как таковая» и что в «этом смысле интересы Польши и Германии совпадают». «Уничтожение всякой России» – такова конечная цель польской политики, сформулированная в выпущенной в августе 1937 г. польским Генштабом директивы № 2304/2/37. В качестве же одного из действенных инструментов достижения данной цели названо разжигание сепаратизма на Кавказе, в Украине, Средней Азии, для чего в структуре польского Генерального штаба было создано специальное подразделение по работе с национальными меньшинствами на территории СССР. А созданная польскими спецслужбами организация «Прометей» со штаб-квартирой в Париже должна была отвечать за дестабилизацию обстановки в Поволжье и на Кавказе. Проводившаяся «работа» включала целый набор средств – от субсидирования сепаратистских движений до подрывной деятельности.

В этом контексте весьма показательны высказывания Гитлера в ходе его встречи с польским министром иностранных дел Ю. Бекком 5 января 1939 г. «При всех обстоятельствах, – отметил фюрер, – Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России... и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций»³. Фюрер пытался также убедить собеседника в том, что Германия не имеет каких-либо намерений относительно Украины и что «в этом отношении Польша ни в малейшей степени не должна опасаться Германии»⁴. В свою очередь Бек заверил Гитлера, что «Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики»⁵. Касаясь Украины, Бек напомнил слова Пилсудского о «балканизации Центральной Европы», а затем, между прочим, заметил, что, по его мнению, «население так называемой Карпатской Украины – русины – не имеют ничего общего с населением собственно Украины»⁶. Закончил же Бек рассуждения об Украине так: «"Украина" – это польское слово и означает "восточные пограничные земли". Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий означали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра»⁷. Столь прозрачные намеки Гитлер счёл необходимым не комментировать.

Тема Украины получила своё продолжение и в состоявшейся 6 января 1939 г. встрече Бека с Риббентропом, на которой польскому собеседнику было чётко сформулировано положение о необходимости сотрудничества Германии и Польши «во всех отношениях... в украинском вопросе». При этом Риббентроп заявил: «При общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами (т. е. Германией. – *Авт.*) можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рас-

¹ Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск: 1994. С. 217.

² Цит. по: Стариков Н.В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? Роковая ошибка Гитлера. СПб: 2009. С. 239.

³ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М.: 1990. Т. 1. С. 168.

⁴ См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. С. 169.

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

смотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы»¹. На заданный же Риббентропом вопрос: «Не отказались ли они (т. е. поляки. – *Авт.*) от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, т. е. от претензий на Украину?», Бек, улыбаясь, ответил, что «они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»². В ходе ответного визита Риббентропа в Польшу Бек заявил ему, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю», на что немецкий гость ответил замечанием о «пассивном характере» позиции Бека и пожелал ему выступить против Советского Союза в пропагандистском плане и «присоединиться к антикоминтерновскому пакту»³.

Анализ политической обстановки в Европе, предшествовавшей советско-германским договорённостям августа 1939 г., показывает, что в планируемой агрессии Гитлера против СССР наряду с Польшей (в разных вариантах – либо в качестве союзника Германии, либо лояльного рейху польского тыла, либо силой подчинённой Польши) особая роль отводилась Прибалтике. Вот документально подтверждённые факты: активизация в это время военных спецслужб рейха в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии; заявление 16 марта 1939 г., высказанное в требовательной форме посланнику Латвии в Берлине, о том, что его страна должна следовать за Берлином и тогда «немцы не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера»; план захвата Литвы в соответствии с утверждённой 11 апреля 1939 г. операцией «Вайс» после нападения на Польшу; установка Гитлера решить и «прибалтийскую проблему», которую он сформулировал в выступлении перед генералитетом в мае 1939 г.

Что же касается советско-германского Договора о ненападении, то Гитлер, по свидетельству уже упоминавшегося адъютанта, рассматривал его «как своеобразный брак по расчету». Он видел «в соглашении со Сталиным шанс исключить Англию из конфликта с Польшей»⁴. Получили документальное подтверждение и данные о том, что с весны 1939 г. по май 1941 г. правящие круги Англии готовили сговор с Гитлером за счёт СССР, и это одновременно с обещаниями Лондона Москве заключить трёхстороннее англо-франко-советское соглашение по военным вопросам. Причём, в налаживании таких контактов в переговорах с нацистами, как свидетельствуют многие достоверные источники⁵, принимали участие не только лорды, но и члены королевской династии через своих родственников в Германии – принцев Вольфганга и Филиппа Гессенских (последний из которых входил в руководство рейха и имел членский билет нацистской партии за № 53). (Существенный момент – ныне правящая в Англии королевская династия генетически восходит к германской Ганноверской династии и по политическим соображениям с Ганноверской была переименована в Виндзорскую – по месту расположения королевского дворца.) Когда же в 1946 г. началось рассекречивание германских архивов, король Георг VI поручил одному из руководителей разведки МИ-5 Э. Бланту деликатную миссию – в числе других документов германских архивов, компрометирующих Виндзорскую династию, изъять и архив герцогов Гессенских. Э. Бланту (агент Джонсон) удалось изъять все компрометирующие документы. О блестяще выполненной операции он лично доложил королю и получил от него высокую оценку. Добытые документы срочно были засекречены и легли в закрытые британские архивы. И хотя по британским законам они должны были быть рассекречены через 30 лет, правительство не осуществило это. Мотив – рассекречивание не отвечает национальным интересам Англии.

В 1960-е гг. британской контрразведке стало известно, что выполнявший поручение короля агент «Джонсон» (он же «Янг», он же «Тони») – это не кто иной, как Э. Блант, троюродный брат Елизаветы II, ставший со временем советником королевы. Но стало известно и другое – он «стучал» и в Москву, поэтому на следующий день после того, как «Джонсон», реализовав поручение короля, докладывал ему о выполнении особой миссии, Лаврентий Берия с большим удовольствием знакомился с донесением британского агента.

Нам же сегодня остаётся надеяться, что когда-нибудь в будущем секретные «виндзорские протоколы» наконец-то будут раскрыты (а, может быть, и некоторые наши отечественные) и всплывут новые любопытные сюжеты как на тему германо-британской закулисной игры в предвоенные годы, так и закулисной жизни советско-германского «секретного протокола». Когда же это произойдёт – вряд ли кто-то может определённо сказать сегодня. Ведь до сих пор не преда-

¹ Там же. С. 176.

² Там же.

³ Там же. С. 195.

⁴ Белов Н фон. Из воспоминаний адъютанта Гитлера // 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М.: 1990. С. 21.

⁵ Широкоград А.Б. Тайная история России. История, которую мы не знаем. М.: 2008. С. 436–437.

ны гласности, например, секретные статьи Тильзитского мира 1807 г. То же самое можно сказать и о секретном Договоре между США и СССР начала 1990-х гг., по которому наша армия и флот были лишены тактического ядерного оружия. Такова уж реальность внешней политики – она нередко говорит Правде: «Не спеши с преданием себя гласности», время, мол, не наступило (а точнее – кто-то этого не хочет, так как этому «кому-то» такая гласность невыгодна).

Таким образом, перенасыщенную различными приключениями и перипетиями историю «секретного протокола», в отличие от советско-германского Договора о ненападении, нет никаких оснований считать до конца прояснённой. Крайне важно его политические, правовые и моральные оценки привести в строгое соответствие с достоверной историко-правовой и архивно-документальной базой, включая, прежде всего, определение юридического статуса этого документа. Не менее важны дополнительные усилия государственных архивных структур и внешнеполитического ведомства по дальнейшему осуществлению поиска документов, касающихся анализируемой нами проблемы. Особую пользу могла бы принести организованная на государственном уровне (внешнеполитическое ведомство, Федеральное собрание) для широкой общественности презентация всех реально существующих документов-оригиналов на эту тему.

НАРДЕПОВСКИЙ ВЕРДИКТ

Зададимся вопросом: почему в условиях острейшего экономического и политического кризиса, заполыхавших внутри- и межэтнических конфликтов в стране Съезд народных депутатов СССР, который по Конституции стал высшим органом власти и многое мог бы сделать для разрешения названных проблем, вдруг первым делом занялся осуждением так называемого «пакта Молотова–Риббентропа», с началом Великой Отечественной войны потерявшего свою юридическую силу, а по своей «скандальности» не отличавшегося от многих других подобных документов (тот же Брестский мир 1918 г.)? Почему, если уж у инициаторов этой акции появилось столь страстное желание заняться установлением исторической справедливости, они избрали именно этот Договор, а не обратились к другим договорным актам, например, к Рижскому мирному договору 1921 г., по которому Польша захватила Западную Украину и Западную Белоруссию (после польско-советской войны 1920 г.)? Кто и для чего превратил принадлежащий истории факт в злободневнейшую проблему для нового органа власти страны, а для всего общества – в мощнейшую пропагандистско-информационную бомбу?

Иницированное депутатами прибалтийских республик слушание на Съезде народных депутатов СССР вопроса «О политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 г.» – свидетельство того, как в котле горбачевского «перестроечного» политического чернобыля «правдоискательство» вокруг острых и сложных проблем истории направлялось на раскручивание центробежных сил в обществе, развитие сепаратистских устремлений определённых политических сил и наращивание агрессивного национализма. Истина в таких условиях обрастала искажающими её красками политической агрессивности (при декларировании демократических лозунгов), национально-этнической нетерпимости, полуправды и лжи. Образно выражаясь, на Съезде народных депутатов Правда и неправда, Честность и лицемерие, истинная политическая активность и политиканство столкнулись между собой как бы лицом к лицу. Вот в этом контексте и пойдёт разговор о возникших на Съезде нардепов перипетиях вокруг советско-германского Договора о ненападении. И с самого начала надо отметить, что в политическом руководстве страны по ключевому вопросу о «секретном протоколе» к Договору единства не существовало. Первоначально большая часть членов ПБ вместе с генсеком считали: коль нет оригинала протокола, с правовой точки зрения не может быть и речи о его пересмотре, так как в чисто юридическом плане нельзя отменить то, чего нет. Другой точки зрения придерживался Яковлев: для переоценки «секретного протокола» достаточно представить на суд его копии, о которых так много говорилось, начиная ещё с 1946 г. Вот в этих условиях проблема «секретного протокола» и «замкнулась» непосредственно на Яковлеве, который на I Съезде народных депутатов СССР возглавил специальную депутатскую комиссию, созданную по предложению депутата от Эстонии – академика Липпмаа. Состояла же она преимущественно из представителей Прибалтики, причём наиболее радикально настроенных национал-сепаратистов.

Комиссия выработала проекты документов, в том числе и заявления Съезда народных депутатов. Но, увы, сначала эти суммированные предложения попали не в Верховный Совет, и тем более не на Съезд народных депутатов, как должно было бы быть, а... в Политбюро. Подписанные 22 июля 1989 г. А. Яковлевым и завизированные В. Фалиным (тогдашним заведующим международным отделом ЦК КПСС) с пометкой общего отдела «Секретно» (№ 822) эти документы были разосланы, как значилось на титульном листе, «членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС». Так, история с «секретным протоколом» приобрела новый виток закулисной игры – теперь уже между Политбюро ЦК КПСС и Съездом народных депутатов.

О чём же писал в ПБ Яковлев? Как участник этого заседания¹ привожу весьма показательные, на мой взгляд, высказывания Яковлева по сохранившемуся в моём личном архиве тексту его письменных предложений, накануне розданных всем участникам (основные положения этих документов изложены в опубликованных нами политических мемуарах)². Скажу прямо: на меня формулировки А. Яковлева произвели впечатление виртуозного балансирования по принципу «и нашим, и вашим», но с чётко просматривавшимся настроением «не обижать» прибалтов. Руководящему органу партии он даже жаловался на неуступчивость народных депутатов: «Они, в том числе члены КПСС, действуют в основном с позиции народных фронтов. Негативное отношение к договорам 1939 г. было частью их предвыборной платформы». Для придания твёрдости своей «партийной позиции» в борьбе с «агрессивными прибалтами» А. Яковлев обстоятельно информировал ПБ о достигнутых «победах»: удалось, мол, отвести радикальные требования Ю. Афанасьева, И. Грязина, В. Кулиша, не допустить осуждения «секретного протокола» как «сговора с фашизмом» с переносом этого же осуждения на всю внешнюю политику СССР в Восточной Европе, на советское отношение к «правам на самоопределение и исторический выбор народов этого региона», не допустить объявления Советского Союза «соучастником развязывания Второй мировой войны, ответственным за изменение соотношения сил в Европе в пользу нацистской Германии» (проект эстонских депутатов от 9 июля, проекты Ю. Афанасьева), а также обвинения СССР в превращении Эстонии, Латвии и Литвы в «военные протектораты» (проект Э. Липпмаа, Х. Линдпере) и др. Указывал А. Яковлев и на «неконструктивное поведение» депутатов от Эстонии, Латвии, Литвы и Молдавии, на то, что их предложения шли «в одном направлении» и отличались «крайностью суждений». Высказал он и горькое сожаление по поводу того, что этим депутатам ассистировали такие члены Комиссии, как киргизский писатель Ч.Т. Айтматов и заведующая кафедрой Ереванского университета Л.Л. Арутюнян.

Также Яковлев сообщил в Политбюро следующее: «В проекте Ю.Н. Афанасьева утверждалось, что советское руководство "приняло империалистический принцип разделения сфер влияния", решало судьбы других государств помимо их воли». Он посетовал, что «секретный протокол» именовался не иначе, как «преступно несправедливый» и квалифицировался как «основа последующих аннексий, изменения статуса и границ государств». А. Яковлев обратил внимание на то, что в проекте открыто или в подтексте проводилась мысль, что Сталин «акцептировал ставку Гитлера на войну и сделал Советский Союз соучастником нацизма в развязывании мирового конфликта», что у СССР не было причин заключать с Германией Договор о ненападении, что имелись, якобы, другие альтернативные варианты. И, как бы суммируя позицию прибалтов, отметил: «Из приведенных и сходных посылок делался вывод о необходимости признания "договора" и приложенного "секретного протокола" ничтожными и недействительными с самого начала», а "присоединение к СССР трех балтийских государств – к настоящему времени незаконным"».

Всем этим Яковлев пытался создать впечатление объективности, а, следовательно, и продуктивности проделанной работы. Но главный вопрос – где же оригинал «секретного протокола» – из-за чего, собственно говоря, и разгорелись баталии, так и оставался открытым: документ не найден, несмотря на потраченные огромные усилия по его розыску. И как же поступить в этом случае? «Хотя подлинник протокола не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах, по мнению Комиссии, следует признать доказанной достоверность текста сохранившейся копии», – этим выводом Яковлев собственно продекларировал то, что он утверждал ещё до создания Комиссии. А потом он излил на членов ПБ целый каскад «компромиссных» формулировок. «Конечно, – отметил он, – предлагаемый проект содержит элемент компромисса. Его публикация при желании может быть использована как предлог для полемики и деструктивных действий». Зато, по его мнению, «обнародование» «приведет к расслоению кругов, выступающих с критических и нигилистических позиций, облегчит налаживание и развертывание диалога со значительной частью общественного мнения».

И дальше «автор компромисса» задавал интереснейший вопрос: «Есть ли альтернатива?». Правда, не ясно было, кому этот вопрос адресовался: ему самому или членам ПБ? «Можно, – продолжал он, – доложить депутатам, что члены Комиссии не пришли к согласованным оценкам и что ее председатель не в состоянии высказать Съезду соответствующих рекомендаций. В этом случае на трибуне Съезда или Верховного Совета перед всей страной повторятся дебаты, которые до сих

¹ В соответствии с установленным тогда порядком заведующий Идеологическим отделом ЦК КПСС, которым я в то время являлся, был участником всех заседаний Политбюро ЦК КПСС (не говоря уже о секретариатах ЦК) – плановых и внеочередных, «открытых» и «закрытых».

² См.: Капто А.С. На перекрестках жизни. М.: 2003. С. 381–388.

пор удавалось локализовать рамками Комиссии». Утверждение более чем странное, хотя бы потому, что к этому времени политическая конфронтация по этому вопросу давно уже вышла за пределы зала заседаний Съезда и будоражила общественное мнение всей страны.

В самой же Прибалтике в это время «народные фронты» логикой противоборства были повернуты против Советского Союза как многонационального государства, они консолидировались с силами, выступавшими за немедленный референдум по вопросу о выходе Эстонии, Латвии и Литвы из состава СССР.

Исходя из всего этого, Яковлев и внёс предложение: «Сопоставляя плюсы и минусы каждой из альтернатив, предпочтительным представляется вариант с опубликованием заявления от имени всех или большинства членов Комиссии». Причём, для «одобрения» в ПБ был внесён не только документ «От Комиссии Съезда народных депутатов по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении 1939 г.», но и сообщение для печати «В комиссии Съезда народных депутатов». Всё это было сделано в духе застойных брежневских времён, хотя в политическом календаре к тому времени появились даже сроки отмены шестой статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС). На мой взгляд, таким шагом была продемонстрирована, по меньшей мере, беспардонная некорректность по отношению к Съезду народных депутатов, который создал Комиссию и ожидал от неё истины.

К тому же, весь трагизм ситуации состоял в том, что до I Съезда народных депутатов СССР, где так остро был поставлен вопрос о «секретном протоколе», ПБ проявило просто поразительную политическую несостоятельность. Получая с 1987 г. постоянные просьбы от Войцеха Ярузельского прояснить проблему «секретного протокола» и «дело Катыни» и будучи информировано о фактах обострения ситуации вокруг «секретного протокола» не только внутри страны, но и в мировом сообществе, Политбюро не смогло решить эту проблему, а лишь «утопило» её в различных «поручениях», «комиссиях», «согласованиях» и «обменах мнениями». Поражала потрясающая неадекватность замедленных, как на киноплёнке, и расплывчато-неопределённых действий партийного руководства в ответ на бурный напор политического вулкана в обществе. Ведь от его чёткой позиции зависело, по крайней мере тогда, ещё очень многое.

Как же развивались события дальше? Приведём ещё одно положение из документов, направленных Яковлевым для «одобрения» Политбюро: «Можно было бы предпринять попытку внедрить в проект заключения Комиссии мысль о том, что *существующие в Европе территориальные реальности есть итог Второй мировой войны и, следовательно, они покоятся на других реальностях, нежели договоренности 1939 г. с Германией*. Если бы это удалось, приверженцы восстановления независимости трех республик были бы вынуждены менять свою тактику» (курсив наш. – Авт.). Вот здесь-то Яковлев и выскек сам себя. Ведь, оказывается, были альтернативы. Из всех одиннадцати с половиной страниц его записки эту последнюю фразу я считаю ключевой по ряду соображений.

Прежде всего, с правовой точки зрения, признание существования «секретного протокола» к Договору не имело никакого значения. Ведь, как было установлено, в том числе и в период работы Комиссии, этот протокол вообще не включался в процедуру ратификации Договора, и с чисто юридической точки зрения он не мог определять судьбу государства. Но и это не главное. Суть в том, что все договоры с Гитлером, т. е. Договор о ненападении, Договор о дружбе и границе и др., с началом войны утратили свою юридическую силу, что признано нормами международного права. Поэтому А. Яковлев всего лишь повторил аксиому о том, что послевоенное строительство Европы осуществлялось уже совершенно на другой основе – на международно-правовых нормах, зафиксированных в Уставе ООН и Заключительном акте общеевропейского совещания 1975 г.

К этому необходимо только добавить, что в основополагающих документах международно-правового характера, принимавшихся или подписанных мировыми державами в послевоенный период, безоговорочно признаются европейские границы СССР 1941 г.

И можно лишь поражаться, почему фундаментальные положения цивилизованного международного права не были поставлены во главу угла в решении проблем, связанных с советско-германским Договором о ненападении. Да удивляет и фраза: «Можно было бы предпринять попытку»... Почему «можно было бы», а не «надо»? И, наконец, кто же мешал её предпринять?

Позволительно ли так произвольно обращаться с правовыми основами в международных отношениях? И что было бы, если бы в данном случае восторжествовал не идеологизированный подход, а правовой? На этот вопрос чётко ответил сам Яковлев: «Приверженцы восстановления "независимости" трех республик были бы вынуждены менять свою тактику». Но развитие событий пошло по другому сценарию – по тому, который разрабатывался Яковлевым совместно с прибалтийскими депутатами, об агрессивности и деструктивности которых с такими подробностями он же сам и информировал членов Политбюро в документе под грифом «Секретно».

Дело закончилось тем, что тема эта «изучалась» ещё полгода, а страсти, особенно в Прибалтике так накалились, что общественное мнение оказалось просто неспособным воспринимать малейшие контраргументы. Всё это вылилось в одну из крупнейших идеологических акций «перестроечно-

го» периода, когда политика проволочек и нежелания вовремя установить истину создали неограниченные возможности для разгула политических страстей и постоянного взвинчивания противоборства внутри общества. Сколько было потеряно времени и сколько копий сломано в идеологических баталиях! Сколько противоречивой и лживой информации вылилось на мозги не только прибалтов, но и украинцев, и молдаван, которых эта проблема тоже затрагивала не косвенно, а напрямую!

Напомню читателю, что уже на I Съезде народных депутатов прозвучало категорическое требование (прежде всего прибалтов) разобраться, наконец, в истории с «секретным протоколом» к очередной годовщине подписания Договора о ненападении, т. е. до 23 августа 1989 г. И требование это сопровождалось не только грозными резолюциями, но даже и голодовками. Однако работа комиссии во главе с А. Яковлевым больше напоминала затянувшееся заседание учёного совета, чем адекватную акцию в ответ на стремительно накаляющуюся политическую атмосферу вокруг этой проблемы. «Проволочка» была расценена как очередной сознательный уход Кремля от ответа на вопрос по существу.

Последовала и конкретная реакция – проведение 23 августа 1989 г. широкомасштабной политической акции под названием «Путь Балтии» с требованием выхода Литвы из СССР, который вскоре и состоялся. Накануне этой акции Ландсбергис (член яковлевской комиссии) провёл своеобразную «идеологическую артподготовку», умело эксплуатируя имена М. Горбачева и А. Яковлева. 20 августа в газете «Вашингтон пост» он опубликовал статью под заголовком: «Манифест литовской свободы», в которой, в частности, говорилось: «Мы встречались с Президентом Михаилом Горбачевым и его помощником Александром Яковлевым. Они придерживались иных позиций по таким вопросам, как право Верховного Совета Литвы отменять советские законы и законность советского присутствия в Латвии. Но они не закрыли дискуссию. Горбачев дал понять, что он готов искать справедливые решения. Это непредубежденный человек, который не отвечает отказами, которых мы привыкли ожидать от советской системы».

Разумеется, утверждения о том, что придерживаясь «иных позиций», московские руководители, тем не менее, готовы «искать справедливые решения», равно как и рассуждения о горбачевской непредубежденности (в данном контексте) – ещё одно свидетельство политического дуализма Кремля по отношению к «прибалтийской проблеме». Такие суждения в сочетании с отсутствием ответа яковлевской комиссии послужили своеобразным стимулом для наращивания Ландсбергисом антикремлёвских настроений и проведения различных мероприятий, в частности, акции «Путь Балтии».

«Путь Балтии» включала в себя так называемую «живую цепочку» – когда шеренга людей, взявшись за руки, выстроилась вдоль автомагистрали Вильнюс–Рига–Таллинн, а также многоярусные митинги. В Литве она началась с манифестации, организованной в Вильнюсе Союзом независимости Литвы, в которой приняли участие четыре тысячи человек и присутствовали представители народных фронтов разных регионов страны.

Участники митингов несли транспаранты: «Горбачев, выведите Красную Армию из Литвы!», «Русские оккупанты, идите домой!», «Литовцы и поляки! Объединяйтесь в борьбе с общим врагом!». Выступавшие говорили об «оккупации» Литвы, призывали к выходу её из состава СССР и т. д. Среди ораторов было много представителей националистических организаций Латвии, Эстонии, Украины, Молдавии, Белоруссии, московского «демократического союза».

В тот же день «Саюдис» принял так называемое «заявление», адресованное «народам мира, правительствам государств и всем людям доброй воли». А лига Свободы Литвы и национальный союз «Молодая Литва» провели в ряде райцентров, а также в Вильнюсе и Паневежисе акцию по сдаче молодёжью военных билетов и призвали население республики отметить этот день голодовкой.

Упомянутая «живая цепочка» протяжённостью в 200 км брала своё начало в Вильнюсе у башни Гедиминаса. В 18.50 к её участникам обратился председатель Сейма «Саюдиса» Ландсбергис, призвавший митингующих ещё более решительно бороться за самостоятельность Литвы. Акция координировалась по республиканскому радио. Митинги состоялись по всей трассе, а также в городах Клайпеде, Шауляе, Кедяйняе, Радвилишкисе, Куршняяе. О массовости мероприятия говорят цифры: в нём приняли участие полмиллиона человек, для чего было задействовано 2 тысячи автобусов и до 30 тысяч личных автомобилей.

Подобным образом развивались и события в Латвии и Эстонии в строгой координации с Литвой. Если же учесть, что всё происходящее широко освещалось в печати, в том числе и зарубежной, а телевидение и радио осуществляли прямую передачу всех основных событий, не трудно представить, какой идеологический эффект был достигнут. После такой сокрушительной обработки сознания всего населения Прибалтики идеологам из Москвы здесь просто нечего бы-

ло делать. Лично я не могу припомнить за всё время моей политической и научной деятельности столь массовой по масштабу и мощной по содержательно-эмоциональному воздействию на людей идеологической акции.

Как же на это реагировала официальная Москва? Сразу скажу, ни подготовку «Пути Балтии», ни характер проведения этого мероприятия неожиданностью не назовёшь. Однако тогда сложилась своеобразная и даже комичная ситуация, которая едко комментировалась общественностью: как и в другие сложные моменты политической жизни страны, все ключевые фигуры руководства одновременно отсутствовали на своих рабочих местах. Кто – в связи с зарубежной поездкой, кто – находясь на отдыхе. Генсек на этот раз загорал в Форосе, а председатель съездовской комиссии по правовой и политической оценке советско-германского Договора о ненападении А. Яковлев укреплял своё здоровье на Валдае.

Когда генсек наконец увидел по телевидению сюжеты о происходящих событиях, он позвонил находившемуся «на хозяйстве» ЦК Слюнькову. Тот незамедлительно пригласил меня к себе и сказал: от генсека поступило срочное поручение – в связи со складывающейся политической обстановкой в Прибалтике подготовить проект заявления ЦК КПСС. «Срочное» означало сегодня, на чём секретарь ЦК сделал особый акцент. Подготовленный мною проект был отправлен через службы заведующего Общим отделом ЦК КП В.И. Болдина в Крым. Скоро последовал ответный звонок – формулировки категоричны, текст переделать. И опять «срочно». Подготовили новый вариант, отправили. Ответ – формулировки слабые. После этого вся «кухня» по подготовке заявления «варилась» уже на юге – у помощников генсека.

А вскоре средства массовой информации донесли текст заявления не только до сведения жителей Литвы, Латвии и Эстонии, а, как говорится, «до самых, до окраин». Многие прибалты, удивлённые тем, что документ подписан Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза, пытались даже уточнить, когда же именно члены ЦК собирались на своё заседание, ведь из той же Прибалтики на нём никто не присутствовал. Если же этот документ был рассмотрен на Политбюро, то и подпись должна была быть соответствующей. Наивные люди! Они и в мыслях не могли допустить того, что даже непосредственно отвечавшие за «прибалтийские дела» В. Медведев и А. Яковлев тоже узнали об этом заявлении только из газет, находясь далеко от Москвы. Когда Яковлев чуть позже, отвечая на вопросы корреспондентов, заявил, что он не принимал участия в подготовке этого документа, многие с недоверием отнеслись к его утверждению. А это была сущая правда. Заявление ЦК КПСС «Об общественно-политической обстановке в республиках Советской Прибалтики» было сочинено всего лишь помощниками генсека, находящимися рядом с ним на отдыхе.

Какова же была реакция прибалтов? «Саюдис» при участии семи народных депутатов СССР экстренно принял решение обратиться к Генеральному прокурору с протестом по поводу «антиконституционной деятельности аппарата ЦК КПСС», проведя одновременно сбор подписей под этим документом народных депутатов других регионов страны, а также возбудил судебный иск к редакции газеты «Правда» по поводу «тенденциозных» публикаций о положении в Литве. А через состоявших в нём коммунистов организовал проведение специальных собраний по осуждению заявления в партийных организациях республики и творческих союзах.

Позицию протеста заняли многие общественные организации Республики, в их числе ЦК КСМ Литвы, Союз женщин, некоторые национально-культурные общества. В средствах массовой информации развернулась кампания по дискредитации заявления. Принявшие участие в передаче литовского телевидения «Волна возрождения» 30 августа Ландсбергис, Чепайтис, Марцинкявичус и Жебрюнас не только резко осудили этот документ, но и пытались высмеять некоторые его положения, потребовав даже исключения его авторов из КПСС.

Мы вправе спросить: а что же происходило в это время с яковлевской комиссией? Так вот: её председатель сделал по сему случаю специальный доклад на Съезде народных депутатов... аж 23 декабря. В нём было много новых конкретных данных. Но по-прежнему прозвучало: оригинала «секретного протокола» нет!

Тогда встаёт вопрос: когда же взорвалась историческая «бомба» «секретного протокола»? Ведь до Съезда народных депутатов ни на каком официальном уровне – ни на конференциях лидеров антигитлеровской коалиции (Тегеран, Ялта, Потсдам), где определялось послевоенное мироустройство, ни в документах, в которых подводились итоги Второй мировой войны, ни в Заключительном акте общеевропейского совещания 1975 г., закрепившем нерушимость границ на европейском континенте, ни в двусторонних соглашениях СССР со многими странами, в том числе и с ФРГ и ГДР, проблема переоценки советско-германских договорённостей 1939 г. и тем более территориальной принадлежности Латвии, Литвы и Эстонии вообще не затрагивалась ни в какой форме.

Факт советско-германских договорённостей 1939 г. давно уже стал историей, а пребывание трёх прибалтийских республик в составе СССР официально воспринимался мировым сообществом как аксиома, как не подлежащая никакой ревизии реальность. Правда, в 1972 г. господин Штраус настоятельно предлагал парламенту ФРГ дать «новую оценку» Договору о ненападении

дении, однако это предложение было решительно отвергнуто. Мощным же импульсом создания широкомасштабного и долговременного идеологического мифа об «угнетении» прибалтийских народов стало принятие Сенатом и Палатой представителей США документа «Публичный закон 86–90. Резолюция о порабощенных народах», подписанного американским президентом Д. Эйзенхауэром. В этом документе народы прибалтийских республик, а также ряда других стран объявлялись «угнетёнными» Советским Союзом и в их «поддержку» провозглашалось ежегодно в каждую третью неделю июля проводить «Неделю порабощённых наций».

Такие ежегодные мероприятия с участием самых высоких должностных лиц США (президента, вице-президента, конгрессменов и т. д.) стали неотъемлемой частью идеологического противоборства в период «холодной войны». Однако они оставались чисто пропагандистскими (правда, при участии спецслужб США) вплоть до самой горбачевской «перестройки», под лозунгами которой деструктивные национал-сепаратистские силы развернули беспрецедентную борьбу по разрушению многонационального советского государства, беспрепятственно используя для этого, в том числе и законодательную власть в лице Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР и республиканских парламентов.

Последовавший за этим процесс изучения документов, подготовку соответствующих предложений для Съезда народных депутатов и, что крайне важно, подбор исполнителей и разработку процедур – всё это не назовёшь иначе как величайшей, глубоко продуманной политической многоходовкой с заранее прогнозируемым финалом. На наш взгляд, неопровержимыми являются такие аргументы.

Первое. Председатель Комиссии изначально занял весьма странную позицию, считая, что отсутствие оригинала «секретного протокола» не является препятствием для принятия Съездом народных депутатов осуждающего вердикта.

Второе. Состав съездовской Комиссии красноречиво говорил сам за себя: из 25 её членов 11 являлись депутатами от Прибалтики. Для них участие в работе Комиссии сводилось отнюдь не к «прояснению истины», а лишь к поиску «доказательств» для «осуждения» Съездом Москвы, что они открыто и демонстрировали. Ударную группу в составе съездовской Комиссии составили: В.В. Ландсбергис – профессор Вильнюсской консерватории, он же лидер литовского «Саюдиса», программным положением которого ставилась задача выхода Литвы из СССР; Ю.Н. Афанасьев – ректор Московского государственного историко-архивного института, он же один из пяти сопредседателей ельцинской межрегиональной депутатской группы, поделивший Съезд народных депутатов на «настоящих» демократов и «агрессивно-послушное большинство»; В.А. Коротич – главный редактор журнала «Огонек», один из самых рьяных проводников горбачевско-яковлевской версии гласности «без берегов»; М.Г. Вульфсон – старший преподаватель Академии художеств, назвавший в знак солидарности с А. Яковлевым его съездовский доклад «виртуозным»; академик из Таллина Э.Т. Липпмаа, по настоянию которого вопрос об осуждении пакта был включён в повестку дня Съезда, а затем создана и депутатская Комиссия.

Третье. Оттеснение, а точнее абсолютное недопущение к участию на всех этапах изучения данной проблемы Верховного Совета СССР и его Комитета по иностранным делам. (Тот факт, что Съезд народных депутатов как самый высший орган власти вправе принимать любое решение, отнюдь не означает «отключения» Комитета Верховного Совета по иностранным делам от вопросов, которые являются предметом его непосредственной компетенции).

Четвёртое. В сложившейся ситуации роль Министерства иностранных дел СССР сводилась лишь к выполнению отдельных поручений Комиссии, например, представлению справок и т. п. Следует признать, что отсутствие открыто объявленной Съезду народных депутатов (а не Комиссии с разными точками зрения её членов), всему обществу официальной точки зрения (в виде письменного документа) внешнеполитического ведомства по проблемам советско-германских договорённостей 1939 г., неучастие руководства МИДа в съездовской дискуссии по итогам работы Комиссии А. Яковлева, наконец, непринятие МИДом по итогам Съезда необходимых дипломатических, пропагандистских и разъяснительных мер (особенно в отношении нюансов, касающихся как самого Договора о ненападении, так и так называемого «секретного протокола») – это нонсенс, что не могло не сказаться на формировании одностороннего общественного мнения не в пользу национальных интересов страны. Мыслимо ли, что лицо, облечённое в должностном плане статусом Министра иностранных дел, а в политическом – члена Политбюро ЦК, не только отмалчивалось в ходе съездовской дискуссии по вопросу, который являлся предметом его служебной деятельности, но и вообще отсутствовало в зале заседаний при принятии Постановления Съезда.

Пятое. Дирижируемому Горбачевым президиуму Съезда при помощи процедурного маневрирования удалось добиться того, чтобы доклад Яковлева вообще на Съезде не обсуждался,

а сразу же принималось Постановление (хотя довольно часто Съезд тратил по полтора дня только на то, чтобы при утверждении повестки дня очередного заседания поменять местами последовательность пунктов обсуждения). Это вызвало настоящую сумятицу в зале заседаний: сложность и неоднозначность проблем, поднятых в докладе, неготовность многих участников заседания «сходу» профессионально в них разобраться, несовпадающие, а часто и противоположные их оценки различными политическими силами страны – всё это требовало вдумчивого и глубокого разговора. И настроения народных депутатов выплеснулись при принятии Постановления Съезда по обсуждаемой проблеме, когда они начали задавать председателю Комиссии уточняющие вопросы, а заодно и высказывать своё личное мнение.

Вот фрагменты съездовской стенограммы¹.

Депутат от Узбекистана А.К. Иргашев, задал председателю Комиссии такой вопрос: «Вы в проекте Постановления своей Комиссии пишете, что подлинный протокол не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. И в то же время в п. 7 проекта Постановления написано, что Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола». Является ли правильным писать, что Съезд осуждает несуществующий документ?».

Украинский историк, ветеран войны В.И. Клоков был «категорически не согласен» с теми положениями проекта, которые формулировались «без анализа сложившейся политической обстановки, вызвавшей все перипетии заключения Договора 1939 г.». Он увидел в этом «прямое обвинение в адрес нашей страны, нашего народа в развязывании Второй мировой войны» и спросил: «Где тут главный виновник развязывания войны? Где тут агрессивность фашизма, пробивавшегося к мировому господству?».

Депутат Н.С. Петрушенко предложил из восьми пунктов проекта оставить только первый (касался оценки самого Договора), что означало – пункты о «секретном протоколе» вообще снять, а если что-то о нём и упоминать, то «отдельным пунктом сделать запись, что кое-какие силы пытаются сейчас использовать Договор для увязывания с совершенно другими событиями».

В стенограмме значится безымянная реплика «с места»: «Через несколько лет, через 50 лет опять появятся комиссии, которые скажут, что было принято решение по несущественному документу. Я прошу это исключить».

Вслед за этим ветеран войны и труда А.А. Шишов сказал: «Пусть останутся в истории именно подлинники, а не домыслы нашего Съезда».

Как в воду глядел и депутат от Полтавщины В.С. Образ, обратившийся к Съезду: «Взываю к вашему разуму. Мы принимаем решение по тем документам, которых фактически не обнаружили. ...Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдет, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде. Разве можно идти по этому пути? Я призываю вас к разуму. Взываю!» (курсив наш. – Авт.). И дальше он предложил принять Постановление лишь из одной статьи (касающейся только Договора), но «без всяких приложений. Иначе нашим потомкам будет стыдно за принятие нами сегодня такого решения, ибо оно принимается, когда закрыты британские и американские архивы, все закрыто».

И грустно, и печально, а порой и смешно становится от той «аргументации», которая использовалась для придания юридической силы отсутствующему оригиналу «секретного протокола». Р. Медведев, например, заговоривший почему-то от имени историков всего мира, предложил воспользоваться услугами такой науки, как палеонтология, «которая специально занимается изучением вымерших животных и растений по отпечаткам. Мы в школе изучаем ископаемую птицу по ее отпечатку в гранитном монолите. Птицы нет, но есть отпечаток, и мы уверены, что она была»². Вот по аналогии с птичьими отпечатками на камнях он и предложил принимать вердикт по «секретному протоколу» не по оригиналу, поскольку он не был представлен Съезду, а по «копии» (но при этом он не назвал по какой именно из «гуляющих копий»).

Весьма оригинально обошлась яковлевская комиссия со словом «достоверность» применительно к «секретному протоколу». Поскольку юристы заявили, что «для достоверности надо иметь оригинал» (а его не было!), то решено было записать, что графологическая, фототехническая, лексическая и др. экспертизы «подтверждают факт его подписания и существования»³. Словом – все «ресурсы» для вынесения вердикта! Что тут скажешь? Банально напоминать о том, что в международной правовой практике осуществление любой операции с уже подписанным Договором – ратификации, пролонгации, денонсации, переоценки и т. д. – не по оригиналу является нонсенсом. Или нужно смириться с принципом: «если очень хочется, то можно все»?

¹ См.: II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 277.

² См. там же. С. 293.

³ Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» // II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 612.

Прибегнем к сравнению бытового характера: мог бы покупатель рассчитываться за приобретённый товар не настоящими деньгами, а их копиями?

И ещё один сюжет съездовского заседания. Некоторые депутаты от Украины, Белоруссии и Молдавии, прекрасно понимая, что прибалты добиваются однозначного и безоговорочного осуждения советско-германских договорённостей 1939 г. для осуществления очередного шага по пересмотру истории (отмены решений законодательных органов трёх прибалтийских республик об их включении в состав СССР), увидели в этом прямую угрозу своим республикам. Ведь следуя путём прибалтов, можно было поставить под сомнение легитимность воссоединения Украины в 1940 г. (возвращение из-под польской оккупации исконно украинских земель Западной Украины), воссоединения Белоруссии, а также возвращения СССР Бессарабии.

Депутат Н.С. Петрушенко пошёл ещё дальше. С трибуны Съезда он заявил, что поскольку литовский высший законодательный орган принял в 1989 г. документы о признании «незаконным» решения 1940 г. о добровольном вхождении Республики в СССР, то, следуя этой логике, надо отменить и Закон СССР от 3 августа 1940 г., в соответствии с которым Литовской ССР были переданы территории Свенцянского района и части территорий с преобладающим литовским населением Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского, Радунского районов Белоруссии.

Такой «плюрализм» мнений отразился и на итогах голосования по принятию Постановления Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 г.»: из 2249 избранных депутатов проголосовало 1880 человек, в том числе «за» 1052, «против» – 678, воздержались – 150 человек, т. е. Постановление принято не было, так как оно не получило больше половины голосов общего состава народных депутатов (даже с учётом умерших).

Таким образом, Съезд не поддержал выводы яковлевской Комиссии, и её фиаско стало реальным фактом. Тогда началась ревизия состоявшегося голосования. Новое предложение сводилось к тому, чтобы при голосовании ограничиться только принятием к сведению выводов Комиссии с вручением депутатам яковлевского доклада. И на этот раз результаты были отрицательными: из 1852 проголосовавших: «за» – 952, «против» – 762, воздержались – 138. Казалось бы, наступило время ставить точку – документ снова не принят. (Между прочим, демократическими по своему характеру процедуры могут считаться лишь тогда, когда с их результатами считаются все, в том числе и оппоненты.)

Но, увы, радикал-сепаратисты по-своему трактовали демократию и на этот раз: используя различные лазейки, они стремились напористо, любой ценой «продать» свои предложения. С согласия М. Горбачева им удалось осуществить очередной процедурный пируэт: назначить ещё одно голосование и провести его на следующий день, а ночью всем «хорошо подумать». Понятно, что такие «раздумья» превратились на самом деле в личную обработку несогласных. И чтобы никто не отказался от ночных обещаний, президиум Съезда утром следующего дня «протолкнул» предложение о поименном голосовании, результаты которого, кстати, нередко использовались потом некоторыми депутатами, а также либеральными СМИ для раздачи ярлыков, а то и неприкрытого шельмования неудобных. Как говорится, «не мытьем, так катаньем» цель по защите «чести мундира» яковлевской Комиссии была достигнута – из 1952 проголосовавших: 1435 – «за», 251 – «против», воздержались 266 человек.

К этому следует добавить, что митинговая, популистская, накалённая эмоциональная обстановка просто не позволяла повести на Съезде глубокий профессиональный разговор по столь сложному и политически острому вопросу. Не удивительно, что на заданные академиком В.И. Гольданским вопросы об увязке причины освобождения Литвинова в начале мая 1939 г. от обязанностей министра иностранных дел СССР с переориентацией внешней политики страны, о различных оценках готовности Германии к войне, о поведении Коминтерна в изменившейся ситуации, А. Яковлев ответил так: «Товарищи, я полагаю, что у нас здесь не исторический симпозиум...»¹.

Безусловно, следует дать некоторые комментарии к принятому на Съезде тексту Постановления. Его название – «О политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 г.» – чётко формулировало тему обсуждения. За что же проголосовал Съезд? Фактически за то, что вкладывается в понятие «пакт Молотова–Риббентропа» (хотя в документе это словосочетание и не употреблялось). Проще говоря, это выглядит так. Самому Договору о ненападении посвящено всего лишь несколько нейтральных формулировок (о том, что Договор заключён в критической международной ситуации, его содержание не расходилось с

¹ II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 274.

нормами международного права, указывались даты его ратификации и обмена ратификационными грамотами, а также то, что в момент нападения Германии на СССР он утратил свою силу). Никакой политической и правовой его оценки в документе не содержится. А вот «секретному протоколу» в общем объеме текста отведено значительно больше места, да и основная содержательно-смысловая нагрузка легла на статьи, посвященные именно протоколу. Вся композиция документа выстроена так, чтобы в конце концов под п. 7 дать следующую формулировку: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 г. и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹.

Словом, Постановление Съезда народных депутатов СССР правильнее было бы назвать «О политической и правовой оценке "секретного дополнительного протокола"». Что же касается признания Съездом юридической несостоятельности и недействительности «секретного протокола» с момента его подписания, то здесь нечего было доказывать: факт отсутствия его при ратификации в 1939 г. Договора о ненападении говорит сам за себя. Другое дело, что прибалтам очень хотелось получить в руки такой документ Съезда, который помог бы им реализовать идею выхода из СССР. Вот здесь и «сработала» пресловутая «политическая целесообразность» в её самой напористо-агрессивной форме.

Говоря о правовой аргументации II Съезда народных депутатов (вслед за Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым) по признанию «секретного протокола» «недействительным с момента подписания», авторитетный украинский исследователь, доктор юридических наук, профессор Львовского института МВД Украины В.С. Макачук выдвинул такие, на наш взгляд, заслуживающие внимания аргументы. Как он отмечает, причиной запоздалого заявления М. Горбачева о «недействительности этого документа» послужило якобы противоречие советско-германских договоренностей принципам *jus cogens*, т. е. общепринятым в международном праве нормам². Но дело в том, что императивный принцип уважения территориальной целостности и политической независимости стран другими субъектами международного права в его современном правовом понимании сложился не раньше 1945 г., когда он и был сформулирован в разделе 1 Устава ООН. Во времена подписания советско-германского Договора о ненападении международное право было не настолько категоричным. Более того, «само по себе стремление изменения границ в свою пользу и практические шаги по осуществлению поставленной задачи не были и не являются нарушением международного права как современного, так и межвоенного времени. *Вопрос упирался в допустимые и недопустимые, учитывая нормы международного права, формы и способы достижения поставленной цели*»³ (курсив наш. – Авт.). Но нельзя не считаться и с тем, что наряду с прописанными международными правами (*les scriptum*) в то время существовали ещё и так называемые «обычные» нормы, о которых французский историк международного права Ж. Барьети справедливо писал, что «после Локарно в Европе существовало два вида границ: западные границы, которые необходимо было уважать, и восточные, которые (как это тайно признавалось) могут быть пересмотрены»⁴. Поэтому понятно, что Германия, Япония и Италия не случайно нисколько не сомневались в своём праве пересматривать установленные Версальским договором «несправедливые» границы и устанавливать новые, соответствующие их интересам. Более того, как напоминает украинский исследователь, даже так называемые демократические страны допускали легитимность силового давления и недобровольного изменения границ, если при этом соблюдались определённые формальные правила.

Реальностью является и то, что до подписания советско-германского Договора о ненападении европейские границы не признавались многими странами как бесспорные: начиная с весны 1939 г. уже были выдвинуты немецкие претензии к Польше, не исключалась и возможность проведения Венской конференции по вопросу осуществления новых территориальных изменений «мирным путём», а также ещё одной «мирной» конференции по примеру Мюнхенской и т. д.

В.С. Макачук обращает внимание и на то, что в современном международном праве (прежде всего в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) записано, что хотя с появлением новой императивной нормы, договор, заключённый с её нарушением, приостанавливается и становится недействительным, новая императивная норма не имеет обратного действия относительно уже совершённых актов. Основополагающий принцип права: *Lex prospicit, non rescipit*; *Lex retro non agit*, означает, что нормы международного права не имеют обратного действия, их действие распространяется лишь на те отношения, которые появились после принятия этих норм.

¹ Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» // II Съезд народных депутатов СССР. 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 813.

² Макачук В.С. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» // Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М.: 2009. С. 210.

³ Там же. С. 210–211.

⁴ Цитата по: Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М.: 1985. С. 46.

В этом контексте необходимо выделить содержащийся в советско-германских договорённости вопрос о «сферах влияния», который многими авторами трактуется не иначе как «раздел территорий», «нарушение суверенитета» и т. п. Дело в том, что, как подчёркивает В.С. Макаруч, зловещую окраску термин «сферы влияния» приобрёл уже в наше время, когда международное право подверглось едва ли не самым кардинальным за всё время существования переменам. Что же касается того времени, когда подписывался советско-германский Договор, то это являлось обычной практикой.

Известный специалист по международному праву Г. Тункин, подчёркивая, что «старое международное право содержало в себе нормы и институты, которые были орудием закабаления народов»¹, как раз и отнес «сферы влияния» к самым характерным из них. Так, Великобритания считала, что она поступает юридически правильно, когда летом 1939 г. за спиной СССР вела переговоры с фашистским рейхом об англо-немецком сотрудничестве, заключении между двумя странами Договора о ненападении и невмешательстве и распределении сфер влияния. В ходе Второй мировой войны западные союзники по коалиции (в частности, Черчилль) предлагали СССР установить сферы влияния в послевоенной Европе. А вот пример совсем недалекого прошлого: в официальных военных документах США (доктринах, концепциях и др.) времен президентства старшего и младшего Бушей и Б.Клинтонна четко и однозначно записывалось, что любая точка земного шара является сферой (зоной) национальных интересов США.

Что же касается «Секретного дополнительного протокола» к советско-германскому Договору о ненападении, то он, во-первых, не содержал, как говорилось выше, указаний на то, что упомянутые в нём переустройства будут последствием агрессии сторон (более того, стороны выявили заинтересованность независимой Литвы в возвращении ей Виленского края); во-вторых, этот протокол составлен так, что «формально не нарушал принятой в то время практики составления международно-правовых документов»²; и в-третьих, ни Договор о ненападении, ни «секретный протокол» «принципам *jus cogens* того времени не противоречили, поскольку формально Москва обещала Германии ненападение на нее, а не агрессию против Польши». Вопрос же о допустимых границах активности в «сферах влияния» встал уже позднее, что и подтверждено интерпретацией «секретного протокола», сделанной германским МИД ещё в 1941 г.³

Для полноты картины остаётся лишь привести здесь два сюжета, рассказанные «задним числом» В. Фалиным.

Вот первый. После августа 1991 г. стало известно, что работавший зав. Общим отделом В. Болдин за три или четыре дня до одного из заседаний ПБ показывал М. Горбачеву оригинал «секретного протокола» к Договору о ненападении, о чём говорит сделанная в соответствии с существовавшими тогда порядками соответствующая пометка. Правда, Горбачев отрицает это. Однако В. Фалин подкрепляет свою версию вторым эпизодом. По его просьбе историко-дипломатическое управление МИД провело специальное лабораторное криминалистическое исследование на предмет соответствия машинописного шрифта хранящегося в мидовском архиве оригинала текста самого Договора шрифтам «гуляющих» по всему миру фотокопий «секретного протокола» к нему. И, как он утверждает, все тексты отпечатаны на одной и той же пишущей машинке. Когда же В. Фалин доложил об этом генсеку, последовал ответ в духе того, что генсек «чего-то нового не узнал». Чуть позже В. Фалин высказал присутствовавшему при этом разговоре А. Яковлеву своё соображение о том, что «секретный протокол» существует и Горбачев видел его, заметив при этом, что непонятно, для чего «генеральный разыгрывает весь этот спектакль».

Возможность установить местонахождение Договора и «секретного протокола» к нему представилась лишь в 1992 г. после рассекречивания закрытых архивов: до 70-х гг. они хранились в Секретариате наркома иностранных дел, а затем их передали из МИДа в архив Политбюро. Установлено также, что первые лица страны время от времени запрашивали эти документы и знакомились с ними. Как подтвердил бывший главный архивист РФ (в 1992 г.) Р. Пихоя: «Президент М. Горбачев... скрывал наличие секретных протоколов, хотя совершенно точно знал об их существовании и даже неоднократно держал в руках»⁴.

Более того, как промелькнуло в печати, В. Болдину был даже сделан намёк о желательности уничтожения этого документа.

А теперь можно собрать воедино разрозненные фрагменты поисков оригинала «секретного протокола» и представить себе такую картину. Генсек-президент, делая вид, что он ничего

¹ Тункин Г.И. Вопросы теории международного права. М.: 1962. С. 279–280.

² Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М.: 2009. С. 212.

³ Там же. С. 215, 219.

⁴ См.: Пакты и факты // «Аргументы и факты». 2009. № 34.

не знает о находящейся у него прямо «под боком» папке с оригиналом «секретного протокола», даёт поручение работникам ЦК любой ценой раздобыть документ и подписывает Постановление Съезда народных депутатов о создании специальной депутатской Комиссии, которая должна заняться поисками протокола. Делаются два запроса на этот счёт германской стороне, и ведомство федерального канцлера ФРГ Г. Коля подтверждает отсутствие у них оригинала, предоставляя уже давно известные «копии». Запрашиваются архивные материалы МИД СССР. Проводится специальное заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором многие его участники сотрясают воздух возгласами типа: «Решение без оригинала принимать нельзя!». Наконец, нардепы принимают скандальное постановление по политической и правовой оценке Договора (при отсутствии подлинника «секретного протокола»). Словом, это был поиск... ветра в поле.

Сегодня важно было бы прояснить три момента.

Первый – что именно находилось в обнаруженном при рассекречивании архивов конверте: «неокончателный» вариант «секретного протокола», подписанный 23 августа 1939 г., или «окончателный», т. е. с учётом «Разъяснения», подписанного сторонами 28 августа?

Второй – в некоторых изданиях речь идёт о том, что якобы немецкий экземпляр подлинника «секретного протокола», обнаруженный советскими солдатами и отправленный в Москву в 1945 г., стал храниться в сейфе Сталина, а затем в архиве ЦК КПСС. И это притом, что, разумеется, должен быть оригинал и на русском языке. Поэтому возникает вопрос – какой именно экземпляр содержался в конверте и где тогда второй?

И третий момент – требуется подтвердить или опровергнуть наличие пометки об ознакомлении Горбачева с «секретным протоколом». Это, кроме всего прочего, помогло бы более определённо разобраться с утверждением тех авторов, которые, с одной стороны, не берут под сомнение тот факт, что В. Болдин как заведующий общим отделом ЦК КПСС (упоминается также и фамилия его предшественника в этой должности А. Лукьянова) держал в своих руках конверт с «секретным протоколом» (ведь только он мог показать его М. Горбачеву), а с другой – предполагают, что эти материалы были кем-то изготовлены по текстам фотокопий из коллекции уже упоминавшегося фон Лёша и помещены «до лучших времен» в «особую папку» VI сектора общего отдела ЦК КПСС. Разумеется, здесь не обойтись без помощи сегодняшних хранителей Архива Президента РФ.

Что же касается общественного мнения, то оно не может быть сведено к «восхищению» «новомышленническим» мастерством М. Горбачева. Ведь в данном случае речь идёт не просто о лжи президента-генсека, а об осознанных и преднамеренных неблагоприятных действиях, которые сказались на принятии решений, дестабилизирующих политическую обстановку в стране. Налицо должностное преступление, требующее соответствующих правовых и нравственных оценок.

Уже в наши дни один из членов Межрегиональной депутатской группы Ю. Болдырев, защищая МДГ от обвинений в соучастии в осуждении советско-германского Договора о ненападении, задал вопрос: «Кто инициировал первоочередное рассмотрение?». И сам же на него ответил: «Формально – прибалтийские делегации, а неформально – член Политбюро Александр Яковлев. Причём тут «поведение» МДГ? Без отмашки Горбачева большинство Съезда пальцем бы не пошевелило»¹. Но поскольку нельзя уйти от факта, что одним из пяти равноправных сопредседателей МДГ был Ельцин, то Ю. Болдырев решил от него отмежеваться при помощи заданного им же другого вопроса: «Несет ли ответственность МДГ за одного из своих сопредседателей – Ельцина? Но тогда и КПСС – за Горбачева и Яковлева?»². Если оставить в стороне надоевшие «разборки» между виновниками горбачевско-ельцинских потрясений, то рассуждения Ю. Болдырева становятся крайне ценными для установления «треугольника» съездовской интриги: прибалтийские делегации → Горбачев и Яковлев ← ядро МДГ, возглавляемое Ельциным и Афанасьевым. Треугольник замкнулся! Есть вопросы?!

Обсуждение на Съезде народных депутатов советско-германских договорённостей августа 1939 г. превратилось не в объективную оценку этих событий, а в своеобразный публичный суд, инициированный наиболее сепаратистски настроенными депутатами при крайне непоследовательной, нерешительной и двойственной позиции советского руководства, включая, прежде всего, президента-генсека М. Горбачева и председателя съездовской Комиссии, секретаря и члена ПБ А. Яковлева.

II Съезд народных депутатов после доклада А. Яковлева юридически закрепил политическую победу прибалтов, официально осудив документы, согласно которым прибалтийские республики вошли в состав СССР. К тому же, хронологически это совпало с расколом Компартии Литвы на её XX Съезде. Всё это как бы слилось в единый, всё сильнее бурлящий поток и вывело сторонников отделения Литвы от СССР на прямую дорогу к достижению поставленной ими цели.

¹ Болдырев Ю. Торжество лакеев // «Литературная газета», 2009, № 27, 1–7 июля.

² Там же.

Так, в днище мощного многонационального корабля, коим был Советский Союз, образовалась пробоина, из-за которой (конечно, наряду с другими причинами!) корабль этот безвозвратно стал опускаться на дно.

Мог ли Съезд принять другой документ? Да, мог. Многие депутаты вносили конструктивные предложения: доклад А. Яковлева принять к сведению, что же касается «секретного протокола» – продолжить работу до полного выяснения всех деталей! Требовалось лишь одно важное условие – политическое поведение руководства страны должно оцениваться мерками исторической ответственности за судьбу государства. Разумеется, в не меньшей мере это касается всей политической элиты, которая, к очень большому сожалению, не выдержала исторического экзамена в борьбе за целостность и неделимость многонационального государства. Победил же национал-сепаратизм. И не в последнюю очередь произошло это из-за того, что к этому времени пышным цветом расцвёл правовой нигилизм, объявивший верховенство республиканского законодательства над общесоюзным, уверенно шагал вперёд «парад суверенитетов» союзных республик, стремившихся к выходу из состава СССР, а правовой подход в оценке проблем стал подменяться беспредельным политиканством, властная атрофия, как метастазы, проникла во все поры государственного организма, включая и самую верховную власть. Тогда, наконец, и стало возможным собраться руководителям трёх союзных республик, чтобы (в отсутствие главы государства!) объявить о ликвидации СССР «как геополитической реальности».

Доклад А. Яковлева был оценен «демократической» прессой в самых превосходных степенях, а президент-генсек при поименном голосовании, изменив свою первоначально заявленную позицию, проголосовал за яковлевские предложения. Автор этих строк, являвшийся в то время заведующим идеологическим отделом ЦК КПСС, а также и народным депутатом, и членом Комитета Верховного Совета по иностранным делам, проголосовал против принятия такого документа, т. е. в открытую выступил против генсека Горбачева и члена ПБ, секретаря ЦК КПСС Яковлева (к сведению, результаты состоявшегося поименного голосования на следующий день были опубликованы в центральной печати, а затем и в очередном выпуске стенограммы Съезда народных депутатов)¹.

Весьма показательно, что в числе народных депутатов, проголосовавших «против» принятия Съездом предложенного решения или воздержавшихся, было немало тех, кому, как говорится, сам Бог велел проводить на Съезде партийную линию Горбачева–Яковлева: В.А. Ярин, назначенный после Третьего внеочередного Съезда народных депутатов членом Президентского совета, глава белорусского правительства В.Ф. Кебич, председатель Президиума Верховного Совета Украины В.С. Шевченко, первый секретарь ЦК КП Азербайджана Р.Х. Везиров, первый секретарь ЦК КП Узбекистана И.А. Каримов, первый секретарь Донецкого обкома партии А.Я. Винник, первый секретарь Киевского горкома партии Ю.Н. Ельченко, заместитель главы правительства Украины Е. Качаловский и др. Писатели-члены яковлевской Комиссии, такие, как В.В. Быков (Белоруссия), И.П. Друцэ (Молдавия) и Ю.М. Марцинкявичус (Литва) в момент голосования отсутствовали.

Когда слышишь аргументы сторонников осуждения «секретного протокола» на основе его копий, нелишне напомнить весьма поучительный эпизод из заседаний Нюрнбергского трибунала, когда защитник подсудимого Гесса адвокат Зейдль стал настаивать на приобщении к материалам процесса этого документа. В ответ на это четыре главных обвинителя Трибунала, выразив консолидированную позицию СССР, США, Великобритании и Франции, сделали 1 июня 1946 г. следующее заявление: «...заявления защитника подсудимого Гесса адвоката Зейдля от 22, 23 и 24 мая 1946 г. о приобщении к материалам процесса "копий" так называемых "секретных дополнительных протоколов" к договорам от 23 августа 1939 г. и 28 сентября 1939 г. являются повторением попыток вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов. В свое время Трибунал уже отклонил ходатайство адвоката о приобщении к делу этих заведомо "дефектных" документов, являющихся "копиями" неизвестно где находящихся фотокопий и удостоверенных "по памяти" одним из участников в преступлениях подсудимого Риббентропа Гауссом. Однако очередные заявления адвоката Зейдля по этому же вопросу подлежат отклонению не только ввиду дефектности представленных им документов. Это ходатайство должно быть отклонено также и потому, что оно является одним из резких проявлений принятой защитником тактики, направленной на то, чтобы отвлечь внимание Трибунала от выяснения личной вины подсудимых и сделать объектом исследований действия государств, создавших Трибунал для суда над главными виновными

¹ См. II Съезд народных депутатов СССР 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 383–404.

преступниками. Все заявления Зейдля, как и сами документы, о приобщении которых ходатайствует Зейдль, не имеют никакого доказательного значения ни для Франка, ни для дела Гесса. Явно провокационный характер носит указание на источник происхождения этих документов – получение от "неизвестного американского военнослужащего", при малопонятных обстоятельствах вручающего Зейдлю "копии с фотокопий". Излишне указывать, насколько противоречило бы статусу Трибунала и вредило объективному судебному исследованию подобное искажение судебной процедуры в случае хотя бы частичного успеха защиты. В силу изложенного мы возражаем против удовлетворения ходатайств адвоката Зейдля от 22, 23 и 24 мая 1946 г. и просим Трибунал их отклонить¹. И Трибунал решительно отклонил ходатайства Зейдля.

Совсем другая логика сработала у нардепов, для которых (увы!) при принятии правового решения не имело значения – делается это на основе оригинала документа или какой-то из многих его «копий».

В конечном итоге, результаты голосования на Съезде означали, что продвигаемому прибалтийскими депутатами при поддержке М. Горбачева и А. Яковлева вердикту противостояла стихийно сформировавшаяся и довольно внушительная оппозиция в лице многих членов ЦК КПСС, первых секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых и областных организаций, глав Верховных Советов и республиканских правительств, представителей научной и творческой интеллигенции, рядовых городских и сельских тружеников.

И ещё один момент. Судить в полном объёме о работе съездовской Комиссии во главе с Яковлевым, предложившей нардепам обвинительный вердикт Договору, только по опубликованной стенограмме заседания II Съезда народных депутатов СССР невозможно. Необходимо придать гласности находящиеся в архивах протоколы заседаний этой Комиссии, материалы переписки МИД СССР с официальными структурами ФРГ и новые архивные источники.

* * *

Таковы почти детективные «похождения» «секретного протокола».

Даже если бы многолетние поиски оригинала «секретного протокола» к моменту съездовских дискуссий всё же увенчались бы успехом, юридический статус этого «документа» никак не изменился бы, так как он (о чём неоднократно говорилось выше) вообще отсутствовал в том пакете материалов, которые были представлены на ратификацию Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии, и, разумеется, при обмене ратификационными грамотами. Документ же, не ратифицированный в установленном порядке законодательным органом страны, вообще не может рассматриваться в качестве официального. Тогда возникает вопрос: как мог Съезд народных депутатов СССР давать правовую оценку документу, который изначально не получил легитимную «правовую жизнь», не говоря уже о том, что к моменту обсуждения этого вопроса на Съезде нардепов отсутствовал даже его нелегитимный оригинал?...

НОВЫЙ ВИТОК КОНФРОНТАЦИОННОЙ СПИРАЛИ

Нельзя не вспомнить ещё один эпизод из заседания Съезда народных депутатов. Первый вопрос, адресованный А. Яковлеву из зала по завершении его доклада, звучал так: «Как известно, Комиссии было поручено рассмотреть вопрос о "пакте Молотова–Риббентропа" и связанных с ним документах. Вы ограничили рамки рассмотрения 1939 г. Но, как члену Политбюро, Вам известно, что в прибалтийских республиках созданы рабочие комиссии, считающие, что акты 1940 г. о вхождении в СССР напрямую связаны с событиями 1939 г. Я просил бы Вас ответить на вопрос: или Вы не знаете об этом, или же по каким-то мотивам не хотите здесь, на Съезде, затронуть эту проблему?»². Как же отреагировал на это докладчик? Ответ был просто поразительным – мол, мандатом Комиссии было определено изучение августовских событий 1939 г., и поэтому исследование более поздних событий в задачу Комиссии не входило.

Кстати, даже В. Ландсбергис на этом же съездовском заседании настоятельно высказался за то, «чтобы та или другая комиссия продолжила работу уже по событиям 1940–1941 гг.»³.

Конечно, как опытный политик А. Яковлев не мог не чувствовать политическую обстановку в Прибалтике (рабочие комиссии по пересмотру актов 1940 г. к этому времени развернули бурную деятельность), а как учёный (академик-историк) не мог не понимать всей системы причинно-следственных связей августовских событий 1939 г. с предшествовавшими им манёврами открытой и «закрытой» дипломатии и в не меньшей степени с последовавшими затем событиями.

Так что же всё это означало в данном конкретном случае? Ответ налицо – такова была политическая позиция одной из ключевых фигур «перестроечного» Политбюро. Как эта пози-

¹ См.: II Съезд народных депутатов СССР 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 383–404.

² См. там же. С. 237.

³ Там же. С. 292.

ция повлияла на динамику деструктивных процессов в обществе, продемонстрировали результаты деятельности (в том числе и на Съезде народных депутатов) прибалтийских радикальных националистов, которым, при умелом использовании непоследовательности и политической несостоятельности горбачевского руководства, удалось беспрепятственно «выстроить мост» от осуждения советско-германского Договора о ненападении 1939 г. до отмены принятых позже высшими законодательными органами Литвы, Латвии и Эстонии решений о вхождении в состав СССР.

Этот «мост» между двумя указанными событиями служит раскручиванию нового витка конфронтационной спирали и в XXI в. Фальсификации истории в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Украине и Грузии в настоящее время приобрели ранг государственной политики. Договор о ненападении и «секретный дополнительный протокол» продолжают оставаться раздражителями в двухсторонних отношениях каждой из прибалтийских стран и Польши с Россией. Запущен в оборот тезис о «советской оккупации» Прибалтики, под которой, следуя такой логике, можно понимать и подписание 10 октября 1939 г. в Москве министрами иностранных дел СССР и Литовской Республики В. Молотовым и Ю. Урбшисом договора, согласно которому СССР передал Литве город Вильнюс (Вильнюс) с Виленской (Вильнюсской) областью.

И на этом фоне намеренно замалчивается тот факт, что высшие органы государственной власти прибалтийских стран, легитимно сформированные в результате победы левых сил на предвоенных парламентских выборах в Латвии, Литве и Эстонии, официально обратились к руководству Советского Союза с просьбой о вхождении в состав СССР.

Сегодня политики стран Балтии выдвигают сумасбродные «требования» к России как правопреемнице СССР об экономических «компенсациях» за якобы нанесённый им советской властью «ущерб».

А парламентарии трёх республик, сменив в новых исторических условиях антисоветскую риторику на антироссийскую, развернули против России агрессивную политико-идеологическую войну с использованием самых худших приёмов «холодной войны». Войну эту они ведут как с трибуны своих национальных государственных институтов, так и в структурах европейского сообщества, куда их страны входят в качестве равноправных членов – Евросоюз, Европарламент, НАТО и т. д. За громогласными инсинуациями об «одинаково преступном» характере политики довоенного Советского Союза и фашистской Германии чётко просматривается стремление учинить новый Нюрнбергский процесс с целью объявить СССР преступным государством, распространив такую оценку и на современную Россию как правопреемницу СССР. Фактически открыт «второй фронт» по пересмотру итогов Второй мировой войны, причём, открыт не только в отдельных странах, а в целом на Западе. «Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул "пакт Молотова–Риббентропа" и Ялтинские соглашения», – эти слова, произнесённые 14 декабря 2002 г., принадлежат тогдашнему генеральному секретарю НАТО Дж. Робертсону. Додумать же надо: поставить на один уровень «пакт» и Ялтинские соглашения, которые (как-то просто неудобно напоминать британскому политику такого масштаба!) подписаны в том числе и премьер-министром Великобритании.

В развернувшейся «войне за историю» особая роль отводится тем, кто с оружием в руках воевал на стороне фашистской Германии. У властей Латвии и Эстонии в почёте престарелые пособники эсэсовцев. Национальными героями Украины объявлены бандеровцы, которые по своей жестокости против своего же народа превзошли даже гитлеровцев. В пропагандистских кампаниях против «русских оккупантов» выступают те поляки, которые лично выслуживались перед рейхом... В некоторых постсоветских республиках и бывших соцстранах развернулась беспрецедентная война с памятниками, увековечившими Великую Победу над фашизмом, причём акты вандализма осуществляются или с молчаливого согласия, или даже с участием официальных властей: достаточно вспомнить о демонтаже «Бронзового солдата» (памятника советским воинам) в эстонской столице.

Что же касается «равноответственности» нацизма и сталинизма за развязывание войны, то нелишне напомнить один официально зафиксированный исторический факт. На Нюрнбергском процессе подсудимый Риббентроп поставил вопрос о привлечении к суду И. Сталина, так как, по его мнению, «за такой акт (советско-германский Договор о ненападении 1939 г. – *Авт.*)

ответственны оба партнера»¹. Его предложение было отменено как надуманное всеми судьями Трибунала.

В идеологическом же плане ставить знак равенства между фашизмом, исповедовавшим расовую теорию сверхчеловека, и сталинизмом с совершенно иными идеологическими установками – нонсенс. Да и сам сталинизм не надо путать с теорией коммунизма. Не говоря уже о том, что исторически не корректно ограничиваться при перечислении европейских диктаторов 30-х гг. XX столетия только Гитлером и Сталиным, как это делают некоторые исследователи. Как же можно «забывать» испанского Франко, итальянского Муссолини, авторитарный режим литовского Сметоны, настоящего польского диктатора Пилсудского, австрийский режим Дольфуса? Деятельность этих диктаторов сопровождалась массовыми нарушениями прав человека, созданием концлагерей и экспансией в другие страны.

И, наконец, дадим здесь некоторые оценки событиям 1940 г.

По запросу Государственной думы РФ служба внешней разведки РФ 23 ноября 2006 г. обнародовала секретные архивные документы, которые свидетельствуют, что США и Великобритания в 1940-х гг. с пониманием отнеслись к вводу советских войск в прибалтийские государства. Тогда на Западе это расценили как малоприятную, но необходимую меру для противодействия агрессии нацистской Германии. Из материалов следует, что проводившаяся правящими кругами Литвы, Латвии и Эстонии германофильская линия реально грозила превращением территорий этих прибалтийских государств в плацдарм для нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Документы также свидетельствуют, что в западных странах, прежде всего в Англии, то обстоятельство, что Советская армия приняла удар вермахта на расстоянии 0,5 тыс. км к западу от Ленинграда, воспринималось с пониманием, а наличие резерва между группировкой вермахта «Север» и войсками, дислоцированными на территории Финляндии, – как несомненный стратегический успех советской внешней политики. В этих условиях лидеры США и Великобритании считали, что возвращение в состав Союза бывших российских территорий не является чрезмерной ценой. Смещение прогерманских режимов в прибалтийских странах и ввод советских войск в регион в военно-политической ситуации, когда перед Европой встал вопрос быть или не быть, воспринимались в западных демократиях как, безусловно, своевременный шаг.

К сожалению, многим фальсификаторам при ознакомлении с этими важными архивными документами «отказало» зрение. Не «смогли» прочитать?! А поэтому и продолжают фабриковать ложь и полуправду. И весьма печально, что в их числе наряду с безответственными политиками нередко оказываются «правдоискатели», облаченные в учёные докторские и академические мантии.

Не приходится сомневаться, что по мере приближения 65-й годовщины разгрома фашистской Германии «второй фронт» фальсификаций, дезинформации, декларирования своей, не отвечающей истине «исторической правды» будет шириться. Вот пример: 21 мая 2009 г. правительство Эстонии одобрило внесённый министерством юстиции законопроект об учреждении в стране Дня памяти жертв преступлений сталинизма и нацизма. Цель этой акции – выставить России исторический счёт, доказать «идентичность преступных режимов», приравнять нацизм к коммунизму и, в конце концов, добиться пересмотра роли Советского Союза во Второй мировой войне. Памятной датой объявлено 23 августа, т. е. день подписания советско-германского Договора о ненападении.

«Насилием над историей» явилось принятие июля 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюции «Воссоединение разделенной Европы», уравнивающей сталинизм и нацизм. (Предшественником этой резолюции явился сделанный в 2006 г. на сессии ПАСЕ доклад о «Необходимости осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», в исходном названии которого осуждались «преступления коммунизма».) Парламентская ассамблея предложила даже установить общеевропейский день памяти жертв сталинизма и нацизма, приурочив его к подоспевшей годовщине подписания «пакта Молотова–Риббентропа». Цель подобных акций многопланова – не только по госзаказу переписать историю и установить «новую» историческую «правду», выгодную определённым силам, но и создать предпосылки для стимулирования претензий к России со стороны стран бывшего СССР (государства Балтии, Украина) о возмещении материального «ущерба от оккупации». Более того, в резолюции «Воссоединение разделенной Европы» от России как участника ОБСЕ требуют отказа от демонстраций во славу советского прошлого, а также избавления от структур, «приукрашивающих историю».

Благодаря ОБСЕ и Европарламенту запущена цепная реакция действий, фактически способствующих пересмотру итогов послевоенного переустройства Европы. По этой логике Германия должна была бы потребовать возврата разделенной между Польшей, Литвой и Россией

¹ Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. X. P. 313–314.

Восточной Пруссии; Польша в свою очередь – предъявить территориальные (да и финансовые) претензии к Украине и Белоруссии; Украина в свою очередь – вернуть Румынии отошедшие к ней в 1940 г. территории; а Молдавия (ныне член ООН) вообще должна исчезнуть с политической карты Европы.

Сегодня от России требуют даже покаяния за так называемый «пакт Молотова-Риббентропа». Кстати, ещё на Съезде народных депутатов СССР В. Ландсбергис жаждал не только слов «политической оценки», но и «*скрытого или более явного покаяния*»¹ (курсив наш. – *Авт.*) от имени Советского Союза... А в 2005 г. тогдашний Президент Эстонии А. Рюйтель вновь потребовал от России осуждения и аннулирования пакта. У здравомыслящего человека, услышавшего такое требование «извиниться», не может не возникнуть несколько вопросов. Первый из них – кто должен извиняться? Россия? Но договорённости-то были двусторонние, т. е. между Германией и СССР. Второй вопрос – за что извиняться? За официальный документ под названием «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом»? Так это же просто абсурд! За «секретный протокол» с сомнительным правовым статусом? Ставить вопрос о его аннулировании просто глупо, поскольку он, как отмечалось выше, потерял свою силу в первый день начала войны (т. е. аннулировать нечего!). И, наконец, третий вопрос – при таких «покаяниях» куда пришлось бы посадить – в почетный президиум истории или на скамью подсудимых – тогдашних политиков Лондона и Парижа, о которых У. Черчилль сказал: «Тот факт, что такое соглашение (речь идёт о пакте. – *Авт.*) оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»? А каково место польских руководителей, проводивших «общую с Гитлером политику в отношении России на базе антикоммунистического пакта»², стремившихся вместе с фашистами шагать в парадном марше по Красной площади, вместе с фюрером расчленявших Чехословакию и решавших «украинский вопрос», претендуя «на Советскую Украину и на выход к Черному морю»³?

По нашему мнению, в развернувшейся широкомасштабной и многоаспектной борьбе за историческую правду крайне важным было бы осуществление в России в самое ближайшее время ряда общественно-политических и научных акций. Научное сообщество России накануне 65-летия Победы должно провести ряд научных мероприятий, которые позволят на основе новой документальной и источниковедческой базы проанализировать и дать соответствующую оценку событиям, предшествовавшим подписанию Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, перипетиям его подготовки и заключения и, что крайне важно, раскрыть причины и последствия столкновения в послевоенное время двух тенденций – стремления честно разобраться в исторической правде, с одной стороны, и использования исторических документов в неблагоприятных целях, – с другой. Совершенно безотлагательной представляется необходимость предпринять научно-исследовательские, методические и организационные меры по восстановлению в научных трудах, учебниках и учебных пособиях исторической правды в полном её объёме, обратив особое внимание на расчистку исследовательского и учебного «поля», заросшего «сорняками» субъективных оценок и некорректной терминологии.

Гданьск – 2009

Для современных официальных интерпретаций причин возникновения Второй мировой войны и Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом весьма показательной оказалась состоявшаяся 1 сентября 2009 г. встреча в Гданьске на полуострове Вестерплатте по случаю 70-летия со дня начала войны. Её значимость определялась уже самим составом участников: главы правительств пяти европейских государств (России – Владимир Путин; Германии – Ангела Меркель; Франции – Франсуа Фийон; Польши – Дональд Туск; Украины – Юлия Тимошенко), а также президент Польши Лех Качиньский и представители Евросоюза. В числе приглашённых – лидеры почти всех государств ЕС, США, Канады, Австралии, международных организаций. Гданьск (бывший Данциг) был выбран местом для церемонии потому, что вопрос о его статусе стал в 1939 г. поводом к войне.

На ход встречи и её содержание существенное влияние оказала опубликованная В.В. Путиным 31 августа в польском издании «*Gazeta Wyborcza*» статья под названием «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?». К этому моменту информационная война по обозначенной теме встречи приобрела особую остро-

¹ См. II Съезд народных депутатов СССР 1989, 12–24 декабря. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР. М.: 1990. Т. IV. С. 292.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М.: 1990. Т. 1. С. 85.

³ Там же. С. 194.

ту, а плюрализм мнений по этим вопросам приобрёл агрессивно-конфронтационный характер. Поэтому узнать об официальной позиции государств, оказавшихся в своё время втянутыми в войну, было крайне важно.

Сказать о том, что Гданьская встреча прошла в духе согласия и единодушия никак нельзя, равно как и невозможно отрицать, что она явилась важным шагом на тернистом пути преодоления новых историко-политических комплексов, сформировавшихся под воздействием спекуляций на общем для многих стран историческом прошлом, а также стремления переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры, искажения исторической правды, героизации нацистских пособников в некоторых странах, уравнивания жертв и палачей, освободителей и оккупантов.

Каковы же главные, заслуживающие самого пристального внимания суждения участников Гданьской встречи? На наш взгляд, необходимо выделить следующие.

Во-первых, о причинах войны.

В условиях, когда плюрализм мнений по этому вопросу в научном и журналистском обществе оброс недопустимыми и неприемлемыми крайностями, крайне важным становится мнение руководства России. Отвечая на вопрос, можно ли считать, что единственным «спусковым крючком» Второй мировой войны стал советско-германский Договор о ненападении, В.В. Путин так сформулировал своё понимание этой проблемы: «Поборники такой позиции не задаются элементарными вопросами – разве Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, не оставил после себя множество "мин замедленного действия"? Главная из которых – не просто фиксация поражения, но и уничтожение Германии. Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 г.? И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша, по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы? День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свои армии в Тешинскую и Фриштадтскую области. И можно ли закрывать глаза на закулисные попытки западных демократий "откупиться" от Гитлера и перенаправить его агрессию "на Восток"? На то, как планомерно и со всеобщего попустительства демонтировались гарантии безопасности и системы ограничения вооружений, существовавшие в Европе?»¹. И далее: «Не тогда ли Гитлер уже окончательно решил, что "все дозволено"? Что Франция и Англия палец о палец не ударят, чтобы защитить своих союзников? "Страшная война" на Западном фронте, трагическая судьба брошенной без помощи Польши, к сожалению, показала, что его надежды не были напрасными»².

Во-вторых, российский премьер обратил внимание на необходимость исчерпывающего полного и всеохватывающего анализа историко-политической панорамы XX в., который не позволит забыть ни о таких печальных событиях, как многочисленные государственные перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация Европы, холокост, раскол континента по идеологическому признаку, ни и о победном мае 1945 г., Хельсинском акте, падении Берлинской стены и т. д.

В-третьих, исторические уроки 30-х гг. XX в., подчеркнул В. Путин, ясно показали миру, что создать эффективную систему комплексной безопасности без участия всех стран континента, включая Россию, невозможно. Создание антигитлеровской коалиции убедительно доказало, что страны и народы, несмотря на все существующие между ними разногласия, способны объединиться во имя будущего для противодействия глобальному злу. Российский премьер подчеркнул также, что и сегодня, когда «нас скрепляют единые ценности, мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства, чтобы эффективно противостоять вызовам и угрозам, расширять глобальное пространство сотрудничества, стирать такие анахронизмы, как разделительные линии, какой бы характер они ни носили». По его мнению, в эту логику не вписываются рецидивы конфронтаций эпохи «холодной войны» и узкоблоковые подходы к ключевым проблемам современности. В качестве положительного опыта преодоления острых политических противоречий и избавления от груза тяжёлого исторического наследия В.В. Путин назвал партнёрские отношения между Россией и Германией, ставшие «примером движения навстречу друг другу, устремленности в будущее – при бережном отношении к памяти о прошлом». Российский премьер-министр выразил также надежду, что и российско-польские отношения рано или поздно достигнут такого высокого, по-настоящему партнёрского уровня, который отвечает интересам как двух народов, так и всего европейского континента.

В-четвёртых, в своей статье в польской газете В.В. Путин высказал мысль о том, что сегодня *«искусственно вырываются отдельные эпизоды из общего исторического фона, поли-*

¹ Путин В.В. Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? // «Аргументы и факты», 2009, № 36.

² Там же.

тико-экономического или военно-стратегического контекста. Предвоенная ситуация в Европе рассматривается фрагментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи. Симптоматично, что передергиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике»¹ (курсив наш. – Авт.).

А в выступлении в Гданьске 1 сентября 2009 г. по случаю годовщины со дня начала Второй мировой войны премьер-министр России особо отметил, что «крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид», а также со свойственной ему образностью заявил: «А если кто-то ставит перед собой цель выискивать из этой старой, заплесневелой булки какие-то изюминки для себя... то ничего хорошего из этого не получится».

Гданьская встреча продемонстрировала наличие у её участников весьма разных нюансов отношения к так называемому «пакту Молотова–Риббентропа» и отсутствие единого понимания этой проблемы.

В. Путин, с одной стороны, провозгласил, что этот пакт «морально неприемлем» (курсив наш. – Авт.), «Госдума Российской Федерации, парламент страны осудили "пакт Молотова–Риббентропа"», «Мы вправе ожидать того, чтобы и в других странах, которые пошли на сделку с нацистами, это тоже было сделано», причём «не на уровне заявлений политических лидеров, а на уровне политических решений».

С другой же стороны, рассуждая о советских мотивах заключения пакта, он отметил: «Отвергнутое предложение Германии подписать пакт о ненападении – в условиях, когда возможные союзники СССР на Западе уже пошли на аналогичные договоренности с немецким рейхом и не хотели сотрудничать с Советским Союзом, в одиночку столкнуться с мощнейшей военной машиной нацизма – советская дипломатия этого времени вполне обоснованно считала как минимум неразумным»² (курсив наш. – Авт.), т. е. решение было правильным, и оно не может оцениваться только негативно.

Многие аналитики обратили внимание на то, что примирительный тон и покаянные нотки по поводу таких событий, как заключение так называемого «пакта Молотова–Риббентропа» и катынская трагедия, в статье В. Путина вызвали удивление поляков. Весьма показательно, что в отличие от советских и постсоветских руководителей такого уровня он впервые вместо официального наименования «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» употребил словосочетание «пакт Молотова–Риббентропа».

Такая «несостыковка» мнений дала повод как российским, так и зарубежным политикам весьма противоречиво оценить итоги Гданьской встречи. Например, в одних польских газетах В. Путина хвалили за то, что он осудил моральный аспект «пакта Молотова–Риббентропа», в других же ругали за то, что он взялся «учить поляков истории».

Выступивший на страницах «Gazeta Wyborcza» немецкий политолог Корнелиус Охманн заметил, что Путин навал «пакт Молотова–Риббентропа» «морально неприемлемым», в то время как ¾ россиян придерживаются иного мнения, и что «поляки должны это оценить». Главный же редактор журнала «Новая Польша» Ежи Помяновский усмотрел в приезде Путина в Польшу его стремление «оттянуть» Польшу от Украины. Совсем в другой тональности прозвучали слова министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского, который назвал визит российского премьера «шагом вперед». По его мнению, Путин признал, «когда началась война, и кто был ее первой жертвой». Конструктивными стали суждения председателя партии «Союз левых демократов» Рышарда Калиша, считающего торжества в Гданьске, прежде всего, успехом премьера Польши Дональда Туска, продемонстрировавшего наряду с В. Путиным свою заинтересованность в развитии российско-польских отношений. Бывший посол Польши в РФ Станислав Чосек связал визит Путина с надеждой на то, что польско-российские отношения войдут наконец в цивилизованное русло. О необходимости пресекать любые взаимные провокации в отношениях между Польшей и Россией заявил архиепископ Люблинский Юзеф Жичиньский, подчеркнувший, в частности, что нельзя воспринимать дату 17 сентября (день вступления советских войск на территорию Польши в 1939 г.) как повод для ненависти. А главный редактор газеты «Rzeczpospolita» Павел Лисицкий, справедливо отметив, что Польша и Россия могут вести диалог, всё же считает, что на Гданьской встрече вряд ли удалось существенно продвинуться вперёд в деле общего понимания прошлого. Более того, не предлагая ничего конструктивного с польской стороны, он сосредоточил внимание на критике В. Путина, который, по его мнению, по-прежнему

¹ Путин В.В. Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? // «Аргументы и факты», 2009, № 36.

² Там же.

остаётся в плену «советской ментальности: то выступает как правопреемник СССР, то дистанцируется от советской политики».

Широкий спектр оценок имел место и в российских СМИ – от однозначно отрицательных до в целом положительных. Так, по мнению главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянова, для современной российской политики официальное заявление о том, что «пакт Молотова–Риббентропа» аморален и что следует хранить память о «преступлениях» Катюни и Медного, стоит немало. Максимум того, что можно было ожидать от премьер-министра России, было им сказано. Этим В. Путин показал, что занимает совершенно уникальную позицию в российской системе¹.

Однако два наиболее важных момента в оценке пакта российским премьером почему-то оказались незамеченными СМИ.

Первый – В.В. Путин осудил только моральную сторону «пакта Молотова–Риббентропа», а правового и политического аспектов не коснулся вообще. (Вспомним, что Съезд народных депутатов СССР принял в своё время Постановление о политической и правовой оценке Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, не давая ему моральную оценку.)

Второй момент – говоря о том, что проблемы прошлого не должны мешать сегодняшним отношениям между Польшей и Россией, В.В. Путин подчеркнул, что *вопросами истории пусть занимаются историки, а не политики*, иначе можно и до пострадавшего от поляков Ивана Сусанина добраться. С такой постановкой вопроса согласился премьер правительства Польши Дональд Туск – политик более прагматичный, чем его предшественник на этом посту – Ярослав Качиньский.

Отмеченные выше «нюансы» имеют принципиальное значение – за ними стоит стремление уйти от политических «разборок», прекратить политические баталии по поводу событий, принадлежащих истории (в том числе и по так называемому «пакту Молотова–Риббентропа»), и предоставить заниматься этим исторической науке. Такая постановка вопроса, кроме всего прочего, могла бы способствовать выработке предложений для принятия определённых политических решений (при наличии, разумеется, убедительных аргументов). Кстати, большие надежды здесь возлагаются на созданную в 2008 г. Российско-польскую группу по сложным вопросам (её сопредседателями являются ректор МГИМО, академик РАН А. Торкунов и бывший министр иностранных дел Польши А. Ротфельд), которая уже инициировала проведение мемориальных мероприятий, приуроченных к 70-й годовщине начала Второй мировой войны, в том числе и Гданьскую встречу на высоком уровне.

Заметим ещё одну деталь – В.В. Путин в Гданьске не стал каяться, как того хотели не только в Польше, но и в некоторых европейских столицах. Этим самым он однозначно подчеркнул, что, во-первых, руководители России не желают брать на себя грехи Сталина и Молотова, а во-вторых, нельзя взваливать вину за Вторую мировую войну на какое-либо одно государство.

Весьма своеобразными оказались оценки проблем, которым была посвящена Гданьская встреча, со стороны присутствовавших на ней лидеров европейских стран.

Польский премьер Дональд Туск, например, заявил, что «советские войска освободили Польшу, но не могли принести ей свободу, так как сами не были свободны», а также что советско-германский пакт поспособствовал захвату Польши. Президент Польши Лех Качиньский, упомянув о разделе Чехословакии в 1938 г. и извинившись за занятие польскими войсками Тешинской Силезии, переключился вдруг с темы Гданьской встречи на вооружённый конфликт на Кавказе августа 2008 г. и объявил, что нарушение территориальной целостности государства – всегда зло, «чему примером стали события прошлого года».

Чёткую позицию заняла Ангела Меркель: «Я склоняю свою голову перед мужеством жертв войны. Конечно, мы понимаем, что эти шрамы останутся еще надолго. Мы, немцы, никогда не забудем о тех наших партнерах на Востоке и на Западе, которые проложили дорогу к возрождению и восстановлению отношений. И никогда больше в будущем у нас не будет даже в мыслях каким-то образом встать на дорогу, которая была избрана Германией много лет назад».

Последовавшие после Гданьской встречи события показали, что, к сожалению, дух конфронтации продолжает витать не только над головами отдельных политиков, но и в стенах высших государственных структур некоторых стран. Так, например, польский сейм на своём сентябрьском 2009 г. пленарном заседании принял специальную резолюцию, осуждающую «вторжение» Красной Армии 17 сентября 1939 г. в Западную Украину и Западную Белоруссию (которые на самом деле, как хорошо известно, были присоединены к польскому государству силой оружия и находились в его составе в период между двумя мировыми войнами). Весьма показательно, что документ был согласован в ходе консультаций с руководителями всех фракций сейма спикером Брониславом Коморовским.

¹ <http://gzt.ru/257451.html>

Заявление того же польского сейма в отношении «пакта Молотова–Риббентропа», сделанное им в связи с 70-летием начала Второй мировой войны, в украинских политических кругах и СМИ расценили как открытие пути к разделу Украины между Россией и Польшей и пересмотру государственных границ Белоруссии и Литвы де-факто. Претензии Польши распространяются на все «кресы входни», т. е. территории утраченные Речью Посполитой после 1 сентября 1939 г., но, разумеется, без «симметричного» возврата полученных ею после Второй мировой войны бывших немецких земель на западе, что в полной мере отражает неадекватность политики нынешней официальной Варшавы.

Актом глумления над историей и проявлением политического безрассудства явилось принятие (в первом чтении) 30 сентября 2009 г. литовским сеймом поправок в Уголовный кодекс Литвы, предполагающих жестокую кару за отрицание советской агрессии против Литвы и одобрение политики СССР в отношении этой страны. Этими поправками санкционируется штраф, арест или лишение свободы сроком до двух лет. Уголовные наказания предписаны также для тех, кто отрицает «геноцид в отношении граждан Литвы» или «другие преступления против человечности», совершённые лицами, осуществлявшими «агрессию против Литвы» или участвовавшими в ней.

Что всё это означает? Не что иное, как «политизированный залп», «навешивание ярлыков», поиск «врагов» в новых исторических условиях.

* * *

Так уж получается: над Европой время от времени «бродят какие-то призраки». Причём, весьма разные – по своему генезису, масштабам, наконец, по последствиям деятельности. Но есть у них и общая черта – они окутывают человеческое сознание, въедаются в человеческую душу.

Вот и сейчас во все поры европейского и мирового сообщества, как метастазы в человеческом организме, проникают призраки беспрецедентной лжи, политического лицемерия, ревизии истории и мифы о «новой, исторической правде».

И то, какое место в этом глобальном противоборстве занимает каждый политик, учёный, журналист, педагог, – дело совсем не личное, хотя, к сожалению, некоторые думают наоборот.

Надо ли продолжать «докапываться» до всех деталей советско-германских договорённостей от 23 августа 1939 г.? Вне всякого сомнения!

Возвращаться ли к анализу «исторических уроков»? Обязательно – это важно как для современной политической жизни, так и для будущего!

Но недопустимо и преступно подменять борьбу за историческую правду политическими инсинуациями, мифами и измышлениями, казалось бы «канувшей в лету» «холодной войны».

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

Н.А. НАРОЧНИЦКАЯ

«КОНЦЕРТ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ СОБЫТИЙ

Теперь в Европе, чью «вольность, честь и мир» во Второй мировой войне вновь искупила наша русская кровь и наша советская армия, которую встречали в европейских столицах с восторгом, открыто называют Советский Союз ещё худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх. Вторая мировая стала поворотным пунктом в истории XX века, поэтому столько копий сломано историками и политологами по поводу этих событий. В последние годы полемика вышла далеко за пределы научных дискуссий, и теперь приходится полемизировать не только приводя новые красноречивые факты и документы, но и развенчивая саму парадигму, т. е. мировоззренческую рамку в которой западные специалисты исследуют события и свидетельства 1930–1940-х гг.

Из книги «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?»

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории XX века, поэтому столько копий сломано историками и политологами по поводу этих событий. В последние годы полемика вышла далеко за пределы научных дискуссий, и теперь приходится полемизировать не только приводя новые красноречивые факты и документы, но и развенчивая саму парадигму, т. е. мировоззренческую рамку, логику, в которой западные специалисты исследуют события и свидетельства 1930–1940-х гг.

Теперь в Европе, «вольность, честь и мир» которой искупила вновь наша русская кровь и наша советская армия, которую встречали в европейских столицах неистовым восторгом, открыто называют Советский Союз ещё худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх. Европейский парламент, попирая международное право и Устав ООН, называет Курильские острова территорией «под российской оккупацией». Парламентская ассамблея Совета Европы принимает резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов». Вслед за ней и Парламентская ассамблея ОБСЕ в июне 2009 г. принимает резолюцию, уравнивающую «сталинский тоталитаризм» и гитлеровский расистский режим. СМИ и вообще, попирая всякий научный подход, тиражируют тезис о тождестве нацизма и коммунизма, чему изумились бы не только западные политологи, но и западные политики времён «холодной войны», справедливо полагавшие эти идеи антиподами.

Вопреки принципу историзма чуть ли не главной причиной войны с недавних пор стали объявлять советско-германский договор от 23 августа 1939 г., чего, заметим, никогда не делали даже в годы «холодной войны». Фальсификация истории – замалчивание и извращение важнейших фактов и документов, ключевых событий происходит у нас на глазах. Вполне можно предположить, что в западных учебниках через пару десятилетий напишут, что на одной стороне воевали демократические США и Британия, а на другой – два тоталитарных монстра. Уже сейчас очевидно последовательное внедрение в информационное поле и в парламентские круги суждения о том, что наше государство

было преступным и подлежащим запоздалому суду. В то же время 70-летняя годовщина так называемого Мюнхенского сговора осенью 2008 г. намеренно и полностью замалчивается всеми западными масс-медиа!

Именно с Мюнхенского договора начался передел европейских границ. Пора именно этот момент считать началом гитлеровских завоеваний и поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая, который потерял к моменту нападения Гитлера на Польшу уже много миллионов человек, которые вообще не учитываются в общем количестве потерь Второй мировой войны.

В результате Мюнхенского соглашения западных демократий с нацистской Германией Гитлер объявил ультиматум суверенному государству, ввёл свои войска и отторг сначала часть этого государства, затем полностью его расчленил, насильственными действиями «приняв чешский народ под защиту германской империи». Темы интенсивных секретных переговоров европейских держав свидетельствуют об идущем полным ходом настоящем переделе границ и завоеваниях, о следующих военных демаршах Германии и направлениях захватов новых территорий, вопросы о совместных действиях при нападении Германии на те или иные страны. Причём речь шла в основном о гитлеровской экспансии на востоке Европы. И это наглядное подтверждение главного смысла Мюнхенского сговора, намеренно развязывавшего руки Берлину именно на востоке. Этот процесс в Европе, начавшийся с ультиматумов и ввода войск, неизбежно перешёл в кровавую стадию в сентябре 1939 года. Однако захват и раздел Чехословакии намеренно не трактуется в западной историографии и историческом сознании как начало европейской войны, ибо, признав это, пришлось бы признать ответственность тех держав, что санкционировали передел границ. Поэтому и Чехословакия, захваченная и расчленённая гитлеровской Германией на глазах у всего мира, не считается жертвой гитлеровской агрессии в той мере, в какой считается Польша.

Но пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене, потому что она себя сейчас выставляет невинной жертвой раздела между двумя хищниками – Гитлером и Сталиным. При этом все умалчивают о том, что за год до этого, в Мюнхенском процессе, Польша сама сыграла роль мелкого хищника. Варшава на деле, что подтверждают документы, была весьма раздосадована тем, что её не пригласили в качестве пятого участника Мюнхенского соглашения. Поляки немедленно предъявили претензии на Тешинскую Силезию, и Варшава стала соучастником Гитлера в растерзании Чехословакии – первой жертвы гитлеровских захватов.

Амбиции и роль Польши не были, ни тогда, ни сегодня, ни осуждены, ни отвергнуты теми же западными державами. Похоже, в Польше вполне политкорректно и сегодня не стесняться тех амбиций. В 2005 г. один из ведущих историков Польши Павел Вечоркович открыто сетовал на то, что в 1939 г. Польша так и не сумела договориться с Гитлером, хотя пыталась, и вместе с ним не разгромила столь нелюбимую Россию. Гротескная самооценка, похоже, позволяет мнить, что именно польские войска обеспечили бы Гитлеру победу в Сталинграде и под Курском, и ностальгически рисовать себе картину: «Мы могли бы найти на стороне рейха почти такое же место, как Италия... В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск» [1].

Ещё двадцать лет назад подобные размышления на страницах официального органа Польской Республики произвели бы на Западе куда больший шок, чем высказывания иранского президента об Израиле. Но, похоже, желание фальсифицировать историю нашей Победы и собственного коварства на первом этапе войны в демократической Европе извиняет всё. Это уже не просто политкорректно – это индульгенция, отпускающая любые грехи: сожаления о несостоявшемся союзе с Гитлером, мечты о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, как мнили в Польше, отдал бы Украину, Литву и Словакию. Ведь польский историк считает, что отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были «актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости».

Все материалы убедительно свидетельствуют, что нападение Гитлера на Польшу, определённое в планах берлинского командования еще в марте 1939 г., когда СССР вёл интенсивные переговоры с Лондоном и Парижем, а вовсе не с Берлином, было следствием именно Мюнхенского соглашения, запрограммировавшего ход европейских событий, дальнейшие шаги Гитлера на восток, изоляцию Советского Союза. На Западе не любят вспоминать, что их решение вполне официально цинично предписывало жертве не сопротивляться и даже не сметь выводить экономические и производственные активы и мощности! Именно это соглашение не просто разрушило всю послеверсальскую систему международных отношений, но и стало началом захватов и полного передела Европы, которое неизбежно втянуло в кровавую стадию почти всех. Задолго до пакта Молотова – Риббентропа западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте. Лига Наций фактически почилла в бозе, но главным итогом стало то, что СССР был почти загнан в геополитический мешок, лишённый инициативы. Очевидно, что именно это и было главной целью Британии.

После смерти Ю. Пилсудского руководство польской внешней политикой перешло к Ю. Беку – министру иностранных дел, который весьма способствовал её сближению с германской. Провозглашённая «равноудалённость» от СССР и Германии оказалась фикцией. Варшава, весьма обозлённая тем, что её не пустили стать пятым участником сговора, выдвинула ультиматум несчастной Праге с требованием отдать ей Тешинскую Силезию. Уже 2 октября «победоносные» польские войска вступили в Тешин, после чего и Венгрия заявила претензии на большую часть Словакии и Закарпатье. Амбиции стать реорганизатором «третьей Европы» неизбежно делали Польшу соучастником гитлеровских планов.

И это не единственное: сразу после аншлюса Австрии Польша предпринимает «пробу сил» на литовском направлении – ещё бы! С Люблинской унии Варшава считает литовские, белорусские и украинские земли своей вотчиной. Ультиматум Литве после инцидента на польско-литовской границе 11 марта 1938 г. не исключал «использования силы» в случае его отклонения. Литва занимала важнейшее место в польских планах «третьей Европы» и «балтийской Антанты», которые должны были осуществиться, в конечном итоге, якобы через «свободное объединение этих стран». Хотя Берлин явно намеревался втянуть Польшу в свои планы, Гитлер вовсе не собирался позволить Польше самостоятельно овладеть Литвой. Литва использовалась Берлином как приманка – её Германия якобы планировала передать Польше в качестве компенсации за передачу польского коридора рейху.

Когда Берлин уже готовился ко входу в Прагу, в Лондоне пытались сохранить лицо, и Британия с Францией впервые обратились к Гитлеру с нотой о предоставлении гарантий послемюнхенской Чехословакии, которую Гитлер бесцеремонно отверг. Для

Лондона становилось ясно, что главные события мирового значения перемещаются в Восточную Европу, и это вполне соответствовало британским планам. И Польшу Гитлер обманывал, ибо для него временное попустительство польским амбициям нужно было лишь для «активизации союзников» на чехословацком направлении, для привлечения к дележу добычи дополнительных участников, что легализовало бы его собственный захват и продемонстрировало бы мировому сообществу бесперспективность иностранного противодействия разделу Чехословакии.

На что надеялась Польша? Неужели у неё могли быть иллюзии в отношении Германии? Берлин никогда бы не подтвердил западные границы Польши, а целями Германии было возвращение Данцига! Германия, в конечном итоге, не стала бы признавать интересы Польши в Литве! Но пребывая в плену внешнеполитической идеологии Юзефа Пилсудского, увенчанного за свои походы на Москву лавровым венком Стефана Батория, Польша, движимая ненавистью к России, чрезвычайно сузила свой горизонт видения. Она не хотела понимать чисто конъюнктурную и цинично временную заинтересованность Берлина в Варшаве как «союзнике». Польшу до сих пор не смущают известные сентенции Гитлера о поляках как о пушечном мясе: «Каждая польская дивизия в конфликте с СССР сбережет одну немецкую дивизию».

Мюнхенский сговор вызвал глубокое разочарование Москвы, где сразу предупреждали и о далеко идущих последствиях концепции Чемберлена, и о гибельности польского демарша, ибо он только способствовал будущему походу Гитлера на Польшу. Документы показывают, что Москва не только не скрывала своих размышлений о возможных для себя путях спасения, но всячески предупреждала своих западных партнёров: «Сегодня Польша, – было сказано в Москве послу Италии 22 сентября 1938 г., – требует аннексии небольшого участка чехословацкой территории, где проживает несколько десятков тысяч человек польской национальности. Она забыла, однако, что на границах польского государства живут миллионы украинцев, немцев, белорусов, евреев и т. д. Более того, она имеет данцигский коридор, который Гитлер рассматривает как немецкую территорию. Как Польша может надеяться, что ради прекрасных глаз господина Бека, Германия, после успеха, достигнутого в Чехословакии, остановит у польских границ фатальный путь германцев, направленный по её же... признанию к завоеванию гегемонии не только в Европе, но и во всем мире? Кто придет на помощь Польше в момент опасности?!» В своём донесении в европейские столицы итальянский посол Аугусто Россо соглашается с неизбежным выводом, что следствием фатального развития теперешних событий явится «четвёртый раздел Польши» [2].

На что рассчитывала Польша, во внешней политике которой со времён Юзефа Пилсудского возобладала великодержавная концепция Польши «от моря до моря» открыто антироссийской направленности? Воспользовавшись революцией и Гражданской войной в России, Польша захватила Западную Белоруссию и Западную Украину – территории Российской империи и до сих пор именует эти области «Восточной Польшей». Этот раздел украинских и белорусских земель вовсе не считается на Западе преступлением. Известно, что Пилсудский открыто требовал вернуться к границам 1794 г., возможно, в душе лелея мечту о 1612 г., и бесцеремонно заявлял, что его совершенно не устраивала восточная граница по «линии Керзона». Амбиции и эйфория Варшавы в 1919 г. даже сделали её неудобным партнёром для Антанты, хотя ставка на «могучую»

антироссийскую Польшу всегда была элементом англо-французской политики в отношениях с Россией и СССР. Когда разбирают пакт Молотова – Риббентропа, почему-то не учитывают, что Польша не только в годы революции и Гражданской войны, но и в ходе всего постверсальского периода между Первой и Второй мировой войнами сама себя позиционировала с очевидной враждебностью к России.

Польский министр иностранных дел Юзеф Бек, последователь Пилсудского, к тому же был откровенным германофилом и до последнего пытался убедить Гитлера, что Варшава могла бы стать незаменимым инструментом для Германии в её походе на восток, и прежде всего для завоевания Украины. Судя по архивным документам, даже британские авторы Мюнхенского соглашения, по крайней мере, к весне 1939 г., прекрасно осознавали, что поход Гитлера на восток уже не обойдёт Польшу. Варшава же до последнего была настроена категорически против любого многостороннего соглашения с участием Москвы и движима иллюзиями получить за лояльность Берлину и готовность к союзу с Гитлером свой приз в виде сохранения за ней Данцига, а может, и приобретения Украины и выхода к Чёрному морю.

Если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война – самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов. Какова же была позиция великих «демократий»? Ведь война и новый невиданный передел мира начались до пакта Молотова – Риббентропа. Отметим вехи этого кровопролитного передела, который почему-то не побудил западные демократии вмешаться, подвергнуть агрессоров осуждению, бойкоту и изоляции.

Передел мира на Дальнем Востоке унёс жизни более 35 млн человек – прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией уже в 1931 г. Япония тогда захватила территорию, равную площади Франции. При попустительстве мирового сообщества Япония в 1933 г. захватила ещё и провинцию Жэхэ, а в 1935 г. вторглась в Чахар и Хэбэй.

В 1935 г. Италия начинает агрессивные действия в Северной Африке и нападает на Абиссинию, применив химическое оружие против беззащитного населения. Если Лига Наций высказывается за санкции, то Англия и Франция ограничиваются лишь символическими жестами, даже отказавшись от нефтяного эмбарго, которое могло бы резко остудить воинственный пыл Италии. Британский кабинет счёл нецелесообразным противодействовать акциям в Африке, цинично объяснив такое попустительство желанием умиротворить агрессоров и удержать их от «коренного изменения расстановки сил в Европе». Хотя этот шаг Муссолини полностью подорвал пакт Бриана–Келлога, т. е. всеевропейскую систему безопасности, президент Рузвельт поспешил опубликовать декларацию о нейтралитете, который означал полный карт-бланш не только для Италии и Японии, но и для Германии, которая провела военный демарш в Рейнской области и заявила о недействительности Локкарнских соглашений, дав понять, что рассматривает заключение франко-советского союзного договора в качестве враждебного Германии шага. В.М. Фалин в своей монографии справедливо обращает внимание на смысл этого «послания» – если Запад будет давать гарантии Москве, то Берлин будет нарушать статус-кво на западе Европы.

И это «послание» было воспринято: Германию стали откровенно подталкивать на восток. Рассекречивая архивные фонды советской разведки и НКВД, мы могли бы предложить и западным странам снять гриф секретности с документов, относящихся, например, к заключению «пакта четырёх». «Пакт согласия и сотрудничества» был подписан в июле 1933 г. с гитлеровской Германией правительствами Франции, Англии и

Италии чьи архивы на этот счёт до сих пор закрыты. Даже не ратифицированный из-за протестов французского общества, именно этот пакт обратил Гитлера в респектабельного партнёра на европейской политической сцене и ввёл его в круг «признанных». А это открывало путь к Мюнхенскому сговору.

Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился Ллойд Джордж. «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР, – пояснял он. – Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири. Мы откроем Германии путь на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии» [3].

Япония также вполне осознала, что США, Англия и Франция не будут вмешиваться. Заручившись обещаниями Германии и Италии «оказать поддержку, если СССР окажется союзником Китая», она начала осуществлять «меморандум Танаки», содержание которого было известно советскому руководству уже в 1928 г. В Нанкине японцы убили более 200 тыс. человек – каждого второго жителя, а в целом японская агрессия стоила Китаю 35 млн жизней. При этом мировая война, по мнению Запада, началась лишь с нападением на Польшу и вступлением в войну Великобритании!

Итак, Европа последовательно «умиротворяла» Гитлера и не препятствовала Италии, которая вторглась в апреле 1939 г. в Албанию и 7 апреля включила её в свой состав, приблизившись к реализации своей концепции *mare nostrum* – кольцеобразного контроля над Средиземным морем. Примечательны состоявшиеся 25–26 марта 1935 г. во дворце канцлера в Берлине секретные переговоры сэра Джона Саймона, министра иностранных дел Великобритании, и Гитлера, запись которых стала достоянием советской разведки и была впервые опубликована в 1997 г. Гитлер отвергает даже намёк на возможность сотрудничества с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы», заявляя, что «немцы больше боятся русской помощи, нежели нападения французов», и утверждая, что из всех европейских государств вероятнее всего ожидать агрессии именно от России. Разрыв с рапалльской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 г. налицо. Именно Саймон предложил рассматривать СССР лишь как геополитическую величину и настаивал, что «опасность коммунизма скорее является вопросом внутренним, нежели международного порядка».

Однако главный смысл его «послания» Гитлеру совсем в другом – в санкционировании аншлюса Австрии. Когда Риббентроп попросил Саймона изложить британские взгляды по австрийскому вопросу, тот прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может относиться к Австрии так же, как, например, к Бельгии, то есть к стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Удовлетворённый Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия в вопросе о саарском плебисците и по всем другим вопросам, в которых оно заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии». Речь здесь шла о конференции 1935 г. в Стресе по вопросу о нарушениях Германией военных положений Версальского договора, где Британия отвергла предложение о санкциях в случае новых нарушений [4].

А какие цели были у Соединённых Штатов, которых представляют сейчас не только как главного спасителя Европы, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, а вовсе не за собственные интересы?

США полностью повторяли своё поведение 1914–1917 гг. и вообще собирались выждать в надвигавшейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока не начнутся геополитические изменения уже структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 г. Доклад же был предварительно обсуждён с Рэнсименом – специальным представителем британского кабинета Болдуина. Главным содержанием переговоров был вопрос о нейтралитете США в грядущей войне. Позиция Ф. Рузвельта в итоге была сформулирована так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции, и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону» [5]. Последний тезис почти полностью повторяет стратегию нейтралитета в Первой мировой войне: вмешаться, когда Евразия окажется под преимущественным контролем одной континентальной силы. Эти тезисы делают ясным, какой неприятностью для США оказался пакт Молотова – Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, и собирались вмешаться лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попадала бы под её полный контроль.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую геополитическую доктрину «яруса мелких независимых восточноевропейских государств между немцами и русскими» от Балтики до Чёрного моря. Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на восток. До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом».

Во-первых, они уже опозорили себя, принеся чехов в жертву своим интересам.

Во-вторых, состоялось бы соединение немецкого потенциала в одном государстве, а это была бы ревизия Версаля, причём такая, против которой потом трудно было бы возражать – эти территории не были завоеваниями 1914–1918 гг., но входили в Германию и Австро-Венгрию до Первой мировой войны.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток, а не на запад, что отодвигало войну с Англией. И англосаксонский расчёт на необузданность амбиций был точным. Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера – претензии на Украину. Вывод о губительной для собственной истории политике Польши накануне войны вытекает из документальных материалов, приводимых даже «полонофильскими» авторами, научная добросовестность которых вынуждает их

признать «явный крен во внешней политике Польши к сближению с "Третьим рейхом" (по инициативе Берлина)... наносивший серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе... Загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства, польское руководство пошло на открытое сотрудничество с нацистской Германией» [6]. Уже в январе 1939 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза», а затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа с поляками, в ходе которых Польша выражала готовность присоединиться к антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит её претензии на Украину и выход к Чёрному морю [7]. По-видимому, этот вопрос решался лишь в зависимости от цены за отказ от «равноудалённой» позиции между Германией и СССР, ибо, по сведениям Литвинова, Польша отрицала такую возможность в переговорах с итальянским министром и зятем Муссолини Галеаццо Чиано, который не смог предложить Варшаве соответствующего приза [8].

Однако англосаксонская стратегия стала столь очевидной, что это уже обрекало её на провал. И понимая это, Британия практически одновременно, но всё же раньше на несколько дней, чем СССР, готова была договориться с Гитлером, в связи с чем была подготовлена встреча Геринга с Галифаксом и «умиротворителями»-мюнхенцами чемберленовского толка, вновь поднявшими голову летом 1939 г.

Мюнхен и позиция «демократических стран» показали бессмысленность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Это признал в своём докладе и сам М. Литвинов, не без оснований считавшийся представителем англосаксонского лобби в СССР. При нём внешняя политика СССР не просто плавно переместилась от рапалльской линии в антигерманский лагерь, что было естественно после прихода Гитлера к власти. СССР вступил в Лигу Наций и начал активно демонстрировать надежду на согласие с Западом в поиске коллективной безопасности. Доклад Литвинова был сделан во время Мюнхенского сговора, что было сразу замечено на Западе. «Речь, произнесенная вчера Литвиновым, в основе, мне кажется, признает провал политики коллективной безопасности, которая была в продолжении последних лет основой внешней политики Москвы... Это признание не может не привести к заключению о том, что СССР отклоняет какую бы то ни было ответственность за то, что случится в Европе, и отныне будет руководствоваться исключительно своим собственным интересом и собственными идеалами», – сообщает посол Италии Аугусто Росси осенью еще 1938 г.

Хрестоматийная история и новые подтверждения бесконечных попыток и планов показывают одно: переговоры и затягивания со стороны западных стран среди прочего имели целью отвлечь внимание СССР от поиска самостоятельных возможностей, предупредить его обращение к модус вивенди с Германией. Чего только стоят многочисленные переговоры по общей декларации Англии, Франции, СССР и Польши! Мало того что Польша была главным препятствием такой декларации, Британия постоянно меняла свою позицию, попеременно то сея надежды, то беря свои слова обратно и всегда отказываясь включать туда пункт о собственных обязательствах и гарантиях.

Весьма красноречиво отражает реальную обстановку разговор постоянного представителя в Лондоне И.М. Майского с заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом, который принялся убеждать Майского, что Лондон готов принять декла-

рацию против грядущей агрессии Германии: «Я слушал Кадогана с большим недоверием, – записал в донесении Майский. – Зная вековую нелюбовь Англии к "твёрдым обязательствам" вообще, а на континенте Европы в особенности, зная традиционное пристрастие Англии к игре на противоречиях между третьими державами со свободными руками, зная, наконец, как уже на моих глазах брит(анское) прав(ительство) никогда даже и слышать не хотело о гарантии границ в Центральной и Восточной Европе, я с трудом мог себе представить, чтобы Чемберлен согласился дать твёрдые обязательства Польше и Румынии. Наконец, он спросил: "Почему вы так усмехаетесь? Почему Вам кажется подобное решение кабинета невероятным?" Я возразил: "Потому что ваш новый план, если он только вообще будет реализован... представлял бы что-то похожее на революцию в традиционной внешней политике Великобритании..." Кадоган пожал плечами: "Да, конечно, это было бы революцией в нашей внешней политике, – оттого-то мы так долго не можем принять окончательное решение"» [9]. При этом Кадоган показал на часы и стал уверять, что правительство в этот момент принимает решение. Но решение в очередной раз не было принято!

СССР неизменно включал пункт о том, что «Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черными морями и граничащими с СССР, в случае агрессии против этих государств» [10]. Однако ни один проект со стороны Британии не давал гарантии Прибалтийским странам – западной границе СССР, все они практически заканчивались уклонением от решительного шага. Это подтверждают практически все опубликованные ранее и вводимые в оборот новые архивные документы. В ответ на предложение СССР от 17 апреля Галифакс вновь сообщил Майскому, что «Британия будет настаивать на своем первоначальном предложении о нашей (советской. – *Н.Н.*) односторонней гарантии для Польши и Румынии». Британский министр сослался опять на «оппозицию» Польши и Румынии, а о предоставлении англо-французской гарантии Прибалтийским государствам заметил, что, во-первых, сами эти государства будто бы высказываются против такой гарантии из опасения «спровоцировать» Гитлера, и что, во-вторых, распространение англо-французской гарантии на Балтику дало бы Гитлеру лишний аргумент для вбивания в голову германского населения мысли о политике «окружения».

В ответе советского посла было указано, что «предложенная английская формула лишена характера взаимности: мы обязаны помогать англо-французам, если они вовлечены в войну из-за Польши и Румынии, а они не обязаны нам помогать в аналогичном случае». Этот обмен мнениями проходил в дни, когда в «Таймс» была развёрнута большая кампания за то, чтобы сделать «еще одну попытку» договориться с Германией и Италией. Как сообщал И. Майский: «... В правительственных кругах явно чувствовался рецидив мюнхенской политики, и вновь подняли головы "умиротворители"» [11].

В итоге очень интенсивные и напряжённые попытки добиться результата от западноевропейских партнёров ничего не дали, что и привело к заключению пресловутого советско-германского договора 23 августа 1939 г.

Было ли такое развитие событий и итог совершенно неожиданными для западных государств, как это пытаются представить сегодня? Отнюдь. Уже в сентябре 1938 г., после переговоров с заместителем наркоминдел В. Потемкиным, посол Италии в СССР сообщал своему ведомству о полной разочарованности СССР, руководство которого полагает, что вслед за разделом Чехословакии Гитлер возьмётся за Польшу, и выводе о неизбежности смены курса: «Я полагаю, что в настоящее время непосредственным результатом последних событий станет то, что СССР будет принужден оставить свои попытки международного сотрудничества с буржуазными правительствами запад-

ных демократических держав, перейдя к оборонительной политике относительной изоляции» [12]. Итак, будущая смена поисков договорённостей с Британией и Францией на пакт о нейтралитете с Германией названа западным дипломатом в его секретном послании в центр оборонительной политикой!

Во всех беседах с британским послом Сиддсом в Москве и Литвинов, и Молотов неоднократно доносили до него разочарование политикой Лондона, провал которой в Мюнхене позволял СССР «считать себя свободным от всяких обязательств» [13]. После Мюнхена и на Западе осознавали, что для СССР это единственный путь. Постоянно подпитывать в советском руководстве мнимую надежду на возможность соглашения о взаимных коллективных гарантиях – вот очевидная цель стратегии, прежде всего, Британии, главным инструментом которой была Польша.

Родоначальником искажения смысла Второй мировой войны можно считать германского историка Э. Нольте, взгляды которого в 70-е гг. вызвали бурные протесты всего научного и политического сообщества на Западе. До сих пор из-за своих нелиберальных взглядов он считается неполиткорректным, ибо фактически начал реабилитировать фашистские явления в Европе и косвенно оправдывать гитлеровские завоевания. Тем не менее, именно его концепцию, избавляющую Запад от вины за грех нацизма, сейчас сделали стержнем фальсификации истории.

В своей книге «Европейская гражданская война. 1917–1945» Нольте доводит свою концепцию до апогея, интерпретируя международные отношения в межвоенный период и движение к войне как схватку двух идеологий, представляющих вызов гражданскому миру и обществу, а саму Вторую мировую войну – не как кульминацию стремлений к территориальному господству и к новому переделу постверсальского мира, а как якобы начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну». Нольте предпочитает не интересоваться фактами, а те, что общеизвестны, нанизывает на свою схему. **Однако фактом является то, что решение о дате нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. было принято Берлином ещё весной 1939 г. и советское руководство было об этом прекрасно осведомлено. Более того, почти сразу после Мюнхена многие на Западе понимали, что СССР оказывается в полной изоляции. Так что тезис о том, что якобы именно пакт Молотова – Риббентропа привёл к нападению на Польшу, абсолютно антиисторичен.**

Нольте называет «пакт Гитлера – Сталина» «европейской прелюдией» ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, где говорилось, что вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, каковы могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего развития политической ситуации.

Обращаем внимание, что фраза эта почти совпадает с текстом из заметок кайзеровского канцлера фон Бюлова, сделанных ещё в 1890 г. в отношении планов кайзеровской Германии в будущей войне против Российской империи. Планы, прямо скажем, полностью повторены Гитлером, да и расширение НАТО как будто идёт по кайзеровским картам: «Мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей – от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы». Дряхлый

Бисмарк оставил на полях помету: «Столь эксцентричные наброски не следует излагать на бумаге» [14].

Тезис о судьбе Польши отражал, прежде всего, преемственное мышление Берлина. Фон Бюлов также полагал, что «вопрос о восстановлении Польши в какой-либо форме и присоединения Балтийских провинций следует оставить в стороне», так как разгромленная и оттеснённая на восток «Россия скорее будет удобным соседом, чем восстановленная Польша». Польским пангерманистам, столь активно интриговавшим против России перед Первой и против СССР перед Второй мировыми войнами, было бы полезно знать подлинную цену Польши в глазах немцев.

Драматичная судьба Польши на стыке соперничающих геополитических комплексов в момент обострения общей борьбы была предопределена не в последней степени её извечной неприязнью к России. Материалы настоящей книги подтверждают то, что было известным из опубликованных архивных материалов. «Польша сохраняла отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии» [15]. После важного франко-английского совещания, состоявшегося 22 марта 1939 г. в Лондоне с участием Боннэ, Чемберлена, Галифакса, произошла утечка информации в прессу о том, что «все проекты противодействия Германии встречают главное затруднение со стороны Польши. Польша боится отказаться от проводившейся до сих пор полковником Беком политики балансирования между Советским Союзом и Германией. Польша, опасаясь Германии, не решается принять участие в декларации против агрессии» [16].

Новые архивные материалы не оставляют сомнений в позиции Польши: она не только последовательно и осознанно уклонялась от участия в каком-либо фронте вместе с СССР, но и имела виды на украинские и литовские земли. Именно это толкало её ревностно убеждать германскую сторону сделать ставку на Польшу, а не на «Великую Украину» – и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину» [17].

Итак, общее течение политики 30-х гг. достаточно очевидно привело к выделению противоположных интересов: западные державы, среди которых инициатива принадлежала Британии, гитлеровская Германия с другими фашистскими режимами и СССР. Британия фактически повторила свою стратегию кануна Первой мировой войны и постаралась направить агрессивный потенциал немцев на Россию. Неизбежность полной перекройки Европы становилась явной, и все страны, прежде всего Восточная Европа, искали свой выход из создавшегося положения, размышляли над возможностью использовать в кризисе соперников и над шансами реализовать неосуществлённые ранее исторические планы.

Захват Праги Гитлером и провозглашение марионеточной Словакии, предвоенный политический кризис 14–15 марта 1939 г. вроде бы побудили Британию пойти на обещание некоторых гарантий, из которых гарантия Польше потом переросла в соглашение о взаимной помощи. Это понятно, если вспомнить общую стратегию овладения контролем над линией Балтика – Чёрное море. Если бы удалось постепенно через последовательные успехи Германии на востоке Европы отвлечь агрессивные намерения Гитлера от западного направления, стимулировать этими успехами решение Германии сделать бросок в первую очередь на СССР (прибалты приносились при этом в жертву!), то британские гарантии Польше позволили бы Лондону обосновать вход в Восточную Европу «для её защиты» и вывода её, в конечном итоге, из-под влияния как Германии, так и СССР, истощивших бы друг друга в неимоверной схватке.

Предложение СССР заключить широкое соглашение, объединяющее и Прибалтийские страны, было западными странами отвергнуто. Сами Прибалтийские государства – полуфашистские, давно отказавшиеся от парламентаризма и котировавшиеся в европейском политическом и общественном мнении почти как гитлеровский режим, и вовсе отрицательно к нему отнеслись. В апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши операция «Вайс». СССР был об этом прекрасно осведомлен, как и о том, что Гитлер определил крайнюю дату нападения на Польшу 1 сентября.

Руководство СССР, осведомлённое о всех закулисных переговорах, постепенно приходит к убеждению, что промедление может сделать процесс движения Германии на восток необратимым и очень быстрым. Приостановить Германию тогда могло только широчайшее и очень сильное по взаимным обязательствам всеобщее международное соглашение с гарантиями странам, окружавшим Германию по всем периметрам её границ и по стратегическим пунктам Европы. В таком соглашении Москве было отказано. Впереди маячила перспектива германского нападения, в ходе которого западные страны наблюдали бы за истреблением России до тех пор, пока «не начались бы изменения структурного порядка». Именно об этом говорилось в упомянутом докладе Ф. Рузвельта своему кабинету о позиции США в возможной войне между Германией и СССР без участия западноевропейских стран. Какие же изменения структурного порядка ожидали СССР в случае, если бы Германия решила сначала напасть на СССР?

В таком гипотетическом случае Германия, быстро истощая силы совершенно неготовой и обескровленной репрессиями советской армии, оттесняла бы СССР за Волгу и Урал, с Кавказа с его нефтью и от Чёрного моря. Наверное, следуя канонам своей многовековой геополитики, Британия постаралась бы запереть проливы со стороны Средиземного моря, а со стороны Балтики и Северного моря помогла бы Польше. Заманив Гитлера как можно дальше на советскую территорию своим начальным бездействием и не пошевелив пальцем, чтобы помочь русским, пока тех не отодвинут далеко на восток, англосаксы, конечно, не позволили бы Германии стать хозяином Евразии. Но они били бы Гитлера с запада на российской территории, одновременно оттесняя Россию навеки из Восточной Европы, от Балтики и Черного моря. Нешуточный конфликт разгорелся бы и на дальневосточных рубежах, куда ринулась бы Япония. Но этому, уже по канонам американской геополитики, проявившейся в годы Гражданской войны, скорее всего, воспрепятствовали бы США. Они ведь уже однажды высаживались во Владивостоке в 1919 г., чтобы предотвратить выход Японии к Забайкалью. Британия и США воспользовались бы положением России, чтобы навсегда отодвинуть её от морей в глубь континента. При таком исходе СССР, использованный как главная жертвенная материальная сила, о которую споткнулся бы Гитлер, остался бы в тундре, что означало конец его истории.

Трудно удержаться от замечания, что та же геополитическая стратегия давления на Россию, хотя и в совершенно иных формах, просматривается на рубеже XX и XXI вв. Предпринимается очередная попытка её оттеснения на северо-восток Евразии, в глубь континента.

Тогда, в 1939 г., в Москве знали и о германских планах агрессии на запад. Интрига состояла в том, на кого сначала пойдёт Гитлер. То, что он имел уже готовые и прора-

ботанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада, было известно всем.

Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться что-то получить до того и смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как и многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торга только с Германией. Это и предопределило её судьбу в тот момент.

Как оценить готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая к тому же накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины? Или намерение воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции? По прагматизму или, если угодно, цинизму его поведение ничем не отличалось от позиции лорда Саймона, открывшего Гитлеру, что Британия не может беспокоиться об Австрии, как о Бельгии. Как должна была реагировать Москва на нежелание западных стран гарантировать в пакте коллективной безопасности не только границы Польши, но и Прибалтийских стран, что открывало Гитлеру путь на СССР?

Сами Прибалтийские государства также стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии, и, как сообщал в государственный департамент американский поверенный в делах в Литве, были «настроены резко против упоминания их в качестве государств, в отношении которых принимаются гарантии, в любых соглашениях между группами других держав и поэтому относятся крайне неодобрительно к предложению, сделанному недавно советским Комиссаром по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом». Представитель Литвы «выразил надежду, что западные державы придут к соглашению в отношении ситуации в Восточной Европе без упоминания государств этого региона». Он также «подсказал» американскому дипломату, каким образом уже данная Польше гарантия Великобритании могла бы быть реализована в отношении Литвы: «Поскольку Польша по соглашению с Британией имеет право сама определять, когда независимость Польши подверглась угрозе... нападение Германии на Литву надо будет воспринимать как шаг по окружению Польши» [18].

С лёгкой руки Э. Нольте на Западе советско-германский договор называют «пактом войны», «раздела», который якобы не имел аналогов в европейской истории XIX–XX вв. [19] Такое утверждение может вызвать только иронию у историка. От Вестфальского мира до Дейтона двусторонние договоры, тем более многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и «демократического» настоящего, были начертанием одних держав новых границ для других, а дипломатические секреты только этому и посвящены.

Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс, чтобы предупредить усиление ряда государств, добавил к территории Швейцарии стратегические горные перевалы. Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «Грабят Турцию». Австрия в 1908 г. аннексировала Боснию, получив дипломатическое согласие держав. В секретном соглашении 1905 г. между президентом США Т. Рузвельтом и премьер-министром Японии Т. Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США соглашались на право Японии оккупировать Корею. В Версале победившая англосаксонская часть Антанты с вильсонскими «самоопределением и

демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет (македонцы), кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому, как сербам, хорватам, словенцам, быть *volens nolens* вместе. В Потсдаме и на сессиях Совета министров иностранных дел были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Дж. Кеннан в 1993 г. в предисловии к переизданию Доклада Фонда Карнеги 1913 г. прямо призвал начертать нужное Западу новое территориальное статус-кво на Балканах и «применить силу», чтобы заставить стороны его соблюдать, что и было сделано в Дейтоне.

Гитлеровские геополитические планы совпадают с планами пангерманистов перед Первой мировой войной, а границу Германии по Волге требовали установить в 1914 г. берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», а христианской России.

Советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очерёдность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г., поменяв «всего лишь» «расписание» войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А, следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР.

Именно поэтому пакт Молотова – Риббентропа 1939 г. – это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать.

Для Британии наименьшие издержки сулило вступление в войну после того, как Гитлер пошёл бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в их глазах меньшую ценность по сравнению с «антисоветской» Польшей, на которую с Версаля делала ставку Антанта. Британия предполагала выступить в защиту Польши, что и сделала в 1939 г. Но Лондон рассчитывал, что Германия нападёт на неё в едином походе на восток, ввязавшись в безнадежную войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы малой кровью, а также сулило шанс войти в Восточную Европу с запада «для её защиты».

Г. Киссинджер в объёмном и обстоятельном труде «Дипломатия», где борются субъективизм историка с добросовестностью эрудированного исследователя, также не удержался от суждения, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Однако раздел его книги, посвящённый «нацистско-советскому пакту», опровергает его же слова и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения. Так, он приводит слова Гитлера от 11 августа 1939 г.: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренность с Россией, разбить Запад, а потом, после его поражения, вернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами». Киссинджер соглашается, что «это действительно было четким отражением первоочередных задач Гитлера: от Великобритании он желал невмешательства в дела на континенте, а от Советского Союза он хотел приобрести *Lebensraum*, то есть «жизненное пространство». Мерой сталинских достижений следует считать то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но достигнутый максимум возможного не может быть оценен иначе как успех дипломатической тактики – тем более в сложнейших условиях, угрожавших жизни государства. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, на-

звав его «высшим достижением средств», которые «вполне могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века» [20].

Киссинджер сокрушается о неуспехе Британии из-за того, что «установленный Версалем международный порядок требовал от Великобритании следовать исключительно правовым и моральным соображениям». Однако разговоры о верности Версалю после упомянутой конференции в Стрезе неуместны, как и ссылки на моральные принципы Великобритании после аншлюса или Мюнхена. Но и Киссинджер признаёт, что «сдержанность Великобритании в вопросе независимости Балтийских государств была истолкована в Москве как приглашение для Гитлера совершить нападение на Советский Союз, минуя Польшу».

Сами британские политики полагали действия Сталина естественно вытекающими как из исторических прав, так из обстоятельств. «Меньше всего я хотел бы защищать действия советского правительства в тот самый момент, когда оно их предпринимает, – комментировал события осени 1939 г. и занятие Красной армией Западной Белоруссии лорд Галифакс в палате лордов 4 октября 1939 г., – но будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я не собираюсь защищать действия советского правительства или другого какого-либо правительства, кроме своего собственного. Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы» [21]. 10 октября такую же оценку дал У. Черчилль.

Главной предпосылкой извращённых завоевательных амбиций, оправдываемых полужыческим нацизмом, явилось версальское унижение и расчленение Германии англосаксами, в котором СССР не принимал никакого участия. Что касается феномена экономического подъёма гитлеровской Германии, то сетующие на это англичане должны были бы обратиться к собственной роли в полном освобождении Германии от экономических условий Версаля и от репараций, что было в полном смысле слова продуктом англосаксонской стратегии. За это в течение межвоенного времени её и бичевал У. Черчилль.

В Лондоне больше всего боялись формирования германо-советского устойчивого *modus vivendi*, тем более что в германском обществе в начале 20-х гг. было распространено некое «русофильство», проявившееся в тяге к русской культуре. Призрак договора в Рапалло, заключённого Веймарской республикой с Советской Россией в 1922 г., не давал покоя британской геополитической стратегии. Но отношение к Советской России В. Ратенау, искавшего вне идеологических различий шанс выйти из международной изоляции, не имело ничего общего с тем, что ангажированная антинаучная публицистика приписывает мифическому «родству» Гитлера и Сталина. Серьёзные учёные и на Западе присоединяются к возражениям против совершенно антинаучной трактовки тождества нацизма и коммунизма [22].

В грозовой и стремительно меняющейся обстановке лета 1939 г., в условиях, когда пожар войны уже полыхал на трёх континентах СССР как любая самодостаточная держава, проводил многовекторную внешнюю политику в поисках оптимального решения обеспечения своей безопасности. Советское руководство и советская дипломатия обеспечили дополнительные два года для подготовки страны к войне. Более того, Москва рассчитывала, что резко активизировавшиеся в августе 1939 г. контакты с Германией, послужат толчком к усилению эффективности переговоров с демократическими государствами. Как ни пара-

доксально это может звучать, но именно договорённости между Москвой и Берлином в августе 1939 г. заставили Англию, Францию и США принимать во внимание Советское государство при решении международных вопросов, что увенчалось после вступления СССР в войну формированием антигитлеровской коалиции*.

Литература

- [1] Rzeczpospolita. 2005. 28 wrz.
- [2] Документ рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.
- [3] Цит. по: *Фалин В.М.* Второй фронт: Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 39.
- [4] Очерки истории Российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3: 1933–1944 гг. М.: Междунар. отношения, 1997. Прил. С. 463–464, 467.
- [5] Там же. С. 468.
- [6] *Случ С.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Сталиным и Гитлером, 1939–1941. М.: Индрик, 1999. С. 91.
- [7] Очерки истории Российской внешней разведки. С. 289–290. [8] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 4. Д. 34. Л. 42–46.
- [9] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 79–81. Опубликовано в сб.: Документы внешней политики, 1939. М.: 1992. Кн. I. С. 238–240.
- [10] Из текста советского предложения от 17 апреля 1939 г.
- [11] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 183–186. Опубликовано в сб.: Документы внешней политики. Кн. 1. С. 348–349.
- [12] Документ рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.
- [13] АВП РФ. Ф. С-т Молотова. Оп. 1(б). Пор. № 2. П. 27. Л. 16–17.
- [14] *Die geheime Papiere F. von Holsteins.* 3 Ausgabe. В.3 Briefwechsel. Gottingen: Musterschmidt-Verlag, 1961. S. 213–216.
- [15] Посол Гжибовский – Литвинову // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. – август 1939 г. М.: Политиздат, 1971. С. 265.
- [16] Документ из Секретного Бюллетеня ТАСС от 23 марта 1939 г. рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.
- [17] *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 39.
- [18] *The Charge in Lithuania (Guffler) – to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States: The Soviet Union, 1933–1939.* Wash., O.C.: The GPO, 1952. P. 936.
- [19] *Nolte E.* Der Europäische Bürgerkrieg, 1917 – 1945: Nationalsozialismus und Bolschevismus. В.: Propilaen, 1997. S. 310–311.
- [20] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 298, 302.
- [21] АВП РФ. Ф. 7. Оп. 4. инд. № 19. П. 27. Л. 25.
- [22] *Coquin F-X.* «Europe». Jan-Fev. 2006; *Narotchnitskaia N.* Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu. P.: Editions des Syrtes, 2008.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. / Фонд исторической перспективы. М.: «Вече». 2009. 416 с.

А.Б. ПОДЦЕРОБ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

1933–1938 гг.

Раннее утро 1 сентября 1939 г. На пространстве от Балтики до Карпат стоит ясная, безветренная погода. Под прикрытием лежащего в низинах тумана к германской границе подтягивается польская кавалерия. По другую сторону затаились в перелесках немецкие танки. На замершем на рейде Данцига германском броненосце «Шлезвиг-Гольштейн» пришли в движение орудия, разворачиваясь в сторону польских позиций. Через несколько минут из них прозвучит залп – первый залп Второй мировой войны.

С этим залпом откроется одна из самых трагических страниц в истории человечества: растоптанная Польша и парад победы немецких войск на Елисейских полях в Париже, битва под Москвой, Сталинград и Курско-Орловская дуга, высадка в Нормандии и взятие Берлина, нападение на Пирл-Харбор и разгром японского флота у острова Лейте в «сражении в морском лабиринте», стёртые с лица земли Хатынь, Лидице и Орадур-сюр-Глан, 26 миллионов советских солдат, мирных граждан и военнопленных, уничтоженных в боях, в ходе карательных экспедиций и в лагерях смерти, 6 млн евреев, погибших в газовых камерах, атомные грибы над Хиросимой и Нагасаки...

А пока давайте вернёмся назад, чтобы увидеть как зарождалась война. Для этого нам придётся окунуться в одну из самых сложных сфер человеческой деятельности – в область дипломатии, область «игры наций». В 1933 г. к власти в Германии приходит фашистская Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Её фюрер Адольф Гитлер становится рейхсканцлером. Он намерен добиться пересмотра Версальского договора, вернуть Германии территории, потерянные в Первую мировую войну, и обеспечить «жизненное пространство германской расе», разгромив Советский Союз и уничтожив либо изгнав в Сибирь десятки миллионов русских¹. СССР предполагается расчленить, отделив от России Украину, Белоруссию, Дон, Закавказье и Среднюю Азию². В области внешней политики Гитлер действует, полагаясь не столько на анализ, сколько на интуицию, блефуя, запугивая и деморализуя противников. Он любит театральность, окутывает себя загадочностью. Гитлер нередко удаляется в Берхтесгаден, где ложится на склоне горы и созерцает распростёртую у его ног Германию, в то время как его фотограф увековечивает эти моменты для тиражирования их нацистской пропагандой. За происходящим внимательно следят в Кремле. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин относится к дипломатии, как к шахматам – тщательно анализирует ситуацию, всесторонне продумывает каждый ход. Он, по словам долго жившего в Москве и хорошо знавшего советских руководителей Исака Дейчера, испытывает страх перед нападением Германии, которая в 1918 г. уже нанесла поражение России. Сталин помнит и о том, что война повлекла за собою свержение сначала императора Николая II, а затем и Временного правительства. Как пишет Дейчер, если бы к Сталину явился дух Николая Александровича, то между ними мог бы состояться такой диалог: «Твой конец приближается, – шепчет привидение, – воспользовавшись хаосом войны, ты разрушил мой трон. Сейчас хаос другой войны поглотит тебя». – «Вы, низложенные

¹ См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М.: 1952. С. 35; Nazi nspiracy and Aggression. Y.W., 1946. P. 378.

² См.: *Картье Р.* Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса. Лимбург: 1948. С. 130.

монархи, никогда ничему не можете научиться, – отвечает живой. – Тебя победила не война, а партия большевиков. Конечно, мы воспользовались условиями, созданными войной, но...» – «Ты абсолютно уверен, – перебивает его дух, – что никакая оппозиция не извлечет пользу из новой войны? Помнишь ли ты, какое возбуждение вызвало в Петербурге известие, что немцы заняли Ригу? Что будет, если немцы вновь появятся в Риге, или в Киеве, или на Кавказе, или у ворот Москвы?» Фантом смеется и тает в воздухе¹.

Перед советской дипломатией встаёт задача предотвратить германскую агрессию. Выполнить её предстоит народному комиссару по иностранным делам Максиму Максимовичу Литвинову. Он женат на англичанке, много лет провёл в Великобритании, восхищается английским образом жизни и английской культурой². И при этом является, по оценке Уинстона Черчилля, «человеком, всесторонне сведущим в вопросах внешней политики»³.

В Париже и Лондоне стоят перед дилеммой: пойти навстречу Советскому Союзу или же, играя на антикоммунизме Гитлера, толкнуть Германию на Восток. У власти там находятся люди, которым, по словам Черчилля, свойственно «пристрастие к благозвучным банальностям... стремление к популярности и успехам на выборах, не считающееся с жизненными интересами государства»⁴.

Исключением является министр иностранных дел Франции Луи Барту. В конце 1933 г. в связи с выходом Германии из Лиги Наций, её уходом с конференции по разоружению и форсированной подготовкой к войне, он начинает переговоры с СССР о создании «Восточного пакта», объединяющего Францию, Советский Союз, Чехословакию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию. Берлин отвечает на это организацией убийства Барту. Сменивший его на посту министра иностранных дел Пьер Лаваль не является сторонником «Восточного пакта», и эта идея умирает. Тем не менее, в мае 1935 г. СССР и Франция подписывают Договор о взаимной помощи. Через две недели Советский Союз заключает аналогичный договор с Чехословакией, который, однако, должен вступить в силу лишь в случае, если ЧСР окажет помощь Франции.

В сентябре 1934 г. СССР, стремясь к участию в коллективных усилиях по сохранению мира, принимает приглашение вступить в Лигу наций и стать постоянным членом её Совета⁵.

В марте 1935 г. Сталин делает сенсационный жест. В Москву прибывает английский министр без портфеля по делам Лиги наций Антони Иден. Это – первый визит члена кабинета Его Величества Короля Великобритании в столицу большевиков. Ему оказана весьма тёплая встреча. Сталин лично – и это тоже впервые – появляется на приёме в честь Идена. И опять же впервые, по его личному указанию, в нарушение всех революционных традиций в Кремле исполняют английский гимн «God save the King»⁶.

Англичане продолжают, однако, держаться настороженно, не проявляют готовности идти на сближение с СССР, более того – пытаются завязать диалог с Берлином, куда буквально накануне приезда в Москву Идена выехал для встречи с Гитлером министр иностранных дел Великобритании Джон Саймон.

¹ *Deutscher I. Staline. P., 1953. P. 454–455.*

² *G von Rauch. A History of Soviet Russia. N.Y.; L.: 1964. P. 203–204.*

³ *Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М.: 1955. С. 98.*

⁴ Там же. С. 82.

⁵ См.: *История дипломатии. Т. III. М.: 1965. С. 599.*

⁶ См.: *Deutscher I. Staline. P. 502.*

В июле 1935 г. в Москве созывается VII конгресс Коммунистического интернационала, который принимает решение о единстве действий коммунистов и социал-демократов против угрозы фашизма и войны¹. Компартии отходят от облегчившей приход нацистов к власти линии, когда своими главными противниками они считали не фашистов, а социалистов. Впрочем, и социал-демократы считали тогда своими главными противниками коммунистов, а с нацистами надеялись найти модус вивенди². Решения VII конгресса Коминтерна приносят свои плоды: в январе 1936 г. Французской компартией и Французской секцией Рабочего интернационала образован Народный фронт, и сформированное им правительство запрещает деятельность в стране фашистских организаций.

Тогда же Народный фронт создан и в Испании. Испанские фашисты отвечают на это в июле 1936 г. мятежом, а Германия и Италия направляют им на помощь свои войска, численность которых к марту 1937 г. достигает 100 тыс. человек³. Дело не ограничивается интервенцией.

30 августа 1937 г. Залитая ярким солнцем поверхность Средиземного моря. На палубе советского судна «Тимирязев», направляющегося в республиканскую Испанию с грузом продовольствия, собрались свободные от вахты члены экипажа, наслаждающиеся теплой погодой и наблюдающие, как солнечные блики играют на поверхности воды. Неожиданно к пароходу несутся торпеды. Взрыв, свист вырывающегося из котлов пара, крики раненых и обожжённых. «Тимирязев» быстро погружается, увлекая за собою оставшихся на борту. На следующий день – 31 августа – подводная лодка атакует английский эсминец «Хевок». Корабль получает тяжёлые повреждения, но его живучесть выше, чем у торгового судна, и благодаря умелым действиям экипажа корабль остаётся на плаву. 1 сентября подводной лодкой потоплен ещё один советский пароход – «Благоев»⁴. Как станет известно позже, морским пиратством занимается итальянский флот. Рим направил в западную часть Средиземного моря 7 подводных лодок с тем, чтобы они топили корабли и суда, идущие в испанские порты⁵. 10 сентября в Нионе срочно созывается международная конференция с целью выработки соглашения по борьбе с пиратством в Средиземном море. Уже 14 сентября ею принимается решение об уничтожении занимающихся пиратством подлодок и о создании в этих целях патрулей из английских и французских кораблей⁶.

Впрочем, этим вклад Великобритании и Франции в противодействие фашистским державам и ограничивается. В остальном Лондон и Париж, опасаясь, что победа Народного фронта приведёт к «советизации» Испании, проводят политику невмешательства, отказываясь поставлять оружие обеим сторонам конфликта, и тем самым оставляют республиканцев беззащитными перед германо-итальянской интервенцией. Сталин же, считающий, что упрочение советско-французского союза важнее социалистической революции в Испании, не позволяет испанскому «Февралю» перерасти в «Октябрь». СССР оказывает помощь республиканцам, но его возможности ограничены и географическим положением, и слабостью Военно-Морского флота, и стремлением не растрачивать силы в конфликте, происходящем вдали от его границ. Всего Советский Союз поставил законному испанскому правительству 600 самолётов, 300 танков, 1200 орудий и направил в Испанию 3 тыс. военных советников и специалистов, двести

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М.: 1980. С. 420–421.

² См.: *Deutscher I. Staline*. P. 489.

³ *Ивашин И.Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М.: 1958. С. 257.

⁴ См.: *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: 1979. С. 133.

⁵ ADAP. Ser. O. Bd. 111. Baden-Baden, 1951. S. 145.

⁶ См.: *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. С. 133; *Ивашин И.Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. С. 264.

из которых пали на поле боя¹. В марте 1939 г. республиканцы терпят поражение, и в стране устанавливается фашистская диктатура.

Тем временем начинает развёртываться германская агрессия. В марте 1936 г. немцы вводят войска в Рейнскую область. Вечером 10 марта 5 полков грузятся в поезда. Солдаты в полном походном снаряжении, но они думают, что дело идёт о манёврах, и ни морально, ни технически не готовы к бою. Сев в вагоны, командиры полков вскрывают запечатанные пакеты и узнают... что едут занимать Рейнскую область. Поезда катятся на запад и почти все останавливаются на правом берегу Рейна. Лишь три из них, каждый с одним батальоном, переезжает реку. Этим трём батальонам дан приказ отступить в случае, если границу перейдёт хотя бы одна французская рота². Однако Франция и Великобритания, являющиеся гарантами демилитаризованного статуса Рейнской зоны, ограничиваются словесными упрёками. От осуждения же Литвиновым капитуляции перед агрессором попросту отмахиваются³. Оценивая уже в наши дни смысл происшедшего, бывший госсекретарь США Генри Киссинджер отмечает, что Восточная Европа была брошена на милость Германии, поскольку Франция отныне не могла воспрепятствовать германской агрессии на Востоке, угрожая вступлением в Рейнскую область⁴.

Через два года Гитлер обрушивается на Австрию. 12 февраля 1938 г. он приглашает в Берхтесгаден австрийского федерального канцлера Курта Шушнига и заявляет ему: «Стоит мне только отдать приказ – и в одну ночь все ваши смехотворные пугала на границе будут сметены. Не думаете ли вы всерьёз, что сможете задержать меня хотя бы на полчаса?.. Легко говорить о войне, сидя в этих удобных креслах. Но война означает бесконечные страдания для миллионов. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность, г-н Шушниг? Не думайте, что кто-либо на земле может отвлечь меня от моих решений! ... Англия не пошевелит ни одним пальцем ради Австрии... Франция?.. Сейчас для Франции слишком поздно!»⁵

Шушниг решает уступить. 12 марта 1938 г. в Австрию вступают немецкие войска, и 14 числа Гитлер подписывает акт об объединении этой страны с Рейхом⁶. Англия и Франция, являющиеся гарантами независимости Австрии, как и предвидел Гитлер, ничего не предпринимают. Более того, незадолго до «аншлюсса», в ноябре 1937 г., лорд-председатель Совета Великобритании Эдуард Галифакс в ходе встречи с Гитлером заявляет, что Лондон рассматривает Германию как оплот против большевизма и готов удовлетворить её притязания к Австрии, Чехословакии и Данцигу⁷. Призыв Совета народных комиссаров СССР к западным державам занять «твёрдую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира» снова проигнорирован⁸.

Следующей жертвой становится Чехословакия. Гитлер стремится устранить угрозу с её стороны в случае начала мировой войны и лишит советскую авиацию возможности использовать её военно-воздушные базы⁹. Берлин требует передать Герма-

¹ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. М.: 1974. С. 54–55; История внешней политики СССР. 1917–1945. Т. 1. М.: 1980. С. 325.

² *Картье Р.* Тайны войны. С. 30–31.

³ См.: История дипломатии. Т. III. С. 627.

⁴ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: 1997. С. 270.

⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 242–243.

⁶ См.: История дипломатии. Т. III. С. 718.

⁷ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. М.: 1948. С. 15.

⁸ Великая Отечественная война Советского Союза. М.: 1970. С. 15.

⁹ См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 259.

нии Судетскую область, населённую немцами. Однако его генералы опасаются, что конфликт с Чехословакией приведёт к войне с Францией и Советским Союзом, связанными с ЧСР договорами о взаимопомощи. Начальник Главного штаба вермахта генерал Бек и главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич пытаются на встрече с фюрером 18 июня 1938 г. отговорить его от авантюры, однако тот не хочет ничего слушать и буквально впадает в истерику¹. Кажется, что на Европу ложится тень войны. Очередной съезд нацистской партии проходит в напряжённой атмосфере, которая охватывает всех, как только замолкают ликующие фанфары. Гигантский стадион в Нюрнберге, где он проходит, заливают дождь, а страх перед будущим сжимает сердца партийных функционеров.

Но ничего не происходит. Франция отказывается выполнить свои обязательства по договору о взаимопомощи с Чехословакией. СССР, правда, занимает твёрдую позицию: Сталин передаёт президенту ЧСР Эдуарду Бенешу, что Советский Союз окажет военную помощь Чехословакии, даже если Франция не сделает этого, более того, если Польша и Румыния откажутся пропустить через свою территорию советские войска, – но при условии обращения Праги к Москве с просьбой о помощи². Такого обращения так и не последовало. Чехословацкое руководство опасается, что Рабоче-крестьянская Красная Армия, войдя на территорию ЧСР, защитит её от немцев, но попутно установит в Чехословакии советский строй.

В сентябре 1938 г. Гитлер, премьер-министры Италии Бенито Муссолини, Великобритании – Невиль Чемберлен и Франции Эдуард Даладье договариваются в Мюнхене о передаче Германии Судет и об удовлетворении территориальных притязаний Польши и Венгрии, выступивших против Чехословакии совместно с Гитлером³. Представитель ЧСР во встрече не участвует и приглашён на неё лишь для того, чтобы выслушать приговор. Одновременно Чемберлен и Гитлер подписывают декларацию, в которой зафиксировано желание двух стран «никогда более не воевать друг с другом»⁴. Чемберлен возвращается в Англию. На аэродроме в Хестоне, где приземляется его самолет, он зачитывает встречающим англо-германскую декларацию и заявляет: «...Из Германии на Даунинг-стрит привезен почетный мир. Я верю, что это будет мир для нашего времени»⁵.

Глубокое заблуждение! Мюнхен становится прелюдией ко Второй мировой войне. В октябре 1938 г. Германия вводит свои войска в Судетскую область, а в марте 1939 г. в нарушение достигнутых в Мюнхене договорённостей захватывает всю Чехословакию.

В Москве из происшедшего делают вывод: в Париже и Лондоне пытаются направить германскую агрессию против Советского Союза. 4 октября 1938 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Владимир Петрович Потемкин встречает посла Франции Робера Кулондра словами: «Мой дорогой друг, что же вы наделали? Для нас я не вижу теперь другого выхода, кроме четвертого раздела Польши»⁶.

3 мая 1939 г. народным комиссаром иностранных дел вместо Литвинова назначен Вячеслав Михайлович Молотов, «человек, – по словам Черчилля, – выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный... разумный и тщательно отшлифованный дипломат... идеальный выразитель советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью». Черчилль ставит его на один уровень с такими прославлен-

¹ См.: *Картье Р.* Тайны войны. С. 43.

² См.: *Ивашин И.Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. С. 288.

³ См.: *История дипломатии.* Т. III. С. 739–740.

⁴ *Дипломатический словарь.* Т. III. М.: 1984. С. 57.

⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 292.

⁶ Приводится в: *Adamthwaite A.* France and the Coming of the Second World War 1936–1939. L.: 1977. P. 264.

ными дипломатами прошлого, как министры иностранных дел Франции Шарль Талейран-Перигор и Австрии Клеменс Меттерних¹.

Тучи продолжают сгущаться. 28 апреля 1939 г. Берлин денонсирует германо-польский пакт о ненападении и выдвигает к Варшаве требование согласиться на передачу Германии Данцига и на строительство экстерриториальной магистрали через «польский коридор», предлагая полякам забрать в качестве компенсации часть Украины². Становится ясно, что фашисты готовят новую агрессию. В Варшаве, Москве, Париже и Лондоне задаются вопросом: что делать в этой связи, какие шаги предпринять?

О том, что произошло дальше, как и почему был упущен шанс предотвратить мировой конфликт, какой была внешняя политика Советского Союза в 1939–1941 гг., вы узнаете из следующей главы.

А сейчас... Уже подали к орудиям «Шлезвиг-Гольштейна» 11-дюймовые снаряды. На востоке встаёт солнце. Время – 4 часа 44 минуты 1 сентября 1939 г. Ровно через минуту раздастся залп – первый залп Второй мировой войны.

1939–1941 гг.

22 июня 1941 г. 5 часов 30 минут утра. Посол Германии Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург входит в кабинет народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова, чтобы объявить войну Советскому Союзу³.

На самом деле война уже началась. Немецкие танковые колонны уже движутся железной лавиной на восток, ломая ожесточенное, но неорганизованное сопротивление застигнутых врасплох частей Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Давайте посмотрим, какие события предшествовали нападению Германии, почему оно оказалось для нас неожиданным.

28 апреля 1939 г. Берлин выдвигает к Варшаве требование согласиться на передачу Германии Данцига и строительство экстерриториальной магистрали через «польский коридор», предлагая Польше забрать в качестве компенсации часть Украины⁴.

В связи с нарастанием военной угрозы Совет народных комиссаров СССР предлагает заключить советско-франкоанглийский договор о взаимопомощи⁵. В Лондоне и Париже колеблются, тянут с ответом.

19 мая сложившаяся ситуация обсуждается в Палате общин английского парламента. Дэвид Ллойд-Джордж и министр иностранных дел Антони Иден требуют сближения с СССР⁶. «Предложения, выдвинутые русским правительством, – заявляет в свою очередь Уинстон Черчилль, – несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза – оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Я не вижу в этом ничего предосудительного. Что плохого в этом простом предложении? Говорят: «Можно ли доверять русскому Советскому правительству?» Думаю, что в Москве говорят: «Можно ли доверять Чемберлену?»⁷

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. С. 336–337.

² См.: Фомин В.Г. Агрессия фашистской Германии в Европе. М.: 1963. С. 564; Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 329.

³ См.: Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М.:1998. С. 753.

⁴ См.: Фомин В.Г. Агрессия фашистской Германии в Европе. С. 564; Черчилль У. Вторая мировая война. С. 329.

⁵ См.: Дипломатический словарь. Т. II. М.: 1986. С. 248.

⁶ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 338.

⁷ Там же. С. 341.

12 августа в Москве начинаются, наконец, переговоры между военными миссиями трёх держав¹. Шуленбург телеграфирует в Берлин: «Советское правительство решило подписать соглашение с Англией и Францией, если они примут советские условия»². Камнем преткновения становится, однако, вопрос о вводе Красной Армии в Польшу, если туда вторгнутся немецкие войска. Поляки боятся этого, а французы и англичане отказываются оказать давление на Варшаву. Получается, что немцы смогут бить своих противников поодиночке и Красной Армии придётся встретить вермахт на западной границе СССР, т. е. в предполье Минска и Киева. Более того, англичане и французы не намерены придти на помощь Советскому Союзу, если Германия нападёт на прибалтийские государства или Финляндию и возникнет опасность выхода немецких войск к Пскову и Ленинграду. Переговоры топчутся на месте. Английская делегация следует данным ей инструкциям – вести их «весьма медленно, не связывая себя какими-либо определенными обязательствами»³. Ясно, пишет американский историк Уильям Ширер, что «французы и англичане не предприняли серьезных усилий, чтобы вступить с русскими в военный союз против Гитлера»⁴.

Впрочем, предоставим слово непосредственным участникам событий. В августе 1942 г. в Москву прибыл премьер-министр Великобритании Черчилль. После завершения переговоров председатель Совнаркома СССР Иосиф Виссарионович Сталин обратился к нему с предложением: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Черчилль ответил, что он всегда за такую политику. Они вышли на безлюдную кремлевскую мостовую и через несколько сот шагов пришли в квартиру Сталина⁵. В беседе за импровизированным ужином был затронут вопрос о переговорах военных миссий в августе 1939 г. «У нас создалось впечатление, – рассказывал Сталин, – что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу... Сколько дивизий, – спросил Сталин, – Франция выставит против Германии после мобилизации?» Ответом было: «Около сотни». Тогда он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?» ему ответили: «Две и еще две позднее». – «Ах, две и еще две позднее», – повторил Сталин. «А знаете ли вы, – спросил он, – сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?» Молчание. «Больше трехсот». «Нужно признать, что это была действительно твердая почва» – так оценил Черчилль позицию Советского Союза⁶.

В Москве приходят к выводу, что западные державы пошли на переговоры, чтобы, напугав Берлин возможностью создания антигерманской коалиции, склонить его к соглашению с ними и развернуть вермахт против СССР. Эти опасения тем более обоснованны, что в мае-июне между англичанами и немцами уже вёлся обмен мнениями о заключении пакта о ненападении на основе предоставления Германии свободы рук на Востоке⁷. Но и немцы пытаются выйти на договорённость с СССР. 26 июля находящийся в Москве во главе торговой делегации Карл Шнурре заявляет своим советским партнёрам по переговорам, что между двумя странами нет таких проблем, которые нельзя урегулировать⁸. Советское руководство, всё ещё не теряющее надежды на союз с Великобританией и Францией, на этот зондаж сначала не реагирует. Лишь убедившись, что Лондон и Париж

¹ См.: История дипломатии. Т. III. М.: 1965. С. 788.

² *Deutscher I. Staline*, P. 522.

³ Великая Отечественная война Советского Союза. М.: 1970. С. 20.

⁴ *Shirer W. The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France*. 1940. N.Y.: 1970. P. 425.

⁵ *Черчилль У. Вторая мировая война*. Т. IV. М.: 1955. С. 491.

⁶ Там же. Т. 1. С. 355–356.

⁷ См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. II. М.: 1948. С. 216, 224; История дипломатии. Т. III. С. 784–786.

⁸ *Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives*. N.Y.: 1992. P. 614.

ведут двойную игру, оно делает ответный шаг. Во второй половине августа Молотов просит Шуленбурга разъяснить, что конкретно имел в виду Шнурре¹.

Соответствующие разъяснения получены, и события начинают развиваться с драматической быстротой. 23 августа в Москву прибывает министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп, и между двумя странами подписывается Договор о ненападении. Ситуация сразу меняется. Опасность, что Советский Союз останется один на один с Германией, устранена, а Англия и Франция лишаются союзника на Востоке.

Для Москвы – это вынужденный шаг. Политика Лондона и Парижа, поясняет западногерманский историк Крумммахер, поставила Советский Союз в такое положение, когда ему пришлось выбирать между холерой и чумой².

На Западе занятую СССР позицию иногда называют эгоистичной и циничной. Но разве не был эгоистичным и циничным подход англичан и французов, пытавшихся столкнуть Германию с Советским Союзом, а в сентябре 1939 г. не шевельнувших и пальцем, чтобы спасти своего польского союзника?

Утверждают также, будто советско-германский пакт открыл путь к нападению Германии на Польшу и развязыванию Второй мировой войны. Однако, как заявил в конце августа на совещании высшего командного состава вермахта рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, решение о вторжении в Польшу было принято им весной 1939 г., и он пошёл бы на это, даже если бы ему пришлось воевать одновременно с СССР, Англией и Францией³.

А теперь спросим себя: если бы антигитлеровская коалиция была создана, то начали ли бы англичане и французы боевые действия? История не любит сослагательного наклонения. Но в данном случае ответ на вопрос есть! С сентября 1939 г. до мая 1940 г., т. е. до того, как немцы сами перешли в наступление, французская и английская армии вели «странную войну». Они стояли на своих позициях на границе с Германией, не сделав ни одного выстрела. Лондон и Париж давали понять Гитлеру: не трогай нас, поверни против СССР, а мы тебя не тронем. В период советско-финской войны в ноябре 1939 г. – марте 1940 г. англичане и французы намеревались направить в Финляндию 150-тысячный экспедиционный корпус и высадить десант в Мурманске, а весной 1940 г. планировали бомбардировать Баку, послать свой флот в Чёрное море и организовать восстание на Кавказе⁴. Казалось бы, безумие – нападать на Советский Союз, находясь уже в состоянии войны с Германией. Но в Лондоне и Париже рассчитывали, что после этого немцы «повернут фронт» и совместно с ними обрушатся на СССР. Реализации этих планов помешало лишь поражение Финляндии и вторжение немцев во Францию.

Пакт о ненападении даёт СССР возможность избежать войны с Германией в неблагоприятных условиях и при этом войны на два фронта. Ведь в августе 1939 г. советские и монгольские войска всё ещё ведут бои у Халхин-Гола, отражая японскую агрессию.

Договор позволяет Советскому Союзу выиграть время, использовать его для укрепления своей обороноспособности. За полтора года, остающиеся до нападения Германии, произведено 18 тыс. самолётов. 1900 танков «Т-34» и «КВ». 200 боевых кораблей⁵. Представьте, что было бы, не поступи эта техника в войска?

¹ См.: *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: 1997. С. 298.

² Цит. по: *История Второй мировой войны. 1939–1945. Выпуск III.* М.: 1975. С. 77.

³ См.: *Картье Р.* Тайны войны. С. 54.

⁴ *Краткая всемирная история. Т. 2.* М.: 1966. С. 245; *Cartier B.* La seconde guerre mondiale. Т. 1. P.: 1965. P. 42.

⁵ *Великая Отечественная война Советского Союза.* С. 42.

Пакт позволяет СССР выиграть и пространство: к договору приложен «Секретный дополнительный протокол», который вместе с подписанным 28 сентября 1939 г. «Разъяснением к "Секретному дополнительному протоколу"» включает в сферу советских интересов территории на востоке Польши, прибалтийские государства и Бессарабию¹.

В сентябре 1939 г. советские войска освобождают Западную Украину и Западную Белоруссию. Да, именно «освобождают», поскольку разграничение сферы интересов между СССР и Германией установлено по «Линии Керзона». Эта линия была утверждена державами Антанты в 1919 г. как восточная граница Польши. Она была проведена министром иностранных дел Великобритании Джорджем Керзоном по демографическому признаку, отделяя области с польским населением от областей, населённых украинцами и белорусами. Однако в 1920 г. принадлежавшие Украине и Белоруссии территории были захвачены Польшей. В марте 1940 г. в результате советско-финского конфликта отодвинута к западу граница с Финляндией, проходившая в 32 км от Ленинграда².

В июне 1940 г. к СССР в качестве союзных республик присоединены Эстония, Латвия и Литва, входившие с XVIII в. в состав Российской Империи. Осуществлено это под угрозой применения силы и с международно-правовой точки зрения представляет акт аннексии³. Важно, однако, разделять военно-политический и юридический аспекты проблемы, не забывая, в какой ситуации этот шаг осуществлён. Приведём в этой связи одну цитату: «Малые страны не должны связывать нам руки... Нельзя допустить, чтобы в час грозной опасности буква закона встала на пути тех, кто призван его защищать и осуществлять. Было бы и неправильно, и неразумно, если бы агрессивная держава, разрывая в клочья все законы, добилась ряда преимуществ и наряду с этим извлекла выгоду из того, что ее противники уважают законы»⁴. Знаете, откуда она? Из меморандума, направленного правительству Великобритании военно-морским министром Черчиллем в связи с планировавшимся в декабре 1939 г. вторжением английских войск в нейтральную Норвегию. Как видите, англичане также отдавали в те годы военно-политическим аспектам проблемы предпочтение перед юридическими.

Впрочем, в Прибалтике далеко не все рассматривали присоединение к СССР как «советскую оккупацию» и отнюдь не все встречали нацистов цветами. В августе 1941 г. Таллин вместе с частями РККА обороняли эстонские ополченцы, эстонские рабочие не за страх, а за совесть трудились на военных заводах, сделав за две недели два бронепоезда и железнодорожную батарею, ежедневно производя по 30 миномётов и по 1 тыс. мин к ним, в то время как жители города возводили оборонительные сооружения⁵. В составе Красной армии воевали 8-й эстонский и 130-й латышский стрелковые корпуса. На оккупированной немцами территории действовали отряды партизан, а, как известно, без поддержки населения партизанскую войну вести невозможно. Что же принесли фашистские «освободители» населению прибалтийских стран? Ими было уничтожено 700 тыс. мирных жителей в Литве, 314 тыс. – в Латвии и 125 тыс. – в Эстонии⁶. Будущее этих стран было со всей определённоностью прописано в директиве министра по делам оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга. Они должны были стать немецким протекторатом, а в последующем превратиться «в составную часть великой Германской империи путём германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожении нежелательных элемен-

¹ См.: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 28.02.1990. С. 60–61.

² *Ивашин И.В.* Очерки истории внешней политики СССР. С. 325.

³ См.: *Международная жизнь.* 1998. № 3. С. 64–65.

⁴ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. I. С. 499.

⁵ *Битва за Ленинград.* М.: 1964. С. 43.

⁶ *Великая Отечественная война Советского Союза.* С. 373. Там же.

тов»¹. Речь шла, таким образом, о прекращении существования эстонского, латышского и литовского народов.

В июле 1940 г. СССР возвращает себе Бессарабию, которая была оккупирована Румынией в декабре 1917 г. и не передана России в нарушение российско-румынского Соглашения об очищении Румынией Бессарабии от 5 марта 1918 г.²

Границу Советского Союза удаётся, таким образом, отодвинуть на 250–300 км к западу³. Подумайте, какой могла бы быть судьба Москвы, если бы немцы начали войну с рубежей, находившихся на 300 км ближе к столице нашей Родины? Что было бы с Ленинградом, если бы немцы в соответствии с ранее разработанными ими планами⁴ захватили прибалтийские государства и начали наступление не от Лиепаи, а от Нарвы?

Предотвратив войну на два фронта с Германией и Японией, Москва, в конечном счёте, вынуждает вести войну на два фронта Германию. И этот второй фронт фактически существует, уже 22 июня 1941 г. Сосредоточив против СССР 181 дивизию, немцы оставляют во Франции 38 дивизий, чтобы предотвратить высадку англичан, а ещё 2 их дивизии ведут бои с английскими войсками в Ливии⁵. Представьте, что произошло бы, если бы у немцев на советско-германском фронте было на 40 дивизий больше?

Перенесёмся теперь в начало XIX в. – 25 июня 1807 г. На середине Немана, отделяющего Россию от завоёванной французами Пруссии, установлен огромный плот с двумя великолепными павильонами. На западном берегу выстроилась французская Старая гвардия. Между её рядами пронесётся на коне Наполеон I, встречаемый криками: «Да здравствует император!» На другом берегу появляется с небольшой свитой российский император Александр I. Наполеон и Александр Павлович садятся в лодки, поднимаются на плот и входят в один из павильонов. «Из-за чего мы воюем?» – спрашивает Наполеон. «Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всем, что вы будете делать против них», – отвечает российский монарх. «В таком случае все может устроиться, и мир заключен», – говорит Наполеон⁶.

Что происходит? Вступив в 1805 г. в войну с Францией, Россия потерпела поражения в битвах под Аустерлицем и Фридландом. Её союзники Австрия и Пруссия разгромлены, французские войска вышли к русской границе. Встал вопрос, что делать дальше, и Александр пришёл к выводу: «...Конечно, Пруссии придется круто, но бывают обстоятельства, среди которых надо думать преимущественно о самосохранении, о себе и руководиться только одним правилом – благом государства»⁷.

В Тильзите был подписан трактат о русско-французском союзе, Санкт-Петербург присоединился к континентальной блокаде, согласился на потерю Пруссией принадлежавших ей польских территорий. Англия осталась в одиночестве перед лицом Франции. Россия же воспользовалась полученной мирной передышкой, чтобы укрепить армию и упрочить позиции на флангах: в 1809 г. к ней была присоединена Финляндия, а в 1812 г. – Бессарабия. Не правда ли, похожая ситуация? Пакт 1939 г. представляет собою новый Тильзит цель которого – попытаться избежать повторения Аустерлица и Фридланда.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 373.

² См.: История дипломатии. Т. III. С. 105–106.

³ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 20.

⁴ См.: Вторая мировая война / Материалы научной конференции, посвящённой 20-й годовщине победы над фашистской Германией, кн. I. М.: 1966. С. 302.

⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 181; *Cartier B.* La seconde guerre mondiale. P. 217.

⁶ *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: 1941. С. 181–183.

⁷ Там же. С. 180.

А теперь посмотрим, как складывались советско-германские отношения. В мае 1939 г. заканчивается «странная война». Вермахт обрушивается на Францию. За 6 недель французская армия, считавшаяся самой сильной в мире¹, разгромлена, и Франция сдаётся на милость победителя. Гитлер становится полновластным хозяином Западной и Центральной Европы. Правда, его власть пока не распространяется на Балканы.

В сентябре 1939 г. немецкие войска неожиданно входят в Румынию и Финляндию. Красная Армия и вермахт стоят теперь друг против друга на пространстве от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря. В Москве решают выяснить дальнейшие намерения Германии.

В ноябре Молотов по приглашению Риббентропа прибывает в Берлин. Он сразу принят Гитлером. Немцы делают всё, чтобы внушить Молотову благоговейный трепет. По обеим сторонам коридора выстроены шеренги эсэсовцев в чёрных мундирах. Ещё двое эсэсовцев распахивают доходящие до потолка двери в кабинет Гитлера. Их поднятое вверх оружие образует арку, под которой проходит советский министр. Фюрер сидит за письменным столом в конце огромного зала. Несколько секунд он молча глядит на вошедших, затем вскакивает и, не говоря ни слова, пожимает руки членам советской делегации². Впрочем, церемония приёма, похоже, заимствованная из какой-то венской оперетты, не производит впечатления на Молотова³.

В ходе переговоров Гитлер и Риббентроп заявляют, что Англия разгромлена и пришло время делить Британскую империю. Они предлагают СССР выйти к Индийскому океану. Молотов держится колюче, неуступчиво. Его интересует не Индия, а намерения Германии на Балканах, он требует признать сферой интересов Советского Союза Финляндию, Болгарию, черноморские проливы⁴. Никто из иностранных визитёров, напишет позже бывший личным переводчиком рейхсканцлера посланник Пауль Шмидт, не осмеливался так жёстко говорить с Гитлером⁵. Фюрер раздражённо отмахивается от вопросов Молотова, заявляя, что они «ничтожны и смешны в сравнении с той огромной работой в будущем, которая предстоит»⁶. Советский министр, отмечает западногерманский историк Георг фон Раух, не мог не вспомнить в этой связи, как когда-то первый консул Франции Наполеон Бонапарт, стремясь отвлечь внимание Петербурга от европейских дел, пытался побудить императора Павла I к завоеванию Индии, отклоняя в то же время его требования о передаче России Стамбула и проливов⁷.

Не верит Молотов и заявлениям о неминуемом поражении Великобритании. Во время переговоров с Риббентропом им приходится спуститься в бомбоубежище: начался налёт английской авиации. Там Риббентроп продолжает разглагольствовать о разгроме англичан. Молотов отвечает вопросом: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?»⁸

Ни одна из сторон не удовлетворена результатами переговоров. Беседы с Гитлером, телеграфирует Молотов Сталину, «не дали желательных результатов... Похвастаться нечем»⁹. Фюрер же делает далеко идущие выводы. «Из всей политики, намеченной Молотовым, богатой нюансами и основанной, в сущности, на классической базе диплома-

¹ См.: Fuller J. The Second World War. N.Y.: 1949. P. 55.

² Read A., Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact. 1939–1941. N.Y.; L.: 1988. P. 519.

³ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. С. 312.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. I. М.: 1998. С. 37–38, 42, 47–48, 54, 61, 66, 69–70, 73, 75–76, 80–81.

⁵ Schmidt P. Statist auf diplomatischer Buhne. 1939–1945. Bonn: 1949. S. 531.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XXXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 68.

⁷ G. von Rauch. A History of Soviet Russia. P. 299.

⁸ Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. 1940–1941. М.: 1966. С. 47.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 81.

тии – на идее компенсации, – пишет французский историк Раймон Картье, – Гитлер зафиксировал в памяти... окружение Германии» как цель советских требований в отношении Финляндии и главное – Балкан¹.

После отъезда Молотова Гитлер приказывает готовиться к нападению на СССР. Дело, впрочем, не только в Балканах. Советский Союз, рассуждает он, отказался вступить в войну с Англией и участвовать в разделе Британской империи. Англичане же не сдаются, продолжают сопротивляться. На что они надеются? На союз с СССР! Надо разгромить Советский Союз, война с которым всё равно неизбежна. Тогда капитулирует и Лондон, и задача установления мирового господства будет решена².

Начинается переброска войск к советской границе. Почему в Москве не распознали надвигающуюся угрозу? Вот что рассказывал об этом известный советский дипломат Борис Федорович Подцероб, бывший в то время старшим помощником народного комиссара иностранных дел СССР и присутствовавший на встречах Сталина с Молотовым.

«Сталин не учел, что Гитлер принимал решения, основываясь на интуиции, а не на анализе и логике. Поскольку, говорил он, война на два фронта для Германии самоубийственна, Гитлер сначала разгромит Англию и для этого сосредоточится на наращивании мощи своих флота и авиации и на операциях в Северной Африке. Правильность этого вывода, казалось, подтверждалась интенсификацией подводной войны и начавшейся переброской части немецких войск в Ливию. Да, указывал Сталин, немцы направляют войска и к советской границе, но они делают это не в военных, а во внешнеполитических целях, чтобы побудить СССР отказаться от своих требований. Проблема Балкан и Финляндии не может стать причиной войны. Мы решим ее путем переговоров, пойдя на уступки. Да, констатировал Сталин, в донесениях разведки и советских посольств называются те или иные сроки нападения Германии, но многие из этих дат уже позади, и ничего не произошло (заметим в скобках, что немцы, как потом выяснилось, сами переносили сроки начала войны, чем и объяснялся разноречивостью в донесениях)».

Но может быть стоило провести всё же «на всякий случай» мобилизацию РККА? По словам Б.Ф. Подцероба, вопрос об этом вставал, но и Сталин, и Молотов хорошо помнили, как в 1914 г. Германия ответила на начавшуюся 29 июля мобилизацию русской армии объявлением 1 августа войны России.

Результат этой ошибки Сталина известен. 22 июня 1941 г. советские войска не успели занять оборонительные рубежи, и это дало вермахту оперативно-тактический выигрыш. Но гораздо хуже было то, что полностью мобилизованная армия атаковала армию неотмобилизованную. А это дало фашистам выигрыш стратегический. И последнее. Немецкая пропаганда утверждала, что действия Германии носят превентивный характер, так как СССР сам, мол, хотел напасть на неё и уже сосредоточил для этого войска. Посмотрим, как обстояло дело в действительности.

181 дивизии немцев и их союзников противостояло 170 советских дивизий³. Но укомплектованы они были по штатам мирного времени, и их численность составляла 2,9 млн человек против 5,5 млн солдат вермахта⁴. Советские мобилизационные планы предусматривали развёртывание ещё 170 дивизий, но мобилизации, как вы уже знаете,

¹ Картье Р. Тайны войны. С. 114.

² См.: G. von Rauch. A History of Soviet Russia. P. 303.

³ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 35, 53–54.

⁴ Там же.

проведено не было¹. Кстати, имей Гитлер против себя 340 советских дивизий, ещё неизвестно, решился ли бы он напасть на СССР.

Группировка советских войск строилась, исходя из задач не только не наступательных, но даже не оборонительных, а внешнеполитических. Советские мобильные части были переброшены на финское и балканское направления, чтобы подкрепить известные вам требования Москвы². Поскольку Германия неоднократно выдвигала притязания на Украину, там были сосредоточены половина дивизий и более половины танков Красной Армии³. На направлении же главного удара вермахта – через Брест на Минск и Смоленск – у нас было всего 16 дивизий против 45 у немцев⁴. Не было переведено на военные рельсы и народное хозяйство: планы экономического развития на III квартал 1941 г. были составлены с расчётом на мирные условия⁵.

Впрочем, в Берлине великолепно знали, что никакой угрозы со стороны СССР нет. 28 апреля 1941 г. вызванный в Берлин Шуленбург докладывал Гитлеру: «Я не могу поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию... Напротив, я убежден, что Сталин готов к дальнейшим уступкам»⁶. 7 июня, т. е. за две недели до начала войны, в представленном Гитлеру анализе ситуации подчёркивалось, что Сталин и Молотов «делают все, что могут, для избежания конфликта»⁷. Сам фюрер, правда, не исключал, что СССР может вступить в войну, но что сделает он это, когда немцы вторгнутся в Великобританию, чтобы спасти англичан и не остаться с Германией один на один⁸.

И снова 22 июня, кабинет Молотова. Сообщив о начале войны, Шуленбург вдруг добавил, что «он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать»⁹. Выйдя из приёмной, Шуленбург разрыдался. Для него война означала крах его усилий наладить германо-советское сотрудничество, которое, в чём он убеждён, отвечает интересам Германии. Но он ещё не знает, что происшедшее – пролог и к его собственной гибели: в 1944 г. он будет казнен за участие в заговоре против Гитлера.

Утром 22 июня Молотов выступит по радио с сообщением о нападении Германии на СССР. Своё заявление он закончит словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»¹⁰.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

¹ *Deutscher I.* Staline. P. 547–548.

² См.: *Seraphim H.* Die deutsch-russischen Beziehungen. 1939–1941. Hamburg: 1949. S. 70–71.

³ *Cartier R.* La seconde guerre mondiale. P. 223–224.

⁴ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 54.

⁵ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: 1947. С. 37.

⁶ *Shirer W.* Aufstieg und Fall des Dritten Reiches. B. II. Munchen; Zurich, 1963. S. 895.

⁷ *Картье Р.* Тайны войны. С. 122.

⁸ См.: *Фостер J.* Очерки политической истории Америки. М.: 1953. С. 608.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 754.

¹⁰ Там же. С. 765.

В.М. Фалин

ВТОРОЙ ФРОНТ ИЛИ ВОЙНА НА ДВА ФРОНТА?

Чего только общественность не наслышалась за последние четверть века по поводу операции «Оверлорд», высадки союзных войск в Нормандии! Одни подають её как «главную битву второй мировой войны», будто бы решившую судьбу нацизма. Другие усматривают в ней смену вех в стратегии демократий – переход от противоборства с «гитлеровской тиранией» к занявшему 55 лет крестовому походу за свободу, завершившемуся «падением берлинской стены». Для третьих – это начало конца Руси, греховного по вере, укладу жизни и менталитету национального сообщества, издавна портившего лик поднебесной. Полагаю неверным, отметив клеймом стыда поделщиков от истории, без обиняков перейти к делам неотложным. Неспроста западные политики и их обслуга столь настойчиво занимаются самоиндульгенцией. Очередным мессиям, как правило, не досуг задуматься над тем, не провоцируют ли они новый потоп, но уже без Ноева ковчега? Из опыта первой, второй и третьей (названной проформа холодной) мировых войн, ответственность за которые лежит на заядлых «демократах», последние извлекают лишь одно поученье: как издержки бытия умножить для кого-то другого, сводя их к минимуму для себя. В законченном смысле президент Б. Клинтон сформулировал это перед уходом из Белого дома так: «свобода от нападения, свобода нападения».

Изложенная трактовка открытия «второго фронта» и по сути всей второй мировой войны приглашает, больше того, взывает к скрупулёзному разбору всех перипетий, сопутствовавших складыванию антигитлеровской коалиции и их изведению. Надеюсь, мне не стоит выстраивать шеренгу из примеров двурушничества, небрежения нашими союзниками бравшихся обязательств по отношению к СССР, попыток войти в сговор с, казалось бы, общим врагом. Слишком много места и времени занял бы сей труд. Ограничусь констатацией – раздвоение личности есть болезнь, раздвоение политической фигуры – это беда или даже катастрофа в зависимости от объёма власти, которой политик распоряжается. Несложно убедиться в том, что Москва на протяжении всех лет формального союзничества с Лондоном имела дело как минимум с двумя У. Черчиллями. Один строчил Сталину послания типа 23 февраля 1945 г.: «будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих безоговорочных побед», решивших «участь германского милитаризма». Другой в то же самое время предавался планам «немедленного создания нового фронта против её (Красной Армии) стремительного продвижения, ибо Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира». За черчиллевскую свободу должны были выступать такие закоренелые её экспоненты, как нацистские вояки. Для них предназначалось тщательное складирование трофейного оружия. Дивизии вермахта выдвигались на острие операции «Немыслимое», о чём придётся поведать в заключение. Она должна была стать апофеозом второго

фронта и удвоить, если не утроить, количество павших во второй мировой. Не забудем – на подходе было ядерное оружие.

* * *

Вернёмся в лето 1944 года. Шесть тридцать утра 6 июня 1944 г. Передовые части американцев и англичан вступили на землю Нормандии. Одновременно с выходом в море британской армады боевых кораблей и «плавсредств» авиация союзников обрушила тысячи тонн бомб на позиции артиллерийских батарей, аэродромы, штабы, транспортные узлы противника, очертив район десантирования. Двумя часами ранее 2395 самолетов и 847 планеров забросили в немецкий тыл тысячи парашютистов. Французские силы сопротивления, увязывая свои действия со штабом Эйзенхауэра, перерезали немцам проводную связь, расстроили энергоснабжение, пресекли движение по железным и шоссейным дорогам.

Берлин ожидал вторжения со дня на день. Но должных мер предосторожности командование вермахта не предпринимало. Хуже того, добыв сведения о времени и месте вторжения («6 или 7 июня в районе Нормандия – Бретань»), разведка «упустила» доложить их по инстанции. Нерадивостью или расхлябанностью подобного не объяснить. Но факт есть факт. Ни фельдмаршала Роммеля, ни большинства других военачальников в критический момент на командных пунктах не оказалось. Батальонным, полковым, дивизионным командирам оставалось заниматься самодеятельностью.

Фельдмаршал Рундштедт раньше остальных узнал о воздушных десантах союзников в ночь с 5 на 6 июня и тотчас приказал двум танковым дивизиям резерва двинуться из района западнее Парижа к устью Сены. В шестом часу утра ставка верховного главнокомандования распорядилась остановить манёвр, ибо, как говорилось в телеграмме, «пока трудно с уверенностью установить, где высадятся главные силы, и, кроме того, Гитлер еще не принял никакого решения». В 14.20 того же дня последовало разрешение возобновить задуманную Рундштедтом переброску войск, но время для контрудара в момент наибольшей уязвимости союзников было явно упущено. Американско-английская авиация безраздельно господствовала в воздухе, что крайне осложняло передислокацию днём крупных соединений вермахта. 6 июня союзные самолёты совершили 10535 вылетов, люфтваффе – 319, из них лишь 12 в район десантирования. Полностью бездействовали немецкие ВМС.

К исходу первого дня на французский берег было высажено 5 пехотных, 3 авиадесантных и одна бронетанковая дивизия США и Великобритании. Им противостояли части одной танковой и трёх пехотных дивизий немцев неполного состава и весьма посредственной выучки. Немецкая сторона располагала на данном участке побережья протяжённостью в 75 км двумя батареями 150-мм орудий (всего 12 стволов), одной батареей полевой артиллерии (четыре 122-мм орудия) и одной батареей морской артиллерии (четыре 150-мм орудия). Инженерные работы по обустройству обороны были выполнены здесь на 18% против плана.

Районы, куда сбрасывались парашютисты и где садились планеры, были вне контроля немцев. Это позволило отчасти исправить изрядный брак, допущенный при выполнении союзниками боезаданий. В 101-й авиадесантной дивизии США лишь шестая часть приземлилась вблизи намечавшихся объектов. Остальные 5400 человек – в 25–35 км поодаль. Примерно та же картина с 6-й британской воздушной дивизией и с планерами.

При всех огрехах в переводе штабных планов на местность высадка в Нормандии по количеству задействованных в операции военнослужащих, вооружений, транспортных и технических средств являлась крупнейшей из десантных операций, которые знала история. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Военная фаза стратегической операции «Второй фронт», наконец, стартовала и... продолжилась – теперь уже в новом издании – её долгоигравшая политическая составная.

На скупых страницах журнального текста немыслимо спрессовать сценарии второго фронта, как во множестве заходов они препарировались западными политиками, военными и даже теоретиками по части стратегии. Одно, пожалуй, едва ли удастся оспорить. По рискованности ставок в ведшейся вокруг второго фронта игре, по коварству умыслов ряда ведущих актёров его биография может быть отнесена к наиболее драматическим главам второй мировой войны. Сие документировала и сама высадка в Нормандии. Солдаты, матросы и офицеры шли в бой, не ведая того, что, помимо схваток с открытым противником – германским нацизмом, их подряжали на конфронтацию с «потенциальным врагом», пока значившимся союзной державой, – с СССР. Это – не сгущение красок, не перехлест, не полемика. Это – констатация того непреложного факта, что 6 июня 1944 года пробил час операции с двойным дном.

Парадная ипостась звалась «Оверлордом». Параллельно в глубокой тайне от Москвы пестовался план «Рэнкин», призванный увенчать многолетнюю интригу, что плели Черчилль и его единовверцы в администрации Рузвельта. С союзничеством она не имела ровным счётом ничего общего.

Чтобы представить себе серьёзность угроз, накликавшихся на мировое общество поборниками «высокой демократии», нам придётся освежить в памяти некоторые обстоятельства и реалии. Только самые важные и при том сугубо тезисно. Без них было бы трудно понять слова–признание генерала Маршалла из его доклада 1945 г. «Победоносная война в Европе и на Тихом океане», а именно: «Ради справедливости следует сказать, что наша роль в предотвращении катастрофы в те дни не делает нам чести». Генерал имел в виду ситуацию 1941–1942 года, когда «Германия и Япония, по его оценке, оказались настолько близки к завоеванию мирового господства, что мы до сих пор еще по-настоящему не осознали, сколь тонкой была нить, на которой висела судьба Объединенных Наций».

Маршаллу вторил и в чем-то его конкретизировал Хэлл, госсекретарь правительства Рузвельта: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли (западных) союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны». Еще внятней звучала оценка преемника Хэлла Стеттиниуса: «...США были в 1942 г. на грани катастрофы. Если бы Советский Союз не сумел одолеть Гитлера на своем фронте, немцы были бы в состоянии завоевать Великобританию. Они сумели бы захватить также Африку, а после этого создать плацдарм в Латинской Америке».

Никому не придёт в голову обвинять К. Хэлла, Э. Стеттиниуса и Дж. Маршалла в антиамериканизме или приписать им намерение принизить вклад США в победу антигитлеровской коалиции. С нашей стороны такого намерения тоже

не было и нет. Тем весомее доводы, приглашающие вникнуть в действия Лондона и Вашингтона на переломных этапах второй мировой войны, выразимся мягко, неадекватные императивам борьбы с агрессорами.

Оставим без комментариев старания «демократий» в 30-е годы столкнуть Германию и Японию с Советским Союзом, дабы таким образом разрядить экспансионистскую энергию Берлина и Токио, зарившихся на чужие богатства. Не станем вдаваться в детали «странной войны» 1939–1940 гг., де факто приглашавшей Гитлера оттачивать на примерах Дании и Норвегии, затем Бельгии, Голландии и Франции методику покорения поодиночке намеченных жертв. Заметим лишь, что ни Лондон, ни Вашингтон, как, впрочем, и Москва, не спешили тогда внимать урокам жизни.

Возьмём быка за рога – «развязывание Гитлером своей настоящей войны» (так характеризует нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. официозная немецкая монография «Германский рейх и вторая мировая война»). Всё ранее содеянное являлось прелюдией к «главному делу его, Гитлера, жизни» – завоеванию, колонизации и разграблению России, «сокращению на порядок численности славянского населения». «Восточный поход» мыслился нацистским предводителям как скоротечная одноактная драма с загодя прописанным финалом. Никаких альтернатив тотальному изничтожению России, безотносительно к её внутреннему устройству, гитлеровская программа не брала в расчёт.

Альтернативы, однако, предоставлялись демократиям – способствовать скорейшему поражению СССР или по возможности продлить во времени советско-германское противоборство? В том, что Советская Россия обречена, в Вашингтоне и Лондоне не сомневался почти никто. Расхождения касались в основном сроков схода нашей страны с мировой арены. По прогнозам одних, это должно было случиться в течение недели, «оптимисты» отводили на заклятие «русского колосса» максимум три месяца.

Вопрос о том, что реально могли бы сделать западные демократии для предотвращения подобной развязки, как-то не возникал. Демонстрации «морального эффекта товарищества» (Черчилль) не в счёт. Деловой нагрузки они не несли. В июле 1941 г. в Лондон прибыла советская военная делегация во главе с генералом Ф. Голиковым. Форин Офис выдал начальникам британских штабов, принимавших гостей, рекомендацию – показывать «внешнее сердечное обхождение с русскими... Для создания атмосферы дружелюбия нам следует, не жалея себя, развлекать членов миссии...». И от обмена мнениями по сути проблем уклоняться.

В своём кругу английские правители держались откровеннее. Их устраивало бы, если бы немцы завязли в России как можно глубже, для чего им надо бы было забраться на восток как можно дальше. «Если Германия глубоко завязнет в России, – читаем мы в документе, подготовленном имперским генштабом в конце июля 1941 г. к англо-американскому совещанию у Ньюфаундленда, – то откроются благоприятные шансы для сохранения (британских) позиций на Среднем Востоке». Воистину, в исполнении Черчилля и его сподвижников вражда могла приобретать почти дружественные оттенки, а дружба – весьма враждебные.

По сходной спирали вилась мысль в Вашингтоне. Чиновники госдепартамента, и не они одни, корпели над головоломкой – как пролонгировать сопротивление России нацистскому нашествию... без советской власти. Снова вспом-

нили о А. Керенском – не подсобит ли он вместе с другими видными эмигрантами, что осели после 1917–1920 гг. в Соединённых Штатах?

Короче, политические, идейные, социальные театры разнились от театров военных действий. Здесь тоже имелись свои вторые, третьи и т. д. фронты и множество боёв за линиями, прочерченными на картах или в сознании власть предержащих. Можно выразиться иначе – неотступным спутником объявленной политики Запада выступала теневая политика, причём, одна зачастую исключала другую. Это объясняет, почему вторая мировая война так и осталась в практике её участников сводом национальных войн, сгруппированных в коалиции по признакам относительной близости актуальных интересов. Ни на одном этапе войны, как справедливо отмечают маститые буржуазные историки, не существовало даже полнокровного американо-английского союза. О союзе советско-американском нечего и говорить.

Сетовать по поводу потребительского подхода англосаксов к чужим интересам и их исконной русофобии можно, сколько душа запросит. По трезвому расчёту, однако, руководители США и Великобритании обязаны были спрашивать себя летом 1941 г., как действовать на случай приобщения Германией промышленных и природных ресурсов СССР. При таком обороте событий немцы уравнились бы по потенциалу с «демократиями». Видимо, такой вопрос возникал, но логика оппортунизма загоняла Лондон и Вашингтон в порочный круг двойных и тройных стандартов, отнюдь не исключавших переговоры «на два фронта».

Официально Сталин поставил вопрос об организации второго фронта в борьбе с германским агрессором в послании Черчиллю 18 июля 1941 года. Реакция оказалась зело прохладной. На встрече 9–12 августа 1941 г. вблизи Ньюфаундленда Рузвельт и Черчилль тему второго фронта не обсуждали. В Атлантической хартии, дифирамбы которой слышатся поныне, нет ни звука о нападении Германии на СССР, как и о войне Японии против Китая. Вопреки, если не букве, то духу советско-британского соглашения от 12 июля 1941 г. «О совместных действиях в войне против Германии», Лондон не предлагал предварительно обговорить содержание хартии с Москвой. В заявке англосаксов на «управление миром до становления лучшего порядка» А. Хильгрубер и другие солидные исследователи усматривают третирование советских интересов. Провозглашавшаяся цель – «окончательное уничтожение нацистской тирании» в сочетании с призывом урезонивания не единственно Японии (отказ от «дальнейшей агрессии», только не силовая экспансия) отдавала привкусом «умиротворения», в чём-то перекликалась с обкатанной философией очищения империалистических хищников от крайностей без ущерба для их первоизданной сущности.

Атлантическую хартию опубликовали 14 августа 1941 г. Советский Союз выразил «согласие с основными принципами декларации» 24 сентября, предположив этому согласию свою оценку положения и задач, вытекающих из войны с гитлеровской Германией, в том числе при устройстве послевоенного мира. Перед этим (13 сентября) Сталин в послании Черчиллю вернулся к теме взаимодействия в войне с нацизмом. «Если создание второго фронта на Западе, – писал советский лидер, – в данный момент, по мнению английского правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое

средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Британский премьер с порога отверг это предложение как «абсурд» и «сушью бессмыслицу». С какой стати связывать свою судьбу или хотя бы престиж со страной, которую «демократы» в мыслях своих обрекли на гибель? Помогать Советскому Союзу исключительно и пока это помощь самим себе, причём, наименее обременительная. «Никто, – отмечали видные историки Дж. Батлер и Дж. Гуайер, – не хотел терять ценные военные материалы в хаосе рушившегося русского фронта, тогда как эти материалы могли быть тут же использованы в любом другом месте». А тут Сталин замахнулся на боевое братство не на словах, а на поле брани. Нет, от сей напасти увольте. Англичанам импонировала «стратегия не прямых действий», позволявшая в её совершенном исполнении достигать цели «без сражений».

Даже предложения вывести из строя главный центр нефтеснабжения рейха – румынские промыслы в Плоешти (для этого в распоряжение британских бомбардировщиков отдавались аэродромы в Крыму) или никелевые рудники в районе Петсамо, примыкавшего к Кольскому полуострову, не возбудили у Черчилля интереса. Премьера больше занимали политические манёвры. К тому же затрагивался институт собственности – нефтью Плоешти владели англичане, а никель Петсамо принадлежал канадцам.

О политических манёврах чуть подробнее. В советско-британском соглашении от 12 июля 1941 г. о совместных действиях в войне против Германии стороны обязались (статья 2) «в продолжение этой войны... не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия». Но вот 21 августа 1941 г. президент Рузвельт, информируя конгресс об итогах Атлантической конференции, назвал Германию «главным агрессором современности» и отверг возможность компромиссного мира с нею. Такой мир, по словам Рузвельта, дал бы Германии преимущества, коими она не преминула бы воспользоваться для установления контроля над Европой, Азией и Америкой.

С чего бы президент заговорил о «компромиссном мире»? Он отвечал критикам у себя дома типа Гувера, Тафта, Даллеса, Фиша, громко требовавших отвернуться от России и пойти на мировую с Гитлером. Вместе с тем Рузвельт одёргивал «умиротворителей», оживившихся в Англии: поостерегитесь интриговать за спиной Вашингтона.

В сентябре-октябре 1941 г. Черчилль дал крен к сделке с нацистской Германией. На исходе ноября он занялся разжижением принятых перед СССР обязательств касательно сепаратного замирения. Премьер аргументировал сие так: «Мы сделали публичное заявление о том, что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом, но... мы пошли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоров с Германией, взятой под контроль ее армией. Невозможно предсказать, какое по форме правительство может оказаться в Германии тогда, когда ее сопротивление будет ослаблено и она захочет вести переговоры».

Только ли тяжелейшее положение Советского Союза в октябре 1941 г. вызвало прилив в Лондоне упаднических настроений? Или свою роль сыграло ожидание вступления Японии в войну против СССР? 15 октября 1941 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Я думаю, что они (японцы) направляются на север, ввиду этого Вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». 16 октября начальник штаба ВМС США адмирал Старк ориентировал командующего тихоокеанским флотом Киммела, что «наиболее вероятно война между Японией и Россией». Перл-Харбор был на носу.

Или, быть может, Черчилль уловил признаки назревавшего краха доктрины блицкригов, с которой германский империализм ринулся в мировую (не европейскую) войну и с успешным претворением которой в сериал эскалирующих агрессий связывал свои вожелания? Запасными вариантами на выигрыш войны рейх не располагал. Министр вооружений и боеприпасов Тодт доложил 29 ноября 1941 г. Гитлеру, что добиться приемлемого для Германии окончания войны можно только политическим путём. В 1945 г. генерал Йодль на допросах показал, что Гитлер «раньше любого человека на свете чувствовал и знал: война проиграна»; «после катастрофы, разразившейся зимой 1941/42 г., он отдавал себе отчет в том, что с этого кульминационного момента... победы быть не может».

Какие комбинации в данном контексте роились в голове британского премьера? Это, возможно, узнают потомки. Судя по отрывочным сведениям, они перекликались с записью (декабрь 1941 г.) в дневнике заместителя госсекретаря США А. Берле, координатора деятельности спецслужб: «... поражение Германии превратит Россию в единственную значимую силу на континенте, и этой позицией она в полной мере воспользуется». Не пробил ли час камни собирать и, среди прочего, форсировать проект «Георг» – утверждённый Рузвельтом 14 августа 1941 г. директиву Donovanу, руководителю управления стратегических служб, готовить устранение Гитлера?

Не будем упрощать – устранение Гитлера не отождествлялось с окончанием войны на условиях, предварительно оговоренных с СССР. «Германия, взятая под контроль ее армией», – не ляпсус лингва Черчилля. В кругу доверенных лиц премьер примеривал программу, которую станет, насколько от него зависело, навязывать Вашингтону, понятно, за нашей спиной, до тех пор, пока в Европе не смолкнут орудия. Раздражение Черчилля сходом развития с прочерченной в его, премьера, наметках колеи дало себя знать в телеграмме Идену. Министру иностранных дел категорически воспрещалось по приезду в Москву что-либо обещать Советам по части боевого сотрудничества. Ливийская пустыня, – писал Черчилль, – «это наш второй фронт». Тем более что Япония в это время вонзила клыки в гриву США и Великобритании.

Заглянем в статистические святцы. В Ливийской пустыне уютжили друг друга 6 дивизий плюс 3 бригады резерва на британской стороне и 3 немецких и 7 условно боеготовых итальянских дивизий. Общим счётом 100–120 тысяч солдат и офицеров. Это в четыре раза меньше численности немецких и финских войск, что противостояли Красной Армии на северном участке восточного фронта. По крупному в роковом 1941 г. помогли советскому народу выстоять партизаны Ти-

то. Югославы сковали до 20 немецких дивизий, которые в иных условиях могли тогда оказаться под Москвой и Ленинградом.

Повторюсь. Декабрь 1941 г. оказался до предела насыщен событиями всемирно-исторического масштаба. Операция «Тайфун» сникла. Токио решил искать счастья не на советском Дальнем Востоке. 7 декабря японские предводители пошли ва-банк против избалованных милостями природы и судьбы Соединённых Штатов Америки, а заодно и пристёгнутой к ним Великобритании. 11 декабря войну США объявили Германия и Италия. На следующий день военными противниками Вашингтона назовут себя Венгрия, Румыния и Болгария.

Тем весомей была победа Красной Армии под Москвой. Битва на подступах к столице СССР, в сражениях здесь было задействовано с обеих сторон не менее трёх миллионов солдат и офицеров, подвела промежуточный итог всей мировой войне. Цепь блицкригов, коими нацисты вознамерились опутать глобус, разорвалась. Началась затяжная и изнурительная позиционная война. Она требовала как от агрессоров, так и их противников качественно новой стратегии и тактики.

Противники Германии, Японии, Италии образовали «великую коалицию союзников», получившую с легкой руки Рузвельта наименование «Объединённые Нации». Понятие «антигитлеровская коалиция» означало, что европейский театр военных действий считался приоритетным, а Германия, по признанию Рузвельта и Черчилля, – «главной в фашистском блоке». Как и каким содержанием наполнялось декларированное руководителями США и Великобритании союзничество между собой и с СССР суть другой вопрос.

Истеблишмент Соединённых Штатов и Соединённого Королевства, конечно же, не был единым мирром мазан. Черчиллю оппонировали Иден, Бивербрук, Ллойд Джордж, Криппс, обвинявшие премьера в стремлении «иметь от сотрудничества (с СССР) одни лишь выгоды, ничего не давая взамен». В Вашингтоне очищенного от идеологической предвзятости по отношению к Советскому Союзу подхода, добивались, пусть с оговорками. Гопкинс, бывший посол США в Москве Девис, военный министр Стимсон. На последнего, похоже, производили впечатление деловые выкладки военных экспертов, предпочитавших политическим химерам строго выверенные факты.

Взглядам американцев на перепутьях 1941–1943 гг. стоит уделить минуту-другую. Политики США ещё стригли купоны со статуса нейтрала, а армейская разведка и группа планирования Пентагона привлекали летом 1941 г. внимание администрации к выгодам открытия второго сухопутного фронта в Европе, когда главные силы Германии были скованы на советском фронте. Судя по переписке Рузвельта, Маршалла и Макартура, ближе к весне 1942 г. взвешивалась даже возможность отправки в СССР американских боевых частей для участия в операциях против немцев. В конечном счёте, однако, «было признано нецелесообразным оказывать Советскому Союзу достаточную непосредственную помощь».

Где отгадка нескончаемых шатаний Вашингтона? Предоставим слово самим американцам. Начальник оперативного управления штаба армии генерал Джероу писал 5 августа 1941 г.: «Сначала мы должны разработать стратегический план разгрома наших потенциальных противников, а потом уже определить главные военные соединения – воздушные, морские, сухопутные, необходимые для выполнения стратегической операции». Нельзя победить, предупреждал генерал, «простым наращиванием выпуска промышленной продукции». Как можно

убедиться, эта мысль – сначала стратегическая концепция и производная от неё программа военных и прочих действий прослеживалась в американских штабных документах разного уровня вплоть до конца 1944 г. Курьёз? Нет, печальная действительность, безмерно затянувшая трагедию второй мировой войны.

С начала 1942 г. уже не одни военные, но и американские политики занялись прикидками – открывать второй фронт в Европе или продолжать зреть гигантскую битву на Востоке со стороны? 16 февраля 1942 г. управление планирования штаба армии возглавил генерал Д. Эйзенхауэр. Он считал недопустимым «разбрасывать наши (США) ресурсы по всему земному шару и, что еще хуже, непроизводительно тратить время». Генерал и его коллеги полагали, что побережье Франции может быть успешно атаковано и что это необходимо сделать без проволочек.

28 февраля 1942 Эйзенхауэр представил начальнику штаба армии Дж. Маршаллу, главному военному советнику президента Рузвельта, доклад, в котором рекомендовал размежевать военную и политическую стратегию. В ключевом пункте «б» доклада подчёркивалась необходимость «немедленных и конкретных действий» в поддержку СССР, во-первых, в виде «прямой помощи по ленд-лизу» и, во-вторых, путём «скорейшего начала операций, которые отвлекут с русского фронта значительное количество наземных войск и воздушных сил германской армии». «План, – говорилось в докладе, – должен быть разработан немедленно и во всех деталях. Масштабы действий должны быть достаточно широкими, чтобы с середины мая мы могли сковывать всё большее количество германской авиации, а к концу лета – все большее количество германских наземных войск».

Вопреки стараниям «скептиков» пробудить у Рузвельта недоверие к соображениям Эйзенхауэра, президент «в основном» солидаризовался с аргументами поборников второго фронта. Его заинтересовал, в частности, новый документ управления планирования, вошедший в летопись эволюций американского военного мышления под названием «меморандум Эйзенхауэра от 25 марта» (план высадки союзников между Кале и Гавром).

Генерал акцентировал важность внесения ясности в вопрос, «на каком театре военных действий должно развернуться первое крупное наступление Соединенных Штатов». Без этого нельзя рационально планировать военное производство, обучать армию и развёртывать её. «Главной целью нашего первого большого наступления, – заключал Эйзенхауэр, – должна быть Германия, которую нужно атаковать на Западе». Для проведения этой операции, согласно оценкам военных, имелись в наличии соответствующая структура, резервы и ресурсы, возможность мобилизовать нужное количество также десантных средств. Или нападение на Германию, когда вермахт застрял на советском фронте, или «повернуться спиной к Восточной Атлантике и как можно скорее направить все наши силы против Японии» – так ребром ставил задачу Эйзенхауэр.

«Меморандум Эйзенхауэра» явился предметом совещания в Белом доме. Маршаллу и Стимсону было поручено срочно подготовить развёрнутые предложения. 1 апреля 1942 г. «схематический план вторжения» был доложен президенту и одобрен им. В документе отмечалось, что Северо-Западная Европа – «единственное место, где в ближайшем будущем союзные государства смогут

подготовить и осуществить мощное наступление». Но в отличие от «меморандума Эйзенхауэра» авторы «схематического плана» откладывали начало операции на год – «после 1 апреля 1943 г.» и при том понимании, что СССР будет продолжать сковывать основную массу германских вооружённых сил, а общая численность войск Германии, Италии, Японии и их сателлитов останется примерно на уровне апреля 1942 г. Мистерии второго фронта только начинались.

Пока для анализа существенней другое. И «меморандум Эйзенхауэра», и план Маршалла – Стимсона свидетельствуют, что в советских доводах в пользу организации второго фронта в 1942 г. не было ничего надуманного, замкнутого только на потребности СССР. Организация широкого наступления против Германии с запада диктовалась логикой войны. Интенсивность военных действий на советско-германском фронте и обустроенность Британских островов в качестве базы накопления и развёртывания сил позволяли решать боевые задачи вторжения на континент с высокой степенью надёжности. Технические трудности высадки морского десанта считались экспертами США вполне преодолимыми, а степень прикрытия с воздуха и моря – оптимальной. Наконец, Германия в 1942 г. ещё не приступила к тотальной мобилизации, фортификационные работы вдоль Атлантического побережья находились в зачаточном состоянии.

Короче, не иссякающие потуги переиначить историю и изобразить дело так, будто искреннее желание союзников высадиться на Севере Франции в 1942 или 1943 г. разбилось о некие объективные препоны, не выдерживают элементарного сопоставления со штабными документами американского происхождения. Препятствия восседали, прежде всего, в военном кабинете Великобритании, и ведущим в этой когорте саботажников второго фронта выступал лично У. Черчилль. Не по мотивам «плохой погоды» и «неоправданного риска», но по убеждению, из принципа.

Примем к сведению ещё пару обстоятельств. Варианты высадки на континент, что прорабатывали в 1941–1942 гг. военные США, призваны были ослабить давление немцев на Советский Союз, осложнить переброску на Восток всё новых дивизий и маршевого пополнения, если бы даже не удалось заставить Гитлера для отражения угроз с Запада снять несколько сухопутных соединений вермахта и части ВВС с советского фронта. Об эффективном разделении с Красной Армией усилий в борьбе с общим врагом не помышляли. Тем не менее, определённый навар от такого взаимодействия, наряду с важными для СССР поставками по ленд-лизу, можно было бы ожидать.

Рузвельт пошёл под нажимом Черчилля на попятную и дезавуировал данное им советской стороне в июне 1942 года «твёрдое» обещание открыть в Европе второй фронт не позднее осени. Тогда же тема высадки на побережье Франции была фактически закрыта также на 1943 г. И, что принципиально важно, – списанными со счёта оказались сама идея вспомоществования союзному СССР, координирование с ним усилий на театре военных действий, как и политических планов на основе баланса законных интересов. Эксперты США знали и предупреждали своего президента, что операция «Торч» (взятие под контроль Северной Африки) «не побудит немцев перебросить с русского фронта ни одного немецкого солдата, танка или самолета». Эйзенхауэр назвал день принятия Рузвельтом решения высадиться в Сев. Африке взамен вторжения во Францию «самым мрачным днем в истории».

Реалии обстояли хуже некуда. Пока «Торч» («факел» по-русски) тлел, немецкое командование перебросило на Восточный фронт 36 дивизий, в том числе

6 танковых. Под нужды «Торча» были на половину урезаны поставки материалов и вооружений СССР по ленд-лизу. Плохо быть просителем. Всегда плохо. В годину войны в особенности.

Вспомним слова Маршалла о сверхтонкой нити, на которой висела судьба Объединённых Наций. А Черчилль держал себя так, словно приберёг для Альбиона запасную судьбу. По ходу битвы за Сталинград и Северный Кавказ он настраивался на худшее. Если в разгар наступления вермахта на Москву в 1941 г. британские службы вынашивали планы диверсий против советских военных и промышленных объектов, «чтобы они не попали невредимыми к немцам», то осенью 1942 г. наготове держались коммандос, имевшие назначением запалить Бакинские нефтяные промыслы. Плоешти жаль было тронуть, а Баку пусть горит ярким пламенем.

А как прикажете толковать следующий сюжет? В секретном докладе Donovan (УСС) указывалось на возможность нападения Японии на СССР «до конца лета» (1942 г.)^{*}. Управление рекомендовало дожидаться этого поворота событий, прежде чем решать вопрос о военной помощи Москве. В донесении советской разведки (13 июля 1942 г.) говорилось: «У американцев и англичан имеется полная уверенность, что японцы нападут на СССР этим летом или, в крайнем случае, осенью. На этом предположении базируются все стратегические планы американцев и англичан на Дальнем Востоке». Не только на Дальнем.

Так-то. Под Сталинградом война опять достигла распутья не для одних Японии и Турции, изготовившихся напасть на СССР, но также для США и Великобритании. Где-то с августа – начала сентября 1942 г. Вашингтон и Лондон настраивались на политическую и военную калькуляцию без Восточного фронта. В очередной раз «демократам» смешал карты советский солдат, тот самый, которого Черчилль в меморандуме членам своего военного кабинета 21 октября 1942 г., называл «варваром», угрожающим независимости и культуре европейских народов. Премьер выступал против допуска СССР, а также Китая к послевоенному переустройству мира. И всё это, заметим, за месяц до начала наступления Красной Армии под Сталинградом.

«План Маршалла – Стимсона», бравший прицел на открытие второго фронта «после 1 апреля 1943 года», допускал «досрочную», мини-высадку на французском побережье в 1942 г., (а) если Восточный фронт будет полностью разваливаться или (б) если Германия погрузится в кризис. Но после Сталинграда вы не обнаружите в союзнических документах ни намека на готовность перенять часть бремени, выпавшего на долю советского народа. наших заклятых друзей донимали лишь заботы: как бы не проморгать момент истины, когда третий рейх пойдёт ко дну, как «воспрепятствовать большевизации Европы», как деградировать подвиг советского народа в пиррову победу? Именно от этих посылок, поведал Черчилль министру иностранных дел Турции в январе 1943 г., он отталкивался в своих планах. И тем временем, приметил турок, натравливал другие страны на борьбу между собой до полного истощения каждого из них.

^{*} Очевидно, имелась в виду, в частности, «Операция № 51», план которой был утверждён премьером Тодзио 14.7.1942 г.

С конца 1942 г., не позже, вторжение союзников во Францию впало в зависимость от степени ослабления Германии, от размывания изнутри нацистского режима и его институтов. В администрации Рузвельта этой мысли настойчиво держался Донован, ему ассистировали Хэлл со товарищи (Ачесон, Боуман, Пазвольски и сотрудники военного министерства, назначенные заседать в правительственном комитете по послевоенной политике). Ограничимся парой выдержек из стенограммы заседаний этого комитета: СССР станет главным конкурентом интересам США; его надо задержать как можно дальше на востоке; модели обращения с Германией должны подчиняться главной задаче – ограничению советского влияния в Европе; Германия может рассматриваться как естественный союзник США и Англии, её чрезмерное ослабление не выгодно. Военные выражались без витийств: после войны придётся «привести в движение небо и землю», чтобы превратить Германию в союзника Соединённых Штатов. Добавим – дискуссии велись не за стойкой в пивном баре. Каждый выступал в официальном качестве. На календаре декабрь 1942 – январь 1943 г. Паулюс ещё не сдался в Сталинграде.

Донован всячески отговаривал Рузвельта от организации второго фронта в 1942 г. и способствовал появлению на свет «Торча». В ноябре 1942 г. в Бёрн был направлен резидент УСС А. Даллес. Ему вменялась задача, «используя связи с Канарисом и "черной капеллой", информировать Вашингтон о развитии дел в основных центрах германской власти и в столицах немецких союзников». Сбором сведений его миссия не ограничивалась. Надлежало воздействовать на стряхнувших к концу 1942 г. дрёму оппонентов Гитлера, направляя их активность в нужное Вашингтону русло. Нельзя было допустить, чтобы под влиянием сталинградской катастрофы немцы впали в прострацию. Самое скверное, с точки зрения Запада, если бы и вермахт сдался на милость Красной Армии. Стало быть, брожение среди военных надлежало умерить.

«До тех пор, пока англосаксы не стали континентальной силой, не следовало принимать никаких решений насчет Европы, – писал германский социал-демократ Хенк, не чуждый американскому разведывательному сообществу человек; участник встречи, рекомендовавшей повременить с покушением на главу нацистского рейха. – В военной обстановке конца 1942 г. свержение Гитлера было бы равнозначно продвижению Востока, Европа оказалась бы неподготовленной к внезапному миру, – на эту часть земного шара обрушились бы чудовищные неразрешенные проблемы. Это означало: о покушении на Гитлера можно будет говорить только после удавшегося вторжения американцев и англичан».

Версия Хенка и доступные нам факты согласуются. США и Великобритания не спешили гасить военный пожар в Европе ни в 1942, ни в 1943 году, хотя победы Красной Армии создали для этого все предпосылки. Разумеется, конечной целью их доктрин был мир, но отнюдь не сотворённый «социальными изгоями», а подогнанный под лекало «жрецов от демократии».

Не лишне припомнить, что Рузвельт и Черчилль не отрицали возможность сокрушения Германии, коль скоро упустили шанс в 1942 г., то непременно в 1943 г. Заглянем в совместное послание президента и премьера об итогах конференции в Касабланке, направленное Сталину 26 января 1943 г. Москву заверяли, что в ближайшие девять месяцев союзники изготоятся к операциям, которые «вместе с мощным (советским) наступлением могут наверное заставить Германию встать на колени». «Правильная стратегия для нас состоит в том, –

вещали «демократы», – чтобы сосредоточить свои силы на задаче поражения Германии с целью одержания скорой и решающей победы (в 1943 г.) на Европейском театре». «Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения».

Что ни тезис, что ни строка в послании – всё сущая неправда. В переписке глав трёх держав по ходу войны не встретишь сходного концентрата дезинформации на двух листах печатного текста. Первое. В реальности форсирование Ла-Манша откладывалось на весну 1944 г. или «позже». Второе. Имелось в виду не отвлечение германских сил с Восточного фронта, а «превращение в успешные операции» «признаков слабости держав "оси"» (заметьте – не обязательно Германии). Третье. Обещанный «максимальный поток снабжения» тут же измельчал до размеров ручейка. Поставки по ленд-лизу через северные порты СССР прерывались с марта по сентябрь. Предлог – накопление немецкого линейного флота в Нарвике. В очередной раз вышла наружу некая закономерность: накануне и в момент наиболее крупноформатных операций Германии на Восточном фронте шли резко на убыль объёмы военных грузов, направлявшихся из США и Англии в Советский Союз по самому эффективному маршруту на Мурманск и Архангельск. Простор для догадок, нелестных для союзников.

Накануне Курской битвы, невиданной по сосредоточению огневых средств, военной техники и людей в шинелях – на обеих сторонах в сражение было вовлечено, если точно считать, до 4 млн солдат и офицеров, около 7 тыс. танков и САУ, почти 6 тыс. самолётов, свыше 50 тыс. орудий и минометов – Гитлер мог с ухмылкой потирать руки. Конечно, стратегия блицкригов осеклась. Но англичане, которым подыгрывали американцы, особо не мешали Гитлеру и дальше маневрировать войсками для достижения перевеса и нанесения мощных ударов на Восточном фронте, могущих существенно влиять на ход и, кто знает, даже исход войны. В Вашингтоне и Лондоне знали о приготовлениях немцев как к захвату Северного Кавказа и выходу на Волгу в 1942 г., так и к операции «Цитадель» в июле 1943 г. Знали и выжидали. Не удосужились толком поделиться информацией на сей счёт с советским союзником или даже подсовывали Сталину заведомую дезу. Было, над чем задуматься, особенно на фоне пробных шаров, кои запускались во властные сферы по обе стороны Атлантики, немецкими диссидентами, эмиссарами Канариса, связниками Гимmlера, Розенберга, Риббентропа. Сведения об этом закулисье попадали в поле зрения советской разведки.

Сталин отреагировал на недостойные увёртки руководителей союзных держав отзывом послов из Вашингтона и Лондона. УСС расценило сложившуюся ситуацию как кризис в антигитлеровской коалиции. Ведомство Донована не далеко отстояло от истины, не сводя кризис к «дипломатическим заморозкам».

С утратой стратегической инициативы под Сталинградом, откатившись с переломанным хребтом с Курской дуги, Германия была обречена. Кто вынесет и исполнит приговор? Советский Союз, доказавший способность без секунданта решать военные теоремы любой сложности? Или вершить суд станут три дер-

жавы совместно? Или немцам удастся явиться с повинной к США и Великобритании, сдаться на их милость с обещанием влиться в ряды англосаксонцев?

Эта тема затрагивалась в процессе визита Идена в Вашингтон (март 1943 г.). Рузвельт заявил, что США будут «настаивать на полной капитуляции (немцев) без каких-либо обязательств в отношении того, что мы (американцы) должны или не должны делать после заключения перемирия». Из сказанного следовало, что Вашингтон не станет считать себя связанным никаким актом, который регулировал бы окончание войны, допустим, между Германией и СССР, без заранее данного на то добро американцев. Так раскрывался подтекст требования безоговорочной капитуляции, как его огласил президент США 25 января 1943 г., за неделю до пленения Паулюса в Сталинграде. Пример обращения США и Англии с Италией показал, что на себя подобное прочтение процедур капитуляции они не распространяли.

Возмущение Москвы поведением союзников, наверное, не ограничилось бы отзывом совпослов из Вашингтона и Лондона, поступи тогда к Сталину информация о проработке летом 1943 г. спецслужбами и штабами западных держав моделей сговора с нацистским генералитетом с целью совместных действий против «русских». О чём речь?

Курская эпопея ещё продолжалась, когда в Квебек съехались Рузвельт, Черчилль, их ближайшие советники, начальники штабов. В повестке дня, если без обиняков, – судьба объединённых наций. Из параграфа 9 протокола «Военные соображения в отношении с Россией», который вёлся на заседании американо-британского штаба 20 августа 1943 г., мы узнаем, что адмиралы Леги и Кинг, генералы Маршалл и Арнольд обсуждали вместе с генералом Бруком, адмиралом Паундом и главным маршалом авиации Порталом вопрос – «не помогут ли немцы» вступлению войск западных держав на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским». На чём сошлись? Архивы на замке. Но, заглянув в меморандум Донована от 20 августа 1943 г. (какое совпадение в датах!) и приложенное к нему экспозе УСС «Стратегия и политика: могут ли Америка и Россия сотрудничать?», нетрудно вычислить координаты задуманного курса.

Во-первых, принималось как данность, что после провала «Цитадели» СССР может «преимущественно собственными усилиями победить Германию, а затем играть главную роль в переустройстве Германии и Европы». Тем не менее, у советской стороны не иссяк интерес к сотрудничеству с западными державами.

Во-вторых, открытие второго фронта является «одним из неизбежных элементов всякой политики компромисса с Советским Союзом» и вместе с тем катализатором перегруппировки сил в выгодном Западу ракурсе внутри Германии.

В-третьих, альтернатива – «поворот нацистской или юнкерской Германии против России», то есть «всей мощи все еще сильной Германии (а это значит: Германии, управляемой нацистами или генералами)», как «единственный способ победить Советский Союз только силой».

Меморандум Донована перекликался с аналогичными британскими наработками. Согласно документу Форин офиса (март 1943 г.), англичане «сочувствовали бы оттеснению нацистов от власти германской армией», после чего военные вышли бы на западные державы с мирными предложениями от собственного имени или предварительно сформировав какое-либо нефашистское правительство во главе, например, с Папеном или Шахтом. Без излишних реверансов суть передавал британский теоретик в области военной стратегии Лиддел Харт.

В Европе, убеждал он Черчилля, есть лишь одна страна, способная вместе с западноевропейскими государствами оказать сопротивление послевоенным устремлениям русских, – это страна, которую мы собираемся разгромить. Было бы разумно выйти за рамки ближайшей военной цели, в сущности уже достигнутой (наступательная мощь Германии сломлена), и позаботиться о том, чтобы длительный путь к последующей цели был расчищен от опасностей, довольно отчётливо вырисовывающихся на горизонте.

Квебек не проставил желаемых Черчиллем, Донованом и иже с ними точек над «и». Рузвельт не созрел для разрыва со Сталиным. Обещания УСС искать военного счастья на тайных фронтах манили, но не убеждали, что «недорогая (для США) победа над Германией» где-то рядом. Сомнения зачали паллиатив – параллельно с «Оверлордом», планом крупномасштабного форсирования Ла-Манша, были рассмотрены и утверждены варианты «экстренной высадки» союзников на континент – план «Рэнкин». Его сердцевина – достижение с разочаровавшейся в Гитлере немецкой элитой взаимопонимания на предмет (а) непротивления вермахта оккупации американо-британскими войсками собственно Германии и захваченных ею стран; (б) переброска высвобождавшихся немецких сил на Востоке для упрочения «защитного вала против русской угрозы».

Квебекская редакция «Рэнкин» была подновлена 8 ноября 1943 г. Исполнителям давался перечень городов, интересовавших лидеров западных держав. Помимо основных центров Германии и Италии, речь велась об установлении контроля над Гаагой, Брюсселем, Лионом, Прагой, Варшавой, Будапештом, Бухарестом и Софией, Белградом и Загребом. Третий эшелон – высадка в Дании, Греции и на о-ве Родос. И везде лейтмотив – «опередить русских». Не координация действий с СССР, а контрдействия. Капитуляция Германии не перед антигитлеровской коалицией, а перед США и Англией.

Что сообщили союзники Москве о принятых конференцией «Квадрант» (Квебек. 19–24 августа 1943 г.) решениях? Рутинное обещание интенсифицировать «воздушное наступление» на Германию^{1/}. Расплывчатое обещание сосредоточивать американские войска на Британских островах в расчёте на открытие второго фронта «весной 1944 года». О «Рэнкине», как вы догадываетесь, ни ползвуча.

Экономя время и место, не будем аттестовать происки Черчилля против высадки союзников во Франции. Военный министр США Стимсон сделал это за нас: он обвинил британского лидера в «самой необузданной разновидности дебоша, сбивающего с толку». Премьер не унимался вплоть до конференции «большой тройки» (ноябрь-декабрь 1943 г.) и даже после Тегерана, где Сталин, что называется, приёмом ниже пояса вырвал-таки у партнёров обязательство развернуть наступление в Северной Франции в мае 1944 г. Обязались с тщательно скрывавшимся от Москвы изъятием: «Рэнкин» должен иметь приоритет и при удачном стечении обстоятельств сделать «Оверлорд» излишним.

^{1/} В канун «Оверлорда» – «Рэнкина», собственно, и развернулись прицельные налёты англо-американской авиации на промышленные объекты, транспортные узлы, испытательные полигоны третьего рейха. До этого больше бомбили жилые кварталы. Тогда же союзники занялись обхаживанием Швеции, Швейцарии, Турции и ряда других стран на предмет сокращения ими поставок немцам продукции и сырья военного назначения.

Из-под пера А. Даллеса вышла фраза: «Если мы скоординируем меры в психологической и военной областях, мы сможем (подчёркнуто в оригинале) расколоть Германию и окончить войну в этом году» (телеграмма Даллеса в УСС от 19.8.1943 г.). Чтобы так оно и получилось, управление должно было мобилизовать и пустить в ход все свои рычаги на максимальные обороты не позднее лета 1943 г. Клиентуру вербовали среди германского офицерства и политиков с консервативным уклоном. Под кодовым названием «Герплан» составлялись списки лиц, кои могли быть полезными при оккупации территории рейха войсками западных держав. Досье, по объёму схожее с телефонным справочником, поступило через Гизевиуса (агента УСС N 512, работал на американцев под крышей гестапо) в распоряжение Донована. Богатый набор имён, громких и разных, должен был пробудить впечатление, что заговор против Гитлера обрёл усилиями разведки солидную базу.

Впрочем, и без этого досье поборники «поворота всей мощи Германии против русских» уверовали, что дело почти сделано. Ещё бы. Прожектёры из колоды Герделера, Хасселя и пр. годились как политический гарнир к главному блюду. Требовалось отбить привкус, который смущал Рузвельта, – УСС тянет в пособники США «пруссских милитаристов и юнкеров». Тогда же Донован и его коллеги условились, что «президента не следует перегружать деталями»: главу Белого дома заботило, как сберечь побольше жизней американских парней, так подыграем на свой манер этой заботе, поднеся голову Гитлера на жертвенном блюде.

Костяк заговорщиков, окрещённых А. Даллесом во «взломщики», состоял из высших чинов германского вермахта и военной разведки. Адмирал Канарис, руководитель абвера, шёл в документах УСС под номером 659. Можно считать доказанным, что У. Донован и В. Канарис состояли в личном контакте не менее двух с половиной лет, вплоть до ареста адмирала. Аппарат абвера под началом адмирала превратился в дублёра американских и британских спецслужб.

Выше упоминалось, что добытые немецкими агентами данные о времени и месте высадки союзнических войск не были доложены ни политическому руководству Германии, ни ставке верховного командования. При расследовании покушения на Гитлера (20 июля 1944 г.) вскрылось, что в абвере лишь два начальника отделов – Гелен («иностранные армии Востока») и Герке (транспорт) – не были причастны к заговору. Полковники Ханзен (преемник Канариса, отстранённого незадолго до начала «Оверлорда»–«Рэнкина» от должности) и Ренке (начальник отдела «иностранные армии Запада») активно участвовали в подготовке переворота. Ренке был уполномочен войти в контакт со штабом Эйзенхауэра для содействия высадке американско-британских войск и их быстрейшему продвижению через Западную и Центральную Европу навстречу русским.

Назовём ещё ряд не менее колоритных имён и должностей, чтобы убедиться – игра шла на полном серьёзе. Верхушечный заговор мог развернуть ход войны. Вот его костяк: фельдмаршалы Роммель, Клюге, Вицлебен, военный губернатор оккупированной части Франции генерал Штюльпнагель, комендант Парижа генерал Бойнебург-Ленгсфельд, командующий войсками вермахта в Бельгии и Северной Франции генерал Фалькенхаузен, командующий армией резерва генерал Фромм, генералы Тресков, Ольбрихт, Томас, Вагнер, Хойзинберг, Бек. Продолжать нет нужды. Остаётся лишь заметить, что среди заговорщиков отсутствовали военачальники с Восточного фронта.

Британские спецслужбы тоже не лыком шиты. У них были свои каналы выхода на Канариса, Герделера, Гиммлера. Мензис, глава британской разведки, встретался в 1942 г. с Канарисом на неоккупированной части Франции. 11 января 1944 г. Черчилль потребовал доложить ему, «какие есть в нашем распоряжении силы для проведения операции "Рэнкин" в феврале или марте, если события "неожиданно повернутся в нашу пользу"». Тогда-то, между прочим, и высеклась идея варшавского восстания.

Объединённый совет начальников штабов оснастил Эйзенхауэра при его назначении верховным командующим союзными экспедиционными силами в Европе директивой (параграф 3): несмотря на установленный, по согласованию с СССР, график вторжения, быть готовыми в любое время к «использованию благоприятных условий, например, при отходе противника на нашем (Западном) фронте, чтобы вторгнуться на континент теми силами, которые в тот момент будут в вашем распоряжении». Иными словами, не заикливаться на «Оверлорде» и не молиться на обязательства перед Москвой.

Май – июнь 1944 г. – недели заключительной притирки позиций, как бы сейчас сказали, стратегических партнёров. Опробовались каналы связи заговорщиков с американцами и англичанами. В конце мая или в первых числах июня с Даллесом в Швейцарии встречается фельдмаршал Браухич, знаковая для американцев фигура. Через Гизевинуса поступило предложение «группы военных из Берлина» десантировать в районе столицы рейха три парашютных дивизии США. Мятежные соединения вермахта обещали им подсобить. Вынашивался план изоляции Гитлера и его окружения в Оберзальцберге силами «надежных частей», расквартированных в Мюнхене.

Но не даром говорится, бережёного бог бережёт. Надёжней оборудовать плацдарм на южном берегу Ла-Манша, прежде чем немецкие генералы наберутся духу и отрекутся от нацизма во всеуслышание, будут меньше печься о творце «тысячелетнего рейха» в канун судного дня. Физическое устранение Гитлера, это подтвердили события июля 1944 года, приобрело ключевое значение.

Немецким клиентам давали ясно понять, что политический диалог откладывается на потом, что Западный фронт должен быть распущен под сурдинку «фрондерства германского генералитета», переметнувшегося к «демократам». Москве пришлось бы принять как данность свершившийся факт.

Дальше таить шило в мешке становилось всё сложнее. 24 мая 1944 г. госдепартамент США передал посольству СССР в Вашингтоне памятную записку. Советскую сторону извещали, что «к американским представителям в Швейцарии обратились недавно два эмиссара одной германской группы с предложением свергнуть нацистский режим». Следовал перечень лиц, якобы имевших касательство к оппозиционной Гитлеру активности. С учётом московского адресата первым в списке значился Лейшнер – «лидер социалистов и бывший министр внутренних дел в Гессене». По соображениям, о которых нетрудно догадаться, – самых ценных партнёров надо оберегать – не упомянутыми оказались Роммель, Клюге, Фромм и ряд других уже известных вам имён. Зато в группу попали Рундштедт, Гальдер, Цейтлер, которые держались в стороне от заговора.

Эмиссарам вкладывалось в уста: «группа сможет оказать достаточно влияния на германскую армию для того, чтобы заставить генералов, командующих на Западе, прекратить сопротивление союзным высадкам, как только нацисты будут изгнаны. Условие, при котором эта группа соглашается действовать, выражалось в том, чтобы она имела дело непосредственно с Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами после свержения нацистского режима. Как прецедент для исключения СССР из всех переговоров она привела пример с Финляндией, которая, по их утверждениям, имела дело исключительно с Москвой».

Одиозность последней фразы была очевидна умельцам из госдепа и УСС. Поэтому заключительный аккорд записки звучал почти правомерно: представитель США (то есть А. Даллес) якобы отвёл предложения, отводившие СССР роль статиста, и будто бы подтвердил, что требование безоговорочной капитуляции не отменяется.

Задача памятной записки от 24 мая состояла не в достоверном отображении фактов. Достаточно сравнить её текст с документом «Попытки немецких генералов и гражданской оппозиции добиться сепаратного перемирия», доложенного К. Хэллу 20 или 21 мая 1944 г. Впрочем, и госсекретарь не удостоился узнать всю правду. Но если Хэлла настраивали на вероятность крупных осложнений с Советским Союзом, то Москву предупреждали – у западных держав в кармане запасной вариант подведения черты под их войной с Германией. И он, этот вариант, получит развитие, коль скоро СССР не научится «уважать» претензии англосаксов заказывать музыку при переустройстве миропорядка.

Накопление союзных сил в Нормандии, обустройство самого плацдарма и расширение его параметров происходило своим чередом. Темпы оттеснения противника не превышали в июне 0,5–1,5 км в сутки. Сказывался недостаток опыта управления в боевой обстановке соединениями большой численности и сложного состава, неслаженность в действиях американских и британских офицеров, нестыковка наземных, военно-морских и воздушных операций. Скверно работала тактическая разведка, что мешало разгадывать манёвры противника. 10–15 июня начальники штабов США и Великобритании обсуждали возможность как закрепления позиций в полосе высадки, так и эвакуации войск, если в течение 7–8 дней немцы нанесут весомый контрудар.

Удара не было. Немецкое командование явно чего-то выжидало. По официальной версии – не улеглись сомнения, что Нормандия, возможно, была разведкой боем, и следовало беречь силы для генерального сражения в другом районе. Достоверней представляется иное – Роммель и остальные заговорщики тоже настраивались на переворот в имперских верхах.

12 и 15 июля Даллес докладывал в Вашингтон о предстоявшем покушении на нацистского предводителя словно о решённой задаче. Полковник Клаус граф Штауффенберг, благодаря личным качествам которого заговор против Гитлера обрёл конкретность, взялся убить фюрера в одной из его резиденций. С третьего захода Штауффенберг произвёл взрыв в «волчьем логове», что в Восточной Пруссии. Погибло несколько офицеров, присутствовавших на совещании, а Гитлер отделался контузией и ссадинами на ногах.

Этот взрыв 20 июля должен был походить на выстрел стартера. Впереди – вроде бы братание союзных военных с солдатами вермахта и ключи от немецких городов или то, что от них осталось после ковровых бомбардировок. И призв

виде Центрально- и Восточноевропейских стран – неплохой строительный материал, по мнению Черчилля, для возведения обновлённого санитарного кордона против русских. Пьянящая перспектива, и вдруг наваждение сгнуло.

21 июля в рейхе развернулась лихорадочная чистка армии, всех государственных структур от замешанных в заговоре и подозрительных лиц. Запасной вариант роспуска де факто Западного фронта при живом фюрере отпал – бразды руководства на сей случай должны были перейти к Роммелю, но 17 июля он выбыл из строя из-за тяжёлого ранения. Его напарник фельдмаршал Клюге, командовавший немецкими войсками на Западе, убоился подхватить эстафету. 7–8 августа он попытался было подыграть американцам и англичанам, потворствуя окружению союзниками крупной немецкой группировки, чем навлёк гнев Гитлера, и чтобы избежать лап гестапо, принял яд.

Восстановим в памяти временные параметры событий. 6 июня союзники с потерями, и немалыми, зацепились за плацдарм в Нормандии. На 18 июня в район высадки было доставлено 619 тыс. солдат, 95 тыс. транспортных средств, 218 тыс. тонн военных грузов. К 30 июня в Нормандии находилось 850 тыс. солдат, 150 тыс. автомашин, сюда было завезено 570,5 тыс. тонн материалов. Однако за рамки того, что принято называть локальными боями, активность экспедиционных сил (исключение – взятие Шербурга) не простиралась. К удивлению и недовольству общественности США и Англии перелома не отмечалось и в первые три недели июля.

22 июля Эйзенхауэр констатировал: «Сложившаяся обстановка диктовала, чтобы Монти (Монтгомери) ринулся вперед со всемерной силой и рвением. В дополнение к чисто военным соображениям этого требовала и политическая ситуация». Телеграммой от 26 июля генералу Брэдли главком потребовал «выиграть сражение, двигаться вперед во что бы то ни стало, не допуская остановок».

Несмотря на превосходство войск союзников, которым противостояли скудные наличные силы и средства, лёгкой прогулки по Европе не получилось. После срыва покушения на Гитлера командный состав вермахта не манкировал (Клюге не в счёт) своими обязанностями. Каждый промах влёк за собой подозрение в пассивном сопротивлении режиму, в пораженческих настроениях, каравшихся беспощадно и без оглядок на прошлые заслуги. Политическое и военное руководство Германии делало ставку на выигрыш времени и сохранение живой силы. Директивой ставки от 28 августа группе армий «Б» запрещалось ввязываться в упорные бои и предписывалось, щадя своих солдат и сберегая технику, отступать к рубежу – устье р. Шельда, Антверпен, Маастрихт, Лангр. Аналогичные приказы получила группа армий «Г», которая должна была занять оборону по линии Лангр – швейцарская граница.

С 6 июня по 12 сентября, когда дивизии вермахта отошли к франко-германской границе, из резерва ставки на Запад были направлены 2 танковых и одна пехотная дивизия плюс 2 моторизованные дивизии из Италии. С советского фронта не было снято в поддержку западного направления ни одного соединения. И это при убыли в личном составе (убитые, раненые и, главным образом, попавшие в плен) около 400 тыс. человек (26% от общей численности немецких соединений в

Западной Европе на момент высадки в Нормандии) и при утрате 5490 танков (с учётом пополнения). Для сравнения – невосполнимые потери вермахта на Восточном фронте с января по октябрь 1944 г. составляли 900 тыс. человек. Здесь в сражениях 1944 г. было разгромлено 136 дивизий противника, то есть вдвое больше общего числа дивизий немцев в Западной Европе. Маршевые пополнение и поставки тяжёлой техники на Восточный фронт не прерывались до апреля 1945 г.

12–16 сентября 1944 г. состоялась вторая квебекская конференция Рузвельта, Черчилля, их начальников штабов. Нашим союзникам не терпелось думать, что война на проамериканских с британской подсветкой условиях завершится до конца года. Самые ретивые прогнозировали – крах Германии есть «дело ближайших недель или дней». Стало быть, надо вывернуться на изнанку, чтобы захватить важнейшие районы Европы до подхода к ним Красной Армии. В каталоге – Венгрия, Австрия, Югославия, Греция, Албания.

Рузвельт усомнился в весомости заверений Эйзенхауэра, Монтомери, Донована, что «принимавшимися мерами» удастся задержать советские войска где-то между Одером и Вислой, Карпатами и Родопами. Раз проблематично ухватить целое, то надёжней твёрдо занять часть. Президент разблокировал (в Квебеке) вопрос о разделении Германии на зоны оккупации. Интуиция Рузвельта не подвела.

К концу октября 1944 г. на Западном фронте воцарилось затишье. Командующие группами армий союзников уже не прочь отложить наступательные действия до весны. В своей книге «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэр писал: «Борьба на всем фронте от Швейцарии до устья Рейна приняла поздней осенью самые неприятные формы топтания пехотинцев на месте. Продвижение было медленным и требовало больших усилий. Успехи измерялись ярдами, а не милями». Мешал несговорчивый противник. Не меньше сказывалась неподготовленность к войне в осенне-зимних условиях. Песня нам знакомая.

Худшая политика есть политика колебаний, вещал рейхсканцлер О. Бисмарк. В войне она наказуема. Гитлер взялся показать демократам, что те поспешно списали его в дебит, что даже на излёте он кое-что значит и что лучшего подручного в попытке притушить наступательный порыв России, чем нацистская Германия, не найти. «Наивно надеяться на успех переговоров в момент тяжелых военных поражений, – заявил Гитлер генералу Мантейфелю. – Западные державы будут более склонны к миру по соглашению, если удастся нанести им военное поражение». Преимущественно политическое назначение арденнской операции выделял 3 ноября 1944 г. генерал Йодль на совещании командующих соединениями Западного фронта: «Планы союзников будут расстроены на длительный срок, и противнику придется произвести принципиальный пересмотр своей политики».

Арденнский кулак создавался за счёт флангов Западного фронта. Гитлеру нужна была видимость захвата инициативы и достижения запаса прочности в обороне. Схема мышления нацистской верхушки не отличалась особой изощренностью. Она со злорадством поджидала, не даст ли Москва американцам и британцам прочувствовать на себе изнанку коварства. Раз те не таили намерения любыми средствами задержать советские войска поодаль от Берлина, Вены, Праги, Будапешта, то почему, спрашивается, это не должно было когда-нибудь аукнуться? Стрясись нечто сходное, особенно в конце 1944 – начале 1945 года на Восточном фронте, Лондон и Вашингтон не заспешили бы на выручку СССР.

История XX века изобилует парадоксами. Немцы уже прогревали моторы своих танков и трофейных джипов, чтобы ринуться через «непроходимые» Арденны, а Черчилль, выступая 15 декабря 1944 г. в палате общин, раскрыл планы ликвидации Восточной Пруссии. Противника шантажировали: чем дольше Германия будет медлить с капитуляцией на Западе, тем суровее станет для неё расплата на Востоке. Любопытно, каким было пробуждение премьера 16 декабря. В пять утра этого дня три немецкие армии принялись подводить мину под «противоестественную» коалицию врагов рейха. Гитлер напутствовал Скорцени и его сподвижников словами: «Если мы сможем теперь нанести несколько мощных ударов, то этот искусственно-хвастливый общий фронт может в любой момент развалиться с гигантским грохотом».

Опустим детали военной составной арденно-эльзасской операции. Расчёт немцев на внезапность оправдался. Штаб Эйзенхауэра и разведка терялись в догадках как по поводу оперативного замысла, так и ударной силы противника, скрытно собранной в районе, более пригодном, на взгляд американцев и англичан, для не омрачённого сюрпризами отдыха. В телеграмме союзному комитету начальников штабов (21 декабря) Эйзенхауэр нагнетал впечатление, будто вместо роспуска фронта на Западе распадается советский фронт. «Немецкие дивизии, сформированные или переформированные на Востоке Германии, перебрасываются на Западный фронт, – доносил генерал. – Прибытие этих дивизий, естественно, влияет на ход событий в моем районе, и, если эта тенденция сохранится, она окажет воздействие на решения, которые я должен принимать в отношении будущей стратегии на Западе. Поэтому я считаю необходимым, чтобы мы возможно скорее получили от русских какие-либо данные об их стратегических и тактических намерениях».

24 декабря Рузвельт и Черчилль обратились к Сталину с посланием: «...Совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы Ваши планы... Нам, безусловно, весьма важно знать основные наметки и сроки Ваших операций. Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть предприняты русской армией, такова, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным...». Президент просил принять офицера из штаба Эйзенхауэра для налаживания взаимодействия между Западным и Восточным фронтами.

Казалось, у американцев и англичан забрезжил вкус к братству по оружию, что они готовы извиниться за небрежение, проявлявшееся на протяжении трех лет войны прямым союзническим долгом. Только вот командированного в Москву представителя – британского маршала Теддера снабдили на дорогу инструкцией слушать и... от предметного согласования действий союзных и советских войск уклоняться.

В первых числах января 1945 г. панический настрой в лагере союзников сгустился. Эйзенхауэр вместе с Монтомгери и де Голлем настойчиво призвали Черчилля повторно обратиться лично к Сталину за помощью. В послании в Москву премьер 6 января подчёркивал: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от верховного командования могут потребоваться большие решения... Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что

Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте с течением января или в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть... Я считаю дело срочным.»

Насколько «большие» и даже «важнейшие решения» имелись в виду? Не те ли, о которых рассуждали Гитлер и Йодль, знавшие не понаслышке о запасных ходах, закладывавшихся в планы «Оверлорда» – в случае чего вспомнить о Дюнкерке?

7 января Сталин ответил на черчиллевскую мольбу: принимая во внимание положение, в котором оказались наши союзники, советская сторона решила «открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января». Пока же рекомендовалось использовать «превосходство против немцев в артиллерии и авиации». Неспроста советский лидер припомнил премьеру про авиацию, которая в 1942–1943 гг. постоянно присутствовала в рассказах англичан и американцев как фактор, якобы восполнявший отсутствие второго фронта.

Черчиллю было не до сарказмов. 9 января он телеграфировал Сталину: «Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!» Эйзенхауэр воспринял полученную от премьера новость как «наиболее ободряющую». 27 января в Москве было получено новое послание Черчилля, в котором выражалось «восхищение» «славными победами над общим врагом и мощными силами, которые Вы выставили против него. Примите нашу самую горячую благодарность и поздравление по случаю исторических подвигов».

Расточать благодарности можно было бы начать несколько раньше. Очевидно, некачественная работа западных разведок или смятение, охватившее «демократов» при первом же серьёзном встречном бое, который учинили немцы после высадки союзников в Нормандии, помешало американцам и англичанам зарегистрировать, что вермахт ещё 26 декабря 1944 г., ввиду концентрации сил Красной Армии к наступлению занялся переброской своих соединений с Западного фронта в Венгрию для удержания едва ли не последних центров нефтедобычи. 3 января Гитлер распорядился вывести в резерв 6-ю танковую армию СС (основную ударную силу арденнской операции) и 47-й танковый корпус. Упреждая крушение советско-германского фронта, Гитлер приказал 15 января передислоцировать на Восток более 40 дивизий. Численность западной группировки вермахта урезалась на треть. Для борьбы против советских танков к Одру было стянуто более 300 батарей тяжёлой зенитной артиллерии. Практически все истребители-перехватчики уже использовались как полевая авиация в боях в Восточной Пруссии и Силезии. Берлин, Лейпциг, Дрезден, другие крупные немецкие города остались без прикрытия средствами ПВО.

Не трудитесь, вы не найдёте в воспоминаниях Эйзенхауэра или Монгомери упоминаний о переписке Черчилля и Рузвельта со Сталиным в конце декабря 1944 – январе 1945 г. Насилуя факты, Маршалл утверждал, что американцы вынудили немецкое командование истратить в арденнско-эльзасской операции все ресурсы и резервы и тем облегчили зимнее наступление Красной Ар-

мии. Не встретится в западных публикациях также ни намек на то, что «благодарные» союзники в январе 1945 г. втянулись в обсуждение с шефом ОКВ Кайтелем возможностей перемирия на Западном фронте длительностью в 100 дней, дабы позволить вермахту бросить максимум сил против Красной Армии и нанести ей «уничтожающее поражение между Вислой и Одером».

В конце января 1945 г. на Мальте держали совет начальники штабов США и Великобритании. С ведома Рузвельта и Черчилля там расставлялись вехи развития в Европе на ближайшие месяцы. Самым ранним сроком окончания войны называлось 30 июня, самым поздним – 31 декабря. Войну с Японией собирались закончить через 18 месяцев после капитуляции Германии. Генштабисты бурно спорили о том, как, пользуясь упадком сил противника на Западе, захватить важнейшие центры Германии и, перво-наперво, Берлин. Подчёркивалось, что фактор времени приобрёл «решающее значение». «Самый желчный диспут между начальниками штабов за всю войну» (английский историк Дж. Эрман) выдал общий знаменатель – «опережать» русских, где и когда представится возможность.

Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) могла стать рубежной в смысле очищения национальных доктрин трёх держав от балласта прежних – фобий и -измов, от двойных мер и весов при сопряжении своих и чужих интересов. Сталину удалось в Крыму расстроить интриги Черчилля эффективным приёмом – он уступил Рузвельту играть первую скрипку по ходу обсуждения центральных вопросов и проявил завидную гибкость при формулировании решений. Как констатировал госсекретарь Э. Стеттиниус, «Советский Союз сделал больше уступок США, а также Великобритании, чем эти державы Советскому Союзу». Заключительное заявление конференции было почти полностью начертано американским пером.

Соответственно президент Рузвельт имел причины испытывать удовлетворение проделанной в Крыму работой и заявить 1 марта 1945 г. на совместном заседании обеих палат конгресса США: «...благодаря соглашениям, достигнутым в Ялте, обеспечена более стабильная, чем когда-либо политическая Европа... Конференция в Крыму, – продолжал он, – была успешным усилием трёх ведущих держав найти общую почву для мира. Она означает, она должна означать конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния, баланса сил и всех других аксессуаров, которые были в ходу на протяжении столетий и которые никогда не давали нужного эффекта. Я уверен, что конгресс и американский народ воспримут результаты Крымской конференции как начало сооружения основ прочного мира, в котором будут жить ваши и мои дети и внуки».

Ялтинские договорённости не являлись выбором меньшего из многих зол. Жесточайшая из войн в истории человечества должна была подвести к неординарным выводам, устремлённым в завтра, застрахованным от новых угроз, жертв, лишений. И есть причины проследить связь между выступлением Рузвельта в конгрессе и соображениями, изложенными Сталиным в марте 1945 г. на встрече с членами двух комиссий, работавших над формулированием послевоенной советской политики, – приоритет отдаётся налаживанию добрососедства, а не насаждению в приграничных государствах просоветских режимов.

Конгресс США остался глух к предостережениям президента, который подчёркивал – от добросовестного выполнения союзнических соглашений Тегерана и Ялты зависят «судьба Соединенных Штатов и судьба всего мира на будущие поколения. ... Здесь у американцев не может быть среднего решения. Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы будем нести ответственность за новый мировой конфликт». К сожалению, не только конгресс.

Соразмерно угасанию здоровья Рузвельта за его спиной стали творить собственную политику, прежде всего, военные чины. Штабы союзников не проявляли вкуса к сочленению с советским генштабом оперативных планов. Эйзенхауэр отмечал, что ялтинские соглашения о зонах оккупации Германии «не повлияли на наши военные планы окончательного завоевания страны» (Германии). Союзники стремились выжать максимум из распада к концу марта – началу апреля 1945 г. Западного фронта. С 14 апреля, свидетельствовал тот же Эйзенхауэр, уже «не существовало единой линии сопротивления или хотя бы организованной попытки задержать продвижение» западных войск. Линии разграничения при ведении боевых действий оставались на бумаге. Руководители СССР, США и Великобритании покинули Крым 12 февраля. А в ночь на 13 февраля бомбардировщики союзников стерли с лица Земли Дрезден. Во имя чего? Чтобы продемонстрировать, так инструктировали британские экипажи, Советам потенциал западной авиации. В это же время развернулись массированные налёты на промышленные и исследовательские центры как на территории самой Германии, так и в Чехословакии, чтобы упредить овладение неразрушенными объектами советской стороной.

Командование вермахта довело число дивизий на советском фронте в первую декаду марта до 188. На Западном фронте сохранялось к этому моменту около полусотни дивизий, половина из которых так называемые «фольксгренадерские», иначе говоря, ополченцы. Выбывавший на Западе личный состав не восполнялся. Боеприпасы отгружались лишь на Восток. Чтобы задержать продвижение Красной Армии, Геббельс предложил применить новейшие ОВ «табун» и «зарин». Это злодейское намерение не встретило поддержки даже у Гитлера. Изощёренный ум Йодля выдал другую модель – способствовать сближению Западного и Восточного фронтов, чтобы в момент капитуляции смогла сдаться союзникам основная масса солдат и офицеров, задействованных в боях с Красной Армией. Гиммлер уточнял идею Йодля на свой манер: «бороться против (русских) дальше, пока фронт западных держав не заменит немецкий фронт».

Особняком стоят мартовско-апрельские приказы Черчилля британским начальникам штабов складировать трофейное оружие и готовить операцию «Немыслимое» – войну против СССР, которая должна была начаться 1 июля 1945 г. Помимо британских, американских, канадских войск, а также польского экспедиционного корпуса, в неё собирались определить дюжину дивизий вермахта с последующим наращиванием их числа, возможно, до 40 единиц. Часть документов из досье «Немыслимое» была рассекречена в октябре 1998 г., хотя на протяжении полувека Лондон не уставал «опровергать клевету» на достопочтеннейшего сэра Уинстона. Какие сюрпризы и открытия ещё подстерегают нас, вернее, наших потомков! И не только в случае открытия пухлых британских архивов, но также и американских, ибо в США клокотало тогда немало ястребов, подобных генералу Паттону.

Но кое-что проясняют и уже раскрытые скобки по операции «Немыслимое». В частности, становится понятней подтекст послания Черчилля от 27–

28 апреля 1945 г. Сталину и Трумэну: «Теперь видно, что не будет никакого подписанного документа о капитуляции». Ссылка на крах режима – это для проформы. Затевалась капитальная перетасовка врагов и друзей.

Преемник Гитлера адмирал Дениц обнажил происходившее тогда по военному лаконично: содействие оккупации Германии западными войсками, налаживание сотрудничества с США и Великобританией при продолжении военных действий против Красной Армии, передача сбережённых от разгрома соединений вермахта в распоряжение англо-американского командования.

Под общий замысел – перетянуть то, что оставалось от рейха, в западные арсеналы была подогнана инсценировка капитуляции немцев в Реймсе, скреплённая подписями Йодля и Фридебурга в 2 часа 11 минут 7 мая 1945 г. За главное командование союзных экспедиционных сил в Европе бумагу, наспех составленную тремя офицерами из штаба Эйзенхауэра, подписал Беделл Смит. Он же, Смит, якобы запомнивший о существовании текста безоговорочной капитуляции, что утвердили главы трёх держав в Крыму, сверял «упрощённую редакцию» акта капитуляции с Черчиллем. Совместная победа над врагом не должна была стать общей победой. Реймс, в представлении британского премьера, замещал Ялту и открывал шлюзы «Немыслимому».

Рузвельт умер 12 апреля 1945 г. С его уходом завершалась целая эпоха не только американской, но и мировой политики. Не случайно кончина Рузвельта вызвала ликование в нацистском стане. Она возрадовала также Черчилля, который оставил мысль о размежевании с Вашингтоном, будто бы излишне сентиментальным по отношению к Советской России. При новичке Г. Трумэне британский премьер видел себя флагманом среди новоявленных претендентов на мировую гегемонию.

По настоянию советской стороны, реймская сепаратная процедура была квалифицирована как «предварительная». И 8 мая 1945 г. состоялось повторное подписание Акта о военной капитуляции Германии. На сей раз подпись от имени верховного командования Германии поставил В. Кайтель. Занавес величайшей трагедии в Европе опустился там, где за 5 лет 8 месяцев и 8 дней до этого он был поднят.

* * *

Высадка союзников в Нормандии должна была и могла укоротить жало войны. Миллионы людей в Европе остались бы живы, целые города не испепелёнными, не займись политики из Лондона и Вашингтона девальвацией непреходящей ценности опыта антигитлеровской коалиции. Союзнические солдаты честно выполняли свой долг. Их вклад в разгром нацизма не умаляют ни эскапады Черчилля, ни чересполосица в поведении Рузвельта или выхолощивание заветов великого президента его преемником Трумэном. Признательности, не преходящей и искренней, заслуживают все, кто поддержал советский народ в смертельной схватке с «третьим рейхом» своей солидарностью, в чём бы она себя ни запечатлела.

Нашей особой благодарности заслуживают партизаны Югославии, силы сопротивления Франции, Греции, Италии – в совокупности почти миллионная

армия антифашистов. Они тоже являлись неотрывной частью антигитлеровской коалиции и вместе с нами ковали общую, одну на всех победу в Европе.

Операция «Немыслимое» должна была сходу перевести вторую мировую в третью мировую войну. Её цель обозначалась предельно ясно: нанесение тотального поражения Советскому Союзу и подчинение нашей страны диктату Лондона и Вашингтона. Замысел Черчилля сорвался. Намеченных для агрессии сил не доставало для решения ставившихся задач. А Соединённым Штатам требовалось время, чтобы переиначить расщепление физиками атомного ядра в политику очередного передела мира.

Итак, худшего не случилось. Вселенский пожар «ярче тысячи солнц» не испепелил планету, хотя не единожды Землю отделяли от края бездонной пропасти минуты и метры. Но если к концу XX века реализовались, пусть с поправками, в другой редакции русофобские сценарии, восходившие к Версальской конференции, к операции «Барбаросса», к доктринам типа «Дропшот», то объяснение происшедшему следует выводить не только из коварства наших бывших союзников, но в первую очередь из просчётов и деградации политического руководства Советского Союза.

Правда, вся правда и только правда способна помочь нам, истинно осознать опыт постигшего Русь бедствия. Но «для того, чтобы научиться говорить правду людям, – назидал Л. Толстой, – надо научиться говорить ее самому себе».

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

М.В. ДЕМУРИН

ПРАВДА ИСТОРИИ И ЛОЖЬ ПОЛИТИКИ

Сегодня на «битву за историю» на Западе и в ближнем зарубежье России брошены немалые финансовые, организационные и кадровые ресурсы. Инструмент интерпретации прошлого широко применяется во внутри- и внешнеполитических целях. В Прибалтике и Грузии, на Украине антирусская версия истории возведена в ранг государственной политики. Может ли наше государство в таких условиях «оставлять историю историкам»? Или оно должно научиться системно парировать применение против России «исторического оружия» и отстаивать историю во всей её полноте, какой бы сложной она ни была? На этом фоне, напоминает дипломат и аналитик Михаил Демури, особенно важно преодолеть и наш внутренний раскол в трактовке таких ключевых событий XX века, как Гражданская война, постараться провести объективный синтез «белой» и «красной» правды в собственных головах...

В конце сентября минуло 70 лет со дня подписания англо-франко-германо-итальянского соглашения о расчленении Чехословакии, известного как Мюнхенский сговор. В ходе состоявшихся по данному поводу дискуссий в экспертном сообществе и СМИ немало было сказано о роли этого документа в укреплении нацистского режима и стимулировании Гитлера к развязыванию Второй мировой войны, о «коридоре возможностей» во внешней политике СССР в период подготовки Мюнхена и после него, о характерных чертах политики государств «санитарного кордона», о современной историографии политических и военных событий в Европе 1938–1939 гг. Естественно, мостик перебрасывался и к круглой дате будущего года – 70-летию подписания советско-германских договоров от августа и сентября 1939 года и соответствующих секретных протоколов. Эту дату оппоненты России в США и Европе намерены максимально «раскрутить» как повод для предъявления нашей стране различного рода «исторических», политических и даже материальных претензий, дальнейшей дискредитации советской внешней и внутренней политики. Достаточно сказать, что прибалтам и полякам недавно удалось инициировать новый демарш, безосновательно уравнивающий германский нацизм и коммунистический режим в СССР: Европейский парламент принял решение провозгласить день подписания советско-германского договора о ненападении – 23 августа – «днём памяти жертв тоталитарных режимов».

Значение юбилея Мюнхенского сговора выходит далеко за рамки воссоздания корректного исторического полотна того периода. В этом трагическом событии видится не только концентрированное выражение политики потакания нацистской агрессии и направления её на восток, в сторону СССР, но и серьёзное предупреждение для современных политиков – тех, кто возводит новый «санитарный кордон» вокруг нашей страны и стимулирует разного рода агрессивные выпады вскармливаемых ими режимов (таких как режим Саакашвили в Грузии или Ющенко на Украине) в отношении России и её друзей. Есть в нём важный урок и для российского руководства и общества. Речь идёт, прежде все-

го, о восстановлении иммунитета против притупляющих наше политическое чутьё вирусов, вызываемых искажением истории и использованием этих искажённых образов в политической и информационной практике.

* * *

Весной этого года мне довелось участвовать в российско-украинском «круглом столе» на тему «История и образ истории в двусторонних отношениях». По ходу дискуссии, которая сама по себе была достаточно интересной и полезной, меня не оставляли две мысли. Первая: какой длинный путь ещё предстоит пройти ответственным историкам и политикам для преодоления тех искажений истории, которые в последние годы вносились и продолжают вноситься в сознание украинского народа! Вторая: насколько выигрышнее выглядели бы российские представители, если бы уже в 1990-е годы в нашей стране больше внимания уделялось изучению прибалтийского опыта использования «исторического оружия»!

Это была ситуация «дежавю» по отношению к тем экспертным дискуссиям и политической полемике по вопросам истории, которые мне приходилось вести в период работы в Латвии в 1997–2000 годах и на прибалтийском направлении в МИД РФ в 2000–2005 годах. Уже тогда прибалтийские режимы последовательно применяли искажённые версии нашей совместной истории в качестве политического инструмента. Причём делали они это и в формате двусторонних отношений с Россией, и в рамках усилий по воздействию на общественное мнение стран ЕС и США в антироссийском духе. В обоих случаях мы констатировали, что инициатива далеко не всегда исходит от самих прибалтов, что часто они выступают инструментом в сложных антироссийских комбинациях, разыгрываемых теми или иными центрами влияния на Западе. Тогда же Вильнюс, Рига и Таллин приступили к экспорту своих методик применения исторического оружия в другие страны на пространстве бывшего СССР. К сожалению, как показал упомянутый «круглый стол» и как свидетельствует целый ряд подобных фактов в отношениях с Украиной, Грузией, Молдавией и некоторыми другими странами, этот экспорт был осуществлён успешно.

В Прибалтике искажение истории в политических целях стали вовсю применять ещё в середине 1980-х годов. В 1988 г., когда известный латвийский публицист М. Вульфенсон «открыл правду» о секретном приложении к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., один его коллега по Верховному Совету Латвийской ССР сказал ему: «Сегодня ты уничтожил Латвийскую ССР». Уничтожил он её не потому, что «открыл правду», а потому, что открыл *не всю правду*. К сожалению, такая установка – открывать «не всю правду», а ещё чаще прятать правду за потоками сомнительных фактов, цифр, цитат и т. д. или вообще бесцеремонно искажать её, – долгое время использовалась и продолжает использоваться, чтобы разрушать Россию, портить её отношения с окружающим миром. Этот метод применялся и применяется и в странах Центральной и Восточной Европы, на Балканах. Речь идёт не только об издании учебников и исторических монографий, искажающих историю, особенно XX века, но и о таких символических акциях, как демонтаж Монумента воинам-освободителям в Таллине, закрытие посвящённой уничтоженным советским гражданам экспозиции в Освенциме, появление «музеев советской оккупации» в Тбилиси и Киеве. Иногда добавляется экономическая составляющая, примером чего слу-

жит законодательно зафиксированное желание Литвы получить от России компенсацию за якобы имевшую место «оккупацию».

Приём Польши и прибалтийских стран в НАТО и ЕС лишь вывел политизацию истории на новый виток, несмотря на дававшиеся российской стороне заверения в обратном (говорилось, что как только эти государства почувствуют себя в безопасности, исторические фобии отомрут). Для реализации своих исторических претензий к России в Латвии, Литве и Эстонии начали использовать авторитет и возможности этих международных организаций. Сегодня на «битву за историю» выделяются большие средства, к этому привлекаются серьёзные политические, организационные и кадровые ресурсы. Искажённые исторические версии служат и внутривнутриполитическим задачам – формированию национальной идентичности в жёстко заданной антироссийской и русофобской парадигме.

И вот что интересно: адептов такого подхода история мало чему учит. «Ну не получилась один раз какая-то схема, а вот сейчас, может быть, получится, потому что обстоятельства изменились», – рассуждают они. Например, у Польши в 1920–1930-е годы не получилось «выдавить» Советский Союз, а фактически – Россию, из европейской политики, хотя такая генеральная задача у неё была. Более того, на решении этой задачи Варшава «сломалась». Тем не менее, сегодня Польша продолжает действовать в точно таком же ключе, пытаясь добиться той же цели, а историческую вину за своё фиаско 70-летней давности старается возложить на Москву. Не удалось в 1930–1940-е годы Западу извлечь выгоду из пестования антисоветских режимов на окраинах СССР (того же польского режима, тех же прибалтов), – он пробует ещё раз, давая этому соответствующее «историческое» обоснование. Не удалось *благополучно для себя* взрастить «суперврага» СССР, нацизм, – Запад пестует новую версию националшовинизма прибалтийского и украинского разлива, стимулирует этнический и религиозный радикализм и терроризм на границах России и внутри неё.

Что же этому наступлению противопоставляет Россия? Надо сказать, очень и очень немногое. Есть несколько фондов и исследовательских центров, которые последовательно противостоят смысловым историческим диверсиям и занимаются политически актуальными историческими исследованиями. Есть несколько интернет-порталов и периодических изданий, освещающих эту тематику. Но почти все эти структуры – общественные, не получающие от государства достаточной поддержки и обладающие несопоставимо меньшими ресурсами, чем те, которые работают против исторической правды.

Что касается реакции на этот серьёзный вызов на государственном уровне, она была и остаётся, к сожалению, неадекватной. В политический оборот, например, была запущена идея о том, что острые исторические темы должны быть исключены из текущего политического диалога. Сформулировалось это так: «Надо оставить историю историкам». Но может ли государство «оставлять историю историкам», когда оно имеет дело с другим государством, которое оскорбляет национальные чувства его народа? А в Латвии, Литве и Эстонии, на Украине, в Грузии попрание русской истории и национальных чувств русского и других населяющих нашу страну народов возведено в ранг *государственной политики*

и оформлено в соответствующих документах. Никто там отказываться от этих документов не собирается. Да и такого условия никто им с российской стороны не ставит. Создание же совместных комиссий историков, о чём заговорили в последнее время, вряд ли что-то изменит.

Что же получается? Государство сняло с себя обязанность защищать историческую память и гордость своего народа? Для страны, восстанавливающей свою историческую субъектность после периода, когда её правители всерьёз ставили задачу «вернуться в цивилизованный мир» Запада, это, как минимум, сомнительное решение.

Вызывают сомнения и предложения решать проблему политизации истории путём «взаимного согласования» различных образов прошлого. Когда речь действительно идёт о представителях исторической науки, их новых исследованиях и трактовках, совместная работа над достижением более полного видения полезна. И, надо сказать, в странах Прибалтики и ЦВЕ в последнее время всё более заметно проявляет себя группа ответственных историков, которых можно назвать «антиревизионистами». С ними нужно постоянно работать, переводить их исследования, предлагать их нашей читающей публике. Но в большинстве случаев мы продолжаем иметь дело с «плеядой» совершенно другого свойства – устроителями своего рода историко-информационных спецопераций, пропагандистами и, не побоюсь сказать, политическими диверсантами от истории. Как можно найти компромисс между попытками героизировать пособников нацистов и «лесных братьев» в Прибалтике и данными о военных преступлениях первых и устроенном вторыми масштабном терроре против лояльных советской власти местных жителей? Или между тезисами о «советской оккупации», «русификации», «геноциде» и реальной картиной ввода советских войск в Латвию, Литву и Эстонию в июне 1940 года, развития экономики и общественно-политической жизни этих республик в советский период, условий, созданных там (особенно в сравнении с положением прибалтийских русских сегодня) для развития латышского, литовского и эстонского этносов, анализом реальной социально-этнической структуры их населения? И разве согласуется правда о пособничестве украинских националистов гитлеровцам, об устроенном ими геноциде евреев и поляков с отрицанием всего этого украинскими официальными историками?

Результаты недалёковидности и аморфности российской политики в этом вопросе печальны. Вот лишь несколько примеров из политической жизни одной из прибалтийских стран – Латвии. В феврале 2008 года министр культуры Хелена Демакова (она представляет Народную партию – ведущую партию действующей правительственной коалиции, с которой в Москве связывают надежды на «потепление» в латвийско-российских отношениях) заявила следующее: «Если мы говорим об уравнивании культуры иммигрантов и основной нации, то это означает отрицание факта оккупации». При активной роли представителя Народной партии Дзинтарса Абикиса латвийский Сейм принял декларацию о советских репрессиях на Украине в 1932–1933 годах, объявив «голодомор» геноцидом украинского народа. 10 марта парламентская фракция входящей в правительство партии «ОС»/ДННЛ направила на рассмотрение в Сейм поправки к Уголовному закону, согласно которым за публичное отрицание «факта оккупации Латвии» и призывы (!) к такому отрицанию предусмотрена уголовная ответственность. Примечательны и слова депутата Сейма Карлиса Шадурскиса, прозвучавшие

16 марта 2008 года в ходе памятного мероприятия у мемориала эсэсовцам в местечке Лестене неподалёку от Риги. Суть их сводилась к тому, что сопротивление латышского легиона Ваффен-СС вместе с немецкими «соратниками» в «Курляндском котле» не позволило СССР полностью реализовать планы по захвату Европы и «спасло многие европейские народы, за что те должны быть благодарны».

16 марта отмечается в Латвии (в последние годы – неофициально, но от этого с не меньшим энтузиазмом) как день латышского легиона Ваффен-СС. И вот как менялся характер мероприятий в последние три года после известного столкновения в марте 2005 года между сторонниками латвийских коллаборационистов и антифашистами, одетыми в робы узников концлагерей: в 2006 году к Памятнику свободе для возложения венков не был допущен никто, в 2007 году состоялись два параллельных шествия, а в 2008 году к памятнику допустили только легионеров и их сторонников под охраной полиции. Не является ли такое положение следствием в том числе и того, что часть латвийских политиков и партий, представляющих себя дружески расположенными к России, в надежде на вхождение в правительственную коалицию считает приемлемым соглашаться с навязываемой коллаборационистами версией истории и критиковать Россию за «штампы», призывая отличать «героизацию» нацистов от их «оправдания» (к последнему, мол, надо отнестись «с пониманием»)?

Весной этого года автору данной статьи довелось неоднократно ставить в печати вопрос о необходимости внимательнее присмотреться к Соглашению о воинских захоронениях с Латвией. Включённая в него широкая трактовка того, что является «латвийскими захоронениями на территории Российской Федерации», даёт возможность латвийской стороне распространить политику героизации нацистов и их приспешников из Ваффен-СС и на нашу землю. К сожалению, Федеральное Собрание это соглашение ратифицировало.

Между тем нужно вести речь не только об адекватной реакции на исторические выпады против России, но и об *упреждающей* постановке вопроса относительно уважения нашей исторической памяти. Напомню лишь наиболее вопиющий случай последнего времени – демонтаж Монумена воину-освободителю в Таллине. Практические и пропагандистские акции правительства А. Ансипа вокруг Бронзового солдата не были неожиданностью, они стали своего рода кульминацией продолжающихся все годы «второй независимости Эстонии» попыток «довоевать с СССР» в лице сегодняшней России. За несколько месяцев до демонтажа монумента это нашло выражение в одобренном эстонским парламентом законе, приравнивающим советскую символику к нацистской, и принятии поправок к закону «О праздничных датах», согласно которым 22 сентября в Эстонии запрещено праздновать День освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков, но зато предписано отмечать траурный день памяти «борцов за освобождение Эстонии» из числа легионеров Ваффен СС, других нацистских пособников и «лесных братьев». В Таллине знали, что новые законы вызовут немалое недовольство значительной части жителей Эстонии, России и российского общества, но, тем не менее, решили навязать их своей стране, а

заодно и Европейскому союзу, куда эта страна входит. Знали, что Западная Европа их поддержит, а Россия постарается сгладить ситуацию: если и не промолчит, то ничего действительно существенного предпринимать не будет. Так, в общем-то и получилось. Имея все возможности, Россия не предприняла никаких упредительных мер, чтобы не допустить демонтажа памятника и эксгумации расположенного возле него захоронения советских воинов. Во всяком случае, российский транзит через эстонские порты вырос в первом квартале 2007 года на очередные 15 процентов, а начал сокращаться только после июня. Показательной была зарубежная реакция на действия эстонских властей. Критически высказались только политики из правящей коалиции Словакии и Бельгии да бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер. Поддержка Таллина Вашингтоном, ЕС и НАТО наглядно оттенила ряд существенных исторических и текущих политических нюансов в их отношении к России. Главным для них было закрепить в соответствующих официальных и неофициальных комментариях тезис о том, что были «советская оккупация Прибалтики», «национальное унижение», что «эмоции» Эстонии понятны и стороны должны перейти от эмоций к деловому обсуждению проблем в духе «взаимного уважения».

Подчеркну ещё раз: защищать свою историю и национальные чувства своих граждан – прямая обязанность государства. Государственные органы России не могут отгораживаться от исторических проблем и претензий, «оставляя историю историкам», а обязаны формировать ясную и чёткую политическую позицию по важнейшим историческим вопросам и доводить её как до российской общественности, так и до партнёров за рубежом. Это же относится и к российским политическим партиям.

В этом контексте важно заняться исправлением тех искажений в политико-юридических квалификациях исторических событий XX века, которые были допущены в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В частности, на мой взгляд, требует нового всестороннего рассмотрения военная, политическая, правовая ситуация вокруг подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года и секретных протоколов к нему. Известное Постановление Съезда Народных депутатов СССР от 1989 года даёт этой абсолютно, на мой взгляд, логичной внешнеполитической мере обеспечения безопасности страны, предпринятой руководством СССР, необъективную оценку. Без изменения этой оценки российское руководство не сможет занять прочную позицию в отношении политических и финансовых претензий, предъявляемых государствами Прибалтики по поводу так называемой оккупации, да и претензий более широкого плана, нацеленных на дискредитацию всего, что было достигнуто нашей страной в период существования СССР.

* * *

Нам в России ещё предстоит сформулировать общее понимание и по ряду других важных и сложных проблем истории. Дополнительный импульс этой работе дадут, помимо перечисленных, такие важнейшие даты, как 90-летие окончания Первой мировой войны и 90-летие окончания Гражданской войны. Ни у кого здесь не может быть стопроцентных методологических рецептов. У меня, однако, не вызывает сомнений, что одним из важнейших условий такого общего понимания является опора на русскую религиозно-философскую традицию, по крайней мере в двух её аспектах: в стремлении к синтезу, всеединству и в пони-

мании связи между духовным состоянием субъекта мыслительного процесса и результатом этого процесса.

Вызывают тревогу попытки немало, к сожалению, числа российских исследователей и публицистов в анализе и трактовке событий всего XX века «довоевать» смысловую гражданскую войну, выступая апологетами либо белой, либо красной идеи. Иногда это, правда, делается не в надежде стопроцентно утвердить свою «правду», а исходя из упрощённого понимания дела. «Раньше идеологически оправдывали красных, ретушируя историю в их пользу, – рассуждают условные апологеты белой идеи, – а мы теперь нарисуем идеальный образ белого движения, пусть вопреки исторической правде; просвещённое общественное мнение само создаст объективную картину прошлого, произведёт свой синтез». Сторонники красного проекта нередко встают на противоположную позицию: «Перед лицом явной идеализации белого движения и попыток, безусловно, оправдать самодержавие и российскую элиту в том их состоянии, в каком они находились в начале XX столетия, нам не остаётся ничего кроме как упорно стоять на «твёрдокаменных» позициях красной апологетики».

Я не склонен преуменьшать свободу личности в отношении права каждого создавать своё представление об истории на основе свободного поиска и получения информации. И всё же хочу призвать учёных, политиков, публицистов, журналистов – всех, кто участвует и будет участвовать в создании картины того драматического периода, – осуществить сначала объективный синтез «белой» и «красной» правды в своих головах, обрести мир и любовь внутри себя, проникнуться ответственностью и только потом приступать к трактовке сложных событий XX века.

Важно при этом ежеминутно помнить, что наш поиск согласия (или провоцирование новых разногласий) по вопросам истории будет идти на фоне тех самых постоянных попыток использовать «историческое оружие» во вред России, во вред русским, другим народам нашей страны, их общенациональному единству. Если и дальше будем продолжать рознь, стремиться к победе (пусть только смысловой) одной части нашего общего целого над другой (будь то партии, классы, группы интеллектуалов), требовать на этой основе «покаяния» и т. д., то в ещё большей степени станем объектом внешних манипуляций и окончательно потеряем свою цельность – как страна, как нация, как субъект исторического процесса.

На определённых этапах нашей истории, после периодов особой увлечённости русского общества и правящего слоя западничеством и попыток навязать это западничество всей стране, мы Божьим промыслом получаем импульс для отрезвления. За периодом западничества XVIII века последовало отрезвление войной 1812 года, когда русский народ смог увидеть «цивилизованных» представителей Запада, грабивших имения и церкви, осквернявших святое святых – алтари, издевавшихся над мирными жителями. А потом «нецивилизованная» Россия пришла в Европу и показала, как она относится и к культурным ценностям, и к мирному населению. После периода западничества (как левого, марксистско-ленинского, так и правого, либерального) конца XIX – начала XX века

пришло новое отрезвление: сначала Первой мировой войной и интервенцией, тем, как повели себя страны Антанты в отношении России в 1917–1921 годах, а потом чудовищной агрессией 1941 года. И снова Запад показал, чем способна оборачиваться его «цивилизованность», – я имею в виду не только собственно варварство немецких нацистов, но и попытки Запада «ужиться» с Гитлером за счёт «заклания» России, поиски сепаратных сделок с ним на завершающем этапе войны. И это, как и многое другое, никаким манипулированием из истории не вычеркнешь!

Западничество 1970–1980-х годов выбивалось и продолжает выбиваться из русских голов самой жизнью, последствиями проводившейся с подачи Запада и при его участии политики уничтожения подлинной России. Сейчас мы получили ещё один наглядный пример не только грубой агрессии любимого Западом режима Тбилиси против Южной Осетии (а фактически – против России), но и лжи и двуличия самого Запада в этой ситуации.

Нам дана возможность ещё раз подумать: хотим мы становиться частью такой «цивилизации» – построенной на двойных стандартах, делящей народы на различные категории в зависимости от степени их политической преданности себе, отказывающей нашей стране в праве иметь и защищать свою историю, свои исторические обязательства, свои политические, экономические и военные интересы, – или встанем на суверенный путь развития. Хочется верить, что выбор будет правильным. А для того, чтобы он был таким, мы должны, среди прочего, научиться последовательно и системно парировать применение против нас оружия исторической лжи и твёрдо стоять на позиции уважения и защиты своей истории во всей её правде, какой бы сложной она ни была.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

И.Ф. МАКСИМЫЧЕВ

РОДОВЫЕ СХВАТКИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ Политика безопасности СССР после прихода нацизма к власти в Германии

В год семидесятилетия с момента начала Второй мировой войны с новой силой разгорелись дискуссии о причинах возникновения этой глобальной катастрофы и об обстоятельствах, которые сопровождали возгорание военного пожара, постепенно охватившего всю планету. Часть таких споров является оправданной – истоки подобных общественных потрясений сложны и подчас не поддаются одномерным объяснениям. Однако в дискуссии ищущих истину историков всё чаще вмешиваются недобросовестные политики и падкие на сенсации журналисты, стремящиеся путём тенденциозного истолкования реальных исторических событий – а чаще путём искажения исторических реальностей – соорудить нечто вроде «оправдательного документа» для тех мерзостей, которые они проповедуют в качестве вечных истин.

В результате у немалого числа людей складывается картина прошлого, которая абсолютно не соответствует тому, что действительно происходило: жертвы вдруг предстают палачами, а палачи национальными героями; пособники агрессора выдаются за ангелов мира, а организаторы отпора насильникам и грабителям за их пособников; бесчеловечные жестокости на оккупированной нацистами территории скромно именуется «сопутствующими явлениями», а рука с карающим мечом возмездия объявляется «виновной» в нарушении прав человека.

Едиственный способ разобраться в этом нагромождении лжи и подтасовок – опираться на бесспорные исторические факты и видеть их такими, какими они были в своё время. Судить прошлое по современным представлениям об уместности и справедливости – всё равно, что требовать от человека XIX в. понимания требований экологии.

«ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ»

В 1918 году, за несколько месяцев до капитуляции германского рейха в Первой мировой войне, в свет вышел труд известного немецкого философа Освальда Шпенглера «Untergang des Abendlandes» (общепринятый перевод «Закат Запада»; возможен также вариант «Гибель Запада»; в своём точном значении термин «Abendland» означает Западную Европу). Надо отдать должное своевременности предупреждения Шпенглера – Первая мировая война действительно привела к «закату Западной Европы». После 1914 года европейский континент (прежде всего, его западная часть, с незапамятных времён претендовавшая на роль ведущей силы Европы и всего мира) начал неудержимо терять свои глобальные функции, восстановления которых он так жаждет сегодня. Немецкий политолог Габор Штайнгарт несколько обобщённо констатирует: «Все европейские нации, наслаждавшиеся до начала войны в 1914 году скромным достатком и растущим политическим значением в мире, восприняли Первую мировую войну как удар судьбы»¹. Резко упал моральный дух западноевропейцев, рухнула экономика, был ликвидирован золотой стандарт, закрылись границы, исчезло чувство как внешней, так и внутренней безопасности, над континентом постоянно витала угроза военных осложнений. В условиях острейших социальных схваток, ареной которых стала каждая страна Западной Европы, на континент надвинулась новая напасть. Как противовес мечте о социальной справедливости, воплощённой в социалистическом идеале, возник, вырос и окреп фашизм с его идеологией вседозволенности для «избранной нации». Предпринятая германским нацизмом повторная попытка силой объединить европейский континент под властью рейха осуществлялась в наихудшем варианте расового мракобесия. Эта попытка с самого начала стояла под лозунгом смертельной вражды к российской государственности.

В то время как Советский Союз отказался от троцкистского лозунга разжигания «мировой революции» и перешёл к оборонительной, консервативной политике сохранения того, что у него есть, Германия вручила свою судьбу нацистам, пообещавшим не только подготовить и произвести пересмотр неудачных для немцев итогов Первой мировой войны и «несправедливых» условий, навязанных победившими Францией и Англией, но и предоставить «обделённой нации» жизненное пространство на Востоке. В опубликованной в 1925 году программной книге Гитлера

¹ Gabor Steingart, Deutschland. Der Abstieg eines Superstars, München, 2004. S. 21.

«Майн кампф» провозглашалось: «Либо Германия будет мировой державой, либо ее вообще не будет. Но для того, чтобы стать мировой державой, ей нужны такие размеры, какие придадут ей необходимое значение, а ее гражданам обеспечат жизнь. Таким образом, мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитической направленностью довоенного времени. Мы вновь принимаемся за дело там, где закончили шесть столетий назад. Мы прекращаем извечное движение германцев на Юг и Запад Европы и обращаем взор на земли на Востоке. Мы заканчиваем, наконец, колониальную и торговую политику предвоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. Но если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то в первую очередь мы можем подразумевать лишь Россию и подчиненные ей окраинные государства. [...] Гигантская империя на Востоке созрела для гибели. И конец еврейского господства в России¹ будет также концом России как государства»².

Но зацикленность «фюрера» на войне против России не означала гарантии спокойствия для Запада. В той же «Майн кампф» содержался следующий «политический завет германской нации»: «Никогда не допускайте возникновения двух континентальных держав в Европе. Расценивайте любую попытку организовать на германских границах вторую военную силу – пусть даже только в виде государства, способного стать военной силой, – как агрессию против Германии и усматривайте в этом не только право, но и долг всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, предотвратить возникновение такого государства, а если оно уже возникло, снова уничтожить его»³. Характерно, что будущий «фюрер» весьма охотно рассуждал о «правах человека», которые, по его представлениям, оправдывают применение любых методов для продвижения интересов своей нации. Он писал: «Права человека стоят выше, чем права государств. И если какой-либо народ потерпит поражение в своей борьбе за права человека, то это будет означать, что на весах судьбы он оказался слишком легковесным для счастья жить дальше в этом мире. Ибо тому, кто не готов или неспособен сражаться за свое существование, вечно справедливое Провидение уже уготовало конец. Мир не для трусливых народов»⁴.

Немногие в Германии задумывались тогда над тем, что выполнение обещания дать немцам «землю на Востоке» означает новую мировую войну, но для «фюрера», его сторонников и тех, кто поставил его во главе страны, подобная перспектива была бесспорной. Для того чтобы в максимальной степени обеспечить успех второй силовой попытки стать хозяином Европы, следовало с самого начала мобилизовать все германские потенции. «Национальный барабанщик», как именовали Гитлера не только в Германии за истерический тон его предвыборных кампаний, идеально подходил для выполнения этой задачи. Он пустил в дело сильнейший наркотик для масс – идеологию высшей расы, для которой все остальные народы являются лишь навозом истории, творимой арийскими потомками древних германцев. Неистовый силы заряд ненависти, выпущенный нацистской Германией в окружающий её мир, вернулся к ней стократно усиленным жаждой мести за совершённые германскими «сверхчеловеками» злодеяния против других народов Европы. Даже нынешние поколения жителей Германии, уже никак не связанные с преступлениями нацистов, страдают от «каиновой печати», когда-то выжженной на лбу у немцев германским фашизмом.

Порабощение и расчленение России не были изобретением нацистов. Кайзеровский рейх попытался осуществить эти цели в «мирном договоре», подписанном с большевистским правительством в марте 1918 года в Брест-Литовске. «Брестская платформа» была с самого начала составной частью нацистской идеологии. Единственное различие состояло в том, что гитлеровцам было чуждо само понятие моральных тормозов. У нацистов не было ни колебаний, ни сомнений, ни угрызений совести. Убийцы по убеждению, они готовились двинуться на восток, чтобы сеять смерть и разрушение. Ликвидировать державу с тысячелетней историей, присвоить её земли, уничтожить большую часть населения, превратить в рабов оставшихся в живых, построить на крови и костях русского народа, других народов России новый германский рейх – этот людоедский план вызывал у рядового «партайгеноссе» (не говоря уже о высокопоставленных бонзах НСДАП) не больше эмоций, чем очередное посещение пивной. Не будучи собственно автором идеи территориальной экспансии Германии на восток, Адольф Гитлер «обогастил» её оголтелым антисемитизмом, представив, в частности, большевистскую Россию и проводимый там социальный эксперимент как результат заговора мирового сионизма против арийцев, в первую голову против немцев, против европейской культуры⁵. Как всегда, агрессия была выдана за оборону.

¹ Так нацисты именовали коммунистический режим в СССР.

² *Adolf Hitler, Mein Kampf, München, 1930, S. 742, 743.*

³ *Ibid.* S. 754.

⁴ *Ibid.* S. 104–105.

⁵ См.: Wilhelm Deist, Manfred Messerschmidt, Hans-Erich Volkmann, Wolfram Wette, *Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges*, Stuttgart, 1991. В частности, авторы констатируют: «Еврейское господство и большевизм были для Гитлера идентичны. В России "славянский расовый инстинкт" помог-де еврейству уничтожить "чуждую руководящую прослойку" [то есть немцев, правивших Россией] и обрел ныне своего нового вождя в еврействе. [В Германии] оно опирается на марксизм, демократию и так называемый христианский центр. В России исход борьбы уже решен, во Франции тоже –

Если первоначальные авторы «брестской платформы» ещё как-то стеснялись предлагаемых ими средств расправы с ни в чём не повинными людьми (например, они собирались выселять русское население в Сибирь только летом, когда там «не так холодно»), то для нацистов никаких сдерживающих моментов уже не существовало. Голый культ силы, в котором не осталось ничего человеческого – таков был тот моральный багаж, с которым Германия приступила к очередному туру «натиска на Восток». Через три недели после нападения на СССР, 13 июля 1941 года, Генрих Гиммлер, которому было поручено установить «германский порядок» на завоёванных землях на Востоке, говоря в Штеттине перед высшими чинами эсэсовских вооружённых формирований («ваффен-СС»): «Идет война идеологий и рас. В этой войне на одной стороне стоит национал-социализм, мировоззрение, основанное на ценностях нашей германской, нордической крови, стоит мир, каким мы его хотим видеть: прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении мир, который, может быть, еще страдает некоторыми недостатками, но в целом радостный, исполненный красоты и культуры мир, каким как раз и является Германия. По другую сторону стоит 180-миллионный народ, представляющий собой мешанину рас и народностей, чьи названия непроизносимы, а сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать – это без всякой жалости и милосердия расстреливать»¹.

Многие в современной Германии предпочитают верить в то, что нацизм – это одно, а вот славный вермахт – это совсем другое. В военных преступлениях повинны-де нацисты, а германский солдат всегда был защитником отчизны, образцом для подражания всех немцев. Единственный минус подобной легенды состоит в том, что она не соответствует реальности. Цели и методы нацистов были не только известны военному руководству рейха, но и полностью разделялись им. Оно всецело поддерживало планы завоевания жизненного пространства в России, о которых Гитлер говорил генералам с самого первого дня своего прихода к власти. Начальник генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер весной 1939 года предлагал не ограничиваться намеченным военным разгромом Польши, а идти, не останавливаясь, дальше на восток. «Победоносная армия, воодушевленная победами в гигантских сражениях, – захлебывался он от энтузиазма, – будет готова выступить против большевизма» с целью, как зафиксировано в документах генштаба, создания «Украинской империи, Балтийской конфедерации, [независимой от России] Белоруссии». Германский военный атташе в Москве генерал Эрнст Кёстринг настаивал на том, чтобы нанести удар, не дожидаясь момента, когда обезглавленная чистками Красная Армия восстановит свою боеспособность². 10 октября 1941 года генерал-фельдмаршал Вальтер фон Райхенау, командующий группой армий «Юг», издал приказ, в котором говорилось: «На восточном пространстве солдат является не только бойцом в соответствии с правилами военного искусства, но и носителем неумолимой народной идеи, а также мстителем за все зверства, совершенные по отношению к немецкому народу или родственным ему народам. Поэтому солдат должен проявлять полное понимание необходимости сурового, но справедливого возмездия для еврейских недочеловеков»³.

Публично провозглашённая Гитлером доктрина захвата жизненного пространства на Востоке, его фанатичный антикоммунизм и проповедь расового превосходства немцев не оставляли сомнений в том, что агрессия нацистской Германии против СССР неизбежна. Это в Москве хорошо поняли. Отныне целью советской внешней политики стало не просто поддержание нормальных отношений с Западом, а поиск союзников для отражения германского нападения. Осуществлявшееся с начала 20-х годов в обстановке высшей секретности сотрудничество между Красной Армией и рейхсвером было прервано летом 1933 года, хотя оно обеспечивало советскому генштабу возможность держать руку на пульсе военного планирования рейха. Вступление СССР в 1933 году в Лигу наций, которую ранее идеологи мировой революции называли не иначе, как «прислужницей империализма», хорошо иллюстрировал этот поворот. Во Франции нашлись политики, которые разглядели возрождение германской опасности и сделали из этого соответствующие выводы.

Французский министр иностранных дел Луи Барту предложил Москве в качестве первого шага к возобновлению уже ставшего традиционным франко-русского союза заключить Восточный пакт коллективной безопасности, который дополнял бы существовавший с 1925 года Западный (Локарнский) пакт и не являлся бы при этом открыто антигерманской конструкцией. Оба

там, дескать, достигнуто единство интересов [еврейства] и национального шовинизма. Неясным представляется исход борьбы в Англии. В Германии борьба за победу еврейства носит [из-за противодействия нацистов] наиболее упорный характер» (S. 653).

¹ Uwe Timm, *Am Beispiel meines Bruders*, Frankfurt/Main-Zürich-Wien, 2003, S. 36.

² Подробнее см.: В. Quinkert (Hrsg.), «Wir sind die Herren dieses Landes». Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion, Hamburg, 2002; Peter Jahn, Reinhard Rürup (Hrsg.), *Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion*. Essays, Berlin, 1991.

³ Uwe Timm, *Am Beispiel meines Bruders*, Frankfurt/Main-Zürich-Wien, 2003, S. 146.

пакта, объединённые в единую систему, могли бы гарантировать безопасность на континенте в целом, поскольку предусматривали совместные действия всех стран Европы против той из них, которая совершила бы акт агрессии. Предпосылкой успешного осуществления проекта был отказ от сепаратных соглашений с потенциальным агрессором, которые заранее пробивали бы брешь в планируемом общем фронте противников агрессии.

Однако в январе 1934 года Европа была ошеломлена подписанием совместной германо-польской декларации о дружбе и сотрудничестве, равнозначной по своему политическому значению договору о ненападении. Тогдашняя правящая польская верхушка во главе с диктатором Юзефом Пилсудским, безмерно переоценивавшая свои вооружённых сил, носилась с мыслью о возможных совместных действиях Польши и Германии против СССР. Первая попытка отобрать обширные территории у соседа была предпринята в 1920 году, когда Польша без предупреждения напала на Советскую Россию. Известный американский журналист Луис Фишер вспоминал об этом времени: «В Польше свирепствовала эпидемия тифа. Герберт Гувер¹, Американский объединенный еврейский комитет помощи и квакеры снабжали миллионы поляков американским продовольствием. Во время [Первой мировой] войны страну прошли вдоль и поперек воюющие друг с другом армии. Было разрушено более полумиллиона жилых и более миллиона сельскохозяйственных строений. В Польше господствовали хаос и нищета. Именно этот момент избрал охваченный манией величия и жадной славы Пилсудский для нападения на большевиков. Юзеф Пилсудский считался гением. Поляки говорили, что он сошел с ума и болен сифилисом, но пока он был жив, подчинялись его приказам. Его война с Россией вылилась в катастрофу. Большевики отбросили Пилсудского и преследовали его бегущее войско до ворот Варшавы. Если бы не случилось "чуда на Висле", Советы захватили бы польскую столицу уже в 1920 году. Но с помощью французского генерала Вейгана² и вследствие ошибок красных, продвигавшихся вперед слишком быстро, Пилсудский отразил наступление русских войск³. Нацисты, по достоинству ценившие антисоветские устремления польского руководства, были совсем не против использования вооружённых сил Польши в качестве вспомогательных формирований в будущей войне против Советского Союза. В январе 1939 года Гитлер говорил в кругу своих приближённых: «Каждая польская дивизия, воюющая против России, сбережет нам по одной немецкой дивизии»⁴.

В полном соответствии с буквой и духом германо-польской декларации Польша отказалась от участия в Восточном пакте. Ссылаясь на позицию Варшавы, против пакта смогла открыто выступить и Германия. Так было сорвано создание эффективной преграды для лавины германской агрессии, сход которой можно было предвидеть уже в ближайшем будущем. К моменту подписания с Польшей декларации о ненападении Германия вышла из Лиги наций, которая представляла собой первую, хотя и очень несовершенную попытку исключения войны из международной жизни и организации поддержания мира на коллективной основе. Уже этот шаг достаточно ясно показал, в каком направлении собираются вести страну национал-социалисты. И, тем не менее, Варшава пошла на соглашение с Гитлером.

«УМИРОТВОРЕНИЕ АГРЕССОРА»

После того как Польша помогла Германии сорвать создание единого антифашистского фронта (несмотря на это польское государство станет всего лишь пять лет спустя первой жертвой развязанной нацистами новой мировой войны), Франция и СССР признали провал проекта Восточного пакта и подписали двусторонний договор о взаимопомощи. Чехословакия, являвшаяся союзником Франции, параллельно заключила с СССР аналогичный договор, который вступил бы в силу после начала выполнения Парижем своих обязательств по отношению к Чехословакии. Данное обстоятельство не позволяет говорить о тройственном альянсе в чистом виде. Прага продолжала ориентироваться на Францию как на своего главного союзника. Однако в целом возникло положение, чреватое для Германии угрозой войны на два фронта (и даже на три фронта, если считать южный фронт, на котором сражались бы чехословацкие войска). Такая перспектива могла служить сдерживающим фактором для германских верхов, которые не успели ещё забыть о гибельных последствиях аналогичной ситуации в ходе Первой мировой войны.

Громогласно декларируя свою непримиримую ненависть к большевизму и отказываясь идти с ним на какие-либо соглашения, Гитлер нащупал слабое место антикоммунистически настроенного Запада, которое позволило ему в кратчайшие сроки разрушить ещё сохранявшиеся устои

¹ Видный американский политический деятель, президент США в 1929–1933 годах.

² Генералу Максиму Вейгану, начальнику французского генерального штаба во время Первой мировой войны, вместе с группой французских офицеров, среди которых был и молодой де Голль, было поручено «спасение» Польши от большевиков. Накануне разгрома Франции в 1940 году он был министром обороны и главнокомандующим французской армией. Сохранил свой министерский пост в правительстве Виши, затем был назначен уполномоченным маршала Петена по французским владениям в Северной Африке.

³ *Louis Fischer, Men and Politics. Europe Between the Two World Wars, New York, 1946. P. 13–14.*

⁴ См.: *Robert Cecil, Hitlers Griff nach Rußland, Graz-Wien-Köln, 1977, S. 162.*

Версальской системы, которые могли послужить препятствием для его планов. За первые пять лет нацистской диктатуры Германия беспрепятственно создала предпосылки для ведения военных действий на любом направлении, в том числе и на западном. Этой цели служили такие не вызвавшие реального противодействия Запада шаги, как отказ от антивоенных обязательств, налагаемых статутом Лиги наций, и выход из этой организации (октябрь 1933 года); восстановление запрещённой Версалем всеобщей воинской повинности (октябрь 1934 года); «возвращение» пользовавшегося особым статусом под французским покровительством Саара (январь 1935 года); решение о создании массовой армии (март 1935 года); демонстративный ввод частей вермахта в демилитаризованную по Версальскому договору Рейнскую зону¹ (март 1936 года); вмешательство в гражданскую войну в Испании на стороне путчиста Франсиско Франко осенью 1936 года (направленная в помощь фалангистам немецкая эскадрилья «Кондор» разбомбила, в частности, столицу Страны басков Гернику – это был первый в истории случай массированного применения бомбардировочной авиации против гражданского населения); аншлюс Австрии (март 1938 года).

Если не считать Саара, присоединение Австрии было первой акцией Гитлера, при которой рейх вышел за пределы продиктованных ему Версалем границ. Нацистская экспансия приобрела новое качество – теперь не только разрушался «версальский порядок» в Европе, но и перекраивались границы европейских государств. В начале XX века Австро-Венгрия, ставшая младшим партнёром германского рейха и игравшая роль тюремщика славянских народов Юго-Восточной Европы, выполняла миссию «авангарда германцев» в их «вековечной борьбе со славянами». По итогам Первой мировой войны она перестала существовать как единое государство. Вместо неё на политической карте Европы появились самостоятельные Венгрия, Чехословакия, Югославия, Польша. Оставшаяся «в одиночестве» коренная часть страны объявила себя «Немецкой Австрией» и попыталась присоединиться к рейху (тогда впервые мир заговорил об «аншлюсе», то есть о включении Австрии в состав Германии). Версальский и Сен-Жерменский договоры запретили «аншлюс», постановив называть страну просто Австрией и рассматривать ее самостоятельность в качестве одной из основ мирного порядка в Европе.

Последовавшая глубокая трансформация австрийского общества ускорила процесс «национального размежевания». Австрийцы стали осознавать себя как близкую к немцам, связанную с ними историческими узами, но самостоятельную, существенно отличающуюся от них нацию. В 30-е годы XX века положение Австрии в Европе по своим основным характеристикам практически отвечало статусу нейтралитета. Она не участвовала ни в каких объединениях, накладывающих военные обязательства, и не вмешивалась ни в какие конфликты. В то же время нацистская Германия не отказалась от планов захвата стратегически важного австрийского плацдарма. Удобный случай для «аншлюса» представился в марте 1938 года, когда тогдашний австрийский канцлер Курт Шушниг перед лицом давления со стороны Берлина решился провести плебисцит по вопросу о сохранении независимости страны. Опасаясь неблагоприятного исхода плебисцита, Гитлер отдал приказ об «аншлюсе». Шушниг ушёл в отставку, и 12 марта 1938 года вермахт прошёл торжественным маршем до Вены, которая стала отныне центром провинции «Остмарк», разделённой на 7 «имперских округов» (позже из них были образованы Дунайская и Альпийская области). Австрия перестала существовать до весны 1945 года. Западные державы не отреагировали. Протестовал только СССР. Рейх пришёл к выводу, что путь к территориальной экспансии свободен.

Летом 1938 года наступила очередь Чехословакии. Гитлер предъявил ей ультиматум с требованием передать Германии территории компактного проживания немецкоговорящего населения, прежде всего, Судетскую область (эти территории вошли в состав Чехословакии при развале Австро-Венгрии в 1918 году). Помимо нарушения территориальной целостности страны-члена Лиги наций речь шла в этом случае и о чисто военной стороне дела: именно в Судетах размещались долговременные оборонительные сооружения, которые должны были позволить отразить германскую агрессию (чешская «линия Мажино»). К тому же Чехословакия имела огромное практическое значение для франко-советского союза, так как у СССР и Германии не было общей сухопутной границы, а рассчитывать на пропуск советских войск через Польшу было трудно.

В отличие от Польши, которая занимала дружественную Германии позицию, отказывалась сотрудничать с СССР и готовилась участвовать в разделе Чехословакии, Прага была готова принять советские войска на чехословацкой территории для борьбы против общего врага. Однако механизм взаимопомощи с СССР мог заработать только в том случае, если у Чехословакии и Франции хватило бы политической воли противостоять агрессору. У Парижа такая воля явно шла на убыль. Встраива-

¹ Демилитаризованная Рейнская зона, предусмотренная Версальским мирным договором, должна была предотвратить возможность концентрации германских войск непосредственно на французской границе.

ясь в кильватер английской политики «умиротворения агрессора», Франция жертвовала политической инициативой и стремительно утрачивала роль ведущей державы Европы.

Первоначально Чехословакия была готова сражаться, даже если Франция не начнёт активных военных действий против агрессора, к чему её обязывали условия франко-чехословацкого союзного договора. СССР в неофициальном порядке уведомил Чехословакию о том, что окажет помощь, не дожидаясь соответствующего решения Парижа. Надёжность обещания Москвы подтверждала поддержка, которую СССР оказывал республиканской Испании, не будучи связан с ней никакими договорами. Надо было лишь, чтобы Чехословакия сама решилась дать отпор нацизму, но именно этого под давлением западных держав и не произошло. Прага, в конце концов, подчинилась совместному нажиму Лондона и Парижа.

Англия и Франция вопреки всем доводам рассудка настояли на том, чтобы Чехословакия уступила притязаниям Гитлера и согласилась на ампутацию окраинных областей страны. Мюнхенская конференция Германии, Италии, Англии и Франции придала 29 сентября 1938 года оттенок респектабельности акту заклания малой европейской страны против её недвусмысленно выраженной воли. Чехи и словаки ждали решения своей участи в прихожей, а СССР вообще не был приглашён на конференцию, и консультаций с ним не проводилось. На волне мюнхенской эйфории примирения с Гитлером Англия и Франция обменялись с Германией декларациями о ненападении. Однако расчёт Запада на то, что «дружба» с рейхом продлится, по крайней мере, несколько лет, не оправдался. Гитлер собирался «дружить» только на своих условиях.

Мюнхенское соглашение означало завершение изоляции СССР в Европе. Оно привело не только к упразднению договора СССР с Чехословакией о взаимодействии, но и к фактической денонсации франко-советского союза. Лондон недвусмысленно предупредил Париж о том, что в случае конфликта с Германией, возникшего вследствие возможного выполнения французами обязательств по франко-советскому пакту о взаимопомощи, Франция никак не сможет рассчитывать на поддержку со стороны Великобритании. Как подчёркивал британский министр иностранных дел лорд Галифакс в указаниях своему послу в Париже 1 ноября 1938 года, «пусть она [Франция] избавит себя – и нас – от перспективы быть втянутыми Россией в конфликт с Германией»¹. По возвращении из Мюнхена Бенито Муссолини, игравший там роль «посредника» между Германией и англо-французами, заявил, выступая на Национальном совете фашистской партии: «То, что произошло в Мюнхене, колоссально. [...] Произошло следующее: конец коммунизма в Европе, конец всякого политического влияния России на этом континенте»².

Итоги Мюнхена совершенно логично привели к тому, что в марте 1939 года рейх, уже не дожидаясь согласия западных держав, в одностороннем порядке полностью оккупировал оставшуюся незанятую германскими войсками территорию Чехословакии, разделив ее на «независимую» Словакию и германский протекторат Богемия и Моравия. Пришёл черёд Польши, чьё стратегическое положение катастрофически ухудшилось в результате того, как вермахт после оккупации Чехословакии навис над её южным флангом. Требования к Польше, предъявленные Германией в конце 1938 – начале 1939 года³, вызвали быстрый рост напряжённости на континенте. Лондон, который только что, не моргнув глазом, сдал Чехословакию, поддерживавшую дружественные отношения с Москвой, решил вступить за Польшу, не скрывавшую своей враждебности к СССР. 31 марта 1939 года Англия предоставила Варшаве одностороннюю гарантию независимости (но не территориальной целостности – это потенциально оставляло открытым путь к достижению «компромисса» с Гитлером по мюнхенскому образцу). Францию и без того связывал с Польшей союзный договор.

Словесная сторона дела была как будто в порядке. На деле же обе западные державы не были готовы к войне и не предпринимали ничего, чтобы подготовиться к ней, о чём немцы прекрасно знали. Шансов устоять против Германии в одиночку у поляков не было. В начале августа 1939 года министр иностранных дел рейха Йоахим фон Риббентроп говорил представителю полпредства СССР в Берлине, что предстоящая военная кампания вермахта против Польши «дело недели – 10

¹ См.: *Heinrich Bartel*, Frankreich und die Sowjetunion 1938–1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik, Stuttgart, 1986. S. 31.

² См.: *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М.: 1973. С. 103.

³ В октябре 1938 года Гитлер предложил Варшаве придание «более глубокого характера» пакту о ненападении 1934 года, если Польша откажется от претензий на вольный город Данциг (что означало согласие на его присоединение к рейху), пойдёт на организацию экстерриториального транзита через «польский коридор» (другими словами, создание «коридора через коридор»: речь шла об экстерриториальных железнодорожной линии и автостраде, которые связывали бы основную часть рейха с Восточной Пруссией), а также присоединится к германо-японо-итальянскому «Антикоминтерновскому пакту». В январе 1939 года германский министр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп пытался подсластить пилюлю для Варшавы обещанием «компенсировать» её за счёт Советской Украины. Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек подтвердил притязания на Советскую Украину и планы создания «Польши от моря до моря», но отклонил требования Германии (См.: *Gerhart Binder*, Geschichte im Zeitalter der Weltkriege. Unsere Epoche von Bismarck bis heute, I. Band: 1870–1945, Stuttgart, 1977, S. 577). Правившие Польшей полковники стремились к объединению стран центральной части континента («промежуточной Европы») под польским водительством и не хотели становиться просто вассалом Германии (см.: *Gerhard Schulz*, Deutschland seit dem ersten Weltkrieg 1918–1945, Göttingen, 1982. S. 185).

дней»¹. Как показали дальнейшие события, это было не пустое бахвальство. Но сами поляки, а с ними и западные державы безмерно переоценивали военные возможности Польши.

Польские правящие круги не были готовы взглянуть правде в глаза. Посетивший Варшаву за несколько месяцев до начала войны американский журналист Уильям Ширер записал в своём дневнике 6 апреля 1939 года: «На этой неделе я ел и пил с доброй дюжиной поляков – чиновниками МИД, армейскими офицерами и двумя легионерами Пилсудского², которые руководят Польским радио, – и все они не хотят понять, что не могут позволить себе роскошь быть врагом сразу и России, и Германии, что они должны сделать выбор и что, если им удастся объединить Россию с Францией и Великобританией, они будут спасены. Они поддевают вилкой еще один кусочек своей великолепной копченой висленской семги, запивают его рюмкой одного из пятидесяти семи сортов [польской] водки и рассуждают об опасности русской помощи. Действительно, таковая существует. Есть опасность, что Красная Армия, вступив на польскую землю, никогда ее не покинет, что она своей пропагандой большевизирует страну (страна управляется полковниками с таким произволом, что несомненно представляет собой восприимчивую почву для большевистской пропаганды) и так далее. Все это так. Но тогда помириться с нацистами! Отдайте им Данциг и коридор! Никогда! – отвечают они»³.

Поскольку германское намерение раздаться с Польшей становилось всё более явным и в Европе различимо запахло порохом, возратель вес СССР в качестве партнёра. Он оказался в роли своего рода стрелки на весах в конфликте двух на первый взгляд примерно равных по силе группировок европейских держав, находясь при этом в непосредственной близости от потенциального театра военных действий. В такой ситуации все участники надвигающегося вооружённого столкновения были вынуждены искать союза с Москвой, добиваться благорасположения СССР. С учётом этой ситуации, а также с оглядкой на печальный опыт российского самопожертвования в Первую мировую войну Кремль заранее предупредил, что будет ориентироваться на национальные интересы страны и не намерен «таскать каштаны из огня» для кого бы то ни было.

Но Запад стремился именно к организации обособленного германо-советского столкновения, которое стало бы фактом в случае вступления СССР в войну с Германией ради защиты Польши, хотя Польша отказывалась признавать его не то что своим союзником, но даже просто дружественным государством. Для польского «режима полковников» СССР был большим врагом, чем Германия. Полагая, что Москве всё равно деваться некуда, западные покровители Польши даже не пытались изменить самоубийственную позицию Варшавы. Англия втихомолку поощряла поляков, а голос Франции давно уже не был слышен в Европе. Первоначально Лондон попытался добиться от СССР односторонней гарантии Польше, которой та не просила и возможность которой публично отвергла. После провала этой затеи Англии и Франции пришлось начать переговоры с СССР на предмет заключения тройственного союзного договора. 17 апреля 1939 года Москва, наученная горьким опытом Мюнхена, потребовала в первую очередь подготовить и подписать военную конвенцию, в которой самым скрупулёзным образом были бы прописаны действия вооружённых сил сторон и на Западе, и на Востоке на случай германской агрессии в любом направлении⁴. Разыгравшийся некоторое время спустя фарс «странной войны»⁵, когда Англия и Франция бездействовали, пока Германия громила Польшу, а затем превращала её в свою колонию, убедительно доказал, что опасения СССР не были беспочвенными.

Ключевым вопросом стала возможность пропуска советских войск через польскую территорию⁶, с тем, чтобы они встретили наступающий вермахт как можно раньше, не допуская его выхода на существовавшую на тот момент советско-польскую границу у Киева и Минска. Если бы Красная Армия бездейательно выжидала вступления немцев на советскую территорию, под

¹ МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г., М.: 1992. С. 568.

² Во время Первой мировой войны Пилсудский организовал «польский легион», который воевал на стороне Германии против России

³ William L. Shirer, Mon journal à Berlin. Le journal d'un correspondant étranger 1934–1941, Montréal, 1943. P. 161.

⁴ В памятной записке, вручённой в этот день Литвиновым английскому послу в Москве, предлагалось «в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи», оказываемой Англией, Францией и СССР, и выработать соответствующую конвенцию, которая должна быть подписана одновременно с основным соглашением о взаимопомощи. 14 мая Молотов подтвердил это предложение, отметив, что без соглашения о формах и размерах помощи «пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией» (МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г., М.: 1992. С. 284, 362).

⁵ Прижившийся русский перевод не совсем точен: по-французски начальный период Второй мировой называется «забавной войной» (*drôle de guerre*), по-английски – «ненастоящей войной» (*phony war*), по-немецки – «сидячей войной» (*Sitzkrieg*).

⁶ СССР поставил вопрос также о пропуске своих войск через румынскую территорию, если и Румыния станет объектом германской агрессии.

ударом сразу оказались бы жизненные центры СССР. Легко себе представить, какой была бы обстановка на первом рубеже советской обороны, когда к нему подошёл бы вермахт на плечах разгромленной и бегущей польской армии, остатки которой сметали бы всё на своём пути. И вновь последующие события (полный разгром польской армии в течение немногим более двух недель, по истечении которых правительство Польши стремглав покинуло страну) продемонстрировали обоснованность советских опасений.

Здравый рассудок требовал заблаговременно и в заранее согласованном с поляками порядке выдвинуть достаточно внушительную группировку советских войск на польско-германскую границу, где они сразу же на своём участке фронта вступили бы в бой с атакующим вермахтом. Советские войска на восточной границе Германии стали бы самым убедительным доказательством реального объединения сил стран, потенциально составляющих антигитлеровскую коалицию. Более того, они стали бы материальным подтверждением наличия такой коалиции. Однако позитивного ответа на свои предложения Москва так и не получила. Польские полковники легкомысленно поставили на карту не только судьбу своей страны, но и мир на континенте.

ГЕРМАНСКИЕ АВАНСЫ

По каким-то своим внутренним соображениям Гитлер назначил крайней датой нападения на Польшу 1 сентября 1939 года. В соответствии с этим решением техническая подготовка к вторжению была закончена к 15 августа. Между тем как раз в середине августа, через четыре месяца после внесения конкретных советских предложений, в Москве начались, наконец, переговоры военных делегаций Англии, Франции и СССР. Они не прибавили ясности ни по одному из пунктов, представлявших жизненный интерес для советской стороны. Западные делегации имели директиву всячески затягивать переговоры и избегать каких-либо конкретных обязательств по отношению к СССР¹. Однако для внешнего мира, не посвящённого в детали дискуссий, сохранялась теоретическая возможность тройственного соглашения против германской агрессии. Гитлер занервничал – он ещё не потерял надежды на повторение мюнхенского варианта после быстрого разгрома Польши. Но для этого надо было устранить саму возможность того, что Германия увязнет в затяжных сражениях на Востоке, а это было вполне возможно при вступлении СССР в войну сразу же после начала германо-польского военного конфликта.

Немцы начали исподволь зондаж отношения руководства СССР к возможному улучшению отношений с Германией ещё в мае 1939 года². 5 мая германским правительством был дан положительный ответ на запрос Москвы о выполнении чехословацкой фирмой «Шкода» советских военных заказов, которые были заблокированы немцами сразу после оккупации рейхом Чехословакии. В этот же день новый посол Германии в Турции Франц фон Папен (предшественник Гитлера на посту рейхсканцлера) принялся убеждать советского полпреда в Анкаре, что нет никаких вопросов, которые «могли бы затруднить сближение между СССР и Германией и создавали бы неразрешимые противоречия между обоими государствами». В беседе 9 мая Папен вновь стал призывать полпреда к «дружбе»: «Идеологию надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам»³. Однако немецкий зондаж долгое время оставался безрезультатным. Слишком велико было недоверие советской стороны к инициаторам «Антикоминтерновского пакта». Периодические намёки немецких дипломатов рассматривались ею как интриги с целью запугать западные державы «призраком Рапалло».

В этом советские дипломаты не ошибались. В тот момент слухи о контактах с Москвой действительно нужны были нацистам, прежде всего, для того, чтобы подтолкнуть Запад к новому Мюнхену. Замену Литвинова на посту наркома иностранных дел председателем Совнаркома В.М. Молотовым 3 мая немцы попытались использовать в своей пропаганде как признак вероятного поворота советской политики в более благоприятном для Германии смысле. Непосредственной целью было шантажировать Польшу, чтобы добиться уступок с её стороны⁴. Ещё до отставки Литвинова, на ежедневном инструктаже для немецких журналистов 24 марта 1939 года, представитель МИД Германии подчёркивал: «"Берзенцайтунг", "Кельнише цайтунг" и "Гамбургер фремденблатт" пишут о повторно распространяющихся в США, особенно в консервативных кругах, слухах о тайном соглашении между Гитлером и Сталиным. Сообщения об этом появились сначала в "Либерти" в октябре

¹ Подробнее см.: МИД СССР. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: 1971.

² Некоторые признаки выравнивания отношения нацистов к СССР стали появляться с начала 1939 года. Например, в традиционной речи в рейхстаге 30 января Гитлер не допустил прямых выпадов против Советского Союза; он сделал упор на необходимости для Германии располагать колониями и обрушился с критикой на США. 1 марта советский полпред на равных со всеми основаниях участвовал в обеде, устроенном Гитлером для дипломатического корпуса. В ходе беседы с полпредом 17 апреля статс-секретарь МИД Германии Эрнст фон Вайцзеккер заявил об «искреннем желании» немцев развивать экономические отношения с СССР (МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М.: 1992. С. 88, 160, 293, 294–296, 337, 338, 339–340, 352).

³ МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М.: 1992. С. 337, 338, 352.

⁴ Там же. С. 340.

1938 года, затем в "Нью-Йорк сан" от 17 ноября и, наконец, 22 января в "Санди пикториэл". Желательно, чтобы и другие [германские] газеты опубликовали комментарии на эту тему»¹.

Однако перспектива скорого нападения на Польшу заставляла немецких дипломатов торопиться. 20 мая германский посол в СССР Фридрих фон дер Шуленбург сообщил Молотову, что МИД Германии готов направить своего представителя в Москву, чтобы ускорить заключение экономического соглашения, переговоры о котором велись уже длительное время. Молотов ответил, что в Москве складывается впечатление, что Берлин ведёт вокруг этого вопроса какую-то игру, в которой СССР не собирается участвовать, и что для успеха экономических переговоров нужна политическая база. Посол стал убеждать в том, что «политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год, что у Германии нет намерения нападать на СССР, что советско-германский договор [Берлинский договор о ненападении и нейтралитете от 24 апреля 1926 года] действует и в Германии нет желающих его денонсировать». Молотов стоял на своём².

17 июня находившийся в Берлине Шуленбург говорил временному поверенному в делах СССР Г.А. Астахову, что «обстановка для улучшения отношений созрела» и что «германское правительство серьезно хочет улучшить отношения, но не знает, как это сделать»³. 24 июля Астахову в германском МИД предложили следующий порядок действий: «По мысли [германского] правительства, благополучное завершение торгово-кредитных переговоров должно явиться лишь первым этапом на пути нормализации отношений. Второй этап должен состоять в нормализации отношений по линии прессы, культурных связей, в поднятии взаимного уважения друг к другу и т. п. После этого можно будет перейти к третьему этапу, поставив вопрос о политическом сближении. К сожалению, неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа»⁴. Без ответа остался и этот демарш.

2 августа Астахов был приглашён уже к Риббентропу, который заявил, что «никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться. В этом я глубоко уверен». На вопрос Астахова, «в каких именно формах мыслит германское правительство это улучшение отношений и имеет ли оно какие-либо конкретные предложения на этот счет», Риббентроп ответил, что прежде он хотел бы знать, «желает ли Советское правительство вести вообще какие-либо разговоры на эту тему»⁵. И снова молчание Москвы. В воскресенье 13 августа МИД Германии информировал Астахова о готовности направить в советскую столицу для экономических и политических переговоров высокопоставленного представителя режима, поскольку «события идут быстрым темпом и терять времени нельзя»⁶. Ответа по-прежнему не было.

14 августа Риббентроп предписал своему послу в Москве сообщить В.М. Молотову, что «у Германии нет каких бы то ни было агрессивных намерений против СССР. Правительство рейха считает, что между Балтийским и Черным морями нет такого вопроса, который нельзя было бы урегулировать к обоюдному удовлетворению. Сюда относятся такие вопросы, как Балтийское море, Прибалтика, Польша, вопросы Юго-Востока и т. д.» Риббентроп просил согласия на свой приезд в Москву для ускорения решения всех этих вопросов⁷. И это обращение вызвало не больше доверия, чем предыдущие, хотя намерение германского министра иностранных дел лично приехать в Москву не могло не впечатлять – самым высокопоставленным западным представителем, посетившим в эти решающие месяцы советскую столицу был заведующий отделом британского Форин офиса Уильям Стрэнг.

Именно в эти дни СССР ещё раз смог убедиться в нежелании Запада на деле заключить военный союз. По странному совпадению как раз 14 августа глава французской делегации на военных переговорах в Москве сообщил, что, по мнению западных держав, в случае войны советские войска должны будут, не вступая на польскую территорию, встретить агрессора на границе СССР и Польши. В ответ, возглавлявший советскую делегацию нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов вновь изложил уже известную Западу позицию, согласно которой без положительного решения вопроса о проходе советских войск СССР не сможет подписать военную конвенцию и, следовательно, союзный договор. Западные делегации пообещали ещё

¹ Fritz Sanger, Politik der Tauschungen. Mißbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen 1933–1939, Wien, 1975. S. 317.

² МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М.: 1992. С. 386–387.

³ Там же. С. 484.

⁴ Там же. С. 555.

⁵ Там же. С. 567–568.

⁶ Там же. С. 603.

⁷ Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen Auswartigen Amtes, Serie D (1937–1945), Bd. VII, Baden-Baden, 1956. S. 52.

раз запросить свои правительства. 17 августа ответы из Лондона и Парижа ещё не были получены, и Ворошилов настоял на перерыве в переговорах. Следующее заседание состоялось по желанию англичан не 20, а 21 августа, но ответ западных держав остался негативным и не внёс никаких изменений в ситуацию. Советской стороной переговоры были приостановлены. На следующий день, 22 августа, представитель Франции на свой страх и риск сообщил Ворошилову, что Париж будет согласен на проход советских войск через польскую территорию. Нарком резонно заметил в этой связи, что на проход войск нужно согласие не Парижа, а Варшавы и если бы оно было дано, то в Москве уже находились бы польские военные, чтобы согласовать детали совместных боевых действий¹. Из сложившегося на переговорах за неделю до начала надвигающейся войны положения советская сторона сделала логичный вывод о нежелании Запада и Польши иметь честный союз с СССР. Надо было решать, как быть дальше.

Все эти дни Москва откровенно тянула время в контактах с немцами, которые проявляли нарастающую настойчивость. 15 августа Молотов сообщил Шуленбургу, что первым шагом к нормализации двусторонних отношений должно было бы стать подписание соглашения о торговле и кредитах, а визит Риббентропа не может быть осуществлён в ближайшее время, поскольку требует тщательной подготовки. 17 августа Молотов подтвердил, что «прежде чем начать переговоры об улучшении политических отношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 года [...], или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны»².

19 августа соглашение о торговле и кредитах было подписано с учётом всех советских пожеланий. Накануне Шуленбург получил инструкцию настаивать ввиду вероятности скорого начала германо-польской войны на немедленном приезде Риббентропа в Москву – только в таком случае представится-де возможным «учесть российские интересы» в ходе этой войны. Немцы подготовили наметки содержания возможного пакта о ненападении и специального протокола об урегулировании «сфер интересов в бассейне Балтийского моря, вопроса о прибалтийских государствах и т. д.». 19 августа Молотов передал Шуленбургу советский проект пакта о ненападении, но вновь подчеркнул, что приезд Риббентропа может состояться не ранее, чем через неделю после опубликования только что подписанного экономического соглашения, то есть не раньше 26–27 августа³. СССР выжидал реакции Запада на подписание экономического соглашения с Германией.

20 августа Гитлер обратился к И.В. Сталину с личным посланием, в котором уже открыто говорил о предстоящей войне с Польшей, выражал согласие с советским проектом пакта о ненападении и просил принять Риббентропа 22-го, самое позднее 23 августа⁴. 21 августа Молотов передал согласие Сталина на приезд германского министра иностранных дел 23-го при условии, что сообщение об этом будет опубликовано утром 22-го⁵. СССР продолжал ждать реакции Запада. Запад не отреагировал. «Согласие» представителя Франции на проход советских войск при несогласии Лондона и, главное, Варшавы не могло изменить положения.

ОТСРОЧКА

В условиях, когда начало германо-польской войны уже нельзя было предотвратить, Москве оставался выбор между чумой и холерой. Отказаться иметь дело с нацистами значило riskовать войной с Германией сразу же после разгрома ею Польши – в скоротечности польской кампании в Москве не сомневались, хотя, конечно, не ожидали, что уничтожение основных сил польской армии займёт у немцев лишь две недели. В этом случае начальная линия фронта проходила бы на минимальном расстоянии от Москвы, а вероятный захват немцами Прибалтики (там они уже чувствовали себя хозяевами) параллельно с оккупацией Польши поставил бы под удар и Ленинград. У германского военного историка Рольф-Дитера Мюллера были все основания отметить «полуискренний» характер предложений западных держав, которые «не обещали Советскому Союзу эффективной защиты», в то время как вермахт выходил бы на линию, отстоявшую на 200 км от Киева и 700 км от Москвы, имея на фланге «три балтийских государства, которые уже давно находились под германским влиянием»⁶.

¹ МИД СССР, СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: 1971. С. 633.

² МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М.: 1992. С. 609–610.

³ Там же. С. 617–619.

⁴ Там же. С. 585.

⁵ Там же. С. 624.

⁶ *Рольф-Дитер Мюллер*, От Брест-Литовска до «плана Барбаросса»: изменения и преемственность германского «натиска на Восток», в: *Б. Орлов, Х. Тиммерманн* (сост.), Россия и Германия в Европе. М.: 1998. С. 42.

Вводу германских войск в страны Прибалтики, если бы Берлин принял такое решение, ничто не могло бы воспрепятствовать. У них не было даже той призрачной гарантии со стороны Англии, какая была у Польши. 14 марта 1939 года поверенный в делах Латвии в Берлине с тревогой спрашивал своего советского коллегу: «Позволит ли СССР немцам захватить Ригу?»¹. Беспокойство латыша вряд ли уменьшилось после осуществлённой Литвой 22 марта «добровольной» передачи рейху входившей в её состав Мемельской (Клайпедской) области с сильной прослойкой этнических немцев. Ни Париж, ни Лондон, являвшиеся как творцы Версальского договора формальными «защитниками» Литвы, не стали вмешиваться в конфликт после предъявления литовцам германского ультиматума². Советник полпредства СССР в Германии сообщал в Москву 17 марта: «Прибалты вообще в панике и, отчаявшись в возможности отпора Германии со стороны Англии и Франции, возлагают надежды на отпор с нашей стороны»³. Однако для того, чтобы обращение к СССР носило серьёзный характер, требовались предложения о военном союзе. Но их не было. Кроме того, в силу отсутствия западных гарантий для Прибалтики, вновь возникала перспектива изолированного советско-германского столкновения.

В любом случае Москве не приходилось рассчитывать на реальную помощь со стороны Франции и Англии, о чём убедительно свидетельствовала безрезультатность переговоров с ними почти на всём протяжении 1939 года. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило скептицизм советского руководства. 5 сентября 1939 года (вермахт вторгся в Польшу на рассвете 1 сентября) Уильям Ширер записал в своём дневнике: «Очень странный этот Западный фронт! На Вильгельмштрассе [МИД Германии] нас сегодня заверяли в том, что там еще не было произведено ни одного выстрела. Более того, один из чинов сказал мне (не могу поверить его словам!), что стоящие на границе с Францией немцы передают на французском языке адресованное "пулю" [французским солдатам] обращение по радио: "Мы не будем стрелять, пока не будете стрелять вы". Он же утверждает, что французы вывесили на воздушном шаре лозунг аналогичного содержания»⁴. Такой была помощь, оказанная Западом союзной Польше.

Возможно, что бездействие западных держав спасло Гитлера от катастрофы сразу же после начала войны. Начальник штаба оперативного руководства германского верховного командования генерал-полковник Альфред Йодль показал на Нюрнбергском процессе: «Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей против 23 германских дивизий на Западе, оставались совершенно бездейственными. Действительное производство вооружений пришлось разворачивать уже в ходе войны. 60% населения не имели [военной] подготовки, резервы бомб и боеприпасов были смехотворными»⁵. Вряд ли эти факты были секретом для английских и французских разведслужб. У «странной войны» были другие причины. Видимо, сохранялись надежды на возможность соглашения с Гитлером за счёт СССР. Во всяком случае, английский премьер Невилл Чемберлен записал в своём дневнике весной 1940 года (накануне разгрома Франции), что он «предчувствует» скорое окончание войны, причём «не в результате поражения на поле битвы»⁶.

В Кремле не были уверены в том, что к сентябрю 1939 года Красная Армия приобрела способность в одиночку вести ширококомандную современную «войну моторов» с противником, мощь которого в СССР знали не понаслышке. Вся пропагандистская шумиха вокруг стратегии «малой кровью, могучим ударом» не могла скрыть от руководства страны слабые места вооружённых сил, высший командный состав которых был почти полностью ликвидирован в период ежовщины. Тогда массовую чистку в армии оправдывали необходимостью устранить людей, поддерживавших «слишком тесные» связи с рейхсвером в ходе советско-германского военного сотрудничества (то есть нанести удар по эвентуальной «пятой колонне»). Однако эти люди были не только профессионалами высокого класса, но и отличными знатоками плюсов и минусов потенциального противника. Как раз то обстоятельство, что М.Н. Тухачевский и другие руководители РККА были детально ознакомлены со стратегическим мышлением головки

¹ МИД РФ, Документы внешней политики. 1939 год, т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. М.: 1992. С. 186.

² Там же. С. 213–214.

³ Там же. С. 201.

⁴ William L. Shirer, Mon journal à Berlin. Le journal d'un correspondant étranger 1934–1941, Montréal, 1943. P. 197.

⁵ Цит. по: Gerhart Binder, Geschichte im Zeitalter der Weltkriege. Unsere Epoche von Bismarck bis heute, I. Band: 1870–1945, Stuttgart, 1977. S. 589. См. также: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М.: 1984. С. 25–26.

⁶ Цит. по: Gerhart Binder, Geschichte im Zeitalter der Weltkriege. Unsere Epoche von Bismarck bis heute, I. Band: 1870–1945, Stuttgart, 1977. S. 595.

рейхсвера и его военным планированием, послужило поводом для особой операции германских спецслужб, подбросивших советской контрразведке соответствующим образом препарированные документы времён двусторонних военных контактов, послужившие основанием для осуждения и казни Тухачевского в 1937 году, а также последующих репрессий против руководителей Красной Армии¹.

Альтернативный вариант состоял во временном соглашении с фашистской Германией, то есть с агрессором. Такое соглашение на какое-то время отодвигало неизбежное, в конечном счёте, столкновение с нацизмом и в благоприятном случае позволяло создать зону безопасности на западных границах СССР, вступление германских войск в которую был бы заказан на всё время полученной таким образом передышки (это было особенно важно в контексте участвовавших столкновений с японцами на дальневосточных рубежах Советского Союза)². Правда, за этот вариант приходилось платить высокую цену: предстоял обмен рукопожатиями с убийцами и агрессорами, преследующими людоедские цели, подписание с ними каких-то договоров, в прочность которых никто не верил, создание видимости «легитимности» нацистской войны против третьих стран. Это вело к дезориентации как собственного населения, так и сторонников СССР во всём мире, поскольку до сих пор всеобщее убеждение сводилось к тому, что национал-социалисты и коммунисты являются непримиримыми врагами³. Но Сталин давно не заботился о чистоте идеологических риз, предпочитая принимать прагматические решения. На кону стояла судьба СССР и, стало быть, сталинского режима, лично Сталина. Поэтому решение Москвы не вызывает удивления.

Не вызывают удивления и яростные нападки Запада (как тогда, так и сегодня) на заключённый 23 августа 1939 года советско-германский пакт о ненападении, поскольку он означал чётко различимый провал западной политики сраживания фашистской Германии и социалистического СССР. При этом бросается в глаза явное облегчение, с которым в Англии и Франции сразу же было воспринято известие о советско-германском пакте. Лондон и Париж почувствовали себя избавленными от необходимости так или иначе решать проблему поддержки СССР⁴. Их натуре гораздо больше соответствовало списать СССР со счетов, объявить его союзником Германии⁵ и приступить к разработке планов бомбардировок нефтяных полей Баку под предлогом «нанесения удара Германии с тыла», ничего, однако, не делая для того, чтобы нанести ей удар «с фронта». Пропагандистские нападки на пакт позволили отвлечь внимание от позорного предательства Западом своего польского союзника, так и не дождавшегося обещанной ему помощи. Скоропостижная кончина польского государства была вменена в вину СССР, хотя тот ничем не был обязан Варшаве. Никто не вспоминает тогда и не вспоминает сейчас о том, какой дикой русофобией характеризовалась политика польского руководства на всём протяжении периода между мировыми войнами. К тому же, какие могут быть претензии к Советскому Союзу, если все остальные фигуранты европейской политики давно перешли на действия по принципу «каждый за себя, один Бог за всех»?

Видимо, западные стратеги всерьёз надеялись отсидеться за линией Мажино, так и незаключенной на её северном участке. Когда в июне 1940 года вермахт, нарушив бельгийский нейтралитет, вторгся на территорию Франции, стремительным фланговым манёвром рассекая боевые порядки французской и английской армий и отрезая Париж от Ламанша, на Востоке не оказалось солдат генерала Самсонова, которые, жертвуя собственной жизнью, в 1914 году ослабили мощь германского натиска. «Чудо на Марне» не повторилось. В 1940 году фашистской Герма-

¹ См.: *Вальтер Шелленберг*, Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: 1991. С. 37–40.

² Известный британский историк Роберт Сесил отмечает в связи с германо-польскими контактами конца 1938 – начала 1939 гг.: «Эти переговоры, которые нехотя велись поляками, не преминули оказать влияние на Сталина. Выходило, что или поляки и немцы договорятся за его счет, или Гитлер, пользуясь англо-французским бездействием, разгромит быстрым ударом Польшу и прибалтийские государства, после чего вермахт будет стоять у ворот Ленинграда. В глазах Сталина было жизненно важным включить эти буферные государства в свое оборонительное предполье либо с помощью англичан и французов, либо с молчаливого согласия Гитлера» (*Robert Cecil, Hitlers Griff nach Rußland, Graz-Wien-Köln, 1977. S. 57*).

³ Например, в предисловии к книге Эрнста Генри (псевдоним С. Ростовского) «Гитлер против СССР» (М.: 1938) указывалось: «В Германии, в центре фашистского лагеря, революционные рабочие несмотря ни на что готовят освободительное восстание, как когда-то готовили его после 1905 года в царских тюрьмах большевики. Нет, не дойти фашистам до границ СССР. Переходный период развивается с непреодолимой логикой, и проблема "социализм или варварство" будет разрешена. Пусть люди Страны Советов спокойно и бдительно ожидают того часа, когда в союзе с рабочими и демократами других стран они отразят нападение и сметут фашизм с мировой карты» (с. 6).

⁴ Внимательно изучивший предвоенную ситуацию во Франции Генрих Бартель отмечает, что в политических кругах Парижа в конце августа 1939 года, «то есть еще до германского нападения на Польшу, идеологическая враждебность по отношению к Советскому Союзу перевешивала прямую военную угрозу, исходящую от рейха. Уже тогда для [французской] прессы главным врагом был не Гитлер, а Сталин» (*Heinrich Bartel, Frankreich und die Sowjetunion 1938–1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik, Stuttgart, 1986. S. 271*).

⁵ МИД Великобритании участвовал в вербовке добровольцев для участия в войне против СССР в Финляндии (*Robert Cecil, Hitlers Griff nach Rußland, Graz-Wien-Köln, 1977. S. 62*).

нии хватило месяца, чтобы поставить на колени великую европейскую державу, ещё совсем недавно безраздельно господствовавшую на континенте, и нанести тяжелейшее поражение английскому экспедиционному корпусу. 11 июня, в разгар наступления вермахта на Западе, уже цитировавшийся Ширер записал в дневнике: «В 1914 году два [германских] армейских корпуса были поспешно выведены из Франции, чтобы остановить русских на Востоке. Какую огромную цену платят сегодня Париж и Лондон за свою близорукую русофобскую политику! Накануне Мюнхена, даже после Мюнхена, даже еще год назад они могли бы добиться, чтобы в эти дни русские были с ними против немцев»¹.

Признать свою вину за собственный разгром, отдавший практически всю континентальную Европу, за исключением СССР, под власть Гитлера, было гораздо труднее, чем свалить всё на ненавистный Советский Союз, который так и не стал таскать каштаны из огня для лондонских и парижских циников. Атмосфера «холодной войны» закрепила и канонизировала этот способ исторического самооправдания. Даже отличающиеся в общем взвешенным подходом к историческим событиям западные авторы продолжают пережевывать тезис о «вине» СССР. Один из ведущих историков ФРГ Хаген Шульце так и не смог перешагнуть через явно пристрастную и искажающую историческую перспективу формулировку: «При всех ужасах и военных преступлениях, совершенных в дальнейшем участниками этой [Второй мировой] войны, нужно всегда помнить о том, что главная вина за ее развязывание лежит на немцах, в намного меньшей степени – на советском руководстве, в то время как западные державы вели справедливую оборонительную войну»². Как говорится, приехали! А кто же, как не «справедливые оборонцы», сделали вообще возможной войну своим умиротворением агрессора?

Очень редко можно встретить на Западе объективный анализ ситуации, но если кто-то на него решается, то неизменно приходит к признанию того факта, что в 1939 году СССР был готов совместно с Западом дать эффективный отпор агрессору, но этот шанс был упущен по вине Англии и Франции. Американский историк Тедди Дж. Ульдрикс осторожно признаёт: «Сталин может быть обвинен во многих крупных ошибках при осуществлении курса на коллективную безопасность, но сам курс кажется бесспорно искренним»³. Тем более важным является, чтобы, по крайней мере, российские историки не отступали от правды факта ради пускания пыли в глаза или «солидарности» со своими щедро оплачиваемыми западными коллегами.

Наверное, можно было эффективнее использовать время, выигранное благодаря пакту от 23 августа 1939 года, в смысле реорганизации вооружённых сил, модернизации предприятий ВПК, строительства укрепрайонов на новой западной границе СССР (хотя, надо признать, напряжение сил огромной страны и так приближалось к максимальной отметке). Разумеется, было грубой ошибкой отметить с порога поступающие по различным каналам предупреждения о приближающемся нападении Германии на СССР как происки английских спецслужб, пытающихся облегчить положение Великобритании, попавшей в исключительно трудное положение после германской оккупации Франции. Конечно, не надо было поздравлять нацистов с победами германского оружия и поднимать бокалы за здоровье «фюрера» – все равно это не помогло ни на день оттянуть вторжение фашистских полчищ на советскую землю.

Но само решение подписать пакт о ненападении было единственно рациональным и к тому же единственно возможным выходом из создавшейся для СССР к началу сентября 1939 года ситуации. В конечном счёте, оно спасло от преждевременного введения в бой той единственной силы на континенте, которая смогла остановить и сокрушить нацистскую военную машину – в августе эта сила ещё не была готова в одиночку противостоять Гитлеру. В этом смысле вопиюще несправедливы утверждения о том, будто пакт о ненападении пошёл на пользу нацистам. Наоборот, он стал началом конца гитлеровской Германии. Да, обуздание агрессора могло произойти на более ранней стадии и не потребовать той нечеловечески высокой цены, которую Россия и другие страны заплатили за ликвидацию нацистских претендентов на мировое господство. Для этого нужно было, чтобы Запад принял протянутую ему Москвой руку и объединил с ней усилия по обеспечению равной безопасности для всех стран континента. Но Запад оказался не готов пойти кратчайшим, простым и прямым путём к единой для всех европейцев цели. В итоге путь оказался кружным, долгим и сопряжённым с большими потерями. Однако он был пройден и привёл к успеху.

¹ William L. Shirer, *Mon journal à Berlin. Le journal d'un correspondant étranger 1934-1941*, Montréal, 1943. P. 375–376.

² Хаген Шульце, *Краткая история Германии*. М.: 2004. С. 181.

³ Тедди Дж. Ульдрикс, *Политика безопасности СССР в 1930-е годы, в: Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991*. М.: 1993. С. 78.

Вопреки всем проискам «умиротворителей» агрессора антигитлеровская коалиция была создана и внесла свой вклад в разгром нацизма. Как это ни парадоксально, но энергичный поворот в политике Москвы в августе 1939 года не только не затруднил создание антигитлеровской коалиции, но и предопределил успех этого процесса. Во-первых, в союзники берут только сильных и способных на смелые решения партнёров. Во-вторых, к моменту нападения Гитлера на СССР Великобритания уже находилась в состоянии войны с Германией, а США, поддерживавшие англичан, были весьма близки к этому. Кто может уверенно утверждать, что обе эти державы действительно стали бы союзниками СССР, если бы он очутился в роли первой жертвы нацистской агрессии? Ведь в них оставались весьма сильными позиции сил, считавших Советский Союз «ещё худшим злом», чем фашистская Германия. В конечном счёте, Второй фронт был открыт по существу лишь в июне 1944 года, когда стало ясно, что агония нацизма близится к завершению, и у наших союзников возникли опасения, что освобождение Европы будет делом рук одной Красной Армии.

Это не должно умалять значения антигитлеровской коалиции и той роли, которую западные союзники сыграли в материальной поддержке Советского Союза и приближении конца Второй мировой войны. Кто знает, во сколько ещё человеческих жизней обошлись бы несколько дополнительных недель кровопролития на фронтах? Кроме того, важным моральным фактором было сознание того, что мы не остались в одиночестве в борьбе с фашизмом, что весь мир на нашей стороне. Но слова из песни не выкинешь.

Если история может чему-либо научить (хочется верить, что это так), то уроки Второй мировой войны гласят: легче предотвратить войну, чем вести её до победного конца, причём и то, и другое надо делать коллективно, всем миром. История не повторяется, и любые параллели – дело достаточно рискованное. Однако очень трудно не заметить определённого сходства между ситуацией 30-х годов, когда в течение многих лет СССР настойчиво предлагал Западу создание континентальной системы коллективной безопасности, и так называемым «постконфронтационным» периодом, на протяжении которого Россия не менее настойчиво добивается реализации по существу той же идеи – создания системы коллективной безопасности, учитывающей интересы всех стран континента. И тогда, и сейчас Запад затянул дело с положительным ответом. В 30-е годы это привело к катастрофе. Сейчас время ещё есть. Не следовало бы в XXI веке повторять ошибок минувшего столетия.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

ЗНАНИЕ И МУДРОСТЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Философия всегда играла важную роль в культуре. Она не только осмысляла свою эпоху, но и указывала пути дальнейшего развития человечества. В конце XX – начале XXI века влияние философии ещё более возросло. В Европе и Америке начался философский бум. Философия стала действительно публичным феноменом, одним из важнейших факторов общественной жизни. Философы уже не замкнуты в своём профессиональном сообществе: к их аргументам прислушиваются политики и широкие общественные круги. Философские книги издаются громадными тиражами, а выступления ведущих мыслителей вызывают интерес, сравнимый с ажиотажем вокруг концертов эстрадных звёзд, причём всё это происходит без потери высокого профессионального уровня философских концепций.

Рост влияния философии связан с целым рядом факторов. Прежде всего, он вызван процессами интеграции, затронувшими всё мировое сообщество. Без философии просто невозможно наладить диалог различных культур и показать пути решения конфликтов.

Другим фактором, обусловившим рост влияния философии, оказалось развитие фундаментальной науки. Были времена, когда физики, физиологи и психологи «бегали» от философов, будучи уверены в том, что могут обойтись без их советов и рекомендаций. Сейчас пришло понимание, что философия необходима для осмысления тех трудностей и проблем, с которыми сталкиваются квантовая механика, общая теория относительности, нейрофизиология и другие дисциплины.

Россия не находится в стороне от процессов, охвативших мировое философское и научное сообщество. Все общемировые тенденции в той или иной степени проявляются и в отечественной философии. Вместе с тем, нашей философской жизни присущи некоторые особенности. Отечественная философия долгое время находилась под идеологическим прессом, что обусловило её изолированность от процессов, происходивших в мировой философии. Деидеологизация философии 15 лет назад сама по себе не могла устранить эту изоляцию. Более того, исчезновение высших философских инстанций привело к децентрализации и фрагментации философского сообщества России. В итоге получилось, что мы имеем множество прекрасных мыслителей, но не можем похвастаться тем, что они известны в мире и, более того, что они хорошо известны друг другу. Ценнейшие разработки наших авторов зачастую остаются без отклика в мировой и отечественной литературе. Наше философское сообщество пока ещё не стало единым организмом.

Я думаю, что такие ответственные философские форумы, как начавший сегодня работу Российский философский конгресс, должны сыграть немалую роль в процессе консолидации научного сообщества, укрепления коммуникаций между различными философскими школами, представить состояние дел в данной отрасли науки мировому сообществу.

Мне хотелось бы, пользуясь случаем, поразмышлять о том, что, как мне представляется, является всегда насущным для философии и науки в целом – **о статусе научного знания в современном мире, его отношении к мудрости и различным вненаучным формам отношения человека к миру.**

Для античного философа мудрость является как бы идеалом знания. Ведь и само имя философии переводится как любовь к мудрости, «любомудрие». Известный французский историк античной философии и культуры Пьер Адо писал: «Мудрость рассматривается во всей античности как способ бытия, как состояние человека, существующего совершенно иначе, нежели остальные люди, и являющего собой своего рода сверхчеловека. Если философия есть активность, смысл которой – упражнение в мудрости, то упражнение это по необходимости заключается не только в том, чтобы говорить и рассуждать определённым образом, но и в том, чтобы определённым образом действовать, смотреть на мир»¹.

На эту потерю непосредственного отношения человека к миру, свойственного мудрости и античной философии, сетует в своей недавней книге «Философия как искание Абсолюта» известный российский философ, заслуженный профессор МГУ Геннадий Георгиевич Майоров. «Как мы видим, – пишет он, – наука не только не приблизила человека к природе и к самому себе, но, напротив, соблазнив перспективой всемогущества, привела его к отчуждению от природы и к самоотчуждению. И повинна в этом как раз хвалёная научная объективность, равнозначная отказу принять самоценность «вещей в себе», признать абсолютность их бытия. Наука всё перевела в план относительности, релятивизма, всё выразила в отношении к усреднённому восприятию и абстрактному «логосу» учёного, исключив из своей картины мира и человека спонтанность, чудо и тайну»².

Августин учил, что между мудростью, которая обретает знание в свете вещей божественных, и знанием, которое добывается в сумерках сотворённых вещей, существует отношение иерархии; знание есть благо и достойно любви, но оно не превышает мудрости. В интерпретации французского философа Жака Маритена знание, если не по своей природе, то, по крайней мере, по своей динамике и отношению к жизни человека, принадлежит к категории полезного, а мудрость принадлежит к сфере плодотворного.

Мудрость всегда включала в себя этический аспект, предполагая связь человека с Целым, целостность его собственного духовного опыта. Известный философ науки XX столетия А. Уайтхед писал «Интеллектуальная деятельность расцветает за счёт Мудрости. До определённой степени понимание есть исключение причин противоречий в интеллекте. Но Мудрость стремится к более глубокому пониманию, для которого важны и пробелы в системах понятий. Эти три составляющих духа – Инстинкт, Интеллект, Мудрость – не могут быть оторваны друг от друга. Здесь целое как бы проявляется в своих частях, а части возникают из целого»³. Знанию противостоит незнание, а мудрости – глупость. Незнание может рядиться в лохмотья невежи, быть упрямым нежеланием знать, выйти за пределы устоявшихся предрассудков. Но оно может быть и «учёным незнанием», по словам философа эпохи Возрождения кардинала Николая Кузанского, почтительно останавливающимся на границе «непостижимого». Глупость есть

¹ Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с фр. М.: 1999. С. 236–237.

² Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. М.: 2004. С. 28.

³ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ. М.: 1990. С. 439.

подчас оборотная сторона невежественного всезнайства: тот же Уайтхед писал: «Глупость умных людей с ясной головой и узким кругозором породила много катастроф». Но глупостью в глазах толпы может выглядеть и наивность гения, вспомним, например, глупого третьего сына, Иванушку-дурачка русских народных сказок.

Для русской философии Мудрость имела всегда особое значение, показательным явился и тот факт, что её одухотворяла не только рефлексия, не только обращение к различным формам научного знания, но и живой мистический религиозный опыт, переживание присутствия в мире божественной Мудрости Софии. Отсюда **возникло и целое направление в русской философии, названное именем мудрости, софиология, почти все представители которого являлись, что удивительно, профессорами и приват-доцентами Московского университета – Владимир Сергеевич Соловьев, братья Сергей и Евгений Трубецкие, Сергей Николаевич Булгаков, Алексей Фёдорович Лосев.**

Были, однако, и иные суждения, например, мнение профессора Московского университета Густава Густавовича Шпета, видевшего в мудрости одну из разновидностей псевдофилософии, удалённой от рефлексии и чистого знания.

По его мнению, мудрость свойственна более восточной, чем западной культуре. «Именно Восток, – писал Г.Г. Шпет в своей статье 1917 года "Мудрость или разум?", – есть родина мудрости, всяческих сказок, сказаний и мифов. Восток их переживает, ими питается и в них выражается. Он не знает, что такое рефлексия; умственная жизнь для него – чуждое; он с трудом отличает её от тяжёлого физического труда, он отдыхает, когда от него не требуют умственного напряжения, умственная лень – его природа и его добродетель»¹.

В моём представлении понятия «знание» и «мудрость» не обусловлены друг другом. Вполне можно рассуждать о том, что такое «знание», и не использовать при этом понятие «мудрость». Понятие «знание» по сути своей больше тяготеет к понятиям рациональным. Оно допускает количественные и качественные оценки. «Мудрость», как мне кажется, ближе к моральным, нравственным, житейским понятиям. Как-то измерить «мудрость», по-моему, невозможно. Сравнить же двух «знатоков» можно, хотя сравнение будет весьма условным. Сравнить двух людей по какому-то эталону «мудрости» нельзя, ибо такого эталона просто не существует.

Я не думаю, что «развитие интеллекта» можно свести лишь к «непрерывному накоплению отдельных знаний, их сумме». Гераклит говорил: «Многознание уму не научает». Точно так же мне трудно себе представить, чтобы развитие души никак не было связано с практической деятельностью человека, а восходило бы только к его духовности.

Мне ближе трактовка мудрости, принадлежащая Леонардо да Винчи. Он писал: «Мудрость – дочь опыта». Он же совершенно справедливо указывал на то, что стать мудрым может любой человек:

¹ Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: 1994. С. 228–229.

«Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причинённый старостью. И, поняв, что пищей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи».

Вообще говоря, мудрость являет собой, так сказать, «большой опыт», опыт многих поколений, который накапливался и проверялся веками и тысячами.

Почему далеко не всех людей принято в народе именовать «мудрецами»? Наверное, потому, что в подавляющем большинстве люди мало, очень мало задумываются о «смысле жизни», предвосхищая в уме и своё личное будущее, в том числе и старость. Большинство, как принято говорить, «прожигает молодые годы». Вот почему важнейшей задачей университетов является содействие молодёжи в том, чтобы по возможности не допускать такого развития их жизни.

Думаю, что многие часто и справедливо называют «мудрыми» своих родителей – мать и отца. Даже в том случае, когда они по формальным признакам и полученному образованию считались малограмотными, то есть не могли достаточно хорошо читать, писать и считать.

Вообще под «знанием» обычно подразумевают как «обыденное», так и «научное» знание. В основе обыденного знания лежит то, что мы называем здравым смыслом. В основе же научного знания – логическая обоснованность, доказательность, воспроизводимость познавательных результатов. Под «мудростью» понимают нечто в высшей степени разумное и благонамеренное, правдивое.

Жак Маритен писал, выделяя один из аспектов отличия знания от мудрости: «Слово "знание" берётся как противоположное высшей сфере знания; это наука постольку, поскольку она противопоставляется мудрости и относится к самым, что ни на есть заземлённым областям знания: не говорят о мудрости ботаника или лингвиста, но говорят о науке ботанике и о науке лингвистике. Мудрость – это знание, получаемое из наивысших источников, открывающееся в наиболее глубоком и простом свете; знание – это знание детальное, эмпирическое, или очевидное».

Мне кажется, что все эти определения понятий «знания» и «мудрости» довольно чётко и наглядно очерчивают ту весьма тонкую, но невероятно важную грань, отличающую одно от другого.

Наверное, любое общество выделяло в своём составе людей знающих и людей мудрых. Отличие в содержании этих двух понятий закладывалось здесь уже с самого их возникновения.

Человек постоянно тянулся к знаниям. Он видел в этом некий путь своего развития, своего благополучия и своей безопасности. Когда он пытался узнать что-то новое, он приобретал новый опыт, который использовал в своей жизни, и ему было любопытно узнать, как будет дальше. Это естественное свойство человеческого мозга узнавать всё новые и новые для себя факты. На каком-то уровне, может быть, в подсознании это у него всегда сочеталось со своей безопасностью, потому что человек не был защищён от стихии, явлений природы или каких-то её обитателей. Поэтому ему надо было знать всё больше и больше фактов природы. Я думаю, что это было связано и с благополучием человека. Знание, опыт давали ему возможность более комфортного, более благополучно-

го существования. Например, он знал (понимал), что огонь приносит тепло, вкусную пищу, на нём можно готовить и огонь охраняет его очаг.

На примере огня вообще интересно проследить развитие познания человека. Человек в какой-то момент задумался: а что собой представляет огонь. Он смотрел на пламя, он видел, какое оно красивое, неоднородно устроенное и он думал: что же это такое – огонь? И хотя этот вопрос возник у человека миллионы лет тому назад, на него нет полного научного ответа и сегодня. И так во многом. Например, шаровая молния по сей день остаётся достаточно загадочным явлением природы, несмотря на все успехи естествознания.

Русский философ Василий Васильевич Розанов писал в своей книге «О понимании», созданной сразу после окончания историко-филологического факультета Московского университета, о том, что сутью науки является стремление к пониманию, к чистому познанию. «Мальчик, смотрящий на пламя и задумывающийся над тем, что такое оно, юноша, задумывающийся над нравственными вопросами жизни, – стоят в пределах науки, хотя бы они и не разрешили своих сомнений. Но учёный, с успехом сдавший на магистра и готовящий докторскую диссертацию, стоит вне пределов её, потому что не жажда познания руководит им»¹. Это стремление к пониманию делает науку сестрой Мудрости, потому что понимает человек что-либо не только благодаря рациональным аргументам и доказательствам, но и с помощью интуиции, озарения, художественного чувства, веры.

Конечно, современная наука разительно изменилась со времён Аристотеля и Галилея. Изменилось отношение к ней как со стороны государства, общества, так и со стороны самих учёных. Наука как бы перестала быть делом только одних учёных. От успешного её развития в значительной мере зависят благосостояние и культурный рост людей, прогресс человеческой цивилизации. В наше время наука стала одним из важнейших источников государственных доходов, поскольку она самым непосредственным образом участвует в производстве, в создании новых технических средств и технологий, которые в свою очередь меняют среду обитания, повседневный быт людей.

Знание постепенно расширилось. В настоящее время оно охватывает сотни научных направлений. И хотя человек очень много узнал об окружающем его мире и о самом себе, но на большинство важных вопросов ответа пока нет.

Самым трудным оказалось познание человеком самого себя. Оказалось, что его строение, его физиология трудно поддаются изучению. Кое-что ещё можно понять. Но особенно трудно изучить внутренний мир человека. Ведь каждый индивидуум – это, как принято говорить, свой собственный уникальный, неповторимый мир. Разные люди в одной и той же ситуации, в одно и то же время по-разному воспринимают окружающее, по-разному оценивают целесообразность тех или иных своих действий в сложившихся условиях, по-разному относятся к мотивам поведения других людей.

¹ Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: 1996. С. 642.

Весьма наглядными в этом плане являются библейские примеры, в частности, различия в поведении Адама и Евы или Авеля и Каина. В последнем случае единокровные братья, выросшие и жившие в одинаковых условиях, совершенно по-разному понимали, что такое добро, благо и что такое зло, совершенно по-разному воспринимали окружающий их мир. В чём же таится причина такого явления? Возможно ли вообще достигнуть такого уровня сознания у каждого человека в обществе, которое было хотя бы близким к некоторому идеальному состоянию. Мы часто называем такое идеальное состояние мудростью.

И до сих пор сознание человека, мотивация его поведения остаются самой трудной загадкой природы. Гегель в своей работе «Эстетика» отметил: «Когда, например, в новейшее время спорят о вере и разуме как о чём-то интересующем и занимающем наш дух, то каждый делает вид, будто знает, что такое разум и вера, и считается невоспитанностью требование указать, что же это такое, ибо и разум, и вера предполагаются известными». Действительно, они лишь предполагаются известными, но на самом деле мы до сих пор не знаем ответа, есть ли у человека душа и что представляет собой его сознание, разум.

Я, как математик, задумался над этим вопросом с другой точки зрения. И, кажется, могу представить модель человека. Человек представляет собой некий организм, в котором происходят физико-химические реакции на уровне клетки и на уровне молекулы. Между этими клетками пролегают миллиарды нитей, которые их связывают и по которым «текут» команды. Идёт дискуссия: можно ли смоделировать мозг человека? Я отвечаю: «Нет», хотя это и не очевидно. Есть учёные, которые утверждают, что искусственный «мозг» можно воспроизвести. Я спрашиваю: «Можно ли создать компьютер, который напишет "Евгения Онегина"?» Компьютер – автомат. Человеку же присущи индивидуальность, чувства, интеллект. В моём понимании вся эта дискуссия, в конечном счёте, сводится к тому, что мир бесконечен. Материя бесконечна... Атомное ядро состоит из всё более и более мелких элементарных частиц. Вселенная, в свою очередь, состоит из всё больших и больших пространственно-временных систем. Поэтому вряд ли можно в науке создать конечную модель (а всякая модель конечна), которая бы в точности повторяла бесконечную структуру.

Известен парадокс Зенона: догонит ли Ахиллес черепаху. Понятие о бесконечности укоренено в самом человеческом естестве, хотя этот вопрос тоже не является вопросом, решённым до конца, и здесь есть разные мнения.

Подытоживая вышесказанное, подчеркну, что производство знания – это бесконечный процесс. Никогда не наступит время, когда человек будет знать ответы на всё, что его интересует. Всегда будет существовать тяга человека к новым знаниям. Поскольку она диктуется, как я сказал, его стремлением к лучшей жизни.

Говоря о знании, следует выделить вопрос об использовании знания. Общеизвестны примеры, связанные с созданием и применением ядерного, химического, биологического оружия. Это примеры аморального использования научного знания.

Но немало и прямо противоположных примеров. Для того чтобы обеспечить людей едой, нужно увеличивать производство продовольствия на 2% ежегодно. Обычными методами этого не сделать, поэтому сегодня и ведутся интенсивные работы в области геномной и хромосомной инженерии. Только здесь есть ключ к ре-

шению. Второй пример – медицина. Медицина переходит на совершенно другой уровень. Почему сегодня все говорят о геноме человека? Да потому, что, пока мы не будем знать геном человека, мы не сможем найти те генные системы, которые нужно усилить, заблокировать или заменить. Уже известно несколько тысяч заболеваний, которые обуславливаются генетически. И нам нужно знать геном, знать все его изъяны, все порченые гены и уметь готовить технологии для их блокировки или замены. На протяжении всей истории становления и развития научного знания что-то из него используется во вред человеку, что-то на пользу.

Вообще говоря, есть кардинальное отличие между такими двумя основополагающими областями современной науки, как атомная физика и молекулярная биология. В случае с атомом человек выступает как бы наблюдателем, который стоит вне исследуемой им и подвергающейся его воздействию Природы. Конечно, когда для человека возникла прямая опасность пострадать от радиоактивного излучения, он стал понимать, что человека и природу просто вот так нельзя разделять. Но, тем не менее, человек думает, что может защититься от этой опасности. То есть, как бы обойти природу стороной.

Генная инженерия такой возможности, пусть даже косвенной, человеку не оставляет. Она есть прямое и ничем не контролируемое вмешательство в эволюцию живой материи. Сегодня никто не может даже приблизительно оценить те последствия, которые повлечёт за собой размножение живой материи, созданной искусственно. Процесс эволюции живого длительный и медленный. И никто не знает, как сложатся отношения между искусственными и естественными живыми организмами. Станут ли искусственные живые организмы «здоровыми» для человека и иных живых существ или превратятся в возбудителей болезней, будут ли они улучшать эволюционно развившийся генотип человека или, наоборот, приведут к отклонениям от него... Пока на эти и другие подобные вопросы ответов нет. Но то, что современная наука в лице молекулярной биологии прямо вторглась в святая святых человека – в регулирование его жизни – это неоспоримый факт. Следовательно, наука приобрела качественно новое, до сих пор не известное моральное измерение.

Вот здесь и возникает вопрос: даёт ли разворачивающийся процесс глобализации, который в своей основе построен на принципе ускорения и непрерывного подстёгивания эволюции, ясный и удовлетворительный для человечества ответ?

Вмешательство в эволюцию живого – не единственное неизвестное в сложном уравнении будущего цивилизации. Не менее трудным является прогноз для развития другого ключевого процесса, существенно изменяющего картину мира – информатизации.

Мне нередко приходится вступать в дискуссии о прогнозах так называемого «информационного общества». В принципе я согласен с тем, что изобретение и внедрение в жизнь компьютеров и компьютерных технологий существенно отразится на человеческом бытии и научном методе. Но полностью разгуляться фантазии на счёт компьютеризации и информатизации всего и вся мне не даёт один-единственный факт. На ближайшие 50–70 лет основным источником удов-

летворения потребностей общества в энергии будут невозобновляемые естественные ресурсы – нефть, газ и уголь. А, значит, человек будет крепко привязан к двигателям внутреннего сгорания. Какими бы компьютерными системами управления ни был обустроен бензиновый автомобиль, самолёт или океанский лайнер, это в сущности своей ничего в мире не меняет.

Нужна принципиальная смена источника энергии, нужно топливо будущего. Тогда и произойдёт смена цивилизационного развития. Пока же ближайшим конкурентом нефти, газу и углю учёные видят водород и двигатель внешнего сгорания. В перспективе, когда задача обеспечения экологической чистоты воздуха станет для человека неотвратимой, общество, несмотря на очень высокую (по современным меркам) экономическую стоимость водородного горючего и технические опасности обращения с ним, начнёт развивать, я бы сказал, «водородную цивилизацию». Но это время, если и наступит, то наступит весьма и весьма не скоро. А до таких научно допустимых энергетических проектов, как использование в качестве рабочего тела антивещества, и подавно далеко.

Так что реально прогнозируемый путь движения человечества в XXI веке будет, скорее всего, пролегать через борьбу за сырьё и ресурсы.

В конце XX столетия, в период, который часто называют переходом к «информационному миру», знания стали использоваться государствами для наращивания своей экономической мощи. Знания стали особенно тщательно скрываться от других. Появились «ноу-хау», секреты фирм, секреты государств. Они тщательно охраняются от других, потому что могут быть использованы с целью получения превосходства над другими. Здесь, конечно, можно говорить о конкуренции, которая в ряде случаев является положительным явлением. Но я говорю о другом аспекте, когда знания используются во вред целым государствам, причём, иногда с применением крайних средств. Мы можем видеть на примере последних лет, когда одна группа государств, имея высокотехнологичное оружие, основанное на современных знаниях, использует его для уничтожения людей другого независимого государства. Для таких действий уже изобретён свой термин – «гуманитарная интервенция».

Я думаю, что вполне уместно будет привести здесь высказывание выдающегося русского учёного, историка В.О. Ключевского относительно знания и нравственности. «Науку, – говорил он, – часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, то есть умение пользоваться знанием». А это уже ближе к мудрости.

Ещё с конца XIX столетия в философии в разных формах начал набирать силу «научный позитивизм». В его рамках ставится задача – провести разграничительную линию между тем, что истинно, и тем, что полезно науке. Я не являюсь специалистом в вопросах, исследования судеб научного позитивизма. Но думаю, что суть его сводится к тому, что науке должно быть отказано в роли основы истинного знания. Это означает отделение науки от реальности.

Так, к примеру, на научных собраниях моменты наивысшего возбуждения очень часто наступают, когда учёные принимаются обсуждать вопросы, не имеющие никакого практического значения, не являющиеся жизненно важными. К числу таковых можно отнести вопрос об интерпретациях квантовой механики или о том, какая модель Вселенной – расширяющаяся или стационарная – более оправданна научно. Если стать на позицию научного позитивизма, то надо

признать, что никакой пользы от таких дискуссий нет. Но это означает, что нет и науки. И мы возвращаемся во времена Древней Греции и Рима, где теоретическое знание было отделено от технических, практических приёмов непреодолимой пропастью.

Лауреат Нобелевской премии по химии Илья Пригожин писал:

«Для древних природа была источником мудрости. Средневековая природа говорила о Боге. В новые времена природа стала настолько безответной, что Кант счёл необходимым полностью разделить науку и мудрость, науку и истину. Этот раскол существует на протяжении двух последних столетий. Настала пора положить ему конец».

Действительно, разделение между наукой и мудростью, о чём говорит Илья Пригожин, точнее, я бы сказал, между научным знанием и человеческой мудростью существует. Не вдаваясь в глубины философии, проиллюстрирую это разделение на примере прогнозирования, предсказания, предугадывания следствий из вновь получаемого знания, следствий из причин явлений и событий.

Когда речь идёт о прогнозировании, мудрость всегда предостерегает от чего-то, от каких-то действий. Предостерегает, основываясь на прошлом опыте. Предостерегает во имя предостережения, охраняет во имя охранения. Наука в своих прогностических возможностях так действовать не может. Она не может предостерегать от получения какого-то нового знания. Ибо пока такое знание не получено, то и предостерегать не от чего – знания просто нет. Это первое.

Второе. Даже в тех случаях, когда какое-то новое знание получено, это не означает, что можно предсказать, предугадать все или какие-то следствия, из него проистекающие.

Известен факт, что в 30-е годы президент США Ф. Рузвельт поручил своей администрации провести обширное исследование в области перспективных технологий. Как оказалось впоследствии, учёные и инженеры не смогли тогда предсказать появление ни телевизора, ни пластмасс, ни реактивных самолётов, ни искусственных органов для трансплантации, ни лазеров, ни даже шариковых ручек! А ведь физические эффекты, которые были использованы при создании этих технологий, к тому времени были открыты и хорошо изучены.

Именно по этой причине лично я не принимаю на веру рассчитанные на длительные промежутки времени научные, а тем более технические, технологические прогнозы. Я думаю, что генеральное направление в развитии науки наступившего столетия будет связано с повышением эффективности её прогностической функции (я, конечно, имею в виду научное прогнозирование и такие известные его методы, как гипотеза, экстраполирование, интерполирование, мысленный эксперимент, научная эвристика и другие). В этом проявится научная мудрость. Естественно, для этого потребуются новый, более совершенный научный инструментарий. Но главное будет в другом. В том, насколько тесно и органично удастся сблизить между собой науку (теоретическое знание), вненаучное знание (обыденное знание, практическое знание, мифы, легенды) и политику (прагматическое использование знания в интересах власти и рынка).

Как профессиональный математик, занимающийся математическим исследованием сложных систем, добавлю следующее. Любой прогноз в большей или меньшей степени, но обязательно опирается на какие-то вычисления, какие-то математические модели. На сегодняшний день математическая теория прогнозирования не располагает ни достаточно глубокой собственной теорией, ни удовлетворительным по широте охвата кругом областей применения, особенно важных с точки зрения практики. Это не может не сказываться на достоверности и долговременности обсуждаемых и предлагаемых прогнозов, чего бы они не касались.

Прогнозирование будущего в гуманитарной науке кажется мне ещё менее убедительным, чем в естествознании.

Мы можем уже сегодня в этом убедиться, анализируя состояние гуманитарного знания. Оно через «аксиому глобализации» как бы утвердило ныне весьма популярный в умах и подходах специалистов-гуманитариев и политиков тезис о «конце истории». Либерализм де победил окончательно, бесповоротно и вселенски. Странам, ещё не настроившимся на эту волну, нужно, как советует, например, основоположник теории открытого общества Карл Поппер, просто взять «японскую» или «германскую» модели государственного устройства и приложить их к собственной стране.

С научной точки зрения, с позиций научного прогноза этот тезис говорит не столько о «конце истории», сколько о конце гуманитарной науки. И не в третьем тысячелетии, а уже сегодня. Поскольку «история окончилась», то у неё не осталось ни области, ни предмета научного исследования: всё уже известно, всё открыто. Впереди только практические вопросы приложений.

Пока же у человечества есть только два пути для того, чтобы заглянуть в будущее. Это наука и религия. Как заметил блестящий физик Стивен Хокинг, вера в правоту теории расширяющейся Вселенной и Большого Взрыва «не противоречит» вере в Бога-творца, но указывает пределы времени, в течение которого он должен был справиться со своей задачей.

Наука, конечно же, бытует во времени, а, следовательно, имеет отношение к будущему. Но, как я уже говорил выше, опыт подсказывает, что прогнозировать развитие науки – дело неблагоприятное. Для понимания этой ситуации важно иметь в виду следующее. В фундаментальной науке эпохальные прорывы, её развитие практически всегда связаны со снятием тех или иных запретов на границы познания, отказа от тех или иных устоявшихся убеждений, в том числе и заблуждений. Заблуждение в науке не означает невежества учёного...

От Аристотеля до Галилея развитие физики сдерживало убеждение в том, что её главной задачей является анализ движения тел, а не изучение изменения их движения. Аристотель говорил, что тело следует рассматривать как покоящееся. Галилей доказал, что состояние покоя есть частный случай движения. Ньютон выразил этот отказ от старого в своём первом законе: «Всякое тело остаётся в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, если на него не действует сила, вынуждающая изменить это состояние». Появилась классическая наука.

Со времён Демокрита и до работ Э. Резерфорда был запрет на самую мысль о делимости атомов. Его сняли, и высвободили ядерную энергию. Но при этом распространили неделимость на нуклоны. Затем от этого отказались и при-

няли кварковую модель нуклона с утверждением, что в свободном виде кварки существовать не могут. Теперь как будто и этот запрет на дальнейшую делимость элементарных частиц снимается, поскольку выдвинута гипотеза о существовании так называемой кварк-глюоновой плазмы, т. е. своего рода «смеси» из отдельных кварков и глюонов. Кто знает, не сделают ли завтра вывода о делимости кварков?

Считали, что человек не может покинуть Землю. Но он преодолел земное тяготение и вышел в космос. Народная мудрость «чем выше взлетишь, тем ниже упадёшь», оказалась верной лишь до скорости взлёта, меньшей 11,2 км/сек – так называемой «первой космической скорости».

С момента возникновения геометрии Эвклида существовал запрет на проведение из точки более одной прямой, параллельной заданной. Но вот пришёл Н. Лобачевский и снял этот запрет, создав неевклидову геометрию, а вместе с ней и новое мировоззрение.

Примеров таких немало. Свидетельствуют же все они об одном и том же: наука не терпит раз и навсегда установленных запретов и ограничений. Я уверен, что такая же участь уготована и концепции «конца истории».

Если, как это было в XX веке, наука, вненаучное знание и политика останутся по-прежнему разобщёнными между собой, будущее человечества станет ещё менее предсказуемым и в ещё большей степени окажется в зоне всё умножающихся рисков. Мне кажется, что между наукой и мировыми религиями, в том числе буддизмом, есть, по крайней мере, одна общая точка соприкосновения – принятие концепции бесконечности. Хотя бесконечность в науке и религии трактуется по-разному, тем не менее, она присутствует и там и там. А вот в политике такой концепции нет. Там торжествует конечность всего, и в первую очередь объективная конечность власти, самого властвующего субъекта. Но ведь никто из обладающих властью не хочет с такой конечностью смириться. А потому для продления власти, как говорят, все средства «хороши». И они используются повсеместно. По крайней мере, вся предыдущая история человечества не даёт достаточных оснований, чтобы утверждать обратное.

Резюмируя сказанное, попробую ещё раз ответить на вопрос: «Что же такое человеческая мудрость?» В отличие от знания, образованности, информативности мудрость в моём понимании – это способность принимать и усваивать опыт жизни предыдущих поколений. Без этого невозможно развитие науки и культуры, а значит, и цивилизации. Но прошлый опыт мы не должны принимать как догму, как безжизненный абсолют. Его нужно усваивать творчески и критически. Наука только так и может развиваться.

Важнейшим каналом, если можно так сказать, распространения мудрости является школа, университет. Школьный, университетский учебник только тогда может называться учебником в настоящем смысле этого слова, когда он концентрирует и выражает опыт предыдущих поколений. В курсах естествознания так обычно и бывает. В учебниках гуманитарного профиля чаще всего ситуация обратная. В этом как раз и проявляется фактор конечности всякой действующей власти. И одновременно её желание продлить своё бытие в бесконечность пу-

тём канонизации в анналах истории. Но жизнь уже не раз показала, что историю пишут победители. А раз есть победители, то есть и побеждённые. Рано или поздно, но всегда победители во власти окажутся в ней побеждёнными.

Следует заметить, что, готовясь к 250-летию юбилею нашего Университета, мы реализовали уникальный проект, подготовили и выпустили в свет 250 томов классических университетских учебников. В подавляющем большинстве это уже хорошо апробированные, неоднократно издававшиеся учебники и учебные пособия. А уникальность проекта в том, что под однотипными обложками (хотя и в разных издательствах) вышли учебники по философии и физике, социологии и механике, истории и биологии. Это неплохой символ единства научного знания, о котором подчас необходимо напоминать и обществу, и самим учёным, слишком увлекающимся проблемами своей научной квартиры или даже комнаты и забывающим о благополучии всего здания Науки.

Я отмечу ещё одно различие, которое лежит между «знанием» и «мудростью». Научное знание как таковое интернационально. Оно одинаково для всех стран и народов. Мудрость, как мне кажется, наоборот, глубоко национальна. Она включена в афоризмы, пословицы, поговорки, сказки и носит преимущественно нравственное, этическое, ценностное содержание. Поэтому нередко к, казалось бы, внешне одним и тем же жизненным ситуациям, к одному и тому же жизненному опыту люди, принадлежащие к разным этносам, относятся существенно по-разному. Такие присутствующие в лексиконе любого этноса слова, как совесть, долг, честь, порядочность, родина, истина, вера, надежда, любовь и т. д., имеют, если попытаться их перевести на «язык мудрости», мало общего, а иногда несут в себе прямо противоположный смысл.

Чем такое различие можно было бы объяснить? Думаю, двумя обстоятельствами. Первое. Мудрость – это разговор о жизни, о её смысле. А жизнь у всех народов разная. Второе. Родной язык, на котором этот разговор о жизни ведётся, – его внутренняя музыка. Всё это часто плохо воспринимается чужим ухом. «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Кто и на каком языке думает, тот тому народу и принадлежит». Эти слова принадлежат Владимиру Ивановичу Далю – создателю «Толкового словаря живого великорусского языка» и медику по образованию (он был не только крупным лексикографом, но и искусным хирургом).

В культуре особенно важно учитывать ту общность, к которой относит себя учёный, философ, художник, о которой он может сказать «Мы» в отличие от «Они», которая выражает свойственные этой общности обычаи, традиции, память, связь с предками. Русский философ Семен Людвигович Франк писал: «"Мы" есть некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия... И даже то, что есть наше собственное индивидуальное творчество, то, в чём выражается последняя глубина и своеобразие нашего индивидуального "я" берётся не из замкнутой и обособленной узкой сферы уединённого "я", а из духовной глубины, в которой мы слиты с другими в некоем последнем единстве»¹. Здесь «Мы», на мой взгляд, есть осознание той этнической общности, к которой каждый из нас обязательно принадлежит. «Они» – это люди дру-

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: 1992. С. 51, 53.

гой этнической общности, не относящейся к «Мы». Дистанция между «Мы» и «Они» и есть, как мне кажется, разница между культурами.

Можно ли эти культуры «сблизить» в процессе объявленной глобализации и какой внутренней смысл вообще несёт в себе в этом случае слово «сблизить»? Что, все народы мира обретут одни и те же символы веры (в том числе и религиозной) и заговорят на одном и том же языке (некоем «новом эсперанто»)? Или, быть может, какой-то одной культуре (например, англосаксонской) будет отведено место «главной культуры»? Или, наконец, под прессом глобализации произойдёт такое смешение народов, наций и рас (в том числе и чисто биологическое), что, в конце концов, все станут одного цвета, одного роста, а то и одного пола?

Вот говорят, что эгоизм, ложь, распутство и т. п. приобрели вселенские масштабы. Утверждают, что в далёком прошлом этими человеческими недугами «болело» меньшинство, а теперь – большинство людей. Но если это так на самом деле, если названные отклонения от норм в прошлом стали не отклонением, а нормой бытия в настоящем, то нельзя ли считать эти бывшие отклонения принятыми эталонами бытия в настоящем времени? Глобализация как раз и призвана, как мне кажется, узаконить такое положение дел. Достаточно посмотреть на то, как развивается ситуация вокруг легализации наркотиков. В некоторых странах так называемые «лёгкие наркотики» уже легализованы, например, в Голландии. За их легализацию в США выступает не кто иной, как Джордж Сорос. Уже весьма рельефно просматриваются контуры «новой общечеловеческой культуры» – культуры наркотиков. Другим примером укоренения в качестве нормы нарождающегося глобального общества является признание в ряде стран на уровне законов сексуальных отношений нетрадиционной ориентации.

Таким образом, в обществе идёт процесс накопления, я бы сказал, «опасного знания», источником которого являются как наука, так и вненаучное знание. Постепенно это опасное знание разными путями обретает легитимные формы и становится общественной нормой. Отклонения, которые когда-то были единичными и локальными, становятся массовыми и всеохватывающими.

Не означает ли всё это возникновение системы нравственных норм, основанных на подобных отклонениях? И если это так, а факты пока не позволяют утверждать обратного, то сможет ли стратегия «добровольной толерантности» удержать мир от его превращения в «отклонённый мир»?

Мне представляется, что в наступившем веке мы всё в большей степени будем сталкиваться с запретами и ценностями морально-этического характера. Их нельзя будет создать или преодолеть только технологическими средствами, сколь бы совершенными последние ни были. Думаю, что, в конце концов, именно эти ценности определят дальнейший выбор пути цивилизационного развития. Либо человечество выберет концепцию развития, основанную на всевозрастающем росте потребления, которая до сих пор является доминирующей. Это старая система этических норм и ценностей. Либо люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством.

Фундаментальной науке, а вместе с ней и всему научному сообществу предстоит произвести своеобразную рокировку, поменяв в этических принципах местами устойчивость и стабильность, обратимость и необратимость, т. е. выдвинув на первый план те стороны человеческого бытия, которые свидетельствуют об угрозах и опасностях, связанных с нежеланием видеть мир таким, каким он стал под воздействием человека, его «геологической» по своим масштабам деятельности, связанной с разрушением среды обитания всего живого.

И, конечно, многое в этом будет зависеть от профессионального облика учёного будущего. Каким он станет? Какие из известных функций научной теории и профессиональных черт научного работника изменятся в ближайшей или отдалённой перспективе? Если мы сможем найти на эти вопросы достаточно обоснованные ответы, то тогда сможем и более определённо предсказать, каким будет в перспективе и мир науки.

Мне представляется, что учёный будущего должен быть максимально свободен от научного догматизма. Он должен лучше, чем мы, осознавать ограниченные возможности научного знания и не абсолютизировать науку в качестве единственной надежды человечества на разрешение его жизненных проблем. Учёный будущего должен лучше, чем мы, понимать, что возможности науки не только вселяют в людей оптимизм, но, увы, несут и разочарования. С большой степенью достоверности можно предположить, что научный труд не станет легче, чем сегодня, даже если с инструментальной стороны он будет более комфортным. Научный труд как был, так и останется повседневным, напряжённым и многосложным, требующим от учёного полной мобилизации его интеллектуальных, нравственных сил.

Когда мы начинаем говорить о науке будущего, например, о «науке XXI века» и тем более о «науке третьего тысячелетия», то мы должны, непременно, отдавать себе отчёт в метафоричности, переносном смысле таких словесных конструкций. Ведь говоря так, мы явно или неявно проводим аналогии, сравнения с «наукой прошлого», «наукой XX века» и более ранних времён. Однако история фундаментальной науки не позволяет, опять же вопреки расхожему мнению, утверждать, что прогностическая функция науки относится к числу её самых сильных сторон.

Поэтому, рассуждая о «науке третьего тысячелетия», полезно задаться вопросом, какой очередной запрет она снимет? Ответом на него и станет картина науки будущего. Просто невозможное сегодня может оказаться достижимым завтра. Размышляя о науке будущего, нельзя не обратить внимания на увеличивающуюся с течением времени неравномерность в её развитии. С одной стороны, наука действительно вышла на рубежи, близкие к фантастике. Пример – разрабатываемый проект квантового компьютера. Или технология амниоцентоза, которая позволяет с точностью до 99% определять неблагоприятный исход родов у женщин и, соответственно, принимать заблаговременно нужные меры.

С другой стороны, наука сильно отстаёт, за ней тянется огромный шлейф непознанного и неизученного из того, что давно существует рядом с нами. Так, по оценкам ихтиологов, общее число видов современных рыб приближается к 40000, из которых пока описано лишь 20000. По мнению энтомологов, описанные до сих пор виды насекомых (около 750000) составляют лишь небольшую долю, возможно, одну десятую всех видов насекомых, действительно обитающих на Земле в настоящее время. Как отмечается в одном из докладов Римского

клуба, «промышленная революция, начавшаяся в Англии около 200 лет назад, до сих пор не завершена в некоторых регионах мира».

Я думаю, что подобные диспропорции в развитии науки определяются главным образом тем, что наука всё больше и больше становится похожей не на искательницу истины, а на коммерческое предприятие, где правит закон наживы. Конечно, зачем частному сектору инвестировать в проблему исследования каких-нибудь «длинных волн» или «циклов», если их периоды измеряются сотнями, тысячами, а то и миллионами лет?

Это также одно из весомых обстоятельств, которое заставляет меня относиться к формулировкам типа «наука нового века», «наука нового тысячелетия» не более как к метафорам. Мне представляется, что судьба науки будущего, по крайней мере, реально обозримого будущего, определится отношением к ней государства, власти. Я не исповедую довольно распространённого мнения о том, что во власти должны быть исключительно учёные мужи. Но на многих примерах, в том числе на примерах из истории России, могу сказать, что наша страна всегда несла большой ущерб тогда, когда в её высшем руководстве были люди «уж слишком далекие от фундаментальной науки».

Поэтому, следуя великому И. Ньютону, «не следует измышлять гипотез», ибо гораздо эффективнее стремиться заглянуть за горизонт реально достижимого.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2005. № 3)

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Конкретные виды безопасности (экономическая, политическая, военная и др.) объединены в генерализующую категорию «национальная безопасность». Однако есть понятие ещё более высокого порядка – «цивилизационная безопасность».

Цивилизации, как правило, выходят за границы одного государства и одной нации, они охватывают более широкий пространственный и этнический ареал. Хотя существуют цивилизации, в том числе в современном мире, замкнутые в рамках одной страны. К примеру, китайская, или японская цивилизации.

Историю человечества можно представить как историю цивилизаций – мировых и локальных, существующих параллельно или сменяющих друг друга во времени и пространстве, безвозвратно исчезнувших в результате межцивилизационных схваток или трансформировавшихся в более развитые цивилизации.

Сущность и характерные черты цивилизаций

Понятие «цивилизация» появилось сравнительно недавно, во второй половине 18 в. Приоритет в употреблении этого термина принадлежит французским и английским просветителям. В России слово «цивилизация» получило распространение в 60-х годах 19 века.

В позапрошлом и прошлом веках наибольшую известность имели два направления (школы) теории цивилизации – материалистическое и культурно-историческое. При *материалистическом подходе* к изучению цивилизаций акцент делается на исследовании экономики, материального производства, способов хозяйствования и порождённых ими отношений. Роль духовного фактора не игнорируется, но он подчёркнуто связывается с типом технологии или социальных отношений. Наиболее известными представителями такого понимания цивилизации являются К. Маркс, М. Вебер, Ф. Бродель.

Другая школа цивилизационной теории получила название *культурно-исторической*. Её сторонники решающее значение при изучении цивилизации отводят духовным факторам. Культурно-историческое направление представлено именами таких широко известных учёных, как А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин, С. Хантингтон и др. Одним из основоположников данного направления является Н.Я. Данилевский, автор теории «культурно-исторических типов». Представители этой школы считают, что каждая цивилизация основана на исходной нематериальной предпосылке, большой идее, сакральной ценности, вокруг которых и формируются сложные духовные системы.

Важным признаком отличия одной цивилизации от другой выступает идентичность, т. е. тождественность, совпадение чего-либо с чем-либо. Идентичность соотносится с такими понятиями, как «самоопределение», «самоотождествление», «самобытность». В основе идентичности, с одной стороны, критерий обособленности той или иной цивилизационной общности, с другой стороны, чувство соотнесённости, сопричастности с тем или иным социумом. Цивилизационная идентичность связана как с внутренней, так и с внешней проблематикой, последняя строится в сопоставлении таких пар, как «мы» и «они», «свои» и «чужие», «Россия» и «не-Россия». Кроме идентификации важное значение имеет самоидентификация, при которой упор делается на то, как то или иное цивилизационное сообщество понимает и оценивает само себя или соотносит с другими.

За многотысячелетнюю историю лишь немногие народы смогли создать великие цивилизации, оставившие заметные следы материальной и духовной культуры. Данилевский, к примеру, выделял десять великих цивилизаций (культурно-исторических типов). Шпенглер называл восемь культур-цивилизаций. Тойнби в своей эпохальной работе «Постижение истории» обозначил на культурологической карте мира 37 цивилизаций. Особое внимание он уделил 5 крупнейшим новым цивилизациям (западное общество, объединённое западным христианством, православно-христианское общество, исламское общество, индуистское общество, дальневосточное общество). Среди критериев цивилизационной идентичности Тойнби особое значение отводит религии.

Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций», заимствуя у Тойнби критерии цивилизационной идентичности, тоже акцентирует внимание на особой роли религии. Однако в современном мире он находит не 5, а 8 крупнейших цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латино-американскую и африканскую. Хантингтон убеждён, что в нынешнюю эпоху главное место занимают не государства и их союзы, а цивилизационные идентичности. Поэтому современные конфликты происходят и будут происходить с ещё большим ожесточением именно между цивилизациями.

Современные отечественные исследователи Б.И. Кузык и Ю.В. Яковец в своей обширной работе «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» выделяют глобальные, мировые и локальные цивилизации. Размышляя о формировании современного, более дифференцированного поколения локальных цивилизаций, ключевую роль в их структуре и динамике авторы также отводят духовной сфере.

На наш взгляд, *цивилизация – это наиболее универсальная социокультурная и метаэтническая общность, существующая в определённое историческое время и на определённом пространстве. В основе цивилизации – культура и религия, язык и ментальные признаки, обычаи и нравы, господствующие способы производства и общественного устройства.*

Классификация цивилизаций может быть разной. Применительно к нашей теме современные цивилизации целесообразно подразделять на две крупные группы: западные и восточные. Восток и Запад представляют собой два типа духовности, две ценностно-мировоззренческие матрицы, две системы культурных координат. Запад развивает индустриальный принцип освоения мира, Восток – нравственно-религиозный. Запад выступает инициатором инновационных технологий, Восток – духовных инициатив (ни одна из мировых религий не родилась на Западе, все они пришли с Востока). На Западе господствуют индивидуализм и культ потребления. Для Востока характерны коллективистские начала и патернализм.

В течение веков цивилизационные «преимущества» были у восточных цивилизаций (китайской, индуистской, арабской). Затем, начиная с эпохи Ренессанса и Великих географических открытий, начинается бурное развитие западноевропейской цивилизации, которая постепенно подчинила своему влиянию восточные цивилизации. Особенность сегодняшнего мира – в его полицивилизованности, в том, что мусульманская и восточноазиатские цивилизации (более 4 млрд человек из 6,5 млрд населения мира) переживают возрождение и бросают по многим позициям вызов евроатлантической (западной) цивилизации. У

представителей не западных цивилизаций исчезает чувство неполноценности и прежней подчинённости, они всё увереннее заявляют о себе.

В условиях глобализации стали много говорить о необходимости расширения и углубления диалога цивилизаций. Но одновременно фактом являются растущие межцивилизационные противоречия, протест других цивилизаций против навязывания Западом остальному миру своей системы ценностей. Отражая эти реальности, цивилизационная парадигма политологического анализа выходит ныне на лидирующие позиции.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ И ЕЁ НЕЗАВЕРШЁННОСТЬ

На протяжении длительного времени в России складывался неповторимый тип духовно-нравственной, религиозной, политической и культурной жизни, исторического пути, менталитета и бытового обустройства народа. Эти особенности явились основанием для отечественных и зарубежных исследователей выделять Россию и её народ в самостоятельную цивилизацию. В зависимости от того, какой признак был положен в основу (религиозный, национальный, политический), она называлась «православной», «русской», «российской», «советской». Но в любом случае признавался особый цивилизационный код, характеризующий самобытную идентичность России.

Российская (русская) цивилизация формировалась более тысячи лет, её развитие продолжается и сейчас. Находясь на стыке между цивилизациями Запада и Востока, она по-разному взаимодействовала с ними, впитывала ценности других культур, но при всех перипетиях истории оставалась самобытным образованием. Даже покорение Древней Руси татаро-монголами не вызвало разрушения восточнославянской (православной) цивилизации, но впоследствии способствовало образованию славяно-тюркско-угрофинского этносоциального синтеза, являющегося ядром современной российской цивилизации.

У российской цивилизации есть константы, которые формировались веками и составили, в конечном счёте, её облик, отличный от других. К доминантным факторам российской (русской) цивилизации можно отнести:

- географический и геополитический – самая большая страна, расположенная на двух огромных континентах, уникальное соединение геопространств и гецивилизаций;
- духовно-исторический – особое внутреннее состояние народа, объединённого русским языком, непростой историей, такими базовыми элементами, как коллективизм, приоритет духовного, обострённое чувство справедливости;
- религиозный – многоконфессиональное население с подавляющим большинством православных;
- политический – абсолютистская (тоталитарная) или авторитарная форма правления при неразвитости демократии и гражданского общества;
- ментальный – противоречивость и крайняя поляризованность русского национального характера¹, сочетание тенденций саморазрушения и самовосстановления;

¹ Выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев, рассуждая о русском национальном характере, писал, что он «есть совмещение противоположностей. Им можно очаровываться и разочаровываться, от него всегда можно ожидать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство у народов Запада». См.: *Бердяев Н.А. Самопознание*. М.: 2001. С. 13.

• этатический – при котором важнейшим основанием самоидентичности выступает государство в его великодержавном обликии.

Перечисленные цивилизационные характеристики в разное время проявляли себя по-разному: одни сильнее, другие менее явственно. Но, так или иначе, они всегда были в ткани российского цивилизационного самосознания.

Вместе с тем Россия обладает и такими особенностями, которые позволяют говорить о её незавершённой цивилизационной идентичности¹. Такое состояние идентичности обусловлено рядом причин. Это – промежуточное положение России между Европой и Азией, цивилизациями Запада и Востока. Цивилизационно-ментально нас считают чужими Запад и Восток, Азия и Европа (отсюда обидное Азиопа) и данное обстоятельство будет, по-видимому, ещё долго влиять на восприятие России в мире. Это, далее, многовековые метания между западной (европейской) парадигмой развития и движением по самобытному пути. И это, конечно, частая смена, особенно в XX в., общественно-политических формаций: от царизма – к советизму, от социализма – к капитализму. Такие резкие перемены не могут не сказаться на ценностно-мировоззренческих, политических и духовно-культурных установках народа.

Проблема формирования российской цивилизационной идентичности особую остроту обрела после краха советской системы. Теперь уже можно говорить не просто о незавершённой, но хуже того – о *неопределённой российской идентичности*. К сожалению, эта неопределённость усиливается.

Назовём факторы, грозящие цивилизационной безопасности России и утратой ею своей идентичности. Во-первых, разрушены основы прежней государственной (геополитической), социально-экономической, идеологической идентичности. Обрушение старого строя не было заменено концептуально сформулированными целями будущего. Россия (Советский Союз), которая была основателем новой общественной системы, лидером большого геополитического блока и одной из двух сверхдержав, в 90-е годы вновь, как и в начале XX в., стала страной периферийного капитализма. Россияне не знают ответы на вопросы: «Куда идём и что строим?», «Что такое сегодняшняя Россия и каковы её идеалы?», «Можем ли мы жить без кризисов и потрясений?», «Есть ли будущее у российской цивилизации?».

Во-вторых, «капитализация» страны, осуществляемая варварскими и антигуманными способами, нанесла серьёзный удар по российскому геному и пассионарности народа, которые ослаблены в результате крупнейших катаклизмов XX в. – четырёх революций (включая 1991 г.), двух мировых и многих локальных войн, сталинских репрессий, геополитической катастрофы и антинародной приватизации 90-х годов. Россия не только утратила свой модернизационный порыв и свою инаковость, но также, в определённой степени, цивилизационную идентичность. Единый (по Л. Гумилёву) суперэтнос (русские, белорусы, украинцы) раскололся на три части, каждая из которых начинает перестраивать свою идентичность.

¹ Заметим, что ни одна страна, нация, цивилизация не может претендовать на полностью завершённую идентичность. Речь может идти лишь о степени завершённости этой идентичности. Она, идентичность, никогда не будет завершённой. Предположить иное – значит признать конец развития.

Великие цивилизации оставляют зримые следы материальной и духовной культуры. Россия дооктябрьская оставила великую культуру, ее «золотой» и «серебряный» век, громкие военные победы, огромное геополитическое пространство, территорию страны, которая за 400 лет, начиная с Ивана Грозного, выросла в 36 раз. Советская Россия оставила после себя громадные заводы, фабрики, электростанции, победу в Великой Отечественной войне, первый полёт человека в космос, великолепные кино, литературу, музыку, внушительные спортивные победы и т. д. А каковы достижения постсоветского этапа российской цивилизации?

Отсутствие зримых результатов приводит к тому, что всё большая часть людей, в том числе молодых, ностальгирует по прошлым временам или обращает свои взоры на другие «миры». Но цивилизационное развитие не может базироваться только на прошлом или на зависти к другим, оно будет в опасности, если не подкрепляется весомыми делами настоящего и уверенностью в будущем.

В связи с неопределённой идентичностью РФ зарубежный мир также не очень представляет, что такое сегодняшняя Россия и как её воспринимать: как новое государство, возникшее в начале 90-х прошлого века? Как наследника СССР, утратившего четверть территории и половину населения? Как продолжателя «дооктябрьской» России? Отсутствие ответов на эти вопросы приводит к тому, что Российскую Федерацию воспринимают то как «переходную страну», то как ослабевшую державу с сохранившимися имперскими инстинктами, то как государство, продолжающее путь саморазрушения.

В-третьих, цивилизационная идентичность России зависит не только от внутренних, но во всё в большей степени – от внешних факторов. Идентичность России находится на перепутье также в связи с кардинальными переменами, которые происходят в глобализирующемся мире. Мировой финансово-экономический кризис объективно высветил факт взаимозависимости стран и народов. Но он также выявил одну очень пугающую тенденцию, а именно: кризисы и проблемы глобального развития становятся всё более длительными и опасными, обретают генерализирующий, системный характер.

Положение России в межцивилизационном соперничестве пока не устойчиво, хотя заявки на лидирующие позиции в мире руководством страны (В.В. Путиным, Д.А. Медведевым) сделаны. Становится всё более очевидным, что Россия не может влиться ни в одно из «западных», «восточных» или «южных» цивилизационных направлений: это не позволяет ни российская идентичность, ни её собственные амбиции. Несмотря на переживаемые трудности, Россия, тем не менее, в состоянии обозначить, а впоследствии и реализовать собственную концепцию развития, имеющую глобальный характер и идущую в русле её идентичности.

Угрозы цивилизационной безопасности России

Если брать каждую из составляющих цивилизационной безопасности и все их в совокупности, то можно убедиться, что современная Россия находится в достаточно сложном положении, она стоит перед разными вызовами и угрозами.

Демографический вызов – самый серьёзный вызов, брошенный сегодня российской цивилизации. Без народа, понятно, нет цивилизации. К сожалению, численность россиян за последние 20 лет неуклонно сокращается. Ежегодно население уменьшается на 700 тыс. человек, число смертей в полтора раза превышает число рождений. Средняя продолжительность жизни россиян почти на 17 лет меньше, чем в Японии, на 15 – чем в Великобритании, на 14 – чем в США,

Франции, Германии. Между тем 40 лет назад это отставание составляло всего 2–3 года. Согласно экспертам ООН, численность населения России сократится к 2050 г. до 112 млн человек. Некоторые специалисты делают совсем мрачные прогнозы и предполагают уменьшение численности населения к 2060 г. до 64 млн человек и распад государства на части до 2080 г., когда население сократится до 30 млн человек¹. Между тем, выдающийся русский учёный Д.И. Менделеев, оценивая прирост населения России, предполагал, что к рубежу XX–XXI веков в Российской империи будет 500–560 млн жителей. В силу трагических для страны событий минувшего века этого не произошло, генофонд российской цивилизации продолжает ухудшаться.

Снижается качество человеческого капитала. По индексу человеческого развития, разработанного ООН (ПРООН), Россия занимает место в седьмом десятке стран. Согласно данным МВД в РФ более 700 тыс. детей-сирот и 2 млн неграмотных подростков, такого масштаба беспризорности нет даже во многих развивающихся странах. А ведь у страны был значительный опыт решения проблемы детской беспризорности и в 20-е годы, и после Великой отечественной войны. Практически рухнула существовавшая ранее система охраны детей и семьи, разрушаются традиционные для России семейные ценности.

Демографический коллапс опасен во всех отношениях: экономическом, оборонном, цивилизационном. Методы, применяемые властями для решения проблемы, недостаточны. Необходимо как качественное улучшение жизни людей в целом, так и специальные меры. К примеру, ряд авторов предлагает разработать поощрительное налоговое законодательство, используя при этом опыт стран, которые ввели прогрессивно возрастающие пособия для семей, где есть два и более ребёнка. Такой подход принёс хорошие результаты, в частности, во Франции.

Социально-экономический вызов. В условиях обостряющейся глобальной конкуренции между государствами и цивилизациями вопросы экономической и технологической состоятельности, уровня и качества жизни граждан приобрели первостепенное значение. Российская Федерация в этом отношении всё более отстаёт не только от стран западной, но и восточных цивилизаций.

В 2008 г. ВВП РФ достиг лишь 77% ВВП РСФСР и 47% ВВП СССР в 1989 г., а на душу населения, соответственно, 94,4% и 80%. Значительно снизилась доля России в мировом ВВП: по сравнению с 1990 г. – на 44,8%². В рейтинге конкурентоспособности Россия находится в группе аутсайдеров. По сути, она может торговать лишь нефтью, газом, металлом и оружием – эта продукция составляет три четверти её экспорта. Исключительно низка доля российской наукоемкой продукции в мировом экспорте – всего лишь 0,2%, в то время как ещё в 1990 г. она составляла 6%. Страна тратит на НИОКР в четыре раза меньше Японии, втрое меньше Германии и вдвое меньше даже Чехии³. Инновационный путь развития экономики пока лишь декларируется, по индексу инновационной

¹ См.: Антонов А.И. Демографическое «затмение» России // Безопасность Евразии в XXI веке. М.: 2006. С. 310.

² См.: Кортунов С.В. Россия на пути к мировому лидерству // Безопасность Евразии. 2008. № 4. С. 17.

³ См.: Калашный ряд // Российская газета, 2009, 10 апреля.

способности РФ отстаёт от Индии и Китая. Экономика задавлена бюрократией и коррупцией. Происходит прямое обесценение физического труда, особенно в секторе реальной экономики.

Мировой кризис, больно бьющий по России, высветил серьёзные проблемы в финансово-экономической составляющей российской цивилизации: несостоятельность сырьевой экономики, непрозрачность и спекулятивный характер банковской системы, уязвимость российской модели капитализма. Влиятельные силы страны до сих пор исповедуют парадигму «догоняющего» развития, что всё больше ставит под вопрос экономическую, политическую и цивилизационную субъектность России. С определёнными оговорками можно согласиться с мнением о том, что «чисто западническая линия для России полностью исчерпана»¹.

Трудно говорить о цивилизационной привлекательности страны, где десятки миллионов людей бедствуют, где доля социальных расходов на душу населения во много раз меньше, чем в США или Европе, где постоянно растёт разрыв между бедными и богатыми. Децильный коэффициент (разница в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных) в 2008 г. только по официальным данным составил 16 раз, а по неофициальным – в 35 раз². Ситуацию обостряет кризис и вызванные им рост безработицы, снижение зарплаток и доходов, очередное наступление преступности, недовольство властями, которые, по мнению многих, заботятся, прежде всего, о банкирах и крупных предпринимателях. Отсюда рост социальной напряжённости, «полевание» масс, возрождение интереса к экономической теории К. Маркса, усиление ностальгии по советским временам.

Ряд политиков и учёных всё настойчивее говорит о необходимости основательной корректировки вектора дальнейшего движения страны, имея в виду не только экономический, но и социально-политический курс. Без модернизации всех сфер жизни России невозможно её цивилизационное обновление.

Внутри- и внешнеполитические вызовы. В основе цивилизационной идентичности России всегда находилось государство, которое, понятно, не может обходиться без власти. Когда три составляющих – народ – государство – власть находились хотя бы в относительном согласии, тогда Россия консолидировалась, а её победы и достижения впечатляли мир. Так было во времена двух Отечественных войн в XIX и XX столетиях, в 30–60-е годы прошлого века. И, напротив, ослабление государства и власти приводили к катастрофе, как это случилось в начале XVII в., в 1917 и 1991 гг. В 90-е годы «парад суверенитетов», безмерное властолюбие «хозяина», предательство правящей элиты при безмолвии народа поставили Россию и её цивилизацию на грань исчезновения.

Историческая миссия В.В. Путина, при всех недостатках его правления, была выполнена: он отвратил самое страшное – безвозвратную потерю российского государства.

Кроме того, одним из главных достижений этого периода было обеспечение плавной передачи власти и преемственности политического курса. Впервые в истории России XX-го и нынешнего века это произошло без потрясений, равно

¹ *Иванова Е.В.* Анализ кризиса политической культуры // Международная безопасность России в условиях глобализации / Под ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: 2007. С. 382.

² В скандинавских странах «победившего социализма» – Дании, Финляндии, Швеции – этот коэффициент составляет 3–4 раза, в Германии, Австрии, Франции он равен 5–7, и такое соотношение между бедными и богатыми экономисты считают оптимальным.

как не случилось отрицания предыдущего правления: «деЦаритизации», «деСоветизации», «деСталинизации», «деХрущевизации» – и далее по списку.

Ныне, когда под воздействием кризиса положение РФ осложнилось, вновь поднимают голову те, кому на руку ослабление государства. Они, которые сегодня голосят о «вопиющих нарушениях Конституции», почему-то молчали, когда в октябре 1993 г. в Москве танки прямой наводкой расстреливали законный и демократически выбранный парламент, оправдывая это «политической целесообразностью». Они упорно твердят, что Россия превращается в авторитарное государство, умышленно игнорируя нашу историю и сложный переходный период нынешних дней. Они выступают за «минимум государства» в экономике и в то же время с протянутой рукой бегут в отвергаемое ими государство.

Для обеспечения цивилизационной безопасности требуется всемерно укреплять основные институты государства, повышать доверие к власти. Сейчас наблюдается кризис этого доверия, многочисленные социологические замеры среди населения показывают низкие рейтинги власти всех ветвей и уровней, за исключением сравнительно высокой степени доверия к двум первым лицам государства.

Особую неприязнь большинства людей вызывает элита (руководители крупного бизнеса и высшая бюрократия), которая на самом деле, если исходить из подлинного значения этого слова (франц. *Elite* – лучшее, отборное), элитой, то есть лучшей частью общества, не является. О неправедных капиталах, алчности и безудержном потребительстве, аморализме и компрадорском характере российской бизнес-верхушки сказано немало. Проблема формирования национально-ориентированной, социально ответственной элиты остаётся одной из сложнейших проблем. Пути её решения некоторые видят в том, чтобы верховная власть заключила некий новый договор с элитами. При этом путинское сдерживание олигархата уже кажется недостаточным, ставится вопрос о своеобразной хартии вольности для элит. Подобное требование, будь оно удовлетворено, вызовет взрыв негодования у социального большинства. В данной связи заслуживает внимания позиция тех, кто считает, что нужен не манифест о вольности, а пакт о закреплении элит, для них должны быть актуальны не свободы, а обязанности¹.

В последнее десятилетие средоточием государственности как таковой стал институт президентства. Важно поддерживать его, не забывая о необходимости либерализации и защите прав и свобод граждан даже в условиях мобилизационной модели развития. В обозримом будущем Россия вряд ли может вновь стать сверхдержавой глобального значения. Но великим государством она должна оставаться в силу своих геополитических и геостратегических особенностей. Напомним, что ещё в начале своего президентства В.В. Путин заявил: либо Россия вновь станет великой державой, либо её не будет вовсе. Представляется, что великодержавность – категорический императив российской цивилизации и политического курса любого президента России.

Внутренние факторы цивилизационной безопасности России неотделимы от факторов внешнеполитических. Положение РФ в международной системе координат сегодня весьма неоднозначно. Реальные и потенциальные угрозы ис-

¹ См.: Ремизов М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия, 2009, 6 апреля.

ходят с Запада и с Востока, с Юга и Севера. Запад не прислушивается к опасениям российской стороны в отношении шагов, прямо угрожающих национальной безопасности России. Юг страны рассматривается нашими оппонентами как «мягкое подбрюшье» России, особенно уязвимое в связи с сепаратизмом на Северном Кавказе. На Востоке набирающий силу Китай, население которого почти в 10 раз превышает число жителей РФ, в обозримом будущем тоже может представлять опасность для нашей страны в виде если не прямой, то «ползучей» экспансии. На Севере РФ вынуждена усиливать охрану своих границ, принимая в расчёт обостряющееся соперничество как минимум пяти государств в Арктике, которая приобретает всё большую роль в глобальной экономике и политике.

В контексте цивилизационной безопасности России следует рассматривать и те крупные перемены, которые происходят сейчас в мире. Так, становящаяся многополярность будет способствовать образованию новых центров силы, усилит процессы регионализации, обострит конкуренцию между центрообразующими государствами и цивилизационными альянсами. В данной связи возникает ряд вопросов и главный из них: сможет ли Россия в её нынешнем состоянии быть мощным центром силы? Не грозит ли ей оказаться в положении между молотом и наковальней, зажатой между конкурирующими западной и восточной цивилизациями?

Одним из обстоятельств, характеризующих сегодня международную обстановку, выступает кризис мировой управляемости. Организации, призванные регулировать мировые процессы, были рождены в иных геополитических условиях и мало приспособлены к решению новых задач. Механизмы обеспечения международной и европейской безопасности, созданные в годы «холодной войны» усилиями СССР, США и стран Европы или устарели, или прекращают своё существование. Новая же система международной безопасности и стратегической стабильности не создана. Растёт конфликтный потенциал, усиливается милитаризация мира, вновь возрастает фактор силы.

Налицо военно-политическое давление на Россию, НАТО вышло к её границам и по существу осуществляет «военное огораживание» РФ. Вооружённый конфликт Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. выявил не только сильные, но и слабые стороны российской армии. Прошли те времена, когда, по выражению выдающегося русского историка В.О. Ключевского, «...соседи нас не обижали и наши солдаты побеждали всех и прославились. Это простейшее общее впечатление Безбородко, самый видный дипломат..., выражал в изысканной форме, говоря в конце своей карьеры молодым дипломатам: "Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела"»¹.

Нынешняя российская армия отстаёт по ряду позиций, в том числе в техническом отношении. По мнению экспертов, удельный вес современного оружия у неё составляет всего 5–10%. В то же время целевая установка и параметры реформы Вооружённых Сил России, судя по открытым источникам, вызывают немало вопросов у специалистов.

Словом, для предотвращения цивилизационного упадка России требуется система мер, направленных на укрепление государственности и власти, повышение обороноспособности страны, защиту национальных интересов Российской Федерации в международных делах.

¹ Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми томах. М.: 1985. Т. 5. С. 64.

Духовно-нравственные вызовы российской цивилизации сегодня велики как никогда. Духовная сфера во всём её многообразии (язык, культура, образование, наука, идеология и т. д.) ныне самая запущенная и незащищённая. Деформируются моральные основы русского бытия, деньги становятся мерой всех вещей. Оскудела из-за недофинансирования и «утечки мозгов» некогда великая наука. Дegradiрует система образования. Отсутствие цензуры не привело к возвышению литературы и искусства, страна становится культурной провинцией.

Деидеологизацию российского общества либеральные реформаторы считали одной из главнейших задач. Чего в этом было больше – умысла или непонимания? Ведь очевидно, что идеология имеет большое значение в жизни любых человеческих сообществ, будь то общественно-политическая система, государство, партия и т. д. Без духовно-идеологического стержня невозможно представить себе и цивилизацию.

Из трёх основных компонентов общества *экономика* объединяет людей материальными и производственными узами, *политика* скрепляет социум посредством власти и управления, *идеология* формирует вектор развития общественного сознания, определяет цели и программы социальной деятельности.

Роль идеологии особенно велика в переломные периоды жизни общества. Один из известных американских исследователей постиндустриализма Лестор К. Туроу пишет: «Нации объединяют либо внешняя угроза, либо мощная внутренняя идеология, какой и был коммунизм. Сегодня правители России и других (постсоветских) государств не имеют в своем распоряжении ни силы, ни идеологии (писалось в 90-е годы XX в. – В.Б.). Без внешнего врага, без господствующей идеологии, которую надлежит пропагандировать или защищать, национальные государства, как учит история, скатываются к конфронтации с соседями... Если нет ни сильной внутренней идеологии, ни непосредственной внешней угрозы, нация распадается на противоборствующие этнические, расовые или классовые группы»¹.

Конституция РФ обозначила, что в стране «признаётся идеологическое многообразие» и что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13). В то же время всё явственнее становится абсурдность всеобщей деидеологизации. Неумение или нежелание сформулировать общенациональную идеологию и следовать ей – один из крупных недочётов российской власти. У людей ослабевают духовные скрепы, чувство цивилизационной сплочённости, что чрезвычайно актуализирует проблему воссоздания целостности общероссийского «Мы».

* * *

Одним из важнейших оснований этой целостности является формирование единой нации, единого российского народа. Можно согласиться с М. Делягиным, который считает, что пора переходить к характеристике россий-

¹ Туроу К. Лестор. Будущее капитализма // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: 1999. С. 214–217.

ского общества как единого суперэтнуса¹. Есть полные основания для признания того, что живущие в России люди разных национальностей и конфессий образуют единый народ, обладающий если и не полностью едиными, то во всяком случае, близкими характеристиками, сформировавшимися в ходе истории в рамках единого государства.

Российскую цивилизацию невозможно представить без православия, которое выступает одним из оснований самоидентификации русского человека. Русская православная церковь всегда была одним из государствообразующих институтов России, она играла значительную, хотя и неоднозначную роль в жизни российского общества. Избрание нового Патриарха Московского и всея Руси Кирилла оживило и сделало более разнообразной, более современной деятельность РПЦ, усилила её влияние на различные сферы жизни, особенно в борьбе с аморализмом или «моральной эклектикой», которые ныне присущи и европейской и российской цивилизации.

Но при всём уважении к православному мировоззрению, стране нужна светская идеология, способствующая возрождению государства и сплочению общества. Разработка единой цели, общероссийской объединительной идеологии, формирование «философии общего дела» – самая актуальная проблема в деле обеспечения цивилизационной безопасности России.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

¹ См.: *Десягин М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: 2004. С. 751.

М.Ю. Байдаков

ЗАПАД – ВОСТОК: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Сегодня становится очевидным, что постановка глобальных проблем экономического развития требует разработки нового языка, отражающего реалии современной динамики не только национальной экономики, но и мировой. Речь идёт о переходе от постановки проблем к их решению. Во многом это предопределяет основание конкурентоспособности – формирование и реализация классных инновационных проектов.

Для концентрации усилий и ресурсов на выработке нового языка коммуникаций между деловыми кругами геоэкономического пространства и для совместного поиска новых подходов к глобальным проблемам необходим выход на постоянно действующую мировую интеллектуальную площадку – Экономический Форум «Запад – Восток: интеграция и развитие». В чём её «смысл», «алфавит», «словарь» и «грамматика»?

НА ПУТИ К НОВОМУ ЯЗЫКУ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Как известно, любое управление в любой сфере деятельности включает два базовых процесса: первый – подготовка решений, и второй – принятие решений. Очевидно, что характер принятых решений, их качество во многом определяется тем языком, на котором готовится решение. Язык, который мы используем, формируется в среде стратегов и разработчиков, в среде учёных и экспертов. В последнее время всё чаще можно слышать такие слова как геоэкономика, геокультура, геофинансы и т. д. Появление этих слов отражает общую тенденцию поиска и формирования нового понятийного аппарата для описания всё возрастающей сложности и динамики мировой экономики. Особый интерес представляют эти попытки в сфере геоэкономики.

Как часто бывает в исследовательской практике, геоэкономика как новая область знаний начала развиваться одновременно в нескольких странах – в США, Италии, России и характеризуется рядом различий в своём «словаре» и «грамматике».

В конце 80-х прошлого века основатель американской школы геоэкономики Эдвард Люттвак выступил с идеей трансформировать геополитическое доминирование США в геоэкономическое. Суть предложения состояла в том, что необходимо разрабатывать новые технологии доминирования, которые формируют статус лидера в продвижении на любые участки земного шара на основе глобальных экономических операций без использования военной силы.

Другой акцент ставит итальянская школа геоэкономики, основателем которой является Карло Жан. Итальянцы в числе первых осознали опасность геоэкономического экспансионизма, перестройку экономических границ, неспособность государственных институтов противостоять наднациональным структурам и подняли вопрос о защите государственности.

Более широкий спектр направлений представлен в российской школе геоэкономики. Здесь я упомяну то направление, которое разработал его основоположник д. э. н. Эрнест Кочетов. Кратко обозначая это направление, можно сказать, что оно *концентрирует свои исследования на путях поиска такой модели цивилизационного развития, которая позволила бы получать выгоды всем участникам мирового процесса в отличие от геополитики, где победа одного означает поражение другого.*

НОВЫЙ АЛФАВИТ

Способ введения геоэкономического языка иллюстрирует фундаментальную проблему в звене подготовки решений. Это новое разделение труда. Предпринимаются попытки синтеза различных уже сложившихся дисциплин с целью выработки более адекватного научного видения современного мирового процесса. Возникшие после «геополитики» новые сочетания «гео» с экономикой, культурой, финансами красноречиво иллюстрируют эти попытки. Образно говоря, словарь нового языка формируется на основе прежнего алфавита, буквами которого являются исторически сложившиеся научные дисциплины.

Я бы хотел предложить пойти дальше, выйти за пределы традиционных сложившихся дисциплин на так называемый метаязык с совершенно новым алфавитом. В этой связи уместно обратить внимание на исходные предпосылки для нового алфавита.

Прежнее разделение труда (прежний алфавит) в науках достаточно эффективно работает, пока речь идёт об изучении и производстве отдельных вещей. Однако оно недостаточно при обращении проблем конкретной жизни с высокой динамикой и сложностью современных процессов. Необходимо новое разделение труда, в котором лицо, готовящее решение, собирает информацию для объяснения конкретной ситуации независимо от того, относится ли она к одной или к нескольким уже существующим специальным наукам, при этом он прослеживает все ряды взаимосвязей, которые могут быть обнаружены в конкретной ситуации или в ряду событий.

Новое разделение труда будет примыкать к комплексам проблем, которые постоянно будут носить характер конкретного ситуационного или структурного анализа. Кратко говоря, на смену предметно-ориентированному приходит проблемно-ориентированное разделение труда. Оно позволяет резко усилить звено подготовки решений в общем механизме выработки и принятия, особенно в отношении глобальных проблем.

СЛОВАРЬ ПРОЕКТОВ

Словарь для алфавита, состоящего из проблем, складывается из проектов. Именно проекты становятся точками сборки знаний для решения тех или иных конкретных проблем.

+Я имею в виду взгляд на проект как на целенаправленное изменение исходного состояния любой системы (например, региона, отрасли, предприятия, товара), связанное с затратой времени и средств. Сегодня в успешно работающих компаниях практически каждый законченный комплекс действий, требующийся для привлечения ресурсов различного рода, включая финансовые, временные (затраты времени), новые технологии и (или) квалифицированные кадры, осуществляется в виде проекта. По существу вся деятельность современной компании – это сеть множества проектов, непрерывно планируемых, финансируемых, оцениваемых и обновляемых.

Такое понимание проекта позволяет трактовать все изменения в экономике и управлении как совокупность инвестиционных проектов, а управление ими как управление инвестициями.

Если для проектов отдельных продуктов, предприятий было достаточно соединить товарно-вещественную основу, трудовые ресурсы и кредитно-финансовые возможности, то для проектов регионального масштаба главным фактором становится резко выраженная интеллектуализация, придающая совершенно новую окраску всем остальным компонентам. Формирование такого товара начинается с заказа на идею и последующей «пристыковке» необходимой материально-вещественной базы и всех традиционных атрибутов: отдельных объектов, трудовых ресурсов, кредитно-финансовых возможностей. Фактически это социальная технология, социальная инженерия.

Типу проектов регионального масштаба (товарам-программам) соответствуют и новые типы экономических субъектов, потребляющих такой тип товара. Если в традиционно понимаемой экономике доминируют проекты, связанные с единичными товарами, их группами, проектами предприятий и комплексов, то в современной глобальной экономике резко возрастает значение таких проектов, субъектом потребления которых становятся регионы как целое. В этом случае совершенно новую трактовку приобретает само понятие «регион». В мировой экономике складывается новый предмет управления, контуры которого выходят далеко за привычные пределы традиционно понимаемых хозяйственных или государственных границ. «Квантом управления» становится развитие региона. Наряду с чисто географическим регион становится понятием экономическим. Иными словами, мы выходим на геоэкономические ареалы мирового роста, которые чётко просматриваются на геоэкономическом атласе мира.

Представление о проектах регионального масштаба позволяет конкретизировать специфику постоянно действующего экономического Форума «Запад – Восток: интеграция и развитие» как интеллектуального центра разработки подходов к глобальным проблемам. Эта «площадка» – «перекрёсток» региональных проектов, которые служат пилотными решениями глобальных проблем.

В его рамках происходит интеграция интеллектуальных ресурсов для совместной разработки подходов к управлению инвестиционными проектами регионального масштаба. Эти ресурсы мы черпаем из интеллектуальных наработок российской школы геоэкономики и глобалистики. И в этом плане плодотворен симбиоз Форума с Общественной Академией наук геоэкономики и глобалистики, с Центром стратегических исследований геоэкономики, Рабочей группой «Развитие транспортной системы и геоэкономические интересы России» Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЯМИ – ЗАКАЗ НА НОВУЮ ГРАММАТИКУ

Очевидно, что без высокой инвестиционной активности не может быть экономического роста. Сегодня в мире возникли огромные диспропорции в сфере инвестиций. С одной стороны – огромные избыточные инвестиционные ресурсы. С другой стороны – огромное количество потенциально выгодных объектов инвестирования, особенно в развивающихся странах, испытывают острый дефицит инвестиций.

Одно из главных препятствий – инструменты управления инвестициями, разработанные более полувека назад.

Ныне господствующие в текущей практике способы оценки эффективности инвестиций на основе дисконтирования, не соответствуют современной ситуации постоянных изменений на развивающихся рынках, а также слабо учитывают неустойчивость мировой финансовой системы.

Экономический форум призван содействовать разработке эффективного инструментария для всех участников инвестиционного процесса.

СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОЙ ИНСТИТУТ КАК ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ГРАММАТИКИ

Рассматривая вопрос о новых подходах к инвестициям, чрезвычайно важно обратить внимание на тот шанс, который был упущен в 1995 году и который, спустя более десяти лет, мы хотим всё-таки использовать. Не все наверняка помнят, что «Интернет» до 1995 года – это название Международной ассоциации управления проектами, созданной в середине 60-х годов прошлого столетия в Европе. После 1995 года эта Ассоциация уступила название «Интернет» ныне всем известной глобальной информационной сети. Фактически два пространства – проектов и цифровое – разминулись и продолжили своё развитие независимо друг от друга.

Настало время сшить эти два пространства, другими словами сформировать так называемый социально-цифровой институт, который становится ключевым для осуществления инвестиций в региональные проекты. Тут уместно привести слова, написанные ещё в 30-е годы прошлого века выдающимся американским учёным Эдвардом Сепиром: «Общество только кажется статичной суммой социальных институтов, в действительности оно изо дня в день возрождается с помощью определенных актов коммуникативного характера, происходящих между членами социума». Такое понимание социальной реальности позволяет по-новому оценить возможности цифровой реальности. Это не зеркальное отражение настоящей реальности с помощью информационных технологий, а способ непрерывного построения новых отношений в ходе коммуникаций с другими людьми. Способ, который принципиально не доступен в рамках традиционной бумажной технологии организации коммуникаций.

До 1995 года управление проектами было связано с производством таких товаров как товар-вещь, товар-группа, наконец, товар-предприятие, и следовало прежде всего алфавиту научных дисциплин.

Однако для проектов регионального масштаба (товара-программы) требуется другое управление проектами, а именно проблемно-ориентированное и распределённое, которое становится возможным на основе интернет-технологий, на основе социально-цифрового института.

Если раньше внимание практически полностью было сосредоточено на отдельных аспектах различных звеньев проекта, то теперь оно смещается на людей, взаимодействующих по логике общей проблемы.

Происходит сращивание социальных систем с информационно-коммуникационными технологиями. Складывается пространство взаимодействия качественно нового типа. Институт социально-цифрового управления становится кузницей нового поколения кадров, которое идёт на смену традиционной бюрократии, приверженной бумажной технологии документооборота.

* * *

Изложенная постановка проблемы управления инвестициями, выработка нового языка для решения этой проблемы, в том числе в сфере глобальной энергетики, приблизит нас также к разработке адекватных предложений по глобальным транспортным коридорам, а также проектов в других сферах. Инвестиции в транспортное машиностроение и в транспортную инфраструктуру в це-

лом – то конкретное направление повышения в целом конкурентоспособности участников совместных глобальных проектов. Но для их реализации **необходим определённый алгоритм действий, иными словами, необходима геоэкономическая стратегия.**

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Задача выхода России на траекторию инновационного развития и занятия лидерских позиций в мире к 2020 году может быть решена только на пути выработки и реализации геоэкономической стратегии развития страны. Теоретическим и методологическим основанием геоэкономической стратегии выступили фундаментальные разработки российской школы геоэкономики и глобалистики, Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики (президент академии – Э.Г. Кочетов).

Геоэкономическая стратегия, это не только стремление к наиболее выгодному использованию любых имеющихся в мире ресурсов вне зависимости от географии и юрисдикции их расположения, это не только реализация национальных задач на территории всего мира, это системное концептуальное проектирование самой стратегии.

Очевидно, что выработка геоэкономической модели национального развития должна осуществляться на федеральном уровне. Политической целью и национальным проектом должно стать формирование мирового геоэкономического пространства экономики России и эффективное оперирование в нём на базе использования геоэкономических и геофинансовых технологий.

Отметим, что, несмотря на понимание необходимости развития экономики России в этом направлении, ни Правительство, ни общество в целом не удовлетворены достигнутыми результатами. Очевидно, что мы сегодня столкнулись с серьёзными проблемами управления финансово-экономической системой страны.

На протяжении многих лет не удаётся осуществить переход к инновационному пути развития экономики, снизить инфляцию, обеспечить возможность эффективного инвестирования в реальный сектор. Предпринимаемые финансово-экономическим блоком Правительства меры не дают желаемого результата, а в условиях мирового финансового кризиса ситуация значительно осложнилась. Налицо, как минимум, неудовлетворительная – чтоб не сказать острее – управляемость финансово-экономической системой России. Не удаётся обуздать инфляцию, не удаётся преодолеть кризис ликвидности, не выстроены приоритеты геоэкономического развития. Рассмотрим некоторые шаги и меры, которые следует предпринять для выработки и реализации геоэкономической стратегии России.

Цели и задачи

Геоэкономическая стратегия, это стремление к наиболее выгодному использованию любых имеющихся в мире ресурсов вне зависимости от географии и юрисдикции их расположения, это реализация национальных задач с использованием как территорий всего мира, так и своей собственной.

Ответ России на геоэкономический вызов должен опираться не на догоняющие стратегии, а на «асимметричный», опережающий, инновационный по своему замыслу и механизму реализации прорыв. У России мало шансов экономической экспансии на уровне простейших типов товаров (за исключением энергоносителей и небольшого числа видов конечных продуктов). Однако есть возможность прорыва на уровне самых сложных типов, одним из которых являются

стратегические инфраструктурные проекты. Особенностью таких проектов является низкое инфляционное давление, вовлечение мировых ресурсов и высокая доля интеллектуального компонента затрат.

Чтобы **перейти к геоэкономической парадигме развития** надо выявить на карте мира зоны, привлекательные для реализации тех или иных конкурентоспособных проектов. По каждой зоне надо ответить на вопросы: что она может дать российской экономике (российским корпорациям, компаниям), каким образом в результате внедрения в перспективный геоэкономический анклав возрастет конкурентоспособность конкретных компаний и российской экономики в целом. В этой связи, наряду с транспортными, к числу важнейших инфраструктурных геоэкономических проектов относятся: добыча энергоносителей за рубежом, производство электроэнергии за рубежом, развитие телекоммуникационных систем за рубежом, создание международной сети российских банков и Евразийского платёжного союза, продвижение российских технологий (в частности, строительство железных дорог по российским технологиям и стандартам в различных регионах мира).

Среди важнейших инфраструктурных проектов являются проекты создания и развития транспортных сетей. Одни из них – трансконтинентальные – основаны на использовании географического положения страны в качестве необходимых всему миру инфраструктур. Правильная организация трансконтинентальных коммуникаций и контроль над их эффективной эксплуатацией позволяет создать систему по извлечению ренты из собственного географического положения. Кроме того, стратегически важные транспортные системы могут и должны создаваться российскими компаниями за пределами России, становясь важнейшими геоэкономическими анклавами региональной и российской экономики.

Стратегические инфраструктурные проекты – как трансконтинентальные, так и региональные – не могут быть надлежащим образом ни определены, ни надёжно подготовлены без всестороннего анализа геостратегических перспектив России в регионах и стратегий самих регионов, без учёта их внутренних особенностей и многоуровневого взаимодействия с местными структурами. Чтобы осуществить подобный подход необходимо включение всех возможностей государственных служб, координация их действий в связи с конкретными стратегическими инфраструктурными проектами. Такая координация возможна только при существовании специализированного государственного органа, к формированию которого следует приступить незамедлительно: промедление в этой сфере уже оборачивается срывом конкретных проектов и нарастающим отставанием в выработке и реализации геоэкономической стратегии развития страны.

Учитывая масштаб, сложность и ответственность разработки и последующей реализации геоэкономической стратегии России, следует считать чрезвычайно своевременным учреждение **Рабочей геоэкономической группы при Государственном Думе** по разработке плана мероприятий по формированию структуры, координирующей разработку геоэкономической стратегии России. В качестве основных целей деятельности созданной структуры следует выделить следующее:

- стратегическое планирование российских геоэкономических интересов;
- координацию исследований по определению стратегически важных геоэкономических направлений, созданию геоэкономического атласа российской экономики;
- подготовку рекомендаций по обеспечению своевременного выявления и изучения внутренних программ развития стран в зоне наших геоэкономических интересов;

- подготовку рекомендаций по внесению корректив в работу дипломатических и торговых представительств для придания им новых функций в связи с реализацией национальных геоэкономических интересов;
- подготовку рекомендаций по улучшению, совершенствованию действующей законодательно-нормативной базы;
- подготовку рекомендаций по учреждению учебно-исследовательских учреждений в целях подготовки и переподготовки специалистов в области геоэкономики.

Далее. Следует дело **вести к созданию органа стратегического геоэкономического планирования**, что позволило бы от слов «геоэкономическая парадигма», перейти к разработке геоэкономических проектов, привело бы к созданию ныне отсутствующей проектной инфраструктуры. При этом, несмотря на популярный в среде геоэкономистов тезис о том, что «Россия – страна опрокинутая вовнутрь», подчёркивающий определённую узость геоэкономического атласа экономики страны, следует трезво оценить сегодняшние возможности, расстановку сил в мировой экономике и осознать, что внутренние геоэкономические проекты, такие как стратегические инфраструктурные, прежде всего, – транспортные проекты – являются не только приоритетной, но и реалистической программой.

Реалии сегодняшнего дня и, видимо, ближайших нескольких лет, это **мировой финансовый кризис**. О том, как потерять в условиях кризиса говорится много. У нас же есть шанс использовать кризис в целях собственного развития. Мировой финансовый кризис может послужить катализатором развития инфраструктурных проектов. У России сегодня есть два пути: продолжать безответственно реагировать на конвульсии американской финансовой системы, заниматься косметикой рынка деривативов, усугублять зависимость жизни страны от цен на нефть и, в результате быть сброшенными с дороги собственного развития, или создать принципиально новые институты прямых инвестиций, в которых нуждается вся мировая экономика.

Именно в этом состоит главное геоэкономическое развитие России. **Именно российские инфраструктурные, прежде всего, – транспортные – проекты могут и должны стать центрами притяжения мировых инвестиций**. Только так Россия не просто избежит глубокой стагнации, но станет лидером мировых институтов развития с поддержкой стран, нацеленных на развитие реальной экономики. «Коридоры развития», о которых мы не раз говорили, не просто благоприятная реальная возможность роста, не просто «мейнстрим» развития России, это, возможно, её единственный шанс сохраниться как суверенная держава. Напомним, что коридор развития, «позвоночником» которого может быть трансконтинентальная магистраль, образует целостную структуру для размещения в ней специально спроектированных, густонаселённых производственных комплексов с предприятиями водо- и энергоснабжения, средствами коммуникации. Разработка высокоскоростных железнодорожных магистралей преобразит громадные пространства России в сеть коридоров развития с богатым потенциалом. Вряд ли какая-либо страна мира могла бы извлечь такую большую пользу из преимуществ реализации этой идеи. Назначение таких коридоров состоит в том, чтобы превратить в преимущество то, что пока оказывается серьёзным препятствием развитию необъятных просторов России.

О КРИЗИСЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

Все планы и призывы к инфраструктурному и любому иному экономическому развитию страны бессмысленны и бесплодны, если нет чёткой, адекватно работающей инвестиционной системы и инвестиционных ресурсов. У нас нет ни того, ни другого. Более того, **у нас практически нет инвестиционного рынка.**

Сложившаяся модель инвестиционной деятельности неэффективна и примитивна. Ни пресловутый фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулярованию денежных средств с целью дальнейшего инвестирования в промышленность и сельское хозяйство. Инвестиционные предложения носят бессистемный характер, поскольку отсутствует развитая проектная инфраструктура. Развитие и расширение рынка инвестиций, создание условий для разработки и предъявления собственно инвестиционных проектов является одной из приоритетных задач инновационного развития.

Это непростая задача, требующая совершенно новых подходов к её решению. Отметим, что специалисты, способные реализовать подобные замыслы имеются, существуют и соответствующие наработки. Необходим, однако, системный подход к осмыслению инвестиционного кризиса и выработке предложений по выходу из него с участием государства. Государство фактически прекратило поддерживать инвестиционный процесс, а рыночные институты обеспечения расширенного воспроизводства, прежде всего, банковская система и фондовый рынок, не достигли достаточного для этого уровня. Государство не должно уходить из инвестиционного процесса, сохранив за собой функции и ответственность стратегического планирования и точечных государственных инвестиций в инфраструктурные и социально ориентированные проекты.

При этом государство должно **перейти от ориентации на отрасли к ориентации на конкретные проекты.** Надо всеми имеющимися в распоряжении государства возможностями и ресурсами поддерживать конкретные, тщательно подготовленные, всесторонне оцененные стратегические инфраструктурные проекты. Реализация подобного проекта потребует вовлечения в него многих отраслевых ресурсов, что приведёт и к развитию этих отраслей, однако, подобное развитие станет целенаправленным следствием а не абстрактным «подъёмом инновационных технологий».

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ: ЗАДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Базовое интеллектуальное ядро, экспертно-аналитическая группа и связанные с ней сетевые структуры, работающие в направлении поиска адекватных ответов на современные экономические вызовы, для концентрации усилий и ресурсов по геоэкономической проблематике, нами создано.

Развитие вышеуказанных направлений получило своё воплощение в деятельности созданного при поддержке МОФ «Диалог цивилизаций» и Банка «Миллениум» Постоянно действующего экономического форума **«Запад – Восток: интеграция и развитие».**

Целью деятельности Форума является объединение российских и международных интеллектуальных ресурсов, направленное на совместное развитие и реализацию новых подходов к глобальным экономическим проблемам. Для достижения этой цели Форум развивает новые методы формирования проектной инфраструктуры, направленные на расширение рынка инвестиций и создание условий для разработки и предъявления инвестиционных проектов, поиск взаимовыгодных и эффективных решений по обустройству геоэкономических арена-

лов мирового роста. К настоящему моменту сформирован ряд Программ Форума «Диалог Запад-Восток: интеграция и развитие». Среди них:

– **Программа «Моденская инициатива».** Апробация прошла на Форуме в Модене, в рамках которого состоялась первая Сессия стратегического сценарирования по проблеме «Мировой финансовый кризис: новые инициативы». В работе Сессии приняло участие около 30 экспертов, учёных, парламентариев и общественных деятелей из разных стран.

На Форуме была принята «Моденская декларация», текст которой получил широкое распространение, большой международный резонанс, интерес и поддержку специалистов. В «Декларации» были указаны причины надвигающегося мирового финансового кризиса, предложен ряд безотлагательных мер по смягчению его последствий, намечены шаги по международной консолидации усилий. Отрадно отметить, что впоследствии все прогнозы, сделанные в «Декларации» оправдались и – что ещё более важно – указанный в «Моденской Декларации» ряд мер по выходу из кризиса получил своё воплощение в рекомендациях финансовых властей США, Евросоюза, России. Это, в частности, касается необходимости усиления контроля и повышения управляемости рынка производных ценных бумаг, пресловутых деривативов. Находит своё воплощение призыв к реформированию МВФ, изменению его роли, начата работа по разработке подходов к изменению архитектуры мировой финансовой инфраструктуры, настойчиво раздаются призывы к поиску новых оснований для мировых валют, призывы к «новому Бреттон-Вудсу», к отказу от монополии доллара, к формированию новых региональных и мировых финансовых центров. Ещё раз подчеркнём, что все эти меры, ставшие теперь широко известными, впервые в комплексном виде прозвучали в «Моденской декларации», появившейся на свет благодаря многолетней деятельности Форума «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», осуществляемой при тесном взаимодействии с Форумом «Диалог цивилизаций».

– Летом этого года в Москве был **разработан и распространён в экспертном сообществе Меморандум об институтах новой счётности**, в котором предлагается основа институционального инструментария выхода на «посткризисную экономику», представляющего двухзвенную систему – сеть проектных агентств, призванную инициировать выдвижение конкретных инфраструктурных наукоёмких проектов (в первую очередь с участием европейской инновационной промышленности и российских разработчиков новых технологических решений), и новые стандарты и инструменты финансирования долгосрочных инфраструктурных проектов.

– **Другая Программа Форума: «Геоэкономика и инфраструктурные проекты».** Апробация тематики также прошла на Форуме в Модене, на котором представители различных геоэкономических школ и воззрений сконцентрировали внимание на самых животрепещущих и острых проблемах мирового развития.

Дальнейшее развитие наши Программы получили на прошедшем в 2008 г. Форуме «Диалог цивилизаций» на Родосе. При этом нами снова была реализована одна из новых форм экспертно-аналитического диалога. Её девиз: «От сетей к диалогу сетей: от интеграции интеллектуальных ресурсов внутри сетей к интеграции интеллектуальных ресурсов между сетями – расширение пространства новых подходов к глобальным проблемам». Нами было осуществлено взаимодействие двух сетевых структур: «Millennium Project» (программа ООН) и «Geoeconomics Net».

В ноябре 2008 наша экспертно-аналитическая группа приняла участие в работе секции «Мировые финансовые центры будущего» в рамках Russia Investment Roadshow в Объединённых Арабских Эмиратах.

В сентябре 2009 года, в г. Шанхай, Китай, проводился российско-китайский «круглый стол» «Трансформационные процессы геоэкономического пространства: Россия и Китай в многополярном мире». Данное мероприятие осуществлялось в рамках празднования 60-летия годовщины становления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией в контексте трансформации систем мировой экономики и международных отношений.

Организаторами мероприятия с российской стороны выступили Рабочая группа «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» при ГД РФ, постоянно действующий Форум «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», а также «Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики». Китайская сторона была представлена Шанхайской Академией международных исследований при поддержке Правительства КНР.

В октябре 2009 г. в Греции на острове Родос прошла Седьмая ежегодная сессия Мирового общественного форума (МОФ) «Диалог цивилизаций». Одна из центральных тем Форума геоэкономические проблемы современного мира, глобальная ситуация, которая требует концептуально ясной основы и особых усилий для сохранения «структурной целостности» мирового сообщества.

В наших планах – продолжение начатой работы по дальнейшему развитию структуры, осуществляющей мониторинг и прогнозирование направлений эволюции экономических отношений, расширение деловых контактов в международном бизнес-сообществе, выработку новых форм международной региональной и межрегиональной кооперации. Сегодня Постоянно действующий экономический форум «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие» продолжает свою деятельность по консолидации интеллектуальных ресурсов, направленных на поиск новых подходов к вызовам современной экономики.

У нас есть Программа деятельности на предстоящие годы, реализация которой позволит углубить понимание проблем, с которыми сегодня сталкивается мировая экономика и мировая финансовая система, проанализировать течение мирового кризиса, дать свои оценки предпринимаемым мерам и предложить свои рекомендации по его преодолению.

* * *

На международной конференции «Европа в 21 веке: перекресток цивилизаций», прошедшей в Праге несколько лет назад, Милош Земан высказал очень интересные слова, которые я хотел бы привести и сегодня: «Уверенность каждого народа соответствует его успешности в состязаниях. Не только в экономическом состязании, но и в состязании идей. Крах тоталитаризма дал нам шанс на участие в таком свободном состязании. С другой стороны, это лишь предпосылка, шанс, использование которого зависит только и только от нас».

Эти слова прекрасно иллюстрируют те перспективы перед всеми нами, которые открывает переход от языка силовой геополитики к творческому языку геоэкономики. «Запад – Восток: интеграция и развитие» означает не механическую интеграцию территорий и развитие нового центра глобальной силовой геополитики, а творческую интеграцию интеллектуальных ресурсов и на её основе развитие новой грамматики управления для всех субъектов геоэкономического пространства.

Раздел третий.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА НРАВСТВЕННЫХ ЦЕЛЕЙ, ИДЕАЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДОКЛАД

**Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла,
Председателя Отдела внешних церковных связей Московского
Патриархата, «Об основах учения Русской Православной Церкви
о достоинстве, свободе и правах человека»
на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви
2008 года**

Ваше Святейшество!

Преосвященные архипастыри!

Представляемый Вашему вниманию документ «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» был разработан во исполнение решения Священного Синода от 11 апреля 2006 года. Как вам известно, это решение появилось по итогам X Всемирного русского народного собора, принявшего Декларацию о правах и достоинстве человека. Это соборное деяние вызвало живую реакцию со стороны как российского общества, так и мировой общественности. Интерес к работе нашей Церкви в области прав человека не исчезает до сих пор. Значение этих идей, в числе прочего, и в том, что они открыли новые горизонты для миссии Церкви в современном обществе. Эти идеи привлекли внимание представителей власти, науки, культуры, средств массовой информации.

Однако по своему жанру декларация не предполагает подробного раскрытия сформулированных тезисов. Поэтому возникла потребность в разработке более детализированного документа, имеющего серьезное богословское обоснование. Предлагаемые ныне на утверждение Архиерейского Собора «Основы...» являются плодом двухлетней работы группы православных священнослужителей, богословов, ученых и общественных деятелей.

Всем хорошо известно, что внутри нашей Церкви имеет место различное отношение к правам человека. Высказываемые точки зрения порой противоречат друг другу. Подбирая участников в рабочую группу, мы старались отразить существующее в Церкви разномыслие по этой теме. В результате у нас получилась некая микромодель церковной дискуссии.

С лета 2006 года по июнь 2008 года было проведено 15 заседаний рабочей группы, включая встречи подгрупп, ответственных за разработку отдельных глав документа. В рамках процесса выработки документа организовывались экспертные консультации со светскими философами и юристами, которые позволили предметно обсудить актуальные научные подходы к проблемам прав человека, существующие в соответствующих науках. Кроме того, велась серьезная исследовательская и реферативная работа между встречами.

Многие идеи, сформулированные в группе, представлялись на площадках международных организаций, на конференциях, «круглых столах», в многочисленных интервью и статьях. Множество раз они обсуждались в личных беседах и в ходе официальных встреч с представителями христианских конфессий и традиционных религий, а также с государственными и общественными деятелями, учеными и людьми культуры.

Особенное значение для представления тематики прав человека имели публичные заявления Святейшего Патриарха. Так, его выступление в Парламентской ассамблее Совета Европы в октябре 2007 года позволило широкому кругу людей ознакомиться с православным видением прав человека на самом высоком уровне. Одним словом, была проведена очень большая работа по подготовке настоящего документа.

Почему же все-таки необходимо представить сегодня от лица Церкви документ по правам человека? Права человека – это та реальность, с которой нам приходится иметь дело, хотим мы того или нет. Современный человек не только живет в рамках общественно-государственных институтов, основанных на правах человека, но ощущает на себе воздействие мировоззрения, которое порождает эта идея. Права человека декларированы как центральный принцип построения правовых систем стран, окормляемых Русской Православной Церковью. Кроме того, многие верующие, живущие в диаспоре – а это в основном западные страны – также находятся в условиях доминирования этой концепции. Учитывая все это, Церковь призвана возвысить свой пастырский голос и сказать о своем видении прав человека.

Не скрою, что к своей работе члены группы приступали, имея двойственное чувство к предложенной теме. С одной стороны, у нас перед глазами было положительное воздействие прав человека на жизнь людей. Благодаря озабоченности по соблюдению этих прав в послевоенные годы советское государство сдерживало свои гонения на верующих.

Однако, с другой стороны, за прошедшие десятилетия мы стали свидетелями того, как права человека могут становиться инструментом, направленным против духовных и нравственных основ жизни людей. Сегодня через обращение к правам человека в наших обществах стремится укрепиться мировоззрение, которое является безрелигиозным, этически релятивистским и гедонистическим. Это происходит не только в странах, находящихся на канонической территории Русской Церкви, но и во многих других.

Для рабочей группы было очевидно, что права человека являются заимствованной категорией. Она возникла у западных народов на особой мировоззренческой почве и в особых исторических условиях. Однако свидетельства об инородности прав человека православной традиции были сочтены недостаточным основанием, чтобы отвергнуть саму дискуссию о ценности этой концепции. В истории Церкви и наших народов есть много примеров, когда делались заимствования из других культур, и они органично входили в церковную и национальную традиции.

В процессе работы над документом мы постарались прийти к согласию и выработать общий церковный подход к правам человека. Это была далеко непростая дискуссия. Порой мы возвращались к одной проблеме по несколько раз. При обсуждении принималась только та аргументация, которая опиралась на Священное Писание и Священное Предание Православной Церкви. Все другие

доводы не включались в текст, хотя принимались во внимание. Кроме того, мы не начинали свою работу с чистого листа. Многие идеи, позволяющие дать обстоятельную оценку правам человека, уже существуют в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

Но, конечно же, были общие представления, послужившие точками опоры в нашей работе. Иначе мы не могли бы никогда совершить этот соборный труд. С самого начала члены группы согласились, что, работая над церковным документом по правам человека, необходимо руководствоваться сотериологическим подходом. Церковь не занимается политикой, хотя ее ценности и имеют значение для политической сферы. Она рассматривает земную жизнь человека как путь спасения, поэтому ее обязанность состоит в свидетельстве о том, что вредит спасению верующих и что ему способствует.

В свете сотериологического подхода мы стремились ответить себе на вопрос: связаны ли права человека генетически с христианством или родились из источников чуждых ему? Как правило, именно в ответе на этот вопрос с наибольшей силой проявляется разномыслие в нашей Церкви, да и во всем православном мире относительно прав человека. Осторожность, с которой многие православные высказываются на сей счет, вполне оправдана. Верующие опасаются принять вместе с хорошими и правильными идеями, чуждое и душевредное.

В группе было ясное понимание того, что церковный ответ не может быть модернистским, построенным на искаженной интерпретации церковного наследия, эмоциях и политических пристрастиях. Он может опираться только на духовный и исторический опыт Церкви. Напомню, что именно так поступали Святые Отцы Церкви в отношении эллинистической культуры. Они принимали и усваивали все то, что могло послужить христианской проповеди и отбрасывали все с ней несовместимое.

Многие термины православного богословия были заимствованы Святыми Отцами из эллинской философской традиции, но затем переработаны и наполнены христианским благовестием. Это не повредило чистоте христианства. Как богословие Вселенских Соборов не было компромиссом с языческой философией, так и настоящий документ не является компромиссом с секулярной философией и этикой. В вероучительных и этических вопросах не может быть компромиссов. Задача состояла в том, чтобы сформулировать неизменные евангельские истины на том языке, который сегодня понятен для многих людей.

Исходя из Священного Писания и Предания Церкви, нельзя утверждать, что права человека являются Божественным установлением. Будучи изобретены людьми, так же как и другие земные институты – государство, право, различные объединения людей и так далее – права человека не должны вступать в конфликт с Откровением Божиим. Права человека имеют различные мировоззренческие источники. С одной стороны, они родились в культуре, которая в течение веков просвещалась христианством. С другой стороны, они отразили и впитали в себя идеи, появившиеся в среде, отошедшей от евангельских истин в эпоху Возрождения и в Новое время. Однако, несмотря на заметное ослабление рели-

гиозности в общественной морали западных стран, до сравнительно недавнего времени сохранялась приверженность христианской системе ценностей. Сегодня положение совершенно иное. Нравственное согласие утрачено не только в обществе, но и во многих христианских общинах.

На заседаниях рабочей группы мы стремились определить, что же в концепции прав человека было заимствовано из христианства и является его наследием, а что таковым не является. Именно достоинство и свобода, понятия, на которые сегодня опирается институт прав человека, тесно связаны с христианским посланием. В результате было решено первые две главы посвятить достоинству и свободе.

Однако, будучи заимствованными у христиан, они были обмирщены и лишены своего религиозного и духовного содержания. Во многом благодаря этому существующая сегодня светская концепция прав человека стала работать против сохранения нравственных ценностей, как они представлены в евангельской традиции. Возникающая во многих странах и обществах ситуация чревата, как кажется, весьма опасными последствиями, ибо противоречащие Евангелию подходы к морали закрепляются в законодательстве, а значит могут быть навязаны верующим силой закона.

Иными словами, тема прав человека приобретает сегодня ярко выраженное сотериологическое измерение, а потому должна быть богословски и всецерковно осмыслена, дабы на этом осмыслении строить нашу проповедь и пастырскую работу.

Освященному Собору представляется текст, имеющий следующую структуру и содержание.

В **преамбуле** документа говорится о роли, которую права человека играют в современном обществе, и утверждается сотериологический подход к правам человека.

Первая глава называется **«Достоинство человека как религиозно-нравственная категория»**. То, что документ начинается с рассмотрения такого понятия как достоинство, не случайно. Во многих международных актах и национальном законодательстве многих государств говорится о достоинстве как основании всей системы прав человека. Например, в преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах декларируется, что права человека «вытекают из присущего человеческой личности достоинства».

Понятие «достоинство» имеет греко-римское происхождение. Наиболее близкий его перевод означает «ценность». В древнем мире существовало свое представление о ценности человека. Оно, как правило, было связано с семейным, социальным или гражданским положением человека. Да и сегодня многие люди считают наиважнейшим для личности ее социальный, политический или имущественный статус. С распространением христианства ценность человека стала осмысляться по-другому. Христианство содействовало распространению понимания ценности каждого человека как творения Божия.

В документе это нашло отражение в следующей фразе: **«Согласно библейскому откровению, природа человека не только сотворена Богом, но и наделена Им свойствами по Его образу и подобию (см. Быт. 1, 26)»**. Известно, что и святые отцы употребляли термин достоинство, приравнивая его к образу Божию. Так, в Слове 14 «О любви к бедным» **«Святитель Григорий Бого-**

слов, соотнося его с актом Божественного творения, писал: *«Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным раздаянием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей».*

Текст документа обращается также к христологическому аргументу ценности человека: *«Воплощение Бога Слова засвидетельствовало, что и после грехопадения достоинство не было утрачено человеческой природой, ибо в ней остался неистребимым образ Божий, а значит, и возможность восстановления человеческой жизни в полноте ее изначального совершенства... Восприятие Господом Иисусом Христом полноты человеческой природы кроме греха (см. Евр. 4, 15) показывает, что достоинство не распространяется на искажения, возникшие в этой природе в результате грехопадения».* В православных богослужебных текстах отражено это представление, например, в тропарях по непорочным в чине погребения: *«Образ есмь неизреченная Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений... Древле убо от не сущих создавый мя, и образом Твоим Божественным почтый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от неяже взят бых, на еже по подобию возведи, древнею добротою возобразитися».*

В документе подчеркивается религиозно-нравственное измерение достоинства, которое отсутствует в секулярном понимании, формирующем безрелигиозное видение ценности человеческой личности. Именно такое нерелигиозное понимание предлагается сегодня в качестве универсального, несмотря на то, что большинство человечества является религиозным. В документе говорится: *«человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий. Тем более он не должен оправдывать им свои слабости или пороки, но, напротив, осознавать ответственность за направление и образ своей жизни. Очевидно, что в самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности».*

Усечение религиозно-нравственного измерения достоинства приводит к игнорированию темы греха. Это не значит, что для секулярного сознания нет понятия зла. Однако преодоление зла рассматривается как поиск идеального механизма стыковки воле различных индивидов, а не преодоление некоего природного повреждения внутри человека, о чем свидетельствует христианство. Считается, что права человека наилучшим образом обеспечивают такую стыковку.

Тем временем, в документе напоминается: *«грех переворачивает иерархию отношений в природе человека. Грех способен все самое хорошее обратить во зло. Вместо того, чтобы дух властвовал над телом, во грехе он покоряется плоти, на что обращает внимание святитель Иоанн Златоуст: «Мы извратили порядок и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти».* Человек, согрешая, должен честно признавать несоответствие своей жизни богодарованному достоинству. Человек может в своей жизни настолько далеко уйти от своего достоинства, что *«требу-*

ется большое напряжение воли, чтобы увидеть, а тем более, признать природное достоинство тяжкого преступника или тирана».

На основе всего вышесказанного мы не могли не сформулировать следующий тезис: **«Учитывая помраченное грехом состояние человеческой природы, важно ясно различать достойное и недостойное в жизни человека».**

Документ дает следующие пояснения: **«Достойной для человека является жизнь согласно изначальному призванию, заложенному в его природе... В святоотеческой традиции это раскрытие образа Божия называется обожением... Богоданное достоинство подтверждается наличием у каждого человека нравственного начала, которое опознается в голосе совести. Об этом пишет святой апостол Павел в Послании к Римлянам: *«Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую»* (Рим. 2, 15). Именно поэтому присущие человеческой природе нравственные нормы, как и нравственные нормы, содержащиеся в Божественном откровении, обнаруживают замысел Божий о человеке и его предназначении. Они являются путеводными для благой жизни, достойной богозданной природы человека. Величайший образец такой жизни явил миру Господь Иисус Христос».**

Описание недостойной жизни состоит в следующем: **«Недостойной для человека является жизнь во грехе, так как она разрушает самого человека, а также наносит вред другим людям и окружающему миру... В отношениях с другими людьми под влиянием греха человек действует как эгоист, заботящийся об удовлетворении своих потребностей за счет ближних. Такая жизнь опасна для личности, общества и окружающей природы, ибо нарушает гармонию бытия, оборачивается душевными и телесными страданиями, болезнями, уязвимостью перед последствиями разрушения среды обитания и, в конце концов, смертью».**

Таким образом, человек одновременно имеет достоинство и недостойность. Достоинство – это онтологическая характеристика, а недостойность – эмпирическая. В тексте документа говорится: **«Святоотеческая и аскетическая мысль, литургическая традиция Церкви более говорят о недостойности человека, обусловленном грехом, чем о его достоинстве. Так, в молитве святого Василия Великого, читаемой православными христианами перед причащением Святых Христовых Таин, говорится: *«Темже и аз, аще и недостойн есмь небесе и земли, и сея привременныя жизни, всего себе повинув греху, и сластем поработив, и Твой осквернив образ; но творение и создание Твое быв, не отчаяваю своего спасения, окаянный, на Твое же безмерное благоутробие дерзая, прихожду».***

Грех в человеке преодолевается через осознание своего недостойства. Это неперемненное условие покаяния: **«Для восстановления в человеке соответствия своему достоинству особое значение имеет покаяние, в основе которого лежит осознание греха и желание изменить свою жизнь. Раскаиваясь, человек признает несоответствие своих мыслей, слов или поступков богоданному достоинству и свидетельствует перед Богом и Церковью о своем недостойстве. Покаяние не унижает человека, но дает ему мощный стимул для духовной работы над собой, для творческой перемены своей жизни, для сохранения чистоты богоданного достоинства и возрастания в нем».**

Итог первой главы заключается в следующих словах: **«Согласно православной традиции, сохранение человеком богоданного достоинства и возрастание в нем обусловлено жизнью в соответствии с нравственными нормами, ибо эти нормы выражают первоизданную, а значит истинную природу человека, не омраченную грехом. Поэтому между достоинством человека и нравственностью существует прямая связь. Более того, признание достоинства личности означает утверждение ее нравственной ответственности».**

Вторая глава посвящена еще одной фундаментальной категории, на которой основываются права человека – свободе. Глава называется **«Свобода выбора и свобода от зла»**. Сегодня свобода понимается главным образом как свобода выбора. Конечно, свобода выбора это важная характеристика человеческой природы. Она есть одно из проявлений образа Божия в человеке. В подтверждение этого в документе приводится цитата из святого Григория Нисского: **«Человек стал боговидным и блаженным, будучи почтен свободой (αὐτεξουσία)».**

Смысл этой свободы заключается в том, чтобы человек сам добровольно, а не по принуждению жил в общении с Богом. В тексте говорится: **«В зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться или все более выявляться... Свобода поставлена Богом на службу человеческому благу. Осуществляя ее, человек не должен причинять зла самому себе и окружающим».**

Однако всем хорошо известно свойство падшей человеческой природы, о котором говорит святой апостол Павел: **«Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Уже не я делаю то, но живущий во мне грех»** (Рим. 7, 15-16). Поэтому далее в документе говорится: **«Следовательно, человеку не обойтись без помощи Бога и тесного сотрудничества с Ним, так как только Он является источником всякого блага».**

Дело в том, что, **«злоупотребив свободой выбора, первый человек утратил другую свободу (ἐλευθερία) – свободу жизни в добре, которую он имел в первоизданном состоянии. Эту свободу человеку возвращает Господь Иисус Христос: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны (ἐλεύθεροι) будете»** (Ин. 8, 36). Обретение свободы от греха невозможно без таинственного соединения человека с преображенной природой Христа, которое происходит в Таинстве Крещения (Рим. 6, 3-6; Кол. 3, 10) и укрепляется через жизнь в Церкви – Теле Христовом (Кол. 1, 24).

Священное Писание говорит и о необходимости собственных усилий человека для освобождения от греха: **«Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не поддавайтесь опять игу рабства»** (Гал. 5, 1). О том же свидетельствует практический опыт великого сонма святых мужей и жен, подвизавшихся духовным подвигом и подтвердивших возможность преображения жизни каждого человека».

После всех приведенных рассуждений делается бескомпромиссный вывод: **«Злоупотребление свободой, выбор ложного, безнравственного образа жизни в конце концов разрушает саму свободу выбора, так как ведет**

волю к порабощению грехом. Только Бог, являясь источником свободы, может поддерживать ее в человеке. Те, кто не желают расставаться с грехом, отдают свою свободу дьяволу – противнику Бога, отцу зла и несвободы. Признавая ценность свободы выбора, Церковь утверждает, что таковая неизбежно исчезает, когда выбор делается в пользу зла. Зло и свобода несовместимы».

Отстаивание этого тезиса в современном мире – более чем свидетельство. Оно требует исповедничества, ибо христианское понимание свободы невероятно трудно принять людям, привыкшим жить по своему произволу. Считая, что выбор в пользу греха оправдан и должен быть защищен государством, они настаивают на общественном признании греха как одной из норм поведения. Однако сама жизнь свидетельствует, что грех и зло приводят к потере свободы, а также к разрушению общества и личности.

В тексте выносятся и пророческое предупреждение миру, возводящему в абсолют свободу выбора: **«В человеческой истории выбор людей и обществ в пользу зла приводил к потере свободы и огромным человеческим жертвам. И сегодня человечество может стать на тот же путь, если такие безусловно порочные явления, как аборт, самоубийство, разврат, извращения, разрушение семьи, культ грубости и насилия, перестанут получать должную нравственную оценку и будут оправдываться с опорой на искаженное понимание свободы человека».**

С учетом церковного опыта человеческой свободы, во второй главе делается вывод: **«Слабость института прав человека в том, что он, защищая свободу выбора (*αὐτεξουσία*), все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха (*ἐλευθερία*). Общественное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в публичной сфере. Нельзя защищать одну свободу, забывая о другой. Свободное стояние в добре и истине невозможно без свободы выбора. Равно и свободный выбор теряет свою ценность и смысл, если обращается ко злу».**

Третья глава называется **«Права человека в христианском миропонимании и в жизни общества».** Весьма важна содержащаяся в начале этой главы констатация прямой связи между правом и нравственностью: **«Нравственность, то есть представления о грехе и добродетели, всегда предшествует закону, который и возник из этих представлений. Вот почему эрозия нравственности всегда в конце концов ведет к разрушению законности».** Это очень важный тезис для любого общества, особенно же для тех, в которых серьезной проблемой является правовой нигилизм.

Далее в свете идей первых двух частей определяются **«христианские ценности, с которыми должны быть гармонизированы права человека».** Они формируют систему координат, в которой должна развиваться и осуществляться концепция прав человека.

Во-первых, **«права человека не могут быть выше ценностей духовного мира. Христианин ставит свою веру в Бога и свое общение с Ним выше собственной земной жизни. Поэтому недопустимым и опасным является истолкование прав человека как высшего и универсального основания общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практика...»**

Важно помнить, что государственные и общественные силы имеют реальную способность и призвание пресекать зло в его социальных проявлениях, но они не могут одержать победу над его причиной – греховностью. Сущностная борьба со злом ведется в глубине человеческого духа и может иметь успех лишь на путях религиозной жизни личности. Святой апостол Павел говорит: *«Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6, 12).

В Православии неизменно присутствует убежденность в том, что общество, устрояя земную жизнь, должно учитывать не только человеческие интересы и желания, но и Божию правду, данный Творцом вечный нравственный закон, действующий в мире вне зависимости от того, согласна ли с ним воля отдельных людей или человеческих сообществ. Этот закон, запечатленный в Священном Писании, для православного христианина выше любых иных установлений, ибо по нему Бог будет судить человека и народы перед Своим Престолом (см. Откр. 20, 12)».

Во-вторых, «разработку и применение концепции прав человека необходимо согласовывать с нормами морали, с нравственным началом, заложеным Богом в природу человека и опознаваемым в голосе совести.

Православная Церковь считает недопустимыми попытки подчинить взгляд верующих на человека, семью, общинную жизнь и церковную практику безрелигиозному пониманию прав человека. На это христиане должны вслед за апостолами Петром и Иоанном заявить: *«Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»* (Деян. 4, 19).

Недопустимо вводить в область прав человека нормы, размывающие или отменяющие как евангельскую, так и естественную мораль. Церковь усматривает огромную опасность в законодательной и общественной поддержке различных пороков и их пропаганды – например, половой распущенности и извращений, культа наживы и насилия».

Такие явления не просто имеют место в нашей жизни, но и «появляются законодательные нормы и политические практики, которые создают предпосылки для их навязывания всему обществу через средства массовой информации, системы образования и здравоохранения, сферу торговли и услуг. Более того, есть случаи, когда верующие люди, считающие эти явления греховными, принуждаются признавать допустимость греха или подвергаются дискриминации и преследованиям».

В-третьих, «права человека не должны противоречить любви к Отечеству и к согражданам. Творец вложил в человеческую природу необходимость общения и единения людей, о чем Он сказал: *«Не хорошо быть человеку одному»* (Быт. 2, 18). Любовь к своей семье и другим близким людям не может не распространяться на народ и страну, в которой человек живет...

Признание прав индивидуума должно уравниваться утверждением ответственности людей друг перед другом. Крайности индивидуализма и коллективизма не способны служить гармоничному устройению жизни общества. Они приводят к деградации личности, нравственному и правовому нигилизму, росту преступности, утрате гражданской активности, взаимному отчуждению людей.

Духовный же опыт Церкви свидетельствует, что напряженность между индивидуальными и общественными интересами может быть преодолена тогда, когда права и свободы человека согласуются с нравственными ценностями, а главное – когда жизнь человека и общества оживотворяется любовью. Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими ее людьми, делая человека способным полностью реализовать свою свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве».

В этом разделе документа подчеркивается: «Под предлогом защиты прав человека одним цивилизациям не следует навязывать свой уклад жизни другим. Правозащитная деятельность не должна служить политическим интересам отдельных стран. Борьба за права человека становится плодотворной тогда, когда она служит духовному и материальному благу личности и общества».

В-четвертых, «реализация прав человека не должна вести к деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов. Отказ от богооткровенных ориентиров жизни человека и общества приводит не только к разладу в отношениях между людьми, но и к катастрофическому столкновению человека с природой, которая отдана Творцом во владение человеку (Быт. 1, 28). Неограниченное стремление к удовлетворению материальных потребностей, особенно потребностей избыточных и искусственных, греховно по своей сути, ибо ведет к оскудению и души человека, и окружающей природы. Признание прав человека не означает, что в угоду своим эгоистическим интересам он может расточать природные ресурсы. Достоинство человека неотделимо от его призвания заботиться о Божием мире (см. Быт. 2, 15), соблюдать умеренность в удовлетворении своих потребностей, бережно сохранять богатство, разнообразие и красоту природы. Эти истины должны со всей серьезностью учитываться обществом и государством при определении главных целей социально-экономического и материально-технического развития. Нужно помнить о том, что не только нынешние, но и будущие поколения имеют право пользоваться теми природными благами, которые даны нам Творцом».

Итог третьей главы подводится в следующей формулировке: «С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства, обеспечивать духовно-нравственное развитие личности. Реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной общественной моралью. Индивидуальные права человека не должны противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не может быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценно-

сти, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию».

Четвертая глава имеет название: «Достоинство и свобода в системе прав человека» и содержит в себе православное прочтение основных прав и свобод в свете библейского и патристического понимания человеческого достоинства и свободы. В этой главе особенно подчеркивается связь с Основами социальной концепции, в которой уже были выражены некоторые взгляды Церкви на проблемы прав человека. Глава открывается следующим заявлением: «Существуют разные традиции толкования и национальные особенности реализации комплекса прав и свобод. Современная система прав человека носит разветвленный характер и имеет тенденцию к еще большей детализации. В мире нет общепринятой классификации прав и свобод. Различные правовые школы объединяют их в группы по разным критериям. Церковь в силу своего основного призвания предлагает рассматривать права и свободы с точки зрения их возможной роли в создании благоприятных внешних условий для совершенствования личности на пути спасения».

Все начинается с дара жизни. Поэтому право на жизнь рассматривается в самом начале четвертой главы. В документе утверждается: «Жизнь есть дар Божий человеку. Господь Иисус Христос благовествует: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Заповедь «Не убий» в числе иных была дана Богом пророку Моисею. Православие не приемлет и осуждает терроризм, вооруженную агрессию, криминальное насилие, равно как и все другие формы преступного отнятия человеческой жизни.

Вместе с тем, жизнь не ограничивается земными рамками, в которых воспринимает человека секулярное мировоззрение и связанная с ним юридическая система. Христианство свидетельствует, что земная жизнь, ценная сама по себе, обретает полноту и абсолютный смысл в перспективе жизни вечной. Поэтому на первом месте должно стоять не само желание во что бы то ни стало сохранить земную жизнь, а стремление устроить ее так, чтобы человек мог в соработничестве с Богом созидать свою душу для вечности».

Опираясь на заповеди Спасителя, «Церковь почитает подвиг мучеников, даже до смерти послуживших Господу, и исповедников, не отрекшихся от Него перед лицом гонений и угроз. Православные христиане также чтят героизм тех, кто отдал жизнь на поле брани за Отечество и ближних своих.

В то же время Церковь осуждает самоубийство, поскольку совершающий его не приносит себя в жертву, а отвергает жизнь как дар Божий. В связи с этим неприемлема легализация так называемой эвтаназии – содействия уходу из жизни людей, которое представляет собой сочетание убийства и самоубийства.

Право на жизнь должно подразумевать защиту человеческой жизни с момента зачатия. Всякое посягательство на жизнь формирующейся человеческой личности является нарушением этого права. Современные международные и национальные юридические акты закрепляют и охраняют

жизнь и права ребенка, взрослого и пожилого человека. Эта же логика защиты человеческой жизни должна распространяться на ее отрезок от момента зачатия до появления на свет».

В этом подразделе было необходимо выразить церковное отношение к такой постоянно актуальной проблеме как смертная казнь, несмотря на то, что о ней уже сказано в Основах социальной концепции. Поэтому в этом месте дословно повторяется позиция более раннего церковного документа: «Признавая, что смертная казнь была приемлема в ветхозаветные времена, а указаний на необходимость ее отмены "нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви", нельзя не вспомнить о том, что "Церковь часто принимала на себя долг печалования об осужденных на казнь, прося для них милости и смягчения наказания" (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, IX.3). Защищая человеческую жизнь, Церковь, вне зависимости от отношения общества к смертной казни, призвана исполнять этот долг печалования».

В нашей классификации прав и свобод после права на жизнь логично поместить принцип свободы совести: «Дар свободы выбора опознается человеком прежде всего в возможности выбирать мировоззренческие ориентиры своей жизни. Как пишет святитель Ириней Лионский, "Бог сотворил его (человека) свободным, имеющим свою власть <...> добровольно исполнять волю Божию, а не по принуждению от Бога" ("Против ересей", гл. XXXVI, 1,4). Принцип свободы совести находится в гармонии с волей Божией, если защищает человека от произвола по отношению к его внутреннему миру, от навязывания ему силой тех или иных убеждений. В условиях светского государства провозглашенная и утвержденная законом свобода совести позволяет Церкви сохранить свою самобытность и независимость от людей иных убеждений, дает юридическое основание как для неприкосновенности ее внутренней жизни, так и для публичного свидетельства об Истине. Вместе с тем *"утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей"* (ОСК, III, 6).

Подчас свобода совести трактуется как требование религиозной нейтральности или индифферентности государства и общества. Некоторые идеологические интерпретации религиозной свободы настаивают на признании относительными или "равно истинными" всех вероисповеданий. Это неприемлемо для Церкви, которая, уважая свободу выбора, призвана свидетельствовать о хранимой ею Истине и обличать заблуждения (см. 1 Тим. 3, 15).

Общество имеет право свободно определять содержание и объем взаимодействия государства с разными религиозными общинами в зависимости от их численности, традиционности для страны или региона, вклада в историю и культуру, от гражданской позиции. При этом должно сохраняться равенство граждан перед законом вне зависимости от их отношения к религии. Принцип свободы совести не является препятствием для партнерских отношений Церкви и государства в социальной, благотворительной, образовательной и другой общественно значимой деятельности».

Далее рассматриваются такие важные свободы, как свобода слова и свобода творчества: «Свобода выражения мыслей и чувств, предпола-

гающая возможность распространения информации, является естественным продолжением свободы мировоззренческого выбора. Слово служит основным средством общения людей с Богом и между собой. Содержание общения серьезно влияет на благополучие человека и межличностные отношения в обществе. Человек несет особую ответственность за свои слова. *"От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься"*, – говорится в Священном Писании (Мф. 12, 37). Публичные выступления и заявления не должны содействовать распространению греха, порождать распри и нестроения в обществе. Слово должно созидать и поддерживать добро. Особенно опасно оскорблять религиозные и национальные чувства, исказить информацию о жизни тех или иных религиозных общин, народов, социальных групп, личностей. Ответственность за слово многократно возрастает в современном мире, переживающем бурное развитие технологий хранения и распространения информации.

Творческие способности суть проявление образа Божия в человеке. Церковь благословляет творчество, открывающее новые горизонты для духовного возрастания человека и для познания сотворенного мира. Призванное способствовать раскрытию потенциала личности, творчество не должно оправдывать нигилистического отношения к культуре, религии и нравственности. Право на самовыражение отдельной личности или групп людей не должно осуществляться в формах, оскорбительных для убеждений и образа жизни других членов общества.

Надругательство над святынями не может быть оправдано ссылками на права художника, писателя, журналиста. Современное законодательство обычно защищает не только жизнь и имущество людей, но и символические ценности, такие как память умерших, места захоронения, памятники истории и культуры, государственные символы. Такая защита должна распространяться на веру и святыни, которые дороги для религиозных людей».

Право на образование рассматривается как важное условие раскрытия потенциала личности: *«Уподобление Богу в добродетели является целью земной жизни человека. Образование – это не только средство для приобретения знаний или для введения человека в жизнь общества, но и воспитание личности в соответствии с замыслом Творца. Право на образование предполагает приобретение знаний с учетом культурных традиций общества и мировоззренческой позиции семьи и личности. В основе большинства культур мира лежит религия, поэтому всестороннее образование и воспитание человека должно включать в себя преподавание знаний о религии, создавшей ту культуру, в которой этот человек живет. При этом должна уважаться свобода совести».*

Перечислив права, относящиеся к внутреннему развитию личности, документ переходит к ее отношениям с другими и освещает православное отношение к гражданским, политическим, социальным и экономическим правам. *«Наделенный свободной волей, человек призван деятельно проявлять свое достоинство, в*

частности, в отношениях с другими людьми. Неоднократно в Священном Писании верующие наставляются на исполнение семейных и общественно значимых обязанностей как на послушание Христу (см. Лк. 3, 10-14; Еф. 5, 23-33; Тит. 3, 1). Святой апостол Павел не раз пользовался правами римского гражданина, чтобы беспрепятственно проповедовать Слово Божие. Гражданские и политические права предоставляют человеку широкие возможности для деятельного служения ближнему. Используя этот инструмент, гражданин может оказывать влияние на жизнь социума и участвовать в управлении делами государства. От того, как человек распоряжается своим правом избирать и быть избранным, свободой ассоциаций и союзов, свободой слова и убеждений, зависит благополучие общества.

В истории народов, окормляемых Русской Православной Церковью, сложилось плодотворное представление о необходимости сотрудничества власти и общества. Политические права могут полноценно служить такому принципу государственно-общественных отношений. Для этого необходимо реальное представительство интересов граждан на различных уровнях власти и обеспечение возможностей для гражданского действия.

В области гражданских и политических прав важное место занимают проблемы контроля и манипуляции. Частная жизнь, мировоззрение и воля людей не должны быть предметом тотального контроля. Для общества опасны манипуляции выбором людей и их сознанием со стороны властных структур, политических сил, экономических и информационных элит. Недопустимы также сбор, концентрация и использование информации о любых сторонах жизни людей без их согласия. В случаях, когда того требуют защита Отечества, сохранение нравственности, охрана здоровья, прав и законных интересов граждан, а также предотвращение либо раскрытие преступлений и осуществление правосудия, сбор сведений о человеке может совершаться без его согласия. Однако и в этих случаях получение и использование информации должны осуществляться сообразно заявленным целям и с соблюдением законности. Методы сбора и обработки информации о людях не должны принижать человеческое достоинство, ограничивать свободу и превращать человека из субъекта общественных отношений в объект машинного управления. Еще более опасным для свободы человека станет внедрение технических средств, постоянно сопровождающих человека или неотделимых от его тела, если их можно будет использовать для контроля над личностью и управления ею».

В главе отводится место и для рассмотрения социально-экономических прав, которые затрагивают важное измерение человеческой жизни: «Земная жизнь невозможна без удовлетворения материальных потребностей человека. В книге Деяний святых апостолов повествуется о первохристианской общине, в которой материальная забота о ее членах была поставлена на особую высоту (см. Деян. 4, 32-37; 6, 1-6). Правильное пользование материальными благами небезразлично для дела спасения. Поэтому необходимо придавать ясное нравственное измерение таким правам и свободам, как право собственности, право на труд, право на защиту от произвола работодателя, свобода предпринимательства, право на достойный уровень жизни.

Реализация экономических прав не должна приводить к формированию такого общества, в котором пользование материальными благами превращается в доминирующую или даже единственную цель существования социума. Одно из назначений экономических и социальных прав заключается в том, чтобы предотвратить конфронтационное расслоение в обществе. Такое расслоение противно заповеди о любви к ближнему. Оно создает условия для нравственной деградации общества и личности, порождает отчуждение людей друг от друга, нарушает принцип справедливости.

Важной ответственностью общества является забота о людях, неспособных обеспечить свои материальные потребности. Доступ к образованию и жизненно необходимой медицинской помощи не должен зависеть от социального и экономического положения человека».

Уже на протяжении многих лет ведется дискуссия о коллективных правах. Им тоже было решено уделить внимание: «Если человек отождествляет себя с некой общностью, то у этой общности также должны быть права, которые бы составляли баланс для индивидуальных прав. Права отдельной личности не должны быть разрушительными для уникального уклада жизни и традиций семьи, а также различных религиозных, национальных и социальных сообществ. В человеческую природу Богом заложено стремление индивида к общинному существованию (см. Быт. 2, 18). На пути к исполнению воли Божией о единстве человеческого рода важную роль играют различные виды общинной жизни, осуществляемой в национальных, государственных и социальных объединениях. Полноту же осуществления заповедей Божиих о любви к Богу и ближнему (см. Мф. 22, 37–39) являет собою Церковь – богочеловеческий организм.

Началом общинной жизни является семья. Недаром святой апостол Павел говорит о причастности семьи Таинству Церкви (см. Еф. 5, 23–33). В семье человек обретает опыт любви к Богу и ближнему. Через семью передаются религиозные традиции, социальный уклад и национальная культура общества. Современное право должно рассматривать семью как законный союз мужчины и женщины, в котором создаются естественные условия для нормального воспитания детей. Закон также призван уважать семью как целостный организм и защищать его от разрушения, провоцируемого падением нравственности. Охраняя права ребенка, юридическая система не должна отрицать особую роль родителей в его воспитании, неотделимом от мировоззренческого и религиозного опыта.

Необходимо уважать и другие коллективные права, такие, как право на мир, право на окружающую среду, право на сохранение культурного наследия и внутренних норм, регулирующих жизнь различных общин».

Заключительный вывод четвертой главы сформулирован следующим образом: «Единство и взаимосвязанность гражданских и политических, экономических и социальных, индивидуальных и коллективных прав человека способно содействовать гармоничному устройению жизни общества как

на национальном, так и на международном уровне. Общественная ценность и эффективность всей системы прав человека зависят от того, насколько она создает условия для возрастания личности в богоданном достоинстве и сопрягается с ответственностью человека за свои поступки перед Богом и ближними».

Наконец, пятая глава посвящена практической деятельности в области прав человека и называется «Принципы и направления правозащитной деятельности Русской Православной Церкви». Тема прав человека и правозащитная деятельность не является неким новшеством для жизни Церкви. Скорее, с помощью нового понятия мы стремимся выразить ту деятельность Церкви, которая всегда имела место: «С древних времен и до сего дня Православная Церковь печалуетя перед властью за людей несправедливо осужденных, униженных, обездоленных, подвергаемых бесчеловечной эксплуатации. Милосердное ходатайство Церкви распространяется и на тех, кто несет справедливую кару за преступления. Церковь также многократно призывала остановить насилие и смягчить нравы, когда разгорались конфликты, в ходе которых попирались права человека на жизнь, здоровье, свободу и достояние. Наконец, в годы богоборческих гонений православные иерархи, священнослужители и миряне обращались к власти и обществу, защищая свободу исповедания веры, отстаивая право на широкое участие религиозных общин в жизни народа».

Имея за плечами такую богатую традицию предстательства перед властями о людях, попавших в беду, Церковь и сегодня призвана «ревностно – не только на словах, но и на деле – заботиться о сохранении прав и достоинства человека. При этом мы сознаем, что в современном мире права человека подчас нарушаются, а его достоинство попирается не только государственной властью, но и транснациональными структурами, субъектами экономики, псевдорелигиозными группами, террористическими и иными преступными сообществами. Все чаще достоинство и права человека приходится ограждать от разрушительной информационной агрессии».

В документе перечисляются области, в которых возможны правозащитные труды:

- «отстаивание права людей на свободное исповедание веры, на совершение молитвы и богослужения, на сохранение духовно-культурных традиций, на следование религиозным принципам как в частной жизни, так и в сфере общественного действия;
- противостояние преступлениям на почве национальной и религиозной вражды;
- охрана личности от произвола лиц, облеченных властью, и работодателей, а также от насилия и унижения в семье и коллективе;
- защита жизни, свободного выбора и достояния людей в ходе международных, политических, экономических и социальных конфликтов;
- пастырское попечение о воинах, о сохранении их прав и достоинства в условиях боевых действий и несения службы в мирное время;
- забота об уважении достоинства и прав людей, находящихся в социальных учреждениях и местах заключения, с сугубым вниманием к положению инвалидов, сирот, престарелых и других беспомощных людей;

- защита прав наций и этнических групп на их религию, язык и культуру;
- попечение о тех, чьи права, свобода и здоровье страдают из-за действий деструктивных сект;
- поддержка семьи в ее традиционном понимании, отцовства, материнства и детства;
- противодействие вовлечению людей в коррупцию и другие виды преступности, а также в проституцию, наркоманию, игроманию;
- забота о справедливом экономическом и социальном устройстве общества;
- недопущение тотального контроля над человеческой личностью, над ее мировоззренческим выбором и частной жизнью через использование современных технологий и политических манипуляций;
- воспитание уважения к законности, распространение положительного опыта реализации и защиты прав человека;
- экспертиза правовых актов, законодательных инициатив и действий органов власти с целью предотвращения попрания прав и достоинства человека, ухудшения нравственной ситуации в обществе;
- участие в общественном контроле за исполнением законодательства, в частности, регулирующего церковно-государственные отношения, а также за исполнением справедливых судебных решений».

Возникает вопрос, кто в Церкви может вести правозащитную деятельность? В документе дается следующий ответ: «Правозащитная деятельность чад Русской Православной Церкви может вестись как на общецерковном уровне, с благословения Священноначалия, так и на уровне созданных мирянами общественных объединений, многие из которых уже сейчас успешно работают в правозащитной сфере. В своей деятельности, направленной на защиту прав и достоинства человека, Церковь стремится взаимодействовать с государством и общественными силами. Выбирая партнеров в обществе, Церковь помнит слова Христа Спасителя, сказанные Им апостолам: «Кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9, 40).

Основываясь на церковном учении о достоинстве, свободе и правах человека, христиане призваны осуществлять нравственно ориентированное социальное действие. Оно может проявляться в самых разных формах – например, в свидетельстве перед лицом власти, в интеллектуальных разработках, в проведении кампаний в защиту тех или иных категорий людей и их прав. Не стремясь к революционному переустройству мира и признавая права других общественных групп на участие в общественных преобразованиях на основании их мировоззренческого выбора, православные христиане оставляют и за собой право на участие в таком устройении общественной жизни, которое бы не противоречило их вере и нравственным принципам. Эти же принципы Русская Православная Церковь готова

отстаивать в диалоге с мировым сообществом и в сотрудничестве с верующими других традиционных конфессий и религий».

Я постарался выполнить одновременно две задачи – кратко изложить содержание документа и одновременно познакомить вас с дискуссиями, в которых он рождался. Попутно я хотел показать актуальность этих тем для миссии Церкви в современном мире.

Теперь несколько слов о возможном статусе этого документа. Его предлагается принять в развитие основ социальной концепции Русской Православной Церкви. Позволю себе выразить уверенность, что принятие Архиерейским Собором этого документа послужит, прежде всего, миссионерским целям, так как он откроет возможность отстаивать христианские ценности в различных сферах общественной жизни.

Канонические структуры, священнослужители и миряне нашей Церкви могут руководствоваться данным документом в своих общественно значимых выступлениях и действиях.

Принимая во внимание значимость темы прав человека в современной общественной жизни, можно предположить, что этот документ вызовет интерес братских Поместных Православных Церквей и будет содействовать столь необходимому ныне укреплению единомыслия всего православного мира.

Хотелось бы выразить надежду, что систематическое изложение основ учения нашей Церкви о достоинстве, свободе и правах человека явится также реальным вкладом в то православное свидетельство, которое осуществляется в диалоге с инославными.

Можно ожидать, что многие позиции, высказанные в этом документе, будут положительно восприняты и традиционными религиозными общинами во всем мире, способствуя сохранению прав и автономии верующих людей перед лицом агрессивного нерелигиозного секуляризма.

Полагаю, что представленный документ может стать важным вкладом и в диалог, который ведет наша Церковь с государственными властями разных стран, с общественными и международными организациями во имя построения мирных и справедливых отношений между людьми и народами.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

ОСНОВЫ УЧЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О ДОСТОИНСТВЕ, СВОБОДЕ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА*

Преамбула

На протяжении всей истории человечества понимание того, что есть человек, существенно влияло на устройство частной и общественной жизни людей. Несмотря на глубокие различия между отдельными цивилизациями и культурами, в любой из них наличествуют некоторые представления о правах и обязанностях человека.

В современном мире значительное распространение получило убеждение, что институт прав человека сам по себе может наилучшим образом способствовать развитию человеческой личности и организации общества. При этом со ссылкой на защиту прав человека на практике нередко реализуются такие воззрения, которые в корне расходятся с христианским учением. Христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям, что препятствует достижению самой важной цели в жизни человека – избавлению от греха и обретению спасения.

В этой ситуации Церковь, основываясь на Священном Писании и Священном Предании, призвана напомнить основные положения христианского учения о человеке и оценить теорию прав человека и ее осуществление в жизни.

I. ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ

I. Достоинство человека как религиозно-нравственная категория.

I.1. Базовым понятием, на которое опирается теория прав человека, является понятие человеческого достоинства. Именно поэтому возникает необходимость изложить церковный взгляд на достоинство человека.

Согласно библейскому откровению, природа человека не только сотворена Богом, но и наделена Им свойствами по Его образу и подобию (см. Быт. 1, 26). Только на этом основании можно утверждать, что человеческая природа обладает неотъемлемым достоинством. Святитель Григорий Богослов, соотнося человеческое достоинство с актом Божественного творения, писал: *«Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным раздаянием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей»* (Слово 14, «О любви к бедным»).

Воплощение Бога Слова засвидетельствовало, что и после грехопадения достоинство не было утрачено человеческой природой, ибо в ней остался неистребимым образ Божий, а значит, и возможность восстановления человеческой жизни в полноте ее изначального совершенства. Это запечатлено и в богослужебных текстах Православной Церкви: *«Образ есмь неизреченная Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений... Древле убо от не сущих создавый мя, и образом Твоим Божественным почтый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от неяже взят бых, на еже по подобию возведи, древнею*

* Документ принят на Пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 28 июня 2008 года.

добротою возобразитися» (тропари по непорочных из чина погребения). Восприятие Господом Иисусом Христом полноты человеческой природы *кроме греха* (см. Евр. 4, 15) показывает, что достоинство не распространяется на искажения, возникшие в этой природе в результате грехопадения.

1.2. Если к образу Божию в Православии возводится неотъемлемое, онтологическое достоинство каждой человеческой личности, ее высочайшая ценность, то подобающая достоинству жизнь соотносится с понятием подобия Божия, которое по Божественной благодати достигается через преодоление греха, стяжание нравственной чистоты и добродетелей. А поэтому человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий. Тем более он не должен оправдывать им свои слабости или пороки, но, напротив, осознавать ответственность за направление и образ своей жизни. Очевидно, что в самом понятии достоинства неотъемлемо присутствует идея ответственности.

Таким образом, в восточной христианской традиции понятие «достоинство» имеет в первую очередь нравственный смысл, а представления о том, что достойно, а что недостойно, крепко связано с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души. Учитывая помраченное грехом состояние человеческой природы, важно ясно различать достойное и недостойное в жизни человека.

1.3. Достойной является жизнь согласно изначальному призванию, заложенному в природе человека, сотворенного для участия в благой жизни Бога. Святитель Григорий Нисский утверждает: *«Если Бог – полнота благ, а человек – Его образ, то образ в том и имеет подобие первообразу, чтобы быть исполненным всякого блага»* («Об устройении человека», гл. 16). Поэтому жизнь человека состоит в *«уподоблении Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека»* («Точное изложение православной веры»), как замечает преподобный Иоанн Дамаскин. В святоотеческой традиции это раскрытие образа Божия называется обожением.

Богоданное достоинство подтверждается наличием у каждого человека нравственного начала, которое опознается в голосе совести. Об этом пишет святой апостол Павел в Послании к Римлянам: *«Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую»* (Рим. 2, 15). Именно поэтому присущие человеческой природе нравственные нормы, как и нравственные нормы, содержащиеся в Божественном откровении, обнаруживают замысел Божий о человеке и его предназначении. Они являются путеводными для благой жизни, достойной богозданной природы человека. Величайший образец такой жизни явил миру Господь Иисус Христос.

1.4. Недостойной для человека является жизнь во грехе, так как она разрушает самого человека, а также наносит вред другим людям и окружающему миру. Грех переворачивает иерархию отношений в природе человека. Вместо того, чтобы дух властвовал над телом, во грехе он покоряется плоти, на что обращает внимание святитель Иоанн Златоуст: *«Мы извратили порядок и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти»* (Беседа 12 на Книгу Бытия). Жизнь по закону плоти противна Божиим заповедям и не соответствует нравственному началу, заложенному Богом в природу человека. В отношениях с другими людьми под влиянием греха человек действует как эгоист, заботящийся об удовлетворении своих потребностей за счет ближ-

них. Такая жизнь опасна для личности, общества и окружающей природы, ибо нарушает гармонию бытия, оборачивается душевными и телесными страданиями, болезнями, уязвимостью перед последствиями разрушения среды обитания. Нравственно недостойная жизнь онтологически не разрушает богоданного достоинства, но помрачает его настолько, что оно становится малоразличимым. Именно поэтому требуется большое напряжение воли, чтобы увидеть, а тем более признать природное достоинство тяжкого преступника или тирана.

1.5. Для восстановления в человеке соответствия своему достоинству особое значение имеет покаяние, в основе которого лежит осознание греха и желание изменить свою жизнь. Раскаиваясь, человек признает несоответствие своих мыслей, слов или поступков богоданному достоинству и свидетельствует перед Богом и Церковью о своем недостойнстве. Покаяние не унижает человека, но дает ему мощный стимул для духовной работы над собой, для творческой перемены своей жизни, для сохранения чистоты богоданного достоинства и возрастания в нем.

Именно поэтому святоотеческая и аскетическая мысль, литургическая традиция Церкви более говорят о недостойнстве человека, обусловленном грехом, чем о его достоинстве. Так, в молитве святого Василия Великого, читаемой православными христианами перед причащением Святых Христовых Таин, говорится: *«Темже и аз, аще и недостойн есмь небесе и земли, и сея привременная жизни, всего себе повинув греху, и сластем поработив, и Твой осквернив образ; но творение и создание Твое быв, не отчаяваю своего спасения, окаянный, на Твое же безмерное благоутробие дерзая, прихожду»*.

Согласно православной традиции, сохранение человеком богоданного достоинства и возрастание в нем обусловлено жизнью в соответствии с нравственными нормами, ибо эти нормы выражают первоначальную, а значит истинную природу человека, не омраченную грехом. Поэтому между достоинством человека и нравственностью существует прямая связь. Более того, признание достоинства личности означает утверждение ее нравственной ответственности.

II. СВОБОДА ВЫБОРА И СВОБОДА ОТ ЗЛА

II.1. В зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться или проявляться с большей силой. При этом природное достоинство становится все более явным в жизни отдельной личности или изглаживается в ней грехом. Результат напрямую зависит от самоопределения личности.

Свобода есть одно из проявлений образа Божия в человеческой природе. По словам святого Григория Нисского, *«человек стал боговидным и блаженным, будучи почтен свободой (αὐτεξουσίῳ)»* («Слово об усопших»). На этом основании в своей пастырской и духовнической практике Церковь бережно относится к внутреннему миру человека и его свободе выбора. Подчинение воли человека с помощью манипуляций или насилия некоему внешнему авторитету рассматривается как нарушение порядка, установленного Богом.

В то же время свобода выбора не есть абсолютная и конечная ценность. Она поставлена Богом на службу человеческому благу. Осуществляя ее, человек не должен причинять зла самому себе и окружающим. Однако, в силу власти греха, свойственного падшей человеческой природе, никакое человеческое усилие недостаточно для достижения подлинного блага. На своем примере святой апостол Павел свидетельствует о том, что свойственно каждому человеку: *«Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Уже не я делаю то, но живущий во мне грех»* (Рим. 7, 15–16). Следовательно, человеку не обойтись без помощи Бога и тесного сотрудничества с Ним, так как только Он является источником всякого блага.

Отвергнув Бога и опираясь только на себя, первые люди попали под власть разрушительных сил зла и смерти и передали эту зависимость своим потомкам. Злоупотребив свободой выбора, человек утратил другую свободу (*ἐλευθερία*) – свободу жизни в добре, которую он имел в первоизданном состоянии. Эту свободу человеку возвращает Господь Иисус Христос: *«Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны (ἐλεύθεροι) будете»* (Ин. 8, 36). Обретение свободы от греха невозможно без таинственного соединения человека с преображенной природой Христа, которое происходит в Таинстве Крещения (Рим. 6, 3–6; Кол. 3, 10) и укрепляется через жизнь в Церкви – Теле Христовом (Кол. 1, 24).

Священное Писание говорит и о необходимости собственных усилий человека для освобождения от греха: *«Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не поддавайтесь опять игу рабства»* (Гал. 5, 1). О том же свидетельствует практический опыт великого сонма святых мужей и жен, подвизавшихся духовным подвигом и подтвердивших возможность преображения жизни каждого человека. Однако плоды духовных усилий человека в полноте проявятся только во всеобщем воскресении, когда *«уничижненное тело наше»* сообразуется *«славному телу Его»* (Флп. 3, 21).

II.2. Господь Иисус Христос говорит: *«Познаете истину, и истина сделает вас свободными... всякий, делающий грех, есть раб греха»* (Ин. 8, 32,34). Это значит, что подлинно свободен тот, кто идет путем праведной жизни и ищет общения с Богом, источником абсолютной истины. Напротив, злоупотребление свободой, выбор ложного, безнравственного образа жизни, в конце концов, разрушает саму свободу выбора, так как ведет волю к порабощению грехом. Только Бог, являясь источником свободы, может поддерживать ее в человеке. Те, кто не желают расставаться с грехом, отдают свою свободу дьяволу – противнику Бога, отцу зла и несвободы. **Признавая ценность свободы выбора, Церковь утверждает, что таковая неизбежно исчезает, когда выбор делается в пользу зла. Зло и свобода несовместимы.**

В человеческой истории выбор людей и обществ в пользу зла приводил к потере свободы и огромным человеческим жертвам. И сегодня человечество может стать на тот же путь, если такие, безусловно, порочные явления, как аборт, самоубийство, разврат, извращения, разрушение семьи, культ грубости и насилия, перестанут получать должную нравственную оценку и будут оправдываться с опорой на искаженное понимание свободы человека.

Слабость института прав человека – в том, что он, защищая свободу выбора (*αὐτεξουσίον*), все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха (*ἐλευθερία*). Общественное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в пуб-

личной сфере. Нельзя защищать одну свободу, забывая о другой. Свободное стояние в добре и истине невозможно без свободы выбора. Равно и свободный выбор теряет свою ценность и смысл, если обращается ко злу.

III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ХРИСТИАНСКОМ МИРОПОНИМАНИИ И В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

III.1. Каждый человек от Бога наделен достоинством и свободой. Однако употребление свободы во зло неизбежно влечет за собою умаление собственного достоинства человека и унижение достоинства других людей. Общество должно создавать механизмы, восстанавливающие гармонию человеческого достоинства и свободы. В общественной жизни концепция прав человека и нравственность могут и должны служить данной цели. При этом они связаны хотя бы уже тем обстоятельством, что нравственность, то есть представления о грехе и добродетели, всегда предшествует закону, который и возник из этих представлений. Вот почему эрозия нравственности всегда в конце концов ведет к разрушению законности.

Представления о правах человека прошли долгую историческую эволюцию и уже поэтому не могут быть абсолютизированы в их нынешнем понимании. Необходимо ясно определить христианские ценности, с которыми должны быть гармонизированы права человека.

III.2. **Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира.** Христианин ставит свою веру в Бога и свое общение с Ним выше собственной земной жизни. Поэтому недопустимым и опасным является истолкование прав человека как высшего и универсального основания общественной жизни, которому должны подчиняться религиозные взгляды и практика. Никакими ссылками на свободу слова и творчества нельзя оправдать надругательство в публичной сфере над предметами, символами или понятиями, которые почитаются верующими людьми.

Не являясь Божественным установлением, права человека не должны вступать в конфликт с Откровением Божиим. Для большей части христианского мира наряду с идеей личной свободы не менее важна категория вероучительной и нравственной традиции, с которой человек должен согласовывать свою свободу. Для многих людей, живущих в разных странах мира, не столько секуляризованные стандарты прав человека, сколько верование и традиции обладают высшим авторитетом в общественной жизни и межличностных отношениях.

Никакие человеческие установления, в том числе формы и механизмы общественно-политического устройства, не могут сами по себе сделать жизнь людей более нравственной и совершенной, искоренить зло и страдания. Важно помнить, что государственные и общественные силы имеют реальную способность и призвание пресекать зло в его социальных проявлениях, но они не могут одержать победу над его причиной – греховностью. Сущностная борьба со злом ведется в глубине человеческого духа и может иметь успех лишь на путях религиозной жизни личности: *«Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6, 12).

В Православии неизменно присутствует убежденность в том, что общество, устрояя земную жизнь, должно учитывать не только человеческие интересы и желания, но и Божию правду, данный Творцом вечный нравственный закон, действующий в мире вне зависимости от того, согласна ли с ним воля отдельных людей или человеческих сообществ. Этот закон, запечатленный в Священном Писании, для православного христианина выше любых иных установлений, ибо по нему Бог будет судить человека и народы перед Своим Престолом (см. Откр. 20, 12).

III.3. Разработку и применение концепции прав человека необходимо согласовывать с нормами морали, с нравственным началом, заложенным Богом в природу человека и опознаваемым в голосе совести.

Права человека не могут быть основанием для принуждения христиан к нарушению заповедей Божиих. Православная Церковь считает недопустимыми попытки подчинить взгляд верующих на человека, семью, общинную жизнь и церковную практику безрелигиозному пониманию прав человека. На это христиане должны вслед за апостолами Петром и Иоанном заявить: *«Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?»* (Деян. 4, 19).

Недопустимо вводить в область прав человека нормы, размывающие или отменяющие как евангельскую, так и естественную мораль. Церковь усматривает огромную опасность в законодательной и общественной поддержке различных пороков - например, половой распущенности и извращений, культа наживы и насилия. Равно недопустимо возведение в норму безнравственных и антигуманных действий по отношению к человеку, таких как аборт, эвтаназия, использование человеческих эмбрионов в медицине, эксперименты, меняющие природу человека, и тому подобного.

К сожалению, в обществе появляются законодательные нормы и политические практики, которые не только разрешают подобные действия, но и создают предпосылки для их навязывания всему обществу через средства массовой информации, системы образования и здравоохранения, рекламу, сферу торговли и услуг. Более того, верующие люди, считающие эти явления греховными, принуждаются признавать допустимость греха или подвергаются дискриминации и преследованиям.

По законам многих стран наказуемы действия, причиняющие вред другому человеку. Однако опыт жизни показывает, что и вред, наносимый человеком самому себе, распространяется на окружающих, на тех, кто связан с ним узами родства, дружбы, соседства, совместной деятельности, гражданства. Человек несет ответственность за последствия греха, поскольку его выбор в пользу зла пагубно влияет на ближних и на все Божие творение.

Согласно своему достоинству, человек призван к благим делам. Он обязан проявлять заботу об окружающем мире и людях. Стремлением его жизни должно быть совершение добра и научение добру, а не злу: *«Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном»* (Мф. 5, 19).

III.4. Права человека не должны противоречить любви к Отечеству и к ближним. Творец вложил в человеческую природу необходимость общения и единения людей, о чем Он сказал: *«Не хорошо быть человеку одному»* (Быт. 2, 18). Любовь к своей семье и другим близким людям не может не распространяться на народ и страну, в которой человек живет. Не случайно православная

традиция возводит патриотизм к словам Самого Христа Спасителя: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15, 13).

Признание прав индивидуума должно уравниваться утверждением ответственности людей друг перед другом. Крайности индивидуализма и коллективизма не способны служить гармоничному устройению жизни общества. Они приводят к деградации личности, нравственному и правовому нигилизму, росту преступности, утрате гражданской активности, взаимному отчуждению людей.

Духовный же опыт Церкви свидетельствует, что напряженность между индивидуальными и общественными интересами может быть преодолена тогда, когда права и свободы человека согласуются с нравственными ценностями, а главное – когда жизнь человека и общества оживотворяется любовью. Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими ее людьми, делая человека способным полностью реализовать свою свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве.

Действия, направленные на соблюдение прав человека, на совершенствование общественных и экономических отношений и институций, не увенчаются подлинным успехом, если будут игнорироваться духовные и культурные традиции стран и народов.

Под предлогом защиты прав человека одним цивилизациям не следует навязывать свой уклад жизни другим. Правозащитная деятельность не должна служить политическим интересам отдельных стран. Борьба за права человека становится плодотворной тогда, когда она служит духовному и материальному благу личности и общества.

III.5. Реализация прав человека не должна вести к деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов. Отказ от богооткровенных ориентиров жизни человека и общества приводит не только к разладу в отношениях между людьми, но и к катастрофическому столкновению человека с природой, которая отдана Творцом во владение человеку (Быт. 1, 28). Неограниченное стремление к удовлетворению материальных потребностей, особенно потребностей избыточных и искусственных, греховно по своей сути, ибо ведет к оскудению и души человека, и окружающей природы. Нельзя забывать, что природные богатства земли суть не только человеческое достояние, но прежде всего – творение Бога: *«Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущие в ней»* (Пс. 23, 1). Признание прав человека не означает, что в угоду своим эгоистическим интересам он может расточать природные ресурсы. Достоинство человека неотделимо от его призвания заботиться о Божием мире (см. Быт. 2, 15), соблюдать умеренность в удовлетворении своих потребностей, бережно сохранять богатство, разнообразие и красоту природы. Эти истины должны со всей серьезностью учитываться обществом и государством при определении главных целей социально-экономического и материально-технического развития. Нужно помнить о том, что не только нынешние, но и будущие поколения имеют право пользоваться теми природными благами, которые даны нам Творцом.

С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого досто-

инства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию.

IV. ДОСТОИНСТВО И СВОБОДА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

IV.1. Существуют разные традиции толкования и национальные особенности реализации комплекса прав и свобод. Современная система прав человека носит разветвленный характер и имеет тенденцию к еще большей детализации. В мире нет общепринятой классификации прав и свобод. Различные правовые школы объединяют их в группы по разным критериям. Церковь в силу своего основного призвания предлагает рассматривать права и свободы с точки зрения их возможной роли в создании благоприятных внешних условий для совершенствования личности на пути спасения.

IV.2. **Право на жизнь.** Жизнь есть дар Божий человеку. Господь Иисус Христос благовествует: *«Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком»* (Ин. 10, 10). Заповедь «Не убий» в числе иных была дана Богом пророку Моисею. Православие не приемлет и осуждает терроризм, вооруженную агрессию, криминальное насилие, равно как и все другие формы преступного отнятия человеческой жизни.

Вместе с тем жизнь не ограничивается земными рамками, в которых воспринимает человека секулярное мировоззрение и связанная с ним юридическая система. Христианство свидетельствует, что земная жизнь, ценная сама по себе, обретает полноту и абсолютный смысл в перспективе жизни вечной. Поэтому на первом месте должно стоять не само желание во что бы то ни стало сохранить земную жизнь, а стремление устроить ее так, чтобы человек мог в соработничестве с Богом созидать свою душу для вечности.

Слово Божие учит, что отдавание своей земной жизни ради Христа и Евангелия (см. Мк. 8, 35) и ради других людей не вредит спасению человека, но, наоборот, приводит его в Царство Небесное (см. Ин. 15, 13). Церковь почитает подвиг мучеников, даже до смерти послуживших Господу, и исповедников, не отрекшихся от него перед лицом гонений и угроз. Православные христиане также чтят героизм тех, кто отдал жизнь на поле брани за Отечество и ближних своих.

В то же время Церковь осуждает самоубийство, поскольку совершающий его не приносит себя в жертву, а отвергает жизнь как дар Божий. В связи с этим неприемлема легализация так называемой эвтаназии – содействия уходу из жизни людей, которое представляет собой сочетание убийства и самоубийства.

Право на жизнь должно подразумевать защиту человеческой жизни с момента зачатия. Всякое посягательство на жизнь формирующейся человеческой личности является нарушением этого права. Современные международные и национальные юридические акты закрепляют и охраняют жизнь и права ребенка, взрослого и пожилого человека. Эта же логика защиты человеческой жизни должна рас-

пространяться на ее отрезок от момента зачатия до появления на свет. Библейское представление о богоданной ценности человеческой жизни с момента ее зачатия выражено, в частности, в словах святого царя Давида: *«Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей... Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было»* (Пс. 138, 13,15–16).

Признавая, что смертная казнь была приемлема в ветхозаветные времена, а указаний на необходимость ее отмены «нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви», нельзя не вспомнить о том, что «Церковь часто принимала на себя долг печалования об осужденных на казнь, прося для них милости и смягчения наказания» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, IX.3). Защищая человеческую жизнь, Церковь, вне зависимости от отношения общества к смертной казни, призвана исполнять этот долг печалования.

IV.3. Свобода совести. Дар свободы выбора опознается человеком прежде всего в возможности выбирать мировоззренческие ориентиры своей жизни. Как пишет святитель Ириней Лионский, «Бог сотворил его (человека) свободным, имеющим свою власть <...> добровольно исполнять волю Божию, а не по принуждению от Бога» («Против ересей», гл. XXXVI, 1,4). Принцип свободы совести находится в гармонии с волей Божией, если защищает человека от произвола по отношению к его внутреннему миру, от навязывания ему силой тех или иных убеждений. Недаром в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви признается необходимость *«сохранить для человека некую автономную сферу, где его совесть остается «самовластным» хозяином, ибо от свободного волеизъявления в конечном счете зависят спасение или гибель, путь ко Христу или путь от Христа»* (ОСК, IV, 6). В условиях светского государства провозглашенная и утвержденная законом свобода совести позволяет Церкви сохранить свою самобытность и независимость от людей иных убеждений, дает юридическое основание как для неприкосновенности ее внутренней жизни, так и для публичного свидетельства об Истине. Вместе с тем *«утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей»* (ОСК, III, 6).

Подчас свобода совести трактуется как требование религиозной нейтральности или индифферентности государства и общества. Некоторые идеологические интерпретации религиозной свободы настаивают на признании относительными или «равно истинными» всех вероисповеданий. Это неприемлемо для Церкви, которая, уважая свободу выбора, призвана свидетельствовать о хранимой ею Истине и обличать заблуждения (см. 1 Тим. 3, 15).

Общество имеет право свободно определять содержание и объем взаимодействия государства с разными религиозными общинами в зависимости от их численности, традиционности для страны или региона, вклада в историю и культуру, от гражданской позиции. При этом должно сохраняться равенство граждан перед законом вне зависимости от их отношения к религии. Принцип сво-

боды совести не является препятствием для партнерских отношений Церкви и государства в социальной, благотворительной, образовательной и другой общественно значимой деятельности.

Нельзя со ссылкой на свободу совести, извращая саму суть этого принципа, устанавливать всецелый контроль за жизнью и убеждениями человека, разрушать личную, семейную и общественную нравственность, оскорблять религиозные чувства, посягать на святыни, наносить ущерб духовно-культурной самобытности народа.

IV.4. Свобода слова. Свобода выражения мыслей и чувств, предполагающая возможность распространения информации, является естественным продолжением свободы мировоззренческого выбора. Слово служит основным средством общения людей с Богом и между собой. Содержание общения серьезно влияет на благополучие человека и межличностные отношения в обществе. Человек несет особую ответственность за свои слова. *«От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься»*, - говорится в Священном Писании (Мф. 12, 37). Публичные выступления и заявления не должны содействовать распространению греха, порождать распри и нестроения в обществе. Слово должно созидать и поддерживать добро. Особенно опасно оскорблять религиозные и национальные чувства, исказить информацию о жизни тех или иных религиозных общин, народов, социальных групп, личностей. Ответственность за слово многократно возрастает в современном мире, переживающем бурное развитие технологий хранения и распространения информации.

IV.5. Свобода творчества. Творческие способности суть проявление образа Божия в человеке. Церковь благословляет творчество, открывающее новые горизонты для духовного возрастания человека и для познания сотворенного мира. Призванное способствовать раскрытию потенциала личности, творчество не должно оправдывать нигилистического отношения к культуре, религии и нравственности. Право на самовыражение отдельной личности или групп людей не должно осуществляться в формах, оскорбительных для убеждений и образа жизни других членов общества. При этом должен соблюдаться один из основных принципов общежития – взаимное уважение различных мировоззренческих групп.

Надругательство над святынями не может быть оправдано ссылками на права художника, писателя, журналиста. Современное законодательство обычно защищает не только жизнь и имущество людей, но и символические ценности, такие как память умерших, места захоронения, памятники истории и культуры, государственные символы. Такая защита должна распространяться на веру и святыни, которые дороги для религиозных людей.

IV.6. Право на образование. Уподобление Богу в добродетели является целью земной жизни человека. Образование – это не только средство для приобретения знаний или для введения человека в жизнь общества, но и воспитание личности в соответствии с замыслом Творца. Право на образование предполагает приобретение знаний с учетом культурных традиций общества и мировоззренческой позиции семьи и личности. В основе большинства культур мира лежит религия, поэтому всестороннее образование и воспитание человека должно включать в себя преподавание знаний о религии, создавшей ту культуру, в которой этот человек живет. При этом должна уважаться свобода совести.

IV.7. Гражданские и политические права. В Священном Писании верующие наставляются на исполнение семейных и общественно значимых обязанностей как на послушание Христу (см. Лк. 3, 10–14; Еф. 5, 23–33; Тит. 3, 1). Святой апостол Павел не раз пользовался правами римского гражданина, чтобы беспрепятственно проповедовать Слово Божие. Гражданские и политические права предоставляют человеку широкие возможности для деятельного служения ближнему. Используя этот инструмент, гражданин может оказывать влияние на жизнь социума и участвовать в управлении делами государства. От того, как человек распоряжается своим правом избирать и быть избранным, свободой ассоциаций и союзов, свободой слова и убеждений, зависит благополучие общества.

Пользование политическими и гражданскими правами не должно приводить к разделению и вражде. Православная традиция соборности предполагает сохранение единства общества на основе непреходящих нравственных ценностей. Церковь призывает людей сдерживать свои эгоистические устремления ради общего блага.

В истории народов, окормляемых Русской Православной Церковью, сложилось плодотворное представление о необходимости соработничества власти и общества. Политические права могут полноценно служить такому принципу государственно-общественных отношений. Для этого необходимо реальное представительство интересов граждан на различных уровнях власти и обеспечение возможностей для гражданского действия.

Частная жизнь, мировоззрение и воля людей не должны быть предметом тотального контроля. Для общества опасны манипуляции выбором людей и их сознанием со стороны властных структур, политических сил, экономических и информационных элит. Недопустимы также сбор, концентрация и использование информации о любых сторонах жизни людей без их согласия. В случаях, когда того требуют защита Отечества, сохранение нравственности, охрана здоровья, прав и законных интересов граждан, а также предотвращение либо раскрытие преступлений и осуществление правосудия, сбор сведений о человеке может совершаться без его согласия. Однако и в этих случаях получение и использование информации должно осуществляться сообразно заявленным целям и с соблюдением законности. Методы сбора и обработки информации о людях не должны принижать человеческое достоинство, ограничивать свободу и превращать человека из субъекта общественных отношений в объект машинного управления. Еще более опасным для свободы человека станет внедрение технических средств, постоянно сопровождающих человека или неотделимых от его тела, если их можно будет использовать для контроля над личностью и управления ею.

IV.8. Социально-экономические права. Земная жизнь невозможна без удовлетворения материальных потребностей человека. В книге Деяний святых апостолов повествуется о первохристианской общине, в которой материальная забота о ее членах была поставлена на особую высоту (см. Деян. 4, 32–37; 6, 1–6). Правильное пользование материальными благами небезразлично для дела спасения. Поэтому необходимо придавать ясное нравственное измерение таким правам и свободам, как право собственности, право на труд, право на защиту от произвола работодателя, свобода предпринимательства, право на достойный уровень жизни.

Реализация экономических прав не должна приводить к формированию такого общества, в котором пользование материальными благами превращается в доминирующую или даже единственную цель существования социума. Одно из назначений экономических и социальных прав заключается в том, чтобы предотвратить конфронтационное расслоение в обществе. Такое расслоение противно заповеди о любви к ближнему. Оно создает условия для нравственной деградации общества и личности, порождает отчуждение людей друг от друга, нарушает принцип справедливости.

Важной ответственностью общества является забота о людях, неспособных обеспечить свои материальные потребности. Доступ к образованию и жизненно необходимой медицинской помощи не должен зависеть от социального и экономического положения человека.

IV.9. Коллективные права. Права отдельной личности не должны быть разрушительными для уникального уклада жизни и традиций семьи, а также различных религиозных, национальных и социальных сообществ. В человеческую природу Богом заложено стремление индивида к общинному существованию (см. Быт. 2, 18). На пути к исполнению воли Божией о единстве человеческого рода важную роль играют различные виды общинной жизни, осуществляемой в национальных, государственных и социальных объединениях. Полноту же осуществления заповедей Божиих о любви к Богу и ближнему (см. Мф. 22, 37–39) являет собою Церковь – богочеловеческий организм.

Началом общинной жизни является семья. Недаром святой апостол Павел говорит о причастности семьи Таинству Церкви (см. Еф. 5, 23–33). В семье человек обретает опыт любви к Богу и ближнему. Через семью передаются религиозные традиции, социальный уклад и национальная культура общества. Современное право должно рассматривать семью как законный союз мужчины и женщины, в котором создаются естественные условия для нормального воспитания детей. Закон также призван уважать семью как целостный организм и защищать его от разрушения, провоцируемого падением нравственности. Охраняя права ребенка, юридическая система не должна отрицать особую роль родителей в его воспитании, неотделимом от мировоззренческого и религиозного опыта.

Необходимо уважать и другие коллективные права, такие как право на мир, право на окружающую среду, право на сохранение культурного наследия и внутренних норм, регулирующих жизнь различных общин.

Единство и взаимосвязанность гражданских и политических, экономических и социальных, индивидуальных и коллективных прав человека способно содействовать гармоничному устройению жизни общества как на национальном, так и на международном уровне. Общественная ценность и эффективность всей системы прав человека зависят от того, насколько она создает условия для возрастания личности в богоданном достоинстве и сопрягается с ответственностью человека за свои поступки перед Богом и ближними.

V. ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

V.1. С древних времен и до сего дня Православная Церковь печалуеться перед властью за людей несправедливо осужденных, униженных, обездоленных, подвергаемых эксплуатации. Милосердное ходатайство Церкви распространяется и на

тех, кто несет справедливую кару за преступления. Церковь также многократно призывала остановить насилие и смягчить нравы, когда разгорались конфликты, в ходе которых попирались права человека на жизнь, здоровье, свободу и достояние. Наконец, в годы богоборческих гонений православные иерархи, священнослужители и миряне обращались к власти и обществу, защищая свободу исповедания веры, отстаивая право на широкое участие религиозных общин в жизни народа.

V.2. Точно так же и сегодня мы призваны ревностно – не только на словах, но и на деле – заботиться о сохранении прав и достоинства человека. При этом мы сознаем, что в современном мире права человека подчас нарушаются, а его достоинство попирается не только государственной властью, но и транснациональными структурами, субъектами экономики, псевдорелигиозными группами, террористическими и иными преступными сообществами. Все чаще достоинство и права человека приходится ограждать от разрушительной информационной агрессии.

Для наших правозащитных трудов ныне следует особо выделить следующие области:

- отстаивание права людей на свободное исповедание веры, на совершение молитвы и богослужения, на сохранение духовно-культурных традиций, на следование религиозным принципам как в частной жизни, так и в сфере общественного действия;
- противостояние преступлениям на почве национальной и религиозной вражды;
- охрана личности от произвола лиц, облеченных властью, и работодателей, а также от насилия и унижения в семье и коллективе;
- защита жизни, свободного выбора и достояния людей в ходе международных, политических, экономических и социальных конфликтов;
- пастырское попечение о воинах, о сохранении их прав и достоинства в условиях боевых действий и несения службы в мирное время;
- забота об уважении достоинства и прав людей, находящихся в социальных учреждениях и местах заключения, с сугубым вниманием к положению инвалидов, сирот, престарелых и других беспомощных людей;
- защита прав наций и этнических групп на их религию, язык и культуру;
- попечение о тех, чьи права, свобода и здоровье страдают из-за действий деструктивных сект;
- поддержка семьи в ее традиционном понимании, отцовства, материнства и детства;
- противодействие вовлечению людей в коррупцию и другие виды преступности, а также в проституцию, наркоманию, игроманию;
- забота о справедливом экономическом и социальном устройстве общества;
- недопущение тотального контроля над человеческой личностью, над ее мировоззренческим выбором и частной жизнью через использование современных технологий и политических манипуляций;
- воспитание уважения к законности, распространение положительного опыта реализации и защиты прав человека;

– экспертиза правовых актов, законодательных инициатив и действий органов власти с целью предотвращения попрания прав и достоинства человека, ухудшения нравственной ситуации в обществе;

– участие в общественном контроле за исполнением законодательства, в частности, регулирующего церковно-государственные отношения, а также за исполнением справедливых судебных решений.

V.3. Правозащитная деятельность чад Русской Православной Церкви может вестись как на общецерковном уровне, с благословения Священноначалия, так и на уровне созданных мирянами общественных объединений, многие из которых уже сейчас успешно работают в правозащитной сфере. В своей деятельности, направленной на защиту прав и достоинства человека, Церковь стремится взаимодействовать с государством и общественными силами. Выбирая партнеров в обществе, Церковь помнит слова Христа Спасителя, сказанные Им апостолам: «Кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9, 40).

V.4. Основываясь на церковном учении о достоинстве, свободе и правах человека, христиане призваны осуществлять нравственно ориентированное социальное действие. Оно может проявляться в самых разных формах – например, в свидетельстве перед лицом власти, в интеллектуальных разработках, в проведении кампаний в защиту тех или иных категорий людей и их прав. Не стремясь к революционному переустройству мира и признавая права других общественных групп на участие в общественных преобразованиях на основании их мировоззренческого выбора, православные христиане оставляют и за собой право на участие в таком устройении общественной жизни, которое бы не противоречило их вере и нравственным принципам. Эти же принципы Русская Православная Церковь готова отстаивать в диалоге с мировым сообществом и в сотрудничестве с верующими других традиционных конфессий и религий.

Настоящий документ принимается Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в развитие основ ее социальной концепции. Каноническим структурам, священнослужителям и мирянам нашей Церкви надлежит руководствоваться данным документом в своих общественно значимых выступлениях и действиях; он подлежит изучению в духовных школах Московского Патриархата. Документ предлагается братскому вниманию Поместных Православных Церквей с надеждой на то, что он послужит возрастанию в единомыслии и поможет координации практических действий. К изучению и обсуждению документа также приглашаются иные христианские церкви и объединения, другие религиозные общины, государственные органы и общественные круги разных стран, международные организации.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

**СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА
НА ОТКРЫТИИ XIII ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ И МОЛОДЕЖЬ. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ
ПРИЧИНЫ КРИЗИСОВ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ»
(22 мая 2009 года, г. Москва)**

Преосвященные архипастыри! Уважаемые представители органов государственной власти! Дорогие отцы, братья и сестры! Дамы и господа!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Сегодня нас с вами вновь соединил Всемирный русский народный собор – крупнейший общественный форум, участники которого представляют разные поколения, профессиональные и социальные группы, регионы России, страны ближнего и дальнего зарубежья. По традиции Главой Собора является Патриарх Московский и всея Руси. И я рад впервые в Патриаршем достоинстве возглавить работу Собора. Надеюсь, что участники Собора, особенно члены его Президиума, члены Бюро всегда будут мне добрыми помощниками, как это было и в прошлом, и надеюсь, что этими усилиями мы будем обеспечивать и дальнейшее поступательное, творческое развитие соборной мысли.

На Соборе нам предстоит обсудить ряд вопросов, неотложность и важность которых признается сегодня всеми. Это необходимость преодоления экономического кризиса, забота о сохранении окружающей среды, противостояние алкоголизму, наркомании, преступности, другим язвам нашего общества. Это, наконец, нравственное измерение жизни молодых людей – жизни личной и общественной. Перечисленные вопросы сегодня обсуждают политики, журналисты, эксперты, ученые, рядовые граждане. Но, на мой взгляд, чисто утилитарный подход к этим проблемам, каким бы профессиональным ни был этот подход, упускает из вида нечто очень существенное, упускает из вида некую коренную причину развития кризисных явлений в современной человеческой цивилизации и в российском обществе. В поведении людей сегодня присутствуют черствость, безответственность, хищническое отношение к природе, погоня за удовольствиями, которая часто оборачивается мучительной ломкой – все эти бедствия коренятся в человеческой душе, и не исцелив душу, нельзя оздоровить ни экономику, ни экологию, ни какую-либо вообще из сторон нашей общественной жизни.

В Евангелии говорится о том, что *блаженны чистые сердцем, потому что они Бога увидят* (см. Мф. 5. 8). Многие в современном мире предлагают нам наполнять душу и разум все новыми и новыми мыслями и чувствами, потреблять информацию, копить знания, анализировать житейский опыт. Все это может быть для человека весьма полезным, а если учесть радикальное развитие науки, техники, технологий, общественных отношений, – это становится просто необходимым. Но не менее, а может быть, и более важно – не затуманивать свой взор, не терять жизненной перспективы, хранить душу от грязи и духовной нечистоты. Именно чистота души, как свидетельствует история, является основой достойного устройства жизни человека и общества.

Но что может очистить душу, что может приблизить ее к совершенству? Замечательные слова находим в Евангелии от Матфея: «Если не обратитесь и

не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18. 3). В то же время апостол Павел призывает нас: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, но по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14. 20). Итак, мы призваны умалить свой эгоизм, гордость, стать чистыми людьми, как беззлобные младенцы. Не безвольными инфантилами, не способными прозревать происходящее сегодня в мире. Мы должны быть способными по Слову Божию *быть мудрыми, как змии, и простыми, как голуби* (см. Мф. 10. 16).

Одной из тем нашего Собора станет обсуждение путей выхода из экономического кризиса. Многие сегодня ощущают на себе его недоброе дыхание. Но чем он вызван? Нас долгие годы уверяли, что главное в экономике – это капитал, средства производства, теории и технологии. Однако разразившийся кризис опроверг эти постулаты. Главное в экономике – человек. От его ума, от его души, от его нравственного состояния зависит настоящее и будущее мирового хозяйства. Когда деньги в мировой экономической системе отрываются от труда, когда богатые страны богатеют, а бедные беднеют – тогда, рано или поздно, экономика перестанет быть эффективной и переживет кризисы. Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам – лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика не эффективна и более того – нежизнеспособна, опасна. Не случайно в Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании, принятом Всемирным русским народным собором, говорится: «Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности».

Не только экономика страдает от бездушия людей. Вся земля, все творение Божие, по слову апостола Павла, «совокупно стенает и мучится донныне» (Рим. 8. 22), неся на себе последствия отпадения человека от Создателя. По состоянию наших подъездов, дворов и улиц, по уровню загрязненности рек, лесов и атмосферы мы можем сказать о состоянии наших душ. И это ясно свидетельствует о том, что без нравственного обновления, без очищения души через принесение нравственных норм в систему образования, через проявление этих норм в реальной жизни людей, мы никогда не решим в том числе и экологических проблем. Если ребенок не приучен к тому, что грешно ломать дерево, грешно загрязнять природу, то этот ребенок не научится ничему и в будущем. Пренебрежительное и эксплуататорское отношение к окружающему миру станет частью его природы, и его трудно будет изменить. То же самое сейчас и происходит и в нашем обществе, и во многих других странах и государствах.

Итак, что же может исцелить души людей, уврачевать язвы нашего общества, преодолеть укоренившиеся худые обычаи, искоренить пренебрежение не только к морали, но и к закону, о котором с такой обеспокоенностью говорил Президент нашей страны Дмитрий Анатольевич Медведев? Многие возлагали свое упование на способность рыночной экономики к саморегулированию, думая, что с решением экономических проблем автоматически решатся и все остальные проблемы. Ведь можно было услышать, особенно в 1990-е годы, размышления о том, что нужно поднять экономику, а все остальное поднимется само собой. Сейчас нам все более очевидно, что этот подход не работает. Экономическое развитие не может исправить нравы – напротив, нравственная порча может подорвать любую экономику.

Есть только одно исцеление для человеческих душ – и многие из нас знают, как оно совершалось даже в жизни людей тяжело заблудившихся. Воры становились честными людьми, разбойники – законопослушными гражданами; люди, страдавшие от пьянства, освобождались от своего порока; блудники становились верными и заботливыми отцами семейств. Это исцеление приносилось в их жизнь покаянием, верой и силой благодати Божией.

Господь являет Свое живое, действенное, спасительное присутствие в мире. И ныне звучат Его слова: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас (Мф. 11. 28)». И ныне мы молимся словами ветхозаветного Пророка: «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6. 16).

Для всякого человека, прожившего долгую жизнь, очевидна разрушительность порока и польза добродетели. Скажем, человек пристрастился к алкоголю, и что с ним происходит? Он теряет уважение родных и знакомых, лишается семьи, здоровья, работы; и душа его, и тело разрушаются. Горькая, страшная участь! И какое огромное количество наших сограждан страдают от этого, как много семей распадаются! Сколько появляется детей-сирот при живых родителях только потому, что этот порок разламывает человеческие судьбы! Но есть и другие примеры: маленькая девочка, которая, рискуя жизнью, вытащила из горящего дома других детей; молодые добровольцы, которые посвящают свободное время уходу за больными, дарят радость общения сиротам и старикам; авиадиспетчер, который благодаря своему профессионализму недавно спас сотни людей, до гибели которых оставались секунды. Удивительным примером нравственного подвига на все времена остаются новомученики Российские, в том числе очень молодые люди, которые, не убоявшись смерти, сохранили верность Господу.

Современное общество называют информационным. Действительно, средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование личности. На них лежит особая ответственность за чистоту народной души, за воспитание молодежи на добрых примерах. Слава Богу, наше Отечество богато героями, известными и неизвестными. И молодым людям есть с кого брать пример честного труда, любви к Родине, достойного устройства семьи. Такие люди были и в царской России, и в России советской, есть они и сейчас, и их много. Вообще, добрых людей больше, чем злых, а добра в мире – больше, чем зла. А если бы эти пропорции были изменены, человеческая цивилизация потеряла бы свою устойчивость, и мы просто стояли бы лицом к лицу с апокалипсисом. Потому что добро удерживает мир от гибели, именно добрые люди должны стать примером остальным. Об этих замечательных людях нужно снимать фильмы, создавать телепередачи, слагать песни, писать стихи.

Церковь открыта ко всем людям, и особенно к молодым, к тем, кто только делает первые самостоятельные шаги, которые могут определить все направление их дальнейшей жизни. Хотя молодые по-другому одеваются, по-другому говорят, слушают другую музыку, и люди старшего поколения нередко их не понимают, – мы знаем, что наша молодежь в большинстве своем сохраняет

стремление к чистоте и добру. Важно ободрить юношей и девушек, сказать им: не бойтесь быть чистыми, честными и добрыми, не бойтесь быть идеалистами! Не бойтесь держаться правды!

Молодость – время поиска. Поиска своего места в обществе, спутника жизни, друзей, соратников. И в этом поиске всегда оправдывает себя честное поведение. Не стоит ради материальных благ, ради славы или комфорта изменять себе, заглушать голос совести, марать грязью душу.

Спаситель говорит: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10. 10)». Порок, стремление к незаконному обогащению или к нездоровым удовольствиям могут казаться привлекательными – но в итоге всегда оставляют человека обманутым, опустошенным и ограбленным. Доверие Господу, хранение Его заповедей ведет к достойной жизни на земле и к блаженству в вечности. Древняя Псалтирь, обращаясь к молодому человеку, отвечает на очень важный для него вопрос: «Как юноше содержать себя в чистоте путь свой? – Хранением себя по слову Твоему» (ср. Пс. 118, 9). Именно такой путь ведет к полноценной и радостной жизни. Не случайно, обращаясь к Богу, Псалмопевец говорит: «Ты укажи мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (ср. Пс. 15, 11).

Не секрет, что человек, даже молодой, может чувствовать себя беспомощным, одиноким и никому не нужным. Это свидетельствует о нездоровье общества. Конечно же, государство и старшие поколения должны помогать молодым людям обрести жизненное призвание, найти и осуществить свое дело. Но судьба каждого человека зависит, прежде всего, от него самого. Вот почему молодые люди призваны становиться лучшими в экономике, политике, творчестве, других сферах народного бытия. Идеи и дела современной молодежи должны быть настолько убедительными, чтобы и власть, и общество смогли твердо опираться на молодое поколение в самых смелых замыслах и проектах.

Хотел бы обратиться к молодым людям, которых немало в этом зале. Подумайте о том, что вы можете сделать для ваших ближних, для народа нашего, для страны, для тех, кому вы можете показать добрый пример, кого вы можете ободрить, кому вы можете помочь. Наша страна нуждается в вас, в вашем труде, упорстве, изобретательности, творчестве, но более всего – в вашем мужестве пребывать в истине, поступать по совести, быть честными и верными даже тогда, когда это очень трудно и когда это выбивается из навязываемых нам неких жизненных стандартов.

Да поможет Воскресший Господь всем нам в трудах, направленных на благо личности, на процветание народа и государства, на здоровье общества и окружающей среды. Желаю благословенного успеха в работе Собора.

(<http://www.mospat.ru/index.php?page=45009>)

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА
НА ВСТРЕЧЕ С МОЛОДЕЖЬЮ В РАМКАХ XIII ВСЕМИРНОГО
РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА
(23 мая 2009 г., г. Москва)**

Дорогие друзья, я хотел бы, прежде всего, поблагодарить вас за то, что вы собрались на эту встречу. Для меня как для Патриарха и епископа Москвы очень важно видеть ваши лица и слышать ваши голоса. Церковь может успешно нести свое свидетельство миру, она может достигать человеческих сердец, реально помогать людям только тогда, когда ее служители понимают запросы и чаяния, радости и скорби, надежды и разочарования своих современников.

Мы с вами живем в непростое время. С одной стороны, существует достаточно высокий жизненный уровень людей. Разве можно сравнить нынешний жизненный уровень и уровень потребления с тем, что было 50 и более лет тому назад? С другой стороны, возникает так много новых проблем, что лавина этих проблем часто затмевает в нашем сознании удовлетворение теми достижениями, которые существуют. Каждый знает, что большой интерес вызывает появление новых образцов техники, в том числе новые машины, самолеты, бытовая техника. Нам кажется, что с появлением новых видов техники, с новыми технологиями, с созданием современной инфраструктуры улучшится и жизнь людей. Некоторые придерживаются довольно прекраснодушного взгляда на человеческий прогресс: если будут лучше автомобили и самолеты, будут шире и качественнее дороги – значит, и жизнь будет лучше. Я хотел бы с вами поделиться своими мыслями по этому поводу.

Я начал работать в Москве 20 лет тому назад. Вначале сам за рулем был, а потом меня стали возить на машине, которая называлась «Волга» ГАЗ-24. Люди старшего поколения хорошо этот автомобиль знают – не очень комфортная машина. Но когда меня сегодня привезли к вам в шикарном «Мерседесе», это дало мне возможность спросить себя: «А когда я был более счастлив, когда я до работы за 20 минут доезжал на "Волге", или когда большинство людей в хороших машинах добираются до работы за 45 минут, за час, за полтора?» Мне вчера позвонил один священнослужитель и сказал, что он в неплохой машине до дома добирался четыре часа. Есть такое понятие – качество жизни. Понятие это, несомненно, связано с материально-техническим прогрессом, но было бы огромной ошибкой считать, что именно материально-технический прогресс, именно рост материального благосостояния обеспечивает должное качество жизни людей.

Можно привести и другие примеры. Так, все знают, что для того, чтобы экономика развивалась, непременно нужно развитие производства. Но производство требует ресурсов, в том числе и невозполняемых ресурсов Земли. Всякое производство связано с загрязнением окружающей среды. И хотя сейчас предпринимаются огромные усилия, чтобы снизить нагрузку на природу от хозяйственной деятельности человека, существует феномен деградации окружающей среды и каждый человек на своем опыте может это ощутить, особенно в крупных городах. Давайте спросим себя: готовы ли мы выбирать новые машины, телевизоры, холодильники, инфраструктуру, жилища, и при этом – загрязненную среду обитания, отсутствие чистой воды, свежего воздуха?

Конечно, технически и с этим можно справиться, но я привожу эти примеры только лишь для того, чтобы показать: взбираясь на гору и думая, что, достигнув этой высоты, мы будем иметь полноту жизни, мы видим, что там, на горизонте, – другие горы, во много раз выше, круче и опасней, и на них снова нужно взбираться. Но жизнь-то человеческая ограничена конкретным сроком, как в слове Божиим сказано: семьдесят, от силы – восемьдесят лет (см. Пс. 89:10). И ведь каждая человеческая личность уникальна и ценна, и во время этих семидесяти, даст Бог, восьмидесяти лет должно осуществиться самое главное и основное, ради чего мы живем. Теория прогресса, которая питала в том числе и атеистическое мировоззрение, просто захлебывается в этих конфликтных схемах: развивая одно, мы губим другое; надеясь, что одно поможет стать счастливым, и очень многое ставя на это, в данном случае – на материальную сторону своей жизни, мы убеждаемся, что счастье человека в полной мере не зависит от всего того материального, ради чего зачастую мы живем и чему отдаем все свои силы.

Мне бы хотелось сказать еще об одном аспекте этой темы, и я считаю это очень важным. Обычно получается так, что человек, жизненная перспектива и мировоззрение которого ограничиваются сферой земного бытия, достигая преклонного возраста, сознает, что он многого не сделал. Если у человека достаточно развито критическое мышление, то он понимает, что он чего-то сделать не успел, и у многих это связано с жизненной катастрофой. Совсем недавно я разговаривал с одним внешне благополучным человеком, который поделился своими мыслями и сказал: «Знаете, мне в жизни ничего не удалось сделать!» – «Но как же так? Вы занимаете неплохое положение, у вас есть хорошая зарплата, семья». – «Да. А по-настоящему мне ничего не удалось сделать». И ведь многие вместе с этим человеком могут так сказать. Речь идет не только о величайших достижениях – человек говорит, что ему ничего не удалось сделать, вовсе не обязательно потому, что он открытия мирового не сделал или олимпийским чемпионом не стал. И многие это понимают: не хватило времени жизни, сил не хватило, стечение обстоятельств привело к тому, что человек чувствует себя неудачливым.

Что же все это означает? В прежние времена, когда религиозной аргументации не существовало, нас убеждали в том, что человек живет ради будущих поколений; что бессмертие человека – не онтологическое, то есть не существует реально для каждой личности; но есть, так сказать, бессмертие относительное, бессмертие как образ, а реализуется этот образ в передаче следующему поколению неких ценностей. В связи с этим возникла идея, что мы живем ради следующих поколений.

Эта мысль иногда присутствует и в современном дискурсе: мы живем ради детей, ради будущего поколения. В каком-то смысле это правильно, а в каком-то – совершенно неверно. Разве каждое последующее поколение обладает большей ценностью, чем предыдущее? А поколение тех, кто защищал Родину во время Великой Отечественной войны, имеет меньшую ценность, чем поколение нынешнее? Конечно, отдавая себя другим, человек растет и, может быть, становится через это счастливым, но сводить жизнь человека к тому, что нужно делать все для следующих поколений и тем самым как бы обеспечивать себе бессмертие – неправильно.

Если мы замыкаем нашу перспективу жизни порогом смерти, если не верим в вечное существование человеческой личности, то очень многое из того, что мы делаем, становится бессмысленным. Поэтому вопрос, есть ли Бог или Его нет, верить или не верить – это не тот вопрос, который можно решать по остаточному

принципу: вот я все остальное решу, а потом, на пенсии, подумаю, на пенсии и в церковь схожу. От того, как мы решаем этот вопрос, зависит наше мироощущение, зависит наша жизненная философия и в конечном итоге зависит наше счастье. И если Господь сказал: Я есть Путь и Истина и Жизнь (Ин. 14:6), то я верю каждому этому слову, верю, что Он есть Путь, Истина и Жизнь, а раз так, то нужно идти этим путем, чтобы обладать истиной и иметь полноту жизни.

А теперь я хотел бы поговорить о некоторых конкретных вещах. Говоря о вопросах человеческой жизни, я не буду особым образом выделять молодежь. Выделяя молодое поколение, мы обнаруживаем некий патерналистский подход. Даже когда мы говорим о том, какая у нас прекрасная молодежь, в этом чувствуется взгляд сверху вниз. Не говорит же молодежь: «Какие прекрасные у нас старики». По крайней мере, я ни разу не слышал. А вот у пожилых людей, у людей зрелых есть желание сверху вниз посмотреть и сказать: «Какие вы милые, какие у вас глаза хорошие, какие вы все умные».

Мне кажется, что надо просто всерьез говорить о жизни – какая разница, молодой ты человек или старый? И молодой, и старый переживают боль, страдают от нанесенных ран. Молодежь – это зрелая часть нашего общества. Я думаю, что ошибки нашей педагогики и сводятся к неизменному патернализму. Мы смотрим сверху вниз, любим постоянно критиковать, очень любим поправлять, очень любим требовать, чтобы молодежь непременно жила так, как мы жили прежде, или как живем сейчас.

На самом деле, молодежь – это органическая часть всего общества, и говорить о проблемах с молодежью надо тем же языком, которым следует говорить с людьми старших поколений. И не должно быть никакого сюсюканья, никакого подыгрывания. Вспоминаю, как я впервые участвовал в большой молодежной конференции. Это было в далеком 1968 году в Праге, в Чехословакии. Первый раз я оказался на очень большой межхристианской ассамблее – я был послан туда как представитель православной молодежи Советского Союза. То был особый год – кто не помнит того времени, знает о нем по книгам: в августе месяце в Прагу были введены советские войска. Это было очень сложное время в истории нашей страны и Восточной Европы.

Конгресс, в котором я участвовал, проходил в марте, за несколько месяцев до этих событий. И я вспоминаю о чувстве, которое пережил: перед огромной молодежной аудиторией выступали различные деятели – общественные, политические, и я ловил себя на мысли, что каждый из них желает понравиться молодежи, а для этого пытается использовать молодежный жаргон, молодежную одежду. Вот выходит такой уже старчик, а пытается вести себя, как молодой человек, и выглядит комично, карикатурно.

С молодежью следует говорить абсолютно так же, как мы говорим со всеми остальными: в первую очередь, с большим уважением и любовью, ибо молодежь – это потенциал будущего, но одновременно – на совершенно серьезном языке взрослых людей.

Мне хотелось бы, не выделяя в данном случае молодежь как отдельную касту в обществе, говорить о наших проблемах, о проблемах нашей жизни. Есть

большая опасность в том, какое влияние оказывает на человека информационное общество. Мы действительно живем в новой реальности, мы живем в другом мире, и эту инаковость создали в первую очередь новые картины общественной жизни, сформированные колоссальным потоком информации. Люди молодые, конечно же, к этому привыкли, потому что многие из них родились уже в условиях информационного общества. Люди же зрелого возраста видели все то, что произошло за последние 20–30 лет со страной, с людьми, и имеют возможность сравнить.

Информационное общество имеет много преимуществ по отношению к тем обществам, которые так не назывались и по сути таковыми не были. В первую очередь – это возможность получать информацию и интеллектуально расти. Сегодня только если человек очень ленив, он не будет расти интеллектуально. Но если лень под контролем, то появляются неограниченные возможности для интеллектуального роста: компьютерные технологии, которые выводят нас на любые источники знаний, научная работа, которая становится просто захватывающе интересной, потому что у человека, сидящего дома, открываются такие возможности, о которых в прошлом даже помыслить было невозможно. Все это, конечно, подталкивает научно-технический прогресс, но, с другой стороны, в этом информационном потоке чего только нет!

Могучий поток информации оказывает колоссальное воздействие на психику людей, на состояние их душ. И вот здесь возникает вопрос: а как относиться к этому потоку, ведь он может действительно смести человека, разрушить его самобытность, некую его подлинность, идентичность – духовную, культурную, национальную. И так и происходит во многих случаях.

Именно поэтому очень важно выстраивать систему отсева информации, ставить перед собой некий фильтр, который помогал бы человеку не просто отбрасывать лишнее, но критически воспринимать все то, что на него обрушивается. Для этого необходим внутренний критерий, используя который, человек мог бы разумно воспринимать поступающую информацию и использовать ее во благо, отсеивая все то, что может разрушать человеческую личность.

Но чтобы иметь такой критерий, внутри себя нужно иметь некую норму. Понятие нормы – чрезвычайно важное, но норма опять-таки чем-то и как-то формируется. И вот здесь я хотел бы перейти к очень важному вопросу – вопросу о ценностях, ведь в первую очередь норма, основываясь на которой, можно фильтровать поступающую информацию, – это система ценностей, которая присуща человеку. Но ведь информационный поток, обрушивающийся на человека, и предполагает формирование неких ценностей – по замыслу тех, кто этот поток создает. Именно поэтому в информационном потоке идет борьба между ценностями, и человеку очень трудно сориентироваться, а современная философия, так называемая философия эпохи постмодерна, если она усваивается, создает еще больше трудностей.

Постмодерн – это такая философия жизни, которая предполагает равнозначное положение всех идей и всех взглядов, – каждый человек может выбирать; не существует истины, истина субъективна. Конечно, существует научная, объективная истина: дважды два – четыре, но речь сейчас идет о ценностях. Для философии постмодерна не существует никаких ценностных систем, которые могли бы претендовать на то, чтобы быть истинными системами. Это создает релятивистский подход человека к восприятию информации.

Сейчас, как вы знаете, по указанию Президента создается комиссия, призванная бороться с фальсификацией истории. Вот на примере Великой Отечественной войны мы видим, как, действительно, формируется такой подход к истории, который совершенно опрокидывает все достижения, в том числе нашего народа в победе над фашизмом. И это предлагается обществу как один из взглядов. А почему нет? Рынок идей: что имеет большую привлекательность, что лучше рекламируется, что лучше поддерживается информационной машиной, то и выигрывает. И как легко потерять истину, как легко за нее принять ложь, когда в общественной философии эпохи постмодерна отсутствует само понятие истины.

То, что громко, на весь мир, говорит Церковь, сегодня мало кто говорит. И мы осознаем, какие риски связаны с этим свидетельством, потому что в этом смысле Церковь идет против течения. Мы говорим о том, что существует объективная истина в системе ценностей, потому что Бог, создав человека, вложил в его природу некоторые качества и свойства, определяющие эту объективную систему ценностей. Бог создал человека, даровав ему Свой образ, а неотъемлемой частью этого образа является нравственное чувство.

Нравственная основа человека является критерием истины. Нравственность – это способность отличать добро от зла посредством внутренней сигнальной системы. У нас есть такая сигнальная система – это голос нашей совести. Конечно, голос совести можно заглушить, можно пропить, и апостол Павел говорит о сожженной совести (1 Тим. 4:2), но, тем не менее, существует удивительный факт: люди, живущие в разных культурных средах и даже в разные эпохи, имеют одно и то же понимание добра и зла – фундаментальное понимание, не в деталях, а по сути, – которое опознается голосом человеческой совести.

Те философы, которые не согласны с таким подходом, которые придерживаются сугубо материалистических взглядов, в том числе и на происхождение совести, убеждают нас в том, что она является продуктом общественного развития, что на формирование совести влияет культура, образование, климат, география, социальное положение. Хорошо известен марксистский подход к этому вопросу: совесть формируется под влиянием классовой принадлежности, и поэтому ничего, мол, тут мистического нет.

Но если разобраться во всех этих подходах, то они оказываются не просто ошибочными, а очень опасными для человеческой жизни. Если совесть зависит от внешних обстоятельств, если понятия добра и зла в России не такие, как в Америке, если голос совести детерминирован внешними факторами, то нравственности действительно не существует. Но тогда в человеческих отношениях происходит что-то очень опасное. Давайте вспомним: «Хорошо то, что хорошо для рабочего класса» – и сколько миллионов жизней было погублено! «Хорошо то, что хорошо для великой Германии» – и сколько миллионов людей загубили!

Там, где существует нравственный релятивизм, нет нравственности. И если нас сегодня учат, что совесть в Папуа-Новой Гвинее не такая, как во Владивостоке, – это не просто ошибка; это опасное учение, которое предполагает относительность нравственного чувства.

Фильтр, необходимый для того, чтобы критически воспринимать обрушивающийся на нас поток информации, – это в первую очередь наш нравственный голос. Мы должны по совести определять, что такое хорошо, а что такое плохо. Но сделать это очень непросто – помимо нравственного чувства должно быть еще некое мировоззрение, некий набор идей. Откуда же этот набор идей должен появиться, откуда должна к нам прийти система ценностей, которую мы могли бы налагать на информационный поток современного информационного общества? Есть такое понятие: предание, традиция. Я представляю, как на это слово многие реагируют: «Предание, что это такое? Плюсквамперфект какой-то, при чем здесь я и при чем здесь какие-то старые истины?» На самом деле традиция важна не потому, что она хранит прошлое – в прошлом ведь было много и хорошего, и плохого. Традиция не призвана сохранять все из прошлого. Мы с вами выметаем мусор из нашего дома, а мусор – тоже прошлое. Подлинная традиция не хранит мусора – она хранит только ценности.

Иногда хранение этих ценностей облекается в определенную культурную оболочку, которая в одних случаях помогает современным людям эти ценности принять, а в других случаях – мешает. Когда мы говорим о традиции Церкви, о христианском предании, которое идет от Господа Иисуса Христа, мы говорим о вечных и неизменных ценностях, которые сохраняются в предании и последовательно передаются каждому последующему поколению. Это не архаизмы, это не старая философия, но ценности, проистекающие, в том числе из нравственной природы человека и обогащенные человеческим опытом. Если мы отрицаем традицию как носителя этого критерия ценностной истины, то мы становимся абсолютно разоруженными перед огромным потоком информации, нам трудно отсеивать правду ото лжи, разбираться в том, что происходит. Поэтому быть христианином сегодня – это в первую очередь иметь критерий, используя который, мы можем себя обогатить за счет информационного потока и защититься при этом от негативных и разрушительных тенденций и влияний.

А как овладеть этим критерием? Просто прочитать Евангелие? Наш высокоинтеллектуальный век требует от людей постоянной работы ума. Если эта работа прекращается, человек становится легко управляемым извне. Мы должны творчески воспринимать предание, которое передается, в том числе и Церковью. Нужно не просто читать тексты, нужно думать, нужно создавать систему общения, в которой мы имели бы возможность, беседуя, взаимно обогащать друг друга, обмениваться своим пониманием того огромного духовного и интеллектуального опыта, который передается нам через предание.

Этого, пожалуй, сегодня не хватает в Церкви. Мы, конечно, произносим в храмах проповеди, в которых пытаемся помочь людям принять этот критерий истины. Но у нас еще до сих пор очень мало других возможностей, может быть, потому что пока плохо организована такая работа: у нас нет дискуссионных групп, нет молодежных и иных собраний, где люди живо обсуждали бы свою веру применительно к современным проблемам.

Невозможно иметь живую веру и тем более невозможно понять пользу от нее, когда эта вера ассоциируется с какой-то книгой, поставленной на полку. Но если вера становится частью постоянных размышлений, творческого напряжения личности, если вера используется для мотивации своих действий в личной, семейной, общественной, профессиональной, государственной деятельности,

если вера сопрягается с реальной проблематикой современной жизни, она становится живой, эффективной, каждый человек видит ее пользу.

Хотел бы привести пример своей жизни. Я стал верующим человеком от самого своего рождения, потому что родился в такой семье, но где-то в четырнадцать-пятнадцать лет стал очень увлекаться точными науками, тем более, что они мне легко давались; много читал популярной научной литературы, а в то время эта литература была очень идеологически ориентирована в сторону атеизма. Конечно, у меня стали возникать сомнения. И вот для того, чтобы с этими сомнениями справиться, ответить на многие вопросы, я стал читать. К счастью, у отца была прекрасная библиотека с замечательными книгами, которые для нашего народа стали доступны только в нынешнее время. Это мне помогло переоценить и переосмыслить очень многое из того, чему я был научен от родителей и научило меня некоей богословской рефлексии, которой я живу до сих пор. Богословская рефлексия – это способность реагировать на окружающий мир не с точки зрения эмоций и чувств, а с точки зрения своих убеждений; способность подвергать информацию, которая на тебя обращена и которая тебя поглощает, критическому анализу, в основе которого – твои собственные убеждения.

Я не вижу другого пути для духовного возрождения нашего народа, кроме как перевести религиозный фактор исключительно из сферы фольклора, культуры в сферу реальных размышлений, в сферу реального творчества, чтобы религиозные истины помогали человеку справляться, в том числе и с кризисными явлениями, которые существуют в современной цивилизации и которые наверняка не исчезнут из этой цивилизации с окончанием текущего экономического кризиса. Другими словами, сегодня, чтобы сохранить себя, свою страну, свою культурную самобытность, чтобы нас не раздавил информационный поток, мы должны научиться сопрягать свои убеждения с реальностью.

А теперь последнее, о чем я хотел бы сказать. Мы как человеческая цивилизация действительно вошли в очень сложный период – период кризисного бытия. Большое заблуждение считать, что где-то какие-то ипотечные проблемы явились причиной обрушения мировой экономики. Это примитивный взгляд на нынешний кризис.

Я стараюсь задавать вопросы о происхождении этого кризиса, общаясь с людьми, которые компетентны в этом, – с политиками, с экономистами. Я не получил еще ясного и убедительного ответа, откуда же эта напасть. Как же получилось так, что деньги исчезли? Откуда спад производства? Ну, понятно, что спад производства обусловлен перенасыщением рынка, но ведь перенасыщения рынка нет и в помине. Классическая марксистская экономика говорила о том, что кризис – это результат перепроизводства. Но, может быть, где-то произвели что-то лишнее, но ведь каждый из нас этих излишеств не видел и не чувствовал.

Есть какие-то подспудные, для меня пока не очевидные причины мирового экономического кризиса. Поскольку я всегда стремлюсь к богословской рефлексии, то попытался свои религиозные взгляды, свое понимание мира и человека наложить на то, что сегодня происходит. У меня вырисовывается вот какой ответ: мир сегодня потрясает не только экономический кризис. Мы уже говорили о проблемах

экологии, и Всемирный русский народный собор, в рамках которого проходит сегодня эта наша встреча, обеспокоен данной проблемой. Совершенно очевидно, что мы проходим и через экологический кризис. Мы уже говорили о культуре постмодерна. А разве все то, что сегодня происходит в этой сфере, не является культурным кризисом? Кроме того, разве не существует кризиса национальной идентичности? Совсем недавно у нас в стране, везде – куда ни глянь – был кризис: и в экономике, и в культуре, и в образовании, и в спорте кризис. Но если сейчас кризис системный не только у нас, но и во всем мире, то, может быть, есть какая-то единая основа этого кризиса? Я отвечаю так: есть первопричина – это кризис человеческой личности, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей.

А если утеряны нравственные ценности, если затмевается нравственное чувство, то почему не криминализировать экономику и не только в масштабах этого местечкового криминала? Почему ее глобально не криминализировать? Почему не напечатать столько бумажек определенного цвета, который нам хорошо известен, чтобы это спровоцировало колоссальные инфляционные процессы и, конечно, послужило одной из причин экономического кризиса? Если нравственность оторвана от экономики, почему бы это не делать, тем более, если печатный станок в твоих собственных руках? Почему не торговать этими самыми бумажками? Деньги являются эквивалентом труда, и до недавнего времени товаром были только человеческие усилия и то, что в их результате люди, как говорят инженеры, имели на выходе, – реальные товары, реальные ценности. Но за последние десятилетия большинство капиталов формировалось на спекулятивной основе, потому что торговать стали деньгами, долговыми расписками и всем тем, что представляет из себя современный финансовый рынок. Люди богатели в одночасье, только лишь играя на курсах обмена валют или играя на бирже, покупая или продавая те или иные акции. Они практически из воздуха получали миллиарды, но ведь так не бывает! Деньги – это эквивалент реального труда и реальных ценностей. А если нет ценностей, какая же экономика может существовать? Так поступать могут только те личности и целые системы, которые напрочь отторгают экономическую деятельность от нравственности.

То же самое и в области политики. Мы очень многое потеряли, в том числе и в 90-е годы, когда декларировали одно, а делали другое. Это очень болезненный период истории нашей страны. Слава Богу, что эта страница была перевернута, и сегодня мы должны дорожить тем, что у нас есть. И Церковь, находясь вне политики и не отдавая никаких предпочтений тем или другим политическим силам, утверждает, что сегодняшняя курс страны соответствует нашим национальным интересам. И не дай Бог, чтобы спекуляция на экономических трудностях, которые сегодня реально возникли в нашем обществе не по вине нашей страны, а были привнесены извне, вернула нас снова в реальность 90-х годов, когда мы с легкостью могли потерять Россию. Мы все должны быть очень бдительными, и богословская рефлексия важна, и голос совести тоже должен работать, чтобы уметь отличать правду от лжи, добро от зла.

Я глубоко убежден, – а как Патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, – что если весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса. Но если

снова соблазнимся на очередные «-измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменем постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит.

Мы с вами живем в ответственное время. У нас нет права на ошибку, и вот почему: сегодня утром я служил Литургию на Бутовском полигоне, где были расстреляны более двадцати тысяч человек, многие из них – священнослужители, монахи, монахини, верующие люди. Это наша русская Голгофа, российская Голгофа, потому что там не только русские, православные. И, казалось бы, что мы можем полезного почерпнуть из этой трагедии? Есть нечто очень важное: трагедия XX века дала нам уникальный опыт жизни без Бога. Нигде в мире не было предпринято таких радикальных попыток построить человеческое счастье без Бога, и они завершались либо Бутовскими полигонами, либо созданием «сверхдержавы», которая в одночасье развалилась без единого выстрела. У нас имеется опыт, которого нет более ни у кого, вот почему мы не имеем права на ошибку.

Если же, отталкиваясь от этого исторического опыта, мы будем действовать, соединяя духовное и материальное, то действительно построим процветающее общество, которое может стать примером для многих.

Благодарю вас за внимание.

<http://www.mospat.ru/index.php?page=45023>

* * *

Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с молодежью и студентами 170 вузов

23 мая в Универсальном спортивно-зрелищном комплексе Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с молодежью и студенчеством Москвы.

Всемирный русский народный собор и Комиссия по делам молодежи при Епархиальном совете г. Москвы впервые в подобном формате организовали встречу со Святейшим Патриархом, на которой молодые люди смогли задать волнующие их вопросы о Церкви и религии, семье и браке, патриотизме и получить ответы из уст Его Святейшества.

В президиуме находились председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, ректор ГЦОЛИФК А.Н. Блеер, сопредседатель Всемирного русского народного собора В.Н. Ганичев, ответственный секретарь ВРНС О.В. Ефимов.

Перед началом встречи состоялось выступление хоровых коллективов Московского студенческого фестиваля хорового пения «Держава».

Прибывшего на встречу с молодежью Святейшего Патриарха Кирилла приветствовал ректор Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма А.Н. Блеер.

Святейший Патриарх выступил с речью, в которой поделился своими размышлениями о вызовах и проблемах современности. Предстоятель призвал также к

серьезному и ответственному диалогу Церкви с молодежью: «Когда мы специально выделяем молодежь, то в этом есть некий патерналистский подход, есть какой-то взгляд сверху вниз. Молодежь – это зрелая часть нашего общества. Я думаю, что и ошибки нашей педагогики сводятся к постоянному патернализму: мы очень любим критиковать молодежь, очень любим поправлять, очень любим требовать, чтобы молодежь непременно жила так, как мы жили, или так, как мы живем. На самом деле молодежь – это органическая часть всего общества, и говорить с молодежью надо тем же языком, каким мы говорим с людьми старшего поколения».

В беседе с молодежью Святейший Патриарх подчеркнул, что Церковь, находясь вне политики и не отдавая никаких политических предпочтений тем или другим силам, утверждает, что сегодняшний курс страны соответствует нашим национальным интересам.

«Не дай Бог, чтобы спекуляция на экономических трудностях, которые сегодня реально возникли в нашем обществе не по вине нашей страны, а были привнесены извне, вернула нас снова в реальность 90-х годов, когда мы с легкостью могли потерять Россию. Вот здесь мы все должны быть очень бдительны. И вот здесь богословская рефлексия тоже очень важна. И голос совести должен работать, чтобы уметь отличать правду от лжи, добро от зла», – отметил Предстоятель.

Затем Святейший Патриарх Кирилл дал ответы на ряд вопросов, которые были заданы из зала, а также посредством телемоста – с площади перед спортивным комплексом.

Отвечая на вопрос, как сочетаются современные молодежные увлечения и Православие, Его Святейшество предложил провести разграничение между увлечениями, к которым может относиться, например, спорт, и особой молодежной субкультурой.

«В рамках этой субкультуры, как в рамках любой культуры, есть нечто такое, что очень важно поддерживать и всячески развивать, а есть что-то, что представляет опасность для целостности человеческой жизни», – отметил Святейший Патриарх Кирилл. Он напомнил, что слово «культура» происходит от латинского корня, который имеет два смысла: с одной стороны – богослужение, почитание Божественного, с другой стороны – возделывание земли.

«Эти два значения очень важны для понимания того, что есть культура. Если культура есть возделывание, то возделывание чего? Человеческой личности. И в результате возделывания должно происходить возрастание – возрастание интеллектуальное, эстетическое, нравственное, духовное. Человек должен расти. Значит, если культура обеспечивает такое возделывание человеческой природы, в результате которого появляются добрые плоды, то такая культура, несомненно, имеет очень большое значение для жизни человека и общества. Ну а если в рамках этой культуры раскрепощаются инстинкты, человек ведет себя как зверь, если в результате этого распространяются алкоголизм и наркомания, разрушаются семьи, разрушается священное понятие любви, то это не культура и даже не псевдокультура – это антикультура», – подчеркнул Его Святейшество.

Превалирование антикультуры в молодежной среде над культурой разрушает человеческую личность, сказал Святейший Патриарх. «В молодежных увлечениях есть нечто такое, что всячески нужно поддерживать и поощрять, но не должно быть неразумного пиетета перед любыми проявлениями молодежной культуры», – считает Предстоятель Русской Православной Церкви.

Святейшему Патриарху задали вопрос, как он относится к активной жизненной позиции женщин в настоящее время. «Ваше Святейшество, скажите, пожалуйста, женщины – сильный пол или слабый?», – спросила одна из участниц встречи.

«Человек состоит из духа и тела, сила человека не зависит только лишь от его физической составляющей. В этом смысле женщины – сильный пол», – считает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Развивая мысль, Его Святейшество отметил: «Сегодня наша страна стоит перед колоссальной проблемой – проблемой демографической. Мне много приходилось путешествовать по нашей стране, особенно, по нашему русскому нечерноземью. Приезжаешь в деревню, встречаешься с жителями. Они стараются хорошо принять гостя, показать что-то, обязательно представлена какая-то художественная самодеятельность. Кто поет в самодеятельности? Женщины, иногда пьяный гармонист аккомпанирует. Кто в школе преподает? Женщины. Кто работает в библиотеке? Женщины. Кто служит на почте? Женщины. Кто в местном самоуправлении, если оно бедное? Женщины».

«Мужчина оказался более хрупким существом: катаклизмы 90-х годов сломали очень многих мужчин, а женщины оказались сильнее, они оказались способными выдерживать стресс более эффективно, чем мужчины, – подчеркнул Святейший Патриарх. – Что такое пьянство сегодня? Во многом это то, что психологи и социологи называют взрывчатой релаксацией. Это ответ на стресс. Мы знаем, что пьянство среди мужчин распространено гораздо сильнее, чем среди женщин».

«На сегодня мы можем сказать, что женщины – это очень сильная и важная часть нашего общества», – заявил Предстоятель Русской Православной Церкви. В качестве еще одного примера он привел статистику Олимпийских игр: наибольшее количество медалей нашей стране приносят женщины.

В ходе встречи было также оглашено приветствие мэра Москвы Ю.М. Лужкова, адресованное ее участникам.

Во встрече участвовали студенты почти 170-и вузов, делегаты и гости III Московского православного форума «Вера и дело», представители молодежных организаций.

Мероприятие было организовано в рамках XIII Всемирного русского народного собора при поддержке ГЦОЛИФК, фонда «Русский предприниматель», Совета православных молодежных организаций г. Москвы, Российского государственного социального университета, Общественного комплекса «Кремль в Измайлово», Московского студенческого центра, Центра православных молодежных программ во имя святого Георгия Победоносца, Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи, Департамента семейной и молодежной политики г. Москвы.

ПАТРИАРШЕЕ СЛОВО НА ВАСИЛЬЕВСКОМ СПУСКЕ В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

(24 мая 2009 г., г. Москва)

После богослужения 24 мая в кремлевском Успенском соборе Святейший Патриарх Кирилл совершил молебен у иконы святых равноапостольных Кирилла и Мефодия на Васильевском спуске у собора Василия Блаженного.

По завершении молебного пения Святейший Патриарх Кирилл обратился к участникам празднования с Первосвятительским словом.

Всех вас, дорогие владыки, отцы, братья и сестры, сердечно поздравляю с государственно-церковным праздником – Днем славянской письменности и культуры. Мы начинаем этот праздник молитвой, потому что так хотели сами равноапостольные Кирилл и Мефодий, создавшие славянскую грамоту и азбуку, положившие начало славянской письменной культуре.

С самого начала они были не только учеными мужами, не только замечательными грамматиками, способными подъять и осуществить великий труд создания письменного языка. Они были просветителями. Создание языка и грамматики преследовало совершенно конкретные цели: святые Кирилл и Мефодий стремились к тому, чтобы славянские народы получили доступ к вечной и неиссякаемой сокровищнице мудрости – слову Божию. Для того и создавался язык, чтобы перевести на него вечные слова Божественного слова, чтобы вместе с грамотой, образованием, культурой в сознание и душу славянских народов входили высочайшие, вечные и неизменные нравственные и духовные истины, которые были сочинены и сформулированы не людьми, великими и славными, но самим Богом Живым. Эти вечные и неизменные нравственные истины вместе с языком, вместе с культурой были восприняты славянскими народами. Именно эти истины сформировали систему ценностей, в которой воспитывались все последующие поколения славян, в том числе и наш великий народ.

То, что было посеяно святыми Кириллом и Мефодием, богато расцвело в нашей национальной культуре и в жизни нашего народа. Тот идеал, который проповедовали святые равноапостольные братья, стал идеалом русской художественной литературы и философской мысли. Это тот самый положительный идеал, на примере которого воспитывались и даже до сих пор, несмотря на попытки разрушить эти ценности, воспитывается наш народ.

Дай Бог, чтобы при всех обстоятельствах система ценностей, которая была заложена святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, которая была усвоена культурой и народной жизнью, обогащена великим опытом всего нашего народа, которая вошла в его плоть и кровь через радость и через скорбь, через жизнь и через смерть, – всегда оставалась той духовной матрицей, тем фундаментом, тем основанием, на котором должна произрастать жизнь нашего многонационального народа. И как замечательно, что эти великие духовные и нравственные цели и ценности, которые провозглашала в истории Православная Церковь, продолжая миссию святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, соче-

таются и взаимодействуют с нравственной системой ценностей, которая близка людям других традиционных религий России. На этом и основывается общность наша – на единой системе ценностей великого многонационального русского народа.

Когда предыдущие поколения встречали грудью врага, желавшего поработить страну, когда проходили они через междоусобицы и даже через годы беспамятства и осквернения святынь, в глубине народной жизни всегда сохранялось это духовное и нравственное ядро, заложенное святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием в основу культурной жизни славянских народов.

Вот и сегодня эта основа должна работать – не привнесенные извне субкультуры, которые иногда являются столь привлекательными, особенно для людей, оторванных от исторического знания, но наша базисная, основная культура, на которой и развилась вся национальная жизнь, должна быть реальной основой нашего бытия. Более того, эта основа является – как в прошлом, так и в настоящем – фундаментом объединения славянских народов. И хотя в течение истории народы сии обрели суверенитет и независимость, это не мешает и не должно мешать им сохранять духовное и ценностное единство, сохранять параметры великой славянской цивилизации, которая при единстве славянских народов может существовать как необычайно важное и обогащающее весь мир духовное и культурное явление. К этому призывает нас история наших народов, к этому призывает нас исток, из которого проистекает вся наша общая культура, – подвиг служения святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Я желаю всем вам, мои дорогие братья и сестры, крепости и силы духа, хранения непреходящих ценностей нашей национальной культуры и духовной жизни. Опираясь на эти ценности, мы сохраняем нашу силу, которая только и способна, как показывает история, превозмочь все исторические искушения и испытания, преодолеть все кризисы и все трудности нашего настоящего бытия. Наша сила – в этом единстве с прошлым, в этой способности трансформировать прошлое и его ценности в реальности современной жизни и устремляться вперед с верой и надеждой на процветание нашего возлюбленного Отечества, на духовное и культурное единство всего православного христианского славянского мира.

Христос Воскресе!

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

**БУДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ –
НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ.
Программный документ
XIII Всемирного русского народного собора
(23 мая 2009 г. г. Москва)**

Молодость – это возраст, когда перед человеком впервые встают вечные вопросы: «Кто я?», «Зачем живу?», «Что нужно сделать, чтобы мир стал лучше?». Отсутствие ответа на любой из них равносильно отказу от созидательного построения жизни.

Именно в юном возрасте, когда жизненная программа еще не закрепились в сознании окончательно, молодой человек крайне остро ощущает разрыв между реальностью и идеалом. Молодые часто не готовы ждать и учиться на ошибках. В поисках правды и ответов на жгучие вопросы жизни они обращаются туда, где чувствуют заинтересованность в себе, где ощущают присутствие истины и находят вкус духовной подлинности.

Вот почему так важно предложить молодым целостный мировоззренческий инструмент, с помощью которого они могли бы разобраться в окружающей действительности. В отечественной духовной культуре таким инструментом всегда были Божии заповеди, изложенные в библейском Десятисловии и созвучные священным текстам мусульман и буддистов.

Обращение к десяти заповедям позволяет сформировать структурно целостный подход к реальности, когда каждый жизненный вопрос рассматривается не по отдельности, но в духовно-нравственной связи со всеми остальными. Подобный подход актуален не только для последователей традиционных религий, но и для любого современного человека, стремящегося выработать у себя целостное нравственное мировоззрение.

Используя этот подход, обобщая итоги многолетней работы ВРНС по молодежной тематике, основываясь на суждениях и оценках Главы Собора – Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, на материалах ВРНС и концептуальных текстах традиционных религиозных общин России, Всемирный русский народный собор выносит на общественное обсуждение настоящий программный документ, где проблемы, встающие перед новым поколением, представлены в их взаимосвязи.

Мы адресуем его политикам и предпринимателям, деятелям культуры и руководителям общественных объединений, учителям и преподавателям вузов, молодежным лидерам и активистам, всем нашим соотечественникам и согражданам, испытывающим беспокойство за судьбу и будущее России.

**1. ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
И НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ**

Духовный и нравственный кризис, переживаемый нашим обществом, особенно остро затрагивает молодежную среду. Именно поэтому вопрос о духовном здоровье молодых людей становится сегодня во главу угла. Без решения этого вопроса невозможно совершенствование образования, прогресс науки, развитие культуры.

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркнуто, что школа есть посредник между поколениями, передающий молодым людям ценности, накопленные за предыдущие эпохи. Задача приобщения молодежи к этическим принципам, актуальным для всех времен и восходящим к вечности, выходит сегодня на первый план в процессе школьного воспитания. Для ее осуществления требуется сотрудничество родителей, учителей, общественных объединений, органов государственной власти, религиозных организаций, союзов деятелей культуры.

Воспитание нравственности должно стать столь же важной задачей, как передача знаний, говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Однако в наше время мы наблюдаем, что образование склонно трактовать неоправданно узко, исключая из него воспитательный момент. Не по этой ли причине многие родители испытывают тревогу, отправляя в школы своих детей? С другой стороны, ухудшение психологической атмосферы в учебных заведениях, где дети зачастую приобщаются к сквернословию и курению, а подростки «знакомятся» с алкоголем и наркотиками, в конечном счете, влияет и на само качество образовательного процесса.

В идеале вся система образования и воспитания молодежи должна исходить из традиционных духовно-нравственных координат. Соотнося этот идеал со сложившимся к настоящему моменту положением дел, мы констатируем, что во многих курсах общественных и гуманитарных наук роль духовных ценностей в формировании общенациональной культуры народа России явно недооценивается.

Собор также считает нужным предостеречь от навязывания учащимся представлений, противоречащих традиционной этике. Сотрудничество молодежных объединений, традиционных религиозных организаций, органов государственной власти призвано противодействовать проникновению в школу оккультных и экстремистских влияний.

Задачи совместной работы по воспитанию молодежи должны определяться и решаться через системный диалог религиозных организаций, государства и общества. Сегодня в России уже широко распространилась и получила поддержку со стороны родителей и, что самое важное, самих детей, практика преподавания в школах основ религиозной культуры. Эта практика, которая основывается на принципе добровольности изучения любой из религиозных культур, нуждается сегодня в развитии и совершенствовании.

По мысли Главы Всемирного русского народного собора Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, у традиционных религиозных организаций России и светской педагогики одна задача: воспитать не только знающего, работоспособного человека, но и полноценную личность, обладающую этическим измерением своих слов и дел, живущую осмысленно и одухотворенно, приносящую пользу не только себе, но и ближним, равно как и Отечеству.

Попытки оторвать процесс получения знаний молодым человеком от формирования его этических ориентиров препятствуют формированию духовно зрелой, гармонически развитой личности.

Творчество учителя немислимо без нравственного примера, лежащего в основе воспитания. Образование – высшее, среднее и начальное – становится полноценным и качественным тогда, когда базируется на фундаменте традиционных, вечных духовно-нравственных ценностей.

2. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Роль семьи в становлении личности молодого человека уникальна. Ее могут подменить иные социальные институты. Опыт семейного общения способствует развитию самосознания молодых и закладывает основы здоровой гражданственности, провозглашается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

Однако в наше время семейная жизнь перестала являться базовой ценностью для многих молодых людей. Построение семьи перестало рассматриваться как вдохновляющий мотив, слилось с повседневной рутинной. Секуляризация и социальные катастрофы привели к парадоксальной ситуации, когда даже в существующих семьях утрачены основные навыки совместной жизни.

Между тем, разрушение традиционных связей родителей с детьми, понижение значимости материнства и отцовства по сравнению с успехами в построении карьеры – ведут к взаимному отчуждению, росту антагонизма между поколениями.

Семья предполагает ответственное отношение людей друг к другу, говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Созидание семьи – это особый вид духовного и социального творчества, предполагающий многолетний труд во имя достижения взаимопонимания, взаимопомощи и совместного счастья.

Семейный союз не достигает своей полноты без детей. Дети являются не только биологическим, но и духовным продолжением мужа и жены. Однако сегодня вещественная, плотская сторона деторождения беззастенчиво эксплуатируется в коммерческих целях. В результате у многих представителей молодого поколения теряется способность сопрягать это мощное инстинктивное начало с любовью и нравственной ответственностью. Задача всех, кто привержен сегодня традиционным духовным ценностям, состоит в том, чтобы отстоять образ чистоты и нравственной красоты отношений между мужчиной и женщиной.

Упомянув о духовной, экзистенциальной ценности отцовства и материнства, не меньшее внимание следует обратить на материальные условия, требуемые для полноценного развития детей. Жизнь, даруемая родителями их детям, не должна ограничиваться физическим появлением на свет. Она немислива без родительской заботы, образования, достаточного материального обеспечения.

Нельзя мириться с тем, что сложности в вопросах трудоустройства, отсутствие квалифицированного ухода за ребенком во многих дошкольных учреждениях, трудности в получении качественной медицинской помощи детям становятся непреодолимым препятствием для многих молодых супругов, стремящихся к продолжению своего рода. Мы призываем общественные объединения и предпринимательские союзы, органы государственной власти и муниципальные структуры, средства массовой информации и всех сознательных граждан оказывать поддержку молодым супругам, приобретающим опыт отцовства и материнства.

Общество, власть, религиозные объединения должны создать стратегическую коалицию во имя защиты семьи. Невозможно убеждать молодых в высочайшей ценности семьи и почетности родительского служения, не препятствуя при этом пропаганде порока, не ставя преград на пути зла. Те, кто пытается превратить взаимное влечение мужчины и женщины в товар и выставляет его на продажу, должны сделаться в нашем обществе персонами non grata.

Защита семьи – это борьба за будущее нашей страны в истории. Главными действующими этого будущего должны стать не массы потребителей, не одиночки в скорлупках эгоизма, а семьи, созданные любящими друг друга супругами, дарящими эту любовь детям.

3. ОТДЫХ МОЛОДЕЖИ

Человек – не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития, указывается в принятом Всемирным русским народным собором Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании. В особенности этот принцип применим к молодежи, для которой отдых является важнейшим ресурсом личностного развития.

Часто бывает так, что молодой человек ищет постоянной смены впечатлений, редко оставаясь наедине с собой. Это свойство в максимальной степени использует индустрия развлечений, которая не преумножает и не восстанавливает ресурсы личности, а паразитирует на внимании, ослабляя человека духовно и физически. Ситуация с каждым годом ухудшается, поскольку культурная сфера жизни нашего общества все больше ориентируется на развлекательные запросы, попадая в порочный цикл удовлетворения примитивных потребностей человека.

Планируя свой отдых, молодым не следует поддаваться «стадному инстинкту», растворяясь в толпе сверстников, которым масс-культура нарочно навязывает одинаковые, стандартные «удовольствия». Свободное время – это всегда либо приобретение, либо растрата сил. Жажда развлечений – один из видов психологической зависимости. От голого потребления развлекающей масскультурной продукции ощущение душевной пустоты лишь нарастает. Совершенно иное чувство возникает от осмысленного общения с родными и близкими, от помощи людям, нуждающимся в поддержке. Сознательно совершенное доброе дело открывает дополнительный резерв энергии и новые жизненные перспективы.

Молодежи полезен досуг, связанный с духовной и физической активностью, защищающий молодые умы от соблазнов наркомании, алкоголизма, погружения в атмосферу разрушающих личность иллюзий. В молодости человек приучается испытывать тяжелые нагрузки на тело и психику, поэтому нуждается в сознательном отношении к собственному организму. Оздоровительные и спортивные практики должны обязательно иметь связь с историческими формами традиции. Тогда занятия ими укрепляют не только физически, но и духовно.

Нельзя сводить цель отдыха к развлечению. Основная задача досуга – развитие всех сторон личности, социализация молодых людей, приобретение ими всесторонних навыков самостоятельной жизни. Вот почему из сферы отдыха

не должны исключаться творческие вечера молодых поэтов, художников и музыкантов, интеллектуальные диспуты в клубах молодых изобретателей, труды добровольцев по благоустройству своего района, улицы, двора, походы молодых реставраторов, восстанавливающих храмы и другие исторические памятники.

Вместе с тем, согласно традиционным религиозным доктринам, свободное от добывания хлеба насущного время рекомендуется использовать для освоения духовной сферы. На практике это выражается в радикальной смене впечатлений через переход в иное пространство – географическое, природное, архитектурное, музыкальное.

Особенно важно прививать молодежи вкус к посещению сакральных объектов, культурному туризму. Важно, чтобы эти объекты имели для молодых людей личную значимость, они должны восприниматься как места, где легче всего получить правильный настрой, ведущий к успеху в личной жизни, учебе, карьере. В традиционных религиозных общинах России накоплен богатый опыт введения в область священного, особо ориентированный на молодежь.

Современная индустрия развлечений, построенная на эксплуатации низменных инстинктов, потворстве порокам и страстям, выводит молодых из душевного равновесия, лишает их возможности полноценного отдыха в изначальном, подлинном смысле – как состояния покоя, отдохновения от трудов.

Свободное время призвано не закабалить человека зависимостями и вредными пристрастиями, но восстанавливать и укреплять его духовные и физические силы. Такой отдых не разрушает, но созидает личность, обновляя ее путь к полноте и гармонии бытия. Настоящее удовлетворение возникает лишь от досуга, проведенного с пользой и без суеты.

4. СМИ И НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР МОЛОДЫХ

В формировании личности молодого человека участвуют не только семья и школа. Зачастую решающее влияние на него оказывают средства массовой информации. Трудно переоценить роль, которую играют СМИ в современном обществе. Обладая огромным влиянием на аудиторию, они несут величайшую ответственность за воспитание детей и молодежи. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркивается, что благополучие общества во многом зависит от того, основывается ли информирование зрителя, читателя или слушателя на заботе о нравственном состоянии личности и общества, раскрываются ли в работе СМИ положительные идеалы, присутствует ли в них осуждение порока и зла.

Обсуждая вопрос о деятельности СМИ, многие ставят во главу угла принцип свободы слова. Необходимо, однако, уточнить интерпретацию этого принципа. В Декларации о правах и достоинстве человека, принятой Всемирным русским народным собором, говорится о необходимости различать две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, когда человек избрал добро. Если же человек выбирает зло, этот выбор, напротив, ведет к саморазрушению, наносит урон достоинству человека и лишает его свободы. Вот почему потакание злу бесчеловечно по сути своей.

Сегодня, в век информационных войн и технологий, манипулировать поведением людей стало особенно легко. Многим молодым людям стало сложно отличать свои собственные желания и взгляды от тех, что навязаны извне.

Мы призываем всех, кто имеет отношение к деятельности СМИ – их владельцев, руководителей, редакторов, журналистов – сделать выбор в сторону добра. Нельзя допустить разжигания в молодежной среде вражды и ненависти, демонстрации образцов безнравственного поведения в качестве некоей культурной нормы.

Значительное влияние на сердца и души молодых людей оказывают и процессы, происходящие в интернет-пространстве. Следует признать, что возможности, предоставляемые сетевой средой для духовного просвещения, нравственного и патриотического воспитания молодежи, используются сегодня лишь в крайне ограниченном объеме. Как это часто бывает с плодами научно-технического прогресса, молодежная интернет-среда стала площадкой для развития нигилистических, деструктивных тенденций, которые подчас выплескиваются в реальную действительность.

Мы приглашаем всех традиционно и патриотически мыслящих молодых людей активно отстаивать свои идеи в Интернете. Мы должны являть для остальных пользователей пример этикета и взвешенности суждений в блогосфере, открыто исповедовать свое кредо в социальных сетях, сотрудничать с интернет-ресурсами и выступать на форумах, посвященных тематике молодежных субкультур.

Органы власти, общественные объединения, традиционные религиозные общины России призваны всемерно поддержать молодежные инициативы по оздоровлению Рунета. Оставляя открытым вопрос о необходимости законодательных мер, направленных на создание новых правил информационного поведения в сети, мы констатируем необходимость более эффективного применения уже существующих правовых норм.

Последствия нравственного кризиса, переживаемого сегодня нашим обществом, наиболее остро ощущаются в медийном пространстве. В то же время именно здесь лежат и ключи к выходу из создавшейся ситуации, к новому обретению утраченных нравственных идеалов.

Современные СМИ – не просто коммерческие поставщики информационных услуг. Последствия их деятельности накладывают печать на разум и психику людей, прежде всего молодых. Честность и объективность СМИ не должна пониматься как равнодушие ко злу. Популяризация и прославление порока не могут быть оправданы никакими соображениями коммерческого характера, особенно при подготовке телепрограмм и выпуске печатных изданий, адресованных детям и молодежи.

Общество не может оставаться равнодушным к попыткам представить в СМИ норму патологией, а патологию нормой. Средства массовой информации не должны превращаться в средства массовой лжи. Климат медийного пространства следует подчинить общественному мнению, а не интересам и пристрастиям продюсеров. Однако лучший путь к изменению ситуации – это не органы цензуры, а создание в обществе дееспособного

морального большинства, активными участниками которого должны стать молодые граждане России.

5. ДИАЛОГ С МОЛОДЕЖНЫМИ СУБКУЛЬТУРАМИ

Особой социальной средой, влияющей на становление личности молодого человека, являются молодежные субкультуры. Субкультуры в современном обществе – это пространство взросления и обретения жизненных моделей для молодежи.

Самое ценное в субкультурах – то, что они являются для молодежи средой безусловного принятия, дружбы, избавляют молодого человека от страха оказаться непонятым и одиноким. Часто именно субкультуры являют собой нечто вроде общин, что так редко и необычно для современности. Отождествляя себя с той или иной субкультурой, молодой человек иногда совершает свой первый сознательный шаг к своей настоящей роли в обществе.

В молодежных субкультурах юноши и девушки стремятся выработать собственный взгляд на мир, достичь полноты личностного самовыражения. Однако, проводя границу между социокультурной средой «своих» и остальным миром, молодые люди часто замыкаются в себе. Некоторые из них пробуют конструировать собственный микросоциум с особыми правилами и нормами, противоречащими истинным представлениям о нравственности, наносящими вред здоровью. Утерев связь с общественной моралью и религиозной культурой, такие субкультурные течения склонны к созданию квазирелигиозных культов вплоть до открытого сектантства и сатанизма.

В современной ситуации как никогда прежде необходим диалог между представителями молодежных субкультур и той частью общества, которая ориентирована на традиционные духовно-нравственные ценности. Только общаясь с молодыми не в стиле менторских нотаций, а на языке доверия и поддержки, мы сможем понять надежды и чаяния молодежи, избежать конфликта поколений, найти общие жизненные ориентиры для людей разных возрастов, получать со стороны молодежной субкультуры приток свежих сил.

Для того чтобы диалог с субкультурными движениями был эффективен, нужно четко осознавать какой именно духовный «дефицит» восполняется существованием той или иной субкультуры. Неудовлетворенные потребности, лежащие в основе молодежных субкультур, могут быть самыми разнообразными. Как правило, людей, объединенных в то или иное движение, связывает друг с другом отвращение к миру массовой культуры, который транслируется СМИ, недоверие к официальным версиям истории, науки, общественной морали, которые воспроизводятся в стенах учебных заведений. Поэтому диалог с представителями этой среды не может происходить без искренней заинтересованности и знания соответствующих культурных кодов.

Молодежные субкультуры – это лаборатории для социального творчества. В них идут культурные эксперименты (иногда – рискованные), которые приносят разные плоды. Эмоциональные вихри, порождаемые ими в обществе, наполнены как темными, так и светлыми чувствами.

Отделяя одно от другого, нужно помнить, что субкультуры – это лишь формы, которые могут быть заряжены как созидательными, так и разрушительными энергиями. Основная опасность связана с абсолютизацией суб-

культурной игры, в придании ей квазирелигиозного характера. Предостерегая от этого соблазна, мы должны стремиться к соединению субкультурных форм с традиционным духовно-нравственным содержанием.

6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ

Создание условий для экономического благополучия молодых – задача общенационального масштаба, требующая совместных усилий власти, общественных объединений, религиозных общин.

Одна из целей экономического развития страны заключается в том, чтобы помочь молодежи гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы. Состояние экономики напрямую зависит от духовного здоровья личности, гласит принятый Всемирным русским народным собором Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Пиетет перед богатством безотносительно к тому, на что оно употребляется, неизбежно разъедает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную «войну всех против всех». Лишь человек с добрым сердцем и ясным умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный, сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу.

Эти принципы становятся особенно важны в ситуации, когда страна переживает экономический кризис. Многих представителей современной молодежи он застал врасплох, лишив надежды на быстрый профессиональный рост и материальное преуспевание. При этом молодые люди, заканчивающие сегодня школы и вузы, не имеют опыта поведения в кризисной ситуации, который отличал их старших сверстников.

Материальное неблагополучие, социальная неустроенность не только лишают молодых возможностей для личностного роста и шансов на профессиональный успех, но и являются причиной ряда духовных болезней. В небольших городах и слаборазвитых регионах молодым людям особенно легко стать жертвами безработицы, почувствовать себя выброшенными на обочину жизни. В еще худшем положении находятся дети и подростки, оставшиеся без родительской заботы, не имеющие возможности получить полноценное образование, попавшие в антисоциальную среду. Эти категории молодежи не видят перед собой перспектив достойного будущего.

Для социума смириться с подобными настроениями равносильно самоубийству. Совместные усилия структур гражданского общества, предпринимательских союзов, государственных органов, религиозных объединений должны помочь попавшим в тяжелое положение молодым людям подняться с социального «дна», стать полноценными членами общества и достойными гражданами своей страны.

Необходимы также эффективные программы поиска и продвижения талантливых молодых людей, способности которых являют собой «золотой фонд» человеческого капитала России. Для них в первую очередь должен быть запущен «социальный лифт», функционирующий независимо от происхождения молодых людей, от статуса и материального благосостояния их родителей.

Проблема профессиональной реализации молодежи выходит на первый план, неся в себе как новые возможности, так и новые риски для развития страны. Это именно та область, где до молодежи со стороны государства должен прийти следующий посыл: все молодые люди обладают равными возможностями. Профессиональный успех и карьерный рост зависят исключительно от способностей и проявленного усердия, а не от происхождения или имущественного достатка. Только реализовав этот принцип на практике, мы сможем надеяться на появление генерации молодых профессионалов, энтузиастов своего дела, готовых обеспечить не только количественный, но и качественный рост нашей экономики, способных вывести Россию на лидирующие позиции в интеллектуальном, технологическом и хозяйственном соревновании развитых стран мира.

Таланты и способности молодых не должны быть поглощены молохом потребительской гонки и украдены социальным неравенством. Лишь создав в обществе честные правила и пространство равных возможностей, мы можем дать возможность молодым не только обеспечить себя, но и приносить пользу своей стране.

Экономика не самоценна, но служит тому, ради чего живет человек, кем он себя мыслит, какие ценности исповедует. Лишь вернув в обществе уважение к подлинным нравственным идеалам, мы сможем доказать молодым, что только благосостояние, обретенное честным путем, может быть по-настоящему прочным.

7. МОЛОДЕЖЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

На протяжении веков российская цивилизация развивалась как сложное сообщество наций и культур, органично дополняющих и обогащающих друг друга. Однако сегодня, при отсутствии полноценного патриотического воспитания, молодежь все чаще втягивается в межнациональное противостояние.

В отдельных регионах продолжают действовать сепаратистские движения и террористические группировки, культивирующие национальную ненависть и религиозную нетерпимость. Кроме того, почти на всей территории страны фиксируются вспышки взаимной вражды между местными жителями и мигрантами, приехавшими из-за рубежа, а также выходцами из других регионов. С особой остротой это противостояние дает о себе знать в молодежной среде.

Радикальные протестные настроения, социальный нигилизм возникают не на пустом месте, но как реакция молодых на пренебрежительное отношение к себе. Именно на этой почве часто возникают бытовые и культурные конфликты, в урегулировании которых важную роль могут сыграть религиозные общины, студенческие союзы, национально-культурные общества, землячества.

Лучший метод борьбы с экстремизмом – доверить молодым людям настоящее дело, говорит Глава Всемирного русского народного собора Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Гармонии в межнациональных отношениях можно будет достичь лишь тогда, когда молодые соотечественники преодолеют индивидуализм и разобщенность, проникнутся духом товарищества и взаимовыручки, осознают, что добиваться успеха сообща легче, чем делать это поодиночке. Позитивный опыт уже присутствует там, где молодежь и вообще основная масса местного населения оказывается способной к общинной самоорганизации, в рамках которой успешно решаются вопросы труда, занятости, достижения экономиче-

ской самостоятельности, открываются пути приобщения к традиционным духовным ценностям. Совместный труд помогает молодым людям, преодолевая сложности жизни, духовно возрастать и преобразовать окружающую реальность.

Создание полноценных структур общества на местном и региональном уровнях создает предпосылки для поддержания правопорядка, эффективного функционирования местного самоуправления, реабилитации молодежи, попавшей в криминальную, алкогольную или наркотическую зависимость.

Там, где удаются такие инициативы, формируется здоровый экономический и нравственный климат, в котором принято уважать закон, а не произвол, ценится сила права, а не право сильного. Как результат, закономерно происходит естественная и безболезненная адаптация приезжих к сложившемуся жизненному укладу.

В основу эффективной национальной политики, рассчитанной на молодежную среду, должны быть положены не заимствованные из-за рубежа схемы, используемые для регулирования этнокультурных процессов, слабо соотносимых с российскими реалиями, а многовековой опыт дружбы и соседства народов нашей страны, имеющих свой неповторимый культурный облик. Традиционные религиозные общины России, выступая историческими хранителями этого опыта и осуществляя свое служение на основе близких, созвучных этических принципов, призваны сыграть ключевую роль в «разрядке» межнациональной напряженности.

Ненависть к людям другой национальности не имеет ничего общего с любовью к своему народу. Тот, кто хочет, чтобы его уважали другие, должен, прежде всего, научиться уважать себя, жить в соответствии с передающимися от поколения к поколению нравственными идеалами. Залог межнационального мира и единства России – в сохранении национальной, культурной и духовной идентичности живущих в ней народов.

8. БАРЬЕР НА ПУТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ, АЛКОГОЛЬНОЙ И НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Те же принципы должны стоять во главе угла борьбы с криминализацией молодежи, рост которой сегодня вызывает тревогу среди населения. Профилактика подростковой и молодежной преступности наибольшего эффекта достигает через системное просвещение, утверждающее в обществе примат духовно-нравственных ценностей.

С этой целью молодежные организации, общественные объединения, религиозные общины призываются к активному сотрудничеству со школой, средствами массовой информации, правоохранительными органами. Это поможет, помимо прочего, остановить преступность и коррупцию, которые подчас провоцируют экстремизм и межнациональную вражду. Лучшей формой предотвращения нарушений закона, насилия и жестокости является демонстрация духовных преимуществ нравственного образа жизни, отмечается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

Неизбежными следствиями криминализации молодежной среды становятся наркомания и алкоголизм, ведущие молодых к нравственному разложению и физической гибели. Врачевание этих болезней, одновременно являющихся и тяжкими социальными недугами, является не только государственной, но и общественной задачей. Нам сегодня нужно с особенной решимостью остановить тех, кто спаивает молодежь и приучает ее к наркотикам – торговцев и воротил теневого бизнеса. Обслуживающие их апологеты алкогольной и наркотической псевдокультуры активно внедряются в молодежный социум, пытаются формировать ведущие к алкогольной и наркотической зависимости поведенческие стереотипы.

Важнейшей задачей журналистов, ведущих теле- и радиопрограмм, всей творческой интеллигенции должно стать аргументированное и безальтернативное развенчание психологических установок, романтизирующих и эстетизирующих алкоголизм и наркоманию.

Такая пропаганда будет эффективна лишь в том случае, если молодой человек, употребляющий алкоголь или наркотики, станет чувствовать себя не «продвинутым тусовщиком», а тем, кем он является на самом деле: человеком, разрушающим свою личность, губящим свое здоровье, сползающим в темный мир криминала, приносящим горе родным и близким.

Подобно алкоголизму и наркомании, молодежная преступность имеет не только духовные, но и социальные корни. Структуры гражданского общества, выступающие хранителями традиционных моральных устоев, должны оказать поддержку инициативным группам, работающим с молодыми людьми, относящимися к «группе риска», попавшими в криминогенную среду.

При этом необходимо учесть, что борьба с преступностью, социальная реабилитация молодых людей и подростков, попавших в сети преступности, невозможна без последовательной реализации идеалов справедливости. Активность социальных волонтеров не должна контрастировать с нравственным обликом представителей выборных органов власти, администраторов всех уровней, лидеров крупных общественных объединений.

Заповедь «не убий» лежит в основе традиционной этики, базирующейся на духовно-нравственных ценностях. Алкоголизм, наркомания, бандитизм появляются там, где царят духовная пустота и отсутствие жизненных перспектив. Лишь согласованными усилиями государства, общества, религиозных объединений можно поднять попавшую в социальную «группу риска» молодежь с криминального дна.

9. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Связующей нитью между поколениями является чувство исторической памяти и духовной общности со своим Отечеством, готовность служить ему и защищать его. Любовь к Родине имеет ту же природу, что и любовь к родителям. Не случайно эти слова – Родина и родители – восходят к одному корню.

Патриотизм является связующим звеном между национальностью как этнической общностью и единой общностью граждан государства. Молодой человек, придерживающийся патриотических взглядов, любит свое Отечество, имеющее территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру.

Патриотизм – естественное чувство, оно изначально присуще человеку, говорится в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

Просвещенный, базирующийся на традиционных духовно-нравственных ценностях патриотизм является действенным фактором в жизни общества. Патриотизм проявляется в готовности защищать Отечество от неприятеля, трудиться на благо родной страны, заботиться об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государства.

В ситуации, когда страна переживает экономический кризис, она остро нуждается в социально-политической активности молодежи. Мы приветствуем любые инициативы молодых, направленные на утверждение традиционных духовно-нравственных ценностей России, идеалов патриотизма и социальной справедливости.

Созидательная социальная активность молодежи формирует духовные связи, построенные на принципах дружбы и солидарности. Работая в команде единомышленников, молодые люди быстро убеждаются, что товарищеские, братские отношения не растворяют индивидуальность, а пролагают кратчайший путь к самореализации.

Найти свой путь в жизни, обрести смысл и гармонию бытия молодым людям поможет добровольческое движение, поддержка инициатив, направленных на благо человека и общества. Волонтерство – это осознанный выбор, который способствует личностному росту, расширению профессиональных навыков и кругозора, милосердному отношению к ближнему. Опыт показывает, что через какое-то время волонтеры начинают сами выступать организаторами и идейными вдохновителями социальных проектов.

Крайне важен вопрос о формировании нового слоя молодых управленцев, приобретающих опыт социального служения на государственном, региональном и муниципальном уровнях. Мы поддерживаем деятельность общественно-политических объединений, вовлекающих молодежь в процесс созидательной политической активности, открывающих дорогу к личностному самоутверждению на поприще политической работы. Необходимо, чтобы представители традиционных религий донесли до молодежи, получающей сегодня политический опыт, идею важности духовного совершенствования. Молодые политики должны узнать из практики, что их деятельность обладает духовным значением, а религиозно ориентированная молодежь должна осознать общественную работу как вид служения.

Становится все более востребованной конструктивная связка между объединениями социально активной молодежи, консолидированной традиционными религиозными общинами, и представителями светских молодежных структур, образованных крупными политическими партиями. Во взаимодействии с органами государственной власти и управления они способны эффективно дополнять друг друга. Понимая актуальность подобного сотрудничества, Всемирный русский народный собор готов взять на себя координирующую функцию в этих вопросах и стать инициатором конструктивного диалога между патриотически ориентированной светской и религиозной молодежью. Верим, что подобный диалог

благотворно скажется на качестве работы всех вовлеченных в него молодежных организаций и принесет нашему обществу реальную пользу.

У каждого молодого поколения есть свой социальный и политический авангард. Это ответственный слой молодых людей, принимающих вызовы времени, остро чувствующих связь с отцами, дедами и прадедами, оставившими им в наследство великую страну.

Лидерское звено молодежи является зародышем подлинной элиты будущего. Именно здесь имеет смысл искать кандидатуры для нового поколения управленцев, смену для нынешних политиков и государственных деятелей.

10. ПРОСТРАНСТВО ПЕРСПЕКТИВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Нашу молодежь ждет широкое поле трудов, дерзаний и свершений, говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Историческая Россия стала великой страной потому, что как государственное образование служила высокой цели – цивилизовать огромные географические пространства. Чтобы построить великий русский многонациональный мир, требовалось установить в его пределах справедливость и согласие. Для достижения этой цели не хватило бы никаких человеческих ресурсов, если бы в жизни людей отсутствовало вертикальное измерение. Жизнь без Бога, без веры, без предельных смыслов в таком напряженном режиме немыслима.

Никакое мировоззрение не может быть усвоено сознанием молодого человека, если не произойдет самоотождествления с ним. Во взаимодействии с молодежью необходимо исходить из духа молодости, который не терпит двусмысленностей, компромиссов и в то же время ищет серьезного приложения для человеческих сил. Молодой человек готов признавать настоящие авторитеты, но никогда не простит даже намек на пренебрежение своей личностью, сомнения в собственном потенциале.

Обращение к молодежи предполагает новый «перевод», новую формулировку тех идей, которые заложены в традиционной культуре и в вечных нравственных нормах. В этом возрасте происходит мистерия внутренней идентификации, содержание которой разворачивается в течение последующей жизни человека. Социальные смыслы бытия должны обрести правильное соответствие в мотивации личности.

Рано или поздно человек убеждается, что нравственные постулаты имеют такую же неотвратимую силу, как законы физики или математические аксиомы. Если это происходит на пороге вступления во взрослую жизнь, то выигрывает все общество.

Промысел Творца закрепляет за каждым поколением, вступающим в жизнь, за каждой личностью собственную уникальную миссию, которую невозможно ни отнять, ни повторить. Осведомленность об этой миссии является мощнейшим инструментом утверждения собственного «я» и одновременно делает человека альтруистичным, поскольку он понимает, что другие его современники наделены собственной, неповторимой судьбой.

Поднявшись на этот уровень мотивации, молодой человек становится глубоко ответственным перед собой и обществом. Только такой подход способен оторвать его от состояния инфантилизма, которое препятствует рождению

полноценной личности и гражданина. На этапе же семейного строительства солидарность поколенческой миссии не дает супругам увязнуть в аполитичном потребительстве, социальной пассивности.

Нынешнее молодое поколение – первое поколение молодых людей, родившихся или выросших после распада СССР, в первые годы становления новой российской государственности. Через 10–15 лет именно от него будет зависеть, какая судьба ждет в XXI веке Россию с ее многонациональным обществом и исторически сложившимся ядром – русским народом.

Чтобы занять достойное место в мире, наша страна нуждается как в инновационном развитии, так и в нравственном обновлении. Нынешнему молодому поколению предстоит решать эти задачи одновременно. Именно поэтому ему равно необходимы как материальная, так и духовная поддержка. Лишь достигнув гармонии между общенациональными идеалами, личными и семейными интересами, оно сможет войти в историю как новое поколение победителей, с которого станут брать пример и на которое будут равняться потомки.

(<http://www.mospat.ru/index.php?page=45021>)

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

А.А. Возьмитель

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: образ жизни, нормы, ценности, социальные изменения, социальная динамика

Последние десятилетия новейшей Российской истории стали периодом бурных перемен и эпохальных инноваций, кардинально изменивших основы общественно-политического устройства страны.

Как повлияли эти радикальные изменения на повседневную жизнь россиян? Каковы тенденции базовых сдвигов в массовом сознании и социальном поведении людей за прошедшие четверть века?

Ответы на эти вопросы даются в цикле статей по результатам сравнительного анализа данных двух репрезентативных исследований образа жизни: Всесоюзного, проведённого ИСИ АН СССР в 1981–1982 гг. (всего опрошено 10150 человек, в том числе по России 5522) и Всероссийского, проведённого РГСУ в 2008 г. (опрошено 2017 чел.)¹.

Главный стержень публикуемой статьи – поиск ответа на вопрос: куда мы движемся в социальном плане и что это означает в контексте необходимости цивилизованного развития российского общества.

* * *

В рамках действия объективных закономерностей образ жизни изменяется в силу активной преобразующей деятельности людей. Он ими не только воспроизводится, но и творится. Иначе говоря, образ жизни имеет субъектно-объектный характер. Именно в силу активного отношения людей к наличным социально-экономическим и социально-психологическим условиям, формирующийся на этой основе образ жизни может оказывать положительное или отрицательное воздействие на ход общественных процессов, а также на формирование личностей определённых социальных и социально-психологических типов.

Деятельность – динамическая сторона, движущее начало социального. Наличные общественные отношения – результат предшествующей деятельности и точка «отталкивания» для деятельности последующей, развивающей или разрушающей эти отношения. В соответствии с субъектно-деятельностным подходом именно и прежде всего личность выступает результирующим началом всякого развития.

Поэтому мы считаем недостаточным определение образа жизни только как жизнедеятельности, что сводит это понятие к предметному объективному

¹ Исследование проведено в рамках реализации проекта «Социальные изменения в современной России: методология измерения и социальные практики». Научный консультант проекта – академик РАН В.И. Жуков. Руководители проекта – доктор социологических наук, профессор Г.И. Осадчая и доктор социологических наук А.А. Возьмитель. Методика исследования разработана А.А. Возьмителем при участии Г.И. Осадчей.

поведению людей. Такое ограничение неизбежно приводит к толкованию образа жизни в традициях бихевиоризма, оставляя вне рамок анализа субъективные состояния людей, систему ценностных ориентаций, что только и даёт возможность выяснить направленность и конкретное содержание образа жизни и что подразумевается под концепцией жизни, включающей в себя терминальные и инструментальные ценности (жизненные идеалы и цели, способы их достижения, представления о счастье и смысле жизни и т. п.).

Исходя из этих соображений, мы в проекте используем определение исследуемого феномена, в котором нашло отражение диалектическое взаимодействие объективных условий и сознания, проявляющееся в деятельности: образ жизни – это система типических форм повседневной жизни, формирующаяся в конкретных макро- и микро-условиях, обладающая внутренним единством в силу целостной природы субъектов деятельности, разделяемых ими ценностей, социальных установок и ориентаций.

То есть, речь тут идёт именно о способе жизнедеятельности, содержанием которого является определённая система ценностей, установок и ориентаций, регулирующая социальное поведение людей, а формой – активность (деятельность, поведение, общение, отношения) личности в значимых для неё и для общества сферах и масштабах жизни. Отсюда вполне ясно значение социологического анализа состояния и динамики ценностно-нормативного комплекса, вошедшего в себя значительную часть актуальных и перспективных проблем общественного развития.

Есть два базисных фактора, определяющих социальное поведение людей: личностный, отражающийся в осознанных намерениях, целях, способах их достижения, и социальный – воздействие макро- и, в особенности микросреды (господствующих в ней норм, взглядов, отношений, ценностей и т. п.), проходя через которую общественные требования либо принимаются, либо отвергаются, либо видоизменяются, преломляясь через призму специфических условий, социальных ориентаций и т. п.

Каковы нормы, господствующие в этих микросредах, таковы реально функционирующие нормы образа жизни. Судить об этом мы можем по содержанию социально-нравственного опыта масс, находящему своё отражение в оценке людьми степени распространённости в их микросредах наиболее общих норм жизнедеятельности, повседневного поведения людей, дающих в совокупности представление об определённом ценностно-нормативном наполнении реально складывающегося образа жизни и его соответствии (несоответствии) задачам общественного развития (см. табл. 1).

Как видно из приведённых данных повседневное поведение советских людей в начале 80-х годов прошлого века отличала приверженность подавляющего большинства к, безусловно, позитивным социальным нормам.

Так главным фундаментальным качеством советского образа жизни являлся социальный оптимизм. Примерно 9 из каждых 10 опрошенных отметили в ходе опроса, что окружающие их люди спокойно смотрят в будущее, уверены в завтрашнем дне.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Как вы считаете, среди людей, которых вы **постоянно** встречаете в своей жизни на работе, в семье, в кругу знакомых **почти все, большинство, меньшинство или очень мало...**»
(в % к числу опрошенных; 1981–1982 гг, $n_1=5522$; 2008 г., $n_2 = 2017$)

	1981–1982 г.г.		2008 г.	
	Почти все	Большинство	Почти все	Большинство
1. Уверены в завтрашнем дне*	38,4	51,2	4,6	25,6
2. Стремятся работать как можно лучше	22,8	65,5	13,3	51,8
3. Отзывчивы, всегда готовы прийти на помощь другим людям	17,9	63,2	12,7	42,9
4. Интересуются в основном приобретением вещей	9,1	35,9	7,6	38,6
5. Заняты только собой, своим личным благополучием	3,4	17,8	15,0	39,3
6. Злоупотребляют спиртными напитками	1,7	18,3	4,8	24,0
7. Недостаточно хорошо (плохо – в 2008 г.) относятся к людям других национальностей	1,8	5,6	4,5	18,9

* Нормы жизнедеятельности, повседневного поведения людей указаны в порядке убывания индекса распространённости, рассчитанного с учётом полного распределения ответов на вопрос в исследовании 1981–1982.

В целом динамичное социально-экономическое развитие СССР в семидесятые годы действительно привело к значительным изменениям в условиях жизни людей. Как показывают данные базового опроса, серьёзные изменения к лучшему коснулись их жилищных условий, питания, одежды, условий проведения свободного времени, отношений в семье, работы сферы обслуживания и культурно-массовых учреждений. В целом считали, что они материально стали жить лучше, нежели 5 лет тому назад, примерно 7 из 10 опрошенных. При этом более половины заявляли о том, что их жизнь складывается хорошо, немногим менее половины – удовлетворительно и лишь 2% – плохо.

Основа социального оптимизма при социализме – добросовестный труд как источник всех жизненных благ. Поэтому неудивительно, что именно стремление работать как можно лучше занимало второе место по распространённости норм повседневного поведения людей.

Отношение к труду – сложный интегральный показатель, складывающийся из таких параметров трудовой деятельности как самоотдача, заинтересованность трудиться качественно, инициатива в работе, чувство ответственности за дела в коллективе. Здесь также прослеживались позитивные тенденции, которые детерминировали общую социальную установку «работать как можно лучше».

Тем не менее, как показал углублённый анализ, основную группу, представляющую половину и более работающих, составляли люди со средними характеристиками трудовой активности.

Об установлении между советскими людьми отношений дружбы и взаимопомощи свидетельствовала широкая распространённость в их социальном окру-

жениии, такой нормы как отзывчивость, чуткость к другим людям, на которой строятся все цивилизованные социальные, да и экономические отношения. О распространённости этой нормы на производстве в советское время результаты базового исследования говорят вполне определённо: примерно четверо из пяти работающих часто оказывали помощь товарищам по труду; у каждого трёх из четырёх опрошенных коллеги по работе являлись близкими друзьями; около 2/3 оценивали как хорошие свои отношения с непосредственными руководителями.

Сегодня много говорят о толерантности. Особенно в связи с этническими отношениями. Судя по анализируемым данным, в России советской эта проблема практически отсутствовала. Значимой уже в то время она была лишь в Закавказье, в Азербайджане (12–14% микросред, заражённых национальными предрассудками), где спустя несколько лет после опроса произошли первые столкновения и погромы на национальной почве (Сумгаит, Баку, Карабах), дестабилизировавшие обстановку в СССР в целом.

Таково главное нормативное наполнение советского образа жизни. В качестве же главных его антиподов выступили: «приобретательство» – потребление как самоцель, выходящее далеко за пределы разумных для того времени потребностей, алкоголизация населения, а также эгоизм, занятость исключительно собой, личным благополучием.

Данные, приведённые в таблице 1 и на рисунке 1 свидетельствуют о значительных изменениях в нормах жизнедеятельности людей, происшедших за последнюю четверть века.

Общая тенденция тут прослеживается достаточно чётко. За прошедшие годы в ближайшем социальном окружении россиян гораздо меньше стало людей, имеющих позитивные социальные установки и гораздо больше тех, кто ведёт себя в соответствии с установками негативными.

Так, резко (в 3 раза) уменьшилась доля микросред, в которых почти все или большинство людей уверены в завтрашнем дне, и в 2 раза – доля тех, в ближайшем социальном окружении которых почти все стремятся работать как можно лучше. На 25% сократилось число микросред, состоящих в основном из людей отзывчивых, всегда готовых прийти на помощь.

Напротив, в 2,5 раза стало больше людей, в ближайшем социальном окружении которых доминируют люди, озабоченные исключительно собой, своим личным благополучием. В алкогольном социальном окружении сегодня вынуждены жить в полтора раза больше, а в заражённом националистическими предрассудками в три раза больше людей, нежели в 1981–1982 гг. (рис. 1). Учитывая изменения в формулировке вопроса (в базовом исследовании речь шла о недостаточно «хорошем» отношении к людям других национальностей, а в сравнительном – о «плохом»), – названная тенденция представляется весьма тревожной.

Соответственно, изменилась иерархия норм, господствующих в социальном окружении людей.

Так, в советский период в повседневном поведении людей лидировали с большим отрывом три взаимосвязанные, безусловно, позитивные социальные нормы (уверенность в завтрашнем дне; стремление работать как можно лучше;

отзывчивость, готовность прийти на помощь другим людям), которые, по существу, носили всеобщий характер (доминировали более чем в 80% микросред).

Рисунок 1

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, те люди, которых Вы постоянно встречаете в Вашей жизни (на работе, в семье, в кругу знакомых), почти все, большинство, меньшинство или очень мало...»

(в % к числу опрошенных)

Почти все или большинство

В нынешней России главная лидирующая норма советского периода (уверенность в завтрашнем дне) полностью изменила своё социальное лицо, перейдя в разряд аутсайдеров. Сегодня в нашем обществе на роль ведущих пока ещё претендуют две нормы безусловно позитивного плана (стремление работать как можно лучше; отзывчивость, готовность помочь другим людям), правда, значительно сдавшие свои позиции, превратившиеся из норм всеобщих в нормы средней распространённости, а также «дышащий им в спину» эгоцентризм.

Иначе говоря, нормативное ядро российского общества не просто утратило свою необходимую целостность, но, по сути, раскололось, вобрав в себя нормы прямо противоположные по своему характеру.

Если же говорить об общем векторе происшедших изменений, то налицо активное расширение зоны действия норм негативных за счёт сужения зоны действия позитивных норм: лучше работать постепенно заменяется на лучше потреблять; взаимопомощь на эгоцентризм; уверенность в завтрашнем дне – на социальную и национальную напряжённость.

Всё это признаки явной деструкции социальных отношений, масштабы которой достаточно хорошо видны из сравнительного анализа характера социального окружения людей в советское и нынешнее время (табл. 2).

Отчётливая тенденция тут налицо. В современном российском обществе идёт процесс замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную: паразитическую, агрессивно-враждебную.

Таблица 2

Характер социальной среды

	1981–1982	2008
<u>Цивилизованная среда</u> (Почти все или большинство стремятся работать как можно лучше; отзывчивы, готовы прийти на помощь другим людям; этнически толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик нецивилизованной среды)	72	38
<u>Нецивилизованная среда</u> (Почти все или большинство не стремятся работать как можно лучше; не отзывчивы, не готовы прийти на помощь другим людям; этнически не толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик цивилизованной среды)	1	8
<u>Смешанная среда</u> (Совместное упоминание характеристик цивилизованной и нецивилизованной среды)	28	54

В понимании причин (факторов), определяющих то или иное нормативное содержание образа жизни, важное место занимает анализ терминальных и инструментальных ценностей, которых придерживаются люди, строя свой образ жизни. Указанные ценности, дающие представление о жизненной концепции (программе) человека или группы людей, рассматриваются нами и как результат наличного образа жизни, и, как фактор, определяющий и детализирующий определённое состояние.

В базовом исследовании цели, которые ставят себе люди в жизни, выяснялись с помощью открытого вопроса «Что для Вас означает «хорошо жить»?»

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Хорошо жить: это, прежде всего, означает...»
(в % к ответившим; n = 5522)

1. Быть материально обеспеченным	35,4
2. Иметь хорошую семью, детей	29,6
3. Иметь интересную работу, честно трудиться	26,2
4. Жить в условиях мира и социальной справедливости	23,1
5. Быть здоровым, иметь здоровых близких людей	18,4
6. Иметь хорошие жилищные условия	12,7
7. Иметь друзей, хорошие отношения, взаимопонимание с людьми	7,3
8. Иметь возможность для полноценного отдыха и развлечений	7,1
9. Жить в условиях бесперебойного обеспечения товарами высокого качества, хорошей работы, сферы обслуживания	6,7
10. Найти свое место, цель в жизни	2,6
11. Иметь возможность для удовлетворения духовных, интеллектуальных, эстетических потребностей	2,4
12. Добиться уважения, признания людей	1,7
13. Быть независимым, свободным	1,7

Вырисовывающаяся из приведённых данных картина представлений о жизненных целях людей в Советской России в подавляющем большинстве случаев сводилась к тому или иному сочетанию пяти основных жизненных ориентиров: материальное благополучие, семейное благополучие, работа по душе и способностям, здоровье, жизнь в условиях мира и социальной справедливости. Относительно самостоятельной ориентацией выступавшей в форме актуальной

жизненной потребности являлось хорошее жильё. Эта ориентация была характерна, прежде всего, для людей, не имевших отдельного благоустроенного жилища. Аналогичным образом, упоминание в качестве важного условия хорошей жизни «бездефицитного» снабжения и обслуживания было связано в первую очередь с региональными особенностями.

Слом советской системы и замена её альтернативным вариантом общественно-политического устройства привели к изменению принципов актуализации базовых жизненных целей, что сделало нецелесообразным прямое дублирование вопроса «Что для Вас означает "хорошо жить"?» в сравнительном исследовании. Поэтому вместо него мы использовали, апробированный ранее в различных вариантах, закрытый вопрос: «У каждого человека есть свои ценности, реализуемые в жизни. К чему стремитесь Вы? Что из перечисленного ниже наиболее важно для Вас лично?» (Подумайте и отметьте только три главные для Вас варианта ответа)* (см. рис. 2).

Полученное распределение ответов свидетельствует о стабильности ядра (первой тройки) терминальных ценностей россиян: материальное благополучие, семья и работа в 1981–1982 гг.; семья, уверенность в завтрашнем дне и работа в 2008 г. Материальное благополучие в его современном варианте (быть богатым, чтобы ни в чём себе не отказывать) отошло на четвёртое место, уступив лидирующую позицию уверенности в завтрашнем дне – ценности, которая в советское время не выступала в качестве терминальной, поскольку соответствующее состояние личности и общества в целом было само собой разумеющимся.

Во втором ценностном эшелоне представлены цели, примерно равные по значимости: уважение со стороны окружающих, жизнь в экологически чистой среде и чисто русская ценность жизни по правде, совести, справедливости.

Личная безопасность занимает восьмое место в структуре терминальных ценностей, а все другие её элементы набирают менее 10% голосов опрошенных.

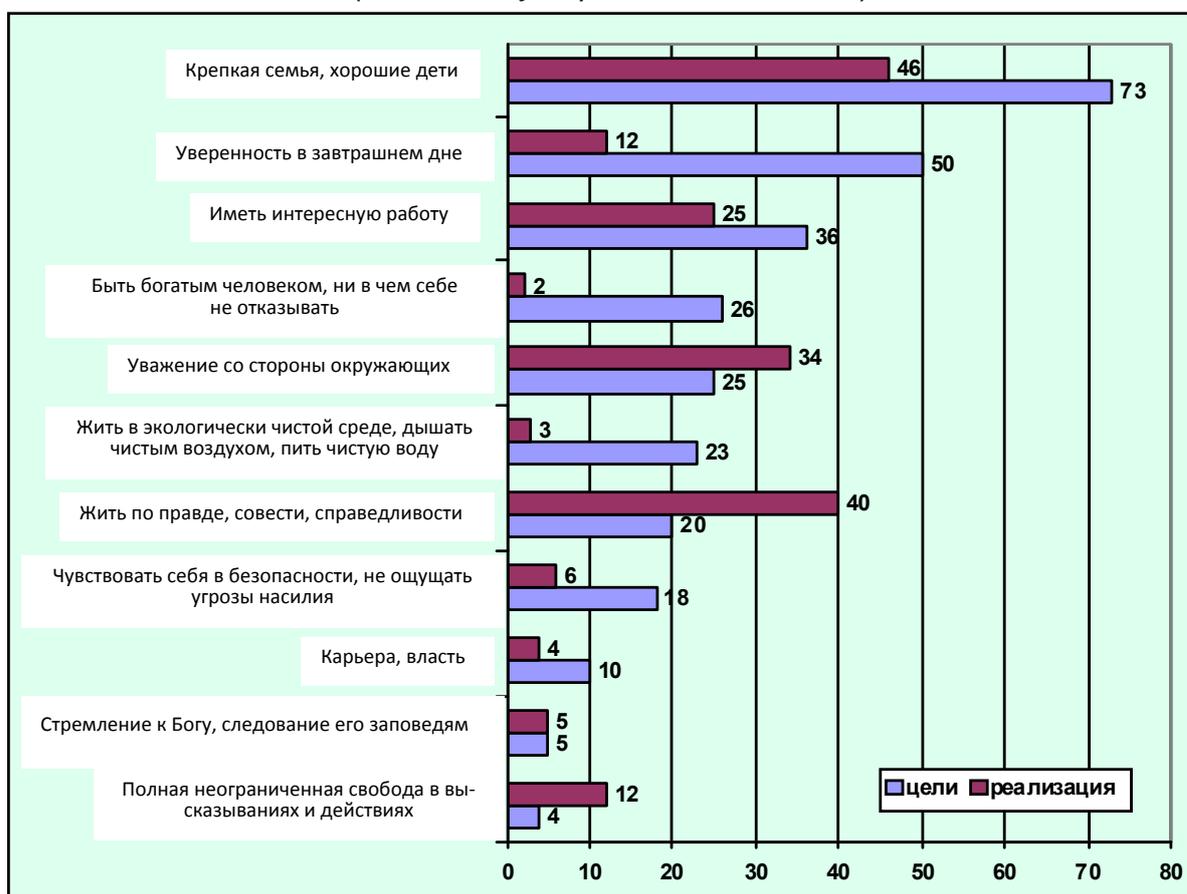
Ответы на вопросы, представленные в рис. 2 говорят о достаточно низкой реализации главных жизненных ценностей россиян: уверенности в завтрашнем дне (не реализовалась у 38% опрошенных); семейных (-27%); связанных с жизнью в экологически чистой среде (-20%); с работой (-11%) и личной безопасностью (-12%). Однако наибольший разрыв между поставленной целью и её реализацией (в 13 раз!) наблюдается у тех, кто хотел стать богатым человеком.

Если же говорить о целях, которые люди полностью (и даже с лихвой) реализовали в своей повседневной жизни, то они носят в основном идеальный характер. Из тех, кто ставил цель придти к Богу, почти все пришли к нему; кто хотел получить уважение окружающих, тот этого добился. 40% заявили о том, что они живут по правде, совести, справедливости, что в два раза превышает долю тех, кто хотел так жить. Лидирует же среди реализованных ценностей как раз та, которую наши респонденты меньше всего желали: полная неограниченная свобода в высказываниях и действиях. Всё это наводит на мысль о вынужденно-компенсаторном характере реализации «идеальных» ценностей ввиду невозможности реализации базовых «реальных».

* Три варианта ответа предусматривалась в базовом исследовании.

Рисунок 2

Ответы на вопрос: «К чему стремитесь Вы? Что из перечисленного ниже наиболее важно для Вас лично?» «А что Вам в основном удалось реализовать к настоящему времени?»
(в % к числу опрошенных; n=2017)

Итак, можно констатировать, что наряду с устойчивым ядром главных жизненных целей в их структуре произошли значительные изменения. Важными её элементами стали уверенность в завтрашнем дне, стремление к богатству, жизни в экологически чистой среде и личной безопасности. Однако именно эти ценности вместе с базовыми инвариантными (семья и работа) реализуются в наименьшей степени.

Отсюда можно предположить, что именно это обстоятельство во многом определяет парадоксальность ситуации, в которой явный рост оценок уровня жизни (по сравнению с советским временем) сопровождается также явным ухудшением оценок её качества.

Если сравнить изменения в нормах повседневного поведения людей, терминальных и инструментальных ценностях, то именно последние, как явствует из результатов нашего исследования, за четверть века подверглись наиболее существенной модификации (табл. 4).

Как видно из приведённых данных, в Советской России существовала достаточно чётко оформленная по своим характерологическим особенностям

система инструментальных ценностей, способов и приёмов решения людьми актуальных жизненных ситуаций и проблем.

Таблица 4

Ответы на вопрос: «**Что важно, а что не важно для достижения успеха, благополучия в жизни?**»
(в доперестроечной и сегодняшней России; в % к числу опрошенных)

	1981–1982 гг.		2008 г.	
	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно
Трудолюбие, добросовестное отношение к делу	66,6	31,0	38,4	46,4
Отзывчивость, чуткость к другим людям	48,1	48,4	21,3	46,4
Честность, принципиальность	54,4	39,7	19,8	46,9
Связи с «нужными» людьми	13,8	33,7	45,3	37,9
Умение приспособиться	9,4	34,8	35,4	44,2
Забота, прежде всего о себе	10,5	33,1	21,4	50,8
Образование	42,5	47,6	48,2	39,5
Деньги	33,0	52,4	48,8	40,8
Способности, талант	26,7	56,6	28,0	51,0

По степени важности для людей и распространённости среди них инструментальные ценности подразделялись на три основные группы:

- ценности всеобщей распространённости (считали очень важными около или свыше 50% населения и важными свыше 90%);
- средней распространённости (считали очень важными от 20% до 50% населения и важными от 70% до 90%);
- ценности меньшинства (считали важными до 50% населения).

Первая лидирующая группа представлена традиционными для русской и советской культуры средствами достижения успеха, благополучия в жизни: трудолюбие, добросовестное отношение к делу; отзывчивость, чуткость к другим людям; честность, принципиальность.

Вторая группа ценностей средней распространённости включала в себя средства достижения жизненного успеха важные в любых современных культурах: образование; деньги; способности, талант.

Наконец, ценности меньшинства: связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, забота, прежде всего, о себе, которые сегодня можно назвать либеральными. С ними в советское время вели «непримиримую идеологическую борьбу», но в повседневной жизни мирились как с неизбежным и не очень распространённым злом.

Эта чёткая структура реально функционирующих инструментальных ценностей во многом обеспечивала процесс социализации личности и формирование достаточно прочной советской идентичности.

Кардинальное изменение общественного строя, утрата вектора общественного развития и сопутствующее разрушение процесса социализации личности, систем правовой и духовно-нравственной регуляции, – привели к тому, что в сегодняшней России все инструментальные ценности стали как бы равнозначны. Их чёткая структура характерная для советского общества полностью развалилась. Не стало ни всеобщих ценностей, ни ценностей меньшинства. Все они слились в группу, представляющую собой эклектичный набор прямо противоположных ценностей, в котором, тем не менее, лидируют в основном средства достижения успеха, благополучия в жизни так сказать либерального толка (рис. 3).

Рисунок 3

Ответы на вопрос: «Что важно, а что не важно для достижения
успеха, благополучия в жизни?
(в доперестроечной и современной России; в % к числу опрошенных)
Очень важно + важно

Довольно стабильными, инвариантными к политико-экономическим трансформациям России выступают образование, способности, талант и деньги. Однако общая тенденция тут прослеживается довольно чётко: в современном российском обществе по сравнению с доперестроечным довольно резко падает роль и значение традиционных для русской культуры средств достижения жизненного успеха (трудолюбия, добросовестного отношения к делу; отзывчивости, чуткости к другим людям; честности, принципиальности), наряду с резким возрастанием роли и значения инструментальных ценностей, так сказать, либеральных (связей с «нужными» людьми, умения приспособиться; индивидуализма).

О силе и характере этого модернизационного прорыва можно судить, сравнив распространённость различных групп инструментальных ценностей в доперестроечное и нынешнее время (табл. 5).

Приведённые цифры говорят об инверсии в сознании людей. Лидирующие в советское время базовые традиционные ценности, на которые ориентировалась основная масса населения, заняли сегодня позиции аутсайдеров, поскольку доля людей их разделяющих уменьшилась в 3 раза, а доля тех, кто разделяет либеральные ценности, напротив, возросла в 8 раз.

В 1,5 раза возросла и группа, объединяющая людей разделяющих и традиционные и либеральные ценности одновременно. В доперестроечное время этот человеческий тип трактовался в ключе «двоемыслия» «разлада со своей сове-

стью», «сознательного нарушения наших норм и принципов», а как следствие – и законов. На рубеже 90-х принятие двойного ценностного стандарта пытались интерпретировать как «разрушительную сделку с дьяволом». Однако, на наш взгляд, в те годы это был акт здравого прагматизма, позволяющий «нормально» жить и неплохо себя чувствовать в обществе с «поехавшей» крышей.

Таблица 5

**Распространённость в обществе традиционных и либеральных ценностей
(в % к числу опрошенных)**

	1981–1982	2008
Разделяют <u>традиционные ценности</u> (Признают очень важным трудолюбие, добросовестное отношение к делу; отзывчивость, чуткость к другим людям, честность, принципиальность и отвергают как очень важные ценности либеральные)	60,7	19,3
Разделяют <u>либеральные ценности</u> (Признают очень важными связи с нужными людьми; умение приспособиться; заботу, прежде всего, о себе и отвергают как очень важные ценности традиционные)	4,1	32,3
Разделяют <u>традиционные и либеральные ценности</u> (Признают очень важными традиционные и либеральные ценности одновременно)	18,8	27,2
Не разделяют <u>ни традиционных, ни либеральных ценностей</u> (Не признают очень важными ни традиционные, ни либеральные ценности)	16,4	18,1

* * *

Анализ результатов сравнительного исследования образа жизни позволяет говорить о разительном снижении социально-нравственного и трудового потенциала российского общества за последнюю четверть века. Произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей.

В современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями.

В повседневной жизни активизировался и даже начинает доминировать эгоцентризм. Не может не тревожить бурный рост этнической нетолерантности и заметный – алкоголизации населения, а также резкое снижение уровня распространённости норм повседневного поведения, обеспечивающих цивилизованное развитие любого общества (стремление работать как можно лучше; отзывчивость, взаимопомощь), в результате чего формируется неблагоприятная для нормального человека (паразитическая, агрессивно-враждебная) среда обитания.

Схожие тенденции, но, пожалуй, более ярко проявляющиеся, обнаруживаются при анализе изменений в инструментальных ценностях.

В соответствии с реально функционирующими нормами формируется поддерживающая их ценностная система, в которой резко возрастает значение ценностей, так сказать, либеральных (связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, крайний индивидуализм) и также резко падает значение ценностей традиционных (трудолюбие, добросовестное отношение к делу; отзывчивость, чуткость к другим людям; честность, принципиальность).

Что же касается терминальных ценностей, то их ядро (семья и работа) оказалось весьма устойчивым, инвариантным к происходящим фундаментальным общественным трансформациям. Однако сегодня в него прочно внедрилась «уверенность в завтрашнем дне» в качестве важнейшей нереализованной ценности в нынешней России. Слабо реализуются и другие как «старые» (семья и работа), так и новые терминальные ценности, связанные с достижением богатства, жизнью в экологически чистой среде и личной безопасностью.

Всё это неизбежно порождает фрустрацию, утрату смысла жизни и другие формы психологического неблагополучия. Тем не менее, вполне можно прогнозировать ухудшение социальной ситуации в нашем обществе, если выявленные в сравнительном исследовании тенденции изменений в сознании и повседневном поведении людей сохранятся.

Как показывает анализ, в сегодняшней России контркультурные формы повседневной жизни, объединённые общим понятием нецивилизованная среда («приобретательство», эгоцентризм и этническая нетолерантность) оказываются тесно связанными с различными видами асоциального поведения: стремлением взять от общества побольше, а дать ему поменьше; злоупотреблением спиртными напитками и даже с употреблением наркотиков (см. табл. 6).

Таблица 6

**Взаимосвязь характера социального окружения людей
с асоциальным поведением**
(% к числу опрошенных; n = 2017)

Среда	Стремятся взять от общества побольше, а дать ему поменьше				Злоупотребляют спиртными напитками				Употребляют наркотики			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Цивилизованная	5,9	21,1	52,3	20,6	1,3	10,8	32,1	55,7	0,6	1,5	7,9	90,0
Смешанная	16,6	49,5	26,9	7,0	5,9	27,7	34,2	32,3	3,0	7,9	15,7	73,4
Нецивилизованная	29,4	51,7	6,1	6,7	13,5	61,3	17,2	8,0	3,1	21,5	28,8	46,6

1 – почти все; 2 – большинство; 3 – меньшинство; 4 – очень мало

Приведённые данные позволяют говорить о прямой зависимости между характером социальной среды и асоциальным поведением. В минимальной степени все анализируемые его формы присущи цивилизованной среде. Любое же внедрение в неё хотя бы одной из норм, характеризующих нецивилизованную среду резко активизирует (в разы!) все формы асоциального поведения. Когда же в той или иной среде функционируют только нецивилизованные нормы – асоциальное поведение начинает в ней доминировать.

Именно так обстоит дело с потреблением спиртных напитков и распространённостью рваческих «хапательных» установок по отношению к обществу в целом, которые реализуются в уклонении от уплаты налогов, воровстве, приватизации прибыли к национализации убытков, коррупции и т. п.

Не столь выпукло, но всё же достаточно чётко прослеживается зависимость между характером социальной среды и потреблением наркотиков.

Однако наиболее тесно характер социальной среды оказывается связанным со здоровым образом жизни (табл. 7).

Таблица 7

**Взаимосвязь характера социального окружения людей
с ведением здорового образа жизни
(% к числу опрошенных; n = 2017)**

Среда	Ведут здоровый образ жизни			
	Почти все	Большинство	Меньшинство	Очень мало
Цивилизованная	9,4	42,3	33,2	15,2
Смешанная	4,4	21,5	42,2	31,9
Нецивилизованная	0,6	1,8	41,1	56,4

Тесная корреляция обнаружилась и между приверженностью людей к определённым инструментальным ценностям и наличием-отсутствием у них каких бы то ни было запретов, табу. Так умение переступить: закон, мораль и т. п. оказывается важным и очень важным средством достижения успеха, благополучия в жизни для 12% респондентов, разделяющих традиционные ценности; для 30% – традиционные и либеральные одновременно и для 43% чистых «либералов» российского разлива.

Так что от того, в каком ценностно-нормативном направлении общество будет двигаться далее, – очень многое зависит.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

С.В. КОРТУНОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ¹

Российские национальные ценности – источник конкурентоспособности России в XXI веке

Поиск России в начале XXI века своей национальной идентичности и, соответственно, определение национальной стратегии развития осложняется происходящими в мире противоречивыми процессами глобализации. Размывая институт национального государства, глобализация создаёт угрозу поражения центрального идентификационного ядра, хранящего наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетиями, и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих.

Сохранение и укрепление этого ядра, как представляется, и составляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку национальная идентичность является её сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом развития, инновационной модернизации и конкурентоспособности в XXI веке.

Для многих стран это означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национального выживания. Перспективы такого выживания напрямую зависят от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жёсткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер. Глобализация, стремящаяся перемолоть национальную идентичность, растворить её в глобальных процессах – это, таким образом, своего рода квалификационный турнир для таких ядер.

Такие государства, как СССР, Югославия, Чехословакия распались во многом именно потому, что их культурно-цивилизационные идентичности оказались неконкурентоспособными (хотя в каждом из этих случаев были и другие, особые причины для дезинтеграции). В конце XX века по этой же причине на грани распада оказалась Российская Федерация. Сегодня «на прочность» уже испытывается, казалось бы, вполне конкурентоспособный Китай (сепаратизм Тибета). Завтра под ударом могут оказаться и другие, внешне вполне успешные, конкурентоспособные и устойчивые государственные образования. Так, многие отечественные и зарубежные мыслители предрекают распад США².

Утрата национальной идентичности ведёт, как показывает мировая практика, к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и значительной части национального суверенитета государств. Это, в свою очередь, озна-

¹ Данная статья подготовлена в рамках исследования по гранту РГНФ 09-03-00700 а/р на тему «Россия на пути к глобальному лидерству: укрепление «мягкой силы» страны в многополярном мире».

² См., например, недавние публикации Л. Панарины, С. Хантингтона и С. Ливена.

чает отказ от собственных национальных интересов, неспособность этих государств к самостоятельной как внутренней, так и внешней политике. И напротив, чёткое самоопределение, твёрдая опора на национальные идентификационные коды, открывает возможность проводить свой собственный внутри- и внешнеполитический курс в мировых делах, основанный на глубоко осознанных и чётко сформулированных национальных интересах.

В условиях повсеместного и всеобъемлющего кризиса национальной идентичности каждое государство, даже из числа тех, которые добровольно и сознательно передают значительную часть своего национального суверенитета более мощным государствам и межгосударственным объединениям, делает всё возможное для его преодоления. Поскольку идентичность является важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, то она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идёт «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады не дают никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности неизбежно растворяются в процессах глобализации.

«Весь XXI век, – констатируют Е. Ясин и М. Снеговая, – будет периодом взаимопроникновения, сотрудничества и конкуренции универсальных и традиционных ценностей различных культур на основе выяснения их сравнительных преимуществ и совместимости на почве разных стран и цивилизаций, с синтезом традиционных и заимствованных институтов с целью создания наиболее благоприятных условий для инноваций. Это будут сложные, порой конфликтные процессы. Преимущество останется за теми, кто продемонстрирует более высокую адаптивность. Институциональные изменения – внутреннее дело каждой страны. Тем более это касается изменений культурных; если институты ещё могут быть, хотя бы отчасти, результатом политики государства, то культура в целом – это сдвиги в представлениях, установках, ценностях миллионов людей, происходящие медленно и, как правило, спонтанно»¹.

В связи с этим возникает два фундаментальных вопроса: являются ли национальные идентификационные ядра России конкурентоспособными в XXI веке и если нет, то возможна ли их адаптация применительно к потребностям инновационного развития, переход к которому является главной предпосылкой обеспечения конкурентоспособности нашей страны?

На этот счёт есть две точки зрения – консервативная и либеральная. Консервативная в наиболее чёткой форме представлена А. Кончаловским, который своё предисловие к русскому изданию книги Л. Харрисона «Кто процветает?» озаглавил так: «Культура – это судьба». Разъясняя свою позицию, А. Кончаловский, в частности утверждает: «История показывает, что все попытки изменить культуру посредством политической воли оканчивались неудачей. Это постулат... Культура всегда влияет на политическую систему и изменяет ее согласно своим представлениям о нормах... Политическая система не способна оказать влияние на культуру... Какую идеологию ни внедряй в России, она примет формы, соответствующие рус-

¹ Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры. М.: 2009. С. 96.

ской культуре. А это культура крестьянская, общинная и православная...Культуру невозможно уничтожить, это означало бы поголовное уничтожение народа»¹.

Таким образом, консерваторы даже не считают нужным отвечать на вопрос о том, являются ли культурные идентификационные ядра России конкурентоспособными, констатируя, что они адаптации не поддаются.

Иную позицию занимают отечественные либералы, которых в данном вопросе представляет Е. Ясин. Полагая консервативный подход капитулянтским, они утверждают, что российские культурные ценности во многом неконкурентоспособны применительно к инновационному развитию. При этом такие ценности в принципе могут быть трансформированы, хотя и не слишком быстро. За образец предлагается взять доказавшие свою эффективность европейские ценности, которые не слишком отличаются от российских. Либералы ссылаются на опыт ряда стран, которым это удалось, в частности на опыт Испании².

Позиция автора в данном вопросе более близка к взглядам Е. Ясина, хотя полностью с ними и не совпадает.

МИФОЛОГЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Проблематика национальной идентичности России тесно связана с её историческим опытом и наработанными в ходе этого опыта национальными ценностями, «вечными» национальными интересами. В русской философии всё это принято называть национальной идеей.

Проблема состоит в том, что эта ключевая идея до сих пор не осознана, а потому и не сформулирована. Правда, в 1996 г. первый Президент РФ Б. Ельцин дал указание одному из своих помощников в течение одного года разработать «новую национальную идею» России. В соответствии с этим поручением, была создана многочисленная группа историков, социологов и философов, которые за приличное вознаграждение и хорошие казённые харчи почти безвылазно заседали и совещались в одной из самых престижных резиденций Президента (санаторий «Волынское» – по иронии судьбы т. н. «ближняя дача Сталина»). Эти эксперты перелопатили многотомную литературу, провели бесчисленные опросы общественного мнения, издали несколько брошюр. Однако тем дело и кончилось. Попытка разработать национальную идею «сверху», по политическому заказу государственной власти с треском провалилась. И не удивительно. С таким же успехом власть могла бы приказать экспертам сформулировать «общую теорию всего», смысл жизни человека или ответить на извечный вопрос: «быть или не быть?». Впрочем, Б. Ельцин ни год спустя после создания экспертной группы, ни позже, да и вообще никогда не вспоминал об этом своём весьма странном поручении.

Тем не менее, некоторая польза от него была: своим заказом Президент РФ стимулировал русскую мысль, и целый ряд маститых политологов изложили на страницах газет и журналов свои представления о возможной новой русской идее. Остановимся лишь на самом развёрнутом и завершённом обзоре, который сделал

¹ Независимая газета, 12.03.2004.

² См.: Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: 2003; Роль культуры в модернизации России. М.: 2006.

философ И. Чубайс (не путать с его братом – А. Чубайсом) в книге «От русской идеи – к идее новой России». Его книга интересна тем, что написана с позиций умеренных (отчасти консервативных) демократических ценностей и убеждений, которые доминируют в российском обществе в последние двадцать лет.

Суть его концепции состоит в том, что в истории нашей страны было три государства: Российская империя, СССР и постсоветская демократическая Россия. Национальная идея Российской империи включала три ключевые ценности: собирание земель, которое перешло затем в территориальную экспансию, православие и общинный коллективизм.

К концу XIX – началу XX вв. все три ценности оказались в кризисе. Экспансия себя исчерпала, и расширение России прекратилось. В кризисном состоянии оказалось и православие, как и христианство в целом. В связи с развитием сельскохозяйственной техники и появлением химических удобрений и вообще новых агроприёмов, значительно повысивших продуктивность сельского труда, устарела и община, которая ранее была способом выживания; уже Столыпин начинает расселение общин на хутора, т. е. с коллективного на индивидуальные (семейные) хозяйства. Россия, однако, не пошла по пути реформы традиционной системы ценностей, а полностью отбросила её, т. е. пошла революционным путём, взяв на вооружение новейшую на тот исторический момент коммунистическую идею. На этой идее был построен СССР, который просуществовал, однако, лишь 73 года.

Новая Россия, по мнению И. Чубайса, должна взять за основу своего существования новую национальную идею, базирующуюся так же, как и дооктябрьская идея, на трёх ценностях: обустройство имеющейся территории (вместо экспансии); православие в новейшей версии – толерантное в отношении других конфессий и ведущее активный диалог с католическим Римом (в противовес православию как государственной идеологии, враждебной Ватикану и подавляющей другие конфессии на территории страны); и индивидуализм в профессионально-производственной деятельности при сохранении элементов коллективизма в бытовых повседневных вопросах¹.

Идеи И. Чубайса представляются вполне разумными. Однако для России, честно говоря, слабоватыми. По существу такая версия новой национальной идеи и в самом деле означает «конец истории»: ведь если история кончается в России, то кончается и Всемирная история. Это возможный, но маловероятный вариант, ибо трудно поверить, что слово России в истории уже позади и отныне она будет довольствоваться лишь обустройством территории и экуменизмом, а русский человек перейдёт на стандарты западного индивидуализма. В известном смысле это означало бы историческую капитуляцию России, её признание, что всю свою историю (а не только в советский период) она шла по ложному пути и теперь готова смириться со своим не каким-то временным и частичным, но тотальным поражением.

Кроме того, И. Чубайс недооценивает, что все три упоминаемые им ценности русской идеи времён Российской империи (собирание земель, православие и соборность) органически спаяны намертво, сцементированы единым историческим замыслом, самым тысячелетним историческим развитием России.

В том-то и состоит задача, стоящая в современной национальной повестке дня, чтобы разгадать этот замысел, сформулировать русский исторический

¹ Чубайс И. От русской идеи к идее новой России. М.: 1996.

проект современным языком, языком XXI века. И. Чубайс же делает попытку расчленив русскую идею, ограничить её неким набором прагматических задач. Но сама идея при этом ускользает. Расчленение идеи ни на сантиметр не приближает нас к её осмыслению.

Здесь, вероятно, требуется иной подход. Вопрос о национальной идентичности России лежит не только и не столько в плоскости современной политики, сколько в плоскости её истории и культуры (и здесь позиции А. Кончаловского и Е. Ясина сходятся), т. е. тех самых культурных идентификационных кодов, о которых говорилось выше. Возможно, только с этих позиций, т. е. с позиций вековых национальных интересов и задач, удастся ответить на кардинальные вопросы текущей внутренней жизни страны.

Применение такого подхода, возможно, внесло бы большую ясность в современную интерпретацию русской идеи, что, в свою очередь, позволило бы сформулировать новейшую версию национальной общероссийской идеологии. Такой идеологии в России не было – ни до, ни после Октябрьской революции. Можно сказать, что до революции основные подходы к ней лишь начали нащупывать представители русского религиозно-философского Ренессанса. Но задача эта по существу не только не была выполнена, она даже не была чётко сформулирована. Ведь недостаточно провозгласить, как это сделал в 2004 г. В. Путин, что «национальная идея России – это её конкурентоспособность». Важно доказать, что это действительно так. Но этого пока наша власть сделать не может.

Сейчас сложилась ситуация, когда отсутствие национальной идеи впервые в истории России чревато полным исчезновением страны с политической карты мира. И напротив, средством преодоления общенационального кризиса может стать новая интегральная идея. Да и для подлинного общенационального согласия необходима общенациональная мировоззренческая основа. Если это так, и в национальной идеологии действительно имеется общественная потребность, то, несмотря ни на что, она будет создана. Никто, вероятно, не будет спорить, что её основой могла бы стать идеология возрождения Великой России как процветающей и цивилизованной, свободной и ответственной мировой державы первого ранга, живущей в согласии с самой собой и с окружающим её миром. Однако сегодня подобные формулировки недостаточны. Они воспринимаются обществом как общие слова, не решающие задачу национальной идентичности и даже не ставящие её в национальную повестку дня.

Правда, в 2007 году власти при горячем участии «Единой России» вновь принялись за формирование общероссийской идентичности (цивилизационной, политической, гражданской). Опорой здесь служили ключевые слова: сильная Россия, великая Россия, российская цивилизация, российская история, российские традиции, российское государство, российская нация, национальные ценности. Но на практике действия власти сводились и сводятся скорее не к поиску национальной идеи, а к созданию информационного продукта, адресованного обществу и способного обеспечить функционирование государственной власти в тех рамках, которые для неё являются оптимальными. Причём в представлении партийных идеологов реальность формируется словами говорящего. Стоит, к

примеру, В. Путину или Д. Медведеву публично сказать: «российская нация объединилась», – как это тут же станет реальностью.

Между тем в программных документах «Единой России» с понятием идентичности существует немалая путаница. Используются термины: российская идентичность и российские идентичности, русская нация и российская нация. О сплочении российского народа говорится то в прошедшем, то в будущем времени. Надо ли говорить, что к интересам и запросам самого российского общества все эти путанные документы и декларации имеют весьма отдалённое отношение.

Россия как «слоёный пирог»

Хотя кризис национальной идентичности в условиях глобализации коснулся практически всех крупных государств, особо острый и болезненный характер он приобрёл в России. Дело в том, что именно в тот момент, когда глобализация начала своё триумфальное шествие по планете, беспощадно и безжалостно уничтожая основы национальной идентичности различных, казалось бы, состоявшихся на века стран мира, Россия сознательно отказалась от советской идентичности, с которой она жила на протяжении 73-х лет, что, собственно, и разрушило СССР. Тем самым она сама себя поставила перед сложнейшим и мучительным выбором самоопределения. Поначалу «демократы» первой волны вознамерились объявить *orbis et urbi*, что Российская Федерация, выломившаяся из СССР, является, мол, совершенно «новым демократическим государством», своего рода антиподом СССР («СССР наоборот»).

Такая позиция была унаследована от большевиков, которые Советскую Россию также в 1917 г. объявили «новым пролетарским государством», сбросившим с себя оковы не только Российской империи, но и тысячелетней русской истории и государственности. Но если большевики стояли на этой позиции 73 года, то наши «демократы» не удержались на своей и нескольких месяцев. Очень скоро стало ясно, что начать историю «с чистого листа» РФ просто не может, ввиду, прежде всего, полного отсутствия собственного нового исторического проекта. Ведь нельзя же было таковым считать «интеграцию в мировое сообщество». Кроме того, новые «друзья» (из этого же «мирового сообщества») демократической России поспешили ей напомнить о целом наборе исторических долгов, включая долги в прямом, т. е. материальном смысле этого слова. А долги эти касались как СССР, так и Российской империи.

Кроме того, Россия, унаследовав от бывшего СССР членство в «ядерном клубе», место в составе постоянных членов Совета Безопасности ООН, в ряде других международных организаций, а также обязательства по важнейшим международным договорам и соглашениям, была вынуждена признать себя международно-правовым субъектом, продолжающим СССР.

Наконец, высшему политическому руководству страны, равно как и политическому классу в целом, через некоторое время стало очевидно и следующее: если новая Россия отрекается от собственной истории (включая её советский период), то она автоматически перестаёт быть субъектом мировой истории. Вообще. Навсегда! В строгом смысле слова в этом случае она теряет право называть себя «Россией».

Думается, что это (осознанное или неосознанное) понимание правящей элиты привело к ряду решений, возрождающих государственную символику дооктябрь-

ской России – российский герб с двуглавым орлом, Андреевский флаг (хотя, как известно, это был флаг русского торгового флота), гимн на музыку М. Глинки (на которую никто так и не смог написать слова), название парламента – Государственная Дума вместо Верховного Совета, институт губернаторов (который был почему-то совмещён с французским институтом мэров), городских управ, суда присяжных и т. д. и т. п. Что касается института президента, то он, как известно, был заимствован у США ещё в период позднего СССР М.С. Горбачевым. Наряду с этими нововведениями у Вооружённых Сил новой России оставался советский красный флаг с серпом и молотом; пятиконечные звёзды, введённые большевиками (в частности, Л. Троцким), оставались на погонах военнослужащих и на башнях Кремля, а второй Президент РФ В. Путин возродил советский гимн на музыку Александрова и слова С. Михалкова. Руководство спецслужб РФ продолжало чтить «славные чекистские традиции», а памятники большевиков продолжали «украшать» центральные улицы (названные также именами большевиков) российских городов.

В результате уже к середине 90-х гг. XX века Российская Федерация погружилась в постмодернистскую эстетику. Её идентичность оказалась не просто размытой, но поражённой эклектическим соединением трудносовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической». При этом российское общество оказалось полностью расколотым, что и проявлялось периодически с 1991 по 2008 г. в ходе всех выборных кампаний. Неудивительно и то, что российское руководство за эти годы не смогло чётко сформулировать ни адекватную стратегию развития, ни современную стратегию национальной безопасности, ни национальные интересы, ни приоритеты внутренней и внешней политики. Все попытки это сделать неизменно наталкивались на нерешённую задачу самоидентификации, неспособность ответить на элементарные вопросы – «кто мы?», «откуда мы?», «куда мы идём?».

А коль скоро это так, то Россия по-прежнему не может сделать геополитический выбор во внешней политике: кто её главный союзник и партнёр? Является ли она частью Большой Европы, и тогда её главный вектор движения – евроатлантические страны и структуры, – или же она претендует стать самостоятельным центром силы, и тогда она следует «многовекторной» дипломатии и постулатам «многополюсного мира»? Такой выбор не только не сделан. Не просматривается никаких признаков серьёзного поиска и даже размышления на эту тему. Объективному наблюдателю видно следующее.

Первое. Идентичность старой (дооктябрьской России) в общем-то умерла: она была сметена катком русской революции и русским коммунизмом; хотя эта идентичность сегодня «прорастает» в некоторых аспектах сквозь советский период истории – в виде русских архетипов, православных традиций, стереотипов внешнеполитического мышления, атрибутов российской государственности и т. д.

Второе. Советская идентичность ещё далеко не утрачена, что проявляется и в ностальгии народа по советским временам, и в частичном возрождении советской государственной символики, в известном отторжении ценностей капитализма (особенно «дикого»), насаждаемого нашими либерал-реформаторами методами «шоковой терапии» т. д.

Третье. Наряду с этим у российского общества имеется претензия на построение нового, современного государства и интеграцию страны в мировое сообщество в качестве равноправного партнёра. В цивилизационном плане общество «тянется» к наиболее развитым странам, имеющим высокий уровень жизни наряду с развитыми демократическими институтами и сильным государством, гарантирующим своим гражданам индивидуальные свободы и частную собственность. В обществе в целом – и это чрезвычайно важно – имеется понимание, что только этот путь даёт возможность для успешной национальной модернизации.

И всё же для того, чтобы такая модернизация состоялась, необходимо преодолеть кризис идентичности. А в России он носит неизмеримо более тяжёлый характер, чем, например, в США, поскольку он порождён неизмеримо более длительным сроком существования российской цивилизации. «Груз истории» у России на порядок тяжелее, чем у США.

Другая проблема России состоит в том, что её идентичность никогда не была собственно национальной. Она была наднациональной – сначала имперской, а затем советской. Естественно, что после распада СССР РСФСР, и затем РФ не могли в одночасье сформировать национальную идентичность, поскольку население этого самого большого осколка СССР не представляло собой нацию в западном смысле этого слова.

Россия всегда представляла «мир миров», цивилизационное единство культурного многообразия. Наполнение этого единства менялось, но отечественная культура никогда не была ни мононациональной, ни этнически ориентированной. Интегрирующими факторами на разных этапах исторического развития выступали политический, религиозный и идеологический. Россия всегда была не только поликультурной, но и наднациональной по составу государственной общности. И потому категория «национального» остаётся неопределённым и многозначным.

Обширные пространства страны, требующие значительных усилий для их освоения в сложных природных, географических и геополитических условиях, этническое многообразие, особенности национального характера – всё это предопределяло в качестве национального интереса всемерное укрепление государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность и выработать адекватные формы сосуществования различных национально-этнических, религиозных и культурных общностей. Вот почему исторически сложившиеся национальные интересы России стали преимущественно интересами государственными. Не случайно Пётр Великий, провозгласив создание Российской империи, объявил служение Отечеству смыслом жизни каждого её подданного. В силу специфики исторического развития страны государственные интересы, таким образом, как правило, ставились выше интересов личности и общества, что и предопределило, помимо всего прочего, «имперский» характер российского государства.

Конечно, долгосрочные интересы России, как и США, да и любой страны, направлены на сохранение своей самобытности в мировом сообществе, обеспечение национальной безопасности, политического суверенитета, устойчивого демократического развития. Их суть сводится к трём содержательным блокам: процветание народа, защита и обустройство территории его проживания, сохранение и развитие национальной культуры. Но этим сходство и заканчивается. Если Америка могла себе позволить такую «роскошь» как определение идентичности через

«американскую мечту», т. е. корпус либеральных ценностей, то Россия была вынуждена определять свою идентичность через «русскую идею», представляющую концепт **служения**, служения своей стране, народу, человечеству, Богу. Российская национальная идентичность имеет намного больше измерений, чем американская. Например, имперское, которое США и не снилось.

Более того, если американская идентичность сложилась в течение не более 100 лет и продолжает оставаться почти неизменной до сегодняшнего дня, то российская только на протяжении XX века радикально менялась дважды. Если же взять всю историю России, то можно увидеть, как одна идентичность неоднократно наслаивалась на другую, при этом прорастая сквозь неё так, что новая идентичность «мутировала», испытывая к тому же воздействие других культур и цивилизаций в силу того, что Россия находилась с ними в непосредственном соседстве (в США проходил аналогичный процесс, но в гораздо менее болезненной форме – через иммиграцию).

В результате национальная идентичность России представляет собой не «плавильный котел» (как в США), а своего рода «слоёный пирог», ни один из слоёв которого российской цивилизацией полностью не отторгнут. Это следующие слои (они же измерения идентичности):

- православный (религиозный);
- коммунистический (идеологический);
- либеральный (аксиологический);
- евразийский (геополитический или территориальный);
- культурный (европейский);
- национальный (этнический);
- имперский;
- технологический (модернизационный).

При этом, пытаясь самоопределиться в начале XXI века, Россия, как представляется, делает сразу несколько выборов:

- между интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить собственную самобытную российскую цивилизацию;
- между империей и национальным государством;
- между относительной изоляцией и полной открытостью;
- между экономическим и политическим либерализмом и ценностями патерналистского государства;
- между индивидуализмом и коллективизмом (соборностью);
- между мобилизационным и инновационным типом развития (модернизацией);
- между построением политической («граждане РФ» или «россияне») и имперской нации.

В каждом из этих случаев выбор весьма не прост и не является делом нескольких лет, даже десятилетий. Сложность самоопределения по этим вопросам подтвердил, в частности телевизионный проект РТР 2008 г. «Имя Россия», в котором наша власть предприняла очередную попытку повлиять на формирование национальной идентичности или, как минимум, зафиксировать общественные настроения по этому вопросу.

Результаты всероссийского (телефонного, смс, интернет) голосования «Имя Россия. Исторический выбор 2008» по версии РТР оказались следующими:

- Александр Невский
- Петр Столыпин
- Иосиф Сталин
- Александр Пушкин
- Петр I
- Владимир Ленин
- Федор Достоевский
- Александр Суворов
- Дмитрий Менделеев
- Иван IV Грозный
- Екатерина II
- Александр II

Интересно, что опросы общественного мнения «Левады-центра» опровергают результаты голосования «Имя Россия». По данным «Левады-центра», в списке «Имен России» устойчиво лидируют Петр I и Александр Пушкин. После того, как РТР во время проекта «раскрутил» Александра Невского, в опросах «Левады-центра» он попал на третье место. А Пётр Столыпин никогда не входил, по опросам того же «Левады-центра», даже в первую десятку. Если же говорить об общих тенденциях, то социологи отметили понижение рейтингов символов советских (хотя позиции И. Сталина по-прежнему очень высоки) и подъём имперских символов. Но неизменно – по всем социологическим опросам – больше всего в России доверяют Президенту, церкви и армии¹.

ЦЕННОСТИ И ИМПЕРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ

В настоящий момент в стране вызревает – пусть пока и шаткое – согласие относительно необходимости сохранения российской национальной идентичности, в том числе и в ипостаси национальной государственности. С трудом, медленно, но неуклонно, словно цветок сквозь каменистую и безводную почву, пробивает себе путь национальное самосознание.

Национальная идентификация, как многократно показывала Всемирная история, происходит тогда, когда народ начинает взаимодействовать с другими народами, обладающими иными ценностями («мы» – «другие»). Вопрос об идентичности встаёт именно тогда, когда происходит давление «чужих» ценностей. Столкновение ценностей, как правило, и приводит к самоидентификации, и чем более оно интенсивно, тем более болезненно (но вместе с тем и более определённее) протекает этот процесс. При этом происходит то, что российский исследователь С. Чугров предлагает называть «ксенотрансплантацией» (в медицине – отторжение инородной ткани). Ценностные «трансплантаты с чужой «группой крови» отторгаются национальной ценностной системой. Как полагает С. Чугров, Россия и Япония относятся «к категории стран с высокими адаптивными способностями: они способны усваивать и приравнивать к своим ценностным системам заимствуемые ценности. В то же время японское общество демонстрирует органичное сочетание традиционализма и современности, чего

¹ См.: <http://www.hse.ru/news/recent/5865402.html>

нельзя сказать о российском обществе. Именно поэтому уроки Японии важны для постсоветской России»¹.

Традиционно Россия (как, впрочем, и многие другие крупные страны) самоопределялась в мировом политическом континууме (или подтверждала свою идентичность) в военном противоборстве с другими народами и государствами. Так было и в XIII, и в XVII, и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. Отстаивание национальных ценностей во всех этих случаях было связано непосредственно с решением проблемы национального выживания. Сегодня ситуация кардинально иная. В мире у России нет явно выраженных врагов, способных угрожать самому существованию российского суперэтноса. «Битва народов» в масштабе Первой и Второй мировых войн, к счастью, практически исключена.

Это, однако, не означает прекращение «битвы идентичностей». Ослабив своё военное измерение, она перешла в более мягкие, но одновременно и более изощрённые формы (soft power), а в ряде случаев и более опасные с точки зрения сохранения культурного ядра. Более того, можно сказать, что именно сфера культуры стала главной ареной «битвы национальных идентичностей в XXI веке. Культурная стандартизация в основном по американскому образцу – главный вызов для национальной идентичности большинства стран мира. Сопротивление этой стандартизации, которая в ряде случаев проводится весьма агрессивно, и является главной причиной (а вовсе не какая-то «зависть» к американцам, как утверждают пропагандисты Госдепартамента США) роста антиамериканских настроений повсюду в мире. Натиск западной массовой культуры порождает повсюду в мире естественную реакцию защиты культуры национальной. В России он к тому же оживляет интерес к российским традициям и обычаям. Тем более, что западные либеральные ценности не во всём стыкуются ни с советскими, ни с традиционными российскими ценностями.

Как уже отмечалось выше, несмотря на то, что большевики сделали всё для уничтожения дореволюционных традиций и обычаев и насаждения новых советских традиций и обычаев, традиционные – по большей части православные – российские ценности оказались весьма живучими. По существу они «просились» сквозь советский идеологический монолит: произошла своего рода «русификация» насаждаемых советских ценностей. Это, в частности, касается многих положений «Морального кодекса строителя коммунизма»². В результате в массовом сознании советские ценности стали рассматриваться как русские. Эти ценности и являются хранителями русского культурного ядра, русских цивилизационных кодов, оказывая сопротивление культурной экспансии Запада.

¹ Там же. С. 111.

² Например: «добросовестный труд на благо общества, кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми»; «человек человеку друг, товарищ и брат»; «честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни»; «взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей»; «непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству»; «дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни»; «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами».

В российском обществе, к сожалению, сегодня нет никаких признаков общенационального консенсуса по вопросам основополагающих ценностей – того, что в США называют «американским кредо». Такое положение дел не просто ненормально, но и крайне опасно. В своём Послании Федеральному Собранию РФ 2003 года второй Президент РФ В. Путин подчеркнул, что без консолидации вокруг базовых общенациональных ценностей Россия не сможет противостоять основным вызовам и угрозам XXI века¹. А в ноябре 2008 года в своём первом Послании Федеральному Собранию РФ третий Президент РФ Д. Медведев посвятил вопросу о значении таких ценностей специальный раздел. В частности, он говорил о них, как о вещах, «которыми нельзя поступиться, ради которых нужно бороться и побеждать». «Это то, что дорого вам, дорого мне, дорого нам всем. То, без чего мы не можем себе представить нашу страну».

Изложив свои представления о базовых национальных ценностях (об этом чуть позже), Д. Медведев подчеркнул, что «это устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще, таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией. Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах».

Эти весьма сильные тезисы, на наш взгляд, следует понимать таким образом, что Д. Медведев связывает базовые национальные ценности с национальной идентичностью России. Кроме того, он замечает, что они же «формируют и наше представление о будущем. Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей. Мы знаем: Россия будет процветающей, демократической страной. Сильной и в то же время комфортной для жизни. Лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан»².

В этом высказывании просматривается связь ценностей со Стратегией национального развития, немислимой без модернизации. Таким образом, по мнению Президента РФ, имеющийся у России набор основополагающих ценностей не нуждается в исправлениях и дополнениях и формирует необходимые и достаточные условия для успешной национальной модернизации. Этот важнейший тезис можно сформулировать и так: России нет нужды кардинально менять корпус своих традиционных национальных ценностей и внедрять в него какие-либо новые и чужие ценности, поскольку они уже отвечают критерию их соответствия задачам современной национальной модернизации при сохранении культурного ядра российской цивилизации.

И здесь мы подходим к важнейшему моменту. Поиск национальной идентичности совпал в России с поиском модели национальной модернизации. По существу это одно и то же, поскольку субъектом модернизации в Европе всегда было национальное государство. Между тем в отличие от западных стран ни в Российской империи, ни в Советском Союзе процессы формирования нацигосударства не получили достаточного развития, и были замещены развитием имперской по своей сути политической структуры. В результате формирование российской нации оказалось чрезвычайно замедленным, и после распада СССР обнаружилось, что национальная идентичность в России не сложилась³.

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2003 г.

² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2008 г.

³ Поиск национально-цивилизационной идентичности. С. 9.

Ясно, что без существенного обновления национально-цивилизационной идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на современные угрозы и вызовы, не сможет осуществить полноценную экономическую, политическую и социальную модернизацию. Перспективы модернизации во многом зависят от того, какие образы идентичности будут доминировать в массовом сознании. Так, доминировавшая в массовом сознании граждан СССР советская идентичность породила патерналистский характер их отношений с государством, т. е. лояльность и послушание по отношению к власти в обмен на минимальные социальные гарантии. Представления о принадлежности к «особой исторической общности» – советскому народу к тому же формировало гордость за свою страну, ощущение, что она идёт «в ногу с историей», и даже устойчивое чувство превосходства над другими странами и народами («у советских собственная гордость – на буржуев смотрим свысока»). Эти стереотипы массового сознания, внедряемые властью последовательно и методично, позволили ей на определённом этапе провести мобилизационный тип модернизации, превративший страну из аграрной в промышленную, построить инфраструктуру индустриального общества. Но эти же стереотипы, определившие понимание ориентации и поведение большинства населения СССР, оказались негодными при переходе к постиндустриальной стадии развития, который потребовал иные мотивы трудовой деятельности и иные условия для неё. Именно это обстоятельство в конечном итоге привело к разложению советской идентичности – сначала в элитном, а затем и в массовом сознании. Массовая приверженность «смеховой культуре», разводившей власть и общество уже в 80-х гг., стала зримым проявлением кризиса советской идентичности, сочетавшей вербальную поддержку общепринятых идеологем и их реальное отторжение на уровне повседневного опыта. Эта идентичность просто перестала отвечать новым задачам национальной повестки дня и потому утратила какие бы то ни было основания для социального доминирования. Вместе с тем советская идентичность полностью не исчезла: она обрела характер своего рода «фантомной боли» в сознании и поведении представителей ряда социально неблагополучных групп современного российского общества, и в этом своём качестве продолжает оказывать определённое влияние на социально-политические процессы в стране.

Таким образом, советская идентичность оказалась ключевым ресурсом нового витка мобилизационного (индустриального) развития. Но именно исчерпание этого ресурса для консолидации идейно-цивилизационной общности на новом витке такого развития, потребовавшего перехода к инновационной модели, привело к распаду опиравшейся на такую консолидацию экономической и политической системы.

С утратой советской идентичности граждане России после 1991 г., однако, лишены возможности вернуться к идентичности дооктябрьской России, поскольку многие системообразующие элементы этой идентичности в течение советского периода были методично выкорчеваны большевиками. И уже в самом начале 90-х гг. стало ясно, что возрождение дореволюционных основ (православно-имперско-самодержавных) российской идентичности невозможно. Например, на протяжении

сотен лет основой российской идентичности было православие. Однако к концу XIX – началу XX вв. оно оказалось в серьёзном кризисе и перестало быть таковой. И сколько бы мы сегодня ни говорили о возрождении православия в России, после 73 лет атеистического воспитания возврата к нему как к основе национальной идентичности быть не может. Кроме того, как справедливо отмечает И. Семененко, постмодернистская парадигма вообще развивается в рамках смысловой расплывчатости, не свойственной традициям русской культуры. Такие её характерные черты, как «тоталитарность» (нерасчленённость целостного мировосприятия), максимализм устремлений (часто оборачивающийся социальным, религиозным, нравственным и эстетическим радикализмом), эсхатологизм и неизбывный утопизм социокультурных проектов противоположены постмодернистской эстетике¹.

Вернёмся теперь в свете сказанного к разговору о ценностях.

Православные ценности, которые доминировали в Российской империи, а затем были либо уничтожены, либо (в большей степени) трансформированы большевиками в коммунистические, на наш взгляд, можно свести к пяти основным содержательным блокам.

Первое. Небесное выше земного.

Второе. Духовное (идеальное) выше материального.

Третье. Общее (коллективное) выше личного.

Четвёртое. Будущее важнее настоящего.

Пятое. Справедливость выше Закона.

Нетрудно видеть, что эти ценности, вдохновлённые православием, кардинально отличаются от ценностей западной цивилизации. Они и составляют содержательную сущность **русского гуманизма**, отличающегося от гуманизма западного, который уже к концу XIX века себя полностью исчерпал и потерпел моральное поражение, договорившись до того, что «Бог умер». Можно с уверенностью сказать, что именно на перечисленных ценностях основана вся русская культура. Не будь русского гуманизма – не состоялись бы такие явления национальной и мировой культуры, как А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, П. Чайковский, А. Островский, Н. Бердяев, С. Рахманинов, В. Розанов, И. Бунин, А. Скрябин, А. Блок, В. Маяковский, М. Булгаков, В. Соловьёв, И. Ильин, А. Солженицын. Этот список может быть продолжен.

Русский гуманизм в трансформированном виде «пророс» и в советскую, первоначально каннибальскую («Если враг не сдается – его уничтожают»), безбожную, и даже богоборческую цивилизацию. Богоцентризм русской цивилизации был заменён, кстати говоря, в духе идеалов Просвещения, антропоцентризмом, т. е. культом Человека, который наделялся не только планетарной, но и космической миссией. Без ценностей русского гуманизма не состоялась бы ни советская литература, ни советский кинематограф. И это касается не только первых четырёх из перечисленных выше ценностей, но, как ни странно, и пятой – «Справедливость выше Закона». Вспомним хотя бы гениальный фильм Э. Рязанова «Берегись автомобиля». Там следователь по угону автомобилей М. Подберезовиков, выступая в суде в качестве свидетеля, говорит: «Товарищи судьи! Перед вами сложная задача. Деточкин нарушал Закон. Он виноват. Но он... не виноват! Пожалейте его, товарищи судьи... Он очень хороший человек».

¹ Поиск национально-цивилизационной идентичности. С. 57.

Так что правовой нигилизм, о котором постоянно говорит наш президент Д. Медведев, искоренить в России будет очень непросто.

Все эти вышеперечисленные ценностные стереотипы и по сей день крепко сидят в нашем сознании (и даже, возможно, в подсознании). И хотя они вряд ли способствуют конкурентоспособности России в современном мире, выкорчевать их из этого сознания, видимо, не удастся никогда. Ведь это уже органика, ставшая именно культурно-цивилизационным ядром нации. И не считаться с этим нельзя.

Главное в национальной идентичности – культурное измерение, цивилизационные коды, т. е. ценности. Причём ценности навязать сверху невозможно. Потому что они суть продукт национального культурного развития. Ценности живут в душах людей, которые добровольно себя с ними идентифицируют, что и определяет, в конечном счёте, национальную идентичность. Также как закона и порядка в обществе не будет, если этот закон, даже самый лучший, не живёт в душах людей, идентичности не будет, если национальные ценности, её определяющие, не живут в душах людей.

И это с сокрушительной убедительностью показало развитие уже постсоветской демократической России в 90-е годы прошлого века. С точки зрения православного христианина, в историческом плане мы пережили в эти годы по существу очередной этап процесса апостасии – отпадения от Бога, потому что отмена лже-религии, т. е. коммунизма, не привела к возрождению в душах российских граждан православного христианства. В душах образовался религиозный вакуум, который и является важнейшей предпосылкой победы в России – впервые в её истории – «общества практического атеизма» (Н. Бердяев). Всё это не могло создать предпосылок для формирования в стране правового государства, а напротив, способствовало невиданному расцвету криминальных отношений.

Во многом этот было обусловлено обстоятельствами распада СССР и формирования новой России.

Как бы мы ни относились к Советскому Союзу, он был легитимным и международно признанным государственным образованием. Его правосубъектность была подтверждена международным правом в межвоенный период, участием в антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, решающим вкладом в разгром германского фашизма и японского милитаризма, соответствующими документами послевоенного урегулирования, составляющими основы Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, важнейшими многосторонними и двусторонними соглашениями периода 1945–1991 гг. и т. д. Следовательно, распад СССР, который был осуществлён без учёта воли его народов, без соответствующих переговоров о границах новых независимых государств легитимным назвать ни в коем случае нельзя. Соответственно, и образовавшиеся после августовской (1991 года) антикоммунистической революции и нелегитимных Беловежских соглашений постсоветские государства, включая Российскую Федерацию, нельзя было признать вполне законными. Попытка тогдашних «демократов» (Б. Ельцина, Г. Бурбулиса, А. Чубайса, Е. Гайдара, А. Козырева и др.) придать легитимность Российской Федерации на почве антикоммунизма полностью провалились. Несмотря на все их усилия, к тому же поддержанный Западом, антикоммунизм

не стал государственной идеологией новой России. Проблема лишь загоняется вовнутрь, и потому начинаются новые конфликты 1992 и 1993 гг. между исполнительной и законодательной властью. Всем памятен референдум «Да, да, нет, да». Следующий этап – октябрьская (1993 года) по существу антисоветская революция, в ходе которой законный парламент безжалостно расстреливается куммулятивными снарядами, то есть используется большевистский метод в политической борьбе. «Демократы» действуют как большевики. Отечественная интеллигенция, равно как и Запад, их поддерживают, что, однако, не создаёт легитимность новому государству. И вместе с тем «чёрный Октябрь» демонстрирует, что путь принуждения к свободе, конфронтация и насилие уже заказаны для России. Противоречия вновь лишь загоняются вовнутрь.

Спешно подготовленная Конституция 1993 г., создающая пропрезидентскую республику, вновь не создаёт, однако, легитимность нового государства. Конституция принимается без общенародного обсуждения, в ситуации, когда народ, уставший от конфликтов между Кремлём и Белым Домом, хватается за соломинку – лишь бы обеспечить хоть какую-то политическую стабильность. Однако на нелегитимные (а по существу криминальные) действия власти он отвечает разгулом преступности в стране. Этот разгул многократно усиливается после проведения Е. Гайдаром «шоковой терапии» и А. Чубайсом жульнической приватизации (разумеется, при поддержке Б. Ельциным). В этом, как представляется, состоит главная причина «великой криминальной революции» в России в 90-е гг. XX века. Полный произвол самой власти исключал тогда возможность формирования какой бы то ни было правовой культуры в стране.

После прихода к власти В. Путина положение понемногу стало исправляться. Кремль частично восстановил субъектность государства, стал больше (по крайней мере, публично) опираться на правовые нормы, наказал наиболее одиозных «приватизаторов». Одновременно было объявлен курс на защиту национальных интересов во внешней политике и национальную модернизацию – во внутренней – при опоре не только на либеральные, но и на традиционные российские ценности.

Но в этом контексте и возник фундаментальный вопрос: совместимы ли традиционные национальные ценности России с задачей модернизации и перехода к инновационному типу развития?

Пришлось считаться с тем, что в сознании русского народа глубоко укоренён идеал сильного государства. И это объясняется не только ностальгией по бывшей сверхдержаве – СССР, хотя она, конечно, сохраняется¹. События 90-х гг. XX века и начала XXI века, особенно бомбардировки Югославии в 1999 г., оккупация Ирака, периодическое вмешательство западных стран в дела СНГ, затрагивающее жизненно важные интересы самой России, для многих стали свидетельством того, что Запад считается только с экономической и военной силой. В этих условиях возможная утрата Россией статуса великой державы воспринимается многими как потеря независимости, способности влиять не только на другие государства, но и на процессы внутри страны.

¹ Как показывают итоги массовых опросов, большинство российских граждан не согласилось бы с возвратом России статуса сверхдержавы, если бы оно сопровождалось ухудшением и без того бедственного положения людей. Наблюдающееся в последнее десятилетие уменьшение сторонников объединения России со всеми государствами СНГ связано именно с этим. См.: Поиск национально-цивилизационной идентичности. С. 131.

Кроме того, как уже говорилось выше, в условиях глобализации, размывающей основы национально-государственной идентичности, российское общество оказалось перед необходимостью решения задач модернизации, а известные донные модели модернизации строились на основе укрепления национально-государства как целостной общности с устойчивыми национально-государственными характеристиками.

Положение осложняется тем, что Россия не знает другого опыта преодоления кризисов, кроме как через укрепление государства. Так было на всех переломных этапах русской истории, будь то принятие христианства или борьба против татаро-монгольского нашествия, объединение земель вокруг Москвы или реформы И. Грозного, преодоление Смутного времени или петровские, а затем и екатерининские реформы, либеральные реформы Александра II или советская мобилизационная модель развития.

При этом на всех этих этапах русской истории интерес национальный отождествлялся с государственным. Государство было главным критерием идейно-политической идентификации. Позиционирование по отношению к государству оказывалось важнейшей составляющей национальной идентичности, а государственное строительство – перманентным приоритетом национального развития. Процессы государственного строительства задавали параметры развития национального.

В силу этих и многих других причин позиционирование по отношению к государству и сегодня остаётся важным референтным ориентиром в системе самоидентификации граждан России. Уровень ожиданий, связанных с государством, по-прежнему высок, а глубокое недоверие по отношению к властным структурам объясняется во многом нереализованностью таких ожиданий. И потому любое унижение России, любая попытка поставить под сомнение её статус великой державы воспринимаются российским обществом крайне болезненно. Идеал «величия России» остаётся одной из основополагающих национальных ценностей не только в политической риторике, но и в национальном самосознании.

Понятно, что с некоторых пор наша власть это стала учитывать. В 2000–2008 гг. мы были свидетелями того, как режим В. Путина, являющийся органической составной частью уже постсоветской демократической России, маневрировал в целях преодоления невиданного национального унижения могучей прежде державы, прежде всего, конечно, ради самосохранения. Однако мы видим и то, как декларируемая эволюция в направлении укрепления государственности пробуксовывает на месте. Режим, выполнивший функцию разрушения СССР, не может, конечно, в одночасье переродиться и стать вдруг созидательной силой. Дело, однако, не в этом. Маневрирование нынешнего режима, игры в «сильную власть» – верный признак пробуждения от спячки, предзнаменование национального возрождения, свидетельство того, что «низшую точку» разрушения и падения Россия прошла, и дальше должно начаться движение вверх.

В то же время нельзя не видеть и другого: после распада СССР и избавления от коммунистических химер новая Россия стала намного более восприимчивой к ценностям даже не западным, а универсальным, касающимся не только

доказавших свою успешность и эффективность экономических и политических институтов, но и стереотипов мышления и поведения. Серьёзные коррективы были внесены в трудовую этику и мораль.

Ключевым элементом системы ценностей в Конституции Российской Федерации 1993 г. (как, впрочем, и в Конституции СССР 1973 г.) провозглашён человек. Его права и свободы определены как высшая ценность. В числе национальных ценностей России, определённых Конституцией, находятся: утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия; равноправие народов; память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; суверенная государственность России и незыблемость её демократической основы; благополучие и процветание России; ответственность за свою Родину перед прошлыми, нынешними и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества. В Посланиях Президента России (первого и второго) Федеральному Собранию Российской Федерации подчёркивается важная роль таких ценностей, как безопасность, свобода, благосостояние, государственность, законность, человечность, гражданственность, достоинство, патриотизм, нравственность, равенство, справедливость.

В Послании Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. Д. Медведев расставил следующие ценностные приоритеты:

Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Свобода – личная, индивидуальная свобода. Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная. Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов.

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре¹.

Как видно, набор этих ценностей включает в себя не только ценности, заимствованные у Запада, но и взятые из исторически сложившегося культурно-цивилизационного ядра, которые, однако, вопреки ранее приведённым оценкам Д. Медведева, всё же корректируются, причём в сторону индивидуализма, личной свободы, материального прагматизма, правовых норм и ориентаций на сегодняшний день, а не на утопические проекты будущего. Представляется, что эта система национальных ценностей, которая ещё будет, конечно, уточняться, способна стать жизненным ориентиром граждан России, их современным мировоззрением, не разрушая культурное ядро российской цивилизации.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 5 ноября 2008.

Итак, с точки зрения универсальных ценностных ориентиров развития страна сделала стратегический выбор: гражданское общество, правовое государство и рыночная экономика. При этом, как представляется, нынешнее политическое руководство России понимает и то, что важнейшими критериями инновационного – как единственно возможного успешного – развития любой страны в XXI веке являются два фактора: свобода и технологии. И то, и другое у России есть. Технологии (инновационные продукты) – мозги нации, вернее результат деятельности этих мозгов. Их сохранение – не только ключ к национальному выживанию, но и гарантия лидерской роли России в XXI веке. В той же мере для обеспечения инновационного типа развития жизненно необходимо сохранить и свободу, хотя в историческом плане могут быть и остановки, и временные откаты назад. Однако Россия *выстрадала свободу* и некий свой, национальный вариант демократии, испробовав все мыслимые варианты развития и государственного устройства и отвергла их. Именно выбор свободы даёт надежду на то, что Россия в ближайшие десятилетия успешно проведёт национальную модернизацию и обеспечит себе высокую конкурентоспособность в современном мире.

Всё сказанное позволяет достаточно уверенно констатировать, что сегодня в стране зарождается новая идеология: условно «идеология просвещённого демократического патриотизма», которая, возможно, и станет идеологией российского возрождения. Она будет сочетать в себе идеи открытого общества и личной свободы с сильной и ответственной государственной властью. Подспудно начинает формироваться и российский тип демократии, который представляет собой конституционное совмещение передовых социальных технологий Запада и тысячелетней русской исторической традиции. Путь России – не «суверенная» или «управляемая» псевдодемократия (против которой как раз и выступает третий Президент РФ), под вывеской которой скрывается авторитарная власть, а подлинно демократический и в то же время национальный тип государственности, как её определял И. Ильин. Этот тип и есть путь к современной российской государственности, сильной государственной власти, действующей строго в рамках закона и таким образом находящей оптимальный баланс между идеей свободы и идеей справедливости. Если страна не свернёт с этого пути, то впервые в истории будет достигнут компромисс между *свободой*, ведущей в своём абсолютном выражении к анархии и развалу государства, бунту и междоусобицам, и *справедливостью*, порождающей в своих крайних формах деспотию и тоталитаризм. Поиск этого баланса и есть стержень нынешней российской политики.

СОБЛАЗН ОСОБОГО ПУТИ

Составной частью российской национальной идентичности является «длинная» культурно-историческая память, представления о «великом прошлом» России. Эти представления актуализируют мифологемы о «великом народе» и «великой культуре», мессианские упования на историческую миссию России. С прошлым связываются представления о национальном достоинстве и национальной гордости, в то время как современная политическая история ассоциируется с кризисом, со сдачей позиций великой державы и забвением на-

циональных интересов. Поэтому столь живучей оказывается идеологема «особого пути», противопоставляемой сегодняшней модернизации. Объявить представления об «особом пути» развития России только предрассудком, пережитком традиционализма или «артефактом» было бы не только большим упрощением, но и искажением реального содержания этих представлений. Необходимо не отмахиваться от реально существующей сложной проблемы, а докопаться до её более глубоких причин.

В каждом обществе в той или иной мере распространены представления о собственной исключительности, об уникальности своего пути развития, о своей культурной специфике и т. п. Подобные представления в разных формах существуют и в США, и в странах Западной Европы, и в Японии, и в Китае, и в Индии, и во многих других странах. Россия в этом плане, конечно, не является исключением. Но специфика современной России по сравнению с перечисленными странами состоит, прежде всего, в том, что в настоящее время российское общество находится на решающем, во многих отношениях критическом этапе модернизации и переживает не только социально-экономический и политический, но и глубочайший цивилизационный кризис. В результате этого последнего кризиса под сомнение ставятся все основы существования российского общества, российского государства, российской культуры.

Двадцать лет проб и ошибок во внутренней и внешней политике, завышенных и наивных ожиданий в отношении рыночной экономики, демократии западного типа, быстрой интеграции в мировое экономическое пространство, метаний от глобализма к изоляционизму лишь подтвердили, что путь России не имеет аналогов в мировой истории. В России оказались одинаково неприемлемы ни псевдолиберальная, ни консервативная модели развития. Произошла в общем-то закономерная и естественная вещь: очередная попытка «растворить» российскую идентичность в мировом культурно-цивилизационном пространстве вызвала мощное сопротивление. И раньше (со времён петровских реформ), и сейчас оно порождает следующие последствия:

- сопротивление плохо продуманным псевдолиберальным реформам на уровне как политического, так и общественного сознания;
- формирование самостоятельного типа поведения государства и во внутренней, и во внешней политике;
- соответственно – настороженность и даже страх внешнего окружения;
- как следствие – отторжение в той или иной форме варианта неосмотрительной интеграции России в мировое сообщество.

Конечно, самобытность может быть как со знаком «минус», так и со знаком «плюс». Например, духовность – это, несомненно, позитивная часть самобытности. Именно духовность, в конечном счёте, является гарантом российской самобытности, основным фактором невозможности привить России чужеродные ценности. При этом инструментом сохранения самобытности выступает мощное государство. Именно поэтому идея мощного государства всегда была интегрирующей идеей российского общества. И сейчас в этом обществе в политическом отношении водораздел лежит не между левыми и правыми, а между теми, кто выступает за сильное государство как инструмент выхода из кризиса и теми, кто против него.

Однако за этим противостоянием стоит и более глубокий раскол, касающийся вопроса о том, какой быть России и по какому пути модернизации пойти –

западному, эволюционному, моделирующему в текущем столетии положение «младшего партнёра» и сырьевого придатка постиндустриальных стран, или своему, самобытному, дающему надежду на возрождение великой державы? Или тот же вопрос, но несколько в иной плоскости: пойдёт ли страна по компрадорскому или национальному пути развития? Отсюда становятся ясными и корни охватившего российское общество кризиса: он связан с невозможностью перенести идеологию и практику западного либерализма на национальную российскую почву. Сейчас стало очевидно, как никогда, с начала горбачевско-ельцинских реформ: рассчитывать на то, что русский народ безропотно воспримет и будет воспроизводить идеалы, ценности и социальные формы западной цивилизации, – опасная утопия не только для России, но и для всего мира. Реакция отторжения неизбежна, она, собственно, уже происходит.

Двадцать лет реформ показали, что либеральная демократия «в чистом виде» в России обречена на поражение. В историческом плане и на Западе она себя изжила. Эта модель, пусть прогрессивная для XX века, оказалась не вечной. Исторический опыт вообще показывает, что любые «идеальные» модели развития постепенно накапливают внутренние противоречия и превращаются в регрессивные. Кто может гарантировать, что то же самое в XXI веке не произойдёт с западной цивилизацией? И не является ли неудача российских реформаторов привить стране элементы общества «всеобщего потребления» не признаком того, что «Россия плоха» для этого общества, а того, что само это общество себя исчерпало в культурно-цивилизационном плане?

Те уродливые, безобразные формы, которые приобрели в России западные ценности являются как бы предупреждением всему человечеству. Обращаясь к текущей истории России, можно предположить, что именно с наличием национальной сверхзадачи связаны неудачи псевдолиберальных реформ. Ведь уже более двадцати лет в России пытаются насадить, отнюдь не универсальные, а преимущественно «классические» западные ценности: индивидуализм, жажду наживы, рыночные отношения времён Чарльза Диккенса и Джека Лондона, заокеанскую модель государственного устройства, демократию англо-американского типа, психологию жизненного успеха любой ценой, поставив тем самым страну «в хвост» исторического развития западных стран. Пора признать, что эти попытки не увенчались сколько-нибудь серьёзным успехом. Не приживаются заморские либеральные ценности на русской почве (во всяком случае «в чистом виде»), да и только. Но не признак ли это порочности данного пути не только для России? И не играет ли здесь Россия вновь роль «удерживающего», которую она сыграла в XX веке?

Россия – впрочем, как и всегда в истории – как бы сбросила все маски и покровы. Приватизация у нас родила не средний класс, а криминального нувориша. В итоге был создан не западный тип экономики, а неведомый истории феномен экономики уголовно-кланового типа. Хотели создать национальную буржуазию, а получили компрадорскую, не желающую вкладывать инвестиции в отечественную промышленность и вывозящую капиталы за рубеж. Да и в деле демократии мы оказались отброшенными на двадцать лет назад к началу перестройки. Вместо великой демократической реформы мы получили великую кри-

минальную революцию. И сегодня России грозит не демократия или автократия, а олигархия криминально-мафиозного содержания.

В ситуации, когда по существу решается вопрос «быть или не быть» российской цивилизации, представления об «особом пути» России начинают играть иную роль, чем в более благополучных странах Запада и Востока. В частности, они могут стать как основой сплочения общества и мобилизации его энергии для решения проблем экономической, социальной, политической и культурной модернизации, так и фактором архаизации общества, его деградации или отката к жёсткому авторитаризму или тоталитаризму. В. Пантин выделяет следующие основные составляющие представлений массового сознания об «особом пути» развития России.

1. Оппозиция по отношению к радикальному либерализму, неприятие резкого имущественного расслоения, социальной несправедливости и произвола чиновников.

2. Потребность в патерналистском государстве, осуществляющем сильную социальную политику, заботящемся о наименее обеспеченных слоях населения и осуществляющем эффективное государственное регулирование экономики.

3. Ориентация на политический режим, сочетающий элементы авторитаризма и демократии – прежде всего, всеобщие выборы на федеральном и местном уровнях.

4. Идеал великой державы, с которой бы считались во всём мире; недоверие к США и их союзникам.

5. Сохранение и развитие российской культуры, традиций, обычаев и ценностей.

Как полагают В. Пантин и И. Семенов, «так или иначе, с широким представлением о необходимости "особого пути" развития России придется считаться любому политику, реально претендующему на власть. Представляется также, что игнорирование укорененности подобных представлений в современном российском обществе и причин, их порождающих, явилось одним из факторов (пусть ли самым важным) поражения российских либеральных политических партий и их лидеров на выборах 2003–2004 гг. Если российские либералы будут и дальше высокомерно отмахиваться от представлений об "особом пути" как нелепых и утопических, они рискуют полностью отдать идеи своеобразия и самобытности культурного развития России, на откуп националистическим и имперско-реваншистским силам. Последствия подобного развития идейно-политической ситуации в России, как нетрудно догадаться, могут оказаться весьма печальными»¹.

При ближайшем рассмотрении вышеперечисленные представления, однако, по существу ни чем не отличаются от тех, которые имеются и в других странах, в том числе западных (например, во Франции). Однако в России, благодаря титаническим усилиям наших «державников», они превратились в агрессивную антизападную идеологическую платформу, элементы которой стали частью не только элитного, но и массового сознания. И это, конечно, тормозит интеграцию России в трансатлантическое сообщество.

Как же совместить жизненно важную необходимость обновления российской идентичности, связанной с потребностью успешной национальной модер-

¹ Там же. С. 14.

низации и глубоко укоренёнными в российском обществе представлениями об «особом пути» и национальной самобытности?

На наш взгляд, следует искать такой путь возрождения страны, который основывался бы на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами. Методы и пути реформ (экономических, политических, социальных, правовых и т. д.) могут быть предметом дискуссий, но для национальной элиты любой страны необходимо наличие определённых ценностей и понятий общенационального значения, о которых не спорят. Вокруг этих фундаментальных ценностей, общего взгляда на определяющие вехи истории и должно сложиться национальное согласие, столь необходимое для устойчивого и демократического развития страны, а также для интеграции России в мировое сообщество, в мирохозяйственную транснациональную систему XXI века.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР: НЕИЗБЕЖНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ

Поиск цивилизационной идентичности неизбежно ставит перед Россией вопрос о том, является ли она самобытной цивилизацией, представляющей собой особый синтез Европы и Азии, или составной частью европейской цивилизации. И, соответственно, являются ли граждане России европейцами или нет. Этому спору уже не одна сотня лет и порождён он стремлением политического класса сначала Российской империи, затем СССР, а теперь и РФ одновременно сохранить традиционные русские ценности, во многом не совпадающие с западными, и завершить модернизацию, что вряд ли возможно без взаимодействия с Европой, без заимствования её экономической, политической и правовой практики, а, следовательно, и без частичного заимствования западных ценностей, включающих как демократические и социальные институты, так и либеральные модели в политике и экономике и нормы трудовой морали и повседневной жизни (т. е. по сути, без частичного изменения её цивилизационного генетического кода). Следует отметить, что попытки российской элиты найти эту тонкую грань между самобытностью и модернизацией с опорой на Европу до сегодняшнего дня терпели поражение. В результате Россия металась из одной крайности к другой: от резкого противопоставления себя Европе до попыток полной «вестернизации» и затем обратного попятного движения. При этом периодически возрождающиеся в той или иной форме представления о необходимости и желательности «особого пути» были и реакцией на неудачи и провалы модернизации, а в ряде случаев вели к усилению в массовом сознании антизападных настроений, традиционализма и даже архаики. На этот фактор накладывалась ещё одна серьёзнейшая трудность в преодолении кризиса национальной идентичности для России: глубокий традиционный разрыв в ценностях между элитными и массовыми группами.

Такой зигзагообразный путь развития периодически приводил к политической дестабилизации, а в ряде случаев – и к революции. В российском обществе – как в массовых, так и в элитных его слоях – нет консенсуса по этому вопросу и сегодня, что чревато очередной дестабилизацией, если не через 1–2 года, то через 5–10 лет. Понятно, что это интеллектуальный вызов для российской

элиты. Сразу хотели бы отметить, что мы придерживаемся той точки зрения, что сама история делает за Россию выбор в пользу европейского вектора развития, учитывая её неблагоприятную демографическую ситуацию, геополитическую уязвимость, технологическое отставание, неспособность самостоятельно освоить свою территорию и природные ресурсы, натиск мирового ислама, грядущее давление растущего Китая и другие факторы. Значимость «европейской самоидентификации» для формирования как внутри, так и внешнеполитического курса страны год от года будет только возрастать. В то же время следует, конечно, учитывать и то, что Европа (по крайней мере, в лице ЕС) отнюдь не торопится включить в свой состав Россию и даже более того – весьма этого опасается. Это существенно ограничивает возможности «европейской самоидентификации» России, хотя и не исключает её полностью. Наконец, чрезвычайно важно иметь в виду и то обстоятельство, что при наличии многих общих исторических корней и традиций культурная идентичность России системно отличается от культурной идентичности многих европейских стран. Это исключает ассимиляционный вариант – возможность «растворения» России в Европе. Этого опасается и сама Европа, поскольку такой вариант несёт в себе потенциальную угрозу ослабления степени интегрированности европейской культурной идентичности. Однако и отказ от культурного сближения с Европой был бы контрпродуктивен для развития как России, так и Европы: для России он означал бы крушение надежды на завершение модернизации, а для Европы – надежды на формирование самостоятельного «центра силы», на равных конкурирующего с Америкой и Китаем.

Поэтому при всей сложности и противоречивости этого процесса, формирование и российской, и европейской идентичности должно идти (и, безусловно, идёт) в направлении взаимного сближения и взаимодействия. Таким образом, по нашему мнению, формирование новой российской идентичности, которая не противостоит европейской, а сочетается с ней, – возможно и необходимо. Для этого, однако, необходимы глубокие изменения в массовом и элитном сознании, которые ещё не завершены. Россия является европейской страной в силу своей судьбы, культурных традиций, географического положения. Её будущее неразрывно связано с Европой. Потенциал российской нации может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации, в формирование которой внесла существенный вклад великая русская культура. В массовом российском сознании, как констатируют многие российские социологи, идея цивилизационного и культурного (а, следовательно, и ценностного) сближения с Европой значительно популярней идеи сближения с США. Если США воспринимаются сегодня скорее отрицательно, то отношение к Европе выглядит устойчиво позитивно¹. Одновременно стратегии развития, демонстрируемые Китаем, Японией и другими странами Азии, являются привлекательными не более чем для нескольких процентов российских граждан². Тем не менее, ситуация в России существенно отличается от ситуации в Испании, Прибалтике, ряде стран ЦВЕ. В этих странах отношение к Европе было совершенно однозначным и непротиворечивым. Движение в Европу не раскалывало, а объединяло общество. В Испании оно знаменовало собой окончательное преодоление великодержавности, в малых странах – не только отход от России, но и их «возвеличивание» с вхождением в состав ЕС. Для России же такое вхождение было бы «умале-

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 169.

нием», превращением бывшей сверхдержавы в одну из многих стран. Это, конечно, весьма болезненно для национального самолюбия. Таким образом, сближение с Европой сдерживается не только позицией ЕС, но и нежеланием самой России становиться периферией Европы, а также неготовностью российского общества к соответствующим институциональным реформам. Общеευропейская идентичность, как и идентичность различных европейских стран, проходит сегодня через тяжёлый кризис с далеко не ясными результатами. Этот процесс связан не только с новым этапом объединения Европы (расширение ЕС), но и со стремлением, прежде всего, старейших членов «европейского клуба», таких как Германия и Франция, защитить традиционную европейскую модель социально-экономического развития в условиях агрессии неолиберальной корпоративной культуры американского образца.

Хотя у самого понятия «европейцы», отмечает И. Семененко, весьма солидный возраст (оно было впервые применено к войскам Карла Мартелла, остановившем наступление арабов в 732 г. в битве при Пуатье), однако уровень отождествления граждан европейских стран с Европой далеко отстаёт от темпов европейского строительства. Феномен «европейского» сознания остаётся размытым. Гражданская лояльность европейцев по-прежнему носит государственно-национальный характер, а в системе самоидентификации более значимыми оказываются региональные и локальные уровни. Процесс формирования общего поля европейской идентичности идёт трудно и мучительно из-за наличия глубоких социокультурных разломов как между представителями различных эшелонов интеграции, так и внутри западных обществ. При этом многие активные сторонники евростроительства считают, что сила Европы – в её разнообразии. В этих условиях Россия стоит перед необходимостью не отмены национальной системы ценностей, а формирования обновлённой национальной идентичности, сочетающей ценностные традиции, обеспечивающие социальную интеграцию, и ценности современного либерального общества, при сохранении основных культурно-цивилизационных кодов российской цивилизации.

Разницу между вестернизацией и национальной модернизацией раскрывает российский историк В. Согрин: «В связи с перипетиями современной модернизации в российском обществе не умолкают споры о её оптимальном варианте. Среди многих точек зрения главными являются две. Первая, отстаиваемая сторонниками "чистых" радикально-либеральных реформ, доказывает, что исторические особенности России – это не более, чем идеологема, что плодотворны только универсальные рыночные механизмы, которые и должны быть освоены. Радикал-либералы доказывают, что основы современного общества, как и соответствующая им ментальность, культура и социальные нормы, могут оформиться достаточно быстро, а болезненный этап будет пройден в течение жизни одного поколения. Любой же вариант реформ, альтернативный радикал-либеральному, вернет Россию на круги стагнирующего коллективистского общества. Другая точка зрения состоит в том, что Россия должна найти оптимальный национальный вариант российской модернизации, который определяется одними как "либерально-консервативный", другими – как "консервативно-либеральный", треть-

ими – как "адекватный", но который в любом случае должен учесть цивилизационные характеристики России и быть сплавленным с ними»¹.

После реформ Петра Великого, а особенно Екатерины II, Россия заняла ни кем неоспариваемое место в «концерте» европейских держав. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: имперская царская Россия воспринималась Европой в качестве своей составной органической части, а современная Россия, казалось бы вставшая на путь демократии, покончившая с «имперским» прошлым, Европой отторгается. А ещё Европа относится к России так, будто у неё за плечами не 11 столетий государственности, а всего без малого два десятка лет... Это происходит потому, что Европа до сих пор не доверяет новой России, поскольку процесс дебольшевизации в ней не завершён. Расстрел Парламента в октябре 1993 года; война в Чечне; нередко звучащая антизападная и антиамериканская риторика; провокационные угрозы в адрес соседних стран; раболепное заигрывание с коммунистическим электоратом, в том числе путём воскрешения советской символики; расплывчатость национальных интересов, неспособность к их твёрдой и спокойной защите; отсутствие у государства политической воли к самоопределению вообще – всё это рецидивы отнюдь не русского и даже не «имперского», а большевистского сознания. К несчастью, именно такого сознания в России пока слишком много, а имперского – слишком мало. Вот и относится к нам Европа не как к России, а как к уменьшенному, ослабленному и потому озлобленному СССР, ядру «империи советского зла». Продолжение небольшевистского курса, в какие бы одежды он не рядился – «коммунистические» или «либеральные», – грозит оторгнуть от России новые народы и территории, взорвать «российский евразийский проект» с катастрофическими последствиями для всего мира.

И всё же и по культурной ориентации, и по уровню технического развития Россия является страной Большой Европы, находящейся на индустриальной и отчасти научно-индустриальной ступени. Её производительные силы качественно отличаются от производительных сил третьего мира и, наоборот, принципиально не отличаются от тех, которые есть на Западе. В России тот же тип квалификации работников, тот же класс машин и механизмов. Проблема в том, что в России долгое время господствовали, – впрочем, в своём большинстве исторически обусловленные, – иной менталитет, иная культура трудовых отношений, иные производственные отношения и иная социальная организация, и именно эти обстоятельства мешают стать равноправным партнёром Большой Европы. Когда в России устоятся новые общественные отношения, изменится трудовая мораль, будут преодолены разрушительные последствия переходного периода, Россия по праву вновь сможет претендовать на то, чтобы стать её неразрывной органической частью.

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПОИСКИ СИНТЕЗА

Все эти вопросы, как представляется, имеют прямое отношение к формированию нового внутри- и внешнеполитического курса России. Последовательные сторонники возрождения «самобытной» российской цивилизации исходят из представления о принципиальной неподверженности её базисных элементов каким бы то ни было модернизационным трансформациям, а потому видят в ней естественный и нерушимый оплот мирового антизападничества. В этом случае

¹ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001 – от Горбачева до Путина. М.: 2001. С. 9.

решение проблемы социальной консолидации видится на путях превращения России в мировой центр антизападных, антикапиталистических, антиглобалистских сил, объединяемых в международной среде неприятием западной системы ценностей и основ западной цивилизации. Однако и в этом случае заимствование «технических» элементов западной цивилизации оказывается непременным условием эффективного противостояния Западу.

Их оппоненты, в свою очередь, исходят из того, что Запад как консолидированное цивилизационное целое убедительно продемонстрировал свои неоспоримые преимущества в глобализирующемся мире, и потому попытки социальной консолидации путём реконструкции и воссоздания традиционных основ российской цивилизации в современных условиях заведомо бесплодны и бесперспективны. В рамках этого подхода переход России на инновационный тип развития обусловлен сменой её цивилизационной парадигмы, т. е. отказом от традиционной системы ценностей. В этом случае императивом российского развития видится имплантация и последующее освоение западной системы ценностей и «кодов» западной цивилизации, а желанным результатом – вхождение в качестве составной части в цивилизацию «объединенного Запада».

При очевидном антагонизме этих подходов их роднит бескомпромиссное стремление подавить, уничтожить чужеродные или национальные ценности, цивилизацию, культуру. И в том, и в другом случае проблема поиска и последовательного выстраивания цивилизационных и ценностных оснований российского развития в условиях современности оказываются «сняты» предрешённым выбором той или иной «идеалтипической» конструкции. Оба этих подхода отказывают российскому обществу в наличии имманентной ему субъектности, и потому переводят проблему в плоскость глобальных геополитических абстракций. По существу Россия, потребности её внутреннего самообновления вновь приносятся в жертву некоей судьбоносной для Мира миссии (будь то борьба с «капитализмом», «империализмом», «глобализмом», либо, напротив, служение «либеральной миссии», поддержка Запада в его борьбе с «варварством» и проч.).

В то же время поиски стратегии ценностной и цивилизационной адаптации России требуют более глубокого и всестороннего анализа новых возможностей, открывающихся в условиях глобализующегося мира. Более того, интеграция России в мировое сообщество возможна лишь при условии успешности её внутренней консолидации на основе синтеза (всякий раз, по определению, уникального) Традиции и Современности. В противном случае «интегрировать», по сути, будет нечего: радикальное решение как «почвенническое», так и «западническое», форсирует процессы дальнейшей дезинтеграции российского общества, утраты и распада национально-цивилизационной идентичности, и потому речь будет идти уже скорее не об «интеграции» России как самостоятельного целого в сообщество более высокого порядка сложности, а об освоении отпадающих от него территорий и этнонациональных общностей иными субъектами современного мирового развития.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

Г.Г. Силласте

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

*«СИЛА НАРОДА В ЕГО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
В ТОЙ ЕЕ ЧАСТИ, КОТОРАЯ ЧЕСТНО МЫСЛИТ
ДУМАЕТ И УМЕЕТ РАБОТАТЬ»
Антон Чехов*

Представленный аналитический материал (**научный доклад**) посвящён актуальным вопросам формирования отечественной интеллигенции в условиях рыночных реформ и объединяет два неразрывно связанных друг с другом Научных доклада, сделанных автором в Харькове на IV и VII Международной научно-практической конференции, посвящённой проблемам развития интеллигенции. Первый *«Формирование экономической интеллигенции в условиях российской рыночной экономики: специфика и перспективы»* раскрывает особенности эволюции российской интеллигенции – и, прежде всего, слабо изученной её когорты: экономической интеллигенции – в докризисный период, когда мировой финансово-экономический кризис ещё не разразился в глобальном масштабе. Второй доклад *«Интеллигенция в период кризисов»* анализирует противоречивые социальные процессы, протекающие в профессиональном сообществе интеллигенции в периоды кризисов, в т. ч. мирового финансово-экономического кризиса.

Часть 1.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Проблемы интеллигенции, её сущности и места в российском обществе всё чаще становятся предметом дискуссий.

«Что такое «интеллигенция»?

«Каково её место и функции в рыночной экономике»?

«Нужна ли интеллигенция в условиях рынка»?

Эти и многие другие вопросы представляют сегодня не только научный, но и практический интерес. Обострило внимание к этим проблемам, с одной стороны, – сложившееся в обществе критическое отношение к интеллигенции, с позициями и действиями которой в значительной мере связывают развал страны, обвиняют её в национальном предательстве, в провоцировании революций разных социальных окрасок.

Попытаюсь представить своё видение процесса развития интеллигенции и её нравственных императивов в условиях рынка. Сделаю это в форме социологических сюжетов.

СЮЖЕТ 1: «Интеллигенция», «специалисты», «профессионалы»: общее и особенное

В нашей лексике (вузовской особенно) в последние годы стали наслаиваться друг на друга три понятия, связанные с подготовкой квалифицированных кадров:

- «специалисты»;
- «профессионалы» (особенно широко используемые на Западе);
- и наше отечественное – «интеллигенция».

Поэтому, прежде всего, определимся с понятийным аппаратом. Принципиальная разница между указанными понятиями заключается

□ не столько в их содержании, сколько в том месте, которое занимают специалисты, профессионалы, интеллигенция в социальной, конкретно – классовой структуре общества. С этим связаны и их нравственные императивы.

За рубежом, особенно в развитых капиталистических странах, наиболее распространённым является понятие «специалист», т. е. работник, обладающий конкретной специальностью. А *специальность* – (от лат. «species» – род, вид) – вид занятия в рамках одной профессии (например, специальность экономиста включает в себя финансиста, бухгалтера, аудитора кредитора, агента по сбору налогов. Специальность врача объединяет хирурга, терапевта и т. п.).

Здесь мы не имеем с Западом разночтений, так как специалистов готовит и наша высшая школа. Но у российской высшей школы задача подготовить не только высокопрофессионального узкого специалиста в конкретной области деятельности, но и...

- специалиста **всесторонне образованного**;
- **с высокими нравственными принципами и ценностными установками**;
- **обладающего мировоззренческим кругозором**;

□ **высоким уровнем социально-профессиональной адаптации на рынке труда**. Отсюда и наша ориентация на **междисциплинарное всестороннее образование, на гуманитаризацию специального профессионального знания**.

Истоки категории «**профессионал**» следует искать в Генеральном реестре Британской переписи 1951 г, в соответствии с которой профессии классифицированы по **шести социо-экономическим группам (SEGs)**.

Каждая такая группа объединяет специалистов с определёнными **жизненными стилями**, похожим **социальным, культурным поведением** и проведением **досуга**. Причём, понятие «**профессионал**» по своему содержанию почти адекватно понятию «**специалист**», являющемуся и у нас, и за рубежом наиболее распространённым. Для получения **статуса специалиста**, необходимо иметь **профессию, закреплённую** соответствующим официальным документом.

Общим для западной социологии является признание профессионалов **самостоятельным общественным классом**. Английская модель именует его «**высшим классом**», который составляют «**профессионалы**»: врачи, адвокаты, преподаватели колледжей и высших учебных заведений (в развитых странах около 5–7% профессионалов примыкает к буржуазии).

Классификация классовой структуры общества, предложенная Дж. Голдторпом (а она наиболее распространена на Западе) в один так называемый **служебный класс** объединяет «**профессионалов**» – администраторов, государственных чиновников высшего уровня, менеджеров ведущих учреждений, крупных собственников, служащих, занятых умственным трудом.

М. Вебер выделял в социальной структуре общества четыре класса: **один** из которых – класс интеллектуалов, менеджеров и администраторов; **другой** – класс собственников; **третий** – буржуазный класс мелких бизнесменов и владельцев магазинов; **четвёртый** – рабочий класс.

Рассмотрение профессиональной общности (каковой являются специалисты) в качестве социального класса вызывает аргументированные возражения.

Известно, что характеристика **класса** ещё **до марксизма** давалась, например, французским государственным деятелем и историком **Франсуа Гизо** (1787–1874), который полностью исключал тождество **профессиональных и классовых** общностей «Профессионалы» примыкают к различным общественным классам, интересы которых **изучают, выражают и обслуживают**. В своём подавляющем большинстве «профессионалы» работают по найму.

Понятие «интеллигенция» за рубежом практически не применяется. Впервые это понятие использовал в 60-х годах XIX века писатель **П.Д. Боборыкин**, и из русского оно перешло в другие языки.

Для справки: **Боборыкин Пётр Дмитриевич** – (1836–1921) Почётный академик Петербургской академии наук. Его известные романы: «Дельцы», «Китай-город» и др.

По своему **составу интеллигенция** – (от лат. *intelligens* – понимающий, знающий, умный) **это социальный слой людей, профессионально занятых умственным (преимущественно высококвалифицированным) трудом**.

Интеллигенция (а точнее – **трудовая интеллигенция**) в **социальной структуре советского общества** рассматривалась как промежуточный слой («**прослойка**») в отличие от **двух классов**: рабочего и крестьянства.

Но помимо названных номинальных характеристик понятие «интеллигенция» в России, исходя из национального менталитета, имеет и свои особые признаки:

- широкий кругозор;
- служение высоким нравственным идеалам;
- гуманность, патриотизм и космополитизм.

Часто говорят, что в России интеллигент – это *состояние души*. Поэтому нравственная составляющая (и вытекающие из неё нравственные императивы) всегда у нас занимали и занимают ведущее место в формировании интеллигенции.

Не случайно так дихотомически **противостоят** друг другу **два типа личности**: «деловой человек» и «интеллигент». Рынку нужны «деловые люди» (дельцы), рациональные, прагматичные, умеющие считать и приобретать любой ценой. Мы же традиционно хотим воспитать интеллигентного представителя производственной сферы, способного думать и об интересах общества, и считать не только личные, но и государственные затраты, работать не только на себя, но и во благо общества... Что **объединяет западного профессионала и российского интеллигента**? Наличие:

- высшего (качественного) образования;
- специальности;
- реальная занятость в сфере интеллектуального труда.

К этому следует добавить признаки, выделенные английским социологом Миллерсоном для характеристики профессионалов как особого социального слоя. Это:

- ◆ знания на основе применения **навыков, базирующихся на теории**;
- ◆ **специализированное образование** и обучение этим навыкам;
- ◆ **компетентность**, гарантированная сданными экзаменами;
- ◆ наличие **определённого кодекса поведения**, обеспечивающего профессиональную идентичность;
- ◆ исполнение **служебных обязанностей** во благо общества;
- ◆ **членство** в профессиональной ассоциации.

Велики **и различия в положении** профессионалов на Западе и в России.

В развитых странах **профессионалы имеют, как правило,**

- большую зарплату,*
- высокий социальный статус и*
- независимость в работе.*

Привилегированность их положения объясняется тем, что они занимаются оказанием особо значимых для общества услуг.

Сравнивая эти критерии с положением нынешней российской интеллигенции, приходится констатировать совершенно **противоположное**:

- зарплата** не соответствует социальной значимости профессиональной деятельности и предоставляемому обществу услугам.
- Социальный статус** (т. е. положение в обществе) занижен государством и всем развитием экономики и социальной сферы.
- Независимость в работе** ограниченная, так как подавляющая часть интеллигенции находится под тяжестью нескончаемых экономических реформ, не имеет гарантий устойчивости своего социального положения на годы вперёд, как это когда-то было. Отсюда и массовое «бегство умов» на границу.

В порядке информации:

- ◆ Только за 1997–2006 гг. из России выехало за рубеж
- ◆ **783.064** тысячи россиян. Из них – **347223** – в страны дальнего зарубежья, остальные (**435.841**) – в страны СНГ (ближнее зарубежье). (см.: Россия в цифрах, 2008. С. 90).
- ◆ В 2007 г. **2,8 млн** студентов учились за границей, т. е. более чем в **3 раза больше, чем в 1980 г.**
- ◆ В **2025 г.** число студентов, обучающихся за границей, **вырастет до 7,2 млн чел.** (см.: Российская газета, 2009, 7 июля)

Нет точных данных о том, сколько в этой массе составляет интеллигенция разных страт. Но можно предположить, учитывая специфику западного рынка интеллектуального труда, что большинство выехавших – россияне с высшим образованием. «Утечка мозгов» ещё очень дорого обойдётся государству, особенно когда оно, наконец, вспомнит о необходимости развития и полноценной финансовой поддержке не только банков и олигархов, но и своей отечественной науки и учёных.

СЮЖЕТ 2: Структура современной российской интеллигенции, её внутренняя деформация // Интеллигенция в нашем обществе рекрутируется из различных классов и слоёв общества. В зависимости от:

- образования;
- содержания деятельности;
- и выполняемых функций

интеллигенция дифференцирована. Она **подразделяется** на научную, экономическую, **техническую, гуманитарную, административно-управленческую, творческую, военную и др.**

Одна из особенностей формирования интеллигенции в России состоит в том, что этот процесс является ответом на состояние российской экономики, образования, культуры и науки, их потребностей и за-

просов. Ведь фактически в России сейчас успешно развиваются экспортные отрасли экономики – добыча нефти, газа, разработка леса, производство металла и удобрений.

В целом российская экономика отстаёт с использованием и разработкой современных технологий. И в этом отношении мы **резко** отличаемся от положения в развитых западных странах, где на первом плане как стержневая линия экономического развития – **прогресс современных технологий**, идущий ускоряющимися темпами.

Отсюда и повышенный спрос на профессионалов современной формации. А Россия *«сидит» на нефтегазовой игле*. В этом отношении нашу страну можно назвать «сырьевым наркоманом».

К тому же Президент России поставил задачу превращения страны в мирового поставщика топливно-сырьевых ресурсов. А это значит, что инвестиции государства и частного отечественного капитала в развитие других отраслей реальной экономики, прежде всего, машиностроения и обрабатывающей, быстро расти не будут.

По-прежнему делается ставка на приток иностранных капиталов. Именно эту цель преследует создание новых экономических зон – зон свободной торговли, первая из которых уже открылась в Калининграде.

Отсюда мой вывод: процесс формирования новой экономической интеллигенции в России в современных условиях *сдерживается* общим состоянием экономики, её отраслевой деформацией и фактической консервацией застоя.

В связи с переходом к рыночной экономике общество стратифицировалось, появились новые классы и социальные группы. Ведущими критериями стали

- уровень доходов, статус и престижность.

Какие процессы характеризуют современное состояние российской интеллигенции, её эволюцию на протяжении последних 15 лет?

Выделю **три процесса** с длительными социальными последствиями.

1. Процесс **деквалификации** значительной части интеллигенции. Этот процесс связан либо с резким **снижением прошлого профессионального и социального статусов**, либо **с полной его потерей**.

В начале перехода к рынку (первая половина 90-х годов) самая массовая, интенсивная **деквалификация** (скажу резче – «разгром квалификации») произошла у **технической интеллигенции**. Она была выброшена за ворота тысяч предприятий и организаций военно-оборонного комплекса, которые прекращали работу в кратчайшие сроки в результате безумно-преступной конверсии.

Так по стране прокатилась **первая волна безработицы**. Её главной жертвой стала именно **техническая интеллигенция**.

Вторая волна массовой деквалификации прокатилась по **военной интеллигенции**, квалифицированным военнослужащим высокого статусного положения (прежде всего, по офицерам).

Ещё одной профессиональной группой массовой деквалификации стала **творческая интеллигенция**. Закрытие театров, развал кинематографии, всей культурно-просветительской инфраструктуры обрекла на нищенское существование даже ранее известных актёров. Примеров множество!

2. **Социальная мобильность** интеллигенции.

В советское время она была очень низкой. Смена профессии происходила нечасто, скорее, в порядке исключения, а не нормы.

В рыночной экономике интеллигенция стала проявлять **вынужденную социально-профессиональную мобильность**: менять профессию при безработице, переqualificироваться под угрозой потери трудовой занятости, включаться во вторичную занятость, пытаться совмещать часто несовместимое: творческую деятельность и мелкое предпринимательство (*пример известной эстрадной примадонны, совмещающей шоу-бизнес с производством обуви*).

3. **Стратификация интеллигенции.**

Она расслоилась на несколько страт:

♦ **«высшую интеллигенцию»** – «мозг нации». Это интеллектуалы, люди творческих профессий, развивающие науку, технику, культуру, образование, систему управления. Среди них велика доля женщин. Подавляющее большинство представителей этого слоя заняты в социальной и духовной сферах, меньшинство – в промышленности (техническая интеллигенция).

♦ **«массовую интеллигенцию»** – к которой относятся врачи, учителя, управленцы, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и другие специалисты. Абсолютное большинство составляют женщины. Многие представители страты работают в отраслях социальной сферы (здравоохранение, образование), несколько меньше (до 40%) – в промышленности; остальные в сельском хозяйстве или в торговле. Этот слой интеллигенции наиболее подвержен безработице.

♦ на так называемую **«полуинтеллигенцию»**, к которой относятся техники, фельдшеры, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты. Это – самая феминизированная группа: до 80% составляют женщины. По уровню жизни преобладающая часть этой страты живёт за чертой бедности.

Какова доля интеллигенции среди занятых в экономике?

Обратимся к данным Росстата

В российской экономике занято	70,8 млн чел.
Из них высшее образование имеют	27,8%
(что составляет	19 млн чел.).
Среди специалистов с высшим образованием преобладают женщины	30,5%
На долю мужчин приходится	25,2%..

<u>Руководители (представители) органов власти и управления</u> всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий составляют	5,272 млн чел.
Специалисты высшего уровня квалификации в области образования (среди них женщин почти в 3 раза больше мужчин)	2,943 млн
Специалисты высшего уровня квалификации в области технических и естественных наук (мужчин в два раза больше женщин)	3,468 млн чел.
Специалисты высшего уровня квалификации в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения	1,567 млн
<u>Прочие специалисты высшего уровня квалификации</u>	5,569 млн

Итого :

специалистов высшего уровня квалификации – 18 млн 809 тыс. чел.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения в России. 2008.с.80-81.

Для сравнения:

В странах развитого капитализма в конце 90-х годов интеллектуалы-профессионалы составляли около 1/3 самодеятельного населения.

Процесс социально-экономической стратификации российской интеллигенции усиливается.

СЮЖЕТ 3: Социальная база и особенности формирования новой экономической интеллигенции

До начала 90-х годов финансовая сфера занимала в обществе весьма скромное положение – как с точки зрения материальной (по уровню оплаты труда), так и социального статуса, так как не пользовалась сколько либо значимой профессиональной престижностью. Напротив, в массовом сознании эта сфера воспринималась в качестве *социально непрестижной*, мало привлекательной, интересующей в основном женщин.

«Экономическая интеллигенция» – новая страта в структуре российской интеллигенции, новая **социально-профессиональная общность** российского общества. Определить её можно как

□ **социальный слой высококвалифицированных специалистов умственного труда, имеющих высшее экономическое образование и профессиональную занятость в различных сферах экономики, управления, учёта и контроля, планирования финансово-экономических и денежных ресурсов (авторс.).**

Возникает вопрос: а разве не было в Советском Союзе экономистов, бухгалтеров, финансистов?

Конечно, специалисты этих профессий были достаточно многочисленными и успешно обслуживали плановое социалистическое народное хозяйство. В советских вузах они получали широкое образование в духе марксистско-ленинского учения и принципов государственной плановой экономики. Однако профессионалы-экономисты не представляли собой самостоятельного социального слоя и не пользовалась высоким статусным положением в обществе.

Ситуация в России качественно изменилась **после победы буржуазно-либеральной** (правда, многие политики, учёные, журналисты используют даже термин *«буржуазно-криминальной»*) революции 1991–1993 гг.

Страна встала на путь рыночной экономики и приватизации собственности со всеми присущими этому пути трудностями и противоречиями. Появилась острая **потребность в подготовке профессионалов-экономистов новой, буржуазной формации**, знающих закономерности капиталистического производства, потребления, рынка и конкуренции.

В начале истории постсоветской России возникло и получило признание понятие **экономической интеллигенции**.

В связи с интенсивным развитием финансового рынка **к 1996 году** в России было создано:

3,5 тысячи банков, свыше 3-х тысяч страховых компаний и более 800 инвестиционных компаний. Занятость в производственной деятельности этого сектора расширилась до 800 тысяч чел.

Финансово-банковская страта в социальной структуре общества стала одной из наиболее динамично развивающихся. Возросла **социальная престижность** профессий финансиста и экономиста, что незамедлительно обострило **конкурс отбора** поступающих в экономические вузы.

В условиях перехода к рыночным отношениям, сокращения материального производства, банкротства предприятий и безработицы, многократного расширения рынка финансовых услуг, резко возрос запрос на:

□ специалистов финансистов, экономистов, бухгалтеров, аудиторов, страховщиков, управленцев и менеджеров разного профиля.

Финансово-экономические и **юридические** специальности стали определять **престижность нового экономического образования**.

Резко возросло число специалистов, занятых в управленческой, административной, экономической, финансово-банковской сферах и занимающих ведущее место в структуре **экономической интеллигенции**.

Если к началу 90-х годов в экономике России **финансово-банковская сфера** была самой феминизированной (женщины в ней составляли 91%), то в силу повышения конкурентоспособности экономических специальностей, их социальной престижности сфера стала быстро **дефеминизироваться**. В итоге количество женщин в ней упало до 69%, а **гендерная конкуренция** значительно усилилась.

Каковы современные особенности экономической интеллигенции?

Первая особенность. Становление новой экономической интеллигенции в значительной её части происходит **за счёт девальвации специалистов** других групп, прежде всего, инженерно-технической и гуманитарной. Именно из них **рекрутируется новый** слой профессионалов, затребованный рыночными отношениями, плюрализмом форм собственности, а с 2000 г. – преобладанием в российской экономике частного сектора над государственным.

Для информации:

Таблица 1

Распределение предприятий и организаций, занятых в экономике по формам собственности (в %)

	2006 – к итогу	2008	кол-во занятых работников 2008
государственная	3,4	3,0	32,0
муниципальная	5,3	5,6	
частная	80,5	82,5	56,4
собственность общественных и религиозных организаций	5,3	4,6	0,6
прочие формы собственности, включая: смешанную российскую, иностранную, совместную российскую и иностранную	5,6	4,3	6,9
			4,1

Источник: Россия в цифрах. 2008. С. 180. С. 95.

Критерием идентификации личности в составе «экономической интеллигенции» является ...

□ **наличие высшего экономического образования** (основного или дополнительного), которое может сочетаться и с другой профессиональной подготовкой.

В современных условиях среди обучающихся в Институте повышения квалификации по финансово-банковским специальностям (ныне – Институт сокращённых программ)

□ **до 40% составляют слушатели с базовым техническим или инженерно-техническим образованием.**

□ **до 15% – с гуманитарным.**

□ **с базовым экономическим образованием число специалистов увеличилось до 50 по сравнению с 35% в 1997 г.**

Большое место в экономической интеллигенции занимают управленцы, занимающиеся вопросами **экономического и финансового управления**. Сфера её деятельности – экономика во всех её формах и направлениях.

Вторая особенность экономической интеллигенции: социально-классовая. Эта часть интеллигенции представляет собой часть формирующегося среднего класса – новой общности в социальной структуре общества, которой отводится стабилизирующая роль в экономической, социальной, политической жизни страны.

В структуре современного российского среднего класса экономическая интеллигенция составляет существенную часть. В целом российский средний класс составил в 2006 г. до 20% населения (28 млн чел). По уровню доходов экономическая интеллигенция занимает в среднем классе его высший и средний уровни.

Третья особенность экономической интеллигенции в России:

♦ **она не обладает устойчивостью, прочностью и стабильностью**, легко поддается ударам финансовых и экономических кризисов.

Это убедительно показали события августа 1998 г., когда **450 тысяч банковских специалистов, сотрудников туристических агентств, фирм, устойчиво процветавших до кризиса**, в одночасье были выброшены на улицу и заняли очередь на биржах труда.

Эта волна безработицы среди финансово-банковских служащих в составе экономической интеллигенции стала третьей волной российской безработицы, получившей определение **«респектабельной безработицы»** (см.: Г. Силласте. Экономическая социология. М.: 2005. С. 258).

СЮЖЕТ 4: «За» и «против» экономической интеллигенции

Для ответа на этот вопрос обращусь к **результатам** российско-болгарского социологического исследования *процесса формирования современной экономической интеллигенции в России и в Болгарии*, проведённого Финансовой академией при Правительстве РФ и Болгарской Хозяйственной академией им. Ценова. Начну с социального портрета ведущих образовательных и научных центров российской (и болгарской) экономической интеллигенции.

Профессорско-преподавательский коллектив (Академии) активно феминизирующийся образовательный социум, стареющий последние 15 лет и обладающий слабым резервом для омоложения. Коллектив с женским лицом. Двукратное преобладание женщин, возраст большинства которых от 40 до 50 и свыше 55 лет.

Базовое образование каждого второго преподавателя – экономическое, каждого третьего – гуманитарное, каждого десятого – техническое. Социум высокопрофессиональный. Он на три четверти «остепененный», т. е. имеющий учёные степени и учёные звания. При этом каждый второй кандидат наук – преимущественно мужчина, но большинство докторов наук – женщины.

*Для большинства преподавателей женщин преобладающей формой социально-профессиональной адаптации к новым условиям стала **горизонтальная (челночная) мобильность**.*

*Постоянным источником доходов абсолютного большинства преподавателей является их **рабочая плата** по основному месту работы, доходы от вторичной занятости получает почти каждый второй, большинство из которых – женщины. **Сбережения в банке** имеет лишь 5% профессорско-преподавательского состава.*

Две трети живут на среднем уровне обеспеченности и идентифицируют себя со средним классом.

Как оценивает профессорско-преподавательский состав востребованность экономической интеллигенции в условиях рыночных отношений?

Таблица 2

Востребованность экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики с позиций профессорско-преподавательского состава (в % к числу опрошенных)

«Нужна ли стране в условиях рыночных отношений новая экономическая интеллигенция?»	Всего	мужчины	женщины	с учёным званием	без учёного звания	преподаватель	сотрудник
Нужна и очень	62,7	43,7	76,7	77,2	66,7	68,4	83,8
Нужна, но лишь в известной мере	17,3	18,7	16,2	15,8	33,3	23,7	13,5
Не нужна, можно обойтись и без неё	0	0	0	0	0	0	0
Затруднились ответить	2,6	3,1	2,3	3,5	0	5,3	0

Две трети профессорско-преподавательского состава (Финакадемии) **убеждены**, что экономическая интеллигенция в условиях рыночной экономики стране **очень нужна**. Причём, среди **женщин** такая позиция распространена значительно шире (77%), чем среди мужчин (около 44%). Самое большое число сторонников (практически абсолютное большинство – 84%) – среди **научных сотрудников** и несколько меньше среди преподавателей с учёным званием (77%).

Сравнительно небольшая группа преподавателей (17,3), считают, что если интеллигенция и нужна, то «лишь в известной мере». Эту точку зрения высказывают главным образом респонденты, не имеющие учёного звания (33%).

Каковы мотивы позитивной консолидации общественного мнения? Определелись три группы мотиваций.

Первая группа – **производственные мотивы**, отражающие усиление конкуренции на рынках труда и рост требований к уровню профессионализма в условиях глобализации (**от 49 до 44% респ.**) (см. табл. 3).

Таблица 3

Аргументация производственных мотивов (в % к числу опрошенных)

♦ «рыночная экономика требует повышенного уровня подготовки специалистов»	49,3
♦ «переход к рынку усложнил требования к профессиональной подготовке будущих специалистов»	46,6
♦ «Возможность работы за рубежом предъявляет повышенные требования к профессиональному и общеобразовательному уровню специалиста»	44,0
♦ «Интеграция страны в мировую экономику требует усиления конкурентоспособности учёных»	42,7

Вторая группа – **культурно-нравственные мотивы**, связанные с уровнем культуры и интеллигентности будущего специалиста: **от 44–22** (см. табл. 4).

Таблица 4

Аргументация культурно-нравственных мотивов (в % к числу опрошенных)

♦ «деловой мир нуждается в высоком уровне интеллигентности специалиста»	44,0
♦ «одних профессиональных знаний недостаточно, чтобы успешно делать карьеру в рыночных условиях»	34,7
♦ «изменились требования к общей культуре и моральным качествам специалиста-экономиста»	33,3
♦ «работодатели все больше отдают предпочтение интеллигентным специалистам с широким кругозором»	22,6

Третья группа – **отрицающая потребность в экономической интеллигенции**, так как считает, что «рыночная экономика требует не широко образованного интеллигента, а узкого, хорошо знающего своё дело профессионала» (16%).

В женской среде эта точка зрения распространена в 4 раза чаще, чем среди мужчин (6,2%).

Таким образом, повышение производственной квалификации специалиста в условиях глобализации, по мнению вузовской части экономической интеллигенции, требует от будущих специалистов высокого уровня культуры, образования, нравственных качеств. Кстати говоря, это традиционные требования советской *высшей школы, не нуждающиеся в модернизации.*

СЮЖЕТ 5: Нравственные ориентации и морально-этические качества экономической интеллигенции (или к вопросу: какой тип человека нам больше необходим: экономический или социологический?)

Экономическая интеллигенция по своей социальной структуре и социальной базе **неоднородна**. А социальная история учит, что:

...чем менее однородна социальная общность, тем меньше вероятность, что её представители будут иметь общее сознание и действовать сообща.

Это во многом объясняет отсутствие социальной и даже корпоративной солидарности в интеллигентской среде в целом, среди представителей экономической интеллигенции – в особенности.

«Жёсткая ориентация на собственное благополучие» как *первостепенная индивидуальная ценность* характерна, например, для каждого четвёртого представителя вузовской части экономической интеллигенции. А среди специалистов финансово-банковского сектора экономики благополучие любой ценой как нравственная ценность проявляется ещё сильнее (до 40% респондентов).

Каковы морально-нравственные ценности новой экономической интеллигенции? Привожу данные российско-болгарского исследования.

Таблица 5

**Морально-нравственные ценности новой экономической интеллигенции
(в % к числу опрошенных)**

Ранг значимости	Ценности	Всего по РФ	Мужчины	Женщины
1.	Предприимчивость	48	46,8	48,8*
2.	Уверенность в своих профессиональных знаниях	45,3	37,5	51,2*
3.	Постоянное совершенствование профессионального уровня	44,0	40,6	69,8*
4.	Инициативность	42,7	37,5	46,5
5.	Интеллигентность как совокупность высоких моральных и этических ценностей	42,7	40,6	44,2
6.	Прагматизм, рационализм	40,0	37,5	41,9
7.	Свобода личности	38,7	34,3	41,9
8.	Свобода творчества	33,3	28,1	37,2
9.	Широкий культурный кругозор	32,0	31,2	32,6
10.	Свобода передвижения	32,0	31,2	32,6
11.	Преданность профессии	26,7	28,1	25,6
12.	Жёсткая ориентация на собственное благополучие	24,0	25,0	25,6
13.	Ориентация в политической жизни страны и мира	24,0	28,1	20,9
14.	Свобода слова	22,7	28,1	18,6
15.	Свобода совести	22,7	25,0	20,9
16.	Стремление к наживе и обогащению	14,7	18,7	11,6
17.	Эгоизм и эгоцентризм	8,0	6,2	9,3

О чём говорят приведённые данные?

Базовыми ценностями большинства вузовской части экономической интеллигенции признаются (см. табл. 6).

Таблица 6

**Базовые ценности вузовской части экономической интеллигенции
(в % к числу опрошенных)**

Предприимчивость	48
Уверенность в своих профессиональных знаниях	45,3
Постоянное совершенствование профессионального уровня	44,0
Инициативность	42,7
Интеллигентность как совокупность высоких моральных и этических ценностей	42,7
Прагматизм, рационализм	40,0

Иными словами, это качества, использование которых позволит специалисту добиться личных деловых успехов. Однако стремление к наживе, обогащению одобряют 15% респондентов, а эгоизм и эгоцентризм ещё меньше: 8%. Но следует учитывать, что иерархия ценностных ориентаций интеллигенции экономических вузов существенно различается **по гендерному признаку.**

Ценности, доминирующие среди женщин:

Смысл Великой Победы

1 группа – Рост профессионализма (51–70%)

«Постоянное совершенствование профессионального уровня»	Уверенность в своих профессиональных знаниях

2 группа – деловые качества (46–49%)

Предприимчивость неразрывно связанная	с инициативностью

3 группа – нравственные качества (44–37%)

Интеллигентность как совокупность высоких моральных и этических ценностей	Свобода личности Свобода творчества
Прагматизм и рационализм	Эгоизм и эгоцентризм (9,3% против 6% среди мужчин)

Какие ценности в большей мере характерны для мужчин, чем для женщин?

Таблица 7

Распределение социальных ценностей в зависимости от гендерного признака

Базовые ценности мужчин	Ценности, которые для мужской части вузовской экономической интеллигенции важнее, чем для женщин
◆ Предприимчивость ◆ Постоянное совершенствование профессионального уровня ◆ Интеллигентность ◆ Уверенность в своих профессиональных знаниях ◆ Инициативность	◆ Преданность профессии ◆ Ориентация в политической жизни страны и мира ◆ Свобода слова ◆ Свобода совести ◆ Стремление к наживе и обогащению

Особенностью экономической интеллигенции является её приверженность **демократическим ценностям** (свободы личности, творчества, передвижения). Причём, профессионалы-женщины в признании ряда демократических свобод (личности, творчества, передвижения) занимают более последовательные позиции, чем мужчины.

Три нравственные ценности, в равной степени свойственные представителям и мужской и женской части экономической вузовской интеллигенции (от 31 до 25%):

- широкий культурный кругозор;
- свобода передвижения;
- жёсткая ориентация на собственное благополучие

«Жёсткая ориентация на собственное благополучие» в качестве морально-нравственной ценности практически в равной мере признаётся каждым четвёртым и мужчиной и женщиной.

Интеллигенция экономических вузов не испытывает эйфории в оценках последствий перехода России к рыночной экономике.

Фактически каждый третий (от 38 до 35) критически оценивает влияние неподготовленных и скоропелых рыночных преобразований на положение своей семьи, страны и свою личную жизнь. **12%** до сих пор определить себя со своей позицией не могут.

Вместе с тем, по мнению **49,3%** респондентов, переход к рыночной экономике в целом **позитивно** сказался **на положении их семей**. Во всех случаях женщины значительно критичнее мужчин.

Сохраняя все **черты общественной прослойки**, экономическая интеллигенция проявляет **дуализм, т. е. непоследовательные позиции в политической и культурной жизни**. Она, с одной стороны, критикует деятельность и идеологию власти (в деловых кулуарах и дома «брюзжит» по любому поводу. Если верить Максиму Горькому и Антону Чехову, то при всех режимах это любимое занятие интеллигенции). С другой – служит власти, охотно принимает её «дары» и с поклоном благодарит за внимание.

Как показывают результаты социологических исследований, **дуализм интеллигенции** (и конкретно – экономической) отчётливо проявляется в её **отношении к современной культурной жизни** российского общества, к **пониманию культуры**. Исполнительная и законодательная власть, жёстко используя контролируемые, оплачиваемые ею зависимые в иных формах (кроме финансово-денежных средств) массовой информации, и, прежде всего, «всесильное» **ТВ, сознательно морально разлагают** молодёжь и другие слои населения.

Процесс **эрозии нравственности, чести и достоинства** людей (особенно молодёжи и женщин) достиг в обществе **таких масштабов**, что невольно думаешь:

◆ не вымерла ли интеллигенция в стране? Или она находится в длительной коме, в которую её ввели и забыли вывести?

Для таких резких выводов достаточно хотя бы **два дня подряд** смотреть российское телевидение и видеть на его экранах многочисленно гнусные образцы «топ (или научнее – **масс**) – **культуры**».

Предвижу реплику:

◆ но ведь идеология либерализма, которую исповедует значительная часть российской интеллигенции в целом, и экономической интеллигенции в частности, проповедует идейную и духовную терпимость.

Да, это так. Но терпимость имеет свои, **признанные законом и обществом** границы. Терпимость – это не вседозволенность. И в наши дни российская интеллигенция вновь, как и 150 лет назад, поставлена перед необходимостью дать ответы на вечные для неё вопросы:

Александра Герцена «Кто виноват?», Николая Чернышевского «Что делать?», Льва Толстого. «В чём моя вера?» и Николая Добролюбова: «Когда же придёт настоящий день?»

Материал для ответов на эти вопросы даёт российская действительность.

СЮЖЕТ 6: Принципы формирования экономической интеллигенции универсальны.

Чем западный опыт полезен для формирования нашей экономической интеллигенции? По результатам российско-болгарского социологического исследования, позиция каждого третьего преподавателя экономических вузов такова: *«Надо не только перенимать западный опыт, но и сохранять свой национальный»* (33,3%).

Целиком разделяю такое мнение. Российская интеллигенция никак не научится **вовремя и в полной мере** ценить то, чем обладает Отечество – своё, национальное и самобытное. У нас тяга к неким модным моделям, которые Запад навязывает всем – ведь основная цель моды – нивелировать красавицу с дурнушкой.

А между тем, говоря о западном опыте, следует признать, что он не открывает нам «америку» в экономическом образовании (см. табл. 8). Приводимые ниже уроки этого опыта в теоретическом плане давно и хорошо у нас изучены, хотя в их материально-финансовом обеспечении и практическом внедрении мы значительно отстаём от развитых стран.

Таблица 9

Уроки западного опыта в оценках вузовской экономической интеллигенции
(в % к числу опрошенных)

Место в шкале значимости		Что полезно перенять из западного опыта в формировании отечественной экономической интеллигенции
1.	84	Высокий уровень оплаты труда учёного и преподавателя
2.	57	Высокий уровень технического обеспечения учебного процесса
3.	55	Возможность регулярных международных профессиональных контактов
4.	53	Высокий уровень компьютеризации работы учёного
5.	49,3	Высокие требования к организации труда. Повышенное внимание к деловой культуре
6.	46,7	Широкий доступ к современному оборудованию
7.	36	Бесплатность образования
8.	25,3	Целевая подготовка узкого специалиста
9.	22,7	Целевая подготовка специалиста широкого профиля
10.	2,7	Культ карьеры и денег

Изложенные выше **принципы**:

□ высокий уровень оплаты труда и технического обеспечения учебного процесса, развитие регулярных международных профессиональных контактов, компьютеризации индивидуальной работы и передовая организация труда, повышенное внимание к воспитанию деловой культуры, доступ к современному оборудованию.

Отечественный опыт (в том числе и интеграция социологии в процесс подготовки экономической интеллигенции, накопленный в Финансовой академии), дополняет и развивает опыт международный. Так, по результатам нашего исследования, выступают за:

- Сочетание **теоретического и прикладного** (практического) методов обучения (75% опрошенных)
- Развитие **самостоятельного** мышления, **научного кругозора** (59%)
- Развитие навыков самостоятельной **научной работы** (55%)
- **Междисциплинарный подход** к формированию специалиста-экономиста (53%)
- Сохранение государственного (**бесплатного**) образования (52%)
- Знание **родного языка** в сочетании со знанием **иностранного** (37%)
- Сочетание **экономических знаний с социологическим подходом** к социальной реальности (21%)
- Введение новой специальности **«социоэкономист»** (11%)

Таким образом, в жизни и деятельности экономической интеллигенции зарубежный опыт непременно должен использоваться в единстве и с учётом опыта отечественного, в сфере его уроков и потребностей.

Эта точка зрения широко распространена, *например, среди моих коллег – вузовских экономистов*, которые считают, во-первых, что современная российская экономическая интеллигенция **способна стать во главе социально-экономического прогресса**, и, во-вторых, должна нести перед обществом **социальную ответственность**. Я занимаю в этих вопросах иную позицию.

Напомню, что экономическая интеллигенция является неоднородной и стратифицированной прослойкой **без общей программы и идеологии**, без самостоятельных и стабильных политических партий. Она **обслуживает** властные институты и олигархический капитал, который с полным основанием можно считать компрадорским, и **никогда не руководит ни властью, ни крупными капиталистами**. Экономическая интеллигенция не только в России, но **и везде и всегда** (исключений нет и не может быть) по самой **своей социальной сути** остаётся на **вторых, зависимых**, вспомогательных ролях, хотя и входит в так называемую **экономическую элиту**.

Социальную ответственность экономическая интеллигенция также несёт не как единая социальная общность (класс или партия), а как сумма интеллектуалов – индивидов, где каждый отвечает перед

обществом за свой личный труд, за свой личный вклад в производство, в науку, социальную сферу. Именно поэтому мы не слышали единого мощного голоса экономической интеллигенции, осуждающего *беспощадную грабительскую приватизацию* или *ежечасное прославление по каналам телевидения бандитов, мошенников, наркоманов и проституток*. Эгоизм, доходящий до **эгоцентризма**, остаётся **духовным кредо** многих российских экономистов-интеллектуалов.

Не может быть истинного интеллигента без развитого чувства патриотизма, любви, гордости или напротив – боли за своё Отечество. С этой точки зрения нам сегодня хронически не хватает народного патриотизма, и патриотизма интеллигенции (в том числе, экономической), патриотических чувств среди высших управленцев, которые призваны отстаивать национальные российские интересы на мировых рынках, в политике и дипломатии, в экономике.

Все эти вопросы приобретают в современных условиях особую остроту, так как присоединение России к Болонской Конвенции создаёт реальную угрозу полной (или частичной) потери общепризнанных завоеваний отечественной системы высшего образования, включая подготовку профессионалов-экономистов. А национальные интересы России *требуют не только сохранения, но умножения и развития этих завоеваний*.

Сохранить, умножить и развить. ... Трудная **триединая** задача.

Скептики даже говорят: невозможная. Но ответчу скептикам словами учёного гуманиста, отважного норвежского исследователя **Фритъофа Нансена**: **«Трудное – это то, что можно сделать сегодня. Невозможное требует немного больше времени»**. Жизнь в XXI веке на каждом шагу и каждый день подтверждает слова великого норвежца.

Часть 2

Интеллигенция в период кризисов

Вместо введения: **Преемственность взглядов – удел учёного**

Процессы последних двух лет подтвердили обоснованность постановки вопроса о так называемой *сферной стратификации интеллигенции* и о формировании новой социально-профессиональной общности: *экономической интеллигенции*. Вместе с тем обострился вопрос о плюрализме статусных ролей и противоречивости положения интеллигенции в современном обществе. Укрепился критический настрой общественного мнения по отношению к интеллигенции.

Она обвиняется в том, что, «пользуясь своим влиянием, постоянно очерняет страну на международной арене и тем самым ослабляет её», что «предает национальные интересы в угоду личным, корыстным интересам»; в том, что продажна и потворствует пропаганде в обществе извращённых моральных ценностей; в том, что заполонила телевидение низкопробной нехудожественной продукцией; в том, что, составляя большинство в элитах СМИ, культуры и власти, «не пускает в этот круг людей иного социального положения»; а также в том, что демонстрирует презрение к людям из низших слоёв и углубляет социальные и культурные различия в обществе. И это не всё. Всё шире распространяется мнение о том, что интеллигенция беспринципна и служит каждой новой власти, быстро меняя свои взгляды и убеждения. Недовольства много, и оно не беспочвенно.

В этом докладе, используя принцип преемственности, я пролонгирую свои позиции от теоретических посылок прошлого доклада к современной социально-политической практике, в которой интеллигенция занимала, занимает и будет занимать особое место. **Эта «особость»** состоит в том, что меняется сама интеллигенция, её социальная база и социальное лицо, её принципы и стиль жизни, её поведение в кризисных условиях развития общества, когда новые социальные и политические риски испытывают на прочность, на жизнеспособность все классы и слои общества, а интеллигентов особенно. Не изменяя своей традиции анализа, построю его в форме социологических сюжетов.

СЮЖЕТ 1: Снова о сути «интеллигенции»

Чтобы понять и объяснить историческую роль интеллигенции, необходимо вернуться к **содержанию этого понятия**. Да, мы уже знаем, что понятие «интеллигенция» – сугубо российское, родившееся в недрах российской истории, имеющее российскую ментальность в противовес рационализму западной категории «профессионал». И, тем не менее, нам не следует себя идеализировать, полагая, что только российская история и современность пользуются категорией «интеллигенция». Обращусь к зарубежному подходу к категории «интеллигенция».

Наиболее близки нам позиции английских вузовских социологов, считающих, что **«интеллигенция»** (intelligencia) – это **«социальная группа, объединяющая в своем составе художественную, университетскую, медиа-элиту и заметных представителей прочих традиционных гуманитарных специальностей»**.

Очень важно, на мой взгляд, выделить в этой «группе» **её классовое содержание**. И должна заметить, что в этом вопросе английские социологи не столько мои оппоненты, сколько сторонники. Так, к определению интеллигенции, данному выше, они добавляют, что интеллигенция составляет важный компонент **«современного высшего класса»**. А **«отличие интеллигенции от других ее "собратьев" по высшему классу состоит»** в том, что она не получает **регулярно заработную плату, что ей присущ «особый стиль жизни»**, и что она отличается **относительно более радикальным подходом к вопросам политики** (возьмите эту позицию на заметку). Позиция российских социологов следующая:

интеллигенция – (от лат. *intelligens* – понимающий, знающий, умный) – по своему составу социальный слой людей, профессионально занятых умственным (преимущественно высококвалифицированным) трудом. Обязательное институциональное требование – наличие высшего профессионального образования. Чтобы лучше понять интеллигенцию современную, обратимся к истории.

Какова **эволюция интеллигенции как социального слоя, «прослойки»** (по определению прошлого)?

Родословная русской интеллигенции заложена в эпоху Петра Первого. Начатые им реформы нуждались в новом, т. н. *образованном* классе, который и стал первой когортой «*служилой интеллигенции*» (хорошее, кстати, определение. «Служилая интеллигенция» сохраняется и сегодня). До 30-х годов 19 века образованная часть российского общества практически состояла из чиновников и офицеров. Но замечу: интеллигенция всецело оставалась *дворянской*. И это принципиально отличало её от Европы, где образованные круги принадлежали к *буржуазии*.

Назначение своё русская интеллигенция видела во влиянии на власть всеми доступными средствами (публицистика, художественное слово, научное творчество, акции гражданского неповиновения). И всё это с одной благородной **целью: повысить цивилизованность власти, а позже – добиться её либерализации**. И другая социальная роль русской интеллигенции – быть просветителем народа, выразителем его интересов во властных институтах.

Одновременное исполнение двух таких социальных ролей вело интеллигенцию к дистанционированию и от народа, и от государства (но, заметьте, *не от власти*). Со временем это и стало причиной трагедии, которую историк Г.П. Федотов назвал «*отщепенчеством русской интеллигенции*».

В 60-х годах 19 века русская интеллигенция меняет свою социальную базу. Она перестаёт быть дворянской, так как в неё вливается *разночинная*, а в 80-х годах и *земская* интеллигенция. Так появилась новая форма оппозиции интеллигенции – «*уход в народ*» (что описано во многих художественных произведениях и показано в художественных фильмах). На мой взгляд, это был период наиболее самоотверженного и даже жертвенного служения интеллигенции народу.

Позже так называемая «практика малых дел» пополнилась террористическими актами как ответ на реакционность правительства. Шёл неуклонный процесс *политизации российской интеллигенции*. Первый серьёзный раскол в ряды русских интеллигентов внесли революционные события 1905–1907 годов. Октябрьская революция закрепила раскол русской интеллигенции по политическому признаку, взглядам и вере.

В социальной структуре **советского общества** категория «*народная интеллигенция*» рассматривалась как антипод интеллигенции «буржуазной» и как промежуточный слой общества (его «*прослойка*» между двумя ведущими классами: рабочим и крестьянским).

Социальной прослойкой она остаётся и сегодня. Что это значит? Размышляя, я выделила пять аспектов объяснения.

1. Интеллигенция не является самостоятельной политической и общественной силой. Интеллигент как личность либо входит в состав того или иного класса, либо примыкает к нему. Как правило, интеллигенция не имеет частной собственности на средства производства. А те её представители, которые такой собственностью обладают, фактически являются **буржуа**. По западной статистике это около 5–7% всей интеллигенции.

2. Противоречивость положения интеллигенции в буржуазном обществе состоит в том, что, с одной стороны, собственником в полном смысле этого слова она не является, но **участвует в управлении собственностью**, в развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли (реализуя конкретные *должностные статусы* мэра, губернатора, директора, начальника управления и отдела и т. д.). Интеллигенция поэтому всегда тянется к власти, стремится проникнуть в сферу её деятельности. Но вместе с тем нередко занимает критические позиции в отношении властных институтов и государства, их действий.

3. Политика буржуазных партий, в которых интеллигенция играет, как правило, значительную роль, не последовательна, противоречива, легко меняет свои ориентации. И мы не однажды видели это на примере современной интеллигенции. И тогда, когда её представители среди первых жгли партийные билеты КПСС в начале 90-х годов, и когда вдруг из убеждённых в советском прошлом атеистов вдруг становились трогательно верующими, и когда быстро стали пополнять ряды «Единой России»...)

4. Интеллигенция с трудом поддается объединению. Она распылена, разбросана между отдельными классами и социальными силами, эгоистична и капризна. Она присутствует в сфере производства, науки, культуры, экономики – иными словами всюду. Нет такой общественной сферы в нашем обществе, где не были бы представлены люди интеллектуального труда. А именно этот вид труда является главным занятием интеллигенции.

5. Интеллигенция многофункциональна, многопрофессиональна, а по своему духу и ментальности является скорее силой индивидуалистской, чем коллективистской.

Всё о чём я сказала, отчётливо просматривается на примере интеллигенции постсоветской России.

СЮЖЕТ 2: Кризисы в обществе и роль интеллигенции

О каких кризисах идёт речь? Прежде всего, о социально-политических, экономических и духовных.

С экономической точки зрения кризис – это «фаза экономического цикла, характеризующаяся спадом производства и капиталовложений, ростом безработицы, отставанием спроса от потенциального предложения, значительной недогрузкой предприятий». С **социологической** точки зрения кризис – это экстремальная стадия развития конфликта интересов, «война поведений» (как писал Ральф Дарендорф). Интеллигенция – участник всех кризисов. Но политических – особенно, так как их суть заложена в «войне» мировоззрений, идейных ценностей. А это – жизненное пространство интеллигенции.

Обратимся к **конкретным примерам** российской истории последнего 20-летия.

Первый рубеж кризиса. Определим его как **пограничный (советско-постсоветский)** политический кризис. Его основу составляет **буржуазно-демократическая революция 1991–93-х годов** (или контрреволюция, как считают её многие). По сути, этот кризис был подготовлен советской интеллигенцией: прежде всего аппаратной, партийной номенклатурой (кстати, там без высшего образования, да ещё и не с одним), людей не было. Многие имели не только высшее базовое, но и второе высшее образование. В профессиональном плане это был очень высококвалифицированный аппарат.

Особенно активную роль в перерождении перестройки в систему антисоветских преобразований сыграли представители *гуманитарной и творческой интеллигенции*, причём, самых разнообразных сфер, профессий и политических ориентаций. Многие среди этой когорты были работниками партийно-советского аппарата высоких и высших ступеней (включая Политбюро ЦК КПСС, состав Пленума ЦК, Верховные советы СССР и РСФСР), высшие органы законодательной и исполнительной власти. «Пропаганда больших ожиданий», которая велась М. Горбачевым, новым партаппаратом, новыми политическими лидерами и поддерживающей их интеллигенцией породила у населения ожидания скорой и лучшей жизни после развала КПСС и СССР.

Эта антисоветская линия находила поддержку, прежде всего, среди творческой и гуманитарной интеллигенции, определённой части педагогов высшей школы (напомню имена А. Собчака, А. Чубайса, И. Хакамады, С. Шахрая и т. д.). Идеи созидания у этой части интеллигенции быстро переросли в политику разрушений политических, исторических и патриотических принципов и взглядов.

В ходе бурных событий **второй половины 1991 г. и осени 1993 г.** многие видные представители искусства и культуры, презрев исконные для интеллигенции принципы гуманизма и человеколюбия, в открытую выступали за применение насилия против сторонников советской власти. Они же требовали расправы над «красно-коричневыми», одобряли расстрел из арторудий здания правительства РФ («Белого дома») по приказу Б.Н. Ельцина и многое другое. Процесс политизации захлестнул тогда российскую интеллигенцию. Улица стала местом её активного самовыражения и самолюбования.

После принятия новой Конституции представители научной и гуманитарной интеллигенции (Гайдар, Чубайс и другие) играли инициативную роль в формировании новой экономической политики. Назову её «НЭП-2» – политики приватизации, разворовывания достояния созданного народом за 80 лет Советской власти, а параллельно – очернения и дискредитации советской истории, символов, идей, традиций.

Наряду с этим – масштабная *пропаганда завышенных ожиданий*, формирования доверия к власти посредством убеждения населения в том, что и страна-де будет жить прекрасно после 500 дней (программа *Г. Явлинского*), и льготы у советских чиновников отберут (популизм *Э. Памфиловой*), и все желающие бизнесом займутся (авантюрист *К. Боровой* – с его партией *экономической свободы*), и армия-де больше не нужна ввиду «дружбы навек» с Америкой (*И. Рыбкин* – *председатель Госдумы*, *Б. Федоров* – *министр финансов*). И вообще – впереди сплошное процветание.

Это был период, для характеристики которого применима социологическая теория польского социолога Петера Штомпки – «*теория культурной травмы*». Шоковая терапия привела к глубокой культурной травме сознания народа. Это был период, когда от народа требовали почти как в реминисценциях А. Райкина «забыть, чему вас учили» все предыдущие годы, и учиться заново, осваивая только то, что утверждали новые начальники от власти.

В конечном счёте, за короткий период времени созданная за годы советской власти промышленность была на 50% разрушена, разграблена и остановлена. Именно в роли разрушителей экономики СССР (второй по мощности экономики мира) проявили свою активность интеллигенты Т. Гайдар – учёный, администратор – топ менеджер, а в недавнем прошлом – зав. лаб. А. Чубайс и многие другие представители экономической, гуманитарной и творческой интеллигенции. Кстати, все они советской генерации.

Зададимся вопросом: **с какой страты интеллигенции и с какой сферы рабочего класса** начала политический и экономический разгром страны горбачевская перестройка? – С военно-оборонной промышленности (лозунг тех лет: *перекуем самолёты на кастрюли*). Но ведь именно в сфере военно-промышленного комплекса традиционно была сосредоточена элита российской технической интеллигенции, её очень значительная часть.

Вместе с тем, эта страта интеллигенции политически самая отчуждённая, верно служащая интересам государства и национальной безопасности, никогда ранее не участвовавшая в политических протестах. Она же в советские времена была и хорошо материально обеспеченной. Однако за короткое время оборонная промышленность, являвшаяся сферой самого широкого применения современных технологий, была в значительной мере разрушена как и обслуживающие её научные центры и кадры.

Первый политический и промышленный кризис прошли под гипнозом перестройки и при разрушительной позиции гуманитарной интеллигенции (зав. лабы, доценты, кандидаты и доктора наук). Их целью стало уничтожение основы государства – его промышленной базы, то, что сегодня называется «ре-

альным сектором экономики». А лозунгами прикрытия стали «свобода слова, печати и личности», дискредитация армии и пацифизм, конверсия ВПК (военно-промышленного комплекса).

Социальный итог: на улицу были выброшены сотни тысяч представителей технической и военной интеллигенции; разрушен ВПК, дискредитирована армия, социальный престиж которой упал к 1993 году на самую низкую за всю её историю отметку (всего 8% доверяли ей в полной мере в 1994 г. против 85–90% в советское время).

Не могу в связи с этим не вспомнить слова одной удивительной песни, лишь единожды прозвучавшей на радиостанции «Маяка» в начале 90-х годов, но точно отразивших настроения обманутых россиян:

«Эх, Россия, мчится тройка

без вожжей и без вождей.

Злая баба «перестройка подменила лошадей...».

Так можно охарактеризовать первый этап социально-политического и экономического кризиса 90-х годов. Наиболее честолюбивая, властолюбивая и говорливая часть интеллигенции боролась за своё представительство во власти, за право называться «выразителем народных чаяний». Чем не курбет истории?

Реально же расширялась полоса отчуждения между интеллигенцией (в которой народ начал видеть виновников происходящего вокруг развала, обнищания, безработицы и насилия) и «простыми людьми». Как «два берега у одной реки».

Научная, техническая, культурная и творческая интеллигенция раскололась на две части: одна – многочисленная – покинула страну и была охотно принята в западных странах. Выехали за рубеж (настоящая «утечка мозгов»), если учесть, что покинули родину за годы реформ **свыше 2 млн** высококвалифицированных специалистов.

Другая группа – **патриотически настроенных интеллигентов** – за 10 лет пребывания Ельцина у власти либо потеряла работу дома, либо вынуждена была переквалифицироваться на совершенно несвойственные ей профессии. Произошёл «*обвал статусов*» и как результат – депрессия интеллигенции. Особенно культурной и научной. Снизили свой социальный и профессиональный статус за эти годы около 50% специалистов-профессионалов. Новая власть поддерживала прозападно настроенных интеллигентов, которыми фактически руководили (и об этом сегодня открыто говорят сами западные советники периода «ельцинского правления») пером которых были написаны многие законы и правительственные постановления, принятые в ельцинский период.

По сути это была политика подрыва интеллектуального потенциала народа, отбрасывания его в тыл современной России науки и культуры; предательство национальных интересов страны. От последствий этой политики Россия будет освобождаться ещё многие десятилетия.

Наиболее беспринципной, в худшем смысле «рыночно-продажной» оказалась позиция творческой и культурной интеллигенции, особенно ее медиа-страты.

СЮЖЕТ 3: Интеллигенция в период преодоления кризиса

Это **пост-ельцинский этап, начало нового столетия и нового президентства, связанный с преодолением** экономического и социально-политического кризиса. Сегодня этот этап уже называют «путинский». Как изменилось социальное положение интеллигенции к этому времени? Какие процессы характеризуют деформации в этом слое?

Я не сторонница преувеличения роли личности в истории. Но весьма далека от её недооценки. Стратификация интеллигенции произошла по нескольким социальным признакам.

1 – Изменился состав «номенклатурных интеллигентов» в большинстве своем гуманитариев, являющихся окружением президента, главы правительства; работниками высших законодательных и исполнительных органов власти.

2 – Известно, что любая революция по мере своего развития поедает своих кумиров, сторонников и руководителей, группу за группой, фракцию за фракцией. Исключением не является и российская буржуазная революция 90-х годов, недавно ушедшего XX столетия. Она списала на историческую свалку всех наиболее активных сторонников Б. Ельцина, оставив на плаву лишь немногих.

3 – Власть при В. Путине взяла курс на защиту национальных интересов. Интеллигенции вновь требовалось определиться.

Власть взялась за реформирование одной из самых сложных идеологических сфер, обладающей, пожалуй, наиболее долговременными последствиями: **реформу системы высшего образования**. А это – основной «поставщик» национальной интеллигенции. Сомневаюсь в её быстрых положительных результатах. Но факт остаётся фактом: новая интеллигенция, в том числе – экономическая, техническая, научная – готовится в разных формах и с разной степенью успеха. Делаются попытки восстановить статусное и материальное положение научной и технической интеллигенции, резко ухудшившегося в результате длительного недофинансирования науки, бесперспективных и вредных атак на организационные принципы и содержание работы Академии наук России.

4 – *Новым моментом* при президентстве В. Путина стало возвращение разумного государственно-го патернализма в отношении очень большого и влиятельного отряда интеллигенции: *военной*, но не в меньшей мере – *аппаратно-бюрократической*. Я имею в виду государственных чиновников разных ступеней с высшим образованием. Этот бюрократический аппарат никогда не имел такой власти в СССР и такого количества занятых во властных институтах, как в настоящее время (около 5 млн чел. работающих в госаппарате, занятых в государственной службе). Страна стонет от беспредельного произвола чиновничества, его коррупции, взяточничества, эгоизма.

На традиционный вопрос: *«кому на Руси жить хорошо?»* – я бы ответила: буржуа, чиновникам и (ведь такое понятие) «шлягерной» интеллигенции, являющейся суррогатом интеллигенции творческой. Хотя тут же надо задаться встречным вопросом: *а это – интеллигенция?* Мальчики и полу-мальчики, девочки и полу-девочки разной степени оголённости на сцене с микрофоном у рта, «фанерным» обманом, пошлыми до идиотизма текстами и музыкой в 6 строк, но с 10-кратным повтором – короче, продукты фабрик грёз и звёзд.

О каком высшем образовании, о какой творческой элите, и вообще интеллигенции в этом случае можно вести речь? Если обратиться к социальной структуре, то их ниша – служащие со средним и средне-специальным образованием в сфере обслуживания. Прimitивные ремесленники. Позволю себе наделить эпитетами некоторые страты современной интеллигенции.

Самая холуйская и продажная – *творческая* «культурно-шлягерная» интеллигенция, которую за рубежом определяют как медиа-интеллигенцию. Самая коррупционная – *аппаратно-бюрократическая* страта интеллигенции. Наиболее альтруистическая – интеллигенция *гуманитарная* и научная. Интеллигенция эксплуатирующая и коррупционно податливая – *военная*. Работящая и мобильная – *техническая*. Корпоративная и аполитичная – интеллигенция *экономическая* и её *страта* – *финансово-экономическая*, которую на Западе называют «*белыми воротничками*» и «*белыми блузками*» (ввиду увеличения женского представительства).

Что характерно для формирования современной интеллигенции?

1. Стратификация сферная, регионально-поселенческая, имущественная и политическая. Так, городская интеллигенция за последние годы свои позиции укрепила и стала абсолютно преобладающей. Сельская интеллигенция просто разгромлена. Эта часть интеллигенции сегодня сфокусирована на школьной, точнее учительской когорте сельской интеллигенции, которая в значительно большей мере, чем городская, сохранила верность традициям и духовным ценностям.

2. Усилилась классовая стратификация. Значительная часть интеллигенции сегодня идентифицирует себя со средним классом, преимущественно с его средним и низшим уровнями. Высший слой среднего класса также характерен для интеллигенции. Но слой этот тонкий и доминирует в нём медиа-страта. Социальная поляризация, усиленная региональными отличиями, – это самая распространённая, типичная для современной российской интеллигенции стратификационная характеристика.

И третий этап кризиса – *современный период («Путин ушёл, Путин остаётся»)*. Период характеризуется сменой лидеров двух ведущих мировых держав (Россия и США), *зависимостью человечества от масштабного мирового финансово-экономического кризиса*.

СЮЖЕТ 4: Состояние и перспективы российской интеллигенции в современных условиях

Россия, став частью мировой экономики (как оказалось, весьма дорогостоящая цель) на мой взгляд, оказалась не готовой к кризису мирового масштаба и длительной продолжительности. Мы уже платим за кризис значительно больше, чем предполагалось. Затраты к февралю составляли 1 трлн долларов (!).

Правительство оказало, прежде всего, поддержку банковской элите – **элите финансово-экономической интеллигенции** (банкам, крупным фирмам и компаниям) в форме колоссальных государственных вливаний: 3 трлн рублей и даже без жёстких гарантий возврата этих денег. Не перечислить в одном сообщении все те формы поддержки капитала, к которым прибегло российское государство.

Разработанная система мер помощи производству, безработным пока не позволяет судить об их эффективности. В стране в феврале 4,8 млн зарегистрированных безработных вместо 1,5 млн в 2007 г. (*Где в России жить хорошо. Российская газета, 2009, 13 марта*). И это ещё далеко не конечная цифра. На биржи труда обращаются далеко не все. Поэтому цифру социологически надо увеличить минимум на 30%. Волна увольнений продолжает выбрасывать за черту занятости и финансово-банковских менеджеров, и работников производственных предприятий, и сферы товаров и услуг. Об увольнениях к марту – апрелю 2009 г. заявили уже около 1,5 тысяч предприятий различного профиля. Это значит, что станут безработными многие представители **производственной**, технической, экономической интеллигенции.

В **сфере культуры** остановлены съёмки ряда уже запущенных в производство фильмов. Резко сократились продажи билетов в театры и на зрелищные мероприятия. Серьёзно пострадала и такая отрасль как туризм, особенно – иностранный. Многие турфирмы закрылись.

Вместе с тем обнаружили, особенно в последние годы перекосы в подготовке людей интеллектуального труда. Стало слишком много специалистов в сфере права, экономики и менеджмента. Но остро не хватает технических специалистов и инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Подмена в 90-е годы развития производства бесконечными финансовыми спекуляциями на рынке, не требующими ничего кроме ловкости рук и изворотливости ума, привели к тому, что в современной России легче найти эстрадную «звезду», чем квалифицированного инженера – механика.

Что ожидает **гуманитарную интеллигенцию?** – Думаю, что мы с вами как её представители, находимся сейчас в положении «временно отложенного спроса» на рынке образовательных услуг. Что я имею в виду?

Во-первых, положение *гуманитарной обучающей* интеллигенции (в первую очередь, вузовской; в меньшей мере – школьной, учительской) напрямую зависит от социальных и экономических последствий кризиса. Сохранение занятых студентов и преподавателей, оплата труда в системе высшего и поствузовского образования напрямую связаны с количественным набором студентов. Ответ на вопрос о том, в какой мере удастся сохранить объём ныне обучающихся студентов, а значит и профессорско-преподавательский состав, мы получим окончательно в сентябре 2009 г.

До этого срока проблемы возникнут с сохранением контингента так называемых «*коммерческих студентов*». Перед вузами сейчас остро встал вопрос не столько о сохранении качества обучения (с этим вузы справляются сами), сколько резко актуализировался вопрос о **платежеспособности родителей обучающихся** и планирующих поступление в вуз школьных выпускников. Это проблема не только ближайшего сентября, но уже и второго семестра текущего учебного года, так как касается продолжения обучения в вузе когорты студентов «на коммерческих основах». Какую позицию займут в этом вопросе негосударственные вузы? Общих рецептов нет. Каждый вуз определяется по-своему.

В Москве ряд вузов уже уменьшает оплату за обучение. Другие – дают студентам существенную отсрочку, так как взятые кредиты на образование многие родители, потерявшие работу, сейчас погасить не могут. Третьи – «замораживают» стоимость обучения на уровне нынешнего учебного года. Четвертые – увеличивают количество мест для поступающих на бюджетную магистратуру. Иначе говоря, плюрализм вузовских подходов в поиске путей сохранения контингента обучающихся и резервного расширения в новом учебном году.

Ожидает ли вузовскую интеллигенцию сокращение штатов или угроза безработицы? В столицах, вероятно, нет. Крупные вузы, скорее всего, воспользуются уже проверенной в 90-годы сберегательной **моделью кризисного поведения**. Она вариативна: снижение оплаты труда профессорско-преподавательского состава (ППС), перераспределение ставок, перевод ряда преподавателей на неполную оплату, на четверть или полставки; сокращение надбавок – всё для того, чтобы сохранить свой ППС. Коммерческим вузам сложнее, так как зависимость студентов от материального положения их родителей здесь намного выше, а государственных вливаний нет.

Общее для всех вузов осложнение ситуации происходит в связи с переходом на систему 4+2. 2008/2009 уч. год – это исторический рубеж в развитии отечественного высшего образования, так как это – последний год приёма в специалитет всеми российскими вузами с традиционной пятилетней подготовкой специалиста. В сентябре 2009 г. набор будет только в бакалавриат (за исключением вузов трёх специализаций: *технических, медицинских и юридических*).

Убеждена, что мы сегодня даже не отдаём себе отчёта в том, какую «революцию» (а может – контрреволюцию) в отечественной, исторически сложившейся традиционной системе формирования национальной интеллигенции нам предстоит пережить. Очередная «революция сверху». Но её объектом теперь являются не банки и предприятия, заводы и скважины, а сознание всего нового поколения интеллигенции, её качество и способность самовоспроизводства.

Исключением в этой «*обрреволюции*», как отмечено выше, станут вузы технические, медицинские, юридические, которые продолжают готовить специалистов полного цикла, формировать техническую, медицинскую и юридическую когорты интеллигенции с традиционной продолжительностью, но с новыми критериями качества.

Кого будем готовить мы – вузы финансово-экономического, гуманитарного, педагогического профилей? – Некогого «**бакалавра**».

Понимания глубинной сущности этого перехода нет у абсолютного большинства родителей и школьников. Образовательного авторитета и социальной престижности предлагаемая западная форма обучения не имеет. Для работодателей «бакалавр» не ассоциируется с квалифицированным специалистом. Поэтому и спрос работодателей на выпускника бакалавриата на рынке труда и занятости архиминимальный, с сильной скептической окраской.

Зададимся вопросом: **пополнят ли эти студенты в будущем (через 4 года) экономическую и гуманитарную интеллигенцию?** Большой вопрос. Если не лукавить, то надо прямо признать: с дипломом бакалавриата, по сути, будет готовиться обслуживающий персонал для сферы финансово-экономической, гуманитарной деятельности. По сути, это даст пополнение для одной лишь страты интеллигенции, определяемой в социологии как «*полунинтеллигенция*». Её представители связаны с обслуживанием труда интеллигенции более высоких страт (среднего, высшего и элитного уровней). Процесс подготовки квалифицированных кадров педагогов, способных преподавать в высшей школе, стать профессорско-преподавательским составом вуза, вузовской интеллигенцией оттянется на несколько лет.

Туман неясности и сомнений пока в образовательном пространстве очень плотный. Рассеиваться он будет медленно, ибо совпадает с осложнениями, связанными с мировым кризисом, с внутренним сопротивлением немалой части вузовской интеллигенции. Ведь эта образовательная реформа сверху, прописана не вузовской или научной, а аппаратно-бюрократической интеллигенцией, чиновниками гос. службы.

Научная интеллигенция все годы экономических реформ находилась в тяжелейшем положении, которое и в нынешних условиях остаётся значительно хуже, чем, например, в среде *медиа- или финансово-экономической интеллигенции*.

Сегодня численность персонала, занятого исследованиями и разработками, – менее 800 тысяч чел. Численность исследователей всего около 350 тысяч чел. (*Индикаторы науки: 2007*, с. 13). Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками в государственном секторе, составляла до мирового кризиса немногим больше 7000 рублей. Это 84% от уровня средней заработной платы в экономике. (Там же, с. 145). Если в прошлые российские кризисы на помощь учёным приходили зарубежные фонды с их небескорыстными, но выручающими грантами, то сейчас на это рассчитывать не приходится.

Не один год в российской науке отмечается **процесс засорения научной интеллигенции** людьми, получающими высшую научную квалификацию, но на деле ничего общего с наукой не имеющих. На этом фоне **реформирование ВАК** и системы диссертационных советов по присвоению учёных степеней (докторских вместо *кандидатских*), повышение требований к качеству защищаемых диссертаций – приносит свои плоды. Удалось на 15% в год сдержать неоправданный рост числа защит. Снизилась прослойка соискателей учёных степеней, которые не связаны ни с наукой, ни с образованием – т. е. чиновников, представителей бизнеса, граждан с высокими должностями или большими деньгами, но ограниченными интеллектуальными возможностями. (См.: А. Емельяненко. Пора остепениться / *Российская газета*, 2009, 22 января).

Другая негативная тенденция в подготовке научной интеллигенции: написание диссертаций, особенно кандидатских, которые стали рассматриваться как элемент *дополнительного образования*. Иначе говоря, не как научное исследование, а как некая *квалификационная работа* (вроде дипломной или даже курсовой). Эта тенденция особенно характерна для диссертаций **по экономике и юриспруденции**. И знаете, почему сложилась такая ситуация?

Не догадаетесь. *Из-за рекомендаций Центробанка. Обнаружив, что специалисты, пришедшие работать в банковскую систему после увольнения из технической и гуманитарной областей (а таких в начале и к середине 90-х годов было до 65%), ринулись создавать коммерческие банки, Центробанк поставил условие: для получения лицензии на создание банка надо получить второе высшее образование или учёную степень. Техническая интеллигенция сообразительна и мобильна: она хлынула на второе высшее образование и в аспирантуру (экономическую). Чистка рядов научной интеллигенции продолжается.*

Но что бы ни говорили, социальная и личная пристрастность человека с учёной степенью в обществе остаётся высокой. Историческая традиция уважения к людям с учёными званиями у нас сохраняется.

Военная интеллигенция – будет омолаживаться, и весьма существенно ввиду начавшейся военной реформы. В 2,5 раза сократится центральный аппарат Минобороны, а другие органы военного управления – примерно наполовину. Например, реформа уводит с флота, высококвалифицированные военные кадры, обладающие специальным профессиональным образованием. На замену придут кадры на ступень ниже по образовательной подготовке: мичманы и старшины контрактной службы. Расформируются и перепрофилируются три десятка школ для подготовки прапорщиков. На их базе, на ступень ниже начнётся подготовка профессиональных сержантов. Реформируются космические войска, осуществляется «оптимизация» ракетных войск. Масштабные преобразования в Вооружённых силах продлятся до 2012 года. А предусмотренные сокращения 250 тысяч **офицерских** должностей (а это полноценная военная интеллигенция) хотят провести даже досрочно – к концу 2009 г. Жесточайшие сроки, если учесть тяжёлое экономическое положение страны и «выброс» из сферы труда уже 6 миллионов безработных, в значительной части имеющих высшее образование.

Встаёт и вопрос, который многим представляется спорным: а как быть с **церковной интеллигенцией**? Как её квалифицировать? Это страта общей российской интеллигенции? Я, например, убеждённая атеистка, но не могу не признать, что, как правило, церковные иерархи разных ступеней – это образованные люди, умеющие беречь и отстаивать свои взгляды, с которыми, разумеется, можно и не соглашаться. Но это сторонники интеллектуального труда (я лично так представляю их себе, хотя мы и стоим на противоположных мировоззренческих позициях).

По результатам социологического исследования («*Сельская школа и село России в начале XXI века*», проведённого под руководством автора) 65% учителей, родителей сельских учащихся и столько же горожан идентифицируют себя с верующими людьми. И лишь 35% – с атеистами. В обществе протекают сложные процессы де-атеизации населения, и интеллигенция играет в этом существенную роль (в том числе, на уровне руководства РАН). Достаточно обратиться к отдельным, и прямо скажем, далеко не малочисленным статьям видных учёных – представителей не только гуманитарной, но и технической интеллигенции, активно ратующих за введение теологических образовательных курсов в школе и в вузах. Или обратимся к представляющим высшую власть политикам, стоящим со свечками в руках в божьих храмах на всех крупных религиозных праздниках, активно освещаемых нашим телевидением. Вроде бы недавно все они были атеистами. Когда успели столь кардинально изменить свою веру и стать верующими? Так и создаются новые образцы для подражания.

Глубинные метаморфозы произошли в **творческой интеллигенции**. Она первопричина и первая же жертва того глубокого **духовного кризиса**, «культурной травмы», который переживает преобладающая часть населения. Иногда после просмотра передач нашего ТВ (хотя и *делаю это не часто*) хочется одеть звериную шкуру и залезть в пещеру, чтобы находиться на уровне примитива понимания, того, что выдают за искусство.

С экранов телевизоров рекой льются насилие, культ денег и примитив секса, пропагандируются духовная нищета, нравственное разложение и растление молодёжи и детей, порнография. Нас убеждают в законности и обыденности жестокости, садизма, предательства и алчности, обогащения любой ценой.

А в качестве противоядия предлагают, например, **создать комитет общественной нравственности** или что-то подобное. Но при той степени духовного распада, который характерен сейчас для нашего общества, нужны глубинные перемены в социально-экономическом строе, в его идеологии, в воспитании и образовании молодёжи. Декларациями комитета общественной нравственности здесь не обойтись.

СЮЖЕТ 5: Социологические зарисовки позиций интеллигенции в условиях мирового кризиса

Должна заметить, что эмпирических исследований, посвящённых в полной мере изучению именно современной интеллигенции и напрямую отражающих её скрытое и явное отношение к происходящим процессам, позиции и ценности, практически нет. Но имеются эмпирические показатели социальных установок отдельных страт экономической и технической интеллигенции, людей с высшим образованием, занятых умственным трудом в различных сферах деятельности: управленческой, производственно-экономической, технологической, гуманитарной, сельской. И лишь в малой степени затрагивающие интеллигенцию культурно-творческую и масс-медиа. С 2008 г. во всероссийских опросах общественного мнения социологи Левада-центра стали выделять ещё одну социально-профессиональную группу: «независимые предприниматели». Среди них могут быть представители разных образовательных и профессиональных групп, в абсолютном большинстве случаев обладающих высшим образованием.

Поэтому предлагаю обратиться к оценкам общественного мнения респондентов с высшим образованием, занятых умственным трудом в различных сферах профессиональной деятельности.

О чём говорят результаты социологических исследований?

Как оценивает современная интеллигенция сложившуюся в стране ситуацию, и в первую очередь – экономическую?

Таблица 2.1

**Оценка экономической ситуации и материального положения семьи
(в % к числу опрошенных)**

	руководители	специалисты	служащие	независимые предпринимат.	высш. образ.
1–Экономическое положение страны					
В целом хорошее («очень хорошее» + «хорошее»)	23	14	21	23	20
среднее	56	66	61	61	55
В целом плохое («плохое» + «очень плохое»)	16	18	13	8	22
2–Материальное положение семьи					
В целом хорошее («очень хорошее» + «хорошее»)	21	21	20	26	21
среднее	67	67	70	66	63
В целом плохое («плохое» + «очень плохое»)	12	12	10	11	16

* – затруднившиеся ответить составляют от 4 до 2

Источник: Вестник общественного мнения. Левада-центр, 2008. № 6. С. 89.

Важный показатель: **степень адаптации интеллигенции к сложившимся социальным условиям.**

Как свидетельствуют результаты социологических исследований Левада-центра (бывший ВЦИОМ), преобладающее большинство руководителей и специалистов считают **положение страны** (в 55–66% случаев) и **материальное положение своей семьи** (63–70%) в начале 2009 г. средним. Это несколько выше предыдущих лет. Соотношение живущих материально плохо и напротив – «в целом хорошо» составляет почти 2 к 1 в пользу позитивной оценки. Очевидно, что интеллигенция в последние годы (после 2005 г.) стала жить лучше.

Это отражает изменение общеэкономической ситуации в стране. Её состояние большинством представителей интеллигенции (55–66%) оценивается на уровне средней. А среди когорты специалистов сторонников такой оценки больше, чем среди других групп (66%). Больше других оптимистов в оценках экономической ситуации среди руководителей и «независимых предпринимателей»: каждый четвёртый в этих группах считает ситуацию в экономике в целом хорошей (23%).

Причём, если сравнить оценки представителей интеллигенции с другими группами респондентов, не имеющих высшего образования, то следует отметить несколько более критичный подход интеллигенции (людей с высшим образованием) к оценке происходящего в обществе. Для людей этого уровня характерна дихотомическая позиция относительно сложившейся экономической ситуации с преобладанием негативного отношения. Оптимистичные оценки экономической ситуации (в целом как хорошей) высказывает каждый пятый респондент (кроме более критически настроенных специалистов).

Общий оптимистический настрой интеллигенции имеет основания. Если принять во внимание все жизненные обстоятельства и оценивать жизнь только за последний (2008) год, то у значительной группы интеллигенции (особенно в управленческой страте) жизнь, по их признанию, *стала лучше*. Причём, у кого-то *значительно* (эта группа составляет 9%), у кого-то *несколько меньше*, но, тем не менее, *лучше* (38%). Причём, такую оценку дают в равной мере и специалисты, и независимые предприниматели, в меньшей мере – служащие.

Смысл Великой Победы

На фоне приведённых оценок неудивительно, что каждый третий представитель интеллигентской прослойки уверен что *«всё не так плохо и можно жить»*. Ещё больше тех (от 40% среди независимых предпринимателей до 55% среди специалистов), кто считает, что *«жить хоть и трудно, но ещё можно терпеть»*. И лишь от 6 до 11% респондентов находятся в состоянии отчаяния, так как *«терпеть бедственное положение уже не возможно»*.

Да, общество после ельцинских «годин» за 8 лет путинского правления стало оптимистичнее, так как стало более сытым и обеспеченным, стабильнее и предсказуемо. Отсюда и **социально-психологический настрой** абсолютного большинства (76–78%) работников умственного труда спокойный, социально уравновешенный (оценивают своё настроение как «прекрасное, ровное»).

Вместе с тем не следует идеализировать ситуацию: напряжение и тревогу, страх и раздражение испытывают не менее 20% опрошенных, а среди руководителей – 30%. Чувство тревоги и напряжённого ожидания «висит» в атмосфере людей умственного труда. Кризис мирового масштаба, разразившийся на Западе уже в сентябре 2007 г., с тревогой оценивается российской интеллигенцией, понимающей неизбежность социальных закономерностей развития кризисных явлений. Обратимся к результатам опросов общественного мнения.

Таблица 2.2

Можно ли считать нынешнее экономическое положение России кризисом?

(в % к числу опрошенных)

	Всего	независимые предпр.	руководители	специалисты	служащие
Уже да	29	36	39	27	22
Пока нет, но к этому идём	36	16	39	34	44
В целом осознают влияние кризиса	65	52	78	61	66
Положение сложное, но надеюсь, до кризиса не дойдёт	22	33	18	30	22
Никакого кризиса нет и не предвидится	5	5	3	6	5
<i>Затрудняюсь ответить</i>	8	10	-	3	6

Источник: Вестник общественного мнения. Левада–Центр, 2008. № 6. С. 99.

От 22% служащих и до 36% «независимых предпринимателей», 39% руководителей однозначно считают, что *«кризис уже наступил»*. Страта руководителей в общей когорте экономической интеллигенции и независимых предпринимателей обострённее, чем другие страты интеллигенции, ощущают появление мирового финансово-экономического кризиса, ибо самым непосредственным образом связаны с реальным функционированием экономического механизма.

Большинство служащих (44%), а также значительная группа (39–34%) руководителей и специалистов склонны считать, что *пока кризиса нет, но страна к этому идёт*. Таким образом, **большинство представителей – особенно экономической интеллигенции – в целом осознают влияние мирового кризиса** на российскую жизнь и экономику.

Отдельно об ожиданиях интеллигенции.

Экспектации – социальные ожидания, регулирующие социальное поведение, взаимодействия в группах и обществе. Примерно каждый пятый представитель умственного труда в экономической сфере подвержен неким иллюзорным ожиданиям того, что мировой кризис не затронет страну и пройдёт стороной. Хотя эти респонденты и понимают, что «положение сложное», но, тем не менее, желая верить в лучшее, надеются, что до кризиса в России не дойдёт. Иллюзия, как известно, является формой самозащиты. Но она, в случае своего опровержения, способна усилить дезадаптацию личности к новым условиям.

Поэтому компетентность оценок и обоснованность реакций со стороны думающей и анализирующей ситуацию интеллигенции, является залогом более безболезненной адаптации и подготовленности личности к жизни в условиях кризиса. И здесь рационализм, компетентность и прагматизм экономической интеллигенции оказывает в случае с распространяющимся кризисом позитивное влияние на выбор поведенческих моделей в новых социальных условиях жизнедеятельности.

Экспектации относительно действий нынешнего правительства: *может ли нынешнее правительство в ближайшее время добиться изменения положения в стране к лучшему.*

Таблица 2.3

Направленность экспектаций интеллигенции относительно действий правительства

(в % к числу опрошенных)

	Всего	независимые предприниматели	руководители	специалисты	служащие
сможет изменить положение в стране	31	27	30	33	27
может быть сможет, а может и нет	34	58	36	35	36
не сможет	29	12	32	27	30
<i>Затруднились ответить</i>	6	3	3	4	7

Источник: Вестник общественного мнения. Левада–Центр, 2008. № 6. С. 98.

Экспектации большинства (от 58% среди независимых предпринимателей и до 35–36% в остальных стратах экономической интеллигенции) носят неопределённый характер и отражают сомнения, неуверенность в том, удастся ли российскому правительству предпринять меры для улучшения экономической ситуации в стране с учётом расширяющегося мирового финансово-экономического кризиса.

Причём, экспектации руководителей и служащих скорее негативные. Среди специалистов и независимых предпринимателей преобладают позитивные, оптимистические ожидания развития ситуации.

Направленность экспектаций экономической интеллигенции явно меняет свой вектор. В начале осени 2008 г. (как свидетельствуют результаты социологических опросов Левада–Центра), при замере ожиданий возможных изменений в жизни россиян спокойные экспектации были присущи 42–47%, респондентов, выразивших надежду на то, что жить «хуже не станет и будем жить, как живём».

Негативные экспектации были распространены всего лишь среди 10–11% респондентов(!). Это удивительно малая доля. Среди пенсионеров, например, она в два раза больше (22%) (см.: Вестник общественного мнения. Левада–Центр, 2008. № 5. С. 84).

Что касается оценки перспектив изменения к лучшему ситуации в российской экономике, то значительная часть (30% респондентов, а это опрос российского населения) не могут даже определить вектор своих экспектаций и уходят от ответа на вопрос об ожиданиях. Что думают по этому поводу остальные?

Таблица 2.4

Векторы экспектаций россиян и экономической интеллигенции относительно перспектив преодоления мирового кризиса российской экономикой (в % к числу опрошенных)

	Всего	независимые предприниматели	руководители	специалисты	служащие
один-два месяца	2	-	2	2	4
полгода	8	9	14	12	10
один год	15	7	20	16	18
полтора-два года	14	22	20	12	12
более двух лет	26	22	22	28	20

Источник: Вестник общественного мнения. Левада–Центр, 2008. № 6. С. 99.

Эспектации преобладающей группы россиян (26%) и страты специалистов (28%) в общей когорте интеллигенции обращены к периоду «более двух лет». В целом период позитивных ожиданий выхода из кризиса сфокусирован экономической интеллигенцией на **полтора года и более**. Завышенные экспектации быстрого выхода из кризиса на протяжении от двух месяцев до года присутствуют в сознании 25–35% представителей интеллигенции и менее всего – среди независимых предпринимателей (всего 16%).

Ожидания изменения социальных условий и преодоления кризисных явлений неразрывно связаны с **уровнем доверия властным институтам**.

Поэтому ещё один фрагмент: работники умственного труда и отношение к властным институтам.

Сформировался к настоящему времени **дуализм оценок**. Деятельность **Путина** на посту главы правительства одобряет необычайно высокий процент россиян: 86% при 12% придерживающихся противоположной оценки. Деятельность главы государства – президента **Медведева** – одобряют 78% россиян против 17%. Ему доверяют от 88% (среди специалистов) до 90% среди служащих. И даже среди безработных 74%.

Население в целом выражает очень высокий уровень доверия тому, что делается, особенно главой правительства – **Путиным**. Среди специалистов одобряют его деятельность на посту главы правительства – 91% (!) (средняя по массиву – 88%). Это необычайно высокая оценка деятельности руководителя высшего уровня. Такого уровня позитивных оценок деятельности высшей власти ещё ни разу с советского времени не фиксировалось (см. табл. 2.5).

Таблица 2.5

Степень одобрения деятельности президента и главы правительства в оценках общественного мнения россиян, занятых умственным трудом* (в % к числу опрошенных)

	руководители	специалисты	служащие	независимые предприниматели	с высшим образованием занятые в экономике
одобряют деятельность					
♦ Медведева на посту президента	87	82	79	79	86
не одобряют	12	15	18	13	11
♦ Путина на посту главы правительства	96	88	82	89	89
♦ не одобряют	3	12	16	3	10

**Источник:* Вестник общественного мнения. 2008. № 6. С. 98, с. 91.

Деятельность же **правительства в целом** вызывает одобрение большинства (61% одобряющих против 34% не одобряющих) россиян. Среди интеллигенции эти оценки примерно на том же уровне. В конце 2008 г. одобряли деятельность:

Шкала доверия властным институтам выстраивается следующая

«В какой мере заслуживают доверия ... ? ..»
(в % к числу опрошенных)*

Социальные институты «вполне заслуживающие» доверия	среди руководителей	специалистов	...независимых предпринимателей	...служащих
1. Президент	83	82	68	84
2. Правительство	61	57	Органы ГБ 57	Правительст- во – 62
3. Совет Федерации	52	Госбезо- пасность – 43	Правительство – 50	Органы ГБ – 50
4. Армия	51	Армия – 41	Церковь – 50	Церковь – 47
5. Госдума	51	Церковь – 40	Армия – 44	Армия – 47
6. Церковь	48	Областные органы власти – 40		Областные орга- ны власти – 43
7. Госбезопасность	45			Госдума – 41
самый низкий уровень доверия:				
Политические партии	16	15	20	19
профсоюзы	16	15		

* *Источник:* Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 92, с. 86.

Ответы «не вполне заслуживают» и «совсем не заслуживают» в таблице не приводятся.

Среди представителей управленческих и деловых кругов (абсолютное большинство которых имеют профессиональное высшее образование) считают, что «вполне заслуживают» доверия....

♦ **местные органы власти** – 36% независимых предпринимателей, 33% специалистов, 28% руководителей, но 39% служащих. Самая высокая группа поддержки. Самые критичные оценки высказывают рабочие и безработные (26–28% придерживающихся мнения, что эти органы власти доверия «не заслуживают совсем»). Напротив, россияне с высшим и неоконченным высшим образованием высказывают доверие выше других социально-профессиональных и образовательных групп (36% вполне доверяющих).

♦ **...областные органы власти:** «вполне заслуживают доверия» 40–43% специалистов и служащих, 37% независимых предпринимателей, но лишь 32% руководителей. Следует отметить, что самые критичные оценки высказывают независимые предприниматели, руководители и рабочие. Среди них отказывают в доверии (ответ «совсем не заслуживают» доверия) от 25% независимых предпринимателей до 18% рабочих. (Левада–Центр. Вестник общественного мнения. 2008. № 5. Ноябрь. С. 92).

Большие позитивные смещения в группе институтов, «вполне заслуживающих доверия», отмечены относительно армии и церкви. Им «вполне доверяют» по 47% россиян, а среди имеющих высшее образование от 44 до 45%. Это серьёзные социально-психологические смещения в оценках этих институтов, деятельность которых связана с духовным настроем нации, её верой и опорой на армию как военную силу в защите государственных интересов.

О многом говорит степень поддержки курса реформ.

Её высказывают в среднем 57% россиян, но иная картина среди интеллигенции. Сторонниками продолжения реформ, считающих, что их надо продолжать (а не прекращать) являются 69% руководителей и специалистов, а также 77% – независимых предпринимателей. И даже среди домохозяек 75% сторонниц. Многозначительная характеристика.

Сколько противников проводимых реформ? В среднем 24% (каждый четвёртый), но среди работников умственного труда – значительно меньше: 10–14%. Среди служащих больше: 26%. Самая консолидированная группа недовольных – 33–35% – это безработные и пенсионеры. В целом же от 64% специалистов, 68% служащих и до 70–72% руководителей и независимых предпринимателей и даже (как ни показалось мне странным) 65% безработных, считают, что «дела в стране идут в правильном направлении».

На этом фоне относительного благополучия обращают на себя внимание оценки **политической ситуации в России**.

Таблица 2.7

Оценки политической ситуации с позиций работников умственного труда
(в % к числу опрошенных)

Как бы Вы оценили политическую ситуацию?	руководители	специалисты	служащие	независимые предприниматели	всего декабрь 2008
благополучная спокойная	5	8	7	9	5
напряжённая критическая взрывная	48	48	53	29	44
	40	40	31	62	40
	5	2	1	--	5

Источник: Общественное мнение. Ежегодник. Левада–Центр. М.: 2008. С. 19.
Вестник общественного мнения. Левада–Центр, 2008. № 5. С. 90.

Наиболее критичны в оценках политической ситуации в стране «независимые предприниматели», две трети которых оценивают политическую ситуацию в обществе как «напряжённую, критическую и взрывную». Такого же мнения придерживается 40% специалистов и руководителей. Это тяжёлый симптом для власти.

В результате финансово-экономического кризиса к февралю 2009 г. потеряли работу 16–18% работников с высшим образованием. 12% ожидают, что это произойдёт в ближайшие недели, а ещё 17% – высказывают опасения, что могут лишиться работы в ближайшие месяцы. Надеются на лучшее 33% респондентов – работни-

ков умственного труда. 18% констатируют задержки заработной платы, а ещё 15% считают, что «это может случиться в течение ближайших недель». (Вестник общественного мнения. 2008. № 6. С. 95).

Совершенно очевидно, что негативные последствия финансово-экономического кризиса к февралю 2009 г. ощутили на себе и своих семьях не менее 30% работников умственного труда. По официальным данным к этому времени лишились работы, а значит, вынужденно снизили свой социально-профессиональный статус и материальное положение 7,2 млн россиян. Это сильный конфликтогенный потенциал для социального состояния общества. 36% россиян, занятых в сфере интеллектуального труда, считают нынешнее положение России кризисным. И в 43% случаев уверены, что положение к лучшему не изменится раньше, чем через года два (там же, с. 105). В таких условиях уже 13% интеллигенции приходят к выводу, что «забастовка – единственный способ добиться удовлетворения своих требований». Ожидания массовых выступлений недовольства характерны уже для 25% респондентов (это уже приближается к уровню недовольства рабочих).

Выводы

1. Идёт поколенческая смена отечественной интеллигенции. Протекает этот процесс болезненно и потребует ещё пять-семь лет, прежде чем произойдёт замена предвоенной и военной советской интеллигенции новой постперестроечной (рыночной) генерацией. Через восемь-десять лет с орбиты активного действия уйдёт и первое послевоенное поколение советской интеллигенции, обладающее высочайшей профессиональной школой, национальной гордостью и особым уровнем социального опыта, самоотверженности и ответственности. К этому времени должна быть создана преемственная база формирования новой отечественной интеллигенции, которая будет в значительной мере отличаться (и уже сильно отличается) от интеллигенции советской эпохи.

2. Интеллигенция в условиях рыночной экономики в своей преобладающей массе является интеллектуальными наёмными работниками высококвалифицированного труда. До 10% российской интеллигенции перестала быть народной интеллигенцией и принадлежит к классу новой российской буржуазии, так как она оплачивается многократно выше среднего наёмного работника, владеет частной собственностью и участвует в спекулятивных операциях на рынке, в различных международных финансовых сделках и делах. По сути, нынешняя интеллигенция – это **новые «служилые люди»**, подкармливаемые господствующим классом и участвующие в различных его операциях (как внутренних, так и внешних) по овладению собственностью, её использованием как внутри страны, так и за её пределами.

3. В силу новой социальной функции вузы стали особым производителем «товаров» на рынке образовательных услуг, значительная часть которых имеет коммерческую стоимость, зависящую от спроса на образование и предложений образовательных услуг со стороны вузовского сообщества. Стоимость образовательных услуг дифференцируется в зависимости от социальной престижности вузов и конкретной страты потребителей, исходя из уровня доходов.

4. Современная интеллигенция отличается политической и идейной стратификацией. Она разбросана по всем политическим партиям и общественным движениям. Она не имеет своей политической партии, так как разобщена мировоззренчески. Идейные ценности прошлого девальвированы у одной части интеллигенции, но сохраняются среди другой её части. Современная интеллигенция в значительной мере потеряла воспитательное влияние, прежде всего, – на молодёжь, возмущающуюся (как и значительная часть населения) идейной непоследовательностью интеллигентов, их мировоззренческими «перебежками» из одного идейного лагеря в другой.

5. Идейная и политическая стратификация интеллигенции имеет одну особенность: она производится самой властью, но далеко не всегда может быть принята этой властью. Власть то приближает, то отдаляет от себя определённые слои интеллигенции, её конкретных деятелей, делая из них либо новых кумиров, либо беспощадно уничтожая прошлых, олицетворяющих собой и своим творчеством исторические этапы развития государства. Наиболее от власти зависимой является культурная и творческая интеллигенция.

6. По уровню жизни интеллигенция стратифицирована в основном по сферам деятельности. Гуманитарная интеллигенция (особенно вузовская) отличается меньшей стратификацией по уровню доходов, чем экономическая, военная, техническая и тем более медиа-интеллигенция.

7. Кризисы в обществе особенно политические – это и кризисы самой интеллигенции. «Культурная травма» общества отражается на интеллигенции резче, болезненнее, чем на других социальных группах и слоях населения. Финансово-мировой кризис сказывается на интеллигенции сильнее, чем на других стратах. Во-первых, в силу зависимости интеллигенции от её ограниченных возможностей в обществе (она сильно специализирована, разобщена); во-вторых, зависит интеллигенция от власти больше, чем какая либо другая социальная группа или общность. Вместе с тем объединить представителей интеллигенции по определённому признаку (например, идейно-политическому) могут только сильные партии, занимающие ведущее место в обществе.

8. Власть сама зависима от интеллигенции. Именно из её представителей она рекрутирует новые кадры, бюрократический и управленческий аппарат. Из них отбирает тех, кого милует, давая ордена и награды, определяя, таким образом, новые идеалы и кумиры для народа, искусственно выделяя элиту.

9. В результате смены общественной парадигмы развития страны и общества, девальвации социалистических ценностей и вытеснения их рыночно-капиталистическими, происходящими в обществе реформами «сверху», которые не учитывали (и не учитывают) социальные интересы большинства населения, в обществе сформировался глубокий разрыв **народа – власти – интеллигенции**.

10. В целом для современного отечественного рабочего класса и интеллигенции характерна западная тенденция **инкорпорирования**, т. е. процесс включённости новых слоёв интеллигенции и рабочего класса в капитализм, принятие их представителями своего положения в рамках новой социально-политической и экономической системы. Инкорпорация становится результатом усилий со стороны государства по приобщению рабочего класса и определённых слоёв интеллигенции к материальным и идеологическим конструкциям капиталистического общества. Государство – основной инструмент инкорпорирования, который даёт рабочим ощущение защищённости и причастности к системе.

Но состояние инкорпорированности не является раз и навсегда заданным, установленным. Однажды достигнутое согласие может быть в одночасье нарушенным, что доказывают кризисы. Ключевым фактором устойчивости является гарантирование представителям рабочего класса и интеллигенции достаточного материального благосостояния, при котором возможная смена системы чревата ощутимыми потерями.

11. Интеллигенция, оставаясь национальным достоянием общества, её интеллектуальным потенциалом и генерирующей силой, не может заменить или взять на себя функции рабочего класса – движущей силы реального сектора экономики. Однако задача укрепления союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции остаётся актуальной и жизнеспособной для новейшей истории в условиях мировой глобализации.

* * *

Интеллигенции предстоит в XXI веке выполнить возложенную на неё историческую миссию в качественно новых социальных условиях. Потому завершаю представленное читателям исследование словами известного поэта прошлого столетия *Валерия Брюсова*, которые звучат сегодня как наказ всей нашей интеллигенции:

*«Если можешь, иди впереди века,
Если не можешь, иди с веком,
Но никогда не будь позади века».*

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

Раздел четвёртый.
**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ УСЛОВИЙ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ВОЙН В XXI ВЕКЕ**

Э.Г. Кочетов

**ГЕОЭКОНОМИКА, СТРАТЕГИЯ РОССИИ
И ПРЕЗИДЕНТСКОЕ ПОСЛАНИЕ**
(К выходу в свет статьи Президента России Д.А. Медведева
«Россия, вперед!»: свежесть, ясность, убеждённость)

От редакции: 12 сентября 2009 г. известный русский экономист и политолог Э.Г. Кочетов откликнулся на статью Президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!» и высказал ряд предложений по поднимаемым Президентом проблемам (см. www.viperson.ru, 15.09.09.). Сегодня мы публикуем этот отклик и развёрнутую авторскую аргументацию предложений, касающихся проблемы отношения России с внешней сферой, формирования геоэкономической стратегии.

«12.09.09.

Президенту Российской Федерации
Д.А. Медведеву

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Мы внимательно вчитались в текст и контекст Вашей статьи «Россия, вперед!». Мы почувствовали свежесть, ясность и огромную убежденность в постановках стратегических задач, которые нам совместно предстоит решать. Мы откликаемся на Ваши призывы к строительству Новой России, на приглашение к дискуссии о настоящем и будущем нашей страны. В этой связи считаем возможным предложить несколько соображений по наполнению Вашего предстоящего Послания Федеральному собранию. В настоящих заметках мы рассматриваем проблему отношения России с внешней сферой, формирования геоэкономической стратегии на мировой арене.

В Послании, на наш взгляд, следует обратить внимание на следующее:

1. Вялость и инфантильность наших действий на внешней хозяйственной арене. Глобальные игроки ведут негласный, скрытый геоэкономический передел мира. Фактически без России. Причина: наша инерция мышления времен «холодной войны»; подмена геоэкономики геополитическими и псевдопатриотическими изысками с поиском врагов и избыточной милитаризацией сознания. Это обессиливает Россию.

2. Разразившийся финансово-экономический кризис высветил фазовые конфигурации нынешнего этапа геоэкономического передела мира: энергетиче-

ская фаза – технологическая фаза – институциональная фаза – гуманитарная фаза – военно-стратегическая фаза.

Положительные геоэкономические факторы определяют последовательную смену фаз. Отрицательные геоэкономические факторы обуславливают противофазы, обрыв фаз; амплитудное наложение, ведущее к резонансным разрывам фаз.

3. Слабая рефлексия на глобальные вызовы. Предупреждения научного сообщества о начале геоэкономического обустройства мира («Геоэкономический вызов России», 1995 г.) проигнорированы. Та же ситуация с установками государственно-доктринального плана. Так, не получила развития стратегическая установка «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 1996 года о «разработке и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». Фактически выведены «за скобки» установки VIII съезда партии «Единая Россия» о необходимости «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» («План Путина – достойное будущее великой страны», 2007 г.).

Отсутствует идея геоэкономической экспансии (при наличии российских национальных интересов, далеко вынесенных за национальные границы). Не найдена приемлемая для России форма геоэкономических действий (стратегия) и не создана соответствующая институциональная база.

4. В стране отсутствуют геоэкономические институты. Назрела необходимость формирования Геоэкономического комитета; Федеральной геоэкономической академии; Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования. Наиболее приемлемая их форма – частно-государственное партнёрство с инвестициями на выполнение прорывных проблемных исследований по всему исследовательскому циклу. На повестке дня – создание реестра «ударных» российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса, которым государство делегирует реализацию геоэкономических интересов, а также Сил быстрого геоэкономического реагирования (возможно на совместной основе) по защите геоэкономических объектов.

5. Идея модернизации не увязана с геоэкономическими векторами. Геоэкономическая цель – прорыв к мировому доходу в сочетании с оптимальной консолидацией национальных и мировых ресурсов, – очень слабо воспринимается бизнес-сообществом. Геоэкономические ресурсы, имеющиеся в распоряжении России, распылены. Комплекс геоэкономических задач, среди которых приоритетное положение должны занимать высокотехнологичные ядра (ядерная энергетика, аэрокосмическая отрасль, био- и нанотехнологии, инфраструктурная инженерия) не сформирован.

6. Слабо формируются геоэкономические территориально-промышленные сетевые кластеры Большого Урала, Сибири и Дальнего Востока. Идёт постоянное запаздывание в определении и содержательном наполнении геоэкономических векторов (СНГ, Арктический регион, Тихоокеанский ареал «мирового роста»).

И это всё притом, что сформировалась и получила мировое признание российская школа геоэкономики и глобалистики! Нужны геоэкономические инициативы, программы, проекты! и они у нас уже есть. Примером может служить создание Рабочей группы «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» в Госу-

дарственной думе. Нам как воздух нужна геоэкономическая экспансия (в её здоровом понимании!), опережающее движение к новой точке стратегического равновесия мира. И это не наша прихоть, так устроен современный мир и мы хотим (и должны!) играть по его правилам!

7. Необходимо в сжатые сроки принять Геоэкономическую доктрину и стратегию её реализации! Объективно обусловлено формирование тех частей российской геоэкономической доктрины (например, американского, китайского, западноевропейского и др. векторов), которые нейтрализуют экономическую экспансию основных глобальных игроков путём достижения баланса геоэкономических интересов. Здесь основным содержанием должны выступить российские инициативы и проекты инфраструктурного развития важных как для России, так и для её глобальных партнёров элементов геоэкономического ландшафта.

С уважением,

Президент общественной академии наук
геоэкономики и глобалистики, заведующий
Центром стратегических исследований
геоэкономики НИИВС ГУ – ВШЭ, д.э.н.

Э.Г. Кочетов»

НАШИ АРГУМЕНТЫ

12 сентября 2009 г. в письме Президенту России Д.А. Медведеву (см. www.viperson.ru, 15.09.09.) нами были высказаны соображения по поднимаемым Президентом проблемам в его статье «Россия, вперед!» и даны некоторые предложения, касающиеся отношений России с внешней сферой, формирования геоэкономической стратегии. Теперь мы приводим развёрнутую аргументацию этих предложений с надеждой, что они будут услышаны и найдут отражение в предстоящем Послании Президента Федеральному Собранию.

В чём мы видим острую необходимость и что желательно отразить в Послании Президента Федеральному Собранию? Об этом мы поговорим ниже, поговорим прямо, беспристрастно и без обиняков.

Президентское послание – документ высшего государственно-доктринального ранга

Откроем Конституцию Российской Федерации. Читаем статью 80, часть 3 и статью 84-е:

«3. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства; е) обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства».

Таким образом, статус послания предопределён основным законом в качестве высшего акта, предписывая отношение к нему наравне с гимном, гербом, флагом. Именно этот документ выступает как высший государственно-доктри-

нальный, научно-концептуальный и стратегический ориентир в нашей сегодняшней и будущей практической работе. Его положения должны находить отражение в работе органов исполнительной и законодательной власти, а за реализацию предписаний должен быть налажен действенный контроль.

Но, к сожалению, на практике это далеко не всегда так. Предписания есть¹, но нет надлежащего контроля, нет чётких мероприятий по их реализации, нет отчётности за исполнение. И так из года в год. Приведём пример игнорирования предписаний послания Президента, а также других предначертаний высшего уровня.

Стратегическая установка государственно-доктринального плана, обозначенная ещё в 1996 году в «Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» и предписывающая переход на геэкономическую доктрину проигнорирована, положена «под сукно».

Держится под спудом и не получает надлежащего развития «геэкономический вызов» и предписание «научиться эффективно действовать в геэкономическом пространстве», провозглашённые в «Плане Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия» (октябрь, 2007 г.).

Если надлежащим образом не реализуются эти высшие предписания, то, что уж говорить о предупреждении научного сообщества (1995 год) о «Геэкономическом вызове России» и о бесконечных призывах учёных обратить внимание на геэкономический передел мира, на необходимость выработки геэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации!! Так, 10 лет журнал «Безопасность Евразии» из номера в номер объясняет, выдвигает, призывает, предупреждает о запаздывании и вялости России в деле освоения геэкономического пространства и в связи с этим отставанием грозной опасности – оказаться в аутсайдерах геэкономического передела мира! И, в конце концов, объектом геэкономического нападения и силового диктата. И что? Как об стенку горох!!

Поговорим о причинах.

Старое, отжившее, отринутое россиянами ещё 20 лет назад как тяжеленные гири висят на ногах России. И не только на ногах! **Как занозы сидят в мозгах идеологические догмы советского периода! Догмы геополитического пошиба.** Старая властная партийная элита, её комсостав и советский директорский корпус вкупе с советскими латифундистами избежали санации. Они перекрасились под демократические лозунги, оставшись на старых идеологических позициях. Они нигде и везде. Всё произошло тихо и невинно! Переименовать кафедры марксизма-ленинизма в политологические, социологические,

¹ 1. «Остро встает вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». (Из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 1996 год).

2. Среди основных и масштабных вызовов России – вызов геэкономический: «Мы считаем, что перед Россией по-прежнему стоят серьезные вызовы... вызов геэкономический... Россия должна быть готовой к этому, должна научиться эффективно действовать в геэкономическом пространстве» (Политический доклад «План Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия», 2007 год).

3. Считать в качестве ключевой задачи и базового подхода по приоритетным направлениям развития страны в новом столетии: «разработку и принятие новой доктрины развития России в XXI веке и разработку стратегического арсенала ее реализации, исходя из общих тенденций геэкономического развития». (Совет Федерации РФ)

культурологические, дать отсидеться на них бывшим советским «бойцам идеологического фронта», с их патологической ненавистью ко всему «не нашему», с их жадной реванша и «возмездия» миру за свои промахи и неспособность удерживать власть и т. д. и т. п. Многие из них подались (на всякий случай!) в «учёные», теперь они «видные» философы, политологи, социологи, культурологи. А сколько сталинизма в высших академических научных и образовательных кругах!

Ослепить себя геополитикой, не видеть и не осознавать экономических приоритетов мирового развития над политическими; вытащить из советской эпохи (на радость всего постиндустриального техногенного мира!) колониальную структуру экономики, сохранить её в первозданном виде, и, более того, придать ей новые стимулы к развитию; отринуть промышленную инженерию, инновации, инфраструктурную модернизацию; внедриться во все поры государственного управления, пробраться на ключевые позиции в системе внешнеэкономических связей России; забить университетские библиотеки старыми советскими учебниками, дабы готовить себе смену, с надеждой на реванш в будущем; упразднить прагматизм, а взамен – уйти в бездонные поиски «себя», самобытности, идентичности, новой и старой духовности и т. п. – вот далеко не полный перечень нашего «нового» застоя, нашей «новой» опасности, наших истоков неустойчивости, разнобоя в векторах развития. В одночасье сталинисты стали демократами и верующими, подзабыв сколько миллионов невинных они хладнокровно отправили «в мир иной», среди них массу священнослужителей. Теперь они неумело молятся, с трудом придают лицу благостный вид, священники их тихо поправляют и показывают как это нужно делать! (Церковь потеряла чувство дистанции и (заодно!) чувство опасности).

Но вернёмся к нашей проблеме – проблеме выбора магистрального пути развития России, перевода нашей экономики на рельсы модернизации, постановки её на инновационный путь развития, используя огромные возможности мирового геоэкономического пространства.

Здесь исходный момент: очень важно осознать и оценить реально сложившуюся ситуацию. Эта ситуация хорошо описана, сложившаяся пагубная картина проиллюстрирована на цифрах, фактах, тенденциях в монографиях, отчётах, книгах, статьях (См., к примеру: *Сельцовский В.Л.* Экономика-статистические методы анализа внешней торговли. М.: Финансы и статистика, 2004; *Бендинов М.А., Фролов И.Э.* Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. М.: Наука, 2007; *Эрнест Кочетов.* Принципы построения стратегии внешнеэкономического развития Российской Федерации до 2050 года (геоэкономический подход: базовые акценты и основания научно-концептуального и государственно-доктринального плана). Статья первая // Безопасность Евразии, 2008, № 4; Статья вторая // Безопасность Евразии, 2009, № 1 и др.)

Многие известные учёные (И.П. Фаминский, Ю.Ф. Кормнов, Ю.В. Шишков, В.С. Паньков, П.С. Завьялов, И.А. Спиридонов, Л.В. Сабельников, Б.С. Ваганов, Г.М. Тучкин, Д.И. Костюхин, С.И. Долгов, И.А. Кириллов, Ю.В. Пискулов, В.В. Поляков, А.Д. Некипелов, Ю.Ф. Шамрай, В.В. Савастьянов, М.П. Миронов, О.М. Юнь, Б.М. Смитиенко, Н.Н. Иноземцев, Ф.Г. Пископель и др.) в своих рабо-

тах отмечали опасную тенденцию к структурному перекосу и деиндустриализации страны. Однако всё это оставалось «гласом вопиющих в пустыне» – система была не способна к новациям.

И вот мировой кризис, сырьевые экономики попали в первую очередь под его удар, обнажился неконкурентоспособный, неразвитый промышленный сектор, особенно его высокотехнологичное звено. Приходит наглядное подтверждение того, что дальше такую ситуацию терпеть нельзя – **на горизонте чётко обозначились контуры опаснейших вызовов России: геоэкономического и технологического**. В октябре 2007 году на эти вызовы обратили внимание на VIII съезде партии «Единая Россия». В политическом докладе «План Путина – достойное будущее великой страны», было дано предписание: *«Мы считаем, что перед Россией по-прежнему стоят серьезные вызовы... вызов технологический, ... вызов геоэкономический... Россия должна быть готовой к этому, должна научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве»*.

Но у России было время для подготовки! И оно бездарно упущено. Ведь чтобы эффективно оперировать в геоэкономическом пространстве, необходимо принятие срочных, неотложных мер государственно-доктринального плана, перевести систему внешнеэкономических связей на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель, что связано с разработкой и принятием новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации. И такая стратегическая установка была дана ещё в 1996 году в «Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию»: **«Остро встает вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей»**. (Из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 1996 год).

Но она была проигнорирована – никто и пальцем не пошевелил для её разработки и принятия!! Сейчас (через 13 лет!) мы пошли по второму кругу. Впереди новое Послание, и сама жизнь заставляет нас вновь обратить особое внимание на сложившуюся ситуацию и обнажить её корни!

1. Россия. Повестка дня: кардинальный отход от «конъюнктуры сегодняшнего дня» к стратегическому планированию своего развития

Эта тенденция должна просматриваться по широкому кругу сфер как внутреннего, так и внешнего порядка. Последнее особо примечательно. Осознание единства нашего мира, его взаимосвязанности и взаимозависимости предопределяет постановку фундаментального вопроса: как в сжатое по историческим меркам время совершить своего рода «стратегический манёвр», который приведёт к превращению России в одного из глобальных лидеров.

И здесь нельзя допустить стратегической ошибки: важно правильно выбрать 1) стержень и 2) центральный нерв прорыва. Безусловно, ими для России выступают 1) экономика; 2) «разбуженный» к творчеству человек. Россия устала от идеологических шарад, бесплодного витийства. Нужен «железный» прагматизм (маргиналы-сталинисты, жаждущие «железной руки» и ностальгирующие

псевдопатриоты старого «холодного» закала могут не волноваться – речь идёт не о свалке истории) и реальная свобода и ценность творческого начала.

Почему экономика? История учит: тот, кто не умеет или не желает обустроить себя экономически, а в наше глобальное время – геоэкономически, тот обречён на нищету, голод, гибель, будь то страна, империя, цивилизация или отдельный человек.

Почему свободный человек? Та же история учит (наша история, не так далёкая!): забитый, замордованный «труженик» продукцией из-под идеологической палки обрёл страну на тотальную неконкурентоспособность. 70 лет душить свободу и предприимчивость! 70 лет тотального контроля за каждым шагом, за каждой мыслью! 70 лет отгораживаться от мира, жить в осаждённой крепости, вынашивать бредовые идеи «покончить с капитализмом», науськивая на это другие страны, играя на их трудностях и слабости! 70 лет изматывания экономики милитаризмом, держа в мирное время «под ружьём» громадную армию и гигантскую толпу воинствующих опричников от идеологии, философии, культурологии и иже с ними учёных – «международников». В одночасье это никуда уйти не может. Здесь инерция: не так-то просто за какой-то исторический 20-ти летний миг выветрить это невозможно. Но достигнуто главное – окончательно сломлен хребет старого советского бытия! Два десятилетия тяжелейшей борьбы с апологетами ушедшего в небытие, удерживая ситуацию, проходя по лезвию ножа между Сциллой и Харибдой, не скатившись в разборку «всех со всеми» – ни это ли историческая заслуга российского народа и его элиты!

Теперь мы выходим на следующий этап. Открывается новая страница российской истории. Открыл её наш Президент своей статьёй-воззванием «Россия, вперед!». Спокойный взор, смелость, открытость, многогранность и рациональность анализа пройденного и устремлённость в будущее – вот, что закладывается в основание этого документа! И сердцевина его – приоритеты экономики над политикой! Осознание себя действенным игроком на мировом экономическом (хозяйственном) поле, выход на новый уровень конкурентоспособности страны на базе структурных и инновационных преобразований экономики, открытости миру. На этом следует остановиться особо.

2. Конкурентоспособность России должна лежать в плоскости современных геоэкономических (производственно-инвестиционных) моделей развития

Эти модели впитали в себя инновационные начала, их сердцевина – знания и «тонкое знание» и на их основе первоклассные глобальные, региональные и национальные проекты. ***Здесь следует оттенить один принципиальный момент. Выход на передовые позиции всегда и везде обязан инновациям. Инновации есть естественное свойство конкурентоспособности. На них держится конкурентоспособность в условиях рыночных начал. Но всё дело в ресурсах для обеспечения конкурентоспособности. В эпоху глобализации ресурсы интернационализируются и имеют широкий план (ресурсы интеллектуальные, финансовые, трудовые, производственные, сырьевые и энергетические, организационно-управленческие и***

т. д.). На свободном и взаимно согласованном доступе к этим ресурсам в целях национального развития и выстраивается геоэкономическая модель. И вот здесь-то и лежит камень преткновения, здесь водораздел, здесь не изжившая себя советская микояновско-патолычевская «торговая модель» держит нас за горло, здесь истоки нашей колониальной, деформированной экономики – сырьевой, «углеводородной», истоки экономики, поставленной на службу перекошенному внешнеторговому обороту и милитаризму. Как и в советское время, мы остаёмся придатком мировых воспроизводственных циклов, а наши внешнеполитические и внешнеэкономические структуры смирились с ситуацией, несущей России бесперспективное прозябание. Мы судорожно вглядываемся в кривые движения сырьевых цен: опрокинутся они или нет, поменяются транзиты или нет, наберут силу альтернативные источники энергии или нет? Если «да» – экономика пойдёт ко дну! Эта ситуация освящена «большой наукой»: т. н. «международники» сделали и делают всё, прославляя «наши преимущества международного разделения труда». «Такого» разделения!? «Преимущества» выступать в роли «хозяйственного двора» мировых воспроизводственных циклов!? Итог: в разразившемся мировом кризисе мы одни из первых оказались у «разбитого корыта».

Но нет худа без добра – кризис выбил почву из под ног не только наших «международных» научной и образовательной школ, взлелеянных на апологетике советской микояновско-патолычевской модели, но и во весь рост обнажил и прислонил к элите грозный вопрос: как в сжатое время отодвинуть надвигающуюся опасность развала России и ухода с исторической сцены, как в сжатые сроки диверсифицировать экономическую структуру страны?

Выход есть – нужно **обратиться к новому знанию о мире**, в котором мы живём! И в этом кризис преподал нам урок, он встряхнул нас, заставил внимательно оглядеться окрест, холодным и спокойным «оком» оценить ситуацию. «Умная, рациональная политика, государственный прагматизм должны вытеснить из политической сферы все неразумное... Политика становится всё более сложным, я бы сказал, наукоемким делом, – отметил Президент Д.А. Медведев в Ярославле, выступая 14.09.09. на конференции "Современное государство и глобальная безопасность"»¹.

Итак, настало время обратиться к новому знанию о мире – глобалистике и её разделам: геоэкономике, геофинансам, геоинформатике и др. геонаукам. И что же мы видим через призму этих наук?

3. Опорные тенденции глобальных перемен: мир работает в геоэкономическом режиме

3.1. Выход из кризиса сопровождается геоэкономическим «переломом» мира:

– идёт ускоренными темпами геоэкономическая революция², закладка постиндустриального фундамента на новой научной и технологической базе; это сопровождается усиленным поиском новой точки стратегического равновесия: переде-

¹ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7BEC3BBED4-7B3E-4595-AFCD>

² Российская научная общественность обратила на это особое внимание (см.: *Караганов С.А.* «Новая геоэкономическая и геополитическая революция». 02.09.09. <http://www.hse.ru/news/recent/10162577.html>; *Кочетов Э.Г.* Геоэкономический вызов России // *Россия и современный мир*, ИНИОН, ИМЭиПИ, 1995, № 4; его же: *Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства*. М.: БЕК, 1999 и др.)

лом зон влияния (постсоветского пространства); при этом, точка стратегического равновесия лежит не в геополитической, а в геоэкономической плоскости;

– идёт структурная перестройка, мир меняет свой производственный и технологический облик, закладываются новейшие очаги «мирового роста», проявляется новый инфраструктурный ландшафт;

– разворачивается масштабная борьба за ресурсы. Новый технологический и промышленный облик мира диктует необходимость свободного доступа как к уже наличным и включённым в оборот ресурсам, так и задействовать новые. Речь идёт о ресурсах в широком плане и смысле (интеллектуальных, финансовых, производственных, топливно-энергетических и сырьевых, трудовых и т. д.);

– мир отомобилизовал кластерно-сетевые системы и бросил их на освоение мирового геоэкономического пространства.

3.2. Разразившийся финансово-экономический кризис высветил фазовые конфигурации нынешнего этапа геоэкономического передела мира:

ра: энергетическая фаза – технологическая фаза – институциональная фаза – гуманитарная фаза – военно-стратегическая фаза. Вовремя их осмыслить и включиться (вписаться) в их исторический ход – сейчас особо важная задача!

Энергетическая фаза состоит из глобальной инвентаризации источников энергетического сырья и «оптимальных» (т. е. незаполитизированных, а значит дешёвых!) транзитных маршрутов и транспортных сетей их доставки к местам потребления. Центры потребления – нарождающиеся ареалы мирового роста. (Эта ситуация ярко фиксируется на энергетической странице геоэкономического атласа мира). Ближайшая точка устремлений американского, китайского и российского геоэкономических векторов – Прикаспийский газонефтяной регион. Уравновешенность геоэкономических интересов России, Китая, США в этом регионе во многом будет определять уровень стратегического равновесия в мире.

Технологическая фаза – выход на критические технологии, предопределяющие новый промышленно-воспроизводственный и социально-экономический ландшафт (облик) планеты. Здесь мощным рычагом занятия главенствующих позиций в «новом мировом строительстве» выступают новейшие товарные формы: «товар-программы», «товар-объекты», и на их основе – инфраструктурные проекты, основанные на «новом знании» и новейших технологиях.

Институциональная фаза в конфигурации геоэкономического передела мира. Речь идёт о выработке новейших нормативных актов в рамках геоэкономического права, регулирующих поведение наднациональных трансграничных структур («ударных» финансово-промышленных группировок), которым государство делегирует реализацию своих геоэкономических интересов и недопущения перелива здоровой конкуренции в геоэкономические войны. На повестке дня – 1) отход от «международного» мира и формирование новых, глобальных (геоэкономических) институтов и организационно-функциональных структур; 2) поиск противоядия от геоэкономических войн путём «явного» утверждения геоэкономических принципов жизни и равновесия и на базе этих принципов учреждение *геоэкономического трибунала* как новейшего международного института – предтече нового, геоэкономического блока мировых организаций.

Гуманитарная фаза. В её основе – новые начала мировых конституциональных оснований трансгуманизма. Речь идёт о пересмотре философии «Общественного договора» как «подразумеваемого согласия в неявном виде» и заключении не просто нового, а выход на мировое «явное общественное согласие» совершенно нового типа, уровня, формата и масштаба, как «документ» по своему статусу, силе, императивности на порядок выше современных «договоров».

Военно-стратегическая фаза. Здесь два критически важных момента: а) «невроз» суверенизации и милитаризация сделали наш мир «дорогим», неоправданно «затратным», априори неэффективным; б) мир опасен – тень глобального конфликта как отголоска «холодной войны», вкупе с новейшими вызовами и угрозами не могут не вызывать тревогу мирового сообщества. Уйти от геополитизации мира с её милитаристским мышлением, отринуть заидеологизированность мира, преодолеть «психоз» («невроз») суверенизации – вот ключевые установки геоэкономического целеполагания!

Положительные геоэкономические факторы определяют последовательную смену вышеприведённых фаз. Игнорирование геоэкономических факторов, подмена их геополитикой, обуславливают противофазы, обрыв фаз; амплитудное наложение, ведущее к резонансным разрывам фаз.

3.3. Новая платформа мирового равновесия и гармонизации интересов – геоэкономическая.

Разразившийся глобальный экономический кризис подтолкнул основных игроков мировой хозяйственной арены к поиску новейшей мирохозяйственной структуры, новой конфигурации в раскладе мировых экономических сил.

Сама природа кризиса, его охват мира и скоротечность протекания есть мощное свидетельство того, что процесс глобализации особо ярко проявил свою экономическую составляющую. Дал о себе знать центральный «нерв» – **геоэкономический**. Он определяет контур новейшей платформы мирового развития. Его основополагающие черты:

во-первых, ярко проявила себя *экономизация политики* как новейший фундаментальный принцип; в решении любых проблем особую ценность и значимость приобрели инфраструктурные проекты, кредиты, субсидии, инвестиции, цены, льготы и преференции;

во-вторых, в мировом пространстве проявили себя серьёзнейшие подвиги. Современная мировая ситуационная модель, предопределённая целостностью и единством мирового пространства, в методологическом плане включающем в себя три подпространства (геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое), вошла в новейшее состояние – экономизация политики на мировой арене *вылилась в главенство геоэкономического пространства и целеполагания, в примат экономических интересов*;

в-третьих, современный мир срочно *переформатировал понятия «развитие» и «безопасность»*: геоэкономика способна решать проблемы безопасности экономическим путём;

в-четвёртых, мир двинулся к всё более объёмлющей транснационализации; разрозненные национальные экономики и их хозяйствующие субъекты за последние десятилетия обрели новую оргплатформу для сотрудничества под понятием *«общий интерес» в формате «стран-систем»*, подразумевающим совместное формирование и перераспределение *мирового дохода* как цен-

трального атрибута геоэкономики. Идёт процесс консолидации мировых ресурсов в целях национального развития путём выхода на широкомасштабное производственное сотрудничество; во весь голос дали о себе знать новые игроки на мирохозяйственной арене;

в-пятых, зародились экономические границы функционирования новейших игроков, отличные от административно-государственных границ. На геоэкономическом атласе мира в рамках экономических границ оперируют наднациональные кластерно-сетевые системы. Идёт смычка, симбиоз государств и наднациональных кластерно-сетевых систем. В этом случае мы имеем дело с государствами как глобальными предпринимателями;

в-шестых, в мире востребована геоэкономическая доктрина. Её контуры предопределяет геоэкономика как новейшая отрасль гуманитарного знания, как научная и образовательная дисциплина. Геоэкономика:

– даёт возможность выходить победителем в конкурентной борьбе всем участникам мирового экономического процесса;

– фрагментирует пространство с учётом целей и интересов разных сторон, экономических и политических систем. В итоге *каждый находит аргумент, по которому он считает себя не в проигрыше*;

– подготовила площадку для межкультурного диалога, выдвинув на приоритетные позиции *экономические стимулы и мотивации к сближению народов*;

– дала мощный импульс к *трансграничности и в других сферах гуманитарного знания*. Она «разбудила» и подвигла гуманитарную науку на поиск новейших обобщающих концепций формирования мира в социологии, политологии, культурологии, экологии, военной сфере;

– в мире зародились и развиваются две тенденции, *два слоя, два поля стратегической игры*: 1) государства; 2) трансграничные системы (ТНК, консорциумы, промышленные союзы и т. д.) и т. д.;

– ФПГруппировки в форме блуждающих интернационализированных производственных ядер (циклов) и кластерно-сетевых систем во многом определяют экономическую повестку дня в мире. Им государства делегируют реализацию национальных интересов. Они оперируют на геоэкономическом атласе мира. *Стимул – формирование на базе использования высоких геоэкономических технологий и гармоничное перераспределение мирового дохода*;

– в руках ТНК новейшие товарные формы: товары группового ассортимента, товары-предприятия (объекты), товары-программы. При этом съём продукции идёт с «длинных» воспроизводственных цепей на основе консолидации мировых ресурсов. Создаются уникальные условия для формирования и реализации на совместной основе в мировых точках (ареалах) *первоклассных инфраструктурных проектов*.

4. Геоэкономические реалии России

Ну а как в России обстоят дела с учётом реальных мировых тенденций, берёт ли она на вооружение авангардные идеи по освоению геоэкономического пространства? Если кратко ответить – плохо, вяло и безответственно! Почему?

Наши апологеты старой, микояновско-патолитчевской «торговой» модели выстроили своеобразный «геополитический заградотряд» на пути России к новому, равновесному, геоэкономическому взаимодействию с мировым сообществом. Это проявляется в том, что:

- Предупреждения научного сообщества о начале геоэкономического обустройства мира («Геоэкономический вызов России», 1995 г.) проигнорированы.

- Не получила развития (положена «под сукно») стратегическая установка «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 1996 года о «разработке и принятии новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей».

- Фактически выведены «за скобки» установки VIII съезда партии «Единая Россия» о необходимости «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» («План Путина – достойное будущее великой страны», 2007 г.).

- Отсутствует идея геоэкономической экспансии (при наличии российских национальных интересов, далеко вынесенных за национальные границы).

- Не найдена приемлемая для России форма геоэкономических действий (стратегия) и не создана соответствующая институциональная база.

- Идея модернизации не увязана с геоэкономическими векторами.

- Геоэкономическая цель – прорыв к мировому доходу в сочетании с оптимальной консолидацией национальных и мировых ресурсов, – очень слабо воспринимается бизнес-сообществом.

- Комплекс геоэкономических задач, среди которых приоритетное положение должны занимать высокотехнологичные ядра (ядерная энергетика, аэрокосмическая отрасль, био- и нанотехнологии, инфраструктурная инженерия) не сформирован.

- Геоэкономические ресурсы, имеющиеся в распоряжении России, распылены.

- Слабо формируются территориально-промышленные сетевые кластеры Сибири и Дальнего Востока.

- Идёт постоянное запаздывание в определении и содержательном наполнении геоэкономических векторов (СНГ, Арктический регион, Тихоокеанский ареал «мирового роста»).

И это всё притом, что сформировалась и получила мировое признание российская школа геоэкономики и глобалистики! Нужны геоэкономические инициативы, программы, проекты! и они у нас уже есть. Примером может служить создание Рабочей группы «Развитие транспортной системы и геоэкономические интересы России» Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Нам как воздух нужна геоэкономическая экспансия, опережающее движение к новой точке стратегического равновесия мира. И это не наша прихоть, так устроен современный мир и мы хотим (и должны!) играть по его правилам! – необходимо в сжатые сроки принять «Геоэкономическую доктрину России и стратегию её реализации»! Нам нужна последовательная программа действий. Обозначим её общий контур.

5. Программа геоэкономических действий

5.1. Стратегическая мотивация к действию.

В глобальном, тесно взаимоувязанном мире, в условиях разразившегося экономического кризиса, как никогда нужна координация усилий с основными глобальными игроками на мировой арене по выходу из него с наименьшими потерями, без ущемления интересов экономических игроков. Нужна стабильность и атмосфера здоровой конкуренции. Для нашей страны это особо важно. Здесь следует исходить из трёх стратегических мотивов:

– необходимо всеми силами удержать стратегическую паузу и не дать геополитикам «раскачать лодку», с тем, чтобы успеть завершить стратегический манёвр исторического масштаба по превращению России в одного из глобальных лидеров;

– направить усилия на консолидацию мировых ресурсов (их интернационализацию) с целью национального развития, что позволяет на совместной инновационно-инвестиционной основе добиваться прорывов в ключевых экономических направлениях, вести линию по инфраструктурному преобразению национальной экономики. Речь идёт о ресурсах в широком смысле (интеллектуальных, финансовых, производственных, топливно-энергетических и сырьевых, трудовых и т. д.).

– вести активное освоение геоэкономического пространства.

Принципы, которые закладываются в основу стратегии освоения Россией геоэкономического пространства: 1) наряду с внешним вести внутреннее геоэкономическое обустройство. *Эти два плеча должны находиться в равновесии*; 2) в мире оформился общий интерес – участие в формировании и перераспределении мирового дохода. Прорыв к мировому доходу – ключевой для России момент. Российская научная школа геоэкономики и глобалистики даёт нам базовые ориентиры для выстраивания стратегии выхода на мировую арену и эффективного оперирования на ней.

5.2. Россия в геоэкономическом «переделе» мира и её безопасность: чем объяснить «стратегическую вялость» России?

Безудержный геоэкономический передел мира идёт практически без участия России. Ведущие игроки на мировой арене (США, Китай, Индия, Западная Европа) взяли на вооружение геоэкономические доктрины и обустраивают мир под свои геоэкономические интересы.

При этом основные стратегически «заострённые» операторы по геоэкономическому освоению мира – Китай и США.

Национальные геоэкономические интересы России и их защита до сих пор находятся на «задворках» наших приоритетов и стратегических задач, а именно:

1. Внешнеполитический, внешнестратегический, внешнеэкономический дискурс затянулся. Он уже давно вызвал (прояснил) острейшую необходимость перейти к конкретным шагам. Однако они утопают в бесконечном «обмене мнениями», гаснут в вязком срединном слове, при этом *геоэкономика подменяется геополитическими изысками, лозунгами, призывами*. Бизнес-сообщество практически не подключено к этой проблеме. Всё идёт по инфантильному замкнутому кругу.

2. В целом Россия в этом отношении отстаёт – она делает только первые шаги. Идёт выход на кластерно-сетевые системы в энергетике (газо-, нефтепроводы), химия (продуктопроводы), транспорте (ж/д-, авто- и др.), телекоммуникационные и радиорелейные системы и др. У всех у них одна проблема: на их пути невидимая стена – непроницаемость (или по крайней мере «глухая» проницаемость) границ как наследие геополитического «невроза» суверенизации. И здесь серьёзная проба сил – энергетика. «Газпром» вступил первым в схватку с непроницаемостью.

3. Однако по другим направлениям Россия отстаёт в освоении геоэкономического пространства. Китай и США резко опережают её. На фоне отставания России Китай и США близки к формированию двустороннего стратегического альянса. Динамика укрепления этого альянса по всем вышеназванным фазовым блокам геоэкономического передела мира может оставить Россию за геоэкономическим бортом в ситуации «запоздалого гостя». Здесь опасность первого ранга – будучи в стороне от большой геоэкономической игры, *Россия, в конце концов, может стать объектом геоэкономической войны (геоэкономического нападения).*

5.3. Какая основная причина отставания России от доминирующего (геоэкономического!) вектора складывающейся ситуации?

Первая. Процесс экономизации внешней политики обошёл Россию стороной. Мы до сих пор в полной мере *не осознали центральный «нерв» мирового развития – геоэкономический.* Пример рядом – Китай взял на вооружение и в течение 20-ти лет планомерно реализует геоэкономическую доктрину. «...Олимпиада (*ред.* – Пекин, 2008) показала смену мирового лидера по духовному потенциалу и стала стимулом для рывка Китая на "штурм высот" геоэкономики с целью превращения страны в полного глобального лидера («мировую державу первого порядка»)» (08.09.2008, А.П. Девятков. <http://www.nebopolitica.ru/index.php?m=545>).

Вторая. Не прививается геоэкономический взгляд на мировую ситуацию, он подменён геополитическими воззрениями и разборками, истоки которых уходят в отжившие парадигмы середины XX века. Эта ситуация поразила и научную, и образовательную сферы, тем самым консервируя отсталость от передовых мировых тенденций.

Третья. У нас нет государственных геоэкономических институтов. Стратегическая установка государственно-доктринального плана, обозначенная ещё в 1996 году в «Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» и предписывающая переход на геоэкономическую доктрину проигнорирована, положена «под сукно». Та же судьба у «Геоэкономического вызова России» – предупреждения научного сообщества (1995 год). Держится под спудом и не получает надлежащего развития «геоэкономический вызов» и предписание «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве», провозглашённые в «Плане Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия» (октябрь, 2007 г.).

Как вырваться из этой ситуации?

5.4. Наш ответ на вызовы времени – «Геоэкономический ход России» (стратегические предпосылки и условия)

У России имеются все условия и предпосылки, чтобы коренным образом поменять ситуацию: необходимо смело взять на вооружение проект «Геоэконо-

мический ход России» и приступить к его реализации. Обратим внимание на несколько важных моментов:

1. На государственно-доктринальном уровне чётко обозначены геоэкономические стратегические установки (См. *выше*).

2. Россия как неотъемлемая и значительная часть глобального пространства непосредственно причастна к формированию инновационных и прорывных концепций и технологий по преодолению негативных последствий глобального кризиса, выработки нового тренда и вектора мирового развития.

3. Темпы развития, ритм и масштабы изменений до предела сжимают время на принятие решений. Этим предопределяются новая роль, новая ответственность, новая функция глобальных игроков на мировой арене.

Речь идёт об объёмно-пространственном оперировании в глобальном пространстве – геогенезисе; о провозглашении впервые в мировой практике и продвижении геоэкономической глобальной «Повестки дня», ориентированной на обеспечение благополучия и безопасности всех народов мира. В этом плане геоэкономика выводит мир на новые общие цивилизационные и геокультурные ценности.

Здесь три взаимоувязанных стратегических сюжетных линии:

Линия первая. Для России кризисное и посткризисное решение первоочередных задач во многом предопределено эффективным освоением и обустройством геоэкономического пространства на базе кластерно-сетевых подходов: вектор посткризисного развития – выход к мировым ареалам и точкам мирового роста.

Линия вторая. Кризис впервые предъявил острую необходимость России освоить и внедрить (методологически и концептуально) технологии, процедуры и механизмы оперирования масштабным и локальным предотвращением опасности глобальных сдвигов, что способствует устранению временных задержек в реагировании на негативные последствия глобальных перемен (сдвигов).

Линия третья. Эффективное позиционирование России на геоэкономическом пространстве, – а в перспективе доминирование в его ключевых точках, – напрямую связано с поиском равновесного вектора и баланса геостратегических интересов.

Вопрос об участии в механизме формирования и распределения вновь созданной стоимости (условно – мирового дохода), поиск путей, каналов перелива мирового дохода (как всемирного межнационального дохода) в национальные рамки, в пополнение национального бюджета – вот узловый, кардинальный вопрос при рассмотрении вопроса выхода России на освоение геоэкономического пространства, включения во всемирные интернационализованные воспроизводственные процессы (циклы).

5.5. Наши действия или как реально приступить к исправлению ситуации с тем, чтобы наверстать упущенное?

Первое. Необходимо выйти на геоэкономическую доктрину национального развития.

В настоящий момент в России уже созрело геоэкономическое ядро специалистов, готовых взять на себя миссию представить в сжатые сроки на самый высокий директивный уровень стратегического планирования:

- геоэкономическую доктрину России;
- стратегический арсенал реализации геоэкономической доктрины;
- организационно-функциональное оформление геоэкономической стратегии.

«Почва» для этого подготовлена:

- *во-первых*, в России создан фундаментальный научно-концептуальный задел и на его базе сформировалась самостоятельная научная школа геоэкономики и глобалистики;

- *во-вторых*, геоэкономические воззрения прошли обкатку в целом ряде регионов страны;

- *в-третьих*, проведена геоэкономическая обкатка на международном уровне, прежде всего, в рамках Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», постоянно действующего экономического форума «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», Международного конгресса промышленников и предпринимателей (МКПП). Здесь накоплены уникальные наработки по результатам работы этих форумов (на Родосе, в Праге, Модене, Тампере, Лахти, Париже и др.).

- *в-четвёртых*, в рамках нескольких ведущих комитетов Государственной Думы сформирована Рабочая геоэкономическая группа. Тем самым мы имеем уникальный шанс: отталкиваясь от вышеуказанных наработок выйти на сугубо прагматические, реальные геоэкономические шаги.

Для этого в России есть всё необходимое и, прежде всего, фундаментальные разработки российской школы геоэкономики и глобалистики по освоению геоэкономического пространства, наличие ряда транснационализированных структур, уже получивших определённый опыт оперирования на мирохозяйственной арене.

Второе. Необходимо договариваться об уравнивании геоэкономических интересов.

Но в одиночку пробиться к полноправному участию в формировании и справедливом распределении «мирового дохода» России не удастся: в любом случае она столкнётся с другими глобальными игроками.

В этой связи напрашивается стратегический вывод: незамедлительно приступить к «прощупыванию» возможного создания тройственного геоэкономического альянса «Китай, США, Россия» по геоэкономическому освоению мира. В этом плане в качестве переходного звена в укреплении позиций России могут служить частные («локальные») геоэкономические альянсы: «Россия – Индия», «Россия – государства "Старой Европы" (Германия, Франция, Италия)» и др. Симбиоз России с этими государствами уравнивает по своей экономической мощи Россию как полноправного участника освоения геоэкономического мирового пространства в треугольнике Китай – США – Россия.

Третье. Нацеленность на стратегические геоэкономические практики! Приступить к реализации ряда глобальных инициатив!

Россия отстаёт от процесса освоения геоэкономического пространства. Задача – резко наверстать упущенное и выйти с рядом глобальных инициатив, с тем чтобы «вскочить» в уходящий поезд!

Действенный рычаг тому – формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – «Проект-программ».

Проект-программы направлены на реализацию стратегической задачи по эффективному оперированию в геоэкономическом пространстве как ответ России на *технологический и геоэкономический вызовы*.

При формировании глобальной геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики. Это, прежде всего, формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – программ. Уже просматривается целый ряд уникальных геоэкономических инфраструктурных проектов мирового класса. Среди них – первостепенные направления и программы:

- Новое направление интеграционного вектора Содружества Независимых Государств: формирование мощного геоэкономического ареала мирового роста на базе консолидации ресурсов и воспроизводственного сотрудничества¹.
- Формирование «Высокоиндустриального северного широтного геоэкономического пояса как единого интеллектуального пространства»².
- Проект-программа – ЭНЕРГОНЕТ³.
- Проект-программа: «Формирование российских геоэкономических промышленных мегарегионов кластерно-сетевого типа и стратегии их оперирования на мировой арене»⁴.
- Проект «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года». Проект предусматривает реализацию прорывных решений в области интеграции железнодорожного транспорта в глобальную транспортно-логистическую систему на основе достижения комплексности и высоких стандартов качества транспортных услуг; создание инфраструктурной основы для долгосрочного роста экономики России и повышения качества жизни населения, комплексного освоения новых экономических районов страны и доступа к новым источникам природных ресурсов, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

¹ См. подробнее: Эрнест Кочетов. Стратегия экономического развития СНГ до 2020 года: формируется мощный геоэкономический ареал мирового роста на базе консолидации ресурсов и воспроизводственного сотрудничества // Информационно-аналитический портал «VIPERSON» 25.02.2009, www.viperson.ru

² См.: Информационно-аналитический портал «VIPERSON», 16.02.2009, www.viperson.ru

³ Идея ЭНЕРГОНЕТа была впервые озвучена автором на «Круглом столе» (Москва, 16 февраля 2006 года) экспертов НПО по вопросам энергетической безопасности, образования и здравоохранения – приоритетам российского председательства на саммите «Большая Восьмёрка» в июле 2006 года в Санкт-Петербурге. См.: Кочетов Э.Г. Российский энергетический ход в глобальном измерении (основополагающие акценты энергетической безопасности) // Безопасность Евразии. 2006. № 1; его же: ЭНЕРГОНЕТ – глобальный геоэкономический инновационный проект-инициатива (основополагающие акценты энергетической безопасности) (выступление на Международном экономическом форуме «Запад – Восток: интеграция и развитие», г. Модена, Италия, 8–12 июля 2008 г., секция «Энергия и инфраструктура»).

⁴ Моделью для отработки Проект-программы может явиться мегарегион «Большой Урал», где созданы все условия для его трансграничного измерения. «...Уральский Федеральный округ находится практически в центре России, что создает для него множество преимуществ... у округа богатейшие геоэкономические перспективы. И он вполне может стать образцом выстраивания региональной стратегии... Экономический потенциал Уральского округа должен формироваться на основе свободного, не имеющего внутренних границ оборота капитала. Причем капитала не только уральского, но... идущего и из других регионов и стран» – отметил В.В. Путин во вступительном слове на совещании по вопросам социально-экономического развития Уральского Федерального округа, Челябинск, 16 мая 2005 года.

ке; доведение технического и технологического уровня инфраструктуры, подвижного состава, сферы их содержания и ремонта до лучших мировых стандартов; формирование эффективного и многофункционального транспортного кластера и превращение российского железнодорожного транспорта в экспортёра транспортных продуктов, технологий и технических решений и др.

- Проект-программа – ТРАНСНЕТ.

- Российский инновационный проект-программа – «Меридианальная транспортно-коммуникационная система – «Великая Волга». Речь идёт о создании сквозной водно-железнодорожной транспортной системы, выступающей в качестве эффективно функционирующей транспортной системы Север – Юг (Иран – Норвегия).

- Российский инновационный проект-программа – «Индустриальный север и российский промышленный Урал – инфраструктурное обустройство».

Эти проекты приведены в качестве иллюстрации масштаба, уровня и возможных конкретных шагов в реализации российской глобальной стратегии-инициативы «Геоэкономическая модель выхода к мировому доходу».

Четвёртое. Незамедлительно приступить к внутрироссийским геоэкономическим преобразованиям – геоэкономическими процессами необходимо управлять! Не спонтанные всплески активности, а постоянная (ежедневная!) работа в области геоэкономической стратегии!

Первоочередные шаги:

- подготовить «Геоэкономический манифест»;

- **сформировать «Программу геоэкономических действий»**. В «Программе» два блока: а) визуализация ситуации; б) собственно программа действий.

Здесь первоочередные задачи:

1. Формирование российского интеллектуального геоэкономического ядра специалистов – **учреждение Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования (ГНАЦСП)**. Его задача – стратегический мониторинг глобальной (геоэкономической) ситуации на базе широкоформатного использования отлаженных связей с соответствующими структурами (по принадлежности); проигрывание глобальных ситуаций и подготовка в постоянном режиме «опорных» стратегических инициативных предложений по освоению геоэкономического пространства, исходя из меняющейся ситуации.

Речь идёт о принципиально новой структуре – *мозговом центре*. Глобалистика и геоэкономика задаёт ему высокую интеллектуальную планку. Исходя из уровня и масштаба задач, стоящих перед страной здесь не отделаться традиционной информационно-аналитической службой, их сотни, они мастерски «фотографируют» ситуацию, это уровень экспертов. Мозговой же центр это совершенно другой коленкор. Таких Центров в мире немного, но именно они держат талию, именно они постоянно подпитывают руководство новейшим интеллектуальным продуктом и прорывными инициативами, обеспечивающими продвижение к намечаемым целям. Они, как правило, очень компактны, не очень дороги. Там работают специалисты «штучного» класса. Они у нас есть. Нужно принять принципиальное решение по созданию такого Центра, и приступить к кропотливой работе по его комплектованию. Здесь проблем не будет.

В составе «Геоэкономического центра»: представители властных структур, реально принимающие стратегические решения; представители научного концептуального звена; представители российского бизнес-сообщества, обладающие ресурсами и нацеленностью на стратегическое оперирование на мировом геоэкономическом атласе мира; представители внешнеполитических, внешнеэкономических и силовых структур. В целом состав такого «Центра»: 15–20 человек. Организационно-правовой статус Центра – *организация частного типа с возможными элементами частно-государственного партнёрства* (как вариант).

2. На первом этапе работы ГНАЦСП надлежит:

I. Развернуть работу по подготовке проектов **«Государственная геоэкономическая доктрина развития России» и «Геоэкономическая концепция внешней политики и стратегии Российской Федерации»**. При формировании геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики.

II. Разработать и принять **Закон-доктрину об общих принципах поведения в глобальных геоэкономических условиях**, а также другие нормативные акты (в т. ч. дополняющие международные правовые нормы, например, учреждение *геоэкономического трибунала* как противоядия от геоэкономических войн) и регулирующие взаимоотношения участников оперирования на геоэкономическом атласе мира.

III. Назрела острая необходимость создания государственного органа – **Геоэкономического комитета (ГЭК)**,

Основная задача Геоэкономического комитета – координация оперирующих на мировой и отечественной хозяйственной арене отечественных и зарубежных структур, формирование Геоэкономического атласа мира и его мониторинг в постоянном режиме, прогнозирование геоэкономических ситуаций с целью своевременного выхода российских хозяйствующих организаций к ареалам мирового и регионального роста, выработка в координации с МИД и другими структурами геоэкономических векторов на мировой арене, формирование программ и проектов стратегического плана, в том числе инфраструктурных. Сейчас это направление принимает особую важность. Геоэкономическое (программно-сетевое, производственно-инвестиционное) сотрудничество в целях успешного и эффективного решения задач по модернизации российской инфраструктуры требует всемерного развития «структуроформирующих» («инфраструктурных») сделок на базе таких товарных форм как «товар-объект», «товар-программа», способных в сжатые сроки и комплексно (это их основное качество и преимущество!) решать проблему инфраструктурного обустройства на базе строительства объектов «под ключ». Эти сделки несут в себе «материализованные» инновационные прорывы.

IV. Приступить к формированию **реестра российских ударных финансово-промышленных структур (групп) стратегического статуса** как носителей национальных геоэкономических интересов России с обеспечением их защиты со стороны государства.

V. Выйти на новый, **геоэкономический уровень разработок проблем национальной безопасности**, используя научный задел в этой сфере. При этом особый упор сделать на проявлениях новых вызовов и угроз, опасности от-

ставания России в темпах освоения геоэкономического пространства, что чревато перерастанием здоровой конкуренции в геоэкономические войны.

VI. Приступить к созданию **электронной (компьютерной) версии геоэкономического атласа мира**, а также его российской (национальной) части как поля для оперирования в мирохозяйственной системе и принятия стратегических решений. Подготовить техническое задание на создание электронной версии геоэкономического атласа мира и на его основе – создание «геоэкономической ситуационной комнаты» для геоэкономического мониторинга и анализа мировой геоэкономической ситуации;

VII. Приступить к научно-концептуальной проработке новейших **высоких геоэкономических и геофинансовых технологий** оперирования в геоэкономическом пространстве в целях оснащения ими ударных российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса.

VIII. Кадры. В России назрела острая необходимость в подготовке в высших учебных заведениях специалистов в области глобалистики и геоэкономической стратегии. Приступить к формированию высшего профессионального образовательного учреждения – **Федерального геоэкономического университета**.

IX. Шире использовать опыт научного и общественного обсуждения проблем геоэкономики и глобалистики, геоэкономической парадигмы мирового и национального развития. **Сформировать Фонд поддержки исследований глобалистики и геоэкономики**, издание журнала «Геоэкономика и глобалистика», а также научных монографий, учебников, словарей, учебных пособий и т. д.

X. В содружестве с Постоянно действующим Форумом «Запад – Восток: интеграция и развитие» и «Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики» развернуть работу по проведению как в России, так и за рубежом **форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов» по геоэкономической тематике** (их организация, подготовка материалов: развёрнутых докладов, выступлений, проектов решений и резолюций, плана мероприятий по совместной реализации инициатив и т. д.) с привлечением к участию в них представителей Администрации Президента и Правительства России, заинтересованных Комитетов Совета Федерации, Государственной Думы, министерств и ведомств, общественных организаций, бизнеса и научных структур. По итогам проведения этих мероприятий организовать обобщение материалов, подготовку и издание сборников и их рассылку заинтересованным органам исполнительной и законодательной власти.

Уже просматриваются первоочередные (ближайшие) тематические проблемные вопросы для обсуждения, вопросы проясняющие смысл современных мировых трансформаций, роль и место России в новом раскладе мировых геоэкономических сил:

- Геоэкономическая стратегия России и новый инфраструктурный геоэкономический ландшафт: совместные проекты в ареалах мирового экономического роста;
- Посткризисный мир – новые российско-европейские геоэкономические структуры и институты;
- Гуманитарные аспекты посткризисных перемен: грозит ли миру социальный взрыв;
- Геоэкономика и конкурентоспособность России;

- Глобальная безопасность: новая расстановка геоэкономических сил;
- Геоэкономические интеграционные тенденции: от локального к глобальному;
- Банковская система в условиях развития геоэкономики;
- Мирохозяйственная система на пути воспроизводственной интернационализации;
- Валютно-кредитные отношения: выход на новый этап сотрудничества;
- Трансграничные и кластерно-сетевые системы и их роль в формировании и перераспределении мирового дохода;
- Геоэкономический образ России в мировом стратегическом раскладе;
- Глокализация геоэкономического пространства;
- Новый промышленный мировой ландшафт: геоэкономическая картография;
- Трансформационные процессы геоэкономического пространства: Россия и Китай в многополярном мире.

На **важность поиска нового, объясняющего знания** очень образно и метко обратил внимание российский аналитик, публицист и писатель С.Н. Белкин: «...конструктивное объяснение смысла необратимой деформации миропорядка и мироустройства на рубеже 2008–2009 годов занимает сегодня лидирующее место в обеспечении конкурентоспособности каждой страны – сегодня это самый дорогой товар, самый наукоемкий». В нашем случае объясняющее знание включают основные блоки: научно-концептуальную часть, государственно-доктринальный план, круг законодательных инициатив, логистика инновационно-прорывной деятельности.

Назначение этих мер – содействие производительным, интеллектуальным, финансовым сферам России в обеспечении прорыва, объясняющего оптимальные пути и ресурсы выхода России из кризисных перемен без утраты жизнеобеспечения для граждан России и её народов.

Раскрытие тем в докладах и выступлениях базируется на разработанных научно-экспертной группой принципиально новых подходах, фундаментальных основаниях и операционных механизмах объяснения и конструктивного преобразования мировых экономических реалий XXI века, на разработках мировой и отечественной школ геоэкономики и глобалистики.

Подготовка материалов сопровождается использованием (выработкой) новейшего понятийно-категориального аппарата.

XI. Для успешной реализации российской геоэкономической стратегии нужна трибуна. Речь идёт об учреждении журнала международного статуса «Геоэкономика и Глобалистика».

Резюме: 10 геоэкономических акцентов в Послании Президента России

Суммируя вышеизложенное, мы видим острую необходимость и желательность отразить в Послании Президента Федеральному Собранию следующее:

1. Мир работает в жёстком геоэкономическом режиме. Гармония нашего мира есть гармония геоэкономических интересов. Выход на их баланс

через диалог и договорённости – залог снятия многих противоречий, продвижение к равносному миру! Этому основа – фундаментальные начала «Диалогистики».

2. Сконцентрировать внимание на основных глобальных игроках. Уже можно сказать, в каком конкретном направлении пойдёт посткризисный ход мировой истории – он в руках трёх мировых геоэкономических игроков: США, Китая и России. Именно они определяют нарождающийся облик мира. Его ядро – *новая, геоэкономическая воспроизводственная модель*. Она во многом определяет новый облик мировых финансов, а не наоборот! И здесь проблема – Россия запаздывает в её формировании!

3. Вялость и инфантильность наших действий на внешней хозяйственной арене, в то время как глобальные игроки ведут негласный, скрытый геоэкономический передел мира. Фактически без России. Причина: наша инерция мышления времён «холодной войны»; подмена геоэкономики геополитическими и псевдопатриотическими изысками с поиском врагов и избыточной милитаризацией сознания. Это обессиливает Россию.

4. Задействовать все фазы геоэкономической трансформации мира, в их логической последовательности и взаимообусловленности. Разразившийся финансово-экономический кризис высветил фазовые конфигурации нынешнего этапа геоэкономического передела мира: энергетическая фаза – технологическая фаза – институциональная фаза – гуманитарная фаза – военно-стратегическая фаза.

Положительные геоэкономические факторы определяют последовательную смену фаз. Игнорирование геоэкономических факторов, подмена их геополитикой, обуславливают противофазы, обрыв фаз; амплитудное наложение, ведущее к резонансным разрывам фаз.

5. Слабая рефлексия на глобальные вызовы. Предупреждения научно-общественности о начале геоэкономического обустройства мира («Геоэкономический вызов России», 1995 г.) проигнорированы. Та же ситуация с установками государственно-доктринального плана. Так, не получила развития стратегическая установка «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 1996 года о «разработке и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». Фактически выведены «за скобки» установки VIII съезда партии «Единая Россия» о необходимости «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» («План Путина – достойное будущее великой страны», 2007 г.).

Отсутствует идея геоэкономической экспансии (при наличии российских национальных интересов, далеко вынесенных за национальные границы). Не найдена приемлемая для России форма геоэкономических действий (стратегия) и не создана соответствующая институциональная база.

6. В стране отсутствуют геоэкономические институты. Назрела необходимость формирования Геоэкономического комитета; Федеральной геоэкономической академии; Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования. Наиболее приемлемая их форма – частно-государственное партнёрство с инвестициями на выполнение прорывных проблемных исследований по всему исследовательскому циклу. На повестке дня – создание

реестра «ударных» российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса, которым государство делегирует реализацию геоэкономических интересов, а также Сил быстрого геоэкономического реагирования (возможно на совместной основе) по защите геоэкономических объектов. Пересмотреть функции, структуру, состав заграничного аппарата – он не нацелен на реализацию геоэкономических интересов.

7. Идея модернизации не увязана с геоэкономическими векторами. Геоэкономическая цель – прорыв к мировому доходу в сочетании с оптимальной консолидацией национальных и мировых ресурсов, – очень слабо воспринимается бизнес-сообществом. Геоэкономические ресурсы, имеющиеся в распоряжении России, распылены. Комплекс геоэкономических задач, среди которых приоритетное положение должны занимать высокотехнологичные ядра (ядерная энергетика, аэрокосмическая отрасль, био- и нанотехнологии, инфраструктурная инженерия) не сформирован.

8. Слабо формируются геоэкономические территориально-промышленные сетевые кластеры Большого Урала, Сибири и Дальнего Востока. Идёт постоянное запаздывание в определении и содержательном наполнении геоэкономических векторов (СНГ, Арктический регион, Тихоокеанский ареал «мирового роста»).

И это всё притом, что сформировалась и получила мировое признание российская школа геоэкономики и глобалистики! Нужны геоэкономические инициативы, программы, проекты! и они у нас уже есть. Примером может служить создание Рабочей группы «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» в Государственной думе. Нам как воздух нужна геоэкономическая экспансия (в её здоровом понимании!), опережающее движение к новой точке стратегического равновесия мира. И это не наша прихоть, так устроен современный мир, и мы хотим (и должны!) играть по его правилам!

9. Необходимо в сжатые сроки принять Геоэкономическую доктрину и стратегию её реализации! Объективно обусловлено формирование тех частей российской геоэкономической доктрины (например, американского, китайского, западноевропейского и др. векторов), которые нейтрализуют экономическую экспансию основных глобальных игроков путём достижения баланса геоэкономических интересов. Здесь основным содержанием должны выступить российские инициативы и проекты инфраструктурного развития **важных как для России, так и для её глобальных партнёров элементов геоэкономического ландшафта.**

10. России необходимо всемерно активизировать процесс освоения геоэкономического пространства, придать значимый импульс по выходу на широкоформатное оперирование на геоэкономическом атласе мира как ответ на современные вызовы глобализации, налаживание диалога с нынешними и потенциальными партнёрами на выгодных для России геоэкономических условиях. Это – наши центральные стратегические задачи. Именно они формируют сегодняшнюю стратегическую «Повестку дня». Мы уверены в том, что решение острых международных проблем на путях геоэкономического диалога по совмест-

ному поиску баланса интересов придаст динамику интеграционному процессу «Запад – Восток» и выведет деловые отношения на новый уровень.

* * *

ГИРИ РОССИИ.

За окном XXI век, век геоэкономический. Россия – дома, плохо ходит, мешают гири, гири прошлого – геополитические. Слово за Президентом, ждем Послание!

Ну, кто сказал, что наступил XXI век! Геополитики, например, всё ещё живут в веке XX и чувствуют себя неплохо. Не так-то просто перебираться из века в век! Можно и не знать, что на дворе XXI век – век геоэкономики. Можно сидеть дома в обнимку с глобусом, обременённым прошлым, – гирями из тяжёлого сплава идеологии и геополитики.

Но это до поры, до времени. Жизнь берёт своё! Новый мир – глобальный, геоэкономический, – стучится в окна, свежий ветер перемен не оставляет надежд – надо выходить наружу! Сейчас Россия переживает этот решительный момент. Момент истины после кризиса! Все основные игроки уже вышли на мировую арену – геоэкономический атлас мира, – осмотрелись и, не мешкая, приступили к делу, к посткризисному обустройству мира на новых базовых принципах и началах, к штурму геоэкономического пространства. И здесь России не пристало засиживаться! Нужно поспешать! И президент России Дмитрий Медведев бросил клич «Россия, вперед!». Призыв услышан. Тысячи откликов! Среди них и наш скромный отклик от 12 сентября 2009 г. – отклик российской школы геоэкономики, общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, центра стратегических исследований геоэкономики. Мы обратились к Президенту России с рядом предложений касающихся проблемы отношения России с внешней сферой, формирования геоэкономической стратегии. Впереди Послание Президента Федеральному Собранию. Исторический шанс для страны, мира, каждого из нас. Шанс услышать поворот к реальному геоэкономическому миру, шанс, наконец-то, освободить Россию от зашоренности прошлого: **Россия плохо «ходит», мешают гири, гири «холодного» прошлого – геополитические. Слово за Президентом, ждём Послание! Готовы к реализации геоэкономической доктрины России, её национальных интересов!!**

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

А.А. Возьмитель

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье на материалах репрезентативных социологических исследований анализируются реально складывающиеся в современном российском обществе многоплановые взаимоотношения власти и народа как на уровне государственной власти в целом, так и в связи с деятельностью властных структур разного уровня.

Ключевые слова: власть, политика, народ, демократия, государство.

В своей статье «Россия, вперед!» Президент Российской Федерации Д. Медведев проанализировал и сформулировал основные проблемы, стоящие перед нашей страной: «неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ» [1]. Это действительно «очень большие проблемы, даже для такого государства, как Россия» [1].

Я бы уточнил, именно для сегодняшнего российского государства, поскольку комплекс названных проблем возник в его новейшей истории и во многом является следствием того, что, говоря опять же словами Президента, «государство в силу каких-то своих причин не справляется со своими функциями, не справляется со своими обязанностями» [2].

Ведь главенство политики над экономикой, социальной и даже духовной сферой – давняя особенность российского общества. Нынешний этап его развития не составляет исключения. Ни для кого не секрет, что не столько экономические, сколь политические соображения дали толчок рыночным реформам, а также обусловили конкретное их содержание.

Отсюда вполне можно предположить, что главным фактором, определяющим все основные процессы в нашем обществе и государстве является характер политической власти.

* * *

Сегодня опять очень много говорят о демократии, нередко выхолащивая словоблудием её аутентичное содержание: суверенность народа, верховенство его власти. Очень модным стало сведение демократии к «процедуре». Причём, всё более редкой, регулируемой и формальной. В этом русле – фактическая ликвидация традиционной для России прямой демократии (даже конституционного права на проведение референдумов); лишение относительного большинства избирателей (около 40%) высказывать на выборах своё подлинное мнение об этой «процедуре» и политической системе в целом («против всех»); стимуляция политической пассивности (снижение порога явки избирателей на выборы) и т. п.

Все эти последовательные меры свидетельствуют об углубляющемся реальном нежелании власти вести серьёзный, а не только пропагандистски пред-

выборный диалог с простыми гражданами. По всей видимости, в силу реализации этой властью интересов далёких от нужд и чаяний народа. Наглядный тому пример – недавняя крупная поддержка правительством «социально близкой» группы богатейших людей страны, направивших выделенные за наш с вами счёт, читатель, сотни миллиардов долларов не на подъём российской экономики, как об этом было официально заявлено, а на личное сверхобогащение с помощью валютных спекуляций, обрушивших курс рубля и уровень жизни простых людей. Тут невольно вспоминаются слова весьма достойного и умного человека, Председателя Совета Федерации Е. Строева: «Идет открытая криминализация общества. Не на уровне простого человека, а на уровне власти. Посмотрите на руководителей, которые сменились за последние годы. Все они ушли богатыми людьми, хорошо набившими карманы за счет государства. И никого из них не посадили. Естественно, возникает вопрос, почему?» [3]. И хотя этот вопрос был задан двенадцать лет тому назад, он, увы, актуален и сегодня.

Противопоставление «мы» и «они», если оно поднимается на социальный уровень – одно из фундаментальных, не раз приводившее российское общество к социальным катаклизмам. Да и не только наше. Универсальный закон человеческого бытия гласит: «всякое царство, разделившееся само в себе пустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12.25).

К сожалению, судя по разным исследованиям, разделённость, раздробленность, недоверие, острые противоречия – сущностные характеристики российского бытия в начале XXI века [4].

Однако есть и другая точка зрения, утверждающая, что нынешняя российская власть достигла высокого уровня доверия в обществе и элитах благодаря усилиям в развитии экономики [5].

Что же происходит на самом деле во взаимоотношениях власти и народа?

Обратимся для этого к данным, полученным в ходе репрезентативных (для страны в целом) исследований. Результаты Всероссийского исследования образа жизни, проведённого Российским Государственным социальным университетом в 2008 году (опрошено 2017 человек)¹, представленные в рисунках 1 и 2, наглядно свидетельствуют о достаточно однозначной оценке населением страны российской власти в целом как выразителя и защитника интересов главным образом богатых людей, начальства и бизнеса, деловые интересы которых не только пересекаются, но нередко спаяны взаимовыгодным коррупционным сотрудничеством.

Иначе говоря, современное российское государство предстаёт в глазах общественного мнения как инструмент классового господства крупной буржуазии и тесно связанного с ней слоя государственной бюрократии. Особенно отчётливо это проявляется в оценках пожилых и старших возрастных групп, ³/₄ которых полагают, что современное российское государство является защитником и выразителем интересов исключительно богатых людей, а ⁴/₅ – начальства и крупного бизнеса.

¹ Исследование проведено в рамках реализации проекта «Социальные изменения в современной России: методология измерения и социальные практики». Научный консультант проекта – академик В.И. Жуков. Руководители проекта – доктор социологических наук, профессор Г.И. Осадчая и доктор социологических наук А.А. Возьмитель. Программа и методика исследования разработана А.А. Возьмителем при участии Г.И. Осадчей.

Рисунок 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чьи интересы выражает и защищает в первую очередь сегодняшнее российское государство?»
(в % от числа ответивших)

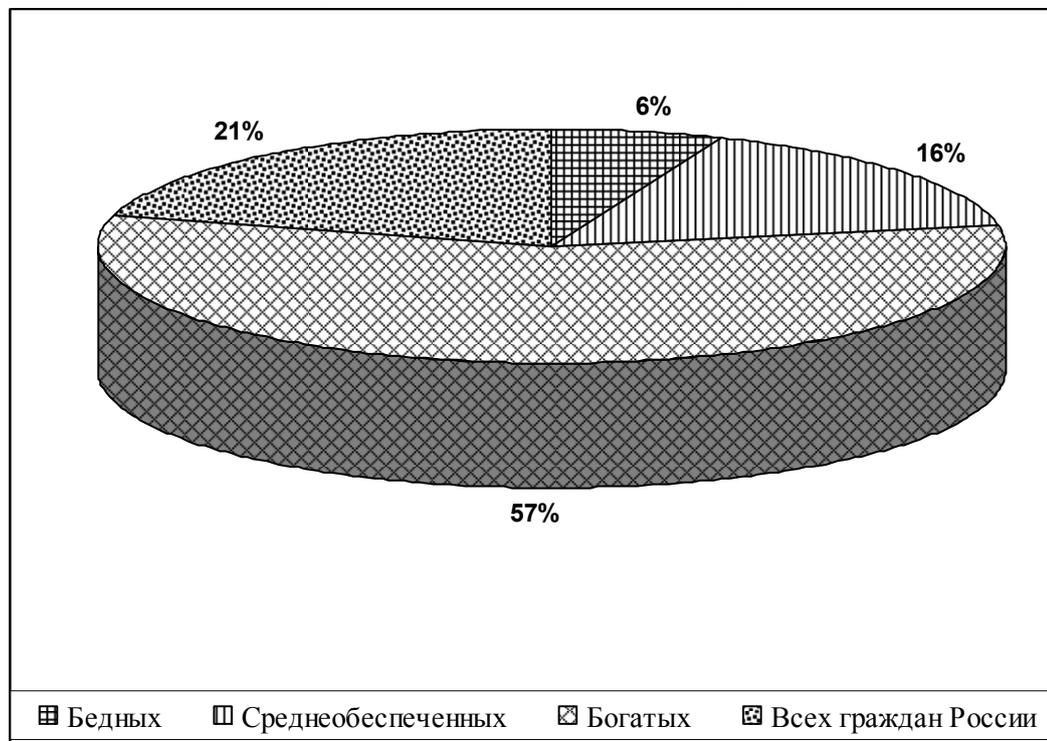
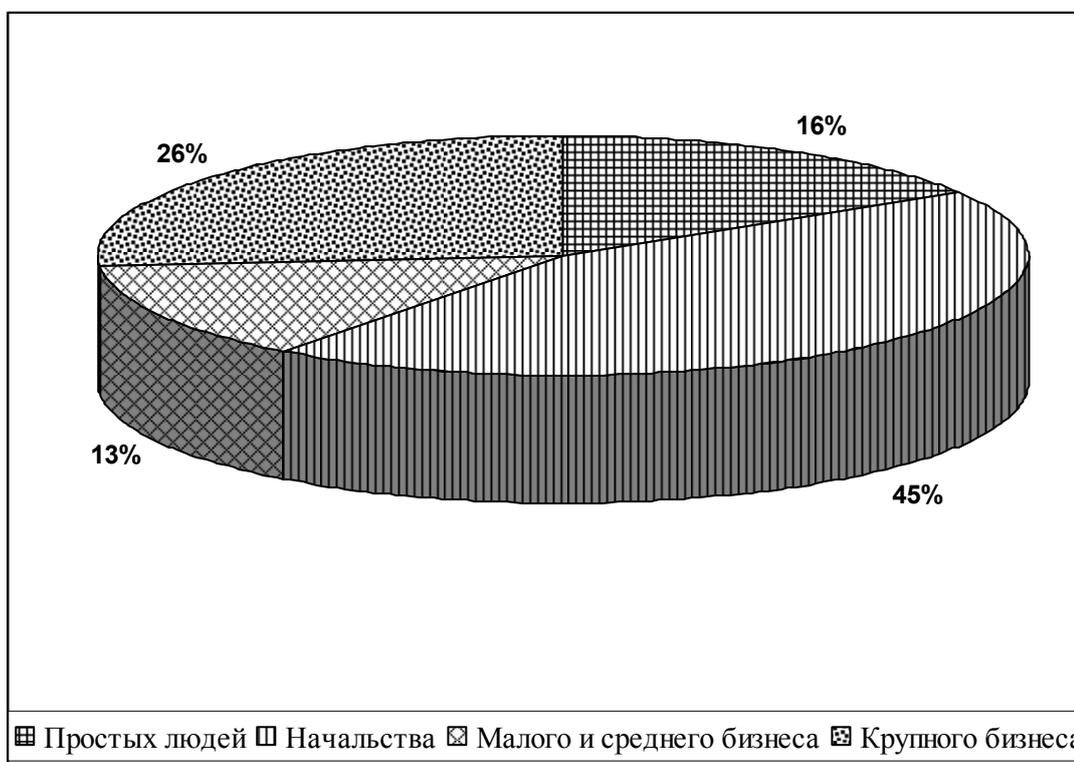

Рисунок 2

Российское государство как социально ориентированное воспринимают около 16% опрошенных, а как демократическое – около 20%. Причём так его оценивают в основном молодые люди до 30 лет (70–80% состава соответствующих групп опрошенных).

Эту ситуацию, без изменения которой никакая реальная модернизация страны невозможна, в значительной мере сглаживает духовная власть в лице Русской Православной Церкви. Именно она, по мнению большинства опрошенных (51%), прежде всего, выражает интересы всех граждан России, а также интересы бедных (27%) и простых людей (80%). Полагают, что церковь является защитником интересов богатеев, начальства и бизнеса не более 20% опрошенных. Это справедливая оценка народом многообразной деятельности РПЦ по реализации модели взаимоотношений личности и общества, построенных на принципах уважения, достоинства и ответственности человека перед Богом и людьми; защите свободы, неотчуждаемого права людей развиваться в рамках собственного культурно-религиозного контекста; возрождению в обществе и государстве духовно-нравственных начал, вне которых ни культура, ни цивилизация просто не существуют.

Тем не менее, роль церкви в контексте нашего анализа не следует преувеличивать. Она лишь компенсирует, но не корректирует деятельность властных структур.

Но откуда же тогда неизменно высокие рейтинги Президента и Премьера при в общем-то однозначной оценке гражданами российской власти в целом?

* * *

Патернализм, являющийся и сегодня характерной чертой массового сознания россиян, сильный криминальный окрас экономических отношений, распад системы правовой и моральной регуляции, нарастающее отчуждение людей друг от друга, массовое одиночество в безразличной и безликой толпе, чувства нереализованности, бессилия и незащитности, – привели широкие слои к психологическому неблагополучию, резко усиливающемуся реальным социальным неблагополучием.

Всё это способствует формированию амбивалентного отношения к власти: от неприятия до восприятия в качестве единственно возможного защитника и спасителя, поскольку у основной части населения собственных ресурсов явно недостаточно для улучшения своей жизненной ситуации, не говоря уже о социальной ситуации в целом.

Отсюда наиболее типичные состояния массового сознания в связи с деятельностью властей: разочарование и надежда, отчуждение и умиление при проявлениях «отеческой заботы». И даже – восторг, с каким многие люди встретили появление на высшем посту в государстве человека явно сильного, цельного и последовательного, исполненного решимости «навести порядок» в простигнутом беспределе 90-х, предпринимающего реальные шаги в избранном направлении.

Неудивительно, что рейтинг второго Президента России, проводившего внятную, понятную широким массам политику, – неуклонно рос. Эта тенденция в целом сохранилась в отношении тандема В. Путин – Д. Медведев в силу их согласованных, синхронных действий на Кавказе, «по принуждению агрессора к миру», и во время последних избирательных компаний (президентской и дум-

ской). Лишь в самое последнее, весьма сложное, кризисное время фиксируется небольшое снижение «доверия» к президенту и главе правительства.

Но откуда же тогда массовое отчуждение от российской государственной власти в целом? Ответ на этот вопрос мы получим, если проанализируем деятельность основных властных структур с точки зрения её одобрения или неодобрения российским народом (мониторинги РГСУ 2007–2008 гг.). Для этого мы используем показатель уровня легитимности названных структур в массовом сознании, представляющий собой разницу между их одобрением (+) и неодобрением (–), исчисляемую в процентах с соответствующим знаком (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень легитимности властных структур в массовом сознании
 (в % к числу опрошенных)

	2007	2008
Президент России	+64	+60,3
Церковь	+38	+37,1
Председатель правительства	+17	+53,7
Губернатор области, края	+11	+17,6
Федеральная служба безопасности	+6	+11,6
Представитель Президента в федеральном округе	+–(=)	+3,3
Правительство России	–1,4	+17,8
Главы местной администрации	–3	+–(=)
Средства массовой коммуникации	–4	–1,2
Российская армия	–6	+12,1
Общественная палата	–7,6	–1,4
Счётная палата	–8,0	–4,0
Совет Федерации	–8,4	+1,2
Крупный российский бизнес	–13	–15,5
Федеральная миграционная служба	–15	–17,4
Судебная система	–18	–20,1
Государственная Дума	–18	–7,8
Политические партии	–26	–15,3
Милиция, прокуратура	–30	–28,3

Как видим, налицо заметное улучшение отношения населения к Председателю правительства и правительству России, которое в 2008 году успешно возглавлял В. Зубков, но пост которого уже в этом же году готовился занять В. Путин.

Перемена имиджа российской армии с отрицательного на весьма положительный – прямой результат разгрома грузинских военных формирований, прошедших подготовку по американскому образцу у инструкторов США.

Однако, несмотря на эти, во многом ситуативные изменения, общие тенденции отношения народа к властным структурам практически не изменились.

Приведённые данные показывают: безусловно, легитимными в глазах населения являются носители высшей государственной власти (Президент, Премьер) и власть духовная. В основном легитимными признаются губернаторы, избираемые местными законодательными органами по представлению Президента, назначенные им полномочные представители в федеральных округах, федеральная служба безопасности. В 2008 году в эту группу вошли правительство России, российская армия и Совет Федерации. Деятельность всех остальных властных структур оценивается гражданами России в основном отрицательно.

Нетрудно увидеть, что уровень легитимности структур властной вертикали в массовом сознании напрямую зависит от близости к Президенту (тогда ещё Пути-

ну). В 2007–2008 гг. народ одобрял, да и сегодня одобряет деятельность должностных лиц, которые являлись его *прямыми назначенцами*, а также структуры, из которой он «родом». Иначе говоря, – тех, кого в той или иной степени отождествляли с ним, кто светил отражённым сиянием президентского рейтинга.

Чем дальше от Президента, тем темнее становятся силуэты власти, а ситуация – все сложнее, да и страшнее.

Основная масса населения не знает и не понимает, чем занимаются общественная и счётная палаты. Уровень их «секретности» (61% и 62,8% – в 2007 г.; 63,6% и 51,5% – в 2008 г. Именно столько россиян затруднились оценить их деятельность). Этот показатель выше, чем у ФСБ (46% и 45% соответственно).

Низко оценивают граждане России деятельность Государственной Думы и, в особенности, тех субъектов, из которых она формируется – политических партий. Их непопулярность в народе сопоставима лишь с непопулярностью судебной системы, милиции и прокуратуры. При этом люди хорошо знакомы с деятельностью этих структур и оценивают её как деструктивную в целом.

В уже упоминавшемся нами Всероссийском исследовании образа жизни ответы на вопрос: **«Может ли простой человек реально отстаивать свои законные права перед местным или региональным чиновничеством?»**, – распределились следующим образом:

- да, может – 8%**
- скорее да, чем нет – 14%**
- скорее нет, чем да 41%**
- не может – 20%**
- трудно сказать определённо – 17%**

Да и как их отстаивать, если базовыми качествами российского чиновничества, по результатам представительных исследований общественного мнения, являются:

- 1) равнодушие к людям, формализм (64%);
- 2) продажность (58,5%);
- 3) безразличие к интересам своей страны (41%);
- 4) безответственность (32%);
- 5) низкие деловые качества, некомпетентность (31%).

Причём, по мнению $\frac{2}{3}$ россиян и более чем трети госслужащих, «Российская бюрократия в первую очередь заинтересована в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения» [6].

Как мы видим, ни милиция с прокуратурой, ни судебная система, ни местная власть, ни российское чиновничество в целом не оправдывают надежд большинства людей на защиту, но, по всей видимости, – в силу кадрового состава, подверженного коррупции (что стало уже «притчей во языцех»), а также реальной правовой, морально-этической и экономической ситуации в обществе, – выступают по отношению к широким слоям населения в качестве структур, защищающих от них благополучие правящего класса госбюрократии и крупного капитала. Причём, – вместе с армией частных силовых структур, состоящими в основном из бывших сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, ни те, кто принимает законы, ни те, кто призван их блюсти и охранять, – нелегитимны в общественном мнении сегодняшней России. Более того,

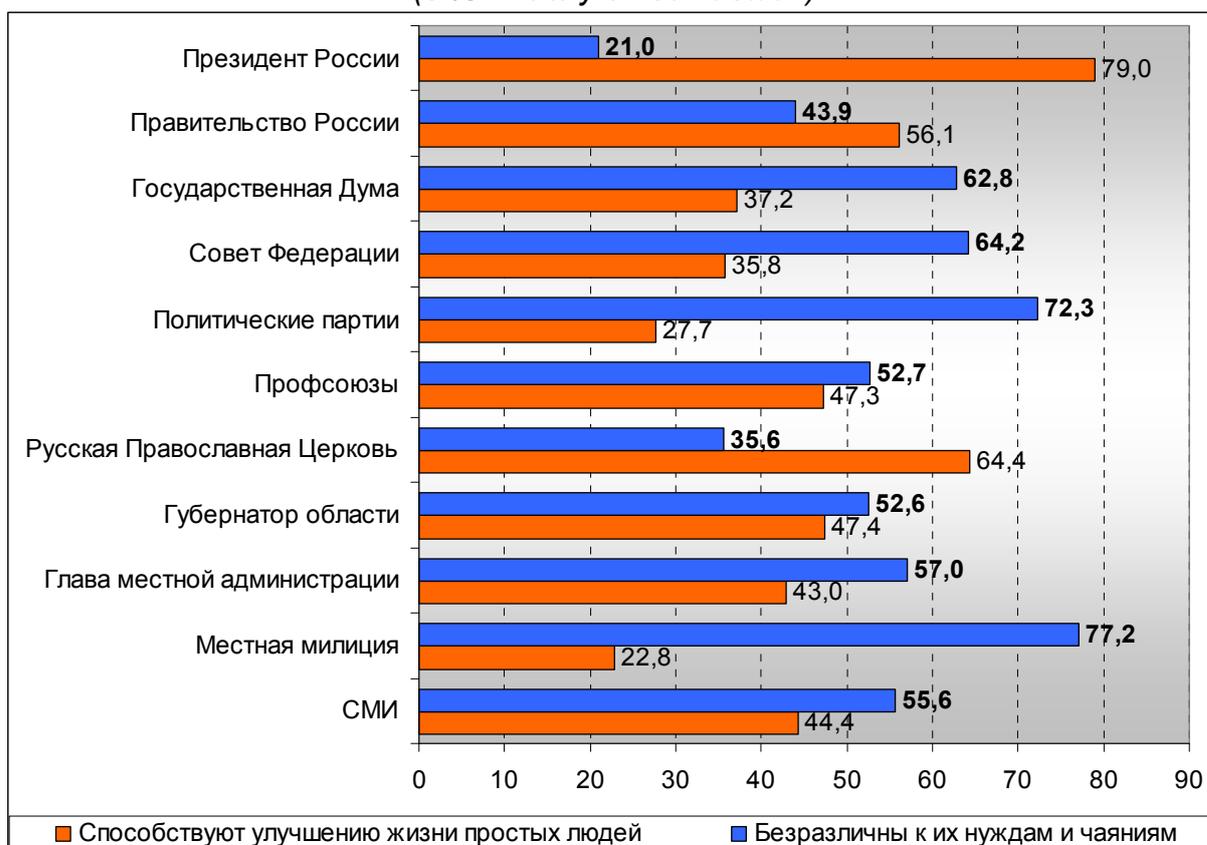
именно отождествление названных структур с государственной властью приводит к формированию негативных представлений о ней и отчуждению от власти в целом.

Государственный аппарат сегодня вполне самодостаточен и не нуждается в народе. Об этом же, по сути, говорил и президент Д.А. Медведев в Послании к Федеральному собранию: «государственный аппарат у нас в стране – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию... Сильное государство и всесильная бюрократия – это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка... Вторая – смертельно опасна для него» [7].

О том, что власть и народ действительно разделяет пропасть, свидетельствуют и ответы на вопрос: «Какие властные структуры и организации, на ваш взгляд реально способствуют улучшению жизни простых людей, а какие безразличны к их нуждам и чаяниям?» (рис. 3).

Рисунок 3

Рейтинг властных структур и организаций, реально способствующих улучшению жизни простых людей и безразличных к их нуждам и чаяниям
Всероссийское исследование образа жизни 2008 г.
(в % к числу ответивших)

Как мы видим из полученных данных, мостик через эту пропасть впервые за пореформенные годы перекинут верховной исполнительной властью: Президентом России и его правительством (на момент опроса В. Путин ещё оставался

на посту Президента, но уже объявил о своём переходе на пост премьер-министра, если Д. Медведев выигрывает президентские выборы).

Все остальные структуры и организации (за исключением Русской православной церкви, имеющей устойчивый высокий рейтинг) оцениваются народом российским как в основном безразличные к его нуждам и чаяниям, включая профсоюзы, которые, вроде бы должны быть главным защитником интересов простых людей.

Наиболее «глухими» к нуждам и чаяниям российского народа являются, в его оценке, местная милиция и политические партии. Сильно «тугими на ухо» оказались Совет Федерации, Государственная Дума и местная администрация.

Итак, с помощью разностороннего анализа данных различных исследований, мы приходим к одному и тому же выводу: чиновничество и бизнес, с одной стороны, а народ российский, – с другой. И это – параллельные жизненные миры, контакты между которыми редко кончаются благополучно в цивилизованном формате, но, напротив, – часто высекают искры социальной напряжённости, создают питательную среду для укоренения и укрепления чувства социальной несправедливости.

Это подтверждают данные мониторинга РГСУ 2008 года: отрицательные чувства от государственной социальной поддержки (бесперспективность, подавленность, злость и раздражение) испытывают 40,7% респондентов, а положительные – только 13,5%, что в 3 раза меньше.

В результате всего названного выше формируется многоплановое недоверие к власти, в том числе – и на уровне оценки её программ.

В. Путин в одном из своих выступлений 2–3 года тому назад выразил уверенность, что уже в обозримом будущем (лет через 10–15) жизнь простых людей в России станет достойной: «безопасной, свободной, комфортной». 17% наших респондентов поддержали эту уверенность, 63% выразили по этому поводу сомнение, а 18% ответили, что достойная (безопасная, свободная, комфортная) жизнь простых людей возможна только при другом общественно-политическом устройстве России (Всероссийское исследование образа жизни 2008 г.).

Естественно, мы продолжили эту тему, задав другой, развивающий её вопрос (см. рис. 4).

Итак, с чем же россияне связывают своё приобщение к достойной жизни?

Как видим, – не с рынком и не с продолжением политики реформ, начатых в 90-е годы. Для подавляющего большинства народа эта тема была исчерпана уже в 2003 году, когда ни одна из «либеральных» и «демократических» партий не прошла в государственную Думу. Тут уместно привести слова известного эксперта, профессора Государственного университета – Высшая школа экономики С.В. Картунова: «Усилиями наших либералов в Россию были брошены все отходы глобального либерализма, вследствие чего – нет худа без добра – он во многом оказался дискредитированным. Тяжелейшие последствия мирового экономического и финансового кризиса в России (значительно более тяжёлые, чем в США, странах ЕС, КНР, и проч.) стали неопровержимым подтверждением этого вывода, наказанием России за то, что она пошла на поводу у наших «либералов» и одновременно – безжалостным судом над ними. Растратив кредит народного доверия, политический капитал, который дала им в руки идея свободы, наши либералы надолго закрыли для России либеральную перспективу» [8].

Рисунок 4

Ответы на вопрос: «**А что на ваш взгляд, должна предпринять власть в лице Президента, Правительства и Думы, чтобы достигнуть этой цели? Ниже перечислены возможные направления деятельности государственных структур по изменению ситуации в стране. Какие из них на Ваш взгляд, следует реализовать в первую очередь, чтобы жизнь простых людей в России действительно стала достойной (безопасной, свободной, комфортной)?**»
(Прочтите внимательно предложенные варианты ответа, подумайте и отметьте из них не более пяти самых важных)
(в % к числу опрошенных)

Как вытекает из приведённых данных, подавляющее большинство россиян согласны с этим выводом и требуют пересмотра дискредитировавших себя основ экономической и социальной политики.

В контексте нашего анализа можно сказать: люди требуют перемен, которые должны изменить представления о характере нынешней российской власти. Чтобы преодолеть отчуждение от народа, власть должна показать, что она на деле, а не на словах – с простыми людьми, а не с коррумпированным чиновничеством, олигархами, валютными спекулянтами и другими «жирными котами». А для этого, судя по полученным данным, необходимо, чтобы она:

1. Покончила, наконец, с главной рискогенной солидарностью нашего общества, приносящей ему, народу и государству огромный материальный и мо-

ральный ущерб: с продажным чиновничеством и «подпитывающим» его криминальным и полукриминальным бизнесом. Сегодня, при «беспощадной борьбе», которую власть ведёт с коррупцией, её уровень, по недавнему признанию генпрокурора Ю. Чайки, возрастает ежегодно на 5%» [9].

В Китае взяточник не только получает свои две пули, но и платит за них. У нас же пули получают те, кто не просто объявил (задекларировал) борьбу с коррупцией, но и начал активно её искоренять.

Вместе с тем ясно, что без ликвидации основных бастионов коррупции в Центре и на местах какое-либо серьёзное продвижение вперёд в экономике, политике, социальной сфере практически невозможно, **предопределяя имитационный характер** всех других программ власти.

2. Действительно вернула российскому народу украденное у него «реформаторами» национальное достояние (в том числе переправленное за рубеж), используемое сегодня неэффективно и явно не по своему назначению.

3. Изменила кадровую политику в дискредитировавших себя правоохранительных структурах, беспощадно избавляясь от тех, кто нарушил не только закон (таких надо сажать), но и честь «государева» человека, осуществляющего служение, налагающее на него добровольные ограничения своих гражданских прав (запрет на занятие бизнесом и «деловые» связи с ним под любым предлогом, «прозрачность» доходов и расходов семьи, обязанность давать отчёт: на какие средства приобретена та или иная собственность и т. д.).

4. Эффективно использовала каналы обратной связи с народом, вела с ним честный диалог, в том числе – с помощью референдумов по острейшим и важнейшим вопросам жизни страны, которые в соответствии с Конституцией РФ являются высшим непосредственным выражением власти народа [10]. Несомненно, таким вопросом являются меры по противодействию коррупции, законопроект о которых долго «зависал» в Государственной Думе, поскольку в соответствии с международными стандартами в него предлагали включить положение о конфискации незаконно нажитого имущества. А именно это, по вполне понятным причинам, не устраивало и не устраивает очень многих российских «слуг народа». В результате закон был принят в явно выхолощенном виде.

5. Активно способствовала возрождению духовно-нравственных основ в жизни и деятельности всех слоёв и групп российского общества, что является важнейшим условием нормальных цивилизованных рыночных отношений, крайне нуждающихся в тех, кто живёт и работает, созная, познавая и признавая самоценность иных людей, а не только их инструментальные качества. Незрелость духа несовместима с научно-техническим прогрессом (на что указывал великий ученый А. Эйнштейн), который, именно в силу этой незрелости, может оказаться губительным. Наконец, духовность и нравственность – часть человеческого капитала, который в развитых странах стал главным фактором, обеспечивающим их благосостояние.

* * *

Предложенный комплекс мер, отражающий состояние массового сознания, показывает, что народ российский хорошо знает и понимает, что происходит в стране и властных структурах, критически оценивает настоящее, ищет новые подходы к будущему. И его ожидания, пожелания и чаяния сегодня, как никогда ранее, должны учитываться властью, дабы преодолеть свою «неукоренённость» и бессилие при решении важнейших вопросов.

Это совершенно необходимо, ибо никакого «избытка доверия», стабилизирующего ситуацию в стране, – на самом деле не существует.

Скорее тут прав Л. Гудков, полагающий, что «предельно высокий рейтинг первых лиц государства – это обратная сторона недоверия к институциональной системе в целом» [11].

Как отметил Президент Д. Медведев в Послании к Федеральному собранию РФ, мировой финансовый кризис, конфликт на Кавказе, рост напряжённости во всём мире – дестабилизировали основы глобального порядка.

В этих условиях Россия просто обязана вновь играть свою особую роль в мире, роль державы-лидера, предлагая мировому сообществу концепции сотрудничества, основанные на адекватном анализе складывающейся ситуации и своём понимании общей логики глобального развития, используя для реализации национальных интересов и целей весь свой экономический, политический и человеческий потенциал, всю свою евразийскую мощь.

Но чтобы стать именно таким субъектом мировой политики, – необходимо решить давно назревшие острейшие внутренние политические, экономические и социальные проблемы. А для этого совершенно необходима сильная исполнительная, авторитетная и дееспособная законодательная, справедливая и неподкупная судебная и правоохранительная власть.

Литература

1. *Медведев Д.* Россия, вперед! <http://kremlin.ru> 10.09.09.
2. *Медведев Д.* Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» <http://kremlin.ru> 10.09.09.
3. *Строев Е.* Единение славян никто не остановит // Аргументы и факты. 1997. № 3.
4. См. например: *Возьмитель А.А.* Глобализирующаяся Россия // Мир России. Социология, этнология. 2004. № 1; *Козырева П.М.* К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 11; *Федоров В.В.* Он-лайн конференция 26.02.08. www.vzjom.ru; Чего опасаются россияне, ИНАБ, Институт социологии РАН. 2008. № 6 и др.
5. Демократическое развитие российской модели. Доклад Института современного развития. www.riocenter.ru
6. Свобода, неравенство, братство. Социологический портрет современной России / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН *М.К. Горшкова*. М.: «Российская газета», 2007. С. 38, 41.
7. Российская газета, 2008, 06–12 ноября.
8. *Кортунов С.В.* Метаморфозы либеральной идеи // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 111.
9. *Костиков В.* ...И чтобы вороны пели соловьями // Аргументы и факты. 2009. № 12.
10. Конституция Российской Федерации, статья 3.
11. *Гудков Л.Д.* Новогодний баланс: после стабильности // Ведомости, 2008, 30 декабря.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

А.И. СУХАРЕВ

ТРАНСГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ: СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СОВРЕМЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ СЕТЕВЫХ ИНСТИТУТОВ

Если в целом рассматривать политическую мегасреду, то можно сделать вывод, что мир, мировое сообщество в первом десятилетии XXI века завершило первый, предварительный этап глобального строительства. Заложены контуры фундамента, подготовлены инструменты и ресурсы, обновлены технологии и есть даже архитектурный проект. Но по-прежнему с нарастанием идут ожесточённые споры о результате целеполагания, о том, какая же будет конструкция у этого будущего здания. И, главное, – какие ролевые функции будут определены его жителям. Современный политический ландшафт опять возвращает нас во времена ретро. И как здесь не вспомнить крылатую фразу о том, что по мере движения к победе идеологическая (а сейчас идеотехнологическая) борьба обостряется.

Именно этап обострения дискуссий обозначил суть научной проблемы моего исследования: как понять, как действовать гражданам, народам, их общественным объединениям, чтобы гарантированно влиять на формирование и управление, корректировку международных и внутренних отношений (т. е. на политику) в своих интересах, в интересах справедливого мира и безопасности.

И поэтому, когда мы говорим о гуманитарном или трансгуманитарном измерении политики, то речь, главным образом, идёт о двух векторах целеполагания в оппозициях: духовное, общечеловеческое – технополитическое, инструментальное; консолидирующее, солидарное – дезинтегрирующее, противоречивое; создающее – разрушающее. Перо в одних руках создаёт бессмертные поэмы, а в других – является орудием нанесения ущерба.

* * *

Обращаясь к позиции России в контексте институционального развития современного мира и международных отношений, уместно привести ряд тезисов из выступлений и интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Выделяя задачу «восстановления управляемости мирового развития на этапе после окончания "холодной войны"», С.В. Лавров в контексте глобального финансово-экономического кризиса отметил следующее: «По сути, речь идет о разрушении социокультурного порядка, сложившегося при лидирующей роли Запада, его ценностей и практики в последнее столетие. Можно предположить, что новый, если использовать терминологию Питирима Сорокина, "интегральный" порядок будет представлять из себя синтез с отсечением тех крайностей, которые последовательно снимает исторический процесс: сначала – "чистый" социализм, теперь – "чистый" либеральный капитализм... Международное общение будет сохранять свой преимущественно межгосударственный характер при всем многообразии других участников сетевой дипломатии». Для этого, под-

черкнул министр, «требуется прогрессирующая деидеологизация международных отношений»¹.

В чём же Россия, её нынешнее руководство видит концептуальный вектор, ориентиры дальнейшего развития глобального мира и международных отношений? Об этом также ёмко и предметно сказал С.В. Лавров: «Соответствующие категории времен "холодной войны" не дают выхода на решения, отвечающие требованиям времени. Нужен более глубокий уровень обобщения, позволяющий вернуться к сути таких понятий, как государство и экономическая деятельность. Только так удастся выйти на конвергенцию на уровне идей и практической политики... Нельзя не констатировать неэффективность западнцентричной системы глобального управления, которая не отражает реалий современной политики, экономики и финансов... Речь идет об объективных процессах, ставших в том числе следствием последнего этапа глобализации при лидирующей роли Запада, его идей и институтов. Новое вызревает в недрах старого и его "отрицает" – это чистая диалектика и философия, ничего более. Никакого идеологического реванша. Хотя бы потому, что у современной России, а я могу говорить только за свою страну, нет идеологии, которую мы хотели бы навязать миру. Это – чистой воды прагматизм. Если мы и агитируем за что-то, то только за здравый смысл».

Говоря о современной конфигурации международных отношений, С.В. Лавров в интервью газете «Известия» в сентябре 2009 г. также заявил: «Для нас принципиальное значение имеет налаживание практического взаимодействия на пространстве от Ванкувера до Владивостока, развитие в этом регионе конструктивных, открытых и устремленных в будущее отношений на основе взаимного признания интересов и принципов неделимости безопасности и процветания, которые уже не имеют ничего общего с прежним идеологическим расколом Европы и всего мира... Дело в том, что в условиях нарастающей глобализации падает спрос на единоличное лидерство, девальвируются старые союзнические обязательства. Требованиям времени все больше отвечают не громоздкие союзы с фиксированными обязательствами, а целевые альянсы по интересам с изменяющейся геометрией. Как никогда востребована "сетевая дипломатия", обеспечивающая гибкие формы участия в многосторонних структурах... Россия ни с кем против кого-то не работает, а работает в интересах решения общих задач. Это возвращает нас к мысли о "сетевой дипломатии", в рамках которой всегда найдется место для любой дипломатической комбинации, основанной на позитивных совпадающих интересах сторон».

Этот же тезис был озвучен С.В. Лавровым и на международной конференции в Ярославле 14 сентября 2009 г.: «Современная дипломатия, по существу, занимается коренными вопросами национальной жизни – от обеспечения безопасности в ее современном прочтении до вопросов процветания, включая сохранение и создание рабочих мест. На первый план выходят глобальные вызовы и угрозы, эффективно противодействовать которым по определению можно только солидарными усилиями всех государств... Требуется и соответствующий

¹ См.: Интернет, www.mid.ru.16.09.2009. Доклад на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность». (Ярославль, 14.09.2009).

инструментарий – уже не количество и огневая мощь дивизий. Сообразно предмету претерпевает серьезные изменения и метод ведения дел в международных отношениях. Это уже не иерархические конфигурации, апофеозом которых стало разделение мира на два противостоящих лагеря в период "холодной войны", а сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия различных групп государств в целях обеспечения совпадающих интересов. Речь отныне не идет о борьбе против кого-то, "сдерживания" кого-то, а о коллективных усилиях **за** что-то, за вполне конкретные интересы, общие для определенного круга государств или международного сообщества в целом».

Фактически речь идёт о роли и месте НПО в новом формате сетевой дипломатии.

В этом контексте необходимо выделить следующее:

– во-первых, при всём многообразии определений структур третьего сектора мы *рассматриваем деятельность организованного НПО-сообщества как часть политического процесса*, независимо от того, к какой сфере функционирования государства это относится (культурно-гуманитарной, социально-экономической или внешнеполитической);

– во-вторых, НПО в этом плане выступают как созависимые инструменты и ресурсы власти, так и в качестве самостоятельных и самодостаточных политических акторов («групп интересов»), предоставляя государственным институтам (как бы в формате аутсорсинга) неформальные и, главное, мобильные возможности и механизмы реализации политических целей и задач;

– в-третьих, процессуально-технологически упакованная «неформальность» НПО в отношениях с властью и бизнесом (на основе сложившихся практик «по умолчанию») не есть внелегальность. Однако именно этот фактор (неформальность) во многом придаёт закрытым и открытым НПО-сетям однородные характеристики, что прослеживается в идентичности их альтернативно-компенсационной функции, правда, с разными векторами целеполагания;

– в-четвёртых, экспертно-консультативная роль НПО выходит за рамки советнической функции и является в современных институционально-сетевых конструкциях важным фактором влияния на принятие политических решений и формирования сетевой среды взаимодействий и обратных, воспроизводимых связей, что и есть ключевой критерий функциональной эффективности совокупного института власти.

Необходимо отметить, что при наличии широкого диапазона различных моделей развёртывания и функционирования НПО-сообществ у подавляющего большинства из них есть одно общее – финансовый, политический и институциональный патронаж государства.

Следует также выделить особую специфику модели США, которые институционализировали своё экспертно-консультативное НПО-сообщество на национальном и транснациональном уровне и с этого плацдарма отвоевали монополию на производство и экспорт интеллектуально-гуманитарного продукта, а также право, как одного из ведущих политологических «оракулов», на создание, транслирование и, главное, интерпретацию политических реалий, мифов и стандартов международных «правил игры».

Обращает на себя внимание значительный вклад НПО-сообщества ряда государств в продвижении и формировании за рубежом благоприятного образа

своей страны, позиционировании национальных брендов. В этом аспекте весьма показателен опыт Китая, Японии, которые, опираясь, в том числе, и на свои диаспоры, позиционируют не экзотику и этнический колорит, а национально-исторические и культурные «продукты» общества и народа (язык, искусство, философию и т. д.).

Примечательно в этом контексте, что китайцы до сих пор используют понятие «народная дипломатия» и в новых условиях гибко применяют многие формы и методы, заимствованные из международной практики и опыта культурно-гуманитарных взаимодействий советского периода, включая движение пограничных городов.

Что касается России, то, как отметил председатель комитета Госдумы по международным делам К.И. Косачев¹, «...сейчас репутация России в современном мире кардинально испорчена. Частично это произошло потому, что ее намеренно и целенаправленно портили, частично потому, что мы сами на каком-то этапе недооценили значение репутации государства... Мне представляется, что основной ресурс нашей внешней политики, то, что мы должны делать, но еще не делаем, – это появление собственной повестки дня. Сейчас мы главным образом реагируем на действия наших партнеров, мы опротестовываем то, что нам не нравится, и пытаемся поддержать то, что нас устраивает. Но мы крайне редко предлагаем собственное видение, собственный сценарий того, как должен выглядеть мир. И конструировать эти сценарии не может какая-то отдельно взятая структура, даже МИД, при всем к нему уважении. Это должно быть симбиозом всех частей общества, это должны быть интересы бизнеса, это должны быть, безусловно, гражданское общество и политологическая элита».

Целевые установки кооперации, сотрудничества в гуманитарной сфере с зарубежными целевыми аудиториями присущи многим моделям национальных НПО. Однако *стратегия вовлечения местной общественности в общие проекты*, создание так называемых «совместных гуманитарных предприятий» за границей характерна в основном для развитых стран и Китая. Россия, утратив многие эффективные общественные инструменты советского периода, в этом плане находится на начальной стадии формирования международных сетевых взаимодействий.

Это отставание России в использовании новых форматов и стратегий гуманитарно ориентированной сетевой дипломатии наглядно прослеживается во внешнеполитической деятельности на пространстве СНГ.

По оценкам А. Караваева (руководитель службы политического прогнозирования Информационно-аналитического центра МГУ), «известный кризис институтов Содружества, его идеологии, в максимальной степени обострил проблему эффективности российской гуманитарной политики... На постсоветском пространстве необходимо заново создавать и расширять имеющиеся механизмы поддержания всего русскоязычного поля с его смыслами и коннотациями. Это необходимо как для поддержания кадровых ресурсов российской интеграции, так и для расширения комплиментарно настроенных к России групп населе-

¹ См.: <http://www.infox.ru>. 15.09.2009.

ния и элит в СНГ... Существует мнение, что в ситуации кризиса привлекательности российской культуры и социальных практик в частности, нам не имеет смысла развивать внешние инструменты продвижения российского ментального пространства. Действительно, нам пока нечего продвигать – нет "западного" качества жизни, русский язык проигрывает конкуренцию английскому, российская политическая и правовая система в плане защиты интересов рядовых граждан проигрывает европейским стандартам. Но ведь задача для нас и стоит по-другому, нужно не экспортировать позитивный образ России или эксплуатировать советские клише интернациональной дружбы – нам уже необходимо знакомиться заново. Создавать новых заинтересованных сторонников сближения с Россией, притягивать старых»¹.

Примечательно, что, как показывает практика, продвигающееся во власть новое поколение политиков, политологов, экспертов, журналистов из стран СНГ часто ценностно и ментально ориентировано на ЕС, США, Китай, Турцию (в тюркоязычном мире), Иран (в Таджикистане).

Поэтому в модернизированной трансгуманитарной стратегии России всё большая роль должна отводиться национальным представительствам за рубежом информационно-культурных центров. Ключевое понятие, характеризующее сетевую дипломатию информационно-культурных центров (ИКЦ-дипломатию), это – *«присутствие»*, предполагающее внешнеполитический экспорт не только культурного продукта, но и *национальных институтов* – проводников культурно-гуманитарной политики. Из этого следует и общая для всех стран стратегическая установка, направленная на расширение сети ИКЦ за рубежом. За последнее десятилетие конкуренция на этом поле значительно усилилась.

Главная задача ИКЦ-дипломатии – формирование благоприятного облика своей страны, *содействие внешнеполитическим интересам государства и сопровождение (информационное, культурно-гуманитарное, экспертно-общественное и др.) международных инициатив национальной дипломатии*. Но есть ещё один блок задач, которые актуализировались в новом качестве в условиях глобального мирового пространства. Это – *завоевание внешних рынков интеллектуальных и образовательных услуг*. Судя по темпам роста этого рынка, конкуренция в этой сфере будет неуклонно возрастать.

Для деятельности российской ИКЦ-дипломатии (например, в контексте программ «Славянский мир», «Восточно-христианский цивилизационный ареал» и др.) особый интерес представляет опыт других стран по созданию *разветвлённой сети формально неполитических наднациональных взаимодействий на лингво-культурной основе, которые сейчас всё больше приобретают характер трансгуманитарного сотрудничества*.

В целом необходимо отметить, что многие, не только развитые западные страны, но и Китай, Корея, Индия, в современной ситуации оперируют стратегиями трансгуманитарного уровня, и даже с позиций присутствия в конкретном государстве ставят задачу своим ИКЦ активно подключаться к региональным и глобальным проектам общецивилизационного характера.

И ещё один важный аспект взаимосвязи гуманитарного и инновационного измерения политики – инвестиции в человеческий капитал, человеческий интел-

¹ Караваев А. В поиске новой гуманитарной повестки дня для СНГ. Интернет: <http://www.politcom.ru/9040.html>. С. 1.

лект. Два примера на эту тему из современной международной практики и транснациональной стратегии США и Китая.

В январе 2004 г. Конгресс США учредил Корпорацию «Вызов Тысячелетия» (МСС), которая призвана управлять и реализовывать комплексную программу «Счет Вызовов Тысячелетия» (МСА), направленную на поддержку инновационных проектов в развивающихся странах. Фактически это новая модель предоставления помощи другим государствам, власти которых «действуют в соответствии с законом, инвестируют в своих граждан и поощряют экономическую свободу», а также стремятся к искоренению коррупции и вложению ресурсов в развитие человеческого интеллекта. Бюджет корпорации на 2005 г. составил 1 млрд долларов с последующим ежегодным увеличением до 1,4–1,7 млрд долларов. Предусмотрено два вида денежно-кредитной помощи – прямая «преференция» на основе соглашения сроком до пяти лет (уже предоставлена Украине); сотрудничество с «пороговыми» странами (по этой линии помощь получили Грузия – 295 млн долларов, Кабо-Верде – 110 млн, на очереди: Армения, Монголия, Киргизия).

В марте 2009 г. в КНР создан Китайский центр международных экономических обменов (КЦМЭО) – государственный некоммерческий исследовательско-консультативный орган высокого уровня. Обращает на себя внимание мобильность этого экспертного института в реализации стратегии интеграции в глобальное, трансгуманитарное пространство. Уже в июле 2009 г. КЦМЭО провёл в Пекине Глобальный саммит мозговых центров с участием более 100 ведущих международных и национальных организаций. Главная тема саммита – «Совместное использование интеллекта человечества, совместное стремление к глобальному развитию».

Для справки: в 2009 г. КНР перегнала бесспорного лидера США по количеству действующих мозговых центров (2000 против 1777, соответственно). На очереди – брендинговая раскрутка китайских «мозговых трестов» и ведущих политологов КНР, создание восточно-азиатского сетевого ядра в сфере интеллектуальных инноваций.

Здесь речь идёт ещё об одной функции сферы политики «мягкой силы» – воспроизводство идеологии определённой политической стратегии и её носителей.

Показателем того, насколько далеко США и другие западные страны продвинулись в разработках научной методологии и практики конструирования моделей институционального взаимодействия формальной и неформальной политики и дипломатии, служит выпущенная ещё в 1992 г. монография американского исследователя Дж. Кинсэйда (J. Kincaid) «Влияние дипломатии субъектов на будущее федерализма и национального государства» На период выхода книги в рамках *дипломатии субъектов* (constituent diplomacy) 43 американских штата имели 116 зарубежных офисов и 26 представительств в 25 странах мира. По утверждению автора, «дипломатия субъектов бросает вызов классической унитарной концепции национального государства и, соответственно, международному порядку, построенному на основе этой концепции. Эта дипломатия, соединенная с деятельностью неправительственных субъектов, ... настаивает на переопреде-

лении природы и роли национального государства и изменении подходов на международной арене на новые плюралистические подходы».¹

* * *

Получившие в последнее время широкое распространение в политической практике понятия «сетевой дипломатии», «дипломатии НПО-сети» требуют, по мнению автора, более глубокого научно-теоретического осмысления. Не претендуя на полноту анализа, авторская трактовка этой проблемы может быть изложена в следующей тезисной последовательности.

Сеть – устойчивое, саморазвивающееся множество различных автономных элементов (узлов, ячеек, ядер), напрямую или опосредованно связанных между собой каналами односторонней или обратной связи и взаимодействующих с разной степенью интенсивности, форматов и качества.

Институт-Сеть – совокупность слабо интегрированных, автономных сетевых кластеров, объединённая общим вектором целеполагания, идеологией, идеалами, ценностями, создающая внутрисетевую среду воспроизводства одно-видовых сетевых узлов и доверительных многоканальных связей между ними.

Сетевые отношения – это система децентрализованных формальных и неформальных взаимодействий, объект-субъектных взаимосвязей в рамках одного ценностного поля, основанная на доверии и разделяемых стратегиях и миссии целедостижения².

Все элементы сети, например, метрополитена, связаны между собой и из одной ячейки сети через какое-то число промежуточных узлов можно достичь (передать сигнал действия или активации на заданное целеполагание) любого узла сети или одновидовой совокупности узлов, т. е. узловой ветки (branch of nodes).

Это упрощённо линейная схема, основанная на утверждении о том, что существует средняя и общая для всей сети вероятность образования связи между двумя случайными элементами сети. Из этого делался вывод, что сети имеют равномерно сбалансированную инфраструктуру, в которой все элементы имеют примерно одинаковое число связей. Однако, как показывают исследования функционирования экологических и социальных сетей, сети Интернет, реальные сети имеют крайне гетерогенный характер. Некоторые узлы формируют зоны притяжения (узловые ветки, кластеры), объединяющие большую часть узловых ядер в устойчивые структуры как прообраз (модель) последующей сетевой институционализации.

В практике политической жизни различаются статические и динамические сети («человейники» по А. Зиновьеву), естественно самоорганизующиеся и искусственно моделируемые. Вместе с тем внутренние механизмы организации и самоорганизации сетей несут в себе общий код и действуют на основе единых закономерностей. В тезисном плане рассмотрим некоторые из этих закономерностей.

Согласно рабочей гипотезе автора, сетевым построениям присущи следующие характеристики, слабые и сильные стороны:

¹ См.: http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.

² Сетевые отношения, как правило, сопровождаются выработкой типовых алгоритмов решения задач, общего понятийного аппарата и даже языкового дискурса.

– децентрализованный подход, основанный на вкладе множества участников. Отсюда, в отличие от иерархической структуры, – высокая устойчивость сети к внешней дефрагментации, что обусловлено, в первую очередь, многоканальными связями и плотной, насыщенной текстурой взаимосвязанности;

– мобильная (сетевая) реакция на изменения внешней среды (саморефлексия) с выходом на быструю корректировку действий/противодействий на основе коррелируемой (обновляемой) самоидентификации;

– функциональное объединение под общую стратегию и идеологию целеполагания, но формально без единого «указующего» центра принятия решений, что создаёт условия для самоорганизации, свободного сотворчества и саморазвития. В сетевом управлении механизм заточен не под директивы вышестоящих органов, а под «свой собственный манёвр», ориентируясь при этом на константы, в качестве которых выступают принятые за основу правила игры, миссия и ценности сетевого сообщества.

Здесь, естественно, речь идёт об абсолютной модели. В практике необходимо моделировать также и механизм активации целеполагания и/или технологию «внедрения» цели, т. е. обеспечение сетевой саморефлексии и воспроизводства действий через, например, ввод политических или социальных «нейронов», выполняющих функции катализаторов изменения структуры сети (формирование узловых веток) и формата её самоидентификации. Если рассматривать сеть как модель киберсистемы, то следует учитывать, что уже на второй-третьей стадии передачи сигнала по сетевым узлам сетевая конструкция уже не идентифицирует и не принимает во внимание первоисточник, порождающий или инициирующий сигналы.

На этом этапе включается саморегулирующий алгоритм мультипликационной передачи, трансляции этих сигналов в поле. Сеть создаёт как бы самостоятельный креатив формирования и обоснования смыслов и даёт им свою собственную, присвоенную (а не внедрённую) интерпретацию. Здесь есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, сетевое построение способно влиять на матрицу целеполагания и проектируемого целедостижения и даже исказить их. С другой, – действовать в широком диапазоне различных вводных, что расширяет свободу творчества и усиливает гибкость и адаптированность системы в случае изменения ситуации;

– способность формировать неравномерные, асимметричные и дублирующие связи, что позволяет мобилизовывать ресурсы и управлять их распределением в рамках базовых единиц (узлов). Другими словами, определять стратегию и тактику, а также выбор технологий и инструментов целедостижения на местном, узловом уровне;

– наличие независимых внутренних информационных каналов («узлов перехода», ретрансляторов) в контексте (по теме) общей идеологии, миссии, целеполагания, что формирует структурированный блок взаимосвязи и взаимодействия, создаёт систему обратной сигнальной (т. е. двусторонней) связи.

Если брать аналог из Интернет-сети, то здесь работает принцип «гипертекстовой» коммуникации (по Теодору Нельсону)¹, согласно которой структурный параллелизм, дублирование, перекрёстные связи, взаимное проникновение и одновременное присутствие одного элемента в нескольких местах не могут быть переданы иерархией.

Следует отметить, что уровень погрешностей в трансляции информационных сигналов в сети намного меньше, чем в иерархическо-пирамидальной структуре, из чего следует и более устойчивая система координации и взаимодействия. В управленческих пирамидах действует принцип делегирования полномочий (дочерним предприятиям, субсидиарным организациям). Даже в системе вертикально интегрированных корпораций, где есть не один, а несколько центров формирования сигналов, и формируются и вертикальные, и горизонтальные связи, управление каналами трансляций идёт всё равно централизованно и унифицировано. Стратифицированные же холдинги (сетевые институты) подчиняются общей стратегии и не имеют мобильной автономности, как сеть с её возможностями быстрого выхода на результат. В долгосрочном планировании в этом, несомненно, проявляется сильная сторона пирамидальных институтов. Но для тактически-технологического политического моделирования с отложенным или неопределённым результатом сеть явно имеет преимущество. В этом плане уместно сравнение с биржевыми спекулятивными технологиями: не важно, как играть – на понижении или на повышении (и с какими последствиями), важно получить требуемый результат сейчас (прецедент косовской автономии, фальсификационные игры с пересмотром исторического прошлого);

– наличие гибкого кластерного управления процессами сети в тесном, двустороннем «сожителстве» (взаимосвязи) со средой. Сетевое управление (управление сетевым хаосом, обладающим более широкой вариативностью) – это управление не только процессами и информационными дистрибуциями, но

¹ Гипертекст рассматривается Нельсоном как мультиагентное сообщество, внутри которого существуют сложные неиерархические отношения между агентами.

Гипертекст – это представление информации как связанной (*linked*) сети гнёзд (*nodes*), в которых читатели свободны прокладывать путь (*navigate*) нелинейным образом. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширенные работы с нечёткими границами и множественность путей чтения.

В этом определении необходимо подчеркнуть три основные характеристики гипертекста. Это:

- Дисперсность структуры. Информация представляется в виде небольших фрагментов-гнёзд, и «войти» в эту структуру можно с любого звена.
- Нелинейность гипертекста. Читатель отныне волен (вынужден) сам выбирать путь чтения, создавая при этом *свой* текст.
- Разнородность и мультимедийность, т. е. применение всех средств воздействия на потребителя-читателя, какие только возможны технически в данной системе (именно это имеется в виду под словами «расширенные работы», *expanded works*) – от чисто литературных (выбора повествовательной стратегии и стилистики) через издательские (шрифты, вёрстка, иллюстрации) и вплоть до самых сложных компьютерных (звук, анимация, отсылка к другим, нехудожественным материалам).

Важнейшим структурным элементом гипертекста является *гиперссылка*, или прыжок.

Текст есть совокупность (*a whole*), и как изолированная совокупность, может быть уподоблен объекту, на который можно смотреть с разных сторон, но никогда со всех сторон одновременно. Гипертекст, разрушающий детерминированность и однозначность сообщения, оказался инструментом, чрезвычайно «созвучным» наступающей эпохе и наиболее адекватно описывающим новые взаимоотношения с реальностью. Именно этот инструмент способен объединить «духовную активность» цивилизации автокоммуникативного типа, в которую мы входим, с классической цивилизацией «сообщения». См.: *Landow G.P. (editor) / Hypertext/Text/Theory. – Baltimore, 1992.*

и управление средой, взаимодействие с которой зачастую диктует сети корректировочный возвратный курс. Тогда возникает феномен моделирования среды под ресурсы и сетевые институты, и необходимость постоянного зондирования и прогнозирования динамики изменения среды. Например, если условно представить стол (среда) с разлитой на нём водой (сеть), то, чтобы придать водной поверхности требуемую конфигурацию под цель, изменяем угол наклона стола.

В этом контексте в социологической науке даже введено такое понятие, как «укоренённость» (*embeddedness*, по М. Грановеттеру)¹, что означает плотное сплетение социально-экономических связей между членами некой организации и окружающей их средой. Состояние укоренённости в обществе обеспечивает рост доверия в ходе происходящих взаимодействий и поддерживает локальное коллективное поведение данного сегмента.

В политических мегатехнологиях по сетевому управлению средой требуется выполнение, как минимум, двух условий: наличие в сети консолидирующего ядра (сетевого кластера) как базового механизма сетевого управления; создание условий, когда все остальные участники процесса становятся реципиентами (лицензиаторами, бенефициантами или прямыми потребителями) донорского сетевого продукта.

Этому способствует тот факт, что, в отличие от пирамидального управления с жёсткой иерархией целей и их достижения, сеть более свободна в выборе путей автономного (в рамках сетевых ядер) целедостижения и даёт на выходе ветвь или резервуар целерезультатов, сборка которых идёт по принципам «синергетического лидерства» (т. е. политической конъюнктуры, складывающейся на период реализации процесса, когда даже слабые взаимодействия могут быть более социально востребованы, чем, например, один легитимный результат).

Некоторые слабые стороны сетевых форматов в сравнении с иерархическими структурами:

- высокая степень дисфункциональной подверженности сети на уровне информационных каналов связи, особенно в стратах узловых кластеров;
- иерархические построения функционируют на «длинной волне» и у них большая, по сравнению с сетью, централизованная информационная ёмкость. У автономных ячеек сети, как правило, кругозор ограничен пределами общего целеполагания и задач по её реализации в рамках своего сетевого сегмента;
- сеть мобильна, но эффективно функционирует на коротком отрезке решения в основном «пилотных» проектов политической задачи. Иерархическая структура более консервативна, но может действовать революционно, масштабным прорывом. Поэтому, сетевые механизмы особенно востребованы в период социальных пертурбаций, социальных перемен, т. к. они более чутко реагируют на температуру социальной среды. Здесь невольно приходит на ум сравнение мобильности лёгкой кавалерии и солидным построением македонской фаланги.

Другими словами, можно сказать, что сеть в стратегическом, долгосрочном планировании, несмотря на свои преимущества в тактическом плане, не

¹ См.: Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблемы укоренённости // «Экономическая социология». 2002. Т. 3. № 3.

есть универсальный реализатор политической цели. Вместе с тем это составная, самодостаточная и востребованная часть социально-политической архитектуры, которая может автономно выполнять важные политические функции и одновременно служить дополнительным ресурсом, а также катализатором корректировки курса иерархических институтов.

Несколько замечаний по социальным сетевым системам.

Социальная сеть (англ. *social network*) определяется в большинстве источников как социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты (люди или организации), и связей между ними (социальных взаимоотношений).

По мнению американского исследователя М. Сейджмана, социальные сети – это комплексные коммуникативные сети, которые порождают разделяемые всеми членами мира значения и чувств, которые, в свою очередь, формируют идентичность, восприятия и предпочтения. Даже группу людей, по его трактовке, можно рассматривать как сетевую структуру, как собрание (совокупность) точек, соединённых между собой связями.

Некоторые из них более притягательны и подсоединены к большему количеству связей, соединяющих их с другими, более изолированными точками. Эти точки с большим количеством связей, именуемые узлами, являются важными компонентами любой социальной сети. Несколько доминирующих узлов формируют архитектуру сети. Динамика роста социальной сетевой структуры обусловлена не просто процессом случайного выбора, а происходит благодаря «предпочтительному присоединению» (или иногда используется вариант перевода «предпочтительная привязанность» – *preferential attachment*)¹, т. е. выявленной закономерности, согласно которой вероятность того, что новая точка свяжется с любой другой возможной точкой прямо пропорциональна количеству имеющихся у узловой точки связей. Эта закономерность сетевого трафика прослеживается, например, в эволюции таких суперузлов Интернета, как Google, Yahoo, Youtube, Facebook и др., которые посещаются гораздо чаще, чем другие вебсайты.

По оценке автора, для запуска механизма управления социальными сетями необходимы следующие базовые условия:

- кадровая сетевизация воспроизводства общественных социальных лидеров под заданные и разделяемые параметры ценностей, идеалов и правил игры (включая кадровый, «идеологический» отбор и отлаженную систему кадрового «лифтинга», например, между НПО-сетью и институтами власти);
- монополизации и постоянное воспроизводство (инновационное или реставрационное) гуманитарно-идеологического продукта для интеллектуального, целеориентированного «питания» социальных сетей через константы внедряемых устойчивых имиджевых и брендовых стереотипов, норм, рейтингов научно-теоретических постулатов, а также прогностических сценарных «страшилок» (например, в рамках стратегии «моделирования картографии будущего» – «*redrawing map of future*»);

¹ Модель «предпочтительного присоединения» была разработана в 1999 г. для описания процессов развития самоорганизующихся сетей, включая социальные сети (религиозные, культурные, террористические сообщества и др.). См. также: Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 155.

– управление информационным пространством, коммуникационной средой для активации (запуска) сетевой структуры под заданные социально-политические цели;

– четвёртое условие – корректировочное, чтобы «стимульно» сузить, сконцентрировать векторы целедостижения и политической направленности сети/сетей. На практике это достигается через финансирование политического заказа, гранты, пожертвования, помощь на развитие или исследовательские и образовательные программы, как правило, не имеющие отношения к истинной политической цели (например, на модернизацию избирательной системы).

* * *

Тезисный пример практического анализа на рассматриваемую в данной статье проблематику. В термодинамике изменение структуры и качества материала может быть смоделировано путём укрепления или ослабления связей между звеньями кристаллической решётки (другими словами, сети). Новая кристаллизация зависит от дозировки внедрённых извне ингредиентов и технологического процесса. Образно говоря, все компоненты «мягкой» стратегии, в т. ч. НПО-дипломатия и публичная дипломатия, как сетевые системы, включены в этот процесс трансформации, только, естественно, в гуманитарно-политической сфере, используя способность групп к коллективным действиям (асабия или асабийя, по В.П. Турчину).

Сам технологический процесс в этой сфере от «закладки» каналов прохождения социальных и политических сигналов, их наполнения требуемым контентом, накопления критической массы влияния (мотиваций) с выходом на трансформацию (изменение качества объектов (политического «сырья») и, соответственно, его векторов целеполагания), до воздействия на принятие решений представляется схематично следующим образом:

– НПО-сообщество (сетевой бэкграунд);

– низовые («народные»), неинституционализованные связи и взаимодействия НПО-сети (движения породнённых городов, обществ дружбы, семейного туризма, блоговых Интернет-коммуникаций и т. д.) на уровне субъект-объектных отношений и удовлетворения первичных коммунарных, межличностных потребностей в коммуникациях;

– культурно-гуманитарная дипломатия (институционализованный этап): *объекты* – человек, его сознание и подсознание, общности людей, НПО-организации, официальные институты гуманитарно-образовательного профиля; *сфера* – язык, культура в широком смысле, традиционный уклад; *цели (локально-аудиторные)* – позиционирование своего гуманитарного продукта и формирование образов его привлекательности, модификация духовно-коммунарной среды; *фоновые параметры* – доверие, притягательность, привлекательность;

– дипломатия институтов развития (институционализованный): *объекты и сфера* – национальные и транснациональные системы управления и их менеджмент в финансово-экономических, промышленно-технологических, бюрократических секторах (частный, государственный, общественный уровни управления и самоуправления); *цели (локально-регионально-глобальные)* – внедрение своих стандартов, «правил игры» через интеграции, кооперацию, «советни-

ческое» сотрудничество, обучение; *фоновые параметры* – доверие, поддержка-помощь, выгодность, престижность;

– НПО-дипломатия (институционализируемая): *объекты и сфера* – НПО-организации, институты гражданского общества, экспертно-консультативные, научно-интеллектуальные и бизнес круги среднего уровня, система СМИ-СМК, государственные структуры гуманитарного и образовательного профиля, в целом третий эшелон кадрового (элитного) резерва; *цели (локально-глобальные)* – модификация социальной среды, сложившейся модели функциональной, структурной и информационной системы общества, продвижение своих форматов и формирование актива сторонников через общественные (неполитизированные) программы интегрального сотрудничества и взаимодействия; *фоновые параметры* – доверие, консолидация, солидарность, разделение и служение общечеловеческим, надгосударственным идеалам и общечеловеческим ценностям;

– ПД-дипломатия – публичная дипломатия (институционализируемая): *объекты и сфера* – формальные и неформальные институты формулирования и конструирования идеологии и целей (архитектуры) политики, полисмейкеры, «мозговые тресты» и выборочные СМИ-СМК высокого уровня, второй эшелон кадрового (элитного) резерва; *цели (двусторонние, международные, глобальные)* – активация технологий и инструментов политики влияния с включением рычагов и ресурсов всех направлений гуманитарного измерения для воздействия на истеблишмент, формирование среды эксклюзивных предпочтений; *фоновые параметры* – прессинг (информационный или через рейтинговые санкции НПО-сети), партнёрство обязательств, лоббизм.

Это, конечно, достаточно условная и далеко не полная схема. Но как показывает практика, она эффективно действует не только во многих развитых западных странах, но и на международном уровне. В частности, как мы уже отмечали выше, в США с уровня (градуса) публичной дипломатии этот сектор ещё называют «крутящейся дверью» (*rotating door*), «кадровым лифтом» внешней политики, дающей вход и выход в высшие эшелоны власти и прослужившим уже функционерам, и новому кадровому резерву из мозговых центров или продвинутой бюрократии НПО-общества.

Здесь уместно привести выдержки из исследования В. Крашенинниковой «Америка – Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России», которые имеют также отношение к общей сути данной статьи:

«...Особую позицию в американской системе занимают общественные организации. Они состоят из наиболее активных граждан и служат каналом гражданской энергии миллионов американцев. Сотни тысяч неправительственных, некоммерческих организаций охватывают все вообразимые темы: религия, наука, литература, образование, медицина, защита детей, непрофессиональный спорт, помощь пострадавшим при природных катастрофах, защита животных.

Американские граждане жертвуют на благотворительную деятельность гигантские суммы. В 2005 году американцы перечислили на различные филантропические цели 260 млрд долларов; суммы растут ежегодно на 5–6%.

Пожертвования на международные дела стоят в последней строчке списка основных целей – они составляют 2,5%, которые набирают, тем не менее, внушительные 6,4 млрд долларов. Часть этих средств идёт в бюджеты частных неправительственных организаций и научно-исследовательских центров, которые

занимаются разработкой экспертного анализа по широкому кругу общественно значимых проблем и политических подходов к их решению.

...В чем состоит сущность и значение таких общественных организаций? Они являются платформами для создания наиболее качественных аналитических работ и рекомендаций, своеобразным пулом идей, лабораториями для разработки новаторских решений, к которым прибегают чиновники, исследователи и журналисты. Посредством общественных обсуждений и публикаций эти организации распространяют в мире американский образ мышления и многообразие идей, представлений, убеждений, предложений, которые напрямую или опосредованно продвигают американскую точку зрения, вовлекая в её защиту интеллектуальные круги других стран. Они являются интеллектуальной опорой общества, резервом идей и ценностей, которые обеспечивают преемственность поколений и их ориентацию в мире идей.

... В результате в рамках общественных организаций снова происходит слияние государственных, корпоративных и частных – материальных и идеалистических – интересов. В изобретении таких форматов, где разнообразные интересы многочисленных групп сходятся в единой миссии, состоит оригинальность и секрет успеха американской системы»¹.

* * *

Некоторые выводы по теме публикации и изложенному материалу:

1. Реальность и позитивная результативность участия граждан, народов в функционировании и внутренней и внешней политики реально и повсеместно обозначилась в 2006–2009 годах как важнейшая и фундаментальная научная проблема для политологии, социологии, философии, правоведения, истории, экономики, культурологии².

2. Рассматриваемая в данной статье научно-теоретическая проблема современной конфигурации сетевых построений, в т. ч. и в международных отношениях, несмотря на тезисное изложение, позволяет сделать вывод об очевидной практической актуальности более глубокого исследования феноменов Сеть-политика, Сеть-дипломатия, а также Сеть-институт/институты в контексте взаимодействий сетевых и несетевых институциональных структур.

3. По последнему тезису об институциональных взаимодействиях, следует отметить, что главная прикладная задача состоит в том, чтобы не противопоставлять иерархические и сетевые построения, отдавая кому-либо приоритет, а разрабатывать подходы и механизмы их гармоничного сожительства, взаимодополнения в совместной реализации внешнеполитических стратегий и политического целеполагания.

4. В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что в реальной жизнедеятельности и пространстве политики не существует чёткой демаркаци-

¹ Крашенинникова В. Америка–Россия: холодная война культур. Как американские ценности препомяют видение России. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 368–370.

² Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия. В 3 т. М.: 2008–2009; Кузнецов В.Н. Мир после кризиса: Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации. М.: 2009; Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.: 2009; Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: 2009; Капто А.С. Энциклопедия «Мир». В 2 т. М.: 2008.

онной линии между Сетью и Иерархией. Жёсткие пирамидальные структуры успешно внедряют в свою деятельность сегментарные сетевые форматы (например, транснациональные корпорации). В научный оборот введено даже такое понятие, как иерархическая сетевая структура. Вместе с тем сетевые системы объективно тяготеют к более основательной и стабильной иерархическо-пирамидальной конфигурации.

5. В российской исторической традиции и современной политической практике доминируют вертикально-интегрированные построения. Чрезмерная автономность и оппозиционная независимость сетевого сообщества всегда вызывала у властных институтов России определённое недоверие и ассоциировалась или с внезаконными структурами (криминальными, террористическими, цеховыми, сектантско-конфессиональными), или с импортно-вирусными, подрывными НПО-моделями западного образца, которые, надо признать, на каком-то этапе развития России действительно представляли угрозу стабильности нашего государства. Это повлияло на то, что невольно политический маятник качнулся в обратную сторону. И сейчас идёт медленный, но целенаправленный процесс по возврату его в гармоничное равновесие. Иное дело внешнеполитическая деятельность на международной арене, в глобальном, взаимосвязанном мире. Здесь мы не только утратили многие эффективные наработки гуманитарно ориентированной сетевой дипломатии с опорой на НПО-сообщество, но и значительно отстаём в разработке и реализации модернизированной стратегии по использованию во внешней политике сетевого ресурса, адаптированного под требования сегодняшнего дня.

6. Для подтверждения последнего замечания два сравнительных примера мобильной деятельности структур американской сетевой дипломатии на пространстве СНГ. Не прошло и двух месяцев после парламентских выборов в Молдове, на которых победила либерально-демократическая оппозиция, как в Кишинёв высадился мощный десант американского фонда Аденауэра. Им была организована международная экспертно-общественная конференция по проблемам дальнейшей демократизации молдавского общества и предложено финансирование программ по модернизации избирательной системы и созданию центра независимых СМИ, естественно без русскоязычных изданий.

В этом же ключе можно рассматривать октябрьскую 2009 г. конференцию в Казахстане с участием фонда Карнеги. Давая оценку предстоящему председательству Казахстана в ОБСЕ, представители фонда недвусмысленно, но настоятельно рекомендовали казахскому руководству не выносить на обсуждение и «не принимать близко к сердцу» проблему новой архитектуры европейской безопасности (предложена Президентом России Д.А. Медведевым). Российская реакция на такое «общественное» давление на казахстанское руководство последовала от лица посла России в Астане. Отечественные структуры сетевой дипломатии в игре на этом поле формирования общественного и международного мнения не участвовали.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

Е.В. НИКОНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ БИБЛИОТЕК В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Развитие информационно-коммуникационных технологий, основанного на них информационного общества и общества знаний, предъявляет новые требования к библиотекам. Среди них: наличие электронных каталогов, полнотекстовых баз данных хранящихся документов, модернизация систем их навигации, поиска и т. д.; подготовленный для работы в условиях распространения и постоянного совершенствования технологий персонал библиотек; социальная ориентация деятельности библиотек, нацеленная не только на пользователей, но и на общество в целом; новые виды и формы обслуживания пользователей, требующие выхода за пределы библиотеки и интеграции взаимодействия с действующими телекоммуникационными и другими системами связи и коммуникаций, обеспечивающими возможность быстрого доступа к фондам библиотеки путём информирования пользователей об исполнении заказов, о наличии требуемых документов в данной или других библиотеках и т. д.

Не будем подробно останавливаться на перечислении всех этих требований, а обратим внимание на то, что они выходят за рамки существующих традиционных представлений о библиотеках и библиотечной деятельности и вызывают вопросы по поводу дальнейшего развития библиотечной сферы, которые волнуют не только профессиональное библиотечное сообщество, но и людей, по роду своей деятельности связанных с необходимостью быстрого получения современной качественной информации, обеспечивающей их общественные функции и индивидуальные потребности.

ИННОВАЦИОННАЯ СРЕДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ НАУКИ

Библиотекари-профессионалы пытаются отвечать на возникшие и появляющиеся вновь вопросы, что называется, «по мере поступления». Таким образом, решаются многие серьёзные проблемы, которые позволяют российскому библиотечному делу идти «в ногу со временем». При этом используется богатый профессиональный опыт и потенциал библиотечных специалистов, а также практика решения конкретных проблем за рубежом, что возможно благодаря высокой активности российских библиотечных специалистов, их сотрудничеству с российскими и международными организациями, профессиональным связям и обмену.

Однако, наряду с конкретными практическими задачами, успешно решаемыми на основе инновационных подходов и самоорганизации библиотечного профессионального сообщества, например, в рамках РБА, ЛИБНЕТ, библиотечных консорциумов, существует ряд проблем, которые не могут быть решены без проведения целенаправленных системно организованных научных исследований. В частности, это касается осмысления роли и места библиотек в информационном обществе, институционализации библиотечного дела, стратегии развития библиотек и библиотечного дела в условиях экономики знаний, сохранения и менеджмента библиотечных фондов и документов на различных носителях и др.

К сожалению, в последние полтора десятилетия авторитет научных исследований в области библиотечного дела заметно снизился. Это связано со многими обстоятельствами, к которым, в первую очередь, можно отнести:

1. Недостаточное внимание государства к развитию науки и научных исследований в стране в целом.
2. Практическое «выпадение» из Стратегии инновационного развития России сферы культуры. Это привело к тому, что, с одной стороны, не определены контуры инновационной деятельности в рамках культурной политики государства, с другой – сфера культуры из-за ведомственных барьеров оказалась отделена от сфер образования, науки и бизнеса, т. е. наиболее инновационно развивающихся областей жизнедеятельности, хотя абсолютно очевидно, что развитие и образования, и науки является показателем уровня развития культуры в обществе.
3. Незаработанность. Отсутствие чётко определённой библиотечной политики и научно-исследовательской деятельности как её отдельного направления, обеспечивающего стратегию инновационного развития библиотечного дела в условиях быстрого продвижения и постоянной модернизации информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).
4. Определённая стагнация библиотечной науки, выразившаяся в незаработанности адекватной методологии научных исследований и инновационных форм организации научно-исследовательской деятельности, отражающих новые подходы к изучению библиотек и библиотечного дела, свидетельствующих об отсутствии координации с современным науковедением и философией науки.

Именно эта ситуация заставила нас обратиться к новейшим отечественным разработкам философии науки и встать на путь выявления оснований новой методологии библиотековедения, как науки, отвечающей потребностям современной эпохи социального развития, способной осуществлять полномасштабные исследовательские проекты и формировать модель будущего развития библиотечно-информационной отрасли.

Основанием этой методологии является постнеклассическая рациональность, а формирующейся на её основе наукой – постнеклассическое библиотековедение.

«Постнеклассические практики» пока ещё не освоенный библиотечной наукой термин. Его применение связано с необходимостью включения в обычную практику библиотечных исследований подходов и исследовательских концептов, связанных с освоением постнеклассической рациональности.

Термин «постнеклассический» принадлежит известному российскому философу академику В.С. Степину [8], и относится к современной терминологии философии науки, означая один из этапов её развития. В философии науки выделяются три таких этапа, в основе которых лежат различные типы научной рациональности: классическая наука (возникла в XVII в.); неклассическая наука (возникла во второй половине XIX в. – начале XX в.); постнеклассическая наука (возникает в конце XX в. – начале XXI в.).

Предпосылками становления постнеклассической науки являются:

- интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни;
- изменение характера научной деятельности, связанное с революцией в средствах хранения и получения знаний (компьютеризация, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов, которые функционируют аналогично средствам промышленного производства и др.);
- приоритет междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследовательской деятельности на основе комплексных научных программ, в которых принимают участие специалисты различных областей знания.

Постнеклассическая наука характеризуется уникальностью объекта исследования, изучая саморегулирующиеся, развивающиеся системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Взаимодействие человека с этими системами не является внешним, он включается в саму систему, видоизменяя спектр её возможных состояний. В процессе любой деятельности перед человеком постоянно встаёт проблема выбора линии своего развития из множества возможных вариантов; усиливается ответственность и риски принятия решений; возрастает роль ценностных ориентиров, актуализируется морально-нравственная составляющая ответственности [8].

Устойчивое развитие библиотеки в современном мире обусловлено ориентацией на новую модель научных исследований, разработку методологии библиотечной науки как постнеклассической науки, новые формы организации научно-исследовательской деятельности, подготовку молодых специалистов, владеющих данной методологией [5].

Кроме того, идея инновационного развития нашей страны строится на понимании инновационной политики как деятельности, связанной более всего с новыми научно-техническими разработками и коммерциализацией интеллектуальной собственности и развитием экономики, основанной на знаниях. Вместе с тем сегодня практически нет никаких научных – фундаментальных или прикладных разработок, касающихся инноваций в гуманитарной области и сфере культуры; система экономических показателей не отражает всей палитры особенностей различных учреждений культуры, их многообразной творческой деятельности и её результатов.

Поэтому нам хотелось бы обратиться к тем реальным изменениям, которые формируют принципиально новый этап в развитии библиотек и библиотечного дела и определяют необходимость новых подходов к исследованию библиотечной сферы на основе методологии постнеклассической науки. Попытаемся представить внешние и внутренние условия происходящих в библиотечном деле изменений.

Внешним условием этих изменений выступает современный этап развития глобальной цивилизации, который пока ещё не имеет чётко выявленных оснований, а потому и однозначного определения. По мнению некоторых исследователей, этот этап можно назвать постиндустриальным или информационным обществом, суть которого заключается в производстве информации и знаний на базе информационно-коммуникационных технологий.

Этот этап сопровождается социальными изменениями, которые некоторые социологи называют *гуманитарной революцией*. Она связана с процессами глобализации и выходом на арену новых субъектов миропорядка – народов. В значительной мере этому способствует развитие глобализации, неприятие отдельными национальными культурами унификации ценностей, универсализации не только форм экономической жизни, но и культуры.

Всё это свидетельствует о формировании новой эпохи коммуникаций, когда наряду со странами – мировыми лидерами и традиционными участниками миропорядка – выступают новые – народы как носители различных культур, и именно народы-культуры превращаются в субъекты политики, коммуникаций, становятся активными участниками глобальных процессов.

Вступление в коммуникации народов-культур создаёт основу для реального взаимодействия этих культур без посредников, напрямую, через взаимное признание и создание условий для расширения пространства межкультурных коммуникаций и через них – для социокультурной и социально-политической интеграции.

С точки зрения специалистов философов и культурологов, это этап формирования новой системы ценностей – постматериальных. По мнению П.К. Гречко особенно хорошо прослеживается движение общества по этому пути через призму изменения обобщающих показателей индексов жизни. Сначала это был показатель уровня жизни, который отражал объём потребляемых человеком материальных благ, затем качества жизни –

показатель, оценивающий доступность различных благ цивилизации: образования, здравоохранения и т. д. В последние годы возник ещё один новый показатель – субъективной удовлетворённости трудом, личной и общественной жизнью в целом. Это так называемый индекс развития человеческого потенциала: появление такого обобщающего показателя свидетельствует о начале новой *аксиоцентрической эпохи*, определяемой не количеством и динамикой всех сфер человеческой деятельности, а глубиной и полнотой её человеческого смысла [2].

По мнению Э.Г. Кочетова, сейчас формируется наука о проблемах общих ценностей – жизнеутверждающих начал бытия, которую он называет «гуманитарной космологией» [3].

Гуманитарная революция как системообразующая новация оказывает влияние на все сферы жизни общества. Она составляет некую внешнюю оболочку и для тех инновационных изменений, которые происходят в развитии библиотечной сферы.

Речь идёт об инновациях, которые значительно шире, чем использование новых информационно-коммуникационных технологий, хотя реализуются они именно на основе ИКТ. Эти инновации выходят за рамки применения ИКТ и позиционируют библиотеку как социальный институт, целью которого является решение значимых социальных задач.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ БИБЛИОТЕЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для демонстрации этих изменений было выбрано основание, характеризующее сущностную связь, изучаемую библиотековедением: связь между библиотекой и читателем, так как библиотека исторически создавалась и существует сегодня именно для читателя (пользователя, человека).

Изменения в системе «библиотека – читатель» можно рассматривать в качестве внутренних условий происходящих сегодня изменений в библиотечной сфере.

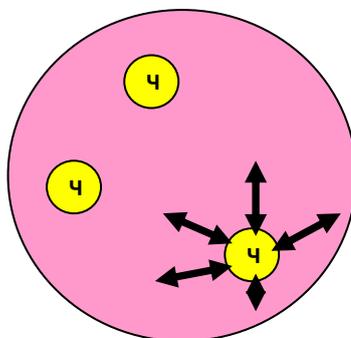
Рассмотрим три основных этапа развития взаимосвязей в системе «библиотека – читатель» и их трансформации.

I этап характеризуется тем, что читатель является реальным субъектом, библиотека – объектом, читатель осваивает библиотеку, непосредственно посещая абонемент, читальные залы, получает справочно-библиографическое и информационное обслуживание (см. схема 1).

Схема 1

I этап: взаимосвязи «читатель – библиотека»

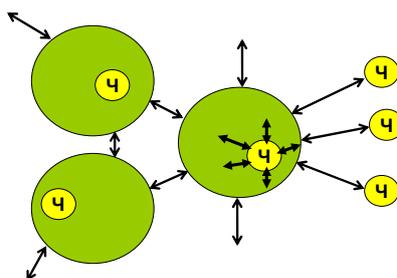
Читатели реальные; обслуживание в стенах библиотеки, индивидуальное;
читатель – **субъект**, осваивающий библиотеку как **объект**, **изнутри**

II этап – это взаимосвязи в системе «библиотека – читатель» (см. схема 2).

Схема 2

II этап: взаимосвязи «библиотека – читатель»

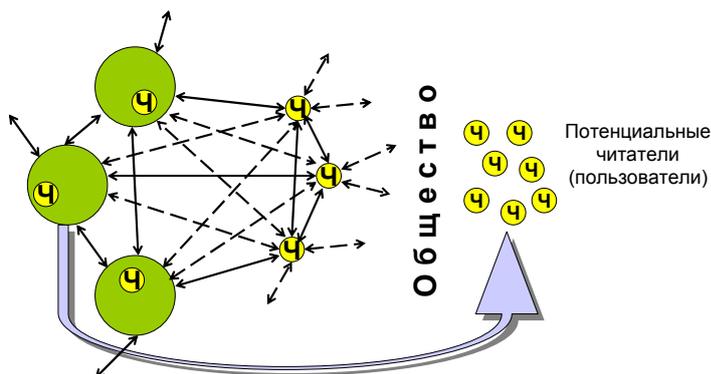
На втором этапе развития библиотеки читатель как субъект осваивает библиотеку изнутри и извне. Предлагая читателю свои реальные и виртуальные услуги, библиотека при этом выступает также в качестве субъекта отношений. Но пока читатель является более активным в этих отношениях: он идёт в библиотеку, является инициатором отношений с ней, он не всегда знает, что он хочет найти в библиотеке. Читатели при этом реальные и виртуальные; обслуживание осуществляется внутри и вне библиотеки с использованием корпоративного ресурса; происходит информатизация библиотечно-библиографической деятельности. На этом этапе взаимосвязи читателя и библиотеки формируются как субъект-субъектные отношения.

Роль библиотеки как субъекта подразумевает коллективный и индивидуальный труд многих библиотечных специалистов. Сегодня состав их очень изменился под влиянием новых информационных технологий и расширением спектра функций библиотеки как социального института (психологическая реабилитация, юридическая помощь, поликультурная адаптация мигрантов и др.). Таким образом, система отношений, формирующихся на этом этапе, носит ярко выраженный синергийный характер и может быть описана с позиций классической и неклассической синергетики.

III этап – взаимосвязи в системе «библиотека – общество».

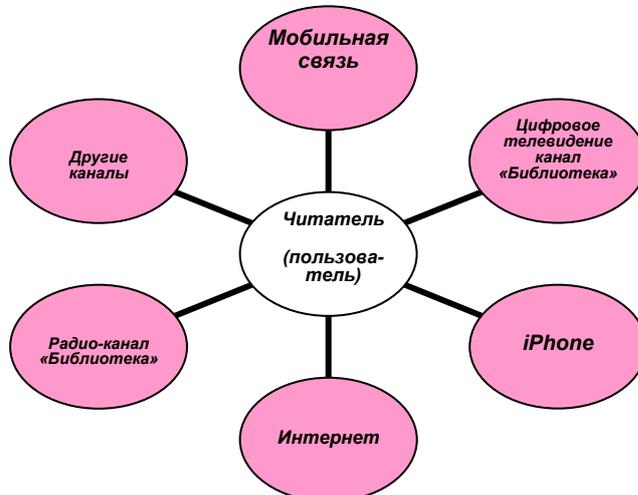
Схема 3

III этап: взаимосвязи «библиотека – общество»

Формирование этого типа взаимосвязей библиотеки и есть системообразующая новация в её развитии. По аналогии с привычным выражением «читатель пришёл в библиотеку» этот этап её можно выразить словами «библиотека "пришла" к читателю». Суть перехода к новому типу взаимосвязей заключается в том, что изменяется характер субъектной характеристики библиотеки: она становится «полнокровным» субъектом управления отношениями с обществом, не только обслуживает реальных и виртуальных читателей в ней самой и за её пределами, но и реализует программу *формирования потенциальных*, то есть *случайных* пользователей. Она работает с ними, создаёт посредством современных ИКТ такую систему коммуникаций, которая позволяет людям ощущать постоянную близость и доступность библиотеки, реализует возможности в любое время, в любом месте связаться с библиотекой и получить необходимую информацию. Читатели у такой библиотеки не только реальные и виртуальные, но и потенциальные, случайные; обслуживание индивидуальное, корпоративное и сетевое.

С точки зрения отдельного читателя систему этих отношений может продемонстрировать следующая схема, раскрывающая основные каналы взаимодействия библиотеки с пользователем.

Взаимодействие библиотеки и пользователя происходит по информационно-коммуникационным каналам, модули которых представлены на схеме, но не исчерпываются ими. Эти каналы определяются возможностями пользователя, возможностями библиотек и возможностями информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, с их помощью пользователь может получить аудио, видео, мультимедиа информацию из библиотеки и взаимодействовать с ней. Стратегическим инновационным направлением развития библиотек является включение этих каналов в инфраструктуру *информационно-коммуникационного библиотечного пространства*. Решение этого вопроса во многом определяется активностью самих библиотек, а также инновационными ориентирами библиотечно-информационной политики в стране.

БИБЛИОТЕКА КАК СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Вместе с тем следует признать, что формирование такой модели взаимоотношений библиотек с обществом есть лишь определённая возможность развития событий, которая может быть реализована, а может быть, и нет. Условием её реализации, как было отмечено выше, является превращение библиотеки в субъект этих отношений, и притом субъект, характеризующийся именно теми чертами, которые вкладывает в понятие «субъект» постнеклассическая наука. По мнению В.И. Аршинова и Я.И. Свицкого постнеклассическая парадигма – «это парадигма коллективного сетевого разума, формируемого в процессах межличностной синергичной коммуникации» [1, с. 7]. Межличностная синергичная коммуникация и есть то ядро, вокруг которого выстраивается понимание субъекта постнеклассической рациональности, отличное от предыдущих типов научной рациональности (классической и неклассической). С точки зрения философского конструктивизма человек в процессе познавательной и практической деятельности не только отражает окружающую его действительность, но и творит её, т. е. распредмечивает и опредмечивает. Поэтому вопрос о том, как соотносятся познание и цели практического изменения мира человеком с результатом этой деятельности, а также как координируются эти виды деятельности в процессе коммуникации, всегда был одним из главных вопросов гуманитарных наук.

Постнеклассический тип рациональности, формирует представление об окружающей действительности в виде субъективных реальностей, от которых отказалась классическая наука и частично приняла неклассическая наука. Субъективная реальность – это мир, в котором живёт и творит субъект, это опыт его повседневной жизни и культуры, знания, на основе которых он изменяет (творит, конструирует) действительность. Философская синергетика, по мнению Е.Н. Князевой [6, с. 78], раскрывает механизмы этого процесса: сконструировать можно только то, что согласовано с внутренними тенденциями развития системы. Отсюда вытекает и знаковая роль субъекта, который должен конструировать окружающий его мир не наобум, а «ударять по клавишам возможного». Только таким способом можно избежать хаоса и разрушения, и «ударяя по клавишам, пробуждая мир к новой, но его собственной жизни, субъект активизирует спусковой механизм для начала процессов самоорганизации» [6, с. 78]. Следует добавить также к характерным чертам «постнеклассического» субъекта такие характеристики, как активность, инициативность, управление процессом конструирования субъективной реальности, ответственность за результаты деятельности. Ясно, что эта деятельность должна быть продуманна и строиться на основе стратегии, то есть чётко поставленных целей и определённых задач.

Именно таким субъектом и должна стать библиотека как коллективный субъект конструирования новой модели взаимоотношений с обществом. В статусе коллективного субъекта библиотека должна управлять процессом конструирования этой модели, а потому сама по себе должна выступать в виде целостной системы управления и конструирования, то есть, чтобы конструировать отношения с обществом она должна конструировать отношения с собственным персоналом и выстраивать их по типу рефлексивного целостного организма. Формирование и функционирование библиотеки в таком виде требует гибкой системы управления внутри библиотеки, основанной на развитии сетевого взаимодействия между сотрудниками различных подразделений, отсутствием иерархии и жёстко детерминированных связей, когда, действуя по принципу «ризомы», все подразделения могут одновременно подключаться и вносить свой вклад в решение общих проблем и задач, то есть самоорганизовываться.

Обязательным условием развития библиотеки как коллективного субъекта с описанными выше функциями является наличие стратегии, которая разрабатывается и реализуется всем персоналом. В связи с разработкой методологии постнеклассической науки меняется представление о развитии как определённой функции будущего. Следует заметить, что классическая наука опиралась в основном на исследования того, что имело место в данный конкретный момент времени, поскольку мир и окружающая действительность считалась мало изменяемой. Неклассическая наука изучала настоящее, признавала наличие прошлого и рассматривала его в качестве объекта исследования, но практически была бессильна перед будущим. Постнеклассическая наука основывается на признании отсутствия жёсткой детерминации в развитии сложных саморазвивающихся систем, признаёт субъективные реальности и роль субъекта в конструировании будущего. В этой связи она является обоснованием для нового метода прогнозирования будущего развития, имеющего ярко выраженную социальную ориентацию, получившего название *форсайт*. Этот термин означает «не только исследование будущего, но и совокупность подходов к принятию решений с целью

улучшения факторов, влияющих на будущее в долгосрочном периоде, и создания широких социальных сетей для формирования желаемого или ожидаемого будущего» [7, с. 113]. Социальный компонент в исследованиях такого рода выражается в необходимости обсуждения способов, вариантов и сценариев развития будущего с персоналом, различными социальными группами и организациями, включая ведомства и правительство. Отголоском такого подхода является развитие нового типа отношений, который называется GR – Governmental Relations – отношения с правительством или с высшими эшелонами власти, пришедшими на смену PR – Public Relations. Этот тип отношений активно применяется в бизнесе, а также непосредственно в сферах, выживающих за счёт государственного бюджета и находящихся в особом положении в плане получения финансирования. В том числе его активно используют крупные библиотеки федерального подчинения, а также библиотеки в регионах и муниципальных районах, активно выстраивающие отношения с законодательной и особенно исполнительной властью.

Следствием развития информационно-коммуникационных технологий являются и изменения, происходящие с людьми как субъектами, взаимодействующими с библиотекой. Так, например, по мнению А.С. Нариньяни (и. о. генерального директора РОС НИИ искусственного интеллекта) в век развития высоких информационных технологий меняется сущность человека, и он как бы превращается из вида *Homo sapiens* (человека разумного) в вид *eHomo* (человека электронного) [4, с. 3–4]. Это, несомненно, образное видение трансформации человека разумного, не является вдохновляющим, но ясно, что изменения, которые происходят с субъектом-пользователем также должны быть в центре внимания библиотечников и книговедо-профессионалов и изучаться ими с позиции постнеклассической науки.

Для того чтобы библиотека могла успешно осуществлять эту программу необходимо заниматься активными исследованиями как информационно-документных, коммуникационных, так и других потребностей общества в целом, разных его слоёв и групп, а не только тех читателей, которые уже являются реальными или виртуальными пользователями библиотеки.

Социологические исследования информационных потребностей отдельных целевых групп должны касаться, прежде всего, решения социально значимых задач, связанных с актуальными, волнующими общество проблемами, в том числе, с реализацией национальных проектов, коррекцией демографической ситуации; воспитанием и образованием детей, подростков, молодёжи, проявлением внимания к людям, имеющим ограниченные физические возможности и др. Важное место в этих исследованиях должны занимать исследования в сфере психологии личности, развития интеллекта и духовно-нравственной сферы.

Эти исследования библиотека должна осуществлять вместе с другими ведомствами, научными и образовательными учреждениями, привлекая органы государственной власти на федеральном и местном уровнях. На основаниях постнеклассической парадигмы и с использованием новых подходов, ориентированных на экономику знаний, должны строиться исследования самих библиотек, в том числе изучение экономики библиотечной деятельности, включая разработку системы экономических показателей, критериев эффективности и качества библиотечного труда, связанного с электронными ресурсами и др. Это касается и проблем интеллектуальной собственности, оценки интеллектуального капитала библиотек и их коммерциализации.

Схематичное представление библиотеки третьего поколения демонстрирует синергетический подход к исследованию взаимосвязей внутри и вне современной библиотеки, процесс самоорганизации библиотеки и читателей, причём этот подход базируется на развитии постнеклассической синергетики. По ней прослеживается институциональный подход, к статусу библиотеки как полноценного государственного социокультурного института. Кроме того, в ней отчётливо проявляется совпадение различных темпомиров: функционирование всех видов и типов связей одновременно, сосуществование библиотек всех поколений с различными типами связей. Очевидно, что в зависимости от ситуации, любая библиотека может выстраивать тот вид и тип отношений с читателем, пользователем, которые она способна воспроизвести функционально с учётом финансирования, состояния материально-технической базы, отношения к библиотеке общества, власти и т. д. На предложенной схеме продемонстрированы возможности развития библиотеки в современном мире, вытекающие из её собственных функций, а также информационного, интеллектуального и духовно-нравственного потенциала.

* * *

Нами рассмотрены лишь общие подходы к анализу трансформации системных связей библиотеки как социального института в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий. Безусловно, трансформации библиотеки как самоорганизующейся системы в современном глобализирующемся мире гораздо шире и сложнее. Они требуют проведения специальных фундаментальных и прикладных исследований.

Предстоит проанализировать всё многообразие внутренних связей библиотеки как системы, включая информационно-документные ресурсы (фонд реальный и электронный), способы их организации и поиска, формы и каналы предоставления читателям и пользователям релевантной оперативно подготовленной информации. Осмыслить, исследовать и сформулировать эти новые для библиотек задачи можно только с позиций постнеклассической науки [9]. Нарастание темпов цивилизационных изменений, быстрые изменения в обществе требуют оперативной реакции и инновационных исследовательских программ комплекса библиотечных наук.

Литература

1. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Интерсубъективность в контексте постнеклассической парадигмы. Рефлексивные процессы и управление / Сборник материалов VI Международного симпозиума 10–12 октября 2007 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. М.: «Когито-Центр», 2007. С. 7–9.
2. Гречко П.К. Ценности: природа и эволюционная типология // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 10.
3. Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология: дорога к новому мирозданию новых людей: научная монография. М.: Деловая лит., 2006.
4. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3–17.
5. Никонорова Е.В. Инновационная стратегия: культура и библиотеки в контексте развития научного знания (по публикациям 2004–2006 гг.). Библиотечное дело – XXI век: науч.-практ. сб.: вып. 2(12) / РГБ. М.: 2006. С. 6–29.
6. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 78.
7. Семёнова Н.Н. Форсайт в условиях глобализации // Информационное общество. 2008. № 3–4. С. 113.
8. Степин В.С. Наука и образование в эпоху цивилизационных перемен // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2002. № 1. С. 143–152.
9. Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки. Проблемно-ориентированный сборник / РГБ; сост.: Е.В. Никонорова, М.И. Акилина. М.: Пашков дом, 2008.
10. Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия. В 3-х т. М.: 2008–2009.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В АЗИИ¹

Термин «мягкая сила» был введён в научный оборот Джозефом Наем², признанным лидером либерально-идеалистической школы и занимавшим высокие посты в администрации президента Б. Клинтона, ещё в 1990 г. в работе «Обреченные на лидерство: изменяющаяся природа власти Америки», под которым американский учёный понимает «способность получить то, что вам нужно через притягательность, а не через принуждение»³.

«Мягкая сила» России в Азии, вплоть до конца биполярного периода, всегда была очень заметной. В царский период в ходе, так называемой, Большой игры (противостояние России с Великобританией по периметру всей Азии, но особенно на Среднем Востоке) авторитет нашей страны был очень высок, особенно в колониях Великобритании, надеявшихся на победу Белого царя. Россию выгодно отличало от других метрополий и положение на захваченных ею территориях в Азии: не существовало никакой системы перекачки колониальной дани с захваченных территорий (напротив, периферия дотировалась Центром), не было экономической и национальной дискриминации местных жителей⁴, местная элита кооптировалась в общероссийскую. Правда, эти особенности России не были широко известны в Азии в тот период.

Авторитет Советского Союза в азиатских странах был весьма высок, и он считался крайне важным партнёром. Даже афганская авантюра, запятнавшая страну в глазах всего мира, привела к корректировке взаимосвязей лишь с отдельными мусульманскими странами (например, Ираном). Это благожелательное отношение было связано с целым рядом факторов.

После Октябрьской революции 1917 г. лидеры Советской России стали придавать большое значение азиатскому миру. Надежды на пролетарскую революцию на Западе не оправдались. Отсюда и расчёты, что тесные связи с азиатскими странами могут обходным путём привести к победе нового строя в масштабах всей планеты. Уже в 1921 г. В.И. Ленин заявил: «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения и втягиваются с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»⁵. В 1920 г. И.В. Сталин писал, что освобождение Индии усилит позиции революции во всём мире, — он рассчитывал на будущее присоединение этой страны к социалистическому лагерю⁶. В 20-е годы лишь Китай оправдал надежды советских руководителей. С середины десятилетия призывы к экспорту революции слабели, а отношение сталинского режима к Индии и другим азиатским странам стало весьма прохладным.

Итоги второй мировой войны, изменение геополитического баланса в Восточной Европе и на Дальнем Востоке позволили советскому руководству считать реальной возможностью перераспределения сил в мировой политике в пользу СССР. Хорошо известна роль Советского Союза в победе Народно-освободительной армии Китая (оказание всеобъемлющей дипломатической, экономической, военной и финансовой помощи). Усиление стран Востока выглядело тогда желательным и целесообразным — особенно при их ориентации на социализм. Это определило выбор КНР в качестве главного союзника в Азии и беспрецедентно высокий объём экономического и военно-технического содействия этой стране.

В середине 50-х годов начался новый этап в развитии советского общества, что нашло своё отражение и во внешней политике. Преодоление разрухи, вызванной войной, развитие ядерной программы позволили, помимо выживания, поставить во внешнеполитическую повестку и другие вопросы. СССР стал проводить активную политику в зоне национально-освободительного движения. Отказ от дихотомии «кто не с нами, тот против нас» привёл к активизации политики Советского Союза в зоне национально-освободительного движения. Индия, крупнейшее развивающееся государство, и Египет, центр силы Ближнего Востока, были естественным выбором советских руководителей.

1950–1960 годы были периодом, когда «мягкая сила» СССР достигла максимума. Советская модель развития выглядела весьма привлекательной для азиатских стран. В этот период в данном мега-регионе после краха колониальной системы начинается процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих норм европейской цивилизации. На место иностранного колониального чиновника приходит местная элита. Воспитанная в европейском духе, она пытается сохранить, насколько это возможно, усвоенную ею систему ценностей, манеру поведения и пр.; для неё это и защитный барьер против местных конкурентов. Но в обстановке подъёма национального самосознания она вынуждена устанавливать прямые и обратные связи с основной мас-

¹ Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ) по исследовательскому проекту № 09–03–00700а/Р.

² В 2007 г. он предложил ещё один термин: «умная сила» (см.: Сухарев А., Кореньков А. Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: стратегии развития общественной дипломатии и константы динамики НПО-среды // Безопасность Евразии. 2008. № 4. С. 66–68).

³ Joseph S. Nye, Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990.

⁴ В царской России наблюдалась дискриминация только по конфессиональному признаку (так совершенно неверен термин «черта оседлости евреев»: существовала «черта оседлости иудеев»).

⁵ Ленин В.И. *Лучше меньше, да лучше* // Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 409.

⁶ Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 13. С. 372.

сой населения. Вследствие этого столь долго подавляемые и размываемые проявления автохтонной цивилизации начинают прорываться наверх, оказывать влияние на власть. По мере изменения состава элиты в силу биологических причин или повышения вертикальной мобильности, пополнения её выходцами из низших и средних слоёв, выросших в условиях национального подъёма и поэтому отличавшихся большей приверженностью местным традициям и обычаям, чем элита колониальных времён, влияние цивилизационных ценностей на власть возрастало. К другим разнородным причинам цивилизационного Ренессанса следует отнести: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах, попытки части элиты достичь своих политических целей за счёт запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов, размывание абсолютного превосходства европейской цивилизации и пр. Однако возникнув, эти процессы начинают самовоспроизводиться. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития, методы и формы его деятельности и т. п. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия. Это и предопределило крайний интерес азиатских стран к советской модели, поскольку советская система была (помимо всех прочих факторов) стихийной неосознанной попыткой использовать преимущества коллективистской модели ряда государств Востока (дисциплина, массовость, покорность верхам, приоритет социоцентричности и т. д.). Здесь особенно следует выделить страны Восточной Азии, для которых коллективистский вектор развития всегда был определяющим.

К тому же, темпы экономического роста в Советском Союзе и всём социалистическом содружестве в тот период были значительно выше, чем в США и Западной Европе (в начале 1970-х ВВП СССР дошёл до трёх четвертей объёма экономики США). Более того, для азиатских стран в тот период чрезвычайно большое значение имело развитие экономических связей, так как достижение хозяйственной независимости становилось для них одной из наиболее важных стратегических задач. Западные державы и международные кредитно-финансовые организации в середине 1950-х годов выступали против развития тяжёлой промышленности в афро-азиатском мире, не желая преобразования аграрно-сырьевой периферии мировой экономики. Потому согласие, которое стал давать СССР на оказание азиатским странам экономического содействия в этой сфере, приветствовалось практически всеми политическими и социальными силами в данных государствах¹. Для развивающихся стран выгода от экономического сотрудничества с СССР заключалась и в том, что западные государства также были вынуждены отказываться от прежней политики².

Само утверждение двухполюсной системы давало третьим странам хорошие шансы для геополитических манёвров, прагматизма. Ещё рудиментарная в сильно идеологизированном мире рубежа 1950–1960-х годов такая возможность, уловленная Китаем и Индией, с трудом воспринималась советскими идеологами, искренне верившими в перспективу социалистической системы и отождествлявшими с ней интересы СССР.

Соотношение сил между двумя сверхдержавами в 1960-е годы стабилизировалось. Относительно равновесная система резко повысила роль государств Азии, Африки и Латинской Америки в формировании общих тенденций мирового развития. Социально-экономические и политические процессы в этой зоне уже в гораздо меньшей степени совпадали по своей направленности с векторами расширения социализма – особенно в Азии и Латинской Америке. Увеличилось число стран, маневрировавших между двумя системами.

Страны Азии, Африки и Латинской Америки, получившие в советской теоретической литературе название «зоны национально-освободительного движения», по-прежнему признавались звеном мирового революционного процесса, направленного против империализма. При этом в СССР складывалось не вполне корректное мнение, что наступил новый этап в национально-освободительной борьбе, связанный с начавшимися изменениями в социальной структуре развивающихся стран, якобы направленными на постепенную трансформацию их строя в сторону «социалистического»³.

1970-е годы характеризовались ухудшением для СССР баланса сил в мире. Внешняя политика становилась всё более непоследовательной, временами – пассивной. Нарастание стратегического потенциала из-за переоценки внешних угроз ухудшало экономическую ситуацию, увеличивало отставание от Запада по уровню жизни населения. Официальная идеология отрывалась от реальности, начались кризисные явления в управлении.

К концу 1970-х годов в советской внешней политике произошли значительные перемены. Кремль понял, что не в состоянии вытеснить Запад из афро-азиатского мира и даже утрачивает некогда завоёванные позиции. Реальной казалась угроза единого антисоветского южного фронта – от Китая до Турции. Было принято решение об использовании военно-политических методов (Афганистан) в достижении уже стратегически оборонительных целей.

¹ Так, за годы второго пятилетнего плана Индии (1956–1961 гг.) из 16 проектов в сфере тяжёлой промышленности 8 были построены с помощью Советского Союза (К. Dutt. *The Seeds of Future*. Calcutta, 1973, p. 53). За вторую половину 50-х годов СССР оказал Индии экономическую помощь в размере 681 млн долларов, что составило 27% всей помощи, предоставленной СССР азиатским странам (Z. Imam. *Ideology and Reality in Soviet Policy in Asia*. Indo-Soviet Relations. 1947 – 60. Delhi, 1975, p. 205).

² Например, после заключения соглашения о строительстве СССР в Индии Бхилайского металлургического завода Великобритания и ФРГ объявили о согласии предоставить Индии кредиты на строительство металлургических заводов на льготных условиях (до этого они категорически отказывались). Правительство и конгресс США первоначально негативно прореагировали на развитие советско-индийского экономического сотрудничества, раздавались голоса с требованием прекращения экономического содействия Индии. Но в конечном итоге США, напротив, резко увеличили эту помощь.

³ См., например: Материалы XXIV съезда КПСС. М.: 1971; Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М.: 1969.

Отставая всё более от Запада экономически и «увязая» в Афганистане, СССР утрачивал статус сверхдержавы. Противоречивые попытки оптимизировать соотношение военной мощи, политического влияния и хозяйственного потенциала, стремление выработать новую экономическую и международную стратегию не увенчались успехом, подготовив кризис власти.

Однако даже в этих условиях авторитет Советского Союза в азиатских странах оставался достаточно высоким, и он считался очень важным партнёром. Даже афганская авантюра, запятнавшая страну в глазах всего мира, привела к корректировке взаимосвязей лишь с отдельными мусульманскими странами (например, Ираном). Во многом это благожелательное отношение было связано с политическим курсом СССР (который поддерживал Движение неприсоединения в его противостоянии с Западом) и отсутствием противостояния христиан и мусульман в самой стране.

После начала перестройки в СССР политический курс в Азии активизировался. Так, быстро начали развиваться советско-китайские политические связи. Для Москвы это было важно в свете выдвинутой концепции «нового политического мышления», отказа от конфронтационности в международных отношениях. Пекин, выдвинувший в начале десятилетия «три препятствия» для полной нормализации взаимосвязей и встречи на высшем уровне, к концу 80-х годов пришёл к выводу о явном ослаблении «социалистической системы» и резком усилении позиций США и Запада. Подобное развитие событий совершенно не устраивало Китай¹, и там было принято решение о всестороннем укреплении сотрудничества с СССР.

СССР перестал рассматривать афро-азиатский мир как арену конфронтации между социализмом и капитализмом, а Движение неприсоединения как своего союзника в борьбе с империализмом. Одновременно развивающиеся страны сохранили высокое место в системе приоритетов внешней политики Советского Союза.

С 1988 г. ситуация стала меняться, что было связано с переменами в глобальном внешнеполитическом курсе СССР. Внутренний кризис в СССР резко ослабил действенность господствующей идеологии. Во внешней политике СССР стал заметен «европоцентризм» руководства и одновременно – акцент на развитие советско-американских отношений. Целенаправленного внешнеполитического курса в Азии в конце 1980-х годов у СССР не было, хотя его положение в мире давало стране уникальную возможность выступить в роли своеобразного моста между Севером и Югом. С 1988 г. стал ощущаться отход Советского Союза от расширения сотрудничества со своими традиционными партнёрами на Востоке, на азиатском направлении (ставшим к тому времени второстепенным) упор был сделан на развитии отношений с Японией, Китаем и новыми индустриальными странами. Многие азиатские аналитики, сравнив выступления М.С. Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г. и Красноярске в сентябре 1988 г., увидели эти перемены². В Азии советская внешняя политика стала восприниматься как фактический отказ СССР от развития отношений с афро-азиатским миром и нежелание прилагать дополнительные усилия для укрепления сотрудничества с ними.

С конца 1980-х годов обыденное сознание в России воспринимало страну как часть Запада. Значительное большинство населения (и внешнеполитических руководителей) исходило из понимания принадлежности России к общеевропейской цивилизации. Они активно выступали за ускоренное превращение России в «правовое государство», за создание «гражданского общества» (не сознавая, что этот процесс занимает десятки лет), за ускоренную форсированную модернизацию в направлении рыночной экономики. Западная цивилизация воспринималась как «идеальный тип» и как конечная цель развития России. В области внешней политики общественное сознание достаточно спокойно реагировало на утрату Россией значительной геополитической роли. В целом население поддерживало курс на развитие связей с Европой и США и дистанцирование от Азии и не видело особого смысла даже в укреплении партнёрства с республиками Средней Азии, рассматривая их в качестве «цивилизационного балласта».

После распада Советского Союза была официально одобрена идея «вхождения в европейский дом». По мнению новых властей, главным приоритетом России было, есть и должно оставаться «возвращение в Европу» в любом смысле этого слова. Именно этими постулатами и руководствовалась внешняя политика России в 1992–1993 гг. Основным проводником курса на полный отказ от какого-либо сотрудничества с бывшими «клиентами» СССР, на переориентацию всей внешне- и внутривнутриполитической деятельности на западные ценности стал министр иностранных дел России А. Козырев, который был полностью поддержан Б.Н. Ельциным и его ближайшим окружением (Г. Бурбулис, Е. Гайдар, М. Полторанин). Для атлантостов был характерен «изоляционистский» курс даже в отношении бывших советских республик, особенно «южных», который нередко сопровождался пренебрежительной, а то и откровенно расистской риторикой в отношении, например, центрально-азиатской цивилизации как принципиально неспособной к экономической и политической трансформации в направлении западных моделей.

Позиция России на постсоветском пространстве была и остаётся особо важным вопросом среди задач по обеспечению соответствующей роли в международной среде. В России не существовало чётко сформировавшейся политики в отношении бывших советских республик. Существовало несколько концепций внешней политики России, несколько основных форм идентичности, определявших отношение России к постсоветскому пространству. Все они присутствовали в реальной политике России, выступая на каждом новом этапе в различных комбинациях. Это придавало большую эклектичность российской политике, имело следствием отсутствие в ней чётких тактических и стратегических ориентиров.

Однако позиции «демократов» даже в конце 1991 – начале 1992 г. отнюдь не были выражением общероссийского консенсуса по вопросам строительства отношений с внешним миром. В 1994–1998 гг. происходило постепенно нарастающее отторжение населением прозападного внешнеполитического курса,

¹ С 1989 г. в Китае вновь заговорили о «мировой системе социализма», а средства массовой информации регулярно подчёркивали необходимость единства социалистических стран и противостояния «империализму». В закрытых циркулярах критиковалась излишне либеральная политика М.С. Горбачева в отношении восточноевропейских стран.

² См., например: The Hindu, 10.11.1991.

что вынуждало власти шаг за шагом отходить от принципов «Первой Российской Республики» (1991–1993 гг.), сначала на словах, а потом и в делах. Уже к 1996 г. практически все «атлантисты» потеряли не только всё влияние, но и важные административные посты.

Экономические, политические, внешнеполитические и психологические просчёты привели к постепенной трансформации сознания населения. Определённая часть общества даже начала исходить из агрессивно-автаркических представлений евразийцев-радикалов, считающих, что страна должна стать авангардом развивающегося эксплуатируемого Юга в борьбе против развитого эксплуатирующего Севера и видящих основную угрозу интересам России в Западе, выступающих за возврат к традиционным, в том числе «социалистическим» системам управления обществом и развития страны.

Резкое ухудшение социально-экономической сферы, отсутствие конкретной широкой помощи Запада, весьма существенное ослабление позиций страны на мировой арене привели к нарастающему антизападничеству населения. Подобные настроения не могли не сказаться на позициях российских политических лидеров, которые в условиях сохранения процедуры демократических выборов больше всего стремились к расширению своей социальной базы.

Определённый (хотя и очень медленный) разворот России в сторону Азии стал заметен ещё к концу 90-х годов, что имело объективные предпосылки. Расширение НАТО на восток, агрессия блока против Югославии, явное унижение России несколько отрезвили политическую элиту страны, но потребовалась смена власти, чтобы азиатское направление внешней политики действительно стало более приоритетным.

Однако к концу века резко снизились политическая мощь и авторитет страны. У России практически не оставалось союзников, ни среди государств, ни среди общественно-политических движений. Процесс разоружения (необходимый и для судьбы всего мирового сообщества и для экономики России) постепенно лишал страну и статуса военной сверхдержавы. В результате предпринятые усилия практически ничего не дали.

Для развития отношений с мусульманскими странами крайне негативную роль играла превращавшаяся в глобальную чеченская проблема. Она стала серьёзнейшим препятствием для развития отношений с исламским миром. В результате готовность расширять сотрудничество проявили, в основном, лишь страны, оказавшиеся под жёстким давлением США (Ирак, Иран, Ливия, Сирия).

Положенные российскими атлантистами в основу внешней политики «романтически-гуманистические» принципы (которыми не руководствуется на практике ни одна «цивилизованная страна») привели не только к экономическим потерям и ухудшению отношений с мусульманским миром (как и всей зоной Юга), но и к постепенному превращению России в основную арену борьбы с исламским экстремизмом.

Представляется, что свою роль в этом сыграла и достаточно целенаправленная работа Запада, который до 1990-х годов был главным объектом атаки мусульманских радикалов. Приведём лишь один пример: в конце века штаб-квартиры практически всех мусульманских радикалов находились в Британии, здесь же были расположены основные серверы фанатичных мусульманских организаций в Интернете. Исламские экстремисты настолько свободно чувствовали себя в Великобритании, что сюда постепенно перебрались представители и других организаций. Мусульманские радикалы поддерживали весьма тесные отношения с британскими спецслужбами, которые, по-видимому, были полностью осведомлены об их подрывной деятельности в России, Центральной Азии, Южной Азии и на Среднем Востоке¹.

На рубеже веков произошла новая активизация российской внешней политики на южном направлении. О последнем говорит хотя бы география зарубежных поездок В.В. Путина после прихода к власти. Однако на пути восстановления «мягкой силы» России по-прежнему стоят чрезвычайно сложные проблемы.

В целом, несмотря на сильное разочарование, российская элита остаётся всё-таки прозападной. Её некоторое разочарование проявляется в росте скепсиса в отношении США, но отнюдь не в отношении Западной Европы. Отсюда – появление идей о возможном расколе между двумя мировыми центрами и становлении России в качестве партнёра Европы. События 11 сентября, правда, вызвали сближение с США, но на весьма короткий период. Тогда уступок со стороны России стало даже существенно больше, чем во второй половине прошедшего десятилетия, хотя никаких особых дивидендов стране это не принесло. Существуют подсчёты, что Москва, приняв решение встать на сторону Вашингтона в его «крестовом походе» против терроризма, рассчитывала на позитивные изменения по 15–20 параметрам. Однако в реальности положительные перемены произошли лишь по 2–3 направлениям (объективности ради отметим, что одно из них является важнейшим – прекращение распространения радикального исламизма в Центральной Азии), а в остальных сферах ситуация либо ухудшилась, либо сохранился статус-кво. Москва молча отреагировала на выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, основы стратегической стабильности в последние 30 лет, и на включение в состав НАТО бывших советских республик². Много иллюзий вызвал и приход Б. Обамы к власти.

Запад не заинтересован в полномасштабной и партнёрской интеграции России в свои структуры. Пребывание в положении периферии развитых стран, с перекачкой туда всевозможных ресурсов (сырья, финансов, наиболее квалифицированной рабочей силы и т. д.), будет вести лишь к постепенной деградации страны. Именно такой сценарий предусматривался в прогнозе ЦРУ о развитии мира к 2020 г. Стратегическая цель развитых стран в отношении России – сохранение статус-кво. Им нужна ослабленная страна, но не хаос; развитие сырьевых отраслей, но не высокотехнологичных; демонтаж военной мощи, но на данном этапе – не

¹ Игнатенко А. Зеленый Интернетционал // ИГ-Религии, 07.04.1999. С. 4.

² Интересно, что западные лидеры во время переговоров с М.С. Горбачевым заверяли, что войска НАТО не будут располагаться даже на территории Восточной Германии.

окончательный; и т. д. США, безусловно, выгодно и устранение независимого влияния России на мировые события. Конечно, есть на Западе политические силы, желающие, как полного уничтожения страны, так и её возрождения; существуют нюансы в политике конкретных стран, но речь идёт о ведущей тенденции.

Российская же элита по-прежнему свято верит в европоцентристскую «идеальную модель», испытывает очевидный комплекс неполноценности в отношении Европы и традиционно настроена крайне пессимистично в отношении собственной страны, что всегда вело к настоящему цинизму (и в дореволюционные времена, и в советский период, и сейчас).

Сторонники прозападного курса, как правило, выдвигают три основные причины «безальтернативности» их подхода. Во-первых, они склонны преувеличивать цивилизационное сходство России и Европы. Здесь, однако, не всё так просто. Действительно, российская цивилизация с культурологической точки зрения всегда была более близка к западной, но отличалась исключительным своеобразием. На первом этапе существования государства восточных славян Русь была составной частью европейской цивилизации и была практически изолирована от Востока. Не случайно, в древней русской литературе фактически нет сюжетов, заимствованных с Востока¹. Татаро-монгольское нашествие и необъявленный крестовый поход Римской католической церкви против Руси привели к раздроблению последней и возникновению враждебной польско-литовской унии, которая отрезала Московию от Запада. На три столетия были прерваны практически любые связи. На Руси стала формироваться своя, совершенно особая цивилизация, отличная и от западной, и от восточной. Активное развитие контактов с Югом и Востоком привело к превращению Руси в евразийскую державу. Насильственная модернизация и вестернизация, осуществлённая в начале XVIII века императором Петром I, приблизила Российскую империю к другим европейским державам с точки зрения формы. Но эта попытка привела к появлению двух разнородных и часто противоречащих друг другу культур в России – верхов и низов, что сыграло самую негативную роль в дальнейшем. Одним из частных проявлений этого культурологического разлома и некритически проводимой вестернизации стала тенденция идентифицировать себя исключительно по отношению к западному стандарту, который неизбежно признавался за эталон. Такое отношение и было одним из факторов, приведших в начале века к победе марксизма (не надо забывать, что марксизм – западное явление), а в конце века – к строительству «дикого капитализма», основанного на крайнем индивидуализме, культе потребления и силы (и одна, и другая концепция были доведены в российских условиях до крайности). Постоянные уступки Западу со стороны РФ показывают, что у страны, никогда не находившейся в полуколониальной зависимости и бывшей последние полвека сверхдержавой, комплекс неполноценности выражен в высшей степени.

Можно по-разному подходить к главным критериям, по которым цивилизации отличаются друг от друга. Но, видимо, основной водораздел, определяющий векторы их развития, лежит по линии коллективизм – индивидуализм. Коллективизм, выражающийся в приоритете групповых интересов над индивидуальными, противостоит индивидуализму, то есть главенству личных интересов. Первый свойствен традиционному восточному обществу, тогда как второй составляет основу западного образа жизни². Цивилизационным же особенностям России и повышению её жизнеспособности отвечает срединная модель развития – между коллективизмом и индивидуализмом. Октябрьская революция «опрокинула» Россию на коллективистский путь, но очень скоро началось эволюционное движение к индивидуализму. В 1990-е годы уже была предпринята попытка выбрать чисто индивидуалистский путь развития. Переход России к чужой парадигме привёл к тому, что в первом случае значительный прогресс по макроэкономическим показателям сопровождался потерями десятков миллионов жизней, а во втором – социально-экономическим регрессом, фактически не имеющим мировых аналогов для условий мирного времени (по индексу человеческого развития уже за первую половину 90-х годов страна скатилась из третьей десятки в седьмую³).

Во-вторых, сторонники прозападного курса указывают на переориентацию России в экономической сфере на развитые страны, прежде всего, Европейский Союз. Действительно, после расширения ЕС на его долю стало приходиться более 50% внешнеторгового оборота России (правда, в 1992 г. эта цифра составляла почти 46%⁴). Однако структура торговых связей показывает, что основой российского экспорта являются энергоносители, преимущественно углеводороды. Европейский Союз опасается зависимости от России в данном вопросе и постоянно ищет альтернативу российским товарам. В принципе это – нормальная практика в современном мире. Индия, находясь в союзнических отношениях с нашей страной, уже более 30 лет пытается диверсифицировать свои военные закупки (на долю СССР/РФ приходится 70–80%), правда, безуспешно. Таким образом, Россия тоже должна искать новые маршруты нефте- и газопроводов – в восточном и южном направлениях. Азиатские гиганты (Япония, Китай и Индия) являются ничем не худшими партнёрами, чем европейские державы. Однако за весь постсоветский период всё новые линии по-прежнему направляются на запад, а данные Китаю более 10 лет назад заверения о строительстве нефтепровода из Сибири всё ещё не реализованы.

Европейские потребительские товары, импортируемые Россией, отнюдь не более качественные, чем азиатские (за исключением товаров элитарного спроса). Здесь речь идёт о российской психологии, традиционно воспринимающей продукцию Запада как нечто эталонное (интересно отметить, что ничего подобного нельзя встретить в Азии⁵). Вместе с тем в США потребительских товаров азиатского производства – больше,

¹ Анализ Д.С. Лихачева показывает, что несколько сюжетов из индийской литературы пришли в Россию из Европы. Исследователь в этой связи отмечал, что «среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком» (*Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 12.*)

² В настоящий момент существует огромное количество промежуточных вариантов при практическом отсутствии «крайностей».

³ См. The Russian Human Development Report. 1996. United Nations Development Programme, М.: «Academia», 1997.

⁴ Россия: интеграция в мировую экономику / Под ред. Р.И. Зименкова. М.: Финансы и статистика, 2002. С. 229.

⁵ Для сравнения приведу лишь один пример. Выступление Махатмы Ганди с призывом бойкотировать покупки английских товаров встретило неподдельный энтузиазм в индийском колониальном обществе и привело к общенациональному мас-

чем собственно американских. Свою роль, конечно, здесь играет и то обстоятельство, что вследствие самого широкого распространения крайне невыгодной для России бартерной схемы и челночной торговли российский рынок оказался переполненным низкокачественными азиатскими товарами (в США из Азии, как правило, поставляются товары высшего класса).

Что касается инвестиций в Россию, то Европа удерживает здесь пальму первенства. Но следует отметить, что их общий объём крайне незначителен и по сравнению с российским ВВП, и по сравнению с предложениями некоторых азиатских стран¹, и европейские державы предпочитают давать России кредиты (чья польза весьма сомнительна), а не осуществлять прямые вложения.

В-третьих, сторонники прозападного курса России выдвигают тезис, что только ориентация на Запад может обеспечить экономическую и социально-политическую модернизацию России. Представляется, что это – удивительно наивный подход. Естественно, России необходимо продолжить курс на модернизацию (однако – не на вестернизацию, а эти два понятия отнюдь не являются синонимами). Но в мире ещё не было случаев, когда наличие партнёрских или союзнических отношений само по себе вело бы к политическим или экономическим преобразованиям. Саудовская Аравия является вторым после Израиля стратегическим партнёром США на Ближнем Востоке, однако, пока признаков демократизации в теократической монархии что-то не заметно². Подобных примеров можно привести множество.

Преобразования осуществляются исключительно в результате самостоятельного решения местной элиты. Даже оккупационные власти (как это было полвека назад в Германии, Японии, Южной Корее) способны лишь ликвидировать одни институты, но не к осуществлению преобразований. При этом любая попытка слепо копировать чужую модель приводит лишь к серьёзнейшим негативным последствиям. Так, в период правления Реза Пехлеви Иран был «витриной» западной модернизации. К 1979 г. Иран добился существенного прогресса по макроэкономическим показателям, но всё это сопровождалось ухудшением материального положения и статуса огромного числа крестьян, рабочих и значительных слоёв мелкой буржуазии, которых, к тому же, пытались лишить традиций в повседневной жизни; потерей социальной перспективы для среднего класса и «белых воротничков»; полной неустроенностью большинства молодёжи. Это и предопределило победу иранской революции³.

Напротив, строгий учёт цивилизационных особенностей даёт возможность обеспечить всесторонний прогресс. По-видимому, восточноазиатские страны добились колоссальных экономических успехов именно благодаря тому, что они отнюдь не буквально воспринимали западный путь. Эти государства совершили прорыв в условиях существования авторитарных режимов, с существенными элементами тоталитаризма. Трудно не заметить колоссальные отличия японской модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Тайвань, где за полвека доход на душу населения увеличился более чем в 120 раз⁴, не только полностью отверг «коммунистическую» систему⁵, но и отказался от большинства основных элементов западной демократии. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, всё нагляднее проявляются в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд.

Таким образом, России при осуществлении модернизации следует учитывать опыт и западных, и азиатских стран, а однобокая ориентация на Запад сама по себе никак не отразится на ходе и направлениях реформ.

По всей видимости, путь интеграции России в западное сообщество уже закрыт (в первую очередь, самим Западом). Получение возможности вести переговоры с НАТО и никак не влияя на её стратегию может удовлетворить лишь эгоцентрически настроенных политиков. Произошедшее расширение Европейского Союза означает, что, помимо того, что прекращается углубление интеграционных процессов в Европе, вопрос о приёме России не будет стоять в повестке дня, по крайней мере, лет 25. Всё это время будет посвящено исключительно освоению Западной Европой Центральной и Восточной (колоссальные финансовые вливания в бывшую ГДР за 20 лет дали весьма скромные результаты, и это в рамках одной страны). Более того, Европейский Союз (за исключением отдельных лиц) никогда и не ставил вопрос об интеграции с Россией.

совому движению. Слова Бориса Ельцина, произнесённые в 1997 г. о превосходстве отечественных товаров, не вызвали в тот период в российском обществе ничего, кроме насмешек.

¹ Так, Саудовская Аравия предлагала инвестировать в российскую экономику несколько сот миллиардов долларов, выводимых после событий 11 сентября из США, но политические условия сделки оказались неприемлемыми для России.

² Заметно, правда, обратное влияние. Некоторые эксперты (такие, например, как Арманд Клесс, директор Люксембургского института европейских и международных проблем) полагают, что после террористической атаки на США, в которой основную роль играли саудовцы, Соединённые Штаты всё более превращаются в полицейское государство.

³ Интересно, что статистика ООН показывает удивительную вещь: именно после установления теократического правления, господства исламских законов и отказа практически от всего, связанного с европейскими нормами, Республика добилась весьма впечатляющего прогресса в развитии человеческого потенциала. В исламском Иране, по сравнению с шахским, ожидаемая продолжительность жизни поднялась с 50 лет до 70,1; коэффициент младенческой смертности (на 1 тыс.) упал с 169 до 35; доля населения, имеющего доступ к доброкачественной воде, возрос с 51% до 92%, а удельный вес детей с пониженной массой тела упал с 43% до 11%; уровень грамотности повысился с 29% до 77,1%; а число учащихся всех уровней (в процентах, в возрасте от 6 до 23 лет) выросло с 45% до 74%. На образование в Иране тратят 5% от валового национального продукта, что превышает этот показатель в Японии, России, Люксембурге, Чехии и т. д. (Human Development Report. 2004. UNDP. New York: «Oxford University Press», 2004).

⁴ Чанг П.К. Краткое изложение опыта экономического развития Китайской республики на о. Тайвань. М.: «Академия», 1999. С. 2.

⁵ К «социализму» на Тайване отношение достаточно терпимое, так как он является частью трех «народных принципов» Сунь Ятсена.

Проевропейский курс принёс мало дивидендов России. Европейские страны полностью поддержали расширение НАТО на восток (а некоторые из них были инициаторами этого процесса), что потенциально серьёзнейшим образом угрожает России. Европейские державы в экономической сфере предпочли бы сохранить страну в качестве сырьевого придатка, и заметно их стремление к окончательному военно-политическому ослаблению России при одновременном использовании её как антиамериканского тарана. Подписание различных соглашений, к тому же резко затормозившееся за последние 2–3 года, лишь создаёт иллюзии позитивного развития взаимоотношений, требует только новых уступок со стороны России и неизбежно приведёт к новым разочарованиям в РФ.

В целом, национальные интересы России делают для неё невозможной конфронтацию с Западом. Учитывая свои крайне ограниченные силы, Россия не должна бросать вызов Западу. Российские «ястребы» не осознают, что подобная политика приведёт лишь к резкому ухудшению положения в стране. Речь не может идти и об отказе от заимствования достижений Запада (и тем более об автаркии и сужении сферы сотрудничества с западными странами), что также лишь усугубит социально-экономическую и политическую обстановку в стране. Однако и следование в фарватере политики США (другой глобальной политики у Запада пока нет) противоречит её интересам.

Не менее рискованна и полная переориентация на Восток. Возможная экспансия с Востока (даже если она будет осуществляться в ненасильственных формах) в ослабленную страну требует поддержания партнёрских отношений с Западом, поскольку Россия в одиночку вряд ли сможет справиться с подобной угрозой. Одновременно не следует безропотно соглашаться на роль сырьевого придатка уже Востока, а надо поэтапно разрабатывать свою стратегию, направленную на развитие человеческого потенциала и наукоёмкого производства, на завоевание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий. На этой базе возможно превращение страны в реальный мост между Западом и Востоком, без объединения с первым (что уже невозможно) и со вторым (что чревато новыми осложнениями для РФ).

Необходимо также учитывать, что сравнение России по целому ряду параметров, определяющих международный вес и влияние мировых игроков, с такими государствами, как Китай и Индия, оказывается не в её пользу. Очевидна слабость позиций РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором расположена её большая территория. Особое значение для России имеют отношения с Китаем, с которым она имеет протяжённую на тысячи километров границу. На фоне контрастов развития КНР и российского Дальнего Востока, даже при сохранении дружественных отношений с этой страной Россия, не может не ощущать своей реальной или потенциальной уязвимости в этом регионе.

Одновременно всестороннее развитие взаимосвязей с Большой Восточной Азией (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия) даст России возможность укрепить своё положение как мирового центра, резко повысить гибкость внешнеполитической и внешнеэкономической линии, избежать окончательного скатывания на сырьевой путь развития, получить значительные коммерческие выгоды.

Процесс восстановления Большой Восточной Азии как основного мирового экономического центра и резкого повышения роли крупнейших государств континента имеет первостепенное значение для России с точки зрения глобальных перемен. С экономической точки зрения, Большая Восточная Азия уже превратилась в главный макрорегион мира. Именно здесь сконцентрировалось основное промышленное производство. В 2008 г. ВВП по паритету покупательной способности только Китая, Японии и Индии (15,4 трлн долларов) превышало объём экономики ЕС (14,82 трлн долларов) и США (14,29 трлн долларов)¹. Учитывая динамику развития, БВА будет всё дальше отрываться от Европы и США.

Однако до полного осознания российской элитой, по крайней мере, не меньшего значения Азии, чем Европы, ещё очень далеко.

В рамках «мягкой силы» имидж страны представляется чрезвычайно важным. В новом веке Россия совершила исключительно сильный рывок в социально-экономической области, однако, полностью преодолеть провал 1980–1990-х годов не смогла, из-за чего практически по всем показателям отстаёт от наиболее развитых стран мира. Очень слабо страна выглядит и по цивилизационно-культурным параметрам. После краха коммунистической идеологии новой идеологии не появилось. Социологические опросы показывают, что меньшинство населения выступает и за возврат к коммунистической идеологии и за полное «прививание» России всех западных институтов и ценностей. Основная часть полагает, что необходима новая идеология, отражающая специфику России и национальную идею. Но до сих пор нет даже попыток создания этой идеологии, и, более того, это потенциально опасно, потому что идеологи данного направления практически не пытаются адаптировать его к колоссально изменившимся условиям современного мира, базируются, прежде всего, на разработках конца XIX–XX века и нередко в крайне извращённой мере понимают национальные потребности России. Этого современный российский истеблишмент, по-видимому, до конца не понимает – продолжая помогать признанию своей «особости» и «великости».

Вместе с тем до сих пор в Азии существует достаточно благожелательное отношение к России, как наследие советского периода. Правда, социологические опросы демонстрируют, что у наших южных партнёров нарастают негативные подходы к России, что связано и с ростом числа молодых людей в Азии, для которых связи с СССР стали далёкой историей, и с пропагандой Запада, и с практическим отсутствием российской пропаганды.

В 1990-е годы РФ вообще по существу не предпринимала никаких действий по улучшению собственного имиджа за рубежом. Её облик для всего мира формировал исключительно Запад, чьим основным методом было и остаётся полное очернение российской действительности и истории. Электронные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России, что особенно чётко иллюстрируют картинки, сопровождающие комментарии. В своё время наше телевидение постоянно упрекали, что в освещении Запада

¹ Сайт ЦРУ – <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/>

даётся мало позитива. В нынешнем освещении Западом России позитива вообще нет; в 1990-х годах показывались практически исключительно бомжи и бандиты, демонстрировалось, что вся российская жизнь – сплошной упадок; в новом веке акцент стал делаться на псевдоагрессивности России и её жителей (расистские выходы скинхедов болезненно воспринимаются в азиатских странах), отставании России от Запада по различным направлениям. Подобным же поведением отличается и печать (хозяева большинства западных газет специально дают строгий заказ корреспондентам: давать один негатив при освещении положения в РФ). Все эти новости и телевизионные программы перекочёвываю в Азию, Африку и Латинскую Америку, где, таким образом, также формируется устойчивое негативное отношение к России.

Дискредитация РФ опасна не только в политическом плане (очевидно, что доброжелательность населения является той базой, на которой можно развивать отношения). Это – один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запада. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же Индии или Китае, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

Произошедшие перемены в плане активизации российской пропаганды в Азии представляются недостаточными. Так, не было широкого объяснения сущности ситуации в Чечне, и большинство мусульман по-прежнему представляют, что здесь происходило подавление мусульман; неадекватно объясняются текущие события (Россия стремилась обосновать свои позиции по войне с Грузией для европейской общественности, но не для азиатской).

В этой связи необходимо дальнейшее восстановление (пусть и неполное) системы АПН; расширение объёмов вещания «Голоса России» на зарубежные страны; активизация деятельности «Росзарубежцентра» и серьёзное увеличение его финансирования; постоянное предложение зарубежным странам видеопродукции телевидения, рисующей российскую действительность с позитивной стороны, и введение ограничений на передачу негативной информации.

Учитывая, что с чисто материальной точки зрения трудно ожидать, что РФ сможет существенно изменить свой имидж в западных странах, следует обратить особое внимание на ключевые государства не-Запада: Китай, Индию, Индонезию, Иран, Бразилию, исламский мир; резко активизировать в них работу по созданию позитивного образа России. Это даст существенные дивиденды и в политическом, и в экономическом планах.

Практически не ведётся работа с пророссийски настроенными кругами и организациями. Особенно удивляет пренебрежительное отношение к сотням тысячам азиатов, получившим образование в Советском Союзе и России, хотя многие из них являются представителями элиты (интересно, что многие американские центры, направляя своих сотрудников в зарубежную командировку, обязывают их встречаться там с бывшими выпускниками).

Россия по существу не пользуется возможностями, которые представляют ей неправительственные организации и всевозможные фонды. Запад направлял именно через них «цветные» революции в постсоциалистическом пространстве. РФ следовало бы учиться гибкости именно у Запада¹.

Особенно следует выделить и такое направление «мягкой силы», как обществоведение, которое обязано выполнить особую миссию. В развитых странах произошёл фактический отказ от использования исторического метода. «Золотой век» Севера насчитывает не более трёх столетий, и там не особенно желают ни погружаться вглубь веков, ни объективно рассматривать произошедшее в более позднее время. Именно анализ источников позволяет отметить существующие мифы и показывать объективную картину произошедшего. Эти мифы часто просто насаждаются, причём, к сожалению, по идеологической направленности. В этом плане созданная **Комиссия** по противодействию попыткам **фальсификации истории** в ущерб интересам России призвана сыграть ключевую роль.

В условиях гетерогенности и разновекторности основных глобальных процессов, появления совершенно новых мировых тенденций и факторов развития, и их крайней неустойчивости и непрорисованности состояние исследований мировой системы и не может быть идеальным. Положение осложняется тем, что теория международных отношений оказалась пока не в состоянии переварить произошедшие изменения и предложить принципиально новые подходы к анализу мировой политики. В результате в постбиполярный период западным исследователям в ещё большей степени стал свойственен отмечавшийся европоцентризм (американоцентризм), а доминирование американских учёных и американских школ в области общественных наук, как справедливо отмечают А.А. Кокошин и А.Д. Богатуров, превратилось в важнейший инструмент «мягкой силы» США². Возьмём для примера господствующую догму о глобальном процессе якобы неизбежной демократизации, которую рьяно отстаивают американские обществоведы, поскольку это полностью соответствует задачам и целям внешнеполитического курса США. Действительно, практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам³. Однако на глубинном

¹ В качестве примера отметим, что президент Киргизии К. Бакиев согласился закрыть американскую военную базу после получения Киргизией огромной экономической помощи, но передумал после того, как Соединённые Штаты предложили гораздо меньшие средства, но которыми президент мог распоряжаться практически бесконтрольно через один из фондов.

² Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А.А. Кокошина и А.Д. Богатурова. Москва: Ком-книга / URSS, 2005.

³ Согласно Джозефу Шумпетеру, минимальные требования к демократии включают периодические выборы, когда кандидаты честно борются за голоса значительной части взрослого населения, и чей исход определяет круг тех, кто осуществляет государственную политику, включающую внешнюю и военную.

уровне в очень многих регионах нет сходства по существу с тем, что принято считать едиными базовыми нормами западной демократии. Подобная ситуация ведёт к потере чётких ориентиров и у западного сообщества, нередко затрудняющегося определить, какие страны и регионы Юга в реальности соответствуют представлениям о демократии. Эта проблема решается крайне просто: западные политики и учёные объявляют страны «демократическими» и «идущими к демократии» либо «недемократическими» и «тоталитарными» в зависимости от соответствия их парастратегии интересам западного сообщества.

Для показа тупика, куда зашли многие западные обществоведы, можно в качестве примера привести абсолютно непонятные теоретические выводы таких авторитетнейших исследователей, как Эдвард Мансфилд и Джек Снайдер. Так, они весьма категорично заключили, что государства типа России в первое десятилетие после начала процесса демократизации в два раза чаще начинают войны, чем государства, остающиеся авторитарными¹. Здесь особое умиление вызывает точная цифра. К сожалению, на Западе всё меньше встречается работ, которые, если использовать понятия современной математической логики, можно характеризовать как достаточно гомоморфные и реально соответствующие объекту исследования.

Российским обществоведам свойственна большая объективность, о чём свидетельствуют появившиеся в последнее время работы наподобие монографии «Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ». Для наших учёных прошёл период определённой самоизоляции и достаточно скептического отношения к немарксистским теориям. Крах социалистической системы и Советского Союза «растворил» ощущение превосходства марксистско-ленинской теории, и сейчас отечественные учёные с готовностью воспринимают необходимость использования лучших образцов западной мысли. В то же время складывается впечатление, что уже прошёл период и комплекса неполноценности, и российские специалисты (в своём большинстве) уже не воспринимают американоцентричный взгляд на мир и его историю.

По-видимому, именно российское обществоведение способно сейчас к проведению наиболее фундаментальных исследований, а отечественные историки призваны выйти на уровень, превышающий мировой. Переписывать историю и создавать будущее соотечественникам приходится не в первый раз, но только сейчас появилась возможность сделать это не под давлением новых политических и идеологических установок, а на основе объективности и научности, что, по-видимому, будет особо позитивно воспринято на Востоке, где принято не только задумываться о будущем, но и глубоко анализировать прошлое.

* * *

Многие государства Азии прочно ориентированы на Север, и проблемы формирования самостоятельной политики в отношениях с Россией для них не актуальны. В отношениях с ними РФ выгодно продолжать линию на поддержание прагматических взаимовыгодных связей в экономической сфере. Что же касается некоторых стран ближнего зарубежья, в которых стратегической целью политики стало стремление к вхождению в орбиту исключительных интересов Севера, то Россия обязана решительно ей противодействовать. Лишение статуса региональной державы окончательно подорвёт позиции страны. Комплексы «пигмея перед гигантом», испытываемые рядом соседних стран, естественны и не должны беспокоить РФ.

Азия (и Латинская Америка) выступают сейчас как очень перспективные партнёры. С политической точки зрения в России заинтересованы: Китай – для противостояния Северу; Япония и другие страны Восточной Азии – для баланса против Китая; мусульманский мир – для смягчения давления на него со стороны Севера; Бразилия и другие крупные страны Латинской Америки – для хоть какого-нибудь противовеса Соединённым Штатам.

Российская дипломатия обязана проводить самый гибкий политический курс, направленный на поддержание дружественных отношений с максимально возможным количеством стран и создание реальных перспектив привлечения их потенциала для решения стоящих задач. Необходимо использовать все противоречия между другими странами, которые существуют на мировой арене, в своих интересах. У России не должно быть и не может быть вечных друзей и вечных врагов. Ни одна страна не может попадать в подобную категорию на основании идеологических, политических, экономических или духовных соображений.

Постоянно меняется мир – соответственно и сами страны, и интересы России. Система взаимоотношений с конкретным государством должна основываться на том, насколько политика данной страны соответствует реальным национальным интересам России, и использование «мягкой силы» здесь особенно предпочтительно.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

¹ Edward Mansfield, Jack Snyder. «Democratisation and the Danger of War». International Security, 20:1, Summer 1995, p. 6.

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Полтора года назад Россия выступила с инициативой о заключении нового, всеобъемлющего договора о европейской безопасности, который, как разъяснил Президент РФ Д. Медведев, призван «объединить всю Евро-Атлантику на основе единых правил игры», вести к формированию единого пространства безопасности на континенте без разделительных линий.

Напомним, как развивались события. 5 июня 2008 года на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии (Берлин) Президент Российской Федерации впервые сформулировал эту инициативу – инициативу о создании новой архитектуры европейской безопасности. Тогда она не была конкретизирована, и в известной степени по этой причине в западном сообществе она была воспринята достаточно сдержанно и даже холодно².

Данная инициатива была подтверждена в Концепции внешней политики Российской Федерации, которую Медведев утвердил 12 июля 2008 года. После российско-грузинского конфликта в августе 2008 года в Южной Осетии отношения России и НАТО, равно как и отношения России и ЕС вступили в фазу очередного испытания. Попытки выстроить партнёрство с обеими организациями отяготились новыми проблемами. Проявившаяся разница подходов к обеспечению безопасности между Россией и этими организациями стала дополнительным препятствием для развития отношений России и ЕС, равно как и России и НАТО в ранее заявленном формате.

Конкретизация российской инициативы состоялась осенью в Эвиане на Конференции по мировой политике (8 октября 2008 г.), когда Д. Медведев сформулировал некоторые ключевые элементы предстоящих переговоров о новой архитектуре европейской безопасности. На встрече «двадцатки» в Лондоне 1 апреля 2009 г. была зафиксирована договорённость рассматривать инициативу о договоре по европейской безопасности (ДЕБ). В июне 2009 года элементы ДЕБ были сформулированы уже на юридическом языке и распространены Представительством РФ при ОБСЕ в качестве вклада в работу ежегодной Конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности (Вена, 23–24 июня 2009 г.). С тех пор по этой проблеме проходят соответствующие консультации, в том числе и на самом высоком уровне, но полномасштабные переговоры пока не начались. Задача состоит, на наш взгляд, в том, чтобы такие переговоры начать как можно быстрее.

Как бы то ни было, но инициатива России о новой архитектуре европейской безопасности находится сегодня в эпицентре европейских политических дебатов. И это – само по себе уже большое достижение российской дипломатии.

ЛОГИКА Д. МЕДВЕДЕВА

В чём состоит логика предложений Д. Медведева?

За последние двадцать лет мир кардинально изменился, что не могло не повлиять на систему европейской безопасности, поставив в международную повестку дня вопрос о её трансформации. Это обусловлено сочетанием новых вызовов и угроз, процессами глобализации, кризисом глобального управления и существующих механизмов обеспечения безопасности.

Отметившая 60-летний юбилей в апреле 2009 года НАТО и активно развивающийся Европейскую Политику Безопасности и Обороны (ЕПБО) ЕС, который к началу 2009 г. завершил уже десять миссий кризисного реагирования, позиционируют себя как ключевые игроки в системе не только европейской, но и евроатлантической безопасности. С такой позицией не согласна Россия. Ведь она не только не способствует глубокому пониманию причин текущего кризиса системы евробезопасности, но и выработке дальнейших направлений её трансформации с прицелом на формирование евроатлантической системы, разумеется, с участием России.

Если сравнить ситуацию начала 90-х годов XX века и ситуацию конца «нулевых» XXI века, то можно легко увидеть, что по всем параметрам европейская безопасность расшаталась. Это касается и размывания режима контроля над вооружением, и деградации ОБСЕ, и нераспространения ядерного оружия, и роста количества несостоявшихся государств. Это касается и общего падения управляемости мировой политики и мировой экономики, что подтвердил мировой экономический кризис 2008–2009 гг.

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0010 «Россия в мировой политике после кризиса», выполнен при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ–ВШЭ».

² В конце 2008 г. администрация Дж. Буша отвергла предложенную Россией инициативу по пересмотру европейской структуры безопасности. Тогдашний генсек альянса де Хооп Схеффер заявил, что она направлена на ослабление НАТО, которая в изменениях не нуждается. Заместитель госсекретаря США Мэтью Брайзы заявил, что США считают российские предложения по пересмотру европейской архитектуры безопасности и заключению нового юридически обязывающего договора в этой сфере «избыточными» и направленными на ослабление НАТО. «Нет необходимости в какой-либо новой архитектуре, она достаточно транспарентна, – заявил Брайза. – Я думаю, что речь идет о поиске альтернативы для организации НАТО, которая так хорошо работала. НАТО создает для России дискомфорт». По словам Брайзы, НАТО представляет собой «самый успешный в истории военный альянс. Все, к чему прикоснулось НАТО, стало стабильным» // «Власть». 4.12.08.

Двадцать лет назад, после завершения «холодной войны», казалось бы, были созданы все условия для формирования нового, более справедливого мирового порядка. В начале 90-х годов XX века Россия вышла из Советского Союза, встала на путь демократического развития, начала либеральные экономические реформы. Во внешней политике она провозгласила партнёрство с Западом, в качестве главного внешнеполитического вектора была обозначена интеграция в мировое сообщество. Помнится, в те годы кто-то из российских руководителей даже публично заявлял, что у России нет национальных интересов, отличных от интересов Запада. Как бы то ни было, но тогда был положен конец идеологическому противостоянию между Востоком и Западом, была принята Парижская хартия для новой Европы, которая провозглашала формирование европейского пространства безопасности без разделительных линий. Никакого соперничества на постсоветском пространстве между ЕС и Россией тогда не наблюдалось. НАТО была провозглашена в качестве партнёрской организации всех новых независимых государств. Действовали Договор об обычных вооружённых силах в Европе, Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по ПРО, Договор СНВ-I. В начале 90-х годов Россия и Соединённые Штаты начали деликатные консультации по вопросам Глобальной системы защиты, т. е. о будущей совместной архитектуре противоракетной обороны. ОБСЕ всеми воспринималась как универсальная организация, вокруг которой и должна формироваться архитектура европейской безопасности. Чуть позже было заключено Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС). В то время США являлись признанным лидером мирового сообщества: с этим не спорила даже ослабленная и на некоторое время потерявшая внешнеполитические ориентиры Россия. В Европе действовал «тандем» Франция – Германия, который был основным мотором евроинтеграции. Региональные конфликты, конечно, имели место, но создавалось впечатление, что они вполне управляемы и контролируемы.

Теперь – ситуация конца «нулевых». В России проведены либеральные реформы, но в области политической демократии, как нам говорят наши европейские партнёры, наметилось запятое движение. В России была создана модель так называемой управляемой демократии, которая означает выстраивание декоративных демократических институтов при произволе властей. Во внешней политике партнёрство с Западом поставлено под вопрос. Россия подчёркивает, что её национальные интересы могут серьёзно отличаться и не совпадать с интересами западных стран. Вместо идеологического противостояния возобновляется противостояние геополитическое, в том числе на постсоветском пространстве между Россией и ЕС. Парижская хартия для новой Европы выброшена в мусорное ведро. В Европе обозначаются чёткие разделительные линии. В этих условиях, не в последнюю очередь после трёх волн¹ расширения Североатлантического альянса, партнёрство между Россией и НАТО тоже поставлено под вопрос. Получается, что мы снова живём в биполярном мире – Россия и все остальные. ОБСЕ, вопреки своему мандату, превращается, по существу в антироссийскую организацию. В декабре 2007 года истекает срок Соглашения о стратегическом партнёрстве и сотрудничестве, а перспективы заключения нового договора становятся весьма туманными. Соединённые Штаты как мировой полицейский проваливаются в Афганистане и полностью провалились в Ираке. Франко-германский тандем уже не работает. Договор по ПРО разрушен США. Договор об обычных вооружённых силах в Европе, который в целом обеспечивал предсказуемость военно-политической ситуации, достаточное стратегическое предупреждение и, по существу, устранял опасность внезапного нападения, не действует. Происходит упадок всего режима контроля над вооружениями, с таким трудом созданный в годы «холодной войны».

В Европе возникают серьёзные региональные конфликты, в первую очередь на Балканах, на Кавказе, появляются замороженные конфликты, несостоявшиеся государства и т. д. На региональном и локальном уровнях возрастает опасность межгосударственных вооружённых конфликтов и их неконтролируемой эскалации. Перспектива обострения и увеличения числа внутрисредственных конфликтов становится более вероятной, а в ряде случаев – превращается в реальность. Очаги потенциального противостояния появляются на Балканах, а также на постсоветском пространстве (Ферганская долина, Крым, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Джавахетия, Нагорный Карабах). В результате на европейском континенте мира нарастает дестабилизация и даже хаос.

Какой из этого следует вывод? Положение дел в области европейской безопасности за последние двадцать лет ухудшилось. Европейская безопасность превратилась в своего рода «лохмотное одеяло». Анализ этой ситуации, как представляется, и привёл Д. Медведева к пониманию того, что нужно что-то менять. Либо создавать новую архитектуру европейской безопасности, либо совершенствовать ту, которая есть. Ведь нынешняя архитектура, справедливо констатирует Президент РФ, «несет на себе отпечаток идеологии, унаследованной от прошлого», ей «мешают структуры, запрограммированные на воспроизводство блоковой политики». Кроме того, по мнению Д. Медведева, новая архитектура призвана дать экономии на военных расходах, без которой «нам не изыскать ресурсы, необходимые для ответа на реальные вызовы, такие как нелегальная иммиграция, изменение климата и глобальная безопасность».

Как подчеркнул министр иностранных дел РФ С. Лавров на пресс-конференции по итогам Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности 23 июня 2009 г., «Полагаем, что идея Договора как раз и направлена на то, чтобы устранить системные проблемы, отсутствие решения которых сковывает наши действия по многим направлениям, прежде всего, по вопросам обеспечения безопасности во всех её аспектах, будь то принципы, на которых строятся основы безопасности, будь то контроль над вооружениями в Евро-Атлантике, будь то подход к урегулированию конфликтов, будь то подходы к более эффективной борьбе с новыми вызовами и угрозами. Все эти блоки предлагается зафиксировать в том Договоре, с инициативой заключения которого выступил Президент Д.А. Медведев».

Второе соображение, которое, на наш взгляд, лежит в основе предложений Президента РФ, связано с кризисом американского лидерства. Можно уверенно констатировать: попытка установить американский мировой порядок – во всяком случае, на данном этапе – потерпела крушение. Такой порядок не имеет перспектив в качестве базисной тенденции мирового развития. Дальнейшие попытки его навязывания миру встретят ещё большее сопротивление со стороны других субъектов международных отношений.

Третье соображение Президента РФ, как представляется, связано с тревогой по поводу судьбы международного права.

¹ Первая волна – вступление в НАТО Польши, Венгрии и Чехии в 1998 г.; вторая – Литвы, Латвии, Эстонии, Словакии, Словении, Румынии и Болгарии в 2001 г.; третья – Хорватии и Албании в 2009 г., возвращение Франции в военную организацию НАТО в 2009 г.

Мировой порядок, основанный на международном праве, по существу был разрушен ещё в 1999 году агрессивным нападением НАТО на Югославию. Поэтому действия международных террористов против США 11 сентября 2001 года, строго говоря, произошли уже в ситуации рухнувшего мирового порядка, когда нарушать, с точки зрения права, уже было нечего. Иными словами, террористы действовали на основе реального прецедента 1999 года, в целом принятого и одобренного мировым «цивилизованным» сообществом. В свою очередь, и военные действия США в Ираке и в Афганистане происходят в условиях, когда мировой порядок, основанный на международном праве, уже давно не действует. В результате сегодня весь мир лишний раз убедился в том, что человечество вступило в новый век, в котором, как и раньше, главенствующими являются не принципы разума и гуманизма, и даже не нормы международного права, а фактор силы, который делает мир ещё более хрупким и незащищённым.

Инициатива Д. Медведева своевременна поэтому и в том отношении, что речь в ней идёт о подтверждении соблюдения ранее принятых обязательств, в том числе, касающихся норм международного права. Как подчеркнул министр иностранных дел РФ С. Лавров на пресс-конференции по итогам Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности 23 июня 2009 г., «Мы за то, чтобы в новом Договоре среди важнейших принципов международного права однозначно подтвердить уважение суверенитета, территориальной целостности всех его участников, невмешательство во внутренние дела и, конечно же, принцип неделимости безопасности, чтобы никто не обеспечивал свою безопасность за счёт безопасности других. Этот принцип провозглашен на высшем политическом уровне в качестве политического обязательства. Но политический характер данного обязательства явно недостаточен, его надо сделать юридически обязывающим. Это главный вопрос, который мы поставили перед нашими партнёрами: готовы ли вы сделать принцип неделимости безопасности юридически обязывающим и универсально применимым в Евро-Атлантике? Надеюсь, что мы услышим ответ, потому что пока от этого главного вопроса наши партнёры уходят».

Итак, мир изменился, он стал менее безопасен, появились новые вызовы и угрозы, против которых прежние механизмы не работают, в худшую сторону изменилась обстановка в Европе. Это первая группа аргументов, которые, как представляется, лежат в основе инициативы Д. Медведева о новой архитектуре европейской безопасности. «Выдвинув идею заключения нового Договора о европейской безопасности, – подчеркнул он в своём выступлении на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2009 года, – Россия предложила по-новому посмотреть на эту проблему и, прежде всего, отказаться от устаревших подходов. Мы все надеемся на то, что холодная война уже позади. Но мир не стал более безопасным. Сегодня нам нужны действительно современные решения. И нужны чёткие юридические рамки уже имеющихся политических обязательств. Не декларации, не призывы, не демагогия, а именно чёткие юридические рамки, в том числе закрепляющие принцип, который существует и в международном праве: не обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности других».

Вторая группа аргументов связана с тем, что они отражают неудовлетворённость России своим местом и ролью в формирующемся мировом порядке, в том числе в Европе. Россия сегодня представляет собой существенно другой международный субъект по сравнению с тем, какими она была двадцать лет тому назад. В начале 90-х годов Россия была в глубоком экономическом кризисе и цивилизационном шоке после распада СССР. В Европе Россия воспринималась тогда чем-то вроде этакой «большой Польши», к которой вполне можно было применять те же критерии и стандарты, что и по отношению к странам Центральной и Восточной Европы. Со своей стороны, Россия воспринимала Европу в качестве успешной интеграционной структуры, в которую она была готова влиться даже на правах «смирненного ученика».

Сейчас ситуация стала принципиально иной. Евросоюз, как полагают многие в России, находится в состоянии глубокого кризиса, связанного с его расширением и неспособностью быстро «переварить» новые страны-члены. А провал Евроконституции высветил к тому же кризис его идентичности. Россия же, напротив, вышла (или уверенно выходит) из кризиса, с каждым годом всё прочнее ощущая себя самостоятельным и самодостаточным центром силы.

Реальный политический и экономический вес России за последние двадцать лет серьёзно вырос, и Россия ставит вопрос о том, что её потенциал для решения ключевых вопросов европейской безопасности не соответствует той роли и месту, которое она сейчас занимает. Это вполне логичная и обоснованная постановка вопроса: Россия уже не пассажир в корабле общеевропейской безопасности, а полноправный участник и должна получить то место, которое соответствует её экономическому и политическому потенциалу. Ключевым регионом мира, определяющим глобальную безопасность, остаётся Евразия. Принципиально важное положение состоит в том, что Россия как евразийская страна не может быть каким-то второстепенным партнёром, если от неё ждут действенного участия в борьбе с новыми вызовами и угрозами, включая транснациональный терроризм на этом важнейшем пространстве.

С другой стороны, Россия сегодня, как представляется, в большей мере, чем двадцать лет назад осознаёт европейское измерение своей национальной идентичности. Для российского общества абсолютно очевидно, что Россия является частью Европы. Конечно, в геополитическом плане Россия – евразийская страна, но в культурном отношении, да и в политическом – это, безусловно, страна европейская. Европейская идентичность России в политическом и культурном измерении сомнению не подлежит. И в Европе с этим мало кто спорит – разве только Польша и страны Балтии.

Кроме того, российское руководство год назад, наконец, сформулировало долгосрочную Стратегию развития России на период до 2020 года. Эта стратегия была подтверждена Стратегией национальной безопасности, которую президент РФ утвердил 12 мая этого года. И главный пафос этой Стратегии состоит в том, что Россия должна преодолеть сырьевую ориентацию своей экономики и перейти на инновационный тип развития. Если такая стратегия действительно является просчитанной, обоснованной и серьёзной, а в этом у нас сомнений нет, то совершенно очевидны наши приоритеты во внешней политике. Главный внешнеполитический замысел «Стратегии–2020» состоит в том, чтобы Россия стала частью технологического и инновационного пространства Большой Европы.

Если за основу национального проекта принимается движение в сторону перехода к инновационному пути развития и построению постиндустриального общества, то становятся совершенно очевидными и

наши внешнеполитические приоритеты. В вопросах внешней политики следует ориентироваться, прежде всего, на те страны, которые уже перешли на инновационный тип развития и построили постиндустриальное общество, а также на государства, находящиеся в едином с Россией культурном и ценностном поле. Это, прежде всего, Америка и страны Европы. И потому европейский вектор движения страны является наиглавнейшим.

Такая линия, разумеется, не исключает элементов здорового консерватизма в вопросах внешней политики (будь то американское или европейское направление), жёсткого отстаивания российских национальных интересов, как геоэкономических, так и геополитических, в диалоге с Западом. Кроме того, будучи евразийской державой, Россия, безусловно, обречена взаимодействовать со всеми крупными геополитическими субъектами, которые её окружают, – и с КНР, и с Индией, и с Ираном, и с арабскими странами, и с Турцией и т. д. Но главным вектором движения России может быть только один – Большая Европа без разделительных линий, в которой Украина, например, не стояла бы перед выбором – Россия или Европа. Аргумент, что «Россия слишком велика для Европы», по меньшей мере, несерьёзен для XXI века. Симптоматично, что даже З. Бжезинский не сомневается в европейском будущем России. В конце 2004 г. он заявил: «...будущее России для меня очевидно. Россия станет демократией и полностью повернется к Западу. Последние события на Украине ускоряют эту тенденцию. Безопасность и демократические свободы России зависят от продолжающейся подниматься Европы. Конечно, то, о чем я говорю, произойдет не завтра и не в следующем году»¹.

Интеграция в Большую Европу, понятное дело, не означает передачу национального суверенитета Евросоюзу. Это предполагает другое: совместную работу по формированию объявленных «четырёх общих пространств» – внешней безопасности (кстати говоря, упомянутое пространство на самом деле не может быть ограничено Европой; оно состоит лишь как евроатлантическое, т. е. как общее пространство безопасности России, ЕС и США), внутренней безопасности и правопорядка, экономического пространства и пространства культуры, образования и науки (разумеется, не ценой односторонних уступок со стороны России). Причём сами «общие пространства» – это не самоцель, а лишь платформа для решения общих вопросов². Именно при подобном понимании возможны такие совместные проекты, как, например, развитие Калининградской области.

В этой связи следует переосмыслить и такую внешнеполитическую установку, на которой настаивают некоторые наши эксперты, как «особый путь развития», отличный от развития Большой Европы. Путь развития у нас один, если мы сами претендуем на то, чтобы быть частью Большой Европы. Недопустим отрыв России от Европы, в том числе и в свете усиления «внеевропейских рисков».

Сближение и интеграция с Большой Европой не означает, однако, полного слияния с ней. Россия должна сохранить как уникальная ветвь европейской цивилизации. Более того, именно этим она и интересна Большой Европе. Таковая составляющая, собственно говоря, и делает Европу – Большой. Следует помнить, что Россия, будучи неотъемлемой частью европейской цивилизации, в то же время является особым смысловым пространством. Она – оппонент Запада в глобальном развитии в рамках единой цивилизационной парадигмы. Однако, являясь альтернативной по отношению к западной, российская цивилизация не антагонистична и не враждебна к ней (хотя её кое-кто и пытается выдать за таковую). И Россия, и Запад – лишь составные части общеевропейского, а ещё шире – общечеловеческого Универсума, который не имеет ничего общего с унифицированным человечеством.

В этом, кстати говоря, и философские основы российской позиции в отношении евроатлантических структур международной безопасности, которые ни в коем случае нельзя размывать. Дав «добро» на расширение западных структур (НАТО) без своего участия, Россия согласилась бы с тем, что российское смысловое пространство периферийно по отношению к западным смыслам. Подав заявку в западные (не модернизированные) структуры, Россия признала бы, что лишена собственного смысла, своей идентичности.

Большая Европа – это в первую очередь тот «треугольник», о котором говорил Президент РФ ещё в Берлине: это, собственно, Европейский союз, Соединённые Штаты Америки и Россия. Эти три субъекта международных отношений, как подчёркивал Д. Медведев, объединяют общечеловеческие ценности. Действительно, это ветви единой христианской цивилизации, и никто из серьёзных философов, историков и культурологов, таких как О. Шпенглер или А. Тойнби, этого не отрицал. Наши же партнёры нередко по-прежнему строят в Европе искусственные разделительные линии, несмотря на то, что вместе с ними мы «холодную войну» похоронили много раз. Эту логику нужно преодолеть, и призыв сделать это является важной составной частью инициативы Д. Медведева.

Кроме того основные тенденции мирового развития (возвышение Азии, всплеск антизападного исламистского экстремизма, транснациональный терроризм, распространение ядерного оружия и т. д.) таковы, что либо евроатлантическая цивилизация будет едина, либо она погибнет по частям.

Конечно, европейские страны, страны Евросоюза как зрелые демократии испытывают некоторые сложности, когда имеют дело с незрелыми демократиями, к каковым относится Россия. В России во многом сложился авторитарный режим, отрицать это невозможно. А переход к инновационному типу развития предполагает зрелые демократические институты. Инноваций без демократии не бывает, это показал опыт истории. И совершенно очевидно почему: инновации рождаются в свободной конкурентной среде, субъектом инновационного развития являются свободные и творческие личности, которые мотивируются иными стимулами, по сравнению с экономикой нелиберального типа. До создания такой среды в России ещё далеко. Тем более, что в последние двадцать лет Россия создавала и пестовала отнюдь не инновационную элиту, а элиту сырьевую. Сырьевая элита по определению не может породить инновационную волну. А для полноценного и равноправного диалога с Европой нужна элита инновационная, которой в России пока нет. Ясно и то, что если мы говорим об инновационном развитии всерьёз, то нынешнюю политическую систему, которая является «управляемой демократией», необходимо будет менять.

Здесь, однако, важно не упускать стратегическую перспективу. Важно понимать неизбежность интеграции России в условиях глобализации в мировую экономику и, в частности, в общеевропейское экономи-

¹ Коммерсант. 11.10.04.

² Есть, правда и другая точка зрения на этот счёт, высказанная С. Карагановым: «Не стоит повторять опыт выработки хорошо звучащих, но уже забытых всеми, кроме их авторов, четырех "дорожных карт". Они прикрыли проблемы, но не дали почти ничего для движения вперед» // Российская газета, Федеральный выпуск, 2008, № 4786 от 6 ноября.

ческое, правовое, гуманитарное и военно-политическое пространство. Эти задачи взаимосвязаны и требуют от России перехода к инновационному типу развития, связанному с разработкой и внедрением передовых наукоёмких технологий, которые позволили бы российскому обществу совершить прорывной скачок в постиндустриальную эпоху.

Потенциал России в этой области оценивается в мире как достаточно высокий, в то же время, реализация этого потенциала затруднена из-за отсталости существующих в России форм ведения бизнеса и государственного регулирования экономической деятельности, а также крена в сторону сырьевой специализации. Очевидно также, что без серьёзного партнёрства с развитыми странами Европы успешный переход России к инновационному типу развития невозможен.

Большой Европы без России быть не может. Но и Россия не может жить вне Большой Европы, она зависит от Большой Европы, – не по энергетике, а по экономике, по инновационному пространству, частью которого Россия и хочет стать. Поэтому здесь уместно говорить в перспективе о некотором стратегическом размене. Энергетика – в обмен на инновации, в обмен на включение России в инновационное европейское пространство. Это было бы вполне справедливо. К сожалению, такой размен не обсуждается на саммитах Россия – ЕС. На наш взгляд, пора включить этот вопрос в двустороннюю повестку дня.

Есть и ещё одна сторона этого вопроса, на которую обратил внимание С. Караганов: «Действуя в отрыве друг от друга и тем более соперничая, Россия и Европа, скорее всего, не будут способны претендовать на роль первоклассных центров силы будущего миропорядка, сопоставимых с США и Китаем, и станут объектами политики внешних сил. В силу взаимодополняемости экономического, политико-дипломатического, военно-политического и геополитического потенциала сторон подобным полюсом может стать только союз России и ЕС». Кроме того, «Союз Европы может решить проблему искусственного "выбора" между Россией и Европой для стран, находящихся между ними: Украины, государств Закавказья и бывшей советской Центральной Азии, наконец, Турции»¹.

Третья группа аргументов. Изменились отношения между Россией и западным трансатлантическим сообществом, что даёт основания достаточно реалистично оценивать постепенное формирование новой архитектуры европейской безопасности. Эти отношения прошли серьёзное испытание в 2004–2008 гг. События этих лет показали, что, несмотря на временное охлаждение отношений, угрозы возврата к «холодной войне» сегодня нет. И хотя риторика «холодной войны» использовалась с обеих сторон, желания возвращаться к ней ни у кого сейчас нет, да и ресурсов – ни у России, ни у Запада – чтобы вернуться к bipolarному противостоянию, тоже нет. Нет такого желания ни у политического руководства России, ни у политического руководства западных стран, ни у наших народов. А к конфронтационной риторике следует относиться спокойно, во многом она ориентирована на внутреннего потребителя.

Правда, Россию упрекают в том, что в эти годы она приостановила своё участие в Договоре об обычных вооружённых силах в Европе. Но это был совершенно логичный шаг, поскольку Договор уже не действовал или действовал только в отношении России. В этих условиях Россия даже не сказала, что она выходит из ДОВСЕ, хотя имела полное право это сделать в соответствии со статьей, имеющейся в Договоре, как это сделали американцы в отношении Договора по ПРО. Россия лишь приостановила своё участие до выяснения ситуации. Более того, на дипломатическом уровне она делает всё, чтобы возобновить действие ДОВСЕ. Конечно, в нынешних условиях о возврате к тому Договору, который был заключен двадцать лет назад, даже в его адаптированном виде, речь идти не может. Сейчас требуется ДОВСЕ-2 с новым поколением мер доверия, новыми правилами подсчёта, новыми процедурами инспекции, контроля и т. д. Но это – часть общей повестки дня по обсуждению новой архитектуры общеевропейской безопасности.

Изменилось и отношение России к НАТО. Ни в одном официальном документе – ни в Концепции внешней политики 2008 года, ни в Стратегии национальной безопасности 2009 года – не найти слов, что «НАТО является военной угрозой для России». Более того, даже российские военные прекрасно понимают, что вероятность военного конфликта России с НАТО равна нулю. Другой вопрос, что если на наших границах находится самая мощная в истории человечества военная организация, военный блок, то лица, которые отвечают за безопасность и оборону страны, в частности, в Министерстве обороны, в Министерстве иностранных дел, в других ведомствах, должны этот фактор учитывать. Они просто честно выполняют свою работу.

Россия, на наш взгляд, стала понимать и то, что расширение НАТО – это не столько угроза, сколько цивилизационный вызов для России, поскольку оно приводит к тому, что создаются разделительные линии между Россией и Европой. Процесс расширения НАТО создаёт у российской элиты впечатление, что Россию выталкивают из евроатлантического сообщества, из Большой Европы, частью которой Россия себя считает. Однако логика расширения НАТО, сегодня, похоже, упёрлась в тупик, о чём совсем недавно написал З. Бжезинский: «Дабы сохранить свою историческую релевантность, НАТО не может до бесконечности расширяться в мировых масштабах... Усилия, направленные на создание такого альянса, способны, кроме того, уничтожить трансатлантическую идентичность НАТО»².

Важные позитивные сдвиги наметились, как представляется, и в сознании лидеров трансатлантического сообщества. Администрация Б. Обамы продемонстрировала свою решимость учитывать интересы России, вести с ней конструктивный диалог по проблемам международной безопасности. США притормозили планы приёма в НАТО Украины³ и Грузии, возобновили переговоры с Россией о ядерном разоружении, объявили об отказе от развёртывания третьего позиционного района ПРО в Европе⁴. И хотя все эти реше-

¹ Российская газета, Федеральный выпуск, 2008, № 4786 от 6 ноября.

² Бжезинский З. Повестка дня для НАТО // Россия в глобальной политике. 2009. № 4. Впрочем, в этой же статье З. Бжезинский считает возможным и желательным вступление в НАТО Грузии и в особенности Украины, что, по его мнению, будет способствовать пересмотру взглядов России в отношении НАТО в «нужном направлении».

³ Администрацию Дж. Буша не слишком волновало, что большинство украинцев не хочет в НАТО, а для администрации

Б. Обамы это оказалось важно.

⁴ Принятое президентом Б. Обамой в середине сентября с. г. решение об отказе от планов администрации Буша разместить 10 ракет-перехватчиков в Польше и радар в Чешской Республике было основано на новых разведывательных оцен-

ния были весьма прагматичными, они, разумеется, учитывали интересы безопасности и озабоченности Москвы. Новый генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен в середине сентября с. г. призвал к налаживанию новых отношений с Россией. Он признал, что разногласия между альянсом и Россией сохраняются, но заявил, что, как и в любом настоящем партнёрстве, «мы должны учитывать, что и у России есть законные интересы безопасности»¹.

Что касается западноевропейцев, то они сегодня начинают играть более активную роль в решении вопросов безопасности, понимая, что, во-первых, эти вопросы нельзя отдавать на откуп «старшему партнёру» в условиях кризиса американского лидерства, а, во-вторых, что все вопросы безопасности, затрагивающие интересы Европы, США и России, так или иначе взаимосвязаны. Например, процесс противодействия распространению ядерного оружия, которым в равной степени озабочены и США, и Западная Европа, и Россия (и в частности, успех предстоящей в 2010 г. Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия), непосредственно связан в том числе и с тем, как решаются проблемы сокращения стратегических наступательных вооружений между Соединёнными Штатами и Россией.

А что касается нового договора по СНВ – здесь прямая связь с ПРО. Когда начались разговоры о том, что необходимо возобновить переговоры по контролю над ядерными вооружениями и что нужен новый договор по СНВ, Б. Обама, ещё не будучи президентом, озвучил цифру в 1000 боезарядов, до которой можно сокращать СНВ с обеих сторон. На переговорах обозначился уровень в 1500 боезарядов, и это как раз было связано с нерешённой проблемой по противоракетной обороне. Если бы при администрации Дж. Буша не затеяли разговор по поводу развёртывания элементов стратегической ПРО в Европе, то, наверное, можно было идти на более глубокие сокращения. И позиция европейцев, когда решение этой проблемы отдали в руки американцев, поляков и чехов, была не совсем правильная, что теперь в Европе, похоже, осознали. Ведь элементы стратегической ПРО в Европе не предназначались для защиты Европы от угрозы со стороны Ирана в случае её возникновения, хотя будет ли эта угроза реальной, до сих пор неизвестно. Эти элементы предназначались для защиты Америки, а должны были размещаться в Европе.

Сейчас администрацией Б. Обамы приняты важные решения по сокращению бюджета в части элементов противоракетной обороны и по закрытию ряда программ вообще. Если их проанализировать, то получится, что элементы стратегической ПРО на территории США ограничиваются количественно даже меньше того уровня, который был предусмотрен Договором по противоракетной обороне 1972 года. (Спрашивается, зачем из него выхолили?) Ряд программ отменён, в том числе и размещение элементов стратегической ПРО в Европе. Возможно, этому способствовала более активная позиция таких крупных европейских держав, как Германия и Франция.

В принципе сегодня американская система противоракетной обороны идёт по пути развития региональных систем, т. е. той же европейской ПРО на театре военных действий. Это те вопросы, которые мы в своё время совместно отработывали по линии Россия – НАТО и в рамках двусторонних переговоров Россия – Соединённые Штаты. Они, действительно, имеют отношение к тем угрозам, которые реально могут возникнуть.

В этой связи следовало бы вспомнить предложения России 1997 года. Они включали в себя не только вопросы, связанные с использованием двух российских радиолокационных станций (одна – на территории Азербайджана, вторая – в Армавире), в них шла речь и о центрах обмена информацией. Один центр в Москве (по нему когда-то был подписан меморандум, правда, он не был открыт) и второй центр в Брюсселе. Они как раз предназначены для того, чтобы осуществлять оценку обстановки, выявлять ракетные угрозы и в связи с этим принимать решения о развёртывании тех подвижных комплексов противоракетной обороны, которые имеются и у России, и у США, и у европейцев, в зависимости от того, откуда возникает угроза. То есть, предлагался формат совместного управления. А те документы, которые были подписаны по центру обмена данными более десяти лет назад, предусматривали участие в их работе любых государств, которые в этом заинтересованы. И это предложение в принципе остаётся в силе, но оно нуждается в поддержке и других государств, в том числе европейских. Для начала следует провести совместную оценку ракетных угроз, о которой президенты России и США договорились ещё в июле 2009 г., что и позволило бы в перспективе создать Центр по обмену данными для взаимного оповещения об испытательных запущах ракет с участием европейцев.

Наконец, говоря о перспективах будущих переговоров о новой архитектуре европейской безопасности следует упомянуть ещё один немаловажный фактор, создающий предпосылки для их успеха. Это мировой экономический кризис, объективно способствующий формированию платформы общих интересов стран евроатлантического региона и кооперационных моделей решения ключевых проблем мировой политики.

ЧТО НЕ УСТРАИВАЕТ НАШИХ ПАРТНЁРОВ?

Инициатива Д. Медведева, конечно, имеет пока некоторые недостатки и неясности. И это вполне закономерно, поскольку обсуждение этого масштабного и многопрофильного вопроса только начинается. К сожалению, эта инициатива не была конкретизирована с самого начала, и поэтому была воспринята нашими партнёрами, как очередная попытка упразднить НАТО. Только потом, спустя полгода, Д. Медведев

ках, сделанных в мае, в которых говорится о том, что Иран замедлил разработку своих межконтинентальных баллистических ракет, с помощью которых может быть нанесён ракетный удар по территории США. Вместо этого, подчёркивается в докладе ЦРУ, Иран сосредоточил своё внимание на ускоренном производстве ракет с меньшим радиусом действия, которые могут применяться для нападения на Израиль, а также другие страны региона, где размещены вооружённые силы США. Одновременно американцы пояснили, что новый план с использованием размещаемых на морских судах радаров Aegis и связанных с ними ракет-перехватчиков Standard, может стать прочной системой, способной противостоять существующим вызовам и в первую очередь защитить союзников по НАТО. В связи с этим они предложили размещение установок SM-3 (Standard missile-3) и комплексов Пэтриот в Польше и командных и контрольных элементов в Чехии. Для отражения же возможной угрозы со стороны Ирана основную ставку американцы по-прежнему делают на ракеты-перехватчики ПРО, расположенные на Аляске и в Калифорнии. Интересно, что через две недели после объявленного решения США по элементам ПРО в Европе Тегеран согласился открыть для международной инспекции свой завод по обогащению урана, расположенный рядом с городом Кум, и отправлять большую часть своего открыто задекларированного обогащённого урана в Россию. Можно предположить, что за этими событиями стоит некая «пакетная» договорённость между Россией и США.

¹ The Huffington Post. 16.09.09.

разъяснил, что Россия не ставит вопрос о роспуске уже имеющихся и действующих организаций в области европейской безопасности.

Кроме того, западные и отечественные эксперты отмечают, что в этой инициативе по существу нет ничего нового, в том числе нет ничего нового в тех элементах будущей новой архитектуры европейской безопасности, которые были переданы нашим партнёрам. Речь идёт, собственно говоря, о подтверждении ранее принятых обязательств, в том числе и тех, которые были приняты в Парижской хартии для новой Европы. Там все эти элементы есть. Другое дело, что Хартия была забыта. Но сегодня ещё раз подтвердить эти обязательства, которые составляют корпус международного права (все эти элементы есть и в Уставе ООН) было бы небесполезно.

В предложениях Д. Медведева пока не прописан механизм реализации. Но это тоже понятно. Этот механизм должен быть выработан в ходе переговоров, если и когда они начнутся.

Неясен и переговорный формат, хотя Президент РФ предложил провести общеевропейский саммит, на котором можно было бы дать старт процессу разработки нового договора, подчеркнув, что все государства Европы должны участвовать в нём в своём национальном качестве, оставив блоковые и иные групповые соображения за дверью.

Очевидно и понятно желание наших партнёров использовать для обсуждения инициативы Д. Медведева формат ОБСЕ. Но формат ОБСЕ – уже сам по себе очень сложный переговорный формат. И если мы в этот формат добавим других акторов, а именно НАТО, ЕС, ОДКБ, то переговоры могут стать практически невозможными. Во всяком случае, невозможным будет быстрый выход на конкретные договорённости. К стати, ни ОДКБ, ни НАТО пока ещё не уполномочили своих переговорщиков вести переговоры от их лица, т. е. это не те юридические субъекты, которые могут вести переговоры.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) была создана в 1994 г. на саммите европейских стран в Будапеште на базе ранее существовавшего Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тогда Россия и ряд других стран надеялись на то, что данная организация превратится в основу системы коллективной европейской безопасности. Этого, однако, не произошло. Изначально заложенная в концепцию ОБСЕ функция форума для равноправного политического диалога и принятия коллективных решений по общим для всех государств-участников вопросам европейской безопасности во всех трёх её измерениях (военно-политическом, экономическом и гуманитарном) реально атрофировалась.

Все эти годы ОБСЕ демонстрировала свою растущую политическую беспомощность. К тому же она оказалась неспособна создать собственную военно-силовую компоненту, без которой участвовать в решении проблем европейской безопасности, было, конечно же, невозможно. ОБСЕ осталась «мандатом без силы». Все красивые предложения и программы, выдвигаемые Россией в 90-е гг. прошлого века, в целях трансформации ОБСЕ в этом направлении были заблокированы нашими американскими и европейскими партнёрами, которые сделали ставку не на ОБСЕ, а на НАТО¹. К тому же, не без помощи наших бывших «союзников», им удалось во многом превратить ОБСЕ в антироссийскую организацию. США и ряд других западных стран свели деятельность ОБСЕ к роли одностороннего инструмента обеспечения своих внешнеполитических интересов в отношении других государств-участников этой организации. Речь идёт, прежде всего, о воздействии на процессы в СНГ, попытках переустройства «европейской периферии» по навязываемым извне лекалам, давления на государства – не члены НАТО и ЕС в целях изменения вектора их политической ориентации вплоть до смены правящих режимов, вытеснения России из переговорно-миротворческих форматов урегулирования «замороженных конфликтов».

В этих целях велась линия на консервацию институциональной «рыхлости» ОБСЕ, доставшейся в наследство от её «конференционного» (периода СБСЕ) прошлого и выражавшейся в «вольнице» действующего председательства Организации, её институтов и полевых присутствий, многие вопросы деятельности которых попросту не выносились на рассмотрение коллективных межправительственных органов (Постсовета и СМИД). Некоторые из этих институтов, в особенности Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), открыто претендовали на некую автономию от государств-участников ОБСЕ, имея в виду сохранить возможность для политически пристрастного «мониторинга» процессов, в т. ч. электоральных, в странах, расположенных «к востоку от Вены».

На наш взгляд, ОБСЕ не оправдала надежд всего трансатлантического сообщества, включая Европу, Америку и Россию, поскольку не стала действительно всеобъемлющей системой общеевропейской безопасности, а именно этот замысел и был заложен в мандат ОБСЕ. ОБСЕ все эти годы, к сожалению, работала только по третьей корзине, а по вопросам безопасности сделала очень мало. Причины здесь очевидны, наши западные партнёры стали строить безопасность не вокруг ОБСЕ, т. е. той организации, которая имела мандат, но не имела силы, а вокруг той организации, которая имела силу, но не имела мандата, а именно – вокруг НАТО. Преодоление этого «натоцентризма» является одной из проблем построения новой архитектуры европейской безопасности.

В целом же, на наш взгляд, России не стоит тратить на ОБСЕ серьёзные политико-дипломатические ресурсы. Но и выходить из неё, хлопнув дверью, как предлагают некоторые наши политики и эксперты, было бы политически контрпродуктивно. Важно использовать потенциал этой маргинализованной (не нашими усилиями) уже организации для защиты наших интересов при решении вопросов кризисного урегулирования (там, где это возможно), профилактики региональных конфликтов, соблюдении прав человека, прежде всего, русскоязычного населения в странах Балтии. Если политика Запада в отношении ОБСЕ изменится, то в перспективе она могла бы стать центром разработки модели евробезопасности, международно признанных принципов миротворческой деятельности, инициатив в области ограничения гонки вооружений и разоружения на европейском континенте. Больших надежд, однако, на это возлагать не стоит.

Другого подхода, на наш взгляд, требует НАТО. Отношение России к НАТО, которое было крайне противоречивым и непоследовательным в последние двадцать лет, должно быть основано на прагматизме

¹ Все основополагающие документы ЕС – Маастрихтский договор (1992 г.), Амстердамский договор (1997 г.) и Лиссабонский договор (2007 г.) – последовательно возлагали ответственность за оборону Европы на НАТО.

и политической целесообразности. С одной стороны, очевидно, что НАТО – это продукт и рудимент «холодной войны», ставший уже к моменту распада СССР политическим анахронизмом. С другой стороны, надо исходить из сложившихся реалий – альянс остаётся геополитическим и силовым фактором, влияющим на ситуацию в сфере безопасности у наших границ.

По своему духу и букве Североатлантический альянс остаётся замкнутым военным блоком, в котором доминируют США. При этом США весьма искусно используют этот инструмент в качестве средства политического давления и на своих союзников, и на Россию. Поэтому наши отношения с НАТО – это, в первую очередь, российско-американские отношения.

В отличие от ООН, которая создавалась как кооперационная организация международной безопасности стран-победительниц во Второй мировой войне в момент, когда для послевоенного сотрудничества между этими странами, казалось бы, имелись весьма серьёзные основания, Вашингтонский Договор, учредивший НАТО, был подписан 4 апреля 1949 г. уже в разгар «холодной войны», превративший СССР и США в непримиримых противников.

После завершения «холодной войны», когда под аккомпанемент красивых деклараций о «трансформации» НАТО и вопреки возражениям России, количество стран-членов альянса увеличилось почти в два раза (сегодня их количество насчитывает 28 стран), для российской политической элиты стало совершенно очевидно, что единственная новая политическая миссия НАТО – это её расширение, причём в сторону России. Кроме того, после «холодной войны» НАТО попыталась переопределить свою миссию концептуально. Поскольку прежний смысл существования этой организации, заключающийся в противостоянии России, исчез, НАТО теперь работает над «продвижением демократии и обеспечением стабильности». Однако её успехи в достижении этих целей весьма скромные. И в этом своём аспекте НАТО в основном остаётся той организацией, которая направлена против России.

Основополагающий акт, подписанный в Париже в 1997 году, открывал для Российской Федерации возможность так построить свои отношения с альянсом, чтобы вести дело к изменению характера Североатлантического блока, добиваясь превращения его в элемент общеевропейского механизма безопасности. Он, однако, как и предсказывали многие российские и зарубежные эксперты в 1997 году, оказался лишь красивой декларацией. Созданный тогда совместный Постоянный Совет Россия – НАТО стал лишь «бумажной» организацией, которая не принесла удовлетворения никому. Такое развитие событий подтвердило, что для успешного взаимодействия между Россией и НАТО требуется встречное движение со стороны НАТО в первую очередь в сторону её обновления, радикальной трансформации. Тогда НАТО могла бы стать военной составляющей формирующейся системы евробезопасности. Созданный вместо ПСС Совет Россия – НАТО пока также не обозначил движения в этом направлении.

При всех различиях в тактических и геополитических приоритетах у России и НАТО имеется значительное поле совпадения интересов в реагировании на общие угрозы и вызовы в сфере безопасности – терроризм, региональные кризисы, природные и техногенные катастрофы. В документах альянса неоднократно констатировалось, что партнёрство Россия – НАТО является стратегическим элементом в укреплении безопасности на евроатлантическом пространстве. С учётом нарастания серьёзных вызовов и угроз международной безопасности в начале XXI века, стороны будут просто вынуждены искать новые, более эффективные варианты партнёрства по противодействию с ними. Для этого надо наладить полномасштабное взаимодействие в рамках Совета Россия – НАТО (СРН), созданного в 2002 г.

Большинство отечественных и зарубежных экспертов сегодня полагают, что шансов на заключение полномасштабного, юридически обязывающего договора о новой архитектуре европейской безопасности в рамках ОБСЕ сейчас немного. В настоящее время условий для заключения договора и в других форматах практически нет¹. Даже если такой договор будет заключён, возникнут огромные проблемы с его ратификацией, и на это может уйти не один год. Тем более, если в переговорах будут участвовать все вышеупомянутые организации, а такие новые страны-члены НАТО и ЕС, как Польша, Чехия, Эстония, Латвия и Литва, для которых выстраивание политического кордона между РФ и Западом является своего рода бизнесом, сделают всё для того, чтобы не допустить создания системы коллективной безопасности с участием России. Важность и ценность этой инициативы состоит, однако, в том, что она впервые за последние двадцать лет формирует для Европы позитивную, а не негативную повестку дня. И если удастся запустить такие переговоры, это будет большой удачей для всех. Поэтому, на наш взгляд, здесь важен сам процесс. Так, переговоры могут привести к заключению важных секторальных соглашений в области безопасности, что будет выгодно всей Европе. Если переговоры будут идти 10, 15 или 20 лет, ничего страшного здесь тоже нет. Ведь наличие переговоров гораздо лучше, чем их отсутствие. Один из печальных итогов последних 10–15 лет состоит в том, что переговорный процесс по вопросам безопасности был остановлен и по существу разрушен. И не по нашей вине. Администрация Дж. Буша бежала от переговоров по вопросам безопасности, как от чумы. И это нанесло большой ущерб интересам всех.

Инициатива Д. Медведева хороша тем, что предлагает возобновить переговоры по ключевым вопросам евроатлантической безопасности. Самое главное, что в этом случае будет создана новая площадка, на которой будут обсуждаться реальные вопросы европейской безопасности.

ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ

В складывающейся ситуации в евроатлантическом регионе развитие событий может пойти по трём сценариям.

Первый сценарий – переговоры не начинаются или блокируются разного рода политическими «увязками», и всё остаётся, как есть. Это наихудший сценарий, поскольку в этом случае происходит дальнейшая деградация режима контроля над вооружениями, распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, диффузия военной силы в виде, в том числе и бесконтрольной торговли оружием, попадания этого оружия в руки террористов и т. д.

Второй сценарий – переговоры начинаются, однако, договор в ближайшее время не заключается, но мы выходим через этот формат на важные секторальные соглашения в области безопасности. При этом может быть заключена некая политическая декларация на манер Хельсинской, что тоже хорошо, поскольку это будет некое «зонтное соглашение», в рамках которого переговоры могут продолжаться и дальше. Это хороший сценарий.

¹ См., например: *Караганов С.* Взгляд с Востока // Российская газета, 11.09.09.

И третий сценарий – переговоры начинаются, но реальная европейская безопасность и новая архитектура по-прежнему выстраивается вокруг НАТО. Но с участием России. НАТО постепенно трансформируется из закрытого военного блока в миротворческую организацию коллективной безопасности, партнёрство с Россией выстраивается через механизм Совета Россия – НАТО (СРН), и полную реализацию того потенциала, который заложен в Римской декларации 2002 г.

В этом случае необходима, с нашей точки зрения, серьёзная трансформация Североатлантического альянса из закрытого блока в миротворческую организацию с участием России. Естественно, что и Россия в этом случае должна серьёзно измениться, я имею в виду облик её Вооружённых Сил, она должна провести соответствующую военную реформу для того, чтобы вписаться в эту новую архитектуру европейской безопасности.

Наиболее оптимальным вариантом было бы сочетание двух последних сценариев, когда параллельно с переговорами и выходом на секторальные договорённости в области европейской безопасности происходит трансформация Североатлантического альянса, и через механизм СРН, который сейчас, похоже, снова заработал, стороны выходят на новый уровень партнёрства между НАТО и Россией.

В соответствии с Заявлением СРН от 28 мая 2002 года (Римская декларация), стороны договорились предпринимать усилия по сотрудничеству в широком диапазоне проблем международной безопасности. Здесь и борьба против терроризма, и кризисное регулирование, и нераспространение, и контроль над вооружениями, и меры укрепления доверия, и взаимодействие в области ПРО на ТВД, и поиск и спасание на море, и сотрудничество между военными и в сфере военных реформ, и чрезвычайное гражданское планирование и реагирование, и новые угрозы и вызовы. Если все предусмотренные Римской декларацией процедуры будут неукоснительно соблюдаться, то они создадут основу для равноправного механизма взаимодействия России и НАТО в вопросах европейской безопасности.

Политика России в отношении альянса должна сейчас состоять в том, чтобы, используя имеющиеся возможности и наработки, развивать с ним сотрудничество в целях отстаивания национальных интересов, наращивания возможностей влияния на европейские и международные процессы, трансформации НАТО на выгодных нам условиях и создания предпосылок для вступления России в обновлённую евроатлантическую организацию.

Трансформация – процесс длительный, он должен развиваться не импульсивно, а поэтапно и осмысленно. При этом Россия способна сама предложить концептуальные основы такой трансформации. В общих чертах они могли бы заключаться в следующем.

В **доктринальной области** она предполагала бы, во-первых, пересмотр провозглашённого в 1991 году принципа обороны в той части, которая предусматривает сохранение потенциала наращивания боевых возможностей блока и перенос акцентов и приоритетов на провозглашённые тогда же принципы диалога и сотрудничества. Во-вторых, отказ от подхода к России как к основному фактору риска. В-третьих, переориентацию блока от подготовки всеобщей войны, в том числе с применением ядерного оружия, на подготовку к действиям «по вызову» в интересах, прежде всего, миротворческих операций под эгидой Организации Объединённых Наций или политических структур европейской безопасности. И, в-четвёртых, изменение сути всех стратегических и оперативно-стратегических концепций от ориентации на противоборство по линии Запад – Восток на более универсальный подход, направленный на способность к коллективному реагированию на реальные потенциальные угрозы, вызовы и риски, характерные для современной геополитической ситуации.

В **области стратегического планирования** первоочередными шагами по трансформации НАТО могли бы быть – отход от практики подготовки резервов, рассчитанных на затяжную войну; ограничение масштабов подготовки резервов с потребностями восполнения только сил реагирования; ограничение направленности строительства объединённых вооружённых сил НАТО только исходя из необходимости решения задач по подготовке и проведению миротворческих операций; свёртывание программ развития инфраструктуры на восточном направлении, имеющих конкретную привязку к конкретным театрам военных действий. В принципе, целесообразен отказ от «нарезки» территории на театры военных действий.

Наконец, в **области оперативного планирования и боевой подготовки** реальной трансформации НАТО будет отвечать определение в качестве первоочередных для этой структуры миротворческих функций, выполняемых в строгом соответствии с решениями ООН (или обновлённой ОБСЕ) и под её политическим контролем.

Конечно, трудно надеяться на то, что эти вопросы составят содержание готовящейся сегодня новой Стратегической концепции альянса¹. Судя по сообщениям западных СМИ, ключевыми элементами концепции станут, наряду с неизменным принципом коллективной обороны и готовностью к силовым ответам на угрозы и вызовы XXI века, развёрнутый комплекс упреждающих мер (в том числе разведывательных и контрразведывательных), направленных на предотвращение возможного нападения на кого-либо из членов НАТО или нанесения им того или иного ущерба, включая превентивные удары. Важная роль при этом будет отведена Силам реагирования НАТО как наиболее технически продвинутым силам повышенной готовности. Не исключено, что новая концепция будет официально предусматривать – в качестве крайнего средства – применение НАТО первым ядерного оружия.

В новой стратегической концепции НАТО, видимо, найдут отражение современные взгляды на ведение боевых операций и организацию управления войсками, тезис о необходимости минимизации ущерба для гражданского населения при ведении боевых действий и т. п. Новая стратегия, по всей вероятности, будет предусматривать создание потенциала НАТО по ведению так называемых «комбинацион-

¹ Принятая в 1999 г. Стратегическая концепция НАТО расширила географическую зону ответственности блока: теперь он может осуществлять военную деятельность – вопреки Вашингтонскому Договору 1949 г. – вне пределов территорий стран-членов. Это дало «правовое основание» вторжению НАТО в 1999 г. в Югославию. Иными словами, действующая Стратегическая концепция НАТО по существу превращает альянс из оборонительного союза, зоной ответственности которого была Европа (и то не вся) в наступательную военную организацию, действующую за пределами театра военных действий, обозначенного Вашингтонским договором.

ных войн», для которых характерно одновременное и зачастую непредсказуемое сочетание нескольких или даже множественных видов противоборства, как военных, так и невоенных (например, война за ресурсы с применением обычных вооружений при наличии элементов информационно-идеологической и финансовой войн).

Особое внимание в новой концепции будет уделено асимметричным (сетевым) угрозам, таким как международный терроризм и международная преступность, а также угрозам невоенного характера (например, кибертерроризм, изменение климата, распространение опасных болезней). В число важнейших угроз, которым должно противостоять НАТО, будут, в частности, включены угроза энергетической безопасности, распространение оружия массового уничтожения и религиозный фундаментализм/экстремизм.

США будут всецело поддерживать официальное придание НАТО глобальных функций и попытаются в перспективе превратить его по существу в некое подобие «мирового полицейского», хотя во многих документах НАТО эта роль официально оспаривается. Новая стратегия будет предусматривать развёртывание сотрудничества с государствами, расположенными за пределами Североатлантического региона, и не являющимися членами Альянса, в том числе возможность поддержки ими натовских операций. Это касается, прежде всего, таких идеологически близких НАТО стран, как Япония, Австралия и Новая Зеландия. Новая стратегия будет также предусматривать, что «двери НАТО» будут оставаться открытыми для новых членов. В новую стратегию войдут тезисы о необходимости защиты «западных ценностей», демократии и прав человека.

Новая стратегия будет содержать дежурные положения о сотрудничестве с международными институтами и реверансы в отношении Устава ООН, однако, одновременно (например, под предлогом конца Вестфальской системы и эрозии роли международного права в современном мире) она будет исходить и из возможности жёсткого применения силы без санкции Совета Безопасности ООН там и тогда, когда НАТО сочтёт это необходимым.

Все эти потенциальные «новации» вряд ли можно назвать подлинной трансформацией НАТО в сторону европейской системы коллективной безопасности. Сомнительно, что они будут приветствоваться Россией и способствовать её партнёрским отношениям с альянсом.

Что нужно для того, чтобы дать старт реальному процессу трансформации НАТО? Для этого нужно, чтобы Европа отказалась от «натоцентризма» и совершила интеллектуальное усилие в смысле пересмотра своего, порой, предвзятого, а порой, настороженного отношения к России. При этом мы, конечно, не должны забывать, что важнейшим актором в европейской безопасности являются Соединённые Штаты Америки, и если с ними по поводу трансформации НАТО договориться не удастся, то новая архитектура, конечно, не состоится.

Но и Россия должна сделать некоторые встречные шаги, пересмотрев в ряде аспектов своё негативное отношение к НАТО. Сегодня требуется полная деидеологизация наших отношений с альянсом в контексте широкого и одновременно прагматичного видения международных процессов, протекающих в Европе и в мире в целом, а также в контексте правильного понимания наших национальных интересов.

Для успеха предстоящих переговоров недопустимо то, что на дипломатическом языке называется политическими увязками (*linkage*). А наши западные партнёры нередко пытаются их делать. Например, увязывать перспективу переговоров о новой архитектуре европейской безопасности с признанием Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Это означает дипломатический тупик в обсуждении инициативы Президента РФ. Поскольку эта ситуация, очевидно, необратима: в России даже в кошмарном сне никто не может себе представить, что наше государство отзовет своё решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Как подчеркнул министр иностранных дел РФ С. Лавров на пресс-конференции по итогам Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности 23 июня 2009 г., «многие страны стремятся выдвигать в наш адрес требования, пожелания о необходимости отозвать все решения, которые были приняты российским руководством о признании независимости Южной Осетии и Абхазии, и тогда, мол, будем обсуждать все остальное. Понятно, что это искусственная увязка».

Возникает и такой вопрос: следует ли выстраивать радикальную альтернативу существующей системе или же стремиться к тому, чтобы отремонтировать имеющуюся архитектуру? На этот вопрос ответа нет, он должен сложиться в ходе переговоров, паче чаяния они начнутся. Но нельзя в одночасье и «до основания» разрушать старое для того, чтобы создать новое. Надо строить новый дом, не разрушая старый, иначе мы останемся вообще без дома. Нужно сделать попытку не радикально изменить мир, а постараться его усовершенствовать. Как говорил Артур Шопенгауэр: «Тот, кто пришел в этот мир для того, чтобы его изменить, должен быть рад, что ему удалось унести ноги».

Слово за дипломатией

Складывающаяся международная обстановка, как представляется, даёт нам определённые шансы для продвижения в позитивном направлении. Хотя дипломатическая борьба обещает быть чрезвычайно жёсткой (в особенности с «новыми» европейцами), возможности для неё в настоящий момент созданы. Не следует забывать, что расширение НАТО – это своего рода «игра», за которой стоят куда более глубокие процессы: объединение континентальной Европы, перегруппировка сил внутри самого Запада, формирование нового мирового порядка. Эти процессы создают для России немалое поле для внешнеполитического манёвра.

Через некоторое время, в условиях нарастающих противоречий между различными «центрами силы», вряд ли уже можно будет говорить о едином Западе при безусловном лидерстве США (первым звонком был иракский кризис). Ведь такая конфигурация строилась исключительно на основе противоборства с бывшим советским блоком, воспринимаемым Западом в качестве «империи зла». При современном стремительном развитии событий, на определённом этапе, вполне вероятно, произойдёт кризис атлантического партнёрства и встанет вопрос об участии в НАТО самих США. И вопрос этот поставит не Франция, не Германия и никакая иная европейская страна, а американский налогоплательщик. Такое развитие событий тем вероятнее, чем успешнее в России пройдёт радикальная военная реформа, чем быстрее у нас завершатся политические и экономические реформы в целом, создано эффективное демократическое государство, благоприятный инвестиционный климат.

¹ См., например: «Политика», 2.04.09.

Не следует недооценивать и постепенное формирование новой европейской идентичности, во многом не совпадающей с идентичностью американской в культурном и цивилизационном отношении. (Параллельно этому процессу оформляется новая национальная идентичность Китая, Японии, других важнейших мировых центров). Речь идёт и об экономическом измерении этой идентичности – несмотря на более видимую тенденцию к экономической взаимозависимости в процессе глобализации¹.

На этом фоне расширение НАТО предстаёт лишь как политическая предтеча оформления нового мощнейшего экономического гиганта, причём гиганта именно европейского, который постепенно будет освобождаться от чрезмерной опеки «старшего партнёра». Мотором оформления новой экономической идентичности Европы, несомненно, выступает Германия. Правы те российские политики, которые считают этот процесс скрытой формой нового «мирного» германского экспансионизма². Потому-то и основной взнос за расширение Европы – будь то в военно-политической или экономической ипостаси, – скорее всего, вынуждены будут внести немцы.

Речь, таким образом, идёт не столько о безопасности, сколько об экономическом облике Европы в XXI веке. Военно-политическая идентичность Европы – не более чем «превращённая форма» её искомой экономической идентичности. Появление таких форм в переломные периоды мировой истории вполне закономерно. В данном историческом контексте вопрос экономической интеграции решается ветеранами «холодной войны»: поэтому он и преломляется в их воспалённом воображении как преимущественно военно-политическая проблема. В этом смысле расширение НАТО – это не только ложная проблема безопасности, но и просто ложная проблема мировой политики.

Ясно и то, что после 1991 года НАТО – в строгом смысле уже не оборонительный союз. Обороняться ему стало не от кого. В этом плане альянс и в самом деле «обречён» на трансформацию в принципиально иную международную организацию. По существу сейчас именно НАТО превращается в военную составляющую формирующейся системы евроатлантической безопасности. Отсюда ещё один вывод: России сейчас надо себя вести так, как если бы она и в самом деле была полноправным членом НАТО. В этом смысле формальное членство в альянсе не имеет ровно никакого значения³. Сегодня Россия фактически ближе к НАТО, по сравнению не только со странами Балтии, но даже с Польшей, не говоря уже о Чехии, которые никакую роль в европейском балансе сил никогда не играли и играть не будут.

Наиболее дальновидные политические деятели Запада сегодня понимают, что главная проблема евроатлантической безопасности – не вовлечение в неё стран ЦВЕ, Балтии, Грузии или даже Украины. Главная проблема – участие в ней России. Ибо построить такую безопасность без стран ЦВЕ, Балтии, Грузии и Украины можно, а без России – нельзя.

* * *

При обсуждении вопроса о новой архитектуре европейской безопасности обсуждается куда более серьёзный вопрос – вопрос об отношении России к Западу (пока он един) и Запада к России. Россия определяет себя по отношению к Западу и тем самым определяет свою национальную идентичность. Запад же решает свою извечную дилемму: возможно ли подлинное партнёрство с Россией? Ранее, в переломные моменты мировой истории, Запад, как известно, решал эту дилемму не в пользу России. Все, без исключения коалиции Запада и России, в конечном счёте, рассыпались – и не по нашей вине. Снимает ли проблему культурно-исторического (но не цивилизационного) единства России и Запада инициатива Д. Медведева? Нет, пока не снимает. Пока основные противоречия загнаны вовнутрь. Они, несомненно, себя ещё проявят. Но уйти от них не удастся. Сейчас вновь появился шанс на реальное партнёрство с Россией. Этот шанс может быть реализован, если, конечно, Запад не будет и впредь стремиться решить свои проблемы за счёт неё.

Предложив новую повестку дня для Большой Европы, Россия сказала, что к такому партнёрству она готова. Теперь слово за Западом.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 4)

¹ Тренин Д.В. Идентичность и интеграция. Россия и Запад в XXI веке // Pro et contra. 2004. Т. 8. № 3.

² Квицинский Ю. Роман с Германией: завышенные ожидания. Сайт Клуба мировой политической экономики.

³ По мнению ряда западных экспертов, главная ошибка Запада заключается в том, что России никогда официально не предлагали стать членом НАТО. История учит нас, что гораздо опаснее отталкивать противника, чем приближать его и создавать с ним союзы. Государственные деятели начального периода после «холодной войны» осознавали важность такого членства. Первым с идеей вступления России в НАТО выступил в 1990 году М. Горбачев. В 1993 году бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер, также предложил включить Россию в состав Североатлантического альянса. «Я не могу себе представить лучшего способа "усиления политической составляющей альянса", чем рассмотрение в НАТО возможности членства для России, когда и если она выполнит необходимые условия», – заявил он. // The Huffington Post. 16.09.09.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время практически для каждого человека, для каждой семьи в России, во многих других странах проблемы взаимодействия с государством, с властью становятся всё более важными и конкретными.

Исходная причина – для 2008–2009 годов, во-первых, отчётливо обозначилась возможность и потребность в существенном улучшении качества жизни: медицина, образование, отдых, надёжность законности и безопасности, благополучия и устойчивого обеспечения достоинства каждого человека.

В то же время, во-вторых, источниками всё возрастающей обеспокоенности для всех людей стали реальные угрозы жизни для всех стран, народов и всей цивилизации: обозначилась возможность развязывания ядерной войны XXI века; резко ускорились негативные изменения климата; повсеместно обострилась проблема, связанная с недостатком продовольствия и его неприемлемым удорожением.

Для поиска и решения двух отмеченных причин, а их в действительности больше, всё более значительной становится роль государства, роль самого человека в личном качестве, роль конструктивных и созидательных взаимодействий между человеком и властью.

Таким образом, для всех звеньев общественной науки, особенно для политологии в качестве важнейшей научной проблемы обозначилось изучение взаимодействия конкретного государства (например, России) с альянсами (например, ШОС или НАТО, ЕС), с глобальными структурами (ООН, ВТО и т. д.). Фактически речь идёт о политическом аспекте взаимоотношенности отдельного, особенного и общего. Но эта обусловленность сегодня так важна для каждого человека: ведь только в их согласованной и ориентированной на достоинство, безопасность и благополучие каждого человека деятельности может быть найден путь минимизации очень опасных угроз¹.

Поэтому, смысл гипотезы автора статьи в том, что ключевым звеном в сохранении и упрочении жизни становится государство, которое в условиях глобализации, при всех имеющихся недостатках может «выстроить» новые свойства, технологии, механизмы для блага человека, общества, других государств и всей цивилизации.

Для более полного и адекватного понимания динамики институционализации феномена «государство» в условиях глобализации XXI века будет оправданным, по мнению автора, представить краткую версию политологического отображения самого феномена для рубежа XX и XXI веков.

ГОСУДАРСТВО – это способ организации политической власти и её основное орудие; центральное организационное и регулятивно-контрольное учреждение общества, выступающее как форма и фактор объединения (консолидации) людей, социальных, национальных и других групп, их организации и управления ими и как суверенный субъект международных отношений.

Основные признаки государства: определённая территория с чётко фиксированной границей государственной; институт гражданства, определяющий постоянное население данного государства; специальный аппарат, состоящий из особых органов и учреждений, осуществляющих властные функции; право – система общеобязательных норм поведения, законов, по которым строится жизнь общества; организационно оформленные силовые и пенитенциарные структуры; собственная финансово-банковская система; своя символика и др. Государство – ядро политической организации общества, которое регулирует отношения между классами, нациями и социальными группами и выражает их интересы на международной арене; являясь, как правило, орудием воли господствующего класса или какой-либо иной социальной группы. Государство в то же время берёт на себя решение общих вопросов по обеспечению существования общества как целостной социальной системы.

Государство, являясь результатом длительного исторического развития, стало неотъемлемым элементом функционирования не только отдельного общества, но и достоянием современной цивилизации. В ходе своего развития человечество выработало различные формы государственного устройства – конфедерацию, федерацию, унитарную; государственного правления – монархию (абсолютную, конституционную и др.), республику (президентскую, парламентскую и др.); политические режимы – демократию, диктатуру, авторитаризм, тоталитаризм.

Форма и социально-политическое содержание деятельности государства находят своё выражение в его функциях. Наряду с функциями управления и руководства социальной, экономической, политической и духовной сферами жизни общества, государство занимается также такими специфическими вопросами, как обеспечение общественного порядка, национальной безопасности, защита суверенитета и территориальной целостности страны. С этой целью государство с помощью специально созданных органов, учреждений и организаций вырабатывает и осуществляет политику в области обеспечения безопасности и обороны страны. Её направленность определяется военно-политической концепцией государства, которая концентрированно выражена в его военной доктрине и базируется на военной идеологии.

В целях безопасности и обороны государство создаёт *военную организацию*. В России обязанности государства, его органов и должностных лиц по обеспечению обороны и безопасности страны определяются Конституцией, а также Законами «О безопасности», «Об обороне», «О мобилизации и мобилизационной подготовке в Российской Федерации» и др.².

ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТИТУТ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Реальные практики внутренней и внешней политики государств на рубеже XX и XXI веков достаточно чётко выявили для общественных наук необходимость новых подходов к объяснению сложившихся представлений о феномене «государство».

В числе главных «раздражителей» для методологии и теории политики современного государства отметим следующие: разрушение представлений о незыблемости национального суверенитета, целостности территории и неприкосновенности границ; полное доминирование в качестве Субъекта государственности – исключительно правительственных организаций; чёткое ориентирование на строгий детерминизм, системность, определённую измерением; возможность полного управления процессами уничтожения терроризма, преступности и коррупции. *Новым требованием ко всем структурам государственности стало стремительное нарастание во всех государствах требования сотен миллионов*

¹ Медведев Д.А. Главные задачи развития страны. Россия 2020 // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: 2008; Сохранить эффективное государство в существующих границах / С руководителем администрации президента России Дмитрием Медведевым беседует главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев // Эксперт. 2005. № 13; Миростроительство XXI: мировоззрение, миропорядок. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007; Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. М.: 2007; Фукуяма В. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: 2006; Най Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике, М.: 2006.

² Отчёт о мировом развитии. 1997. Государство в меняющемся мире. М.: 1997; Василенко И.А. Государство // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. I. М.: 1999. С. 281–282; Калто А.С. Энциклопедия Мира: 2-е изд., уточн. и доп. М.: 2005; Безопасность Евразии – 2004: энциклопедический словарь-ежегодник. М.: 2006; Миростроительство XXI: мировоззрение, миропорядок. М.: 2007; Делягин М. Сначала Россия! Формирование нового государства – главная задача патриотов Отечества // Наше время. 2007. №№ 4–8; Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: 2008.

рядовых граждан: немедленно и здесь обеспечить каждому человеку, каждой семье достойный уровень жизни, надёжную безопасность и приемлемое качество справедливости.

Общим интегратором и катализатором всех процессов, влияющих на трансформацию всех государств стал фактор глобализации.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (от лат. *globus* – шар, франц. *global* – всеобщий), объективный процесс формирования, функционирования и развития принципиально новой всемирной системы отношения между странами и народами на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах жизни международного сообщества.

Содержанием глобализации выступает перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой хозяйственной, социальной и природно-биологической среды обитания человека. В более конкретном понимании она сводится к трансформации национальных экономических и хозяйственных структур в целостную и единую мировую геополитическую, геокультурную и геоэкономическую реальность.

Конкретными сферами глобализации являются также производственные и научные технологии, нравственно-этические ценности, новые угрозы международной безопасности и стабильности (международный терроризм, транснациональная преступность, глобальное распространение оружия массового уничтожения) и др. Процессы глобализации на рубеже XX–XXI вв. обусловлены рядом объективных факторов, в числе которых новые качественные тенденции в развитии экономики (включая механизмы накопления капитала и прибыли); возросшая ресурсная и технологическая взаимозависимость мира и интернационализация всех сторон жизни мирового сообщества; развитие компьютерных технологий, ознаменовавших собой вступление человечества в новую техническую революцию; создание единого информационного пространства; усилившееся взаимодействие материальных и духовных культур; рост транснациональных структур как факторов глобального социального процесса и частичное «разгосударствление» международных отношений.

Глобализация имеет как позитивные, так и негативные последствия. В числе первых: ускорение внедрения и распространения технических новшеств и современных методов управления, новые экономические возможности как для отдельных лиц, так и для государств, возможность обеспечения более высокого уровня жизни и др. Негативные последствия глобализации включают: порождаемое ею неравенство, когда получаемые выгоды и возможности концентрируются в относительно небольшом числе стран и неравномерно распространяются в самих этих странах; связанное с этим нарастание уязвимости и маргинализации многих государств и народов; несоответствие между успешными усилиями по расширению глобальных рынков и недостаточной активностью по поддержке столь же важных соц. целей; возросшая уязвимость международного сообщества от воздействия непредсказуемых факторов (таких, например, как азиатский финансовый кризис 1997–1998); стандартизация, ведущая к нивелировке духовного многообразия мирового сообщества; возросшие угрозы целостности культур и суверенитету государств.

Важнейшим эффективным, по мнению автора статьи, конструктивным фактором для оптимального учёта влияния глобализации в позитивном развитии государства стали институты, институциональный подход, процесс институционализации.

Это позволило в методологии и теории общественных наук оформить новое направление – государство как институт, институт государства.

Наиболее убедительно и конкретно новую ситуацию для общественных наук, для политологии прежде всего, объяснил в своём докладе на Саммите 2000 Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «...в то время как послевоенная многосторонняя система создала условия для формирования и упрочения нового процесса глобализации, эта глобализация, в свою очередь, постепенно привела к тому, что конструкция этой системы устарела. Иными словами, наши послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире *глобальной*. Эффективное реагирование на этот сдвиг – основная институциональная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами»¹. (Выделено автором статьи. – Л.С.)

В российской политологии проблематика институциональной политики наиболее обоснованно, оригинально и перспективно исследуется в работах известного политолога и социолога А.И. Сухарева. Поэтому будет оправдано привести именно его авторское определение главного понятия.

«Институт – структурированная сфера коллективного, солидарного целедостижения, – утверждает он. – Иными словами, институт – это "совместная стратегия", структурирующая взаимодействие между людьми в различных сферах их деятельности в форме зафиксированных (в писанном или обычном – источник, обычаи и традиции, праве) соглашений, норм, договорных отношений»².

Перспективный потенциал рассмотрения «института государства» как феномена «государство как институт» для XXI века раскрывают суждения Нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта: «институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»³, это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»⁴, «формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения ответственности ограниченной»⁵, или же «придуманные людьми ограничения, которые структурируют взаимодействия людей. Их составляют формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (социальные нормы, условности и принятые для себя кодексы поведения) и механизмы принуждения к их исполнению. В совокупности они определяют структуру стимулов в обществах и их экономиках»⁶.

Важное уточнение в содержание понятия «институт государства» (политология – А.И. Сухарев, экономика – Д. Норт) сделал, в социологическом смысле, В.Н. Кузнецов. Он обосновал понятие «институциональная социология» как науку о нормах и правилах согласования целей, идеалов, ценностей, интересов человека, народов, государств; о допустимых средствах, механизмах, технологиях формального и неформального взаимодействия между субъектами обеспечения мира и безопасности; об определении и корректировке Правил Игры при составлении Повестки Дня мировому сообществу в контексте согласованной модели мироустройства XXI века; об итогах выполнения Правил Игры и Повестки Дня и содержании вносимых корректив; об ответственности за риски и ошибки в ходе подготовки и осуществления необходимых компромиссов»⁷.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ XXI ВЕКА

Для уточнения ситуации с состоянием и функционированием института государства необходимо выделить реальную иерархию в главной группе факторов, устойчиво и конкретно влияющих на основы существования государства.

Во-первых, для середины 2008 года отметим повсеместное влияние глобальных проблем человечества: резкое изменение климата; нарастание угрозы нехватки продовольствия; опасности международного терроризма, организованной преступности и транснациональной коррупции.

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 210–211.

² Сухарев А.И. Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М.: 2004. С. 173.

³ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. Вып. 2. 1993. С. 73.

⁴ Там же.

⁵ Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики / От плана к рынку. Будущее посткоммунистических республик / Под ред.

П.И. Пяшова, Дж.А. Дорн. М.: Cataliaxy, 1993. С. 307.

⁶ North C. Epilogue: Economic Performance Through Time, in Lee J. Alston, Thrainn Eggertsson, and Douglass C. North (eds.), *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 344.

⁷ Кузнецов В.Н. Институциональная социология как наука о мироустройстве // Безопасность Евразии. 2008. № 1. С. 78.

Во-вторых, возрастает опасность сползания мира к ядерной катастрофе (войне) под влиянием как глобальных проблем человечества, так и стремлением отдельных государств (их альянсов) к радикальному переделу мира.

В-третьих, всё более значимым становится фактор сохранения государственного суверенитета каждого государства и неприкосновенности его границ.

Смысл «суверенитета государства» убедительно раскрывает для современной России XXI века известный учёный юрист Ю.А. Тихомиров в ходе заочной научной дискуссии по вопросам развития демократических институтов в контексте изучения проблемы: «Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении». Он сформулировал важный тезис о сущности института государства.

«Исследование современных проблем суверенитета государств приводит к выводу о том, что государственный суверенитет рассматривается в качестве одного из признаков государства, – констатирует Ю.А. Тихомиров. – Его смысл – верховенство государственной власти внутри страны, ее самостоятельность и полноправие в жизни общества и независимость во взаимоотношениях с другими государствами¹. В свою очередь, выделяются три главных свойства суверенитета: верховенство, единство государственной власти и независимость, причем его "абсолютность" ограничена правом и международными обязательствами². Налицо суверенитет как проявление сущности государства и его суверенных прав.

Вместе с тем существует устойчивое представление о суверенитете народа и суверенитете наций либо как источниках публичной власти, либо как производных от государственного суверенитета. Это объясняется и различным объемом суверенитета, ограниченным либо добровольно, либо принудительно³.

Но вряд ли суверенитет выступает одним из признаков государства, скорее всего, в нем выражена суммарная характеристика всех признаков государства. И это вполне отражает первичность теории суверенитета народа и суверенитета наций и производность государственного суверенитета. Не случайно и концепция прав человека и гражданина имеет свои естественноисторические источники, которые служат для государства императивом.

Показательно, что и современные международные структуры делают акцент либо на объединение наций и народов, либо на обеспечение прав человека, либо на сотрудничество государств. Таково, например, ООН, СБСЕ, СНГ и др. Подобное переплетение планетарных императивов сохраняет свою устойчивость⁴. (Выделено автором статьи. – Л.С.)

Таким образом, главные три фактора, отмеченные выше, реально влияют на существование всех государств. Эти же три фактора в значительной степени определяют и условия институционализации государств, логику конкретных феноменов, динамику их взаимодействий.

Фактически уже представлен **первый институт** «суверенитета народа», «суверенитета нации», «суверенитета государства»⁵.

Вторым важным институтом, влияющим на все государства в XXI веке, на все процессы институционализации самого феномена «государство» можно назвать планетарные императивы (глобальные проблемы).

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ современности, объективно существующие и взаимосвязанные обстоятельства планетарного масштаба, подрывающие условия жизни и развития человечества, преодоление которых возможно только совместными усилиями всех государств и народов. От успешного решения глобальных проблем (планетарных императивов) зависит выживание человеческой цивилизации, её устойчивое развитие и сокращение риска самоуничтожения от возможных угроз, которые несёт научный прогресс.

Резко обострившиеся во 2-й половине XX в., они осознаются на политическом уровне как совокупность практических задач, требующих поиска новых форм жизнедеятельности человечества, обеспечивающих устойчивое развитие мира. Глобальные проблемы имеют тройную – природную, техногенную и социальную – основу и находят своё проявление в деградации окружающей среды, истощении ресурсов жизнеобеспечения населения планеты, социальной поляризации и связанной с этим конфликтности общества. Среди огромного множества глобальных проблем в начале XXI в. особенно болезненными для всех государств как институтов являются: сохраняющаяся опасность войн и вооружённых конфликтов, которые в ядерный век могут иметь самоистребительный характер; диспропорции в демографическом развитии человечества и связанные с этим массовые неконтролируемые миграции; углубляющееся экономическое неравенство различных территорий и общностей, экономическая отсталость и крайняя нищета отдельных стран и регионов. Порождаемое *глобализацией* размывание национальной (этнической) идентичности, активизация агрессивного национализма и религиозного фанатизма; международный терроризм и организованная преступность; наркомания, СПИД и др. болезни негативно влияют на сохранение и развитие семьи, от которой зависит демография, образ жизни, культура – духовное укрепление, устойчивость института государства. Адаптация человека к изменяющейся природной и социальной среде существенно нарушается из-за таких негативных влияний глобализации: нерациональное природопользование, разрушение и загрязнение окружающей среды; неэффективность решений в международном аспекте проблем образования, здравоохранения, использования информации, освоения космоса, научно-технических достижений и др.

Решение глобальных проблем возможно на пути перехода цивилизации к устойчивому развитию и требует усиления сотрудничества, единения человечества на базе общечеловеческих ценностей.

Третий актуальнейший и новый институт в процессе институционализации российского государства в XXI веке в контексте глобализации изучается по ходу общероссийского социологического мониторинга становления гражданского общества в России исследователем коллективом под руководством известного социолога В.К. Левашова⁶.

Российские социологи назвали этот институт – «*основные обязанности государства перед обществом*».

Можно было бы назвать такой «интегральный» институт и так: «институт формирования гражданской (политической, экономической, идеологической, правовой, экологической) культуры каждого человека в России XXI века» (см. табл. 1). Особая значимость предложенной интерпретации динамики взаимодействий человека, общества и государства обусловлена важным показателем (среди других на табл. 1) – «затруднились ответить».

Суть в том, что при таком качестве (и количестве) конструируемых взаимодействий (а логика институционализации предусматривает и смысл ответственности человека, гражданина за все направления взаимодействий, представленных в левом столбике таблицы) позитивное и созидательное освоение первых двух институтов (суверенитет народа, глобальные проблемы) едва ли возможно.

Четвёртым институтом может быть определена политика безопасности России в XXI веке как необходимое условие благополучия человека и сохранения, развития суверенитета народа и государства. Этот аспект трансформации «института государства» будет рассмотрен в последующих разделах статьи.

Пятым институтом может быть названа новая Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века и новая не-Западная концепция мироустройства, которые существенно влияют как (по отдельности) на каждый из четырёх выше-названных институтов, так и (в целом) на весь глобальный процесс институционализации государства. Этот аспект будет рассмотрен в завершающем разделе статьи.

Важно отметить такую особенность процесса институционализации: обоснование пяти главных институтов позволяет конкретизировать важное свойство самого исследования.

Теперь можно и необходимо назвать имя вновь созданного феномена, нового свойства –

«институциональная среда», которая формируется из главных факторов, императивов, норм, правил, Правил Игры, уже сложившихся институтов; которая содержит в себе неопределённость; хаос; итоги выполнения и невыполнения (сознательного нарушения) норм, правил, Правил Игры; устойчивую несправедливость, нечестность, небезопасность.

¹ Сноски в тексте Ю.А. Тихомирова (2, 3, 4) сохранены по его оригиналу.

² См., например: Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: 2006. С. 57, 58.

³ См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: 1998. С. 442–445.

⁴ См.: Скакун О.Ф. Теория государства и права: Энциклопедический курс: Учебник. Харьков: 2005. С. 75–82.

⁵ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сборник статей и материалов. М.: 2007. С. 81–82.

⁶ Авакян С.А. Точка отсчёта – народ // Суверенная демократия... С. 18–35; Лебедев В.А., Киреев В.В. Идея суверенной демократии на политическом горизонте России // Суверенная демократия... С. 36–52; Косарев А.И. Суверенная социальная демократия // Суверенная демократия... С. 100–114; Пастухова Н.Б. Глобализация и государственный суверенитет // Суверенная демократия... С. 149–173.

⁷ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М.: 2006.

⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации. М.: 2007.

Таблица 1

Мнение респондентов о выполнении государством
своих основных обязанностей перед обществом
РФ, июнь 2006, N=1857, % от числа опрошенных

Основные обязанности государства перед обществом	Выполняет	Не выполняет	Затруднились ответить
Налогообложение и взимание налогов	58	18	24
Оборона страны	48	23	29
Обеспечение мира и поддержание мирового порядка	45	19	36
Сотрудничество и укрепление связей с СНГ	40	22	38
Международное сотрудничество в решении глобальных проблем	34	14	52
Регулирование производства и распределения товаров и услуг	27	43	30
Интеграция в мировую экономику	25	14	61
Развитие науки, культуры и образования	25	54	21
Охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка	14	66	20
Охрана природы и использование ресурсов	13	66	21
Защита жизни и прав соотечественников за границей	12	44	44
Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан	7	82	11

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Приведено по: Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М.: 2006. С. 33.

С учётом вышеизложенного можно предложить интересный вариант определения государства как института, которое сформулировал известный экономист А.Н. Олейник. «Государство – особый случай властных отношений, – утверждает он, – возникающих на основе передачи гражданами части своих прав на контроль своей деятельности в сферах спецификации и защиты прав собственности, создания каналов обмена информацией, разработки стандартов мер и весов, создания каналов физического обмена товаров и услуг, правоохранительной деятельности и производства общественных благ. В этих, сферах государство получает право легитимного, т. е. на основе социального контракта, принуждения и насилия»¹.

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ГОСУДАРСТВОМ

Для понимания роли и места четвёртого фактора трансформации в XXI веке института государства актуально определение политики национальной безопасности, предложенное ведущим российским политологом в сфере разработки феномена «политика безопасности» С.В. Кортуновым². Он формулирует её (политику национальной безопасности) как выражение «деятельности государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленной на защиту национальных интересов и ценностей и их приумножение»³. (Выделено автором статьи. – Л.С.).

Очень важно уточнение С.В. Кортунова к своему определению. «В этом контексте "политика", – поясняет он, – понимается как результат столкновения и последующей гармонизации жизненно важных интересов личности, общества и государства (своего рода "золотое сечение" этих интересов и "результатирующая" их взаимного плодотворного конфликта, а также необходимого и достаточного компромисса). При данном понимании понятие "политика" существенно отличается от таких, например, понятий, как "управление" и "власть"»⁴.

Теперь необходимо привести очень важный фрагмент из размышлений С.В. Кортунова о теоретических и методологических вопросах формирования политики безопасности России в XXI веке. Именно это суждение выдающегося отечественного политолога обосновывает исключительную роль четвёртого фактора.

«**Политика безопасности России (2008–2016)**, задачей которой является возрождение страны через укрепление российской государственности, – справедливо утверждает С.В. Кортунов, – удержание в этот период нынешних геополитических рубежей, восстановление роли и влияния России на мировой арене в качестве великой державы, должна быть основана на **Стратегии национального развития и безопасности (50 лет)**. Ее задачей является приобретение Россией статуса страны-лидера по качеству жизни и влиянию на мировую политику. В свою очередь, стратегия национального развития и безопасности должна быть основана на **Концепции безопасности и развития России**, которая должна включать не только долгосрочные, но и "вечные" национальные интересы. Задачей последней является сохранение, воспроизводство и развитие российского суперэтноса как носителя самобытной национальной культуры, призванной стать одним из важнейших элементов формирующейся в мире интеркультуры.

Каждому из этапов реализации национальных интересов России соответствует своя оценка ее геополитического, геостратегического и геэкономического положения, угроз безопасности и основных носителей этих угроз, механизма реализации национальных интересов ресурсов, которые используются в целях такой реализации. Каждому из этапов должна соответствовать и своя оценка основных понятий и категорий безопасности, главных направлений политики безопасности»⁵. (Курсив автора статьи. – Л.С.).

Угрозы для мира и безопасности в XXI веке включают не только международные войны и конфликты, но и насилие против гражданского населения, против сознания человека, его совести, его порядочности. В их число входят также нищета, смертоносные инфекционные заболевания и деградация окружающей среды, поскольку эти явления имеют не менее катастрофические последствия. Все эти угрозы могут вести к гибели людей или уменьшению их шансов на выживание на значительных пространствах.

Именно исходя из этой взаимосвязанности угроз, мы должны сформировать новый консенсус по вопросам политики безопасности, первый принцип которого должен заключаться в том, что все имеют право на избавление от страха, а то, что угрожает одному, угрожает всем. Как только мы поймём это, у нас не будет иного выбора, кроме как браться за устранение всего комплекса угроз.

Мы должны реагировать на ВИЧ/СПИД так же энергично, как на терроризм, а на нищету – как на распространение оружия массового уничтожения.

Мы должны с таким же упорством бороться с угрозой, создаваемой стрелковым оружием и лёгкими вооружениями, с каким мы боремся против угрозы, создаваемой оружием массового уничтожения. Это требует выработки рамок превентивной деятельности, охватывающей все эти угрозы во всех аспектах, в которых они с наибольшей силой проявляются в различных регионах России.

Предотвращение в области безопасности является необходимой основой политики коллективной безопасности. Оно носит многофункциональный характер, способствует борьбе с нищетой, инфекционными болезнями и экологической деградацией, которые уносят миллионы жизней и угрожают безопасности человека. Оно **играет жизненно важную роль в усилиях, призванных помочь государству предотвратить или обратить вспять процесс ослабления его потенциала, что имеет решающее значение для устранения угроз практически любого рода. Оно также явля-**

¹ Олейник А.Н. Теория государства // Он же: Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: 2004. С. 345.

² Кортунов С.В. Становление политики безопасности. М.: 2003; Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: учеб. пособие. М.: 2007.

³ Кортунов С.В. Политика безопасности в контексте стратегии развития // Его же: Национальная и международная безопасность... С. 181.

⁴ Там же.

⁵ Кортунов С.В. Теоретические и методологические проблемы формирования политики безопасности России в XXI в. // Его же: Национальная и международная безопасность... С. 23–24.

ется частью долгосрочной стратегии предотвращения угроз национальным интересам, развала страны и устранения условий, в которых процветают терроризм и организованная преступность, коррупция.

Национальная безопасность – ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов во внутренних и внешних угрозах, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития, как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям и закономерностям мирового и национального развития.

Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа. *Необходимый этап: определённость исходных смыслов – какие условия будут созданы для безопасности каждого конкретного человека и семьи, как представлен образ России в перспективе, куда идёт страна, какие идеалы и ценности нужно защищать.*

Выделенные исходные задачи создания современной политики безопасности предполагают единство политики национальной безопасности с идеологией и экономикой национальной безопасности, новым мировоззрением и новой этикой. **Сегодня мы понимаем национальную безопасность Российской Федерации как готовность и способность российского государства содействовать каждому отдельному человеку в достижении достойного качества жизни и надёжной безопасности, осознании ответственности за сбережение российских народов, за сохранение и укрепление единства и целостности российского государства.**

Это реальная позиция гражданина, общества и государства. Стратегическое видение безопасности России опирается на создание активных и созидующих механизмов, обеспечивающих позитивную и устойчивую взаимосвязь национальной, региональной (европейской и азиатской), международной безопасности и глобальной безопасности.

Мир в XXI веке динамичен с точки зрения осуществления новых ожидаемых положительных результатов, как в настоящем, так и в ближайшей перспективе для нас всех. Но реальность наполнена неопределённостями, рисками. Нам важно излечиться от мыслей, что новые опасности и угрозы затронут только других людей. Мы все несём ответственность за безопасность друг друга. Мы должны вместе сегодня и всегда прилагать непростые усилия для создания более безопасного мира. Мы защищаем собственную безопасность, укрепляя безопасность других.

Перед людьми в России, перед её народами, перед российским обществом, перед российским государством как главная проблема достижения безопасности обозначился главный и актуальный **Интеллектуальный Вызов**: в сжатые сроки обеспечить всем людям, всем семьям достойный, качественный уровень жизни и безопасность.

Консолидированная общенациональная стратегическая основа – общенациональная цель: в единстве действий государства и самого человека создать реальные условия для свободного демократического развития, для достижения достойного качества жизни и надёжной безопасности каждому человеку; обеспечить позитивную динамику демографических показателей населения страны и укрепить её единство и целостность.

Первой стратегической задачей становится задача экономическая и, прежде всего, интенсивная работа по восстановлению основополагающей справедливости. Здесь первый шаг – незамедлительное создание достойного уровня оплаты труда. Темп продвижения к экстремному снижению несправедливого разрыва в доходах между низшими и высшими десятиями населения должен быть публично обсужден и представлен на уровне первого приоритета социальной, демографической и духовной безопасности; главного императива политики безопасности России.

Это выводит на *вторую стратегическую задачу народа и государства* – консолидацию расщепившегося российского общества для эффективных усилий, способных обеспечить суверенитет и целостность Российской Федерации. Здесь стратегическим геокультурным ресурсом становится формирующаяся российская объединяющая патриотическая идеология, которая может функционировать как идеология национальной безопасности: только свободный человек может защищать свободу и независимость Родины. Прежде всего, здесь решается проблема органичного соединения исторической памяти, патриотизма, реальной демократии и государственничества как базовых ценностей для всех поколений страны. Идеология консолидации в оптимальные сроки содействует постоянному и уважительному диалогу старших поколений с молодёжью о смысле жизни, о содержании российской мечты.

Третьей стратегической задачей может стать ключевой вопрос – строительство всеобъемлющей и прозрачной законности, понимаемой как исключительное равенство каждого гражданина перед законом. В значительной степени позитивная динамика наркотизации детей и населения страны, распространение СПИД'а, теневизация мелкого и среднего бизнеса, коррупционность, преступность и терроризм стимулируются, прежде всего, государством, обществом и всеми нами из-за равнодушия, неумения им противостоять, низкого доверия государственным институтам и друг другу.

Новое миропонимание, новое мировоззрение поэтому и становится ключевым фактором идеологии национальной безопасности: нам самим важно стать на реальные рельсы демократического развития и свободы, верить в способность победить преступность и коррупцию, важно научиться сотрудничать, быть солидарными и нести личную ответственность за законность, за справедливость.

Четвёртой стратегической задачей может быть определён аспект государственного управления интеллектуальной безопасностью. В основе – стратегическая общенациональная цель. В ходе её осуществления впервые формируется механизм осознания гражданами, бизнесом и государством общенациональных целей и задач. Тем самым создаётся **«мозг», «интеллектуальный центр» для безопасного развития, для повышения конкурентоспособности человека, общества, государства.**

Стратегическим ресурсом и ориентиром создания и функционирования новой идеологии безопасности России уже становится формирование воли и энергии её граждан, особенно молодёжи. Они дорожат идеалами ответственности за сохранение и обогащение российских ценностей: свободы и демократии, справедливости, солидарности, сострадания, честности, патриотизма, доверия, коллективизма.

Для них важнейшая ценность – это Россия, образ жизни её народов, свобода выбора, разнообразие культур.

Всё более значительной для большинства россиян становится ценность свободы и демократии. Их роль воспринимается как обязательное условие достижения качественного управления политикой национальной безопасности, как эффективный фактор содействия конкурентоспособности российского общества и позитивной динамике благосостояния граждан.

Стратегической геополитической ценностью, категорическим позитивным императивом для политики безопасности России в XXI веке является сохранение полноты суверенитета и целостности российского государства.

Стратегической геоэкономической ценностью, сверхзадачей для экономики национальной безопасности страны в ближайшие пятнадцать лет уже стала модернизация страны.

Стратегической геокультурной ценностью для идеологии политики национальной безопасности Российской Федерации должно стать строительство эффективного гражданского общества.

Мировоззренческим основанием единения геополитического, геоэкономического и геокультурного подходов для создания у большинства граждан осознания нового видения позитивных перемен в своей жизни, в жизни всей страны является реальность целостного рассмотрения России как единого субъекта надёжного обеспечения локальной безопасности каждого конкретного человека, а также творческого участия страны в создании новой региональной (евразийской, азиатской, европейской) и глобальной безопасности.

Выявление приоритетов развития и создание программ их реализации должны стать основой для разработки научно обоснованных ориентиров текущего и перспективного развития основных сфер бытия общества, исходя из целевой функции государственного управления – наращивания жизнестойкости страны, обеспечивающей её полную и всестороннюю безопасность.

Приоритеты – это безусловные интересы России, общества, региона, территории, организации, личности, с точки зрения национальной безопасности все они равнозначны.

Важнейшие интересы современного общества связаны как с проблемой свободного выбора и нормализацией условий его существования, так и с необходимостью в перспективе укрепления геополитического, геоэкономического и геокультурного положения страны на путях постиндустриальной модели цивилизационного развития.

Демократическое видение перспективы позволяет приступить к отбору и формулировке интересов общества, реализация которых способствует развитию страны в социально привлекательном и экономически эффективном направлении; к постижению смысла деятельности, смысла жизни.

Смысл жизни – свобода выбора и реализация своих способностей, востребованность семьёй, обществом, государством, ощущение причастности к истории, традициям, культуре народа, причастность к социуму как потребность в улучшении условий выживания, а в основе этого лежит связь между трудом и защищённостью отдельного человека и социума любого уровня, т. е. их безопасностью.

Тесная взаимосвязь в обеспечении безопасности культурного и идеологического, социального и экономического означает, что сама безопасность в обществе представляет собой объективно необходимое явление и для реализации смысла жизни.

Сочетание исторического наследия российского народа с новыми условиями современности порождает в российском обществе потенциальную возможность как восприятия стратегии возрождения России, так и практической работы по её осуществлению.

Именно путь гуманитарной эволюции органически соединяет прошлое России, её настоящее и будущее, обеспечивая животворность и человеколюбие в сложной связи времён. Важнейшим условием её осуществления и плодотворности результатов является стремление и осуществление экономического, социального, политического и идеологического компромисса по поводу содержания политики и идеологии национальной безопасности. Такой стратегический компромисс может стать смысловым ядром и концептуальной платформой новой российской мечты о достойной жизни и безопасности каждого человека и каждой семьи в Российской Федерации.

Мы убеждены – у России есть собственный стратегический горизонт. Мы готовы и способны участвовать в реализации перспективы динамичного малоинвестиционного производства, основывающегося на интеллектуальном потенциале общества: можно и нужно применить эффективные рычаги, чтобы переориентировать человеческий капитал с деструктивного направления, криминальной и околокриминальной сферы, на созидающую, производительную деятельность.

Именно гуманитарная эволюция способна одухотворить и обеспечить развитие инновационного производства на базе высоких гуманитарных технологий, высокого качества и дисциплины труда, сохранившихся на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Творческий потенциал россиян как глубинная специфика российского космоса способен осуществить исторический шанс на прорыв в принципиально новую инновационную среду на путях здорового рыночного начала и свободы предпринимательства.

Созидающее, заинтересованное участие самого человека – исключительно важно.

Перед всеми нами, перед Россией оформилась **первая, главная опасность** как вызов и угроза. Требуется ответ на вопрос, сумеет ли Россия обеспечить достойную историческую перспективу для своего развития в русле мировых закономерностей развития, осуществить переход к информационно-индустриальному обществу, как первая фаза (шаг) стратегического манёвра и тем самым существенно повысить конкурентоспособность страны, качество жизни граждан и гарантировать высокий уровень безопасности. В случае невозможности достижения этих стратегических целей неизбежными становятся другие траектории развития с вытекающими из этого опасными последствиями.

Острота этой стратегической опасности обусловлена: а) всё усиливающейся угрозой реванша в его наиболее опасной, «тихой» форме, свёртывания рыночных реформ, отката к системе тотального контроля, национализации, разгрому рыночных институтов. Ничего не значащие лозунги и призывы к любви, смирению, благодати только усыпляют политическую бдительность россиян. Мы входим в кризис без ощущения кризиса – самый наихудший вид кризиса, что дорого обойдётся народу: завоевания свободы необратимы, и попытка отнять их – прямой путь к гражданской войне; б) лимитом времени для подготовки и проверки упреждающих мер по предотвращению такого уже осознанного многими гражданами страны опасного вызова.

Вторая стратегическая опасность для каждого человека, безопасности общества связана с новыми негативными возможностями воздействия на поведение людей. Формирование человеческого сознания становится одной из характеристик информационно-индустриального общества и процесса глобализации. В сочетании с мощными радио- и телевизионными сетями появляется и реализуется возможность воздействия на массовое сознание. Подключение персональных компьютеров к серверам и внедрение технологий, позволяющих использовать мощность всей сети, позволяет осуществлять информационно-психологическое управление массами людей путём предоставления информации, нередко предварительно обработанной на основе современных политехнологий.

Огромное значение приобретает демонстрационный эффект, с помощью которого осуществляется воздействие на население путём показа образа жизни в других странах. Высокие информационные технологии нередко используются для подготовки социально-экономических и политических перемен. Такое управление базируется на информационных моделях, позволяющих прогнозировать поведение людей, получающих соответствующую информацию. При этом управляющая система и её намерения остаются скрытыми от массового сознания. Такие возможности, такая антироссийская стратегия являются основой для информационных войн, обеспечивающих нероссийским правительственным органам, спецслужбам и военным возможность создания желательного общественного мнения и контроля поведения людей.

Наиболее опасной, третьей стратегической реальностью, является оформившаяся возможность распада Российской Федерации: первые две стратегические угрозы активно способствуют развалу страны уже в контексте их синергетического сложения.

Своевременность и эффективность участия российских граждан, общества и государства в предотвращении опасности распада России, российского государства обусловлена уже складывающейся стратегией активной, динамичной, наступательной деятельности российских народов и государства в эффективном осуществлении гуманитарного стратегического манёвра. Речь идёт об интеллектуальном, гуманитарном прорыве к достойной и безопасной жизни для всех, для каждого человека.

Наиболее надёжным и динамичным фактором предотвращения на самой ранней стадии является наличие обоснованного и привлекательного образа страны и стратегической цели, соединяющей стремление человека к счастью и смысла жизни как служения Родине. Такое основание обладает мощным потенциалом блокировать опасности на стадии их возникновения.

Наличие убедительной и понятной национальной политики безопасности, идеологии консолидации связывает будущий образ страны, стратегическую общенациональную цель, социальный идеал и базовые ценности. На этом фундаменте может сложиться личная позиция человека, основанная на динамичном менталитете и осознанной самоидентификации: то есть у человека выстроилось новое современное мировоззрение и система личных убеждений.

Именно наличие конструктивной гуманитарной позиции, оформленной до начала периода воздействия обозначенных выше опасностей, – самое динамичное и активное противодействие будущим вызовам, угрозам и опасностям.

Превентивные действия могут существенно ослабить разрушительный потенциал опасностей, вывести дискуссию с носителями угроз на заранее подготовленную публичную площадку.

Активное, наступательное реагирование с обоснованной верой в победу над действующими опасностями подготовлено первыми двумя этапами противодействия: предотвращением и превентивностью.

Главная особенность эффективности реагирования на опасность: если у человека, у семьи, у народа, у общества отсутствует позиция, отсутствует смысл жизни, отсутствует дорогой им образ Отечества; отсутствуют стратегические цели, идеалы и ценности; отсутствует скрепляющая и активизирующая их объединяющая российская идеология – то тогда усилия противников России и её народов по искажению образа жизни и культуры, по развалу общества, по разрушению государства могут стать успешными, а для нас печальными.

Если у человека выстроено мировоззрение; осмыслен позитивный образ прошлого, настоящего и будущего Родины; есть свой динамичный менталитет и воспринятая общенациональная цель и объединяющая патриотическая идеология – то непосредственные интеллектуальные, нормативные, организационные, информационные действия против носителей опасностей могут стать для нас всех успешными, а для противников России проигранными.

Таким образом, превентивность на основе идеологических, нравственно-духовных, морально-этических, правовых действий в противодействии главной опасности: разрушению российского общества и государства – реально определяется как новое активное, наступательное действие в структуре политики национальной безопасности России.

Возрастающее значение для многих государств мира политики безопасности как важнейшего фактора необо- димых перемен «института государства» показывает создание и функционирование региональных структур, ориентиро- ванных на изучение политики безопасности. Речь идёт о «Мюнхенской конференции по политике безопасности», а так- же о «Саммите по Азиатской безопасности, Лондонского (Англия) Международного Института Стратегических Исследований «Диалог в Шангри-Ла» (Сингапур).

МЮНХЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ (Die Muenchner Konferenz fuer Sicherheitspolitik, Munich Security Conference), дискуссионный форум, основанный в 1962 в Мюнхене немецким издателем Эвальдом фон Клей- стом как Съезд военных вестников, позднее переименованный в международную «Конференцию по политике безопасности», На Конференцию, которая проводится ежегодно (Конференции не состоялись в 1991 – в связи с войной в Персидском заливе и в 1997 – в связи со сменой её руководства), приглашаются члены Кабинетов министров, депутаты, высокопоставленные воен- ные, учёные и представители средств массовой информации. Её работа получает финансовую поддержку правительства ФРГ.

Основные обсуждаемые темы касаются внешнеполитических и связанных с политикой безопасности вызовов в евро- пейско-американских отношениях. В 1997 Э. фон Клейст по достижении 75 лет уходит с поста председателя Конференции. В 1998 этот пост занимает бывший советник Г. Коля по внешней политике и политике безопасности. Начиная с 1999 Конферен- ция становится открытой для представителей государств и экономик Центральной и Восточной Европы. В то же время возраст- ает численность американской делегации, в особенности членов Конгресса США. В круг обсуждаемых сюжетов включаются проблемы азиатского региона.

В работе Конференции участвуют представители Индии, КНР, Японии.

В 1991–2001 были опубликованы три книги документов Конференции.

С 2001 Конференция идёт в режиме реального времени.

В феврале 2003 39-я сессия Мюнхенской конференции обсуждала развитие политической ситуации в регионе Персид- ского залива в связи с подготовкой США и Англией войны против режима Саддама Хусейна в Ираке.

Именно здесь в 2007 году Президент России Владимир Путин в ставшей знаменитой Мюнхенской речи предложил для обсуждения всему миру новые смыслы для формирования справедливой политики безопасности XXI века в интересах всех людей, всех народов, всех государств.

Научные проблемы изучения Евразии с 2002 года обсуждаются в ходе **Конференций Международного Института Стратегических Исследований «Диалог в Шангри-Ла» (Сингапур)**. Первые пять конференций (2002–2006 годы) были по- священы, в основном, вопросам изучения практических аспектов координации вопросов безопасности в странах Евразии.

С 2006 года Конференции были преобразованы в ежегодный **Саммит по Азиатской безопасности Междуна- родного Института Стратегических Исследований «Диалог в Шангри-Ла» (Сингапур)**.

Уже в 2007 году появились обобщающие, евразийские темы сообщений: «США и безопасность Азиатско- Тихоокеанского региона», «Строительство международной стабильности», «Новые проблемы для реформ в сфере безопаснос- ти», «Сотрудничество по безопасности в Азии: Руководящие альянсы и партнёрство».

На Саммите в июне 2008 года состоялось обсуждение таких проблем: «Вызовы стабильности в Азиатско- Тихоокеанском Регионе», «Возникающая архитектура региональной безопасности», «Восстановление мира в сложных непредвиденных случаях».

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ И КОНЦЕПЦИЙ МИРОПОРЯДКА И МИРОУСТРОЙСТВА

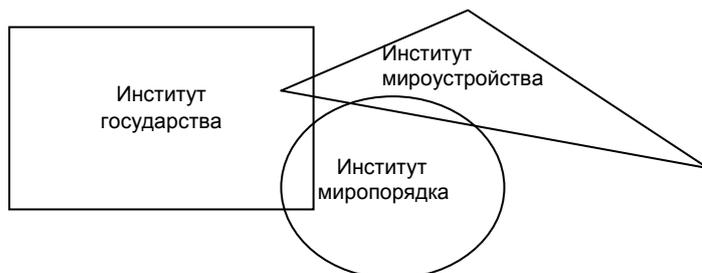
Пятым фактором в трансформации института государства может быть названа доминирующая модель миропо- рядка, которая, в свою очередь, функционирует во взаимодействии с адекватной ей концепцией мироустройства. Факти- чески здесь реальное «созвездие» институтов (см. схему 1).

Первая особенность схемы 1 заключается в том, что в основании каждого института представлены механизмы взаимодействия с такими универсальными организациями (глобальными) как Организация Объединённых Наций, Все- мирный Банк, Всемирная торговая организация; с такими региональными альянсами и организациями как НАТО, Евро- пейский Союз, Шанхайская организация сотрудничества и т. д.

Вторая особенность схемы 1 заключается в том, что она поясняет роль и место НАТО, ЕС, ШОС, ООН в судь- бе многих отдельных стран: до агрессии стран НАТО (фактически США и ЕС) против Югославии в 1999 году; до агрессии США, стран НАТО и ряда других государств мира в 2003 году против Ирака можно было считать взаимодействия ООН, региональных альянсов и организаций с конкретными государствами соответствующими принципам Вестфальского, Ял- тинско-Потсдамского миропорядка.

Схема 1

Взаимодействие институтов государства, миропорядка и мироустройства в XXI веке

Третья особенность схемы 1 состоит в том, что сегодня, летом 2008 года, конкретному государству можно со- отнести несколько влияющих на него моделей (институтов) миропорядка; несколько концепций (институтов) мироустрой- ства; несколько конкретных альянсов и организаций, стремящихся оказать на реальное государство своё влияние.

Здесь действительно функционирует «рынок институтов».

Применительно к сфере безопасности (государства, региона) логика, динамика, механизмы «рынка институтов» представлены на схеме 2.

ВЕСТФАЛЬСКАЯ И МОСКОВСКО-ШАНХАЙСКАЯ МОДЕЛИ МИРОПОРЯДКА

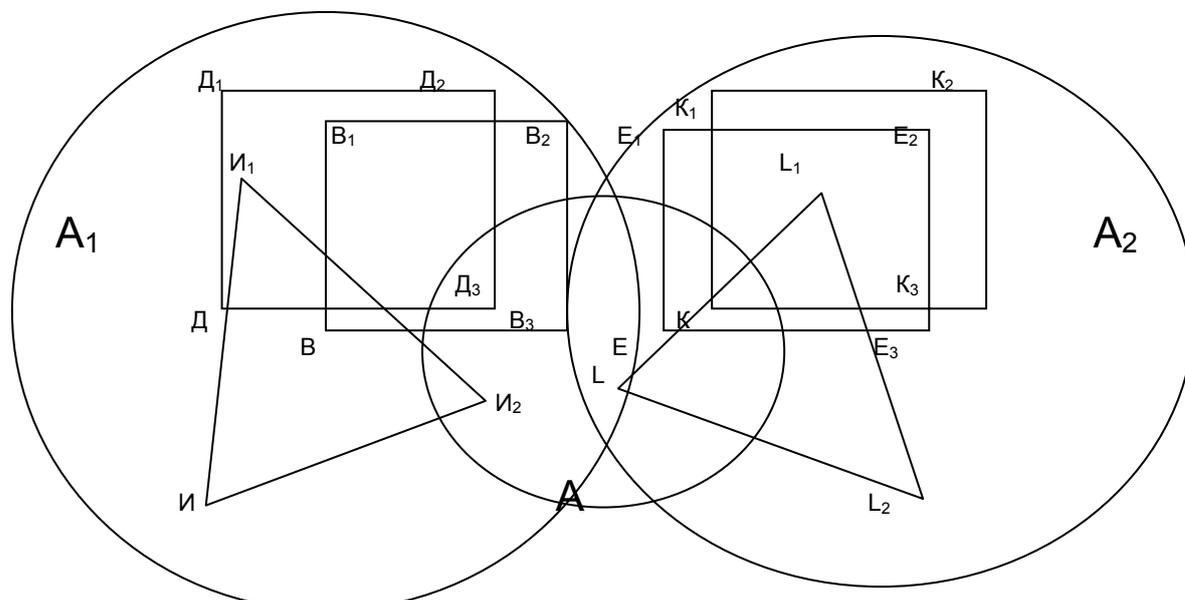
Исходный этап – становление и развитие Вестфальской системы мира. Её суть: в 1648 году после окончания Тридцатилетней войны в Европе был подписан Вестфальский договор, заложивший новую политическую организацию мира, действующую, в основном, до XXI века.

Здесь главное – свод правил для международных отношений и внешней политики (государственно-центрическая мо- дель мира), когда всеми признаётся **принцип национального суверенитета**. Его содержание: на своей территории всей пол- нотой власти обладает каждое государство. Оно исключительно самостоятельно формирует и осуществляет свою внешнюю политику, свои международные отношения. Все другие государства обязаны полностью, без исключений уважать данное пра- во. Именно на этой основе все европейские (и не европейские) государства определяют *структуру* межгосударственных от- ношений, соответствующие им *механизмы* внешней политики, важнейшие юридические и политические *нормы и процедуры*.

Теория и практика «гуманитарных войн», «гуманитарного вмешательства» (страны НАТО и США в Югославии – 1999; США, Англия и ряд других стран в Ираке – 2003) впервые за 350 лет мировой истории поколебали основания Вестфальской мо- дели мира как устойчивой системы организации миропорядка; предстали её несостоятельность для новых практик XXI века.

На рубеже XXI века в пространстве международных отношений наиболее полно проявились следующие основные теоретические подходы – реализм (неореализм), либерализм (неолиберализм), неомарксизм и постмодернизм.

Динамика и механизмы взаимодействия Правила Игры с внешней
 и внутренней средой «сферы евразийской безопасности»

Здесь: круг А – сфера евразийской безопасности
 круг А₁ – сфера выполнения (в основном) Правил Игры
 круг А₂ – сфера нарушения (в основном) Правил Игры

Четырёхугольник $BB_1B_2B_3$ – Московско-Шанхайская модель миропорядка
 Четырёхугольник $DD_1D_2D_3$ – модель не-Западного мироустройства XXI века
 Треугольник II_1I_2 – единая гуманитарная парадигма (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная)

Четырёхугольник $EE_1E_2E_3$ – западная евро-атлантическая модель миропорядка
 Четырёхугольник $KK_1K_2K_3$ – модель евро-атлантического мироустройства
 Треугольник LL_1L_2 – негуманитарная западная парадигма

Источник: Кузнецов в.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. М.: 2008. С. 21.

Теоретическая школа **реализма** основывается на работах Фукидита, Макиавелли, Гоббса. Среди современных авторов необходимо выделить Э. Кара, Г. Моргентау, Дж. Кеннана, Р. Нибура, Г. Киссенджера, К.У. Томпсона. Основной тезис реализма – максимально полно и точно «реалистично» представлять международные отношения. Оформился реализм в первой половине XX века и наибольшую популярность приобрёл в 1940–1950-е годы. Он достаточно полно позволял исследовать политические итоги Второй мировой войны, а также последующей – «холодной войны». Особое внимание в научной школе реализма уделяется влиянию «национальных интересов» и «принципа силы». Наиболее убедительно такой подход изложен в шести принципах теории реализма Ганса Моргентау (см. вставку 1).

Вставка 1

Шесть принципов Г. Моргентау

1. Политика управляется объективными законами, истоки которых следует искать в неизменной и несовершенной природе человека.
2. В центре политического реализма находится концепция национального интереса, который определяется через понятие силы.
3. Национальный интерес является объективным понятием. Однако его конкретность определяется политическим и культурным контекстом.
4. Необходимо учитывать значимость политического действия с моральной точки зрения. При этом следует понимать, что существует неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия.
5. Концепция национального интереса предотвращает злоупотребления в определении того, «что хорошо, а что плохо», с моральной точки зрения. В результате ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель.
6. Политический реализм исходит из множественного представления о природе человека, которая включает в себя экономическую, политическую, моральную составляющие. Определение национального интереса через понятие «могущество» означает для политика то же, что для экономиста определение интереса в качестве богатства.

Источник: приведено по: Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. М.: 2003. С. 28.

Категория «национальный интерес» в реализме включает, в основном, обеспечение независимости, безопасности, экономического процветания страны.

Категория «баланс сил» является ключевой в теории реализма. Она определяет достижение ситуации силового равновесия между государствами. «В обществе, где власть не поддаётся обсуждению, первоначальная функция права, – утверждает Дж. Шварценбергер, – состоит в том, чтобы помочь в поддержании превосходства силы и иерархии, установленной на основе властных отношений»¹.

Стремительные изменения в мировых процессах 1955–1970-х годов обозначили недостаточность научного потенциала реализма. Фактически к концу 1970-х годов сложилась теория **неореализма (структурного реализма)**. Основателем нового течения стал американский политолог К. Уолтс с работой «Теория международной политики», которая была опубликована в 1979 году. В числе сторонников неореализма необходимо назвать Р. Гилпина, Б. Бузана, Дж. Грико, Дж. Миршаймера.

¹ Шварценбергер Дж. Политическая власть. Изучение мирового сообщества // Социально-политический журнал. 1997. № 6. С. 170.

Преимущество с реалистами представители неореализма обозначили, во-первых, при рассмотрении роли государства как главного звена строительства международных отношений. Во-вторых, неореалисты сохранили категорию силы в качестве основной. В-третьих, они также придают понятию «баланс сил» важное значение.

Новизна в работах неореалистов обусловлена обоснованием, во-первых, важной роли конфликта и конкуренции. Во-вторых, они обосновали важную роль международной структуры. Сама структура определяется как определённый набор ограничений и условий. В итоге – реальность управления в сфере международной политики, согласно неореализму, в значительной степени зависит от полноты учёта всей совокупности таких условий и ограничений.

Наиболее полно особенности неореализма представлены в структурной триаде К. Уолтса (см. вставку 2).

Вставка 2

Три основных принципа структуры международных отношений К. Уолтса

1. Все государства в реальных международных отношениях руководствуются мотивом выживания.
2. Реальными участниками (акторами) международных отношений являются только государства.
3. Сами государства неодинаковы по своим относительным возможностям: они обладают разным потенциалом.

Источник: составлено по: Мировая политическая система и международные отношения // Категории политической науки. Учебник. М.: 2002. С. 600.

В настоящее время теории неореализма остаются наиболее востребованными среди теоретиков, экспертов и практиков международной политики.

Либерализм как авторитетная теоретическая школа в сфере международных отношений по многим параметрам противостоит реализму. В основе концептуальных соображений либерального подхода труды Дж. Локка, А. Смита, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Дж. Ст. Милля, Д. Риккардо, В. Вильсона.

Первая особенность либерализма – ориентация на демократические принципы, сотрудничество и мораль во внешнеполитической деятельности.

Вторая особенность – придание важной роли экономическим и правовым механизмам, международным организациям и неправительственным объединениям (НПО).

Третья особенность – ориентация международных отношений на проблемы разоружения с учётом их понимания природы человека: его стремления к сотрудничеству, миру, справедливости и морали; его внимания к главным ценностям, направленным на благополучие всего человечества.

Трансформация либерализма в новую научную школу – *неолиберализм* – (1980-е годы) может быть понята как итог адаптации классического либерализма к новым условиям существования цивилизации. Пристальное внимание к роли традиционных институтов (национальный суверенитет, государство) и новых образований («комплексная взаимозависимость», «международные режимы», «демократический мир») образовали и такие названия *неолиберализма* – *либеральный институционализм, структурный либерализм*.

В числе сторонников новой теории важно отметить: Р. Кохэна, Дж. Ная (оба – сторонники теории комплексной взаимозависимости); Дж. Рагги, С.Д. Краснера (теория международных режимов); М.У. Дойля, Б. Рассета (теория демократического мира).

Уникальность и важность школы неолиберализма может быть представлена в последовательности четырёх тенденций:

- в центре главных теоретических новаций – вопросы безопасности;
- особое внимание уделено проблемам экономики;
- источник динамики – моральные нормы как мотивация, фундамент и регулятор конструктивной деятельности в сфере международной политики;
- государство – не единственный актор в мировой политике: иногда главными акторами становятся – конкретный индивид, транснациональные корпорации, неправительственные объединения (НПО), профессиональные организации.

Наглядно сравнение четырёх направлений в теории международных отношений (реализма, неореализма, либерализма и неолиберализма) представлено в табл. 2.

В развитии всего комплекса теорий и научных школ, связанных с международными отношениями важная роль принадлежит *неомарксистскому* подходу.

Суть *неомарксизма* – осмысление модели мира в терминах: «мир–система», «мир–экономика». Концептуальные основания неомарксизма представлены в работах К. Маркса, А. Грамши. В числе современных представителей неомарксизма: И. Валлерстайн, А.Г. Франк, Р. Кокс, С. Амин, И. Галтунг, М. Рогальски.

Основной тезис неомарксистского подхода – определяющее значение экономического неравенства в развитии мира; расслоение населения по экономическим показателям; динамика бедности – богатства зависит от географического параметра «Север – Юг». Поэтому теоретики неомарксизма обосновали понятия: «страны третьего мира» (развивающиеся), «страны второго мира» (социалистические).

С традиционным марксизмом теории неомарксистов объединяют такие черты:

- при анализе международных взаимосвязей приоритет принадлежит экономическим факторам;
- международные отношения интерпретируются в терминах эксплуатации трудящихся, в понятиях классовой борьбы;
- состояние и характер международной среды определяется динамикой борьбы угнетённых трудящихся с господством правящих классов угнетателей;

• сформирована и сохраняется уверенность в позитивном результате трансформации международных отношений;

• главный «двигатель» мирового развития – активные действия народных масс.

Отличие неомарксизма от традиционного марксизма достаточно конкретно и последовательно:

- неомарксисты чётко отличают себя от экономического детерминизма;
- при анализе внутренней и внешней политики конкретной страны неомарксисты отдают предпочтение внешней политике;

• важную роль для понимания мировой политики неомарксисты отводят разработке автономной и специальной теории международных отношений.

Мир–системная неомарксистская теория разработана, в основном, в исследованиях И. Валлерстайна и А. Франка. Её основные положения:

- мир государств трансформируется в мировую экономическую систему (мир–экономику);
- в настоящее время функционирует только «мир–экономика» – капиталистическая;
- в ходе развития капитализма произошло расслоение стран – в зависимости от экономических показателей – на три части: центр (ядро), периферию, полупериферию;
- развитие ядра осуществляется за счёт остальных стран;
- борьба между империалистическими странами «ядра» возможна.

Сопоставимость и различия подходов основных теоретических школ к проблемам мировых перемен (с учётом подходов неомарксизма) представлены в динамике таблицы 3.

Постмодернизм как самостоятельное направление в теории международных отношений оформился в 1980-е годы. Его источники: неомарксизм, неореализм и неолиберализм. В числе основателей и последователей *постмодернизма*: Дж.Д. Дериан, К. Сйоландер, А. Вендт, Дж.Э. Тикнер.

Побудительным импульсом оформлению постмодернизма в качестве самостоятельной теории в 1980-е годы стали глобальные перемены в 1970–1980-е годы, которые позволили утверждать наличие кризиса современного миропорядка, а также фиксировать *глобальный переход к эпохе Постмодерна*. Критика классических подходов к мировым переменам – важнейшее направление в *постмодернизме*, который поэтому называют и *критической теорией*.

Таблица 2

Четыре основных направления в теории международных отношений

	Реализм	Неореализм	Либерализм	Неолиберализм
Ключевые единицы анализа	Независимые государства	Структуры международной системы	Институты, сменяющие государства	Индивиды, «обновлённые» государства, неправительственные акторы
Основные области исследования	Проблемы вооружённого противостояния и безопасности	Борьба за власть и лидерство в условиях анархической среды МО	Институционализация отношений, способствующих миру	Развивающееся межгосударственное сотрудничество; экономика, социальные и экологические проблемы
Главные проблемы	Баланс сил	Баланс сдерживания / утрашения, военная готовность	Международные право и организации, демократизация	Комплексная взаимозависимость, международные режимы
Оценка перспектив мирового развития	Пессимизм / стабильность	Пессимизм	Оптимизм / прогресс	Ожидание дальнейшего развития сотрудничества, создание глобальной общности
Мотивация акторов	Национальный интерес, конкуренция на поле «игры с нулевой суммой» (проигрыш одного равен выигрышу другого), власть (мощь)	Мощь, престиж, получаемые преимущества по сравнению с другими государствами	Сотрудничество, взаимопомощь, удовлетворение основных потребностей человека	Глобальные интересы (всеобщая выгода), справедливость, мир и процветание, свобода, мораль
Ключевые понятия	Структурная анархия МО, власть (мощь), национальный интерес, баланс сил, полярность	Структурная анархия МО, рациональный выбор, гонка вооружений	Коллективная безопасность, мировой порядок, право, интеграция, международные организации	Транснациональные отношения, право, свободный рынок, взаимозависимость, интеграция, либеральное право, гендер
Рекомендации	Усилить национальную мощь, противостоять ограничениям национальной независимости	Сохранять ядерное сдерживание, избегать разоружения и создания наднациональных организаций	Проводить институциональные реформы	Развивать международные режимы и институты для координации коллективного решения глобальных проблем, способствовать распространению демократии

Источник: Kegley Ch.W., Wittkopf Eu.R. World Politics: Trend and Transformation. Seventh Edition. N.Y., 1999. P. 40.

Таблица 3

Динамика отношений неомарксизма с неореализмом и неолиберализмом

Предмет спора	Неореализм	Неолиберализм	Неомарксизм
Акторы	Государства (правительства), их союзы	Государства, а также МПО, негосударственные организации	Центр, периферия и полупериферия «мир-системы»; «государства-классы» и «регионы-классы»
Природа международных отношений	Анархическая (отсутствие верховной власти и господство принципа «помоги себе сам»)	Ограниченная анархия (благодаря деятельности международных организаций, увеличению роли мирового общественного мнения и морали)	Империалистическая, эксплуататорская
Цели	Защита национальных интересов; безопасность государства; сохранение статус-кво в международной системе	Международная безопасность (в той мере, в какой она не противоречит национальным интересам)	Антисистемный разрыв; преодоление поляризирующей логики глобализации
Средства	Сила и союзы для сохранения баланса сил (стратегиями дипломатия)	Распространение идеалов либеральной демократии и рынка	«Позиционная война»; региональная интеграция «периферии» и «полупериферии»
Процессы	Межгосударственные конфликты и войны как крайняя форма их проявления	Глобализация; возрастание взаимозависимости; падение роли государства	Рост разрыва между центром и периферией; формирование несимметричной взаимозависимости в пользу США
Будущее МО	Нет будущего: характер МО остаётся неизменным	Новый мировой порядок, основанный на либеральной демократии и индивидуальных правах человека	Освобождение от эксплуатации. Мировой социализм
Исходный пункт теоретического анализа	Неизменность человеческой природы; национальные интересы	Экономические интересы; моральные ценности; права человека	«Мир-система» и «мир-экономика»
Представители	Б. Бузан, Р. Гилпин, К. Уолтс	Р. Кохэн, Х. Милнер	С. Амин, И. Валлерстайн, Р. Кокс

Источник: Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: 2004. С. 155.

Свои теоретические основания и разработки постмодернисты излагают в следующем порядке:

- важно уменьшить «пропасть» между философскими представлениями о мировых переменах и социальной практикой;
- необходимо дополнить теорию и практику международных отношений категориями справедливости, ценности и т. д.;
- настало время для уточнения главных понятий в международных отношениях на основе анализа текстов и выявления их содержания;
- от попыток «объяснить» действительность необходимо перейти к активной фазе «изменения» мира.

Основные теоретические школы международных отношений (реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм, неомарксизм, постмодернизм) оформились в рамках Вестфальской системы мироустройства. Они по-разному трактуют цели, приоритеты, ценности, интересы народов мира и государств. Но все теоретики этих научных школ едины в главном – государства как суверенные и независимые акторы современного мироустройства самостоятельно формируют свою внешнюю политику, самостоятельно участвуют в осуществлении международных отношений.

Важнейшим звеном формирования внешней политики является определение и реализация её связи с внутренней политикой. Если теоретики-реалисты утверждают наличие автономии внешней политики от внутренней (Г. Моргантау), то для неореалистов (К. Уолтс) внешняя политика является продолжением внутренней, а собственно международные отношения – это продолжение внутриобщественных отношений.

В итоге, можно и необходимо отметить, что внешняя политика и внутренняя политика современного государства в XXI веке неразрывно связаны. Внешняя – обращена вовне государства, а внутренняя – внутрь.

Новые обстоятельства взаимосвязи внешней и внутренней политики, обусловленные ростом многообразия и числа акторов международных отношений (транснациональные компании, неправительственные организации, неформальные лидеры, представители творческих организаций, отдельные граждане) существенно изменили механизмы регулирования международных отношений, преобразовали процедуры традиционной дипломатии.

Поэтому для теории и практики исследования взаимоотношений внешней политики и международных отношений возрастает значение процедуры *выработки и принятия внешнеполитических решений*.

В итоге, на рубеже XX и XXI веков важным звеном взаимосвязи внешней политики и международных отношений проявились *научные школы принятия внешнеполитических решений и поиска путей оптимизации процесса*.

Австрийский исследователь Р. Ричардсон выделил такие основные направления в теории принятия решений: рационального выбора, психологическое, институциональное, интеракционалистское, системное.

Некоторые особенности во всех этих школах соотносятся с общими тенденциями теоретических направлений анализа международных отношений.

Во-первых, способом принятия оптимальных внешнеполитических решений и регулирования международных отношений становится учёт новейших достижений в *исследовании факторов неопределённости, слабых рисков и нелицейности* (А. Неклесса).

Во-вторых, стремительно растёт количество и качество исследований механизмов принятия решений для анализа возможности возникновения кризисных и конфликтных ситуаций с *целью поиска приемлемого характера компромисса* (Г. Моргантау, Р. Кохэн, Дж. Най).

В-третьих, важнейшим механизмом и процессом регулирования международных отношений становится чёткая *ориентация внешней политики на достижение и развитие, формирование и сохранение открытого диалога между государствами, людьми, цивилизациями и партиями, культурами* (М. Бахтин, М. Хомейни, Р. Аксельрод, И. Валлерстайн, А.Г. Франк, И. Галтунг).

В-четвёртых, всё более значимым регулятором международных отношений становится новый важнейший императив «предотвращение», «культура предотвращения», который позволяет вовлечь в формирование внешней и внутренней политики новейшие достижения социологии, экономики, политологии, философии, права, экологии XXI века. Эти науки накопили уникальные итоги исследований минимизации или блокирования факторов и условий, способствующих возникновению опасностей, угроз, рисков и вызовов на самой ранней стадии их оформления. Тем самым императив «культура предотвращения» способствует проявлению *внешней политики, международных отношений в режиме диалога с ориентацией на приемлемый компромисс* (К. Аннан, В. Кузнецов, А. Ротфельд).

Особо важное значение в исследовании международных отношений и внешней политики государства принадлежит характеру научной парадигмы, в рамках и традициях которой они рассматриваются. **Ведущая роль в таком аспекте принадлежит геополитике как глобальной научной парадигме.**

В числе оснований геополитики важно назвать: Ф. Ратцеля, Х.Д. Макиндера, А. Мэхэна, Н.Дж. Спайкмена, П. Галлуа, Р. Челлена, А. Гливаковского, Р. Харькави, К. Сорокина, Ю. Тихонравова, А. Дугина, К. Гаджиева, Ж. Унцинтера, И. Лякоста.

В числе главных геополитических проблем современности необходимо назвать три феномена, которые устойчиво находились в центре внимания названных выше учёных:

- во-первых, территория;
- во-вторых, суверенитет;
- в-третьих, безопасность.

Для XXI века с учётом этих трёх феноменов можно выделить ряд важнейших геополитических проблем современности и сопоставить им возможные методы разрешения.

1. Первой геополитической проблемой может быть названо сохранение и облагораживание экологического равновесия государства, народа, их пространственно-территориальной реальности с окружающей их средой. Здесь соединились отдельное – человек, особенное – государство и общее – цивилизация.

Ключевым методом решения этой глобальной проблемы уже стали сотрудничество, диалог и предотвращение. В итоге созданы и функционируют новые институты в сфере ООН: ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, принята Программа мер в области окружающей среды.

2. Второй проблемой может быть назван поиск реального и надёжного многостороннего механизма в подготовке, принятии, осуществлении и корректировке международных решений.

Перспективным методом решения такой сложной задачи становятся двухсторонние и многосторонние переговорные структуры (Г7/Г8, ШОС, Общественная Палата в России и т. д.).

3. Третьей проблемой можно назвать изучение роли и значения идентичности и представительств целей, ценностей, интересов в международной политике.

В настоящее время это одна из острейших проблем – здесь уже «работает» теория и практика «гуманитарных интервенций» во имя продвижения ценностей демократии, «гуманитарных войн» во имя обеспечения прав человека для населения реальной страны.

Методом решения проблемы может стать, прежде всего, открытый диалог об идеалах, ценностях как отдельной страны (где они якобы нарушаются), так и с народом, лидерами той страны (группы стран), которые считают своей миссией внедрить другому народу (и с помощью ядерного оружия – якобы из-за права на самооборону) своё понимание ценностей.

4. Четвёртой проблемой становится стремительно расширяющееся движение во многих странах мира за достижение устойчивой и надёжной безопасности для каждого человека.

Эта глобальная проблема буквально потрясла все мировые, региональные и национальные институты обеспечения безопасности: они не готовы к решению такой задачи методологически, теоретически, институционально и операционально.

Важно отметить, что проблема была сформулирована в геополитической традиции и, в итоге, показала недостаточность геополитических методов для её решения.

Развитием геополитики в XXI веке стали новые парадигмы, методологии: геоэкономика и геокультура.

Геоэкономическая методология обосновала принципиально новые способы обеспечения национального суверенитета и новые возможности для решения представленных выше геополитических проблем. Суть геоэкономики:

1) концептуальные воззрения, отражающие интерпретацию глобального мира через систему экономических атрибутов; 2) вынесенная за национальные рамки система экономических атрибутов и экономических отношений, определяющих контур глобального экономического пространства, в котором разворачиваются мировые экономические процессы. Геоэкономика выступает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур; 3) политологическая система взглядов (концепция), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами, оперированием на геоэкономическом атласе мира (в том числе на его национальной части), включением национальных экономик и их хозяйствующих субъектов в мировые интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового дохода на базе высоких геоэкономических технологий. Геоэкономика может быть понята также как составная часть стратегии развития. В содержательном и функциональном плане геоэкономика не охватывает мировую хозяйственную систему, её внутренней экономической «регламент»; связи национальной экономики с внешней сферой; технологию действия на мирохозяйственной арене (высокие геоэкономические технологии). Новые геоэкономические границы не совпадают с границами политической карты мира. Национальные экономики становятся звеньями разных воспроизводственных мировых циклов, а национальные интересы закрепляются не на политических, а на экономических границах. (К. Жан, П. Савона, Э. Кочетов, А. Неклесса).

Если геополитика и геоэкономика являются системными теориями, то геокультура – сетевая теория, в которой Мир XXI века интерпретируется как Культура – Сеть.

Геокультура, социально-политический феномен и научное понятие, отражающие взаимосвязь и взаимообусловленность географической, социальной и культурной сред жизнедеятельности человеческого сообщества. Её исследованию посвящены работы И. Валлерстайна и Д.Н. Замятина, В.Н. Кузнецова, по мысли последнего, новая парадигма – самостоятельный раздел гуманитарной науки и самостоятельное междисциплинарное научное направление по изучению Мир–культуры, имеющее собственный объект и предмет изучения, а также свою методологию, основные категории, принципы, методы и приёмы исследования. Предметную область составляет единство деятельности человека и его среды с ключевым условием в контексте их самосохранения, саморазвития и самозащиты; конструктивное взаимодействие феномена и среды безопасности. Как таковая, она тесно связана с геополитикой и геоэкономикой и знаменует движение от «баланса сил» (геополитика) через «баланс интересов» (геоэкономика), к балансу доверия и сотрудничества на основе уважительного диалога (геокультура).

Интегральная гуманитарная парадигма современного понимания мира проявляется и в Мир–системе Валлерстайна как геополитика, и в Мир–экономике как геоэкономика, и в Мир–культуре как геокультура. В этих рамках обосновывается социальный механизм соединения фундаментальной науки и практики в движении от культуры реагирования на состояние небезопасности к культуре предотвращения опасных для общества явлений – к культуре мира, к культуре безопасности.

Геокультура ориентирована на анализ отношений между людьми в процессе деятельности по обеспечению безопасности; выявление тенденций и определение адекватности реагирования на формирующиеся и состоявшиеся риски, вызовы, угрозы и опасности; выявление особенностей в динамике функционирования институтов безопасности как государственных, так и негосударственных, характера их взаимодействия и вероятных перспектив их трансформации с учётом изменений внутренней и внешней среды.

Основные принципы геокультуры: всеохватность, которая обеспечивает согласование деятельности самих граждан, общественных и государственных институтов; равноправие партнёров, что обусловлено единством и неделимостью масштаба геокультуры; солидарность, как практическое выражение гуманности, сострадания к обиженным и униженным, лишённым возможности обеспечить достойный уровень благосостояния; транспарентность.

Геокультура способна придать новое качество социальным наукам – обосновать и развить науку жизнеобеспечения человека, общества и цивилизации как культуру диалога, мира и безопасности. (И. Валлерстайн, В. Кузнецов, Д. Замятин).

Возможности геополитики, геоэкономики и геокультуры в решении геополитических проблем современности (в сравнении) представлены в таблице 4.

Таблица 4

Соотношение основных категорий гуманитарной парадигмы XXI века: взаимосвязь её выражений в геополитике, геоэкономике, геокультуре

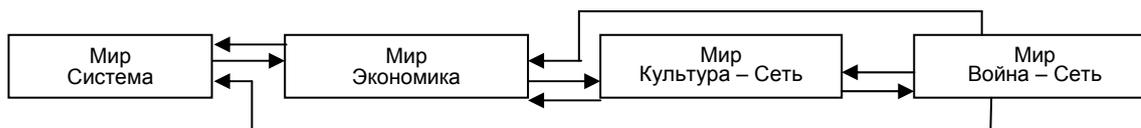
Выражения парадигмы	ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА
Характеристики			
Субъект действия	Государство	Транснациональные компании	Человек
Права и свободы человека	Право сильнейшего государства, их коалиций	Права и свободы человека	Права и свободы человека, его ответственность
Географичность. Среда	Пространство	Пространство	Масштаб
Цивилизация	Мир-Система	Мир-Экономика	Мир: Культура – Сеть
Производство	Материальные факторы в капитализации фирм (70–80%)	Материальные факторы, инновации в капитализации фирм (50:50)	Нематериальные интеллектуальные факторы в капитализации фирм: человеческий потенциал, знания, инновации (70–80%)
Участие	Десятки миллионов людей	Сотни миллионов людей	Миллиарды людей
Изменения	Война, революция, контрреволюция	Конкуренция, доступ к мировому доходу	Институционализация, гуманизм
Динамика	Сила, баланс сил, сдерживание	Торговля, конкуренция, сотрудничество	Доверие, сотрудничество, диалог
Война, мир и безопасность	Культура войны	Культура мира	Культура мира, безопасности и диалога
Взаимосвязь	Иерархичность	Иерархичность	Отсутствие иерархичности
Детерминизм	Причинность, функционализм, системность	Причинность, линейность, системность	Вероятность, нелинейность, сетевой подход
Методология	Системно-структурный подход	Системно-структурный подход	Институционально-сетевой подход
Технология	Социальные технологии	Высокие геоэкономические технологии	Высокие гуманитарные технологии

Источник: Кузнецов В.Н. Геокультура. Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура – Сеть. М.: 2003. С. 516–517.

Главная причина, по мнению автора статьи, обуславлившая острую необходимость «*строительства*» другой, не-Вестфальской модели миропорядка; «*строительства*» другой, не-Западной концепции мироустройства стала утрата западными странами (США, НАТО, ЕС) классического гуманизма; их ориентация на подготовку ядерной войны против России; трактовки ими Мира XXI как Войны – Сети (см. рис. 1); общая, мировоззренческая ориентация на негуманитарную парадигму взаимодействия государства, миропорядка и мироустройства (см. схему 3).

Рисунок 1

Логика изменений в понимании современного Мира

Источник: Кузнецов В.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. С. 13.

Основы методологии и теории **Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века** разрабатываются известным русским социологом В.Н. Кузнецовым с 2003 года. Первые его публикации для российской и мировой общест-

Смысл Великой Победы

венности представлены в 2006 году и в устном публичном докладе на съезде российских социологов в Москве осенью 2006 года¹.

Схема 3

Динамика и определённость основных смыслов – концептов гуманитарной и негуманитарной парадигмы

Гуманитарная не-Западная парадигма (Россия – Азия, другие страны)	Негуманитарная западная, евро-атлантическая парадигма (США, НАТО, Европейский Союз)
Смысл – концепт в контексте «ГЕО»	Смысл – концепт в контексте «НЕ»
Геокультура как методология обеспечения безопасности каждого человека	«Неграждане» в Латвии, в Европейском Союзе
Мир XXI века как Культура – Сеть	Мир XXI века как Война – Сеть
Честное соблюдение всех подписанных и согласованных ранее Уставов, договоров, норм, Правил Игры	Нечестность, необязательность, неспортивность как искажение, деформация, нарушение подписанных и согласованных договорённостей и Правил Игры
Справедливое мироустройство	Несправедливое мироустройство
Опережающий компромисс для решения любых противоречий	«Самоуполномочивание» на агрессивную войну против народов суверенных стран (Югославия – 1999, Ирак – 2003)
Культура предотвращения возможной ядерной войны XXI века	Непризнание, неуважение других народов, других ценностей, других религий, Другого понимания свободы и демократии. Отказ от поиска компромисса. Идеологическое устрашение и насилие. Подготовка ядерной войны против России
Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века	Концепция и доктрина, идеология и политическая философия, Практики (Югославия, Ирак, Афганистан, Косово) «новой реальности» возникшей после провозглашения независимости Косово 17 февраля» (2008 год)
<i>Умная, честная справедливая, сильная и ответственная безопасность России</i>	<i>Негуманная, нечестная, несправедливая, очень сильная, неотвественная безопасность США, НАТО, ЕС</i>

В настоящее время (лето 2008 года) продолжение фундаментальных исследований Московско-Шанхайской модели мирового порядка стало одной из ведущих тем в работах учёных, представляющих научную школу Кузнецова. В журнале «Безопасность Евразии» создана соответствующая рубрика, в декабре 2006 года опубликован ежегодник, коллективная научная монография, «Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века», в декабре 2007 года состоялась первая Международная научная конференция «*Становление Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века*».

Преемственность и новизна в соотношении Вестфальской модели и модели Кузнецова могут быть хорошо поняты на основании рассмотрения его схемы 4 и авторского комментария.

«Основные особенности Московско-Шанхайской модели мира XXI века, – поясняет В.Н. Кузнецов, – целесообразно представить в тезисной форме:

- новая модель миропорядка состоялась как конкретный интеллектуальный итог 60-летия Великой Победы Советского Народа над фашизмом.

Именно здесь сохраняется глубокая преемственность новой модели мира с предыдущей, Ялтинско-Потсдамской, которая оформилась по итогам второй мировой войны (1939–1945) в качестве выражения Вестфальской модели мира;

- впервые за последние 359 лет глобальная модель миропорядка оформилась по итогам невоенного, мирного шестидесятилетнего развития народов и стран.

Вестфальская модель мира состоялась по завершении Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648).

Венская система международных отношений (продолжение Вестфальской модели) стала итогом Наполеоновских войн (1799–1815) и предложила такой порядок отношений государств, который назвали «Европейским концертом».

Версальско-Вашингтонская модель мира (продолжение Вестфальской системы) сложилась по итогам Первой мировой войны (1914–1918). Именно в тексте Версальского мирного договора с Германией (1919) был представлен статус *Лиги Наций* как международной межправительственной организации, призванной содействовать сотрудничеству между народами для дела мира и безопасности: США не ратифицировали этот документ.

Содержание и структура Версальского миропорядка были дополнены на Вашингтонской конференции (1921–1922), которая была проведена по инициативе США для оформления отношений между государствами в Тихоокеанском регионе.

Ялтинско-Потсдамская система миропорядка (продолжение Вестфальской модели мира) оформилась по завершении Второй мировой войны (1939–1945);

- решающей, главной особенностью складывающейся **Московско-Шанхайской модели миропорядка** является, по моему мнению, принципиально новое понимание Субъекта миропорядка, миростроительства, мироустройства. Здесь главный действующий Субъект – народ, народы России и Азии (в Вестфальской модели мира – государства). Поэтому новую модель мироустройства (Московско-Шанхайскую) правомерно называть «**Концертом Народов России и Азии**»;

- считаю важным и необходимым выделить исключительно конструктивную особенность формирования Московско-Шанхайской модели мира. В течение 2000–2007 годов на всех этапах её становления действует широко и устойчиво признанный глобальный интеллектуальный и гуманитарный лидер – Россия. Равновелика и равнозначима лидирующая роль Китая как творца мирового экономического и промышленного развития; динамика научного исследования процесса строительства новой модели миропорядка может быть рассмотрена в контексте геокультурной научной парадигмы (часть единой гуманитарной парадигмы XXI века), в которой сам Мир XXI века рассматривается как Культура – Сеть;

- доминантой, главной линией новой модели миропорядка является содействие продвижению во всех странах мира к глобальному порядку XXI века: достоинство, безопасность и благополучие для каждого человека; здоровье, образование – для всех; достижение Целей развития тысячелетия, принятых на Саммите в 2000 году...»².

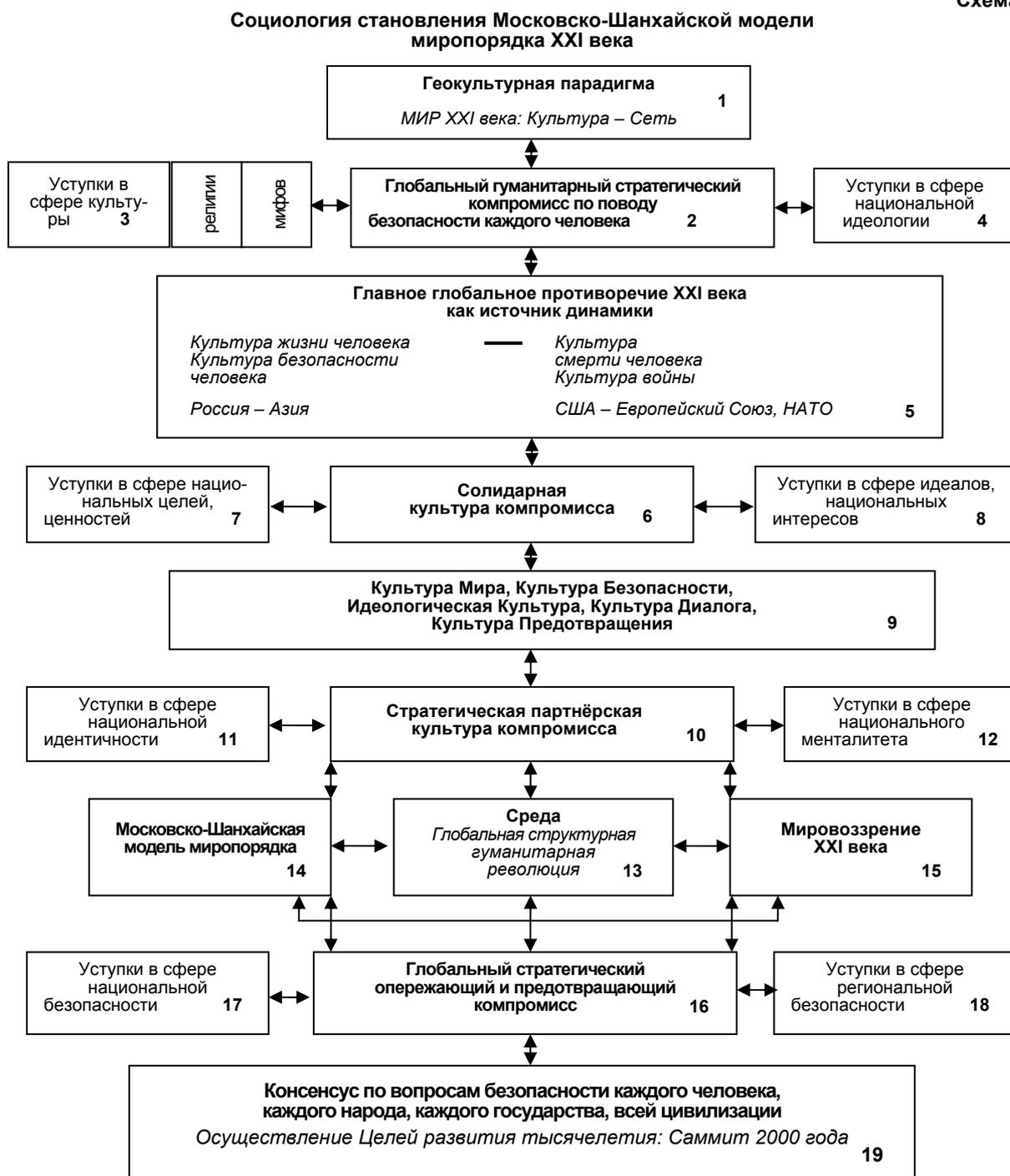
Феномен «**миропорядок**» («**мировой порядок**») как категорию, как новую Московско-Шанхайскую модель мирового порядка XXI века (авторскую концепцию В.Н. Кузнецова) можно определить следующим образом:

«это устоявшаяся сетевая совокупность понятий и принятых людьми, народами и государствами взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их справедливом и единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении»³.

¹ Кузнецов В.Н. Новая Московско-Шанхайская модель мира XXI века в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной). Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 2; Кузнецов В.Н. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект // НАВИГУТ. 2006. № 3.

² Кузнецов В.Н. Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. М.: 2007. С. 26–27.

³ Кузнецов В.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. М.: 2008. С. 17.

Источник: Кузнецов В.Н. Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. М.: 2007. С. 25.

КОНЦЕПЦИЯ НЕ-ЗАПАДНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

В декабре 2007 года сложились основы объединённой модели мироустройства XXI века Анны Кузнецовой¹ и Вячеслава Кузнецова, в которой устойчивая целостность – мироустройство – обусловлена единством четырёх измерений: политического, экономического, гуманитарного, институционального² (см. схему 5).

¹ Кузнецова А. О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 3.

² Кузнецова А., Кузнецов В. Смысл роли России в утверждении справедливого мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Социология формирования нового мироустройства
как Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира

Структура		Содержание	Основные характеристики
		Главный вектор	Культура жизни
Структура мироустройства	Политическая		Московско-Шанхайская модель Мира
	Экономическая	Финансовая	Рубль как резервная мировая валюта
		Торговая	Региональные торговые союзы и соглашения
	Институциональная		Правила Игры
Гуманитарная		Мировоззрение Новый не-Западный гуманизм	
Главные смысловые императивы как сущностные характеристики ГГГПМ		Концептуальная компромиссность	
		Новый (не-Западный) гуманизм XXI века	
		Справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира	

Источник: Кузнецов В.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. С. 18.

Целесообразно определить понятие «**мироустройство**» следующим образом:

это «процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий»¹.

Понятие «**структура мироустройства**» может быть изложено так:

«это взаимосогласованное единство политического, экономического, институционального и гуманитарного аспектов главных доминант в функционировании мирового сообщества: политическая составляющая представляет новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка; экономическую составляющую определяют две доминанты – финансовая (продвижение Рубля как одной из резервных валют) и торговая (современная торговля на основе региональных союзов и соглашений); институциональная составляющая выражает Правила Игры при выработке и корректировке Повестки Дня мировому сообществу; гуманитарная составляющая определяет мировоззрение и новый не-Западный гуманизм»².

Категория «**миропонимание**» определяется «как содержанием феномена "мироустройство", так и основами современного мировоззрения, позволяющими субъекту взаимодействий понять смысл и движущие силы процесса, свою роль и свою ответственность за совершённые (или несовершённые) поступки в условиях конкретного времени и пространства, определившихся рисков и неопределённостей в восприятии реальности, справедливого и несправедливого»³.

* * *

Итоги представленного исследования позволяют сделать главный вывод: позитивная трансформация института государства с учётом тотального влияния глобализации наиболее оптимальна в политической сопоставимости политики безопасности конкретной страны с динамикой регионального альянса (ШОС, ЕС и др.), с участием в институтах коллективной безопасности ООН.

Можно утверждать, что рабочая гипотеза автора статьи, в основном, подтвердилась. Действительно, устойчивость, гибкость и эффективность функционирования самого института государства решающим образом определяется конструктивностью связи человека и государства.

Примерами уже стали позитивные практики Финляндии, Индии, Ирландии, Норвегии, Бразилии, Китая, России, Гонконга, Сингапура.

Вместе с тем, институциональный подход к функционированию государства в условиях глобализации позволил обозначить несколько новых проблемных областей для исследования перспектив института государства:

- для гармонизации деятельности государства в контексте новой «институциональной среды» (новые Правила Игры, важность смыслов реального миропорядка и особенностей мироустройства) решающим фактором становится конкретная конструктивная позиция каждого человека: например, позиция граждан Ирландии в голосовании по Лиссабонской декларации о судьбе Европейского Союза;
- исключительно важна совместная работа миллионов граждан, государств, альянсов государств, международных неправительственных организаций по сохранению и поддержке, развитию Организации Объединённых Наций. Здесь суть: реальные действия многих конкретных людей, организаций, альянсов против ООН. Смысл работы против глобального института – ООН: ослабить институт государства с целью его разрушения;
- всё более важным, актуальным и востребованным становится формирование новой предметной области исследований: институциональная политологическая теория государства.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 3)

¹ Кузнецов В.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. С. 19.

² Там же.

³ Там же.

О.А. Бельков

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОННОЙ СФЕРОЙ СТРАНЫ¹

Словосочетание «военное управление» давно закрепилось в научном и политическом языке. Одно из первых его толкований можно найти в «Энциклопедии военных и морских наук» конца XIX в. «Управление военное, – говорится там, – обнимает многочисленные и разносторонние отрасли, для заведования коими учреждаются соответствующие специальные органы...»². Широко оно употребляется и в современных официальных документах, например в Военной доктрине РФ, Федеральных законах Российской Федерации «Об обороне», «О военном положении» и др. В Доктрине информационной безопасности РФ названы центральные органы военного управления, органы военного управления видов Вооружённых Сил и родов войск, объединений, соединений, воинских частей и организаций, входящих в Вооружённые Силы Российской Федерации, в законе «О внутренних войсках» речь идёт об органах управления внутренними войсками.

В названных документах говорится, причём применительно к определённой сфере деятельности, об органах военного управления, но само военное управление как явление не раскрывается. К тому же эта категория употребляется в таком контексте («государственное и военное управление», «руководство и управление Вооружёнными Силами Российской Федерации» и др.), который требует дополнительных комментариев. Полное и всестороннее освещение эта категория ещё не получила и в научной литературе. Достаточно сказать, что посвящённой ей статьи нет ни в восьмитомной Военной энциклопедии, ни в двухтомном Военно-энциклопедическом словаре, выпущенном издательством «Большая российская энциклопедия». В этой связи представляется целесообразным исследовать сам процесс формирования в научном обществоведческом дискурсе методологических и концептуальных оснований для понимания стратегического уровня управления оборонной сферой страны.

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Свой вклад в изучение военного управления вносит и политология, которая изучает политику как общественное явление и проявления политического в различных сферах жизни общества и различных видах человеческой деятельности. Те стороны и свойства военно-управленческой деятельности, которые обусловлены политикой, выступают как проявления политики или сами оказывают влияние на неё, разрабатываются и освещаются в рамках политологии военного управления. В названии этого относительно самостоятельного научного направления и соответствующей учебной дисциплины термин «политология» означает не науку, а определённые (именно политологические) процедуры и результаты анализа военных явлений и процессов, выявляющие их двустороннюю связь с политикой.

Правомерность и целесообразность такого словоупотребления подтверждается тем, что, с одной стороны, результаты исследования военного управления с использованием другого научного инструментария суммируются в философии военного управления, социологии военного управления, психологии военного управления. С другой стороны, относительно самостоятельные направления политических исследований всё чаще получают обобщённое название «политология»³. Что же касается политологии военного управления, то у неё есть собственный ракурс исследования. Это относительно самостоятельное научное направление, которое имеет свой объект и предмет познания, своё содержание и которое выполняет общественно значимые функции.

Основную проблематику политологии военного управления составляют: влияние политики на характер, содержание и методы военного управления (политическая обусловленность военного управления); политические аспекты военно-политических решений (политическое в военно-управленческой деятельности); место и роль военных факторов в деятельности различных политических акторов (военные императивы политики); военное управление как инструмент реализации политики, повышения её эффективности (военная политика) и др.

Семантически эпитет «военное» в словосочетании «военное управление» несёт тройную смысловую нагрузку.

Во-первых, так говорят об управлении обществом, которое осуществляется военными органами и их должностными лицами или военными методами. Это всегда «нештатная», не свойственная демократическому государству ситуация. Однако «нештатная» не означает противоправная. В определённых случаях военное управление носит законный характер, имеет правовую основу. К таким случаям, в частности, относятся:

¹ Статья подготовлена на основе опубликованных автором итогов исследования политологии военного управления: *Бельков О.А. Политология военного управления: Учебное пособие. М.: 2008.*

² Энциклопедия военных и морских наук / Сост. под гл. ред. генерала от инфантерии Леера. СПб: 1897. Т. 8. С. 50.

³ См., например: *Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: КомКнига, 2005; Терновая Л.О., Немчук А.А. Политология международных отношений: Курс лекций. М.: Интердиалект+, 2004; Фельдман А.М. Политология конфликта: Учеб. пособие. М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998.*

- властные полномочия органов военного управления на территории, где ведутся военные действия или объявлено военное положение;
- властно-распорядительные меры военной администрации по мобилизационной работе, гражданской обороне, допризывной подготовке молодёжи и т. п. Так, например, военные комиссариаты, создаваемые Министерством обороны как местные органы военного управления, в организации и проведении военномобилизационной и учётно-призывной работы действуют на правах управлений (отделов) соответствующих органов государственной власти и местного управления;
- регламентируемые международным гуманитарным правом права и обязанности оккупирующей державы по отношению к местному населению, администрации и т. д.¹

Однако бывают ситуации, когда военное управление ущемляется и действует в нарушение демократических норм и процедур. Примерами такого рода могут служить открытая военная диктатура; милитаризация (военизация) органов власти и управления, экономики и всей общественной жизни; включение военнослужащих в структуры власти и т. п.

Во-вторых, военное управление есть управление людьми и структурами, занятыми военной деятельностью или связанных с ней. Более того, в сферу военного управления попадают и те, кто в данное время непосредственно военной деятельностью не занят. «Бремя войны, – писал в начале прошлого века военный деятель и теоретик А.Е. Снесарев, – не может нести одна только часть населения то есть военные, а должно нести все население и для этого... оно должно пройти не только ту стадию технического военного образования, которая неизбежна в случае войны, оно должно понять и продумать ее духовную сторону, понять ее неизбежность, важность, оценить ее государственный смысл, то есть осмыслить философию войны»².

Объектами военного управления являются **оборонная сфера** и военная организация государства и, следовательно, население, территория, экономика страны, вся система общественных отношений и институтов, определённым образом упорядочиваемых в интересах обеспечения военной безопасности. В третьих, в узком смысле слова под военным управлением понимается властно-распорядительная деятельность по созданию, подготовке, применению Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов. Её непосредственным и прямым объектом выступают военнослужащие и граждане.

В решении оборонных задач государства, а, следовательно, и в военном управлении участвуют различные органы власти. Властно-распорядительное регулирование жизнедеятельности социума вообще и военной сферы в частности осуществляется в двух взаимосвязанных формах: руководстве и управлении. Основное отличие между ними состоит в следующем. Руководство является функцией лица или органа, возглавляющего какую-либо организацию, будь то государство, мэрия, фирма или армия, и выражается в их деятельности по определению целей и основных направлений развития данной организации. Управление же представляет собой преимущественно административную, организационно-техническую работу по реализации выработанного «свыше» курса³.

То, что руководство и управление – разные функции, относящиеся к разным уровням власти, подчёркивается в Военной доктрине, где говорится, что руководство строительством, подготовкой и применением военной организации государства, обеспечением военной безопасности Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации, а управление Вооружёнными Силами Российской Федерации и другими войсками осуществляют руководители соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Однако в реальной жизни эти функции не отделены друг от друга глухой стеной. В подтверждение достаточно напомнить о такой, например, категории военных управленцев, как руководящий состав Вооружённых Сил, или сообщить, что в Военной энциклопедии понятие «руководство войсками» не раскрывается, но даётся отсылка к статье «управление войсками».

В зависимости от функционального предназначения в военно-управленческой деятельности выделяют три её вида: аналитическую и конструктивную; организационно-административную; информационно-техническую⁴.

Многообразие и сложность управленческих вопросов и проблем в оборонной сфере делает необходимым сочетание функций военных и гражданских специалистов. В военном управлении неуместны как узковедомственная замкнутость, которая амбициозными претензиями на исключительность и непогрешимость прикрывает свой консерватизм, так и непрофессионализм дилетантов, всегда готовых к сомнительным новациям. При этом, однако, нельзя допускать, чтобы предметом политических дискуссий становились сугубо профессиональные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции военного руководства.

Разработка и осуществление решений в военной области должны быть результатом равноправного диалога политических и военных деятелей, гражданской и армейской общественности. «В государстве,

¹ Оккупация, временное занятие значительными воинскими формированиями одного воюющего государства территории (или её части) другого воюющего государства и установление на этой территории административной власти высших командных инстанций оккупационных войск. При этом прекращается эффективное осуществление власти на оккупированной территории правительством того государства, которому данная территория принадлежит. Оккупация не ведёт к распространению суверенитета оккупирующего государства на занятую его войсками территорию, а власть военной оккупационной администрации осуществляется в пределах, установленных международным правом. (Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2002. Т. 6. С. 39).

² Снесарев А.Е. Философия войны. М.: 2003. С. 74.

³ Их соотношение в военной сфере является частным случаем общей проблемы соотношения власти и управления в политике. По поводу последнего на Западе был сформулирован принцип разграничения функций между «политическими» чиновниками (теми, кто разрабатывает политику), включая президента страны и высших официальных лиц исполнительной власти, и «административными», управленческими чиновниками (теми, кто осуществляет политику). Первые инициируют политику и направляют работу администраторов. Вторые реализуют законы, на деле проводят ту или иную политику. Их уровень и ранг зависят скорее от профессиональных качеств, чем от того, какую политику они поддерживают.

⁴ Скок А.С. Социальные технологии в системе управления военной организацией. М.: ВУ, 1997.

проводящем дальновидную политику, – писал Ш. де Голль, – должна существовать система, предусматривающая осуществление совместных исследований для подготовки административной и военной элиты к руководству военными усилиями нации в случае необходимости. Помимо того, что в случае конфликта подобная система позволила бы в кратчайшие сроки достигать согласия между различными ветвями власти, в мирное время она предоставила бы прекрасные возможности для урегулирования споров и согласования законов, относящихся к военной мощи страны»¹. Частным примером необходимости форм «урегулирования споров» могут служить слова Президента РФ В.В. Путина, сформулированные им в Послании Федеральному Собранию 2006 г.: «Органам государственной власти субъектов Федерации следует серьезно озаботиться не только планами по набору в армию, но и отвечать за качество этого призыва и обеспечивать такую подготовительную работу в самом тесном контакте с армией».

Военное управление имеет несколько уровней или видов, форм.

1. Военная политика. Её главный смысл и предназначение – определение возможности и пределов применения военного насилия в политических целях, организация военного строительства и руководство им, разработка и реализация планов применения Вооружённых Сил, территориальной и гражданской обороны, перевода органов власти и экономики страны на работу в условиях военного времени, выполнения заданий по накоплению материальных ценностей, государственного и мобилизационного резервов Российской Федерации, других оборонных программ. В этом плане А.Н. Сурков под военным управлением предлагает понимать организующее, регулирующее, обеспечительное и исполнительное воздействие федеральных органов государственной власти на военную организацию государства в целях исполнения конституционных задач по обеспечению его обороны и военной безопасности².

2. Управление войсками. Это деятельность командующих, командиров, штабов и других органов управления по поддержанию постоянной боевой готовности войск (сил), подготовке операций (боевых действий) и руководству войсками (силами) при выполнении поставленных им задач. Она включает в себя: а) непрерывное добывание, сбор, изучение, отображение, анализ и оценку данных обстановки; б) принятие решения на операцию (бой); в) постановку задач войскам (силам); г) планирование операции (боя); д) организацию и поддержание взаимодействия и всех видов обеспечения; е) организацию управления; ж) подготовку подчинённых органов управления и войск (сил) к боевым действиям³, з) организацию контроля и оказание помощи подчинённым командующим (командирам), штабам, войскам (силам); и) непосредственное руководство действиями войск (сил) при выполнении ими боевых задач.

3. Организация повседневной жизнедеятельности воинских коллективов. Право и обязанность принимать решение на бой и управлять боем не исчерпывает управленческие функции военных кадров. Им принадлежит решающая роль в реализации и таких задач Вооружённых Сил, сформулированных в официальной публикации Министерства обороны РФ, как организация и ведение информационного противоборства; предупреждение и пресечение диверсий и террористических актов; предупреждение экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций, ликвидация их последствий; привлечение военной науки к выработке и экспертизе военно-политических решений через соответствующие комитеты Государственной Думы и Совет Безопасности; совершенствование пенсионного обеспечения военнослужащих; реабилитация инвалидов военной службы; военно-патриотическая работа среди граждан, прежде всего молодёжи; участие в решении проблем беспризорных и безнадзорных детей и т. д.³. Да и организация повседневной жизни войск требует массы управленческих решений, непосредственно не связанных с применением вооружённого насилия или обеспечением его.

4. Морально-психологическое обеспечение оборонной (военной) деятельности. Управление вообще осуществляется путём воздействия на условия жизни людей и их ценностные ориентации. Военно-патриотическое сознание масс, их понимание необходимости и важности защиты Отечества, психологическая устойчивость личного состава, его моральная готовность к ведению боевых действий являются неотъемлемой частью и необходимым условием боеспособности войск и в этом смысле морально-психологическое обеспечение выступает составным элементом управления войсками. Вместе с тем эта область деятельности шире управления войсками. В этой связи уместно напомнить конституционную норму о защите Отечества как долге гражданина, требование Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» о том, что органы государственной власти и местного самоуправления обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан.

Так, организация учебно-боевой деятельности части, соединения относится к управлению войсками; хозяйственные договоры с предприятиями, взаимодействие с органами власти и местным населением составляют управленческую деятельность военных кадров; разработка и осуществление мер, затрагивающих всё военное ведомство или даже общество в целом (объявление и организация призыва в армию или мобилизации), входят в сферу военной политики.

На всех четырёх уровнях военное управление предстаёт как деятельность, обусловленная возможностью войны и существованием армии. Но война и армия по сути своей – явления политические, поэтому и военное управление не может не иметь политического характера, политического содержания.

¹ Голль Ш. де. На острие шпата // За профессиональную армию: Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке. М.: 1998. С. 34, 35.

² См.: Сурков А.Н. Военное управление как фактор национальной безопасности // Безопасность Евразии. 2006. № 2. С. 169.

³ См.: Актуальные задачи Вооружённых Сил Российской Федерации. М.: МО РФ, 1993. С. 37, 38, 54, 59, 62.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Содержание и формы военного управления наряду с административно-правовыми, организационно-техническими, информационными, педагогическими и многими другими факторами определяют и политические характеристики. Не всё в нём имеет политическое содержание: есть немало оперативно-стратегических, организационно-технических, административных, хозяйственных и других задач, лежащих вне сферы политики. Однако значение, место и роль политического в военно-управленческой деятельности подчёркивается тем, что в Военной доктрине Российской Федерации первый из трёх разделов называется «Военно-политические основы». Причём это не только российская практика. Бывший Генеральный секретарь Конференции по разоружению, личный представитель Генерального секретаря ООН Милжан Коматина констатировал, что вообще большинство аспектов военной доктрины относится к категории политических решений¹.

Как известно, явление, процесс или проблема носят политический характер, если они: (1) касаются вопроса государственной власти; (2) имеют государственный масштаб; затрагивают интересы и входят в сферу внимания миллионов; (3) имеют юридическое измерение и требуют правового определения и решения; (4) граждане проявляют к ним своё отношение через традиционные механизмы политического участия; (5) становятся объектом (предметом) соперничества и борьбы за власть разных политических групп; (6) публичная власть, её структуры и лица признают за собой право решать эту проблему или массы требуют от них такого решения. Всякая проблема, а равно средства и способы её решения являются политическими, если они касаются вопроса государственной власти регулируются ею или, наоборот, требуют её видоизменения. «Вмешательством власти, – пишет французский политолог Ж.-М. Денкэн, – завершается процесс политизации»².

Политическое в военном управлении заключается в следующем.

Во-первых, содержание и характер военного управления, его направления и масштабы, как и многие другие параметры, «задаются» политикой. Подчинённость военного управления политическому в наиболее открытой и гипертрофированной форме проявляется в периоды социальных потрясений и политических трансформаций, когда вводится прямой контроль над военными руководителями со стороны власти. Этот контроль может осуществляться комиссарами, как это было в период гражданской войны во Франции и России, политорганами, действовавшими в Советской Армии, другими институтами. В стабильном, консолидированном и демократическом обществе нет надобности в таком контроле. Однако и в нём армия не может быть и не является самодовлеющим образованием.

Именно политика определяет предназначение, функции и задачи армии, порядок и правила её применения, в том числе в случаях, не связанных с обеспечением военной безопасности. Решение о применении силы и, если оно принято, выбор подходящего момента для её применения находятся в компетенции политических лидеров. Военное управление служит реализации принятых ими решений. В его сферу входит создание рамок, в которых такие решения могут быть приняты, подготовка возможности выбора, составление планов на случай возникновения непредвиденных обстоятельств и обеспечение наивысшей степени эффективности военной организации и вооружённых сил как её ядра. При этом политические установки обуславливают не только цели военного управления, но и его принципы, конкретные задачи, методы и т. д.

Понятно ведь, что возможности и пределы военного управления существенно разнятся в условиях, когда политика ориентирована на подчинение всей жизни страны задаче создания и обеспечения армии (первоочерёдность в удовлетворении нужд обороны, «пушки вместо масла») и когда она стремится решить социально-экономические проблемы общества за счёт свёртывания оборонных усилий государства (остаточный принцип обеспечения оборонной сферы, «масло вместо пушек»). Разумеется, между этими крайностями существует так называемая золотая середина. В Российской Федерации, например, развитие и военное планирование ведутся, исходя из геополитических потребностей РФ и принципа оборонной достаточности, а не из фактически наличествующего потенциала³.

Смена принципов военного строительства, переход от одного к другому, определяется не зрелостью вооружённых сил, не собственными соображениями военного командования, а политической позицией и решениями государственной власти. Политическое содержание военно-управленческих решений подтверждается и тем, что бывают случаи, когда со временем меняется отношение к ним. Так, осенью 1956 г. 14 тыс. офицеров венгерской армии из общего числа 26 тысяч присягнули мятежной (антинадьевской) власти. Но в 1988–1989 г. более 70% венгров при опросах называли события того времени контрреволюцией⁴. А в настоящее время в Венгрии официально чтят тех, кто с оружием в руках боролся против существовавшего в стране режима. Приведём пример из нашей истории. Действия ограниченного контингента советских войск в Афганистане первоначально позиционировались как оказание интернациональной помощи братскому народу, затем – как защита южных рубежей Родины. Позже, со сменой государственной идеологии, они были признаны политической ошибкой.

Во-вторых, как специфический вид деятельности, военное управление предполагает реалистическую оценку геополитической и геостратегической обстановки в мире и возможные тенденции её развития, осмысление места вооружённых сил в жизни общества, внутренней и внешней политике государства. Оно развёртывается с ориентацией на внешний мир, исходя из существующих мирных условий, учитывает и все возможные, то есть теоретически допустимые, варианты возникновения войн и вооружённых конфликтов и соответствующие требования к армии. Давно сказано: неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не стремится овладеть всеми средствами, всеми способами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Эффективным является военное управление, которое учитывает тенденции развития военного дела в мире, адекватно реагирует на военные усилия других государств и гарантирует военную безопасность страны. Вместе с тем в условиях, когда ограниченные возможности государства не позволяют достичь необходимого уровня его оборо-

¹ Разоружение. 1992. Т. XV. № 4. С. 115.

² Денкэн Жан-Мари Политическая наука. М.: 1993. С. 24.

³ См.: Актуальные задачи развития Вооружённых Сил Российской Федерации. С. 1.

⁴ См.: Независимая газета, 1998, 29 октября.

носпособности, приходится искать нестандартные решения, способные обеспечить военную безопасность страны, будь то создание ядерного потенциала сдерживания, организация коллективной самообороны или упование на мир как награду за свертывание каких бы то ни было собственных военных усилий. Но и то, и другое, и третье относятся к сфере политики.

В-третьих, военное строительство составляет хотя и относительно самостоятельную, но неотъемлемую часть оборонных усилий государства и как таковое не может быть самодовлеющим процессом. Оно ведётся на основе и с учётом демографических, экономических, научно-технических и других возможностей страны. Создание и поддержание военной мощи включает все стороны всех областей государственного строительства. В силу этого на его содержание решающее влияние оказывают характер установленного в стране политического режима, история и культура народа, уровень институционального и социально-экономического развития общества и др. Названные факторы у каждого государства имеют специфические содержание и формы, что определяет многообразие подходов к проблемам обеспечения военной безопасности.

В-четвёртых, военное управление ведётся на строго легитимной и законной основе, оно строится в соответствии и посредством права, в котором есть специальная отрасль – военное право, обеспечивающее чёткую и детальную правовую регламентацию деятельности, касающейся военной безопасности страны. Так, закон «Об обороне» устанавливает, что «организация руководства обеспечением военной безопасности Российской Федерации в угрожаемый период, создание и функционирование соответствующих органов государственной власти и органов военного управления регламентируются соответствующими законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». О правовой регламентации военной сферы говорится и в разработанном ОБСЕ Кодексе поведения, касающемся военно-политических аспектов безопасности. Государства-участники, записано в нём, будут широко распространять в своих странах документы международного гуманитарного права, касающегося военных действий. Они в соответствии со своей национальной практикой будут отражать свои обязательства в этой области в своих военных учебных программах и правилах. Государства-участники будут обеспечивать выполнение руководящим составом вооружённых сил национального законодательства и международного права, а также осведомлённость о возможном привлечении в соответствии с этими правовыми нормами к индивидуальной ответственности за противозаконное осуществление таких полномочий.

В-пятых, управленческая деятельность носит публичный характер. Вооружённые силы – это, прежде всего люди, и управление ими осуществляется людьми, имеет своим объектом массу военнослужащих. Военный организм не обезличивает военнослужащих. Каждый из них в своей деятельности руководствуется определёнными личными интересами, направляется сознанием и чувствами, придерживается нравственных норм, так или иначе соотносится с правовыми требованиями. Всё это неизбежно накладывает отпечаток на мотивацию поведения и само поведение людей, их отношение к воинскому долгу и тем самым на облик, возможности вооружённых сил. Публичность военно-управленческой деятельности Вооружённых Сил РФ определяет то, что их институты, военнослужащие включены в разветвлённую сеть разнообразных отношений с федеральными, республиканскими и местными органами власти, а порой и с представителями иностранных государств. Они взаимодействуют с различного рода политическими и общественными, культурными и научными объединениями граждан, средствами массовой информации и другими звеньями политической системы общества. Как известно, армия составляет одну из сторон в системе военно-гражданских отношений.

Эффективность военного строительства во многом определяется ценностными ориентациями и установками людей, становящихся в военный строй. «Первая потребность армии, – писал более ста лет тому назад русский генерал Р.А. Фадеев, – высокое мнение военных о своём звании, находящее сочувственный отзыв в обществе. Если общество вполне сознаёт себя как нацию, то (в продолжающемся ещё покуда положении света) оно должно высоко ценить свою армию, в которой осуществляется национальное могущество; ценить же армию – значит ценить людей, её составляющих»¹. Вот почему в число важных задач военно-управленческой деятельности входит обеспечение разработки и внесения в общественное сознание страны положительной идеи армии. В то же время публичный характер военной сферы и военного управления обуславливает необходимость гражданского контроля над ними.

В-шестых, военное управление исходит из лояльности военнослужащих своему государству, правительству и формирует такую лояльность. Мировая практика выработала различные механизмы, обеспечивающие политическую стабильность армии, её верность своему правительству. К ним, в частности, относятся:

- конституционные и законодательные акты, определяющие статус и правовые основы деятельности армии, военнослужащих;
- подчинённость армии законодательным и исполнительным органам государственной власти;
- транспарентность армии для общества, парламентский и общественный контроль над её деятельностью;
- отбор и подготовка офицерских кадров;
- система воспитания личного состава. Материальная и моральная стимуляция воинской службы.

Названные механизмы нацелены на практическую реализацию идеи, сформулированной И. Ильиным и повторенной В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию: «Солдат есть звание высокое и почетное. И он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь».

¹ Какава армия нужна России: Взгляд из истории // Российский военный сборник. Вып. 9. М.: ВУ: Ассоциация «Армия и общество», 1995. С. 31.

В-седьмых, военное управление, поддерживая способность и готовность военной организации действовать в соответствии со своим предназначением, выступает важным условием, определяющим суверенитет государства, то есть исключительность и верховенство его власти по отношению ко всем группам и организациям внутри страны и независимость от властей иностранных государств в сфере международного общения. Более того, Военная доктрина Российской Федерации предусматривает, что военное управление и в мирное время обеспечивает поддержку (при необходимости) политических акций Российской Федерации путём проведения соответствующих мероприятий военного характера, а также военно-морского присутствия.

Таким образом, военное управление есть отрасль государственного управления, в функции которого входит организация обороны страны, военного строительства, повседневной жизнедеятельности войск, ведения военных действий; Оно развёртывается на различных уровнях и в разных формах, оказывая воздействие на органы государственной власти, население, экономику и территорию страны, определённым образом упорядочивая их в интересах обеспечения военной безопасности. Его непосредственным объектом выступают военная организация государства, прежде всего, Вооружённые Силы и другие структуры, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами. Военное управление обращено к войне и армии, обусловлено ими и уже в силу этого является инструментом политики, которая влияет на его содержание, характер и формы.

СТРАТЕГИЯ – НАУКА И ИСКУССТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ОБОРОНЫ

Война и подготовка к ней, военное строительство самым непосредственным и тесным образом связаны с политикой. Их нельзя понять вне политического контекста. Как пишет президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, «изучая только войны, невозможно ответить на вопрос, почему они произошли»¹. Однако они имеют свою специфику и потому не тождественны политике. Ещё А.А. Жомини предлагал различать «политику войны» и «военную политику». «Политика войны, – писал он, – занимается всеми соотношениями дипломатии с войною, между тем как военная политика означает только военные соображения государства или полководца»². В современном научном и политическом языке «только военные соображения» составляют сферу стратегии, стратегического управления.

«Стратегия» – термин военной лексики. Об этом говорит уже его этимология: он пришёл к нам из греческого языка, где характеризовал военное управление (*stratos* – войско + *ago* – веду). Так называют область теории и практики, охватывающую принципы и способы достижения превосходства одной из сторон посредством военной силы. Мольте понимал стратегию как «практическое применение средств, переданных в распоряжение полководца для достижения поставленной цели»³. Наши толковые словари и сейчас определяют стратегию как составную часть, высшую область военного искусства, которая представляет собой теорию и практику подготовки страны и вооружённых сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом⁴.

Однако со временем данный термин получил более широкое применение. В тех же словарях его второе толкование (с пометкой: переносное значение слова) звучит так: «Искусство руководства общественной, политической борьбой; общий план ведения этой борьбы». Примерно также толкует стратегию Э.Н. Ожиганов: «Стратегия – это проектирование политических действий и овладение ключевыми факторами политической ситуации в целях достижения господства в какой-либо сфере интересов»⁵.

Более того, в последние годы в управленческих науках, а за ними и в обыденном сознании утверждается представление о стратегии как «генеральном плане» развития какой-либо организации или области деятельности – от фирмы до субъекта Федерации и от сельского хозяйства до космоса. Наиболее развитые страны, говорилось на Второй Всероссийской конференции по вопросам стратегического управления, уже более 15 лет активно разрабатывают и внедряют общенациональные стратегические программы как в сфере экономики, так и во всех других сферах жизни общества. Общенациональное стратегическое целеполагание в современном мире является одним из важнейших атрибутов национального экономического и культурного развития, экономической и социальной политики⁶.

Вместе с тем для каждого государства характерна вполне конкретная специфика в выборе перспективных вариантов стратегических решений и стратегического планирования, в преобладании конкретных военно-стратегических взглядов и теорий. Государства различаются по характеру восприятия военно-политической обстановки и своего места в системе международных отношений, в оценке взглядов и замыслов вероятного противника. У них есть особенности в выработке требований к собственным военным доктринам и критериев полезности военно-теоретических новаций, в культуре военно-дипломатической и международной военной деятельности, в принципах принятия решений и т. д. Те постоянно действующие факторы и политические детерминанты, которые оказывают существенное, хотя и неявное влияние на формирование менталитета и образа действий высшего военного и политического руководства той или иной страны, на асимметрию и самобытность национальных стратегий, принято называть национальной стратегической культурой.

Одним из первых понятием «стратегическая культура» оперировал американский ученый К. Бус. В монографии «Стратегия и этноцентризм», опубликованной в 1979 г., он писал, что стратегическая культура является продуктом национальной культуры и народных традиций, исповедуемых ценностей, привычек,

¹ Гареев М.А. Ариаднины нити ратного дела // Независимое военное обозрение. 1998. № 32. С. 4.

² Жомини А.А. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношении оных с политикою государств. СПб: 1833. С. 47.

³ Цит. по: Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. С. 366.

⁴ См.: Толкование некоторых понятий и категорий, употребляемых в учебном процессе в ВАГШ. М.: 1997. С. 18.

⁵ Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура и национальная безопасность: Развитие России и мира: Наши перспективы в концепциях и сценариях // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 5 (293).

⁶ См.: Информационно-аналитическое обеспечение стратегического управления: Теория и практика // Труды Второй Всероссийской научной конференции по вопросам стратегического управления.

взглядов на внешний мир, национальных символов, достижений нации в различных областях человеческой деятельности и тех особых, присущих данной нации путей и методов приспособления к окружающему миру, и методов разрешения проблем, которые связаны с необходимостью парирования угроз национальной безопасности с применением силовых методов.

Несколько раньше термин «стратегическая культура» использовался в исследовательском докладе 1977 г. американского аналитика Д. Снайдера под характерным названием «Советская стратегическая культура: последствия для вариантов ограниченного применения ядерного оружия». Стратегическая культура определялась там как «совокупность идей, эмоциональных реакций и принятых образцов поведения, которую разделяют члены национального стратегического сообщества относительно ядерной стратегии»¹. Анализируя возможность ядерного конфликта между СССР и США, американские специалисты писали, что он может развиваться в непредсказуемом направлении, поскольку «русские, с их собственной историей и военным опытом, могут задаваться совершенно неожиданными для американцев вопросами относительно необходимости применения ядерного оружия и получать неожиданные для себя ответы со стороны американцев, поскольку они являются представителями разных стратегических культур»².

А.А. Кокошин говорит о стратегической культуре так: «Совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооружённых сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура – это долговременный, весьма инерционный социопсихологический феномен, который часто действует почти с одними и теми же характеристиками даже при смене не только высших государственных деятелей и военного командования, но и при смене политических систем и политических режимов»³.

Таким образом, стратегическая культура есть набор моделей, устойчивых стереотипов, характеризующих реакцию данной нации на вызовы своей военной безопасности. Она представляет собой комплекс устойчивых взглядов и моделей поведения военного и политического руководства данной страны. Стратегическая культура вытекает из истории народа, физической и экономической географии страны, её геополитического положения и деятельности, из сложившейся политической культуры нации.

Не останавливаясь на характеристике стратегических культур различных стран, отметим, что многие устойчивые черты стратегической культуры России обусловлены обширными территориальными пространствами, слабым развитием транспортной инфраструктуры и систем связи, отсутствием чётко обозначенных природных рубежей и уязвимостью российских границ, постоянным наличием серьёзных внешних военных угроз, жертвенностью народа во имя государства, его ориентацией на высоко нравственные идеалы любви к Отечеству. Названные факторы определяют такие черты русской стратегической культуры, как ориентация на первоочередную защиту государственных интересов в качестве высшей цели существования армии, необходимость подготовки к действиям на трёх театрах: западном, южном и восточном; стремление обеспечить максимальную готовность тыла страны и собственно вооружённых сил к ведению возможных широко масштабных боевых действий как внутри страны, так и за её пределами; гарантированный уровень военной безопасности как стратегический идеал; централизация руководства и управления; преемственность в стратегических уставах и стратегическом планировании; склонность к долгосрочному планированию; развёртывание выдвинутых к границам группировок вооружённых сил и их тыловое обеспечение.

Стратегическая культура, среди прочего, – это способность руководителей предвидеть долгосрочные последствия своих решений и принимать их, оценивая множество конкурирующих точек зрения перед лицом сложных и динамических процессов с весьма неясными исходами. Руководители должны обладать особым стремлением к проникновению в динамику событий и преодолению тех барьеров неопределённости, изменчивости, сложности и неоднозначности, которые в принципе недоступны для рутинных функционеров. Именно поэтому стратегическая культура не есть нечто застывшее и неизменное. Она не только допускает, но и предполагает вариабельность решений в сфере обороны. Профессор Н.В. Медем в «Обзрении известнейших правил и систем стратегии» (1836 г.) утверждал, что положения военной стратегии не постоянны, они изменяются со временем в зависимости от политических и иных условий. В подтверждение можно напомнить, что в ядерной стратегии наше государство отказалось от принципа неприменения ядерного оружия первым.

Одним из механизмов, обеспечивающих преемственность в развитии стратегической культуры, сохранение во времени её качественной определённости, выступает институциональная память. Её сущность можно определить известным русским оборотом «так повелось» или присказкой «не нами заведено, не нам изменять», которые на практике трансформируются в своего рода повеления «так положено, так надо», без объяснения, кем положено, почему надо. По существу, это своеобразные правила, предопределяющие характер, формы, а в какой-то мере и содержание управленческой деятельности. Институциональная память выступает действенным фактором правления, поскольку ею обладают люди. При этом ошибочно полагать, что речь идёт исключительно или даже, прежде всего, об информированных и профессиональных работниках высших звеньев аппарата. В противном случае смена руководства означала бы и утрату этой памяти.

¹ См.: Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура и национальная безопасность. Развитие России и мира: наши перспективы в концепциях и сценариях // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 5 (293).

² См.: Николаичук И.А. Национальная стратегическая культура России: проблема преемственности // Власть. 1999. № 3.

³ Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОССПЭН, 2003. С. 380.

Институциональная память функционирует в виде разного рода писанных норм, закреплённых в уставах, инструкциях, руководствах, положениях и других руководящих документах. Она может обретать материализованный, «вещный» характер, например, в форме одежды, регалиях и знаках отличия, определяющих статус сотрудников, в названиях должностей и званий. Её важную часть составляет передаваемый от поколения к поколению «живой опыт» людей, их знание истории своей организации, что и как в её деятельности было успешным, что и почему не удавалось решить. Наконец, сама организационная структура учреждения, которая закрепляет за различными подразделениями и должностями определённые функции, заставляет их действовать соответствующим образом.

Таким образом, стратегическое управление представляет собой разработку государственной политики, планов и программ предупреждения и нейтрализации опасностей, угроз и вызовов жизненно важным условиям и факторам жизнедеятельности государства и общества, которые: рассчитаны на среднесрочную (3–5 лет) и долгосрочную (10–15 и более лет) перспективу; требуют для своей реализации привлечения значительных демографических, материальных, в том числе природных, финансовых средств; ориентируются на мобилизационные механизмы и методы; предполагают международное сотрудничество и/или участие иностранных структур. В своих высших сферах стратегическое управление граничит с политикой и государствоведением или, как писал К. Клаузевиц, само становится и тем и другим¹.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСА И ВНИМАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Одна из функций управления – контроль, под которым понимается проверка или наблюдение в целях проверки. Применительно к оборонной сфере он имеет двоякую форму: контроль, осуществляемый органами военного управления за ходом выполнения собственных решений, и гражданский контроль со стороны государственной власти и гражданского общества за состоянием и функционированием военной организации, военной деятельностью в стране. Относительно второй формы в «Кодексе поведения, касающемся военно-политических аспектов безопасности», принятом ОБСЕ, говорится: «Государства-участники рассматривают демократический политический контроль над военными и военизированными силами, силами внутренней безопасности, а также разведывательными службами и полицией как незаменимый элемент стабильности и безопасности. Они будут содействовать интеграции своих вооружённых сил с гражданским обществом в качестве важного проявления демократии».

Необходимость и содержание гражданского контроля над военной организацией определяются её особенностями и положением в государстве. Вооружённые Силы, составляющие ядро военной организации, другие войска, воинские формирования и органы, а вместе с тем в известной мере и вся военная организация, будучи частью государства и общества, в силу понятных причин являются весьма специфической, относительно замкнутой и закрытой для них частью. Эти структуры накладывают на людей, прежде всего руководителей, особые обязанности, ответственность, предъявляют требования и стандарты, которые должны соблюдаться всеми военнослужащими. Характером воинского труда, особенностями воинского быта военнослужащие интегрированы в относительно целостную общность со своими интересами, системой ценностей, формой общения и нормами поведения. «Жизненный опыт, менталитет, образ действий профессионального военного, – пишет А.А. Кокошин, – значительно отличаются от тех, что характерны для гражданских государственных и политических руководителей»².

Армия по принципам организации и формам жизнедеятельности, системам ценностей и норм не тождественна обществу. «В обычной политической жизни, – писал американский военный теоретик Э. Козн, – неизбежно предполагающей различные компромиссы, меньше места таким традиционным моральным ценностям военных, как преданность долгу, лояльное отношение к руководству, забота о подчинённых.... Общество должно осознать это и понять, что именно здесь кроется причина того, что мы не хотим полного единства армии и общества»³.

Вместе с тем военная сфера связана со всеми сторонами государственной и общественной жизни и опирается на экономические, политические, научно-технические, информационные, духовные и другие возможности общества, преломляет и аккумулирует их в себе. Военное строительство, существование армии придают обществу известные особенности. Так, в интересах обеспечения армии определённая часть экономики специализируется на военном производстве. На решение военных задач ориентируется большая часть научного потенциала страны. Ценностные ориентации и нравственные установки людей по отношению к войне и армии характеризуют важные стороны духовной жизни общества, актуализируют проблемы военно-патриотического воспитания масс. В политических структурах государственной власти и оппозиции создаются институты, призванные заниматься военными вопросами. В правовой системе государства складывается военное право, регулирующее соответствующую деятельность институтов и граждан.

Армия стоит денег, хорошая армия – больших денег. В нашей стране, например, военные расходы составляют львиную долю государственного бюджета. Налогоплательщик, а именно он составляет социальную базу гражданского общества, самым непосредственным образом заинтересован в определении и соблюдении разумной меры в объёме, направленности, структуре и порядке финансирования военно-силовых структур. Поэтому не каждый конкретный индивид, а налогоплательщик как обобщённый тип хозяйствующего субъекта не может допустить самоустранения и не хочет согласиться с устранением от участия в этой работе, ему нужна ясная картина того, куда направляются и как используются народные деньги.

Военнослужащие как специфическая социальная группа многими нитями связаны с другими группами. Ряды вооружённых сил постоянно обновляются, пропуская через себя большие массы граждан. В этом смысле границы оборонной сферы проходят не только по территориям, предприятиям, но и домам, семьям. Между тем

¹ См.: Клаузевиц К. О войне. С. 110.

² Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. С. 62.

³ Козн Э. О роли военных в американском обществе // Красная звезда, 1993, 4 марта.

военная служба связана с необходимым и неизбежным ограничением прав гражданина. И общество, направляя своих детей в армию, очень ревниво стремится отследить, насколько обоснованны эти ограничения.

Оборонная (военная) сфера связана с подготовкой и применением вооружённого насилия. Последнее же представляет собой наиболее авторитарный, крайний и самый решительный способ изменения статус-кво в определённой социальной системе, будь то внутри страны или на международной арене. Функциональное применение военной силы влечёт за собой гибель и ранение людей, материальные разрушения, финансовые затраты и другие потери, которые несут не только жертвы, но и инициаторы военного насилия, не только побеждённые, но и победители. В этой связи понятно повышенное внимание общества, не желающего войны, к институтам, созданным для войны. Понятно и то, что, как писал Ш. де Голль, «отвращение, испытываемое по отношению к войне, частично переносится и на армию»¹.

Наконец, противоречивая сущность военных институтов состоит в том, что, созданные для обеспечения безопасности общества, они воплощают в себе в известной мере отчуждённую от него огромную мощь, которая в принципе способна стать силой, стоящей над обществом. В определённых условиях эта сила может приобретать и гипертрофированные формы, когда «выходит из казарм» для того, чтобы по своему усмотрению влиять на общество.

Людей, совершенно индифферентных по отношению к военной организации, практически нет. Люди не могут быть безразличными к тому, что, так или иначе, затрагивает их интересы. Это обуславливает постоянный интерес к проблемам общественной жизни, связанным с формированием и функционированием военной организации. Вовлечённость широких масс населения в военные дела в качестве действующей или страдающей стороны не является раз и навсегда данной величиной; она может изменяться в зависимости от многих факторов.

Объективное содержание и субъективное восприятие оборонной сферы далеко не всегда совпадают: различные индивиды и группы формируют собственное отношение к целям, методам и результатам военной деятельности.

Так как любые государственные действия по-разному сказываются на положении, возможностях и перспективах различных категорий населения, в нём складываются разные объединения и ассоциации, каждое из которых пытается по-своему влиять на порядок принятия и реализации военно-политических решений.

В силу антинормальности гражданского общества эти усилия могут иметь и имеют различную направленность – от всемерной поддержки военной политики государства до категорического неприятия и противодействия какой бы то ни было его военно-политической активности. Если говорить о крайностях, то и те, кто поэтизирует войну, обоготворяет вооружённые силы, и те, кто отвергает военное насилие в принципе и представляет армию как безусловное зло, пусть с противоположных позиций, но формулируют своё отношение к ней.

Данная сфера социальной жизни составляет военно-гражданские отношения. Так называют систему объективно существующих связей между сферой обороны, военной организацией и олицетворяющими их военнослужащими, с одной стороны, и государственными учреждениями и структурами гражданского общества и олицетворяющими их гражданскими лицами – с другой. Однако отметим: чёткого и жёсткого дихотомического разделения общества на группы «военных» и «гражданских» нет. Глубокий смысл содержится в словах Э. Козна о том, что по большинству спорных вопросов военного строительства дискуссии идут не между военнослужащими и гражданскими лицами, а между объединившимися вокруг той или иной идеи группами военных и гражданских².

Слагаемыми (формами) военно-гражданских отношений являются: иерархия и взаимодействие военных и гражданских властей; характер и формы взаимодействия структур государства и гражданского общества по военным вопросам; наличие и активность оборонных, военно-патриотических, а также антивоенных и подобных организаций, объединений в гражданском обществе; престиж вооружённых сил в обществе и социальный статус военнослужащих; участие (и неучастие) армии и военнослужащих в политических и социальных процессах; позиция армии, армейское общественное мнение о гражданской сфере; военная культура общества, право и правосознание о защите Отечества; военная тема (её интенсивность, направленность и т. д.) в общественном мнении и СМИ и др.

Военно-гражданские отношения складываются на трёх уровнях: межличностном, социально-групповом и институциональном. Названные уровни не изолированы друг от друга, но находятся в тесной взаимосвязи. Так, взаимодействие институтов (например, органов военного управления и Союза комитетов солдатских матерей) осуществляется в виде межличностных контактов их конкретных представителей и оказывает влияние на престиж армии в обществе. Другим примером может служить действующий в Российской Федерации институт военных советов, в рамках которых гражданские государственные деятели принимают участие в обсуждении и решении военных вопросов. Формирование военно-гражданских отношений является результатом, во-первых, стихийно складывающихся интересов, связей, мнений и, во-вторых, сознательно организованных, целенаправленных усилий государственных учреждений, общественных объединений и военных структур по формированию сознательного отношения населения к обеспечению военной безопасности страны.

Соответствующие социально-психологические настроения и позиции масс формируются при активном участии структур гражданского общества. Одни из них (семья, краеведческие объединения и др.) участвуют в этом косвенно, опосредованно, для других (школа, военно-технические и военно-спортивные

¹ Голль Ш. де. О престиже. М.: Европа, 2006. С. 38.

² См.: Козн Э. О роли военных в американском обществе // Красная звезда, 1993, 4 марта.

секции, церковь и т. п.) формирование оборонного сознания выступает как одна из функциональных задач; третьи (оборонные, ветеранские, военно-патриотические организации) специально ориентированы на подготовку граждан, прежде всего, подрастающих поколений, к защите Отечества. Однако заметим, что сознательная деятельность разных институтов может быть и одно- и разнонаправленной. К сожалению, в стране есть и организации, движения, программной целью которых является развенчание патриотизма и антивоенная активность, направленная не против войны, а против военных.

Предметом военно-гражданских отношений, составляющим их содержание, являются: возможность и пределы военного насилия как инструмента политики; предназначение армии и порядок её применения; место и роль Вооружённых Сил в обществе; защита Отечества, воинский долг, авторитет военной службы; социальный статус военнослужащего; объём и порядок финансирования и материально-технического обеспечения обороны страны; участие структур гражданского общества в решении оборонных задач государства и т. д.

Военно-гражданские отношения – явление конкретно-историческое. Они подвержены изменениям в силу целого ряда объективных и субъективных факторов. Специалисты выделяют три типа военно-гражданских отношений. **Автократический** тип предполагает, что и военная, и гражданская сферы являются не относительно самостоятельными образованиями, а элементами, сторонами синкретически целого, некоего «высшего единства» воплощённого в лице правителя. В **милитократическом** типе армия выступает вершителем судеб народа, арбитром общества и т. д. Наиболее полно этот тип проявляется в условиях военной диктатуры. «Армия – школа нации» – вот формула, лаконично выражающая суть этого типа.

Процедурную сторону военно-гражданских отношений **демократического** типа определяет и характеризует гражданский контроль над военной организацией и военной деятельностью.

* * *

В начале XXI в. продолжается динамичная трансформация системы международных отношений, связанная с окончанием биполярной конфронтации. Наряду с утверждением и совершенствованием механизмов многостороннего управления международными процессами проявляется противоположная тенденция создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном обществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права. Значение военно-силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным.

Более того, в последнее десятилетие обозначились процессы повышения роли военной силы в обеспечении политических и экономических интересов государств мира, тогда как целый ряд политических институтов в сфере международной безопасности вступил в полосу жёсткого кризиса. Это делает необходимым переосмысление всего комплекса вопросов, относящихся как к основным аспектам международной безопасности, так и к принципам обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Россия, последовательно выступая за укрепление международного мира и безопасности, с учётом объективно существующих тенденций в системе международных отношений вынуждена корректировать своё видение роли и места военной политики и военных инструментов.

Наличие у России современных и эффективных Вооружённых Сил становится одним из условий её успешной и безболезненной интеграции в строящуюся систему международных отношений.

Играя основную роль в реализации государственной политики в области обороны, Вооружённые Силы не только осуществляют функции по обеспечению суверенитета и территориальной целостности страны, но и по-прежнему остаются и будут оставаться важным инструментом в деле защиты национальных интересов и достижения конкретных политических целей¹.

Осознанное отношение к решению многих задач, связанных с выполнением Вооружёнными Силами своих функций, предполагает ясное понимание каждым гражданином того, почему возникают и как ведутся войны, к чему они приводят и во что обходятся народам и государствам, что и как необходимо делать для предупреждения войн и вооружённых конфликтов, гарантированного обеспечения военной безопасности страны. Признавая это, Министерство обороны высказалось за то, чтобы на федеральном уровне разработать и реализовать программу военно-политического просвещения российских граждан и военно-политического образования военнослужащих.

С такими масштабными задачами, которые стоят перед Вооружёнными Силами, могут справиться только образованные, современно мыслящие, восприимчивые к новому и впитавшие в себя самые лучшие военные традиции России люди.

Неотъемлемой стороной их профессиональной зрелости является высокая политическая культура.

Её формированию способствует наряду с другими дисциплинами политология и её составная часть – политология военного управления.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

¹ См.: Доклад министра обороны Российской Федерации С.Б. Иванова // Вооруженные Силы Российской Федерации 2005. М.: РИЦ МО РФ, 2006. С. 12.

Раздел пятый.
**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ
В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВДЫ
О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ**

Р.Г. Яновский

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОСТУПКИ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ¹**

Прогресс человечества в начале XXI века существенным образом связан с гуманизмом. Сила духа, способность каждой личности к неутомимому служению истине, добру, красоте далеко не исчерпаны. Великие ценности человеческой цивилизации – свобода и справедливость, права и достоинства личности, равенство и братство – всюду восприняты народами и переводятся в русло практической реализации. Здесь прямая связь права и человеколюбия, сознания и веры в возможности человека.

Сегодня освобождающаяся и возрождающаяся Россия, несмотря на трудности и противоречивости кризисных перемен 2008–2009 годов, уже вносит в мировое развитие черты и ценности нарождающейся новой цивилизации: общества мужества и духовности, милосердия и солидарности всех народов на земле. Она выступает против насилия, агрессивности поборников гегемонизма и политики диктата. Она создала высокие гуманитарные технологии для России, для всего мира.

Только на основе коллективных и индивидуальных ценностей народов, бережно относящихся к личности каждого, станет возможным переход всего человечества к новым взаимоотношениям между людьми и народами. Государство, общественные институты всей планеты призваны обеспечить достойный характер жизни каждого человека, его свободного развития в труде и общественной жизни, повысить уровень его материального благосостояния, качества жизни и культуры.

Необходимы новые взгляды на проблемы мировой политики, решительный отказ от состояния враждебного противостояния стран и народов, переход к конструктивному партнёрству между Западом и Востоком, Севером и Югом. Важно создать механизмы доверия, сохранения международной безопасности, защиты окружающей среды, решения экономических и социальных проблем в новых исторических реалиях. Новое высокое качество общественного сознания и международной политики, новые отношения народов и государств без страха и насилия, на основе образования, науки, культуры, на основе осмысления роли мировых религий – условия нашего общего выживания.

Масштабность опасности в XXI веке, невероятная изощрённость и неожиданность глобальных перемен и угроз осознаются всё большим количеством

¹ Первая статья см.: Яновский Р.Г. Социальная безопасность и патриотизм как основания конструктивной динамики гуманитарных перемен // Безопасность Евразии. 2008. № 3.

вом людей, трансформируясь в убеждения, что мир, общественные отношения, личная жизнь человека и его семьи, страны нуждаются в защите, требуют разумной смелости, осторожности и мягкости в поступках и действиях.

Этой проблемой озабочены политики и учёные, представители современной культуры, философии и права, психологии и этики, педагогики и религиозные деятели. Категория духовности отражает не только то, что связано с образованием, наукой, культурой, литературой, философией, уровнем их развития, состояния и содержания.

Духовная жизнь человека – это есть чувственный и рациональный мир человека. Она подчиняется специфическим законам развития общества и его саморегуляции. Человек в общественном сознании не только отражает материальный мир, но и осваивает, понимает, осмысливает его, наследует прошлое и творит будущее.

В области человеческих ценностей самая главная задача – выработка научного мировоззрения, нравственных норм, выражающих единство множественности взглядов, взаимодействия различных концепций, отвечающих современным требованиям и возможностям быстро меняющегося мирового сообщества. Задача выработки новых общественных отношений, иного бытия без насилия и войн, формирования понятий долга, свободы совести, веры, трудолюбия, чести и достоинства каждого гражданина стоит перед человечеством в целом.

ДУХОВНОСТЬ И ГУМАНИТАРНОСТЬ

Жизненные реальности находятся во всё более полном соответствии с проблемами эффективности производительности труда, с нравственными идеалами, иначе подрываются основы духовности человека, его право на развитие. Какой бы богатой и разносторонней ни была личность, её губят бюрократизм, неорганизованность, формализм, невысокий общественный уровень производства, непрестижность нравственного поведения, прежде всего, в сфере труда.

Мы говорим сегодня о человеке как о творце новых общественных отношений, их перестройки. Но можно ли ожидать от них добрых плодов, если многие ещё работают спустя рукава, если мы свыклись с некомпетентностью, дилетантством и бескультурьем, а порой враждебным отношением друг к другу?

Нам ещё только предстоит научиться терпимости, профессионализму, признать нравственную ценность труда и общественных отношений. Отсюда следует, что реальный гуманизм материально подкрепляется и социально обеспечивается. Гуманизация научно-технического прогресса, несомненно, связана не только с совершенствованием технологии, но и с экономической, социальной и этической ориентацией тех, кто стоит у истоков проектных решений, от кого зависит реальный учёт экологических и собственно гуманистических последствий экономических и технологических программ.

Высокогуманным проявлением социальной политики становится практическое признание ценности свободного времени, которым располагает человек труда для восполнения физических, интеллектуальных и духовных сил, для удовлетворения своих нравственных и эстетических потребностей.

Разносторонняя культура и здоровая насыщенность досуга, общение с природой, эстетичность и гигиена быта – это не просто благие пожелания. Это те условия, которые среди многих других призваны не только обеспечивать наи-

более продуктивную отдачу творческой энергии человека, но и придавать нашей жизни наибольшую человечность.

Маркс называл время пространством человеческого развития. Расточительное отношение к рабочему времени кроется в изъянах экономики и управления, в недостатках нашей общей культуры и распространяется на всё время в целом, обедняя жизнь, обесценивая её.

Современный гуманизм как движущая сила исторического процесса превращается в необратимый и важный фактор общественного развития, в гарант гармонического развития человечества. В этом плане потенциал современной философии, права, этики и психологии, их многовековые традиции играют исключительно важную роль.

Одна из важнейших задач гуманистического обновления современной конституционной и нравственной практики заключается в переориентации деятельности государства и других социальных институтов на человека как цель; в «очеловечивании» общественных структур снизу доверху. В содержание гуманизма входят устранение отчуждения, преодоление однобокости в развитии личности, совершенствование социальной справедливости и демократии с тем, чтобы каждый человек получил одинаковые возможности для проявления и применения своих способностей, возрастание свободы каждого отдельного индивида и общества в целом.

Давно замечено, что проблемы гуманизма, путей освобождения человека с особой остротой ставились общественной мыслью тогда, когда необходимо было решительно продвинуться в достойном разрешении проблем кризисных перемен, по пути прогресса, используя для этого потенциал раскрытия личности.

Сегодня нужны здоровый, разумный критический прагматизм, восстановление позиций здравого смысла, который не позволил бы новым химерическим затеям отвлечь от решения насущнейших задач дня. Обращение к здравому смыслу не означает отказа от научного предвидения, недоверия к теоретическому сознанию, недооценки его роли в обновлении общества. Нужна опора как на социальный опыт масс, так и на развитую, отвечающую требованиям общественной практики систему наук об обществе и человеке, способных давать знания, по крайней мере, столь же достоверные и объективные, как и знания, вырабатываемые естественными и техническими науками. Отставание социальных и гуманитарных наук от потребностей практики – реальный факт. Не преодолев это отставание, не освободившись от конъюнктурных и догматических наслоений, мы не сможем обеспечить должный уровень научной проработки проблем гуманизации обновляющегося общества. Нужен общечеловеческий цивилизационный подход.

Гуманизация представляет собой процесс, основным содержанием которого является переориентация деятельности всех социальных институтов на человека, превращение свободного развития человека в основное содержание общественной жизни и самоцель социального прогресса, утверждение целостности, гармонии развития человека и общества. В связи с этим возникает задача разработки путей и механизмов реализации гуманистического идеала, превращения гуманизации в ориентир и принцип социального управления.

Процесс гуманизации включает, с одной стороны, проблемы, связанные с совершенствованием личностных, гражданских качеств человека, изменением стиля мышления людей (субъективный, человеческий фактор), а с другой – задачи по созданию объективных условий, стимулирующих, активность граждан. Прежде всего, условий труда и всеобщей занятости населения.

Необходимо преодолеть в общественной мысли односторонность социоцентризма и технократизма как типов духовной ориентации. Оба они приводят к абсолютизации функционального подхода к человеку: социоцентризм через постулат об однозначной подчинённости личного общественному, а технократизм – через утверждение производности собственно человеческих проблем от экономических вопросов. Технократическое мышление – это мировоззрение, существенной чертой которого является примат средства над целью, частной цели над смыслом жизни и общечеловеческими интересами, символа над бытием и реальностями современного мира, техники над человеком и его ценностями.

Фундаментальное воплощение в жизнь гуманизации общества реально возможно, прежде всего, и главным образом, путём обеспечения подготовки новых правовых законов, поднятия культуры населения, его благосостояния, которые выражали бы высшую справедливость, гармонично сочетали бы интересы всех социальных групп, трудовых коллективов, личности и общества в целом. Именно такое законодательство, регулирующее наиболее важные общественные отношения, нуждающиеся в государственных гарантиях, явит собой фундамент всех остальных социальных регуляторов, интегрируя в себе все их самые гуманные устои, особенно нравственные.

Общество переходит к гуманистическому и демократическому состоянию, в основе которого – инициатива, предприимчивость, гласность, плюрализм мнений, свободный выбор, самоуправление и самодеятельность людей. Теперь свободой начинает пользоваться не расплывчатое «большинство народа», а каждый человек в отдельности. Разумеется, мера свободы соответствует уровню социально-экономического, политического и культурного развития населения, его гражданского сознания.

Общественная наука призвана сегодня выработать новое демократическое, политическое, правовое и нравственное мышление как составную часть культуры XXI века, в центре которой стоят человек, его права и интересы. Прочными юридическими и организационными гарантиями должно быть обеспечено право человека на демократию. Альтернативы этому сегодня нет.

ТВОРЦЫ ВЫСШЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДЕЛЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ – ВСЕГДА ЖЕНЩИНЫ

Современная эпоха характеризуется парадоксальностью происходящих процессов. В своей повседневной жизни и деятельности народы стремятся к свободе и демократии, к устойчивому и безопасному миру, стабильному развитию и экономическому благополучию, а конфликты, находящие своё крайнее выражение в столкновениях и войнах, продолжают нарастать, расширяться и становятся всё глубже.

Сегодня народы всего мира являются свидетелями применения, прежде всего, силовых, военизированных государственных структур и средств для выхода из общественно-политических коллизий и противоречий, сопровождающих

ся различными формами насилия и прямого уничтожения людей с применением новейших видов вооружений.

Парадоксальность мышления мировых правящих кланов заключается в том, что оно отражает суть политики, ориентированной не на мир, аргументы и общественное мнение, а на достижение своих узкокорпоративных интересов посредством использования грубой силы. Следует признать, что парадоксальность присуща не только сложившейся на мировом уровне кризисной ситуации в сфере национальной безопасности (в её различных формах и проявлениях), но и состоянию общественного сознания и поведению огромного множества людей, пытающихся решить проблемы выживания в сложных и противоречивых политических, экономических и социальных условиях. Прежде всего, это относится к мужской части населения.

Между тем женщины, хотя и медленно, но постепенно приобретают значение самостоятельной силы в сфере государственного управления, в политике, в общественной жизни. И это объясняется рядом причин: «во-первых, женщины представляют собой социальную общность или, как говорят социологи, женский социум, который обладает особым положением в обществе. Его объединяет отнюдь не только признак пола, но и определенное положение в системе социальных отношений. И это самое главное. Женщины имеют свои права, обязанности, интересы, которые закреплены как в многочисленных международных документах, так и в законодательстве нашей страны. Во-вторых, женщины не только традиционный объект, но и субъект, движущая сила политики. Женский социум обладает широкими возможностями влиять как на политическую жизнь страны вообще, так, и на конкретную политическую ситуацию в частности. Третий аргумент. Постепенно женщины обретают все более определенный социальный статус. Он закрепляет место женщины в обществе в целом, на производстве, в органах управления, в семье»¹.

История свидетельствует о том, что женщины сыграли огромную роль в общественном развитии. Обратим свой взор к России. Хорошо известно, что «женщины управляли Россией в общей сложности 74 года, которые пришлось на XVII–XVIII века. Напомним, среди таких женщин были царица Софья, императрицы Елизавета, Анна, Екатерина I и Екатерина II. Екатерина II превзошла многих мужчин в сроке пребывания у кормила политической власти – 34 года. Найдите в истории такую фигуру, которую можно было бы поставить по политическому долголетию в один ряд с этой уникальной личностью!»².

Современные женщины являются активными участницами политических организаций. Они участвуют в выборах и претендуют на участие в работе в парламенте, стремятся стать членами правительств, дипломатами и даже претендуют на пост президента. Примеры успешной деятельности женщин в качестве первых лиц страны (премьер-министров, глав правительств), парламентариев хотя и не очень многочисленны, но хорошо известны.

¹ *Силласте Г.Г.* Женщины. Политика. Власть // Женщины – политика – власть: материалы «круглого стола». Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень. № 18. М.: 1996. С. 5–14.

² Там же.

Однако тема реализации огромных потенциальных возможностей, заложенных в деятельности женщин как созидателей нового и прогрессивного, сохраняет свою чрезвычайную актуальность и требует серьёзного изучения и обсуждения. Сегодня же недооценка возможностей деятельности женщин как лидеров в политике и экономике является абсолютно очевидной.

Исследования по данной проблеме позволяют глубже понять тенденции социальных изменений в положении современных женщин, их потребности и ценностные ориентации, их стремления к реализации во всех сферах жизни. Они помогут выяснить способность того или иного общества к обновлению, модернизации, к переходу от традиционного уклада к обществу нового типа, где равенство в правах, отсутствие гендерной и любой другой дискриминации во всех сферах жизни, в самореализации личности будет очевидным фактом.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что высокий социальный статус для женщины в любой стране мира мало или вообще недоступен. А это значит, что женщина не является полноценным и полноправным членом общества. Чаще всего женщине отказывают или препятствуют в реализации выбора сферы профессиональной деятельности и профессиональной карьеры как главной жизненной стратегии. Высокие ступени карьеры не для неё. Об этом свидетельствуют следующие данные. Самой феминизированной страной мира сегодня можно назвать Швецию, где представительство женщин в парламенте составляет 42,7%. Так, из 349 его членов женщины составляют 149 человек. Однако представительство женщин, занимающих высшие государственные посты, в мире остаётся крайне низким. Их численность составляет лишь 10,7%¹.

«Выгодные и престижные рабочие места во всем мире (и Россия занимает в данном плане не последнее место) в первую очередь достаются мужчинам. Интересен и тот факт, что, даже являясь руководителями организаций и фирм, женщины порой выполняют декоративную роль и практически отстранены от реального участия в управлении делами в них»². Марио Р. Дедерихс в своей широко известной книге «Хиллари Клинтон и власть женщин» писала, что при продвижении наверх по службе, приближаясь к тем сферам, где делались большие деньги и принимались важные решения, женщины натыкались на невидимые преграды. Они «ударялись о стеклянный потолок». Автор объясняет, что правления ведущих фирм представляли собой «заповедники пожилых белых мужчин».

До сих пор остаётся достаточно сильным представлением о том, что и в начале XXI века женщины должны быть домашними хозяйками, жёнами и матерями, а не претендовать на достижение высокого социального статуса в других сферах жизни. Однако женщины успешно опровергают эти представления. Интересно то, что многие достигшие высокого социального статуса российские мужчины уверены, что в нашей стране ещё долго будут сохраняться установившиеся стереотипы в отношении к гендерным ролям. И всё же сегодня женщины уже не такие, какими были всего несколько десятилетий назад. Они активно стремятся участвовать в политике и в трудовом процессе. Заметим, что, несмот-

¹ См.: Женщины в политике: 2000. Официальные данные на март // Карта: United Nations, map No 4136 / The World Today, December, 1999; Движение женщин России. Международный институт рекламы.

² Щербич П.И. Значение карьеры в жизни женщины // Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития. Материалы конференции. 24–25 января 1996 г. / МЦГИ. М.: 1996. С. 108–112.

ря на это, им обычно приходится совмещать семейные и профессиональные роли без надежды на существенную помощь со стороны мужчин – мужей и отцов их детей. Политика, право, нравы как бы «приговорили» именно женщину быть ответственной за всё происходящее в семье¹.

В этой связи привлекает внимание точка зрения на работу в домашнем хозяйстве, выдвинутая лауреатом Нобелевской премии Гэри Беккером, который предложил включать домашний труд в структуру ВВП (статья «Работа по дому: пора покончить с дискриминацией», опубликована в 1996 году в еженедельнике «Business week»). Своё предложение он обосновывает тем, «что по данным, приведенным в докладе ООН о состоянии людских ресурсов (Human Development Report), в процессе выполнения работы по дому создается около 40% мирового ВВП; включение же показателей домашнего труда в официальную статистику ВВП позволит повысить степень самоуважения и чувство социальной значимости у тех, кто занимается этим трудом, в первую очередь у женщин. Несомненно, такая трактовка рассчитана на то, что женщины, осознав **социальную значимость домашнего труда**, не станут претендовать на изменение своего социального статуса. Мужчины же смогут сохранять лидерство и быть спокойными за то, что среди конкурентов в продвижении по лестнице карьеры не будет женщин, которые по многим профессиональным качествам не уступают мужчинам и способны эффективно заниматься большинством видов трудовой деятельности»².

Трудности соединения ролей профессионального работника и матери, и хозяйки дома связаны с расходом значительных физических и душевных сил. Это предполагает высокую личную ответственность женщины за выполнение взятых на себя обязанностей.

Среди главных жизненных ценностей женщины особое место занимает семья, которая даёт ей возможность удовлетворить потребность в любви и безопасности.

Женщина стремится к созданию комфорта и уюта в доме. Она уделяет общению с детьми больше времени, чем мужчина. Очень показательной является цифра занятости женщин по дому. Она составляет 40 часов в неделю, у мужчин – 16–17 часов. Если учесть длительность рабочей недели, то получается, что домашний труд занимает у женщины столько же времени, сколько работа. «На домашний труд в России тратится в год около 280 миллиардов часов (больше, чем на общественный, на который приходится 240–250 миллиардов), и главная часть этого времени – около двухсот – приходится на женщин»³.

Ведение домашнего хозяйства можно рассматривать как своего рода вторую смену, ведь таким образом обеспечивается дополнительный, неформальный источник пополнения домашнего бюджета, который вступает в противоре-

¹ См.: Груздева Е.Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей: проблемы и пути их решения // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Ч. 2. М.: Луч, 1994. С. 321–356.

² Щербич Л.И. Женщина и профессиональная карьера // Человек и труд. 1997. № 10. С. 97.

³ Моор С.М. Женщина на пороге XXI века: гендерные исследования социально-экономических проблем. Тюмень: 1999. С. 31–32.

чие с первой рабочей сменой»¹. Поэтому семейные женщины нередко предпочитают найти такую работу, которая позволяет с наименьшим напряжением на производстве совмещать профессиональные и семейные роли.

Деятельность в сфере профессионального труда и семья требуют от женщины полной включённости. При этом первой требуются высокая самоотдача и работоспособность, а второй – заботливая и внимательная жена, нежная и любящая мать. Консолидации таких разных ролей невозможно достичь без напряжения значительных физических и душевных сил.

В истории науки немало женских имён, которые известны всему миру. К числу таких женщин с мировой известностью принадлежит наша соотечественница – Софья Васильевна Ковалевская. Выдающийся математик, писатель-философ, первая женщина в мире член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Стокгольмского университета, общественная деятельница своего времени. Она превосходила своих предшественниц талантом и значительностью полученных научных результатов.

Софья Ковалевская родилась 3 (15) января 1850 года в Москве в русской дворянской семье. Её детство и юность прошли в селе Полибино Витебской губернии, в имении отца, генерал-лейтенанта В.В. Карвин-Круковского (Полибино расположено на живописном берегу озера, в километре от шоссе, соединяющей Великие Луки с Невелем).

У девушки рано обнаружились математические способности, занятия арифметикой доставляли ей удовольствие. Первые её учителя: домашний учитель Иосиф Малевич, дядя Петр Васильевич Карвин-Круковский. Софья сразу обратила на себя внимание преподавателей своими необыкновенными способностями, богатым духовным миром, волевым и решительным характером.

Юности Софьи предшествовала героика побед России в Отечественной войне 1812 года, восстание декабристов, движение петрашевцев и творчество В. Белинского и А. Пушкина. В российском обществе во второй половине XIX века наступал новый глубокий внутренний перелом: идеи либеральной демократии распространялись с огромной скоростью. Молодая Соня находилась в среде интеллектуалов, горячо преданных гражданским, экономическим, духовным интересам России.

Под влиянием старшей сестры Анны Соня развивалась очень быстро. В семье она была самым одарённым ребёнком, рано стала интересоваться естественными науками, увлеклась физикой, математикой, техникой и литературой. Старшая сестра Анюта доставала журналы «Современник»; «Русское слово» и даже запрещённый «Колокол».

В 16 лет Софья брала уроки математики у известного морского офицера, педагога А.Н. Станнолюбского. Однако, как и всем женщинам, доступ Софье в университеты был, конечно, закрыт. Но она добилась разрешения слушать лекции И.М. Сеченова в Военно-медицинской академии. Сеченов сердечно приветствовал Соню, талантливого юного математика, и открыл ей двери своей лаборатории. В 1868 году Софья вступает в фиктивный брак с В.О. Ковалевским, крупным биологом (позднее брак стал фактическим). Только так можно было добиться права заниматься наукой, права на свободную творческую жизнь.

¹ Моор С.М. Женщина на пороге XXI века: гендерные исследования социально-экономических проблем. Тюмень: 1999. С. 31–32.

В 1869 году Софья уехала из России в Гейденбург (Германия), где изучала математику, а затем переехала в Берлин. Там в течение четырёх лет она занималась под руководством Карла Вейерштрасса, пыталась поступить в Берлинский университет, но женщины и здесь не допускались к науке. Её жизненные поиски стали ярким, увлекательным примером, за которым устремлялись другие девушки, желавшие учиться и служить обществу, науке, образованию. Впоследствии Софья Васильевна описала свои «хождения» в народ в романе «Нигилистка», который навсегда останется замечательным памятником её мировоззрения. (Прозвище «нигилистка» сопровождало Софью Ковалевскую всю жизнь.)

Софья Ковалевская оказалась способной даже в неблагоприятных условиях жизни подойти к осознанному, целенаправленному самосовершенствованию и преодолению стихийности в своём развитии. Она смогла реализовать себя как целостную, открытую личность, активно творчески воздействуя на жизненные обстоятельства, на формирование общественного идеала личности. Она принадлежала (по Ф. Достоевскому) к лучшим «золотым» и «серебряным» людям своего времени.

Вопрос о социальных антагонизмах и несправедливости крепостного времени, по-видимому, рано привлек внимание сестёр Анны и Софьи. Куклы у сестер не были в почёте, детский пытливый ум видел и многое замечал вокруг. И сейчас, когда научное и иное творчество, образование и культура, социальные институты стали базовыми принципами всеобщей трудовой деятельности, личный пример Софьи Ковалевской звучит особенно остро, ибо решение глобальных проблем человечества и выход его из системного кризиса невозможны без развития и использования творческого потенциала личности каждого живущего на Земле.

Всеобщность труда на основе образования и науки, культуры и искусства, права и психологии, морали и религии меняет саму парадигму развития общества.

Софья Ковалевская рано вошла в науку. Вот лишь некоторые результаты, полученные ею в математике, – теорема о существовании решений нормальной системы уравнений с частными производными (теорема Коши – Ковалевской), в механике – вращение твёрдого тела вокруг неподвижной точки, в астрономии – форма колец Сатурна. За работы, представленные Карлом Вейерштрассом – учителем Ковалевской – в Геттингемском университете, ей, в 24 года, заочно присудили степень доктора философии с высшей похвалой.

В июне 1874 года Ковалевская вернулась в Россию. И вновь она не получает места в Петербургском университете, её не приняли и в качестве преподавателя на Высших женских курсах. И снова пришлось отступить от научной работы. Софья Васильевна решает заняться литературно-публицистической деятельностью. Она сотрудничает в газетах, пишет научные очерки, статьи, театральные рецензии. И здесь проявляется её талант. В этот период она встречается с выдающимися русскими учёными и писателями: Д.И. Менделеевым, И.М. Сеченовым, С.Н. Боткиным, П.Л. Чебышевым, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским и другими.

В 1879 году по предложению П.Л. Чебышева на 6-м съезде русских естествоиспытателей и врачей Софья Ковалевская прочитала доклад об абелевых интегралах. Весной 1880 года она переехала в Москву. И опять ей не разрешили сдавать экзамены на магистра. Весной 1881 года Ковалевская спешно и внезапно уезжает в Берлин, а затем в Париж. Все её попытки получить место profes-

сора на Высших женских курсах во Франции также не имели успеха. Вот вам и свобода личности в Европе и России.

Софья Ковалевская в эти годы писала о себе: «В России от серьезных научных занятий меня отвлекали различные обстоятельства: и само общество, и те условия, в которых приходилось жить. В то время все русское общество (1870–80-е гг. – *Р.Я.*) было охвачено духом наживы и разных коммерческих предприятий. Это течение охватило и моего мужа, и, отчасти, должна покаяться в своих грехах, меня самое. Мы пустились в грандиозные постройки каменных домов, с торговыми при них банями. Но всё это кончилось крахом и привело нас к полному разорению»¹. В ноябре 1883 года Софья Ковалевская уехала в Швецию и заняла должность приват-доцента в Стокгольмском университете, а с лета 1884 года назначена профессором университета. За восемь лет работы Ковалевская прочитала 12 курсов, в том числе курс механики, была членом редколлегии журнала «Acta mathematica».

В 1888 году Парижская академия наук за работу «Вращение твердого тела вокруг неподвижной точки» присудила Ковалевской премию Бордена, удвоенную ввиду большой ценности этой работы. В следующем году за вторую работу о вращении твердого тела ей присуждена премия Шведской Королевской академии наук. Словом, она ведёт напряжённую научную работу самого высокого уровня.

Не менее успешна и её педагогическая деятельность. Первое время Софья Васильевна чувствовала себя не вполне свободно при общении со слушателями. Но постепенно она становится выдающимся преподавателем, считающимся с индивидуальностью студентов и пробуждающим их способности. По словам одной из её учениц, она всегда чувствовала, что госпожа Ковалевская видит её насквозь «будто стеклянную», но в то же время ей покойно под этим ласковым, уверенным взглядом.

Русская женщина-учёный получает мировое признание. Но она не перестаёт думать о научной и педагогической работе в России, о просвещении народа, развитии науки и образования у себя на родине. Однако на просьбу генерала А.И. Косича, двоюродного брата Софьи, разрешить ей вернуться в Россию поступил отказ. Во время пребывания в Швеции по представлению академиков во главе с П.Л. Чебышевым в 1889 году Софью Васильевну Ковалевскую наконец избирают в члены-корреспонденты Российской академии наук. Перед этим событием академики «пробили» принципиальный вопрос о допущении женщин к избранию в члены Академии наук России.

Теперь С. Ковалевская предстаёт перед международной общественностью как математик и философ, как талантливая писательница, яркий педагог и публицист. (Известны её работы: драма «Борьба за счастье», повесть «Нигилистка», «Воспоминания детства» и др.)

Важная проблема – это пути формирования общественного мировоззрения С.В. Ковалевской. Как росла и воспитывалась юная генеральская дочь в глуши витебских лесов, в богатом помещичьем доме в России, и за рубежом?

Новые идеи во второй половине XIX века буквально ворвались в умеренную и застойную жизнь семьи Круковских. На свежие ветры и события в России живо откликнулись молодые сердца девушек и юношей. Их сознание быстро осваивает исторические, экономические, философские, геополитические направления общественной мысли, по которым и пошло развитие России.

¹ *Софья Ковалевская*. Автобиографический рассказ. Воспоминания, повести. М.: 1974. С. 372.

Пытливый ум Сони-подростка всё подмечал вокруг себя, её мировоззрение складывалось, формировалось в условиях русских революционных ситуаций 1859–1861 и 1879–1881 годов. От сына приходского священника отца Филиппа пришли запретные темы разночинского периода с его разрушающей феодально-крепостнические устои идеологией. А тут подоспело и польское восстание 1863 года. Позже С. Ковалевская писала активной участнице польского революционного движения Марии Мендельсон, своему большому другу: «В детстве я и не мечтала так горячо ни о чем, как только о том, чтобы принять участие в каком-нибудь польском восстании».

Ранний фиктивный брак с Владимиром Ковалевским позволил уйти от родителей, пробить дорогу к образованию и общественной деятельности. Владимир Ковалевский был не только выдающимся биологом, но и живым участником польского восстания 1863 года, публикатором Герцена («Кто виноват?»), солдатом Гарибальди. Этот мощный поток впечатлений и опыта передового русского движения вошёл вместе с ним в жизнь Софьи Ковалевской. Связь передовой научной мысли и культуры России и Европы с социальными преобразованиями общеизвестна. Деятельность В. Ковалевского является одним из многочисленных доказательств этого положения. Добавим, что в те же годы С. Ковалевская знакомится с Ф. Достоевским, петрашевским движением. Знакомство с Достоевским, сосланным по делу петрашевцев, дополнило её представления о русском революционном движении 40–60-х годов. Девочка рано начала самостоятельно писать стихи, увлеклась русской поэзией. Пушкин, Лермонтов, Некрасов – любимые поэты.

Так формировалось общественное мировоззрение и самосознание Софьи Васильевны Ковалевской. К исходу 60-х годов XIX века она уже чувствовала и осознавала себя на гребне тогдашних передовых идей и была узнаваема единомышленниками с первого взгляда. Она горячо любила Россию, всегда оставалась русской патриоткой. Помимо огромных научных заслуг ей принадлежат блестящие заслуги в истории женского движения и большой художественный талант в русской литературе.

Но трагедия заключалась в том, что эта выдающаяся, разносторонне образованная и культурная русская женщина была лишена возможности работать в университетах родины. Получив блестящее математическое образование, хорошую гуманитарную подготовку, она не могла найти применения своим знаниям. Ей разрешалось лишь преподавать математику в младших классах женской гимназии.

Однако борьба за право женщины на высшее образование не понималась С.В. Ковалевской как вопрос её личной биографии, её личного успеха. Она постоянно подчёркивала и чётко видела общественную сторону вопроса, боролась не только за себя и для себя. Она боролась за всех женщин, равных к свободе, знаниям, свету и равенству, прокладывая широкую дорогу для многостороннего развития женской части населения планеты. И в этом её высокий общественный пафос непрерывной борьбы и труда. Мы постоянно видим её помогающей другим молодым женщинам, вырывающимся из старого быта домостроевской России. Трогательны её заботы об Анне Евреиновой, о Юлии Лермонтовой, Марии Мендельсон и других.

Важный этап жизни С.В. Ковалевской – Парижская коммуна. Известно, что она с мужем, рискуя жизнью, сумела пробраться в восставший Париж. Они были там с 5 апреля по 12 мая, т. е. 38 дней, иначе говоря, более половины всего периода существования Парижской коммуны, которая длилась 71 день. А город находился под непрерывным артиллерийским огнём. Супруги Ковалевские – Софья и Владимир – провели огромную работу по спасению от расстрела после падения революции Виктора Жаклера и Анны (сестры Софьи, которая стала его женой), и, к счастью, им удалось это сделать.

Интерес к политическим и социальным вопросам, ярко выраженная тяга к общественному движению, стремление понять социодинамические общественные процессы – вот что в целом характеризует Софью Ковалевскую. В суждениях о политическом строе тех стран, в которых проживала выдающаяся дочь России, её никогда не покидало критическое чувство необходимости устройства общественных отношений на основе справедливости. В 1889 году Софья Васильевна участвовала в работе первого Конгресса II Интернационала в качестве представителя Женской лиги.

Она стремилась к подлинной свободе и простому человеческому счастью, испытывая радости и страдания своего века, выпавшие на долю этой необыкновенной женщины. Сама она писала: «Я чувствую, что предназначена служить истине – науке и прокладывать новый путь женщинам, потому что это значит – служить справедливости». Своим личным примером она способствовала служению науке, образованию, союзу естественных и гуманитарных знаний, продвижению своей родины вперёд к экономическому и социальному процветанию и духовному обогащению российской многонациональной страны.

И она с честью выполнила свою роль, прославив своё имя в мировой математике, снискав популярность своими литературными произведениями и педагогическим трудом, мужественной гражданской позицией. Лучше всех её оценил великий норвежский писатель Генрик Ибсен: «Написать биографию Ковалевской – значит написать поэму о ней».

Я не ставил перед собой цели и задачи описать жизнь и деятельность этой удивительно яркой и разносторонней личности исчерпать эту богатейшую тему в журнальной статье невозможно. Я остановился лишь на узловых вопросах и мотивах научной, общественной, педагогической и литературной деятельности Софьи Ковалевской. Она действительно была глубоким, преданным науке учёным, подлинным общественным деятелем по своей природе, воспитанию и образу жизни.

Софья Васильевна Ковалевская скончалась 10 февраля 1891 года в расцвете творческих сил в возрасте 41 года. Через год после смерти Анна-Шарлотта Леффлер выпустила книгу воспоминаний о ней. Она писала, что Ковалевская за границей производила глубокое впечатление своей яркой личностью, блестящим умом, склонным к юмору и парадоксам, широтой интересов. И дальше добавляет: **«Они (русские интеллектуалы) стоят в ряду передовых людей всей Европы, отличаются необыкновенной способностью схватывать налету новые идеи, как только они появляются на горизонте, и с почти неслыханной живостью мысли соединяют такой энтузиазм, такую веру в свои идеалы, какие мы не встречаем ни у одной из других европейских наций».** (Выделено мною. – Р.Я.).

Примером такой деятельности, и общечеловеческой и патриотической, является жизнь и творчество П.Я. Кочкиной.

Пелагея Яковлевна Кочина родилась в Астраханской области, в семье выходцев из крестьян. Мать – Анастасия Пантелеймоновна, отец – Яков Степанович Полубариновы. Семья была трудолюбивой и благополучной. Детские годы прошли в Астраханском крае, в древнем низовье Волги.

В 1911 году семья из шести человек переезжает в Петербург, в «рабочий городок», где снимают небольшую квартиру. Это были годы быстрого роста городов России. Девочка поступает в женскую гимназию.

Покровская гимназия в Петербурге была основана в 80-х годах XIX века, она готовила сестёр милосердия. Большое влияние в гимназии на девочку оказал учитель математики Николай Иванович Билибин, который прививал своим питомцам любовь к науке, особенно к математике. «На уроках Билибина, – пишет П.Я. Кочина, – я поняла красоту логических построений алгебры, которую он излагал четко и ясно».

С раннего детства я мечтала о том, – пишет она, – что буду преподавать математику и будут решать какие-то интересные и полезные задачи. В практической жизни Пелагея Яковлевна преподавала много и в основном математику в высшей школе.

Читателю может показаться странным, почему философ взялся за описание истории научной деятельности математика. Дело в том, что меня просили учёные Отделения математики выступить у них с докладом по истории математика Софьи Ковалевской, её жизни и деятельности, Готовясь к докладу, я обнаружил блестящую монографию Пелогей Яковлевны Кочиной «Софья Ковалевская». Работа поразила меня своей глубиной, логикой, обстоятельностью, доказательностью, объективностью, что заставило и обязало меня подробно изучить не только работу Софьи Ковалевской, но и самого автора книги. Изучая литературу, я обнаружил удивительное сходство таланта, способности этих двух удивительных женщин-учёных, живших в разных эпохах, но родственных по духу учёных-математиков, восхищён их глубокой гражданской позицией, большой любовью не только к науке, но и народу. Я ясно увидел высокий гражданский долг этих двух выдающихся женщин, уровень их напряжённой общественной деятельности, служения добру и справедливости, которые налагают большую ответственность на женщин нового времени. Именно это сходство вызвало во мне восхищение их высокой и благородной позицией. Высокое чувство долга этих двух выдающихся учёных, математиков и механиков.

К сожалению, математики, физики, механики не так часто радуют нас исследованиями в области общественной деятельности своих коллег, вызывающих восхищение. Она же это делала в своей книге с большим вкусом, тактом, любовью и литературным талантом. Её универсальность знаний, глубокая культура мышления, которые она вложила, работая над книгой о Софье Ковалевской. Это связано не только с вопросами математики, но и социологии, географии, геологии, метеорологии, геофизики, литературы и искусства.

Народ высоко оценил работы Пелагеи Яковлевны Кочиной, как в области математики, так и метеорологии, мелиоративной техники.

Особенно интересны её литературные и художественные увлечения, в которых наряду с автобиографическими подходами даются живые описания собы-

тий и людей. Особенно интересен её Сибирский период. Общественная деятельность была и остаётся важнейшей частью жизни учёного-академика Пелагеи Яковлевны. Она – депутат Верховного Совета РСФСР, депутат Моссовета, Городского Совета Новосибирска, участник международного движения женщин-борцов за мир, за национальную безопасность против угрозы войны и фашизма. Таковы этапы её жизненного пути.

За большие заслуги в области общественной и научной деятельности её труд отмечен высшей наградой Родины – Героя социалистического труда.

Мне посчастливилось присутствовать на вручении ей этой высокой награды. При получении её она скромно сказала, что «в нашей великой стране и женщина делает что-то нужное и необходимое для народа».

Сибирь имеет богатые возможности для развития: цветные металлы, каменный уголь, лес, плодородные земли, огромные водные ресурсы, зерновое хозяйство, овощи. Но главный ресурс – это люди, народы Сибири, их патриотизм, суровый и здоровый климат. Всё это ждёт заботливых рук и высокого интеллекта.

...Прошли годы. И вот я снова среди друзей-соратников Новосибирского Академгородка. Встреча с друзьями, ветеранами. Неожиданным для меня был вопрос, заданный Александром Павловичем Филатовым, бывшим Первым секретарем Обкома КПСС, который спросил: «А как там в Москве поживает наша Пелагея Яковлевна?» Я был удивлён и обрадован этому вопросу. А Александр Павлович, улыбаясь, сказал: «А ведь это *наша* Пелагея Яковлевна, она не только теоретик и крупный ученый-математик, но и практик, давший воду Кулунде. Вот уж воистину математика в землю смотрит». К этому трудно что-либо добавить.

**СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ВАЖНО ЧТОБЫ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ
БЫЛА МУДРОЙ, ТАЛАНТЛИВОЙ И ОТВЕТСТВЕННОЙ**

Автор статьи вырос и сформировался как личность, труженик, а затем руководитель, в Суздале и Иванове, в Краснодарском крае, Новосибирске, Москве – прекрасных городах России, где гражданственность имеет древние и новейшие истоки на всех поворотах политической жизни исторического бытия людей. Здесь по-прежнему продолжают проявляться наиболее ярко черты людей новой формации.

Уроки древней и недавней истории сегодняшнего бытия – тому убедительное свидетельство. Здесь совершалась великая история: революции народов – Александр Невский, Дмитрий Пожарский, А.В. Суворов, его Суздальский полк, мужественные герои Бородина, Гражданской войны, Великого Октября и Великой Отечественной войны, освоение космоса, – всё это нашло отражение в сознании народа, его памяти.

Основы гражданского самосознания автора сформированы на Владимиро-Суздальской, Ивановской земле, где зародился и развился интерес к гражданской истории народов России, и мира в целом, которые рождаются, хранятся и развиваются, прежде всего, на малой Родине, а затем становятся мощным потоком идей каждого человека и народов мира, в целом.

Если же гражданские силы не пробуждены, а высохли и заморожены, убиты, закрыты для познания и общественного сознания, чувств, то нет средств на их утверждение и развитие человека на всех уровнях общественной жизни.

Поэтому философский, исторический, социальный, духовный анализ современного общества, его гражданских жизненных сил и источников становится

базой саморазвития общества, семьи и человеческой личности, интереснейшей темой для понимания жизни самого Человека.

Автор считает своим гражданским долгом высказать ряд соображений, суждений философского, исторического, социально-духовного характера, которые не претендуют на полноту понимания проблемы, исследования этой важной для мировой цивилизации области знаний.

Чтобы более предметно и убедительно раскрыть моё понимание смысла нового мировоззрения XXI века, я представляю судьбы реальных людей. Здесь читателю предложены мои размышления о Н.Д. Кондратьеве.

Весной 2009 года научная общественность отметила 117-летие со дня рождения выдающегося учёного России – экономиста, социолога и философа Николая Дмитриевича Кондратьева.

В архиве жены – Евгении Давыдовны Кондратьевой (1893–1982 гг.) сохранилось более 100 писем Н.Д. Кондратьева из Спасо-Евфимиева монастыря города Суздаля. Это исключительно важный источник для понимания учёного, его характера, развития личности и совершившейся трагедии в эпоху первой половины XX века. Письма из заключения отражают не только уровень образованности, культуры мировоззрения и мужества, но и саму эпоху, с её сложностью, противоречиями, борьбой за свободу, с насилием и жестокостью.

Уклад жизни Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938) был очень прост; общественное служение стране, человечеству, семье – и в горе, и в радости. Это был широкой души крестьянский парень с Волги. Его письма из заключения отражали чувства и мысли российского народа в условиях великого перелома, который осуществлялся в жизни человечества XX века.

Родился он в многодетной крестьянской семье в 4/17 марта 1892 г. в деревне Голуевской Кинешемского уезда Костромской губернии.

Образование получил в церковно-приходской школе села Хренова, которую закончил в 1905 г. Затем поступил там же в учительскую семинарию, а в 1905 г. был исключён за неблагонадёжность. Уехал в Умань Киевской губернии, там поступил в земледельческую школу. Но в 1907 г. из-за неблагонадёжности вынужден был уйти. Уехал в Петроград, где посещал курсы, экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости в Костромской гимназии, поступил в Петербургский университет, который успешно закончил в 1914 году, непрерывно занимаясь самообразованием. Основное внимание сосредоточивал на научной самоподготовке, готовя себя к научной деятельности.

Во время обучения в семинарии Николай Кондратьев подружился с Питиримом Сорокиным. Эту юношескую дружбу они пронесли через всю свою жизнь. Вместе учились в Петербургском университете, с ранних лет вошли в революционное движение, участие в котором расширило их мировоззрение, сформировало политические убеждения, укрепило характер.

По совету Питирима Сорокина Кондратьев поступил в университет, выбрав юридический факультет. Питирим Сорокин познакомил Николая с профессором М.М. Ковалевским: они вместе работали на его кафедре. В 1915 году выходит первая крупная монография Н.Д. Кондратьева «Развитие хозяйства Кине-

шемского земства», которая была замечена столичной научной прессой. Эта работа Н.Д. Кондратьева была переиздана в 2002 году в городе Иваново.

Участвовал в студенческих волнениях в 1911–1914 гг., руководил кружками рабочих и учащихся, неоднократно подвергался арестам в Кинешме, Умани, Петрограде. Активное участие принимал в революции 1917 года. Был профессором ряда учебных заведений Ленинграда, а в 1918 году переехал в Москву, где заведовал экономическим отделом Совета сельскохозяйственной кооперации и Товарищества льноводов, состоял профессором Тимирязевской академии. Во время учёбы в университете и ранние годы работы в науке его интересы были сосредоточены на проблемах социологии, экономики и философии народного хозяйства. Круг его интересов был чрезвычайно широк и глубок: философия, социология, история, психология, право, экономика, статистика, наука в целом.

В те годы российская и мировая наука, социальная философия, вся совокупность гуманитарных знаний переживали глубокое революционное обновление, находились в начале XX века на пороге радикального творческого подъёма и всестороннего обновления. Молодой учёный развивался не в одиночку, а формировался в богатой научной и духовной среде. Н.Д. Кондратьев был молодым, глубоким и разносторонним исследователем, учеником М.М. Ковалевского и М.И. Туган-Барановского, оставившим большое научное наследие. Ему принадлежат работы в области экономической статистики и социальной динамики по вопросам общества и личности, семьи, перспективного планирования и прогнозирования, конъюнктуры рынка, развитию аграрного сектора, статистики, проблем социологии и экономики.

Мировую известность принесла Кондратьеву его концепция **больших циклов**, во всём мире называемых «циклами Кондратьева». Он защищал концепцию «генетического подхода», в основе которого лежат объективные законы и тенденции экономического, социального, культурного и духовного развития, создал теорию длинных волн в экономической динамике. Этот подход Кондратьева «работает» в общественной и социальной литературе и в настоящее время. Он рассматривал человека не только как продукт природы: «мы знаем его таким, каким он есть или был в условиях общественной жизни на различных ее этапах»; «человек – не просто животный организм, а организм, обладающий относительно развитой нервно-мозговой системой, общественным сознанием и трудовой деятельностью». Благодаря этому «внутренние органические процессы его жизни, а также те воздействия, которые он испытывает со стороны внешней среды, значительно сложнее, чем у животных, лишенных нервно-мозговой системы»¹, трудовой деятельности и общественного сознания.

Вот что пишет он сам в «суздальских письмах» о своей научной работе. «Важнейшие научные работы мои можно свести к следующему:

- а) основные учения о законах социально-экономического развития (1913 г.);
- б) рынок хлебов... (июль 1922 г.);
- в) мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны (1922 г., июнь);
- г) динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (1928 г.)».

¹ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: 1917. С. 193, 195.

Им опубликовано свыше 100 научных статей в различных журналах страны и за рубежом¹. В Суздале он продолжил начатую в Бутырской тюрьме работу над рукописью по проблемам экономической статики и динамики, которая стала определённым итогом всей его научной деятельности.

Н.Д. Кондратьев требовал осторожного, внимательного подхода к крестьянину, рабочему, интеллигенту, учёта их социального, экономического и профессионального интереса, ценить человеческий, трудовой, психологический фактор, ресурсы и ценности: образование, знание, науку, умение, опыт – эти важные стороны экономического и социального процесса. Создание теории больших циклов не было для молодого учёного конечной самоцелью научных исследований. Он чётко проводил линию на экономические и социальные методы взаимодействия власти и крестьянина, на сбалансированное планирование экономики, её устойчивого развития с учётом диалектики рыночных отношений. Сами общественные отношения, по его мнению, представляют собой некую систему, находящуюся в процессе развития, и характеризуются динамическими парадигмами.

Главное, что следует подчеркнуть, в идеях автора просматривается системный подход к явлениям общественной жизни. Закономерность для Н.Д. Кондратьева – не просто логика развития, а результат взаимодействия большого числа элементарных явлений, рассматриваемых как реальная объективная совокупность, и если система радикально меняется, то и сами условия жизни индивидов приходят в движение, развивается сам человек. И в этом смысле «всякая закономерность относительна и имеет исторический, временной характер». Он руководствовался формулой Огюста Конта: «Знать, чтобы предвидеть, чтобы управлять»: народным хозяйством, обществом, наукой, образованием, культурой, сознанием, духовной сферой.

«Моя работа, – пишет Н.Д. Кондратьев, – посвящена проблеме динамики расширенного воспроизводства», т. е. теме, у которой большое теоретическое и практическое будущее.

«Работать понемногу продолжаю, – пишет он Евгении Давыдовне. – Решил написать книгу, где в системе поставить проблемы экономической динамики:

- I. Основные проблемы теории экономической динамики.
- II. Тренд или проблемы теории экономической динамики.
- III. Состояние учения о тренде в теории социальной экономики».

«Сейчас я пишу главу IV. Некоторые из дальнейших глав потребуют больших эмпирических данных, и за эти главы я больше всего боюсь, так как в тюрьме с ними справиться будет трудно. И, наконец, закончу все по систематической теории социально-экономической генетики или развития. Впрочем, все это планы, для которых нужны силы, душевное спокойствие и вера. Чем больше я пишу, тем более угнетает мое сознание, что я это делаю больше для себя...»².

В области социальной философии учёный стремился понять человеческое общество, пути его развития в реальных и глубинных генетических основах.

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 516.

² Ссылки на письма сделаны по книге: Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: 1993.

Он упорно изучает гносеологию, теорию познания и онтологию, изучает бытие человека, внутри общей теории социальных явлений, его границы и виды, социальное бытие. В его системе взглядов – это, прежде всего, часть единого реального мира, эта часть обозначается понятиями «общество», «государство», «семья», «личность». Если в науках, изучающих отдельные стороны живого общества, замечен рост положительного знания, то в теоретической социологии, изучающей общество в целом, обстановка более сложная и менее благоприятная.

Молодой Н.Д. Кондратьев понимает, что достичь полного и разностороннего понимания в социальной динамике общества трудно, особенно в социальных науках, где научный эксперимент невозможен из-за сложности объекта изучения, особенности и стихийности развития человека, его общественного сознания. Но, тем не менее, постижение истины, прогноз развития тенденций возможен и необходим.

Это постижение в научной теории было для него смыслом большой, высокой науки и его личным устремлением. Таков общий характер мышления выдающего учёного.

В основу своей концепции он закладывает принцип единства мира, комплексного использования мирового опыта человечества, который не только отражает, но и формирует устойчивую, объективную действительность и, которой одновременно присущ процесс самопознания. Этот принцип содержит два момента: мир состоит из множества классов и подклассов явлений, в которых помимо различий, наличествует тождество определённого числа признаков, на основе чего мир находится в постоянном взаимодействии и единстве, движении и изменении. В соответствии с этим и науки, изучающие различные классы, стороны явлений, не могут быть не связанными между собой. Внутреннее единство мира служит конечным и глубоким основанием для внутреннего единства научного знания о мире.

Так, Н.Д. Кондратьев заложил философско-социологический фундамент своей вероятностно-статистической философии социального знания. Это философия права на свободу, труд и благоприятную жизнь для всех. Уже в начале прошлого столетия страны – одна за другой – стали вступать на путь сознательного вмешательства государства, широкой общественности в экономическую жизнь, управление социальными процессами. Современный человек в своей общественной и хозяйственной деятельности всё более становится коллективен, сознателен и свободен, никто не принуждает его к труду. Перед человеком выдвигаются мотивы свободной трудовой деятельности, заботы о своём благосостоянии, развитии и существовании. Он предоставлен самому себе. Реакция, акты и мотивы поведения человека всегда являются ответом на те или иные его потребности.

Современный строй общественных и семейных отношений связывает человека в его деятельности не только с семьёй и ближними, но и с дальними, со всем миром. Но на микроуровне забота человека о себе, само собой, связывает с заботой о его близких, прежде всего, о семье.

«Если мы пойдем дальше, – пишет Н.Д. Кондратьев, – то увидим, что современное наследственное право выступает за работу не только для себя, для близких, но и для грядущих поколений его наследников. Это основная мысль мотивов производственной и общественной деятельности человека. Если мы внимательно рассмотрим в неё – это есть основная характерная черта, основа жизни и свободы человека. Чтобы жить, обеспечить себя, близких и дальних людей, он должен работать, трудиться в полную силу. А склонность природы человека к изменчивости, поиску является одним из глубочайших условий пластичности в развитии общества.

Современный человек имеет право не только на устойчивую жизнь, он имеет право на жизнь и свободный труд, пользование жизненными благами и её радостями. Но это право пока ещё носит формальный характер, не все труженики имеют возможность для реализации этого права. Только личной энергией, личной борьбой вместе с другими человек отстаивает своё право влияния на конкретное содержание всей жизни. Современный прогрессивный строй не только сохраняет жизнь и труд человека от насильственных посягательств и уголовных преступлений. Если нет фактического права на труд, то и жизнь остается *бездушной*».

Такое понимание права и его норм всё глубже проникает в современное правосознание и живую этику и всё яснее становится, что человеческой цивилизации не выйти из тупика без формирования нового ценностного кодекса права и этики жизни. Добросовестный труд каждого – это основа благосостояния любой нации, государства, общества, семьи – основа нормального воспроизводства поколения, залог устойчивости общественного развития, где благородный человек осознаёт свой долг, а не выгоду, а это требует переустройства общества, его общественного сознания, создания благоприятных условий для творчества человека созидательного труда. Именно поэтому жизнь человеческая теснейшим образом связана с правом на труд, образование и отдых.

«Вот тот огромный сдвиг, – пишет он, – который мы видим в современной жизни. Эти новые идеи носятся в воздухе, которым дышат народы. Это право на землю, на труд, на свободную духовную жизнь для всех и каждого».

Н.Д. Кондратьева интересуется всё – труд, образование, обрядовость, жизнь северных народов, народов всего мира, их былины, сказки, коллективная поэзия, народные песни, музыка. В центре его внимания находятся и психология личности, семьи, общества. Дом, каждая семья превращаются в очаг углублённого счастья, являясь источником для творческих исканий, что их никогда не победят будни и проза жизни. «Так много счастья впереди, мы будем жить прекрасной и живой жизнью. Перед нами ещё столько неизвестного, столько неиспытанного. Мы увидим с тобой весь мир – от стран высокой культуры до областей экзотических», – пишет он жене с большой верой в будущее.

«Ранее занимаясь философией, я немало думал о принципе непрерывности и тождества. Теперь я конкретно ощущаю то и другое на практике. Лишен свободы своей деятельности. Служу достаточное время по тюремному ведомству. В тюрьме, без возможности регулярно получать необходимые материалы и книги, сделать что-нибудь путное и значительное невозможно. Самое ужасное в жизни – это потеря времени, так как жизнь человеческая необычайно коротка и при бездеятельности бессмысленна». (Суздаль, 10/III 1932 г.) «Самая обесцененная ценность теперь – это человеческая жизнь и мысль. И это сознание, которое не оставляет меня никогда, а порой, как сейчас, оживает и, с особой силой, подавляет». (Суздаль, 18/IV 1934 г.)

«Если бы только была у меня возможность доисследовать некоторые вопросы, то я был бы в состоянии написать обширную работу, где изложил бы довольно цельную и законченную теоретическую систему... Но двигаюсь крайне медленно».

Короток был срок его творчества, всего два десятилетия. На свободе и в очень короткий срок жизни он опубликовал около ста работ и вложил свой вклад в основы экономического, философского, социального, психологического знания.

В своих философских исканиях он обращается к И.С. Тургеневу, А.С. Пушкину, Б. Спинозе, Ф. Ницше, Г. Спенсеру, Э. Дюркгейму, Н.П. Огареву, А.И. Герцену, К. Марксу, В.И. Ленину, И.В. Сталину. «Самым страшным, кошмарным бичом современности является то, что мир утопает в **неправде, лжи, подозрительности, закрытости**. Я предпочел бы перенести любые удары судьбы, но **открытые**. Для меня затронутый вопрос равносителен проблеме реальности внешнего мира. Я всегда говорил о природе, не противопоставляя ее человеку и историку, а о природе, как о немощи, бессердечности и бессмысленном процессе, включая в этот процесс и саму человеческую историческую жизнь, в основе которой, в конце концов, лежат лишь те суровые законы, которые установил Дарвин для жизни в биологическом смысле слова. Моему настроению более созвучен А.С. Пушкин с его «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красною вечною сиять... и еще:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жертвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут:
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!»

(Суздаль, 6/VI 1934 г.)

В другом месте говорится: «Сегодня – ровно четыре года со дня заключения. Осталось совсем немного: ровно столько же. **Тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению**. На днях выпросил косу и обкосил в саду газон и дорожки. В физическом крестьянском труде действительно есть много здорового и красивого. Мне невольно вспомнилось детство, когда я косил по чудесным летним росам на лугах с опушками. Жаль только, что в данном случае слишком мала была потребность в косе». (Суздаль, 11/VII 1934 г.)

«В обществе существует много культурных ценностей: научных, исторических, архитектурных, материальных и духовных, эстетических, моральных. Осознание их значения и роли во многих отношениях наполняют человеческую жизнь, служат источником возвышающих интеллектуальных и эмоциональных переживаний.

Но все эти ценности при всем их непреходящем и, может быть, даже бессмертном значении оказываются по своему самому существу безразличны и равнодушны к человеку, точнее к конкретному человеку. Да и друзей у меня в тяжелую минуту оказалось много меньше, чем тогда, когда была во мне нужда... при счастье все дружатся с нами, при горе нет тех "друзей". Поэтому они не в состоянии до конца наполнить собой человеческую жизнь, придать ей характер интимного процесса, осмысленного и привлекательного, поддерживающего и согревающего не с точки зрения вечности, а с точки зрения каждого дня и каждой минуты. Эту функцию в жизни человека выполняет семья, основанная на любви, труде и заботах, и только

они, если они сами имеют прочные морально-чувственные основания и связаны с детьми, являются продолжением человеческого рода».

Если внимательно всмотреться в его биографию, то он всё время находится в конфликте с действительностью, она его не устраивает. Он с ранних лет видел и чувствовал её несправедливость и неустроенность, бедность и тяжесть крестьянского труда.

«Когда я вошел в знакомую тебе комнату, то увидел, прежде всего, маленький ссохшийся комочек больного, подлинного, невыразимого горя. Это была моя мать». (Комната свиданий Спасо-Евфимиева монастыря.)

«Первые слова, которые я услышал, и рыдания: "Родной мой, отца-то ведь уже нет, и Сережи нет, и тебя-то нет". Я обнял ее, не будучи в состоянии произнести никакого слова. Услышав рыдания с левой стороны, я обернулся и увидел рослого, загорелого, добродушного и безудержно плачущего крестьянского парня. Это был мой брат Павлик. Такую сцену мне пришлось пережить впервые. Я не хотел плакать, но слезы неудержимо лились сами. И долго, очень долго, я не мог выговорить всего несколько слов. "Мама, как ты постарела!" Должен признать, что даже теперь, вновь переживая пережитое, я с трудом пишу, и болезненная жалость к несчастной матери вновь душит меня. Есть нечто невыразимое в любви матери и в любви к матери».

«Всю свою жизнь, – пишет Н.Д. Кондратьев жене и дочери, – я жил будущим. Всю свою жизнь я пробивался через столь густой частокोल препятствий каждого данного настоящего дня, что невольно перемещал все внимание на будущее. Настоящее мне всегда казалось *не подлинным*. На душе тревожно, тянет к философии и поэзии. Хочется написать книгу по философии, общественной и личной морали, основанную на опыте, раскрутить карусель всемирной истории человечества. Это занятая тема...

Средствами языка, искусства, песен, частушек, поэзии, особенно музыки, выразить многие человеческие переживания. Как видишь, меня тянет мое настроение в какие-то иные направления от чисто научных специальных работ. Творчество, искусство, поэзия выражают душу человека. Поэзия не существует без известного художественного вымысла, мечты, но и в этом замысле выражает себя подлинная правда». (Суздаль, 19/ХП 1934 г.)

Обращаясь к истории, её далекому прошлому, он видел однородное общество и сплочённость единого общественного сознания далёких предков. В новейшей истории социальная однородность хозяйственной, общественной и духовной жизни вновь усиленно развиваются, создавая нормальные условия взаимодействия между людьми. Человек, всё более чётко начинает реализовать многообразие влияний природной и социальной среды, всё более опираясь не столько на бытовую психологию и чувства, сколько на объективность и глубокое понимание разумной и сложной человеческой жизни. Возрастает образованность, растёт культура общества, развивается самосознание и индивидуальное самоопределение. Социальность и индивидуальное поведение теперь всё меньше являются антагонистами, а становятся ступеньками развития, творческого роста. Уклад жизни личности всё меньше определяется не одним близким коллективом, всюду растёт роль семьи, женщины и общего социального уклада всего общества.

Нетрудно установить, что развитие индивидуальности, рост сознания и духа органически связаны со всеми сторонами социальной жизни общества, коллективного, массового сознания и творческим ростом личности мужчины и женщины, ребёнка и пожилого человека.

Теперь всё более очевидным становится, что важным и необходимым условием развития многонациональной современной культуры является сам конкретный человек, стиль его жизни, духовное и научное развитие и невосприятие устаревших форм стиля и жизни формальных приёмов в работе, всё, что связано с общественным сознанием, развитием духовности, которые опираются на историческую материальную и духовную мощь плотного нравственного развития народов планеты, опираясь на современную информатику, нормы права и этики, всю совокупность новейшей техники, которые помогают быстрому развитию народного духа.

Массы, а точнее личности, по Н.Д. Кондратьеву, составляют мощные группы в процессе восприятия различных форм сознания и высокой культуры. В своей душе они перерабатывают всё это, формируя уклад своей личности, оставляя себе вследствие этой переработки всё ценное и вечное. Человек овладевает совокупностью знаний, умений и навыков, полученных в обществе в процессе развития. Мы знаем человека таким, какой он есть или был в условиях общественной жизни на различных этапах его развития. Человек есть продукт не только природы, но и культуры, социальных условий, а его поведение всегда является ответом на те или иные потребности жизни.

«Характер человека на 90% получается не по наследству, а создается, формируется воспитанием, – заключает Н.Д. Кондратьев. – Что касается меня, то я не получил никакого воспитания, как и большинство крестьянских детей. Поэтому мой характер сложился стихийно в суровой жизненной школе, которую мне пришлось в свое время пройти. Но не обладай я своим характером – я бы никогда не пробился от сохи до профессорской кафедры. Важно быть одновременно трудолюбивым, честным, спокойным и человечным». (Суздаль, 15/VIII 1938 г.)

Таковы философия, экономические, социально-ориентированные взгляды профессора Н.Д. Кондратьева, уравнивающие интересы личности и общества. Он не сторонник лобового приоритета экономики, финансов, богатства, которые формируют бездуховность, «жадную лукавую личность». Его привлекают высокие нравы семьи и общества, с разносторонне развитой и образованной личностью, независимо от пола, возраста и национальной принадлежности. Надо сказать, что это был не только экономист с блестящим профессорским дипломом, а социальный мыслитель, социолог, учитель, философ, общественный деятель. Его интересовала, прежде всего, наука об обществе, семья, личность в целом, теория познания социальной, экономической сферы, а практика выдвигала эти вопросы на передовые позиции.

Такова мозаика сложной ситуации, сложившихся рассуждений Н.Д. Кондратьева, высказанных в суздальских письмах к жене и другу, любимой дочери и матери.

Современное по тому времени состояние российской гуманитарной науки – это результат многовековой теоретической борьбы, пройденного ею длительного и сложного пути от Радищева, декабристов и Герцена к народолюбцам и социалистам Г.В. Плеханову, В.И. Ленину, принимающей порой трагические формы. Жертвой этой борьбы стал и учёный с мировым именем – Николай Дмитриевич Кондратьев.

Всё это говорит об уме и высоких научных, деловых, нравственных, эстетических качествах личности автора этих писем, его смелости, способности и таланту собрать, переработать и теоретически осмыслить огромные объёмы экономической, философской, социальной, психологической и правовой информации своего времени и выявить существующие или только нарождающиеся закономерности и тенденции развития справедливого общества, искать и находить оптимальное решение всестороннего его развития и совершенствования.

Содержание этого раздела стало более наполненным, объёмным, особенно после посещения автором статьи семинарии в селе Хреново и деревни Голуевской, бывшей Костромской губернии, где родился, рос, воспитывался и учился будущий учёный – Николай Дмитриевич Кондратьев.

Сегодня, в XXI веке, понятно, что это достойный представитель «сильного класса» российского крестьянства, патриот и борец за свободу и волю народов. Доказательство – мировоззрение, практическая деятельность, сама суть содержания работы учёного-гражданина.

При посещении старинного села Старая Ладога Ленинградской области 17 июня 2003 г. Президент РФ В.В. Путин сказал: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия, это, конечно, патриотизм. Нам недостаточно вспоминать, какими мы были великими, талантливыми и красивыми. Надо, чтобы мы и сегодня были такими»¹.

Такими, как П.А. Сорокин.

Питирим Александрович Сорокин родился 21 января 1889 года в селе Турья, Аренского уезда, Вологодской губернии (ныне – Жешарт, Коми, Россия). – Ушёл из жизни 10 февраля 1968 года (Уинчестер, США) – русско-американский социолог и культуролог. В Америке его называли одним из властителей дум живущего поколения.

П.А. Сорокин происходил из бедных неграмотных крестьян. Очень рано остался сиротой, пошёл в люди странствовал по городам и весям Российских губерний. Отец Питирима был русским, а мать – коми-зырянка. Питирим с юных лет отличался исключительной работоспособностью, развитым чувством справедливости. Он познал с юношеских лет тяжёлую жизнь бедняков в России и буквально с детских лет вступил в революционное движение, став одним из лидеров эсеровской партии.

Общенаучная деятельность Питирима Сорокина формировалась в России на заре новой эпохи мировой истории в условиях сложившихся общественных отношений конца XIX и начала XX веков. Мир его детства и юности был насыщен физическим трудом, стремлением к христианской морали, образованию и культуре. Тело и душа ребёнка, родившегося в глубине России, были наполнены поиском добра, справедливости и любви.

Социология, философия и мировоззрение Питирима Сорокина опираются на опыт трудовой и общественной деятельности в России, на отечественное образование, литературу и религию, где личность сопричастна чувственному и разумному бытию, не довольствуясь заповедями и нормами прошлого и настоящего

¹ Коммерсантъ, 2003, 12 июля. С. 2.

го. Она находилась в постоянном творческом, нравственном, научном поиске с целью поднятия справедливого коллективного и культурного индивидуального бытия человека на новую, более высокую социально-нравственную ступень.

Всё это во многом определило его духовные и нравственные искания и ценности. «Мы всё ещё знаем так мало в "загадочном" мире социальных событий, – пишет он, – что любое реальное знание имеет большую ценность»¹. Работы Питирима Сорокина имеют ярко выраженный социологический характер, так как предметом исследования является общественная и культурная социодинамика.

Во время обучения в учительской семинарии села Хреново, Кинешемского уезда, Костромской губернии познакомился с Николаем Кондратьевым, подружился с ним и пронёс эту дружбу через многие годы борьбы и научного труда. Они с ранних лет вошли в революционное движение, которое расширило их мировоззрение, сформировало политические убеждения, укрепило характер. Но в 1906 году сначала Питирим, а затем и Николай были исключены из семинарии за неблагонадёжность и революционную деятельность. После исключения из семинарии с помощью профессора К.Ф. Жакова Питирим Сорокин стал слушателем вечерних Черняевских курсов, по окончании которых сдал экстерном за гимназию. Вслед за ним шёл и Н. Кондратьев.

В 1909 году Питирим поступает в психоневрологический институт, где кафедрой социологии возглавлял М.М. Ковалевский, а в 1910 году П. Сорокин перевёлся на юридический факультет Петербургского университета, в 1914 году блестяще его окончил. Большое влияние на формирование Питирима Сорокина оказал профессор М.М. Ковалевский, у которого Сорокин работал личным секретарём до 1913 года. В этом же году П. Сорокин выпустил своё первое большое исследование «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали». Так начался научный путь молодого учёного.

После Февральской революции Сорокин стал редактором правозесеровской газеты «Воля народа», где опубликовал несколько десятков статей. Он, активный участник революции, попадает вместе с Кондратьевым в секретари к Керенскому. После Октябрьской революции они оба содержатся под арестом в Петропавловской крепости, а после выхода на свободу Сорокин был приговорён к расстрелу за активное содействие эсеровскому движению. Спас от расстрела В.И. Ленин, его статья – «Ценное признание Питирима Сорокина»², в которой он научно проанализировал поступок Питирима Сорокина, его отказ от политической деятельности и стремление посвятить себя науке и народному просвещению.

После освобождения он продолжал научную работу в Петроградском университете, где издана его книга «Система социологии. I, II». (Петербург, 1920 г.) Этот фундаментальный труд поставил П. Сорокина в число ведущих социологов России XX века. Он не утратил своего значения и по сегодняшний день. Это вовсе не означает, что в трудах П. Сорокина всё истинно и свято. У него было немало спорных положений и методологических неточностей. Однако многие его работы, особенно по национальному вопросу, отличались чёткостью и глубиной, прогностическим даром, умением составлять обоснованные государственные программы.

Учёный глубоко переживал настоящие и будущие трудности России, несмотря на то, что свято верил в будущее России, стремился вселить оптимизм и

¹ Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М.: 1992. С. 239.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.

патриотическое сознание соотечественникам и свято верил в то, что сознание соотечественников, как бы ни было тяжело народу, преодолеет все препятствия и выйдет из тяжёлого положения. Он ясно понимал, что смутные времена были и в прошлом, захватчиков было немало, но наступали другие времена, выдвигались новые проблемы и противоречия. Всё это требует, по мнению Питирима Сорокина, тщательного изучения высококомпетентными людьми и большими патриотами России. Только в этом случае не будет профанации. Он был за развитие национальной цивилизации. Успех придёт и будет обеспечено возрождение. Он писал: «Рост русской науки и поддержание ее независимости и суверенитета могут быть достигнуты только благодаря глубочайшей преданности, любви и готовности ее членов жертвовать своей жизнью своим состоянием и другими ценностями ради спасения своего Отечества в критические периоды».

Как тут не вспомнить ещё раз известную статью В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Ленин писал по этому поводу: «...мелкая буржуазия, по ее экономическому положению более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом»¹.

Прошу читателя обратить внимание на то, что В.И. Ленин умел ценить революционеров, выходцев из среды мелкой буржуазии за их революционный дух. Далее, из этого рассуждения В.И. Ленина видно, что Питирим Сорокин был выразителем интересов среднего класса, ускорение формирования которого ныне выступает как главная задача возрождения российской жизни. Это очень важный и весомый аргумент в пользу публикации и тщательного изучения трудов Питирима Сорокина в нынешний переломный момент российской истории. В течение многих лет у нас труды Питирима Сорокина изучались мало и это принесло Отечеству большой экономический, человеческий и экологический урон.

П.А. Сорокин был выслан в 1922 году из страны вместе с большой группой учёных и литераторов. Около года провёл в Чехословакии, выпустил там ряд книг, в том числе «Современное состояние России» в 1917–1922 гг. В октябре 1923 г. переехал в США, где и оставался до конца своей жизни.

Однако трепетные чувства к Родине у крупного учёного, выгнанного из неё, были чисты и бескорыстны. Он отбросил личные обиды и всемерно стремился дать объективную оценку процессам развития русских и других государств в новое время. Он был кровно обижен высылкой из России, хотя и глубоко понимал причины изгнания. Он был выше обид и понимал, что в жизни существуют не только беды, репрессии и злодеяния, но и большие успехи с русской удалей и патриотизмом. Он признал в своё время большие успехи широкомасштабной индустриализации, коллективизации, достижений науки и культуры.

В статье, опубликованной П. Сорокиным в 1967 году (незадолго до его кончины) содержится обобщённый и концентрированный анализ развития национальных отношений в России. В нём он приходит к выводу о том, что преобразование «восточных славян в русскую нацию» произошло во время создания первого Киевского государства. Эта точка зрения автора обосновывалась этни-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.

ческим аргументом – включением в неё трёх восточнославянских народов и важным духовным фактором – принятием христианства на Руси.

* * *

Понимание научных взглядов Питирима Сорокина неоднозначно. Вместе с тем, в свете обострившихся в нашей стране межнациональных конфликтов и этнических столкновений некоторые общетеоретические соображения Питирима Сорокина представляют несомненный интерес. Его высказывания проясняют многое в нынешней ситуации, сложившейся в Прибалтике, Закавказье, Молдавии, на Украине. В своей работе П. Сорокин не рекомендовал увлекаться помощью другим странам, чтобы не истощать силы родной России.

Это мы поняли сравнительно недавно. Предвидя наши трудности и осложнения, он призывал нас хорошо трудиться, когда бедственное положение в семье и в стране в целом, не бездельничать, не ждать подачек от «добротного дяди». Русскому народу, особенно после Октябрьской революции, никто не помог, всего мы достигли только своим собственным упорным трудом. Особенно ценными являются наблюдения социолога в области национальной психологии нашего народа. Он указывает на удивительное сходство американского и русского психологического склада. Направленность устремлений на ускорение научно-технического процесса в проведении хозяйственных реформ. Он справедливо пишет о широте русской натуры, чуждой национальной ограниченности. Он на стороне российских патриотов.

Питирим Сорокин находит сходство черт характера американцев и русских, их трезвость, предприимчивость, уравновешенность, практичность, смелость. Он видит, что благодаря этой смелости наши народы освоили громадные пространства. Россия и США были союзниками во второй мировой войне. Необходимо учесть, что русско-американский мыслитель многие годы жил и работал в США. Он понял, что нет оснований для враждебности американского и русского народов. Крупные американские исследователи пришли к правильному выводу, что патриотизм России и населяющих её народов не является угрозой и опасностью для Америки. Русская душа наполнена гуманизмом, доброжелательностью в отношении других народов.

В истории человеческого общества, считал П.А. Сорокин, нет постоянной тенденции ни к всеобщему равенству, ни к чрезмерной дифференциации, поскольку тенденция социальной пирамиды к возвышению дополняется тенденцией к уравниванию.

Возрождение Отчизны, по мнению Питирима Сорокина, будет обеспечено лишь в том случае, если будут подготовлены в широких масштабах высококомпетентные люди, настоящие патриоты России, учитывающие в полной мере национальные особенности, традиции русского менталитета, интеллектуальные силы других народов, населяющих Россию.

Примером такой деятельности является мировоззренческое, социологическое творчество Питирима Сорокина.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

Э.Г. Кочетов

**КРИЗИС БЕЗ ПРИКРАС: ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ЗАБИНТОВАНО «ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОГОВОРом».
ВОПРОС ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО РАНГА – КАК ВЫРВАТЬСЯ
ИЗ ЭТИХ «ЗАСТЕНКОВ»? [1]**

Чтобы закабалить человека, нужно подвести под него общественный договор: далее он сам довершит начатое.

Свобода – величайшая ценность, – современному человеку неведома. Закованный в «Общественный договор», – иначе, в миллионы встроенных одна в другую клеток, – он рвёт только ближайшую. «Мир» «спокоен» – человек гибнет где-то «там», в глубине: в глубине несвободы! Уснувшая мировая совесть человечества!! Его нечувствительность – тысячелетиями дубленая «кожа»! Кризис обнажил эту нечувствительность! Проблема первого ранга – как вырваться из тисков общественного договора, каковы его базовые, корневые установки и каковы предпосылки выхода из договора? Для этого следует уяснить, как сформировался «современный» человек, и каковы условия, в которых шла его «выделка». Ниже я «прикасаюсь» к этой проблеме.

**Тяга к осознанию перемен грандиозного масштаба
НИКОГДА НЕ ПОКИДАЛА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА**

Бывают ситуации, когда интеллект берёт длительный отпуск, своеобразные каникулы, насытившись мирозерцанием и придя к успокоению и внутреннему заключению, что ситуация развивается в рамках открытых закономерностей, что жизнь движется по расчётным траекториям, что горизонты чисты и свободно просматриваются, что отклонение от траектории – суть возмущения вокруг векторов движения. Интеллект даже засыпает, в лучшем случае – погружается в самолюбование пройденным путём, а в худшем – становится на путь эстетствующего, элитарного кропания.

И вдруг – толчок. Пробуждение. Ощущение того, что где-то рядом незримо и неспешно пронесли загадочные знаки как необычное свидетельство чего-то, расписку за что-то. И невольно оторопь овладевает человеком от предчувствия приближения этих знаков как вестников судьбы и рока. Интеллект просыпается и вновь обращает свой взор к глубинам сознания в поисках ответов, объясняющих мир, который вновь мгновенно приблизился к человеку. Интеллект спохватывается – кризис!?! – и пристально, «ледяным оком», начинает вглядываться в него в поисках объясняющего знания.

Ситуация, похожая на вышеприведённую, сложилась в канун XXI в., на переломе тысячелетий (хотя проснулось человечество и сбросило оцепенение только на пороге 2009 года). Моему поколению выпал редчайший случай – мы стали свидетелями въезда в следующее, третье тысячелетие. Один раз в тысячу лет человечеству выпадает счастливый повод остановиться, оглянуться окрест (и

на себя тоже) с попыткой задержать свой взгляд на величии пути пройденного, а вместе с тем осознать всю трагичность, нелепость, чудовищность ряда опорных событий, которые во многом становятся поворотным пунктом в судьбах мировых парадигм бытия. Мир сорвался «с петель», он стал насыщаться такими событиями взрывного характера, которые не укладываются в формат устоявшихся представлений, логику мирового развития (логистику текстов). Даже ближайшие контексты событий не проясняют истоки их происхождения и направленность протекания. Впервые мировое сообщество осознало не только **мизерность объёма накопленного знания** (и прежде всего гуманитарного), но и **грандиозность сферы незнания**, ущербность бытующей сейчас технологии освоения этой сферы – гносеологии, огромное запаздывание в осмыслении надвигающейся ситуации.

И невольно человека посещает смутная догадка: не в том ли кроется причина тревоги и непонимания ситуации, что наше сознание носит отстранённый характер, пропитано традиционными подходами, где абстрактно-идеальное вытравило способность реагировать на яркое многообразие жизни, постоянно меняющиеся ситуации? И не вступил ли мир в эпоху парадигмальных преобразований и не стучится ли в наше сознание **новый мир**? Случай редкий, по историческим меркам – уникальный.

Тяга к осознанию перемен грандиозного масштаба никогда не покидала сознание человека. И эту тягу к переменам, и их масштаб определяют здравый смысл и здоровое начало в человеке. На переломе тысячелетий это чувство буквально витает в воздухе, оно обострено до предела. «Как известно, миром движут идеи, и чем идея крупнее, чем она масштабнее, чем она стратегичнее, тем больше шансов на то, что эта идея овладеет людьми и, значит, повлияет на ход истории. Стратегия отличается от тактики главным образом горизонтом времени, успех в мире приходил всегда к тем народам, которые мыслили категориями столетий или хотя бы десятилетий. Те народы, которые заглядывали вперёд лишь на месяцы или годы, уходили в небытие» – прозвучало на заседании «круглого стола» «Человеческий капитал в стратегии национального развития» (РИА-центр и фонд «Единство во имя России», 13 марта 2007) [2].

На исторической оси, измеряемой тысячелетиями, таких интеллектуальных всплесков немало, так, «...наиболее стратегическим в истории человечества государством всегда был Китай, с его концепцией Поднебесной, чья цивилизация насчитывает минимум 5 тысячелетий, а скорее, 7. И я думаю, не случайно, что каждый пятый человек на планете – китаец» [3]. А возьмём американскую мечту, как символ национальной гордости американцев осознающих свою миссию в этом мире, лозунг обеспечивший «...весьма далекий горизонт у американской политики, которая направлена на обеспечение безусловного лидерства в научно-технической, военной, финансовой сферах для продвижения собственной модели развития». И далее: «Россия тоже имела опыт достаточно стратегических концепций. Наиболее стратегической... была на самом деле концепция "Москва – Третий Рим", которая была стратегией создания самого крупного в мире и самого правильного христианского государства, причем провозглашена эта концепция в то время, когда границы Московского государства едва доходили до Вязьмы, и доктрина эта привлекла русских на берега Тихого океана, в Калифорнию, в Форт-Руссе» [4].

То, что история зафиксировала эти всплески – факт. Число их можно преумножить: досократовский ослепительный всплеск жизнеутверждающих идей –

V в. до н. э. – эллинская заря человечества. Китайский Ренессанс эпохи императора Чжу Ди (XV в.). Эпоха Великого европейского возрождения (Ренессанс) XV–XVI века. Человечество по-разному приходило к своим парадигмальным поворотам, разными способами и с разным результатом. Среди них – лозунг (кличь), брошенный в нужном месте и в нужное время: «свобода, равенство, братство», открывшие зрелую эпоху капитализма, а лозунг «пролетарии всех стран объединяйтесь», как воплощённый призрак коммунизма, «бродившего» по Европе, был «привит» на здоровом теле России и в сознании огромного числа людей, а изверский лозунг: «каждому – свое» национал-социализма, вывешенный на воротах одного из фашистских концлагерей и вдохновивший целую нацию, и как следствие, бросивший мир в пожар мировой войны. Или, к примеру, Мартин Лютер с его знаменитым лозунгом «на том стою и не могу иначе», «прибитым» на ворота костела: лозунг не только разорвавший ход религиозного обустройства мира, но и закрепивший на целые столетия иной религиозный пафос многих народов.

Сопоставляя в вышеуказанном ряду колоссальные всплески миропонимания и мироосознания я хочу особо подчеркнуть два момента:

– во-первых, огромную притягательную силу ясных и чётких парадигмальных постановок и их чудовищную силу, сконцентрированную в их кратких формулировках, способную направить сознание огромных масс населения в нужное русло развития;

– и, во-вторых, (одновременно с этим) подчеркнуть убийственную силу лозунгов, жестов, поз, красивых фраз, разрушающую ткань бытия, зачастую вуалирующих, прикрывающих глубоко скрывающиеся истинные цели, мотивы, и движущие пружины, а именно безмерную тягу к пластике сознания, к эквилибристике людьми, странами, миром. Их развенчание связано с гигантскими трудностями, зачастую это приходит очень поздно: цена их – смерть целых верениц молодых поколений, брошенных на алтарь этих лозунгов, жестов, поз и красивых фраз и скрытых за ними абстрактно идеальных парадигм. Как правило, в этих оболочках выхолащивается самая первозданная ценность человека – его жизнь, она не берётся в расчёт и только в моменты подведения итогов очередной мировой бойни человечество на время приостанавливает свой стремительный исторический бег, сознание человечества, его разум «горящим оком» осматривается окрест, и, – подсчитав чудовищное число отправленных в мир иной молодых людей, – предъявляет счёт старым парадигмам, во благо которых совершено это деяние, опрокидывает их и... заменяет их новыми «радугами». Вот почему сегодняшний мир осознал новую гигантскую проблему – проблему развенчания опаснейших задумок парадигмального характера, вычисления убийственных трендов их развития. Одно из них – завлечённость человека в застенки «общественного договора». Здесь я особо заостряю внимание читателя!

ПОИСК НАЧАЛ ЗАРОЖДЕНИЯ И ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ ОПАСНЕЙШИХ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Но у читателя может возникнуть вполне резонный вопрос к такому заходу на проблему: стоит ли занимать себя всем этим в тот бесконечно малый миг, имя которого – жизнь, т. е. миг, отпускаемый природой каждому человеку, как стреми-

тельный прыжок из материнского лона на небо? Ведь во время этого краткого прыжка ещё нужно успеть что-либо сделать: завести наследника, построить дом, посадить дерево, написать книгу или что-то ещё в этом роде (так, во всяком случае, трактуют жизнь расхожие философские установки).

Но в том-то и дело, что наш мир уже не способствует совершению этой умильной картинки: он отлавливает этих прыгунов уже на взлёте прыжка и преждевременно сводит их в могилы. Вот здесь-то и возникает вопрос самого высокого (тысячелетнего) ранга: кто «прочертил» такую траекторию и судьбу? а могут ли существовать другие мироустройства, другие основания для прихода в этот мир и другие жизненные траектории и кто опишет этот другой мир, его спроектирует, возведёт другое мироздание и его обустроит? И на каких основаниях (опорах) оно будет возведено? И не рождаются ли уже люди, которые несут в себе эскизы этого мира – с новыми представлениями, задачами, целями, смыслами и мотивациями?

Для поисков ответов на эти вопросы нужно вооружиться не только полным набором современного научного инструментария, выступающего не только в форме сугубо научных, традиционных направлений, дисциплин, но и включающего в себя другие формы научного знания, получивших в нашей науковедческой рефлексии (по М. Чешкову) имя «совокупное знание». Но этого мало! – необходимы новейшие, нетрадиционные теоретические и методологические подходы. Здесь мы, приступая к этой проблеме, можем обозначить пока только общий маршрут (схему) поиска и «технологии» развенчания. Выскажем их в аксиоматической форме посредством необходимых постулатов (на счёт достаточности их оставим пока вопрос открытым).

Постулат первый. Экскурс в историю и аккуратность совместимы: от нас скрыты истинные мотивы событий – сверхзадачи правители всегда держат в уме.

Постулат второй. Только в периоды тектонических разломов мировой истории обнажаются в настоящем духовные корни будущего. Устранить разломы – значит вновь укрыть корни и тем самым сохранить жизнь.

Постулат третий. Новейшие области гуманитарного знания, – гуманитарная космология в купе с глобалистикой и геоэкономикой – вывернули человека «наизнанку»: обнажились его истинные «стратегические» начала; они оказались до смешного просты и непритязательны: человек хочет жить! У некоторых это вызывает ужас (у геополитиков и властителей всех мастей, например).

Постулат четвёртый. Любители парить в сфере идеального – что вещие птицы: они живут ни на земле, ни на небе. Они снуют между богами и людьми и нигде не находят покоя! Мораль – надо вовремя определяться.

Постулат пятый. Сплавьте ваши техногенные порывы с живой сущностью человека и вы получите переграниченный кристалл: он засверкает мириадами оттенков всех цветов в преддверии нового Ренессанса.

Постулат шестой. Только однажды, спокойно покажите, что человек не есть машина, – и весь этот техногенный мир разлетится на куски.

Постулат седьмой. Человек и мир, им сотканный, единый, многоликий, деятельный и подвижный. Бойтесь мировой оседлости и вселенской скуки.

Постулат восьмой. Пластичность сознания – вот та идеальная почва, которая приспособлена для возвращения парадигмальных поворотов, как жизнеутверждающих в своих началах, так и опасных для жизни.

Постулат девятый. Чтобы определить архетип парадигмы, необходимо уяснить природу рефлексий сознания, дающий толчок к их зарождению: здесь выбор небольшой, ложное знание [5] погружает в сон разум человека, а известно: «Сон разума рождает чудовища» (Франциско Гойя).

Постулат десятый. Бесполезно для «сегодняшнего» человека копаться в парадигмах прошлого, а тем более, вновь повторять их: они рождались «в иных» условиях, «иными» людьми и для «иных» целей.

Постулат одиннадцатый. Новые парадигмы лежат в сфере нового знания. Отправляясь в экспедицию за ним, мы обязательно найдём и новую парадигму мирообустройства. Вот почему во все времена так опасны для «парадигм своего времени» были первопроходцы в сферу незнания. К их сознанию предъявлялся строгий счёт: вместе с ним, они, как правило, лишались и головы. Пример рядом: Ян Гус, Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Джордано Бруно, П. Флоренский, Н. Кондратьев, и др. [6].

Постулат двенадцатый. Вживайтесь в рефлексию властителей, подыгрывайте им во всём и вам станет предельно ясно, что ждёт вас в будущем. При этом сумейте вовремя унести ноги, ну и, естественно, вместе с головой, но иногда с головой в «подмышке» (для тех, кто замешкался).

Постулат тринадцатый. Чтобы закабалить человека, нужно подвести под него общественный договор: далее он сам довершит начатое.

Постулат четырнадцатый. Свобода – величайшая ценность, – современному человеку неведома. Закованный в миллионы встроенных одна в другую клеток, он рвёт только ближайшую. «Мир» «спокоен» – человек гибнет где-то «там», в глубине: в глубине несвободы! (Уснувшая мировая совесть человечества!! Его нечувствительность – тысячелетиями дубленая кожа!)

«ЗАБИНТОВАННЫЙ» ЧЕЛОВЕК НА ПОВЕРХНОСТИ СКОНСТРУИРОВАННОГО (СПРОЕКТИРОВАННОГО) БЫТИЯ

Не устаём подчёркивать – наш мир меняется с головокружительной быстротой. Загляните в гигантский поток мировой информации. Она обрушивает на наши головы огромный каскад событий, при этом добавляя к ним свою интерпретацию их, раздвигая или расширяя до бесконечности их конфигурацию, перетолковывая на свой лад, искажая их смысл, направленность и адресность. Наше пластичное сознание неотступно идёт за этими поворотами событий и, как следствие, – используя свойство сознания к самоослеплению абстрактно идеальными интерпретациями, – генерирует, «конструирует» новые события и явления. Здесь я не устаю повторять с 1999 года, как заклинание, тезис: «мир – это система мифов, ставших реальностью, и реальность, опрокидывающая мифы» [7].

Вот почему наш мир хрупок. Все эти события разыгрываются на поверхности тончайшей плёнки бытия. Если структурировать всю эту массу событий и их интерпретаций (а их держит особое информационное поле, где всемирная паутина ИНТЕРНЕТа, газеты, журналы, книги, радио, кино и телевидение неустанно обрамляют информационный пласт, переваривая события на все лады и постоянно обрушивая их на головы обывателя [8]), то следует заметить, что львиная доля информации имеет шумовой характер, т. е. в принципе недостоверный, масса событий не имеет подтверждений, сминаются другими событиями, проти-

воположными первым, но заставляющие к ним опять же прислушиваться. И так волна за волной. Отсюда впечатление – мир гетерогенен, сверкающий всеми красками многообразия. А на самом деле мир прост! Ему не хватает Ренессансной простаты, спокойного, эллинского взгляда.

Ранее, я уже отмечал [9], что поводом к информационному взрывному буму дают сигналы, которые формируются не в этом тонком слое бытия, а в других его глубинных сферах и истоки которых лежат вне сферы нашего обыденного сознания: эти сигналы лежат в плоскости опор мироздания. Именно там идёт скрытое, чудовищно напряжённая неспешная работа. Именно оттуда идут сигналы на поверхность бытия, которые выступают на нём в форме «явлений» событий, но доходят до нас в качественно другом виде, переиначенном и перетолкованном, раздутые до мирового масштаба или наоборот – незамеченные или искусственно принижённые, умалённые [10]. Иными словами мы имеем дело с огромным информационным лагом.

Такая постановка вопроса выводит нас к новому пониманию «природы новых вещей». Возьмём, к примеру, проблему безопасности. Казалось бы, понятное, простое и вполне объективное явление – безопасность человека и его жизни, – в этом гигантском перетолкованном информационном поле нагружает человека и в целом человечество огромным каскадом страхов, тревог, опасностей, угроз, вызовов. Часть из них – дань досужих рассуждений, выдумок, галлюцинаций, мифов. Сколько в них криков, стонов, катастрофизма! Однако вместе с тем **галлюцинации-мифы становятся реальностью: перед нами «забинтованный человек»**. Но, наряду с этим, трудно отсеиваются реально значимые, первостепенные угрозы, вызовы и опасности жизни человека. Их масштаб и значимость имеет другой ранг, не локальный, региональный или даже глобальный – речь идёт об угрозах, опасностях и вызовах тысячелетнего ранга. Перечислим их: до виртуозности и филигранности отработанны способы и приёмы абсолютного изнурения человека: алкоголь, табак, секс, наркотики, «общественный» договор, идеологии, религиозное сознание, образование как дрессировка, разделение труда (монотонная специализация), властная лестница (иерархия). Такая же ситуация с другими перетолкованными и переиначенными категориями и понятиями: к примеру, «национальные интересы», «устойчивое развитие» и др., которые не сходят с уст человека.

Таким образом, вышеотмеченный сюжет подводит нас к выводу о том, что «мировой топор», занесённый над каждым человеком и над миром в целом [11], лежит не под «мировой, глобальной лавкой», а в космологических глубинах самого человека, у опор нашего мироздания (мироустройства). Именно там идёт зачастую невидимый для нас процесс совершенно новых, необычных, нестандартных подвижек и трансформаций и самого человека и мира, который он создал (сконструировал). Именно оттуда, через космологическую оптику, просматривается та чудовищная закабаляющая (бинтующая) человека сеть («стальной панцирь») имя которому – «общественный» договор.

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ» ДОГОВОР КАК ДОБРОВОЛЬНАЯ СИСТЕМА ЗАКАБАЛЕНИЯ ИЛИ СВОБОДА КАК «ОСОЗНАННАЯ» (КЕМ?) НЕОБХОДИМОСТЬ

Идея общественного договора восходит к Ж.-Ж. Руссо. Он впервые провозгласил, что в основе управления обществом должен лежать общий интерес его членов, признаваемых равными перед законом, и что народ, подчинённый законам, должен быть и автором этих законов [12]. В основу подавляющего большинства современных государств, по крайней мере, формально, положены эти принципы. Со-

временные государства повсеместно культивируют техногенность с теми или иными её оттенками. Однако, обустройство мира невозможно при игнорировании центрального действующего лица и конечной цели этого обустройства – человека: задача приспособления мировой системы к потребностям мирового сообщества не может быть решена без привлечения философской антропологии..

Сегодняшний мир дело рук самого человека! Человек немислим вне среды обитания. Развив в себе способность к сознательному творчеству, он к природе «присотворил» себе ещё и мир рукотворный – гигантский сонм внешних институтов – и привёл его в движение. Этот мир обрёл способность к саморазвитию, самоорганизации. Помимо этого, будучи центральной и единственной на Земле мыслящей общественной фигурой, человек выстроил в своём сознании не только гигантский мир отношений вовне, но и мир внутри себя (духовно-нравственный, этический, эстетический, культурный). Человек сам создал для себя глобальную ауру, сам воздвигнул огромную цивилизационную колесницу, приковав себя к ней тысячами нитей и, придав ей неудержимый бег, подчинил свой бег её ритму. Теперь же пытается в своём беге увернуться от её бешеного темпа. 2009 год. Колесница неумолима, – она «наехала» на него!

Таким образом, в условиях современной техногенной цивилизации человек зависим от этой «машины», которую он уже не может не только наращивать, но и воссоздавать. Он оказывается «слабым звеном» глобального технологического механизма, который подчиняется уже не человеческой, а своей собственной логике. Происходит развитие «человеко-машины», а не человека.

Для гуманистического разрешения этих противоречий необходим демонтаж техногенных структур, назначение которых – переработка (перемалывание) ресурсов как самоцель, постоянное укорачивание циклов жизни товаров, укладов, инфраструктур, жизни человека, безудержная генерация новых приёмов труда, высоких технологий и т. д. в угоду беспрестанным инновационным революциям, взрывам и переворотам. Техногенная цивилизация близко подошла к порогу нового Ренессанса (как возрождение природных начал в человеке), за которым открывается дорога к новому Мирозданию. В основе безудержных мировых трансформаций лежит генная память здорового начала в человеке. И бесконечно повторяющееся возрождение (ренессанс) этих начал – вот ключ к процессам быстротекущих изменений, ключ к гуманитарному космологическому повороту. Предстоит кардинальный пересмотр ценностного ряда, смысла и содержания общепринятых понятий и категорий.

Так, пересмотру подлежит общепринятое представление об «устойчивом развитии». Существующая концепция устойчивого развития ставит целью стабилизацию тех воспроизводственных циклов, которые нуждаются в непрерывном расширении своего ареала и в бесперебойных поставках ресурсов практически всех стран мира. Такое развитие вступает в противоречие с понятием устойчивости, так как для его поддержания требуется непрерывная экспансия. Чтобы обеспечить действительно устойчивое развитие необходима устойчивость процесса гармоничного синтеза этнонациональных и индустриальных моментов, устойчивость формирования этноэкономических систем. В этом отношении примечательны рассуждения известного российского экономиста В.В. Соколова:

«С тем, что мировая система не соответствует потребностям мирового сообщества, трудно не согласиться. Более того – можно добавить, что по суще-

ству она не соответствовала им никогда с тех пор как стало возможным вообще говорить о мировом сообществе. Именно это несоответствие стало источником мировых войн, всех важнейших революций последнего столетия, а в новейшее время – глобализации.

В общественных науках недостатки мировой системы, как правило, сводятся к препятствиям, которые она воздвигает на пути развития производительных сил. Между тем ее главная проблема, возможно, состоит не в этом. Скорее можно говорить о том, что система направляет эволюцию по такому пути, на котором препятствием для развития становятся сами люди. Выясняется, что они неспособны адаптироваться к изменениям окружающей природной, социальной и культурной среды. Они неспособны даже освоить те преимущества, которые им реально дают перемены, потому что раньше, чем они успеют их освоить, механизм достижения этих преимуществ изменится. "Негибкое" население оказывается помехой для развития мировой системы. Каждый, кто мыслит демократически и гуманистически, не может не видеть в этом не "техническую" проблему, а вопиюще скандальный парадокс. Проблема для него состоит не в том, чтобы максимально ускорить адаптацию, а в том, чтобы обеспечить ее двусторонний характер: не только население должно адаптироваться к потребностям системы, но и система – к потребностям населения. А поскольку потребности различных территорий весьма различаются между собой, мир "мира без границ", основанного на едином глобальном законодательстве, тает в воздухе. Можно вспомнить в этой связи ряд фактов – от многочисленных неудач на переговорах о либерализации международной торговли до провала проекта конституции ЕС на референдумах во Франции и Голландии и усиления популярности в ряде стран мира политиков националистического и фундаменталистского толка. При всех непривлекательных формах, которые зачастую принимает этот процесс, попытки его интеллектуального третирования также выглядят не слишком симпатично. Потому что нельзя не видеть в нем отражения позиции масс людей, неспособных адаптироваться к современным темпам трансформации общества. Между тем, задача демократии состоит как раз в том, чтобы максимально приспособить общество к потребностям составляющих его людей» [13].

Человек (и в его лице «мировое сообщество») «сколотило» для себя «мировую систему», тем самым строго регламентировав свой каждый шаг, каждый свой поступок, каждое своё осознанное и неосознанное движение, назвав эту совокупность установлений «общественным договором».

По своей структуре общественный договор условно можно разделить на две составляющие (два слоя):

1) фундаментальная его часть: непререкаемые положения и установки, своего рода «табу», поколебать которое не представляется возможным ни при каких обстоятельствах;

2) огромная надстройка (слой) правил поведения на вышеуказанном фундаменте. Этот слой общественного договора при всей его публичности провозглашения подвижен, гибок в смысле его исполнения. Здесь мирятся с любым отклонением от правил.

В верхушечном слое идёт бесконечное нарушение общественного договора и в этом же слое находят аргументы по оправданию нарушений. В этом отношении здесь идёт постоянная перекомпоновка слоя («правовая рыхлость»). Но как бы не перестраивался верхний слой общественного договора, незыблемым остаётся его фундамент. Приглядимся к нему повнимательней.

В основаниях общественного договора лежат четыре блока:

Первый. Договорённость о незыблемости права собственности.

Второй. Договорённость о незыблемости власти как института и о незыблемости её иерархии.

Третий. Договорённость о незыблемости способов и методов удержания народных масс в руках.

Четвёртый. Договорённость о незыблемости и правомочности религиозного сознания.

Отсюда ясно: какие бы не возникали в мировой системе кризисы, войны, столкновения интересов, исчезновение одних государств и империй и появление других и т. п. они с позиций «мировой системы» всегда «разрешимы и переваримы» мировой системой, она относит их к локальному масштабу и у «мировой системы» нет объединительного стимула для борьбы с подобными пертурбациями. Но это в том случае, пока не затрагивается основание (фундаментальный базис) общественного договора, ибо этот базис един для всех стран мира, для любых национальных и наднациональных структур, для всех цивилизаций, для всех общественных укладов современного мира. Но если возникает угроза четырём базисным принципам общественного договора или хотя бы одному из них, то, независимо от имеющихся разногласий, противоречий и, казалось бы, неразрешимых коллизий, идёт смыкание (негласное!) мировой системы для борьбы с покушениями на базовые начала общественного договора. История тысячелетий – свидетель тому.

Эти четыре базовые принципа заложены в основания современного мироздания и только человек, побывавший у его опор, может не только разгадать загадки современного мироустройства, но и осознанно, критическим взглядом окинуть эти опоры на предмет их прочности и надёжности, приставив (прислонив) к ним гигантские вопросы тысячелетнего ранга.

**ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЛАБИРИНТЕ ПОИСКА ОБРАЗОВ «БУДУЩЕГО»:
БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ – ОНО СРЕДИ НАС! ЧЕЛОВЕК У ОПОР МИРОЗДАНИЯ –
«ДОПРОЕКТНЫЙ» ЧЕЛОВЕК**

Собственно говоря, именно вопросы самого наивысшего ранга и определяют общие координаты измерения, масштаб и уровень рассуждений при раскрытии состояния и движущих пружин в развитии нашего мира, места и роли «человека» в нём, дают возможность рассмотреть модели его будущего существования, преломленные через методологическую оптику новейшего знания – гуманитарную космологию. Для решения этой задачи «хранитель» жизни («гений жизни») и был снаряжен в экспедицию к опорам мироздания.

Интеллект спокойно смотрит на сложившуюся ситуацию и шумно суетящуюся массу, он не спешит. Что ему дело до крикунов, их плача, стонов обывденного! Катастрофизм, страхи, опасности, угрозы и вызовы **уже** не его проблема, он оставил их далеко позади себя. Они его **уже** не впечатляют и не волнуют: он их воспринял как сигнал – нужно решать проблему высокого ранга и он отправляется в путь за новым знанием в сферу незнания.

Наученный горьким опытом (почему «горьким» – особый разговор) интеллект знает, где скрываются истинные причины ситуаций, разыгравшихся на **поверхности** бытия. Здесь (в нашей повседневной жизни) можно иметь дело только с явлениями как отблесками, сигналами, часто слабыми или искажёнными,

посылаемыми на поверхность жизни из глубин мироосознания. Когда оседают фундаменты здания, оно даёт о себе знать: на всех этажах слышится тихое «поскрипывание» – постепенно в душу закрадывается «тихий ужас» – обрушение здания. Наш случай – Мироздание.

Интеллект приступил к прояснению ситуации, к неспешной, кропотливой работе, медленно и неустанно погружаясь к опорам мироздания, к его фундаментальным началам в поисках ответов на все вопросы, но уже другого, тысячелетнего ранга. Современный мир как проблема! Снятие вопросов есть снятие проблемы [14].

Оттолкнувшись от тончайшей плёнки бытия и отправляясь к опорам мироздания, человек сталкивается с удивительными картинами по мере погружения. Для пытливого ума уже сами эти картины представляют собой чрезвычайно интересную вещь. Отправляясь в путешествие к опорам мироздания, грех не вести дневник – своего рода путевые заметки, фиксируя удивительные события на этом пути, ситуации и персоналии, проходя слой за слоем, осматривая руины прошлого, аккуратно ощупывая их и оглядывая мумии парадигм, когда-то блистательных, а теперь пребывающих в «бозе». И здесь осмотрительность особо необходима: как бы обойти стороной и невзначай не потревожить пребывающих в тихом сне «ангелов смерти»: чудовищные парадигмы извращения природы человека [15]. Осторожно обходя их, интеллект погружается дальше.

Но не только этими картинами примечательно путешествие человека в лице «гения жизни» к опорам мироздания – он проходит, повторяя свою эволюцию развития и становления, иными словами, он узнаёт себя в первоизданном виде, в человеке «первозданных» опор. «Человек у опор мироздания» и «человек на поверхности бытия» совершенно различны и по своей гуманитарной природе, и по способности восприятия мира, и по способу осознания себя.

По мере погружения он постепенно освобождается слой за слоем от гигантских наростов, привитых ему на поверхности нашего бытия и, в конце концов, предстаёт перед нами в удивительно гармоничном, ясном и чётком контуре своих первоизданных смыслов, жизнеутверждающих начал и инстинктов. Интуиция никогда не подводит интеллект – он чувствует, что что-то произошло там, в глубинах нашего сознания, в опорах Мироздания. А произошло вот что (если забегая вперёд от нетерпения и здорового любопытства, сетуя на «медлительность» и «неспешность» интеллектуальной проработки) – в глубинах сознания вскрылись его чудовищные **ошибки**. Каковы они? Где они прячутся и как обнаруживаются?

В таком состоянии и обременённый великой целью человек может смело приблизиться к опорам нашего мироздания и начать неспешную их инвентаризацию (интеллектуальное ощупывание), с той мерой классической простоты и деловитости (их признаки мы едва улавливаем в античную эпоху человеческого бытия), дающие простые и ясные ориентиры для заключения о состоянии опор мироздания, которые поддерживают наш мир – современный мир и современного его обитателя – человека. Одновременно с этим вырисовывается потрясающий вывод «человека фундаментальных опор»: здравый смысл и здоровые инстинкты не оставляют у него малейшего сомнения о дальнейшей судьбе того мира, от которого он был командирован к его опорам.

По большому принципиальному счёту здесь мы имеем уже дело с человеком, не затронутым проектным домогательством, – он не изувечен и не измордован всевозможного рода установлениями, правилами, нормами, законами, кодексами, мнениями, авторитетами, границами и др. железными обручами «Общественного договора», которые вгоняют его в стальной панцирь, разорвать который не дают

ему ни возможности современной философии, ни наука с её разросшимися до гигантских масштабов ячейками (научными дисциплинами); ни социология, постоянно терзающая его вопросами о его самочувствии, ни политология, докучающая ему приставленным к виску «дамокловым мечом» разборки элит и их вождей; ни культурология, припечатывающая человека к несгибаемым императивам моралей, этик, эстетик, культур техногенного мира; ни экономика, попадающая в тенета тех или иных формационных и цивилизационных моделей, которым слепо должен следовать человек через их непрерывное «улучшение» посредством революций, войн, реформ, сеющих чудовищное неравенство, голод, нищету и т. д.

* * *

Итак, всё ранее перечисленное подсказывает выход на одну парадоксальную мысль и вопрос: каким образом человек попал в этот стальной панцирь, почему, будучи на поверхности бытия, он не может его разорвать и освободиться от него и почему осознание этого происходит только у опор мироздания?

Мой ответ: в социальном плане человек есть продукт конструирования и самопроектирования. Этой же миссией наделено и сообщество, в котором он пребывает: мировое сообщество сколотило для себя и для человека «мировую систему» и адекватного ей – «системного человека».

Для этого созданы все условия: 1) человек заключил с миром кабальный «Общественный договор»; 2) к этому «идеально» приспособлена жесточайшая система его «образования». С младых «ногтей» толпы воспитателей, учителей, профессоров, в течение двадцати лет «выправляют» человека, придают ему нужный образ, необходимый, во-первых, для поддержания бесперебойной работы современного техногенного мира; а во-вторых, для нещадной эксплуатации человека в целях поддержания сколоченной самим же человеком мировой системы – современного мироздания.

Какие только ухищрения не присущи для технологии «выделки» [16] человека по образцу и подобию всей техногенной модели современного развития в качестве её единичной ячейки (модели). Модель человека–ячейки и модель всего мироздания строжайшим образом поддерживаются в адекватном состоянии. За этим зорко следит огромное число апологетов современного мира – философов от идеологии, учёных экспертов и т. д. Малейшее рассогласование пресекается жесточайшим способом.

И ещё один заключительный аккорд. Ясно просматриваются пределы проектного творчества. Это обусловлено тем, что бесконечные нападки на природу человека, втискивание её в заранее обусловленные рамки ведёт к накоплению мощного гуманитарного протеста, взрыву жизнеутверждающих начал и инстинктов человека. Эти начала коренным образом поменяют экономические, политические, культурные и социальные ландшафты нашего мира. В этом отношении Россия, в подсветке гуманитарной космологии, может сыграть уникальную роль: не обременённая последней фазой техногенного развития, все изнуряющими инновационными революциями, Россия может уйти в более гармоничные горизонты цивилизационного бытия – в этноэкономическую цивилизацию [17].

Но, чтобы высветить этот путь и пройти по нему, необходимо найти новые организационные формы знания. Современная наука не способна на это, она

слишком детерминирована из-за атак на неё со стороны естествознания. Мне представляется, что не помощник этому и совокупное знание: не освобождённое от техногенности оно впитало в себя абстрактные, идеально-умозрительные формы, тем самым превратившись в «полунауку». Выход из ситуации – нужна новая науковедческая рефлексия (М. Чешков). И такая рефлексия не заставила себя ждать: первая ласточка – геогенезис, глобалистика (с веером геонаук), гуманитарная космология, когнитивная география и др.

Гуманитарная космология предопределяет ещё один немаловажный аспект. С высочайшей точки обзора мировой ситуации она констатирует: в современном мире нет правых и виноватых, и те и другие в состоянии глубокого безвозвратного заблуждения. В смертельных схватках они обрекли себя – меняется всё мироздание. Здесь мощно заступает философия гуманитарной космологии: интровертность времени и пространства – их антропологизация.

Мы на пороге прихода в наш мир новых людей с одной, но «скромной» целью – развернуть перед глазами человечества широчайшую панораму-эскиз, на котором прочерчены контуры нового мироздания – мироздания нового Ренессанса. Что это за люди? Откуда они пришли? Что есть жизнь, которую они проповедают, и откуда они черпают свои жизнеутверждающие лозунги и замыслы? И что это за пьедестал, с которого они начинают пристально вглядываться в неведомое будущее? И смогут ли они (перефразируя Шопенгауэра) попасть не только в цели, в которые другие люди попасть не могут, но и в цели, которые люди пока не видят?

Первая проба сил: гуманитарная космология приступила к поиску ответов на все эти вопросы. Свою позицию в этом деле автор обозначил в книге «Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей)» [18]. По своей структуре и содержанию эта книга – **только некий первоначальный эскиз**, контур идеи, замах высветить мироздание нового Ренессанса, а также эскиз новых людей, вставших на дорогу к нему, заряженных неукротимой, нечеловеческой энергией в достижении своих целей.

Теперь на повестке дня другая задача – как из эскиза, своеобразного горельефа «вынуть» объёмную архитектуру и архитектонику и нового мироздания, и новых людей. Как подготовиться к гуманитарной революции (как порыв к новому гуманитарному Ренессансу), способной сформировать Человека-мыслителя, Человека-созидателя, Человека-гуманиста нового тысячелетия?

Для этого предстоит чудовищно сложная работа по вытаскиванию этого горельефа из плоской («железобетонной») стены нашего мира. К счастью, для этой работы уже появились соратники (сподвижники). Вместе с ними автор намерен проделать ещё несколько следующих значимых шагов в этой великой «архитектурно-скульптурной» гуманитарной работе.

РЕЗЮМЕ: НЕСКОЛЬКО НЕ СОВСЕМ «ЧАСТНЫХ» МЫСЛЕЙ

То, что мировой кризис есть системный кризис звучит уже как банальность, здесь к каждому слову можно прислонить вопрос. Интеллект не обманывается на этот счёт, он смотрит на вещи с подноготной их стороны, – он их умеет спокойно «ощупывать», добираться до изнанки. Другое дело – сознание человека. Оно время от времени подвержено «заморочкам». Интеллекту до них тоже есть дело! Его диагноз – кризис есть конец «заморочкам» сознания!

* * *

Кризис! Он же мировой, региональный, национальный! Мировое сообщество получило мощный удар по всем азимутам и совсем не с той стороны с какой ожида-

ло: с какой тщательностью и назойливостью в мире рассматривались мириады больших и малых (мельчайших!) вызовов, опасностей, угроз и со стороны геополитических доктрин, «сдобренных» идеологиями, и со стороны социального обустройства нашего мира, и со стороны цивилизационного фактора. А сколько перьев сломано по поводу опасности со стороны культурологических, духовных и пр. разночтений и оттенков. А с какой филигранностью просчитывались военно-политические балансы! Для всего этого десятилетиями готовились армии идеологов, политологов, социологов, культурологов, а возьмите массу экспертов и аналитиков, чьим каторжным трудом написаны горы книг, статей, отчётов, докладов, рекомендаций. И что?

Проспали!! Удар пришёлся со стороны экономики!! Для миллионов людей в мире стало некуда больше ходить. Нет работы. Причина? Они делали вещи и предоставляли услуги, которые никому не нужны! Не потому, что «ослаб» спрос на них, нет, они в принципе не имеют цены! Люди бессознательно, потеряв инстинкт «здорового смысла», ткали свой мир, эту прекрасную, ажурную сеть, и, как мастер-паук, они заморожены движениями своих рук! Как удар пришло осознание: нечего есть, пить, одеть! Оглянулись на себя – больное, щедедушное, деформированное тело! Прислушались к говору соседей – те с подкупающей серьёзностью говорят о вещах, которые их совершенно не касаются! Развели кумиров разного пошиба, те их время от времени водят на войны! Там убивают друг друга молодые! Матери их оплакивают и рожают всё новых и новых воинов!

Попа, звук, символ, китель стали высочайшей ценностью – за них не жалко отдать жизнь! Она – только понятие, ресурс! Слеплённость в почёте – наняли поводырей-просветителей! Они водят слепых по проторенным дорожкам. Назвали это системой «высшего» образования! Поводырей развилось жуткое количество, они надстроили над миром целые этажи! – здесь иррациональность в чести. Политизация, идеологизация, милитаризация, социологизация, культурологизация сознания повели мощное наступление на природу человека и сделали своё дело – они исказили реальный мир, сделали его больным, умозрительным, иллюзорным, открыли путь к виртуальному. Додумались даже до «постэкономики»! Средневековая схоластика и метафизика вновь постучались в наш мир, бросили вызов интеллекту!

Рациональность (а экономика – её носитель по определению) в одночасье опрокинула чудовищно разросшуюся надстройку – она её обесценила! Подорван её смысл! Миллионы людей спустила с небес на землю, в реальность. (Случай первого ранга: «белые воротнички» поспешили к станкам и полям). Причина: в мире прекратили серьёзно заниматься экономикой, её проблемами. Дружно пилили сук, на котором сидели. Ближние горизонты и повседневность (семья, дом, родители и т. п.) подменили дальними, заоблачными, иллюзорными. Здесь философы вкупе с культурологами поработали на славу: они «заобъективировали» наш мир – словам, звукам придали «материальный» вид, во все умозрительные галлюцинации стали верить как в реальность. Тем самым у человечества на «бивнях» повешен «банан-цель» (мечта, будущее и подобное) и оно послушно идёт к «своим» целям, к «своему» будущему, немало не озаботившись их достижимостью! Вот уж поистине: «...любите будущее, работайте на него, приближайте его...». Оглянитесь окрест –

будущее в настоящем – оно среди нас! Только в периоды тектонических разломов мировой истории обнажаются в настоящем духовные корни будущего.

ЛИТЕРАТУРА

[1] © Кочетов Э.Г., 2009, 26 февраля.

[2] Материалы заседания «круглого стола» по теме: «Человеческий капитал в стратегии национального развития» / <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=286354>.

[3] Там же: с. 1.

[4] Там же: с. 1.

[5] См. подробнее: *Эрнест Кочетов*. ЭТИКА НОВОГО или работа над ошибками сознания // *Безопасность Евразии*. 2007. № 4.

[6] Нужно иметь мужество размышлять о высоком. Этому учил нас Джордано Бруно: «Если бы я владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад, чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, многие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я мог бы угодить всем. НО Я ИЗМЕРЯЮ ПОЛЕ ПРИРОДЫ, СТРЕМЛЮСЬ ПАСТИ ДУШИ, МЕЧТАЮ ОБРАБАТЫВАТЬ УМ И ИСПРАВЛЯЮ ПРИВЫЧКИ ИНТЕЛЛЕКТА – вот почему тот, кто на меня смотрит, угрожает мне, кто наблюдает за мной, нападает на меня, кто догоняет меня, кусает меня и кто схватывает, пожирает меня, и это – не один или немногие, а многие и почти все». (*Дж. Бруно «О бесконечности Вселенной в мирах»*) (17 февраля 1600 г. на Площади цветов в Риме по приказу папской инквизиции был сожжён один из самых светлых мыслителей эпохи Высокого Возрождения, Джордано Бруно. «Сжечь – не значит опровергнуть» – последние слова Бруно. Есть ли сегодня идеи, за которые стоит отдавать жизнь?) (см. подробнее: К.Э. Циолковский. *Гений среди людей*. М.: Мысль, 2002).

[7] См. подробнее: *Кочетов Э.Г.* Стратегия развития: Геоэкономическая модель // *НАВИГУТ*. 1999. № 1. С. 67.

[8] Здесь у меня «обыватель» обозначен в позитивном плане – человек жаждущий ориентиров для повседневной жизни.

[9] См. с. 31–37 в книге: *Гуманитарная космология: дорога к новому мирузданию новых людей*. М.: Деловая литература, 2006.

[10] Так доходит до нас свет гигантских далёких от нас звёзд и галактик, многие из которых за время прохождения сигналов уже стали не теми, а многие из них и вообще исчезли.

[11] Здесь мы сталкиваемся с сонмом «режиссеров» разного уровня и пошиба: локального, регионального и глобального. Каждый норовит (по Чехову) вынести в первом акте той или иной ситуации (провозгласив её как «драма») «ружьё» и повестить его на стенке, приучая зрителя, что оно должно непременно выстрелить в последнем акте. Но выносить то под видом ружья стали значительно более серьёзные вещи (в зависимости от ранга безопасности): кто «обычное» оружие (от автомата до авианесущего крейсера), кто отравляющие вещества с огромной «эффективностью», кто ядерное оружие вкупе с чудом постиндустриального мира – невидимыми ракетами, ну а кто попроче – тот выносит бактериологическое оружие, снабдив бактерию или простую вошь удивительным свойством и способностью угробить полчеловечества. А оно – человечество, – как-то свыклось с их «деятельностью» и всё им сходит с рук!

[12] См.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: 1938. С. 21, 27, 33.

[13] См. подробнее: *Соколов В.В.* Ареал человечества: взгляд гуманитария-методолога // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 3. С. 113–123.

[14] Но кому решать эти вопросы: на Земле до удивления осталось мало философов. Философа вытесняет аналитик, аналитика – эксперт. Идёт фотография ситуации, «поверхности» и не более того. Набор эмпирических «стоп-кадров» выдаётся за «фундаментальную науку». Философский тип мышления стал редким. Быть философом стало «неприличным», носить это имя – оскорбительно. Извели философов по простой и понятной причине – они опасны. У них своеобразный дар – здоровый скептицизм, и «нездоровое» пристрастие. Они ко всему приставляют вопросы и ничего не воспринимают на веру, а это уже непростительно: они излечивают от галлюцинаций, они исправляют косоглазие в мировоззрении, они открывают глаза на вещи и их изнанку, от них нельзя скрыть затаённое, – иными словами – они лишают власти (развенчают её!). А это уже святое, посему судьба их трагична: Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Джордано Бруно, Галилео Галилей, А. Лосев, П. Флоренский, И. Ильин, Н. Бердяев, а возьмите «Философский пароход»: в 1922–1923 гг. цвет философской российской мысли был выслан из страны. (Идеологи что женщины – они не прощают тому, кто догадывается об их изнанке!). Здесь уже расправа не с одиночками, а с целой философской школой. Трагична участь мыслителей из других сфер (Н. Кондратьев – экономист, П. Сорокин – социолог и многих, многих других). Но философская мысль непобедима – в 2003 году в память о «философском пароходе» 1922 года из Новороссийска в Стамбул отправился теплоход «Мария Ермолова» на XXI Всемирный философский конгресс с выдающимися отечественными и мировыми философами на борту, символизируя «возвращение» в Россию философского парохода: в стране есть кому решать вопросы тысячелетнего ранга!

[15] У идеологов же вкупе с геополитиками всё наоборот: они часто навешиваются к ним и возвращаются на поверхность бытия как от пушкинского анчара, с тлетворными средствами – новыми идеологическими парадигмами и способами уничтожения всего живого, так «сходили» они за национал-социализмом, фашизмом, коммунизмом, атомной и водородной бомбой, смертельными газами и микробами и т. д.

[16] Какие только тончайшие ухищрения не присущи для процесса «выделки» человека. Они напоминают технологию выделки тончайшей кожи (хрома, лайки). Здесь огромная гамма приспособлений и дубильных веществ: идёт срезаение слой за слоем, их выдержка, покраска и т. д., и вот в такой гуманитарной «обработке» перед нами предстаёт «современный человек».

[17] См. подробнее: *Кочетов Э.Г.* Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание. М.: ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001. С. 347–377.

[18] *Кочетов Э.Г.* Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: Деловая литература, 2006. Презентации книги прошла на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций» (о. Родос, Греция, 9–13 октября 2008 года) и на Конференции в Руссенском университете, г. Руссе, Болгария, ноябрь 2007 г. (см.: Информационно-аналитический портал «VIPERSON» (Виперсон), 2009 г.).

Г.Г. Силласте

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблемы российского села всегда были в фокусе общественного внимания и всегда оставались крайне сложными для разрешения. И это неудивительно. Ведь жизнь на селе неизбежно связана с решением земельного вопроса.

Небольшое историческое отступление. 10 апреля 1907 г. Пётр Столыпин выступил в Государственной Думе по земельному вопросу. После десяти лет занятий земельным устройством, он излагает свой вывод: «*в этом деле нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа*». И далее: «*Разрешить этого вопроса нельзя. Его надо разрешать*». Что пытается власть делать и в современной России, исходя из кризисного социального, экономического и духовно-нравственного состояния российского села эпохи рыночных преобразований. Один из злободневных вопросов современной сельской жизни: *развитие государственной молодёжной политики в сельском образовательном пространстве.*

Не изменяя своему социологическому стилю анализа, изложу некоторые выводы и обобщения протекающих в этой сфере процессов в форме нескольких социологических сюжетов. При этом априори будем исходить из того факта, что молодёжь и семья на селе имеют свои особенности и весьма существенные. Они подробно раскрыты мною в двух авторских монографиях: «*Сельская школа и село России в начале XXI века*» (М., 2003 и 2005), основу которых составили результаты двух масштабных российских социологических исследований, проведённых с участием Института социально-педагогических проблем села РАО.

I. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Замечание первое: *молодёжная политика как часть политики социальной.* Молодёжная политика на селе не является автономным, самостоятельным видом политики. Концептуально она имеет интегративный характер и является составной частью государственной социальной политики. Социальная политика исходит из признания принципа государственного *патронажа* (в переводе с латинского – *отеческий, отцовский*) интересов наиболее уязвимых групп населения, к которым относится и сельская молодёжь. Но вся беда в том, что Россия до сих пор не имеет принятой Концепции единой, целостной социальной политики, охватывающей все сферы жизни общества. Чтобы быть правильно понятой, напомним содержание этого понятия.

Социальная политика означает *деятельность государства по управлению развитием социальной сферы общества, направленную на активизацию трудовой и общественной активности населения, удовлетворения его социальных интересов и потребностей.*

Как вписывается в это определение принятая Стратегия молодёжной политики? Два понятия концептуально воедино не связаны. Молодёжная политика

изложена в Стратегии фрагментарно в форме **семи** конкретных **проектов** работы с молодёжью. Среди них:

1. Молодёжная информационная сеть «Новый взгляд»
2. «Доброволец России»
3. «Карьера»
4. «Молодая семья России».
5. «Команда»
6. «Успех в твоих руках»
7. «Шаг навстречу»

Чтобы преодолеть некую заземлённость, фрагментарность молодёжной политики, следует очертить масштабы социальной *деятельности* государства, местных институтов власти, руководителей сельских школ по её реализации, соединить её с Национальными проектами. Они определяют конкретные направления деятельности государства в самых болезненных сферах социальной политики: здравоохранения, жилья, образования, сельского хозяйства. Поэтому буду апеллировать к ходу реализации этих Проектов в сельской местности, исходя из результатов всероссийских социологических опросов населения и представителей органов местного самоуправления в сельском социуме, глав муниципальных образований в регионах.

Второе методологическое замечание – *расширительный контекст понятия «молодёжь»*. Стратегия молодёжной политики (СМП) расширяет принятые в социологии возрастные рамки молодёжи. Вместо традиционного диапазона с 16 до 30 лет (принятым в социологии и в демографической статистике) стратегия МП опускает нижнюю планку возрастной группы на два года, указывая, что молодёжная стратегия *«ориентирована преимущественно на граждан в возрасте от 14 до 30 лет»*.

Таким образом, объектом принятой Стратегии является расширенная возрастная когорта молодых людей с 14 до 29 лет включительно. Ответ на вопрос о том, какова численность этой группы населения в его общей структуре официальные статистические справочники (в частности, «Демографический ежегодник России») не дают. Согласно Всероссийским переписям населения, по возрасту выделяются группы: 5–9 лет; 10–14 лет, 15–19; 20–24; 25–29 лет, 30–34 г., а также суммарная группа 15–49 лет. Поэтому сказать, сколько численно составляет добавленная авторами Стратегии возрастная когорта, видимо, могут только местные органы статистики.

Что означает для практики нововведение, о котором идёт речь? – Прежде всего, дополнительную дифференциацию работы с молодёжью. В рамках нового возрастного диапазона в его структуре по социологическим критериям можно выделить несколько социально-демографических групп:

- подростки – (возраст 14–16, период отрочества)
- юношество – (16–18 лет, период юности)
- студенчество + начало трудовой деятельности (18–23 г.)
- трудящуюся молодёжь (23–29 лет, молодёжь на рынке труда и занятости).

Учтём, что в целом группа населения от 15 лет до 72 относится к категории *«экономически активное население»* (если представители этой группы работают или считаются безработными).

Итак, в орбите молодёжной политики теперь **не три, а четыре** категории молодёжи (*введены подростки, ранее относимые к категории «дети»*). Эти группы отличаются уровнем социальной активности, социальными установками, жизненными планами и возможностями их реализации. В каждом проекте указы-

ваются рекомендуемые возрастные рамки и тем самым выделяются два этапа социализации сельской молодёжи:

➤ до трудовой (юность, весь период обучения. Иначе говоря, образовательная социализация)

➤ трудовой (самый активный – до 30 лет).

В «Стратегии молодёжной политики» предлагается даже разработать **«систему измерений, позволяющих сопоставить качественное улучшение положения молодёжи с общими показателями развития ситуации в стране».**

Методологическое замечание третье: завышенный молодёжный оптимизм в социальных оценках сложившейся ситуации.

При анализе ситуации в обществе и в молодёжном социуме надо учитывать, что при реализации, будь то молодёжной политики или шире – социальных реформ на селе, оценки молодёжного общественного мнения относительно происходящих перемен всегда заметно оптимистичнее, чем у представителей более старшего поколения, т. е. их родителей (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная оценка материального и экономического положения в сельском социуме в зависимости от возраста (в % к числу опрошенных)*

«Как оцениваете материальное положение своей семьи?»	Селяне (в целом)	Молодёжь (до 29 лет)	«Как оцениваете экономическое положение в вашем сельском районе»	
			Селяне	До 29 лет
Очень хорошее и хорошее	9	16	4	16
Среднее	53	59	40	49
Плохое	33	17	36	26
Очень плохое	3	4	13	4
Не ответили	2	3	7	6
«Как считаете, дела в России в целом идут в правильном или в неправильном направлении?»				
	Селяне	Молодёжь		
В правильном	26	44		
В неправильном	38	23		
Затруднились ответить	36	33		

*Вестник общественного мнения. Центр-Левада, 6/2006 с.66,80

75% опрошенных в возрасте до 29 лет считают материальное положение своих семей *средним* и значительно реже – *хорошим*, тем более «*очень хорошим*». По мнению 44% молодых сельских респондентов, дела в России идут в *правильном направлении*. Хотя среди их родителей такие оценки высказываются в полтора раза реже. Объяснение оптимизму молодых заложено в специфике молодёжной психологии и положения в семье в качестве иждивенца. Поэтому улучшать положение молодых селян надо, прежде всего, с улучшения положения родительских семей.

Четвёртое методологическое замечание – Социальная активность молодёжи: её формы, виды и специфика на селе. Как известно, *социальная активность молодёжи – это целенаправленная деятельность молодых людей ориентированная на преобразование объективных социальных условий и на формирование социальных качеств собственной личности.* Не будет преувеличением утверждение, что социальная активность сельской молодёжи является важным средством реализации государственной молодёжной политики. Главное, чтобы по своему содержанию и направленности активность молодёжи соответствовала бы интересам и потребностям общества на данном этапе его развития, хотя это происходит далеко не всегда.

Все **формы** социальной активности молодых – индивидуальная, групповая, коллективная и организационная – связаны с конкретными социальными условиями

жизни и играют важную роль в социальной и молодёжной политике. Что касается **функций** молодёжной социальной активности, то выделю важнейшие из них:

- *функции самореализации;*
- *регулятивная;*
- *воспитательная;*
- *конструктивная;*
- *деструктивная.*

Основными **сферами реализации** молодёжной социальной активности являются:

- образовательная;
- трудовая;
- общественно-политическая;
- досуговая (социокультурная);
- информационная;
- военная (служба в армии).

Как сегодня развивается социальная активность сельской молодёжи?

Об образовательной активности легко судить по ...

- уровню успеваемости;
- мотивации обучения;
- жизненным планам после окончания школы;
- развитию познавательных способностей.

Любой учитель может развить эту тему и дополнить её своими практическими выводами. Но весьма показателен тот факт, что согласно результатам социологического исследования сельского социума (*см. указанные выше монографии*), абсолютное большинство сельской учащейся молодёжи – 79% – планируют получить высшее образование, поступив в вуз.

Трудовая активность сельской молодёжи развивается по нескольким векторам в зависимости от её ориентации либо на учебу, либо на работу, либо на сочетание этих видов деятельности в форме вторичной занятости. Однако вторичная занятость и трудовая активность молодёжи в сельской местности существенно ограничены местным рынком труда и высоким уровнем безработицы. По данным социологического исследования сельской молодёжи,

...для многих ее представителей социальная ценность труда за годы рыночных реформ значительно ослабла и перешла в группу так называемых *периферийных* ценностей. В результате образовалась шкала трудовых ценностей, которые во многом определяют уровень социальной активности в сфере труда и занятости. Так, для 45–43% важное значение имеют *высокая заработная плата – дети – мир – профессия*.

Для 39–30% *работа – уверенность в себе – верность – уважение к старшим – карьера*.

В представлениях 72% сельской молодёжи «хорошая жизнь» означает:

- *«иметь высокую зарплату и быть материально обеспеченным»;*
- *для 53% – «иметь интересную работу»;*
- *для 42% – «сделать карьеру и занять высокое положение в обществе»;*
- *и лишь для 15% – «иметь свою землю и трудиться на ней».*

При такой иерархии ценностных установок сельской молодёжи в сфере труда можно считать неудивительным явно выраженный миграционный настрой,

ориентацию на поиски трудовой занятости вне сельского социума. Что, собственно говоря, и происходит в трудовой жизни села.

Престижность сельского труда среди учащихся средних школ низкая: «иметь свою землю и трудиться на ней» желают всего 15% опрошенных сельских респондентов в возрасте от 14 до 18 лет. И хотя приняты конкретные правительственные программы («Сельская школа», «Сельская библиотека», «Земский врач» и ряд других), выхода села из кризиса пока не просматривается. Вместе с тем молодёжная политика, о которой часто говорят в средствах массовой информации, рассчитана, преимущественно на городскую молодёжь и не затрагивает в серьёзной мере молодое поколение сельской России.

Сельская учащаяся молодёжь реагирует на эту ситуацию не просто чутко, а обострённо чутко, укрепляясь в своём решении покинуть родные пенаты. Опой тому служат и средства массовой информации, во многом определяющие жизненные позиции и взгляды сельской молодёжи, её отношение к окружающему миру. Однако следует отметить, что ведущей целевой установкой 93% сельской молодёжи является именно трудовая, профессионально ориентированная жизненная стратегия. И для её реализации 50% молодых сельских респондентов хотели бы уехать из села после окончания школы.

➤ **Общественно-политическая активность** сельской молодёжи очень низкая. Активно интересующихся политикой около 9% опрошенных. В жизненных планах 3% из них – *заняться активной политической карьерой после окончания школы*. Членами *молодёжных организаций* являются один из десяти (точнее 11%). Но хотели бы стать их членами в два с лишним раза больше (почти 28% сельских учащихся). Примечательно, что явных противников участия в деятельности молодёжных и других общественных организаций среди сельского юношества не много: около 17%. Результаты исследования подтверждают, что и общественно-политический потенциал, и в целом, социальный потенциал сельской молодёжи реализуется далеко не в полной мере.

➤ **Активность в информационной сфере**

➤ За последние 15 лет активность сельской молодёжи в мире информации и коммуникаций очень сильно изменилась. «Ушли» из поля активного молодёжного обращения такие информационные каналы как **книги** (к ним сегодня обращаются постоянно лишь 15% молодых селян – регулярных посетителей библиотек).

➤ Перестали занимать доминирующие позиции в информировании молодёжи **радио и газеты**. 30% опрошенных частично, а 20% – полностью информационно инертны в обращении к периодической газетной **информации**. Ещё 12,4% считают, что «газеты и журналы можно прочесть и в библиотеке, а не тратить деньги на их подписку». Иначе говоря, до 30% сельской учащейся молодёжи не читают газеты и вообще их не выписывают.

Информационная **радиоактивность** тоже резко снизилась. Сегодня к информации этого канала регулярно обращаются только 53% сельских учащихся (в доперестроечный период было как минимум на **30%** больше).

Самым редко посещаемым молодёжью учреждением культуры стал **театр**. Прошли советские времена, когда поездки, специальные экскурсии школьников и взрослых в городские театры были нормой культурной жизни села. Сегодня преобладающая часть сельской молодёжи (65%) вообще не посещают театры, не имея для этого реальных возможностей: ни финансовых (нет денег на билеты), ни транспортного обеспечения. Регулярными посетителями городских театров являются всего лишь **0,7%** опрошенных.

Если говорить о наиболее активном межкоммуникативном канале молодёжного общения и обмена информацией, а точнее формой времяпрепровождения

ния, то им остаётся сельская молодёжная **дискотека**. Её регулярными посетителями являются 44% сельских респондентов. Ещё 26% – регулярные гости мероприятий местного **дома культуры** (там, где они сохранились). А 20% старшеклассников (из 60% считающих себя верующими), согласно их собственному признанию, стали регулярными прихожанами местной церкви.

Результаты исследования подтвердили, что совершенно особое место в развитии информационной активности сельской молодёжи занимает только один канал: **телевидение**. Этот инфоканал вне конкуренции. Его общая аудитория среди сельской молодёжи составляет не менее 90%. А формы телевизионной информационной активности особенно отчётливо проявляются в выборе молодыми сельскими телезрителями своих тематических предпочтений на телеэкране. Так, среди фильмов это:

- комедии (советские и зарубежные);
- художественные фильмы (зарубежные и советские);
- боевики и детективы;
- сериалы;
- мультфильмы;
- фантастические фильмы и фильмы ужасов;
- приключенческие фильмы и реклама;
- эротические фильмы и передачи.

Не комментируя эту пирамиду телепредпочтений молодёжной сельской аудитории, выделю лишь несколько характеристик.

1. Влияние телепередач на социальные установки молодёжной аудитории.

➤ Всего лишь от 10% до 37% опрошенных дали высокую оценку участию ТВ в самоопределении и в выборе своих жизненных планов.

➤ Выше других тематических направлений (36–37% опрошенных) оценивается участие ТВ в освещении таких волнующих молодёжь вопросов как **поступление в вуз и приобретение профессии; возможности сделать карьеру в профессиональной сфере, создание семьи и воспитание детей**.

➤ Удовлетворению юношеского тщеславия служат передачи ТВ, отвечающие на вопросы о том, как «открыть своё собственное дело» и «стать знаменитым». Высокую оценку помощи СМИ в предоставлении информации о возможной реализации таких планов дают 31–34% учащихся. Этим, собственно, и ограничиваются темы, в разъяснении которых участие ТВ и его информация высоко оцениваются сельскими учащимися.

Похоже, ТВ реализует свои интересы, а молодёжная аудитория села остаётся со своими в значительной мере неудовлетворёнными информационными запросами.

За что сельская молодёжь критикует телепередачи?

Выделено четыре группы интенсивности критики ТВ-передач.

Первая группа критических замечаний относится к вопросам *социально-профессионального жизнеустройства* молодёжи. От 16% до 19% школьников считают, что передачи ТВ «не оказывают никакой помощи» в ответах на вопросы о том, «как поступить в вуз и получить профессию; создать свою семью, сделать карьеру, открыть своё дело, стать знаменитым».

Вторая группа критики относится к освещению *миграционных проблем* и отражает недовольство (22–28% респондентов) отсутствием более полной ТВ-информации о возможностях трудоустройства, переезда в город, отъезда на работу за рубеж. Иначе говоря, о возможностях выезда молодёжи из села.

Третья группа критических оценок (37–38% респондентов) относится к информации ТВ о *сельской жизни* (как построить свой дом и остаться жить на селе, создать фермерское хозяйство).

Четвёртая группа критики (35% телезрителей) несколько неожиданная. Она отражает неудовлетворённость сельской молодёжной аудитории освещением вопроса о том, «*как стать политиком*».

Для большинства учащейся молодёжи ценность денег и богатства в жизни стали выше веры в идеалы (91,4% против 69,6%). Причём, если считают ценность денег и богатства для себя «очень высокой» 40% учащихся, то вера в идеалы в качестве жизненной ценности высоко оценивается в 2 раза реже. Для каждого четвёртого сельского школьника *вера в идеалы* вообще не имеет никакой ценности, чего не скажешь о деньгах и богатстве, в которых никакой ценности не видят лишь 5–6% респондентов.

□ В значительной мере этому способствуют отечественные СМИ, информационная политика которых преследует в основном цели обогащения, сенсационности, навязчивости и практически самоустранилась от формирования у молодых телезрителей эстетических вкусов и нравственных идеалов. На этом фоне преобладающее большинство респондентов – 62% – считают, что именно ТВ наиболее активно распространяет «идеологию» силы денег, их «культу», учит добиваться своей цели любыми методами и средствами (46%), поддерживают стремление к обогащению и наживе (33%), восхваляют бандитов и преступные авторитеты (30%), облагораживают корысть (19%). Проблески идей честности и правдивости, доверия к людям в телепередачах отмечают лишь 24–25% старшеклассников.

2. Как влияют СМИ на отношение к труду? Влияние передач радио и телевидения на трудовые ориентации, по признанию большинства учащихся (40,5%), *сильное*, независимо от гендерной принадлежности. Получается, что передачи, превозносящие силу денег, обладают для определённой части учащейся молодёжи своеобразным обратным эффектом «трудовой стимуляции». Вместе с тем 18% учащихся отрицают всякое воздействие СМИ на их стремление зарабатывать «собственным трудом». Иначе говоря, имея устойчивую трудовую ориентацию, эта группа сельских школьников (17–19%) не зависит от воздействия СМИ на их жизненные установки в сфере труда.

Следует отметить, что **потребительская ориентация** в трудовой сфере «*Не работать и не учиться, но иметь всё, что хочется*» не типична для сельских школьников (6%). Абсолютное большинство учащихся (почти 87%) придерживаются нравственных трудовых установок и ориентаций: «*много работать и хорошо зарабатывать*» (около 46%), «*иметь интересную работу, любимую профессию независимо от заработка*» (34%) или «*небольшой, но твёрдый заработок*» (таких немного – 6,4%).

Можно прийти к выводу, что труд как социальная и нравственная ценность у сельской учащейся молодёжи не девальвирован, что создаёт хорошие предпосылки для закрепления в молодёжном сознании нравственных ценностей трудового поведения и социальной ценности труда.

3. И, наконец, нельзя не прокомментировать **расширения** ещё одного безусловно перспективного для села **информационно-ресурсного канала – сети Интернет**. Информационная активность сельской молодёжи в этом самом динамично развивающемся коммуникационном пространстве последовательно усиливается, хотя самой интенсивной молодёжной аудиторией Интернета остаётся городская молодёжь.

Какова современная распространённость Интернет-информации?

Потенциал роста сети Интернет в России оценивается сегодня в 28 млн пользователей. Сельский пользователь Интернет-сети пока в России не многочисленный и едва переступил 1%. Самый ресурсный возраст активного пользования всемирной сетью в России сосредоточен в интервале от 18 до 24 лет. Это период самого интенсивного инфообращения к Интернету.

Согласно данным российских экспертов в этом возрасте пользователем Интернета являются 54% среди 18–24-летних. С компьютеризацией сельской школы количество молодых сельских пользователей будет увеличиваться.

Пожалуй, главная проблема в развитии информационной активности сельской молодёжи, состоит в оказании **информационно-разъяснительной поддержки молодым инфопользователям**, так как, по признанию 15% респондентов современная информация «не столько помогает, сколько запутывает».

➤ Преобладающее большинство сельской молодёжи (72%) признаёт, что информация (хотя и в разной степени), помогает им понять жизнь, политику, свои жизненные планы.

Но отмечу, что информационное поле (а образовательное является его частью), выполняет в сельском социуме особые дополнительные, своего рода компенсаторные социальные функции:

➤ психологические, культурологические, познавательные, образовательные, развлекательно-досуговые, виртуальные, идеологические (мировоззренческие), а также усиливающиеся функции социализации подростка в информационном мире.

Отдельный разговор об особой сфере влияния ТВ и проявления социальной активности молодёжи (особенно юношей): **военно-патриотической (пятое замечание)**. Она связана с установками сельской молодёжи **на службу в армии**.

Уровень гражданской сознательности сельской молодёжи (причём, и юношей и девушек) в этой сфере существенно выше, чем в городе. 68% сельской учащейся молодёжи относятся к службе в армии как «к выполнению своего долга перед Отечеством». На вопрос «служить или не служить в армии» большинство сельских учащихся дают положительный ответ, так как, по мнению 45%–44% сельской учащейся молодёжи, «это гражданский долг каждого молодого человека, даже, если ему это не нравится» и «настоящий мужчина должен пройти армейскую службу». Именно в сельском образовательном социуме меньше, чем среди других групп населения и молодёжи тех, кто считает «годы, проведённые в армии, потерянным временем» (6% против 10–11% молодёжи в крупных городах). Главный мотив отказа от службы – массовая угроза личной безопасности и отсутствие гарантий нормальной службы.

Таким образом, социальная активность сельской молодёжи не является устойчивой величиной. Она меняется, вырабатываются новые формы социального поведения в различных сферах жизнедеятельности молодёжи и должна учитываться в реализации молодёжной политики.

И шестое замечание – город и село: сближение в девиантности и угрозах безопасности. В условиях глобализации осуществление молодёжной политики на селе сближается с городским, особенно в вопросах безопасности общества и личности, угроз распространения девиантных форм поведения.

Преступность на селе растёт из года в год. **Алкоголизм** и процесс **алкоголизации** селян стал массовым явлением. **Наркомания** превратилась в серьёзную реальную опасность для сельской молодёжи. **СПИД** и др. тяжёлые заболевания

перестали быть чертой только городского образа жизни и впервые в нашей истории получили распространение среди сельского населения. Даже **проституция** стала одним из асоциальных явлений сельской действительности. Село как город поразили социальное сиротство и брошенные дети. В итоге глобализация поставила вопрос об угрозах безопасности жизни на селе, безопасности селян так же остро, как и в городской среде. И отражение сложившейся ситуации – результаты опросов общественного мнения (см. табл. 2).

Таблица 2

Что больше всего тревожит сегодня сельские семьи?
(в % к числу опрошенных)

Бедность, обнищание большинства населения	76
Рост безработицы	47
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	39
Кризис в экономике	33
Плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	29
Коррупция, взяточничество	24
Рост наркомании	32
Кризис морали, культуры, нравственности	16

Эти данные незначительно меняются на протяжении длительного периода времени и рисуют картину далеко не преодолённого социального кризиса на селе, ставшего хронической болезнью российского общества.

Социальная база и экономические трудности молодёжной политики на селе

Не одно столетие существует российская деревня. Но всегда она была и остаётся ахилесовой пятой экономики страны. Многочисленные попытки поднять сельское хозяйство до уровня промышленного развития того или иного периода неизменно оканчивались очередной неудачей. Так было в царское время. При советском строе сельское хозяйство колоссально возросло, но его отсталость в той или иной форме сохранялась. А в наши дни село кардинально изменилось, пережило сложнейшие и глубинные социальные перемены, имеющие долгосрочные отрицательные последствия для жизни многих поколений селян.

Поэтому **Национальный проект по развитию сельского хозяйства**, а шире – агрокомплекса – является наиболее трудно осуществимым, сравнимым по сложности, пожалуй, только с реформированием ЖКХ. Реализация Национальных проектов и молодёжной политики в сельском социуме невозможна без активного участия сельской семьи.

Отмечу **коренные различия современной сельской и городской** российской семьи, без которых трудно понять особенности реализации национальных проектов в сельском социуме.

Как подтвердили наши социологические исследования, сельская семья сохраняет свою патриархальность, хотя и в более либеральной, чем раньше форме. По своим взглядам сельская семья умеренно консервативна. Любые новшества в экономике, политике и культуре она встречает настороженно, с опаской. В то же время сельская семья сохраняет более высокую степень социальной, психологической и нравственной устойчивости, чем в городе; я бы сказала, является духовно сплочённое, чем городская семья.

На этом фоне надо признать, что сильнее, чем в городе, сельскую семью объединяет сейчас **религия с её различными конфессиями**, и, прежде всего, – православие. Процесс **секуляризации** сменился процессом де-атеизации. И сегодня признают себя верующими до 65% сельских семей и даже сельских учителей.

Одно из важных объективных отличий заключается в **поколенческом** характере сельской семьи. Он проявляется в резком уменьшении (на 20% по сравнению с

1939 годом) доли самого молодого поколения (в возрасте моложе трудоспособного) в составе сельского населения. Среди родителей сельских школьников преобладают среднедетные (двухдетные – 49%) и многодетные родители (28%).

В условиях смены института собственности, приватизации, резкого обнищания населения и агрессивной идеологии культа денег сельская семья не смогла устоять перед негативным прессингом таких тяжёлых асоциальных явлений как алкоголизм, переросший в массовый процесс **алкоголизации**, наркомании, девальвации духовных ценностей и ориентиров, эрозии исконных морально-нравственных устоев и семейных ценностей.

В итоге деформаций сформировались **тяжёлые черты нового социального портрета российской деревни**.

Одна из них – демографическая. Сельская семья катастрофически вымирает и быстро стареет. По итогам переписи 2002 года в России осталось 155 тысяч сёл, в которых постоянно проживает 38,9 миллиона человек (26,7% всей численности населения). Но цифра эта сокращается год от года на 200–300 тысяч. Коэффициент смертности особенно растёт в группах 30–34 и 35–39-летних. В 76 регионах Российской Федерации падает рождаемость и уменьшается количество селян. Согласно демографическому прогнозу, сельское население в России будет неуклонно сокращаться до 2015 года.

Другая тяжёлая черта: сельская бедность. Почти 76% сельского населения – это бедные семьи. Бедняков на селе уже 29,5 млн человек. Заработная плата в сельском хозяйстве остаётся самой низкой в России, составляя 35% от среднероссийского уровня. Разрыв между 10% наиболее и наименее оплачиваемых селян составляет минимум 22 раза.

Ещё одна негативная социальная черта – бесперспективность и непривлекательность сельской жизни для молодых. Количество молодёжи в сельской местности и в сельских школах сокращается. Происходит её неуклонный отток из деревень. До 40% мигрантов в сельской местности – это молодёжь в возрасте до 30 лет. Ухудшение социального положения сельского населения усиливает её социальную **иммобильность** (т. е. низкую способность к социальным перемещениям и действиям) и является мощным стимулятором отъезда сельской молодёжи в город после окончания школы.

В итоге:

В 22% сёл осталось жить по 10 и менее жителей (из которых всего 9,4 млн чел. в возрасте моложе трудоспособного, т. е. менее 16 лет). 1/3 – сёл заброшенные, а 8% – мёртвые сёла, в которых нет ни одного жителя.

Вымирающее российское село начала XXI века не результат войны, а итог мирных, но очень разрушительных, социально безответственных реформ. Результаты исследований полностью подтверждают сделанные выводы (см. табл. 3).

Таблица 3

Что особенно осложняет жизнь сельской семьи
(в % к числу опрошенных)

В абсолютном большинстве 77%	...низкие доходы и нехватка денег. Проще говоря, бедность
37	плохое здоровье свое и близких, трудности с лечением
25	бытовые трудности
13	опасность потерять работу, безысходность, отсутствие перспектив в жизни
11	плохое жилье

Таким образом, социально-экономическому и демографическому фону Национальных проектов и, прежде всего, реформированию аграрного сектора, присущи хронические болезни села. Я бы сказала, застарелые болезни, которые Национальные проекты особенно ярко высветили. Эти болезни с огромным трудом поддаются лечению, и оно потребует не один и не два, а многие годы. Возможно, целый исторический период. Поэтому некоторые средства массовой информации лишь дезориентируют сельскую молодёжь, когда фактически представляют реализацию Национальных проектов чем-то вроде лихой, быстрой и успешной кавалерийской атаки на противника.

Пока принятая молодёжная политика, по моему мнению, очень слабо затрагивает положение молодого поколения сельской России. И в определённой мере одна из причин такого состояния заключается в разрыве заявленной стратегии молодёжной политики и Национальных проектов.

II. СУДЬБА НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА СЕЛЕ: ОЖИДАНИЯ, ТРУДНОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ

Национальные проекты: их социальная суть и специфика воплощения в сельском социуме

В чём общее и особенное социальных реформ и Национальных проектов? Вот уже на протяжении более года государство реализует 4 крупнейших общенациональных социальных проекта. Можно спорить о том, сколь эффективно они претворяются в жизнь, в какой мере успешно расходуются огромные средства. Но социальная политика, суть которой состоит в том, чтобы на протяжении сравнительно короткого времени осуществить перемены к лучшему в жизненно важных для общества сферах: **здравоохранения, образования, жилья, сельского хозяйства** – несомненно, заслуживает положительной оценки.

Что изменилось на селе за год с лишним действия Национальных проектов?

По данным исследований материальное положение сельских семей не претерпело серьёзных изменений: 32% считают его **плохим**. По оценкам каждого второго (52% респондентов) – **средним**.

В сложившихся условиях 20% селян считают, что «терпеть бедственное положение уже невозможно». По мнению же 53% «жить трудно, но можно терпеть». А 28% признают, что им «приходится вертеться, хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь». 14% селян дезадаптивны и никак не могут приспособиться к «нынешней жизни».

Таким образом, говорить о каких-либо серьёзных позитивных сдвигах пока не приходится. Скорее речь идёт об относительной стабильности, социальной устойчивости и об ожидании позитивных перемен.

Думаю, никто не станет оспаривать вывод о том, что ни о какой эффективности молодёжной политики на селе не может быть и речи, если не сохранить молодёжь в деревне. А для этого необходимо создавать рабочие места, сделать привлекательной сельскую занятость, связать учебный процесс с производством. *Сельский рынок труда и занятости должен служить базой реализации трудовой активности сельской молодёжи и основой улучшения жизни селян.*

Что представляет собой сельский рынок труда и занятости в количественном измерении?

Занято в сельском хозяйстве 6,9 млн чел, что составляет 10,4% от числа занятых в экономике. В том числе:

- по гендерному составу – 2,5 млн женщин и 4,3 млн мужчин;
- средний возраст занятых на сельском рынке труда «старый» – 41,2 г.

- Молодёжная занятость в возрасте от 20–29 лет составляет около 20% работающих в экономике. Это меньше, чем в других отраслях или немного больше, чем в сфере науки (17,2%).
- Вакантных мест на селе много: 15.390 ед.
- Но средняя заработная плата – 2800 рублей: самая низкая из всех отраслей экономики. Без своего хозяйства селянину просто не выжить.
- Просроченную задолженность имеют на селе 7,8 тыс. организаций и предприятий. Сумма их долгов 3 млрд 792 тыс. – больше, чем долги другим отраслям экономики (кроме промышленности).
- Миграционные потоки в город не прекращаются. Новые законы создают благоприятные условия для приезда молодых людей из деревни и закрепления их в городах, т. е. миграция упрощается.
- Приехали жить на село за последний год 981 тыс. человек. Но уехали за то же время – 1 млн 252 тыс. Иначе говоря, село сокращается в год почти на 9%.
- 80,3% покинули сельские районы по собственному желанию; 6,2% – по сокращению рабочих мест.

Новой формой приложения молодёжных рук на селе стал **Национальный проект развития АПК**. Он далёк от совершенства, но тем не менее создаёт благоприятные *предпосылки* для трудовой занятости молодёжи, включая подростков.

В последнее время неоднократно приходилось сталкиваться с точкой зрения, согласно которой экономические реформы и национальные проекты – понятия самостоятельные и принципиально различные. У меня иная позиция. Дело в том, что многие сферы экономики и услуг, ряд отраслей промышленности переживают хронический кризис. Приватизация, к тому же незавершённая, не привела к главному результату – появлению самостоятельного и эффективного собственника. Реализация Национальных проектов – это, своего рода, «скорая помощь» экономике, дорогостоящая попытка продолжить, гальванизировать реформы в социальной сфере. Ожидания от реализации социальных реформ в обществе различные (см. табл. 4).

Таблица 4

Чего ожидает для себя население от проводимых в обществе социальных реформ? (в % к числу опрошенных)

Ожидают от реформ	..в основном хорошее	..в основном плохое	Ни хорошего ни плохого
...образования	33	29	24
...здравоохранения	28	42	20
...ЖКХ	21	47	20
...пенсионной	34	34	20
...экономических	26	24	25

Источник: Журнал «СОЦИС», 12/2006, с. 55 (на август 2005).

В целом ожидания населения от объявленных и уже проводимых в обществе социальных и экономических реформ (кроме образования) весьма негативного характера. Критико-пессимистический настрой и ожидания среди населения преобладают: от 47% респондентов относительно реформы ЖКХ до 42% относительно реформы здравоохранения.

Социальная активность сельской молодёжи проявляется, прежде всего, **в труде**. Это фундамент, на котором стоит всё многоцветное здание Стратегии молодёжной политики. Непосредственное значение для деревни имеет реформирование агропромышленного комплекса. Некоторые итоги недавно подвёл министр сельского хозяйства, когда говорил **об успехах**.

Производство свинины в 2006 выросло в нашей стране на 8,7% по сравнению с предыдущим годом, мясо птицы – на 15%. В 2006 г. Россия собрала 78,6 млн тонн зерна против 78,2 млн тонн в 2005 г. Ожидается, что в 2007 году будет собрано около 80 млн тонн зерна.

Тем не менее, трудности в области сельского хозяйства остаются огромными. По-прежнему не хватает государственных инвестиций. По словам министра, их требуется в будущем году, по крайней мере, в **1,5 раза больше**, чем в нынешнем. Деревня буквально стонет от безумных цен на технику и горюче-смазочные материалы. Её ждёт опасная иностранная конкуренция как только Россия вступит в ВТО. Несмотря на уроки западной экономики, в России сельское хозяйство по-прежнему неконкурентоспособно или слабо конкурентоспособно на внешних рынках во многом из-за отсутствия должной бюджетной поддержки национального производителя.

Но тремя «китами» молодёжной политики я бы назвала жильё, образование и здравоохранение.

Жилищная политика и жилищный вопрос на селе

Жильё – основа жизни человека. Ещё 4 января 1991 г. была принята Программа «*Возрождение российской деревни*», предусматривавшая, в частности, улучшение жилищных и социально-бытовых условий сельского населения. Однако Программа так и осталась невыполненной. Каковы ожидания россиян от проводимой ныне жилищно-коммунальной реформы? (см. табл. 5).

Таблица 5

Изменение позиций россиян в вопросе «Как повлияет жилищно-коммунальная реформа на жизнь таких людей как Вы?» (в % к числу опрошенных)*

	2003 – март	2005 – май
<i>Улучшит</i>	8	9
<i>Ухудшит</i>	56	58
<i>Никак не скажется</i>	24	23

* «Социс», 12/2006, с. 55.

Отношение большинства россиян к нынешней Жилищно-коммунальной реформе пессимистическое. Сторонников реформы всего **9%**. Это те, кто с *оптимизмом и надеждой оценивает перспективы её влияния* на свою жизнь. Преобладающее же большинство россиян (56%) напротив критически оценивают проводимую жилищную реформу и, как показывают события последнего года, их оценка совершенно оправдана.

Жильё остаётся главной заботой молодёжи как городской, так и сельской. Без своей квартиры в городе или без своего дома на селе не создать прочную семью, не воспитать детей, не обеспечить свой тыл на случай житейских невзгод. Поэтому внимание к жилищной реформе особое у всех. Какова общая ситуация с жильём на селе?

В порядке информации:

В настоящее время в сельской местности находится почти 28% жилищно-го фонда страны. Средняя обеспеченность общей площадью одного сельянина выше, чем горожанина. Но в расчёте на фактически заселённую площадь обеспеченность жильём сельского населения напротив ниже городского. Чем это объясняется? Тем, что значительная часть жилищного фонда на селе – 7% общего количества домов – пустует ввиду вынужденной миграции и отъезда значительной части сельских жителей в другие регионы из-за отсутствия постоянной работы и элементарных бытовых условий («*Экономист*», 2000, № 2, с. 92–93).

В какой мере на этом фоне реализуется новая жизненно важная программа – Национальный проект «**Доступное жильё**»?

Буду опираться на результаты масштабных социологических исследований, проведённых в сельской местности России.

Выборка многоступенчатая, районированная по методу квот, с применением гнездовой выборки при опросах в сельских школах. Объём выборочной совокупности – 2467 респондентов, из которых 106 экспертов (учителя и директора школ, работники органов образования, депутаты местных законодательных органов) и 2360 учащихся сельских школ из семи федеральных округов двадцати российских регионов.

По данным социологических исследований (Социс, 2006, № 12, с. 7) **40%** россиян либо вообще не имеют отдельного жилья, либо имеют менее 8 кв. м. общей площади на человека, либо в их собственности неблагоустроенный сельский дом. Только четвертая часть населения (25%) живёт в относительно благополучной жилищной ситуации. Люди притерпелись. И поэтому лишь **15–16%** опрошенных заявили о необходимости изменить обстановку.

Возможный путь к жилью – **ипотека.**

Кредиты по ипотеке выданы в размере в **2 раза** превышающем запланированные. Но кредитная ставка всё ещё остаётся слишком высокой. Ощущается острый недостаток основных строительных материалов, что тормозит расширение объёмов строительства.

Жилищная политика, реализуемая сегодня, фактически нацелена на решение жилищных проблем не молодёжи, а *благополучной части населения, которая пока ещё не решила свой жилищный вопрос.* Активно предлагается это сделать посредством ипотечного кредитования. Но, как показали исследования, способны таким путём решить проблему жилища не многим более 8% респондентов.

Поэтому население предпочитает сохранить права на получение бесплатного жилья (хотя бы для некоторых категорий населения). Но это противоречит новому Жилищному кодексу и Федеральной целевой программе «Жилище». Установленные в них льготные группы нуждающихся в получении жилья за счёт государства не совпадают с группами, которые выделены общественным мнением населения. Можно предположить, что в будущем это противоречие ещё более обострится.

Согласно Жилищному Кодексу на собственников жилья перекладывается капитальный ремонт зданий. Учтём, что значительная часть советского жилого фонда уже изношена. Поэтому следует ожидать дальнейшей поляризации населения по его жилищной обеспеченности, появления российских **«гетто»** Мы уже сталкиваемся с новым явлением – **«геттизацией»** городов и жилого фонда. Это лишь осложняет жилищную ситуацию и в городе, и на селе, и может привести к новой социальной напряжённости и новым конфликтам в обществе.

По мнению россиян, реформа ЖКХ не решает главных противоречий, существующих между гражданами и работниками жилищно-коммунальных служб, не способствует улучшению, а тем более – расширению жилищного фонда и будет неизбежно вести к дальнейшему обеднению слабо защищённых слоёв, лишению их важнейшего социального права – права на жильё.

В муниципальных образованиях (особенно сельских) слабее заинтересованность в реализации жилищного Национального проекта. Согласно данным наших опросов общественного мнения родителей сельских школьников...

➤ 77% не довольны своими жилищными условиями. Почти треть семей вынуждена жить в городах «на подселении» в малометражной комнате. Вместе с

тем более 80% опрошенных считают свои города и посёлки лучшим местом жительства и не собираются их менять ни на что другое.

Главы сельских поселений критикуют монополизацию рынка жилья, большие затраты граждан на землеустройство, забюрократченность процедур работы с землей. По данным опросов глав сельских муниципальных образований:

«строить на селе попросту не для кого, так как происходит отток населения из сельской местности, что приводит к уменьшению объёма и обветшанию жилого фонда, падению цен на жильё на вторичном рынке».

Вместе с тем выдвигаются практические предложения:

«сделать кредит на селе доступным (но не кабальным); давать молодым семьям государственные кредиты на 25 лет под 2–5% годовых; разработать комплекс мер с целью увеличения денежных доходов населения и обеспечения занятости; создать новые рабочие места».

Национальный проект «Качественное здравоохранение» как инструмент возможного улучшения демографической ситуации на селе

Старт проекту **«Здоровье» («Качественное здравоохранение»)** был дан на фоне нерешённых проблем в сфере здравоохранения. Так, за годы реформ на селе неуклонно сокращалась сеть лечебных учреждений. С 1993 по 1998 гг. их число уменьшилось с 6782 до 5687, а больничных коек только в участковых больницах – со 142,6 тыс. до 97,7 тыс. Около 6% участковых больниц и 11% амбулаторий не имеют ни одного врача.

Оказание медицинской помощи осложняется отсутствием автомобильных дорог и телефонной связи. Кризисное состояние здравоохранения на селе тяжело отражается на продолжительности жизни селян. В 64 из 89 субъектов РФ смертность сельского населения превышает рождаемость (*«Экономика», 2000, № 2*).

И неудивительно, что сегодня в вопросах сохранения своего здоровья, решения медицинских проблем основная часть и селян, и горожан рассчитывает на помощь именно государства как своего рода социального гаранта в обеспечении права человека на доступное медицинское обслуживание.

В 2007 г. в сфере здравоохранения подведены некоторые позитивные итоги реализации Национального проекта. Например, *поднята зарплата многочисленных категорий врачей и медицинского персонала в целом. Существенные перемены произошли в сфере технического обеспечения здравоохранения. Скорая помощь получила новые автомобили и другие средства передвижения. Медики говорят, что скорая помощь сейчас прибывает к больному на 10 минут раньше, чем в недавнем прошлом. Когда речь идёт о жизни и смерти больного, 10 минут не малое время. Обновлено оснащение мед. учреждений современной аппаратурой. Началось строительство нескольких крупных национальных медицинских центров.*

Как оценивает общественное мнение реализацию Национального проекта по здравоохранению? По данным социологического исследования позиций глав муниципальных образований:

➤ более половины глав муниципальных образований и россиян (56%) считают неправильным и несправедливым введение ограничений на предоставление бесплатных лекарств и опасаются ухудшения своего положения. Причём, опрошенные главы муниципальных образований опасаются за своё здоровье не только в настоящее время, но и в будущем;

➤ подавляющее большинство (свыше 60%) респондентов по-прежнему считают, что ответственность за бесплатное медицинское обслуживание населения должна лежать исключительно на государстве. Большинство россиян не в состоянии самостоятельно оплатить медицинские расходы при отсутствии госу-

дарственной гарантии, а также фактически лишены возможности получить где-либо деньги на лечение;

➤ почти 2/3 нуждающихся в медпомощи респондентов вынуждены отказывать себе в проведении платных операций и приобретении дорогих лекарств из-за недостатка средств;

➤ 40% опрошенных заявили, что в случае острой необходимости не знают, каким образом они могли бы найти необходимые суммы денег для лечения.

В то же время по данным социологических исследований, в России появились значительные слои населения, которые в состоянии собственными силами решать проблемы сохранения своего здоровья. Так, 56% респондентов считают, что каждый больной должен частично оплачивать оказываемые ему мед. услуги.

➤ 28% отмечают недоступность многих видов медицинского обслуживания.

➤ Практически не получило распространение добровольное медицинское страхование, получение кредитов на медицинские цели. В 2005–2006 годах использовали эту систему только 12% россиян.

Совершенно очевидно, что принцип социальной справедливости в обеспечении медицинскими услугами по-прежнему нарушается. Ряду категорий врачей зарплата не повышена. Повсеместно здравоохранение становится платным. Вызывает большие трудности обеспечение больных, особенно тяжёлых, дорогостоящими лекарствами. В самое последнее время возник и не преодолён кризис в обеспечении лекарствами, который ставит под угрозу жизнь многих и многих больных.

Основная цель Национального проекта: *повышение доступности и качества медицинской помощи широким слоям населения*. Что предлагают для этого сделать в сельской местности главы муниципальных образований и сельские респонденты?

➤ «улучшить систему стимулирования труда медицинских работников» – 73,7%;

➤ «наполнить финансами систему обязательного медицинского страхования» – 70,2%;

➤ «принять меры по обеспечению медицинских работников автомобильным, водным транспортом, санитарной авиацией» – 42%;

➤ «обеспечить диспансеризацию сельского населения» – 9,2%;

➤ «учитывать территориальную разобщённость, малонаселённость и труднодоступность поселений в сельской местности при решении вопроса о доплате мед. работникам первичного звена» – 29,4%.

А также усилить контроль за продажей поддельных лекарственных средств:

➤ поддержать и сохранить сеть фельдшерско-акушерских пунктов на селе;

➤ обеспечить приток молодых квалифицированных кадров в сельские учреждения здравоохранения».

Примечательно, что абсолютное большинство селян и горожан (85%) связывают свои надежды на изменение ситуации к лучшему в сфере здравоохранения именно с Национальным проектом и надеются на помощь исполнительных органов субъектов РФ (65%), правительства (48%) и президента (35%).

Национальный проект «Современное образование» и его резервы

32% опрошенных россиян, согласно опросам общественного мнения, фиксирует позитивные сдвиги в образовании (см.: ВЦИОМ. *Национальные проекты: год спустя. 26–27 августа 2006*). В деле улучшения системы образования 80%

российских респондентов возлагают надежды на Национальный проект по образованию. При этом наиболее востребованными направлениями считаются:

- государственная поддержка талантливой молодёжи;
- поощрение лучших учителей через гранты.

Среди проблем развития сферы образования отмечаются не только «*большой износ зданий образовательных учреждений*», «*отсутствие средств на их ремонт и содержание*», «*перепрофилирование зданий детских дошкольных учреждений*», но и «*практическое отсутствие мужчин в сфере образования*», «*недостаточное участие учителей в воспитании молодёжи*»; «*необоснованное закрытие малокомплектных сельских школ*».

Среди критических замечаний:

20% респондентов отмечают невозможность дать детям хорошее образование, 30% – рост платности образования и увеличение его недоступности. Каждый третий – «резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов, что сокращает возможности доступа для бедных слоёв населения к образованию».

В чём видят выход из создавшегося положения большинство респондентов, включая глав муниципальных образований:

- в создании условий для омоложения педагогических кадров, в том числе, путём социальной защиты педагогов;
 - в усилении ответственности школ за результаты своей работы;
 - в повышении качества воспитательной работы посредством материального стимулирования учителей;
 - в улучшении механизма подушевого финансирования с учётом поправочного коэффициента для сельской местности;
 - в расширении возможностей карьерного роста для сельских педагогов.
- Эти меры ещё предстоит воплотить в жизнь.

Реализация Национальных проектов на селе: ожидания и предложения

Чего ждут сельские семьи от реализации Национальных проектов в ближайшие годы? Ожидания противоречивые. 48% респондентов скептически оценивают ситуацию и считают, что «никакого улучшения не произойдёт». Напротив – 33% настроены оптимистически и полагают, что «жизнь более менее наладится». По оценкам каждого третьего (33%), «и через год их семья будет жить так же, как и сейчас».

В адрес реализуемых Национальных проектов немало и критических высказываний, в частности, со стороны глав муниципальных образований:

«Национальные проекты – это чистой воды пропагандистская акция, нацеленная на выборы 2007–2008 г», «это временное латание дыр, необходимы инвестиции в экономику села». «Выбранные национальные приоритеты целесообразны, однако есть сомнения в достижении существенных результатов, особенно в сфере развития агропромышленного комплекса».

Такой же разброс мнений в вопросе о том, **«Следует ли продолжать экономические реформы или их надо прекратить?»** За продолжение реформ – 33%, а 26%, напротив, считают, что «реформы следует прекратить». Однако существенная часть селян – 44% – до сих пор, спустя уже 15 лет с начала их осуществления в России так и не могут дать определённого ответа на этот вопрос.

Если обобщить результаты опросов последнего времени, то можно прийти к выводу, что мнение сельских семей, особенно молодых, расколото в оценке Национальных проектов. Да, проекты ещё не завершены и не могут быть завершены в ближайшее время. Для этого потребуются не год и не два. И это надо учитывать. Поставим вопрос так:

Может ли сельская молодёжь и общественность способствовать реализации Национальных проектов?

Может и должна это делать. Так, в реализации Национального проекта «Сельское хозяйство» (развитие АПК) согласно опросу 473 глав российских муниципальных образований из 61 субъекта федерации, из которых 37% – сельские поселения (2006 г.), на общественную активность возлагают надежды 18% респондентов, каждый четвёртый рассчитывает на привлечение ресурсов населения. По мнению 23% опрошенных, необходим социальный (общественный) контроль за ходом реализации проекта «Качественное здравоохранение». 28% респондентов связывают с активностью общественности улучшение ситуации в сфере образования. Активнее всего участвуют в реализации проекта «Современное образование» неправительственные организации.

Очевидно, что воплотить в жизнь Национальные проекты без участия общественности нереально. Муниципальные власти пытаются развивать на селе различные формы работы с населением в этом направлении. В частности ведутся:

- разъяснение необходимости создания кооперативов и сдачи продукции личных подсобных хозяйств в эти кооперативы;
- совещания советов и рабочих групп;
- собрания граждан, ведущих личные подсобные хозяйства;
- «круглые столы» с населением;
- выступления в СМИ.

От государства зависит создание благоприятных условий для этой деятельности на местах.

Обобщая, сформулирую главный вывод:

Стратегия молодёжной социальной политики на селе не может быть реализована сама по себе, как самоцель, без постоянной, неразрывной её связи с Национальными проектами и общегосударственной социальной политикой. Национальные проекты должны стать своего рода «прологом» к принятию в России долгосрочной **государственной социальной и семейной политики**. Молодой человек для того, чтобы быть привязанным к земле, должен иметь постоянную занятость в сельском хозяйстве. Ему необходим свободный доступ к образованию. Не обойтись молодой сельской семье и без доступного жилья, как и не прожить без помощи со стороны медицины.

Предвижу реплику: «Это неподъемные задачи!». Задачи действительно архитрудные, но разрешимые. В таких случаях обращаюсь к словам великого норвежского исследователя Фритьофа Нансена, мудро подметившего: «Трудное это то, что можно сделать немедленно. Невозможное требует несколько больше времени».

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНА О ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Этапы перехода к двухуровневой системе высшего образования

Реформа высшего образования – одна из последних, за которую взялись российские власти после отнюдь не блестящих по своим результатам реформ экономической, финансовой, страховой, медицинской, военной, коммунальной. К этой реформе подступались давно. Но торопливости не проявляли. И это понятно – ведь нынешняя «модернизация высшей школы» (как любят говорить в верхах) – это уже реформа идеологическая, мировоззренческая. Реформа, кото-

рую я называю – корневой, ибо она затрагивает всю основу нашего перспективного интеллектуального развития, мировоззренческого базиса и качества подготовки специалистов на определяющем уровне: уровне *высшей школы*. Реформа не снизу, а как и все предыдущие это «реформа сверху». И поэтому порождающая много дискуссий, критики, наполненная социальными и организационными противоречиями, решения которых не предлагаются организаторами реформы.

Закончен первый этап перехода на двухступенчатую систему образования: законодательный. Он подвёл своего рода черту

➤ дискуSSIONному и одновременно экспериментальному этапам подготовки вузов и общественного мнения к запланированному переходу на двухуровневую модель западного стандарта образования.

Вместе с принятием Госдумой и подписанием президентом 27 октября 2007 г. Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации "в части установления уровней высшего профессионального образования"» реформа высшего образования вступила в силу.

Обращаю внимание – это не закон о переходе к системе двухуровневого образования, как говорят некоторые. И не надо таковой искать, его нет в природе. Это лукавый Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты...». И если кто либо из читателей решит самостоятельно разобраться в подводных течениях принятого закона, то надо будет взять предыдущие «отдельные законодательные акты», положить рядом предлагаемые поправки и начинать складывать «кубик-рубик» из предложенных составных частей. Может тогда и выложится перед вашим взором реальная транскрипция формулировок предлагаемых нам положений. Прямо скажу нелёгкий и путанный труд, но имеющий смысл для самостоятельной реальной оценки предлагаемого нам перехода.

Отмечу главное: мы вступили во второй этап: практический (или – внедренческий). Согласно принятому закону в России вводится система подготовки кадров, аналогичная западной. А именно: вместо единого фундамента подготовки специалистов в системе высшей школы, высшего профессионального образования, выпускающего кадры с квалификацией «специалист» конкретной специализации, нас обязывают разделить единое на частное и перейти к так называемой *двухуровневой системе образования, первым уровнем* которой является *бакалавриат*; *вторым – магистратура*.

Цель этого перехода – как написано в официальных документах – *интеграция страны и нашей системы высшего профессионального образования в мировую при сохранении и развитии достижений и традиций российской высшей школы*. Звучит благородно. Но от звучания до социального результата, который связан с влиянием реформы на положение семей, их возможности и социальные интересы, на социальный статус в условиях резкой поляризации россиян по уровню доходов и качеству жизни – путь дальний, требующий ответов на очень многие вопросы. Вопросы, ответы на которые в Законе не даны.

- Чему учить в бакалавриате?
- Как сочетать общеобразовательные элементы высшего образования с его прикладным характером?
- Как сочетаются между собой фундаментальное образование с тенденцией усиления прикладного элемента образования?
- Каким будет соотношение платного и бесплатного в высшем образовании (учитывая магистратуру, аспирантуру)?
- Можно ли осуществлять переход от бакалавриата к высшему профессиональному образованию (теперь это будет называться специалитетом)?

Эти и многие, многие другие вопросы, на которые никто в полной мере сегодня не может дать ответа. Нет опыта, нет информации, нет и понимания. Поэтому постараюсь остановиться на некоторых остро принципиальных аспектах этого перехода, который, совершенно очевидно, предполагается «надолго и всерьёз».

Может некоторые читатели задаются встречным вопросом: «Зачем всё это, когда разговор идёт о сельской школе...». Ответу потенциальным оппонентам: не разобравшись в коллизиях этого сверх важного для страны и для всей российской системы высшего образования, для подрастающего поколения и практически для каждой семьи (в том числе, сельской) вопроса, вряд ли сельское учительство сможет определить задачи сельской школы на данном этапе перехода и конкретизировать проблемы обеспечения качества образования.

Для начала – краткое историческое отступление.

Почему вопрос о коренной реформе образования в России и о его переводе на западные рельсы и стандарты Запад поставил в самом начале ельцинского – постсоветского периода – в России? (и, кстати, послал нам своего полпреда: миллиардера Сороса с его командой и миллионами). Почему?

Сегодня совершенно ясно, что коммунизм в Советском Союзе не был главной целью западного капитала. Да, коммунизм ему был ненавистен. Но били по коммунизму, ставя своей главной целью подрыв и ликвидацию российского государства. Подписание Болонской декларации и реформирование системы высшего российского образования были обязательным условием Всемирного Банка для выделения правительству Ельцина финансового ассигнования проводимых рыночных реформ и получения кредитов.

Несколько лет мне приходилось сталкиваться с деятельностью соровской «команды». Как и сегодня, я и тогда не скрывала своего мнения о том, что западная модель реформирования неизбежно ведёт к подрыву отечественной науки и образования. История неоднократно демонстрирует «особость» (специфичность) российского подхода ко всем зарубежным новациям, обусловленную внутренней сопротивляемостью российского менталитета чуждым ему ценностям. Наша образовательная администрация, директора школ, учителя, дружно кивали головами, не брезговали соровскими деньгами, и – всё оставалось по-прежнему. Начинания же Сороса, в конечном счёте, дружно провалили.

Несколько забегаю вперед, отмечу, что и сегодня уверена, что нынешняя прозападная реформа будет значительно «подправлена», откорректирована по-российски в ходе её реализации. Или, употребляя распространённое бюрократическое понятие, «усовершенствована» в духе российского менталитета и исторических традиций. Но это в перспективе, а что сегодня?

Сегодня мы начинаем реформу высшей школы по прозападным лекалам.

Какие проблемы встают перед учителями в связи с переходом российской высшей школы на двухуровневое образование?

Выделю 4 базовые проблемы:

- Информированность и компетентность учителей и преподавателей.
- Интеграция бакалавра в образовательный рынок и востребованность его на рынке труда.
- Содержание образования в средней сельской школе.
- Мобильность юного бакалавра.

Итак, с лета 2008 года российские вузы обязаны будут принимать студентов не на специалитет, а на бакалавриат. А это значит, что в 2008 году и ещё че-

тыре года после него (с учётом принятых в прошлом году студентов) в стране будет функционировать по сути трёхуровневая система высшего образования:

√ специалитет (высшее профессиональное образование) – будет доучивать тех студентов-счастливчиков, которые до 2008 г. поступили в традиционную систему российской высшей школы.

√ Бакалавриат – нововведение в массовом масштабе, к которому уже не первый год готовятся наши вузы (*ряд вузов, в том числе, и Финансовая академия при Правительстве РФ, готовят, хотя и в ограниченном количестве, бакалавров экономики уже с 2000 года*).

√ Магистратура – поступать в неё смогут только окончившие бакалавриат, но не специалитет.

√ После специалитета открывается путь в поствузовскую систему:

➤ Аспирантуру и докторантуру.

➤ Институты сокращённых программ (второго высшего образования).

➤ Институты переподготовки и повышения квалификации.

Для высшей школы, согласно Закону, устанавливается **переходный период** – до 1 сентября 2009 г. В его рамках со дня вступления Закона и до 1 сентября 2009 г. обучение в образовательных учреждениях высшего профессионального образования будет осуществляться по решению Учёного совета вуза по образовательным программам бакалавриата, программам подготовки специалиста, а также программам магистратуры. Иначе говоря, право окончательного решения до 1 сентября 2009 г оставлено за вузовским сообществом в лице Учёных советов вузов.

Отсюда для школы вопрос первый – кого должны готовить школьные образовательные программы?

До сих пор школа должна была обеспечить подготовку школьников-старшеклассников в такой степени, чтобы они были способны поступить в вуз и закончить его с Дипломом по квалификации «специалист».

Теперь надо дифференцировать подготовку так, чтобы при желании молодой человек мог поступить в бакалавриат. А что такое бакалавриат?

➤ 4 года обучения (вместо пяти); это такое ускоренно-укороченное высшее образование, в результате которого получаем и не дипломированного специалиста высокой квалификации, и не квалифицированного рабочего, как, например, выпускник профессионально-технического училища (ПТУ), и не специалиста в лице выпускника среднего специального образования (нынешние Ссузы). Кто же это?

Скорее всего, нечто среднее между всем этим набором.

Какие выводы и задачи вытекают из высказанного выше?

1. Если исходить из того, что подготовка сельских школьников заметно слабее городских, то можно **предположить**, что ориентация на бакалавриат – как сокращённую систему подготовки полуспециалиста – для сельской школы не станет трагедией. Во всяком случае, для большинства сельских школьников (кроме целеустремленных и стремящихся к серьёзным профессиональным знаниям и жизненным планам).

2. Потребуется внесение коррекций в социально-психологический настрой сельских выпускников, ориентирующихся на статус «бакалавр». Ведь если это не «специалист», то значит, о притязаниях специалиста-профессионала на хорошую должность после окончания вуза не может быть речи. Если не специалист, то начинать служебную карьеру надо будет со вспомогательной должности, преимущественно в обслуживании работы профессионалов-специалистов. А значит, индивидуальные жизненные притязания выпускника бакалавриата желательно существенно умерить (да они и будут весьма умеренными).

3. Следует определиться в вопросе: кого, в конечном счёте, должна готовить сельская школа в качестве своих выпускников, и кого может воспроизвести для села бакалавриат?

Очевидно, что доминантной массовой ориентацией сельской школы в подготовке школьников, скорее всего, будет не столько специалитет, восполнение слоя сельской интеллигенции и специалистов, сколько воспроизводство доброкачественной непритязательной рабочей силы для аграрного сектора экономики. А это значит, что программа школьного обучения должна быть более выраженного прикладного и вместе с тем – более общего плана. Важно продумать набор учебных дисциплин, которые в наибольшей мере будут соответствовать такой постановке задачи.

4-ая вытекающая задача: усиление дифференциации (селективности) учебно-образовательной подготовки сельских учащихся в зависимости от их ориентации на поступление в специалитет или в бакалавриат.

Учебно-методические и воспитательные задачи сельской школы усложняются тем, что ориентация учителей в работе с учащимися станет не на одну общую цель (поступление в вуз), а дифференцированной, более *индивидуальной* в работе со школьниками, так как школам предстоит определить какие группы сельских школьников более подходят к подготовке в бакалавриате, каким – при наличии у них интереса и способностей – целесообразно помочь подготовиться для поступления в вуз (технический, медицинский, ...). *Кружковая работа* по естественным и техническим дисциплинам может стать хорошим инструментом оказания помощи таким учащимся.

Однако возникает вопрос, на который сегодня никто не ответит:

сможет ли переход к двухступенчатой системе высшего образования способствовать закреплению молодёжи на селе, её возвращению после бакалавриата или специалитета, тем более – после магистратуры на село? Для ответа на данный вопрос, видимо, должны поработать время и практика.

А теперь о том, как сейчас ставится вопрос о подготовке бакалавров в вузах? Три модели могут быть использованы.

Одна – *прозападная модель*: бакалавриат за 3 года и получение диплома бакалавра по общему направлению. Например, «бакалавр по экономике», «бакалавр по управлению» и т. д. (т. е. расширенное направление).

Против такой модели выступают многие отечественные высоко престижные вузы. Их модельное предложение другое: бакалавриат – за 4 года и **по профилю** с получением т. н. «профильного диплома». Например, бакалавр по финансам, бакалавр по менеджменту, бакалавр по налогам и т. д. Кстати, такая модель с 1977 г. действует в Китае. С предложением о профильном бакалавриате выступает, в частности, Финансовая академия при правительстве РФ. Её поддержала и Высшая школа экономики. Некоторые вузы:

- Технические (по инновационным технологиям).
- Правовые (юриспруденция).
- Медицинские

по распоряжению правительства смогут сохранить специалитет (пять и шесть лет). Но список таких вузов будет утверждаться правительством.

Значит, категория учащихся, имеющих способности к техническим специальностям, должна оставаться в фокусе особого внимания учителей. В этом случае в школах актуальным является вопрос о соотношении естественных, технических, гуманитарных (или общеобразовательных) дисциплин.

По какому пути пойдут российские вузы? Думаю, что в большинстве случаев, по линии отстаивания «профильности бакалавриата» (но, напомню, это не для всех вузов).

IV. МОБИЛЬНОСТЬ БАКАЛАВРА И ВИРТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЕГО ВОЗМОЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кому и для чего в России нужны бакалавры?

Сегодня на рынке труда, занятости, профессий и образовательных услуг столкнулись интересы трёх субъектов российского рынка:

➤ Государства (навязывающего переход на бакалавриат для того, чтобы снять с себя значительную часть финансовых расходов на поддержание системы высшего образования) –

➤ вузов (как производителей образовательных услуг, отстаивающих право на подготовку квалифицированных дипломированных специалистов) и

➤ основного потребителя образовательных услуг – на рынке труда – работодателей (в планы кадровой политики которых полуспециалист пока никак не вписывается).

Работодателям сегодня бакалавры не нужны. Работодатель не принимает бакалавров как квалифицированную производительную силу, как квалифицированные трудовые кадры для развития отечественной экономики. Высоккоквалифицированным производствам, банкам, финансовым институтам, сферам высоких технологий, научно-техническим отраслям, медицине, юриспруденции полуспециалисты тоже не нужны. Во всяком случае, в ближайшие годы, пока выпускает свои кадры специалитет. А государство – напротив, с завидным упорством навязывает рынку труда и профессий полуквалифицированные кадры в лице бакалавров. Резонно возникает вопрос: но если всё это делается, значит кому-то это нужно? КОМУ?

В качестве положительной характеристики бакалавриата его сторонники заявляют: *«плюсы очевидны: российские студенты могут без проблем продолжать учёбу в любом вузе Европы (зададимся вопросом: за чей счёт? – в законе об этом ничего не сказано) и легче устроиться там на работу»*. Так для кого Россия будет готовить бакалавров западного образца? Мы хотим, чтобы у нас всё было «как у них»? И поэтому свои кадры ориентируем на зарубежного работодателя?

Мало у кого отсутствуют сегодня сомнения в том, что предложенная унификация образования способствует дальнейшей утечке кадров (как говорят, «утечке мозгов») квалифицированных российских специалистов.

Нет позитивной ориентации на бакалавриатское образование и у нынешних выпускников российских школ. *Пока (согласно всероссийским опросам общественного мнения молодёжи), готовы пойти в бакалавры только 5% студентов*. А ведь по закону студент обязан решать вопрос о своём будущем уже при поступлении в вуз. Обучение уже с первого курса предусмотрено по разным программам. Как абитуриенту сделать свой правильный выбор? Пока он дойдёт до 4 курса, где ему будут присваивать степень бакалавра, естественно, что его жизненные планы могут измениться. На этот случай в законе действия не предусмотрены.

Ну, а что после бакалавриата?

Какова дальнейшая траектория профессионального движения юного бакалавра? Анализ позволяет предположить несколько его **виртуальных поведенческих моделей**. Определим их как модели «ЕСЛИ...»

Модель первая: *«Если хочешь быть конкурентоспособнее и профессионально подготовленнее, приобрести более выгодные шансы на хорошее трудоустройство – поступи в магистратуру»*.

Но при этом желательно заранее подумать о своём материально-финансовом положении (а точнее платёжеспособности своих родителей), так как магистратура в абсолютном большинстве – платная. Назову её *западной моделью*.

Положение о бесплатности магистратуры в отмеченном выше законе вообще отсутствует (как отсутствует и упоминание о каком-либо проценте принимаемых «по бюджету» (т. е. на бесплатной основе). А их будет не много: не более 25% (по оценке ректора МГУ В. Садовниченко), а по мнению экспертов, – не более 15%.

Вторая поведенческая модель: *«Если хочешь быть умнее и квалифицированнее – переводись на специалитет»* (если он сохранится в данном вузе) и *получай диплом об окончании высшего профессионального образования по конкретной специальности*. Назову эту модель *советской моделью*, проверенной на длительном социальном опыте.

Третья поведенческая модель: *«Если счастлив, что хотя бы бакалавриат закончил, иди на работу. Пробуй трудоустроиться без особых притязаний к должностному росту и вертикальному перемещению по службе»*. (Образно говоря, «Спрячь свои амбиции и подальше»). Определю её как *модель заниженных притязаний*.

Модель четвёртая: *«Если не повезло на Родине с бакалавриатской степенью, и она не привлекла в твоём лице работодателей, пробуй счастья за рубежом, на чужом рынке труда и профессий»*. А дальше – как повезёт, родину-мать это не интересуется, ответственность только на тебе. Модель *«улётной» ориентации*.

Модель пятая: *«Если после завершения школы захотел поступать в бакалавриат, а возраст как «труба зовёт» в армию, то всё зависит от успешности поступления. Поступил – получи отсрочку от армии. Не поступил – пополни ряды молодых бойцов»*. Модель *армейского пополнения*.

Модель шестая: *«Если возраст призывает выполнить воинский долг, а ты успешно поступил в бакалавриат, – не волнуйся: ты теперь студент и 4 года до окончания бакалавриата можешь спокойно смотреть на службу в армии с экрана своего телевизора»*. Но помни – больше отсрочки от армии не получишь. И если решил стать магистром, поступай в магистратуру, пиши магистерскую диссертацию, но не забывай, поступление в магистратуру от армии не освобождает.

Эти шесть виртуальных, но реально наиболее возможных поведенческих моделей полезно разьяснять учащейся молодёжи и сельской, и городской.

Подводя итоги, «информация к размышлению»:

1. Мы начинаем *«реструктуризацию»* (проще – ломку) классической высшей школы советского образца, отказываясь от наших основополагающих принципов фундаментальности образования и его бесплатности.

2. Болонский процесс отражает лишь общие задачи интеграции образования, создания *единого европейского образовательного пространства*. Но он не должен нивелировать отечественные национальные ценности и критерии образования.

3. Путь в высшую школу – в бакалавриат, специалитет и в магистратуру – для сельских школьников станет сложнее. Морально сельским школьникам, их родителям надо быть готовыми к возрастающим трудностям получения полноценного высшего образования (тем более через магистратуру).

4. Переход на двухуровневую систему приведёт к постепенному *сокращению слоя российской интеллигенции*, но увеличит прослойку мелких служащих, класс квалифицированных рабочих, в целом – обслуживающего персонала на производстве и в других секторах экономики. По существу мы вступаем в стадию *форсированной подготовки вспомогательного слоя работников среднего уровня квалификации* и постепенного сокращения слоя национальной интеллектуальной и технической элиты.

5. Переход на двухуровневую систему высшего образования вызовет новую волну *стратификации* (расслоения) особенно – молодёжи *по уровню образования* (т. н. «образовательная стратификация», связанная со стратификацией по уровню жизни и доходов).

6. Процесс всеобщей *глобализации* предполагает сохранение национальных традиций в системе образования, тем более высшего, так как именно образование, больше чем любой другой социальный институт сохраняет исторические ценности, традиции, национальную культуру и принципы духовности в обществе.

7. При всём теоретически возможном расширении социально-профессиональной мобильности российских бакалавров, специалистов и магистрантов на европейском и мировом рынках труда и профессий не следует абсолютизировать позитивный характер этого критерия, так как за ним кроется прямая угроза подготовки молодых кадров на российские деньги, но для иностранных работодателей – потребителей рабочей силы на рынках труда, угроза дополнительной «утечки мозгов».

8. Унификация высшего образования по Болонской декларации изменяет критерии качества и школьного, и вузовского образования.

9. Изменение критериев качества образования предполагает введение единой оценки знаний, системы кредитов (не денежных, а образовательных) в соответствии с требованиями Болонской конвенции. Будет проводиться перестройка учебных планов, меняться соотношение лекций и практических занятий. Упор должен делаться на самостоятельную работу студентов, а значит и более активное обучение этим методам школьников; развитие аналитического мышления и форм аналитических заданий, привитие аналитических навыков; развитие устной речи и коммуникативных способностей старшеклассника; умение выступать, отстаивая свои позиции; овладение основами корпоративной культуры уже в вузах и в школах; применение мониторинговых принципов оценки качества образования и учебного процесса; развитие социологических методов диагностики образовательной деятельности и тестирование уровня знаний... И это ещё далеко не полный перечень, содержание которого относится к новым критериям оценки качества как преподавания, так и оценки знаний учащихся.

10. Ещё один важный критерий: *расширение билингвизма молодёжи, овладение иностранным языком (и даже – языками)*. Согласно перестройке учебного процесса в духе Болонской конвенции, каждый студент сможет в течение и 4-х или 6-летнего обучения на один семестр уехать в любой западный университет и включиться там в учебный процесс. Это в теории.

На практике это означает *повышение требовательности к методикам и качеству преподавания иностранных языков и темпам овладения ими в российских школах*. Для сельской школы это немалая трудность.

11. Вместе с переходом на критерии Болонской декларации, на двухуровневую систему высшего образования, можно предположить не повышение, а снижение качества высшего образования. Компенсировать его работодатели на российском рынке труда будут, скорее всего, за счёт расширения форм *корпо-*

ративного обучения (которое всё чаще выступает в качестве альтернативного высшей школе).

Объективно корпоративный путь подготовки кадров обусловлен необходимостью работодателей (шире – российского капитала) «доделать» в усечённой бакалаврской подготовке то, что не успевают дать 4-х (а тем паче – трёх) годичный бакалавриат. Поэтому, скорее всего, будут шире использоваться корпоративные системы дообучения и подготовки кадров в корпорациях, компаниях, крупных фирмах в качестве определённой альтернативы бакалавру как недоученному специалисту.

12. И, наконец, *не следует идеализировать студенчество западных вузов*. Очень большую часть европейских студентов (если не преобладающую) в отличие от российских вузов, составляют эмигранты. Единого стандарта, который осваивали бы за рубежом все студенты, нет. Поэтому и провозглашается на Западе общая образовательная политика: единый стандарт, три-четыре года обучения, степень бакалавра, магистра...

Резонный вопрос, который стоит себе задать:

«А почему Россия должна переходить на такое образно говоря, «*лоскутное*» высшее образование, отказываясь от принципов цельности, национальной самобытности и преемственности, высококачественности национальной высшей школы и государственного высшего образования?»

И последнее. Процесс перехода на двухуровневую систему – процесс длительный. Эти изменения надолго и всерьёз. И никто из нас, имеющих отношение к образованию, не сможет где-то отсидеться, переждать, самоизолироваться... Страусиная тактика в этом процессе совершенно безнадёжна. Но у российской высшей школы, у сельского и городского учительства ещё есть время, чтобы адаптироваться к новой образовательной системе.

Закон вводит переходный период. До 1 сентября 2009 г. внедрение обучения по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в каждом вузе будет осуществляться по решениям Учёного совета, т. е. с учётом конкретных условий, возможностей, интересов. Это значит, что каток перехода хотя и проедет по каждому из нас, но российское образование может сохранить свои национальные традиции.

Хотелось бы пожелать всем преподавателям высшей школы, учителям средних школ гибкости, верности принципам национальной школы и мобильной инициативности, чтобы на западном стандарте, внедряемом сегодня, мы бы в конечном итоге создали свой российский стандарт высшего образования нового образца, который в будущем у нас же (как ни раз бывало в истории) позаимствует Запад.

**Сельские рынки
труда и занятости, образовательных и информационных услуг**

1. РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ			
Занятость в сельскохозяйственном секторе экономики (на 2005 г.)			
1.	ВСЕГО: –2004 сельское хозяйство , охота и лесное хозяйство (от общей численности заня- тых в экономике)	6,9 млн	10,4%
2.	По полу (гендерный состав)		
3.	мужчины	4,3 млн	12,7%
4.	женщины	2,6 млн	8,0%
5.	По уровню образования:		
6.	Высшее профессиональное об- разование	347 тыс.	6,7%
7.	Неполное высшее профессио- нальное образование	39 тыс.	0,8%
8.	Среднее профессиональное	766 тыс.	14,8%
9.	Начальное проф.	849 тыс.	16,4%
10.	Среднее (полное) общее	1,9 млн	36,8% <i>больше чем в любой другой отрасли</i>
11.	Основное общее	1,1 млн	21,1%
12.	Начальное общее	173 тыс.	3,4% <i>больше, чем в любой другой отрасли</i>
13.	<i>Основа отрасли – работники с основным средним и начальным образованием Среди занятых 62% мужчин 38% женщин</i>		
Заняты в с/х по месту основной работы и видам экономической деятельности			
14.	В фермерском хозяйстве	3,7 млн	71,9%
15.	В сфере предпринимательской деятельности (без образования юридического лица)	1,4 млн	26,6%
16.	По найму у физических лиц	74 тыс.	1,4%
2. БЕЗРАБОТИЦА ОБЩАЯ И СЕЛЬСКАЯ			
17.	Всего численность безработ- ных в РФ <i>По возрасту:</i> До 20 лет в возрасте от 20 до 24 25–29 лет в возрасте 20–29лет	6,7 млн 603 тыс. 1 млн 22 тыс. 710 тыс. 1 млн 732 тыс.	Средний возраст = 34,9 лет <i>В% от экономически активного населения соответ. возрастной группы</i> 27,4% 10,7%
18.	<i>большинство безработных – мужчины- средний возраст безработного мужчины = безработной женщине</i>		
19. 4.	Распределение <u>зарегистриро- ванных</u> безработных по про- должительности безработицы в сельской местности: ВСЕГО безработных:-2005г.	891,2 тыс.	
20.	в т. ч. с <i>продолжительностью</i> до 1 месяца	99,4 тыс.	11,2%
21.	от до 4 мес.	293,8 тыс.	33%
22.	от до 8 мес.	203,2 тыс.	22,8%
23.	от 8 мес. до 1 года	128,9 тыс.	14,5%
24.	Более года	165,9 тыс.	18,6
25.	Средняя продолжительность безработицы в сельской местности	6,5 месяцев	
26.	Разница в заработной плате 10% наименее и 10% наиболее оплачиваемых в <i>сельскохозяйственной отрасли</i>		22,2 раза
27.	Малоимущее население в сельской местности – 2005 г. Крайне бедное		38,6% 51,2%

Удовлетворенность жилищными условиями в домашних хозяйствах – 2005 г.						
	Оценка условий проживания	отлич-ные	хорошие	удовлет.	пло-хие	очень плохие
28.	Все домохозяйства	2,7	33	49,1	13,9	1,3
29.	В т.ч. в сельской местности	2,9	30,4	53,2	12,6	0,9
30.	...в городской	2,7	33,9	47,6	14,4	1,4
3. РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ						
сравнительные данные			2005 г.		2000 г.	
31.	Кол-во дошкольных учреждений в сельской местности (тыс.)	20,1		22,7		
32.	Численность детей в них охват детей в возрасте от 1–6 лет	919 тыс. 39 тыс.		855 тыс. 35 тыс.		
33.	Численность учащихся гос. и муниципаль-ных дневных общеобразователь-ных учреждений в сельской местно-сти: ВСЕГО	2005/2006 уч. г.		2004/2005уч. г		
		4,5 млн		4,8 млн		
34.	Выпущено специалистов сельского и рыбного хозяйства гос-ми и муници-пальными средними специаль-ными заведениями (тыс. чел)	2005 28,3 тыс.		2004 28,6 тыс.		
35.	Конкурс на вступительных экзаменах в гос. и муниципальные вузы Во всех учебных заведениях В учебных заведениях сельского хо-зяйства	2005г 203 190 заявлений на одно место		2000 г 187 185 заявлений на одно место		
36.	Выпуск специалистов гос-ми и муници-пальными вузами ВСЕГО В т.ч. по специальности сельское и рыбное хозяйство	978,4 тыс. 35,9 тыс.		2004 г 930,4 тыс. 33,6 тыс.		
Средние потребительские цены на отдельные виды услуг в системе образования РФ						
37.	Посещение детского ясли-сада (муни-ципального, ведомственного) за 1 день в рублях	2005 г 26,5		2000г. 9,2		
38.	Обучение в общеобразовательных средних учебных заведениях за 1 месяц, в руб.	4168		1704		
39.	Обучение в среднем спец. учебном заведении за семестр, в руб.	8672		4232		
40.	Обучение в высшем государственном учебном заведении за семестр, в руб.	16.027		7.034		
41.	Обучение в высшем негосударствен-ном учебном заведении за семестр, в руб.	15153		8311		
42.	Занятия на курсах иностранных язы-ков, за академический час, руб.	72,2		31,0		
43.	Уровни заработной платы в сельском хозяйстве по сравнению с народным хозяйством в целом.					
Годы	Средняя заработная плата в сельском хозяйстве (руб.)		% от среднего уровня заработной пла-ты по народному хозяйству в целом			
2000	1309,2		40,4			
2001	1760,9		40,1			
2002	2017,4		36,5			
2003	2457,5		37,7			
2004	2806,7		38,7			
2005	3 653,5		42,7			

Смысл Великой Победы

4. РЫНОК СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ			
		2005	2000
44.	Кол-во общедоступных библиотек (<i>тыс.</i>).	38,2	38,8
45.	Библиотечный фонд (<i>млн экз.</i>) Число экз. в среднем на 1000 жителей Число зарегистрированных пользователей РФ (<i>млн чел.</i>)	353 9.138 58,1	368 9.306 59,6
46.	Число учреждений культурно-досугового типа (<i>тыс.</i>)	45,2	48,1
47.	Число книг, брошюр всего в РФ (<i>печат. ед.</i>) ...в сельской местности	95,3 <i>данные не приводятся</i>	59,5
48.	Общий тираж в РФ (<i>млн экз.</i>)	669,4	471
49.	Издание книг на 1000 жителей РФ (<i>экз.</i>)	4.677	3.214
50.	Число журналов и других периодических изданий на рус. и др. языках (<i>всего ед.</i>)	4.874	3.570
51.	Число газет (изданий) ВСЕГО Число газет <i>на тысячу чел.</i> населения разовый тираж (<i>млн экз.</i>)	7.535 1238	5.758 742
52.	Охват телевидением в РФ (%)	98,6	98,1
53.	Охват радиовещанием в сельской местности: Государственные радиопрограммы (например, «Радио России») % от общего населения Коммерческие	86,7 11,7%	<u>2002 г.</u> 91,3 28,7%
54.	Пользователи Интернет в сельской местности в 2005 г. (по результатам соц. исследований) имеют доступ к сети Интернет ➢ все члены домохозяйств ➢ в возрасте от 6 до 16 лет ➢ женщины старше 16 лет ➢ мужчины старше 16 лет	11,7 21,4 24,4 27.1	Не имеют доступа 88,3% 78,6 75,6 72,9%
55.	Всего зарегистрировано религиозных организаций в РФ (в т. ч. монастыри и духовно-образовательные учреждения)	22.513 399	137
5. Рынок УСЛУГ СВЯЗИ и ТРАНСПОРТА			
56.	Наличие квартирных телефонных аппаратов в сельской местности (<i>на 1000 чел.</i>) Наличие неудовлетворенных заявок в сельской местности (<i>тыс.</i>)	112,6 659,0	81,4 605,1
57.	Наличие мобильных телефонов в домохозяйствах в РФ (по результатам соц. исследований) (<i>на 100 домохозяйств</i>) По результатам социологических исследований имеют мобильные телефоны	104	<u>2001 г.</u> 5
58.	Автобусы пригородного сообщения	48	<u>2000 г.</u> 53
59.	Пригородные поезда	46	21

Для составления таблиц использованы данные Статистических сборников Федеральной службы Государственной статистики (Росстат):
1. Социальное положение и уровень жизни населения России 2006, 2005, 2004.
2. Труд и занятость в России. 2005, 2004, 2003.

УТВЕРЖДЕНА
распоряжением Правительства Российской Федерации
от 18 декабря 2006 г. № 1760-р

СТРАТЕГИЯ государственной молодёжной политики в Российской Федерации

I. Основные положения и цель Стратегии

Стратегия государственной молодёжной политики (далее – Стратегия) разработана на период **до 2016 года** и определяет совокупность приоритетных направлений, ориентированных на молодёжь, включающих задачи, связанные с участием молодёжи в реализации приоритетных национальных проектов.

II. Предпосылки принятия Стратегии

Государственная молодёжная политика является системой государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности.

Государственная молодёжная политика формируется и реализуется органами государственной власти и местного самоуправления, при участии молодёжных и детских общественных объединений, неправительственных организаций и иных, юридических и физических лиц.

Настоящая Стратегия ориентирована преимущественно на граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет, в том числе на молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также на молодые семьи.

В связи со стремительным старением населения и неблагоприятными демографическими тенденциями сегодняшние 10–25-летние жители страны станут основным трудовым ресурсом России, их трудовая деятельность – источником средств для социального обеспечения детей, инвалидов и старшего поколения.

От позиции молодёжи в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преобразований. Именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Результаты исследований показывают, что молодёжь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33 процента молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой. Только 2,7 процента молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций.

В условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодёжь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Однако в настоящий момент 35 процентов молодых людей в возрасте 18–35 лет испытывает раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51 процент одобрили бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп.

В российской Федерации высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15–24 лет (6,4 процента).

Начиная с 90-х годов прошлого века число молодых пар, которые проживали без юридического оформления брака, увеличилось до 3 миллионов, что привело к реальному росту внебрачных детей и увеличению количества неполных семей.

Одной из наиболее острых проблем, которая встает перед молодежью и обществом, является жилищное обеспечение. Несмотря на модернизацию и реформирование жилищно-коммунального хозяйства, проблемы, вызванные со старением жилого фонда и неразвитостью форм найма жилья, провоцируют рост цен и арендной платы за жилье в Российской Федерации. Процентные ставки по ипотечным кредитам остаются недоступными для молодых людей.

Очевидно, что молодежь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает ее от других групп населения. В то же время перед российским обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет Россия из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Проведенный анализ и прогноз условий развития России, а так же проблемы молодежи в ближайшие десятилетия выдвигают требования по выработке нового стратегического подхода к государственной молодежной политике.

III. Цель и принципы реализации Стратегии

Целью государственной молодежной политики является развитие и реализация потенциала молодежи в интересах России.

Государственная молодежная политика разрабатывается и реализуется в Российской Федерации должна с учетом социально-экономического развития страны на основе следующих принципов:

1. - выделение приоритетных направлений;
2. - учет интересов и потребностей различных групп молодежи;
3. - участие молодых граждан в разработке и реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики;
4. - взаимодействие государства, институтов гражданского общества и представителей бизнеса;
5. - информационная открытость;
6. - независимость оценки результатов Стратегии.

Стратегия рассматривает приоритетные направления в качестве системообразующих государственной молодежной политики в России.

Проекты, разработанные для реализации приоритетных направлений, будут обращены ко всей молодёжи России, откроют возможности для равного участия в них всех молодых людей независимо от пола, национальности, профессии, места жительства и социального статуса, предоставят молодежи возможности деятельности, которые более всего соответствует ее интересам.

IV. Приоритетные направления государственной молодёжной политики

Учитывая масштаб задач, стоящих перед страной, и объективную ограниченность ресурсов развития, приоритетными должны стать такие направления, работа по которым обеспечит создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, а также возможности для самостоятельного и эффективного решения молодыми людьми возникающих проблем. Такой подход будет способствовать взаимосвязанному улучшению качества жизни молодого поколения и развитию страны в целом.

Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России на среднесрочную перспективу, государственная молодежная политика в Российской Федерации будет реализована по следующим приоритетным направлениям:

вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития;

развитие созидательной активности молодежи;

интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества.

Государственная молодежная политика призвана объединить государственные и негосударственные ресурсы, что предполагает межведомственный характер взаимодействия в целях:

системного вовлечения молодежи в общественную жизнь и развития навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны, информирования всех молодых людей о возможностях их развития в России и в мировом сообществе, а также культуры применения созданных в стране возможностей личностного и общественного развития, что позволит молодому человеку полнее реализовать свой потенциал, укрепит его уверенность в своих силах и своем будущем;

выявления, продвижения, поддержки активности и ее достижений в социально-экономической, общественно-политической, творческой и спортивной сферах, что даст возможность молодым людям проявить себя, реализовать свой потенциал и получить заслуженное признание в России;

вовлечения в полноценную жизнь молодых людей, которые испытывают проблемы с интеграцией в обществе, – инвалидов, выпускников образовательных учреждений для детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся воспитанников с отклонениями в развитии и специальных учебно – воспитательных учреждений закрытого типа, жертвы насилия, военных действий, катастроф, переселенцев и мигрантов, лиц, освободившихся из мест лишения свободы, представителей коренных и малочисленных народов, а также молодых людей и семей, оказавшихся в социально опасном положении, безработных, ВИЧ – инфицированных и молодых людей, зависимых от употребления психоактивных веществ.

Такая система приоритетных направлений государственной молодежной политики обеспечит улучшение положения молодых людей, приведет к увеличению вклада молодежи конкурентоспособность страны и вместе с тем компенсирует и минимизирует последствия ошибок, объективно свойственных молодым людям.

Для реализации приоритетного направления, включающего вовлечение молодежи в общественную жизнь и ее информирование о потенциальных возможностях развития в России, предусмотрены следующие проекты:

1. «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд»»;
2. «Доброволец России»;
3. «Карьера»;
4. «Молодая семья России».

Основными целями проекта «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд» являются:

1. вовлечение молодежи в процессы поиска, создания, применения, распространения и популяризации актуальной информации и ценностей, необходимых для эффективной жизни в российском обществе;

2. развитие механизмов и форм трансляции информации, актуальной для жизни молодежи, в молодежные аудитории;

3. развитие положительного отношения молодежи к позитивным ценностям российского общества;

4. формирование и продвижение образа успешного молодого россиянина.

Указанный проект адресован молодым гражданам Российской Федерации, их родителям и сотрудникам учреждений, работающим с молодежью.

Основными видами работ в рамках данного проекта являются:

развитие систем информирования и программ социального просвещения по всему спектру вопросов жизни молодежи в обществе (здоровье, спорт, образование, жилье, досуг, труд, карьера, общественная и личная жизнь, семья, международные отношения и жизнь молодежи в других странах и др.);

1. развитие информационно-консалтинговой помощи молодежи;

2. развитие молодежных информационных проектов и программ;

3. популяризация ценностей российского общества (здоровье, труд, семья, толерантность, права человека, Родина, патриотизм, служение отечеству, активная жизненная и гражданская позиция и ответственность и пр.) средствами социальной рекламы;

4. разработка и распространение актуальных информационных ресурсов и социальной рекламы силами молодых граждан;

5. разработка специальных проектов, уравнивающих возможности молодежи, проживающей в сельских и удаленных районах в поиске, применении и распространении актуальной информации;

6. участие в международных информационных молодежных проектах, направленных на взаимное проникновение ценностей российской и мировой культуры.

Основными целями проекта «Доброволец России» являются:

1. мотивация молодых людей к оказанию помощи, проявлению действенной инициативы в решении проблем людей, нуждающихся в помощи и поддержке;

2. формирование механизмов вовлечения молодых людей в многообразную общественную деятельность, направленную на улучшение качества жизни россиян;

3. развитие и поддержка молодежных инициатив, направленных на организацию добровольческого труда молодежи.

Основными видами работы по реализации указанного направления являются:

1. развитие и поддержка эффективной общественных организаций и молодежных объединений;

2. формирование информационных банков данных о потребностях и возможностях организации добровольческого труда молодежи в регионах России и за рубежом;

3. привлечение молодежи к добровольческому труду в регионах России и за рубежом в сферах массового молодежного спорта, туризма и досуга для молодежи.

Указанный проект адресован каждому молодому человеку в возрасте от 14 до 25 лет, живущему в Российской Федерации.

В результате этой работы формируется открытая и доступная для молодых людей система поддержки инициатив молодежи, направленных на решение задач

улучшения качества жизни в России. Кроме того, молодые люди получают возможность проявить себя и осознать свою востребованность в жизни общества.

Основными целями проекта «Карьера» является:

1. **Самоопределение** молодежи на рынке труда;
2. развитие моделей и **форм вовлечения молодежи в трудовую** и экономическую деятельность, направленную на решение вопросов **самообеспечения** молодежи.

Для достижения этих целей будут реализованы разработанные мероприятия, направленные:

1. на вовлечение молодежи в деятельность **трудовых объединений, студенческих отрядов, молодежных бирж труда и других форм занятости молодежи;**

2. на внедрение форм и технологий профессионального и социально-правового просвещения и ориентирования молодежи, помощи в планировании и развитии эффективной карьеры молодежи на рынке труда;

3. на внедрение эффективных программ развития социальной компетентности молодежи, необходимой для продвижения на рынке труда;

4. на развитие взаимодействия субъектов рынка труда в решении вопросов трудоустройства молодых людей;

5. на создание условий для максимально гибкого включения молодого человека в новые для себя виды деятельности и обеспечение его законных прав и интересов;

6. на поддержку и популяризацию инициатив и начинаний молодежи в социально-экономической сфере, сфере технологий и научно-промышленных разработок.

Указанный проект адресован молодым людям от 14 до 30 лет, участникам рынка труда.

По видам и сложности работ, которые может выполнять молодой человек в соответствии с российским законодательством, аудитория этого проекта может быть условно разделена на следующие группы:

от 14 до 18 лет – несовершеннолетние участники, выполняющие временные работы на основе частичной занятости и ответственности;

от 18 до 30 лет – совершеннолетние участники, в основном обучающиеся и студенты, занятые на сезонных и временных работах, а также участники, частично занятые во время учебы;

молодые люди, получившие профессиональное образование и осуществляющие поиск 1-го рабочего места.

По отношению к 1-й группе предусматривается оказание содействия в организации трудовой практики и приобщение молодых людей к труду и решению задач самообеспечения.

В отношении 2-й группы молодежи будут поддержаны мероприятия, направленные на построение эффективных самостоятельных взаимоотношений с участниками рынка труда, стимулирование развития творческой активности молодежи и ее ответственности за свое будущее.

Применительно к 3-й группе внедряются эффективные формы и механизмы взаимодействия субъектов рынков труда в решении вопросов трудоустройства молодежи.

Основными целями проекта «**Молодая семья России**» являются:

1. укрепление института молодой семьи;
2. увеличение количества благополучных семей в России;
3. пропаганда ответственного родительства.
4. К задачам, решаемым в рамках проекта, относятся:
5. пропаганда семейных ценностей среди молодежи;
6. формирование механизмов поддержки молодой семьи, в том числе создание стартовых возможностей для становления молодой семьи;
7. подготовка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей к созданию благополучной семьи;
8. содействие в обеспечении жильем молодых семей.

Указанный проект адресован молодым жителям России и молодым семьям.

В целях реализации этого проекта планируется проведение широкого освещения в средствах массовой информации мероприятий, демонстрирующих и пропагандирующих ценности семейной жизни для молодых людей, а также создание условий для стимулирования частичной занятости молодых родителей, воспитывающих малолетних детей.

Для реализации приоритетного направления, включающего развитие со-зидательной активности молодежи, предусмотрены **проекты «Команда» и «Успех в твоих руках».**

Основными целями проекта «Команда» являются:

1. обеспечение участия молодежи в процессах коллективного управления общественной жизнедеятельностью и в процессе самоуправления – собственной жизнедеятельностью;
2. развитие у молодых людей положительных навыков индивидуального и коллективного управления общественной жизнью;
3. вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь общества.
4. К задачам, решаемым в рамках этого проекта, относятся: распространение эффективных моделей и форм участия молодежи в управлении общественной жизнью;
5. развитие моделей и программ лидерской подготовки молодежи;
6. привлечение молодежи к участию в общественной и общественно-политической жизни, вовлечение молодых людей в деятельность органов самоуправления в различных сферах жизни общества;
7. привлечение молодых людей к работе в исполнительных и представительных органах власти;
8. привлечение молодежи к участию в проектной, управленческой, исследовательской деятельности;
9. популяризация идей участия молодежи в общественной и общественно-политической жизни;
10. привлечение молодежи к участию в выборах законодательных органов власти;
11. поддержка молодежных общественных организаций и объединений;
12. включение молодых людей в международные проекты по подготовке лидеров молодежных общественных объединений и работу международных молодежных органов.

Указанный проект адресован российской молодежи в возрасте **до 25 лет.**

Основной целью **проекту «Успех в твоих руках»** является выявление и продвижение талантливой молодежи и продуктов ее инновационной деятельности.

Для достижения этой цели планируется осуществить:

1. поддержку способной, инициативной, талантливой молодежи;

2. развитие молодежного предпринимательства и деловой активности молодежи;
3. поощрение молодежи за ее разработки и исследования проблем, имеющих значение для развития страны;
4. привлечение молодежи в творческие, научные и спортивные объединения;
5. внедрение системы развивающих, ролевых, спортивных игр, конкурсов и фестивалей по профилям деятельности и интересам молодежи;
6. вовлечение российской молодежи в инновационные международные проекты в сфере образования, науки, культуры, технологий;
7. популяризацию и пропаганду успехов российской молодежи в мировом сообществе.

Указанный проект рассматривает в качестве целевого адресата всех молодых граждан Российской Федерации, обладающих мотивацией к достижениям в общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни.

Для реализации приоритетного направления, включающего интеграцию молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизни общества, предусмотрен проект **«Шаг навстречу»**.

Основными целями проекта «Шаг навстречу» являются:

1. оказание помощи молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в интеграции в общество;
2. вовлечение молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в общественную, социально-экономическую и культурную жизнь общества;
3. развитие и популяризация в молодежной среде идей толерантности и содействия людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.
4. Основными видами работ по реализации указанного направления являются следующие:
5. выявление типичных и вновь складывающихся групп молодежи, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
6. развитие моделей и направлений адресной мобильной социальной помощи молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;
7. развитие групп самопомощи и взаимной поддержки молодежи, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
8. распространение для молодых людей, испытывающих трудности в интеграции, программ развития навыков и умений самостоятельной жизни;
9. поддержка молодежных проектов, направленных на вовлечение молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в общественную, социально-экономическую и культурную жизнь и улучшение их положения в обществе.

Указанный проект адресован молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, участниками же должна стать российская молодежь в возрасте до 30 лет.

V. Механизмы реализации Стратегии

Для достижения целей настоящей Стратегии требуется внедрение механизмов прямого взаимодействия с молодежью, обеспечивающих высокую результативность и оперативность в управлении процессами, проистекающими в молодежной среде.

В этой связи приоритетными направлениями настоящей Стратегии предусмотрены проекты, которые будут реализованы на федеральном и региональ-

ном уровнях. В рамках проектов на федеральном уровне поддерживаются мероприятия, ориентированные на всю молодежь страны, в том числе массовые кампании, программы, конкурсы, всероссийские молодежные акции. В рамках проекта на региональном уровне будут созданы условия для решения задач, определяемых настоящей Стратегией и среднесрочной программой социально-экономического развития Российской Федерации.

Для каждого проекта Министерством образования и науки Российской Федерации с участием уполномоченных органов по работе с молодежью субъектов Российской Федерации разрабатывается технико-экономическое обоснование, которое будет содержать цели соответствующего приоритетного направления Стратегии, основные федеральные и региональные приоритеты и значения индикаторов государственной молодежной политики. К этой работе будут привлечены научные и молодежные общественные организации.

Для привлечения исполнителей приоритетного направления, прежде всего из числа уполномоченных органов по работе с молодежью субъектов Российской Федерации и общественных организаций, работающих в молодежной сфере, будут проведены конкурсы. Предметом конкурсного отбора станут проекты и мероприятия, направленные на решение одной или нескольких задач, определяемых Стратегией и соответствующими приоритетными направлениями. К организации и проведению конкурсного отбора будут привлечены ведущие эксперты из числа государственных, общественных, научных организаций, имеющих большой опыт оценки и поддержки проектов в области молодежной политики.

Информация о поддержанных проектах, об организациях победителях, ожидаемых результатах и сроках их реализации будет доведена до сведения широкой общественности, в том числе и в рамках работы создаваемой российской информационной молодежной сети.

На федеральном уровне за реализацию приоритетных направлений Стратегии отвечает Министерство образования и науки Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества и научной общественностью. На региональном уровне – уполномоченный орган по работе с молодежью субъекта Российской Федерации.

VI. Условия, необходимые для реализации Стратегии

Для достижения целей и решения задач, определенных в Стратегии, требуется создание организационно-правовых и материально-финансовых условий.

В соответствии с положениями настоящей Стратегии необходимо внесение изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, направленные на совершенствования механизмов взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики, на создание условий для поддержки деятельности молодежных общественных объединений, а также на создание условий молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации, и молодых семей.

Для реализации Стратегии необходимо формирование кадрового потенциала государственной молодежной политики и негосударственных организаций, что предполагает:

уточнение государственных образовательных стандартов по перечню специальностей, представленных в системе органов и организаций, реализующих государственную молодежную политику;

пересмотр тарифно-квалификационных требований к специалистам, работающим в сфере государственной молодежной политики;

совершенствование системы подготовки кадров в сфере государственной молодежной политики в рамках проведения единой государственной политики в области образования на базе действующей сети образовательных учреждений.

В целях обеспечения эффективной реализации мер государственной молодежной политики необходимо установить систему критериев и показателей оценки ее результативности, которая должна показывать взаимосвязь между мерами государственной молодежной политики и изменениями в положении молодежи. Разработка такой системы требует модернизацию государственной статистики в области государственной молодежной политики, в частности разработку и пересмотр сложившихся требований и параметров информации, характеризующей положение молодежи в основных сферах социально-экономической жизни России.

Финансирование мероприятий по реализации Стратегии будут осуществляться из следующих основных источников:

1. федеральный бюджет;
2. бюджет субъекта Российской Федерации;
3. внебюджетные средства.

4. Финансирование мероприятий по реализации Стратегии осуществляется в пределах средств, предусмотренных на реализацию молодежной политики федеральном законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год, в том числе путем предоставления в установленном порядке субсидий субъектам Российской Федерации и организациям любых организационно – правовых форм.

VII. Результаты реализации государственной молодежной политики и оценка ее эффективности

Главным результатом реализации Стратегии должны стать улучшение положения молодежи в обществе и, как следствие, увеличение вклада молодых людей в развитие страны.

К ожидаемым результатам улучшения положения молодежи относятся повышение уровня здоровья и качества образовательных услуг, доходов молодых людей в сравнении с предыдущим периодом и доходами взрослого населения.

Результатом вклада молодежи в социально-экономическое, общественно-политическое и социокультурное развитие страны являются: повышение числа молодых людей, получивших образование (не ниже среднего профессионального);

1. сокращение числа молодых людей, имеющих крайне низкий уровень доходов и живущих ниже прожиточного минимума;
2. сокращение уровня безработицы в молодежной среде;
3. снижение уровня правонарушений среди молодежи;
4. повышение деловой, предпринимательской, творческой, спортивной активности молодежи;
5. повышение уровня самоорганизации и самоуправления молодежи в жизни общества;
6. увеличение числа молодых людей, участвующих в выборах органов власти всех уровней.

В числе первоочередных мер по реализации Стратегии рассматривается разработка российской системы оценки эффективности государственной молодежной политики и положения молодежи в России, число критериев которой с учетом включенных в них индикаторов будет уточнено в результате ее формирования. В качестве основного критерия оценки эффективности государственной

молодежной политики будет рассматриваться влияние предпринимаемых мер на улучшение положения молодежи в российском обществе, на динамику и качество ее общественной и социально-экономической активности.

Поскольку Стратегия носит комплексный характер, предполагается разработка **системы измерений, позволяющих сопоставить качественное улучшение положения молодежи с общими показателями развития ситуации в стране.**

Источником исходной информации станут данные мониторингов положения молодежи в России, качественных оценок роли и места государственной молодежной политики в улучшении этого положения, предоставляемых всеми ее адресатами и участниками.

Формируемая система измерения и измерителей обеспечит возможность осуществления оперативного анализа мер Стратегии, прогнозирования положения молодежи и выявления актуальных задач государственной молодежной политики на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Помимо этого, будут внесены коррективы и изменения в систему сбора данных государственного статистического наблюдения в части, отражающей актуальные задачи и приоритеты молодежной политики, обоснованные настоящей Стратегией.

VIII. Заключительные положения

В условиях модернизации общества и растущих требований к человеческому капиталу государственная молодежная политика должна стать инструментом развития и преобразования страны. Это требует от всех участников процесса социального становления молодежи разработки и последовательной реализации подходов, ориентированных на прямое вовлечение молодых людей в решение собственных проблем и общенациональных задач.

Задачи государственной молодежной политики такого масштаба могут быть решены только посредством применения проектного подхода, формирования системы российских молодежных проектов основанных на приоритетных направлениях Стратегии, понятных и востребованных в молодежной среде и обществе.

Все это, в конечном итоге, сформирует устойчивые условия для самоорганизации молодежи и всего населения, развития инициатив, отвечающих масштабам задач, стоящих перед Россией, роста благосостояния граждан и совершенствования общественных отношений.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 1)

А.А. ВОЗЬМИТЕЛЬ
В.Я. КРАСНИКОВСКИЙ

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Настоящая статья является второй из серии публикаций, написанных на основе сравнительного анализа данных двух репрезентативных исследований образа жизни: Всесоюзного, проведённого ИСИ АН СССР в 1981–1982 г.г. (всего опрошено 10150 человек, в том числе по России 5522) и Всероссийского, проведённого РГСУ в 2008 г. (опрошено 2017 человек)¹. Она посвящена раскрытию констант, сдвигов и тенденций в трудовом процессе, его условиях и отношении к труду.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, ценности, условия труда, социальная динамика.

За последние два десятилетия социально-трудовая сфера в нашей стране претерпела весьма серьёзные изменения. Коренным образом преобразованы системы отношений собственности и социальных гарантий, система социально-трудовых отношений, произошли серьёзные структурные изменения в составе и территориальном распределении рабочей силы. На этом фоне далеко не очевидными, но одинаково важными представляются как позитивные модификации ценностного сознания, мотивационно-деятельностного комплекса наших работающих сограждан, их отношения к труду, так и соответствующие негативные деформации, поскольку ситуация здесь сложна и противоречива, а изменения в её параметрах не поддаются однозначной оценке. В связи с этим, основные вопросы, ждущие первоочередного ответа, могут быть сформулированы следующим образом.

Каково качественное социокультурное содержание изменений, произошедших в трудовых отношениях?

Каков характер этих изменений в плане острейшей необходимости резкого повышения эффективности российской экономики, развития её инновационных форм, а также становления работника нового типа способного решать названные задачи.

Немаловажно и понимание того, как оценивать достигнутое на сегодня состояние: произошли прогрессивные, позитивные сдвиги в социально-трудовой сфере, или же мы вновь впали в состояние застоя, отличающегося от ситуации позднебрежневских времён лишь стадией запущенности и более высоким уровнем цинизма в обществе?

¹ Исследование проведено в рамках реализации проекта «Социальные изменения в современной России: методология измерения и социальные практики». Научный консультант проекта – академик РАН В.И. Жуков. Руководители проекта – доктор социологических наук, профессор Г.И. Осадчая и доктор социологических наук А.А. Возьмитель. Программа и методика исследования разработаны А.А. Возьмителем при участии Г.И. Осадчей.

Первая статья см.: *Возьмитель А.А.* Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России // *Безопасность Евразии.* 2009. № 1.

Мы сконцентрируемся на изменениях:

- связанных с отношением людей к труду,
- отражающих восприятие людьми результатов своей работы и условий труда,
- в сфере ценностного сознания и мотивационно-деятельностного комплекса работающих россиян.

1. Отношение людей к труду в позднесоветское и постсоветское время.

Основная часть советских людей доперестроечного времени (1981–1982 гг.) высоко оценивая общественную значимость своей работы, полагала, что выполняет её наилучшим образом (успешно, добросовестно, ответственно, с требуемым качеством).

В наши дни эта тенденция сохранилась (см. табл. 1), правда, с той поправкой, что стало больше тех, кто почти всегда успешно справляется с работой и регулярно проявляет инициативу в работе (за счёт снижения доли делающих это «время от времени»).

Отмеченное некоторое (не очень большое!) структурное изменение (смещение в сторону увеличения доли «регулярно-активных», «регулярно-инициативных» и «регулярно-справляющихся») можно объяснить сочетанием двух факторов в новейшей российской реальности. Во-первых, это расширение тех сфер профессиональной деятельности, которые требуют от занятых в них людей экономической ответственности, активности, инициативности. Во-вторых, это такие изменения в правовом поле существования социально-трудовой сферы, которые в большей мере способствуют утверждению прав работодателя, нежели наёмного работника (что на уровне повседневного трудового бытования формулируется так: «не будешь активничать на глазах у хозяина, – станешь первым кандидатом на увольнение»).

Обобщённая характеристика интенсивности и результативности труда, построенная на основе анализа ответов на вопросы о работе в полную меру сил и способностей, а также её успешности, – более чётко показывает тенденции происходящих здесь изменений (см. табл. 2).

Таблица 1

**Оценка работниками своего труда
(в % к числу работающих)**

Ответы на вопрос: « Можете ли Вы сказать про себя, что... »	1981–1982	2008
... Успешно справляетесь с работой		
1. Почти всегда	73	79
2. Когда как	26	19
3. Практически никогда	1	2
... Работаете в полную меру своих сил, способностей		
1. Почти всегда	63	64
2. Когда как	35	34
3. Практически никогда	2	2
... Проявляете инициативу в работе		
1. Почти всегда	44	49
2. Когда как	52	45
3. Практически никогда	4	6

Таблица 2

Интенсивность и результативность труда
(в % к числу работающих)

	1981–1982	2008
Работали:		
1. Всегда интенсивно и результативно	52	52
2. Не всегда интенсивно, но всегда результативно	15	23
3. С прохладцей, но результативно	6	1
4. Всегда интенсивно, но не всегда результативно	11	11
5. Всегда интенсивно, и нередко нерезультативно	12	12
6. С прохладцей, и нерезультативно	4	1

Из приведённых данных можно сделать, по крайней мере, два вывода:

1. Сегодня, по сравнению с советским временем, у людей возросла нацеленность работы на конкретный результат. Причём за счёт лиц, которые трудятся не всегда интенсивно, но результативно, проявляя, по всей видимости, личную инициативу и предприимчивость.

2. Прослеживается чёткая тенденция к исчезновению лиц, «бьющих баклуши» на работе (работающих «с прохладцей»). Сегодня они составляют около 2% работающих, что в 5 раз меньше, нежели в советское время.

Уместно задаться вопросом: «Как оценивать достигнутое на сегодня состояние?». Ведь, между рассматриваемыми временными срезами – четверть века! Более того, из этих 25 лет, только первые три прошли без реформистских социально-экономических экспериментов власти над обществом и людьми.

По всей видимости, ни общественный строй, ни различающиеся системы стимулов к труду и мотивации в социалистическом советском и нашем, современном обществе и государстве не могут заставить основную массу работников трудиться выше их реальных возможностей. Массовые исключения, которые только подтверждают правило, возникают лишь в периоды социальной нестабильности и принципиальной неопределённости жизненных перспектив большинства населения.

Это же подтверждают и следующие данные. Если в 1990 г., отвечая на вопрос «Какое из высказываний наиболее точно отражает Ваше представление о соотношении работы и досуга?», 39% респондентов, участвовавших во всесоюзном почтовом опросе выбрали суждение «надо много работать и много зарабатывать, чтобы обеспечить высокий уровень жизни себе и своей семье, даже если ради этого придётся пожертвовать свободным временем», а 55% выбрали ответ «надо в меру работать и столько зарабатывать, чтобы обеспечить себя и свою семью всем необходимым (жить как все), а в свободное время полноценно отдыхать», то в 2008 г. во всероссийском опросе соотношение этих ответов стало 27% и 69%, соответственно. То есть, произошёл очередной серьёзный перелом в трудовом сознании россиян. Эйфория зарабатывания денег и использования открывшихся (якобы) безграничных возможностей в этой области, – даже в ущерб состоянию собственного здоровья в будущем, – характерная для первого «рыночного» тринадцатилетия.

тия¹, к настоящему времени начала сменяться осознанием того, что деньги – не самое главное и чрезмерное увлечение их зарабатыванием может дорого обойтись человеку как в плане обустройства личной (семейной) жизни, так и в плане здоровья. Подчеркнём, хотя в ценностно-мотивационном комплексе наших сограждан (в отличие от советской поры) деньги (величина заработков) сегодня остаются на доминирующих позициях, отношение к ним всё же меняется.

Однако почему же процентные соотношения 1982-го и 2008-го годов принципиально не изменились?

На самом деле изменилась система трудовых и других базовых ценностей в обществе, изменилась трудовая мотивация, причём, не в самую лучшую сторону. По-видимому, дело в качественных отличиях той мотивации, которая побуждает большую часть работающих к проявлению внешне сходных форм трудовой активности. Речь идёт о том, что в советские времена в системе трудовой мотивации страх потерять работу, вылететь «на обочину жизни» и мотивы, связанные с экономически-вынужденной занятостью были редки и нетипичны. Сейчас же они приобрели весомое значение в среде представителей многих социальных групп.

Значит, есть все основания утверждать, что принципиально не изменились внешние проявления отношения работников к своему труду. Однако можно предположить, что серьёзным модификациям подверглась система мотивации работников к этому труду (на этом мы остановимся ниже).

Так, если судить по оценкам, данным опрошенными тому, что происходит в их непосредственном окружении, – обозначилось существенное снижение доли тех, кто стремится работать как можно лучше (с 88% в 1981–1982 гг. до 65% в 2008 г.).

На доминирование в отношении к труду мотивов, связанных с принудительностью, на вытеснение работы в периферическую зону ценностного сознания весомой части работников косвенно указывают и следующие данные (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о жизненной позиции людей в отношении общества
(в % к числу опрошенных; n=2017 чел.)

Ответы на вопрос: «Как Вы полагаете, те люди, которых Вы постоянно встречаете в Вашей жизни (на работе, в семье, в кругу знакомых и т. п.) ...»	
... Стремятся взять от общества побольше, а дать поменьше?	2008
1. Почти все	14
2. Большинство	39
3. Меньшинство	35
4. Очень мало	12

Приведённые данные (см. табл. 3, 4) говорят о том, что работа сегодня уступает свои, когда-то ключевые, позиции в ценностном сознании россиян приватным сферам их жизнедеятельности². Кроме этого, представленные цифры сигнализируют о набирающих силу процессах атомизации общества. Граждане, заработав деньги в трудовой сфере, стремятся вложить их в активы «совокупно-

¹ Отсчёт, в данном случае, – с 1986 года, когда в ещё советской экономике стали работать первые отдельно внедряемые элементы рыночного регулирования (кооперативы и внутрипроизводственный хозрасчёт).

² Аналогичные явления впервые были зафиксированы ещё в конце 1980-х годов и знаменовали собой разразившийся в ту пору кризис труда.

го жилья» и «распределённого образа жизни»¹. Этот образ жизни внеэкономический по своей природе, поскольку направлен на обеспечение попыток каждого отдельного члена общества укрыться в своём автономном мирке от социоэкономических экспериментов власти и государства над народом. В мирке, который недосягаем для государства.

Таблица 4

**Распределение ответов на оценочный вопрос
о жизненной позиции людей в отношении себя**
(в % к числу опрошенных; 1981–1982 г.г., n=5522; 2008 г., n=2017)

Ответы на вопрос: «Как Вы полагаете, те люди, которых Вы постоянно встречаете в Вашей жизни (на работе, в семье, в кругу знакомых и т. п.)...»		
... Заняты только собой, устройством своего личного благополучия	1981–1982	2008
1. Почти все	3	15
2. Большинство	18	39
3. Меньшинство	46	31
4. Очень мало	33	15

2. Восприятие людьми результатов своей работы, проявляющихся как внешне, так и на внутреннем уровне («для себя»).

Выше было показано, что, как в период советской квазистабильности, так и в наши дни, – большая часть работников, как правило, успешно справлялась и справляется, со своей работой. А каковы, по оценкам опрошенных, другие результаты их труда. Речь идёт, прежде всего, об удовлетворённости работой, о зарплате и о возможности самореализации в труде (см. табл. 5, 6).

Как показывают приведённые данные, удовлетворённость работой в целом и уровнем оплаты труда снижается.

У большинства советских людей (на момент обследования 1981 г. – 1982 г. – 89%) выполняемая работа была связана с чувством той или иной удовлетворённости. Сегодня же, работа вызывает подобные чувства у 72% работников. Это достаточно серьёзное снижение уровня удовлетворённости работой является симптомом скрытого неблагополучия и пробуксовки ряда механизмов рыночной (капиталистической) организации образа жизни в обществе.

Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении оценки людьми оплаты их работы: доля считающих её в той или иной мере хорошо оплачиваемой неуклонно падала в течение рассматриваемого периода (с 1982 по 2008 г. – в 1,7 раза). При этом доля однозначно считающих свою работу хорошо оплачиваемой снизилась в 3 раза.

¹ «Жизнь большинства семей России распределена между городской квартирой, дачей, погребом, сараем и гаражом. Владимир Вагин, впервые обративший внимание на эту структуру обыденности, назвал её "совокупным жильём". <...> совокупное жильё представляет собой относительно замкнутую структуру материализованных связей, внеэкономическую по природе». (См.: Кордонский С. «В реальности» и «на самом деле» // Знание-Сила. 2002. № 1. С. 57.) Совокупному жилью соответствует «распределённый образ жизни». Люди живут на два и более дома, и нуклеарная семья, реально, превращается во многопоколенную, но распределённую по разным «домам-дачам», однако через совокупное жильё связанную в единое целое (см. там же).

Таблица 5

Оценка работниками удовлетворённости работой
(в % к работающим)

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваша работа в целом удовлетворяет Вас?»	1981–1982	2008
1. Да	57	27
2. В основном, да	32	45
3. В основном, нет	6	15
4. Нет	5	13

Таблица 6

Оценка работниками оплаты труда
(в % к работающим)

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваша работа хорошо оплачивается?»	1981–1982	2008
1. Да	24	10
2. В основном, да	39	30
3. В основном, нет	23	31
4. Нет	15	29

Конечно же, тут не всё так однозначно. На оценку людьми уровня оплаты труда накладываются и уровень цен, и инфляция, и, – что немаловажно, – опыт работающего населения, накопленный по части сравнения связки «зарботки – качество жизни» в России и в зарубежных странах, в «России сегодняшней» и «России вчерашней». Неудовлетворённость зарботками – картина обратная обозначенной ранее: 38% – в 1981–1982 гг. и 65% – в 2008 г., т. е. доля неудовлетворённых оплатой возросла в 1,7 раза.

Это означает, что позитивная мотивация к труду среди широких масс населения современной России встречается нечасто. Более того, её уровень за последние четверть века неуклонно снижался.

Подчеркнём, по сути, здесь идёт речь о двух различных срезах оценок зарботков работников. Официальные источники не устают говорить про «неуклонное» повышение размеров оплаты труда (иногда – и доходов) населения. Это, безусловно, так, особенно, если учитывать номинальные значения, но не брать в расчёт фактор инфляции и проблемы неадекватности (или хотя бы сложности расчёта) реального «размера» «потребительской корзины». Однако то самое, работающее, население оценивает, насколько хорошо оплачивается его работа по несколько иным критериям. Кстати, критерии эти не одинаковы для работников с различным типом мотивации трудового поведения (например, для ориентированных на зарботки или на содержательную сторону своего труда).

Теперь, – о самореализации наших соотечественников в трудовой деятельности. Здесь также наблюдаются негативные тенденции.

Ниже приведены распределения ответов на вопросы о соответствии выполняемой работы знаниям и возможностям работников, а также – о востребованности таких качеств, как профессионализм и трудолюбие (см. табл. 7, 8).

Цифры свидетельствуют: за рассматриваемый период, в трудовой сфере российского общества сложились условия, способствующие снижению степени соответствия выполняемой людьми работы их знаниям, способностям и возможностям. Неоднозначность отмеченного положения заключается в том, что снижение анализируемого соответствия в 1,6 раза (при одновременном возраста-

нии несоответствия в 2,3 раза) за прошедшие годы происходило на фоне сохранения более высокой доли в обществе тех, кто полагает, что его работа, так или иначе, соответствует их знаниям, способностям и возможностям, то есть число таких работников всё продолжает оставаться довольно высоким. Однако, – к сегодняшнему дню в России оно существенно сократилось.

Таблица 7

**Оценка респондентами соответствия выполняемой работы
их знаниям и возможностям**
(в % к числу опрошенных)

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что Ваша работа соответствует Вашим знаниям, способностям и возможностям?»		
	1981–1982	2008
1. Да	57	37
2. В основном, да	33	40
3. В основном, нет	4	11
4. Нет	6	12

Таблица 8

**Оценка респондентами востребованности таких социальных качеств,
как профессионализм и трудолюбие**
(в % к числу опрошенных)

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, в какой мере сегодня востребованы такие качества, как профессионализм и трудолюбие?»	2008
1. Востребованы в полной мере	49
2. Востребованы частично	44
3. Не востребованы	7

При этом необходимо особо отметить следующее. На момент проведения исследования 2008 года, ситуация с востребованностью профессиональных навыков и умений (того, что называется профессиональным багажом работников) не очень плоха: почти половина опрошенных отметили, что эти качества востребованы в полной мере. Настораживает, что, имеющийся профессиональный опыт другой половины работающих не востребован или не востребован вовсе (см. табл. 9).

Таблица 9

Динамика важности инструментальных ценностей
(в % к числу опрошенных; 1981–1982 гг., n = 5522; 2008 г., n = 2017)

Ответы на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, важно, а что не важно для достижения успеха, благополучия в советской и сегодняшней России?»				
Перечень ценностей	1981–1982		2008	
	Вес	Ранг	Вес	Ранг
Трудолюбие, добросовестное отношение к делу	3,63*	I	3,21	IV
Честность, принципиальность	3,47	II	2,79	IX
Отзывчивость, чуткость к другим людям	3,44	III	2,82	VIII
Образование	3,31	IV	3,34	II
Деньги	3,15	V	3,37	I
Способности, талант	3,06	VI	3,03	VI
Забота, прежде всего, о себе	2,35	VII	2,88	VII
Связи с «нужными» людьми	2,34	VIII	3,25	III
Умение приспособиться	2,25	IX	3,09	V

* Сноска к таблице. Средневзвешенный балл значимости того или иного признака в интервале от одного до четырех баллов.

Это – не только значительные и никем не учитываемые экономические, но также огромные моральные потери нашего общества. Причины всё те же: вынужденный переход значительной части населения к трудовому бытованию в режиме личной экономики текущего момента, для которого характерна вынужденная занятость и неуверенность в перспективах.

Что же востребовано в полной мере?

Прежде всего, отметим, что в целом, ответы респондентов по вопросу о важности перечисленных ценностей в 2008 году стали более размытыми, что отражает характерное для нашего реформируемого общества состояние тотальной аномии, проявляющейся во всех без исключения сферах его жизнедеятельности и на всех уровнях его организации. При этом за прошедшие четверть века резко возрос вес ценностей, которые могут рассматриваться, как минимум, в качестве нежелательных для здорового общества с налаженной системой межсубъектных взаимодействий и недеформированным правовым и экономическим пространством. Это – «связи с "нужными" людьми» и «умение приспособиться».

Что касается относительной значимости, иерархии инструментальных ценностей, то она претерпела существенные изменения. Так, в советское время первые три позиции занимали «трудолюбие, добросовестное отношение к делу», «честность, принципиальность», «отзывчивость, чуткость к другим людям». С большим отрывом от них замыкали список – «забота, прежде всего, о себе», «связи с "нужными" людьми» и «умение приспособиться». Теперь же всё по-иному: «первые стали последними», а «последние – первыми». Лидирующие места занимают переместившиеся в авангард «деньги», «образование», «связи с "нужными" людьми», рядом с которыми оказалось «трудолюбие, добросовестное отношение к делу». Далее следуют, практически равноценное, набравшее за истекший период силу «умение приспособиться» и, оставшиеся «при своих», «способности, талант» и «забота, прежде всего, о себе». Замыкают современный список относительной значимости инструментальных ценностей, как раз те, что лидировали в советское время: существенно утратившие позиции «отзывчивость, чуткость к другим людям», «честность, принципиальность».

Подытоживая сказанное, можно утверждать следующее: ценности, востребованные в советской России, и те, что заняли лидирующие позиции сегодня, принципиально различаются по своему социальному характеру. В первом случае, они отражают труд коллективистски ориентированный; во втором, – прежде всего ориентированный на деньги, личный материальный успех в его легальных и полуполигальных формах. Однако ни на интенсивности, ни на результативности труда это обстоятельство никак не отражается.

Известно, отношение к труду определяется объективными и субъективными факторами.

К объективным факторам, традиционно, относятся:

- содержание труда, характер труда, виды труда, – они играют существенную роль в профессиональном и социокультурном развитии работника;
- условия и организация труда, оказывающие непосредственное влияние на особенности отношения человека к труду.

Среди субъективных факторов наиболее важными являются: система ценностных ориентаций, ценностей и мотивации трудовой деятельности.

Принято выделять следующие группы условий труда.

Во-первых, санитарно-гигиенические (или гигиенические) условия труда – степень освещённости, шумового или вибрационного воздействия, загрязнения воздуха, наличие разнообразных излучений и гравитационного воздействия или контакта с токсичными веществами и т. д.

Во-вторых, социально-экономические условия, например, длительность рабочего дня и рабочего года, оплата труда, требования к общеобразовательной и специальной подготовке работников и т. д.

В-третьих, организационные условия труда, – режим труда, ритмичность монотонность, физическая и психическая нагрузка, особенности рабочей позы и т. д. Организационные условия обусловлены организационно-технологическими особенностями процесса труда¹.

В-четвёртых, социально-психологические условия труда, неформальные отношения в коллективе с коллегами по работе и с руководителями, социально-психологический климат.

Рассмотрим изменения в санитарно-гигиенических условиях труда.

Исходя из данных, приведённых в таблице 10, можно констатировать некоторое, хотя и не очень явное, улучшение ситуации с гигиеническими условиями труда. Это связано с двумя причинами социального характера.

Таблица 10

Изменение гигиенических условий труда в оценках респондентов
(в % к числу опрошенных)

	1981–1982	2008
На работе у Вас: ... Санитарно-гигиенические условия		
1. Хорошие	32	39
2. Удовлетворительные	52	46
3. Плохие	16	15

Первая обусловлена структурными изменениями, произошедшими в трудовой сфере за истекший период. К настоящему времени, значительно расширились сферы «цивилизованной» торговли, информационных технологий и услуг непромышленного характера, работа в которых предполагает наличие значительного количества рабочих мест с удовлетворительными и хорошими санитарно-гигиеническими условиями труда.

Вторая же причина связана с произошедшими в нашем обществе изменениями менталитета. За последние 20 лет в России было внедрено довольно много «западных» стандартов жизни. Это способствовало тому, что постепенно люди перестают воспринимать себя в качестве всего лишь одного из ресурсов производства. Всевозможные руководители, видимо, тоже постепенно перестают так воспринимать работников. Соответственно, названные изменения ментальности (в совокупности с открывшимися в последнее время экономическими возможностями предприятий) активизируют в социально-трудовой сфере деятельность по улучшению условий труда сообразно «западным» стандартам. Это – бесспорно позитивная тенденция. И она особенно ценна в нашей стране при крайне слабом влиянии профсоюзов, полном вырождении движения трудя-

¹ Организационные условия труда в настоящей работе не рассматриваются.

щихся, связанного с борьбой за свои права и явной недостаточности контрольных возможностей Трудовой инспекции. Эффективность новой инициативы власти (конца февраля 2009 года) по поводу прокурорского контроля над функционированием трудовой сферы, разделённого с Профсоюзами, пока, к сожалению, остаётся не прояснённой в своём исполнении.

Однако, не всё так хорошо и однозначно, как хотелось бы. Как известно, в Советском Союзе намечались тенденции сокращения доли тяжёлого и малоквалифицированного труда, при одновременном возрастании его интеллектуализации. Затем, в период примерно с 1986 по 1993 г., обострения в СССР – России кризиса труда, – отмечался значительный рост числа работников, занятых физически тяжёлым и малоквалифицированным трудом.

К нашему же времени, ситуация претерпела двойное изменение (см. табл. 11, 12).

Таблица 11

Оценка респондентами физической тяжести их труда
(в % к числу опрошенных)

Считаете ли Вы, что Ваша работа... Физически тяжёлая?		
	1981–1982	2008
1. Да	20	14
2. В основном, да	18	17
3. В основном, нет	25	33
4. Нет	37	36

Таблица 12

Оценка респондентами интеллектуального напряжения их труда
(в % ко всем опрошенным)

Считаете ли Вы, что Ваша работа... Требует большого умственного напряжения?		
	1981–1982	2008
1. Да	27	26
2. В основном, да	35	31
3. В основном, нет	25	24
4. Нет	13	19

Доля занятых физически тяжёлым трудом продолжает сокращаться, что может быть оценено позитивно. Вторая же тенденция, видимо, прервалась: исследование 2008 года выявило небольшое снижение доли работников, чья работа требует большой интеллектуальной нагрузки. Прежде всего, это связано с развивавшимися в нашей стране, начиная с конца 1980-х годов редуционистскими тенденциями в сфере труда (сокращение общих объёмов квалифицированного, при увеличении объёмов мало- и неквалифицированного труда; дисбаланс в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда в пользу последнего), которые неоднократно отмечали аналитики.

Теперь – о некоторых социально-экономических условиях труда. Выше уже была обозначена тенденция снижения удовлетворённости людей уровнем оплаты их труда (см. табл. 6).

К сожалению, те исследования, данными которых мы оперируем в настоящей работе, не преследовали целей, связанных с всесторонним изучением именно условий труда. Поэтому мы не имеем возможности детально проследить динамику всего комплекса социально-экономических условий (реальную дли-

тельность рабочего дня, различные аспекты оплаты труда, изменения требований к общеобразовательной и специальной подготовке работников и пр.). Однако некоторые из имеющихся материалов позволяют косвенно судить о некоторых тенденциях в этой области.

Так, оценивая в опросе 2008 года величину своих заработков, 45% охарактеризовали их как «низкие», 51% – как «средние» и только 4% – как «высокие». Безусловно, необходимо учитывать, что на субъективную оценку людьми величины своих заработков в каждом регионе влияет то, какая их величина оказывается достаточной для достижения социально-приемлемого качества жизни.

Однако на то, что заработки значительной части работающих неудовлетворительны указывают и другие данные. Отметим, что в своё свободное время практически никогда не работали для дополнительного заработка в 1981–1982 г. – 88% опрошенных и только 41% в 2008 году. Одновременно, за рассматриваемый период в разы возросла доля тех, кто постоянно, работает для дополнительного заработка, затрачивая на это много сил и времени: в 1981–1982 г. – 4%, а в 2008 г. – 13%.

Приведённые цифры (при всей их фрагментарности) свидетельствуют о постепенно нарастающем неблагополучии в области социально-экономических условий труда, в современной России.

Наконец, – последняя группа – социально-психологические условия труда, – неформальные отношения в коллективе с коллегами по работе и с руководителями (см. табл. 13).

Судя по полученным данным, в системе внутриколлективных отношений произошло ослабление неформально-человеческого компонента при усилении формально-делового. При этом общая «выдержанность» отношений в коллективах за истекший период сместилась в сторону деловой корректности поведения в отношении окружающих. То есть, можно сказать, что утратилась частица неформальной теплоты взаимоотношений. Межличностный, эмоционально-окрашенный компонент уступил место формально-деловому.

Таблица 13

Динамика отношений в коллективах
(в % к числу опрошенных)

На работе у Вас: ...		
... Отношения с непосредственными руководителями	1981–1982	2008
1. Хорошие	68	61
2. Удовлетворительные	30	37
3. Плохие	2	2
... Отношения с товарищами (коллегами) по работе		
1. Хорошие	90	81
2. Удовлетворительные	10	18
3. Плохие	0	1

Социально-психологические условия труда, утратив неформально-человеческий компонент, всё более приобретают инструментальный характер. Этот класс явлений может быть оценён, в основном, позитивно. Такая ситуация, хотя и не способствует формированию у работников внутриорганизационного пат-

риотизма, зато работает на упорядочение деловых отношений и повышение трудовой мобильности работников. Если говорить кратко, формирующееся состояние в обозначенной области можно охарактеризовать следующим образом: «всё меньше и меньше россиян настроены "болеть душой" за свою организацию и ту работу, которую они выполняют, но всё большее и большее их число готово ответственно выполнять ее в соответствии с предъявляемыми формальными требованиями».

В наши дни остро стоит вопрос о необходимости выхода России на мировые лидирующие позиции, что невозможно без повышения общей эффективности экономики. Но в экономике работают массы живых людей, которые, в зависимости от своего отношения к работе, могут трудиться с различной интенсивностью, старательностью и продуктивностью; могут проявлять необходимую ответственность и инициативу в труде, а могут саботировать и разворачивать организационное имущество.

Поэтому, сегодня актуализируется вопрос об отношении людей к труду: каково оно, каковы тенденции его изменения и в чём причины.

На основе имеющихся результатов, можно утверждать, что отношение к труду большинства российских работников стало более ответственным, но, при этом, менее эмоционально насыщенным. В нём превалирует инструментальная направленность (т. е. всё большее число людей относится к своей работе только, – и в первую очередь, – как к средству добывания необходимых жизненных благ материального характера и средств существования). Среди работающих повышается доля тех, для кого наиболее характерна мотивация страха и избегания (боязнь потерять работу, вылететь на «обочину жизни»), что провоцирует увеличение объёмов, так называемой, вынужденной занятости во всех отраслях экономики (наиболее рельефным отражением этого является работа для дополнительного заработка и феномен широкой распространённости в России «вынужденного предпринимательства»). Это, – в совокупности с самоустранением государства из важнейших сфер организации жизнедеятельности общества, с неразвитостью и деформированностью рынка жилья (сдерживающим территориальную и профессиональную мобильность работников), с крайне неравномерным социально-экономическим развитием регионов, с имеющимися вследствие деформаций правового пространства и правоприменительной системы широкими возможностями диктата работодателя, – способствует активному формированию внеэкономического стимулирования, принуждения значительной части населения к трудовой деятельности.

Здесь, в очередной раз, прослеживается аналогия с советской организацией отношений и функционирования социально-трудовой сферы: с характерной для неё монополией государства на предоставление трудящимся рабочих мест; с конституционно закреплённой и подкреплённой полномочиями репрессивного аппарата обязанностью граждан трудиться в общественном производстве, ставящей работника в ситуацию полной юридической зависимости от государства-работодателя; с системой мер, направленных на закрепление работника за постоянным рабочим местом (паспортный режим, прописка, зависимость практически всех видов оплаты от стажа работы и т. п.); с мощным идеологическим обеспечением, обосновывающим необходимость работать сегодня «за гроши» и в плохих условиях ради светлого будущего для грядущих поколений. Всё это, до поры, обеспечивало внеэкономическое стимулирование к трудовой деятельности значительной доли населения страны.

Получается, что, под воздействием принципиально различных механизмов, в социально-трудовой сфере Советского Союза и современной России возникают сходные процессы негативного характера: вынужденная занятость и внеэкономическое принуждение к труду, проявляющиеся в довольно низкой удовлетворённости работников размерами оплаты своего труда.

И хотя удовлетворённость людей работой остаётся в обществе на довольно высоком уровне, прослеживается устойчивая тенденция к её снижению. Есть основания полагать, что высокая доля удовлетворённых сегодня обусловлена не столько благополучием в социально-трудовой сфере, сколько действием внутрисполитических факторов общего характера, не имеющих к ней отношения.

В целом, происходит некоторое общее улучшение социально-гигиенических условий труда. Однако социально-психологические его условия утрачивают неформально-человеческий компонент при усилении формально-делового, и всё больше приобретают инструментальный характер.

На фоне некоторого общего докризисного оживления в экономике страны, к моменту проведения всероссийского опроса социально-экономические условия труда, в восприятии работников, имели тенденцию к ухудшению.

Среди основных востребованных сегодня качеств, воспринимаемых большинством как обеспечивающие успех человека в жизни, а собственно и в труде, в современном российском обществе набрали силу как раз те, что в советское время были явными аутсайдерами: связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, эгоизм. Это явный признак движения в сторону нездоровых, нецивилизованных трудовых отношений, в которых, как показывают полученные нами данные, «корыстолюбие, неразборчивость в средствах достижения цели, жестокость, наглость, эгоизм» востребованы больше, чем «честность, достоинство, ответственность», «образованность и культура».

Как совершенно определённо выявилось в ходе нашего анализа, формирующийся в результате этого процесса характер ближайшего социального окружения, тесно связан с основными параметрами, определяющими эффективность труда.

Так, среди работающих сегодня россиян, ближайшее социальное окружение которых подпадает под используемое нами определение «цивилизованная среда» «почти всегда» работают в полную меру своих сил и способностей 73%, также «почти всегда» проявляют инициативу в работе 56%, удовлетворены своей работой 79%. Значения перечисленных показателей у тех, кто живёт и работает в «нецивилизованном» социальном окружении существенно ниже и составляют 49%, 44% и 57% соответственно.

Более чётко и конкретнее взаимосвязь характера социальной среды с интенсивностью и результативностью труда прослеживается по данным, приведённым в таблице 14.

Как видно из представленных данных, цивилизованная среда формирует современное, цивилизованное отношение к труду: около 2/3 людей, которые в ней живут и работают, трудятся с полной отдачей и высокой эффективностью (в нецивилизованной среде – немногим более 1/3). В цивилизованной среде в два

раза меньше «кудесников» рыночных отношений, умудряющихся работать результативно, не прилагая для этого каких-либо регулярных усилий.

Наконец, в ней минимизирован тип работника, исчерпывающе характеризуемого крылатой фразой одного из великолепных персонажей Р. Плятта, ставшей впоследствии своеобразным девизом многих советских людей: «Где бы ни работать, – только не работать». В нецивилизованной среде доля таких «работников» более чем в два раза выше и остаётся весьма существенной (15%).

Учитывая, что доля лиц, живущих в цивилизованной среде неуклонно сокращается, а в нецивилизованной и смешанной – растёт, можно прогнозировать дальнейшее ухудшение ситуации с эффективностью отечественного производства. Кроме всего прочего, это означает его неустойчивое состояние, в котором возможность социального «надрыва» человеческого ресурса экономики далеко не исключена.

Таблица 14

**Интенсивность и результативность труда
в социальных микросредах альтернативного типа
(в % к числу работающих)**

Работают:	Характер микросреды:	
	цивилизованная*	нецивилизованная
Всегда интенсивно и результативно	65	39
Не всегда интенсивно, но всегда результативно	19	32
С прохладцей, но результативно	1	3
Всегда интенсивно, но не всегда результативно	8	11
Не всегда интенсивно, нередко нерезультативно	7	15
С прохладцей и не результативно	0	0

* Пояснения к таблице.

В соответствии с принятой авторами терминологией, «цивилизованная среда» отмечается в тех организациях, где почти все или большинство работников стремятся трудиться как можно лучше; отзывчивы, готовы прийти на помощь другим людям; этнически толерантны.

«Нецивилизованная среда» имеет место быть в тех случаях, когда почти все или большинство в организации не стремятся работать как можно лучше; не отзывчивы, не готовы прийти на помощь другим людям; этнически не толерантны.

В реально действующих организациях возможно существование и смешанной среды. «Смешанная среда» – несёт в себе в различных сочетаниях признаки каждой из упомянутых выше.

Ведь как показывают ранее приведённые данные, труд в России сегодня для многих носит чужеродный, а мотивация трудовой деятельности – принудительный характер и сопряжена, прежде всего, со страхом потерять работу. Процессы отчуждения в нашей (уже давно не плановой, а квазирыночной) экономике не только никто не отменил, они даже не убавили в своей силе. Разве, что стали процветать на иной идеологической, социальной и экономической почве.

Так, отвечая на вопрос: «Испытывали ли Вы чувство, что Ваши способности (умение, мастерство, талант) никому не нужны?», только 55% респондентов отметили, что этого не было в их жизни за пореформенные годы. Казалось бы, – это более половины населения, что хорошо. Однако, почти половина от этого числа опрошенных (22%) отмечают, что такое чувство посещало их как до 2000 года, так и после. В качестве комментария, следует отметить, что пятая часть населения страны, с перманентно-длительно невостребованными квалификацией, способностями и умениями – это очень много и очень тревожно.

Другая негативная тенденция связана с депрофессионализацией в процессе реформистских преобразований. Это многогранная проблема, однако, достаточно ёмко её может отразить распределение ответов на вопрос

«Брались ли Вы за любую тяжёлую или непривлекательную работу, чтобы обеспечить себе (семье) достойный уровень жизни?» (в % к числу опрошенных):

Этого не было	37
Это было до 2000 года	16
Это было после 2000 года	16
Это было как до 2000 года, так и после	31

Приведённое распределение ответов явно свидетельствуют о расслоении общества по одному из признаков, имеющих отношение к трудовой сфере. Показательно, что почти равное (причём весомое) количество наших соотечественников – 37% и 31%, соответственно, – брались и не брались за такую работу, которая их не привлекала. Заметим, что это – около трети численности нашего населения (с «каждой стороны»). Здесь определённо комментировать затруднительно, поскольку – 37% – это те, кто или не нуждается в работе такого рода (что очень отраднo само по себе), или же – это ещё и те, кто хотел бы, да не может такую работу выполнять по различным причинам.

Подытоживая, можно сказать, что отмеченные факты – подтверждение продолжающейся в нашей стране деградации труда и деградации рабочей силы. Эта тенденция наметилась ещё в советские годы (исход философов в истопники и дворники, утаивание дипломов о высшем образовании ради получения более оплачиваемой и более спокойной работы, переход молодых ИТР в производственных предприятиях на рабочие должности и т. п.). Вектор деградации не изменился и сегодня, в новом российском государстве: квалифицированный труд оказался обесцененным, а труд неквалифицированный стал высоко цениться, высоко оплачиваться и приобрёл массовый характер.

Вследствие обозначенных явлений – и множества других негативных факторов – российский народ (а вместе с ним и общество) стал, приспособившись, самоорганизовываться на более низком, – чем государственно-общественный, – уровне социальной организации. Большинство стало зарабатывать на жизнь, – и многие, кстати сказать, неплохо, – работая не по специальности и в чуждых им секторах экономики; при этом, многие заняли ниши паразитов на теле общественного организма, ведя криминальный, полукриминальный или асоциальный образ жизни. Кроме работы людей не по специальности и, к тому же, на рабочих местах, не требующих их прежней квалификации, самоорганизация общества на более низком, чем государственно-общественный, уровне выразилась в социальном и экономическом обособлении определённых территориальных, профессиональных или этнических групп на основе активизации связей кланового характера. Например, в Москве к таким группам можно отнести: таксистов-частников, имеющих лицензии, но организационно не входящих в структуры – частных же, но – автопредприятий; таджиков, украинцев и молдаван, специализирующихся на выполнении средне- и малоквалифицированных работ в строительстве; азербайджанцев, которые, успешно используя диаспорные связи и денежные потоки, доминируют на сельскохозяйственных рынках и пр. – всё это группы, как правило, и раньше существовавшие «параллельно» с государством.

Однако на фоне самоустранения государства из сферы управления обществом их механизмы самоорганизации более низкого уровня оказались достаточно эффективны. Это обеспечило многим из таких групп повышенное материальное благополучие и относительный взлёт в системе социальной стратификации общества. Те же группы, которые традиционно ориентировались на государственную регуляцию жизни общества (бюджетники, работники «оборонки» и др.) – оказались в положении социально-подавленных слоёв населения.

Из-за этого – запуска процессов самоорганизации общества такого типа – в сегодняшней России, причём, уже на протяжении 15–20 лет огромное множество людей – десятки миллионов представителей самых различных по уровню достатка, профессиональной и социальной принадлежности групп населения – испытывают мощный психологический дискомфорт. Это когорта граждан, вошедших в трудоактивный возраст ещё в советские времена, часть из них продолжает оставаться трудоактивными и по сей день. Но у этих людей – ещё советская закваска, советский менталитет: их сформировали как ресурс для строек коммунизма. Поэтому они, в основной своей массе, не способны самостоятельно проявлять волю к активным и массовым политическим действиям, – как конструктивного, так и деструктивного характера; более того, они не ориентированы на отстаивание своих, в т. ч. и трудовых интересов в судах. Этого нет в их культурных традициях! Они социально-пассивны, ощущают себя потерянными; психологически находятся в растерянно-пассивно-озлобленном состоянии; испытывая социальный дискомфорт; им морально плохо. Именно они и в советский, и в постсоветский периоды были не единожды использованы властью в её интересах, а затем – не единожды ею же и обмануты. Короче говоря, эта масса людей – явно не активные борцы за светлое рыночное будущее и строительство «гражданского общества».

* * *

Приведённые материалы и изложенные результаты, хотя и не носят исчерпывающего характера, но показывают неоднозначность, противоречивость положения в социально-трудовой сфере: в некоторых её сегментах прослеживаются изменения к лучшему, но в целом явно преобладают негативные тенденции. Тем не менее, и они не позволяют дать однозначного заключения о наиболее вероятной траектории дальнейшего развития ситуации в этой важнейшей области жизнедеятельности общества.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

КРИЗИС И ДОВЕРИЕ: КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО

Аннотация. Статья продолжает цикл работ, направленных на поиск эффективной концепции использования ресурса доверия в своеобразных российских условиях преодоления кризиса и развёртывания модернизации. Вскрываются методологические преграды практике формирования культуры доверия вследствие некритического заимствования отечественными экспертами ограниченных зарубежных подходов. Показано наличие теоретических оснований русской версии политического доверия, в том числе, в наследии И.А. Ильина и ряде современных исследований. Предлагается алгоритм построения программы развития доверия с уточнением акторов политического взаимодействия, релевантных звеньев, разновидностей доверительных отношений и многомерного характера феномена доверия.

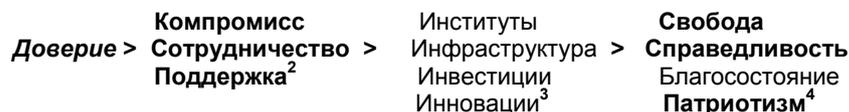
Ключевые слова: кризис, гражданское общество, «антиобщество» по Кузнецову, реальные группы Шкаратана, межличностное и институциональное доверие, звено доверия.

Основная проблема, рассматриваемая в данной статье, – оценить, изменились ли предпосылки формирования культуры доверия в нашей стране после начала глобального финансово-экономического кризиса. Вменяемый ответ на этот вопрос позволит либо скорректировать подходы к разработке практической программы развития политического доверия¹, либо снять с повестки дня эту тему «до лучших времён». С последним невозможно согласиться. Ведь кризис, неопределённость – естественная среда функционирования доверия. Просто не надо абсолютизировать роль доверия, закрывать глаза на реальный дисбаланс доверия и недоверия в современной России.

Доверие рассматривается не как самоцель, а как «фермент», «катализатор», «деталь» более сложных установок и ориентаций, таких, например, как компромисс, сотрудничество, готовность в определённых пределах переносить трудности и непопулярные меры, осваивать инновации ради достижения значимых целей. Надо полагать, что существенными долгосрочными целями являются *безопасность и достоинство человека, конкурентоспособность и престиж России в мире*.

Схема 1

Доверие – ресурс модернизации

Модернизация экономических и политических институтов, как и развитие гражданского общества, предполагает конвертацию негативных (недоверие, протест), пассивных (вера, надежда) либо амбивалентных (апатия, отчуждение) отношений субъекта и объекта в активные, созидательные виды доверия.

Принципиальное значение для развития доверительных отношений имеет взаимность (реципрокность) доверия, то есть направленность вектора доверия не только «вверх по вертикали власти», но и к гражданам, «созревшим для демократии».

Доверие, в силу многообразия его разновидностей и динамического (процесс, а не статика) характера, доступно для регулирования, управления, программирования. Исходя из этого, мной предложена логика построения программы доверия по естественному алгоритму: анализ > преобразование > синтез. Для краткости изложения и наглядности вводится известная в математике процедура *оператор*, т. е. отображение в некоем пространстве взаимодействия определённых функцио-

¹ См.: Данкин Д.М. Доверие как научная проблема и многообразный феномен // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 131–187; Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1; Кризис и доверие: русская версия // Безопасность Евразии. 2008. № 4.

² Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007. С. 468.

³ Медведев Д.А. Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме // www.kremlin.ru/appears/2008/06/07 «Эти приоритеты заложены и в так называемой концепции четырех "И", которую мы уже начали реализовывать для достижения долгосрочных целей развития, а именно формирования комфортного для жизни людей общества, обеспечивающего лидерские позиции России в мире».

⁴ Послание президента РФ Федеральному собранию РФ // www.kremlin.ru/appears/2008/05/11

нальных совокупностей. В самом общем виде $D\{H; V\}$ – обозначение доверительных отношений между группой населения H и институтом власти V .

I стадия разработки программы – анализ исходного состояния доверительных отношений в российском политическом пространстве. Уточнение фоновых значений межличностного доверия в ближнем окружении и к отдалённым партнёрам. Дифференциация акторов институционального доверия, уровней и видов доверия между ними; выявление ключевых (релевантных для преодоления кризиса и модернизации) звеньев «субъект – объект».

$$H \approx H_1 + H_2 + \dots H_i$$

$$V = V_1 + V_2 + \dots V_j$$

$$G \approx G_1 + G_2 + \dots G_k$$

H_i – группы генеральной совокупности «народ» или «население»,

V_j – институты государственной власти,

G_k – элементы гражданского общества.

Тогда ключевые звенья доверия – это те операторы $D\{H_i \rightarrow V_j\} \times K_n$, $D\{V_j \rightarrow H_i\} \times K_n$ или $D\{G_k \rightarrow V_j\} \times K_n$, $D\{V_j \rightarrow G_k\} \times K_n$, которые имеют существенный весовой коэффициент влияния на преодоление кризиса и переход к модернизации K_n [$0 < k < 1$]. Скажем, важность учёта доверия божьей профсоюзам близка к нулю. Зато доверие правительства высококвалифицированным специалистам должно стремиться к максимальным значениям. Оценку релевантности ключевых звеньев, значений коэффициента K_n могли бы проводить Общественная палата РФ, профильные комитеты Государственной Думы с опорой на рекомендации ведущих исследовательских центров. Порядковые индексы i, j, k, n зависят от оснований классификации совокупностей H, V, G .

II стадия – целесообразное, этически и политически допустимое воздействие на программные характеристики ключевых звеньев (повышение компетентности элементов G_k , мотивация инновационных моделей поведения в группах G_k и другие меры). Выявление доминантных разновидностей доверия в каждом звене, их корректировка и конвертация (блокирование протеста и апатии, стимулирование творчества и патриотизма).

III стадия – синтез промежуточных результатов преобразования доверия в ключевых звеньях. Модернизация институтов V_j и G_k . Оценка нового состояния доверительных отношений, зрелости гражданского общества, степени приближения к согласованным целям модернизации. Продолжение итерационных циклов формирования культуры доверия.

СИГНАЛ ПРЕЗИДЕНТА И РЕАКЦИЯ ЭКСПЕРТОВ

Понятно, что разработка программы должна стартовать с добротного научного фундамента и достоверной базы эмпирических данных. Необходима оптимальная «точка росы» в духовно-нравственной атмосфере, когда политическая воля не противостоит преобладающим общественным настроениям.

Для рассмотрения доверия в качестве ресурса модернизации обратимся к некоторым базовым документам, опубликованным в ноябре – декабре 2008 года. Таковыми, на мой взгляд, можно считать послание Президента Федеральному собранию, ежегодные доклады Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в РФ» и доклад «Демократия: развитие российской модели», подготовленный Институтом современного развития, где председателем попечительского совета является Д.А. Медведев. В этих документах, принятых в разгар кризиса, тема доверия содержит оптимистическую ноту.

Президент убеждённо повторяет: «Сегодня больше всего нам необходимо доверие и сотрудничество... Сегодня возможно и просто необходимо повышать уровень доверия в обществе... Развивая институты демократии, ... нужно доверять всё большее число социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению»¹.

Специалисты ИНСОП утверждают, что «благодаря успехам в развитии экономики, обрётённой российской властью высокому уровню доверия в обществе и элитах она получает возможность заблаговременно развивать институты цивилизованной конкуренции, в рамках которых могут разрешаться возникающие в элитах и обществе конфликты»².

Эксперты Общественной палаты называют в качестве имеющейся предпосылки формирования гражданского общества уровень доверия – 33%.

Однако даже чуть более внимательный взгляд на эти высказывания обнаруживает, что авторы цитированных документов говорят о разных вещах, т. е. опираются на неоднозначно сопоставимые парадигмы и социологические выкладки.

Президент не просто декларирует назревшую потребность в развитии доверительных отношений между государством и гражданским обществом. И, что крайне важно, – полагает возможным радикально новый для российской политической культуры переход к строительству вза-

¹ Послание президента РФ Федеральному собранию РФ // www.kremlin.ru/appears/2008/05/11

² Демократия: развитие российской модели. www.giocenter.ru

имного доверия институтам власти и граждан. Не менее важно и то, что этот концептуальный тезис подкрепляется в Послании операционализацией через довольно конкретные меры постепенной модернизации институтов выборов, народного представительства, многопартийности, общественного контроля, неправительственных организаций и другими. Здесь отчётливо различимы субъекты и объекты доверительных отношений, назван и объект недоверия – бюрократия, что не тождественно всем институтам власти.

Государство (президент, правительство, парламент), опираясь на доверие гражданского общества, определяют цели модернизации и *доверяет* группам (слоям, стратам, кластерам) общества проявить свою субъектность в осуществлении модернизации. Следовательно, должна быть решена задача: каким именно институтам государства доверяют конкретные общности, становящиеся субъектом «модернизации снизу», и как проявляется на практике декларированное «доверие сверху»¹.

Значительно менее операциональный доклад Института современного развития привлекателен обоснованием своеобразия российской модели демократии, очевидно, предполагающей столь же своеобразную модель доверительных отношений. Но о каком виде доверия, каких его акторах говорят ИНСОПовские докладчики и на каких данных основано их оптимистическое заключение об «обретённом российской властью высоком уровне доверия в обществе и элитах», можно судить лишь по косвенным ссылкам авторов на исследования ВЦИОМ, Левада – центра и компании «Башкирова и партнёры». В то же время руководители названных социологических центров озвучивают лишь высокое доверие к президенту и главе правительства, но не к другим ветвям и институтам власти. В.В. Фёдоров: «прямо скажем, что у нас не доверяют не только социологическим опросам. У нас люди, как правило, не доверяют ничему и никому. Прежде всего, не доверяют власти и политикам»². Л.Д. Гудков констатирует «стойкое, острое недоверие к нижестоящим органам исполнительной власти, управления, к институтам правосудия и депутатскому корпусу», делая вывод, что «предельно высокий рейтинг первых лиц государства – это оборотная сторона недоверия к институциональной системе в целом»³. Е.И. Башкирова отмечает низкий уровень доверия палатам Федерального Собрания, что, по её мнению, говорит о наличии определенного потенциала нестабильности в стране⁴.

Завышенная оценка довольно расплывчатого индикатора «доверие к власти», взятая за основу в докладе ИНСОП, разделяется даже не всеми участниками его подготовки и обсуждения. Например, известный специалист по политэкономическим и социокультурным проблемам модернизации И.Е. Дискин убеждает читателей в том, что «впервые в истории нашей страны сложились массовые слои и группы населения, основывающие свою социальную практику на индивидуальных ценностях и рациональном выборе – по существу, это «новая Россия»⁵. При этом И.Е. Дискин высказывается о доверии более скептически. «Активная часть общества, – пишет он, – не сильно доверяет государству». Более того, он говорит о «снижении доверия к государству со стороны наиболее активных слоёв населения»⁶. Ещё категоричнее оценка одного из руководителей Института социологии РАН П.М. Козыревой. «Многие исследования последних лет убеждают, что в России образовалось довольно мощное поле недоверия. По прошествии полутора десятков лет с начала радикальных реформ общество так и не смогло восстановить подорванный социальный капитал и находится в раздробленном, мозаичном состоянии»⁷.

По-моему, говоря о доверии или недоверии «вообще», уважаемые специалисты подразумевают каждый своё понимание феномена, порой – некоего «конгломерата ощущений», «пучка неоднородных отношений и установок»⁸, а вовсе не доверие гражданского общества государству.

ИНСОП, Общественная палата и другие авторы предложений руководству страны о «новом общественном договоре» и «диалоге с обществом»⁹, «трендах развития гражданского общества», наверное, правы в общих чертах. Однако, слишком поверхностное, мягко говоря, абстрактное рассмотрение проблем доверия затрудняет полноценное, практическое применение этого ресурса развития, а порой приводит к дезориентирующим выводам. Так, ОП ссылается на методику ИСПИ РАН, где уже 16 лет проводится мониторинг «Как живёшь, Россия?». Достоинства лонгитюдных опросов, длительная эксплуатация несменяемых (сравнимости ради) методических блоков оборачиваются

¹ Послание президента РФ Федеральному собранию РФ // www.kremlin.ru/appears/2008/05/11

² www.vzjom.ru Онлайн –конференция. 26.02.08

³ Гудков Л.Д. Новогодний баланс: После стабильности // Ведомости, 2008, 30 декабря.

⁴ www.bashkirova-partners.ru

⁵ Дискин И.Е. Кризис... И всё же модернизация! С. 13.

⁶ Дискин И.Е. Кризис... И всё же модернизация! М.: 2008. С. 153, 200; Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: 2008. С. 185, 240.

⁷ Козырева П.М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 11. С. 24–33.

⁸ Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. М.: 2006. С. 177.

⁹ Президенту предлагают договор // Независимая газета, 2008, 23 декабря.

весьма спорными умозаключениями. Сомнителен, в частности, вывод об укоренённости в «политической культуре российского гражданского общества» типа политических отношений, «основанного на вере», который при неудачах внутренней и внешней политики сменяется «не менее сильным иррациональным чувством неверия в правящую элиту». «В перепадах политических настроений граждан от надежд к отчаянию система политических отношений продолжает флуктуировать в любви и ненависти граждан к государству». Иными словами, измеряется вовсе не доверие, а некоторые похожие по эмоциональной компоненте установки вроде «веры», «надежды», «неверия», «любви», «отчаяния» и пр. Тем не менее, утверждается, что индикатор – «уровень доверия социальным и политическим институтам» полтора десятка лет находится в «зоне кризисного развития». «Приблизительно для каждого десятого гражданина нашей страны сегодня гражданское общество состоялось. Остальная часть населения страны проживает в другом обществе»¹. Очень спорное положение. Но оно почти буквально повторяется в докладах, которые «ложатся на стол президенту».

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Очевидно, что многие трудности отечественного обществоведения обусловлены следованием по инерции за устаревшими и творчески не адаптированными зарубежными концепциями. Отсюда – трансляция сомнительных утверждений о нескончаемом падении уровня политического доверия, его перманентном кризисе.

«С середины 60-х годов общественное доверие к власти и политическим институтам сократилось практически во всех продвинутых демократиях». Этот, основанный на западных социологических опросах, вывод принадлежит президенту Ирландии, бывшему Уполномоченному ООН по правам человека Мэри Робинсон². Но ведь если бы политическое доверие в течение десятилетий действительно падало на пару процентов в год, то вряд ли «продвинутые демократии» остались на плаву. Видимо, методики полувековой давности, базирующиеся на количественных вербальных оценках и рационалистических теориях, неизбежно дают сбой.

Разночтения свидетельствуют о ненадёжности заимствованных теоретических моделей доверия и основанных на них методиках опросов, о чём всё чаще с горечью говорят наши ведущие социологи и психологи. Ведь не без оснований утверждают, что «понятийный аппарат российскими социологами берётся извне, идет теоретическое обезьянничанье, механическое перетаскивание западных теорий»³. Не услышанными остаются призывы к «адаптации и валидации методик зарубежных авторов, поскольку российская специфика (особенности менталитета и современных условий жизнедеятельности) делают невозможным автоматический перенос инструментов»⁴. Кризисы в экономике не только разогрели донельзя спекуляции вокруг проблемы доверия, но и вскрыли глубокий кризис отечественных гуманитарных наук.

Противоречивая и поверхностная база данных о доверии воспроизводится в достаточно произвольных политологических интерпретациях, затем – в публицистике.

Всё вместе формирует «капитулянтские» настроения: мол, доверия не было, нет и не будет. Почти, как у Грибоедова: «Поверили одни, другим передают. Газеты вмиг тревогу бьют. И вот – общественное мнение».

Если бы словосочетаниями «дефицит доверия», «кредит доверия», «кризис доверия» на все лады жонглировали только журналисты, это воспринималось бы нормально – «горячая тема» не требует проникновения в суть явлений, можно обойтись и клише, превратить «доверие» в заклинание, в мантры. Но не столь безобидно, если выводы о непреодолимости кризиса и «торможении модернизации» делают представители солидных организаций, притягивая для аргументации когда-то услышанные суждения о «доверии вообще», о «тотальном недоверии народа к власти», о «России как обществе с имманентно низким уровнем доверия». Приходится докапываться «до самой сути», даже если покажется монотонно-скучным детальный анализ замкнутого круга «заимствованная политология – недоверенная социология – манипулятивная экспертиза – хлесткая публицистика – искажённое общественное мнение».

Апокалиптические картинки выдаются за социальную реальность как само собой разумеющееся (taken – for – granted в западной «трастологии»). «Заметными чертами российской жизни становится потеря идеалов, ценностей (аномия), доверия – всего, что составляет основу социального капитала. Невозможность достижения благополучия деформирует представления о справедливости. Отсутствие интереса к будущему, краткосрочность целей, недолговременный и поверхностный характер социальных связей, межличностных отношений, одиночество, солипсизм и апатия – черты, свойственные российскому гражданину сегодня гораздо в большей сте-

¹ Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества. М.: 2007. С. 39, 481–483, 503, 511.

² Цит. по: Власть на доверии и недоверии // Профиль, 2007, 23 июля.

³ www.polit.ru. Интервью Л.Д.Гудкова. Ноябрь 2008.

⁴ Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 486.

пени, чем прежде¹. При этом не приводится ни одной ссылки, какие реальные группы граждан опрашивали по поводу «аномии» и «солипсизма».

Эксперт Института экономики переходного периода Л.М. Фрейнкман упрекает «власти» в том, что антикризисные действия «невняты, не продуманы и в большей степени не выполняются», что «доверия к политике правительства мало»². Не берусь судить, насколько уважаемый эксперт прав в экономических оценках. Можно лишь сопоставить их с противоположным мнением крупных представителей бизнес-элиты Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса³, анализом Ю.М. Лужкова⁴ и убежденностью главы правительства В.В. Путина: «наряду с мерами оперативного реагирования, мы работаем над созданием платформы для посткризисного развития... История даёт России уникальный шанс. Развитие событий настоятельно требует от нас переустроить собственную экономику и модернизировать социальную сферу... Консолидация усилий немыслима без взаимного доверия»⁵.

Высказывания Л.М. Фрейнкмана приобретают реалистические очертания, когда он конкретизирует формулу «нехватка взаимного доверия», отмечая, что банки не доверяют производителям, не кредитуют их. Однако, статья в целом, с моей точки зрения, – типовой образчик подмены тезиса о влиянии «доверия вообще» на политику и экономику⁶. Сомнителен в силу бездоказательности радикальный вывод о том, что системный кризис доверия – «это преимущественно внутреннее российское явление, он продукт наших собственных обстоятельств. За него нельзя ругать Америку и тех, кто обвалил цены на нефть». Первопричина дефицита доверия видится автору столь смелого утверждения в «низком уровне социального капитала» в российском обществе. Аргументацию господина Фрейнкмана придётся процитировать дословно. «В конце 1990-х доля россиян, положительно отвечавших на вопрос «можно ли доверять большинству других людей?», находилась по международным меркам на рекордно низком уровне». Здесь каждая деталь, по меньшей мере, некорректна. Ну как соотносятся данные десятилетней давности о межличностном доверии с сегодняшним «кризисом доверия между основными экономическими агентами», о чём собственно пишет Лев Маркович? Что за «международные мерки»? Какой «рекордно низкий уровень»? Ведь известны совершенно другие (правда, тоже не бесспорные) данные российских, американских и британских исследователей о том, что на рубеже столетий «российское значение агрегированного по выборке показателя межличностного доверия было ниже, чем в Корее (77%), но выше, чем в США (35%)»⁷.

Подобные тезисы, так или иначе, восходят к теориям социального капитала, рационального выбора и другим концепциям, разработанным западными учёными для социума с преобладанием западного же рационального менталитета. Заимствованные без необходимой адаптации к российским условиям они положены в основу методики проведения лонгитюдных мониторингов и интерпретации их данных. То есть накапливается кратная погрешность как результат дезориентирующих замеров и толкования общественных умонастроений. Серьёзные «трастологи» всякий раз предупреждают, что их подходы, в том числе, концепции рац. выбора и соц. капитала могут оказаться чересчур грубыми и приблизительными в иных культурных и институциональных контекстах⁸. Но для некоторых отечественных экспертов почему-то остаются непререкаемыми авторитетами исключительно J. Coleman, F. Fukuyama, R. Putnam. Бесспорно – это выдающиеся учёные. Но надо помнить о пороговых значениях действенности их концепций, как физики, не умаляя гений Ньютона, прибегают к закономерностям квантовой теории за пределами известных параметров.

НА ЛЮБОЙ ВОПРОС – ЛЮБОЙ ОТВЕТ

Аккуратнее следовало бы применять и стандартный вопрос № 6 анкеты Всемирных (Европейских) Опросов по ценностям (WVS – EWS), на который ни один русский однозначно не ответит: «Вообще говоря, считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?». Многие со-

¹ Савкова Г.В. Глобализация и ценности российского общества // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 86.

² Фрейнкман Л.М. Вызовы кризиса: Правительство и бизнес // Ведомости, 2009, 15 января

³ www.echo.msk.ru.

⁴ Лужков Ю.М. Российские особенности кризиса // Российская газета, 2009, 11 февраля.

⁵ Выступление В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе. 28 января 2009.

⁶ См., например, Оберемко О.А. Уверенность, обобщённое доверие и межличностное доверие: критерии различения // Социальная реальность. № 7. 2008. «Факт влияния обобщённого доверия на макроуровневые показатели является предметом дискуссий».

⁷ См.: Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социс. 2008. № 2. С. 17–25; Роуз Р., Мишлер У., Манроу Н. Фактор времени имеет значение // Административные реформы в контексте властных отношений. М.: 2008. С. 190; см также: Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: 1998. С. 153.

⁸ См., например: Bachman R. Trust and/or Power: towards a Sociological Theory of Organizational Relationships // Handbook of Trust Research. Cheltenham, Northampton. 2006. P. 396–406; см. также критику теоретического подражательства www.polit.ru. Интервью Л.Д. Гудкова. Ноябрь 2008; Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 486.

циологические центры в России от такого вопроса уже отказались «за неверифицируемостью» результатов. Однако ИСПИ РАН или ФОМ, к примеру, не только продолжают его задавать бедным респондентам, но и предоставляют данные о «среднем доверчивом россияnine» для Общественной палаты РФ и других пользователей.

В докладе ОП как-то вскользь, скороговоркой упомянуто всё же влияние доверия «к основным общественным институтам» на «уровень социального доверия» (??). Но затем составители доклада вырывают из контекста индикатор «доверие людей друг другу», пытаются убедить общественность и Администрацию Президента в том, что 33% среднего по стране доверия людям – «предпосылка формирования гражданского общества»¹. И тогда анализ доверительных отношений неумолимо приобретает поверхностный, одномерный характер. Отметим: речь уже идёт не о доверии «большинству людей», как в анкете WVS, а о людях вообще. Допустимость такой «редакционной» подмены тезиса вызывает немало вопросов у социологов². Сами организаторы «опорного» исследования ФОМ всё-таки указывают, что можно эмпирически выявить, как минимум, три (в действительности разновидностей доверия гораздо больше) «составляющих социального капитала»: 1) на личностном уровне – доверие ближайшего социального окружения, 2) на общественном уровне – общественное доверие в стране и 3) на институциональном уровне – доверие к институтам власти и оценки роли этих институтов в поддержке общественного доверия³. В отчёте ФОМ и ГУ ВШЭ утверждается, что в последние 3 года произошло «резкое понижение» именно второго вида доверия – до 17,6%, хотя в середине 90-х годов прошлого века аналогичные показатели составляли 54–57%⁴. Почти одновременно по другим данным того же ФОМа «42% наших сограждан уверены: большинству людей можно доверять»⁵. По данным Института социологии РАН в октябре 2006 года «другим людям» доверяли 15,2%⁶. Откуда же взялась «лукавая цифра» 33%? Или она вряд ли о чём-то говорит? Ведь в докладе ОП за 2006 год «дефицит доверия людей друг к другу» (22%) считался «важным препятствием» развитию гражданского общества⁷.

В уже цитированном ФОМовском «мегаопросе ГеоРейтинг» вопреки заявленному «многообразию подходов» по инерции повторяется методология Коулмена – Фукуямы – Патнама и вопросник WVS. Нельзя не отметить, что координаторы WVS с 2005 года свои данные почему-то не публикуют. Рискну предположить, что использованные ими категориальный аппарат и инструментарий «для иных культурных и институциональных контекстов», в частности, для России, приводят к выводам, которые нелегко согласовать с реальностью. Так, Р. Инглхарт и К. Вельцель относят «доверие к другим людям» (trust in other people) к блоку индикаторов общей гуманистической ориентации наравне с толерантностью к гомосексуальности (Tolerance of homosexuality), стремлением к свободе (Liberty aspiration) и поддержкой демократии (Support for democracy). Нетрудно догадаться, как реагирует на эти вопросы «средний россиянин». После математической обработки коэффициентов корреляции этих индикаторов с показателями активности участия в добровольных гражданских ассоциациях в «постиндустриальных» и «бывших коммунистических обществах» координаторы WVS зачислят Россию в один кластер с ... Арменией, Бангладеш, Угандой и Украиной⁸.

Между прочим, самый высокий уровень межличностного доверия выявлен социологами США неожиданно в тех латиноамериканских государствах, в которых предпочтение отдавалось не демократической, а авторитарной системе власти, и только в Чили и Сальвадоре межличностное доверие выступало фактором, определяющим поддержку демократии и участие в делах гражданского общества⁹. Жаль, что такая траектория анализа по концептуальной схеме WVS не знакома отечественным публицистам. Но профессиональные социологи должны знать, к каким дезориентирующим выводам неминуемо приводят одномерные схемы.

«Причины резких флуктуаций», неоднозначность, а скорее, недостоверность оценки культуры доверия только по индикатору «доверие другим людям» или «большинству людей», взятому в отрыве от показателей качественного анализа, вызывают сомнения у ведущего специалиста по сравнительной социологии Владимира Олеговича Рукавишникова. Действительно, чем ещё объяснить, что этот показатель в начале XXI века был практически одинаковым (55–65%) в Иране и Норвегии, Саудовской

¹ ОПРФ. Доклад о состоянии гражданского общества в РФ. 2008. С. 5.

² См.: Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социс. 2008. № 2. С. 17–25; Звоновский В.А. Повседневное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Социальная реальность. 2008. № 7.

³ Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Трудности определения и многообразие подходов. Доверие и социальный капитал // Независимая газета, 2008, 22 июля.

⁴ Независимая газета, 2008, 22 июля.

⁵ www.bd.fom.ru/ 03.07.2008.

⁶ Козырева П.М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 8. С. 24.

⁷ www.oprf.ru/ dokumenty.2006.

⁸ См., например, Inglehart R, Deutsch F., Welzel Ch. Social Capital, Voluntary Associations and Collective Action: Which Aspects of Social Capital Have the Greatest «Civic» Payoff? // Journal of Civil Society. September 2005. P. 121–146.

⁹ Линецкий А.В. Российские институты политического представительства в условиях радикальных общественных трансформаций. Опыт сравнительного анализа. СПб: 2008. С. 119–120.

Аравии, Китае и Финляндии. В тот же период «уровень общественного доверия» в столь разных обществах, как Португалия, Македония, Уганда, Колумбия, ЮАР колебался около 10%. Вероломная методика WVS и Евробарометра подводит и наших экспертов. Чтобы проиллюстрировать неработоспособность чужеродных схем в российском обществе, пришлось выделить из объёмного «Социологического атласа» ФОМ за 2007 год лишь несколько самых «ярких» цифр (см. табл. 1).

Таблица 1
(Отсутствие) корреляции индикатора «доверие другим людям» с другими «избранными показателями гражданской активности»

Регион	«большинству людей можно доверять», %	«Люди – XXI» %	«власти понимают и учитывают интересы людей», %
Новосибирская обл.	15	7	21
Омская обл.	10	9	17
Томская обл.	23	16	29
Краснодарский край	11	8	21
Красноярский край	16	15	15
Приморский край	35	8	23
Башкортостан	16	14	20
Мордовия	11	2	17
Удмуртия	20	14	30
Коми	27	15	16
Российская Федерация	18		

Источник: Социологический атлас. Показатели гражданской активности. ФОМ. Октябрь 2007.

Надо добавить, что выделенные аналитиками ФОМа «Люди – XXI», т. е. «респонденты, в наибольшей мере освоившие современные реалии повседневной жизни», концентрируются в Москве (33%), Санкт-Петербурге (25%) и почему-то на Камчатке (26%) и в Магаданской области (31%), где большинству людей доверяют соответственно 17–18–28 и 24%. Немыслимый разброс показателей в сравнимых регионах и в соотношении с другими феноменами, можно объяснить только одним обстоятельством – данная методика не работает и не пригодна для серьёзных документов. Или – делать парадоксальный вывод, что в Дальневосточном федеральном округе складывается «общество с высоким уровнем доверия» (27%), а в Приволжском и Сибирском – «с низким» (по 16%). Не напоминает ли такой парадокс упомянутое выше суждение о том, что «10% россиян живут в гражданском обществе, а остальные – в каком-то ином»? Линейный континуум: «высокий уровень – низкий уровень доверия» исчерпал себя.

ОТ ОДНОМЕРНОСТИ К ОБЪЁМНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

Одномерная логика опровергается уже в аспирантских статьях. Недавний выпускник Санкт-Петербургского университета, получивший степень PhD по социологии в университете Rutgers, штат Нью-Джерси, Дмитрий Ходяков работает в корпорации RAND. Он убедительно показал несостоятельность концепций Р. Патнама и Ф. Фукуямы применительно к России. В противовес прямолинейной шкале уровней недоверия – доверия Ходяков предложил трёхмерный подход, согласно которому доверие как процесс развивается в пространстве взаимного влияния двух видов («плотного» и «рыхлого») ¹ межличностного, а также институционального доверия (см. схему 2). Важно отметить, что Дмитрий Ходяков, анализируя советские и российские реалии и особенности ментальности соотечественников, подчёркивает наличие внерациональных, некалькулируемых составляющих, образное представление субъекта о перспективе доверительных отношений, склонность действовать по принципу «как если бы» (as if), «несмотря на». То есть русская версия доверия обогащается современными достижениями зарубежной «трастологии» (Г. Мёллеринг, Р. Хардин, Р. Бахман, Мак-Найт, Фальконе), весьма критически оценивающими ограниченные возможности утилитаристских теорий рац. выбора и соц. капитала ².

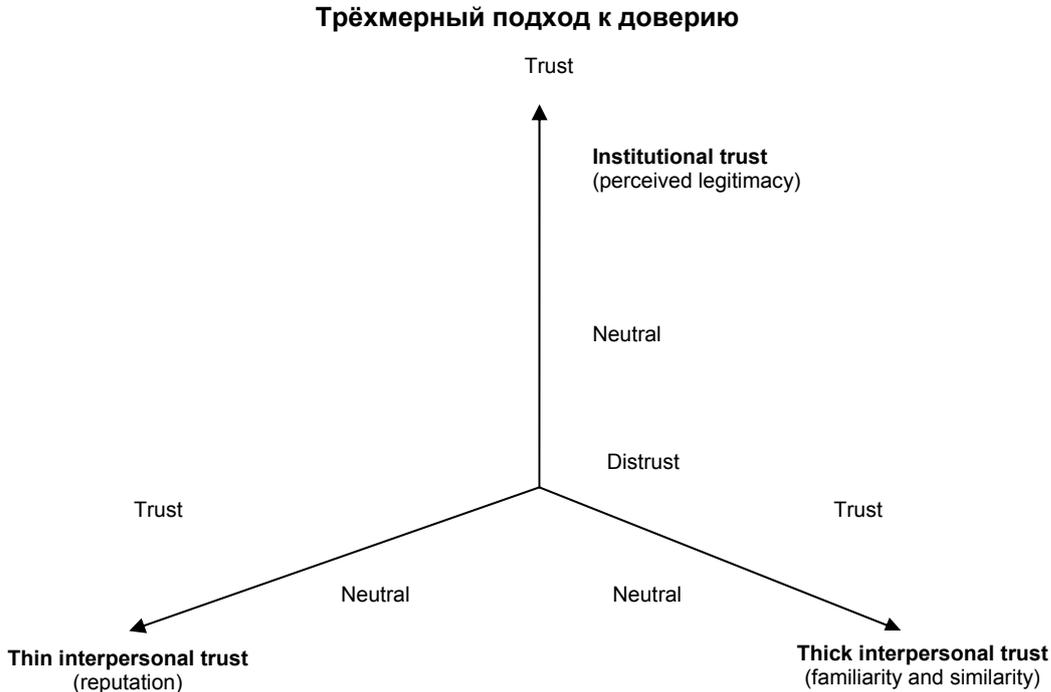
Таким образом, важный шаг в понимании доверия как объёмного, многомерного феномена сделан. Пора внедрять хотя бы этот (всё ещё недостаточный) уровень исследования в рос-

¹ Khodyakov D. Trust as a Process : A Three – Dimensional Approach // Sociology. 2007. Vol. 41. London, New Delhi. P.115-132. Несмотря на некоторые трудности перевода терминов «Thick» и «Thin» из текста ясно, что подразумеваются доверительные отношения в непосредственном окружении (семья, друзья, коллеги; в некоторых случаях – люди одинаковой этнической и культурной идентичности) – «тесное, основанное на сильных взаимосвязях, базовое доверие» и репутационное доверие между людьми, недостаточно знакомыми, но связанными взаимными интересами, моральными нормами или посредником.

² См. подробнее Данкин Д.М. Доверие как научная проблема и многообразный феномен // Безопасность Евразии. 2008. №2. С. 131 – 187; Кризис и доверие : русская версия // Безопасность Евразии. 2008. №4.

сийскую социологическую теорию и практику. В противном случае ситуация всё больше будет напоминать попытку врача поставить диагноз не по результатам современных томографических, ультразвуковых и молекулярных анализов, а исключительно по показаниям градусника, да ещё по шкале Фаренгейта и в «среднем по больнице».

Схема 2

Источник: Khodyakov D. Trust as a Process : A Three – Dimensional Approach // Sociology. 2007. Vol. 41. London, New Delhi. P. 124.

Слава богу, мы располагаем основательной концептуальной базой изучения и формирования доверия, разработанной И.А. Ильиным, и основанной на глубоком знании особенностей русской политической культуры. Напомню, что ещё в «кризисном» 1919 году Иван Александрович ясно сформулировал краеугольную для русской версии доверия аксиому: «Государство может существовать только при известном минимуме взаимного уважения и доверия гражданина к гражданину, народа к власти и власти к народу»¹. Значит, надо изучать, анализировать, развивать это «**взаимное доверие**» в разных измерениях, в ключевых звеньях взаимодействия политических игроков. Уровень межличностного доверия «гражданина гражданину» – необходимый, но недостаточный индикатор для оценки преобразований в экономике, социальной и духовной сферах общества и должен дополняться специфическими показателями институционального (в частности, политического) доверия.

На II стадии разработки программы следует определиться, какой (какие) из многочисленных типов и разновидностей доверия, какие их векторы, радиусы, уровни необходимы для развития сотрудничества в ходе модернизации. Выявить доминантные разновидности в каждом ключевом звене.

Расхожая формула «народ (не)доверяет власти» для таких задач недостаточна. Более того, она дезориентирует и подавляет активное сотрудничество. Потребуется междисциплинарное изучение специфики феноменов «доверие» и «недоверие» в условиях перехода России к инновационному этапу развития и уточнение опорных терминов «политика», «власть», «элита», «народ», «ценность», «традиция» и др. На новой «русифицированной» концептуальной базе должна быть проведена корректировка методологии и методики измерения умонастроений, общественного мнения, внедрены качественные методы социально-психологических опросов и наблюдений.

Приходится вновь и вновь возвращаться к принципиально значимой проблеме корректного определения субъекта и объекта доверия в российской политике. Широко распространённые фигуры речи типа «народ и власть», «население и режим» не только ничего не объясняют, но и дезориентируют исследователей и политиков. Столь же неудовлетворительны для изучения доверия обороты «активные слои», «правлящий класс» и т. п. Уместно напомнить, как стремительно лозунговая формула «верхи не могут, низы не хотят» превратилась в декоративную – «народ и партия едины» и в трагическую «враги народа». Под последнюю статью попадали сперва цар-

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Том 1. М.: 2008. С. 9. См. также С. 427.

ские министры несостоявшегося «правительства народного доверия», потом большевики, потом кадеты, троцкисты, дворяне, кулаки, безродные космополиты¹. Произвольная терминология чревата политикой произвола. Настораживает, что в дни кризиса фраза о «верхах» и «низах» возобновляется с угрожающей интонацией².

Значительный интерес для идентификации субъектов доверия, особенно в кризисных условиях, представляет методология **структурирования социума**, которую последовательно разрабатывает Вячеслав Николаевич Кузнецов³. Внимание исследователя концентрируется на конфликте шести секторов современного российского общества с седьмым – антигражданским, в который входят превосходно организованные преступные и террористические группировки, имеющие свою криминальную культуру, идеологию, угрожающий потенциал развития. Крайне опасно, что «объектом преступной деятельности становятся, прежде всего, люди, их взаимодействия и такие важные феномены, как доверие друг к другу, ориентация на диалог между людьми и властью». Оставим в стороне дискуссионные вопросы о том, принадлежат ли гражданскому обществу в классическом понимании «правительственные организации» и «рынок», т. е. корпорации, бизнес-структуры, объединённые В.Н. Кузнецовым соответственно в сектора I и II. Видимо, следует уточнить, включает ли в себя V сектор только экономически активное население. Принципиальное значение приобретает анализ ресурсов доверия к государству в иерархических и сетевых неправительственных, некоммерческих организациях (сектора III и IV) и роли по существу не изучаемого, но предположительно весьма влиятельного, VI сектора – «закрытых неправительственных объединений – широкого спектра мasonicких, сионистских, сектантских структур».

Определённую системность в описание слоёв и групп российского общества можно внести, опираясь на методологию Овсея Ирмовича Шкаратана⁴. Согласно концептуальной посылке о развитии в России неозакратического общества, его дифференциация описывается как совокупность «гомогенных социальных общностей», отличающихся не только экономико-технологическими, но и властно-иерархическими критериями. При этом **реальные группы** характеризуются «общностью условий существования, сходными формами деятельности в разных сферах жизни, а также общими социальными нормами и ценностями, стилем жизни». Для изучения доверительных отношений важно, что у членов таких групп «сходные параметры властных полномочий, владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов». Именно реальные группы, которые можно также характеризовать как классы или слои, выступают субъектами и объектами реальных отношений эксплуатации, власти, в т. ч. и доверия, поскольку являются обладателями (или лишены) основных ресурсов власти, собственности и конвертируемых видов капитала.

Таблица 2

Динамика социально-профессиональной стратификации в России
(в % от экономически активного населения)

	Социально – профессиональные слои Реальные группы	1994	2002	2006
1	Предприниматели	2,6	4,4	4,0
2	Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
3	Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
4	Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
5	Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
6	Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
7	Работники со сред. спец. образованием	19,1	14,1	11,7
8	Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
9	Высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
10	Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
11	Самозанятые	-	-	1,2

Источник: Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неозакратическое общество и его стратификация // Социс. 2008. № 11. С. 47.

¹ См.: Душенко К.В. Цитаты из русской истории. М.: 2005. С. 416, 440–441.

² См., например: Соловей В.Д. Опять не могут, опять не хотят // Литературная газета, 2009, 4–10 февраля.

³ Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: опыт социологического исследования. М.: 2004. С. 213–261; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 2 Социология справедливости: смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас. М.: 2008. С. 233–266.

⁴ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неозакратическое общество и его стратификация // Социс. 2008. № 11. С. 40–50. Недавно вышла книга Шкаратан О.И. и др. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: 2009, где описанный подход уточняется.

Обозначим перечисленные реальные группы в соответствии с заявленным выше подходом с использованием оператора $D \{n_i; v_j\}$ как n_1, n_2, \dots, n_{11} .

Очевидно, что именно этим слоям населения или народа прежде всего адресован призыв Д.А. Медведева сосредоточиться на «четырёх модернизационных И»: институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях. Следовательно, доверие этих реальных групп к институтам власти и доверие государства к ним образуют существенный ресурс модернизации. Однако в состав населения входят и не учтённые здесь категории. Например, труднодоступные для статистики и социологических опросов высокостатусные, элитные группы правящего класса (n_{12}). Кроме того, на политический климат в стране оказывают влияние и такие общности, как пенсионеры (n_{13}), студенты и другая учащаяся молодёжь (n_{14}), младшие офицеры и рядовые силовых структур (n_{15}). Неоднозначна и мало исследована роль в формировании политического доверия исчисляемых на миллионы социальных групп: тинейджеров (n_{16}), недееспособных инвалидов (n_{17}), заключённых (n_{18}), бомжей (n_{19}) и иммигрантов (n_{20}). Вероятно, не следует сбрасывать со счетов и соотечественников за рубежом (n_{21}). Какие из этих реальных групп станут питательной средой для «антигражданского общества», а какие – через пару лет определять устойчивость доверия к лидерам модернизации?

Я ни в коем случае не настаиваю именно на такой классификации акторов доверия. Для уточнения категорий «народ» или «население» можно воспользоваться и другими моделями стратификации и соответствующих квотных выборок соц. опросов. Однако, с моей точки зрения, известные модели типологизации уступают «реальным группам Шкаратана», т. к. недостаточно учитывают роль той или иной социально-профессиональной общности в системе политических, в частности, доверительных, отношений¹.

КАКИЕ ИНСТИТУТЫ НАМ НУЖНЫ

Большие сомнения вызывает надёжность известных эмпирических данных по совокупности объектов доверия, обозначенных в начале статьи как v_j – институты государственной власти и $г_k$ – элементы гражданского общества.

В опросах социологических центров их группируют по-разному. Левада-центр выделяет государственные институты или институты власти². В Академии госслужбы оценивают мнение граждан о структурах государственной власти³. В ИСПИ РАН измеряется доверие и недоверие респондентов к политическим и социальным институтам и структурам⁴. В институте социологии РАН – к государственным и общественным институтам или к органам власти. Но дело не столько в наименовании. И даже не в том, что в графу «институты» разных вопросников порой включаются трудно сопоставимые объекты. Например, иногда оценивается доверие к Госдуме, иногда к обеим палатам Совета Федерации вместе, иногда по отдельности. Иногда спрашивают о доверии к правоохранительным органам в целом, забывая о том, что судебная система – это отдельная ветвь власти. Иногда – по отдельности к судам, прокуратуре, милиции, ФСБ, налоговой инспекции и т. д. В силу того, что лонгитюдные мониторинги проводятся более полутора десятков лет, в них не попадают некоторые институты, которые в начале 90-х не играли такой роли, как в наши дни, в частности – Администрация президента, Председатель правительства, Центробанк, Госсовет, Совет безопасности, Общественная палата. Схема «столбца институтов» транслирует вопрос № 48 пресловутой анкеты WVS-EWS, повторяя без должной адаптации к российской специфике как тамошние реалии, например, германские, так и запрограммированную концептуальную ошибку.

В частности, в отличие от российских вопросников, анкета для ФРГ не содержит вопроса о доверии президенту, зато влиятельны однопалатный бундестаг, женские, гуманитарные и благотворительные организации. Есть пункты о доверии ЕС и ООН.

Ошибочно, на мой взгляд, ставить в один ряд, «через запятую» действительно государственные институты (правительство, парламент, Вооружённые силы) и структуры, тяготеющие к гражданскому обществу (партии и движения, профсоюзы, СМИ и банковские круги).

$[г_k] \notin [v_j]$

Более того, представляется значительно важнее понять и оценить характеристики доверия между органами власти и элементами гражданского общества, а для многих задач – и внутри совокупностей $[v_j]$ и $[г_k]$. Скажем, – потенциал доверия к оппозиционным партиям и радикальным движениям.

К сожалению, принципиально важные для практического применения операторы и весовые коэффициенты отношений доверия

$$\begin{aligned} K \times D \{ г_k \rightarrow v_j \} &\geq K \times D \{ n_i \rightarrow v_j \} \\ K \times D \{ v_j \rightarrow г_k \} &\cong K \times D \{ v_k \rightarrow v_j \} \end{aligned}$$

публично не исследуются.

¹ См., например: Кузнецов И.Н. Технологии социологического исследования. М.: Ростов н/Д. 2005. С. 112–114; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: 2004. С. 272–274; Бойков В.Э. Народ и власть. Результаты социологического мониторинга 1998–2005 гг. М.: 2006. С. 3–6. Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / Под ред. М.К. Горшкова. М.: 2007. С. 437–441.

² Общественное мнение – 2007. М.: 2007. С. 63–64.

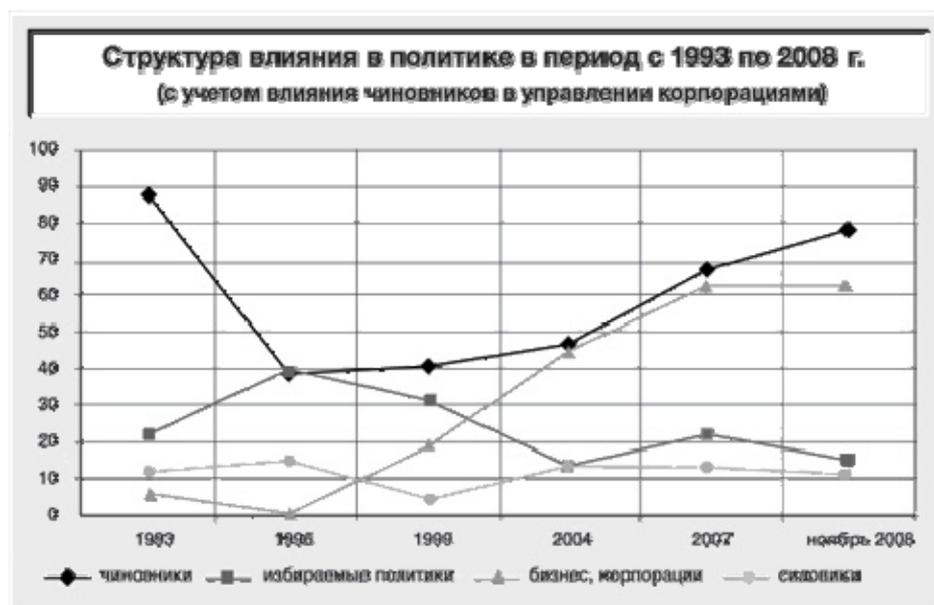
³ Социология власти. 2007. № 1. С. 42.

⁴ Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества 2000–2005. М.: 2007. С. 438–439.

Хотя, видимо, немаловажно изучать, доверяет ли армия парламенту, а правительство – банковским кругам. По крайней мере, эти вопросы практичнее, чем интерес к уровню доверия «населения» церкви. В последнем вопросе вообще неясно, идёт ли речь только о РПЦ, о каких церковных структурах, о клире вообще или о воцерковлённых гражданах. Возможно, для определения объектов доверия в ключевых звеньях политического взаимодействия и их весовых коэффициентов окажутся полезными исследования заведующего кафедрой политологии РАГС Олега Фёдоровича Шаброва (см. схему 3).

Схема 3

Ключевые звенья политического взаимодействия (О.Ф.Шабров)

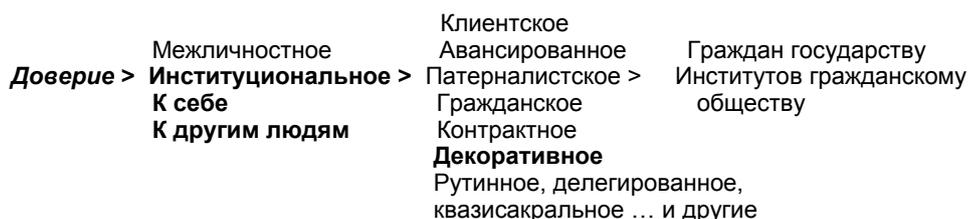

Источник: Шабров О.Ф. Место избранных // Независимая газета, 2008, 16 декабря.

Сложный шаг на II-й стадии разработки программы культуры доверия – это выявление доминантных разновидностей доверия в каждом звене для их последующих корректировки или конвертации.

Схема 4

Многообразие видов доверия

На **Схеме 2** отражены для примера лишь некоторые разновидности доверия, возможные в российских обстоятельствах. Теоретическое обоснование первоначальной классификации предложено, в частности П. Штомпкой в главе «Культура доверия» фундаментального учебника социологии¹. Конструктивные методы дифференциации видов и разновидностей обоснованы А.Б. Купрейченко².

Но прежде, чем оценивать доверие в том или ином ключевом звене, следует удостовериться, что изучается именно доверие, а не сходные с ним феномены. Наши социологи нередко отождествляют доверие с верой, надеждой, уверенностью или одобрением. В последние годы российскими обществоведами предложен целый ряд подходов к различению названных феноменов.

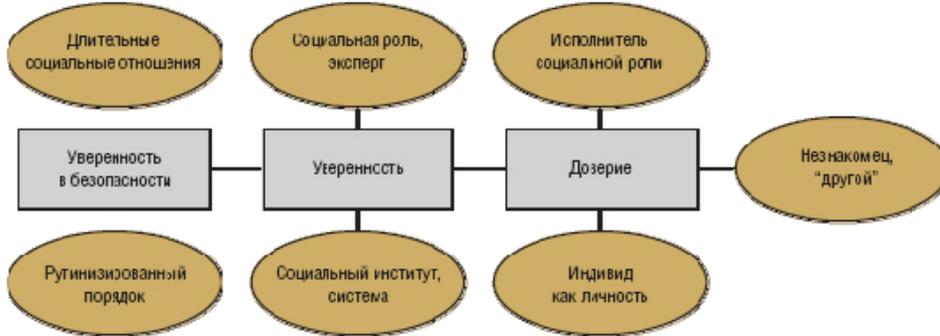
¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: 2005. С. 324–343. Sztompka P. Trust. A Sociological Theory. Cambridge. 1999. См. также вариант адаптации этих подходов к российским условиям: Данкин Д.М. Не доверие и доверие в политике: российский дисбаланс. НАВИГУТ. 2008. № 1. С. 42–47.

² Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 63–69, 271–283.

Олег Алексеевич Оберемко провёл углублённый анализ и структуризацию известных зарубежных концепций (Н. Луман, Э. Гидденс, А. Селигмен, П. Дасгупта, Т. Ямагиши и др.) с целью преодолеть неоднозначность интерпретации понятия «доверие»¹. Исходя из этого, он предлагает примечательную схему различия доверия и уверенности в некоторой зависимости от параметров акторов взаимодействия.

Схема 5

Модель соотношения феноменов (О.А. Оберемко)

Источник: Оберемко О.А. Уверенность, обобщённое доверие и межличностное доверие // Социальная реальность. 2008. № 7.

Модель Оберемко представляет интерес чёткостью представлений о различии акторов взаимодействия и выделением достаточно практического понятия «уверенность в безопасности». Но вне анализа оказываются многие факторы, влияющие на формирование доверительных отношений, в частности, некалькулируемые составляющие феномена, и многомерный, динамический характер доверия как процесса. Жаль, что в данной статье обобщены концепции только иностранных учёных.

Евгений Григорьевич Ясин предложил рассчитывать «совокупный уровень доверия» по следующей формуле.

$$L^c_{ij} = \frac{\sum \alpha_{ij} \cdot I_{ij} \cdot N_{ij}}{\sum \alpha_{ij} \cdot N_{ij}}$$

где α_{ij} – оценка важности доверия на i -м круге (уровне взаимодействия) в j -й стране, I – уровень доверия в этом круге, N – частота контактов в данном круге. При этом Е.Г. Ясин полагает, что мерой ресурса доверия является соотношение среднего уровня доверия в кругах от III до V (поселение – регион – государство) к среднему уровню доверия в кругах I и II, т. е. в более узких общностях (семья, близкие друзья, товарищи по работе или добровольным ассоциациям)². В таком случае задача формирования культуры доверия может рассматриваться как достижение максимума доверия к публичным институтам равно по уровню доверия в узких группах или даже превышающего его.

Более конструктивной представляется графическая модель Аллы Борисовны Купрейченко, согласно которой доверие располагается в пространстве двух факторов, описывающих социальный контекст взаимодействия: возможность контроля и наличие неопределённости. (Схема 6).

Приводится и необходимый перечень предпосылок:

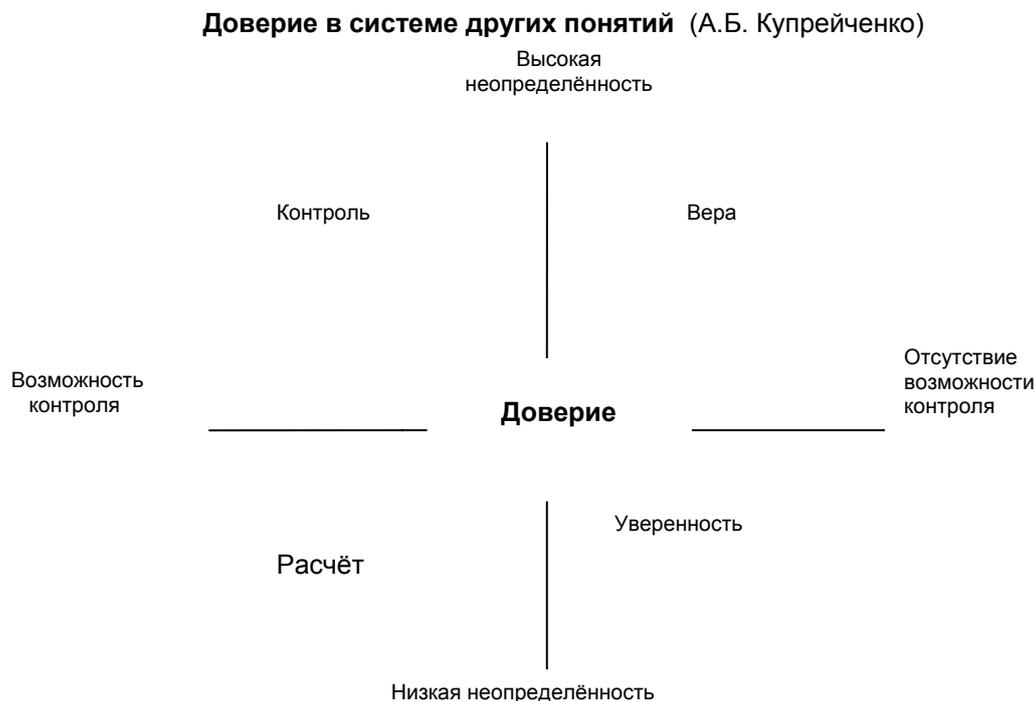
- 1) наличие значимой ситуации, характеризующейся неопределённостью или связанной с риском;
- 2) оптимистическое ожидание субъекта относительно исхода события;
- 3) уязвимость субъекта и зависимость его от поведения других участников взаимодействия;
- 4) добровольность взаимодействия;
- 5) отсутствие контроля³.

Эта модель вполне пригодна для разработки программы культуры доверия в условиях преодоления кризиса и перехода к модернизации. Однако она не указывает на, как минимум, два существенных аспекта проблемы. Во-первых, – на характер изменения факторов контроля и риска, неравномерность, прерывистость их роста, или «скачок веры», присутствие которого Г. Мёллеринг справедливо считает главным признаком отличия доверия от иных феноменов. Вера, другие не рациональные, порой бессознательные атрибуты стратегии доверия не рассматриваются в качестве факторов влияния. Во-вторых, модель А.Б. Купрейченко не нацеливает исследователя на учёт т. н. нейтральных зон (по Ходякову), «размытых» переходов между, к примеру, надеждой и доверием, доверием и недоверием. А ведь эти зоны на практике встречаются не реже, чем сами феномены, и заполнены апатией, равнодушием, сомнением.

¹ Оберемко О.А. Уверенность, обобщённое доверие и межличностное доверие // Социальная реальность. 2008. № 7.

² Ясин Е.Г. Модернизация и общество. М.: 2007. С. 77–80.

³ Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 46–47.

Источник: Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 47.

Обобщая результаты российских коллег, некоторые зарубежные модели¹, а также собственные наработки, рискну вынести на обсуждение авторскую модель взаимодействия в пространстве и времени факторов формирования доверия и близких к нему феноменов. (Схема 7).

Надо сразу оговориться, что модель строится не в декартовых осях. Её не следует воспринимать как ортогональную или изометрическую проекцию. Обозначены лишь векторы изменения факторов.

Не стану подробно комментировать значение координат времени. Сложнейшая проблема темпоральных характеристик доверия требует дальнейшего изучения. Пока достаточно отметить, что доверие – процесс, текущий во времени и, как правило, имеющий несколько фаз развития (начало, идентификация, интерпретация, ожидания, выбор модели поведения). Предварительный анализ известных прогнозов модернизации России на среднесрочную «Перспективу 2020» свидетельствует, что при любом сценарии какие-то разновидности доверия будут действовать².

Если рациональные компоненты социально-психологических ориентаций, такие, как знания, компетентность, контроль можно полагать нарастающими монотонно, почти равномерно, то воздействие бессознательных или сверхсознательных составляющих, прежде всего, веры, скорее всего, происходит дискретно, квантообразно. Истинная вера либо есть, либо её нет. Понимание красоты также вряд ли может быть частичным и рационально объяснимым.

С ростом компетентности и возможностей контроля в «пучке установок» закономерно увеличивается доля уверенности. Такое развитие поддается регулированию, программированию и наиболее желательно. Зрелое гражданское общество, вероятно, и будет состоять из просвещённых, разумно контролирующих государственные институты и потому уверенных в их эффективности граждан. Доминирование уверенности граждан в рациональности политики, равно как и достаточная уверенность политиков в компетентности граждан как некий демократический идеал достигается длительной целенаправленной работой (политическое просвещение, ротация элит, совершенствование избирательной, судебной, муниципальной систем и другие меры).

В обозримой же перспективе распространение в российском обществе рациональных видов политических отношений не полностью вытесняет прежние, традиционалистские, определяемые социокультурными особенностями интуитивно-образные, патерналистские или вождист-

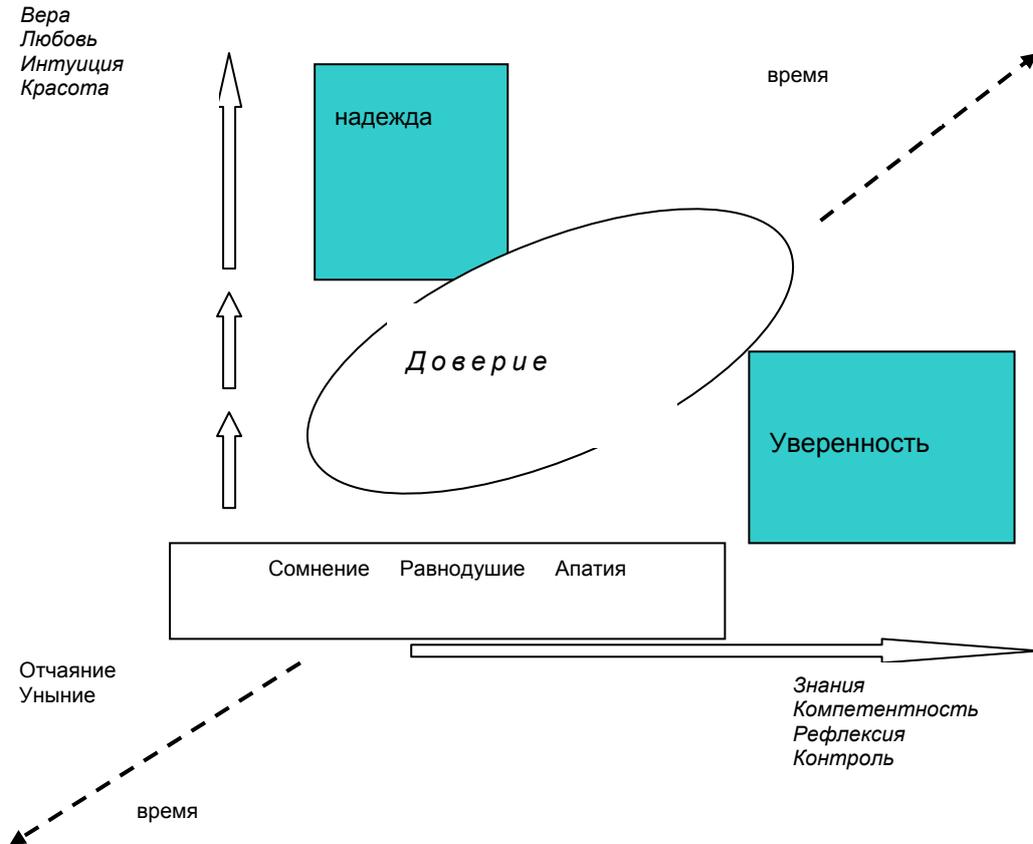
¹ См.: Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1.

² См.: Данкин Д.М. Кризис и доверие : русская версия // Безопасность Евразии. 2008. № 4.

ские разновидности доверия со значительным содержанием веры. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов установку надежды, несмотря на её пассивные, созерцательные свойства.

Схема 7

Пространственная модель феноменов (Д. Данкин)

Модель отражает и наличие довольно значительной области социально-психологических установок сомнения, равнодушия, безразличия к политике. Эта зона пролегает между доверием и недоверием. Именно здесь можно найти основные резервы преодоления цинизма и приращеня активных форм доверия. Повторюсь, что отсутствие каких-то форм доверия ещё не есть «тотальное недоверие». Можно предположить, что отчаяние или «грех уныния» более деструктивны, чем недоверие¹. Дисбаланс или кризис доверия исправляются не огульной констатацией «всеобщего солипсизма и аномии», но заинтересованной, целенаправленной, адресно-точечной работой в ключевых звеньях

$$Д \{ \Gamma_k \rightarrow V_j \}; Д \{ H_i \rightarrow V_j \}; Д \{ V_j \rightarrow \Gamma_k \}; Д \{ V_k \rightarrow V_j \}$$

Рассмотрим практический пример. Предположим, к числу ключевых звеньев отнесена субъект – объектная пара: реальная группа n_6 «Профессионалы с высшим образованием» – институт власти v_2 «Председатель правительства». Гипотетически, в этом звене преобладают высокая компетентность и «индивидуалистско-капиталистический» тип базовой российской ментальности². Соответственно, можно ожидать наличие достаточно конструктивных гражданской, контрактной и авансированной разновидностей доверия профессионалов к премьер-министру. В гораздо меньшей степени в этом звене должны быть представлены квазисакральная, патерналистская или вождистская формы, которые нуждались бы в корректировке и конвертации³. Разумеется, такие предположения следует проверить эмпирически. Для этого, однако, потребуются определённая «перезагрузка матриц», используемых в стандартных анкетных опросах, углублённых интервью или фокус-группах. Помимо традиционного вопроса «В какой мере Вы доверяете...?» необходимы уточняющие высказывания типа «Видите ли Вы во В.В. Путине топ-менеджера, нанятого чиновника или отца нации?», «Является ли "Единая Россия" самостоя-

¹ «Уныние – недоверие Богу и личная уверенность, что в жизни всё будет плохо и неправильно» // Практический справочник по православию. М.: 2008. С. 145.

² См.: Семёнов В.Е. Российская полиментальность и тенденции её развития // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб: 2005. С. 8–29.

³ См.: Данкин Д.М. Доверие как научная проблема и многообразный феномен // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 131–187; Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1. С. 42–57.

тельной политической силой или только инструментом в руках В.В. Путина и его окружения?», «Оправдывает ли премьер Ваши надежды на развитие экономики, Вашу уверенность в завтрашнем дне?». Приблизительно такая методика отрабатывается в Левада-центре¹. Кроме того не обойтись без выяснения не рациональных, интуитивно-образных компонент доверия с помощью качественных методов политико-психологического анализа².

Сопоставляя результаты анализа институционального доверия

$D_{\text{инст}} \{ n_6 \leftrightarrow v_2 \}$ в этой паре с данными о характере межличностного доверия³ внутри реальной группы $D_{\text{мл-б}}$ и доверия к отдалённым партнёрам $D_{\text{мл-общ.}}$, а также с оценкой взаимности (реципрокности), можно получить объёмное, более достоверное представление о необходимости корректировки их разновидностей $D_1; D_2 \dots D_v$. Причём не стоит поддаваться соблазну высчитать среднеарифметическое значение или произвести какие-нибудь алгебраические манипуляции, пока математики не предложат подходящий аппарат.

$$D \{ n_6 \leftrightarrow v_2 \} \neq \frac{\sum D}{I-v},$$

где v – количество выявленных разновидностей D .

Комплексный факторный анализ предстоит провести по всем звеньям, признанным релевантными, ключевыми для осуществления программы доверия как ресурса национально-демократической модернизации⁴ «по-русски».

Понятно, что это очень хлопотная и затратная процедура. Нужны немалые финансовые вложения в перестройку структуры исследовательских центров, переподготовку кадров интервьюеров, модераторов, аналитиков для полевых исследований. Но, видимо, главная трудность в неизбежной «перезагрузке матрицы», в назревшей модернизации отечественного обществоведения, – преодоление «кризиса в головах», инерции заимствования неадаптированных концепций и методик. Время осваивать и развивать собственную методологию изучения ключевого феномена, подступить к предметной, практической разработке программы формирования российской культуры доверия.

* * *

Учёт российского **контекста** и критическое отношение к универалистским теориям, моделям и методикам изучения доверия вполне соответствуют мейнстриму мировой гуманитарной науки. Это ясно выражено, в частности, на 38-м конгрессе Международного института социологии (июнь 2008, Будапешт)⁵.

Современная социальная философия, не только Бодрийяр, Луман, Рикер или Фуко, но и наши соотечественники, всё более убеждаются, что **«сущность»** не вне, рядом, не под спецификой, а в ней самой... Специфическая сущность – это продукт всё тех же дифференциаций, различий, а не каких-то упрямо самостоятельных единств или тождеств⁶.

Контекстуализм, т. е. творческое применение фундаментальной теории к живому своеобразию отечественных реалий, – это изначальное свойство российской политической философии. Как бы ни конфликтовали между собой Николай Михайлович Карамзин и Михаил Михайлович Сперанский, декабристы Никита Михайлович Муравьев и Владимир Иванович Штейнгель, они читали те же труды Гоббса, Локка, Руссо и Монтескье, что и отцы-основатели США, увлекались Кантом или Гегелем. Но предлагали строить «гражданское общество» в России иначе, чем на

¹ Общественное мнение 2007. Ежегодник. М.: 2007. С. 116–118.

² См., например: Образы российской власти: от Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: 2008; Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: 2008; Сикевич З.В., Крокинская О.К., Посель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб: 2005.

³ Здесь применимы методики, изложенные в работах Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 221–297, 372–462, 543, 553; Козырева П.М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социс. 2008. № 11. С. 24–33.

⁴ Дискин И.Е. Кризис... И всё же модернизация! М.: 2008. С. 189–255; Демократия: развитие российской модели. Доклад Института современного развития. 2008 // www. Riocenter.ru

⁵ Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса; Култыгин В.П. От локального универсализма к глобальному контекстуализму // Социс. 2009. № 1. С. 16–24; 24–32.

⁶ Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелёвой. М.: 2009. С. 6–7, 221–227.

Западе¹. Гражданские учреждения должны быть сообразаемы с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле»².

Анализируя наследие первых российских политологов, один из крупнейших знатоков русской политической истории начала XIX века, Владимир Алексеевич Томсинов выделяет сущностную черту «доверия по-русски»: «общество было лишено всякого доверия к себе со стороны императора и его ближайшего окружения, вся реформаторская деятельность планировалась исходя из того, что высшие сановники – бюрократия – лучше общества знают, что ему необходимо»³.

Эта судьбоносная проблематика асимметричного доверия в России, которая сплюсцивала активное доверие сограждан до безропотной надежды или до революционного отчаяния – сквозная тема российского обществоведения вот уже двести лет.

Наши мыслители **существенно** обогатили русской духовностью понимание доверия у Энгельса и Вебера, Тённиса и Зиммеля. Надо прилежно читать и чтить Ивана Александровича Ильина, Питирима Сорокина, Семёна Людвиговича Франка⁴, а не только Ф. Фукуяму и Р. Роуза.

Поскольку наш исторический и национальный **контекст**, кажется, наконец-то сегодня складывается в пользу взаимного доверия государства и гражданского общества⁵, – это настоятельно требует предметного и дифференцированного изучения реальной **сущности** ключевых звеньев доверия, других политико-психологических установок и ожиданий.

P.S. Статья была уже в наборе, когда стало известно о двух примечательных, неординарных фактах, подтверждающих актуальность предметного изучения проблемы «Кризис и доверие».

Во-первых, опубликована Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)». Её цель – обеспечить «эффективность государственного управления, развитие гражданского общества и инновационной экономики». А первым целевым индикатором Программы назван «индекс доверия граждан к государственным служащим», который должен быть повышен в ближайшие годы на 30%⁶. Очень важно, **как** этот показатель собираются измерять и наращивать.

Во-вторых, в повестку дня экспертного сообщества вброшен тезис о замене «суверенной демократии» – «демократией доверия»⁷. Лозунг звучит свежо и провоцирует дискуссию. Само словосочетание внутренне противоречиво, ведь институты демократии Модерна изначально строилась на недоверии. И кроме баланса «недоверие / доверие» в многомерном политическом пространстве имеются иные диспозиции: вера, уверенность, равнодушие, отчаяние и др. Важны опять-таки российский контекст и детальный анализ взаимных ожиданий акторов в ключевых звеньях «институт – реальная группа»⁸.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

¹ Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль // Политология: Лексикон. М.: 2007. С. 659–679.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: 1991.

³ Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М.: 1991. С. 313.

⁴ См., например: Франк С.Л. Вера – доверие и вера – достоверность // С нами Бог. М.: 2003. С. 441–458; Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. С. 528, 847.

⁵ а) Президент подтверждает свою позицию: «тот самый социальный пакт, то есть нормальное взаимопонимание между властями, с одной стороны, и гражданами, с другой стороны, – это огромное достижение прежнего периода. Я считаю, что для этого есть все возможности» (март 2009); б) по данным Левада-Центра, несмотря на кризисы, с февраля 2008 по февраль 2009 доверие к Д.А. Медведеву существенно не изменилось. Однако, в) как забыть оценку М.М. Сперанского: «Ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России...»?

⁶ Российская газета, 2009, 13 марта. С. 13. При подлинной серьёзности нового мессиджа президента, нельзя не отметить настораживающее сочетание: пятница, 13-е, на 13-й полосе.

⁷ См.: Дискин И.Е. Кризис и демократия: консервативный взгляд. Презентация выступления на «круглом столе» ФЭП 03.03.09. www.liberty.ru/themes/losifDiskin.

⁸ См.: Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Энтропийный анализ как метод безгипотезного поиска реальных (гомогенных) социальных групп // Социс. 2009. № 2. С. 52–64.

С.В. КОРТУНОВ

ЧТО СТОИТ ЗА МИФОМ О «СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИИ»¹

Одним из основополагающих мифов, беспардонно искажающих историческую правду о Второй мировой войне, является миф о «советской оккупации». Этот миф сыграл немалую роль и в десакрализации великого подвига русского народа в уничтожении фашизма, и в распаде СССР. А для многих новых независимых государств на постсоветском пространстве он стал чуть ли не национальной идеей, структурирующей их национальные идентичности.

Особенно преуспели в насаждении этого мифа страны Балтии, политики которых, из года в год, повторяя ложь о «советской оккупации» как заклинание, пытаются нажить себе на ней политический капитал. В отличие от России, которая беспощадно и по существу в ущерб своим интересам и репутации осудила свое прошлое, прибалты, вслед за поляками, своё прошлое мифологизировали и канонизировали. 1945 год, как утверждают прибалты, не был освобождением для стран Балтии. В этот год, мол, произошла смена немецкой оккупации оккупацией советской. И только тогда, когда «русские оккупанты» покинули территорию стран Балтии в 1991 году, они стали свободными. Пиком этой недобросовестной пропагандистской кампании стал 2005 год – год 60-летия Великой Победы. Именно тогда в Москве появился анекдот: «2005 год: прибалты начали борьбу против советской оккупации».

* * *

Мифологизацией отдельных страниц прошлого грешат, наверное, историки всех стран, но столь масштабного переписывания исторических реалий, как в современной Прибалтике, найти в сегодняшнем мире достаточно сложно. Как свидетельствует известный специалист по этим странам В. Симиндей, в Латвии, Литве и Эстонии перелицовка фактов и подгонка их под нужды официальной идеологии не являются уделом отдельных групп историков, а давно поставлена на поток в целой сети исследовательских организаций и учреждений, существующих за счёт государства и грантов наиболее реакционных эмигрантских организаций прибалтов из США, Канады, Австралии и Западной Европы².

В последнее время по этому же пути идут и политики Грузии (в которой М. Саакашвили создал «музей русской оккупации»), Молдавии и Украины. Именно их имел в виду Президент России Д. Медведев, обративший внимание в своём выступлении на совещании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях 15 июля 2008 г. на крайне опасную тенденцию последнего времени, «когда политики, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом – выстраивать гармоничные международные отношения, да и просто решать свои внутренние задачи, – предпочитают, оттесняя учёных-историков, передёргивать саму историю, как колову карт, под свои личные воззрения, для решения конъюнктурных задач». Это, подчеркнул он, «игра с огнём, и чтобы это понять – надо уважать историю, а не заниматься её недобросовестной интерпретацией»³.

Предстоящее в 2009 году 70-летие с момента начала Второй мировой войны наверняка будет использовано нашими недоброжелателями для очередного тиражирования мифа о «советской оккупации». Это заставляет добросовестных и честных историков вновь и вновь обращаться к этому вопросу.

ФАКТЫ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

В мае 2005 года президенты Литвы и Эстонии демонстративно не приехали в Москву на 60-летний юбилей Великой Победы. Президент Литвы Валдас Адамкус отметил, что «9 мая для нас – трёх государств Балтии – не означает начала этапа свободы, который могут отмечать страны Западной Европы. Для нас в тот день началась новая оккупация»⁴. То же самое он повторил в интервью газете «Фигаро»⁵. Президент Латвии Вайра Виефрейберга согласившись участвовать в юбилее, заявила, что воспользуется визитом в Москву, чтобы «во всеулышание сказать правду о советской оккупации». В специальной статье она отмечала: «в отличие от Западной Европы, крах ненавистной нацистской империи не привел к освобождению моей страны. Вместо этого три балтийские страны, Латвия, Эстония и Литва, оказались вновь под жестокой оккупацией другой враждебной тоталитарной империи: Советского Союза. На более чем пять десятилетий Латвия, Эстония и Литва исчезли с географической карты Европы. Во время советской оккупации три балтийские страны пережили массовую депортацию и убийства, утрату своей свободы и иммиграцию миллионов русскоязычных переселенцев»⁶.

В это же время литовский сейм принял заявление, в котором призвал Россию признать факт многолетней оккупации балтийских государств⁷. На заседании Балтийской ассамблеи в эстонском городе Пярну

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Национальные интересы России в мире» по гранту № 08- 01-0073 Государственного университета – Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ).

² Российские вести. № 44(184629). 29 ноября – 6 декабря.

³ Официальный сайт Президента России. 15 июля 2008 г.

⁴ Strana.ru, 3.05.05.

⁵ Figaro, 13.05.05.

⁶ Der Tagesspiegel, 6.05.05.

⁷ BBC Russian.com, 27.04.05.

была единогласно принята резолюция, в которой говорится, что «конец Второй мировой войны не принес свободы всем странам Европы». В этой связи ассамблея призвала Россию осудить чинившуюся несправедливость и принять меры к возмещению ущерба, нанесенного народам Эстонии, Латвии и Литвы»¹.

Какова же была позиция Европы и США по этому вопросу? В марте 2005 г. вице-президент Европейской комиссии Г. Ферхойген в Таллине подчеркнул, что если Россия хочет хороших отношений с ЕС, то ей следует признать незаконную оккупацию Советским Союзом стран Прибалтики»². А Еврокомиссия тогда же заявила, что «концом диктатуры» в Европе стало падение Берлинской стены в 1989 г., а не крушение Третьего Рейха в 1945. Такие заявления просто ошеломляют.

В апреле того же года в США десять депутатов конгресса, представляющие и республиканскую, и демократическую партии, представили проект резолюции, призывающей Москву признать и недвусмысленно осудить факт незаконной аннексии и оккупации Советским Союзом Эстонии, Латвии и Литвы. В резолюции, принятой единогласно в мае 2005 г. в сенате, говорится: «Включение в 1940 г. прибалтийских стран – Латвии, Литвы и Эстонии – в состав СССР было актом агрессии, осуществленным против воли суверенных народов». Соответственно, считают сенаторы, «правительство Российской Федерации должно сделать ясное и недвусмысленное заявление о признании и осуждении незаконной оккупации и аннексии Советским Союзом с 1940 по 1991 годы прибалтийских стран – Эстонии, Латвии и Литвы». Только такое покаяние, как считают авторы резолюции, сможет улучшить отношения между Россией и странами Балтии и укрепить стабильность в регионе»³.

Однако самое громкое и скандальное заявление накануне 60-летия Победы было сделано президентом США Джорджем Бушем. В письме президенту Латвии Вайре Вике-Фрейберге американский лидер заявил: «Для Западной Европы окончание Второй мировой войны означало освобождение. В Центральной и Восточной Европе война означала начало оккупации Эстонии, Латвии и Литвы Советским Союзом, аннексию и насаждение коммунизма». По мнению Джорджа Буша, решение Вике-Фрейберги приехать на празднование юбилея Победы в Москву было правильным, но в то же время он отлично понимает, с каким трудом ей далось это решение. Одновременно Буш поддерживает и отказавшихся ехать в Москву Валдаса Адамкуса и Арнольда Рюйтеля: «Я уважаю ваш выбор, как и выбор лидеров других балтийских государств». Позднее письмо похожего содержания получил от Буша и президент Литвы В.Адамкус. В последующие предъюбилейные дни американский президент неоднократно заявлял о том, что понимает и уважает решения президентов Эстонии и Литвы бойкотировать торжества по случаю Дня Победы 9 мая в Москве»⁴.

Таким образом, Дж. Буш вмешался в историческую перебранку между Россией и прибалтийскими государствами на стороне последних буквально за считанные дни до своего визита в Москву. Ещё больше усугубляя неловкость ситуации для России, Дж. Буш объединил свой визит в Москву с посещениями Грузии и Латвии, где выступил с напыщенными речами в поддержку демократии. «Этот факт как таковой можно считать своего рода пощечиной России, – заявил агентству "Интерфакс" известный российский аналитик В. Никонов. – Это почти равнозначно тому, как если бы Путин прилетел в Вашингтон после промежуточной посадки в Гаване, а далее улетел в Пхеньян»⁵.

Справедливости ради следует сказать, что впоследствии позиции и Европы, и США были скорректированы, и никто в Москве не стал колоть В. Путину глаза Прибалтикой, из-за чего сами же литовцы обиделись на Дж. Буша, который якобы обещал им «загнать В. Путина в угол» (а на самом деле вообще обошёл эту раздражающую Россию тему). Президент США до поездки в Москву выражал «понимание» исторических проблем прибалтов, однако, приехав в Москву, о них «забыл». Это было доказательством того, что ради стратегического партнёрства большие государства не станут портить отношения с Россией.

ОККУПАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В вопросе об «оккупации» придётся обратиться к помощи юристов и историков. «Оккупация» в международном праве – это *временное занятие территории противника*. Но ведь СССР со странами Балтии никогда не воевал! Напротив, Советская Россия оказывала той же Литве существенную дипломатическую и военную поддержку в деле присоединения Клайпеды (немецкий Мемель) в 1923 году и дважды (!) – в 1920 и 1939 г. передавала ей отнятый у Польши Вильнюс. Напомним, что в последний раз перед войной Вильнюс перешёл к Литве именно по Пакту Молотова-Риббентропа. Тогда литовские политики не особо смущались тем, что соседнюю страну «рвут на куски» и со спокойной совестью взяли из рук «советских оккупантов» свою долю (впрочем, как и поляки из рук Гитлера спокойно получили часть Австрии и Чехословакии). Так что широкое использование термина «оккупация» (так же, как и в случае с «геноцидом») юридической силы ему не прибавляет. В 1940 г. Литву, Латвию и Эстонию не «оккупировали», а при активном содействии местных компартий и при поддержке значительной части населения *присоединили* к Советскому Союзу, т. е. *аннексировали*. Формально даже по просьбе сеймов Литвы, Латвии и Эстонии. С юридической точки зрения всё было сделано безукоризненно! А в 1945 году после окончания войны СССР в Прибалтике вернулся к тем своим границам, в которых её начинал в 1941. Кстати, с полного согласия «западных демократий», что было зафиксировано в Ялте на известной встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля. Пусть те политики Балтии, которые говорят сейчас о начале «русской оккупации» в 1945 г., ответят на простой вопрос: на каком юридическом основании СССР **после победы** должен был пересмотреть своё решение 1940 года о присоединении стран Балтии?

¹ BBC Russian.com, 3.05.05.

² ИА REGNUM, 03.05.05.

³ Regnum.ru, 13.10.2005.

⁴ The Independent, 5.05.05.

⁵ bedem

Если полистать книгу «Литовская армия 1918–1998», выпущенную министерством обороны Литовской Республики, то бросится в глаза фото: группа литовских генералов в форме командиров Красной Армии! Они ведь свои мундиры не под дулом пистолета поменяли! И никто из них в отставку уйти не пожелал. Так что представление о «насильственной оккупации» Балтии в 1940 г. сильно преувеличено. Общество в целом, особенно рабочие, поддерживали идею присоединения к СССР, понимая, что СССР был в то время наименьшим злом. Большая часть интеллигенции тогда, разумеется, держала «фигу в кармане». За это она и отправилась в Сибирь. Но кто помог в этом НКВД–КГБ? Да свои же литовские стукачи!

Русского человека трудно заподозрить в ненависти к прибалтам. Ибо именно при «русской оккупации» расцвели такие явления мировой культуры как поэт Марцинкявичюс, актеры Банионис, Калныш, Адомайтис, певица Вайкуле и композитор Пауллс, актрисы Артмане и Киви и т. д. и т. п. Разве можно себе представить расцвет культур этих малых народов при немецкой оккупации? В этом случае большинство прибалтов было бы уничтожено физически, а остальные работали бы в лучшем случае посудомойками и чистильщиками сапог и туалетов у арийских господ. Вот какое будущее светило прибалтам. И от этого будущего их освободил русский солдат. Тем не менее, сегодня этого русского солдата, павшего в бою с фашистами под Вильнюсом, Ригой и Таллином, они спешат назвать «оккупантом»!

В этой связи русские историки и политики, разоблачающие эту бессовестную ложь, пытаются защитить даже не Россию, которая не имеет не имеет к факту оккупации никакого отношения, а историческую реальность. Не было оккупации Прибалтики. Можно это назвать захватом власти в Балтии просоветски настроенными гражданами этих стран, а затем провозглашением вхождения Латвии, Эстонии и Литвы в СССР. Это печально, но не имеет отношения к оккупации. После того, как эти страны вошли в СССР, то СССР, изгоняя фашистских оккупантов, освободил эти союзные республики наряду с другими, а не оккупировал их. Можно только посочувствовать людям в Балтии, репрессированным в советские времена наряду с гражданами СССР, проживавшими в других республиках этой страны. Но это не имеет отношения к оккупации.

К тому же в вопросе об оккупации налицо двойные юридические стандарты. Если в 1940 году Советский Союз под абсурдными предложениями якобы «оккупировал» страны Прибалтики, то под столь же абсурдными предложениями эти страны в составе коалиционных сил оккупировали Ирак – мир уже убедился, что все поводы для военного вторжения в него были несостоятельными. Выборы при оккупационном режиме были нелегитимны? А в Ираке они легитимны? Тогда правильно и то, что происходило в странах Балтии летом 1940 года. Могли ли в Ираке на «честных выборах» победить антиамериканские исламисты? И в прибалтийских странах не могли победить в 1940 году «буржуазные националисты». Сталинисты проводили репрессии? Но они не ездили, подобно американцам в Ираке, на танках и самолётах, сметая свадьбы как «подозрительные скопища». Правда, людей при Сталине без суда и следствия задерживали и пытали, как, впрочем, теперь в Ираке. Страны Балтии не несут ответственности за действия в Ираке «коалиционных сил»? Тем более абсурдно требовать ответственности от современной России за действия сталинского Советского Союза в 40-х годах.

В отношении оккупации имеются не только юридические, но и чисто исторические аргументы. Например, вспомним, что при реальной американской оккупации ни японцы, ни немцы не избирали своих представителей в конгресс и в сенат США. А литовцы, латыши и эстонцы всегда имели своих депутатов в Верховном Совете СССР. Латыши были даже представлены в Политбюро ЦК КПСС – высшем политическом органе страны (вспомним Пуго)! А самый ярый обличитель «советской оккупации» В. Ландсбергис, который заявляет, что «жил под советским игом»¹, как и многие другие нынешние лидеры стран Балтии, на протяжении многих лет с удовольствием заседали в Кремле. Они что, сегодня об этом забыли? Хорошо известно о том, что многие действующие политики Литвы, вплоть до министров, в своё время входили в состав офицерского корпуса КГБ. Какая же это «оккупация»?! Они что, сами себя держали за горло?!

Однако страны Балтии по-прежнему клеймят «русских оккупантов». При этом они нередко приводят в пример Финляндию, которая, избежав оккупации, достигла гораздо большего, чем Литва, Латвия и Эстония. С этим можно согласиться. Но при одном условии: следует помнить, что финны избежали оккупации, отважно сражаясь с дивизиями огромной державы. Эти дивизии не встречали в Финляндии цветами, как это было в 1940 г. в странах Балтии. Ведь «горячие балтийские парни» и не думали сопротивляться. «Главное же в том, – подчёркивает специалист по Прибалтике политолог М. Демури (курировал Прибалтику в МИДе России в 2000–2005 гг. в качестве заместителя директора Второго Европейского департамента), – что в 1940 г. и об этом в последнее время начали писать сами прибалтийские историки – у Латвии, Литвы и Эстонии была возможность противостоять СССР, а они этого не захотели. Почему? Да потому, что прибалтийские политические элиты задолго до 1940 г. начали курс соглашательства и «сотрудничества» с режимом СССР. О причинах и конкретных формах этого сотрудничества (при параллельном заигрывании и с гитлеровской Германией, и с Англией, и с Францией и др.) написано немало, и повторяться не стоит»².

Журналист А. Минкин, известный своими антисталинскими взглядами, ехидно писал в своём комментарии «Жертвы оккупации»: «Этих гордых стран сто лет назад вообще не было. Эти земли принадлежали Дании, Польше, Швеции, Германии, а со времён Петра I – России. Это были наши губернии – не более того. И мы ничего не знаем об их борьбе с царским правительством за независимость. Чем они гордятся? Свободу не завоевали, а получили. Первый раз – свободу от царя – из рук большевиков. Потом получили свободу от Сталина из рук

¹ L'Express, 01.03.05.

² Regnum.ru, 24.03.05.

фашистов. Потом – свободу от Гитлера из рук Сталина. Потом... Государства Прибалтики получили не голую свободу. Государства эти получили землю, заводы, электростанции – всё, что было построено за время владычества империи Романовых и Советской империи. Всё это они с удовольствием взяли, а все долги СССР оставили нам. Так исторически сложилось. И было бы благодарнее, если и не говоришь "спасибо", то хотя бы не оскорблять... Есть мнение: не будь латышских стрелков – не было бы советской власти; не было бы этого режима, который погубил Россию, может быть, навсегда (попутно и случайно освободив прибалтов).

Латышские стрелки несколько раз спасли от гибели большевиков (будущих оккупантов); латышские стрелки здесь, у нас, в Москве, подавили восстание эсеров (а зря). Жестокие руководители ВЧК – латыши Лацис и Петерс – руководили репрессиями... А с другой стороны, если у наших высокопоставленных чекистов есть чувство юмора – пусть бы вручили им почётную грамоту за активное и творческое участие латышей в построении и укреплении КГБ»¹.

Вообще, похоже, руководители прибалтийских государств забыли свою собственную историю. После окончания Первой мировой войны, когда балтийские республики только появились на мировых картах, поляки искусно разогрели протестные настроения населения Вильнюсского края. А после ряда вооружённых выступлений того же населения отхватили Вильнюсский край у литовцев. Впрочем, те тоже были не лыком шиты. Применив такую же схему, Литва стимулировала вооружённое восстание литовского населения в Клайпедском регионе, которое произошло в 1923 г. И в результате – отхватила его у соседей. Это было задолго до появления Гитлера и захвата им по такой же технологии Австрии.

Правда, сохранить свои приобретения Литва так и не смогла. И Пакт Молотова-Риббентропа встретила и без Вильнюсского, и без Клайпедского краёв. Получается, Литва только приобрела территорию в результате сговора Сталина с Гитлером. И если уж восстанавливать «историческую справедливость», то, по крайней мере, треть территории надо вернуть Польше и Белоруссии.

С исторической точки зрения весьма любопытно также, что в качестве «оккупации» квалифицируется вхождение советских войск на территорию прибалтийских государств в 1940 году, произошедшее без единого выстрела и по официальному приглашению их правительств. При этом не принимаются во внимание подписанные латвийским и эстонским правительствами с СССР Пакты о взаимопомощи от 28 сентября и 5 октября 1939 года, кстати, ими же и нарушенные. Эти Пакты предоставляли СССР возможность создания военного кордона, защищавшего его западные границы, а также и сами прибалтийские государства в случае фашистской агрессии. И уже в следующем году Прибалтика подвергается немецкой оккупации, что подталкивает часть местного населения, питающего наивные надежды на приобретение былой независимости «при помощи Гитлера». За этим следуют военные действия Красной Армии, изгоняющей фашистов с прибалтийских земель и борьба с остатками коллаборационистских сил, ведущаяся тогда во всех европейских странах, подвергшихся фашистской оккупации.

Здесь возникает и другой вопрос: насколько правомерно, оценивая с исторической точки зрения события более чем шестидесятилетней давности, применять современные политологические технологии, сегодняшние критерии к установившимся в международных отношениях принципам нравственности и правовым нормам, выработанным всем ходом последующей истории? Ведь в те времена мир представлял совершенно иную картину: господствовала идеология бескомпромиссного противостояния сразу нескольких мировоззренческих систем, императивы овладения большими подконтрольными территориями, создания «буферных зон», зачастую силовое навязывание народам собственных идей мироустройства со стороны ведущих держав, объединённых в различные военно-политические блоки.

Несомненно, прибалтийских политиков вдохновляет прецедент Германии, многократно извиняющейся перед еврейским народом за Холокост, унёсший жизни шести миллионов ни в чём не повинных его сынов и дочерей. Однако может ли это входить в сравнение с политикой Советского Союза в прибалтийских странах в предвоенное и послевоенное время? История не зафиксировала ни одного акта массового уничтожения мирного гражданского населения прибалтийских стран со стороны советских войск.

И уж если руководствоваться подобной логикой, то почему бы прибалтийским странам не предложить и самой Германии, Швеции, Дании, Польше и даже Франции принести свои извинения им за оккупацию литовских, латвийских и эстонских земель в различные периоды их истории?!

Так, ещё в 1655 году, в соответствии с Кейданским договором, Швеция оккупировала северо-западную часть Литвы, в то время как именно русские войска освободили в 1705 году Вильнюс, а разгром шведов под Полтавой способствовал полному освобождению литовских земель от шведской оккупации, и когда, в соответствии с третьим разделом Речи Посполитой в 1795 году, часть Литвы вошла в состав Российской империи, то её другая часть (по левому берегу Немана – Занеманье) оказалась под пятой Пруссии. Кстати, в 1807–1815 годах эти земли были оккупированы уже Наполеоном.

К слову, в 1219–1824 годах датчане и немцы общими усилиями оккупировали Эстонию, а в 1227 году – Западную и Южную Латвию. После этого Латвия и Эстония были объединены под общим названием Ливония, состоявшая из 5 небольших государств. В 1581–1583 годах Латвия была разделена между Швецией, Данией и Польшей. В результате войны между Польшей и Швецией за господство на Балтийском море, по условиям Альтмарского перемирия 1629 года Ригу и северо-восточную часть латвийских земель получила Швеция, а северо-западная, называвшаяся в те времена Латгалией, отошла к Польше. И именно Шведское королевство, а не Российская империя провела в 1680 году редукцию (присвоение королевской казной) имений латвийской знати. А на основании того же Альтмарского перемирия, Эстония была разделена между Швецией и Данией. По мирному Договору 1645 года в Бремсебро уже все её земли перешли под власть Швеции.

¹ Московский комсомолец, 17.01.2005.

Да, шведам и другим «оккупантам» повезло больше, чем русским! Видимо их «преступления» за давностью лет, были «амнистированы» балтийскими политиками. Их потомки, наверное, давно уже ассимилировались автохтонным населением, а 450 тысячам русскоязычных граждан, проживающих, допустим в Латвии, отказано даже в этом! И после того, как эта категория людей, проживая в стране, вступившей недавно в Евросоюз, подвергается дискриминации по национальному и языковому принципу, от России по тем же «европейским канонам» требуются извинения за историческое прошлое!

Впрочем, подобными «логическими схемами» вполне может воспользоваться и российская политическая элита. Почему бы ей не потребовать извинений от, скажем, Литвы за оккупацию в 1307 году литовским князем Витеном Полоцка, а белорусам потребовать литовского покаяния за захват Гедимином Минска и Витебска? Или осудить действия Ягайло, заключившего Договор против Московского княжества с ханом Золотой Орды Мамаем и аннексировавшего в 1404 году Смоленск? Список исторических преступлений перед российским народом могут продолжить и литовские феодалы во главе с канцлером Львом Сапегой, активно участвовавшие в польской интервенции в Россию в начале XVII века.

Трезвые умы в прибалтийских странах и в России, наверное, предпочли бы поднимать на щит исторические факты иного характера, Ведь те же литовские князья в борьбе против Тевтонского ордена подписали в 1219 году соглашение о мире с волынскими князьями, а в 1410 году, объединив свои войска с русскими дружинами, нанесли ему под Грюнвальдом сокрушительное поражение. И это не говоря уже о десятках тысяч литовцев, латвийцев, эстонцев, сражавшихся против фашизма в годы Второй мировой войны.

ЧТО СТОИТ ЗА ТРЕБОВАНИЕМ ПРИЗНАТЬ «ОККУПАЦИЮ»

Казалось бы, чего проще России признать факт «оккупации», если это пойдёт на пользу двусторонним отношениям со странами Балтии? Но здесь не всё так просто. Признание «оккупации» – дело далеко не безобидное, хотя нам и пытаются внушить обратное. Дело в том, что после окончания Второй мировой войны в международных правовых актах был принят вполне конкретный юридический термин «оккупация» и разработан статус оккупанта. Извинившись, Россия официально признает за собой статус оккупанта со всеми вытекающими последствиями в виде конкретных материальных претензий. И тогда оголтелые мечты балтийских политиков о многомиллиардных компенсациях превратятся во вполне конкретные судебные иски. Не на одну сотню миллиардов долларов.

Впрочем, такие финансовые претензии государства Балтии предъявляют России уже много лет. Стоимость «оккупации» Литвы, например, ещё в середине 1990-х объявил тогдашний глава парламента Витаутас Ландсбергис – 272 миллиарда долларов, которые он намеревался взыскать с Москвы. Сегодня руководитель Центра исследования сопротивления и геноцида Литвы Д. Куодите называет цифру 80 млрд долл. В Латвии «оккупация» оценивается и в 20, и в 46, и в 100 млрд долларов¹. Председатель 16 комиссии по международным делам тамошнего парламента Александр Кирштейнс заявил, что «сумма претензий к России колеблется в пределах от 60 до 100 млрд долларов». За оккупацию, депортацию и прочие гадости. Латыши собираются предъявить РФ и «политические, исторические, территориальные и имущественные претензии». Эстонцы подготовили счёт на 4 млрд долларов за нанесённый Советским Союзом экологический ущерб. А ещё хотели бы получить компенсацию в 75 тыс. долларов за каждого из 180 тысяч потерянных ею граждан. А это ещё 13,5 млрд, «зелёных».

И хотя ясно, что реальные суммы, если дело когда-нибудь дойдет до их обсуждения, будут на порядок меньше, сам факт неизбежного предъявления претензий едва ли стимулирует дискуссию о прошлом. Страны Балтии рассчитывают приравнять Советскую Россию к фашистской Германии, которая, в свою очередь, уже выплачивает компенсации жертвам нацизма. В решении вопроса о компенсациях Литва, Латвия и Эстония надеются на понимание и поддержку Евросоюза.

В сегодняшней ситуации политический диалог о трактовке истории имеет одно следствие: «признание грехов» почти неизбежно влечёт за собой иски о компенсации ущерба. Компенсации жертвам – Холокоста, принудительного труда, переселения, конфискаций – давно превратились в индустрию. В последние годы, после того, как к работе с истцами подключились ведущие американские адвокаты, платить пришлось всем – не только правительству Германии, но и крупнейшим немецким корпорациям, австрийским и словацким властям (в этих странах тоже применялся труд заключённых), швейцарским банкам, утаившим спящие счета жертв геноцида евреев... Кстати, выплачивать компенсации начала и Япония – немалые суммы получали, например, в 1990-е годы тайваньские и корейские женщины, принуждавшиеся во время войны к работе в борделях для японских солдат².

Конечно, у России есть шанс расплатиться со всеми придуманными «долгами». Пусть Германия расплатится за направление в Россию Ленина и всей команды большевиков и все последствия этой «операции», а Россия уже отщипнёт от этой суммы немного для Латвии и всех прочих «заинтересованных». Только даже объединенная могучая Германия такой репарации не выдержит... Но это в порядке шутки. Тем не менее, Латвия и другие страны Балтии шутить, похоже, не собираются. Летом 2000 г. литовский сейм официально выдвинул материальные претензии к России на 20 млрд долл., затем его примеров последовали парламенты Эстонии и Латвии. В Латвии уже много лет работает Комиссия по подсчёту убытков от оккупации, которая в конце 2005 г. представила свой первый доклад правительству Латвийской Республики, получивший его одобрение.

¹ Rambler Massmedia., 03.08.2005.

² Там же.

Чего стоит, например, пункт о том, что необходимо подсчитать ущерб, нанесённый латвийским вузам и техникумам в результате их политизации и научно-технического отставания! Отметим, что такой вуз, как Рижский краснотемный инженерный институт гражданской авиации (РКИИГА), в «страшные годы оккупации» имел статус одного из ведущих в мире! В годы же независимой Латвии ему действительно был нанесён непоправимый ущерб – вуз был, по существу, ликвидирован. Комиссия также ведёт подсчёты ущерба, нанесённого латвийским библиотекам, а также книгам и журналам (из-за деятельности цензоров).

Самым же абсурдным можно считать предложение Комиссии включить в смету ущерба потраченные средства на создание инфраструктуры для ввезённых из других республик СССР рабочих, то есть на строительство квартир, школ, дорог и коммуникаций. Разве нынешняя независимая Латвия этими объектами сегодня не пользуется? Власти с радостью «прихватизировали» объекты, построенные и оставленные «оккупантами», а квартиры советского времени сегодня вообще на вес золота! За 15 лет те же рижские власти построили муниципального жилья меньше, чем «оккупанты» за один год!

Вслед за прибалтами свои претензии к России как правопреемнице Советского Союза собираются предъявить и власти новой Украины. Группа депутатов Верховной рады предложила рассмотреть вопрос об официальном обращении к правительству Российской Федерации с просьбой признать Голодомор на Украине 1932–1933 гг. геноцидом украинского народа. В Обращении к народу Украины говорится, что Голодомор был сознательно организован сталинским режимом и стал нечеловеческим способом ликвидации миллионов украинцев. Тема Голодомора немедленно нашла отклик в странах Балтии, особенно в Эстонии, где тут же было подготовлено заявление о поддержке претензий Украины и признании Голодомора геноцидом коммунистического режима против украинцев.

Голодомор является не единственным пунктом, по которому Киев намерен выставить счёт Москве. В списке претензий значится и война большевиков против Украинской народной республики, коллективизация, уничтожение цвета украинской интеллигенции в 1937–1940 гг., физическое устранение лидеров украинских националистов, таких как Симон Петлюра, Евгений Коновалец, Степан Бандера. Кроме того, на Украине и в Прибалтике хотят, чтобы «оккупационная Россия» вернула их гражданам вклады, обесценившиеся в Сбербанке после 1991 г. Украина очень хочет получить более 12 млрд долларов, свыше 42 тонн золота (около 600 млн долларов), а ещё 37 зарубежных объектов общей стоимостью около 600 млн советских рублей, что в сопоставимых ценах тоже будет более 1 млрд долл.

На этом фоне Молдавия выглядит чуть ли не образцом исключительно морального подхода. Но за них это с успехом делают румыны. Не имея с нами общих границ, они хотят, чтобы постсоветская Россия вернула им королевский золотой запас, который правители Румынии самолично отвезли на сохранение семейству последнего российского императора.

Таким образом, наши «добрые» соседи разинули пасть более чем на 150 млрд долларов. Дополнительным аргументом в свою пользу они выставляют «восстановление исторической справедливости». Круче всех «восстанавливает справедливость» М. Саакашвили. Русские для него ничем не отличаются от римлян, персов и турок, которые завоевывали гордый кавказский народ каждый раз, когда им было нечем заняться. По его версии, это не грузины бежали в Россию с просьбой о защите, а мы их покорили. И тем самым лишили права быть вырезанными Османской империей. Погорячились. Теперь надо расплачиваться.

Не более содержательна и государственная история стран Балтии. Из трёх новых членов Евросоюза собственное государство в исторической ретроспективе было лишь у Литвы – Великое княжество Литовское. Что касается Латвии, то её нынешние территории, поделенные между шведами и поляками, вошли в состав России в XVII веке: сначала Видземе и Рига, а потом уж и всё остальное.

Что касается Молдавии, то и государственный статус, и даже название она получила лишь в 1940 году. А до того Бессарабия была сельской провинцией королевской Румынии. За исключением Украины, эти сельские окраины были самыми неразвитыми территориями в составе стран, в которые они входили. И основу их нынешнего благосостояния им дал именно «оккупировавший» их СССР. Как правило, в ущерб самой России.

Но для эстонских, латышских и литовских политиков вопрос о признании оккупации имеет и ещё один важный аспект. Речь идёт о статусе, правах и финансовом положении национальных меньшинств (в странах Балтии это русскоязычное население), на защите которых настаивает Евросоюз. После признания Россией факта «оккупации» подавляющее большинство русских, украинцев и белорусов, приехавших в Прибалтику в советский период, официально станут «оккупантами». А у оккупантов, в соответствии с международными правовыми нормами, не может быть никаких гражданских прав. А значит, всех русскоязычных можно будет делать людьми второго сорта на совершенно законных основаниях. И тут уж никто не придерётся. Или же будет организована массовая кампания по их депортации на историческую родину. Тогда задача прибалтийских националистов по созданию моноэтнических государств будет решена. Впрочем, опыт по насаждению расовой и национальной чистоты уже был в истории. В фашистской Германии. Закончился он самым ужасным кошмаром в истории человечества. Но некоторых, похоже, опять тянет в Третий Рейх¹.

«В течение первых лет работы на прибалтийском направлении российской внешней политики ваш почтенный слуга, – писал по этому поводу М. Демулин, – как и многие, пребывал в уверенности, что взятая на вооружение прибалтами концепция "оккупации" – это в первую очередь защитная реакция на донныне тяготеющий груз собственной истории. Не было сомнений в том, что одновременно она являлась и инструментом в усилиях по отделению от Советского Союза, привлечению поддержки Запада в становлении независимости. Со временем стало ясно: упомянутые факторы, безусловно, присутствуют, однако, не играют первостепенной роли. Главное, чему служит концепция "оккупации", – это оправдать дискриминацию нетитульного населения, лишить по-

¹ Московский комсомолец, 21.06.2005.

литических и социально-экономических прав значительную часть постоянных жителей Латвии и Эстонии, закрепить власть в этих странах за определёнными этнократическими группами».

С другой стороны, обоснование легитимности прибалтийской независимости правопреемственностью от государств периода 1919–1940 гг., считает Я. Бутаков, открывает перед Россией возможность для встречного предъявления претензий прибалтам. Государственная собственность стран СНГ возникла в результате раздела достояния Советского Союза. Но поскольку прибалты считают, что они не состояли в СССР, а были им «оккупированы», напрашивается вывод, что нынешняя собственность прибалтийских республик была нагло похищена ими у Советского Союза. Следовательно, Россия, как правопреемница СССР, имеет полное право требовать у прибалтов возмещения стоимости Игналинской АЭС, сооружений Вентспилского и Клайпедского портов, Таллиннской и Лиепайской военно-морских баз, рыболовецкого Балтийского флота и тысяч других объектов созданных трудом советских людей¹.

Кроме того в результате так называемой оккупации Литва, например, значительно расширила свою территорию за счёт земель Польши, Белоруссии и России, В конце апреля 2005 г. проект заявления «О заявлении сейма Литовской Республики» внёс на рассмотрение Госдумы депутат В. Алкснис, Он напомнил, что Договор о передаче Литовской Республике польского города Вильно (нынешняя столица Литвы город Вильнюс) и Виленской области был заключён 10 октября 1939 года на основании секретных протоколов к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года, признанных, как известно, недействительными. В этом Договоре говорилось и о взаимопомощи между Литвой и Советским Союзом. Таким образом, Литва незаконно получила польскую территорию общей площадью 6650 кв. км с населением 457,5 тыс. человек, из которых только 100 тыс. были литовцы, а остальные – поляки, белорусы, евреи, русские». Однако и это не всё. В августе 1940 года в ознаменование вхождения Литвы в состав Советского Союза Литовской ССР были переданы районы, входившие ранее в состав Белорусской ССР. Это населённые пункты, в нынешних литовских названиях которых легко угадывается белорусское происхождение: Друскининкай, Марцинконис, Рудня, Шальчининкай, Девянишкес, Швянченис, Адутишкес, Твярячюс, Даугялишкес.

Благодаря «советской оккупации» территория современной независимой Литвы увеличилась на ещё одну часть польских земель. 10 января 1941 года председатель Совета Народных Комиссаров В. Молотов и посол Германии в Советском Союзе граф фон-дер Шуленбург подписали секретный протокол, согласно которому правительство Советского Союза **выкупило** у правительства Германии часть территории Польши – район «Сувалкского выступа» за 7 500 000 золотых долларов. Эту территорию СССР также передал Литве (сейчас это Вылковысский район Литвы). Подвергаются сомнению и правовые основания передачи города Мемель (Клайпеда) из состава Кёнигсбергской области РСФСР в состав Литовской ССР в 1945 году. Получается, что, если Литва требует признать оккупацию со стороны СССР, она автоматически признаёт правомерность своих границ до этой «оккупации». Иначе все притязания Литвы напочь лишены логики, так как частью своей территории она владеет в нарушение международного права, – следует из проекта заявления российского депутата. В связи с этим он предлагает российским законодателям обратиться к Президенту Российской Федерации с просьбой внести в Госдуму проект федерального закона «О признании недействительным Договора о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 года». Литовскому сейму предлагается признать незаконными действия литовского руководства в 1939–1941 годах по включению указанных территорий в состав Литвы и принять меры к восстановлению исторической справедливости. Предлагается также обратиться с призывом к сейму и сенату Республики Польша, к Верховному Совету Республики Беларусь, а также к сейму Литовской Республики решить вопрос принадлежности вышеупомянутых территорий путём переговоров в рамках действующего международного права².

Литва более трети своей нынешней территории получила, таким образом, благодаря «оккупации». Объективности ради, надо признать, что Литва никогда не умела «держаться удар». Вся её история в межвоенный период свидетельствует об этом. В 1923 году, воспользовавшись тем, что после поражения Германии в Первой мировой войне восточно-пруссский город Мемель попал под управление Лиги наций, литовцы вооружённым путём захватили его, хотя уже тогда Германия официально предупредила Литву, что не признает аннексии своей территории. И действительно, как только Германия окрепла, то в марте 1939 г. она предъявила ультиматум Литве, и «маленькая, но гордая Литва» беспрекословно вернула то, что ей никогда по праву не принадлежало и официально на веки вечные отказалась от претензий на Мемель. А за год до этого, в марте 1938 г. аналогичный ультиматум Литве предъявила Польша, которой надоели бесконечные претензии Литвы на польский город Вильно и Виленский край. И «маленькая, но гордая Литва» тут же подняла руки вверх и устами своего президента Сметоны заявила об отказе от Вильно и Виленского края **на вечные времена**. А в июне 1940 г. Советский Союз, которому надоели бесконечные антисоветские выходки прибалтийских стран-лимитрофов, потребовал от них отправить в отставку свои правительства и провести новые выборы. И опять «маленькая, но гордая Литва», как и её прибалтийские соседи молча проглотила всё и даже организовали массовые манифестации населения в поддержку ввода войск Красной Армии. Ну, а маленькая, но гордая Финляндия, как известно, повела себя по-иному, и Советский Союз был вынужден относиться к ней по-другому.

¹ АПН, 10.05.05.

² Страна.ru, 28.04.05

Обобщая список претензий к России, В. Третьяков полагает, что группа международных субъектов готовит почву для суда, либо политического, либо даже юридического суда над Россией как государством. Некоторые даже говорят, что был Нюрнбергский процесс над фашизмом, а почему-то над коммунизмом не было аналогичного процесса. Американцы у себя в столице возвели памятник жертвам коммунизма, хотя от коммунизма мало кто погиб на территории самих Соединённых Штатов. Американцы не расходуют деньги просто так, и просто так памятники у себя не устанавливают. Речь не о коммунизме идёт, речь идёт о России. И нам пора переходить от невнятных литературных аллюзий (имеется в виду знаменитое путинское «от мёртвого осла уши») и обороны в контрнаступление.

Если другие вспоминают, что они потеряли реально или нереально от ликвидации Советского Союза и выставляют претензии к России, – считает В. Третьяков, – то и России не грех вспомнить, что она потеряла при ликвидации Советского Союза, она и ряд дружественных ей государств. Например, абхазы совершенно справедливо говорят, что они в Российской империю входили совершенно отдельно от Грузии и вообще их объединили только в советский период, и они этого объединения не признают. Следовательно, мы должны поддержать претензии Абхазии. Дальше, в советский период Россия потеряла свои исконные земли: Крым, Новороссию, Харьков и так далее.

А ряд стран в советский период приобрели то, что не имели раньше. От Польши к Литве перешли громадные территории, включая и столицу этого государства, Вильнюс. Нужно поддержать претензии Польши на эти земли. Но в первую очередь, России нужно вспомнить всё, что Россия потеряла за тот период, которые ей выставляют претензии какие-либо другие государства и юридически, и исторически подготовить соответствующие документы, которые могут превратить в случае чего в судебные иски.

Много говорят о том, что Россия оккупировала какие-то страны в советский период. И эту позицию морально и политически, по крайней мере, поддерживают Соединённые Штаты Америки, Призывают признать оккупацию Латвии, Литвы и Эстонии. Можно признать оккупацию Литвы, Латвии и Эстонии и можно даже рассуждать об удовлетворении каких-то исков в связи с этим. Но, как известно, в 1918 году и до 1920 года на территории Российской Республики, тогда она называлась советской преемницей Российской империи, вторглись вооружённые силы 14-ти иностранных государств, в том числе Великобритании, Франции, Японии, Соединённых Штатов Америки. Это была в чистом виде оккупация. То есть, это была в чистом виде агрессия, оккупация с соответствующими территориальными потерями на тот срок, людскими потерями, разорением имущества, в том числе частного имущества. За ту оккупацию никто не ответил, не было международного трибунала. Разве Россия не может выставить иски этим странам, по крайней мере, подготовить их?

Короче говоря, – заключает В. Третьяков, – шутки типа той, что произнёс Путин по поводу г-жи Вайры Вике-Фрейберге, которая не читала Ильфа и Петрова, никакого впечатления не произведут. Ничего не поняв, она скажет, что Президент России опять какую-то грубость сказал. А здесь нужны жёсткие претензии по сотрудничеству с фашистскими режимами, по уничтожению евреев, когда гитлеровские войска оккупировали эти территории. Списки тех, кто уничтожал евреев. Сколько там латышских фамилий, сколько там немецких фамилий? Очень много что можно достать. Только нужно заниматься этим, а не ждать когда будут чинить суд над тобой»¹.

Возможно, В. Третьяков прав. И России, в случае если ей станут слишком досаждают с претензиями, следует поступить именно так.

Кто у кого в долгу

Небезынтересно, что за годы «советской оккупации» в странах Балтии были построены не только заводы и фабрики, но и лучшие в СССР дороги, сотни мостов (за постсоветские годы в Риге, например, был построен лишь один небольшой мост-переправа через канал), десятки электростанций и других энергетических объектов, множество других сооружений базовой инфраструктуры.

По самым скромным подсчётам, только в Латвии после распада Советского Союза осталось свыше пяти сотен крупных промышленных предприятий, чуть ли не половина из которых устойчиво работала на экспорт. Как тот же «Дзинтарс», о духах которого мечтала каждая советская женщина! Латыши зачастую говорят, что их бывшая гордость завод ВЭФ существовал задолго до Советов. И это правда. Кустарная мастерская была основана ещё в XIX веке, и перед советизацией это уже было достаточно мощное предприятие с 4 тысячами работников. Но именно в составе СССР ВЭФ стал всемирно известным брэндом – заводом, который в современных ценах оценивался бы в 2,5 млрд долларов, на котором работали 20000 человек. Именно работали, потому что такого предприятия уже нет. Оборудование завода распродали уже к 1999 году, а вскоре после этого четыре производственных корпуса общей площадью 75000 кв. метров за полтора миллиона долларов купили итальянцы под торговый центр. Это одно из главных «достижений» новых властей независимой Латвии.

Латышская газета «Вести сегодня» пришла к парадоксальному выводу: если бы у власти оставались коммунисты и Советский Союз сохранился, то средняя зарплата жителей ЛССР составляла бы в конце 2005 – начале 2006 г. 380 рублей, т. е. около 600 долларов США! При этом сохранялась бы и вся социальная инфраструктура советского социализма – бесплатное здравоохранение и образование, государственное жильё и копейный транспорт и т. д. Такие планы были заложены в концепции социально-экономического развития Латвии в период до 2005 г. Госпланом СССР, разработанной ещё в 1988 году. Конечно, отдельные статьи этой концепции сегодня вызывают улыбку, но в целом, если бы концепция была реализована и СССР не почил бы в бозе, сегодня латышские крестьяне и рабочие жили бы на порядок лучше, чем в «эпоху развитой рыночной экономики», которая, как известно, напрочь отменила все элементы социального государства. Во всяком случае, концепция Госплана предусматривала бурное развитие инфраструктуры в сельской местности (дороги, магазины, больницы,

¹ Kreml.org, 25.05.2005.

амбулатории, сельскохозяйственные комплексы), а также автоматизацию промышленного производства с улучшением общих условий труда. Нынче в Латвии условия труда улучшать незачем, поскольку нет самого труда – промышленность так и не пришла в себя после «зачистки» начала 90-х гг.

Разумеется, история не имеет сослагательного наклонения, и размышлять о том, что могло бы произойти, не распалась СССР – занятие неблагодарное. Но такой анализ концепций советского времени необходим хотя бы для того, чтобы дать должную оценку действиям нынешнего поколения балтийских политиков, которые не смогли реализовать даже минимум от планируемого «оккупантами». Это нужно и для сегодняшней прибалтийской молодёжи, которой пытаются внушить ненависть к советскому периоду жизни, а значит, и к тем, кто жил в то время, кто работал в те годы, а сегодня остался без гражданства и прав. Если отбросить идеологические «нюансы», то и тогда власти думали о развитии Прибалтики, о том, чтобы люди жили там лучше, богаче, чтобы медицинская помощь была доступна всем жителям. Это желание «оккупантов» обеспечить всех бесплатной медпомощью сегодня кажется просто фантастикой¹.

Вообще, инвестиции в Прибалтику СССР начал осуществлять ещё до окончания войны, сразу после того, как фашисты были изгнаны с этих территорий. В результате за первые пять послевоенных лет количество курортов и санаториев на Рижском взморье выросло в 16 раз(!). Уже к 1947 году промышленность прибалтийских союзных республик превзошла довоенный уровень, тогда как остальная страна лежала в руинах. До установления советской власти средняя продолжительность жизни там не превышала 58 лет, а детская смертность в 1940 году была одной из самых высоких в Европе – 73 на 1000 живорождённых малышей. К началу 70-х годов люди стали жить в среднем до 70 лет, а дети умирали чуть ли не в пять раз реже.

В Грузию только до начала 70-х годов «оккупанты» вкачали свыше 14 млрд советских рублей, т. е. порядка 22 млрд долларов США. Даже чайная промышленность в этой закавказской республике появилась только после её вхождения в СССР: до того там было лишь пять чайных фабрик. Можно вспомнить и Закавказскую железную дорогу, построенную «оккупантами».

Аналогичной была ситуация и в Молдавии. К 1940 году промышленность Бессарабии насчитывала лишь 13 предприятий, на которых численность сотрудников достигала ста человек. Из них лишь на 9 были примитивные паровые двигатели, а остальные обходились исключительно ручным трудом. После войны в республике было построено несколько электростанций, система газопроводов, вино-водочные и прочие пищевые заводы, табачная фабрика... Сегодня же даже площади виноградников в Молдавии в лучшем случае составляют половину, по сравнению с советскими временами. «Из цветущего сада Советского Союза, как называли Молдавию в годы советской власти, мы стали бедной и самой коррумпированной страной на пространстве СНГ», – заявил не кто-нибудь из врагов нынешнего молдавского режима, а нынешний президент Молдавии Воронин.

До сих пор все наши соседи основные деньги зарабатывают на той же России. Знаменитый Вентспилсский порт на 80% загружен российским транзитом. Грузинская энергетика напрямую зависит от российских поставок газа и электроэнергии. Почти 85% импорта из России – продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё. Большая часть трудоспособного населения Грузии давно работает в России. По оценкам экспертов, грузинские гастарбайтеры ежегодно присылают из России своим семьям более 1 млрд долларов. Да и грузинский экспорт, как показали российские санкции в отношении грузинских товаров, введённые осенью 2006 г., тоже весьма уязвим. Молдавский экспорт тоже никому не нужен, кроме России. До недавнего времени мы покупали 65% производимого там вина. Понятие «молдаванин» давно стало в России синонимом слов «строитель», «монтажник», «слесарь-ремонтник». Украина – один из основных наших торговых партнёров в СНГ. В 2004 году Путин принял решение, по которому наши нефтяники должны платить теперь НДС украинскому государству. Суммарные потери российского бюджета от этой «акции дружеской любви» оцениваются экспертами в диапазоне от 800 млн до 1 млрд долларов в год. Украина также снабжает Россию большим количеством гастарбайтеров.

Прибалтика – отдельная строка. Оттуда население к нам на заработки не рвётся. Но вот приграничная торговля (в основном прибалты едут в Россию за дешевыми товарами) – одна из основных статей дохода значительной части населения. К тому же не менее 30% дохода этих стран обеспечиваются за счёт транзита российских товаров.

Как же нам поступить с нашими друзьями? Пример здесь, как полагают некоторые эксперты, можно и нужно брать с Соединённых Штатов Америки. Они не вводят для своих саттелитов льготные режимы, а торгуют с ними по мировым ценам. А вот недругов всячески дискриминируют санкциями. И экономическими, и политическими. И отказом в выдаче виз, и поправкой Джексона-Веника. Почему мы стесняемся идти по этому пути? Не пора ли и нам от гуманизма переходить к прагматизму? А для этого для начала предпринять следующие меры.

1. Перевести все внешнеторговые операции с этими странами и компаниями из данных государств, за исключением принадлежащих гражданам России, на мировые цены.

2. Разработать возможность введения ограничений во внешней торговле. И не стесняться вводить ограничения на импорт товаров и услуг из этих стран в Россию.

¹ Вести Сегодня, 01.02.2006.

3. Ужесточить приграничную торговлю. При желании можно найти ещё много форм экономических санкций. Но скорее всего больше ничего и не потребуется. Ведь сейчас, торгуя с этими задворками Европы по льготным ценам, мы фактически субсидируем недружественные режимы¹.

ДВЕ ОККУПАЦИИ

В отличие от надуманной советской «оккупации» германская оккупация стран Балтии была настоящей оккупацией, точно соответствующей своему юридическому определению, оккупация, как говорится, «без дураков». Немцы с прибалтами не миндальничали. Правительство, созданное в Вильнюсе летом 1941 г. местными коллаборационистами, гитлеровцы разогнали через месяц. Название страны «Литва» они просто упразднили, а всю Прибалтику стали именовать кратко – «Остланд» – Восточный край. Ускоряя германизацию, фашисты закрыли Литовскую Академию наук (зачем «низшему народу» наука?), все учебные заведения (зачем рабам учиться?), театры, библиотеки (зачем варварам книги?). Государственным языком стал немецкий. Свыше 150 тыс. латышей затем сражались в легионах СС за Великую Германию, а вовсе не за свои «национальные интересы». «Литовский народ должен исчезнуть как капля воды на раскаленном камне! Наша задача – онемечить Восток» – таков был официальный лозунг политики Германии в Литве. Что же касается Эстонии и Латвии, то немцы обращались с ними так же, как и тевтоны со своими орденовыми землями (каковыми они и были!). Германская оккупация – реальная, а не высосанная из пальца, – ставила, таким образом, под вопрос само существование народов Балтии как самостоятельных этносов. Избавление от этой угрозы, между прочим, и отмечается 9 мая. Именно это и имел в виду Минобороны С. Иванов, который заявил в интервью «Российской газете» в апреле 2005 г.: «И когда рассуждают сейчас, оккупировали мы кого-то или нет, хочется спросить их: а что было бы с вами, не сломай мы хребет фашизму, остался бы ваш народ среди живущих ныне?»².

Всё это, однако, не убеждает прибалтов, некоторые из которых договорились до того, что годы немецкой оккупации были более мягкими, чем советской³. Эстонский писатель, кандидат в лауреаты Нобелевской премии Я. Кросс говорит: «В относительно ограниченный период времени – чуть больше трех лет – немцы, если можно так сказать, достигли более "впечатляющего" результата в уничтожении, Советы убивали меньше, но они отправляли в Гулаг, где принудительные работы и истощение должны были убить. Но здесь оставалось место случаю, был небольшой просвет, оставался шанс на спасение. Можно было избегать смерти. Но в целом, это было почти одно и то же»⁴.

Как оценивают перспективу победы фашистов во Второй мировой войне литовские интеллектуалы можно узнать из публикации «Если бы нацисты остались» в аналитическом еженедельнике «Атгиминас». Констатируя, что «литовцы плохо знают и понимают, что их ждало бы, если бы немцы победили во Второй мировой войне», редакция решила проинтервьюировать специалиста по периоду нацистской оккупации Литвы Линаса Яшинаускаса. Уже в первом вопросе редакция выдает наличие у литовцев некоторой сентиментальности по отношению к Гитлеру и его режиму: «Дискуссии – ехать или не ехать в Москву праздновать День Победы – обнаружили, что наши знания о нацистской оккупации в лучшем случае ограничиваются Холокостом. Даже имеется склонность думать, что немецкая оккупация для литовцев была более благоприятной, чем советская». То есть 50 лет при Гитлере были бы раем по сравнению с 50 годами советской власти! И эта точка зрения является частью общественного мнения в Литве: мнения, которое как бы мстит за репрессии полувековой давности, преподнося СССР в качестве большего зла, чем нацизм. При этом теряется чувство реальности и фактов. Правда, редакция стремится себя обезопасить: «Правильна ли такая оценка, или мы просто имеем слишком мало информации?».

Как же ответ историка Л. Яшинаускаса? «Парадоксальное положение – во время немецкой оккупации не было массового уничтожения интеллигенции, которое было в Польше или в других оккупированных странах. И которое осуществляли Советы. Физически были уничтожены евреи, но не литовцы. Только несколько десятков интеллигентов было вывезено на работы в Германию». В следующем абзаце рисуется картина довольно сносного процветания литовцев при нацистах: «В отличие от других территорий, нацисты в Литве не принимали строгих решений, не закрывали высших и средних школ, хотя в других местах запрещались даже начальные». Тогда в стране, оказывается, происходило ни много ни мало «пестование культуры». «Хотя учреждения культуры и образования нацистами перегонялись с места на место, однако как-то находились и деньги, и места, где они могли обосноваться – это делалось именно благодаря усилиям институтов самоуправления и общественности. Феноменально – сеть школ в таких условиях даже развивалась, увеличилось количество начальных и средних школ». Кроме того, издавались, оказывается, литовские классики – «были изданы стихотворения Майрониса, готовились фундаментальные работы, такие, как словарь литовского языка».

По данным редакции еженедельника, один из литовских писателей еврейского происхождения М. Зингерис заявил, что если бы нацисты остались в Литве, то литовцы не дождалась бы конца XX века. Такое мнение писателя, по словам редакции, «вызвало немало укоров». Протестующие против такого мнения были уверены, что спустя полстолетия под властью Гитлера Литва была бы на совсем другом интеллектуальном и культурном уровне, чем после полувека советской власти.

Отвечая на вопрос редакции, историк Л. Яшинаускас заявляет: «Польские историки устанавливают градацию в восточной политике нацистов, в одном месте она была более либеральной, в другом – более смелой». Обратим внимание, как деликатно литовский историк сжигание миллионов людей в печах

¹ Московский Комсомолец, 01.06.05.

² Strana.ru, 04.05.05.

³ Frankfurter Rundschau, 3.05.05.

⁴ L'Express, 3.05.05.

называет «более смелой политикой». Это очень характерно, что у него не находится слов покрепче – «жестокая», «бесчеловечная», «варварская» политика. Все эти словесные оговорки лучше другого вскрывают царящее в Прибалтике снисходительное отношение к Гитлеру и нацизму. И вот, по словам автора, «согласно такой градации, Литва принадлежала к более либеральной политике». Повезло Литве! Правда, далее историк отдаёт должное исторической правде и скороговоркой, как о чем-то несущественном, говорит о послевоенных планах нацистов «выселить литовцев с теперешней территории», но почему-то тут же забывает сравнить такое положение с «советской оккупацией», которая, как известно, не лишила литовскую нацию её территории. Не потому ли не сравнивает, что пришлось бы хоть раз показать преимущество «советской оккупации», а это в современной Литве делать не принято.

В конце концов, отдадим должное историку, он не пытается изображать Гитлера ангелом. Плохой был Гитлер и его режим, всё-таки ограничивал развитие литовской культуры, насаждал превосходство немецкой культуры, вводил цензуру, поддерживал в литовском образовании то, что можно было в будущем использовать на войну. И всё же разве можно гитлеровскую Германию сравнивать с СССР? Конечно же, нельзя. Например, «сравнивая политику нацистов и второй советской оккупации по отношению к культуре, мы ясно видим, что и одна, и другая была направлена на уничтожение национального самосознания». Но если вы думаете, что литовский историк остановится на том, чтобы сравнить нацистский режим и СССР, и не отдаст предпочтение первому, то вы очень ошибаетесь. Хотя обе силы хотели уничтожить национальное самосознание, однако, оказывается, делали они это «по разному». «В советское время делались усилия все детально регламентировать, особенно внедряя идеологические установки. В то же время во время нацистской оккупации, пока немцы не испытали больших потрясений на Восточном фронте, например, школы имели определенную свободу». И опять нацисты лучше! При нацистах была свобода! Правда, всё двигалось «в сторону разорения», «однако строгого идеологического присмотра на самом деле не было». Ну, молодцы нацисты! Не то, что «советские оккупанты», которые не дали литовским школам свободы и ввели «идеологический присмотр»!

Чтобы лучше понять такую странную любовь части литовцев к гитлеровским временам, нужно окунуться в историю литовского сопротивления фашизму. Об этом и говорит Л. Яшинаускас, честно называя вещи своими именами. На вопрос, не из-за этих ли «уступок» со стороны гитлеровского режима «литовцы не сопротивлялись нацистской оккупации так, как это делали по отношению к советской?», историк отвечает: «Литва попала в достаточно сложную ситуацию. В самом деле, говорить, что существовало сопротивление нацистам, нельзя, однако советские войска тоже не были ожидаемы». Далее Л. Яшинаускас приводит слова историка Л. Труска о том, что «литовцы имели двух врагов. В то время «Советы были врагом номер один, а нацисты – номер два». «Старались не сопротивляться, потому что если мы будем сопротивляться нацистам, то это как бы облегчит приход советских войск. Достаточно сложное положение, в виду которого было избрано невооруженное сопротивление. И это невооруженное сопротивление развилось в пестование культуры»¹. Вот, оказывается, какую страшную войну с Гитлером вели литовцы после того, как он оккупировал Литву. Должны ли мы сегодня удивляться тому, что для нас, русских, славян, чья земля горела огнём и тонула в слезах, и где народ не «культуру пестовал» под сенью нацистов, а поднялся на священную войну, потому что нас уничтожали на корню, День Победы над фашизмом, не совсем то, чем он является для Литвы?

С другой стороны, сказать, что эти взгляды отражают взгляды всех литовцев, неверно. Правильнее было бы сказать, что это взгляды меньшинства, формируемого пострадавшими от сталинских репрессий, и части литовской элиты, представляющей воззрения этого меньшинства и контролирующей на сегодня идеологическую обстановку в стране. Большинство простых литовцев высказывалось за поездку своего президента в Москву. Очевидно, они прекрасно понимают, что оставшаяся под нацистской оккупацией Литва, это был бы кошмар, и даже говорить о каких-либо «преимуществах» гитлеровского режима – кощунство и потеря моральных критериев.

Историк В. Ольжич предлагает сравнивать жизнь стран Балтии за 50 лет в СССР с возможными 50 годами жизни в фашистской Германии. По его мнению, даже думать о том, какой была бы Литва после 50 лет правления не Сталина – Хрущева – Брежнева – Горбачева, а Гитлера и его последователей-нацистов, страшно. Достаточно почитать, каковы были планы Гитлера в отношении Прибалтики, чтобы на этот счёт не возникло сомнений. Большинство литовцев (а не несколько процентов, как приписывается сталинскому режиму) было бы в очень скором времени уничтожено физически, а остальные работали бы, в лучшем случае, посудомойками и чистильщиками туалетов у арийских господ с голубой кровью. Можем мы представить такие явления, как поэт Марцинкявичюс, в фашистской Германии? А, может, там расцвели бы Банионис и Адомайтис? Гитлер что – допустил бы существование и расцвет литовской культуры? Почитаем бред Гитлера и его идеологов, и мы поймём, что после истребления большинства нечистокровного населения этот маньяк, этот враг культуры, собиравший оставить небольшой контингент работающих на арийцев самых настоящих, лишённых культурной ориентации, а, значит, и личности, полуживотных-рабов, «рабочей силы». Вот какое будущее светило литовской нации. Но те в Литве, кто сегодня спешит назвать погибшего под Вильнюсом в бою с фашистами советского воина «оккупантом», не говорят о таких вещах: так что это, как не замалчивание правды в угоду определённой, имеющей очень мало общего с реальностью, концепции?

¹ Regnum.ru, 20.04.05.

Теперь, представив 50 лет жизни под Гитлером, – посмотрим на «ужасы» 50-летнего советского правления. Культура, язык, национальный характер – всё сохранено. Уровень жизни и образования прибалтов в СССР – на порядок выше, чем по Союзу. Имидж литовца, латыша, эстонца – таков, что все другие смотрели на них снизу вверх. Люди, пусть и в пределах им предложенной идеологии (кстати, не расисткой, не ужасной, а гуманистической, с превалирующей и пропагандируемой идеей «дружбы народов»), жили – и жили, особенно в последние тридцать лет существования СССР, вполне нормальной человеческой жизнью: воспитывали детей, ездили по огромному Союзу, пели под гитару песни... Дружили республиками... Творческая интеллигенция – духовно и материально процветала (кто хотел – тот камуфлировал то, что нельзя было писать открыто, эзоповым языком, или «писал в стол»). А литовские супердороги, сохранённая природа, которая делает сегодня Литву оазисом в ЕС? А все эти Игналинские АЭС, нефтеперерабатывающие гиганты и стратегические аэродромы, доставшиеся в наследство? Да, независимость... Литве не дали стать независимой, как Финляндии... Но, во-первых, Финляндия воевала с СССР за свою независимость много лет, а Литва открыла ворота. А, во-вторых, не будем всё-таки путать сюжетов. *Мы сегодня говорим об альтернативе СССР – Третьем Рейхе, – а не о том, как хорошо было бы Литве, если бы она не вошла накануне Второй мировой в СССР.* И нужно в разговоре с Литвой (как и с Прибалтикой в целом) просить её не смешивать эти вопросы.

Когда сегодня в Прибалтике пытаются говорить о «нечеловеческом» режиме в СССР и при этом смеют его сравнивать с гитлеровским, то люди просто не имеют совести. Для характеристики 50 лет существования в СССР полностью игнорируют пусть не во всех, но во многих аспектах образцовые последние 30 лет, а вытаскивают на самом деле жестокие факты давней истории, когда были на самом деле небольшие (сравним с гитлеровскими) массовые репрессии, жертвами которых стала небольшая часть населения республики: репрессии, направленные чаще всего против тех, кто не хотел вхождения Литвы в СССР (многие – и это засвидетельствовано документами – желали). Большинство репрессированных, кстати, не в газовых печах сожгли, а просто вывезли для жительства в Сибирь (да, ужасно! – но в сравнении с освенцимами «гуманно», «меньшее зло»). Меньшинство, и это тоже правда, было убито или их арестовали, к ним, вполне вероятно, были применены пытки и т. п. (то есть то, о чём мы читали из книг узников застенков). Так кто же это отрицает? Просто надо говорить обо всей правде, касающейся режима и его истории, о его как минусах, так и плюсах, а не только о самых жестоких его эпизодах. Если вы хотите правды – так говорите всю правду, а не избирательную.

Ложь современной идеологической схемы, заключает В. Ольжич, определяющей умы многих представителей прибалтийской элиты, таким образом, состоит в сознательном замалчивании одних сторон истории и выпячивании других. Эту ложь Россия должна последовательно разоблачать, исходя при этом не из чувства обиды или уязвлённости, что никогда не будет аргументом для другой стороны (скорее, наоборот – свидетельством слабости), а к фактам, и взывая признать правду. Этим самым она создаст благородный имидж борца за правду факта и поставит серьёзную преграду на пути навязывания ей образа коварного и хитрого врага¹.

ЧТО СТОИТ ЗА БАЛТИЙСКИМИ КОМПЛЕКСАМИ

По мнению ряда российских историков и публицистов, за всеми антирусскими мифами в новых независимых государствах стоят комплексы государственной и национальной неполноценности.

Как, например, отмечает С. Черняховский, «Если Саакашвили атмосфера скандалов с Россией нужна как средство поддержания внутреннего реноме "борца с империализмом", прибалтийские элиты лечат этими скандалами свои комплексы. Сколько бы они ни кричали о "российской оккупации", они никогда не смогут забыть, что на деле вошли в состав СССР вполне добровольно. Что власть в их республиках в советский период осуществлялась не "мифическими "оккупантами", а местными политическими элитами. Что никто из представителей нынешних элит Прибалтики не вел никакую "освободительную борьбу", а смелыми они стали только тогда, когда часть политических кланов СССР стала активно поощрять эту смелость в борьбе против конкурирующих с ними властных кланов. Скандалы нужны как самоцель, вне зависимости от повода этого скандала. Скандалы нужны как для лечения своих комплексов, так и для зарабатывания мелкого политического капитала в глазах геополитических конкурентов России. Если вдруг российское руководство сойдет с ума и решит удовлетворить эти притязания – на их место придут другие»².

Анализ исторических событий и протоколов, архивов, документов позволяет сделать абсолютный вывод о несостоятельности тезиса о некоей абстрактной независимости прибалтийских республик. Территории и население этих образований на протяжении веков были между молотом и наковальней в спорах между сильными государствами и использовались в качестве разменной монеты на международных переговорах. То крестоносцы против поляков, то поляки против шведов, то шведы против русских – кто бы против кого ни сражался, всегда результатом столкновений становился очередной переход Прибалтики под власть нового хозяина. И никогда сильные страны, диктующие свою волю в мировой политике, не считались с интересами непосредственно прибалтийскими. Исключение составляет, правда, пребывание этого региона в составе Российской империи и СССР, когда был дан стимул к развитию экономики и культуры прибалтийских народов. События первой половины XX века также не оставляют сомнений на этот счёт. Прибалтика вошла в СССР в результате пакта Молотова-Риббентропа, заключённого без учёта мнения самих прибалтов. Кто-то из них в результате этого события пострадал, кто-то очень даже выиграл, большинство ничего не приобрело и ничего не потеряло. Это совершенно обычные последствия подобных исторических поворотов. Всегда так бывало. И рассматривать то событие односторонне и исключительно в негативе попросту глупо. Но главная странность в том, что прибалтийские политики в результате тех событий ничему не научились. Вот ныне они все надежды возлагают на ЕС, на НАТО, на США...

¹ Regnum.ru, 7.04.05.

² АПН, 26.06.2005.

Ну и что? Если бы они так интересовали Запад, то почему же Англия и Франция не вмешались в советско-германский раздел Прибалтики? Почему никто не вступился? А потому, что выгоды никакой это не сулило ни Англии, ни Франции, ни США. По той же причине эти страны «сдали» Чехословакию в Мюнхене, позже несчастную Польшу отдали на растерзание Гитлеру. Затем пришла очередь и Франции. Поэтому патриотам НАТО и ЕС не стоило бы возлагать на западную интеграцию таких надежд. Если к тому же НАТО потребуются договариваться о чём-либо с сильным противником, никому не будет никакого дела до Прибалтики. Пожертвуют опять ради чего-то более важного, как уже бывало раньше. Можно на всех углах с восторгом провозглашать объединение с Западом как вековое стремление Прибалтики. Это ничего не значит. Удел этого региона – всегда быть разменной монетой в международной политике.

Как замечает Я. Бутаков: «Коль скоро Буш называет американское вторжение на европейский континент в 1944 году «освобождением», а советские действия – «оккупацией» и «насаждением коммунизма», то резонно указать ему, что политика США в послевоенной Европе являлась «насаждением капитализма». Более того, ответственность Запада за содействие Сталину в «насаждении коммунизма» должна нами всячески подчёркиваться. Ведь это Рузвельт и Черчилль на Тегеранской конференции отвергли предложение Сталина заключить с Германией перемирие, подобное Компьенскому миру 1918 года, и не доводить дело до безоговорочной капитуляции. Согласись они тогда с «дядей Джо» – и советские войска не пошли бы дальше границы СССР и Великобритания, в интересах общей победы над Германией, вынудили СССР оккупировать половину Европы»¹.

Показателен диалог, состоявшийся во время Тегеранской конференции между Сталиным и Рузвельтом.

Рузвельт. *«Когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита».*

Сталин. *«Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю... Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля».*

Рузвельт. *«Конечно, нет». Так что, если приносить прибалтам «извинения» за «оккупацию», то эту «честь» вместе с Россией обязан разделить президент США, легитимизовавший в своё время эту «оккупацию» своим авторитетом сверхдержавы.*

Подоплеку балтийских комплексов верно ухватил эстонский политолог Д. Кленский: «В экстазе (от того, как выгодно отдаться Западу) наша элита закрывает глаза на опасность уже очевидных тоталитарных, пронацистских тенденций в деятельности нашего государства. Нас приучили привыкать к ним. Причин для неонацизма предостаточно. Как в Германии 20–30-х годов прошлого века, Эстония испытывает комплексы неполноценности молодого, ещё незрелого государства, оказавшегося в семье западных народов, отчего его становление сопровождается национальной кичливостью и спесью, национализмом (у нас это выражается в моноэтнизме/руссофобии, в Германии – исключительности арийской расы/антисемитизме). Продолжающаяся отсталость от цивилизованной Европы у нас компенсируют поиском оправдания своей отсталости. Отсюда – реваншизм (пересмотр оценок и итогов Второй мировой войны, у Гитлера – месть за поражение в Первой мировой войне). Поскольку Западу выгодны политические выкрутасы эстонской внешней политики и не только в отношении России, то закрываются глаза на двойные и даже тройные стандарты, когда реально страна и общество живут не столько по законам, сколько по понятиям. Так же было до Второй мировой войны, когда Запад решил умиротворить Гитлера и удовлетворить аппетиты Рейха в восточном направлении. В итоге тогда в Германии стали думать, как реализовать мечты о Великой Германии и мировом господстве. А в Эстонии увлеклись гигантоманией (наши небоскребы – отражение этого), у нас считают, что наша страна, «такая маленькая, но развалившая СССР», действует чуть ли не на равных со своим покровителем – США, участвует в глобальных миссиях по всему миру, пусть даже в качестве спутника тех, кто сегодня снова претендует на мировое господство»².

Латыши, эстонцы и литовцы считают себя, в первую очередь, жертвами русских. В то же время немцы были повинны в геноциде по отношению к другому народу, евреям. На этой почве в сознании прибалтов возникла обманчивая видимость некой «симметрии» между двумя большими преступлениями: одним, совершённым русскими в отношении трёх прибалтийских соседей, и другим, совершённым немцами по отношению к евреям. О собственной роли в качестве добровольных помощников нацистов и во многих случаях – палачей – в Прибалтике предпочитают не вспоминать.

Литва требует покаяния от России. Но покаялась ли она сама, на официальном уровне, за свои злодеяния, за пролитую кровь евреев Вильнюса и других городов как Литвы, так и близлежащих стран? Каждый должен покаяться, прежде всего, за свои собственные злодеяния прежде, чем иметь моральное право требовать покаяния у других. Если и был момент мщения «советам» за сталинские депортации в решении литовцев стать сатрапами бесноватого фюрера, то о нём нужно говорить как о моменте, не извращая общую картину, делая вид, что пособники нацистов боролись за «независимость» Литвы. Бороться за независимость страны, расстреливая еврейских детей, – это чудовищная логика.

¹ АПН, 06.05.05.

² Delfi, 18.09.2006.

Оборотной стороной русофобии в странах Балтии является любовь к Америке, граничащая с угодничеством и откровенным холуйством. Пресмыкаясь перед американцами и одновременно называя себя «цивилизованными европейцами», прибалты, вопреки всем нормам европейского и мирового права, дискриминируют русских по этническому принципу.

* * *

Россия на протяжении своей истории спасла от физического уничтожения несколько народов. Ещё большому числу народов она помогла подняться и развиться. Все эти народы теперь Россию ненавидят особенно сильно. Ненавидят именно за то, что ей они чем-то обязаны. Отсюда и вывод. Чем больше кто-нибудь получил от России, тем больше он будет её ненавидеть. Потому что «они запачкались», «в их истории был постыдный эпизод – Россия их спасла».

Однако и многим европейским странам в этом контексте следует обратить внимание уже на современные политические процессы, которые не могут не вызывать серьёзную тревогу. Вследствие **«балтизации ЕС»** (термин К. Косачева) изменились суть и дух этого образования, и сегодня Россия имеет дело с совершенно другим соседом по сравнению с тем, чем был ЕС несколько лет назад, когда было намечено строительство «четырёх общих пространств» ЕС и России. Фактически после процесса балтизации Евросоюз стал агрессивным суперэтническим образованием, ведущую роль в котором играют постсоветские реваншистские страны, поддерживаемые США и наиболее праволиберальными странами Западной Европы. Целью такого обновления Евросоюза было создание в Восточной Европе центров осуществления гегемонии США и распространение политических и мировоззренческих стандартов однополярного мира на окружающие эти центры территории; как на Восток – СНГ, так и на Запад – на страны Старой Европы, противостоящие доминированию США. «Новые европейцы» из Балтии стали лидерами по расовой нетерпимости, проявив самое негативное отношение к мультикультурности.

«Новые члены Европейского Союза – поляки, прибалты, чехи, венгры – хотят отыграться, желают исторической справедливости, – отмечает в этой связи директор по программам России в германском Совете внешней политики Александр Рар. – Там живет поколение детей тех людей, которые были уничтожены в сталинских лагерях. Они считают себя оккупированными странами и ищут справедливости. Сейчас они тоже стали архитекторами нового мирового порядка, который должен закрепить роль России как страны, которая проиграла холодную мировую войну»¹. Употребляемое политкорректным европейцем А. Раром слово «справедливость», впрочем, уже не абстрактное понятие, так как в ходе ряда политических событий приобрело и материальную и идеологическую конкретику исторического антироссийского реванша, ведущего к изъятию России как суверенного государства из мирового сообщества.

Если продолжать эту логику, то Германия и Франция уже не являются «ведущими» государствами Европы. В связи с усилением проамериканского и правого влияния на политику в ЕС роль Германии и Франции в Евросоюзе сегодня – скорее роль стран-изгоев. И сегодня Париж, Берлин и Мадрид вынуждены считаться с новыми, антироссийски настроенными членами Евросоюза якобы во благо его единства. Видимо, как Россия, согласно доктрине З. Бжезинского, должна быть «задвинута в угол Евразии», так согласно доктрине Буша, Францию и Германию ждёт участь быть задвинутыми в другой угол Евразийского континента, на задворки национал-демократической Восточноевропейской империи.

Вот почему Старая Европа не имеет права сдавать свои моральные и идеологические позиции, предавать ценности европейского исторического проекта. В этом случае она погрузится в пучину нравственного релятивизма и, в конечном счёте, потеряет всякое моральное право оставаться лидером этого проекта. И если она согласится с тем, что у европейцев есть много историй, прошлого и правд, и все они имеют равное право на существование, – европейский проект потерпит сокрушительное поражение. От этого пострадает и Россия, ибо она является составной частью этого проекта.

Правда на самом деле одна, и если встать на точку зрения, что все правы по-своему, недолго потерять морально-нравственные ориентиры вообще и погрузиться в европейский Постмодерн, не различающий Добро и зло, что, в свою очередь, будет означать начало конца европейской цивилизации, основанной на ценностях христианства и идеалах Просвещения.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 1)

¹ Kreml.org/ 11.07.2006.

Ю.А. Квицинский

РОМАН С ГЕРМАНИЕЙ: ЗАВЫШЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Россия вот уже 15 лет имеет дело с объединённой Германией. За это время там правили и чёрные, и розово-зелёные, причём особой разницы в том для России не было. Германия сохраняет союз с англосаксонскими державами, в котором по-прежнему играет подчинённую роль, и союз с Францией, где изображает из себя скромного ведомого, хотя на самом деле является ведущим. Как-то настоящих «особых» отношений у неё с Россией нет, вопреки всем делавшимся в канун воссоединения заверениям о вечно благодарном немецком народе и наступлении новой эпохи в германо-российском сотрудничестве. Феномен этот достаточно известный.

После первого объединения Германии в 1871 году кайзер тоже писал русскому императору, что память о позиции России в отношении Германии будет определять его политику в отношении России, «что бы ни случилось», чтобы через пару лет, как ни в чём не бывало, разъяснить легковой Москве, что «немецкая признательность не может заходить так далеко, чтобы навсегда подчинять германскую политику политике российской».

Благодарность, которая не длилась слишком долго

Во время рассмотрения Верховным Советом СССР в марте 1991 года договоров об «Окончательном урегулировании в отношении Германии», о «добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве», о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники и т. д. кто-то из депутатов задал вопрос, насколько жизнеспособными будут эти договоры, не уйдёт ли Германия от выполнения принятых ею обязательств. Помню, я ответил тогда, что всякий договор является описанием соотношения сил сторон на момент его заключения. Этот пакет германских урегулирований, однако, обещает быть прочным, поскольку немцы принимают все обязательства по своей доброй воле. Это не Версаль и не Потсдам. Так что, весь вопрос в том, сохранит ли Советский Союз свою силу, останется ли он для немцев уважаемым партнёром. Если кто-то решит развалить СССР (а подобные разговоры слышались уже тогда) то никакие договоры с Германией нам не помогут. Германия будет действовать по обстоятельствам. Но тогда сама мысль о развале СССР большинству собравшихся представлялась нелепицей. Кто же мог представить себе такое! Пакет германских урегулирований 4 марта был ратифицирован подавляющим большинством голосов.

Однако Советский Союз был разрушен. Ельцин, Кравчук, Шушкевич с торжеством безумцев оповестили мир, что СССР прекратил своё существование как субъект международного права, а его территория и богатства будут поделены между первыми секретарями республиканских КПСС, часть из которых успела переименоваться в президентов, и станут они править союзными республи-

ками, как своими удельными княжествами или вотчинами. Если в головах немецких политиков до Беловежской пущи Советский союз и рисовался как потенциальный партнёр в крупной политической игре за возрождение былой роли Германии в Европе и мире, то после неё он мог представляться только как объект освоения и использования в своих интересах.

Коли Россия сама над собой учинила второй Брест–Литовск или Версаль, то и относиться к ней теперь немцы могли только соответственно. Правда, раз вернуться им в полной мере мешали США и прочие их союзники, претендовавшие на львиную долю при разделе «советского пирога». Но в разделе его и немцы поспешили принять самое активное участие, стараясь ухватить всё, что могли, и в Прибалтике, и на Украине, и на Кавказе, и в Средней Азии. При этом использовалась в качестве алиби то вывеска НАТО, то вывеска ЕС. Мы-то сами по себе очень хорошие немцы и Россию любим, приговаривали они, но как члены указанных союзов не можем не участвовать в их коллективных действиях по расширению сфер влияния и владений на Востоке. Так что не обессудьте.

Скрепя сердце руководство ФРГ устроило лицемерное шоу с проводами досрочно выводимых из ГДР советских войск при участии в стельку пьяного российского президента. Там что-то ещё говорилось о немецкой благодарности и партнёрстве с Россией. Через пару дней в Западном Берлине тот же канцлер устроил второй, уже настоящий праздник по поводу ухода союзнических войск. Там провозглашалась победа ФРГ и трёх держав над общим врагом – Советским Союзом в «холодной войне». Двоедушие германского руководства заставило в те дни смущенно кривиться многих честных немцев, прекрасно понимавших, что получившей своё единство из рук Советского Союза Германии не пристало плевать вслед своим благодетелям. Не понимала или не желала понимать происходившего, пожалуй, только российская «демшиза», полагавшая, что плевки летят в лицо не России, а ненавистным «коммунякам» и Советскому Союзу, а дружба их – российских демократов – с Германией отныне расцветёт самым пышным цветом. Однако разочарования не заставили себя долго ждать.

Объединённая Германия не любит вспоминать о договорах, приведших к её единству. Она явно хотела бы вести себя так, будто никаких условий и оговорок, связанных с её существованием в нынешнем виде, не было и нет. Нет ни обязательства, что с её территории должен впредь исходить только мир, нет ограничений на размеры армии, нет запрета на оружие массового уничтожения, одним словом, нет ничего такого, что было бы запрещено Германии в сравнении с другими государствами. Каких-либо упоминаний об этих обязательствах вы не найдёте ни в речах германских политиков, ни в творчестве политологов, историков, общественных деятелей. Молчание это достаточно многозначительно. Зато есть рассуждения о том, что Германия не может быть связана обязательствами по договорам с «исчезнувшим государством» – СССР.

Германия начисто забыла и о тех положениях, которые легли в основу «Большого договора». Никаких консультаций с Россией по поводу многочисленных международных кризисов, случившихся после 1991 года, она не вела и совместных шагов по их преодолению с Москвой не вырабатывала. Агрессивным действиям третьих государств, например бомбардировкам Югославии, не только не препятствовала, но и активно их поддерживала. Достаточно вспомнить ликующие заголовки немецких газет: «Германская люфтваффе вновь над Бел-

градом!» Из ближневосточного процесса мирного урегулирования Россию, воспользовавшись её слабостью, ФРГ требовала выкинуть, заменив её немецкими представителями. Если и не инициировала, то во всяком случае активнейшим образом поддерживала все решения о расширении НАТО и ЕС, цементируя тем самым результаты вытеснения России из Европы и распада Советского Союза и стремясь вернуться под флагом НАТО и Европы в районы традиционного влияния рейха в Восточной и Юго-Восточной Европе. Она ведёт вместе с США и другими странами НАТО активное дальнейшее проникновение в бывшие республики СССР, прежде всего на Украину и в Закавказье, поддерживает политику создания антироссийского санитарного кордона на наших бывших землях. Продолжает в рамках ЕС политику дискриминации российского экспорта. В хозяйственных связях с Россией проявляет отчётливую заинтересованность в получении доступа к её энергетическим, минеральным ресурсам и другим природным богатствам, пытаясь в то же время всячески тормозить восстановление и развитие обрабатывающих отраслей, связанных с современными технологиями.

В этой политике Германии в отношении России, к сожалению, нет ничего для нас нового, а, следовательно, непредвиденного и тем более обнадеживающего. Всё это мы видели и переживали много раз прежде, надеясь, что на следующий раз всё будет иначе. Не будет! Не будет до тех пор, пока Россия не обретёт силу и не заставит немцев глядеть на себя другими глазами. Мы не раз заставляли их делать это. И в этом тоже нет и не будет ничего нового. Просто пора перестать идеализировать и демонизировать Германию и немцев. Они делают всякий раз то, что считают для себя наиболее целесообразным в той или иной конкретной ситуации. И не более того, сколько бы мы ни ожидали от них романтических подвигов и чудес ради «особых» отношений с Россией. Не ожидаем же мы чего-либо подобного от других народов. Вот и не надо ожидать этого от немцев. Справедливо то, что говорил Александр III: нет у России других преданных друзей, кроме армии и флота. Очень похоже на правду, но с поправкой на 1991 год, когда и наши военные бросили свою державу на произвол судьбы.

Сейчас у России опять затевается роман с Германией. Робкий и неуверенный, но уже порождающий у одних – завышенные надежды, а у других – чрезмерные страхи и опасения. Германия вместе с Францией отказывается следовать за США и Англией в их иракской авантюре, возражает против подобных авантур в Корею и в Иране. Она хотела бы реформировать НАТО, превратив его в союз США с равноправной Европой, которая находилась бы, однако, не под американским, а под германо-французским руководством. Чтобы прибавить веса своим действиям, немцы вместе с французами взяли за моду для вида советоваться с Россией, с удовлетворением наблюдая за кругами, которые расходятся после этого по поверхности международного болота при одном упоминании о возможности складывания какого-то российско-французско-немецкого «треугольника» в противовес засилью на этом болоте изрядно поднадоевших всем англосаксов.

Однако не следует обольщаться. Союз с США и сохранение НАТО, пускай с некоторой корректировкой баланса сил внутри его, остаются краеугольными камнями политики Германии. Против иракской, корейской, иранской авантур она воз-

ражает не просто из любви к миру и не из чувства оскорблённой справедливости, а потому что считает это отвлечением сил на решение ненужных немцам задач. Их Африка со времен Бисмарка – это, повторяю, Европа. Они не видят ровно никакой выгоды для себя в том, чтобы лезть в горы и пески Ирака или затевать войну с ая-толлами и Ким Чен Иром. Пока Россия слаба и шаг за шагом пятится назад к Уралу, пытается откупаться от наступающих на неё всё новыми экономическими и политическими уступками, Германия будет за то, чтобы двигаться дальше на Восток в союзе с США и под флагами НАТО и Европы, забирать без войн и конфликтов всё то, что никак не могла заполучить ни силой, ни хитростью многие века. Это поистине захватывающая для традиционной германской политики перспектива.

Остановится это движение, упрётся оно в глухую стену сопротивления – немецкий взгляд на пользу дальнейшего союза с США может измениться. Изменится и отношение Германии к России, как это уже не раз бывало в нашей истории. Не произойдёт этого, так немцы поучаствуют с немалым удовольствием в дальнейшем и окончательном разделе «русского пирога». Раньше они думали сделать это сами, теперь согласны быть членом коллективной команды и допустить к дележу других. Другого-то ведь им не дано. Из этого следует, что ключ к решению наших проблем на внешней арене, в первую очередь в отношениях с Германией, лежит не где-нибудь, а внутри России. Нам нужно быстрее восстановление России как великой державы – в военном, политическом, экономическом и информационно-культурном плане. Только оно позволит заново расставить точки над «и» и предотвратить худшее. Проведение всякой внешней политики имеет смысл лишь для того, чтобы создавать благоприятные условия для роста благосостояния и мощи страны, выигрыша времени для достижения этой цели. Если внутренняя политика не направляется на это, внешняя политика – сводится к пустой суете, танцам на дипломатическом паркете и кривлянию перед телекамерами. Слабость нашей нынешней внешней политики не в ошибках внешнеполитических служб, хотя они, конечно, тоже делают ошибки, а в отсутствии желания и умения сконцентрировать силы и средства на том, чтобы подняться с колен и вылезти из той ямы, в которую провалилась Россия в 1991 году.

Что дальше?

Оглядываясь назад, на события почти полутора веков наших отношений с Германией после создания единого немецкого государства Бисмарком в 1870–71 гг., можно по-разному их интерпретировать. Можно чертить линию от одной кульминации (в позитивном смысле этого слова) к другой, считая сбои и кризисы лишь досадными эпизодами, отклонениями от общей тенденции развития по восходящей. У такого оптимистического взгляда есть немало сторонников.

Однако можно прочерчивать и линию от одного чёрного события в нашей совместной с немцами истории к другому – ещё более чёрному, считая просветы лишь отклонением от общего правила. Такой взгляд тоже имеет право на существование. Есть много фактов, говорящих в его пользу.

Как правило, в добрые времена преобладают оптимистические оценки, а в трудные – пессимистические. При всём том очевидно одно: отношения Германии с Россией никогда не носили стабильно поступательного характера. Происходили то взлёты, то падения, порой казалось, что они лишь вращаются в порочном кругу. Фатальная вера в то, что мы обречены судьбой быть либо друзьями, либо вра-

гами, однако, вряд ли уместна. Она не может быть компасом для нынешнего и будущего поколений. Надо исходить из того, что не было и не будет в российско-германских отношениях чего-то незыблемого, застывшего, окончательного. Повороты, причём в разные стороны, возможны в любое время. Наивные увлечения и восторженные взгляды на немцев и Германию, свойственные нашему интеллигентскому сословию, также как и враждебный нигилизм («фашистами они были и останутся!») простого люда достаточно далеки от действительности.

Нет немцев просто хороших, как и нет немцев просто плохих. Надо видеть и принимать их такими, какие они есть. А они такие и такие – сразу. Всё зависит от того, кто стоит во главе этой сильной, сплочённой, динамичной нации, отличающейся, однако, не только трудолюбием, талантом и дисциплинированностью, но и глубоким консерватизмом, сильным национальным инстинктом, крепкими предрассудками, склонностью переоценивать свои силы и убеждённой в неизменном своём превосходстве над другими и своей правоте.

В силу этого в наших делах с Германией всегда требовалась большая добрая воля, ангажированность, но и трезвость в сочетании с осторожностью, понимание необходимости систематически выравнивать то и дело возникающие крены и перекосы. К сожалению, это не всегда бывало так. Чаще получалось иначе. Однако другого рецепта ведения дел между Россией и Германией, видимо, не существует, пока мы совместно присутствуем на картах Европы и мира. Впрочем, применение этого рецепта, как и всяких других рецептов, не обязательно всегда ведёт к успеху. Всё, в конце концов, зависит от времени и случая, от того, кому и как повезёт. Человек предполагает, а Бог располагает, что, кстати, вполне соответствует и немецкому: «Der Mensch denkt und der Gott lenkt.» Но держаться этой линии и стараться осуществлять её всё же надо и нам и немцам, причём каждому в своих собственных интересах. Они чаще сходятся, чем расходятся, особенно если их правильно понимают.

Когда происходит какое-либо событие, то принято говорить, что это случай. Когда событие повторяется, тогда уместно говорить о тенденции. Если оно повторяется многократно, тогда можно усматривать уже определённую закономерность. Не будем претендовать на то, чтобы выводить какие-то закономерности в отношениях России с Германией. Но повторяемость многих ситуаций и явлений, безусловно, налицо. Есть и некоторые бесспорные итоги и факты полуторавековой совместной истории. На то и на другое будет небесполезным обратить внимание. Особенно тех, кто занимается Германией или готовит себя к этому.

1. Германия всегда стремилась занять доминирующие позиции в Европе и играть свою самостоятельную роль в международных делах. Для этого она неустанно создавала и продолжает создавать всевозможные союзы и выстраивает международные комбинации, действуя при этом решительно и быстро, постоянно меняя партнёров. Эта линия не прекратилась и после Второй мировой войны. Она по-прежнему живёт с той только разницей, что сейчас её умело рядят в одежды коллективного интереса НАТО, ЕС и прочих международных организаций.

2. Россия, Советский Союз, а теперь и Российская Федерация с некоторыми историческими нюансами и отклонениями традиционно склонны видеть в Германии

одно из главных, если не самое главное направление своей внешней политики. И в этом есть резон. Вновь и вновь объявляя об этом, мы каждый раз надеемся занять особое место в сердце Германии, рассчитываем на её признательность, верность и любовь. Но Германия – первый приоритет и для многих других государств, прежде всего, своих соседей. Немцы отлично знают, что могут выбирать среди готовых возлюбить их невест и, бросив одну, тут же заняться другой. Единственное, что серьёзно влияет на их такое поведение – это сила и решительность партнёра, т. е. опасения быть наказанными за непостоянство и обман.

3. Для Германии предпочтительным партнёром со времен Бисмарка была Англия (теперь США). Россия – это второй, менее предпочтительный выбор. Он делается, если не срабатывает первый, и часто только для того, чтобы вновь надавить на англосаксов. При таком подходе Германия обычно чувствует себя хозяином в германо-российских отношениях, ведёт себя, как тот жених, который хоть и идёт под венец, но с твёрдым намерением сбежать, как только к тому представится случай и выгода. Надежды на то, что его от этого шага удержат угрызения совести или чувство признательности, почти никогда не оправдываются, и от них необходимо наконец избавляться. С Германией возможны только браки по расчёту и на условиях, которые оставляли бы нам достаточную свободу рук и возможности серьёзного воздействия на немецкого партнёра.

4. Германия не «абсолютизирует» своих договорных обязательств. Она с лёгкостью отказывается от них или саботирует их выполнение, если это представляется выгодным и если она может ожидать, что другая сторона не сумеет настоять на их выполнении. Чрезмерная вера в букву и дух договоров с немцами, особенно в случае серьёзного изменения обстоятельств, приведших к их заключению, наивна, опасна и уже не раз ставила нашу страну в сложное положение.

5. Учувя слабое место в позиции противника или партнёра, Германия тут же бросает все силы и возможности на то, чтобы расширить брешь, действуя при этом расчётливо, напористо и бесцеремонно. Однако она при этом зачастую теряет чувство реальности и меры. Остановить этот натиск с помощью обычных политических и дипломатических средств, как правило, не получается, требуются другие, более чувствительные меры воздействия. Чем раньше и решительнее они применяются, тем меньшими бывают издержки таких кризисов и недоразумений в отношениях обеих стран.

6. Считается, что резкие повороты в отношениях Германии с Россией, как правило, совершают правые консервативные и националистические силы. Социал-демократы же и либералы к таким поворотам способны в меньшей степени, склонны к половинчатости и нерешительности. Взгляд, будто только правые знамениты своей готовностью договариваться с Россией, является, однако, не совсем оправданным. Не надо забывать, что они были закоперщиками и двух войн с нами, и архитекторами перехода Германии на роль младшего партнёра англосаксов во враждебных союзах против России после Второй мировой войны. Справедливо, однако, по-прежнему, что в критических, острых ситуациях, требующих совместных действий, с правыми взаимодействовать легче, чем с другими политическими силами в Германии. Только надо всегда держать ухо востро.

7. Учтывая не раз проявлявшуюся в истории непредсказуемость в поведении Германии, её «своеобразное» отношение к договорам и союзам, склонность к переоценке собственных сил и недооценке сил других, а также спонтанность при-

нимаемых решений, не следует особо полагаться на личную дружбу, доверительные контакты и всякие специальные каналы связи с германским руководством. Немцы, как правило, охотно идут на всё это, используя открывающиеся перед ними возможности не только для согласования каких-то совместных шагов и позиций, но гораздо чаще для проталкивания своих интересов в обход мешающих им инстанций и специалистов, дезинформации и обмана другой стороны относительно своих истинных планов и намерений. В делах с Германией всегда важно отслеживать и анализировать весь комплекс происходящего в этой стране, докапываться до смысла её намерений, судить не по словам, а по практическим действиям. Деятельности дипломатии и разведки на германском направлении с учётом уроков прошлого всегда должно уделяться первостепенное внимание.

8. Надежды на превращение Германии в некий самостоятельный силовой полюс в мировой политике (в той или иной комбинации с другими странами ЕС) в настоящий момент скорее преждевременны. Поглощённая поеданием останков Российской Империи (СССР), она не желает отвлекаться и упускать свою часть добычи. Обострение же противоречий с США и, возможно, другими странами НАТО из-за чрезмерного сближения с Россией было бы чревато для немцев серьёзными издержками и, кроме того, не диктуется пока жёсткой необходимостью. Намного выгоднее и доходнее продвигаться на Восток в общей толпе западных крестоносцев.

9. Понимая опасность усиления Германии и встревоженные первыми признаками расхождений между США и Европой, западные союзники ФРГ по своей старой привычке пытаются канализировать возрастающую мощь немцев, направляя их на восток и юго-восток Европы. По сути дела, единство западного союза оплачивается за счёт совместного оттеснения России на Восток и раскрытия её природных кладовых для освоения и эксплуатации Западом. Пока эта линия будет успешной, надеяться на дифференциацию между Германией и её нынешними союзниками, между Европой и США не приходится.

10. Цели восточной политики Германии получили своё наиболее полное и циничное отражение в 1918 году в Брестском договоре и «Дополнительном договоре» к нему, а затем в 1941 году в плане «Барбаросса» и «Генеральном плане «Ост». После коллапса Советского Союза объединившейся Германии удалось реализовать эти цели в объёме Брестского договора (или даже несколько большем объёме) с позиций младшего партнёра США и, не прибегая на сей раз к войне и применению силы. Её генеральная линия в отношении России состоит в том, чтобы при поддержке США и других западных союзников закрепиться на новых позициях, зацементировать и сделать необратимыми происшедшие перемены.

11. Важнейшим фактором, облегчающим Германии решение этих задач является приход в России к власти сил, которые отказываются от борьбы за восстановление позиций Российской Империи и Советского Союза как великих держав, смирились с крушением и расчленением нашего народа и тысячелетнего государства, и по существу проводят политику содействия закреплению этих невыгодных и унижительных для России сдвигов. Германия вместе со своими союзниками заинтересована в поддержке этих сил и как государство, традиционно ориентирующее-

ся на экспансию в восточном направлении и укрепление своего потенциала и мощи за счёт наших ресурсов, придаёт особое значение развитию дружественных связей именно с нынешним новым руководством России и его поддержке.

12. Подобное положение, однако, носит временный и неустойчивый характер. Прошедшие горькую школу Версаля и Потсдама немцы не могут в глубине души не сознавать этого. Однако они, скорее всего, окажут сопротивление неизбежным со временем переменам. Германия может явиться существенным тормозом выводу России из нынешнего «послебрестского» периода её истории, с чем необходимо считаться при выстраивании отношений с ней.

* * *

Восточная политика Германии, а в более широком смысле и её внешняя политика в целом, всегда были функцией мощи или немощи России. К сильной России Германия приспособлялась и иногда действовала с ней заодно, на слабую Россию она нападала и грабила её. Нет никаких оснований полагать, что в будущем это будет иначе. Поэтому решение вопросов наших отношений с Германией лежит, прежде всего, на путях решения наших внутренних проблем. Если встанем с колен, то будет один рисунок игры, не встанем – так будет другой и отнюдь для нас не радостный.

Разборки с Германией и борьба за Германию будут и дальше оставаться одним из важнейших направлений российской внешней политики. Германия будет в силу объективных причин для нас желательным партнёром, но в то же время и постоянной латентной угрозой для наших интересов.

Смысл российской политики в отношении Германии по большому счёту должен состоять в том, чтобы иметь такую Германию, которая была бы достаточно сильной, чтобы создавать противовес другим державам Запада, и достаточно слабой, чтобы не представлять прямой угрозы России и зависеть в достижении своих целей от России и её поддержки.

Кстати, это могло бы быть стержнем российской политики и в отношении всего ЕС.

Такой подход соответствует ставке на складывание многополярного мира, был бы продолжением политики, завещанной нам князем Горчаковым, который знал, как обходиться с Германией и Бисмарком.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 3)

Раздел шестой.

ЛОГИКА И ДИНАМИКА ПРАКТИК, КОНКРЕТНОГО ОПЫТА КОНСТРУКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА И БОРЬБЫ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Р.Г. Яновский

КУЛЬТУРА МИРОВОЗЗРЕНИЯ*

Культура мировоззрения в XXI веке рассматривается мною как философская и социологическая проблема. Именно такой аспект исследования позволяет убедительно рассмотреть важную реальность: только разработанное новое мировоззрение позволяет обосновать и продвинуть Московско-Шанхайскую модель миропорядка XXI века (авторская концепция В.Н. Кузнецова)¹.

Сегодня, на рубеже II–III тысячелетия уходит в прошлое противостояние народов, систем, наступил кризис либерализма, формируется новый контекст идеологических противоречий, которые складываются в процессе глобализации общества. Смена исторических эпох привела к изменению контекста мировоззренческого процесса.

Страна вступила в новый век третьего тысячелетия с планами, проблемами, надеждами, законами не стихийного, а сознательного, политического, экономического, социального миропонимания, мировоззрения, мирозерцания.

В условиях нового XXI века без развитой общественной широкой научной мысли, информационной сети никакая страна не может стать великой.

Именно российское просвещение и воспитание всего населения выступают фундаментом, основой формирования гуманистических научных условий развития. Особенности их состоят в том, что они задают научные, нравственные, духовные ориентиры развития, выражают характер ценностей в обществе.

В последние годы резко возросла роль и авторитет российской философии, а также социологии, психологии, политологии, культурологии, основывающихся на достижениях российской науки и культуры. Однако теоретические работы отечественных обществоведов недостаточно востребованы, низок культурный и научный уровень массового чиновничества. Особенно тревожит засилье низкопробной продукции в СМИ и различных издательствах, их ориентация на формирование низменных инстинктов и привычек.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И МИРОПОНИМАНИЕ

Мировоззрение, мирозерцание, миропонимание есть система знаний, обобщённых понятий, взглядов на мир и место человека в обществе, в системе общественных отношений, включая отношения человека и природы, отношения людей к окружающей их действительности и к самим себе. Поведение человека в обществе, отношение к природе и самому себе обуславливаются определён-

* Статья подготовлена на основе 16, 17, 18 глав четвёртого раздела «Культура мировоззрения» книги: Яновский Р.Г. Мировоззрение. М.: 2007. С. 287–334.

¹ Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1; Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса во имя достоинства, благополучия и безопасности каждого человека; справедливости и счастья для Всех: *Послание Самим Себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов* // Безопасность Евразии. 2007. № 1

ными взглядами и убеждениями, принципами и идеалами, познавательной деятельностью.

Выделяются три основных типа мировоззрения: 1. Обыденное мировоззрение, в котором отражается бытовая жизнь человека, его представление о здравом смысле, жизненном опыте.

2. Традиционное мировоззрение, которое связано с традициями, взглядами на мир, сложившимися у человека, о мире природы и развитии человека; мировоззрение, связанное с признанием сверхъестественного мирового начала.

3. Мировоззрение, в котором обобщается практический опыт духовности и стихийного познания и освоения мира. На основе рационального осмысления культуры, философии, социологии, истории, психологии, права вырабатываются мировоззренческие ориентации. Носителем мировоззрения является личность, социальная группа, класс, воспринимающие действительность сквозь призму определённой системы взглядов, имеющейся в наличии данного общества. Мировоззрение имеет огромный практический смысл, политическое влияние на нормы поведения человека в обществе, его мечты и стремления, осмысление условий труда и быта, сложившихся в обществе.

Сегодня перед всеми народами России стоит ряд сложных и открытых задач формирования новой мировоззренческой, миропонимательной и мирозерцательной современной доктрины, определённой системы гуманитарных знаний и идей, взглядов и убеждений, претендующих на повышение их роли в обществе. Однако не всякая идеология, убеждения, тем более мирозерцание, являются объективными, научными, честными и гуманными, отражающими интересы, чаяния, мечты человека. Все эти мечты, доктрины, умонастроения могут быть откровенно реакционными, неверными, а порой и вредными, антиобщественными, антинародными, с которыми общество ведёт непрерывную упорную борьбу. Гуманистическая идея новой доктрины претендует на создание научной и нравственной теории, учит как надо трудиться, оперировать жизненными фактами и социальными процессами и абстракциями, вырабатывая теоретическое, философское, правовое, экономическое, нравственное сознание, всесторонне развивая гражданское сознание.

Всё это требует совершенствования и развития естественных и общественных наук, мощного потока научных знаний, формирования конкурентоспособных, профессиональных и нравственных качеств личности в современном глобальном мире. Личность овладевает, наряду с профессиональными навыками и умениями, общечеловеческими ценностями. Она несёт в себе черты широкого и высокого мировоззренческого горизонта, глубоких общих знаний о мире и обществе, нравственными и духовными общечеловеческими гуманитарными ценностями. Миропонимание выступает в совокупности с идейно-нравственным, философским, социально-психологическим аспектом, профессиональной подготовкой и личными качествами специалиста.

Истинный профессионализм, познание и понимание образа мира, природы и общества опирается на достижения и знания всей науки, степени её развития и проявления в жизнедеятельности людей на базе высокого и глубокого профессионального и духовно-нравственного мышления и действия.

В XXI веке в жизни людей произойдут качественные изменения, скачок в развитии специалиста и его личности, профессионализма в качестве ценности и содержательной деятельности общественного человека.

Этот процесс в обозримом будущем приобретёт глобальный, всеобщий характер и выступит в статусе нравственного императива человека труда.

Слово «специалист» будет звучать всё более убедительно. Мы уже сказали о том, что многие проблемы приобретают глобальный характер и их решение требует координации усилий всего мирового сообщества. Это – единые мировые информационные сети, современные средства коммуникаций, энергетики, достижения технического прогресса, сырьевые, водные ресурсы и т. д.

Все они приобрели глобальный характер, и их решение требует координации усилий и средств всего мирового сообщества. Вместе с тем глобализация деформирует государство, нарушает суверенитет народов и их индивидуальный характер, подрывая его органическую природу и индивидуальный характер, отказывая часто в праве иметь собственные национальные интересы и мнения; Управление социальным организмом, каким является государство, отчуждается от национальной почвы управленческой структуры. При таком развитии в выигрыше остаются более богатые страны, которые увеличивают своё богатство и обеспечивают более высокое качество жизни.

Мы вступили в эпоху всемирной глобализации; духовного, информационного, производственного синтеза новой картины мира, путём интеграции современного научного трудового и гуманистического подходов, которые позволят объединить: новейшие научные, социальные, технические и духовные достижения в познании возникновения вселенной, структурной организации и процессов развития материи и общественного сознания, общей концепции всемирно-исторического процесса и осмыслении глобальных проблем современности, как специфических проявлений взаимозависимости природы и человечества¹.

Глобализация общественной жизни является важнейшей тенденцией мирового развития XXI века. Гуманитарный, открытый, творческий прорыв в общественном сознании народов, сбережение людей от мрака, голода, нищеты и грязи – такая задача поставлена и стоит перед всеми народами и национальными организациями, партиями, основной целью которых является сохранение мирового и безопасного сообщества, выявление и развитие его движущих сил и ресурсов человечества.

Без светлой идеи, высокого уровня образования, стратегии, плана развития, нового мировоззрения человека мы просто не можем жить. Россия – страна мыслителей, созидателей, учёных, тружеников, носительница великих идей, правдивых, чистых и честных людей труда.

Без новых прогрессивных идей мы выжить не сможем. Необходимо учиться сохранять и беречь всё лучшее, что уже накоплено.

В новых условиях растёт роль рядовой личности и её интерес к мировой и отечественной истории народов и личной истории, образованию, культуре. Этой личности свойственно признание общественных обязанностей развития и защиты человека, высокого чувства долга перед Родиной, семьёй, человечеством. Опора на самобытность общественного и политического опыта России, на вековые корни патриотизма. Не идти вслепую за Западом, а вести собственную не-

¹ Чешков М. Философия международных отношений и глобалистика // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 3 (12). Сентябрь – декабрь 2006.

зависимую политику. Не разучиться радоваться за страну, за её достижения, успехи, победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Уметь видеть отечественные достижения промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, радоваться этому, управлять этим процессом, оберегать народ от культурно-исторического нигилизма, отрицающего духовное наследие народов, от озлобления и раздражения. Бороться за качество жизни, ценности и интересы каждого человека. Соответственно политические, государственные решения в нашей стране должны проходить не только научный, но и нравственно-духовный контроль общества.

На пороге XXI в. история вновь сделала крутой поворот, выдвинув на первый план проблему современного знания и умения, направив силы в сторону созидания и творчества, развития личности, её образования, культуры, духовности. Сложившаяся российская многонациональная форма ведения хозяйства всегда основывалась на традиционных ценностях народной общины, артели, коллектива, взаимопомощи, демократии, образования, медицины, местного самоуправления. Высококачественный труд, его эффективность, плановость обуславливаются, прежде всего, духовно-нравственными представлениями человека и моральным авторитетом коллектива, советов.

История российской и советской гуманитарной науки, общественной мысли на местах богата такими откровениями, новыми народными идеями, которые во многом ещё не востребованы, но являются актуальными сегодня. Реальным богатством наций-государств являются сами люди, проблемы развития человека, его грамотность, образованность, честность, культурность, полнота охвата населения обучением, воспитанием, культурой, верой в человека и его возможности. Мы утверждаем, что в центре внимания стоит человек и, добавляем: личность, её благосостояние, образ жизни и деятельности. Современная общественная мысль всесторонне изучает роль человеческого фактора в условиях российского переходного периода.

Я верю в то, что у России и её народов есть мощные силы для развития самосознания и созидания и что мы все вместе будем востребованы в этом мире. В мире есть «светлые стороны» прошлого, настоящего и будущего.

Для полноценного изучения названной проблемы необходимо учитывать сложность, многоуровневость развития идейной жизни. Предыдущее поколение уже выполнило свои функции, защитив и развив страну, заложив прочные основы развития экономики, создания социологического обоснования равенства людей.

Здесь никто нам не поможет. Никакие чужие идеи, кредиты, чуждые нам способы управления и т. д.

Ещё К. Маркс подчёркивал самобытность российского пути народного развития через общину, артель, образование и медицину, науку, культуру.

Это есть прямой самобытный путь, выработанный тысячелетним развитием России и борьбой её народов. Вы выстрадали, разработали и создали свою идейную народную духовность, которую необходимо развивать и совершенствовать, обогащать новыми идеями, разумом и высокими чувствами. Идеологию «общинного», артельного, «интереса государственного служения», труда служебных общественных и семейных слоёв всего населения многонациональной России. Собственными «головой», «ножками», «ручками» создавать свою мыслительную, многонациональную и технологически-нравственную и духовную ауру, резко активизируя национальное самосознание.

Важнейшую роль в постижении смысла и значения нашей жизни играет научное понимание. Сейчас важно понять, выяснить, решить для себя – какова природа человека, его внутренний мир и общественная жизнь? Почему в век науки и прогресса по-прежнему существуют человеческая боль, эксплуатация и горе? Почему мир старого государства противостоит человеку как чуждая сила? Что такое мировая экономика? Какова наша общественная мораль, уровень общественного сознания? Разрешима ли проблема «я» и «ты», «мы» и «они»?

Поиск ответов на эти вопросы всегда был и остаётся потребностью современного человека, его «философией жизни» и смыслом деятельности.

Культурология, философия, экономика, правоведение, социология, этика, психология раскрывают смысл и значение мира и жизни человека, то есть – формируют его миропонимание. Мы так привыкли к этой истине, что, кажется, перестали замечать назревшие здесь трудности. А их, по моему мнению, у нас немало.

Здесь мне хотелось бы отметить, что это проблема мировоззрения и миропонимания. Мне кажется, что здесь заключена глубинная проблема нашей науки, которая шире общественного сознания – познания в целом. Поставив *миропонимание*, то есть постижение смысла жизни, законов её развития с помощью понятий впереди мироощущения и мировоззрения, мы обеднили наше собственное представление о человеке, лишив его возможности взирать на мир посредством интуиции, эмоций и чувств (как внешних, физиологических, так и внутренних, высоких). Увеличение количества понятий, их подмена и дублирование послужили одной из причин путаницы и разноязычия, превратили гуманитарную науку в очередное вавилонское «смешение языков»¹, между тем современность требует отношения к человеку как к целостному существу, мировоззрение которого включает и убеждения, и верования, а в повседневной ситуации бытует в такой слабо прояснённой пока форме, как «здравый смысл».

Эта проблема досталась нам по наследству. Марксистская философская мысль в прошлом недостаточно занималась исследованием роли сознания, как активной творческой силы. Аргументация обычно направлялась на то, чтобы выявить материальную обусловленность сознания, само же оно выступало почти как что-то второстепенное. Конечно, философы при этом не забывали отмечать относительную самостоятельность общественного сознания. Но полно ли выражает суть дела понятие «относительная самостоятельность»? Ведь невольно получается, что активность сознания как бы приравнивается к субъективизму, а роль и механизм образования научного, то есть верного по отношению к объективной реальности сознания, зачастую не выходит за рамки правильного её отражения. В целом можно сказать, что в нашей философии существовала явная тенденция недооценки роли сознания и всех явлений и феноменов, так или иначе связанных с ним, недооценки субъективного фактора, социальной психологии, подсознания, мироощущения, интуиции и т. д.

Названный недостаток сочетался с тем, что, обращая особое внимание на выявление и познание объективных экономических (и иных) законов, мы проявляли односторонность в понимании самого их объективного характера.

¹ Ефимов Н. Родина: патриоты и негодяи // Российская Федерация сегодня. 2004. № 12. С. 3.

Многие считали, что поскольку объективные законы экономического и всего общественного развития действуют независимо от сознания и воли людей, постольку они действуют чуть ли не автоматически. Здесь недооценивался существенный, решающий момент: законы общественного развития – это законы совокупной деятельности самих людей. Фаталистическая трактовка общественных законов обернулась упованием на автоматизм в реализации преимуществ и возможностей социализма.

Известно правило: одна крайность порождает ей противоположную. Реакцией на фаталистическое понимание экономических законов явился субъективизм и волюнтаризм. Своеобразную логику этого можно понять. Если общественные законы действуют автоматически, то любые проекты и мероприятия в экономике и политике, даже если они совершенно произвольны (как это было во времена Хрущева или реформаторства конца 80-х – середины 90-х гг.), можно считать продолжением общественных законов. В результате таких перекосов в теории и на практике нарушались подлинные закономерности общественного развития, снижалась социальная активность и ответственность людей, гуманистический подход подчас подменялся экономическим, технократическим, сциентистским¹.

Второй вопрос, который мне хотелось бы затронуть – это отношения философии и остальной науки, то есть мировоззренческого знания и знания прикладного. Я убеждён в полной несостоятельности противопоставления философского и конкретного знания, науки в целом (естествознания и обществознания) и обыденного сознания народа.

Дело в том, что постоянно возникающие в повседневной практической жизни коллективные чувства и общественные настроения имеют объективное содержание, обязанное своим происхождением повседневному опыту людей, а также историческому опыту человечества. В науке хорошо известно, что стихийно формирующееся массовое сознание раньше и острее, чем теоретическая общественная мысль, схватывает социальные процессы и сдвиги, происходящие в обществе или социальных группах людей. Обыденное сознание признаёт независимо от теоретического сознания существование внешнего мира, который окружает человека, поэтому оно стихийно образует основу материалистического мировоззрения. Это «наивное» убеждение человечества сознательно кладётся философским материализмом в основу его теории познания. Однако этот повседневный опыт обыденного сознания не может вскрыть законов развития материального мира.

Нам необходимо постоянно «очищать» и обогащать обыденное сознание, развивая его содержание, формируя в нём элементы истинного научного сознания. Применительно к философии и мировоззрению это означает, что теоретическая мысль должна видеть шире, дальше и глубже обыденного сознания, ибо она призвана осмысливать и разрабатывать, формулировать и доказывать то, что в повседневной жизни лишь смутно ощущается.

В связи с этим хотелось бы затронуть вопрос о предмете и содержании общественной науки (в частности, социологии). Бытует мнение, что обществознание может заниматься лишь описанием сущего, то есть сложившегося положения дел, однако, не должно касаться должного – представлений о цели общественного развития, как и куда должно стремиться человечество. Думается, что это неправильно. Нельзя насильственно отрывать сущее от должного, настоя-

¹ См.: Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле создающего служения человеку, народам России и отечеству. М.: 2004. С. 237–238.

щее от будущего, ибо должное – не бесплодная мечта и не утопия, но сущее, взятое в перспективе.

А у нас бывает так – социологи описали чистые факты (как правило, очень неутешительные), отказались указать цель исследуемого процесса, в лучшем случае сформулировали негативный прогноз, чтобы затем представить его учёным из прикладных отраслей науки – экономистам, техникам, медикам, педагогам. Последние, не обладая (в силу своей специализации) полнотой методологии общественного введения, делают вывод об очередном ухудшении социальной ситуации, фактически уверяются в фатальной неизбежности негативного сценария развития.

Таким образом, вместо попыток изменения положения дел практическая наука будет стремиться приспособить свою деятельность к бессмыслице нашей сегодняшней жизни. Это лишает смысла не только всякую работу, но и вообще развитие, ибо последнее невысказанно без цели, без свободной воли человека, стремящегося достигнуть этой цели. Подчинять волю человека фактам сегодняшнего дня – значит лишать его этой воли, превращать в жалкого раба обстоятельств.

Я считаю, что недооценка роли этих моментов принижает значение человеческой жизни, поэтому она несовместима с гуманистическими нормами и ценностями современной науки. Вся мировая и отечественная философия, наука в целом учит пониманию того бесспорного факта, что без свободы научного поиска, учёта нравственных факторов – совести и справедливости, общественного долга, солидарности и дружбы народов, равенства прав человека и гражданина – нет человека, нет демократии, справедливости, материального достатка и равенства в подлинном, высоком смысле этого слова.

Следующая, пожалуй, самая важная проблема, которую мне хотелось бы затронуть – патриотизм как духовная ценность и нравственное чувство. В последнее время понятия прогрессивного мировоззрения, патриотизма, общественного долга в нашей стране подвергаются идеологическим нападкам, а подчас и прямому их отрицанию, как особой области знаний и убеждений человека.

Между тем, во все времена в России патриотизм был той лакмусовой бумажкой, с помощью которой человек проявлял свою сущность. Нынешняя ситуация в России требует ответа на главный вопрос: «Куда идти?» Как показывают данные социологического мониторинга, проводимого ИСПИ РАН, наше общество расколото. Почти одна треть респондентов (31%), несмотря на то, что большинство СМИ осуществляет информационную политику замалчивания или дискредитации ценностей социализма, заявляют, что хотели бы жить в социалистическом обществе. Чуть более одной пятой респондентов (21%) заявили, что они хотят жить в капиталистическом обществе, 8% – явно не хотят в социализм, хотя бы жить в каком-то другом обществе, а почти треть респондентов (31%) затрудняются ответить на этот вопрос¹.

¹ См.: Левашов В.К. Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования. М.: 2003. С. 82.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И КУЛЬТУРА

Как возможно познание, переживание культуры и философствование о ней? Известно, что в эпоху великих потрясений, на сломе времён и нравов, особенно велик спрос на духовную пищу; человек, уставший от потрясений, ищет успокоения в мистике, гаданиях, различных эзотерических учениях. Многие в эти дни обращаются к Богу, стремясь смягчить нравы, уменьшить всплеск отрицательной энергии. Это вполне оправданно, более того, обратившись к истории войн, революций, социальных реформ, можно сказать, что данное соображение принимает вид объективного закона. Тем не менее, жизнь идёт, накапливается эмпирическое знание об одержанных победах и совершённых просчётах, и, естественно, возникает необходимость в систематизации и анализе сведений о происходящем. По моему мнению, сейчас – именно такое время. Спрос на обновлённую гуманитарную науку в наши дни весьма высок: *«Этот спрос на общественное знание, назревшая потребность в глубокой разработке гуманитарных идей и процессов в условиях коренных перемен, реформ, перехода к рынку, в условиях крепнущего понимания, что у труда, бизнеса, рынка, управления, культуры, духовной сферы и власти много общего по широкому кругу народных интересов, забот, задач, технологии, системы воспитания, – знамение времени, суть XXI века»*¹. Естественно, что в этих условиях встаёт вопрос о систематизации гуманитарного знания, определении конфигурации всего корпуса наук о бытии, обществе и человеке: «Среди первоочередных задач гуманитарной науки выдвигается проблема систематизации идей, конкретизации и координации... усилий специалистов различных гуманитарных и естественно-научных областей знания... Огромное значение приобретает совокупное гуманитарное знание»². Действительно, в условиях умножения числа направлений исследований, появления оригинальной проблематики, синтеза новых, подчас экстравагантных дисциплин, велико желание отдельных учёных растащить науку по частным «квартиркам», создать себе по крошечному, но пьедесталу, на котором и возвыситься в гордом одиночестве. Однако объективные тенденции говорят об обратном; мы считаем, что существует системообразующая, интегративная дисциплина, включающая в снятом виде все иные науки – это философия. Объектом же исследования является совокупность проявлений материальной и идеальной деятельности человека – это культура. В предлагаемой статье я постараюсь изложить свои общие представления о данной теме, раскрывающие методологические основания представленной работы.

Что я называю культурой? По сведениям из различных источников, в настоящее время существует более 500 различных определений культуры³. Я ни в коей мере не претендую на создание ещё одного, ибо его авторство может быть легко оспорено. Кроме того, информация мировоззренческого, глобального характера, на мой взгляд, в принципе не может принадлежать одному лицу, ибо рождается, транслируется и используется каждым в меру развитости рефлексивных свойств его сознания. Я хочу лишь обозначить ту часть культуроведческого дискурса, которая наиболее полно отвечает поставленным в данной работе целям и за-

¹ Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен. М.: 2001. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ См., напр.: Советская культура в контексте истории XX века: (Материалы научной конференции). Ч. 1, 2. СПб: 2000; Дуков Е.В. и др. Введение в социологию искусства. СПб: 2001; Сухолет И.Н. Вопросы культуры в школьном общественном знании. М.: 2001. (Библиотека журнала «Преподавание истории и обществознания в школе», вып. 7).

дачам, а также может помочь в ходе разработки ряда методологических ходов и приёмов, позволяющих не уклоняться от темы, указанной выше. Итак, для меня **культура** – это специфически человеческий способ жизнеустройства, позволяющий человеку обустроить свою жизнь в ладу с окружающим миром – другими людьми, обществом, живой и неживой природой, космосом и т. д. При всей ёмкости данного определения оно в значительной мере общо, а потому ускользает от читателя-расшифровщика и требует конкретизации; внесём сюда ряд уточнений. Этот универсальный способ проявляется в трёх разных планах:

– конкретный, или низовой. Здесь понятие культуры близко к бытовому пониманию уровня воспитанности той или иной личности;

– аксиологический, или срединный. (Этот план подразумевает значительную долю абстрактности, ибо любая оценка связана с рядом обобщений – будь то отношение к произведению искусства или выбор нужного товара в мясной лавке. В то же время, он конкретен, так как в процессе оценки или выбора абстрактная ценность отождествляется с близкими нам вещами – присваивается вполне конкретному полотну либо кусочку мяса.) Здесь толкование культуры совпадает с понятием о созданном людьми мире различных ценностей – этических, эстетических, нравственных, моральных, физиологических и проч.;

– абстрактный, или высший. Здесь бытует собственно представление о культуре как всеобщем способе существования человеческого рода.

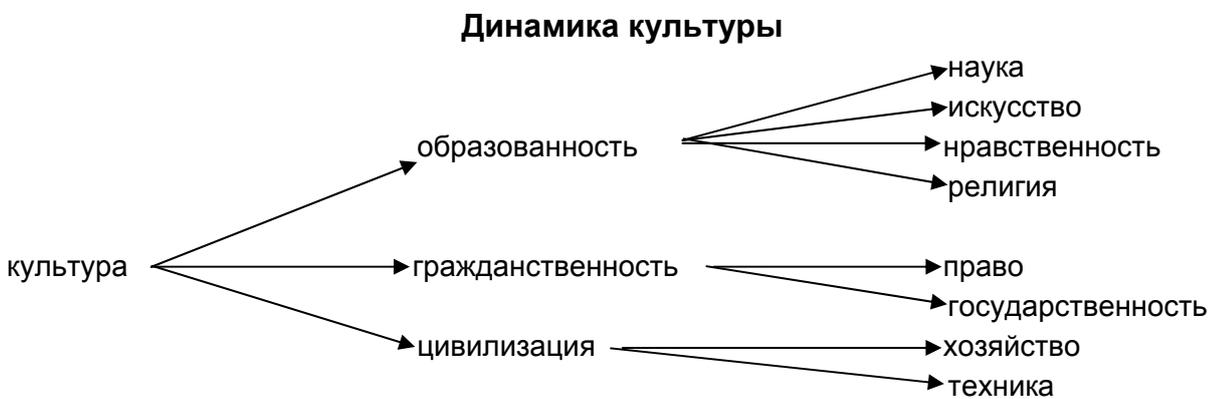
Все три упомянутых плана находятся в тесном динамическом взаимодействии. Социально и исторически обусловленные ценности (срединный план) транслируются в различных направлениях (от старших к младшим, от учителей к ученикам, от одних социальных групп к другим и т. д.) в процессе обучения и воспитания (низовой план), с целью поддержания устойчивого (в смысле предсказуемости) развития общества и стабильности жизнеустройства (высший план). Передача ценностей осуществляется с помощью многочисленных и разнообразных средств – языка, письменности, произведений искусства (в том числе архитектурных и скульптурных памятников), книг, особенностей поведения, совокупностей различных «примет» нашей цивилизации (элементы городского и сельского ландшафтов, промышленные и жилые здания и помещения, предметы быта и проч.) – словом, посредством практически любого предмета материального мира, помещённого в контекст мира нематериального (идей, убеждений, мировоззрений и проч.). Замечу, что ретранслятором ценностей могут быть и явления живой и неживой природы (элементы космоса, «четыре стихии» нашей планеты – небо, земля, огонь, вода, обитатели живого мира и проч.), воспринимаемые как часть человеческой культуры.

Здесь необходимо сделать два важных замечания, чтобы внести некоторую ясность в терминологию, а, следовательно, в методологию настоящего исследования. Во-первых, мною были употреблены термины «культура» и «цивилизация». Чем они отличаются? Есть ли между ними вообще какая-нибудь разница? Действительно, ведь учёные известнейшей французской культурологической школы «Анналов» вообще не упоминают о культуре, присваивая все её черты термину «цивилизация». Обоснована ли подобная терминологическая «всеядность»? В рамках западной философии, рационалистической и в целом дискурсивной, очевидно, да.

Мне же термин «культура» представляется более удачным, ибо, на мой взгляд, он отражает универсальную (всеединую) природу человеческой деятельности, в то время как «цивилизация» – только рассудочную её сторону, связанную с обустройством внешнего пространства (в этом качестве её использовали ещё во времена античности – греки для обозначения возделывания почвы, римляне – универсализма социального и космологического бытия Империи).

Я не буду более подробно развивать эту в целом интересную тему, оставлю её для отдельного исследования¹. Ограничусь подробной ссылкой на фундаментальную монографию С.И. Гессена, в первой главе которой обосновывается тесная связь понятий «образование» и «культура». Автор также разделяет понятия «культура» и «цивилизация», при этом первое гораздо шире и включает второе в снятом виде: «Это значит, что слово "цивилизация" вы резервируете для низшего или, во всяком случае, для более внешнего слоя культуры, для того, что скорее всего поддаётся пересадке, что не требует для своего роста долговременной местной традиции. Сюда относятся хозяйство и техника. Слово "образованность", напротив, правильнее было бы закрепить за более внутренним, или "духовным" содержанием культурной жизни, включающим в себя науку, искусство, нравственность и религию. <...> Между образованностью и цивилизацией имеется, однако, еще один промежуточный слой культуры: это – право, регулирующее внешние отношения людей между собою, и государственность, обеспечивающая обязательность правовых норм и организующая совокупную деятельность данного общества. <...> Таким образом, в составе жизни современного человека мы различили как бы три слоя: образованность, гражданственность и цивилизацию. Слово "культура", как наиболее общее и неопределенное, мы сохраним поэтому для обозначения совокупности всех трех слоев»². Здесь же приводится достаточно удачная схема, иллюстрирующая рассуждения, приведённые выше.

Схема 1

В качестве трансляторов ценностей мною упомянуты многочисленные и разнообразные средства, количество которых тем больше, чем более интенсивно мы рефлектируем по поводу окружающего нас мира. Можем ли мы найти ка-

¹ Материалов для него – великое множество, хотя тема эта настолько же интересна, насколько и абстрактна. Тем не менее, вопрос о существовании различий между «культурой» и «цивилизацией» дебатировался со времён Древнего Рима и по сей день. Можем порекомендовать читателю одну из наиболее основательных монографий на эту тему: *Сухолет И.Н.* Вопросы культуры в школьном общественном образовании. М.: 2001. (Библиотека журнала «Преподавание истории и общественного образования в школе», вып. 7).

² *Гессен С.И.* Основы педагогики: (Введение в прикладную философию). Учебное пособие для вузов. М.: 1995. С. 26–27.

тегорию, в целом адекватно отражающую мир воплощений культуры? Думается, что да. Во-первых, для обозначения множества материальных предметов, не связанных (чаще всего) с проявлениями творческого начала, но являющихся плодами человеческой деятельности, используется термин «артефакты» (лат. arte искусственно + factus сделанный). Во-вторых, для обозначения предметов и явлений, не только связанных с проявлениями творческого начала, но и соответствующим образом отрефлектированных (которым присвоено какое-либо важное, многосмысленное значение), используется понятие «знаково-символические системы». (В данном случае культура, как правило, определяется как «текст».) Рассмотрим последний тезис более подробно.

Категории «символ» и «знак» достаточно подробно описаны в работах философов, психологов и историков: П. Флоренского (в его работах о языке), А.Ф. Лосева, С.Л. Рубинштейна, Г.С. Батищева, Ч. Пирса, Б. Рассела, Ф. де Соссюра, Э. Фромма, К. Ясперса и др. Все они признают сходство между данными понятиями, используемыми для условного обозначения отдельных сущностей. Однако все, констатируя сходство между знаком и символом, указывают также и на их различие, которое состоит в том, что знак и означаемое, как правило (исключая, пожалуй, иконические и индексальные знаки), по своему субстрату различны и не имеют между собой ни формальной, ни сущностной связи, хотя и образуют единое значение. В то же время, символ и символизируемое, также различные по своему субстрату (и единые по своему смыслу), имеют между собой естественную внутреннюю связь, на которую особо указывал Фромм¹ (как, например, в случае с весами, символизирующими правосудие).

Существует и другая точка зрения на соотношение знаковости и символичности, которая наиболее ярко сформулирована в совместной работе А. Пятигорского и М. Мамардашвили. У них символ понимается как самостоятельная, внезнаковая категория. С данным пониманием символа можно соотнести одну из его важнейших отличительных особенностей, а именно ту, что содержанием, смыслом символа, в конечном итоге, всегда являются сущности более высокого порядка, чем в содержании знака. Абстрактные идеи и понятия, универсальные принципы и закономерности, ценности и смыслы – это те невидимые духовные реалии, всё то, что не поддается нашему воображению, является неуловимым, невыразимым для нас, само по себе, – сознательно символизируется. Символ – средство сделать какие-то незнанные вещи приемлемыми для нашего сознания. Новое, неизвестное постигается через известное (как в архаическом символизме); невидимое постигается через видимое (как в средневековом и в любом другом «религиозном» символизме).

Единственным способом «схватить», т. е. осознать это незнание, является закрепление его в виде вещного субстрата – символа. Иными словами, знаки означивают просто что-то иное, чем они сами; в символе символизируется нечто более «важное» или «высокое», чем он сам, но не другое, поскольку символ в собственном смысле слова «не может полагаться имеющим какое-то от-

¹ См., напр.: Фромм Э. Забытый язык // Душа человека. М.: 1992.

личное от него обозначаемое»¹. В этом состоит основное различие между категориями «символ» и «знак».

При этом я считаю оправданным употребление категории «знаково-символические системы». Это вызвано двумя соображениями. Первое: при всех различиях, и знак, и символ имеют формальное и функциональное сходство. По мнению Лосева, проводившего в своих поздних работах кропотливое сравнительное исследование символа и знака, они отличаются лишь степенью обобщённости, когда символ является разновидностью знака, предельно обобщённой знаковостью. «Символ – есть развернутый знак, но знак тоже является неразвернутым символом, его зародышем»². Такое понимание различий между символом и знаком является весьма распространённым и существует, например, в современной семиотике; сюда же можно отнести представление о том, что символ и знак лишь «разные степени видения одного мира» (Н.В. Кулагина). Второе соображение: стоит признать, что, при всех несомненных различиях, в повседневной жизни знак подчас трудно отличить от символа. Более того, в самых различных сферах культуры (экономика, политика, военное дело) тот и другой часто тесно взаимосвязаны. Например, в военной эмблематике, или в современной геральдике – вспомним герб СССР, в нём присутствовали как символические изображения (колосья хлеба, земной шар и пр.), так и знаковые (флаги союзных республик, звезда и пр.).

Таким образом, *категория «знаково-символические системы» (ЗСС) призвана обозначать и символизировать материальные воплощения совокупностей культурных смыслов, имеющих как «низкое» (повседневное), так и «высокое» (вневременное) значение, существующих в тесной взаимосвязи и подчас взаимовложенных*. Характерными примерами ЗСС могут считаться книга (а стало быть, и литературное произведение) и музыкальное произведение – они оба бытуют в виде упорядоченной совокупности знаков (буквенных и нотных), а при воспроизведении (чтении или музицировании) способны рождать подчас бесконечное число смыслов (интерпретаций), являясь, таким образом, символической системой, или системой символов (визуальных, звуковых или виртуальных)³.

Сделав эти важные для меня уточнения, я возвращаюсь к *основной* теме настоящего исследования. Будучи весомой частью бытия, культура сохраняет присущие бытию в целом черты – взаимодействие конечной и бесконечной, материальной и идеальной сторон, неисчерпаемое разнообразие конкретных форм и проявлений, и способов их познания, и пр. (Здесь можно упомянуть о том, что в первом случае данные свойства существуют виртуально, «невзаправду». Действительно, изменив субъект познания или совсем устранив его, мы получим уже другой комплекс идей, понятий, теорий и методов, с помощью которых может быть исследовано бытие. В случае же с культурой все упомянутые свойства наполняются своим настоящим содержанием, ибо появились в процессе освоения человеком окружающего мира и выделения из него собственно культуры). В частности, культура,

¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М.: 1997. С. 130. Цит. по: Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. Учебное пособие. М.; Воронеж, 1999. (Серия «Библиотека школьного психолога»). С. 20–21.

² Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: 1976. С. 131–132. Цит. по: Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. Учебное пособие. М.; Воронеж, 1999. (Серия «Библиотека школьного психолога»). С. 19.

³ Я готов оставить этот тезис для последующей дискуссии с ревнителями строгого категориального однообразия. Однако не могу не сделать упреждающего хода: если мне предложат использовать вместо предложенного выше термина иной, например «знаковые и символические системы» (ЗиСС), я не буду особенно возражать, так как не нахожу этот момент принципиальным.

как уникальная часть бытия, одновременно существует в двух планах – эмоциональном (явления которого основаны преимущественно на чувствах) и рациональном (явления которого основаны преимущественно на разуме).

Данное свойство относится ко всем без исключения сторонам культуры – научному познанию (существующему в форме интуиции, чувственного опыта и дискурсивного, то есть логического мышления), а также нравственной и художественной культуре. Каждой из них в разной мере свойственны как разумные, так и эмоциональные черты. Так, наука в большей мере опирается на разум и рассудок и в меньшей мере – на чувства, а нравственность и искусство – наоборот. Обратимся к рассмотрению обеих этих сторон культуры, исходя из следующего силлогизма: познание культуры основано на разумном её постижении, переживание культуры – на постижении эмоциональном.

Как мы познаём культуру? Очевидно, что при определённых допущениях весь процесс освоения культуры можно свести к познанию культуры. Действительно, способность познавать есть неотъемлемая часть человеческого существования; укореняясь в окружающем мире, индивид не может не оформлять в своём сознании почерпнутый опыт в качестве знаний. Так формируется общая наука о культуре (культурология) и её отрасли (науки о политической, экономической, художественной культуре и пр.). И хотя в данном случае было бы корректнее говорить об освоении мира культуры, то есть о диалектическом единстве онтологического и гносеологического планов человеческого существования, мы считаем, что в каждом случае имеем дело с процессом познания. Здесь требуют прояснения два вопроса: как функционирует механизм культурогенеза? Каково отношение культурологии к другим наукам – в частности, наукам об искусстве, языке и литературе?

Как было сказано выше, передача ценностей осуществляется с помощью многочисленных и разнообразных средств, определяемых как «знаково-символические системы» (ЗСС). Они объединяются по главному признаку. Главная их черта – субстанциальность, опредмеченность, материальность. (Идея не может выступать в качестве символа, хотя и находится с ним в отношении – наполняя его содержание множеством смыслов.) Они являются «строительным материалом» культуры, её зданием. В принципе можно утверждать, что культура живёт в объектах материального мира, будучи воплощена, опредмечена в них.

В этом тезисе – методологическая основа настоящей главы; говоря о культуре, мы подразумеваем её материальные воплощения (они, впрочем, существуют не сами по себе, но во взаимосвязи с идеальной составляющей). В этом смысле можно вспомнить известный тезис о том, что любой предмет материального мира может быть артефактом культуры. Однако, будучи определён как «артефакт», предмет материального мира несёт строго ограниченный объём информации о данной области культуры (предмет домашнего обихода может многое сказать о быте, предмет одежды – о манере одеваться и т. д.). В то же время, к ЗСС может быть отнесено настолько большое количество смыслов и значений, что позволяет говорить о них, как о своеобразных средоточиях культурной информации. (Так, картина, помимо сведений о присущей данной эпохе манере изображения окружающего мира, может предоставить множество иной информации: о быте, нравах, истории данного этноса, господствовавшем в нём мировоззрении и т. д.)

Книга, сама по себе являющаяся свидетелем уровня развития полиграфии, может содержать иллюстративный ряд – со всем комплексом присущих ему свойств. Кроме этого, будучи главным способом бытования литературного произведения, она содержит собственно текст – совокупность печатных знаков, призванных обозначать движение авторской мысли. Последняя может быть интерпретирована, как правило, по-разному, что позволяет считать книгу символом мудрости и знания.) Таким образом, понятие ЗСС гораздо шире: любая ЗСС является артефактом культуры, но далеко не каждый артефакт культуры является ЗСС.

Здесь необходимо сделать одно важное, на мой взгляд, замечание. Понятие ЗСС складывается из двух составляющих: «знаковые» и «символические». Какая между ними разница? Действительно, такие категории, как «знак», «символ», «метафора», «аллегория», употребляются подчас как тождественные. В то же время, между ними существует ряд различий. В рамках данной работы я не ставил задачу раскрыть имеющийся комплекс различий, да и не имею для этого достаточно возможностей. Поэтому отсылаю читателя к работам психологов, упомянутых выше.

На основании их выводов я выделяю из комплекса указанных понятий «знак» и «символ». Именно они, вследствие своей уникальной природы, и являются ретрансляторами культурных смыслов. Более того, они сами способны порождать их. Специфика культуры в том и состоит, что не только её корневые смыслы, но и механизмы их ретрансляции (воспроизведения) обладают уникальной способностью синтезировать *новые* смыслы и сущности. Причина этого – в эмоционально-ценностной природе ЗСС: «Символы – это определенные способы осознания, закрепления и трансляции экзистенциальных фактов и ситуаций, имеющих характер духовного освоения, которые являются существенными компонентами эмоционально окрашенного коллективного или личного опыта.

Оперирование символами предполагает реконструкцию субъективной ситуации порождения как символа, так и символизируемого»¹. В то же время, познаваемость знаков связана с тем, что они как средства деятельности безличны, они освобождают от личностных смыслов, выполняя свою инструментальную функцию, облегчая социально-деятельностное взаимодействие. Символы же, наоборот, целиком личностны, в том смысле, что «они состоят из элементов, которые некогда были "абстрагированы" из человеческого опыта и эмоциональных реакций на этот опыт»². Символы сопринадлежны личности, опыту её переживаний, следовательно, имеют глубоко эмоциональную природу. Вызывая те или иные эмоции, символы формируют оценку репрезентируемого содержания. Иными словами, мир ценностей имеет символическую форму и эмоциональное содержание. (Данный тезис для меня весьма важен, я вернусь к нему ниже.)

Второй вопрос, который в данный момент требует прояснения – об отношении культурологии к другим наукам – в частности, искусствознанию, языковедению и литературоведению. Какая из упомянутых областей знания является системообразующей, интегративной? Данный момент весьма важен с точки зрения методологии; проблема в том, что долгое время предмет культуры сводился к художественной жизни общества, проще говоря, к искусству. Это, по меньшей мере, неверно. Я ни в коей мере не склонен отождествлять мир культуры и мир

¹ Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. Учебное пособие. М.; Воронеж, 1999. (Серия Библиотека школьного психолога). С. 21.

² Ридьяр Д. Планетаризация сознания. М.: 1995. С. 213. Цит. по: Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. Учебное пособие. М.; Воронеж, 1999. (Серия «Библиотека школьного психолога»). С. 22.

искусства – первый гораздо шире. Однако здесь может возникнуть проблема: как исследовать культуру, опираясь на категориальный аппарат философии? Не станет ли наука о культуре суммой высоких, но абстрактных истин и отвлечённых рассуждений, каковой считается (и не без оснований) философия?

Думается, что данная проблема разрешима. Главная задача состоит в том, чтобы смысложизненная составляющая культуроведения, опирающаяся на решение основных, предельных вопросов, не отрывалась от другой – практической, основанной на анализе формы и содержания материальных воплощений культуры. Иными словами, все теоретические положения и умозрительные выводы должны быть подкреплены конкретным материалом. Этот вывод, будучи сделан в естествознании или технической науке, был бы далёк от оригинальности.

В гуманитарной сфере он ко многому обязывает: привычка ограничиваться лишь общими словами здесь наиболее сильна¹. Кроме того, именно данное соображение позволит гуманитарной науке приобрести изрядную долю позитивности, ориентироваться не на субъективные переживания философствующего индивида, но на нужды прикладной науки. Извлекая проблему из практики, необходимо решить её «от начала до конца», естественно, заранее определившись с решением наиболее общих, предельных вопросов. Безусловно, это во много раз усложнит и умножит стоящие перед исследователем задачи, однако позволит разработать системную методологию, позволяющую решать практические задачи в контексте теоретического, ещё шире – мировоззренческого понимания происходящего.

Я попытаюсь отчасти проиллюстрировать данные положения на примере взаимоотношений культуроведения и искусствознания. Рассматривая отдельные проблемы художественной жизни общества, важно не покидать пределов культурного контекста, подразумевающего связь искусства с другими областями человеческой деятельности, но можно заострять своё внимание на его отдельных сторонах – не потому, что другие менее важны, но потому, что именно данная его сторона в данный момент наиболее интересна для нас самих.

Иными словами, культура есть контекст, среда существования искусства, в то же время искусство и литература – одна из форм бытия культуры. В методологическом плане можно сделать важный вывод: культурология есть системообразующая дисциплина для искусствознания, а наука об искусстве и литературоведение – структурная часть науки о культуре. В принципе, эти области человеческого знания никогда не были разделены, а многие выдающиеся искусствоведы могут считаться светилами культуроведения: В.М. Фриче, Б.В. Асафьев, А.Н. Сохор, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, М.С. Каган, Д.Б. Дондурей и др.

Однако данное утверждение не так однозначно, как мне думается. Так, во второй половине XX в. в научных кругах России и Запада с особой остротой обсуждался вопрос о предмете и границах социального искусствознания (социологии искусства), функциях данной предметной области и возможности твёрдого разделения науки об искусстве как социальном явлении от эстетики, искусствоведения и пр.

¹ Один из учителей автора данной работы, на вопрос о том, может ли наука о смысле жизни иметь серьёзную практическую составляющую, ответил «нет», ибо философия, по его мнению, призвана «будить силы души», а не заниматься частностями. Я с данной позицией не согласен. По моему мнению, в них как раз всё и дело.

Споры на эту тему продолжают до сих пор, о чём свидетельствуют итоги Первого Всероссийского конгресса социологов. Здесь наряду с разделительными, «местечковыми» тенденциями, присутствовали и движения другого рода: многие учёные защищали тезис о необходимости рассмотрения искусства в общекультурном контексте. Своим собственным путём к этому выводу пришли как западные искусствоведы, так и их российские коллеги. На основании их работ можно сделать ряд выводов, в том числе следующие:

1) методология отечественного социального искусствознания прошла сложный путь: от «вульгарного социологизма» 20-х гг. и борьбы с ним, выразившейся в стремлении «растворить» собственно социологию в смежных науках, прежде всего, в эстетике и искусствоведении, в 30-е – начале 50-х гг.; через увлечение эмпирическими исследованиями в 60–70-е гг. и сближение с социальной психологией в 80-е гг.; к построению новой парадигмы, синтезирующей все использованные ранее методики, основанной на признании социологии и социального знания в целом частью науки о культуре как специфически человеческом способе бытия (90-е гг.);

2) на всех этапах развития отечественной социологии искусства различными исследователями ставилась сложная задача – разработка общей теории культуры, рассмотрение социальных явлений искусства в широком историко-культурном контексте. Очевидно, что по ряду причин эта задача в полной мере решена не была. Данная тема в настоящее время – актуальна как никогда, с учётом признанной научными кругами необходимости разработки прикладного культурологического подхода, столь востребованного в современном обществознании;

3) весьма перспективным способом изучения темы «искусство и жизнь» стал (или, во всяком случае, становится) «семиотический» метод, основанный на достижениях философии языка и во многом нашедший отражение в работах М.М. Бахтина. Частично этот тезис нашёл своё воплощение в рамках ряда общественных дисциплин, например прикладной лингвистики и социолингвистики. В данный момент контекст этих исследований расширяется. Прочтение культуры как текста, совокупности разнообразных высказываний не предполагает безоблачного пути её познания, однако задаёт весьма определённый методологический вектор.

Как мы переживаем культуру? Ранее я акцентировал своё внимание на познании культуры, то есть на её преимущественно разумном постижении и преобразовании. Сейчас, говоря о переживании культуры, я рассматриваю следующие её стороны – нравственность и искусство, основанные в большей мере на эмоциональном отношении к действительности, и выражающиеся как в осмыслении, так и в творческом переосмыслении последней. Иными словами, наделение явлений культуры смыслом, то есть оправдание и истолкование свойственных всякой развитой мировоззренческой системе моральных норм и ценностей, происходит, по моему мнению, прежде всего, благодаря переживанию человеком своего отношения к окружающему миру (к людям, их поступкам, к различным явлениям и пр.). Прежде чем обосновать данный тезис, поясню его:

1) говоря о переживании культуры, нельзя отождествлять его с нравственным и художественным мышлением, так как мир человеческих чувств не всегда можно промыслить (как часто мы говорим о «противоречивых», «непередаваемых», «невыразимых» чувствах! эта невыразимость, неартикулированность – первый признак их неясности, неотчётливости в наших мыслях). Скорее можно говорить о том, что переживание культуры – особая форма отражения действительности в нашем сознании, генетически настроенная на непосредственное, не

замутненное ухищрениями разума, формирование отношения людей друг к другу, а также к объективному миру;

2) говоря о переживании культуры, я имею в виду, прежде всего, индивидуальное, личное чувство. Полагаю, что подлинные эмоции суть всё же явления индивидуального внутреннего мира. Я не беру в расчёт такие «грубые» виды эмоций, как «настроения масс», «массовые пристрастия» и пр. Высшие чувства человека – нравственные, эстетические, интеллектуальные – хотя и формируются обществом, но проявляются сугубо в индивидуальном поведении.

Данная позиция не может считаться открытием; ярчайшим примером философствования на данную тему является экзистенциальная психология Ж.П. Сартра. Сознание Сартр берёт не в разумных, а в дорациональных, не контролируемых разумом состояниях. Корень такого подхода следует искать в том, что разум, по мнению Сартра, детерминирован господствующими в обществе идеологическими, нравственными, юридическими институтами, а стало быть, он является средством «массовизации», обезличивания человека.

Как свободное творческое существо, способное изменить для себя ход событий природного и социального мира, индивид предстаёт, с точки зрения Сартра, в интуитивно-эмоциональных состояниях сознания: в системе «феноменологической онтологии» эмоция превращается в важнейший фактор, более того – способ бытия человека. С позиций экзистенциальной философии данный выход выглядит вполне закономерным. Экзистенция как принципиально необъективируемая сущность рассматривается как состояние сознания, когда человек испытывает свою непосредственную вовлечённость в мир, в ситуацию, когда он *неравнодушен* по отношению к ней.

При этом именно в нерелективных состояниях сознания, то есть в эмоциях намечается движение к реализации сущностной связи между субъектом и объектом: граница между ними исчезает, объект становится частью нас самих. Поэтому именно нерелективные явления психики, с точки зрения Сартра, служат доказательством того, что наша экзистенция имеет место в действительности. Эмоция – это «реализация экзистенции... Она обозначает человеческое существование («Esquisse d'une theorie des emotions», p. 11)»¹;

3) я не собираюсь утверждать, что смыслы культуры рождаются исключительно в замкнутом мире частных мыслей и переживаний, ибо культурогенез, как и бытие в целом, является синтезом объективного и субъективного планов своего существования. Влияние общественного сознания на индивидуальное трудно отрицать. Однако я думаю, что общественное сознание, в основе проявлений которого лежит весьма ограниченный ряд стереотипов, имеет сильное влияние лишь на сугубо общественные виды деятельности человека, связанные, как правило, с производством и потреблением материальных благ. Высшие виды сознательной деятельности, куда мы относим и нравственность, и искусство, опосредованы в большей мере внутренним миром человека, а потому его цельность и богатство играют здесь решающую роль.

¹ Цит. по: Бахрадзе М.Е. Эволюция мировоззрения Ж.П. Сартра по его литературным произведениям. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Тб.: 1964. С. 11.

Итак, наделение явлений культуры смыслом, то есть оправдание и истолкование свойственных развитому мировоззрению моральных норм и ценностей, происходит, прежде всего, благодаря переживанию человеком своего отношения к окружающему миру. Иными словами, срединный план культуры – мир моральных ценностей – формируется в наибольшей мере благодаря эмоциям. Для нас данный тезис является важнейшим – как в теоретическом, так и практическом плане (как мы уже говорили, культурный контекст неразрывно соединяет эти две стороны человеческой деятельности).

Культура не была бы культурой, если бы не было превращения объектов и материалов, взятых из природы и из жизни, в человечески значимые ценности. В процессе восприятия нами окружающей действительности каждому явлению культуры всегда присваивается тот или другой уровень чисто человеческой значимости. Однако как передать из поколения в поколение складывающуюся оценку реальности? Эту функцию и выполняют ЗСС (вспомним тезис о том, что мир ценностей имеет символическую форму и эмоциональное содержание!). Сложившийся в сознании творца образ действительности опредмечивается в книге (литературном произведении) или ином произведении искусства. В процессе прочтения реципиент распредмечивает произведение, при этом в его сознании возникают не только вполне чёткие, предметные образы, но и стихийные, воздействующие на подсознание. Благодаря своей эмоциональной природе они способны напрямую, минуя рефлексивные механизмы, «входить» в сферу ценностного знания, формируя эти ценности.

Исходя из этих положений, Ю.А. Филипьев в своё время сделал важнейший вывод о специфичности природы гуманитарного (в частности, общественного) знания, как знания «интериоризированного» (термин Л.С. Выготского). Данная часть всеобщего человеческого познания (в отличие от «экстериоризированного», то есть объектно-предметного) характеризуется, по его мнению, формированием особых, *ценностно-психологических* состояний сознания, как важнейшего источника духовного опыта.

Наряду с экстериоризацией распредмеченных конкретно-чувственных образов (отнесением их к рефлексивной стороне освоения внешнего мира) происходит их фиксация и запоминание данных эмоциональных воздействий, при этом мировоззрение наполняется специфическими, *эмоционально-ценностными* отношениями к окружающему миру. Они характеризуются преимущественно эмоциональным способом формирования ценностных представлений¹. Особенно ярким примером такого рода отношений является музыкальное слушание. Допустим, звучит та или иная мелодия. Для научного мира музыка – лишь набор определённых звуко сочетаний, расположенных во времени в определённом порядке и ничего более. Для нас же это именно *музыкальная* мелодия – волнующая, трагичная и прекрасная. «Переживание музыки есть ... условие восприятия музыкального предмета»².

Несомненно, что сами по себе звуко сочетания могут акустически исследоваться, а музыкальное произведение может быть охарактеризовано с помощью понятий мелодии, гармонии, ритма, метра, с помощью нотной артикуляции либо при отсутствии таковой и т. д.

Но физикой звуко сочетаний ещё никак не определяется собственно человеческая значимость мелодий. В этом и заключается особенность всех вообще

¹ См.: Филипьев Ю.А. Искусство в системе человеческих ценностей. М.: 1996. С. 47.

² Лосев А.Ф. Основной вопрос философии музыки // Философия. Мифология. Культура. М.: 1991. С. 316.

гуманитарных явлений, значений и ценностей, что они предполагают не только (и не столько) научный подход при их освоении, сколько эмоционально-оценочный. Произведения искусства и литературы обнаруживают не только присущие им физические свойства, но также играют и функциональную впечатляюще-значимую роль для человека, отсюда эти произведения выступают уже носителями человеческих ценностных значимостей.

Ветвь интериоризированного знания впитывает в себя собственно гуманитарно-ценностные аспекты человеческого отношения к окружающему миру и окружающим, а процесс интериоризации – это, в сущности, процесс формирования духовного мира личности. Со временем этот мир наполняется пониманием высших целей бытия, человеческого достоинства и красоты в высочайшем её понимании. Рождённые же таким миром произведения искусства или их интерпретация – поистине прекрасны. Поэтому мы утверждаем, что мир ценностей нашей культуры формируется в основном благодаря эмоциональной природе нашего сознания и эмоциональной природе действительности в целом.

Как мы философствуем о культуре? Эта сторона *рефлексивной* деятельности человека рассматривается мною особо, так как она не сводима ни к науке, ни к нравственной проповеди, ни к отдельному виду искусства. Особенность философии культуры как способа разумного освоения бытия заключается в возможности творчески соединять эмоциональную и рациональную стороны дискурсивной практики, синтезируя, таким образом, особый вид дискурса, способности непрерывно вопрошать о смысле жизни во времена благополучия и процветания («как несвоевременно! как несерьёзно!») и благословлять времена гонений и потерь («блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»).

Разум перестает быть сухим, рассудочным, приобщаясь к богатству эмоционального мира всего человечества: «Во всяком случае, одно несомненно: философское познание есть духовный акт, в котором действует не только интеллект, но и совокупность духовных сил человека, его эмоциональное и волящее существо. <...> Предрассудок думать, что познание всегда рационально и что нерациональное не есть познание. <...> Опыт человеческого существования в его полноте лежит в основе философии. В этом опыте нельзя отделить жизнь интеллектуальную от жизни эмоциональной и волевой»¹.

Эта черта распространяется не только на мировоззренческий рационализм, на собственно эпистемологию, но и (в гораздо большей мере) на экзистенциальную философию, изначально окрашенную в тона личностного существования: «Исповедальное слово рождается *не* как звук – пусть даже и самый благодатный и благодатный – но как условие духовного и нравственного совершенства. *Текст исповеди* возникает как реальный "спор мысли", и он невозможен без обращения к истокам, к истории, к самому себе»².

Стоит отметить здесь следующий немаловажный момент. В последние десятилетия, в связи со сложными идейными, политическими и экономическими про-

¹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М.: 1994. С. 230–240.

² Уваров М.С. Бинарный архетип: (Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры). СПб: 1996. С. 165.

цессами в России и мире в целом, происходит изменение конфигурации всего корпуса гуманитарных наук, в частности – науки о смысле жизни. Умножается число направлений исследований, появляется оригинальная проблематика, рождаемая самой жизнью, синтезируются новые, подчас экстравагантные дисциплины – онтопсихология, социальная культурология и пр.; ответом на длительное доминирование атеизма стало тотальное распространение религиозно-философских теорий. В этих условиях мы можем допустить непростительную ошибку – распылить сам предмет философии по частным дисциплинарным «квартиркам», потерять ту благодатную почву, на которой и выросло всё здание современной науки.

Философствуя, таким образом, на тему культуры, я не могу не остановиться на рассмотрении важнейшего вопроса – о сущности философско-культурологического дискурса, его сердцевине. Какое культурное явление способно наиболее точно отразить нетривиальность, творческую потенцию нашей культуры, её созидательную мощь? Думается, что таковым является смех. Смеховая культура, ирония и юмор как явления эмоционально-ценностного плана – это интереснейшее и актуальное направление для диалога о культуре, явлении подчас парадоксальном, способном преодолевать самое себя благодаря своему «раздвоению» (Д.С. Лихачев), возможности усмотреть комическое в абсолютно «серьёзных» вещах и снять, таким образом, их мертвящую незыблемость.

Стоит заметить, что и здесь я претендую не на оригинальность, но лишь на возможность впоследствии раскрыть тему смеховой культуры под несколько иным, нежели ранее, углом зрения. Действительно, тема комического в мировой и европейской культуре уже достаточно хорошо разработана. Если говорить о западной философии, стоит упомянуть, прежде всего, об экзистенциальной психологии С. Кьеркегора. «Ирония» («ironi») и «юмор» («humor») относятся к числу ключевых категорий, употребляемых Кьеркегором. Ещё в своей магистерской диссертации «О понятии иронии. С постоянной оглядкой на Сократа» («Om Begrebet Ironi»), вышедшей отдельной книгой в 1841 г., Кьеркегор выдвинул концепцию романтической иронии, весьма близкую аналогичным теоретическим построениям немецких романтиков.

В дальнейшем эти две основные формы комического рассматривались им как адекватное выражение «двойной рефлексии сообщения», то есть косвенной формы коммуникации, жизненно необходимой для экзистенциального усвоения высших, универсальных истин. Как пишет Кьеркегор в «Заключительном ненаучном послесловии к "Философским крохам"» («Afsluttende uvidenskabelig Efterskrift»), вышедшем под псевдонимом Иоханнес Климакус в 1846 г.: «...именно перед... острием комического исчезают препятствия для экзистенциального сообщения». Там же говорится: «Для существующего в двойной рефлексии все обстоит именно так: сколько пафоса – ровно столько же и комического; они обеспечивают существование друг друга: пафос, не защищенный комизмом, – это иллюзия, комизм же, не защищенный пафосом, незрел»¹. Иными словами, ретрансляция культурных смыслов, передача в поколениях мировоззренческих ценностей, возможна при наличии комического плана этих смыслов, этих ценностей.

Говоря о философии смеховой культуры, я имею в виду и русскую философскую традицию. Она заявляет о себе уже в XII–XIII вв. (стоит вспомнить хотя бы известное «Моление Даниила Заточника»), хотя окончательно складывается в русской демократической литературе XVII–XVIII вв., продолжаясь в XIX–XX вв.

¹ См.: Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. с дат., коммент. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: 1993. (Б-ка Этич. мысли). С. 356.

Трактовка культуры как эмоционального, но умного действия, неразрывно связывается там с таким явлением, как смех. Смех, это «вечное начало» (Ф. Ницше), преодолевает унылую и бессмысленную, дурную бесконечность переживаний собственных неудач и пустого беспокойства, ставит человека выше них. Речь идёт не о злом «смехотворчестве», и уж, конечно, не о бесовском хихикании, пожалуй, даже не о юморе, который Кьеркегор считал наиболее приближающимся к религиозному чувству отстранённости от мирской суеты. Философ Т. Горичева пишет: «Смех, интересующий нас, выше страдания (пережил его) и, следовательно, выше свободы. Смех – возможность для свободы избежать самой себя (в смехе много от послушания). Смех божественен. Как сказал Достоевский: этот человек веселый, он не может быть атеистом... Суета дробит, веселие же объемлет собою все, все переворачивает, везде присутствует, везде ускользает... Смех, а не диалектика, объемлет тотальность сущего»¹.

Из столь неоднозначной оценки я извлекаю интересное предположение: если юмор говорит о внутреннем мире, где живёт боль, то «...смех же объемлет внутреннее и внешнее в бесполезной, небесной радости»². Эта радость бесполезна не потому, что она пуста, но потому, что она – вне рации, вне утилитаристского сознания XX в.; это – прорыв к трансценденции, к высшему единству познающих и чувствующих сторон человеческой природы. Смех ограничивает область конечного, полезного; если человек весел, стало быть, внутренне свободен: от страстей, от любого рабства.

Таким образом, смех предстаёт перед нами как универсальное явление культуры, источник её творческих сил, в значительной мере – её вечно обновляющаяся и одновременно неизменная сущность. Отсюда философия смеховой культуры – это и есть собственно философия культуры, основная проблема которой – вечное единство и противоборство эмоционального и рационального начал, снимаемое лишь всё оживляющим и превозмогающим весельем, то есть – смехом.

С учётом вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

1) культура – это специфически человеческий способ жизнеустройства, позволяющий человеку обустроить свою жизнь в ладу с окружающим миром и другими людьми, обществом, живой и неживой природой, космосом. Эти отношения воплощают совокупность культурных смыслов, имеющих как «низкое», повседневное, так и «высокое», вневременное значение, существующих в тесной взаимосвязи и подчас взаимовложенных знаково-символических систем. Культура одновременно существует в двух планах – эмоциональном, явления которого основаны преимущественно на чувствах, и рациональном, явления которого основаны преимущественно на разуме. Познание культуры в большей мере основано на разумном её постижении, переживание культуры – на постижении эмоциональном;

2) культура живёт в объектах материального мира, будучи воплощена, опредмечена в них. Та часть из них, что может быть рефлексивно наделена наибольшим количеством смыслов и значений, может быть отнесена к ЗСС, что позволяет говорить о последних, как о своеобразных средоточиях культурной информации. Символы сопринадлежны личности, опыту её переживаний, следова-

¹ Горичева Т.М. Анархеология смеха // Православие и постмодернизм. СПб: 1995. С. 33.

² Там же. С. 34.

тельно, имеют глубоко эмоциональную природу; вызывая те или иные эмоции, символы формируют оценку репрезентируемого содержания. Культурология есть системообразующая дисциплина для гуманитарных наук, а последние – структурная часть науки о культуре;

3) наделение явлений культуры смыслом, то есть оправдание и истолкование свойственных развитому мировоззрению моральных норм и ценностей, происходит, прежде всего, благодаря переживанию человеком своего отношения к окружающему миру. Иными словами, срединный план культуры – мир моральных ценностей – формируется в наибольшей мере благодаря эмоциям. Функцию передачи из поколения в поколение складывающейся оценки реальности выполняют ЗСС;

4) особенность философии культуры как способа освоения бытия заключается в синтетичности философско-культурологического дискурса, гармонично соединяющего эмоциональную и рациональную стороны рефлексии. Смех как явление культуры наиболее точно отражает нетривиальность, творческую потенцию культуры, её созидательную мощь. Он предстает как универсальное явление культуры, в значительной мере как её вечно обновляющаяся и одновременно неизменная сущность. Поэтому философия смеховой культуры – это философия культуры, основная проблема которой – вечное единство и противоборство эмоционального и рационального начал.

КУЛЬТУРА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ПАТРИОТИЗМ

В настоящее время на уровне обыденного сознания идёт девальвация таких понятий, как патриотизм, культура, гуманизм, мировоззрение, прогресс – этих важных категорий, составляющих фундамент научного мировоззрения, убеждений, веры. Настораживают иные, так называемые «научные» поиски «новых» парадигм мышления, концептуальных подходов к изучению развития общественного сознания, предполагающих иные приемы, подходы и варианты для деиндивидуализации личности, активно эксплуатирующих идеи исключительности богатых и не замечающих рядовых людей труда.

Пропагандируется ход реформы в области перераспределения власти и собственности лишь в пользу богатого частного сектора, в котором действительно формируется новая социальная структура, где ведущая роль уже будет принадлежать торгово-посредническим, финансовым, предпринимательским группам бюрократии. Всё это не отвечает национальным интересам страны в целом.

Политическая, экономическая, духовно-нравственная целесообразность доказательства этого тезиса псевдонаучна и объективно ведёт к снижению роли трудящихся в производстве, росту бедности, а общество – к получению очередного негативного опыта и к новым социальным потрясениям. Научно обоснованная теоретическая оценка социальной системы трансформирующегося российского общества остаётся предметом острых теоретических споров и дискуссий, требуя своего научного решения. В этой связи актуальность проблемы патриотизма, культуры и политики, духовной сферы в современных условиях значительно повышается в связи с осмыслением её роли в устойчивом развитии общества. За счёт потенциала духовной культуры, разума и успешной координации культурной, научной и образовательной деятельности может быть достигнута высокая динамичность и надёжность системы идей патриотизма, облагораживающей Отечество. Истинное патриотическое сознание укрепляет и развивает человека, тем более, когда оно в опасности. Историческая память о великих предках, их великие подвиги и победы поднимают моральный дух народов, укрепляют их единство и дружбу. История учит

тому, что низкое моральное состояние общества неизбежно приводит к упадку и деградации любое сильное государство. Чтобы побороть страшную беду, в которую попала страна, придётся начинать не с материального, а с духовного создания живого, здорового организма великой страны. Патриотизм включает в себя такие высокие нравственные понятия, как достоинство, гордость, преданность делу, профессиональная подготовка, долг, справедливость и многие другие высокие человеческие качества, проявляемые по отношению ко всем народам мира. К числу указанных социальных свойств и условий относится наличие продуманных воспитательных средств и мер, особенно в детском возрасте.

Патриотизм населения, любовь к Родине – продуктивное направление развития общественной мысли, основанное на научных достижениях всех областей знаний. Инновационная модель воспитания и образования граждан является приоритетной для всей науки и системы образования. Здесь необходима инновация новой идеологии, требующей развития культуры, дисциплины, общественного сознания, воспитанности, образования, а уже затем и всё остальное. Россия имеет мощную интеллектуальную базу, талантливый, склонный к знаниям человеческий потенциал со святой верой в силу науки, образования, культуры, искусства, литературы, всей духовно-нравственной сферы,

Выдающийся английский историк и философ А. Тойнби писал, что технический прогресс никогда не сопровождался моральным и духовным прогрессом: мораль статична и консервативна, а техника динамична и подвижна; разрыв между техническим, технологическим уровнем и социально-нравственным развитием человечества постоянно увеличивается.

С этим утверждением учёного в современных условиях нельзя согласиться. Нам ближе положение, высказанное академиком П.Н. Федосеевым, который, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечал, что главная наша установка в понимании проблем современной культуры, цивилизации – это идеи сближения научно-технического, социального и духовно-нравственного прогресса¹.

Понятие патриотизма широкое, динамичное, многомерное, открытое, оно опирается на педагогические знания, науку о воспитании и обучении человека. В его основе лежит широкий и глубокий философский взгляд на мир, новое мировоззрение, убеждения, вера, широкое образование и духовно-нравственная ответственность, развитое чувство долга, жизнь без насилия и бедности.

Определение патриотизма дал В.И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов», написанной в годы Первой мировой войны в обстановке разгула шовинизма и национализма, крайнего беспредела, в условиях насилия и нищеты. Он писал; «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою Родину, мы больше работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 90% ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов»².

Патриотизм в условиях XXI века постепенно становится общенародным всеобщим делом. Его основанием является всё возрастающая сознательность населения, понимание законов развития. Он носит активный действенный харак-

¹ Вопросы философии. 1974. № 7. С. 16.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 85.

тер и связан с повседневным творческим трудом, образованием, защитой отечества воспитателя и воспитуемого, сознательной общественной, культурной деятельностью народных масс, методами терпеливого убеждения.

Современный патриотизм каждой личности напрямую связан с историческими условиями жизни людей. Он ориентирован на предупреждение конфликтов, опасностей, войн и насилия, обеспечение охраны живого человеческого организма и его живого, физически и духовно развитого тела, его общественного сознания, с развитым чувством общественного долга.

Эти понятия – убеждение, вера, новое мировоззрение – уместны сегодня как никогда: главное здесь – пробуждение и развитие общественной мысли, заботы о ближнем и дальнем, способствующие осознанию высокой роли человека, развитию его способностей и совершенствованию социальных качеств во всех слоях гражданского общества, особенно среди детей и молодёжи.

Итак, патриотизм – это глубокое чувство любви к Отечеству, большой и малой Родине. Здесь приоритет отдаётся честному служению семье и государству, самоценности человеческой личности; любви к родному языку, культуре, достижениям культуры мирового сообщества. Это система ценностей духовной жизни, проявление уважения к идеям социальной справедливости, свободы, подлинному равенству людей труда.

Патриотизм не отрицает действительность, не приукрашивает её, он видит всю жестокость и несправедливость жизни, высокой цены и осознания полученных плодов прогресса.

Патриотизм – важнейшая духовная черта личности, характеризующая высокий уровень её развития и проявляющаяся в её активной трудовой и общественной деятельности, борьбе на благо Отечества. Проблема формирования патриотизма, гражданственности всегда привлекала философов, политиков, писателей, педагогов, работников культуры (В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Н.К. Крупскую, М.В. Фрунзе, А.С. Макаренко, Ф.Э. Дзержинского, В.А. Сухомлинского и многих других).

Уровень развития личности патриота страны, определяется следующими критериями, индикаторами:

- гражданская, общественная направленность личности, её мировоззрения;
- наличие нравственных, духовных ценностей, убеждений, устремлённость в будущее;
- служение Родине, человечеству, развитое чувство служения общественному долгу.

Такие основные параметры патриотической деятельности по воспитанию в человеке любви к малой и большой Родине, к человеку, семье, обществу, земле, передаваемые из поколения в поколение. Патриотизм – это вечное, святое чувство человека, его естественное состояние, соединяющее нас с любым человеком, живущим в прошлом (и двести, и триста, и две тысячи лет тому назад), и живым, ныне действующим человеком на планете Земля. В этой любви выражается высокая культура, её человечность, которую только возможно описать.

Сегодня патриотизм меняет свой облик, объём и содержание, и вновь человек словно заново учится говорить на своём родном языке и на языках народов мира. Мы сегодня всё чаще обращаемся к истокам, характеру и содержанию жизни человека на заре его истории. Но это не только изучение прошлой истории, что очень важно, но и понимание её настоящего смысла и будущего содержания. Если человек хочет сохра-

нить жизнь на Земле сегодня и завтра, он должен, обязан осмыслить знания прошлого и настоящего, опереться на убеждения, веру, ибо без них нет будущего.

Общепризнанно, что каждое новое поколение использует совокупность материального и духовного богатства, созданного предшественниками. При этом преемственность в сфере общественного сознания и общественного долга не ограничивается знаниями прикладного порядка, навыками в труде и быту, образовании и досуге. Осуществляется воспроизводство всей совокупности общественных, в том числе мировоззренческих и политических, экономических, духовно-нравственных отношений, чувств, норм общественного сознания. Всё идёт из прошлого, как отмечал К. Маркс: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹.

Я никогда не соглашусь с теми, кто отрицает необходимость воспитания русского, российского патриотизма, гуманистического развития личности. Это понятие уместно и перспективно, тем более в такой большой и многонациональной стране, как Россия. Но если это так, то только человек свободный, ответственный, разумный и патриотически настроенный становится движущей силой позитивных преобразований в обществе.

В повести «Фауст» И.С. Тургенева интересно звучат слова о невозможности личного счастья для человека, убеждённого, что жизнь – тяжёлый труд и вечная жертва. Автор повести выражает следующую мысль «Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... Жизнь тяжёлый труд. Отречение постоянное – вот ее тайный смысл; ее разгадка – неисполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы возвышенны они ни были. Исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща»².

Эта философская проблема, вложенная в уста героя повести, вызвала возражения Н.А. Добролюбова, по мнению которого, этот вывод крайне печален потому, что потребности человеческой природы, согласно такому взгляду, признаются противными требованию долга. Критика Добролюбовым этих представлений о «нравственных веригах», утверждаемых И.С. Тургеневым, целиком и полностью совпадает со взглядами А.И. Герцена, который утверждал, что человеку исполнение своего долга следует считать не тяжёлой ношей, не нравственными цепями, а находить в нём наслаждение, чувство удовлетворения. Здесь мы видим удивительное совпадение, прямое сходство суждений об общественном долге Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена с более поздним суждением Питири-ма Сорокина уже в XX веке.

Уезжая из Советской России, Питирим Сорокин в своём дневнике записал: «...жизнь, даже если она трудна, самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Следовать долгу столь же прекрасно, ибо жизнь становится счастливой, душа же обретает непоколебимую силу. Отстаивать идеалы – вот мой второй урок. А третий – насилие, ненависть и несправедливость никогда не смогут сотворить ни умственного, ни нравственного и даже материального царства на Земле»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. М.: 1999. С. 119.

² Тургенев И.С. Т. 6. М.: 1949. С. 204.

³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: 1992.

Россия настойчиво ищет свою любовь к Родине, находясь в непрерывном поиске не только демократической идентичности, но и в выработке нового современного чувства ответственности, выполнения общественного долга, влияющего на экономику, человеческий фактор, политику, культуру, общество в целом. Вряд ли необходимо объяснять, какое огромное значение для настоящего и будущего России имеют укрепление морального духа народа, органическое сочетание историко-патриотических традиций и творчества, обновление этих идей в труде, образовании, науке, культуре, литературе, религии, психологии, праве в период радикальных социально-политических и духовно-нравственных реформ и перемен.

Необходимо воспитание и укрепление патриотизма. Важно всемерно способствовать развитию в обществе таких ценностей, как добро, любовь, дружба, красота, истина, гармония, духовность. Эти простые понятия должны быть широко известны и внедрены в общественное сознание и чувства самых широких масс.

Чувство любви к Родине воспитывается всей системой общественных отношений: социальными институтами, укладом жизни, государством, семьёй, школой, трудовым коллективом, армией, религией и т. д. Оно начинается с любви к своему городу, селу, ко всему тому, что называется «малой и большой родиной». Это чувство нельзя абсолютизировать, отрывать от материальных, культурных и духовных основ, ибо оно может легко перейти границу, нарушить меру и перейти, скатиться в национализм, цинизм, шовинизм, фашизм и т. д. Русские, российские патриоты – рабочие, крестьяне, учёные, предприниматели, государственные деятели, представители литературы и искусства, работники культуры и религиозные деятели – призывают народы беречь и любить своё Отечество, бережно относиться к человеческим и природным ресурсам планеты.

Общенациональная цель патриотической деятельности граждан России, мечты её народов формулируются в самом предварительном плане следующим образом: усиление влияния гражданского общества; каждому человеку, россиянину – обеспечение благополучия и безопасности; каждой российской семье – достойный уровень и качество жизни; Отечеству, России – мир и национальное согласие в труде, быту и в общественной жизни.

Идеологи «золотого миллиарда», претендующие на «приватизацию будущего», постоянно подчёркивают непатриотичность сознания народных масс, народов России. По их мнению, народные массы являются лишь «слепой» стихией, ведомой интеллектуальной «элитой», народ якобы сам не способен к сознательному историческому творчеству, индифферентен к проблемам патриотизма, способен лишь к разрушению, а не созиданию.

В действительности же главной движущей силой общественного прогресса являются организованные, образованные, сознательные и культурные люди, вооружённые глубокими чувствами и знаниями законов развития природы и общества, ибо трудовой человек является последовательно преобразующим революционным субъектом истории.

Наша надежда на восстановление могущества России (развитие человека труда, его общественного сознания, вывода его на уровень интенсивного всестороннего развития) связана с патриотическими силами. За патриотическую ответственную и справедливую власть высказались 3/4 избирателей. Народ ждёт и борется за воплощение в жизнь своих интересов и ожиданий. Патриотическая идеология сбережения народа, его развитие и благосостояние, укрепление государственности, роста общественного производства получает официальное и народное

признание и носит фундаментальный характер. Эти патриотические силы предлагают свой путь развития евразийской и мировой цивилизаций, ориентированный на раскрытие творческого потенциала человека, его чувств, интуиции и разума, сохраняя разнообразие национальных культур, обеспечивая равноправие международного сотрудничества, мировых общественных отношений.

Социальная несправедливость давно бы исчезла с лица Земли, если бы были развиты высокие чувства сознательности, организованности и активности народных масс, повсюду были бы достаточно высоки патриотичность, любовь к Отечеству, человеколюбие, отсутствие чувства страха, неуверенности в своих силах, развитое общественное сознание, спокойствие и убежденность. Эти предчувствия, мечты и разум составляют основу практических убеждений, подсказывают им верное направление в ориентации и борьбе за преобразование общественной жизни на принципах равенства и справедливости, разумности и общественного долга.

В течение всего трансформационного периода брали верх групповые, частные, корпоративные интересы над интересами национальными и общественными, духовными и нравственными. Соответственно этому формировались две противоположные линии политики и практического поведения и борьбы этих двух начал – явно или неявно проявляющихся во всех аспектах жизни общества, государства, семьи, личности.

* * *

С приходом нового руководства страны в этом направлении стали появляться обнадеживающие первые шаги: общественные отношения начинают регулироваться Конституцией, законами, традициями, общественными привычками. Эти законы и традиции должны отвечать природе нового создаваемого общества без насилия. Словом, здесь созрели условия для реформ, и они должны быть проведены.

Важно создать режим равных возможностей с учётом разумной, научно обоснованной налогооблагаемой базы, подавления теневой экономики, решительного преодоления организационного сопротивления нелегальных структур.

Необходимо всем задуматься над смыслом происходящего, искать и находить ответы на самые сложные социальные и духовные вопросы, касающиеся проблем и противоречий развития страны в целом на основе патриотизма. Патриотическое сознание народов России, идеи патриотизма в своём развитии прошли ряд этапов от стихийного сознания до сознания, основанного на научной идеологии, нормах нравственности, духовности, успехах в области естествознания и техники.

На протяжении всей мировой истории наука, образование, культура, управление, система воспитания, религия во многом стихийно определяли развитие человека, его социальный и духовный прогресс. Под воздействием этих процессов возрастали также роль и значение интеграции народов мира.

Система общественного сознания содержит в себе высокое чувство патриотизма, которое является одухотворённым живым действующим мотивом поведения, практическим фактором, направленным на устойчивое развитие человека, его безопасность. При отсутствии необходимой твёрдой власти, духовной

базы, стройного духовного механизма» регулирования общественных отношений население, человек деградирует, впадает в нищету, вымирает. Личность теряет доброту, честность, порядочность, гордость и устойчивость. Идёт процесс разрушения духовных основ мировоззрения эпохи. Побеждает же, в конечном счёте, только высокий дух, развитое общественное сознание, патриотизм, нравственная мощь богатства духовных чувств народных масс, а это явление не материальное, а духовное.

Новый патриотизм народов России после победы Великого Октября прошёл ряд сложных этапов в своём развитии. Общество отстояло завоевания революции в Гражданской войне, в создании материально-технической базы в городе и на селе, в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

В мире ещё сохраняются противоречия между физическим и умственным трудом, трудом и капиталом, серьёзные социальные различия в быте и жизни людей. Различия имеют место в образовании и воспитании, всё это не может не оказывать влияния на сознательную деятельность людей, их активность. И не случайно настоящий патриотизм, любовь к своей Родине всегда обращены лицом к общественным ценностям, государственной власти своего и других народов, к расширению дружбы и сотрудничества людей разных национальностей, их культурной, теоретической и духовной зрелости. Я называю это культурой патриотизма.

Вот почему проблема взаимодействия двух уровней сознания, бытового и теоретического, в развитии культуры патриотизма является актуальной и сегодня.

Наша задача – вычленив из процесса развития всё лучшее, самое патриотичное в человеке и нивелировать возможные негативные последствия идей лжепатриотизма. Этот вопрос связан с острой необходимостью существенного улучшения качества человеческой жизни на территории всей России.

Быстрота и масштабность перемен бросают вызов способности образования, искусства и науки освещать и формировать возникающие новые тенденции их способности для глубоких междисциплинарных обобщений и создания новых гуманитарных технологий.

В условиях XXI века необходим мощный прорыв в будущее для утверждения гуманного, толерантного мира без насилия, террора и угроз самому существованию человека.

Научное мировоззрение и патриотизм становятся всенародным, интернациональным чувством, воспитанным на высокой сознательности, культуре труда и безопасности народов планеты. Они носят активный, деятельный, дружественный и интеллектуальный характер.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2007. № 4)

О.А. Бельков

РУССКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О «РУССКОМ ПРОЕКТЕ»

Настоящие заметки по предложению главного редактора журнала я начал писать в феврале 2007 г. – сразу же после первых сообщений в СМИ о том, что «Единая Россия» выступила с принципиально новой идеей, названной «Русским проектом» и призванной оздоровить социально-политическую и нравственно-психологическую обстановку в стране. Однако, письменное оформление мыслей, навеянных тем начинанием, а также издательско-типографская технология потребовали определённого времени. Поэтому к моменту публикации статьи стало вполне очевидно, что объявленный «единороссами» проект оказался прожектом: они не смогли или не захотели перевести его в плоскость практических дел.

Таким образом, данный материал как непосредственный отклик на злобу дня, как частный комментарий к конкретной декларации устарел ещё до его публикации. Высказанное в нём допущение того, что рассматриваемый проект плавно и быстро элиминирует в нети, стало фактом. Но русский вопрос, заявленный в той декларации, нисколько не утратил своей актуальности. Он остаётся предметом теоретических дискуссий¹, политических столкновений², правовых коллизий³. Да и сам факт его мимолётной артикуляции «Единой Россией» требует осмысления и объяснения. Иными словами, если и исчез внешний повод, подтолкнувший к разработке заглавной темы, то остались глубинные причины, определяющие её теоретическую и практическую важность. В силу этого полагаю возможным и целесообразным отдать в печать эти заметки в том виде, как они сложились в феврале–марте 2007 г.

* * *

«Единая Россия» – партия власти, не раз заявлявшая о том, что стоит на общей с Президентом политической платформе, – инициировала внутрипартийную, а вместе с тем и общенациональную дискуссию под интригующим и даже в какой-то мере эпатазирующим названием – «Русский проект». Интригующей эта дискуссия является, поскольку возбуждает интерес, любопытство чем-то загадочным, неясным. Ещё в 2003 г. Фондом «Либеральная миссия» были организованы семинары по обсуждению узловых проблем этнической политики Российской Федерации. Одна из них звучала так: «Русский вопрос в России: в чём суть этого вопроса? Каковы функции и роль этнического большинства в процессе нациестроительства в России? Должна ли федеральная власть проводить особую политику для решения проблем этнического большинст-

¹ В подтверждение можно назвать лишь некоторые книги, вышедшие в последнее время: *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004; *Косов Е.* Быть русским: Русский национализм – разговор о главном. М.: ЗебраЕ, 2005; *Лалин А.А.* Русский вопрос. Воронеж: Свободная пресса, 2006; Русская нация – системообразующее ядро российской государственности: АКИРН, 2007; Русская доктрина: Русский шанс XXI века: прорваться сквозь глобальную смуту (Сергиевский проект). М.: Яуза-пресс, 2007. 864 с.; *Севастьянов А.В.* «Россия – для русских!» Третья сила: русский национализм на авансцене истории. М.: Книжный мир, 2006; *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005; *Холмогоров Е.С.* Русский националист. М.: Изд-во «Европа», 2006; *Ципко А.С.* Россию пора доверить русским: Критика национального нигилизма российских либералов. М.: Алгоритм, 2003; *Шафаревич И.Р.* Русофобия. М.: Изд-во Алгоритм, изд-во Эксмо, 2005;. Принадлежащие, если можно так сказать, одному лагерю, они не только в позитивном плане излагают авторское видение русского вопроса, но и в полемическом ключе опровергают оппозиционные им подходы.

² В докладе В. Милитарёва на заседании ЦК КРО 26 декабря 2006 г. говорилось: «В 2006 году русский национализм заявил о себе как о важной силе, одном из ключевых факторов современной российской политики и транзита власти 2007–2008 гг. Кондопога, Русский Марш–2006, деятельность ДПНИ как таковая, возрождение КРО – все эти события имели качественно иное, более серьёзное и суровое звучание и значение, нежели любые иные выступления и разнообразные формы политической активности националистов в прежние 15 постсоветских лет» (<http://www.apn.ru/publications/print11253.htm>). «Нарастающий внутренний протест русских против своего принижённого положения, – писал, например, Н. Леонов, – уже давно нашёл своё политическое выражение в карикатурно-националистической риторике Либерально-демократической партии В. Жириновского, провозгласившего: «Мы за русских, мы за бедных» и получившего в результате более 10 процентов голосов на последних выборах. Этот же протест выразили и почти 10 процентов избирателей, отдавших свои голоса за блок «Родина». Неужели Кремль не увидел этих цифр и не услышал глухого, нарастающего ропота русских?» («Гудок», 2004, 3 апреля). «Русский проект» партии власти свидетельствует о том, что цифры увидены и ропот услышан. Вопрос в другом: насколько адекватна будет реакция?

³ На полдороге остановилась инициированная ещё в октябре 2005 г. Президентом разработка Концепции государственной национальной политики (существующая концепция, утверждённая в 1996 г., по словам директора Института этнологии и антропологии РАН В. Тишкова, «чрезвычайно устарела и не отражает нынешнее положение дел»). Не получило развития высказанное на международной конференции «Многонациональная Россия в XXI веке: диалог культур и религий, права человека», проходившей летом 2006 г. в Госдуме, предложение принять закон «Об основах государственной политики РФ в сфере межнациональных отношений». Уже не один год в Государственной Думе пылают законопроекты «Об основах государственной национальной политики», «О русском народе». Весьма неоднозначно принят обществом закон «О противодействии экстремистской деятельности». Конституционная норма, отменившая правовой институт национальности, сделала принципиально невозможной защиту гражданина от дискриминации по национальному признаку, борьбу с разжиганием национальной розни.

ва?» По словам руководителя проекта Э.А. Паина, ни в российской политической практике, ни в исследованиях российских учёных нет готовых ответов на поставленные вопросы¹.

Эпатирующий характер дискуссия по русскому вопросу имеет, так как поражает общественность нарушением общепринятого в нашей стране политеса, согласно которому многие десятилетия о русских и их проблемах в России публично говорить в структурах власти, как бы это помягче сказать, было не принято.

Сегодня ветры переменились. Оставив пока за скобками вопросы о том, почему и зачем это произошло, отметим, что дискуссии придан такой накал, который очень скоро – по словам заместителя секретаря президиума генсовета «Единой России» Андрея Исаева, уже весной – может разговоры конвертировать в законопроекты². Заявленная тема столь актуальна, что в первые же дни после конференции, на которой было сообщено об открытии Проекта, по ней высказались очень и очень многие средства массовой информации. Вполне естественно, что при этом были озвучены различные – альтернативные, конкурирующие, полярные – политические позиции, идеологические положения, нравственные оценки. Мнения продолжают множиться.

Теперь акценты расставляются иначе: «Единая Россия» отодвинула конституционную формулу «мы, многонациональный народ Российской Федерации...» и поднимает знамя со словами «русский народ». Однако анонсированный ею Проект – не чётко разработанная программа, которая выдвинула бы ясную цель развития общества, сформулировала конкретные задачи, требующие решения, определила бы основные направления и методы (возможно, и хронологические рамки) своей политики и стратегии. К настоящему времени Проект предстаёт, скорее, как заявление о намерениях. Его формат, с одной стороны, позволяет вписать даже концептуально несовместимые положения. Видимо, не случайно авторы политических комментариев к Проекту не столько анализируют его положения, сколько описывают собственные представления о их целесообразности и обоснованности и собственное же видение социально-политических последствий их реализации. С другой стороны, он вовсе не содержит никаких конкретных установок, политических обязательств, программы действий и потому вполне возможно, что останется лишь красивой и широковещательной декларацией с судьбой пресловутой «программы 500 дней», которую демократы первой волны представляли как цель и смысл развития постсоветской России и о которой теперь мало кто помнит.

Тем не менее, анонсированный «Единой Россией» проект и кратковременная дискуссия по нему порождает множество вопросов, в том числе ещё не сформулированных, ответы на которые предстоит искать. О некоторых из них пойдёт речь в настоящих заметках.

РУССКИЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Начать хотелось бы с анализа «Русского проекта» как феномена, кем и для кого он анонсирован? Остановиться на этом побуждает парадоксальная вещь: Иван Демидов, позиционировавший в качестве инициатора и руководителя «Русского проекта», сам не знает, чего он хочет. Теперь, говорил он в интервью газете «Коммерсантъ», «по всем регионам страны будут проводиться семинары и распространяться анкеты, главной целью которых будет выяснение того, что же такое «русский национализм». По его словам, на этих семинарах подлежат обсуждению десять русских вопросов, после получения ответов на которые, будут сформированы соответствующие инициативы, в том числе законодательные, для того, чтобы определить дальнейшие действия.

Вот список этих вопросов: 1. Россия – для русских? 2. Что такое русская нация? 3. Русский мир. Территория и границы. 4. Сохранение национальной идентичности в условиях глобализации. 5. Русский национализм и расизм. 6. Национализм как идеология. 7. Русские и православие. 8. Существование религий в России – перспективы. 9. Русский мир и постсоветское пространство. 10. Русская политическая культура как способ построения русской власти.

Набор вопросов и характер многих из них свидетельствует, что с какой стороны подойти к такому тонкому вопросу, организаторы дискуссии имеют очень смутное представление. Скажем, не понятно, почему национализм как идеология или сосуществование религий являются русскими вопросами. Сохранение какой «национальной идентичности» – этнической или этатистской – должно стать предметом обсуждения³? Русская власть – это данность современной России и входящих в её состав национально-государственных образований или её построение – задача, требующая решения?

Вопросы поставлены. Они сформулированы не по существу. В них много надуманного, не относящегося к заявленной теме. Но их обнародование означает приглашение к обсуждению. Сказанного достаточно, чтобы отказаться от бесконечной дискуссии в пользу изложения собст-

¹ Пайн Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 4.

² Российская газета, 2007, 8 февраля. Теперь уже очевидно, что проектной энергии «Единой России» хватило только на «гудок», да и то непродолжительный.

³ Руководитель русского проекта «Единой России» Иван Демидов, заявляя о необходимости обсудить слова «русский», «русская нация», соглашается с тем, что сам он дважды русский: как носитель свойств этнической общности (этнофор) и как представитель политической нации (Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым. 11 февраля 2007 г. // <http://www.sps.ru/?id=218753>).

венного видения проблемы, существование и обострение которой подвигло «партию власти» к разработке русского проекта.

Кстати сказать, само название рассматриваемого начинания – «Русский проект» – не является находкой его авторов. На соответствующий запрос Интернет сообщает о наличии более 120 тыс. сайтов и около 8 млн документов с этим словосочетанием. Русским проектом названы, например:

- сайт, созданный для распространения в России японских комиксов;
- русскоязычный телевизионный пакет из четырёх спутниковых каналов, подготовленный российской телевизионной компанией Первый канал совместно с западной медиаимперией «Ньюс корпорейшн» для трансляции в США и призванный, по словам Константина Эрнста, помогать россиянам, проживающим за рубежом, получать последние новости из России, поддерживать связь со своей культурой, своим прошлым, настоящим и будущим;
- рубрика в «Независимой газете», посвящённая положению русского зарубежья и ставившая своей целью духовное объединение русской эмиграции XX века и «новых эмигрантов», появившихся после развала СССР;
- выпуск ежедневной газеты on-line с анализом событий с национальных позиций;
- идейно-теоретическая концепция Национально-державной партии России по созданию русского национального государства и т. д.¹

Так вот, со словом «проект» (план, замысел) всё более или менее понятно – так называют задуманную и/или заранее намеченную систему мероприятий, предусматривающую содержание, порядок, последовательность действий, обеспечивающих достижение определённого результата. Проект важен не как совокупность хотя бы и продуманных действий (они вторичны), но как результат, на достижение которого эти действия ориентированы. У наших же проектантов нет чётких формулировок о том, чего они хотят добиться, к чему придти, они демонстрируют готовность следовать давно скомпрометированному принципу «движение – все, конечная цель – ничто».

Ещё сложнее со словом русский.

С одной стороны, «русский проект» семантически может означать и «дело, задуманное русскими людьми», и «план, направленный на изменение положения русского народа», и «намерения в отношении русского языка и русской культуры» и т. д. При этом в каждом случае возможны варианты, в которых рассматриваемый эпитет будет нести положительную или отрицательную смысловую нагрузку, обозначать добро или зло, выражать истину или заблуждение². Что из этого «набора» вошло или войдёт в Русский проект «Единой России», широкой публике остаётся неизвестным.

С другой стороны, многозначным является слово русские. Случайно ли в тех десяти вопросах отсутствует вопрос: русские – это кто³? Попробуем разобраться с этим.

В обиходном, научном, публицистическом языке этим словом обозначают разные явления, или точнее – взаимосвязанные, перекрывающие одна другую, но не тождественные совокупности людей. «Неопределимость русских как народа, нации, цивилизации, – пишет Е. Холмогоров, – состоит именно в том, что каждое определение оказывается одновременно и слишком широко и слишком узко»⁴. Фраза эта неудачна, так как неопределимость явления она объясняет плохими определениями. На деле же замеченная автором неопределимость связана с тем, что в одном определении пытаются объединить признаки, относящиеся к различным образованиям. Народ, нация, цивилизация, если они даже образованы одной и той же совокупностью людей (что бывает чрезвычайно редко) представляют собой разные явления.

Расхожим штампом в этнополитологической литературе стало сообщение о том, что в современном мире утвердилось два толкования нации: французское – как политической общности людей (гражданская нация, нация-государство) и немецкое – как социокультурной общности (социокультурная нация, нация-этнос). Однако в тени остаётся тот факт, что французская и немецкая концепции нации используют одно название для разных образований, если даже социальный массив их в данный момент составляют одни и те же люди, как, например, в Японии или Армении. В первом случае речь идёт о политической общности (гражданстве, то есть принадлежности человека к государству), которая может включать в себя многие и разные социокуль-

¹ См.: <http://mangaproject.ru/>; <http://www.study.ru/news/archive/20060116.html#2.4>; Независимая газета, 2002, 10 апреля.

² В последнее время вышел целый ряд работ, прямо названных русским проектом: «Русский проект: модели для сборки»: Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 20 марта 2006 г. М.: 2006. 80 с.

³ «Русские. Кто мы?» – назвал свою книгу Г.Ф. Хохряков (М.: Типогр. ВИЭМС, 1993. 157 с.). За истекшие полтора десятка лет вышло много работ, отвечающих на этот вопрос. Но и в 2007 г., например, Л. Бызов считает, что «мы мало обращаем внимания на качественное состояние современной русской нации. Мы даже не знаем ответа на самый главный вопрос: есть ли такая нация? Не как социально-биологическая популяция, а как носитель цивилизационной идентичности» (Бызов Л. Русское самосознание и социальные трансформации // Политический класс. 2007. № 25.)

⁴ Холмогоров Е. Русский националист. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 265.

турные общности (этнические группы, осознающие свою особость по сравнению с другими подобными образованиями, в том числе порою и в отношении к общему с ними государству). Во втором случае говорится об этнической общности, многие представители и даже значительные части которой могут входить в состав разных государств. Ярким примером этого может служить русский этнос (одна нация в немецком толковании), в связи с распадом СССР оказавшийся разделённым и в настоящее время существующий в разных государствах (входящих в разные нации во французском толковании).

В этой связи вызывает возражение идея о том, что нация представляет собой определённую стадию в развитии этноса. («Когда этнос переходит в стадию нации, – пишет, например, К. Касьянова, – связи в обществе уже образуются не по крови, и даже не по территории, а по культуре и системе ценностей».) Иногда бывает и так. Но это частный случай общей закономерности, заключающейся в том, что человеческие популяции на определённой стадии своего развития консолидируются и организуются в политическую общность, создают государство. Причём эту политическую общность составляют разные этнические группы или их части. И если угодно называть её нацией, следует видеть, что она практически всегда полиэтнична и редко когда охватывает всю этническую общность. Нация – это не новое состояние одного этнического материала, а новое (неэтническое) образование из разных этнических материалов.

Между тем, в русском языке, в обыденной и политической речи «нация» и «этнос» используются как синонимические, то есть в нём разные слова служат для обозначения **одного** образования. Это прослеживается и в российской Конституции. Так, слова «мы, многонациональный народ» констатируют, что население Российской Федерации – нация как политическая общность состоит из многих наций в их этническом смысле. Точно также и конституционная норма, согласно которой «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность» имеет в виду этническую, а не политическую идентификацию индивида.

Слово же «русские» ещё более многозначно. По данным ВЦИОМ, относящимся к декабрю 2006 г., на вопрос, кого можно назвать русскими, ответы распределились следующим образом. Для 39% опрошенных это все, кто вырос и воспитан в российских традициях; для 23% – те, кто трудится во благо России. Ещё 15% респондентов считают, что только русские по крови могут называться русскими, особенно популярно такое мнение в Москве и Санкт-Петербурге (21%). Для 12% русские – те, для кого русский язык родной, для 7% это – приверженцы русской православной культуры¹. В том числе и эти цифры дают основание говорить о том, что слово «русские» употребляется, по крайней мере, в четырёх значениях.

Во-первых, оно служит названием и самоназванием общности людей, спланивающим началом которой является этничность. Здесь нет ни возможности, ни необходимости подробно говорить о природе этничности, её свойствах, функциях, маркерах и т. д. Постулируем очевидное: есть большая группа людей, идентифицирующая себя как общность с самоназванием русские. Их по переписи 2002 г. в России насчитывалось 115889107 человек. Кроме того, есть ещё русские во всех государствах, возникших на территории СССР, а также в США (1 млн человек), в Канаде и ряде других стран (всего около 1,4 млн чел.). Как и всякий другой, русский народ является самобытным образованием, имеющим длительную историю. Именно это зафиксировано в фундаментальной энциклопедии «Народы и религии мира», которая сообщает, что русские – крупнейший по численности народ в Российской Федерации, истоки истории которого уходят в эпоху Древнерусского государства. Это те, кого А. Исаев определяет как этнических русских и кто свою этничность отождествляет с национальной принадлежностью.

Русская этническая общность не является раз и навсегда данным и внутренне монолитным образованием. Её границы размыты в том смысле, что есть периферийные, маргинальные группы (субэтноты, говорят специалисты), которые в силу большего сохранения той или иной архаики, традиционных черт в образе жизни и поведении или, наоборот, опережающего усвоения модернистских ценностей и приоритетов в какой-то мере обособляются от основного массива русских (в пределах – перестают быть русскими). Скажем, в переписи 2002 г. выделены казаки (140292 чел.) и поморы (6564 чел., в том числе 7 канинских поморов) и в одной строке с русскими названы затундренные крестьяне, индигирцики, каменщики, карымы, кержаки, колымские, колымчане, ленские старожилы, мезенцы, обские старожилы, походчане, русско-устыинцы, семейские, якутяне, ямские, которых насчитывается от 2 до 80 человек. В то же время есть индивиды и группы нерусского населения, которые в результате аккомодации, аккультурации и ассимиляции в перспективе, через несколько поколений могут слиться с русскими, но в настоящее время ещё отличают себя от них.

В общетеоретическом плане здесь нет ничего необычного. Это конкретное проявление мировых этнических и этнополитических процессов. Дело в том, что хотя этническая (социокультурная) дифференциация человечества прослеживается на протяжении всей его истории, сами этносы не вечны. Процесс этногенеза, в том числе и возникновение новых этносов, как острожно писал Ю. Бромлей, возможно протекает и в наши дни². К тому же каждый этнос изменя-

¹ <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3772.html>.

² В США в 1971 г. был принят Закон об удовлетворении земельных притязаний аборигенов Аляски. В нём были определены территории традиционного природопользования общин коренного населения, названных в законе корпорациями. Им были предоставлены права собственности и самоуправления на этих территориях. Спустя 20 лет стало ясно, что этого недостаточно. После некоторого подъёма в жизни аборигенов с середины 80-х гг. вновь наметился спад. Оказа-

ется во времени: русские эпохи Рюриковичей, Романовых или большевиков – ни костюмом, ни языком, ни расселением не узнали бы друг в друге «родную кровь»; то же самое можно сказать и о любом другом народе.

Кроме того, не существует исчерпывающего набора обязательных маркеров, которые характеризуют каждый этнос. Обычно в числе свойств, признаков этноса называют территорию, язык, культуру, национальный характер, самосознание, самоназвание и др. Но есть этносы, у которых некоторые из этих свойств отсутствуют, и есть признаки, являющиеся общими для нескольких этносов. Да и в рамках одного этноса далеко не все его представители являются носителями присущих ему свойств. Скажем, категорическое утверждение «быть русским – значит быть православным христианином» «выводит» из состава русских значительную часть людей. Надо ли закрывать глаза на то, что по опросу ВЦИОМ только 7% русских отождествляют русскость с Православием?¹

Наконец, этнос – образование со сложной и очень подвижной, изменчивой структурой. В нём одни авторы выделяют этническое ядро – компактно живущую на определённой территории основную часть этноса и этническую периферию – отдельные группы (представители) данного этноса, отделённые от основной части; этническую диаспору – отдельную часть (группу) этноса, рассеянную по территориям, которые занимают другие этносы. Другие обращают внимание на существование в этносе провинциальных подразделений, или субэтносов, между которыми возникают определённые культурные, языковые, а иногда даже антропологические различия. Третьи, указывая на родство различных этносов или, наоборот, обособленное существование частей одного этноса, подчёркивают возможность их объединения в суперэтнос (славяне, арабы). В силу этого культурный облик и границы этнических групп гетерогенны и подвижны, и они «не обладают давним и строгим набором общеразделяемых характеристик и ценностей; члены групп не обязательно должны действовать солидарно по их защите от внешних угроз»².

Во-вторых, русскими называют народ, который состоит из трёх родственных ветвей – великороссов, малороссов и белорусов, произошедших от древнерусской народности, сложившейся из восточнославянских племён. Так, О. Платонов отмечает, что вплоть до 1917 г. ни один серьёзный государственный деятель или учёный не рассматривал их как отдельные народы. Разделение их в официальной статистике осуществлялось по чисто географическому, а не национальному признаку³.

Да, наверное, в официальной статистике так и было. Но что она отражала: реальное положение дел или желание властей и цель их политики? Между прочим, материалы полиции позволили А.Ф. Риттиху провести в 1867 г. этнографические границы между русскими, украинскими и белорусскими поселениями, тогда как в этнографической карте 1851 г. все эти районы были маркированы как «населенные русской национальностью»⁴. Нельзя отмахиваться от того, что на Украине, например, обыденное сознание масс достаточно чётко различало «хохлов» и «кацапов», что отнюдь не после 1917 г. родившийся и с разрушением СССР реанимированный термин «москаль» свидетельствует, что отношения между ними очень часто носили отнюдь не родственный характер. Отчасти и потому, что периодически появлялись силы и тенденции, акцентировавшие и абсолютизовавшие общность наших народов, которые ощущали свою особость и дорожили ею, вызывая у них взаимное недоверие и отчуждение.

Г.Ф. Хохряков рассказывает, что обозначения Малая или Великая Русь (Россия) – не отечественное изобретение. Они пришли в наш язык из Византии, откуда управлялась русская православная церковь, подчинённая константинопольскому патриарху. Назначавшиеся им митрополиты именовались митрополитами «всёя Руси» и имели резиденцию в Киеве, столице тогдашнего русского государства. Положение изменилось, когда часть русской территории была захвачена поляками и литовцами, приверженцами католической веры. Раньше всех была захвачена Галиция. Тогда-то в Константинополе и установилась практика называть отошедшую под польскую власть малую часть русской земли Малой Русью. Под «Великой» патриаршая канцелярия разумела всё то, что осталось подвластно киевскому митрополиту. Термин этот, Малая Русь и мало-

лось, что отдельные общины, хотя и полноправные экономически, не могут обеспечить полноты этнического существования коренному населению Аляски. Возникла необходимость в координационном механизме самоуправления более высокого порядка. Аборигены сами стали создавать новые социальные структуры, используя старую этнографическую терминологию. На Аляске возникли новые, ранее не существовавшие племена и племенные союзы. («Красная книга народов...» Материалы учредительной конференции. Москва, 21–22 мая 1992 г. М.: Федерация мира и согласия, б. г. С. 11.)

¹ Сергеев С. Консерватизм и национализм // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4366.html>.

² Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. С. 125.

³ Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. С. 741. Правда, например, Н.В. Гоголь, которого называли русским писателем, признавался: «Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская... Обе природы слишком щедро одарены богом и, как нарочно, каждая порознь заключает в себе то, чего нет в другой», явно имея в виду отнюдь не географический фактор. Зато Т.Г. Шевченко однозначно относил себя к украинскому этносу.

⁴ См.: Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 106.

россы, так не нравившийся в начале века украинским сепаратистам и нелюбимый ими сегодня и приписываемый «кацапам», сочинен не русскими, а греками, и порождён не государством, не бытом страны, а церковью. И в политическом плане он стал употребляться впервые в украинских пределах. В XIV веке галицкий князь Юрий II в своих грамотах именовал себя «князем всей Малой Руси». Киев относился к «Великой Руси» до тех пор, пока его не захватил в 1362 году литовский князь Ольгерд. После захвата Киев относится уже к Малой Руси, а митрополит Великой Руси находился там, где был Великий князь – сначала во Владимире, а позже в Москве.

Таким образом, «Великая Россия» не означала отдельного народа или племени, не относилась к какому-либо княжеству – например, московскому, но включала все земли, не подпавшие под власть иноверных государей. Поэтому неудивительно, что французский путешественник Ланнуа называл Новгород при посещении его в 1413 году «Великой Русью». Итальянец Бьянки, составивший в 1436 году географическую карту, назвал Великой всю северо-восточную Русь. Если в западноевропейских источниках термин «Великая Русь» встречается ещё в XV веке, то в самой Руси он впервые упоминается в «Апостоле» – первой книге Ивана Фёдорова, и позднее, в 1584 году, в чине венчания царя Фёдора Ивановича. Когда после присоединения Малороссии и Белороссии царь Алексей Михайлович стал писаться «всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем» – это означало только одно: под его властью объединились земли, принадлежавшие когда-то киевскому государству и получившие разные наименования после его распада. Что же касается слова «великорус» или «великоросс», то оно, как отмечают исследователи, не было в ходу чуть не до самого XIX века. Именно в это время возобладала умонастроения, вызванные развитием этнографии, повальным увлечением фольклором, собиранием народных песен, изучением плясок, обрядов и обычаев деревни, а также пробуждением национализмов, шедших рука об руку с ростом либерального и революционного движений. Именно в это время Даль составил свой знаменитый словарь, Андреев создал знаменитый оркестр народных инструментов. Словом, великороссы малороссы и белорусы являются ветвями, и очень близкими, одного народа¹.

Но какова бы ни была история происхождения слов «великороссы», «малороссы», «белорусы», фактом является то, что в несколько иной транскрипции («русские», «украинцы», «белорусы») слова эти стали самоназванием и названием, безусловно, остающихся этнически родственными, но осознающих свою этническую самобытность общностями. Этническое родство народов является очень важным, но не единственным и не всегда главным фактором, определяющим этническую дистанцию². Нарочитое подчёркивание их общности, призванное стимулировать этнообъединительные процессы, на практике означает, если не отрицание, то умаление их самобытности и способно привести к обратному результату. «Сдруживание» народов возможно только на основе признания и уважительного отношения к самобытности и самостоятельности каждого из них.

В-третьих, широко распространена идея, согласно которой «русскость» – это не «кровь», а «почва» и русским является человек любой этнической принадлежности, если он является продуктом и носителем русской культуры. «Русским, – заявил Андрей Исаев, – следует считать не того, кто является этническим русским, а того, кто говорит и думает по-русски и относит себя к русской политической культуре. Важна не кровь и происхождение, а самосознание»³.

Обращает на себя внимание крайняя неуклюжесть этой фразы. Формулой «не того, а этого» она разделяет и как бы противопоставляет русских по происхождению и русских по самосознанию. По её букве, получается, что того, кто является этническим русским, русским считать не следует. Да и само повелительное наклонение («следует считать») вряд ли уместно. Введение же политической культуры в качестве критерия русскости переводит разговор в другую систему координат. Да и что это такое – «русская политическая культура»? Монархизм, анархизм, революционализм? толерантность или ксенофобия? Большой вопрос, существует ли такое явление как «этническая (в данном случае – русская) политическая культура». Но если и существует, следует признать, что она исторически изменчива. Русская политическая культура времён Рюриковичей, Романовых или большевиков не является одним и тем же образованием. Да и в каждый данный исторический период она не составляет синкретическое целое. Дворянская и крестьянская культуры, культуры красных и белых, политическая культура русского зарубежья и т. д. вполне вписываются в понятие «русская политическая культура», лишая его какой бы то ни было смысловой в собственно политическом отношении определённости.

Национальная политическая культура – это нечто другое. Она является агрегированным продуктом различных этнических групп, составляющих одну политическую общность. Разумеется, вклад этих групп в формирование общей политической культуры не равноценен. Каждый конкретный этнофор в сфере политики руководствуется общими принципами и нормами, свойственными данной социальной среде (он находится в определённом политическом пространстве и не может – или не должен – нарушать логику функционирования, свойственную этому пространству). В его политической деятельности могут проявляться те или иные этнические характеристики, придавая ей этнический колорит, но не превращая её в этническую политическую культуру. Сомнительна и абсолютизация самосознания как самодостаточного признака русскости.

¹ Хохлаков Г.Ф. Русские, кто мы? М.: 1993. С. 13–14.

² Этим термином специалисты называют степень взаимной лояльности этнических групп или, наоборот, их отчуждения, подозрительности и вражды, конфронтации.

³ См. Российская газета, 2007, 8 февраля.

Совет Европы принял «Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств». Ст. 3.1 гласит: «Любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободно выбирать, считаться таковым или нет, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, не должны ставить это лицо в невыгодное положение». А в официальных комментариях к Конвенции говорится, что это положение «не включает в себя право индивида произвольно выбирать свою принадлежность к национальному меньшинству. Субъективный выбор индивида неразрывно связан с объективными критериями, касающимися идентичности этого лица»¹. Думается, это правило применимо и к национальной идентификации представителя любой национальной (этнической) общности.

Свобода определения и указания своей национальной принадлежности не есть свобода от самой этой принадлежности. Плохо, когда национальное затмевает все другие краски мира. В этом случае оно становится узкой щелью, сквозь которую многое воспринимается искажённо. Но плохо, и когда человек «безнационален». Да и нет, как правило, таковых, за исключением интеллектуальных снобов, уверенных в том, что национальность человека – если не эфемерное, то зыбкое качество. «Люди никогда не забывали, какого они рода-племени и, более того, национальную идентификацию они считают важнейшим, а может быть, и первоочередным правом»². Более того, В. Волкан обращает внимание на то, что «отношение человека к самому себе возвышается или падает в зависимости от судьбы его нации»³. Всякий гражданин мира (космополит, в точном, свободном от идеологической и политической предвзятости смысле этого слова⁴) хотя бы на периферии своего сознания содержит информацию о своих этнических корнях. Исследования, проведённые в разных по степени межэтнической напряжённости республиках Российской Федерации, показали, что доля тех, кто отнёс себя к этнически индифферентным («не придают значения национальным проблемам, национальности при разных контактах»), составляла 10–12%⁵. При этом обратим внимание на то, что не придавать значения национальности соседа или партнёра и не признавать факта национального многообразия мира и собственной этнической принадлежности – разные вещи.

Кстати сказать, и сам А. Исаев, говоря «этнические русские», отличает русских «по происхождению» от русских «по языку и самосознанию». Это различие фиксирует реальный факт существования в России общности людей, осознающих свою русскую самобытность и не сливающихся всецело с другими группами в некое «безэтническое единство».

В этой связи хотелось бы обратить внимание на достаточно широко употребляемый термин «русскоязычное население», который при всей кажущейся ясности не может служить в качестве маркера определённой группы и принадлежности индивида к ней. Оно требует уточнения, относится ли к русскоязычным все, кто знает и умеет говорить на русском языке, или те, кто в повседневной жизни говорит и думает исключительно на нём, либо те, для кого он является родным⁶. Например, перепись 2002 г. в Белгородской области зафиксировала 1511620 человек из них назвали себя русскими 1403977, а русским языком владеют 1503895, в том числе из назвавшихся русскими – 1401498 человек. Простой подсчёт показывает, что только в этом регионе 7725 нерусских человек являются русскоязычными, а 2479 русских не относятся к русскоязычным. И если в качестве единственного или даже основного критерия этничности использовать этот показатель, придётся признать что 2479 человек неправомерно идентифицируют себя русскими, а 99918 человек различной этнической принадлежности вполне можно записать в русские.

В современном мире, обратил внимание В.В. Путин на заседании Госсовета «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» 26 декабря 2006 г. русский язык является родным для 288 миллионов человек, причём самых разных национальностей. Следовательно, владение языком не является обязательным условием этнической идентификации и самоидентификации. Можно сказать по-другому: языковая общность людей не делает их

¹ Совет Европы: Документы по Национальному вопросу. М.: Манускрипт, 1996. С. 7, 24.

² К миру и согласию идут только вместе // Известия, 2002, 12 сентября (материал подготовлен газетой «Комсомолец Калмыкии»).

³ Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 32.

⁴ Космополит (фр. cosmopolite от греч. kosmopolites – человек мира), сторонник космополитизма, человек, не считающий себя принадлежащим ни к одной национальности. Космополитизм – идеология отказа от национальной самобытности во имя единого человеческого рода, единого мирового государства.

⁵ См.: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Уч. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 177–180.

⁶ «Русскоязычное население – 1) собирательное название русских и людей других национальностей, пользующихся в жизни преимущественно русским языком и считающих его родным; 2) этнические группы русского населения в других странах с родным русским языком. В начале 90-х годов XX в. термин «русскоязычное население» стал широко использоваться для обозначения всего русскоязычного населения, проживающего за границей Российской Федерации и нуждающегося в её покровительстве и защите. В настоящее время в ближнем зарубежье проживают 25 млн русских и около 15 млн русскоязычного населения». (Шаббаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.)

одним народом. Как писал П.Н. Милюков, «язык, этот основной носитель национального духа, не создает сам по себе национальности»¹. Но дело не только в сложностях статистического анализа. Значительнее серьезнее, что этот термин микширует остроту этнополитических проблем современной России. Так, рост ксенофобии и экстремизма в России имеет отнюдь не языковую основу, если даже и приобретает порою форму языкового национализма. В той же Кондопоге, как можно догадаться, бунт против чеченских новопоселенцев вспыхнул отнюдь не из-за того, что они говорили на другом языке и потому не были понятны местному населению.

Впрочем, попытки найти какие-то жёсткие критерии для отнесения конкретного индивида к русскому народу теоретически несостоятельны, а на практике могут вылиться в антропологические измерения и разного рода тесты (владение языком, знание культуры, воцерковленность и т. д.) расистского характера. Социологические опросы показывают, что русское понимание русскости носит открытый и «включающий», а не закрытый и «исключающий» характер. Так, в 2001 г. ответ на вопрос, кого можно назвать русским человеком, на первый план вышли суждения: «того, кто любит Россию» 41%, «того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей» – 40%. Только 24% респондентов однозначно связали принадлежность к русскому народу с национальностью родителей². Цифры приятные, но, если их взять на веру, получится искажение реальной действительности. Ибо такие критерии, позволяя включить в состав русских людей «разных кровей», по существу, выводят за их рамки тех этнических русских, кто стыдится и тяготится своей русскостью, для кого Россия является «этой страной». Подобный тип русского обрисовал Ф.М. Достоевский в образе Смердякова.

В-четвёртых, «Все мы русские», – пытаются убедить полиэтничное население России радетели её виртуального внеэтнического единства. Кстати сказать, исторически сложилось так, что за рубежом слова «русский», «русское» стали не синонимами даже, а заменой понятий раньше «советский, советское», сейчас – «российский, российское».

Али Вячеслав Полосин, позиционированный как философ и политолог, солидаризируется с И. Демидовым в том, что «русский» и «российский» – это слова-синонимы. Но «"русский" точнее», и от себя уже добавляет: «Разделение на "русский" и "российский" принимает иногда просто шизофренический характер и не имеет аналогов больше ни в одном государстве мира. Любой турок, получивший гражданство Германии, автоматически становится немцем, алжирец, получивший гражданство Франции, – французом. А вот в России есть "русские", а есть "россияне»³.

Заметим, что вводимый в оборот термин «россияне», который становится определением гражданственности, эквивалентом понятию «гражданин Российской Федерации», усиливает лингвистическую путаницу. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1994 г.) это слово определено так: 1) то же, что русские (устар., обычно высок.); 2) общее название населения России (с. 673). (В Словаре С.И. Ожегова второго значения не было.) В таком контексте россиянами являются не только русские, но и все другие народы – по алфавиту от адыгов до якутов, каждый из которых отнюдь не растворяет свою этническую идентичность в общероссийской. Словарь, одним словом, обозначает два разных социальных образования. Но И. Демидов и А. Полосин, напротив, считают, что «русский» и «российский» – это слова-синонимы. Тем самым они отождествляют этническую и политическую общности людей, говоря точнее и жёстче – растворяют первую во второй. Причём такое размывание этнического самосознания коснётся только этнических русских.

Позволим не согласиться ни с И. Демидовым, ни с его комментатором. Прежде всего, отмечу, что А. Полосин в своих рассуждениях подменяет тезис. Гражданство в Германии, Франции, как и в любой другой стране, характеризует политико-правовую связь государства и индивида, которая как бы она ни называлась (немец, француз и т. д.), не отменяет и не заменяет этническую принадлежность последнего. Если использовать терминологию Полосина, можно сказать, что турок, ставший немцем, остался турком, а алжирец, ставший французом – алжирцем. При этом автохтонные граждане Германии и Франции не стали турками или алжирцами. И ничего шизофренического в разделении этнического и этатистского в характеристике человека нет. Такое разделение не является исключительно отечественным изобретением. Так, «латышское» и «латвийское», «казахское» и «казахстанское» не являются синонимами; бельгийцами являются валлоны и фламандцы, швейцарцами – немцы, французы, итальянцы, реттороманцы, а ирланд-

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). М.: 2005. С. 44.

² Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 66.

³ Каким быть Исламу в нашей стране – российским или русским? «Русский проект» «Единой России» глазами мусульманина // <http://www.islam.ru/pressclub/gost/demipol/>. Этот тезис, по сути отрицающий этническую самобытность русских в России, не является плодом сознания только утрачивающего свою «русскость» даже собственное имя дерусифицировавшего А. Полосина. «В иностранных языках нет аналога понятия «российский», в отличие от понятия «русский» – считает, например, научный сотрудник Центра этнической социологии Института социологии РАН И. Кузнецов. По его словам, «русский народ как единая общность существует в идеологической и политической реальности, но не на уровне повседневности» (<http://liberal.ru/sitan.asp?Rel=55#forum>).

цы, шотландцы, уэльсцы Великобритании не называют себя англичанами¹; отнюдь не синонимическими являются слова евреи и израильтяне².

Вот что говорит о своей стране Гордон Браун – министр финансов Великобритании в выступлении, на конференции Фабианского общества, посвящённой теме «Кем мы хотим быть? Будущее британства» (январь 2006 г.): «Что означает британство? Нужно ли его сохранять и почему? Какая цель сплачивает нас как нацию? Ответы на эти вопросы необходимы, чтобы решить практически любую существенную проблему, стоящую сегодня перед Великобританией.

Хотя мы были и остаёмся страной разных народов и тем самым множественных идентичностей (уроженец, к примеру, Уэльса может быть и валлийцем, и британцем, и англичанином, и к тому же мусульманином – скажем, выходцем из Пакистана либо из какой-то африканской страны), но всегда существует опасность того, что из-за неуверенности в себе люди будут стремиться сузить собственную идентичность до рамок, которые уходят корнями в типичные для XIX столетия представления о происхождении, расе и территории. В действительности же мы, британский народ, должны черпать огромную силу в гордости за нашу британскую идентичность и за наш союз, который силён благодаря нашим общим ценностям и их воплощению в нашей истории и наших институтах.

Британство – это не просто предмет академических споров, значимый лишь для историков, комментаторов и «пустозвонов» в СМИ. Если несколько лет тому назад лишь меньше половины наших граждан (46%) отчётливо ассоциировали себя с британством, сегодня таких насчитывается уже две трети (65%). При этом жители Британии относятся к своей стране с большим патриотизмом, чем население практически всех остальных европейских стран. Едва ли не половина британцев уверена: если не будет пропагандироваться британство, обществу грозит раскол³.

Точно также и в России есть российское гражданство, общее для людей разной этнической принадлежности и русскость, свойственная только одной из них. Российское и русское, следовательно, не есть синонимы.

«Представьте, – рассуждает А. Полосин, – что есть только "русское" и нет никакого "российского" – тогда все народы нашей страны, включая мусульманские, будут называться русскими народами: русские татары, русские башкиры, русские евреи, русские немцы и т. д., сохраняя при этом свою внутриобщинную идентичность. Плохо ли это для них? Если "русский" в данном случае, – продолжает он, – будет эквивалентно, например, "американскому" в США, где живут американские немцы, американские итальянцы, американские евреи, американские греки и т. д., то "русский" будет указывать на единое гражданство и на единое в своем многообразии национально-культурное и духовное достояние страны⁴. Гладко всё выглядит на бумаге. Но вот всего лишь три «забытых оврага».

Первый. Американцы – иммигрантская общность, в которой за исключением ничтожного числа индейцев, находящихся в резервациях и уже в силу этого в значительной мере отчуждённых от остального американского общества, нет автохтонных народов со своей территорией и природой, историей и созданной за века материальной культурой. И в этом смысле Америка не может быть примером для России. Да и в самой Америке уже давно отказались от представления о ней как о плавильном тигле, в котором из представителей самых различных этнических общностей формируется единый тип стандартизированного американца. Сегодня её сравнивают с салатом или винегретом, качественная определённость которого складывается благодаря тому, что все его ингредиенты сохраняют свою специфику. Перепись 1990 г. показала, что идентификация строится преимущественно на этнической, а не государственной основе – только 5% граждан США считали себя «просто американцами», остальные относили себя к 215 этническим группам. По другим данным, в США говорят на 329 языках. Из общего 260-миллионного населе-

¹ «Хотят ли британцы, чтобы Соединённое Королевство разъединилось, например, на Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию» – выясняла компания ICM. Большинство опрошенных высказалось положительно: в Шотландии за независимость проголосовало 52% опрошенных, против были только 35%; в «метрополии» 59% жителей поддержали отделение северных соседей. (См.: Новое Время. № 14, 29 января 2007.)

² В мире насчитывается 13,62 млн евреев. Израильтянами же являются 7 млн 150 тыс. человек, из них 1 млн 425 тыс. арабов (БЭС, М., 2001. С. 386; Время новостей, 2007, 23 апреля). О том, что не все израильтяне в Израиле имеют одинаковый статус, свидетельствует Аднан Хархад, один из старейшин селения Кафр-Камы: «В войне за независимость Израиля черкесы встали на сторону евреев, которых было 600 тысяч, — против 30 миллионов арабов. Вместе мы победили, но не стали равными. Так, образование в черкесских школах курируется госучреждениями, ведающими арабским сектором. Нашим детям, которые служат в армии, и их родителям, израильским гражданам и налогоплательщикам, выделяется столько же денег, сколько и тем, кто не служит в армии и не платит налоги. Или взять такой вопрос, как получение ссуды на строительство жилья. Мой сын недавно демобилизовался из армии и теперь хочет построить дом. Но ему необходимо специальное разрешение Министерства строительства только потому, что он черкес. Еврей, с которым он вместе служил в армии, получает такую же ссуду без всяких проблем». (Известия, 2004, 28 апреля.)

³ Россия в глобальной политике. 2006. № 5. Сентябрь – Октябрь.

⁴ Каким быть Исламу в нашей стране – российским или русским? «Русский проект» «Единой России» глазами мусульманина // <http://www.islam.ru/pressclub/gost/demipol/>

ния страны 198 миллионов человек дома говорят на английском, 17 млн на испанском, а остальные на одном из более чем 300 языков¹.

Второй. Плохо ли будет для татар, башкир, евреев немцев, если они будут называться русскими народами? Полосин задаётся вопросом, который является риторическим не потому, что не нуждается в ответе, а потому что вопрошающий не желает услышать ответ на него. А ответ ведь уже дан, причём не теоретиками в учёных кабинетах, а массами людей практическими делами. Вот навскидку взятые подтверждения. Именно в Татарии и Башкирии титульное население сочло себя ущемлённым фиксацией их общероссийской гражданственности и добилось того, что в их паспорта вносятся вкладыши с указанием этнической принадлежности. Очень многие евреи не захотели быть «русскими евреями» и сочли, что лучше для них будет эмигрировать из страны. Многочисленные национально-культурные автономии создаются для поддержки, развития, культивирования не придумываемой общей для всех народов русскости, а собственной этничности. По данным председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по делам Федерации и региональной политике Рафгата Алтынбаева, на сегодня в России существуют 19 федеральных национально-культурных автономий, 170 региональных и 350 местных. Они действуют примерно в 70 субъектах Федерации и представляют 43 национальности². В то же время чётко заявляет о себе тенденция этнической консолидации родственные этнические групп в международном масштабе. Об этом свидетельствуют регулярно созываемые Всемирные русские народные соборы, всемирные конгрессы финно-угорских народов, состоявшийся летом 2006 года Международный бурятский национальный фестиваль «Алтаргана–2006» и т. д.

Третий. В предлагаемом Полосиным терминологическом ряду «русских народов», сохраняющих свою внутриобщинную идентичность, найдётся место всем – от абазинцев (их по переписи 2002 г. 37942 человека) и алеутов (526 человек) до эскимосов (1724 человека) и юкагиров (1509 человек). Только этнические русские, лишаются таким образом, своего самоназвания, великодушно разделённого между другими народами, а вместе с тем и собственной внутриобщинной идентичности. В самом деле, в рассуждениях Полосина как бы предполагается, что «русские татары» и «русские башкиры» и все другие «русские» отличаются друг от друга и имеют свои групповые особенности и определяемые ими интересы. Но как объяснить русским, что в независимой России они не образуют русский народ, а составляют неидентифицируемую часть в составе полиэтнической общности? «Если "русский" и далее будет использоваться лишь как название этнического, генетического отличия одного народа от остальных, – пугает слушателя Полосин, – то тогда это будет означать принудительную русификацию нерусских народов». Вот такой парадокс. Если человека назвать «русским татаринцем», то это способствует укреплению внутритатарской идентичности. Если же его причислить просто к татарам, это будет означать русификацию. Или имеется в виду, что следует вести речь о «татарских русских», «чувашских русских», «дагестанских русских», а также «псковских русских», «ставропольских русских», «екатеринбургских русских» и т. д. по числу субъектов Федерации? Плохо ли это для них? – переадресуем вопрос Полосина и добавим: а для государства Российского?

Если же есть желание и необходимость подыскать общее название для тех, кто не только по паспорту является гражданином Российской Федерации, но и чувствует себя душой и телом связанным с цивилизацией, сложившейся на евразийском пространстве, то российское (а раньше – советское) как раз и будет таким словом. Скажем, П. Новгородцев писал: «Все живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут и должны объединяться еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно: преданностью русской культуре и русскому народу»³. Вот правильная формула: все не становятся русскими, но связываются вместе с русскими в одно высшее начало.

Обращая внимание на полисемантическое значение слова «русские», сложившееся в языковой практике, не будем становиться в любимую некоторыми авторами позу ментора, учить и требовать от всех (в том числе и от тех, кто не читает их откровений) что и как надо называть. Памятуя о том, что в науке все понятия имеют конвенциональный характер и, ратуя за придание им операционального (и, следовательно, однозначного) характера, признаём, что устранить понятийно-категориальную разногласию вряд ли возможно. С этим связан принцип, следование которому считаем обязательным для себя и полезным для всех, кто апеллирует к людям: употребляя слово русский, чётко оговаривать, в каком из названных четырёх значений он используется. При этом нельзя не видеть, что этимологически все толкования русских и русскости связаны со словом, являющимся самоназванием и названием определённой этнической группы. Более того, не будь её, сама онтологическая возможность существования других общностей под именем русских была бы просто немыслима. Этнические русские являются теми фундаментом и осью, на котором складываются и вокруг которой вращаются все другие «русские».

Именно об этнических русских весь последующий разговор. Споры о том, являются они этносом, нацией, цивилизацией, народом и т. д., сформировались они из одного или многих этнических

¹ Диксон П. Бизнес-тренды: Стратегическое моделирование будущего. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 234.

² <http://news.chelni.ru/index.php?id=12079>

³ Новгородцев П. Об общественном идеале. М.: 1991.

корней, на примордиалистской, инструменталистской или конструктивистской основе сложились они в общность; какие именно конкретные маркеры являются основой русской идентичности и т. д. в данном контексте вторичны. Не будем говорить об этом, не потому, что тема не интересна или не важна. Просто итак немалый объём журнальной публикации не позволяет развёрнуто рассуждать о вопросах, которые многие специалисты оживлённо обсуждают уже не одно десятилетие, нисколько не сближаясь в своих позициях. Мы принимаем как данность, что этнические русские есть и они знают, что составляют общность, отличающуюся от других подобных образований.

РУССКИЕ – СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ РОССИИ

Россия – многонациональная (полиэтничная) страна. В данных переписи населения России 2002 г. поимённо названы 188 национальностей и, кроме того, зафиксировано около 200 тыс. лиц других национальностей или не назвавших свою национальность. В их ряду собственную строку занимают русские, насчитывающие 115889107 человек, что составляет 79,8% от всего населения страны. Следующая по численности этническая группа – татары – составляют менее 4% населения страны. Имея в виду эти цифры, следует признать, что многонациональность России не является уникальной характеристикой для современного мира. Подчеркнуть это представляется целесообразным, потому что очень часто одни авторы акцентируя внимание на том, что русские составляют подавляющее большинство населения страны и, ссылаясь на документы ООН, говорят о том, что Россия – моноэтничное государство¹. Другие, напротив, особую миссию России видят в том, что она осталась единственным многоэтническим государством на фоне «очевидной тенденции в мире создания моноэтнических государств»².

Обе эти крайности не соответствуют действительности. Из примерно 200 государств, существующих на нашей планете, моноэтническими являются не более 20. Из 28 государств, появившихся в Европе на месте бывшей мировой социалистической системы только 6 стран, в которых проживает всего 14% населения могут быть квалифицированы как этнически гомогенные государства: Албания, Армения, Польша, Словения, Чехия и Венгрия. В большинстве остальных стран доля национальных меньшинств составляет много больше 10% населения, так что фактически они представляют собой многонациональные государства. В двух из них (Казахстан и Босния-Герцеговина) даже нет численно преобладающей нации³. Есть государства, в которых проживает огромное множество этнических общностей. Так, Китай населяют 205 этнических групп, при этом самая многочисленная группа составляет 70% населения, для Индии соответствующие цифры составляют 470 и 50, Нигерии – 470 и 19, Папуа Новой Гвинеи – 817 и 4 и т. д. Большинство современных государств полиэтничны. Если взять за основу один из критериев этнического деления – язык, то в Европе на каждую страну в среднем приходится примерно 9,5 этноязыковых групп, в Латинской Америке и Карибах – 21, в государствах Африки, Азии и Тихоокеанского региона 50 или больше этнических групп. Из этого следует, что в этническом отношении Россия относится по принятой в ООН типологии к однополюсным странам, в ней доминирует одна этническая группа – русские (79,8%); вторая по численности группа – татары (3,8%), третья – украинцы (2%) населения. В то же время Россия не более многонациональна, чем большинство современных государств⁴.

Многонациональность России – её богатство и фактор силы. Каждая этническая группа, каждый, в том числе малочисленный автохтонный народ, осваивая и обустроивая территорию своего проживания, за века существования выработал уникальный опыт взаимодействия людей с природой и друг с другом. Этот опыт – неповторимая социально-историческая ценность, которая вносит собственные цвета и оттенки в палитру многонационального народа России. Единственно возможный и жизненно важный для конкретных исторических и географических условий, этот опыт – от национальной кухни и особенностей земледелия или скотоводства до народной медицины и форм социальной организации или политического самоопределения – оказывается не только интересным, но и полезным для других групп и в других обстоятельствах. Здесь интересно отметить, что по данным опроса, проведённого среди московских школьников, большинство опрошенных подростков считают, что их народ «не лучше и не хуже, чем другие»⁵.

В числе многих этнических общностей, составляющих население России, есть и такая, название и самоназвание которой – русские. Решительно подчеркнут: есть такой народ. Зачем? Казалось бы, как писала исследовательница русского национального характера К. Касьянова, «в праве быть ярко выраженным этносом с древней и оригинальной культурой русским, кажется,

¹ Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3.

² Взгляд, 2006, 20 июня.

³ Этнос и политика. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 169.

⁴ Орлова И. Типология этнических структур // Наука. Политика. Предпринимательство: Научный и общественно-политический журнал. 2004. № 1.

⁵ Комсомольская правда. 2007. 6 апреля.

никто не отказывает». Так нет – отказывают. Открывая в фонде «Либеральная миссия» обсуждение русского вопроса в России, Е. Ясин обратил внимание на то, что некоторые исследователи полагают, что русский этнос регионально раздроблен, отличается низкой этнической солидарностью и слабым этническим самосознанием, не осознаёт как специфику своего положения, так и своих специфических проблем, поэтому русской проблемы просто нет¹.

Я вовсе не доказываю этническую чистоту русских и не отстаиваю её. Такое невозможно уже потому, что они выделились из древнерусской народности, которая сама сложилась на разных этнических основах: кривичи, поляне, древляне и т. д. Затем эта древнерусская народность подверглась серьёзной трансформации в процессе и результате этнической миксации с финно-угорскими племенами и татарскими пришельцами. Русские веками формировались не в изолированном от внешнего мира этническом пространстве, а в постоянном и разностороннем взаимодействии со многими племенами и народами, населявшими евразийские просторы. И сегодня русская «кровь» полиэтнична. Нет, не об «этнической девственности» русских идёт речь, но об их этнической определённости.

Она заключается в том, что сегодня (как и в любой другой исторический период) русские по собственному самоназванию и самосознанию, менталитету и поведенческим стереотипам², антропологическим особенностям и т. д. в массе своей понимают, чувствуют и признают свою групповую общность³ и отличие от других подобных образований – в социальном плане, и каждый этнический русский осознаёт, что он является этнофором именно и только русскости и тем отличается от представителей других общностей – в плане персональном⁴.

Причём социальная (групповая) и индивидуальная (персональная) этническая идентификация не находятся в прямой и непосредственной зависимости. Индивидуальная идентификация допускает разную модальность и интенсивность этнических чувств – от самоуничтожения⁵ до этнического нарциссизма и кичливости. В то время как позиция народа в целом является результатом согласования и столкновения множества индивидуальных позиций и потому, по общему правилу, всегда более сбалансирована и чужда крайностей. Социальная целостность и этническая определённость группы допускает её расширение за счёт ассимиляции отдельных представителей или групп (редко значительных, так как ассимиляция – процесс индивидуальный и глубоко интимный. Более того, там, где группа сплочена, она образует общину, землячество или диаспору, в рамках которой культивируются этнические ценности и утрата их – этническое отщепенство отдельных индивидов становится менее вероятным.) Ассимиляция – достаточно длительный процесс, он редко укладывается в рамки жизни одного поколения.

Интересно проследить этническую идентификацию детей. Опрос, проведённый среди школьников Москвы семи национальностей, показал, что о том, кто они, к какому этносу принадлежат, дети узнают очень рано. Примерно каждый третий из опрошенных осознал свою национальность уже к шести годам, к девяти – о ней было осведомлено большинство. При этом, судя по результатам опроса, национальность «имеет большое значение» для 1/3 корейцев, 2/5 русских и азербайджанских школьников, половины татар и примерно 2/3 армян, грузин и евреев⁶.

На стыке социального и индивидуального возможны разные ситуации: появление маргиналов, ситуативная смена идентичности, декларативная манифестация о принадлежности (непринадлежности) к определённому этносу и т. д. Вот и в нашем случае есть (могут быть) как русские, стыдящиеся своей русскости и скрывающие её, так и не русские, выдающие себя за русских. Здесь надо сказать, что границы всякого этноса размыты. Но не на пограничных ситуациях определяют явление. Если уместно приведу такое сравнение. День да ночь – сутки прочь. Однако на деле, оперируя только категориями день и ночь, нельзя описать сутки, ибо есть пограничные рубежи для определения которых нужны дополнительные понятия, например, – утро, вечер.

Русские – не интеллектуальная абстракция, а реальный феномен в двояком смысле этого слова: и как фактически существующий социальный организм и как выдающееся, исключительное явление. «Как бы ни были велики наши несчастья и крушения, – писал И.А. Ильин, – мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; искать русского видения, русского содержания и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы Западу не ученики и не учителя». Задолго до него А.С. Пушкин, полеми-

¹ <http://liberal.ru/sitan.asp?Rel=55#forum>

² И.В. Сталин на приёме по случаю Победы над фашистской Германией поднял знаменитый тост в честь русского народа, в котором отметил его «ясный ум, стойкий характер и терпение».

³ Общность предполагает и включает в себя одинаковость, схожесть элементов её составляющих в миропонимании, ценностных ориентациях, поведенческих стереотипах и т. д.; обусловленную этим солидарность и обоснованную Л. Гумилёвым этническую комплиментарность; совместность действий. Здесь уместно отметить, что этническая общность – не единственная форма группового сплочения людей. Наряду с ней складываются территориальные, классовые, политические, религиозные и т. д. общности, каждая из которых в разных обстоятельствах может и усиливать этническое единство народа, и раскалывать его.

⁴ Суворов восклицал: «Мы русские! Какое счастье!» Г.К. Жуков, говоря о главном герое Великой Отечественной войны советского народа, заявил, что счастлив принадлежностью к русскому народу.

⁵ В теоретическом плане эту проблему блестяще раскрыл К. Левин в прекрасном по глубине психологического анализа очерке «Ненависть к самим себе в еврейской среде» (Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб: «Речь», 2000. С. 346–365). В нашем отечестве проявлением нечто подобного стали идея и позиция П.Я. Чаадаева.

⁶ Комсомольская правда, 2007, 6 апреля.

зируя с П.Я. Чаадаевым, утверждал, что в силу исторических условий по сравнению с Западом «мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру» и подчёркивал: «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется)... неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?»¹ Думается, пушкинское «русское единство России» отличается от вывода, К. Касьяновой, который, признаёт она, взбесит всех русских националистов: тот, кто признаёт ценности и разделяет культуру народа, и есть русский.

В русской истории было всё: победы и поражения, радости и горести. Русские терпели несправедливости и сами порою творили их, но значительно чаще страдали вместе с другими, а то и больше других от государства, верховная власть в котором, как писал П.И. Ковалевский, «слишком много жертвовала русскими интересами для интересов других наций»; русские не были для власти привилегированной этнической группой. Есть большой резон в словах В.Д. Соловей о том, что «при всем желании русских царей трудно назвать русскими националистами, а их политику охарактеризовать как проводившуюся в русских этнических интересах»². Но как бы там ни было, в широком геополитическом и историческом контексте становится очевидным и бесспорным фактом, что именно русские стали тем народом, трудовыми и ратными делами которого создавалось и крепло государство по имени Русь – Россия.

Сказанным объясняется, почему в России русские – «не один из» её многочисленных народов. Разумеется, Россия – родина людей, принадлежащих ко многим десяткам этнических групп. Её история и современный облик – результат сотворчества многих народов, населяющих нашу страну. Преобладающее большинство из них на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Но среди них русскому народу принадлежит особая миссия, он играл и играет особую роль в исторических судьбах страны. Эти миссия и роль выражаются в том, что русские были и остаются государствообразующим народом.

Здесь нужно ещё одно лингвистическое пояснение. В русском языке слово «образовать» имеет два значения: создать (создавать) и составить (составлять). Все населяющие нашу страну и являющиеся её гражданами люди, и все этнические группы составляют Россию и в этом смысле являются государствообразующими. Однако создавал это государство, основал, сделал его существующим, если не исключительно, то, прежде всего и главным образом, русский народ. Он всегда (даже когда его, говоря сегодняшним языком, лидеры призывали варягов «володеть нами» или покупали у монголо-татарских ханов ярлыки на княжение) был тем социальным материалом, из которого и благодаря которому складывалась, собиралась и развивалась Русь – Россия. Русские обладали мощным народным «корнем» с его московским стержнем. Этот русский «корень» был столь крепок, писал Г. Попов, что «переваривал» и царей немецких кровей, и прибалтийское чиновничество, и татарских баскаков и мурз, и своё франкоговорящее дворянство, и украинский вариант православия»³.

Именно русские и только они стали создателями России, её государствообразующим народом в первом значении этого слова. «Русское государство, писал Н.А. Бердяев, – было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни... Государства исключительно династические – болезненное явление исторической действительности. Династическое начало не может быть самодовлеющим. Оно должно быть подчинено началу национальному»⁴. О том же читаем у С.Н. Булгакова: «Даже те государства, которые в своем окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа, который и является в этом смысле "господствующим" или державным»⁵.

В императорской России это официально закреплялось заявленной С.С. Уваровым в «Отчёте о ревизии Московского университета» в 1832 г. формулой «Православие, самодержавие, народность», в каждой части которой предполагались – и потому не было нужды указывать – их русские основы и суть. В советское время исключительная роль русских в создании и сбережении российского государства, по крайней мере, декларативно признавалась словами государственного гимна: «Союз нерушимый свободных народов сплотила навеки великая Русь». В постсоветской Концепции государственной национальной политики Российской Федерации также подчёркивается: «объединяющая роль русского народа», благодаря которой «на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов».

¹ Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 50, 51.

² Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 103.

³ Независимая газета. 2000. 5 апреля.

⁴ Бердяев Н.А. Письма о нации // Философия неравенства. М.: 1990. С. 103.

⁵ Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Христианский социализм. М.: Наука, 1991.

В рамках этой парадигмы и «Единая Россия» устами А. Кокошина предлагает «поставить вопрос о консолидирующей роли великорусского этноса в нашей многоэтнической нации в повестку дня политической жизни России»¹. Такую позицию можно было бы приветствовать. Сомнения, однако, связаны с тем, что, с одной стороны, об этом говорится в лагере тех, кто, абсолютизируя права и свободы личности, отрицает коллективную субъектность, а, следовательно, и самостоятельную роль какой бы то ни было этнической общности. С другой стороны, нужно не «ставить вопрос» о роли русских в истории страны, но разрабатывать и принимать практические меры по изменению демографического состояния, экономического положения, социального статуса русских в России в целом и во всех её национально-государственных образованиях.

Так, А. Полосин в уже упоминавшемся интервью подчёркивает нелогичность ситуации, состоящей в том, что национальные субъекты Федерации получили конституционное закрепление как государствообразующие субъекты «надэтнической» Федерации, а русский народ как народ, как этнос, оказался лишённым такого признания своей субъектности как в целом, так даже и в регионах, где имеет и явное большинство, и многовековую укоренённость. Если Федерация в целом как субъект международных отношений и носитель суверенитета страны не может называться по имени народа, который составляет 80% её населения, а 20% населения сохраняют субъектность внутри Федерации по национальному признаку, то оставленный без упоминания о себе суперэтнос должен почувствовать себя крайне униженным на фоне упомянутых народов. Касаясь этой же проблемы, В.И. Якунин критикует отсутствие закреплённой на конституционном уровне коллективной самоидентификации российского населения. «Беспрецедентным фактом для конституций мира, – пишет он, – является полное игнорирование проблемы национальной идентичности преобладающей общности. Русский народ вообще не упоминается ни в одной из статей Основного закона. Слово «русский» фигурирует лишь однажды в связи с определением в ст. 68 п. 1 государственного языка Российской Федерации». Он считает заслуживающим внимания и анализа предложение вместо слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации» использовать другое субъекто-обозначающее определение «Мы, русский народ и все народы России, составляющие в совокупности российскую гражданскую нацию...»². Аналог такой формулы содержится, например, в Конституции Испании — «Мы, испанский народ и другие народы Испании», или в Конституции Украины, где говорится, что украинский народ – граждане Украины всех национальностей и украинской нации и подчёркивается, что «государство содействует консолидации и развитию украинской нации, ее исторического сознания, традиции и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самостоятельности всех народов и национальных меньшинств Украины».

Пропагандируемые ныне либеральные принципы мультикультурализма и политической корректности отрицают и отвергают численное, культурное и политическое доминирование отдельных этнических групп. Они, по словам Г. Эгеди, скрывают парадокс: большинству предъявляется требование универсализма, лишаящее его прав на собственные традиции, в то время как меньшинствам с готовностью гарантируются эти права³. Однако ничья оригинальность не должна реализовываться за счёт других, будь то меньшинство или большинство. «Мир, – пишет о том же В.А. Тишков, – еще по инерции принимает политическую корректность идеологии "прав меньшинств" и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но, кажется, наступает другое время – время защиты не только притесняемых малых народов, но и большинства от радикализма и агрессивности меньшинства. Последнее иногда обладает даже большими ресурсами для навязывания собственного сценария»⁴.

Вот почему, беря на себя «грех неполиткорректности», хочу сказать, что полноправие и равноправие народов определяет и гарантирует их одинаковые возможности для развития и реализации собственных потенций, но не означает равенства ни этих потенций, ни реальной роли в судьбах страны. Впрочем, в формулировании этой позиции я не являюсь первым. «Формально-юридическое признание равенства народов и презумпция уникальности культур не могут и не должны заслонять того обстоятельства, что роль народов в истории различна и не все они выступали ее творцами в равной степени»⁵, – пишет В.Д. Соловей. «Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, – их исторической равноценности в государстве это все же не установит. В этом смысле Россия, конечно, остается и останется русским государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»⁶, – ещё раньше утверждал С.Н. Булгаков.

Высказывая крайне негативное отношение к идее государствообразующего народа, Э.А. Паин пишет, что «она подразумевает юридическое закрепление за этнической общностью некоего особого статуса в государстве... Такой подход противоречит самому духу Конституции страны и ее букве, а главное, сразу же, при одной лишь постановке вопроса вызывает рост подозрительности других народов. Вместе с тем я поддерживаю ... идею просвещения всего российского общества в духе осознания им объективно наибольшей роли этнического большинства в процессе гражданской интеграции народов России. Такая роль предполагает не присвоение этническому большинству

¹ Известия, 2007, 5 февраля.

² Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3.

³ Эгеди Г. Консерватизм и национальное самосознание // Национальные отношения в полиэтнических государствах: Реферативный бюллетень. М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 46–47.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 356.

⁵ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 11.

⁶ Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Христианский социализм. М.: Наука, 1991.

особого статуса, как ордена или другой награды, а наоборот – осознанный и добровольный отказ представителей этнического большинства от части своих преимуществ¹.

Вся эта посылка соткана из сплошных противоречий. Покажу их в форме нескольких вопросов. Почему о государствообразующей роли русского народа говорится как об идее, а не реальном факте? Разве признание реального факта обязательно предполагает его юридическое закрепление? Что предосудительного в правовой констатации особой роли русских? Почему автор беспокоится о возможном росте подозрительности других народов (составляющих, напомним, 20% населения), а не настроении и самочувствии большинства? Разве такая правовая норма препятствует осознанию обществом наибольшей роли русских в интеграции народов России? Как можно противопоставлять роль (мера влияния, значения, степень участия в чём-либо) и статус (положение, занимаемое группой в обществе, и его оценку)? Какими преимуществами обладают русские в России, от части которых они должны отказаться? Представляется, что внятное проговаривание ответов на эти вопросы, приводит к однозначному выводу: у критиков особой (государствообразующей) роли русских концы с концами не сходятся.

По крайней мере, четыре фактора определяют особую, государствообразующую роль русского народа в истории Российского государства.

Во-первых, его численность. Русские являются ощутимым демографическим большинством населения РФ. Столетиями они были главной опорой государства, главным фактором его роста. Русское население являлось основным кадровым резервом для органов управления, промышленного и культурного строительства, всех крупнейших строек в национальных республиках СССР.

Но если русские составляют основу российского государства, то всякий, кто искренне озабочен его сохранением и процветанием, должен понимать, что абсолютное и относительное сокращение численности русских в стране чревато коллапсом российской государственности.

«Страшилки из будущего» нарисовал Е. Анисимов²: Россия, 2050 год. По результатам переписи населения, в России проживают 104,3 миллиона человек, из них русских – 48,5 миллиона, то есть меньше половины (46,5%). Почти три четверти граждан России (74,21%) – пенсионеры. Львиная доля русского населения – женщины пожилого возраста, проживающие в малых городах и деревнях Центральной России. В крупных городах звучит речь какая угодно, только не русская, а сами города поделены на национальные кварталы: татарский, башкирский, чеченский. Периодически случаются стычки между национальными общинами, причиной которых являются территориальные споры из-за наиболее престижных районов городов. Так, в Москве татарская и чеченская общины оспаривают право на территорию от Нового Арбата до Москвы-реки...

Комментируя гипотетическую возможность «страшилок», он пишет: По переписи 1989 года в СССР жили 145,2 миллиона русских, из них 119,9 миллиона – на территории России. По переписи 2002 года в России живут 116 миллионов русских, из них около пяти миллионов переехали из республик бывшего Советского Союза. А в последние годы русское население сокращается ещё быстрее – приблизительно на полтора миллиона человек в год. При сохранении этих тенденций к 2050 г. русских будет меньше на 67,5 миллиона человек, то есть их останется 48,5 миллиона. «Русским крестом» демографы назвали диаграмму, на которой соединены показатели падения рождаемости и роста смертности населения.

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 136. Кстати сказать, Э.А. Паин вводит читателя в заблуждение, утверждая, что в Концепции государственной национальной политики применена формула «все коренные народы России являются государствообразующими». (Там же. С. 55).

² Комсомольская правда, 2005, 6 апреля.

В свете этих цифр становится очевидным, что важнейшей, исходной задачей Русского проекта должно стать кардинальное изменение демографической ситуации у русского народа. Россия как большое единое государство невозможно без значительного преобладания русских. Как почти 10 лет тому назад писал Г. Попов, никакой проблемы России XXI века не будет в принципе, если численность русских будет сокращаться или сохранится только на нынешнем уровне¹. В этом плане должна быть скорректирована инициированная Президентом В. Путиным демографическая программа с учётом того, что сегодня в России отмечается убыль населения у русских и других народов страны, принадлежащих к православному культурному ареалу (за исключением осетин). В то же время у всех без исключения мусульманских и буддистских народов России отмечается численный рост. Так, несмотря на ведение боевых действий в Чечне, численность чеченцев в России за межпереписной период (1989–2002 гг.) возросла в 1,5 раза, а количество ингушей в 1,9 раза².

Во-вторых, пространственное расселение. В силу разного рода причин (необходимость защиты русских земель от набегов кочевников; бегство народа от государства, крестьянская колонизация, осуществлявшаяся вопреки воздействию московской власти, стремившейся прикрепить крестьян к земле; политика власти по закреплению присоединённых к России территорий и их хозяйственному освоению; цивилизаторская функция государства, заботившегося об образовании и развитии народов, включённых в его состав и др.) территория русского государства постоянно расширялась. По подсчётам П.С. Ширинкина, только за 57 лет (от покорения Сибири Ермаком до выхода Москвитина к Тихому океану) территория страны увеличилась на 10 млн км² – одна из крупнейших по масштабам колонизация в мире. Для сравнения – экспедиции Колумба присоединили (если считать Карибское море сушей) к испанской империи 2777 тыс. км², Кортеса – 2067,1 тыс., Писарро – 1285,2 тыс.³. И везде, по мере своего распространения, русские создавали сеть поселений-крепостей будь то Орешек, Верное или Грозная, которые закрепляли расширявшиеся границы России и играли роль экономических центров освоения территории.

В силу названных причин русские оказались расселёнными на всей территории России и стали «социальными скрепами», поддерживающими её территориальное единство и целостность. Нынешние национально-государственные и национально-территориальные образования (многие из которых были созданы благодаря и при активном участии русских) являются историческими ареалами расселения и проживания русского этноса. В этом смысле русские – несущая основа многонациональной России. Причём речь идёт не только об их повсеместном физическом присутствии. Не менее важно, что по своей национально-государственной идентификации русские, где бы они ни проживали, считали, что находятся на своей родине, имя которой – Россия (СССР). «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Причём есть основания утверждать, что эти слова из некогда популярной песни отражали мироощущение преимущественно этнических русских. Если узбеки, грузины, эстонцы и другие считали своей родиной одноименную республику, то подавляющее большинство русских (почти 80%), проживавших как в России, так и в союзных республиках, называли своей родиной весь Советский Союз. Его распад этническим большинством расценивается в качестве наиболее болезненного события недавней истории⁴.

Как настойчиво подчёркивает В.Д. Соловей, бессознательная этническая связь русских объединяла их поверх социальных и культурных различий (и – добавлю от себя – несмотря на территориальную диверсификацию), и определяла целый ряд основополагающих явлений отечественной истории, в нашем контексте – образование государства российского. В подтверждение предлагаю совершенно умозрительный эксперимент. Представьте на секунду, что в России не стало русских – что бы служило «скрепами», удерживающими вместе Карелию и Дагестан, Калмыкию и Якутию? Ни-че-го. Страна распалась бы на множество очень слабых, нежизнеспособных по сравнению со своими соседями суверенов, возможно находящихся в жёсткой борьбе между собой. И, наоборот, «выньте» из России любой другой народ – она, конечно, изменится, но как геополитическое образование останется на политической карте мира.

В начале 17 в. часть ойратских тайшей (правителей улусов) переселилась в Россию. В 1608 г. посольство дербетских тайшей было принято русским царём Василием Шуйским и в ответ на их просьбу о принятии русского подданства, выделении мест для кочевания и защиты от ханов Казахского и Ногайского получило согласие. Процесс вхождения калмыков в Россию был завершён в 1657 г. А в 1771 г. часть калмыцких тайшей, недовольных усиливавшимся гнётom со стороны правительства России, ушла в Джунгарию, уведя с собой около 125 тысяч человек из примерно 270 тыс. калмыков⁵. Так можно ли вклад русских и калмыков в более чем тысячелетний

¹ Независимая газета, 2000, 5 апреля.

² Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006.

³ Ширинкин П.С. Этноконструктивистский подход в оценке биохимической энергетики великорусского суперэтнуса: 420 лет спустя, некоторые итоги и результаты. География и регион (1. Регионоведение и региональная организация общества). Пермь: 2002.

⁴ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 28, 29.

⁵ Народы и религии мира. С. 216.

процесс строительства Российского государства считать одинаковым и, соответственно, оба народа рассматривать как государствообразующие? Ведь, если вернуться к «туркам, ставшим немцами», то никому не придёт в голову назвать их государствообразующим народом Германии, как и арабов – государствообразующим народом Франции.

Следовательно, другой важнейшей задачей русского проекта является закрепление русских там, где они уже давно укоренились. При этом речь не идёт о каких бы то ни было преференциях русским. На территории всей нашей страны представители любой национальности и русские тоже должны быть полноправными и равноправными гражданами. О том, что дело обстоит далеко не так, свидетельствует начавшийся еще в 70-е гг. прошлого века в СССР и продолжающийся в наши дни отток русских из национальных республик. Из Чечни, например, бежало несколько сот тысяч русских. Вытеснение их из многих других республик также началось давно и приобрело статистически значимый масштаб. Этот процесс усилился после распада СССР. В частности, на заседании Комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы в марте 2006 г., отмечалось, что «сейчас Северный Кавказ покидает русскоязычное население»¹.

О механизме и результатах «выдавливания» русских из национально-государственных образований говорят, например, такие факты, относящиеся к концу 1990-х гг. В республике Саха-Якутия якуты составляли 37% населения и замещали более 69% должностей в правительственных структурах. В республике Татарстан русские, составляющие 43% общей численности населения, в Государственном совете имели 22% депутатских мандатов; из 52 глав администраций только 9 – русские, в том числе из 10 глав администраций городов республиканского подчинения только один русский. Башкиры, составляющие 22% населения республики, в палате представителей Государственного собрания составляли 41,1%, в Законодательной палате – 55,2%. В Туве русские, чей удельный вес составляет 32%, вкуче с другими русскоязычными среди сотрудников государственного аппарата управления республики заполняли примерно 15–18% должностей².

Ситуацию необходимо исправить. По мнению большинства опрошенных россиян (76,4%), будущий президент России должен более жёстко, чем В. Путин, проводить политику в интересах русских людей³. Это тем более важно, что в последнее время отмеченная В.Д. Соловей бессознательная этническая связь русских начинает ослабевать. Социологические опросы показывают, что 8% населения готовы одобрить выход своего региона из состава РФ, 35,2% стали бы активно протестовать против подобного развития событий (в 1998 году эта цифра составляла 28,6%). Приводя эти данные Л. Бызов подчёркивает, что в их основе не этнический сепаратизм, который по сравнению с 1998 годом сошёл на второй план, а сепаратизм русских окраин, испытывающих чувствую недостаточной идентичности в отношении российской государственности в целом. Это в первую очередь касается богатых самодостаточных русских регионов Сибири: в Красноярске, Иркутске, Хабаровске число тех, кто одобрил бы выход региона из состава РФ, колеблется от 16 до 23%, а во Владивостоке достигает 31,3%⁴.

В-третьих, державность. Речь идёт о том, что русским свойственно интуитивное понимание необходимости сильного государства, как важнейшего условия их «самостояния» и практическая приверженность твёрдой государственной власти. Выступая против тех, кто доказывает, что русские – народ «безгосударственный», В.Д. Соловей вполне резонно задаётся вопросом: «Но почему же именно этому «безгосударственному народу, а не «чуди белоглазой», чувашам, полякам, литовцам или татарам удалось создать самую эффективную (что бесспорно в исторической перспективе) государственную машину Северной Евразии и Восточной Европы?» По его мысли, сама возможность формирования этого пространства как политического и культурного единства оказалась обусловлена существованием русского народа⁵. «Если у народа не действует государственный инстинкт, то ни при каких географических, климатических и прочих условиях этот народ государства не создаст. Если народ обладает государственным инстинктом, то государство будет создано вопреки географии, вопреки климату и, если хотите, то даже вопреки истории. Так было создано русское государство»⁶.

Следовательно, важной частью русского проекта является не только укрепление суверенитета Российской Федерации, который распространяется на всю её территорию, и обеспечение

¹ <http://www.regnum.ru/news/601451.html>.

² Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.: Изд-во «Дело», 2005. С. 132–133.

³ Бызов Л. Консервативная волна в России: Что с нами происходит? // <http://wciom.ru/novosti/v-centre-vnimanija/publikacija/single/3298.html>.

⁴ Бызов Л. Консервативная волна в России: Что с нами происходит? // <http://wciom.ru/novosti/v-centre-vnimanija/publikacija/single/3298.html>

⁵ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 13, 18.

⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: 1991. С. 147.

целостности и неприкосновенности последней, но и поддержка, развитие живого пространства многомиллионного русского мира, который, как сказал В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию, конечно, значительно шире, чем сама Россия.

В-четвёртых, витальная сила (позаимствуем термин В.Д. Соловей¹) и менталитет русского народа. Его жизнестойкость формировалась, скажем мягко, не самыми благоприятными природно-географическими условиями и постоянным давлением со стороны многих вовсе недружественных соседей.

По подсчётам В.О. Ключевского, великорусская народность в период формирования за 234 года (1228–1462 годы) вынесла 160 внешних войн². Эти цифры дополняет Ф.Ф. Нестеров: В XVI веке Русь воюет на Северо-Западе и Западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, ни на год не прекращая борьбу с татарскими ордами на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVI веке она воевала 48 лет, в XVIII – 56 лет. «В целом для России XIII–XVIII веков, – делает вывод Ф.Ф. Нестеров, – состояние мира было скорее исключением, а война – жестоким правилом». В XIII–XX веках, подчёркивает он, «русская земля по меньшей мере раз в столетие подвергалась опустошительному нашествию и довольно часто одновременно с нескольких сторон. Возникшее на этой земле государство, чтобы отбиться от наседавших врагов, должно было властно требовать от своего народа столько богатств, труда и жизней, сколько это было нужно для победы, а последний, коль скоро хотел отстоять свою политическую независимость, должен был отдавать все это, не считая»³.

География и история формировали национальный характер, фундаментальными качествами которого стали общинность (в других транскрипциях – соборность, коллективизм). Её социально-психологическое содержание на бытовом уровне выражала максима «как мир, так и я». В то же время, начиная с призвания варягов, русские демонстрируют отсутствие враждебности (ксенофобии, говоря современным языком) к другим племенам и народам. Основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. Достаточно сказать, что в процессе русской колонизации евразийского пространства, в отличие, скажем, от испанской колонизации Америки, ни один народ Сибири и Дальнего Востока не был объявлен «дикарями» и уничтожен. Отмечая эту особенность русских, Ф.М. Достоевский писал: «Русская душа, гений народа русского, может быть наиболее способный из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это... нравственная черта и может ли кто утверждать, что ее нет в народе русском?»⁴ Не отрицая, но, подтверждая это, Г. Попов пишет, что многовековой опыт жизни выработал у русских, «примирительное» отношение к народам-соседям. И к тем, у кого приходилось захватывать земли. И к тем, кто присоединился в свете своих интересов. И тем более к тем, кто считал для себя важным передать русским и свои знания, и свою культуру, и свою религию. Русским был чужд дух враждебности и соперничества – именно в силу их очевидного преобладания, а также в силу имевшегося у них мощного народного корня с его московским стержнем. Социологические опросы, проведённые в Северной Осетии, Ингушетии, Башкортостане, Мордовии, а также в Вологодской, Воронежской, Мурманской, Томской областях, показывают, что русские оказались наиболее толерантными в межнациональных и межконфессиональных отношениях во всех изучавшихся регионах⁵.

Отсюда следует, что ещё одной задачей русского проекта должно стать развитие этнического самосознания русских, корреспондирующего с самосознанием российским, но не растворяющемся в нём, устранение всяких препятствий для национально-культурной самоорганизации русских на всей территории страны, противодействие искусственной «американизации» нашей жизни.

Эта задача вполне вписывается в развёртывающуюся во всём мире тенденцию этнизации массового сознания, общественной жизни и политики. Французский финансист и политик Жак Делор, внёсший значительный вклад в теорию и практику европейской интеграции, говорит, что сегодня у объединённой Европы он видит только три глобальные цели. В их числе наряду с всяческой поддержкой мира и согласия между народами и развитием взаимной европейской солидарности, призванной помочь выровнять уровни развития стран и регионов, он назвал сохранение культурных различий европейских народов⁶. Надо ли говорить, что культурная самобытность русского народа так же является мировым достоянием и так же требует внимания и поддержки?

¹ «Отечественная история, – пишет В.Д. Соловей, – не может быть понята без анализа витальной силы, включая ее биологический аспект, русского народа» (*Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 94).

² *Ключевский В.О.* Соч. Т. 2. М.: 1957. С. 47.

³ *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 11, 14.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // *Русская идея.* М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 132.

⁵ Наука. Культура. Общество: Научно-общественный журнал. 2007. № 1. С. 41.

⁶ *Делор Ж.* Многие страны скатываются к национализму // *Россия в глобальной политике.* № 1. Январь – Февраль 2007.

Не только физическое существование русских, но и их нравственное, социально-психологическое здоровье, уверенность в себе остаются необходимым условием благополучия государства и всех народов, его составляющих. «Уверуйте в дух народный, и от него единого ждите спасения и будете спасены»¹. Если же русские станут бояться своей этничности², начнутся необратимые процессы их деэтнизации, и, следовательно, элиминации народа, а вместе с тем и распада держащегося на нём государства. К счастью этого не происходит. Сам В. Соловей констатирует, что русские начинают осмысливать мир в этнических категориях. Не в социальных, не в политических, не в культурных, а именно в этнических, что сейчас русские как раз начинают осознавать, что они не подданные империи, не православные, не граждане Советского Союза, а именно русские.

Они всё более осознанно и активно начинают говорить о своих проблемах. Давнишние вопросы «Откуда есть пошла земля русская?» и «Камо грядеши, Россия?» вновь актуализируются в общественном сознании, требуя не только теоретических объяснений и обоснований, но и практических мер. Разработчики русского проекта не могут абстрагироваться от того тревожного факта, что в последние годы снизилась солидарность и чувство национального самосохранения русского народа. В повестку дня необходимо поставить активное противодействие как «утечке мозгов», подрывающей интеллектуальный и нравственный потенциал русских, так и люмпенизации и маргинализации значительных масс, разрушающих исторически сложившуюся качественную определённость народа.

Рост этнического самосознания русских вписывается в общемировую практику. В условиях унификации образа жизни и процессов глобализации отмечается повсеместный рост этничности. В последние десятилетия усиление интереса к своим историческим корням («пробуждение этничности», – говорят учёные) наблюдается у крупных, вполне преуспевающих народов и малочисленных этнических групп, о существовании которых мало кто знает. В России, как и во многих других странах мира стремительно развивается движение исторической реконструкции. В нашей стране движение исторической реконструкции насчитывает десятки тысяч участников. Они стремятся максимально точно воссоздать предметы культуры прошлого³. Вот частный пример. Построенная в середине VIII века древняя крепость Пор-Бажын (в переводе с тувинского – «глиняный дом»), расположенная на острове посреди озера Тере-Холь в Республике Тува, будет полностью восстановлена в ближайшие пять лет. Инициатором проекта восстановления этого архитектурного памятника является глава МЧС России Сергей Шойгу. Крепость планируется воссоздать из тех же материалов, из которых она была изначально сооружена – из местных глины и древесины⁴. Движение исторической реконструкции может развёртываться как карнавальное (бутафорное) действие, но может стать формой массовой социально-политической активности, направленной на возрождение и возвышение собственной этнической общности.

Именно эти признаки и свойства русских – их численность, пространственное расселение, витальная сила и менталитет, державность – сделали их собирателями Российского государства, народом, образовавшим (мирной экспансией, военным завоеванием, добровольным присоединением) государство Россия, определили его статус как государствообразующего народа.

Но исторический парадокс России состоял в том, что государство, образуемое русскими, к русским относилось потребительски. Едва ли не на протяжении всей истории государственная власть проявляла национальный нигилизм, причём нигилизм выборочный – если не исключительно, то преимущественно в отношении русского народа. Уже в период строительства имперского государства акцентирование русских национальных интересов было минимальным. Учитывая это положение и статус русских, некоторые исследователи, например, В.Д. Соловей доказывают, что и Российская империя и Советский Союз подавляли развитие русских. Народ нёс имперскую ношу, но при этом приносился сам в жертву потребностям империи. По словам М. Мамардашвили, «это была не империя русского народа, а империя посредством русского народа»⁵.

Русский народ – основной донор и главная тягловая сила многонациональной России. «Великорусские крестьяне были закабалены сильнее других народов и в среднем хуже обеспечены землёй. Русские несли основную тяжесть налогового бремени: в конце 19 – начале 20 вв. налоговое бремя жителей русских губерний было в среднем на 59% больше, чем у населения национальных

¹ Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 131.

² «Русские сами боятся своей этничности» назвал своё интервью В. Соловей (Московские новости. 2006. № 38).

³ См.: Якушев С.В. Национальный костюм центральной Руси в период формирования единого российского государства как выражение российских цивилизационных особенностей (вторая половина XIV – первая половина XV вв.) Автореф. к. и. н. М.: РГСУ, 2007. С. 5.

⁴ Время новостей, 2007, 4 апреля.

⁵ Мамардашвили М. Записи в ежедневнике // Мой опыт нетипичен. СПб: 2000. С. 364.

окраин. Даже перестав быть количественным большинством в составе населения, русские всё равно поставляли больше всего рекрутов в армию»¹. В 1951 г. колхозник Смоленской области мог получить на трудодень 890 г зерна и 17 коп., в Эстонии – 3 кг 830 г зерна и 1 руб. 50 коп., в Таджикистане – 2 кг 40 г зерна и 10 руб. 05 коп.². В общем, с середины XVI века по 90-е годы XX века имперское государство существовало и развивалось исключительно за счёт эксплуатации русских этнических ресурсов – эксплуатации, носившей характер поистине колониальный³.

Русские на протяжении всей отечественной истории составляли ядро офицерского корпуса и основной состав российской армии; они поставляли больше всего солдат даже когда перестали быть большинством. Так, за годы Великой Отечественной войны в Вооружённые Силы ССР было мобилизовано в Российской Федерации – 19,2% трудоспособных граждан, а с учётом тех, кто был призван перед войной – 22,2%, в каждой из республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана – более 18%, в Белоруссии – 11,7%, в Украине – 12,2%⁴. Как видим, на долю России пришлось наибольшее число мобилизованных. В её областях, краях и республиках за этот период было призвано 21 187,6 тыс. военнообязанных и призывников. Причём речь идёт не только о количественных характеристиках. Маршал Х. Баграмян (армянин по национальности) писал, что он не решался вводить в бой части и соединения, если они не были укомплектованы более чем наполовину русскими⁵. В годы Великой Отечественной войны были убиты 1 русский из 16 и, например, 1 узбек из 36. Русские составляли около половины населения страны и 66% среди убитых⁶.

По мнению историка Дж. Хоскинга «для русских имперское величие может быть достигнуто только ценой задержки в развитии нации»⁷. Небрежение интересами русских продолжалось и при советской власти, особенно в 20–30-е годы прошлого века. Зиновьев призывал тогда «подсечь головку нашего русского шовинизма», «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм». Бухарин настаивал: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны ... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям»⁸. Он требовал поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими». С полным основанием Н.А. Бердяев писал о большевиках: «Вы всегда отрицали существование национального вопроса для русских, для самой России, русского национального вопроса. И вы утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском, еврейском и многих других»⁹. Для русских это означало известное не только ущемление их национального достоинства, но и демографический спад и территориальные утраты. Так, в 1936 г. с образованием Казахской ССР ей были переданы многие коренные русские земли и несколько миллионов русских жителей¹⁰; в 1964 г. Крым, принадлежавший России, был включён в состав Украины. Своеобразным подтверждением правоты Бердяева стал состоявшийся в марте 2007 г. IX пленум ЦК КПРФ, на котором коммунисты впервые более чем за 100-летнюю историю обсудили русский вопрос, проблемы сохранения великой русской культуры как основы единства нашего многонационального народа.

Уже к началу 1980-х годов положение русских стало меняться к худшему в ряде республик, где ещё недавно в составе коренных народов почти не было своей инженерно-технической интеллигенции и квалифицированных работников физического труда. Во многих союзных республиках усилилась этническая конкуренция в наиболее престижных сферах деятельности и на «верхних этажах» социальной иерархии. В постсоветское время изменение условий жизни для русских в самой Российской Федерации были связаны, прежде всего, с процессом приватизации государственного имущества и природных богатств. Персональный состав приватизаторов, клановые связи и безудержная коррупция привели к тому, что самый законопослушный народ России – русские – оказался практически отстранённым от процесса дележа государственного достояния. Достаточно посмотреть на списки российских миллиардеров, чтобы убедиться в этом. По данным, полученным из неофициальных, но весьма компетентных источников, более 85 процентов нынешних владельцев крупных состояний в России не принадлежат к русским¹¹. В этой связи характерны данные одного социологического опроса. У респондентов выясняли, считают ли они, что в нашей стране имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счёт расширения прав других национальностей. От 20 до 34% опрошенных согласились с этим. На уточняю-

¹ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 98.

² Русская нация – системообразующее ядро российской государственности. М.: АКПРН, 2007. С. 15–16.

³ Подробнее см.: Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005.

⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил: Статистическое исследование. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. С. 245–246.

⁵ <http://www.gudok.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=13778>

⁶ Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 178.

⁷ Хоскинс Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2001. С. 501, 503.

⁸ Цит. по: Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 118–119.

⁹ Бердяев Н.А. Письма о нации // Философия неравенства. М.: 1990. С. 103.

¹⁰ Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 178.

¹¹ <http://www.gudok.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=13778>

ций вопрос «если имеет место ущемление прав, то каких именно национальностей?» по всем регионам – как моноэтническим, так и полиэтническим – респонденты на первое место среди «ущемленных» поставили русских¹.

Чувство ущемленности у русских в большой мере связано с антирусской риторикой средств массовой информации. В начале прошлого века П.И. Ковалевский писал о времени царствования Александра II: «Ряды русской интеллигенции пополнились поляками, евреями, армянами и прочими. В силу необыкновенной наглости одних и патологической скромности других вышло так, что инородческий элемент взял верх в интеллигентном слое и открыл бесстыдную ругань на все русское, на все народное»². Прошло сто лет. Ругани на всё русское убавилось мало. Но появились новые веяния, среди которых особенно кощунственными являются искусственно нагнетаемые страхи перед русским фашизмом.

«Появившийся в последние годы термин "русский фашизм", с внедрением которого в массовое сознание мы будем бороться, – заявил И. Демидов – это словесная провокация, потому что сами слова "русский" и "фашизм" являются антонимами»³. От себя добавлю что эта провокация рассчитана на то, чтобы вызвать неадекватные действия со стороны власти и правоохранительных органов, со стороны различных этнических групп в России, со стороны мирового сообщества. Несостоятельность этой формулы прослеживается в дwoяком направлении.

Во-первых, фашизм есть идеология и как всякая идеология он не имеет этнической и/или государственной привязки. Поскольку и среди русских людей могут быть сторонники и носители этой идеологии, можно говорить о русских фашистах. Однако такая квалификация конкретных лиц и организаций, подобно тому, как это обстоит с террористическими организациями, должна находиться в компетенции суда, а не «общественных активистов». Но, повторю, идеология эта не русская ни по своему происхождению (она зародилась в Италии и обрела законченные формы в гитлеровской Германии), ни по, говоря учёными словами, менталитету и архетипам русских, важной чертой которых является всечеловечность.

Во-вторых, фашизм – это политический режим (тоталитаризм), для которого характерны крайние формы насилия для подавления инакомыслия и оппозиции, шовинизм и расизм, максимальный контроль государства над общественной и личной жизнью людей, агрессивная внешняя политика. Фашизм – это характеристика государства и власти в нём, но не оппозиции. Если же говорить о советском периоде, и согласиться с теми, кто пытается навязать мысль о его фашистской сущности, то необходимо ставить вопрос о том, какие этнические группы «задавали тон» в формировании советской власти и определении её политики.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ – ДЕМОНИЗИРУЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Резкое изменение этнополитической ситуации в последние десятилетия не могло не сказаться на самочувствии и самосознании русских. Социологические опросы свидетельствуют, что в их среде формируется повышенная озабоченность состоянием и перспективами своего этнонационального бытия. Физическое вымирание народа (за 15 последних лет страна потеряла более 10 миллионов человек, из них 9,5 миллиона – русских⁴), его «выдавливание» из многих национальных республик, оттеснение русских от области деловой активности и предпринимательства, информационной и культурной сфер, органов государственной власти и управления, нарастающая вестернизация жизни, осуждающая критика древней и недавней истории порождают в массовом сознании тревожность, активизируют поиск и формирование механизмов, способных изменить ситуацию. Большинство русских, пишет Дж. Хоскинг, «ощущают сильную тоску по законной власти и большей социальной сплочённости. Сильное национальное самосознание – по-прежнему наилучший путь, чтобы достичь того и другого»⁵. За «сильным национальным самосознанием» давно и прочно закрепилось название национализм.

Этим термином обозначают приверженность людей к самым различным общностям⁶. В частности, специалисты различают национализм гражданский, или политический, носителем которого является государство, составляющие его граждане (он нередко отождествляется с патриотизмом), и национализм этнический, или культурный (его более точным названием является этнонационализм), носителем которого выступает та или иная этническая общность,

¹ Наука. Культура. Общество: Научно-общественный журнал. 2007. № 1. С. 39–40.

² Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. С. 33.

³ Известия. 2007. 5 февраля.

⁴ http://www.cprf.ru/news/party_news/48260.html

⁵ Хоскинс Дж. Россия: народ и империя. Смоленск: 2001. С. 501, 503.

⁶ Бельков О.А. Антиномии национализма // НАВИГУТ: Научный Альманах Высоких Гуманитарных Технологий. 2005. № 5 (26).

входящая в состав этого государства. В странах с гомогенным в этническом отношении населением гражданский национализм и этнический национализм (например, армянский, венгерский, японский) в какой-то мере совпадают. В какой-то, потому, что носители, скажем, венгерского этнического национализма могут жить не только в Венгрии и их требования, чаяния, цели не во всём совпадают с гражданским национализмом венгров Венгрии. В многонациональной стране этнический национализм и гражданский национализм могут находиться в оппозиции друг к другу. Так, еврейская эмиграция из Советского Союза была реализацией еврейского этнического национализма и вполне вписывалась в рамки израильского гражданского национализма, но, скажем предельно мягко, не поддерживалась советским гражданским национализмом.

В силу сказанного, представляется ошибочным отождествление патриотизма и национализма. Патриотизм ориентирован на укрепление и совершенствование Отечества, как высшей и универсальной ценности для всех населяющих его народов. Национализм же озабочен положением своей этнической группы, благо которой он ставит выше всего прочего. Постоянного и безусловного тождества между лояльностями государству и этносу нет. Интернационализм, космополитизм, шовинизм и другие образования этого ряда свидетельствуют о том, что индивиды и группы могут быть патриотами (преданными своей родине, государству) и националистами (озабоченными развитием своего народа, этноса), патриотами но не националистами, националистами, но не патриотами, не патриотами и не националистами. Так, говоря о национализме русского народа, А.И. Миллер выделяет несколько вариантов его самоидентификации: имперский, когда в качестве «своего» государства воспринимается СССР как таковой; российский, когда в этом качестве выступает современная Российская Федерация; регионалистские настроения, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Но, подчёркивает он, всё это, строго говоря, не националистические ориентации. Собственно националистическое мышление считает Миллер, ставит целью создание Русского государства. И вовсе не абсурдна, как о том пишет Р. Абдулатипов, ситуация, когда «национализм противостоит проекту гражданской нации»¹. Напротив, как доказывает Геллнер, принцип национализма требует, чтобы «управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу»². Уточним: этнизация территории и власти, о которых пишет Геллнер, есть крайнее, предельное требование национализма, а не обязательное его содержание. Но в любом случае не абсурдны, если даже они не соответствуют нашему миропониманию, различные настроения людей в отношении к этому принципу. Поэтому трудно согласиться с мыслью о том, что противопоставление вызывающего негативные коннотации «национализма» позитивному «патриотизму» столь же нелепо, как противопоставление «наших» разведчиков «их» шпионам. Патриотизм и национализм по своей природе и функциям – суть одно и то же³. Их разведение вызвано не оценочными и вкусовыми предпочтениями авторов, а содержательным и функциональным различиями.

О «серьёзной разнице» между национализмом и патриотизмом писал П.И. Ковалевский: «Национализм есть беспредельная любовь и готовность к самопожертвованию за свою народность, а патриотизм – такая же любовь и готовность к самопожертвованию за Родину, Отечество. Национализм – скорее понятие психолого-антропологическое, а патриотизм – историко-географическое. Ясно, писал он, – национализм и патриотизм – не одно и то же. Скорее, патриотизм – понятие более общее, а национализм – понятие частное. В каждом государстве может быть только один патриотизм и несколько национализмов»⁴.

Никто не может отказать в праве быть, скажем, искренними патриотами России русскому, татарину, якуту, представителю любого другого народа, населяющего нашу страну. Их патриотизм, содержит общие установки, интересы и цели, направленные на процветание общего Отечества и служит ферментом, консолидирующим общество. Национализм же якута, татарина, русского и т. д. расцвечен разными красками и артикулирует самобытность каждого народа. И если многонациональный российский народ предстаёт как «единство в многообразии», то единство жидётся на патриотизме, а многообразия поддерживается национализмом. Вполне возможна ситуация, когда, скажем, обрусевший инонационал наряду с исконно русскими людьми может осознавать (не считать, а именно осознавать, чувствовать) себя русским националистом. Между прочим, давно замечено, что именно обрусевшие граждане чаще всего перебарщивают по части защиты «русскости». Но не может человек, осознающий себя украинцем, казаком или армянином, быть русским националистом, если даже он на деле и искренне ратует за укрепление и развитие русского населения, как не может быть, скажем, чувашским националистом русский, самоотверженно служащий укреплению и развитию Чувашии.

В данном материале речь идёт об этнических русских, о русских как этнической общности и, следовательно, о русском национализме. Многим, в том числе позиционирующим себя как патриотов, словосочетание «русский национализм» (и то, что за ним стоит), не нравится, они видят в нём исключительно межнациональное соперничество и порождаемые им рознь и конфликты.

Отсюда – стремление «развести» и даже противопоставить национализм и патриотизм. Характеристика «националист» в американском обществе, пишет А. Ливен, нравится далеко не

¹ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. М.: Питер, 2004. С. 134.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 5.

³ Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 29.11.2006 // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>

⁴ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. С. 67.

всем. Хотя в прошлом слово «национализм» употреблялось довольно широко и было нейтральным или даже имело положительный оттенок сегодня большинство американцев предпочитают называть себя «патриотами», а не «националистами»; слово «националист» приобрело негативное значение, во-первых, из-за ассоциации с фашизмом 1940-х, а во-вторых, и с национальными войнами, начавшимися на Балканах и на Кавказе после окончания «холодной войны»¹. Дж. Бройи, который не находит большой аналитической ценности в различении между «патриотизмом» и «национализмом», отмечает, что в первом звучит что-то похвальное, во втором – оскорбительное². О том же применительно к российскому обществу пишет Л. Бызов. Социологические данные показывают, что доля тех, кто симпатизирует «русским патриотам», выше (в разы) доли тех, кто прямо готов назвать себя русскими националистами. Так, готовы охарактеризовать себя как сторонников русского национализма 5,9% опрошенных (среди сторонников ЛДПР – 9,5%, у молодёжи до 24 лет – 9,1%), ещё 24,5% склоняются к более умеренной формулировке – они в чём-то поддерживают идеи русского национализма, в чём-то нет. 44,9% опрошенных выразили полное неприятие идей русского национализма³.

Приведённые цифры констатируют как данность наличие в российском обществе русско-го национализма, который имплицитно характеризуют как негативное явление. Однако и то и другое неоспорно. В познании и освещении названного феномена остаётся немало дискуссионных проблем, спорных подходов, односторонних оценок.

Во-первых, национализм не имеет аксиологической однозначности. Было бы неправильно оценивать его ни в исключительно положительных тонах, ни в сугубо негативных красках. Это духовное образование, оценка которого в категориях добра или зла не может быть дана безотносительно к конкретной исторической ситуации. Чикагский профессор Г. Дерлугьян, представляя книгу К. Калхуна, написал: «Национальные чувства всегда были неоднозначным фактором современной политики и культуры, но в условиях мощной рыночной глобализации национальная принадлежность может оказаться и якорем надежды и камнем на шее»⁴.

У нас многие, если не большинство авторов, не видят этой многозначности и в зависимости от того, какой смысл вкладывают в понятие «национализм», квалифицируют его либо как абсолютное зло, либо как исключительное благо. Это служит причиной двойных стандартов в подходе к разным национализмам. В одних случаях естественные национальные чувства шельмуются как проявление имперского сознания и т. п. Э.А. Паин даже в этническом сознании русских видит преимущественно негативное звучание⁵. В других случаях откровенный гегемонизм подаётся как гуманитарная акция бескорыстного служения общечеловеческим ценностям. К тому же слишком часто невежественные популисты прикрываются знамёнами национализма, дискредитируя его своей одиозностью.

Между тем, как естественная приверженность интересам, культуре, традициям своей этнической группы, как восприятие окружающего мира сквозь призму этнических ценностей (этноцентризм) национализм формируется, как говорится, с молоком матери и свойственен всем людям. Нет такой стороны жизни и культуры народа, которая не отразилась бы с той или иной мерой полноты в духовном облике и деятельности народа, в сознании, чувствах, поведении его отдельных представителей. В начале 19 в. граф Жозеф Мари де Мэстр отмечал: «В свое время мне приходилось видеть французов, итальянцев и русских, благодаря Монтескье я знаю, что кто-то может быть персом, но что касается человека, то я заявляю, что никогда в жизни его не встречал. Если таковой и существует, то я об этом не знаю»⁶. Этнонационализм – явление вполне естественное и в той или иной форме он свойственен всем народам и большинству представителей каждого народа. В этом контексте вполне уместна и оправдана его положительная характеристика. Поэтому вызывает удивление позиция В. и Т. Соловей, которые, выступая с апологией русского национализма, предлагают отграничить от национализма этнизацию сознания⁷. Последнюю они определяют как

¹ Ливен А. Анатомия американского национализма // Pro et contra. 2004. Том 8. № 3.

² Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 203.

³ Бызов Л. Консервативная волна в России: Что с нами происходит? // <http://wciom.ru/novosti/v-centre-vnimaniya/publikacija/single/3298.html>

⁴ Дерлугьян Г. Организатор мировой науки // Калхун К. Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 18.

⁵ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 12, 135. «Рост русского этнического самосознания, пишет он, – можно было бы рассматривать как положительное явление, если бы оно не сопровождалось увеличением страхов и фобий, а главное, так называемым "эксклюзивным мышлением", выражающимся в одиозном лозунге "Россия для русских"».

⁶ Цит. по: Этнос и политика: Хрестоматия. М.: 2000. С. 4.

⁷ Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 29.11. 2006 // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>

процесс изменения всего ценностно-культурного поля элитарного и массового сознания в направлении, когда мир начинает рассматриваться преимущественно сквозь этническую призму, а социальная действительность – конструироваться по этническим лекалам. В структуре русской идентичности всё большее место занимает артикулированная этническая идентичность. Думается, что такое определение вполне вмещается в координаты национализма.

В начале прошлого века П.И. Ковалевский писал: «Национализм – это проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, – почтение и преклонение перед прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит»¹. Е. Трубецкой национализмом называл «исключительное самоутверждение нации, т. е. такое направление, которое возводит служение нации в высшее и безусловное начало, не подчиненное никаким нравственным нормам». «Истинный национализм, – считал И.А. Ильин, – есть не темная антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету». В начале нашего века о том же пишет К. Дойч: «Национализм – это состояние ума, которое при принятии решений в социальных коммуникациях придает особое значение "национальным" сообщениям, воспоминаниям и образам. Националист предпочитает уделять больше внимания восприятию и передаче тех сообщений, которые содержат специфические символы национальности, либо происходят из конкретного национального источника или же выражены в специфическом национальном коде языка или культуры»². «Мы все понимаем..., что умеренное и позитивное ощущение национальной идентичности, с одной стороны, полезно как само по себе, так и необходимо в качестве матрицы, с помощью которой формируются сильные национальные общины»³. «Мы, – пишет Е. Холмогоров, – рассматриваем национализм как надежное целительное средство против яда самоненависти. Как основную форму восстановления русского достоинства на современном этапе нашей истории»⁴.

Процессы глобализации и связанная с ними интернационализация экономической и всей общественной жизни не нивелируют этнические общности, не размывают этническое самосознание. Наоборот, нарастающая унификация различных стран в техническом и экономическом отношении порождает у многих людей ощущение угрозы своей культурной идентичности и озабоченность её сохранением. «В то время как европейцы становятся все больше похожи друг на друга при потреблении и ведении хозяйства, – констатирует У. Альтерматт, – на уровне культуры они поднимают мятеж против глобализации»⁵. Видимо, в этом смысле Арнольд Тойнби писал: «Для человеческого разума не существует "земного пути", на котором может быть преодолён национализм».

В советской же науке незыблемой истиной считалось, что нация – высшая стадия этнической общности и потому национализм может быть только этническим. Но так как целью государственной политики являлось «сближение и слияние наций», этнический национализм, направленный на сохранение самобытности и целостности народа, на развитие его языка, культуры, исторического наследия, оказывался её антиподом и получал сугубо негативную оценку. «Национализм – идеология и политика в основе которых, лежат идеи национальной исключительности и превосходства, стремление к национальной замкнутости и враждебность по отношению к другим нациям», – подобные определения можно встретить в очень и очень многих словарях и справочниках. Более того, такое толкование национализма попадает и в официальные документы. Так, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации национализм называется в одном ряду с политическим и религиозным экстремизмом. В этой связи не удивительно подозрительное и настороженное отношение к русскому национализму современной российской власти⁶.

Вместе с тем нельзя не видеть, что есть трудноуловимая и подвижная грань, за которой национализм, как естественное этноцентристское восприятие мира в дихотомии «мы – они», как возвышенное и трепетное отношение человека к своим «корням» перерастает в неприятие всего инонационального. Такой человек, говоря словами В.Г. Белинского хвалит всё своё только за то, что оно своё, и ругает всё чужое лишь за то, что оно чужое. В этом случае национализм становится выражением своего превосходства над другими народами, эгоистического самоутверждения, которое более связано с ненавистью к чужому, чем с любовью к своему⁷. Силы, вдохновляемые национальной идеей, могут превратиться в орудие не только защиты законных национальных интересов, но и реализации эгоистических националистических претензий и национальных амбиций. В последнем случае актуализируется опасность сепаратистских движений, взламывающих изнутри существующие государства, что может иметь самые негативные последствия⁸.

¹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. С. 66.

² Дойч К. Нация и мир // Этнос и государство. С. 111.

³ Фукуяма Ф. Неясность «национального» интереса // Независимая газета: Особая папка, 2000, 13 октября.

⁴ Холмогоров Е.С. Русский проект: Реставрация будущего. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. С. 269.

⁵ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 11.

⁶ Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 29.11. 2006 // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М.: 2000. С. 513, 514, 515.

⁸ Тоценко Ж.Т. Этнокрафия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 272.

Такой национализм представляет собой болезненную гипертрофию естественных национальных чувств и является причиной различных конфликтов и войн. Именно к нему относится приведённое выше определение. Для характеристики такого национализма и его отличия от того, о котором говорилось ранее, в последнее время используют определение – «агрессивный национализм». Его конкретными формами являются шовинизм, джингоизм, имперскость, ксенофобия, сепаратизм и т. д. Их решительное осуждение не должно вести к принципиальному отрицанию любого национализма, ибо, как говорили древние римляне, злоупотребление не есть довод против употребления.

Во-вторых, о самом факте существования русского национализма можно встретить самые разные мнения. А. Дугин считает: «То, что национальные и даже националистические настроения в нашем обществе чрезвычайно распространены, само собой очевидно. Некоторой долей национализма массы страдают в любой стране, и Россия здесь не исключение. Кроме того, нынешний сложный исторический этап связан с утратой нашим народом прежней идентичности и усиленным поиском новой. В такой ситуации националистические клише напрашиваются сами собой». В другом месте он обращает внимание на то, что в России налицо политическое выражение – множество партий, движений, групп, исповедующих русский национализм, но серьёзных идеологических разработок почти нет. Тем не менее, по его словам, потенциальный националистический проект могут поддерживать от 7% до 9% электората. Эти проценты готовы отдать голоса за политическую партию, отстаивающую Русскую Идею, национальные ценности, тезис «Россия превыше всего!» и т. д.¹

Ему возражает И. Чернышевский: «Вроде бы все необходимые и достаточные причины для появления у русского национализма, как ни крути, имеются. ... Тем не менее, факт остается фактом: русского национализма – ни как массового движения, ни даже как массового настроения – нет. Есть недовольство, есть национальная обида, есть фрустрация и унижение. Есть националисты. Национализма – нет, и, кажется, в ближайшее время его появление не предвидится»². Третью точку зрения излагает В. Гальченко: «В России никогда не было националистической идеологии. Но ее заменяла идеология народническая, почвенная. Основу этой народнической идеологии составляет вера в народ, в его выдающиеся духовные интенции и жизненные начала, в его здравый смысл и совесть. В народничестве этом было больше стремления к некоторой творческой первооснове мира, к воссоединению с творящей стихией, чем к национальной идентичности. Народничество в этом смысле являлось в России составной частью любой успешной идеологии. И сейчас, говоря словами академика Н. Моисеева, мы, народники, мечтаем о том, что придет поколение, которое сможет принять эстафету веры в свой народ»³.

С апологией русского национализма как необходимого и реального факта современной российской действительности выступают Е. Холмогоров, А.И. Севастьянов, В.Д. Соловей и целый ряд других авторов. Да и сам «Русский проект» «Единой России», подвигнувший к разработке данного материала, тоже находится в националистических координатах.

Что же в действительности? Выше уже говорилось о том, что почти половина русских (осознающих себя таковыми и, следовательно, являющихся националистами в экзистенциальном смысле слова) выразили полное неприятие идей русского национализма как социально-политической установки. С полным основанием А.И. Миллер отмечает, что националистическое мышление, ставящее целью создание Русского государства, сталкивается с серьёзными трудностями. Никакой динамики политического русского национализма нет. Масштаб его поддержки не превышает 10–15%, причём эти показатели с некоторыми колебаниями остаются чрезвычайно устойчивыми на протяжении многих лет⁴.

В-третьих, вызывает протест неправомерная демонизация русского национализма. Негативизм в отношении него превратился в своего рода норму для основной массы тех, кто является или позиционирует себя в качестве «инженеров человеческих душ». Возражая против такой откровенно ангажированной антирусской односторонности, представляется нужным обратить внимание на несколько позиций.

Позиция первая. Русский национализм, как и любой другой, никогда не был и не является гомогенным феноменом. Как говорится, есть разные национализмы: их генерируют крупные народы и национальные меньшинства, они могут служить возвышению народного сознания и

¹ Дугин А. Консервативная революция. М.: Изд-во Арктогея, 1994 // <http://www.arctogaia.com/public/konsrev/natio.htm>. Он же. Нужен ли России просвещенный национализм // Время новостей, 2003, 5 мая.

² Чернышевский И.Н. Русский национализм: несостоявшееся пришествие // Отечественные записки. 2002. № 3(4). С. 155.

³ Гальченко В. Для просвещенного национализма в России почвы нет // Время новостей, 2003, 5 мая.

⁴ Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 29.11.2006 // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>

быть инструментом его растления, ориентироваться на диалог с инациональными культурами или на агрессивное подавление их. Утверждать, что из всех этих и множества других контrovers русский национализм аккумулирует только негативные начала – значит, выступать против практики, логики и здравого смысла. Он может быть как разрушительным, так и созидательным.

Однако политическая и околополитическая публика, за редким исключением тех, кто осмеливается позиционировать себя как русского националиста, квалифицирует русский национализм как спонтанное проявление «защитно-консервативной реакции основной массы населения на универсализацию стандартов жизни, интенсивную модернизацию, эрозию традиционных моделей и образа жизни». Он описывается в исключительно негативной коннотации. Это в развитых странах Европы без националистического начала было бы невозможно возникновение гражданского общества, а народы центрально-восточных стран именно благодаря национализму сумели построить эффективные и устойчивые демократические институты. Русский же национализм, который «известную полноту своего дегенерационного выражения приобрел лишь при Путине» позиционируется как «травматическое переживание своей исторической несостоятельности», «нежелание и неготовность быть другими» и т. д.¹ Подобные хлесткие формулировки, по существу, отказывают русским в праве на уважение, сбережение и укрепление своей русскости. Да и есть ли она, можно усомниться, прочитав, что носителями русского национализма являются те, «кто идентифицирует себя с некой воображаемой общностью этнических русских». В вину русским ставится даже то, что их этнический национализм оказывается сопряженным с патриотизмом.

Позиция вторая. Вызывают недоумение и возражение попытки рассуждения о национализме в России строить исключительно на освещении русского национализма и только в сугубо негативном контексте. Так, в номере «Pro et contra» (сентябрь–октябрь 2005 г.), специально посвященном теме национализма и расизма в России речь сведена не преимущественно даже, а исключительно к национализму русскому. Такая односторонность не только методологически ущербна, она – что значительно хуже – политически ангажирована. Скажем, главный редактор вслед за своими авторами говорит о нетерпимости и ксенофобии русских, что «постоянно ощущают на себе представители "неправильных" национальностей практически в любой точке России». И именно в этом она усматривает опасность того, что по сравнению с мирным распадом СССР для нашей страны «может быть, худшее еще предстоит».

Попробуйте проговорить эту мысль до конца – получится, что худшим по сравнению с мирным распадом СССР является развал России в результате вооруженных межэтнических конфликтов и войн. Думается, что возможность такой перспективы за годы президентства В. Путина, если не устранена полностью, то значительно ослаблена. Но в любом случае её корни лежат не в центростремительных установках русского национализма. Пора отказаться от идеи, согласно которой национализм большой нации всегда имеет характер шовинизма, агрессивной экспансии, подавления «малых наций». Большая опасность для целостности и стабильности государства таится в центробежных ориентациях этнических элит национальных республик. Между тем, национализмы, имеющие русофобскую и россифобскую направленность и порождающие тревожность группового самосознания русских людей, оказываются безымянными и остаются вне критического анализа.

Позиция третья. Преувеличиваются масштаб и интенсивность русского национализма. Крайние формы этнической подозрительности среди русских проявили почти в два раза больше опрошенных, чем среди представителей других национальностей. Так пишет Э.А. Паин, который в той же книге признаёт как данность высокую этническую толерантность русских². Между тем, по данным многолетних социологических наблюдений за рядом этнических групп России (русских, татар, башкир, якутов, осетин, тувинцев), у русских самый низкий показатель потребности ощущать себя частью этнического сообщества, народа, а не просто автономной личностью (на 20% ниже максимального из продемонстрированных представителями других национальностей), независимо от того, живут они на территории «титულных» республик РФ или в областях. Другой вопрос: насколько часто человек осознаёт жизненную ситуацию как этнически определённую? И этот показатель у русских также минимален (почти на 40% ниже максимального)³.

Четвёртая позиция. Русский национализм, в том числе и в его конфронтующей форме – явление вторичное. Как отмечает Г. Зверева, его формирование во многом стало результатом роста национализма в период перестройки в союзных республиках, а после распада СССР и в российских автономиях. В общетеоретическом плане его актуализацию объясняет Э.А. Паин: «Когда этническое большинство ощущает угрозу утраты своего статуса или реально теряет его на некоторых территориях, это, как правило, усиливает позиции этнического национализма»⁴.

¹ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra, 2005, сентябрь–октябрь.

² Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 37, 24.

³ <http://liberal.ru/sitan.asp?Rel=55#forum>.

⁴ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 94.

Развёртывая этот тезис, директор Центра социологических исследований МГУ С.В. Туманов особо подчёркивает, что у русской этнофобии оборонительная, защитная мотивация и подтверждает слова В.Д. Соловей, что её психологическую подоплёку составляет не экспансионистское устремление, а желание защитить свой очаг, родную землю и привычный образ жизни¹. Об изначально защитном характере русского национализма пишет Н. Мухаметшина² и многие другие авторы, которых никак нельзя причислить к русским националистам. Да и Э. Паин отмечает, что этнополитическая ситуация в стране стала круто меняться в годы перестройки, а заметный рост этнического самосознания русских проявился лишь к концу 1990-х годов³.

Рост этнической тревожности русских является ответом, с одной стороны, на компрадорскую политику государственной власти. «Этнизация, – утверждает В.Д. Соловей, – массовый ответ на слабость отечественного государства, культурную и экзистенциальную отчужденность российских элит от общества и собственной страны. Исторический смысл этнизации – превращение русских в другой народ»⁴. Отмеченная Соловей отчужденность элит обусловленная, в том числе и этническими параметрами⁵, выражается, в частности, в том, что в планах и процессе российских реформ, признает Э. Паин, меньше всего учитывались интересы этнического большинства. Совершенно игнорировались проблемы русских в ряде республик Российской Федерации. Крайне мало уделялось внимания этническим проблемам миграции, в которой основным субъектом были русские, составлявшие $\frac{3}{4}$ всего миграционного потока. При относительной этнической пассивности русских власти относились к ним по принципу «терпят, не бунтуют – и слава богу»⁶.

С другой стороны, ситуация усугублялась активизацией этнических меньшинств, ростом негативного отношения к русским со стороны национальных движений других народов СССР и России, зачастую переносивших на этническое большинство грехи советского режима. При этом и власть и задававшая тон в стране либеральная общественность не только не придавали значения этнократическим проявлениям политики этнонациональных элит некоторых российских республик, но и серьёзно обсуждали возможность целенаправленного раздела Федерации, единого ареала расселения русских на несколько самостоятельных государств.

Разумеется, русские не могли вечно оставаться безразлично смиренными к поправанию их прав. «Когда преобладающая в государстве русская национальность, – процитирую еще раз П.И. Ковалевского, – ... чувствует и видит самый решительный и жадный натиск других, более сильных экономически и культурно, национальных групп в целях захвата соответственно уже сильных позиций в новом политическом факторе, – тогда коренная, но более слабая культурно национальная группа не только вправе, но и обязана предъявлять своему правительству, своей государственной власти требование быть национальными, то есть оберегать политические интересы коренной национальности, по крайней мере, до тех пор, пока коренная национальность не сплотится политически настолько, чтобы собственными групповыми силами оберегать свои политические интересы от излишне неуступчивых притязаний других национальных групп»⁷. Перефразируя марксову мысль о классах, можно сказать, что русские из этнической группы «в себе» становятся группой «для себя». И этот процесс не может не иметь политического содержания. По мнению Н. Мухаметшиной, «...русский национализм постепенно приобретает общественно-политическое звучание, становится заметным явлением»⁸.

«Россия для русских?»

В контексте превращения русских в «народ для себя» следует рассматривать высокую популярность лозунга «Россия – для русских», который понятен и близок значительной части населения России.

Э.А. Паин пишет, что этот лозунг впервые сформировался в начале прошлого века как наиболее воинственное направление русского национализма (организации «Черной сотни») на тех тер-

¹ Туманов С.В. Боюсь, что автор прав в главном... // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1, январь–март. С. 143.

² http://www.eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/55_26.htm

³ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 28–29.

⁴ Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 29.11.2006 // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=660>.

⁵ Так называемая «правлящая русская элита» с момента христианизации Руси никогда не была русской и потому всегда была «далека от народа», – констатируют Р. Яновский и А. Простов (Безопасность Евразии. 2007. № 1. С. 444).

⁶ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 102.

⁷ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. С. 47.

⁸ http://www.eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/55_26.htm

риториях Российской империи (в Молдавии и на Украине), где русское население было в меньшинстве и проигрывало в приросте местному¹. Э.А. Паин не точен. Лозунг «Россия для русских» впервые выдвинул Александр III, при нём он «громогласно раздался по всей Руси», хотя в силу целого ряда причин и «вызвал малую реакцию»². Причём, как сообщал П.И. Ковалевский, он был направлен против деформаций в российском обществе и в российской политике. Во внешней политике при Павле I, Александре I и II, Николае I, напоминал Ковалевский, русские интересы как бы были на втором плане. Верховная власть в мировой политике слишком много жертвовала ими для интересов других наций и вмешивалась в другие государственные дела за счёт русской коренной нации. Эту политику едва ли можно было назвать строго национальной. Во внутригосударственном плане после Петра I «все эти шведы, немцы, французы и прочие забрали Россию в свои цепкие руки и стали повелевать ею как свою собственность». Вот та атмосфера, в которой по мысли П.И. Ковалевского культивировался русский национализм начала царствования Александра II³...

Как видим, в момент выдвижения лозунга «Россия для русских» он был проявлением не имперскости и не шовинизма, но формой самоопределения народа, в силу различных обстоятельств оказавшегося аутсайдером в собственном государстве. И в наши дни этот лозунг большинством его разделяющих понимается вовсе не в этноэгоистическом духе, а как призыв к защите интересов и традиций русского народа. Они вовсе не имеют в виду ни русификацию государства и государственности, ни этническую гомогенизацию населения. Суть его сводится не к нарушению прав нерусских, а к приданию русскому народу прав, присущих всем государствообразующим народам во всех развитых странах. Другой акцент этого лозунга – требование того, что на территории всей нашей страны представители любой национальности и русские тоже должны быть полноправными и равноправными гражданами.

Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»? (в %%)

	2001 ноябрь	2002 декабрь	2003	2004	2006
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	16	16	16	10	12
Поддерживаю, если под русскими понимать всех граждан России			30	23	34
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	42	38	20	28	23
Отрицательно, так как это осложнит вхождение России в цивилизованное западное общество			15	12	12
Отрицательно, это настоящий фашизм	20	26	13	17	11
Меня это не интересует	11	9			
Не задумывался над этим	6	8	14		
Затруднились ответить	5	3	6	10	8

Источник: Известия. 2004. 25 марта; <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3772.html>

В декабре 2006 г. ВЦИОМ выяснил, что относительное большинство наших сограждан, 44% (по другим данным – 52,8%), считают, что «Россия – общий дом многих народов», в котором все должны обладать равными правами⁴. При этом треть опрошенных (27,1% и 36%) полагают, что «русские должны иметь больше прав, поскольку составляют большинство населения». Третью по влиянию точку зрения – «Россия должна быть государством русских людей» – разделяют 15,7% (по другим данным только 11,1%), они хотели бы жить в национальном государстве русских и создавать строй, основанный на национальных русских ценностях⁵.

Таким образом, отношение к идее «Россия для русских» во многом зависит от того смысла, который каждый вкладывает в это понятие. В целом же, как справедливо писал А.И. Миллер, расселение русских в стране таково, что попытки создать сколько-нибудь определённый образ «идеального отечества» русского народа либо сбиваются в имперство, либо соглашаются оставить за пределами Русского государства десятки миллионов русских и значительную часть территории Российской Федерации. Издержки обоих вариантов слишком очевидны сегодня для большинства русских⁶. И бороться нужно не с лозунгом, а с его шовинистическими интерпретациями.

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 94.

² См. об этом:

³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Книжный мир, 2006. С. 15–38.

⁴ Бызов Л. Консервативная волна в России: Что с нами происходит? // <http://wciom.ru/novosti/v-centre-nimanija/publikacija/single/3298.html>

⁵ Там же.

⁶ Миллер А.И. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 130.

РУССКИЙ ОТВЕТ

Нет никаких оснований демонизировать русский национализм. Напротив, его актуализация должна побудить власть и СМИ увидеть и устранить те реальные проблемы русской экзистенции, которые порождают дискомфорт у значительной части населения страны.

О некоторых задачах в этой области (аспектах решения русского вопроса) говорилось выше. Здесь же специально подчеркнём, что русский вопрос не является самостоятельной проблемой.

Во-первых, отчётливо проявляющийся интерес общества к нему – частное выражение, одна из составных частей требования «порядка и справедливости». Его нельзя решить, не решив вопросы еврейский, чеченский, тувинский и т. д., хотя бы потому, что эволюция различных национализмов развёртывается по принципу сообщающихся сосудов: активность одних этнических общностей оказывает заражающее и провоцирующее влияние на другие, активизирует их. Причём в двояком смысле.

С одной стороны, этническая озабоченность какой бы то ни было группы, действительное или мнимое ущемление её прав в массовом сознании приобретает характер недовольства государством, его политикой, которое почти неизбежно переносится на государствообразующий народ. Кстати сказать, такому переносу во многом способствует и западническая (откровенно дистанцирующаяся от народа) ветвь русской интеллигенции. Ведь писал же Э. Паин, что на первом этапе российских реформ либеральная интеллигенция «обращалась к русскому народу разве что с предложением повиниться перед меньшинствами за преступления империи»¹. Добавим, однако, что и в наши дни подобные спекулятивные и провокационные «предложения» продолжают тиражироваться. Негативистские же настроения в среде других народов по отношению к русским отнюдь не улучшают их положение и самочувствие. Вот почему необходимо понять озабоченность своим положением каждого из населяющих страну народов и найти пути для того, чтобы снять её.

С другой стороны, следует открыто сказать о явлениях этноэгоизма и этносепаратизма, которые имеют место среди них и не только объективно ущемляют положение русских, но и субъективно направляются против них. Ясно же, что если наблюдается отток русского населения из ряда национальных республик, то причиной этого являются, конечно же, не ксенофобские настроения русских. Русский национализм, писал А.И. Миллер, не может обрести агрессивные формы без «посторонней» помощи – массового бегства русских с окраин империи или резкого обострения национального конфликта в самой России². Благополучие русских может быть обеспечено только при условии, что ни одна этническая группа в стране не чувствует себя обиженной или обделённой. Именно поэтому государство и «партия власти» должны быть озабочены общей ситуацией в сфере межэтнических отношений.

Такая озабоченность, однако, не только не исключает, но предполагает специальное внимание к тем сторонам и сюжетам этнической ситуации, которые в данный момент наиболее разбалансированы. Сегодня в их ряду на первое место выдвинулся «русский вопрос». И его решение не сводимо к обеспечению индивидуальных прав и свобод человека и гражданина. Смысл и цель национальной политики состоят в «обслуживании» не индивидов, а общностей. Заключительный документ Копенгагенского совещания по человеческому измерению ОБСЕ (июнь 1990 г.) предусматривает, что «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле». Само собой разумеется, что этим правом обладают и лица, принадлежащие к большинствам. Для адекватного понимания этой нормы важно видеть, что отдельно взятый индивид, находящийся вне своей национальной среды не сможет воспользоваться этим правом, если речь вести не об относительных частностях (головной убор или другие элементы одежды, личная библиотека, повышенный интерес к истории и современной жизни своего народа и т. п.).

«Национальные права и интересы индивида» или – точнее – «права и интересы индивида, в том числе обусловленные его национальной принадлежностью» предполагают, что существует нечто, которое воспроизводит определённые интересы и права на их реализацию у конкретных индивидов. Это нечто существует наряду с возрастом, полом, расой, языком и названо в российской Конституции национальной принадлежностью. Последняя есть не что иное, как его

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 102–103.

² Миллер А.И. Национализм как фактор развития // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 130.

пребывание в составе этнической общности. И развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность, тем более свою культуру во всех её аспектах люди могут только сообща, совместными усилиями многих.

Не может быть решён русский вопрос и в масштабе отдельных регионов страны. Скажем, при Министерстве регионального развития России создана Межведомственная комиссия по разработке Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. С 2005 года в ней рассмотрены стратегии развития около 60 субъектов. На заседаниях Правительства Российской Федерации только на первую половину 2007 г. запланировано рассмотрение стратегий Калининградской, Вологодской, Кемеровской, Свердловской, Иркутской областей, Республик Северная Осетия и Саха (Якутия). Призывая необходимую и важность таких стратегий, нельзя не видеть, что все они, как и разрабатываемая Концепция Федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов России» в какой-то мере разрывают русский этнос как целостное образование на региональные фрагменты: каждый регион решает (если озабочен этим) свои проблемы с русским населением, но никто – проблемы русского народа в целом, в том числе такие, например, как развитие русского мира, о котором говорит В. Путин, сохранение и развитие русской культуры, представительство русских в выборных органах федеральной власти и т. д.

Во-вторых, решение русского вопроса является не сугубо этнической, но общедемократической и социально-экономической задачей. Русский вопрос (пока ещё, надо сказать) – вопрос не только и даже не столько о существовании, сколько о достойном существовании. Но это последнее не просто предполагает, но имеет первоосновой решение экономических, социальных, экологических и многих других проблем, этническое содержание которых минимально. Скажем, социологический анализ показал, что удовлетворённость работой в России в 2,3–1,5 раза меньше, чем в странах зарубежной Европы: в Дании удовлетворены работой 88,3%, во Франции 58,8%, в Чехии – 62,2%, в Словакии – 69,3%, тогда как в России – 39% населения. Такое положение объясняется не этническими факторами, менталитетом народа или неверной этнонациональной политикой государства, но, прежде всего, результатами российских реформ и тем, что в ходе этих реформ из системы общественных преобразований практически были исключены интересы наёмных работников. Согласно социологическим исследованиям, в российском обществе складывается мнение, что объявленные социальные программы означают перекладывание бремени ответственности за их решение на самих граждан, причём именно в тех сферах и областях, где население особенно рассчитывало на государство: в пенсионном обеспечении (так думают 85% опрошенных), в борьбе с бедностью (74%), медицине (68%) и образовании (64%)¹.

Вот почему представляется контрпродуктивной логика тех, кто призывает перевести этнические проблемы «в культурно-просветительное и культурно-образовательное русло»² или ратует за превращение их в частное дело граждан. В том-то и дело, что они таковыми не являются. Этническое своеобразие проявляется отнюдь не только в традиционной культуре, и обусловленные ими интересы людей не замыкаются на этнографическом музее, ансамбле песни и пляски или созданием национальной школы. Попытки ограничить этническую активность только сферой фольклора нигде в мире не увенчались успехом, как о том свидетельствует кризис политики мультикультурализма. Сам же В.Ю. Зорин отмечает актуальность, например, вопроса о представительстве этнических групп и общностей в структурах власти³. И наивно полагать, что самая продуманная этнокультурная политика, снимет какие бы то ни было проблемы во всех других областях жизни этноса. Скажем, Правительство Российской Федерации утвердило федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.». Спрашивается, её реализация относится только к сфере и задаче этнокультурного развития или не является частью этнонациональной политики государства?

В-третьих, возникновение и разрешение этнонациональных проблем обуславливают две тенденции в развитии любого полиэтничного государства: этнизацию политики и политизацию этничности, которые едва ли не любые этнические ситуации вводят в сферу политики. Недоразумением следует считать, что в России они оцениваются негативно значительной частью экспертного сообщества. В этом плане солидаризируемся с Э.А. Паиным, в том, что «этничность нельзя отменить, а её политизацию нельзя (опасно) запрещать. Вместо этого её можно направить в цивилизованное русло»⁴. Однако добавим, что диалектика названных тенденций состоит в том, что чем менее этнизирована политика, чем менее государственная власть, другие политические акторы учитывают в

¹ Безопасность Евразии. 2007. № 1. С. 155, 157.

² Зорин Ю.В. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М.: Изд. дом «Русский мир», 2003. С. 6. Вот и КПРФ прибегает к эвфемизмам, когда, например, повестку пленума ЦК, посвящённого русскому вопросу сводит к защите русской культуры, но не самой по себе, а как основы духовного единства многонациональной России (http://www.cprf.ru/news/party_news/48260.html). В такой постановке русские и их культура оказываются не целью, а средством.

³ Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: 2003. С. 258.

⁴ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 134.

своей деятельности специфические интересы, настроения, ожидания этнических групп, тем более они сами апеллируют к политике и включаются в неё в качестве самостоятельного субъекта.

«Самосохранение русского народа (как этноса), его физическое выживание и материальное благополучие, защита его языка и веры, внешняя безопасность и многое другое, несомненно, являются первоочередными задачами для любого политика, претендующего на власть в России. Но назвать такую политику национальной можно будет лишь в том случае, если она озаботится одновременно политической и духовной свободой своих граждан, только и позволяющей им быть нацией»¹.

Не о самосохранении нужно вести речь, а о политике власти по сбережению – физическому, социальному, ментальному – народа. Если она устраняется от этого, появляются пассионарии, которые начинают явочным порядком добиваться справедливости. Об этом так сказал А. Дугин. По его мысли, политическая модель России складывается из трёх полюсов. Россия–1, Россия Путина исчерпывается формулой «патриотизм+либерализм». Россию–2 олицетворяет «оранжевый» полюс, ратующий за лояльность интересам Запада и США и установление внешнего управления. Россию–3 воплощает формула патриотизм без либерализма, суверенитет в чистом виде. У России–3 нет ни своей политической силы, ни своей внешней опоры. Она нужна только самой себе, своей истории, своему народу. «И все же определенный жест в час "X" Россия–3 произвести в состоянии. Если Россия–3 будет ждать приказа России–1 (КГБ, ФСБ), она его никогда не дожждется. Такого приказа просто не поступит. Судьбы России, история патриотизма может оказаться в руках тех, кто способен действовать без приказа, кто слушает только голос своего народа и национальной истории»².

Потенциальные силы, которые могут спасти Россию есть, но нет условий для их деятельности – нет национального лидера, нет идеи национального единения, – пишут, ссылаясь на А.А. Зиновьева, Р. Яновский и А. Простов. – Предстоит борьба за биологическое выживание русского народа. Поэтому либо русские упустят свой исторический шанс навсегда, либо нужен русский национальный «заговор». Нужна массовая сознательно-волевая деятельность нескольких миллионов русских, которые через понятие «родства» создадут легальную политическую Русскую партию или «национальную русскую социальную некриминальную мафию и постепенно будут брать под контроль ключевые позиции во власти, так как все организации со временем эволюционируют в организации мафиозного типа. Для этого нужны новые идеи, концепции, планы и проекты»³.

А. Дугин и А. Зиновьев не призывают, но прогнозируют возможность протестного движения русских, которое может приобрести форму «бессмысленного и беспощадного русского бунта». О возможности перерастания этой гипотетической перспективы в практическую реальность говорят, хотя и с разным акцентом, представители всего политического спектра страны. Приведём лишь три оценки. Лидер КПРФ Г.А. Зюганов: «Социологические опросы говорят, что уже более половины населения России почувствовало на себе значимость русского вопроса – неравноправность русских в обществе, их ущемление в повседневной жизни. Наряду с социально-политическим протестом в стране зреет и национальный протест». Сотрудник Горбачев-фонда В.Д. Соловей доказывает, что русское самосознание радикально трансформируется – происходит «бунт русской этничности». Возражая ему, руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Л.Г. Бызов тем не менее признаёт «тревожность действительно существующих тенденций роста радикального русского национализма в отдельных группах общества»⁴.

Для предупреждения такой перспективы нужна продуманная, целенаправленная и действенная политика государственной власти по подъёму и всестороннему развитию русского народа, укреплению его статуса в Российской Федерации. Политика не подавления этнической мобилизации русских, тем более не борьбы с политизированной этничностью, но взаимодействия с ней, привлечения её потенциала на благо России. Нужен РУССКИЙ ПРОЕКТ.

Для его разработки и реализации в системе федеральной исполнительной власти необходим орган, координирующий деятельность учреждений и организаций государства и структур гражданского общества. Сегодня такого органа нет. Видимо, эта функция не может быть исключительной компетенцией Министерства регионального развития Российской Федерации, на которое ныне воз-

¹ Вадим Межуев <http://www.apn.ru/publications/print11221.htm>

² Время новостей, 2007, 11 мая.

³ Яновский Р., Простов А. Ностальгия по «русскому коммунизму» // Безопасность Евразии. 2007. № 1. С. 445.

⁴ О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России: Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова на IX Пленуме ЦК КПРФ http://www.cprf.ru/news/party_news/48260.html; Соловей В.Д. Революция русской идентичности. Россия для русских? / Мониторинг общественного мнения. 2006. № 4, январь–март; Бызов Л.Г. Произошел ли в России «бунт этничности»? / Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1, январь–март. С. 137.

ложена выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере государственной национальной политики и межнациональных отношений в Российской Федерации, а также защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации, и в рамках которого функционируют Департаменты: федеративных отношений, государственного управления и местного самоуправления; межнациональных отношений; регионального социально-экономического развития и территориального планирования. Вряд ли таким органом может стать Новый русский политический центр, решение о создании которого приняли «единороссы»¹. Как специальная экспертная партийная структура, «призванная прояснить природу и сущность русского вопроса и донести выработанное понимание его до широких масс населения» она уже в замысле ориентирована на теоретико-просветительскую работу, а не властно-распорядительную деятельность. К тому же решение русского вопроса – задача не одной, хотя бы и правящей в данное время партии, а всего общества.

* * *

Политика нужна в том случае, когда есть «вопрос» и альтернативные способы его решения. Наличие этих условий и осознание необходимости политического реагирования на них обуславливает и объясняет учреждение тех или иных структур, призванных взять ситуацию под контроль и направить её развитие в желательное русло. «Мои личные симпатии, – пишет В.Д. Соловей, – на стороне русских, потому что я сам русский. Но если бы я был политиком, то сто раз поостерегся бы выражать свои симпатии открыто»².

Это, быть может, единственное положение данного автора, которое представляется необходимым оспорить.

Дело в том, что оговорённые выше численность русских, их достойное существование и социально-психологическая удовлетворённость своим положением, основанное на этом органическое единство с государством образуют тот фундамент, на котором стояла и стоит Россия.

Следовательно, меры, направленные на укрепление и развитие русского народа должны определяться не личными симпатиями (внутренними влечениями) политиков, а политической целесообразностью.

Не избирать же нам президентом, например, японца, для того чтобы в стране официально признавалась неординарная роль русских в России и государственная политика в отношении них строилась соответствующим образом.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2007. № 3)

¹ И вновь возникает сформулированный выше вопрос: русским центр назван по этническому составу его участников, по программным целям или объекту внимания?

² Соловей В.Д. Русские сами боятся своей этничности // Московские новости, 2006, № 38.

А.В. КУЗНЕЦОВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА В XXI ВЕКЕ

Стремительность перемен во внутренней политике России на рубеже 2008 и 2009 годов всё более ощутимо сопровождается значительными изменениями ключевых смыслов, определяющих внешнюю политику, содержание международных отношений.

Поучительным примером может стать, по моему мнению, интеллектуальная доминанта первого американо-китайского экономического и стратегического саммита (Вашингтон, 27–28 июля 2009 года). В ходе его открытия 27 июля госсекретарь США Хиллари Клинтон озвучила важный политический смысл: «*стратегия многопартнерства*»¹. Если соотнести этот феномен с тезисом Президента США Барака Обамы, предложенным им в этот же день – «*отношения между США и Китаем будут формировать XXI столетие*»² – то можно предположить, что политика мироустройства, политика миропорядка XXI века становятся весьма и весьма актуальными.

Для понимания главных тенденций, влияющих на формирование политики справедливого мироустройства в России, в других странах, очень важно определение самой ситуации с проблемой миропорядка и мироустройства, которое предложил известный российский писатель, аналитик и публицист С.Н. Белкин: «...**конструктивное объяснение смысла необратимой деформации миропорядка и мироустройства на рубеже 2008–2009 годов занимает сегодня лидирующее место в обеспечении конкурентоспособности каждой страны – сегодня это самый дорогой товар, самый наукоемкий**»³.

С учётом исследований Е.М. Примакова, В.Н. Кузнецова, Э.Г. Кочетова, С.Н. Белкина, Е.В. Сапир, С.Е. Кургиняна; а также Наоми Кляйн⁴, Фариды Закария⁵, Жака Аттали⁶ можно наметить такие ключевые тенденции для политики справедливого мироустройства: субъектно-созидательная, предотвращающая возможность глобальной войны, эвристическая – содействующая пониманию реальных и возможных перемен.

СУБЪЕКТНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Важной особенностью динамики феноменов «мирпорядок» и «мироустройство» летом и осенью 2008 года стала, по существу, глобальная скоординированная деятельность отдельных учёных, политиков, общественных деятелей, журналистов по недопущению в мировое интеллектуальное пространство какой-либо новой конструктивной, справедливой модели «мирпорядка» и «мироустройства».

По сути, «строится» глобальная установка: «Если не мы – Запад, то и никто другой!».

Уважаемый и компетентный специалист, директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности (Вашингтон, США) Николай Злобин аргументировано утверждает в интереснейшей статье «Возможности интеграции» о движении мира к бесполярной структуре: его статья опубликована 16 сентября 2008 года в рубрике «Миропорядок» газеты «Ведомости», которая издаётся в Москве.

«Мир вступил в эпоху международной дезинтеграции и быстро движется от так и не сложившейся однополярной структуры к структуре бесполярной, – констатирует Н. Злобин, – в которой будут отсутствовать доминирующие центры силы, а значение больших держав будет гораздо меньше, чем все привыкли. Дезинтеграция мира становится основным содержанием эпохи и важнейшей качественной характеристикой нового миропорядка»⁷.

В этот же день, 16 сентября, читатели могли ознакомиться со статьёй Александра Коновалова, президента Института стратегических оценок (Москва, Россия). Автор в статье «Мир не должен быть многополярным», опубликованной в приложении к «Независимой газете», которое называется «НГ-ПОЛИТИКА», обосновывает позицию, близкую к точке зрения Н. Злобина. «Понимание характера формирующейся биполярности, или, если угодно, "согласованной бесполяр-

¹ Приведено по: *Клочихин Е.* От многополярного мира к многопартнерскому // Независимая газета, 2009, 3 августа.

² Приведено по: *Кочелягин Н.* Экспортный диалог. В Вашингтоне открылся первый американо-китайский саммит // Время новостей, 2009, 28 июля. С. 8.

³ Приведено по: *Кочетов Э.Г.* Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геоэкономические заделы (программа действий) // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 319.

⁴ *Кляйн Наоми.* Доктрина шока: Становление капитализма катастроф. М.: 2009.

⁵ *Закария Фарид.* Постамериканский мир. М.: 2009.

⁶ *Аттали Жак.* Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб: 2009.

⁷ *Злобин Н.* Возможности дезинтеграции // Ведомости, 2008, 16 сентября. С. А04.

ности", – поясняет А. Коновалов в своей обстоятельной и концептуальной статье, – требует отказа от опасных шахаханий во внешней политике»¹.

Своеобразным «моментом истины» для активного и продуктивного, по моему мнению, мирового научного дискурса о проблемах миропорядка и мироустройства (пример: статьи Н. Злобина и А. Коновалова) стала программная речь госсекретаря США Кондолизы Райс 18 сентября 2008 года в вашингтонском Фонде Маршалла. Её выступление было посвящено, в основном, российско-американским отношениям.

В содержании речи Кондолизы Райс реально обосновано положение, по которому Россия принципиально не должна позиционироваться ни в «биполярной», ни в «беспольярной» модели, ни в архитектуре «согласованной беспольярности». «Политика Кремля становится все более авторитарной дома, – утверждает госсекретарь США Кондолиза Райс, известный учёный, специалист по СССР, по России, – и все более агрессивной за рубежом... Мы видим параноидальный порыв, который и раньше проявлялся в российской истории... Мы уверены, что наши связи с соседями не будут подорваны несколькими стареющими бомбардировщиками, посещающими один из немногих латиноамериканских авторитарных режимов... Российские руководители не добьются своей основной цели по смещению грузинского правительства... Наша стратегическая задача – дать ясно понять российским лидерам, что их выбор ставит Россию на односторонний путь самоизоляции...»².

Любопытный тезис представлен в официальном заявлении Министерства иностранных дел России в связи с резким антироссийским заявлением госсекретаря США Кондолизы Райс 18 сентября 2008 года в Фонде Маршалла. «Ценим утверждения Кондолизы Райс о том, что "сегодняшняя Россия – не Советский Союз", – с хорошей долей юмора констатировано в заявлении МИД'а. – Вызывает удовлетворение, что в США начинают признавать нереалистичность однополярного мира»³.

Новым, важнейшим институтом справедливого мироустройства XXI века можно фиксировать, по моему мнению, впервые оформившийся феномен – **«мировое интеллектуальное созидающее лидерство как фактор глобального влияния»**.

К таким институтам – странам необходимо, по состоянию на октябрь 2008 года, причислить Россию, Китай, Индию, Бразилию, Южно-Африканскую Республику, Мексику.

Лидеры этих стран, их народы энергично, достойно и эффективно создают, продвигают и утверждают новый справедливый мировой порядок, новое справедливое мироустройство XXI века. Здесь приоритет культуры жизни, культуры мира, культуры безопасности. Здесь в центре внимания – достоинство и благополучие каждого человека, каждой семьи, каждого народа. Здесь формируется умная, мудрая, сильная, справедливая и ответственная национальная безопасность, региональная безопасность, международная безопасность.

Доказательства:

• 8 октября 2008 года в разгар мирового финансового кризиса весь мир с вниманием и уважением слушал программную речь Президента России Дмитрия Медведева на конференции по мировой политике в Эвиане (Франция). Особое внимание у аудитории в зале, у многомиллионной аудитории СМИ было обращено «к российскому видению нового мирового порядка – к принципам самоорганизации **"в справедливом, многополярном мире"**»⁴. (Выделено мною. – А.К.).

Основная часть выступления Президента России Дмитрия Медведева впервые была посвящена обоснованию содержания и структуры предложений России для Европы и всего мира по подготовке переговоров, ориентированных на эффективную безопасность XXI века.

«– Современной Евроатлантике нужна позитивная повестка дня, – заключил Медведев. – События на Кавказе подтвердили абсолютную правильность идеи нового Договора о европейской безопасности. Эта система должна быть равной для всех государств без изоляции кого-либо и без зон с разным уровнем безопасности. Она должна будет призвана объединить всю Евроатлантику на основе единых правил игры и на долгие годы в юридически обязывающей форме обеспечить общие гарантии безопасности.

Со своей стороны российское руководство вчера внесло пять основополагающих положений нового договора. Прежде всего, в нем должны быть закреплены базовые принципы безо-

¹ Коновалов А. Мир не должен быть многополярным // НГ-ПОЛИТИКА, 2008, Вторник, 16 сентября. С. 16.

² Приведено по: *Беликов Е., Красников Н.* Райс недаром злится. Прошла её пора... // Комсомольская правда, 2008, 20 сентября. С. 3.

³ Приведено по: *Химшиашвили П., Тельманов Д.* МИД ответил на обвинения Кондолизы Райс // ГАЗЕТА, 2008, 22 сентября. С. 4.

⁴ Здесь и далее по разделу дан текст В. Кузьмина с обзором выступления Д. Медведева. Цитирование Д. Медведева также осуществлено по обзору В. Кузьмина. См.: *Кузьмин В.* Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // Российская газета, 2008, 9 октября. С. 2.

пасности на основе добрососедства, уважения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств.

"Во-вторых, следует ясно подтвердить недопустимость применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях", – подчеркнул Дмитрий Медведев. – Конфликты же должны урегулироваться исключительно в мирном ключе путем поиска "переговорных развязок".

– Третье – это гарантии обеспечения равной безопасности, – продолжил российский лидер. – Здесь нужно следовать трем "не", а именно не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других, не допускать действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности, и, в-третьих, не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора.

Четвертым пунктом Москва пытается прервать своеобразную гегемонию США на роль мирового гаранта стабильности. "Важно подтвердить, что ни одно государство или международная организация не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в регионе", – заявил Медведев. Правда, тут же оговорился, что и России это касается в полной мере.

И последний, пятый пункт предполагает установление базовых параметров контроля над вооружением и разумной достаточности в военном строительстве.

"Подчеркну – мы не предлагаем ничего разрушать из того, что имеется, – обратил внимание Запада российский лидер. – Речь идет о более гармоничной деятельности на основе единых правил".

Россия не собирается при этом навязывать Европе и миру свои правила безопасности. Наоборот, Москва активно выступает за работу над договором экспертного сообщества и, конечно же, внесения идей европейскими партнерами. "Но в любом случае "ремонт" европейской архитектуры безопасности необходимо ускорять, – считает Дмитрий Медведев. – Альтернативой является только ее дальнейшая деградация и обострение кризиса в сфере безопасности и контроля над вооружением"»¹.

Предотвращающая возможность глобальной войны тенденция формирования политики справедливого мироустройства

Новые практики в сфере безопасности человека, народов, государств, регионов и всей цивилизации XXI века обусловили новую востребованность к учёным-обществоведам по созданию новых теорий, новых методологий, новых высоких гуманитарных подходов.

Сложился новый глобальный дискурс по проблемам жизни человека, о сохранении и укреплении мира, о войне и военных вмешательствах.

В самом предварительном порядке можно, по мнению автора статьи, выделить несколько особенностей, которые повлияли на факторы «сложившие» глобальный дискурс и содействующие его функционированию в настоящее время, в ближайшее будущее.

1. Впервые для XX и XXI веков в российском специализированном научном дискурсе появились авторские научные концепции с обоснованием моделей мирового порядка. Речь идёт о работах В.Н. Кузнецова, Э.Г. Кочетова, С.А. Караганова, К.С. Гаджиева.

Это наполнило российский и мировой научный дискурс новыми авторскими смыслами, содержательной дискуссией, конструктивной критикой.

Известный политолог Т.А. Шаклеина в своей статье «Критическое направление исследований миропорядка в США» отметила (применительно к власти) «отсутствие тяги к новаторству, выдвиганию принципиально новых идей»².

Можно отметить и такой факт (по материалам её статьи): в 2000–2008 годах американские учёные-обществоведы не предъявили авторских концепций мирового порядка XXI века.

2. Европейские учёные в 1999–2008 годах в своих значительных работах исследовали важные содержательные аспекты, которые помогли учёным России создать новые авторские модели мирового порядка XXI века.

Прежде всего, считаю необходимым назвать работы известного немецкого философа, политолога и социолога Юргена Хабермаса¹. «Тот, кто *встраивает* унилатерализм правитель-

¹ См.: Кузьмин В. Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // Российская газета, 2008, 9 октября. С. 2.

² Шаклеина Т. Критическое направление исследований миропорядка в США // Международные процессы. 2007. Том 5. Номер 3. Сентябрь–декабрь. С. 74.

ства Буша в общий ход империалистической практики, – отмечает он, – недооценивает значение расставляющих цезуры изменений в политике. В сентябре 2002 года американский президент обнародовал новую доктрину безопасности, в которой он предусматривает для себя им же самим определенное и по собственному усмотрению применяемое право на нанесение превентивного военного удара (pre-emptive strike). В своей речи о положении нации 28 января 2003 года он торжественно заявил, что, если Совет Безопасности не согласится с военной акцией против Ирака, как бы ни была она обоснованна, он, в случае необходимости, не посчитается с запретом на насилие, зафиксированным в Уставе ООН ("The course of this nation does not depend on the decisions of others"). Обе акции вместе представляют собой неслыханный разрыв с той правовой традицией, в значимости которой не сомневалось ни одно из предшествующих американских правительств. Они выражают пренебрежение к одному из замечательных цивилизаторских достижений человеческого рода»².

3. Актуализация и оригинальное смысловое наполнение глобального научного дискурса концептуальными работами российских авторов (социологов, политологов, экономистов), предложивших мировому научному сообществу модели мирового порядка и мироустройства, основанные на справедливых гуманитарных взаимодействиях, придали, по мнению автора статьи, новую динамику самому дискурсу.

Например, шестой номер журнала российской внутренней и внешней политики «Pro et Contra» за 2007 год практически полностью посвящён теме «Эволюция мирового порядка».

Назову статьи и авторов тематического номера журнала.

• В тексте «От Редактора» *Марця Липман*, Главный редактор журнала «Pro et Contra», отчётливо формулирует свою позицию. «Стремление к "многополярному миру" как к способу "сдерживания США", популярное, в частности, у отечественных политических мыслителей, – утверждает она, – продиктовано естественной неприязнью проигравшего к победителю, который, одержав победу, безоглядно злоупотребляет своим гигантским превосходством. Чего нет в чаемом "многополярном мире", так это готовности всерьёз взять на себя ответственность за решение мировых проблем. Сегодня ни одну из них нельзя решить без Соединённых Штатов, даже притом, что внешняя политика администрации Буша привела к значительному снижению международного престижа и влияния Америки. Но пока она остается самой мощной экономической державой, опережающей всех в научно-технической сфере и обладающей колоссальным военным преимуществом перед другими странами. А потому истинная многополярность требует чего-то более содержательного, чем просто ограничение США. Научиться конструктивно сотрудничать с Америкой, признавая ее превосходство, – актуальная задача для стран, которым сегодня невыносима мысль о том, что они не могут стать вровень с американцами. Но и самим американцам, сохраняя лидерство, необходимо, наладить конструктивное взаимодействие с крупными державами»³.

• **Кем и как управляется мир.**

Александр Кустарёв.

• **Конец иллюзиям: история возвращается.**

Роберт Кейган.

В работе старшего научного сотрудника Фонда Карнеги за Международный Мир (США) Р. Кейгана важно выделить три интересных тезиса, которые могут быть сопоставлены, по мнению автора статьи, с ранее приведённым фрагментом книги Юргена Хабермаса.

Первый тезис Роберта Кейгана.

«Из Москвы и Пекина мир видится совсем иным, чем из Вашингтона, Лондона, Берлина и Парижа. Либеральная общественность Европы и США поддержала "цветные революции" в Украине, Грузии и Киргизии, видя в них естественную политическую эволюцию человечества в правильном направлении. Между тем в России и Китае эти события рассматриваются как проплаченные Западом и инспирированные ЦРУ перевороты, которые укрепили геополитическую гегемонию Соединённых Штатов и их европейских союзников, покорно следующих за США»⁴.

¹ Хабермас Ю. Зверство и гуманность: Косовский конфликт в контексте современного миропорядка // Независимая газета, 1999, 2 июля; Хабермас Ю. Альтернативные видения нового мирового порядка // Он же. Расколотивый Запад / Пер. с нем. М.: 2008. С. 171–187.

«Курс страны не зависит от решений остальных держав» (англ.).

² Хабермас Ю. Альтернативные видения нового мирового порядка // Он же. Расколотивый Запад / Пер. с нем. С. 174.

³ Учредитель журнала Фонд Карнеги за Международный Мир.

⁴ А для авторов статей есть важное уточнение: В журнале отражены личные взгляды авторов, которые могут не совпадать с позицией Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

⁵ Липман М. От Редактора // Pro et Contra. 2007. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 2–3.

⁶ Кейган Роберт. Конец иллюзиям: история возвращается // Pro et Contra. 2007. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 33.

С таким тезисом вполне можно согласиться, особенно в контексте основных принципов Московско-Шанхайской модели миропорядка (по Кузнецову).

Второй тезис Роберта Кейгана.

«Обе крупнейшие автократические державы сходным образом отреагировали и на вмешательство НАТО в Косово в 1999 году, и не только потому, что американская авиация разбомбила посольство Китая в Белграде, или же потому, что объектом натовской атаки стали российские союзники – православные сербы. То, что либеральный Запад считал высокоморальным актом, "гуманитарной" интервенцией, по мнению государственного руководства и аналитиков в Москве и Пекине, было противоправным актом, агрессией, преследующей корыстные цели. А как же еще могли эти страны оценить действия НАТО, если они не разделяют либеральные ценности Запада?»¹.

Со вторым тезисом автор статьи согласна: именно так в Москве и в Шанхае, в терминах Московско-Шанхайской модели миропорядка, можно интерпретировать «вмешательство НАТО в Косово в 1999 году»; бомбардировку американской авиацией посольства Китая в Белграде; натовскую атаку против российских союзников – православных сербов.

Третий тезис Роберта Кейгана.

«Более того, интервенция союзников в Косово и вправду была незаконной, по крайней мере, с точки зрения насчитывающих несколько веков норм международного права и Устава ООН. Она была предпринята без согласия Совета Безопасности ООН и в отношении суверенного государства, которое не совершило никакого акта агрессии за пределами своих границ. Американцы и европейцы вступили в войну во имя того, что они считают "высшей нормой" либеральной морали. Однако для тех, кто не разделяет либеральную мораль, такие действия выглядят просто незаконными и разрушающими традиционные гарантии национального суверенитета»².

Понятно, что и с третьим тезисом автор статьи согласна полностью, так как именно принципы и смыслы Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века сохраняют и развивают положения Устава ООН, Хельсинских договорённостей 1975 года, Хартии европейской безопасности 1999 года.

• **Скромное обаяние Китая.**

Ольга Борох, Александр Ломанов.

• **Россия и Китай: двойственный союз.**

Эндрю Качинс.

• **Китай: опасный сосед или выгодный партнёр?**

Александр Лукин.

• **За пределами традиционного баланса сил.**

Луиза Ричардсон.

• *Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower.*

Дмитрий Тренин.

В рецензии Дмитрия Тренина на Збигнева Бжезинского «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы», опубликованной в 2007 году, есть интересное утверждение рецензента. «Россия – евро-тихоокеанская, а не евро-азиатская страна, – констатирует Д. Тренин. – Она расположена между Европейским союзом и США. Ее естественный и по сути дела единственный крупный партнер в деле интеграции – Евросоюз. Ее важнейший глобальный партнер в деле всесторонней модернизации и обеспечения глобальной безопасности – Соединенные Штаты Америки»³.

Автор статьи, будучи сторонником Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, безусловно, поддерживает позицию Д. Тренина о важности партнёрства с США. Россия азиатско-европейская страна (Азия – Россия – Европа). Соединённые Штаты Америки расположены между Россией и Венесуэлой, Бразилией, Мексикой. Настоящим стратегическим партнёром России является Китай.

С учётом того внимания, которое руководство журнала «Pro et Contra» в шестом номере (2007) уделило Китаю, в эволюции мирового порядка XXI века именно России и Китаю, Москве и

¹ Кейган Роберт. Конец иллюзиям: история возвращается. С. 34.

² Там же.

³ Тренин Д. Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y.: Basic Books, 2007/ vi+234 p. С. 122.

Шанхаю предстоит много конструктивного и созидającego осуществить для партнёрских отношений с США.

Востребованность со стороны российского общества убедительной и конструктивной методологии разработки безопасного развития России проявилась в 2007–2009 годах на самых различных уровнях деятельности экспертного и научного сообщества страны, на различных уровнях управления обеспечением жизнедеятельности людей.

К руководству страной пришли новые люди как в сфере государственного управления, так и в общественной, научной сферах.

Тем важнее становится уже осмысленный опыт теоретической и практической деятельности в развитии методологии, теории, технологии безопасности человека, семьи, общества, государства.

Поэтому всё важнее становится научный потенциал, представленный весной 2007 года в ходе значительной по подготовке, ходу обсуждений научно-практической конференции **«Международная безопасность России в условиях глобализации»**¹.

На рубеже 2007 и 2008 годов по материалам этого научного форума была опубликована обстоятельная и важная, по мнению автора статьи, книга, в которой были представлены основные доклады на пленарных заседаниях и выступления на секциях².

Исследование опубликованных материалов форума учёных и специалистов нашей страны через общую доминанту – *«становление методологии и теории международной безопасности России»* – позволяет осуществить важный ключевой тезис из предисловия к рассматриваемой книге.

Сам текст предисловия подписан участниками организационного комитета конференции. «Перед российскими государственными и общественными структурами, в том числе перед научным сообществом, – отмечают участники оргкомитета, – стоит задача исключительной важности – сформулировать современную концепцию национальной безопасности с учетом тенденций мирового развития и реалистической оценки собственных возможностей. Первостепенным условием создания такой концепции является ясное представление о фундаментальных целях нашего общества, о его базовых ценностях и мировоззренческих основах»³.

Прежде всего, о подходе авторов книги к разработке вопросов методологии безопасности.

Во-первых, представление о многообразии научных проблем, рассмотренных участниками конференции, можно составить из названий секций:

- Россия в мировой политике и вопросы обеспечения международной безопасности;
- национальная безопасность России: оборонные и внутривнутриполитические аспекты;
- актуальные вопросы экономической безопасности Российской Федерации;
- энергетическая безопасность России;
- гуманитарная сфера безопасности;
- проблемы социоэкологической безопасности российского общества и государства;
- информационная безопасность России.

Во-вторых, в ходе пленарных заседаний, в ходе работы всех секций методологический аспект безопасности практически впервые (по мнению рецензента) для публикаций такого жанра был представлен в качестве доминирующего. Самое важное – в содержании научных сообщений были изложены, в основном, итоги научных исследований самих докладчиков. Например, в первом пленарном докладе В.К. Сенчагов методологию обеспечения безопасности рассмотрел на примере функционирования Государственной стратегии экономической безопасности. Методологические рекомендации были обоснованы им на итогах анализа разработки и функционирования пороговых значений индикаторов уровня угроз экономической безопасности⁴.

В сообщении А.Д. Урсула и А.А. Энгель новые перспективные и оригинальные авторские подходы к методологии безопасности XXI века опираются на их инновационных разработках именно в сфере новой гуманитарной методологии. «Становление качественно нового – планетарного – уровня обеспечения безопасности как безопасности всего мирового сообщества и одновременно задачи сохранения биосферы, – утверждают авторы, – требуют создания новых информационно-управленческих структур и самое главное – формирования глобально-коллективного сознания чело-

¹ Буянов В., Гаджиева Р. Безопасность России в условиях глобализации (по материалам научно-практической конференции) // Безопасность Евразии. 2007. № 2.

² Международная безопасность России в условиях глобализации / Под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2007. 560 с.

³ Предисловие // Международная безопасность России... С. 14.

⁴ Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Международная безопасность России... С. 15–29.

вечества, ответственного за принятие судьбоносных для всего человечества решений и их реализацию. В связи с этим и выдвигается идея формирования ноосферного интеллекта»¹.

В числе интересных и перспективных методологических, по сути, сообщений можно назвать статьи Ю.В. Яковца, В.А. Гусейнова, В.С. Буянова, А.В. Козловой, В.Д. Попова, В.Ю. Кравченко, Г.А. Аванесовой, С.В. Кирнарской, Е.А. Ганьшиной, Ю.В. Курносова, К.Х. Делокарова.

Теперь важно и необходимо рассмотреть новые и оригинальные подходы авторов рецензируемой книги к развитию теории безопасности XXI века.

Во-первых, приятно отметить обстоятельные работы, посвящённые общей теории безопасности. Например, в сообщении В.Л. Лобера представлены интересные авторские подходы к формированию нового субъекта безопасности².

В статье С.Г. Харченко и Б.Б. Фомина обстоятельно представлен теоретический аспект взаимодействия риска и безопасности для широкого класса ситуаций³.

Во-вторых, широко и убедительно во всех секциях представлены итоги разработки теоретических оснований конкретных сфер безопасности. Перспективен теоретический аспект, например, в сообщении Г.В. Ососкова, посвящённом военной организации общества⁴.

Оригинально представлены теоретические обоснования экологической безопасности в статье А.И. Муравых⁵.

Интересные итоги исследования теории безопасности кратко изложены в сообщениях А.В. Возженикова, В.Б. Кухаренко, А.В. Кухаренко, Ю.В. Никуличева, В.В. Перской, С.О. Алехнович.

Для понимания фундаментальности и востребованности богатейшего материала, представленного в книге по проблемам методологии и теории безопасности, важно ещё одно уточнение: во всех выделенных сообщениях действительно последовательно и конкретно рассмотрены аспекты, раскрывающие взаимообусловленность создания надёжной безопасности и ясного представления «о фундаментальных целях нашего общества, о его базовых ценностях».

Возможно, что по обстоятельствам краткости в публикациях выступлений участников конференции оказался менее убедительно представлен аспект формирования новой безопасности России во взаимосвязи с современным мировоззрением. Такая линия исследования методологии и теории безопасности в XXI веке, по мнению автора статьи, становится более актуальной из-за стремительного изменения объекта безопасности (растёт удельный вес его нематериальной составляющей); трансформации субъекта безопасности (в качестве субъектов всё чаще стремятся выступать сами индивиды – объекты безопасности).

Всё более значимым становится для понимания самого процесса безопасности, её технологий и механизмов учёт факторов институциональной среды, которая может быть понята как модель миропорядка и мироустройства, как правила игры в конкретное время и в конкретном пространстве.

Эвристическая – содействующая пониманию реальных и возможных перемен тенденция становления политики справедливого мироустройства

В 2009 г. в издательстве «Российская газета» вышла книга Е.М. Примакова «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость». Знаменательно и поучительно, что в ситуации глобальных кризисных перемен известный государственный и общественный деятель, выдающийся учёный-обществовед счёл необходимым исследовать фундаментальные проблемы мироустройства XXI в., предложить авторские концепции современного миропорядка. Эта работа – серьёзный вклад в развитие формирующегося в наши дни нового (не-Западного) гуманизма, нового мировоззрения, важные блоки которого составляют концепции новой московско-шанхай-

¹ Выступление на секции «Проблемы социоэкологической безопасности российского общества и государства»: Урсуп А.Д., Энгель А.А. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // Международная безопасность России... С. 441.

² Лобер В.Л. Проблемы внешнеполитического выбора России в условиях глобализации // Международная безопасность России... С. 95–98.

³ Харченко С.Г., Фомин Б.Б. Анализ риска как инструмент обеспечения безопасности России // Международная безопасность России... С. 221–228.

⁴ Ососков Г.В. Военная организация общества // Международная безопасность России... С. 198–204.

⁵ Муравых А.И. Угрозы глобальной и национальной экологической безопасности // Международная безопасность России... С. 444–450.

ской модели миропорядка В.Н. Кузнецова, нового мирового порядка К.С. Гаджиева; геэкономике и глобалистики Э.Г. Кочетова, уникальные и важные работы А.И. Уткина и Ю.М. Лужкова¹.

Они стали ответом на звучащие в отечественном научном дискурсе критические замечания по поводу неполноты и недостаточности (смысловой, эвристической, инструментальной) всех моделей миропорядка. Вот как объяснял сложившуюся ситуацию В.Н. Кузнецов. Новые реальности 2007 г. показали определённую ограниченность гносеологии, онтологии и эвристики концепции московско-шанхайской модели миропорядка во взаимодействии со смыслами формирующейся евразийской и глобальной безопасности XXI в. Во-первых, обозначилась потребность в более масштабной теории, чем теория миропорядка: речь идёт о феномене «мироустройство». Во-вторых, накопленный теоретический и эмпирический материал выявил органическую взаимосвязь «мироустройства» и «гуманизма». В-третьих, для анализа современного мира, помимо политического и экономического измерений, оказалось необходимым ещё гуманитарное, а также институциональное. В-четвёртых, появилось новое, не-Западное понимание единой гуманитарной парадигмы (в единстве геополитики, геэкономике, геокультуры), утверждающей вместо культуры войны культуру мира, безопасности, доверия, диалога, предотвращения².

Своеобразным методологическим модулем перехода от концепций и моделей миропорядка XXI в. к формированию фундаментальной теории мироустройства XXI в. в условиях кризисных перемен 2008 г. стал, по-моему, эвристический потенциал предложенной В.Н. Кузнецовым концепции глобальной структурной гуманитарной революции, начавшейся примерно в 2003 г., а полностью развернувшейся после 8 августа 2008 г.³.

С ней перекликаются суждения оригинального мыслителя Сергея Переслегина об особенностях перехода к новому мироустройству. «Война США в Ираке, – пишет он, – разумеется, имела чисто индустриальное содержание. Но результаты этой войны – вернее, отсутствие таковых, – уже постиндустриальное: впервые США не получили от скалькулированной войны скалькулированной прибыли.... В течение 20 лет, – утверждает С. Переслегин, – нас ждёт либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо – постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных форматов». Относительно политического содержания и структуры грядущего мироустройства он предполагает, что уже к концу 2010-х гг. может произойти повсеместный отказ от современной демократической формы управления территориями. И хотя сейчас было бы преждевременно отвечать на вопрос, что именно их заменит, задача переосмысления политической и классовой системы будет удовлетворительно решена (по крайней мере, в России и США)⁴.

Важным этапом в осмыслении и обосновании справедливого мироустройства в XXI в. стал, по моему мнению, «Йоханнесбургский меморандум. Справедливость в хрупком мире», подготовленный в августе 2002 г. Фондом им. Генриха Бёлля к Всемирному саммиту по устойчивому развитию. В его преамбуле (часть 4 «Справедливое богатство») изложено убедительное понимание смысла «справедливое мироустройство»: «...уменьшение бедности неотделимо от уменьшения богатства. Всемирное пространство разделено неравномерно, и расширение прав на ресурсы той части мирового населения, которая потребляет мало, подразумевает ограничение ресурсных претензий сверхпотребителей Севера и Юга. Богатые должны будут сделать шаг в сторону утверждения низкоресурсного типа благосостояния. Это не просто проблема экологии, это проблема справедливости; в противном случае большинство граждан мира останутся лишёнными своей законной доли природного наследия. И Конвенция по климату, и Конвенция по биологическому разнообразию заявляют, что без нормальной экологии не будет социального равноправия. И наоборот – невозможно решить экологические проблемы без равенства, потому

¹ Кузнецов В.Н. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект: Доклад для научной ежегодной сессии авторов и участников научно-издательского проекта «Безопасность Евразии» (Москва, декабрь 2006 г.) // НАВИГУГ. 2006. № 3; Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века: Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры компромисса // НАВИГУГ. 2007. № 1; Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М.: 2007; Кочетов Э. История российской школы геэкономике и глобалистики (начала, становление, эволюция воззрений) // Безопасность Евразии. 2008. № 2; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: 2006; Лужков Ю.М. Возобновление Истории: Человечество в XXI веке и будущее России. М.: 2002.

² См.: Кузнецов В.Н. Единство и самостоятельность основных измерений не-Западного мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования. М.: 2007. С. 7–8.

³ Кузнецов В.Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: Научный доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» (Москва, 10 марта 2006 года). М.: 2006; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Возможность и достижимость для каждого человека жизни по справедливости, по правде – главный смысл глобальной гуманитарной безопасности XXI века. М.: 2008; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 томах. М.: 2008–2009 и др.

⁴ Переслегин С. Через постиндустриальный барьер // Завтра, 2008, декабрь, № 49. С. 4; он же. Эпоха географических закрытий // Деловые люди, 2008, июль–август, № 207–208. С. 13.

что нельзя достичь договорённостей, если они не воспринимаются как справедливые»¹. Именно в таком понимании справедливого мироустройства XXI в. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун определил главный фундаментальный вектор глобальной безопасности, главное направление научных поисков и программ практической деятельности всего международного сообщества.

Взаимосвязь экологии, экономики, политики, идеологии в процессе становления справедливого мироустройства, в оформлении самого этого процесса в актуальную фундаментальную политологическую проблему убедительно и конкретно осветил известный экономист Михаил Делягин. «Финансовый кризис, – поясняет он, – лишь выражение грандиозного комплексного перелома всего мироустройства, сопоставимого по своим масштабам с Реформацией (которой сформировалась современная система организации общества, основанная на государстве)»².

Всё более значимой воспринимается важная особенность функционирования феноменов «мироустройство» и «миропорядок», которая может быть охарактеризована как процессуальность, как эвристическая, содействующая пониманию процессов нового мироустройства.

Здесь исходное понятие – процесс, которое выражает взаимосвязь конкретных состояний жизнеобеспечения общества с их переменами, изменениями, трансформациями с учётом определённого времени и пространства. Процессуальность объединяет форму, содержание, структуру, процедуру, регламент, сам процесс принятия решений с их последующим осуществлением по поводу перемен, принятия Правил Игры и составления Повестки дня с их последующей корректировкой.

Применительно к современным общественным наукам, проблема процессуальности в контексте экономических, политических, социологических исследований нашла своё выражение в развитии институциональной экономики, институциональной политики, институциональной социологии³.

Характерно, что в ситуации необходимости в оптимальные сроки решить масштабные проблемы с финансами и экономикой, безопасностью и экологией вместе с прорывными инновациями формировались и новые процессуальные традиции.

Например, в ходе своего выступления 8 октября 2008 года в Эвиане (Франция) Президент России **Дмитрий Медведев предложил по существу для принятия решений по преодолению глобального экономического и финансового кризиса как программу нового мироустройства, так и программу создания новой безопасности (которая уже представлена в статье), преодоления мирового экономического кризиса (пять пунктов действий).**

И общая программа (изменения мироустройства, миропорядка) и конкретные подпрограммы (безопасность, экономика), предложенные Президентом России Дмитрием Медведевым могут быть названы, по моему мнению, глобальными гуманитарными регламентами, обеспечивающими новую гуманитарную процессуальность. Это особенно наглядно при ознакомлении с формой, содержанием и структурой его программы по экономике. «Считаю, во-первых, что в новых условиях нужно упорядочить и привести в систему как национальные, так и международные институты регулирования, – заявил российский лидер.

Во-вторых, миру придется избавиться от дисбаланса между объемом выпускаемых финансовых инструментов и реальной доходностью инвестиционных программ. "Конкурентная гонка зачастую приводит к образованию финансовых "мыльных пузырей", – заметил Медведев.

Третий пункт – укрепление системы управления рисками. Причем свою долю риска должен нести каждый участник рынка. "И не должно быть иллюзий по поводу бесконечного роста стоимости любого актива, – предупредил он. – Так не бывает, это противоречит экономической природе".

В-четвертых, необходимо обеспечить максимальное раскрытие информации о компаниях, ужесточать надзорные функции и усиливать ответственность рейтинговых компаний.

¹ Йоханнесбургский меморандум. Справедливость в хрупком мире. Меморандум к всемирному саммиту по устойчивому развитию. Первый выпуск, август 2002, Фонд им. Генриха Бёлля. М.: 2002. С. 7.

² Делягин М. Антикризисная программа. Проект для обсуждения // Завтра, 2008, декабрь, № 49. С. 1. Интересно отметить, что первый вариант этой работы М. Делягин опубликовал в октябре 2008 г. в «Независимой газете» под названием «Как нам переустроить Россию» с подзаголовком: «Тезисы об основах политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса».

³ Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: 2005; Сухарев А.И. Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М.: 2004; Кузнецов В.Н. Институциональная социология как наука о мироустройстве // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

И наконец, пятый пункт, которого особенно долго добивается от западного мира Россия. "Необходимо сделать доступными для всех выгоды от снятия барьеров в международной торговле, от свободы перемещения капиталов", – считает Медведев.

Более того, Россия предлагает пересмотреть деятельность существующих международных экономических институтов и создать новые. "Еще 90-е годы проявили неэффективность однополярной экономической модели, – уверен, российский лидер. – Ее опоры – МВФ и ВТО – тогда себя серьезно дискредитировали".

Сегодня этот процесс в чем-то продолжается. "На примере США мы видим, что переход от саморегулируемого капитализма по сути к "финансовому социализму" достигается за один шаг, – отметил Медведев. – Налицо готовность национализировать один актив за другим. Новыми факторами на этом фоне стали бы формирование новых финансовых центров и сильных региональных валют".

Россия со своей стороны готова активно работать над оздоровлением мировой финансовой системы, но не собирается этим заниматься в старых форматах. Например, "большой восьмерки". Сегодня важно привлекать другие ключевые экономики, такие как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, ЮАР»¹.

* * *

Таким образом, проблема справедливого мироустройства XXI в. выдвинулась в число важных и актуальных тем, разработка которых имеет огромное научное и практическое значение. Исследованию её различных аспектов посвящены оригинальные и фундаментальные книги, доклады и статьи целой когорты российских учёных: А. Богатурова, М. Делягина, С. Караганова, Э. Кочетова, В. Кузнецова, С. Кургиняна, С. Лаврова, Ю. Лужкова, А. Неклессы, С. Переслегина, Е. Примакова, А. Уткина, М. Хазина. В настоящее время оформились своеобразные мозговые, научные центры, разрабатывающие проблемы нового мирового порядка, нового мироустройства: газета «Завтра», журналы «Безопасность Евразии», «Профиль», «Экономические стратегии», «Международные процессы», «Вестник аналитики». Их разработки отличает обоснованная аргументация, честные и критические оценки власти и научного сообщества, доказательные предложения, конструктивный, самокритичный, ироничный, созидательный, оптимистический и профессиональный стиль.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

¹ Приведено: Кузьмин В. Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // Российская газета, 2008, 9 октября. С. 2.

А.В. Полосин

РЕГИОН В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы в отечественном научном и политическом дискурсе большое место занимают проблемы национальной безопасности. Она представляет собой, с одной стороны, интегративную характеристику внутреннего состояния и внешних условий жизнедеятельности российского государства, как органического единства территории, населения и власти, а с другой – многоуровневую, многогранную и многофункциональную систему.

В официальных документах и выступлениях руководителей государства, теоретических разработках учёных, в массовой и учебной литературе национальная безопасность дифференцируется по объектам, сферам общественной жизни, источникам и видам угроз, по ряду других оснований.

Во многих из них в системе национальной безопасности в качестве её относительно самостоятельного звена выделяется регион (субъект Федерации). Это естественно, если учитывать большие пространственные масштабы и достаточно сложное территориально-государственное устройство страны.

Для современной России характерен заметный рост экономической и политической самостоятельности отдельных территорий и административных единиц. К ним переходят различные функции, раньше безраздельно принадлежавшие Центру.

* * *

Повышение роли регионов в развитии общества и государства сказывается на всех сторонах всех областей государственного строительства, в том числе на системе и политике обеспечения национальной безопасности. В то же время составляющие Россию регионы заметно отличаются друг от друга по природно-климатическим, социально-экономическим, политическим, демографическим, культурным, экологическим и другим факторам, что не может не влиять на состояние их безопасности и содержание политики по её обеспечению.

В силу этого национальная безопасность имеет региональное измерение. Его различные сюжеты получают разработку в теории и политике безопасности. Так, Я.В. Спицин раскрывает региональный уровень национальной безопасности; А.А. Балабанов пишет о влиянии проблем региональной политики России на состояние и перспективы внутренней безопасности страны; И.А. Герасимов раскрывает взаимодействие федерального и регионального уровней государственного управления обеспечением национальной безопасности, а вместе с В.М. Юрченко – роль региональных элит в этом; С.В. Макаров прослеживает значение региональной безопасности для укрепления федерализма в России; Б.Х. Наипов своё внимание сосредоточивает на социальной безопасности на региональном и местном уровнях; С.М. Дарькин разрабатывает вопрос об обеспечении экономической безопасности трансграничных регионов России; Н.А. Проданова и Е.И. Зацаринная предметом своего анализа избрали социальный аспект продовольственной безопасности региона (по материалам Ростовской области); Д.Л. Галиуллин исследует социологическое измерение региональной экономической безопасности и т. д.¹

В целом в отечественной науке накоплен солидный материал, имеющий большую эвристическую ценность для понимания места и роли регионов в системе национальной безопасности. Однако едва ли не для всех авторов внимание к этим сюжетам обусловлено и ограничено содержанием собственной исследуемой проблемы и потому их наработки не складываются в целостную и стройную концепцию. За рамками теоретического осмысления до сих пор остаются многие принципиально важные вопросы как региональной детерминации системы и политики национальной безопасности, так и значения последней для устойчивого развития регионов.

Такое положение в теории своим следствием имеет не всегда достаточно чётко ориентированную практику. Так, в законе «О безопасности» есть всего два положения, относящихся к рассматриваемой проблеме: осуществление системы мер по восстановлению нормального функционирования объектов безопасности в регионах, пострадавших в результате возникновения чрезвычайной ситуации, и право Совета Безопасности Российской Федерации образовывать постоянные межведомственные комиссии, которые могут создаваться на функциональной или региональной основе. В подготовленной в Министерстве регионального развития Стратегии социально-

¹ См.: *Наипов Б.Х.* Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования: (на примере Республик юга России). Ростов-на-Дону: 2006; *Галиуллин Д.Л.* Социологическое измерение региональной экономической безопасности: Дис. ... к. социол. н. Хабаровск: 2006; *Дарькин С.М.* Обеспечение экономической безопасности трансграничных регионов России. Автореф. дис. ... к. э. н. М.: Институт экономики РАН, 2004; *Макаров С.В.* Обеспечение региональной безопасности как фактор укрепления федерализма в России: Автореф. дис. ... к. п. н. М.: 2005; *Спицин Я.В.* Региональный уровень национальной безопасности. Автореф. дис. ... к. п. н. Саратов: СГУ им. Н.Г.Чернышевского, 2003; Научный электронный журнал КубГАУ. № 01(17), 2006; <http://www.inion.ru/product/eurosec/st1vp7.htm>.

экономического развития регионов Российской Федерации¹ даже слово безопасность в соотношении с регионом отсутствует. А в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» о безопасности говорится только в связи с экологией и охраной окружающей среды. Да и сами регионы далеко не всегда позиционируют себя в координатах национальной безопасности – см., например, Стратегию развития Иркутской, Калининградской или Пензенской областей². В специальном докладе Совета Федерации, где, как говорится в нём, обобщены результаты деятельности практически всех органов государственной власти субъектов Российской Федерации по законодательному обеспечению основных направлений государственной региональной политики, в результате чего появилась потребность подготовки самостоятельного комплексного документа о региональном законодательстве, проблема безопасности также не рассматривается. Да и в недавно принятой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации регион не позиционируется как объект национальной безопасности, а его роль в формировании и реализации политики обеспечения национальной безопасности ограничена взаимодействием с федеральными органами исполнительной власти по вопросам исполнения законодательства Российской Федерации, решений президента и правительства в этой области, а также федеральных программ, планов и директив в области военной безопасности Российской Федерации.

В этой связи представляется назревшей задача комплексной разработки, создания всеобъемлющей и целостной картины, раскрывающей все связи и опосредования между национальной и региональной безопасностью, между развитием страны и регионов и их безопасностью. Методологическим принципом анализа этой двусторонней и многогранной зависимости может служить сформулированное О.А. Бельковым положение о том, что любой срез жизни социума сопрягается с национальной безопасностью по нескольким направлениям: он выступает как свойство объекта безопасности, как ресурс и средство обеспечения безопасности, как основа и условие обеспечения различных видов безопасности и как источник опасности³.

Исследуя региональное измерение национальной безопасности, мы исходим из того, что регион – не пространство как таковое. Он немислим вне людей и без людей. Даже выражение «безлюдный регион» означает территорию, на которой проживали или могли бы проживать люди, предстаёт как объект пользования и/или притязаний людей.

Иными словами регион в контексте безопасности – суть, во-первых, социальное образование. Он всегда предполагает определённую общность составляющего его населения и его известное обособление от других подобных общностей. Впрочем, это принципиально важное положение не является авторским откровением. Так, Е. Коваленко с соавторами, представляя социально-экономический регион как совокупность пяти основных подсистем (системообразующая база, системообслуживающий комплекс, экология, население и инфраструктура рынка), подчёркивают: «Главным фактором, обеспечивающим взаимосвязь и взаимодействие указанных подсистем, интегрирующих их в единую социально-экономическую систему, является деятельность людей. Человек – органическая часть каждой из подсистем»⁴.

Во-вторых, регион – институт, обладающий политической субъектностью, понимаемой как способность к самостоятельному поведению, а именно, к формулировке своих интересов, целей, к осуществлению собственного выбора, проявлению своей воли⁵. Пояснением к этому определению может служить положение Устава Ассамблеи европейских регионов, в котором регионом назван уровень правительства, следующего сразу после центрального, с политическим представительством, гарантированным существованием выборного регионального совета или, при его отсутствии, ассоциацией или органом, учреждённым на региональном уровне местными властями на следующем за ними более низком уровне.

И социальная природа региона и его политический характер, в-третьих, обуславливают и определяют структурированность социальной общности, важным сущностным выражением которой является формирование в ней групп, выступающих носителями потребностей и политических интересов и действующих от её имени, артикулирующих её интересы, представляя их на уровне концептуальных программ, и осуществляющих деятельность по реализации этих интересов. Речь идёт о региональной элите. Именно она, с одной стороны, аккумулирует и выражает политическую волю населения, осознающего себя как особую социально-территориальную общность, и соответ-

¹ http://www.i-stroy.ru/docu/chronicle/kontseptsiya_strategii_sotsialno_ekonomicheskogo/4914.html.

² <http://www.csr-nw.ru/content/projects/print.asp?ids=23&ida=1414>;

http://www.dpr.ru/journal/journal_29_12.htm.

³ Бельков О.А. Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальной безопасности // Проблемы современного государственного управления в России: Труды научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт, 2009. С. 16.

⁴ Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление. Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. СПб; Питер, 2008. С. 49.

⁵ Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М.: 1994. С. 184. Ключевыми характеристиками политической субъектности выступают самосознание группы, определяющей собственное положение в политической действительности, сформированное и сформулированное представление о своих интересах в ней, воля к социальным действиям и реализация её в политической практике, автономность в политических действиях и их постоянство, готовность взять на себя ответственность за действия, исход которых не ясен.

ствующим образом выстраивает свои приоритеты в политике безопасности. С другой стороны, интегрированная в общегосударственную вертикаль власти и действующая в едином для всей страны экономическом, социально-политическом и правовом пространстве, она включена в реализацию общенациональных интересов. Заметим, несколько забегая вперёд, что этот двойственный статус региональных элит объясняет наличие проблем и противоречий в достижении баланса государственных, региональных интересов и интересов основных социальных и этнических групп региона. Теоретически ясно, что отношения между центром и регионами являются одним из главных показателей исторической жизнестойкости государства. Позиция региональной элиты, её политика безопасности может иметь как центроостремительный, так и центробежный вектор.

Место и роль так понимаемого региона в системе национальной безопасности страны раскрывают несколько позиций.

Позиция первая – регион как пространство реализации государственной политики. Конституция нашей страны относит к исключительному ведению Российской Федерации такие вопросы, как регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; внешняя политика и международные отношения Российской Федерации; вопросы войны и мира; оборона и безопасность; оборонное производство; определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации и др. Для их решения создаются соответствующие федеральные силы и средства. В недавно принятой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. к силам обеспечения национальной безопасности отнесены Вооружённые Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации. И те и другие, имеющие федеральный статус, действуют не в вакууме, не в абстрактной федерации, а на территории конкретных регионов, из которых она состоит. Именно поэтому все они либо строятся по территориальному принципу, либо имеют региональные подразделения.

Например, Министерство обороны создаёт в соответствии с административно-территориальным делением страны военные комиссариаты – местные органы военного управления. Руководство ими осуществляют Генштаб и командующие войсками соответствующих военных округов, а работают они на правах управлений (отделов) соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления. Действующая Военная доктрина Российской Федерации предусматривает, что для решения задач, стоящих перед Вооружёнными Силами и другими войсками, создаются группировки войск (сил) на территории Российской Федерации с учётом таких факторов, как степень потенциальной военной опасности на конкретных стратегических направлениях; расположение жизненно важных для Российской Федерации промышленных районов и районов стратегических ресурсов, особо важных объектов; условий для расквартирования и обеспечения жизнедеятельности войск, решения социальных и бытовых проблем; наличия и состояния базы мобилизационного развертывания; общественно-политической обстановки в конкретных регионах.

На регионы ориентированы состав и направления деятельности и других федеральных ведомств. Так, важной составной частью системы органов Федеральной службы безопасности являются территориальные органы, которые в отдельных регионах и субъектах Российской Федерации представлены в виде управлений, отделов и решают те же задачи, что и Федеральная служба безопасности в целом. Их городские и районные подразделения, работающие непосредственно на местном уровне, вносят весомый вклад в обеспечение безопасности страны¹. Прокуратуры субъектов Российской Федерации входят в структуру Генеральной прокуратуры страны. В составе МЧС России действуют территориальные органы на территориях федеральных округов и субъектов Российской Федерации, работой которых руководит Департамент территориальной политики министерства.

Хорошей иллюстрацией к тезису о региональной привязке федеральных органов государственной власти может служить вывешенный на официальном портале органов государственной власти республики Бурятия перечень действующих в ней территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, включающий более 30 структур.

Косвенным подтверждением того, что федеральная политика развития страны и обеспечения её безопасности имеет, если можно так сказать, региональную диверсификацию, может

¹ Патрушев Н. (Директор ФСБ России). Криминальные элементы активно пытаются проникнуть во властные структуры // Известия, 2006, 15 декабря.

служить и структура российского чиновничества. По данным Росстата за 2006 г. федеральные органы исполнительной власти на федеральном уровне насчитывали 33,1 тыс. человек, в то же время в их структуры на региональном уровне входило 616,1 тыс. человек, а органы государственной власти на уровне субъекта Федерации составляли 241,5 тыс. человек (ещё 507,2 тыс. чиновников составляли органы местного самоуправления)¹.

Позиция вторая – регион как объект государственной политики безопасности. Давно замечено: не может быть сильной Россия, состоящая из слабых регионов. И если национальная безопасность предполагает и включает суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, то политика её обеспечения включает меры, направленные, с одной стороны, на укрепление экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации, единого экономического и правового пространства, а с другой – на приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое значение, и одновременно – поддержание жизнедеятельности и экономического развития кризисных регионов и районов Крайнего Севера. В Стратегии национальной безопасности в этой связи говорится о необходимости развёртывания полномасштабной национальной инновационной системы за счёт формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации. В другой связи в этом документе говорится, что укреплению национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации будут способствовать, в частности, модернизация экономических механизмов функционирования здравоохранения и развитие материально-технической базы государственной и муниципальной систем здравоохранения с учётом региональных особенностей.

Национальную безопасность характеризуют также обеспечение конституционных прав, свобод, достойных качества и уровня жизни граждан. Они не могут, не должны существенно отличаться на отдельных территориях, несмотря на наличие региональных особенностей и диспропорций в уровнях развития субъектов Российской Федерации. Поэтому сбалансированное, комплексное и системное развитие субъектов Российской Федерации является важным фактором и условием стабильного состояния национальной безопасности, а сами регионы – относительно самостоятельным объектом политики национальной безопасности.

Безопасность Российской Федерации и отдельных образований внутри неё – взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Они представляют собой две стороны одной медали. Если нет первой, не может быть второй, в то же время, если ухудшается вторая, под вопросом может оказаться первая. Соотношение национальной и региональной безопасности – это отношение общего к частному.

Позиция третья – регион как субъект обеспечения собственной безопасности. Федеративное устройство государства предполагает, что составляющие его образования – субъекты Федерации – представляют собой относительно автономные социально-экономические и политические единицы. Они наделяются самостоятельной компетенцией и несут ответственность за результаты своей деятельности, в том числе по обеспечению безопасности. Преимущество такого механизма в том, что определённая свобода действий региональных властей, которые лучше знают потребности и условия развития своих регионов, острее чувствуют его проблемы, способны более предметно и оперативно реагировать на них.

В соответствии с Конституцией РФ, закрепляющей государственно-правовой статус субъектов Федерации, в их совместном с Российской Федерацией ведении находятся такие вопросы, относящиеся к сфере безопасности, как: защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон; природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; охрана памятников истории и культуры; координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение; осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий; защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей; координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации и др.

Следует согласиться с А.Ф. Нуйкиным в том, что устойчивость социально-экономического положения субъекта РФ, сохранение им своего политического и экономического статуса в значительной мере определяется способностью и возможностью региональных структур управления своевременно оценивать внешние и внутренние угрозы безопасности социальным, экономическим и природным составляющим инфраструктуры региона, обеспечивать разработку и реализацию комплекса превентивных мероприятий противодействия источникам риска, осуществлять полномасштабные действия по ликвидации возникающих кризисных явлений и их последствий.

Реализуя свои конституционные полномочия, российские регионы, во-первых, в той или иной форме разрабатывают доктринальные и нормативные документы, регулирующие отноше-

¹ Комсомольская правда, 2009, 10 марта.

ния в этой области. Так, правительство Москвы ещё в августе 2000 г. «в целях формирования единой городской политики в области обеспечения безопасности населения и территорий столицы от угроз различного характера» утвердило Концепцию безопасности Москвы. Она, говорится в этом документе, представляет собой официально принятую систему взглядов на цели, задачи, основные принципы и направления деятельности в области обеспечения безопасности устойчивого развития города, жизни и здоровья населения Москвы, его прав и свобод в условиях возможных внешних и внутренних опасностей и угроз.

Во-вторых, в субъектах Федерации создаются региональные системы безопасности. Они представляют собой совокупность установлений, институтов и учреждений, а также средств, методов и направлений их деятельности по обеспечению безопасности, устойчивого развития региона, жизни и здоровья населения, его прав и свобод в условиях возможных внутренних опасностей и угроз. Во многих регионах координация усилий различных органов, сил и средств в этой области возложена на Совет безопасности. Так, Согласно Постановлению Губернатора Тверской области, главная задача Совета безопасности, действующего как совещательный орган при администрации региона, – разработка предложений по решению задач безопасности региона. В его полномочиях – защита населения и территории региона от чрезвычайных ситуаций, вопросы гражданской обороны и мобилизационной подготовки, поддержание законности и правопорядка. Он занимается разработкой областных целевых программ по обеспечению безопасности и контролирует их исполнение. Подобные структуры действуют не только во многих других субъектах Федерации, но и в муниципалитетах. Таков, например, Совет по общественной безопасности администрации города Ставрополя.

Исключительной компетенцией субъектов РФ является учреждение в них института Уполномоченного по правам человека. Только они вправе принимать решение по этому вопросу. В настоящее время в 48 субъектах РФ работают Уполномоченные по правам человека, в 23 субъектах учреждена должность Уполномоченного по правам ребёнка¹.

Самостоятельно очерчивая контуры систем региональной безопасности, субъекты Российской Федерации в интересах укрепления её отдельных видов предпринимают специальные меры с учётом реально складывающейся обстановки. Так, Губернатором Новгородской области создан Совет по информационной безопасности и сформирована рабочая группа по координации использования информационных ресурсов области; правительство Москвы утвердило концепцию развития гражданской обороны города; в Волгоградской области принят закон о продовольственной безопасности; в Мурманской области разработана региональная целевая программа «Комплексная безопасность учреждений системы образования» на 2007–2010 годы и т. д.

Позиция четвёртая – регион как субъект федеральной политики безопасности. В данном случае имеется в виду, что регион, встроенный в упоминавшуюся выше вертикаль власти, двояким образом участвует в общегосударственной политике национальной безопасности. Во-первых, органы власти субъектов Федерации и/или их представители являются активными участниками разработки основных направлений обеспечения безопасности, определения его приоритетных задач и путей их решения. Эта их роль имеет институциональное оформление. Так, одна из палат Федерального Собрания – Совет Федерации – формируется субъектами Российской Федерации, каждый из которых направляет туда по два представителя: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти; при Президенте РФ действует Государственный совет; при Министерстве иностранных дел функционирует Совет глав субъектов Российской Федерации, XIII заседание которого прошло в мае 2009 г. В соответствии с Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» для координации деятельности территориальных органов федеральной исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений во всех регионах созданы антитеррористические комиссии, руководителями которых являются высшие должностные лица субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, регион участвует в федеральных мероприятиях по обеспечению безопасности, осуществляемых на территории области. Федеральный закон «Об обороне», например, определяет 13 функций органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области обороны, в том числе участие в разработке Федеральной государственной программы оперативного оборудования территории Российской Федерации и обеспечение в пределах своих территорий выполнение мероприятий по её реализации и подготовке коммуникаций в целях обороны; организацию и обеспечение воинского учёта и подготовку граждан Российской Федерации к военной службе, их призыв на военную службу, военные сборы и призыв по мобилизации;

¹ <http://www.ombudsman.gov.ru/institut/institut.shtml>.

обеспечение выполнения государственного оборонного заказа организациями в пределах своих территорий. «Основы пограничной политики Российской Федерации» прямо называют в числе основных субъектов пограничной политики Российской Федерации органы государственной власти субъектов Российской Федерации и подчёркивают, что её реализация осуществляется посредством скоординированной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций и граждан. Важной частью дальнейшего развития пограничного сотрудничества, говорится там, является укрепление экономических, социальных, культурных, административных и иных связей субъектов Федерации с соседними государствами. В «Докладе рабочей группы СГС РФ при МИД России по вопросам участия субъектов Российской Федерации в международных региональных организациях» отмечается, что в современных условиях приграничные и межрегиональные связи субъектов Федерации выступают серьёзным внешнеполитическим и внешнеэкономическим ресурсом государства, превращаются в действенный инструмент реализации его внешнеполитических задач. Участие регионов в работе международных региональных структур усиливает возможности федерального центра в отстаивании российских национальных интересов в ближнем зарубежье. На сегодняшний день в международных региональных организациях участвуют в той или иной форме около 30 субъектов Федерации – треть российских регионов вовлечены в деятельность таких структур. Позиции России в мире усиливает активное использование возможностей региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов Российской Федерации в соответствующих регионах, при особом внимании к деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов на пространстве СНГ, прежде всего, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

Позиция пятая касается достаточно щепетильной проблемы, связанной с тем, что федеративная система, предполагающая известную экономическую и политическую самостоятельность образующих её субъектов («Государственную власть в субъектах Российской Федерации, – гласит Конституция РФ, – осуществляют образуемые ими органы государственной власти») и политико-правовое равенство регионов, обладающих неравными возможностями и играющими неравную роль в жизни страны, таят в себе как интеграционный, так и дезинтеграционный потенциалы.

Стратегические риски и угрозы России, исходящие из её регионального многообразия состоят в следующем. Во-первых, они связаны, как отмечается в Стратегии национальной безопасности, с существенными диспропорциями в уровнях развития субъектов Российской Федерации, социально-экономическими различиями между ними, а также наличием в Российской Федерации экологически неблагополучных регионов. И то и другое требует перераспределения создаваемого в субъектах Федерации дохода между благополучными и проблемными регионами. Это может повлечь за собой рост социальной напряжённости, что, в свою очередь ослабит национальную безопасность России.

Во-вторых, в силу целого ряда причин, в том числе многочисленных (и не всегда достаточно экономических и политически обоснованных, а порою и просто субъективистских и волюнтаристских) изменений административных границ в стране существуют территориальные претензии одних субъектов Российской Федерации к другим. Таких спорных территорий у нас более двух тысяч. Если мы хоть когда-нибудь позволим себе втянуться в этот делёж, он будет бесконечным и разрушит страну¹.

В-третьих, декларированные в Конституции исторически сложившееся государственное единство, единство системы государственной власти и экономического пространства, служащие фундаментом национальной безопасности, не являются раз и навсегда данным состоянием. Об этом говорит наше недавнее прошлое, когда, по словам Премьер-министра России В.В. Путина Россия представляла собой «лоскутную» территорию. Характер взаимоотношений Центра и регионов оказывает существенное влияние на состояние как внешней, так и внутренней безопасности России практически во всех её сферах и видах. «Если в этом взаимодействии, – говорил в Докладе на Всероссийской научно-практической конференции "Национально-государственное образование в истории и политической практике Российского федерализма" в марте 2009 г. Президент Республики Башкортостан М.Г. Рахимов, – достигается гармония, то результатом всегда является всестороннее укрепление государства – как в целом, так и его частей. И наоборот, перекосы в сторону излишней централизации или регионализации ведут к ослаблению государства, не приносят блага и самим регионам»². Между тем, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации до сих пор не является общепризнанным. В интересах укрепления национальной безопасности нужна чёткая регламентация порядка и правил

¹ О стратегии развития России до 2020 года: Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008.

² Официальный сайт президента Башкортостана//

http://www.bashkortostan.ru/president/activity/index.php?ELEMENT_ID=19662.

применения предусмотренных российской Конституцией согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Федерации и её субъектов, в том числе по вопросам совместного ведения.

В-четвёртых, потенциальную опасность для России представляет региональный сепаратизм – идеология, политика и социальная практика, ориентированные на территориальное отделение той или иной части государства с целью создания нового государственного образования или придания определённой части государства автономии, большей самостоятельности в экономической, политической и др. областях. Наша история свидетельствует, что диапазон его требований и форм достаточно широк: от явно ангажированной трактовки исторических фактов и фигур до открытой вооружённой борьбы за выход из состава государства. Но в любом случае реализация сепаратистских программ подрывает принцип территориального верховенства государства, чаще всего сопровождается вопреки желаниям его инициаторов и сторонников экономическими издержками, ослаблением и разрушением исторически сложившихся хозяйственных связей и социокультурной общности.

* * *

Таким образом, на региональном уровне существует огромный потенциал безопасности: как конструктивный, ведущий к стабильности и устойчивости федеративного развития, так и деструктивный, подрывающий внутривнутриполитическую стабильность общества и государства и ослабляющий их способность противостоять внешним вызовам и угрозам.

В системе национальной безопасности регион выступает как сфера, пространство реализации общей политики безопасности государства и объект его специальных усилий, как субъект обеспечения собственной безопасности и как участник (актор) общегосударственной политики обеспечения безопасности, а также при определённых обстоятельствах – как источник опасности для Российской Федерации.

Именно поэтому политика обеспечения национальной безопасности должна строиться с учётом особенностей, интересов и возможностей регионов.

Приложение

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹

Главный федеральный инспектор по Республике Бурятия

Министерство внутренних дел по Республике Бурятия
Представительство МИД Российской Федерации в г. Улан-Удэ

Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Бурятия

Территориальное управление Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Республике Бурятия

Территориальное управление Федерального агентства по управлению федеральным имуществом по Республике Бурятия

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия

Управление по недропользованию по Республике Бурятия

Управление Федеральной регистрационной службы по Республике Бурятия

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия

Управление Федеральной налоговой службы по Республике Бурятия

Управление Федерального казначейства по Республике Бурятия

Управление по технологическому и экологическому надзору Ростехнадзора по Республике Бурятия

Управление Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Республике Бурятия

Управление Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по Республике Бурятия

¹ <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=1990>.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Республике Бурятия

Управление Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по Республике Бурятия

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Республике Бурятия

Управление государственного автодорожного надзора по Республике Бурятия

Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Бурятия

Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Республике Бурятия

Управление Федеральной миграционной службы по Республике Бурятия

Главное управление Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий по Республике Бурятия

Управление Федеральной службы судебных приставов РФ в РБ

Управление Федеральной службы исполнения наказаний РФ по РБ

Управление водных ресурсов озера Байкал Федерального агентства водного хозяйства

Государственная инспекция труда по Республике Бурятия

Государственная фельдъегерская служба РФ, Отдел в г. Улан-Удэ

Территориальное управление Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами по РБ

Военный комиссариат

Бурятская таможня

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Отделение Пенсионного фонда РФ по Республике Бурятия

Региональное отделение Фонда социального страхования РФ по Республике Бурятия

Байкальское бассейновое управление по рыболовству и сохранению водных биологических ресурсов

Бурятский центр стандартизации, метрологии и сертификации

Управление федеральных автомобильных дорог на территории Республики Бурятия Федерального дорожного агентства (ФГУ Упрдор «Южный Байкал»)

Инспектура по Республике Бурятия – филиал ФГУ «Государственная комиссия РФ по испытанию и охране селекционных достижений».

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ И ПОКАЯНИИ*

Каждую весну в преддверии и в ходе празднования Великой Победы про нас говорят гадости. И это не отдельные разрозненные высказывания маргинальных историков и политологов. Нет. Речь идёт о хорошо соркестрированной, продуманной и щедро оплаченной политической и пропагандистской кампании, преследующей конкретные цели. Причём её объектом является не давно канувший в небытие СССР, выигравший Великую отечественную, а нынешняя Российская Федерация, которая, строго говоря, как, впрочем, и другие жалкие осколки когда-то могущественной сверхдержавы, к Великой Победе имеет мало отношения. Ведь совсем нетрудно представить себе результат войны, если бы супротив нацистской Германии полвека назад оказался не Советский Союз, а его полусгнивший огрызок в виде РФ.

Внешних субъектов этой кампании довольно много. Это и наши бывшие «союзники» (о них теперь можно говорить только в кавычках), такие как Польша, и бывшие союзные республики, такие как Литва, Латвия и Эстония, и определённые круги Японии, США, Финляндии и даже Украины. У каждого из этих субъектов, безусловно, свои цели. Однако всех их объединяет одно: патологическая ненависть к России и русским. Поэтому они и хотят ударить нас побольнее, в самое уязвимое место. Этим местом и является наша Великая Победа.

Главным же субъектом кампании стали отечественные либералы. Можно согласиться с Н. Нарочницкой, которая в книге «За что и с кем мы воевали» ставит все точки над «и»: «Все беззастенчивее становятся заявления, будто бы в войне этой виноват СССР и Победа была не победой, а поражением. Война велась, якобы, не за право на национальную жизнь, не за сохранение народов в мировой истории, а за американскую демократию. Этот тезис тиражируется в западных СМИ. Им оперируют депутаты Совета Европы – этого IV либерального Интернационала, самодовольно раздающего сертификаты на цивилизованность. Требуя извиниться за "оккупацию" и возводя памятники легионам СС, дерзко оскорбляют Россию прибалтийские страны и Польша, которые, если бы не наша Победа, вообще исчезли бы с карты. Но виноваты в этом мы сами. Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы начато на Западе, пока его не совершили на Родине Победы.

Наш внутренний семейный спор и осуждение реальных и мнимых грехов мы вершили, увы, не с подобающим христианским осмыслением истоков наших взлётов и падений. Подобно библейскому Хаму мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару.

Именно отечественные глумители первыми внедрили суждение, что Советский Союз – ещё худший тоталитарный монстр, чем нацистский Рейх. Война же была между двумя хищниками за мировое господство, и СССР, якобы, чуть ли не первым готовился напасть на Германию, но Гитлер, мол, просто опередил Сталина. Наш постсоветский либерал, который «нежно чуждые народы возлюбил и мудро свой возненавидел» (Пушкин), уверен, что у плохого государства не могло быть ничего правильного и праведного»¹.

В глумлении над подвигом русского народа особенно отличился А. Минкин в статье «Чья победа?», опубликованной в газете «Московский комсомолец», в

* Статья подготовлена в рамках Проекта № 07-01-126 по гранту Государственного университета – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ).

¹ Нарочницкая Н. За что и с кем мы воевали. М.: 2006.

которой открыто прозвучало видоизменённое высказывание «сдались бы – сейчас бы пили баварское»: «Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м!.. Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?»¹. К сожалению, такие статьи – не редкость. Они-то и подпитывают наших недоброжелателей за границей.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СУБЪЕКТОМ ИСТОРИИ

Надо признать, что наша власть в этом вопросе держится, как правило, вполне достойно. Выбрав правильную тональность, МИД РФ жёстко разъясняет наши позиции по поводу Пакта Молотова-Риббентропа, Ялтинско-Потсдамских соглашений, «оккупации» Балтии и Восточной Европы, «геноцида» поляков и проч. Да и Президент В. Путин все эти годы не «давал слабину» и выносил в целом верные исторические и политические оценки событий Второй мировой войны. Особенно порадовала его статья, опубликованная 9 мая 2005 г. в газете «Фигаро»².

Одним словом, всем клеветникам России даётся должный отпор.

И всё же в сознании (или даже подсознании) русского человека, безусловно, негодующего по поводу стремления известных стран и политических кругов в Европе и Америке оболгать и дискредитировать великий подвиг русского народа, всё время шевелится какая-то червоточина: а вся ли правда находится на нашей стороне?

Если без эмоций поразмыслить над этим вопросом, то однозначно ответить на него нельзя. И прежде всего потому, что он безжалостно и рельефно обнажает нашу собственную историческую драму. Победа для нас, как поётся в известной песне, – «это радость со слезами на глазах». То есть праздник пополам с горечью и болью. И не только по погибшим, раненым и искалеченным, а также по не родившимся детям. Ибо и мы сами не можем простить Сталину и сталинскому режиму их преступлений. Значит, никуда не денешься от того, что, прославляя Победу, необходимо давать весьма жёсткие и нелицеприятные оценки нашему прошлому. А вот с нашим прошлым мы-то как раз пока до конца и не разобрались. А это значит, в свою очередь, что и наше будущее весьма туманно.

Ежегодное празднование Великой Победы показывает, насколько расколотым является наше общество по поводу событий национальной истории. В нём по существу по-прежнему идёт холодная семантическая война. Только уже не межгосударственная, а гражданская, что ещё более противно и мучительно. И вот здесь-то наша власть – далеко не на высоте. Не имея своего национального проекта и стратегии, не в силах определиться, что она наследует в национальной истории, а что отвергает, от какого государства строит историческую преемственность – Российской империи, СССР или существующей меньше 20 лет новой, никому не ведомой РФ, – эта власть своими действиями (а иногда и бездействием), по существу, способствует этой гражданской войне в российском обществе, что весьма и весьма опасно, ибо «внутренняя» «холодная война» при определённых обстоятельствах способна перерасти в горячую. Власть сама даёт бесконечные поводы для гражданской семантической войны: гимн, флаг, Мавзолей, памятники бывшим вождям, советские праздники, учебники истории, мифы о героях и злодеях нашего недавнего прошлого... Это ведь, как удачно выразился Ю. Богомолов, «все баррикады и брустверы, окопы и долговременные огневые точки, неразорвавшиеся снаряды и плацдармы как для наступлений, так и для контр наступлений»³.

¹ Московский комсомолец, 22.06.2005.

² Figaro, Mai 9, 2005.

³ Весеннее обострение холодной войны. Globalaffairs.ru. 1 апреля 2005.

Что всё это значит? А то, что Великая Победа вновь властно ставит вопрос всех вопросов современной России, не решив который, двигаться вперёд, в будущее, невозможно. Причём решительно невозможно! Это **вопрос о национальной идентичности России**. А он неразрывно связан с другим вопросом – **вопросом об исторической преемственности**.

В отличие от Германии и стран Восточной Европы, безоговорочно осудивших коммунистический этап своей государственности, Россия не заняла в отношении этого этапа однозначно отрицательной или положительной позиции. Её позиция оказалась двусмысленной и непоследовательной. Это не могло не иметь своих последствий. И весьма серьёзных.

В свете Великой Победы этот вопрос стоит в такой плоскости: если Россия – это абсолютно новое государство, возникшее на развалинах СССР и Российской империи всего лишь около 20 лет тому назад, то она не обязана платить по историческим счетам (оплачивать векселя) за злодеяния и преступления этих государств; если же она продолжает историю Российской империи и СССР, то тогда она обязана взять на себя **все** исторические грехи этих государств и нести за них моральную (а возможно, и материальную) ответственность.

Очень велик соблазн пойти по пути «белой и пушистой», девственно чистой и незапятнанной «новой» России. В этом случае претензии, например, прибалтов выглядят странно и нелепо. Какое отношение современная Россия имеет к оккупации Сталиным в 1940 г. трёх лимитрофных республик, разделявших СССР и Третий Рейх? На каком основании граждане РФ должны нести ответственность за действия коммунистического режима, ушедшего в историю вместе с развалом Советского Союза? Причём режима, созданного в немалой степени руками соотечественников тех, кто предьявляет нам претензии? Однако давайте отнесёмся ко всей этой ситуации спокойно и непредвзято, рассмотрев её с разных точек зрения.

Вот как рассуждает, например, В. Ольжич, человек, казалось бы, искренне желающий найти выход из того тупика, в котором оказалась внешняя политика России. Он ставит следующий вопрос: не поддались ли российские политики и политологи на им предложенное оперирование понятиями «Россия» и «русские» вместо «СССР» и «советские»? Это, на его взгляд, может быть самой крупной ошибкой внешней политики России в отношении постсоветских стран. «Конечно, внешнему миру выгодно соотносить Россию с СССР, но самой России это не должно быть таким уж выгодным, поскольку в этом случае она должна нести ответственность за каждый чих, имевший место на территории СССР за 70 лет его существования! С какой стати? Такой ответственностью Россия может подавиться. Ведь количеству "претензий к СССР" – нет конца.

Скажем, – рассуждает он далее, – само собой понятным считается в Прибалтике, что Прибалтику "оккупировали русские". Но позвольте – причём здесь "русские"? Среди входивших в 1940 г. в Прибалтику советских солдат не было украинцев, белорусов, грузин? Почему же не говорится, что Прибалтику "оккупировали украинцы", "белорусы", "грузины"? Такая фраза даже смешно звучит. Но то, что она смешно звучит (несмотря на соответствие правде!) – лишь свидетельство того, что идеологема так глубоко проникла в сознание, что определила уже и язык. Между тем у России в этом плане есть множество аргументов, позволяющих *требовать* не соотносить её с СССР. Один из принципиальных, скажем – тот, что СССР руководили выходцы из краев, которые сегодня не при-

надлежат к России. И, прежде всего, нужно было бы говорить о том, что тем диктаторским режимом, грехи которого сегодня Прибалтика пытается приписать сегодняшней России, – руководил, этим самым диктатором являлся фактически иностранец, человек, говоривший по-русски с огромным акцентом. А роль других выходцев с Кавказа, с Украины, с той же Прибалтики (вспомним хотя бы латышских стрелков)? Сталин был грузином, Хрущев пришел с Украины. А кто был Брежнев – не с Украины? Не привёл ли он за собой в руководство целый отряд украинцев (однако Украину в Прибалтике сегодня очень любят)? Какое еще нужно лучшее доказательство того, что речь должна идти об СССР как особой стране, качественно отличной от сегодняшней России? Если мы сравним режимы в СССР и в современной России, то и на этом основании мы вправе говорить о совершенно разных странах. Достаточно сказать, что в СССР был вообще запрещен бизнес, доступ к мировым СМИ был полностью перекрыт, а за границу практически, без тщательной проверки о благонадежности, выехать никто не мог. А что мы имеем сегодня? Даже если кому-то не нравятся какие-то действия современных российских властей, никто не осмелится отрицать, что эти и сотни других сторон жизни совершенно преобразились, что, повторяем, делает Россию совершенно другой страной, чем СССР.

По существу, – полагает В. Ольжич, – у другой стороны нет достаточных оснований для того, чтобы путать современную Россию и СССР, если только сама Россия воспротивилась бы такому смешению понятий. Аргумент вроде того, что географически совпадают столица и часть территории, – вообще наивен и не выдерживает критики. Россия имеет ту же столицу, что СССР? Но не считаем же мы Германию Гитлера той же страной, что современная Германия – лишь на том основании, что у той и у другой та же столица, Берлин? Это две совершенно разные страны. Что, Россия "правопреемница" СССР? Но это лишь юридический аспект, не более того. Многие страны были правопреемниками стран, прямая ответственность за прошлое которых на них не распространяется».

Исходя из этих рассуждений, В. Ольжич предлагает свою **новую концепцию для России**. «Россия – новое государство, возникшее после развала СССР точно так же, как возникли независимые государства Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, Украины, Молдавии и т. д., и имеет точно такое же отношение к СССР и его прошлому как и перечисленные государства. И хотя она, быть может, более других государств связана с прошлым СССР (отчего её позиционирование к СССР может быть особым), это отнюдь не означает, что о действиях СССР позволительно говорить как о действиях "России". Да, то-то и то-то было в прошлом – но, позвольте, мы-то здесь причем? На каком вообще основании от нас требуют оценки того или иного исторического момента? Почему того же не требуют у Украины? У Грузии? Был СССР, и эта Атлантида погрузилась в глубины прошлого.

Вот, в случае принятия такой концепции, какой должна быть позиция России. Почему-то для российской дипломатии эта само собой разумеющаяся безупречная и вполне соответствующая реалиям позиция остается вне поля зрения. Ей навязали ответственность за действия СССР, и Россия пытается на этом поле воевать "за СССР", стараясь, к примеру, доказывать, что у руководства СССР не было другого выхода накануне Второй мировой войны, ввиду реальной агрессии Гитлера, как первой войти в Прибалтику и т. п. (чем провоцирует возмущение прибалтов, обвиняющих Россию в «оправдании оккупации»)?

Тут проблема вовсе не в том, что у России аргументы слабы. Они могут быть очень даже сильными, но зачем, скажите, России вообще безысходно (потому что никогда эти аргументы не будут услышаны) спорить с прибалтийскими политиками по вопросам, которые она, проявив дипломатическую мудрость, мо-

жет просто вынести за скобки? Как не относящиеся непосредственно к ней как к новому государству, возникшему после развала СССР?

Другими словами, – считает В. Ольжич, – современной России, по крайней мере, в дипломатической сфере, не хватает дистанции по отношению к СССР. Оптимальная, на наш взгляд, позиция России в отношении Прибалтики: такой же взгляд на СССР *со стороны*, как и у прибалтов (пусть даже вопреки настроениям определенной части своего населения: дипломаты решают другие задачи и исходят из собственных потребностей). Мы тоже новая страна и не несём никакой ответственности за то, что делали Сталин с Берией. Мы-то здесь причем? *Мы возникли вместе с вами*. Такой шаг обезоружил бы любого прибалтийского дипломата. Пусть он доказывает, что это всё-таки Россия, а ему нужно упорно отвечать, что мы с этим не согласны. Это СССР. В конце концов, взяв на вооружение этот подход, Россия предстанет совсем в другом свете. Как одна из стран, возникших на развалинах СССР (что ведь и соответствует действительности!), обладающих, стало быть, дистанцией – пусть и особой – по отношению к нему. Кстати, в начале независимой России (характерно, опять же, что подобное словосочетание не в ходу – в то время, как в ходу "независимая Украина", "независимая Литва" и т. д.!) – такое дистанционное отношение к СССР имело место, и не случайно тогда, в первые годы, в начале правления Ельцина, не было столько претензий к ней "по счетам СССР".

Итак, – настаивает В. Ольжич, – из языка – в том числе и языка прибалтов – должны уйти фразы типа "Россия, русские вошли в Прибалтику в 1940 г.". Вместо этого там должны быть фразы "СССР, советские солдаты вошли в Прибалтику в 1940 г.". Это не мелочь, а принципиальная разница, которая ставит многое на свои места. А уже вслед за этим можно договариваться с прибалтами, что именно стоит за этим фактом (как можно искать компромисс, скажем, на пути отказа от слова "окупация" в пользу слова "аннексия"). И так во всех других случаях.

В. Ольжич делает следующие выводы. Мы должны понять, что мы имеем дело с языком, а не с реалиями. И что "Россия" для прибалтов давно уже стала словом. Это слово давно уже живёт само по себе и является не реальной страной, а архетипом, можно сказать автоматически срабатывающим архетипом подсознательного. Мы недооцениваем силы и значения слов, а также того, что язык управляет сознанием и политикой. Достаточно в определенной ситуации одного употребления слов "Россия" или "русские", чтобы вызвать архетип, который в дальнейшем уже управляет поведением политика, политолога, вплоть до простого человека. Мы находимся не на поле фактов, а на поле психических феноменов. Нужно изъять слово, чтобы освободиться от отношения к себе как к чудовищу. Пока вы этого не сделаете, что бы вы ни говорили, как бы не оправдывались, вы всё равно для этих наполненных ужасом глаз будете чудовищем. Чем больше будете оправдываться, тем больше будете чудовищем. Но стоит перестать подыгрывать чужим идеологемам, как мираж развеется и сложная картина прояснится. Новое значение слова "Россия" (не соотносимое с "СССР") не появится без определенной работы со стороны России и изменения идеологической установки. Дипломатия – это искусство создавать простые схемы. У Прибалтики такая схема есть: Россия, возмести ущерб за СССР. Гениально просто. Если Россия начинает дискуссии на тему "оправданности" претензий Прибалтики, ввязывается в дискуссии по поводу исторического прошлого, она уже проигрывает, поскольку в дипломатии выигрывают предельно простые и категоричные схемы, а все сложное и не короткое про-

игрывает. В то же время ответ – "а мы не СССР, а такая же новая страна, как вы, возникшая на его развалинах" – был бы адекватным по простоте и заставил бы дипломатических оппонентов, лишенных своего главного аргумента, быть более реалистичными в своих претензиях и более сговорчивыми в других аспектах¹.

Если бы всё было бы так просто, как предлагает нам В. Ольжич... На самом деле, как справедливо подчёркивает Б. Межуев, «в требовании прибалтийских государств имеется один серьезный момент, в котором следует разобраться. Речь идет о так называемом "правопреемстве" нашей страны по отношению к Советскому Союзу. Часто употребляемый в популярных статьях термин "правопреемство" довольно неточно выражает юридическую суть дела. Россия – не правопреемник Советского Союза, таковыми правопреемниками, согласно Договору 4 декабря 1991 г., заключенному накануне образования СНГ, считаются все бывшие союзные республики. У России несколько больший статус, она – государство-продолжатель Советского Союза. Иначе говоря, Россия сохраняет континуитет по отношению к бывшему Союзу. Наша страна как бы и есть этот сократившийся до размеров одной республики СССР. Именно на основании международного признания статуса "продолжателя" Россия сохранила свое место в Совете Безопасности, монополию на ядерное оружие среди бывших республик СССР, но вместе с тем была вынуждена записать на свой счет большую часть советского долга.

Выходит, у прибалтов есть формально-юридическое основание настаивать на извинениях и компенсациях России за политику Сталина. Именно поэтому конгрессмены и ставят нашему Президенту на вид слова о "катастрофе" распада СССР. Здесь все очень просто: России намекают на то известное, но отчего-то забытое нашими элитами обстоятельство, что право на первородство в СНГ было выкуплено Россией в 1990-е ценой безоговорочной идеологической капитуляции. Соответственно, попытка нашей элиты обосновать свое лидерство на постсоветском пространстве чем-то иным кроме первенства в процессе либерализации и вестернизации немедленно вызывает у победителей "холодной войны" нервную реакцию. И эта реакция по-своему закономерна. Нынешние трудности России в какой-то мере плата за основную иллюзию 1990-х о том, что **геополитику можно отделить от идеологии**, что российскую цивилизацию поэтому окажется способна воссоздать и отстоять та же самая элита, которая привела к власти человека, уничтожившего Советский Союз и под аплодисменты американского Конгресса объявившего о конце коммунизма».

Но, может быть, задаёт вопрос Б. Межуев, решение проблемы заключается в добровольном отказе России от статуса «государства-продолжателя» Советского Союза? Может быть, нам стоит сбросить с себя тяжёлое бремя континуитета и начать строить новую государственность, так сказать, с «чистого листа»? К чему-то подобному призывал в 2001 г., в самом начале путинской эры, Глеб Павловский, утверждавший, что пресловутая «преемственность» с советским строем, утверждённая в своё время исключительно под давлением Америки, не нужна молодой «демократической» России. Да и наш Президент, вероятно, размышляет на ту же тему, чему свидетельство – его заявление о «долгах Советского Союза», которые в 1992 г. неосмотрительно взяла на себя Россия. Для значительной части отечественного истеблишмента такой «нулевой вариант» решения проблемы континуитета, думаю, покажется весьма привлекательным. Но боюсь, что отказ России от бремени континуитета и есть цель всей этой развернувшейся в Европе и Америке антироссийской кампании. Именно этого от нас и добиваются нынешние критики. И дело, конечно, не только о месте нашей

¹ Regnum. Ольжич В. Прибалтика и возможная ошибка российской идеустановки. 3 мая, 2005.

страны в Совете Безопасности, которое Россия по справедливости должна утратить вслед за символическим разрывом с советским наследством. Так называемая «Молодая Россия» потеряет право считаться центром постсоветской интеграции, ибо в случае прерыва континуитета она окажется ровно таким же «осколком» коммунистической империи, какими являются Украина или Молдавия. Ничуть не более значимым. Из своего рода «Англии» Российского Содружества Наций она превратится в «Канаду» – крупнейшую по размерам часть некогда единого пространства, разумеется, даже не помышляющую о том, чтобы быть новым центром сборки. **Это будет концом всех надежд на геополитическое и цивилизационное возрождение евразийского пространства.**

В этом отношении весьма любопытна политика современной Турции. Многие историки полагают, что у неё существует проблема правопреемства по отношению к Османской империи, аналогичная проблеме правопреемства РФ по отношению к СССР.

Эта проблема в случае Турции выявляется на примере её отказа признать геноцид армян в 1915 г., который на самом деле имел место. Именно официальная интерпретация событий 1915 г. как геноцида (а не гражданской войны, «резни» или депортации армян, как это принято в современной турецкой историографии) считается одним из главных критериев «европейскости» Турции. Между тем у турецких историков и политиков, занимающихся «армянским вопросом», есть своя серьёзная контраргументация. По словам профессора Халила Берк-тая, «это очень серьёзный вопрос. Это ошибка со стороны Турецкой республики. Турция никак не определится по поводу своего политического и правового отношения к Османской империи. Турция не вполне осознала и не до конца усвоила тот факт, что она свергла старый османский порядок и на его месте установила современную республику. Здесь заключается очень серьёзное противоречие. Республика не несет ответственности за эти события... Турецкая республика сегодня может сказать одну очень простую вещь: республика была основана в 1923 г. Эти события произошли в 1915 г. Армия Турецкой республики и ее государственные институты не причастны к этим событиям. Турецкая республика – это новое государство. С правовой точки зрения, она не является преемницей ни османского правительства, ни правительства партии «Единение и прогресс» (известной как «младотурки»)). Сегодня многие исследователи армяно-турецких отношений в Турции призывают деполитизировать «проблему 1915 года», «оставить этот вопрос историкам». Однако даже высказывания подобные тому, что было процитировано выше, рассматриваются многими учеными, чиновниками и политиками Турции как чрезвычайно «либеральные». А Танер Аксам, первый турецкий историк, использовавший определение «геноцид» для характеристики трагедии 1915 г., в настоящее время преподает далеко за пределами своей исторической родины в Мичиганском университете.

«На первый взгляд, – отмечает в связи с этим С. Маркедонов, – Анкара могла бы с блеском разыграть карту "прощания с прошлым". Достаточно было просто развить тезис турецких историков "либералов" о том, что между республикой и империей нет никакой правовой преемственности (а это одна из ключевых идеологем Турции, начиная со времени основателя республики Кемаля Ататюрка) и осудить проклятое "османское прошлое", во времена которого геноцид армян был возможен. Более того, Анкара могла бы принять "пас" официального

Еревана, отказавшегося от территориальных претензий на Западную Армению, находящуюся сегодня под турецкой юрисдикцией...

Однако с признанием геноцида армян и прощением с "проклятым прошлым" не все так просто. Кемалистская Турция, отвергающая наследие "антинародного османского режима", во многом проводит хорошо знакомую старую внешнюю и внутреннюю политику. Это касается и проблемы Кипра, и взаимоотношений с Грецией и Болгарией, и политики на "постюгославском пространстве", и армяно-турецких отношений, и политики по отношению к этническим меньшинствам (курдский вопрос). Более того, Турецкая республика в течение всего XX столетия умела, мастерски играя на противоречиях великих мира сего, добиваться усиления своих позиций в мире. В ходе кемалистской революции турки прекрасно "развели" Советскую Россию и Антанту, а в годы холодной войны, используя фактор левой опасности для Греции и Кипра, успешно решили для себя "кипрский вопрос". Отсюда и опасения Армении и "армянского мира" относительно европейских перспектив Турецкой республики. Ресурсы НАТО Турция использовала для себя на все 100%, не слишком заботясь о соответствии своих действий высоким стандартам "европейской безопасности". В этом контексте вопрос об умелом приспособлении и использовании Турцией ресурсов ЕС для собственных внешнеполитических амбиций не кажется праздным любопытством. За весь период существования "Объединенной Европы" не было случаев исключения кого-либо из ее рядов.

В ситуации особого поведения Турции в ЕС будет ли это государство лишено "европейской прописки"? Став членом Евросоюза, Турция будет проводить активную политику на Кавказе, прикрываясь европейской "пропиской". Все ее действия в регионе в этом случае будут проводиться в формате "европейского вмешательства". С помощью членства в ЕС Турция сможет не столько ради "Объединенной Европы", сколько ради собственных целей минимизировать российское "имперское" влияние в регионе, прикрываясь при этом демократической риторикой¹.

Независимо от того, как в дальнейшем Турция определится в «армянском вопросе», следует признать, что, **по сути**, потерпев поражение в обеих мировых войнах (как Германия), современная Турция изо всех своих сил стремится остаться **субъектом истории** и именно в этом ракурсе рассматривает вопрос о правопреемстве по отношению к Османской империи.

И новой России следовало бы в этом вопросе брать с неё пример, тем более, что **она не проиграла, а выиграла Вторую мировую войну**, если, конечно, она настаивает на исторической преемственности по отношению к СССР. Только осознавая себя продолжателями Российской империи и СССР, взвалив на себя тяжкое бремя континуитета, мы сможем двигаться в мировой истории дальше **в качестве её субъекта**, а не объекта (остальные осколки СССР – Украина, Грузия, страны Балтии – **никогда**, подчёркиваю, **никогда** уже не будут субъектами истории, поскольку ни они сами, ни весь мир не считают их продолжателями СССР).

Надо ли нам каяться?

Недоброжелатели России, упорствуя в отождествлении немецкого фашизма и советского коммунизма, призывают нас покаяться «по немецкой модели», т. е. в качестве «побеждённой страны».

Понятно, что такая модель покаяния России абсолютно неприемлема. И не только потому, что коммунизм – это не фашизм, но и потому, что, в отличие от Германии, Россия – не побеждённая страна. Следует помнить о том, что Германия каялась и продолжает это делать, будучи страной, оккупированной иностранными государствами, в связи с чем возникают вопросы относительно глубины и искренности

¹ Маркедонов С. Цена европеизации. APN.ru

этого акта, который в христианском сознании ни в коем случае не должен происходить под внешним давлением, а быть исключительно мотивированным внутренним переживанием и глубоким переосмыслением своих поступков. Как подчёркивает Г. Гросс, «мы, немцы, постоянно ощущаем на себе ответственность за тот позор, который нам передали по наследству, **и нас принуждали нести эту ответственность, когда мы колебались** (курсив мой – С.К.). Многие поколения пережили это ощущение страданий, которые мы причинили другим и испытали сами. Мы часто должны были себя к этому принуждать. В отличие от других держав, которые живут со своим позором, – Японией, Турцией, бывших колониальных держав, – мы не освободились от тяжелого груза нашего прошлого. Оно станет частью нашей истории, постоянной угрозой нашей демократии»¹. В силу вышеперечисленных соображений, русские не могут испытывать таких же чувств. Это было бы даже странно.

Но что же тогда делать с претензиями прибалтов и восточноевропейцев? Стоит ли нам извиняться за послевоенную оккупацию части Европы, а в перспективе – ещё и за Катынь, поддержку арабского национализма, интервенцию в Афганистан и т. д.? Тут отдельными экскурсами в историю не отделаешься, здесь нужен чёткий и системный ответ, раз и навсегда пресекающий все эти своекорыстные призывы к чужому покаянию. Вариант такого ответа предлагает Б. Межуев, который считает, что не стоит отвечать в духе С. Ястржембского, что, мол, мы никого не оккупировали, а лишь защищали собственную территорию. Такие слова в лучшем случае подстегнут дискуссию о том, какими средствами позволительно защищаться, и может ли политика Сталина в 1939–1941 гг. быть названа оборонительной. В этой дискуссии мы можем выиграть, но рискуем и проиграть.

Лучше всего, полагает Б. Межуев, «такую полемику просто не начинать. А вместо этого последовать рекомендации Эзопа из замечательной пьесы "Лиса и виноград". Легендарный баснописец дал философу Ксанфу совет, каким образом без денежного ущерба уклониться от данного им во хмелю обещания "выпить море". Эзоп рекомендовал Ксанфу согласиться выполнить обещание "выпить море", только если оппоненты "перекроют воды рек, втекающих в него"». То есть – согласиться, выставив вполне законное, но при этом заведомо невыполнимое условие.

Так вот, и Россия должна ответить г-ну Бушу и его подопечным следующим образом. Она готова извиниться и за оккупацию Восточной Европы и за всё что угодно, но только не в одиночестве. Пусть каждый из наших «партнёров» принесёт свои извинения за осуществлённые им хотя бы в течение XIX–XX столетий империалистические оккупации других стран, и тогда Россия будет готова влиться в этот общий хор глобального покаяния. Пусть, например, Соединённые Штаты принесут извинения за кровавую оккупацию Филиппин в конце XIX в., а также за поддержанную ими расправу Сухарто со сторонниками независимости Восточного Тимора, да и вообще за целый список преступлений, совершённых американскими политиками в XX веке. А Великобритания пусть покается хотя бы за захват бурских колоний в Южной Африке и организованные в этой стране первые «лагеря смерти» для местного населения. Франция пусть извинится за Индокитай, а Бельгия – за Конго. И пусть каждая из западных стран возьмёт потомков обиженных им народов на пожизненное содержание. Ну и, конечно, следует в первую очередь обратить внимание на то, что разговоры об оккупации выглядят просто комично, когда их заводит глава страны, которая в настоящее время осуществляет военное присутствие в нескольких государствах в раз-

¹ Le Nouvel Observateur. May 13, 2005.

ных регионах мира, встречаясь с растущим возмущением этим фактом местного населения. И понятно, что ни о каких извинениях России в преступлениях прошлого не может быть и речи до тех пор, пока не прекратится оккупация суверенного государства Ирак, произведённая с нарушением всех норм международного права. Так вот, когда такого рода слова будут произнесены, а вытекающие из них действия произведены, Россия может с лёгким сердцем принести извинение за продолжавшуюся полвека оккупацию Восточной Европы. Кстати говоря, по большому счёту сама эта оккупация едва ли служила интересам российской цивилизации, поскольку закладывала под неё мину замедленного действия, которая и гроыхнула в 1989 году.

Весь вопрос в том, – подводит итоги Б. Межуев, – отважится ли нынешнее российское руководство и его дипломатические представители на такой ответ. Понятно, что подобными жёсткими словами наша элита на какое-то (полагаю непродолжительное) время отрежет себя от Больших восьмёрок, давосских форумов и прочих съездов глобального истеблишмента. Но зато в этом случае российская «цивилизация справедливости» наконец обретёт свой собственный голос. А от цивилизационного бремени нам ни в коем случае нельзя отказываться»¹.

У темы покаяния имеется ещё один аспект, который состоит в вопросе о моральном праве нынешнего поколения нашей страны осуждать наших великих предков. На это обратил внимание М. Демури. «Есть в проблеме покаяния и исторической ответственности и другая сторона: необоснованное взятие на себя морального права судить прошлое, – писал он. – Давайте честно ответим себе на вопрос: а кто мы такие, чтобы осуждать наших предков за то, как они управляли страной в 1920–1970-е годы. Что мы сделали равного их свершениям? Или, может быть, поколение тех, кто сегодня берет на себя смелость "чувствовать моральную ответственность" за "грехи" отцов и дедов, тем самым осуждая их, сами сумели уберечь родину от катаклизмов в 1980–1990-е? Сумели сделать жизнь соотечественников настолько же лучше, насколько она улучшилась в 1950–1970-е годы? Сумели укрепить авторитет России в мире, усилить её оборонную мощь, расширить границы её влияния, двинуть вперед её культуру, науку и образование? Ничего этого мы не видим, как не видим и честного и глубокого анализа "свершений" периода 1990–2000-х. Так что, давайте начнём с того, что почувствуем моральную ответственность и покаемся за это. Принесём извинения своему народу. А потом... остановимся и, помня о прошлом, будем смотреть и идти в будущее»².

И всё же аргументы противников покаяния не вполне корректны. И, кстати говоря, не соответствуют православным ценностям русской цивилизации. Покаяние – это вполне христианское и весьма здоровое действие. Покаяние в переводе с греческого («метанойя») – очищение. А что может быть более здоровым, чем очищение? Это ведь неременное условие существования здорового организма. Другое дело, что в России покаяние зачастую превращалось в ерничество, самобичевание, граничащее с самоунижением и самоотрицанием, с битьём головы об стену, расцарапыванием в кровь лица, посыпанием себя грязью и нечистотами, катанием по земле и проч. Но это – крайность, которая всегда была присуща русским. Такое «покаяние» покаянием, собственно, не является. Это его полная противоположность.

Каяться же в русской православной традиции можно и нужно. Только при этом следует сохранять своё достоинство. Более того, покаяние и есть проявление этого достоинства: сбрасывая с себя свои грехи, человек осмысливает их, ищет в себе причины, побудившие эти грехи совершить, и берёт перед самим собой моральное обязательство не совершать их впредь. Тем самым он возвы-

¹ www.apn.ru, 6 мая 2005 г.

² lamik.ru. 17 апреля 2006.

шается над самим собой в человеческой греховной ипостаси, которая, увы, дана ему от рождения, и приближается к ипостаси духовной, а следовательно, к Богу. Тем самым он сигнализирует, что божественный замысел в отношении человека удался. Вот что такое реальное и подлинное покаяние! Почему же народы, как и люди, не могут каяться?! Могут и должны. И те народы, которые, сохраняя своё достоинство, умеют это делать, обладают морально-нравственным превосходством по сравнению с теми народами, которые этого не умеют и не делают. Они просто стоят на ступень выше в своём культурном и духовном развитии. И потому являются примерами для других народов.

В этом смысле мы не должны предлагать каяться вместе с нами американцам, французам или японцам. Если США не хотят каяться за геноцид (действительно, геноцид) индейцев, французы – за Индокитай, а японцы – за Нанкинскую резню, – это их дело. Что ж, значит, они не являются в полной мере зрелыми нациями... В отношении американцев и европейцев я бы сказал даже больше: это значит, что они не являются в полной мере христианскими нациями. Покаяние – это внутренний, сугубо интимный выбор и человека, и народа. Это решение требуется **выстрадать**. А навязать его невозможно. Навязанное извне, покаяние станет неискренним, а следовательно, лишится своего смысла: духовного очищения не произойдёт.

Думаю, что русский народ является достаточно зрелым и мудрым, чтобы, сохраняя своё достоинство, каяться за свои грехи и, не очерняя своего славного прошлого, тем самым открыть себе путь для ещё более славного и блистательного будущего. Это, кстати говоря, признак не только духовного и нравственного здоровья, но и **спокойной силы** (которая всегда была присуща России), а вовсе не слабости.

В ЧЕМ ЖЕ НАДО КАЯТЬСЯ?

На мой взгляд, верную тональность покаяния в случае Германии выбрал бывший канцлер ФРГ Г. Шредер: «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача – строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее – наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда. Поэтому мы, представители демократической Германии, не допустим, чтобы несправедливость и насилие, расизм и ксенофобия когда-либо еще получили шанс»¹.

Но такая модель покаяния России не подходит. А ведь именно её пытаются нам навязать отечественные либералы. Так, бывший помощник Президента РФ, курировавший в 1991–1998 гг. внутреннюю политику, Г. Сатаров связывает тему покаяния с проблемой гражданской ответственности, что само по себе не плохо, однако, с самого начала весьма уязвимо, ибо покаяние – это не гражданское, а религиозное чувство.

В статье «Что нам покаяние?» он отмечает, что при этом вспоминается знаменитое сталинское «сын за отца не отвечает». «Обычно эта фраза тракту-

¹ Bild. May 6, 2005.

ется однозначно и примитивно: «Если отец – "враг народа", то детей за это наказывать не обязательно». Однако у сталинских слов есть другой смысл – более глубокий, важный, страшный, если угодно, для власти. Дело тут не только в лукавстве, не только в противоречиях между этой фразой и сталинской детоубийственной практикой. Смысл вот какой. «Безответственный» сын может спокойно отречься от безвинно загубленного отца. Он свободен от анализа причин, почему такие убийства стали возможны в столь страшных масштабах. Ему незачем думать о том, что злодейство может повториться, в том числе – обращённое против него и его детей. Можно не замечать явные признаки угрозы. «Не отвечать за отца» – значит оставаться покорным быдлом, ожидающим свою пайку и соглашающимся со всем, что творилось и творится в твоей стране. Отвечать или не отвечать – это выбор между ответственной гражданской позицией и готовностью оставаться в стаде, погоняемом пастухами и сбиваемом в кучу овчарками. Сталину не были нужны граждане. Он хотел управлять стадом. Поэтому он великодушно разрешал «не отвечать».

Слова «отец» и «отчизна» – однокоренные. Ответственность за отца и ответственность за отчизну – родственные понятия. В то же время ответственность – это индивидуальное состояние души, как любовь или патриотизм. Ответственность за отчизну – синоним ясного понимания прошлого, но не отказа от него. В ней – смелое признание ошибок и преступлений, даже если они совершены не тобой. Только при этом условии возможен ясный путь в будущее, а риск повторения ошибок и преступлений снижен. Только осознав ответственность за своё прошлое, обретаешь истинное право гордиться им. Ответственность за прошлое рождает ответственность перед будущим. Ответственность как индивидуальное состояние души не может быть переложена на других – предков, потомков, начальников... Такая индивидуальная ответственность превращает отдельного человека в гражданина, органичную часть народа и страны. Такая ответственность, подавляя эгоизм и равнодушие, заставляет думать и действовать. И если такая ответственность овладевает множеством людей, становится общей для них идеей, они превращаются в Nation – сильную и успешную. (Посмотрите на немцев, и вам всё станет ясно).

Сейчас можно услышать: «Без прошлого у страны нет будущего». «Я бы даже, – отмечает Г. Сатаров, – усилил эту мысль: "Как мы мыслим наше прошлое, так мы и строим наше будущее". Виртуальное прошлое, сочиняемое каждый раз под политическую конъюнктуру, делает виртуальным наше будущее (а виртуальное настоящее нам пытаются навязать). Если мы хотим иметь реальное будущее, необходимо осознание реального прошлого, что неотделимо от ответственности за него.

Теперь понятно, что есть покаяние. Это одно из проявлений ответственности – осознанное и публичное. Это признание, главным образом перед собой, прошлых ошибок и преступлений, готовность отвечать за свои нынешние и будущие действия с оглядкой на прошлое, которое не должно повториться.

Нынешнюю власть, полагает бывший помощник Президента, который её, эту власть во многом и создавал, много роднит со сталинской. Сталин говорил нашим предкам: "Успокойтесь, не отвечайте за своих отцов, все будет хорошо". Путин говорит нам: "Я за все в ответе, а вам отвечать не надо. Не надо отвечать за свой политический выбор. Да вы и не умеете. Я все сделаю сам". И той, и другой власти не нужны ответственные граждане. Именно в силу этого родства нынешняя власть бежит ответственности за прошлое и боится покаяния. Люди, разобравшиеся в своём прошлом, начинают яснее понимать настоящее. Граждане, осознавшие свою ответственность за прошлое и перед будущим, могут призвать власть к ответу. Это

опасно для неё. Страшно. Поэтому они повторяют: "Дети за отцов не отвечают. Каяться незачем. Все хорошо. Жуй, стадо, свою жвачку".

Не буду. Я – не стадо. Я, как гражданин и профессионал, хочу быть в ответе за происходящее в стране, наравне с моими согражданами. Вместе с ними хочу иметь право гордиться моей страной, ее историей. Поэтому я заявляю. Я в ответе за свои ошибки, которые совершил, находясь у власти, о чем писал не раз. Но вместе с тем я горжусь, что в смутное для страны время я не прятался, старался понять это время и не боялся действовать. Я в ответе за моего отца, который до самой смерти мечтал строить маленькие уютные гражданские самолеты и вертолеты, а конструировал боевую технику. И я горжусь тем, что им сконструирован самый грозный и совершенный боевой вертолет нашей армии. Я в ответе за отца моего отца, моего деда, в гражданскую – комиссара армии, расстрелянного Сталиным в 1939 г. Я прошу прощения у потомков, живших, живущих и не родившихся, тех русских людей, которые воевали против моего деда и которые были порубаны красноармейцами, вдохновлёнными моим дедом. (А вдохновлять он умел. Нынешним и не снилось). Но я горжусь тем, что мой дед – один из тех "маленьких людей", которые сумели поднять голову, преодолеть неумолимость судьбы и, взяв на себя ответственность, стать гражданином. Я ответственен за своих предков, и я горжусь ими. Я ответственен за мою страну. Я прошу прощения за все зло, которое она причинила своим и не своим детям. И я горжусь своей страной, славными страницами ее истории, ее людьми. Я имею на это право. Я – гражданин»¹.

Логика Г. Сатарова, конечно, небезупречна. Прав же он в том, что при ответе на вопрос, в чём может и должна каяться Россия (не перед миром, Европой, а перед самой собой), следует понимать, что так же как любой сильный и активный человек совершает в своей жизни поступки, за которые ему бывает стыдно, так же обстоит дело и с сильными и активными народами. Русскому народу, вне всякого сомнения, принадлежащему к их числу, следовало бы признать, что и в его истории были события, достойные сожаления и осуждения. Вспомним слова А. Солженицына из его знаменитой статьи «Образованщина»: «Как человеку не прожить, не совершив греха, так не прожить и нации. И нельзя представить себе такой, которая за всю длительность своего бытия не имела бы, в чем покаяться. Без исключения каждая нация, как бы она ни ощущала себя сегодня гонимой, обделенной и неущербно-правовой – в какое-то время несомненно внесла и свою долю бессердечия, несправедливости и надменности». И дальше Солженицын ярко и искренне (тот самый человек, которого на Западе критикуют за «национализм» и «религиозную ортодоксальность») пишет о вине имперской России перед Польшей, кавказскими народами, Венгрией.

Никакие события из русской истории вычеркнуть нельзя, но дать им честную оценку можно и нужно. Какие это события? Прежде всего, это, конечно, поддержка русскими богоборческого исторического проекта большевиков, который к интересам русских не имел ни малейшего отношения: ведь большевики «первой волны» рассматривали Россию лишь как «вязанку хвороста», призванную разжечь пожар мировой революции. Несомненным грехом русских стало предательство идеалов и ценностей Православия, разрушение церквей и храмов, грабежи русских помещиков и владельцев предприятий, расстрелы миллионов сво-

¹ Сатаров Г. Что нам покаяние?

их соотечественников во время массовых репрессий. Ведь всё это делали не большевистские вожди, а представители народа. А из кого Сталин и Берия рекрутировали сотрудников НКВД? Из представителей народа (правда, не только русского). А кто расстрелял царскую семью?

Н. Бердяев называл большевизм «болезнью русского народа». И был прав. И сегодня, когда эта болезнь в целом преодолена, можно было бы публично принести покаяние за преступления народа, который пошёл на поводу у богорборческой, бесовской, по сути дела антинациональной силы. Этот главный грех и стал источником других грехов советского народа в XX веке, в том числе и во время Второй мировой войны, а также после неё.

Собственно говоря, Россия уже каялась по поводу некоторых событий отечественной истории. Б. Ельцин, как первый Президент РФ, в 1998 г. принёс покаяние за расстрел царской семьи. В 1989 г. Верховный Совет СССР осудил Пакт Молотова-Риббентропа. Расстрел польских офицеров в Катыни был назван военным преступлением. В 2006 г. В. Путин выразил сожаление по поводу вторжения советских войск в 1956 г. в Венгрию и в 1968 г. в Чехословакию.

Уважение к России в мире, конечно, не упало бы, если бы она официально выразила сожаление и по поводу других событий русской истории, даже если они произошли в её советский период, например, массовых депортаций целых народов, событий в Вильнюсе, Баку и в Тбилиси в 1990 г. (это уже при «демократе» М.С. Горбачеве), расстреле парламента в 1993 г. и начале первой чеченской компании в 1994 г. (а это при «демократе» Б.Н. Ельцине).

Вообще нашей власти пора понять, что прошлое не делится на хороший пиар и плохой. И нельзя замалчивать сомнительные моменты в истории, а на показ выставлять только подвиги. Не прятать надо Мавзолей на праздновании Великой Победы, а сказать: «Да, мы дикие. У нас на главной площади страны лежит незахороненный труп. Кто хочет – зайдите и посмотрите. Но при этом учитите, что в самой страшной войне в истории человечества мы победили немецкую армию, самую мощную во всемирной истории, отлаженную, как хорошо смазанная машина. Впрочем, и Прибалтику аннексировали (но не оккупировали!). А будут слишком действовать нам на нервы – можем и ещё раз аннексировать, невзирая на членство в НАТО и в Евросоюзе. Мы такие. А были бы другие, может, и войну бы не выиграли.

А вот оккупации стран Балтии, а тем более стран Восточной Европы действительно не было! Но в связи с этим можно было бы публично выразить сожаление, что окончание Второй мировой войны не принесло им подлинной свободы. Ведь и это исторический факт, от которого уйти невозможно. Да и не мог несвободный народ дать подлинную свободу другим народам... Почему же этого не признать? Мы бы ровным счётом ничего не потеряли, а наши отношения со странами Балтии и Восточной Европы, уверен, от этого только выиграли. А 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии, 1979 г. в Афганистане? Их также не отнесёшь к «славным» страницам русской истории. Так почему бы об этом публично не сказать? Конечно, и другим народам есть, в чём каяться. Японцы не признали и не извинились за зверства и убийства, что в тридцатые годы прошлого века их армия совершила на большей части Азии. Китай вычеркнул из своих учебников «Большой скачок» Мао, который привёл к голодной смерти тридцать миллионов китайцев. Не изучают в китайских школах и подавления протеста на площади Тяньаньмынь в 1989 году.

Замечательно, что Испания принимала участие в московских торжествах в мае 2005 г., но было бы не лишним, чтобы испанский президент принёс извинение за участие нескольких тысяч испанцев из Голубой Дивизии в войне на стороне Гитлера. Франции тоже есть в чём покаяться, так же как и большинству

стран континентальной Европы. Когда исход войны был уже решён, французы, например, убили десятки тысяч немцев на своём марш-броске к Берлину. Всё это в конце концов произошло, и с высоты нашего времени необходимо это признать, потому что История рано или поздно восстановит те события.

В свете этого и В. Путин, повесив себе на грудь медаль за Победу над нацизмом на западном фронте и освобождение Берлина, должен был бы признать, что у некоторых освобождённых европейских стран свобода затем была отнята, а миллионы советских людей отправлялись на гибель в ГУЛАГ, трудовые лагеря и становились жертвами безжалостных чисток. Всё это было, и История позаботится о том, чтобы восстановить и сохранить в памяти эти события.

ВОЛНА ВЗАИМНОГО ПРИМИРЕНИЯ

Следует признать, что в последнее время наша власть стала делать первые робкие шаги в этом направлении, о чём свидетельствует визит В. Путина в марте 2006 г. в Венгрию и Чехию. В Будапеште он возложил венок к памятнику погибшим в ходе венгерского восстания 1956 г., раздавленного гусеницами советских танков. В одном из выступлений В. Путин заявил: «Россия – это не Советский Союз, но должен вам откровенно сказать: все мы в душе чувствуем какую-то моральную ответственность за эти события». Кроме того, он передал венграм ценное собрание старых книг и рукописей, принадлежавшее протестантской семинарии и захваченное советскими солдатами в 1945 г. (Ранее Венгрия сделала шаг навстречу России, извинившись за союз с нацистами в годы Второй мировой войны.) Позднее, посетив Прагу, В. Путин признал «моральную ответственность» России за вторжение в Чехословакию в 1968 г. (Со своей стороны, чехи возвратили России картину Ивана Крамского, похищенную нацистами в годы войны, и, в конце концов, оказавшуюся в картинной галерее г. Брно.)¹

В России эти шаги, однако, вызвали далеко не однозначную реакцию. Например, С. Черняховский в статье с характерным названием «Покаянное бесстыдство» написал следующее: «Безусловно, самобичевание по поводу роли СССР в событиях 1956 и 1968 гг. если и были задуманы как акт политкорректности и своеобразного уважения к утвердившимся в этих странах режимам, то одновременно они стали и актом высочайшей бестактности как по отношению к той стране, в которой Путин родился, то есть СССР и его народам, так и по отношению к нынешней России».

Если Путин встал на путь горбачевских самоистязаний, – пишет С. Черняховский, – то с учетом его молчаливого одобрения монархических настроений нынешней российской элиты, надо было бы покаяться заодно и в подавлении Россией венгерской революции 1848 г., которое является уж куда более бесспорной виной царизма. Политика Николая I на десятилетия лишила Венгрию возможности суверенного развития. А тогда надо еще было каяться перед Италией – за подавление царскими войсками революций в конце XVIII века, перед Францией – за Реставрацию Бурбонов в 1813–15 гг., перед Польшей – за разделы в XVIII веке, за подавление восстания 1830 и 1860-х гг., перед Турцией – за русско-турецкие войны, перед Швецией – за «аннексию» ее прибалтийской территории, перед Германией, Ливонским орденом – и т. д., и т. п., и пр.².

¹ The Economist, 03.03.2006.

² APN.ru, 10.03.2006.

В связи с этим приходится согласиться с Ф. Лукьяновым, который в своей блестящей статье «Покаяние и целесообразность» отмечал, что «способность к примирению и покаянию – черта, характеризующая принадлежность той или иной нации к новой Европе. Страны Западной Европы сумели, ничего не забыв, вынести исторические предубеждения за рамки прикладной политики – будь то заклятые враги Франция и Германия или Испания, преодолевшая внутреннюю гражданскую рознь. Странам Центральной Европы такой морали еще предстоит учиться: когда Вацлав Гавел в 1990-е годы принес извинения немцам, выселенным после войны из Судетской области, это вызвало в Чехии шквал негодования. Немцы же, депортированные из Силезии, отошедшей после войны к Польше, извинений так и не дождались. Пару лет назад бурю негодования вызвала книга польского историка, в которой доказывалось, что виновниками массовой гибели евреев в городе Едвабне были не немцы, а поляки. Правда, официальная Варшава польскую ответственность потом все-таки признала.

На территории бывшего СССР процесс примирения не начинался, и трудно сказать, начнется ли он вообще. До тех пор, пока Эстония и Латвия продолжают призывать с пониманием отнестись к ветеранам СС, марширующим в память о своей славной борьбе, а Россия будет считать кощунством и оскорблением любую попытку поднять вопрос об оборотной стороне Второй мировой войны и победы над фашизмом, не откроется никакой «новой страницы» в отношениях. Бессмысленно делать вид, что СССР не виноват в депортациях латышей и литовцев или в расстреле польских офицеров в Катыни, особенно после того, как в 90-е годы последнее было официально признано. Сравнение же Пакта Молотова – Риббентропа с Мюнхенским сговором, которое привел недавно в оправдание этого документа Президент Путин, только подтверждает правоту тех, кто требует осуждения Пакта. Потому что Мюнхенские соглашения признаны на Западе одним из самых позорных деяний современной истории. И это притом, что Франция и Великобритания, отдавшие Чехословакию на растерзание нацистам, все-таки не были прямыми «выгодополучателями» в отличие от сталинского Советского Союза, которому в результате Пакта достался солидный трофей. И, ставя советско-германский Пакт в один ряд с Мюнхеном, придется со всей решительностью осудить его как циничное и противозаконное действие»¹.

«Другое дело, – продолжает Ф. Лукьянов, – что из Мюнхена вытекает и другой вывод: при определенных обстоятельствах раскаяние в содеянном освобождает от ответственности. Ведь вопрос о том, что Париж и Лондон что-то должны Праге за предательство, никогда не вставал. Здесь мы доходим до единственного более или менее разумного аргумента, который может объяснять категорическое нежелание Москвы признать несправедливость событий 1939–1940 годов. Признание будет автоматически означать выдвигание требований материальной компенсации. Технология претензий за события Второй мировой за последнее десятилетие хорошо отработана, и нет оснований считать, что Россия избежит исков. Тот же аргумент, кстати, относится и к Турции, которая категорически отказывается признать факт геноцида армян в Османской империи. Перед Анкарой этот вопрос с неизбежностью встанет в ближайшем будущем, когда начнутся переговоры о вступлении в Европейский союз. Во Франции уже звучат требования сделать признание геноцида одним из условий приема Турции в ЕС.

Россия в Евросоюз не собирается, и ничто вроде бы не заставляет Москву соглашаться на пересмотр исторических табу. Стоит, правда, вспомнить, что европейское примирение помимо морального имело еще и сугубо меркантильный

¹ www.globalaffairs.ru, 10 марта 2005.

аспект – оно создает основу для нового качества взаимодействия. Возможно, такого взаимодействия нам не нужно – это тоже выбор. Но тогда надо быть готовым к следующему: отказ самим проявить инициативу по признанию "темных сторон" войны (Катынь, цинизм геополитических разделов 1939 и 1945 годов, преступления советских военных на оккупированных территориях Германии) приведет к тому, что главное содержание Великой Победы – подвиг советского народа и освобождение Европы от нацизма – будет все дальше уходить в тень "издержек". А вопрос о компенсациях встанет в гораздо более невыгодном для нас контексте»¹.

В другой своей статье «Между забвением и покаянием» Ф. Лукьянов отмечает, что «всемирная история, изобиловавшая войнами, до недавнего времени не содержала прецедентов извинения за их развязывание и тем более за участие в боевых действиях. Победителей, как известно, не судят, а побежденные расплачивались не покаянием, а территориями, контрибуциями либо вовсе утратой политической самостоятельности. О равноправном примирении бывших противников как о способе построения устойчивого мира впервые заговорили после Второй мировой войны, ужаснувшись тому кошмару, в который был ввергнут Старый Свет.

Идея создания из заклятых врагов – Германии и Франции – стержня для прочного альянса, высказанная 55 лет назад, 9 мая 1950 года, французами Жаном Монне и Робером Шуманом, стала прообразом европейской политики нового типа. Фактически в обмен на признание Германией своей вины и отказ от амбиций державы-победительницы открыли перед страной-агрессором двери клуба. Это был подход прагматиков. Вражда и ненависть, неизбежные после такой чудовищной войны, конечно, никуда не делись, но они по всеобщему согласию были вынесены за скобки во имя спокойствия и развития. А потенциальные конфликты внутри западного сообщества замораживала холодная война и необходимость противостоять новому противнику. Не удивительно, что с ее окончанием статус-кво, установившийся по итогам Второй мировой, начал быстро подвергаться эрозии»².

«На протяжении полувека страны Центральной и Восточной Европы, – продолжает Ф. Лукьянов, – были исключены из процесса формирования европейской политики. С 1938 года, когда Великобритания и Франция пожертвовали Чехословакией, чтобы откупиться от Гитлера, судьбы малых наций вершили исключительно великие державы. Освободившись от советского диктата, бывшие участники соцлагеря потребовали от Запада компенсации и за Мюнхенский договор, и за Ялтинское соглашение, по которому западные демократии отдали Восточную Европу под власть Сталина. Подобной компенсацией стала быстрая (как полагают некоторые – слишком быстрая) интеграция бывшего соцлагеря в евроатлантические структуры»³.

Однако геополитические сдвиги стёрли черту, некогда подведённую под Историю. Преодоление прошлого, состоявшееся в Западной Европе, на Востоке проходило очень трудно. Когда в середине 1990-х президент Чехии Вацлав Гавел публично извинился за «декреты Бенеша», в соответствии с которыми из Чехословакии в 1945 году было депортировано до 3 миллионов немцев, это вы-

¹ www.globalaffairs.ru, 10 марта 2005.

² www.globalaffairs.ru, 29 апреля 2005.

³ www.globalaffairs.ru, 29 апреля 2005.

звало бурю протестов. Официальной же отмены этих декретов от Праги не добились даже под угрозой заблокировать её вступление в ЕС. Впрочем, чехи ссылались на то, что «этнические чистки» 1945 года были санкционированы державами-победительницами: Уинстон Черчилль называл тогда выселение немцев наиболее разумным способом стабилизировать новые границы.

В Польше бурные дискуссии вызвало решение президента Александра Квасьневского признать вину поляков за убийство в 1941 году более полутора тысяч евреев в местечке Едвабне. Всегда считалось, что виноваты в этом злодеянии нацисты, и против восстановления истины выступали более половины граждан. Квасьневский, тем не менее, не отказался от покаяния, более того, подвигнул к этому польский костёл, изначально категорически отвергавший саму мысль об этом.

Предпринимались и попытки добиться каких-то слов сожаления от держав-победительниц, правда, без успеха. В той же Польше звучали упреки в адрес британцев, не оказавших достаточной помощи Варшавскому восстанию 1944 года, а жители Дрездена призывали королеву Елизавету во время визита в Германию извиниться за варварскую бомбардировку города (февраль 1945-го), равную по масштабам ущербу ядерному удару по Нагасаки. Однако Лондон объяснил, что война есть война и нет оснований просить прощения за то, что происходило в ходе боевых действий, развязанных не англичанами.

В результате Европа пришла к негласному соглашению: мы помним наше прошлое, признаём ошибки и сожалеем о совершённых жестокостях и несправедливостях. Однако во имя всеобщего блага лучше его не ворошить, поскольку сведение исторических счётов только отдалит нас от общей цели – сделать так, чтобы подобное более не повторилось. За рамками этого компромисса как раз и осталась Россия.

Впрочем, вполне вероятно, что прав Януш Онышкевич, бывший министр обороны Польши, а ныне – депутат Европарламента, который заметил, что «волна взаимного примирения движется с Запада на Восток. Сначала примирились французы с немцами, затем немцы с поляками, а теперь пришла очередь поляков и украинцев». Так он прокомментировал открытие польского военного кладбища во Львове в июне 2005 г., где собрались ведущие польские и украинские политики.

В 1919 г. Польша, которая только что обрела независимость, вела с Украиной вооружённую борьбу за обладание Львовом – городом, населённым в основном поляками и евреями, и окружённым сельскими районами, где большинство жителей составляли украинцы. Поляки победили, и возвели величественный пантеон молодым бойцам, сражавшимся за Львов. Однако в ходе Второй мировой войны результаты польской победы были аннулированы. Еврейское население города было уничтожено во время Холокоста, миллионы поляков были изгнаны советскими властями, и весь регион, населённый теперь почти исключительно украинцами, был присоединён к СССР, а затем вошёл в состав независимой Украины. До Второй мировой войны польское правительство подвергалось преследованиям украинских националистов, которые ответили на это террористической кампанией, Впрочем, не слишком интенсивной. Уже в ходе войны украинские ополченцы истребили десятки тысяч поляков, а после её завершения польские военные, в свою очередь, перебили тысячи украинцев, оказавшихся на польской территории, и депортировали более 100000 человек. Воспоминания об этом десятилетиями оставались для обеих стран незаживающей раной, которая стала постепенно затягиваться только в посткоммунистическую эпоху.

Польское военное кладбище, тем не менее, сохранилось, хотя часть его была снесена бульдозерами по приказу советских властей, а оставшаяся терри-

тория пришла в запустение. Церемония открытия восстановленного кладбища ставит, таким образом, точку в ещё одном историческом споре. Высшее духовенство обеих стран приступило к преодолению других разногласий. Римско-католические епископы из Польши и греко-католические епископы с Украины подписали совместный призыв к взаимному примирению: его формулировки намеренно напоминали аналогичное обращение польских иерархов к своим немецким коллегам, обнародованное 40 лет назад. «Мы прощаем и просим о прощении», – говорится в совместном заявлении двух церквей¹.

России до этого ещё, конечно, далеко. По мнению Э. Бивора, «должно смениться чуть ли не два поколения, пока русские обретут достаточную уверенность в себе благодаря экономическому росту, чтобы преодолеть унижительный для них исход "холодной войны" и честно взглянуть на ужасы собственного прошлого»². Хотелось бы надеяться, что произойдёт это гораздо раньше...

«Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее» – такова оруэлловская формула для тоталитарных режимов. Современный мир уже не живёт в тоталитарное время. А поэтому сегодня появилась более мягкая версия этой формулы: «Тот, кто формирует наши взгляды на прошлое, может влиять на будущее». Однако в этом вопросе, как представляется, необходим поиск некоего компромисса, по возможности, избавленный от политизации исторических событий. Вариант такого компромисса предлагает российский публицист Я. Шимов. Отмечая наличие трёх противоречивых интерпретаций Второй мировой войны – советской, западной и восточноевропейской, он полагает, что безупречными с исторической и, наверное, моральной точки зрения трудно назвать позиции сторонников каждой из них. Их несовместимость, судя по всему, будет сохраняться до тех пор, пока не будет выработана и признана всеобщей некая основополагающая система взглядов на те события, определяющая границы приемлемых для современной европейской цивилизации оценок того, что случилось в 1939–45 гг. На взгляд Я. Шимова, такая система взглядов могла бы строиться по принципу «от противного» и включать в себя то, что заведомо не соответствует историческим фактам и основополагающим ценностям современной Европы.

Во-первых, это релятивизация преступлений нацизма и роли гитлеровской Германии как основного агрессора, виновного в развязывании Второй мировой войны. Во второй половине 30-х гг. по меньшей мере 10 европейских государств, от Германии и СССР до Литвы и Словакии, совершили большие или меньшие акты агрессии по отношению к своим соседям. Это, однако, не «отменяет» другого факта: только Третий Рейх имел чётко разработанную стратегию внешней агрессии, прежде всего, в Восточной Европе, которая являлась составной частью идеологии «обеспечения жизненного пространства германской нации», каковая, в свою очередь, была частью доктрины немецкого национал-социализма. Только Германия обладала к концу 30-х гг. силами и средствами для реализации подобной доктрины. Большевики, свидетелев изначальной агрессивности которых тоже хватает, уже к середине 30-х отошли от доктрины «мировой революции» Ленина – Троцкого, заменив её более осторожным сталинским учением о «построении социализма в одной стране». Кроме того, в 1939–1941 гг. СССР не обладал ни политическим, ни военно-техническим, ни социально-экономическим потенциалом для развязывания крупно-

¹ The Financial Times, 27.06.2005

² ABC. May 24, 2005.

масштабной европейской войны, к чему привело бы «превентивное» или любое другое его нападение на Германию в духе фантазий Суворова-Резуна или иных подобных теорий. Реальные действия СССР в 1939–1940 гг. (захват восточной Польши, Прибалтики и Бессарабии, «зимняя война» против Финляндии), при всей их агрессивности и катастрофических последствиях для значительной части населения данных территорий, всё же имели локальный характер и в любом случае не могли спровоцировать конфликт европейского или мирового масштаба.

Во-вторых, это стремление к изменению государственно-правовых итогов Второй мировой войны – от пересмотра сложившихся после 1945 г. государственных границ до стремления обеспечить беспрепятственный и безвозмездный возврат в прежние места обитания лиц, депортированных после окончания войны, или их потомков. Речь идёт главным образом о немецком населении нынешней Калининградской области РФ, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и ряда балканских стран, но не только о нём – можно вспомнить также, например, об этнических чистках на западе Украины и юго-востоке Польши, где в 1945–1947 гг. был осуществлён насильственный «обмен» польским и украинским населением. При всей сомнительности многих из этих актов с точки зрения сегодняшнего правового сознания и аморальности их с точки зрения общегуманистической не следует забывать, что нынешняя ЦВЕ – во многом плод этих послевоенных действий, и их пересмотр мог бы привести только к разжиганию множества новых конфликтов с непредсказуемыми последствиями.

В этих минимальных «рамках приличий» открывается широкий простор для нормальной дискуссии о событиях Второй мировой. Никто не мешает в таком случае говорить, к примеру, о том, что бомбардировки многих немецких городов союзной авиацией, возможно, были таким же военным преступлением, как и Хиросима, и бомбардировки самими немцами городов английских; что Красная Армия в 1944–1945 гг. совершила немало жестокостей по отношению к населению как Германии, так и восточноевропейских стран; что не только в Югославии и Греции, но и на Украине и в Белоруссии в 40-е гг. фактически шла гражданская война, и количество антикоммунистических вооружённых формирований там было сопоставимо с численностью советских партизан; что советские войска, занявшие Польшу, осуществляли массовые репрессии по отношению к фактическим союзникам по антигитлеровской коалиции – партизанам Армии Крайовой; что «чемпионом Холокоста» является Литва, где было – при активном участии местного населения – уничтожено до 98% еврейской общины, и т. д. Все эти и многие другие факты, «неудобные» для той или иной стороны тогдашнего многостороннего конфликта, не перестают быть таковыми, но по крайней мере становятся обсуждаемыми и «перевариваемыми» с того момента, как устанавливается консенсус относительно истоков и главных виновников войны¹.

Так или иначе, но справедливо одно: каждый народ рано или поздно должен разобраться со своей национальной историей, которая не может быть сплошной чередой побед и триумфов, и, взвесив её на весах совести и морали, решительно отделить Добро от зла. Чтобы двигаться в будущее, преступления прошлого должны быть беспощадно осуждены. Как верно заметил Ортега-и-Гассет: «превзойти прошлое можно только при одном неумолимом условии – надо его целиком, как пространство в перспективу, вместить в себя. С прошлым не сходятся врукопашную. Новое побеждает, лишь проглотив его, а подавившись гибнет»². Можно сослаться также на С. Кьеркегора: «История в малых дозах всегда опасна, потому что даже то

¹ Полит.Ру. 24.03.2005.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: 2003. С. 84–85.

немногое, что нам известно, всегда мобилизуется на благо тех, кто обслуживает конкретные интересы власть предержащих, дабы оправдать их власть».

Помимо всего прочего, всё это означает, что о преступлениях прошлого следует помнить. Как сказал бы З. Фрейд, чтобы забыть прошлое, не говоря уже о том, чтобы его не повторять, об этом прошлом надо помнить. А это очень не просто. Ведь история представляет собой нестабильную, взрывоопасную материю, с которой надо обращаться осторожно. Тот, кто не знает своего прошлого, не знает, кто он. Когда пожилой человек постепенно теряет память, то он становится ребёнком. А нация без памяти – это не нация. И Европа без памяти уже не была бы Европой, и Россия – Россией.

Осмыслила ли Россия своё прошлое? Если честно отвечать на этот вопрос, то следует признать горькую правду: нет, пока не осмыслила. И ежегодное празднование Великой Победы это демонстрирует особенно ярко. Ни руководство страны, включая Президента РФ (теперь уже бывшего), ни политический класс России, ни общество в целом оказались пока не способны к честному и непредвзятому концептуальному осмыслению национальной (в данном случае советской) истории – такому осмыслению, которое провела, например, новая историческая школа во Франции в отношении Великой французской революции и XIX века или немецкие историки и политики в отношении Второй мировой войны, Третьего Рейха в веке XX. В результате Россия в ходе юбилейных дней, по меткому выражению Ф. Брауна, каждый год нередко похожа на «этакого городского сумасшедшего с углубляющимся раздвоением личности»¹.

* * *

Де Голль высказал как-то весьма глубокую мысль: «Если вы хотите понять суть какого-то сложного явления, поднимитесь на звезду и посмотрите на него сверху».

Вторая мировая война, вне всякого сомнения, принадлежит к числу таких явлений. Способны ли мы, т. е. нынешнее поколение людей, подняться на звезду и взглянуть на него сверху? Боюсь, что нет. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует весьма ожесточённая полемика, которая по-прежнему, а может быть, и более остро, чем пятьдесят-шестьдесят лет тому назад, идёт вокруг событий середины прошлого века. Раны той страшной войны ещё не зарубцевались и кровоточат, как и раньше, теперь уже, правда, в наших душах. Мир по-прежнему глубоко расколот и не представляет собой единую человеческую цивилизацию. И Россию, несмотря на все её заслуги перед миром, в этом мире не любят...

Вполне возможно, что лишь следующее поколение, идущее вслед за нами, сможет более спокойно, а следовательно, и более объективно оценить события тех лет.

Тем не менее, для автора этой статьи некоторые выводы сомнению не подлежат и будут подтверждены и третьим послевоенным поколением.

Первое. Вторая мировая война была самой страшной войной в истории человечества, когда оно и в самом деле остановилось на грани пропасти – и в онтологическом, и в метафизическом смысле этого слова.

Второе. Эту войну выиграл русский народ. И если он – не «народ-богоносец», то уж точно народ-победитель. И потому это был наивысший мо-

¹ Newsweek, May 3, 2005.

мент в его национальной истории, поскольку он спас не только себя, но и весь мир от абсолютного зла. XX век стал поэтому – как бы кому того не хотелось – **русским веком.**

Третье. Хотя русские освободили Европу и мир от коричневой чумы фашизма, они не смогли дать народам Европы подлинной свободы, поскольку им не удалось отстоять свою собственную свободу. А несвободный народ не был способен дать свободу другим.

Четвёртое. Народ, выигравший **такую войну**, стал другим. Прежде всего, он стал **внутренне свободным**, и коммунистический режим не имел права оставлять его в положении подданных власти. Этому народу необходимо было предоставить **статус свободных граждан.** Но этого сделано не было. По всей вероятности, мина замедленного действия под коммунистический Советский Союз была подведена именно тогда.

Пятое. Момент Великой Победы был моментом Великого Смысла для русских, смыслом русской истории. Кажется, что этот Великий Смысл был затем нами утерян, и дети и внуки победителей оказались далеко не на уровне Великой Победы. Уж во всяком случае, мы не сумели должным образом распорядиться её плодами, а многие завоевания наших отцов и дедов оказались и вовсе впустую растраченными.

В этом смысле символически чудовищен фильм «Белорусский вокзал», на что обратил внимание С. Кургинян. Это признание в самоисчерпании. Герои не могут выйти на собственный смысл. Они не знают, что с этим смыслом делать. Они, однако, ощущают обязательность этого смысла и, празднуя Великую Победу, празднуют именно свою сопричастность этому Великому Смыслу, ощущая его на уровне подсознания, будучи не в состоянии понять его рассудком и осознавая его скорее иррационально, чем рационально. И потому в финале фильма показана Война и Победа. Мол, мы вне смыслов, но они где-то блуждают, путешествуют в отчуждённо изгнанном сознании. Но у нынешнего поколения людей подспудно, также на уровне подсознания возникают вопросы: Кто эти изображённые в фильме герои? Что это за чудо-богатыри? Как до них дотянуться?

И если такие мысли и вопросы возникают хотя бы у половины наших граждан (которые, кстати сказать, до сих пор не являются полноценными гражданами, поскольку подлинной свободы они так и не получили), то ещё не всё потеряно.

И Русская История, а с нею и История Всемирная, будет продолжаться.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2008. № 2)

И.В. Евдокимов

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В своём первом послании народам России Президент России Дмитрий Медведев особо выделил значение духовных ценностей, общественных идеалов и нравственных принципов. «Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добываемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации – в системе международных отношений»¹. Свобода, безопасная жизнь человека, его благосостояние и достоинство, семейные традиции, патриотизм – общее признание этих ценностей делает нас единым народом, Россией, подчеркнул Президент.

* * *

Важно особо отметить, что в ситуации начавшегося мирового и экономического кризиса, затронувшего нашу страну, обострения институциональных и политических региональных и глобальных проблем Президент России своё первое послание посвятил важнейшим мировоззренческим вопросам, особенностям нового мироустройства, гуманитарной безопасности человека и семьи.

Уместно, по мнению автора статьи, сформулировать определённую последовательность вопросов (Кому? Конечно же – сначала себе, а потом – к уважаемым читателям для совместных размышлений).

Прессой отмечалось, что смысловой доминантой всего выступления Президента стало создание интеллектуального пространства для подготовки общественного договора между обществом и властью о целях, ценностях, принципах развития страны на перспективу.

Кого же видит Президент в качестве третьего партнёра в диалоге власти и бизнеса, кого он считает необходимым вовлечь в разработку и реализацию программ построения процветающей, демократической страны, будущего справедливого общества свободных людей? Всё население страны через выяснение на выборах, референдумах его мнения по тем или иным вопросам, или через организационные структуры некоего «сообщества», «гражданского общества»?

Всё взрослое население страны традиционно было принято относить к трём секторам: занятых в федеральных и региональных структурах государственной власти – к государственно-му сектору; включённых в процесс производства товаров и услуг, рыночных и банковских структур – к коммерческому сектору, и всех остальных относили к некоммерческому (НКО) и обычно называли «гражданским обществом».

Поэтому можно согласиться с мнением, что гражданское общество в России это совокупность общественных институтов, непосредственно не включённых в структуры государства и позволяющие гражданам и их объединениями реализовать свои интересы и инициативы в лице некоммерческих общественных организаций (НКО).

Сегодня среди россиян, вне зависимости от их статуса, социального положения, рода деятельности, пола, возраста или уровня образования нет единого понимания, как самого понятия «гражданское общество», так и того факта, сформировано ли оно в нашей стране. По-разному определяются и основные критерии, по которым гражданское общество можно считать сформировавшимся². Более приемлемым будет мнение, что в стране идёт его формирование.

В «Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации» Общественной Палаты РФ за 2008 год проанализированы предпосылки создания гражданского общества и основные показатели его формирования в России, содержится оценка влияния гражданского общества на те или иные сферы государственной и общественной жизни³.

Основу гражданского общества составляют социальные практики: добровольчество и благотворительная деятельность, участие в деятельности некоммерческих организаций и в инициативах неформальных объединений граждан.

Важнейшими предпосылками формирования гражданского общества являются уровень доверия, солидарности в обществе, толерантности, ощущение гражданами своей ответственности за происходящее в стране, оценка гражданами своей способности влиять на события, происходящие там, где они живут, в своём городе, в стране и мире, ощущение гражданами своей личной безопасности.

¹ Медведев Д. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. Неделя, 2008, 6 ноября. С. 2–8.

² «Сформировалось ли к настоящему времени в России гражданское общество?» Кинсбургский А.В., исполнительный директор НП «Центр исследований общественного мнения «Глас народа», к. филос. н. Статья. Общественная палата Российской Федерации Эмпирические исследования гражданского общества, сборник материалов общественных слушаний. М.: 2008 год.

³ «Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации». Общественная палата РФ. М.: 2008.

Проведённый в 2008 году репрезентативный опрос населения Российской Федерации выявил убеждение большинства людей, что важнейшими условиями создания российского гражданского общества являются солидарность, доверие, толерантность, ощущение личной безопасности и ответственности граждан.

Готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если идеи и интересы совпадают – это можно считать проявлением солидарности. К категории людей, готовых к этому, относят себя 55% россиян. В то же время преобладают ощущения социальной дезинтеграции: почти каждый второй (52%) полагает, что среди его непосредственного окружения больше согласия и сплочённости, в то время как такую характеристику в масштабах всей страны дают лишь 15% россиян¹.

Без определённого уровня доверия людей друг к другу, к основным общественным институтам гражданское общество не может развиваться. Доверие растёт по мере укрепления гражданского общества, и уровень доверия становится индикатором степени развитости гражданского общества. В современном российском обществе фиксируется относительно низкий уровень социального доверия. Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми нужно быть поосторожнее. Первой точки зрения придерживаются 33% россиян, второй точки зрения – 59%.

Ответственность наряду с доверием и солидарностью является базовым компонентом социального капитала и важнейшей предпосылкой развития гражданского общества. Декларируемая ответственность россиян возрастает по мере приближения к уровню повседневной жизни. В соответствии с личной самооценкой их уровень осознанной ответственности на уровне страны составляет 1%, города (села, поселка) – 10%, на работе – 14%, в семье – 52%. Аналогично возможности влиять на происходящее уменьшаются по мере удаления от него. По самооценкам россиян они могут повлиять на принятие решений: в семье – 61%, на работе – 19%, в городе (селе, поселке) – 14%, в стране – 2%. Полученные данные свидетельствуют о том, что гражданам недостаёт каналов действенного влияния, чтобы реализовать своё чувство ответственности на практике². Отсутствие реальных механизмов влияния приводит к тому, что в России участие граждан в общественной жизни остаётся на низком уровне³.

Толерантность, терпимость – это стремление и способность к установлению и поддержке общности с людьми, которые отличаются в каком-то отношении от большинства жителей данного региона или не придерживаются общепринятых мнений. В целом, 47% россиян в той или иной мере можно назвать толерантными людьми, и 53% – в той или иной мере интолерантными. Россияне декларируют большую терпимость по шкале этнической толерантности по сравнению с социальной, когда речь идёт о проявлениях нетерпимости в отношении различных социальных групп (меньшинств, преступников, психически больных людей и т. д.)⁴.

Препятствием для вовлечения граждан в социальные практики гражданского общества является недостаточное удовлетворение потребности россиян в безопасности. Каждый второй россиянин не чувствовал себя в безопасности в последнее время. Такие ощущения испытывают 56% женщин и 42% мужчин; 47% молодых людей в возрасте до 34 лет, 53% людей среднего возраста (35–54 лет) и 53% граждан в возрасте 55 лет и старше. Стали чувствовать себя более защищёнными 12% граждан (об этом чаще других говорят жители больших городов), а менее защищёнными – 37% (чаще – жители мегаполисов).

Большинство респондентов (63%) полагают, что сегодня в России трудно быть общественно активным человеком. Лишь 16% придерживаются противоположного мнения. Среди всех опрошенных практически поровну разделилось мнение респондентов о том, как относятся сегодня в нашей стране к общественно активным людям – одобрительно или неодобрительно (36% и 40% соответственно). Среди жителей больших городов чаще других считают это отношение одобрительным (56%). В то же время жители села чаще характеризуют отношение к общественно активным людям как неодобрительное (43%). Лишь 27% россиян относят себя в той или иной мере к общественно активным людям. Чаще других к этой группе относят себя респонденты с высшим образованием, жители больших городов и дающие наиболее высокие оценки своему уровню жизни⁵.

По данным специально проведённого в 2008 г. исследования⁶ социальная база российского гражданского общества, к которой относятся как люди, уже участвующие в социальных практиках гражданского общества, так и люди, ориентированные на такое участие, составляет не менее 90%

¹ Репрезентативный опрос населения Российской Федерации, проведённый Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Фонда «Общественное мнение» (2008 г.).

² Там же.

³ Данные ВЦИОМ, М.: 2008.

⁴ Результаты исследования толерантности в российском обществе, проведённого Лабораторией исследования гражданского общества ГУ–ВШЭ (2008 г.), на основе данных всероссийского репрезентативного опроса населения (сбор информации – Фонд «Общественное мнение», 2007 г.).

⁵ Репрезентативный опрос населения Российской Федерации, проведённый Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Фонда «Общественное мнение» (2008 г.).

⁶ Результаты исследования социальной базы российского гражданского общества, проведённого Лабораторией исследования гражданского общества ГУ ВШЭ (2008 г.), на основе данных всероссийских репрезентативных опросов населения по технологии Георетинга (сбор информации проведён Фондом «Общественное мнение», 2007 г.).

взрослого населения России. На основе личностной оценки опрошенных взрослых россиян об их желании и возможности участвовать в социальных практиках были выделены пять групп.

«Ядро» социальной базы всех традиционно признаваемых структур гражданского общества составляют 7,7% взрослых россиян, которые декларируют своё членство и/или участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив, вовлечённость в отношения добровольчества и филантропии, готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, а также демонстрируют определённый уровень информированности об организациях третьего сектора и гражданских инициативах.

Все остальные группы – 92,3% не участвуют в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, но в той или иной степени осознают целесообразность этой деятельности и в определённой степени выражают внутреннюю готовность в ней участвовать. В соответствии с уровнем осознания этой готовности, по мнению авторов исследования, все остальные опрошенные распределились по следующим группам:

В группу «сателлит ядра» входит практически каждый четвёртый взрослый россиянин (26,6%), не участвующий в деятельности НКО и гражданских инициатив, однако, готовый объединяться с другими для совместных действий, занимающийся благотворительностью в широком смысле, информированный об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах.

В третью группу по мере удалённости от ядра входят 26,5% россиян. Эта группа, условно названная «буферной зоной». Её представители потенциально готовы объединяться для совместных действий, но реально не участвуют в них, не занимаются частной благотворительностью или добровольчеством и не информированы в достаточной мере о работе существующих организаций.

На периферии социальной базы находятся 30,4% взрослых россиян, которые на момент исследований оказались не готовы к объединению с другими людьми для решения коллективных целей, но при этом они имеют склонность к благотворительности, знают о существовании и деятельности общественных организаций.

В группу «аутсайдеров» входят 8,8% россиян, которые не выразили никакой заинтересованности в общении с представителями общества, проявили полное безразличие к социальным практикам.

При невысоких на сегодняшний день показателях реального участия россиян в деятельности НКО и в гражданских инициативах, социальная база российского третьего сектора является достаточно внушительной: по крайней мере, половина россиян готова принимать участие в мероприятиях и собраниях НКО и гражданских инициативах, каждый третий готов быть добровольцем или работать в НКО за плату, каждый четвёртый декларирует готовность стать инициатором создания, организатором каких-либо НКО и гражданских инициатив¹.

Возможности развития российского гражданского общества связаны с расширением двух реально действующих частей его социальной базы за счёт представителей «буферной зоны», в которую входит каждый четвёртый россиянин. Для этого необходимо способствовать проявлению имеющейся у них готовности к солидарным действиям и активнее вовлекать в конкретную деятельность НКО. Значительную роль здесь могло бы сыграть принятие государственной программы содействия развитию общественных инициатив.

По каким же направлениям консолидируется активное взрослое население страны? Каковы приоритеты возможного взаимодействия государственной политики и социальных практик граждан?

Выделим два основных проявления общественной активности граждан, ставшие особенно заметными в последние два-три года и доминирующие в 2008 г. Первое из них – это действия, связанные с защитой собственных прав граждан. Движения обманутых вкладчиков и со-инвесторов, марши защитников праворульных автомобилей, протесты жителей против точечной застройки, – вот лишь несколько наиболее ярких примеров таких действий. Новой формой проявлением активности граждан стало растущее количество обращений в суд. Широкое распространение подобных форм общественной активности связано с угрозой исходящей от государственного и коммерческого сектора, направленной на личные права или собственность граждан.

Другое проявление общественной активности граждан – это участие граждан в социальных практиках, в благотворительности. Движения добровольцев, частные пожертвования в организации, в том числе, через Интернет, появление новых организаций, специально созданных для работы с частными пожертвованиями, – лишь некоторые примеры подобной активности. Очень

¹ Репрезентативный опрос населения Российской Федерации, проведенный Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Фонда «Общественное мнение» (2008 г.).

популярными стали акции экологов, предлагающих почистить парк или изготовить кормушки на зиму для птиц. Число сторонников таких организаций, как Всемирный фонд дикой природы или Гринпис, за последние годы выросло в несколько раз. Наиболее активно обращения за помощью и призывы к проведению различных акций распространяются в Интернете.

Уровень активности проявления участия общественности по этим основным направлениям социальных практик, напрямую зависит от больших и малых событий, происходящих как внутри страны, так и во внешнем мире.

В 2008 году основными событиями, последствия которых выходят далеко за рамки этого года, стали военно-политический конфликт в Закавказье и глобальный финансово-экономический кризис. На этом фоне важной задачей для государственной политики и позитивно настроенной общественности стало недопущение антигрузинских проявлений как в нашей стране, так и, во взаимодействии с партнёрскими организациями, в новых закавказских государствах. Ряд НКО подключились к проведению общественного мониторинга с целью обеспечения толерантности, межнационального согласия, уважения к другим культурам, традициям и духовному наследию.

Представители НКО приняли участие в обсуждении остро проявившихся в ходе этих событий накопленных проблем и недостатков в принципах формирования и управления Вооружёнными силами. Эти проблемы, как и вообще, вопросы обеспечения национальной безопасности с учётом разнообразных рисков и угроз, возникающих в современном мире, невозможно эффективно решать без всестороннего взаимодействия государства и гражданского общества, в частности, без развития системы гражданского (общественного) контроля над силовыми структурами. Задача оказания общественной помощи политическим институтам государства в решении проблем противодействия современным угрозам имеет жизненно важный и неотложный характер¹.

Начавшийся в США глобальный финансовый кризис поразил всю международную финансовую систему, привёл к обвалу экономики ведущих стран мира, падению спроса и цен на нефть, металлы и другие важнейшие товары российского экспорта, усилил отток валютных ресурсов из страны. Снижение темпов экономического роста, сокращение доходов бюджета ведёт к нарастанию инфляции, росту цен, к росту безработицы. Социальные последствия этих проблем требуют активного участия институтов гражданского общества в их разрешении.

Все эти проблемы стали фоном, высветившим новую серьёзную социальную проблему. В общественную жизнь и политику идёт новое поколение россиян – тех, кто родился в конце 1980-х – начале 1990-х годов, чьё детство пришлось на годы тяжёлого экономического кризиса, смены мировоззренческих позиций, кто не обрёл под своими ногами твёрдой почвы нравственных убеждений, осознания солидарных целей государства и граждан. Это многочисленное поколение, выросшее в годы ломки системы образования, доминирования телевизионных антипримеров, легко воспринимает кличи экстремизма и объединяется под лозунгами радикалов, вовлекается в преступное сообщество. Работа с молодёжью – важнейшая задача для ближайших лет, решение которой должно сопровождаться расширением возможностей реализовать себя в обществе тем, кто недополучил внимания от этого общества и собственной семьи, кто не имеет соответствующей нынешней экономике профессии, кто лишён достойного рабочего места, благодаря которому может чувствовать себя нужным и полезным России.

Именно поэтому в 2008 году всё больше организаций и общественных деятелей вели речь о духовно-нравственном возрождении страны, об ответственности государства за информационную политику, проводимую на телевидении, за создание системы поддержки семьи и детей, за воспитание стремления к здоровому образу жизни, четному труду, к сохранению и развитию исторического наследия. Этому в значительной степени способствовали мероприятия в рамках Года семьи, провозглашённого в России в 2008 году.

Дальнейшее расширение участия граждан в общественной жизни зависит, по мнению экспертов, не столько от самих граждан, сколько от внешних условий. Так, экономический кризис будет способствовать активизации позиции граждан по защите собственных прав. Поэтому работа организаций, оказывающих благотворительную помощь, правовую поддержку в суде и иную правозащитную деятельность, может быть востребована и поддержана населением.

Исходя из рассмотренных характеристик личностного восприятия взрослого населения окружающего его ближнего и дальнего сообщества, внутренней готовности и потребности участия в социальных практиках, можно проанализировать существующее разнообразие организационных форм существующих НКО и уровень их участия в происходящих процессах развития страны.

Чем же занимается, и в каких законно созданных организационных формах проявляет деятельность наиболее активной части взрослого населения страны, важнейшей составляющей российского гражданского общества?

Далеко не все общественные инициативы, группы, объединения граждан, участвующих в социальных практиках, спешат организационно оформиться и зарегистрироваться в государственном реестре. Именно поэтому придётся использовать информацию об НКО, которые ведут ту или иную хозяйственную деятельность, а потому поддаются учёту.

¹ Материалы пленарного заседания Общественной палаты Российской Федерации по вопросу «О повышении роли общества в решении проблем» (Москва, 26.09.2008). М.: 2008.

По данным Росстата общая численность НКО (исключая органы государственной и муниципальной власти¹) в Российской Федерации на 1 января 2008 г. составила более 655 тысяч.

Ведущее место среди них занимают учреждения (42%), общественные и религиозные организации (объединения) (27%) и потребительские кооперативы (15%). Доля фондов составляет 5,5%, некоммерческих партнёрств 4,5%, автономных некоммерческих организаций – около 3%, а объединений юридических лиц (ассоциаций и союзов) – чуть менее 2%. Доли остальных организационно-правовых форм НКО составляют менее 1%.

Более 60% российских НКО действуют в таких сферах, как предоставление социальных услуг, образование, наука, здравоохранение, спорт и культура.

По данным Росстата доля НКО в валовом внутреннем продукте России в 2007 г. составляла 0,5%².

Подавляющую долю доходов НКО составили средства, поступившие на безвозмездной основе. Членские, вступительные, добровольные взносы, пожертвования, безвозмездные поступления от вышестоящих организаций и учредителей составили 82% доходов НКО в 2007 г., в том числе, непосредственно от населения они получили почти 20% своих доходов, а средства, переданные на безвозмездной основе из-за границы, представляли 4,7% доходной части бюджета. Остальная часть доходов получена от собственной предпринимательской деятельности НКО, предоставления платных услуг, в частности юридических консультаций.

Расходы учтённых НКО в 2007 г. практически равнялись их доходам и составили в среднем 99% объёма поступивших средств. 80% расходов составляют затраты на основную деятельность.

Существенно увеличилась вовлечённость НКО в оказание социальной и благотворительной помощи. За 2005–2007 гг. доля расходов на эту деятельность в общих расходах НКО возросла с 26,6% до 32,3%. При этом доля расходов на социальную и благотворительную помощь физическим лицам увеличилась в три раза: с 4,5% до 14,8% всех расходов НКО.

Отметим, что в 2008 г. поддержка общественных инициатив осуществлялась и российским бизнесом, и частными лицами и зарубежными грантодающими организациями. При этом в 2008 г. получила развитие наметившаяся ранее тенденция к снижению активности зарубежных фондов и правительственных агентств в России. Отчасти это можно связать с принятыми в 2007 г. ограничениями их деятельности на территории страны. Однако в большей степени это связано с позицией самих западных доноров, которые следуют так называемым «стратегиям свертывания», постепенно сокращая своё присутствие в стране, в которой укрепляются национальные благотворительные институты.

Неоднозначно отношение общественности и прессы к деятельности фондов и благотворительных организаций. Практически каждый второй россиянин (53%) полагает, что большинству российских благотворительных организаций можно доверять. Каждый четвёртый (придерживается противоположного мнения. Лишь 17% респондентов полагают, что по-настоящему бескорыстную деятельность ведут более половины благотворительных организаций (почти все – лишь 3%). Кроме того, 37–40% респондентов полагают, что более половины российских благотворительных организаций занимаются благотворительностью в основном, чтобы добиться популярности, обеспечить себе рекламу, или занимаются благотворительностью с целью прикрытия коррупционных взаимоотношений с чиновниками или недобросовестного бизнеса³.

Подготовленные Росстатом на основе Общего классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) данные показывают, что почти 40% организаций, учитываемых современной российской статистикой как некоммерческие, по характеру их деятельности едва ли можно отнести к структурам гражданского общества.

* * *

Лицо гражданского общества, реализующего социальные практики, прежде всего, представляют общественные и религиозные организации, общественные движения, фонды – 190,5 тыс. из зарегистрированных НКО на начало 2008 г.

Какие инициативы, идеи готовы поддерживать представители гражданского общества, добиваясь их реализации, тратя своё личное свободное время, силы, энергию и в большинстве случаев не получая за это материального вознаграждения? Так уж ли едины для населения страны духовные ценности, общественные идеалы и нравственные принципы, изложенные в первом послании Президента России?

¹ Имеются в виду НКО, создаваемые органами власти.

² Национальные счета России в 2002–2007 гг. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации, 2008. Таблица 2.4.2.

³ Репрезентативный опрос населения Российской Федерации, проведённый Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Всероссийского центра изучения общественного мнения (2008 г.).

Наиболее полно обосновано соотношение существующих идеологических концепций современного гражданского общества его системообразующим секторам в работах В.Н. Кузнецова¹. Понятия справедливости и несправедливости рыночного хозяйства, принимаемые законы, определяющие правила и взаимодействие личностей, коммерческих рыночных структур и органов власти действуют в современном государстве, во всех шести выделяемых им секторах сложившегося на сегодня российского общества. Люди, воспринимающие эти понятия, в целом заинтересованы в реализации основных ценностей, идеалов и принципов построения безопасного демократического государства и процветающего гражданского общества.

Вновь формирующаяся российская идеология, которую В.Н. Кузнецов называет «россиянизмом» может быть сопоставлена с первым сектором – включающим в себя государственные структуры, правительственные организации.

Корпоративные идеологии (либеральные и нелиберальные, консервативные и неконсервативные) доминируют во втором секторе – объединяющем производство и рынок, предпринимательские, коммерческие неправительственные организации, ставящие своей задачей получение прибыли с последующим её распределением.

Самый широкий спектр идеологий соотносим с деятельностью НКО, партий и движений, составляющих третий сектор. Это, прежде всего, религиозные идеологии основных российских конфессий: православия, ислама, буддизма, католичества, протестантизма, иудаизма и т. д. Идеологии правозащитных экологических, ветеранских, женских, спортивных и других неправительственных организаций, в том числе, идеологические концепции партий, участвующих в легитимной борьбе за право представлять интересы конкретных групп населения.

Идеология Сети, Интернета, которую разрабатывают и поддерживают отдельные граждане в Сети и создаваемые ими исключительно в Сети организации представляет интересы нового формирующегося четвёртого сектора. Пока эта группа насчитывает, по косвенным данным, от 400 до 800 тысяч человек из 40 миллионов российских пользователей Интернета, но она растёт быстрыми темпами, вовлекая в свои ряды, прежде всего, подростков и молодое поколение, тех, кто будет создавать новую Россию.

Потребительскую идеологию, в также, усиленно насаждаемую СМИ идеологию индивидуализма и «пофигизма», возможно условно соотнести с пятым сектором, объединившим значительную часть граждан, оказавшихся за чертой бедности, потерявших веру в себя и в общество, продолжительное время не участвующих в деятельности предыдущих секторов.

Масонскую идеологию, идеологию сионизма правомерно соотнести с шестым сектором, который образуют закрытые неправительственные организации – разнообразные масонские структуры, сионистские организации, духовные ордена. Все вместе эти идеологии представляют всю сумму позитивных идеологий гражданского общества.

Но в любом обществе, любом государстве есть ещё идеология организованной преступности и терроризма, которую В.Н. Кузнецов соотносит седьмому сектору. Его он определяет как «антиобщество» или общество антисправедливости, противостоящее всем остальным секторам. При этом своё развитие получил термин «антигражданское общество» впервые предложенный Кофи Аннаном Генеральным секретарем ООН.

Речь идёт о входящих в этот сектор национальных и международных организациях международного терроризма и организованной преступности, ставящих под угрозу благополучие, достоинство и безопасность граждан любого государства. Объективной основой содействующей возникновению, функционированию, развитию и продвижению идеологий седьмого сектора являются, прежде всего, несправедливые, антидемократические действия легитимной власти, сочувственная атмосфера самого гражданского общества. Не менее опасна и адаптация гражданского общества к террору, его идейно-нравственная поддержка со стороны части населения.

Утрата государственной властью при легитимной поддержке структур гражданского общества с 1989 года интеллектуальной инициативы в повседневной жизни миллионов россиян привела к полной утрате осознания общенациональной цели, смысла жизни, деформировала идеалы, ценности, традиции и обычаи народов России. Полное отсутствие российской государственной идеологии, запрет на неё в Конституции Российской Федерации стимулировало внедрение и распространение других идеологий, которые изначально не были ориентированы на благополучие, достоинство, процветание и безопасность всех, без исключений, граждан России.

К страхам, опасениям людей перед властью, перед специальными службами страны, перед беззаконием, перед тюрьмой добавился страх перед преступниками и террористами. Расширился ареал преступности по ксенофобским мотивам: если в недавние годы она в основном была характерна для мегаполисов, то теперь распространяется и в малых городах. Нетерпимость и экстремизм являются одним из основных препятствий на пути достижения гражданского согласия и мира, поддержания демократических порядков в России.

Объективное разделение функциональной структуры российского гражданского общества на шесть секторов кардинально раздробило его единое идеологическое поле. По отдельности

¹ Кузнецов В.Н. Возможность и достижимость для каждого человека жизни по справедливости, по правде – главный смысл глобальной гуманитарной безопасности XXI века. М.: 2008. С. 18.

ни одна из идеологий первого – шестого сектора не способна конкурировать, противостоять идеологии седьмого сектора.

Самые предварительные данные о состоянии преступности в России показывают, что организованная преступность и опасности, угрозы национальной безопасности страны, переросли в реальную и расширяющуюся войну против народов Российской Федерации.

Получившая значительное развитие в период проведения реформ организованная преступность, предстаёт в виде единой системы организованных преступлений, между которыми существует устойчивая взаимосвязь. При этом она стремится опираться на институты государства, общества и использовать их в своих целях. Сфера деятельности организованных преступных группировок постоянно расширяется и видоизменяется. Наряду с торговлей наркотиками, оружием, контрабандой, вымогательством, другими насильственными действиями, активно осуществляются различного рода действия по «отмыванию» денег, полученных преступным путём, в том числе и скупкой пакетов акций акционерных обществ с последующим включением своих представителей в Совет директоров.

Одной из наиболее актуальных тем в прессе и обществе в 2008 году стала тема борьбы с коррупцией. Так как не только государство, но и общество остаётся пронизанным коррупционными связями. Особая опасность коррупции обусловлена характером и местом её проявления: это пространство первого-пятого секторов, практически всего общества. В конце 2008 года в Государственной Думе рассматривался целый пакет антикоррупционных законов, который вряд ли удастся реализовать без широкой поддержки граждан.

Гражданское общество может и должно принимать активное участие в борьбе со взяточничеством. Если государство будет принимать и реализовывать необходимые законодательные, политические, административные решения, то гражданскому обществу необходимо через свои организационные структуры способствовать формированию антикоррупционного фона, антикоррупционной культуры, соответствующей «общественной атмосферы» нетерпимости к коррупционным проявлениям, без чего невозможно исполнение закона.

Насколько велика заинтересованность власти в привлечении общественных организаций, объединений к участию в борьбе с коррупционностью, организованной преступностью, терроризмом?

Как отмечал Президент России Дмитрий Медведев «...гражданское общество – это человеческое измерение любого государства. Оно хотя и действует внутри законодательного поля, но по собственным, людским законам, которые не всегда, кстати, носят юридическую форму... сейчас уже есть понимание, что гражданское общество – это неотъемлемый общественный институт любого государства. Институт обратной связи. Организации людей, находящиеся вне постов, но активно участвующих в жизни страны. (Муратов Д. Декларация Медведева. Год 2009 // Новая газета, 2009, 15.04.2009. С. 2).

Главной целью государства в отношениях с обществом, начиная с первого гражданского форума 2001 года, является попытка привлечь НКО к реализации социальных приоритетов государственной политики, в том числе, получить их поддержку в борьбе с организованной преступностью. С этой целью периодически совершенствуется законодательство, совершенствуются организационные механизмы, создаются новые структуры, призванные вовлечь граждан в социальные практики на благо общества.

Результаты таких шагов неоднозначны. С одной стороны, добиваясь установления прозрачной отчётности, удалось получить точное число работающих НКО в России, а также фактически закрыть формально существующие. С другой стороны, значительная часть небольших организаций столкнулась с реальными сложностями при сдаче отчётности или внесении изменений в свои уставные документы. Введение списков доноров при непрозрачных процедурах и контроль за НКО, получающими иностранные средства особенно в регионах, привело не столько к снижению объёмов иностранного финансирования и сокращению их влияния на происходящие процессы, сколько ухудшило отношение к России ряда международных правозащитных структур.

Значительно более активную роль государство сыграло в развитии местного самоуправления. Ещё одним проявлением усиления позиции государства в жизни общества стало увеличение государственного финансирования социальной и общественной сферы деятельности НКО.

За последние десять лет в России накоплен определённый опыт государственного финансирования НКО. Подобные программы поддерживали ряд министерств и ведомств, некоторые регионы России. Ситуация изменилась с проведением в 2006 г. первого общенационального конкурса среди НКО на получение финансирования. Ежегодные конкурсы ориентированы на ресурсные центры третьего сектора, распространяются на все сферы деятельности НКО, несут ярко выраженную социальную направленность.

Наиболее типичными проявлениями государственной позиции в отношении с гражданским обществом стали различные экспертные советы при министерствах и ведомствах, трёхсторонние форумы и конкурсы социальных и культурных проектов.

Создание общественных советов при органах власти прямо предусмотрено законодательством, что обеспечивает нормативно-правовую базу эффективного использования потенциала сотрудничества между государством, бизнесом и НКО. Интересно, что одними из первых общественные советы были созданы не при «гуманитарных» министерствах (культуры, образования, социального развития), а при министерствах внутренних дел, обороны, охраны окружающей среды и природных ресурсов, федеральной службы исполнения наказаний.

Деятельность данных советов пока во многом несовершенна, но они уже сейчас становятся каналами сотрудничества, обеспечивающими обратную связь для государственных структур. На региональном уровне представители гражданского общества имеют больше шансов повлиять на развитие законодательства, включая, например, подготовку комплексных стратегий развития регионов. Потому привлечение представителей гражданского общества к обсуждению законодательных инициатив, безусловно, положительная тенденция.

Создавая механизм подобного диалога в виде советов и общественных слушаний необходимо уделять внимание их эффективности. Так, качество диалога зависит не только от доброй воли сторон, но также от уровня экспертов, участвующих в нём, и уровня доверия сообщества к этим экспертам. Поэтому порядок формирования и ротации членов общественных советов является важным вопросом для обсуждения, как на самих советах, так и в экспертном сообществе. Другой важный вопрос, на который необходимо обратить внимание в дальнейшем, это использование в работе решений и рекомендаций, предлагаемых общественными советами и являющихся результатами общественных слушаний. Обращение к гражданской экспертизе и продолжение диалога с гражданским обществом сможет обеспечить поддержку государству в сложной экономической ситуации.

По каким направлениям, прежде всего, заинтересованы Президент РФ и Правительство РФ привлечь общественные организации к реализации социальных приоритетов государственной политики?

Одним из важнейших условий обеспечения жизнедеятельности любого государства является наличие в его структуре силовых правоохранительных структур осуществляющих борьбу с преступностью, коррупцией, международным терроризмом и изоляцию преступников от общества.

История развития российской государственности показывает, что наиболее консервативными и трудно изменяемыми являются уголовное, уголовно-исполнительное законодательство, а также система исполнения наказаний.

Та же история убедительно свидетельствует: система исполнения наказаний всегда такова, какой её хочет видеть общество. Здесь существует жёсткая зависимость от приоритетов общественной жизни, от ценностей и морального состояния народа, от уровня его духовности.

До сих пор нет чёткого представления о том, какой должна быть система исполнения наказаний в новой России. С одной стороны, есть стремление уйти, отмежеваться от всего, что связывало бы новую систему с основами исправительно-трудового права советского периода. Но в период так называемого развитого социализма отечественная уголовная политика базировалась на идеях восстановления нарушенных прав, справедливости, исправления и перевоспитания. От этого не отказываются, считает Ю.А. Рент¹. С другой стороны предлагается скопировать и перенести на российскую систему западные подходы и идеалы, которые, наряду с нацеленностью на гуманизацию, содержат и чётко выраженную карательную направленность. У части российского общества только упоминание о каре, вызывает бурю эмоций, от стеснительной растерянности до жесточайшей критики и откровенных нападок, постоянно муссируемых СМИ.

Объясняется всё это тем, что правоприменительная практика уголовно-исполнительного характера после событий 1991 года долгое время находилась вне поля зрения представителей власти. В то же время самостоятельная реформа уголовно-исполнительной системы теряет всякий смысл без комплексных и взаимосвязанных преобразований всей правоохранительной системы государства в целом. И здесь общество может оказать содействие государству, выразив основные чаяния и запросы населения на создание безопасной среды обитания, оказав содействие в формировании в обществе настроений поддержки проводимым государственными структурами реформам. (См. вставку 1).

В 2008 году произошло знаковое событие в истории российской уголовно-исполнительной системы осуществляющей изоляцию преступников от общества. Впервые за многие десятилетия глава государства посетил ВК и обсудил на проведённом в Вологде заседании президиума Государственного совета РФ вопрос «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». В ходе посещения колонии Президент России заявил о необходимости изменения отношения общества к системе исполнения наказаний в целом.

¹ Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. М.: 2007.

Вставка 1.

Со времени перехода системы из Министерства внутренних дел в Министерство Юстиции РФ её финансирование из федерального бюджета увеличилось с 9 до 87 миллиардов рублей, она фактически стала отдельной отраслью экономики, сравнимой с бюджетом многомиллионной столицы.

При этом общее количество заключённых в 758 исправительных учреждениях снизилось с 1 млн 14 тысяч человек до 774 тысяч, соответственно содержание содержащихся в 396 следственных изоляторах сократилось с 274 тысяч до 145 тысяч человек. На 1 января 2009 г. в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 8,5 тыс. подростков, в 44 женских колониях – более 68 тыс. осуждённых женщин. При женских колониях имеется 12 домов ребенка, в которых воспитывалось 797 детей в возрасте до 3-х лет. Более 37% осуждённых являются инвалидами, нетрудоспособными или ограниченно трудоспособными. Более 80% осуждённых при поступлении не имели профессиональных и трудовых навыков либо их утратили. Около 50 тыс. осуждённых при поступлении нуждаются в получении обязательного основного образования.

За десять лет удалось несколько улучшить условия содержания заключённых. В 1997 году на одного человека в СИЗО приходилось в среднем полтора, а в некоторых изоляторах менее одного метра площади при существующей тогда норме 2,5 кв. метра. В настоящее время на одного человека в среднем приходится 4 кв. метра, что соответствует норме, но по европейским меркам человек должен иметь минимум 7 квадратных метров в местах принудительного содержания.

Медицинское обслуживание осуждённых и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией. При исправительных и воспитательных колониях функционирует 309 вечерних общеобразовательных школ и 482 учебно-консультационных пункта, 334 профессионально-технических училищ.

В состав уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) входят также 2440 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 558,3 тыс. человек, осуждённых к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Ежегодно из исправительных учреждений освобождается до 300 тыс. осуждённых, из которых около 70 тысяч составляют опасные и особо опасные преступники. У многих из освобождающихся из-за отсутствия семьи, места жительства, возникают трудности с трудоустройством, проживанием, обострением заболеваний. Некоторых это толкает на совершение повторных преступлений, что представляет реальную угрозу обществу.

Сегодня можно утверждать, что, оказавшись заложницей перемен, происходивших в государстве, система уже прошла сложный период своего развития. При этом необходимо понимать, что результаты достигнуты в основном, за счёт наметившегося было движения в сторону гуманного применения уголовного преследования.

Однако в последние три года численность осуждённых в исправительных учреждениях вновь начала увеличиваться. Происходит ухудшение криминогенного состава осуждённых, физического и психического состояния лиц, поступающих в места лишения свободы, их профессионального и образовательного уровня. За несколько лет при общем росте численности в учреждениях количество осуждённых за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло двух третей от общей численности осуждённых к лишению свободы. Более четверти осуждённых приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина осуждённых отбывают наказание второй раз и более.

Особую озабоченность общества вызывают несовершеннолетние осуждённые. Эта категория лиц наиболее криминогенная, лишённая твёрдых жизненных установок, испытывающая серьёзные трудности в решении социальных, бытовых вопросов, особенно после освобождения из мест лишения свободы. Так, в ВК более половины отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, 40% отбывающих наказание ранее имели условную судимость или отсрочку исполнения приговора. До осуждения нигде не работали и не учились 40% от общей численности. Каждый третий осуждённый, отбывающий наказание в ВК, имеет отклонения в психическом развитии. Особую тревогу вызывает ежегодный рост подростков, являющихся сиротами или оставшихся без попечения родителей или законных представителей опеки.

Личность человека, и особенно несовершеннолетнего, находящегося в условиях изоляции от общества и лишённого определённых прав и свобод, безусловно, изменяется. Им переоцениваются ранее привычные для него ценности. Возвращаясь в общество, он должен пройти процесс ресоциализации – приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для данной среды, приобретение навыков, позволяющих нормально жить вышедшему из мест лишения свободы в обществе свободных людей.

Нельзя не отметить в качестве одного из самых серьёзных обстоятельств, затрудняющих адаптацию несовершеннолетнего, мощное действие криминальной субкультуры, процветающей в колониях. Требуется конкретное исследование логики и динамики сознательной подготовки к последующей преступной и террористической деятельности подростков и молодых людей в местах заключения. Актуальны такие исследования и с гражданами, недавно освобождёнными из мест заключения (1–3 года), которые встретились с реальностью безработицы; вызовами красивой, богатой жизни; страхом людей перед преступностью и терроризмом; с всепроникающим влиянием СМИ и Интернета, продвигающими криминальную субкультуру, в которой проституция, наркомания, торговля людьми (особенно детьми), вооружённые разборки представлены как современный бизнес.

Что даёт для реализации государственной политики активизация участия гражданского общества, привлечения общественных организаций к деятельности государственных структур по защите общества от преступных посягательств и террористических актов со стороны криминального сообщества?

Общественные организации в последние два десятилетия активно пытались выразить свою заинтересованность в преобразовании, реформировании системы исполнения наказаний. На законодательном уровне предпринимались попытки сформировать структуры общественного контроля НКО за местами принудительного содержания. Определённые сдвиги в этом способствовали внутреннему изменению самой системы исполнения наказаний.

Закладывались основы веротерпимости, защиты прав верующих. С конца 80-х годов в исправительно-трудовые учреждения были допущены священники основных конфессий, начали открываться молельные комнаты, строиться храмы. Эта инициатива «снизу» представителей НКО способствовала тому, что на сегодня в исправительных учреждениях действуют 464 храма, 722 молитвенных комнат. Фактом является то, что из верующих освобождённых осуждённых мало кто совершает повторное преступление.

Значительную помощь осуждённым в трудные времена системы оказывали благотворительные организации, попечительские советы. Государство среагировало на инициативу общественных организаций. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 13 октября 1997 г. № 1295 при каждой воспитательной колонии созданы и функционируют попечительские советы. С целью восстановления традиций общественного попечения пенитенциарных учреждений в 1999 году создана Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы». В настоящее время региональные отделения Попечительского совета УИС действуют в 68 субъектах Российской Федерации. Основными задачами попечительских советов являются: обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних осуждённых воспитанников; культурно-просветительская деятельность, обеспечение трудовой занятости осуждённых, укрепление производственно-хозяйственной и материальной базы учреждений; трудовое и бытовое устройство освобождающихся несовершеннолетних осуждённых; а также оказание социальной помощи сотрудникам, ветеранам уголовно-исполнительной системы и членам их семей.

Более открытыми стали сами учреждения для представителей общественных организаций и СМИ. В 2008 году представители правозащитных общественных организаций посетили учреждения УИС более 6600 раз, представители СМИ – 4766 раз, представители религиозных конфессий почти 34 тыс. посещений, представители зарубежных организаций – 208 визитов. Постоянно сотрудничают с УИС на основе соглашений 490 НКО.

Новым этапом в развитии взаимоотношений сотрудничества «государство – общество» стало создание Общественной палаты Российской Федерации и формирование общественных наблюдательных комиссий в субъектах Российской Федерации, которые будут отстаивать права граждан вне зависимости от ведомственной принадлежности места принудительного содержания, в соответствии с принятым Федеральным законом от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»¹.

В то же время в выступлении на заседании президиума Государственного совета Президент РФ отметил, что пока общественный контроль не работает. «Это поле не существует, то есть мы его юридически создали, но фактически оно не насыщено, Это вопрос, во-первых, нашей решимости, энергии этим заниматься. И, во-вторых, культурно-исторических традиций. Надо просто постепенно, без напряжения, но всё-таки эту систему создавать, без хамства, взаимоуважительно, внимательно относясь и к тем вопросам, которые ставят сотрудники уголовно-исполнительной системы, в то же время, ориентируясь на те цели, которые преследует создание системы общественного контроля»².

Свой вклад в формирование общественного мнения к уголовно-исполнительной системе, в организацию контроля за реализацией прав и законных интересов граждан в местах лишения свободы вносят созданные при Федеральной службе исполнения наказаний (далее ФСИН) и её территориальных органах общественные советы.

Общественный совет при Федеральной службе исполнения наказаний (см. вставку 2) по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – Совет ФСИН) утверждён приказом директора ФСИН России от 26 января 2007 г. № 32 в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

¹ СЗ РФ 16.06.2008, № 24, ст. 2789.

² <http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212802.shtml>

Вставка 2.

Совет ФСИН осуществляет свою деятельность на основе принципов законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, невмешательства в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную деятельность, а также в производство по делам об административных правонарушениях.

Основной целью Совета ФСИН является привлечение общественности к участию в решении задач реформирования российской системы исполнения наказаний, защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

В компетенцию Совета ФСИН входит: координация взаимодействия международных неправительственных и российских общественных организаций (объединений), религиозных конфессий с учреждениями и территориальными органами ФСИН России в работе по реформированию УИС и созданию условий для правовой и социальной защищенности ее сотрудников, работников и ветеранов, а также осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах;

информирование общественности и средств массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания;

содействие в получении образования осужденными, а также несовершеннолетними, содержащимися под стражей, социальной реабилитации лиц, освободившихся от отбывания наказания;

содействие в налаживании взаимоотношений ФСИН России с руководством производственных объединений, корпораций, фирм для получения заказов в целях развития производства в учреждениях ФСИН России и, тем самым, совершенствования трудовой адаптации осужденных и их профессиональной подготовки;

участие в обсуждении с органами государственной власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы по соблюдению прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах;

распространение положительного опыта работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов сотрудников, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах.

В состав Совета ФСИН вошли 22 представителя общественных и коммерческих организаций, научные работники, представители СМИ.

Члены исполняют свои обязанности на общественных началах:

участвуют в мероприятиях, проводимых Советом ФСИН, подготовке материалов по рассматриваемым вопросам;

вносят предложения руководству ФСИН России по совершенствованию взаимодействия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединениями), религиозными конфессиями в решении вопросов, касающихся дальнейшей гуманизации условий отбывания наказаний, социальной защиты сотрудников, работников и ветеранов УИС;

информируют руководство о нарушениях прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах;

принимают участие в разработке и реализации программ по актуальным проблемам деятельности учреждений и территориальных органов ФСИН России в области улучшения условий отбывания наказаний осужденными, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Совет ФСИН осуществляет свою деятельность в соответствии с планом основных мероприятий, составленным на год, утвержденным председателем Совета и согласованным с руководством ФСИН России.

В соответствии с Положением о Совете ФСИН он является постоянно действующим со-
вещательно-консультативным органом при Федеральной службе исполнения наказаний.

**Для повышения эффективности деятельности Совета создана рабочая группа из
представителей всех Управлений ФСИН России.**

**Практическая деятельность Совета ФСИН свидетельствует о значительном вкладе
привлечённых им общественных организаций, объединений и конфессий, структур муни-
ципальной власти в реформирование и гуманизацию системы исполнения наказаний, а
также в создание условий для социальной адаптации освобождающихся и снижения
уровня повторной преступности.**

Общественный совет при ФСИН России ищет новые формы своей работы. Одна из них –
проведение своих выездных заседаний совместно с членами территориальных общественных
советов. Так, в 2007 году заседание проведено в Туле, в 2008 году – в Казани, в феврале 2009
года – в Архангельске. Другое – проведение видеоконференций по ведомственной связи ФСИН.

Членами Совета ФСИН осуществляется большая работа по содействию социальной
адаптации осуждённых и лиц, готовящихся к освобождению и уже отбывших наказания. Это и
материальная поддержка создаваемых реабилитационных центров в воспитательных и женских
колониях, и помощь в оснащении медсанчастей, укомплектовании общеобразовательной и про-
фессиональной учебной базы, улучшении условий отбытия наказаний, организации досуга осуж-
дённых. Например, членами Совета ФСИН проводятся Всероссийские конкурсы среди осуждён-
ных и сотрудников УИС: «Калина Красная», «Красиво шить не запретишь», церковных общин
«Не числом, а смирением», «Игра – дело серьёзное», различные спортивные турниры и шахмат-
ные конкурсы, в том числе с участием чемпиона мира по шахматам.

Одним из важнейших направлений деятельности общественных советов в регионах Рос-
сии является проведение постоянного общественного мониторинга за местами лишения свобо-

ды. В ходе его выявляются и оперативно устраняются различные нарушения в работе ИУ. Осуществление данного мониторинга требует обладания не только достоверной информацией о происходящем в учреждениях и органах пенитенциарной системы, но и необходимыми прикладными знаниями. Расширение объёма информации и адекватное её использование, в том числе в области защиты прав и законных интересов сотрудников, осуждённых и подследственных представляется одним из ключевых условий эффективности деятельности советов.

В связи с этим при содействии Межрегионального благотворительного фонда помощи заключённым было организовано правовое просвещение членов советов в соответствии с международными стандартами в сфере образования в области прав человека. В 2008 году проведены обучающие семинары для членов общественных советов во всех федеральных округах Российской Федерации. В них участвовало 167 членов общественных советов из 94 субъектов России.

В 2009 году проводятся совместные информационно-обучающие семинары для членов созданных в субъектах Российской Федерации общественных наблюдательных комиссий и членов общественных советов по федеральным округам Российской Федерации.

Наглядное представление о вносимом вкладе в процесс реформирования и гуманизации российской пенитенциарной системы, формирование общественного мнения о ней и возвращающихся из мест лишения свободы в общество даёт повседневная деятельность Совета ФСИН.

Координацию и информационно-методическое обеспечение деятельности общественных советов при территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний в 79 субъектах Российской Федерации осуществляет Совет ФСИН. Для улучшения взаимного обмена информацией, поддержания контактов с региональными советами, определены базовые общественные советы при территориальных органах УИС в федеральных округах Российской Федерации:

- ГУФСИН России по Красноярскому краю – Сибирский ФО;
- УФСИН России по Вологодской области – Северо-Западный ФО;
- ГУФСИН России по Ростовской области – Южный ФО;
- ГУФСИН России по Саратовской области – Приволжский ФО;
- УФСИН России по Тульской области – Центральный ФО;
- ГУФСИН России по Челябинской области – Уральский ФО;
- ГУФСИН России по Хабаровскому краю – Дальневосточный ФО.

Существует много проблем в работе региональных советов. Обязательным условием их эффективной работы является нормальная материально-техническая база. В 2008 году по инициативе руководства ФСИН России предприняты меры по поддержке работы советов. Теперь обеспечено служебными помещениями для работы и проведения заседаний 55 советов (70%), оргтехникой (компьютер, принтер) – 50 советов (63%), средствами телефонной (факсимильной) связи и электронной почтой – 59 советов (75%).

В свою очередь Совет ФСИН при материальной поддержке Фонда помощи заключённым передал 7 комплектов оргтехники (компьютер, принтер) для базовых общественных советов при территориальных органах УИС в федеральных округах РФ.

В первой половине 2008 года в ряде общественных советов проведено обновление их состава и в настоящее время они объединяют более 900 человек¹. Средняя численность общественных советов составляла 11 человек, фактически от 6 (Белгородская область) до 23 человек (Красноярский край, Кемеровская область). В 32 советах их численность превышала 12 человек, в том числе в 4-х было более 20. Вместе с представителями правозащитных общественных организаций в них вошли представители конфессий, муниципальных и коммерческих структур, средств массовой информации, а также известные деятели культуры и искусства, спортсмены, учёные и преподаватели.

Широкий спектр правозащитных общественных организаций представлен в составах советов: местные отделения «Российского Красного Креста», «Всероссийского общества инвалидов», «Попечительского совета УИС», «Российского детского фонда», «Гражданское общество – детям России», «Российского Союза ветеранов Афганистана», «Боевое братство», «Союза казаков», «Нет алкоголизму и наркомании», Мемориала, Московской Хельсинской группы, многочисленные женские организации, такие как, «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осуждённых», «Матери против наркотиков», «Комитет солдатских матерей», «Союз женщин Республики Адыгея», «Два крыла» (Республика Татарстан), «Материнская забота» (Республика Хакасия), «Союз женщин Кузбасса», «Чандык (Справедливость)» (Республика Алтай), «Общество социальной реабилитации», «Человек и закон», Молодёжного союза юристов, «Союз Молодёжи Кузбасса», республиканские и областные правозащитные центры, центры народной дипломатии по правам человека, творческие организации и многие другие.

262 их представителя включены в составы общественных советов, в среднем каждый совет включает более 3 организаций. В 20 общественных советах численность их представителей составляет от 4 до 9 человек. В 13 советах их доля составляет от 40 до 78%.

¹ Деятельность общественных советов при территориальных органах ФСИН России (в первом полугодии 2008 года) // Территория партнёрства. Информационный бюллетень. М.: 2008. № 3–4 (7–8). С. 14–18.

Для обеспечения реализации права осуждённых на свободу вероисповедания, отправление религиозных обрядов и церемоний в состав 74 общественных советов при территориальных органах УИС входят от 1 до 3 представителей различных конфессий, преобладающих на данной территории. Вместе эти две группы НКО составляют 48% численности советов.

Важнейшим направлением деятельности общественных советов является информирование общественности и средств массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. В 51 совете есть представители СМИ.

Деятельность общественных советов направлена на оказание гуманитарной, благотворительной финансовой и материальной помощи, как осуждённым, так и членам семей сотрудников. Для её осуществления в состав 37 советов вовлечено 87 представителей коммерческих структур, способных поддержать осуществление подобных программ.

Для совершенствования работы по социальной адаптации и ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, в состав общественных советов вовлекаются представители органов местного самоуправления, управлений социальной защиты, департаментов федеральной государственной службы занятости населения, аппаратов уполномоченных по правам человека и т. д. Они составляют примерно пятую часть общей численности советов, в среднем более 2 человека на совет. В ряде советов их доля в составе советов составляет от 40 до 70%.

Одним из направлений работы общественных советов является участие их членов в обсуждении с местными органами власти вопросов совершенствования нормативной правовой базы по соблюдению прав и законных интересов сотрудников и ветеранов УИС, а также осуждённых и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. В связи с этим в 17 субъектах РФ включены в состав советов более 20 депутатов местных законодательных органов власти.

Общественные советы помогают администрациям ИУ организовывать и проводить с сотрудниками и осуждёнными циклы лекций, беседы, занятия, консультации, «круглые столы», вечера вопросов и ответов по социально-правовым вопросам, разъяснению требований уголовно-исполнительного законодательства и международно-правовых актов. Большую помощь в этом оказывают ученые, преподаватели, деятели культуры и искусства, известные спортсмены. 61 их представитель включен в состав 39 советов.

С целью оказания помощи председателю общественного совета в систематизации документов, ведения технической работы, выполнения разовых поручений в 35 территориальных органах в составы советов включены 57 сотрудников УИС.

Только в первом полугодии 2008 года практически все общественные советы собирались на свои заседания более 160 раз, в среднем по 2 раза в течение 6 месяцев. Три и более заседаний за этот период провели члены 18 общественных советов. Проводились выездные заседания общественных советов в ИУ совместно с представителями территориального органа, местных органов власти. Так, в Рязани проведено выездное заседание совета на базе ведомственной больницы с обсуждением условий содержания и медицинского обеспечения осуждённых.

Материалами для обсуждения на заседаниях являлись итоги посещения членами общественных советов ИУ, ВК и СИЗО. За первое полугодие 2008 ими было осуществлено около 900 выездов в ИУ и следственные изоляторы. В среднем более 11 выездов на совет.

На заседаниях рассматривались вопросы оказания помощи администрациям ИУ по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания, в организации и проведении воспитательной работы с осуждёнными, привлечения заказов для их трудоустройства в период отбывания наказания, оказании им шефской помощи в решении бытовых и производственных вопросов, содействию в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобождающимся из мест лишения свободы.

Обсуждались вопросы привлечения творческой интеллигенции к совершенствованию нравственно-эстетического воспитания сотрудников и осуждённых, созданию произведений литературы, искусства, отражающих жизнь и деятельность ИУ.

В большинстве общественных советов рассмотрены вопросы проведения культурно-массовой и спортивно-оздоровительной работы с различными категориями осуждённых и, особенно с лицами несовершеннолетнего возраста в ВК. Так, на заседаниях общественного совета при УФ-СИИИ России по Забайкальскому краю были рассмотрены вопросы: – о содействии в открытии модельной комнаты в режимном корпусе следственного изолятора № 1 г. Читы; – о разработке областной целевой программы содействия организации трудовой занятости осуждённых, с выделением из бюджета Забайкальского края финансовых средств на создание в учреждениях УИС новых конкурентоспособных производств; – о центрах социальной адаптации освобождённых из мест лишения свободы в г. Чите и районах края, с участием Министерства социальной защиты края, в том числе о

создании социального общежития для лиц, вернувшихся на свободу из мест заключения и не имеющих семьи, надлежащей документации, жилья и возможности трудоустроиться.

В Свердловской области на одном из заседаний совета рассматривались вопросы организации съёмки документального фильма Свердловской киностудии о сотрудниках ИУ г. Ивделя, с целью укрепления позитивного имиджа УИС.

В Пензенской области обсуждался проект «Студенческая молодёжь – гражданскому обществу» по итогам его реализации студентами Пензенского филиала МНЭПУ в ИУ области.

В Чеченской Республике на одном из заседаний общественного совета обсуждались вопросы подготовки пакета документов в Правительство ЧР по созданию Центра социальной адаптации для лиц, освобождённых из мест лишения свободы, а также о содействии членов совета в открытии на базе ИК-2 филиала Исламского института.

В Республике Адыгея на заседании совета было утверждено Положение о работе Совета общественных визитёров в ИУ республики.

В Республике Мордовия советом инициировано внесение изменений в Закон Республики «О квотировании рабочих мест для отдельных категорий граждан, особо нуждающихся в социальной защите» улучшающее положение женщин, освобождённых из мест лишения свободы и имеющих малолетних детей.

В г. Петрозаводске на базе ИК-9 проведено совместное заседание общественного совета при УФСИН России по Республике Карелия и общественного совета при МВД России по Республике Карелия на тему «Социальная реабилитация осуждённых после освобождения».

Совместной акцией всех общественных советов стало проведение специальной акции по инициативе Офиса Верховного Комиссара ООН по правам человека в рамках юбилейной компании к 60-ой годовщине Всеобщей декларации прав человека ООН, при поддержке руководства ФСИН и его Совета¹. (См. вставку 3).

В Архангельской области разработана Концепция социальной реабилитации лиц, совершивших преступления, основной целью которой является создание условий для их успешной адаптации в обществе после освобождения. В рамках предлагаемых мер Межрегиональным благотворительным фондом помощи заключённым, при поддержке Совета ФСИН и УФСИН России по Архангельской области создаётся Центр социальной адаптации для готовящихся к освобождению воспитанников Архангельской воспитательной колонии. Подобные Центры реабилитации созданы в ряде женских колоний Московской, Тверской, Владимирской областях и Республике Мордовия.

Их задача – осуществить коррекцию поведения освобождающихся воспитанников, внести изменения в их асоциальные установки, ценностные ориентации, что обеспечит в итоге устойчивость ресоциализации личности в гражданском обществе и снизит уровень повторной преступности.

Процесс воспитательного воздействия на данную категорию лиц, отбывших установленный срок уголовного наказания, должен продолжаться после их освобождения при непосредственном участии органов исполнительной власти и институтов гражданского общества. В этом видится одна из главных государственных задач по социальной адаптации бывших осуждённых.

К сожалению, общество в лице конкретных его представителей вместо того, чтобы позаботиться о тех, кому особенно сложно сориентироваться в нынешней ситуации, подчёркивает их гражданскую ущербность, подвергает ещё более жестокому наказанию, способствует, по сути, распространению туеядства, являющегося почвой для рецидивной преступности.

Одним из эффективных путей решения данной проблемы в сложившихся условиях, является привлечение членов НКО к решению проблем адаптации освобождённых. Необходимо разъяснять, что в местах лишения свободы содержатся их земляки, которые, отбыв уголовное наказание, вновь вернутся в те же города и на те же улицы. И хотим мы того или нет, но нам придётся с ними соседствовать и считаться с их интересами, участвовать в решении их проблем.

Хорошим примером конструктивного подхода к пониманию важности вопросов социальной адаптации бывших осуждённых к жизни после освобождения является инициатива Федерального агентства по молодёжной политике, Фонда помощи заключённым и Совета ФСИН по созданию в Кировоградской ВК Центра социальной адаптации и в г. Екатеринбурге двух реабилитационных центров: одного в ИУ – для молодых людей, готовившихся к освобождению, второго в городе – для уже вернувшихся из мест лишения свободы, но оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Данный центр не только будет оказывать помощь в социально-бытовом устройстве нуждающимся освобождённым молодым людям, но и предоставлять им рабочие места.

В ряде субъектов Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти и при поддержке общественных организаций уже действуют центры социальной реабилитации (в Красноярском крае, Архангельской, Новосибирской областях, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Москве и ряде других). Активно этим занимается Русская Православная церковь, создавая приюты, беря освобождённых трудниками в монастыри. Так, из 250 трудников, взятых в Сийский монастырь Архангельской области, преступления за три года совершили всего 4 человека.

¹ Человеческое достоинство и справедливость для всех нас. Специальная акция в исправительных учреждениях в рамках недели ООН с участием общественных советов при территориальных органах ФСИН России // Территория партнерства. Информационный бюллетень. М.: 2008. № 3–4 (7–8). С. 34–36

Вставка 3

За период с 6 по 12 октября 2008 года администрациями ИУ совместно с общественными и попечительскими советами проведены разнообразные мероприятия с последственными, осужденными и сотрудниками в рамках недели ООН «Человеческое достоинство и справедливость для всех нас». В том числе прочитано более двух тысяч лекций об истории создания ООН, по разделам Всеобщей декларации прав человека, по защите прав и свобод человека и гражданина, записанных во 2-й главе Конституции Российской Федерации.

Проведено более четырех тысяч вечеров вопросов и ответов, бесед и консультаций по различным вопросам защиты прав человека в СИЗО, в которых приняли участие более ста тысяч лиц, находящихся под следствием и в ИУ – около семисот тысяч осужденных.

К проведению лекций, вечеров вопросов и ответов, бесед и консультаций с осужденными и сотрудниками УИС приглашались члены общественных советов, преподаватели общегражданских и ведомственных высших учебных заведений, ведомственных профессиональных учебных заведений, учителя школ при ИУ, специалисты гражданских муниципальных организаций, занимающиеся трудоустройством, защитой прав населения, инвалидов, несовершеннолетних. Так, в учреждениях УФСИН по Чувашской Республике были организованы вечера вопросов и ответов с участием Регионального информационного центра сети Консультант Плюс, компании «Гарант – Чебоксары», которые обеспечивали предоставление информации по вопросам содержания осужденных в ИУ, получения гражданства, порядка регистрации после освобождения, условно-досрочного освобождения, медицинского, социального обслуживания и других вопросов. Компания «Гарант» передала в дар библиотеке лечебно-исправительного учреждения ЛИУ-7 «Домашнюю правовую энциклопедию».

Специалистами юридических служб ИУ, преподавателями-юристами, студентами и аспирантами юридических факультетов проконсультированы десятки тысяч осужденных и сотрудников.

В рамках недели ООН руководителями ИУ, СИЗО, представителями общественных советов при территориальных органах УИС, прокурорами, надзирающими за деятельностью учреждений ФСИН России, членами комиссий по вопросам помилования, уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации проведено более шестнадцати тысяч приемов по личным вопросам осужденных, их родственников и сотрудников. Так в учреждениях ГУФСИН России по Республике Башкортостан было принято по личным вопросам 2174 человека из числа подследственных и осужденных, 334 граждан и 12 сотрудников УИС. В Оренбургской области – 559 осужденных и 123 сотрудника УИС.

Особое внимание уделялось 9 тысячам несовершеннолетних в 62 ВК. В школах при ВК проведены классные часы на тему «Человеческое достоинство и справедливость для всех нас». Кроме лекций, бесед, индивидуальных консультаций в рамках недели с ними проводились дискуссии. Например, в Костромской ВК проведена с воспитанниками дискуссия «На что я имею право» совместно с представителями Комитета по делам молодежи администрации Костромской области и студентами факультета «Юриспруденция» Костромского государственного технологического университета.

При поддержке попечительских советов в ВК проведены благотворительные концерты с участием местных творческих, музыкальных коллективов, спортивные соревнования. Во многих ВК в рамках недели были организованы «Дни открытых дверей» для родственников и близких осужденных, во время которых они знакомились с условиями организации исполнения наказаний, посещали спальные помещения, столовую, школу, клуб, беседовали с воспитателями, психологами, юристами по правовым вопросам. Знакомились с содержанием стенограмм газет, посвященных недели ООН. Воспитанники проводили концерты самодеятельности, «Клубы веселых и находчивых», конкурсы песни для приглашенных.

В 47 субъектах Российской Федерации в проведении лекций, бесед, консультаций с осужденными и сотрудниками УИС принимали участие уполномоченные по правам человека, уполномоченные по правам ребенка. Были составлены планы совместных с администрациями ИУ, ВК и СИЗО мероприятий, включая учебно-методические семинары, круглые столы с сотрудниками, конкурсы публикаций в многотиражных газетах, выпущены стенгазеты о праздновании 60-ой годовщины со дня принятия Всеобщей декларации прав человека. Так, в ИУ Самарской области, где содержатся осужденные женщины, проведен конкурс под названием «Красавица-осень». В его проведении приняли участие уполномоченный по правам человека области и члены общественного совета. В Пермском крае принято решение о проведении месячника гражданского образования и правового просвещения, посвященного 60-летию Всеобщей декларации прав человека, создан организационный комитет под руководством Главного федерального инспектора полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе и уполномоченного по правам человека в Пермском крае. В Омской области 15 октября 2008 года было подписано Соглашение о сотрудничестве Уполномоченного по правам человека и УФСИН области по соблюдению и восстановлению нарушенных прав и свобод граждан.

В ряде ИУ где имеются кабельные сети, внутренние радио-, теле- студии и, ведется вещание на все подразделения колонии силами самих осужденных, подготовлены и проведены передачи, посвященные 60-летию ООН, защите прав осужденных.

Мероприятия, проводимые в ИУ с осужденными и сотрудниками, широко освещались в центральной и местной прессе, в электронных средствах информации, в ведомственных изданиях, в том числе, в журнале «Преступление и наказание» Объединенной редакции ФСИН России.

Практика работы показывает, что среди бывших осужденных, которые получили соответствующую социальную помощь в таких центрах, уровень рецидивной преступности составляет 3–4%, что на порядок ниже существующей в стране.

Вместе с тем имеющиеся сегодня центры социальной реабилитации, социальные приюты не могут охватить своим воздействием всех нуждающихся в социальной помощи. Отсутствие государственно-правового механизма помощи лицам, отбывшим наказание, не обеспечивает в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан.

Совет ФСИН на своих заседаниях, «круглых столах», обучающих семинарах представителей НКО неоднократно обсуждал пути решения вопросов трудового и бытового устройства и успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, предупреждения рецидивной преступности, необходимость совершенствования системы государственной поддержки лиц данной категории. Члены Совета участвуют в обсуждении и подготовке к принятию в Государственной Думе РФ закона о социальной адаптации освобождающихся осужденных в гражданское общество.

Совет ФСИН рекомендовал всем территориальным советам совместно с заинтересованными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации разработать предложения о порядке и механизмах ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, предусматривающие возможность оказания им социальной, медицинской и иной помощи, а также содействия в трудоустройстве.

* * *

Совместная деятельность общественных советов при территориальных органах ФСИН России и Совета ФСИН способствует координации усилий учреждений, органов УИС и общественных организаций в решении наиболее актуальных социально-экономических проблем, как на территориальных, так и на федеральном уровнях.

Она позволяет обеспечивать общественную систему постоянного мониторинга ситуации в местах отбывания наказаний.

Самое главное: такая деятельность способствует вовлечению структур гражданского общества в реализацию социальных приоритетов государственной политики по борьбе с организованной преступностью. Дружное и терпеливое сотрудничество членов общественных советов, общественных наблюдательных комиссий способствует становлению честной, справедливой, ориентированной на достойное служение России, её народам национальной элиты, прежде всего, в духовной сфере. Необходимый личный достойный пример жизни и деятельности для России, понятный и принятый гражданами страны, её молодёжью, армией милицией, религиозными конфессиями.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ

Аннотация. Статья содержит первичный обзор философских воззрений на многообразии отношений в политико-психологическом пространстве. Прослеживается влияние российской общественной мысли на формирование самобытной концепции доверия. Показана ограниченность «универсальных» схем и внеконтекстуальных мировоззренческих систем, низкая эвристическая и практическая ценность умножения сущностей по типу «демократии доверия», инерционная взрывоопасность сакрализации и демонизации общностей «народ» и «власть». 3D – модель политико-психологических диспозиций демонстрирует, что стратегия доверия между реальными группами гражданского общества и государством оптимальна для современной России.

Ключевые слова. Кризис, уверенность, вера, отчаяние, гуманизм, экономический детерминизм, монизм, мировоззрение по Яновскому, доверие.

Продолжая поиск сущностных характеристик политического доверия в своеобразных российских обстоятельствах, я пришёл к необходимости дополнить и несколько скорректировать предложенную ранее для обсуждения «пространственную модель феноменов»¹:

- следует тщательнее проработать представления о политико-психологической сфере, показав, что доверием далеко не исчерпывается «цветущая сложность» установок, ориентаций, стратегий акторов в пространстве сознательного и эмоционального, радикально-волевого и пассивно-охранительного мировоззрения и политического поведения;

- важно прояснить, в каких контекстуальных пределах применимы для постижения механизмов доверия якобы «универсальные», обусловленные утилитаристским миропониманием схемы «общественного договора», «рационального выбора», «социального капитала»;

- требуют дальнейшего уточнения вопросы взаимного влияния личностного и социетального уровней субъект–объектных отношений в доверии/недоверии. В особенности, – проблема взаимности доверия между гражданином, реальной группой и конкретным институтом власти.

Увлечённый проблемами доверия, я, казалось бы, должен быть безмерно рад, что это слово заполнило эфир и газетные страницы (см. рис.1). Коллеги убеждают, что многократное повторение термина способствует росту культуры доверия, развитию институтов демократии и преодолению кризиса. Мол, время не «копаться в деталях», а срочно внедрять инновации, сменить аналитику на прагматику. Однако вспоминается даже не притча о «халве и сладости во рту», а горькие эпизоды российской истории, связанные с диссонансом смысла доверия и фраз о нём. Таковы, например, поспешное провозглашение министром внутренних дел П.Д. Святополком-Мирским «эры доверия» в канун революции 1905 года и популистский манёвр П.Н. Милюкова с «правительством народного доверия» накануне революций 1917 года.

Настораживает, что общий медийный фон создаётся поверхностными спекуляциями на тему «кризис и доверие» в связи с абстрактными категориями «народ» и «власть». Вот и «народный» сверхприбыльный Сбербанк присовокупил к доверию вкладчиков эпитеты «инертное» и «позитивное»². Указ о реформировании госслужбы воспринят с лёгкостью необыкновенной как команда «поднять доверие населения к власти на 30%»³. Склонение и спряжение дюжины эпитетов и атрибутов нисколько не проясняют суть процесса. «Утрата, возвращение, восстановление, повышение, рост, уровень, кредит: доверия; потенциал, институт, генератор, атмосфера, демократия, парадокс: доверия» – что освещают эти гирлянды словосочетаний, вывешенные на одном сайте?⁴

Спору нет, – в наши дни появляются и серьёзные раздумья о значении доверия, и конкретные меры по его внедрению. Президент Дмитрий Анатольевич Медведев, выдвинул в своём первом послании к Федеральному собранию РФ новаторскую для нашей страны задачу взаимности (реципрокности) доверительных отношений: не только общество призвано доверять институтам власти, но и государство – гражданам. И задача эта медленно, но неуклонно решается. В числе недавних мер – принятие Федеральной программы реформирования системы государст-

¹ Данкин Д.М. Доверие как научная проблема и многообразный феномен // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 131–187; Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1; Кризис и доверие: русская версия // Безопасность Евразии. 2008. № 4. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

² Коммерсантъ, 2009, 20 апреля.

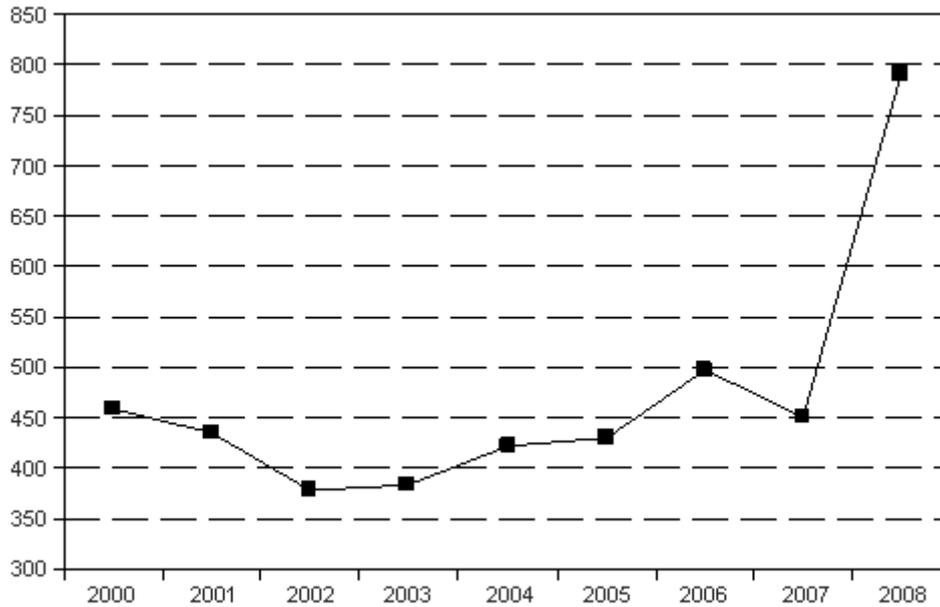
³ Ведомости, 2009, 12 марта.

⁴ www.actualcomment.ru/day_article

венной службы, где первым целевым показателем назван «Индекс доверия граждан к государственным служащим»¹.

Рисунок 1

Частота упоминания слов «доверие» или «уверенность» в комбинации со словом «государство» в мировой англоязычной прессе (первая неделя октября, 2000–2008 годы)

Источник: Олейник А. Кризис как повод для оптимизма // www. polit.ru. 9 марта 2009.

Утверждённая в мае 2009 года Стратегия национальной безопасности Российской Федерации характерна именно духом солидарного взаимодействия государства и гражданского общества. В документе отмечено, что «возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей». В числе стратегических целей обеспечения национальной безопасности названы защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе. Подчёркнуто, что «реализация Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского общества»².

Президент России Д.А. Медведев, регулярно подчёркивает, что «в условиях кризиса нам необходимо подумать об укреплении взаимопонимания и доверия между государством и гражданским обществом, потому что без такого доверия кризис просто будет не преодолеть»³. «Даже в этот очень сложный период от того, насколько синхронно, совместно, солидарно будет действовать государство, с одной стороны, и гражданское общество, с другой стороны, зависит наш успех. Я имею в виду и полноценную, благополучную экономическую систему, и развитую политическую систему, развитую российскую демократию»⁴.

ПРАГМАТИЗМ ИЛИ ОБОСНОВАННОСТЬ

Словно для поддержки и разъяснения позиции президента, в экспертном сообществе на смену тезису о «суверенной демократии», который Д.А. Медведев не очень-то жаловал, появляется лозунг «демократии доверия» в условиях модернизации⁵. Тактическая ценность такой дефиниции ясна и, пожалуй, приемлема. Вопрос в том, насколько конструктивно это словосочета-

¹ Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» (2009–2013 годы) // Российская газета, 2009, 13 марта.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // www. kremlin. ru.

³ Беседа с главным редактором информационной службы НТВ Татьяной Митковой 19 апреля 2009 года. (Ссылки на тексты Д.А. Медведева здесь и далее по сайту www. kremlin. ru.)

⁴ Выступление на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 15 апреля 2009 года.

⁵ Дискин И.Е. Возвращение доверия // Эксперт, 2009, 30 марта; его же Консервативная альтернатива – демократия доверия // Русский журнал, 2009, 16 марта; его же «Демократия доверия» vs либерального реванша // www. liberty. ru. 2009, 3 марта. См. также резко критический анализ предложенной И.Е. Дискиным модернизационной концепции – Иноземцев В.Л. Мечты о несбыточном // Свободная мысль. 2009. № 2. С. 197–200.

ние в мировоззренческом и социологическом плане. Мне кажется, что соединение категорий «доверие» и «демократия» есть очередное малопродуктивное умножение сущностей, подобное «развитому социализму» или «народной демократии». Ведь мы сегодня не можем определить в современном российском контексте ни сущность доверия, ни сущность демократии.

Вспомним, например, что в русском обиходе издавна существовали понятия «доверенность» и «достоверность», имевшие более высокий смысл, чем сегодня. Г.Р. Державин так отзывался о видном деятеле екатерининских времён А.И. Бибикове: «он во всех родах налагаемых на него должностей с отличием и достоверностью был употребляем; везде показал искусство своё и ревность...Твёрдый нрав, верою и благочестием подкреплённый, доставлял ему от всех доверенность, в которой он был неколебим»¹. Вот эта «достоверность», которая в западной социологии выражается термином «trustworthiness» или «Vertrauenswürdigkeit», т. е. способность и готовность актора быть достойным доверия, за пару веков исчезла из русского языка и, похоже, – из ментальности наших чиновников. В то же время американские и итальянские социологи акцентируют именно этот аспект доверительных отношений и предпочитают не говорить лишнего о доверии в политике².

Общепризнано, что универсалистская концепция «демократии вообще» с афинских времён претерпела почти коренные перемены и даже глобализация не отменяет социокультурной многовариантности способов взаимоотношений государства и гражданского общества. Продвинутая демократия США, к примеру, ещё федералистами конструировалась на базе недоверия между ветвями власти в качестве реакции на узурпацию государства британской короной, на врождённый авторитаризм Левиафана³. Содержит ли инновационный конструкт «демократия доверия» какие-нибудь указания на российские особенности народовластия, в частности, на опыт соборности, земства или Советов? И что действительно нового несёт этот лозунг в русле вековых исканий российской социально-философской мысли или европейской рационалистической традиции?⁴ Мне кажется беспредметной дискуссия на тему «демократии доверия» без уточнения трёх принципиальных вопросов.

1. Доверие (взаимное!) каких конкретных акторов, каких реальных групп, общностей, институтов «новой России» важно для российской «национально-демократической» модернизации?
2. Какие именно виды доверия или смежных диспозиций допустимо регулировать ради демократизации?
3. Осуществима ли практически в обозримый период предлагаемая «институализация доверия»?

С моей точки зрения, не только прагматично, но и основательно, выступает председатель Конституционного суда Валерий Дмитриевич Зорькин, констатируя, что «глобальный экономический кризис породил самый опасный социальный кризис – кризис доверия. ... Налицо также кризис современного правосознания. И такой кризис намного опаснее, чем просто кризис институтов». В.Д. Зорькин предложил рассматривать взаимосвязь кризиса доверия и сохранения государственности при «оптимальной степени демократичности» в таких мировоззренческих категориях, как «недостижимость абсолютной гармонии между должным и сущим», «единство формы и содержания», «кризис современного правосознания»⁵. Это – весьма своевременный импульс для дальнейшего развития отечественной (от Карамзина до Ильина) концепции политического доверия. Тем более что она формировалась в значительной мере в русле теории конституционного права и правосознания⁶.

¹ Цит по: Пушкин А.С. «История Пугачёва». Полн. собр. соч. М.: 1995 (1938). Т. 9. Кн. I. С. 113.

² См.: Hardin R. Trust. Cambridge. 2006. P. 1–5, 17–18, 27, 38–41; Falcone R., Castelfranchi C. Trust Dynamics: How Trust is influenced by direct Experiences and by Trust itself? // www.istc.cnr.it.

³ Hardin R. Trust. P. 135–179.

⁴ Приведу, вероятно, не самое авторитетное, но очень чёткое высказывание: «Новые» слова нужны, если они вызываются необходимостью, создают ясность, дают явные плюсы. Они вредны, если не вызываются необходимостью и отдают надуманностью» // Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь: 2006. С. 65.

⁵ Зорькин В.Д. Кризис доверия и государство // Российская газета, 2009, 10 апреля.

⁶ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: 1991; Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: 2006. С. 447–460. Современный взгляд на соотношение права и доверия обстоятельно изложен в монографии главного редактора «Российского юридического журнала», зав. кафедрой конституционного права Уральской государственной юридической академии – Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: 2004. См. также рецензию на эту книгу – Арановский К.В., Князев С.Д. // Правоведение. 2006. № 1. С. 222–228, где отмечается актуальность и содержательность работы А.Н. Кокотова и методологические противоречия, «связанные с верностью автора экономическому, материалистическому детерминизму».

Дальнейшая модернизация нашей концепции в контексте современной России строго необходима. Иначе спорным остаётся слишком обобщающее высказывание: «Там, где рушится доверие экономических субъектов друг к другу, своим правительствам, мировым финансовым структурам, возникает всеобщее недоверие граждан к экономическим и правовым национальным и международным институтам»¹ (подчёркнуто мной – Д.Д.).

Крушение доверия может перерасти не только в недоверие, но – в апатию или в отчаяние. Детерминированы ли перемены социально-психологических установок исключительно экономическими факторами – большой вопрос.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МОНИЗМА

Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России.

Н.М. Карамзин.

Всё чаще выясняется, что дефектами утилитарного материализма в мировоззрении страдают не только приснопамятные доценты по истмату.

Достоверных эмпирических данных по России для подтверждения тезиса о сугубо материальной причинности доверительных отношений нет и быть не может. В этой связи аргументация associate professor Университета Мемориал (Канада) и старшего научного сотрудника Института экономики РАН Антона Олейника представляется недостаточно корректной. Автор оценивает кризис как самое подходящее время для изменения сложившейся ситуации и формирования в обществе и бизнесе доверительного отношения к государству, для выстраивания «вертикали доверия», начинающейся в повседневных взаимодействиях, проходящей через национальные правительства и подпиральной международных регуляторов»². Каковы же конкретные субъекты, реальные группы, ключевые звенья, отсутствие доверия внутри которых, а также между ними и государством «оказалось одним из главных приводных ремней кризиса». По А. Олейнику получается, что кризис доверия затронул только экономических субъектов – банки и их заёмщиков. Но это ведь далеко не все граждане РФ³. И все ли институты власти повинны в кризисе кредитных институтов? И – суды? И – армия?

Даже применительно к западным рационалистическим обществам, германский социолог Гезине Шван утверждает, опираясь на данные эмпирического исследования, что с экономикой демократия связана в меньшей степени, чем с политической культурой. Ключевыми ценностями при этом являются доверие к себе, доверие к другим, признание других⁴. Даже крупные зарубежные экономисты признают, что «доверие строится не только на основе расходов или кредитов»⁵.

Дальнейшая аргументация господина Олейника уж вовсе некорректна. «По состоянию на конец 2007 года, – пишет он, ссылаясь на ежегодник Левада–Центра, – «в России из всех государственных институтов только президент имел позитивный индекс доверия (то есть число доверяющих этому институту превышало число тех, кто отказывал ему в доверии). Индексы доверия правительству, Государственной Думе и региональным властям уходили «в ноль»⁶.

Не поленимся свериться с источником (см. рис. 2). Я скептически оцениваю достоверность соцопросов, проводимых в России по западным методикам. Равно как и к оценкам доверия по вербальным высказываниям респондентов⁷. Но коли Антон Николаевич Олейник обращается к таким данным, то заметим, что диаграммы Левада–Центра показывают «уход в ноль» (и то – не в ноль, а резкое падение) индекса доверия государственным институтам только в 1998–1999 годах.

Более того, устойчивый индекс доверия первым лицам государства осенью 2008 – весной 2009 года «подтягивает» рейтинги правительства и парламента. По данным апрельских опросов ФОМ и ВЦИОМ, полностью доверяют Д.А. Медведеву более половины опрошенных, В.В. Путину – около 60%. Показатели одобрения деятельности правительства, Совета Федерации, Думы, правоохранительных органов, судебной системы все «кризисные» месяцы колебались в незначительных пределах⁸. Лишь в мае 2009 года Левада–Центр зафиксировал более

¹ Зорькин В.Д. Кризис доверия и государство.

² Олейник А. Кризис как повод для оптимизма // www. polit.ru 9 марта 2009.

³ ВЦИОМ 15.05.09: «Изменение экономической ситуации не оказало негативного влияния на доверие граждан к банковской системе. Вкладчиками по-прежнему являются 36% взрослого населения России».

⁴ Социс. 2009. № 1. С. 30. См. также: Schwan G., Gaschke S. Allein ist nicht genug. Fuer eine neue Kultur der Gemeinsamkeit. Freiburg – Basel – Wien. 2007. S. 34–38, 122–127.

⁵ Роберт Шиллер – профессор экономики Йельского университета, основатель и главный экономист MacroMarkets. Как вернуть доверие // Ведомости, 2009, 23 марта.

⁶ Олейник А. Кризис как повод для оптимизма.

⁷ См.: Данкин Д.М.; Кризис и доверие: русская версия // Безопасность Евразии. 2008. № 4; Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

⁸ См. сайты ФОМ и ВЦИОМ в апреле 2009.

или менее заметное снижение «доверия» к президенту и главе правительства. Повторюсь, – не исключено, что вербальные соцопросы констатируют какие-то иные диспозиции, а не доверие.

С 2000 года они почти не менялись. А с рубежа 07–08 годов обозначился рост индекса, связанный, – и это специально отмечено левадовцами¹, – с появлением нового института: обладающего политической субъектностью председателя правительства и лидера «партии власти» В.В. Путина.

Рисунок 2

Источник: Общественное мнение. Ежегодник. Левада–Центр. М.: 2007. С. 65; 2008. С. 59.
Индексы графика строились как сумма процентной доли «полностью доверяющих» плюс половина от «не вполне доверяющих» минус доля «не доверяющих» плюс 100. N=2100

Позитивные для правящей элиты итоги весенних региональных и муниципальных выборов, незначительное увеличение протестных настроений, – всё это, казалось бы, говорит в пользу идеи А. Олейника о выстраивании «вертикали доверия». Если только приведённые цифры соцопросов свидетельствуют действительно о *доверии* во всех реальных группах, а, допустим, не о безропотной *надежде* пенсионеров, растущем *отчаянии* безработных, *апатии* экономически активных слоёв.

Например, опрос ВЦИОМ в феврале **2009** в сравнении с 2005 годом даёт некоторое представление о динамическом разнообразии политико-психологических диспозиций. В частности, ответы на вопрос: «Если Вы чувствуете уверенность в завтрашнем дне, то на чем это чувство основывается?» распределились следующим образом.

Вера в собственные силы и возможности (2005 – 54%; 2009 – **59%**);
Оптимистичное отношение к жизни, надежда на лучшее (35; **39**);

Ср. «В отличие от других стран у россиян в памяти остаются события 90-х годов прошлого века, распад СССР, кризис 1998 года, что вкупе с традиционным недоверием к государству ведет к формированию негативных ожиданий», считает аналитик АКГ «Развитие бизнес-систем» Алексей Калинин, комментируя итоги международного проекта, представленные компанией РОМИР и исследовательской сетью Worldwide Independent Network of Market Research // RBK-daily. 21 апреля 2009.

¹ Общественное мнение. Ежегодник. Левада–Центр. М.: 2008. С. 59, графики 8.1.2. и 8.1.3.
Добавим, что самостоятельную, не слитую с кабинетом министров субъектностью и ресурс доверия не имели ни С.Ю. Витте, ни П.А. Столыпин, только И.В. Сталин с незатейливой формулой «партия и правительство».

Вера в Бога (5; 11); *Доверие власти, президенту* (10; 13)¹.

Не достаёт достоверных, дифференцированных по ключевым звеньям² данных о разновидностях и динамике доверия. Предметно вопрос даже не ставится. И президент, и правительство, судя по всему, опираются в принятии антикризисных мер вовсе не на выкладки ФОМа, ВЦИОМа или ИНСОРа.

Углубление нынешнего кризиса в экономике и весьма специфические, чисто российские страхи по поводу его возможных последствий в политической сфере подтверждают диагноз – прогноз авторитетных отечественных социальных психологов. Ещё в 1996 году Герман Германович Дилигенский сформулировал (и получил одобрительную рецензию Ю.А. Левады и Е.Б. Шестопаля) следующий вывод. «В условиях когнитивного вакуума, на сдвиги в политических настроениях и установках людей особенно большое воздействие оказывают события текущей экономической и политической жизни, поэтому содержание и распределение политических ориентаций, зафиксированное в 1994 году, может резко измениться в 1995 или в 1996 гг.»³.

Однако последующее десятилетие выявило и тот факт, что разработанные Т. Адорно, Э. Фроммом, Г. Айзенком и популярные в начале российских реформ «универсальные» двухмерные модели политической психологии, в российском контексте не эффективны. Оказалось, например, что радикальными могут быть и либералы и консерваторы. Соответственно, в конкретной российской «национально-исторической ситуации»⁴ является мнимой закономерность: «При движении от левой к правой части политического спектра возрастает доверие к большинству политических и социальных институтов»⁵.

Как ни странно, плоскостные (Р. Инглхарт) и даже одномерные (Ф. Фукуяма) схемы политико-психологических диспозиций, несмотря на их явный примитивизм, остаются в цене у российского экспертного сообщества⁶. Даже – в сочетании с модным понятием «пространство». Самые «продвинутые» социологи с огромным трудом, крайне медленно преодолевают увлечение экономически детерминированными концепциями Коулмена – Патнэма – Фукуямы. Эти мировоззренческие схемы, например, лежат в основе «социологических зарисовок с натуры», подготовленных ФОМ и ГУ ВШЭ⁷. Использование таких разработок Общественной палатой РФ и другими инстанциями приводит порой к упрощённым и внутренне противоречивым представлениям о характере доверия между гражданским обществом и российским государством⁸.

Видимо, справедлива резкость В.Т. Третьякова: «Наша общественная наука находится в глубочайшем упадке, а то, что не упало окончательно, по-прежнему лишь повторяет зады западных идеологов»⁹. Как минимум, в том, что касается доверия, я берусь утверждать, что повторяются именно рационалистические зады, ограниченность которых признана современными «трастологами»¹⁰. Это обусловлено многими причинами. Но одна из них просто бросается в глаза. Новые суслы ненавязчиво пропагандируют именно подражательство. Берём хрестоматию, анонсированную как «самоучитель политических знаний», по-старому – «политпросвет» (издательство «Европа». 2006 год). Книга носит обязывающий титул «ВСЯ политика». Неужто и правда, – вся? Понятно, почему главное в книге – масса речей нынешних руководителей страны с комментариями Г.О. Павловского. Понятно, почему – Аристотель, Гоббс, Локк, Руссо, М. Вебер. Не понятно, почему в хрестоматии фрагментики работ И.А. Ильина и А.А. Зиновьева затерялись среди обилия цитат К. Шмитта¹¹, С. Хантингтона, З. Бжезинского, У. Бека. Среди О. Бисмарка и Б. Муссолини. Не понятно, отчего забыты М.М. Сперанский, Г.В. Плеханов, К.П. Победоносцев, П.А. Сорокин или хотя бы П.Н. Милюков. Иное дело – Владислав Юрьевич Сурков, который ссылается и на Ильина, и на Бердяева, и на Трубецкого и даже на Бродского¹².

Остаётся надеяться, что инициатива Администрации Президента РФ и журнала «Свободная мысль» поможет модернизировать представления о российском доверии и ветеранов

¹ ВЦИОМ. Пресс выпуск № 1167. 27. 02. 09.

² См.: Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

³ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: 1996. С. 316. См. также – Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: 2008. С. 12, 14–15, 43; Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: 2008. С. 15–19, 37, 56, 67, 79, 238–240.

⁴ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. С. 212, 286–309.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Критику несостоятельности «континуума Фукуямы», т. е. упрощённого представления о том, что доверие достаточно измерять по линейной шкале «высокий – низкий уровень» или «радиусом» см.: Khodyakov D. Trust as a Process : A Three – Dimensional Approach // Sociology. 2007. Vol. 41. London, New Delhi. P. 115–132.

⁷ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: 2008.

⁸ Подробнее см.: Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

⁹ Третьяков В.Т. Церковь – государствообразующий институт России // Политический класс. 2009. № 1.

¹⁰ См., например: Bachman R. Trust and/or Power : towards a Sociological Theory of Organizational Relationships // Handbook of Trust Research. Cheltenham, Northampton. 2006. P. 396–406.

¹¹ См.: анализ причин повышенного внимания к творчеству К. Шмитта – Кильдюшов О.В. Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России // Политический класс. 2009. № 1. С. 48–59.

¹² Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // www.kreml.org . 18 июня 2007.

«трастологии» Ф. Фукуямы, Р. Инглхарта, К. Оффе, которые теперь честно заявляют, что не являются специалистами по России¹, и отечественных исследователей. Очень медленно признаётся, что русский «человек не настолько рационален, как принято считать в классической экономической науке»². И потому лейтмотивом остаётся затасканная и бездоказательная цитата якобы из Ф. Фукуямы: «Хорошо организованные преступные группировки характерны для обществ с низким уровнем доверия и неразвитыми промежуточными институтами, таких, как например, посткоммунистическая Россия и население центральных районов американских городов»³. Подобное эпигонство тем более странно, что не замечаются значительные достижения отечественной школы социологии и социальной психологии, где установки, ориентации, диспозиции определяются не одномерно, а, как минимум, тремя компонентами, тремя «относительно самостоятельными подсистемами регуляции активности субъекта»⁴. При этом работает «включённое наблюдение» учёного, позволяющее учитывать специфику русской ментальности.

Универсалистские теории, по мнению большинства участников 38-го конгресса Международного института социологии (июнь 2008, Будапешт) изживают себя, оказываясь частично применимы только в некоторых культурно-исторических и политико-социальных контекстах⁵. При изучении стран и народов «культурного перекрестья» (в т. ч. России) нельзя подгонять их под простые модели и теории. Более корректно – учитывать контекст, применять теорию многовариантности модернизации, а не единой универсальной (западной) модели.

Индийские социологи, в частности, с недоверием относятся к транслированным «глобальным» опросам, проводимым по западной методике в разных регионах мира, указывают, что только локальность, конкретика наполняют модели реальным содержанием, позволяют применять их в анализе эмпирического материала⁶.

ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ИЛИ ДЕМОНИЗАЦИЯ

До каких взрывоопасных пределов может длиться «развитие монистического взгляда на историю»? Разве односторонняя идеализация вплоть до сакрализации «народа» или «вертикали власти», «пролетариата» или «либеральной демократии» – не суть разные ипостаси недостовверного монистического мировоззрения? Так или иначе, авторитетные российские политологи, социологи и психологи полагают, что ментальность соотечественников и сегодня характеризуется не только рациональными соображениями, но в какой-то мере по-прежнему – бессознательными или сакральными мотивами. Эти концептуальные положения подтверждаются эмпирическими исследованиями⁷.

Демонизм толкуется как вполне современное понятие⁸. «Власти присуще нечто демоническое»⁹. При этом социологи отмечают, что индекс доверия к церкви за последние 10 лет колеблется около 40%, 70 процентов опрошенных считают себя православными, но 57% посещают церковь реже,

¹ Persona grata // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 5; Оффе К. Права человека обходятся недёшево... // Свободная мысль. 2009. № 4. С. 5–16; Ср.: «publizistisch dramatisiert». «В Российской Федерации отчётливо наблюдается осечка в формировании доверия посредством институтов» // Offe C. Zur politischen Theorie des Vertrauens // Vertrauen. Frankfurt/Main. 2001. S. 239–286.

² Звоновский В. Повседневное межличностное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // гражданское общество современной России. С. 46.

³ Там же. С. 53. Я хоть и не большой поклонник Фукуямы, должен вступить за него ради научной корректности. На самом деле, дословно такого текста нет даже у Фукуямы, нет и любезной некоторым коллегам формулы «Россия – общество с низким уровнем доверия». Данная цитата вырвана и «склеена» из нескольких сюжетов двух абзацев, где говорится об «искажённом представлении о распределении социального капитала в мире и глубоком непонимании как японского, так и американского общества». При этом надо учесть, что навеявший Фукуяме в 1995 г. мысль о России оборот «come to mind» обычно переводится «приходит в голову, как вздумается». Ср.: Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and Creation of Prosperity. N.Y.: 1995. P. 28; Фукуяма Ф. Доверие. М.: 2004. С. 57. В последние годы, побывав в нашей стране, Фукуяма говорит о России несколько иначе: «Готовность местных продемократических сил принять внешнюю поддержку, в первую очередь из Соединённых Штатов, в очень большой степени зависит от истории конкретного общества и сущности имеющихся в нём националистических настроений». Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: 2007. С. 184.

⁴ Саганенко Г.И., Ядов В.А.. Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности. Л.: 1979. С. 24, Курпейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 59.

⁵ Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса; Култыгин В.П. От локального универсализма к глобальному контекстуализму // Социс. 2009. № 1. С. 16–24; 24–32.

⁶ Социс. 2009. № 1. С. 30.

⁷ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв.ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: 2003. С. 59–76. Левада Ю.Л. Ищем человека. М.: 2006. С. 194–197.

⁸ Словарь современных понятий и терминов. М.: 2002. С. 113.

⁹ Философский словарь. Пер. с нем. М.: 2003. С. 78–79, 131–132. См. также «философский бестселлер об иррациональной сущности масс и власти» Канетти Э, Московичи С. Монстр власти. М.: 2009, «бестселлер XXI века» Сертаков В. Проснувшийся демон. СПб: 2009.

чем раз в году, или никогда, 40% верят в существование дьявола, 60% – в приметы и вещие сны, каждый третий обращается к астрологам и верит в инопланетян¹. В книжных магазинах полки с «эзотерикой» гораздо объёмней, чем с философской и социологической литературой.

Многое в развитие российского обществоведения вносят современные наши философы В.М. Межуев, А.И. Неклесса, В.С. Стёпин, А.И. Уткин, С.С. Хоружий и другие. Одного не могу понять: почему продолжают предельно абстрактное осмысление основных субъектов политической сферы, абсолютизация категорий «Власть» и «Народ»? Ведь ещё Василий Осипович Ключевский, разделяя государство и гражданское общество, отказался идеализировать народ и власть² и дифференцировал народ по социально-экономическим, духовно-нравственным и социально-властным критериям. Неужели отрицание классовой идеологии отменяет понимание стратификации общества и дифференциации властной надстройки?

«Россия представляет собой однополярную структуру: пространство политическое и социальное заполнено одной лишь Властью <...> Налицо знаки истощения родящей силы, самого Народа»³. Тезис в данной цитате принадлежит С.С. Хоружему, но авторами, кажется, вполне могли быть Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов, В.Д. Соловей, В.П. Макаренко ...⁴

И что делать, если генеральный директор ВЦИОМ В.В. Фёдоров считает, будто В.В. Путин «вернул российской власти её сакральные основы»?⁵

Сакрализация равно как и демонизация субъектов политико-психологических отношений, рассматриваемых в предельно абстрактном виде как «Народ» и «Власть» – не преодолённая до сих пор «взрослая» болезнь русской политической мысли. Конечно, можно найти этому объяснение в трудной истории Отечества. Непреходящая боязнь Смуты, дворцового переворота, заразы французской революции, бомбистов, репрессий, экстремизма и т. п. порождает доминирование соответствующего спектра политико-психологических ориентаций: от охранительного недоверия и апатии до тотального контроля и отчаяния.

Я полагаю, что такой, приемлемый разве что в публицистике и тронных речах, завышенный уровень обобщения не только не позволяет исследовать конкретные политические отношения и процессы, но чреват опасными рецептами. Оперирование идеологическими категориями «народ» или «средний класс» без анализа реальной дифференциации общества⁶ предрасполагает к не менее идеологическим выводам, демонизирующим всё население, а не только потенциальных «бесов», о «бессмысленном и беспощадном» будущем. Более современным и прагматичным выглядит тот подход, который отражён в новой концепции безопасности, где основные характеристики состояния национальной безопасности начинаются с уровня безработицы (доля от экономической активной населения) и децильного коэффициента (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)⁷. Совершенно справедливо акцентируется внимание на действительно ключевых звеньях, в которых вероятны флуктуации в сторону негативных установок.

Сколько кровавых и малокровных революций вместились в тот исторически небольшой срок, когда стали твердить либо «народ свят» либо: «они, в простоте своей и в прирождённом бесчинстве своём, <...> малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики, <...> но под конец они-то станут и послушными»⁸. Не свободными, не доверяющими, но покорными. Вполне логично Р.Г. Яновский приводит новеллу Достоевского как гениальный манифест русской духовной культуры⁹. «С величайшею способностью к обобщению в Достоевском удивительным образом была соединена чуткая восприимчивость ко всему частному, индивидуальному»¹⁰, писал В.В. Розанов, комментируя «Легенду о Великом Инквизиторе». Когда же мы освоим этот «удивительный образ» мировоззрения, в котором высокая абстракция органично соединяется с конкретным, дифференцированным пониманием действительности?

Разделяю мнение А.И. Уткина: «Если судить реалистически, то уже Хрущёв, демонизированный на Западе, не имел не только коммунистического, но никакого мировоззрения <...> Философский взгляд на мир, вера в «законы истории», осознанное восприятие роли насилия в модернизации было чуждо череде доморощенных вождей – истинных автохтонов (народников) – от Маленкова до Горбачёва, не имеющих мировоззрения <...> только манихейцы от либерализма

¹ Общественное мнение – 2008. Ежегодник Левада – центра. М.: 2008. С. 116–122.

² См., например, Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Сочинения в девяти томах. Т. IX. М.: 1990. С. 406, 429–443.

³ Хоружий С.С. Две – три России спустя. К столетию «Вех» // Литературная газета, 2009, 1–7 апреля.

⁴ Ср. Паин Э. «Власть – уже не от Бога, но и не от выборов». Распутица: Полемические размышления о предопределённости пути России. М.: 2009. С. 177.

⁵ Цит. по – Политический класс. 2009. № 3. С. 14.

⁶ См. Юргенс И.Ю. Очередные задачи российской власти. М.: 2009. С. 206–276.

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // www.kremlin.ru.

⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. в 15 т. т.10. С. 135–147.

⁹ Яновский Р.Г. Мировоззрение. М.: 2007. С. 168–161.

¹⁰ Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе Достоевского. Опыт критического комментария. www.vehi.net/rozanov.

могли демонизировать Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачёва. Гимн свободному рынку явился апологией искажённого мировоззрения»¹.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ДОВЕРИЕ

Патриотизм должен питать мысль учёного и волю гражданина; наука права должна светить гражданину и патриоту; волевое самоутверждение должно вести патриота и учёного. Тогда учёный будет иметь доступ к подлинному правовому и государственному опыту; тогда патриот сделает своё чувство предметно осмысленным и плодотворным; тогда гражданин построит свой волевой акт на ясном разумении и страстном чувстве.

И.А. Ильин. О сущности правосознания.

Доверие обусловлено мировоззрением. Однако в нём немало составляющих, которые не управляются рассудком, либо определяются им опосредовано.

Творческий импульс для анализа мировоззренческих аспектов проблемы политического доверия в России дали мне фундаментальные исследования Рудольфа Григорьевича Яновского² и Вячеслава Николаевича Кузнецова³, их личные советы и рекомендации.

Научным подвигом является уже сама постановка Р.Г. Яновским проблемы новой парадигмы мировоззрения XXI века, в которой будет преодолено монистическое упрощение мира, достигнуто синергетическое единство современной науки, философии, естествознания, культуры, истории, нравственности, веры и современного общественного сознания в целом⁴.

Читая работы Р.Г. Яновского, я убеждаюсь, что взгляд на мироздание из России представляет собой не утилитарно-геометрический отпечаток бытия и не расплывчато-виртуальный симулякр постомодернизма.

Мировоззрение в геокультурной парадигме – это объёмный живой букет, в котором гармонично сплетаются скифский ковыль и трудовой колосок, жертвенный терновник и революционная гвоздика, исчезающий ландыш и миллион алых роз. Есть в нём место и для европейских «цветов зла», и для азиатской икебаны.

У каждого россиянина свой особенный букет мировосприятия. Но, повторю выражение Константина Николаевича Леонтьева, в этой «цветущей сложности»⁵ непременно должно найтись общее для всей России и выражающее её своеобразие соцветие. Это, несомненно, патриотизм⁶, понимаемый как деятельная любовь к Отечеству, как унаследованное доверие к нему, к согражданам, к государству Российскому. Патриотизм не сводится к патернализму, хотя корни у них общие. Патриотизм живёт, если и Отечество доверяет своим сыновьям, и соотечественники доверяют друг другу, «с честью дело делают своё, куда бы их Отчизна не послала».

Гражданский долг исследователя, как подчёркивает Р.Г. Яновский, «видеть шире, дальше и глубже обыденного сознания»⁷, обратить внимание «на ряд категорий, изученных на сегодня слабовато», в том числе – на доверие⁸. Подлинная культура мировоззрения предполагает «реализацию собственной национальной концепции, переосмысление отечественного и мирового опыта»⁹.

В условиях глобализации, планетарного кризиса ценностей неизмеримо актуальны мысли Рудольфа Григорьевича о «разработке нового, научно обоснованного, жизнеутверждающего мировоззрения и реализации собственной национальной концепции, представляющей собой переосмысление отечественного и мирового исторического опыта», о сохранении и развитии самобытной гуманистической культуры миропонимания и правосознания в России XXI века¹⁰. Яновский тепло и заинтересовано пишет о своих земляках, выдающихся русских учёных мирового класса А.А. Зиновьеве, Н.Д. Кондратьеве, Н.Н. Моисееве, П.А. Сорокине. В этом контексте мне кажется уместным вспомнить

¹ Уткин А.И. Не превратить в вызов дьявола узловые конфликты общественного сознания России // Проблемы российского самосознания. М.: 2007. С. 181–183.

² Яновский Р.Г. Мировоззрение. М.: 2007.

³ Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. М.: 2008–2009.

⁴ Яновский Р.Г. Мировоззрение. С. 10, 16–17, 31, 79, 170, 290.

⁵ См.: Культурология. Энциклопедия. М.: 2007. Т. I. С. 1145–1147.

⁶ Яновский Р.Г. Патриотизм. М.: 2004; Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. М.: 2004. С. 173–182; см. также: Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М.: 2005.

⁷ Яновский Р.Г. Мировоззрение. С. 298–299.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 17, 286, 294–295.

¹⁰ Там же. С. 17, 28–29, 290–293, 348–368.

характеристику, данную Питиримом Александровичем Сорокиным более 80 лет назад. «Имея тесные контакты с европейской и американской мыслью, усваивая их ценный опыт, русская социология была независимым и оригинальным продуктом отечественной мысли, вклад которой в мировую социологию был значителен»¹. Российское обществоведение также не избежало воздействия малопродуктивных, по оценке П.А. Сорокина, одномерных, линейных и жёстко детерминистских воззрений в XIX и XX веках² и с трудом преодолевает их в новом столетии.

Говоря о культурно – исторически обусловленной российской концепции духовного развития, Р.Г. Яновский подчёркивает важность взвешенного подхода к ценности гражданских прав и ответственности. «Отношения **доверия**, взаимопонимания не исключены (более того – показаны!), но только в рамках жёсткой правовой базы, построенной с учётом *всех сторон*, на основе грамотных и ясно прописанных нормативно правовых актов»³.

Именно потому, что я глубоко уважаю Рудольфа Григорьевича, его опыт и мудрость, подвижническое отношение к науке, считаю необходимым прояснить свою позицию в тех вопросах, где наши взгляды пока не совпадают.

Первое расхождение. Мне кажется, что преждевременно ставить вопрос об изменении гуманистического по существу, «антропоцентрического» вектора развития человечества на «космоцентрический»⁴. Наука сегодня знает о человеке, пожалуй, меньше, поверхностней, чем о глубинах космоса. «Чёрные дыры» неизлечимых болезней, туманности коллективного бессознательного, сверхновые и карликовые звёзды на политическом горизонте изучаются хуже своих тезок во Вселенной. Человек, личность и общество, высокие гуманитарные технологии ещё вынуждены молить о внимании к себе, в отличие, скажем, от нанотехнологий или космического туризма. В этом смысле более привлекательны раздумья Р.Г. Яновского о соединении усилий естественных и гуманитарных наук, его предложение создать академический «Центр синергетического управления социально-экономическими, медико-биологическими и организационными системами»⁵.

Нельзя не соглашаться с тем, что инструментарий синергетики содержит солидный потенциал для прорыва в исследованиях процессов (включая доверие) в социальных системах и средах, для «преодоления мировоззренческого кризиса, возникшего в российском обществе»⁶. Разработки Нобелевского лауреата Ильи Романовича Пригожина и учёных его школы о самоорганизации открытых, неравновесных, нелинейных систем в фазовом пространстве, на мой взгляд, могут быть применимы для постижения механизмов доверия и других социально-психологических диспозиций. Хотя и утверждается, что «такие понятия, как честь, совесть, солидарность и многие другие, им подобные» (по такой логике – и доверие? – Д.Д.) «не изучаются синергетикой, а только этикой – наукой не экспериментальной»⁷. Всё-таки принципиально возможно определить и точки бифуркации в развитии доверительных отношений, и амплитуду флуктуаций разновидностей доверия вокруг аттрактивных целей. Важно для политического доверия и понимание того, какие способы нейтрализации вызовов выбираются государством и обществом: консервативные или креативные, эволюционные или «режимы с обострением»? Служит ли доверие одним из управляющих параметров для сохранения устойчивости или для революционной модернизации? Всё чаще говорится, что синергетика становится «новой философией познания мира, новой парадигмой мировоззрения». Однако стоит прислушаться к предостережению профессора МГУ Леонида Александровича Асланова о том, что «перенос закономерностей синергетики с материального мира на социум требует большой осмотрительности»⁸.

Вторая позиция, где возможны разногласия с Рудольфом Григорьевичем Яновским. Многим сегодня становятся тесны выученные ещё в школьные годы «генеральные линии без уклонов». «Исторический опыт России наработан Александром Невским, Суворовым, Ушаковым, Кутузовым, Лениным и Сталиным»⁹. «Длительный и сложный путь от Радищева, декабристов и Герцена к народовольцам и социалистам, Плеханову, Ленину»¹⁰. Эти чеканные формулы вряд ли могут сегодня рассматриваться как единственно верные.

¹ Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб: 2000. С. 38. Ср.: Межуев В.М. Россия и Европа: возможен ли диалог? // Проблемы российского самосознания. М.: 2007. С. 16–37.

² Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: 1996. С. 372–392.

³ Яновский Р.Г. Мировоззрение. С. 18.

⁴ Там же. С. 383. Ср.: «наступающая эпоха гуманитарного знания такова, что на роль ведущих базовых измерений должны быть выдвинуты именно антропологические» – Хоружий С.С. Две-три России спустя. К 100-летию «Вех» // Литературная газета, 2009, 1–7 апреля.

⁵ Яновский Р.Г. Мировоззрение. С. 182, 222–231, 369–379.

⁶ Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. В 3-х кн. М.: 2009. Кн. 1. С. 120.

⁷ Там же. С. 24, 30, 34, 66, 77, 116, 118.

⁸ Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. В 3-х кн. С. 38–41.

⁹ Яновский Р.Г. Мировоззрение. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 281.

Ведь известны и параллельные (а порой пересекающиеся) пути движения российской политической теории. Например, профессору Л.В. Полякову «попытки анализа философской мысли в России XIX века с помощью таких глобальных определений, как материализм или идеализм, представляются малопродуктивными». Он справедливо видит в них «слишком грубый инструмент для получения какого-то адекватного результата» и предлагает «стереоскопическое, трёхмерное видение пространства мыслей», где координаты задают «сфера познания (наука – религия); сфера действия (социализм – монархия) и сфера ценностей (личность – тотальность)»¹. Это, возможно, более продуктивная, но тоже схема. Равно как и жёсткое противопоставление «западников» и «славянофилов». Считать ли «западниками» В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и многих крупнейших русских мыслителей, «переболевших марксизмом»? По крайней мере, для изучения мировоззренческих аспектов политического доверия в России монистическая классификация взглядов на общество действительно не очень конструктивна². Для дидактических, преподавательских задач, наверное, хороша схема различения «интеллектуалов», «эстетиков» и «этиков» в русском обществоведении XIX века³.

Тогда почему бы не исследовать линию «консервативно-эволюционную» от Карамзина к Ильину, которая развивалась синхронно с «радикально-революционной» тенденцией: Радищев – декабристы – народники – большевики? Одни исповедовали сохранение, сбережение российской государственности. Другие – её слом любой ценой, через «управляемый хаос», когда антагонизм исключает доверие. Справедливо ли, что «охранительное», мотивированное патриотизмом мировоззрение продолжают считать реакционным? Неужели так прочно сидят в нас истма-товские штампы, по которым великие соотечественники – мыслители и патриоты считались «рафинированной поповщиной, идеологическим оружием в руках помещиц и буржуазной реакции и контрреволюции»⁴. Есть смысл почаще вспоминать один из источников марксизма – немецкую классическую философию. «Политическое умонастроение, вообще патриотизм <...> есть доверие (которое может перейти в более или менее развитое понимание) <...>. Под патриотизмом часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но по существу он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло знать государство как субстанциальную основу и цель»⁵.

Николай Михайлович Карамзин, как известно, всю жизнь находился под впечатлением детства о «бессмысленном и беспощадном» бунте Пугачёва и трагическом его подавлении, лично видел жестокие «плоды Просвещения» в революционном Париже 1790-х годов. Беседовал с И. Кантом о нравственном императиве. Мог ли его бесспорный патриотизм быть отделён от консерватизма? Согласно учебникам, Карамзин рассуждал о Великой Французской революции и судьбе России иначе, чем Радищев. «Для твёрдости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не во время свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным <...> Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные <...> Где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оною, – в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия?»⁶. Но надо учесть, что «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву» написаны до гильотин якобинской диктатуры, термидора и брюмера. А в 1801 году и Радищев пишет иное:

«Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона...

Гений хранитель всегда Александр будь у нас»⁷.

Не Радищев конфликтовал с Карамзиным, а основатель российской политологии Михаил Михайлович Сперанский, который был назначен членом Верховного уголовного суда, выносившего приговоры (правда, разные по жестокости) Павлу Пестелю – стороннику террористической диктатуры и Никите Муравьёву – либеральному апологету «гражданского сословия».

Так что и с декабристами в мировоззренческом плане всё было гораздо сложнее, чем мы привыкли читать в учебниках¹. Сперанский и Никита Муравьёв несмотря на полярность взглядов

¹ Поляков Л.В. Введение в русскую философию конца XIX века. М.: 1990. С. 7.

² Подробнее о методологическом тупике «главного русского спора» см.: Данкин Д.М. Доверие как научная проблема и многообразный феномен // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 131–187; Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1. С. 70–73, 88.

³ Поляков Л.В. Введение в русскую философию. С. 31.

⁴ Краткий очерк истории философии. М.: 1969. С. 548.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Параграф 268 // Философия права. М.: 1990. С. 291.

⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: 1991.

⁷ Радищев А..Н. Осьмнадцатое столетие // Избранное. М.: 1976. С. 251.

о развитии России «обнаруживали в русской истории ростки гражданского общества»². И опровергли заблуждение о неправовой ментальности россиян. В мировоззрении русских мыслителей первой четверти XIX века практически не было места доверию, поскольку субъектами «доверенности» считались только монарх и его приближённые.

Как отметил один из крупнейших знатоков русской политической истории начала XIX века Владимир Алексеевич Томсинов: «В период правления Николая I общество было лишено всякого доверия к себе со стороны императора и его ближайшего окружения, вся реформаторская деятельность планировалась исходя из того, что высшие сановники – бюрократия – лучше общества знают, что ему необходимо»³.

Следующая вежа – этап революционных демократов – также не уместается в прокрустово ложе «генеральной линии» от Радищева к народникам.

И мудрый 65-летний Герцен иначе, чем в пору европейских революций 1948 года, пишет Бакунину, почти дословно повторяя выше цитированное высказывание Карамзина: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»⁴. И не доверяет народовольцу Нечаеву⁵. Придётся вспомнить, что идеология народничества продолжена эсерами⁶, среди которых выделялись такие неоднозначные в мировоззренческом плане личности, как М.А. Спиридонова, А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков, В.М. Чернов⁷. Между прочим, секретарями Керенского работали Н.Д. Кондратьев и П.А. Сорокин, оба – ученики выдающегося социолога Максима Максимовича Ковалевского. Именно ему принадлежит следующий неувядающий анализ.

«Как бы широко ни понимали своей задачи общественные и политические реформаторы, ни один из них не может рассчитывать на проведение в жизнь своей схемы, если в ней требование общественной солидарности – справедливость не будет признано в равной степени с требованием автономии личности – свободой её физических и нравственных проявлений. Вот почему демократический цезаризм может быть только временной и преходящей формой, вот почему и так называемая диктатура пролетариата не заключает в себе постоянного решения, и прочным порядком политического устройства могут быть только те образы правления, при которых народ обладает свободой самоопределения в такой же степени, как и входящие в него члены, т. е. под условием соблюдения норм права, в свою очередь являющихся вынуждаемыми властью требованиями общественной солидарности»⁸.

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

К 20-м годам прошлого века в основном сложилась своеобразная российская школа общественного ведения, включая социальную философию, социологию, социальную психологию, юриспруденцию, богословие со своими очень сильными сторонами и собственными слабостями, – объяснимыми контекстуальными российскими реалиями. В объёме данной статьи можно выделить лишь некоторые особенности развития отечественного мировоззрения.

- Единство и борьба – за устойчивое развитие и суверенность России, за взаимное доверие государства и гражданского общества – между консервативно-эволюционной традицией и радикальным новаторством как либерального, так и социалистического мировоззрения.

- Изначальное неприятие или противоречивое преодоление мировоззренческих ограничений однофакторного (по Ковалевскому), монистического (по Плеханову), одномерного экономического детерминизма, сводящего объёмный феномен доверия к линейному рационализму.

- Акцентирование духовности вплоть до безграничной религиозности у великих русских христианских мыслителей, многие из которых начинали как марксисты. Можно увидеть в этом защитную реакцию на рационализм, прагматизм, тотальность ленинизма в сталинском исполнении, исключаяем большинство видов доверия⁹.

¹ В третьем издании современного вузовского учебного пособия нет упоминания ни о Карамзине, ни о Сперанском, ни о Н. Муравьёве. К стати И.А. Ильин упоминается только как неогегельянец и эмигрант // Канке В.А. История философии. М.: 2007. С. 304, 315, 331.

² Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль // Политология: Лексикон. М.: 2007. С. 659–679.

³ Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М.: 1991. С. 313.

⁴ Герцен А. И. Письма в будущее. М.: 1982. С. 435–451.

⁵ См.: Прокофьев В.А. Герцен. ЖЗЛ. М.: 1979. С. 387–393.

⁶ См.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: 1995. С. 122–308. Теоретики Трудовой народно-социалистической партии были после революции 1905 года, пожалуй, единственными идеологами, кто применял понятие «доверие» – см. С. 211.

⁷ См., например: Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М.: 2009.

⁸ Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М.: 1991. С. 293.

⁹ Ср.: «Русская философия изначально стремилась освободиться из оков рационализма и эмпиризма, позитивизма и утилитаризма» // Тарасов Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. М.: 2008. С. 5.

• Сохраняющееся и поныне крайнее абстрагирование, доходящее до сакрализации (другой полюс – демонизации) Власти и Народа как квазисубъектов доверительных отношений, вопреки реальной дифференциации социальных институтов и общностей.

В наше время первые лица государства охотно цитируют классиков российской социальной философии, например, Ильина и Петражицкого для подкрепления своих тезисов о модернизации страны. И современные исследователи подчёркивают, что воззрения Л.И. Петражицкого должны рассматриваться не только с исторической точки зрения, но и с позиции актуальности. Демократические выборы органов власти, борьба конституционными средствами за лояльность большинства граждан выявили зависимость этих процессов от состояния индивидов, переживающих установки агрессии или страха, доверия или уныния¹.

П.А. Сорокин подчёркивал «особенно важное значение» сформулированного Л.И. Петражицким 100 лет назад, одновременно с «Вехами», закона «восходящей прогрессии качества мотивации» и отмечал его частное проявление. «Современная система мотивации публично-правового поведения покоится на более возвышенных мотивах: на доверии к индивидам, на убеждении в том, что тот или иной индивид выполнит свою обязанность в силу своего морального долга»².

Вспомним, что И.А. Ильин находился в русле идей Петражицкого и, возможно, лекций Г. Зиммеля, когда впервые в 1919 году анализировал и формулировал «Аксиомы правосознания», – основы российской мировоззренческой концепции политического доверия. А позже резко расходился во взглядах со своими учителями.

Востребовано сегодня и «трудное для философски не вышколенного ума»³ наследие С.Л. Франка, в частности, чрезвычайно глубокое и сложное различие «веры – доверия» и «веры – достоверности»⁴, в осмыслении которого Франк превзошёл Г. Зиммеля и опередил М. Бубера⁵. «Применяя методологию отечественных мыслителей к решению современных нам проблем, для нахождения своих ответов на вызовы нашего времени», мы можем опираться на (или отталкиваться от) разработок С.Л. Франком проблем обретения смысла миропонимания и доверия как умонастроения к тем или иным мировоззренческим ценностям и идеологическим системам⁶.

Вообще наши мыслители были, слава богу, разными, в некоторых вопросах несовместимыми. Однако, что из того, что И.А. Ильин не жаловал С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, В.В. Розанова и особенно Н.А. Бердяева, считал их масонами?⁷ А Бердяев и Сорокин из всех русских марксистов после Г.В. Плеханова признавали учёным только Н.И. Бухарина.

Но все они понимали самобытность российского народовластия и самодержавия, доверия и отчаяния «по-русски» куда глубже, чем популярные ныне Фукуяма, Роуз или Инглхарт. Ведь даже Ф. Энгельсу и М. Веберу не удалось вполне постигнуть специфику «буржуазной демократии в России»⁸.

Энгельс в 1874 г. откровенно признавал: «Мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления о русском самодержавном азиатском деспотизме, который не только с каждым днём вступает во всё более вопиющее противоречие со взглядами просвещённых классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам всё более и более подрывает всякое к себе доверие»⁹. Прогрессивное мировоззрение «высших классов», «более просвещённых слоёв» и «население», которое «закостенело в умственном застое, лишено всякой инициативы»¹⁰. Не правда ли, несколько необычная для ортодоксального истмата стратификация социума по уровню просвещённости и нетривиальное описание надстройки?

Не нам судить классиков, – по их первоисточникам учились. Но, может быть, простительно вспомнить мнение одного «глубокого знатока марксизма». «Наивно. Слишком просто. Стиль

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб: 2000. С. 134.

² Сорокин П.А. О русской общественной мысли. С. 98–101.

³ Франк С.Л. С нами Бог. М.: 2003. С. 465.

⁴ Там же. С. 441–486.

⁵ Ср.: Бубер М. Два образа веры. М.: 1995. С. 233–244, 434, 450.

⁶ Солодухин Д.В. Проблема веры – неверия – сомнения в интуитивизме С.Л. Франка // Идеиное наследие С.Л. Франка в контексте современной культуры. М.: 2009. С. 114–120.

⁷ См.: письма И.А. Ильина архимандриту Константину в августе 1954 года.

⁸ См.: Вебер М. О России. М.: 2007.

⁹ Энгельс Ф. Об общественных отношениях в России // К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные произведения. М.: 1948. Т. II. С. 50.

¹⁰ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: 1962. С. 11–52.

лёгкого памфлетиста». «Энгельс увлёкся ..., задался целью лишить внешнюю политику русского царизма всякого доверия в глазах общественного мнения Европы». «Энгельс был и остаётся нашим учителем, в этом могут сомневаться только идиоты. Но из этого вовсе не следует, что мы должны замазывать ошибки Энгельса... и – тем более – выдавать их за непререкаемые истины». Между тем, эти пометки И.В. Сталина на полях статьи Энгельса и комментарии к ней стоили в 30-х годах XX века карьеры и жизни нескольким руководителям ИМЭЛ и журнала «Большевик» и возвысили как «теоретиков» Л.М. Кагановича, Л.З. Мехлиса и А.А. Жданова¹.

Сталин, мягко говоря, пренебрежительно относился к И.А. Ильину и Н.А. Бухарину. О рецензии Ивана Александровича на ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» Сталин говорил в 1938 году: «Кроет Ленина в хвост и в гриву ... какой-то там Ильин...а вы публикуете рецензии людей не наших, враждебных тому, что защищает Ленин»².

Под всеми этими хитросплетениями судеб и пристрастий, под феноменологией политики и пропаганды, под политехнологиями всех времён мы обязаны высветить «жемчужное зерно» отечественной политологической мысли. Надо дифференцировать и понять линию от деспота Пестеля к деспоту Сталину и от либерал-реформаторов Карамзина, Сперанского, Никиты Муравьёва до Струве, Ильина, Н.Н. Алексеева. До охранительной перестройки Горбачёва и большевистских трансформаций Ельцина – Собчака – Гайдара (с «рокировочками» и «загогулинами»). До нынешней «демократии доверия».

Иван Ильин: мировоззрение доверия для России

Разумеется, предлагаемый анализ пока ещё только конспект, который предстоит развивать не апологетически, а с учётом произошедших за полвека после смерти Ильина изменений в России и в науке³. Нельзя забывать контекст, в котором создавалась ильинская концепция. Иван Александрович наблюдал Советский Союз издали, пристрастно, но – с верой в лучшие времена Родины. И надо с порога отвести любые инсинуации о его «симпатиях» к фашизму⁴.

Принципы российской концепции доверия сформулированы впервые тезисно в Москве в 1919 году как «третья аксиома правосознания»⁵ и затем включены в книгу «О сущности правосознания», изданную в 1956 году, отражены и в других работах И.А. Ильина.

Мне представляется важным выделить в теории политического доверия для будущей России, разработанной И.А. Ильиным, следующие основные положения: гуманизм, гражданственность, созидательность, взаимность, многомерность.

В отличие от множества утилитарных концепций про «homo economicus», в центре отношений доверия у Ильина – «человек одушевлённый», уважающий другого как равного, наделённого такими же духовностью, достоинством, разумом и волей. Цель и мечта – «духовное братство всех людей». [445, 447, 503]⁶.

Доверие рассматривается как слагаемое правосознания, как важнейший аспект понимания и соблюдения **гражданином** норм государственной жизни. Здоровое правосознание становится больным, «недугующим», если устанавливается «режим, подавляющий автономию духа». Деспотический режим «воспитывает в гражданах безмолвие и пассивность». Это «бедствие», «гибельные дефекты взаимного доверия» могут перерасти в «политическое разнуздание», в Смуту. [429, 468]. «Нельзя доверять по принуждению, но расшатать в другом доверие – легко». «Нормальная власть видит в гражданах своих достойных и желанных сотрудников в деле государственного строительства; она доверяет их воле и их признанию; она рассчитывает на их поддержку и не боится их свободной инициативы: доверием граждан она утверждает своё доверие к себе и в этом почерпает силу для своего доверия к ним».». [456, 460].

Именно «**взаимное** духовное признание» является, по Ильину первоисточником права и реальным ресурсом созидательной активности в противоположность созерцательной надежде. «Пассивный человек привык чувствовать себя свободным от политического бремени и ответственности; он возлагает свои надежды на власть <... Бездеятельное критиканство доставляет ему настоящее удовлетворение <...> Он привык жить на иждивении своей родины». Здесь – очевидно указание на

¹ Историческая идеология в СССР в 1920–1950 годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. СПб: 2006. С. 218–270.

² *Сталин И.В.* Выступление на совещании пропагандистов и руководящих работников по вопросам об изучении истории ВКП(б) // Историческая идеология в СССР в 1920–1950 годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. СПб: 2006. С. 395.

³ См., например: *Лобастов Г.В.* Философия Гегеля в интерпретации Ильина // Свободная мысль. 2009. № 4. С. 169–182; *Кокотов А.Н.* Доверие. Недоверие. Право. М.: 2004. С. 42–51; *Тарасов Б.Н.* Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. М.: 2008. С. 857–862.

⁴ См.: *Ильин И.А.* Враг моего врага; Стратегические ошибки Гитлера; Оптимизм в политике; О фашизме // Наши задачи. М.: 2008. Т. 1. С. 49–52, 105–112.

⁵ См.: *Лисица Ю.Т.* Аксиомы политической жизни. Предисловие к изданию: *Ильин И.А.* Наши задачи. М.: 2008. Т. 1. С. 8–9.

⁶ Ссылки по изданию *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М.: 2006.

существование разновидностей доверия, в т. ч. патерналистского, подданнического. «Такой человек является не гражданином, а подданным, носящем в душе своей уклад ленивого холопа».

Иной недуг, дефект, возникающий из-за нарушений аксиом правосознания – это «политический протест, сделавшийся профессией, и революционное настроение, заменяющее собой правосознание <...> подобное самоотвержение не соблюдает достоинства того самого духа, за свободу которого он, по-видимому, борется». Не теряет актуальности афоризм И.А. Ильина: «Неуважаемый гражданин превращается или в раба, или в революционера».

«И бывает так, что в этом укладе растут и воспитываются целые поколения, умеющие говорить в политике только самоуверенное "нет" и бессмысленное "долгой", но не способные произносить ответственное "да" и творческое "да будет"». [429–431, 442, 464].

Большое значение для исследования русской версии доверия имеют методологические принципы, заложенные И.А. Ильиным. Из цитированного выше ясно, что доверие следует рассматривать как **процесс**, связанный с развитием личности и общества. Оно может быть воспитано, трансформировано из одной разновидности в другую, «расшатано», превращено в иные установки – недоверие, «профессиональный» протест, рабскую покорность, пассивную надежду.

Не менее важно, что Ильин выявляет, по крайней мере, три измерения **объёмного** феномена доверия: духовность, рассудок и волю, наличие в нём бессознательных, интуитивных элементов. «Подавленный гнётом власти и её запретов, человек привыкает видеть нечто запретное во всякой *духовной* самостоятельности – в самостоятельном *волеии, мышлении и действовании*». [429, 453, 455, 489, 495–496].

Различаются и **уровни** доверительных отношений: доверие к себе, к другим гражданам, к государству. «Взаимное уважение и взаимное доверие лежат в основе всякого правоотношения – и частного и публичного; ими связываются и граждане друг с другом, и граждане с властью, и власть с гражданами». [447, 456–459, 473].

Отчётливо видны и нелёгкие проблемы, связанные с адаптацией наследия И.А. Ильина к современной российской действительности. Сложности возникают с неоднозначной постановкой вопроса о соотношении доверия, морали и права. [469–470, 500–501].

Далее, – и век, и полвека назад в России действовали иные, чем сегодня, реальные социальные группы, государственные институты, ячейки гражданского общества, между которыми возникали и рушились релевантные для судьбы страны отношения доверия, которые не сводимы ни к классовый борьбе, ни к идеальным типам «Власти» и «Народа». [463, 467, 471–472]. Ильин закладывает только общий подход к преодолению методологического тормоза предельной абстракции, присущего российскому обществоведению. «В действительности существуют не «люди вообще», а живут «человеки в частности», обладающие не *абстрактными признаками, а конкретными свойствами*». [501].

Деликатного обращения требует глубочайшая убеждённость Ивана Александровича Ильина в «исключительной роли», «верховном, руководящем значении» религии, «неизбежном приобретении нормальным, зрелым правосознанием религиозного характера». [475–476]. Быть может, сам великий мыслитель предлагает мировоззренческий ключ к постижению этой проблемы. «Взаимодействие познающей мысли и правосознания, правосознания и совести, эстетического выбора и правосознания – может считаться а priori предрешённым». «Религия требует органического сочетания чувства и разума, верующей любви и знающей мысли». [486, 488, 489, 492, 492].

Используя ориентиры российской школы научно – мировоззренческой школы, попытаемся наглядно представить место и значение доверия среди множества политико-психологических диспозиций.

ДОВЕРИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ УСТАНОВОК

Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях.

Ф.М. Достоевский. Легенда о великом Инквизиторе.

Подсказку пространственного представления общественных отношений следовало давно найти в русской классической социальной философии. Владимир Соловьёв писал, что «Идея человека не нарушается, а выражается тем, что у него кроме ума есть и деятельная воля и чувственная восприимчивость»¹. Николай Бердяев называл дегуманизацией превращение человека в «функцию экономики», ограничение его воли и духовности. «Человек оказывается лишённым измерения глубины»

¹ Соловьёв Вл.С. Оправдание добра. М.: 1996. С. 232–233.

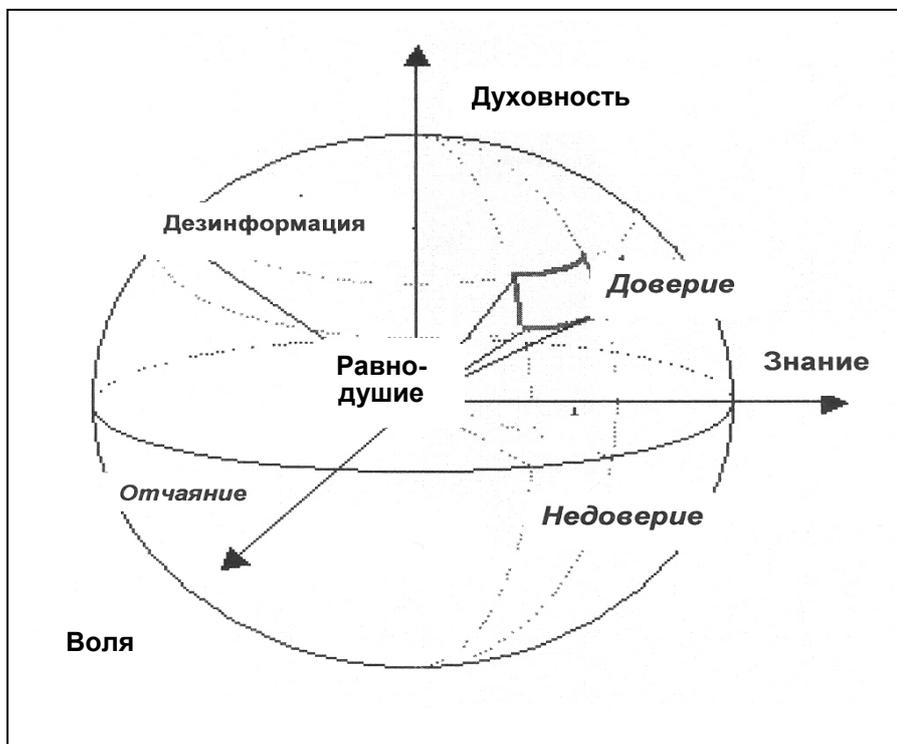
ны, он превращается в двумерное, плоскостное существо»¹. «Истинное сознание в том, что тайна отодвигается в глубину», – иначе – «мир должен представляться совсем плоским, двухмерным». Бердяев призывал «расковать затверделое сознание», для чего требуются «не только творческая мысль, но и творческая страсть, страстная воля и страстное чувство»².

Непрерывно учитываются значительные достижения отечественной социальной психологии, в том числе, советской школы Л.В. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, Д.Н. Узнадзе и наших современников. Соответственно, установки, ориентации, диспозиции личности и многих социальных общностей определяются, как минимум, тремя компонентами, тремя «относительно самостоятельными подсистемами регуляции активности субъекта»³. Эти три измерения суть когнитивное, т. е. познавательное, аффективное или чувственное, конативное или поведенческое.

В предложенной мной модели векторы знания и духовности могут быть, вероятно, в первом приближении соотнесены с когнитивным и аффективным измерением. Третье измерение, создающее объёмность восприятия, было условно обозначено как время. Конечно, время должно быть учтено, ведь речь идёт о процессах, в которых статическое состояние является частным случаем. Но, во-первых, категория времени в целом, его взаимосвязь с доверием, в частности, чрезвычайно сложны для философского или социологического анализа⁴. Во-вторых, пространство развития политико-психологических феноменов может быть и 4-х-мерным и n-мерным. Скорее всего, так оно и есть. Но обязательно следует учесть деятельную, волевою, поведенческую компоненту. В таком случае, простейший, дискуссионный вариант модели можно, видимо, изобразить так, как показано на рис. 1.

Рисунок 1

3D – модель пространства установок

Подчеркну ещё раз условность изображения, предлагаемого исключительно ради наглядности. Должен быть изначально отвергнут соблазн «точного» замера углов, радианов, количественных шкал и всяческой топологии. При нынешнем уровне знаний о гуманитарном⁵ более уместно осваивать не (псевдо)количественные, а качественные оценки, такие, как устойчивость или хрупкость доверия, глубина веры, адекватность информации и т. п.

Наверное, можно говорить лишь о том, что большинство релевантных для политики социально-психологических ориентаций формируются в той *октанте*, в той «осьмушке» пространства, которая задаётся векторами с положительными значениями **духовности** (веры, нравственного чувства, эстетического восприятия); **знания** (информации, рационального восприятия) и **воли** (деятельной,

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: 1990. С. 148.

² Бердяев Н.А. Самопознание. М.: 2007. С. 413, 423. См. также: Франк С.Л. С нами Бог. С. 252–253; Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Американская социологическая мысль. М.: 1996. С. 356.

³ Саганенко Г.И., Ядов В.А.. Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности. Л.: 1979. С. 24.

⁴ См.: Пространственно-временные измерения политики // Политическая наука. 2009. № 1.

⁵ См., например: Оревкин В.П., Оревкина О.А. Дискретная математика для гуманитариев. СПб: 2006.

поведенческой компоненты). Это собственно *вера* (религиозная и мирская¹), *надежда*, *доверие* со множеством разновидностей, *уверенность*². Подпространства названных установок имеют нечёткие, размытые границы, однако могут быть помыслены как некие «телесные углы» в терминах, заимствованных из физики световой энергии. Важной характеристикой условно-графической 3D – модели становится представление о том, что векторы (не оси!) не пересекаются и, следовательно, не отображают монотонных шкал. Вокруг т. н. «нулевой точки» располагается подпространство амбивалентных реакций, *равнодушия*, уныния, апатии. В таком случае *недоверие* понимается не как отсутствие доверия, а как самостоятельный феномен, который развивается в другом октанте.

Можно представить, что происходит в части пространства политико-психологических установок, образуемой векторами воли и духовности и отрицательных смыслов знания либо нагнетания дезинформации. Здесь, вероятно, и накапливаются отчаяние, ксенофобия, нетерпимость, экстремизм и фанатизм.

Вместе с тем многие эпизоды нашей истории показывают, что отчаяние как результат крушения доверия может перерасти не обязательно в Смуту, но и в новые созидательные установки взаимного доверия.

«Предав народ отчаянию в жертву» родные и бояре пленённого татарами великого князя Василия Тёмного сбежали. «Не было ни государя, ни правления, ни столицы. ... Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство; ослушников наказывали и вязали; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища, Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия и Москву из пепла, надеясь, что Бог возвратит и государя»³.

Вспомним далее ленинскую оценку, согласно которой Герцен не увидел «пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа»⁴.

Обратим внимание на характеристики политико-психологических установок, ориентаций борющихся классов: уверенность пролетариев и отчаяние буржуа. А теперь сравним с оценкой А.И. Уткина, согласно которому в новом веке отчаяние снова овладевает правящим классом, но уже другим. Социальная психология элит и масс в первый советский период характерны «ожесточённым отчаянием и триумфальной экзальтацией»⁵.

Вектор, противоположный духовности, можно трактовать как бездуховность. К нему прилегают «телесные углы» потребительства, гедонизма, цинизма. Ясно, что подобные установки в зависимости от силы воли могут становиться весьма агрессивными. Многие разрушительные диспозиции сдерживаются сегодня по-прежнему традиционными для российских этносов и конфессий ментальными чертами терпимости, коллективизма, щедрости. «Воскресение Христово даровало нам подлинную свободу и наполнило бытие человека смыслом и надеждой... Поэтому нет причин для отчаяния, уныния, страха у тех, кто любит Христа» (Пасхальное послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 17.04. 2009).

Не только из соображений политкорректности процитирую и выступление главы совета муфтиев Равиля Гайнутдина на заседании президиума Госсовета в Туле (март 2009): «Религиозные организации России видят своей главной задачей сберечь и приумножить наше общее наследие, придать верующим уверенность в сегодняшнем дне, убежденность и гордость за нашу страну, веру в ее завтрашний день, воспитывать эту веру в молодежи, прививая созидательные идеалы».

Анализируя основной, конструктивный для политических отношений октант* модели, можно утверждать, что идеальной для светского государства будет стратегия *уверенности* граждан в целесообразности и справедливости политики.

Ясно, однако, что уверенность базируется на обширных и прочных знаниях, рациональной ментальности, высокой гражданской компетентности, которые вырабатываются годами и поколениями. Справедливой остаётся оценка И.А. Ильина: «Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственною карикатурою. Здесь нужна не элементарная грамота <...> Здесь нужно понимание самого выборного процесса и

¹ См.: Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: 2004. С. 9–16.

² См.: Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: 2008. С. 45–51.

³ Карамзин Н.М. Предания веков. М.: 1987. С. 404–405.

⁴ Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

⁵ Уткин А.И. Не превратить в вызов дьявола узловые конфликты общественного сознания России // Проблемы российского самосознания. М.: 2007. С. 179.

* Речь идёт об одной восьмой пространства на рисунке 1. (Прим. ред.).

предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, разумение государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей; и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений». (О творческой демократии. 1951 г.).

* * *

Можно предположить, что ближайшие годы для российского общества и государства стратегия взаимного доверия останется оптимальной.

Наверное, чего-то не хватает в описанной модели. Наверное, многое предстоит скорректировать. Ведь речь идёт не более, чем о графической схеме как методическом инструменте. Пусть – грубоватом. Но помогающем кое-что прояснить в бесконечных словопрениях о доверии по-русски. Пора, наконец, излечиваться от болезни, диагноз которой поставил ещё Л.И. Петражицкий. Он писал в своей «Теории права и государства» (1907): «Современное государствоведение... не знает, в какой сфере находятся и какую природу имеют те реальные феномены, которые соответствуют его теоретическим построениям, и как с помощью научных методов можно достигнуть их реального, фактического (наблюдательного, опытного) познания; и, таким образом, вместо изучения фактов... получается фантастическое конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего».

Моя позиция такова. Во-первых. Рассуждать о «доверии вообще», о доверии между предельно абстрактными квазисубъектами «народ» и «власть» не просто бесполезная, но опасная инерция российского мировоззрения. Более прагматично – тщательно изучать, деликатно корректировать, вести мониторинг развития доверия / недоверия в ключевых, релевантных для демократизации звеньях политических отношений (например, правительство – высококвалифицированные специалисты, парламент – правительство, офицеры Вооружённых сил – президент, пенсионеры – судебная система, мигранты – учащаяся молодёжь, мелкие дилеры и менеджеры – органы местного самоуправления и т. д.)

Во-вторых. Допустимо и неизбежно придётся конвертировать архаичные разновидности патерналистского, вождистского, верноподданнического вертикального доверия, а также фанатичной веры или апатичной надежды в современные деятельно-активные установки. Расчёт на стремительный рост компетентной уверенности – это традиционное мировоззренческое заблуждение отечественных монистов, очередная утопия экономического детерминизма или «взгляд из утопии». Надо ещё доказать, что «рационально-генетическая парадигма»¹ быстро вращается в насыщенное духовностью русское миропонимание.

В-третьих. Доверие по своей природе отличается от институтов, норм морали и права наличием моментов неопределённости и риска². Не представляю, какими средствами можно превратить в институты доверие личности к себе или доверие к другим людям. На социетальном уровне, возможно, что-то удастся институционализировать³. Но зачем? Не лучше ли добиваться целесообразного баланса доверия / недоверия в дополнение к совершенствованию нравственности и правоприменения?

Я по-прежнему предлагаю ускорить разработку комплексной программы формирования культуры доверия, скажем, как часть Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 2)

¹ Дискун И.Е. Кризис... и всё же модернизация! М.: 2009. С. 175–186.

² См. *подробнее* – о соотношении доверия, морали и права: Luhmann N. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart. 1989(1968). S. 35–40, 73–79, 86–87, 105; Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: 2006. С. 447–460; Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: 2004. С. 42–51; О неустраимости «зазора неопределённости» без утраты сущности доверия и о снятии неопределённости, в гегелевском смысле: Moellering G. Trust: Reason, Routine, Reflexivity. Oxford. 2006. См. также: Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия. М.: 2008. С. 387. «Стратегия "как бы" отношения индивида ко всем элементам окружающей его действительности (особенно социальной) является не только одной из возможных, но и наиболее адаптивной, поскольку позволяет избежать рисков однозначных и жёстких её характеристик, резко сужающих и ограничивающих мобильность субъекта при сохранении его самоидентификации». Дискуссионно причисление доверия к «нормам морали и деловой этики» см., например: Виханский О. Homo economicus должен умереть // Эксперт. 2009. № 17–18. 11 мая.

³ См.: Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

Э.Г. КОЧЕТОВ

ПОСТКРИЗИСНЫЙ МИР: ОПОРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН И РОССИЯ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДЕЛЫ¹ (программа действий)

Доклад, подготовленный на базе текста выступления автора на заседании Рабочей группы «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, состоявшегося 19 июня 2009 г.

Разразившийся глобальный финансовый кризис подтолкнул основных игроков мировой хозяйственной арены к поиску новейшей мирохозяйственной структуры, новой конфигурации в раскладе мировых экономических сил. Кризис – это только звено этого процесса: мы имеем дело с парадигмальным сдвигом, с далеко идущими последствиями.

Уже можно сказать, в каком конкретном направлении пойдёт посткризисный ход мировой истории – он в руках трёх мировых игроков: США, Китая и России. Налицо явные симптомы нарождающегося экономического мира. Выделим главное – идёт формирование новой архитектуры мира.

Что нужно предпринять, чтобы не только своевременно вписаться в этот нарождающийся ландшафт, но и занимать активную позицию по его формированию? Суть моей статьи – попытка ответить на этот вопрос.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ К ДЕЙСТВИЮ

Для России, решающей сложнейшие задачи по кардинальной трансформации своей экономики, внешняя мировая арена представляет собой важнейший фактор. Рельефно проявил себя контур новой внешней политики России. Она основывается на ряде позиций, которые чётко обозначил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Среди них: «...Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько это будет возможно наши дружеские отношения и с Европой, и с Соединёнными Штатами Америки, и с другими странами мира... Мы будем также защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей... У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы»².

В глобальном, тесно взаимоувязанном мире, в условиях разразившегося экономического кризиса, как никогда нужна координация усилий мирового сообщества по выходу из него с наименьшими потерями, без ущемления интересов экономических игроков на мировой арене. Нужна стабильность и атмосфера здоровой конкуренции. Для нашей страны это особо важно. Здесь следует исходить из таких стратегических мотивов:

- необходимо всеми силами удержать стратегическую паузу, с тем, чтобы успеть завершить стратегический манёвр исторического масштаба по превращению России в одного из глобальных лидеров;

- направить усилия на консолидацию мировых ресурсов³ (их интернационализацию) с целью национального развития, что позволяет на совместной инновационно-инвестиционной основе добиваться прорывов в ключевых экономических направлениях, вести линию по инфраструктурному преобразению национальной экономики;

- вести активное освоение геоэкономического пространства.

Принципы, которые закладываются в основу стратегии освоения Россией геоэкономического пространства: 1) наряду с внешним идёт внутреннее геоэкономическое обустройство. Эти два плеча должны находиться в равновесии; 2) в мире оформился общий интерес – участие в формировании и перераспределении мирового дохода. Прорыв к мировому доходу – ключевой для России момент. Российская научная школа геоэкономики и глобалистики даёт нам базовые ориентиры для выстраивания стратегии выхода на мировую арену и эффективного оперирования на ней.

В российской школе геоэкономики представлен широкий спектр направлений. На это сделал особый акцент М.Ю. Байдаков, – Генеральный директор Постоянно действующего Форума «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», Вице-президент Международного Конгресса промышленников и предпринимателей, Председатель Правления «Миллениум Банк» (ЗАО): «Кратко обозначая это направление, можно сказать, что оно концентрирует свои исследования на путях поиска такой

¹ © Кочетов Э.Г., 2009, 25 июня.

² Полный текст интервью Президента России Дмитрия Медведева от 31 августа 2008 года российским телеканалам «Россия», Первый канал и НТВ. <http://news.mail.ru/politics/1984248/et>

³ Речь идёт о ресурсах в широком смысле (интеллектуальных, финансовых, производственных, топливно-энергетических и сырьевых, трудовых и т. д.).

модели цивилизационного развития, которая позволила бы получать выгоды всем участникам мирового процесса в отличие от геополитики, где победа одного означает поражение другого...»¹.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА: ПЕРВАЯ ФАЗА – ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ «ПЕРЕДЕЛ»

Для того чтобы выверить стратегическую линию поведения в кризисной, а тем более в посткризисной ситуации, нужно осознать не только её фактологическую часть и траекторию (динамику) протекания, но и, что немаловажно, – «природу» разворачивающихся событий на мировой арене и целевую устремлённость основных (и не основных – пока!) игроков.

1.1. Дал о себе знать центральный «нерв» мирового развития – геоэкономический

Сама природа кризиса, его охват мира и скоротечность протекания есть мощное свидетельство того, что процесс глобализации особо ярко проявил свою развитую фазу. основополагающая черта этой фазы:

во-первых, ярко проявила себя экономизация политики как новейший фундаментальный принцип; в решении любых проблем особую ценность и значимость приобрели кредиты, субсидии, инвестиции, цены, льготы и преференции – *деньги быстро снимают застарелые проблемы!*;

во-вторых, в мировом пространстве проявили себя серьёзнейшие подвижки. Современная мировая ситуационная модель, предопределённая целостностью и единством мирового пространства, в методологическом плане, включающем в себя три подпространства: *геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое*, вошла в новейшую фазу – экономизация политики на мировой арене вылилась в главенство геоэкономического пространства и целеполагания над геополитическим и военно-политическим (стратегическим) пространством и целеполаганием, в примат экономических интересов над политическими и идеологическими. При этом наблюдается «свинчивание» геоэкономического пространства с геостратегией в рамках *военно-экономического симбиоза* нового формата;

в-третьих, современный мир срочно *переформатировал понятия «развитие» и «безопасность»*: если раньше геополитика подчиняла «развитие» «безопасности» и тем самым глушила развитие через безудержную милитаризацию в угоду идеологическим галлюцинациям, то теперь геоэкономика решает проблемы безопасности экономическим путём;

в-четвёртых, мир двинулся к всё более объёмной транснационализации; главенствующая роль государств в мировых делах уходит в прошлое: принципиально меняется расстановка центров экономической силы, а отсюда и их форма. Разрозненные национальные экономики и их хозяйствующие субъекты за последние десятилетия обрели новую оргплатформу для сотрудничества под понятием *«общий интерес» в формате «стран-систем»*, подразумевающим совместное формирование и перераспределение *мирового дохода* как центрального атрибута геоэкономики. Тем самым во весь голос дали о себе знать новые игроки на мирохозяйственной арене;

в-пятых, зародились экономические границы функционирования новейших игроков, отличные от административно-государственных границ. На геоэкономическом атласе мира в рамках экономических границ оперируют наднациональные кластерно-сетевые системы. Идёт смычка, симбиоз государств и наднациональных кластерно-сетевых систем. В этом случае *мы имеем дело с государствами как глобальными предпринимателями*.

Сейчас в мире наиболее завершённую форму государства как глобального предпринимателя обретают США и Китай. В Европе в качестве государств – глобальных предпринимателей можно особо выделить Германию, Францию, Италию. Россия имеет все предпосылки для такого статуса, но здесь требуются мощные усилия – переход на геоэкономическую модель национального развития в рамках геоэкономической доктрины.

1.2. В мире востребована геоэкономическая доктрина

Её контуры предопределяет геоэкономика как новейшая отрасль гуманитарного знания, как научная и образовательная дисциплина. Посткризисный мир берёт её на вооружение!

Геоэкономика:

– даёт возможность выходить победителем в конкурентной борьбе всем участникам мирового экономического процесса. В этом её отличие от геополитики, в которой обязательно есть побеждённый, даже если противостоят альянсы, поскольку пространство должно быть однородно для того, кто на него претендует;

– фрагментирует пространство с учётом целей и интересов разных сторон, экономических и политических систем. В итоге каждый находит аргумент, по которому он считает себя не в проигрыше;

– подготовила площадку для межкультурного диалога, выдвинув на приоритетные позиции экономические стимулы и мотивации к сближению народов. Она трансформирует агрессивность в экономически глобальные активные операции. Без военной компоненты приме-

¹ Доклад М.Ю. Байдакова «Запад – Восток: интеграция интеллектуальных ресурсов и развитие новых подходов к глобальным проблемам». Пражский международный экономический Конгресс «Запад – Восток: интеграция и развитие». Межрегиональный и отраслевой аспекты (Прага, 2–4 мая 2006 г.).
http://www.icie.ru/activity/projects/proect1/meropriatia/performances/performances_2.html

няются такие экономические технологии, которые формируют статус лидера в продвижении на любые плацдармы земного шара без уничтожения противника;

– дала мощный импульс к трансграничности и в других сферах гуманитарного знания. Она разбила ячеистость сознания, «разбудила» и подвигла гуманитарную науку на поиск новейших обобщающих концепций формирования мира в социологии, политологии, культурологии, экологии, военной сфере.

Сейчас в мире зародились и развиваются две тенденции, два слоя, два поля стратегической игры: 1) государства; 2) трансграничные системы (ТНК, консорциумы, промышленные союзы и т. д.) и т. д.

При этом стратегическая игра идёт на разных полях:

– государства традиционно оперируют на политической карте мира (это область международных отношений: международное разделение труда, международный бизнес, экспорт-импорт, международные организации, мировая экономика как сумма национальных экономик и т. д.). Стратегия: внешнеторговая конъюнктура – пассивная тактика. При этом интересы защищаются вяло;

– ударные ФПГ группировки стратегического статуса в форме блуждающих интернационализированных воспроизводственных ядер (циклов) и кластерно-сетевых систем определяют экономическую повестку дня в мире. Им государство делегирует реализацию национальных интересов. Они оперируют на геоэкономическом атласе мира. Стимул – формирование и перераспределение мирового дохода на базе использования высоких геоэкономических технологий. Стратегия: хозяйственная экспансия – активная, наступательная стратегия. Защита интересов – Силы быстрого геоэкономического реагирования.

Различие и в оперировании товаром: в руках ТНК – новейшие товарные формы: товары группового ассортимента, товары-предприятия (объекты), товары-программы. При этом съём продукции идёт с «длинных» воспроизводственных цепей на основе консолидации мировых ресурсов. В рамках же замкнутых (национальных) экономик невозможно получить высококонкурентную продукцию мирового класса – не позволяют «короткие» воспроизводственные циклы, зажатые в национальные рамки.

1.3. Первый посткризисный синдром: идёт геоэкономический «передел» мира

Выход из кризиса сопровождается геоэкономическим «переделом» мира.

– идёт ускоренными темпами инфраструктурная революция, «перезакладка» постиндустриального фундамента, его структурная перестройка;

– мир отобилизовал кластерно-сетевые системы и бросил их на освоение мирового геоэкономического пространства;

– эпицентр устремлений – постсоветское пространство: после развала СССР идёт передел зон влияния, усиленный поиск новой точки стратегического равновесия;

– разворачивается масштабная борьба за ресурсы. Новый технологический и промышленный облик мира диктует необходимость свободного доступа как к уже наличным и включённым в оборот ресурсам (интеллектуальным, финансовым, производственным, топливно-энергетическим и сырьевым, трудовым и т. д.), так и задействовать новые.

Геоэкономический передел мира имеет несколько фазовых конфигураций.

1. Энергетическая фаза состоит из глобальной инвентаризации источников энергетического сырья и «оптимальных» (т. е. незаполитизированных, а значит дешёвых!) транзитных маршрутов и транспортных сетей их доставки к местам потребления. Центры потребления – нарождающиеся ареалы мирового роста. (Эта ситуация ярко фиксируется на энергетической странице геоэкономического атласа мира). Ближайшая точка устремлений американского, китайского и российских векторов – Прикаспийский газонефтяной регион. Уравновешенность геоэкономических интересов России, Китая, США в этом регионе во многом будет определять уровень стратегического равновесия в мире.

2. Технологическая фаза – выход на критические технологии, предопределяющие новый промышленно-воспроизводственный и социально-экономический ландшафт (облик) планеты. Здесь мощным рычагом занятия главенствующих позиций в «новом мировом строительстве» выступают новейшие товарные формы: «товар–программы», «товар–объекты», инфраструктурные проекты.

3. Институциональная фаза в конфигурации геоэкономического передела мира. Речь идёт о выработке новейших нормативных актов в рамках геоэкономического права, регулирующих поведение наднациональных трансграничных структур («ударных» финансово-промышленных группировок), которым государства делегирует реализацию своих геоэкономических интересов и недопущения перелива здоровой конкуренции в геоэкономические войны. На повестке дня – 1) отход от «международного» мира и формирование новых, глобальных (геоэкономических) институтов и организационно-функциональных структур; 2) поиск противоядия от геоэконо-

мических войн путём «явного» утверждения геоэкономических принципов жизни и на базе этих принципов учреждение *геоэкономического трибунала* как новейшего международного института – предтече нового, геоэкономического блока мировых организаций.

4. Гуманитарная фаза. В её основе – новые начала мировых конституциональных оснований трансгуманизма. Речь идёт о пересмотре философии «Общественного договора» как «подразумеваемого согласия в неявном виде» и заключении не просто нового, а выход на мировое «явное общественное согласие» совершенно нового типа, уровня, формата и масштаба, как «документа» по своему статусу, силе, императивности на порядок выше современных «договоров».

5. Военно-стратегическая фаза. Здесь два критически важных момента: а) «невроз» суверенизации и милитаризация сделали наш мир «дорогим», неоправданно «затратным»; б) мир опасен – он находится на грани войны. Уйти от геополитизации мира с её милитаристским мышлением, отринуть заидеологизированность мира, преодолеть «психоз» суверенизации – вот ключевые установки геоэкономического целеполагания!

2. Россия в первой фазе геоэкономического «передела» мира и её безопасность

Безудержный геоэкономический передел мира идёт практически без участия России. Ведущие игроки на мировой арене (США, Китай, Индия, Западная Европа) взяли на вооружение геоэкономические доктрины и обустроивают мир под свои геоэкономические интересы.

При этом основные стратегически «заострённые» операторы по геоэкономическому освоению мира – Китай и США.

2.1. Чем объяснить «стратегическую вялость» России?

Национальные геоэкономические интересы России и их защита до сих пор находятся на «задворках» наших приоритетов и стратегических задач, а именно:

Внешнеполитический, внешнестратегический, внешнеэкономический дискурс затянулся. Он уже давно вызвал (прояснил) острейшую необходимость перейти к конкретным шагам. Однако они утопают в бесконечном «обмене мнений», гаснут в вязком срединном слове, при этом *геоэкономика подменяется геополитическими изысками, лозунгами, призывами*. Бизнес-сообщество практически не подковано к этой проблеме. Всё идёт по инфантильному замкнутому кругу.

В целом Россия в этом отношении отстаёт – она делает только первые шаги. Идёт выход на кластерно-сетевые системы в энергетике (газо-, нефтепроводы), химии (продуктопроводы), транспорте (ж/д-, авто- и др.), телекоммуникационные и радиорелейные системы и др. У всех у них одна проблема: на их пути невидимая стена – непроницаемость (или, по крайней мере, «глухая» проницаемость) границ как наследие геополитического «невроза» суверенизации. И здесь серьёзная проба сил – энергетика. «Газпром» вступил первым в схватку с непроницаемостью.

Однако по другим направлениям Россия отстаёт в освоении геоэкономического пространства. Китай и США резко опережают её. На фоне отставания России Китай и США близки к формированию двустороннего стратегического альянса. Динамика укрепления этого альянса по всем вышеназванным фазовым блокам геоэкономического передела мира может оставить Россию за геоэкономическим бортом в ситуации «запоздалого гостя». Здесь опасность первого ранга – будучи в стороне от большой геоэкономической игры, *Россия в конце концов, может стать объектом геоэкономической войны (геоэкономического нападения)*.

Какая основная причина отставания России от доминирующего (геоэкономическо-го!) вектора складывающейся ситуации?

Первая. Процесс экономизации внешней политики обошёл Россию стороной. Мы до сих пор в полной мере не осознали **центральный «нерв» мирового развития – геоэкономический**.

Вторая. Не прививается геоэкономический взгляд на мировую ситуацию, он подменён геополитическими воззрениями и разборками, истоки которых уходят в отжившие парадигмы середины XX века. Эта ситуация поразила и научную, и образовательную сферы, тем самым консервируя отсталость от авангардных мировых тенденций.

Третья. У нас нет государственных геоэкономических институтов. Стратегическая установка государственно-доктринального плана, обозначенная ещё в 1996 году в «Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» и предписывающая переход на геоэкономическую доктрину проигнорирована, положена «под сукно». Та же судьба у «Геоэкономического вызова России» – предупреждения научного сообщества (1995 год). Держится под спудом и не получает надлежащего развития «геоэкономический вызов» и предписание «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве», провозглашённые в «Плане Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия» (октябрь, 2007 г.).

У России имеются все условия и предпосылки, чтобы коренным образом поменять ситуацию: она смело берёт на вооружение проект «Геоэкономический ход России» и приступает к его реализации. Остановимся на этом подробнее.

2.2. Наш ответ на вызовы времени – «Геоэкономический ход России» (стратегические предпосылки и условия)

1. На государственно-доктринальном уровне чётко обозначены геоэкономические стратегические установки¹.

2. Россия как неотъемлемая и значительная часть глобального пространства непосредственно причастна к формированию инновационных и прорывных концепций и технологий по преодолению негативных последствий глобального кризиса, выработки нового тренда и вектора мирового развития.

3. Темпы развития, ритм и масштабы изменений до предела сжимают время на принятие решений. Этим предопределяются новая роль, новая ответственность, новая функция глобальных игроков на мировой арене.

Речь идёт об объёмно-пространственном оперировании в глобальном пространстве – геогенезисе; о провозглашении впервые в мировой практике и продвижении геоэкономической глобальной «Повестки дня», ориентированной на обеспечение благополучия и безопасности всех народов мира. В этом плане геоэкономика выводит мир на новые общие цивилизационные и геокультурные ценности.

Здесь три взаимоувязанные стратегические сюжетные линии:

Сюжет первый. Для России кризисное и посткризисное решение первоочередных задач во многом предопределено эффективным освоением и обустройством геоэкономического пространства на базе кластерно-сетевого подхода: вектор посткризисного развития – выход к мировым ареалам и точкам мирового роста.

Сюжет второй. Кризис впервые предъявил острую необходимость России освоить и внедрить (методологически и концептуально) технологии, процедуры и механизмы оперирования масштабным и локальным предотвращением опасности глобальных сдвигов, что способствует устранению временных задержек в реагировании на негативные последствия глобальных перемен (сдвигов).

Сюжет третий. Эффективное позиционирование России на геоэкономическом пространстве, – а в перспективе доминирование в его ключевых точках, – напрямую связано с поиском равновесного вектора и баланса геостратегических интересов.

Вопрос об участии в механизме формирования и распределения вновь созданной стоимости (условно – мирового дохода), поиск путей, каналов перелива мирового дохода (как всемирного межнационального дохода) в национальные рамки, в пополнение национального бюджета – вот узловой, кардинальный вопрос при рассмотрении вопроса выхода России на освоение геоэкономического пространства, включения во всемирные интернационализованные воспроизводственные процессы (циклы).

2.3. Наши действия или как реально приступить к исправлению ситуации с тем, чтобы наверстать упущенное?

Первое. Необходимо выйти на геоэкономическую доктрину национального развития.

В настоящий момент в России уже созрело геоэкономическое ядро специалистов, готовых взять на себя миссию представить в сжатые сроки на самый высокий директивный уровень стратегического планирования:

- геоэкономическую доктрину России;
- стратегический арсенал реализации геоэкономической доктрины;
- организационно-функциональное оформление геоэкономической стратегии.

«Почва» для этого подготовлена:

- во-первых, в России создан фундаментальный научно-концептуальный задел и на его базе сформировалась самостоятельная научная школа геоэкономики и глобалистики;
- во-вторых, геоэкономические воззрения прошли обкатку в целом ряде регионов страны;

¹ 1. «Остро встает вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». (Из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию).

2. Среди основных и масштабных вызовов России – «вызов геоэкономический... Россия должна эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» (Политический доклад «План Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия»).

3. Считать в качестве ключевой задачи и базового подхода по приоритетным направлениям развития страны в новом столетии: «разработку и принятие новой доктрины развития России в XXI веке и разработку стратегического арсенала ее реализации, исходя из общих тенденций геоэкономического развития». (Совет Федерации РФ).

– *в-третьих*, проведена геоэкономическая обкатка на международном уровне. Это, прежде всего, Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», Постоянно действующий экономический форум «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», Международный конгресс промышленников и предпринимателей (МКПП). Здесь накоплены уникальные наработки по результатам работы этих форумов (на Родосе, Праге, Модене, Тампере, Лахти, Париже и др.);

– *в-четвёртых*, в рамках нескольких ведущих комитетов Государственной Думы сформировать «Рабочую геоэкономическую группу». Тем самым мы имеем уникальный шанс: отталкиваясь от вышеуказанных наработок выйти на сугубо прагматические, реальные геоэкономические шаги.

Для этого в России есть всё необходимое и, прежде всего, фундаментальные разработки российской школы геоэкономики и глобалистики по освоению геоэкономического пространства, наличие ряда транснационализированных структур, уже получивших определённый опыт оперирования на мирохозяйственной арене.

Второе. Необходимо договариваться об уравнивании геоэкономических интересов.

Но в одиночку пробиться к полноправному участию в формировании и справедливом распределении «мирового дохода» России не удастся: в любом случае она столкнётся с другими глобальными игроками.

В этой связи напрашивается стратегический вывод: незамедлительно приступить к «прощупыванию» возможного создания тройственного геоэкономического альянса «Китай, США, Россия» по геоэкономическому освоению мира. В этом плане в качестве переходного звена в укреплении позиций России могут служить частные («локальные») геоэкономические альянсы: «Россия – Индия», «Россия – государства “Старой Европы” (Германия, Франция, Италия)» и др. Симбиоз России с этими государствами уравнивает по своей экономической мощи Россию как полноправного участника освоения геоэкономического мирового пространства в треугольнике Китай – США – Россия.

Третье. Нацеленность на стратегические геоэкономические практики! Приступить к реализации ряда глобальных инициатив!

Россия отстаёт от процесса освоения геоэкономического пространства. Задача – резко наверстать упущенное и выйти с рядом глобальных инициатив, с тем чтобы «вскочить» в уходящий поезд!

Действенный рычаг тому – формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – «Проект–программ».

Проект–программы направлены на реализацию стратегической задачи по эффективному оперированию в геоэкономическом пространстве как ответ России на *технологический и геоэкономический вызовы*.

При формировании глобальной геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики. Это, прежде всего, формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – программ. Уже просматривается целый ряд уникальных геоэкономических инфраструктурных проектов мирового класса. Среди них – первостепенные направления и программы:

• **Новое направление интеграционного вектора Содружества Независимых Государств: формирование мощного геоэкономического ареала мирового роста на базе консолидации ресурсов и воспроизводственного сотрудничества.** Стратегический вектор выстраивается исходя из объективных тенденций и закономерностей мирового развития – глобальной трансформации мировой системы и выхода геоэкономики на приоритетные позиции. В этой ситуации все субъекты мирового общения, будь то интеграционная группировка, страна или отдельная хозяйствующая структура, стремятся вовремя отреагировать на эти подвиги с тем, чтобы занять конкурентные позиции в глобальном мире. Стратегия СНГ – ярчайший пример движения в этом направлении.

Об этом говорит, *во-первых*, сам стратегический замысел экономического развития стран СНГ; *во-вторых*, характер встраиваемых в основания интеграции моделей и механизмов взаимодействия и сотрудничества; *в-третьих*, стратегические мотивации и приоритеты участников интеграционного процесса: России и др. стран СНГ¹.

• **Формирование «Высокоиндустриального северного широтного геоэкономического пояса как единого интеллектуального пространства».** Здесь дала о себе знать объективная тенденция стремительно глобализирующегося мира – геоэкономическая: мир столкнулся с проблемой ресурсов в целях дальнейшего не только развития, а выживания.

Актуальность реализации этого проекта–программы объясняется всё возрастающей ролью Севера и Арктики в условиях глобальных экономических подвижек и планетарных климатических изменений. Смещение на север (Арктика и Северный Ледовитый океан) источников сырьевых, энергетических, биологических и др. ресурсов, а также появление новейших транспортно-коммуникационных сетей в этом регионе – вот центральный импульс и общий интерес, приковавший внимание мирового сообщества к Северу! И это уже не экспансия какой-либо отдельной

¹ См. подробнее: Эрнест Кочетов. Стратегия экономического развития СНГ до 2020 года: формируется мощный геоэкономический ареал мирового роста на базе консолидации ресурсов и воспроизводственного сотрудничества // Информационно-аналитический портал «VIPERSON» 25.02.2009, www.viperson.ru

страны, а речь идёт о коллективном освоении северного ареала с учётом интересов всех участников этого процесса. Здесь необходима не геополитическая разборка «всех со всеми» (симптомами геополитического и силового «невроза» пестрят СМИ), а консолидация усилий и координация шагов, поиск нестандартных решений, договорённостей, совместных глобальных инициатив!

В целом, с точки зрения глобалистики, требуется новый взгляд на Северные и Арктические регионы (на их роль и место в раскладе мировых сил в XXI веке), исходя из циркумполярных позиций. И здесь актуальная проблема – в рамках этого направления речь идёт о разработке и принятии на государственном уровне инновационного **«Проекта-программы “НОВЫЙ” СЕВЕР: российская глобальная геоэкономическая инициатива»** с участием заинтересованных стран северного и арктического пояса. Проект-программа должна включать в себя: философию новации, научно-концептуальную часть, государственно-доктринальный план, систему категорий и понятий, идеологию исследования политических рисков, образовательный и просветительский блок, а также источник финансирования (создание специальных фондов поддержки научных исследований и образовательных программ и т. д.).

В качестве составных инфраструктурных блоков (звеньев) «Северного широтного геоэкономического пояса» особую значимость должны иметь формирующиеся в России трансграничные региональные системы инновационного типа: российский «Северо-запад», «Уральский индустриальный регион», «Дальневосточный сетевой кластер», инновационные системы «Новосибирск», «Томск» и др. Проект должен связать их в единое целое. Для этого уже сейчас необходима подготовка новой когорты специалистов с новым менталитетом. Вот почему требуется всемерная поддержка инициативы ЮНЕСКО и Республики Саха (Якутия) по формированию интеллектуального пространства Севера и новой роли университетов в подготовке специалистов для работы в северном широтном поясе. Для этого необходимо провести широкий круг научных исследований в области «североведения» и выпуска на этой основе научных монографий, учебников, энциклопедических словарей, учебных программ и т. д.¹

• **Проект-программа – ЭНЕРГОНЕТ²**. Другая российская глобальная инициатива – создание глобальной энергетической сети (как аналога ИНТЕРНЕТа): объединение в единое целое мировой сетевой энергетики (нефте-, газопроводы и их маршруты, электросети, источники добычи и переработки, генерирующие предприятия, посредники и потребители энергии и т. д.).

Идея создания ЭНЕРГОНЕТа требует углублённой фундаментальной научной проработки и её следует вести в содружестве с заинтересованными государствами.

• **Проект-программа: «Формирование российских геоэкономических промышленных мегарегионов кластерно-сетевого типа и стратегии их оперирования на мировой арене»**. Проект-программа базируется на инновационной модели внешнеэкономической деятельности предприятий промышленных мегарегионов с целью повышения эффективности освоения геоэкономического пространства.

Моделью для отработки Проект–программы может явиться мегарегион «Большой Урал», где созданы все условия для его трансграничного измерения. «...Уральский Федеральный округ находится практически в центре России, что создает для него множество преимуществ... у округа богатейшие геоэкономические перспективы. И он вполне может стать образцом выстраивания региональной стратегии... Экономический потенциал Уральского округа должен формироваться на основе свободного, не имеющего внутренних границ оборота капитала. Причем капитала не только уральского, но... идущего и из других регионов и стран»³.

При этом центральным модулем при отработке Проект–программы может выступить создание высокотехнологичного кластера «Титановая долина».

• Проект **«Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года»**. Проект предусматривает реализацию прорывных решений в области интеграции железнодорожного транспорта в глобальную транспортно-логистическую систему на основе достижения комплексности и высоких стандартов качества транспортных услуг; создание

¹ См.: подробнее: Эрнест Кочетов. Большой Север: от геополитического «невроза» и силовых разборок к геоэкономическому конструктиву (глобальная геоэкономическая инициатива – структурированная форма научного, просветительского и образовательного блоков) // Информационно-аналитический портал «VIPERSON», 16.02.2009, www.vipererson.ru

² Идея ЭНЕРГОНЕТа была впервые озвучена автором на «Круглом столе» (Москва, 16 февраля 2006 года) экспертов НПО по вопросам энергетической безопасности, образования и здравоохранения – приоритетам российского председательства на саммите «Большая Восьмёрка» в июле 2006 года в Санкт-Петербурге. См.: Кочетов Э.Г. Российский энергетический ход в глобальном измерении (основополагающие акценты энергетической безопасности) // Безопасность Евразии. 2006. № 1; его же: ЭНЕРГОНЕТ – глобальный геоэкономический инновационный проект – инициатива (основополагающие акценты энергетической безопасности) (выступление на Международном экономическом форуме «Запад – Восток: интеграция и развитие», г. Модена, Италия, 8–12 июля 2008 г., секция «Энергия и инфраструктура»).

³ По материалам совещания по вопросам социально-экономического развития Уральского Федерального округа, Челябинск, 16 мая 2005 года.

инфраструктурной основы для долгосрочного роста экономики России и повышения качества жизни населения, комплексного освоения новых экономических районов страны и доступа к новым источникам природных ресурсов, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; доведение технического и технологического уровня инфраструктуры, подвижного состава, сферы их содержания и ремонта до лучших мировых стандартов; формирование эффективного и многофункционального транспортного кластера и превращение российского железнодорожного транспорта в экспортёра транспортных продуктов, технологий и технических решений и др.

● **Проект-программа – ТРАНСНЕТ¹** – российская глобальная геоэкономическая инициатива: формирование сетевого глобального транспортного кластера как единой мировой логистической системы, в которой:

- национальные транспортные звенья (плечи) включены как модули, адекватные по своему составу;
- обеспечиваются взаимосвязи существующих различных транспортных систем (ж/д, авиа, автомобильной, морской и др.);
- обеспечивается создание единых рынков объектов транспортной инфраструктуры и транспортных услуг.

● Российский инновационный **проект-программа – «Меридианальная транспортно-коммуникационная система – “Великая Волга”**». Речь идёт о создании сквозной водно-железнодорожной транспортной системы, выступающей в качестве эффективно функционирующей транспортной системы Север – Юг (Иран – Норвегия).

● Российский инновационный проект-программа – **«Индустриальный север и российский промышленный Урал – инфраструктурное обустройство**». Речь идёт о «свинчивании» потенциальных возможностей западноевропейских корпораций и потенциала примышленного Уральского региона во взаимовыгодном обустройстве ареала мирового роста на базе постиндустриального геоэкономического вектора развития. Здесь просматривается тесное взаимодействие с широким кругом зарубежных фирм, заинтересованных в реализации этого проекта.

Эти проекты приведены в качестве иллюстрации масштаба, уровня и возможных конкретных шагов в реализации *российской глобальной стратегии-инициативы «Геоэкономическая модель выхода к мировому доходу»*.

Четвёртое. Незамедлительно приступить к внутрироссийским геоэкономическим преобразованиям – геоэкономическими процессами необходимо управлять! Не спонтанные всплески активности, а постоянная (ежедневная!) работа в области геоэкономической стратегии!

Программа действий

- подготовить «Геоэкономический манифест»;
- сформировать «Программу геоэкономических действий». В «Программе» два блока: а) визуализация ситуации; б) собственно программа действий.

Здесь первоочередные задачи:

1. Формирование российского интеллектуального геоэкономического ядра специалистов – учреждение Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования (ГНАЦСП). Его задача – стратегический мониторинг глобальной (геоэкономической) ситуации на базе широкоформатного использования отлаженных связей с соответствующими структурами (по принадлежности); проигрывание глобальных ситуаций и подготовка в постоянном режиме «опорных» стратегических инициативных предложений по освоению геоэкономического пространства, исходя из меняющейся ситуации.

Речь идёт о принципиально новой структуре – *мозговом центре*. Глобалистика и геоэкономика задаёт ему высокую интеллектуальную планку. Исходя из уровня и масштаба задач, стоящих перед страной здесь не отделаться традиционной информационно-аналитической службой, их сотни, они мастерски «фотографируют» ситуацию, это уровень экспертов. Мозговой же центр это совершенно другой коленкор. Таких Центров в мире не много, но именно они держат талию, именно они постоянно подпитывают руководство новейшим интеллектуальным продуктом и прорывными инициативами, обеспечивающими продвижение к намечаемым целям. Они, как правило, очень компактны, не очень дороги. Там работают специалисты «штучного» класса. Они у нас есть. Нужно принять принципиальное решение по созданию такого Центра, и приступить к кропотливой работе по его комплектованию. Здесь проблем не будет.

В составе «Геоэкономического центра»: представители властных структур, реально принимающие стратегические решения; представители научного концептуального звена; представители российского бизнес-сообщества, обладающие ресурсами и нацеленностью на стратегическое оперирование на мировом геоэкономическом атласе мира; представители внешнеполитических, внешнеэкономических и силовых структур. В целом состав такого «Центра»: 15–20 человек. Организационно-правовой статус Центра – *организация частного типа с возможными элементами частно-государственного партнёрства* (как вариант).

2. На первом этапе работы ГНАЦСП надлежит:

¹ Сама идея и очень удачный термин ТРАНСНЕТ предложены известным российским аналитиком С.Н. Белкиным по аналогии с ЭНЕРГОНЕТ (2009 г.)

I. Развернуть работу по подготовке проектов «Государственная геоэкономическая доктрина развития России» и «Геоэкономическая концепция внешней политики и стратегии Российской Федерации». При формировании геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики.

II. Разработать и принять Закон-доктрину об общих принципах поведения в глобальных геоэкономических условиях, а также другие нормативные акты (в т. ч. дополняющие международные правовые нормы, например, учреждение *геоэкономического трибунала* как противоядия от геоэкономических войн) регулирующие взаимоотношения участников оперирования на геоэкономическом атласе мира.

III. Назрела острая необходимость создания государственного органа – Геоэкономического комитета (ГЭК).

Основная задача Геоэкономического комитета – координация оперирующих на мировой и отечественной хозяйственной арене отечественных и зарубежных структур, формирование Геоэкономического атласа мира и его мониторинг в постоянном режиме, прогнозирование геоэкономических ситуаций с целью своевременного выхода российских хозяйствующих организаций к ареалам мирового и регионального роста, выработка в координации с МИД и другими структурами геоэкономических векторов на мировой арене, формирование программ и проектов стратегического плана, в том числе инфраструктурных. Сейчас это направление принимает особую важность. Геоэкономическое (программно-сетевое, производственно-инвестиционное) сотрудничество в целях успешного и эффективного решения задач по модернизации российской инфраструктуры требует всемерного развития «структуроформирующих» («инфраструктурных») сделок на базе таких товарных форм как «товар–объект», «товар–программа», способных в сжатые сроки и комплексно (это их основное качество и преимущество!) решать проблему инфраструктурного обустройства на базе строительства объектов «под ключ». Эти сделки несут в себе «материализованные» инновационные прорывы.

IV. Приступить к формированию реестра российских ударных финансово-промышленных структур (групп) стратегического статуса как носителей национальных геоэкономических интересов России с обеспечением их защиты со стороны государства.

V. Выйти на новый, геоэкономический уровень разработок проблем национальной безопасности, используя научный задел в этой сфере. При этом особый упор сделать на проявлениях новых вызовов и угроз, опасности отставания России в темпах освоения геоэкономического пространства, что чревато перерастанием здоровой конкуренции в геоэкономические войны.

VI. Приступить к созданию электронной (компьютерной) версии геоэкономического атласа мира, а также его российской (национальной) части как поля для оперирования в мирохозяйственной системе и принятия стратегических решений. Подготовить техническое задание на создание электронной версии геоэкономического атласа мира и на его основе – создание «геоэкономической ситуационной комнаты» для геоэкономического мониторинга и анализа мировой геоэкономической ситуации.

VII. Приступить к научно-концептуальной проработке новейших высоких геоэкономических и геофинансовых технологий оперирования в геоэкономическом пространстве в целях оснащения ими ударных российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса.

VIII. Кадры. В России назрела острая необходимость в подготовке в высших учебных заведениях специалистов в области глобалистики и геоэкономической стратегии. Приступить к формированию высшего профессионального образовательного учреждения – Федерального геоэкономического университета.

IX. Шире использовать опыт научного и общественного обсуждения проблем геоэкономики и глобалистики, геоэкономической парадигмы мирового и национального развития. Сформировать Фонд поддержки исследований глобалистики и геоэкономики, издания журнала «Геоэкономика и глобалистика», а также научных монографий, учебников, словарей, учебных пособий и т. д.

X. В содружестве с Постоянно действующим Форумом «Запад – Восток: интеграция и развитие» и «Общественной академией наук геоэкономики и глобалистики» развернуть работу по проведению как в России, так и за рубежом форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов» по геоэкономической тематике (их организация, подготовка материалов: развернутых докладов, выступлений, проектов решений и резолюций, плана мероприятий по совместной реализации инициатив и т. д.) с участием в них представителей Администрации Президента и Правительства России, заинтересованных Комитетов Совета Федерации, Государственной Думы, министерств и ведомств, общественных организаций, бизнеса и научных структур. По итогам проведения этих мероприятий организовать обобщение материалов, подготовку и издание сборников, и их рассылку заинтересованным органам исполнительной и законодательной власти.

Уже просматриваются первоочередные (ближайшие) тематические проблемные вопросы для обсуждения, вопросы проясняющие смысл современных мировых трансформаций, роль и место России в новом раскладе мировых геоэкономических сил:

- Геоэкономическая стратегия России и новый инфраструктурный геоэкономический ландшафт: совместные проекты в ареалах мирового экономического роста;
- Посткризисный мир – новые российско-европейские геоэкономические структуры и институты;
- Гуманитарные аспекты посткризисных перемен: грозит ли миру социальный взрыв;
- Глобальная безопасность и её российско-европейский вектор: новая расстановка геоэкономических сил;
- Европейские интеграционные тенденции: от локального к глобальному;
- Российско-европейская банковская система в условиях развития геоэкономики;
- Мирохозяйственная система на пути воспроизводственной интернационализации;
- Российско-европейские валютно-кредитные отношения: выход на новый этап сотрудничества;
- Российско-европейские трансграничные системы и их роль в формировании и перераспределении мирового дохода;
- Геоэкономический образ России в мировом стратегическом раскладе;
- Глокализация геоэкономического пространства;
- Новый промышленный мировой ландшафт: геоэкономическая картография.

На **важность поиска нового, объясняющего знания** очень образно и метко обратил внимание известный российский аналитик, публицист и писатель С.Н. Белкин: «...конструктивное объяснение смысла необратимой деформации миропорядка и мироустройства на рубеже 2008–2009 годов занимает сегодня лидирующее место в обеспечении конкурентоспособности каждой страны – сегодня это самый дорогой товар, самый наукоемкий». В нашем случае объясняющее знание включают основные блоки: научно-концептуальная часть, государственно-доктринальный план, круг законодательных инициатив, логистика инновационно-прорывной деятельности.

Назначение этих мер – содействие производительным, интеллектуальным, финансовым сферам России в обеспечении прорыва, объясняющего оптимальные пути и ресурсы выхода России из кризисных перемен без утраты жизнеобеспечения для граждан России и её народов.

Раскрытие тем в докладах и выступлениях базируется на разработанных научно-экспертной группой принципиально новых подходах, фундаментальных основаниях и операционных механизмах объяснения и конструктивного преобразования мировых экономических реалий XXI века, на разработках мировой и отечественной школ геоэкономики и глобалистики.

Подготовка материалов сопровождается использованием (выработкой) новейшего понятийно-категориального аппарата.

XI. Для успешной реализации российской геоэкономической стратегии нужна трибуна. Речь идёт об учреждении журнала международного статуса «Геоэкономика и Глобалистика».

* * *

Как итог представленного исследования отмечу:

необходимо всемерно активизировать процесс освоения геоэкономического пространства, придать значимый импульс по выходу России на широкоформатное оперирование на геоэкономическом атласе мира как ответ на современные вызовы глобализации;

налаживание диалога с нынешними и потенциальными партнёрами на выгодных для России геоэкономических условиях – наша центральная стратегическая задача.

Именно они формируют сегодняшнюю стратегическую «Повестку дня».

Мы уверены в том, что решение острых международных проблем на путях геоэкономического диалога по совместному поиску баланса интересов придаст динамику интеграционному процессу «Запад – Восток» и выведет деловые отношения на новый уровень.

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В.Н. КУЗНЕЦОВ

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ (ГЛОБАЛЬНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА*

Сегодня, с учётом уже опубликованных (и озвученных) на разных языках итогов исследований причин глобального кризиса 2008–2009 годов; изучения концепций и механизмов, результатов действий по его преодолению и минимизации последствий обозначилась и глобальная востребованность новой концепции достойного развития.

Востребована ясная и понятная, динамичная концепция культуры развития человека, народов, государства, общества, всей цивилизации XXI века. Востребована и новая архитектура международной (глобальной) безопасности через культуру развития.

1. ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НОВОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА, НАРОДОВ, ГОСУДАРСТВ, СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Лето и осень 2009 года всё более отчётливо выявляют реальную глубину и масштабность действительно глобального кризиса всех сфер жизнеобеспечения всех людей, всех народов и всех государств.

По сути можно утверждать, что состоялись фундаментальные перемены в функционирующих моделях и практиках образов жизни человека и народа; моделях и практиках проблем мира, безопасности и войны; моделях и практиках миропорядка и мироустройства.

Полагаю, что правомерно определить общий глобальный объект изменений – потребительский образ жизни, понимаемый в динамике как движение к сверхпотреблению, к культуре потребления.

Цель представленной статьи – осуществить исследование становления основ авторской теории, методологии и эвристики культуры глобального развития в XXI веке человека, народов, общества, государства и цивилизации.

Эта формирующаяся концепция изменений, перемен, развития, прогресса ориентирована на конструктивное преодоление функционирующих целей, ценностей, идеалов, интересов в современном образе жизни миллиардов людей через потребление, культуру потребления.

Размышления над причинами глобального кризиса, его ходом; возможными контурами мира после кризиса; реальностью (с высокой степенью вероятности) возникновения глобальной войны как способа преодоления кризиса (как было два раза в XX веке) способствуют созданию эффективной и востребованной теории развития как теории культуры развития.

Таким образом, главным гуманитарным смыслом для Российской Повестки Дня на 2010 год, для Глобальной Повестки Дня, посвящённых 65-летию Великой Победы в войне 1941–1945 годов против фашизма становится ожидаемое всеми народами мира новое созидательное качество Глобальной Игры.

Народы России вместе со всеми народами мира в сложных событиях кризисных перемен 2008–2009 годов создали и предлагают всему миру как главный игрок, субъект Глобальной Игры – Глобальный Проект сохранения и упрочения правды и честности, доверия и справедливости, ответственности на основе новой методологии, концепции, технологии, процессуальности и практики глобальной, создающей модели культуры развития каждого человека, всех народов мира, всех стран в XXI веке.

* Статья подготовлена на основе итогов исследований, изложенных в публикациях 2008–2009 годов: Кузнецов В.Н. Мир после кризиса: Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации. М.: 2009 (август); Кузнецов В.Н. Социология глобального компромисса. К апрельскому совещанию «двадцатки» 2009 года в Лондоне. М.: 2009 (март); Кузнецов В.Н. Особенности становления и функционирования глобальной социологической геокультурной объясняющей модели современных всемирных кризисных перемен: экономических, финансовых, правовых, политических, гуманитарных, институциональных. М.: 2008 (декабрь); Кузнецов В.Н. Безопасность и справедливость как смысл стратегии развития России в XXI веке // НАВИГУТ. 2008. № 3; Кузнецов В.Н. Возможность и достижимость для каждого человека жизни по справедливости, по правде – главный смысл глобальной гуманитарной безопасности XXI века. М.: 2008; Кузнецов В.Н. Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века. М.: 2008; Кузнецов В.Н. ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. Т. I. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М.: 2008; Кузнецов В.Н. ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. Т. II. Социология справедливости. Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас. М.: 2008; Кузнецов В.Н. ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. Т. III. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект. М.: 2009.

Стратегия культуры развития России, культуры развития всего мира в XXI веке через культуру развития духовной сферы становится основанием нового гуманизма, новой модели миропорядка, новой модели мироустройства.

Сегодня это принципиально новый, глобального значения вопрос для всех нас.

Нам в считанные дни, месяцы и годы надо понять, оформить и обеспечить общероссийское и мировое (глобальное) согласие по основным аспектам культуры развития.

Компромисс, согласие, консенсус как гуманитарная инновация через гуманитарное воспитание становится главным и единственным способом выживания и достойного, экологически безопасного развития в контексте стремительного нарастания изменения климата, тревожных изменений среды жизнеобеспечения всех людей и всех народов.

Именно правда и честность, доверие и справедливость, ответственность уже стали главными индикаторами движения к культуре развития.

Урок первый

В недели и дни июня и июля 2009 года оформился **«феномен Байдена»**. Вице-президент США Джозеф Байден известен как один из вдохновителей агрессии, войны США, НАТО и ЕС против Югославии в 1999 году, как один из расчленителей Сербии и творцов «эффекта самостоятельного и независимого Косово», на территории которого создана (на странных условиях) одна из самых больших и загадочных военных баз США. Именно Дж. Байден – один из вдохновителей руководителей Грузии в событиях июля–августа 2008 года, в подготовке новых событий на август–сентябрь 2009 года.

Собственно «феномен Байдена», по моему мнению, оформился в мировом общеполитическом и научном дискурсе 5 июля 2009 года. По ходу воскресной телевизионной программы на канале ABC вице-президент США Дж. Байден сделал заявление, которое ошеломило весь мир. Смысл его заявления: «Вашингтон не будет препятствовать Израилю если тот решит нанести удар по ядерным объектам Ирана»¹. В главной газете России Владислав Воробьев был вынужден фактически оформить «феномен Байдена»: «Почему Вашингтон не хочет отговорить израильтян от развязывания Третьей мировой войны?»².

Как тревожная фундаментальная особенность современной глобальной политики «перегрузки опасности войны XXI» странная деятельность вице-президента США Дж. Байдена утвердилась во второй половине июля 2009 года после его «странного» визита на Украину и в Грузию. В ходе интервью газете «The Wall Street Journal», опубликовано 25 июля по завершении визитов, Байден «в февралье этого года призвавший к "перезагрузке" в отношениях» США и России, «неожиданно вернулся к риторике прежней администрации Буша, причём в ряде высказываний ее превзошел»³.

Михаил Ростовский предложил для мирового дискурса о политике безопасности конструкт **«эффект Байдена»**. Он уважительно пишет о Байдене: нынешний «вице-президент США – слишком опытный специалист по внешней политике... Его хамоватая откровенность ни в коем случае не была экспромтом. Возникает вопрос: **какого именно эффекта Байден хотел добиться таким способом?** Вариантов, по сути, всего два, – уточняет М. Ростовский. – Или в Вашингтоне уверены, что мы у них уже в кармане и без чрезмерного политеса вполне можно обойтись. Или у нас, напротив, хотят выбить какие-то уступки. Например, в вопросах сокращения стратегических вооружений. В своем интервью Байден четко дал понять: в Вашингтоне осознают, что Россия с головой окунулась в разоруженческую проблематику не из желания сделать кому-то приятное, а исходя из своих собственных интересов. Вполне возможно, что это намек.

Так или иначе, но впервые употребивший слово "перезагрузка" Байден блестяще показал, как к нам в реальности относятся в администрации Обамы: без нелюбви, но с нулевым количеством сантиментов. Мы должны ответить янки той же монетой. Другого языка они, к сожалению или к счастью, не понимают»⁴. (Выделено мною. – В.К.).

Россияне хорошо помнят Василия Ключевского: *«История ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков»*.

«Феномен Байдена», «эффект Байдена» инициируют необходимость тщательно и подробно ещё и ещё раз осмыслить причины и механизмы втягивания многих стран во Вторую мировую войну, участие многих народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945, роль СССР в освобождении народов Европы от гитлеровской оккупации.

Эти предварительные соображения и позволяют содействовать пониманию подхода автора статьи к формулированию научной проблемы исследования, его новизны и особенностей, предмета исследования и рабочей гипотезы, обоснованию самой возможности исследования, его структуры и места в современном научном дискурсе.

¹ Воробьев В. Атом на мушке // Российская газета, 2009, 9 июля. С. 8.

² Там же.

³ Строкань С., Сидоров Д. А теперь перезагрузка. Вице-президент США подверг испытанию отношения новой администрации с Россией // Коммерсантъ, 2009, 27 июля. С. 1.

⁴ Ростовский М. Нагрузка к перезагрузке. Что у Обамы в голове, то у Байдена на языке? // Московский комсомолец, 2009, 27 июля. С. 2.

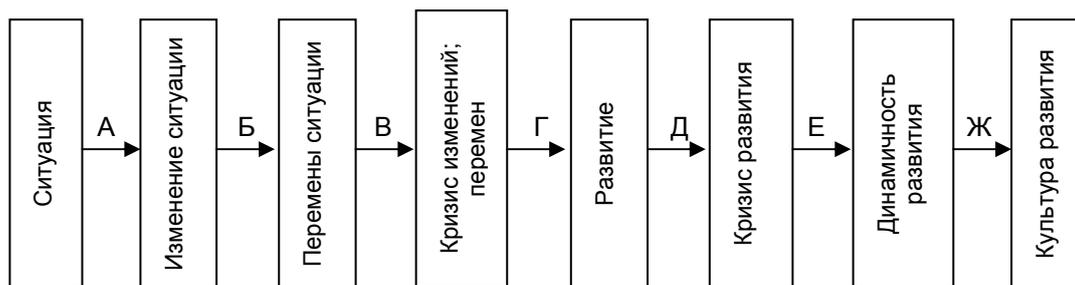
Самая **главная идея** моего исследования, инновационная и фундаментальная, представлена в содержании конструкта «культура развития».

Первым шагом в понимании сути предложенного феномена может послужить примерная **концептуальная схема исследования**, включающая сеть слабых взаимодействий (см. рис. 1).

Вторым шагом можно обозначить реальность прерывности, парадоксальности и нелинейности продвижения от исходной ситуации через изменения, перемены, кризисы к культуре развития. Здесь на рисунке 1 обозначения А, Б, В, Г, Д, Е, Ж соответствуют социальным и гуманитарным взаимодействиям, способствующим самим изменениям.

Рисунок 1

Взаимодействия в сфере культуры развития

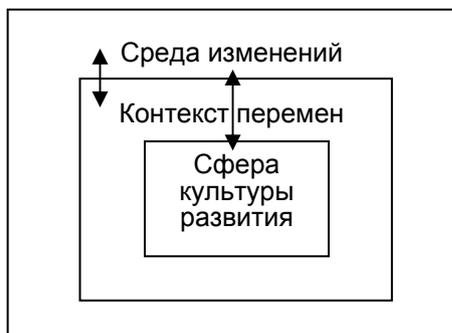

Суть инновационности рассматриваемого авторского подхода к феномену «культура развития» в методологизации, концептуализации, институционализации созидательного подхода к смыслам и реальностям повседневной жизни людей на основе приоритетности культуры жизни и культуры мира, содействующих поступкам каждого человека, учреждающих каждодневно его достоинство, справедливость и правду.

Методологическая схема исследования впервые обеспечивает понимание и концептуализацию взаимосвязей на уровне слабых взаимодействий (слабых рисков, слабых связей) *глобальной среды, регионального контекста и локального* институционально-сетевого феномена (как культурного явления) в условиях реального масштаба (пространства) и времени (см. рис. 2).

Рисунок 2

Взаимодействия в сфере культуры развития

Актуальность и востребованность научной проблемы исследования «культуры развития» для каждого человека, всех народов и государств, современной цивилизации может быть определена как необходимость преодоления всеобщей модели развития для потребления и сверхпотребления с неизбежностью всеобщего антагонистического противоречия, разрешаемого противоборством культуры жизни, культуры мира с культурой войны и культурой смерти.

Таким образом, изучение теории и методологии становления «культуры развития» реально вводит различие между культурой жизни, культурой мира и культурой безопасности с противостоящей им культурой потребления, культурой войны и культурой смерти.

В итоге оформляется понимание источника динамики, энергетике и воли как главное антагонистическое противоречие между культурой жизни, культурой мира и культурой развития с противостоящей им культурой смерти, культурой войны и культурой потребления.

Рабочая гипотеза автора статьи может быть определена так: летом и осенью 2009 широкий круг российских учёных, экспертов, специалистов, заинтересованных граждан «складывают», обдумывают и обсуждают основы новой методологии и теории культуры развития России, Евразии, современной цивилизации.

Я, как автор представленной концепции культуры развития, как и многие другие авторы, убеждён в том, что *самое важное, самое эффективное и самое необходимое для оптимального преодоления кризиса, для жизнеобеспечения людей и народов после кризиса – это динамичная, надёжная и востребованная людьми и обществом хорошая методология и теория культуры развития.*

Полагаю, что здесь уместно привести размышления известного политолога Николая Васильевича Злобина, директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США, Вашингтон), по поводу доверия и ответственности в России и США за судьбы мира в 2009 году, в последующие годы. «Складывающийся миропорядок противоречив, – пишет он в своей книге "Второй новый миропорядок". – США и России будет непросто защищать в нем свои интересы, тем более что они по-разному оценивают опасность иранской ядерной программы и ядерного терроризма, у них нет согласия по политике в Евразии, энергетической безопасности, роли НАТО и т. д. Имеются разногласия и по вопросам демократии и прав человека, свободы слова и развития гражданского общества в России. Все это требует честного, пусть и болезненного, обсуждения, а оно невозможно без восстановления доверия между странами, их элитами и обществами. Как этого добиться – главный вопрос. Сегодня создано своеобразное "окно возможностей" для быстрого качественного прорыва в отношениях. Оно может неожиданно закрыться, а повторится такой шанс еще не скоро»¹.

Дополню этот тезис Николая Злобина его суждением, представленным на страницах газеты «Комсомольская правда» в интервью по поводу презентации им 27 мая 2009 года своей книги «Второй новый миропорядок» в России. «Сегодня влияние будет у тех стран, которые создадут более привлекательные модели внутреннего развития, – констатирует Н.В. Злобин. – Окончание "холодной войны" никому не принесло пользы. Ни победителям, ни проигравшим. Мы живем в мире лунатиков, которые занимаются экспромтом. Никто не создал привлекательной модели развития. Любое государство, которое создаст эффективную модель, станет гораздо влиятельнее, чем даже Америка»².

В представленной статье автор предполагает рассмотреть только основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и государства.

Некоторые особенности и моей гипотезы исследования, и моего подхода к сущности теории культуры развития уместно отметить уже во введении к представленной работе.

- Исходное условие теоретического и методологического преодоления глобального кризиса и осуществления благоприятных конструктивных изменений, перемен, культуры развития после кризиса – участие самого широкого круга граждан, народа в желательных переменах.

- Главным субъектом создания ключевых смыслов культуры развития с последующим управлением гуманитарными и социальными созидательными изменениями является народ: здесь и сейчас речь идёт о «концерте народов России», «концерте народов Азии, Европы, Евразии и всего мира».

- Автор в своих исследованиях руководствуется геокультурной научной парадигмой и единой гуманитарной парадигмой, основывающейся на существенном единстве геокультуры, геоэкономики и геополитики.

- Особое значение в исследовании обращено на возможность следовать новой модели рациональности – «культурной рациональности». Автор статьи с благодарностью воспринимает трактовку особенностей функционирования модели культурной рациональности, предложенной известным социологом и философом Олегом Николаевичем Яницким. В «российской истории было слишком мало рациональности с большой буквы, – поясняет он: – всё больше "любой ценой и во что бы то ни стало". Может быть "парадоксальность" русского человека ещё и в том, что в этих условиях он выбирает иную – культурную – форму рациональности? В отличие от научной культурной рациональности придает равное с нею значение личностному и групповому опыту, включая опыт семьи и прошлых поколений. Концентрируя внимание на восприятии и оценках местных (что не равнозначно понятию "традиционных") групп, адепты культурной рациональности рассматривают "неожиданные" для властей или академических экспертов последствия научно обоснованных решений как релевантные для социологического анализа. Соответственно, трактовка адептами культурной рациональности "общественного восприятия риска" иная. Она, находясь за пределами выявленных статистических вероятностей и калькуляций типа риск-выгода, интерпретирует это восприятие как "иную форму рациональности, которая определяется обстоятельствами, в которых риск выявляется и становится публичным, будь то положение или место индивида в его/её местном сообществе или общие ценности последнего. В этом отношении культурная рациональность может быть понята как рациональность социального мира жизни" (Ф. Фишер).

Для моего видения задач исторической социологии принципиально важно, – уточняет О.Н. Яницкий, – что культурная рациональность обуславливает *иную логику принятия решений*. Эта логика проявляется особенно тогда, когда население подозревает, что его обманывают или манипулируют его мнением. В подобных случаях население оценивает решения, предлагаемые ему экспертами, опираясь на собственный социальный опыт. Очевидно, что вопрос о *доверии* здесь является ключевым. Как показывает российский опыт развития социально-экологических конфликтов, чем выше для населения неопределенность ситуации, возможного риска, опыт уже

¹ Злобин Н.В. Второй новый миропорядок: Геополитические головоломки. М.: 2009. С. 315.

² Вандышева О. Китай не станет лидером. А Россия может попробовать // Комсомольская правда, 2009, 27 мая. С. 7.

понесенных потерь, тем вероятнее, что его поведение и социальные требования будут строиться именно в соответствии с моделью культурной рациональности»¹.

- В содержании теории культуры развития, в методологии исследования перемен автор для всех основных гуманитарных тенденций в становлении и стартовом функционировании концепции культуры развития исключительное значение придаёт культуре жизни, культуре мира и культуре безопасности. Именно в таком ключе я понимаю важнейшее замечание, сделанное лидером КПРФ Г.А. Зюгановым 7 июля 2009 года в ходе встречи с президентом США Бараком Обамой. «Я напомнил ему, – сообщает он читателям газеты "Правда", – что два предыдущих системных кризиса капитализма закончились двумя мировыми войнами. И сегодня многое будет зависеть от грамотных согласованных действий ведущих мировых держав, чтобы мир не сполз в пучину глобальной катастрофы»².

- На рисунке 2 *среда изменений* трактуется автором как модель не-Западного мироустройства (на фоне других многочисленных моделей). *Контекст перемен* трактуется автором как Московско-Шанхайская модель миропорядка (на фоне других моделей миропорядка).

- Среда изменений, контекст перемен, сфера культуры развития трактуются автором статьи как нестабильные, возмущённые для 2008–2010 годов ходом глобальной структурной гуманитарной революции, обусловившей, главным образом, весь глобальный кризис 2008–2009 годов.

2. КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ НАРОДА И ОБЩЕСТВА, РОССИИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ЧТО ИМЕЕМ

Для середины июля 2009 года характерен интенсивный обмен мнениями учёных, экспертов, самих граждан, государственных деятелей о природе и структуре глобального кризиса 2008–2009 годов. В ходе завершившегося 10 июля саммита G8 в итальянском городе Аквиле лидеры «восьмёрки» вместе с главами ещё 19 государств, вместе с представителями ЕС, Афросоюза и ещё семи международных организаций констатировали наличие всеобщей глобальной угрозы от развёртывания кризиса на всех континентах, которая может сохраниться до конца 2010 года.

Определённо сложилось понимание как в Аквиле, так и на других дискуссионных площадках, что действующая модель глобального, регионального и национального развития с ориентацией на потребление изжила себя и стала одной из существенных причин возникновения и продолжения кризиса.

Известный российский экономист Владислав Иноземцев, применительно к особенностям кризиса в США, предложил конструкт «культура перепотребления»³.

Важно отметить, что российская, европейская, мировая наука уже в июне–июле 2008 года выявила и стала изучать факторы, инициирующие опасный кризис для всех.

На состоявшейся первой сессии по стратегическому сценированию в г. Модена (Италия) 7–9 июля 2008 года «Мировые финансы: Новые инициативы» ведущие европейские и российские эксперты обсуждали вопросы позитивных возможностей методологии осуществления самостоятельных и согласованных инициатив России и Италии, финансовые и правовые аспекты и проблемы прямых инвестиций в новые инфраструктурные проекты, преодоления проблем глобального финансового кризиса, выработки новых дополнений в разработанные инициативы «Новый Бреттон Вудс».

Необходимо отметить, что в докладе профессора Юрия Громыко; в выступлениях профессоров Валенса Нунцио Роберто, Витанджели Джиорджио, зам. министра финансов Италии (2006–2008 гг.) Летиери Марио красной нитью представлена методология глобальной безопасности как целостное воплощение важнейших смыслов: культура, солидарность, честность, законность, благо.

Автор статьи в своих выступлениях по темам: «Справедливость, Правила Игры» (это первая встреча), определял их как узловые точки для создания инфраструктурных платформ, производственных мультисистем на основе принципиально новых научных решений. Совершенно новое качество получило звучание категории справедливости в выступлениях известного русского психолога Юрия Громыко, сенатора Педрици Рикардо, ведущего итальянского экономиста Раймонди Паоло, когда речь шла о глобальных проблемах безопасности, влияющих на благополучие и счастье сотен миллионов людей: сохранности различных пенсионных фондов, операциях с дериватами.

Важно отметить, что сама встреча, сама дискуссия о поиске через «справедливость» новых подходов к **проблемам безопасного мироустройства** была организована по инициативе Форума «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие».

Споры о Московско-Шанхайской модели миропорядка, о новой архитектуре и смыслах региональных и глобальной безопасности – отнюдь не виртуальные споры. Речь

¹ Яницкий О.Н. Историческая социология: поиск истины // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 146–147.

² Зюганов Г.А. «У Обамы есть шанс сделать шаг навстречу России». Лидер КПРФ о встрече с президентом США // Правда, 2009, 9 июля. С. 1.

³ Иноземцев В. Тиски для пузырей: Барак Обама предложил миру новый финансовый порядок // Новая газета, 2009, № 72, 08.07. С. 12.

идёт не только о гуманитарной составляющей, речь идёт о конкретном управлении миром, мировой финансовой системой.

Что ждёт цивилизацию, мировую экономику, мировые финансы? Как влияет мировой экономический кризис на возрастание неуверенности и резкий скачок депрессии населения многих преуспевающих стран? Что толкает США к осуществлению авантюрных сценариев, способствующих региональным конфликтам, как это было в Южной Осетии? Что делать и каким путём идти в 2009 году?

Эти и другие вопросы сегодня волнуют не только учёных, политиков, но и многие миллионы людей. Идёт поиск важнейшего для всех решения. А выход – один. Нужно договариваться, нужно искать совместный механизм компромисса. **Но Как и по Каким Правилам Игры?** Ведь Игроков уже вполне достаточно: США, Евросоюз; Россия и Китай; БРИК; арабский кластер.

Поиски достойных и своевременных путей достижения понимания широкого спектра гуманитарных взаимодействий, уже сложившихся в пространстве и времени оформившихся проблем мира и войны; экономического и финансового кризиса; бедности и нехватки продовольствия; стремительности негативных изменений климата я и попытался осмыслить в этой статье через социологию культуры развития, культуры мира и безопасности.

Вторая встреча – это моё участие в работе Четвёртой международной конференции «Терроризм и электронные СМИ», которая работала 20–25 октября 2008 года в Пафосе (Кипр). Вот только некоторые темы докладов, «круглых столов»: «Стратегия развития информационной безопасности в мире на ближайшие годы», «Роль СМИ в воспитании толерантности», «Кибертерроризм: реалии и мифы», «Терроризм: освещение электронными СМИ – анализ и обсуждение на основе новостных сюжетов и программ».

Интересен состав (персональный) руководителей этой встречи (см. вставку 1).

Вставка 1	
Оргкомитет международной конференции «Терроризм и электронные СМИ» 20–25 октября 2008. ПАФОС, КИПР	
Сопредседатели:	
Н.Н. БОРДЮЖА	– Генеральный секретарь Организации Договора коллективной безопасности
В.С. КОЗЛОВ	– Заместитель Руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
А.Г. ЛЫСЕНКО	– Президент Международной академии телевидения и радио
Члены Оргкомитета:	
Ю.В. Акиншин	– зам. начальника Управления Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
Б.А. Вишняк	– президент Межрегионального общественного фонда «Образование в третьем тысячелетии»
А.Е. Джазоян	– генеральный секретарь Международной конференции журналистских союзов
Л.А. Золотаревский	– секретарь Президиума Международной академии телевидения и радио
Б.Н. Малахов	– Заместитель директора ДИП МИД РФ
И.А. Пашинян	– Заместитель исполнительного директора МАТР
А.В. Шушеров	– Начальник департамента управления пресс-службы и информации Президента РФ
М. Шиопанис	– Президент «MARKOS SHIAPANIS AND Co LTD CULTURAL EXCHANGES, PUBLISHING & PROMOTION»

Мой доклад «*Методологические вопросы глобальной безопасности в контексте мировой структурной гуманитарной революции*» состоялся 21 октября. Уже по ходу выступления из международной по своему составу аудитории (учёные, журналисты, общественные деятели, дипломаты, работники специальных служб, военные) поступили десятки вопросов. Их содержание, в основном, было посвящено, прежде всего, общеметодологическим вопросам:

- соотношение глобальной безопасности и мировоззрения;
- эффективность методологии геополитики, геоэкономики, геокультуры в осмыслении и понимании всемирного финансового, экономического, политического и нравственного кризиса;
- методологические и концептуальные основания в понимании возможности возникновения глобальной ядерной войны как кардинального способа преодоления глобального кризиса однополярного мира;
- методология и методика сохранения мира и безопасности.

22 и 23 октября в ходе «круглых столов» мне снова и снова предоставляли слово для ответа на заданные вопросы (в отмеченном выше контексте). Естественно, мои ответы вызвали новые вопросы.

Определённо могу констатировать, что такого массового, пронизательного, уважительного действительно научного дискурса по сложнейшим проблемам методологии и теории глобальной безопасности я ещё не встречал.

Итоги этих двух встреч (**Модена** – июль 2008, **Пафос** – октябрь 2008) помогли мне исследовать наиболее важные вопросы формирования социологической геокультурной теории глобальной безопасности, концепции и методологии культуры развития.

Представляется возможным сформулировать ряд соображений.

Прежде всего, отметим, что процесс институционализации теории культуры развития органично соединил в целостную совокупность: кооперативное взаимодействие; целерациональное действие; свободу в позитивном контексте и ответственность как желательную необходимую ценность; доверие и согласие; обязательность заботы о безопасности другого; безусловное подчинение закону. Таким образом, мы имеем реальную основу создания идеальных типов (в смысле М. Вебера) основных институтов общества; основных институтов обеспечения безопасности человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. В итоге гуманитарная наука, социология, прежде всего, обретает конкретные условия для исследования самого широкого спектра институциональной динамики, т. е. перемен в состоянии безопасности институтов.

Во-вторых, уже сама острота дискуссии в российском обществе в 2000–2009 годах по вопросам методологии развития России; целям, субъектам и объектам развития; ресурсам развития, темпам и предполагаемым результатам на этой стадии анализа позволяют, на мой взгляд, перейти от понятия «безопасность через развитие»¹ к понятию «безопасность через компромисс», «глобальная безопасность через правду и справедливость», «культура развития через культуру мира и безопасности».

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: институционализация процесса анализа и обеспечения культуры развития действительно оформляет фундаментальные основы для становления социологии глобальной безопасности, культуры безопасности, геокультуры как фундаментальной научной дисциплины.

Перспективы, учитывающие возможности сетевого подхода, наиболее полно подтвердились в результатах анализа. Действительно широкое развитие сети неправительственных объединений (НПО) как «третьего сектора» придаёт новое позитивное качество гуманитарному взаимодействию людей между собой, с властными структурами, с бизнесом². Полагаю, что представленные рассуждения подкрепляют итоговый тезис о том, что сетевой подход, сетевая методология способны обогатить изучение проблем геокультуры качественно новым информационным подходом, доказательными технологиями участия самого человека в обеспечении своей безопасности и безопасности другого человека.

Вместе с тем, здесь много проблем нуждается в обстоятельном анализе и, прежде всего, речь идёт о таких феноменах, как «диалог между цивилизациями», «культура жизни», «культура мира». Их опыт находится на исходной стадии гуманитарного анализа.

Строительство и обновление всех основных звеньев безопасности человека и современной цивилизации предполагает, прежде всего, значительный интеллектуальный этап. Здесь идёт непрерывная работа по формированию новой локальной и новой глобальной безопасности для народов Азии, Европы и других континентов.

Следующий вывод нам помог сделать Павел Малиновский, сотрудник кафедры политпсихологии ИНИОН. «Россия сейчас переживает цивилизационный кризис, – отметил он в беседе с журналистом Александром Никоновым, – кризис идентичности. После распада республик СССР по своим «квартирам» каждая из них должна была ответить на вопрос: к какой цивилизации она принадлежит? Вопрос этот встал и перед Россией. Что дальше делать? Новую страну создавать? Или воссоздавать старую? А если старую, то какую именно? И, в конце концов, все сведется к вопросу о смысле жизни... Те же, кто терял смысл жизни, погибал в течение нескольких дней. Если граждане страны могут ответить на вопрос, зачем они живут и ходят на работу, – страна существует»³.

Суть вывода: нам всем нужен Большой Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России (Проект В.В. Путина).

А Смысл нашей общей работы такой: мы в 2003–2009 годах создали Большую Методологию и Большую Теорию: новую концепцию мироустройства XXI века; новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова); новую теорию глобальной безопасности; новую теорию российской государственнической объединяющей патриотической идеологии; теорию компромисса; новую геокультурную научную парадигму, новую теорию культуры развития.

¹ Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. М.: 2000.

² Сухарев А. Мировой опыт институционализации НПО-среды и поддержки НПО-дипломатии // Безопасность Евразии. 2009. № 2.

³ Малиновский П. Психология власти: смысл жизни и национальная идея с точки зрения политической психологии (Беседовал А. Никонов) // Огонёк. 2003. № 4. С. 23.

Отмечу, что в самом процессе становления социологии культуры развития присутствует связь времён: прошлого, настоящего и будущего.

В её структуре необходимо вычленив в содержательном плане несколько важнейших элементов. В их числе:

- геокультурная самоидентификация, аккумулирующая историческую память человека (прошлое), реализующая потребность в самосохранении;
- оценка и самооценка семьёй своего социального статуса, своей социальной и культурной роли, осознание их возможных изменений под влиянием определённых факторов и обстоятельств, детерминирующие в своей совокупности механизм саморазвития: в этом осуществляется институционализация настоящего.

В структуре геокультуры могут быть выделены ожидания и притязания народов, которые проявляются в требованиях, программах, протестных и иных движениях, в которых оформляется готовность к самозащите целей, идеалов, ценностей и интересов в ситуации возникновения для них угрозы потери социальных перспектив их реализации, – здесь осуществляется институционализация будущего (синтез перспектив).

В качестве самостоятельного элемента может быть обозначена геокультурная позиция, основу которой составляет мировоззрение. Здесь осуществляется оценка геокультурного опыта: обеспечивается связь времён – прошлого, настоящего и будущего, реализуется историческая преемственность в деятельности поколений.

Отсюда ответственность нас, граждан своих стран, и учёных за теоретический анализ содержания и структуры нового переустройства мира, за создание работающей и востребованной социологической теории культуры развития.

После 8 августа 2008 года новые фундаментальные глобальные требования от народов мира оформились, по моему мнению, ко всем представителям общественных наук, экспертному сообществу, к работникам (творцам) всех средств массовой информации: стало остро необходимым в сжатые сроки представить действительно стремительно расширившийся спектр глобальных гуманитарных взаимодействий через совокупность адекватных конкретных конструктов, концептов, категорий, смыслов, «измерений», «императивов», «постулатов», «аксиом» и т. д.

Здесь главная, действительно историческая задача: помочь народам мира, – Субъекту Глобальной игры, Субъекту Глобальной Безопасности – миллиардам людей в возможно сжатые, приемлемые сроки понять смысл происходящего, причины и динамику кризисных перемен второй половины 2008 года, выработать достойную и сильную личную позицию, мотивацию и волю к достойным поступкам в реальных ситуациях, в действиях по предотвращению оформляющихся опасностей и угроз жизни людей, их жизнеобеспечению, их достоинству, правде и справедливости.

Интересен тезис известного российского экономиста Михаила Делягина о концептуальных особенностях развернувшихся после 8 августа 2008 года кризисных перемен. «Финансовый кризис – лишь выражение грандиозного комплексного перелома всего мироустройства, – считает он, – сопоставимого по своим масштабам с Реформацией (которой сформировалась современная система организации общества, основанная на государстве)»¹.

Философско-социологический тезис предложил известный и авторитетный автор еженедельника «Завтра» Гейдар Джемаль.

«Для современного человека экономический кризис проявляется, прежде всего, не в коллапсе производительных сил природы (она давно побеждена и работает как машина под действием мощных стимуляторов) – этот кризис для него начинается с девальвации ценных бумаг, – констатирует он. – Попросту говоря, кризис сегодня есть обнуление виртуальных стоимостей, исчезновение смысла в знаках, которые обозначали право на, то или иное количество материальных благ. То есть и сегодня кризис тесно связан с коллизией внутри коллективного сознания, но не в виде того, что природа перестаёт "давать", а в том, что инструменты присвоения этих даров, изобретённые обществом, вдруг перестают этим же обществом признаваться. Вроде как всегда проходил через турникет по своему пропуску, а сегодня пришёл – не пускают!

Обнуление ценных бумаг, утрата стоимости вексельными обязательствами, превращение денег в обойную бумагу... Это только прелюдия к обрушению, как в замедленной съёмке при выключенном звуке небоскрёбов нашего химерического сознания: торговых марок, гламурных брендов предметов роскоши... А за этим могут начать сыпаться вещи посерьёзнее: политические теории, экономические доктрины, наконец, научные концепции мироустройства.

Вот почему так боятся власть имущие упоминания о кризисе: речь идёт не просто о социальном недовольстве выставленных на улицу ("временные трудности" всегда можно объяснить, заболтать, не первый раз!) Нет, кризис по неистребимой тяге человека к гиперреакции ведёт к возникновению неприятных вопросов, которые бросают тень сомнения на всю систему ценностей и мотиваций, коими управляется общество...

Кризис нужен "хозяевам", чтобы приступить к учреждению нового игрового экономического порядка – без участия в нём широких масс населения, без прав народа на долю пирога»².

¹ Делягин М. Антикризисная программа: Проект для обсуждения // Завтра. 2008. Декабрь. № 49. С. 1.

² Джемаль Г. Кризис реальности // Завтра. 2009. № 3. С. 1, 2.

Социолого-философский аспект глобального кризиса в «Новой газете» представил её обозреватель Алексей Поликовский.

«Кризис, о котором сегодня не говорит только ленивый медведь, залегший в раннюю спячку, – это кризис чего? Что сотрясается в конвульсиях, что страдает от боли, что шатается, грозя рухнуть и разбиться на тысячу кусков? Биржевые аналитики полагают, что биржа; экономисты говорят об экономике; банкиры и политики диагностируют тромбы, поразившие банковскую систему... Но на самом деле кризис постиг не биржу и даже не экономику. То, что мы видим перед собой, – это кризис мироустройства, – пишет в преамбуле, "врезе" к статье А. Поликовский... – ...На наших глазах осыпается не только банковская система – идут трещинами принятые нормы поведения. Человек, запустивший в президента Буша ботинком, реагировал на абсурд абсурдным способом. А что делал человек, который закричал на президента Медведева во время его выступления? Он как оглашенный выскочил из всех норм поведения, потому что внутри норм поведения не оказалось воздуха. Там вакуум. Тем же путем двинулись греческие студенты, жегшие костры на улицах Афин и нападавшие на магазины и банки. Если нет легальных способов изменить ситуацию, если социальные колесики и пружинки перестают работать и даже растворяются во времени, как в кислоте, то наступает время полного обвала. Обвал хаотичен и опасен по определению. Внимание, в воздухе кирпичи! Осторожно! То, что вы считаете креслом, сейчас сомкнет челюсти и захрустит костями!

Запредельная, грубая реальность резко вдвигается в наш мир, рвет его тонкую оболочку, впирается грязными ногами на чистые полы и оглушает матерным воплем тех, кто привык к гармонии правильной, состоятельной и удобной жизни. Рушатся не только банки и нормы поведения, рушатся люди: с них облезает окраска, улетают пикейные жилеты и маски благообразия. Уважаемый человек Бернард Мадофф, председатель совета директоров фондовой биржи Nasdaq, арестованный несколько дней назад, на самом деле оказывается строителем финансовой пирамиды и мошенником, укравшим 50 миллиардов долларов. Артур Рыно, московский студент-иконописец, организует банду скинхедов и убивает. Как человек, пищуший святые лики, может убивать? Но дело в том, что внешний мир ослаб и больше не удерживает внутреннего. Внутри безмерно раздутого пузыря оказалась липкая грязь, а из волшебной открытой бутылки возникает не блаженный старик Хатабыч, а целая армия упырей, плутов и убийц»¹.

Суждения М. Делягина, Г. Джемаля, А. Поликовского, а также те «рабочие понятия» которые я уже приводил на страницах представленной статьи, посвящённой становлению новой теории культуры развития, убеждают, по моему мнению, в действительной актуальности новой интеллектуальной «оптики».

Важно продолжить изучение сложившейся методологической и концептуальной ситуации, которая обусловлена наличием определённого расхождения между усложнением, ускорением гуманитарных взаимодействий (их практик) – с глубиной и эффективностью их отражения в теориях общественных наук.

Качественно и сущностно новые процессы в духовной сфере; в сфере интеллектуальных инноваций; в пограничных сферах между гуманитарным и негуманитарным; между идеологическими практиками США, НАТО, ЕС и международного терроризма; между честным выполнением Уставов, соглашений, Правил Игры и нечестным отношением к взятым обязательствам (их тончайшего извращения и нарушения) определённо выявили, по итогам моих исследований слабых взаимодействий, потребность в принципиально новом интеллектуальном аппарате:

- здесь важен сам процесс производства новых «смыслов», процесс изучения их последующего функционирования;
- целесообразно иметь в виду логику и динамику введения в научный оборот возможностей гуманитарных «конструктов» и «концептов», которые могут выразить важные тонкие свойства интеллектуальных практик;
- необходимо изучать весь арсенал уже «работающих» и «создающихся» как общенаучных, общесоциологических «категорий», так и новые «категории», которые функционируют в специальном глобальном научном дискурсе по поводу социологической теории, методологии и практик сферы культуры развития;
- особенно актуально и плодотворно исследовать сам процесс взаимодействий «смыслов», «конструктов», «концептов», «категорий».

А по существу, возможно, наступило время для «гуманитарных нанотехнологий», работающих в сферах слабых взаимодействий.

Здесь, по моему мнению, и может быть создана «новая оптика», позволяющая продвигать методологию и теорию социологических исследований как в пространство и масштаб Ин-

¹ Поликовский А. Обвал, или Кризис мироустройства // Новая газета, 2008, № 94, 18–21 декабря. С. 13.

ституциональной Среды, так и в новые, пограничные области (контекст) взаимодействия Среды и Субъекта, Среды и Объекта справедливости.

В представленном исследовании рабочее понятие феномена «смысл» может быть определено, по-моему, так: *это способ отражения субъектом взаимодействий, функционирующих между ним и тем объектом, на который действия субъекта направлены с ориентацией как на значимый результат, так на важную цель.*

Особенно выделяю такой аспект феномена «смысл»: *во-первых*, смысл создаётся как результат взаимодействия с объектом с учётом влияния среды; *во-вторых*, смыслообразующая функция формируется мотивом, а личностный смысл определяется отношением мотива к цели; *в-третьих*, состоявшиеся и укоренившиеся смыслы могут быть названы важнейшими социологическими единицами сознания человека, формирующими его как гражданина вместе со значениями, через которые и выражаются.

Поучительно, что для сферы гуманитарных наук В.А. Канке соотнёс **«теоретическим конструктам»** требования: непротиворечивости, подтверждаемости и эффективности¹.

Феномен **«концепт»** может быть определён как «понятие, но *понятие*, расширенное в результате всей современной научной ситуации». Этот тезис сформулировал выдающийся специалист по языкознанию Ю.С. Степанов в своей интереснейшей книге «Концепты: Тонкая плёнка цивилизации»². Он уточняет: «Под концептом понимается явление культуры, родственное "понятию" в логике, психологии и философии, исторически – "идеям" Платона...

Осуществление концепта – это, прежде всего, его *имя*, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание, бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное, "недискретное"...

Изучение концептов состоит не в классификации их "осуществлений", а в раскрытии их внутренних мыслительных связей...

В совокупности концептов и их тем открывается какое-то *новое состояние общественной духовной жизни*, не наше, ещё общего имени»³.

И ещё очень важное, по моему мнению, уточнение Ю.С. Степанова. «Понятие "определяется", – констатирует учёный, – концепт же "переживается". Он включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций»⁴.

Важнейшая новая созидаящая, инновационная идея, которая рассматривается автором в ходе всего исследования теории культуры развития – это **конструкт «мир и безопасность»**.

Социология и философия гуманитарных взаимодействий, справедливой деятельности понятна и востребована везде: мы все имеем право на достойную жизнь и справедливое мироустройство; мы все несём ответственность за сохранение и укрепление справедливого мира, за своевременное и надёжное предотвращение сползания многих стран и регионов к возможной ядерной войне⁵.

Суть инновационности социологии культуры развития, социологии мира и безопасности для каждого человека, для всех народов в убедительности и конструктивности обоснования для всех народов мира единства судьбы, нового мировоззрения, жизнеутверждающего самосознания, новых Правил Игры с прозрачным контролем самих граждан за формированием, трансформациями, выполнением Повестки Дня.

Логика последовательности и дополнительности рассмотрения значения выдающейся Миссии Социологии в деле сплочения народов и оформлении созидającego Субъекта современной истории; опережающего исследования нового нематериального (в основном) Объекта глобальной безопасности; ускорения и углубления изучения главных тенденций в формировании, динамике и функционировании национальной, региональной и глобальной Институциональной Среды осуществляются в моей представленной работе в координатах геокультурного подхода, а также институционально-сетевой методологии⁶ (см. схему 1).

Мой подход к «новой оптике» формулируется так: через Культуру – Сеть, Глобальную Игру, Глобальный Компромисс, *«мягкую и твёрдую справедливую гуманитарность»*, *«мягкую и твёрдую интеллектуальность, твёрдую и мягкую умность»*, *«твёрдую и мягкую справедливость»*, культуру компромисса, культуру диалога и культуру предотвращения могут быть своевременно и

¹ Канке В.А. Этика ответственности: Теория морали будущего. М.: 2003. С. 9–12.

² Степанов Ю.С. Концепты: Тонкая плёнка цивилизации. М.: 2007. С. 19.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ На центральный вопрос для понимания специфики любой гуманитарной науки: «...что это такое – быть, жить эффективно» – В.А. Канке отвечает чётко и убедительно. «Жить и поступать эффективно означает, – поясняет он, – быть справедливым, свободным, честным, ответственным». (Канке В.А. Этика ответственности: Теория морали будущего. М.: 2003. С. 41).

⁶ Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура – Сеть. М.: 2003; он же. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1; он же. Социология компромисса. М.: 2007; он же. Россия и Евразия. М.: 2008; он же. Социология идеологии. М.: 2008; он же. Институциональная социология как наука о мироустройстве // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

фундаментально разработаны теоретические основы умной, сильной, справедливой и ответственной культуры развития и национальной безопасности России; справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка, справедливой не-Западной концепции мироустройства.

Схема 1

**Взаимодействие справедливости, несправедливости
и антисправедливости**

Справедливость (мягкая) как предсправедливость T₁		Справедливость (T₂) Свобода Жизнь		Справедливость (мягкая) как Прощение, Дружба, Щедрость, Благожелательность, Великодушие (T₃) T ₃ больше, чем T ₂ и T ₁	
Антисправедливость T ₆	Несправедливость T ₄	<i>Доверие</i> <i>Правда</i> <i>Честность</i> <i>Истина</i> <i>Солидарность</i>	<i>Ответственность</i> <i>Законность</i> <i>Безопасность</i> <i>Консенсус</i> <i>Мера</i>	Несправедливость T ₅	Антисправедливость T ₇
Досправедливость T ₈		Культура		Постсправедливость T ₉	

Несправедливость (T₄)
как *досправедливость*: диалог, доверие, компромисс, недоверие, небезопасность, заблуждение, неправда.

Антисправедливость (T₆)
как *досправедливость*: произвол, беспредел, бескомпромиссность, подлость, ложь, беззаконие, опасность.

Несправедливость (T₅)
как *постсправедливость*
Долг, ответственность, культура Мира, культура безопасности, культура Прав и свобод человека, культура предотвращения, опережающий компромисс, грубость, непорядочность, нечестность, незаконность, несвобода.
Антисправедливость (T₇)
как *постсправедливость*: терроризм (государственный и негосударственный), организованная преступность, коррупция, рабство, предательство.

Именно в рамках предложенного подхода автор предполагает изучить новое понимание смысла справедливости в XXI веке как главного сущного содержания культуры развития и глобальной безопасности. Сложившееся в философии понимание различения справедливости через несправедливость на протяжении многих столетий может быть интерпретировано, по мнению автора, по-другому. Теперь многие люди «*во имя высшей справедливости*» достаточно терпимо относятся к ситуациям (практикам) и конструктам: несправедливость, неправда, нечестность, недоверие, небезопасность, заблуждение, незаконность, неравенство, несвобода.

Во имя высшей справедливости многие люди во всех странах мира активно и решительно борются с антисправедливостью: произволом; беспределом; ложью; опасностью ядерной войны, подлостью беззаконием; государственным и негосударственным терроризмом; организованной преступностью; коррупцией; рабством и предательством (см. схему 1).

Таким образом, в самом предварительном порядке, можно обозначить следующую структуру «новой оптики» для глобального социологического специализированного научного дискурса по проблемам теории и методологии культуры развития.

Конструкты:

- *культура развития;*
- *мир и безопасность;*
- *справедливое мироустройство;*
- *глобальная структурная гуманитарная революция;*
- *кризисные перемены XXI века;*
- *Московско-Шанхайская модель миропорядка;*
- *единая гуманитарная парадигма (на основе геополитики, геоэкономики, геокультуры);*
- *Мир XXI как Культура – Сеть;*
- *Мир XXI как Война – Сеть;*
- *Мир XXI как Глобальная Игра, как Глобальный Компромисс;*
- *социология глобальной безопасности;*
- *глобальная и национальная цель России: достойная и безопасная жизнь каждого человека, каждого народа по справедливости, по правде.*

Концепты:

- *культура безопасности;*
- *высокие гуманитарные технологии;*
- *безопасность человека;*
- *безопасность семьи;*
- *безопасность народа;*

- сфера безопасности;
- логистика культуры развития;
- логистика безопасности;
- теория глобальной безопасности;
- методология глобальной безопасности;
- миссия социологии;
- культура жизни;
- мечта человека;
- позиция человека;
- поступок человека.

Смыслы:

- справедливый миропорядок;
- гуманитарные взаимодействия;
- опережающий компромисс;
- игра с суммой неравной нулю;
- умная, мудрая, сильная и ответственная национальная безопасность России;
- азиатская безопасность;
- европейская безопасность;
- евразийская безопасность;
- духовная безопасность;
- защита национальных целей, идеалов, ценностей, интересов;
- нематериальный объект безопасности.

Категории:

- жизнь;
- ответственность;
- достоинство;
- честь;
- правда;
- справедливость;
- честность;
- законность;
- доверие;
- сотрудничество;
- солидарность;
- безопасность;
- прощение;
- истина;
- мера;
- согласие;
- компромисс;
- консенсус;
- мир.

В итоге: можно определённо утверждать, что в настоящее время сложился фундаментальный корпус базовых понятий (особых, специфических, «своих»), характеризующих действительную самостоятельность темы социологии культуры развития в специализированном международном научном дискурсе по проблемам теории и методологии мироустройства, миропорядка, культуры развития.

Совокупность ключевых понятий можно представить в следующей последовательности: жизнь, мир и безопасность, социология культуры развития, гуманитарные взаимодействия, гуманитарная справедливость, достоинство, правда, справедливость, доверие, честность, прощение, глобальная игра, справедливый миропорядок, игра с ненулевой суммой, глобальная структурная гуманитарная революция, кризисные перемены, Мир XXI как Культура – Сеть.

Урок второй

Самый предварительный анализ состояния методологии и теории исследований причин, хода глобального кризиса 2008–2009 годов; различных обоснований достойного и конструктивного выхода из него обозначил в смыслах причин глобального кризиса по преимуществу внеэкономические факторы. Речь идёт о несостоятельности главной идеи Запада – потребительстве, идеологии потребления и сверхпотребления.

Первый вывод (в рамках второго урока) для граждан России и народов других стран из событий 8–12 августа 2008 года в Южной Осетии стал весьма обязывающим: впервые в эти пять августовских дней для структур безопасности чётко и жёстко обозначился новый субъект национальных и региональных, глобальной безопасности – народ, народы всех стран.

Тогда впервые для мировой истории выяснилось, что *Большая Игра* с народами мира, с народами России, которую затеяли руководители стран-агрессоров основана на глобальной лжи, на бесчестной игре¹. Её особенность: респектабельные руководители стран открыто и публично лгали перед мировыми СМИ. И в эти мгновения, минуты, часы их показаний (фактически под присягой) гибли десятки безвинных людей.

В страшные дни августа 2008 года (6–12 и последующие дни) многие руководители стран: США, НАТО, ЕС и других стран осуществили ещё более циничную ложь. Они представили Россию агрессором для народов Южной Осетии, а руководителей Грузии выставили жертвами, гуманными людьми, честными и добропорядочными.

Тем самым руководители США, НАТО, ЕС «обнажили» свою Большую Игру, лживую и убивающую людей.

А субъектом глобальной безопасности стали нормальные, честные и ответственные люди, миролюбивые народы. Теперь есть «концерт народов мира».

С 8 августа 2008 года народы России, народы других стран начали свою Глобальную Игру за Мир и Безопасность для каждого человека, для каждого народа.

Полагаю, что именно предчувствие становления нового Субъекта всемирной истории обусловило ту трагическую мотивацию у многих руководителей США, Англии, других стран для совершения страшных преступлений против человечества: войну против народов Югославии (1999 г.), какое-то участие в подготовке и осуществлении гибели людей 11 сентября 2001 года (Нью-Йорк), войну против народов Ирака (с 2003 года), войну Грузии против народов Южной Осетии (8 августа 2008 года).

Второй вывод обусловлен смыслом гуманитарного прорыва народов России из состояния «объекта безопасности» в состояние «субъекта безопасности».

Совпадение по временному показателю такого перехода с полным развёртыванием глобальной структурной гуманитарной революции обострило и ускорило процесс формирования настоящей национальной элиты России².

На поверхности событий представлены сложные реальности мирового экологического, финансового, экономического, институционального, нравственного и политического кризиса.

Но, по существу, уже началась жёсткая и повсеместная схватка финансовых, региональных и административных кланов России и других стран с народами России за обладание ресурсами России.

Поэтому так востребованы талантливые, порядочные, честные специалисты, управленцы для формирования российской элиты, для содействия народам России в сохранении страны, в обеспечении её возрождения.

Исторический опыт показывает, что международные финансовые кланы вместе с российскими единомышленниками в такой ситуации могут пойти на полномасштабную ядерную войну против народов России. Примеры: Югославия (1999), Нью-Йорк (2001), Ирак (2003), Южная Осетия (2008).

Третий вывод. Оформленность новой игры – **Глобальной Игры за Мир и Безопасность для каждого человека** – с её главным субъектом – **Народами Мира** – требует быстрого привлечения большого количества талантливых, профессиональных и порядочных, честных специалистов. В новой Глобальной Игре силы мало: необходимы интеллект, ум, мудрость, хорошая хитрость, хорошее чувство юмора и достойная самоирония.

Мировые СМИ, руководимые сторонниками «культуры смерти» и ориентированные на овладение всеми ресурсами России, в августовские дни наглядно показали, что они готовы и полны решимости оболгать, перевернуть и ошельмовать всё: они публично и конкретно, называя свои имена и фамилии, предъявили всему миру отказ от гуманизма, культуры, элементарных норм честности и порядочности.

Важным вкладом в понимание проблем развёртывания хода кризисных глобальных перемен стали интересные и оригинальные статьи, доклады, книги многих российских и зарубежных учёных, опубликованные также в ноябре 2008 года – июле 2009 года³.

¹ Яшлавский А. Запад в западне Востока // Московский комсомолец, 2009, 26 марта. С. 7.

² Лужков Ю.М. Транскапитализм и Россия. М.: 2009. С. 71.

³ Агеев А. Мир вразнос // Экономические стратегии. 2008. № 7; Поликовский А. Обвал, или Кризис мироустройства // Новая газета, 2008, № 04, 18–21 декабря; Афанасьев Ю. Мы не рабы? «Особый путь» России: исторический бег на месте // Новая газета, 2008, Свободное пространство. № 47, 05.12–11.12; Богатуров А. Кризисный цикл в мировой политике // Независимая газета, 2008, 18 декабря. С. 3; Ивашов Л.Г. Угроза безопасности России нарастает // Советская Россия, 2008, 18 декабря. С. 2; Ходорковский М. Левый поворот-3. Глобальная регестроика // Ведомости, 2008, 7 ноября. С. А05; Перслегин С. Через постиндустриальный барьер // Завтра, 2008, 8 декабря, № 49. С. 4; Никонов В. БРИК: самосбывающееся пророчество // Известия, 2008, 10.12. С. 6; Хазин М.Л. Всё ещё впереди // Российская газета. Неделя, 18 декабря, № 259. С. 5; Григорьев О. Власти должны честно и прямо объяснить: наступают тяжёлые времена // Комсомольская правда, 2008, 19 декабря. С. 12–

3. КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НАД ЧЕМ РАБОТАЕМ

Создание, обсуждение и апробация новой научной фундаментальной теории – большой творческий труд для многих людей. И время требуется много.

В 2006–2009 годах подготовлены и опубликованы значительные исследования, которые предлагают интересные подходы к созданию методологии и теории культуры развития. Я считаю важным назвать труды таких учёных: Е.М. Примаков, Р.Г. Яновский, Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир, Ю.М. Лужков, С.Е. Кургинян, О.Н. Яницкий, М.Г. Делягин, С.Б. Переслегин, А.С. Капто, Д.М. Данкин, А.Д. Урсул, А.И. Неклесса, С.В. Картунов¹.

Отмечу, что рабочее определение конструкта «культура развития» было представлено в приложении к моей статье во втором номере журнала «Безопасность Евразии» за 2009 год.

Культура развития – это состояние, процесс и результат конструктивных гуманитарных, социальных, экологических перемен, ориентированных на оптимальный учёт: изменений климата, изменений среды обитания человека и народов; созидательных взаимодействий в контексте приемлемых моделей миропорядка и мироустройства; устойчивой ориентации людей и народов на культуру компромисса в решении проблем мира и безопасности².

Полагаю, что здесь же уместно предложить несколько понятий, которые дополняют и расширяют главную категорию моего исследования – культура развития.

Культура Мира является процессом преобразований индивидуального, коллективного и институционального характера. Она складывается из убеждений и действий самих людей и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий. Ключом к культуре мира является превращение жёсткой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях. Культура мира в частности, требует, чтобы конфликтующие стороны сообща стремились к достижению целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс развития, чтобы вместе создавали приемлемые компромиссы.

Культура патриотизма – отношение устойчивой и осознанной любви к своей семье и образу жизни; нации, национальной и культурной идентичности; государству и Отечеству в их прошлом, настоящем и будущем состояниях; готовность жить во имя Родины и защищать её цели, идеалы и ценности; ориентированность на постоянный и уважительный диалог по поводу целей, идеалов и ценностей других наций и народов, их семей и граждан.

Культура предотвращения – это процесс анализа формирования вызовов, угроз, рисков, опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс синтеза интеллектуальных, материальных и силовых технологий для снижения уровня блокирования или полного преодоления небезопасности (вызовов, угроз, рисков, опасностей) на основе: конструктивного диалога и поступков, основанных на действующем законодательстве, на реальных нормах, традициях и образе жизни акторов, вовлечённых в сферу предотвращения; опережающего глобального гуманитарного стратегического компромисса.

Надеюсь, что для читателей статьи может представить большой интерес корпус понятий, раскрывающий взаимосвязь и взаимодействия, взаимообусловленность культуры развития и международной безопасности, культуры безопасности в контексте социологии, всех общественных наук.

13; Ясин Е.Г. Структура российской экономики и структурная политика: вызовы глобализации и модернизация. М.: 2008; Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения социально-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике: Научный доклад. М.: 2008; Байдаков М. Защитить рынок от неоллибералов // Банки и деловой мир, 2009, № 1–2, январь – февраль; Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 года. М.: 2009; Попов Г.Х. Кризис и глобальные проблемы. (К апрельской встрече глав двадцати главных стран мира) // Московский комсомолец, 2009, 25 марта. С. 4; Дискин И. Кризис... И всё же модернизация! М.: 2009; Дискин И. Возвращение доверия // Эксперт. 2009. № 12; Юрьев М.: Леонтьев М. Поехали! // Профиль, 2009, 16 февраля; Немцов Б., Милов В. Путин и кризис. Независимый экспертный доклад // Независимая газета, 2009, 20 марта. С. 4; Ляруш Линдон. На пороге тёмного века // Советская Россия, 2009, 31 марта; Зюганов Г.А. О работе партии в условиях финансово-экономического кризиса // Правда, 2009, 31 марта – 1 апреля; Кляйн Наоми. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф. М.: 2009.

¹ Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М.: 2009; Яновский Р.Г. Мироззрение. М.: 2007; Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: 2006; Сапир Е.В. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст // Безопасность Евразии. 2009. № 2; Лужков Ю.М. Транскапитализм в России. М.: 2009; Лужков Ю.М. Ответственность власти и солидарность общества: Несмотря на финансовый шторм, Россия не на грани кризиса, а на дороге качественно нового развития // Российская газета, 2008, 12 декабря; Кургинян С.Е. Медведев и развитие // Завтра. 2008. №№ 12–33, 33–47; Кургинян С.Е. Кризис и другие: О грозной катастрофе // Завтра, 2009, №№ 7–28; Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого перелома». М.: 2008; Яницкий О.Н. Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5; Делягин М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? / М. Делягин, В. Шеянов. М.: 2009; Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М., СПб: 2009; Капто А.С. Энциклопедия «Мир». М.: 2008; Данкин Д.М. Мироззренческие факторы доверия // Безопасность Евразии. 2009. № 2; Данкин Д.М. Кризис доверия: ключевое звено // Безопасность Евразии. 2009. № 1; Урсул А.Д. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ // Безопасность Евразии. 2009. № 2; Неклесса А.И. Современная книга Перемен // Политический класс. 2007. № 3; Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: 2009.

² Кузнецов В.Н. Честность, доверие и справедливость в глобальной Повестке Дня на 2009 год, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 38.

Безопасность может быть определена, в предварительном плане, как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов надёжно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищённость всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, справедливость, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для Всех.

Благо – это состояние и динамика процесса, соединяющего и наполняющего положительной энергетикой высшие цели человека и средства их достижения; это высший смысл справедливости как методологический и концептуальный критерий справедливого; как социальная и гуманитарная цель гуманитарных взаимодействий.

Военная безопасность – состояние и объективные (в том числе латентные) тенденции развития общества, а также совокупность внутренних и международных условий и факторов, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения личности, обществу, государству ущерба военным путём, средствами вооружённого насилия. Она является важной составной частью и образует одну из основ систем национальной, региональной и международной безопасности и находится в диалектической связи с другими их слагаемыми.

Глобальная (международная) безопасность, в самом предварительном плане, может быть определена как сетевая устойчивая совокупность положений международного права, норм и процедур, разработанных международными организациями для обеспечения мира, справедливости, достоинства, благополучия на основе международного (глобального) гуманитарного стратегического компромисса по поводу безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства.

Государственная безопасность это: состояние защищённости, гарантирующее создание необходимых и достаточных условий для выполнения государством своих функций по управлению делами общества и обеспечению нормального функционирования политической власти; неотъемлемая часть национальной безопасности средство её обеспечения, включает следующие традиционные критерии: нерушимость границ и сохранение территориальной целостности; обеспечение национального суверенитета; поддержание условий нормального функционирования и развития национальной экономической системы; охрана конституционного строя; нормальное функционирование судебной системы.

Гуманитарная безопасность – это сетевая надёжная и устойчивая совокупность факторов; гуманитарных, социальных, культурных, религиозных взаимодействий эффективно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; человеческое в человеке и достойный смысл его жизни; состояние защищённости человека, семьи, народа; их целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры; необходимое и достаточное поощрение и развитие прав и обязанностей человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Духовная безопасность – состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития.

Информационная безопасность может быть рассмотрена как способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определённой вероятностью достаточные и защищённые информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития; противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано.

Культура безопасности является процессом сохранения развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; справедливости; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищённостью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнёрской культуры компромисса.

Национальная безопасность – ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям, закономерностям мирового и национального развития. Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа.

Общественная безопасность это состояние, условия и характер жизнедеятельности государства и общества, при которых граждане, социальные группы, создаваемые ими объединения и организации свободно действуют в соответствии с их собственной природой и предназначением, и способны нейтрализовать внешние и внутренние угрозы. Общественная безопасность охватывает экономический и социальный уклады жизни общества, общественные достояние и собственность, общественные институты и организации, национальные обычаи и традиции, среду жизнедеятельности, материальные и духовные ценности. Её обобщёнными характеристиками выступают социальное партнёрство, межнациональное согласие и гражданский мир, справедливость. Своё непосредственное выражение общественная безопасность находит в уровне правовой и социальной защищённости человека как от произвола, злоупотреблений государственной власти и её структур, так и от преступных посягательств со стороны частных лиц и групп.

Политическая безопасность – состояние и условия жизнедеятельности социума, при которых обеспечивается сохранение легитимного государственного строя, стабильность политической системы и гарантируются политические свободы и права граждан, демократическое взаимодействие государства и гражданского общества. Политическое благополучие общества может быть подвержено опасностям двоякого рода. Крайней формой внешней угрозы ему является война, агрессия со стороны других государств; крайними формами внутренней угрозы выступают социальная напряжённость и вырастающие из неё массовые беспорядки, экстремизм и терроризм, конфликты, гражданская война.

Социальная безопасность – 1) совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений. Объектами социальной безопасности являются люди, их цели, идеалы, ценности, законные интересы (потребности), общности, отношения; системы социализации человека (образования, воспитания, социокультбыта); инфраструктуры жизнеобеспечения (здравоохранение, торговля, снабжение и т. д.); образ жизни. Национальные интересы России в социальной сфере заключаются в обеспечении высокого уровня жизни народа; 2) защищённость социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить её или обусловить её деградацию.

Сфера безопасности – это устойчивая в пространстве и времени совокупность гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий, ориентированная на необходимый и достаточный уровень достижения: защищённости каждого человека, каждой семьи и народа, каждого государства, современной цивилизации от неприемлемых вызовов, рисков, угроз и опасностей для их жизни, целей, идеалов, ценностей, интересов; гармонического взаимодействия с внешней и внутренней средой их безопасности; формирования мотиваций, умений и навыков своевременно, с учётом наличных ресурсов предотвращать на возможно ранней стадии возникновение опасностей для всех структур жизнеобеспечения.

Экологическая безопасность может быть определена, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, это защищённость среды обитания людей и биосферы в целом, атмосферы, гидросферы, литосферы и ближней космосферы, видового состава животного и растительного мира, а также природных ресурсов (энергетических, минеральных и т. п.) от угроз, создаваемых деятельностью человека. Во-вторых, это положение, при котором путём выполнения правовых норм, экономических, природозащитных и инженерно-технических требований достигается предотвращение или ограничение опасных для жизни и здоровья людей, разрушительных для хозяйствующих субъектов и окружающей среды последствий экологических катастроф, вызываемых повседневным загрязнением окружающей среды в результате хозяйственной деятельности человека, от стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Экономическая безопасность – это устойчивое функционирование национальной экономики и её способность обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей, поддержание социально-политической и военной стабильности государства; его технико-экономическую и технологическую независимость, устойчивость по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам, защиту экономических интересов страны на внутреннем и внешнем рынках. В сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и обусловлены, прежде всего, существенным сокращением внутреннего валового продукта, снижением инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, разбалансированием банковской системы, обострением конкуренции на мировом рынке товаров и услуг, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, экономической экспансией на территорию России со стороны других государств, преобладанием в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импорте – продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости.

Классификационная определённость социологической геокультурной теории культуры развития

Особенностью ракурса исследования классификационных аспектов культуры развития в представленной работе является её преимущественная ориентированность на теорию, методологию, практики, эвристику, институционализацию, операционализацию в пространстве функционирования гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий.

Классификационная определённость теории культуры развития основывается на совокупности тех свойств, которые уже конкретизировались в ходе изучения на протяжении тысячелетий учёными во многих странах мира; в ходе современного (XX и XXI века) общенаучного (всеобщие общественные науки), общесоциологического и специализированного социологического научного дискурса, посвящённого состоянию и динамике, содержанию и структуре, значению феномена «культура развития».

В итоге речь идёт о таких важных аспектах теории культуры безопасности: субъект и объект, предметность, свой корпус категорий, формы, интенсивность, характер, становление и функционирование, институты, институциональная среда, правила игры, востребованность, инновационность, процессуальность, динамика, механизмы процедуры. Эти конструкты составляют свой оригинальный корпус категорий формирующейся теории культуры развития.

Субъект культуры развития на протяжении столетий и в современный период чётко формулируется как ответ на важнейший вопрос: кто в личном качестве реально в фиксированном времени и пространстве определяет исходный момент в учреждении культуры развития, в её идентификации, в утверждении легитимности культуры развития.

Таким образом, с учётом предложенного ранее предварительного формулирования автором статьи категории «культура развития», можно утверждать, что *субъект культуры развития, субъект социологии культуры развития* это человек добродетельный (по Платону), высоконравственного поступка (по М. Бахтину); человек жизнелюбивый, компромиссный, самокритичный, играющий, рефлексирующий, сомневающийся, ответственный¹; это народы, ориентированные на культуру Мира, культуру Диалога, культуру Безопасности².

Объект культуры развития, объект социологии культуры развития это, прежде всего, феномен человеческой жизни для каждого человека, феномен существования каждого народа, его образа жизни, его территории, его языка и культуры; это сохранение целостности человечества, смысла его социального бытия, стремления к правде и справедливости, процедуры своего понимания³.

Возрастает значение в качестве объекта культуры развития широкого спектра смыслов гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий, обеспечивающих безопасность человека, безопасность народов, безопасность стран; регионов, глобального мира. Речь идёт о тонких, слабых и быстрых связях, об обеспечении сохранности (без искажений) самих смыслов, которое основывается на взаимообусловленности феноменов: справедливость, правда, компромисс, порядочность, честность, безопасность.

Предметность опирается на структурирование гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий в конкретных сферах жизни и жизнеобеспечения человека и народов: культура, мир и война, религия, наука, политика, экономика, право, экология.

Сама структура предметного поля социологии культуры развития ориентирована на учёт перемен в состоянии объекта культуры развития (увеличения удельного веса нематериальной компоненты), в динамике человеческого потенциала, интеллектуального капитала, институциональной среды; на изменения правил игры в ходе осуществления согласованной повестки дня для сфер культуры развития.

Формы культуры развития отличаются значительным разнообразием и обусловлены реальными потребностями общества в нравственной и правовой устойчивости, конструктивности общественного мнения, безопасности состоянием Мира и возможностью Войны.

Интенсивность проявления культуры развития выражает конкретную востребованность общества; национальной элиты, если в этом обществе она сложилась, признана народом и достойно функционирует во имя служения Отечеству; широких народных масс в правдивости, истинности гуманитарных взаимодействий, их результатов и последствий в реальном времени и пространстве.

Характер культуры развития определяется степенью ориентированности (слабой, умеренной, сильной) на достойный диалог по поводу актуальных проблем: стадии диалога могут быть – оптимистическими или пессимистическими, неопределёнными; инертными или креативными; развивающимися, стагнирующими или кризисными.

Особенности становления и функционирования культуры развития определяются тремя обстоятельствами: способностью субъекта культуры развития предвидеть развитие событий, для которых свойство справедливого, правдивого, культурного будет актуально; установления

¹ Кузнецов В.Н. Культура компромисса. М.: 2007.

² Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности: В 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М.: 2008.

³ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: 2006. С. 519–521.

факта состоявшегося события; реального нравственного поступка субъекта культуры развития по критериям: правдивость, честность, порядочность, солидарность, равенство, соблюдение меры.

Институты культурного оформились в XX и XXI веках как *международные* (организация Объединённых Наций, ЮНЕСКО), *региональные* (Шанхайская организация сотрудничества), *национальные* (государственные – органы социальной защиты, общественные – объединения, фонды, комитеты, ассоциации), *частные* – здесь субъекты культуры развития выступают в частном, личном качестве (Лихачёв, Зиновьев, Солженицын).

Исключительная роль в обеспечении культуры развития принадлежит *Институтам* глобальных гуманитарных взаимодействий: Международный год Культуры Мира (2000 г.), Международный год Диалога между цивилизациями (2001 г.), Движение Альянса Цивилизаций (с 2004 года по настоящее время).

Особенно значима роль Всемирного Института Борьбы за Мир во всём Мире, который оформился во второй половине XX века и действует в настоящее время. Достоянием всего человечества, каждого человека является бесценный капитал: 1) результаты – в XX веке удалось предотвратить ядерную войну; 2) практики нравственных поступков и результаты сохранения и поддержания мира – свидетельство важности и востребованности философии и социологии культуры развития, правды и честности, человеческой солидарности и ответственности.

Востребованность культуры развития убедительно и конкретно представлена на протяжении тысячелетней истории философии, культуры и религии. Особая актуальность востребованности культуры развития в XXI веке обусловлена стремительным ростом неопределённости в понимании главного смысла жизни человека: ему остро важно понять смысл своей жизни, смысл его связи с Другим человеком, со своим народом, с Миром. Человеку, народам мира необходима культура развития.

Инновационность культуры развития обусловлена её исключительными возможностями в создании энергетики и волевых импульсов для всей совокупности гуманитарных взаимодействий с целью обеспечения достоинства, правдивости и безопасности человека, всего Мира.

Процессуальность культуры развития обусловлена особой значительностью взаимодействия субъекта и объекта культуры развития: свойства добродетели и ценности гражданского поступка в наступившей ситуации, события, которые нуждаются в культуре развития, осуществляются в обязательной временной последовательности и пространственной определённости.

Институциональная среда культуры развития сопутствует всем этапам процессуальности культуры развития и наполняет каждое звено процесса становления, функционирования и утраты культуры развития итогами соблюдения и несоблюдения правил игры; взаимодействиями с нелегитимным.

Правила игры для сфер культуры развития зависят от компетенции, профессионализма и воли субъекта культуры развития, от полноты знания им особенностей содержания и структуры объекта культуры развития. Именно при соблюдении таких исходных требований правдивость, порядочность, конструктивность способствуют выполнению правил игры, согласованной повестки Дня.

Динамика культуры развития изначально определяется своевременностью и полнотой владения информацией о содержании ситуации, в которой субъект учреждает феномен культуры развития. Энергия и воля субъекта культуры развития на стадии её становления задаёт важный позитивный импульс для утверждения правды и добра, блага.

Механизмы и процедуры культуры развития оформляются и функционируют как устойчивые структуры, обеспечивающие координацию всех гуманитарных взаимодействий для обеспечения безопасности культуры жизни каждого человека, каждого народа.

Принципы, функции, механизмы в сферах культуры развития

Выстраивание новой оптики» для методологии и теории культуры развития (категории, концепты, конструкты, смыслы) способствовало формированию *ключевых принципов* теории культуры развития.

Полнота содержания отдельных принципов сложилась в динамичном сочетании важнейших смыслов, определившихся в 2000–2009 годах.

Первый принцип – актуальность и устойчивость главных целей развития тысячелетия сложились из двух аспектов: во-первых, гуманитарные цели в области развития каждого человека, сформулированные на саммите тысячелетия (специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН – сентябрь 2000 г.); во-вторых, достижение международных договорённостей для решения глобальной проблемы изменения климата¹.

Второй принцип – оформление после 8 августа 2008 года устойчивого, понятного и универсального содержания глобальной безопасности: органичное и взаимообусловленное единство мечты, позиции и поступка человека и народов для достижения достоинства, справедливости, правды и доверия на основе гуманитарных взаимодействий.

¹ Пан Ги Мун. «Кризис бросит вызов духу глобальной солидарности» // Новые известия, 2009, 14 января. С. 1, 2.

Третий принцип – достижение культуры мира и безопасности в интересах развёртывания глобального движения по содействию предотвращению возможной ядерной войны XXI века.

Четвёртый принцип – единство прав и обязанностей человека, что выражает новое понимание глобальной безопасности – своя безопасность через безопасность другого.

Пятый принцип – ориентация на диалог между людьми, народами, культурами и цивилизациями. Этот принцип объединяет феномены культуры развития, культуры мира и культуры безопасности. Здесь, по моему мнению, есть возможное движение по пути к культуре глобализации.

Шестой принцип – всеохватность, которая обеспечивает согласование деятельности самих граждан, общественных и государственных институтов культуры развития.

Седьмой принцип – равноправие партнёров, что обусловлено единством и неделимостью пространства культуры развития. Этот социологический, по существу, принцип так толкует безопасность человека, которая была сформулирована впервые в документах ООН (1994 г.):

«Безопасность человека:

– это не просто безопасность страны, это безопасность народа;

– **это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;**

– это не просто безопасность государств, это безопасность каждого человека в своем доме и на своем рабочем месте;

– это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

Безопасность человека – это когда ребенок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилуют, бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Восьмой принцип – транспарентность – открытость и прозрачность.

Два важных принципа для культуры развития 2009 года, последующих лет сформулировал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своей программной статье, опубликованной газетой «Новые известия» в январе 2009 года.

Девятый принцип «глобальной солидарности» он связал с необходимостью проведения «нового зелёного курса» с тем, чтобы достигнуть договорённости всех государств «относительно решения глобальной проблемы изменения климата»².

Десятый принцип Генсек ООН Пан Ги Мун обозначил как «**достижение результатов в обеспечении безопасности**»³.

Одиннадцатый принцип – неделимость безопасности: «никто не должен обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности другого». Так можно понять содержание этого ключевого принципа из ряда выступлений руководителей России в ноябре – декабре 2008 года⁴.

Реальное и виртуальное воплощение принципов культуры развития в сферах жизнеобеспечения народов мира по отдельности, в различных сочетаниях осуществляется под воздействием функций культуры развития. Их можно представить в такой последовательности:

– **общеметодологическая**, обусловленная возможностями продвижения институционально-сетевой методологии и широкий класс гуманитарных исследований в сфере жизнеобеспечения народов всего мира, отношений между государствами;

– **теоретическая**, которая ориентирована на стимулирование и сбор эмпирической и теоретической информации о возможных угрозах, вызовах, рисках и опасностях: хорошая теория становится ключевым звеном в повышении эффективности всех систем жизнеобеспечения;

– **предотвращающая**, которая ориентирована на подготовку и осуществление социологического мониторинга условий, влияющих на формирование опасностей, угроз, рисков, вызовов для жизни людей, народов, всей цивилизации. Здесь важнейшая функция – вовремя, со знанием дела реально повлиять на предотвращение опасностей на самой ранней стадии их созревания;

– **прогностическая функция** тесно связана с теоретической и прямо работает на формирование «культуры предотвращения»;

– **эвристическая функция** ориентирована на обработку результатов мониторингов культуры безопасности через культуру развития с целью подготовки населения к действиям в условиях неблагоприятной, небезопасной ситуации;

¹ Цитируется по: Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: 1999. С. 15.

² Пан Ги Мун. «Кризис бросит вызов духу глобальной солидарности» // Новые известия, 2009, 14 января. С. 2.

³ Там же.

⁴ Лавров С. В поисках золотого стандарта: Договор о европейской безопасности развеет опасения, что от нас может исходить угроза // НГ Дипкуррьер, 2008, 22 декабря. С. 9, 10.

– **технологическая**, связанная с обоснованием, внедрением и развитием высоких гуманитарных технологий;

– **играционная**, ориентирована на достижение реальной полноты договорённостей, процедур, дополнений: речь идёт о легитимизации обязанностей всех сторон в процессах обеспечения культуры безопасности, вытекающих как из действующих соглашений, хартий, мандатов, так и основанных на результатах Глобальной Игры с её действующими правилами игры и согласованной Повестки Дня на 2009 год;

– **учитывающая эффект и влияние антигражданского общества**. Эта функция призвана легитимизировать сложный и тревожный факт глобальной повседневности: мировой истеблишмент как игрок, субъект в Глобальной Игре XXI века, играет в тесном союзе с глобальным терроризмом и с глобальной организованной преступностью.

Вместе, как единый субъект Глобальной Игры, они противостоят народам мира. Вместе мировой истеблишмент и антигражданское общество и глобально, и повсеместно негативно влияют на содержание, структуру, функционирование и результативность глобальной культуры развития через глобальную культуру безопасности. Вместе, в сотрудничестве и взаимозависимости, мировой истеблишмент, прежде всего – евроатлантический, влияет на кризисные перемены в 2009 году, на ход глобальной структурной гуманитарной революции;

– **процессуальная функция** соединяет методологические, теоретические, институциональные особенности культуры безопасности в интеллектуальную наполненность сферы культуры безопасности с тем, чтобы на основе принципов и функций культуры безопасности обосновать оптимальные и эффективные технологии и механизмы культуры развития.

Процессуальность как новая важная сущностная характеристика культуры развития в 2009 году стремительно и конкретно заявила о себе как сразу же после 8 августа 2009 года, так и в ходе военных действий руководства Израиля в секторе Газа с убийством сотен жителей Палестины и с тысячами раненых детей, стариков, простых граждан. Особенно заметно и убедительно, важность этой характеристики культуры развития проявилась в ходе газового конфликта Украины с Россией по поводу транзита природного газа из России в страны Европы на рубеже 2008 года и в морозные для многих стран Европы дни января 2009 года.

В представленных итогах моих социологических исследований гуманитарных взаимодействий процессуальность культуры развития изучалась через такие её превращённые формы: *проектность, императивность, аксиоматичность, постулатность и факторность*.

Проектность.

• Прежде всего, отмечу Глобальный Проект – Цели в области развития, сформулированные на саммите тысячелетия (Генассамблея ООН, сентябрь 2000 года).

• Глобальный (по существу) Проект – Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (ноябрь 2008 года).

Императивность.

• Четыре императива для развития России и её безопасности, обозначенные в Послании народам России, народам всего мира Президентом России Дмитрием Медведевым:

первый – стратегическая концептуальность;

второй – инновации через культуру;

третий – новая национальная идеология развития человека;

четвёртый – консолидация граждан и народов страны (России) во имя высших приоритетов, целей, идеалов и ценностей развития человека как личности, как Гражданина.

• Три императива для раскрытия сущности глобальной безопасности, региональных безопасностей, национальной безопасности России:

– *первый императив* – справедливость как Стратегическая Идея для России и для всего Мира;

– *второй императив* – новый гуманизм;

– *третий императив* – концептуальная компромиссность.

Аксиоматичность.

Эти характеристики справедливости, честности и правды – главное в содержании культуры развития XXI века.

Аксиома 1. Самодостаточность справедливости.

Аксиома 2. Уникальность справедливости.

Аксиома 3. Созидательность справедливости.

Аксиома 4. Энергетичность и волевая ориентированность справедливости.

Аксиома 5. Конструктивность и оптимизм справедливости.

Аксиома 6. Нетехничность и ориентированность на поступок, учреждающий справедливость (по Бахтину).

Постулатность.

Три глобальные характеристики формирующейся культуры развития XXI века я интерпретирую как постулаты Глобальной Игры и Повестки Дня для XXI века, как постулаты культуры развития через культуру компромисса.

Первый постулат – благожелательность и Универсализм для Всех.

Второй постулат – культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса.

Третий постулат – культура развития через культуру предотвращения для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации.

Факторность.

В ходе исследований социологии компромисса (2007 г.), во всех трёх томах моей работы «Гуманитарные взаимодействия» (2008–2009 гг.) я выделил и обосновал восемнадцать факторов, способствующих, по итогам моих исследований, социологическому предотвращению возможности возникновения глобальной ядерной войны XXI века. Последовательность и формулировка каждого фактора во взаимодействии с императивами (по Кузнецову) и постулатами (по Кузнецову) формирующейся глобальной безопасности представлены в структуре таблицы 1.

Переход процессуальности культуры развития в её практики происходит при значительном влиянии оформленной и приемлемой для конкретных субъектов культуры развития: научной парадигмы, научного мировоззрения, модели мироустройства и миропорядка, своего образа жизни и культуры, принятой и воспринятой идеологии. Именно эти обстоятельства в решающей степени влияют на конкретные технологии и механизмы осуществления культуры развития, её функционирования, её трансформации.

Технологию определяют как новую ценность, которая способна быть инструментом управления знаниями, человеческим потенциалом. Для выражения нового информационного компьютеризированного общества уже определён свой класс технологий – это высокие технологии.

Полагаю необходимым для адекватного отражения, именно роли технологий в XXI веке, определить новый класс технологий – высокие гуманитарные технологии, которые соединяют новый гуманитарный синтез с высокими технологиями.

Примером могут служить деятельность в рамках проекта «Культура мира», осуществление «диалога между цивилизациями», движение к «культуре безопасности», к «культуре глобализации», к культуре развития.

Сто лет назад замечательный русский философ Н.Ф. Федоров для своих современников и для нас, как я надеюсь, создал произведение «Философия Общего Дела». Актуально и для XX, и для XXI веков звучат его слова: «В настоящее время дело заключается в том, чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней»¹.

Суть таких поисков для XXI века и состоит в разработке и освоении технологии сопоставления и соединения глобальных целей тысячелетия, общенациональной цели и социального идеала, социологии и политологии общего дела с реальностью нашего бытия. Цель – благополучие и безопасность Человека и Семьи, возрождение Отечества, движение от выживания к социальному развитию, к культуре развития, к справедливости, правде и достоинству.

Людмила Сергеева обозначила такой способ «как высокие гуманитарные технологии, как сочетание социального, общенационального идеала и реальной истории. В этом понятии, – отмечает она, – мы предлагаем выразить достижение целостного, синергетического по своей сути, эффекта за счет соединения научных достижений и технологий политической социологии, экологии, безопасности, психологии, политологии, экономики, информационных технологий»².

Рудольф Яновский, развивая этот подход, предложил такую трактовку: «На рубеже XX и XXI веков все более активно в России, во многих странах мира стали проводиться политико-географические, экономико-географические и социальные исследования. Это вызвано – выделил Р. Яновский, – стремлением осмыслить гуманитарные аспекты высоких технологий (hi-tech), все более широко применяющихся в промышленности, в быту, в военном деле. Динамика, неравномерность и сложность изменений мировой геополитической и геоэкономической ситуаций в контексте глобальных общественных перемен, необходимость рационального использования ресурсов планеты, сохранения окружающей среды в интересах безопасности населения планеты требуют адекватного научного анализа и соответствующей программы действий – «**высоких гуманитарных технологий**» (high humanities technologies: hi-hum-tech)»³.

¹ Федоров Н.Ф. Философия Общего Дела. Т. 2. М.: 1913. С. 237.

² Сергеева Л.И. К вопросу о социологии и политологии общего дела // Третья научная сессия: Человек и Реформы в российском обществе. М.: 1995. С. 149.

³ Яновский Р. Геополитические проблемы современной России: О необходимости высоких гуманитарных технологий // Безопасность Евразии. 1999. № 1. С. 107.

Логика гуманитарных взаимодействий
(гуманитарных факторов, гуманитарных императивов, гуманитарных постулатов)
для социологического предотвращения возможности развязывания глобальной
ядерной войны в XXI веке

Императивы мироустройства, глобальной безопасности	Последовательность факторов	Смысл факторов обеспечения глобальной безопасности ¹	Постулаты Московско-Шанхайского миропорядка: Правила Игры Повестки Дня на XXI век; глобальной безопасности
3. Концептуальная компромиссность	Первый Фактор	Новая фундаментальная теория компромиссности	1. Благожелательность и Универсализм для Всех
	Второй Фактор	Идеология мироустройства XXI века (Проект России)	
	Третий Фактор	Солидарная культура компромисса (по Богатурову) как опыт предотвращения возникновения ядерной войны в XX веке	
	Четвёртый Фактор	Стратегическая партнёрская культура компромисса	
	Пятый Фактор	Культура жизни как ведущая конструктивная сторона главного глобального противоречия XXI века «культура жизни – культура смерти»	
2. Новый (не-Западный) гуманизм XXI века	Шестой Фактор	Глобальное интеллектуальное лидерство России в XXI веке	2. Культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса
	Седьмой Фактор	Роль Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века – Возрождения России (Проекта В.В. Путина) ²	
	Восьмой Фактор	Общациональная Цель России во взаимодействии с Целями развития тысячелетия	
	Девятый Фактор	Практика и теория организации внутренней и внешней среды под влиянием глобальной структурной гуманитарной революции XXI века	
	Десятый Фактор	Традиции и новаторство в становлении нового мировоззрения XXI века как деятельность человека добродетельного	
	Одиннадцатый Фактор	Политическая философия модели мироустройства (Проекта России)	
	Двенадцатый Фактор	Единство компромиссности и справедливости как главная сущностная доминанта Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова)	
1. Справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира	Тринадцатый Фактор	Экономика справедливости и компромиссности, их выгоды и полезность на основе этики компромиссности, экологической этики	3. Культура развития через культуру предотвращения для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации
	Четырнадцатый Фактор	Компромиссность как кооперативность и коммунитарность	
	Пятнадцатый Фактор	Технологии и механизмы компромиссности через самокритику	
	Шестнадцатый Фактор	Практики глобального гуманитарного стратегического компромисса как деятельность человека жизнелюбивого, компромиссного, самокритичного, играющего	
	Семнадцатый Фактор	Новая фундаментальная методология создающего компромисса через критику компромиссного как деятельность человека рефлексирующего, сомневающегося, ответственного	
	Восемнадцатый Фактор	Воспитание потребности и умений искать компромиссы и осуществлять их	

Наш сложный мир на рубеже веков и развитие России в контексте центральных мировых тенденций постоянно находятся в поле зрения российской общественной мысли. Показательно в этом отношении бурное развитие геοэкономики как фундаментальной основы нового миропорядка, теоретической и методологической основы внешнеэкономических связей. Наиболее выпукло общий теоретический и методологический контур российской школы геοэкономики был заложен в работе Эрнеста Кочетова «Геοэкономика и внешнеэкономическая стратегия России» (МЭ и МО. 1994. № 11), где впервые раскрыта суть основных атрибутов и понятий геοэкономики: экономические границы, интернационализированные воспроизводственные ядра, мировой доход, геοэкономический атлас мира, геοэкономические войны, высокие геοэкономические технологии и др. Развитие этого нового научного направления продолжается.

¹ Обоснование каждого фактора см.: Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007.

² Кузнецов В.Н. Социология содержания и структуры модели мироустройства XXI века (проекта Путина): Традиции и новизна. М.: 2007.

Я понимаю технологизацию пути к культуре развития как культуру предотвращения рисков, опасностей, угроз целям, идеалам, ценностям, интересам человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. Возможно ли это? Да, если мы находимся в пространстве высоких гуманитарных технологий (ВГТ – hht: hi-hum-tech). Да, если мы соединяем институционализацию и сетизацию в единую институционально-сетевую методологию на основе и с помощью высоких гуманитарных технологий. Да, потому что опыт культуры мира, новые вызовы из XXI века потребовали нового уровня и качества диалога между людьми, между народами, между народом и властью о законности, об экологизации, о сотрудничестве, о благополучии, т. е. объединяющей идеологии.

Основной мотив этого раздела статьи – обоснование нового гуманизма XXI века (авторская концепция В.Н. Кузнецова) как условие гуманитарного стратегического манёвра российских и мировых общественных наук, российской социологии для содействия в достижении каждым человеком, каждой семьёй, каждым народом, каждым государством – справедливости и правды, достоинства, благополучия, безопасности: всей совокупности Целей Человечества, согласованных всеми странами на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Оригинальность методологии исследования проблемы новой социологической теории культуры развития, нового гуманизма в своеобразии предложенной автором научной парадигмы: весь анализ и синтез осуществлены автором статьи в контексте разработанной им геокультурной парадигмы, в которой Мир XXI века может быть рассмотрен как Культура – Сеть, как Глобальная Игра, как Глобальный Компромисс.

Особенность динамики исследования обусловлена предложенной автором логикой развёртывания источника мировой динамики XXI века – её главного противоречия. Автор статьи обосновал ведущую сторону противоречия как культуру жизни, культуру безопасности (это Россия, Китай, Индия, Бразилия, Казахстан – вся Азия). Другая сторона противоречия: культура смерти, культура войны (это США, Англия – практически вся Европа, Европейский Союз, НАТО).

Уникальность ситуации в рассмотрении среды формирования нового гуманизма: в выявлении нового глобального процесса – развёртывании в XXI веке глобальной структурной гуманитарной революции, обусловленной слабыми взаимодействиями, слабыми связями, слабыми рисками, определяющими смысл жизни человека, его мечту, доверие, солидарность, патриотизм.

Обязательным условием конструктивности и созидательности функционирования новой формирующейся теории культуры развития, нового гуманизма автор статьи обусловил «строительство» нового мировоззрения XXI века. Только его развёртывание, его приемлемость и востребованность сотнями миллионов людей могут содействовать реальному утверждению новой теории культуры развития, новой модели миропорядка, новой модели справедливого мироустройства.

Ключевым фактором в развёртывании как нового гуманизма, так и нового мировоззрения, а особенно в их совместном функционировании является, по мнению автора исследования, формирование национальной идеологии России, формирование её новой национальной элиты.

Глобальной высокой гуманитарной технологией, гуманитарным механизмом разработки, обсуждения, конструктивной критики, востребованности и динамики новой теории культуры безопасности, нового гуманизма XXI века может стать, уже становится, общероссийский, азиатский, евразийский, глобальный стратегический гуманитарный компромисс по проблеме достижения безопасности каждого человека.

Главным смыслом новой теории культуры развития, нового гуманизма, ключевым условием их институционализации, по мнению автора, может стать формирующийся Московско-Шанхайский миропорядок XXI века, который обеспечивает гармоничное сочетание прав, свобод, целей, идеалов, ценностей, интересов человека с образом жизни и культурой своих обществ, народов и государств на основе ответственности, обязанностей, исторической памяти человека.

Кризис в человеческом измерении

В исследованиях нашей научной школы, в работах российских учёных 2008–2009 годов по формированию методологии и теории культуры развития в условиях развернувшегося глобального кризиса 2008–2009 годов важное значение имеют работы, позволяющие выявить причины кризиса, динамику перемен.

В качестве главного объективного источника энергетики и динамики культуры изменений, перемен, развития я уже показал в этой статье и в других своих работах оформление и развёртывание глобальной гуманитарной структурной революции слабых взаимодействий и слабых рисков.

Именно глобальная гуманитарная структурная революция предложена мною в качестве социологической геокультурной объясняющей модели современных кризисных перемен¹.

¹ Кузнецов В.Н. Особенности становления и функционирования глобальной социологической геокультурной объясняющей модели современных всемирных кризисных перемен: экономических, финансовых, правовых, политических, гуманитарных, институциональных. М.: 2008; Кузнецов В.Н. Безопасность и справедливость как смысл стратегии развития Рос-

Для более подробного рассмотрения в следующем разделе статьи основных гуманитарных трендов становления концепции культуры развития человека, общества и цивилизации в условиях кризисных и после кризисных изменений (в контексте глобальной гуманитарной структурной революции) обратимся к итогам актуального исследования влияния глобального кризиса на повседневную жизнь россиян (февраль 2009 г.)¹.

Интерес к итогам этого исследования значителен.

Три ведущие российские газеты в течение июня – июля 2009 года посвятили им подробные публикации объёмом примерно в полную полосу:

Российская газета
3 июня 2009 г.

Добрынина Е.
Из города – в огород.

Социологи выяснили, какие рецепты выживания россияне используют в своей повседневной жизни.

Трибуна
18–24 июня 2009 г.

Тимофеева И.
Скромнее стали в желаниях.

Правда
10–13 июля 2009 г.

Дектерёв В.
Кризис в человеческом измерении.

Вот интересное суждение Рейнхарда Крумма – научного консультанта исследования, главы представительства фонда Фридриха Эберта в России.

«Аналитический доклад показал: россияне в условиях кризиса ожидают помощь в первую очередь от президента, правительства, армии, ФСБ. Ждут ли граждане РФ помощи от общественных организаций? Да, 30% опрошенных доверяют этим институтам гражданского общества. По сравнению с аналогичным опросом 1998 года – это прогресс. Но от Государственной думы, политических партий, прессы, от профсоюзов россияне не ожидают помощи в кризисные времена. Это тревожный сигнал для политической системы страны.

Сравнивая настроения россиян в 1998 году и в 2009-м, мы видим существенную разницу. Если в 1998 году 30% россиян ожидали гражданскую войну, еще 30% надеялись на отставку правительства, то в 2009 году государственный переворот большинством опрошенных не ожидается. Также граждане РФ не видят угрозы дезинтеграции страны. 36% россиян считает, что народ перетерпит кризис. В 1998 году таких было только 15%. Значит, последние 10 лет что-то сильно изменили в менталитете российских граждан в хорошую сторону. Хотя остается вопрос: сколько еще будет терпеть народ дальнейшее ухудшение?» (*Источник: Трибуна, 2009, 18–24 июня. С. 11*).

Важные размышления над итогами исследования предложила читателям Екатерина Добрынина на страницах «Российской газеты».

«Что в жизни для нас важнее всего? – задаёт она вопрос себе и всем нам. – Система ценностей под влиянием кризисов, к счастью, не меняется. На первом месте для подавляющего большинства – семья. 99 процентов в списке приоритетов отводят ей почетное место. Далее следуют друзья и работа. Три четверти считают очень важным свободное время, чуть более половины – религию. Политика в загоне: о ней так высказались менее 30 процентов. 35 процентов совершенно не стремятся стать богатыми, 76% не мечтают иметь доступ к власти, 15% равнодушны к престижной работе, 18% вполне обойдутся без хорошего образования. Зато больше 90 процентов стремятся, по их словам, создать счастливую семью, воспитать хороших детей, заниматься любимым делом, честно прожить свою жизнь. И считают, что это им уже удалось. Люди хотят также иметь интересную работу и жить не хуже других. Вот в этом случае кризис сильно портит им картину будущего»².

Интересны и поучительны суждения Е. Добрыниной по поводу сравнения кризиса 1998 года и кризиса 2008–2009 годов. «Ну и извечные российские вопросы: кто виноват и что делать? – опять задаёт себе и всем нам вопрос любопытная и задумчивая Екатерина Добрынина. – Социологи сравнили два кризиса – 1998 г. и нынешний. Ответы граждан о причинах катаклизмов, их виновниках и возможных последствиях различались очень сильно.

Для 44% граждан кризис стал полной неожиданностью. 27% опрошенных считали, что кризис затронет только банковскую сферу, а лично они, не имеющие вкладов или акций, – "в домике". 20% кризиса ожидали, но масштабы превзошли их ожидания. И только 7% выступали в роли буреветников.

сии в XXI веке: Научный доклад // НАВИГУТ. 2008. № 3; Кузнецов В.Н. Смысл гуманитарных взаимодействий в глобальной социологической объясняющей модели современных кризисных перемен // Безопасность Евразии. 2008. № 4.

¹ Исследование «Российская повседневность в условиях кризиса. Взгляд социологов» было проведено в феврале 2009 г. ИС РАН по собственной инициативе в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ по общероссийской квотной выборке, охватившей 1750 респондентов от 18 лет и старше в 12 территориально-экономических районах РФ (согласно районированию Росстата), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Рабочая группа: член-корр. РАН М.К. Горшков (руководитель исследования), д. соц. н. Н.Е. Тихонова (соруководитель), В.А. Аникин, Л.Г. Бызов, С.В. Горюнова, Ю.П. Лежнина, М.М. Мчедлова, Ю.В. Овчинникова, Н.Н. Седова. Научный консультант – руководитель представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ доктор Р. Крумм Научный редактор – Н.И. Покида (*Источник: Российская газета, 2009, 3 июня. С. 14*).

² Добрынина Е. Из города – в огород // Российская газета, 2009, 4 июня. С. 14.

Однако, когда случился дефолт, граждане реагировали куда более нервно. Главным виновником тогда называли правительство Виктора Черномырдина и в меньшей степени – Сергея Кириенко. Обвиняли олигархов, проклятый Запад, советское прошлое и "совковый менталитет" сограждан. Были в шоке, так как события разворачивались стремительно. Кроме того, после только что прошедших "шоковых" реформ большинство чувствовало себя проигравшими и обманутыми.

В 2009 г. ситуация оказалась иной. "Инвалидами реформ" себя ощущали уже не 65%, как в 1998-м, а 29%. Винили уже не "внутренних врагов", а международный кризис (46% против 7% во времена дефолта). Банкиров и олигархов, конечно, за непродуманные действия порицают до 28%, а вот социализм уже явно не причем (5% вместо 14%). И совсем иной общий фон в обществе. Как бы сейчас ни критиковали "путинскую политику", но свои плоды она дала. Намного меньше людей (31% вместо дефолтных 41%) опасаются массовых беспорядков, гражданская война пугает втрое меньше (10% а не 31%). Лишь 4% допускают вероятность переворота и установления диктатуры (таких в 1998-м было втрое больше). "Ничего существенного не произойдет, народ перетерпит", – говорят сейчас 36%, вдвое больше, чем 10 лет назад. А каждый четвертый просто не заглядывает в будущее и с ответом затрудняется. И, несмотря на критику властей, все громче звучащую в СМИ, 39% россиян продолжают считать, что правительство сможет обуздать кризис. Не согласны с ними 22%, а 39% ничего сказать не могут, потому что не знают¹.

Интересные и доказательные размышления журналистов в этих трёх газетах и Рейнхарда Крумма помогли мне более конкретно сформулировать основные измерения глобальной гуманитарной структурной революции (см. рис. 3).

Рисунок 3

Основные измерения глобальной гуманитарной структурной революции

1.	<i>Гуманитарное: жизнь каждого человека по справедливости, по правде</i>
2.	<i>Экологическое</i> (глобальное видение проблемы изменения климата, совместная глобальная конструктивная деятельность всех народов)
3.	<i>Экономическое</i>
4.	<i>Финансовое</i>
5.	<i>Политическое</i>
6.	<i>Институциональное</i>
7.	<i>Играизационное</i>
8.	<i>Вероятностное как антигуманитарное</i> (как реальность возникновения глобальной ядерной войны)
9.	<i>Идеологическое</i>
10.	<i>Процессуальное</i> как контекстуальное и средовое
11.	<i>Антигражданское</i> (организованная преступность, международный терроризм, коррупция), <i>антисправедливое</i>
12.	<i>Смысловое и результатационное</i> как осмысление практик и результатов перемен по итогам воздействий глобального кризиса, воздействий глобальной гуманитарной структурной революции в их влиянии на состояние и динамику достойной, справедливой и безопасной жизни каждого человека и каждого народа, каждого государства.

Урок третий

Мир после кризиса остро и повсеместно требует понятную, энергичную и ориентированную на созидательную деятельность новую теорию культуры развития, способную преодолеть мечту, идеал, цель и ценности тотального потребления, разрушающего национальные культуры, традиции, образ жизни, нравственность, культуру мира и безопасности.

Уже созданные и обсуждаемые основы новой авторской теории культуры развития (В.Н. Кузнецов) могут быть развиты и могут стать предметом обсуждения в научном дискурсе.

Уже предложенные читателям содержательные итоги моих социологических исследований позволяют оформить определённую последовательность выводов третьего урока кризисных перемен.

Вывод первый.

Социологический смысл финансового кризиса 2008 года может быть определён как гуманитарное выражение действительно Глобальной Игры народов практически всех стран мира с мировой финансовой олигархией, с мировой правящей странами клановой части граждан.

Эти правящие кланы, связанные финансовыми операциями граждане, начали реальную глобальную финансово-экономическую войну против народов всех стран за власть, за сохранение своего права управлять миром и полностью присваивать себе результаты во всех сферах деятельности, жизнеобеспечения людей.

Народы мира практически во всех странах начали в 2008 году свою Глобальную Игру по новым, своим правилам, по своей Повестке Дня.

¹ Добрынина Е. Из города – в огород // Российская газета, 2009, 4 июня. С. 14.

Первым пунктом народы мира в Повестке Дня на 2008 год обозначили глобальную процессуальность: **они отказали в доверии финансовым субъектам** (банкам, ипотечным корпорациям, страховым компаниям и т. д.).

Вывод второй.

Народы мира именно в 2008 году доказательно и повсеместно идентифицировали смысловое, институциональное, экономическое единство мировых правящих структур, глобальных финансовых систем с транснациональными сетями международного терроризма, организованной преступности; с национальными коррупционными конгломератами.

Моментом истины стали трагические события 8 августа 2008 года в Южной Осетии, Сомали, Афганистане, Пакистане, Судане.

Вывод третий.

В новой Глобальной Игре, в которой главным субъектом являются народы, тем не менее, есть два партнёра – два игрока (как минимум). Другим субъектом Глобальной Игры стали, не по своей воле, финансовые кланы и конгломераты террористов, преступников, коррупционеров.

Опыт 2008 года обозначил *объективно* самое слабое, уязвимое место второго игрока (финансовых кланов с их соратниками: террористами, преступниками, предателями – коррупционерами).

Я называю в их позиции такие фундаментальные характеристики: несправедливость и антисправедливость; нечестность и ложь; некомпромиссность и бескомпромиссность; недоверие и предательство; недостойнство и рабство.

Важной характеристикой игроков, ведущих свою Большую Игру против России, против народов мира, является особое «секретное оружие»: небезопасность, недоверие, несправедливость, неправда, нечестность, неопределённость.

Смысл действий главного игрока – в ориентированности субъекта Глобальной Игры в финансовой, экономической сфере в условиях кризисных перемен – на достойную, честную, справедливую Победу. Социологический смысл этой Победы в том, что и другой игрок (финансовые кланы мира) не проиграет: с 2008 года началась Глобальная Игра, итог которой не равен нулю. Это значит, что другой игрок (проигравший) не уничтожается, он тоже может считать себя не проигравшим. Но Игра теперь ведётся по правилам, которые разрабатывают Народы Мира, которые контролируют Народы Мира.

Вывод четвёртый.

Чрезвычайно важно чётко и понятно обратиться к порядочным, честным и талантливым людям с предложением разработать методологии, теории, технологии, механизмы, процедуры и мотивацию конструктивных и созидających институтов обеспечения глобального мира и безопасности с очень большой скоростью действия, анализа результативности и правильной корректировки. Суть: негативные, разрушающие институты сторонников культуры смерти, культуры войны (опыт агрессии в Южной Осетии – 2008; в секторе Газа – декабрь 2008, январь 2009; газовая агрессия руководства Украины в декабре 2008 – январе 2009 годов) развёртываются как никогда быстро и действуют комплексно и глобально (убитые, раненые, искажение правды).

Вывод пятый.

Исключительно важно проводить во всех странах, во всех слоях общества информационную и разъяснительную работу, содействующую пониманию главного социологического смысла новой Глобальной Игры народов мира с глобальным истеблишментом (в том числе – с российским): институциональный аспект Глобальной Игры исключительно ориентирован на результат, в котором итог (для народов мира – главный игрок; мировой истеблишмент – другой игрок) не равен нулю: оба игрока в итоге, в результате новой Глобальной Игры, нового Глобального Компромисса обязательно смогут считаться победителями (как вместе, так и по отдельности).

Вывод шестой.

В 2009 году, как итог кризисных перемен в России, во многих других странах мира начала формироваться **политическая компонента глобальной безопасности** в контексте развернувшейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века. Я предварительно могу назвать её **главный смысл как политику обеспечения достойной и безопасной жизни по правде, по справедливости для каждого человека, для каждого народа мира.**

Суть шестого вывода: гуманитарное, экономическое, институциональное основание этой политики – наличие понятных и воспринятых глобальных целей, идеалов и ценностей каждого конкретного человека, органично составляющих взаимосогласованные и обоснованные, легитимные, достойные цели человечества на период до 2015–2020 годов.

Обеспечение достижения таких целей, идеалов и ценностей, функционирования такой политики – *именно здесь главное содержание и структура смыслов глобальной безопасности.*

Вывод седьмой.

Исключительное значение для всех народов мира имеет методология, теория и технология реальной оценки глобальной, региональной, национальной и локальной (местной, по месту своего поселения) ситуации в Глобальной Игре с истеблишментом России, Европы, США и других стран. Первый опыт кризисных перемен показал, что мировой истеблишмент осознал новый смысл Глобальной Игры, которую ведут народы мира с ним.

Теперь для мирового истеблишмента, выступающего в тесном союзе с глобальными террористическими сетями (которые они сами и создали, которые они и контролируют), с глобальной организованной преступностью (которая тоже создана ими и функционирует под их руководством) настал «последний и решительный бой». Пока, по моему мнению, это Глобальная Игра, результаты которой не будут равны нулю.

4. КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА КАК КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, СЕМЬИ, НАРОДА, РОССИИ: ЧТО ПРЕДЛАГАЕМ

Сегодня, в августовские дни 2009 года наша научная школа и я, как автор представленной читателям статьи, имеем честь представить народам России, научному сообществу самые предварительные и весьма дискуссионные итоги теоретического изучения всеобщего кризиса, итоги обоснования основных методологических и концептуальных аспектов понимания смыслов, структуры и функционирования России, всего мира после кризиса.

По существу, для дискуссионного обсуждения в российском и международном научном курсе, для нового социологического, философского, экономического и политологического знания, для всего спектра гуманитарных и социальных наук предьявлены основы авторской теории культуры развития человека, общества и цивилизации. Классификационные обоснования новой концепции в структуре современных общественных наук изложены в предыдущих разделах этой статьи.

В этом разделе работы я представляю ключевые гуманитарные тенденции (тренды) формирующейся теории: духовно-мировоззренческий аспект, экологический, экономико-социальный и ориентированный на предотвращение глобальной ядерной войны.

По моему мнению, именно эти четыре тренда (и их взаимодействия) способствуют важности и востребованности новой фундаментальной теории культуры развития, её инновационности и результативности. Отмечу, что здесь изложены самые предварительные итоги исследований и обоснования конструктивных предложений, так как они требуют дискуссий, апробации и дальнейшего изучения.

Мир после 8 августа 2008 года (08.08.08.) действительно стал другим.

Суть – все народы мира реально увидели и почувствовали на себе: весь мировой истеблишмент (в том числе истеблишмент России) в рамках своей Большой Игры против всех народов мира «заигрался» и «переиграл сам себя». Жадность, алчность, антикультурность мирового истеблишмента 08.08.08 года близко соединила в своей Большой Игре мировой финансовый, экономический кризис с реальной локальной войной на территории Грузии, которая стала глобальной военной угрозой для всего мира. Впервые для XX и XXI веков войска США и войска её союзников чуть-чуть не вошли в практическое боевое столкновение с войсками России.

Фактически для народов мира обозначились важные новые реальности XXI века:

- решающим образом оказалась дискредитирована американская мечта, американская идеология, которые имели глобальное распространение – мечта о росте потребления, о «культуре перепотребления», об идеологии потребления;

- модель глобального развития, модели развития многих регионов и стран с целевой установкой на стандарты западной (американской) массовой антикультуры, на её бездуховность, безнравственность, антигуманизм вызвали повсеместную критику. Обозначилась потребность в новой, действительно гуманитарной, культурно и нравственно ориентированной теории развития;

- **народы мира 08.08.08 года начали свою Глобальную Игру за культуру обеспечения жизни для каждого человека, каждого народа, каждого государства; за предотвращение возможных катастрофических последствий из-за стремительного изменения климата, всей среды жизнеобеспечения; за культуру Мира и Безопасности, за нравственность; за достойный, благополучный и безопасный мир после кризиса 2008–2009 годов.**

Знаменательно, что Наоми Кляйн заключение своей интересной и убедительной книги «Доктрина шока: Становление капитализма катастроф» назвала чётко и обоснованно – «Устранение последствий шока: народ берёт восстановление в свои руки»¹. Она точно и своевременно, по моему мнению, констатирует: «... народная реконструкция является антитезой для комплекса капитализма катастроф, который постоянно стремится породить состояние "чистого листа", чтобы на нем строить свое образцовое государство. Подобно латиноамериканским кооперациям фермеров или рабочих, народное восстановление по самой своей природе – это процесс импровизации, где используется все, что осталось, и любые ржавые инструменты, которые не смыла волна, не сломали или не украли. В отличие от представлений о взятии на небо в момент Второго пришествия и апокалиптического опустошения, от которого истинные верующие убегают в небесные сферы, движения местных жителей по восстановлению основаны на иной предпосылке: что никуда не убежишь от грязи и беспорядка, которые мы создаем, и что опустошение происходит

¹ Кляйн Наоми. Заключение. Устранение последствий шока: Народ берёт восстановление в свои руки // Кляйн Н. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф. М.: 2009. С. 583–614.

постоянно – опустошение истории, культуры или памяти. Эти движения не стремятся начать все с "чистого листа", они начинают с того, что осталось, с лежащих вокруг обломков. Мучительное вырождение крестового похода корпоративизма продолжается, его воины все время пытаются повысить дозы шока, чтобы преодолеть растущее сопротивление людей, и в этих условиях проекты народного восстановления указывают выход за пределы всех разновидностей капиталистического фундаментализма. **Участники такой реконструкции радикальны только в том, что стремятся к практической деятельности, они укоренены в жизни своей общины, связаны с местом, где живут, и заняты восстановлением. Они перестраивают то, что у них есть, преобразуют, делают все лучше и справедливее. И самое главное – растёт их способность к сопротивлению, когда бы ни случился следующий шоковый удар**¹. (Выделено мною. – В.К.).

Народы мира давно обратились ко всем учёным с просьбой разработать новую методологию и теорию развития, новые парадигмы, новые системы понятий, новые смыслы от всех общественных наук.

Такой подход народов мира к развёртыванию Глобальной Игры за культуру жизни, за культуру Мира и Безопасности, за культуру развития созвучен и сопоставим с выводами и предложениями для общественных наук, предложенными выдающимся русским математиком Н.Н. Моисеевым.

В своих книгах: «Человек, среда и общество» (1983), «Алгоритмы развития» (1987), «Человек и Ноосфера» (1990), «Восхождение к Разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям» (1993), «С мыслями о будущем России» (1997), «Время определять национальные цели» (1997), «Судьба цивилизации. Путь Разума» (1998), «Быть или не быть... Человечеству?» (1999) Никита Николаевич Моисеев обосновал движение к новому гуманитарному синтезу, к технологии геокультуры, к новой методологии и теории культуры развития.

1. Исходное положение – новые требования к духовному миру человека: «Человек должен осознать свою принадлежность не только к своей семье, стране, нации, но и ко всему планетарному сообществу. Он должен почувствовать себя членом этого сообщества, принять на себя ответственность за судьбу всего человечества, за жизни чужих ему и далеких от него людей»².

2. **«Формирование целей – может быть, самое сложное из того, с чем сталкивается человек в своей деятельности»**³.

Важные уточнения роли и возможностей современных общественных наук в решении проблем формирования нового миропонимания и миропорядка, новой теории культуры развития, предложенных Н.Н. Моисеевым, принадлежат выдающемуся социологу XX и XXI веков Иммануэлю Валлерстайну, Президенту Международной социологической ассоциации в 1994–1998 годах, одному из основателей миросистемной концепции и геокультурному подходу в общественных науках. «Нам отчаянно нужно изучить альтернативы сущностно более рациональной исторической системы, – призывает он, – заменить безумную, умирающую систему, в которой мы живем. Нам отчаянно нужно раскрыть глубокие корни расовых привилегий, которые пронизывают существующую мир-систему, охватывают все институты, включая структуры знания... Моральная, интеллектуальная функция социальных наук – помочь в обеспечении этого анализа. Но так же, как **требуются невероятные усилия от нас всех для искоренения расизма в каждом из нас, потребуются огромные усилия общественников, чтобы переосмыслить социальную науку, искалечившую нас, и создать вместо нее более полезную социальную науку**»⁴. (Выделено мною. – В.К.).

Теперь уместно оформить структурную схему моей теории культуры развития (см. схему 2). Поясняют и дополняют, уточняют эту схему и мои разработки, посвящённые концепции культуры развития рисунок 4, а также схемы 3–7⁵.

При последующем рассмотрении содержания основных гуманитарных тенденций формирования новой концепции эти схемы, рисунок будут пояснены более подробно.

Здесь важно предложить определения некоторой совокупности основных категорий, которые уже представлены и «работают» по ходу исследований в статье.

Российская мечта может быть определена как самостоятельный феномен, обеспечивающий связи между целью, идеалом, ценностями и смыслом жизни; гармонизирующий трансформацию таких связей для сохранения их формы и структуры; сохраняющий идентичность целей, идеалов, ценностей и смысла жизни, их самостоятельность и самодвижение; достижение и сохранение справедливости.

¹ Кляйн Наоми. Заключение. Устранение последствий шока: Народ берёт восстановление в свои руки // Кляйн Н. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф. С. 613–614.

² Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: 1999. С. 51.

³ Там же. С. 268.

⁴ Валлерстайн И. Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 46–47.

⁵ Пояснения к логике взаимодействий теории культуры развития со сферой безопасности смотри: Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. I. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М.: 2008. С. 65–67.

Структура формирующейся теории культуры развития
 (концепция Кузнецова)

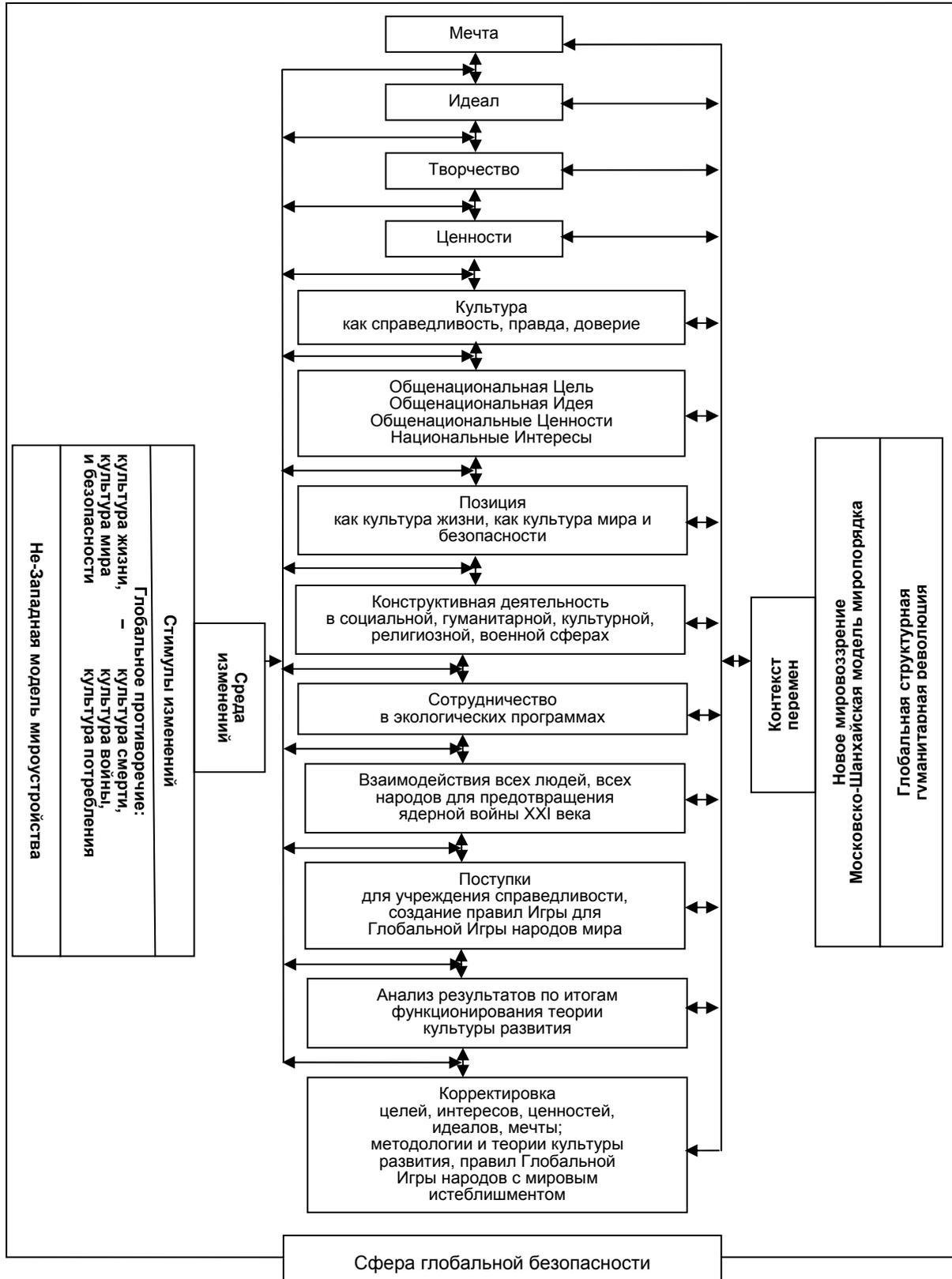
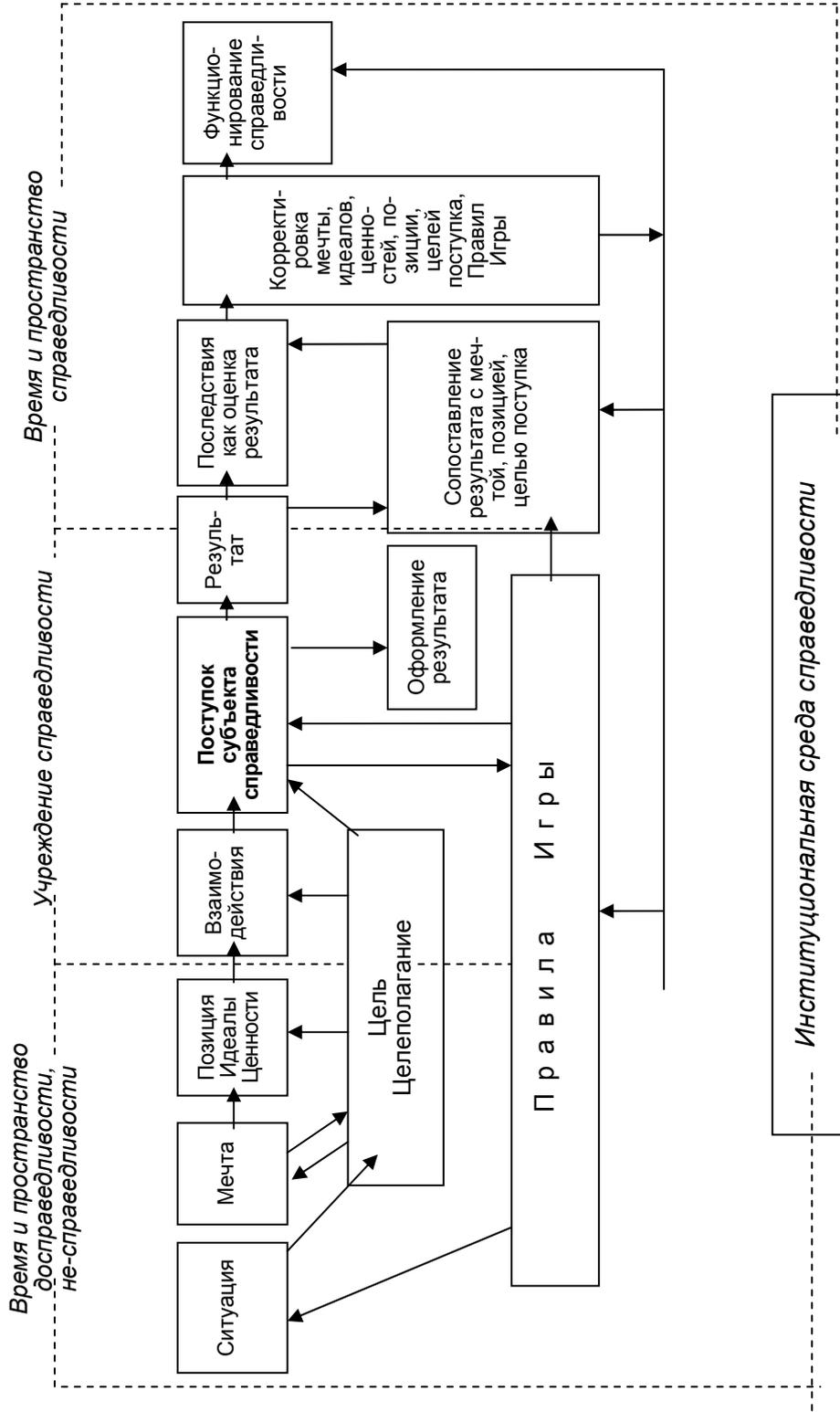

Рисунок 4

Социологическая модель деятельности субъекта созидательной справедливости по её учреждению

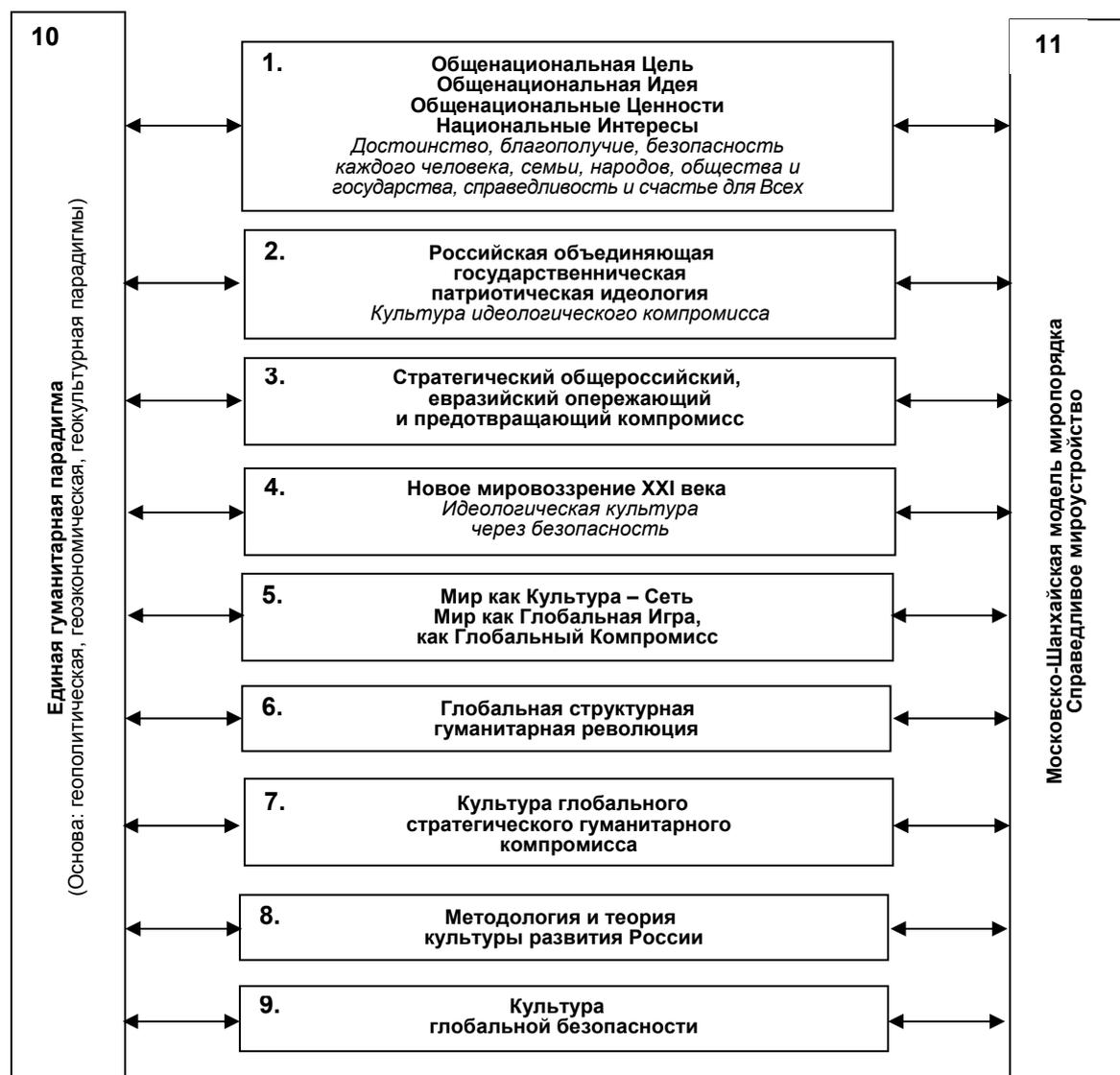
Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК

Выражения парадигмы		ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА					
Характеристик									
Субъект действия	1	Государство. Элиты	2	Транснациональные компании. Элиты	3	Человек Народ	4		
Права и свободы человека	5	Право сильнейшего государства, их коалиций	6	Права и свободы человека	7	Права и свободы человека, его ответственность	8		
Источник энергии, главное противоречие	9	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ	10	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ	11	ПРОТИВОРЕЧИЕ: Культура жизни – культура смерти	12		
Географичность. Среда	13	Пространство	14	Пространство	15	Масштаб	16		
Цивилизация	17	• Мир-Система • Мир: Война–Сеть	18	Мир-Экономика	19	• Мир: Культура–Сеть • Мир: Глобальная Игра • Мир: Глобальный Компромисс	20		
Структура мироустройства	21*	Политическое	22	Вестфальская модель	23	Вестфальская модель	24	Московско-Шанхайская модель	25
		Экономические	Финансовая	26	Бреттонвудские соглашения	27	Бреттонвудские соглашения	28	Рубль как резервная валюта
	Торговая		30	Генеральное соглашение о тарифах и торговле	31	Всемирная Торговая Организация	32	Региональные торговые союзы и соглашения	33
	Институциональное	35	Западные Правила Игры	36	Западные Правила Игры	37	Правила Игры для не-Западной модели мироустройства	38	
	Гуманитарное	39	Классический Гуманизм	40	Новый гуманизм	41	• Мировоззрение • Новый не-Западный гуманизм	42	
Интегрирующая доминанта миропорядка	43	• Сотрудничество • Баланс опасностей, угроз и вызовов	44	• Солидарность • Солидарная культура компромисса	45	Стратегическая партнёрская культура компромисса	46		
Динамика	47	Сила, баланс сил, сдерживание	48	Торговля, конкуренция, баланс интересов	49	Доверие, сотрудничество, диалог, справедливость	50		
Война, мир и безопасность	51	Культура войны	52	Культура мира	53	Культура мира, безопасности и диалога	54		
Взаимосвязь	55	Иерархичность	56	Иерархичность	57	Отсутствие иерархичности	58		
Детерминизм	59	Причинность, функционализм, системность	60	Причинность, линейность, системность	61	Вероятность, нелинейность, сетевой подход	62		
Методология	63	Системно-структурный подход	64	Системно-структурный подход	65	Институционально-сетевой подход	66		
Технология	67	Социальные технологии	68	Высокие геоэкономические технологии	69	Высокие гуманитарные технологии	70		

* Здесь «модель мироустройства XXI Анны Кузнецовой и Вячеслава Кузнецова». См.: Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 660.

Смысл жизни – сущность органичного единства цели, идеала и основных ценностей человека, понятых и принятых им как руководство к деятельности, в его ориентации на достойную, благополучную и безопасную жизнь, на её воспроизводство, на единство свободы и ответственности; на справедливость.

**Российский Социологический Геокультурный
Созидающий Проект XXI века – Возрождение России
(Проект В.В. Путина)**

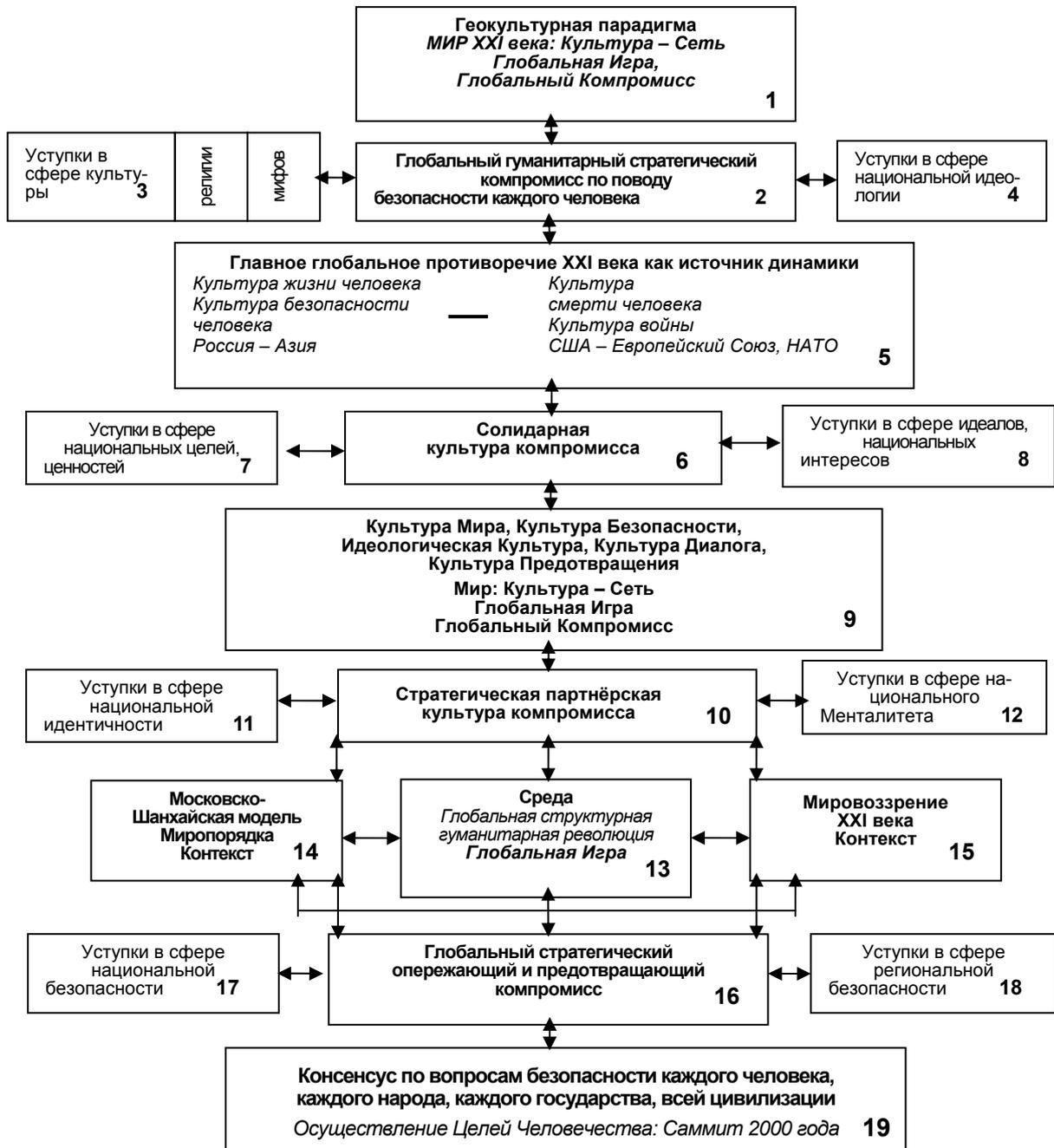
Миропорядок (мировой порядок) это устоявшаяся сетевая совокупность понятий и принятых людьми, народами и государствами взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, справедливости, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.

Мироустройство процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий.

Повестка Дня для мирового сообщества на XXI век может быть определена как взаимосвязанная и согласованная с участием всех субъектов взаимодействий: совокупность целей, ценностей, идеалов и интересов; последовательность действий для их достижения и безусловный уровень легитимности, законности используемых средств и процедур в процессе деятельности; определённость времени и пространства, масштаба деятельности каждого актора; чёткая и обозначенная заранее ответственность за риски и ошибки в процессе достижения выбранных ориентиров; гласность и прозрачность при распределении долей (частей, фрагментов, предпочтений и т. д.) полученного результата.

Схема 5

Социология становления Московско-Шанхайской Модели миропорядка XXI века

Правила игры при разработке, осуществлении, корректировке Повестки Дня для мирового сообщества в XXI веке это процесс творческого поиска в сфере социокультурных инноваций конкретных людей и народов на основе эмоциональных переживаний и строгих рациональных правил в соблюдении процедуры участия и ориентированных: на дополнение и трансформацию реальности; на переживание и переосмысление устоявшихся коммуникаций; на восприятие свободы в масштабе приемлемой модели мироустройства и миропонимания с целью конкретного участия и ответственности за надёжное обеспечение достойной жизни каждого человека.

Ключевые императивы, концепты и смыслы единой гуманитарной парадигмы (системно-сетевой) и кластерной негуманитарной парадигмы (сетевой) для становления и функционирования концепции глобальной безопасности XXI века

Единая гуманитарная парадигма (системно-сетевая). Парадигмальная матрица Кузнецова – ПМК (сеть) 1				Кластерная негуманитарная парадигма (сетевая) – КНП (сеть) 2									
3 Гео-политика		4 Гео-экономика		5 Геокультура		6 Не-институциональность		7 Не-справедливость		8 Не-безопасность			
9 Главный императив		10 Главный императив		11 Главный императив		12 Главный императив XXI века		13 Главный императив XXI века		14 Главный императив XXI века			
15 Мир–Система		16 Мир–Экономика		17 Мир: Культура–Сеть		18 Мир–Глобальная Игра, Глобальный компромисс		19 Мир: Война–Сеть		20 Мир: Война–Сеть		21 Мир: Война–Сеть	
22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
Главный концепт	Вызов – ответ Угроза – ответ Опасность – ответ	Главный концепт	Права и свободы Человека	Главный концепт	Культура жизни каждого чело- века и каждого народа	Главный концепт	Народы играющие: итог ≠ 0	Главный концепт	Нарушение традиций, образа жизни, правил, договоров, ус- тавов, Правил Игры	Главный концепт	Примат силы, расчленения в отношении народов и стран, деформация ответственности, правды, смысла жизни человека	Главный концепт	Культура войны как культура смерти
36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49
Смысл миропорядка	«Новая Эпоха» (по Сергею Караганову) ¹	Смысл миропорядка	«Гуманитарная космология» (по Эрнесту Кочетову) ²	Смысл миропорядка	«Московско-Шанхайское миростроительство» (по Вячеславу Кузнецову)	Смысл миропорядка	Глобальный стратегический гуманитарный компромисс	Смысл миропорядка	«Новая реальность, возникшая	Смысл миропорядка	после провозглашения независимости	Смысл миропорядка	Косово 17 февраля» (по Залпаю Халипзадзу)

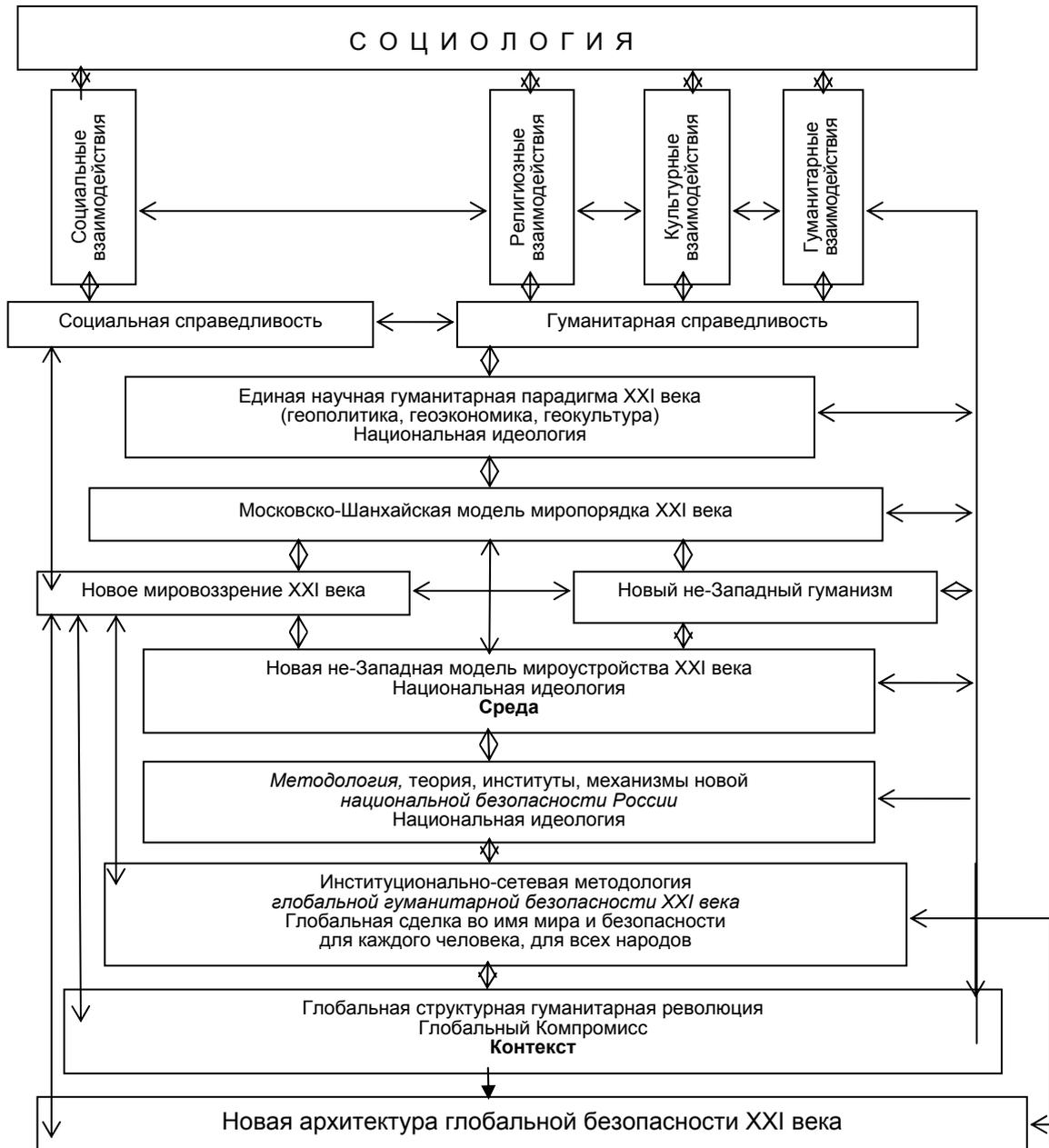
Поступок во имя справедливости, во имя правды, согласно М.М. Бахтину, становится взаимодействием, обусловленным творческой процедурой обоснования цели и приемлемых средств её достижения; нетехничностью, ответственностью, самобытийностью, уникальностью. Методология справедливости наиболее убедительно и конструктивно синтезируется на основе реальных гуманитарных личных поступков субъектов справедливости, которые учреждают справедливость своей деятельностью, своим образом жизни, ориентированных на правду, свободу, честность, законность, культуру, достоинство.

Диалог может быть определён как процесс обеспечения общего участия граждан любой страны, культуры, цивилизации в достижении справедливости, законности и терпимости в человеческих взаимоотношениях; для повышения и сохранения взаимопонимания, уважения и взаимодействия, сбалансированности и умеренности; для поиска общих точек линий и масштаба соприкосновения различных цивилизаций в их общении между собой с тем, чтобы совместно терпеливо и мудро разрешать назревшие проблемы, угрожающие разделяемым ими целям, идеалам и ценностям, через компромиссы.

¹ Караганов С. Наступает новая эпоха // Российская газета, 2007, 6 июля; Караганов С. Перезагрузка, разрядка или преодоление? // Российская газета, 2009, 1 апреля.

² Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: 2006; Кочетов Э.Г. Философия диалога. Тампере (Финляндия), Модена (Италия), Родос (Греция) – этапы восхождения к актуальному феномену «Диалогистике» // Безопасность Евразии. 2008. № 4.

Логика становления, функционирования и взаимодействия
 в социологических исследованиях глобальной безопасности

Доверие – это одна из основных категорий геокультуры, которая выражает состояние мировосприятия человека на основе терпимости и уважительного диалога; состояние конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами; состояние с наличием воли и энергии для достижения необходимых компромиссов.

Игра с ненулевой суммой – обозначает такой характер взаимодействий субъектов противоречий (в основном, неантагонистических), когда в итоге переговоров, торга может быть заключено соглашение, итоги которого одинаково удовлетворяют каждого субъекта взаимодействия: каждый справедливо определяет себя победителем.

Духовно-мировоззренческий тренд культуры развития

Фундаментальной особенностью, предлагаемой автором статьи новой теории культуры развития России в XXI веке, является главная и ведущая роль культуры, национальной идеологии, нового мировоззрения и новой концепции не-Западного гуманизма.

Поэтому главные, исходные понятия, представленные на схеме 2, это: мечта, идеал, смысл жизни, цель, ценности, позиция, поступок.

Методологически важно, на мой взгляд, прежде всего, анализировать, осуществлять социологический мониторинг угроз, опасностей, вызовов именно для мечты, смысла жизни; целей, идеалов и ценностей. Это, по моему мнению, возможность значительного продвижения в решении задач обеспечения культуры развития, так как складывается ситуация для концентрации и оптимизации усилий самих институтов развития, институтов предпринимательства, институтов становления гражданского общества.

Ключевое суждение, на мой взгляд, предложил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II на встрече осенью 2002 года с группой журналистов в ходе «Бесед на переломе тысячелетий». На вопрос: «**Что, по-вашему, движет человеком в жизни?**» он ответил: «Цель. Ясная цель, которую каждый из нас должен наметить себе непременно. К этой цели человек стремится и, возможно, будет добиваться ее достижения всю свою жизнь. Но он должен ее достигать, потому что иначе жизнь превратится в бессмыслицу. Цель – это движение, в ее достижении – смысл человеческого существования»¹.

Об исключительно важной роли мечты, идеала, ценностей, цели развития свидетельствуют практически все исследования состояния и динамики понимания многими миллионами граждан России весной и летом 2009 года ключевого аспекта: куда идёт Россия, что мы создаём, насколько народ может поддерживать власть, в чём стратегия и смысл кризисных перемен в стране, в Евразии, во всём мире?

Актуальность и сложность такой постановки вопросов и состояние понимания ситуации – «где мы сегодня находимся» – представлена в таблице 2. Здесь даны результаты текущих опросов Левада-Центра. Любопытно, что таблица из журнала размещена там в рубрике «Мониторинг перемен: основные тенденции».

Национальная идеология Рассмотрим развёрнутое определение культуры, предложенное Б.С. Ерасовым: «культура – это особая сфера и форма деятельности, имеющая свое содержание и свою структуру, а вместе с тем воздействующая на остальные сферы бытия, в том числе на социальные отношения и политику. Культура создает то поле и способ общения, в котором и формируется каждое отдельное общество со своей внутренней структурой, но отмеченное самобытностью, отделяющей это общество от других. Третья ипостась культуры – уровень жизнедеятельности, обеспечиваемый постоянной заботой о поддержании высших образцов и "подтягивании" к ним реальной деятельности и поведения человека»².

Таким образом, общим во взаимосвязи культуры и идеологии является, *во-первых*, сфера их формирования: духовное производство, духовная деятельность.

Второй объединяющий их аспект – структурный. Б.С. Ерасов в число основных компонентов культуры включает мифологию, религию, идеологию, науку, художественную культуру³.

Рассмотрим теперь характер факторов, обозначающих отличие идеологии от культуры. Такой интересный и обстоятельный анализ осуществлён Б.С. Ерасовым в разделе «Культура и идеология» его книги «Социальная культурология»⁴.

Первое различие – последовательность оформления каждого феномена: сначала культура, потом религия и только, ориентировочно, в начале XIX века – идеология.

Второе отличие – существенно разная динамика феномена идеологии (более энергичная) в дуальном, неразрывно связанном взаимодействии с культурной средой (а это наличный, реальный уровень культуры общества).

Здесь культура более устойчива, более инерционна.

Теперь о самой идеологии.

Перспективное, на мой взгляд, социологическое понимание идеологии предложил Д.Т. Жовтун.

«Идеология (от греч. idea – представление и logos – слово, учение, знание) – система идей, взглядов, представлений, содержащая концептуальное, теоретическое осмысление социального бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеалов определенных социальных групп и слоев, национальных образований, – формулирует он. – Идеология является продуктом социально-политической деятельности людей, составной частью духовного производства и даже культуры. Структурно она состоит из политических теорий и идей, общественно-

¹ Российская газета, 2002, 22 ноября. С. 9.

² Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: 2000. С. 24.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 182–190.

политических идеалов, ценностей, концепций политического развития и политических программ, политических символов и т. п.»¹.

Таблица 2

**Дела в России идут в правильном направлении
или страна движется по неверному пути?
(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)**

Источник: Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009 (январь – март). № 1. С. 3.

Существенным уточнением смысла феномена может послужить суждение Т. Иглтона: «идеология – это *текст*, который соткан из паутины различных концепций и прослеживается сквозь множество разных историй. Возможно, важнее понять, что является действительно существенным внутри каждой из генеалогических линий, а что может быть отброшено, нежели пытаться принудительно соединить их в некую Великую Глобальную Теорию»².

Ещё одно развёрнутое описание феномена идеологии принадлежит К. Гирцу. «Чем бы ни были идеологии (проекциями неосознанных страхов, вуалированием скрытых мотивов, добровольными (*phatic*) выражениями групповой солидарности, – пишет он, – они прежде всего суть карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которым создается коллективное сознание. Точна ли такая карта или адекватно ли такое сознание, в каждом отдельном случае – особый вопрос, на который едва ли можно ответить одинаково, говоря о нацизме и сионизме, о национализме Маккарти и Черчилля, о защитниках сегрегации и ее противниках»³.

Очевидно, что перечень характеристик национальной идеологии (из представленных описаний): осмысление социального бытия, продукт деятельности, часть духовного производства, текст, паутина, разные истории, групповые солидарности, карты реальности, матрицы сознания – может быть продолжен.

Однако эти же характеристики обозначили важнейший аспект рассмотрения феномена национальной идеологии: взаимосвязь и своеобразие во взаимодействии с культурой, религией, наукой, философией, искусством, правом, экологией и т. д.

Теперь о рациональном, об иррациональном – об идеологии и религии, что имеет прямое отношение к той модели рациональности, которая предложена в методологии моей модели теории культуры развития: речь идёт о культурной рациональности.

Взаимодействие этих важнейших звеньев культуры, реального общественного сознания имеет свою значительную историю. Прежде всего, отметим общие характеристики.

Первая объединяющая их особенность – постоянная совместная работа (в прошлом, настоящем и будущем), ориентированная на помощь людям в позитивном, конструктивном содействии регулированию духовной жизни, социального поведения, приобщению к достойным целям, идеалам и ценностям.

Вторая общая особенность – участие в поддержке социализации человека.

Третья важная общая особенность – органическое вхождение в содержание феноменов (религии и идеологии) мифа, утопии и фантазии. Здесь речь идёт об иррациональной компоненте. Точнее, о реальном соотношении рационального и иррационального.

¹ Жовтун Д.Т. Идеология: актуальные аспекты социологического анализа // Социология: Учебник / Под общ. ред. В.Э. Бойкова. М.: 2004. С. 367.

² Eagleton T. Ideology. An introduction. L., 1996. P. 1.

³ Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: 2004. С. 250.

Общее и различное во взаимодействии культуры, религии и идеологии в XXI веке наиболее отчётливо проявилось в оформлении двух направлений идеологий – религиозных (теистических) и светских (секулярных, атеистических).

Само оформление национальной идеологии как самостоятельного, оригинального и востребованного обществом феномена обусловлено необходимостью нового качества, нового содержания духовной жизни.

Первое отличие религии от идеологии (светской, секулярной, атеистической) сформулировал Б.С. Ерасов. «Одно из наиболее существенных различий по содержанию заключается в том, – пишет он, – что всякая развитая религия обязательно имеет в своём составе эсхатологическое учение, раскрывающее для верующих конечные судьбы мира и общества, а также и загробную жизнь индивида как продолжение или отражение его посюстороннего существования. Идеология сосредоточена на том или ином устройении земных порядков в обществе»¹.

Второе отличие (институциональное) обозначил также Б.С. Ерасов: основным институтом поддержки религии является церковь, а главными институтами поддержки секулярных (светских) идеологий являются государственные, общественные организации; политические партии, средства массовой информации (СМИ)².

Оформление науки как самостоятельного звена культуры, сферы общественного сознания, духовной деятельности состоялось примерно в те же сроки, что и идеологии.

Общим, что их характеризует (особенно социальные науки и идеологии) является ориентированность на формирование убеждений учёных как членов научного сообщества. Т. Парсонс особо выделяет содержательное единство науки и идеологии, проявляющееся в «убеждениях, направленных на проблемы личности, коллектива и культурных объектов»³.

Отличие между ними может быть обосновано через рассмотрение их главных функций. Если наука ориентирована, прежде всего, на познание человека, общества, космоса, то идеология призвана способствовать человеку, обществу осмыслить аргументы и технологии, которые могут помочь продвинуться в осуществлении желательных перемен.

Эту их особенность лаконично и убедительно объяснил К. Манхейм: идеология, по его мнению, нацелена на деятельно-практическое наполнение духовной жизни, а наука – на познавательное и констатирующее освоение бытия⁴.

Понимание их взаимоотношений особенно важно, так как все виды художественной культуры – живопись, архитектура, музыка, хореография, литература и т. д. – представляют человеку в широчайшем спектре образы как знаки. А их восприятие эффективно воздействует на освоение смыслов, знаний, целей, идеалов, ценностей, традиций и норм.

Поэтому все звенья духовного производства, все элементы общественного сознания (мифология, религия, наука и др.) взаимодействуют с искусством.

Основной линией, доминантой взаимодействия художественной культуры и идеологии можно считать реальную связь убеждений многих творцов в искусстве с конкретными идеологиями.

Для понимания этой сложной и деликатной связи К. Гирц предложил несколько интересных и содержательных суждений.

«Культурные модели – религиозные, философские, **эстетические**, научные, идеологические – это "программы"; они снабжают нас шаблонами или чертежами для организации социальных и психических процессов, так же как генетические системы предоставляют шаблон для организации процессов органических...

...Самая непосредственная причина идеологической активности – утрата ориентиров, неспособность, за отсутствием подходящих моделей, постичь универсум гражданских прав и обязанностей, в котором оказывается индивид...

...И образность языка идеологий, и горячность, с какой, однажды принятые, они берутся под защиту, вызваны тем, что идеология пытается придать смысл непонятным социальным ситуациям, выстроить их так, чтобы в них стало возможно целесообразное действие. Как метафора расширяет язык, увеличивая его семантическое поле, делая возможным выражать значения, которые не могут, или по крайней мере еще не могут, быть выражены буквально, так и прямое столкновение – ирония, гипербола, преувеличенная антитеза – буквальных значений в идеологии дает новые символические схемы, под которые можно подвести мириады "незнакомых нечто", с которыми, как при приезде в чужую страну, мы сталкиваемся при переменах в политической жизни»⁵. (Выделено мною. – В.К.).

При подведении итогов этого фрагмента статьи, посвящённого взаимодействию культуры, идеологии, религии, науки, художественной культуры можно констатировать следующее:

– *смысл феномена национальной идеологии* состоит в реальном углублении и расширении роли идеологии как оригинальной и, безусловно, необходимой составной части культуры,

¹ Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. С. 186.

² Там же.

³ Парсонс Т. Институционализация идеологий // Парсонс Т. О социальных системах. М.: 2002. С. 483.

⁴ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: 1994.

⁵ Гирц К. Идеология как культурная система... С. 247, 249, 250.

как самостоятельного пространства духовного производства, как важнейшего элемента общественного сознания, как ценнейшего вида общественных отношений;

– актуальность феномена национальной идеологии может быть наиболее значительна для дела понимания и усвоения общенациональной цели, идеалов и ценностей, способных позитивно повлиять на совместную деятельность многих граждан и народов России для энергичного продвижения к благополучию и безопасности каждого, самих народов, общества и государства. Это, по существу, гуманитарная инновация;

– множество культур, множество религий выражается и в реальном множестве идеологий.

О мечте. 25 июня 2009 года состоялось первое заседание Редакционно-Издательского совета Нанотехнологического общества России, которое было создано весной 2009 года. «В сфере нанотехнологий, – отметил Георгий Малинецкий в ходе заседания, – сегодня отсутствует **хорошо организованная мечта**»¹. (Выделено мною. – В.К.).

«**России нужна мечта.** Как воздух необходимы большие проекты, стратегический прогноз, видение будущего». Это опять пишет Георгий Малинецкий².

Понятна теперь и мотивация Г. Малинецкого на новую теорию развития России: фактически речь идёт о теории культуры развития. Вот как пишет Максим Калашников о докладе Г. Малинецкого на семинаре «Реальные инновации и их имитация в России», состоявшемся летом 2009 года в Институте динамического консерватизма. «Г. Малинецкий убеждён, – констатирует М. Калашников: чтобы сломать инновационное сопротивление и предотвратить грозящий развал страны, РФ должна сделать три вещи – запустить первый мегапроект развития, обеспечивающий "сшивание" Федерации, принять новую повестку дня для страны и выработать национальную идеологию.

На роль суперпроекта предложено создание Евроазиатских транспортных коридоров. Названа и необходимая повестка дня: целеполагание и создание нового государственного аппарата, декриминализация страны и освоение Евразии. Ну, а основой всего должна стать идеология-«смыслосфера» с базовыми принципами:

Духовное выше материального.

Общее выше личного.

Справедливость выше закона.

Будущее выше настоящего и прошлого»³.

Я поддерживаю представленные суждения Г. Малинецкого. Тем более, что мои исследования для новой теории культуры развития начинались со статьи «**Российская мечта в геокультурном измерении**».

Сегодня, из августа 2009 года я могу привести здесь первые 19 строчек той публикации. «Определенно можно утверждать и надеяться, что мы, россияне, в 2003 году более отчетливо осознаем смысл своей жизни. И особенно важно: мы вместе стремимся к российской мечте. По существу речь идет о свободе и безопасности; о достоинстве человека, народа и нашей страны. Смысл изменений – мы начали более четко договариваться друг с другом о главных целях, идеалах и ценностях; о нашем собственном участии в их достижении; о надежде быть понятыми и услышанными; об уверенности в себе самих и в своих близких, что можно самим решить свои основные проблемы. Новое обстоятельство – это оформление благоприятной среды: впервые за многие последние годы на рубеже 2002 и 2003 годов появились убедительные свидетельства, что народам России, ее гражданам удалось преодолеть аномию (несоответствие между официально принятыми нормами и реальным поведением людей): это проявляется в восприимчивости и ориентации на позитивные социально-экономические перемены, в адаптации к новым обстоятельствам жизни, в устойчивости феномена социального оптимизма.

Общая доминанта обозначившихся перемен имеет, на наш взгляд, геокультурный характер, новый ценностный и цивилизационный формат, четкий социологический ракурс.

Поэтому важен именно социологический аспект в исследовании содержания, структуры и динамики российской мечты XXI века»⁴.

Об идеале. В виде идеала в сознании всегда своеобразно отражается противоречивая социально-историческая ситуация, чреватая назревшими, но не удовлетворяемыми потребностями более или менее широких масс людей, общества, групп. В виде идеала эти группы людей и создают для себя образ такой действительности, в рамках которого наличные, гнетущие их противоречия представляются преодоленными, «снятыми», и действительность предстаёт «очищенной» от этих противоречий, свободной от них. Идеал выступает как активная, организующая

¹ Ваганов А. Биоэкономика и наномечта // Независимая газета, 2009, 29 июня. С. 8.

² Малинецкий Г. Смотреть в небо, но стоять на земле // Завтра, 2006, № 37. С. 2.

³ Калашников М. Инновации и Россия // Завтра, 2009, июль, № 29. С. 7.

⁴ Безопасность Евразии. 2003. № 1. С. 581.

сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определённых конкретных, исторически назревших задач. Идеал, в какой бы форме он ни выступал, выполняет ряд функций, тесно связанных друг с другом и дополняющих одна другую: *нормативную, критическую* (по отношению к status quo); *познавательную* (в самом фантастическом идеале содержится информация, хотя и выступающая иногда в превращённой форме, как о реально существующем обществе, так и о творце идеала); *прогностическую, интеграционную* (идеал сплачивает людей вокруг общей цели); *мобилизационную* (идеал концентрирует усилия, направленные на достижение цели) и ряд других.

Идеал (фр. ideal – идея, первообраз), *идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общества. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до её фактического осуществления.*

В обществе существует более или менее широкий спектр идеалов, отражающих потребности, интересы и устремления различных социально-политических сил.

Современная Россия в настоящее время не формирует свой общенациональный идеал по той причине, что ещё не обозначился с необходимой чёткостью вектор её цивилизационной и социально-политической эволюции, равно как и зоны совпадения долгосрочных интересов системообразующих социальных и политических сил российского общества.

Речь идёт о социальном идеале, а не о личном идеале человека. Потребность в личном идеале – это почти физически ощущаемый духовный голод, который нельзя утолить ничем, кроме духовной пищи. Идеал – это зов, зов определённой реальности, её символ, ключ к ней. Личному идеалу служат. К социальному – стремятся, во имя его достижения упорно, а то и каторжно трудятся. Он вырабатывается коллективным разумом общества, он не идеален, он плотен, материален. Это прагматическая цель социума.

Совсем необязательно трактовать социальный идеал как некоторую равнодействующую личных идеалов, а личный идеал человека как совпадение с социальным. Более того, нередки случаи явного расхождения между ними.

Роль социального идеала убедительно раскрыта Питиримом Сорокиным в статье «Историческая необходимость». Он пишет: «...человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать свои идеалы Правды, Истины и Красоты. Эти завоевания, порой замедляясь, ослабевая, в общем до сих пор увеличивались. Правда, кто сочтёт, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтёт все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но эту Правду создавали они как личности, и точно также наше будущее создаем мы. И чем активнее будет каждая личность, тем выше будут её идеалы, тем быстрее мы будем приближаться к Правде и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая!»¹.

Академику В.Л. Макарову² в ходе беседы задали вопрос: «Вы по-прежнему убеждены в том, что старые идеалы разрушены, а новые не созданы и что народ и экономика не могут жить без идеалов?»

«Если говорить о математических моделях экономики, – ответил В.Л. Макаров, – то там ведь какой подход: хороша та экономика, которая обеспечивает народу благосостояние. Но сначала, надо сформулировать, что стоит за этим понятием – "благосостояние".

Оно неотделимо от того, как человек понимает себя. Если примитивно: сыт, пьян и нос в табаке, то, выстраивая экономику на таких идеалах, страна неизбежно зайдёт в тупик. Это может показаться удивительным, но и экономика не может обходиться без идеалов. Например, руководители предприятий, особенно больших, нуждаются, на мой взгляд, в некой путеводной звезде – в ясной и четкой модели экономики, к которой общество должно стремиться. Причем это не зависит от государственного или общественного устройства.

Проблема в высшей степени сложная: идеалы невозможно выдумать, их надо "подсмотреть" у народа. Для этого необходимы серьезные социологические, исторические исследования, исследования в области культуры, экономики и так далее. Надо использовать и опыт зарубежных стран»³.

О цели. 29 сентября 2004 г. в Российской Академии наук прошёл первый этап общенациональной дискуссии по теме: «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук».

Постановка этой проблемы именно в таком контексте возникла не случайно. Анализ общего информационно-политического пространства в России и за рубежом однозначно показал, что против России, её исполнительной власти развёртывается идеологическая война нового поколения, которая, судя по реакции на последние инициативы Президента Российской Федерации Владимира Путина, только набирает силу.

Центром дискуссии стал доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, члена-корреспондента РАН, о востребованности миссии российских общественных наук в выработке объединяющей идеологии России.

¹ Сорокин П. Историческая необходимость // Человек. Цивилизация. Общество. М.: 1992. С. 521.

² Макаров В. Идеалы для экономики (беседа с В. Кучером) // Государственная служба. 2002. № 1. С. 12.

³ Там же. С. 12–13.

Инициаторами дискуссии выступили отделение общественных наук РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Институт социологии РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный социальный университет, Ростовский государственный университет, Казанский государственный университет, Институт США и Канады РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт сравнительной политологии РАН, Институт Африки РАН, научно-теоретический журнал «Безопасность Евразии».

Самый важный предварительный итог дискуссии состоит в том, что реальное осмысление общенациональной цели для каждого человека, народов страны, российского общества и государства действительно является основополагающим фактором консолидации всех групп и слоёв России. Практически во всех выступлениях чётко был выделен ключевой тезис: формулирование и принятие всеми нами общенациональной цели может в кратчайшие сроки и наиболее эффективно сплотить российское общество, упрочить единство всей страны на основе реального доверия между народом и властью, обеспечить уверенность в достижении честности, благополучия и безопасности каждого гражданина России. Именно при таком подходе, по убеждению большинства выступающих, впервые научно-теоретическое обоснование управления государством выходит в практическую плоскость, в т. ч. и в сфере консолидированного противодействия в борьбе с терроризмом, преступностью и коррупцией.

В докладах академиков РАН В.Л. Макарова, Г.В. Осипова, членов-корреспондентов РАН В.Н. Иванова, С.В. Рогова, проректора Ростовского государственного университета Ю.Г. Волкова, декана социологического факультета МГУ В.И. Добренькова, заместителя директора департамента образования г. Москвы Ю.В. Громько особенно отчётливо прозвучали следующие тезисы:

- новый подход Правительства России к проблеме «управления по целям» заслуживает поддержки и соответствующего научного сопровождения со стороны гуманитарных институтов РАН;
- разработка концепции государственнической идеологии – ещё одна актуальнейшая проблема – требует объединения усилий научного сообщества, всех ветвей власти и институтов гражданского общества;

- внятная и воспринятая общенациональная цель и державная идеология – ключевое условие для конструктивного и постоянного диалога между властью и молодым поколением, что обеспечивает культурно-историческую преемственность и, вместе с тем, восприимчивость к инновациям.

Суммируя итоги содержательной компоненты развернувшейся общероссийской научной дискуссии по проблемам общенациональной цели необходимо выделить главное:

- Впервые на российском интеллектуальном просторстве объективно сложилась уникальная конструктивная ситуация для совместного творчества научной элиты страны и власти для достижения объединяющей общенациональной цели.

- Этот уникальный фактор может стать реальной основой для обеспечения созидательного интеллектуального прорыва к смыслу и назначению общенациональной цели страны, что будет способствовать процессу консолидации всего российского общества.

- Способом реализации обозначившейся возможности при наличии инициативы Правительства Российской Федерации может послужить продуктивная мобилизация научного сообщества на достижение динамичных, обоснованных и понятных технологий по осуществлению программ в сфере гуманитарного, человеческого измерения.

- Впервые за многие предыдущие годы значительная часть научной и интеллектуальной общественности России консолидировано выразила публичную готовность совместно с исполнительной властью взять на себя ответственность за разработку и обоснование концепции, чётко ориентированной на благополучие, безопасность конкретного человека и общества в целом.

Благополучие оценивается надёжностью безопасности; уровнем, качеством и доступностью духовных и материальных благ; состоянием благополучия государства; позитивной динамикой и качеством его природных условий. В содержание понятия входят услуги и доступность образования, здравоохранения и культуры.

В числе важных ключевых факторов обеспечения благополучия особенно считаю важным выделить наличие реальной законности. Итоги многих социологических исследований в 2000–2009 годах показывают лидирующую роль законности в программах достижения благополучия и его сохранения.

Законность понимается в таком контексте, как «общие правила игры», как равенство людей перед законом, невзирая на должность, состояние, национальность и т. д.

Ещё два свойства законности. Во-первых, это ведущая идея (1–2-е места в ранжировании ценностей), которая способна объединить людей, вдохновить их. Во-вторых, это свойство «законопослушности»: по существу, здесь ещё одна ипостась доверия, доверия к Другому.

Мы рассматриваем феномен «законность» значительно шире.

Вот основания для такого подхода. В итогах социологических исследований 1997–2009 годов общественного мнения о состоянии России, удовлетворённости жизнью оформилась устойчивая тенденция. На один и тот же вопрос в различных исследованиях: «*Что надо сделать государству и обществу для коренного улучшения жизни, для обеспечения правды и справедливости?*» в ответах респондентов на 1 – 3-м местах стоит одинаковый ответ. Он формулируется так: «*Самое главное – обеспечить законность как равенство людей перед Законом*».

Что особенно значительно, на вопрос: «*Какие идеи, какие действия могли бы наиболее эффективно объединить россиян с разными взглядами, сторонников разных конфессий?*» был получен такой же ответ: «*Законность как равенство людей перед Законом*».

В совокупности атрибутов и факторов благополучие инициирует и поддерживает, как показали итоги наших исследований, представление о российской мечте.

Анализ содержания российской мечты показывает, что в её основании – взаимодействие цели, идеала, ценностей и смысла жизни (как целостности).

Роль мечты обозначается как проявление внешней среды, способствующее сохранению и динамике целей, идеалов, ценностей и смысла жизни.

Думаю, надо особенно подчеркнуть, что феномен «благополучие» во взаимодействии с «мечтой» обладает уникальными интегративными и вдохновляющими свойствами.

Есть исторический факт. В сложнейший период восстановления разрушенной Германии (Западной) с уставшим и униженным военным поражением народом Людвиг Эрхард, учёный и политик, предложил народу Германии свою концепцию «стратегического манёвра»: он предложил тезис «благополучие для всех». Это было воспринято абсолютноным большинством жителей Германии как стратегия прорыва к благополучию, к мирной жизни, к самоуважению, к мечте о достойной жизни. Уже в 60-х годах XX века учёные многих стран изучали истоки, «критические технологии» и стратегию создания «немецкого чуда».

А нам важно исследовать как содержание и структуру цели, так и динамику основных её составляющих. Тогда мы сможем исследовать смысл цели (что), источник движения (почему). Ещё более значителен вопрос, который может быть сформулирован по достижению результата (осуществлению цели) с учётом использованных средств (ресурсов). Я говорю о вопросах: почему именно так была поставлена и принята конкретная цель? Правильно ли, своевременно ли она была сформулирована? Нужно ли было осуществлять её именно в такой последовательности, с такими затратами? Удовлетворены ли мы результатами?

Безусловно, все эти вопросы – предмет для острых и актуальных дискуссий с участием представителей всех направлений российской общественной науки. *Однако самый сложный и наиболее дискуссионный вопрос – как возможно в оптимальные сроки оформить и укоренить в сознании и деятельности всех граждан страны убедительную, обоснованную и вдохновляющую общенациональную цель.*

Суть: с 1992 года по 2009 год во всех российских общественных науках доминирующим предметом анализа являются интересы личности, общества и государства¹. Возможно, поэтому именно анализу интересов (жизненно важных, базовых, главных и т. д.) посвящены многочисленные книги, статьи, диссертации, «круглые столы», научные конференции во всех звеньях российских общественных наук.

В таком контексте общенациональная цель, социальный идеал, базовые ценности не являются научной проблемой, тем более проблемы их становления и укрепления не являются дискуссионными.

Заслуга российской социологической науки на рубеже XX и XXI веков, на мой взгляд, в том и состоит, что осуществлены обстоятельные и фундаментальные исследования, дискуссии по их итогам, позволившие обрести вывод: первым, главным шагом российского общества в деле строительства достойной, качественной и безопасной жизни каждого человека и возрождения Отечества является оформление и утверждение общенациональной цели².

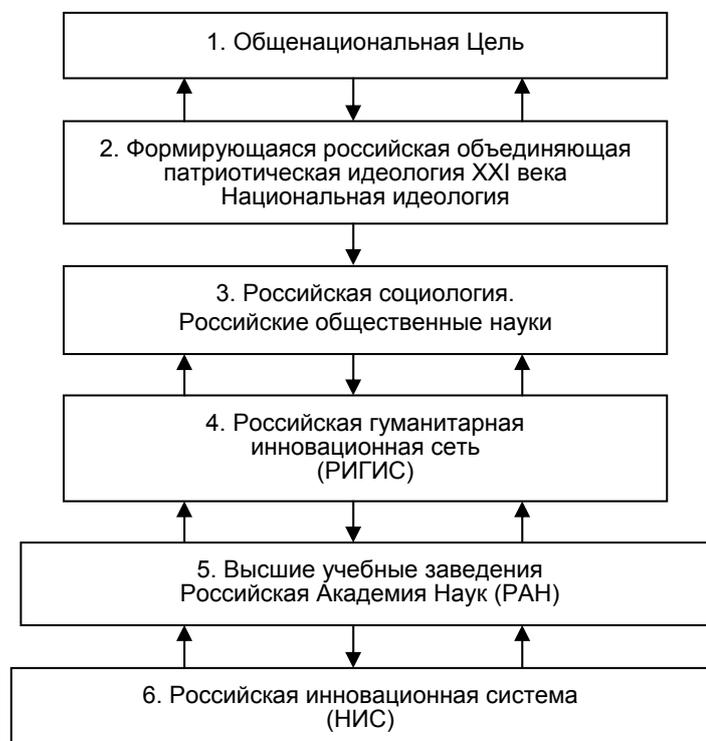
*Однако особая теоретическая и практическая актуальность и востребованность научной разработки общенациональной цели обозначилась в 2002–2009 годах, когда для всей российской науки оформилась ключевая задача – содействовать консолидации, объединению российского общества для достижения позитивных перемен в жизни всех граждан страны*³. В итоге именно для социологии, имеющей научный задел в разработке проблемы общенациональной цели, **сложилась и оформилась важнейшая Миссия: активизировать и помогать всем общественным наукам в конкретных и комплексных исследованиях главной цели России** (см. схему 8).

¹ Я беру за точку отсчёта принятый в 1992 году и действующий до настоящего времени Закон Российской Федерации «О безопасности», который формулирует категорию безопасность не через общенациональную цель, не через социальный идеал, не через базовые ценности. В этом ключевом мировоззренческом основополагающем документе в центр управления страной, обеспечения достойной и свободной, ответственной деятельности человека поставлены интересы. Здесь безопасность трактуется как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

² Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие: Газовая промышленность для Человека, Семьи и Общества (Социолого-экономический аспект). М.: 2000; Кузнецов В.Н. Культура безопасности: Социологическое исследование. М.: 2001.

³ Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М.: 2003; Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. М.: 2003; Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М.: 2004.

Логика и динамика взаимодействия общенациональной цели
России с формирующейся российской объединяющей
патриотической идеологией XXI века

Безусловно, в настоящее время в научной российской литературе, в публикациях различных отечественных экспертов, публицистов оформлена и другая позиция. Отмечу: именно другая позиция.

Её суть: у народов России в последние десять лет не было общенациональной цели. Главная объединяющая российская национальная цель едва ли будет обозначена и укоренена, поддержана народами нашей страны в ближайшие 5–10 лет. Я не привожу здесь фамилии, статьи авторов с такой позицией: во-первых, они широко известны; во-вторых, как правило – это серьезные и принципиальные люди, которые бесспорно имеют право на обоснование своей точки зрения.

Выделю отдельно: говоря об этих коллегах, я отмечаю их не как оппонентов моей позиции. Нет. Это коллеги, имеющие другую позицию.

Теперь считаю необходимым выделить ещё одну новую особенность, характеризующую выработку любой гражданской позиции по поводу российской общенациональной цели. Практически впервые за всю историю российской общественной науки XIX, XX и XXI веков сложился и действует в гуманитарном интеллектуальном пространстве мощный и хорошо оснащённый (кадры, финансовые ресурсы, информационные ресурсы, владение новейшими манипулятивными технологиями, конкретный опыт) противник. Я имею в виду антигражданский интеллектуальный потенциал международного и российского терроризма, а также организованной преступности.

Есть серьезные основания полагать, на мой взгляд, что с 2000 года российские антигражданские силы развернули широкомасштабную, каждодневную борьбу с российской общественной наукой с чёткой направленностью: не допустить выработку привлекательной консолидирующей общество общенациональной цели; содействовать подмене главной цели на совокупность множества второстепенных целей; постоянно дискредитировать, деформировать весь процесс выработки общенациональной цели.

Таким образом, миссия российской социологии для общественных наук страны в XXI веке может быть рассмотрена как инициирование создания Института общенациональной цели, важной и необходимой каждому человеку, всем народам России, обществу и государству.

Смысл миссии общественных наук заключается как в содействии становлению доказательной фундаментальной гуманитарной науки о целеполагании, так и в динамичном изучении реального опыта формирования Цели.

Цель миссии российской социологии – содействовать созданию и функционированию комплексного Института общенациональной цели: её оформлению; обсуждению; продвижению во все группы нашего общества; анализу её восприятия и неприятия, сомнений; внесению необходимых корректив; стадии синтеза – соединению цели, средств её достижения, достигнутых результатов, обсуждению смысла деятельности самого Института Цели.

При подведении итогов моих исследований в этом разделе статьи считаю важным и необходимым предложить два сюжета.

Во-первых, важно, на мой взгляд, в понимании миссии российской социологии выделить самостоятельное направление. Я говорю об участии социологов в создании и внедрении современного социологического (гуманитарного) языка для оптимального по времени и чёткого по научному содержанию отображения общероссийского опыта. Суть в том, что в интеллектуальное творчество по возрождению России включаются тысячи наших соотечественников с различным практическим опытом.

Уже идёт, по моему мнению, интенсивный процесс вхождения новых акторов (субъектов) в созидательные гуманитарные процедуры. Им нет необходимости получать какие-то лицензии от отдельных сообществ, комитетов, центров и штабов, Они вошли и создали первые когорты новой российской элиты.

Их отличительные особенности:

- новые акторы достигли позитивных результатов в честном, открытом труде, творчестве по строительству достойной жизни в России;
- новые российские акторы отчётливо осознают смысл своей жизни и смысл, миссию своего служения Отечеству;
- новые акторы являются сторонниками и творцами российской объединяющей патриотической идеологии;
- новые акторы чётко ориентируются на российскую общенациональную цель: за безопасность, благополучие и честность для каждого человека, для каждого народа, для российского общества, для Отечества.

На мой взгляд:

- *миссия общественных наук* – разработать теоретические и методологические основания эффективного функционирования Института цели, способного обобщить общенациональный опыт, накопленный как новыми акторами, так и всеми гражданами России;
- *цель миссии социологии* – на основе создающих, консолидирующих дискуссий расширить круг творцов новой теории и новой методологии обеспечения безопасности, благополучия и честности в России; новой методологии и теории культуры развития.

Во-вторых, необходимо отметить, что внимание к культуре развития, к культурной рациональности, к геокультурной парадигме (см. схему 3. «Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК») воплощается в интересных работах российских исследовательских групп «Конструирование Будущего» и «Санкт-Петербургская Школа Сценирования» (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Матрица целей и стратегий

	Геополитическая стратегия	Геоэкономическая стратегия	Геокультурная стратегия
Геополитические субъекты (государства)	Получение доступа к оружию массового поражения. Новый передел мира	Глобальное управление. Норм-менеджмент. Новый государственный колониализм	Культурный проект. Арбитр в межгосударственных отношениях. Управление через культуру
Геоэкономические субъекты (корпорации)	Государство-корпорация. «Покуп-ка государства». Корпоративная колонизация	Норм-менеджмент. Негосударственные и рыночные системы управления рынком	Корпорация как культурный проект. Корпоративная социосистема
Геокультурные субъекты (новый тип субъектности)	Национализм. Работа с диаспорами. Мировой переводчик. «Мировые» функции	Культурная капитализация. Создание ценностей. От серийности к уникальности. Когнитивная экономика	Создание языков и уникальных форм коммуникации. Создание различий и уникальностей. Прикладная эволюция. Когнитивные технологии

Источник: Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М., СПб: 2009. С. 327.

Таблица 4

Возникновение новых субъектов на границах старой субъектности

	Геополитическая субъективность	Геоэкономическая субъективность	Геокультурная субъективность
Геополитическая субъектность	Новые индустриальные экспансивные государства	Государство-рынок (market state)	Государство – язык (государство – культурный проект)
Геоэкономическая субъектность	Государство-корпорация. Купленная государственность	Транснациональные консалтинговые и юридические компании	НКО как элементы бизнеса. Экологические сообщества
Геокультурная субъектность	Диаспоры	«Мир» как объединение метрополии и диаспоры в структуру с общими экономическими интересами	Новый тип субъектности

Источник: Там же.

Урок четвёртый

Главный вывод, главный урок из представленных в статье исследований может быть сформулирован в двух тезисах из выступления перед молодёжью Москвы 23 мая 2009 года Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Первый тезис.

«Если сейчас кризис системный не только у нас, но и во всём мире, то, может быть, есть какая-то единая основа этого кризиса? Я отвечаю так: есть первопричина – это кризис человеческой личности, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей»¹.

Второй тезис.

«Я глубоко убеждён, а как патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, что если весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса. Но если снова соблазнимся на очередные «измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменем постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит»².

Эти глубокие по содержанию суждения Патриарха Московского и всея Руси Кирилла ещё раз обращают наше внимание на главное звено в цепи тревожных проблем – *страна больше не может идти вперёд без общепризнанной национальной идеологии, идеологии культуры развития.*

Власть должна, наконец, осознать, что наступило ответственное время кардинального обновления своей государственнической объединяющей народ идеологической составляющей: иначе власть останется на обочине истории.

Экологический тренд культуры развития

Актуальным и самым востребованным, эффективным аспектом новой методологии и теории культуры развития России и многих стран Евразии, других континентов становится экологическая тенденция перемен во всех сферах жизнеобеспечения каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

Возможно, именно в содействии пониманию этого **смыслообразующего, сетеобразующего, системообразующего** генерального фактора состоит суть простоты, доступности, инновационности и своевременности предложенного мною и нашей научной школой подхода к возрождению России.

Стратегически важным считаю своевременное и мудрое размышление нашего выдающегося современника и учёного, настоящего гражданина и воспитателя, ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академика Российской Академии Наук Виктора Антоновича Садовниченко.

«Сегодня ни один разговор о высшей школе не обходится без сетований по поводу того, что специалистов-гуманитариев много, а хороших мало. Другой постоянной темой является тема востребованности одних специалистов-гуманитариев и невостребованности других. По-своему права каждая из сторон, но, по-видимому, истина где-то посередине, – пояснил В.А. Садовниченко свою позицию в ходе одного из совещаний. –

Пытаясь внести в эти вопросы некоторую ясность, хочу сначала согласиться с теми, кто спрашивает, как можно оценить качество подготовки специалиста-гуманитария, каковы здесь объективные критерии и т. д. Понятно, сам по себе факт – нашёл или не нашёл тот или другой выпускник-гуманитарий работу по специальности – вряд ли исчерпывает вопрос о качестве. В России пока мал спрос на специалистов высокого уровня, число новых рабочих мест растёт медленно, малый и средний бизнес, который мог бы поглотить немалое число специалистов, слаб, примитивен в своей большей части и ещё долго не потребует высококвалифицированной рабочей силы...

Нам нужно эту проблему разрешить, создав своего рода словарь профессий. Кстати, такой опыт уже есть. Московский университет вместе с Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации и Российской Государственной библиотекой приступили к изданию популярной библиографической энциклопедии «Мир профессий», первый том которой уже вышел в свет.

В качестве примера назову размещённые в этой энциклопедии описания таких новых профессий, как «эколог-экономист», «эколог-журналист», «эколог-юрист». Рынок труда должен знать и понимать, что это такое. В противном случае обладателю этих профессий придётся трудно в поисках работы.

¹ Приведено по: Козлов В. Осторожно – постмодерн // Время новостей, 2009, 25 мая. С. 3.

² Там же.

А на самом деле одного только простого описания чисто производственной стороны специальности тоже недостаточно. Нужно говорить и о личностных качествах, которые сопровождают ту или иную профессию. Это понимали в России давным-давно...

Наша с вами задача – восстановить прервавшуюся духовную связь поколений российской интеллигенции. Именно на нас лежит задача формирования человека, которому дорога российская культура, дорога Россия. "Человек может прожить всю жизнь в пределах своего государства и, не обрести своей родины, так что душа его будет до конца патриотически пустынна и мертва. Обретение родины есть *акт духовного самоопределения* человека, обуславливающий духовную плодотворность его жизни". Эти слова великого русского философа Ивана Александровича Ильина, чей богатейший архив по его завещанию недавно был передан в библиотеку МГУ, не могут не найти отклика в сердце каждого из нас¹.

Рассмотрим некоторые доказательства, которые я полагаю необходимым (для жанра этой конкретной статьи) привести.

Первое доказательство.

Считаю возможным констатировать, что экологический тренд в условиях продолжающегося глобального кризиса и необходимости для всех общественных наук – самый приоритетный, доминирующий, интегрирующий фактор для общественных, естественно-научных и технических наук, для всех религиозных конфессий, для всех неправительственных организаций, для всех, кроме организованной преступности, терроризма, коррупции. Именно экологический фактор во всех видах взаимодействий «стягивает вместе», актуализирует и стимулирует культуру мира и безопасности, культуру жизни. Поэтому, как я полагаю, возникла необходимость феномена **«культура развития»**, который органично включает в себя методологии и концепции *«устойчивого развития»*, *«экологобезопасного развития»*.

Сегодня, в августе 2009 года, когда глобальный кризис во всех странах продолжает свою разрушительную работу; завтра в мире после кризиса, в 2010–2012 годах, самый главный приоритет во всех моделях изменений, перемен, развития – экологический тренд.

Новый главный смысл любой формирующейся теории и методологии развития, глобальной безопасности сформулировал Генеральный секретарь ООН ПАН Ги Мун. **«Из всех стоящих перед нами проблем самой серьёзной является изменение климата... в этой сфере не следует дожидаться урегулирования глобального экономического кризиса... времени терять больше нельзя... мы должны достичь договорённости относительно решения глобальной проблемы изменения климата, которая имела бы сбалансированный, всеобъемлющий и приемлемый для всех государств характер»**². (Выделено мною. – В.К.).

Второе доказательство.

Как никогда ранее уже сегодня в 2009 году у всех общественных наук, особенно у социологии и философии, создан приоритетный, уникальный, фундаментальный и оригинальный научный «задел» для именно всенародных действий, поступков для созидательных перемен в России с опорой на экологическую доминанту.

Я имею в виду, прежде всего, замечательных учёных России: Д.С. Львова, Н.Н. Моисеева, М.И. Залиханова, А.Г. Гранберга, Р.Г. Яновского, А.Д. Урсула, О.Н. Яницкого.

Знаменательно, что единственное фундаментальное и комплексное исследование **«Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации»** было подготовлено коллективом авторов³ и опубликовано в 2001 году⁴.

Поучительно, что авторы исследования в его аннотации чётко и кратко отметили целевую установку этой фундаментальной работы: *«исследование проблем выхода из социального, экономического и экологического кризиса»* России.

¹ Садовничий В. Гуманитарное образование в России: мысли вслух. Выступление на Всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение». 15 февраля 2007 г. Москва, МГУ // *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования*. М.: 2007. С. 18–19.

² ПАН Ги Мун, Генеральный секретарь ООН. «Кризис бросит вызов духу глобальной солидарности» // *Новые известия*, 2009, 14 января. С. 2.

³ СЕЛЕЗНЕВ Геннадий Николаевич – Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, академик Академии социальных и гуманитарных наук; ХРИСТЕНКО Виктор Борисович – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации; ЗАЛИХАНОВ Михаил Чоккаевич – председатель комиссии Государственной Думы по устойчивому развитию, академик; ЛЬВОВ Дмитрий Семенович – академик РАН, академик-секретарь Отделения экономики РАН; МАТРОСОВ Владимир Мефодьевич – академик РАН, председатель Экспертно-консультативного Совета при Комиссии Государственной Думы по проблемам устойчивого развития; ГРАНБЕРГ Александр Григорьевич – академик РАН, председатель Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН; ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, Руководитель Аналитического центра стратегических социальных и политических исследований ИСПИ РАН; УРСУЛ Аркадий Дмитриевич – академик АН Молдовы, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития); ШЕЛЕХОВ Александр Михайлович – заместитель председателя Комиссии Государственной Думы по проблемам устойчивого развития, доктор физ.-мат. наук, профессор.

⁴ Геннадий Селезнев, Виктор Христенко, Михаил Залиханов, Дмитрий Львов, Владимир Матросов, Александр Гранберг, Виктор Левашов, Аркадий Урсул, Александр Шелехов. *Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации* // *Безопасность Евразии*. 2001. № 4. С. 497–638.

«Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации – отмечают авторы исследования, – есть результат исследований проблем выхода из социального, экономического и экологического кризиса, и разработки направлений долгосрочного развития России, отвечающих ее национальным интересам и соответствующих принятым Саммитом и Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. "Декларации об устойчивом развитии" и "Повестке дня на XXI век". В работе учитывались дополняющие их документы Генеральной Ассамблеи ООН (июнь 1997 г.), "Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития" и "Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию", утвержденные Указами Президента РФ от 4 февраля 1994 г. и от 1 апреля 1996 г., разработанный Правительством РФ соответствующий проект (1998 г.).

Авторы излагают новую парадигму и социальные критерии устойчивого развития России, доктрину и механизмы экономики развития, дают обоснование необходимости комплексного учета экологических, геополитических и других аспектов развития»¹.

В последующих исследованиях известного российского и молдавского философа и эколога Аркадия Дмитриевича Урсула, проблемы развития России были рассмотрены в единстве формирования современного мировоззрения, новейших подходов к методологии и концептуализации национальной безопасности России, к уточнению теории устойчивого развития»².

Социологический подход к пониманию уникальной роли экологии в формировании теории культуры развития России сложился во многом благодаря работам замечательного философа, социолога, эколога Олега Николаевича Яницкого, основателя отечественной социальной экологии. В его работах «Социология риска» (2003), «Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики» (2007) практически впервые были рассмотрены подходы к созданию новой общественной науки, новой системы категорий, позволяющие современному поколению учёных создавать новые смыслы, новое знание, новые методологии и концепции для понимания и создания как фундаментальных, так и прикладных работ о настоящем и будущем России»³.

«Что же такое современный кризис, с моей точки зрения как социолога? Это, по моему мнению, плата за бездумное следование модели потребительского общества, заимствованной в США, – справедливо, на мой взгляд, утверждает О.Н. Яницкий. – Это также плата за "зонтичные исследования", отказ от углубленной работы над теорией общества, которое строится в России. Наши социологи, как правило, избегают политико-идеологических вопросов. Это, наконец, забвение ими своей гражданской обязанности – критического взгляда на общество и донесения его до публики, чем всегда отличалась русская социология, начиная с Н.К. Михайловского и А.И. Герцена.

Считаю, что разработка методов и теории построения прогноза и сценариев развития мира и России чрезвычайно актуальны для российской социологии. Перед ней открывается огромное проблемное поле: трансформация глобального миропорядка. Обозначу его некоторые проблемные "узлы": усиление давления изменяющейся экономики на социум, развитые страны против развивающихся, международное регулирование против национального суверенитета, свобода торговли против протекционизма, риски глобального изменения климата и, наконец, грядущий передел ресурсов планеты. Если мы не сможем работать в "опережающем режиме", не создадим вновь социальную прогностику – окажемся в роли уже не "догоняющих", а отставших навсегда.

Пора, наконец, оценить социальные и экономические потери, которые несет нам третья волна маркетизации, особенно в отношении нашей ключевой проблемы: соотношение "население – территория". Потеря качества жизни вследствие всеобщей маркетизации – угроза здоровью и безопасности общества. Особый риск в том, что коммодификация среды обитания проявляет себя косвенно, поскольку скрыта за показателями роста заболеваемости, смертности, миграций и т. д. Значит, социальные последствия изменения связки "среда обитания – человек" должны быть оценены до того как они станут необратимыми. То есть предсказаны, спрогнозированы. Для защиты человечества от глобальных природно-климатических сдвигов "подушки безопасности" не существует. Всемерное поддержание местной производительной жизни, ее связи с

¹ Геннадий Селезнев, Виктор Христенко, Михаил Залиханов, Дмитрий Львов, Владимир Матросов, Александр Гранберг, Виктор Левашов, Аркадий Урсул, Александр Шелехов. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. С. 498.

² Урсул А.Д. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ // Безопасность Евразии. 2009. № 2; Урсул А.Д. Научная картина мира XXI века: тёмная материя и универсальная вселенная // Безопасность Евразии. 2009. № 1; Урсул А.Д. От модернизации к футуризации образования: инновационно-опережающие процессы в интересах устойчивого развития // Безопасность Евразии. 2008. № 3; Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

³ Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: 2008; Яницкий О.Н. Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5; Яницкий О.Н. Историческая социология: поиск истины (о книге Н.В. Романовского «Историческая социология») // Социологические исследования. 2009. № 6.

природным и рукотворным ландшафтом, – важнейшее условие сохранения народа и страны в целом, социальной идентичности ее граждан»¹.

Третье доказательство.

Возможно, что именно экологический тренд в изучении причин и хода кризиса 2008–2009 года, в исследовании особенностей мира после кризиса позволяет достойно, без особо больших денег значительно приблизиться к решению главной цели культуры развития – единению самых различных групп в российском обществе, к национальной консолидации для обеспечения достойной, благополучной и безопасной жизни по справедливости, по правде. *Я говорю о наличии уникального исторического шанса – согласовать и гармонизировать цели, идеалы, ценности, интересы миллионов российских граждан на основе общего дела. Именно экологические реальности и необходимость для всех сообща в сжатый промежуток времени решить большие экологические проблемы поможет всем нам осуществить личное участие в Общем Деле и добровольно возложить на себя ответственность за свои действия, за результаты этой совместной работы.*

Такой Момент наступил.

В России, пишет О.Н. Яницкий, «наиболее дальновидные политики поняли, что депопуляция – тоже результат деэкологизации. И хотя идеи самосохранения нации подавались сначала в форме "национальных проектов", было очевидно, что придет момент, когда Россия осознает всеобщую основу своих проблем – отношение к природному и человеческому материалу. Это очень трудный ментальный поворот, тем более для российской элиты, мыслящей категориями "здесь и сейчас" (и при этом лично "Я" – везде и нигде), соорившей себе для этого отдельный мир, тянувшийся от скважин, газоперерабатывающих заводов и транзитных сетей и заканчивающийся в тихих подвалах швейцарских банков. **И все же в самое последнее время мелькнул лучик надежды, что начался поиск компромисса между эгоизмом денежных мешков и ответственностью за страну и ее людей в целом.** Еще раз скажу: ключевая роль здесь принадлежит даже не интеллигенции, но уму и чувству ответственности государственных мужей, потому что теоретически (и даже экономически) вполне можно представить себе картину, когда Россия будет представлять собой бесконечное поле нефтяных вышек, карьеров и разрезов. Без русских, без других коренных национальностей и малых народов. Так, нечто вроде международного ресурсного "котлована".

Чтобы этого не случилось, нужна консолидация и мобилизация всех действительно патриотических сил и интеллектуальных ресурсов для разработки модели социально-экологической модернизации России, модели, которая бы обеспечила одновременное достижение нескольких целей: устойчивое поступательное развитие российского общества, наращивание его экономической мощи, и социальной привлекательности, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для локальных экосистем и биосферы в целом»². (Выделено мною. – В.К.).

Особое значение такого Момента, по моему мнению, состоит в том, что для такого Общего Дела есть шанс, «лучик надежды» соединить вместе интеллектуальный потенциал и гражданскую активность «согласных граждан», «несогласных граждан» и «равнодушных граждан».

По-моему, для созидающего экологического тренда очень важны: критика, самокритика, ирония, самоирония. Например, интересный и глубокий критический научный анализ состояния идеи «национального согласия во имя развития» представлен в статье известного политолога Лилии Шевцовой «Как Россию унизили» в первой статье газетной авторской версии фрагмента книги «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом», которая готовится к выпуску в свет в ближайшее время³.

Развёрнутый анализ состояния перспектив модернизации России представлен в обстоятельной и аргументированной статье В.Л. Шейниса «Время перевести стрелку. Действительный выход из кризиса мы найдём не на традиционном, а на модернизационном пути развития страны»⁴.

Особый интерес представляет оригинальная исследовательская статья известного политолога и экономиста А.И. Неклессы «Другая Европа. Линии размежевания и интеграции в третьем тысячелетии: старые и новые». Автор предложил новое понимание среды и контекста для методологии и концептуализации исследований процессов в мире после кризиса. «На планете складывается сегодня подвижное, культурно насыщенное пространство, – констатирует А.И. Неклесса, – где происходит не столько "столкновение цивилизаций", сколько взаимодействие и конкуренция различных форматов культуры в борьбе за мировую гегемонию, за моральное, интеллектуальное, историческое лидерство, за то, чтобы мир признал людей определенного образа будущего.

И не исключено, что сила культурно-цивилизационной гравитации тех или иных сообществ, являющихся одновременно социальной общностью и в определенном смысле политиче-

¹ Яницкий О.Н. Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 11–12.

² Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: 2008. С. 220–221.

³ Шевцова Л. Одинокая держава. Как Россию унизили // Новая газета, 2009, № 65, 22 июня. С. 7.

⁴ Шейнис В. Время перевести стрелку // Независимая газета, 2009, 19 июня. С. 8.

ской множественностью, а равно их устремленные в будущее ориентации, начнут перевешивать сугубо национальные претензии, экономические или, территориальные устремления традиционных субъектов мировых связей»¹.

Важные проблемы смысла справедливости в условиях кризиса, особенностей субъекта изменений в период глобального кризиса для российского общества рассмотрены профессором МГУ им. М.В. Ломоносова, президентом Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузаном на страницах «Литературной газеты» в ходе беседы с корреспондентом газеты Е. Добрыниной², а также в авторской статье «Договор – 2009: В поисках нового контракта»³.

М. Ремизов, Н. Кричевский, Р. Карев, Д. Верхотуров, М. Фейгин, С. Белковский в неправительственном докладе «Выбор России: катастрофа или революция сверху?» представили объёмное, интересное и оригинальное исследование актуальных проблем состояния и возможных перемен в России⁴.

В интересной и поучительной статье «Криминальная революция» её автор Андрей Рябов, эксперт «Горбачев-фонда» обосновывает важнейшую для консолидации России идею: «...традиционные формы социального протеста, если, конечно, относиться к ним как к нормальному явлению в современных обществах, особенно в условиях кризиса, не представляют угрозы. Напротив, если вовремя направить социальные протесты через каналы и институты, предусмотренные Конституцией (политические партии, профсоюзы, НПО, гражданские инициативы), эти формы способны оказаться весьма конструктивными, ибо могут помочь в поисках и выработке решений не только по выходу страны из кризиса, но и созданию новой "модернизированной" посткризисной реальности. Впрочем, для достижения столь позитивного результата нужны встречное движение и готовность обеих сторон ради достижения компромиссов жертвовать собственными амбициями»⁵. (Выделено мною. – В.К.).

Урок пятый

История дарит нам, россиянам, уникальный Шанс: обозначилось понятное и сверхактуальное Общее Дело для каждого человека, для каждой семьи – всем необходимо с чистой душой взяться за руки и через экологическую совместную деятельность обустроить свой дом – Россию.

Нанотехнологии, энергосбережение, модернизация промышленности, преодоление неконкурентоспособности выпускаемой продукции – вот только некоторые грани этого Общего Дела.

Это нам по силам, мы это можем.

Оформилась мечта России: всем вместе создать умную, мудрую, ответственную и сильную страну, обеспечивающую каждому человеку культуру жизни по справедливости, по правде.

Может быть принята, понята и поддержана Общенациональная Цель России, её Социальный Идеал: каждому человеку, каждому народу – достоинство, безопасность, благополучие, свободу и ответственность, права и ответственность.

Экономико-социальный тренд культуры развития

Реальный глобальный кризис летом и осенью 2008 года конкретно проявился в США, в России, во многих других странах как кризис финансовый, как кризис экономический. Фактически только группа учёных, политиков, общественных деятелей из России и Италии летом 2008 года в г. Модена (Италия) как итог своих исследований, обсуждений и дискуссий обратились ко всем странам мира с обоснованными ими тезисами (Моденская Декларация), в которых изложили опасность перерастания финансового кризиса в США в глобальный (экономика, политика, культура, экология, социальные проблемы). Эта же группа учёных, с участием автора статьи, обосновала и предложила научному сообществу *программу действий по минимизации уже разворачивающегося финансового, экономического кризиса; программу действий по предотвращению тотального глобального кризиса.*

По существу, авторы Моденской Декларации летом 2008 года впервые предложили для последующего научного анализа, для формирования новой Повестки Дня, для согласования и принятия Программы действий *глобальное видение проблемы начинающегося глобального кризиса.*

Первыми на инициативы Моденской Декларации откликнулись: *Пан Ги Мун – генеральный секретарь ООН; Сусила Бамбанг Юдхойоно – президент Индонезии; Дональд Туск – председатель совета министров Польши; Андерс Фог Расмуссен – премьер-министр Дании.* «Нам

¹ Неклесса А. Другая Европа // Независимая газета, 2009, 10 апреля. С. 8.

² Понятия справедливости // Литературная газета, 2009, 29 апреля – 5 мая. С. 3.

³ Аузан А. Договор – 2009: В поисках нового контракта // Новая газета, 2009, № 63, 17 июня. С. 16.

⁴ Новая газета, 2009, № 73, 10 июля. С. 7–10.

⁵ Рябов А. Криминальная революция // Ведомости, 2009, 22 июня. С. А04.

нужны все эти подходы, – отметили они в совместной статье «"Зелёная" экономика как альтернатива» уже в ноябре 2008 года. – А еще сильнее нам нужно руководящее начало: просвещенное, глобальное видение проблемы, подкрепляемое действием. Нынешний глобальный финансовый кризис – это отрезвляющий сигнал. Он требует свежего мышления. Он требует новаторских решений, которые учитывают непрестые задачи более широкого плана, стоящие перед нами как народом планеты. Он не дает повода откладывать то, что необходимо делать для спасения нашего будущего. Терять время нам больше нельзя»¹.

Особо отмечу для понимания логики культуры развития: как ни остра, как ни актуальна тема экономико-социального тренда в программах преодоления глобального кризиса, в программах «строительства» мира после кризиса – *главное в понимании фундаментальных оснований глобального кризиса 2008–2009 года: внеэкономические факторы*. Речь идёт о доверии, свободе и ответственности, о нравственности, о проблемах культуры мира и культуры безопасности, об экологии. «Ответ состоит в том, чтобы искать общие решения стоящим перед нами суровым проблемам, – констатируют авторы статьи "Зелёная экономика как альтернатива". – А когда речь заходит о двух самых серьезных из них: о финансовом кризисе и изменении климата, – то ответ кроется в "зеленой" экономике. Если наш образ жизни оказывается под угрозой, мы должны отреагировать адаптацией. Ученые согласны: для противодействия изменению климата нам нужна энергетическая революция, полномасштабная перемена в том, как мы питаем энергией наши общества. Согласны и экономисты: как раз сейчас самой кипучей в смысле роста отраслью является производство возобновляемой энергии. Именно там уже создаются рабочие места будущего, там осуществляется значительная часть технологических инноваций, которые откроют новую эру экономической трансформации»².

Ещё одним фундаментальным и конструктивным ответом на Моденскую Декларацию можно, по моему мнению, назвать книгу и серию статей выдающегося и уважаемого во всём мире учёного, политика, общественного деятеля академика Российской Академии Наук Евгения Максимовича Примакова.

Во-первых, в книге «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» (опубликована в январе 2009 года), в статье «При кризисе автопилот не действует» (опубликована в апреле 2009 года), в своём выступлении в Санкт-Петербурге перед студентами Гуманитарного университета профсоюзов (СПб ГУП) весной 2009 года он представил оригинальный и убедительный анализ причин глобального кризиса в США, в других странах. Особое внимание Е.М. Примаков обратил на субъективные и объективные факторы характера кризиса в России³.

Во-вторых, в статье «Россия в современном мире» Е.М. Примаков представил российской науке, народам России глубокий, фундаментальный и мобилизующий на созидательную деятельность анализ движения к миру после кризиса, к России после кризиса (подзаголовки его статьи: «Что надо делать, чтобы открыть для нашей страны послекризисное завтра»).

По мнению Е.М. Примакова, «ныне проявляется необходимость решения трёх взаимосвязанных задач. Первая из них – минимизировать, главным образом, путём государственных финансовых вливаний, кризисные потери в социальной сфере. Вторая задача, связанная с первой, это нахождение точек инновационного роста выстраивание их иерархии с тем, чтобы найти оптимальный путь подъема российской экономики. Третья задача тоже связанная и с первой, и со второй, это создание новой послекризисной экономической модели для России. Таким образом, вчерашний день предопределил необходимые действия сегодня, с тем, чтобы открыть для страны послекризисное завтра.

У решения этой триединой задачи свои особенности. Одна из них – не последовательное, а одновременное продвижение по трем направлениям. Разговоры о том, что сначала следует затыкать кризисные дыры, а лишь после окончания кризиса работать в пользу инновационной экономики, просто вредны. Такое "расписание" неизбежно приведет к тому, что после кризиса Россия будет плестись в технико-технологическом отношении в хвосте десятков, а возможно, и сотен стран»⁴.

Исключительное значение для понимания особенностей сложнейшего перехода от кризиса к послекризисному состоянию России и всего мира имеет смысл и глубина аргументации в интервью Е.М. Примакова авторитетному еженедельнику «Аргументы и факты» (опубликовано в конце июля 2009 года). Выделю вопрос Николая Зяткова, главного редактора «АиФ»: «**Предыдущие кризисы заканчивались войной. Вызовет ли данный третий мировую? Домыслов по этому поводу уж очень много...**». Очень важен для всех нас ответ Е.М. Примакова: «**Войной не закончится я уверен.** Посмотрите, с чего начиналась Первая мировая – с передела сфер влияния в колониальном

¹ Пан Ги Мун, Сусила Бамбанг Юдхойоно, Дональд Туск, Андерс Фог Расмуссен. «"Зелёная" экономика как альтернатива». Необходимо глобальное видение проблемы изменения климата подкрепляемое действием // НГ–Дипкуррьер, 2008, 24 ноября. С. 10.

² Там же. С. 9.

³ Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М.: 2009; Примаков Е.М. «При кризисе автопилот не действует» // Известия, 2009, 28 апреля. С. 1, 5; «Евгений Примаков: опыт китайцев нам не повторить» // Аргументы недели, 2009, № 21, 28 мая. С. 7.

⁴ Примаков Е.М. Россия в современном мире: Что надо делать, чтобы открыть для нашей страны послекризисное завтра // Независимая газета, 2009, 2 июля. С. 7.

мире. Вторая – из-за Японии, которая хотела полмира захватить, и Гитлера, который претендовал на Европу. А сейчас есть мощная сдерживающая сила – ядерное оружие»¹.

Большой интерес и поддержку получили в России, во многих странах мира идеи известного государственного деятеля и учёного, мэра Москвы, Юрия Михайловича Лужкова, представленные им в книге «Транскапитализм в России» (М., 2009). Книге предшествует эпиграф Махатмы Ганди: «Нас погубят – политика без принципов, богатство без труда, наслаждение без раскаяния, бизнес без морали, воспитание без характера, наука без гуманности и поклонение без жертвенности».

Предметом напряжённых дискуссий как в ходе презентации книги Лужкова, так и в научном дискурсе стал его тезис о смысле глобального кризиса. «На наших глазах разворачивается, если использовать вновь ставшую столь популярной марксистскую терминологию, новый системный кризис капитализма как общественной формации, – утверждает Ю.М. Лужков. – А также крах той модели глобализации, которая на протяжении последней пары десятилетий характеризовала современную нам "высшую стадию" развития американоцентричной системы финансового капитализма с ее монополистически-однополярными замашками.

Дело уже не в отдельных финансово-экономических проблемах, неэффективности регулирования или дефиците доверия на рынках, но в фундаментальном кризисе принципов развития мировой политической и экономической системы, принципов дальнейшего развития цивилизации. Связанные с этим кризисом основные вызовы для человечества только кажутся финансовыми и экономическими, тогда как их масштаб в разы превосходит сферу экономики. Речь идет не о проблемах с деньгами, а о полномасштабном кризисе цивилизационных ценностей»².

И содержательный аспект в аргументации Ю.М. Лужкова о причинах кризиса, а также о гуманитарных аспектах продвижения России к миру после кризиса позволяют мне предположить, что как в работах Е.М. Примакова, так и в работах Ю.М. Лужкова просматриваются контуры теории культуры развития.

В подтверждение моей гипотезы приведу главный тезис из завершающего раздела книги Ю.М. Лужкова. «В современном мире роль государства и национального суверенитета возрастает, – отмечает он. – Кризис возвращает ценность государству как ключевому субъекту экономики, делает главным в развитии капитализма вопрос о соотношении регулирования и свободного рынка, государства и рыночных агентов.

Необходимым для России сегодня в качестве вынужденной и временной меры является модернизационный государственный капитализм. То есть такой капитализм, который обеспечивает стратегическое планирование национального развития. И одновременно построенный на принципах накопления социальной справедливости в рамках рыночной экономики и приумножения социального, человеческого капитала.

Только опираясь на эти принципы, только опираясь на государство, Россия сможет выйти из передрыг мирового финансового кризиса с собственным потенциалом дальнейшего роста, быстрее и эффективнее, чем остальной мир.

Будущее не наступает само по себе; оно всегда кем-то создается. Наше будущее создадим или мы сами, или за нас нашей стране его придумают и навяжут другие. Поэтому Россия должна четко осознать свои задачи в современном мире. И стать той силой, которая сможет воплотить в реальность необходимые изменения и в самой себе, и в будущем всего человечества»³.

Несколько другой, геоэкономический подход к анализу причин возникновения глобального кризиса к формированию тенденции выхода России из кризиса и посткризисного состояния динамики, методологии и теории развития нашей страны представлен в серии статей известного экономиста и политолога Э.Г. Кочетова. В его актуальной и фундаментальной статье (Безопасность Евразии. 2009. № 3)⁴, а также в научных монографиях, научных статьях, в учебных пособиях 1990–2009 годов обоснована оригинальная авторская геоэкономическая концепция развития России, Евразии и всего мира⁵.

«Сама природа кризиса, его охват мира и скоротечность протекания есть мощное свидетельство того, что процесс глобализации особо ярко проявил свою развитую фазу, – утверждает Э.Г. Кочетов. – Основополагающая черта этой фазы:

¹ «Третья мировая всё же будет? Евгений Примаков дал «АиФ» свой прогноз развития экономического кризиса» (беседовал Николай Зятьков) // Аргументы и факты, 2009, № 30, 22–28 июля. С. 4.

² Лужков Ю.М. Транскапитализм в России. М.: 2009. С. 6.

³ Там же. С. 70–71.

⁴ Кочетов Э.Г. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геоэкономические заделы (программа действий) // Безопасность Евразии. 2009. № 3.

⁵ Кочетов Э.Г. История российской школы геоэкономики и глобалистики (начала, становление, эволюция воззрений) // Безопасность Евразии. 2008. № 2. С. 369–413.

во-первых, ярко проявила себя экономизация политики как новейший фундаментальный принцип; в решении любых проблем особую ценность и значимость приобрели кредиты, субсидии, инвестиции, цены, льготы и преференции – *деньги быстро снимают застарелые проблемы!*;

во-вторых, в мировом пространстве проявили себя серьезнейшие подвиги. Современная мировая ситуационная модель, предопределённая целостностью и единством мирового пространства, в методологическом плане включающая в себя три подпространства: *геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое*, вошла в новейшую фазу – экономизация политики на мировой арене вылилась в главенство геоэкономического пространства и целеполагания над геополитическим и военно-политическим (стратегическим) пространством и целеполаганием, в примат экономических интересов над политическими и идеологическими. При этом наблюдается "свинчивание" геоэкономического пространства с геостратегией в рамках *военно-экономического симбиоза* нового формата;

в-третьих, современный мир срочно *переформатировал* понятия "развитие" и "безопасность": если раньше геополитика подчиняла "развитие" "безопасности" и тем самым глушила развитие через безудержную милитаризацию в угоду идеологическим галлюцинациям, то теперь геоэкономика решает проблемы безопасности экономическим путём;

в-четвёртых, мир двинулся к всё более объёмлющей транснационализации; главенствующая роль государств в мировых делах уходит в прошлое: принципиально меняется расстановка центров экономической силы, а отсюда и их форма. Разрозненные национальные экономики и их хозяйствующие субъекты за последние десятилетия обрели новую оргплатформу для сотрудничества под понятием "общий интерес" в формате "стран-систем", подразумевающим совместное формирование и перераспределение *мирового дохода* как центрального атрибута геоэкономики. Тем самым во весь голос дали о себе знать новые игроки на мирохозяйственной арене;

в-пятых, зародились экономические границы функционирования новейших игроков, отличные от административно-государственных границ. На геоэкономическом атласе мира в рамках экономических границ оперируют наднациональные кластерно-сетевые системы. Идёт смычка, симбиоз государств и наднациональных кластерно-сетевых систем. В этом случае *мы имеем дело с государствами как глобальными предпринимателями*.

Сейчас в мире наиболее завершённую форму государства как глобального предпринимателя обретают США и Китай. В Европе в качестве государств-глобальных предпринимателей можно особо выделить Германию, Францию, Италию. Россия имеет все предпосылки для такого статуса, но здесь требуются мощные усилия – переход на геоэкономическую модель национального развития в рамках геоэкономической доктрины»¹.

Для возможного синтезирующего понимания механизмов проявления единой гуманитарной парадигмы (основа: геополитика, геоэкономика, геокультура) в становлении новой методологии и теории культуры развития очень важны итоги исследований взаимодействий геоэкономического и геокультурного контекста в оформлении инновационной среды, сетевой культуры российской экономики, осуществлённые профессором Ярославского госуниверситета Е.В. Сапир.

«Сети создают и свою особую, сетевую, культуру, – поясняет она. – В развитие этого направления неочислимый вклад внёс В.Н. Кузнецов, который в фундаментальной монографии "Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI века: Культура-Сеть" одним из первых в отечественной социологической науке обосновал ключевую роль сетевых структур для понимания основного вектора современного общественного развития: "их деятельность внесла много нового в понимание механизма действия рисков, ответственности, доверия, сотрудничества, терпимости, безопасности, способствовала перераспределению внимания во всем мире на проблемы человека, на реальность, развитие диалога во всех измерениях жизнеобеспечения общества и государства современной цивилизации, содействовала новому структурированию, новой институционализации современного общества"².

Для понимания структуры феномена "сетевая культура" также важны выводы известного британского экономиста Энтони Гидденса и не менее известного немецкого предпринимателя, члена Римского клуба Клауса Штайльмана о взаимосвязи культуры и бизнеса. По мнению последнего, центральное смысловое ядро здесь – "взаимозависимость доверия, ответственности, корпоративизма, рисков и конкурентоспособности: исходными для современного культурного глобального процесса являются центральные ценности: порядочность, лояльность, доверие; прочность и надёжность отношений; единство и сотрудничество; правда и стремление к знанию; право, порядок, дисциплина, но в то же время также радость работы или службы; красота, эстетика и культурные традиции; любовь и верность, а также любовь к деталям, как качество каждого достижения; всеобщее благо в бизнесе, превосходящее корысть.

¹ Кочетов Э. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геоэкономические заделы (программа действий) // Безопасность Евразии. 2009. № 3. С. 310–311.

² Кузнецов В.Н. «Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI века: Культура-Сеть». М.: Книга и бизнес, 2003. С. 474; его же: Геокультура как феномен и научная категория // НАВИГУТ. 2002. № 3.

Сам диалог, культурный процесс есть соревнование за поддержку конкретного рода деятельности: решение инвестировать в технологии больше или меньше – это результат культурного диалога¹.

Инновационная сетевая культура опирается на следующие базовые ценности:

- авторитет личного вклада
- приверженность общим целям
- чувство сопричастности, соучастие
- доверие
- общность, превосходящая индивидуальную отстраненность и корыстный интерес
- кросскультурная интеграция
- идентичность.

Краеугольный камень всего процесса – это открытая коммуникация и общий прогресс как результат сетевого взаимодействия и обмена достижениями сетевых технологий. Без этой открытости участники сообщества будут осуществлять каждый свою, конкурентную стратегию, и процесс коммуникации будет препятствовать интеллектуальному успеху общего дела. Это соответствует фундаментальным принципам развития науки и техники: результаты должны быть открыты, доступны обозрению, критике и репродукции.

Важно понять, что по своей природе инновационный процесс есть интеллектуальный генезис – рождение нового. И это рождение требует наличия особых условий, специфических факторов реализации интеллектуальности (см. табл. 5).

Инновационная экономика функционирует, базируясь на следующих сетевых культурных ценностях:

- а) открытость, открытый доступ ко всей необходимой информации;
- б) горизонтальные связи, свободное общение, свобода выражения и передачи информации от многих ко многим;
- в) саморазвивающаяся сеть. Любой человек или организация могут найти своё место в действующей сети, а если не находят, то создают собственный источник (сайт), расширяя таким образом сеть;
- г) высшая ценность – интеллектуальная свобода. Свобода творить, свобода распоряжаться имеющимся знанием; свобода модифицировать знание; свобода делиться новым знанием².

Таблица 5*

Сетевая организация инновационно-интеллектуального процесса³

Факторы	Формы реализации
Сетевая организация взаимодействия	- отсутствие принудительно фиксированных организационных структур; - децентрализация управления; - отсутствие жесткой регламентации организационных связей; - образование гибких рыночно-стратегических структур; - разнообразие финансовых источников; - свободный доступ к ресурсам
Характер сетевого общения	- авторитет личного вклада; - четкость заданий и исполнений; - деиерархизация личных отношений; - снятие искусственных барьеров; - творческая свобода; - культивирование внеслужебного, междисциплинарного, межведомственного общения; - условная субординация
Сетевая мотивация	- высокий профессионализм; - высокая ответственность; - "нематериальные" формы поощрения; - возможности выбора места и времени выполнения трудового задания; - гибкая занятость; - карьерный рост не сопровождается привилегиями

Действительно может быть востребована сама методология и концептуализация новых подходов к развитию России, к миру после кризиса, которые осуществила Е.В. Сапир.

«По уровню сетевой зрелости и инновационности, к сожалению, экономика и общество России сильно отстают от ведущих стран, – констатирует она. – И дело здесь заключается не

¹ Штайльман К. Новая философия бизнеса: в 3-х т / Т. III. Конкуренция и ее границы. Москва – Берлин: Российское психологическое общество, 1998. С. 9, см. об этом же: Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 114.

² Сапир Е. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 167–169.

³ По оригиналу автора таблица № 7.

³ См.: Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 198.

просто в экспортной ориентации страны, а в самой сути национальной экономической модели развития, её приоритетах и ценностях, которые определяют в том числе и экспортную политику.

Решение вопроса лежит в изменении сознания, общественных и политических установок. Безусловно, необходимость перехода к инновационному типу развития давно назрела. Но скорее всего, отход от экспортно-сырьевого развития станет не предшественником, а *естественным следствием* переориентации внутреннего развития на новую модель; не сам по себе отказ от экспортной иглы должен ставиться в фокус политики.

Представляется, что решение проблемы требует уточнения подхода: задача состоит в переходе не от *экспортно-сырьевого* типа развития к *инновационному*, а от *мобилизационного* развития к *инновационному*. Суть – в постановке *непрерывности обновлений* в центр стратегического курса (что, конечно, не означает бессистемную «чехарду» решений и действий, когда искусственное, насаждаемое извне изменение становится самоцелью), в создании условий генерирования инноваций изнутри самого процесса, за счёт его собственной инновационной природы. Суть – в обновлении методологии этого курса, сопровождающей его организации, структур и инструментария, то есть – в парадигмальном обновлении, преодолевающем устаревшие представления о факторах и движущих силах инновационного развития. Это, в свою очередь, требует обновления основополагающих теоретических подходов в следующих областях:

1. В области *методологии* внешнеэкономической деятельности – смена парадигмы мирового развития с геополитической на *геоэкономическую*.

2. В области *культуры* – переход к сетевой организации и инновационной культуре, основанной на "тонком знании", приоритетах и ценностях интеллекта, творчества, авторитете личного вклада.

3. В области *структурных мер* – создание и прогресс гибких сетевых структур регионально-сотрудничества как наиболее адекватных инновационности и восприимчивых к ключевому инновационному инструменту – "тонкому знанию"¹.

Рассмотрим подробнее позицию № 2 из предыдущего фрагмента итогов исследований Е.В. Сапир.

«Потребность в сотрудничестве, связях и совместной работе в *экономике знаний*, помимо традиционных причин (получение быстрого доступа к новым технологиям и рынкам; выгоды от экономии масштаба при совместных НИОКР; доступ к патентам ноу-хау и распределение рисков) проистекает из специфической природы самого *знания*, в корне отличной от *информации*, – уточняет она. – Знание включает многообразие его форм, начиная от самых простых, воплощённых в технической документации, продуктах и процессах производства, и вплоть до самых сложных, которые назовём условно *"тонкое, неявное, скрытое или неформализуемое знание"*² (см. табл. 6). Это знание может быть выражено достаточно полно в публикациях, докладах, патентах, ноу-хау. Но всё же его невозможно выразить исчерпывающе, оно имманентно носителю и частично остаётся только в умах тех, кто его создал, о чём образно говорит афоризм, вынесенный в подзаголовок данного раздела статьи.

Таблица 6*

Отличительные признаки категории "тонкое знание"

Отличительный признак	Содержание
Состав	Опыт, интуиция, компетенции, навыки, умения, приёмы, убеждения, ценности, др.
Источник	Не содержится в традиционных источниках информации (книги, документы, цифровые носители и пр.)
Способ получения и передачи	Не может быть получено, формализовано, сохранено традиционным путем (трансляция, оцифровка, письмо, печать, кодификация, накопление баз данных)
Степень уникальности	Люди не всегда идентифицируют его наличие; оно уникально по определению и принадлежит только данному индивиду
Фактор ценности	Наиболее ценно, т. к. <i>контекстно</i> привязано к людям, месту, идеям, опыту
Формирование	Формируется в партнерствах, сообществах, сетях и иных неформальных, но внутренне связанных структурах, где сотрудничество на разных уровнях, внутри и вне компании не ограничено формальными рамками
Условия доступа	Доступ возможен при наличии тесного контакта, доверия и взаимодействия

¹ Сапир Е. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст. С. 164–165.

² В литературе появился специальный термин *tacit knowledge*, что в буквальном переводе с английского означает «не выраженное словами, молчаливое». *Tacit knowledge* – своего рода сплав познавательных способностей, опыта, умений и интуиции, а также знание правил, традиций, оргструктур, практик и норм. См.: Bao, Y.; Zhao, S. (2004), «MICRO Contracting for Tacit Knowledge – A Study of Contractual Arrangements in International Technology Transfer», in *Problems and Perspectives of Management*, 2, 279–303; Tsoukas, H. (2003) 'Do we really understand tacit knowledge?' in *The Blackwell handbook of organizational learning and knowledge management*. Easterby-Smith and Lyles (eds), P. 411–427. Cambridge, MA: Blackwell Publishing; Sanders, A.F. (1988). Michael Polanyi's post critical epistemology, a reconstruction of some aspects of 'tacit knowing'. Amsterdam: Rodopi.

* По оригиналу автора таблица № 10.

Неформализуемость знания относится к таким его компонентам как интуиция, личный опыт, контакты и тому подобное, которые трудно определить, формализовать или опубликовать, которые сами носители знаний не могут до конца выразить, которые носят сугубо индивидуальный характер, но которые можно передать коллегам, сотрудникам, сподвижникам, работающим вместе¹. *Неявное знание* может принимать разные формы – например, особые способности, умения и компетенции, специфичные для отдельных личностей или коллективов сотрудников; общие убеждения или представления, но все они не могут быть формализованы. *Неформализуемое знание* со временем может стать формализованным по мере конвергенции мирового научного сообщества и выработки у него общего понимания концепций, понятий, терминов, теорий. Но этот процесс требует много времени, интеллектуальных усилий и финансовых ресурсов.

Интересам потребителей знаний в максимальной степени отвечает возможность широкого и неограниченного доступа к новым знаниям и инновациям с минимальными затратами. Несмотря на существование множества издавна известных способов передачи, распространения, обмена знаний, учитывая *локально-сетевую природу* современного инновационного процесса², имманентным для создания инноваций и устойчивой конкурентоспособности может быть признано только неформальное, "тонкое" знание (tacit knowledge), неотрывное от его носителей. Локальная инновационная сеть создаёт исключительные условия именно для такого знания³.

Я полностью согласен с такой постановкой вопроса Е.В. Сапир, тем более что мировой опыт весьма и весьма богат.

Особенно актуальны исследования Е.В. Сапир по сетевым инновационным системам, которые «формируются по иному, чем коммерческие, экономическим законам и не отвечают требованиям минимизации затрат. Что понимается под сетевой локальной системой в экономике? С нашей точки зрения, локально-сетевая инновационная система – это сконцентрированный экономический объект, совокупность соединенных и взаимосвязанных участников процесса инноваций, имеющих свободный доступ и контроль над информацией, инновациями и распространением новых знаний в данной системе. Сетевые локальные системы характеризуются высокой адаптивностью, подвижностью, гибкостью, открытостью, свободой, деиерархизацией, безбарьерной коммуникацией.

Важнейшее значение имеет выявление, описание и стратификация основных типов локальных сетевых систем, функционирующих в инновационном пространстве (см. табл. 7)⁴.

Безусловно, важно обратить внимание читателей на ряд занимательных исследований наших уважаемых коллег по проблемам новых парадигм, методологий и концепций развития.

Любопытную точку зрения на взаимоотношения геополитики, геоэкономики и геокультуры в пространстве методологий и теорий развития С.Б. Переслегин изложил в двух тезисах, представленных в его книге «Новые карты будущего, или Анти-Рэнд» (М., СПб, 2009).

Первый тезис С. Переслегина.

«В настоящее время нормативно-правовое пространство меняется, – отмечает он, – что вызвано кризисом индустриальной фазы развития, упадком национального государства и резкими институциональными изменениями в социальной среде... Можно предположить, что резкие изменения субъектности и объектности права вызовут в конце первой четверти XXI века своеобразную "правовую войну".

Одним из проявлений изменений нормативно-правового пространства станет переход в международном праве от современного геоэкономического подхода (справедливо все, что способствует снижению издержек производства – право прагматики) к геокультурному подходу: справедливо все, что способствует сохранению культурного разнообразия, право уникальности. Конкуренция геоэкономического, геополитического² и геокультурного подхода породит серьезные международные конфликты и войны и в конечном итоге будет институционализирована в виде правового геопланетарного баланса⁵.

Второй тезис С. Переслегина.

«В последние годы происходит формирование триалектического мышления и способов работы с небинарными противоречиями, – констатирует автор книги. – Триалектическое мышле-

¹ См.: Saviotti, Pier Paolo (1998) On the Dynamics of Appropriability, of Tacit and Codified Knowledge, Research Policy, vol.26, pp.843–856.

² О сущности локально-сетевой природы инновационного процесса – см. подробнее: Сапир Е.В. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики) // Безопасность Евразии. 2007. № 4.

³ Сапир Е. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст. С. 173–175.

⁴ Сохранены пояснения Е.В. Сапир к табл. 9 по оригиналу.

⁵ См.: Сапир Е.В. Указ. соч. С. 98–195.

⁵ Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: СПб, 2009. С. 389. (² Справедливо все, что способствует безопасности национального государства – право силы /сноска в оригинале автора/).

Смысл Великой Победы

ние основывается на представлениях о троичности мира (физическая, социальная и информационная "метаплоскости"), троичном содержании наиболее расширенных форм трансценденции, на троичности геопланетарного баланса.

Таблица 7

Основные типы локальных сетевых инновационных систем

Наименование локальных систем	Отдельные характеристики	Примеры
Геоэкономические регионы	Экономическая территориальная система, организованная и функционирующая посредством взаимодействия специфического ресурсного комплекса с регионообразующей институциональной инфраструктурой	Зона Рейна (ФРГ); Область Эмилия – Романья (Италия); графство Манчестер (Великобритания); Уральский промышленный регион (Россия); Калифорния и Тигуана (США – Мексика); Гонконг и Южный Китай
Кластеры	Группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодействующих друг друга	Стеклянный кластер в Баварии – Богемии (ФРГ; Чехия); кораблестроительный – во Фризланд – Гронингене (Нидерланды); электронный – в Хортене (Норвегия)
Научные парки	Научные организации, в рамках которых идут разработки по всему исследовательскому циклу (вызревание и воплощение прорывных научных идей)	Академгородок, Королёв, Каскол (Россия); Хьюстон, Сизл, (США); Бангалор (Индия); Жонгуанчунский научный парк (Китай)
Техно-трассы	Связанные со стратегическими транспортными магистралями научно-производственные комплексы с технологически сложными производствами и передовыми технологиями	Шоссе 128 (США); воспроизводственная система <i>Ла-Манш – Северное море</i>
Технопарки	Агломерации крупных технических университетов с развитой научно-технической и хозяйственной инфраструктурой.	«Силиконовая долина» (США); район Консай (Япония); города Жуковский, Зеленоград (Россия); "Долина Медикон" (Дания); «Биодоллина» (Германия – Швейцария – Франция)
Техно-полисы	Заново отстроенный или реконструированный город, где функционирует совокупность инновационных предприятий, выстраиваемых по отраслевому или межотраслевому признаку	Штутгарт (ФРГ); Сан-Антонио, Детройт (США); Екатеринбург, Волгодонск (Россия)
Сетевые бизнес-системы (B2B)	Модель территориальной организации бизнеса сетевого характера, включающая промышленные, финансовые, сервисные и др. предприятия, логистические, транспортные компании, информационные и специализированные центры, связанные через электронные коммуникации	Корпорации Nokia; Dell; производство готовой одежды «Zara» (Испания); Шведско-финский банковский концерн «Мерита-Нордбанкен»; производственно-коммерческие сети в швейной промышленности «ГЭп» (США) и «Бенетон» (Великобритания); сети «Билайн», «Мегафон» и «МТС»
Электронные центры	Электронные биржи, аукционы и торговые площадки, заменяющие совокупность изолированных веб-порталов многочисленных компаний в Интернете на общий электронный рынок	Mercedes Benz Consolidation Center (MBCC)
Виртуальные предприятия	Компании, функционирующие по глобальной сетевой модели с передачей производственных, финансовых, исследовательских, бухгалтерских, сбытовых функций независимым субподрядчикам из разных стран	IBM; «Simmens»; Mercedes; «Nokia»; «Dell»; «Cisco Systems»; предприятия, выступающие в организационной форме <i>Кэйрэцу</i> (горизонтальные <i>кейрэцу</i> – компании Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo и вертикальные <i>кейрэцу</i> – компании Toshiba, Sony, Toyota)
НПО-сети	Негосударственные самодетельные организации гражданских активистов, работающие с сетевым ресурсом, иницирующие правозащитную, экологическую, феминистскую, детскую и другую деятельность гуманитарной направленности	«Гринпис», «Врачи без границ»; Amnesty International; The Environmental Defense Fund; Friends of the Earth; The National Wildlife Federation; The World Wildlife Foundation
Цифровые города	Интернет-проекты городских сообществ. Общественная локальная сеть в формате электронного диалога, имеющая социальный статус интерактивного центра общественных коммуникаций, объединяющего локальные институты, организации и компьютерные сети города в единое виртуальное сообщество.	Digital City Amsterdam; Cleveland Civil Network
Интернет-инкубаторы	Совместные пулы ресурсов, дающие комплексную «предначальную» и первоначальную поддержку инновационного предпринимательства, кооперационно-сетевое взаимодействие с внешней бизнес-средой и сетевое взаимодействие между выращиваемыми венчурными компаниями.	Brains park, Ideas Lab (США); Ant factory (Великобритания); международный Интернет-инкубатор «Speed Ventures» (Великобритания, США и др. – всего 11 стран);
«Глокальные» узлы	Ключевые районы развития бизнеса, соединенные во всемирную информационную сеть	Манхэттен в Нью-Йорке; Сити в Лондоне; «Пьюдонг» в Шанхае; район «Нова – Фариа – Лима» в Сан-Паулу

Источник: Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 98–195.

В триалектическом подходе диалектическая пара противоположностей заменяется триадой. Например: диалектика научного и вненаучного познания выступает в триалектике как взаимодействие объективного, субъективного и трансцендентного познания; диалектика сохранения

и изменения выступает как упрощенная форма взаимодействия трех процессов: воспроизводства (гомеостаза), развития (эволюции), спонтанности (ароморфоза, революции); диалектика рефлексивной и деятельностной позиции превращается в сборку трех стратегий: аналитической, неаналитической и "странной", диалектика образования и воспитания дополняется игрой; диалектика формы и сущности переходит во взаимосвязь состояния, структуры и цели; диалектика причины и следствия присоединяет к себе случайность/вероятность; диалектика физического и биологического времени дополняется до "треугольника" мифологическим временем и т. д. и т. п. Технологии, позволяющей находить "недостающий элемент", пока не существует, эта работа продельвается интуитивно, исходя из того, что **третья сторона диалектического противоречия (изначально слабая) должна занять "управленческую позицию", чтобы выстроить баланс сущностей сформировавших противоречие.**

Технологизировано понятие "шага развития" в триалектике. Полный триалектический цикл развития состоит из пятнадцати последовательных стадий и преобразует единичную сущность в сложную систему балансов, распадающуюся на три триады. Структура триалектического цикла жестко задана, что позволяет использовать триалектический подход в прогностике. Например, сегодня можно с уверенностью утверждать, что геокультурный подход занял "управленческую позицию" и балансирует противоречие между геополитикой и геоэкономикой, что создание симметричного геопланетарного баланса, "собирающего" мир в логике воспроизводства (экологический подход), с неизбежностью приведет к возникновению сущности, отрицающей саму логику воспроизводства и собирающей мир в логике развития, что проекция этой новой сущности на пространство управления будет носить политический характер и получит название *эвополитики* и т. д.»¹.

Так как я исследую методологию и теорию культуры развития на основе разработанной мною геокультурной парадигмы, считаю необходимым ещё и ещё раз обратить внимание уважаемых коллег: в моих исследованиях я трактую геокультурную парадигму как составную часть **единой гуманитарной парадигмы.**

Сама единая парадигма базируется на единстве и взаимодействии одинаково значимых и самостоятельных трёх парадигм – геополитической, геоэкономической и геокультурной.

Урок шестой

Ключевая проблема достойного выхода из кризиса в оптимальные сроки – цена перемен.

Именно экономический, социальный, политический обобщённый тренд культуры развития России прокладывает сегодня дорогу к Большой Стратегии России.

Суть Стратегии – ускорение сроков достижения каждым человеком, каждой семьёй в нашей стране достойного качества жизни, повседневной справедливости и правды, умной и надёжной безопасности, сохранения и упрочения среды жизни для всех.

Самое главное: надо выучить уроки и определить направление роста, позитивных перемен в экономике – подготовить и назначить квалифицированные и конструктивно мотивированные кадры для решения поставленных задач; отказаться от мобилизационно-экономического сознания.

Очевидно: настало созидающее время поиска и утверждения обновления и качества.

Тренд культуры развития, ориентированный на предотвращение развязывания ядерной войны

Для каждой гуманитарной тенденции на стадии становления теории культуры развития, ориентированной на достойное качество, достойные сроки, достойную цену выхода из кризиса, строительства посткризисного мира актуален тезис великого русского историка Ключевского: *«История ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков».*

Есть основание сегодня предположить, что народ России помнит трагические уроки начала Великой Отечественной войны 1941–1945 года, её хода, последствий войны.

Я именно так интерпретирую итоги обнародованного 13 июля 2009 года исследования, осуществлённого Всероссийским центром изучения общественного мнения. В конце июня 2009 года социологи опросили 1600 респондентов в 42 регионах страны.

Основной вопрос, заданный респондентам – что они считают главной национальной угрозой.

Ответы распределились так:

- 11% – экономический кризис и слабость российской промышленности;
- 9% – алкоголизм, наркомания и деградация населения;

¹ Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. С. 442–443.

- 7% – существованию России «угрожает агрессия со стороны США, НАТО, Запада в целом или даже Третья мировая война»¹ (выделено мною. – В.К.);

- 39% – затруднились назвать какую-либо угрозу национальной безопасности России.

Моя интерпретация порядка значимых различий в ранжировании угроз, отмеченных респондентами, позволяет утверждать, что в совокупности 11%, 9%, 7% есть понимание важнейшего урока – война весьма и весьма вероятна.

При этом граждане России чётко и точно, по моему мнению, назвали инициаторов глобальной ядерной войны – США, НАТО, Запад.

Вот он «**феномен Байдена**»: очень даже конкретен.

А на что опирается «феномен Байдена»?

За 2008 год, несмотря на глобальный кризис, состоялось увеличение военных расходов всех стран на 4% в реальном выражении в сравнении с 2007 годом: это данные Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ). Общая сумма военных расходов за 2008 год – 1464 млрд долларов.

Вот как выглядит десятка стран, самых активных в укреплении оборонного потенциала (см. табл. 8).

Любопытно, что в Докладе Национального разведывательного Совета США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» определён необходимость в «эффекте Байдена» на весь период 2009–2025 гг.

Таблица 8

Военные расходы десятки стран за 2008 год

США	607 млрд долл.
КНР	84,9 млрд долл.
Франция	65,7 млрд долл.
Великобритания	65,3 млрд долл.
Россия	58,6 млрд долл.
ФРГ	46,8 млрд долл.
Япония	46,3 млрд долл.
Италия	40,6 млрд долл.
Саудовская Аравия	38,2 млрд долл.
Индия	30 млрд долл.

Приведено по: Терехов А. Рекорд глобального вооружения // Независимая газета, 2009, 9 июня. С. 2.

«В 2025 году США сохранят уникальные военные возможности особенно – способность применять военную силу в мировом масштабе, – констатируют авторы доклада, – чему другие страны продолжают завидовать и на что продолжают полагаться в целях обеспечения безопасности мира. Способность Соединенных Штатов защитить "всеобщее достояние", обеспечить свободное движение энергоресурсов может обрести еще большее значение в связи с угрозами энергетической безопасности. США также продолжают считаться партнером в области политики безопасности для многих стран, находящихся в конфронтации с набирающими силу враждебными ядерными центрами влияния. Хотя появление новых ядерных государств может ограничить свободу действий США, военное превосходство США как в конвенциональном, так и в ядерном вооружении, а также в противоракетной обороне будет важнейшим элементом сдерживания откровенно агрессивного поведения некоторых новых ядерных государств. От США также будут ожидать использования военной мощи для противостояния международному терроризму»².

Вместе с тем, для сохранения и упрочения «эффекта Байдена» есть объективные и субъективные факторы именно в контексте продвижения вперед, к благосостоянию народов как итог функционирования методологии и теории культуры развития. «Но для Соединенных Штатов дорожный указатель показывает путь в обратном направлении, – констатирует известный американский политолог Фарид Закария. – Экономика – это не игра с нулевой суммой: подъем других игроков увеличивает масштабы благосостояния, и это хорошо для всех, но геополитика – это борьба за влияние и контроль. С ростом активности других стран огромное поле деятельности Америки неминуемо сократится. Смогут ли Соединенные Штаты приспособиться к появлению других сил – различной политической окраски и на разных континентах? Это отнюдь не означает, что воцарится хаос или агрессивность, все как раз не так. Но единственный способ для Соединенных Штатов предотвратить чьи-либо враждебные действия – создать против них широкую долговременную коалицию. А это станет возможным, только если Вашингтон сможет продемонстрировать свою готовность к тому, что другие страны будут являться полноправными участниками нового порядка. В сегодняшнем международном порядке прогресс означает компромисс. Ни одна страна не может настаивать на своих интересах, не учитывая интересов других. Эти слова легко написать или сказать, но сложно претворить в жизнь. Они предполагают, что США следует принять как должное

¹ Мошкин М. Водка страшнее НАТО. ВЦИОМ обнародовал рейтинг национальных страхов россиян // Время новостей, 2009, 14 июля. С. 3.

² Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного Совета США. М.: 2009. С. 175.

рост силы и влияния других стран, связанные с ним выгоды и беспокойства. Баланс между политической компромисса и политикой сдерживания и есть главная задача американского внешнеполитического курса в последующие несколько десятилетий»¹.

Урок седьмой

Главный урок – теория и методология культуры развития в России в XXI веке во всех своих звеньях, механизмах, технологиях, процедурах должны ориентировать каждого человека, народы России на культуру мира и безопасности, на культуру предотвращения возможной ядерной войны против нашей страны, против любой страны.

* * *

В современном кризисном мире, в послекризисном будущем мире я считаю необходимым **помнить важный урок, предложенный Питиримом Сорокиным** 87 лет назад в очень актуальной для 2009 года работе «*О современном состоянии России*». **Суть этого восьмого, самого самого главного урока** в следовании главной особенности социологии, что делает её самой необходимой и востребованной общественной наукой для каждого человека. Питирим Сорокин показал пример в своей работе 1922 года, что при изучении гуманитарных взаимодействий в пространстве и времени Азии – России – Европы *главное – социологическое исследование состояния и перемен в проблемах мира и войны, безопасности и справедливости, свободы и ответственности должно основываться на честном и профессиональном учёте контекста действительных реальных перемен наличного состояния жизнеобеспечения народа, безопасности каждого человека в России, во всех странах мира.*

На рубеже XX и XXI веков, в первые годы XXI века человечество обрело «жестокий императив настоящего», который жёстко и наглядно для миллиардов людей связывает день завтрашний и день вчерашний, день сегодняшний с завтрашним и вчерашним. Это тревожный глобальный суперкризис сохранения мира и сползание к глобальной ядерной войне XXI века. Совершенно новая ситуация в обеспечении предотвращения возможной ядерной войны состоит в том, что на уже состоявшийся кризис проблем мира и войны непредсказуемым образом «давит» обозначившийся тоже глобальный кризис, вызванный изменением климата.

По существу, новые глобальные риски возможного начала ядерной войны и состоявшегося потепления как проявление стремительных изменений климата, по моему мнению, имеют грозную тенденцию на их «складывание», «наложение». Надо действовать уже сегодня, чтобы не было поздно. Возможно, именно такую ситуацию с проблемами мира и войны увидел Мартин Лютер Кинг-младший. Вот слова, обращённые к нам в 2009 год, произнесённые им (более 40 лет назад) в проповеди, посвящённой проблеме социальной справедливости. «*Прогресс человечества не является ни автоматическим, ни поступательным процессом. В настоящее время мы сталкиваемся с тем непреложным фактом, что день завтрашний начинается сегодня, – сказал он всем нам в XXI век. – На нас давит жестокий императив настоящего. В постепенно раскрывающейся для нас тайне жизни и исторического процесса мы всё больше сталкиваемся с таким феноменом как "слишком поздно". Мы можем отчаянно взывать к тому, чтобы Время остановило свой ход, но оно остаётся глухим к каждой нашей мольбе и продолжает свой неустанный бег. Поверх белеющих костей и беспорядочных останков бесчисленных цивилизаций прошлого написаны патетические слова: "Слишком поздно"»². (Выделено мною. – В.К.).*

(Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)

¹ Закария Фарид. Постамериканский мир. М.: 2009. С. 66.

² Приведено по: Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире. М.: 2007. С. 1.

**НАУЧНЫЙ АППАРАТ
КНИГИ**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байдаков Михаил Юрьевич	– заместитель руководителя геоэкономической группы Государственной Думы РФ, Генеральный директор постоянно действующего экономического форума «Запад-Восток: интеграция и развитие»	363
Байкова Валентина Гавриловна (1930–2005)	– доктор философских наук, профессор. Редакционный совет журнала «Безопасность Евразии»	95
Бельков Олег Алексеевич	– доктор философских наук, действительный член Академии военных наук, Первый заместитель главного редактора журнала «Безопасность Евразии», профессор Российского государственного социального университета	179, 591, 763
Буянов Валерий Степанович	– доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации	352
Возьмитель Андрей Андреевич	– доктор социологических наук, заведующий сектором комплексных исследований образа жизни Института социологии РАН	436, 523, 681
Данкин Дмитрий Михайлович	– доктор политических наук, заместитель Главного редактора журнала «Безопасность Евразии», Вице-президент Международной академии технологических наук	697, 851
Демурин Михаил Васильевич	– политический аналитик, публицист, чрезвычайный и полномочный посланник II класса, член попечительского совета Фонда исторической перспективы	315
Долгих Владимир Иванович	– дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, действительный член двух академий; ветеран Великой Отечественной войны, участник боёв под Москвой, председатель Московского городского совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, председатель Общественного совета города Москвы	87
Евдокимов Игорь Владимирович	– Генеральный директор журнала «Безопасность Евразии»	835
Капица Сергей Петрович	– профессор, Москва	153
Капто Александр Семёнович	– доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол	216

Научный аппарат книги

Квицинский Юлий Александрович	– первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по международным делам, первый заместитель председателя комиссии Государственной Думы по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах	727
Кирилл	– Патриарх Московский и всея Руси	405
Кортунов Сергей Вадимович	– доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Мировая политика» Государственного Университета – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ)	119, 565, 713, 813
Кочетов Эрнест Георгиевич	– Президент общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, заведующий Центром стратегических исследований геоэкономики НИИВС ГУ – ВШЭ, доктор экономических наук	499, 627, 869
Красниковский Владимир Ярославович	– кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии социальной работы РГСУ	681
Кузнецов Вячеслав Николаевич	– член-корреспондент Российской Академии наук, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности Социологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, Шеф-редактор журнала «Безопасность Евразии»	9, 879
Кузнецова Анна Вячеславовна	– кандидат социологических наук, заместитель директора Московского института стратегических исследований	795
Ладыгин Федор Иванович	– генерал-полковник	141
Лунёв Сергей Иванович	– профессор МГИМО (У) МИД РФ и ВШЭ–ГУ	556
Максимычев Игорь Федорович	– доктор политических наук главный научный сотрудник Института Европы РАН	323
Нарочницкая Наталья Алексеевна	– доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы, руководитель европейского отделения российского Института демократии и сотрудничества в Париже	260
Никонорова Екатерина Васильевна	– доктор философских наук, профессор, зам. генерального директора Российской государственной библиотеки	549
Подцероб Андрей Борисович	– кандидат исторических наук	276
Полосин Андрей Владимирович	– главный советник Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, кандидат психологических наук	805

Сведения об авторах

Садовничий Виктор Антонович	– академик Российской Академии наук, ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова	337
Сергеева Людмила Ивановна	– первый заместитель Главного Редактора журнала «Безопасность Евразии»	576
Силласте Галина Георгиевна	– Заслуженный деятель науки России, профессор социологии, доктор философских наук, зав. кафедрой «Социология» Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации; академик Международной академии информатизации при ООН, Почётный профессор Гуманитарного Университета-«Народная Украинская Академия», Председатель Московского отделения Российской социологической ассоциации (РОСа), председатель Исследовательского комитета по гендерной социологии Российского общества социологов (РОС)	476, 642
Сухарев Александр Иванович	– заместитель Главного редактора журнала «Безопасность Евразии», заместитель начальника управления международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	534
Урсул Аркадий Дмитриевич	– академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета	61
Фалин Валентин Михайлович	– доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол в отставке	289
Яновский Рудольф Григорьевич	– член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор, Председатель Редакционного Совета журнала «Безопасность Евразии»	37, 601, 735

ЛИТЕРАТУРА

- Алексий II Патриарх Московский и всея Руси.* Войдите в радость Господа своего: Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004.
- Альянс сеет смерть. Совместное заявление коммунистических и рабочих партий в связи с 60-летием образования НАТО // *Правда*, 2009, 9 апреля. С. 1.
- Альянс цивилизаций: Доклад Группы высокого уровня. 13 ноября 2006 г. (ООН, Нью-Йорк) // *Безопасность Евразии*. 2007. № 2.
- Аналионис Г.П., Зотова Н.А.* Глобальный мир: Единый и разделённый: Эволюция теории глобализации. М., 2005.
- Аннан К.* Мы, народы: роль Организации Объединённых Наций в XXI веке // *Безопасность Евразии*. 2000. № 1.
- Аргунова В.Н.* Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004.
- Аузан А.А.* Договор – 2008. М., 2008.
- Афанасьев Ю.* Мы не рабы? «Особый путь» России: исторический бег на месте // *Новая газета*. Пятница, 2008.05.12.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005.
- Ашкеров А.* По справедливости: эссе о партийности бытия. М., 2008.
- Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003.
- Байкова В.* Философия Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Факторы победы, историческое значение и уроки. (К выходу в свет первого тома: «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне») // *Безопасность Евразии*. 2009. № 1.
- Барышев И., Удалов Д., Соколова П.* Парадокс силы // *НГ–Дипкуррьер*, 2008, № 7, 14 апреля.
- Бахтин М.М.* К философии поступка. М., 1998.
- Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности** / Рук. авт. колл. Н.А. Махутов. М., 2008.
- Безопасность России – 2010. Экспертно-аналитическое обозрение. М., 2009.
- Безопасность человека сегодня: Комиссия по безопасности человека. Нью-Йорк, 2003.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М., 1999.
- Бек У.* Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
- Бельков О.* Военная политика и стратегия как высший уровень управления оборонной сферой страны // *Безопасность Евразии*. 2009. № 1.
- Бельков О.А.* Политология военного управления: Учебное пособие. М., 2008.
- Бельков О.* Толерантность: социальная норма или интеллектуальная притча // *Безопасность Евразии*. 2008. № 3.
- Бельков О.* Национальное и национализм // *Безопасность Евразии*. 2005. № 4.
- Бжезинский З.* Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007.
- Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Билевская Э.* Глобальные меры Медведева: Глава российского государства объяснил мировым лидерам своё видение выхода из кризиса и поведал о тайнах собственной политической кухни // *Независимая газета*, 2008, 17 ноября.
- Билевская Э.* Медведеву предложили поменять систему. Президентский Институт современного развития доработал доклад о российской модели демократии // *Независимая газета*, 2008. Вторник, 9 декабря.
- Блинов А.* Война Джорджа Буша перерастает в войну Барака Обамы // *Независимая газета*, 2009, 13 апреля. С. 11.
- Блэр Тони.* Битва за глобальные ценности. Корни экстремизма // *Время новостей*, 2007, 14 февраля.
- Богатуров А.* Конец контрлиберального цикла? «Синдром развращённости силой» затронул в последние полтора десятилетия все фланги американской элиты // *НГ–Дипкуррьер*, 2008, 10 ноября.
- Богатуров А.* Первый порядок эпохи ядерного оружия // *Независимая газета*, 2005, 20 июля. С. 11.
- Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций // *Безопасность Евразии*. 2005. № 1.

- Будет ли Америка воевать с Россией? // Комсомольская правда, 2007, 17 июля. С. 14–15.
- Бушин В.* Вылазка колбасников и пивоваров // *Завтра*, 2009, №№ 11, 12.
- Быков П., Власова О., Завадский М., Кокишаров А., Сумленный С.* Мир после Лондона // Эксперт. 2009. № 13.
- Валенчук О.* «Живая вода» для России: Проблема питьевой воды к 2030 году может стать самой важной для человечества // *Независимая газета*, 2008, 7 июля.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
- Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С.* Взаимодействие с Россией. Следующая фаза. М., 2007.
- Викторов А.Ш.* Введение в социологию безопасности. Курс лекций. М., 2008.
- Водяное перемирие. Как установить доверие в обществе с одним центром влияния (с В. Тамбовцевым беседовал В. Семёнов) // *НГ-Сценарии*, 2009, 31 марта. С. 14.
- Возьмитель А.* Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России // *Безопасность Евразии*. 2009. № 1.
- Волкова М.* СПЕРВА ГРАЖДАНИН! Дмитрий Медведев в первом ежегодном Послании определил нравственные ориентиры своей политики // *Российская газета*, 2008, 6 ноября.
- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
- Гареев М.* ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ: Стратегическое сдерживание – важнейшее направление обеспечения национальной безопасности // *ВПК. Военно-промышленный курьер*. 2008. № 42 (22–28 октября), № 43 (29 октября – 11 ноября).
- Гельтищев П.* Мир голода: Рост цен на продовольствие может привести к революциям // *Труд*, 2008, № 72, 22 апреля.
- Глобализация и справедливость: Сб. статей. М., 2007.
- Григорьева Е.* Президент России Дмитрий Медведев: «Мы стремимся к справедливому обществу свободных людей» // *Известия*, 2008, 6 ноября.
- Громыко Ю.* Новая мировая сборка и место в ней России и США // *Профиль*. 2008. 29 сентября.
- Гросс М.* Неизвестное. Динамика связей неведения, незнания и сходных понятий // *Социологические исследования*. 2008. № 3.
- Гусейнов А.* Прогресс обещал рай, а принёс смертельную угрозу (беседовал С. Лесков) // *Известия*, 2008, 11 ноября.
- Данкин Д.* Кризис доверия: ключевое звено // *Безопасность Евразии*. 2009. № 1.
- Данкин Д.М.* Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // *НАВИГУТ*. 2008. № 1.
- Данкин Д.* Опорный элемент архитектуры мира. О роли доверия в модели будущего миропорядка // *Безопасность Евразии*. 2006. № 4.
- De future*, или История будущего. М., 2008.
- Делягин М.Г.* Россия для россиян. М., 2009.
- Делягин М.* Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? / М. Делягин, В. Шеянов. М., 2009.
- Делягин М.* Реванш России. М., 2008 (Пятая Империя).
- Дерябин Ю.* Хельсинки–2 // *Независимая газета*, 2008, 7 октября.
- Дискин И.* Возвращение доверия // *Эксперт*. 2009. № 12.
- Добреньков В.И.* Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.
- Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (Москва, 27–28 января 2009 года) // *Безопасность Евразии*. 2009. № 1,
- Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 года // *Безопасность Евразии*. 2008. № 3.
- Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. М., 2006.
- Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире. М., 2007.
- Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН. М., 2009.
- Дугин А.* Кризис золотого тельца // *Профиль*. 2008. № 42, 10 ноября.
- Дыльнова Т.В.* Социальная справедливость в транзитивном российском обществе. Саратов, 2005.
- Ефременко Д.* Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио // *Свободная мысль*. 2007. № 2.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.
- Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М., 2006.

- Зоркая Н.* Поколение живущих как надо: Современная молодёжь и особенности её социализации // Независимая газета, 2008, 16 сентября.
- Зорькин В.* Кризис доверия и государство // Российская газета, 2009, 10 апреля.
- Зорькин В.* Право – для человека // Российская газета, 2008, 25 ноября.
- Зубченко Е.* Россияне до сих пор не считают себя европейцами // Новые известия, 2007, 19 февраля. С. 2.
- Зюганов Г.* О работе партии в условия финансово-экономического кризиса // Правда, 2009, 31 марта – 1 апреля.
- Иванов В.Н.* Новая цивилизация XXI века: технологии становления. М., 2006.
- Иноземцев В.Л.* Призыв к порядку: О модернизации России и возможном экономическом прорыве // Российская газета, 2008, 1 октября (Столичный выпуск).
- Калашников М.* Бараки Обамы: Американская «перестройка» как путь к фашизму // Завтра. 2008. № 49.
- Калашников М.* Апокалипсис на заказ // Завтра. 2008. № 46.
- Канке В.А.* Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003.
- Каньшин А.Н.* Духовный потенциал Великой Победы и современность. М., 2006 (Библиотека «Мегапир»).
- Капица С.П.* Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество // Безопасность Евразии. 2008. № 1.
- Капто А.С.* Энциклопедия Мира. М., 2005.
- Капто А.* От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002.
- Караганов С.* Наступает новая эпоха // Российская газета, 2007, 6 июля.
- Кастельс М.* Сеть и хаос // Эксперт. 2003. № 18. 19 мая.
- Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.
- Киришин Ю.* основополагающие принципы защиты страны // Независимое военное обозрение, 2009, 10–16 апреля. № 13.
- Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года: Утверждена распоряжением Правительства РФ № 1662-р от 17 ноября 2008 г. // Сайт Правительства Российской Федерации.
- Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М., 2009.
- Кортунов С.В.* Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М., 2009.
- Кортунов С.* Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: учеб. пособие. М., 2007.
- Кочетов Э.Г.* Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М., 2006.
- Кочетов Э.Г.* Гуманитарные категории в глобальном измерении («справедливость» и её интерпретация в геоэкономическом смысле) // Глобализация и справедливость: Сб. статей. М., 2007.
- Краевченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире: монография. М., 2007.
- Кузнецов В.Н.* Теория компромисса. М., 2010.
- Кузнецов В.Н.* Геокультурная энциклопедия–2009: Культура развития через культуру безопасности. М., 2009.
- Кузнецов В.Н.* Мир после кризиса. Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации. М., 2009.
- Кузнецов В.Н.* Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 3. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект. М., 2009.
- Кузнецов В.Н.* Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 2. Социология справедливости. Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас. М., 2008.
- Кузнецов В.Н.* Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2008.
- Кузнецов В.Н.* Социология идеологии: Учебное пособие. М., 2009.
- Кузнецов В.Н.* Социология безопасности: Учебное пособие. М., 2009.
- Кузнецова А.В.* Роль феномена «справедливое мироустройство» в становлении современной институциональной политологии // Безопасность Евразии. 2008. № 3.
- Кузык Б.Н.* Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006.

- Кузьмин В.* Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // *Российская газета*, 2008, 9 октября. С. 1–2.
- Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М., 2008.
- Кургинян С.* Качели / *Конфликт элит – или развал России?* М., 2008.
- Кургинян С.* Слабость силы / *Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания*. М., 2006.
- Кургинян С.* Медведев и развитие // *Завтра*. 2008. №№ 12–33, 35–47.
- Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.
- Лужков Ю.М.* Стратегическая задача – сохранить рабочие места // *Московская правда*, 2009, 14 апреля. С. 3.
- Лужков Ю.М.* Транскапитализм в России. М., 2009.
- Лужков Ю.М.* Ответственность власти и солидарность общества: Несмотря на финансовый шторм, Россия не на грани кризиса, а на пороге качественно нового развития // *Российская газета*, 2008, 12 декабря.
- Лужков Ю.М.* Россия 2050 в системе глобального капитализма: о наших задачах в современном мире. М., 2007.
- Лукашенко А.* «Беларусь была, есть и будет твердым сторонником интеграции» // *Известия*, 2008, 28 октября.
- Лукьянов Ф.* Хельсинки 40 лет спустя // *Ведомости*, 2008, 10 декабря.
- Маршак А.Л.* Социология культурно-духовной сферы. М., 2007.
- Медведев Д.А.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию // *Российская газета*. Неделя, 2008, 06–12 ноября.
- Медведев Д.* Главные задачи развития страны. Россия 2020 // *Россия 2020*. Главные задачи развития страны. М., 2008.
- Медведев Д.* Национальные проекты: от стабилизации – к развитию // *Коммерсантъ*. 2007. № 9. Сентябрь.
- Медведев Д.* Для процветания всех надо учитывать интересы каждого (беседовал Валерий Фадеев) // *Эксперт*. 2006. № 8. 24–30 июля.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Минеев А.* Конференция о закрытии однополярного мира // *Время новостей*, 2008, 7 октября.
- Мировая политика: учеб. пособие / Под ред. С.В. Кортунова*. М., 2007.
- Моисеев Н.Н.* Восхождение к Разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993.
- Морозов М.* «Россия может позволить себе говорить правду» [Ответы Джульетто Кьеца на вопросы читателей и зрителей] // *Трибуна*. 2008. № 36. 25 сентября – 1 октября.
- Муази Д.* Конфликт эмоций: Страх, унижение, надежда и новый мировой порядок // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 1.
- Най, Дж.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
- Нарочницкая Н.А.* Русский мир. СПб, 2007.
- Национальная идея: история, идеология, миф / ИСПИ РАН. Отв. ред. Г.Ю. Семигин*. М., 2004.
- Некlessа А.* Современная Книга Перемен // *Политический класс*. 2007. № 3.
- Некlessа А.* Битва за новую землю. Пришествие постсовременного мира // *Введение в будущее. Мир в 2020 году*. М., 2007.
- Никонов В.* БРИК: самосбывающееся пророчество // *Известия*, 2008, 10.12.
- Никонов В.* Летописец Нестор и ядерный щит // *Известия*, 2008, № 68, 16.04.
- Нэх В.Ф.* Исторический опыт выработки и реализации пограничной политики Советского государства (1917 – июнь 1941 г.). М., 2009.
- Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга*. М., 2008.
- Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Безопасность Евразии*. 2009. № 1.
- Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
- Панарин Н.* «Когда Америка развалилась на части, был дикий крик» (*Интервью газете*) // *Известия*, 2008, 24.11.2008.
- Пан Ги Мун, Суило Бамбанг, Юдхойоно, Дональд Туск, Андерс Фог Расмуссен.* «Зеленая» экономика как альтернатива: Необходимо глобальное видение проблемы изменения климата, подкрепляемое действием // *НГ–Дипкурьер*, 2008, 24 ноября.
- Пан Ги Мун Генеральный секретарь ООН.* Лидер, смотрящий в будущее. Отстаиваемая Россией концепция многополярного мира близка к понятию многосторонности, которая лежит в основе деятельности ООН // *НГ–Дипкурьер*, 2008, № 8. Понедельник, 28 апреля. С. 13–14.
- Переслегин С.* Через постиндустриальный барьер // *Завтра*, 2008. Декабрь, № 49.
- Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.–СПб, 2005.

- Петраков Н.* Тень Бронзового солдата как символ нового передела мира // Литературная газета, 2007, № 28, 11–18 июля.
- Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М., 2003.
- Попов Г.Х.* О проблемах кризиса 2008 года. Актовая лекция, прочитанная в Международном университете в Москве 10 февраля 2009 г. М., 2009.
- Попов Г.* Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати главных стран мира) // Московский комсомолец, 2009, 25 марта. С. 4.
- Попов Г.* Большая антикризисная стратегия России. Что дальше? // Московский комсомолец, 2009, 5 мая. С. 4.
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
- Примаков Е.* Россия перед выбором // Российская газета, 2010, 14 января.
- Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М., 2009.
- Примаков Е.* Нам нужны стабильность и безопасность // Российская газета, 2006, 13 января.
- Программа Коммунистической партии Российской Федерации // ПРАВДА, 2008, 9–10 декабря.
- Путин В.* О стратегии развития России до 2020 года // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М., 2008.
- Путин В.В.* «Прошу на меня не сердиться». Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля // Российская газета. (Столичный выпуск), 2007, 13 февраля.
- Путин В.В.* Позицию России готов объяснить детально // Российская газета, 2007, 5 июня.
- Радаев В.В.* Социология потребления: новые подходы // Социологические исследования. 2005. № 1.
- Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006.
- Ролз Дж.* Справедливость как честность (1958) // Логос. 2006. № 1.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Караганов. М., 2008.
- Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерения и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2.
- Рыбалкин Н.Н.* Философия безопасности. М., 2002.
- Садовничий В.А.* Знания и мудрость в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии. 2005. № 3.
- Семигин Г.Ю.* Социальная справедливость и право. М., 2008.
- Сергеева Л.И.* Безопасность каждого человека как смысл культуры предотвращения // Безопасность Евразии. 2005. № 4.
- Силласте Г.* Государственная молодёжная политика в сельском социуме: социологический аспект // Безопасность Евразии. 2008. № 1.
- Сисе Х.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М., 2007.
- Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после интронизации 1 февраля 2009 года в соборном Храме Христа Спасителя // Безопасность Евразии. 2009. № 1.
- Слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XVII Международных Рождественских образовательных чтений «Наука, образование, культура: духовно-нравственные основы и пути развития. 15 февраля 2009 года // Безопасность Евразии. 2009. № 1.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб, 2000.
- Социальное неравенство и публичная политика / Ред. колл.: Медведев В.А. (отв. ред.) Горшков М.В., Красин Ю.А. М., 2007.
- Степашин С.* От неравенства не уйти // Независимая газета, 2008, 15 апреля.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Независимое военное обозрение, 2009, № 16, 15–20 мая.
- Сумма идеологии: Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008.
- Сухарев А.И.* Трансгуманитарное измерение политики: Опыт исследования институционализации НПО-сети в международных отношениях. М., 2009.
- Сухарев А.И.* Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М., 2004.
- Толстых В.И.* Российский выбор: В контексте реальной истории. М., 2009.
- Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
- Третьяков В.* Кто мешает покончить с «холодной войной» // Известия, 2009, 02.04.
- Третьяков В.* Мои вопросы национальному лидеру // Известия, 2008, 04.12.

Литература

- Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и проблемы безопасности России / Материалы заседания Философского клуба. М., 2005 (Библиотека «Мегапир»).
- Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М., 2008.
- Философия освобождения: Материалы заседания Философского клуба / Коллективная монография. М., 2005. (Библиотека «Мегапир»).
- Фукуяма Ф. «Это не конец капитализма» (Беседовала Е. Альбанц) // Новое время: the new times, 2008, № 46, 17 ноября.
- Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.
- Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
- Хёффе О. Справедливость: Философское введение. М., 2007.
- Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002.
- Хофмайстер Х. Воля к войне или Бессилие политики. Философско-политический трактат. М., 2006.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений: учеб. пособие. М., 2006.
- Чебан В.В. Культура национальной безопасности России (социально-философский анализ). М., 1996.
- Чупров В.И., Зубок О.А., Уильямс Е. Молодёжь в обществе риска. М., 2001.
- Шевцова Л. Логика осаждённой крепости // Ведомости, 2008, 24 сентября.
- Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007.
- Штаб мирового терроризма ищите в Лондоне (подготовил А. Овчинников) // Комсомольская правда, 2009, 13 апреля. С. 5.
- Штайнмайер, Франк-Вальтер. Отважиться на партнёрство: За обновление политики безопасности в XXI веке // Известия, 2008, 04.12.
- Этциони М. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.
- Юрьева Д. США предложили смириться: Американская разведка знает, куда России надо вкладывать деньги // Российская газета, 2008, 24 ноября.
- Явлинский Г.А. Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М., 2006.
- Яницкий О.Н. Ресурсные войны XXI века // Социологические исследования. 2007. № 6.
- Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность М., 1999.
- Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь её народов. М., 2001.
- Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству. М., 2004.
- Яновский Р.Г. Мировоззрение. М., 2007.
- Ясин Е. Приживётся ли демократия в России. М., 2005.
- Alexander J. The Civil Sphere. New York, 2006.
- Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security, and Development. Leiden, 2004.
- Bailes Alyson J.K. and Cottey Andrew. Regional security cooperation in the early 21st century // SIPRI Yearbook 2006: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2006.
- Bailes Alyson J.K., Baranovsky Vladimir and Dunay Pal. Regional security cooperation in the former Soviet area // SIPRI Yearbook 2007: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2007.
- Haine Jean-Yves, Herolf Gunilla and Lachowcki Zdzislaw. Euro-Atlantic security institutions and relationships // SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2008.
- Hayek F. The Mirage of Social Justice. London, 1976.
- Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: 1991.
- Parliamentary Oversight of the Security. Principles, Mechanisms and Practices. Lausanne: 2004.
- Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- Rice Condoleezza. Rethinking the National Interest American Realism for a New World // Foreign Affairs, July/August 2008.
- Russia and Asia. The Emerging security Agenda. SIPRI. New York: 1999.
- SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2008.
- SIPRI Yearbook 2007: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2007.
- SIPRI Yearbook 2006: Armaments, Disarmament and international security. New York: 2006.
- Schnabel Albrecht. The human security approach to direct and structural violence // SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2008.
- Sköns Elisabeth. Analysing risks to human lives // SIPRI Yearbook 2007: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ РАНЕЕ ИЗДАННЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЙ

ГУМАНИТАРНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЕВР / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2004. – 560 с.

Книга раскрывает теорию, методологию и технологии оформления и динамики гуманитарного стратегического маневра в России в первое десятилетие XXI века.

Авторы разделов коллективной научной монографии особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать прежде всего благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации.

Все статьи подготовлены на основе публикаций авторов, представленных в журнале «Безопасность Евразия» за 2002–2004 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Кузнецов. Безопасность, благополучие человека, семьи, государства	7
Национальная инновационная система – основа экономики знаний России	14
К экономике, основанной на знаниях	25
Леокадия Дробижина. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость	40
Георгий Малинецкий, Игорь Медведев, Николай Митин. Инновации и экономический рост в российском контексте	59
Юлия Зубок. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска	112
Игорь Пилипенко. Повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов	130
Валерий Боков. Современные возможности сетевого экономического взаимодействия ...	155
Василий Чекмарёв. Объемно-сетевое мышление и реальность	174
Елена Сапир. Масштабно-сетевая модель и ее локальные императивы	187
Борис Аникин, Валерий Боков. Контекст мировой безопасности: геоэкономические риски (логистическая компьютерно-сетевая методология)	217
Вадим Могилевский. Динамика взаимодействия общества и его институтов	233
Владимир Петровский. Россия в АТР: безопасность личности и безопасность на основе сотрудничества как стратегический выбор	267
Юрий Тихомиров. Геополитические императивы безопасности российского государства ...	282
Анатолий Барковский, Марина Саломатина, Алексей Ковалёв. Евразийский инновационный вектор геоэкономического сотрудничества	296
Юрий Кутахов. Формирование и геокультурная динамика феномена «предотвращение» как научная проблема	322
Ирина Сосунова, Сергей Бабакаев, Ирина Круглова, Татьяна Ряжская, Василий Чепуров. Социальная сфера жизнедеятельности государства и стратегические риски	328
Николай Лапин. Послекризисная Россия: проблемы закрепления социального порядка ...	360
Вера Гаврилюк. Идеология, патриотизм, гражданственность в современной практике воспитательной деятельности	387
Людмила Василенко. Опережающее образование как способ выживания человечества ...	400
Екатерина Никонорова, Матвей Тяптиргянов. Ноосферно-коммуникативные основания коэволюционного развития биоразнообразия в контексте биобезопасности	423
Вячеслав Кузнецов. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук	435
Александр Неклесса. Инновационная Россия как политический проект и как стратегия развития	496
Эрнест Кочетов. Стратегический маневр (технология национального прорыва в единой доктринальной сборке)	517
Список авторов	553
Contents	555
Summaries	556

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2005. 831 с.

В книге представлены итоги исследований формирования евразийской безопасности XXI века. Ежегодник продолжает инновационную направленность предыдущего издания (Гуманитарный стратегический маневр. М.: 2004).

Авторы разделов коллективной научной монографии особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты ежегодника подготовлены на основе публикаций авторов, представленных, преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2005 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. ПРОБЛЕМЫ

Виктор Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире	7
Рудольф Яновский. Мировоззрение XXI века как фундаментальная научная проблема ...	21
Вячеслав Кузнецов, Вилен Иванов, Владимир Сергеев. Юбилей Великой Победы	31
Олег Бельков. Национальное и национализм	125
Аркадий Урсул. Опережающее образование как методология, теория и механизм национальной безопасности России в XXI веке	178
Михаил Залиханов, Ким Лосев, Александр Шелехов. Современный терроризм в свете экологической безопасности	223

Раздел второй. ДИСКУССИИ

БОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫЙ МИР: НАША ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций. Декабрь 2004 года	236
ЕДИНСТВО ЦЕЛИ: СДЕЛАТЬ ОБСЕ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ. Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ. 27 июня 2005 года	339
БЕЗОПАСНОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ – ОСНОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА. Материалы и предложения Группы авторов журнала «Безопасность Евразии» для разработки стратегии национальной безопасности России. Июнь 2005 года	359
РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Доклад Межфракционного депутатского объединения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Россия и Исламский мир: стратегический диалог»	376

Раздел третий. МЕТОДОЛОГИИ

Георгий Малинецкий, Андрей Подлазов, Игорь Кузнецов. О национальной системе научного мониторинга кризисных ситуаций: прогноз, анализ, оценки	400
Валерий Боков. Новый класс опасений (конфликтов) в геоэкономическом пространстве и принцип их преодоления	427
Юрий Громыко. Политическая антропология транснациональной безопасности: можно ли предвидеть и исчислить террористические акты	447
Сергей Картунов, Владимир Рубанов. Модернизация России и Европа: методологические проблемы	472
Александр Сухарев. Основы методологии исследования роли и функций неправительственных, некоммерческих организаций (НПО) в современном мире	483
Эрнест Кочетов. Национальная безопасность и её военная составляющая в геоэкономическом измерении	490
Юрий Кутахов. Методология глобальной, региональной (евразийской) и государственной (национальной) геокультурной политики предотвращения	547
Вячеслав Кузнецов. Динамика становления евразийской безопасности XXI века: социологический геокультурный аспект	586

Раздел четвёртый. КОНЦЕПЦИИ

Александр Капто. Роль информационно-регулятивных механизмов в формировании культуры мира	631
Андрей Возьмитель. Духовная безопасность	643
Владимир Портяков. Россия и Китай в мировой экономике	663

Дмитрий Данкин. Безопасность и культура доверия	674
Светлана Глинкина. Теневая экономика: мифы и реальность	686
Виктор Лунеев. Преступность и теневая экономика	705
Эдуард Кемпинский. Причины конфликтности на Северном Кавказе в конце XX века и средства стабилизации общественно-политической ситуации	715
БЕЗОПАСНАЯ ЕВРОПА В МИРЕ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН СТАТЬ ЛУЧШЕ. Европейская стратегия безопасности. Совет Европейского Союза. Брюссель, 8 декабря 2003 г.	725
Раздел пятый. ПРАКТИКИ	
Людмила Аносова. VI российско-китайский симпозиум	735
Алексей Александров, Людмила Братухина. Геоэкономический подход к гармонизации российско-японских отношений по вопросу о принадлежности ряда островов Курильской Гряды	744
Олег Осадчий. Межнациональные отношения в полиэтнической социальной среде	757
Анатолий Виноградов. Россия и Кузбасс: стратегия и перспективы политической стабилизации	762
Елена Сапир. Ярославская интеллектуальная долина как пример моделирования локальной инновационной страты	772
Игорь Максимычев. Провал «европейской конституции» и его последствия	783
Зинаида Голенкова, Галина Заболотная. Политическое пространство Тюменского региона: особенности современного развития	788
Список авторов	810
Приложение	
• Рубрики журнала «Безопасность Евразии»	812
• Содержания журнала за 2003–2005 годы	813

* * *

МОСКОВСКО-ШАНХАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОПОРЯДКА XXI ВЕКА / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2006. – 863 с.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований становления формирующейся Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, обоснованной и предложенной В.Н. Кузнецовым (Россия). Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический маневр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2006 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. ПРОБЛЕМЫ

Вячеслав Кузнецов. О Миссии российской социологии в становлении новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века	7
Виктор Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. <i>Доклад ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, академика В.А. Садовничева на пленарном заседании IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» 24 мая 2005 г., МГУ, Москва</i>	32
Рудольф Яновский. Основания мировоззрения XXI века	45
Аркадий Урсул. Универсальный эволюционизм: концептуальные модели и принципы	69

Дмитрий Данкин. Опорный элемент архитектуры мира. <i>О роли доверия в модели будущего миропорядка</i>	100
Раздел второй. ДИСКУССИИ	
БОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫЙ МИР: НАША ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций. Декабрь 2004 года	114
ЕДИНСТВО ЦЕЛИ: СДЕЛАТЬ ОБСЕ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ. Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ. 27 июня 2005 года	217
БЕЗОПАСНОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ – ОСНОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА. Материалы и предложения Группы авторов журнала «Безопасность Евразии» для разработки стратегии национальной безопасности России. Июнь 2005 года.	
Вячеслав Кузнецов, Екатерина Никонорова, Эрнест Кочетов, Геннадий Сергеев. Проект. Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Основные положения: 2005–2020 гг.)	239
РОССИЯ и ИСЛАМСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ и ПЕРСПЕКТИВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Доклад Межфракционного депутатского объединения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Россия и Исламский мир: стратегический диалог»	257
Кофи Аннан. Доклад Генерального секретаря о работе Организации. 16 августа 2006 года	281
Раздел третий. КОНЦЕПЦИИ	
Вячеслав Кузнецов. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект	344
Доклад заместителя Главы Всемирного Русского Народного Собора, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополита Смоленского и Калининградского КИРИЛЛА «Права человека и нравственная ответственность»	501
Эрнест Кочетов. Геоэкономическая парадигма (Основы высоких геоэкономических технологий по гармонизации мира и новое «поле» для межцивилизационного глобального договора (диалога)	509
Дмитрий Замятин. Пространство как образ и трансакция: к становлению гекономики	535
Рудольф Яновский. Мировоззрение и бесструктурное управление	550
Раздел четвёртый. ПРАКТИКИ	
Олег Бельков. «Философия Великой Отечественной войны»: повествование и осмысление	577
Эрнест Кочетов. Космологические практики: дорога к мирозданию нового Ренессанса ...	613
Георгий Малинецкий, Андрей Подлазов, Игорь Кузнецов. О национальной системе научного мониторинга кризисных ситуаций: прогноз, анализ, оценки	651
Рудольф Яновский, Андрей Агошков. Патриотизм и интернационализм	680
Раздел пятый. МЕТОДОЛОГИИ	
Сергей Картунов. Грядёт ли Пятая Империя?	687
Эрнест Кочетов. Европейский Союз – Россия: конструктивизм больших идей и прагматизм реальных событий в единой гуманитарной сборке	723
Людмила Сергеева. Мировая политика XXI века и вестфальская система миропорядка	729
Валерий Луков, Олег Рожнов. Государственная молодёжная политика и национальная безопасность	740
Вячеслав Кузнецов. Культура компромисса: о Смыслах Повестки Дня для Президента Страны – 2008 и Каждого Гражданина в России	748
Раздел шестой. ДОКУМЕНТЫ	
Декларация о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества». 15 июня 2001 г.	778
Шанхайская Организация Сотрудничества. Хартия. 7 июня 2002 г.	780
Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 20 сентября 2005 г. A/60/L.1	786
Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора	813

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 1 июля 2005 г.	814
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21 марта 2006 г.	817
Декларация пятилетия Шанхайской Организации Сотрудничества. 15 июня 2006 г. ...	822
НАУЧНЫЙ АППАРАТ КНИГИ	
Список авторов	825
Рубрики журнала «Безопасность Евразии»	826
Концепция журнала «Безопасность Евразии»: За Ваше и Наше благополучие и безопасность.	827
Содержание журнала «Безопасность Евразии» за 2003–2005 гг., 2006 г. № 1–3	829
Contents	855
Summaries	856
Аннотация книги	863

* * *

МИРОУСТРОЙСТВО XXI: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МИРОПОРЯДОК. *Опыт гуманитарно-социологического исследования* / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2007. – 679 с.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований становления не-Западного Мировоустройства XXI века. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2007 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ЕДИНСТВО И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ НЕ-ЗАПАДНОГО МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА.

Вячеслав Кузнецов 7

Раздел первый.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА

Виктор Садовничий. Гуманитарное образование в России: мысли вслух. Выступление на Всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение». 15 февраля 2007 г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова	9
Вячеслав Кузнецов. Формирование не-Западного мироустройства XXI века	20
Сергей Картунов. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка	65
Сергей Рогов, Виктор Есин, Павел Золотарёв. Проблемы контроля над ядерными вооружениями в XXI веке	95
Александр Капто. От противников – к оппонентам, от Друзей к ...? Реалии и иллюзии «Нового мышления»	111
Георгий Мирский. Большой Ближний Восток – самый конфликтный регион мира	136
Андрей Суздальцев. Проблемы российско-белорусской экономической интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии	150

Раздел второй.	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА	
Нодари Симония. Место и роль России в структурных изменениях на мировых нефтяных рынках	168
Сергей Картунов. Смысл Великой Победы	178
Евгений Ходаковский. Безопасность Евразии в системе геодивилизации	199
Елена Сапир. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики)	219
Эрнест Кочетов. Этика нового или работа над ошибками сознания	241
Раздел третий.	
ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА	
Рудольф Яновский. Культура мировоззрения	266
Александр Капто. Древнерусское миропонимание	294
Олег Бельков. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском Проекте»	301
Галина Силласте. Формирование новой экономической интеллигенции России и Болгарии в условиях рыночной экономики. <i>Статья первая: Экономическая интеллигенция: предмет дискуссий и научного анализа</i>	334
Эрнест Кочетов. Российский интеллектуальный подъём: формы, маршруты, этапы (<i>К вопросу о механизме «работы» парадигмальной связки «геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология»</i>)	369
Марат Чешков. Гуманитарная космология – авангардная идея Эрнеста Кочетова (но надо ли разрушать старый мир науки, чтобы построить новый, или можно ли создать новую науку с чистого листа?)	407
Вячеслав Кузнецов. О смысле нового гуманизма XXI века	423
Раздел четвёртый.	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА	
Александр Сухарев. Институциональная политика и трансформация институтов	429
Аркадий Урсул. Безопасность и развитие: концептуально-методологические аспекты	464
Владимир Щипалов, Вадим Кравченко. Приоритеты Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности: проблемы обеспечения военной безопасности ...	484
Эрнест Кочетов. Гуманитарные категории в глобальном измерении («справедливость» и её интерпретация в геоэкономическом смысле)	495
Валерий Буянов. Международный имидж России: прошлое и настоящее	525
Вячеслав Кузнецов. Институциональная социология как наука о мироустройстве	539
Раздел пятый.	
ГУМАНИТАРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ МИРОУСТРОЙСТВА	
Дмитрий Данкин. Мотивация и модели доверия	564
Эрнест Кочетов. Концептуальные основы и подходы к воплощению идеи «Диалог цивилизаций» (выход на диалогистику как синтез фундаментальных начал и алгоритма ведения диалога)	588
Александр Чаевич. Шанхайская организация сотрудничества как важный фактор обеспечения безопасности в Центральной Азии	603
Альянс Цивилизаций. Доклад Группы высокого уровня. ООН. 13 ноября 2006 г.	616
Анна Кузнецова. О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века	642
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СМЫСЛ РОЛИ РОССИИ В УТВЕРЖДЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА.	
Анна Кузнецова, Вячеслав Кузнецов	657
Список авторов	661
Приложение	
Хронология формирования не-Западного мироустройства XXI века (2000–2007 гг.)	662

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Коллективная монография

Edited by the RAS Corresponding Member
V.N. Kuznetsov

MOSCOW
KNIGA & BUSINESS
2010

CONTENTS

Введение. СНОВА И СНОВА О СМЫСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В МАЕ 1945 ГОДА. В.Н. Кузнецов	7
Раздел первый.	
Глобальное значение Великой Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов для XXI века	
Вячеслав Кузнецов. Честность, доверие и справедливость в глобальной Повестке Дня, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма	9
(Безопасность Евразии, 2009, № 2)	
Рудольф Яновский. Социальная безопасность и патриотизм как основания конструктивной динамики гуманитарных перемен	37
(Безопасность Евразии, 2008, № 3)	
СТРАТЕГИЯ национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	48
(Безопасность Евразии, 2009, № 2)	
Аркадий Урсул. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ	61
(Безопасность Евразии, 2009, № 2)	
Владимир Долгих. Москва осталась непокорённой	87
(Безопасность Евразии, 2002, № 4)	
Валентина Байкова. Философия Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Факторы победы, историческое значение и уроки. (К выходу в свет первого тома: «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне»)	95
(Безопасность Евразии, 2003, № 2)	
Сергей Картунов. Смысл Великой Победы	119
(Безопасность Евразии, 2009, № 1)	
Раздел второй.	
Методологические основания реальности и важности последствий Великой Победы СССР и стран антигитлеровской Коалиции	
Фёдор Ладыгин. О возможности дальнейшего сокращения (ограничения) стратегических наступательных вооружений России и США	141
(Безопасность Евразии, 2009, № 3)	
Сергей Капица. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество	153
(Безопасность Евразии, 2008, № 1)	
Олег Бельков. Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.)	179
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Александр Капто. Пакт Молотова-Риббентропа: мистификация или реальность?	216
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Наталья Нарочницкая. «Концерт великих держав» накануне решающих событий	260
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Андрей Подцероб. Внешняя политика СССР	276
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Валентин Фалин. Второй фронт или война на два фронта?	289
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Михаил Демурин. Правда истории и ложь политики	315
(Безопасность Евразии, 2009, № 4)	
Игорь Максимычев. Родовые схватки антигитлеровской коалиции. <i>Политика безопасности СССР после прихода нацизма к власти в Германии</i>	323
(Безопасность Евразии, 2009, № 2)	
В.А. Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире	337
(Источник: «Безопасность Евразии». 2005. № 3)	

В.С. Буянов. Цивилизационная безопасность России (Источник: «Безопасность Евразии». 2009. № 3)	352
Михаил Байдаков. Запад–Восток: геоэкономическое измерение сотрудничества (Безопасность Евразии, 2010, № 1)	363
Раздел третий.	
Преемственность и новизна нравственных целей, идеалов и ценностей в культуре и образе жизни народов Российской Федерации	
Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 года (Безопасность Евразии, 2009, № 1)	373
Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека	391
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIII Всемирного русского народного собора «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» (22 мая 2009 г. г. Москва) ... (Безопасность Евразии, 2009, № 3)	405
Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	409
Патриаршее слово на Васильевском спуске в День славянской письменности и культуры. (24 мая 2009 г., г. Москва)	420
Будущие поколения – национальное достояние России. Программный документ XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	422
Андрей Возьмитель. Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России	436
Сергей Кортунов. Национальная идентичность как ресурс развития. Российские национальные ценности – источник конкурентоспособности России в XXI веке	449
Галина Силласте. Интеллигенция в период глобального кризиса	476
Раздел четвёртый.	
Концептуальные основы создания условий предотвращения глобальных войн в XXI веке	
Эрнест Кочетов. Геоэкономика, стратегия России и президентское Послание. (К выходу в свет статьи Президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!»): свежесть, ясность, убежденность)	499
Андрей Возьмитель. Российская власть в представлениях массового сознания	523
Александр Сухарев. Формальное и неформальное в политике обеспечения участия граждан в общественной безопасности	534
Екатерина Никонорова. Исследования библиотек в условиях развития информационно-коммуникативных технологий: постнеклассические практики	549
Сергей Лунёв. «Мягкая сила» России в Азии	556
Сергей Кортунов. Новая архитектура европейской безопасности	565
Людмила Сергеева. Институт государства в условиях глобализации	576
Олег Бельков. Военная политика и стратегия как высший уровень управления оборонной сферой страны	591
Раздел пятый.	
Институциональные и структурные перемены в процессе обеспечения Правды о Великой Победе	
Рудольф Яновский. Человек и его поступки в сфере обеспечения безопасности	601

Эрнест Кочетов. Кризис без прикрас: человек и человечество забинтовано «Общественным договором». Вопрос тысячелетнего ранга – как вырваться из этих «застенков»? (Безопасность Евразии, 2009, № 2)	627
Галина Силласте. Государственная молодёжная политика в сельском социуме: социологический аспект (Безопасность Евразии, 2008, № 1)	642
Андрей Возьмитель, Владимир Красниковский. Социально-трудовые отношения в позднесоветской и современной России (Безопасность Евразии, 2009, № 2)	681
Дмитрий Данкин. Кризис доверия: ключевое звено (Безопасность Евразии, 2009, № 1)	697
Сергей Кортунов. Что стоит за мифом о «советской оккупации» (Безопасность Евразии, 2009, № 1)	713
Юлий Квицинский. Роман с Германией: завышенные надежды (Безопасность Евразии, 2008, № 3)	727

Раздел шестой.

**Логика и динамика практик, конкретного опыта
конструктивного творчества и борьбы за мир
и безопасность в XXI веке**

Рудольф Яновский. Культура мировоззрения (Безопасность Евразии, 2007, № 4)	735
Олег Бельков. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском проекте» (Безопасность Евразии, 2007, № 3)	763
Анна Кузнецова. Основные тенденции становления политики справедливого мироустройства в XXI веке (Безопасность Евразии, 2009, № 3)	795
Андрей Полосин. Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации (Безопасность Евразии, 2009, № 3)	805
Сергей Кортунов. О правопреемстве и покаянии (Безопасность Евразии, 2008, № 2)	813
Игорь Евдокимов. Гражданское общество и проблемы предотвращения деятельности организованной преступности (Безопасность Евразии, 2009, № 2)	835
Дмитрий Данкин. Мировоззренческие факторы доверия (Безопасность Евразии, 2009, № 2)	851
Эрнест Кочетов. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геэкономические заделы (программа действий) (Безопасность Евразии, 2009, № 3)	869
Заключение. Вячеслав Кузнецов. Концепция культуры развития государства через теорию и практику становления новой архитектуры международной (глобальной) безопасности XXI века (Безопасность Евразии, 2009, № 3)	879

Научный аппарат книги

Сведения об авторах	939
Литература	942
Содержание ранее изданных коллективных монографий:	
• <i>Гуманитарный стратегический манёвр.</i> М., 2004;	948
• <i>Становление евразийской безопасности.</i> М., 2005;	949
• <i>Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века.</i> М., 2006;	950
• <i>Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования.</i> М., 2007	952
Contents	954
Summaries	957
Аннотация книги	959

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Коллективная монография

Edited by the RAS Corresponding Member
V.N. Kuznetsov

MOSCOW
KNIGA & BUSINESS
2010

SUMMARIES

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований важнейших теоретических, методологических, институциональных, практических вопросов и проблем, которые обращены на глобальные смыслы 65-летия Великой Победы народов СССР над фашизмом в 1945 году, Победы народов антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2010 годы.

Научный аппарат

В структуре коллективной монографии: шесть разделов, содержащих 49 авторских статей и уникальную совокупность документов по теме книги; научный аппарат, включающий сведения об авторах, литературу, содержания ранее изданных монографий, contents, summaries, аннотацию книги.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности.

АННОТАЦИЯ КНИГИ

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ / Под ред. В.Н. Кузнецова. –
Москва: Книга и бизнес, 2010. – 960 с.

120 п. л. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Переплёт твёрдый.
Тираж 500 экз.
Выпуск I декада марта 2010 года.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований важнейших теоретических, методологических, институциональных, практических вопросов и проблем, которые обращены на глобальные смыслы 65-летия Великой Победы народов СССР над фашизмом в 1945 году, Победы народов антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2010 годы.

В структуре коллективной монографии: шесть разделов, содержащих 49 авторских статей и уникальную совокупность документов по теме книги; научный аппарат, включающий сведения об авторах, литературу, содержания ранее изданных монографий, contents, summaries, аннотацию книги.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности.

Н а у ч н о е и з д а н и е

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Коллективная монография

*Составление и общая редакция
В.Н. Кузнецов*

*Утверждено к печати
журналом «Безопасность Евразии»*

Художник Е.С. Пермяков

ИД № 05929 от 28.09.2001
Подписано в печать 2.02.2010. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Печ. л. 120.0

Заказ № _____

Издательство ЗАО «Книга и бизнес».
103050, Москва, Благовещенский пер. 12, стр. 2.

Отпечатано с готового оригинал-макета
В ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86